ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 2

VI — СЕРЕДИНА XIII века

НАУКА
— 1727 —

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 2

НАУКА
1727

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

ФОНД
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

НАУКА
— 1727 —

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Нарышкин С. Е., доктор экономических наук (председатель)
Макаров Н. А., академик РАН (зам. председателя)
Петров Ю. А., доктор исторических наук (зам. председателя)
Артизов А. Н., доктор исторических наук
Бородкин А. И., член-корреспондент РАН
Васильева О. Ю., академик РАО
Деревянко А. П., академик РАН
Карпов С. П., академик РАН
Крадин Н. Н., академик РАН
Левыкин А. К., кандидат исторических наук
Липкин М. А., член-корреспондент РАН
Магомедов М. М., доктор экономических наук
Могилевский К. И., кандидат исторических наук
Никифоров К. В., доктор исторических наук
Пивовар Е. И., академик РАН
Побережников И. В., член-корреспондент РАН
Полонский В. В., член-корреспондент РАН
Рынков В. М., доктор исторических наук
Сиренов А. В., член-корреспондент РАН
Тишков В. А., академик РАН
Торкунов А. В., академик РАН
Христофоров В. С., член-корреспондент РАН
Чубарьян А. О., академик РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петров Ю. А., доктор исторических наук (отв. редактор)
Горский А. А., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Журавлев С. В., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Захаров В. Н., доктор исторических наук (зам. отв. редактора)
Плех О. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Булдаков В. П., доктор исторических наук
Вовина В. Г., доктор исторических наук
Гайдуков П. Г., член-корреспондент РАН
Голдин В. И., доктор исторических наук
Зверев В. В., доктор исторических наук
Зубкова Е. Ю., доктор исторических наук
Кондрашин В. В., доктор исторических наук
Конявская Е. Л., доктор филологических наук
Кудряшов С. В., кандидат исторических наук
Кучкин В. А., доктор исторических наук
Лисейцев Д. В., доктор исторических наук
Мироненко С. В., член-корреспондент РАН
Пихоя Р. Г., доктор исторических наук
Редин Д. А., доктор исторических наук
Рогожин Н. М., доктор исторических наук
Соловьев К. А., доктор исторических наук
Трепавлов В. В., член-корреспондент РАН
Флоря Б. Н., член-корреспондент РАН
Христофоров И. А., доктор исторических наук
Шелохаев В. В., доктор исторических наук
Шестаков В. А., доктор исторических наук
Юрасов А. В., кандидат исторических наук

МОСКВА · НАУКА · 2024

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 2

ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В VI — СЕРЕДИНЕ XIII века

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУСИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук А. А. ГОРСКИЙ

МОСКВА · НАУКА · 2024

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия тома:

Ю. А. Артамонов (ответственный секретарь), *А. А. Горский* (ответственный редактор), *П. Г. Гайдуков*, *В. Ю. Коваль*, *И. Г. Коновалова*, *В. А. Кучкин*, *Н. А. Макаров*, *А. В. Назаренко*, *В. В. Трепавлов*, *Б. Н. Флоря*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *А. В. Лаушкин*
доктор филологических наук *М. Ю. Люстров*

Издание подготовлено при финансовой поддержке фонда «История Отечества»

Выражаем глубокую признательность за поддержку ПАО «Транснефть» и лично Николаю Петровичу Токареву

История России: в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. — М.: Наука, 2024—. — ISBN 978-5-02-040487-8.

Т. 2. Государства и народы на территории России в VI — середине XIII века. Становление и развитие Руси. — 2024. — 1055 с.

ISBN 978-5-02-040486-1

Второй том двадцатитомного издания «История России» охватывает более чем семивековой исторический период — с VI по середину XIII столетия. В нем рассматривается история государств и народов Восточной Европы (Русь, Волжская Булгария, Хазария, Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ, Приуралье, Юго-Восточная Прибалтика), Сибири (Тюркские каганаты, государства уйгуров, кыргызов, кимаков) и Дальнего Востока (государство Бохай, империя Цзинь). Цель издания — обобщить современные научные знания по отечественной истории эпохи раннего Средневековья. Справочный аппарат тома содержит исторические карты, библиографию с перечнем наиболее значимых исследований, именной и географический указатели.

Для всех интересующихся историей.

© Институт российской истории РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2024

ISBN 978-5-02-040487-8
ISBN 978-5-02-040486-1 (Том 2)

ВВЕДЕНИЕ

Второй том «Истории России» охватывает более чем семивековой период — с VI по середину XIII столетия н. э. Верхний временной рубеж традиционен в отечественной науке, он связан с экспансией Монгольской империи, которая затронула не только земли Руси: в XIII в. бóльшая часть территории, ныне входящей в Российскую Федерацию, оказалась под властью монгольских ханов. Соответственно монгольские завоевания являются событием, в той или иной мере изменившим историческое развитие народов и Дальнего Востока, и Сибири, и Восточной Европы, важным рубежом не только в русской истории, но и в истории всей северной части Евразии[1].

Нижний хронологический рубеж обусловлен в первую очередь общеевропейской периодизацией: с рубежа V—VI вв. принято начинать эпоху европейского Средневековья. В отношении будущей Руси VI век знаменателен тем, что именно тогда выходят на историческую сцену славяне — этнос, на территории расселения которого в Восточной Европе сложилась русская средневековая государственность.

Если в первые века н. э. южную и западную часть Европы занимала Римская империя (единственное в ту эпоху государство в этой части света), а на севере и востоке жили народы, находившиеся на догосударственной стадии развития, то в середине — второй половине I тыс. н. э. формируется новая политическая и этническая карта Европы, в основных чертах дожившая до наших дней. Для этой структуры характерна множественность государственных образований, территории которых охватили теперь практически весь Европейский континент.

Формирование европейских раннесредневековых государств происходило в два этапа. Первый относится к V—VI вв. В этот период государства складывались главным образом на территории, примерно совпадающей с пределами прежней Римской империи, то есть зоны античной цивилизации: в Западной (в узком смысле — западнее Эльбы) и Южной (к югу от Альп) континентальной Европе и Британии. Ни одно из возникших в V—VI столетиях государств (Франкское, Остготское, Бургундское, Лангобардское, Вестготское, Свевское, англосаксонские королевства) не дожило до II тыс. н. э.

Второй этап охватывает IX—X столетия. Обычно констатируется, что в это время государственность распространяется на Северную, Центральную и Восточную Европу. Но и в Западной и Южной Европе, где государственность возникла в античную эпоху, а в V—VI вв. сложились раннесред-

[1] Экспансия Чингисхана и его потомков стала рубежом и для Центральной и Восточной Азии, и для Ближнего Востока (см. об этом: *Крадин Н. Н.* Монгольская империя, ее улусы и ее наследие // Всемирная история. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 611—633), история которых находится за пределами рассмотрения настоящего издания.

невековые государства, в IX—X столетиях происходило формирование новых государств, причем доныне существующих, — Франции, Германии, Италии, Англии (как единого королевства). Таким образом, в IX—X вв. политогенез происходил практически на всем Европейском континенте, хотя и на разных стадиях. И возникшие тогда государства в большинстве своем существуют и в наши дни — в том смысле, что сохранились основы их территорий, наименования, а также соответствующие им этнические общности. Следовательно, формирование Руси было составной частью *общеевропейского* процесса политогенеза.

Но образование государств во второй половине I тыс. н. э. происходило не только на восточнославянских землях. В других областях Восточной Европы в этот период также формируются первые в истории этих регионов государственные образования: Хазария в низовьях Дона и Волги, Волжская Булгария в Среднем Поволжье, Алания на Северном Кавказе. Образование первых государств происходило в тот период и в азиатской части будущей России. Это Тюркские каганаты и их наследники в Южной Сибири, государство Бохай на Дальнем Востоке. То есть середина — вторая половина I тыс. н. э. может быть охарактеризована как *эпоха возникновения первых государств на территории будущей России*[2].

Период VI — первой половины XIII в. освещался во многих обобщающих трудах по российской истории. Для историографии XVIII—XIX вв. это индивидуальные исследования: М. М. Щербатова (конец XVIII в.)[3], Н. М. Карамзина (начало XIX в.)[4], С. М. Соловьева (середина XIX в.)[5], В. О. Ключевского (конец XIX в.)[6]. В XX столетии, в связи с усилением специализации, преобладать стали коллективные обобщающие труды. Для середины века таким фундаментальным обобщением стали «Очерки истории СССР. Период феодализма», один из томов которых был посвящен III—IX вв.[7], а другой IX—XIII вв.[8] В 1960-е гг. периоду до начала XIII в. был посвящен 1-й том двенадцатитомной «Истории СССР»[9]. За последующие же полвека к обобщающим трудам по домонгольскому периоду можно отнести лишь книгу Б. А. Рыбакова 1982 г., в которой рассматривалась только русская история, при этом с акцентом на определенных темах[10]. Предлагаемое издание преследует цель обобщить современные научные знания по отечественной истории VI—XIII столетий[11].

Географический охват тома, как и всей двадцатитомной «Истории России», подразумевает изложение истории в целом в современных границах Российской Федерации. Но полностью соблюсти этот принцип невозможно, не вступая в непримиримое

---

[2] В античную эпоху о сложившейся государственности можно говорить только по отношению к Приазовью (Боспорское царство) и Крыму (где существовали древнегреческие колонии, а затем распространилась власть Римской империи).

[3] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770; Т. 2. СПб., 1771.

[4] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. М., 1989; Т. 2—3. М., 1991.

[5] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988; Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3—4. М., 1988.

[6] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.

[7] Очерки истории СССР: Период феодализма. III—IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958.

[8] Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. Ч. 1: IX—XIII вв. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1953.

[9] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1 / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1966.

[10] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

[11] Опытом такого рода в рамках современной отечественной историографии мирового Средневековья является том «Всемирной истории», вышедший в 2012 г.: Всемирная история. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012.

противоречие с историческими реалиями. История Руси во 2-м томе рассматривается в тех границах, в которых в раннее Средневековье существовала политическая и этническая общность под названием *Русь*, а в них входят как часть современной территории Европейской России, так и часть Украины и вся территория Белоруссии. После образования в XII столетии отдельных русских «земель» определенное единство между ними до Батыева нашествия середины XIII в. сохранялось — культурное, религиозное, частично и политическое. Кроме того, земли не соответствовали позднейшему делению на Великороссию, Украину и Белоруссию (оно оформится много позже, в XVI—XVII вв.). Территории далеко не всех земель целиком укладываются в границы современных государств: так, территория Смоленской земли ныне относится частью к России, а частью — к Белоруссии, Волынской — к Украине и Белоруссии, а Черниговской и вовсе ко всем трем нынешним восточнославянским в основе странам. Поэтому, с научной точки зрения, разделение древнерусской истории неправомерно (как бы в современных публикациях, в том числе и отечественных, ни пытались иногда определить, кто «больший наследник» раннесредневековой Руси). Неизбежен выход за нынешние государственные границы и в других регионах. История степей Северного Причерноморья и населявших их кочевых народов, южных соседей Руси, также не может быть разделена. История народов, живших к востоку от Уральского хребта, и существовавших там государств тоже выходит за пределы сегодняшних границ. Историческое развитие Южной Сибири и Дальнего Востока было тесно связано с событиями, происходившими в степях современного Казахстана, Монголии, Маньчжурии; населявшие их народы в раннее Средневековье нередко входили в одни политические образования — Тюркские каганаты, державы уйгуров, енисейских кыргызов, кимаков, государство Бохай, империю Цзинь. Первостепенное внимание уделяется в томе частям этих государств, расположенным на нынешней территории России, но общие вопросы их истории также необходимо было затронуть.

История регионов, располагающихся к востоку от Урала, — Сибири и Дальнего Востока — выделяется в томе в отдельную часть для всего рассматриваемого периода. В истории Восточной Европы Часть 1 (охватывающая время до формирования государства Русь) посвящена всему восточноевропейскому региону. Она начинается с характеристики этнополитической карты Восточной Европы середины I тыс. н. э. — в эпоху Великого переселения народов. Далее речь идет о расселении славян и других народов на Восточно-Европейской равнине (будущей территории Руси). Отдельная глава отведена истории Среднего и Нижнего Поволжья, степей Северного Причерноморья, Северному Кавказу, Крыму и Юго-Восточной Прибалтике в VI—VIII вв.

Для последующего времени история восточных славян и Руси, с одной стороны, и других регионов Восточной Европы — с другой, рассматриваются раздельно.

Первая глава Части 2 посвящена восточнославянскому обществу накануне образования Руси — истории отдельных этнополитических группировок, общественному строю. Главное внимание в Части 2 уделяется образованию Древнерусского государства. Поскольку это одна из наиболее спорных проблем отечественной историографии, история полемики по ее поводу излагается особенно подробно. Отдельные главы посвящены международным связям и внешней политике Руси и распространению христианства.

Часть 3, наиболее объемная, охватывает период истории Руси XI — первой трети XIII в. Он включает в себя эпоху относительно единого государства Русь и период так называемой «политической раздробленности». Выделять их в разные части редколлегия сочла нецелесообразным: во-пер-

вых, существуют разные точки зрения на время начала «раздробленности» (причем расхождение достигает столетия — от середины XI до середины XII в.), во-вторых, при изложении истории отдельных русских земель все равно необходимо осветить их предысторию, в силу чего разделение на два периода выглядело бы искусственно. По тематическому принципу здесь выделяются разделы о территории, населении и экономике, общественном строе, праве, политическом устройстве, внешней политике, культуре, истории церкви. Отдельные главы посвящены *землям* — крупным территориальным образованиям, в XII в. ставшим фактически самостоятельными государствами. Вначале излагается история земель, в которых закрепились определенные династические линии княжеского рода Рюриковичей, затем речь идет о тех, которые имели иной статус, — Киевской и Новгородской.

Часть 4 строится по региональному признаку: в ней рассматривается история Юга и Востока Восточной Европы. Отдельные главы посвящены истории Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Северного Кавказа, Крыма, кочевникам степей Восточной Европы — венграм, печенегам, торкам, половцам, а также истории пруссов (нынешняя территория Калининградской области).

Часть 5 посвящена истории народов Сибири и Дальнего Востока за весь период VI — начала XIII в. Она делится на две главы. В первой рассматривается история тюркских политических образований между Уралом и Прибайкальем (Тюркские каганаты, Уйгурский, Кимакский каганаты, Древнехакасское (Кыргызское) государство), во второй — история региона к востоку от Байкала (мохэские племена, государства Бохай, киданей, чжурчжэней). В последнем разделе Части 5 освещается история возникновения империи Чингисхана и его потомков и монгольской экспансии на территории Дальнего Востока и Юга Сибири.

Приложением к тому служат исторические карты, библиография наиболее значимых исследований, именной и географический указатели.

Изучение истории Восточной Европы VI — начала XIII в. основывается на разнообразных письменных источниках. Среди них памятники византийские, западноевропейские, восточные (арабские, персидские, еврейско-хазарские), скандинавские[12]. Для эпохи с IX в. важнейшее значение приобретают древнерусские источники — летописи[13], иные произведения литературы[14], международные договоры (с Византийской империей, странами Балтики)[15], законода-

[12] См. издания в серии «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» (до 1993 г. — «Древнейшие источники по истории народов СССР»), а также хрестоматию: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Е. А. Мельниковой. Т. 1—5. М., 2009—2010.

[13] Изданы в серии «Полное собрание русских летописей», выходящей с 1841 г. и насчитывающей ныне 43 тома, а также выходили отдельными изданиями. Для домонгольского периода наиболее информативными являются Новгородская первая летопись старшего извода (НПЛ. М.; Л., 1950; ПСРЛ. Т. 3. М., 2000), Лаврентьевская (ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1—3. Л., 1926—1928; фототип. изд.: М., 1962; М., 1997), Ипатьевская (ПСРЛ. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1908; фототип. изд: М., 1962; М., 2001), Радзивилловская (ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989) летописи и Летописец Переяславля Суздальского (ПСРЛ. Т. 41. М., 1995).

[14] См. справочное издание: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987, а также публикации в сериях: ПЛДР. [Кн. 1]: Начало русской литературы. XI — начало XII в. М., 1978; [Кн. 2]: XII век. М., 1980; [Кн. 3]: XIII век. М., 1981; БЛДР. Т. 1—5. СПб., 1997—1999.

[15] I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente / Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. Roma; Mosca, 2011; ГВНП. М.; Л., 1949; Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подгот. к печати Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1963.

тельные памятники (Русская Правда, княжеские уставные грамоты)[16], берестяные грамоты[17] и другие[18]. Для территорий Сибири и Дальнего Востока, помимо памятников письменности проживавших там народов[19], ключевое значение имеют китайские источники[20]. Первостепенны для исследования раннего Средневековья материалы археологии, ежегодно пополняющиеся в результате раскопок[21].

Разделы тома различаются по способам подачи материала, манере изложения. Авторы глав часто высказывают свои, иногда спорные, точки зрения на те или иные вопросы. Редакторы книги не стремились к излишней унификации авторских подходов, стиля и терминологии, к сглаживанию острых углов и дискуссионных моментов.

В истории народов и государств на территории будущей России раннесредневекового периода имеется немало спорных проблем, как правило, связанных с недостатком данных источников. Особенно много их существует в отношении истории Руси. Это происхождение общности под названием *русь*, время возникновения государства, роль в этом процессе разных этнических групп (в первую очередь так называемый «варяжский вопрос»), хронологические рамки существования «Древнерусского государства», характер общественного строя и т. д. Причем проблемы, обсуждаемые в научном дискурсе, часто становятся объектом непрофессиональных, дилетантских сочинений. В иных книжных магазинах полки с табличкой «Альтернативная история» занимают большее место, чем полки с трудами специалистов. Если пару десятилетий назад такие писания по истории Руси в основном относились к мистификаторскому проекту под названием «Новая хронология», то ныне «расцветают» многими направлениями. Выходят и дилетантские работы, не претендующие на «альтернативность», но демонстрирующие незнание того, что сделано современной исторической наукой.

В такой ситуации обобщающий труд своевременен. Среди историков-специалистов всегда имело место скептическое отношение к подобным коллективным обобщающим работам. Оно вполне закономерно: реально двигают науку конкретные исследовательские труды, созданные одним автором или небольшим коллективом. Но время от времени обобщение полезно.

---

[16] Правда Русская. Т. 1—3. М.; Л., 1940—1963; Памятники русского права. Вып. 1—2. М., 1952—1953; Российское законодательство X—XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

[17] Издаются в серии «Новгородские грамоты на бересте», выходящей с 1952 г. Помимо Новгорода берестяные грамоты домонгольского времени найдены ныне в восьми других древнерусских городах: Пскове, Старой Руссе, Смоленске, Твери, Звенигороде Галицком, Торжке, Мстиславле, Старой Рязани (грамоты, датированные XIV в., обнаружены также в Москве, Витебске и Вологде).

[18] Справочник, охватывающий значительную часть древнерусских источников: Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Отв. ред. Я. Н. Щапов. СПб., 2003. См. также: Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014.

[19] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951; *Он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959; *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Т. 1. М.; Л., 1941.

[20] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961; *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер., введ. и коммент. В. С. Таскина. М., 1979.

[21] Обобщающие труды см.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985; Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987; Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997; Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

В отечественной историографии таких попыток не было с 1960-х гг., то есть более полувека. За это время изучение истории Руси и других стран Восточной Европы и Северной Азии значительно продвинулось. Околонаучная ситуация, о которой сказано выше, усиливает актуальность такой работы. Многотомная «История России» призвана обобщить современные научные представления, высказаться по поводу спорных проблем. И в значительной мере это касается периода VI—начала XIII в., которому посвящен предлагаемый вниманию читателей 2-й том.

Научно-вспомогательная работа по тому выполнена А. В. Духаниной.

К изданию прилагаются цветные карты (см. на вклейке в конце книги), подготовленные А. А. Фроловым, а также иллюстрации, подписи к которым содержат названия объектов и краткие отсылки к источникам (полное библиографическое описание источников см. в Библиографии в разделе «Литература» (с. 961—975)).

Часть I

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПЕРВЫЕ СТОЛЕТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Этнополитическая карта Восточной Европы в первые века н. э. В начале эры от Рождества Христова на большей части Восточно-Европейской равнины обитали народы, находившиеся на догосударственной стадии развития. На северном побережье Черного моря продолжали существовать бывшие греческие колонии, а в то время форпосты Римской империи — Херсонес, Ольвия, Пантикапей. В степях Северного Причерноморья господствовали ираноязычные кочевники — сарматы, которые сменили здесь в конце I тыс. до н. э. родственных им по языку скифов. Лесную зону от юго-восточного побережья Балтийского моря до верховьев Оки занимало население балтской языковой группы. Севернее, в зоне смешанных и хвойных лесов, жили народы, не принадлежавшие (в отличие от сарматов, балтов, германцев и славян) к индоевропейской языковой семье, — финно-угорские (уральская языковая семья). Во II в. н. э. из Южной Прибалтики в Северное Причерноморье продвинулись германские племена готов. Они сумели на два столетия (III—IV вв. н. э.) занять доминирующее положение на юге Восточной Европы. Одна часть готов (так называемые остроготы) поселилась в Северном Приазовье, другая (так называемые везеготы) — на Днестре и нижнем Дунае[1].

Где располагались в первые столетия н. э. славяне, через несколько веков ставшие доминирующим этносом в Восточной и Центральной Европе, остается предметом споров. Эта дискуссионность вызвана в первую очередь тем фактом, что имя «славяне» в исторических источниках появляется только в VI в. н. э.[2] Многие исследователи полагают, что ранее славяне упоминались под названием «венеды/венеты». Этим этнонимом ряд античных авторов конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. обозначал некий народ где-то на западе или юго-западе Восточной Европы. Позже, в эпоху Средневековья, слово «венеды» и восходящие к нему нередко употреблялись западноевропейскими авторами как синонимичные понятию «славяне» или для обозначения части славян (западных). Сложность в том, что этнонимом «венеды/венеты» могли называться в античных источниках народы разного происхождения, поэтому не всегда можно с уверенностью относить его именно к славянам. К тому же локализация венедов (в тех их упоминаниях, которые возможно отнести к предкам славян) достаточно неопределенна (так, римский историк I в. н. э.

[1] См.: *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

[2] Наиболее ранние упоминания — у Псевдо-Кесария, Иордана, Прокопия Кесарийского — авторов середины VI в. (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: I—VI вв. М., 1991. С. 106—107, 110—111, 127—128, 176—185, 188—191, 194—207, 254).

Тацит пишет, что они жили «между германцами и сарматами»)[3]. Поэтому для определения местонахождения славян до их выхода на «историческую арену» первостепенное значение имеют данные археологии.

Здесь, однако, существуют свои сложности, поскольку явной прямой преемственности между достоверно славянскими памятниками VI—VII вв. и более ранними археологическими культурами не прослеживается. Часть археологов полагает, что славяне в начале н. э. обитали на юго-востоке современной Польши и северо-западе будущей Украины, в бассейне верхней Вислы, на Западном Буге и правобережье Припяти до среднего Днепра: в этом случае с ними связывают пшеворскую археологическую культуру (в Повисленье) и частично черняховскую (располагавшуюся от среднего Днепра и Верхнего Поднестровья до низовьев Дуная), в состав которой, как считают, входили, помимо славян, сарматы, готы и другие этносы, а также так называемую киевскую культуру[4]. Другие исследователи полагают, что ранние славяне жили севернее — между Западным Бугом и Десной, в современном белорусском Полесье, и их этногенез связан в первую очередь с зарубинецкой культурой[5].

Великое переселение народов. Расселение славян. В IV в. н. э. в Европе началось грандиозное миграционное движение, получившее в историографии название «Великое переселение народов». Его результатом стало полное изменение античной этнополитической карты Европы. Если в первые века н. э. ее южную и западную части занимала Римская империя, а на севере и востоке жили народы, находившиеся на догосударственной стадии развития, то к концу I тыс. сформировалась новая, средневековая, этническая и политическая структура, основные компоненты которой дожили до наших дней. Для этой структуры характерна множественность государственных образований, территории которых охватили теперь практически всю Европу.

Прологом к Великому переселению народов стали передвижения германцев во II—III вв., в том числе миграция готов из Юго-Восточной Прибалтики в Северное Причерноморье. Толчок же к запуску практически безостановочного миграционного процесса на просторах Европы дало нашествие кочевников из Центральной Азии — гуннов, оттесненных от границ другой (помимо Римской) великой империи древности — Китайской. В 370-е гг. гуннывторглись в Северное Причерноморье и стали теснить готов. Те в свою очередь перешли нижний Дунай и вступили в пределы Римской империи. Пришли в движение и германские племена, обитавшие в Среднем Подунавье (лангобарды, гепиды, вандалы и другие)[6].

К середине V в. гунны создали сильную полиэтничную державу на среднем Дунае, откуда в правление Аттилы († 453) угрожали Восточной и Западной Римским империям[7]. Под их властью оказался ряд германских этнополитических образований. Другие германские группировки, уходя от натиска гуннов, переходили на римские

[3] См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. С. 24—25, 31—34, 39, 40, 42—45, 51, 55, 57—59, 66, 69—76, 78.

[4] См.: *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 97—198.

[5] *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982. С. 55—91; *Лебедев Г. С.* Археологолингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 105—115; *Щукин М. Б.* Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне: Этногенез и этническая история. С. 56—62. Подробно см. наст. изд., ч. 1, гл. 2 (Истоки славянских археологических культур).

[6] См.: *Буданова В. П.* Германцы в эпоху Великого переселения народов // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 2011. С. 36—78.

[7] Единая Римская держава в 395 г. разделилась на две, с центрами в Риме и Константинополе — Новом Риме.

территории, обосновывались там (сначала, как правило, по согласованию с властями империи) и, в конце концов, оседали, создавая собственные протогосударственные образования — так называемые «варварские королевства». Движение германцев не прекратилось и после крушения державы гуннов (распавшейся после смерти Аттилы). Германцы действовали теперь самостоятельно. В 476 г. перестала существовать уже давно ослабленная под их натиском и ударами гуннов Западная Римская империя. В Италии в конце V в. сформировалось Остроготское (Остготское) королевство (в его состав входили Сицилия и Далмация). Свои королевства на бывшей римской территории создали и другие германские этнополитические общности — везеготы (вестготы) в Южной Галлии и Испании, франки в Северной Галлии, бургунды на верхнем Рейне, вандалы в Северной Африке[8].

Об участии славян в миграциях V в. ничего не известно. Ряд исследователей полагает, что они присутствовали среди населения державы Аттилы на среднем Дунае[9]. Во всяком случае как самостоятельная сила славяне в V в. не выступали, и их имя в источниках того периода не упоминается. Однако в VI в. славяне быстро выходят на главные роли в процессе Великого переселения народов, его завершающий этап — VI—VII вв. — можно назвать славянским по преимуществу.

Первые археологические культуры, несомненно принадлежащие славянам, фиксируются с конца V в. и достигают расцвета в VI—VII вв. Это так называемые пражско-корчакская и пеньковская культуры. Памятники типа Прага—Корчак распространяются в VI—VII вв. от Эльбы на западе до среднего Днепра на востоке, в Верхнем Поднестровье, Нижнем Подунавье. Ареал памятников пеньковского типа располагался юго-восточнее — от реки Прут и низовьев Дуная до левобережья среднего Днепра[10].

Письменные источники, содержащие первые известия о славянах, — главным образом византийские[11]. В них славяне VI в. выступают под двумя именами — «словене»[12] (в греческом и латинском языках, на которых написаны источники, тогда не было сочетания звуков «сл», поэтому между «с» и «л» вставлялось «к», соответственно, и название *словене* звучало по-гречески как *Σκλαβινοί*, а по-латыни как *Sclaveni*[13]) и «анты» (греч. *Ἄνται*, лат. *Antes*). Словенами византийские авторы, по всей видимости, обозначали группировку, представленную пражско-корчакской культурой, антами — носителей пеньковской культуры[14].

В VI в. начинается так называемое Расселение славян, ставшее завершающим этапом Великого переселения народов. Миграции осуществлялись из Верхнего Повисленья, Северного Прикарпатья и правобережья среднего Днепра по трем основ-

---

[8] *Буданова В. П.* Германцы в эпоху Великого переселения народов. С. 79—128; *Ермолова И. Е.* Кочевники европейских степей эпохи Великого переселения народов // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. С. 181—212.

[9] См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. С. 85, 93, 95, 161—169.

[10] См. наст. изд., ч. 1, гл. 2.

[11] Византия — принятое в научной литературе условное название Восточной Римской империи.

[12] Именно так звучало в раннее Средневековье по-славянски слово «славяне».

[13] В исторической литературе на русском языке эти термины греко- и латиноязычных источников часто воспроизводят буквально — как «склавины» или «склавены», что создает у неподготовленного читателя иллюзию существования в раннее Средневековье особого названия части славян, отличного от этнонима «славяне».

[14] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. С. 106—111, 114, 115, 176—207, 268, 278, 279, 284—287, 294—297, 316—327, 362, 363, 368—381; *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 203—323.

ным направлениям: 1) на юг, за Дунай, на Балканский полуостров (на территорию Византии); 2) на запад в Среднее и Верхнее Подунавье и междуречье Одера и Эльбы (территории, с которых ушли на запад германские племена); 3) на восток и север по Восточно-Европейской равнине (на земли балтских и финно-угорских племен). В результате славянами был заселен весь Балканский полуостров, лесная зона Восточной Европы до Финского залива на севере, Немана и среднего течения Западной Двины на западе, верховьев Волги, Дона и Оки на востоке, нижнее и среднее течение Дуная, междуречье Одера и Эльбы, южное побережье Балтийского моря от Ютландского полуострова до междуречья Одера и Вислы[15].

Соответственно трем направлениям расселения славян сформировались три ветви славянства — южная, западная и восточная. Долгое время бытовало мнение, что предками восточных славян были анты, в VI в. действительно являвшие собой восточную по географическому расположению группировку носителей славянского языка (между Днестром и Днепром), а западных и южных — словене. Но исследования археологов такое представление полностью опровергли: выяснилось, что, с одной стороны, среди предков восточных славян были носители пражско-корчакской культуры (то есть «словене»), а с другой — анты, чье объединение распалось в начале VII в. в результате миграций, внесли свой вклад в формирование не только восточных, но и южных славян, а также в некоторой степени и западных[16].

В заселении лесной зоны Восточной Европы участвовали славяне из разных областей — Среднего Поднепровья, Подунавья, южного побережья Балтики[17]. При этом они занимали территории, населенные балтскими и финно-угорскими племенами. Первые в раннее Средневековье обитали от Восточной Прибалтики до верхней Оки, вторые севернее — от Финского залива до верхней Волги. Переселенцы-славяне находились на более высокой стадии общественного развития: у них было распространено пашенное земледелие, в то время как дославянское население лесной зоны занималось в значительной мере скотоводством, охотой и рыболовством. Более развиты были славяне и в плане политической организации. Все это обусловило их преимущество и постепенную ассимиляцию ими местного населения[18].

В степной зоне Восточной Европы господствовали кочевники. После распада державы гуннов там продолжали проживать ранее входившие в их объединение преимущественно тюркоязычные группировки, из которых наиболее устойчивыми оказались болгары. В середине VI в. с востока продвинулась новая волна кочевников — авары, обосновавшиеся в конце концов на среднем Дунае. В VI в. вплоть до Дона простирались с востока владения Тюркского каганата, сформировавшегося в Центральной Азии. После его распада, в VII в., господство на нижнем Дону и Волге перешло к одному из тюркских кочевых народов — хазарам[19].

---

[15] *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 203—430.

[16] Там же. С. 228—245, 403—430.

[17] Там же. С. 525—551.

[18] См. наст. изд., ч. 1, гл. 2.

[19] *Ермолова И. Е.* Кочевники европейских степей эпохи Великого переселения народов. С. 213—253. Подробно см. наст. изд., ч. 1, гл. 3.

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ НА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Истоки славянских археологических культур

Под своим историческим именем славяне впервые упоминаются в работах историков раннего Средневековья Иордана и Прокопия Кесарийского. В своем сочинении «Гетика» (закончено около 550/551 г.)[1] Иордан подчеркивает, во-первых, что склавины (славяне), анты и венеты раннего Средневековья представляют собой разные народы, во-вторых, что они имеют общее происхождение и ранее у этих народов было общее название. Прокопий Кесарийский в цикле книг «История войн. Война с Готами» (последняя закончена в 553 г.)[2] неоднократно упоминает два родственных народа — склавинов (славян) и антов, которые иногда выступают вместе, но часто и враждуют друг с другом. Раньше у этих народов было одно имя («споры» — рассеянные по обширной земле). Таким образом, оба раннесредневековых автора отмечают, что современные им славяне VI в. не являются единым народом, а составляют как минимум два родственных, причем у этих народов когда-то были общие предки (общее название).

Современная археология в целом подтверждает сведения Иордана и Прокопия. Выделяются две ветви развития славянства — западная и восточная. Из них западная восходит к историческим склавинам (славянам), а восточная — к антам и раннесредневековым венетам Иордана. Эти народы изначально связаны по происхождению с одной и той же общностью — потомками населения зарубинецкой культуры. «Исторический» период у славянских народов начинается в VI в., когда они впервые упоминаются в письменных источниках под своими именами. Эпоха до VI в., в течение которой произошло сложение славян как этнического массива, условно называется раннеславянской (нередко так называют памятники предгосударственного периода) или праславянской.

Концепция восточного (зарубинецкого) направления генезиса ранних славян является дальнейшим развитием теории П. Н. Третьякова — В. Н. Даниленко, сформулированной в 1960—1970-х гг. Согласно ей, истоки раннесредневековых славянских древностей типа Пеньковки, которые обычно считают принадлежащими антам, и родственных им типа Колочина нужно искать на территории лесостепного и лесного Поднепровья. Начальным звеном выделяемой в этом регионе цепочки археологических общностей является зарубинецкая культура

---

[1] *Анфертьев А. Н.* Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: I—VI вв. М., 1991. С. 99.

[2] *Иванов С. А., Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Прокопий Кесарийский // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. С. 172.

(конец III — начало — середина I в. н. э., в соответствии с современными представлениями).

В середине — второй половине I в. н. э. наблюдается кризис или распад этой археологической общности. Признаками кризиса являются исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья в течение сравнительно узкого промежутка времени, прекращение функционирования всех зарубинецких могильников и ряда поселений Поднепровья, массовые миграции населения с этих коренных территорий в различных направлениях вплоть до Западного Буга и Верхнего Поднестровья на западе и до бассейна Хопра на востоке.

Кризис зарубинецкой культуры дал толчок к возникновению нового археологического явления в новых исторических условиях раннеримского времени — позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта.

На рубеже II—III вв. или в начале III в. в результате серии микромиграций и перегруппировки позднезарубинецкого населения формируется киевская археологическая культура (III — начало V в.). Она распространена в основном на территории лесостепного и лесного Поднепровья до бассейна верхнего течения Западной Двины на севере. Оторванные от основного массива памятников анклавы выделяются в бассейне Хопра и в лесостепном Поволжье — низовьях Камы.

Во второй трети III в. в лесостепной зоне между Днестром и Днепром в ходе так называемых готских, или скифских, войн варваров Восточной Европы с Римской империей формируется черняховская культура и начинается продвижение ее населения на восток. В период своего расцвета (около середины IV в.) черняховские памятники распространены на огромной территории: от Нижнего Подунавья на западе до Северского Донца на востоке, от побережья Черного моря на юге до северной границы лесостепной зоны. По современным представлениям, черняховская культура была полиэтничным объединением под главенством готов.

Около середины — третьей четверти III в. черняховское население продвинулось на территорию лесостепного Поднепровья и достигло Северского Донца. Часть областей, ранее занятых киевской культурой в Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье, оказались включенными в состав черняховского объединения. В середине — третьей четверти III — IV в. здесь выделяются так называемые памятники киевской традиции в черняховской культуре. Оставившее их население в этническом отношении, по-видимому, было раннеславянским — потомками обитателей поселений киевской культуры лесостепного Поднепровья.

Следующая серия миграций относится к гуннскому периоду (последняя четверть IV—V в.). Вторжение гуннов на территорию Восточной Европы, разгром ими аланов-танаитов и дружин «короля» остроготов Германариха незадолго до 376 г. нарушили сложившееся в восточной и южной частях Восточной Европы равновесие и привели к новой серии массовых передвижений населения. С 376 г. большинство готов постепенно уходит на запад. На пустеющие земли днепро-донецкой лесостепи с севера активно проникают выходцы с территории деснинского варианта киевской культуры. Население, которому принадлежали черняховские памятники киевской традиции, по всей видимости, осталось на месте (по крайней мере, в значительной своей части). На протяжении практически всего V в. в Среднем Поднепровье, на Днепровском лесостепном Левобережье и в бассейне Северского Донца наблюдается своеобразная «этнокультурная каша»: памятники разных традиций и культур сосуществовали в течение одного и того же хронологического периода. Около второй четверти — середины V в. формируются пеньковская и колочинская культуры. Главенствующую роль в

этом процессе сыграло население киевской культуры лесной зоны и лесостепного Поднепровья, включая племена, тем или иным образом втянутые в орбиту влияния черняховской культуры.

Западная ветвь славянства эпохи Великого переселения народов представлена пражской культурой, носителей которой большинство исследователей отождествляет со «склавинами» византийских источников. Она была выделена в конце 1930-х гг. чешским археологом И. Борковским, а после работ И. П. Русановой стала общепризнанным научным понятием. Истоки ее, согласно разработкам И. О. Гавритухина, подтверждаемым полученными в последнее время материалами (работы В. Г. Белевца и др.), нужно искать в среде позднезарубинецкого населения Припятского Полесья, активно контактировавшего с его северными соседями. К VII в. пражская культура (которая, конечно же, имеет локальные особенности) распространилась на территории Правобережной Украины, Южной Белоруссии, Польши, Чехии, Словакии, Восточной Германии, значительной части Румынии, Хорватии, Словении и на некоторых других землях.

Необходимо подчеркнуть, что все изложенное выше представляет собой в известной мере гипотетическую схему. В действительности, этнокультурные процессы были более сложными, да и многие их детали не до конца ясны. Споры между исследователями не утихают, особенно по мере появления нового материала.

Пражская культура

Для V—VII вв. пражская культура — крупнейшая из относимых к кругу славянских (рис. 1). С рядом зон распространения археологических памятников этой общности соотносятся упоминания греко- и латиноязычными авторами VI—VII вв. народа славян (как «склавинов», «стлавинов», «склавов» и т. п.)[3]. В германской традиции, отраженной в латиноязычных сочинениях с VII в., для западных групп носителей пражских традиций употребляли также наименование «виниды», «венеды» и т. п.[4] Известен и ряд названий отдельных славянских групп VII в. на Балканах или реконструируемых для «раннеславянского» времени, но убедительно идентифицировать их с выразительными группами археологических памятников пока не удается.

Основа современного понимания пражской культуры и непревзойденный до сих пор ее обзор как целого принадлежат И. П. Русановой[5]. Есть своды и обзоры пражских и близких им памятников по ряду регионов Украины и Белоруссии[6], Польши

[3] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: I—VI вв. М., 1991.

[4] Там же. Т. 2: VII—IX вв. М., 1995. С. 360 (коммент. 1), 379 (коммент. 6).

[5] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.: Культура пражского типа. М., 1976.

[6] *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973; *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975; *Тимощук Б. А.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976; *Баран В. Д.* Пражская культура Поднестровья. Киев, 1988; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990; *Вяргей В. С.* Сучасны стан і праблемы даследавния пражской культуры у Беларусі // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 2. Минск, 2016. С. 14—61; *Гавритухин И. О.* К атрибуции славянских памятников V—VII веков на Южном Буге // Европа от Латена до Средневековья. М., 2018. С. 51—62.

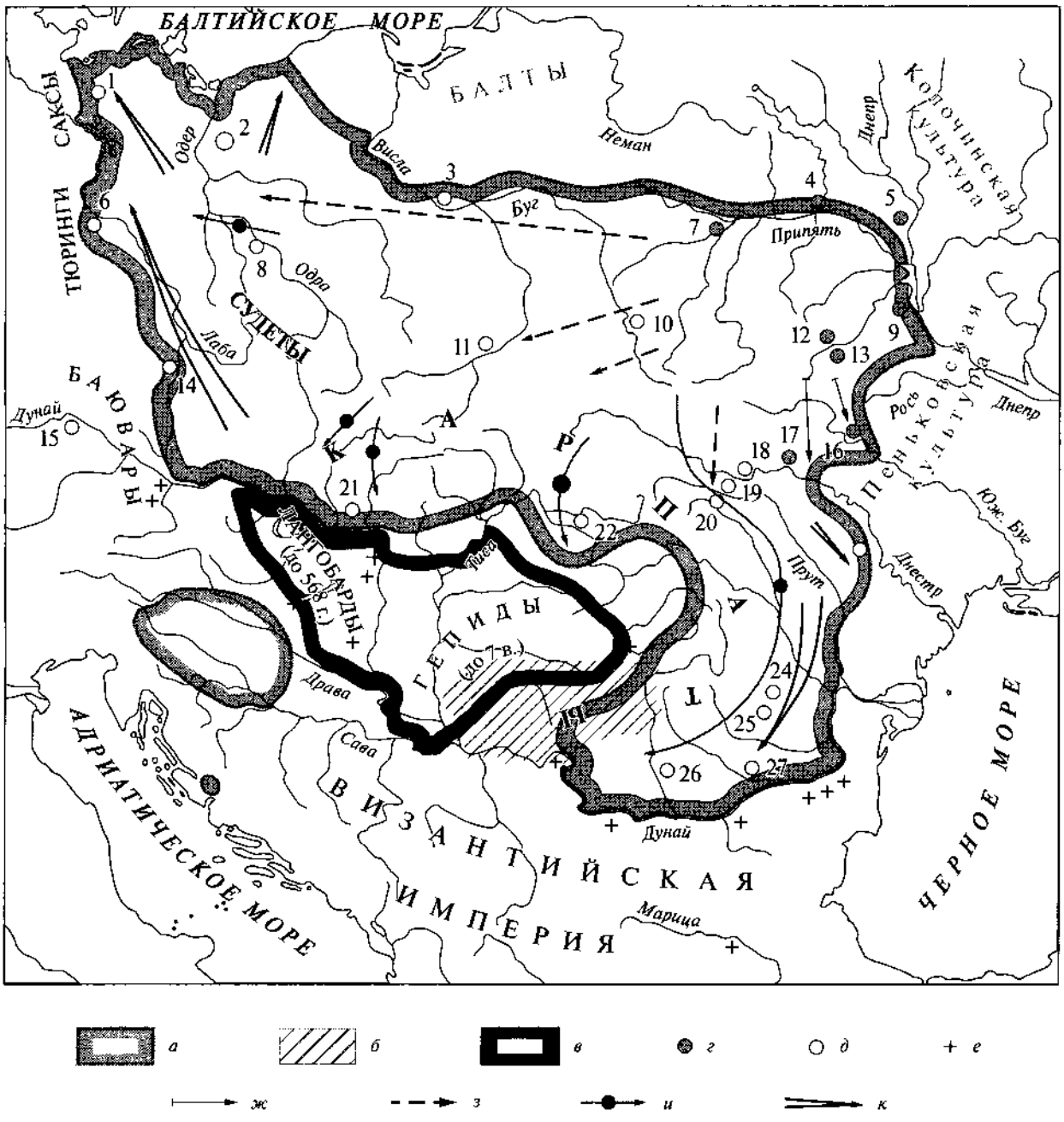


Рис. 1. Пражская культура и ее соседи

а — зона пражской культуры к сер. VII в.; *б* — зона памятников круга Ипотешть—Кындешть—Чурел; *в* — Аварский каганат к сер. VII в.; *г—е* — памятники (*г* — с материалами фазы 0; *д* — другие важнейшие; *е* — пражские компоненты в инокультурном контексте); *ж—к* — распространение (*ж* — в последние десятилетия IV — первые десятилетия V в.; *з* — в V в.; *и* — во 2-й пол. V — 1-й пол. VI в.; *к* — во 2-й пол. VI — 1-й пол. VII в.). 1 — Суков; 2 — Дзедзице; 3 — Шелиги; 4 — Петриков; 5 — Мохов; 6 — Дессау—Мозигкау; 7 — Остров; 8 — Жуковице; 9 — Оболонь; 10 — Зимно; 11 — Краков—Нова-Гута; 12 — Корчак; 13 — Тетеревка; 14 — Розтоки; 15 — Регенсбург; 16 — Пархомовка; 17 — Бернашовка; 18 — Лука-Каветчинская; 19 — Рашков; 20 — Кодын; 21 — Нитра; 22 — Лазури; 23 — Скок; 24 — Кындешть; 25 — Сэрата-Монтеору; 26 — Ипотешть; 27 — Чурел

и Германии[7], нескольким зонам в Подунавье, у восточных предгорий Альп, на Балканах[8].

Некоторые польские исследователи, а также В. В. Седов (Россия), В. Д. Баран (Украина) выделяли памятники на территории Германии к северу от реки Хафель и Северо-Западной Польши в особую культуру (дзедзицкую, или Суков[9] — Дзедзицы — Шелиги, и т. п.), имеющую местные истоки. Эта точка зрения оспаривалась с момента ее появления и ныне практически всеми специалистами отвергается, а памятники рассматриваются как локальный сравнительно поздний дериват пражской культуры. Еще одна группа неоднозначно интерпретируемых памятников — «культура» Ипотешть — Кындешть — Чурел (или т. п. названия), известная в основном на территории Валахии (рис. 1: *б*); недавно такие памятники открыты в Сербском Банате; вероятно, этой традиции принадлежат и некоторые памятники к югу от Дуная, но там они не образуют массива. В этих материалах очевидны пражский компонент и сильное византийское влияние. Только ряд румынских и молдавских исследователей относят их к археологическим культурам, отражающим автохтонное развитие романского населения, объясняя пражскую составляющую влиянием «мигрантов»-славян, быстро прошедших из Восточной Европы на Балканы. Однако этому противоречат как минимум датировка этих памятников (VI и часть VII в.), не заполняющая хронологическую лакуну с более ранними, и данные письменных источников, согласно которым здесь располагался массив славян[10].

Важная особенность пражской культуры — ее территориально-хронологическая динамичность. Ряд хронологических шкал, созданных для нескольких регионов и опорных памятников, подтвердил наблюдение, впервые четко сформулированное и продемонстрированное на конкретных примерах И. П. Русановой: основная тенденция эволюции пражской керамики — усиление профилированности верхней части сосуда (рис. 4: *А*). Это позволило выделить фазы (этапы) развития культуры по массовому материалу и датировать их по интеррегиональным изделиям из металлов, соотношению с финалом предшествующих культур, естественно-научными методами[11]. Ныне

[7] Corpus archäologischen Quellen zur Frühgeschichte auf dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert). Bd. 1—4. Berlin, 1973—1985; *Brachmann H.-J.* Die Funde der Gruppe des Prager Typs in der DDR und ihre Stellung im Rahmen der frühslawischen Besiedlung dieses Gebietes // Slavia Antiqua. 1983. T. 29. S. 23—64; *Parczewski M.* Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Wrocław, 1988; *Wietrzichchowski F.* Zur Verbreitung und Entwicklung der Sukower Gruppe in Mecklenburg // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Bd. 37 (1989). Schwerin, 1990. S. 37—102; *Dulinicz M.* Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Warszawa, 2001.

[8] Обзоры с библиографией см. в ряде статей, опубликованных в изд.: Stratum plus. 2015. № 5; Балкан, Подунавље и Источна Европа у римко доба и у раном Средњем веку. Нови-Сад, 2019.

[9] В русскоязычной литературе утвердилось это название, хотя правильно — Зуков (нем. Sukow).

[10] *Гавритухин И. О.* Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой культуры Старого Света. СПб., 2009. С. 13—14.

[11] *Гавритухин И. О.* Хронология пражской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 39—52; *Он же.* Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005. S. 401—461; *Godłowski K.* Pierwotne siedziby Słowian. Kraków, 2000; *Dulinicz M.* Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. S. 28—35; *Idem.* Wczesnosłowiańskie objekty archeologiczne na południe od Karpat, Sudetów i Rudaw datowane metodami bezwzględnymi // Archeologia Polski. 2007. T. 52. S. 81—130; *Pleterski A.* Zgodnjesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Ljubljana, 2010; *Fusek G., Zábojnik J.* Frühslawischen Siedlungsobjekt aus Suchohrad // Arheológia Barbarov 2009. Nitra, 2010. S. 155—180; The early Slavic settlement in Central Europe in the light of new dating evidence. Wrocław, 2013; *Гавритухин И. О.* Заметки о датировке раннеславянских памятников естественнонаучными методами // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань, 2014. С. 297—301.

схема территориально-хронологического развития пражской культуры выглядит следующим образом (рис. 1: *ж*—*к*).

Фаза 0 и 0/1 (не позднее середины IV — первая половина V в.). Это период завершения формирования культуры и первых миграций ее носителей.

Фаза 1 (середина V — первая половина VI в.). Вне зависимости от реконструкции зоны формирования пражской культуры специалисты согласны, что в это время она занимает уже просторы от Киевского Поднепровья до Припятского Полесья и Восточного Прикарпатья, бóльшую часть территории Польши (кроме севера; дата проникновения на земли Силезии — предмет дискуссий). Носители пражской культуры появляются на территории Северной Моравии и Западной Словакии, где становятся соседями лангобардов, освоивших верховья Эльбы (Лабы) и прилегающее Подунавье к концу V — началу VI в. Носители пражской культуры начинают проникать (по-видимому, с территории Волыни) и в район верхнего течения Тисы, где позднейшие памятники, соотносимые с германцами, датируются второй половиной V в. Здесь славяне стали соседями гепидов, живших южнее. Следует отметить, что контакты славян с лангобардами и гепидами фиксируются и письменными источниками, а воспроизводимая до недавнего времени точка зрения о появлении славян в Карпатском бассейне только вместе с аварами (не ранее 568 г.) неверна. Наконец, с фазой 1 пражской культуры синхронизируются памятники типа Ипотешть, что соответствует данным письменных источников о появлении славян у границ Византии не позднее начала правления императора Юстиниана I (527—565).

Фаза 2 (середина VI — начало VII в.). В Среднем Подунавье это начало гегемонии Аварского каганата (рис. 1: *в*), в 568 г. сменившего здесь лангобардов, ушедших в Италию, и подчинившего гепидов. Славяне были в его войске весьма внушительной составляющей, что отражает и существенный пражский компонент на ряде памятников в зоне каганата, а появились славяне на этих землях, очевидно, несколько раньше его образования[12]. После ухода лангобардов или смещения центра их королевства в Паннонию в 540-е гг. верховья Эльбы и примыкающее Подунавье освоили продвинувшиеся с востока носители пражской культуры. Вскоре, пройдя вдоль Эльбы, они заняли бассейн реки Заале и земли к востоку от него. В районе реки Хафель образовалась зона смешения этих традиций и тех, что были принесены с востока предками носителей «суковско-дзедзицких» вариантов пражской культуры. Освоение ими земель Мекленбурга, Восточной Померании, Польского Поморья началось в VI в., если опираться на оценку ряда комплексов исходя из общей тенденции эволюции пражской керамики, упоминание о том, что славяне к концу VI в. уже жили у «оконечности Западного океана» (то есть, очевидно, у Балтийского моря)[13], и учитывать даты позднейших памятников (а не единичных находок) предшествующих германских культур. Аргументами в пользу датировки VII в., ближе к его концу, являются вероятный архаизм керамики на периферии культуры, пересмотр немецкими археологами массива естественно-научных дат в сторону омоложения.

В начале фазы 2 или конце фазы 1 начал формироваться массив памятников пражской культуры в западной части бассейнов Савы и Дравы; к фазе 2 относятся ранние памятники вдоль восточных отрогов Альп и анклав, маркируемый могильником под

[12] *Гавритухин И. О.* Дунайский «страт» раннеславянской археологии // Stratum plus. 2015. № 5. С. 18—20.

[13] Theoph. Sim. IV, 12 // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. С. 17, 48 (коммент. 26).

Регенсбургом[14]. Единичные находки пражской керамики в слоях некоторых византийских крепостей середины — второй половины VI в. связывают со славянами, привлекаемыми на службу и в основном быстро утратившими многие черты традиционного быта.

Фаза 3 (в пределах VII в.). В это время начинается массовая славянизация Балкан вплоть до Пелопоннеса. Правда, выразительных раннеславянских памятников здесь насчитываются единицы[15]. Среди причин этого — как быстрая эволюция многих черт бытовой культуры славян под влиянием позднеантичных традиций, так, возможно, и то, что целенаправленные поиски таких памятников в большинстве балканских регионов не проводились.

В Подунавье со второй половины VII в. керамика, сделанная на круге и украшенная волнистыми и прямыми горизонтальными полосами, выполненными гребнем (так называемая дунайская, восходящая к позднеантичным традициям), вытесняет лепную, один из основных показателей пражской культуры. Постепенно «дунайская» и схожая керамика волнообразно распространяются на север, маркируя финал пражской культуры. Позднее всего схожая керамика появляется на территории Украины и Белоруссии, где в культуре Луки-Райковецкой, сменившей пражскую, выделяется ранний этап — господства лепной керамики.

На крайнем северо-западе носители пражских («суковских») традиций не позднее конца VII в. продвинулись к низовьям Эльбы. Здесь они встретились с близкими по уровню общественно-экономического развития саксами. В ряде случаев лепную керамику этих культур трудно различить, что объясняют плотными контактами славян и саксов[16]. В VIII в. (есть другие датировки) на славянских землях к югу от Балтийского моря распространяется круговая, так называемая фельдбергская, керамика[17]. По фактуре и орнаментации она резко отличается от «дунайской», ее происхождение и механизм распространения во многом не ясны. Другие особенности этих регионов — появление торгово-ремесленных центров и включение в циркумбалтийский культурный круг, определившие специфику развития ряда прибалтийских групп славян в раннем Средневековье.

Распространение носителей пражских традиций на огромной территории, включенность ее носителей в разные культурные контексты, конечно, порождали нарастание локальных различий. Систематически этот процесс не изучен, хотя и есть ряд наблюдений над некоторыми особенностями памятников и находок, характерными лишь для некоторых регионов культуры.

Для пражской культуры показательно господство открытых поселений (селищ). Лишь в Белорусском Полесье и бассейне Западного Буга известны единичные небольшие городища, возникшие не позднее VI в. Дата строительства укреплений (VI или VII в.) в Шелигах (рис. 1: 3) — предмет дискуссий[18]. Большинство городищ имеют округлую форму (рис. 2: *7*; Хильчицы, Хачки), все они небольшие и, кроме Шелиг, занимают останцы в пойме или их

---

[14] *Плетерский А.* Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // Stratum plus. 2015. № 5. С. 227—248.

[15] Среди них — могильник в Олимпии: *Vida T., Völlig T.* Das slawische Brandgräberfeld von Olimpia. Rahden (Westf.), 2000.

[16] *Шнеевайс Й.* Керамика как свидетельство идентичности и культурного трансфера? Саксонская и славянская керамика VIII—X вв. в Нижнем Поэльбье // Европа от Латена до Средневековья. С. 90—102.

[17] *Brather S.* Feldberger Keramik und frühe Slawen. Bonn, 1996.

[18] *Dulinicz M., Moszczyński W. A.* Nowe dane o początkach grodu w Szeligach. Osadnictwo pradziejowei wczesnośredniowieczne w doreczu Słupianki, pod Płockiem // Archeologia Mazowsza i Podlasia. Studia i Materiały. T. I. Warszawa, 1998. S. 95—98.

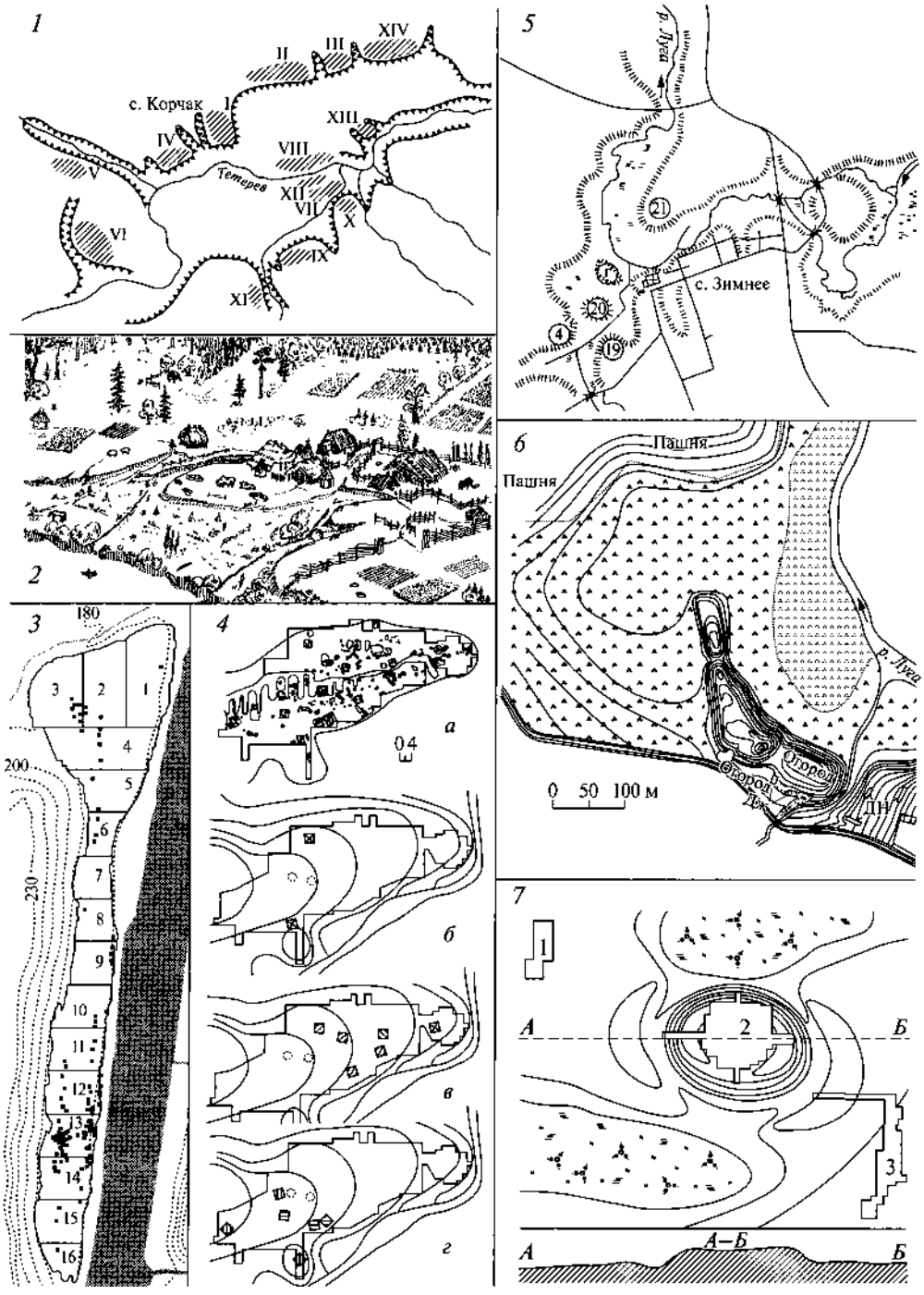


Рис. 2. Пражская культура. Топография поселений

1 — «гнездо» у с. Корчак; *2* — ландшафтно-планировочная реконструкция поселка Тетеревка-1 в V в. (по: Томашевский А. П., Гавритухин И. О., 1992); *3* — селище Розтоки (без разделения на периоды); *4* — поселение Корчак-7 (*а* — план селища; *б* — жилища периода 1; *в* — жилища периодов 2 и 3; *г* — жилища периодов 4 и 5; пунктир — не датировано); *5* — поселения у с. Зимнее (г — городище; арабские цифры — селища); *6* — городище Зимно; *7* — городище Хотомель и раскопы (2 — на городище; 3 — на селище финала пражской и райковецкой культур)

оконечность (рис. 2: *6—7*). Особенности и функции каждого из них — предмет обсуждений. Массовое распространение городищ почти во всем пражском ареале происходит в конце VII—VIII в., то есть относится к финалу пражской культуры или сменившим ее культурам.

Поселения располагались в основном на склонах речных террас (часто на мысах) или на невысоких возвышенностях над поймой, близ источника воды (колодцы у славян появляются в конце VII в. в западных регионах). Селища образуют группы («гнезда»), иногда более чем из 10 пунктов, чаще — из меньшего их количества (рис. 2: *1, 5*). Объяснение «гнезд» как отражения общественных структур (общин) предпочтительнее, чем чисто хозяйственное (перемещение по мере истощения угодий). Поселки невелики, в основном по 3—6 одновременных жилищ (рис. 2: *4б—г*), в некоторых регионах, в основном на юге, да и то не часто, — несколько более. Значительное число селищ многослойные, поэтому на них фиксируется по нескольку десятков разновременных построек (рис. 2: *3, 4а*).

«Классическим» типом жилищ пражской культуры является небольшая (в основном 8—16 кв. м) подквадратная полуземлянка (углублена в землю на 0,3—1 м) с печью в углу, как правило, дальнем от входа, который часто располагался с юга (рис. 3: *1, 3, 6*). Везде, где есть данные, стены — срубные, нередко вдоль них располагались столбы, но не всегда понятно, какую роль они играли в конструкции, поскольку обычно нет сведений о связках углов сруба. На северо-западе получили распространение постройки, от которых остались корытообразные или неправильной формы углубления; в нескольких случаях, когда такие постройки сгорели, у них фиксируется нижняя часть наземных прямоугольных срубов (рис. 3: *4, 7*). Возможно, они возникли как модификация практически наземных (углубленных на 0,1—0,3 м) построек, известных на ранних памятниках Белорусского Полесья и Нижней Силезии (рис. 3: *2*); в Нижней Силезии прослеживается и их смена постройками с корытообразным углублением.

Печи-каменки (рис. 3: *1, 3, 5, 8*) преобладают на землях юга Восточной Германии и Польши (севернее — единичны), большинства регионов Подунавья, Карпато-Днестровского региона, Южного Побужья, Житомирщины. Округлые или кубовидные печи, вырезанные в останцах или принесенной глине (рис. 3: *6, 9*), нередко с использованием и глиняных «вальков», распространены на землях Западной и Центральной Волыни, прилегающих к ним землях юга Польши и юга Белоруссии (там встречаются и конструкции с использованием камня), бассейна верхнего течения Тисы, Баната, Олтении, Киевщины. Не всегда можно сказать, где тип отопительного сооружения отражает устойчивость традиции переселенцев, а на каких поселениях — наличие/отсутствие необходимых материалов. Вопрос о генезисе печей у славян остается открытым. Возможно, они были заимствованы от носителей культур, связанных с позднеантичными традициями, и модифицированы. С другой стороны, на памятниках Белорусского Полесья фазы 0 представлены скопления камней в углу жилищ[19]. Вероятно, печь-каменка могла возникнуть как «доделка» такой конструкции, тем более что каменные «очаги» зафиксированы в слабо углубленных постройках, то есть конструкции могли сохраниться не полностью. В любом случае, следует учитывать и похолодание, отмечаемое для V в. Известны и купольные печи, вырезанные в стене постройки (рис. 3: *10*); наиболее обоснована точка зрения, что они в основном использовались для выпечки хлеба.

[19] Интерпретируются как «очаги»: *Вяргей В. С.* Сучасны стан і праблемы даследавния пражской культуры у Беларусі // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 2. Минск, 2016. С. 18—19.

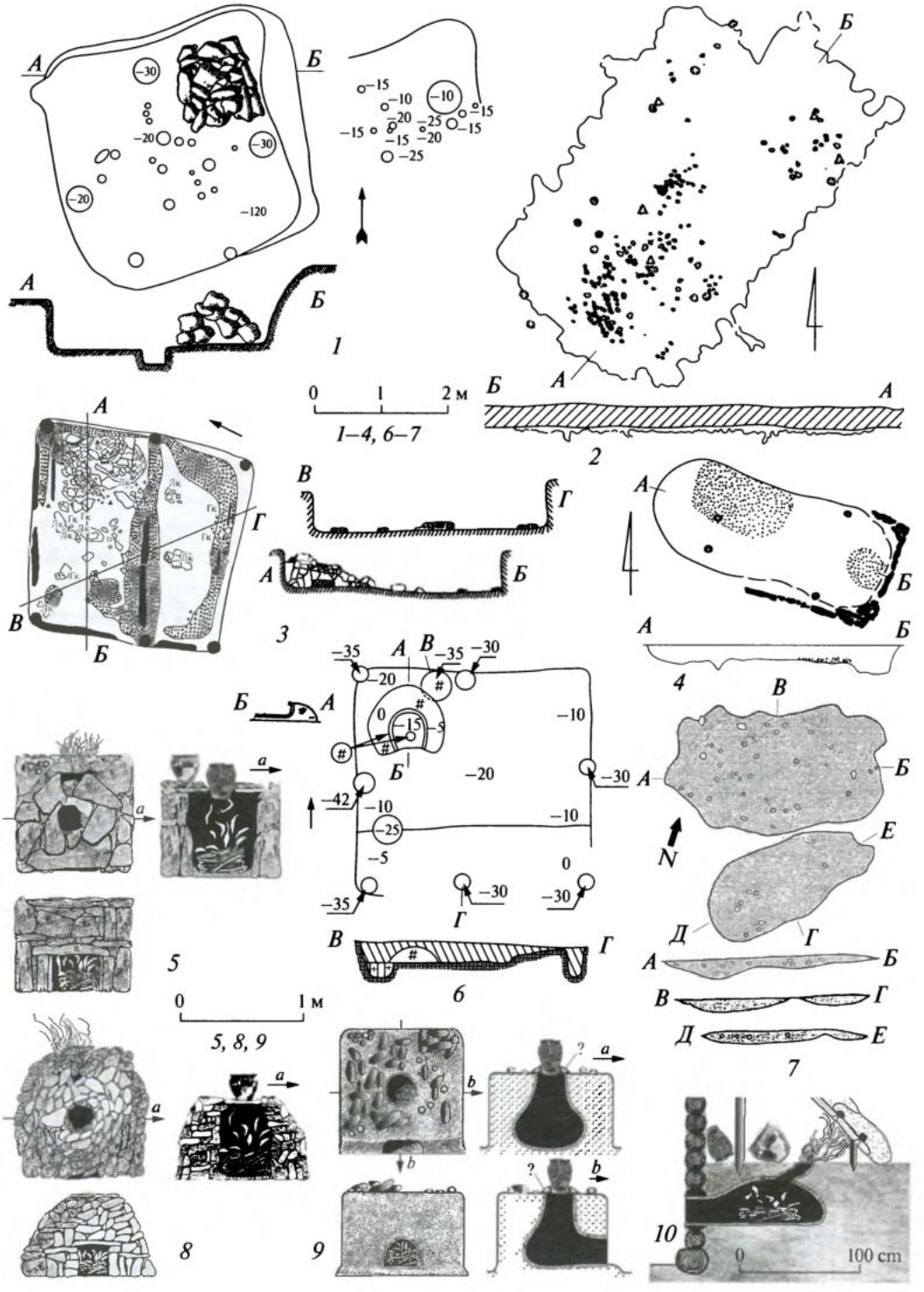


Рис. 3. Пражская культура. Постройки

1 — Корчак-1, жил. *6*; *2* — Пщев-13, объект 1; *3* — Бернашовка, жил. 36; *4* — Жуковице-1, объект 82; *6* — Зимно-4, объект 21; *7* — Берлин—Марцан-3, объекты 821 и 822; *5*, *8*—*10* — реконструкции печей: каменок (*5*, *8*), глинобитной кубовидной с вальками (*9*), врезанной в стену (*10*) (по: Stanciu I., 2012)

Остатки хозяйственных построек представлены главным образом ямами разных форм и столбовыми конструкциями. Ям, интерпретируемых как хранилища, на поселении, как правило, заметно меньше, чем жилищ (построек с печами). По-видимому, были и наземные сооружения без вкопанных столбов, скорее всего хозяйственные, которые фиксируются далеко не всегда[20]. Постройки на открытых поселениях образуют группы, каждая из которых составляет усадьбу или блок из двух-трех усадеб (рис. 2: *2, 4*).

В погребальном обряде практиковалось трупосожжение «на стороне», то есть не на месте погребения. Останки обычно ссыпали в урну и ставили в небольшую ямку; известны и безурновые погребения, иногда покрытые перевернутым сосудом. Есть случаи, когда урна имела покрытие керамической сковородкой, а рядом лежали 12 керамических «хлебцов»[21]. Зафиксированы и курганные погребения, но для их систематической характеристики слишком мало данных. Инвентарь весьма беден, зачастую его следы отсутствуют. Как правило, кладбища располагались недалеко от поселений и сопоставимы с ними по размеру. Известны и единичные могилы на территории поселка, в том числе в специальной ограде, как в Тетеревке[22] (рис. 1: 13). Выделяется могильник Сэрата-Монтеору (рис. 1: 25) — с сотнями погребений[23]; возможно, здесь находился один из пунктов концентрации славян перед нападением на Византию. В северо-западных регионах и большей части южных могильники неизвестны. Вероятно, погребальные ритуалы носителей пражской культуры здесь были таковы, что не фиксируются археологически.

Письменные и археологические источники свидетельствуют, что основой хозяйства носителей пражской культуры были земледелие и животноводство. Палеоботанических исследований проводилось немного; зафиксированы просо (преобладало), несколько видов ячменя и пшеницы, овес, горох, вика, чечевица и др. Железные сельскохозяйственные орудия представлены в основном серпами, реже — косами-горбушами (рис. 5: *35, 36*). Лишь обломок железного предмета из жилища на селище Городок в Среднем Поднестровье (рис. 5: *37*) предположительно отнесен к наральникам[24]. Известны находки каменных жерновов. Судя по остеологическим материалам, на некоторых поселениях в стаде преобладали свиньи, на других — крупный рогатый скот; мелкого рогатого скота хоть и меньше, но он представлен практически везде; в сравнительно небольшом количестве отмечены куры; конских костей немного, что можно объяснить и тем, что лошадей обычно не ели; на некоторых поселениях встречены собачьи и очень редко кошачьи кости.

В Снядине-2 (Белоруссия) открыт центр черной металлургии, включающий печи, ямы, очаги[25]. Тигли, льячки, глиняные, каменные, изредка костяные формочки (рис. 5: *53, 58*; рис. 7: *33—51*) свидетельствуют об обработке цветных металлов на

---

[20] Например: *Баран В. Д.* Пражская культура Поднестровья. С. 40.

[21] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. С. 27.

[22] *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение Тетеревка I. Киев, 1992. С. 12. Рис. 33.

[23] Памятник полностью не опубликован (см.: *Fiedler U.* Studien zu Gräberfelden des 6. bis 9. Jahrhunderts an der untern Donau. T. 1. Bonn, 1992. S. 74—88).

[24] *Винокур И. С., Приходнюк О. М.* Раннеславянское поселение на р. Смотрич // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 237, 239. Рис. 6: 14. Единственный несомненный наральник из слоя селища Бакота-1, фигурирующий в литературе как принадлежащий к пражской культуре, может относиться к культуре Луки-Райковецкой или черняховской, тоже представленным на этом многослойном памятнике.

[25] *Вяргей В. С.* Сучасны стан і праблемы даследавния пражской культуры у Беларусі. С. 19—20.

привозном сырье. С металлообработкой связаны зубила, пробойники, маленькие наковальни и др. Как орудия ремесел могли использовать топоры, пилы, точила, ножи, проколки, лощила и т. п. В ремесле или как предмет личного обихода использовались пинцеты (рис. 5: *38*). На пражских памятниках находят и костяные/роговые трехчастные (то есть с накладками на рукоять) одно- и двусторонние гребни (рис. 5: *30, 39, 44*). Керамические (реже мергелевые) пряслица в основном усеченно-биконической формы (рис. 5: *40, 41, 45, 46, 51, 52, 54—57*) известны практически на каждом широко исследованном поселении, иногда по нескольку в постройке.

Оружие[26] представлено копьями, дротиками, луком со стрелами, колчанным крюком (рис. 5: *6—10, 13—16, 19—26, 28, 32, 33*), что соответствует характеристике основной массы славянского войска по письменным источникам. Как оружие могли использоваться и топоры (рис. 5: *11*). Профессиональное оружие встречается редко, да и по письменным источникам таких воинов у славян были лишь небольшие отряды; некоторые, нанимаясь на византийскую службу, оставались на территории Империи, многие гибли на чужбине, что тоже отразилось на числе находок профессионального оружия на пражских памятниках. Сакс (рис. 5: *17*), найденный в Пржитлуках (Моравия), связан с культурами меровингского круга[27]. Соотносимые со слоем пожара панцирная пластина и трехлопастный наконечник стрелы (срезня?) (рис. 5: *6, 27*) на городище Хотомель (Белоруссия), как и некоторые находки с городища Зимно (рис. 1: 10; рис. 5: *10, 12, 15, 16, 19, 23—26*) со следами разгрома, могли принадлежать нападавшим, впрочем, не исключено, что тоже славянам.

Господствующий тип керамической посуды пражской культуры (ее как бы «визитка») — «стройные» лепные неорнаментированные горшки с расширением в верхней трети высоты (рис. 4: *Б 12—16*). Другие формы малочисленны (рис. 4: *Б 1—4*), однако неправильно все их считать инокультурным влиянием — пражский керамический набор изначально был разнообразнее, чем представлялось ряду исследователей под влиянием работ И. П. Русановой. На некоторых крупных сосудах на шейке встречается валик (рис. 4: *Б 3*). Орнаментировались сосуды очень редко — насечками по венчику, прочерченными линиями и т. п. (см. ниже); единицы — налепами или вдавлениями. В набор керамики входили и «сковороды» (рис. 5: *42, 43*). Импортные сосуды, сделанные на круге, встречаются в основном в Нижнем Подунавье. Не исключено, что часть из них производилась на месте, например, пленными византийцами или некоторыми славянами, перенявшими их навыки. На других землях, кроме востока пражского ареала, распространение круговой посуды — показатель смены пражской культуры.

На ряде памятников, главным образом в восточных областях пражской культуры, встречаются глиняные «хлебцы» (рис. 5: *47—50*), практический смысл которых неясен; иногда контекст их находки указывает на использование в ритуалах[28]. С ритуалами связывают и некоторые изображения на керамических сосудах, «хлебцах», пряслицах (часто кресты — прямые, косые, свастики) — прочерченные или выполненные

[26] Наиболее полный обзор: *Казанский М. М.* Вооружение и конское снаряжение славян V—VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43—96.

[27] *Елинкова Д.* К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: Формирование и особенности // Stratum plus. 2015. № 5. С. 138—140.

[28] *Stanciu I.* Locuirea tritoriului nord-vestic al României între antichitatea târzie şi perioada de început a epocii medieval timpurii (mijlocul sec. V — sec. VII timpuriu). Cluj-Napoca, 2012. P. 260—269; *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. [2-е изд., испр.]. М., 2007. С. 37.

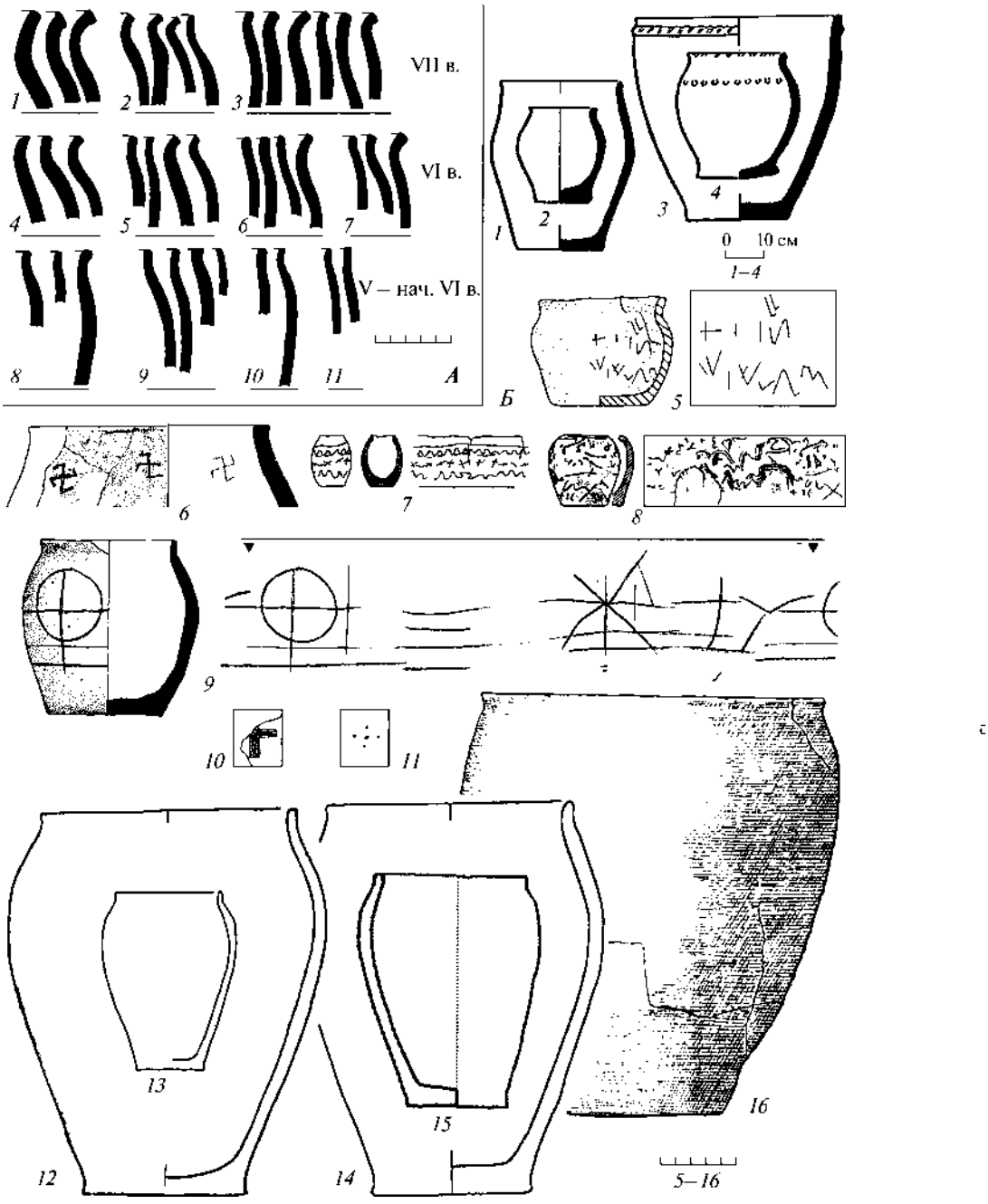


Рис. 4. Пражская культура. Керамические сосуды

А — эволюция наборов венчиков (по: Русанова И. П., 1976); *Б* — формы и изображения: *1—4* — редкие формы (*1*, *3* — Хотомель; *2* — Зимно; *4* — Рипнев-2); *5—11* — образцы изображений (*5* — Прага—Велеславин (погребение?); *6* — Пржитлуки, погр. CCXCIV; *7* — Дулчанка-4, погр. 1; *8* — Ботошана—Сучава, жил. 9; *9* — Намешть-на-Гане; *10* — Брно—Писарок; *11* — Пржитлуки, погр. 149); *12—16* — «классические» формы V — 1-й пол. VI в. из Восточной Волыни (*12* — Корчак-1, жил. 5), Восточного Прикарпатья (*13* — Кодын-1, жил. 26), Западной Словакии (*14* — Силадице—Бодош-1, объект 15), Северо-Западной Румынии (*15* — Лазури — «Луби таг», жил. 11), VII в. Северо-Восточной Германии (*16* — Прютцке, погр. 2)

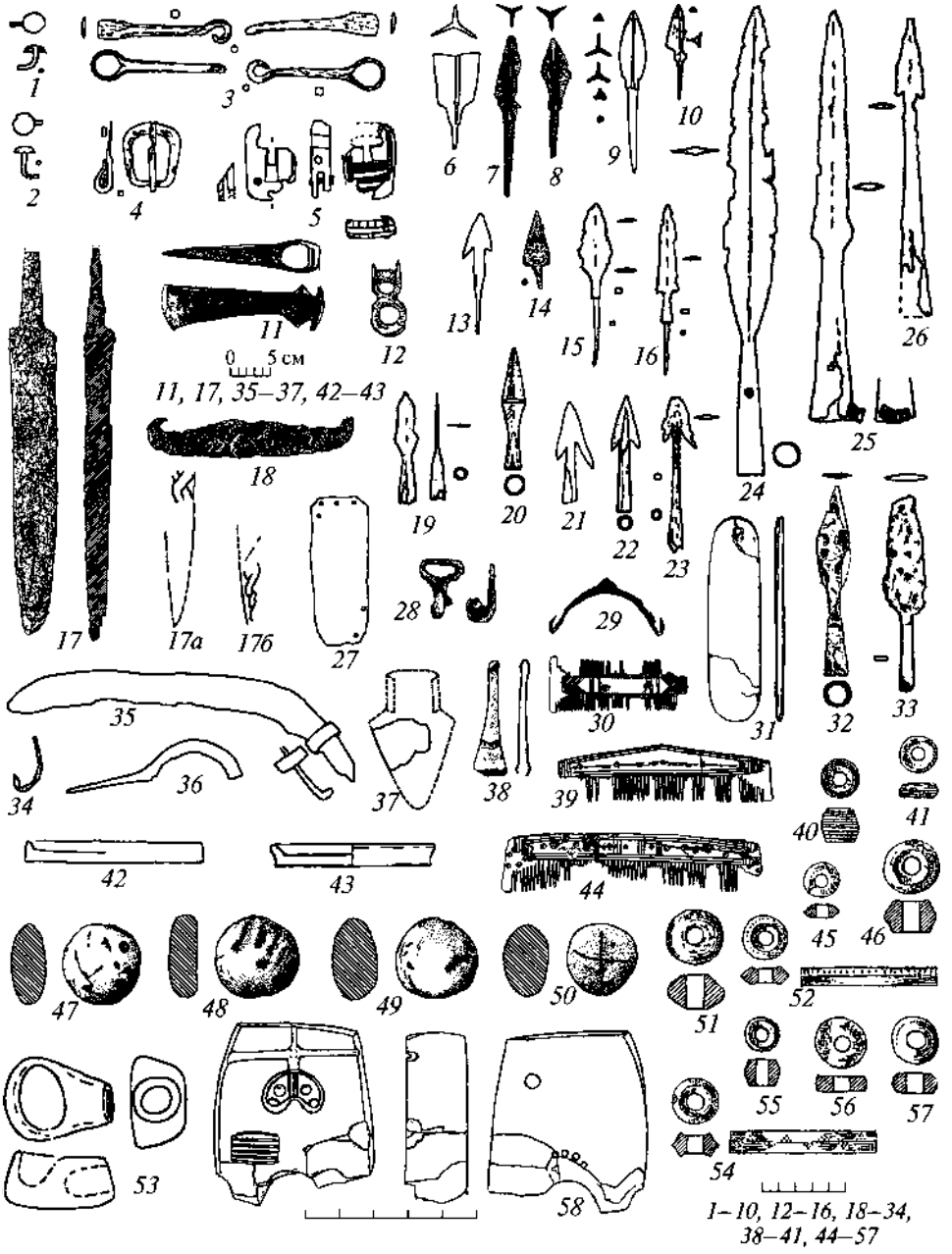


Рис. 5. Пражская культура. Оружие, орудия, бытовые предметы

1—2 — заклепки щита; *3—5* — удила и подпружные пряжки; *6—10, 13—16, 19—26, 32, 33* — варианты наконечников стрел и копий; *11* — топор; *12* — крепежный наконечник ремня; *17* — сакс и детали орнамента на нем; *18* — кресало; *27* — панцирная пластина; *28* — колчанный крюк; *29* — шпора; *30, 39, 44* — типы гребней; *31* — подвесной оселок; *34* — рыболовный крючок; *35* — коса; *36* — серп; *37* — наральник; *38* — пинцет; *40, 41, 45, 46, 51, 52, 54—57* — варианты пряслиц; *42, 43* — сковороды; *47—50* — «хлебцы»; *53, 54* — литейная ложечка и формочка. *1, 2, 38* — бронза; *3, 4, 6—11, 13—29, 32—37* — железо; *5, 12, 30, 39, 44* — кость и рог; *31, 40, 41, 45, 46, 58* — камень; *42, 43, 47—57* — керамика. *1—5* — Клементовичи, курган 21; *6, 13, 21, 27* — Хотомель; *7, 8* — Давидень—Нямц; *9, 31* — Дрезден—Штец, погр. 1; *10, 12, 15, 16, 19, 23—26, 35, 41, 42, 45, 46, 51—58* — Зимно; *11, 34* — Лука-Каветчинская, жил. 27; *14* — Ботошана—Сучава; *17, 18* — Пржитлуки, погр. 114; *20* — Петриков-2; *22* — Камень-6; *28* — Пишколт; *29* — Хачки; *30, 33, 39, 44* — Мутенице, объекты 108, 92, 37, 113; *32* — Бржецлав—Поганьско, погр. 1; *36* — Семенки; *37* — Городок; *38* — Стара-Бржецлав, погр. 17; *42* — Корчак-1, жил. 11; *43, 47—50* — Лазури—«Луби таг» (*43* — жил. 52, *47—50* — жил. 20)

точками композиции[29] (рис. 4: *Б 5—11*; рис. 5: *50, 52, 54*).

Ни в археологических, ни в письменных источниках нет данных о сложных культовых действиях или сооружениях, соотносимых с пражской культурой. Лишь некоторые объекты на поселениях (ритуальная функция могильников очевидна) можно интерпретировать как культовые места[30]. Конечно, их было больше, но зачастую они неотделимы от «обычных» построек, не говоря уже о природных объектах и местах, где следы культов трудноуловимы, а оснований для датировки недостаточно. С культовым центром (возможно, надобщинным) соотносим возникший не позднее VI в. комплекс на вершине горы в Плиснеске («Аленин Парк»)[31] (север Львовской области). Возможно, ритуальными были клады дорогих вещей, синхронизируемые с последними этапами развития пражской культуры или с чуть более поздним временем[32].

Отсутствие погребений по обряду ингумации препятствует реконструкции раннеславянских уборов, однако широко распространенное мнение о его «убогости» не учитывает, что «выпадение» украшений на поселениях, которые (как подавляющее большинство пражских) не погибли внезапно, — большая редкость. На погибшем в пожаре укрепленном поселении в Зимно[33], культовом центре в Плиснеске и т. п. памятниках набор украшений не мал. На селище Давидень (восточные отроги Карпат)[34] только фибул, правда от V до VII в., найдено 11 (рис. 6: *11, 16, 21*; рис. 7: *16, 17, 31*), что намного превосходит обычные выборки с поселенческих памятников даже «богатых» (судя по могильникам) культур. Наконец, в зонах, где, кроме пражских, нет синхронных памятников, много украшений найдено сравнительно недавно с помощью металлодетекторов. Следует отметить, что мы практически не имеем находок деталей уборов из органических материалов.

На фазе 0 в пражской культуре металлические детали уборов[35] представлены фибулами и деталями ременных гарнитур, характерными для соседних (черняховская и др.) культур (рис. 6: *31, 35—37*) и провинциально-римского круга (в том числе железные подражания; рис. 6: *32—34*). В восточных областях пражского ареала известен ряд украшений V в., связанных с дунайскими традициями, в том числе со стилями оседлого населения Гуннской державы эпохи Аттилы, и их дериваты[36] (рис. 6: *21, 27—30*).

---

[29] *Елинкова Д.* К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: Формирование и особенности. С. 129—135; *Stanciu I.* Cross-shaped signs on 6th and 7th centuries pottery // Studia Romana et Mediævalia Europæensia. Bucureşti; Brăila, 2018. P. 307—354.

[30] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. [2-е изд.]. С. 37, 39, 40, 51, 61; *Stanciu I.* Locuirea tritoriului nord-vestic al României între antichitatea târzie şi perioada de început a epocii medieval timpurii (mijlocul sec. V — sec. VII timpuriu). P. 307—309.

[31] *Филипчук М. А.* Попередні результати дослідження культового місця слов'янського часу на території Пліснеського археологічного комплексу в 2009 р. // Вісник Інституту археології. Львівський університет. 2010. Вип. 5. С. 135—169.

[32] *Казанский М. М.* О центрах власти у славян: Днестровские клады VII в. // Петербургский апокриф. СПб.; Кишинев, 2011. С. 509—526.

[33] *Аулін В. В.* Зимневське городище. Київ, 1972.

[34] *Mitrea I.* Comunităţi săteşti la est de Carpaţi în epoca migraţiilor. Aşezarea de la Davideni din secolele V—VII. Piatra Neamţ, 2001.

[35] О многих упоминаемых ниже вещах см.: *Гавритухин И. О.* Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o poszątkach Słowian. Kraków, 2005.

[36] Другие находки см.: *Gavritukhin I.* Brooches of the Levice — Tokari Sub-group // Inter Ambo Maria. Kristiansand; Simferopol, 2013. Fig. 5: 25—28; 6: 6—8; *Гавритухин И. О., Казанский М. М.* О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы: Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь, 2018. Рис. 2: 10, 25, 27, 31, 35; *Гавритухин И. О., Обломский А. М.*

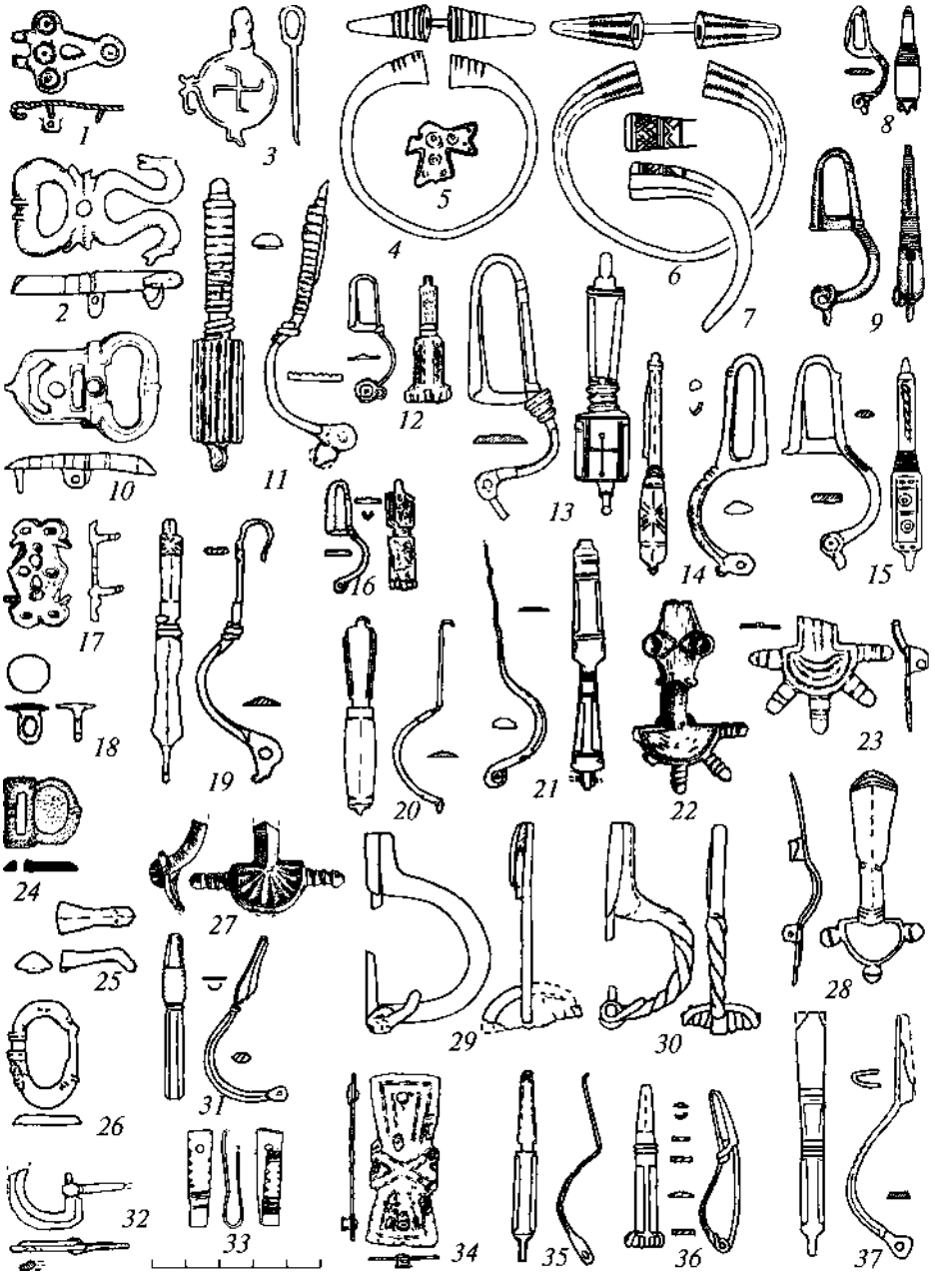


Рис. 6. Пражская культура. Металлические детали убора

1, 2 — сер. VI — 1-я пол. VII в.; *4, 6, 7* — VI — сер. VII в.; *8—10, 12—16* — 2-я четв. VI — нач. VII в.; *11, 17, 19, 20, 22—24* — VI в.; *19, 25, 26* — V—VI вв.; *27* — сер. — 2-я пол. V в.; *28* — 1-я пол. V в.; *29, 30* — V в.; *31, 37* — последние десятилетия IV — первые десятилетия V в.; *32—34* — сер. IV — 1-я пол. V в; *35, 36* — сер. — 2-я пол. IV в. *1* — Додешть—Васлуй, жил. 1/1969; *2* — Мутенице, объект 21; *3, 5, 7* — Рашков-3, жил. 69, 83, 67; *4, 6* — Зимно; *8, 25* — Бухличский хутор; *9* — Сучава—Шипот; *10* — Доланки—Рубин; *11, 16, 18, 21* — Давидень, жил. 31, 72, 48, 16; *12* — Сербский Банат; *13* — Тисасентмартон; *14* — Рипнев; *15* — Черновка; *17* — Кшелы; *19* — Лука-Каветчинская, жил. 27; *20* — окрестности г. Овруч; *22* — Шелиги; *23* — Краков—Нова-Гута-1; *24* — Бэлэнь—Ромэнь, жил. 28; *26* — Хорск, погр. 2; *27* — Вербычна; *28* — Теремцы, жил. 14; *29, 30* — Кодын, жил. 21, 10; *31* — Березец, жил. 2; *32, 33, 35* — Остров; *34* — Снядин-2; *36* — Бернашовка, жил. 20; *37* — Пархомовка, жил. 1

С конца V и на протяжении VI в. многочисленны подвязные (рис. 6: *11—13, 16, 19, 20*) и цельнолитые (рис. 6: *8, 9, 14, 15*) фибулы византийского круга[37], есть связанные с культурами гепидов (рис. 6: *22, 23*) и лангобардов[38]; при этом пряжек и накладок (в основном византийских; рис. 6: *1, 2, 10, 17, 18, 24*), особенно крупных, сравнительно немного. Не позднее VI в. широкое распространение получают изделия из свинцово-оловянистых сплавов, включая многочисленные нашивки. Они быстро разлагаются в почве, но обильно представлены в виде каменных формочек, в том числе уникальным набором из сгоревшей постройки в Бернашовке (около конца VI — начала VII в.)[39] (рис. 3: *3*; рис. 7: *33—51*), где есть формы для нашивок и подвесок, для изделий, характерных для культур восточноевропейского степного (так называемого шиповского) круга (рис. 7: *43—45*), и для пальчатых фибул (рис. 7: *51*).

После 568 г. прослеживается влияние культуры Аварского каганата, в ряде случаев бывшего передатчиком византийских влияний[40], которые не переставали идти и напрямую с Балкан. Представлены как привозные образцы, так и местные имитации таких изделий (рис. 6: *1—3, 5*; рис. 7: *1—3, 8, 9, 18, 25, 26, 28—30*). Тогда же получают распространение подвески из тонких пластин (рис. 7: *7, 32*), украшенные вдавлениями (в основном полосы и более сложные композиции из точек). Среди них — маленькие трапециевидные (рис. 7: *7*), связанные с традициями лесной зоны Восточной Европы (наиболее ранние — из бассейна Оки), входившие в нагрудные и головные уборы[41]. С конца VI или начала VII в. основным типом фибул становятся маленькие пальчатые днестро-дунайской подгруппы (славянские группы I по Й. Вернеру) (рис. 7: *10, 14—16, 22—24, 31, 51*); есть и локальные переработки гепидских образцов (рис. 7: *27*). Уникален найденный на городище Зимно набор для изготовления ременных накладок (рис. 7: *9, 13, 20, 21, 25*), аналогии которым известны от Италии и Подунавья до восточноевропейской лесостепи и степи. В основном на западе получают распространение украшения, связанные с культурами меровингского круга (рис. 7: *6, 11, 12*), на северо-западе — балтийского круга (рис. 7: *4, 5*).

Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 23. Симферополь, 2018. Рис. 14: 6; 19: 4, 5.

[37] *Гавритухин И. О.* Византийские влияния на восточноевропейские народы славянского и тюркского круга в VI—VII вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 15—18.

[38] *Гавритухин И. О.* Пальчатая фибула потисского круга из Юго-Западной России // Relationes rerum: Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére. Budapest, 2018. Рис. 1: 15, 16; *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж. Рис. 19: 1—3, 6—7.

[39] *Винокур І. С.* Слов'яньски ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський, 1997; *Щеглова О. А.* Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI—VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 39—65; *Szmoneiewski B. S.* Un moule d'orfèvre de la période romano-byzantine découvert à lacité de Tropaeum Traiani (Adamclisi, dép. Constanţa) // Pontica. 2017. Vol. 50. P. 279—305.

[40] Например, на земли современной Чехии: *Profantová N.* Bronzefunde des 7. Jahrhunderts aus Městec Králové, Bez. Nymburk, Böhmen // "Castellum, Civitas, Urbs". Zentren und Eliten in Frühmittelalterlichen Ostmitteleuropa. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden (Westf.), 2015. S. 248—263.

[41] *Гавритухин И. О.* Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарічна-археалагічный сборнік. Менск, 1997. № 12. С. 43—58; *Елинкова Д.* К изучению женских украшений из могильника с трупосожжениями Пржитлуки культуры с керамикой пражского типа // Древности. Исследования. Проблемы: Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. С. 389—399.

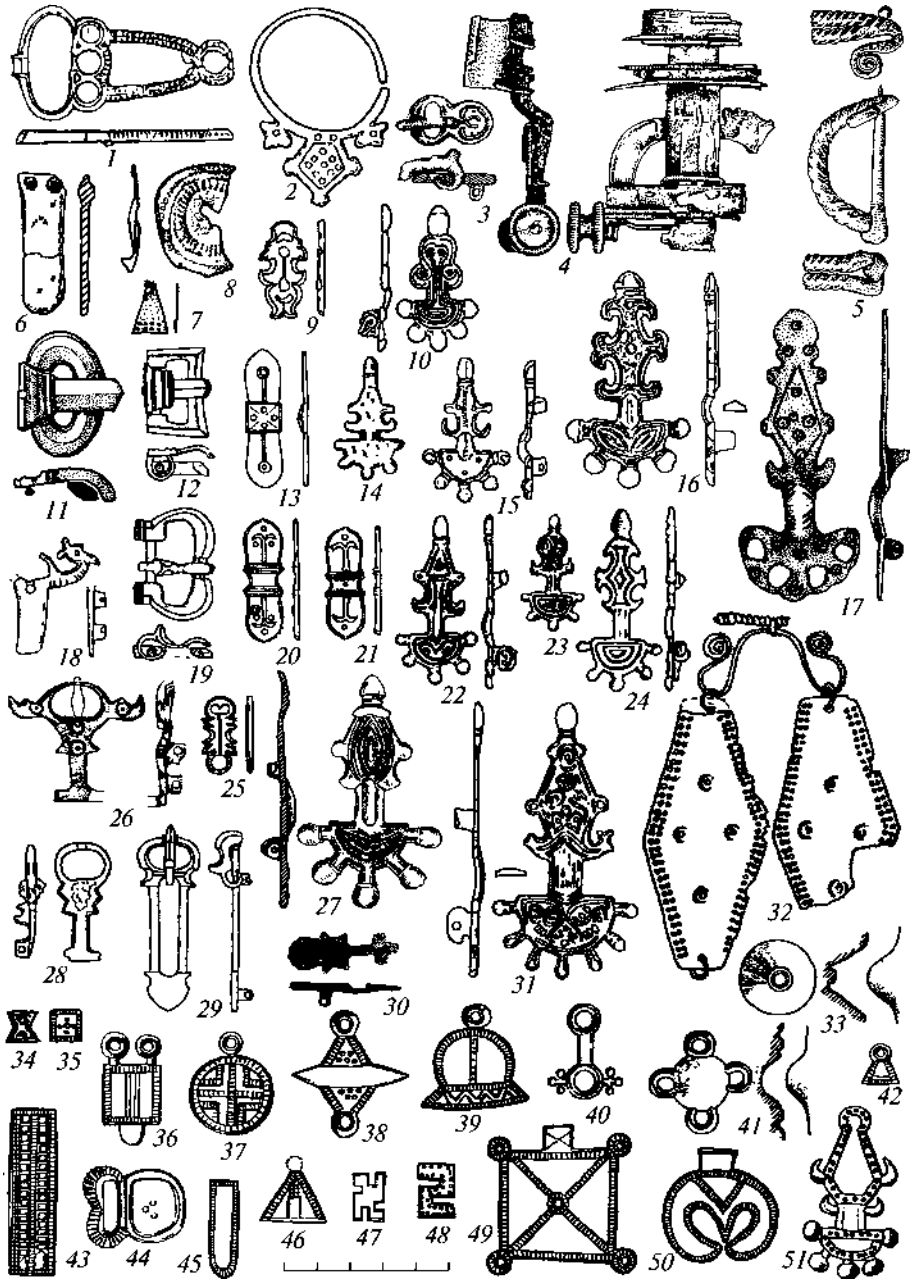


Рис. 7. Металлические детали убора в пражской и связанных с ней культурах

1, 2 — сер. VII — 1-я треть VIII в.; *3, 6, 8, 18* — 2-я четв. — кон. VII в.; *4* — 2-я пол. VII — 1-я пол. VIII в.; *5* — кон. VII — 1-я пол. VIII в.; *7, 10, 14—17, 22—24, 27—32* — кон. VI—VII в.; *9, 13, 20, 21, 25, 26, 28* — 1-я пол. — сер. VII в.; *11, 12, 19, 29, 30* — 2-я пол. VI — сер. VII в.; *33—51* — ок. кон. VI — нач. VII в. *1* — Снядин-2; *2* — Семенки,постр. VI *3* — Ботошана—Сучава, жил. 28; *4* — Прютцке, погр. 2; *5* — Бенцин, объект 1983 г.; *6* — Ростоки, объект 669; *7, 8* — Краков—Нова-Гута-62А, яма 45; *9, 12, 13, 19—21, 25, 29* — Зимно; *10* — Великая Слобода, жил. 63; *11* — Голубице; *14* — Сучава—Шипот, постр. 3/1959; *15, 28* — Рашков-3, жил. 76 и слой; *16, 17, 31* — Давидень, жил. 58, 41, 79; *18* — Самчинцы; *22* — Ханска, жил. 14/1965; *23* — Черновка-1, жил. 5; *24* — Демьянов, жил. 1; *26* — Хайдунаш—Верештенгерьящ, жил. 1; *27* — Ясы—Кручеа-луй-Ференц, жил. 1/1964; *30* — Плиснеск; *32* — Шелиги; *33—51* — Бернашовка, жил. 36

С V—VI вв. широко распространены браслеты, нередко — с расширенными, в том числе разнообразно орнаментированными, концами (рис. 6: *4, 6—7*); их отсутствие на фазе 0 объяснимо малым числом датированных комплексов этого времени. Большинство украшений найдено в подунайских и прикарпатских частях пражской культуры, ближе к зонам контактов с византийской и другими «богатыми» южными культурами. В ареал пражской культуры почти не попадали изделия, представленные в кладах круга Мартыновского (рис. 7: *17* — среди исключений), характерные в VII в. для родственных пражской соседних пеньковской и колочинской культур, а также из активно контактировавшего с ними Крыма.

В плане изучения общественных отношений данные о пражской культуре вполне корреспондируют со сведениями письменных источников. В целом общество носителей пражской культуры предстает как весьма однородное. Небольшие поселения или группы усадеб сопоставимы с большой (патриархальной) семьей, «гнезда» поселков — с общинами, скорее всего соседскими[42]. Рабы и другие группы зависимых людей отличались главным образом правовым статусом и мало выделялись на фоне свободных общинников в хозяйственно-бытовом отношении. Попытки вычленить на археологическом материале более богатые дома по наличию единичных импортных или т. п. вещей и связать с ними некий особый статус не получили признания у широкого круга специалистов. Речь может идти о разной степени зажиточности семей, следует учитывать и разную сохранность комплексов даже на одном памятнике. Наличие вождей[43] и специальных воинских отрядов (см. выше об оружии) отражает высокую военную активность славян в эпоху их расселения, оно не вызвало перестройки «толщи» народной жизни.

На западе памятники поздних пражских традиций фиксируют границу славянского продвижения (хотя инфильтрация групп славян еще западнее прослеживается и позднее) и начало активного взаимодействия с культурами меровингского (потом каролингского) круга. На северо-западе предел продвижению славян положило Балтийское море и массив балтского населения; здесь славяне включаются в круг циркумбалтийских процессов вендельской, затем викингской эпохи. Активные контакты с Аварским каганатом, нарастающие с последней трети VII в., отмечены по Эльбе (до земель Мекленбурга), Висле (на большей части территории Польши), не говоря уже о Среднем Подунавье. На юге славяне, осваивая огромные территории, быстро утрачивали многие стороны «дедовских» (пражских) традиций материальной культуры, чему способствовала и «реконкиста» на Балканах Византии, оправившейся после арабского натиска середины VII в. и реформировавшей свою военно-политическую систему с учетом и «славянского фактора». На востоке и северо-востоке наблюдается распространение традиций, восходящих к пражской культуре, в район правых притоков Днепра Роси и Тясмина, на Днепровское Левобережье (до Северского Донца) и в Верхнее Поднепровье, что приводит к смене здесь археологических культур. Это явление объяснимо экспансией групп славян на земли сородичей. В итоге огромный регион пражской культуры распадается и в нем формируются новые культурные образования, хотя взаимная «проницаемость» их среды и контакты (иногда весьма дальние) продолжаются, что оказало влияние на развитие славянского мира в раннем Средневековье.

---

[42] Обсуждение вариантов реконструкций см.: *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990.

[43] См. обзор: *Казанский М. М.* О центрах власти у славян: Днестровские клады VII в.

Пеньковская и колочинская культуры

Пеньковская культура. Ареал пеньковской культуры V—VII вв. охватывает южную часть лесостепной зоны Восточной Европы от Оскола на востоке до Прута на западе. На юг пеньковские памятники распространяются до границы лесостепи и степи, и только в долине Днепра они локализуются и южнее — до порогов. На Балканах пеньковские материалы известны в основном в Нижнем Подунавье (рис. 8, 9). По современным данным, пеньковская культура датируется второй четвертью V — третьей четвертью/концом VII в.

Изучение культуры началось с исследования группы памятников у села Пеньковки Д. Т. Березовцом в 1956—1959 гг.[44] Последующая историография пеньковской культуры достаточно обширна[45].

Подавляющее большинство пеньковских поселений представляют собой селища. Известны всего три городища: Будищи, Бучак, а также Селиште в Молдавии (наличие здесь укреплений раннеславянского времени — предмет дискуссий). В ареале пеньковской культуры находится и Пастырское городище, население которого также было раннеславянским, но в этнокультурном отношении отличалось от пеньковского. Планировка пеньковских поселений — усадебная. Ядром таких усадеб могли быть от одного до трех жилищ. По всей видимости, усадьбы принадлежали малым и большим семьям. Жилища представляли собой прямоугольные полуземлянки, как правило, с открытыми очагами (рис. 10: *1—4*). Значительно реже встречаются печи, появление которых большинство исследователей связывают с влиянием пражской культуры. На некоторых поселениях встречены овальные и круглые постройки, в которых видят остатки юртообразных жилищ[46] (рис. 10: *5, 6*).

Основой сельского хозяйства населения пеньковской культуры были земледелие и животноводство. Отпечатки зерен на поверхности лепных сосудов свидетельствуют о том, что возделывали просо, ячмень (пленчатый и голозерный), рожь, четыре вида пшеницы (карликовую, карликовую мягкую, мягкую, двузернянку), овес и коноплю. Для обработки почвы применялись пахотные орудия с железными наральниками и чересламі. Использовались также мотыжки с железными втульчатыми насадками. Земледелие пеньковского населения реконструируется как пашенное, допускается также обработка пойменных участков. Для сбора урожая применялись серпы и

---

[44] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на Тясмине // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 145—208. (МИА; № 108).

[45] *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 136—157; *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 181—183; *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975. С. 69—103; *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура: Культурно-археологический аспект исследования. Воронеж, 1998; *Він же.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII—IX ст. Київ, 1980; *Він же.* Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.: Культура пражского типа. М., 1976. С. 85—112; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 79—90, 111—127; *Обломский А. М.* Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти I тыс. н. э. Пеньковская культура // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 108—111. (Раннеславянский мир; Вып. 3); *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Славянское поселение и кочевнический могильник V—VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1. С. 5—16.

[46] *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура: Культурно-археологический аспект исследования. С. 22—26; *Обломский А. М.* Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти I тыс. н. э. Пеньковская культура. С. 114—115.

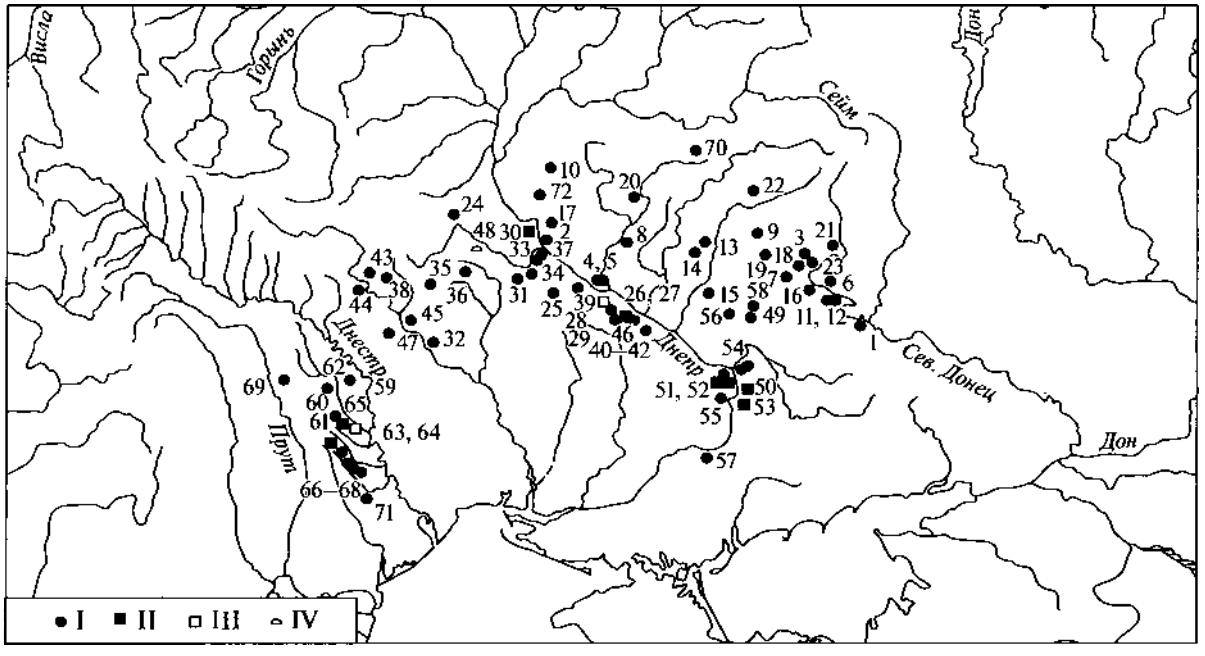


Рис. 8. Памятники пеньковской культуры, исследованные раскопками

I — селища; II — городища; III — грунтовые могильники; IV — курганный могильник.1 — Богородичное; 2 — Домантово; 3 — Донецкое городище (Харьков); 4, 5 — Жовнино; 6 — Задонецкое; 7 — Занки; 8 — Засулье; 9 — Зубовка; 10 — Корнеевка; 11, 12 — Нижний Бишкинь; 13 — Полузорье I; 14 — Полтавцы; 15 — Прогресс; 16 — Сухая Гомольша; 17 — Сушки; 18 — Тимченки; 19 — Феськи-3; 20 — Хитцы; 21 — Пятницкое-1; 22 — Рябовка-3; 23 — Мохнач-II; 24 — Белая Церковь; 25 — Беляевка; 26, 27 — Великая (Большая) Андрусовка; 28, 29 — Будище; 30 — Бучак (Лысуха); 31 — Вильховчик; 32 — Гайворон; 33 — Гута Михайловская; 34 — Завадовка; 35 — Кальник; 36 — Кочубеевка; 37 — Крещатик; 38 — Куня; 39 — Новоселица; 40—42 — Пеньковка (Молочарня, Луг-I, Луг-II); 43 — Самчинцы; 44 — Семенки; 45 — Скибинцы; 46 — Стецовка; 47 — Тростянец; 48 — Тараща; 49 — Богатое; 50 — Васильевка (о-в Кизлевый); 51, 52 — Волошское (Сурская Забора, о-в Сурской); 53 — Запорожец; 54 — Игрень (Подкова); 55 — Майорка; 56 — Осиповка (Пляж); 57 — Скельки; 58 — Чернеччина; 59 — Алчедар; 60, 61 — Данчены; 62 — Реча; 63, 64 — Селиште; 65 — Старый Орхей; 66—68 — Ханска; 69 — Шептебань; 70 — Большие Будки (Хутор); 71 — Хуча; 72 — Соснова; 73 — Хлопков 2

косы-горбуши, для его переработки — зернотерки и ручные мельницы из двух жерновов[47].

На всех пеньковских памятниках, остеологические коллекции которых изучены, преобладают кости домашних животных (80—85 %). Из них по количеству на первом месте находятся кости крупного рогатого скота, на втором — свиньи, на третьем — лошади, на четвертом — мелкого рогатого скота. В целом скотоводство характеризуется как мясо-молочное, приселищное, то есть скот содержался на поселениях и периодически выпасался на лугах речных долин, к которым приурочено большинство пеньковских селищ[48].

Известны специализированные ремесленные центры (Гайворон, Канцерка, Мачухи, Пастырское), где производились железо и гончарная керамика северокавказского и

[47] *Любичев М. В.* Земледелие славян Днепро-Донецкого междуречья в третьей четверти I тыс. н. э. // Вісник Харьківського державного університету. Історія. 1997. Вип. 29. С. 37—44; *Горбаненко С. А.* Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. Київ, 2007. С. 38—64; *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура: Культурно-археологический аспект исследования. С. 37.

[48] *Горбаненко С. А.* Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. С. 72—78.

Рис. 9. Памятники пеньковского типа на Балканах

1 — Овидиу; 2 — Халмир; 3 — Берое; 4 — Новиодун; 5 — Голеш; 6 — Нова Черна; 7 — Диногеция; 8 — Бабадаг-Топрайкёй; 9 — Козлодуй; 10 — Царичин-град

дунайского происхождения (рис. 11). Имеются данные о наличии специализированного ювелирного и кузнечного ремесел[49]. Гайворон представлял собой центр по производству черного металла. Ткачество, обработка кости и рога являлись домашними промыслами.

Население всех ремесленных центров, изготавливавших гончарную керамику на территории пеньковской культуры (Мачухи, Канцерка, Пастырское), не имело местных корней. Сама же их продукция была рассчитана не только на славянское население. По крайней мере это справедливо

[49] *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура: Культурно-археологический аспект исследования. С. 28, 35.

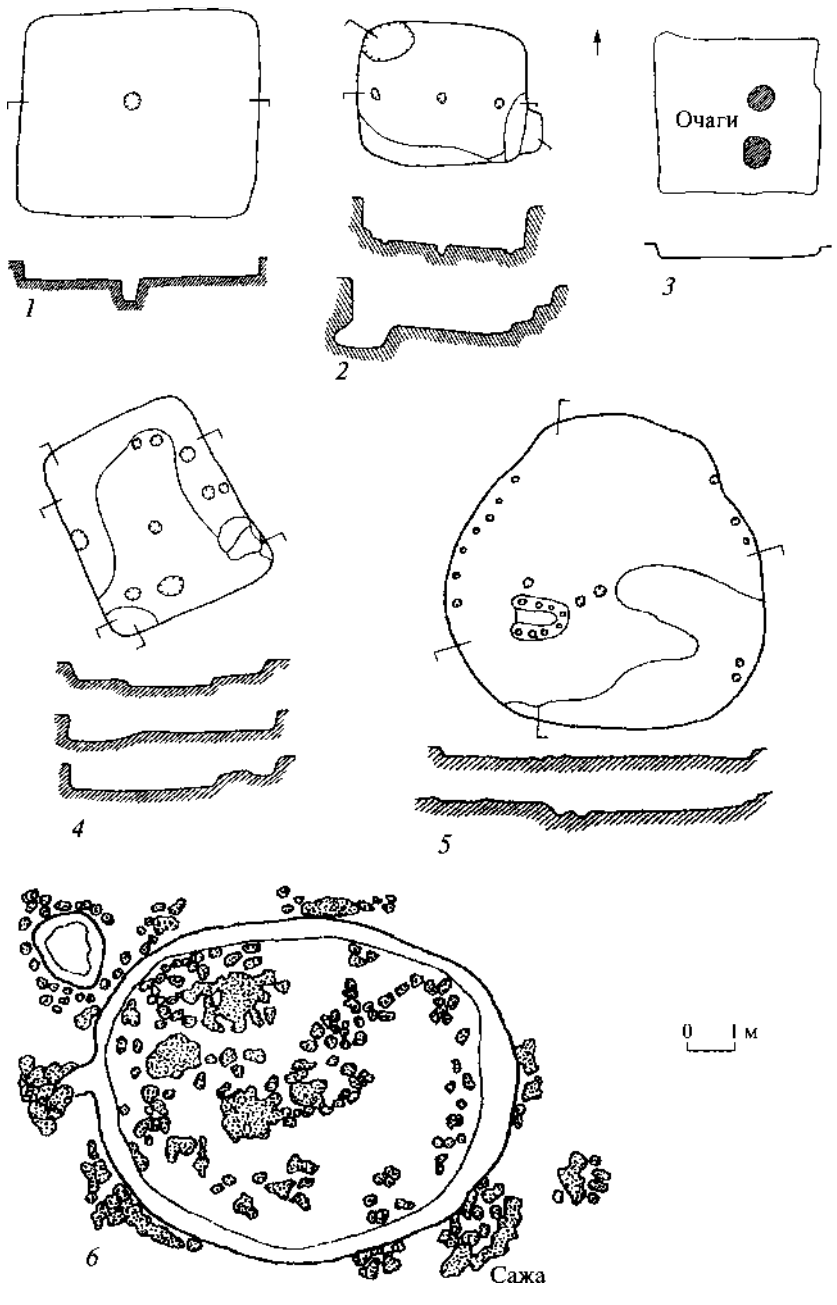


Рис. 10. Жилища пеньковской культуры

1 — Богородичное, 5; *2* — Беляевка, 3; *3* — Волошское; *4* — Чернеччина, 2; *5* — Чернеччина, 3; *6* — Стецовка, 8

для первых двух памятников. Активными потребителями канцерской керамики были кочевники.

Могильники пеньковской культуры — грунтовые. Известен лишь один памятник с курганными насыпями (Тараща). Господствующий обряд захоронения — трупосожжение «на стороне». Сожженные кости ссыпались либо в урну, либо непосредственно в яму. На территории Днепровского

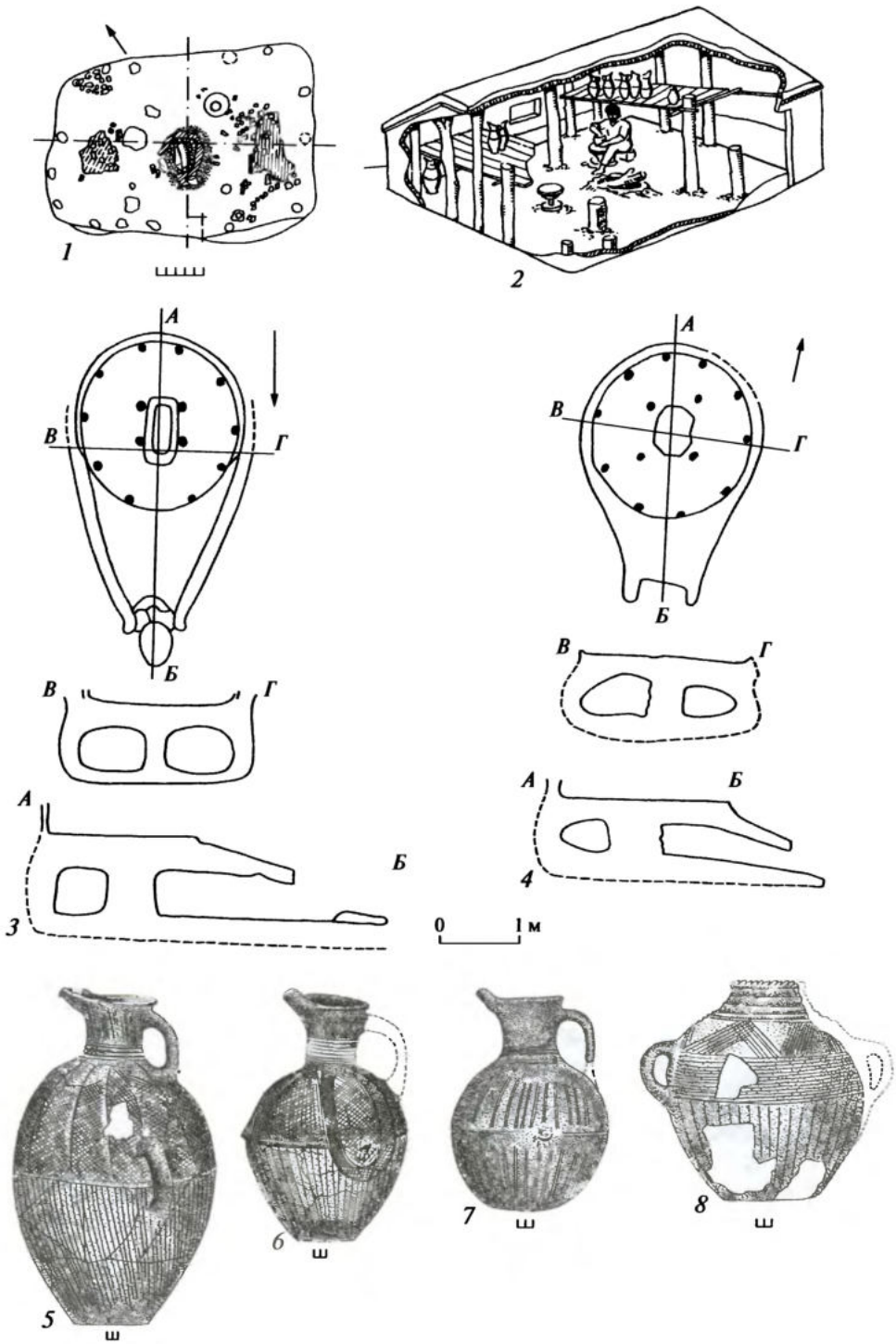


Рис. 11. Балка Канцерка. Мастерская гончара, горны, образцы продукции

1, 2 — план и реконструкция мастерской 7 (по: Сміленко А. Т., 1975); *3* — горн 18; *4* — горн 13; *5—8* — гончарная керамика

лесостепного Левобережья, в Надпорожье, Среднем Поднепровье и Молдавии известны отдельные трупоположения с пеньковскими вещами. Исследователи видят в части из них захоронения остатков германского населения позднеримской эпохи, другие погребения связывают с проникновением на север кочевников[50].

На памятниках пеньковской культуры резко преобладает лепная керамика, иногда изготовленная с применением поворотных столиков, отпечатки осей которых видны на днищах горшков. Набор форм лепных сосудов послужил основой для выделения пеньковской культуры. Вся пеньковская посуда делится на несколько функциональных категорий: горшки и корчаги (рис. 12: *1—18, 21*), миски (рис. 12: *19, 20, 22—24*), плоские диски и сковороды с отогнутыми вверх бортиками (рис. 12: *26, 27*), а также миниатюрные сосуды (рис. 12: *29*). Спецификой керамического комплекса пеньковской культуры является широкое распространение биконических сосудов, которые преобладают над округлобокими на территории Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья.

В керамическом тесте содержится примесь шамота (преимущественно), реже — дресвы, слюды или песка. Как правило, пеньковская керамика не имеет орнаментации. В виде исключения встречаются насечки на венчиках горшков (иногда крестообразные, нанесенные ножом) или рельефные налепы (горизонтальные валики под венчиками сосудов, вертикальные «дольковидные», в виде полумесяца или шишечек) (рис. 12: *10*).

Кроме лепной керамики в ранних объектах пеньковской культуры обнаружены обломки черняховских гончарных сосудов, в поздних — канцерских, пастырских и фрагменты раннесредневековых амфор[51].

На памятниках встречаются также бытовые предметы, детали вооружения и конского снаряжения, украшения, включая пальчатые и другие фибулы, ременная гарнитура[52].

В Поднепровье на территории пеньковской культуры найдена серия так называемых кладов древностей антов (или днепровских «мартыновского» круга) ранней группы (Нижняя Сыроватка, Смородинó, Козиевка / Новая Одесса, Цепляево Первое, Колосково, Малый Ржавец, Мартыновка, Полтава, Хитцы и др., возможно, Блажки и Углы). Только один из них прямо связан с пеньковским поселением — клад из Вильховчика, состоящий из поясного набора «геральдического» стиля[53] (рис. 13).

Эти клады ярко демонстрируют женский и мужской убор населения Поднепровья

---

[50] *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура. Культурно-археологический аспект исследования. С. 28—30; *Романюк В. В.* Розкопки курганів пеньківської культури на околиці м. Тараща // Археологічні відкриття в Україні 1998—1999 рр. Київ, 1999. С. 143—144; *Синиця Е. В.* Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пеньківської культури // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 98—110.

[51] *Обломский А. М.* Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти I тыс. н. э. Пеньковская культура. С. 111—114.

[52] *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура: Культурно-археологический аспект исследования. С. 36—39; *Родинкова В. Е.* Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 158—161.

[53] *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII—IX ст. С. 129. Рис. 19, 61; *Гавритухин И. О., Щеглова О. А.* Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 53—57; *Володарець-Урбанович Я. В., Сидоренко О. В.* Про обстеження місця знахідки Хитцівського («Лубенського») скарбу // Старожитності Посулля. Київ, 2016. С. 119—132; *Супруненко О. Б., Володарець-Урбанович Я. В., Пуголовок Ю. О.* Комплекс кола «Мартинівки» з Полтави (Полтавський скарб 2014 р.) // In Sclavenia terra. Вип. 1. Київ, 2016. С. 91—131.

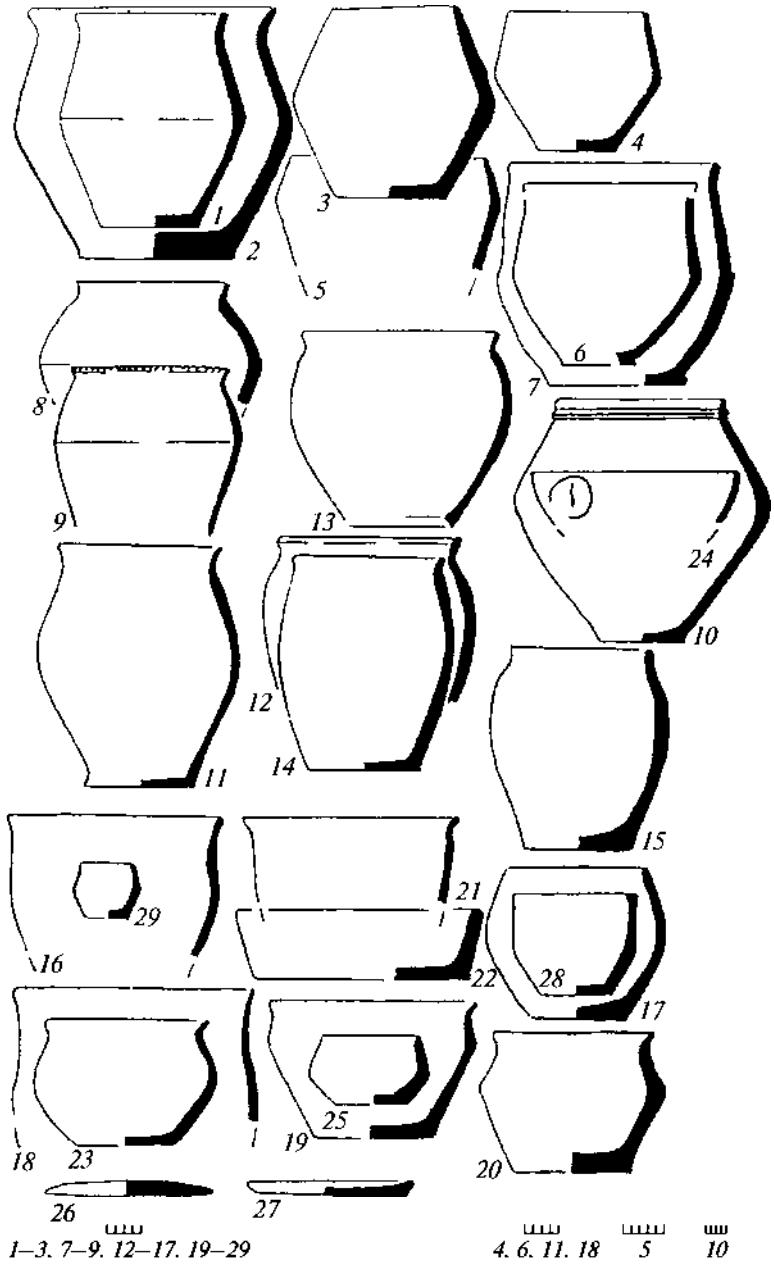


Рис. 12. Образцы лепных сосудов пеньковской культуры

1, 4—8, 13, 14, 17—19, 22, 24, 26—29 — Хитцы; *2* — Луг-1; *3, 15* — Крещатик; *9* — Осиповка (Пляж); *10, 20* — Кочубеевка; *11* — Белая Церковь; *12, 16* — Жовнино; *23* — Волошское; *25* — Большая Андрусовка

второй — третьей четверти VII в.[54] (рис. 14). Аналогичные изделия встречены и на памятниках колочинской культуры.

По происхождению пеньковская культура связана с поздними памятниками киевской культуры Среднего Поднепровья и

[54] *Обломский А. М., Родинкова В. Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э.: Хронология событий // КСИА. 2015. Вып. 235. С. 388—390.

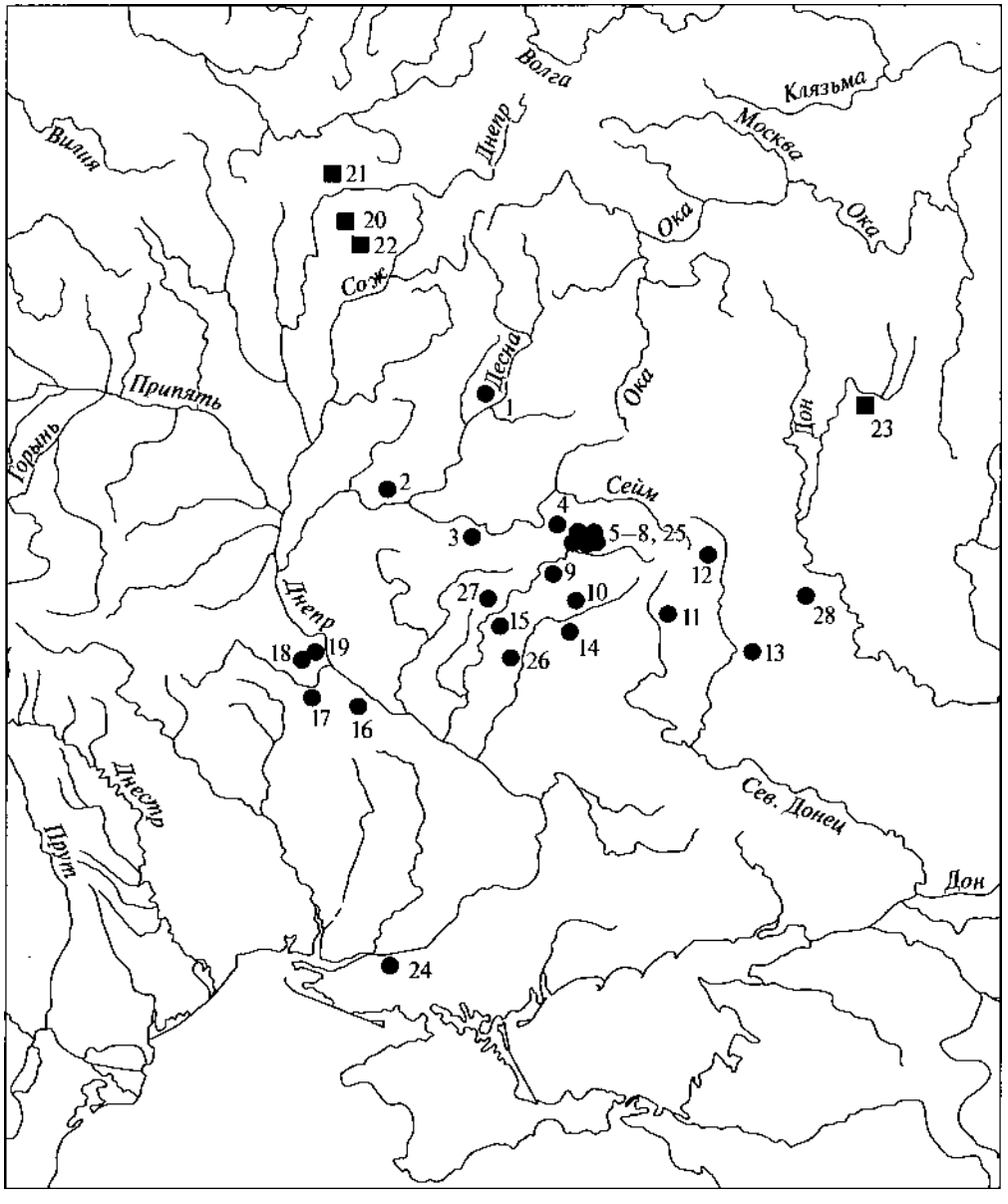


Рис. 13. Карта днепровских раннесредневековых кладов I (ранней) группы

I (кружки) — клады I группы; II (квадраты) — сгоревшие в VII в. поселения колочинской культуры и верхневоронежской группы. 1 — Трубчевск; 2 — Мена; 3 — Шевченково; 4 — Гапоново; 5 — Куриловка; 6 — Суджа-Замостье; 7 — Суджа (1947 г.); 8 — Черкасская Конопелька; 9 — Нижняя Сыроватка; 10 — Смородино; 11 — Цепляево Первое; 12 — Углы; 13 — Колосково; 14 — Козиевка/Новая Одесса; 15 — Блажки; 16 — Хацки; 17 — Вильховчик; 18 — Малый Ржавец; 19 — Мартыновка; 20 — Вежки; 21 — Черкасово; 22 — Никодимово; 23 — Кривец-4; 24 — Правые Солонцы; 25 — Большие Будки; 26 — Полтава; 27 — Хитцы; 28 — Караяшник (Острогожск)

черняховскими древностями киевской традиции, то есть того раннеславянского населения, которое было включено в состав черняховской культуры. Отдельные группы киевского населения в период формирования пеньковской культуры проникли на юг из лесного Поднепровья — Подесенья. В отношении этноса пеньковской культуры большинство исследователей единодушны. Ее территория совпадает с обобщенно

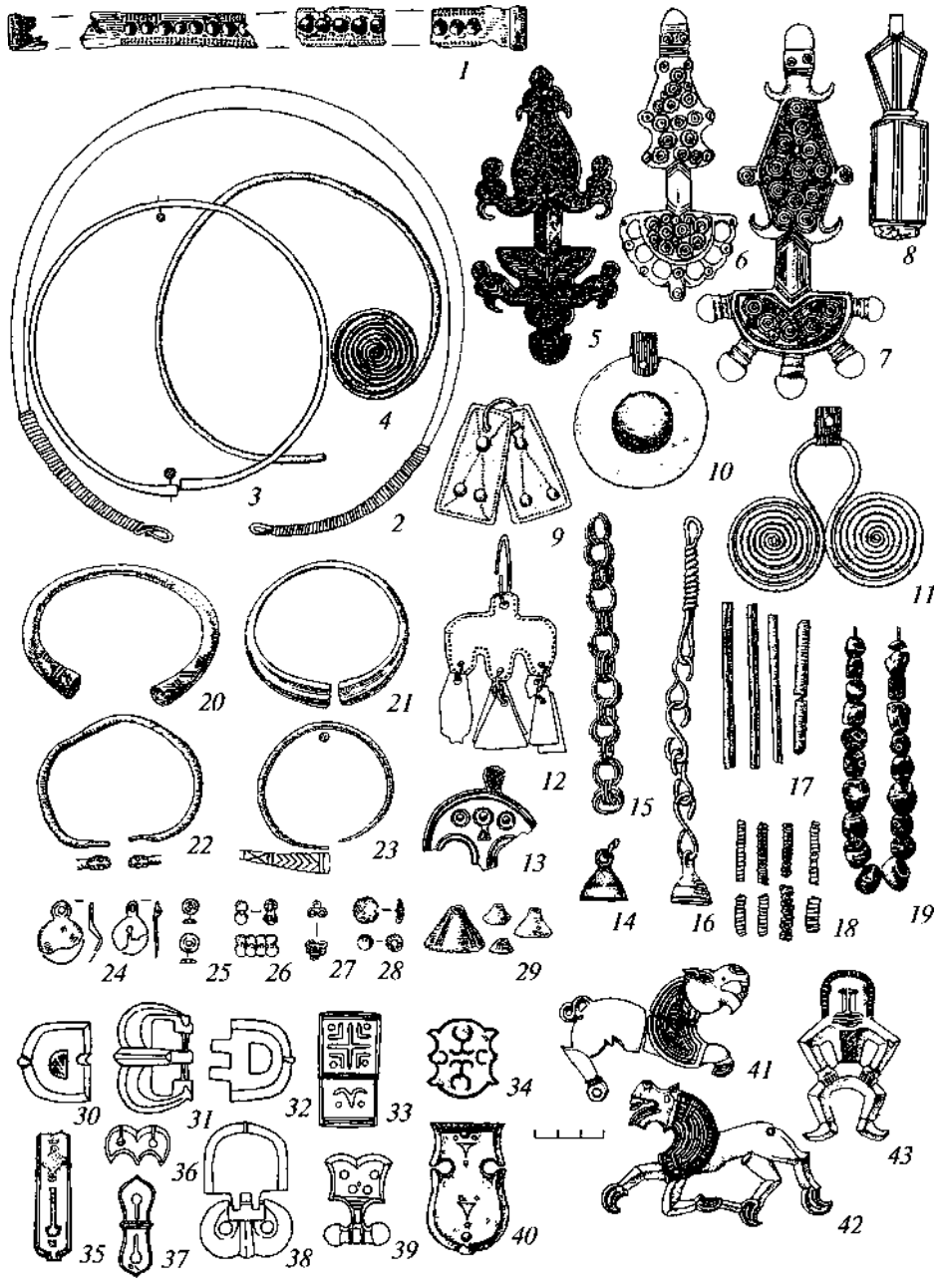


Рис. 14. Основные типы вещей из днепровских раннесредневековых кладов I группы

1, 12, 13, 15, 17, 19, 22, 26—29 — Козиевка/Новая Одесса; *2, 9—11, 16* — Суджа (1947 г.); *3, 8, 18, 24, 25, 30—33, 36—39* — Гапоново; *4* — Малый Ржавец; *5, 21, 34, 40—43* — Мартыновка; *6* — Трубчевск; *7, 14, 35* — Куриловка; *20* — Мена; *23* — Колосково (по: Родинкова В. Е., 1996. С. 155—162; Родинкова В. Е., 2010. С. 78—87 и др.)

взятым ареалом антов, которые историкам VI в. Прокопию Кесарийскому и Иордану известны от Подунавья до Танаиса. Проникновение носителей пеньковской культуры на Балканы также соответствует сведениям письменных источников. Мнение о принадлежности пеньковских памятников кочевникам-кутригурам (М. И. Артамонов)

после работ о сельском хозяйстве пеньковского населения, которое базировалось на земледелии и приселищном скотоводстве, сейчас представляет лишь историографический интерес[55].

Колочинская культура. Колочинская культура датируется второй четвертью V — третьей четвертью/концом VII в. На севере ее ареал охватывает лесную часть Поднепровья почти до истоков Днепра, Посожье, Подесенье, нижнее течение Березины, на юге — северную часть Днепровского лесостепного Левобережья, включая Посеймье, верховья Псла и Ворсклы. Известны памятники колочинской культуры и на Северском Донце. Сравнительно недавно они обнаружены в Верхнем Поочье. По современным данным, из сплошного ареала колочинской культуры происходили периодические «выплески» населения в нескольких направлениях: на северо-восток в район истоков Днепра и прилегающей части Западного Подвинья, на восток в верховья реки Воронеж, на юго-запад в Среднее Поднепровье. В южную часть колочинского ареала (вплоть до Среднего Подесенья) проникали небольшие группировки с территории пеньковской культуры (рис. 15).

К концу 1980-х гг. оформились три основные концепции: колочинская культура принадлежала славянам (Э. А. Сымонович, В. Н. Даниленко, П. Н. Третьяков, Е. А. Горюнов, Л. Д. Поболь, В. Д. Баран, К. Годловский), балтам (В. В. Седов, И. П. Русанова, А. Г. Митрофанов), какому-то народу или группе народов «между славянами и балтами» (М. Б. Щукин, Д. А. Мачинский, Г. С. Лебедев).

Большинство из известных поселений представляет собой селища. Достоверные укрепления раннего Средневековья зафиксированы на девяти городищах (Колочин-1, Кисели, Черкасово, Никодимово, Вежки, Близнаки, Демидовка, Акатово, Могилёв-Змеёвка). Преобладают небольшие поселения площадью до 0,7 га, более крупные (до 2 га) редки. Селища чаще всего размещаются на сниженных участках речных долин (высокая пойма, первая надпойменная терраса, останцы, в том числе и дюны, в пойме), расположены, как правило, сгустками по 5—8 поселений (так называемыми гнездами), отделенными друг от друга сравнительно большими пространствами.

На селищах исследованы жилища, хозяйственные ямы, находящиеся вне жилищ очаги (так называемые выносные) и отдельные хозяйственные постройки. Все жилища представляют собой полуземлянки (рис. 16). Практически все исследователи, занимавшиеся изучением колочинских жилищ, отмечали, что стандартные раннесредневековые прямоугольные и квадратные полуземлянки со стенами срубной и каркасной конструкции, открытыми очагами, опорными центральными столбами кровли имеют прототипы в домостроительстве позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и киевской культуры лесостепи и юга лесной зоны[56].

Городища обычно занимают возвышенные мысы коренных берегов рек, образованные оврагами. С напольной стороны городища укреплены валами (от одного до трех) и рвами. Валы, кроме того, могут быть в мысовой части и по периметру площадки. В Никодимово внутренняя площад-

[55] *Обломский А. М.* Культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в третьей четверти I тыс. н. э. Пеньковская культура. С. 110, 116; *Он же.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в. н. э.). М., 2002. С. 75—80. (Раннеславянский мир; Вып. 5).

[56] *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 55—63; *Он же.* По следам древних славянских племен. Л., 1982. С. 74—79; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. С. 23—29; *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984. С. 62, 63.

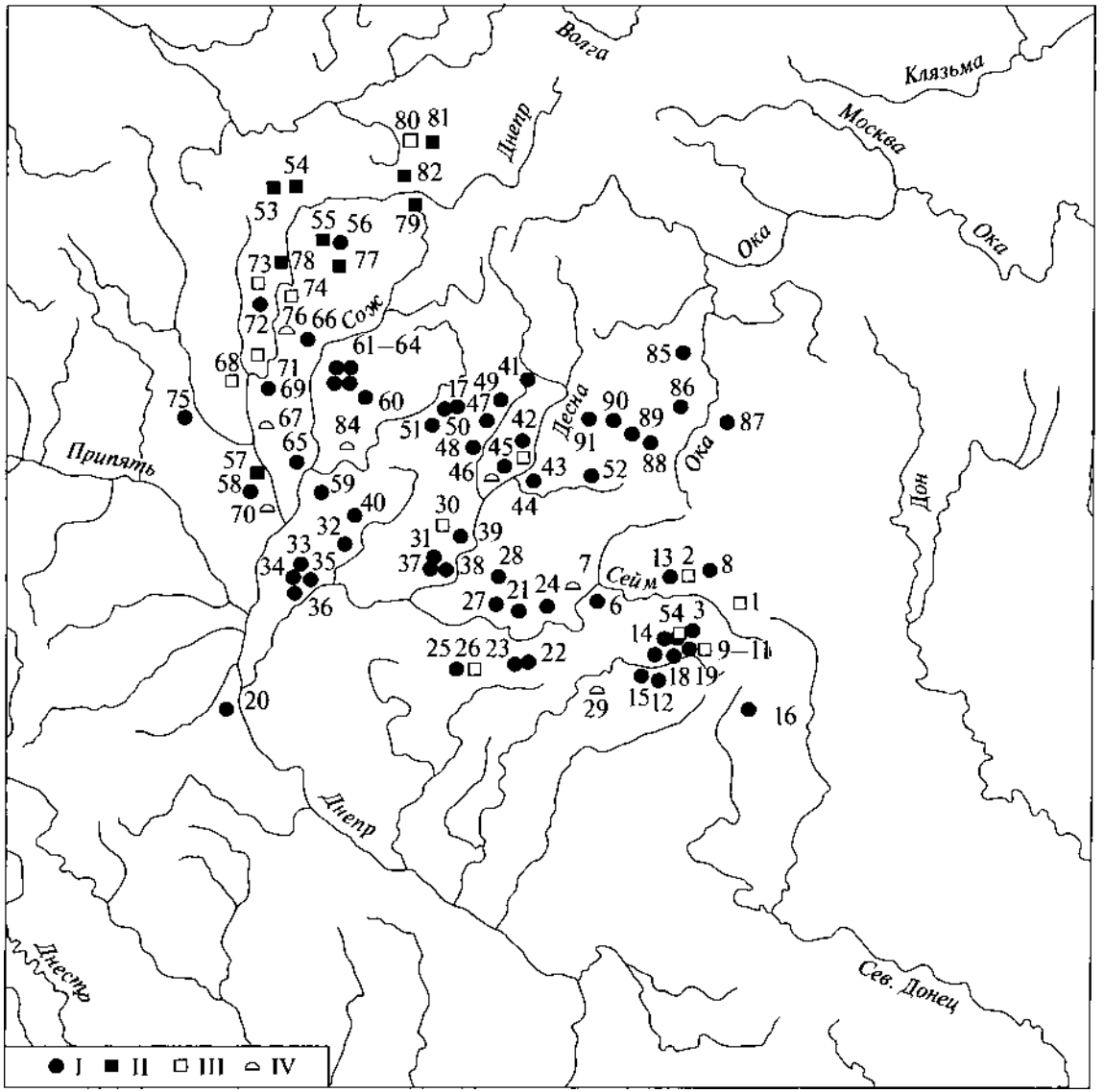


Рис. 15. Памятники колочинской культуры

I — селища; II — городища; III — грунтовые могильники; IV — курганные могильники. 1 — Лебяжье-1; 2 — Авдеево; 3 — Казачья Локня (Замощанская дюна); 4 — Княжий; 5 — Княжий-5; 6 — Гапоново; 7 — Артюшково; 8 — Каменево-2; 9 — Картамышево-1; 10 — Картамышево-2; 11 — Картамышево-3; 12 — Курочкин-3; 13 — Воробьевка-2; 14 — Шмырёво-2; 15 — Гочево-3; 16 — Шишино-5; 17 — Старые Ивайтенки-1; 18 — Куриловка-2; 19 — Суджа-4; 20 — Ходосовка (Диброва); 21 — Харьевка; 22 — Большие Будки (Хутор); 23 — Большие Будки (городище); 24 — Пески; 25, 26 — Артюховка; 27 — Красное-4; 28 — Литвиновичи-3; 29 — Бездрик; 30 — Смяч; 31 — Лёвкин Бугор; 32 — Макишин (Ровчак); 33 — Роище; 34 — Выгоры-1; 35 — Александровка-1; 36 — Еловщина; 37 — Заярье; 38 — Стрелица; 39 — Колодезный Бугор; 40 — Мощенка; 41 — Смольянь; 42 — Мансурово; 43 — Усох; 44 — Хохлов Вир; 45 — Макча; 46 — Кветунь; 47 — Синьково-Дмитрово; 48 — Посудичи; 49 — Случевск; 50 — Рассуха-2; 51 — Левенка-3; 52 — Слободка; 53 — Кисели; 54 — Черкасово; 55, 56 — Вежки; 57 — Колочин-1; 58 — Колочин-2; 59 — Носовичи; 60 — Новые Громыки; 61 — Нисимковичи-1; 62 — Нисимковичи-2; 63 — Нисимковичи-3; 64 — Нисимковичи-5; 65 — Гомель; 66 — Золотомино; 67 — Колос; 68 — Колосы; 69 — Ходосовичи; 70 — Мохов; 71 — Новый Быхов; 72, 73 — Тайманово; 74 — Нижняя Тощица; 75 — Щатково; 76 — Воронино; 77 — Никодимово; 78 — Могилёв (городище Змеёвка); 79 — Демидовка; 80, 81 — Акатово; 82 — Близнаки; 83 — Калиновка; 84 — Демьянки; 85 — Никольское; 86 — Башкатово; 87 — Отрадницкий; 88 — Нарышкинский Лес; 89 — Алексеевка-1; 90 — Белолунино-1; 91 — Мешково

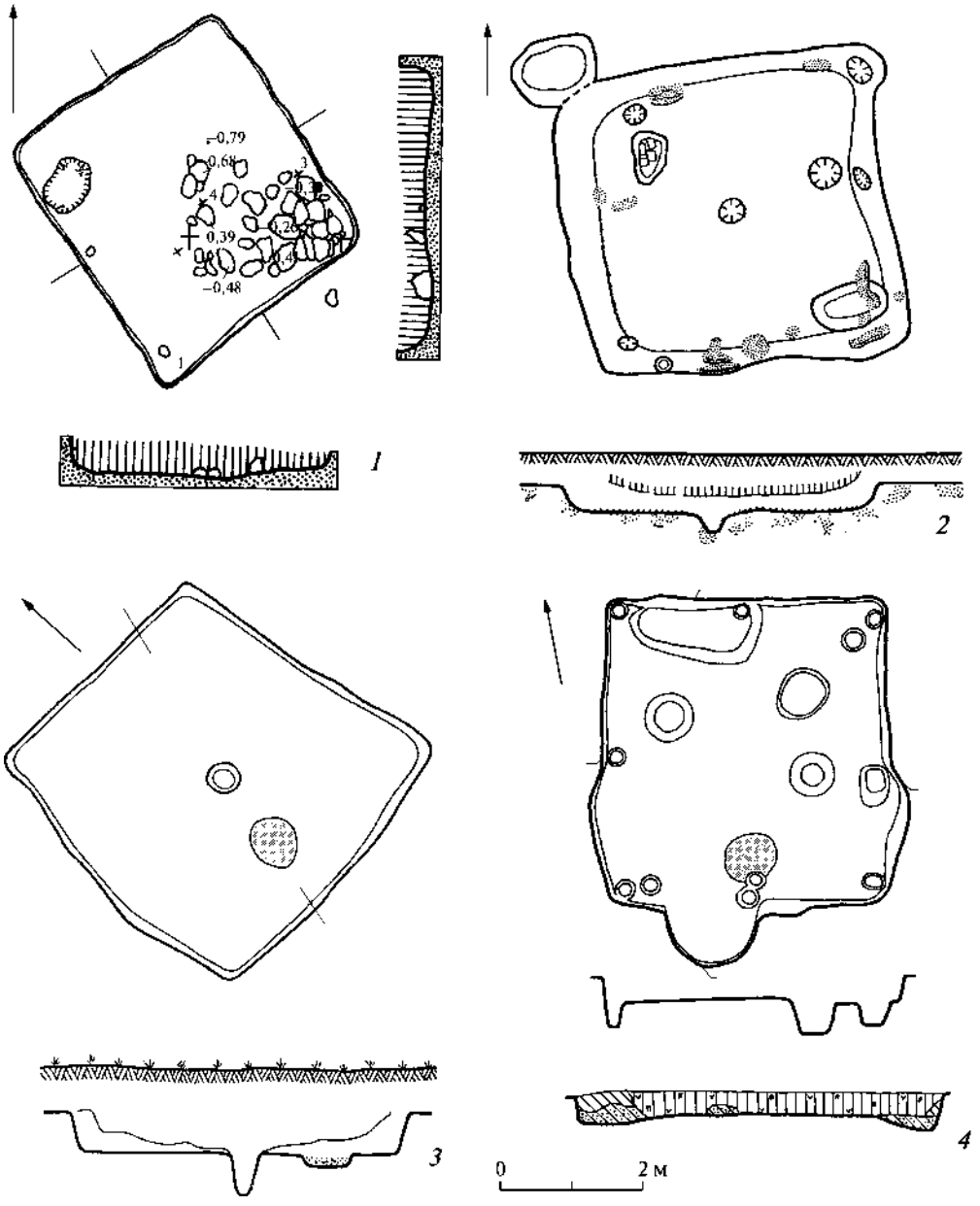


Рис. 16. Образцы жилищ колочинской культуры

1 — Щатково, 1; *2* — Колодезный Бугор, 2; *3* — Заярье, 1; *4* — Александровка, 16

ка делится на две части «куполообразной насыпью» и оплывшим валом.

Края площадок часто дополнительно укреплялись деревянными конструкциями, иногда установленными на подсыпках (Кисели, Черкасово, Демидовка, Близнаки). Подобные сооружения в ряде случаев зафиксированы и на валах. В Колочине-1 по периметру площадки прослежены так называемые жилые стены из двух параллельных частоколов, разделенных на отсеки, в которых были устроены обитаемые

помещения с очагами. В стене был сделан проход-ворота[57]. Остатки подобного сооружения зафиксированы на городище Вежки. Иногда похожие по планировке и конструкции наземные дома с внутренними дворами находились в средней части площадок (Демидовка, Никодимово, Близнаки, Акатово).

Городища, вероятно, были местами обитания военных отрядов. Деревянные наземные постройки сильно отличаются по планировке от жилищ малых семей, исследованных на селищах. Именно на городищах обнаружено большинство предметов вооружения и вещей, связанных с воинской культурой. В лесном Поднепровье в позднеримское время подобные крепости не известны. Они возникают только в период раннего Средневековья.

На территории колочинской культуры, а также непосредственно на относящихся к ней памятниках найдена серия кладов. Большинство из них входят в первую (раннюю) группу комплексов так называемых древностей антов, сокрытых около третьей четверти VII в.[58] Непосредственно на памятниках колочинской культуры обнаружены клады в Гапоново и Больших Будках, на территории колочинской культуры — в Трубчевске, Мене, Судже (Новосуджанский), Куриловке, Судже-Замостье, Шевченково, Черкасской Конопельке (рис. 13) и др. Найдены также четыре клада другого состава.

Орудия земледелия представлены обломками наральников, серпами и косами-горбушами. Для переработки урожая использовались зернотерки и ротационные жернова (на ранней стадии культуры). Возделывались ячмень пленчатый, пшеница-двузернянка и пшеницы мягкие голозерные, просо, рожь, овес. Из зернобобовых известны горох, бобы, чечевица. К техническим культурам относится конопля. По имеющимся данным, подсека была основной формой земледелия; возможно, традиционно использовались пойменные участки.

Животноводство характеризуется материалами лишь одного памятника (городища Никодимово). По количеству особей преобладал крупный рогатый скот, свинья домашняя была на втором месте, далее шли лошадь, мелкий рогатый скот. Косвенным подтверждением важности животноводства являются низкие показатели диких животных немясных видов[59].

Анализы предметов из черного металла показывают, что основная масса орудий труда изготавливалась из кричного железа, применялся пакетный металл из нескольких полос железа и стали. Единичны предметы, где наблюдаются наварка стального лезвия на железную основу и термообработка[60].

Большинство ремесел у колочинского населения (изготовление посуды, орудий труда, добыча и обработка черного металла, ткачество), очевидно, находились на стадии домашних промыслов. Определенные новации отмечаются в обработке бронзы. Так, специализированная ремесленная площадка второй половины V — начала VI в. исследована на поселении Старые Ивайтенки-1. На памятнике найдены серия мат-

---

[57] *Сымонович Э. А.* Городище Колочин-1 на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 101—111. (МИА; № 108).

[58] *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). М., 2016. С. 24—25. (Раннеславянский мир; Вып. 17).

[59] *Горбаненко С. А.* Сельское хозяйство населения колочинской культуры // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). С. 114—135.

[60] *Гопак В. Д., Горюнова В. М.* Черный металл раннеславянских памятников Днепровского Левобережья (по материалам Е. А. Горюнова) // Советская археология. 1991. № 1. С. 244; *Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Характеристика техники железообработки в лесной зоне // Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. С. 120—156.

риц с кербшнитным орнаментом, обломки литейных форм[61].

На ранней стадии встречаются черняховская гончарная керамика и обломки жерновов из так называемого серого туфа — в качестве реликта римского времени.

Большинство могильников колочинской культуры — грунтовые. Все известные погребения совершены по обряду трупосожжения «на стороне» с помещением остатков кремации в небольшие ямки глубиной обычно 0,2—0,5 м. Инвентарь колочинских захоронений беден. Чаще всего встречаются обломки сосудов. Значительно реже в погребения ставились целые горшки. По своему назначению вещи, попадающие в могилы, различны. Они представляют собой бытовые предметы (пряслица, ножи, обломок гребня, куски кремня, возможно, применявшиеся для высекания огня, железное кресало), оружие (наконечники копий), украшения (фибула, бусы, браслеты, кольца, булавки, пронизи), детали поясной гарнитуры.

Курганы на севере лесостепного и в лесном Поднепровье в римское время не известны. В этом регионе они появляются только в период колочинской культуры. Все курганы имеют округлые насыпи диаметром 5—12 м и высотой от 0,5 до 1,3 м. В большинстве случаев сожжение умершего производилось на стороне, известна лишь одна достоверная кремация на месте. Инвентарь встречен как в погребениях, так и в насыпях. Он представлен горшками, украшениями (фрагмент браслета, кольца, обломок пластины, оплавленные стеклянные бусы), бытовыми предметами (железные тесло, нож, три обоймы, глиняные пряслица), железной пряжкой, наконечниками стрел[62]. По набору вещи из курганов ничем не отличаются от найденных в грунтовых захоронениях. Курганы в такой же степени бедны, как и погребения без насыпей. По инвентарю какие-либо социальные группы населения не выделяются.

Вся керамика, которая происходит с колочинских памятников, делится на грубую лепную кухонную (рис. 17), лепную столовую и гончарную импортную. В наборе лепной посуды выделяются корчаги, горшки, сосуды малых размеров и диски. Преобладает слабопрофилированная округлобокая керамика, ребристые сосуды относительно редки. Предметы быта представлены железными черешковыми ножами с прямыми или слегка изогнутыми спинками, лезвиями топоров, кресалами, пинцетами, обломком костяного гребня.

К предметам вооружения относятся наконечники копий (листовидных и двушипных), в том числе и метательных, имеющие широкий круг аналогий в лесной зоне Восточной Европы вплоть до Прибалтики. Достаточно часто встречаются наконечники стрел, среди которых преобладают трехлопастные черешковые так называемых гуннских типов (рис. 18: *1—11*). Защитное вооружение представлено фрагментами кольчуг, пластинкой от наборного панциря.

К снаряжению боевого коня относятся двух- и трехчастные удила. Достаточно часты находки железных шпор (рис. 18: *14—16*). Ременная гарнитура представлена пряжками разных типов, накладками и наконечниками (рис. 19).

По М. М. Казанскому у славян в раннем Средневековье существовали конные подразделения и отряды легко вооруженной пехоты. Конные воины, по его мнению, были

---

[61] *Никитина А. В., Радюш О. А., Федонин Р. А.* Поселение Старые Ивайтёнки 1 (Брянская область, Почепский район) // Города, селища, могильники: Раскопки 2017. М., 2018. С. 240—245. (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 25).

[62] *Обломский А. М.* Колочинская культура // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 106—107; *Он же.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). С. 30—32.

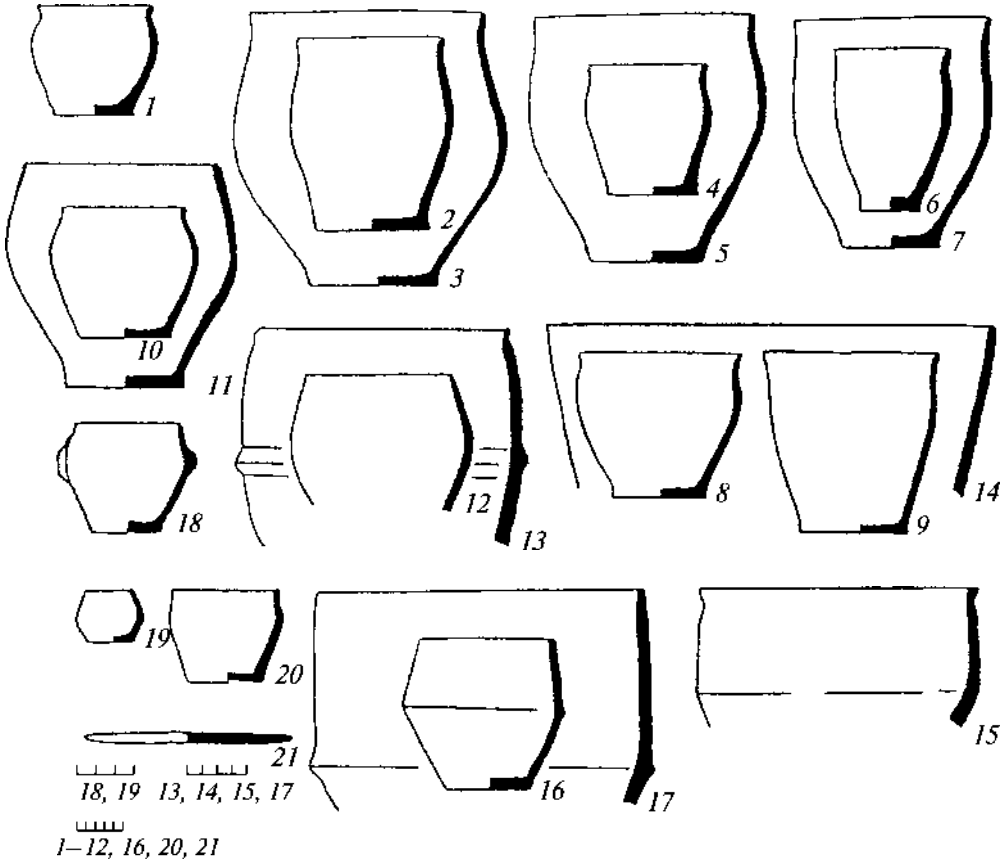


Рис. 17. Классификация керамики колочинской культуры (по: Обломский А. М., 1996. С. 96—107)

1 — тип I, 1; *2—5, 10* — тип I, 3-а; *6—9* — тип I, 3-б; *11* — тип I, 4-а; *12* — тип I, 4-б; *13* — тип I, 4-в; *14* — тип I, 4-г; *15* — тип II, 2; *16, 17* — тип II, 5; *18—20* — мискообразные сосуды; *21* — диск

лучниками, они имели наборные защитные панцири или кольчуги, допускалось использование клинкового оружия. Пехотинцы были вооружены копьями, дротиками, топорами, вероятно, также и луками[63]. Все эти наблюдения справедливы и для колочинской культуры.

Большинство украшений, найденных на территории колочинской культуры, происходит из так называемых кладов круга древностей антов. Вне их довольно часто встречаются железные и бронзовые фибулы и пряжки разных типов. Обнаружены также булавки, височные кольца и серьги. В состав ожерелий входили бусы, пронизи из бронзы, пластинчатые подвески (умбоновидные и трапециевидные), подвески-колокольчики. Достаточно часты браслеты, среди которых выделяются экземпляры с овальными и круглыми в сечении расширенными концами с разнообразной орнаментацией, кольца[64].

[63] *Казанский М. М.* Вооружение и конское снаряжение славян V—VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43—96.

[64] *Родинкова В. Е.* Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 124—130; *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). С. 48—53.

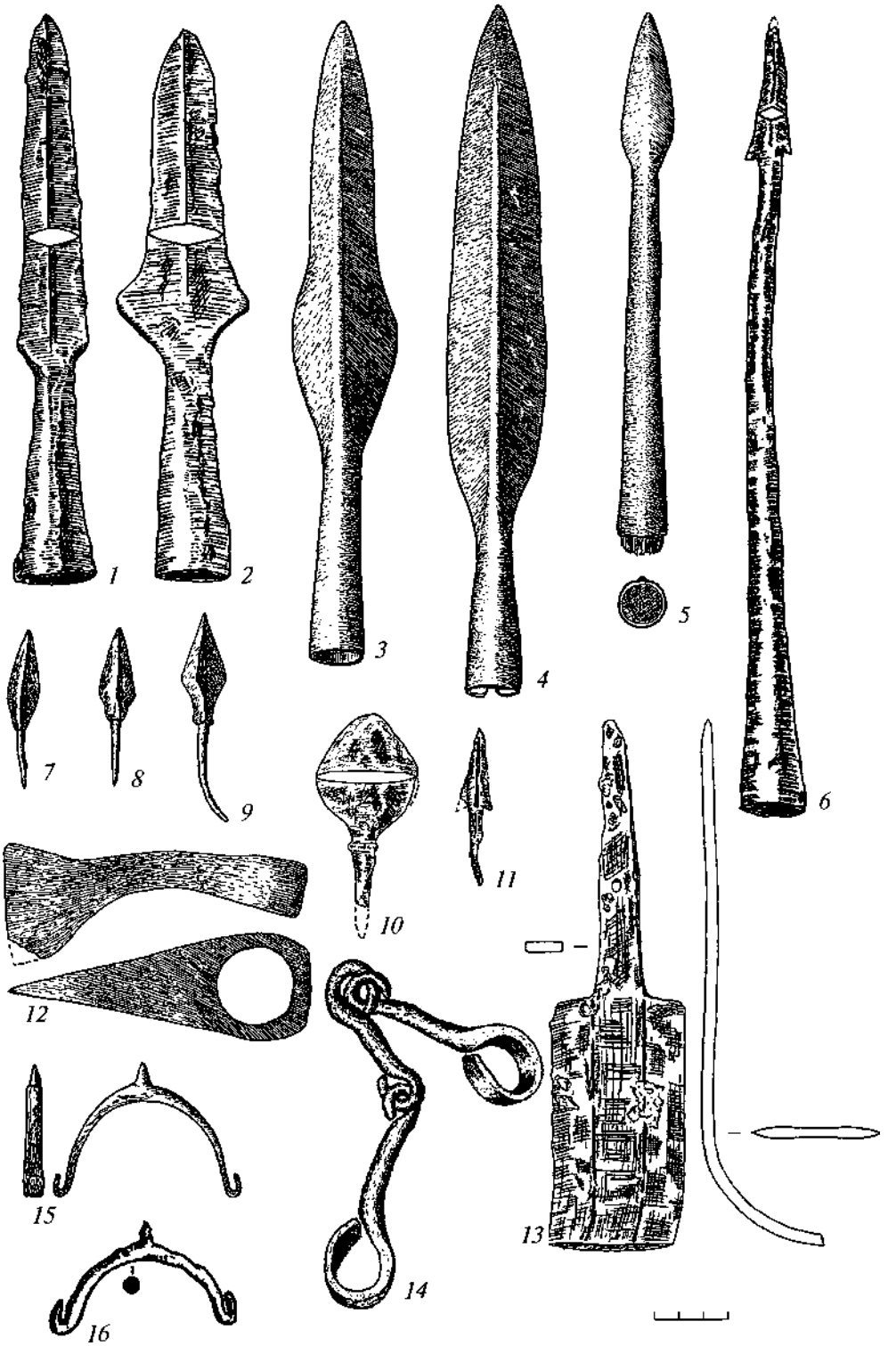


Рис. 18. Предметы вооружения и конского снаряжения из железа

1, 2, 6, 10, 11, 13 — Никодимово; *3—5, 7—9, 12, 15* — Демидовка; *14* — Близнаки; *16* — Кисели

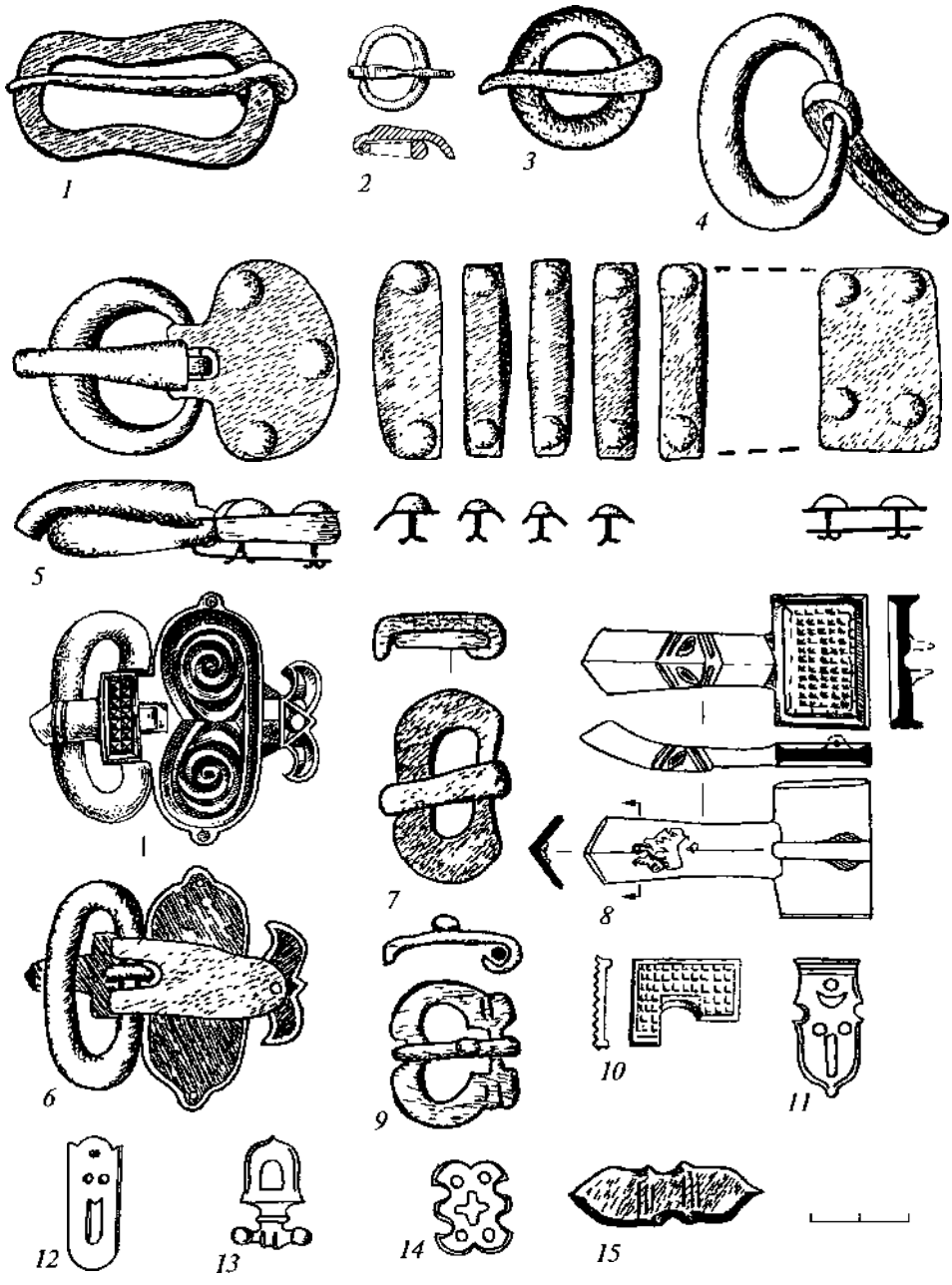


Рис. 19. Детали ременной гарнитуры населения колочинской культуры

1, 9, 15 — Никодимово; *2* — Смяч; *3, 5—7* — Демидовка; *4* — Близнаки; *8* — Картамышево-2; *10* — Посудичи; *11, 13, 14* — Лебяжье-1; *12* — Картамышево-2. *1, 4, 7* — железо; *2, 3, 8—15* — бронза; *5, 6* — серебро

В современной научной литературе утвердилось мнение, что колочинская культура связана по происхождению с деснинским вариантом киевской археологической общности. Прототипы в киевской культуре, как было отмечено выше, имеют колочинское домостроительство и наиболее массовый тип погребений (ямные, с рассеянным расположением кремированных костей, остатками погребального костра и облом-

ками горшков). Набор сосудов деснинского варианта киевской культуры отличается от раннего колочинского лишь некоторыми нюансами. Процесс сложения колочинской культуры происходил в период около финала существования черняховской культуры, поскольку на южных колочинских памятниках встречаются обломки характерной для нее гончарной сероглиняной посуды. В гуннское время, очевидно, по мере отхода части черняховского населения на запад — в Южную Европу — деснинские племена проникали на территорию Днепровского лесостепного Левобережья. В этот период здесь сформировалась южная граница колочинской культуры[65]. Колочинская культура, таким образом, по археологическим данным, имеет прямое отношение к восточной ветви славянского этногенеза.

Клады «древностей антов». На территориях пеньковской и колочинской культур найдена серия кладов и отдельных предметов круга так называемых древностей антов. Их ареал простирается от правого берега Днепра с Поросьем и Потясминьем, откуда происходит особенно большое количество материала, на западе до верхнего и среднего течения реки Оскол и правобережья Дона на востоке, на севере включает Среднее Подесенье и бассейн Сейма, на юге — район Днепровского Надпорожья (рис. 13). Таким образом, он охватывает Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье, точнее, лесостепную и южную часть лесной полосы между Днепром и Доном, свидетельствуя об общности процессов, происходивших на этом обширном пространстве в начале раннего Средневековья. Украшения, прежде всего фибулы, круга «древностей антов» известны и за пределами основной зоны своего распространения: в Подунавье, Поднестровье и Южном Побужье, Крыму, Юго-Восточной Прибалтике и Скандинавии, в верхнем течении и в низовьях Днепра, в бассейнах Оки, верхнего Дона, Ульяновском Поволжье и в других регионах. Они демонстрируют широту связей среднеднепровского населения.

Клады «древностей антов» делятся на две группы. Первая включает комплексы типа Мартыновского — одного из наиболее представительных и известных, найденного у села Мартыновка Черкасской области. Эти клады были сокрыты во второй половине или третьей четверти VII в.[66] Сложение отразившегося в них набора изделий относится, вероятно, к концу VI — началу VII в. Основу «мартыновского» вещевого комплекса составляют предметы, связанные с костюмом, — мужской и женский личный убор (рис. 14). Женский убор представлен изготовленными из сплавов на основе серебра и меди (иногда с золочением), свинцово-оловянных сплавов, стекла и камня аксессуарами и украшениями верхней части тела: головы, шеи, груди, рук. Самым ярким его элементом, «лицом» «древностей антов», являются застежки-фибулы, несущие наряду с функциональной большую художественную и семантическую нагрузку. Известны различные типы и варианты таких застежек — пальчатые, с каймой из птичьих голов, антропозооморфные, широкопластинчатые подвязные. Кроме того, в кладах типа Мартыновского встречены головные венчики — очелья, височные кольца, гривны. Шейными или нагрудными украшениями являются стеклянные, каменные (в основном янтарные) и, возможно, металлические (свинцово-оловянные) бусы. К нагрудным украшениям принадлежат так-

[65] *Обломский А. М.* Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // Российская археология. 1996. № 4. С. 51—70.

[66] *Гавритухин И. О.* Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 58—95; *Родинкова В. Е.* Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // Российская археология. 2012. № 4. С. 151—158.

же цепочки, спиральные и трубчатые пронизи, колечки, проволочные стержни, многочисленные подвески. На руки надевались цельнолитые или кованые браслеты разных типов и изредка перстни. В ряде комплексов встречены мелкие нашивки и подвески из свинцово-оловянных сплавов; предположительно ими расшивалась одежда. Наконец, судя по составу некоторых кладов и инвентарю погребений, хотя и не принадлежащих славянской традиции, в женском костюме могли использоваться простые пряжки и отдельные детали поясных и обувных наборов.

К мужскому костюму относятся изготовленные из серебра или сплавов на основе меди элементы «геральдических» ременных гарнитур — многочисленные разновидности пряжек, ременных наконечников, накладок, многие из которых характерны только для колочинского и пеньковского ареалов. Не исключено, что в группу мужских украшений входили также шейные гривны и браслеты, но подтвердить это предположение конкретными материалами мы не можем. В комплексах встречаются также предметы вооружения и воинского снаряжения (накладки и оковки ножен и перекрестья клинка, копья, кинжал, шлем), детали конской упряжи (удила, распределители уздечных ремней). Считается, что эти связанные с мужской субкультурой вещи свидетельствуют о формировании в раннеславянской среде дружинной моды и дружинных традиций и о существовании у днепровского населения в начале раннего Средневековья воинского сословия.

Характерной чертой кладов первой группы являются так называемые фигурки мартыновского типа (рис. 14: *41—43*) — широко известная категория предметов декоративно-прикладного искусства, функции которых, однако, неясны. Отмечены также инструменты, орудия труда и предметы домашнего обихода, импортная (византийская) драгоценная утварь и другие вещи.

«Мартыновский» вещевой комплекс как целое сложился в Среднем Поднепровье, хотя составляющие его изделия показывают влияние различных традиций: восточногерманской, византийской, «субстратной» днепровской, лесной зоны Восточной Европы[67]. Он маркирует заключительную стадию развития пеньковской и южной части колочинской культур[68]. Этот же набор украшений и аксессуаров костюма использовали и какие-то группы кочевого населения[69]. Можно предположить, что он фиксирует возникновение в Среднем Поднепровье новой полиэтничной социальной структуры и был создан искусственно[70].

Наибольшее количество кладов и отдельных находок «древностей антов» II группы, более поздней, происходит с Пастырского городища. В них входят женские украшения и аксессуары костюма, выполненные преимущественно из серебра, иногда золота, а также стекла и камня. Как и «мартыновский», убор, отразившийся в кладах типа Пастырских, связан с верхней частью тела: это серьги (нехарактерные для кладов I группы), гривны, фибулы, бусы, браслеты. В одном комплексе — Харьев-

[67] Подробнее см.: *Родинкова В. Е.* Раннесредневековый женский убор Поднепровья: Традиции и влияния // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 2. М., 2008. С. 280—285.

[68] *Родинкова В. Е.* Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 124—130.

[69] *Синиця Е. В.* Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пеньківської культури // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 98—110.

[70] *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Днепровское Левобережье на заре средневековья: Динамика историко-культурных процессов и клады // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. С. 145; *Родинкова В. Е.* Раннеславянский женский убор римского и раннесредневекового времени: (Проблемы изучения источников) // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 92.

ском — встречены, кроме того, детали ременных гарнитур.

Время бытования «древностей антов» II группы определяется с учетом хронологии Пастырского городища, на котором найдены также инструменты и приспособления для их изготовления. Начало функционирования данного ремесленного центра приходится на завершающий этап развития в лесостепном Поднепровье пеньковских традиций, а финал отмечен выпадением серии кладов, уже не содержащих изделий «мартыновских» типов. То есть памятник существовал в промежутке между второй половиной/четвертой четвертью VII и серединой VIII в.[71] В этих же временных рамках следует датировать «пастырский» вещевой набор, соотнося его преимущественно с постпеньковским (и постколочинским) периодом истории среднеднепровского региона[72]. Истоки некоторых его элементов прослеживаются в Прибалтике и среди предшествующих «древностей антов» I группы, но в целом сложение «пастырского» убора связывается с мощным культурным импульсом из Подунавья. Исследователи полагают, что имело место переселение на средний Днепр выходцев оттуда, которые принесли с собой формы и способы изготовления вещей, характерные для византийского ювелирного дела[73].

* * *

Археологические материалы дают возможность реконструкции общественных организмов на территории колочинской и пеньковской культур. Они показывают, что в ареале этих культур в VII в. существовали две общественные структуры, которые могут быть условно названы пеньковско-кочевнической и колочинской.

Элементы первой из них охватывают практически все Среднее Поднепровье, кроме северной его части, юг Днепровского лесостепного Левобережья и бассейна Северского Донца — Оскола, Днепровские пороги. Основным компонентом оседлого населения этого региона были носители пеньковской культуры (анты). Здесь же зафиксированы разнообразные элементы степной культуры: юртообразные жилища (в том числе и на пеньковских поселениях), возможно, остатки кочевий, погребальные комплексы кочевников (как рядовых, так и знати), женские ингумации с вещами «мартыновского» круга и степными чертами погребального обряда (рис. 20).

Связь кочевого и оседлого пеньковского населения, по всей видимости, не ограничивалась соседскими контактами, была достаточно тесной и имела форму симбиоза. Маршруты перекочевок степняков охватывали всю пеньковскую территорию в Поднепровье вплоть до ее северных границ, о чем свидетельствует кочевнический могильник Рябовка-3 близ верховьев реки Ворсклы. Тюркские по происхождению семьи жили в пеньковских поселках, то есть в общинах антов. Женские погребения-ингумации с «мартыновскими» вещами, совершенные вне общинных пеньковских кладбищ, вероятно, представляют собой захоронения жен-славянок из тюркских семейств или славянок — рабынь кочевников.

---

[71] *Приходнюк О. М.* Пастирське городище. С. 77—79; *Гавритухин И. О.* Необычная фибула из Крыма: (К изучению поздних форм двупластинчатых фибул) // Terra Barbarica. Łódź; Warszawa, 2010. S. 524—526, 530.

[72] *Родинкова В. Е.* Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: Современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. М., 2011. С. 247.

[73] *Приходнюк О. М.* Пастирське городище. С. 87, 88; *Комар А. В.* Что такое «пастырская культура»? // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 2007. С. 46, 47; *Родинкова В. Е.* Новые находки пальчатых фибул в Поднепровье // Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate. Bucureşti, 2009. P. 401—409; *Она же.* Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: Современное состояние исследований. С. 253, 255.

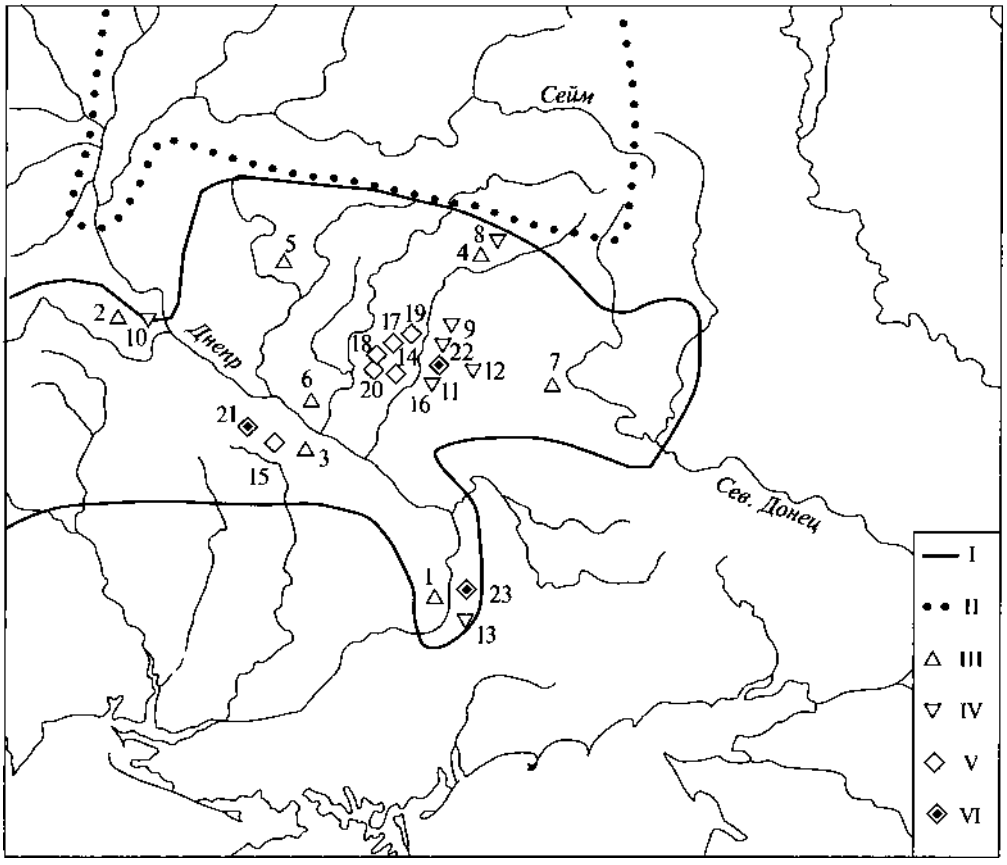


Рис. 20. Инородные элементы на территории пеньковской культуры

I — восточная часть территории пеньковской культуры; II — южная граница колочинской культуры; III — раннесредневековые ингумации с вещами пеньковских типов; IV — погребальные комплексы кочевников; V — предположительные стоянки кочевников; VI — центры гончарного ремесла. 1 — Алексеевка; 2 — Мартыновка; 3 — Балаклея; 4 — Березовка; 5 — Поставмуки; 6 — Максимовка; 7 — Мохнач; 8 — Рябовка-3; 9 — Лихачевка; 10 — Бабичи; 11 — Новые Санжары; 12 — Малое Перещепино; 13 — Вознесенка; 14 — Макуховка; 15 — Стецовка; 16 — Белокони; 17 — Полузорье II; 18 — Браилки-Васьки; 19 — Лаврики; 20 — Чередники; 21 — Пастырское; 22 — Мачухи; 23 — Канцерка

В состав общества, следовательно, входили как анты, так и кочевники-тюрки. Каждый из народов имел свою знать. Свидетельством ее наличия у пеньковского населения являются богатые Мартыновские клады, у кочевников — объекты с роскошными вещами типа Малого Перещепино (этот расположенный в лесостепи комплекс — богатейший для своего времени во всей Европе — относят к уровню кагана). Кочевая знать в этом объединении, очевидно, главенствовала. Ее комплексы — куда более богатые, чем антские.

Проникновение кочевников в лесостепь, по всей видимости, не ограничивалось просто завоеванием пеньковской территории в Поднепровье. Имеются свидетельства попыток создания в регионе баз обеспечения населения. Таковыми являются ремесленные центры (Канцерка, Мачухи, Пастырское), продукция которых, в первую очередь гончарная керамика, использовалась в большей степени кочевниками и в меньшей — антами (пеньковским населением). Показательно, что население общин ремесленников не имело местного происхож-

дения и было перемещено в Поднепровье с довольно отдаленных от этого региона территорий (с Северного Кавказа и из Подунавья).

Таким образом, в южной части лесостепного Поднепровья в VII в. существовала потестарная структура со смешанным славяно-тюркским населением, со своей знатью и элементами инфраструктуры (ремесленными центрами). Очевидно, она представляла собой раннегосударственное образование.

В северной части днепро-донецкой лесостепи, то есть в ареале колочинских памятников, какие-либо элементы культуры кочевников (за исключением наконечников стрел, которые в раннем Средневековье были интернациональным оружием) и гончарная керамика южных производственных центров отсутствуют. Прямого влияния кочевников с юга колочинские племена лесостепного Поднепровья не испытывали. Колочинское общество было этнически монолитным и более однородным в социальном отношении, чем южное. Каких-либо признаков образования государства на севере лесостепного Поднепровья нет[74].

Прекращение существования колочинской и пеньковской культур связано с катастрофическими событиями третьей четверти — конца VII в.

В это время в лесостепи и на юге лесной зоны Поднепровья происходит этнокультурный перелом, в результате которого:

— прекращают существование пеньковская и колочинская культуры, а также ряд других культурных групп, синхронных им;

— происходит сокрытие кладов типа Мартыновского, гибнет в пожарах ряд поселений;

— появляется и массово расселяется в регионе новое славянское население с территории Днепровского Правобережья (культуры Сахновки-Волынцево и Луки-Райковецкой).

С прекращением существования пеньковской и колочинской культур завершается история ранних славян восточной линии развития, восходящей к киевской культуре. Расселившиеся в Поднепровье славяне западной ветви становятся основой летописных «племен» преддревнерусского периода.

Тушемлинская (тушемлинско-банцеровская) культура

Представление об однородной археологической культуре V—VIII вв. н. э., охватывающей территории Верхнего Поднепровья и Подвинья, а также Среднюю Белоруссию, восходит к выводам П. Н. Третьякова, к которым он пришел при публикации материалов раскопанного им в 1955—1957 гг. городища Тушемля в верховьях реки Сож на Смоленщине. Для комплекса верхнего горизонта культурного слоя этого памятника был найден «ближайший аналог» — верхний горизонт исследованного еще до войны белорусским археологом С. А. Дубинским городища Банцеровщина близ Минска.

В те годы археологи впервые получили опорные материалы качественно нового уровня для построения этнокультурной истории лесного Поднепровья в третьей четверти I тысячелетия. В первую очередь это публикации результатов раскопок городищ Тушемля и Колочин[75], несколько позднее — ряд памятников в Белоруссии. Вокруг них и были выстроены все заметные концепции истории населения этой

[74] *Обломский А. М.* Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 10—33.

[75] *Третьяков П. Н.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963; *Сымонович Э. А.* Городище Колочин-I на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 97—137. (МИА; № 108).

территории в период, непосредственно предшествующий формированию Древнерусского государства.

Городища типа верхних слоев Тушемли и Банцеровщины принадлежали, по мысли П. Н. Третьякова, восточнобалтскому местному населению, которое в этот период подвергалось ассимиляции славянами, расселявшимися с юга по Днепру. С пришельцами он связывал городище Демидовка, Акатовский грунтовый могильник и ряд других памятников на той же территории, утверждая их культурное единство с городищем Колочин[76].

Другие исследователи данного круга культур высказывались главным образом в пользу их единства. Наиболее оформленная цельная концепция была изложена В. В. Седовым, который признавал как родственность тушемлинско-банцеровской и колочинской культур, принадлежавших балтоязычным народам, так и ряд различий, позволяющих говорить о двух археологических культурах. Дискуссии 1960—1980-х гг. показали, что имеющаяся в распоряжении археологов источниковая база вкупе с используемой методологией позволяли аргументировать совершенно альтернативные концепции: единство или обособленность культурных групп типов Корчак, Пеньковка, Колочин, Тушемля, Банцеровщина и псковских длинных курганов; утверждение или отрицание родства их носителей; происхождение от разных культур предшествующего периода; славянская/балтская/славяно-балтская (а отчасти и финно-угорская для северной зоны) этническая принадлежность отдельных групп[77].

Позднее принципиально новых и объемных материалов добавилось немного, но продолжался процесс осмысления накопленных источников в сопоставлении с соседними территориями. До сих пор не выявлены однозначные признаки и границы обсуждаемой культурной группы. Поэтому далее речь пойдет в том числе о группах памятников, культурная принадлежность которых остается в науке спорной. Современное состояние изучения древностей типа Тушемля-Банцеровщина отражено в ряде публикаций[78].

В обозначенном ареале хорошо известны как укрепленные, так и открытые поселения. Регулярная встречаемость городищ долгое время считалась характерным признаком данной культуры, в отличие от бо-

---

[76] *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 245, 270.

[77] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; *Сымонович Э. А.* О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья // Советская археология. 1966. № 3. С. 38—51; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.: Культура пражского типа. М., 1976; *Шмидт Е. А.* Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972. С. 3—46; *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). Минск, 1978; *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

[78] *Виткунас М., Забела Г.* Городища балтов: Неизвестное наследие. Вильнюс, 2017; *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона: (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. (Труды ИИМК; Т. 44); *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010. (Труды ИИМК; Т. 33); *Левко О. Н.* Новейшая историография и место памятников Белорусского Поднепровья и Подвинья в проблеме ранних славян Восточной Европы // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск, 2003. С. 280—291; *Лопатин Н. В.* О тушемлинской и колочинской культурах // Европа от Латена до Средневековья: Варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. М., 2017. С. 63—69; *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира. М., 2007; *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск, 2011; *Шадыра В. І.* Банцараўская культура // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мінск, 1999. С. 359—376; *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э.; Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.

лее южных и северных территорий. Позднее это мнение было опровергнуто в отношении территории Псковской земли, где городища оказались свойственны и культуре псковских длинных курганов[79]. Что касается колочинской культуры и более южных раннеславянских культур, то это противопоставление в основном остается в силе: для всей этой зоны данные о городищах немногочисленны[80]. Однако в белорусском и смоленском Поднепровье известна целая серия укрепленных поселений, относимых ныне к колочинской культуре на основе облика керамики. Они показаны и на нашей карте (рис. 21), и на карте памятников колочинской культуры[81]. На противоположном, северном, фланге, в юго-восточном Приильменье, исследовано городище Городок на Маяте, которое И. И. Еремеев справедливо причислил по всем признакам к «городкам тушемлинского типа»[82] и усмотрел в появлении этого памятника и ему подобных свидетельство миграции из основной части ареала культуры. Согласно терминологии В. Я. Конецкого и И. В. Ислановой, это одна из групп «предсопочных» памятников[83], что заслуживает отдельного обсуждения, но и не противоречит точке зрения И. И. Еремеева об их происхождении.

Большинство городищ имело стандартную систему укреплений (рис. 22: *1*): площадка устраивалась на естественном мысу или холме, на котором возводилась кольцевая стена из горизонтально уложенных бревен, закрепленных между вертикальными столбами. С напольной стороны стена, как правило, усиливалась валами и рвами, а с остальных сторон — подрезкой склонов, сопряженной с дополнительным кольцом стены. Приемы фортификации унаследованы от местных культур раннего железного века. Однако в рамках функционирования изучаемой культуры зарождается новый прием, характерный для более позднего времени, — сооружение бревенчатой «перекладной» конструкции, укреплявшей мощный земляной вал. Городок на Маяте имел укрепления обоих видов — бревенчатую стену (VI в.) и вал с «перекладной» конструкцией (VII в.)[84]. Площадь большинства городищ — от 0,1 до 0,25 га.

Открытые поселения располагались на невысоких террасах и береговых всхолмлениях, обычно вплотную к поймам небольших рек и озер. Площадь распространения культурного слоя чаще всего 0,4—0,8 га. Есть сведения о площадях поселений до 6 и 8 га[85]. Однако такие цифры, как правило, относятся к объектам, заселявшимся неоднократно на протяжении нескольких столетий, и судить об их размерах в каждый момент времени сложно.

Некоторые городища были только убежищами, где жители соседних открытых поселений собирались в моменты опасности и для ритуальных действий (Тушемля),

---

[79] *Фурасьев А. Г.* Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб., 1995. С. 143—150.

[80] *Лопатин Н. В.* О городищах V—VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 293—306.

[81] *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). М., 2016. С. 10—113. (Раннеславянский мир; Вып. 17). См. выше, ч. 1, гл. 2, п. 2. 3.

[82] *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. С. 158.

[83] *Исланова И. В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). С. 136—220. См. ниже, ч. 1, гл. 2, п. 2. 6.

[84] *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. С. 158.

[85] *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 114; *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э.: Тушемлинская культура. С. 18.

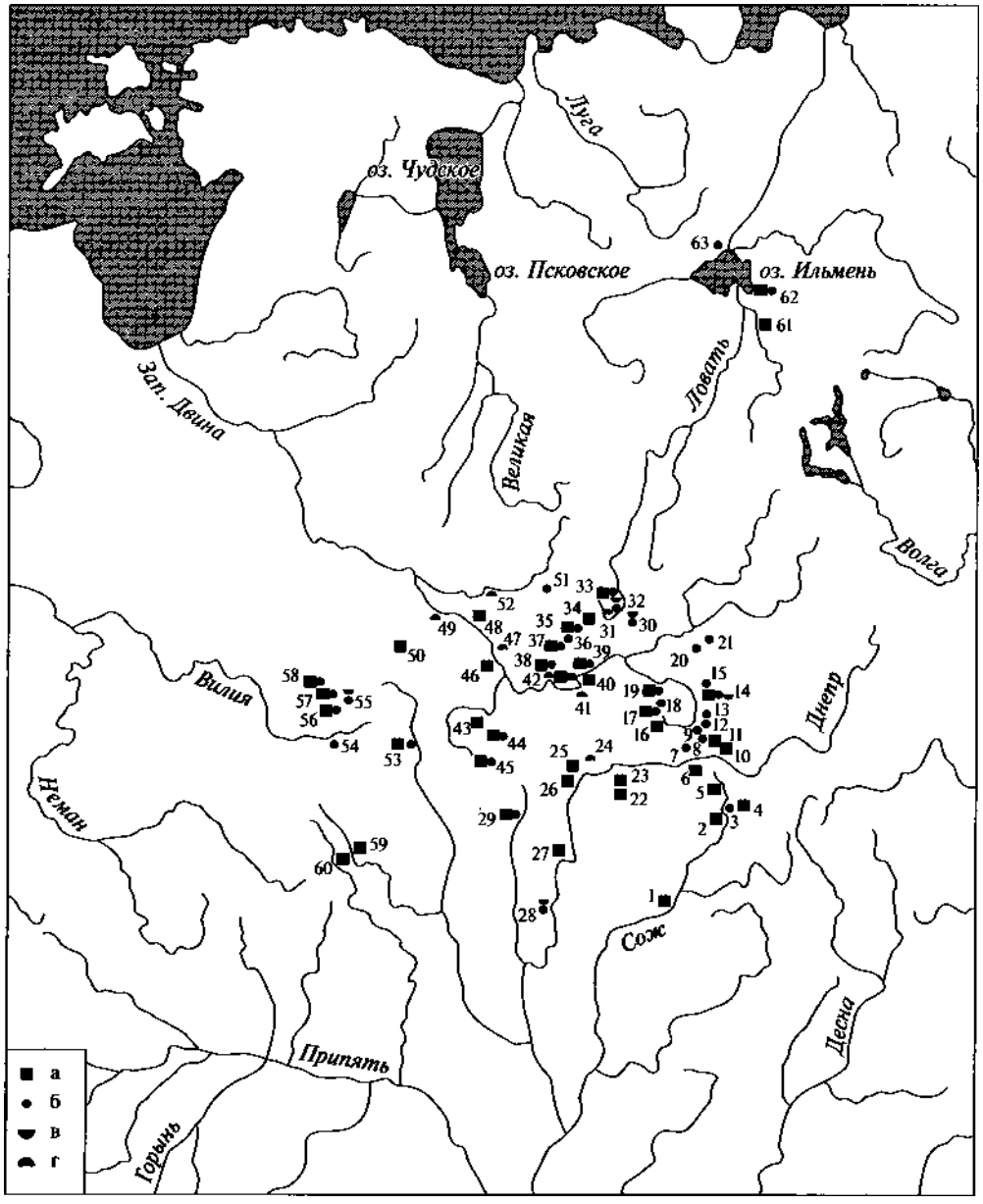
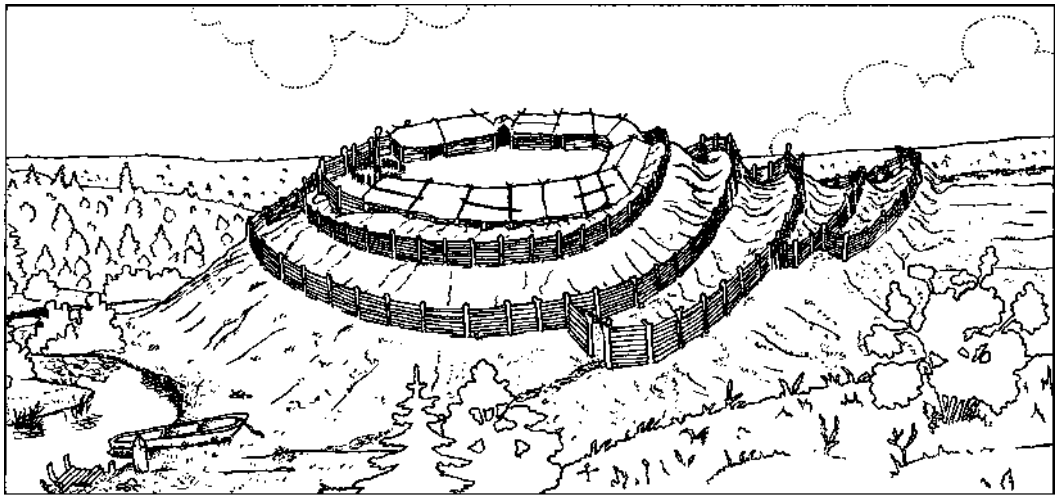
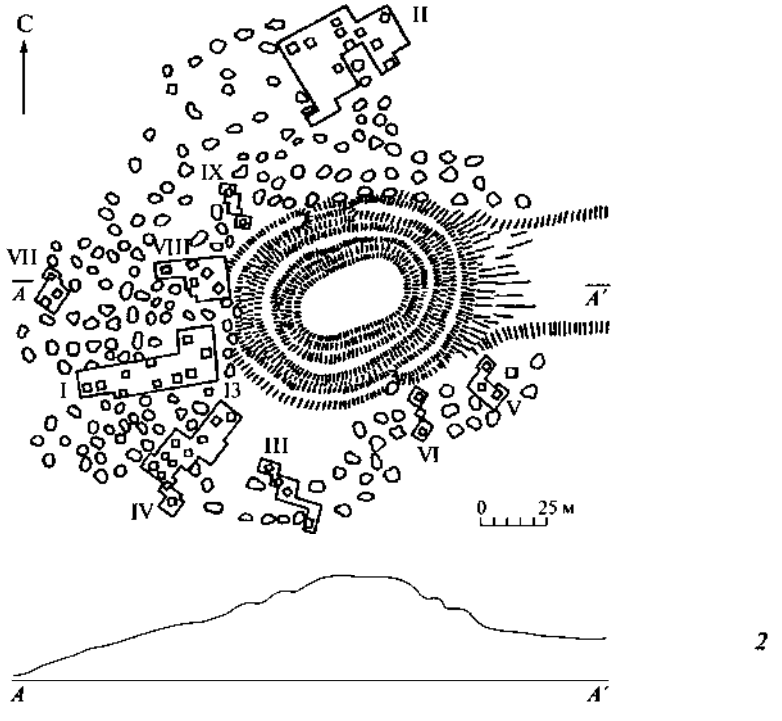


Рис. 21. Карта памятников типа Тушемля-Банцеровщина (включая памятники спорной культурной принадлежности)

а — городище; б — селище; в — грунтовый могильник; г — курганный могильник. 1 — Кричев; 2 — Тушемля; 3 — Слобода-Глушица; 4 — Городок; 5 — Лахтеево; 6 — Демидовка; 7 — Старое Куприно; 8 — Заборье; 9 — Дуброво; 10 — Вязовенька; 11 — Близнаки; 12 — Кислые; 13 — Курлын; 14 — Акатово; 15 — Дроково; 16 — Рокот; 17 — Микулино; 18 — Заозерье; 19 — Ковали; 20 — Шугайлово; 21 — Ерилово; 22 — Никодимово; 23 — Вежки; 24 — Ореховск; 25 — Черкасово; 26 — Кисели; 27 — Могилев (Змеевка); 28 — Тайманово; 29 — Друцк; 30 — Узмень; 31 — Дорохи; 32 — Фролы; 33 — Жабино; 34 — Вышедки; 35 — Бураково; 36 — Городок (на оз. Луговое); 37 — Казиново; 38 — Зароново; 39 — Лужесно; 40 — Витебск; 41 — Лятохи; 42 — Старое Село; 43 — Кострица; 44 — Лукомль; 45 — Клишино; 46 — Заговалино; 47 — Горовые; 48 — Полоцк; 49 — Субовщина; 50 — Свила-1; 51 — Ермошино; 52 — Повалишино; 53 — Дедиловичи; 54 — Сосенка; 55 — Ревячка; 56 — Городище; 57 — Некасецк; 58 — Микольцы; 59 — Банцеровщина; 60 — Строчицкое; 61 — Сельцо; 62 — Городок на Маяте; 63 — Прость



1



2

Рис. 22. Памятники

1 — реконструкция общего вида городища Тушемля (по: Третьяков П. Н., 1963. С. 16); *2* — Дедиловичи. План городища-убежища и западин полуземлянок вокруг него на склонах холма, с обозначением раскопов А. Г. Митрофанова 1962—1966 гг. (по: Митрофанов А. Г., 1978. С. 135)

другие служили местом постоянного обитания, выполняя при этом административные функции (Демидовка). Функции поселений могли меняться со временем. Сторонники концепции преемственности культур эпохи раннего железа с тушемлинско-банцеровскими древностями не раз высказывали мнение, что процесс запустения городищ культур днепро-двинской и штрихованной керамики был обусловлен изменениями

климата и системы хозяйства и сопровождался переходом населения (в течение второй четверти I тыс. н. э.) к жизни на открытых поселениях близ участков, удобных для земледелия[86]. Лишь позднее вновь обустраивались городища в качестве убежищ на случай опасности.

Однако процессы трансформаций поселенческих структур не были одинаковыми во всем изучаемом ареале. В ряде случаев прослежено, что на городище присутствует керамика с расчесами периода формирования культуры (III—V вв.), а на соседнем селище ее уже нет (Бураково, Казиново). Вообще, городища с такой ранней керамикой сосредоточены в основном в белорусском Подвинье. Комплексы «городище + селище» хорошо известны также в белорусской части ареала, а в смоленском Подвинье и Поднепровье памятники разных типов чаще фиксировались изолированно друг от друга (рис. 21), и поэтому вышеуказанные пути развития типов поселений нельзя считать единственной и генеральной линией.

Наиболее обычными постройками на городищах были «жилые стены» — столбовые длинные помещения, примыкавшие с внутренней стороны к укреплениям. Застройка неукрепленных поселений принципиально иная: здесь сооружались небольшие однокамерные постройки, в плане близкие к квадрату. Они хорошо изучены в западной части ареала, особенно на двух памятниках — Дедиловичи и Городище. Постройки имели в основе углубленный в материк котлован с плоским полом (полуземлянки), который иногда, в случае расположения на склоне холма, имел стенки разной высоты (рис. 23: *1*). В восточной части ареала (смоленское Поднепровье и Подвинье) полуземлянки до сих пор неизвестны. Предполагается, что на селищах, где в раскопках не обнаружены четкие следы домостроительства, дома строились на поверхности земли. Стены большинства жилищ — как полуземлянок, так и наземных — возводились в срубной технике, не оставляющей археологических следов. Правда, в некоторых полуземлянках сохраняется в обугленном виде нижний венец сруба. Изредка стены делались столбовыми: прослежены ямы от угловых столбов, также составляющие прямоугольные контуры (рис. 23: *2*). Известны «ваннообразные» постройки — остатки наземных жилищ с подпольной ямой-хранилищем линзовидного сечения (рис. 23: *3*). Отапливались жилища открытыми очагами или печами-каменками. Последние хорошо сохраняются в некоторых полуземлянках (рис. 23: *1*). Крайне редко квадратные полуземлянки сооружались на площадках городищ (Старое Село, Городок на Маяте).

Погребения, соотносимые с древностями типа Тушемля-Банцеровщина, известны, хотя и в небольшом количестве. Обряд — трупосожжение «на стороне». Пережженные кости помещались в небольшие округлые ямки, не имеющие в настоящее время признаков на поверхности земли. Остатки вещей, как и керамические урны, встречаются редко. Хороший пример — погребение в Ревячке, где остатки кремации находились в небольшом горшке, накрытом перевернутым крупным сосудом (рис. 23: *4*). Все известные могильники располагались в непосредственной близости от открытых поселений, часто погребения впущены в культурный слой участка поселения, незадолго до этого заброшенного.

По всем признакам эти погребения входят в единый культурный круг с погребениями киевской и колочинской культур. Два могильника в северной части ареала (Узмень, Фролы) относятся, скорее всего, еще к «киевскому» этапу (древности круга Заозерье-Узмень) или переходному перио-

[86] *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 84; *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э.: Тушемлинская культура. С. 16.

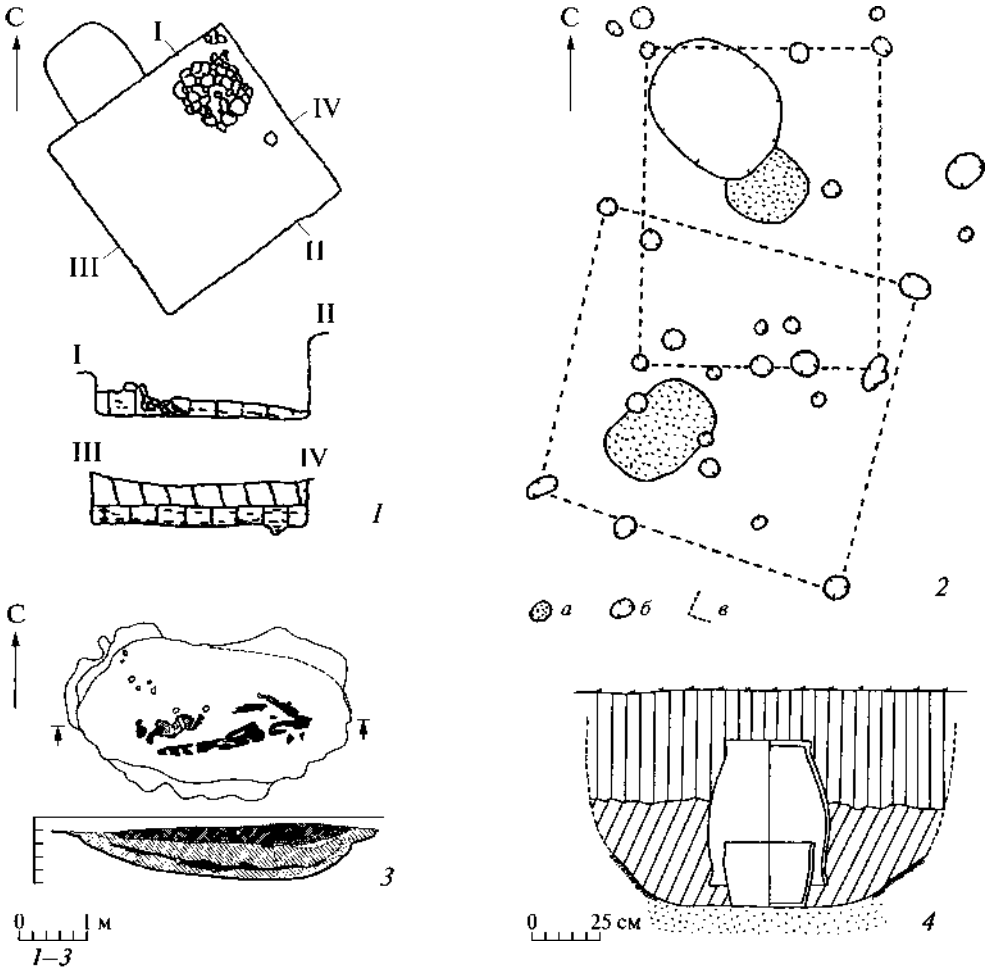


Рис. 23. Жилища и погребение

1 — Дедиловичи, постройка 15 (по: Митрофанов А. Г., 1978); *2* — план наземных жилых построек на селище Курлын (по: Шмидт Е. А., 2003; *а* — заполнение очагов; *б* — ямы; *в* — вероятные контуры построек); *3* — Ермошино, постройка 3 (по: Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. С. 155); *4* — Ревячка, грунтовое погребение (реконструкция А. Г. Митрофанова по: Медведев А. М., 2011. С. 258)

ду к тушемлинско-банцеровскому этапу[87]. Остатки подобных погребений без хронологических признаков обнаружены при раскопках ряда селищ этой же эпохи на Смоленщине.

В белорусском Подвинье известно несколько могильников с ранними длинными курганами, где трупосожжения помещены в урны, аналогичные керамике «банцеровской культуры», что послужило основанием для выделения особого варианта этой культуры, которому свойственен курганный обряд[88]. Позднее в трактовке этого явления акценты сместились: рядом исследователей было признано родство и взаимопроникновение традиций культур типа Тушемля-

[87] *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира. С. 51—53.

[88] *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). С. 120.

Банцеровщина и псковских длинных курганов[89]. Накопленные к настоящему времени данные свидетельствуют, что и севернее, в пределах большого ареала псковских длинных курганов, многие группы населения практиковали бескурганный погребальный обряд[90]. Таким образом, белорусское Подвинье является просто наиболее южным регионом большой зоны, где местами существовали те и другие традиции. Один могильник с длинным курганом и соответствующими урновыми погребениями (Ореховск) изучен далеко на юге, в бассейне Днепра[91], соседствуя с памятниками колочинской культуры, в рамках которой также в это время появляются курганные погребения[92].

Судя по ландшафтной приуроченности поселений, основу хозяйства тушемлинско-банцеровских племен составляло земледелие на легких супесчаных и аллювиальных пойменных почвах. Применялась как подсечная, так и постепенно входившая в обиход пашенная система обработки земли, что позволяло осваивать и края плодородных суглинистых моренных ландшафтов. Возделывались пшеница, просо, ячмень, овес, рожь, бобовые, лен[93]. Так, на городище Банцеровщина среди культурных растений 58,1 % составляют зерновые (ячмень, пшеница мягкая и просо), а 32,7 % — бобовые. Определены кости свиньи, крупного и мелкого рогатого скота, лося, бобра, медведя, собаки, зайца[94].

Вся керамика на памятниках типа Тушемля-Банцеровщина лепная, в большинстве своем — неорнаментированная, грубая, с крупными включениями минеральных примесей (дресвы, редко шамота и песка). Наиболее обычны горшки слабопрофилированных форм и S-образного профиля (рис. 24: *2, 5, 7—11*), которые различаются пропорциями, степенью профилированности, наклоном стенок верхней части. Значительная их часть сходна с керамикой колочинской культуры и древностей Северо-Запада. Важный признак — уровень наибольшего расширения тулова: в тенденции он расположен около середины высоты у сосудов из юго-восточной части вышеуказанного большого ареала, а в верхней трети высоты (рис. 24: *5, 8, 9*) — в северо-западной. Некоторые из сосудов с повышенным расширением тулова находят также параллели в пражской культуре. Однако использовать эту закономерность для планомерного разделения археологических культур затруднительно ввиду небольшого количества представительных коллекций керамики. По происхождению основная часть керамики связана главным образом с разными вариантами киевской культуры, хотя некоторые исследователи усматривают здесь в той или иной степени наследие местных культур раннего железного века — днепродвинской и штрихованной керамики[95].

На многих памятниках в составе керамических наборов присутствуют сосуды

---

[89] *Минасян Р. С.* Поселение и могильник на берегу оз. Узмень // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 20. Л., 1979. С. 182.

[90] См. ч. 1, гл. 2, п. 2.6.

[91] *Левко О. Н.* Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н. э. на водных путях Витебско-Оршанского региона // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск, 2019. С. 151—158.

[92] См. ч. 1, гл. 2, п. 2.3.

[93] *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. С. 391; *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э.: Тушемлинская культура. С. 99—100.

[94] *Ляшкевич Э. А., Касюк Е. Ф.* Городище Банцеровщина: История исследования и предварительные итоги // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. С. 219.

[95] *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э.: Тушемлинская культура. С. 169—170; *Медведев А. М.* Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. С. 240.

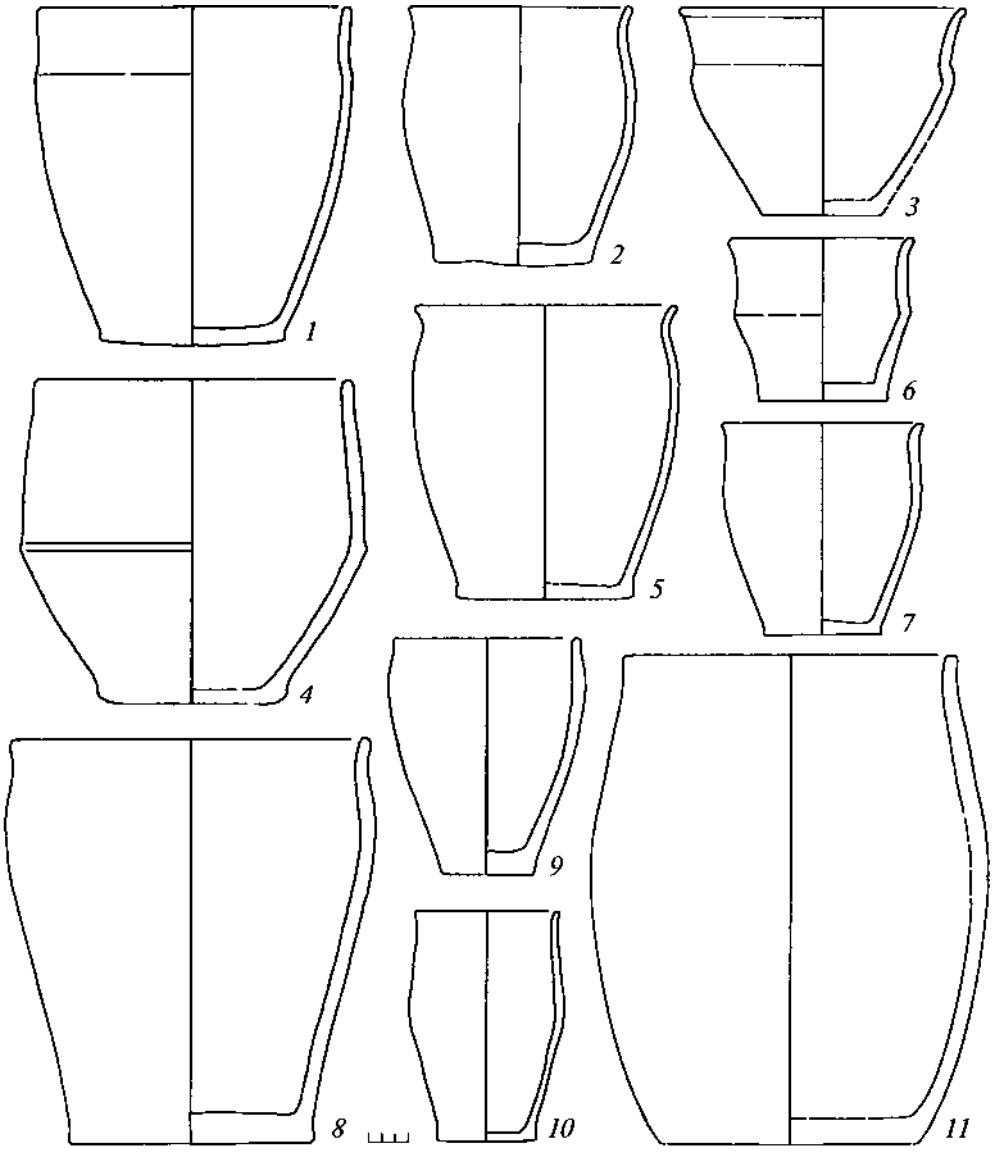


Рис. 24. Керамика

1—3 — Тушемля; *4* — Демидовка; *5—7* — Банцеровщина; *8, 9* — Жабино; *10* — Узмень; *11* — Дедиловичи

улучшенной выделки — с лощеной или выглаженной поверхностью и относительно мелкими примесями в формовочной массе. Их формы обычно имеют различные ребра и уступы. Эти характерные элементы свидетельствуют о связях с колочинской (рис. 24: *4, 6*) и, вероятно, мощинской (рис. 24: *1, 3*) культурами.

Вещевой комплекс стандартен для целого ряда культур лесной зоны Восточной Европы данной эпохи. На рис. 25 приведены типичные примеры украшений из бронзы, изредка серебра: малая пальчатая фибула с каймой из орлиных голов, фрагмент проволочной шейной гривны с костылевидным замком, браслеты с расширенными окончаниями округлого и уплощенного сечения, часто геометрически орнаментированные, ременная пряжка, пинцет, трехрогая лунница со штампованным орнаментом и трапе-

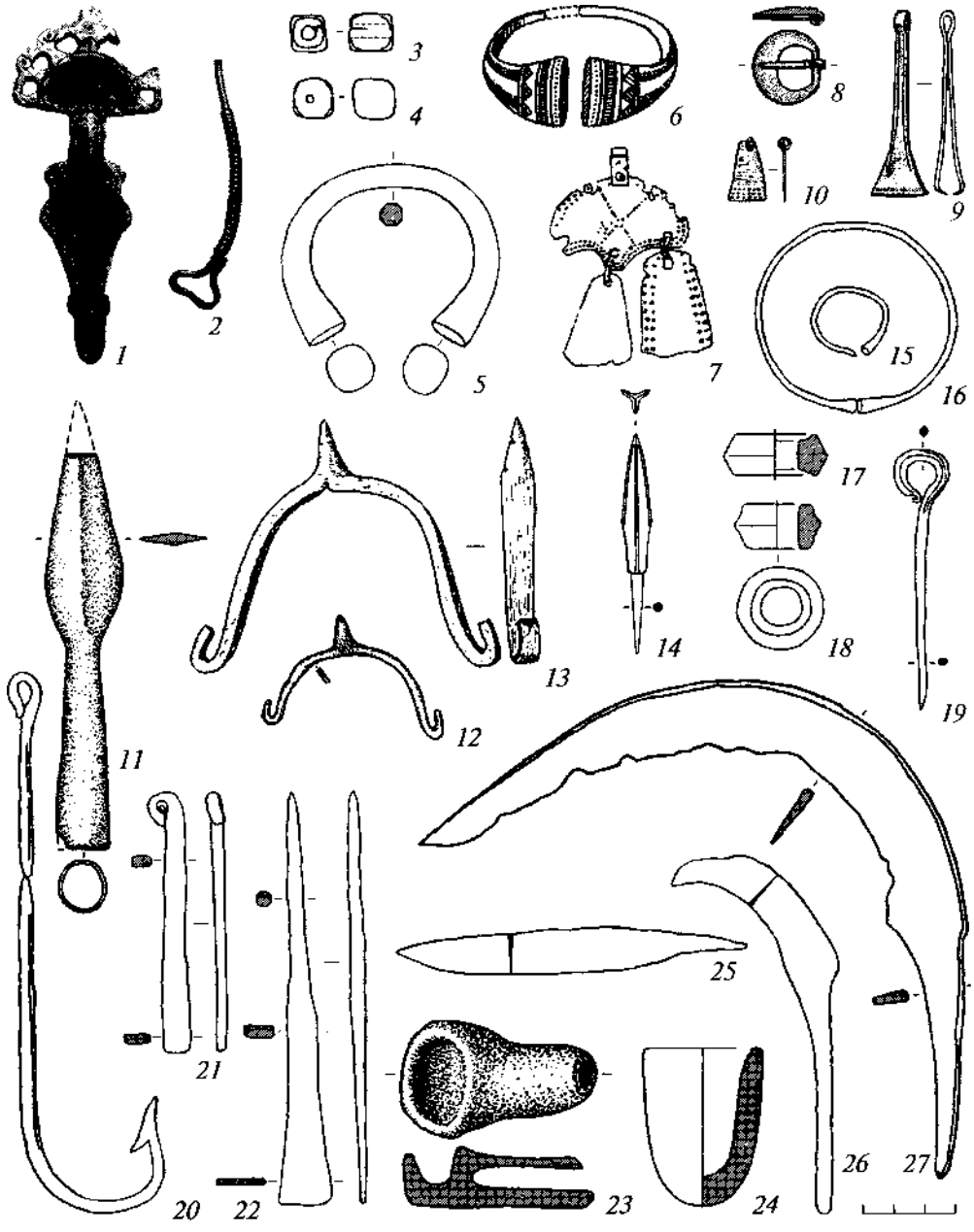


Рис. 25. Вещевой набор

1, 5—10, 15 — бронза; *2, 16* — серебро; *3, 4* — синее стекло; *11—14, 19—22, 25—27* — железо; *17, 18, 23, 24* — глина. *1, 2* — Вязовенька; *3—5, 14, 20, 24—26* — Узмень; *6, 7* — Банцеровщина; *8, 9* — Микольцы; *10—12* — Городище; *13, 15, 23* — Шугайлово; *16* — Демидовка; *17, 21, 22* — Ермошино; *18, 19* — Фролы; *27* — Тушемля

циевидными подвесками, подобная же одиночная подвеска, браслетообразные и перстнеобразные височные кольца с расширенными концами, железная посоховидная булавка, кубические бусины из синего стекла.

Представлены железные предметы вооружения и снаряжения: наконечники копий и стрел, шпоры с крючками. Трехлопастные стрелы «гуннского типа» (рис. 25: *14*) на ряде городищ располагались с внешних

сторон укреплений в качестве следов штурма. Многочисленны атрибуты быта, хозяйства и промыслов: рыболовные крючки (известны также крупные составные остроги), пластинчатые кресала, стамесковидные орудия, серпы и косы разных типов, ножи и бритвы. Из глины делались биконические пряслица для веретена, тигли и лячки — инструменты литейщика-ювелира. Назначение ряда предметов отчасти загадочно: «стамесковидные орудия» (рис. 25: *22*), возможно, выполняли функцию кресал, «бритвы» (рис. 25: *26*) — это инструменты с изогнутым наружу лезвием, назначение бронзовых «пинцетов» (рис. 25: *9*) спорно. Глиняные пряслица (рис. 25: *17, 18*), вероятно, использовались и в качестве игральных фишек, поскольку известны предметы подобной же формы, но без отверстий[96].

Металлические вещи изучаемого ареала в 1990-е гг. были проанализированы В. В. Седовым, который пришел к выводу, что целая серия этих находок свидетельствует о миграции середины I тыс. н. э. из Средней Европы. Один из наиболее интересных элементов этого построения — сюжет о браслетообразных височных кольцах, позволивший автору говорить об этносе мигрантов как славянском и об этническом смешении их с местными балтами[97]. Идея о принадлежности всей этой категории женских украшений исключительно славянам подверглась критике[98]. Кроме того, несмотря на очевидность появления импортных вещей, В. В. Седову не удалось убедить оппонентов в объяснении этого явления именно одномоментной и значительной миграцией из одного определенного исходного региона.

Об устройстве общества в тушемлинско-банцеровском ареале можно судить главным образом по характеру поселений и жилищ. С одной стороны, многие городища продолжали использоваться или возобновлялись на прежних местах в прежнем размере, что должно свидетельствовать о сохранении в каких-то формах архаичных родовых традиций предыдущей эпохи. Вероятно, назначение этих «городков» как жилых общинных поселков сменилось функцией центров родовых общин, используемых в ритуальных и военно-административных целях. С другой стороны, повседневный быт и хозяйство переместились в открытые поселки поблизости или в отдалении от городков, а небольшие жилища нового типа распространились в качестве мест обитания малых семей.

Вероятно, в эту же эпоху начинают появляться племенные центры, превосходящие по площади родовые городки почти на порядок (более 1 га). Таких примеров по крайней мере два — детинец Друцка и городище Свила-1[99].

В исследованиях о тушемлинско-банцеровских и родственных с ними древностях речь часто идет о миграциях разного масштаба. Городище с селищем Дедиловичи на западной окраине банцеровского ареала в верховьях Березины является уникальным памятником, хорошо иллюстрирующим общественную структуру и процесс миграции. Особенность этого памятника, находившегося в залесенной местности, —

[96] *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э.: Тушемлинская культура. Табл. 17: 9, 10.

[97] *Седов В. В.* Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // Российская археология. 1994. № 2. С. 56—70; *Он же.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.

[98] *Казанский М. М.* О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. Вып. 6. СПб., 1999. С. 406—407; *Леонтьев А. Е.* О «мерянской гипотезе» В. В. Седова // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 112—114.

[99] *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона: (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). С. 45.

остатки около 300 жилищ, сохранившиеся в виде западин на современной поверхности, на склонах холма вокруг городища (рис. 22: *2*). План их расположения позволяет утверждать, что постройки не нарушали друг друга и не перестраивались. Наиболее очевидная трактовка такого крупного и недолго просуществовавшего поселения — это зимовье целого племени численностью до 1000 человек, заселившего новую для себя территорию. Скорее всего, это временное место обитания, которое было в организованном порядке покинуто с расселением по округе мелкими коллективами, соответствующими хозяйственно-культурному типу той эпохи[100].

При определении ареала древностей типа Тушемля-Банцеровщина было бы неверно пытаться провести четкие границы с соседними культурами. Так, на юге (Верхнее Поднепровье и смоленская часть бассейна Двины) расположена обширная зона взаимопроникновения с колочинской культурой, на севере (белорусское Подвинье) — с культурой псковских длинных курганов. Внутри ареала также наблюдается целый ряд специфических для отдельных регионов признаков, на основе чего намечаются локальные варианты культуры. В восточной (смоленской) части, несмотря на наиболее явные признаки сходства керамического комплекса с колочинским, не известно домостроительство колочинского типа (полуземлянки). В западной (белорусской) части полуземлянки есть, а керамика реберчатого профиля встречается гораздо реже. Отмечаются и другие местные особенности керамических наборов. В восточной части, в отличие от западной, во многих случаях селища обнаруживаются не близ городищ, а отдельно.

Рассмотрение основных культур Верхнего Поднепровья и соседних территорий в широком едином контексте позволяет правильно расставить акценты в вопросах происхождения, взаимосвязей древностей типа Тушемля-Банцеровщина с соседями, этнической характеристики оставившего их населения, выявить локальные варианты.

Приверженцы самых разных, в том числе альтернативных, взглядов по этим вопросам признают, что в генезисе культуры типа Тушемля-Банцеровщина приняли участие как местные культуры раннего железного века (днепро-двинская и штрихованной керамики), так и продвинувшаяся с юга по Днепру и его притокам киевская культура. Различия позиций заключаются в понимании степени участия этих компонентов. И все же равновесное привлечение к анализу материалов культур колочинской, тушемлинско-банцеровской, псковских длинных курганов и более мелких групп Северо-Запада приводит к выводу, что главным компонентом-предшественником их всех являлась киевская культура (разных вариантов), а местные культуры эпохи раннего железа послужили субстратом, придававшим лишь некоторые особенности отдельным группам древностей.

Было прослежено, что в смоленское Поднепровье, смоленское и белорусское Подвинье в III—IV вв. с юга проникают носители как верхнеднепровского, так и деснинского вариантов киевской культуры, при взаимодействии которых между собой и с местными древностями формируется западнодвинский вариант киевской культурно-исторической общности в составе двух типов — Заозерье и Узмень. Следующим этапом развития указанных древностей в белорусско-смоленских землях и является культура типа Тушемля-Банцеровщина, а севернее — культура псковских длинных курганов и другие группы[101]. Таким обра-

[100] *Лопатин Н. В.* Памятники верховьев Березины и Вилии в контексте культурогенеза середины I тыс. н. э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 17. Минск, 2002. С. 123—130.

[101] *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* О роли памятников III—V вв. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. 1995. № 9. С. 136—142; *Он же.* Северные рубежи раннеславянского мира.

зом, по своему происхождению эти культуры входят в большой круг раннеславянских археологических древностей. Помимо славян киевской культуры, в их формировании, очевидно, приняло некоторое участие местное балтское и (севернее) финно-угорское население.

Не позднее середины VIII в. культура типа Тушемля-Банцеровщина прекращает свое развитие и сменяется культурой смоленско-полоцких длинных курганов. Прямой связи между этими культурами нет, но отмечаются отдельные признаки, свидетельствующие о возможном контакте их носителей.

Именьковская культура

Среди археологических культур эпохи раннего Средневековья, исследованных на территории Восточной Европы, именьковская культура занимает особое место. Памятники именьковской культуры, формировавшиеся на протяжении IV—VII вв. н. э., выделены на обширном пространстве, на территории целого ряда современных административных регионов: Татарстана, Башкортостана, Удмуртской, Чувашской республик, Республики Мордовия, Пензенской, Самарской, Ульяновской областей (рис. 26). На площади до 200 000 кв. км к настоящему моменту известно около 800 памятников именьковской культуры — городищ, селищ, грунтовых могильников, 100 из которых в той или иной степени исследованы раскопками[102]. Однако, несмотря на длительное изучение памятников именьковской культуры, до сих пор до конца не решены основные вопросы, которые были поставлены исследователями еще во второй половине XX в.: какова этническая принадлежность населения, оставившего памятники именьковской культуры, какими были исходные районы миграции этого населения в Волго-Камье, как сложились судьбы именьковского населения после того, как культура прекратила свое существование. Дискуссионными являются и вопросы о взаимоотношении именьковского населения с соседями: носителями позднесарматской археологической культуры, а затем гуннами и тюрками на юге, носителями турбаслинской и кушнаренковской культур на востоке, азелинской — на севере, с древнемордовскими и рязано-окскими группами — на западе. Далека от своего решения и проблема выделения культурно-хронологических горизонтов внутри самой именьковской культуры.

Памятники именьковской культуры расположены в лесостепной зоне, в местах, удобных для ведения подсечного земледелия и занятий придомным скотоводством. В степной зоне они не зафиксированы. Укрепленные поселения — городища — известны на всей территории культуры.

Именьковское население в первую очередь освоило террасы малых рек, притоков Волги и Камы. Хозяйство именьковцев было комплексным. Помимо занятия пашенным земледелием они разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, домашнюю птицу, занимались охотой и рыболовством. Видимо, с активизацией волжского торгового пути они не могли остаться в стороне от его обслуживания.

При анализе материалов из раскопок именьковских памятников было выявлено их различие между собой, в том числе хронологическое. Исследованные памятники именьковского времени можно разделить на две культурно-хронологические группы:

1. IV—V вв. — ранняя;
2. VI—VII вв. — поздняя.

Резкой границы между группами нет, и в силу отсутствия достаточного количества

[102] *Матвеева Г. И.* Среднее Поволжье в IV—VII вв.: Именьковская культура. Самара, 2003. С. 3.

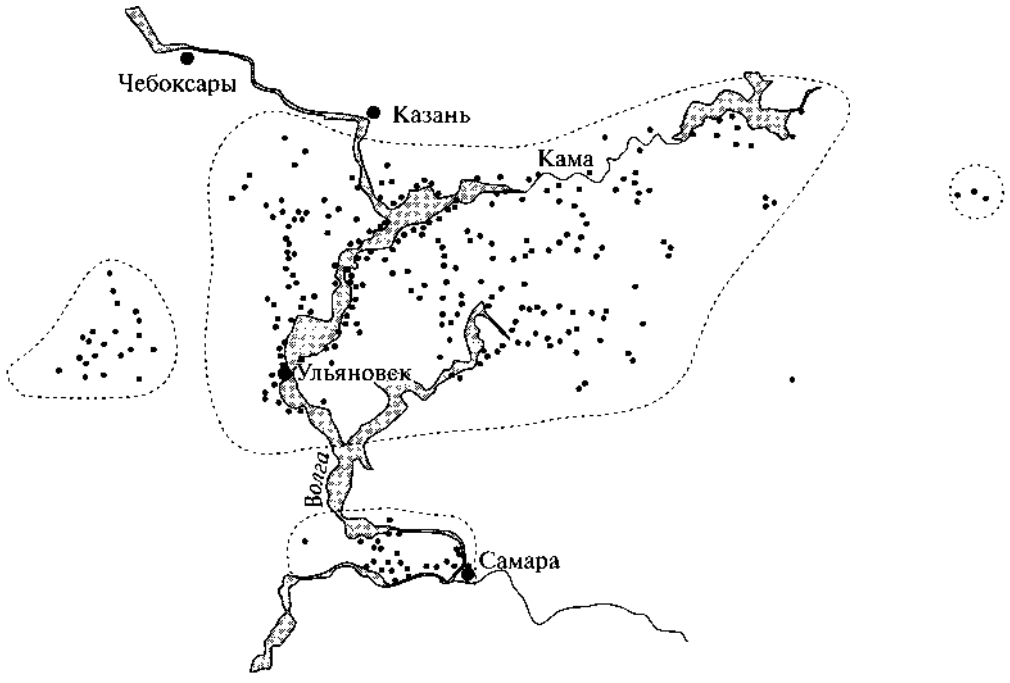


Рис. 26. Территория именьковской культуры

хронологических реперов по мере накопления материалов возможно выделение новых этапов и уточнение их хронологии.

Различия памятников разных этапов выражены в следующих признаках: размерах и характере поселений (среди памятников раннего этапа отсутствуют городища), плотности застройки поселений, наборе определенных форм сосудов и пряслиц.

Известные поселения расположены преимущественно на первой террасе небольших рек — стариц или притоков Волги и Камы. Поселения раннего этапа отличаются сравнительно большой площадью (от 1,5 до 10 га). На основании имеющихся данных можно предположить, что господствующей была усадебная планировка. По конструктивным особенностям основная часть именьковских построек относится к углубленным (полуземлянкам)[103] (рис. 27).

Погребальный обряд — преимущественно кремации на стороне, ингумация представлена единичными погребениями. Могильники обнаружены недалеко от синхронных им поселений. Внешних признаков они не имеют. Погребения по обряду кремации «на стороне» совершены в ямах цилиндрической или овальной формы, диаметром до 1 м. В погребения помещались фрагменты кальцинированных костей, очищенных от остатков погребального костра, в качестве погребального инвентаря — лепные сосуды, глиняные пряслица, немногочисленные детали ременной гарнитуры, бусы[104].

Набор костных остатков на памятниках именьковской культуры представлен фрагментами костей крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи (причем процентное соотношение костей перечислен-

[103] *Лифанов Н. А.* Домостроительство лесостепного Поволжья второй — третьей четверти I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 13—15.

[104] *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры. М., 1967. (САИ; Вып. Д1-32).

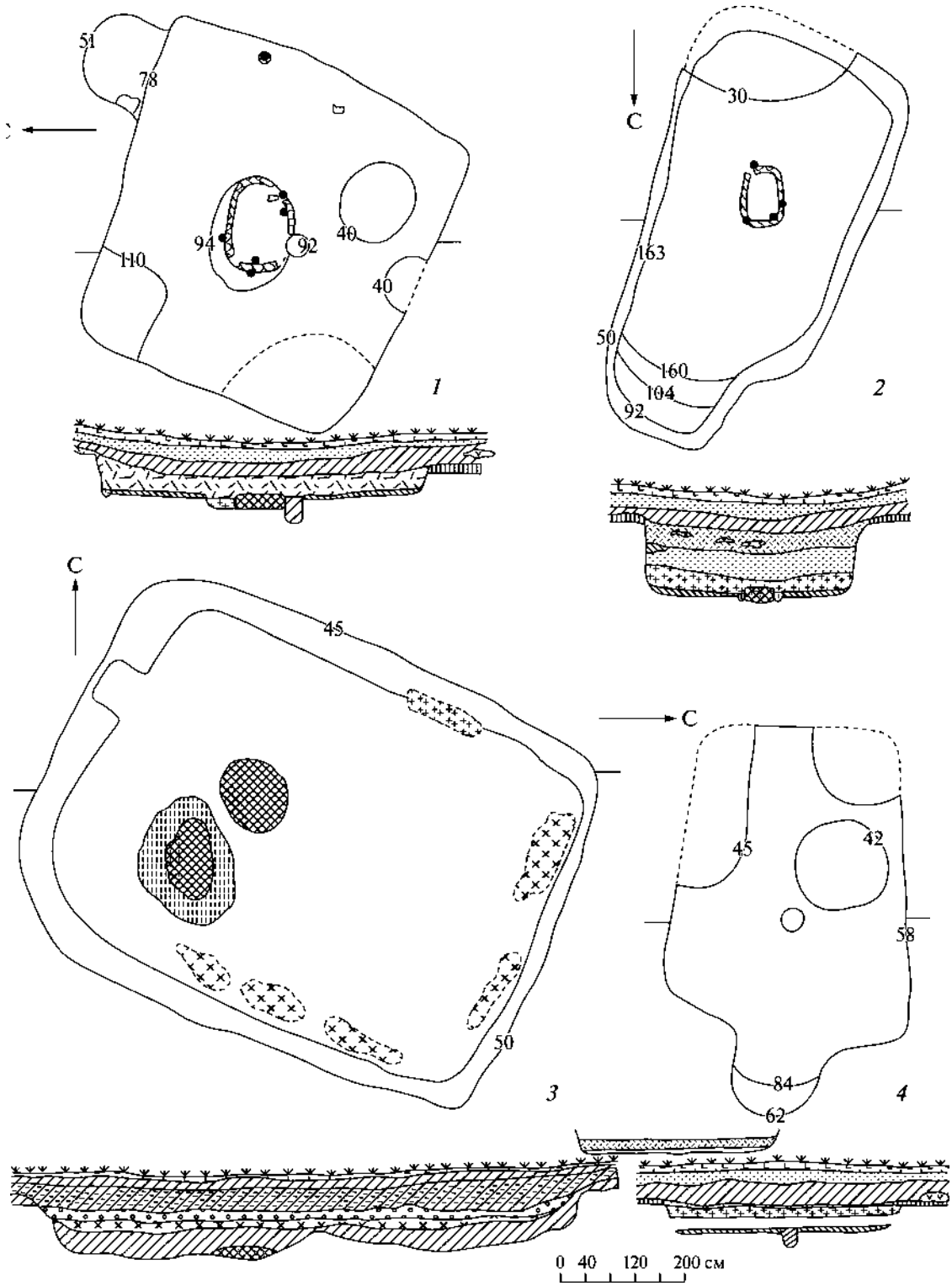


Рис. 27. Жилища именьковской культуры (по: Старостин П. Н., 1967. Табл. 7)

1, 2, 4 — Маклашеевское II городище; *3* — Именьковское I городище

ных домашних животных различается на разных группах памятников), медведя, лося, сайгака, бобра, зайца, птицы (уток) и рыбы и свидетельствует, прежде всего, об оседлом образе жизни. Значительное место в жизни обитателей поселений занимали охота и рыболовство[105].

Керамику именьковской культуры по характеру обработки поверхности и формовочной массе можно разделить на две группы (рис. 28). Первая, наиболее многочисленная, — лепная керамика с грубо обработанной поверхностью, в основном горшковидных форм, реже встречаются высокие мискообразные сосуды, диски-сковороды. Цвет сосудов серый, черно-коричневый или пятнистый. Эта группа сосудов вследствие примеси в тесте крупного шамота и органики имеет грубую бугристую поверхность, на которой иногда видны следы заглаживания. Днища у всех сосудов плоские, с небольшими закраинами или без них. На днищах сосудов наблюдаются следы подсыпки — травы, мякины, зерен. Венчики сосудов прямые или слегка отогнутые наружу. Подавляющее большинство сосудов неорнаментированные, лишь в нескольких случаях имеется орнамент, нанесенный на край венчика методом насечек или защипов. В формовочной массе именьковских сосудов фиксируется значительная примесь крупного и среднего шамота и органики в виде навоза и навозной выжимки[106].

Пряслица делятся на три группы: 1) биконические пряслица; 2) пряслица из стенки лепного сосуда; 3) шаровидные глиняные пряслица. Все пряслица хорошо обожжены и имеют коричневатую или черную заглаженную либо лощеную поверхность, в основном они неорнаментированные. Имеются единичные пряслица, украшенные точечным орнаментом по бокам или насечками по ребру, сплошным орнаментом в виде ямочных вдавлений. Иногда на пряслицах имеется орнамент в виде прочерченных по сырой глине крестиков[107].

К сельскохозяйственному инвентарю относятся железные серпы, железные крепления для кос, каменные жернова. Показательно, что при раскопках именьковских поселений встречены целые жернова или их фрагменты, а зернотерки отсутствуют, что может свидетельствовать о развитии у именьковского населения пашенного земледелия.

На памятниках именьковской культуры найдены глиняные литейные формы для отливки украшений из бронзы, глиняные конусовидные (рюмкообразные) тигли, глиняные льячки, а также такие предметы быта, как бронзовые пинцеты, железные ножи, оселки и точильные камни, плитки для выпрямления и шлифовки древков стрел, огнива, изделия из кости. Предметы вооружения и охоты представлены железными трехлопастными и костяными наконечниками стрел. Из украшений присутствуют немногочисленные бусы, изготовленные из стекла, кости, камня, железные булавки, антропоморфные амулеты, бронзовые кольцевые подвески с выпуклинами, подвески, элементы ременной гарнитуры (рис. 29).

Распространено мнение о славянской в основе принадлежности именьковской культуры, о ее носителях как выходцах из Среднего Поднепровья, из ареала заруби-

---

[105] *Богаткина О. Г.* Новые материалы к изучению остеологических признаков домашних животных у представителей именьковской культуры (Новинковское селище) // Краеведческие записки. Вып. 7. Самара, 1995. С. 285—286; *Петренко А. Г.* К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н. э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э.: (Вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 198—212.

[106] *Салугина Н. П.* Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 121—122.

[107] *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры. Табл. 21.

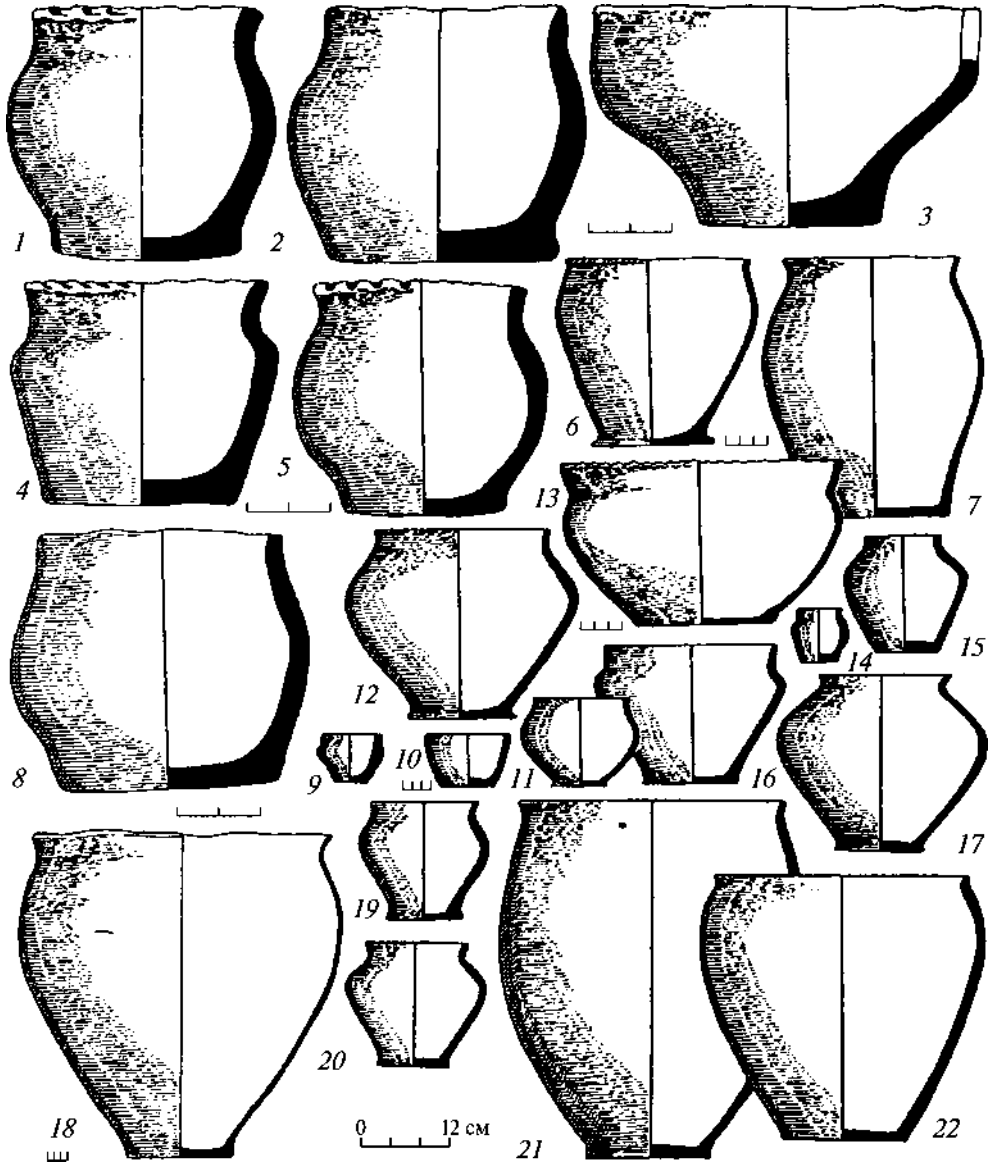


Рис. 28. Образцы лепных сосудов именьковской культуры (по: Матвеева Г. И., 2003. Табл. 6)

1—14 — Старомайнское городище; *15—22* — Именьковское I городище

нецкой и киевской культур[108]. По другой точке зрения, именьковская культура органически связана с турбаслинскими древностями и имеет восточные истоки[109]. Более вероятным представляется, тем не менее, что эта культура была образованием полиэтничным и многокомпонентным. Она включала в себя представителей ираноязычных, праславянских и финно-угорских народов (археологически зафиксированы

[108] *Матвеева Г. И.* Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 206—217; *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 315.

[109] *Казаков Е. П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э.: (Вопросы хронологии). С. 110—111.

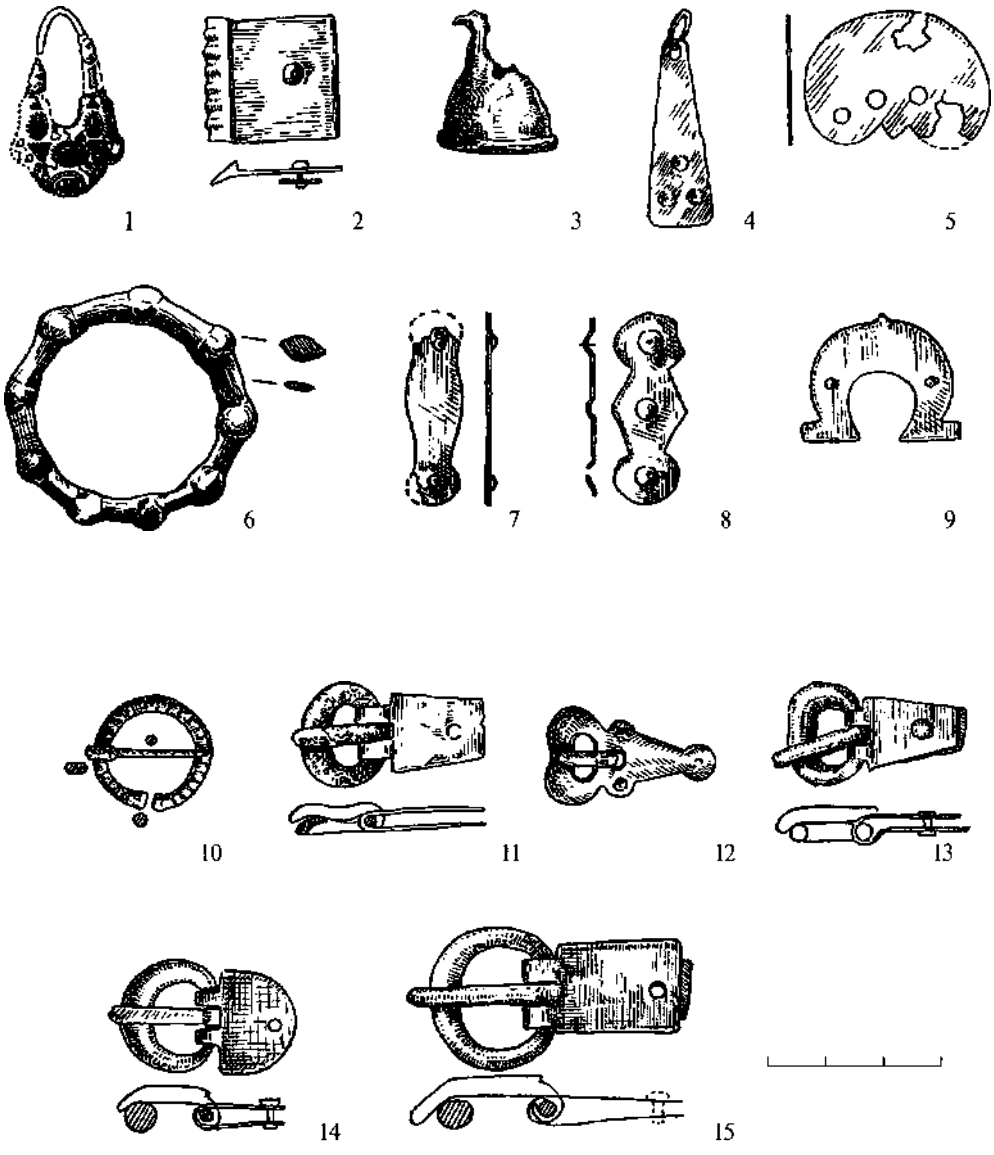


Рис. 29. Украшения и детали ременной гарнитуры именьковских памятников (по: Старостин П. Н., 1967)

1 — Маклашеевское II городище; 2, 5, 7, 8 — Рождественский могильник; 3, 4, 6, 12, 13, 15 — Щербетьское островное I селище; 9 — балымерский Шолом; 10, 11 — Именьковское I городище; 14 — Коминтерновское поселение (Курган)

позднесарматские, саргатские, позднескифские элементы, прослежены многочисленные параллели в материалах каракуповской, киевской, кушнаренковской, позднезарубинецкой, турбаслинской и других культур). На разных этапах развития и в разных частях именьковского ареала преобладало то или иное население, придававшее специфическую окраску именьковской культуре. Региональные отличия, позволяющие выделить в составе именьковской культуры локальные варианты, обусловлены в том числе и различными исходными районами заселения данной территории[110].

[110] *Сташенков Д. А.* О восточных элементах в именьковской культуре // XIII Уральское археологическое совещание.: Тезисы докладов. Ч. 2. Уфа, 1996. С. 117—118; *Салугина Н. П.* Результаты технологического

Раннесредневековые древности Северо-Запада Восточной Европы

Культура псковских длинных курганов. Наиболее известные и исследованные раннесредневековые древности лесной зоны Северо-Запада Европейской части России — это культура псковских длинных курганов. На той же территории выявлены памятники иных культурных групп, население которых проживало как бы «параллельно» в иных ландшафтных зонах.

Вопросы происхождения и этнокультурной принадлежности культуры длинных курганов (далее — КПДК) до настоящего времени остаются дискуссионными[111]. По мнению разных исследователей, изучавших отдельные регионы, культура складывается: 1) на основе местных прибалтийско-финских или днепро-двинских древностей; 2) в результате миграции населения из Верхнеднепровских и Верхнедвинских земель (тушемлинская культура); 3) на основе памятников типа Заозерье; 4) по В. В. Седову, КПДК — это славянская культура и является на данной территории «местным новообразованием» — результатом интеграционного процесса (прибывшее разноплеменное население и местные финны, которые постепенно славянизировались)[112].

Наименование культуры дано на основании специфической формы некоторых погребальных насыпей, хотя в тех же могильниках присутствуют и господствуют курганы иных форм — округлые, подпрямоугольные и комбинированные. Раскопки показали их идентичность по остальным признакам погребального обряда[113]. По мере изучения памятников, выяснения различий в погребальном обряде, инвентаре и хронологии первоначальный единый массив длинных курганов был разделен на две крупные группы: смоленские (смоленско-полоцкие) и псковские (псковско-новгородские).

Территория, где известны памятники культуры псковских длинных курганов, охватывает побережье Псковско-Чудского озера, бассейны рек Великой, Плюссы, Луги, верхнего течения Западной Двины, верхнего и среднего течения Ловати, верхней Полы, озера в верховьях Волги, бассейны Мсты и средней Мологи (рис. 30).

Наиболее изученными являются погребальные объекты этой культуры (вклейка, рис. 1). Раскопки поселений единичны и материал, позволяющий всесторонне представить культуру, немногочисленен.

Всего исследовано около 600 курганных насыпей. Господствующий тип обряда — кремация «на стороне», когда остатки сожжения переносились с погребального костра. Остатки кремации помещались: россыпью, в груде, в ямке, в сосуде-урне; в основании курганной насыпи, в самой насыпи, на ее вершине. Помимо урн кремированные кости могли находиться и в иных — несохранившихся — емкостях (деревянных, кожаных, тканевых). Под курганными

анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 237—238.

[111] См.: *Конецкий В. Я.* Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 226—241.

[112] *Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 124—125.

[113] *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // Советская археология. 1981. № 1. С. 42—56; *Михайлова Е. Р.* О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 70—78.

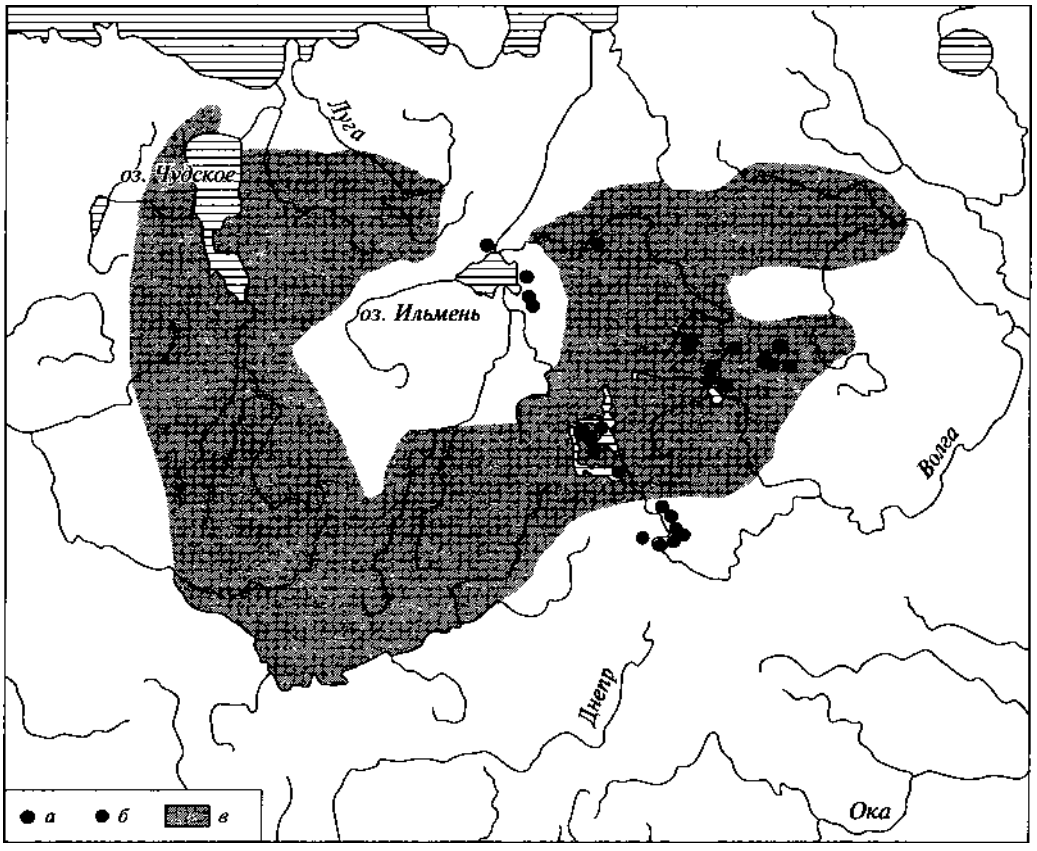


Рис. 30. Культура псковских длинных курганов, предсопочные памятники и типа Подол

а — предсопочные памятники; б — поселения типа Подол; в — территория наибольшего распространения культуры псковских длинных курганов

насыпями по скоплениям крупных углей и остаткам обгоревших плах или бревен нередко фиксируются предполагаемые «деревянные конструкции»[114].

В курганах, как правило, вместе с останками людей находились кремированные кости животных: лошадей, собак, крупного рогатого скота, птиц, медведей. Нередко вблизи насыпей выявляются грунтовые захоронения.

Основной тип поселений — селища. Помимо неукрепленных известны укрепленные поселения — городища-убежища, как правило, расположенные в скоплении («гнезде») памятников КПДК[115]. Преобладают поселения небольших размеров: от менее 1 тыс. кв. м до 6 тыс. кв. м. Более крупные поселения (10 тыс. и более кв. м) — это преимущественно многослойные памятники, имеющие культурные отложения нескольких эпох. И поселенческие, и погребальные объекты приурочены к берегам водоема (реки, озера или ныне заболоченных озер и проток). На селищах культурный слой име-

[114] *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006. С. 46—48.

[115] *Фурасьев А. Г.* Городища-убежища второй половины I тысячелетия н. э. // Петербургский археологический вестник. Вып. 9. СПб., 1999. С. 143—150; *Попов С. Г.* Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе // Археология и история Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 54-го заседания. Псков, 2009. С. 219, 223, 225, 230.

ет небольшую мощность и слабо насыщен находками керамики и вещей. Постройки были наземными срубными с подпольными ямами. В жилых строениях находились очаги из камней.

Погребальные объекты сооружались чаще всего за поселением, несколько дальше от воды, на более возвышенном участке, иногда — рядом с поселением на берегу водоема. В редких случаях селище и могильник приурочены к разным водоемам одного бассейна. Одному поселению могли соответствовать несколько курганных могильников.

При исследовании поселений КПДК были выявлены объекты производственно-хозяйственной деятельности[116]. Это комплексы со следами литейного (из цветного металла) и железоделательного производства. В слое поселений и в хозяйственных ямах обнаружены литейные формочки, тигли, льячки; многочисленны железные шлаки.

На современном этапе исследований культуры псковских длинных курганов можно присоединиться к мнению В. Я. Конецкого и К. Г. Самойлова, реконструировавших хозяйственный уклад населения. Для этой культуры характерен хозяйственно-культурный тип «ручные земледельцы и скотоводы лесной зоны»[117]. Земледелие было преимущественно подсечным, при сильной увлажненности климата такой способ позволял собрать достаточный урожай на песчаных почвах. Животноводство имело придомную форму с вольным выпасом скота. Основные пастбища — участки мелколесья по берегам лесных речек и в низинах, пойменные заливные луга. Главный объект мясной охоты — лось. Несомненна и значительная роль в хозяйстве рыболовства и собирательства.

О керамических и вещевых материалах, характерных для КПДК, можно судить по артефактам, обнаруженным преимущественно в погребальных памятниках и в меньшей степени — на поселениях. Население применяло исключительно лепную посуду.

На поселениях многочисленна посуда (баночные формы и хорошо профилированные сосуды), имеющая традиции местного населения, проживавшего здесь в предшествующие периоды (рис. 31: *1*, *6*). В восточной области культуры встречена также модифицированная керамика, являющаяся «развитием» посуды так называемого мощинского круга (рис. 31: *2*). Последняя появилась здесь в конце второй четверти I тыс. н. э. вместе с населением, культура которого была близка позднедьяковским древностям Верхнего Поволжья. Местных корней эти древности не имели. Вполне допустимо, что появившееся новое население не только оказало влияние на культуру псковских длинных курганов, но и растворилось в этой среде.

Состав керамики КПДК вполне согласуется с общими современными представлениями об этих памятниках как о многокомпонентном культурном массиве (рис. 31: *3*—*5*), в основе которого находилось местное прибалтийско-финское население, испытавшее сильное влияние или возможный приток переселенцев из бассейнов Западной Двины и верхнего Днепра. Вместе с тем надо учитывать и неоднородность местных культур в предшествующий период.

Исследователи выделяют три области концентрации памятников[118]: западную (бассейн Псковско-Чудского озера, реки Луга, Плюсса, верховья реки Великой, правобережье верхнего течения Западной Двины), восточную (бассейны Мсты и

[116] *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. С. 73; *Попов С. Г.* Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе. С. 226.

[117] *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* Хозяйство носителей культуры длинных курганов: Проблема структурности // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 14. Новгород, 2000. С. 265, 270.

[118] *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: Типология и хронология. Saarbrücken, 2014. С. 192—200.

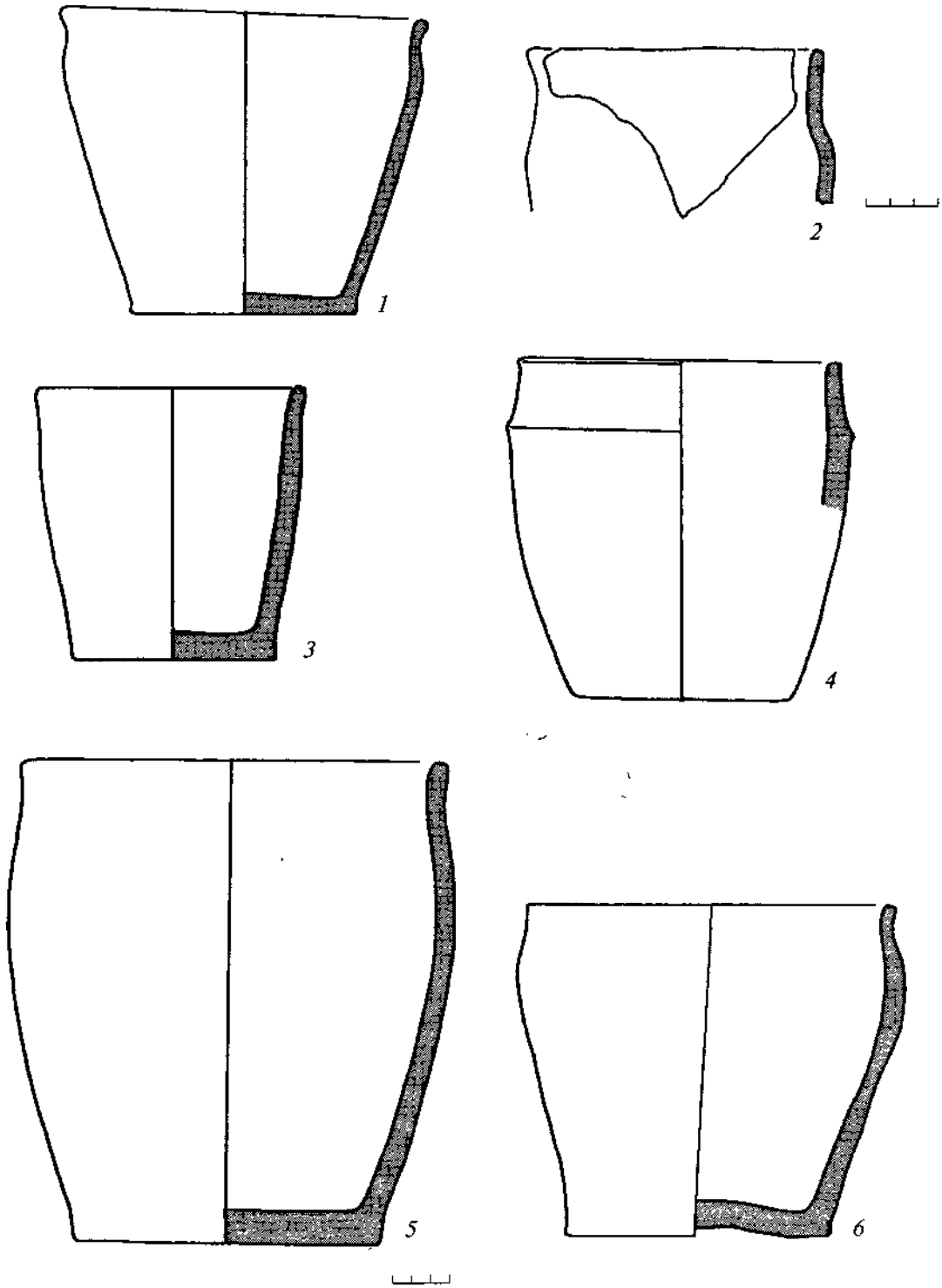


Рис. 31. Лепная керамика из памятников культуры длинных курганов

1 — грунтовый могильник на оз. Съезжее; *2* — курганный могильник Городок 8; *3* — курганный могильник Жабино; *4* — курганный могильник Жеребятино; *5* — курганный могильник Атоки; *6* — могильник Подол на оз. Кафтино

Полы, Молого-Мстинское междуречье и Верхневолжские озера) и южную (бассейны Ловати, Двинско-Ловатское междуречье). Западная и восточная области имеют некоторые различия по вещевому инвентарю.

Е. Р. Михайловой для культуры выделено 3 периода; их хронологические рамки подтверждаются радиоуглеродными датами[119].

I: конец V в. — вторая четверть — середина VI в. Время формирования КПДК. Большинство исследователей относит появление культуры к концу V — рубежу V—VI вв.

II: середина VI в. — рубеж VIII—IX вв. Развитая культура псковских длинных курганов. Большинство типов вещей равномерно распространены по всей территории культуры. Здесь выделено два подпериода: II А (вторая половина VI—VII в.) и II В (VIII в.). Южная область КПДК в подпериод В опустевает.

III: IX — начало XI в. Финальный этап существования КПДК. Верхней границей существования памятников является смена погребального обряда в течение XI в. (распространение ингумаций)[120]. Комплексы этого периода выделены по наличию предметов, свойственных складывающейся древнерусской культуре. Существенно уменьшается количество памятников, и территория культуры сокращается.

Имеющиеся сведения по топографии памятников, элементам погребального обряда и погребального костюма, керамическому материалу, характеру объектов на заключительном этапе все больше указывают на версию возникновения культуры на основе местного населения, как наиболее приемлемую. В пользу доминирования в этой культуре местных компонентов можно добавить ряд аргументов.

1. Женский головной убор — это головные венчики (рис. 32: *1*), состоявшие из бляшек-обоймиц, которые крепились на неширокую ленту или располагались на нескольких нитях или ремешках. Такие головные уборы близки известным уборам в раннесредневековых финских древностях Поволжья и в прибалтийских древностях[121].

2. Определенная доля бытовавшей керамики имеет местные традиции, возможно уходящие корнями в древности предшествующего периода.

3. Некоторые городища раннего железного века используются, видимо, как убежища населением КПДК.

4. Памятники КПДК размещаются в некотором удалении от основных водных магистралей ареала, часто концентрируясь только в микрорегионах, освоенных еще в раннем железном веке.

Древности иной культурной принадлежности. До конца XX в. раннесредневековые древности Северо-Запада лесной зоны Восточной Европы в археологии были представлены только культурой псковских длинных курганов и культурой сопок (новгородских словен). В 1970-е гг. В. Я. Конецкий обратил внимание на различия в ландшафтной приуроченности памятников этих культур и указал на чересполосное их размещение[122]. После исследований и уточнения хронологии сопок выяснилось, что эти объекты существовали лишь на заключительном этапе функционирования культуры псковских длинных курганов, то есть с

[119] *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. С. 203—220.

[120] *Михайлова Е. Р.* Культура псковских длинных курганов: Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 15.

[121] *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: Типология и хронология. С. 71—73.

[122] *Конецкий В. Я.* К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Мсты // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 83—85.

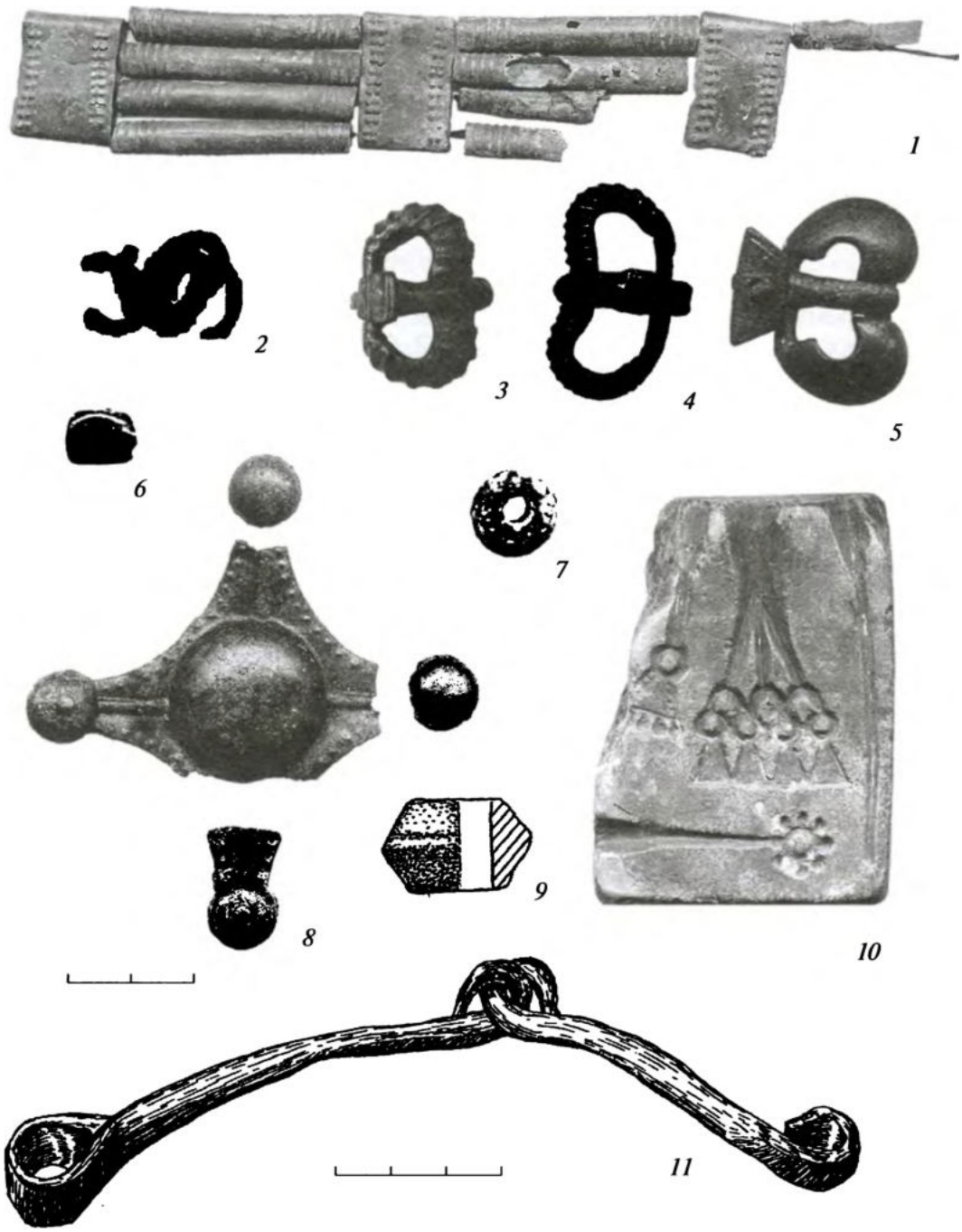


Рис. 32. Вещевые артефакты с раннесредневековых памятников

1, 3—5, 8 — цветной металл; *2, 11* — железо; *6, 7* — стекло; *9* — глина; *10* — камень. *1* — фрагмент головного венчика из кургана 1 могильника Шихино; *2* — фрагмент кольчуги с селища Юрьевская Горка; *3* — пряжка из кургана № 1 могильника Млёвский Бор; *4, 5* — пряжки из кургана № 3 могильника Гринино 1; *6* — полиэдрическая бусина синего цвета с селища Юрьевская Горка; *7* — многоцветная («крапчатая») бусина с селища Юрьевская Горка; *8* — бляха сбруи из кургана № 25 могильника Шихино; *9* — пряслице с селища Подол; *10* — фрагмент литейной формы с городища Осечен; *11* — фрагменты трехчастных удил с селища Подол

рубежа VIII—IX по начало XI в.[123] При таком положении дел оказывалось, что ландшафтные зоны, занятые в конце I тыс. н. э. носителями культуры сопок, оставались незаселенными в третьей четверти I тыс. н. э. Поэтому исследователи стали говорить «о необходимости поиска некой третьей группы»[124].

Начало изучения таких «третьих» памятников приходится на конец XX — начало XXI в. Они были обнаружены в микрорегионах, занятых в конце I тыс. н. э. культурой сопок, и были размещены чересполосно с объектами культуры псковских длинных курганов. На основании местоположения исследованных поселения и могильника вблизи озера Удомля эти древности были обозначены как «памятники удомельского типа»[125]. Полевые исследования в других микрорегионах лесной зоны позволили выявить еще серию археологических объектов, обозначенных затем как предсопочные, или выделить аналогичные артефакты на известных многослойных поселениях. Концепция о новом типе памятников была поддержана рядом исследователей[126], но иногда археологический комплекс памятников в Удомельском Поозерье продолжает рассматриваться как принадлежащий культуре псковских длинных курганов[127]. Отдельную культурную группу представляют поселения в верховьях Волги — это памятники типа Подол. Данный тип древностей также был выделен И. В. Ислановой в начале XXI в. на основании проработки и анализа археологических материалов с поселений, исследованных во второй половине XX в.[128] Территория этой группы лишь частично расположена в ареале КПДК.

Предсопочные памятники. Памятники, не относящиеся к древностям культуры псковских длинных курганов, известны: в Юго-Восточном Приильменье, на нижней, средней и верхней Мсте, в Удомельском Поозерье и предположительно в верховьях Волхова и на озере Бологое (рис. 30). Древности занимают иные, чем поселения и могильники КПДК, экологические ниши. Поселения представлены селищами и городищами, погребальные объекты — грунтовыми могильниками. О материальной культуре населения можно судить по двум наиболее исследованным комплексам памятников: городищу и селищу Городок на Маяте, селищу и грунтовому могильнику Юрьевская Горка.

Предсопочные древности объединяют характерные для них схожие признаки.

1. Расположение в местности с холмисто-моренным ландшафтом, с хорошо дре-

---

[123] *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье. С. 54—55.

[124] *Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989. С. 177.

[125] *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 22—55, 126—127.

[126] *Платонова Н. И.* О «белых пятнах» на археологической карте и новом типе памятников третьей четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе // Ладога и Северная Русь: Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996. С. 9—12; *Конецкий В. Я.* Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: Итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности: (К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб., 2007. С. 266—267.

[127] См., например: *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Варяжский путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4. С. 75—79.

[128] *Исланова И. В.* Памятники типа Подол: (Культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н. э.) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М., 2014. С. 26–44 (Раннеславянский мир; Вып. 15).

нированными и обширными террасами, на почвах (аллювиальных, дерново-подзолистых или на лессовидной основе), наиболее благоприятных для ведения земледелия и скотоводства.

2. На поселениях встречены срубные жилые и хозяйственные постройки с немного углубленным в материк прямоугольным котлованом и печами-каменками[129]. К таким строениям применимо условное название «полуземлянки». Аналоги таким постройкам известны в Подвинье, в Центральной и Северной Белоруссии[130].

Помимо указанных жилых строений на селище Юрьевская Горка встречены жилые строения со сдвоенными материковыми ямами (хозяйственной подпольной и очажной). Аналоги таким строениям встречены на раннеславянском поселении Восточной Волыни Тетеревка 1[131]. Зафиксированы также постройки с одной подпольной ямой и каркасно-столбовые производственные и хозяйственные строения.

3. Большая часть найденной на поселениях лепной посуды фиксирует приток населения с новыми культурными традициями (рис. 33: *2*, *3*). Меньшая часть представлена керамикой, которая является результатом «развития» посуды местного населения, проживавшего здесь в раннем железном веке (рис. 33: *1*, *5*). Единичны находки сосудов, появившиеся в результате контактов с населением КПДК (рис. 33: *6*).

4. Погребальные памятники — это грунтовые могильники, где остатки кремации «на стороне» помещались в выкопанные от дневной поверхности округлые и овальные ямки. Курганный обряд неизвестен.

5. Большинство из обнаруженных предсопочных памятников находится на берегах крупных для своих регионов водотоков (реки Мста и Съежа) и, по всей видимости, на путях (водных и сухопутных) активного передвижения населения и торговой деятельности. В конце I тыс. н. э. эти участки заняты могильниками культуры сопок и поселениями, возникающими или поблизости, или на месте предсопочных памятников.

На земледельческий характер населения указывает не только почвенная приуроченность поселений, но и обнаруженные там зерна пшеницы (преобладают), ячменя, ржи, овса и проса. В большинстве исследованных жилых построек также прослежены следы ремесленной деятельности — изготовления различных украшений из свинцово-оловянистых сплавов.

Вещевой материал предсопочных поселений состоит преимущественно из предметов, распространенных в лесной зоне Восточной Европы на памятниках третьей четверти I тыс. н. э.: глиняные биконические пряслица (рис. 32: *9*), железные ножи с прямой спинкой, синие стеклянные бусы, браслеты с расширенными концами. Серия находок свидетельствует о контактах с населением КПДК и о присутствии местного населения — потомков носителей позднедьяковской культуры[132]. Для выяснения исходных территорий появившегося предсопочного населения особого внимания заслуживает находка фрагмента кольчуги (рис. 32: *2*). Такие изделия могли попасть в эту часть лесной зоны, по всей видимости, со славянским населением. Находки фрагментов кольчуг есть в пеньковской и

[129] *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. С. 31—42.

[130] *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010. С. 96—110.

[131] *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение Тетеревка I. Киев, 1992. С. 11.

[132] *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. С. 44—49.

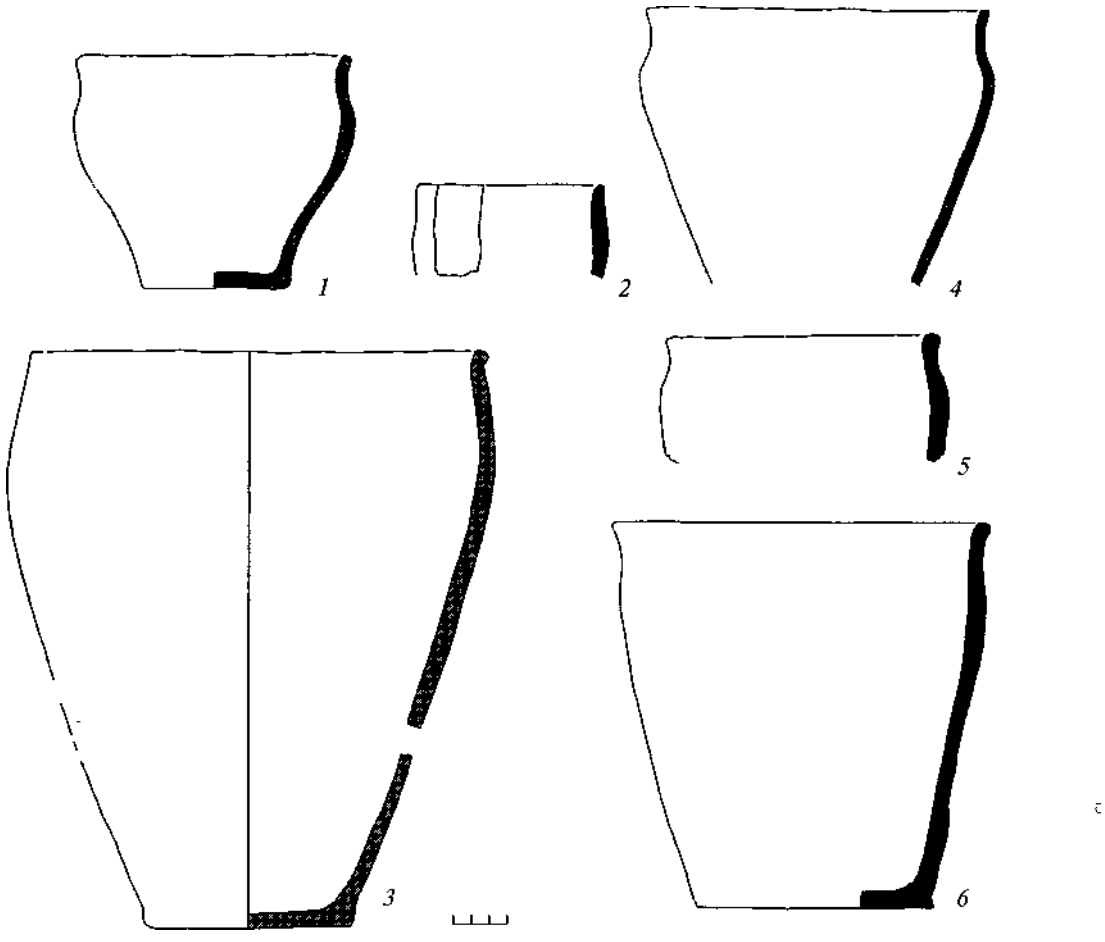


Рис. 33. Лепная керамика предсопочных памятников

колочинской культурах, на верхнедонских поселениях гуннского времени, у волжских финнов, в Прикамье, но их нет у балтов и прибалтийских финнов[133].

Некоторые лепные сосуды в сочетании с реберчатой лощеной посудой и сосудом с налепным орнаментированным валиком (находки на городище Городок на Маяте) указывают на миграцию, видимо, земледельческого славянского населения во второй половине V—VII в. из областей северной периферии киевской и колочинской культур (из Белорусского Поднепровья, Центральной и Северной Белоруссии)[134].

Группа поселений типа Подол. Наименование древности получили по поселению Подол 3, расположенному на озере Волго[135].

---

[133] *Казанский М. М.* Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 308—309.

[134] *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. С. 117, 406.

[135] *Синицына Г. В., Исланова И. В.* Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 484—495.

Поселения находятся на озерах Волговерховья чересполосно с памятниками КПДК, а также на берегах верхней Волги (рис. 30). Погребальные объекты не выявлены, но предположительно ими могли быть бескурганные могильники.

Обнаруженные на поселениях типа Подол вещевые материалы и полученные радиоуглеродные даты позволяют отнести памятники к третьей четверти I тыс. н. э.[136] По имеющимся археологическим материалам выделяются следующие характерные признаки этого типа древностей.

1. Население предпочитало селиться на дерновоподзолистых почвах или вблизи аллювиальных почв, благоприятных для занятия сельским хозяйством.

2. Площадь поселений — от 1200 до 12 000 кв. м.

3. Постройки на поселениях были наземными срубными с подпольными ямами в материке. Отопительными сооружениями служили, видимо, очаги.

4. В быту использовался устойчивый набор лепной посуды (рис. 34), близкий посуде предсопочных памятников и поселений Верхнего Подвинья и отличающийся от керамического набора КПДК, прежде всего, относительно большой «примесью» ребристых форм. Значительная часть посуды является развитием местных форм — это керамика, схожая с посудой мощинской культуры, или ее модификация (рис. 34: *1—3*). Большое количество такой керамики — особенность поселений типа Подол.

5. На поселениях также использовались глиняные диски или сковороды. Такие кухонные предметы распространены в основном в древностях второй и третьей четвертей I тыс. н. э. лесостепной и южной части лесной зон Восточной Европы и на памятниках позднего этапа мощинской культуры[137].

В керамическом и вещевом комплексах памятников типа Подол «просматривается» возможная исходная территория появившейся в раннем Средневековье на верхней Волге группы населения — это Верхнее Подвинье. Особенностью памятников типа Подол также является их расположение на крупной водной магистрали — реке Волге и вблизи волока к верховьям Западной Двины. С таким местоположением связано и появление на поселениях наборов литейных форм (рис. 32: *10*), в том числе бернашёвского типа (Поднестровье), которые свидетельствуют о распространении новых традиций или передвижении из южных регионов ремесленников.

Судя по данным палинологических анализов, предполагается, что в раннесредневековое время происходило интенсивное освоение данной территории. Это выразилось в сведении коренных хвойных лесов и создании больших пахотных площадей[138]. О занятиях скотоводством и охотой свидетельствуют находки на том же поселении костей как домашних (корова, мелкий рогатый скот, свинья), так и диких (лось, благородный олень) животных[139].

* * *

В целом для раннесредневековых древностей всех групп и типов по керамическому и вещевому материалам фиксируется присутствие или тесные связи с местным прибалтийско-финским или балтским населением, а также контакты с позднe-

[136] *Исланова И. В.* Памятники типа Подол: (Культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н. э.). С. 28—31.

[137] *Воронцов А. М.* Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н. э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). М., 2016. Рис. 8: 15—24; 13: 17—26; 17: 9—12; 19: 14—16. (Раннеславянский мир; Вып. 17).

[138] *Синицына Г. В., Исланова И. В.* Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области. С. 491.

[139] Там же. С. 495.

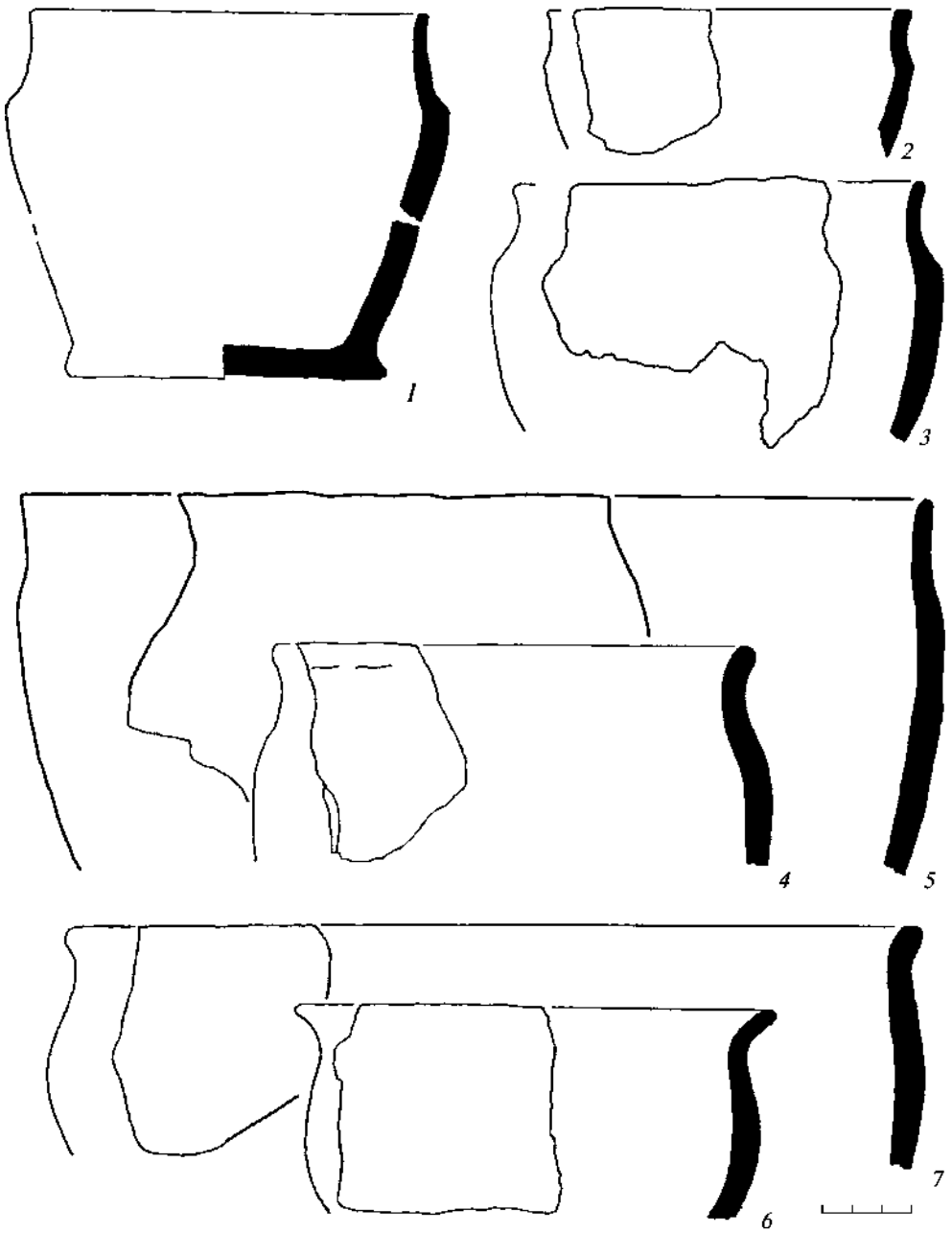


Рис. 34. Лепная керамика поселений типа Подол

дьяковским населением смежных восточных регионов, расположенных в Верхнем Поволжье или бассейне реки Мологи (левый приток Волги), а также с более отдаленными территориями вплоть до Прикамья. Явственно фиксируются также культурные связи со смежными Верхнеднепровским и Верхнедвинским регионами. На основании найденных предметов вооружения, поясных и сбруйных пряжек, крестовидных сбруйных блях, фрагментов трехчастных удил (рис. 32: *3—5, 8, 11*) М. М. Казанский

допускает, что в V—VI вв. в лесную зону Восточной Европы проникают «отдельные милитаризированные группы дунайско-германского, славянского и балтского населения»[140].

На памятниках всех типов обнаружены стеклянные бусы, указывающие на наличие торговых связей через серию посредников. Стеклянные изделия, по всей видимости, поступали в Восточную Европу из мастерских Малой Азии. Наиболее частыми находками в погребениях КПДК, на поселениях этой же культуры, предсопочных и памятников типа Подол являются 14-гранные (полиэдрические) бусы из прозрачного темно-синего стекла (рис. 32: *б*). На всех типах памятников также известны и многоцветные (так называемые крапчатые) бусы средиземноморского происхождения (рис. 32: *7*), поступавшие сюда во второй половине V — первой половине VI в.[141]

Памятники КПДК в отдельных микрорегионах западной и предположительно восточной областей доживают до IX — начала XI в. Известна серия могильников, где в пределах одного памятника прослеживается переход от традиционной обрядности КПДК к ингумациям под небольшой курганной насыпью[142]. Появившиеся в погребениях предметы, характерные для древнерусской культуры (поселения этого времени не исследовались), свидетельствуют о постепенном включении населения в общий культурный массив.

Как уже указывалось, предсопочные поселения в основном были расположены в тех же микрорегионах, что и памятники культуры сопок, появившиеся здесь в конце I тыс. н. э., при этом (судя по наиболее исследованному удомельскому микрорегиону) перерыва в жизни не прослеживается. Имеющиеся археологические материалы позволяют говорить о трансформации предсопочных древностей в культуру сопок — фактически начальный этап древнерусской культуры. Это фиксируется при сопоставлении таких признаков, как домостроение, керамика, вещевые артефакты. Сохранение традиций указывает не только на преемственность в элементах материальной культуры, но и на преемственность населения[143].

Культура Луки-Райковецкой (райковецкая)

Памятники в урочище Лука и ряде других мест у села Райки (Бердичевский район Житомирской области Украины) (рис. 35: *А* 6), давшие название культуре, исследовались во второй половине 1940-х гг.[144] Среди полученных там преддревнерусских мате-

[140] *Казанский М. М.* Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья. С. 310—311.

[141] *Мастыкова А. В., Плохов А. В.* Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника на оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 340—344, 350.

[142] *Исланова И. В.* О поздних погребальных памятниках в восточной области культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 237—248.

[143] Для памятников типа Подол, в отличие от культуры псковских длинных курганов и предсопочных древностей, из-за недостаточной источниковой базы пока невозможно проследить происходившие в конце I тыс. н. э. изменения.

[144] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950; *Он же.* Лука-Райковецкая // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 283—315. (МИА; № 108). Раскопки на городище (основные слои — древнерусского времени) в 1929—1935 гг. велись Ф. М. Мовчановским. До В. К. Гончарова материалы, ныне относимые к райковецкой культуре, исследовались в Киеве В. В. Хвойкой в 1908 г., С. С. Магурой в 1932 г., в Искоростене П. Н. Третьяковым в 1940 г., а также в ряде других пунктов. Одно из первых надрегиональных обобщений: *Бліфельд Д. І.* Стан дослідження археологічних пам'яток періоду утворення Київської Русі // Вісник Академії наук Української РСР. 1957. № 7. С. 18—26.

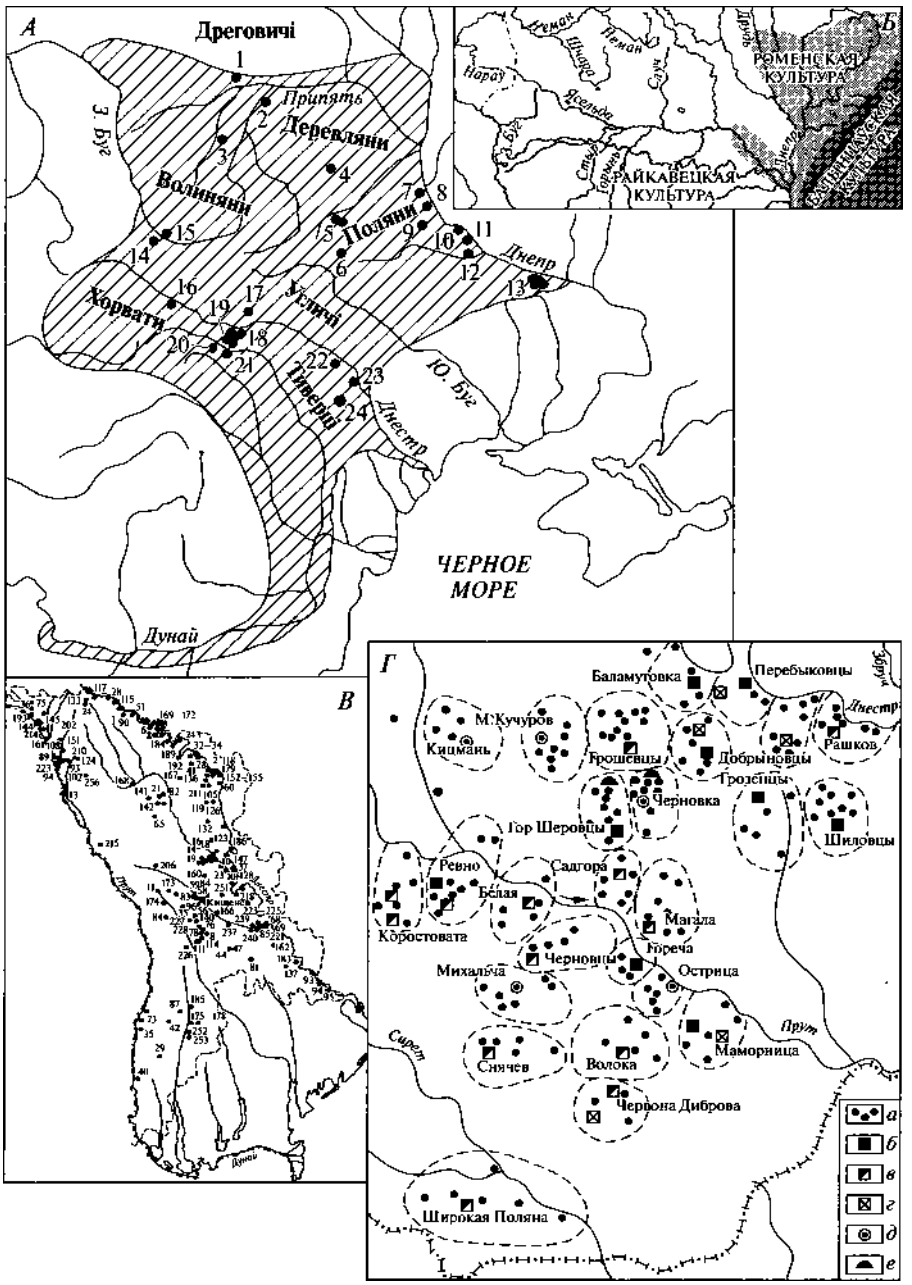


Рис. 35. Культура Луки-Райковецкой

А. Ареал культуры и вариант локализации на ее территории летописных «союзов племен» (по: Михайлина Л. П., 2007). Важнейшие памятники: 1 — Городище на Ясельде; 2 — Хотомель; 3 — Бабка; 4 — Искоростень; 5 — Тетеревка, Шумск; 6 — Райки; 7 — Киев; 8 — Ходосовка; 9 — Обухов; 10 — Монастырек; 11 — Канев; 12 — Сахновка; 13 — Стецовка, Великая Андрусовка, Макаров остров, Луг; 14 — Рипнев; 15 — Плиснеск; 16 — Незвиско; 17 — Богит; 18 — Рашков; 19 — Черновка, Ржавинцы, Добрыновцы, Редковцы; 20 — Ревно; 21 — Кодын; 22 — Алчедар и Одая; 23 — Екимауцы; 24 — Скок. *Б*. Северная граница райковецкой культуры (по: Касюк А. Ф., 2016). *В*. Славянские памятники VIII—X вв. на территории Республики Молдова (по: Тельнов Н. П., 2003). *Г*. «Гнезда» поселений VI—X вв. на землях Северной Буковины и предположительные функции поселений (по: Тимощук Б. А., 1990). Условные знаки: *а* — основные рядовые поселения; *б*—*г* — городища (*б* — административно-хозяйственные центры, *в* — убежища; *г* — святилища); *д* — поселение — общинный центр; *е* — курганный могильник

риалов автор раскопок В. К. Гончаров выделил те, что сопоставимы с памятниками у села Корчак и подобными им (пражская культура), и те, что заполняют хронологический промежуток между ними и древнерусскими. Вторая группа и схожие с ней памятники были названы типом/культурой Луки-Райковецкой, распространенной от правобережья Днепра до верхнего течения Западного Буга, Украинского Закарпатья, Восточного Прикарпатья.

В интерпретации части этих материалов существуют и иные подходы. В. В. Аулих выделял в особую группу памятники на землях Северо-Западной Украины, прилегающих к ним регионов в Юго-Восточной Польше и Припятском Полесье[145]. В. А. Петрашенко только на правобережье Среднего Поднепровья различала сахновско-волынцевскую (см. ч. 1, гл. 2, п. 2.8), житомирско-полесскую (собственно Луки-Райковецкой) и потясминскую (на реке Тясмин) группы памятников, а позднее предлагала предельно широкое понимание культуры Луки-Райковецкой, выделяя в Поднепровье ее сахновско-волынцевский этап и включая в нее ряд памятников на левобережье Днепра вплоть до зоны «классической» роменской культуры[146]. А. В. Комар[147] памятники в полосе вдоль правого берега Днепра от Киева до Канева, датируемые с конца VII в., как и ряд других исследователей, относит к волынцевской культуре[148]; древности Луки-Райковецкой, согласно его мнению, распространяются здесь во второй половине IX в., южнее на основе постволынцевских и потясминских традиций формируется «тип Сахновка». При разногласии в интерпретации конкретных комплексов правобережья Среднего Поднепровья все исследователи согласны, что хотя бы часть из них относится к райковецкой культуре, и отмечают специфику региона, в отличие от других территорий этой культуры входившего некоторое время в зону дани Хазарскому каганату, а с конца IX в. связанного с ядром формирования Древнерусского государства со столицей в Киеве.

Северную границу райковецкой культуры обычно проводят по левобережью Ясельды и Припяти (например, рис. 35: *А*) или исключая низовья Припяти (рис. 35: *Б*). Проблему представляет определение границ на западе. Дело в том, что специалисты, жившие за пределами СССР, для памятников на «своей» территории термин «культура Луки-Райковецкой» и подобные ему не применяли, хотя и не отрицали наличия такой культуры восточнее. В итоге северо-западная и западная граница этой культуры проводилась практически по государственной границе СССР (рис. 35: *А*). Это «размежевание», предложенное без детальной аргументации украинскими исследователями как минимум к концу 1980-х гг.[149], воспроизводится и поныне, поскольку специальных исследований приграничных древностей последней четверти I тыс. н. э. с точки зрения их культурной атрибуции так и не появилось.

Древности между Карпатами и Днестром большинство румынских и часть мол-

[145] *Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области // Славяне накануне образования Киевской Руси. С. 378—381.

[146] *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988. С. 94—97; *Петрашенко В. О.* Слов'янська кераміка VIII—IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ, 1992; *Она же.* Формування культури типу Луки Райковецької у Середньому Подніпров'ї // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н. е. Київ; Львів, 1999. С. 230—239.

[147] *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 301—333; *Он же.* Поляне и северяне // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 128—191.

[148] О другом понимании «волынцевского феномена» см.: *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 130—136, 147—148. (Раннеславянский мир; Вып. 3).

[149] Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. Рис. 52.

давских археологов связывают с автохтонным романским населением. Однако недавнее исследование Н. П. Тельнова показало, что огромный массив памятников на территории Республики Молдова относится к культуре Луки-Райковецкой (рис. 35: *В*), как и считали многие специалисты ранее[150]. Не раз отмечалось, что и некоторые памятники от реки Прут до Болгарского Подунавья имеют сходство с райковецкой культурой[151], но вопрос о том, каков этот культурный массив и как он соотносится с балкано-дунайской или другими культурами, сопоставляемыми с северо-восточной зоной Первого Болгарского царства, остается открытым. Кроме того, часть памятников Пруто-Днестровского междуречья предложено относить не к райковецкой культуре, а выделять в особую группу Екимауцы-Алчедар, видя в ней существенный западный (в основном среднедунайский) славянский компонент[152].

Юго-восточная граница райковецкой культуры всеми исследователями проводится приблизительно по южной кромке лесостепи, где кончается массив оседлого славянского населения. Однако и эта картина (рис. 35: *А*) является схемой, требующей уточнения взаимоотношений различных групп славян и степных кочевников на микрорегиональном уровне и в исторической динамике. Например, к райковецкой культуре относят некоторые поселения в районе Днепровских порогов и в низовьях Днестра.

На территории райковецкой культуры располагалось несколько славянских «союзов племен», упоминаемых в Повести временных лет и других письменных источниках, однако локальные варианты райковецкой археологической общности практически не исследованы и надежно выделить границы этих образований по данным археологических памятников VIII—X вв. пока не представляется возможным.

Несмотря на многие неясности и проблемы, понятие «райковецкая культура» все еще остается основным инструментом для понимания развития традиций, связанных с пражской культурой, между северо-восточными отрогами Карпат, Западным Бугом и Средним Поднепровьем вплоть до оформления на этих землях древнерусской культуры.

Современные специалисты в целом разделяют точку зрения о хронологических рамках культуры Луки-Райковецкой в пределах VIII (конца VII) — X вв.[153], сформулированную еще в конце 1940-х — начале 1960-х гг. На основании нескольких существующих хронологических шкал райковецкой культуры можно говорить о периодах: раннем (конец VII — VIII в. или VIII — начало IX в.), для которого характерно господство лепной керамики, отличающейся от поздней пражской лишь некоторыми технологическими особенностями, в ряде случаев и украшением края сосудов пальцевыми вдавлениями и защипами

[150] *Тельнов Н. П.* Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв. // Stratum plus. 2003 (2001—2002). № 5. С. 142—263.

[151] См. обзор: *Хрисимов Н.* Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова // Stratum plus. 2015. № 5. С. 309—342.

[152] *Рабинович Р. А., Рябцева С. С.* Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб., 2009. С. 292—308; *Они же.* О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екимауцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе // Od Bachórza do Światowida ze Zbrucza. Twotzenie się słowiańskiej Europy wujęciu źródłoznaczym. Kraków; Rzeszów, 2016. S. 323—341.

[153] *Михайлина Л.* Слов'яни VIII—IX ст. між Дніпром і Карпатами. Київ, 2007; *Тельнов Н. П.* Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв. // Stratum plus. 2003 (2001—2002). № 5; *Филипчук М.* Слов'янські поселення VIII—IX ст. в Українському Прикарпатті. Львів, 2012; *Касюк А. Ф.* Беларускае Палессе ў канцы VII—VIII ст. і ў пачатку X ст. н. э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 2. Минск, 2016. С. 62—98.

(рис. 36: *23—45*; рис. 37: *23—30*), в Поднепровье такие комплексы нередко относят к типу Сахновка, выделенному О. М. Приходнюком[154]; среднем (конец VIII — IX в. или IX — начало X в.), когда распространяется местная посуда, изготовленная на гончарном круге (рис. 36: *15—22*, отчасти *7—12*; рис. 37: *15—22*); позднем (X в.) — господства круговой посуды (рис. 36: *1— 14*; рис. 37: *7—14*). Находка в комплексе с преобладанием круговой посуды на поселении Рипнев-1 (рис. 35: *А* 14) ременного наконечника (рис. 40: *41*), характерного для финала культуры Аварского каганата (около 780 — 800/825 гг. по Й. Забойнику), свидетельствует о том, что по крайней мере для некоторых регионов датировки периодов требуют корректировки.

В вопросе о переходе от пражской культуры к райковецкой следует учесть появление многих поселений райковецкой культуры именно в позднепражское время[155], а это заставляет сдвигать «вглубь» рубежи в поселенческой истории ряда регионов, что определяет их историческую периодизацию. Требуют осмысления и находки на некоторых райковецких памятниках Северной Буковины дериватов пальчатых фибул днестро-дунайской подгруппы (рис. 40: *54, 55*) (см. о них ниже), датируемых на других территориях не позднее VII в., как и наличие характерного для райковецкой культуры украшения лепных сосудов пальчатыми вдавлениями у кочевников на протяжении как минимум VII в., при том, что в удаленных от степи землях (например, в Полесье) такая орнаментация встречается заметно реже, чем на более южных территориях[156]. Требуют корректировки и полученные ранее результаты применения естественно-научных методов, на основе которых датирован ряд ранних комплексов райковецкой культуры и связанных с ней памятников[157]. Из сказанного следует, что датировка рубежа пражской и райковецкой культур, по крайней мере в некоторых регионах, может корректироваться по отношению к «усредненной».

Особый круг вопросов — верхняя хронологическая граница райковецкой культуры. Рефрен многих работ прошлого века про «перерастание» культуры Луки-Райковецкой в древнерусскую ныне представляется очень неоднозначным. В Киеве, где наличие находок и комплексов типа Луки-Райковецкой никто не оспаривает, как минимум с X в. развивается синкретичная (с райковецким компонентом) древнерусская культура. Гибель некоторых «градов» в ходе присоединения новых земель к государству с центром в Киеве иногда хорошо датируется исходя из сопоставления данных археологии и летописей, хотя те и другие могут иметь погрешности. Однако основная масса населения этих земель оставалась прежней, и его культура трансформировалась в древнерусскую не сразу и по-разному. Новые исследования показали, что предполагаемые «маркеры» присутствия киевских дружинников, например элементы скандинавской культуры (вклейка, рис. 2: *41—42*; вклейка, рис. 3: *А 7*; рис. 40: *13*), появились на ряде терри-

---

[154] О дискуссии по этим памятникам и термине см.: *Гавритухин И. О.* К атрибуции славянских памятников V—VII веков на Южном Буге // Европа от Латена до Средневековья. М., 2018. С. 56.

[155] *Гавритухин И. О.* Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой культуры Старого Света. С. 9.

[156] Там же. С. 9—10.

[157] *Комар О. В.* Археологічне та археомагнітне датування волинцевських комплексів Ходосівського поселення // Археологія і давняя історія України. 2018. № 2 (28). С. 168—191; *Він же.* Досвід використання радіокарбонного методу для датування ранньослов'янських пам'яток України (1970—1987 рр.) // Археологія і давняя історія України. 2019. № 1 (30). С. 254—267.

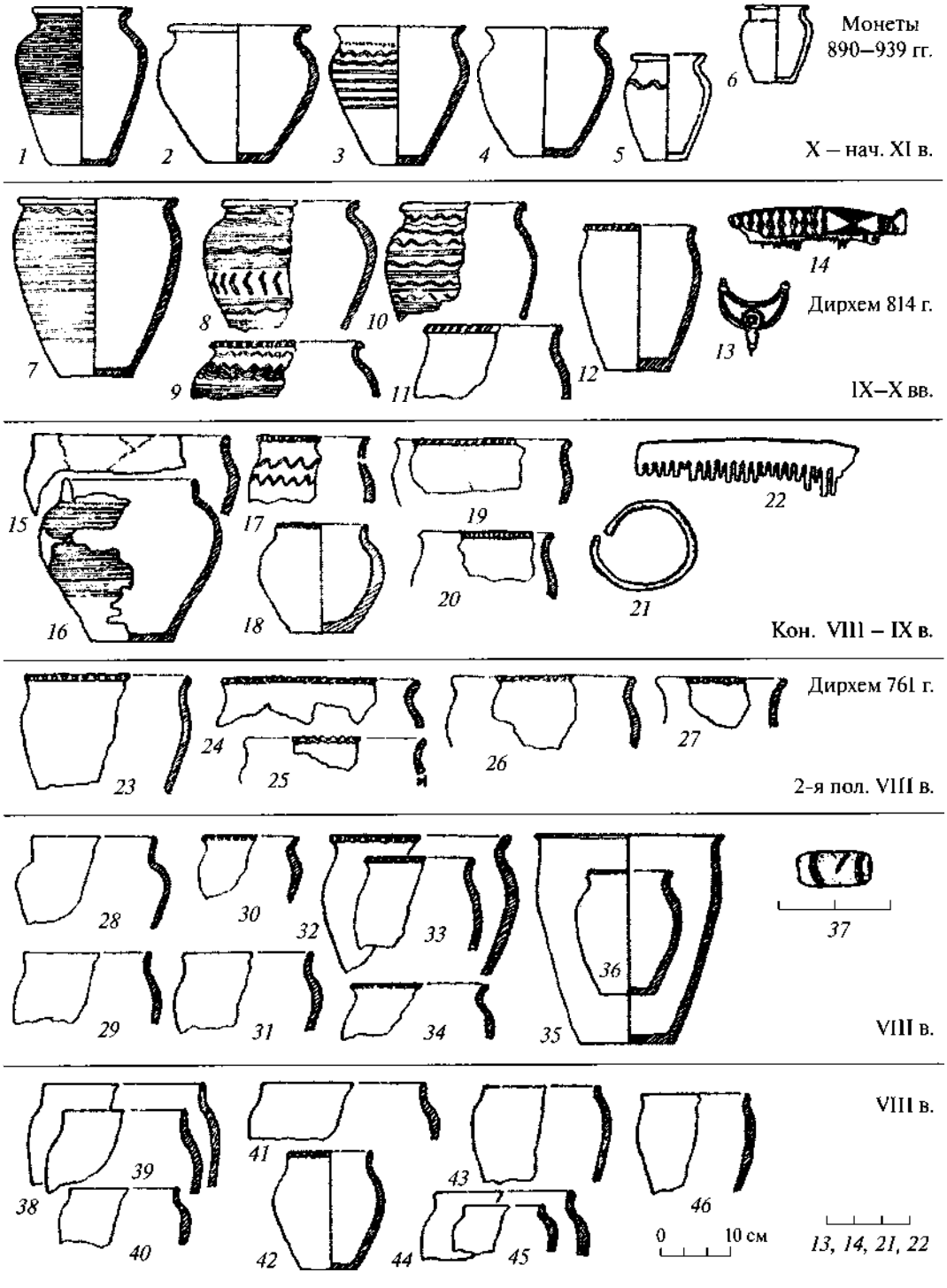


Рис. 36. Хронологические реперы VIII—X вв. для славянских древностей Среднего Поднепровья (по: Петрашенко В. О., 1992)

1—6 — Шестовица; *7—27* — Монастырек; *28—37* — Сахновка; *38—45* — Ходосовка; *46* — Луг-1

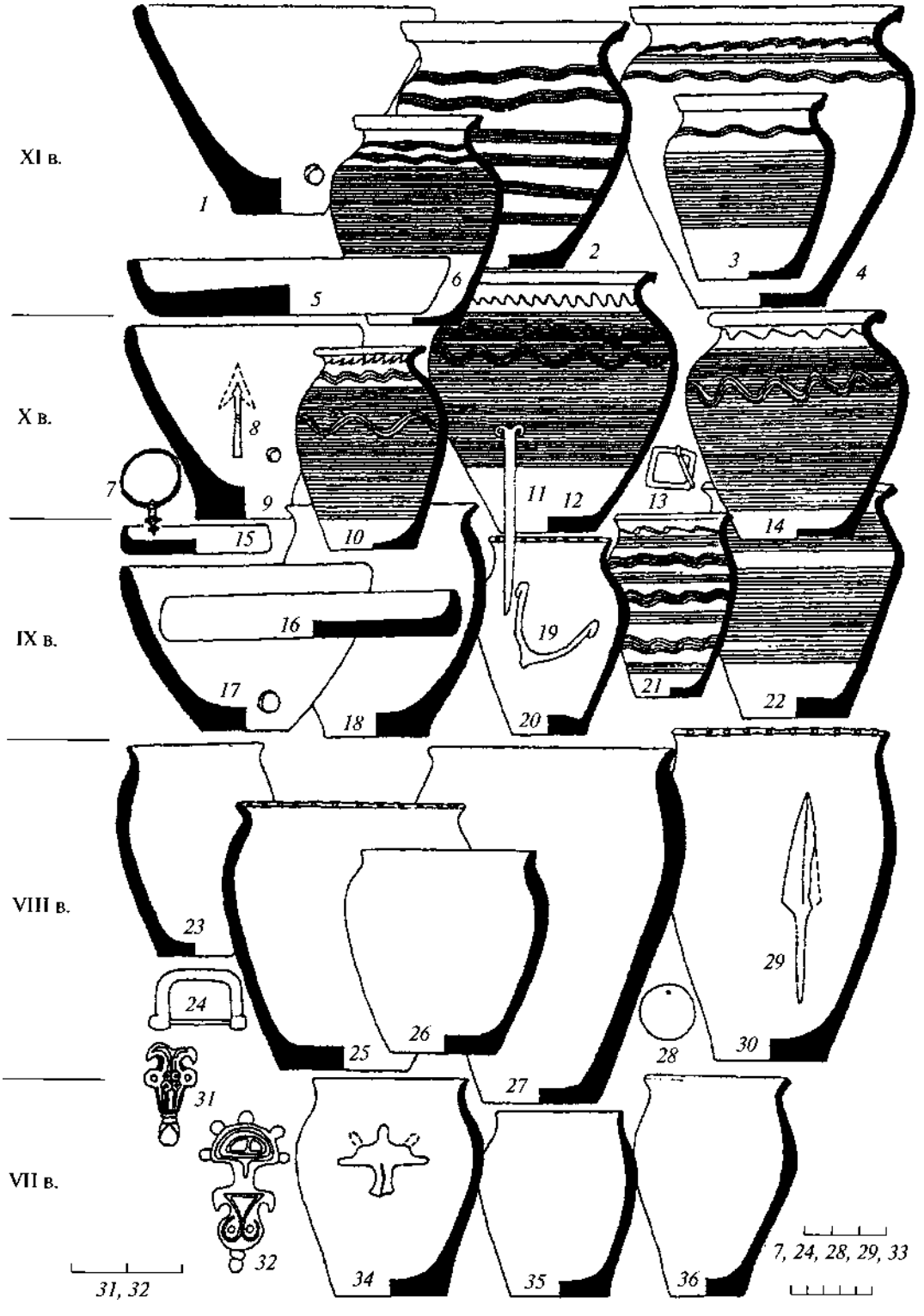


Рис. 37. Эволюция керамических наборов VII—XI вв. и показательные находки из металлов в верховьях р. Прут (по: Михайлина Л. П., 2007)

торий до их окончательного включения в Древнерусское государство[158]. То есть верхняя хронологическая граница райковецкой культуры «прозрачна», как и нижняя.

В целом для райковецкой культуры характерно стабильное поступательное развитие. После образования в Нижнем Подунавье Болгарского государства в 680-х гг. практически прекратился отток восточноевропейских славян на Балканы. Новые заметные потрясения и иногда сдвижки населения в юго-западной части Восточной Европы приходятся уже на эпоху становления Древнерусского государства в X в. Конечно, были и набеги кочевников (в том числе связанные со сменой господства их группировок), конфликты между некоторыми группами славян и т. п., но этот «рефрен» средневековой истории не привел к потрясениям, фиксируемым археологией, да и письменными источниками.

Как и в пражской, в райковецкой культуре господствуют открытые поселения (селища), расположенные на склонах и краях речных террас или на пойменных возвышенностях. В некоторых случаях райковецкие поселки продолжают развитие долговременных пражских (например, Кодын), нередко — основаны на финале пражской культуры (например, Тетеревка-1 на северо-востоке, Черновка-1, Рашков-1, Скок на юго-западе)[159] или на новых местах, в том числе расположенных топографически выше, чем в предшествующее время. Сохраняется «гнездовая» структура поселений, но увеличивается число и «гнезд», и, как правило, поселений в них. В целом (данных для корректной статистики пока недостаточно) крупнее становятся и сами поселения, хотя немало и небольших селищ, в том числе из одной усадьбы. В систематически исследованных «гнездах» (например, на Северной Буковине и прилегающих к ней землях) выделяются общественные центры — городища или крупные селища, нередко со следами ремесленного производства[160] (рис. 35: *Г*). Все это отражает существенный рост численности и плотности населения многих регионов, оформление иерархических поселенческих структур.

Райковецких городищ известно кардинально больше, чем в пражской культуре[161]. Они распространены практически во всех регионах; при этом только в райковецкое время городища появляются в обширной южной зоне — Восточном Прикарпатье, Поднестровье, бассейне Южного Буга, Среднем Поднепровье. Укрепления представлены рвами, эскарпами, деревянными стенами в виде частокола или столбов, крепящих горизонтально установленные бревна, иногда в комбинации со срубами-«башнями». Ближе к концу райковецкой культу-

---

[158] *Зоценко В. М.* Скандинавські артефакти Південно-Західної Русі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 2004. С. 87—105; *Андрощук Ф.* Древлянская земля в межрегиональных контактах IX—X вв. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень, 2008. С. 6—19; *Рябцева С. С., Тельнов Н. П.* Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX — начала XI в. // Stratum plus. 2010. № 5. С. 291—292.

[159] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984; *Томашевский А. П., Гавритухин И. О.* Славянское поселение Тетеревка I. Киев, 1992; *Войнаровский В.* Чорнівка-I. Поселення IV—IX ст. на Буковині. Чернівці, 2007; *Баран Я. В.* Слов'янська община. Київ; Чернівці, 2004; *Тельнов Н. П.* Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв.

[160] *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990; *Он же.* Восточные славяне: От общины к городам. М., 1995.

[161] Материалы, обзоры, наблюдения по ряду из них см. в трудах специальных конференций: Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 2004; Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1—2. Коростень, 2008.

ры появляются стены из срубных клетей (в Ревно[162] — образующие отрезки по 1,5—1,8 м, при ширине стены до 3 м), в том числе на глиняных платформах. С внешней стороны стену могли укреплять невысокие каменные крепиды и/или подсыпки грунта. На позднем горизонте городища Ревно исследован въезд, защищенный срубной башней площадью 4 × 6 м, на 1,7 м выступавшей за линию срубов стен.

Большинство городищ — мысовые, максимально приспособленные к рельефу местности. На позднем этапе райковецкой культуры, особенно в ее западных областях, появляются огромные поселения со сложной фортификационной структурой, в том числе застроенные частично, как Плиснеск (вклейка, рис. 2: *А*; рис. 38: *Б* и др.), что позволяет говорить как минимум о трехуровневой поселенческой иерархии. Особую группу образуют круглые городища с неординарными находками, в том числе типа Екимауцы-Алчедар (рис. 38: *А*) в Пруто-Днестровском междуречье (см. выше об ареале райковецкой культуры) и вне его[163]. При этом есть схожие по форме городища (рис. 38: *Г*), имеющие, очевидно, иные функции и статус. Известны они и в пражской культуре.

В целом традиции домостроительства райковецкой культуры (рис. 39: *А, В, Г, Д в*) продолжают пражские, исключения очень редки. У некоторых жилищ прослежена сгоревшая конструкция стен, горизонтальные бревна которых впущены в пазы вертикальных (рис. 39: *Г 1—2*), или срубные стены. Схожие реконструкции допускают и данные по ряду других жилищ, но насколько они были распространены наряду с иными конструкциями — судить трудно. В Ревно на поздних этапах поселения прослежены и наземные дома с подвалами. Возможно, таких домов было больше, чем считается.

Отопительным сооружением традиционно являлась печь в углу жилища. Зоны распространения печей-каменок (иногда фиксируется их деревянная обшивка) и глинобитных печей практически совпадают с их ареалами в пражской культуре. На территориях, где существовала пеньковская культура (в ней печи появились, по-видимому, под влиянием пражских традиций), в Поросье преобладали глинобитные печи, в Потясминье — каменки, а на Каневщине представлены те и другие. Есть и печи, сделанные в комбинированной технике. Иногда встречаются большие прямоугольные глиняные «жаровни» с высокими бортиками, которые ставили на печь.

Известны и постройки, примыкающие к укреплениям. В ряде случаев прослеживаются полосы концентрации находок, имеющие ширину обычной жилой постройки, а длину в несколько десятков метров, которые интерпретируют как «длинные дома» общественного назначения, аналогичные *континам*, зафиксированным письменными источниками для полабских славян. Есть очень слабо углубленные и наземные прямоугольные постройки (рис. 39: *Д г, д*); как правило, в отличие от расположенных рядом полуземлянок, они не имеют печей, поэтому относятся к хозяйственным. На многих поселениях исследованы ямы различных форм (в том числе грушевидные), использовавшиеся, по-видимому, для хранилищ.

Постройки, как правило, образуют группы, где хозяйственные сооружения могут иметь зоны концентрации. Однако в ряде

[162] Этот во многом уникальный комплекс памятников систематически не опубликован. Ряд данных и библиографию см.: *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. н. э.; *Он же.* Восточные славяне: От общины к городам; *Михайлина Л.* Слов'яни VIII—IX ст. між Дніпром і Карпатами; *Она же.* Нові матеріали з Ревнянського гнізда поселень райковецької культури // Від венедів до Русі. Київ, 2014. С. 357—364.

[163] *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967; *Хавлюк П. І.* Древньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитности. Київ, 1969. С. 156—174.

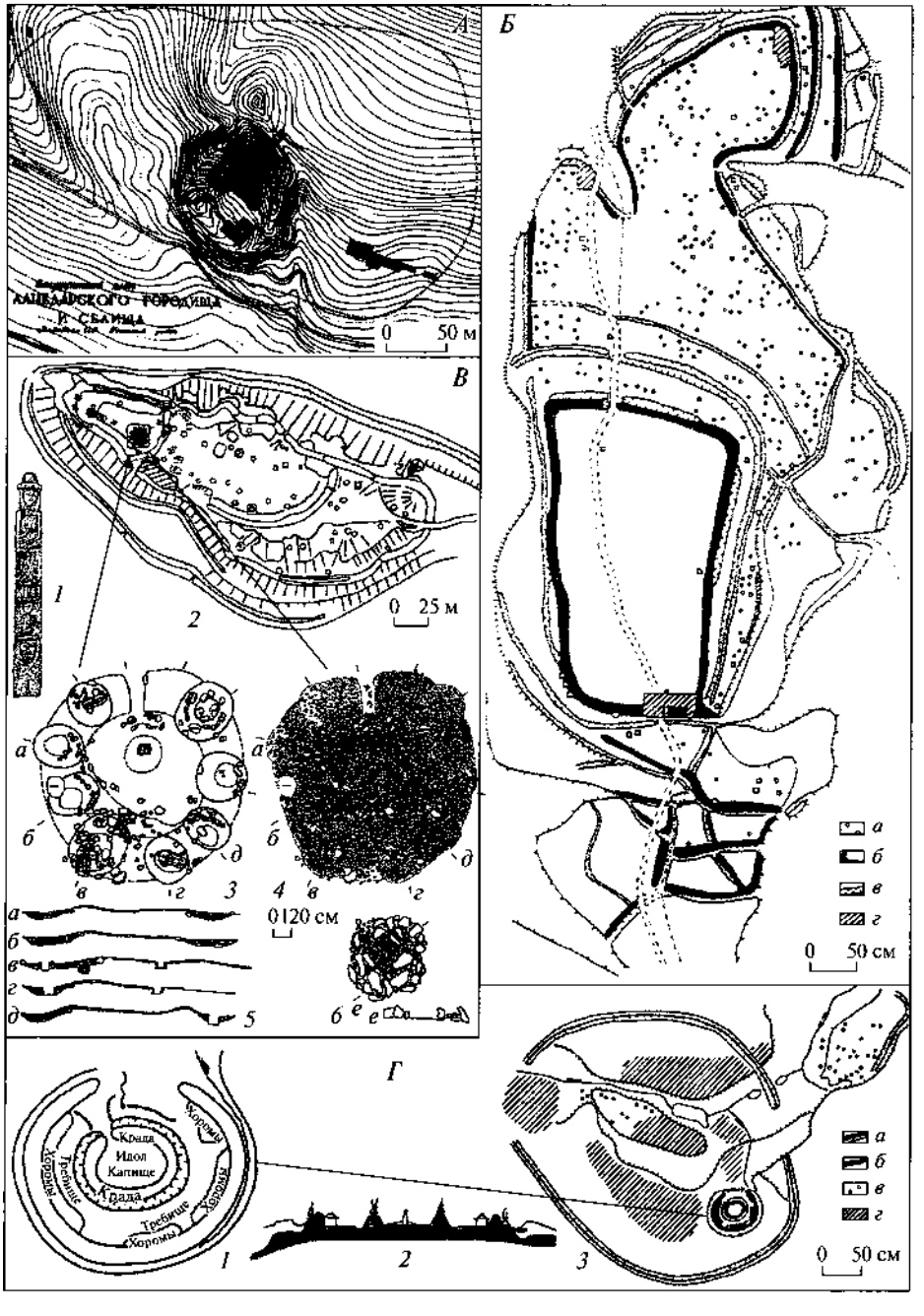


Рис. 38. Городища с материалами райковецкой культуры

А. Алчедар, с обозначением мест раскопов, хронологического «ядра» и максимальной площади поселения (по Г. Б. Федорову в: Тельнов Н. П., 2003). *Б*. Ревно (по: Михайлина Л. П., 2007). Условные знаки: *а* — следы углубленных построек; *б* — валы; *в* — рвы; *г* — раскопы близ валов. *В*. Богит (по: Русанова И. П., Тимощук Б. А., 2007). *1* — Збручский идол, связываемый с городищем; *2* — план городища; *3—5* — «капище» (*3* — план по материку, *4* — каменный панцирь; *5* — разрезы); *б* — один из «каменных жертвенников». *Г*. Ржавинцы. *1—2* — реконструкция плана и разреза святилища (по: Рыбаков Б. А., 1988); *3* — план комплекса (по: Тимощук Б. А., 1990). Условные знаки: *а* — валы раннего железного века; *б* — валы IX в.; *в, г* — селища (*в* — видимые следы углубленных построек)

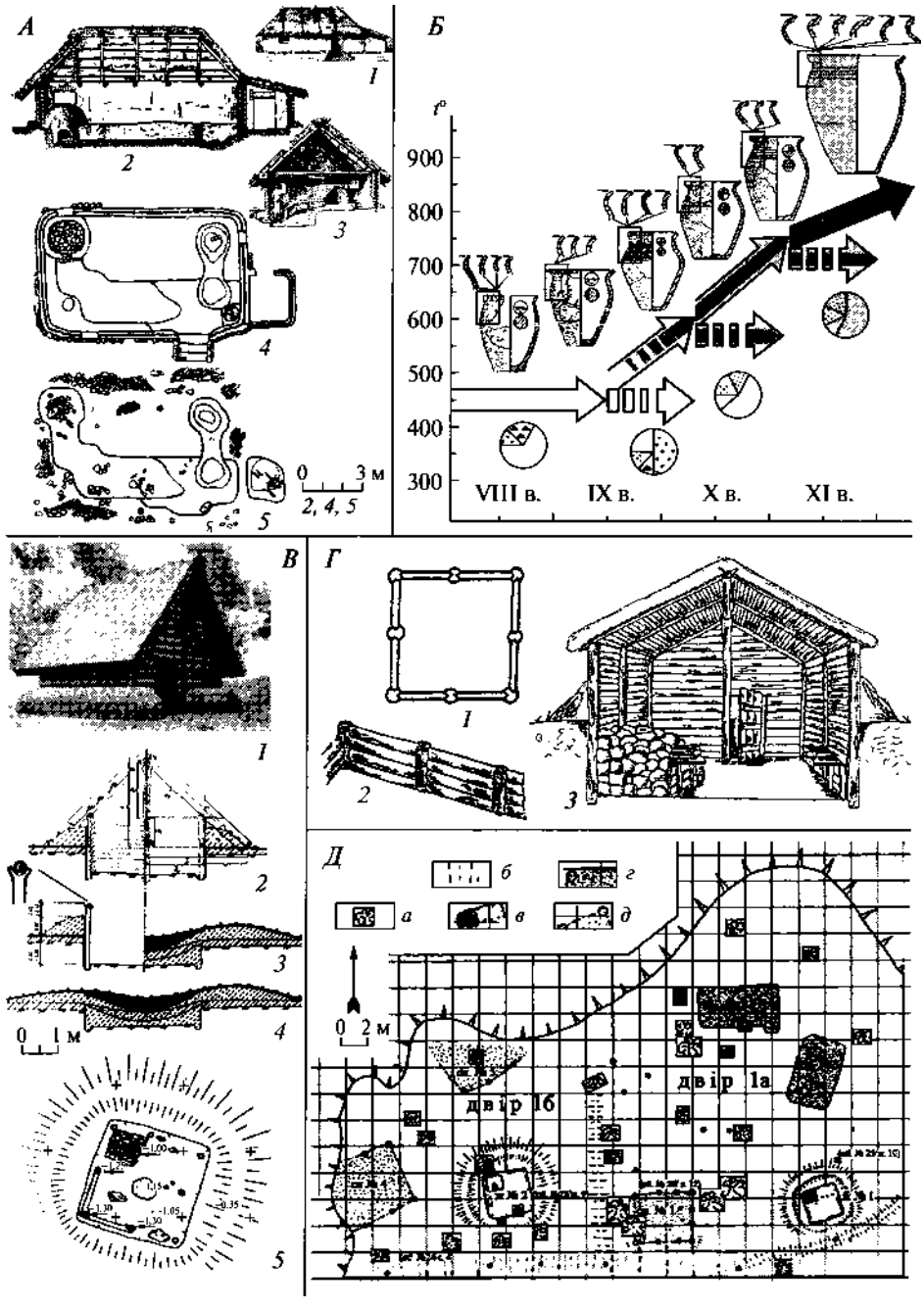


Рис. 39. Райковецкая культура. Домостроительство, гончарство, усадебная планировка

А. Реконструкция жилища из комплекса Екимауцы (по Г. Б. Федорову в: Рабинович Р. А., Рябцева С. С., 2016). *Б*. Схема технологического прогресса в керамическом производстве VIII—XI вв. на материалах памятников Украинского Прикарпатья (по: Филипчук М. А., 2012). По горизонтали — этапы и ориентировочные даты; по вертикали — температура обжига; в кружках — состав глиняного теста. *В*. Реконструкция жилища на селище Гологорки (по: Филипчук М. А., 2012). *Г*. Реконструкция жилища на селище Ревно (по: Михайлина Л. П., 2007): *1, 2* — план и вид сруба; *3* — внутренний вид дома. *Д*. Усадьбы на селище Стильское, ур. Затинок (по: Филипчук М. А., 2012). Условные знаки: *а* — нераскопанные участки; *б* — небольшой вал («межа»); *в* — жилища-полуземлянки; *г* — слабо углубленные (срубные?) постройки; *д* — наземные столбовые постройки

случаев при раскопках большой сплошной площадью очевидна усадебная планировка (рис. 39: *Д*).

В райковецкой культуре, как и в пражской, известны грунтовые могильники с захоронениями остатков сожжений (пережженные кости, побывавшие в огне кусочки глины, фрагменты керамической посуды, угольки) в ямках; встречаются и урновые погребения; например, в Большой Андрусовке[164] (рис. 35: 13) они даже численно преобладают над ямными. На могильнике в Ревно (рис. 35: 20) исследовано глинобитное корытообразное углубление площадью 1,1 × 2,65 м с прокаленными стенками, заполненное остатками сожжений, интерпретируемое как «крематорий». Есть и курганные могильники с небольшими насыпями, окруженными ровиками. В Ревно под насыпью на уровне древней поверхности прослежены площадки с принесенными остатками костра и одним-тремя ямными погребениями. На Волыни известны курганы, содержащие остатки трупосожжений в насыпи и на древнем горизонте; курганы с урнами в насыпи и кострищами на горизонте; насыпи над остатками сожжений, окруженных деревянной оградой и над сожжениями внутри прямоугольных деревянных конструкций. При разнообразии в деталях погребальные памятники пока не дают оснований говорить о выразительных локальных вариантах райковецкой культуры.

Одна из существенных черт, выделяющих райковецкую культуру на фоне предшествующей пражской, — заметный хозяйственный прогресс. Набор орудий (вклейка, рис. 3: *Г 1—6, 13—14*), распространение трехполья позволяют сделать вывод, что именно в райковецкое время земледелие восточноевропейских славян достигло уровня древнерусской эпохи[165]. По материалам некоторых памятников отмечено преобладание в мясной пище свиней, но есть и те, на которых преобладал мелкий рогатый скот; крупный рогатый скот зачастую занимает вторую или третью «позицию». Однако корректных данных для построения обобщений еще мало. Нередко находят миски с отверстием в нижней части (рис. 37: *1, 9, 17*), что рассматривают как показатель распространения переработки молочной продукции, открывающей возможность ее длительного хранения в виде творога и сыра.

В керамическом производстве прогресс фиксируется распространением посуды, сделанной на медленном, позднее и на быстром гончарном круге, появлением гончарных горнов (вклейка, рис. 3: *Г 21, 23*), изменением состава примесей в керамическом тесте, повышением температуры обжига продукции (рис. 39: *Б*). На многих поселениях находят металлургические шлаки, известны и сравнительно крупные металлургические центры, в том числе с отлично сохранившимися металлургическими горнами[166] (вклейка, рис. 3: *Г 22*). Ассортимент орудий для обработки металлов, дерева, кости весьма разнообразен (вклейка, рис. 3: *Г 7—8, 10, 12, 15, 18—20*). Несомненно, существовало и местное ювелирное ремесло, пока, как и другие производства, изученное недостаточно. Дальнейший прогресс ряда ремесел связан уже с их узкой специализацией в древнерусское время.

Формы керамической посуды райковецкой культуры (рис. 36, 37) сопоставимы как с местными пражскими традициями, так и с круговой керамикой Подунавья, откуда в основном был заимствован гончарный круг. Пряслица — в целом близки пражским и по материалу, и по формам, и по встречающимся иногда орнаментальным мотивам (вклейка, рис. 3: *В 3—6*; *Г 9*).

---

[164] *Березовець Д. Т.* Могильники уличів у долини р. Тясмину // Слов'яно-руські старожитности. С. 58—71.

[165] *Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О.* Землеробство давніх слов'ян. Київ, 2010.

[166] *Тельнов Н. П.* Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII—X вв. С. 210—214.

Основным видом вооружения были копья, дротики, лук с весьма богатым спектром типов наконечников стрел, топоры (рис. 37: *8, 29*; вклейка, рис. 2: *Б 1—28, 31, 32, 36—40*). К воинскому снаряжению относятся также шпоры нескольких типов (рис. 37: *19*; вклейка, рис. 2: *Б 30, 33—35*), богатые ременные гарнитуры (вклейка, рис. 3: *А 8—23*; рис. 40: *32—34, 41—43*); включало оно и предметы, имевшие широкое распространение и в повседневном быту, например кресала, подвесные оселки и др. (вклейка, рис. 2: *Б 29*; рис. 3: *Г 11, 15*). Элитного оружия (вклейка, рис. 3: *Б 42*) найдены единицы, что объяснимо сравнительной стабильностью в райковецкую эпоху и, наверное, особенностью известных археологических памятников. Однако, судя по уровню развития фортификации, данным письменных источников, богато украшенным ремням, по крайней мере к концу развития райковецкой культуры существовали профессиональные военные, входившие в дружины.

У специалистов нет сомнений в наличии у носителей райковецкой культуры сложно организованных святилищ, при всей трудности интерпретации каждого конкретного памятника[167] (например, рис. 38: *В, Г*). Деревянные идолы на изучавшихся райковецких памятниках не сохраняются. Большинство каменных найдено вне надежного археологического контекста, а в отношении некоторых, в том числе знаменитого Збручского (рис. 38: *В 1*), предполагается[168], что это поделки XIX в. Однако уже наличие святилищ и ряд косвенных данных позволяют считать, что идолы появились у восточноевропейских славян не позднее райковецкого времени, и в немалом числе[169]. Трудно сказать, в какой степени выделялись на фоне остального населения осуществлявшие требы жрецы; наверняка были колдуны, ярко представленные в славянском фольклоре, имеющем глубокие корни. Вероятно, с магией или другими ритуалами связаны изображения на «обычных» предметах (вклейка, рис. 3: *В*), не говоря уже о ряде элементов убора.

Прямой преемственности от пражских деталей убора к райковецким не прослеживается. Пальчатые фибулы днестро-дунайской подгруппы, нередкие на памятниках пражской культуры (рис. 37: *32*), неоднократно встречены на райковецких памятниках Северной Буковины (рис. 40: *54, 55*), в том числе в комплексе с круговой керамикой[170]. Изготовлявшие их мастера не умели делать иглоприемник и пытались компенсировать это чужеродными вставками в только что отлитое изделие. Судя по всему, это — локальный феномен попыток воспроизвести значимые образцы (хотя на большинстве территорий «мода» на них прошла) ювелирами невысокой квалификации.

Ряд вещей (рис. 40: *46—48, 56, 57*) относится к кругу, представленному в днепровских раннесредневековых кладах II группы (см. о них ч. 1, гл. 2, п. 2.2 и 2.3) или связанному с ним. Эти изделия отражают синтез дунайских и днепровских (но не связанных с пражскими) традиций, датируются (по кладам) около последней четверти или трети VII — первой трети VIII в., а в райковецком ареале представлены только на востоке и юге — в Среднем Поднепровье, Южном Побужье, Пруто-Днестровском регионе,

---

[167] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 2007.

[168] Например: *Комар А., Хамайко Н.* Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // Ruthenica. Т. 10. Київ, 2011. С. 166—217.

[169] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. С. 28—36.

[170] *Пивоваров С.* Прикраси слов'янського населення Буковини (нові знахідки) // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 14. Львів, 2009. С. 424—427; *Він же.* Фібули в старожитностях райковецької культури на території межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Лесі Українки. 2009. № 22: Історичні науки. С. 46—49.

Рис. 40. Металлические детали уборов на памятниках и в ареале райковецкой культуры

1, 17, 44 — Хотомель; *2* — Петриков; *3, 4, 9—12, 23, 28, 32, 33, 36, 45, 53* — Городище на Ясельде; *5, 24, 27* — Монастырек; *6—8, 13, 16, 21, 22* — Алчедар; *14, 15, 18—20, 29—31, 34, 35, 42, 43, 50, 51* — Редковцы; *25—26* — Курадово; *37—40, 52* — Ходосовка; *41* — Рипнев-1; *46* — Ханска; *47* — Великая Андрусовка; *48, 49* — Обухов-2; *54* — Чорновка-2 (ур. Рулы); *55* — Ревно-2 (ур. Рипа); *56, 57* — Самгородок

то есть на землях, связанных с зоной влияния мастеров Пастырского городища (у юго-восточной границы райковецкой культуры) и близких им. К этому кругу относятся позднейшие фибулы «классических» форм; затем в их или близкой функции выступают только кольцевые застежки с подвижной иглой (рис. 40: *17*), распространенные широко, нередкие и на райковецких памятниках.

Дунайские влияния VIII в. в женском уборе прослеживаются от Прикарпатья до Поднепровья (рис. 40: *50—52*). В ременных гарнитурах — пока только на западе райковецкого ареала (рис. 40: *41, 42*). Влияние уборов салтовской культуры отмечено лишь на памятниках Поднепровья (рис. 40: *37—40*), где известна и волынцевская круговая керамика. Связь этих находок с ареалом хазарских даней до середины IX в. представляется наиболее обоснованной. Для даже предварительных суждений о раннерайковецких уборах на большей части территории Волыни и Полесья слишком мало выразительных памятников.

Большинство находок деталей убора, связанных с райковецкой культурой, не имеют узкой датировки (например, округлые, прямоугольные, «гитаровидные» пряжки, рис. 40: *44, 45, 53*) или соотносятся с ее средним и (в основном) поздним периодом. Последнее понятно, учитывая гибель ряда поселений и «выпадение» невостребованных кладов в ходе включения райковецких земель в состав Древнерусского государства на протяжении X в., хотя нет особых сомнений и в том, что это — отражение расцвета культуры, накопившей солидный экономический потенциал.

Явно с элитой связаны широко распространенные в X—XI вв. в спектре «юго-запад райковецкой культуры — северо-восток по отношению к ней» серьги «волынского» типа (вклейка, рис. 3: *Б 2*; рис. 40: *6—8*), подвески-лунницы (вклейка, рис. 3: *А 5*; *Б 1*; рис. 40: *16*), шаровидные «пуговицы» и «лопастные» бусы (рис. 40: *21, 22*), выполненные в технике тиснения и пайки, иногда воспроизводимые литьем. По-видимому, немалая часть из них делалась в местных ремесленных центрах[171], связанных с речными (Висло-Днестровская; Днепровская, в том числе Припять с притоками, и другие системы) и сухопутными (например, позднее известными как путь Регенсбург—Киев) системами дальних коммуникаций.

С влиянием культуры Великой Моравии связывают некоторые серьги/височные подвески из Монастырька и древлянского центра Искоростеня (рис. 35: 4, 10; рис. 40: *5*; вклейка, рис. 3: *А 2*). На основе привозных (восходящих к византийским) образцов лучевых височных подвесок и их переработок (вклейка, рис. 3: *А 1, 3*) возникли более скромные типичные восточноевропейские (например, рис. 40: *1*), ставшие основой ряда локальных типов лучевых и лопастных височных колец древнерусского времени. С переработкой скандинавских изделий связаны, скорее всего, импортные подвески «гнёздовского» типа (вклейка, рис. 3: *А 7*; рис. 40: *13*). Из северных регионов райковецкой культуры происходят пластинчатые трапециевидные подвески (рис. 40: *9—11*), ближайшие аналогии которым известны в культуре смоленско-полоцких длинных курганов. Некоторые украшения представлены единично и являются, видимо, творчеством конкретного изготовителя, комбинировавшего разные элементы (например, рис. 40: *2, 25*).

Хотя материалов для реконструкции конкретных уборов в райковецкой культуре практически нет, на основании все возрастающего числа находок можно говорить о формировании структуры уборов, резко отличающихся от предшествующих на этой территории, но получивших раз-

[171] См. обзор: *Рябцева С. С., Тельнов Н. П.* Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX — начала XI вв.

витие позднее. Украшения головы кроме упомянутых выше серег/височных колец включают более простые колечки (рис. 40: *2—4*). С верхней частью тела связаны разнообразные подвески (вклейка, рис. 3: *А 4—7*; *Б 1, 3*; рис. 40: *13—16, 18—20*); стеклянные, каменные, металлические бусы; шейные гривны. На руках носили браслеты и перстни (рис. 40: *27—31*). Кроме тиснения и литья, для орнаментации применялись комбинации мелких чеканных элементов (рис. 40: *24, 28, 36*). Костюм дополняли пластинчатые украшения, разнообразные бубенчики, «пуговицы», колокольчики и др. (вклейка, рис. 3: *Б 4, 5*; рис. 40: *2, 21, 25, 26*).

Перечисленные элементы, судя по материалам других культур, синхронных райковецкой, связаны главным образом с женским убором. Ременные накладки и наконечники (вклейка, рис. 3: *А 8—23*; рис. 40: *32, 33, 37—39, 41, 42*) в основном относятся к мужским поясам и конской узде. Кольцевые застежки (рис. 40: *17*), иногда украшенные, и ножи присущи как мужскому, так и женскому костюму. Мужчины могли носить также серьги (скорее всего, небольшие), гривны, браслеты, перстни; использовали пуговицы; подвешивали или носили в сумочках оселки, кресала и др.

С райковецкой эпохой многие исследователи связывают переход у славян от большесемейной общины к соседской[172]. Однако стадиальная концепция — не единственно возможная для реконструкции общественных структур, отраженных в планировке поселений и их «гнездах». Несомненно, сформировалась общественная элита, концентрировавшаяся в ряде укрепленных центров. Эти процессы еще детально не изучены. Неясно, какие конкретно реалии отражают летописные «племена», как далеко зашел процесс объединения и общественной иерархической структуризации в рамках каждой из «племенных» земель, не исключая реконструируемого некоторыми исследователями «Великохорватского государства» на территории Западной Украины.

В процессе становления Древнерусского государства с центром в Киеве часть местных элит была уничтожена (по крайней мере, «структурно»), о чем свидетельствуют невостребованные клады, датируемые в рамках второй половины X в.[173] (вклейка, рис. 3: *Б*). В любом случае все местные общественные организмы при вхождении в новое государство претерпели существенные трансформации и их дальнейшее развитие определялось новыми политическими и культурными реалиями.

Волынцевская культура

Древности волынцевского типа были открыты еще в начале XX в., однако их введение в научный оборот относится уже к середине столетия и связано с исследованиями Д. Т. Березовца комплекса около села Волынцево на реке Сейм (Украина, Сумская область)[174]. Ареал волынцевских памятников в общем виде соответствует Днепровскому Левобережью (рис. 41). Его восточный рубеж определяется могильником Лебяжье 3 под Курском, за которым начинается почти 200-километровая полоса слабозаселенных земель. Северная граница проходит в районе Брянска, южная — на

[172] Наиболее подробно на археологическом материале см.: *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. н. э.; *Он же.* Восточные славяне: От общины к городам.

[173] См.: *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954; *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье.

[174] *Березовець Д. Т.* Досліження слов'янских пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. // Археологічни пам'ятки УРСР. Т. 5. Київ, 1965. С. 49—56.

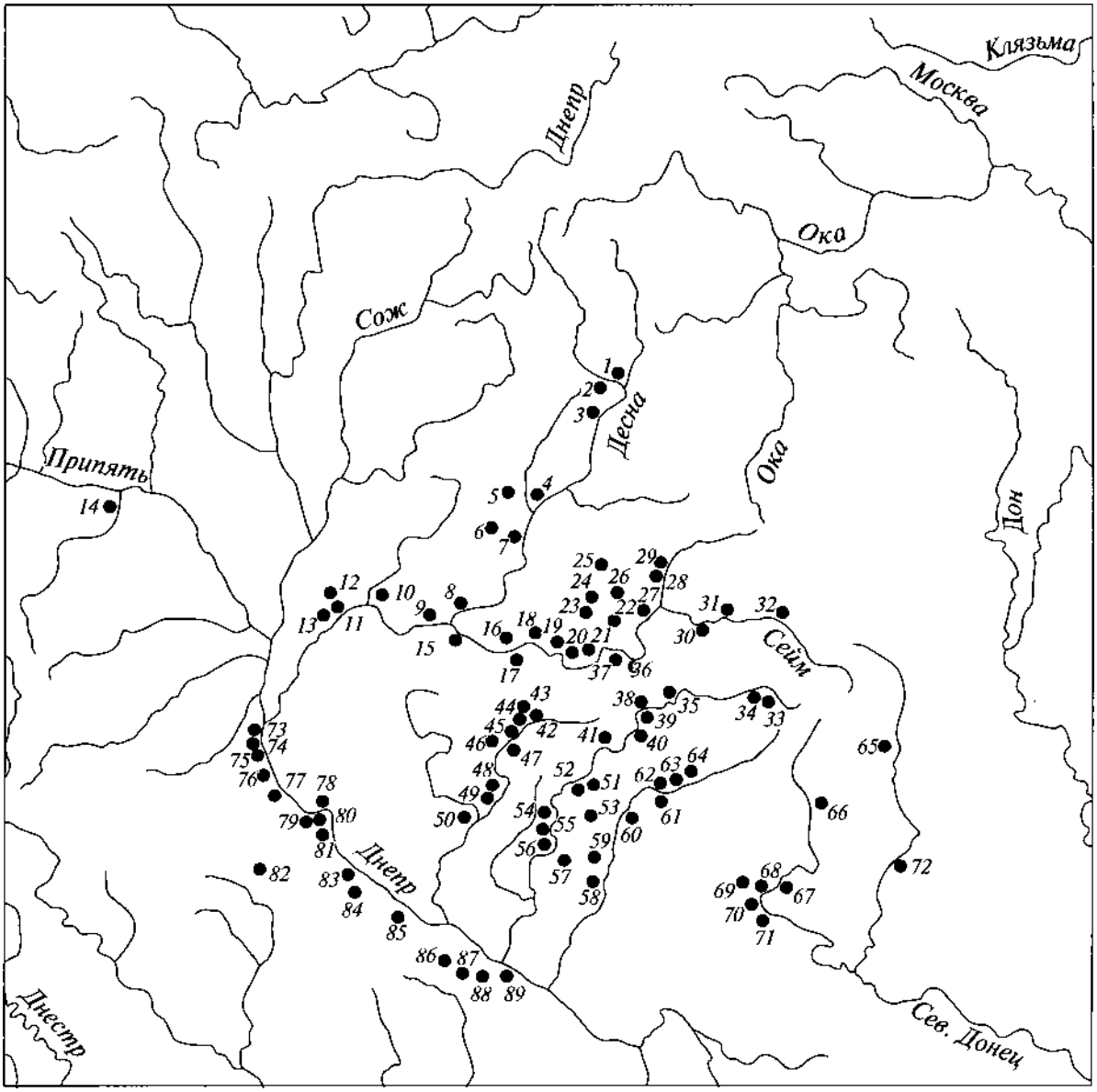


Рис. 41. Памятники сахновско-волынцевского круга древностей

1 — Хотылево; *2* — Голяжье; *3* — Выгоничи; *4* — Макча; *5* — Посудичи; *6* — Залиновье; *7* — Целиков бугор; *8* — Сосновка; *9* — Мена 5; *10* — Киселево 2; *11* — Александровка 1; *12* — Роище; *13* — Шестовица; *14* — Сущаны-Хмельник; *15* — Обмачев; *16* — Ленинское; *17* — Нечаевка; *18* — Литвиновичи 3; *19* — Латышевка; *20* — Харьевка; *21* — Волынцево; *22* — Руднево; *23* — Воргол; *24* — Кочерги; *25* — Глухов; *26* — Веселое; *27* — Березняки 3; *28* — Сныткино 3; *29* — Харасея; *30* — Иванино 2; *31* — Авдеево; *32* — Лебяжье 3; *33* — Бобрава 5; *34* — Гочево 3; *35* — Запселье; *36* — Глушково 1; *37* — Попово-Лежачи 4; *38* — Битица; *39* — Верхняя Чернетчина; *40* — Токари; *41* — Бровково; *42* — Малые Будки; *43* — Беседовка; *44* — Раковая Сечь; *45* — Деркачевка-Довжик; *46* — Глинск; *47* — Мельники 1; *48* — Пески; *49* — Васильки; *50* — Хитцы; *51* — Бишкинь; *52* — Кудановка; *53* — Вовки; *54* — Терновый; *55* — Поповка; *56* — Плешивец; *57* — Белокони; *58* — Чередники; *59* — Лаврики; *60* — Хухра; *61* — Ивановка; *62* — Березовка; *63* — Солдатское; *64* — Рябовка 3; *65* — Приоскольское 2; *66* — Шоссейное; *67* — Занки; *68* — Соколово; *69* — Тимченки; *70* — Сухая Гомольша; *71* — Нижний Бишкинь 1; *72* — Жовтенево; *73* — Киев; *74* — Китаево; *75* — Ходосовка; *76* — Обухов 2; *77* — Белгородка; *78* — Стовпяги; *79* — Григоровка; *80* — Монастырек; *81* — Бучак; *82* — Журавка; *83* — Канев; *84* — Сахновка; *85* — Стецовка; *86* — Луг 1; *87* — Луг 2; *88* — Макаров Остров; *89* — Большая Андрусовка

Полтавщине в Поворсклье. Западная граница носит условный характер в связи с тем, что в Среднем Поднепровье, в том числе на правобережье, располагаются памятники типа Сахновки и другие, с которыми Волынцево демонстрирует заметную близость (см. ч. 1, гл. 2, п. 2.7).

Волынцевские древности обладают набором признаков, позволяющих расценивать их в качестве самостоятельной культуры, хотя нередко они рассматриваются как ранний этап роменской культуры, культурно-хронологический горизонт или тип, который занимает место между колочинскими и пеньковскими памятниками, с одной стороны, и роменскими — с другой. Тем не менее все эти дефиниции определяют относительную хронологию Волынцева, которая в абсолютном исчислении укладывается в пределы VIII — начала IX в.[175]

В литературе отмечается связь Волынцева с культурами предшествующего времени, однако гораздо более заметную, если не решающую роль в его формировании сыграло население, пришедшее со стороны Днепровского Правобережья и оставившее памятники типа Сахновки[176]. Миграция носила военный характер. С переселенцами появляются новации в домостроительстве, лепной керамике, наборе украшений. В волынцевской среде фиксируется и миграционный импульс явно иного происхождения, что наиболее ярко проявляется в находках специфической гончарной керамики с вертикальным венчиком, а также юртообразных жилищ. Нередко происхождение этих элементов связывается с Хазарией, салтовской культурой. Однако славянство основной части волынцев признается подавляющим большинством исследователей.

Памятники волынцевской культуры представлены тремя типами: городище, неукрепленные поселения и могильники. Единственное известное на сегодняшний день укрепленное поселение — городище Битица около города Сумы (Украина). Оно расположено на высоком (около 40 м) правом коренном берегу реки Псел и имеет площадь 7,5 га. С севера к нему примыкает неукрепленное поселение площадью около 20 га. От фортификаций сохранился ров, который окружает бóльшую часть его подножья. С наиболее уязвимой напольной стороны располагалась еще одна линия обороны в виде вала и еще одного рва. Среди находок — украшения, орудия труда, характеризующие занятия населения, в том числе связанные с земледелием, ремеслами и промыслами, а также многочисленные предметы вооружения[177] (рис. 42: 13, 14, 16, 17, 21—25).

Ведущим типом волынцевских памятников являются неукрепленные поселения. В большинстве случаев они располагаются рядом с реками, сравнительно невысоко от уреза воды. Самым крупным и лучше всего изученным является поселение у села Волынцево Путивльского района Сумской области, на котором площадь раскопок составила 4800 кв. м. Всего здесь было открыто 46 жилищ и 5 хозяйственно-производственных построек, при этом какой-либо системы в их расположении не выявлено[178].

Погребальных памятников открыто несравненно меньше. Наиболее известным

---

[175] Подробнее см.: *Володарець-Урбанович Я. В., Пуголовок Ю. О.* До історії вивчення Волинцевських старожитностей // Археологія. 2012. № 4. С. 122—124.

[176] *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 130—132. (Раннеславянский мир; Вып. 3).

[177] *Сухобоков О. В.* Ранні етапи культури літописних сіверян (ще раз про пам'ятки волинцевського типу) // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 3 (4) [Электронный ресурс]. URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/sukhobokov.htm (дата обращения: 03.06.2019).

[178] *Юренко С. П.* Топография, планировка и домостроительство поселения близ с. Волынцева // Проблемы археологии Сумщины: Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Апрель 1989 г. Сумы, 1990. С. 64—65.

из них является бескурганный могильник у села Волынцево, исследованный Д. Т. Березовцом. Погребения состояли из нескольких урн с остатками сожжений «на стороне» и сопровождающих сосудов, помещенных на специально расчищенных в дерновом слое площадках[179]. На могильнике Лебяжье 3 около Курска[180] подавляющее большинство кремаций, совершенных «на стороне», было помещено в ямки, в ряде случаев — в урне, что в целом характерно для колочинской культуры. Сведения о погребальной обрядности дополняются отдельными ингумациями, которые были открыты в условиях поселений (Волынцево, Битица, Гора Ивана Рыльского) и связываются с салтовским влиянием[181].

К числу массовых материалов волынцевских памятников относится керамика (рис. 42: 25—29), в которой ведущее место занимает лепная, отличающаяся заметным разнообразием. Это особенно характерно для ранних комплексов, в которых встречаются пеньковские и колочинские формы. Они сосуществуют с посудой с пальцевым орнаментом по венчику, обычной для культуры Луки-Райковецкой и типа Сахновки. Постепенно она вытесняет постколочинско-пеньковскую керамику, при этом появляется веревочный орнамент, характерный для последующей роменской культуры. Комплекс посуды представлен горшками, сковородками, мисками, сырницами, а также гораздо лучшими по качеству тестa горшками с вертикальным венчиком (рис. 42: 28), которые являются подражаниями круговым сосудам[182].

Уже традиционно особое внимание в керамическом комплексе привлекает круговая посуда с вертикальным венчиком, которая нередко имеет декор в виде параллельных линий, волны или пролощеных полос (рис. 42: 29). Ее происхождение дискуссионно, однако заметная часть исследователей считает, что она возникает под салтовским влиянием, которое тем не менее было опосредованным, так как прямые аналогии таким формам в Хазарии не известны[183]. Набор круговой керамики дополняют находки амфор (рис. 42: 25) и салтовских сосудов.

Украшения волынцевской культуры полнее всего представлены в кладах, в том числе днепровских раннесредневековых II группы (см. ч. 1, гл. 2, п. 2.3), среди которых наиболее известны Харьевский, Фотовижский и Андрияшевский. Самым ранним и представительным из перечисленных является комплекс из села Харьевка Путивльского района Сумской области. В него входили украшения балкано-византийского (звездчатые и амфоровидные подвески, полые гривны) (рис. 42: 5—6), среднеднепровского (антропоморфные фибулы, браслет с расширяющимися концами) (рис. 42: 11) и прибалтийского (цельные браслеты с расширяющимися концами, дротовые гривны) происхождения[184]. Клад датируется первой

[179] *Березовец Д. Т.* Археологические памятники летописных северян // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. 1952. Вып. 2. С. 25; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского левобережья: (Роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. С. 53—54. Рис. 27, 28.

[180] *Тихомиров Н. А.* Могильник Лебяжье 3 под Курском // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конференции, посвященной 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. Курск, 2008. С. 164—175.

[181] *Приймак В. В.* Элементы салтовского погребального обряда в волынцевских древностях // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.). Рыльск, 2012. С. 15—24.

[182] *Щеглова О. А.* Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 15—23; *Сухобоков О. В.* Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII—XIII ст. Київ, 1992. С. 21—24, 31—34.

[183] *Горюнов Е. А.* О памятниках волынцевского типа // КСИА. 1975. Вып. 14. С. 8.

[184] *Приходнюк О. М., Хардаев О. М.* Харивский клад // Archaeoslavika. 1998. № 3. С. 245—248, 250—256.

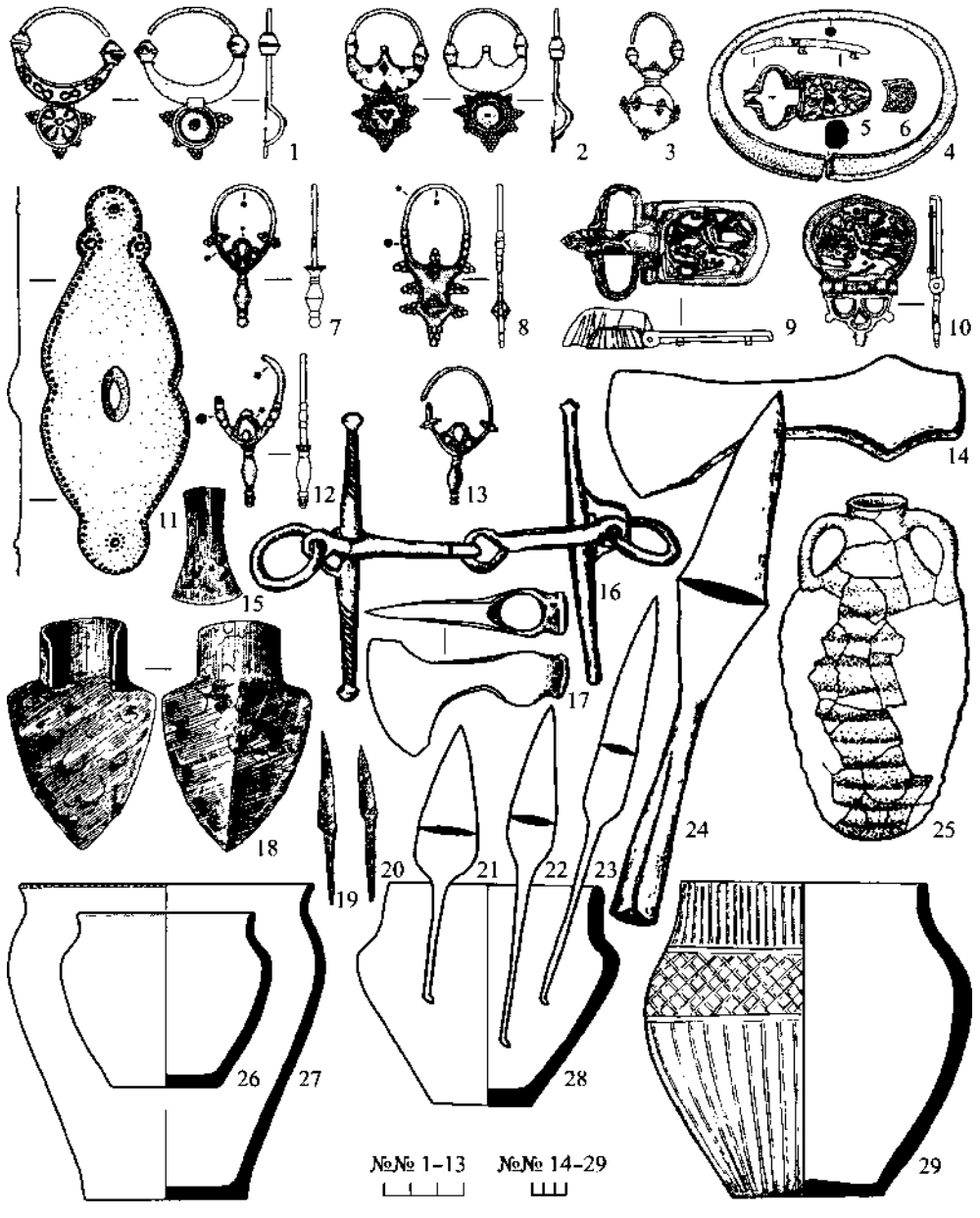


Рис. 42. Древности волынцевской культуры

1—6, 11 — Харьевка; 7—10, 12 — Фотовиж; 13, 14, 16, 17, 21—25 — Битица; 13, 18, 19, 20, 29 — Волынцево; 26, 27 — Лебяжье 3; 28 — Малые Будки. 1, 5, 7—13 — серебро; 2 — серебро с позолотой; 3, 6 — золото; 14—24 — железо; 25—29 — керамика (25, 29 — круговая; 26—28 — лепная)

половиной, возможно, точнее: второй четвертью VIII в.[185] Состав клада третьей четверти VIII в. из села Фотовиж Глуховского района Сумской области, в котором присутствовали детали поясных наборов, звездчатые и ажурные серьги, кованые пластинчатые браслеты (рис. 42: 7—12), отражает влияние кочевников Хазарии, элита кото-

[185] *Комар А. В.* Поляне и северяне // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 141—142.

рых восприняла воздействие крымско-византийских образцов[186]. Комплекс украшений дополнялся стеклянными бусами.

К кузнечным поковкам относятся ножи, пряжки, в том числе от конской упряжи, мотыжки, скобели, чересла и т. д. Хорошо представлен сельскохозяйственный инвентарь, отражающий быт земледельцев: наральники, серпы, косы (рис. 42: 15, 18, 19, 20). Предметы вооружения на поселениях сравнительно немногочисленны (наконечники стрел, обрывки кольчужной ткани), при этом на общем фоне заметно выделяется Битицкое городище, где были найдены сабля, кинжал, наконечники копий, сулиц и дротиков, кистень, булава, щит, а также изделия, связанные с воинским бытом (стремена, удила, поясные и сбруйные пряжки) (рис. 42: 14, 16, 17, 21—24)[187].

Волынцевскую культуру нередко соотносят с начальным этапом формирования северян. Течение этнокультурных процессов осложняется с появлением в середине VIII в. огромного по тем временам Битицкого городища, которое уже традиционно считается форпостом хазарского владычества на землях северян и полян. Известия о даннической зависимости этих славянских объединений от каганата относятся к гораздо более позднему времени, однако общий контекст артефактов, в числе которых присутствует заметное количество салтовских находок в виде украшений, кузнечных поделок, в первую очередь — ножей и мотыжек, а также керамики, позволяет полагать, что ее начало восходит именно к Битице.

Финал волынцевской культуры синхронизируется с гибелью Битицы в первой четверти IX в., однако как причины разгрома, так и его «исполнители» вызывают споры[188].

Роменская культура

После уничтожения Битицкого городища на территории Днепровского Левобережья и Поочья распространяются памятники роменской археологической культуры. Она вошла в науку благодаря Н. Е. Макаренко, который в начале XX в. провел раскопки в городе Ромны[189]. Культура изначально была атрибутирована как славянская, причем памятники Днепровского Левобережья соотносятся с северянами[190], Окского — с вятичами[191] (рис. 43). Не очень ясной остается ситуация в Посожье, где сидели радимичи, так как роменские памятники этого региона крайне немногочисленны[192]. Происхождение роменской культуры связывается с волынцевской культурой, однако переход от второй к первой в целом выглядит очень резким, что пока не имеет своего аргументированного объяснения. В частности, неизвестны поселения, где бы волынцевские

[186] *Комар А. В., Стрельник М. А.* «Репрессированный» клад: Комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. 2011. № 5. С. 143—164.

[187] *Сухобоков О. В.* Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII—XIII ст. С. 25.

[188] *Комар А. В.* Поляне и северяне. С. 146—148.

[189] *Макаренко Н. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. 1907. № 22. С. 55—69; *Он же.* Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Т. 5. Полтава, 1908. С. 44—55.

[190] *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского левобережья: (Роменская культура и ее предшественники). С. 153; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 305—306.

[191] *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII в. М., 1981. С. 12—41.

[192] *Макушников О. А.* Гомельское Поднепровье в V — середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009. С. 22.

древности эволюционировали в роменские, имеются серьезные различия в погребальной обрядности. Пока единственным связующим звеном между волынцевскими и роменскими могильниками является курган у хутора Дорошевский, в котором был встречен волынцевский круговой горшок[193].

Роменская культура нередко воспринимается как «культура городищ». В пределах Днепровского Левобережья их насчитывается более сотни[194]. Зачастую их площадь невелика и составляет около 0,5 га. Для обустройства городищ выбирались труднодоступные участки местности, в первую очередь — приречные мысы, гораздо реже — останцы (рис. 44: *А, Б*). Стены фортификаций, поставленные с отступом («бермой») от рва, состояли из частокола, который мог ставиться в два ряда с засыпкой пространства между ними, или из горизонтальных бревен, закрепленных вертикальными стояками, причем в отдельных случаях эти приемы могли сочетаться[195]. На некоторых городищах были выявлены так называемые косые остроги (хорошо известные в Новое время), при их строительстве частокол возводился с наклоном к центру городища, а за ним отсыпался вал, на который опирался настил боевого хода. Жесткость конструкции достигалась с помощью наклонных стоек, которые одним концом упирались в настил, а другим — в частокол (рис. 44: *Г*). Высота стен по вертикали достигала 9 м[196]. Иногда для укрепления оснований фортификаций использовался камень, что, вероятно, связано с хазарским (салтовским) влиянием. В отдельных случаях можно предположить использование срубных конструкций[197], характерных для древнерусского оборонительного зодчества.

Еще недавно считалось, что роменские неукрепленные поселения сравнительно немногочисленны. Чаще всего рассматривалась схема «городище + примыкающее селище». Однако, как оказалось, имеются и существенные отклонения от нее. Разведочные работы, проведенные в последней четверти XX в. на территории междуречья Сейма и Псла (летописное «Посемье»), показали, что в этом регионе неукрепленные поселения (всего более 250), образующие округу городищ с радиусом 3—5 км, значительно преобладали. Зачастую они представляли собой «хутора-однодворки», расположенные невысоко над уровнем воды. В свою очередь, было установлено, что крупные поселения вообще нехарактерны для роменцев, а примыкавшие к городищам «селища» нередко таковыми не являются, представляя собой обширные хозяйственные зоны[198].

Господствующей конструкцией стен жилищ являлась срубная[199]. Облик остатков

---

[193] *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916. С. 70. Рис. 73; С. 75. № 3993.

[194] *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского левобережья: (Роменская культура и ее предшественники). Табл. I.

[195] *Пуголовок Ю. О.* До питання про фортифікаційне будівництво сіверян // Археологія і давня історія України. Вип. 7: Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Київ, 2011. С. 186—187.

[196] *Енуков В. В.* О косых острогах северян Посемья // Российская археология. 2011. № 4. С. 89—101.

[197] *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 65—69. (Труды Тульской археологической экспедиции; Вып. 2).

[198] *Енуков В. В.* К вопросу о «больших» селищах роменской культуры // Археология восточноевропейской лесостепи: Материалы II Международной научной конференции. Воронеж, 18—20 декабря 2015 г. Воронеж, 2016. С. 287—291.

[199] *Дьяченко А. Г.* О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировки Донецкого городища в IX — начале X в. // Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991. С. 37—43; *Енуков В. В.* Домостроительство населения Новотроицкого городища: Основные принципы // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного уни-

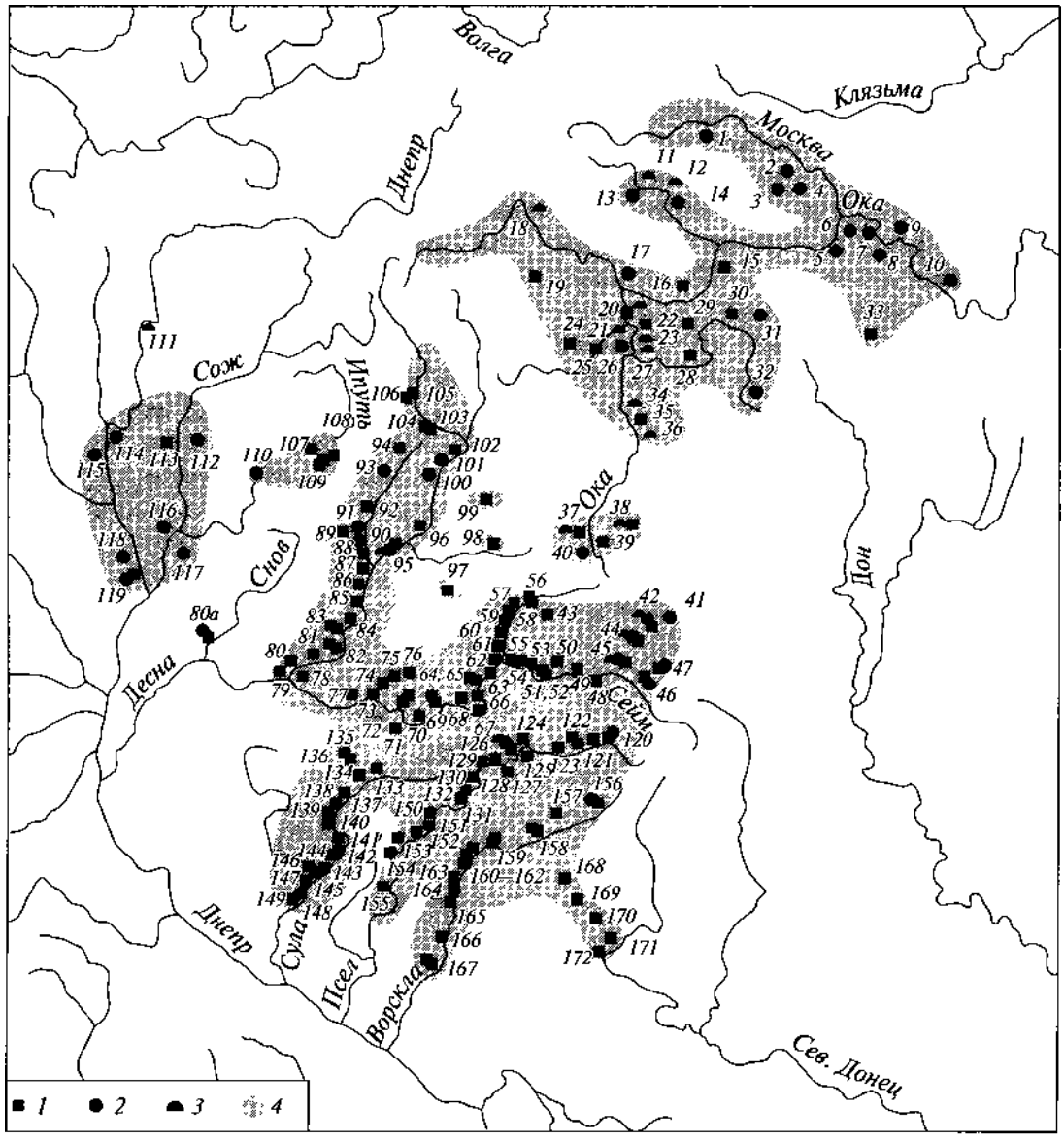


Рис. 43. Памятники роменской культуры

Условные обозначения: *1* — городище; *2* — поселение; *3* — курганы; *4* — зоны концентрации памятников. *1* — Жуково; *2* — Новое Съяново; *3* — Жданово; *4* — Покров 5; *5* — Сосновка; *6* — Городна 2; *7* — Фефёлов Бор; *8* — Борки; *9* — Дубровичи; *10* — Алеканово; *11* — Рыжково; *12* — Ермолино 1; *13* — Беницы; *14* — Кривское 3; *15* — Велегож; *16* — Городище; *17* — Красный Поселок; *18* — Кобелево 3; *19* — Мосальск; *20* — Вороново; *21* — Кудиново; *22* — Акиньшино; *23* — Доброе; *24* — Козельск; *25* — Чертово городище; *26* — Чекалин; *27* — Западная; *28* — Супруты; *29* — Тимофеевка; *30* — Шепилово; *31* — Торхово 3; *32* — Чифировка 1; *33* — Вуколов Бугор; *34* — Песковатое 1; *35* — Федяшево; *36* — Воронец; *37* — Лебедка; *38* — Воротынцево; *39* — Пашково; *40* — Кромы; *41* — Воробьевка 2-я; *42* — Переверзево 2; *43* — Жидеевка; *44* — Мешково; *45* — Шуклинка; *46* — Городище (Ратский или Бесединский комплекс); *47* — Титово; *48* — Маслово; *49* — Липино; *50* — Большое Долженково; *51, 52* — Кудеярова Гора, Лысая Гора; *53* — Люшинка; *54* — Сугрово; *55* — Коробкино; *56* — Ратманово 1, 2; *57* — Старый Город; *58* — Арбузово; *59* — Моисеево; *60* — Красный Курган; *61* — Мухино; *62* — Луговое; *63* — Капыстичи; *64* — Пригородная Слободка (Синайка); *65* — Рыльск (Гора Ивана Рыльского); *66* — Тимохино; *67* — Комаровка; *68* — Лещиновка; *69* — Горки 2, Бунякино; *70* — Волынцево (Курган); *71* — Дичь (Лухтовка); *72* — Путивль (ур. Коптева гора, Городок, Никольская Горка); *73* —

Хижки; *74* — Воргол (Вишневая Горка); *75* — Волокитино; *76* — Ховзовка; *77* — Красное Утро; *78* — Шабалинов; *79* — Слободка; *80* — Сосница (ур. Потоманка); *80а* — Седнев; *81* — Зметнев; *82* — Радичев (ур. Московское, Хотынское, Мещанское), Пузырево Северное; *83* — Свердловка 1, 2; *84* — Горки 2 (Горбово); *85* — Новгород-Северский; *86* — Пушкари (ур. Песочный Ров); *87* — Случовск; *88* — Чаусы; *89* — Левенка; *90* — Курово 6; *91* — Посудичи 6; *92* — Рогово; *93* — Воробейня; *94* — Творишичи; *95* — Кветунь; *96* — Радутино; *97* — Севск; *98* — Радогощь; *99* — Лески; *100* — Выгоничи; *101* — Палужье; *102* — Антоновка; *103* — Вщиж; *104* — Вщиж (Благовещенская гора); *105* — Дубовец; *106* — Рябчи; *107* — Новый Дроков; *108* — Мглин I; *109* — Лопазна 1, 2; *110* — Смяльч II; *111* — Воронино; *112* — Нисимковичи II; *113* — Чичерск; *114* — Ходосовичи; *115* — Проскурни II; *116* — Гомель; *117* — Носовичи; *118* — Колочин I; *119* — Чаплин I, II; *120* — Картамышево; *121* — Гочево; *122* — Долгий Колодезь 1, 2, 4, 5; *123* — Суходол; *124* — Куриловка; *125* — Плёхово; *126* — Горналь; *127* — Великая Рыбица; *128* — Могрица; *129* — Битица; *130* — Зелёный Гай; *131* — Шпилёвка; *132* — Ворожба; *133* — Басовка; *134* — Ромны; *135* — Красный Колядин; *136* — Медвежье; *137* — Шумское; *138* — Глинск; *139* — Свиридовка; *140* — Гаевщина; *141*— Васильки; *142* — Бодаква (ур. Козача Гора); *143* — Бодаква (ур. Панское); *144* — Сенча (ур. Самсониев Остров); *145* — Снитин; *146* — Хитцы (ур. Коломак); *147* — Лубны; *148* — Мацковцы; *149* — Лукомье (ур. Панская Гора); *150* — Горка; *151* — Новотроицкое; *152* — Каменное; *153* — Кнышевка; *154* — Броварки; *155* — Сары; *156* — Хотмыжск; *157* — Поповка; *158* — Ницаха (ур. Малый Балкан, Большой Балкан); *159* — Заречное 1, 2; *160—162* — Старая Ивановка, Чернетчина, Журавное; *163* — Куземин; *164* — Глинское; *165* — Опошня; *166* — Полтава; *167* — Решетники (ур. Городок, Колхозная ферма); *168* — Донецкое; *169* — Хорошевское; *170* — Водяное; *171* — Мохнач; *172* — Коробовы (Короповы) Хутора

роменских домов в виде котлованов с глинобитной или каменной печью в одном из углов практически ничем не отличается от волынцевских, что позволяет говорить о распространении такого интерьера в сочетании со строительной схемой еще в VIII в. (рис. 44: *В*). На Липинском городище, Горбовском и Горнальском селищах выявлены двухэтажные дома (рис. 44: *Д*). Как внутри жилищ, так и за их пределами располагались хозяйственные ямы, которые имели самую разную форму.

Для роменского погребального обряда характерны кремации «на стороне» при редких случаях сожжения на месте. Остатки сожжения, чаще всего — в урнах, помещались как под насыпью кургана, так и в ней.

Ведущую роль в жизни роменцев играло земледелие. На поселениях найдены зерна пшеницы, ржи, ячменя, проса, вики, гороха. Получили дальнейшее распространение появившиеся в волынцевское время металлические наконечники пахотных орудий, что свидетельствует об использовании тягловой силы[200] (рис. 45: *28*). Их широкое внедрение наряду с применением двухтрехполья способствовало росту урожайности. Нередки находки мотыжек, которые поступали из Хазарии и использовались как для дополнительной обработки земли, так и в деревообработке. Орудия уборки урожая представлены косами и серпами (рис. 45: *22*). Для размола зерна применялись ручные жернова, изготовленные из двух камней дисковидной формы, насаженных на штырь.

Заметную роль в жизни роменцев играло животноводство. Оно имело молочно-мясной характер, что подразумевает широкое использование молочной продукции. Примерно третья часть домашних животных была представлена крупным рогатым скотом, третья-четвертая часть — свиньями, от 1/5 до 1/4 — мелким рогатым

верситета. 2018. № 4 (48). [Электронный ресурс]. URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=53 (дата обращения: 20.01.2020); *Енукова О. Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX—XIII вв. Курск, 2007. С. 30—57. (Труды НИИ археологии юго-востока Руси; Вып. 1).

[200] *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005. С. 84—85; *Веретюшкина М. В.* К вопросу о контактах населения Северской земли и Хазарии (на примере находок наконечников пахотных орудий труда) // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 4 (16). С. 10—11. [Электронный ресурс]. URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=17 (дата обращения: 20.01.2020).

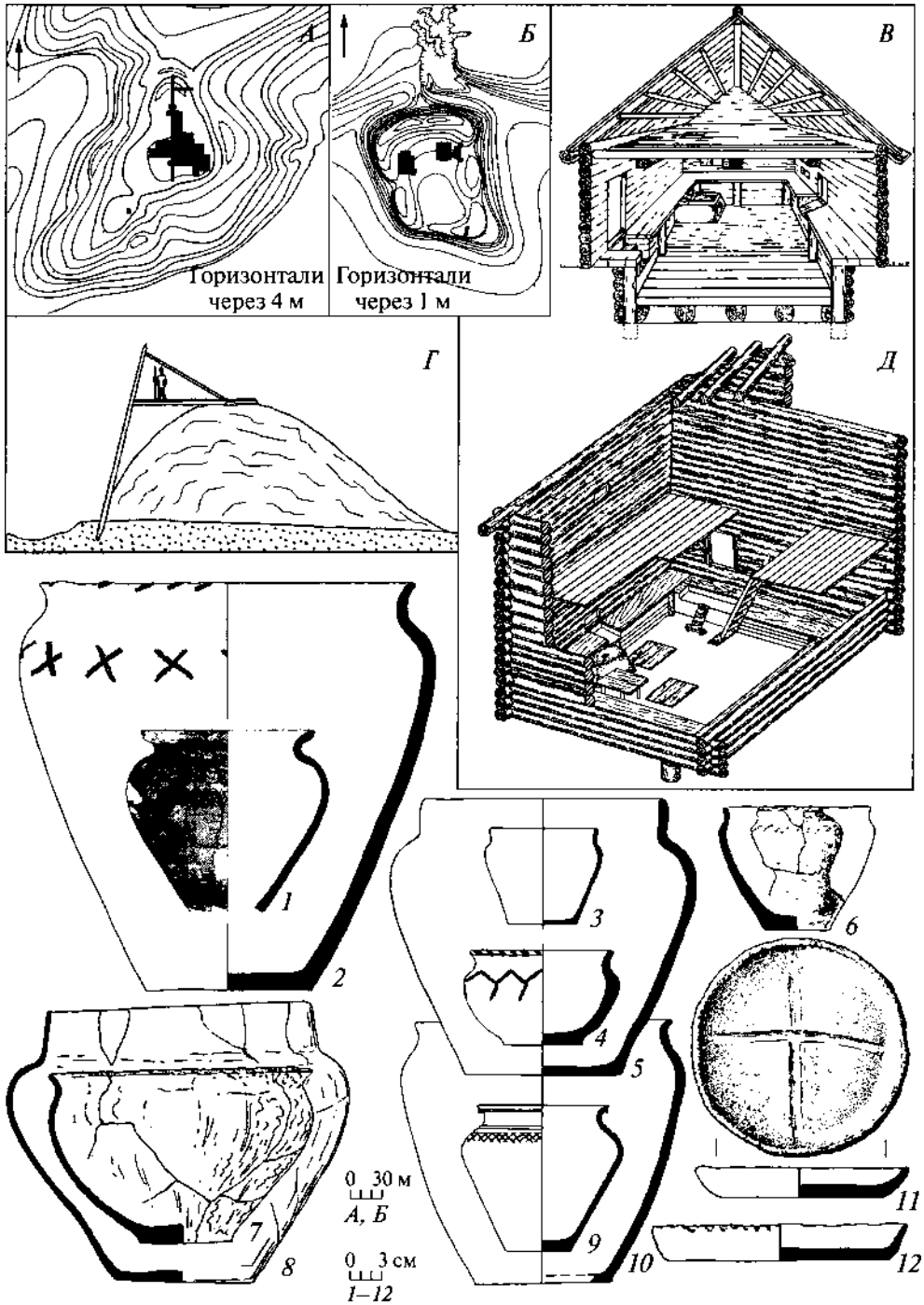


Рис. 44. Роменская культура

А — Большое Горнальское городище; *Б* — Липино, городище; *В* — Донецкое городище. Жилище Г (реконструкция А. Г. Дьяченко); *Г* — Ратское городище. Укрепления (реконструкция В. В. Енукова); *Д* — Горналь, селище 1. Жилище (яма 2; реконструкция В. В. Енукова, О. Н. Енуковой). *1, 2* — Горналь, селище 1; *3* — Ратское городище; *4, 5, 10* — Липино, городище; *6—8, 11, 12* — Новотроицкое городище; *9* — Шуклинка, курганы (*1, 9* — круговая керамика, остальные — лепная)

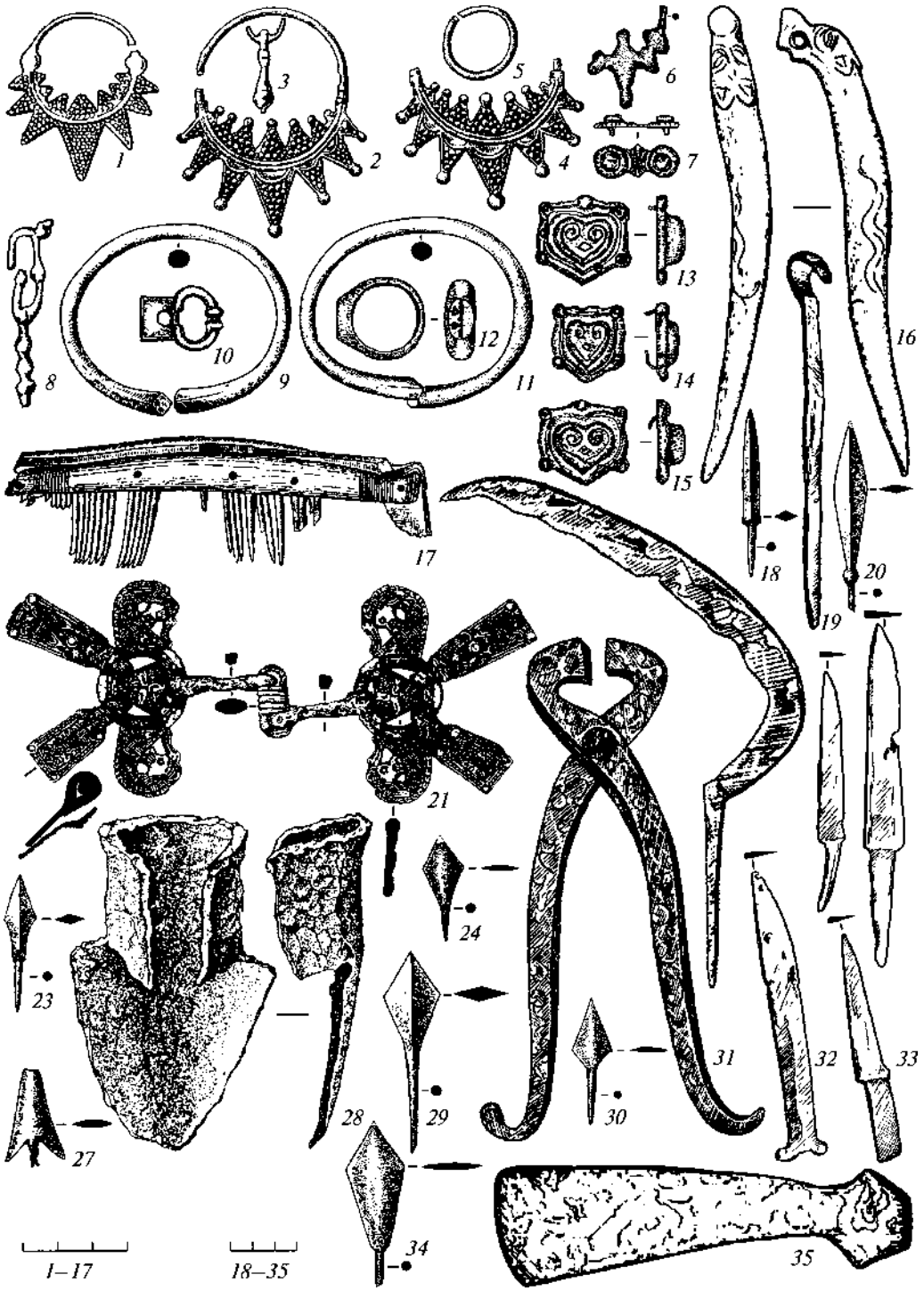


Рис. 45. Древности роменской культуры

1, 2—4, 9, 11, 18—20, 23, 24, 27, 29, 30, 34 — Большое Горнальское городище; *3, 22, 25, 26, 32, 33* — Новотроицкое городище; *6, 7, 13—15* — Горналь, селище 1; *8, 16* — Переверзево, городище 2; *10* — Лебяжье, курганы; *12* — Шуклинка, курганы; *17, 28* — Шуклинка, городище; *21, 35* — Супруты, городище; *31* — Решетники, городище. *1, 2—5, 9, 11* — серебро; *6—8, 10, 12—15* — бронза; *16, 17* — рог; *16—20, 22—35* — железо; *21* — железо, бронза, позолота

скотом и 1/10 — лошадями[201]. О занятиях рыболовством говорят многочисленные находки чешуи и костей, а также рыболовных крючков, острог, грузил. Видовой состав рыб был близок современному: сазан, лещ, судак, щука, карп, сом.

Продукция железообработки на роменских памятниках представлена разнообразными изделиями, среди которых самыми многочисленными являются ножи (рис. 45: *25, 26, 32, 33*). Ведущее место занимают цельностальные или цельножелезные поковки, что характерно для славян начиная с рубежа нашей эры[202]. Среди других кузнечных поковок — плотницкие топоры, пружинные ножницы, пила, скобель, ключи от нутряных замков, футляры для трута, петли от ведер и т. д. Из предметов вооружения чаще всего встречаются железные наконечники стрел, в большинстве случаев — черешковые.

О ювелирном деле северян свидетельствуют находки обломков тиглей, литейных формочек и глиняных льячек. В качестве сырья использовалось привозное серебро в виде арабских монет[203]. Ювелирная продукция представлена украшениями и деталями одежды (рис. 45: *9—11*). В их числе — 5- и 7-лучевые височные кольца, прототипы которых восходят к византийской традиции[204] (рис. 45: *1, 2, 4, 6*). Встречаются перстневидные височные кольца, которые являются элементом общерусского комплекса украшений (рис. 45: *5*).

Массовые материалы представлены керамикой со значительным преобладанием лепной. Ведущее место занимали горшки из грубого, с заметной примесью шамота, теста, у которых плечико расположено в верхней части тулова, а венчик имеет S-видную или близкую форму (рис. 44: *2, 3—7, 10*). Выделяются горшки с вертикальным венчиком, морфологическим прототипом которых явно была волынцевская круговая посуда (рис. 44: *8*). Среди других форм — миски, миниатюрные сосуды, сковородки (рис. 44: *11, 12*). Круговая керамика завозилась из Среднего Поднепровья, с территории Руси (рис. 44: *1—9*). Изредка встречается посуда из мастерских Хазарии и Причерноморья.

Важное место в жизни роменцев занимала торговля, маршруты которой определялись гидросетью. Одна такая трасса, которая маркируется кладами арабских серебряных дирхемов, пролегала с юга на север по Дону. В ее организации важную роль играло городище Супруты на реке Упе, где наблюдается заметная концентрация как хазарских, так и скандинавских находок (рис. 45: *21*). Следует отметить, что последние практически не встречаются в роменских древностях. Этот маршрут использовался в основном в рамках IX в.[205]

В X в. серебро поступало преимущественно через Волжскую Булгарию, куда доставлялось главным образом сухопутными караванами из Средней Азии[206]. По

---

[201] *Журавлев О. П.* Животноводство у славянского населения восточноевропейской лесостепи во второй половине I тысячелетия нашей эры // Вопросы истории славян: Археология и этнография. Вып. 12. Воронеж, 1998. С. 41—42; *Горбаненко С. А.* До історії тваринництва у слов'ян Лівобережжя Дніпра останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. 2003. № 2. С. 113—122.

[202] *Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. С. 95—119.

[203] *Орлов Р. С.* Серебряные украшения северян Курского Посемья // Проблеми ранньослов'яньскоі і давньоруськоі археології Посейм'я: Матеріали наукової конференції, присвяченої 900-річчю Вира-Білопілля. Білопілля, 1994. С. 50—51.

[204] *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. С. 126—131.

[205] *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. С. 139, 158—160.

[206] *Нунан Т. С.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сборник статей памяти профессора И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 260—262. Табл. 1—3.

Оке восточные товары, в числе которых археологически фиксируются также бусы из сердолика, хрусталя, раковины каури, попадали к роменцам. В результате в ареале роменской культуры складывается активно действующий торговый путь, обеспечивающий товарами Халифата не только вятичей, северян и радимичей, но и Русь с центром в Киеве. В составе кладов помимо дирхемов в небольшом количестве встречаются булгарские и византийские монеты.

Уже само географическое положение северян, вятичей и радимичей предполагало их тесные и не только торговые контакты с соседними раннегосударственными образованиями — Русью и Хазарией. В Повести временных лет под 859 г. содержится сообщение о том, что поляне, северяне и вятичи платили хазарам дань «по беле и веверице от дыма». В даннических отношениях с каганатом состояли и радимичи. Однако организация системы крепостей по северным границам Хазарии, в которой принимали участие византийские мастера, позволяет полагать, что между каганатом и славянами были периоды конфликтов[207]. Тем не менее, по письменным источникам, вятичи платили дань вплоть до 960-х гг.

В последнее столетие I тыс. заметно бóльшую роль в жизни роменского населения играла Русь. По Повести временных лет в 884 г. Олег пошел на северян и обложил их легкой данью, одновременно запретив выплачивать дань Хазарии, однако, как показывают данные археологии, реально было подчинено только Нижнее Подесенье, где отстраивается Чернигов. В 885 г. аналогичные события пережили и радимичи, которые, видимо, вскоре вышли из-под руки Киева. В X в. в Брянском Подесенье и Посулье между Русью и северянами образовались нейтральные зоны, причем картография поселений и кладбищ предполагает определенное противостояние между ними[208]. Тем не менее сложившаяся ситуация принесла роменцам и экономическую выгоду. Будучи активными участниками транзитной торговли восточной продукцией, в ассортименте которой особо значимым было серебро, они получили мощного «контрагента-заказчика» в лице Руси. Поток дирхемов по трассе Ока—Сейм—Десна усиливается во второй четверти X в., причем именно в это время к северянам начинают поступать русские импорты (рис. 45: *17*).

В X в. роменцы в своем развитии переживают расцвет. В сельском хозяйстве растет урожайность, о чем свидетельствует увеличение объема ям-хранилищ. Подавляющее большинство исследованных памятников имеют напластования финального этапа культуры, что отражает положительную демографию этого времени. В свою очередь, они заметно больше насыщены находками, что указывает на активизацию жизнедеятельности населения. Значительные изменения отмечаются в торговле, причем не только во внешней, но и во внутренней. В роменском ареале известно около 50 монетных кладов X столетия. Наблюдается их значительная концентрация в двух регионах, представлявших собой крупные перевалочные базы в движении товаров: в Поочье (рязанское течение

---

[207] *Афанасьев Г. Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. С. 147—149. Рис. 50; *Петрухин В. Я.* Русь и Хазария: К оценке исторических взаимосвязей // Хазары. Иерусалим; М., 2005. С. 72.

[208] *Шинаков Е. А.* Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье (рубеж X—XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя: Тези доповідей міжнародної конференції у м. Славутичі (5—6 жовтеня 1994 р.). Київ, 1994. С. 41—46; *Моргунов Ю. Ю.* Посульская граница: Этапы формирования и развития. Курск, 1998. Рис. 7. (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья; Вып. 3).

реки) и Посемье[209]. Отмечаются новации и в социально-политической жизни роменцев. В Посемье, наиболее густонаселенном и динамично развивающемся регионе северян, прослеживается тяготение в расположении городищ к отрезкам в 6—8 км, при этом формируется три линии обороны (по Пслу, Сейму и Свапе). Системность в их размещении позволяет предположить существование неких надобщинных властных структур. В Посемье в X в. Большое Горнальское городище (на реке Псел) приобретает некоторые черты, свидетельствующие о его возможном перерастании в городской центр, в числе которых — концентрация значительного количества населения, наличие двух линий укреплений (детинец и «окольный город»), появление ремесел (железоделательное, кузнечное, оружейное, меднолитейное, косторезное с применением токарного станка), дальние торговые связи, вероятность местного чекана подражаний дирхемам, грамотность.

Финал роменской культуры, как и для большинства славянских и части неславянских социумов Восточной Европы, был связан с распространением древнерусской археологической культуры, что отражает включение «племенных» территорий в состав Руси. Однако этот процесс занял длительное время. Ранее всего древнерусская культура распространяется в Черниговском Подесенье. Заметно позднее осваивается остальное течение Десны: на это указывают материалы Новгорода Северского, который был основан, по мнению его исследователей, в 960-х гг. на месте сожженного в результате походов Святослава на вятичей роменского поселка[210]. По Повести временных лет киевский князь ходил на Оку дважды (964 и 966 гг.), а в 981 и 982 гг. это делал Владимир с целью возобновления дани. В 984 г. воевода Владимира окончательно подчинил радимичей. Вскоре пал самый густонаселенный регион Северской земли — Посемье. Русская колонизация «семцев» маркируется массовым выпадением кладов дирхемов в рамках середины 980-х — середины 990-х гг., что вкупе со следами пожаров на городищах отражает военный характер предпринятой Русью кампании. Из числа известных более всего археологическим и нумизматическим реалиям разгрома «семцев» соответствует поход Владимира в 985 г. на Волжскую Булгарию. Дружина князя, продвигавшаяся на ладьях, не могла миновать вятичей на Оке, где также фиксируется, хотя и не столь отчетливо, пик выпадения кладов[211]. Тем не менее они сохраняют как минимум автономию до времен походов Владимира Мономаха на Ходоту, в котором чаще всего видят «племенного князя».

Русское освоение южного и юго-восточного порубежья Северской земли (земли по Суле, среднему Пслу, Ворскле и Северскому Донцу) проходило в рамках конца X — начала XI в., причем, как показывают материалы Полтавы, этот процесс мог завершиться только вскоре после смерти Владимира Святославича[212]. Однако самые поздние памятники, которые с известной долей осторожности можно связывать с кругом роменских древностей, отмечаются в северной части ареала культуры. На средней Оке они датируются серединой —

[209] *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. Рис. 3.

[210] *Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П.* Новгород-Северский: Некоторые итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Руси: Историко-археологические исследования. Воронеж, 1996. С. 5.

[211] *Енуков В. В., Раздорский А. И.* О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская история. 2015. № 2. С. 49—59.

[212] *Пуголовок Ю. О.* До питання про включення південно-східних земель сіверян до складу Русі // Старожитності Лівобережжя Дніпра. Київ; Котельва, 2018. С. 222—224.

второй половиной XI в.[213] Еще севернее, в Москворечье, выделяется группировка поселений, по крайней мере часть которых также доживает до этого же времени[214].

Несомненно, часть роменцев влилась в состав формирующегося на завоеванных территориях древнерусского населения, что отмечается в материалах погребальных памятников, домостроительстве, в отдельных случаях — в конструкциях фортификаций (Курск). Особенно показательна в этом отношении лепная керамика, которая в небольших количествах изготовлялась вплоть до предмонгольского времени[215].

Славяне лесостепного Дона

Территория, освоенная донскими славянами во второй половине VIII — начале IX в., представляла собой окраинный район не только восточнославянского, но в это время и в целом славянского мира. Их поселения и могильники известны как памятники боршевской культуры[216] (рис. 46). Район расселения донских славян с юга и юго-запада граничил с северо-западными рубежами Хазарского каганата (памятники салтово-маяцкой культуры)[217], с северо-востока — с финноязычными народами (памятники мордвы)[218], с запада примерно на расстоянии 150—200 км находились памятники летописных северян (роменская культура)[219]. Географическое расположение славян донской группы свидетельствует об их определенной изоляции от других районов славянского мира, что не могло не отразиться на некоторых особенностях их культуры.

Большинство поселений донских славян представлено городищами. Общей чертой их является: 1) расположение в максимально удобных с точки зрения хозяйственной целесообразности местах; 2) использование и совершенствование всех возможностей площадки, занимаемой поселением: естественные крутые склоны мыса, искусственная их подрезка; 3) строительство оборонительных сооружений в местах, наиболее уязвимых и легкодоступных для противника; 4) использование деревянных оборонительных конструкций при строительстве оборонительных укреплений; 5) строительство укреплений с учетом имеющихся оборонительных сооружений предшествующего времени, как правило, эпохи раннего железного века[220].

Что касается селищ, то они неоднородны по топографическому расположению.

---

[213] *Коваль В. Ю.* Сосновское селище: (О керамике Среднего Поочья в XI в.) // Российская археология. 2004. № 1. С. 157—158.

[214] *Гоняный М. И.* Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. М., 1999. С. 128—146. (Труды ГИМ; Вып. 111).

[215] *Енуков В. В.* Роменское население Посемья в древнерусское время // Археология Юго-Востока Руси: Материалы IV научной конференции. Елец, 2006. С. 78—108; *Он же.* Русь и судьбы северян (по материалам раскопок Курска) // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (47). [Электронный ресурс]. URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=52 (дата обращения: 20.01.2020).

[216] *Москаленко А. Н.* Славяне на Дону: (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

[217] *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.

[218] *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности: Из истории мордвы-мокши: Конец IX — начало XI века. М., 2007.

[219] *Енуков В. В.* Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

[220] *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965; *Пряхин А. Д., Винников А. З.* Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 132—158; *Винников А. З.* Славянское городище на Белой

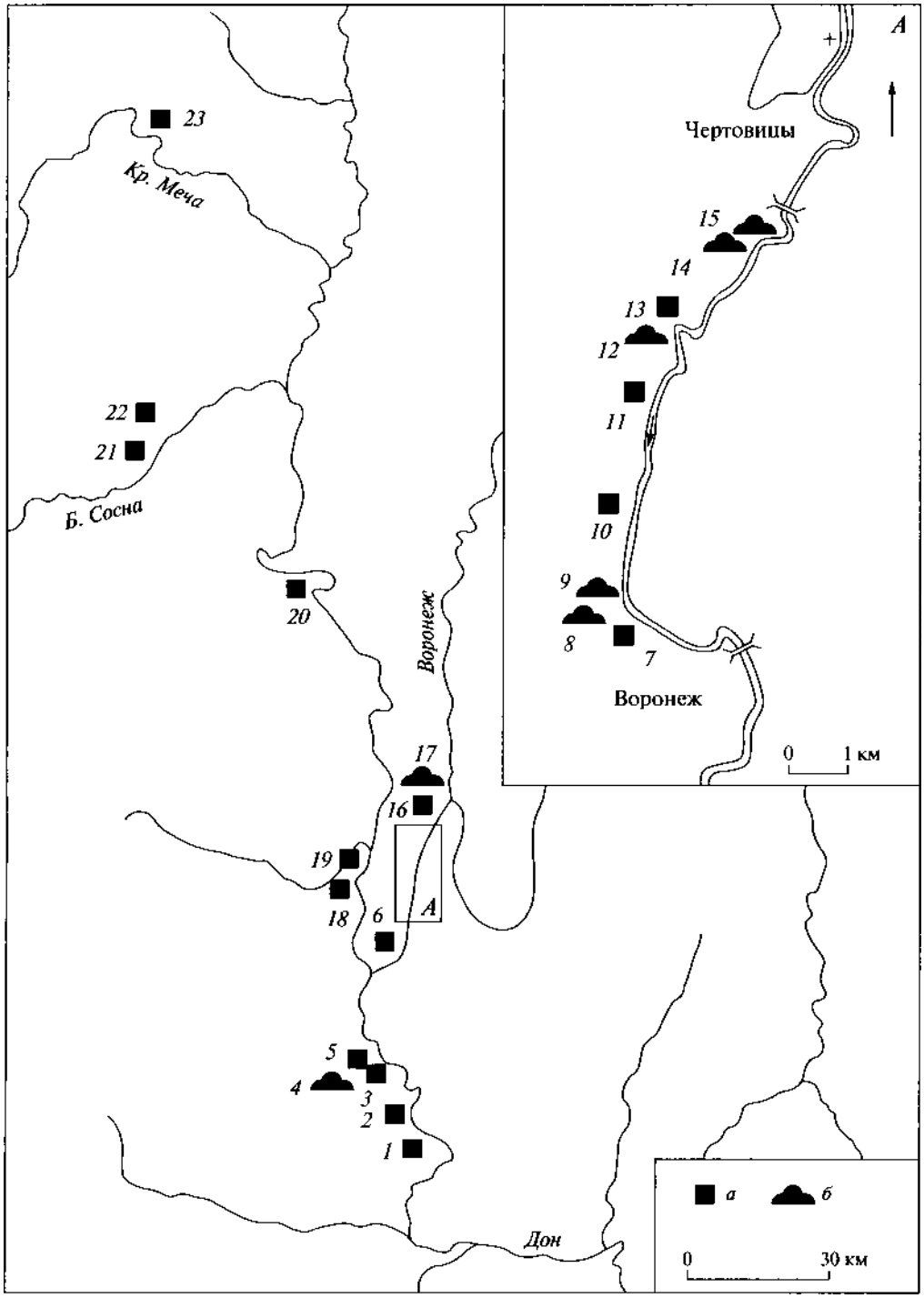


Рис. 46. Карта основных археологических памятников донских славян

а — городище; *б* — курганный могильник. *1* — Титчиха; *2* — Архангельское; *3* — Малое Боршевское; *4* — Боршевский; *5* — Большое Боршевское; *6* — Шилово; *7* — Кузнецовское; *8* — Кузнецовский; *9* — Лысогорский; *10* — Михайловский кордон; *11* — II Белогорское; *12* — I Белогорский; *13* — I Белогорское; *14* — II Белогорский; *15* — III Белогорский; *16* — Животинное; *17* — Животинный; *18* — Семилукское; *19* — Чернышева гора; *20* — Ксизовское; *21* — Воргольское; *22* — Паженьское; *23* — Дубики

Одни из них непосредственно примыкают к городищам, располагаются на плато за пределами укрепленной мысовой части. Такие селища имеются на донских городищах (Малое Боршевское, Титчихинское и др.). Селища второго типа также располагаются на высоких плато или мысах, но никак не связаны с городищами. Селища третьего типа расположены на невысоких мысовых террасах или пойменных дюнах. Открыты они исключительно на верхнем Дону, в районе, хорошо защищенном городищами или в непосредственной близости от городищ[221].

На поселениях донских славян раскопками изучено значительное количество жилых построек. Все они обладают довольно стабильными чертами: 1) все жилища представляют собой однокамерные полуземлянки квадратной, реже прямоугольной формы; 2) жилища, функционировавшие до конца существования поселения, прослеживаются в настоящее время на поверхности в виде так называемых западин; 3) котлованы всех построек имели деревянные облицовки стен каркасно-столбовой или срубной конструкции; 4) все жилища имели печи, расположенные в одном из углов; они сложены из глины и камня, иногда с использованием материкового останца, оставленного при копке котлована постройки[222].

Основу хозяйства донских славян составляло земледелие. Выращивали пшеницу, ячмень, просо, горох и другие культуры. Важным показателем степени и качества развития земледельческого хозяйства у донских славян являются находки орудий труда: косы, серпы, жернова, зернотерки. По своему характеру и уровню развития земледелие у донских славян полностью соответствовало земледельческому хозяйству других районов восточнославянского мира. Оно было направлено на удовлетворение, прежде всего, нужд населения в питании, создание необходимой кормовой базы в животноводстве и, возможно, уплату хазарской дани.

Домашнее животноводство (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади) обеспечивало население мясом, молоком и молочными продуктами, жирами, кожаным сырьем. Одним из главных направлений животноводства было разведение и содержание рогатого скота в качестве тягловых животных для земледелия и как средства транспорта.

Охота (лось, благородный олень, косуля, кабан, бобр и другие дикие животные) восполняла недостающее количество мяса, кож, костного сырья и давала пушнину, которая в основном шла на обмен и уплату дани хазарам.

Серьезным источником пропитания для славянского населения Подонья являлось рыболовство. На поселениях обнаружены рыбьи кости, чешуя, а также орудия лова: рыболовные крючки, остроги, грузила, пешни. Промышляли более 10 видов рыб: щука, сазан, стерлядь, лещ, окунь, судак и др.[223]

Одной из важнейших отраслей хозяйства донских славян являлась металлургия и металлообработка. На всех поселениях в

горе под Воронежем // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. С. 113—137; *Он же*. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — начале XIII вв.: (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж, 2014; *Винников А. З., Цыбин М. В.* Славянское городище у «Михайловского кордона» на р. Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк, 2017. С. 80—93.

[221] *Винников А. З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж, 1995. С. 11.

[222] *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. С. 37—57; *Винников А. З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). С. 18—32.

[223] *Винников А. З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). С. 52—57; *Он же*. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — начале XIII вв.: (Животинное городище на р. Воронеж). С. 190—192.

значительном количестве встречен железный шлак — показатель местной металлургии железа. В ряде случаев плавка железа осуществлялась и в обычных жилых помещениях в глиняных горшках. Использовался и сыродутный способ получения железа. Специальные печи для плавки руды встречены на двух городищах, есть находки обломков сопел. На некоторых поселениях открыты кузнечные мастерские[224]. Но самым ярким показателем развития железоделательного производства у донских славян являются сами изделия из железа. Среди них: ножи различных типов, серпы, коса, топоры, рыболовные крючки, ножницы для стрижки овец, кочедыки, наконечники стрел и другие предметы (рис. 47).

Обрабатывали донские славяне и цветной металл. Встречены изделия местного производства из бронзы и серебра: колечки, височные подвески, лунницы (рис. 48). О местном производстве украшений из цветных металлов свидетельствуют находки тиглей, льячек, литейных формочек на ряде славянских городищ в бассейне Дона. На некоторых поселениях выявлены мастерские по обработке цветных металлов[225].

Большое место в экономике донских славян занимала внешняя торговля. Донские славяне не только сами торговали с Востоком, но и являлись, по всей видимости, своеобразной перевалочной базой, через которую осуществлялась торговля Востока с другими районами восточнославянского мира. В этом плане существенную роль играла река Дон. В лесостепном Подонье обнаружены четыре клада арабских монет (дирхемов) и значительное число отдельных монет, которые сосредоточены главным образом на среднем Дону. О наличии караванной торговли со славянским населением лесостепного Дона свидетельствуют находки костей верблюдов на некоторых среднедонских городищах[226]. К донским славянам поступали украшения из стекла (прежде всего, бусы), вина, различные украшения, которые славяне не имели возможности изготовить (привески из раковин каури, некоторые типы перстней). В свою очередь славяне предлагали для торговли меха (особенно бобров), рыбу, зерно, мед.

Одной из важнейших отраслей домашнего производства у донских славян являлось изготовление керамической посуды, использовавшейся в качестве кухонной (горшки малых и средних размеров, сковородки, противни), столовой (миски) и тарной для хранения продуктов (горшки больших размеров). Выделяются изделия специального назначения: сырницы (глубокие миски с отверстием у придонной части для стекания сыворотки), светильники, маленькие сосудики (возможно, детские игрушки). Керамика, прежде всего горшки, широко использовалась в погребальной обрядности. Все керамические изделия местного производства изготавливались каждой семьей для собственных нужд, в основном без использования гончарного круга, обжигались на костре или в домашних печах (вклейка, рис. 4). Использование гончарного круга прослеживается лишь на ряде поселений на реке Воронеж[227].

Исследования памятников донских славян позволило вычленить в ареале боршевской культуры локальные микрорегионы, в основе выделения которых лежат, прежде всего, погребальные памятники: средний Дон (Боршевский могильник) и река Воронеж (Кузнецовский, Лысогорский, три Белогорских и другие могильники)[228].

---

[224] *Винников А. З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). С. 60—61.

[225] Там же. С. 65—66.

[226] Там же. С. 68—69.

[227] *Винников А. З.* Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — начале XIII вв.: (Животинное городище на р. Воронеж). С. 158—171.

[228] *Винников А. З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

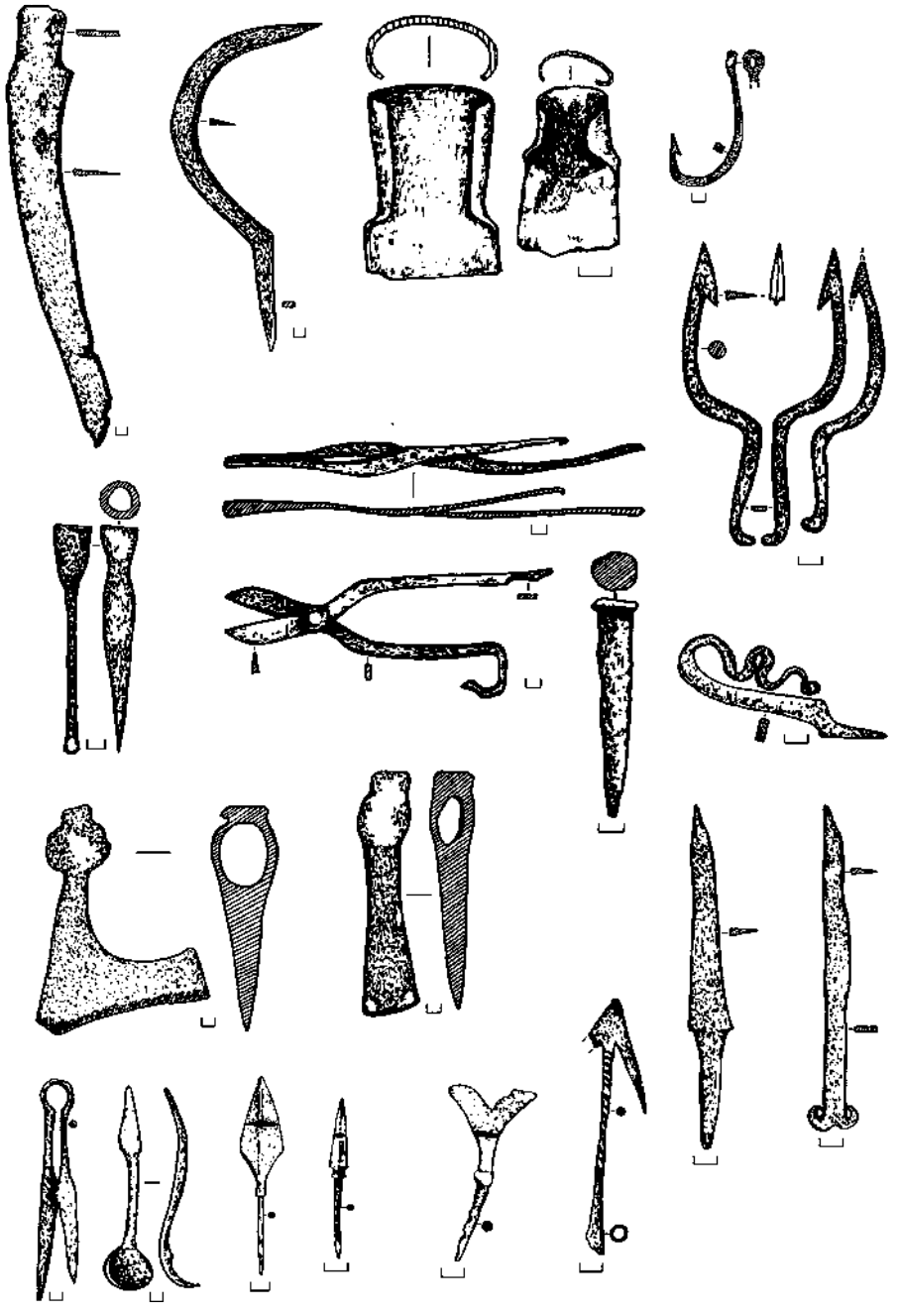


Рис. 47. Изделия из железа донских славян

Для Боршевского могильника характерны: 1) трупосожжение за пределами кургана; 2) деревянные погребальные конструкции в виде камер, кольцевых оградок; 3) размещение камер с остатками кремации в северо-восточном секторе; 4) кольцевые ровики вокруг насыпи; 5) абсолютное преобладание в погребениях (более 90 %) славянской лепной керамики[229]. Некоторыми исследователями неоднократно под-

[229] *Винников А. З.* Славянские курганы лесостепного Дона. С. 8—44.

Рис. 48. Украшения донских славян

черкивалось наличие существенного сходства между деревянными погребальными конструкциями Боршевского могильника и ряда верхнеокских, которые не без основания связываются с вятичским племенным объединением; объяснить это можно только этнической общностью населения, оставившего эти памятники. Очевидно, что из Верхнеокского региона, вероятно, не ранее первой половины, а возможно, и середины IX в. на средний Дон переселилась достаточно монолитная сложившаяся в этно-

культурном плане группа славянского населения, которую можно связать с вятичами.

Иная картина наблюдается на реке Воронеж (левый приток Дона, который связан уже с верхним его течением). На воронежских могильниках исследовано более 100 курганов, которые содержат разные типы погребений: 1) трупосожжение за пределами кургана с помещением остатков кремации на погребенной почве в его восточной половине; 2) трупосожжение за пределами кургана с помещением остатков кремации в деревянные камеры; 3) трупосожжение за пределами кургана с вторичным обжигом на месте захоронения в его восточной половине на уровне погребенной почвы; 4) трупосожжение на месте захоронения в восточной половине кургана[230].

Коллекция керамики из курганов на реке Воронеж включает многочисленную славянскую лепную керамику, но при этом в большом количестве представлена гончарная керамика салтово-маяцкой культуры. Эта посуда в основном не результат импорта, она свидетельствует об инфильтрации салтовского населения — алан и болгар — в глубинные районы славянского мира и его проживании на ряде поселений вместе со славянами.

Кроме того, в воронежских курганах, а также на поселениях встречены волынцевская керамика и ряд лепных сосудов, которые являются своеобразным подражанием волынцевским гончарным[231]. Имеется также значительное количество сосудов, отражающих своеобразный симбиоз славянского и салтовского керамических производств.

Из четырех типов погребений, выявленных в курганах на реке Воронеж, наиболее многочисленным является трупосожжение за пределами кургана с помещением остатков кремации в его восточной половине на погребенной почве, иногда в неглубоких ямках в сосуде или без сосуда. Курганы этой группы значительно ближе к курганам Днепровского Правобережья, чем к курганам других регионов восточнославянского мира[232].

Таким образом, истоки славянской миграции на реке Воронеж необходимо искать в материалах Днепровского Правобережья — поздних памятниках пражской культуры и наиболее ранних культуры Луки-Райковецкой. Не следует полностью исключать из этого процесса и памятники пеньковского круга, отголоски этих традиций мы видим и в ряде сосудов, встреченных в могильниках на реке Воронеж. Незначительная серия типично волынцевской лощеной посуды дает основание говорить о появлении здесь населения и из Днепровского Левобережья.

Заселение славянами бассейна лесостепного Дона проходило из разных регионов восточнославянского мира. Если среднедонской район осваивался в основном выходцами из верхнеокского вятичского мира, то верхний Дон (река Воронеж) заселялся славянами из различных регионов Днепровского Право- и Левобережья, проникали сюда отдельные группы среднедонских вятичей и на определенном этапе здесь появились незначительные группы алано-болгар — выходцы из ареала салтово-маяцкой культуры — культуры Хазарского каганата.

Есть основания расширить хронологические рамки боршевской культуры: славянские памятники на реке Воронеж существовали со второй половины VIII до начала или первой половины XI в.

---

[230] *Винников А. З.* Славянские курганы Лесостепного Дона. С. 45—128.

[231] *Винников А. З.* Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — начале XIII вв.: (Животинное городище на р. Воронеж). С. 161—162.

[232] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 142.

Культуры Северо-Запада и Верхнего Поднепровья в последней четверти I тыс. н. э.[233]

Для последней четверти I тыс. н. э., то есть времени формирования Древнерусского государства, в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе Русской равнины наиболее хорошо известны две археологические культуры — смоленских (смоленско-полоцких) длинных курганов и новгородских сопок. Первоначальное обобщение этих двух групп древностей было сделано на рубеже XIX—XX вв. А. А. Спицыным (в то время смоленские длинные курганы рассматривались в единстве с псковскими). Он же аргументировал принадлежность этих древностей соответственно летописным «племенам» кривичей и словен новгородских. Следующие крупные шаги по сбору и анализу материалов обеих культур осуществлены Н. Н. Чернягиным и В. В. Седовым[234].

Длинные курганы и сопки долгое время воспринимались в науке как дихотомия культуры северной части восточнославянской территории. Лишь начиная с 1980-х гг. стало складываться понимание того, что это по многим признакам не «парные» явления. Пришлось признать существенную разницу хронологии, значительное территориальное наложение их друг на друга, а также заметные пересечения ряда культурных признаков, в частности форм лепной керамики. Новые раскопки, выполненные с применением современной методики, показали, что и функционально данные типыкурганных насыпей не одинаковы: если длинные курганы являлись в большей мере чисто погребальными памятниками, то сопки — объектами более широкого культового назначения.

Поздний этап культуры псковских длинных курганов. В VIII—IX вв. на территории Верхнего Поднепровья и Северо-Запада, занятой до того культурами типа Тушемля-Банцеровщина и псковских длинных курганов (далее — КПДК)[235], происходит довольно резкая смена культур: появляются длинные курганы смоленско-полоцкие (далее — КСДК) и сопки (рис. 49).

Однако в ряде регионов развитие КПДК продолжается: выявлены памятники VIII в. и «финального этапа» IX — начала XI в.[236] Их особенностью является сочетание традиционного обряда трупосожжения, характерного для КПДК, включая признаки устройства насыпей и топографии могильников, с поздними типами украшений (рис. 32: *1*) и (для финального этапа) древнерусскими вещами, а также присутствие в тех же некрополях погребений по обряду трупоположения.

Различие ПДК и СДК уверенно аргументируется при сравнении эталонных памятников в «классических» регионах, к примеру Причудья и смоленского Поднепровья. Достаточно хорошо определяются могильники двух культур и в ареале их наложения друг на друга — в белорусском Подвинье. Но есть ряд регионов, где отличительные признаки несколько смазаны. Так, в междуречье Мсты и Мологи, где могильники

---

[233] Первые три раздела написаны Н. В. Лопатиным, раздел «Культура сопок» — И. И. Еремеевым.

[234] *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 93—148. (МИА; № 6); *Седов В. В.* Новгородские сопки. М., 1970. (САИ; Вып. Е1-8); *Он же.* Длинные курганы кривичей. М., 1974. (САИ; Вып. Е1-8/2); *Он же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 46—66.

[235] См. ч. 1, гл. 2, п. 2.4, 2.6.

[236] *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: Типология и хронология. Saarbrücken, 2014. С. 213—220; *Исланова И. В.* О поздних погребальных памятниках в восточной области культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 238.

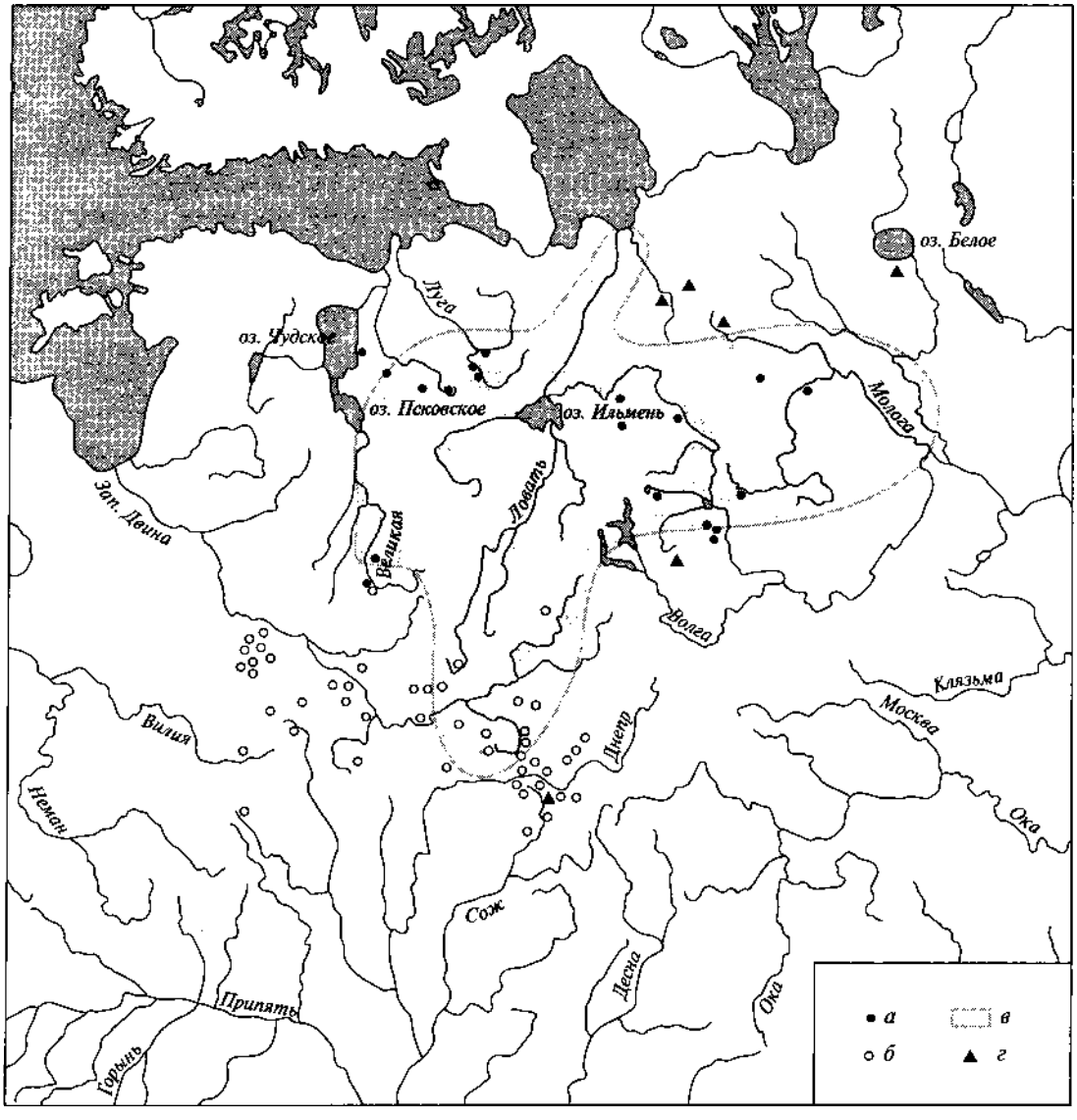


Рис. 49. Карта могильников последней четверти I тыс. н. э.

а — псковские длинные курганы VIII—XI вв.; *б* — смоленско-полоцкие длинные курганы; *в* — ареал сопок; *г* — сопки за пределами основного ареала

в целом относятся к КПДК, некоторые их признаки тяготеют к традициям СДК — наличие погребений на площадках, большое число погребений с керамикой, отдельные формы сосудов[237].

Смоленско-полоцкие длинные курганы. Термин «смоленские длинные курганы» использовался еще В. И. Сизовым в 1899 г., однако в большинстве обобщающих трудов длинные курганы долгое время рассматри-

[237] *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006. С. 54, 55.

вались в единстве. Е. А. Шмидт сформулировал вывод о том, что «целесообразно заменить общий термин „длинные курганы" территориально-хронологическими наименованиями отдельных культур»[238]. В. В. Седов, хотя и придерживался долгое время концепции единства культуры длинных курганов, уже в работе 1974 г. фактически показал существенные различия псковской и смоленско-белорусской частей ее ареала[239].

Наиболее яркий признак КСДК — это набор женских украшений. Характерными его элементами являются головные венчики из бронзовых спиралек с обоймицами-разделителями (рис. 50: *1*), а также другие украшения со спиральками и цепочками, включающие трапециевидные, ромбовидные и умбоновидные подвески, держатели нескольких типов для подвесок (рис. 50: *2, 3, 7—9*), костяные подвески в виде уточек (рис. 50: *10*), височные кольца — серповидные с заходящими концами и перстневидные с завитком наружу (рис. 50: *4—6*), круглые крупные бляхи со штампованным орнаментом (рис. 50: *15*), дротовые шейные гривны с седловидным замком (найдены во фрагментах: рис. 50: *11—13*), браслеты (рис. 50: *16*), перстни, бусы.

Эти украшения имеют много общего с женским убором латгалов типа Люцинского могильника. На это указывали многие исследователи, начиная с А. А. Спицына. Однако, несмотря на сходство, никому не удалось доказать происхождение этого убора и всей культуры СДК, а тем более миграцию населения на Смоленщину, из более западных балтских территорий. Напротив, большинство типов вещей распространено довольно широко, в том числе в южных культурах раннеславянского мира предшествующего времени[240]. Укажем для примера на одну из характерных категорий украшений — височные кольца, которые находят наиболее убедительное происхождение именно в славянском мире[241].

К мужскому костюму относятся детали поясных наборов, в том числе разнообразные пряжки (рис. 50: *17—23*). Предметы вооружения встречаются в погребениях редко (рис. 51: *2*). Представлено конское снаряжение: железные удила, крупные пряжки (рис. 50: *24*).

Вещевой набор КСДК свидетельствует о восприимчивости к внешним влияниям — встречаются вещи североевропейского и городского древнерусского (рис. 50: *3, 8, 9*) происхождения: костяные гребни (рис. 50: *14*), ножи с уступом и длинным черешком (рис. 50: *27*) наряду с местными по происхождению, архаичной формы (рис. 50: *26*); аварские поясные бляшки (рис. 50: *17, 18*), которые, вероятно, попали на Смоленщину вместе с импортами из салтово-маяцкой культуры (рис. 50: *19, 20*).

Заметны различия двух культур длинных курганов в топографии могильников и в деталях погребального обряда (рис. 52: *1, 2*). В СДК длина насыпей никогда не достигает очень больших значений (как правило, составляет не более 20 м); в отличие от ПДК могильники не составляют четких цепочек, тем более двойных (вытянутых вдоль древних дорог); отдельные насыпи часто ориентированы перпендикулярно берегу реки. Несмотря на преобладание в обеих культурах обряда трупосожжения на стороне, детальный анализ показывает несовпадение конкретных его типов. Так,

---

[238] *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь: Сборник статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова. М., 1968. С. 225.

[239] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.

[240] *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010. С. 436. (Труды ИИМК; Т. 33).

[241] *Нефедов В. С.* Височные кольца культуры смоленских длинных курганов (по материалам погребений смоленского Поднепровья и Подвинья) // Российская археология. 2009. № 3. С. 39—40.

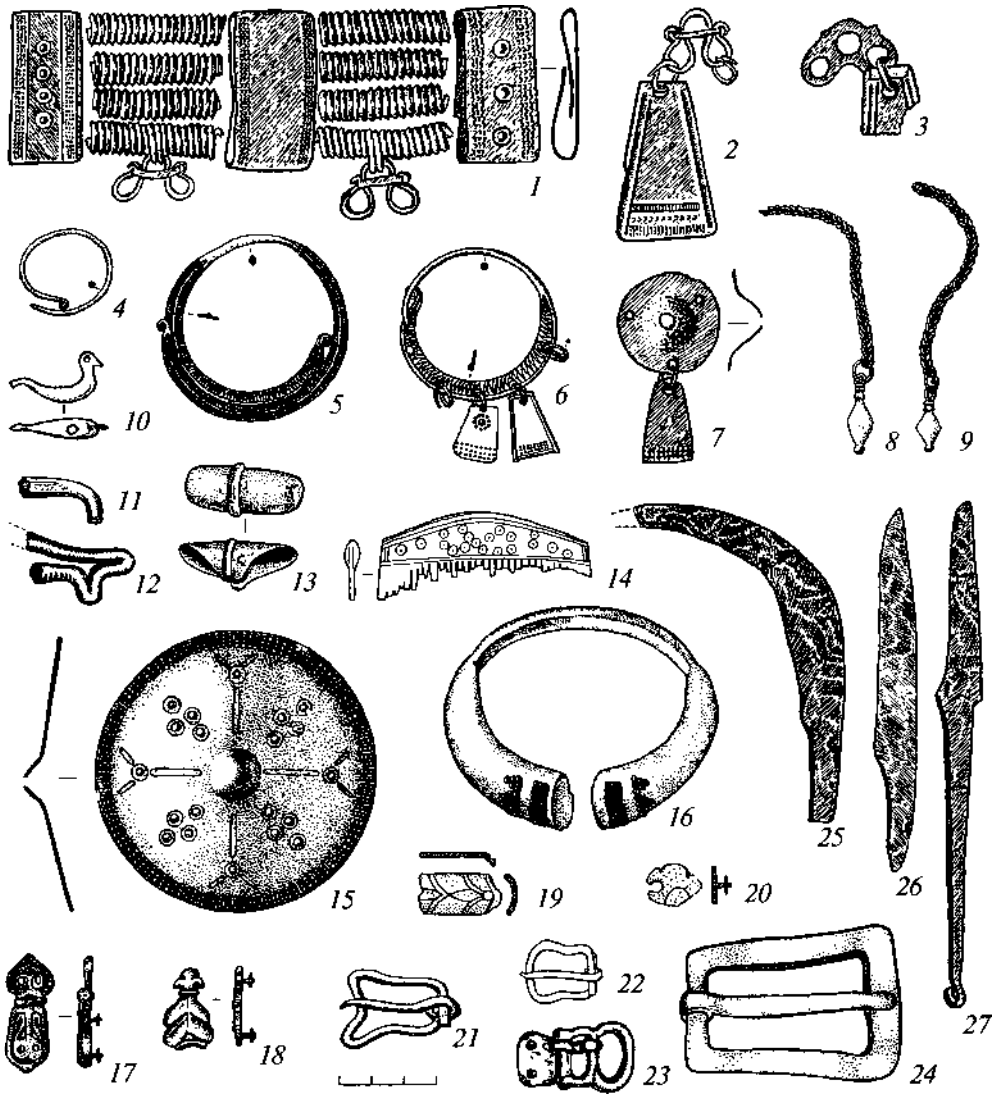


Рис. 50. Инвентарь погребений КСДК

1— 3, 5, 7—9, 23, 25—27 — Заозерье; *4* — Михейково; *6, 13, 15—18* — Цурковка; *10* — Борки; *11, 12, 21* — Акатово, *14* — Шугайлово; *19, 20, 22, 24* — Слобода Глушица

для СДК ведущими типами захоронений были: во-первых, в ямках, выкопанных до возведения насыпи, при этом перевернутый горшок ставился над ямой (в ПДК ямные погребения в основном размещались в готовой насыпи, а при наличии в редких случаях урны она ставилась в нормальном положении непосредственно в яму); во-вторых, на выровненной площадке в насыпи с последующим наращиванием насыпи (рис. 52: *2*) в длину (в ПДК такой обряд не известен)[242].

На основе отрывочных сведений предполагается, что население КСДК практико-

[242] *Енуков В. В.* Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда) // Советская археология. 1992. № 1. С. 66.

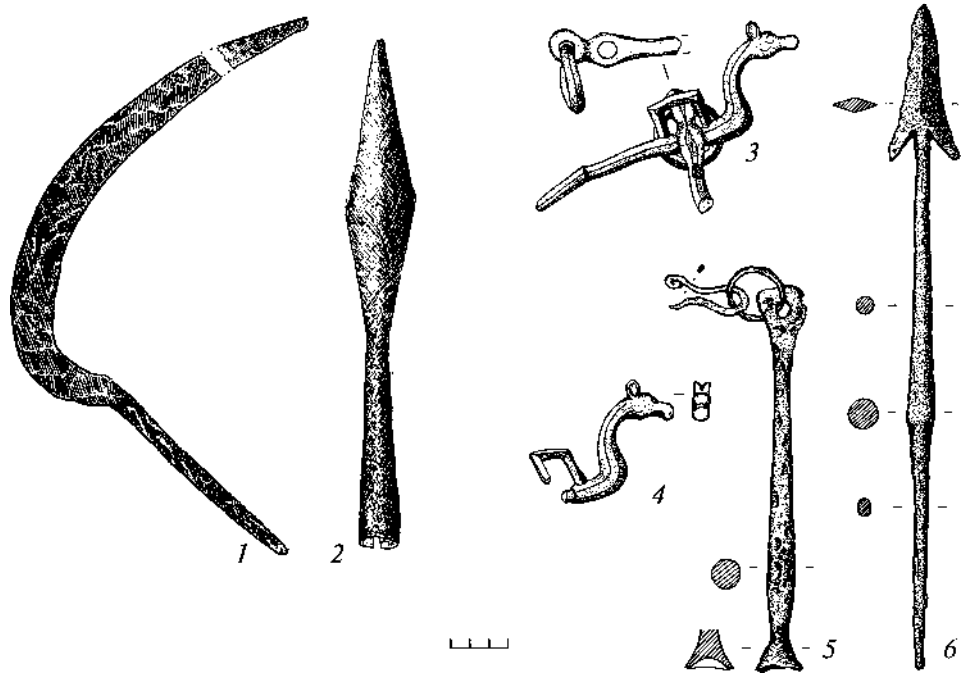


Рис. 51. Инвентарь погребений КСДК и сопок

1, 2 — серп и наконечник копья из погр. 1 кургана 7 могильника КСДК у д. Шугайлово; *3—5* — псалии и шумящая плеть из сопки 10-III (ур. Плакун в Старой Ладоге); 6 — дротик из «Полой сопки» в Старой Ладоге (5-III). *1, 2, 5, 6* — железо; *3, 4* — бронза

вало и бескурганный обряд в формах как ямных трупосожжений (в том числе урновых), так и поверхностных, при которых пережженные кости и остатки инвентаря находятся в перемешанном состоянии в дерновом слое[243].

Большинство могильников КСДК связано с открытыми сельскими поселениями, которые, однако, очень слабо изучены. Отрывочные сведения об облике поселений получены при раскопках курганных насыпей этой же культуры и древнерусских, сооруженных на ранее обжитых местах. Под насыпью одного из курганов в Заозерье открыты остатки глинобитной печи, сооруженной с применением камня[244]. Встречаются овальные («ваннообразные») подпольные ямы. В Старой Ладоге, в горизонтах VIII — середины IX в., с находками типа КСДК связываются наземные малые постройки, с печью-каменкой в углу на бревенчатом опечке[245].

Поселения вместе с могильниками приурочены к пойменным участкам, пригодным для пашенного земледелия, но осваивались относительно легкие супесчано-суглинистые почвы, поэтому железные наконечники пахотных орудий не применя-

[243] *Плавинский Н. А.* Результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н. э. Навры II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов Республики Беларусь // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 298—326.

[244] *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012. С. 39. Рис. 15.

[245] *Кузьмин С. Л.* Малые дома Старой Ладоги VIII—IX вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли, 1988: Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1989. С. 34—35.

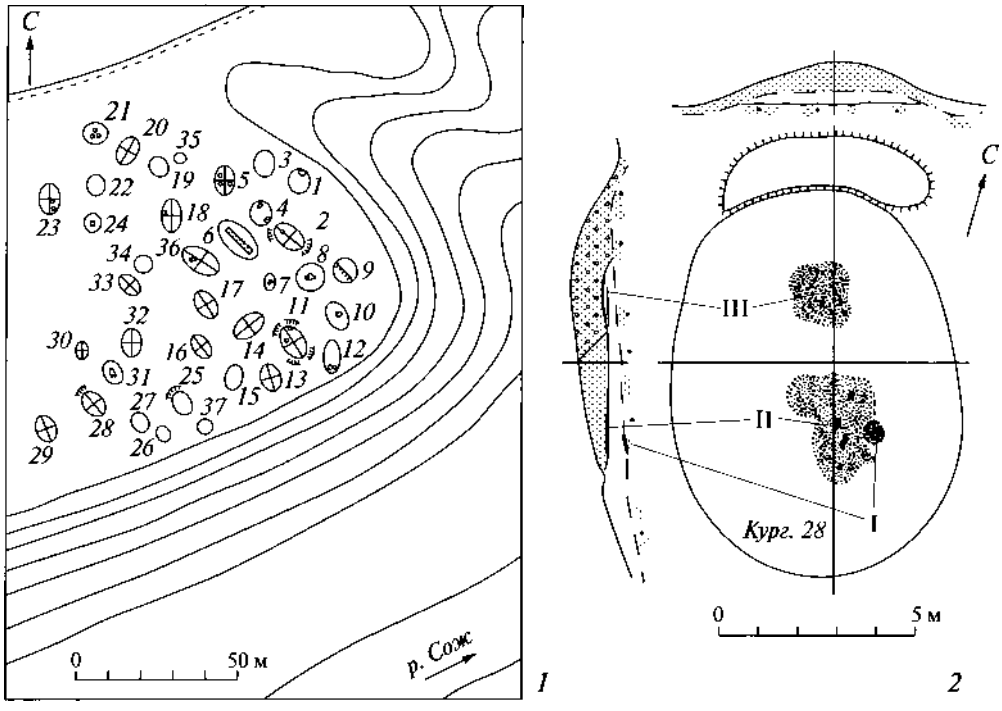


Рис. 52. Могильник КСДК у д. Слобода-Глушица

1 — план; *2* — курган 28 (раскопки Е. А. Шмидта). I—III — номера захоронений

лись[246]. Система земледелия, судя по многочисленным совпадениям мест поселений КСДК и предшествующих тушемлинско-банцеровских селищ, при культурной трансформации VIII в. не изменилась. О преемственности традиций земледелия косвенно свидетельствует находка серпа архаичной формы в погребении КСДК в Заозерье (рис. 50: *25*). В то же время в поздних комплексах (не ранее конца IX в.) встречаются и серпы развитой, обычной для древнерусского времени, формы (рис. 51: *1*).

Городища для культуры СДК не столь характерны, как для предшествующей культуры Тушемля-Банцеровщина. Часто они связаны с важными пунктами «пути из варяг в греки» (Сураж, Рокот), волостями ранней Руси (Вержавск)[247], будущими древнерусскими городами (Полоцк, Витебск, Смоленск).

Традиционная общая хронология КСДК — VIII—X вв., но большинство вещей-индикаторов имеет широкие периоды бытования. Специальное исследование показало, что наиболее ранние комплексы относятся к середине VIII в. и расположены в смоленском Поднепровье[248]. В X в. одновременно с КСДК на той же территории

[246] *Нефедов В. С.* Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 38—45.

[247] *Нефедов В. С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX — первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции (Вологда—Кириллов—Белозерск, 6—8 июня 2012 г.). Вологда, 2012. С. 107.

[248] *Нефедов В. С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара за 1996—1999 годы. Псков, 2000. С. 191—199.

распространяются могильники из круглых курганов с кремациями и древнерусским инвентарем, не имеющим наиболее характерных элементов СДК[249].

Характер участия населения КСДК в политических процессах ранней Руси довольно красноречиво иллюстрируется материалами Гнёздовского археологического комплекса и Смоленска. Если на поселении в Гнёздове находки типа КСДК многочисленны и даже имеются следы их производства, то в могильнике таких вещей почти нет[250]. Из этого делается вывод, что носители КСДК хоть и присутствовали в Гнёздове, но в качестве пришлого неполноправного элемента и не хоронили своих сородичей на местном кладбище[251]. До недавнего времени считалось, что собственно в Смоленске археологические следы, соответствующие первым упоминаниям города в летописях, отсутствуют. Однако в последние годы ощутимый слой VIII—IX вв. с керамикой типа КСДК выявлен в историческом центре Смоленска[252], что открывает новые направления в изучении проблем зарождения города. Сходные археологические материалы VIII—IX вв. в Смоленске и Полоцке[253] свидетельствуют об одинаковом участии носителей КСДК в ранней истории обоих основных центров кривичей того периода, когда они представляли единую общность[254].

Принадлежность КСДК летописным кривичам является предметом согласия в современной науке. В то же время этническая сущность кривичей понимается по-разному. Для Е. А. Шмидта кривичи — балтский этнос, родственный латгалам, не имеющий местных корней и подвергающийся постепенной славянизации на заре древнерусского времени[255]. Г. В. Штыхов также усматривал в носителях КСДК некоторую долю балтской этничности, но на основании, наоборот, доказывавшихся им взаимосвязей СДК с древностями предшествующего времени в белорусском Подвинье. Однако славянизация местных балтов началась, по его мнению, значительно раньше — уже в середине I тыс. н. э.[256] Понимание кривичей как одного из восточнославянских этносов представляется наиболее соответствующим всем письменным и археологическим материалам.

Общие вопросы культурогенеза VIII—IX вв. на Северо-Западе. Происхождение КСДК остается до конца не выясненным.

---

[249] *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.; Курск, 1990. С. 106—108; *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). С. 63—71; *Нефедов В. С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX — первая половина XI в.). С. 97.

[250] *Ениосова Н. В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара за 2000 год. Псков, 2001. С. 207—219.

[251] *Нефедов В. С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX — первая половина XI в.). С. 101.

[252] *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В.* Керамика VIII—XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII—XIX вв.: Новые материалы и старые коллекции. Смоленск, 2020. С. 33—35, 46.

[253] *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона: (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. С. 92—99. (Труды ИИМК; Т. 44).

[254] *Горский А. А.* Кривичи и полочане в IX—X вв.: (Вопросы политической истории) // ДГВЕ. 1992—1993. М., 1995. С. 59.

[255] *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). С. 60—62.

[256] *Штыхаў Г. В.* Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск, 1992. С. 94—104.

Наряду с вышеуказанными признаками южных связей главным источником по этому вопросу должна стать лепная керамика. Рядом исследователей высказано мнение об истоках ее форм в пражской культуре[257] в рамках концепции «второй волны славянской колонизации Северо-Запада», разрабатываемой с начала 1980-х гг.[258] Однако существует и другое направление поисков — среди более близких территориально древностей предшествующего периода.

Древности типа Тушемля-Банцеровщина, занимавшие в третьей четверти I тыс. н. э. ту же территорию, что позднее КСДК, имеют разительно отличный керамический набор (рис. 24). В то же время на прилегающей с севера и северо-востока территории — на памятниках южного и восточного вариантов КПДК (могильники и поселения верховьев Ловати, Мсты и Волги), предсопочных удомельского типа и верхневолжских типа Подол — вполне обычны сосуды с высоко расположенным плечом и коротким венчиком (рис. 31: *6*; 33: *1, 5*; 34: *4*), которые могут рассматриваться в качестве прототипов керамики КСДК[259]. Преимущество предложенной концепции по сравнению с южной («пражской») в том, что получает объяснение происхождение всех групп поздней лепной керамики Северо-Запада, в том числе «ладожского типа» (рис. 33: *4*; 34: *1—3*)[260].

Особым явлением, выходящим за рамки истории КСДК, является присутствие характерных для нее керамики и металлических вещей в целом ряде городов — Витебске, Полоцке, Лукомле, Смоленске и Гнёздове, Усвяте, Городке на Ловати (Луки), Пскове, Изборске, Старой Ладоге, а также на многих поселениях сельского типа и погребальных памятниках в этих же областях. Уже простое перечисление показывает, что этот культурный комплекс распространен значительно шире ареала КСДК. По сути дела, это один из ранних вариантов древнерусской культуры Северо-Запада. К настоящему времени накоплены сведения о том, что основные формы лепной керамики, характерной для КСДК, присутствуют в разных соотношениях на большинстве памятников от Верхнего Поднепровья до Ладоги на севере (рис. 53). Приведенные здесь характерные примеры показывают, что резкого деления памятников по признаку наличия керамики с ребром (рис. 53: *1—3, 5—7, 9, 10*) и без ребра (рис. 53: *4, 8, 10, 11, 13*) нет: помимо совместной встречаемости имеются и переходные формы со сглаженным ребром (рис. 53: *14*). В этом контексте культуру смоленских длинных курганов можно рассматривать как один из вариантов культуры лесной зоны «накануне Руси».

Культура сопок. Важнейшие шаги в изучении сопок связаны с полевыми работами и научными обобщениями 1980—2000-х гг. В. Я. Конецкого, Е. Н. Носова, В. П. Петренко, С. Л. Кузьмина. К концу XX в., несмотря на многолетние научные усилия, так и

---

[257] См., например: *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. С. 482.

[258] *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // Советская археология. 1981. № 1. С. 42—56; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 66.

[259] См. ч. 1, гл. 2, п. 2.6.

[260] *Лопатин Н. В.* Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LI научного семинара, посвященного памяти В. В. Седова. Псков, 2006. С. 339; *Он же.* Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. Псков, 2007. С. 220, 221.

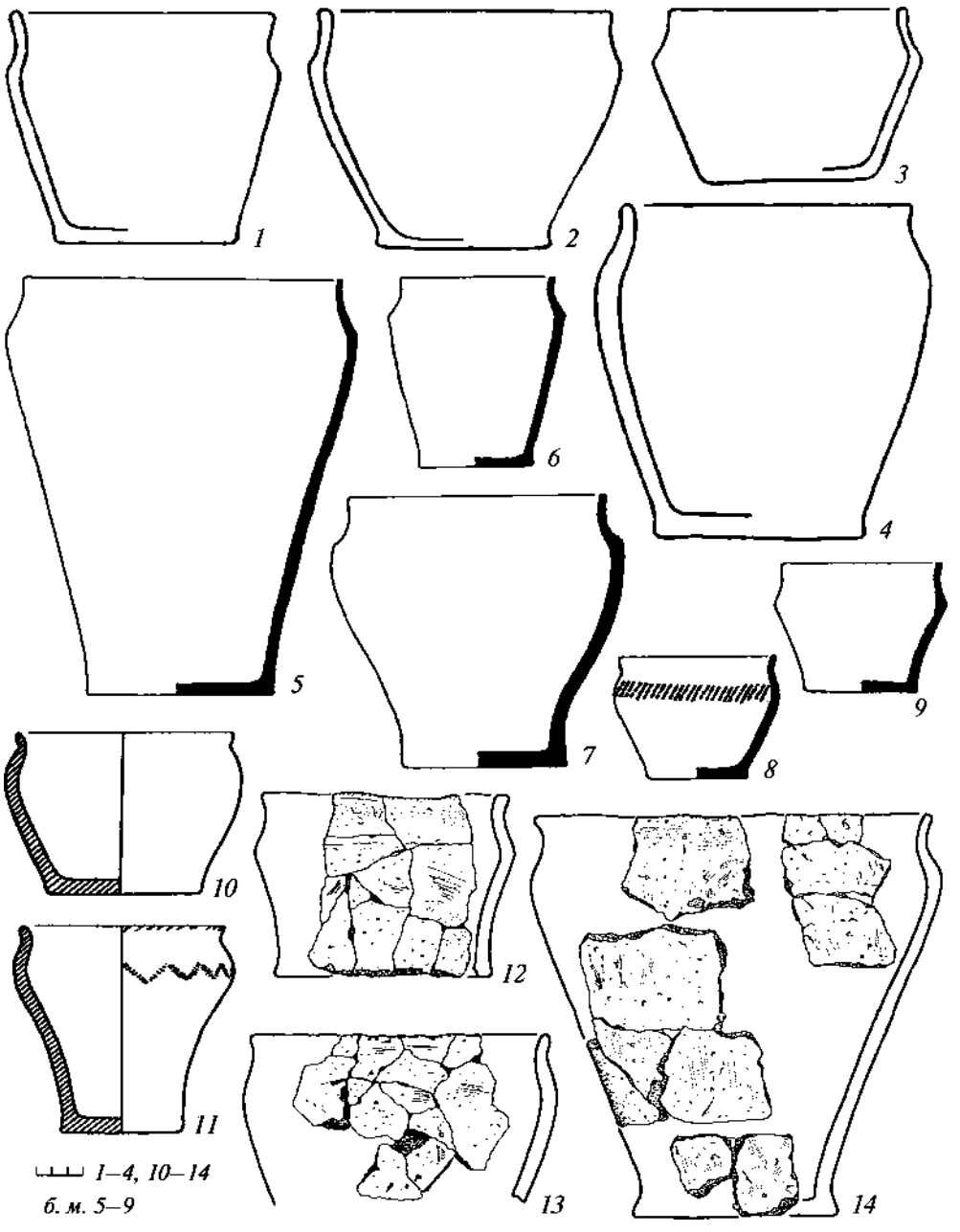


Рис. 53. Керамика разных памятников VIII—X вв.

1—4 — сопки северного Поволховья (по: Петренко В. П., 1994. С. 71); *5—9* — Старая Ладога (по: Сениченкова Т. Б., 2011. С. 214); *10—11* — курганы КСДК Слобода-Глушица (по: Шмидт Е. А., 1963. С. 184); *12—14* — городище Городок на Маяте в южном Приильменье (по: Еремеев, Дзюба, 2010. С. 220, 234, 239)

не удалось убедительно решить фундаментальные проблемы «культуры сопок» на основе традиционной модели «археологической культуры», составляющей устойчивый комплекс основных признаков. Постепенно стало понятно, что отдельные сферы культуры в ареале сопок имели совершенно разное и зачастую загадочное происхождение. В результате задача описания культуры распалась на несколько отдельных сюжетов:

происхождение традиции возведения столь оригинальных насыпей и их хронология, функции насыпей и соотношение их с погребальными обрядами; распространение сопок и интерпретация их ареала; связи и соотношение с поселениями; происхождение керамики ладожского типа (рис. 49: *в, г*; 53: *1—3, 5, 6, 7, 9, 12*).

Основной проблемой в изучении сопок, сложнейших погребально-архитектурных сооружений, является то, что корпус источников формировался на основе примитивной методики раскопок. Некоторые опорные памятники, такие как сопка 14-II, раскопаны еще в XIX в. Новые раскопки сопок редки и касаются в основном поврежденных памятников. Поэтому картина, которая обрисована ниже, нуждается в уточнениях, в первую очередь — полевых.

Единственным признаком, объединяющим сопки, является монументальность и доминирующая топографическая позиция в открытом аграрном ландшафте. Структура и форма насыпи, количество и расположение погребений, количество и качество инвентаря — все это исключительно разнообразно.

Прообразы сопок, вслед за А. А. Спицыным, следует, видимо, искать в Центральной Швеции. Только в этом регионе Балтии концентрация больших курганов VI—IX вв. сопоставима с концентрацией сопок в Новгородской земле. Во второй половине VI в. в Центральной Швеции складывается несколько регионов с сильной королевской властью, достаточно централизованных для того, чтобы позволить себе строительство огромных курганных комплексов, главным из которых становится Уппсала[261]. Строящиеся во второй половине VI — начале VII в. королевские курганы начинают традицию, развивающуюся на протяжении всего VII в. Повсеместно в центральных шведских провинциях элементами родовых усадеб становятся монументальные курганы, подражающие Уппсале. Общераспространенность более скромных по трудозатратам больших курганов и достаточная демократичность самих захоронений (порой с весьма скромным инвентарем) свидетельствуют о том, что основной категорией «хозяев» больших курганов скоро стали свободные люди — владельцы наследственных усадеб.

Традиция больших курганов развивается в двух направлениях — большие высокие «королевские» курганы и «курганы тинга» — насыпи с плоскими вершинами, предназначавшимися, видимо, для общинных собраний или для ритуалов, связанных с осуществлением королевских полномочий[262]. В VIII в. традиция во всех своих проявлениях постепенно угасает, и к 800 г. практически прекращается (второй всплеск популярности больших курганов относится к X в. и с сопками напрямую не связан). В момент этого, почти полного, угасания традиции в Швеции, в Южном Приладожье — в Ладоге — начинает археологически прослеживаться новый очаг сооружения больших курганов. Он изначально основан не на традиции устремленных вверх королевских курганов, а именно на второй линии, связанной с уплощенными насыпями большого диаметра. Подобные сооружения лежат в основе древнейших ладожских сопок.

Это можно попробовать объяснить тем, что центральная власть на территориях, заселявшихся на востоке выходцами из Средней Швеции и Готланда, не успела еще сформироваться в VII — начале IX в. Большие курганы Поволховья воплощают не

[261] *Ljungkvist J.* Monumentaliseringen av Gamla Uppsala // Gamla Uppsala i ny belysning. Religionsvetenskapliga studier från Gävle 9. Uppsala, 2013. S. 46.

[262] *Еремеев И. И.* Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: Проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции. 4—7 октября 2005 г. Великий Новгород / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2007. С. 240—255.

силу королевской власти, а служат нуждам скандинавских сельских земледельческих общин, оказавшихся в соседстве со славянским миром. Это, разумеется, не исключает и наличия у этих комплексов погребальных функций. Но именно поэтому в больших курганах Поволховья престижные погребения с богатым инвентарем очень немногочисленны. Их известно всего три (сопки 14-I, 14-II, 10-III (рис. 51: *3, 5*)), причем по богатству они все равно сильно уступают шведским прототипам[263].

Зарождение в Поволховье традиции больших курганов едва ли могло произойти на фоне почти полного угасания обычая в Швеции в конце VIII—IX в. Наиболее вероятно, что этот перенос случился несколько ранее — в интервале с середины VII до середины VIII в. Контекстом для этого переноса являются хорошо прослеживающиеся в археологическом материале связи Юго-Западной Финляндии и Центральной Швеции с Прикамьем в VII в.[264] Наиболее выразительным индикатором этих связей являются находки элементов неволинской поясной гарнитуры в одном из больших курганов Уппсалы (Гульхёген) и в староладожской сопке (насыпь 14-II)[265].

Транзитным регионом для этих связей служило, кроме Поволховья, Молого-Шекснинское междуречье, где тоже известны в VII—IX вв. большие курганы, причем уплощенные, то есть того же типа, что и содержавшие элементы неволинской поясной гарнитуры два вышеуказанных кургана[266]. Вряд ли, конечно, в Молого-Шекснинском междуречье присутствовали выходцы из самой Швеции. Скорее, можно говорить о проникновении туда какого-то населения из Нижнего Поволховья, уже освоившего в VII в. традицию возведения больших курганов.

Исследования шведских археологов убедительно показали, что большие курганы VI—X вв. являются частью усадебного пространства. Помимо погребальных функций, направленных на то, чтобы обеспечить переход в загробный мир покойному и обезопасить от него живых, курган воплощал права рода на земельный участок, а своими размерами символизировал способность рода отстоять свои права — как юридически, так и силой. Ведь монументальность насыпи говорила о количестве трудоспособного, а значит, боеспособного населения, лояльного владельцу усадьбы. Большой курган, таким образом, является символом свободного землевладения.

Идея о скандинавских корнях «культуры сопок» неотделима от признания наличия скандинавской земледельческой колонизации в Восточной Европе. Главной моделью для отработки этой идеи является сравнительно хорошо изученный староладожский микрорегион, который в свете последних исследований воспринимается как анклав земледельческого населения, в составе которого заметная роль принадлежала выходцам из Скандинавии[267].

Ладожские сопки служили своим хозяевам в течение многих поколений. Вероят-

---

[263] Мы используем нумерацию памятников, разработанную В. П. Петренко (*Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994).

[264] *Крыласова Н. Б., Белавин А. М.* Неволинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры: Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2001. С. 91—94.

[265] *Ljungkvist J.* Dating Two Royal Mounds of Old Uppsala. Evaluating the Elite of the 6th—7th Century in Middle Sweden // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2008. Bd. 38. Nr. 2. S. 276; *Казанский М. М.* Курганы Старой Уппсалы и Восточный путь // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 130.

[266] *Башенькин А. Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995. С. 16, 19, 27, 28.

[267] *Еремеев И. И.* К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий:

но, каждое из них производило досыпку и обустройство своего родового кургана. Древнейшими большими курганами Ладоги, связанными с вышеназванными древностями Средней Швеции, следует считать насыпи начальных этапов 14-I и 14-II в урочище Победище. Датировку уплощенных курганов, лежащих в их основании, следует определять в рамках VII—VIII вв. Датировку древнейшей части кургана 14-II дает вышеупомянутый неволинский пояс. Датировка нижней части сооружения 14-I предположительно определяется присутствием какого-то украшения, включавшего золотую фольгу и каменную вставку[268]. Золото не характерно для курганов эпохи викингов, зато часто фиксируется в Швеции в погребениях вендельского времени.

Досыпка верхней части курганов 14-I и 14-II производилась, скорее всего, в IX в. Насыпь 11-I в урочище Плакун, в своей нижней части, судя по находке гребня группы I по О. И. Давидан, также претендует на раннюю дату в пределах VIII—IX вв. Досыпана вверх она была уже в X в.

В ладожских сопках вплоть до X в. мы не видим того, что так ярко представлено в больших курганах Швеции, — погребений военной аристократии с богатым инвентарем. Вероятно, представителей этой старой аристократии среди переселенцев в VII—VIII вв. просто не было, и мигрирующее сообщество на первых порах обладало достаточно однородной социальной структурой. Нечто подобное имело место, правда, значительно позже, при скандинавской колонизации Исландии. Феномен деволюции северогерманских социальных институтов в переселенческом обществе уже привлекал внимание ученых[269]. Выражением общинной организации, ставшей, вероятно, основой для будущего политического образования в Нижнем Поволховье, были большие курганы, изначально не содержавшие человеческих погребений и предназначенные для общинных собраний, — курганы тинга.

Традиция возведения больших курганов в Нижнем Поволховье быстро обретала своеобразные черты, отдалявшие ее от обычаев скандинавской метрополии. Главной из этих черт стало совершение коллективных захоронений (поверхностных или в неглубоких ямках) сожженного праха у подножия больших курганов и отчасти на самих этих курганах. Это традиция вторичная и несомненно восточноевропейская, восходящая к каким-то формам бескурганных захоронений. Могильники с поверхностными кремациями последней четверти I тыс. н. э., в которых остатки сожжений и погребального инвентаря находятся в «рассыпанном» виде на поверхности земли, в настоящее время все чаще попадают в поле зрения археологов как на Северо-Западе, так, например, и в Белоруссии[270]. Ничего подобного мы в больших курганах Швеции не знаем.

Причина этих изменений очевидна — растущий в VIII—X вв. приток в Нижнее Поволховье населения (в основном, видимо, славянского). В результате староладожский земледельческий микрорегион не стал изолированным норманнским анклавом, а приобрел новые уникальные традиции. Появились «классические» соп-

(К 100-летию создания российской академической археологии). СПб., 2019. С. 347; *Лапшин В. А.* Ладога до Ладоги // Записки ИИМК РАН. Вып. 20. СПб., 2019. С. 117.

[268] *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволховья. Рис. 42: 5.

[269] *Байок Дж. Л.* Исландия эпохи викингов / Пер. с англ., фр. и предисл. И. Свердлова. М., 2012. С. 118—120.

[270] *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Новый тип погребальных памятников и проблема славянской колонизации Северной Руси // У истоков Новгородской земли: Любытинский археологический сборник. Вып. 1. Любытино, 2002. С. 94—114; *Плавинский Н. А.* Результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н. э. Навры II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов Республики Беларусь.

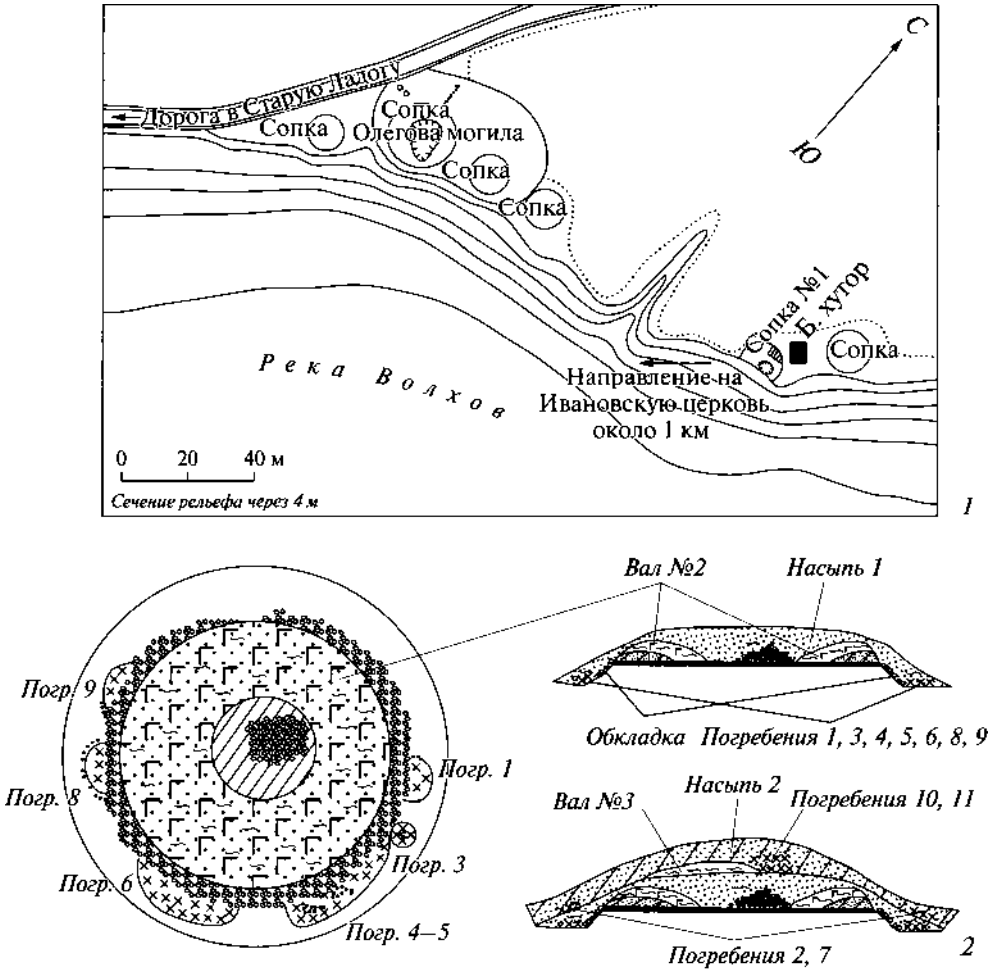


Рис. 54. Сопки северного Поволховья

1 — план могильников в ур. Сопки (по: Орлов С. Н., 1955. С. 190—211); *2* — сопка 15-V в ур. Победище, схематическая реконструкция этапов сооружения (по: Петренко В. П., 1994)

ки — двух-трехъярусные сооружения с расположенными на них или рядом с ними «костеносными горизонтами» (рис. 54).

В IX—X вв. традиция сооружения больших курганов-сопок широко распространяется в Северной Руси (приблизительно в границах Новгородской земли), преимущественно вдоль «пути из варяг в греки» и речных путей, ведших из Ильмень-Волховского региона к верховьям Волги. Отдельные большие курганы встречаются далеко за пределами Северной Руси — в Верхнем Поднепровье и Белоруссии.

Население, воспринимавшее новую северную погребальную традицию, было, видимо, в основном славянским (словене и кривичи). По крайней мере в регионах, достоверно занятых в IX—X вв. прибалтийско-финским или литовским населением (в Финляндии, Карелии, Эстонии, Нижнем Подвинье, мерянском Поволжье), большие курганы или сопки совсем неизвестны, несмотря на сильное культурное влияние там норманнов.

Материальная культура поселений, близ которых высятся сопки, не имеет каких-ли-

бо выраженных отличий от материальной культуры VIII—X вв. населения КПДК, КСДК или древнейших напластований ранних древнерусских городов (Пскова, Полоцка, Витебска, Рюрикова городища, Гнёздова, Усвята), разумеется, с поправкой на свой сельский характер. Обычно поселение расположено рядом с сопкой, возле воды. О домостроительстве известно мало: в основном обнаруживаются овальные подпольные котлованы глубиной до 1 м, которые, очевидно, были частью наземных прямоугольных срубных домов. Довольно часто сопки встречаются возле городищ VIII—X вв. В Ильмень-Волховском регионе с сопками связаны такие городки, как Дубовики, Городище на Сяси, Бронница, Сельцо, Городок на Маяте. С самой большой сопкой на Северо-Западе связано городище в Передольском погосте в Полужье. Известны городища культуры сопок и на периферии Новгородской земли, например Городище в бассейне Мологи (Тверская область), возле которого насчитывается 50 крупных насыпей[271].

Особенности керамического комплекса и украшений того или иного микрорегиона обычно не увязываются с наличием или отсутствием там больших курганов. Очевидно, распространение сопок в славянской среде обусловлено религиозной (языческой) и политической ориентацией жителей отдельных регионов. На раннем этапе, в VIII—X вв., основным ориентиром было, видимо, Поволховье, где тогда концентрировались власть и богатство.

Для X в. устанавливается более сложная картина: на старую северную традицию больших курганов наслаивается новая — так называемые «дружинные курганы», эталоны которых представлены значительно южнее — в Гнёздове, Чернигове, Шестовице. Большие курганы X в. на Руси появляются на основе сложного сплава устоявшихся традиций культуры сопок и обычаев, принесенных новой волной скандинавской миграции. Поэтому нельзя исключать, что если на раннем этапе престижные образцы погребальных мемориалов копировались со староладожских сопок, то в X в. часть населения между Днепром и Ильменем насыпала большие курганы уже с оглядкой на Гнёздово. Существовали, конечно, и другие локальные центры власти (например, Любытинский микрорегион культуры сопок на Мсте или уже упомянутое Городище в Тверской области), с которых можно было брать пример. Для понимания динамики этих процессов пока не хватает материала — ввиду того, что раскопки сопок происходят редко и данные по их хронологии почти не накапливаются.

* * *

Несмотря на большое количество спорных вопросов, касающихся населения лесостепной и лесной частей Восточно-Европейской равнины во второй половине I тыс. н. э., несомненна общая тенденция. Если в середине тысячелетия на территории будущей Руси наблюдается пестрая картина — наряду с раннеславянскими и гипотетически раннеславянскими культурами присутствуют культуры балтских и финно-угорских народов, то к концу тысячелетия бóльшая часть этих земель была заселена славянами. Пределы славянского расселения задали контуры будущего государства Русь.

[271] *Малыгин П. Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 122—123.

СТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, КРЫМ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ПРИБАЛТИКА В VI—VIII вв.

Хазарский каганат

В VII в. в степных районах Северного Кавказа возникло новое государственное образование, известное в науке как Хазарский каганат (от тюрк. *Qazar* — «хазары»). Это государство просуществовало более трех веков и сыграло заметную роль в истории народов Восточной Европы и Кавказа. Ранняя история Хазарии восстанавливается по сообщениям иностранных авторов (арабо-персидских, армянских, грузинских, сирийских, византийских), а также по материалам археологических раскопок. Какие-либо тексты на хазарском языке пока не обнаружены, а этноним «хазары» не имеет общепризнанной этимологии. Несмотря на то что в мировой историографии история Хазарии изучается со второй половины XVII в., многие вопросы хазарской истории до сих пор носят дискуссионный характер. В частности, не до конца ясны происхождение хазар, организация власти и административно-политическая структура каганата, а также характер социально-экономических процессов и этноконфессиональных отношений на его территории.

Этногенез хазар. На основе различных тюркских, угорских и иранских племен в Восточном Предкавказье во второй половине VI в. началось формирование нового государственного образования — Хазарского каганата, во главе которого стоял знатный тюркский род Ашина.

Как и у других древних народов, у тюрок существовала легенда, объясняющая происхождение их этнической общности и правящего рода. Различные варианты этой легенды были записаны в VII в. китайскими историками со слов самих тюрок. Хотя сохраненные китайскими учеными версии легенды не совпадают между собой в ряде деталей, их объединяет общий мотив происхождения тюрок от праматери-волчицы и прародителя-человека. Представления о волке-предке бытовали у разных тюркоязычных народов. Например, в древнерусской летописи говорится о наличии аналогичных верований у половцев: по словам летописца, половецкий хан Боняк имел обыкновение выть по-волчьи перед битвой и ему отвечала волчья стая[1].

Согласно легенде, предки тюрок были истреблены соседями. Уцелел лишь один десятилетний мальчик, которому жестокие враги обрубили ноги и руки. Беспомощного мальчика выкормила волчица, впоследствии ставшая его женой. Этот эпизод чудесного спасения запечатлен на древнейшем историческом памятнике тюрок — Бугутской стеле конца VI в., в навершии которой изображена волчица, несущая под брюхом безногого и безрукого мальчика. После того как юноша все-таки погиб от рук не оставивших своих преследований врагов, волчица, спасаясь от них бегством, укрылась в горной пещере. Там она родила

[1] ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 270—271; Там же. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 245.

десятерых сыновей, которые, повзрослев, взяли в жены местных девушек и стали основателями нового рода Ашина, названного так по имени самого ловкого из потомков волчицы[2].

Впервые этноним в форме «хазиры» (խազիրք/խազրաց) встречается у армянского автора V в. Мовсеса Хоренаци в контексте рассказа о вторжении хазар в Закавказье, но данное известие рассматривается учеными как позднейшая интерполяция. Первое же достоверное упоминание хазар (*касиры*) имеется в сирийском источнике середины VI в. — в сочинении Псевдо-Захарии Ритора. Хазары там фигурируют в списке 13 народов, обитавших на Северном Кавказе и в Средней Азии[3].

Начиная с VII в. сведения о хазарах (χάζαροι) появляются в византийских источниках, в которых содержатся более точные данные о начале хазарской истории. Так, в «Хронографии» Феофана, составленной в 810—814 гг., после рассказа о разделе Булгарии сыновьями Кубрата говорится: «Так вот, после того, как они (булгары. — *И. К.*) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берсилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне»[4]. Примерно так же излагает эти события и младший современник Феофана Никифор († 829): «И так как этот народ (булгары. — *И. К.*) разделился и рассеялся, племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань»[5].

Таким образом, наименование исходной территории хазарской экспансии — Берсилия (Верилия) — свидетельствует о том, что на наиболее раннем этапе своей истории хазары были тесно связаны с барсилами, одним из северокавказских племен, обитавшим в начале VII в. в междуречье Кумы и Волги. Связь хазар с барсилами отмечена и в этногенеалогиях арабо-персидских авторов, а также в древнетюркских рунических надписях VIII в. (Терхинская и Тэсинская стелы)[6]. В древнетюркских памятниках, в частности, сообщается о совместных военных действиях Кадыр Касара и Беди Барсила, предводителей хазар и барсилов, во время междоусобиц 582—603 гг., приведших к распаду Первого Тюркского каганата.

Становление Хазарского каганата. О ранней истории хазар хазарская традиция говорит лишь, что поначалу хазары были небольшой общностью и «вели войну за войной с многочисленными народами, которые были могущественнее и сильнее их»[7].

На начальном этапе новая этнополитическая общность хазар подчинялась Первому Тюркскому каганату, а после его распада на рубеже VI—VII вв. — Западно-Тюркскому каганату, центр которого располагался в Семиречье. В первой трети VII в., как подданные тюрок, хазары приняли участие в византийско-персидских войнах, в частности в походе византийского императора Ираклия в Закавказье в 626—628 гг., в ходе которого тюрки, бывшие союзниками

---

[2] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 75—81.

[3] *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 163.

[4] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 61.

[5] Там же. С. 162.

[6] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. С. 66—68.

[7] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 92.

Ираклия, захватили большую добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Средневековые авторы, сообщающие об этом походе, приводят двойной титул хазарского предводителя — *джебу-хакан*, — свидетельствующий об уже номинальном характере власти тюрок над хазарами во второй половине 620-х гг. Впоследствии Византия вплоть до X в. не раз рассматривала хазар как своих союзников против персов и арабов, а также против номадов Северного Причерноморья.

Внутренние усобицы, неуклонно ослаблявшие Западно-Тюркский каганат на протяжении первой половины VII в., способствовали постепенному освобождению хазар от власти тюрок[8]. После сокрушительного поражения от вторгнувшихся в Семиречье китайских войск и гибели правителя тюрок Нивар Ышбара-ябгу-кагана в 659 г. Западно-Тюркский каганат прекратил свое существование. Наиболее значительными государственными образованиями на его западной периферии были Хазарский каганат и Великая Булгария, территориальное ядро которой располагалось в Прикубанье. Соперничество между ними привело в 670-х гг. к распаду Булгарии на несколько орд, одна из которых — под предводительством хана Аспаруха — откочевала на Балканы. Оставшаяся в Приазовье орда Батбаяна (Баяна) попала под власть хазар, которые к концу VII в. контролировали степные районы Западной Евразии, в том числе Восточный Крым, где город Боспор платил дань хазарам[9].

Изначально хазарам была подвластна территория Приморского Дагестана и прилегающих к нему районов вплоть до устья Волги. Там, по сообщениям арабских источников, находились главные города хазар — Баланджар и Самандар. В армянских источниках (у Мовсеса Каланкатваци и в «Армянской географии» Анании Ширакаци VII в.) упоминается также город Варачан, где пребывал «великий князь хонов», то есть правитель хазар. Большинством исследователей Варачан армянских источников отождествляется с городом Баланджаром, неоднократно упоминаемым в арабских источниках при описании событий на Кавказе VII—VIII вв. Несмотря на довольно многочисленные упоминания об этих городах в арабских источниках IX—XIII вв., позволяющие локализовать их где-то в пределах северной части Приморского Дагестана, их точное местоположение остается дискуссионным[10].

Ни Баланджар, ни Самандар не были городскими центрами в полном смысле этого слова, но скорее представляли собой сезонные резиденции правящего клана, унаследованные хазарами еще от местного, алано-маскутского, населения. Показательна терминология, употребляемая применительно к населенным пунктам Хазарии, в грузинском источнике «Мученичество Або Тбилисского» (около 786—790 гг.), рассказывающем о посещении Хазарии правителем Картли Нерсесом. Нерсес и его спутники заметили в Хазарии «много селений и городов», но при этом место обитания самих хазар называли «стоянкой» и «лагерем»[11]. Само выражение «стоянка и лагерь хазар» можно понимать только как указание на некий пространственный центр хазарской земли, каковым должна была по идее быть резиденция правителя. Весьма

[8] *Семенов И. Г.* О происхождении династии хазарских каганов и времени образования Хазарского каганата // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2010. № 5. С. 5—14.

[9] *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б.* Крым в «хазарское» время (VIII — середина X вв.): Вопросы истории и археологии. М., 2017. С. 417.

[10] Обзор источников и историографии см.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 122—128.

[11] Lives and Legends of the Georgian Saints / Select. and transl. from the original texts by D. M. Lang. 2nd ed., revised. Crestwood; New York, 1976. P. 118.

показательна также безымянность этой «стоянки»: если бы каган жил в городе, то его название, скорее всего, стало бы известно Нерсесу и его приближенным.

В конце VII—VIII в. территория каганата постепенно расширялась за счет вовлечения в орбиту его влияния многих народов Восточной Европы — булгар, аланов, кашаков (касоги русских летописей), буртасов, части восточных славян[12], однако данный процесс с трудом поддается реконструкции, так как информация источников на этот счет очень скудна.

То же самое можно сказать и о содержащихся в источниках сообщениях о социально-экономическом строе Хазарии в VII—VIII вв. По имеющимся сведениям, основная масса хазар в это время вела кочевой образ жизни, в связи с чем средневековые авторы иногда отождествляли их с гуннами. Некоторые сведения о повседневной жизни хазар VII в. сохранились в написанной на древнеармянском языке «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатваци. Это сочинение характеризует хазар как кочевников, имевших монголоидную внешность (широкоскулые, без ресниц, с длинными волосами) и питавшихся мясом и молоком[13]. Близость хазар к тюркам зафиксирована и в целом ряде арабо-персидских сочинений, авторы которых нередко употребляли термин «тюрк» при описаниях хазар[14]. Общественная структура хазар базировалась на родовых отношениях, а все население делилось на две части — простонародье и знать, для обозначения которой использовался иранский термин *тархан*.

Правящая династия у хазар, как и у других тюркских народов I тыс. н. э., происходила из рода Ашина. Любопытно, что в персидской историографии XIII в. бытовала версия о том, будто хазарские каганы считались потомками Бахрама Чубина[15], сасанидского полководца из знатного рода, ставшего одним из главных героев персидского фольклора, где он фигурирует как мессия, долженствующий избавить страну от владычества арабов. Связать хазарский правящий род с сасанидским полководцем давало возможность то, что в конце VI в. Бахрам Чубин бежал из Персии к некоему тюркскому хану (имя которого арабо-персидские источники не называют), стал его другом и советником, но был предательски убит по наущению персидского шаха. Таким образом, финальный этап жизни Бахрама Чубина хорошо вписывался в схему традиционного противостояния хазар и Сасанидского Ирана.

Правитель хазар уже в VII в. носил титул *каган*, обозначавший у тюрок верховного властителя, которому, в свою очередь, подчинялись владыки других племен и народов. Судя по сообщениям арабских, византийских и армянских авторов, называвших хазарского кагана «царем» (араб. *малик*, греч. *архонт*, *игемон*, арм. *арка*), вплоть до VIII в. включительно каган обладал всей полнотой власти в Хазарии. Важнейшими сановниками Хазарии были родственники кагана, носившие титулы *шад* и *джебу*. По данным источников, в VII—VIII вв. в функции шада входило командование войском, состоявшим из ополчений самих хазар и подчиненных им народов. О том, как проходил сбор хазарского войска, сообщает армянский историк Мовсес Каланкатваци: «И вот он (правитель хазар) распорядился, чтобы все, кто находился под его властью, все племена и роды, проживающие в горах

[12] *Ромашов С. А.* Историческая география Хазарского каганата (V—XIII вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2000—2001. Vol. 11. P. 219—338; 2002—2003. Vol. 12. P. 81—221.

[13] *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. с др.-арм. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984. С. 78, 81, 89.

[14] *Калинина Т. М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015. С. 37—44.

[15] *'Аджа'иб ад-дунйа* (Чудеса мира) / Критический текст, пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л. П. Смирновой. М., 1993. С. 199.

или степях, живущие в крепостях или под открытым небом, на море и на суше, бреющие головы и носящие косы, чтобы все они были готовы (явиться) по его первому зову»[16].

Внешнеполитические связи Хазарии. Для становления хазарского государства в VII—VIII вв. большое значение имело длительное противостояние с арабами на Кавказе[17]. Главной целью арабов в этом районе был Дербент, стратегический пункт на пути, связывавшем Переднюю Азию с Восточной Европой. Впервые захваченный ими в середине VII в. и вскоре утраченный под натиском хазар, он с тех пор неоднократно переходил из рук в руки. Ареной военных действий между арабами и хазарами был не только район Дербента, но и Арран (Кавказская Албания), Грузия, Абхазия, Алания, а также горные и равнинные районы Дагестана.

В противостоянии с арабами Хазария опиралась на союзнические отношения с Византией, скрепленные около 732—733 гг. браком сына императора Льва III Константина (будущего императора Константина V Копронима, 741—775) и дочери кагана Чичак, получившей в крещении имя Ирины[18]. Их сын, Лев IV (775—780), имел прозвище Хазар.

Активизация военных действий арабов в Закавказье с начала VIII в., приведшая к окончательному присоединению к халифату всего Закавказья, имела важные последствия для хазар. Решающую роль в борьбе за овладение Дербентом сыграли походы арабских полководцев Масламы ибн Абд ал-Малика, ал-Джарраха ибн Абд Аллаха ал-Хаками и Марвана ибн Мухаммада — будущего халифа Марвана II (744—750). По словам арабского историка X в. ал-Куфи, в результате похода Марвана в 737 г. был разрушен город Самандар. После взятия Самандара арабы в своем продвижении вглубь Хазарии достигли земель, расположенных «за» страной хазар (предлог «за» в данном случае может означать только «к северу»). Затем Марван совершил поход на славян (*ас-сакалиба*) и соседние с ними «неверные» народы, после чего дошел до «Славянской реки», «за» которой его военачальник разгромил хазарское войско, а хазарский каган, по выражению ал-Куфи, «впал в безысходную скорбь» и запросил мира. Более краткое сообщение ал-Балазури (конец IX в.) об этих же событиях отличается одной деталью от данных ал-Куфи: ал-Балазури утверждает, что *ас-сакалиба* обитали «в земле хазар».

О локализации «Славянской реки», позволяющей представить себе пределы арабского вторжения, в историографии были высказаны две точки зрения: Дон (Й. Маркварт, В. В. Бартольд) или Волга (А. З. В. Тоган, Д. М. Данлоп). Дискуссия по поводу отождествления «Славянской реки» подробно изложена в книге А. П. Новосельцева, который убедительно аргументировал Донской вариант ее локализации[19]. Помимо анализа этнонимов, топонимов и гидронимов арабских авторов IX—X вв. А. П. Новосельцев привел и соображения исторического порядка: Марван вряд ли пустился бы в путь через труднопроходимую Калмыцкую степь, да и для кагана было целесообразно отступать не в занятое кочевниками

[16] Пер. А. П. Новосельцева, цит. по: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 121.

[17] Об арабо-хазарских войнах VII—VIII вв. подробнее см.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 172—192; *Большаков О. Г.* История Халифата. Т. 4. М., 2010. С. 161—163, 185—190.

[18] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. С. 68.

[19] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 184—187.

Заволжье, а в районы, находящиеся рядом с владениями его союзника — Византии.

Дело в том, что волжская столица Хазарии город Итиль ранее X в. ни в одном источнике не фигурирует. Расположенный же где-то в устье Волги город Хамлидж — по-видимому, предшественник Итиля — упоминается самое раннее с 840-х гг. (а то и позже, в зависимости от того, как датировать сочинение арабского ученого IX в. Ибн Хордадбеха, содержащее первые сведения о Хамлидже[20]). Таким образом, неизвестно, где находилась столица Хазарии после бегства кагана из Самандара в 737 г. вплоть до середины IX в.

Одновременно с этим есть много фактов, свидетельствующих об активности хазар и подконтрольных им народов на западных рубежах каганата во второй половине VIII в. — в Приазовье и Восточном Крыму. На это время приходится миграция тюркского и аланского населения с территории Хазарского каганата на Крымский полуостров, где в результате появляются сотни поселений и могильников[21]. Союз Хазарии с Византией на время утратил былую актуальность после того, как в 760-х гг. хазары были окончательно вытеснены арабами из Восточного Закавказья, а иконоборческое движение в Византии стало причиной ослабления ее позиций в Крыму. Воспользовавшись этим, хазары во второй половине 780-х гг. ненадолго захватили столицу Крымской Готии Дорос[22], а в 786—787 гг. оказали помощь правителю Абхазии Леону II против Византии[23]. Присутствие хазар в Приазовье и Причерноморье в VIII—IX вв. было столь значительным, что Черное море в арабских источниках IX в. стало называться «Хазарским» — и это при том, что у хазар никогда не было своего морского флота.

Таким образом, перенос политического центра Хазарии в район нижней Волги произошел не сразу после сокрушительного поражения хазар в 737 г., а скорее уже в IX — начале X в., когда интенсифицировалась торговля по Волжскому пути. Не случайно в арабских источниках Каспийское море стало именоваться «Хазарским» только в X в.

Закрепить свою победу над хазарами в 737 г. арабам, однако, не удалось в связи с нарастанием внутренних проблем в Халифате и приходом к власти новой династии халифов Аббасидов. Одной из первых внешнеполитических акций аббасидских халифов стал захват Дарьяльского ущелья (араб. *Баб ал-Алан* — «Ворота алан») и покорение обитавших в этом районе санарийцев (цанар). Отрезав таким образом Византию от ее возможного союзника — Хазарии, халиф ал-Мансур (754—775) намеревался поддерживать мирные отношения с хазарами. С этой целью около 760 г. был заключен брак между наместником халифа в Закавказье и дочерью кагана. Однако неожиданная смерть царевны и ее ребенка стала поводом к последней крупной арабо-хазарской войне 763—764 гг. В результате этого противостояния мусульмане упрочили свою власть в Закавказье и укрепились в Дербенте, надолго превратив его в форпост своего влияния. Хазария же была окончательно вытеснена из Восточного Закавказья, хотя время от времени продолжала совершать походы в подконтрольные арабам области Закавказья. Последний заметный набег хазар на границы Халифата, сопровождавшийся

---

[20] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 109.

[21] *Зинько В. Н.* Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: Миф и история. М.; Иерусалим, 2010. С. 217—248.

[22] *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б.* Крым в «хазарское» время (VIII — середина X вв.): Вопросы истории и археологии. С. 484—486.

[23] *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 166—168.

грабежами и уводом большого количества пленных, имел место в 799/800 г. и был спровоцирован действиями самих аббасидских правителей Закавказья, занятых личными распрями и призвавших хазар себе на помощь[24]. В целом же ситуация на северной границе Халифата к этому времени окончательно стабилизировалась.

Экономика и торговля. Как показывают археологические раскопки, этнически и культурно разнородные земли, входившие в состав Хазарского каганата, объединяла единая материальная культура. Она называется салтово-маяцкой по имени двух археологических памятников — Салтовского городища на реке Северский Донец и Маяцкого городища близ впадения в Дон реки Тихая Сосна. Археологами прослеживаются локальные варианты салтово-маяцкой культуры — в донской лесостепи (верховья Северского Донца, Оскола и Дона), донских степях, Приазовье, Крыму, степях Поволжья и Прикаспия[25].

Несмотря на то что сами хазары вели кочевой или полукочевой образ жизни, экономика каганата носила в том числе и земледельческий характер. Это было связано с тем, что основу населения каганата составляли болгары Северного Причерноморья, а также аланы. Археологические памятники алан обнаружены не только на территории Северного Кавказа, но и в донской лесостепи, куда аланы могли быть переселены хазарами для защиты границ каганата. Определенную роль в сложении салтово-маяцкой культуры сыграли и славяне, населявшие территорию плодородной лесостепи, а также угры, остатки готов и греки.

Большое значение для истории Хазарского каганата имело то, что хазарское государство сформировалось на территории, которая с древности были прочно вписана в географию евразийских коммуникаций. Благодаря появлению ответвления Великого шелкового пути, шедшего из Средней Азии через Нижнее Поволжье и Северный Кавказ к побережью Черного моря и далее в Византию, отдельные районы Восточной Европы к концу VI в. были включены в систему трансконтинентальных торговых путей, связывавших Китай, Индию, Среднюю Азию, Ближний Восток и Византию со странами Европы[26]. Начало функционирования восточноевропейской ветви Великого шелкового пути совпало по времени с формированием в Восточном Предкавказье Хазарского каганата. В VII—VIII вв. именно он стал главным восточноевропейским торговым партнером для купцов из Средней Азии и Закавказья.

Если в VII в. ведущую роль в торговых контактах с Восточной Европой играли согдийцы, то с началом VIII в., после завоевания богатых среднеазиатских городов арабами, на торговые пути, которыми этот регион был издавна связан с народами Восточной Европы, вышли арабские купцы. Важнейшим центром торговли с Хазарией и Восточной Европой был северо-западный форпост Хорезма город Ургенч (араб. *Джурджанийа*), связанный с восточноевропейским регионом тремя караванными путями. Первый шел через плато Устюрт, пересекал реки Эмбу и Урал, вел к низовьям Волги, откуда поднимался вверх по реке до Булгара. Другой проходил к востоку от Волги, через земли огузов и башкир, через

[24] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 173—192.

[25] *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии / Науч. ред. и послесл. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 2000.

[26] *Прокопенко Ю. А.* История северокавказских торговых путей: IV в. до н. э. — XI в. н. э. Ставрополь, 1999; *Прокопенко Ю. А., Чаплыгина С. Ф.* Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого шелкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V — начале XIII века. Ставрополь, 2017.

плато Устюрт и контролируемые кочевниками степи, третий шел из Хорезма к полуострову Мангышлак, откуда морем плыли к Нижнему Поволжью и, двигаясь вдоль берега Волги, за один месяц добирались до Булгара.

Завершение длительного периода арабо-хазарских войн к концу VIII в. привело к стабилизации отношений между Халифатом и Хазарией. Благодаря этому началось массовое поступление арабского серебра в Восточную Европу, фиксируемое археологами в середине — второй половине VIII в.[27]

Религиозная жизнь Хазарии. Основной религией хазар в VII—VIII вв. было язычество, подробное описание которого сохранилось в труде Мовсеса Каланкатваци, рассказывающем о миссии албанского епископа Исраэла к хазарам («хонам») в 680-х гг. Исраэл живописует языческие обряды хазар, отмечает распространенное среди них поклонение огню, воде и луне, говорит об их божествах — боге молний Куаре, а также боге с двойным именем Тангри-хан и Аспандиат, которому в священных рощах приносились в жертву лошади.

Вместе с тем имеются данные, свидетельствующие о том, что ко времени образования Хазарского каганата, то есть к середине VII в., на входивших тогда в каганат территориях (Восточном Предкавказье и Нижнем Поволжье, а после подчинения хазарами орды Батбая — и в Приазовье) было распространено христианство. Этому способствовало то, что сама этническая среда, из которой вышли хазары, не была чужда христианству. В частности, сохранились сведения о распространении христианства в V—VII вв. среди различных тюркских народов, которые сыграли консолидирующую роль в формировании хазарского этноса. Из сирийских источников известно, что некоторые тюркские племена во время своего пребывания в Средней Азии становились объектом миссионерской деятельности несторианских проповедников, которая направлялась Мервской митрополией, существовавшей с начала V в. Мервский митрополит Илья (VII в.), называемый в литературе «апостолом тюрок», обратил в христианство множество тюрок из разных племен и самого тюркского кагана со всем его войском[28].

Сохранилось и довольно много сведений, рассеянных по сирийским, армянским и византийским источникам, о распространении христианства у северокавказских гуннов в V—VI вв. Так, Мовсес Каланкатваци при описании событий конца V в. среди агванских церковных иерархов дважды упоминает Иоанна, называя его «епископом Гуннским». В VI в. с миссией к гуннам отправился из Аррана епископ Кардост с семью священниками. Священники оставались у гуннов семь лет, а Кардост — четырнадцать. В это время они обучали гуннов и «многих» из них окрестили, а также составили «писание на гуннском языке». После отъезда Кардоста его сменил епископ по имени Макар, который привел с собой священников, построил каменную церковь и также «многих» окрестил.

В VI—VII вв. политику христианизации гуннов проводила и Византия. Известно, что в 534 г. (по другим источникам — в 528 г.) царь гуннов, живших близ Боспора, Горда (Грод греческих источников) прибыл в Константинополь, где принял христианство, а по возвращении домой разбил серебряных и золотых идолов, но был за это

---

[27] *Noonan T. S.* Why dirhams first reached Russia: the role of Arab-Khazar relations in the development of the earliest Islamic trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. Vol. 4. P. 151—282.

[28] *Бадер А. Н., Гаибов В. А., Кошеленко Г. А.* Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока. М., 1996. С. 85—94; *Никитин А. Б.* К истории христианства в Мерве // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1 (47). С. 164—170.

убит родным братом, воинами и жрецами[29]. По сообщению историка IX в. Никифора, около 619 г. в Константинополе был крещен некий гуннский владыка со своей свитой. Под 622 г. Никифор сообщает, что император Ираклий (610—641) намеревался отдать свою дочь Евдокию замуж за предводителя хазар Зиевила (которого Мовсес Каланкатваци называет джебу-хаканом, то есть вторым лицом в хазарской правящей элите). Никифор подробно описывает прием, оказанный Ираклием Зиевилу: император назвал его своим чадом, сказав при этом, что Бог соединил их, возложил Зиевилу на голову корону, устроил пир, даровал ему всю утварь с императорского стола, поднес ему императорские одежды и драгоценные украшения и пообещал выдать за него свою дочь. Брак не состоялся, по-видимому, только из-за гибели жениха. Во всяком случае Ираклий приказал дочери отправляться к Зиевилу и вернул ее, лишь узнав о его гибели[30].

К началу 680-х гг. относится известие Мовсеса Каланкатваци о принятии христианства одним из высокопоставленных хазар — Алп Илутвером, — который назван великим князем гуннов, снискавшим за свою службу расположение кагана и получившим в жены его дочь. Упоминавшийся выше епископ Исраэл убедил Алп Илутвера и его окружение принять христианство. В хазарской столице Варачане по этому случаю были разрушены языческие капища, вырублена священная роща, маги и жрецы были преданы публичной казни и, наконец, учрежден hайрапетский престол, то есть основана самостоятельная церковь во главе с hайрапетом-католикосом. По словам Мовсеса Каланкатваци, Алп Илутвер «в разных местах строил церкви и увеличивал почет священников Божьих»[31]. Возможно, именно с религиозной реформой Алп Илутвера следует связывать развалины двух христианских церквей VIII в. на городище Верхний Чир-Юрт (долина реки Сулак в Дагестане). Церкви расположены на курганном кладбище, принадлежавшем, судя по погребальному обряду, хазарам[32]. Похоже, что пока столица каганата была в Дагестане, позиции христианства в Хазарии были весьма сильны. В этом смысле показательно, что упомянутые выше династические браки хазар с Византией приходятся на период между религиозной реформой Алп Илутвера и переносом столицы каганата с Северного Кавказа под натиском арабов в 737 г.

О распространении христианства в Хазарии говорится и в грузинском источнике «Мученичество Або Тбилисского». Або был этническим арабом, вывезенным из Багдада правителем Картли Нерсесом около 775 г. В Картли Або научился грузинскому языку и изучал Библию, однако не имел возможности открыто исповедовать христианство и потому «искал безопасного места, чтобы креститься во Христа». Такая возможность представилась ему около 781 г., когда отношения Нерсеса с арабами ухудшились и, спасаясь от них бегством, он с отрядом в 300 человек, среди которых был и Або, через Дарьяльское ущелье ушел на север — туда, где находились «стоянка и лагерь сынов Магога — хазар». «Царь» хазар радушно принял беглецов. Сами хазары описаны как язычники, но сказано, что «в северной этой стране много селений и городов, которые живут беспрепятственно в вере Христовой». Поэтому Або «поспешил приблизиться ко Христу и от рук честных пресвитеров принял крещение во имя Отца

[29] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. С. 51.

[30] Там же. С. 159—160.

[31] *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк. С. 123—134.

[32] *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. С. 184, 215.

и Сына и Святого Духа»[33]. В этом рассказе показательны слова о наличии на территории Хазарии населенных пунктов, живущих, по выражению источника, «в вере Христовой», что, если эти слова понимать буквально, значит: имевших сплошное христианское население. О наличии у хазарских христиан в это время церковной организации говорит упоминание пресвитеров. Эта деталь сообщения позволила предположить, что местом, где жил и крестился Або, был район Приазовья, от Керчи до устья Дона.

Первые данные об исламе в Хазарии появляются в контексте известий о победе арабов над хазарами в 737 г. Арабский полководец Марван ибн Мухаммад будто бы потребовал от кагана принятия ислама, и тот после трехдневного размышления согласился на это. О согласии кагана принять ислам говорят два источника — труды арабских историков ал-Балазури и ал-Куфи. У ал-Куфи сохранился красочный рассказ о том, как каган и с ним «множество людей из числа его родных и соплеменников» приняли ислам. Однако другие арабские авторы, также сообщающие о походе Марвана (ат-Табари, ал-Йакуби, Ибн ал-Асир), о принятии каганом ислама даже не упоминают. Особенно показательно молчание Ибн ал-Асира, хорошо знавшего труд ал-Куфи и, по всей вероятности, сознательно опустившего эпизод об обращении кагана в ислам[34]. Вполне вероятно, что сообщение о принятии каганом ислама следует относить к области устных преданий о победоносных войнах за веру, типичных для эпохи арабских завоеваний. О том, что подобные предания могли бытовать долгое время, свидетельствует сообщение арабского ученого и путешественника первой половины X в. ал-Истахри. Он приводит рассказ своего информатора, видевшего на рынке в Итиле торговавшего хлебом юношу-мусульманина из каганского рода, который будто бы имел больше всех прав стать каганом, если бы отказался от ислама и принял иудаизм[35]. Вполне возможно, что этот молодой человек в действительности и не имел никакого отношения к правящей элите Хазарии, но тут показательно то, что представление о том, что отдельные члены каганского рода в принципе могли быть мусульманами, сохранялось до X в.

Если каган и принял ислам, то его обращение было недолгим. В 760-х гг. он упоминается как язычник. В связи с нашествием хазар 763/764 г. грузинская «Летопись Картли» передает историю картлийской царевны Шушан, которую насильно увезли в Хазарию, поскольку в нее влюбился хазарский каган. Царевна, не желая стать женой язычника, отравилась.

Для этого же времени источники фиксируют появление наемников-мусульман в хазарском войске. По сообщениям армянского историка Левонда (VIII в.) и ал-Куфи, в конце 750-х гг. арабский наместник Восточного Закавказья Йазид ас-Сулами по совету халифа ал-Мансура (754—755) взял в жены дочь хазарского кагана, уплатив в качестве калыма 100 тыс. дирхемов. Дочь кагана приняла ислам и «изучила Коран», но через два года умерла при загадочных обстоятельствах вместе со своими двумя сыновьями. В отместку за это в 763—764 гг. хазары обрушились на Закавказье. Хазарские войска вел полководец, имя которого арабские историки передают как Растархан, Раштархан или же Астархан ал-Хорезми. Последняя часть имени (ал-Хорезми) может указывать на иранское происхождение хазарского полководца, откуда можно заключить, что процесс проникновения мусульманских воинов из Средней Азии в каганское войско начался в VIII в.

[33] Lives and Legends of the Georgian Saints. P. 118—122.

[34] См.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 148.

[35] Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. T. 1. Lugduni Batavorum, 1870. P. 224.

Что касается распространения иудаизма на подконтрольных хазарам землях, то есть сведения о переселении на территорию Дагестана этнических евреев, бежавших из Персии после разгрома маздакитов в первой половине VI в. По данным так называемого (по месту хранения) Кембриджского документа, это еврейское население смешалось с местными жителями-язычниками, ходило с ними на войну и почти совсем не соблюдало религиозных обрядов (твердо соблюдался только завет обрезания, частично — субботний день)[36]. Сведений об иудаизме самих хазар для периода до 737 г., то есть времени, когда центр каганата располагался в Восточном Предкавказье, нет.

После же бегства кагана на север в 737 г. хазары оказались в непосредственной близости от областей, где издавна (не позже I в. н. э.) селились евреи, — Крыма и Приазовья. Феофан, например, под 680 г. говорит о еврейском населении Фанагории[37]. Похоже, что перенос столицы Хазарии из Восточного Предкавказья сопровождался появлением иудеев при дворе кагана. Арабский историк и географ XI в. ал-Бакри сообщает, что мусульманский проповедник, оставленный Марваном при хазарском дворе для обращения хазар в ислам, был коварно убит еврейским раввином. Хотя источник этого уникального сообщения неизвестен, его достоверность вряд ли стоит ставить под сомнение, так как ал-Бакри жил в мусульманской Испании, получил образование и провел часть жизни в Кордове, где веком раньше служил один из адресатов еврейско-хазарской переписки Хасдай ибн Шапрут. Сам ал-Бакри являлся видным литературным деятелем и дипломатом у севильского эмира из династии Аббадидов ал-Му'тамида (1068—1091) и, по заключению исследователей его сочинения, мог пользоваться материалами кордовского архива. Еще одно сообщение, касающееся данного сюжета, также связано с еврейской традицией. Еврейский ученый XII в. Иегуда Галеви, автор «Книги хазара» (около 1140 г.), со ссылкой на какие-то летописные книги утверждал, что хазарский царь принял иудейство около 740 г.[38] Версия же хазарского царя Иосифа (также ссылающегося на «книги, известные всем старикам нашей земли») и Кембриджский документ содержат такую зыбкую хронологию истории принятия иудаизма хазарами, что не дают возможности оценить достоверность датировки Иегуды Галеви.

Вместе с тем сообщения ал-Бакри и Иегуды Галеви свидетельствуют о том, что около 737—740 гг. благодаря чрезвычайной обстановке, сложившейся в каганате в результате арабского наступления, при дворе кагана могли иметь место кардинальные перемены. В самом деле, столица государства была разрушена, войска разбиты, правитель деморализован и поставлен перед необходимостью отказаться от веры предков. Кембриджский документ, излагая историю обращения хазар в иудаизм, относит это событие ко времени, когда хазары пребывали в состоянии анархии, без царя и порядка. В этих условиях служивший у хазар некий еврейский полководец спас хазар, обратив в бегство всех их врагов, за что был назначен главнокомандующим. Особо подчеркивается, что это назначение было совершенно легитимным, поскольку состоялось «в соответствии с их (хазар. — *И. К.*) древним обычаем»[39]. По-видимому, крупное военное поражение, сопровождавшее-

[36] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. С. 138.

[37] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. С. 60.

[38] *Рабби Иегуда Галеви.* Сефер Га-Кузари (Книга хазара): Книга ответа и доказательства по поводу унижаемой веры / Пер., примеч. и вступ. ст. И. Стрешинского. М., 2009. С. 33.

[39] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. С. 138.

ся перемещением резиденции кагана, привело, с одной стороны, к выдвижению на первый план какого-то удачливого полководца-еврея, а с другой — положило начало проникновению иудаизма в хазарскую правящую элиту и стимулировало ограничение реальной власти кагана, превратившегося со временем в сакральную фигуру.

Обычаи хазар, связанные с сакрализацией власти кагана, известны по сообщениям арабских авторов X в., однако архаический характер веры в божественную силу каганов не подлежит сомнению. Согласно ал-Истахри, избрание кагана у хазар проходило следующим образом: претендента на этот пост душили шелковым шнуром, чтобы, когда он начнет задыхаться, спросить у него, сколько лет он намерен царствовать. И только после того, как он ответит, его утверждали каганом. Если каган не умирал в назначенный им же самим срок, его убивали[40].

Несмотря на поражения от Арабского халифата, к началу IX в. Хазарский каганат оставался сильнейшей политической силой в Восточной Европе.

Кочевые народы Восточной Европы

С распадом Гуннской державы Аттилы эпоха Великого переселения народов для степей Восточной Европы не закончилась — процесс, напротив, вышел на новый виток. В середине V в. в степях Приазовья и Предкавказья появляются кочевые племена огуров, сарагуров и оногуров, вытесненные из Центральной Азии вследствие неудержимой экспансии Жуан-жуанского каганата. Как полагал российский тюрколог и востоковед С. Г. Кляшторный, кочуя по азиатским степям, огуро-оногурские племена не составляли политической общности, поэтому они не смогли устоять перед натиском жуан-жуаней (жужаней), консолидировавшихся в едином кочевом государстве-каганате. Только оказавшись к западу от Волги в «политическом вакууме», вожди огуров, сарагуров и оногуров приходят к идее объединения. В результате «при решающей роли оногурских племен, где-то в Приазовье или на Западном Кавказе возник племенной союз болгар. Само их название (букв.: «мятежники», «отколовшиеся») указывает, что сложение этого нового союза явилось следствием распада или разделения более раннего объединения огурских племен»[41].

В последующие десятилетия болгары, кочуя вдоль северных границ византийских провинций в Причерноморье и на Дунае, выступали то в роли союзников Византии в их войнах с Персией, то в роли ее противников. В последнем случае камнем преткновения являлся Боспор Киммерийский — главный пункт византийской торговли с племенами Приазовья и Северного Кавказа. Контроль над городом и его окрестностями стремились удержать в своих руках обе стороны, используя для этого все доступные методы и средства. Император Юстин I (518—527) захватывает Боспор силой; в ответ на это болгары, когда началась очередная византийско-персидская война, отказали византийцам в военной поддержке. Тогда император Юстиниан I (527—565) попытался привлечь на свою сторону одного из болгарских вождей Грода: самолично крестил его, богато одарил и поставил своим наместником на Боспоре. Болгары, подстрекаемые языческими жрецами, убили Грода, перебили присланный вместе с ним

[40] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. 1. P. 224.

[41] *Кляшторный С. Г.* Праболгары в евразийских степях // История татар с древнейших времен. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 183.

византийский гарнизон, а сам город разорили дотла[42].

Болгарские племена, кочевавшие между Доном и Днепром (Д. Димитров и Р. Рашев называют их кутригурами или котрагами), в это же время совершают постоянные грабительские набеги на Дунайские (Фракийские) провинции Византии, вмешиваются в византийские междоусобицы (513), в середине VI в. усиливают натиск на северо-западные, придунайские провинции империи — Восточную Фракию, Иллирию, Малую Скифию[43].

В середине VI в. на этнополитической карте степей Восточной Европы происходят очередные изменения, вызванные появлением здесь новых азиатских племен — аваров и тюрков. Причиной этих изменений стали события, происходившие в это время на востоке евразийских степей. Вследствие длительных междоусобиц, разрывавших Жуан-жуанский каганат изнутри, к середине VI в. мощь жуан-жуаней была ослаблена, чем не преминули воспользоваться подвластные им древнетюркские племена ашина и теле. В 551 г. один из тюркских вождей Бумын поднял восстание против жуан-жуанского кагана Анахуаня, принял титул кагана и таким образом создал свое государство — Первый Тюркский каганат (551—603). Тюрки стремились к расширению своих границ, и при Муган-кагане (553—572) западные границы Тюркского каганата уже достигли Западного (Аральского) моря. В их пределы была включена вся степная зона бассейна Сырдарьи и Приаралья, установлен сюзеренитет над Хорезмом. По мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, «движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар»[44].

Правда, территория расселения собственно древних тюрков — теле, ашина — как она маркируется соответствующими археологическими памятниками, не простиралась далее степей современного Центрального Казахстана[45]. Да и ставка тюркского кагана располагалась в степях Алтая (именно туда в 568 г. прибыло византийское посольство во главе с Зимархом, посланное императором Юстином II для заключения союза с каганом Истеми)[46]. Но в сферу их военно-политического влияния так или иначе попадали племена, оказывавшиеся в непосредственной близости от границ Тюркского государства. Одни из них принимали власть тюркского кагана и становились его вассалами, что, естественно, предполагало их участие в военных акциях правителя, таких, например, как походы на Северный Кавказ и в Крым (выход на Боспор в 571 г.).

Очевидно, именно в силу этих обстоятельств в зоне зауральской лесостепи, между реками Урал и Тобол, появляются археологические памятники (курганы) так называемого селенташского типа, выделенные и исследованные С. Г. Боталовым. Внешне они представляют собой каменные насыпи, под которыми скрываются следы ритуаль-

[42] *Рашев Р.* Прабългарите през V—VII век. София, 2005. С. 37.

[43] Там же. С. 38.

[44] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 93.

[45] *Могильников В. А.* Сибирские древности VI—X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 119. Рис. 16.

[46] *Жданович О. П.* Посольство Земарха в ставку тюркского кагана: Перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 11.

ных костров или обожженные деревянные плахи. Иногда встречаются и прямоугольные могилы, стенки которых обложены каменными плитками. В них совершались захоронения по обряду трупоположения или кремации. «Характерной особенностью данного типа памятников является наличие почти во всех центральных, реже — в боковых насыпях погребений лошади или ее макета и костей овцы на погребенной поверхности. На погребенной же поверхности в основном содержался и вещевой материал, основную массу которого составляла керамическая посуда, реже встречались колчаны с наконечниками стрел, луки, предметы конской узды и поясная гарнитура»[47]. Прямые аналогии памятникам подобного типа исследователь видит в обнаруженных на территории современных Тувы и Хакасии курганах древних тюрков, которые участвовали в походах Истеми-кагана — правителя западных территорий Первого Тюркского каганата — на запад в 558 г.[48]

Столь дальние походы тюрков преследовали важную геополитическую цель — окончательный разгром аваров, крупного союза тюркоязычных племен, не принявших власть тюркских каганов. Тем более что именно в том же 558 г. император Юстиниан I заключил договор с аварским каганом Баяном — основателем Аварского каганата на территории Среднего Подунавья. Согласно этому договору, авары должны были охранять византийские границы на Дунае от вторжений «варваров». Этими варварами являлись в первую очередь болгары, к тому времени, как было сказано выше, фактически взявшие под свой контроль византийское Подунавье. Степи Восточной Европы авары прошли стремительным броском, находясь на первой стадии кочевания, которая С. А. Плетневой характеризуется следующим образом: «...разноэтническая, разноязыкая, разнокультурная масса племен и орд, объединенная под властью вождей в союзы племен или орд, постоянно двигалась по тысячекилометровым степям во враждебном окружении. У них не было ни постоянных становищ, на которых могли бы остаться культурные слои, ни постоянно функционировавших родовых кладбищ. Хоронили они чаще всего в курганах предыдущих эпох, рассыпанных по степи (так называемые «впускные погребения»), или просто в специально тщательно скрытых (затоптанных конями, заложенных дерном и даже затопленных рекой) могилах. Этот обычай скрывать места погребений дольше всего сохранялся в среде родовой аристократии, где древние обычаи культивировались и оберегались более тщательно, чем в среде простого народа»[49].

Поэтому в степях между Волгой и Дунаем многочисленных и богатых аварских могильников, как например в Паннонии (Венгрия), не обнаружено. Единственным археологическим «следом» прохождения авар через степи Восточной Европы являются находки деталей поясной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней), украшений и предметов конского снаряжения в отдельных погребениях VI—VII вв. на данной территории и за ее пределами (аварские пояса известны в Прикамье, куда они попали в результате торгового обмена).

Однако авары оказались плохими союзниками для Византии: во-первых, они начали воевать с северокавказскими болгарами — савирами и берсилами (барсилами), которые традиционно были союзниками Византии; во-вторых, спровоцировали войну между болгарскими же племенами кутригурами и утигурами, кочевавшими в Приазовье. В этой войне авары встали на

[47] *Боталов С. Г.* Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2: Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000. С. 295.

[48] Там же. С. 350—356.

[49] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 16 и след.

сторону кутригуров, которые как раз больше всего и досаждали византийцам в Подунавье[50]. Поэтому вполне логично предположить, что союз, заключенный императором Юстинианом с тюркским каганом Истеми, мог быть направлен и против авар.

Болгары во всех этих политических перипетиях до поры до времени играли пассивную роль, но вскоре ситуация резко изменилась. В начале 630-х гг. Западно-Тюркский каганат вступает в период глубокого политического кризиса, закончившегося его распадом. Сфера военно-политического влияния тюрок на западе резко сокращается. Авары полностью сосредоточились на своих европейских завоеваниях, и основной военно-политической силой на юге Восточной Европы вновь становятся болгары. В это время у них появляется свой яркий лидер — хан Кубрат, прошедший византийскую школу политики и военного дела (в молодости он как племянник болгарского хана Органы был почетным заложником при дворе императора Ираклия I, с которым был дружен). После смерти Ираклия I и гибели в тюркской междоусобице своего дяди Кубрат объявляет суверенитет болгарских племен и становится во главе нового государства Великой Болгарии.

Границы государства Кубрата включали в себя северное побережье Черного моря до Южного Буга на западе, предгорья Кавказа, Волго-Донское междуречье на востоке до границ степи и лесостепи на севере[51]. После смерти Кубрата (между 641 и 650 гг.) Великая Болгария распалась, и болгарские племена стали уходить из нее: часть во главе с ханом Аспарухом ушла на запад, в низовья Дуная, где затем возникло Болгарское царство, другая часть двинулась на север, вверх по Волге. Археологические памятники, относимые к ранним болгарам, в Среднем Поволжье представлены курганами «новинковского типа» (село Новинки в центре Самарской Луки), исследованными Г. И. Матвеевой, А. В. Богачевым, Р. С. Багаутдиновым и С. Э. Зубовым на Самарской Луке, на севере современной Самарской и юге современной Ульяновской областей[52].

По своим внешним признакам это типичные тюркские погребальные сооружения, представлявшие собой земляной холм диаметром 10—15 м, насыпанный над могилой, первоначально заваленной камнями. Под курганами бывает от 1 до 12 захоронений, совершенных в овальных или прямоугольных ямах. Умерших укладывали вытянуто на спину, головой на восток, север, реже на запад. В могилу клали жертвенную пищу (судя по найденным костям, баранину) и ставили глиняные сосуды с питьем (горшки, кувшины, миски и даже амфоры).

В женских могилах обычно находят украшения: бусы, различные по цвету и форме, золотые и бронзовые серьги, медальоны, иногда предметы туалета — серебряные зеркала и бронзовые пинцетики. Довольно часто встречаются и орудия чисто женского труда — глиняные пряслица и бронзовые иголки.

В мужских захоронениях набор вещей иной: оружие (сабли, наконечники копий и дротиков, железные и костяные наконечники стрел, костяные накладки от сложносоставных луков, бронзовые кистени) и орудия труда (тесла, резаки, кузнечные клещи). Особый интерес представляют обнаруживаемые в мужских погребениях остатки поясов, украшенных серебряными или бронзовыми пряжками, наконечниками и накладками; пояс являлся символом зрелого мужчины-воина.

В течение последующего столетия болгары успешно вытесняли с территории

[50] Bulgarica: Время и пространство Болгарской цивилизации: Атлас. М.; Казань, 2012. С. 152.

[51] Там же. С. 154.

[52] *Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997; *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары на Средней Волге: У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.

Среднего Поволжья носителей именьковской археологической культуры. Но и сами болгары на новой территории столкнулись со встречной экспансией прикамских финно-угров, носителей поломско-ломоватовской археологической культуры. Смешиваясь с болгарами и, очевидно, подчиняясь им в военно-политическом отношении, финно-угры вошли в качестве одного из основополагающих субстратов в формирующийся в регионе раннеболгарский этнос. Наглядное тому свидетельство — синкретичный (смешанный) характер Больше-Тарханского могильника в Восточном Татарстане, самого раннего по времени могильника волго-камских болгар, в котором, наряду с болгарскими, количественно преобладают погребения с финно-угорскими чертами.

Одновременно с востока над территорией будущего Раннеболгарского государства в Волго-Камье «нависали» племена приуральских угров, пришедших из-за Уральских гор на рубеже VI—VII вв. В Приуралье они представлены памятниками кушнаренковской археологической культуры (по поселению и кургану, исследованным В. Ф. Генингом на окраине современного села Кушнаренково в Башкирии в 1957 и 1959 гг.). Сейчас археологические памятники кушнаренковской культуры известны достаточно широко: на территории современного Башкортостана, в Южной Удмуртии, Восточном Татарстане и на территории Челябинской области.

Своих умерших сородичей «кушнаренковцы» хоронили под небольшими земляными курганами, где размещали по одной, но иногда по две-три и даже более могил (вероятно, такие курганы являлись своеобразными склепами-усыпальницами для одной семьи). Могильные ямы были, как правило, простые, узкие и неглубокие. Покойных укладывали на дно могилы вытянуто на спине, головой на север или запад. В соответствии с погребальными традициями и верой в загробную жизнь как продолжение жизни земной, в могилы вместе с человеком помещали набор вещей, свидетельствующих об образе жизни, занятиях и социальном статусе данного индивида. В мужских погребениях это — оружие, детали конской сбруи, кожаные пояса, богато украшенные бронзовыми или серебряными бляшками-накладками (отличительный знак достоинства); в женских — украшения: бусы из стекла, янтаря или полудрагоценных камней, перстни, браслеты. В изголовье могилы ставили глиняный сосуд с жидкой пищей и клали кусок конского или овечьего мяса. В насыпь кургана, над могилами, зарывали одну или несколько конских голов, а тушу, очевидно, съедали во время поминальной тризны.

Ни типы вещей, сопровождавших погребенных в могилах, ни сам погребальный обряд кушнаренковских могильников не имеют прототипов в местных предуральских культурах. И вместе с тем в глаза бросается явное внешнее сходство кушнаренковских глиняных сосудов с посудой средневековых памятников западносибирской лесостепи, относящихся к бакальской археологической культуре (Большое Бакальское городище на реке Исети, исследованное Т. М. Потемкиной в 1962 г.), — те же лепные тонкостенные круглодонные горшки яйцевидной или шаровидной формы, украшенные изящным резным орнаментом, состоящим из горизонтальных линий, сеточки, зигзагов, лунниц.

На многих бакальских памятниках лесостепного Обь-Иртышского междуречья сейчас известны комплексы керамической посуды кушнаренковского типа. Впрочем, если относительно данного региона еще можно сомневаться, поскольку найденная там керамика только отдаленно похожа на кушнаренковскую, то лесостепное Зауралье и, в частности, Притоболье, безусловно, входили в ареал первоначального обитания носителей кушнаренковской культуры. Дело в том, что буквально в 1990-е гг. в Зауралье стали выявляться памятники, содержащие типично кушнаренковскую

глиняную посуду (могильник Гра-Ултры в Челябинской области, Усть-Терсюкское городище и могильник в устье реки Суерь в Курганской области).

Кроме того, сравнительно-статистический анализ погребального обряда кушнаренковских могильников в Предуралье и синхронных им могильников в лесостепном Зауралье и Западной Сибири (VI—IX вв. н. э.) показывает, что эти группы памятников обнаруживают между собой практически полное типологическое сходство (90 % общих признаков). Из этого можно заключить, что они оставлены близкородственным населением, проще говоря, двумя группами зауральско-западносибирских угров, поскольку зауральские археологические памятники, типа перечисленных выше, исследователи Западной Сибири связывают с предками современных хантов и манси.

Вопрос о причинах миграции древних угров в Приуралье остается пока открытым. Возможно, это были какие-то внутренние причины, вроде очередного кратковременного ухудшения климата в Западной Сибири или переизбытка населения. Памятники бакальской культуры расположены в низовьях рек Тобол и Ишим — левых притоков реки Иртыш в ее среднем течении. По современному ландшафтному районированию это пограничье между зоной темнохвойных южнотаежных и осиново-березовых лесов. По данным палинологии, в рассматриваемое время это была зона повышенного, по сравнению с настоящим временем, увлажнения, что сопровождалось наступлением лесной растительности на юг, но одновременно и заболачиванием лесных территорий, сокращением мест обитания лесного зверя и боровой дичи.

Не меньшую роль в процессе переселения зауральско-западносибирских угров в Приуралье мог играть и этнополитический фактор: в это время распадается Тюркский каганат — на Западный и Восточный — и границы тюркского военно-политического влияния на соседние племена заметно сокращаются. Этим и могли воспользоваться угры Западной Сибири, бывшие, вероятнее всего, вассалами первых тюркских каганов. Начинается «великий угорский поход» на запад.

Переселение угров в Приуралье шло широким фронтом и осуществлялось перманентно. В лесном Прикамье вследствие их прихода меняется облик местных культур — в них начинает доминировать угорский этнокультурный компонент[53]. Одновременно в лесостепном Приуралье появляется новая волна угорских мигрантов из Зауралья, следы которых представлены здесь памятниками караякуповской археологической культуры (городище у села Кара-Якупово в Чишминском районе Башкортостана, исследованное в 1967 г. Г. И. Матвеевой). Принадлежность ее носителей к этнокультурному ареалу западносибирских угров подтверждается прежде всего погребальным обрядом, к характерным признакам которого относятся наличие одного или нескольких (иногда — более 20) захоронений под земляным курганом, в простых неглубоких могилах, ритуальных захоронений конских голов в насыпи кургана, преобладание западной или северной ориентировки погребенных, помещение в изголовье могилы глиняного сосуда и костей животных (овцы или лошади); иногда в могиле обнаруживаются конские останки в виде черепа и костей ног, лежащих у ступней человека, и обилие серебряных и бронзовых украшений (пояса с накладками, серьги, подвески, браслеты, перстни), а также ожерелья из стеклянных и каменных бусин. Как в мужских, так и в женских (а иногда и в детских) погребениях встречается конская сбруя, богато украшенная се-

[53] *Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.

ребряными бляшками-накладками в виде гроздьев, трилистников, фигурок коней или других животных.

В северо-западных районах современного Башкортостана «караякуповцы» столкнулись со встречной экспансией молодого Булгарского государства. Трудно сказать, как складывались взаимоотношения приуральских угров с волжскими булгарами, но есть основания полагать, что они были отнюдь не безмятежными. В противном случае трудно объяснить тот факт, что все караякуповские городища-крепости вынесены на западную окраину караякуповской территории, в сторону Волжской Булгарии, тогда как все наиболее крупные и богатые караякуповские могильники скрыты в предгорных районах и горных долинах Южного Урала.

Территория расселения носителей караякуповской культуры простиралась от лесостепного Зауралья до низовьев реки Камы (Больше-Тиганский могильник в Татарстане). То есть «караякуповцы» буквально «след в след» двигались за своими предшественниками «кушнаренковцами», что лишний раз подчеркивает этногенетическое и этнокультурное родство этих племен.

В широком смысле этническая принадлежность «караякуповцев» определяется как угорская. В более узком смысле она была определена Е. А. и А. Х. Халиковыми, которые в 1970-е гг. установили типологическую близость караякуповских могильников Приуралья и могильников древних мадьяр-венгров эпохи «Обретения родины» на Дунае (в современной венгерской историографии — эпохи Арпадов, конец IX—X в.). То есть древние венгры-мадьяры, предки современных венгров, и угры-«караякуповцы» суть родственные народы, а легендарная страна «Древняя, или Великая Венгрия» (Magna Hungaria), на поиски которой в XIII в. отправился венгерский монах-доминиканец Юлиан, — это и есть территория распространения памятников караякуповской культуры на Южном Урале и в Приуралье. Венгерский археолог И. Фодор, разделяющий точку зрения о древневенгерской принадлежности памятников караякуповской культуры, историю появления венгров из Западной Сибири комментирует так: «...судя по данным археологии, древние венгры переселились из Западной Сибири к западу от Урала, где заняли достаточно широкие территории между Волгой и Уралом, примерно около 550 г. Природные условия на новом месте значительно не отличались от прежних: люди жили на северной окраине степей и в лесостепях, где могли продолжать свой привычный образ жизни, занимаясь кочевым скотоводством. На это указывают и открытые археологами поселения, служившие временными стоянками. При раскопках были обнаружены следы жилищ легкой конструкции, сооруженных из дерева, камыша, в которых имелся открытый очаг. Очевидно, широко были распространены войлочные юрты и кибитки»[54]. Здесь они начинают соседствовать с финно-уграми и булгарами-оногурами. Следствием этого соседства явились венгерские и булгаро-тюркские языковые связи, до сих пор остающиеся предметом дискуссий среди лингвистов[55].

Хотя «караякуповцы» (древние мадьяры) почти дошли до устья Камы (Больше-Тиганский могильник), надо полагать, дальнейшее их продвижение в Волго-Камье было остановлено булгарами.

По логике вещей мадьяры и булгары должны были бы вступить в борьбу за гегемонию в регионе. Однако имеющийся археологический материал не дает основа-

[54] *Фодор И.* Венгры: Древняя история и обретение родины. Пермь, 2014. С. 38.
[55] *Fodor I.* Őstörténet és Honfoglalás // Magyarország története. 1. Budapest, 2009. P. 44.

ний говорить о вооруженных столкновениях между двумя народами.

Косвенным подтверждением натянутых отношений между волжскими булгарами и приуральскими уграми-мадьярами является отсутствие археологических свидетельств о торговых контактах между этими народами, в конце I тыс. н. э. являвшимися двумя основными этнополитическими силами в Волго-Камье.

Но кочевникам-мадьярам (точнее — полукочевникам, поскольку стационарные поселения-городища у них имелись) нужны были пастбища. Лесостепное Предуралье в этом отношении обладало ограниченным потенциалом, поскольку ни смешанные леса Бельско-Уфимского междуречья, ни холмы и овраги Бугульминско-Белебеевской возвышенности, отделяющей бассейн реки Белой от плодородных долин Волго-Камья, не позволяли уграм-мадьярам расширять свою территорию в Предуралье. Тем более что Волго-Камье в это же время активно осваивалось ранними булгарами (тоже кочевниками), к которым к тому же не менее активно «подселялись» финно-угры Прикамья, вынужденные искать новые территории в условиях гумидизации (повышенной увлажненности) лесов Северной Евразии в конце I тыс. н. э.

Немаловажной причиной (а возможно, и основной) ухода древних мадьяр из Приуралья явился этнополитический фактор. Период VII—IX вв. — это время бурных событий на востоке степной Евразии: распад Первого Тюркского каганата; участие тюрков в борьбе Сасанидского Ирана и Византии за гегемонию на Великом шелковом пути; беспримерные по протяженности военные походы тюрков на Кавказ и Боспор, маршруты которых проходили через степи Урало-Поволжья. Наконец, в это время началась аридизация (усыхание) евразийских степей, пик которой приходится на конец I тыс. н. э. Последнее обстоятельство вызвало переселение части центральноазиатских кочевников — древних хакасов — на запад. В рассматриваемое время на южной границе зауральской лесостепи, в непосредственной близости от территории обитания угорских племен, появляется новое население, представленное здесь курганами селенташского типа, ареал распространения которых очерчивается Урало-Тобольским междуречьем[56].

Время ухода части древних угров-мадьяр («караякуповцев») из Приуралья можно установить с точностью до десятилетия благодаря «Хронике» (Gesta) Венгерского Анонима — автора XII в. В ней определенно сказано, что «в 884 году от воплощения Господа (Рождества Христова. — *В. И.*)» семь мадьярских племен, объединенных в общий союз под названием Хетумогер, форсировали Итиль (Волгу) («...перешли реку Этил на бурдюках по способу языческому...»)[57]. Ясно, что форсировали они ее с левого берега на правый, а не наоборот. Следовательно, ближе к середине 880-х гг. бóльшая часть древних мадьяр оставила Приуралье. Эта дата очень хорошо согласуется с хронологией археологических культур Прикамья и Приуралья, не выходящей за рамки IX в. Что же касается причин мадьярской миграции из региона, то их могло быть несколько. Первая — начавшаяся именно в IX в. военно-политическая экспансия Древнехакасского государства на запад, в степные и лесостепные районы юга Западной Сибири. О том, что хакасские военные отряды доходили до степного Зауралья, свидетельствуют упоминавшиеся выше погребения селенташского типа на юге Челябинской области. Вероятно, они и послужили причиной массового перемещения «караякуповцев» на запад — на Урал

[56] *Боталов С. Г.* Поздняя древность и средневековье. С. 293.

[57] *Эрдели И.* Извлечения из хроники Венгерского Анонима // Вопросы археологии Урала. Вып. 7. Свердловск; Ижевск, 1967. С. 175.

и в Приуралье. Но дальше на запад отступать было некуда, поскольку на пути стояла Волжская Булгария, молодое и, как все молодые раннефеодальные политические образования, вполне динамичное государство, активно утверждавшее свою военно-политическую и культурную гегемонию в регионе.

Испытывая одновременный нажим двух равновеликих сил с востока и запада и не имея возможности борьбы на два фронта, во второй половине IX в. угры-мадьяры в обход южных границ формирующейся Волжской Булгарии, через западные районы современного Оренбуржья, Самарскую и Саратовскую области (что прослеживается по находкам отдельных раннемадьярских погребений на этих территориях) двинулись за Волгу, в сторону Дона и Днепра.

Северо-Западный Кавказ и Северо-Восточное Причерноморье

Территория и население. Формирование этнокультурной картины региона во второй половине I тыс. в письменных источниках освещено неравномерно. Согласно анонимному трактату «Periplus Ponti Euxini» (середина VI — середина IX в.), на побережье от реки Ахеунт (или Васия) — район Головинки или Лазаревского либо реки Бзыбь, Абхазия, до Пагр (Эптала) — Геленджика проживали *зихи* (Ζιχοί)[58]. К VI в. они сменили или подчинили и объединили под своим именем племена древних гениохов, кораксов, коликов, меланхленов, махелонов, колхов и лазов, обитавшие здесь в более раннее время.

Существует несколько этимологий этнонима «зихи», в том числе от адыгского *цIыхӯ* «люди» и от абхазского *адзы* «вода», однако ни одна из версий не считается общепринятой. Установлено лишь, что греческим Ζυγοί, Ζιχοί обозначали носителей адыго-абхазских языков[59]. Различные формы этнонима «зихи» сохранились в современной кавказской этнонимии: в абхазском названии адыгов *а-зыхуа*, в адыгском имени абхазов *азыгъе*, в грузинском названии южных абазин *джихи*[60].

Южными соседями зихов анонимный трактат «Periplus Ponti Euxini» называет *саннигов* (Σαννγάί)[61] — близкое к абасгам племя, испытавшее некоторое влияние позднеантичной культуры и контактировавшее с апсилами — протоабхазами[62]. Но уже в середине VI в. Прокопий Кесарийский помещает к югу от зихов *абасгов*[63].

«Космография» Равеннского Анонима, созданная, вероятно, в последние десятилетия VII или в начале VIII в., размещает страну зихов у Понтийского моря, к северу от Абасгии[64].

Северными соседями зихов анонимный трактат «Periplus Ponti Euxini» назы-

---

[58] *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890. С. 278—279; *Виноградов А. Ю.* Зихия // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 188.

[59] *Тохтасьев С. Р.* Язык трактата Константина Багрянородного De administrando Imperio и его иноязычная лексика. СПб., 2018. С. 119.

[60] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 19.

[61] *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. С. 276, 278.

[62] См.: *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 41—42.

[63] *Wirth G. (post Haury J.).* Procopii Caesariensis. Opera omnia. Vol. 2: De Bellis libri V—VIII. Leipzig, 1963. P. 500.

[64] «Космография» Равеннского Анонима, IV.1; цит. по: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 191—192. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

вает *евдусиан* (Εὐδουσιανοί)[65], населявших невысокие отроги Кавказского хребта от Синдской гавани (Анапы) до гавани Пагры (Геленджик), где прежде жили керкеты или тореты. Евдусиане говорили «на готском или таврском языке»[66]. С ними связывают *готов-тетракситов* Прокопия Кесарийского, вытесненных после 429 г. гуннами с Керченского полуострова на восточный берег Боспора Киммерийского[67]. Эти сведения подтверждаются обнаружением комплекса вещей восточногерманского круга в погребениях могильника Дюрсо (близ Новороссийска) (рис. 1).

Владения готов-тетракситов примыкали к южным окраинам азиатской части бывшего Боспорского царства, чьи города и поселения (Фанагория, Гермонасса, Кепы и др.) в конце V в. вошли в состав Византии и после победы армии Юстиниана I между 527 и 534 гг. над гуннами находились в сфере прямого политического, военного и культурного влияния империи. Их население было представлено разноязычной смесью *греков*, потомков *синдо-меотов* и *сарматов*, а также *евреев, готов, алан* и *остатков кочевых гуннов*[68].

В середине VI в. Прокопий Кесарийский к северу от зихов размещает *сагинов*, за которыми начинается Эвлисия (возможно, неточное написание более известного топонима Эвдусия[69]) — варварская страна утигуров, простирающаяся вплоть до «Меотийского Болота» и до реки Танаиса[70]. Встречающееся в литературе отождествление санигов анонимного трактата «Periplus Ponti Euxini» и сагинов Прокопия Кесарийского[71], видимо, безосновательно[72].

Между Боспором и зихами Епифаний Монах упоминает *верхних сугдов*, к которым отправился с проповедью апостол Андрей[73]. Сведения о кавказских *сугдаях* содержатся в «Космографии» Равеннского Анонима[74]. По одной из версий, они могут быть связаны с сагинами[75], по другой — с готами-тетракситами[76]. Епифаний Монах характеризует верхних сугдов как «людей послушных и кротких», что позволяет видеть в них христианизированное население района Анапы, оставившее памятники VI—VIII вв., а возможно, и более поздние: обширное поселение Уташ, в том числе некрополь, на котором выявлено несколько десятков каменных надгробных стел с изображениями крестов, вписанных в круг, отдельные предметы христианского культа[77].

О народах, населявших внутренние области Северо-Западного Кавказа, источники содержат отрывочные и противоречивые сведения.

В предгорной зоне Закубанья, «за пределами абасгов до Кавказского хребта живут *брухи* (Βροῦχοί), находясь между абасгов и

[65] *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. С. 279.

[66] Там же.

[67] *Wirth G. (post Haury J.).* Procopii Caesariensis. Opera omnia. Vol. 2. P. 502—503.

[68] *Чхаидзе В. Н.* Фанагория в VI—X веках. М., 2012. С. 259—260, 277.

[69] См.: *Прокопий Кесарийский.* История войн // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: I—VI вв. М., 1991. С. 244. Примеч. 199.

[70] *Wirth G. (post Haury J.).* Procopii Caesariensis. Opera omnia. Vol. 2. P. 501.

[71] См.: *Прокопий Кесарийский.* История войн. С. 244. Примеч. 198; *Виноградов А. Ю.* Зихия. С. 188; и др.

[72] *Гадло А. В.* Адыги во второй половине I тысячелетия н. э.: (Очерк этносоциальной и этнополитической истории) // Историческая этнография. Вып. 1. СПб., 2004. С. 15.

[73] *Виноградов А. Ю.* Зихия. С. 189.

[74] «Космография» Равеннского Анонима. С. 161.

[75] *Гадло А. В.* Адыги во второй половине I тысячелетия н. э.: (Очерк этносоциальной и этнополитической истории). С. 24.

[76] *Виноградов А. Ю.* Зихия. С. 189.

[77] *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Раннесредневековые древности побережья IV—IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. М., 2003. С. 199.

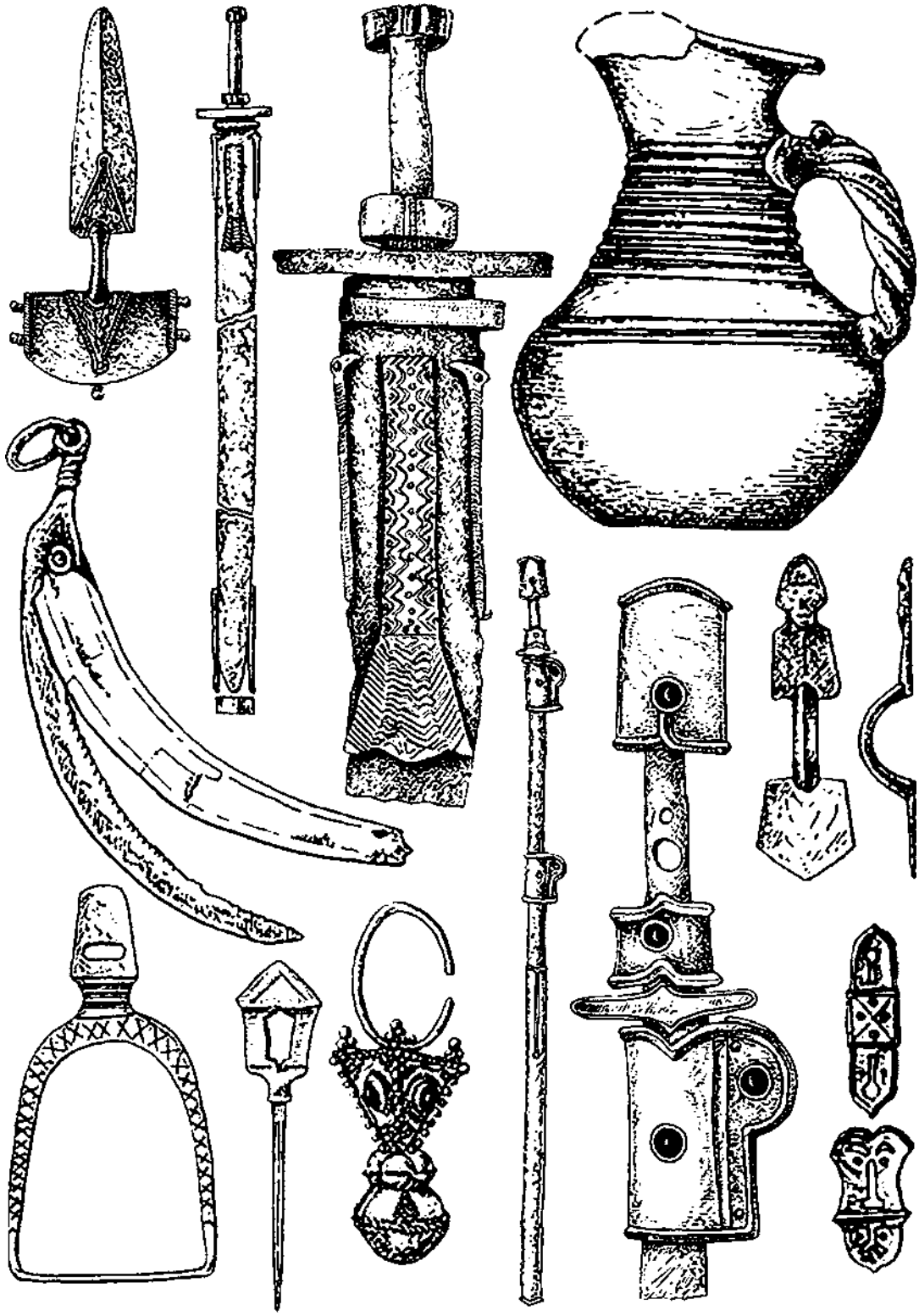


Рис. 1. Находки из могильника Дюрсо V—IX вв. (по: Гавритухин И. О., 2020)

аланов»[78]. С ними предположительно соотносят указанный в «Армянской географии» VII в. народ *хебуры* (вар. *хебары*)[79]. Возможно, их упоминает Певтингерова карта XII—XIII вв.[80]

«Армянская география» в VII в. между болгарами и Понтийским морем называет народ *Garšk'*[81], в котором иногда необоснованно[82] видят самое раннее упоминание касогов.

Оба берега Кубани в ее нижнем и среднем течении в первые века I тыс. н. э. были заселены *меотами*. Их языковая принадлежность во многом не ясна, часть названий меотских племен, известных античным авторам, относят к иранским или индоарийским языкам — «синды», «дандарии», «керкеты», «тореты», «меоты»; названия «псесы», «досхи» связывают с абхазо-адыгскими языками[83]. К середине III в. меотская археологическая культура гибнет[84]. Археологические памятники середины III — начала V в. на нижней Кубани, за исключением единичных комплексов и случайных находок, не выявлены, что привело исследователей к выводу об отсутствии генетической связи между меотами и постгуннским населением Северо-Западного Кавказа[85]. Часть специалистов допускает переселение меотского населения из Прикубанья в Закубанье и датировку поздних слоев левобережных меотских городищ (Нововочепшийское, в ауле Гатлукай, Теучежхабль и др.) IV в., а памятников восточных районов Северо-Западного Кавказа еще более поздним временем[86], но при отсутствии археологических материалов эта гипотеза может рассматриваться лишь как логическое объяснение внезапного исчезновения мощной меотской культуры. Не доказана также и широко распространенная гипотеза о происхождении адыгов от меотов[87].

Находки V в. в Закубанье немногочисленны. На основании сходного облика материальной культуры и погребальных традиций племен Кубано-Черноморского региона (памятники типа Пашковский—Карповка) высказано предположение об их связи с протоадыгским населением, а также о частичной миграции населения Причерноморья на нижнюю Кубань и в Закубанье в гуннское время[88] (вклейка, рис. 5).

С VI в. в азово-черноморских степях появляются *протоболгары* — группы западно-тюркских племен. В 630-х гг. под предводительством вождя уногундуров Кубрата возникло племенное объединение Великая Болгария, располагавшееся в Восточном Приазовье и распавшееся вскоре после смерти хана-объединителя на от-

[78] *Wirth G. (post Haury J.).* Procopii Caesariensis. Opera omnia. Vol. 2. P. 500.

[79] *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Ч. 226. С. 28.

[80] *Подосинов А. В.* Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. С. 63; «Космография» Равеннского Анонима. С. 352.

[81] *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому. С. 29.

[82] См.: *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 199.

[83] *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. С. 39—40; *Каменецкий И. С.* История изучения меотов. М., 2011. С. 199, 201.

[84] *Каменецкий И. С.* Указ. соч. С. 219—220.

[85] *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. С. 38—41; *Каменецкий И. С.* Указ. соч. С. 199, 220; и др.

[86] *Носкова Л. М.* К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002. С. 176; и др.

[87] *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. С. 39—41; *Каменецкий И. С.* Указ. соч. С. 199, 217.

[88] *Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А.* Пашковский могильник № 1: В 2 т. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1. М.; СПб., 2016. С. 100—101.

дельные орды, возглавляемые его сыновьями. Как свидетельствуют археологические материалы, протоболгары или родственные им племена с VI в. проникают и в степное Закубанье[89].

В третьей четверти VII в. протоболгар подчинили и частично потеснили пришедшие из Предкавказья *хазары*. Их привлекали приморские города Тамани, имеющие прямой выход на Византию. Часть протоболгар пополнила состав жителей таманских городов и поселений, многие пересекли Керченский пролив и начали осваивать крымские территории[90].

С этими событиями связана кардинальная смена населения степного Закубанья, а также района Северо-Восточного Причерноморья от Новороссийска до Геленджика, где в первой половине VIII в. или чуть раньше появляются носители обряда грунтовых кремаций — тюркские или угорские племена, подчиненные Хазарскому каганату. С носителями обряда кремации связывают упоминаемых ал-Масуди (X в.)[91] кашаков[92] и жителей «страны Папагия» Константина VII Багрянородного, локализуемой в степной зоне Закубанья[93]. Они заняли территорию вдоль Кубани и контролировали выходы к морю, «запирая» в предгорьях вытесненные с равнины местные племена.

Археологические памятники племен предгорий Закубанья V—VIII вв. представлены грунтовыми могильниками с ингумационными погребениями, для которых характерно положение погребенного вытянуто на спине, наличие инвентаря и заупокойной пищи. С этим населением может быть соотнесена упомянутая в письме хазарского царя Иосифа к кордовскому вельможе Хасдаю ибн Шапруту (середина X в.) расположенная в предгорьях Северо-Западного Кавказа, в непосредственной близости от алан, «страна Каса», жители которой платят дань хазарам[94].

К востоку от этого населения проживали аланы. Границу между ними проводят по реке Лаба и даже в бассейне реки Псекупс[95]. Однако четкой границы между протоадыгскими племенами предгорий Закубанья и аланами, видимо, не существовало.

Политическая история. Развитие народов и племен Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья в раннем Средневековье проходило в условиях установления в регионе с VI в. политического, торгового и культурного влияния Константинополя, а с последней трети VII в. — соперничества на этой территории Византийской империи и Хазарского каганата.

После вхождения в конце V в. в состав Византии городов и поселений Боспорского царства и решения в первой трети VI в. «гуннской проблемы» Византийская империя утвердила свою власть на обоих берегах Керченского пролива[96]. В Северо-Западном Предкавказье центром и проводником

---

[89] *Носкова Л. М.* К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья. С. 177.

[90] *Чхаидзе В. Н.* Фанагория в VI—X веках. С. 262.

[91] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 206.

[92] *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа; и др.

[93] *Дружинина И. А.* Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17. № 1. С. 80.

[94] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101.

[95] *Каминский В. Н.* Одно из сочинений Константина Багрянородного и этническая карта Северо-Западного Кавказа // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993. С. 70; *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 201—202; и др.

[96] *Чхаидзе В. Н.* Таматарха: Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. С. 258—260.

ее политики стала Фанагория, являвшаяся к тому же важным морским портом.

В конце VI — третьей четверти VII в. Фанагория соседствует с племенным объединением протоболгар. Вопреки расхожему представлению о Фанагории как столице Великой Болгарии, возникшему в результате неточного прочтения армянских и византийских источников (Мовсеса Хоренаци, Стефана Византийца, Феофана Исповедника, патриарха Никифора), в городе сохранялась исключительно византийская власть вплоть до появления здесь хазар[97].

Византия прилагала значительные усилия для установления своего контроля над Северо-Восточным Причерноморьем — территорией и населением Зихии. Известно, что еще во II в. племенной вождь зихов Стахемфак принял подданство римского императора[98]. Но в середине VI в. «эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам»[99].

Тем не менее в результате успешной политики Юстиниана I Восточное Причерноморье оказалось вовлечено в орбиту влияния Византии. Во главе Лазики были поставлены византийские патрикии местного происхождения, Абхазия, Апсилия и Мисимиания христианизированы[100]. Здесь, так же как и по обе стороны Керченского пролива — в Крыму и на Тамани, греки приступили к строительству крепостных укреплений и возведению храмов. В русле этой стратегии, видимо, следует рассматривать учреждение Зихской епархии с центром в Никопсии. Так, по одной из версий, с Никопсией связывают три раннесредневековых городища, расположенных возле поселка Новомихайловский в устье реки Нечепсухо (Туапсинский район Краснодарского края), на которых прослежены остатки крепостных стен и, возможно, башен, большое каменное здание, при раскопках найдены керамика IV—VII вв., черепица, обломки мрамора, в том числе капители, и плинфа, имеющие аналогии в строительных материалах базилик VI в.; с разрушенным могильником связаны находки пряжек, серег, подвесок (в том числе кресты) в основном VIII—IX вв.[101]

Греки, наряду с зихскими племенами, вероятно, представляли здесь определенную часть населения, в первую очередь гарнизонные войска, клир, архитекторов и строителей. Находки на могильниках и поселениях региона относятся как к типам, специфичным для Северо-Западного Кавказа, так и к тем, что имеют аналогии от восточноевропейских степей и ряда регионов Кавказа до Византии[102]. Материалы некрополей Сопино, Бжид и др. VI—VII вв. демонстрируют отчетливую тенденцию к унификации мужского и женского уборов, что можно связывать с формированием из разных компонентов некой культурной общности[103].

Благоприятная для продвижения интересов Византии обстановка изменилась в конце VII в., когда земли по течению реки Кубани вплоть до ее впадения в море заняли хазары. Ни письменные, ни археологические источники не указывают на то, что хазарами были захвачены Фанагория, Гермонасса или даже Боспор — империя со-

[97] *Чхаидзе В. Н.* Фанагория в VI—X веках. С. 261—265.

[98] *Arrian.* Periplus Ponti Euxini / Ed. A. Liddle. London, 2003. XVIII. 3.

[99] *Wirth G. (post Haury J.).* Procopii Caesariensis. Opera omnia. Vol. 2. P. 500.

[100] *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 156.

[101] *Анфимов Н. В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 95; *Чхаидзе В. Н.* Никопсия // Православная энциклопедия. Т. 51. М., 2018. С. 60; *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Раннесредневековые древности побережья IV—IX вв. С. 195. Табл. 77: 23—28, 41, 45.

[102] *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Указ. соч. С. 191—193.

[103] Там же. С. 192—195.

хранила свое влияние на этих территориях. К началу VIII в. на Боспоре установилась система кондомината — византийско-хазарского двоевластия (вклейка, рис. 6). В Фанагории находилась ставка двух хазарских чиновников — архонта Скифского Боспора, ведавшего сбором податей, и архонта-тудуна, являвшегося представителем кагана на Боспоре. При этом и на территории Боспора, и в крымских архонтиях отсутствовали хазарские войска и гарнизоны, а значение Фанагории в это время было таковым, что именно здесь находилась резиденция опального императора Юстиниана II Ринотмета[104].

Однако побережье от Новороссийска до Геленджика заняли подчиненные каганату племена носителей обряда кремаций. Зихия оказалась отделена от византийской метрополии на Тамани.

Неблагоприятно для Византии складывались события на южной границе зихов. В 696/697 г., после восстания местного патрикия, Лазика оказалась подчинена арабам (за исключением Фасиса), в 708—710 гг. к власти в Абасгии приходят враждебные Константинополю силы, а в 786—787 гг. при военной поддержке хазар «когда же ослабели греки (византийцы), отложился от них эристав абхазов, по имени Леон»[105] — образовалось независимое Абхазское царство, к тому же расширившее свои границы на север и занявшее все восточное побережье Понта Эвксинского от Апсара (на реке Чорох) до Никопсии (на реке Нечепсухо)[106].

Эти события, вкупе с иконоборческим кризисом, поразившим империю, не могли не сказаться на прочности византийской власти в Зихии. В третьей Нотиции Константинопольского патриархата, составленной около 800 г., Никопсийская кафедра уже отнесена к епархии Абасгии[107]. А зэхи (зихи), видимо, вошедшие в состав Абхазского царства, наряду «с индами, египтянами, ассириянами, мидянами, абасгами, иберами, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, гетами и теми, кто разделял позорное заблуждение Ману, лазами и аланами, халдами и армянами и другими всякими народами, хорошо известными», в 822—823 гг., возможно, принимали участие в мятеже Фомы Славянина[108].

В отличие от северо-восточного побережья, территория и население которого были объектом византийской политики, в Закубанье свою власть утверждал Хазарский каганат.

Хазары обложили данью племена предгорий. Об этом известно из источника середины X в. — письма хазарского царя Иосифа к кордовскому вельможе Хасдаю ибн Шапруту (пространная редакция), в котором говорится, что жители «страны Каса» платят дань каганату[109]. Со страной Каса, видимо, можно связать упомянутую в «Мученичестве Або Тбилисского» расположенную в предгорьях Закубанья «страну язычников», через которую около 782 г. проследовал от хазар в Абхазию картлийский эрисмтавар Нерсе. То, что он «безбоязнен-

[104] *Феофан Исповедник.* Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 62; *Патриарх Никифор.* Бревиарий // Там же. С. 163; *Сорочан С. Б.* Византия и хазары в Таврике: Господство или кондоминиум? // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 12. С. 512—522.

[105] Летопись Картли // Картлис цховреба. Тбилиси, 2013. С. 140.

[106] *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.). С. 157—169; ср.: *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. С. 45.

[107] *Darrouzès J. A. A.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981. P. 232—233; *Чхаидзе В. Н.* Зихская епархия: Письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя» и «полис». Севастополь, 2013. С. 47—48.

[108] *Генесий.* Книги царств / Пер. Липшиц Е. Э. // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 32.

[109] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 101.

но держа путь днем и ночью» пересек перевалы Северо-Западного Кавказа, говорит о контроле каганата над этой территорией[110]. Родственные связи хазар и абхазских эриставов (Леон был внуком кагана[111] и, по одной из версий, происходил из абазов — протоабазин[112]), а также военная помощь, оказанная хазарами абхазам в 786—787 гг., свидетельствуют о тесном взаимодействии Хазарии и Абхазии, которые не могли быть территориально связаны иначе, чем через земли племен Западного Закубанья, что, в свою очередь, указывает на сильную власть хазар в этом регионе уже в VIII в.[113]

Степную зону Закубанья в качестве военного пограничного населения контролировали носители обряда кремации — тюркские или угорские племена, чье появление в регионе санкционировали хазарские власти[114]. Это подтверждает и облик погребального инвентаря кремаций, характерного для салтово-маяцкой культуры, и их ареал[115]. Высокая степень военизации племен обряда кремаций, управляемых элитарной прослойкой воинов-всадников, указывает на принадлежность их вождей военно-административному аппарату каганата. По-видимому, именно племена обряда кремаций собирали «хазарскую дань» с жителей «страны Каса» — племен, обитавших в предгорьях (рис. 2).

Неизвестно, участвовало ли население Северо-Западного Кавказа в войнах хазар с арабами, но опосредованно регион не могли не затронуть эти масштабные военные столкновения. Когда после поражения хазар от арабов в 737 г. началась массовая колонизация Приазовья и Подонья тюркским и аланским населением северокавказского происхождения, аланы появляются и на правобережье Кубани, о чем свидетельствуют исследованные здесь археологические памятники VIII—IX вв.

Христианство. Историческая область Зихия является одним из самых ранних мест распространения христианства на территории нашей страны. Учрежденная Константинополем Зихская епархия известна со второй трети VI и до второй трети XV в. Можно полагать, что образованию кафедры Зихии способствовала епископия Боспора, известная с начала IV в. Первым упомянутым в источниках предстоятелем епархии стал Дометиан, «епископ народа зихов», подписи которого стоят под актами V Вселенского собора 553 г. в Константинополе[116].

Первоначально центром епархии была Никопсия, располагавшаяся в Восточном Причерноморье. Никопсия считалась местом погребения Симона Кананита, гроб-

---

[110] *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.). С. 166.

[111] Летопись Картли. С. 140.

[112] *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. С. 45.

[113] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 157. Примеч. 104.

[114] *Дмитриев А. В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII — начала IX века в районе Новороссийска — Геленджика // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978. С. 48—49; *Тарабанов В. А.* Кремационные погребения VIII—X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Кисловодск, 1994. С. 58—59.

[115] *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 205.

[116] Acta conciliorum oecumenicorum. Iussu atque mandato. Societatis Scientiarum Argentoratensis / Ed. E. Shwartz. T. 3. Berolini, 1940. P. 28, 115, 126, 155, 162, 171, 184; *Чхаидзе В. Н.* Зихская епархия: Письменные и археологические свидетельства. С. 47.

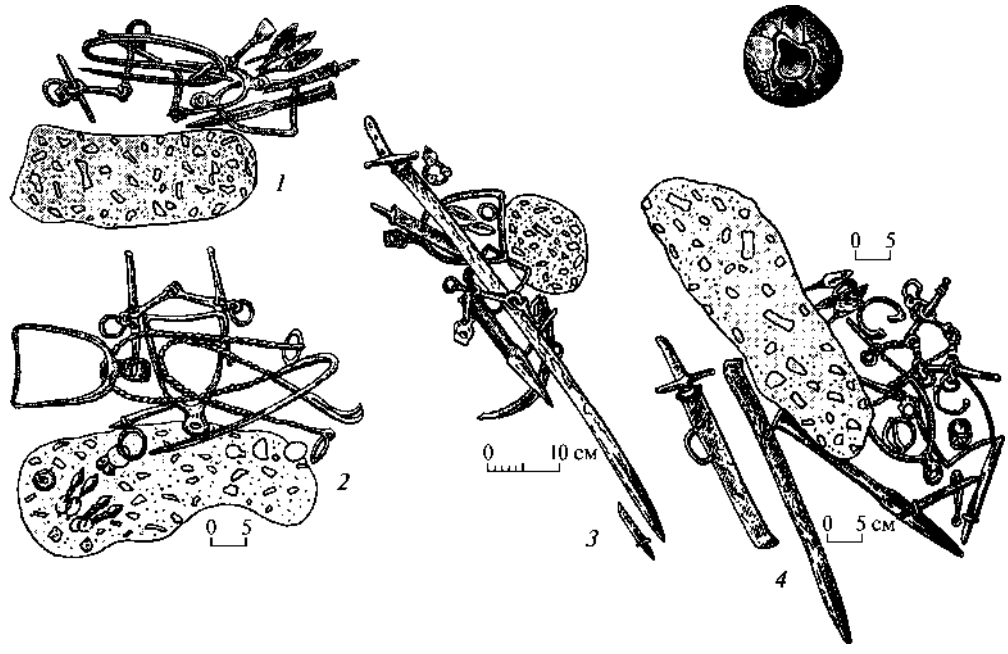


Рис. 2. Кремационные погребения воинов-всадников IX в. Могильник Дюрсо (по: Дмитриев А. В., 2003)

ница которого являлась местом паломничества[117].

Епархия Зихии с кафедрами в Херсоне, Боспоре и Никопсии упоминается в первых двух Нотициях Константинопольского патриархата (VII в.). В этот период название Зихии служит общим наименованием для области церковной юрисдикции кафедр Северного и Северо-Восточного Причерноморья. В третьей Нотиции, составленной около 800 г., кафедрами Зихии названы Херсон, Боспор и Сугдея, а Никопсия относится к епархии Абасгии, что может быть связано с иконоборческим кризисом, охватившим Византию, расширением на север Абхазского царства, а также с упадком самой Никопсии[118].

Никопсийская кафедра была перенесена во второй четверти — второй половине IX в. в Таматарху (совр. Тамань). Последним упоминанием Никопсийской кафедры является свидетельство иконопочитателя Епифания Монаха, посетившего Зихию и Никопсию около 815—820 гг., где он видел гробницу апостола Симона Кананита[119].

С территории Северо-Западного Предкавказья происходит серия предметов мелкой христианской пластики, связанных с деятельностью епархии, в том числе ряд лапидарных памятников с христианской символикой, происходящих с поселения Уташ, где, вероятно, находилась церковь[120].

Несмотря на все усилия Константинопольского патриархата, к IX в. прослеживаются явные признаки угасания христианства среди населения Северо-Восточного

[117] *Виноградов А. Ю.* Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1: Жития. СПб., 2005. С. 311—312.

[118] *Darrouzès J. A. A.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes. P. 232—233; *Чхаидзе В. Н.* Зихская епархия: Письменные и археологические свидетельства. С. 48.

[119] *Виноградов А. Ю.* Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1. С. 311—312; *Он же.* Зихия. С. 258.

[120] *Чхаидзе В. Н.* Зихская епархия: Письменные и археологические свидетельства. С. 54—55.

Причерноморья, а тем более — Закубанья. Епифаний Монах, посетивший Никопсию в 815—820 гг., в Житии апостола Андрея сообщает, что зихи «жестокие и доныне наполовину неверующие»[121]. «Мученичество Або Тбилисского» упоминает в последней четверти VIII в. расположенную в предгорьях Закубанья «страну язычников, которые не имели никакого представления о боге»[122]. Основными причинами неудачи христианской миссии являются кризисные для Византии явления во внешне- и внутриполитической обстановке, приведшие к ослаблению с VIII в. ее позиций в регионе, а также разобщенность местных племен, так и не создавших единого союза. Отсутствие той социальной силы, которой является верховная, надплеменная власть и которая могла бы стать опорой и проводником политики Византийской империи в Северо-Восточном Причерноморье, а также зависимость племен Закубанья от Хазарии препятствовали глубокому распространению христианства — материалы археологических памятников, исследованных в границах исторической области Зихия, четко демонстрируют, что оно лишь потеснило, но не изжило существовавшие здесь древние политеистические верования.

Быт и культура. Социальная структура. Как показывают археологические и письменные источники, племена Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья не были этнически однородными, находились на различных стадиях общественной дифференциации, проживали в неодинаковых природно-ландшафтных условиях, их быт и материальная культура принадлежали разным хозяйственно-культурным типам.

Поселения зихов не выявлены. Бóльшая часть территории, занимаемой этими племенами, располагалась на изрезанных реками и речушками горных склонах, покрытых лесами, что не способствовало широкому развитию земледелия. В слое городищ-крепостей в устье реки Нечепсухо обнаружены обуглившиеся зерна проса и часть круглого жернова. Жители разводили коров, овец, свиней. Находки железного шлака говорят о существовании кузнечного ремесла, а обилие местной керамики — о придомном гончарстве[123].

Узкая полоса побережья Зихии в районе современного Геленджика и Туапсе образует удобные для рыболовства и мореплавания бухты, хотя известно, что в холодные зимы они замерзали. Так, по сообщению Феофана Исповедника (начало IX в.)[124], в 763—764 гг. Черное море у Зихии (Ζιγχία) было сковано льдом. Заметную роль в жизни зихов играла торговля, в том числе морская, о чем свидетельствует большое количество импортных товаров (амфор, стеклянной и краснолаковой посуды, украшений и др.). Торговые отношения носили характер натурального обмена.

Археологические материалы на протяжении всего периода раннего Средневековья свидетельствуют о тесных связях зихов с племенами, проживавшими на территории современной Абхазии, а также с населением боспоро-тетракситских областей на севере и о включении этого региона в зону влияния византийской культуры.

Материалы археологии не позволяют сделать вывод о значительной социальной стратификации зихов. Их могилы, за некоторыми исключениями, не содержат предметов из золота и дорогих импортных украшений и в целом достаточно однородны по составу инвентаря и особенностям

[121] *Виноградов А. Ю.* Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1. С. 311—312.

[122] *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.). С. 166.

[123] *Анфимов Н. В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа. С. 94.

[124] *Феофан Исповедник.* Хронография. С. 144.

обряда. Отсутствие в источниках упоминаний местных вождей, так же как и византийских патрикиев, поставленных для управления Зихией, косвенно указывает на то, что в местной среде не сформировались условия для возникновения единой надплеменной власти.

С готами-тетракситами связывают ранние погребения (вторая треть V — первая треть VI в.) могильника Дюрсо (район Новороссийска). Погребенные уложены головами на запад и северо-запад, на спине, ноги иногда скрещены. Часть черепов искусственно деформирована. Захоронения — в неглубоких прямоугольных ямах, куда вместе с умершим помещали большое количество вещей. Детали одежды располагались в местах их функционального назначения, в изголовье или в ногах размещали посуду, а рядом с ней кости животных (коровы, овцы). Миски нередко были перевернуты вверх дном, видимо, ими накрывали ритуальную пищу. В женских захоронениях часто встречаются украшения, пружинные ножницы, туалетные принадлежности, зеркала, в мужских — клинки с вырезами у рукояти и мечи, среди которых роскошные образцы с серебряными или золотыми обкладками ножен и инкрустированными перекрестиями. Элитарные воинские погребения сопровождали захоронения лошадей с остатками седел и оружием. В составе погребального инвентаря выделяются вещи восточногерманского круга.

Во второй половине VI—VII в. погребальный обряд населения, оставившего могильник Дюрсо, не претерпевает серьезных изменений. Сохраняется и традиция искусственного деформирования черепов. Но определенные изменения происходят в керамическом комплексе и в наборе вооружения, распространяются «геральдические» стили ременных гарнитур, сформировавшиеся, судя по всему, в Византии около середины VI в. и в виде ряда модификаций ставшие элементом многих культур на значительной части Европы и Азии. Заметно увеличивается количество орудий труда (мотыг, массивных рабочих топоров, серпов, кресал, рыболовных крючков, ножей, долот и пряслиц), которые дают представление о занятиях местного населения. Интересно погребение ювелира VII в., в котором, помимо серпа и наконечника копья, найдены наковальня, молоточек, зубило, двое клещей, различные штампы, а также металлический лом, служивший сырьем: фрагменты фибул, браслетов, боспорских монет II—IV вв. и византийская монета VI в. В ногах умершего стояла бронзовая мисочка, наполненная фруктами[125].

Готы-тетракситы представляли собой общество с достаточно глубокой степенью расслоения. Археологические источники указывают на существование «всаднической аристократии» и «рядового» свободного населения, при этом каждая социальная группа имела внутреннюю дифференциацию[126].

Основой хозяйства меотского населения, проживавшего в Закубанье в первые века I тысячелетия, являлись земледелие и разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиней. Керамика представлена сероглиняной лепной и круговой посудой. Основной тип построек — турлучные дома[127]. После известной временно́й и культурно-археологической лакуны IV—V вв. в материалах памятников Закубанья прослеживаются кардинальные изменения хозяйственного уклада местного населения: в остеологических коллекциях из верхних слоев позднемеотских городищ многократно увеличивается доля костей лошади и почти полностью исчезают кости свиньи.

[125] *Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. М., 2003. С. 200—202.

[126] *Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А.* Пашковский могильник № 1. Т. 2. С. 94—98.

[127] *Носкова Л. М.* К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья. С. 176—177.

Жизнь на городищах навсегда прекращается. Глубокие изменения в социальном составе населения степной зоны Закубанья демонстрирует и вытеснение прежних погребальных традиций — грунтовых ингумаций с западной ориентировкой — новыми — захоронениями в длинных узких ямах с преобладающей северо-восточной ориентировкой погребенных[128].

Захватившие степную полосу кубанского левобережья носители обряда кремаций оставили погребальные памятники, основная масса которых датируется VIII—IX вв. (вклейка, рис. 7). Для них характерны сожжение умерших «на стороне» вместе с частью погребального инвентаря, захоронение праха в грунтовых ямках, в керамических урнах или без них, ритуальная порча вещей[129]. В VIII—IX вв. в степной части Закубанья возникают открытые поселения (в районе аулов Казазово, Ленинахабль, на левобережье реки Белой, Холмский 25), аналогичные синхронным селищам с полуземлянками и юртообразными конструкциями с открытыми очагами, исследованным в Прикубанье[130]. Преобладает керамика салтовского типа. Население занималось скотоводством и земледелием. Комплекс находок характеризует носителей обряда кремаций как общество, недавно оставившее кочевой образ жизни.

По способу захоронения кремированных останков (безурновые, урновые, в каменных ящиках) выделяются локально-территориальные группы кремационных могильников, что может указывать и на этническую неоднородность носителей нового обряда, и на восприятие его местными племенами. Исследователи обращают внимание на своеобразие керамики из кремационных погребений, которая на фоне остального инвентаря, имеющего прямые аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры, локальна и частью явно связана с местными традициями[131].

Изучение кремационных могильников VIII—IX вв. показало высокую степень военизации этого общества и выявило три группы мужского населения — воинов-всадников, среди которых по наличию предметов парадного конского убранства, наиболее полного комплекса вооружения и поясных наборов выделяется элитарная прослойка, всадников более низкого социального статуса и пеших воинов, погребения которых выглядят однородно[132].

Алания

Формирование территории, население, областное деление. Средневековые аланы — потомки древнего ираноязычного населения евразийских степей и Кавказа. Аланский язык относится к восточно-иранской подгруппе иранской группы индоевропейской семьи. Современная наука различает скифский и сарматский языки, при этом считается, что аланский (осетинский) язык развился из сарматского[133].

---

[128] *Носкова Л. М.* К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья. С. 177.

[129] *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 204.

[130] *Носкова Л. М.* Указ. соч. С. 177.

[131] *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Раннесредневековые древности побережья IV—IX вв. С. 198.

[132] *Успенский П. С.* Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII—XIII вв. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 21.

[133] *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272—364; *Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 13—15, 33—34; *Витчак К. Т.* Скифский язык: Опыт описания // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 50—58.

Этноним «алан» этимологизируется как древнее самоназвание ариев (**aryana*) в скифо-сарматской фонетической форме[134]. Ранние носители этого имени вышли из аралo-каспийских степей, став в начале новой эры господствующей силой в сарматских областях Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа. Древние авторы хорошо понимали, что имеют дело с близкородственными племенами, которые раньше выступали под разными именами. По словам жившего в IV в. Аммиана Марцеллина, «с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами»[135]. На фоне политического объединения такое возвращение к исконному общему самоназванию выглядит вполне естественным, тем более что оно и ранее активно использовалось в сложных именах сарматских союзов (например, «роксоланы», «аланорсы»). В новых условиях прежняя племенная номенклатура постепенно перешла в разряд субэтнических и областных наименований, частично сохранившихся до настоящего времени.

Общее самоназвание «аланы» оставалось самым распространенным и на Западе, и на Востоке, однако оно не было единственным в средневековом мире. Использовался также этноним «асы» с его вариантами — восточноевропейским «ясы» и закавказским «овси/оси»[136].

События Великого переселения народов привели к резкому сокращению аланских территорий (рис. 3). Часть алан была вовлечена гуннами в движение на запад. В степи между Азовским и Каспийским морями пришли тюркские племена, потеснив аланское население. Группы алан в Крыму,

Рис. 3. Аэрофотосъемка Зилгинского городища. II—VI вв. Институт археологии РАН

в междуречье Днестра и Дуная, на нижнем Днепре, в бассейне Дона и других местах превратились в «диаспоры», оторванные от аланской метрополии, которая теперь сосредоточилась на кавказских землях. Европейские авторы V в. называли Центральный Кавказ «Аланской горой» и даже указывали на кавказское происхождение алан, дошедших до Западной Европы в эпоху Великого переселения народов[137].

В северной части Кавказа Алания была крупнейшим политическим образованием раннего Средневековья. Границы кавказской Алании как союза родственных этнотерриториальных групп сложились в основных чертах в VI—VII вв. Совокупные данные письменных, археологических,

---

[134] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 47; *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 27—32.

[135] *Алемань А.* Указ. соч. С. 71.

[136] *Абаев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 80; *Алемань А.* Указ. соч. С. 32—36.

[137] *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 58; *Алемань А.* Указ. соч. С. 117; *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 123; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 218.

языковых, фольклорных источников позволяют заключить, что аланы занимали территорию, географически определяемую сегодня как Центральный Кавказ с примыкающей к нему равниной Предкавказья. Вопрос о соотношении равнинных и горных территорий Алании обычно обсуждается в общем контексте дискуссионных проблем этнокультурной интерпретации памятников археологии и исторической ономастики (прежде всего — этнонимии). Установлено, что на Предкавказской равнине Алания занимала территорию от реки Большая Лаба (западный приток Кубани) до современной Восточной Чечни. На севере аланские земли доходили до среднего течения Терека, который еще во II в. н. э. именуется у Птолемея рекой «Алонта», а в «Армянской географии» VII в. — «Аландон», что в переводе с осетинского (аланского) языка означает «Аланская река». Нынешняя Ставропольская возвышенность была населена тюркскими кочевниками, степными соседями алан[138].

Наиболее полное описание этнотерриториальных групп Центрального Кавказа содержится в «Армянской географии» VII в. Составивший ее Анания Ширакаци следует античной традиции и ссылается на Птолемея, называя аланский Центральный Кавказ Сарматией. Равнинные аланы были разделены на две группы: ас-дигоры на западе и аланы области Ардоз на востоке. Ас-дигоры населяли Западную Аланию (от реки Баксан до верховьев Кубани). Аланы-ардозцы жили в долине Терека и его притоков. В переводе с аланского «Ардоз» означает «долина» — такое название носила восточная часть равнинной Алании, защищенная с севера Сунженским хребтом. Более поздние источники сохранили этническое обозначение этой территории, которую кавказские соседи называли Ирхан — «страна иров»[139]. «Ир» и «дигор» — существующие до сих пор основные субэтнические группы алан-осетин, говорящие на двух диалектах осетинского языка, восточном иронском и западном дигорском.

Археологически население равнины представлено сложной системой городищ, сопровождаемых катакомбными курганными и грунтовыми могильниками. Извлекаемый при изучении этих памятников материал (керамика, украшения, орудия труда, оружие, конская упряжь и проч.), в различных вариантах характерный для всех аланских групп Евразии, принято определять в качестве классической «аланской культуры»[140]. Исследования археологов позволяют предположить, что в пограничных равнинных районах Алании жили также адыгские и тюркские (болгарские) группы[141]. Многообразие археологических памятников Алании, предопределенное сложной этнокультурной историей Центрального Кавказа, особенно ярко проявилось в горной зоне.

Если избрать в качестве условных ориентиров горные вершины, то аланская территория формировалась на пространстве между Эльбрусом и Казбеком. Здесь выделяются три локальных варианта археологической культуры, связанной с подземными

[138] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. 3: Исследования. М., 1887. С. 7—9, 107. (Ученые записки Императорского Московского университета; Вып. 8); *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы: Века и народы. М., 1984. С. 132—133; *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 213—219; *Он же.* Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 153—176.

[139] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 252—253.

[140] *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология. 1978. № 1. С. 76—82; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. (МИА; № 106); *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы: Века и народы. С. 157—167.

[141] *Иерусалимская А. А.* Мощевая балка: Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб., 2012. С. 29; *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 163, 221; История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. С. 84.

склепами и погребальными ящиками из каменных плит. Истоки этой культуры уходят в глубокую древность. Главный Кавказский хребет никогда не служил границей между народами и культурами: по обеим его сторонам в раннем бронзовом веке жили племена куро-аракской, а в эпоху поздней бронзы и раннего железа — кобанской археологической культуры. С началом в VII в. до н. э. походов в Переднюю Азию здесь оседали скифы, устанавливая контроль над перевальными дорогами и местным населением. По данным археологии, зона постоянного скифского присутствия сложилась к северу от реки Куры и к западу от Арагвы[142]. К V в. до н. э. скифские элементы в культуре Центрального Кавказа стали настолько многочисленными, что археологи называют ее «скифоидной»[143]. Этнокультурное и военно-политическое взаимодействие кобанского Центрального Кавказа и скифского Предкавказья продолжалось и в сарматский период. В представлении античных авторов Центральный Кавказ был частью Азиатской Сарматии, и даже на его южном склоне, по сообщению Страбона, жили близкие родственники скифов и сарматов.

В системе традиционной осетинской хоронимии и этнонимии сохранились стойкие элементы, восходящие к передвижениям населения и этнотерриториальным представлениям эпохи установления сармато-аланского доминирования. Например, в современном осетинском языке самоназвание скифов и Скифии звучит как «Кудар»[144]. Так называется область на юго-западе Осетии. Однако на осетинском севере слово «кудар», то есть «скифы», применяют ко всему населению высокогорной и закавказской Осетии — тех областей, куда наступавшие с севера сарматы, а затем аланы теснили скифо-кобанских старожилов.

В «Армянской географии» названы племенные группы, составляющие горное население Алании, в том числе дуалы, овсуры, цанары, кудеты, аргвелы, такуйры и др.[145] Высокогорную область Центральной Осетии, включающую ущелья на южном и северном склонах Кавказа, занимали дуалы. Южнее дуалов располагались овсуры, чье имя воспроизводит старую форму грузинского названия алан. В более поздних грузинских описаниях дуалы делятся на верхних и нижних, а их область доходит на юге до верховьев реки Лехуры и местности Ачабет (рядом с Цхинвалом). Овсуры «Армянской географии» помещаются как раз на месте нижних дуалов. К западу от дуалов и овсуров лежали земли кудетов, то есть область Кудар — «аланская Скифия». А в земле цанаров находятся Аланские Ворота. Это название еще в древности закрепилось за Дарьялом, оно легко читается и в его нынешнем имени (от перс. *Дари-алан*). Имя такуйров сопоставляют с названием крупнейшего позднесредневекового горного общества северо-восточной Алании-Осетии, а упоминание аргвелов — с именем аланского рода Аравелеанов, известного Мовсесу Хоренаци[146].

---

[142] *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992.

[143] *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 20—32, 44—50; историография скифо-кобанского синтеза: *Гутнов Ф. Х.* Ранние аланы: Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. С. 110—117.

[144] *Дзиццойты Ю. А.* К этимологии топонима K'wydar 'Южная Осетия' // Nartamongæ. 2007. Vol. 4. С. 97—140.

[145] *Алеманъ А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 368—371; *Еремян С. Т.* Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйц» // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. 1972. № 4. С. 238—252; *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 182—184.

[146] *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 389; *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 220.

Таким образом, горные области Алании располагались по обеим сторонам Главного хребта. На северном склоне Кавказа контролируемые аланами территории простирались от истоков Кубани до района Дарьяла, а на южном склоне включали пространство между Мамисонским и Крестовым перевалами. Есть основания полагать, что областное деление аланской территории связано с этнотерриториальными группами, которые формировались в предшествующую эпоху, а в Средние века превратились в части аланской народности. На востоке нынешней Осетии, сохраняющей этноязыковую традицию средневековой Алании, субэтнические и областные группы «ир», «дигор», «кудар», «туал» до настоящего времени не утратили своих языковых и этнографических особенностей.

Политическая и военная организация. Материал источников вынуждает большинство историков осторожно определять форму политического устройства Алании VI—VII вв. как конфедерацию или союз, возглавляемый царем[147]. Своеобразие аланского политогенеза было связано с широтой рассеяния демографических ресурсов, резкими изменениями территориально-хозяйственной базы социального роста на фоне военно-политических и цивилизационных сдвигов евразийского масштаба. При этом инерция развития Аланского царства первых веков н. э. хорошо просматривается в событиях Великого переселения народов. Так, аланские королевства в Галлии и вандало-аланское королевство V—VI вв. принято определять как государственные образования. Возможно участие аланских групп в создании антского союза и некоторых других иноплеменных объединений. Сложность социально-политической квалификации кавказской Алании раннего Средневековья вызвана не только фрагментарностью имеющейся информации, но и очевидным стадиальным разнообразием объединенных в ней этнотерриториальных групп.

Яркие показатели политической консолидации отразились в письменных и археологических источниках. С середины VI в. упоминается верховный правитель, соединивший в своих руках функции военного предводительства и управления, активно представлявший интересы страны на международной арене. К старым аланским городищам в VI—VII вв. добавилась густая сеть новых укрепленных поселений — их известно сегодня около трехсот[148]. Белокаменные городки-крепости возводили на высоких берегах рек, на пересечении дорог, в местах, удобных для ведения хозяйства. Мощная каменная стена с башнями окружала цитадель, вокруг которой лежали кварталы посада, опоясанного валом и рвом. На далекой от гор степной равнине вместо каменных стен строили оборонительные сооружения с глубокими и широкими рвами, валами из глины, земли и сырцового кирпича. В глубине страны поселения располагались гнездами: вокруг крупного города с сельской периферией группировались несколько небольших крепостей, имевших к тому же сторожевые форпосты — курганы с плоской вершиной, укрепленные валом и рвом. На берегах пограничных рек городки-крепости тянулись сплошной линией с интервалом в несколько километров.

Цитадели больших крепостей были замками аристократии, которой принадлежала политическая и военная власть над округой. По-видимому, в VII—VIII вв. сформировались известные позже аланские земли-княжества — владения князей-алдаров. Им служили знатные воины-профессионалы, составившие социальную опору верховной власти. В VII—VIII вв. произошли

[147] *Коробов Д. С.* Социальная организация алан Северного Кавказа IV—IX вв. СПб., 2003. С. 21—33.

[148] *Ковалевская В. Б.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2005. С. 116—134; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 84.

серьезные изменения в военной технике и тактике[149]. Именно к этому времени относится распространение сабли и стремян, выдвинувших на первое место легкую кавалерию. Если до VII в. аланский воин был тяжеловооруженным всадником с длинным прямым мечом, копьем, кинжалом и луком, то с VIII в. на смену тяжелому доспеху приходит легкая кольчуга, а меч заменяется саблей. Опора на стремена позволяла нанести слегка изогнутой саблей эффективный режущий удар (рис. 4). Наряду с саблей широко использовались топоры-секиры. Обычный набор вооружения включал также лук со стрелами, кассетные метательные ножи (5—6 в одних ножнах), аркан, реже — копье или дротик.

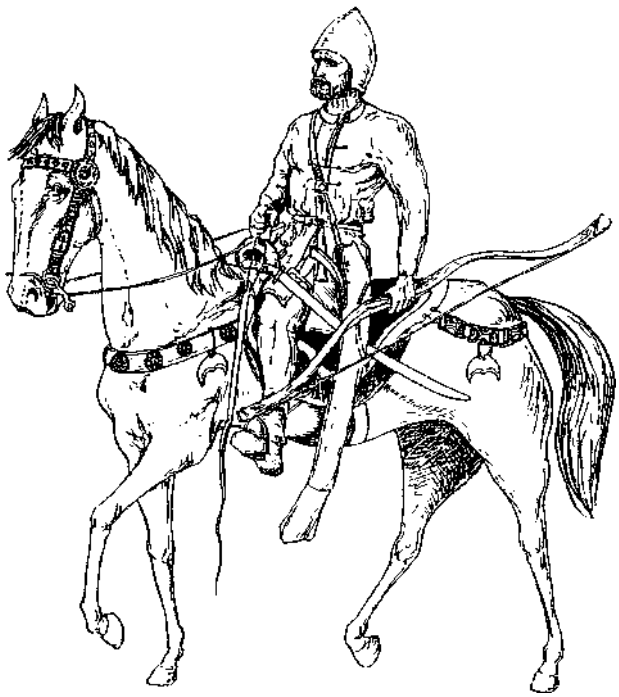


Рис. 4. Аланский воин. Реконструкция В. Н. Каминского

Археология помогает реконструировать картину установления господствующей этносоциальной группировкой властного контроля над горными территориями. Одновременно с концентрацией власти в руках царя в VI—VII вв. появляется сеть катакомбных могильников в горной зоне. Их особенности, в целом характерные для равнинной «аланской культуры», ясно указывают на высокий общественный статус расселенных в горах людей с равнины, принадлежавших к воинской элите. Специальные признаки привилегированности (включая такой яркий показатель, как деформированные черепа) и само появление могильников, маркирующее в аланской традиции укоренение на новых местах, позволяют предполагать устройство постоянных наместнических центров в горных областях. Синхронность создания в предгорьях и горах Центрального Кавказа по обе стороны Главного хребта (в нынешней Южной и Северной Осетии, долине Арагвы, ключевых точках контроля над перевальными дорогами Балкарии и Карачая) подобных центров, а также их культурная близость, выявляемая археологами, подтверждают единый социально-исторический контекст их появления. Археологи склонны усматривать в этом процессе заметное влияние внешнеполитического фактора — связей Западной и Восточной Алании соответственно с Византией и Ираном[150].

Международное положение. Северными степными соседями Алании были сменявшие друг друга объединения тюркских кочевников — савиры и болгары, Тюркский и затем Хазарский каганаты. В горах Северо-Восточного Кавказа по соседству с аланами жили предки вайнахов и дагестанцев.

[149] *Сланов А. А.* Военное дело алан I—XV вв. Владикавказ, 2007. С. 26—29; Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 86, 91.

[150] *Ковалевская В. Б.* Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н. э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Владикавказ; Цхинвал, 1992. С. 22—50; *Дзаттиаты Р. Г.* Алано-сасанидские отношения по материалам археологических раскопок в Южной Осетии // Аланы и Кавказ. С. 71—82; *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 92.

На западе Алания граничила с землями зихов и касогов — предков адыгских народов, на юго-западе — с Абхазией, а на юге — с грузинскими землями, входившими в состав Ирана.

Авторы VI в. подчеркивают тесные взаимоотношения алан с Ираном. Прокопий Кесарийский пишет об Алании: «Всю страну, которая простирается от горы Кавказ до Каспийских ворот, населяют аланы, народ независимый, из которого большая часть является союзниками персов и выступает против ромеев и других их врагов»[151]. Горой Кавказ Прокопий называл Эльбрус, а Каспийскими воротами — Дарьяльское ущелье. В источниках правитель Алании именуется персидским титулом «шах», арабским «малик», греческим «басилевс», что принято переводить как «царь»[152]. Собственный аланский титул «багатар», зафиксированный арабскими и грузинскими источниками[153], перешел в тюркские языки (багатур)[154]. Заинтересованность Ирана в союзе с аланами имела две стороны. Аланские военные контингенты были неоценимым подспорьем в военных операциях, которые Иран вел в Закавказье. Сама же Алания служила барьером против набегов кочевников из северных степей, предоставляя свою территорию для строительства крепостей — совместных опорных пунктов, делавших перевалы Центрального Кавказа непреодолимыми для врага. В грузинской хронике «Обращение Грузии», сохранившей память о событиях VI в., говорится о том, как, установив свою власть в грузинских землях, персы укрепляли северную границу — «соорудили они себе врата Овсетии», то есть крепости в горах. При этом источник детализирует расположение «врат Осетии», уточняя: «одни большие врата — в собственно Овсетии и двое (вариант — четверо) врат — в Двалетии», «и тех горцев поставили сторожевыми»[155]. Археологический материал подтверждает наличие подобных укреплений, крупнейшее из них связывается с Дарьялом[156].

Защита Закавказья от северных кочевников была сферой ответственности Ирана по договору с другим соседом Алании — Византией[157]. Соперничество в Закавказье и борьба за средиземноморскую торговлю привели к ирано-византийским войнам, которые продолжались весь VI и первую треть VII в. Обе державы искали союза с аланами, стремясь использовать их военный и геополитический потенциал в своей борьбе за утверждение в Закавказье. По территории Алании проходили удобные торговые трассы и стратегические перевальные дороги, связывавшие степи Юго-Восточной Европы со странами Передней Азии.

Судя по участию аланских контингентов в ирано-византийских войнах, правители Алании превратили военное наемничество в инструмент внешней политики и важную статью дохода, о чем свидетельствует хронология военных предприятий и дипломатических альянсов. Понятен фон, на котором выросло влияние и международная известность царя Саросия, правившего в Алании с середины VI в.[158] Вместе с персами аланы

---

[151] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 264.

[152] Там же. С. 275; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 105.

[153] *Alemany A.* The «Alanic» Title *Bayatar // Nartamongæ. 2002. Vol. 1. P. 77—86.

[154] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 156.

[155] *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика: Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007. С. 33.

[156] *Дзаттиаты Р. Г.* Алано-сасанидские отношения по материалам археологических раскопок в Южной Осетии. С. 73—74; *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 181.

[157] История Ирана. М., 1977. С. 116.

[158] *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 95—97, 106.

помогали лазам избавиться от власти византийцев в начале 540-х гг. А в 549 г. аланы берутся изгнать персов из Лазики, договариваясь с Византией о цене этой операции. Когда византийская власть была восстановлена, персидская армия с союзными аланами в 550—551 гг. завоевывает Лазику вновь. Вслед за этим Ирану подчиняется и Сванетия. Тогда Византия предложила аланам горную крепость Бухлоон на границе Лазики и Сванетии. В 555 г. персы отступили. В 558 г. Саросий стал посредником при заключении политического союза Византии с кочевниками-аварами. Этот союз был направлен против болгар и савиров, которые грозили аланам из северных степей. В 568 г. аланы помогли избежать персидской засады византийскому посольству, возвращавшемуся из Тюркского каганата, с которым Византия заключила антииранский союз. В 572 г. война возобновилась, и Саросий выступил на стороне Византии. Позже аланы поддерживали персов, а в 576 г. — вновь византийцев[159].

В середине VII в. в пограничных с Аланией землях сложился Хазарский каганат, а у ее закавказских пределов появились арабы. В борьбе за Закавказье Арабский халифат столкнулся с хазарами и Византией. Аланы принимали участие в антиарабской коалиции прежде всего в качестве союзников Хазарии. Арабо-хазарские войны, охватившие всю восточную часть Закавказья и Северного Кавказа, быстро распространились и на восточные области Алании. Первый упоминаемый источниками арабский поход на Аланию состоялся в 662 г. В конце VII в. арабам удалось взять под контроль «Аланские Ворота» в Дарьяле, расположив в крепости свой гарнизон, снабжавшийся из «тифлисского пограничья»[160]. К 720-м гг. относятся несколько крупных походов через Дарьял — арабы выходили по аланским землям в тыл хазарам, хазары вторгались в Закавказье. В этот период аланы, по-видимому, сделали попытку выйти из войны. В ответ хазары пошли войной на Аланию и вернули себе союзника. Арабские походы на алан состоялись в 723, 724, 735 гг.[161]

Положение аланских правителей не раз менялось в сложных обстоятельствах ирано-византийских и арабо-хазарских войн. Однако они сохранили Аланию как самостоятельную политическую единицу. Ни арабы, ни их предшественники персы не пытались завоевать Центральный Кавказ, видимо понимая огромную трудность (скорее — невыполнимость) такой задачи. История закрепила за этим регионом противоречивую роль рубежа (барьера и одновременно моста) между цивилизациями Восточной Европы и Передней Азии.

Хозяйство и торговля. В числе причин политической устойчивости Алании и ее влияния на международные дела заметное место должно быть отведено экономике. Через аланские земли издавна проходили караванные дороги. В VI в. из-за ирано-византийских войн на территорию Алании переместилась трасса Великого шелкового пути. Облагая купцов высокой пошлиной, Иран мешал им торговать с Византией. Тогда караваны из Китая и Средней Азии пошли в обход Ирана, огибая Каспийское море не с юга, а с севера. Из Хазарии купцы попадали в Аланию и по перевальным дорогам направлялись в Закавказье и к черноморским портам, откуда могли следовать в Византию и другие страны Средиземноморья. По Алании шли караваны с дорогим китайским и согдийским шелком, иранскими, сирийскими и египетскими предметами

[159] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 251—255, 263—269.

[160] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 204—205; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 107.

[161] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 178—183.

Рис. 5. Золотая обкладка ножен кинжала. Рубеж VII—VIII вв.

роскоши. Транзитная торговля приносила немалый доход. По данным археологии, провинциальная аланская знать одевалась в шелка, которые в Иране использовали для одежды шахов[162].

Произведения аланских мастеров (оружие и детали конского снаряжения, бусы из горного хрусталя и стекла с внутренним золочением и серебрением, изысканные ювелирные украшения) говорят о зрелой художественной традиции и развитом ремесленном производстве. Золотые конские украшения, наборные пояса и парадное вооружение всадника — обычные для средневековой культуры показатели высокого происхождения и особого общественного статуса (рис. 5). Золотые серьги, перстни и нашивные бляшки, серебряные косметические принадлежности демонстрируют умение следовать средиземноморской моде, сохраняя достижения и стилистику сармато-аланской ювелирной традиции[163].

Примечательна активность, с которой даже горные области Алании были вовлечены в систему евроазиатского сотрудничества и обмена VI—VIII вв. Примером может служить хорошо изученный археологами район верховьев реки Ардон (Северная Осетия). Здесь издревле проходил один из важнейших военно-стратегических и караванных путей — транскавказская дорога через Мамисонский перевал. В катакомбных могильниках этого района много импорта — византийские и сасанидские монеты, фрагменты китайского и согдийского шелка, бусы с Ближнего Востока и из Северной Европы[164].

Большинство населения Алании было занято в сельском хозяйстве и ремесле. Никаких следов кочевания у алан VI—VII вв. источники не знают. Надо полагать, к тому

[162] *Иерусалимская А. А.* «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972; *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы: Века и народы. С. 164.

[163] Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 85—86.

[164] История древней и средневековой Алании-Осетии в памятниках археологии // Сокровища Алании. М., 2011. С. 24—26.

времени последние кочевые группы (наподобие описанных Аммианом Марцеллином) перешли к оседлому образу жизни, оставив причерноморские и волго-донские степи под напором тюркских кочевников. Соединившись с соплеменниками на Кавказе, они вынуждены были освоить пашенное земледелие и скотоводство на равнине, а в горах — отгонное скотоводство и террасное земледелие[165].

После разрушительных событий Великого переселения народов Алания обрела свое место в изменившемся мире. VII—VIII вв. были для нее временем хозяйственного роста и важных социальных сдвигов. Строились новые поселения и крепости, увеличивалась площадь обрабатываемых земель, расширялось ремесленное производство. Росло общественное богатство, складывались сословно-классовые отношения, укреплялась власть аланских царей. Участие в международной торговле ускорило темпы экономического и культурного роста. Военный потенциал и выгодное географическое положение помогали противостоять внешним угрозам.

Северо-Восточный Кавказ

Этническая карта. Северо-Восточный Кавказ раннесредневекового периода характеризуется чрезвычайно пестрой этнополитической ситуацией, свойственной и последующим векам. Этническая карта региона реконструируется на основе данных письменных источников, которые локализуют в этой части Кавказа десятки племен и фиксируют полиэтническую, многоязычную картину[166]. При этом точная локализация и идентификация этих племен с современными народами и этническими группами в большинстве случаев затруднена или невозможна. Но упоминаемые в источниках отдельные племена, находившиеся на разных уровнях социально-экономического развития, сопоставляются с прадагестано-нахским, ираноязычным и тюркоязычным этническими массивами, которые находились в тесном экономическом, политическом и этнокультурном взаимодействии. Бузанд (V в.), Ширакаци («Армянская география» VII в.) и другие авторы помещают на Северо-Восточном Кавказе, в северной части Кавказской Албании и прилегающих горных областях такие племена, как леки, таваспары, шичбы, чилбы, лпины, дидоци, катши, катапастианы, агутаканы, хеноки, хечматаки, хсраны, ижмахи, пюконаки, баганы, гаты, глуары, цхаваты и др., представляющие в основном прадагестанский этнический массив[167]. К нему относятся и фигурирующие у арабских авторов IX—X вв. лакзы, табарсараны, хайдаки, зирихгераны, гумики, сариры и др. В горной зоне Северо-Восточного и Центрального Кавказа локализуются посхи, похи, цехои, цеканы, дурдзуки, цанары, глигвы и другие племена, сопоставляемые с пранахскими этническими группами[168].

V—VII вв. — период Великого переселения народов, характеризующийся массовой миграцией различных племен и охвативший просторы Евразии, включая и Северо-Восточный Кавказ. Уже в первых веках н. э. равнинные территории региона,

[165] *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. С. 86, 218—219; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. С. 218.

[166] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.

[167] *Гаджиев М. С.* Этническая карта Северного Кавказа в период поздней Античности: (Общий обзор по данным письменных источников) // Вестник Дагестанского научного центра. 2019. Вып. 72. С. 17—30.

[168] *Виноградов В. Б., Чокаев К. З.* Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 42—88; *Гумба Г. Д.* Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии» VII века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1988.

в том числе Приморский Дагестан, осваивают различные ираноязычные сармато-аланские племена, образовавшие здесь в III—V вв. маскуто-аланское военно-политическое объединение, известное в письменных источниках как «страна маскутов»[169]. С VI в. начинается проникновение различных кочевых тюркоязычных племен, оказавших большое влияние на политические и этнокультурные процессы, социально-экономическое развитие на Северо-Восточном Кавказе. Среди них выделяются гунны-савиры (VI в.), тюркюты (середина VI — первая треть VII в.), хазары (начало VII—X в.). Захарий Митиленский (VI в.) приводит перечень 13 племен, обитавших к северу от Каспийских ворот (в данном случае — Дербентский проход) и ведших кочевой образ жизни: «авгар, сабир, бургар, алан, куртагар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит»[170]. В рассматриваемый и последующий периоды в регионе происходили значительные этнические процессы миксации, ассимиляции, консолидации, приводившие к видоизменению существовавших и сложению новых этносов.

Государственные образования. Полиэтнический состав региона в значительной мере обусловил многочисленность потестарных и раннегосударственных образований на Северо-Восточном Кавказе (вклейка, рис. 8). Бурное социально-экономическое развитие территории в предшествующий период, разносторонние контакты с южнокавказскими и переднеазиатскими обществами со сложившейся государственностью, классовой, сословно-правовой структурой и административной системой, в сферу политических и экономических интересов которых был включен Северо-Восточный Кавказ, стали важнейшими факторами развития процессов классо- и политогенеза[171].

Древнейшим государством на Восточном Кавказе являлась Кавказская Албания, возникшая в эллинистический период. В VI—VIII вв. южная часть Северо-Восточного Кавказа вплоть до Дербентского прохода, где в 440-х гг. были возведены укрепления, перекрывшие этот стратегически важный участок, входила в состав данного конфедеративного полиэтнического государства. Столицей Албании был город Партав (совр. Барда). Около 510 г. прервалась династия албанских Аршакидов, правивших страной более 200 лет. Албания была включена в состав Сасанидского Ирана, здесь образуется наместничество во главе с *марзбаном* (букв. «охраняющий границу») или *канарангом* (букв. «держатель границы»), вошедшее в более крупные административно-территориальные единицы — Кустак-и Капкох («Кавказская сторона») и *шахр* (область) Адурбадаган. В конце VI — начале VII в. в Албании возвышается знатный род Михрана — выходца из высшей аристократии Ирана, ставшего владетелем албанской области Гардман. В результате ряда политических событий его потомок Вараз-Григор объединил многие обособившиеся области и в 628 г. стал правителем страны с титулом «великий ишхан Албании». Династия Михранидов правила до 705 г., когда царская власть в Албании (араб. Арран) была упразднена в результате арабского завоевания и ею стали управлять кавказские наместники халифа[172].

Известными были раннегосударственные образования Лакз, Табасаран, Хай-

[169] *Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III—V вв. н. э. Махачкала, 2015.

[170] *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165.

[171] *Гаджиев М. С.* Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002. С. 205—212.

[172] *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.; Л., 1959; *Гаджиев М. С.* Государство и право Кавказской Албании. Махачкала, 2006.

дак, Зирихгеран, Гумик и Серир, которые упоминаются арабскими историками и географами в связи с военно-политическими событиями на Кавказе в VI—X вв. Эти владения играли важную роль на политической арене Восточного Кавказа и взаимодействовали с Сасанидским Ираном, Арабским халифатом, Хазарским каганатом, Аланией. В середине VI в. шаханшах Хосров I Ануширван (531—579) утвердил в своих правах многих правителей этих царств, преподнес им почетные дары и присвоил им высокий титул *шах*, что отражало военно-политическую значимость этих небольших государств у северной границы Ирана и преследовало цель сделать их союзниками в условиях острой военно-политической обстановки, вызванной активизацией кочевников и борьбой за контроль международных торговых путей, прежде всего Прикаспийского пути.

Лакз располагался в предгорно-горной зоне Южного Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана. Правитель Лакза носил титул *лакзан-шах* («царь лакзов») и *джурджан-шах* («царь волков»). Одним из центров Лакза была крепость Билистан, в которой в 738 г. укрывался от арабов царь лакзов Арбис ибн Басбас.

Табасаран располагался на юго-западе от Дербента, в бассейне рек Рубас и Чирах-чай на территории современных Табасаранского и Хивского районов Республики Дагестан. Правитель этого владения носил титул *табарсаран-шах*. По сведениям арабских писателей, это была густонаселенная область, здесь находилось много крепостей, построенных Ираном в середине VI в. и позже использовавшихся Арабским халифатом.

Одним из сильных владений был Хайдак, располагавшийся к северу от Табасарана и занимавший в основном земли современных Кайтагского и Дахадаевского районов Дагестана. Правитель его носил титул *хайдакан-шах* («царь хайдаков»). Столицей государства был город Жалаги.

По соседству с Хайдаком располагалось небольшое, включавшее всего несколько селений, владение Зирихгеран (в переводе с перс. — «кольчугоделатели») с одноименной столицей, позже известной под названием Кубачи. Свое наименование это владение получило по производственному принципу. Зирихгеранцы сумели отстоять свою независимость от соседнего Хайдака и долгое время не принимали ислам.

В центре Горного Дагестана на территории современных Лакского и Кулинского районов Дагестана располагался Гумик с одноименной столицей (совр. Кумух). Другое название этого владения было Туман, правитель которого получил от Хосрова I титул *туманшах* («царь тумов»; ср. авар. *тумал* — «лакцы»).

Сарир занимал бóльшую территорию северо-западного Горного Дагестана. Хосров I присвоил правителю государства титул *варахраншах* («царь вепрей»), арабы именовали его *сахиб ас-сарир* («владетель трона») и *хакан ал-джибал* («правитель гор»). Резиденциями правителей Сарира были Тануси и Хунзах (араб. *Хумраджс*).

На территории предгорного и горного Дагестана существовали и другие раннегосударственные образования, которые упоминаются в связи с арабскими завоеваниями, — Шандан, Филан, Хамзин (Хамрин), Лайзан и др.[173] В горной части Северо-Восточного Кавказа известны также племенные союзы, союзы сельских общин Дидо, Дзурдзукети и др.

Проникновение номадов и установление их политического господства привело к формированию в приморской части Северо-Восточного Кавказа к северу от Дербентского прохода военно-политического союза тюркоязычных и ираноязычных ко-

[173] *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 152—162.

чевников, известного по письменным источникам под названием «страна гуннов» и игравшего важную роль в политической жизни Кавказа. В письменных источниках упоминаются «гуннские города» — политический центр Варачан, где в 680-х гг. находилась ставка князя гуннов Алп Илутвера, Таргу, Самандар, Вабандар и др. С образованием Хазарского каганата «страна гуннов» вошла в его состав. Последнее упоминание этого военно-политического образования относится к 737 г., когда арабский полководец Марван ибн Мухаммад разрушил столицу Варачан[174].

В середине VII в. в Северо-Западном Прикаспии, где к этому времени хазары стали ведущей военно-политической силой, сформировался Хазарский каганат[175] с первоначальной столицей в Самандаре, вероятнее всего, локализуемой на месте современной Махачкалы (см. ч. 1, гл. 1).

Занятия населения, торговля и городская жизнь. Хозяйственная деятельность населения Северо-Восточного Кавказа реконструируется по данным археологии и сведениям письменных источников. Природно-климатические условия, плодородные земли и пастбища, запасы минералов и руд служили той базой, на основе которой шло развитие экономики региона. Жители равнинных и горных территорий занимались земледелием, скотоводством, ремеслом.

В условиях сложного рельефа, небольших площадей пахотной земли, часто нестабильной ситуации на равнине, в горной зоне расширялось террасное земледелие (вклейка, рис. 9); возделывали зерновые (пшеница, ячмень), бобовые (конские бобы) и садовые культуры (абрикос, груша, яблоко и др.). Земледелие было важной отраслью экономики городов. По данным арабских авторов, в Баб ал-абвабе (Дербент) было много пахотных земель и посевов. Кроме злаковых выращивали технические культуры: лен, шафран и марену, которая из Дербента доставлялась даже в Индию. Виноградниками и садами была занята вся низменность — они тянулись от Самандара до Дербента, а жители Самандара имели «богатые земли и хорошие пастбища». О развитии земледелия свидетельствуют обнаруживаемые при раскопках древних городищ и поселений многочисленные зерновые ямы, большие хозяйственные сосуды для продуктов, специальные хлебные печи, жернова и др.

Значимой отраслью экономики было животноводство: разводили мелкий и крупный рогатый скот. До принятия ислама важное место занимало свиноводство. Было развито коневодство, особенно у кочевых племен Прикаспия. Скот давал не только мясо-молочные продукты питания, но и шерсть, кожу для изготовления одежды, обуви, бытовых предметов. Птицеводство и рыболовство играли второстепенную роль. О производстве в Хазарии пользовавшегося большим спросом клея из осетровых рыб, который шел на экспорт, сообщают Ибн Хаукаль и ал-Истахри.

Широкое развитие, особенно в городах, получило ремесло: гончарство, обработка железа и цветных металлов, дерево- и камнеобработка, ткачество и ковроделие и др. В Дербенте изготавливались льняные и полотняные одежды, паласы, которые пользовались большим спросом и вывозились в другие страны. В конце VIII в. гончары Дербента освоили привнесенную из Ирана технологию производства глазурованной полихромной керамической посуды. В это время начали появляться селения, специализировавшиеся на том или ином виде ремесленного производства; например, жители Зирихгерана занимались

[174] *Гмыря Л. Б.* Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 134—156.

[175] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

обработкой металла, изготовлением доспехов и оружия.

Развитие ремесла было обусловлено не только ростом внутренних потребностей и торговли, но и расширением международной торговли по Прикаспийскому пути, выступавшему важной составной частью Великого шелкового пути и связывавшему страны Южного Кавказа и Передней Азии с Северным Кавказом и Восточной Европой. Это определяло развитие городов и городской жизни в регионе. Важнейшими из них были Дербент, Самандар и Баланджар. Ал-Истахри писал о Самандаре: «Я не знаю в области Хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Самандара»[176]. А анонимный автор «Худуд ал-алам» (X в.) отмечал, что «Самандар — город на берегу моря. Это приятный город с рынками и купцами»[177]. В городе были мечети, церкви, синагоги, что отражало полиэтнический и поликонфессиональный состав его жителей.

Одним из крупнейших городов Кавказа и мусульманского Востока был Дербент. При Хосрове I Ануширване (вклейка, рис. 10) в конце 560-х гг. в Дербентском проходе был возведен новый город, получивший название Дарбанд (в переводе с перс. — «Узел ворот») (вклейка, рис. 11). Он состоял из двух основных частей — цитадели, расположенной на высоком горном отроге, и самого города, лежавшего на равнине. От цитадели отходили две параллельные оборонительные стены с многочисленными башнями, закрывавшие 3-километровый проход. Между ними и располагался город. Северная стена уходила в море на 150—170 м, образуя порт. В город вели несколько хорошо укрепленных ворот[178].

После утверждения в Дербенте (араб. *Баб ал-абваб*) власти арабов здесь с начала VIII в. велись крупные работы по его благоустройству — восстанавливались укрепления и здания, ремонтировались и сооружались водопроводы, водохранилища, строились многочисленные дома и мечети, продуктовые и оружейные склады, торговые помещения, караван-сараи. С начала VIII в. в Дербенте чеканили от имени халифов *дирхемы* и *фельсы* (вклейка, рис. 12). Здесь находился крупный центр работорговли. В VIII—X вв. город был не только оплотом власти Халифата, но и одним из самых крупных торгово-ремесленных и культурных центров Кавказа. Дербент являлся крупнейшим и важнейшим портом на Волжско-Каспийском пути, сформировавшимся в VIII в. и связывавшим прикаспийские страны и народы, Переднюю Азию и Восточную Европу[179].

Сасанидский Иран, Кавказская Албания и Северо-Восточный Кавказ. На рубеже V—VI вв. в Предкавказье, на Северный Кавказ и в Приморский Дагестан продвинулись кочевые племена гуннов-савиров, занявшие проходы, ведшие в страны Южного Кавказа. Это привело к военным действиям между номадами и Сасанидским Ираном в 503—508 гг., завершившимся поражением савиров и установлением союзных отношений[180]. Вслед за этим Иран приступил к усилению своих кавказских рубежей: были

[176] Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Адербейджане. Из книги путей и царств Абу-Исхака Ибрагим-ибн-Мухаммеда ал-Фарисия ал-Истахрия, известного под именем ал-Керхия / Пер. Н. А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 49.

[177] *Hudud al-alam.* The Regions of the World. A Persian geography 372 A. H. — 892 A. D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937. P. 162.

[178] *Гаджиев М. С.* Дербент — памятник мировой истории и культуры // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 1. С. 5—20.

[179] *Кудрявцев А. А.* Феодальный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI — середине XIII в. М., 1993.

[180] *Артамонов М. И.* История хазар. С. 70; *Джафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С. 72—77.

укреплены стратегически важные города, в том числе оборонительные сооружения в Дербентском проходе, возведены новые крепости, так называемые «длинные стены» — многокилометровые фортификационные сооружения, призванные защищать от внешних вторжений. Среди них выделяется оборонительная стена с башнями и небольшими крепостями, тянущаяся на десятки километров от берега Каспия вдоль реки Гильгиль-чай вглубь гор. Эта стена получила название Апзуд-Кавад (в переводе с перс. — «Возвеличился Кавад») по имени шаханшаха Кавада I (488—496, 499—531). Около 510 г. скончался албанский царь Вачаган III Благочестивый и царская власть в Кавказской Албании (перс. Аран) была ликвидирована. Страна стала особой провинцией Ирана под управлением наместников шаха. Столица — город Партав — была переименована в честь шаханшаха в Пероз-Кавад (в переводе с перс. — «Победитель Кавад»).

В середине VI в. вновь усилились вторжения кочевников. В 551 г. в результате их нашествия Албания подверглась разорению, и в 552 г. из-за угрозы новых нападений католикос Албании Абас перенес свою резиденцию из Дербента в Партав (Пероз-Кавад). В начале 560-х гг. равнинная часть Северо-Восточного Кавказа до Дербента вошла в состав молодого сильного объединения кочевников — Тюркского каганата. Прикаспийские гунны-савиры и другие тюркоязычные и ираноязычные племена, обитавшие здесь, были подчинены тюркютами. В ответ шаханшах Хосров I в начале 560-х гг. предпринял успешные военные походы в Прикаспийский Дагестан. Подчинение кочевников, а также победы над Византией и получение огромной денежной контрибуции от императора Юстиниана I (527—565) дали возможность Ирану начать укрепление существовавших и строительство новых укрепленных городов и крепостей. По приказу Хосрова I в Прикаспийском Дагестане были построены города Самандар и Баланджар. В 568—570 гг. Сасанидский Иран возвел грандиозную Дербентскую оборонительную систему. Она включила в себя город Дербент и укрепленную линию Даг-бары («Горная стена») — мощную стену с десятками фортов и башен, которая тянулась на 42 км от цитадели Дербента в горы Табасарана и предотвращала возможность прорыва неприятеля на юг в обход Дербента[181].

Вместе с тем Хосров I привлек на свою сторону местных правителей, присвоил им царский титул *шах*, подчеркивающий их высокий статус и значительную автономию. Правители восточнокавказских царств, таких как Ширван, Лакз, Табасаран, Хайдак, Филан, Сарир, Туман, были заинтересованы в сильном и надежном союзнике перед опасностью агрессии воинственных кочевников.

В правление шаханшаха Хосрова II (591—628) Иран вступил в полосу мятежей и смут и не имел возможностей для надежной защиты своих рубежей. В 626 г. хазары и гунны-савиры, штурмом овладев Дербентом, вторглись в Албанию и разорили страну.

В 643 г. правителем Албании стал Джеваншир (642—681), который еще при жизни своего отца, князя Вараз-Григора (628—642), восстановившего царскую власть в Албании, показал себя талантливым полководцем и политиком, участвовал в битвах против арабов, умело правил страной в трудные годы, отстаивая ее независимость после разгрома в 650 г. Сасанидского Ирана, когда Албанию стремились подчинить Хазарский каганат, Арабский халифат и Византия. В 681 г. Джеваншир в результате заговора был убит. Это послужило поводом для опустошительного вторжения

[181] *Гаджиев М. С.* Даг-бары — Великая Кавказская стена // Дагестанские святыни. Кн. 2. Махачкала, 2008. С. 8—36.

прикаспийских гуннов и хазар в Албанию, так как Джеваншир был женат на дочери князя гуннов Алп Илутвера, который решил отомстить за смерть своего зятя. Посольство албанского ишхана Вараз-Трдата (681—705) во главе с епископом Исраэлом, прибывшее в самом начале 682 г. в столицу «страны гуннов» город Варачан (городище Шах-Сенгер), смогло богатыми дарами облегчить положение государства и освободить его от тяжелой дани, при этом фактически признав вассалитет[182].

Военные походы арабов, начавшиеся в 640-х гг., привели к тому, что в начале VIII в. Албания вошла в состав Арабского халифата и ею стали управлять арабские наместники. Но на нее претендовали также хазары, рассматривавшие страну как свою вассальную область. Борьба за Восточный Кавказ, за контроль над международным Прикаспийским путем вылилась в многолетние войны между Арабским халифатом и Хазарским каганатом.

Арабские завоевания на Северо-Восточном Кавказе и арабо-хазарские войны. Движение за объединение многочисленных племен Аравии, связанное с именем пророка Мухаммада, вылилось при его преемниках в широкую полосу войн за распространение ислама и захват чужих территорий. При первых халифах Абу Бакре (632—634), Умаре (634—644) и Усмане (644—656) в состав Арабского халифата были включены Иран, восточные провинции Византии, Сирия, Палестина, Ирак, часть Северной Африки, Южный Кавказ.

В геополитическом отношении Восточный Кавказ и, в частности, Дагестан представляли собой значимый стратегический и экономический регион, перекресток важных международных торговых трасс. Арабские завоевания на Северо-Восточном Кавказе и арабо-хазарские войны включают три этапа. Первый этап охватывает 642—650-е гг. Он связан с именами арабских полководцев Сураки ибн Амра, Абдаррахмана ибн Рабиа и его брата Салмана ибн Рабиа. К 642 г. относится первое появление арабских войск у стен Дербента (араб. *Баб ал-абваб*), когда между Суракой и сасанидским наместником города Шахрваразом был заключен договор с условием оказания арабам военной и иной помощи в завоевательных походах и защите Халифата от нападений хазар и их союзников. При этом арабы гарантировали горожанам безопасность их жизни, сохранность имущества, освобождение от налогов и свободу вероисповедания. Подобные договоры от имени халифа Умара были заключены и с владетелями Ширвана, Шабирана, Маската и др. В 645 г. правители Лакза, Табасарана, Филана приняли послов Салмана ибн Рабиа и затем сами прибыли к арабскому полководцу с дарами и обязались ежегодно выплачивать дань.

В 643 г. из Дербента арабские войска во главе с Абдаррахманом ибн Рабиа предприняли поход на Хазарский каганат, взяли город Баланджар, идентифицируемый с Верхнечирюртовским городищем на реке Сулак, и продвинулись далее на север, положив начало многолетним арабо-хазарским войнам.

В 642—651 гг. было организовано не менее пяти крупных походов на Восточный Кавказ, одной из главных стратегических целей которых было овладение Дербентом — крупнейшим военно-политическим центром Кавказа, воротами в Восточную Европу. В 651—652 г. арабам удалось вновь захватить Дербент, откуда они предприняли новый поход в Хазарию, на Баланджар, пытались взять его, используя осадные машины, но потерпели поражение, потеряв 4 тыс. воинов. Во время этого

[182] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. С. 140—145; *Гаджиев М. С.* Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: Историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 162—170. (Материалы и исследования по археологии России; Вып. 3).

похода погибли полководцы Абдаррахман и Салман ибн Рабиа.

Второй этап приходится на начало 660-х — начало 720-х гг. Он характеризуется отсутствием крупных военных акций со стороны Халифата, который в 650—685 гг. был охвачен внутренними распрями, и укреплением военно-политического влияния Хазарского каганата на Восточном Кавказе. В 660—680-х гг. хазары предприняли несколько вторжений в Восточное Закавказье. В конце VII в. внутриполитическая обстановка в Халифате стабилизировалась и на Восточном Кавказе возобновились наступательные действия арабов под руководством Масламы ибн Абд ал-Малика, который совершил несколько походов на Восточный Кавказ и сумел в 706—707 гг. вновь взять Дербент, ставший оплотом Халифата в регионе.

Третий этап охватывает период от начала 720-х до 740-х гг. Это время интенсивных арабо-хазарских войн, почти ежегодных вторжений арабских войск во внутренний Дагестан и на Северный Кавказ. За 22 года, с 721-722 по 743-744 г., было совершено 14 походов на Северный Кавказ, «в страну хазар», в дагестанские владения Лакз, Хайдак, Хамзин, Сарир, Гумик, Зирихгеран, Шандан и др. Походы возглавляли последовательно арабские полководцы Джаррах ал-Хаками, Маслама ибн Абд ал-Малик, Исхак ибн Муслим, будущий халиф Марван ибн Мухаммад. В 722 г. арабские войска взяли Баланджар, правитель которого признал власть Халифата. В итоге арабы прочно укрепили свои позиции в Баб ал-абвабе и ряде районов Дагестана. Но в 730 г. Хазарией был организован крупный поход, в результате которого хазарское войско во главе с Барсбеком (Барджилем), сыном кагана, нанесло арабам сокрушительное поражение у города Ардебиля, а сам командующий и наместник халифа на Кавказе Джаррах был убит. Его место занял Маслама, который возобновил активные военные действия. В 731 г. он нанес крупное поражение хазарам у селения Бабвак (совр. Дарваг) в Табасаране. Под его командованием в 735—737 гг. был занят весь Прикаспийский Дагестан, взяты города Варачан, Самандар, Баланджар. Отсюда Маслама двинулся далее на север, дошел до реки Сакалиба («Славянская река»; река Волга), разгромив 40-тысячное войско хазар, осадил ставку кагана — город Ал-Байда. Каган был вынужден пойти на перемирие и ради сохранения своей жизни принял ислам.

Вслед за этим арабы вновь приступили к завоеванию горного Дагестана. В 732—740 гг. Марван совершил несколько вторжений в горы Дагестана, направленных против Лакза, Тумана, Сарира, Зирихгерана, Хамзина, Шандана, которые оказывали отчаянное сопротивление. Наиболее жестокими были походы 737, 738 гг. Видя мощь и жестокость завоевателей, правители Ширвана, Лайзана, Филана, Табасарана сами явились к Марвану, выразили покорность, и с ними был заключен мир на условиях выплаты дани и податей[183].

Арабские завоевания на Северо-Восточном Кавказе привели к тяжелым последствиям, крупным материальным и людским потерям, разорению областей, уничтожению городов и многочисленных селений, упадку хозяйства, обложению ежегодной данью, налогами. Эти завоевания оказали существенное влияние на судьбы населения региона во всех сферах жизни — религиозно-идеологической, политической, социально-экономической, культурной. Наступившая после арабских за-

[183] *Шихсаидов А. Р.* Освободительная борьба народов Дагестана против Халифата в VII—VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 5—21; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 172—191.

воеваний мирная обстановка постепенно привела во второй половине VIII—IX в. к восстановлению экономики, оживлению городской жизни, росту внутренней и международной торговли, появлению новых форм землевладения и землепользования, перераспределению земельной собственности, включению региона в орбиту тесных экономических и культурных связей с некоторыми областями мусульманского Востока. Арабские завоевания положили начало исламизации Восточного Кавказа, сопровождавшейся распространением арабских языка, письменности, литературы, созданием местной книжной культуры и литературной традиции.

Религиозная жизнь. В VI—VIII вв. на Северо-Восточном Кавказе сосуществовали различные религии — язычество, христианство, зороастризм, а с середины VII в. и ислам. Это было связано с тем, что здесь проживали разные племена и народы, исповедующие различные верования.

Языческих представлений, судя по данным археологии, письменных источников, мифологии, сохранившимся реликтовым доисторическим верованиям народов Северо-Восточного Кавказа, придерживалась основная масса населения региона. Ведущее место занимала вера в обожествленные силы и объекты природы. Прадагестано-нахские племена поклонялись солнцу и луне: их принимали за брата и сестру, которые следуют друг за другом и никак не могут встретиться. Верховным божеством считался боггромовержец, имя которого сохранилось у многих дагестано-нахских народов (*авар.* Бечед, Цоб; *лезг.* Алпан; *дарг.* Цала; *лак.* Зал; *нах.* Дела, Цув/Циу, Села, и др.). Особо почитались небо, земля, огонь, «древо жизни», радуга, различные животные (бык, козел, конь, олень). С культом плодородия были связаны празднества первой борозды и начала пахоты, обряды вызывания дождя, солнца. Известны имена божеств дождя (*авар.* Цадал хама; *лезг.* Алапех, Пешапа; *дарг.* Зубарай, Вассамай; *лак.* Зювил и др.), земледелия и плодородия (*дарг.* Зидуни; *лезг.* Гуцар, Яр; *табас.* Эбелцан; *нах.* Тушоли, Елта), охоты (*авар.* Будуал; *лак.*, *цах.* Абдал, *нах.* Елта). Поклонялись священным рощам и деревьям, где устраивали обряды жертвоприношения, почитали горные вершины, где располагались священные места. Верили в потусторонний мир, в добрых и злых духов[184].

Аланы, маскуты, савиры, булгары и другие кочевые племена принесли с собой свои древние верования. У них верховным богом и божеством неба считались Аспандиат и Тенгри, богом-громовержцем — Куар. Поклонялись божествам дорог, войны, огню, воде, луне. Среди животных особо почитался конь, среди деревьев — дуб. В священных рощах и капищах совершали жертвоприношения божествам[185].

После принятия императором Константином в 315 г. Миланского эдикта, провозгласившего веротерпимость в Римской империи, царь Армении, а затем цари Иберии (Картли) и Кавказской Албании приняли христианство. Первым христианским проповедником и церковным главой в Албании был Григорис, который в 330-х гг. при распространении христианства в Южном Дагестане был убит маскутами, не принявшими библейских заповедей. С изобретением кавказско-албанского алфавита при царе Асвагене в начале V в. на албанский язык, относящийся к лезгинской

[184] *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004; *Сефербеков Р. И.* Пантеон языческих божеств народов Дагестана: (Типология, характеристика, персонификация). Махачкала, 2008.

[185] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 140—146; *Гмыря Л. Б.* Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV—VII вв. Махачкала, 2009.

группе дагестано-нахских языков, была переведена Библия, открыты школы для одаренных детей[186]. До наших дней дошли два кавказско-албанских палимпсеста VI—VII вв., хранящихся в монастыре Св. Катерины на Синае: один из них представляет Лекционарий, другой — Евангелие от Иоанна[187]. Во главе христиан Албании стоял католикос, а в различных областях страны — епископы. В 552 г. резиденция католикоса была перенесена из Дербента в Партав[188].

В начале VI в. христианство в «стране гуннов» в Прикаспийском Дагестане в течение 14 лет проповедовал епископ Кардост, который перевел Библию на «гуннский язык». После него миссионерскую деятельность вел епископ Макар, при котором там была построена церковь. В 682 г. епископ Исраэл в столице «страны гуннов» Варачане крестил князя Алп Илутвера и его подданных. При этом уничтожались языческие капища и священные деревья. О распространении христианства в «стране гуннов» и Хазарии свидетельствуют выявленные при раскопках около Верхнечирюртовского городища (Баланджар) остатки четырех церквей VII—VIII вв.[189] (вклейка, рис. 13). В VII в. христианство стало проникать из Грузии в Сарир и Лакз.

С усилением влияния Сасанидского Ирана на Восточном Кавказе получает распространение зороастризм. Вместе с иранскими войсками шли зороастрийские жрецы-маги, которые часто насильственно насаждали свою религию, что приводило к антисасанидским выступлениям. Много зороастрийцев и христиан проживало в Дербенте и его округе вплоть до установления здесь власти арабов-мусульман. Немало зороастрийцев было и в Зирихгеране (Кубачи).

Определенное распространение на Северо-Восточном Кавказе получил иудаизм. В конце VIII в. в правление бека Обадии иудаизм был объявлен государственной религией в Хазарском каганате. Этим актом каганат противопоставил себя могущественным соперникам — христианской Византии и мусульманскому Халифату. По данным арабских авторов, в Самандаре проживали представители трех мировых религий: у мусульман в городе были мечети, у христиан — церкви, у иудеев — синагоги, среди жителей Зирихгерана также были последователи ислама, христианства и иудаизма, а правитель Хайдака придерживался всех трех вероисповеданий: по пятницам он молился с мусульманами, по субботам — с иудеями, по воскресеньям — с христианами.

В середине VII в. в религиозной жизни народов Северо-Восточного Кавказа наступил новый этап. Арабы, носители новой религии — ислама, возникшей в начале VII в., в начале VIII в. закрепились в Дербенте и превратили его в опорный пункт распространения ислама в регионе, которое заняло более 1000 лет и продолжалось вплоть до XVIII в.

На первом этапе (середина VII—X в.) ислам приняла только часть населения, в основном в южных районах Северо-

---

[186] *Гаджиев М. С.* К интерпретации сведений о создании письменности Кавказской Албании // Albania Caucasica. Вып. 1. М., 2015. С. 177—188.

[187] The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai / Ed. by Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. In 2 vols. Turnhout, 2008.

[188] *Геюшев Р. Б.* Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984; *Гаджиев М. С.* Государство и право Кавказской Албании. С. 37—40.

[189] *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М., 1983. С. 158—164; *Он же.* Новые раннесредневековые культовые памятники в Приморском Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 109—122.

Восточного Кавказа, завоеванных арабами, — в Ширване, Лакзе, Табасаране, частично в Хайдаке и Гумике. Воинственными проповедниками ислама были арабские полководцы — брат халифа Маслама и будущий халиф Марван, которые во время своих походов в 730-х гг. силой оружия насаждали новую религию. В городах и селах, жители которых становились мусульманами, строились мечети, вводились исламские законы[190].

В Дербенте в 733—734 гг. в каждом из семи кварталов была построена мечеть и возведена главная Джума-мечеть (вклейка, рис. 14), действующая до сих пор и являющаяся одной из самых древних действующих мечетей мира[191]. Строительство монументальной 36-колонной Джума-мечети означало, что Дербент из центра христианства и зороастризма превратился в самый крупный на Кавказе центр ислама и арабо-мусульманской культуры.

Крым

Население Крыма. Масштабные миграции населения Евразии в эпоху Великого переселения народов затронули и Крымский полуостров. В III в. сюда вторглись германские племена остготов. В 370-е гг. через территорию Крыма прошли на запад гунны. Часть остготов покорилась кочевникам и вошла в состав их войска, часть бежала к Днестру, а часть отступила в Крымские горы, где и осела на долгие столетия. Под давлением сначала готов, а затем гуннов усилилось проникновение в Крым сарматских племен, среди которых наиболее многочисленными были аланы. Они постепенно ассимилировали проживавших в крымских предгорьях скифов. К рубежу Античности и Средневековья именно сармато-аланское население было доминирующим в южной части Крыма. Готы в то время расселялись преимущественно на южном берегу Крыма и в долине реки Черной к востоку от современного Севастополя; сармато-аланы жили восточнее, населяя бóльшую часть предгорий[192].

Во второй половине V в., после распада державы Аттилы, в крымские степи переселилось гуннское племя утигуров, создавая постоянную угрозу не только алано-готскому населению гор и предгорий, но и городам Боспора и Херсону[193].

Греческий этнический элемент в это время сохраняется в основном в городах. К началу VI в. крупнейшим городом полуострова был Херсон (так с V в. стали называть античный Херсонес). Города Боспора, некогда одного из самых урбанизированных регионов Древнего мира, пребывали в упадке. Их сельскохозяйственная округа контролировалась гуннами, система административного управления была разрушена, и на смену ей пришли самоуправляющиеся сельские общины[194]. Сами боспорские города существовали лишь потому, что кочевникам-гуннам были нужны ремесленная продукция и места для торгового обмена.

Готы и аланы горного Крыма стали прародителями нового этноса — крымских горцев. Основой этнической консолида-

---

[190] *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. С. 152—162.

[191] *Хан-Магомедов С. О.* Джума-мечеть в Дербенте // Советская археология. 1970. № 1. С. 202—220.

[192] *Ушаков С. В.* Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III — середина VI вв. н. э.): Опыт реконструкции. Донецк, 2010. С. 143—144. Подробно историю позднеантичного Крыма см. в т. 1.

[193] *Пиоро И. С.* Крымская Готия. Киев, 1990. С. 373.

[194] *Болгов Н. Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 105—108.

ции этих разноплеменных народов в раннем Средневековье стали христианство, к которому горцы постепенно переходили в течение IV—IX вв., средневековый греческий язык (вначале использовавшийся для межнационального общения, а затем ставший горцам родным) и военно-политический союз с Восточной Римской империей (Византией), которая не позднее середины IX в. превратила потомков готов и алан в своих подданных. Несмотря на этнокультурную ассимиляцию, готы и аланы веками сохраняли свое этническое самосознание и язык[195], готы использовали даже особую письменность, созданную в IV в. готским просветителем и миссионером Вульфилой. Потомки более древних народов, жившие в Крымских горах, утратили этническое своеобразие и слились с пришельцами.

Представление о хозяйственной жизни полуострова в VI—VIII вв. дают материалы археологических раскопок на десятках памятников Крыма: херсонесском городище, раскопки которого ведутся с 1827 г., византийских крепостях (Каламита (Инкерман), Горзувит (Гурзуф), Алустон (Алушта), Сугдея (Судак), Дорос (Мангуп), Кырк-Ер (Чуфут-Кале), Эски-Кермен[196]), сельских поселениях (Партенит), а также могильниках (Суук-Су близ Гурзуфа[197]).

В горах, предгорьях и на южном берегу Крыма гото-аланское население вело оседлый образ жизни, занималось земледелием (выращиванием злаков, садоводством и виноградарством), выпасом скота на склонах гор, а также рыболовством в прибрежных районах. Однако в целом оседлое земледелие, бывшее основой экономики полуострова в Античности, уступило место скотоводству на большей части его территории.

Крым в политике Византийской империи VI—VII вв. Ослабевшая и утратившая внутреннюю цельность боспорская государственность в начале VI в. полностью зависела от гуннов. Поэтому греческое (в случае с Боспором — греко-сарматское) население городов стремилось перейти под защиту Византийской империи, которая, в свою очередь, была заинтересована в контроле над Таврикой как важным форпостом на границе моря и степи.

Первая попытка присоединить Боспор к империи была предпринята около 523 г. при Юстине I, разместившем в боспорских городах византийские гарнизоны. Гуннского царевича Грода удалось склонить к христианству. После крещения в Константинополе он вернулся на Боспор, чтобы крестить свой народ, но потерпел неудачу и был убит, а сами города Боспора, где размещались византийские гарнизоны, были разгромлены. В 534 г. Юстиниан I (527—565) восстановил контроль над европейской частью Боспора и Керченским проливом.

К тому времени городская жизнь на востоке Крыма теплилась лишь в немногих городах, среди которых крупнейшим оставался Боспор (бывший Пантикапей). Единственным городским центром на полуострове, который не был захвачен ни готами в III в., ни гуннами в IV—VI вв., ни кем-либо впоследствии, вплоть до 988 г.,

[195] По данным письменных источников, крымские готы сохраняли этническое своеобразие до XVI в., а аланы как минимум до конца XV в. (*Виноградов А. Ю., Коробов М. И.* Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 76 (3—4). М., 2015. С. 57—75; Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 158).

[196] Византийское название этого памятника неизвестно. Названия Каламита и Кырк-Ер встречаются в более поздних источниках, их использование в VI—VIII вв. не доказано. Вопрос о локализации Дороса также пока остается открытым. В VII—VIII вв. крепость на Мангупе была значительно меньше, чем находящийся в двух километрах от нее Эски-Кермен. Поэтому нельзя исключать, что Дорос находился именно там.

[197] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. М., 2003.

являлся Херсон. Вопрос о времени включения города в состав империи остается дискуссионным[198]. С I в. до н. э. по IV в. н. э. Херсонес (Херсон) обладал правами «элевтерии» («независимости») и считался государством — союзником римлян. В строительной надписи 488/489 г. о ремонте городских стен Херсон предстает уже городом, напрямую подчиненным империи и императору[199]. Не исключено, что город и его округа были включены в состав империи еще ранее — в правление Феодосия I (379—395), когда для обеспечения христианизации местного населения император направил в Херсон не только епископа Капитона, но и 500 воинов во главе с полководцем Феоной, имя которого стало топонимом — так в течение многих веков с тех пор назывался район дислокации присланного императором отряда.

Юстиниан I предпринял системные меры по политической, экономической, военной и религиозной интеграции южной части Крыма в состав Византии. Во-первых, он построил в Крыму новые или отремонтировал старые крепости. Прокопий Кесарийский пишет об этом так: «Что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами <...> и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алуста и в Горзубитах. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян»[200]. Во-вторых, в Крыму, как и по всей империи, было начато масштабное церковное строительство. На городище Херсонеса возведение как минимум двух базилик (раннего храма «Базилики в базилике» и «Базилики Крузе»[201]) уверенно датируется по монетному материалу временем правления Юстиниана I. В-третьих, император обезопасил от вторжений со стороны степи и моря ареал обитания готов (который Прокопий Кесарийский называет «страной Дори»[202]), построив в горных проходах, ведущих на плато, так называемые «длинные стены». Готы стали федератами, то есть младшими союзниками империи.

История с крещением Грода и началом массового строительства церквей, прежде всего в Херсоне, а при преемниках Юстиниана I и по всему полуострову, наглядно демонстрирует, что империя через религию стремилась как можно плотнее интегрировать Крым в свой состав. Эта политика опиралась на результаты христианизации полуострова в предшествующие века. В V—VI вв. предание связывало начало христианской проповеди в Херсонесе с личностью некоего святого Климента, который, вероятно, в IX в. был отождествлен со святым римским папой Климентом, учеником апостолов Петра и Павла, четвертым епи-

---

[198] См.: *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* О положении Херсона в конце V—VI вв.: Политический и экономический аспекты // Херсонесский сборник. Вып. 9. Севастополь, 1998. С. 118—132.

[199] *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 10.

[200] *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. М., 1996. С. 223—224.

[201] *Рыжов С. Г.* Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 294; *Ушаков С. В.* Новая рыбозасолочная цистерна из Херсонеса: (К вопросу о времени строительства базилики Крузе) // Древнее Причерноморье. Вып. 10. Одесса, 2013. С. 594.

[202] Локализация «страны Дори» является предметом дискуссии (см.: *Могаричев Ю. М.* Византийский Крым (Крым в VI—XII вв.). Симферополь, 2008. С. 17). В настоящее время большинство исследователей считают, что этот топоним обозначает весь Юго-Западный Крым, который с VIII в. упоминается в источниках как Климаты.

скопом Рима. Предание, постепенно складывавшееся с VI по IX в.[203], утверждает, что по приказу императора Траяна (98—117) он был в 98 г. н. э. сослан с учениками Корнилом и Фивом в окрестности Херсонеса на каторгу в каменоломни, а в 101 г. н. э. утоплен в водах Казачьей бухты. За три года пребывания в Херсонесской стране Климент якобы окрестил несколько тысяч человек и построил 75 церквей[204]. В IX в. византийский монах Епифаний, объезжавший Причерноморье для сбора преданий об апостольских проповедях, приписал начало процесса христианизации Таврики — от Боспора до Херсонеса — проповеди св. апостола Андрея Первозванного[205], то есть отнес его ко времени на полвека раньше, чем это мог бы сделать Климент. На рубеже VI—VII вв. в Херсоне, по инициативе местного архиепископа, были написаны Жития свв. епископов Херсонских[206], в которых постепенное обращение херсонитов в христианство датируется IV в. и приписывается семи подвижникам, первые пять из которых были направлены в Крым иерусалимским епископом Ермоном в 301 г. во время кровавых гонений на христиан, развязанных римским императором Диоклетианом. IV в. датируется и появление в херсонесских захоронениях росписей и погребального инвентаря с христианской символикой[207].

На Боспоре христианство распространилось еще раньше, чем в Херсонесе. Древнейшее найденное здесь изображение креста было нанесено во II в. н. э. на сырую штукатурку водосборной цистерны, располагавшейся в одной из оборонительных башен Пантикапея. Возможно, что это помещение использовала для молитв тайная община христиан[208]. Уже к началу IV в. (а не к его концу, как в Херсонесе) здесь была учреждена христианская епархия: подпись епископа Боспора Кадма стоит под протоколами I Вселенского собора 325 г. При Юстиниане I или его ближайших преемниках в Боспоре были построены две христианские базилики. Одна — на месте более позднего храма Иоанна Предтечи, другая — в 100 метрах к юго-западу от нее (так называемый «Храм 1833 г.»). Одно из этих сооружений, под названием храма Свв. Апостолов, упомянул монах Епифаний, посетивший Боспор в 815 г.[209] В сохранившихся после гуннского разгрома поселениях Боспора, в том числе в Тиритаке, также были сооружены базилики[210].

Однако христианство не было доминирующей религией вплоть до конца VI в. даже в городах Таврики. Об этом свидетельствуют результаты раскопок христианских храмов, построенных при Юстиниане I и его преемниках: Юстине II (565—578), Тиберии II (578—582), Маврикии (582—602) и Фоке (602—610). Практически при каждом храме той поры было построено здание крещальни (баптистерия) с монументальным мраморным бассейном-купелью для

---

[203] *Уханова Е. В.* Обретение мощей св. Климента, папы Римского, в контексте внутренней и внешней политики Византийской империи IX в. // Византийский временник. Т. 59 (84). М., 2000. С. 116—128.

[204] Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. Вып. 2. М., 1911. С. 19—24.

[205] *Виноградов А. Ю.* Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1: Жития. СПб., 2005. С. 311—313.

[206] *Латышев В. В.* Жития святых епископов херсонских: Исследования и тексты // Записки Императорской Академии наук. Сер. VIII. Т. 8. № 3. СПб., 1906 (репринт). С. 1—8.

[207] *Фомин М. В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV—X вв.). М., 2011. С. 39—81.

[208] *Могаричев Ю. М.* Византийский Крым (Крым в VI—XII вв.). С. 7.

[209] *Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю.* К исторической топографии Боспора X—XII вв.: Об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // Ῥωμαῖος: Сборник статей к 60-летию профессора С. Б. Сорочана. Харьков, 2013. С. 295—309.

[210] *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // Боспорские города. Ч. 1: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. М., 1952. С. 67—72. (МИА; № 25).

крещения взрослых людей. Такая ситуация не была уникальной: она характерна для всей Византии IV—VI вв. Частая смена сельского населения Таврики в результате нашествий кочевников приводила к тому, что в сельской местности языческие общины сохранялись еще дольше — по меньшей мере до второй половины IX в.[211]

Крупнейший храмовый комплекс, освященный в честь апостолов Петра и Павла, был построен в Херсоне на рубеже VI—VII вв. При нем находилась резиденция херсонского архиепископа. Впоследствии (вероятно, в первой половине VIII в.) в Крыму было образовано еще три епархии: Сугдейская, Готская и Фуллъская[212]. Продолжала существовать древнейшая на полуострове Боспорская епархия. Однако «старшей» и наиболее почитаемой оставалась архиепископия Херсона.

При Юстине II, уделявшем, как и его предшественник, большое внимание обустройству и укреплению Таврики, крымские владения империи были объединены в одну административную единицу под властью *дуки* — военного командира, наделенного, вероятно, также полномочиями гражданского управления. Его резиденция и, соответственно, административный центр Таврики находились в Херсоне[213].

Стремление имперской администрации укрепить и упорядочить управление Таврикой было связано с новым нашествием кочевников: войска созданного в середине VI в. Тюркского каганата в 576 г. разграбили территорию Боспора, а в 581 г. осаждали (хотя и неудачно) Херсон. После распада Первого Тюркского каганата на рубеже VI—VII вв. Таврика вернулась под власть империи[214]. Вместо закрывающих горные проходы «длинных стен» на горах-останцах Внутренней горной гряды стали возводиться крепости-убежища в качестве форпостов активной обороны от кочевников. Так появились крепость Дорос на горе Мангуп и другие укрепления на месте будущих «пещерных» городов Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен и др. Постоянных жителей эти крепости долгое время не имели: там находился лишь охраняющий их гарнизон и возводилась большая базилика, призванная стать религиозным центром для местного населения. Но в случае опасности там могли укрыться со своими стадами и пожитками все жители округи.

Сменившие тюркютов в крымских степях булгары, освободившиеся в 632 г. от власти аваров (давних врагов Византии)[215], состояли с империей в дружественных отношениях[216], а их хан Кубрат даже был пожалован высоким имперским титулом патрикия. Поэтому, видимо, контролируя крымскую степь, владениям империи в южной части полуострова они не угрожали. Соответственно, до 670-х гг. византийская Таврика не испытывала беспокойства со стороны Степи и развивалась мирно.

Ярким эпизодом в жизни Крыма этого периода стала ссылка в Херсон римского папы Мартина I, низложенного за отказ при-

---

[211] Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 85—86.

[212] Местоположение средневекового города (или крепости) под названием Фуллы пока не установлено. Возможные локализации — «пещерный город» Чуфут-Кале под Бахчисараем и монастырский комплекс на плато Тепсень близ Коктебеля.

[213] См.: *Храпунов Н. И.* Администрация византийского Херсона (конец IV — XI века): Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2009. Л. 66—73.

[214] *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 133—142.

[215] Непрочное племенное объединение тюрок-булгар было создано в 632 г. и распалось около 671 г., после смерти хана Кубрата.

[216] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 161.

знать монофелитство, которое в 630-е гг. стало официальной религиозной доктриной Византии. В мае 655 г. Мартин I был доставлен в Херсон в пожизненную ссылку и спустя несколько месяцев умер. После окончательного осуждения монофелитства на VI Вселенском соборе в 681 г. папа был причислен к лику святых, а к месту его упокоения в окрестностях Херсона началось паломничество. Даже спустя столетия после перенесения мощей Мартина сначала в Константинополь, а затем в Рим (дата этого события неизвестна) паломники продолжали посещать место его первого упокоения, о чем в 1598 г. сообщал глава Ватиканской библиотеки кардинал Бароний[217].

Крым в политике Византии и Хазарии конца VII—VIII в. В 670-е гг. степная часть Крыма попала под контроль нового государственного образования кочевников — Хазарского каганата. Последствия хазарского вторжения на Боспор оцениваются в историографии неоднозначно. Одни исследователи утверждают, что византийские постройки VI — первой половины VII в. были разрушены, а на руинах хазары возвели цитадель с посадом, просуществовавшие до середины IX в. Согласно этой гипотезе, тогда же пострадали Илурат, Тиритака, Китей и другие боспорские поселения[218]. Другие исследователи отрицают наличие строительной активности хазар в городах и поселениях Восточного Крыма, утверждая, что новые постройки на Боспоре конца VII в. — византийские, обнаруженные в них артефакты также не являются хазарскими, что свидетельствует если не о сохранении византийского господства в регионе, то о совместном хазаро-византийском владении (кондоминиуме) этими территориями с сохранением ромейского (византийского) населения по крайней мере в городах Боспора[219].

О степени влияния хазар на остальную территорию Крыма единой точки зрения в науке также не выработано. Традиционно считалось, что до середины IX или даже до X в. хазары безраздельно контролировали не только степной Крым, но и бóльшую часть горной страны, а под властью византийцев оставались только Херсон и его ближайшая округа[220]. В настоящее время господствует точка зрения о том, что Византия сохраняла контроль над Крымом[221] либо управление полуостровом, за исключением Херсона, было совместным (кондоминатным)[222].

До середины VIII в. империю и хазар тесно сплачивала борьба против общего врага — Арабского халифата, который стремился не только к окончательному покорению византийских земель, но и к захвату территории каганата на Северном Кавказе. Взаимная заинтересованность христианской Византии и язычников-хазар друг в друге ярко проявилась в истории о повторном восшествии на престол свергнутого византийского императора Юстиниана II (685—695, 705—711)[223]. В 695 г. Юстиниан был свергнут с престола в результате мяте-

---

[217] *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 178—180.

[218] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. С. 54—56.

[219] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005. С. 376—392.

[220] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964. С. 28 и след.

[221] *Могаричев Ю. М.* Византийский Крым (Крым в VI—XII вв.). С. 20 и след.

[222] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 322—395.

[223] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. С. 61—65, 163—166.

жа под руководством полководца Леонтия, покалечен (ему вырвали ноздри и усекли язык) и отправлен в Херсон в вечную ссылку, где Юстиниан провел девять лет. Дара речи он был лишен не полностью, поэтому неоднократно выступал перед херсонитами с призывами помочь ему вернуть себе престол. Но херсониты предпочитали хранить верность официальной константинопольской власти, а потому решили либо убить Юстиниана, либо отослать его в столицу, на расправу правящему императору. Узнав об этом, Юстиниан бежал в горы к готам и, укрывшись в их крепости Дорос на горе Мангуп, обратился за помощью и защитой к кагану хазар Ибузиру Глявану. Тот не только согласился принять Юстиниана у себя, но и выдал за него замуж свою сестру (в крещении — Феодора). За помощь в возвращении престола Юстиниан обещал кагану богатые дары. Однако император Тиверий III обратился к Ибузиру с предложением обменять на деньги живого или мертвого Юстиниана. Ибузир согласился, поручив убить Юстиниана двум своим чиновникам — Папацу, наместнику Фанагории, где остановился Юстиниан, и Валгицу, управлявшему судоходством в Керченском проливе. О вероломстве брата стало известно Феодоре, и она предупредила Юстиниана о заговоре. Он уничтожил своих предполагаемых убийц поодиночке, задушив их струной, и бежал на небольшом суденышке в Дунайскую Болгарию, под защиту хана Тервала. В 705 г. Юстиниан с помощью болгар и живших под властью Тервала славян вернул себе престол, помирился с вероломным хазарским каганом, привез в Константинополь жену и родившегося к тому времени сына, но прощать херсонитов, снова ставших его подданными, не собирался. В 711 г. он направил в Херсон карательную экспедицию. Хазарский тудун был отправлен в Константинополь, а во главе города был поставлен новый императорский наместник по имени Илья. Той же карательной экспедицией в Херсон был доставлен новый ссыльный — авантюрист Вардан, утверждавший, что ему суждено стать императором. Горожане, испугавшись столь кровавых репрессий, попросили защиты у хазар и получили обещание ее предоставить. Императорский ставленник Илья тут же перешел на сторону горожан.

Опасаясь разрушения византийско-хазарского союза из-за крымских событий, Юстиниан попытался примириться с херсонитами, направив для переговоров трех высокопоставленных сановников — логофета геникона (министра финансов) Георгия Сирийца и эпарха (градоначальника) Константинополя Иоанна под охраной небольшого (в 300 воинов) отряда под командованием Христофора. Однако Георгия и Иоанна горожане зарубили мечом, а Христофора с его отрядом выдали хазарам и отправили вместе с вернувшимся из византийского плена тудуном к кагану. Тудун в дороге умер, и, справляя по нему тризну, хазары принесли в жертву на его могиле всех византийских воинов. После этих событий против Юстиниана восстали все крымские города, и в Херсоне был провозглашен императором ссыльный Вардан. Новой карательной экспедиции, отправленной Юстинианом в Крым, было поручено сравнять с землей все города полуострова и истребить всех его жителей. Но, как только под стенами осажденного Херсона появились приведенные Варданом на выручку хазарские отряды, войско осаждающих признало нового императора. В результате Юстиниан II был свергнут с престола и убит (мятежники убили и его сына от хазарки Феодоры), а провозглашенный херсонитами и хазарами император Вардан Филиппик (711—713) венчан в Константинополе на царство.

В 720—730-х гг. под натиском арабов хазары были вынуждены эвакуировать с потерянных ими территорий на Северном Кавказе часть населения. Предполагается, что союзная хазарам Византия санкционировала расселение беженцев в безлюд-

ной тогда крымской степи: на Керченском полуострове и, в меньшей степени, в Северном, Северо-Западном и Центральном Крыму, где появилось около 250 поселений так называемой салтово-маяцкой археологической культуры, носителями которой в Таврике были, вероятнее всего, булгары[224]. Свидетельством того, что и каганат, и империя относились к этому переселению доброжелательно, является отсутствие оборонительных сооружений на всех этих поселениях[225]. Византия незамедлительно предприняла попытки христианизации нового населения: христианские церкви второй половины VIII в. обнаружены на четырех булгарских поселениях[226].

Хазары, в свою очередь, вмешались в дела горной Таврики, населенной давними союзниками (а возможно, уже и подданными) империи — готами. Поводом к вмешательству стало неприятие частью населения империи очередной религиозной новации, инициатором которой стал Лев III. В ответ на упреки мусульман, обвинявших христиан в идолопоклонстве за поклонение иконам и мощам святых, император с 726 г. начал борьбу с этим явлением, получившую название «иконоборчество». В 730 г. поклонение иконам было полностью запрещено, а при Константине V, запретившем также поклоняться мощам святых и Богородице, началось массовое закрытие монастырей и насильственное возвращение монахов «в мир». Несогласные подвергались гонениям, и самой распространенной их формой стала ссылка на окраины империи. Одним из таких мест была Таврика, где, как и в случае с монофелитством, власти и большинство населения поддержали религиозные новации официальных властей[227]. В частности, постановление так называемого Иконоборческого собора 754 г., созванного по инициативе Константина V, подписал один из крымских иерархов — епископ Готский, пожалованный за лояльность саном митрополита Ираклии Фракийской[228].

Именно в правление иконоборческих императоров византийско-хазарские отношения были особенно дружественными. Константин V был женат первым браком на дочери (или сестре) кагана Вирхора по имени Чичак (в крещении Ирина), их сын, будущий император Лев IV (775—780), носил прозвище Хазар. Но после его внезапной кончины в возрасте 30 лет к власти (в качестве регентши при малолетнем Константине VI) пришла его жена Ирина (780—790, 797—802), убежденная иконопочитательница. Поскольку она еще при жизни мужа, императора Льва Хазара, строила против него козни, а возможно, и организовала его отравление, отношения каганата и империи резко испортились. В результате около 785 г. хазары захватили крымскую горную Готию и разместили гарнизон в ее административном центре — крепости Дорос на горе Мангуп.

В то время епископом Готии был Иоанн, уроженец селения Партенит, убежденный иконопочитатель. Вместе с византийским наместником Готии он поднял в 787 г. восстание против власти язычников-хазар. Готы освободили Дорос и овладели горными проходами (клисурами), ведущими в их страну. Но вскоре Иоанн был выдан захватчикам и заключен в крепости Фуллы, отку-

---

[224] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. С. 56—57.

[225] *Могаричев Ю. М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины — второй половины VIII в. // Херсонесский сборник. Вып. 13. Севастополь, 2004. С. 163—180.

[226] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. С. 59.

[227] *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым: Античная древность и средние века. Вып. 26. Барнаул, 1992. С. 180—190.

[228] Житие Иоанна Готского // Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 11.

да ему удалось бежать за море в Амастриду, где он и умер. Восстание было подавлено хазарами. Не желая продолжать обострение отношений с империей, победители отпустили кира Готии, но 17 повстанцев каган «замучил невиновными». Впоследствии Иоанн Готский был канонизирован, а его мощи доставлены в его родное селение Партенит, где хранились в храме Свв. Апостолов в основанном святителем монастыре[229].

Однако долго удерживать горную часть Крыма под своим контролем хазары не смогли. Около 795 г. византийская власть здесь была, видимо, восстановлена[230], а в начале IX в., с возобновлением в 815 г. иконоборчества, византийско-хазарские отношения снова стали дружественными.

Внешнеполитические перипетии, имевшие место в империи и на ее крымских территориях в VI—VIII вв., отразились на изменении системы управления последними со стороны Византии. В VII в. была упразднена должность дуки Херсона. Предполагается, что в это время город получил больше прав самоуправления. Упоминаемый в связи с событиями 711 г. херсонский протополит был, вероятно, ставленником местной верхушки, которого император лишь утверждал в должности. Степень влияния империи на остальную Таврику в VII—VIII вв. является предметом острой дискуссии: остается вопросом, владели ли ею хазары[231] или византийцы[232], либо она пребывала под их совместным контролем[233].

В VIII в. Херсон и его округа становятся *архонтией* во главе с архонтами. Письменные источники свидетельствуют о том, что одновременно архонтов было несколько и они, вероятно, осуществляли коллегиальное управление, либо каждый из них управлял какой-то частью византийских владений, подконтрольных Херсону. Они назначались императором из числа местных жителей, получали имперские чиновничьи титулы, как правило, не очень высокие, обладали печатями, пользоваться которыми разрешалось только имперским чиновникам. В городском самоуправлении участвовали также «патеры» (отцы) города, «протевонты» (первенствующие) и «экдики» (правозащитники). Однако их количество, статус, полномочия и взаимоотношения остаются пока неясными. Периодически в города назначался кир — представитель центрального правительства, но его появление не означало ликвидации муниципальных структур. Таким образом, до середины IX в., когда система византийского управления Таврикой вновь изменилась, крымские подданные Византии пользовались довольно широкими правами самоуправления, так как имперские власти были уверены в лояльности своих крымских подданных.

Эта лояльность строилась не только на единстве веры и вопросах безопасности, но и на экономическом интересе, который связывал сельские местности Крыма с городами, а те, в свою очередь, с заморскими регионами империи.

Экономическая жизнь Крыма в VII—VIII вв. В VII в. основой экономического благополучия Херсона оставались соляной и рыбный промыслы. В соленых озерах западного побережья Крыма херсониты добывали (по самым скромным подсчетам)

---

[229] Житие Иоанна Готского. С. 12—13.

[230] *Могаричев Ю. М.* Византийский Крым (Крым в VI—XII вв.). С. 32.

[231] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. С. 28 и след.

[232] *Могаричев Ю. М.* Византийский Крым (Крым в VI—XII вв.). С. 20 и след.

[233] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 322—395.

до 2 тыс. тонн соли, выручая от ее экспорта около 7 тыс. золотых номисм (30 кг) золота. Значительная часть соли использовалась в самом Херсоне для товарной засолки рыбы (в первую очередь, анчоуса). В это время в городе действовало не менее 36 больших каменных рыбозасолочных цистерн, в которых единовременно засаливалось около 1200 тонн рыбы. В год таких закладок делалось две — во время весенней и осенней путин. Кроме того, из рыбной мелочи приготавливался очень популярный во всей империи рыбный соус (гарон).

Соленая рыба и соус вывозились в керамической таре (амфорах), и их массовое производство стимулировало развитие гончарного дела. Еще одним стимулом для его развития стало активное строительство, развернувшееся по всей византийской Таврике в VI—VII вв.: гончары производили плоский кирпич (плинфу), использовавшийся для кладки антисейсмических поясов и украшения каменных зданий, кровельную черепицу, водопроводные трубы. Керамические мастерские в это время были размещены по всему Крыму — от Херсона до Боспора, так как тяжелые глиняные изделия было не принято перевозить на большие расстояния.

Среди городских ремесел традиционно была развита металлообработка, в том числе ювелирное дело. Как показали раскопки могильников, продукцию херсонских ювелиров охотно покупали и носили жители сельских местностей Крыма — готы, аланы, булгары. В связи с активным церковным строительством херсонские медники, золотых и серебряных дел мастера изготавливали церковную утварь: нательные крестики, энколпионы (кресты для хранения реликвий), кадильницы, держатели для лампад и др.

В VI—VII вв. массовым было также гражданское строительство (Херсон в те годы был почти полностью перестроен), поэтому огромным спросом пользовалось оконное стекло, также производившееся в Крыму, наряду со стеклянной посудой. После потери византийцами в 634—640 гг. Сирии, основного производителя оливкового масла, по всей империи (в том числе и в Крыму) из употребления выходят масляные светильники, так как их нечем стало заправлять. На смену им приходят восковые свечи, а медники осваивают производство подсвечников и бронзовых люстр[234].

Разрыв экономических связей с Северной Африкой и Левантом, захваченными арабами, выразился в прекращении завоза в Крым со второй половины VII в. африканской краснолаковой столовой посуды[235] и ближневосточных амфор, в которых на полуостров, видимо, доставлялось оливковое масло[236].

На территории Крыма, горная часть которого была богата строевым лесом, в раннем Средневековье было развито судостроение, причем строились не только коммерческие и рыболовные суда для внутреннего использования, но и военные корабли в рамках «морской повинности». Торговые суда доставляли в гавани Крыма — Херсон, Сугдею, Боспор — шелковые и шерстяные ткани, остатки которых обнаружены как в городских погребениях, так и в сельских могильниках, благовония, отделочные материалы (главным образом мрамор и готовые строительные детали из него). Все эти

---

[234] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 233—269.

[235] *Ушаков С. В.* Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 7. Севастополь; Тюмень, 2015. С. 59—70.

[236] *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. С. 6—45.

товары оседали не только в городах, но и продавались жителям сельской округи[237].

После того как арабы, захватив Египет, перекрыли Муссонный морской путь, связывавший Византию с Индией и Китаем, оживился сухопутный Великий шелковый путь, проходивший из Средней Азии через земли кочевников к портам Причерноморья (в том числе и Крыма). В результате порты полуострова стали важным торговым посредником в транзите восточных предметов роскоши[238]. В Послании папы Григория II (715—731) императору Льву III упоминаются регулярно прибывающие в Константинополь «коммерческие люди из готфов (готов)»[239], которые, видимо, и занимались торговыми операциями между столицей империи и Крымом.

Главным предметом импорта из империи в VII в. оставалось зерно. Причем, учитывая бурный демографический рост, вызванный как расселением на полуострове булгар, так и миграцией из-за моря византийцев[240] (возможно, бежавших от арабских вторжений), хлеб требовался во все больших количествах, а после потери в 641 г. главной житницы Византии — Египта — его остро не хватало. Приоритетным стало обеспечение хлебом Константинополя, и с оставшихся под контролем правительства территорий зерно свозилось в первую очередь туда. Серьезные проблемы с доставкой хлеба в Херсон в 655 г. и даже невозможность его купить ни за какие деньги в конце весны, накануне нового урожая, отразил в своих письмах ссыльный римский папа Мартин I[241].

Почти полное прекращение хлебного производства в Крыму в IV—VII вв. связано с длительным иссушением (аридизацией) климата на полуострове, продолжавшимся все это время[242]. Особенно засушливым стал период с 598 по 677 г., когда к северу и югу от Перекопа происходило опустынивание и засоление почв, делавшее невозможным занятие не только земледелием, но и скотоводством[243]. В засушливые годы и степь, и лучше увлажненные горные районы Готии не могли снабжать Херсон и другие города достаточным количеством хлеба из-за частых летних засух и холодных бесснежных зим[244].

Следствием начавшихся в последней трети VII в. потепления и увлажнения климата, достигших своего пика к середине VIII в., стали кардинальные демографические и хозяйственные изменения на полуострове. Прибытие в 720—730-е гг. булгарских переселенцев на полуостров в количестве 12—15 тыс. человек[245] привело к очередному демографическому скачку. На ограниченных пространствах крымской степи булгары не могли заниматься привычным скотоводством, поэтому стали пе-

---

[237] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 269—296.

[238] *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 89—97.

[239] Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. Казань, 1873. С. 20.

[240] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 296.

[241] *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий). С. 173—190.

[242] *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья: (Салтово-маяцкая культура). Киев, 1990. С. 17—18.

[243] *Комар А. В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев; Судак, 2004. С. 169—200, 560—618.

[244] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 314.

[245] *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 200—201.

реходить к земледелию. В условиях достаточно влажного климата сельское население резко нарастило производство злаков: к середине VIII в. на полуострове получали до 6 тыс. тонн товарного зерна, а во второй половине столетия объемы производства выросли до 12 тыс. тонн, что позволило не только отказаться от завоза зерна из-за моря, но и наладить его экспорт, в том числе в Константинополь[246]. По всей горной части полуострова возникают обширные зернохранилища.

Одновременно бурно возрождаются виноградарство и виноделие, совершенствуется технология изготовления вина; резко увеличивается производство глиняных бочек — пифосов объемом до 15 куб. м, в которых делалось вино, и амфор, в которых оно хранилось и перевозилось. Если до середины VIII в. амфоры были в основном импортными (как и вино, в них налитое), то со второй половины столетия и вино, и амфоры стали производиться на месте. Крымские вина снова начинают экспортироваться — в Приазовье, на Дон и даже в более отдаленные регионы Хазарского каганата[247]. По количеству и производительности гончарных печей второй половины VIII в., в которых обжигались амфоры, можно примерно установить годовой объем производства вина в Крыму: он явно превышал 1 млн литров[248]. Только в одном горном кастроне Качи-Кальон, возвышавшемся над плодородной долиной реки Качи, обнаружено 120 виноградодавилен, способных переработать 250 тонн винограда. Винодельческие комплексы этого же времени открыты у Кыз-Кермена, Челтер-Кобы, Челтер-Мармары, на Эски-Кермене, Мангупе, в долине реки Биюк-Карасу на юго-востоке Крыма.

Косвенным свидетельством того, насколько выросло благосостояние жителей Крыма (или их элиты), может служить клад из 270 золотых византийских номисм, обнаруженный у города Славянска-на-Кубани, то есть на территории, контролировавшейся в VIII в. хазарами. Клад состоял из монет, выпущенных в период правления императоров от Льва III до Константина VI. Его заложение датируется 790-ми гг. Предполагается, что эти монеты, на многих из которых есть греческие граффити и характерные для крымского монетного обращения обрезы по краям, были добычей, взятой кем-то из хазар при нападении на Горный Крым в 787 г., при епископе Иоанне Готском[249].

В самом Крыму монета выпускалась теперь только в Херсоне и исключительно медная, самых мелких номиналов (в основном пентануммии). Ее эмиссия контролировалась из столицы, где производились все золотые (номисмы) и серебряные (милиарисии) монеты. Множество мелких монет, оставшихся от античных времен, из оборота не изымали. В правление императора Ираклия I их надчеканили хрисмой (монограммой Христа), приравняли к пентануммию и оставили в обращении[250]. Видимо, этой монетной массы хватило надолго, потому что в VIII — первой половине IX в. монетные выпуски в Херсоне осуществлялись лишь периодически, причем

[246] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 315—316.

[247] Там же. С. 472—477.

[248] *Романчук А. И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. С. 31—32.

[249] *Semenov A. I.* New evidence on the Slavyansk (Anastasievka) Hoard of 8th Century A. D. Byzantine and Arab Gold Coins // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Saint Petersburg, 1994. P. 83—85. (Archaeological Studies; № 16).

[250] *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев, 1977. С. 104—107.

не с монограммой правящего императора, как раньше, а с монограммой «ПоХ» («полис Херсон»)[251].

Бóльшая, по сравнению с предшествующим и последующим временем, автономия Херсона (и, вероятно, других крымских владений империи) объясняется специалистами по-разному: как следствие ослабления империи, усиления влияния хазар, сепаратистских устремлений местных элит и т. д. Однако со времени противостояния с Юстинианом II, когда херсониты продемонстрировали свою нелояльность императору, но не империи, до самого конца VIII в. источники не донесли до нас ни одного факта, который свидетельствовал бы об отчуждении жителей Таврики от Византии. Погребальный инвентарь могильников этого времени говорит об обратном: в захоронениях переселенцев-булгар предметы, относящиеся к салтово-маяцкой культуре, довольно быстро были вытеснены византийскими (до 95 % в захоронениях)[252], что позволяет сделать вывод о тесной и взаимовыгодной интеграции империи и ее заморского анклава. Поэтому в условиях мирных и даже союзнических отношений с соседями-хазарами от императоров не требовалось применения жестких управленческих мер к региону, который в VIII в. стал для столицы зерновым донором и важным внешнеторговым посредником.

Юго-Восточная Прибалтика

Территория и этникон. Современные территории городских округов Светлогорска, Янтарного, Светлого, Пионерского и Балтийска Калининградской области в древности входили в зону формирования западных балтов. Данный обобщенный этникон (название народа) для жителей Балтии изобрел профессор Кёнигсбергского университета им. Альбрехта Бранденбургского (Alberts-Universität) Георг Генрих Фердинанд Нессельман (Georg Heinrich Ferdinand Nesselman; 1811—1881), ориентируясь на лит. baltas — «белый». В западнобалтскую этноязыковую группу входили племена пруссов, ятвягов, куршей, скальвов и ламатов, к настоящему времени сошедших с исторической сцены. Названные племена проживали в юго-восточной Балтии, западную часть которой — янтароносный полуостров Самбию (прусск. «земля», ныне — Калининградский полуостров) и его окрестности[253] — с V в. занимали пруссы.

Ареал пруссов к рубежу I—II тыс. н. э. в соответствии с материалом грунтовых могильников с типичными прежде всего для раннесредневековой Самбии двухъярусными могилами и с четырьмя типами городищ сембов[254] охватывает кроме этого полуострова южное и восточное побережье Вислинского залива (вклейка, рис. 15). Племенной ареал тем самым соответствует упоминаемым в письменных источниках «Витланду» (Вульфстан) и «Самланду» (Адам Бременский). Примерно в начале XII в. пруссы совершают походы в низовья Вислы и вверх по течению реки Преголи

[251] *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. Табл. VI. № 6—14.

[252] *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья: (Салтово-маяцкая культура). С. 98.

[253] Впоследствии — территория провинции Восточной Пруссии (это административное название использовалось с 1772 по 1945 г.), в 1945 г. провинция вошла в состав СССР (см.: *Кулаков В. И.* Пруссия Восточная // Большая российская энциклопедия. Т. 27. М., 2015. С. 661).

[254] Тип А — мысовые городища с валом с напольной стороны, тип Б (Alkhügel) — расположенное на холме городище с кольцевым валом, тип В — городище с планиграфически спирально устроенным валом, тип Г — городище с двумя площадками.

в поисках данников и пахотных земель[255]. Сооружавшиеся на заново осваиваемых территориях городища с площадкой вытянутых очертаний нередко обладали признаками ятвяжского приема фортификации (обмазка поверхности валов и склонов городища слоем глины). Судя по отрывочным данным немногочисленных раскопок и зондажей прусских раннесредневековых городищ, в большинстве своем они могли использоваться как местопребывание наиболее привилегированной части общины. В минуты опасности на площадках городищ, под защитой их валов, занятых воинами племенного ополчения, концентрировались жители с неукрепленных поселений из ближайшей округи.

Древние кельты и германцы эпохи Юлия Цезаря называли Янтарный край именами «Озерикта» и «Аустеравия», что на русский язык переводится одинаково: «Восточная страна»[256]. Предков пруссов германцы именовали Aestii (др.-герм. «живущие на востоке»[257]). Их землю многие историки называли вплоть до IX в. «Эстланд» (та же «Восточная страна»).

С IX в. жителей юго-восточной Балтии в Западной Европе начали именовать пруссами[258]. Сами пруссы себя так никогда не называли, в их обиходе было принято именование групп людей согласно землям, ими обжитым (сембы — из Самбии, натанги — из Натангии и т. д.).

По названию племени пруссов и вся их территория в созданных на средневековой латыни письменных источниках стала именоваться «Боруссия», «Брутения», позднее — «Пруссия». В начале XVI в. монах-летописец Симон Грунау объяснил происхождение этого названия как производное от имени Брутен (прусск. brote — «брат»), которое по легенде принадлежало брату военного вождя Видевута, пришедшего в Янтарный край из Кимбрии (скорее всего, полуостров Ютланд)[259].

Западная часть ядра прусского племенного ареала — полуостров Самбия — была известна германцам в раннем Средневековье как «Витланд» или «Вейделант» (старогерм. «Страна мудрецов»[260]). Некоторые германоязычные историки именовали так Самбию вплоть до XIV в.

Этнос эстиев и пруссов. Носителями прусской культуры вплоть до XIII в. считается западнобалтское племя пруссов. Такая специфика этноса жителей Янтарного края объясняется как археологическими (присутствие на могильниках конских захоронений, использование ряда характерных лишь для балтов деталей инвентаря), так и лингвистическими (балтская топонимика) признаками. В самом начале нашей эры погребальный обряд эстиев получает многочисленные черты северогерманского происхождения[261]. Указанные аспекты местных древностей прямо свидетельствуют о привлечении на Самбию групп соседствующего с западными балтами германского населения, заинтересованного в участии в янтарной торговле.

---

[255] *Кулаков В. И.* Что мы знаем о древних пруссах // Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996. С. 58.

[256] *Кулаков В. И.* «Аустеравия» // Родина. 1996. № 2. С. 12.

[257] *Кулаков В. И.* Сокровища Янтарного края: Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I—IV вв. Калининград, 2016. С. 7.

[258] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 96, 97.

[259] *Grunau S.* Preussische Chronik. Bd. I. Leipzig, 1876. S. 58.

[260] *Кулаков В. И.* Земля пруссов и «прусские земли» // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987. С. 96.

[261] *Кулаков В. И.* Сокровища Янтарного края: Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I—IV вв. С. 19—23.

Для начала эпохи Великого переселения народов на Янтарном берегу отмечается феномен обновления балтского этнического континуитета. Среди причин этого уникального процесса следует назвать возможный стихийный демографический рост западнобалтского компонента в обществе эстиев, имевший место после оттока из Балтии на юг германского компонента, что произошло, скорее всего, не позднее 405 г., времени нашествия на Италию отрядов варварского вождя Радагайса. Кроме того, ряд археологических признаков прусской культуры на ранней фазе ее существования позволяет предполагать переселение на Самбию с востока групп балтского населения (очевидно, ятвягов из бассейна реки Писсы). Этот этнокультурный процесс можно условно обозначить как «балтская реконкиста» с возвращением в междуречье рек Вислы и Немана западнобалтской популяции, ранее покинувшей свою прародину под напором германоязычных аллохтонов.

Так была обеспечена балтская моноэтничность прусской культуры. Ее центром в Янтарном крае традиционно является Самбия.

Археология пруссов V—VIII вв. Заря эпохи Средневековья (425—800) для Янтарного края отмечена серьезными изменениями в материальной культуре местного населения. Балты заместили древнегерманские поселенческие группы, с I в. н. э. проживавшие на этой территории. Эти германцы или мигрировали на рубежи Римской империи в ходе гуннских войн, или ассимилировались с балтами в ходе их «реконкисты». Правда, незначительные группы германоязычных воинов (vidivarii) соседствовали с пруссами и, очевидно, могли быть причиной их этнической неоднородности[262]. В. П. Буданова считает видиариев «гото-гепидским племенем», а соседствовавших с ними балтов — элементом «стабилизации жизненного цикла отдельных регионов Барбарикума»[263].

С середины — второй половины V в. н. э. культуру западных рубежей балтского мира можно условно именовать прусской. В центре прусского ареала — на Самбии — начинается массовое возведение городищ, укрепленных с напольной стороны одним валом (рис. 6). Это — показатель интенсивного распада родоплеменных обычаев и накопления нуждающегося в охране имущества в руках наиболее удачливых вождей в отдельных общинах. На протяжении V в. на грунтовых могильниках урновые трупосожжения, ранее являвшиеся признаком культуры части германцев и эстиев, постепенно сменяются группами кальцинированных костей, сконцентрированных среди остатков погребального костра (рис. 7).

Массовые конские захоронения наряду с помещавшимися в могилы предметами вооружения и украшениями, выполненными в традициях различных этнокультурных общностей, являются свидетельством развития дружинной организации пруссов. Для дружинных прусских могильников показательны находки арбалетовидных фибул со звездчатой ножкой (V в. н. э.) и «звериноголовых» трехлучевых фибул (конец V — VI в.), арбалетовидных фибул типов Roulleé, Schönwarling, Duratón, однолезвийных ножей-кинжалов с длинным шипом на конце клинка, восходящих к древнегерманским скрамасаксам (рис. 8). Древности VI в. отличаются одной большой (для мужского убора) или парой маленьких (для женского убора) арбалетовидных фибул (дериват типа Duratón) с небольшим поперечным расширением на конце ножки. Такое же расширение в это время характерно для пряжек типов Madyda-Legutko H38-44,

[262] *Bitner-Wróblewska A., Wróblewski W.* Aestii Tacyta. Kim naprawdę byli // Barbaricum. Vol. 11. Warszawa, 2015. P. 74.

[263] *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 12, 182.

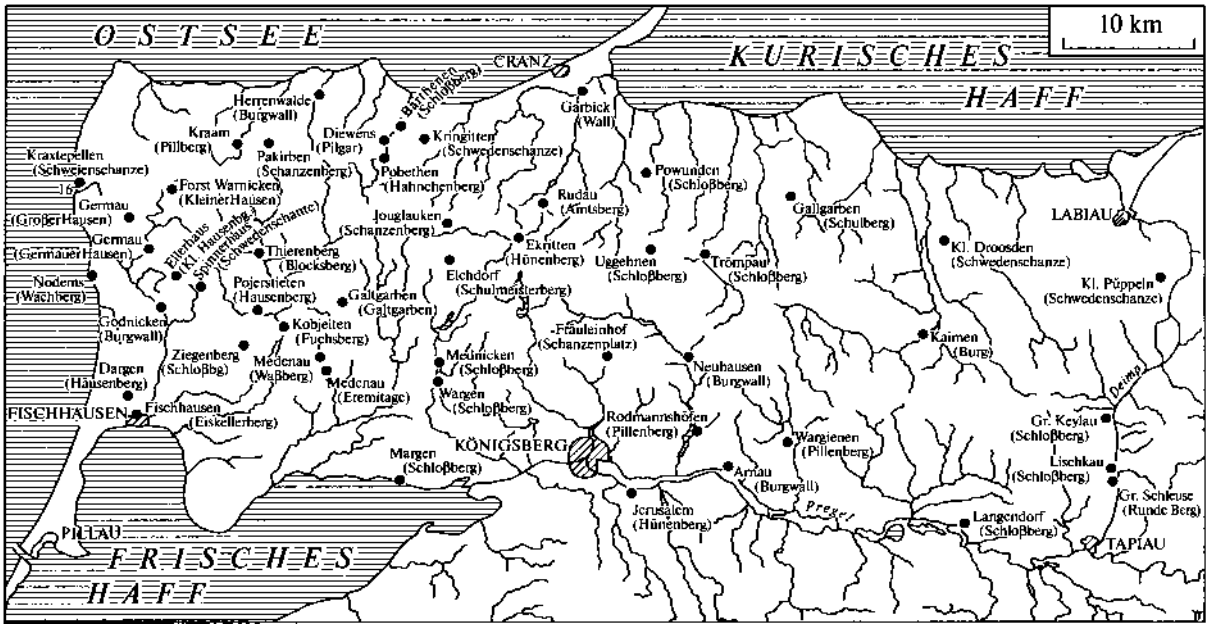


Рис. 6. Раннесредневековые городища Самбии (по: Crome H., 1940. S. 82)

входящих в комплексы вместе с указанными формами арбалетовидных фибул. При этом мужские комплексы нередко сопровождаются на Самбии архаичными конскими захоронениями с запада. В могилах VI в. культовыми заменителями реальных украшений являются гривны и браслеты из тонких тордированных бронзовых дротов с крючками и петлей на концах. На могильниках VII—VIII вв. хронологическими индикаторами являются арбалетовидные фибулы со средним и крупным расширениями на конце и в центре ножки (рис. 9). Если в V—VI вв. женские и мужские погребения существуют самостоятельно, в отдельных могильных ямах, то в VII в. появляется тенденция помещать кальцинированные женские останки с соответствующим инвентарем в могилы их мужей. С VII в. начинается постепенное исчезновение бывшего изобилия компонентов прусского погребального инвентаря. Господствующими формами находок в верхнем ярусе могилы, с остатками воина-всадника, становятся фрагменты лепной «временной урны», разбитой в могиле сразу после высыпания в нее принесенных с погребального костра во «временной урне» кальцинированных костей, нож, очень редко — небольшой наконечник копья или дротика. С конца VII в. у пруссов, первых среди автохтонов Восточной Балтии, появляются стремена. Контакты пруссов с культурами Подунавья, откуда, наряду с другими инновациями, они могли быть заимствованы, осуществлялись при посредстве возникшей в первой половине VI в. мазурской культурной группы, сформировавшейся в западной части Мазурского Поозерья разноэтничными пришельцами из Среднего Подунавья[264].

Пруссы в эпоху Великого переселения народов. Середина V в. н. э. — время великих потрясений. Былое благосостояние

[264] *Кулаков В. И.* Введение в раннесредневековую археологию пруссов // Проблемы межрегиональных связей. Вып. 10. М.; Калининград; Клайпеда, 2015. С. 15.

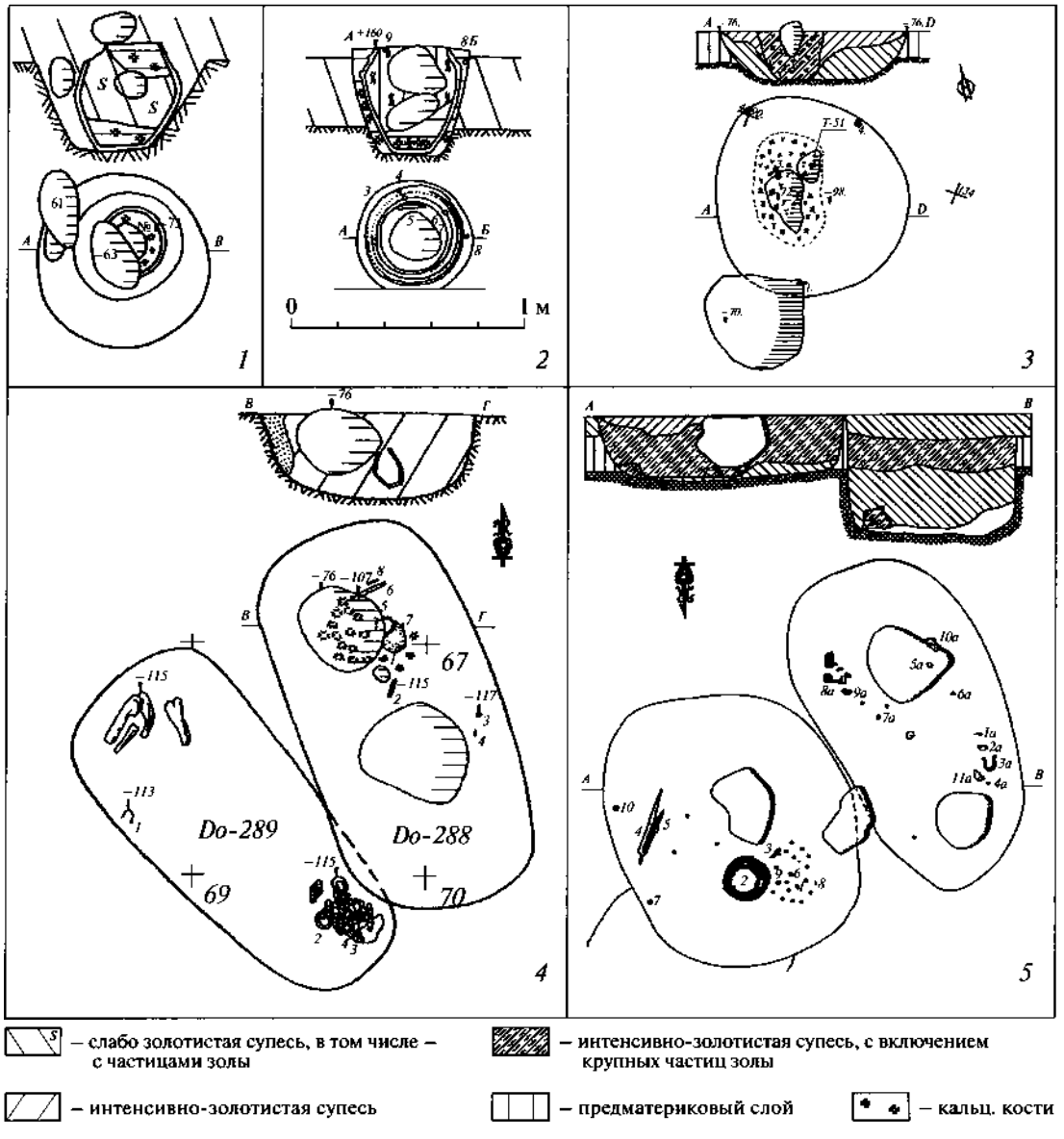


Рис. 7. Урновые и безурновые погребения пруссов V в. (могильник Hünenberg/Гора Великанов)

эстиев, основанное на деятельности Янтарного торгового пути, связывавшего Самбию по рекам Висле и Дунаю с севером Италии, резко пошатнулось. Предположительно часть воинов-эстиев вместе с группами германцев приняли участие в гуннских походах. Их связи с пришельцами с Востока были настолько тесными, что римский дипломат Приск писал около 470 г. о распространении власти повелителя гуннов Аттилы «даже до острова в Океане» (многие авторы считали Самбию именно островом, омывавшимся водами моря, заливов и рек). После поражения, которое гунны потерпели от римлян в 451 г. в битве на Каталаунских полях, и смерти Аттилы в 453 г. прежние союзники степных воинов стали делить наследие гуннской «державы». Этот

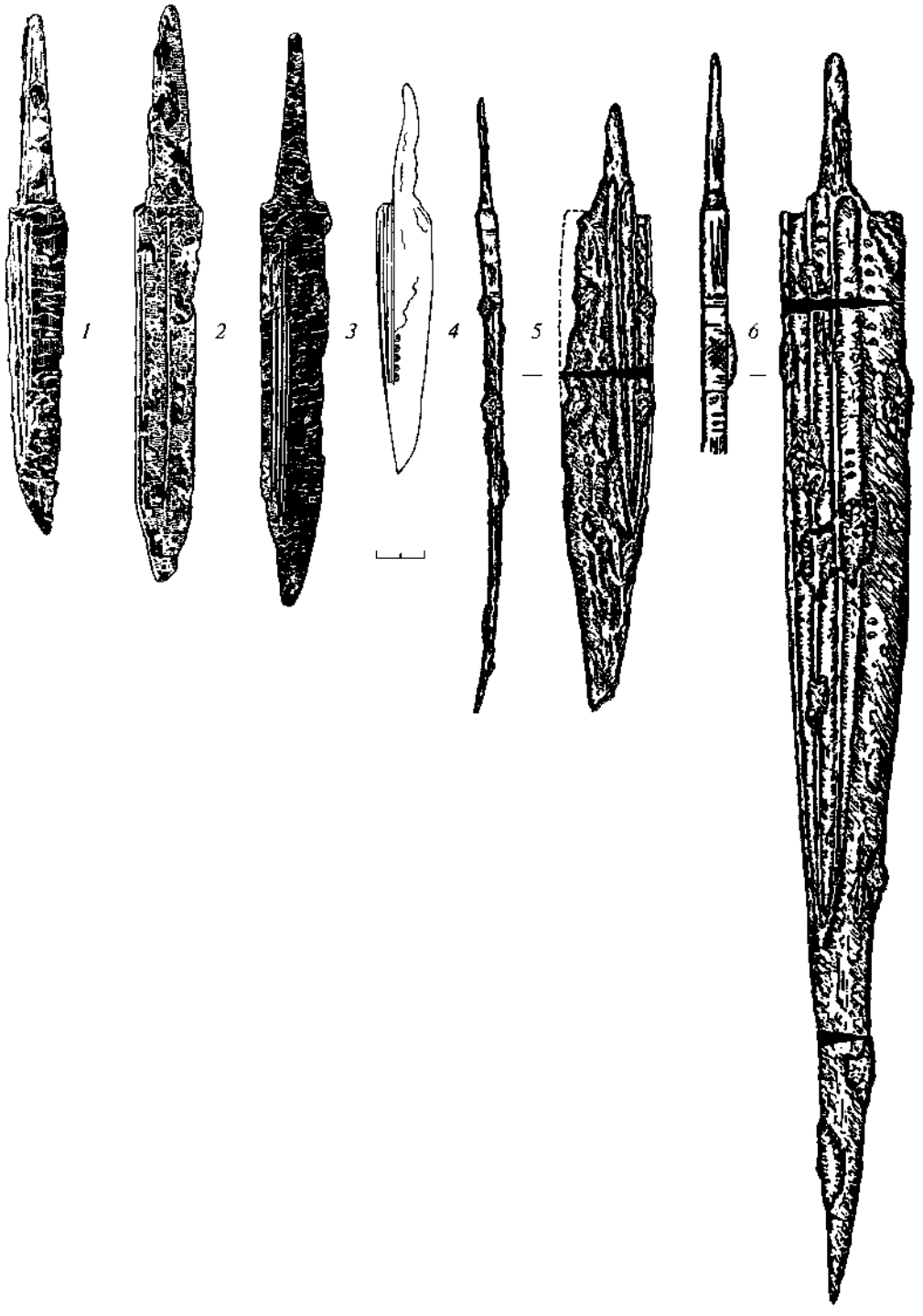


Рис. 8. Скрамасаксы (*1—3*) северной Италии (Ломбардия) и ножи-кинжалы (*4—6*) юго-восточной Балтии

1 — погр. 122 могильника Nocera Umbra, *2* — погр. 170 могильника Castel Trosino, *3* — погр. 176 могильника Castel Trosino, *4* — погр. 124 могильника Dollkeim/Коврово, *5* — погр. 8 могильника Kleinheyde, *6* — погр. 7 могильника Kleinheyde

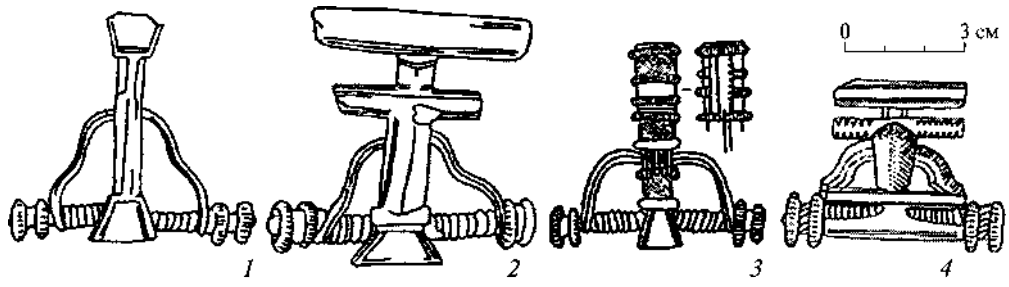


Рис. 9. Схема финального этапа развития перекладчатых фибул западных балтов VI—VII вв.

1 — Mingfen/Miętkie, погр. 74; *2* — Mingfen/Miętkie, погр. 559; *3* — Daumen/Tumiany, погр. 79; *4* — Daumen/Tumiany, погр. 80 (по: Идентификация находок I—VII вв., 2014. Рис. 10)

процесс, воспоминания о котором сохранились в эпической «Песни о Нибелунгах», закончился между 454 и 456 гг. битвой на реке Недао, после которой гунны и часть их прежних соратников (в их число гипотетически входили и эстии) были вынуждены спасаться бегством[265]. Привыкшие в борьбе с угасающим Римом использовать лишь право силы, вернувшиеся на родину предков профессиональные воины подвергли родовые традиции серьезным изменениям. Важно отметить, что земля пруссов первой в Балтии отказалась от родовых традиций. Эта социальная перемена могла быть реализована лишь при наличии свободной от родовых пережитков, подчиняющейся только воле вождя военной организации — дружины, включавшей как местных жителей, так и иноэтничных воинов.

Одним из направлений начатой в середине V в. деятельности вернувшихся на земли юго-восточной Балтии балтских и германских по происхождению ветеранов гуннских войн (vidivarii) стало обеспечение насущных нужд военных отрядов, возвращавшихся в Скандинавию. Готский историк Иордан (VI в.) так описывает ситуацию на границе пруссов и германцев к началу VI в.: «...у побережья Океана, где тремя устьями поглощаются воды реки Вистулы (= Висла), живут видиварии, соединившиеся из различных племен; за ними берегом Океана владеют также эсты (= пруссы), во всех отношениях мирный род людей <...>. Теперь этот остров (Гепейдос, ныне — Эльблонгская возвышенность) населяет народ видиварии <...> (они) собраны из различных племен словно в единое убежище...»[266].

Деятельность видивариев фактически положила начало формированию прусской культуры. Активность видивариев на границе германского и балтского миров совпадает с двумя волнами поступления имперского монетного золота в Балтию в эпохи императоров Феодосия II и Анастасия I[267].

Усиленная видивариями, интернациональная прусская дружина пыталась возродить былое значение Янтарного пути. Это засвидетельствовано существовавшей до 526 г. перепиской пруссов с готским королевством в Италии, возникшим на развалинах части Римской империи. Готский король Теодорих Великий (правил Италией и рядом регионов в Среднем Подунавье и на западе Балкан в 493—526 гг.) получил в своей столице Равенне некий янтарный дар от жителей Самбии и передал с их по-

[265] *Кулаков В. И.* Что мы знаем о древних пруссах. С. 41.

[266] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: I—VI вв. М., 1991. С. 109, 111.

[267] *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 г. М., 2003. С. 250.

сланцем ответные дары и благодарственное письмо[268].

Одна из специфических черт материальной культуры населения уникального для Балтии V в. исторического ландшафта Хайллибо (Chrono-Haillibo) (от святилища и грунтового могильника Młoteczno, woj. mazursko-warmińskie до городища и грунтового могильника Первомайское (Warnikam), Багратионовский район), занятого видиварiями, заключалась в симбиозе элементов провинциально-римского, германского и балтского прикладного искусства. Следует отметить, что в пределах Хайллибо зафиксировано самое крупное в Балтии скопление гидронимов древнегерманского происхождения. Они концентрируются в северо-восточной части этого микрорегиона и представлены названиями водных потоков Banava и Stradik. Одно из многочисленных названий земли пруссов — Ulmerigia, — известное по источникам XVI в.[269], имеет готское происхождение и складывается из holmr — «остров» и reiki — «царство»[270]. Если ойконим Ulmerigia не является прямым заимствованием из «Гетики» Иордана («...вскоре они (= готы) продвинулись <...> на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана...»[271]), то он мог возникнуть в среде видиварiев для обозначения их плацдарма в земле эстиев — Хайллибо и острова Бальга. Наличие трех кладов золотых предметов[272], обнаруженных в центре микрорегиона Хайллибо, позволяет предполагать его сакрализацию пришельцами-видиварiями.

Будучи втянутыми в сферу активности видиварiев, эстии во второй половине V в. начинают осваивать сначала левобережье реки Прохладная (Frisching) (в эпоху римского влияния — естественная граница между ареалами эстиев и восточных германцев), а затем и всю территорию Хайллибо. В середине V в. археологическими признаками воинских комплексов видиварiев являются фибулы со звездчатой ножкой и ножи-кинжалы, сменившие ранее распространенные на Самбии ножи типа Krummesser, сопровождавшиеся перевязями типа balteus Vidgiriai. К началу VI в. с традициями женских комплексов первого поколения потомков видиварiев связываются пластинчатые звериноголовые фибулы. Собственно прусские погребальные комплексы отличают арбалетовидные фибулы и биконические сосуды.

Кроме многочисленных археологических подтверждений факта участия видиварiев в формировании прусской культуры (германский по происхождению инвентарь погребений прусских дружинных вождей), следы видиварiев сохранились в прусских легендах. Видимо, ко времени, прошедшему между битвой при Недао и включением видиварiев в прусскую среду, следует отнести сообщение доминиканского монаха Симона Грунау, собравшего в своей «Прусской хронике» (1526) древнейшие местные предания. Он писал об установлении в земле пруссов власти пришельцев с запада — братьев-князей Видевута и Брутена. Имя одного из них — Видевут (готск. «Вещий») — перекликается с названием видиварiев. Этот этникон (скорее самоназвание членов социальной по своей сущности группы воинов) можно перевести с гот-

---

[268] *Кулаков В. И.* Что мы знаем о древних пруссах. С. 42.

[269] *Grunau S.* Preussische Chronik. Bd. I. S. 58. Anm. 1.

[270] *Braune W.* Gotische Grammatik. Halle, 1905. S. 159. (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte; [Bd.] I).

[271] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. ст., пер. [с лат.], коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С. 65.

[272] *Kulakov W.* Zespól dwóch złotych naszyjników/pierścien iz Młoteczna/Hammersdorf i grzywny typu R300 w krajach nadbałtyckich // Pruthenia. T. 14. Olsztyn, 2016. S. 45—47.

ского как «люди Видьи» (то есть Видевута прусских легенд[273]).

Прибывшие из Скандинавии (?) мастера-ювелиры ориентировали свою продукцию на тех членов местного дружинного общества, которые стремились манифестировать (в том числе через элементы своего убора) свою сопричастность с традициями германского мира[274], то есть были или считали себя потомками видиваріев. Археологическими индикаторами их древностей являются трехлучевые фибулы серии Krefeld, поясные наборы в стиле Sösdala, арбалетовидные фибулы с маской зверя (конец V в.). Около 510 г. такие фибулы начинают производиться в Скандинавии для балтских потребителей[275]. Представители верхушки дружинного слоя прусского общества конца V — начала VI в. ориентировались на скандинавские декоративные традиции, о чем свидетельствуют находки из могильников Первомайского (Warnikam) и Митино (Warten). Возможно наличие небольших «гарнизонов» западных германцев меровингского времени по западному отрезку Янтарного пути, пролегавшего по южному краю Балтики[276]. Скромные по своему оформлению трехлучевые фибулы серий Krefeld и Гурзуф со звериными головками, восходящие к дунайским традициям, могли принадлежать менее высокопоставленным членам общества видиваріев.

Связанные своим происхождением с Ютландом воины-переселенцы, известные в устье реки Вислы как «видиварии», и два поколения наследников их традиций, жившие в первое столетие существования прусской культуры, удивительным образом напоминают «кимбров» и «брутенов» прусских легенд, под руководством братьев-князей Видевута и Брутена, якобы в 514 г. покинувших «Кимбрию» (Ютландию?) и переселившихся на Янтарный берег[277].

Одним из самых ранних показателей этого процесса является захоронение скандинавского вождя, обнаруженное в конце июля 1997 г. калининградским археологом К. Н. Скворцовым на северной окраине современного города Гурьевска. Здесь, на могильнике Кляйнхайде, было найдено погребение знатного северянина, сопровождавшегося в мир иной двумя соплеменниками, которые входили в состав его личной дружины. Сложенная из камней ладья с камерой в центре, в которой были помещены в VI в. эти захоронения[278], символизировала привычный для культа островов Южной Скандинавии (Борнхольм и Готланд) транспорт для перемещения в мир богов.

С третьей четверти VI в. до конца VIII главной военной силой в Среднем Подунавье стали новые пришельцы с востока — авары. Обосновавшись к 562 г. в степном регионе в междуречье Дуная и Тисы, они создали свое государство и покорили местные племена, среди которых были гепиды и лангобарды. Как показывают находки, сделанные при раскопках грунтовых могильников в западной части Мазурского Поозерья, признавшие власть аваров от-

---

[273] *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 г. С. 250, 251.

[274] *Кулаков В. И.* Серии трехлучевых фибул с маской зверя на ножке в исторической Пруссии // Stratum plus. 2011. № 5. С. 119.

[275] *Кулаков В. И.* Арбалетовидные фибулы со звериным орнаментом // Slavia Antiqua. T. 53. Poznań, 2012. S. 140—143.

[276] *Kulakov V.* Légionnaires romains et guerriers mérovingies sur la côte d'Ambre // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne. Namur, 2005. P. 141.

[277] *Кулаков В. И.* Сообщение Симона Грунау о культовом центре Ромове-Рикойто // Предания, мифы и легенды Древней Пруссии — Tales, Myths and Legends of Ancient Prussia — Opowieści, mity i legendy starożytnych Prus. Ольштын, 2015. С. 85—91.

[278] *Kulakov V.* La terre prusse entre Scandinavie et Orient // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, Réalités Byzantines. T. 7. Paris, 2000. P. 283—298.

дельные отряды упомянутых германцев проникли на южную границу балтского мира. Этот набег был, скорее всего, ориентирован на возрождение деятельности Янтарного пути, уничтоженного ранее, в эпоху гуннских войн. В регионе Мазурских озер существовали в то время богатейшие янтарные месторождения, и авары, возможно, предполагали начать экспорт местного янтаря в Византию. В «Прусской хронике» говорится о том, что пруссы были вынуждены платить грозным пришельцам непосильную дань продуктами питания (прежде всего — копченой рыбой) и отдавать в войско мазонов (враждебные пруссам жители Мазурского озерного края) своих детей[279]. Не исключено, что основным продуктом, поступавшим с Янтарного берега к «мазонам», был янтарь. Германцы, осевшие на Мазурах, поддерживали, судя по находкам западноевропейских фибул в их погребениях, тесные (матримониальные?) связи со своими соплеменниками на западе континента.

В конце VII — начале VIII в. резко прекращается функционирование мазурских могильников, на которых к тому времени стали появляться и собственно аварские артефакты. Наиболее престижные предметы из мазурских комплексов внезапно оказываются в погребениях знатных прусских воинов. Этот феномен может быть результатом битвы пруссов с «мазонами», в которой пришельцы с юга потерпели поражение, их вещи в виде трофеев перешли к победителям. Симон Грунау сообщает: «...и разбит был Антонес, и низвергнут с Чинбехом, королем из Роксолании, и с людьми своими убиты, и после сожжения и разграбления (страны врагов) они (= пруссы) вернулись домой»[280].

Возможно, это историческое событие — победа пруссов над пришельцами с юга — было увековечено в исторической реликвии прусского народа — «кольце из Штробьенен»[281]. На «кольце» (вклейка, рис. 16) представлена пропущенная сквозь призму религиозных представлений картина схватки (возможно, ритуальной) вождей двух противостоящих воинств — Видевута и Антонеса из «Прусской хроники».

Ближе к концу VII в. исчезает былое обилие деталей местного погребального обряда. Обряд был жестко унифицирован, что предположительно можно связать со строгой регламентацией аспектов ритуала.

Произошедшие в V—VIII вв. перемены в прусском обществе отразились в создании на Самбии групп поселений, отличавшихся по своему расположению от аморфной структуры селищ эстиев римской эпохи. Пруссы создали на Янтарном берегу три поселенческие группы. В них ведущую роль играют открытые поселения на уступах моренной террасы. Обитатели этих поселений занимались добычей янтаря и соли, а также сельскохозяйственными работами и контролировали юго-западный отрезок трансбалтийского пути Самбия — Эйямыги, пролегавший через пролив Брокист[282].

Соседи пруссов. Ко времени сложения прусской культуры былое единство, которое составляли в начале нашей эры западные балты, давно распалось. Пруссы к VI в. занимали прибрежную зону юго-восточной Балтии, где на территорию Калининградской области приходится известная по позднейшим письменным источникам земля Самбия (Зеленоградский район) и части

[279] *Grunau S.* Preussische Chronik. Bd. I. S. 68.

[280] *Кулаков В. И.* Тюрки на Балтике // Материалы по истории Калмыкии. Элиста, 1991. С. 141.

[281] *Кулаков В. И.* Население Балтийского региона в эпоху Меровингов // Эпоха Меровингов: Европа без границ. Мюнхен, 2007. С. 144.

[282] *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 г. С. 127. Рис. 38.

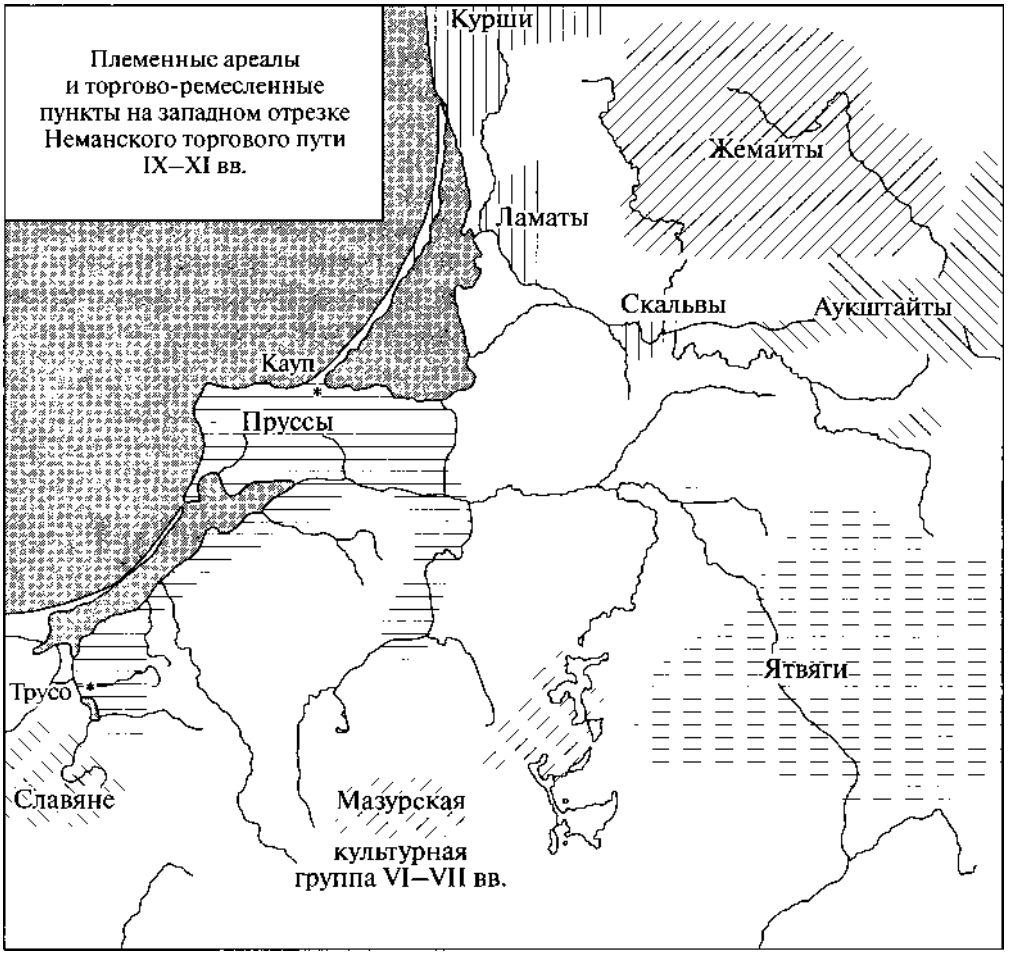


Рис. 10. Племенные ареалы в юго-восточной Балтии в эпоху раннего Средневековья

земель Натангии и Вармии (Багратионовский район) (рис. 10). С востока простиралась казавшаяся необъятной лесная пустошь, являвшаяся границей между пруссами, судинами-ятвягами, скальвами и ламатами. Последние два небольших племени обитали в низовьях реки Немана. Древности южных скальвов известны в Славском и Неманском районах. С юго-запада с пруссами граничили редкие остатки германского населения.

По составу и облику инвентаря древности скальвов, как и современные им прусские, близки как кругу дунайских находок гуннского времени, так и материалу Самбии начального этапа прусской культуры. Распространение погребений с ножами-кинжалами позволяет предполагать тенденцию у видивариев и их потомков в конце V — начале VI в. двигаться от Самбии на восток, осваивая торговую трассу по реке Неману и выходя в лесные территории Верхнего Понеманья. Более поздним периодам истории скальвов соответствуют находки на могильнике Ржевское (Linkuhnen) (левый берег Немана, Славский район). Северо-восточная часть ареала скальвов занимала холмистый правый берег Немана, юго-западная, меньшая часть — левый, высокий берег реки.

Этнографическими признаками юго-восточных соседей пруссов — судинов — в

середине I тыс. н. э. являются каменно-земляные насыпи над трупоположениями, лепные сосуды с огрубленной внешней поверхностью и пальцевыми защипами. С VII по XI в. в восточной части Мазурского Поозерья и далее на восток их древности пока не известны. Вновь каменно-земляные курганы, перекрывавшие уже трупосожжения, появляются здесь в XI—XII вв., соответствуя потомкам судинов — летописным ятвягам. Их ареал охватывает Восточные Мазуры, Юго-Западную Литву (Сувалкия) и часть нынешней Гродненской области Белоруссии. Следует обратить внимание на соответствие ятвяжского племенного ареала распространению песчаных почв в Мазурском Поозерье. Ятвяжский «поселенческий остров» в окрестностях города Гусева (селище Гусев-1) также занимает микрорегион с песчаными почвами.

Часть II

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В КОНЦЕ I ТЫС. Н. Э. ОБРАЗОВАНИЕ РУСИ

СЛАВЯНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ИХ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Славяне в Восточной Европе. Картину расселения восточнославянских догосударственных общностей рисует древнерусский летописный памятник начала XII в. — Повесть временных лет. Согласно ее рассказу, на среднем Днепре, в районе будущего Киева, поселились *поляне*, к северо-западу от них, на правобережье правого притока Днепра, Припяти, — *древляне*, между Припятью и Западной Двиной — *дреговичи*, в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги — *кривичи*, на севере Восточной Европы, у озера Ильмень — *словене* (наименование, совпадающее с общеславянским), на левобережье Днепра, по рекам Десна, Сейм и Сула — *северъ* (более поздняя форма названия — *северяне*), на Западном Буге — *бужане* (позже именовавшиеся *волынянами*), на реке Сож (левом притоке Днепра, севернее Десны) — *радимичи*, на верхней Оке — *вятичи*, в Поднестровье (и вплоть до низовьев Дуная) — *уличи* и *тиверцы*[1].

Повесть временных лет создавалась в эпоху, когда эти общности в Восточной Европе уже были сравнительно далеким прошлым (последние из них утратили самостоятельность в конце X в.). Насколько точен летописец в своем изложении? Ответить на этот вопрос помогают иностранные источники, синхронные времени существования названных догосударственных образований.

Самым ранним источником, упоминающим восточнославянские общности, является так называемый «Баварский географ» — географическая записка, созданная в третьей четверти IX в. в Восточнофранкском королевстве. Здесь наряду с западнославянскими общностями названы и некоторые восточнославянские — уличи, бужане и волыняне[2].

В середине X в. византийский император Константин VII Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» уделил немало места Руси — в то время формирующемуся государству. Говоря об отношениях Руси с соседями, Константин упоминает ряд «славиний» (так обобщенно именует автор славянские догосударственные общности), зависимых от русских князей. Среди них названы известные по рассказу Повести временных лет кривичи, древляне, дреговичи, север, уличи, а также лендзяне (скорее всего, тождественные волынянам или их части)[3].

Таким образом, зарубежные источники во многом подтверждают сведения Повести временных лет о составе восточнославянских общностей. Данные же археологических исследований помогают установить время их оформления.

Общности полян, древлян, дреговичей и бужан-волынян сформировались в пределах археологической культуры Луки-Рай-

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 5—13; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 5—10.

[2] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 13—16.

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44—45, 50—51, 156—157, 390.

ковецкой (VIII—IX вв.), занимавшей территории от среднего Днепра на востоке до верховьев Западного Буга на западе. Общности северян соответствует роменская археологическая культура на левобережье среднего Днепра VIII—X вв. С конца VIII—IX столетия фиксируются памятники радимичей на Соже и вятичей на Оке[4]. Наиболее дискуссионным остается вопрос о времени расселения самых северных общностей — кривичей и словен. Существует точка зрения о появлении кривичей на севере Восточной Европы очень рано — в V в., но есть исследователи, которые склоняются к VIII и даже IX столетиям. В отношении расселения словен у озера Ильмень и по реке Волхов назывались как VII, так и VIII и IX вв.[5] Новейшие данные археологии говорят в пользу появления здесь первых славянских поселенцев в VII в.[6]

Центрами «славиний» становились укрепленные поселения — *грады*. По летописным данным, у полян в такой роли выступал Киев[7], у древлян — Искоростень[8], у кривичей — Полоцк и Смоленск (последний в IX—X вв. располагался, скорее всего, западнее позднейшего города, на месте археологического комплекса Гнёздово)[9], у словен — Новгород (в IX в. так называлось, вероятнее всего, поселение в 2 км от позднейшего города, получившее в дальнейшем название Рюрикова городища)[10], у уличей — Пересечен[11] (располагавшийся, согласно одной точке зрения, на Днепре ниже Киева, согласно другой — в Приднестровье)[12]. Местоположение главных центров остальных крупных «славиний» Восточной Европы остается дискуссионным или не вполне ясным.

Общественное устройство раннесредневековых славян. Если в VI в. источники знают только два названия для славяноязычных общностей — собственно *словене* и *анты*, то со следующего, VII в., начинают упоминаться названия отдельных славянских группировок. В исторической литературе их принято именовать «племенами». Однако слово «племя» в Средневековье применялось в других значениях[13], и догосударственные славянские общности VII—X вв. никогда им не обозначались. Таким образом, в их отношении оно представляет собой чисто условный научный термин. «Племенами» же в научном смысле принято называть общности людей, ос-

[4] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 133—140, 143—156; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII в. М., 1981. С. 12—41.

[5] См.: *Лопатин Н. В.* Основные концепции заселения славянами северо-запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 51-го научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. Псков, 2006. С. 333—341.

[6] См.: *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья. М., 1997. Подробно об археологических памятниках славян Восточной Европы см. ч. 1, гл. 2.

[7] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9—10.

[8] Там же. Стб. 55, 58—59.

[9] Там же. Стб. 10, 20; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 135—154.

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 20; *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 108—119.

[11] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 109.

[12] См.: *Рабинович Р. А.* В поисках достоверной локализации летописного Пересечена // В камне и в бронзе: Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб., 2017. С. 485—498. (Труды ИИМК; Т. 48).

[13] Так, в Повести временных лет это слово встречается в значении «потомки» — при изложении библейских сюжетов («племя Афетово», «племя Хамово»), по отношению к аварам («их же несть племени, ни наслѣдъка») (ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 4—5, 7, 12, 20, 93, 96—97, 183, 234), но к восточнославянским группировкам, о расселении которых по Восточной Европе в летописи подробно рассказано, не применяется ни разу.

нованные на кровнородственных связях. Но есть основания полагать, что славянские догосударственные общности раннего Средневековья племенами не являлись.

В последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический строй до Нового времени, специалисты по политической антропологии пришли к выводу, что племя не перерастает в государство (как считалось в науке XIX — середины XX в.). Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom* (от англ. *chief* — «вождь»), что обычно переводится на русский язык как «вождество»[14]. При этом стадия вождеств подразделяется на несколько этапов: наиболее признанным является деление вождеств на простые и сложные. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем существуют старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. При этом вождества, по наблюдениям этнологов, возникают не в результате эволюции племен, а как результат объединения нескольких более мелких, чем племя, группировок — общин. Сложные вождества включают в себя подчиненные простые вождества, у власти в них находится правящий клан. Иногда выделяют также стадию сверхсложных вождеств, в которых главенствующей общности подчинены сложные вождества. При переходе от вождества к государству власть на местах переходит от местных знатных родов к наместникам верховного правителя, вместо сбора дани формируется более сложная налоговая система.

Таким образом, вопрос о стадии развития славян, в том числе восточных, в раннее Средневековье должен стоять так: славянские догосударственные общности были племенами или вождествами?

Традиционное мнение о племенном устройстве раннесредневековых славян вызывает сомнение при обращении к этнонимам — названиям их группировок, которых известно около сотни. Среди них преобладают наименования, которые могли появиться только после заселения той или иной территории, — в первую очередь отражающие характер местности[15]. Они не могли возникнуть раньше обоснования на новом месте. Между тем для племен в научном смысле этого термина свойственна устойчивость самоназвания — одного из главных индикаторов этнической общности. Признание того, что у славян после Расселения VI—VIII вв. на территориях Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы происходила в массовом порядке смена этнонимов, ведет к неизбежному выводу, что в процессе миграции у них произошла ломка старой племенной структуры. Об этом же говорят и случаи, когда одни и те же названия встречаются в разных регионах расселения славянства. Это такие этнонимы, как сербы, хорваты и дулебы: сербов в раннее Средневековье видим как на Балканском полуострове, так и в междуречье Эльбы и Заале, хорватов — на Балканах, в Чехии, на верхней Эльбе и в Восточном Прикарпатье, дулебов — на Западном Буге, в Чехии, в Паннонии. В отличие от остальных славянских этнонимов раннего Средневековья, имеющих суффиксы *-ан-/-ян-* (типа *поляне, древляне, моравane*) или *-ич-* (*кривичи, вятичи, лютичи* и т. п.), эти

[14] См.: *Service E. R.* Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution. New York, 1975; *Carneiro R. L.* The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge; New York, 1981; Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М., 2004. С. 149—192.

[15] См.: *Горский А. А.* Славянское Расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 2011. С. 135—154.

названия бессуффиксные. Возможно, они и являются наименованиями «старых» племен, распавшихся в ходе Расселения: их осколки в некоторых регионах сохранили память о старом этнониме. Остальные же названия славянских догосударственных общностей возникли в ходе и после миграций.

Что касается знати — основного показателя уровня политического развития, то у славян, соприкасавшихся с Византийской империей и заселивших Балканский полуостров, вожди и знатные роды фиксируются с VI в., у славян, соприкасавшихся с Франкским государством, — с VII столетия. В VIII — начале IX в. у тех и других несомненно существовала практика передачи власти по наследству[16]. Данные о знати у восточных славян до прихода варяжских князей и утверждения их непосредственной власти на тех или иных территориях Восточной Европы немногочисленны, но дают основания полагать, что ее характер принципиально не отличался от других регионов расселения славянства.

Повесть временных лет во вводной, недатированной части после рассказа о возникновении Киева отмечает, что по смерти Кия и его братьев, основателей города, у полян стал княжить их род: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ». Далее говорится, что такие княжения были и у ряда других общностей: «...а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане»[17]. Речь идет о правлении в этих группировках своих княжеских родов[18]. В рассказах Начального свода конца XI в. (дошедшего в составе Новгородской первой летописи младшего извода) и Повести временных лет об убийстве древлянами киевского князя Игоря Рюриковича и последующей мести его вдовы Ольги за убийство мужа (945) упоминаются «князь деревский» Мал, другие древлянские «князи», которые «расплодили» (в Повести временных лет — «распасли») Древлянскую землю, а также «лучшие» и «нарочитые» «мужи», отправляемые с посольством в Киев[19]. В «Поучении» Владимира Мономаха при упоминании войны начала 1080-х гг. с вятичами (еще не до конца покоренными в то время) называются их предводители — Ходота и его сын[20]. Это говорит о наследственном характере княжеской власти (независимо от того, правил ли сын Ходоты одновременно с отцом под его верховенством, или получил власть после его гибели).

Нет оснований, таким образом, сомневаться в том, что у восточных славян вожди-князья[21] существовали до появления

[16] См.: *Горский А. А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 37—40.

[17] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10.

[18] Подозревать летописца в вымысле нет оснований, так как он исходил из монополии на власть Рюриковичей и упоминание других княжеских династий с этой тенденцией расходилось. Примечательно, что автор Повести временных лет и его предшественник — составитель Начального свода конца XI в. отказывают в княжеском достоинстве Аскольду и Диру, предшественникам Олега и Игоря на киевском княжении (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; НПЛ. С. 107), но за предшественниками Аскольда и Дира, правителями полян, это достоинство автором Повести временных лет признается. Разумеется, Кий и его братья — фигуры легендарные, но показательно, что устная традиция донесла до летописцев представление о древности самого института княжеской власти.

[19] НПЛ. С. 110—112; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55—57. Здесь вымысел исключен, так как речь идет уже об «исторической» эпохе; сведения об Ольге и древлянах представляют собой обработанные летописцем дружинные предания.

[20] «...а въ Вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248).

[21] Термин «князь» — общеславянский (см.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Т. 13. М., 1987. С. 201). Наиболее раннее упоминание термина «князь», а не его греко- и латиноязычных аналогов — у арабоязычного автора Ибн Хордадбеха (середина или вторая половина IX в.) (Bibliotheca geographorum arabicorum. T. 6. Lugdini Batavorum, 1889. P. 16—17; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3: Восточные источники / Сост.: Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009. С. 25).

князей «варяжского» происхождения — Рюрика и его потомков. Другие категории знати упоминаются только в отношении древлян середины X в., но относятся к обществу, еще не подчиненному власти Киева непосредственно, то есть восходят к «доваряжской» эпохе. Возможно, по уровню развития знати восточные славяне отставали от славян, непосредственно соседствовавших с Византией и Франкским государством, но такое отставание вряд ли было значительным[22]. В пользу близости уровня политического развития славян Восточной Европы и славян других регионов говорит их этнонимия. Почти все этнонимы восточных славян имеют суффиксы (в то время как названия древних славянских племен были, как сказано выше, скорее всего, бессуффиксными[23]), совпадает с другими регионами и соотношение типов названий[24].

Таким образом, в ходе Расселения VI—VIII вв. у славян произошел слом старой племенной структуры. В результате миграций сложились новые общности, еще не являвшиеся государствами, но уже представлявшие собой территориально-политические по своей природе образования[25]. Общепринятого терминологического обозначения они не имеют. Называть раннесредневековые славянские, в том числе восточнославянские, догосударственные общности «племенами» неверно с фактической точки зрения. Термин «вождество» является условным научным понятием. В славянском языке того времени обобщающего понятия для этих образований не существовало[26]. Но в Византийской империи, могущественном соседе славян, вынужденном уступить им часть своей территории, такое обозначение возникло. Здесь славянские догосударственные общности, причем проживавшие как на Балканском полуострове, так и в отдалении от границ империи (в том числе в Восточной Европе[27]), именовали «славиниями» (Σκλαβινία) — термином, образованным от слова «славяне»[28]. Следовательно, этим понятием правомерно пользоваться в качестве условного обозначения данных общностей.

Поляне. Поляне (то есть жители «поля» — открытого пространства) обитали в VIII—IX вв. в Среднем Поднепровье, в лесостепи, на территории от впадения в Днепр реки Десны на севере до реки Рось на юге. Центром полян был Киев. После вокняжения в конце IX столетия в Киеве Олега земля полян стала территориальным ядром государства Русь. Этногеографические особенности полян быстро исчезли.

---

[22] Оно могло отчасти нивелироваться благодаря притоку в Восточную Европу в VIII—IX вв. славянского населения из придунайских областей, прослеживаемому по материалам археологии (см.: *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 531—551; *Щеглова О. А.* Волны распределения вещей из Подунавья на северо-восток в VI—VIII вв. как отражение миграций или культурного влияния // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 49. СПб., 2009. С. 39—65).

[23] См.: *Горский А. А.* Славянское Расселение и эволюция общественного строя славян. С. 149—150.

[24] См.: Там же. С. 137—146.

[25] Сходный процесс имел место в ходе Великого переселения народов у германцев. Так, из множества упоминаемых Тацитом германских племенных названий I в. н. э. до VI столетия, когда завершились германские миграции, «дожило» всего четыре — свевы, лангобарды, фризы и свеоны.

[26] В древнерусских текстах, когда речь шла о территории, занимаемой той или иной догосударственной общностью, использовались названия, образованные от этнонимов: так, «вятичи» было названием и народа, и территории, территория расселения древлян именовалась «Дерева» или «Деревы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247—248; Т. 2. Стб. 28, 292, 299, 310—311, 336, 342, 368, 371, 374, 384, 455, 459, 468, 502, 509, 537, 637).

[27] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 44—45, 50—51, 156—157.

[28] См.: *Литаврин Г. Г.* Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 192—202.

В XII в., после распада Руси на отдельные земли, бывшая полянская территория вошла в состав Киевской земли.

Во вводной части Повести временных лет после рассказа о расселении славян следует повествование о возникновении центра полян — Киева. Его основание приписывается трем братьям — Кию, Щеку и Хориву; название города выводится от имени старшего из братьев. При этом летописец полемизирует с некими современниками, которые считали, что Кий был перевозчиком через Днепр, и доказывает, что он был князем полян[29].

Долгое время в науке преобладало доверие к этой летописной легенде. Предпринимались даже попытки определить примерное время деятельности Кия (курьезным побочным результатом таких усилий стало празднование «1500-летия Киева» в 1982 г.). Ныне, напротив, преобладает скептическое отношение к исторической достоверности этой легенды. Предложена другая этимология названия города: слово «Киев», имеющее соответствия в разных частях славянского мира, восходит не к личному имени, а к особенностям ландшафта[30]. Нет пока ясности и с историей укрепленных поселений на месте города: одни археологи считают возможным говорить о непрерывности существования укрепленного поселения с VI столетия, другие в этом сомневаются[31].

Древляне. Древлянами (от слова «дерево», то есть живущие в лесах[32]) именовалась «славиния», занимавшая территорию к западу от Днепра по правым притокам реки Припять — Ужу и Тетереву. Древляне были соперниками полян за преобладание в среднеднепровском регионе. Их главным центром являлся Искоростень. В конце IX в. древляне были подчинены Олегом и стали платить дань Киеву. Но после смерти Олега его преемнику Игорю пришлось покорять древлян вновь. В 945 г. древляне во главе со своим князем Малом восстали против попытки Игоря собрать с них дань сверх положенной нормы, в результате чего киевский князь был убит. Вдова Игоря Ольга в ответ разгромила землю древлян и подчинила их непосредственно власти русских князей[33]. Позже, в XII столетии, бывшая древлянская территория оказалась в составе Киевской земли.

Дреговичи. «Славиния» дреговичей (от «дрегва» — болотистое место[34]) занимала территорию по реке Припять, преимущественно на левом, северном ее берегу (Припятское Полесье). В X в. дреговичи платили дань киевским князьям, сохраняя внутреннюю самостоятельность[35]. В конце X в. их земли перешли под непосредственную власть Киева. Здесь возникла волость с центром в городе Туров. В XII в. бóльшая часть бывшей дреговичской территории оказалась в составе Турово-Пинской земли, меньшая (северная) вошла в состав Полоцкой земли.

Волыняне. Волынянами именовалось восточнославянское население, жившее между рекой Западный Буг и правобережной частью бассейна реки Припять. В IX —

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9—10.

[30] *Роспонд С.* Значение древнерусской ономастики для истории: К этимологии топонима Киев // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 103—110; *Он же.* Miscellanea onomastica rossica, II. Еще раз о Киеве // Восточнославянская ономастика. М., 1979. С. 47—57.

[31] См.: *Комар А. В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Т. 4. Київ, 2005. С. 115—137.

[32] «...древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6).

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—60.

[34] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 536—537.

[35] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 50—51.

первой половине X в. помимо названия «волыняне» в этом регионе бытовали также этнонимы «бужане» (от наименования реки Буг) и «лендзяне» (их соотношение между собой и с понятием «волыняне» остается не вполне ясным). Волыняне были обязаны киевским князьям данью, а в конце X в. их территория перешла под непосредственное управление киевской княжеской династии, составив волость со столицей в городе Владимире Волынском (на притоке Западного Буга). Позднее, в XII в., на ее основе сложилась самостоятельная Волынская земля. Имя волынян дожило до современности в названии региона — Волынь.

Хорваты. Восточнославянские хорваты были осколком крупной славянской общности, в VI—VIII вв., в эпоху Расселения славян, распавшейся на несколько частей: одна мигрировала на Балканский полуостров (от них пошла ныне существующая народность хорватов), другая в Чехию, третья же осталась на прежнем месте обитания — в Восточном Прикарпатье и Верхнем Поднестровье[36]. До конца X в. прикарпатские хорваты сохраняли независимость, пока не были покорены киевским князем Владимиром Святославичем[37]. В XI в. на их территории сформировалась Теребовльская волость, а в XII в. бывшая земля хорватов вошла в состав Галицкой земли.

Уличи и тиверцы. Названия «уличи» и «тиверцы» носили самые южные из восточнославянских общностей. Уличи первоначально жили на Днепре южнее полян, но затем, не желая переходить под власть киевских князей, переселились на Южный Буг. Тиверцы же занимали территории Нижнего Поднестровья вплоть до устья Дуная[38]. И те и другие не покорились в конце IX — начале X в. Олегу. Игорю удалось с большим трудом подчинить уличей[39]. В середине X столетия места обитания уличей и тиверцев, находившиеся в степной зоне, были заняты кочевниками-печенегами; частично славянское население ушло в Верхнее Поднестровье, на территорию будущей Галицкой земли[40].

Северяне. Названием «северъ» (и позднейшим образованием от него — «северяне») обозначалась восточнославянская общность, занимавшая территорию на левобережье Днепра, в бассейнах рек Десны и Сейма[41]. В IX в. северяне находились в зависимости от Хазарского каганата, а с конца столетия стали платить дань киевским князьям[42]. К концу X в. их территория перешла под непосредственную власть Киева. Позже, в эпоху политической раздробленности, она оказалась в составе Черниговской и Переяславской земель.

Радимичи. Восточнославянская общность радимичей обитала по реке Сож, левому притоку Днепра севернее Десны. По легенде, зафиксированной Повестью временных лет, радимичи получили название от своего предводителя по имени Радим. В IX в. они платили дань Хазарскому кагана-

---

[36] См.: *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 131—133.

[37] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122.

[38] НПЛ. С. 109; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13.

[39] НПЛ. С. 109; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

[40] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 129—132. Существует точка зрения, что уличи и тиверцы — два названия одной и той же общности (*Казанский М., Цукерман К.* Уличи // Palaeoslavica. 2017. Vol. 25. № 2. С. 1—37).

[41] Их название восходит не к части света, а, скорее всего, к иранскому корню со значением «черный» (см.: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 138).

[42] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 204 (письмо правителя Хазарии Иосифа Хасдаю ибн Шапруту); *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 50—51; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

ту, а в конце этого столетия были покорены киевским князем Олегом[43]. Однако окончательно подчинение радимичей Киеву было закреплено только в 980-е гг., при Владимире Святославиче[44]. Впоследствии часть их территории вошла в состав Черниговской земли, а часть — в состав Смоленской.

Вятичи. Вятичами именовались славяне, расселившиеся в VIII—IX вв. по верхней и средней Оке. По донесенной Повестью временных лет легенде, они получили название от предводителя по имени Вятко. В IX — середине X в. вятичи платили дань хазарам. Они были подчинены власти Киева только в 960-е гг. Святославом Игоревичем, а в 980-е гг. Владимиру Святославичу пришлось вновь приводить вятичей в покорность[45]. Тем не менее вплоть до конца XI в. в земле вятичей продолжали существовать собственные правители, завершать их покорение пришлось Владимиру Всеволодичу Мономаху[46]. Бóльшая часть вятичской территории оказалась в XII столетии в составе Черниговской земли, меньшая (северо-восточная) — в составе Рязанской.

Кривичи. Восточнославянская общность кривичей занимала в IX в. обширную территорию в верховьях рек Западной Двины, Днепра и Волги[47]. В X—XI вв. кривичи приняли активное участие в славянской колонизации Волго-Окского междуречья. В IX в., вероятно, сильнейшей среди кривичей была группировка *полочан* (названных так по реке Полоте, притоку Западной Двины) с центром в Полоцке. В X в., после перехода части кривичей под власть киевских князей, важную роль стал играть Смоленск (на верхнем Днепре). С конца X — начала XI в. на кривичской территории образуются две волости — Полоцкая и Смоленская, позднее ставшие самостоятельными землями[48].

В литературе распространено мнение о существовании так называемых «псковских кривичей», занимавших район реки Великой. Но прямых данных об этом нет. Согласно летописному рассказу о приходе на княжение Рюрика, решение о его приглашении принимали словене, кривичи и меря (или чудь). Поскольку один из легендарных братьев Рюрика, Трувор, сел в Изборске (близ Пскова), предполагается, что он княжил в земле кривичей. Однако по такой логике место княжения еще одного «брата Рюрика», Синеуса, — Белоозеро — должно быть в земле мери или чуди. Однако Белоозеро находилось на территории иного финноязычного народа — веси. Вторым аргументом в пользу существования «псковских кривичей» является распространение на Псковщине культуры так называемых длинных курганов, в VIII—IX вв. характерной для смоленско-полоцкого региона и большинством исследователей считающейся кривичской[49]. Но псковские длинные курганы относятся к V—VI вв., и распространены они были и восточнее Псковщины, на территории будущей Новгородской земли. Тезис о принадлежности их кривичам и вообще славянам спорен[50].

Словене. Понятие «словене» служило в Средневековье обозначением как всех славяноязычных народов, так и — в некоторых случаях — отдельных славянских общно-

[43] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12, 19, 24.
[44] Там же. Стб. 83—84.
[45] Там же. Стб. 12, 19, 65, 81—82.
[46] Там же. Стб. 247—248.
[47] Там же. Стб. 10.
[48] См.: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII веках. М., 1966; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии.
[49] См. ч. 1, гл. 2.11.
[50] См. ч. 1, гл. 2.6.

стей (как правило, там, где славяне расселялись в окружении неславянского населения). Этим именем «прозвашася» славяне, расселившиеся в VII—IX вв. на севере Восточной Европы, у озера Ильмень[51] и по реке Волхов до Ладожского озера и реки Невы, по соседству с финноязычными народами. Поселенцы происходили, как показывают языковые данные, полученные в последние десятилетия (в первую очередь, из новгородских берестяных грамот[52]), из разных частей славянского мира (в том числе — из западнославянского региона, с Южной Балтики)[53]. Центром словен стал Новгород[54].

Именно в земле словен во второй половине IX в. обосновались варяжские князья, что положило начало приходу к власти на Восточно-Европейской равнине династии Рюриковичей. После того как Олег сделал в конце IX в. своей столицей Киев, земля словен стала форпостом государства Русь на севере. К XI в. термин «словене» вытесняется понятием «новгородцы». Потомки словен составили основу населения Новгородской земли, а также приняли участие в славянской колонизации междуречья Оки и Волги (территория будущей Суздальской земли).

---

[51] «Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря [и] прозвашася своимъ имянемъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6).

[52] См.: *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

[53] См.: *Янин В. Л.* Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 54—56; *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 34—35.

[54] В IX и отчасти X столетии так называлось поселение в 2 км от позднейшего города, ныне известное под названием Рюриково городище (см.: *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ РУСИ

Начальная история Руси вызывала и продолжает вызывать серьезные споры. Они вызваны объективными обстоятельствами: ранние известия об этнической общности и политическом образовании под названием *Русь* обнаруживают серьезные сложности источниковедческого характера. Связный рассказ о первых русских князьях и их деятельности читается в памятниках древнерусского Начального летописания. К ним относятся так называемый «Начальный свод конца XI в.», текст которого, по мнению большинства исследователей, дошел в составе Новгородской первой летописи младшего извода[1], и Повесть временных лет — памятник начала XII в. Хрестоматийной, закрепленной в учебной литературе и в конечном счете в отечественном массовом историческом сознании, является версия Повести временных лет.

Согласно этому летописному произведению, в середине IX в. народы севера Восточной Европы — словене, кривичи и их финноязычные соседи — *чудь* платили дань *варягам* «из заморья» (известие об этом помещено в Повести временных лет под 6367 г. от сотворения мира, то есть под 859 г. от Рождества Христова). В 6370 (862) г. они подняли восстание и изгнали варягов[2]. Но после этого начались внутренние усобицы, и словене, кривичи и чудь решили поискать себе князя на стороне. Они обратились к варягам, которые звались *русью*. На приглашение откликнулись три брата: старший из них, Рюрик, сел княжить в Новгороде (центре словен)[3], другой, Синеус, на Белоозере, третий, Трувор, — в Изборске (близ позднейшего Пскова). Двое дружинников Рюрика, Аскольд и Дир, спустившись по Днепру, вокняжились в Кие-

[1] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 9—17; *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012; *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. Существует и точка зрения, что текст Новгородской первой летописи младшего извода за период до конца XI в. представляет собой сокращенный вариант Повести временных лет, см.: *Вилкул Т. Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. 2003. Vol. 11; *Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015. С. 40—43. Название «Начальный свод» является условным научным термином, в отличие от названия «Повесть временных лет», которое представляет собой реальный заголовок летописного памятника.

[2] Следует иметь в виду, что летописные датировки за IX в., а также в значительной мере за первую половину X в. неточны; хронологическая сетка Повести временных лет создавалась во второй половине XI — начале XII столетия, для раннего периода — на основе отрывочных данных (см.: *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 56—99).

[3] По версии, зафиксированной в тексте Повести временных лет по Лаврентьевской летописи, Рюрик сразу же сел в Новгороде (ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 20). По версии, отразившейся в Ипатьевской и Радзивилловской летописях, он сначала вокняжился в Ладоге — словенском городе на берегу Ладожского озера — и только затем построил Новгород и обосновался в нем (ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 14; Т. 38. Л., 1989. С. 16).

ве, в земле полян. По смерти Рюрика (879) остался его малолетний сын Игорь, до возмужания которого князем был родич Рюрика Олег. В 882 г. Олег совершил из Новгорода поход на Киев, убил Аскольда и Дира и объединил Киев и Новгород под своей властью[4].

Между тем версия Новгородской первой летописи (то есть, вероятнее всего, «Начального свода конца XI в.») во многом отличается от этого рассказа. Там события от изгнания варягов до захвата Киева преемником Рюрика не распределены на временном отрезке от 6367 (859) до 6390 (882) г., как в Повести временных лет, а все помещены под 6362 (854) г., и затем сразу же следует статья 6428 (920) г. Аскольд и Дир не связаны с Рюриком и занимают Киев до его появления в Восточной Европе. Варяги Рюрика не определены как «русь». По смерти Рюрика Игорь сразу становится князем, именно он захватывает Киев. Олег — всего лишь воевода при Игоре[5].

Поскольку авторы «Начального свода» и Повести временных лет работали спустя почти два столетия после описываемых событий, естественен вопрос, насколько соответствует действительности нарисованная ими картина, явно основанная на устных преданиях. Помочь прояснить его могут данные о ранней Руси, содержащиеся в известиях иностранных источников, синхронных событиям IX столетия. Их сведения (в отличие от Начального летописания — отрывочные) рисуют картину, в некоторых аспектах соответствующую той, которую дают «Начальный свод» и Повесть временных лет, но в других — отличающуюся от нее.

Первое по времени фиксации известие, упоминающее *русь*, содержится во франкских Бертинских анналах под 839 г. Здесь рассказывается, как к франкскому императору Людовику Благочестивому явились послы от византийского императора Феофила и с ними послы от народа «рос» (Rhos), ранее пришедшие в Византию: «он (Феофил. — *А. Г.*) прислал еще неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называются рос, и что король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он (Феофил. — *А. Г.*) просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император узнал, что они из народа свеев (sueones), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями, или нет. Об этом он не замедлил сообщить Феофилу через упомянутых его послов, а также через [собственное] послание, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить»[6].

Из рассказа Бертинских анналов ясно, что правитель Руси носил титул «хакан», а его послы имели скандинавское (шведское) происхождение. Неясным остается, где рас-

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19—24; Т. 2. Стб. 13—17; Т. 38. С. 16—17.

[5] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 105—107.

[6] Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. P. 19—20; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 19—21.

полагалась эта Русь во главе с «хаканом». Данные источника позволяют лишь утверждать, что не в Причерноморье, так как в таком случае никакие варварские народы не смогли бы воспрепятствовать возвращению послов на родину — им для этого достаточно было только пересечь море.

Византийский памятник — Житие Георгия Амастридского (написанное ранее 842 г.) — упоминает о нападении Руси (῾Ρῶς) на Амастриду, расположенную на малоазийском побережье Черного моря[7]. Откуда пришли нападавшие, остается неизвестным.

Сохранился целый комплекс сведений о походе Руси (῾Ρῶς) на столицу Византийской империи Константинополь в 860 г.[8], но они также оставляют много загадок. Исходная точка нападения является предметом спора. Согласно Повести временных лет, поход совершили Аскольд и Дир из Киева, но это — явный домысел, поскольку сам рассказ о походе полностью взят из византийских источников[9]. Существует мнение, что поход начался из Поволховья, из района Новгорода (Рюрикова городища)[10]. Но, как неоднократно указывалось в историографии, это вряд ли было осуществимо. Русское войско оказалось у стен Константинополя 18 июня[11]; с севера Восточной Европы к этому сроку доплыть до берегов Босфора после вскрытия рек ото льда было нереально[12]. С другой стороны, поход не мог начаться из Северного Причерноморья, так как константинопольский патриарх Фотий в своем послании упоминает, что напавшие «отделены» от Византии «судоходными реками и морями без пристаней»[13]. Следовательно, «росы» обитали не на азово-черноморском побережье, им пришлось преодолевать сначала реки и только затем море. Таким образом, сведения о походе 860 г. указывают, скорее всего, на пребывание руси севернее Причерноморья, но при этом не слишком далеко к северу.

Вероятно, к третьей четверти IX столетия относится упоминание руси в так называемом «Баварском географе» — географической записке, созданной в Восточно-франкском королевстве[14]. Здесь русь (Ruzzi) названа между хазарами (Caziri) и некими Forsderen liudi (одна из интерпретаций — древляне, то есть этноним признается немецкой калькой этого названия — «лесные люди»[15]). Локализациям упомянутых в «Баварском географе» народов посвящено несколько работ, и выводы авторов по тем или иным этнонимам существенно разнятся[16].

---

[7] *Бибиков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. [Т.] 2. М., 2009. С. 135—137. ῾Ρῶς (с долгим *о*) — традиционная византийская передача названия *Русь*.

[8] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000. М., 2003. С. 3—159.

[9] «Начальный свод», в отличие от Повести временных лет, не называет имен предводителей нападавших и помещает рассказ о походе ранее известия о появлении в Киеве Аскольда и Дира (НПЛ. С. 105).

[10] *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси, 750—1200 / Пер. Д. М. Буланина, Н. Л. Лужнецкой. СПб., 2000. С. 81—90; *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien état Russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. P. 106—113.

[11] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках. С. 155—156 (сообщение так называемой Брюссельской хроники).

[12] Там же. С. 82—83.

[13] Там же. С. 35.

[14] См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 51—70.

[15] См.: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 43 (здесь же о слабостях такой интерпретации).

[16] См.: *Херрманн И.* Ruzzi, Forsderenliudi, Fresiti: К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 163—169; *Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГВЕ. 1995. М.,

Тем не менее соседство с хазарами указывает скорее на юг, чем на север Восточной Европы. Данный источник, вероятнее всего, не знает народов, живших севернее параллели Южной Балтики: так, в нем не упомянуты славяне лесной зоны Восточной Европы.

Есть также сведения арабоязычных источников, из которых наиболее ранними считаются упоминания руси у Ибн Хордадбеха, хотя неясно, относятся они к середине или к 80-м гг. IX в. Ибн Хордадбех пишет о купцах-«русах» (*ар-рус*), которые являются «видом ас-сакалиба»[17]. «Сакалиба» — традиционное арабское обозначение славян[18]. Другой блок сведений, представленных у Ибн Русте (начало X в.) и ал-Гардизи (XI в.), восходит к источнику второй половины IX в. Упоминаемых здесь «русов» возглавляет «хакан». «Русы» собирают дань со славян. Живут они на острове[19].

Известия синхронных зарубежных памятников дают некоторые основания связать этнополитическое образование под названием Русь скорее с югом, чем с севером Восточной Европы, но при этом с территорией севернее причерноморской зоны. Во главе его стоял правитель с титулом *хакан*. Есть данные о присутствии среди руси выходцев из Скандинавии. При этом ни одного топонима или личного имени предводителя руси иностранные источники IX в. не знают.

В Начальном летописании при описании событий середины IX столетия обозначены два политических центра: на юге, в земле полян, — Киев, и на севере, в земле словен, — Новгород. В обоих имело место вокняжение варяжских предводителей: в Киеве (где ранее княжили Кий и его род) — Аскольда и Дира, в Новгороде — Рюрика. В этом отношении имеется определенное сходство с данными иностранных памятников: Бертинские анналы говорят о присутствии в окружении правителя Руси норманнов-свеонов. Кроме того, в письме франкского императора Людовика II императору Византии Василию I 871 г. упоминается «каган норманнов»[20]; Русь там прямо не названа, но, вероятнее всего, речь идет о ее правителе[21]; по Начальному летописанию, в то время (по Повести временных лет — с 862 г.) и в Киеве, и в Новгороде сидели князья варяжского происхождения. При этом, согласно зарубежным источникам, носители этнонима *русь* присутствовали в Восточной Европе ранее 862 и 854 гг. (когда они появляются там согласно Повести временных лет и «Начальному своду» соответственно), а их предводитель именовался титулом *хакан*.

Таким образом, в середине IX в. на восточнославянской территории (скорее всего — на ее юге[22]) фиксируется политическое образование под названием Русь. Его глава носил титул *хакан* (*каган*) — восточный,

---

1997. С. 271—282; *Witczak K. T.* Poselstwo ruskie w państwie niemieckim w roku 839: Kulisy śledztwa w świetle danych Geografa Bawarskiego // Slavia orientalis. 2013. T. 62. № 1. S. 25—43.

[17] *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 382—384.

[18] См.: *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

[19] *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. С. 387—390. Указание на островное положение «русов» породило множество версий о расположении их острова, ни одна из которых не может быть признана убедительно обоснованной (см.: *Коновалова И. Г.* Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X—XVI вв. // ДГВЕ. 1999. М., 2001. С. 169—189).

[20] Chronicon Salernitanum. Stockholm, 1956. P. 111.

[21] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 23—24 (комментарий А. В. Назаренко).

[22] В историографии, наряду с южной локализацией Руси во главе с хаканом (см. работу с аргументацией в ее пользу: *Назаренко А. В.* Русь IX века: Обзор письменных источников // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 13—35), существуют и точки зрения о его расположении в Поволховье (*Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси, 750—1200. С. 55—68; *Цукерман К.* Перестройка

тюрко-монгольский по происхождению, причем это было обозначение правителя максимально высокого ранга (выше хана)[23]. В Восточной Европе каганами назывались правители двух политических образований: Аварского и Хазарского. Аварский каганат, основанный во второй половине VI в. на среднем Дунае аварами — выходцами из Центральной Азии, включал в себя в качестве подвластного населения часть славян и просуществовал до конца VIII — начала IX в., когда был разгромлен императором франков Карлом Великим при решающем участии славян Подунавья. Хазарский каганат был основан тюрками-хазарами в VII в. на Дону и нижней Волге, и его данниками являлись некоторые «славинии» Восточной Европы — поляне, север, радимичи и вятичи[24]. Как правило, исследователи предполагают заимствование из более территориально близкого восточным славянам Хазарского каганата, полагая, что титул кагана был призван продемонстрировать равный статус правителя Руси с правителем Хазарии.

«Варяжский вопрос». В XVIII столетии началась долгая дискуссия о возникновении Древнерусского государства — так называемый спор «норманистов» и «антинорманистов». В ней следует выделять два этапа, в ходе которых дискуссия и названные термины имели различное содержание.

В XVIII—XIX вв. споры велись о том, кем были по этнической природе летописные *варяги*. Тех, кто считал, что они были скандинавами (по западноевропейской терминологии раннего Средневековья — «норманнами»), принято именовать «норманистами», тех, кто это отрицал, — «антинорманистами». При этом среди «антинорманистов» были сторонники отождествления варягов с разными народами (западными славянами, финнами, балтами и т. д.)[25]. Но ни «норманисты», ни «антинорманисты» XVIII—XIX вв. не сомневались, что Древнерусское государство было создано варягами, что приход в Восточную Европу Рюрика и его окружения — это и есть событие, с которого ведет начало русская государственность. Спор шел только об этнической принадлежности ее основателей.

К концу XIX — началу XX в. дискуссия практически прекратилась. Причиной этого было в первую очередь накопление научных знаний, особенно в области археологии и лингвистики. К тому времени начались археологические исследования русских древностей, и они показали, что на территории Руси в конце IX—X в. присутствовали тяжеловооруженные воины скандинавского происхождения. Это коррелировало с известиями письменных источников, летописей, согласно которым иноземными воинами-дружинниками русских князей были *варяги*. С другой стороны, лингвистические изыскания установили скандинавскую природу имен первых русских князей (Рюрика, Олега, Игоря, Ольги) и многих лиц из их окружения первой половины X в. (упоминаемых в летописи и в договорах Олега и Игоря с Византией). Из этого естественно

древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007. С. 343—351) или на верхней Волге (*Pritsak O.* The origin of Rus. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1981. P. 171—173).

[23] См.: *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159; *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 107—134.

[24] См. ч. 3, гл. 3, п. 3.1 и ч. 4, гл. 1.

[25] См. об этом: *Шаскольский И. П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 35—51.

следовал вывод, что носители этих имен имели скандинавское, а не какое-то иное происхождение.

Но в отечественной историографии XX столетия на проблему образования государства (как Руси, так и любого другого) начали смотреть существенно иначе, нежели ранее. Формирование государственности историки перестали отождествлять с возникновением правящей династии. Оно теперь рассматривалось как объективный процесс, требующий социально-экономических предпосылок и не зависящий от прихода к власти где-либо какого-то конкретного лица. Появление династии стало трактоваться как не более чем эпизод в длительном процессе государствообразования. Скандинавская же природа варягов была признана практически всеми исследователями (за единичными исключениями)[26]. Таким образом, «антинорманизм» советской историографии, о котором часто упоминают в современной литературе, — это совсем не то, что «старый» дореволюционный «антинорманизм». Если в дореволюционную эпоху споры велись о том, были ли варяги норманнами, то в XX столетии вопрос ставился иначе: основали ли варяги (= норманны) Древнерусское государство?

С конца VIII в. у скандинавских народов начинается так называемое «движение викингов» (оно продлилось до середины XI в.) — набеги норманнских дружин на соседние территории континентальной Европы, иногда приводившие к оседанию участников таких предприятий на тех или иных территориях (например, в Нормандии на севере Франции и на юге Италии). С IX в. археологически прослеживается присутствие выходцев из Скандинавии на Севере Восточной Европы, в X столетии — и на Юге, в Среднем Поднепровье[27]. Таким образом, нет оснований сомневаться в летописных известиях, согласно которым около середины IX в. в двух восточнославянских «славиниях» — у полян в Киеве и у словен в Новгороде — к власти пришли правители норманнского происхождения. Приглашение князя словенами и их союзниками говорит о достаточной развитости местного общества, о способности его представителей принимать «политические решения»[28].

---

[26] В последнее время предпринимаются попытки реанимации «старого антинорманизма» — тезиса, что варяги не были норманнами, см.: Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003. Между тем в течение XX столетия был накоплен значительный материал (в первую очередь археологический), оставляющий ныне намного меньше сомнений в тождестве варягов и норманнов, чем на рубеже XIX—XX вв. (а точнее, не оставляющий никаких сомнений). На территории Руси зафиксированы многочисленные погребения конца IX — X в., захороненные в которых люди были выходцами из Скандинавии (об этом говорит сходство погребального обряда и инвентаря с теми, которые известны из раскопок в самих Скандинавских странах). Они обнаружены и на севере Руси (район Поволховья—Приладожья), и на верхнем Днепре (район Смоленска), и в Среднем Поднепровье (район Киева и Чернигова), то есть там, где располагались главные центры формирующегося государства. По своему социальному статусу эти люди были в значительной своей части знатными воинами, дружинниками (см.: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 391—393, 405—407; *Мурашева В. В.* «Путь из ободрит в греки...»: Археологический комментарий по варяжскому вопросу // Российская история. 2009. № 4. С. 174—180). Чтобы отрицать в такой ситуации «норманство» летописных варягов (а летописи этим термином — «варяги» — именуют как раз дружинников иноземного происхождения), нужно допускать невероятное: что о воинах — выходцах из Скандинавии, от которых остались археологические свидетельства их пребывания в Восточной Европе, письменные источники умолчали, и, наоборот, те иноземные дружинники (нескандинавы), которые в летописях упоминаются под именем «варягов», почему-то не оставили следов в материалах археологии.

[27] См.: *Фетисов А. А.*, *Щавелёв А. С.* К исторической географии Восточной Европы IX в. 2: Карта скандинавских комплексов и артефактов // ДГВЕ. 2015. М., 2017. С. 278—328.

[28] Высказываемые время от времени в историографии сомнения в достоверности известия, что Рюрик был именно *приглашен* на княжение (а не получил его иным способом — например, путем силового захвата, завоевания), вряд ли имеют под собой основания. Летописный рассказ содержит противоречие: сначала

В середине IX в. среди предводителей норманнов известен из западных источников тезка Рюрика — датский конунг (князь) Рёрик. Он долгое время владел под верховной властью франкских императоров и королей Фризией (Фрисландией) — территорией в устье Рейна с крупным торговым городом Дорестад. Версия о тождестве Рёрика с летописным Рюриком, разделяемая многими исследователями, остается наиболее вероятной[29]. Она позволяет удовлетворительно объяснить, почему словене и их соседи, изгнав варягов, обращаются в поисках князя тоже к варягам. Варягами, взимавшими дань с населения Севера Восточной Европы, были несомненно территориально наиболее близкие к этому региону норманны из Средней Швеции (Свеаланда), в связи с этим естественно было призвать на княжение предводителя «других» норманнов — датских, который смог бы обеспечить защиту от возможных новых попыток свеев поставить под контроль Север Восточной Европы.

Значительная роль норманнов в событийном ряду периода образования Древнерусского государства сомнений не вызывает: скандинавское происхождение имела древнерусская княжеская династия, а также существенная часть окружавшей первых русских князей военной знати. В то же время специфических черт, которые могут быть связаны с воздействием варягов, в формировании Древнерусского государства не просматривается. Ранее Руси, в первой половине IX в., возникло первое западнославянское государство — Великая Моравия, прекратившее существование в результате нашествия венгров в начале X столетия. Западнославянские государства, сохранившие независимость, — Чехия и Польша — складывались одновременно с Русью, в течение IX—X вв. Говорить об ускорении норманнами процесса государствообразования на Руси, следовательно, оснований нет. Сходны были и характерные черты в формировании Древнерусского и западнославянских государств. И на Руси, и в Моравии, и в Чехии, и в Польше ядром государственной территории становилась одна из «славиний», а соседние постепенно оказывались в зависимости от нее. Во всех названных странах основной «государствообразующей» силой была княжеская дружина. Везде (кроме Моравии) наблюдается смена старых укрепленных поселений («градов») новыми, служившими опорой государственной власти. Таким образом, не видно следов воздействия норманнов и на характер государствообразования. Причина здесь в том, что скандинавы находились на том же уровне политического и социального развития, что и славяне (у них также государства формировались в IX—X столетиях), и сравнительно легко включались в процессы, шедшие на восточнославянских землях[30].

Но все же существует особенность в складывании Древнерусского государства, которую можно связать с ролью варягов, но не варягов вообще, а определенного их контингента. Это объединение всех восточных славян в одном государстве. Такого не произошло ни у западных, ни у южных славян (хотя и те и другие занимали много меньшую территорию, чем восточные славяне). Здесь, скорее всего, сказалось наличие сильного политического ядра — дружины первых русских князей, первоначально норманнской по происхождению. Однако это результат деятельности не вообще варягов, а именно Рюрика и его преемни-

говорится об изгнании варягов, а затем почему-то «изгнавшие» приглашают князя снова от варягов. Скорее всего, здесь отражены воспоминания о реальной последовательности событий.

[29] См.: *Пчелов Е. В.* Рюрик. М., 2010. С. 136—157; *Горский А. А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 82—111; *Он же.* Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014. С. 28—30.

[30] См.: *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 77—78.

ков, а также их окружения. Их роль явно отличалась от роли, которую играли варяги, приходившие в Восточную Европу до и после этого контингента. «Дорюриковы» норманны пытались взять под контроль участки речных торговых путей (подобно тому, как действовали их соплеменники на Западе, только там брались под контроль приморские участки): из Балтийского моря по Волге на Каспий (наиболее активно использовавшегося в IX в.), по Днепру в Черное море. Норманны, приходившие на Русь позднее, в X столетии, поступали на службу к киевским князьям, играли чисто функциональную роль дополнительной военной силы, и только некоторая часть их оседала на Руси. Напротив, Рюрик и его окружение, а также их потомки под предводительством князей — Олега, Игоря, Ольги, Святослава и Владимира — осуществляли объединение всех восточнославянских земель (и территорий некоторых финно-угорских общностей) под единой властью. Именно при них постепенно совершился переход к управлению территориями через наместников, то есть к новой, уже государственной, территориально-политической структуре[31].

Рюрик стоял во главе полиэтничного по сути объединения на севере Восточной Европы, в которое кроме норманнов и славян — ильменских словен и кривичей — входили финноязычные племена чуди, возможно, также *веси* (обитавшей в Юго-Восточном Приладожье и районе Белого озера) и *мери* (Волго-Клязьминское междуречье)[32]. В результате же обоснования преемников Рюрика на юге, в глубине славянских земель, возглавленное ими государство стало славянским, а скандинавская по происхождению часть элитного слоя быстро ассимилировалась в славянской среде.

Неясным остается происхождение названия *Русь*, ставшего обозначением государства и народа восточных славян. Многие исследователи возводят его к варягам, доверяя сообщению Повести временных лет, что *русью* звались варяги, пришедшие с Рюриком. Но еще в начале XX в. А. А. Шахматов показал, что отождествление варягов с Русью являет собой вставку в более ранний текст («Начального свода конца XI столетия»)[33].

«Начальный свод» (Новгородская первая летопись младшего извода): «Идоша за море к варягомъ и рькоша: „земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами“»[34].

---

[31] Возможно, столь успешная деятельность Рюрика и его преемников по установлению масштабной системы власти в Восточной Европе связана с тем, что родоначальник древнерусской княжеской династии и его дружина были людьми, хорошо знакомыми с самой развитой в то время западноевропейской государственностью — франкской. Рюрик (если верно его отождествление с Рёриком «Фрисландским») почти четыре десятилетия был ленником франкских императоров и королей, потомков Карла Великого. Он и его окружение (значительная часть которого были уроженцами уже не Дании, а Франкской империи), в отличие от большинства других норманнов той эпохи, должны были обладать навыками государственного управления. В последнее время исследователи разных стран все чаще обращают внимание на воздействие франкского общества на политическое развитие скандинавов и западных славян в раннее Средневековье, приходя к выводу о значительной роли контактов с франками для формирования государств в Центральной и Северной Европе. Не исключено, что и восточные славяне (у которых шли — в разных «славиниях» — процессы складывания *отдельных* государств) испытали такое воздействие: специфика состояла в том, что в данном случае оно исходило не от непосредственных соседей — имел место переход его носителей на значительное расстояние и интеграция в местное общество. Но поскольку дискуссия о происхождении Рюрика продолжается, такого рода суждения остаются на уровне гипотез.

[32] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20. Согласно Повести временных лет, во владения Рюрика входило Белоозеро, где жила весь, и Ростов, населенный мерей.

[33] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 298—300, 339—340.

[34] НПЛ. С. 106.

Повесть временных лет: «Идоша за море к варягом, *к руси; сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся свее, друзии же урмани, аньгляне, инъи и готе, тако и си.* Ркоша *русь* (вар.: *руси*) *чюдь, словене, кривичи и вся*: „Земля наша велика и обилна, а наряда в неи нѣтъ. Да поидете княжити и володѣть нами“»[35].

Достоверность этой вставки вызывает сомнения. Поэтому высказывалось мнение, что название *русь* существовало на юге Восточной Европы до прихода варяжских князей с их дружинами и только было воспринято последними. Этимология слова *русь* остается дискуссионным вопросом. Существуют версии о скандинавских его корнях; среди них наибольшей популярностью пользуется гипотеза о происхождении термина от древнескандинавского глагола со значением «грести»: предполагают, что словом, образованным от него, именовали себя дружины норманнов, приходившие в Восточную Европу на гребных судах; через посредство финской формы *ruotsi* термин трансформировался на восточнославянской почве в *русь* (ср. финск. *suomi* > др.-русск. *сумь*). Первоначально, согласно этой гипотезе, русью называлась варяжская дружина, то есть термин имел профессиональный, социальный, а не этнический смысл[36]. По другой версии, термин *русь* происходит от иранского корня со значением «светлый, белый» (восходящего к дославянской — сарматской эпохи — лексике Северного Причерноморья)[37]. Имеется и точка зрения о славянской этимологии названия *русь* — от цветового обозначения «красноватый, рыжий» или глагола со значением «течь»[38]. Вопрос остается предметом спора[39]. Ясно только, что *русь* появилась в Восточной Европе ранее Рюрика и его людей, поскольку даже при принятии даты приглашения Рюрика на княжение Повести временных лет — 862 г. — несколько известий о Руси — в Бертинских анналах, в Житии Георгия Амастридского, в сообщениях о нашествии на Константинополь 860 г. — относятся к более раннему периоду.

* * *

Даты деятельности Рюрика, приведенные в Повести временных лет, как говорилось выше, являются результатом реконструкции книжника начала XII в. Не исключено, что появление Рюрика в Восточной Европе имело место несколько позже — в 870-е или начале 880-х гг.[40] Соответствен-

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20—21; Т. 2. Стб. 14; Т. 38. С. 16. Курсивом выделен вставной текст.

[36] См.: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Эволюция названия «русь» в процессе становления Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24—38.

[37] См.: *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973. С. 437. О. Н. Трубачев возводил термин *русь* к индоарийской основе с тем же значением «светлый, белый», бытовавшей, по его мнению, в Северном Причерноморье (*Трубачев О. Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 220—260).

[38] *Роспонд С.* Miscellanea Onomastica Rossica // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1969. С. 43—47; *Максимович К. А.* Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006. С. 14—56. Распространенная некоторое время назад версия о связи названия *русь* и наименования реки Рось (правый приток Днепра южнее Киева) ныне признана ошибочной — эти два слова между собой не связаны.

[39] Нельзя исключать, что существовало два сходных названия — скандинавское, служившее одним из обозначений варяжских дружин, и южное, которое было одним из названий территории и/или населения Среднего Поднепровья. Сходство терминов могло привести к их актуализации и слиянию (см.: *Брим В. А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Ч. 1. Пг., 1923. С. 5—10; *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 45—46).

[40] См.: *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 105—106.

но, и захват Киева Олегом, возможно, произошел ближе к 900 г.[41]

Пределы подвластной Рюрику территории остаются не вполне ясными. Несомненно, в нее входили Новгород и Ладога. Повесть временных лет говорит о посажении Рюриком своих «мужей» в Полоцке и Ростове[42], но «Начальный свод» этого указания не содержит — возможно, оно является домыслом летописца начала XII в. С другой стороны, о княжении легендарных братьев Рюрика[43] в Белоозере и Изборске свидетельствуют оба памятника Начального летописания. Неясно, были ли Синеус и Трувор наместниками Рюрика, или возглавляли полусамостоятельные «вождества» — части словен в Изборске и веси на Белоозере. Но и «Начальный свод», и Повесть временных лет отмечают, что после смерти «братьев» Рюрик «прия власть един»[44], и по крайней мере тогда он должен был начать управлять Изборском и Белоозером через наместников. Наместничество же — уже черта не «вождества», а раннего государства[45].

Преемником Рюрика в качестве князя стал Олег; в данном случае верна версия Повести временных лет[46]. Согласно этому источнику, он после вокняжения в Киеве сделал своими данниками несколько «славиний» Юга Восточной Европы — древлян, северян и радимичей[47]. Хотя эта информация отсутствует в «Начальном своде», она, скорее всего, в своей основе достоверна, восходя к преданиям об Олеге, дошедшим до летописных времен[48].

Датировка перехода верховной власти от Олега к Игорю остается неясной, обе даты смерти Олега — и 922 г. «Начального свода», и 912 г. Повести временных лет — достоверными считаться не могут. Первое бесспорное деяние Игоря — поход 941 г., упомянутый и византийскими, и западноевропейскими источниками[49]. Приходится констатировать, что переход власти к Игорю состоялся между 911 (когда был

[41] В отношении деятельности Олега имеется одна бесспорная дата — 911 г., когда им был заключен договор с Византией (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 28). Предшествовавший договору поход Олега на Константинополь имел место, скорее всего, в 904 г. (см.: *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. М., 2011. С. 7—35; *Он же.* Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. 2012. № 1 (148). С. 83—89). До его начала Олег должен был какое-то время потратить на укрепление своей власти в Среднем Поднепровье.

[42] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

[43] Возможно, в братьев легенда превратила наместников Рюрика или союзных ему варяжских предводителей.

[44] НПЛ. С. 107; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

[45] См.: *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М., 2004. С. 149—192.

[46] Это следует из того факта, что в русско-византийском договоре 911 г. именно Олег выступает как «князь русский», Игорь там не упомянут (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23—28; I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente / Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. Roma; Mosca, 2011. P. 27—36).

[47] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

[48] См.: *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 67—71.

[49] Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 423.15—17 (Продолжатель Феофана); 747.12—14 (Псевдо-Симеон); *Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 2. Пг., 1922. С. 60.26—27; *Вилинский С. Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2: Тексты Жития. Одесса, 1911. С. 457—459; *Лиутпранд Кремонский.* Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Подгот. И. В. Дьяконов. М., 2006. С. 96—97; *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 57.

заключен договор Олега с Византией) и 941 гг.[50]

В отношении деятельности Игоря имеются сведения Начального летописания об укреплении им власти над древлянами и о покорении «славинии» уличей, ранее не подчинившейся Олегу[51]. Сведения из сочинения Константина Багрянородного о зависимых от Киева лендзянах[52] позволяют полагать, что при Игоре была подчинена и часть Волыни.

Процесс формирования государства не завершился ни с вокняжением Рюрика у словен, ни с утверждением Олега в Киеве. Основным его содержанием было расширение пределов власти русских князей. Вплоть до конца X столетия шло постепенное подчинение им восточнославянских общностей.

Как правило, подчинение происходило в два этапа. На первом зависимость «славинии» ограничивалась только выплатой фиксированной подати — *дани*. «Славиния» сохраняла собственных князей и полную внутреннюю «автономию». Дань собиралась путем *полюдья* — объезда киевскими дружинными отрядами территории подчиненной общности. Константин Багрянородный, рассказывая в гл. 9 своего трактата «Об управлении империей» (середина X в.) о Руси, писал следующее: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья. — *А. Г.*) выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется „кружением", а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев (древлян, дреговичей, кривичей и северян. — *А. Г.*) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками. — *А. Г.*) росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»[53]. Примечательно, что Константин приводит в своем тексте в греческой транскрипции славянский, древнерусский термин (известный из позднейших отечественных источников) — *полюдье*. Он объясняет, что полюдье — это круговой объезд подчиненных русским князьям «славиний». Причем из рассказа Константина ясно, что речь идет не об одном зимнем объезде всех названных общностей (как иногда предполагалось в историографии[54]), а о нескольких полюдьях: во-первых, слово «полюдье» приводится во множественном числе, во-вторых, говорится о неодновременном возвращении в Киев отрядов во главе с предводителями-«архонтами» («начиная с апреля <...> возвращаются в Киав»). Отряды дружинников, служивших русскому княжескому роду, с осени по весну объезжают территории восточнославянских общностей, «кормятся» там, собирают дань, значительную часть которой, по свидетельству того же Константина Багрянородного, везут летом на продажу в Константинополь[55].

В гл. 9 трактата Константина, повествующей о Руси, помимо рассказа о полюдье, называется несколько укрепленных поселений (автор определяет их через термин *κάστρον* — «крепость»). Рассказывая о сборе судов, отправляющихся затем в Византию для торговли, Константин отмечает: «[Да будет известно], что приходящие из

---

[50] В этом промежутке Повесть временных лет говорит лишь о двух деяниях Игоря: мире с печенегами (под 915 г.) и войне с ними (под 920 г.) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 32). Происхождение обоих известий остается неясным.

[51] НПЛ. С. 110; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 42.

[52] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44—45, 156—157.

[53] Там же. С. 50—51.

[54] *Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 38—49.

[55] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 46—49.

внешней Росии в Константинополь моноксилы[56] являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милинески, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочии Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство <...> снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр»[57].

В тексте упомянуты — с севера на юг — Новгород[58], Смоленск[59], Любеч[60], Чернигов, Вышгород, Киев и Витичев. Из фрагмента о сборе «моноксилов» прямо следует, что Киев являлся главным центром Руси, а в Новгороде сидел на княжении в качестве наместника киевского князя сын Игоря Святослав. Есть основания полагать, что и остальные пять укрепленных поселений не были центрами зависимых от русских князей «славиний» или местами, где правили независимые от киевского князя варяжские предводители, а управлялись наместниками («посадниками», по древнерусской терминологии) киевского князя.

В отношении Вышгорода (в 15 км от Киева выше по Днепру) существует известие Начального свода и Повести временных лет под 946 г. После рассказа о покорении Ольгой древлян говорится: «И возложиша на них дань тяжку, и двѣ части дани Кыеву идет, а третья Вышегороду ко Олзѣ; бѣ бо Вышегород Олгинъ град»[61]. Если ремарка об Ольге может быть комментарием летописца, объясняющим, почему треть дани шла в Вышгород, то сама фраза о распределении дани домыслом книжника явно не является, поскольку упоминание Вышгорода предыдущим текстом никак не мотивировано; перед нами, несомненно, припоминание некой реалии. В связи с этим примечательно, что принцип распределения дани совпадает с тем, который действовал, согласно летописной статье под 1014 г., по отношению к волости с центром в Новгороде: «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю дань Кыеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху въси князи (в Повести временных лет — «посадници». — *А. Г.*) новгородстии»[62]. В обоих случаях две трети дани отправляются в Киев, а одна остается в другом городе. Таким образом, для Вышгорода середины X в., то есть времени его упоминания в труде Константина

---

[56] «Моноксилы» — суда с килевой частью, выдолбленной из одного бревна (см.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 307—308. Коммент. 2).

[57] Там же. С. 44—47.

[58] «Новгороду» второй половины IX — X в. соответствует так называемое Рюриково городище (см.: *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 92—119).

[59] См.: *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 312—313. Коммент. 11. Смоленску X столетия, скорее всего, соответствует археологический комплекс Гнёздово.

[60] См.: Там же. С. 313. Коммент. 12.

[61] НПЛ. С. 113; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

[62] НПЛ. С. 168; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

Багрянородного, характерно распределение дани, имевшее место при посадническом (наместническом) управлении. Отсюда следует, что там, вероятнее всего, правил наместник киевского князя, к которому стекалась дань с древлян.

Витичев (на Днепре, в 60 км ниже Киева) в X столетии упоминается только в сочинении Константина Багрянородного. При этом обращает на себя внимание его характеристика — «крепость-пактиот росов». «Пактиотами» в других местах гл. 9 названы «славинии» — древляне, дреговичи, кривичи, северяне и лендзяне[63]. Термин «пактиоты» мог указывать как на данническое, так и на союзнические отношения, но в византийских источниках X в., в том числе в сочинениях Константина Багрянородного, при описании событий VII—X вв. термин *πάκτον* обозначал только дань[64]. Следовательно, определение Витичева как «пактиота» означает, что с этой крепости в Киев поступала дань, то есть местный правитель был зависим от киевского князя. С кого эта дань могла быть собрана? В гл. 37 трактата Константина Багрянородного как «подплатежная Руси» упоминается еще одна, помимо названных в гл. 9, «славиния» — уличи[65]. Согласно Начальному своду, уличи были покорены Игорем в начале 940-х гг. При этом источник указывает, что первоначально они жили на Днепре ниже Киева: «И примучи углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣньделду. И не вдадяшется единъ град, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдяще углицѣ по Днѣпру вънизъ, и посемъ приидоша межи Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо <...>. В лѣто 6448. В се лѣто яшася уличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взят бысть. В се же лѣто дасть дань на них Свѣнделду»[66]. Уличи, таким образом, были ближайшей к Витичеву «славинией». Правда, из летописного текста неясно, когда уличи ушли с Днепра — после подчинения киевскому князю или в более раннее время. Но даже если в 940-е гг. они обитали уже в районе Южного Буга и Днестра, все равно ближайшей к уличам русской крепостью оказывался именно Витичев. Однако «уличским» «градом» он несомненно не был — центром уличей в сообщении Начального свода выступает Пересечен. Следовательно, Витичев, скорее всего, играл ту же роль, что Вышгород в отношении древлян[67], — там концентрировалась дань с близлежащей «славинии», часть ее (вероятно, те же две трети) затем переправлялась в Киев. Можно предполагать, что в Витичеве сидел посадник киевского князя.

Расположенный в низовьях Десны Чернигов называется в договоре Игоря с Византией 944 г.: «...възмуть мѣсяцьное свое, сли слѣбное свое, а гостие мѣсяцьное свое, пѣрвое от града Киева, и пакы ис Чернигова, и ис Переяславля, и прочии городы»[68]. Согласно тексту статьи, в которой упоминается Чернигов, устанавливалась ответственность русского князя Игоря за поведение послов и купцов, приходящих из перечисленных, а также «прочих» городов: «Да запретить князь словомъ своимъ и приходящии Руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ ни в странѣ нашеи; и приходящимъ

---

[63] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 44—45, 50—51.

[64] *Synelli K.* Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus „πάκτον" im Rahmen der Entwicklung der internationalen Beziehungen von Byzanz vom 4. bis zum 10. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der römischen Spätantike. Athen, 1989. S. 234—250.

[65] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 156—157.

[66] НПЛ. С. 109—110.

[67] Археологические данные позволяют датировать основание Витичева серединой X в. (см.: *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 325).

[68] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 37; ср.: Т. 1. Стб. 48—49; I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente / Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. P. 72.

имъ да витають у святого Мамы, да послеть цесарьство ваше, да испишеть имена ихъ, и тогда възмуть мѣсяцьное свое, сли слѣбное свое, а гостие мѣсяцьное свое, пѣрвое от града Киева, и пакы ис Чернигова, и ис Переяславля, и прочии городы»[69]. Это значит, что Игорь имел властные прерогативы в отношении людей, приходящих из Чернигова, что объяснимо только в случае, если в Чернигове сидел зависимый от него правитель.

Что касается Любеча (на Днепре, выше впадения Припяти), то здесь мы имеем только известие Повести временных лет под 882 г. о посажении Олегом «мужа своего»[70]. Воспринимать его как достоверное нет оснований, особенно учитывая молчание об этом факте «Начального свода»[71]. Данных, позволяющих допустить, что Любеч был центром какой-либо «славинии» или что там находился независимый от Киева варяжский предводитель, нет.

В отношении Смоленска в «Начальном своде» говорится, что Игорь и Олег «налѣзоста Днѣпрь рѣку и Смолнескъ град»[72], а Повесть временных лет под 882 г. утверждает, что Олег «прия градъ и посади мужь свои»[73]. Во вводной части Повести временных лет Смоленск охарактеризован как город кривичей[74], то есть одной из «славиний», упомянутых среди «пактиотов» Руси Константином Багрянородным. Но археологическое изучение Гнёздовского комплекса (вероятнее всего, соответствующего раннему Смоленску) показало, что элитный слой здесь был представлен выходцами из Скандинавии. Это практически исключает возможность того, что в середине X в. Смоленск играл роль центра «славинии»[75]. С другой стороны, данного факта недостаточно для предположения о принадлежности Смоленска независимым от Киева варяжским предводителям, поскольку присутствие норманнов в это время прослеживается и там, где, несомненно, правили преемники Рюрика, в том числе в Киеве.

Из шести названных (помимо главного центра — Киева) в рассказе Константина Багрянородного поселений для четырех (Новгорода, Вышгорода, Витичева и Чернигова), таким образом, имеются данные в пользу того, что они управлялись наместниками киевского князя. Сопоставление рассказов о сборе «моноксилов» и о полюдьях наводит на предположение о параллельности списка крепостей и перечня «славиний», на которые распространялись полюдья. Если в Вышгороде концентрировалась дань с древлян, то Чернигов был наиболее подходящим местом для своза дани с северян, Любеч — с дреговичей, а Смоленск — с кривичей. По тексту Константина, все участники полюдий выходили из Киева и возвращались по окончании «кружений» туда же. Однако рассказ, как говорилось выше, явно подразумевает не одно большое «полюдье», а несколько «полюдий» — по каждой из «славиний»[76]. Известие Начального летописания о распределении древлянской дани с участием Вышгорода позволяет полагать, что дань свозилась в соответствующую той или иной «славинии» крепость, после чего две трети

[69] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 37; ср.: Т. 1. Стб. 48—49; I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente / Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. P. 71—72.

[70] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; ср.: Т. 2. Стб. 16.

[71] Ср.: НПЛ. С. 107.

[72] Там же.

[73] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; ср.: Т. 2. Стб. 16.

[74] «...кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины, и на вѣрхъ Днѣпра, ихъ же и городъ есть Смолѣнескъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8; ср.: Т. 1. Стб. 10).

[75] См.: *Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 242—273.

[76] См.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 60—62; *Горский А. А.* Первое столетие Руси. С. 23—24.

ее отправлялось в Киев. Вероятно, перед началом полюдий в каждую из крепостей прибывал отряд из Киева, который участвовал в сборе, контролировал распределение продукта и весной доставлял в столицу его «киевскую долю»; отсюда и представление византийского автора, что все участники полюдий осенью выезжают из Киева, а весной возвращаются туда. Общая картина политической системы Руси, рисуемая Константином, склоняет к мнению, что все названные поселения управлялись наместниками киевского князя[77].

Таким образом, на той территории, что в 940-е гг. находилась под непосредственной властью русских князей, а не относилась к зависимым «славиниям», уже функционировало наместничество — как минимум в большинстве перечисленных в сообщении Константина Багрянородного поселений, а вероятнее всего, во всех[78]. При этом несомненно существование в Восточной Европе в X столетии укрепленных поселений, в которых правили не связанные с киевской династией варяжские предводители: есть прямое известие о правлении такого предводителя, пришедшего «из-за моря», Рогволода, в Полоцке в 970-е гг.[79] Не исключено их наличие в Верхнем Поволжье (где присутствие скандинавов по материалам археологии прослеживается в течение всего X в.), в отношении которого нет данных о распространении власти русских князей до конца X столетия, кроме имеющегося только в Повести временных лет и, скорее всего, являющегося плодом реконструкции летописца начала XII столетия указания на посажение Рюриком своего «мужа» в Ростове[80].

Следовательно, в 940-е гг. источники фиксируют государство Русь на этапе формирования, когда есть ядро государственной территории, находящееся под непосредственной властью русских князей, — довольно узкая полоса, вытянутая с севера на юг, от Ладоги и Новгорода до Киева и Витичева, вдоль торгового «пути из варяг в греки», и зависимые «славинии» — древляне, дреговичи, север, кривичи, уличи, лендзяне (волыняне или их часть[81]), радимичи[82]. На данной стадии становления государственности важную роль играл фактор

---

[77] Тем не менее в современной историографии существует точка зрения, что до последней трети X в. наследники Рюрика владели только Киевом и окрестностями, а другие укрепленные поселения на «пути из варяг в греки» контролировались независимыми или только формально признающими их верховенство предводителями (см.: *Королев А. С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40-е—70-е годы X века. М., 2000; *Назаренко А. В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 49. СПб., 2009. С. 411—426; *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012. С. 377—440).

[78] Можно отметить, что, по археологическим данным, большинство из названных у Константина Багрянородного центров (Смоленск-Гнёздово, Чернигов, Любеч, Вышгород) существовали уже во времена Олега и возникли как укрепленные поселения примерно синхронно, на рубеже IX—X вв. (см.: Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 270—271, 338—341, 356—357; *Зоценко В.* Древнерусский Вышгород: Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник / Collectanea Borisoglebica. Вып. 1. Paris, 2009. С. 23—25). Это позволяет допускать, что они появились как опорные пункты русских князей после их закрепления в Киеве (для контроля над торговыми путями и близлежащими «славиниями»-данниками) и, следовательно, с самого начала управлялись их наместниками.

[79] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75—76.

[80] Там же. Стб. 20.

[81] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 390. Коммент. 15; *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 23—24.

[82] Радимичи в числе данников Руси у Константина Багрянородного не упомянуты, но, возможно, они подразумевались в его тексте под «прочими славянами», платящими дань русским князьям (*Константин*

внешней торговли: значительная часть продукта, собранного с данников, сбывалась на византийских причерноморских рынках.

Дань взималась со «славиний» в фиксированных размерах, в натуральной или денежной форме. Единицами обложения данью служили *дым* (то есть двор земледельца), *рало* и *плуг* (то есть хозяйство одной семьи, располагающей пахотным орудием)[83].

На втором этапе происходило непосредственное подчинение той или иной общности власти киевских князей. Местное княжение ликвидировалось, киевский князь начинал управлять «славинией» через своего наместника (как правило, родственника).

При княгине Ольге (945 — начало 960-х гг.), в начале ее правления, под непосредственную власть Киева была приведена земля древлян[84]. При Святославе Игоревиче в 960-е гг. состоялось подчинение вятичей — «славинии», до этого платившей дань не Киеву, а хазарам[85]. В 970 г., между двумя своими кампаниями на Балканах, Святослав произвел раздел территорий, подвластных киевской династии, между сыновьями: старший Ярополк был посажен в Киеве, Олег — в земле древлян, Владимир — в Новгороде[86]. Как видно, даже в это время территория, прямо управляемая «Рюриковичами», была вытянута довольно узкой полосой с юга на север. Из числа «славиний», обязанных только данью, вышли древляне, теперь подчиненные Киеву непосредственно, и добавились вятичи.

Решающие шаги к прямому подчинению власти Киева всех восточнославянских общностей были сделаны в правление Владимира Святославича. Владимир был младшим сыном Святослава; матерью его была ключница княгини Ольги Малуша. В 970 г., перед возвращением в Болгарию, Святослав отправил Владимира княжить в Новгород. В середине 970-х гг. старший из Святославичей — Ярополк, — ставший по смерти отца киевским князем, затеял войну с братом Олегом, княжившим в Древлянской земле. Олег Святославич погиб при попытке укрыться в городе Овруче, его владения были захвачены Ярополком. Владимир после этого бежал «за море» (к варягам), и Новгород также перешел под власть Ярополка. Но в 978 г. (по другой версии, в 980 г.) Владимир вернулся с наемным варяжским войском, изгнал наместников Ярополка и начал готовиться к схватке с братом за верховную власть на Руси. Сначала он захватил Полоцк, убил княжившего там самостоятельно князя Рогволода, а дочь его Рогнеду, просватанную за Ярополка, взял себе в жены. В том же году Владимир пошел походом на Киев. Ярополк был вынужден бежать, затем явился к Владимиру для переговоров и был предательски убит[87].

После своего вокняжения в Киеве Владимир подчинил вышедших из-под киевской власти вятичей, а также радимичей и привел в зависимость хорватов, обитавших в Восточном Прикарпатье, и так называемые «червенские грады» — территорию на восточнославянско-польском пограничье[88]. Но главным политическим деянием Владимира стал переход на всей восточнославянской территории (кроме земли вятичей, где в отдельных местах местные правители сохранялись до второй половины XI столе-

---

Багрянородный. Указ. соч. С. 50—51); о подчинении Олегом радимичей говорит Повесть временных лет, и нет достаточных оснований сомневаться в достоверности этого известия (см. выше примеч. 47).

[83] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17, 19, 24, 65, 81—82; НПЛ. С. 105, 117, 130.

[84] НПЛ. С. 110—113; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—60.

[85] НПЛ. С. 117; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65.

[86] НПЛ. С. 121; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

[87] НПЛ. С. 125—127; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75—78; Память и похвала князю русскому Владимиру // БЛДР. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 322.

[88] НПЛ. С. 130, 165; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81—84, 122.

тия) к непосредственному управлению из Киева через князей-наместников.

В Новгороде (земля словен) Владимир посадил старшего сына — Вышеслава (после его смерти — Ярослава), в Турове (дреговичи) — Святополка, в земле древлян — Святослава, в Ростове (территория финноязычной мери, колонизуемая славянами) — Ярослава (позже — Бориса), во Владимире Волынском (волыняне) — Всеволода, в Полоцке (полоцкие кривичи) — Изяслава, в Смоленске (смоленские кривичи) — Станислава, в Муроме (первоначально территория финноязычной муромы) — Глеба. Еще один сын, Мстислав, встал во главе Тмутороканского княжества — русского владения-анклава в Восточном Приазовье, с центром на Таманском полуострове, вне восточнославянской территории[89].

Подробный рассказ имеется только о непосредственном подчинении земли полоцких кривичей (полочан), которая была захвачена после отказа дочери местного князя Рогволода на сватовство со стороны Владимира (в то время еще новгородского князя)[90]. Территория волынян, центром которой становится при Владимире город, названный его именем и переданный под управление сыну Всеволоду, скорее всего, была подчинена в результате похода «на ляхов», датируемого Начальным летописанием 981 г.: «Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их: Перемышль, Червенъ и ины грады, еже суть и до сего дне подъ Русью»[91]. Летопись упоминает только о занятии так называемых «червенских градов», которые принадлежали на тот момент Польше и позже еще не раз будут переходить из рук в руки. Но расположенная рядом земля волынян вряд ли могла остаться не затронутой этим походом. О переходе этой территории под непосредственную власть Киева летописец специально не упомянул, по-видимому, потому, что вокруг нее позже не было коллизий, подобных тем, что коснулись «червенских градов». Тмуторокань, относившаяся в прошлом к территории Хазарского каганата, вероятно, оказалась под русской властью в результате похода Владимира на хазар, упоминаемого в «Памяти и похвале» Владимиру Иакова мниха[92]. Ростов и Муром, как говорилось выше, вряд ли находились под властью русских князей уже во второй половине IX в., как утверждает Повесть временных лет (но не «Начальный свод»)[93]. Скорее всего, территории мери и муромы были подчинены во второй половине X в. (именно с этого времени Ростов и Муром фиксируются археологически[94]). Святослав в 960-е гг. покорил вятичей, обитавших южнее мери и западнее муромы; Владимир в начале своего киевского княжения закрепил это приобретение[95]. Вероятно, только после этого низовья Оки и Волго-Окское междуречье оказались под властью киевского князя. Что касается дреговичей, то их полное подчинение произошло между 940-ми гг., когда, по Константину Багрянородному, они еще представляли «славинию», то есть самостоятельную политическую общность, и вокняжением в Турове Святополка в конце X в. Имеется летописное упоминание (в статье 980 г.)

---

[89] НПЛ. С. 159; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

[90] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75—76 (под 980 г.). Некоторые дополнительные детали этого события сообщает рассказ Лаврентьевской летописи о полоцких князьях под 1128 г. (Там же. Стб. 299—301).

[91] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81.

[92] Память и похвала князю русскому Владимиру. С. 322.

[93] См. примеч. 42.

[94] См.: *Леонтьев А. Е.* На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 173—176.

[95] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65, 81—82.

варяга Туры[96], от имени которого якобы пошло название города Турова, но из текста неясно, был ли этот варяг самостоятельным князем, подобно Рогволоду, или наместником Владимира в земле дреговичей до посажения там Святополка.

Данные археологии, свидетельствующие о прекращении в конце X — начале XI в. существования множества укрепленных поселений в землях дреговичей, радимичей, северян, волынян и хорватов[97], подтверждают, что именно с крестителем Руси следует связывать решающие шаги в складывании новой территориально-политической структуры, при которой восточнославянские земли оказались под непосредственной властью киевской княжеской династии.

Таким образом, к концу X столетия, в эпоху Владимира Святославича, в основном завершается формирование государства Русь. В него вошли территории всех восточнославянских общностей, а также финноязычных мери, веси и муромы и Восточное Приазовье. Принятие христианства[98] закрепляло политическое объединение установлением единой веры.

По мере формирования государственной территории на подвластное русскому княжескому семейству население распространялось этническое наименование *русь* (единственное число *русин*)[99], при сохранении местных диалектных и культурных особенностей. Можно ли говорить о сложившемся в Руси-государстве едином этносе (так называемой «древнерусской народности») — вопрос дискуссионный[100]. Но несомненно, что складывание политической общности и христианизация способствовали укреплению представлений об определенном единстве населения Руси.

---

[96] «Рогволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76).

[97] См.: Древняя Русь: Город, замок, село. С. 38—42.

[98] См. ч. 2, гл. 5.

[99] Встречающихся в исторической и художественной литературе форм множественного числа — «русы» или «руссы» — в Средневековье не существовало: если речь шла о некоем количестве людей, относящихся к руси как народу, употреблялось то же собирательное *русь*.

[100] См.: *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 7—105; *Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999; Етнічні процесси у середньовічному слов'янскому світі (матеріали «круглого столу») // Український історичний журнал. 2001. № 3 (статьи П. П. Толочко, В. В. Седова, А. П. Моци, Э. М. Загорульского, А. П. Толочко, Г. В. Штыхова); *Толочко П. П.* Древнерусская народность: Воображаемая или реальная? СПб., 2005; *Юсова Н. Н.* «Давньоруська народність»: Зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА РУСИ IX—X вв.

Археологические источники в силу своей специфики за редким исключением не дают возможности подтвердить или скорректировать известную по письменным источникам событийную канву начальной русской истории, но в состоянии охарактеризовать общую картину изменений, происходивших на пространстве складывавшегося Древнерусского государства. Материальные памятники IX—X вв. позволяют судить об особенностях развития отдельных историко-географических областей и становлении связей между ними, освоении новых территорий, условиях появления городов, динамике формирования единой культурной общности.

Уже в начале своей истории Древняя Русь занимала значительную часть Восточно-Европейской равнины в ее лесной и лесостепной зонах, охватывая с разной степенью полноты бассейны Днепра, Волги, Дона, Западной Двины и других рек балтийского бассейна[1]. Протяженность реконструируемой государственной территории в конце IX в. в меридиональном направлении, от земель полян до Приладожья, составляла около 1300 км, в широтном, от Полоцкой земли до муромы, — около 850 км. Столь большое пространство, тем или иным образом объединенное княжеской властью на протяжении IX—X вв., не было единым ни в территориальном, ни в культурном отношении. В полном соответствии со сведениями Повести временных лет о расселении славянских и «иных языцей» отдельные заселенные территории с разным по своему происхождению населением не имели очевидных границ, разделяясь неосвоенными землями.

Основные исторические области, вошедшие в состав Древнерусского государства, образовались в результате разновременной и долгой славянской колонизации, определившей особенности развития и облика культуры отдельных регионов[2]. В IX—X вв. общей для всех восточноевропейских земель тенденцией стал рост численности населения, что отразилось в расширении сети расселения и, естественным образом, в увеличении числа погребальных памятников: курганов и могильников. В лесостепных областях этот процесс начался раньше и шел интенсивнее, в областях лесной зоны он был не столь заметен. Очевидны проявившиеся в материалах X в. изменения в сельском хозяйстве: в лесной зоне распространяется пашенное земледелие, как возделываемая культура появляется рожь, в обиход входят новые типы сельскохозяйственных орудий[3].

Важным фактором, определившим общую историческую картину последних

---

[1] *Колчин Б. А., Куза А. В.* Археологические источники и методика исследования // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 32—33. Табл. 2.

[2] *Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 91—158.

[3] *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: В поисках соответствий // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 451—454.

столетий I тыс. н. э. и происходившие в то время социально-политические и экономические процессы, явилось становление коммуникаций, связавших между собой отдельные восточнославянские области и включивших их в международную систему связей — торговых, политических, культурных (вклейка, рис. 17). Вовлечение во второй половине VIII в. Северо-Запада Восточной Европы в сферу балтийской торговли послужило причиной возникновения на северной окраине славянских земель в низовьях реки Волхов первого торгово-ремесленного поселения на территории будущей Руси — Ладоги[4]. В дальнейшем нужды дальней торговли послужили причиной возникновения других раннегородских по своему характеру поселений в разных историко-географических областях. От прежних городков, при схожести функции административного и ремесленного центра определенной округи, их отличало расположение на речном или озерном побережье, тенденция к постоянному росту территории и объяснимая торговой деятельностью разноплеменность, разноэтничность жителей.

Новая историческая обстановка меняла уклад жизни. В экономике свидетельством и следствием становления постоянных торговых связей стало распространение монетного серебра, служившего общепринятым эквивалентом ценности и средством платежа. Серебро принималось на вес, что требовало знания существовавших весовых норм и в итоге вело к созданию собственной денежно-весовой системы. В археологии эта сторона средневековой деятельности отразилась в находках кладов, отдельных монет и весов для малых взвешиваний с наборами стандартных гирек.

Знакомство с иноземными изделиями вело к появлению в обиходе ранее неизвестных форм орудий труда, оружия, украшений. В IX—X вв. благодаря развитию ремесла перестают быть редкостью такие бытовые вещи, как замки, ножницы, гвозди, швейные иглы. Освоение новых технологий ремесленного производства в итоге вело к изменению общего облика материальной культуры. В IX в. в южных областях, в первой трети X в. в северных начинается массовое производство глиняной посуды с использованием гончарного круга. Новые технологии осваивают кузнецы. Трехслойная сварка клинков ножей со стальной полосой в центре появилась в Скандинавии, но в X в. получила широкое распространение в Северной Руси, и вплоть до начала XII в. изготовленные в такой технике ножи оставались самыми востребованными[5]. В ювелирном ремесле привозной металл служил сырьем для производства украшений из сплавов меди, олова, свинца, серебра (рис. 1).

Основные дальние коммуникации, водные и сухопутные, проходили по главным восточноевропейским рекам[6]. География торговых путей восстанавливается на основе картографирования находок монетных кладов и предметов импорта. Всего известно 254 клада восточных монет. Самые ранние, найденные в Ладоге, относятся к 780-м гг., немногочисленные поздние, содержащие дирхемы вместе с европейскими монетами, были сокрыты в XI в. (вклейка, рис. 18).

---

[4] *Мельникова Е. А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 240—253.

[5] *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012. С. 7—53.

[6] Ориентация торговых путей по рекам не означала только путешествий по воде. Существовали сухопутные тракты, трассы которых были связаны с направлениями речных долин. Основные дороги соединялись через водоразделы там, где это было необходимо и возможно.

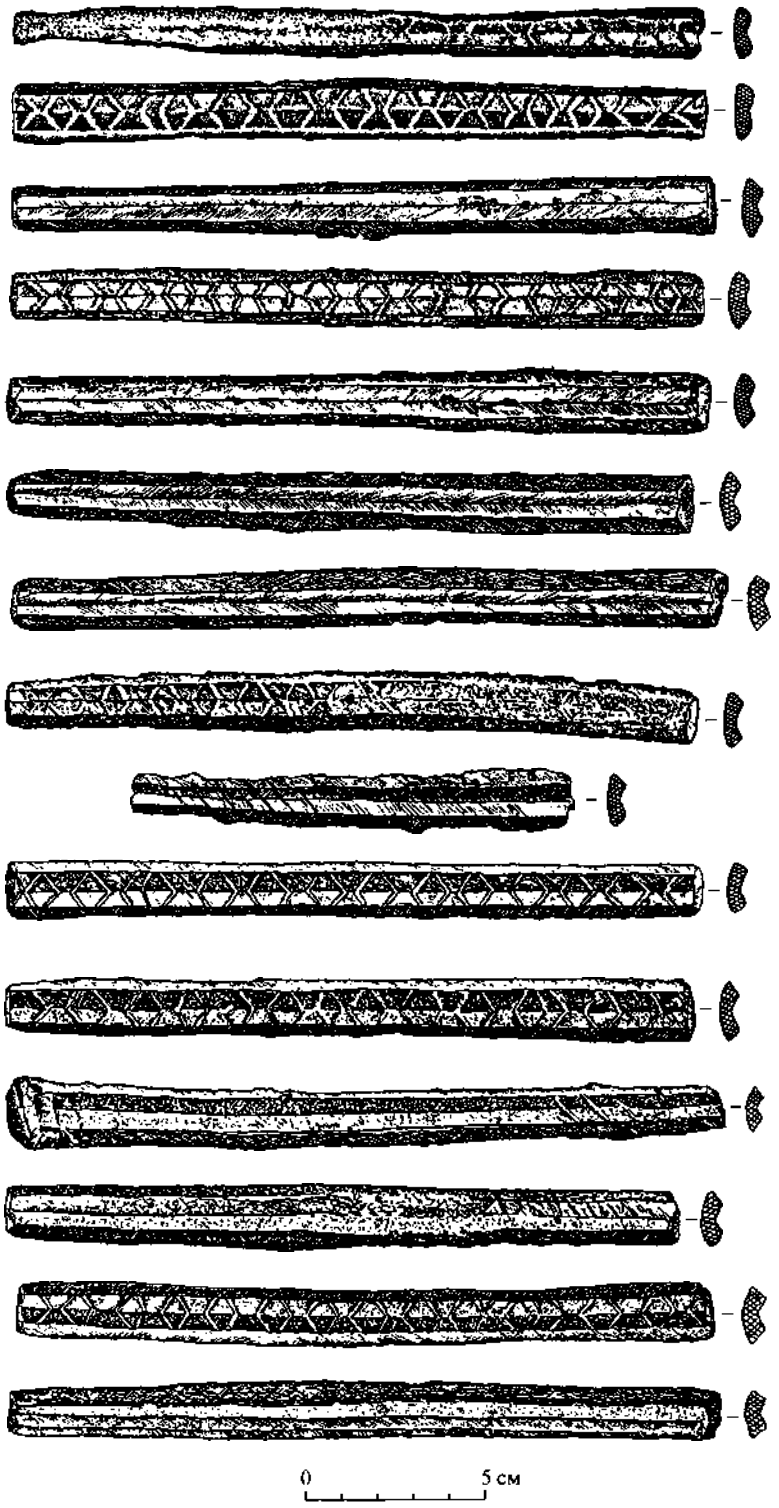


Рис. 1. Слитки оловянисто-свинцового сплава из клада середины IX в. (городище Выжегша, Юрьев-Польский р-н Владимирской области). Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Для Восточной и Северной Европы поступавшие дирхемы более чем два столетия служили универсальным средством платежей и обмена[7]. По современным расчетам, общий объем поступления дирхемов в X столетии из Средней Азии в переводе на вес составил 375 тонн, то есть ежегодно поступало около 3,75 тонны, или 1 млн 250 тыс. монет. Огромные объемы ввозимого серебра позволяют говорить о том, что в IX—X вв. восточные монеты служили для европейских стран основным источником драгоценного металла[8].

На севере средоточием всех магистральных путей были область озера Ильмень и Поволховье. Основным центром международной торговли изначально была Ладога (совр. Старая Ладога), путь к которой от Финского залива шел через Неву и Ладожское озеро. От нее вверх по Волхову через озеро Ильмень и его притокам Ловати, Поле, Мсте начинались торговые дороги вглубь славянских земель — к Волге и Днепру.

Реками, по которым в Европу с конца VIII в. поступало восточное серебро, были Волга и Дон. Кроме Руси водные магистрали Восточной Европы проходили по территории Хазарии (низовья Дона и Волги) и Волжской Булгарии (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье). В этих государствах находились основные центры торговли: города Итиль и Болгар.

Днепровский путь вел в Киевское Поднепровье и далее выводил к византийским городам Причерноморья и Крыма. Из Среднего Поднепровья, помимо «варяго-греческой» магистрали, торговые пути уходили к Карпатам и в Подунавье, от Днепра по Припяти и Березине к Неману, далее на Балтику. Источники позволяют предполагать существование по меньшей мере с середины IX в. трансъевропейской системы дорог, в широтном направлении тянувшихся от Пиренейского полуострова до Хазарии и далее на восток по евразийской степи. До Среднего Поднепровья они проходили через Южную Францию, Восточную Баварию, Моравию и Малую Польшу[9], а также через Балканы и Северное Причерноморье[10].

Археологические источники позволяют определить начало функционирования балтийско-днепровского пути периодом не позднее второй четверти IX в.[11] Регулярный «путь из варяг в греки» с ежегодной навигацией, описанной византийским императором Константином Багрянородным, стал использоваться не ранее второй половины IX в. По-видимому, к X в. складывается постоянный путь по Западной Двине от Балтики, выходивший к Ловати и верховьям Днепра[12].

Несомненно значение днепровско-балтийского пути как важнейшей торговой, военной и даже дипломатической восточноевропейской магистрали. Показательны находки византийских вислых печатей-моливдовулов, обнаруженных в Киеве, Шестовице близ Чернигова, в Гнёздово у Смоленска и на Рюриковом городище у Новгорода. Последняя датируется IX в., остальные относятся к X в. С древнерусски-

[7] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 83—92.

[8] *Нунан Т. С.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сборник статей памяти профессора И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 287—304.

[9] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001. С. 71—112.

[10] *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 2010. С. 167—176. Рис. 18.

[11] *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 535, 545.

[12] *Еремеев И. И.* Полоцкая земля // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 290—297.

ми центрами балтийско-днепровского пути связано большинство известных находок византийских монет, происходящих из отложений второй половины IX—X в.[13] В археологических коллекциях представлены свидетельства разнообразия поступавших византийских товаров, среди которых были украшения, изделия из стекла и кости, ткани, тарная (амфоры) и столовая керамика. Свидетельство обратного движения товаров «от варяг» можно видеть в находке четырех каролингских мечей и одного клинка без рукояти, утерянных при прохождении днепровских порогов. На днепровско-балтийском пути известны также находки предметов восточного происхождения и кладов восточного серебра IX—X вв.[14], что указывает на вариативность существовавших торговых маршрутов между Балтикой и Каспием. Восточный товар и монетное серебро из Хазарии и Волжской Булгарии могли попасть в Ладогу и далее к Финскому заливу не только со стороны Волги и Оки, но и от Днепра или от него же в узле Оковского леса уйти к Балтике по Западной Двине.

Среди основных действующих лиц на восточноевропейских коммуникациях с самого начала были варяги. Их присутствие в тех или иных местах определяется находками характерных предметов и объектов материальной культуры, а также захоронениями с узнаваемыми чертами погребальной обрядности. В археологических памятниках второй половины VIII—IX в. следы скандинавов отмечены в Поволховье, на южном побережье Чудского озера, в верховьях Днепра, Западной Двины и Оки, бассейне озера Неро около будущего города Ростова[15]. Более поздние скандинавские древности X в. в разном числе и качестве известны на значительно большем пространстве в границах Руси и за ее пределами — в Поволжье и Прикамье. Объективным свидетельством активной деятельности скандинавов являются рунические граффити на куфических монетах. География таких меченых монет гораздо шире восточноевропейского ареала изделий скандинавского происхождения и охватывает все маркированное кладами конца VIII—X в. пространство, от Прибалтики на северо-западе до Нижнего Прикамья на востоке и нижнего течения Днепра, Дона и Волги на юго-западе и юге[16]. Рунические знаки необязательно были оставлены владельцами кладов, но являлись автографами тех, через чьи руки эти монеты проходили.

Направления и интенсивность использования маршрутов не оставались неизменными. В течение X в. меняется политическая карта Восточной Европы, что приводит к изменению системы коммуникаций. Исчезает Хазария, самостоятельным государством становится Волжская Булгария, центр волжской торговли перемещается в Болгар. Славянские земли верхнего Дона и Оки входят в состав Киевской Руси, и связующей дорогой между Русью и Волжской Булгарией становится сухопутный путь из Болгара в Киев. Интенсивнее начинает использоваться Ока, позволявшая через свои правые притоки выйти с Волги и на Волгу

---

[13] *Мусин А. Е.* Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 45—35; *Шевцов А. О.* Коллекции византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX—XI вв. // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018. С. 482—509. (Труды ГИМ; Вып. 210).

[14] *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. С. 155—159. Табл. 52, 53.

[15] *Щавелёв А. С., Фетисов А. А.* К исторической географии Восточной Европы IX в. 2: Карта скандинавских комплексов и артефактов // ДГВЕ. 2015. М., 2017. С. 278—328. Карта 1.

[16] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 102—174. Карта 5.

из Поднепровья. Древнерусское освоение Волго-Окского междуречья и становление Ростовского княжества определили на последующие столетия обоюдные связи Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии по Оке и Волге. В результате к концу X в. окончательно сложилась система коммуникаций, соединившая сферы балтийской и восточной торговли и объединившая отдельные территории Руси[17].

Находки монет, кладов и импортных изделий отражают не только направления магистральных торговых путей, но и региональные экономические и политические связи, существовавшие в Древнерусском государстве и получившие начало еще до его образования. Для конца VIII—IX в. отмеченные признаки характеризуют территории северной и южной Руси[18], или известные по рассказу Повести временных лет области хазарской и варяжской дани. Распространение кладов и импортов X—XI вв. отражает географию исторически сложившихся областей Древнерусского государства: южной и юго-восточной, западной и юго-западной, северной и северо-восточной.

Северная область Древней Руси охватывала земли двух славянских этносоциальных общностей: новгородских словен и северной ветви кривичей («псковских кривичей»). Их определяющими археологическими признаками являются характерные погребальные памятники: для словен высокие насыпи — сопки, для кривичей — насыпи валообразные — длинные курганы.

Западную часть общей территории составляли южное побережье Чудского озера и земли бассейна Псковского озера. Центральная часть включала бассейн озера Ильмень с реками Шелонь, Ловать и Мста, верховья рек балтийского бассейна Плюссы и Луги, а также Поволховье с выходом на Юго-Восточное Приладожье. На востоке граница доходила до верхнего течения волжского притока реки Мологи[19].

Историческим центром Северной Руси, будущей Новгородской земли, было северо-западное побережье озера Ильмень и земли в верховьях исходящей из озера реки Волхов. В этой сравнительно небольшой по размерам местности в конце I тыс. н. э. известно около 30 поселений IX—X вв., из них некоторые могли возникнуть еще раньше[20] (вклейка, рис. 19). Высокая для лесной зоны Восточной Европы плотность населения объясняется благоприятными природными условиями: легкие для обработки почвы, наличие заливных лугов, близость рыболовных и охотничьих угодий способствовали развитию земледелия, скотоводства и разных промыслов[21]. Именно здесь находилось главное языческое святилище ильменских словен в Перыни, появилось предшествующее Новгороду первое укрепленное поселение, а позднее сам Новгород.

Старейшим центром Поволховья была Ладога, возникшая в 200 км от озера Иль-

---

[17] *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 383—401.

[18] *Седов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999. С. 100—111, 118. Рис. 10.

[19] *Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. С. 233—235. Рис. 36.

[20] *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище: Новые этапы исследований. СПб., 2017. С. 18—20. (Труды ИИМК; Т. 49).

[21] *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 93—97. Стремление к освоению благоприятных для ведения хозяйства приозерных и приречных участков характерно и для других территорий Северной Руси. Так, в удаленной части ареала сопок в верхнем течении реки Мологи (позднее Бежецкий Верх) уже в IX в. существовали крупные для своего времени поселения, тяготевшие к удобным для земледелия местам (см.: *Исланова И. В.* Бежецкий ряд по археологическим материалам // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997. С. 21—38).

мень в нижнем течении Волхова недалеко от его устья; начало ее истории приходится на середину VIII в.[22] Первоначальный поселок, число жителей которого не превышало 100 человек, в последующие полтора столетия, к 920-м гг., превратился в раннегородское поселение достаточно больших для своего времени размеров[23] (рис. 2).

Лишенная сельской округи Ладога возникла и развивалась как торгово-ремесленное поселение, связанное с международной торговлей. По своей топографии и функциям она близка синхронным торговым поселениям побережий Балтики[24]. Свидетельством внешних связей является археологическая коллекция Ладоги, в составе которой есть арабское и европейское монетное серебро, медные византийские монеты, изделия исламского Востока и Византии, Северной Европы и народов Балтики, предметы, связанные с финским населением Поволжья и Прикамья.

С обслуживанием водного пути по Волхову от Ладоги до озера Ильмень были связаны укрепленные поселки, находившиеся на ключевых для судоходства участках[25]. С первых десятилетий IX в. стала постоянной дорога от Ладоги к южному побережью Чудского озера, Изборску и Пскову. Тогда же, если не раньше, возникают связи с землями к востоку от Волхова, Юго-Восточным Приладожьем[26]. Вопреки известиям летописи, по археологическим данным, тесные отношения с Белозерьем завязываются позднее.

Как во всех подобного рода поселениях своего времени, среди жителей Ладоги были представители разных этносов при очевидном преобладании скандинавов (варягов) и славян. Скандинавские элементы материальной культуры и ремесленные традиции производства характеризуют население Ладоги второй половины VIII—IX в.[27] На противоположном, правом, берегу Волхова в IX—X вв. в урочище Плакун существовало скандинавское курганное кладбище. Вместе с тем иные погребальные памятники и другие элементы бытовой культуры, включая керамику и приемы домостроительства, имеют славянские традиции[28]. В X—XI вв. Ладога оставалась важным «портом-торжищем», находившимся в

---

[22] Время появления первых построек Ладоги определяется 750—760-ми гг. (см.: *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология Староладожского земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 98). Более ранним, схожим по облику материальной культуры жителей с Ладогой, являлось расположенное поблизости укрепленное поселение в устье реки Любши (Любшанское городище), возникшее в конце VII — начале VIII в. на месте прежнего финского поселения и просуществовавшее до начала X в.

[23] *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога: (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 3—26; *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в.) // Исследование археологических памятников средневековья. СПб., 2008. С. 69—94.

[24] *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 16, 17; *Мельникова Е. А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности. С. 247—250.

[25] *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий городок на Волхове // Древности Поволховья. С. 149.

[26] *Назаренко А. В., Селин А. А.* Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 234—236; *Богуславский О. И.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 90—122. (Труды ИИМК; Т. 24).

[27] *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 5—59; *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги // Петербургский археологический вестник. 1995. № 9. С. 156—167; Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования. СПб., 2018. С. 235—334.

[28] *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище: Новые этапы исследований. С. 22.

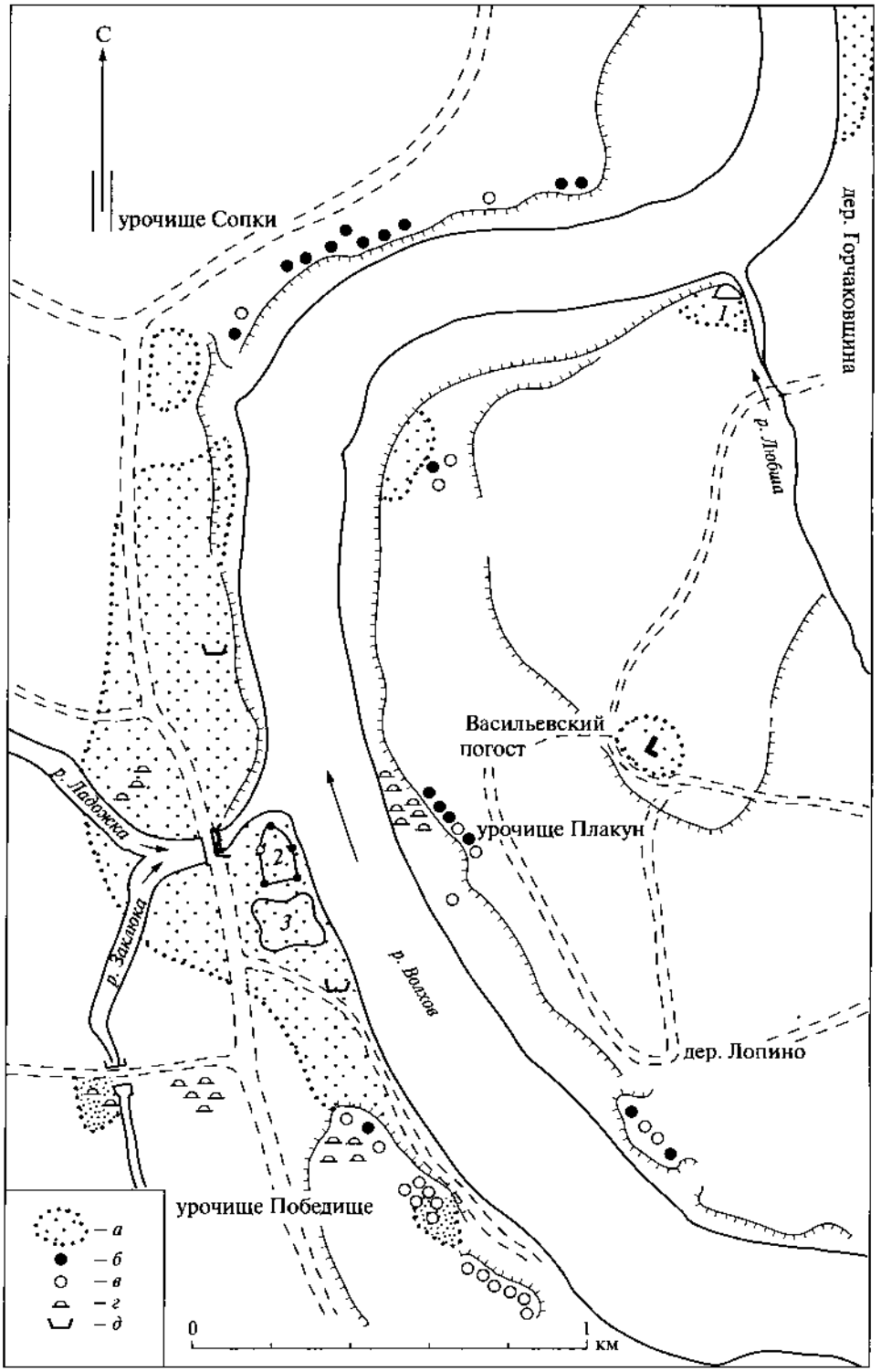


Рис. 2. Археологический план средневековой Ладоги

а — культурный слой, *б* — сохранившиеся сопки, *в* — несохранившиеся сопки, *г* — курганы, *д* — грунтовые могильники. *1* — Любшанское городище, *2* — каменная крепость, *3* — Земляное городище (по: У истоков Северной Руси. 2003)

тесной связи со Скандинавией и странами Балтики[29]. Яркие археологические материалы в сопоставлении с некоторыми летописными известиями позволили предположить, что Ладога была первой столицей Северной Руси[30], но эта гипотеза поддержки не получила.

В середине IX в. в истоке Волхова среди окружающих славянских поселений и, вероятно, на основе одного из них возникает укрепленное поселение, известное как Новгородское (Рюриково) городище. Возведение укреплений при относительной точности хронологии летописи и доверительном интервале археологической датировки вполне соответствует возможному времени легендарного призвания Рюрика. Этот утративший со временем свое историческое имя «город»[31] по археологическим данным может считаться тем первым поселением, по отношению к которому Новгород действительно явился новым городом.

Во второй половине IX—X в. поселок площадью 6—7 га имел двухчастную структуру: к укрепленному рвом мысу примыкала неукрепленная освоенная территория. Археологические материалы свидетельствуют о разносторонней деятельности жителей, которая включала как занятия сельским хозяйством, так и профессиональным ремеслом: кузнечным, бронзолитейным, ювелирным, косторезным. Несомненна функция поселения как центра торговли: по разнообразию импорта коллекция городища едва ли уступает Ладоге. Большое количество предметов вооружения, украшений и других предметов «дружинной культуры» указывает на присутствие представителей социальных верхов. Постоянными жителями были варяги, не только воины и торговцы, но и ремесленники, что подтверждается обнаруженными следами производства изделий характерного североевропейского облика. Рюриково городище в период второй половины IX — середины X в. можно охарактеризовать как основной торгово-ремесленный и административный центр Ильменского Поозерья. Здесь же до начала XI в. находилась княжеская резиденция[32].

Не позднее 930-х гг. начинается история Новгорода. Город возник в 2 км севернее Рюрикова городища, объединив три поселка по обоим берегам Волхова[33]. Эти поселки стали основой старейших, сохранявших самоуправление районов средневекового города: Славенского конца на Торговой стороне (правый берег Волхова), Людина и Неревского концов Софийской стороны на левом берегу (вклейка, рис. 20). Указанное время обосновано дендродатами первых построек и бревенчатых мостовых. Начало усадебной застройки Людина конца относится к 930-м гг., первая уличная мостовая появляется после 938 г.[34] Древнейшая мостовая Великой улицы Неревского конца датируется 953 г., Михайловой улицы Сла-

[29] *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII в.). С. 92.

[30] *Мачинский Д. А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога. Древняя столица Руси: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 11—35; *Кирпичников А. Н.* Исторические данные о создании древнерусского государства // Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014. С. 81—83. Ср.: *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище: Новые этапы исследований. С. 23.

[31] Возможным именем поселения могло быть «Холмгород», в скандинавской передаче «Hólmgarðr» (см.: *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище: Новые этапы исследований. С. 31—33). Предположение, как любая гипотеза, не бесспорное, но единственное.

[32] *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище: Новые этапы исследований. С. 23—28.

[33] Возникновение города на основе агломерации поселков — явление нечастое, но известное в разные исторические эпохи. Наиболее известный пример — город Рим.

[34] *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца // Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура. С. 134—159.

венского конца 974 г.[35] Возникшая в X в. уличная планировка существовала и развивалась на протяжении дальнейшей истории Новгорода вплоть до XVIII в. Столь же традиционной на все последующее время осталась усадебная организация территории с практически неизменными на протяжении столетий границами владений.

С начала своего появления город непрерывно рос, осваивались новые участки вглубь берега, грунтовые дороги сменялись мощеными[36]. Окраинная земля в черте города была занята сельскими угодьями, поделенными на владельческие участки. В конце X в. окраина Людина конца находилась более чем в полукилометре от Волхова[37], а его общая площадь превышала и территорию Ладоги, и Рюрикова городища. По размерам ему не уступали Неревский и Славенский концы. Вдоль берега Волхова на Софийской стороне город тянулся более чем на 1,5 км. Общегородских укреплений у Новгорода не было. Первые укрепления кремля — вал и ров — появились в середине XI в.[38]

Археологические исследования показали, что уже во второй половине X в. в Новгороде сложился городской уклад жизни, подразумевающий разнообразную деятельность горожан в существовавшей системе экономических и социальных связей. В это время Новгород приобретает свои характерные черты средневекового города с постоянной планировкой и застройкой, определившими его облик на многие столетия вперед.

Помимо Новгорода и Ладоги летопись при описании событий IX—X вв. упоминает как города Изборск и Псков. По археологическим данным, оба поселения к этому времени уже существовали достаточно долгое время.

Псков возник на месте мысового укрепленного поселения VII — середины IX в. при впадении реки Псковы в реку Великую, погибшего в пожаре начала 860-х гг. В конце столетия появляются первые укрепления детинца.

Как и Новгород, Псков в рассматриваемое время интенсивно рос. Городской посад IX—X вв. занимал южную часть средневекового Крома (кремля), охватывал часть территории будущего Довмонтова города и Среднего города в междуречье рек Великой и Псковы. Вдоль Великой к концу X в. освоенная территория простиралась более чем на 1,5 км. Данных о сплошной застройке нет, и, очевидно, речь может идти о близких пригородных поселках за пределами посада. Отдельные освоенные участки существовали на противоположных от города берегах рек: в Завеличье и Запсковье[39].

В 350 м юго-восточнее детинца до рубежа IX—X вв. на территории Среднего города существовало курганное кладбище жителей Пскова. Среди совершенных под курганными насыпями погребений по обрядам кремации и ингумации разнообразием и богатством инвентаря выделяются так называемые камерные захоронения в срубных гробницах, которые по особенностям обрядности и инвентаря определяются как

---

[35] *Янин В. Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 129.

[36] *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца. С. 158.

[37] *Олейников А. М.* Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 36—40.

[38] Не исключено, что первые укрепления детинца появились уже в X в. Но эти данные требуют проверки (см.: *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище: Новые этапы исследований. С. 30—31).

[39] *Белецкий С. В.* Псков в I — начале II тыс. н. э. // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб., 2011. С. 372—384; *Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королёва Э. В.* Псков // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 139—159.

принадлежавшие скандинавам[40]. Еще один некрополь третьей четверти X в. с камерными захоронениями находился за пределами городской территории рассматриваемого времени[41].

В глазах современных исследователей по археологическим данным Псков в первый период своей истории предстает как административный центр немалой освоенной территории раннегородского облика с развитым ремеслом и сложившимися торговыми связями[42].

На западной окраине Северной Руси находился Изборск, упоминаемый в легенде о призвании варягов как место пребывания одного из братьев-варягов. С ранним Изборском связывают так называемое Труворово городище, расположенное поблизости от известной средневековой каменной крепости XIV в. (вклейка, рис. 21). По археологическим данным, укрепленное поселение возникло на рубеже VII—VIII вв. В первый период своего существования Изборск был небольшим поселком площадью менее 1 га. Выбор места с естественной защитой крутыми склонами мыса, наличие укреплений и незастроенной площади явно общественного характера свидетельствуют о том, что поселение являлось административно-политическим центром определенной округи. Археологические материалы подтверждают разнообразную ремесленную деятельность его жителей, находки арабских дирхемов и восточных бус, импортных предметов из Прибалтики и Скандинавии показывают, что с первых десятилетий IX в. Изборск находился в сфере восточноевропейской торговли. Предполагается полиэтничный состав жителей поселения. Все перечисленные признаки определяют протогородской характер раннего Изборска[43].

В середине X в. планировка поселения меняется. В мысовой новой линии укреплений выделяется детинец, обновляются внешние укрепления: появляются крепостные сооружения, построенные с использованием камня.

При всей неординарности ранний Изборск уступал в размерах и темпах развития другим центрам Северной Руси, не выходя за пределы традиционной огражденной валом территории. В сравнении с Ладогой, Рюриковым городищем и Псковом не столь богаты и разнообразны изборские коллекции импортных изделий, монет, разного рода престижных предметов «дружинной культуры». Очевидна роль Изборска как важного пограничного пункта на сухопутной дороге из Новгорода в Прибалтику, но едва ли он мог быть одним из первых стольных городов Руси[44]. В этой связи примечательно, что первые археологические свидетельства возможного пребывания варягов в Изборске датируются не ранее X в.[45]

В IX в. окраинные северо-восточные земли Руси от Белого озера по Шексне до Волги и Волго-Окское междуречье принадлежали не славянам, а автохтонному финноязычному населению. Согласно летописи, на Белом озере жила весь, населявшая город Белоозеро, ставший местом пребывания третьего брата-варяга Синеуса из легенды о призвании князей.

Археологические данные не подтверждают существование города в то время. В основу вошедшего в летопись сказания могли лечь местные предания, в которых нашел отражение сам факт пребывания ва-

---

[40] *Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королёва Э. В.* Псков. С. 148.

[41] Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 2: Камерные погребения Пскова по материалам раскопок 2003—2009 гг. у Старовознесенского монастыря. СПб., 2016.

[42] *Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королёва Э. В.* Псков. С. 159.

[43] *Седов В. В.* Изборск в раннем Средневековье. М., 2007. С. 56—117.

[44] *Лопатин Н. В.* Изборск // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 123—137.

[45] *Седов В. В.* У истоков восточнославянской государственности. С. 107.

рягов в Белозерье, но скандинавские древности известны только в материалах второй половины X в.[46] Вопреки Повести временных лет нет и ощутимых археологических следов пребывания веси на озерном побережье. Основной район расселения веси охватывал юго-западное Белозерье и верховья реки Шексны, включая бассейн реки Суды[47].

Будущий город Белоозеро на левом берегу Шексны, недалеко от ее истока из озера, возник во второй трети X в. как центр формирующейся сети древнерусских поселений и узловой пункт торговых путей к Волге и на север в Заволочье[48]. В то время освоенность территории была незначительной. Немногочисленные небольшие по размерам поселки располагались на побережье озера при устьях озерных притоков и в низовьях Шексны, местами составляя отдельные гнезда. Малая плотность населения и рассредоточенное расселение в существовавших природных условиях предполагали значительную роль промысловой охоты в хозяйственной деятельности жителей. Видимо, пушной промысел определил значение и сложившиеся связи этой окраинной области Северной Руси.

Археологическим памятником, характеризующим начальный период истории древнерусского Белозерья, является поселение Крутик, возникшее во второй половине IX в. и просуществовавшее до начала XI в. Этот необычный в сравнении с другими поселок имел очевидные торгово-ремесленные функции. При раскопках найдено 70 восточных серебряных монет (количество, сравнимое с коллекцией Рюрикова городища) и множество бус — распространенный товар меновой (?) торговли. Отдельные участки территории поселения были заняты металлообрабатывающими мастерскими, работа которых имела сезонный характер. В остеологическом материале, даже с учетом остатков домашних животных, преобладают кости бобра, что подтверждает важность пушного промысла[49]. В терминах более позднего времени Крутик можно было бы определить как факторию — торговый пункт с постоянными жителями в малоосвоенной области.

Во второй половине X в. начинается древнерусская колонизация Белозерья, приведшая к росту населения, расширению освоенных земель и на столетия вперед определившая характер расселения в северных областях Руси[50]. Освоение территории шло как со стороны Новгорода, через Юго-Восточное Приладожье, так и от ростовских земель по Шексне. С появлением нового населения связано распространение земледелия[51].

В X в. осваиваются земли в среднем течении Шексны, первые поселения возникают на Кубенском озере в бассейне верхней Сухоны. Появляются освоенные участки на известных по более поздним письменным источникам путях в Заволочье, к бассейнам Онеги и Северной Двины[52].

Точное определение места в географическом вступлении Повести временных лет указано для земель другого иноязычного народа — мери — варяжского данника, вошедшего в состав державы Рюрика и получившего «устав» Олега (или Игоря) о

---

[46] *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 85.

[47] См.: Там же. С. 188—197; *Кудряшов А. В.* Белозерская весь: Современный взгляд // Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура. С. 299—311.

[48] *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 65—68.

[49] *Захаров С. Д.* Белоозеро // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 213—239.

[50] *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. М., 1997.

[51] *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. С. 112—123.

[52] *Макаров Н. А.* Средневековые памятники и система расселения X—XIII вв. // Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Т. 1. М., 2007. С. 43—62.

данях[53]. Это озера Ростовское (Неро) и Клещино (совр. Плещеево) в Волго-Клязьминском междуречье.

В районах озер известны многочисленные селища последней трети I тыс. н. э., обладающие общими археологическими признаками, указывающими на их принадлежность дославянскому населению. Географическая близость и общая культурная принадлежность памятников позволяют предполагать существование единой этносоциальной общности, включавшей население обоих озерных районов[54].

Общие размеры мерянской области на побережьях озер сопоставимы с размерами другого летописного района — Ильменского Поозерья и не уступают ему по плотности населения. Сложившаяся система расселения отразила возможности населения заниматься разнообразной хозяйственной деятельностью (скотоводство, огородничество, охота, рыболовство, добыча железной руды) при вероятной специализации некоторых поселков. Однако ведущую роль в хозяйстве мери играло земледелие, что подтверждается очевидным тяготением основных поселений к участкам с наиболее плодородными почвами.

Единым мерянским центром являлось укрепленное поселение, известное как Сарское городище, находившееся в 6 км к югу от озера Неро в излучине реки Сары. К IX в. его история уже насчитывала не менее полутора столетий. В последний период своего существования городище по своим размерам (около 3 га) превышало Изборск и Белоозеро, что сравнимо с другими «городами» Руси IX—X вв.[55]

Как особому типу поселения, отличающемуся от рядовых поселков, Сарскому городищу были свойственны две отчетливо отразившиеся в археологическом материале функции: военная и торговая. О военной функции городища свидетельствуют наличие сложной системы укреплений, а также обширная и разнообразная коллекция предметов вооружения. Столь же очевидно выявляется роль городища как центра торговли. Помимо явного импорта в виде монетного серебра (два клада куфических монет начала IX в. и отдельные монеты VIII — начала X в.) и привозных слитков меди и олова среди находок имеются разнообразные иноземные изделия, среди которых предметы вооружения, орудия труда, различные бытовые изделия и украшения.

Кроме городища клад куфических монет начала IX в. найден на мерянском селище у села Угодичи, импортные предметы встречены в культурном слое мерянского поселка, существовавшего на месте будущего Ростова[56].

---

[53] Меря традиционно воспринимается как финноязычное население Верхнего Поволжья, корни происхождения и культуры которого связаны с другими финно-угорскими народами Поволжья. Иная точка зрения, согласно которой происхождение мери связано с появлением в Волго-Окском междуречье славян в VI—VII вв., была выдвинута и обоснована В. В. Седовым. По его мнению, упоминаемая в летописи в связи с событиями IX—X вв. меря представляла собой славянскую или смешанную славяно-финскую этническую общность (*Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. С. 158; *Он же.* У истоков восточнославянской государственности. С. 98—100). Аргументы В. В. Седова в поддержку гипотезы представляются недостаточными, но заслуживают внимания и, возможно, найдут подтверждение в ходе дальнейших археологических исследований (*Леонтьев А. Е.* О «мерянской гипотезе» В. В. Седова // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 112—123).

[54] *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 29—67. В свете археологических данных известное летописное сообщение «...на Ростовском озере меря, на Клещине озере меря же...» можно понимать как указание на единство мерянской территории и одновременно на подчиненность клещинской группы населения.

[55] *Куза А. В.* Древнерусские поселения // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 39—44. Табл. 1.

[56] *Леонтьев А. Е.* На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 163—170.

Помимо летописных озер другим освоенным районом было отличавшееся плодородными почвами Суздальское ополье в междуречье рек Нерли Клязьминской и Колокши, где известны поселения, близкие по своим характеристикам мерянским[57], и выявлены десятки средневековых селищ с находками лепной керамики второй половины I тыс. н. э., что позволяет предполагать существование на тех же местах более ранних поселков мерянского времени[58]. Остальная территория будущего Ростовского княжества до начала древнерусской колонизации была слабо заселенной.

Первые древнерусские поселения появляются в третьей четверти IX в. К числу старейших относятся известное селище у деревни Тимерево под Ярославлем. Находки двух монетных кладов позволяют относить его возникновение к 860-м гг. Широкое славянское освоение центральной области Северо-Восточной Руси началось не ранее конца столетия. Большинство ранних древнерусских археологических памятников относится к X в., преимущественно ко второй половине столетия[59]. Появление нового населения отмечено распространением курганных кладбищ. Самые ранние из них, содержащие захоронения по обряду кремации, маркируют на археологической карте начальную территорию Северо-Восточной Руси в пределах от Ярославского Поволжья до владимирского течения Клязьмы.

Сложившаяся в эпоху мери география расселения, внешние и внутренние связи отдельных районов определили особенности формирования первоначальной территории и центров Северо-Восточной Руси в X—XI вв. Первые города и их округи возникли в прежде обжитых областях. Наиболее интенсивно шло освоение прежних мерянских земель близ летописных озер и в Суздальском ополье. Древнерусские поселения отличались крупными для своего времени, исчисляемыми гектарами площадями и располагались зачастую поблизости от мерянских в аналогичной топографической ситуации, иногда занимая их прежнее место (вклейка, рис. 22). При этом расширялась сеть расселения, и за сто с небольшим лет численность и плотность населения значительно возросли. В этом отношении выделяется Суздальское ополье, в котором уже в X в. появились поселения, положившие начало существующей до сих пор системе сельского расселения. Основой экономики было пашенное земледелие при уменьшавшейся со временем роли пушного промысла[60].

Старейший город Северо-Восточной Руси со славянским именем Ростов возник еще при существовавшем Сарском городище в 12 км от него, на побережье озера Неро. По своему расположению на невысокой надпойменной террасе без естественных рубежей обороны Ростов близок другим центрам Северной Руси: Ладоге, Новгороду, Белоозеру.

Город имел свою предысторию и возник на месте предшествующего мерянского поселка, что заставляет вспомнить свидетельство Повести временных лет о мере

---

[57] В историографии ареал мери с учетом распространения характерных элементов материальной культуры и субстратных топонимов традиционно определяется в широких географических пределах (см.: *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. С. 193—270. Рис. 1). Трудно, однако, предполагать, что разрозненное, пусть и родственное, население обширной территории составляло единую этносоциальную общность. Археологические данные скорее подтверждают летописную локализацию мери.

[58] *Макаров Н. А.* Суздальское Ополье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 195—197. Рис. 2.

[59] *Лапшин В. А.* Колонизация Северо-Восточной Руси в IX—XI веках в свете новых археологических материалов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 101—113.

[60] *Макаров Н. А.* Суздальское Ополье. С. 197—211.

как «перьвых населниках» Ростова. Самая ранняя дендродата образца из культурного слоя города указывает 963 г., городская территория с присущими ей особенностями начинает формироваться в 960—980-е гг. Ростов рос быстро. В конце X в. с территорией не менее 12 га он был сопоставим с Ладогой, спустя полстолетия его площадь составила около 25 га.

Время основания Суздаля по археологическим данным можно определить лишь в общих пределах второй половины X в. Ранний город представлял собой типичное мысовое поселение площадью около 1,5 га на берегу реки Каменки, укрепленное с напольной стороны валом и рвом. Высказывалось предположение, что Суздаль, как и Ростов, возник на месте мерянского поселка. Но отложения начального этапа истории города изучены недостаточно для сколько-нибудь детального представления о его жизни в тот период, поскольку культурный слой в пределах древнейших укреплений сохранился очень плохо[61].

Благодаря археологическим исследованиям свою древность утвердил не отмеченный летописью Углич. Первые поселенцы со стороны новгородских земель на месте бывшего мерянского поселения появились в IX в., а древнерусский город возник в середине X в.[62]

Своя история была у муромского Поочья. Родственная мордве мурома появилась на берегах Оки в конце VI в. Ее земли занимали левобережье в округе будущего города Мурома, охватывая бассейны небольших рек Ушны и Илевны. В некотором удалении два освоенных района находились в Окском Правобережье. В природном отношении муромское Поочье отличается разнообразием ландшафтов, благоприятных для жизни и хозяйственной деятельности. Как и меря, мурома имела географически определимые границы близкой по размерам территории с плотной сетью расселения, включавшей поселения в удобных для земледелия и промыслов местах[63]. Материалы раскопанных могильников позволяют отметить устойчивый этноопределяющий облик материальной культуры муромы и высокий уровень металлообрабатывающего ремесла — показательный для рассматриваемого времени признак экономического развития общества.

Внешние связи муромы определялись традиционными отношениями с мордвой. Не исключено, что через посредничество мордвы к мурому в IX — начале X в. попадали вещи из Прикамья и изделия степного круга древностей. Как следствие установившихся связей с Волжской Булгарией с середины X в. в муромском Поочье появляются дирхемы и собственно булгарские монеты. Начало этого времени отмечено кладом 939 г. Во второй половине столетия, ближе к его концу, у муромы входят в обиход изделия древнерусских ремесленников, к ней также попадают немногочисленные предметы скандинавского происхождения, что объясняется существованием торговой дороги на Оку и далее со стороны отделенного лесами Суздальского ополья[64].

Оттуда же в Поочье пришло древнерусское население. Первые следы его присутствия в археологических материалах проявились в появлении несвойственных мурому курганных захоронений на муромских кладбищах в конце X в. К этому времени относятся нижний горизонт культурного слоя города Мурома. Процесс ассимиляции муромы пришелся на XI в. и прошел быстро. Ее традиционные могильники пе-

---

[61] *Седова М. В.* Суздаль в X—XV веках. М., 1997. С. 46—61; *Макаров Н. А.* Суздальское Ополье. С. 204.

[62] *Томсинский С. В.* Углече поле в IX—XIII веках. СПб., 2004. С. 235—237.

[63] *Бейлекчи В. В.* Древности летописной муромы: Погребальный обряд и поселения. Муром, 2005.

[64] *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. С. 396.

рестают существовать в начале столетия, пришедшие им на смену немногочисленные курганные захоронения не имеют субстратных черт ни в инвентаре, ни в обряде погребения. Древнерусские поселения заняли места прежних муромских. К концу столетия исчезают какие-либо следы прежнего населения, сохранившего о себе память только в названии города.

Западная часть Волго-Окского междуречья, верховья Клязьмы и бассейн реки Москвы в IX—X вв. оставались пустынными. Широкое освоение этой территории начинается во второй половине XI в., более ранние археологические памятники немногочисленны[65]. Однако их материалы показывают, что первые славянские поселенцы в Москворечье могли появиться на рубеже IX—X вв.[66]

Согласно летописи, верховья Волги, Днепра и Западной Двины принадлежали кривичам, «городами» которых были Смоленск и Полоцк. По археологическим данным, в Верхнем Поднепровье и Подвинье в VIII—IX вв. сложилась устойчивая система расселения, включавшая разделенные лесами освоенные земли, тяготевшие к побережьям рек и озер. В меньшей степени был освоен верхневолжский бассейн[67].

Полоцк возник на берегу реки Полоты, неподалеку от места впадения в Западную Двину, как небольшое укрепленное поселение на месте предшествующего поселения третьей четверти I тыс. н. э. Его ранний культурный слой и первые укрепления с определенными допущениями датируются началом IX в. За пределами укреплений в то же время возник посад. В XI в. в устье Полоты закладывается новый детинец, а разросшаяся территория города охватывает побережье Западной Двины[68]. Другим возникшим в рассматриваемое время поселением на Западной Двине, давшим начало древнерусскому городу, был Витебск[69].

Неясной остается ранняя история Смоленска. Имеются данные о существовании у Соборной горы поселка VIII, возможно, начала IX в., но до сих пор не обнаружен достоверный культурный слой города летописного времени IX—X столетий[70].

Географическое положение на водоразделе крупных восточноевропейских рек, при переходе из бассейна Балтики в черноморский и каспийский, обусловило внешние связи региона, засвидетельствованные находками кладов. Ранние клады IX в. найдены на Западной Двине, позднее их география расширяется, число увеличивается. Существовавший торговый путь в Прибалтику окончательно сложился к середине X в.[71] В юго-восточном направлении через земли вятичей, радимичей и северян дороги шли на Оку, к Дону и в Поволжье — к северным областям Хазарии[72].

В конце IX в. на правом берегу Днепра в 12 км ниже по течению от Смолен-

---

[65] *Юшко А. А.* Московская земля IX—XIV веков. М., 1991. С. 30—36.

[66] *Кренке Н. А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья. М., 2019. С. 83—88.

[67] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII веках. М., 1966. С. 66—75. Рис. 5, 15; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 33—42; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 160, 161.

[68] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля: (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII веках. С. 134—136; Древнейшие города Беларуси. Полоцк; Минск, 2012. С. 42—54.

[69] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2006. С. 60—63.

[70] *Ершов И. Н., Кренке Н. А., Кулькова М. А., Олейников О. М., Сыроватко Н. А.* К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: Археологические и топонимические данные // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М.; Вологда, 2015. С. 78—85.

[71] *Еремеев И. И.* Полоцкая земля. С. 275—297.

[72] *Нефедов В. С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования древнерусского государства по археологическим данным // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 270—273.

ска возникает раннегородское поселение с разноэтничным составом жителей, своим существованием обязанное трансконтинентальному «пути из варяг в греки». Сохранившийся известный Гнёздовский археологический комплекс включает городище, огромное по меркам своего времени селище, площадь которого к концу X в. составляла более 30 га, крупнейшее в Европе курганное кладбище, несколько отдельных курганных групп. Поодаль находится еще одно городище с примыкающим селищем (вклейка, рис. 23).

На территории поселения выделяются отдельные участки ремесленного производства, в прибрежной зоне мог существовать затон для стоянки речных судов. С Гнёздовом связаны находки 12 денежных и вещевых кладов и более 400 отдельных восточных, византийских, западноевропейских монет, многочисленных импортных предметов разного происхождения, торгового инвентаря и оружия. Материалы некрополя позволяют видеть среди жителей людей, занимавшихся военным делом, торговлей, ремеслом и сельскохозяйственной деятельностью. Большие размеры насыпей, наличие оружия и разнообразие инвентаря определяют погребения элиты. Особенности погребального обряда и инвентаря позволяют выделить достаточно многочисленные скандинавские захоронения.

Гнёздово было важнейшим центром восточноевропейской торговли, его расцвет пришелся на вторую половину X в. В следующем столетии Гнёздово постепенно приходит в упадок, его территория со временем уменьшилась, но поселение, уже в ином статусе, продолжало существовать до рубежа XII—XIII вв.[73]

Далее на запад и юго-запад в лесной зоне Днепровского Правобережья, в бассейнах Березины, Припяти, верховьях Западного Буга и Немана, находились земли дреговичей, древлян и волынян; южнее с выходом в лесостепь по Южному Бугу и Днестру находились земли хорватов, уличей и тиверцев. Заселенные области имели естественные границы, население каждой из них отличалось своими особенностями в некоторых элементах культуры[74]. Как и в других восточнославянских регионах, для всех западных и юго-западных территорий в VIII—X вв. очевидно развитие всех видов хозяйственной деятельности. Заметен рост численности населения, что сказалось в расширении и увеличении плотности сети расселения. Увеличиваются размеры поселений, среди рядовых поселков появляются укрепленные городки — центры сельских округ[75]. В X в., преимущественно во второй половине столетия, возникают поселения, предшествовавшие или впоследствии ставшие древнерусскими городами: городище на Менке (поблизости от Минска), Друцк, Лукомль, Гомий, Изяслав, Браслав, Волковыск, Новогрудок, Слоним, Туров[76]. О вовлеченности западных славянских земель в систему существовавших торговых связей свидетельствуют находки кладов и отдельных восточных монет[77].

Археологическое подтверждение получил летописный рассказ под 946 г. о разрушении княгиней Ольгой древлянского «гра-

---

[73] *Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 243—273.

[74] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 90—132.

[75] *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990. С. 86—97.

[76] *Куза А. В.* Древнерусские городища X—XIII вв. (Свод археологических памятников); М., 1996. Карты 1, 2; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. С. 64—74.

[77] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. С. 51, 52. Рис. 9; *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. С. 386—393. Рис. 2, 3.

да» Искоростеня. Крупное поселение на притоке Припяти реке Уж, состоявшее из двух крепостей с посадом у одной из них, было сожжено в середине X в. Некоторые находки, включающие предметы вооружения и скандинавские вещи, могут быть связаны с эпизодом приезда Игоря в 945 г. или, возможно, с появлением дружины Ольги и Свенельда. После разгрома древлянского центра в незначительном удалении от него была построена древнерусская крепость[78].

Центральная область Южной (Киевской) Руси, указанная летописью как территория полян, охватывала широколиственные лесные и лесостепные земли от реки Тетерев до реки Рось в правобережье Днепра и от Десны до Сулы в левобережье. Благоприятные природные условия, плодородные почвы способствовали давней, уходящей в предшествующее время, освоенности края. Запустение, связанное с гибелью поселений общей для полян, северян и радимичей волынцевской культуры, пришлось на середину IX в.[79] Но в X в. высокая численность и плотность растущего населения выделяют Среднее Поднепровье среди других восточнославянских областей Древней Руси. Показательны археологические данные о появлении и развитии основных городов Среднего Поднепровья.

На территории будущего Киева в IX в. были заселены участки береговых высот с естественными овражными границами между ними, составлявшие единое поселение с центром на Замковой горе[80]. В конце столетия создаются первые укрепления Старокиевской горы и Замковой горы, у подножия которой возникает посад — киевский Подол[81]. В течение X в. Киев стал крупнейшим древнерусским городом. Подол к концу столетия занимает площадь свыше 60 га на днепровской террасе. На его территории появляется уличная планировка при свойственной всем древнерусским городам усадебной застройке. Археологические материалы позволяют рассматривать Подол как торгово-ремесленный район города[82]. В Верхнем городе застраиваются склоны Старокиевской горы, осваивается высокое побережье от Юрковицы до Кирилловской горы. В 950—960-е гг. при Ольге и Святославе дважды обновлялись вал и ров Старокиевской горы, после 980 г. строится «град Владимира», почти в 6 раз увеличивший укрепленную территорию города[83] (вклейка, рис. 24).

Среди жителей города были выходцы из разных восточнославянских областей. Погребения киевских курганных некрополей отражают различие существовавших погребальных обрядов и социальную стратификацию общества. Инвентарь богатых захоронений содержит разнообразные по происхождению предметы, определявшие облик «дружинной культуры». С Киевом связаны находки самых богатых сокровищ своего времени: два денежно-вещевых клада начала X в. помимо обычного серебра в виде нескольких тысяч восточных монет содержали в одном случае 2, в другом 6 массивных золотых браслетов[84].

---

[78] *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 327—331.

[79] *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 364.

[80] *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье. С. 315.

[81] Древнейший строительный горизонт относится к периоду 880—920-х гг. (см.: *Сагайдак М. А.* Давньокиївський Поділ. Київ, 1991. С. 82, 83).

[82] *Толочко П. П., Боровский Я. Е., Вознесенская Г. А., Высоцкий Е. А., Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Килиевич С. Р., Мовчан И. И., Сагайдак М. А., Харламов В. А.* Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 114—119.

[83] *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье. С. 318—324.

[84] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 22, 65, 83. Табл. V; *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье. С. 320.

Чернигов, находившийся в нижнем течении Десны крупнейший центр Днепровского Левобережья, возник как поселение роменской культуры в конце IX в. На рубеже IX—X столетий возводятся первые укрепления детинца, после 960 г. его территория расширяется, и в тот же период строятся ограждавшие посад первые укрепления окольного города. Отдельный вал огораживал находившийся у подножия детинца участок при речной гавани[85]. К концу X в. территория Чернигова составляла не менее 35 га без учета возможных пригородов.

Около города существовали курганные кладбища. С Черниговом связаны самые большие из известных древнерусских курганов, высота которых достигала 10 м. Проведенные еще в XIX в. раскопки двух из них — Черной Могилы и Гульбища — открыли погребения по обряду кремации с оружием, многочисленными и разнообразными сопутствующими предметами, жертвенными животными. Существуют разные предположения о статусе и этносе погребенных, но несомненно это были люди самого высокого социального ранга.

В 16 км от Чернигова ниже по течению Десны, при выходе к реке, на месте небольшого поселка на рубеже IX—X вв. возникает обширное поселение с укрепленным детинцем. Со временем вблизи поселения появляются курганные кладбища. По своей сущности, отразившейся в местоположении, особенностях археологических материалов и времени существования, Шестовицкий археологический комплекс аналогичен таким памятникам, как Старая Ладога, Рюриково городище, Гнёздово[86]. Это был торгово-ремесленный центр, связанный с дорогами к Днепру на Киев и вверх по Десне. Среди жителей заметно присутствие скандинавов. Поселение перестало существовать в начале XI в. и возобновилось только спустя столетие в иных исторических условиях[87].

Третий из будущих стольных княжеских городов, Переяславль, по археологическим данным возник в конце X в. Таким образом, подтверждается летописное сообщение под 992 г. о том, что город заложил Владимир Святославич. Переяславль действительно был основан князьями. Первые укрепления огораживали пустое место, и только на протяжении XI столетия вся его территория оказалась освоенной[88]. Сохранились в виде городищ археологические свидетельства закладки Владимиром Святославичем других городов-крепостей в бассейнах левых притоков Днепра, преимущественно по степному порубежью[89].

С княжескими деяниями государственного масштаба последних десятилетий X в. связаны такие археологические памятники, как «Змиевы валы». Это протяженные линии укреплений разной конструкции (валы, древоземляные стены, эскарпированные береговые склоны), на больших пространствах перекрывавшие пути печенежских набегов по обе стороны Днепра, — первые в русской истории засечные черты. Общая протяженность оборонительных линий составляла около 1 тыс. км[90]. С «валами» связаны появившиеся около них в разных

---

[85] *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье. С. 338—341.

[86] См., например: *Коваленко В. П.* Шестовица — «южная сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. С. 91—102.

[87] *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье. С. 345—356.

[88] Там же. С. 362—364; *Моргунов Ю. Ю.* Историческая география Переяславской земли: (Святослав Игоревич — Ярополк Владимирович). М.; Вологда, 2019. С. 125.

[89] *Моргунов Ю. Ю.* Историческая география Переяславской земли: (Святослав Игоревич — Ярополк Владимирович). С. 135. Рис. 56.

[90] *Кучера М. П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987; *Моргунов Ю. Ю.* Историческая география Переяславской земли: (Святослав Игоревич — Ярополк Владимирович). С. 50—66.

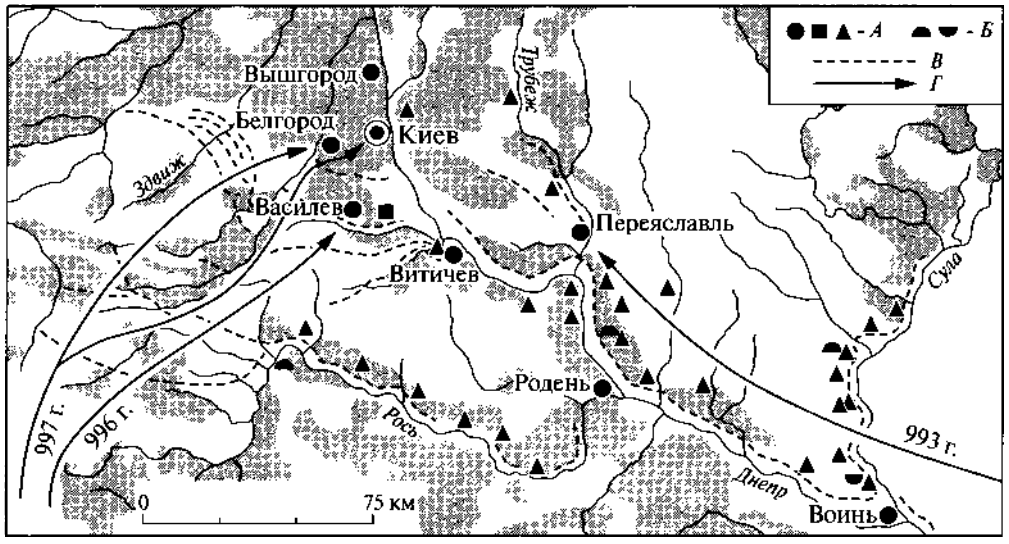


Рис. 3. Города, крепости, открытые поселения, змиевы валы времени Владимира Святославича и печенежских набегов

А — города, городища, селища; *Б* — курганы и грунтовые могильники; *В* — змиевы валы; *Г* — вероятные направления печенежских набегов (по: Моргунов Ю. Ю., 2019. Рис. 21)

местах поселения, служившие местом пребывания защитников протяженных укреплений (рис. 3). В подтверждение сообщения летописи о собранных Владимиром «мужах лучших» для новых пограничных городов имеющиеся материалы позволяют допустить присутствие среди их населения выходцев из других славянских областей[91].

В Днепровском Левобережье, в бассейнах среднего и верхнего течения рек Сулы, Псла, Десны, Сейма, Сожа, в верховьях Оки и Дона находились земли северян, вятичей, радимичей — в археологических реалиях, соответствующих волынцевской (на раннем этапе для северян) и роменской культурам VIII — начала XI в. Природа области — юг лесной зоны и лесостепь с участками степи, спокойный рельеф и плодородные почвы, развитая речная сеть — предоставляла возможность для разнообразной хозяйственной деятельности, свойственной средневековому населению.

Основой экономической жизни было земледелие. На роменских поселениях найдены зерна пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха, разнообразные сельскохозяйственные орудия. Обычными среди хозяйственных сооружений отдельной усадьбы были грушевидной формы «житные» ямы для хранения зерна, известные по поздним этнографическим параллелям, вместимость которых могла достигать 1260 л. Содержался крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади. Существовал охотничий промысел, в некоторых случаях, судя по остеологическим коллекциям, являвшийся важным занятием жителей отдельных поселений. Столь же очевидно распространение рыболовства, следы которого отмечены находками костей рыб, рыболовных крючков и острог. Ремесло представлено основными направлениями своего времени: железоделательным (известны остатки горнов), кузнечным, ювелирным (включая бронзоли-

[91] *Моргунов Ю. Ю.* Посульская граница: Этапы формирования и развития. Курск, 1998. С. 35—42. (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья; Вып. 3).

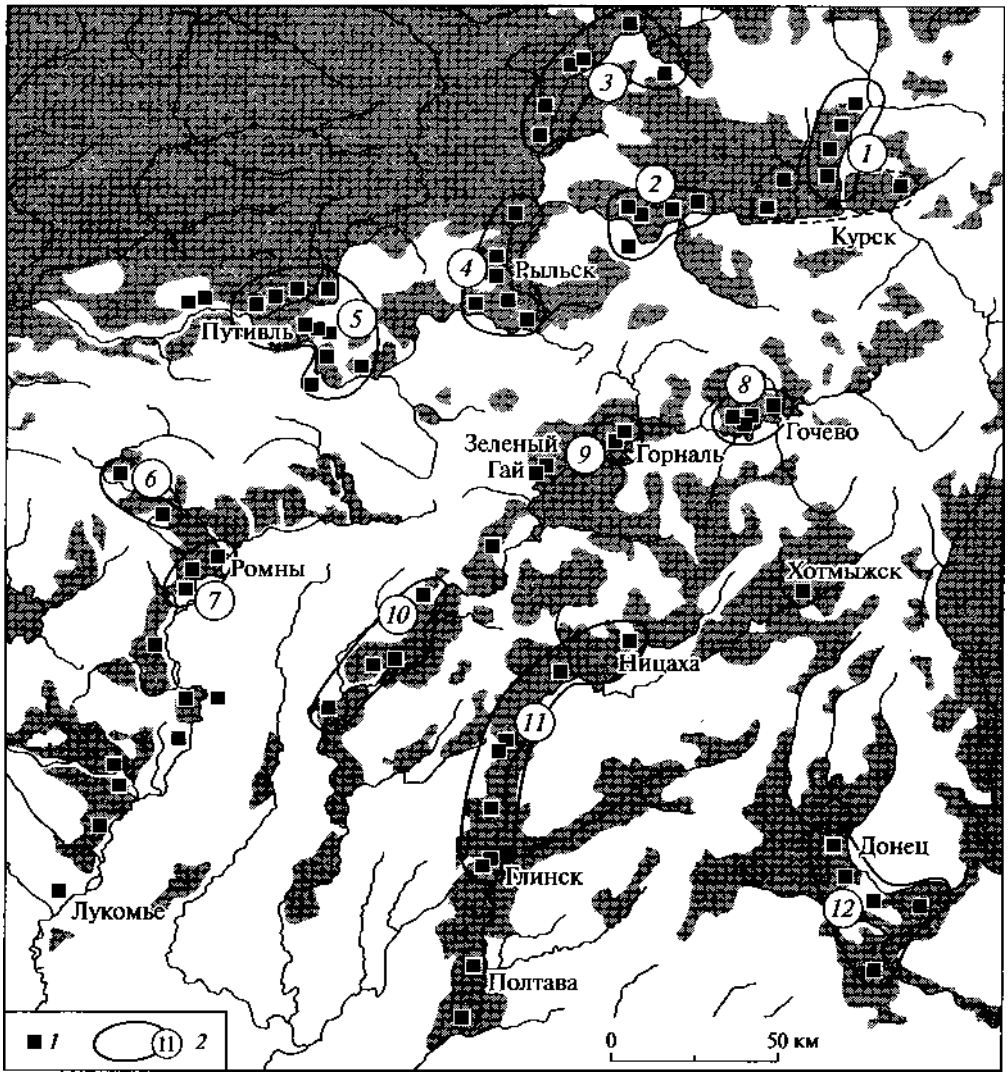


Рис. 4. Карта городищ территории северян

1 — городища, *2* — границы скопления поселений. Скопления: *1* — курское, *2* — ольговское, *3* — на р. Свапе, *4* — рыльское, *5* — путивльское, *6* — «медвежье», *7* — роменское, *8* — гочевское, *9* — горнальское, *10* — броварское, *11* — ворсклинское, *12* — верхнедонецкое (по: Моргунов Ю. Ю., 2019. Рис. 23)

тейное), косторезным. Вероятно, в рамках домашних занятий оставалось ткачество и изготовление глиняной посуды, но по некоторым признакам можно предполагать появление профессиональных гончаров[92].

Многочисленные неукрепленные и укрепленные поселения, занимавшие, как правило, приречные, залесенные и в ту пору участки, составляли отдельные географически обусловленные группы, разделенные естественными рубежами водоразделов или болотистыми поймами (рис. 4). Размеры селищ варьируют от мелких «хуторских» площадью менее 1 тыс. кв. м до крупных, с

[92] *Григорьев А. В.* На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. С. 370—375; *Енуков В. В.* Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. С. 121—145.

исчисляемой гектарами территорией. В некоторых случаях селища и близкое городище в общей планировке походили на город с детинцем и посадами.

Анализ сложившейся системы расселения позволяет выделить отдельные районы условных «малых племен» конца IX — начала X в., отличавшиеся высокой плотностью населения. Позже именно в этих местностях появляются наследующие роменским древнерусские поселения и возникают такие города, как Чернигов, Новгород Северский, Путивль, Курск, Воронеж[93].

Материальная культура роменского населения имела свой устойчивый облик, что сказалось в традициях домостроительства и обустройстве жилых усадеб, характерных формах глиняной лепной посуды, устойчивых комплексах орудий труда. Среди украшений известны так называемые радимичские и вятичские височные кольца. Ощутимо влияние Хазарии (салтовская культура), что в археологически уловимых элементах прослеживается в распространении некоторых форм украшений, глиняной посуды и даже в приемах кузнечного ремесла. В X в. в быт начинают входить древнерусские изделия. Находки импортных предметов объясняются устойчивыми внешними связями: через земли северян и вятичей проходил торговый путь через верховья Дона к Оке и по Десне в киевское Поднепровье. На роменских городищах и селищах не редкость находки дирхемов и небольших монетных кладов. У вятичей на окском притоке реке Упе на городище Супруты обнаружены вещи скандинавского круга древностей, среди которых оружие, конское снаряжение, торговый инвентарь — следы пребывания пришлых воинов-торговцев[94].

Большинство изученных роменских поселений погибло в пожарах частью в начале X в., но в основном во второй половине столетия и начале следующего. Очевидно, процесс подчинения Киеву северян и вятичей был далеко не мирным. Отмечается сокращение населения; по археологическим данным, часть вятичей ушла к северу в Окское Левобережье. С конца X в. запустели славянские поселки в бассейне верхнего Дона на реке Воронеж, что было связано с агрессией печенегов[95].

Данные археологических источников показывают, что к концу X в. в княжение Владимира Святославича территория Руси сложилась в тех пределах, какие указаны в Повести временных лет. Во времени этот процесс, равно как и улавливаемые археологией следы происходивших социально-экономических и культурных изменений в жизни восточных славян, пришелся преимущественно на период второй половины IX — X столетия[96], что соответствует летописной хронологии начальной истории государства.

---

[93] *Узянов А. А.* Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 79—97.

[94] *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 5—225. (Труды Тульской археологической экспедиции; Вып. 2); *Он же.* На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки. С. 372—379.

[95] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 140—143; *Винников А. З.* Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — начале XIII в.: (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж, 2014. С. 222—224.

[96] *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: В поисках соответствий; *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках: От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.

РУСЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СЕРЕДИНА IX — X в.

Восточная Европа в системе дальних коммуникаций накануне зарождения государственности на Руси. Разнородный этнический ландшафт Восточной Европы накануне возникновения Древнерусского государства и в период его формирования являлся частью обширной системы международных связей и трансконтинентальных коммуникаций, которые выступили одним из важных факторов территориальной интеграции и тем самым политогенеза на этом огромном пространстве. Конечно, сам коммуникационный каркас нарождавшейся государственности рос и развивался вместе с ее ростом и развитием, но основные территориальные параметры государства, его экономические и политические приоритеты оказались заданы главными векторами международной торговли и направлениями наиболее мощных культурных импульсов. Говоря о международных связях Руси IX—X вв., надо помнить, что применительно к этой эпохе Русь как формирующийся политический организм была не только субъектом, самостоятельно строившим свои международные связи, но и объектом, строившимся по канве уже отчасти заданных связей[1].

Структура и естественные направления основных дальних коммуникаций на просторах Восточной Европы предопределены контурами речной сети и потому меридионально ориентированы. Собственно, именно это геополитическое обстоятельство и сделало восточноевропейское пространство связующим звеном между высокоразвитыми цивилизациями Византийской империи и Арабского халифата, с одной стороны, и тем бурно развивавшимся цивилизационным феноменом, который, по удачному определению петербургского археолога Г. С. Лебедева, можно было бы назвать «циркумбалтийским культурным ареалом»[2], — с другой.

Путь от Каспия вверх по Волге, действовавший уже в Античности, приобретает, как считается, особое значение во второй половине VIII — IX в. с освоением речных маршрутов, ведших благодаря волокам в верховьях Волги через Мсту и Ловать на Балтику. При этом остается, однако, дискуссионным вопрос об альтернативном пути, который вел из Верхнего Поволжья на юг по Оке и Северскому Донцу[3]. В любом случае в начале X в. на средней Волге укрепляется такой торговый и политический центр, как Волжская Булгария, который контролирует и ограничивает движение на юг по Волго-Балтийскому пути.

Пространство между Балтикой и Черным морем не было непроницаемым по крайней мере с эпохи переселения народов, но постоянно и активно действующим маршрутом на всем своем протяжении

[1] О проблеме в целом см.: *Коновалова И. Г., Мельникова Е. А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX—X веков. М., 2018.

[2] Там же. С. 20—47.

[3] Там же. С. 51—76.

«путь из варяг в греки» становится здесь не ранее IX в. Ключевое положение Киева на этом пути, замыкавшего горловину воронки речной сети лесной зоны, обусловило ведущее значение этого центра для будущей политической интеграции.

Исследованиями недавнего времени выявлено также наличие коммуникаций, шедших в широтном направлении поперек главным векторам речной сети. Эти сухопутные маршруты внутри отдельных ландшафтных зон не могли обеспечить, разумеется, такого удобства передвижения, как речные, но тем не менее имели порой трансконтинентальный (хотя и поэтапный) характер — например, путь еврейских купцов «раданитов» в IX в. от Франкского государства до Прикаспия[4]. Возможно, такие пути так или иначе следовали ландшафтно ориентированным направлениям миграций славян первой половины — середины I тыс. н. э. внутри ареала так называемой пражско-корчакской археологической культуры. В древнерусское время связям (не только торговым) с Центральной Европой по подобным широтным маршрутам суждено будет сыграть свою немалую роль.

Международная торговля первоначальной руси (IX в.). Крайне многочисленные и порой огромные (до нескольких тысяч монет) клады арабского монетного серебра в прибалтийских землях и Восточной Европе в период со второй половины VIII по конец X в.[5] доказывают, что начало политогенеза на территории будущей Руси происходило на фоне интенсивных международных торговых контактов, ориентировавшихся на восточные рынки. Письменные сведения о таких контактах сохранились главным образом, хотя и не исключительно, в арабоязычных (арабских и персидских) источниках того времени[6].

Торговая русь в Северном Причерноморье, Хазарии и на арабском Востоке. Согласно наиболее раннему свидетельству арабо-персидского географа Ибн Хордадбеха († около 890 г.), который был начальником почт одной из провинций Джибал (Южный Прикаспий), а затем, видимо, и всего Халифата (что, безусловно, немало способствовало его незаурядной осведомленности), купцы *ар-рус* «везут меха бобра, черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славян к морю Румийскому (Черному. — *А. Н.*), и берет с них десятину властитель Рума (Византии. — *А. Н.*)»; по некой «реке славян» они плавают и в Хазарию, где также платят десятину, а оттуда, через «море Джурджана», то есть Каспийское, «иногда везут свои товары из Джурджана (область на юго-востоке Каспия. — *А. Н.*) на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они — христиане, и платят джизью (подушную подать. — *А. Н.*)»[7]. Это известие датируется, вероятно, 880-ми гг. Аналогичный рассказ включил в свое сочинение около 903 г. арабский географ Ибн ал-Факих[8]. Местами он разъяс-

---

[4] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124. § 73г.

[5] См. последние сводные карты таких кладов, составленные В. С. Кулешовым и А. А. Гомзиным: *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 387—393; здесь же (с. 383—401) — очерк торговых путей IX—X вв. с учетом археологических материалов.

[6] Их сжатый обзор см.: ДРСЗИ / Под ред. Е. А. Мельниковой. [3-е изд., испр. и доп.] М., 2013. С. 192—215 (И. Г. Коновалова).

[7] *Ибн Хордадбех.* Указ. соч. С. 124. § 73в; ДРСЗИ. 2013. С. 30—31.

[8] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 35. О сложной источниковедческой проблематике, связанной с известиями Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха, см.: *Назаренко А. В.* Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М., Вологда, 2012. С. 22—24.

няет данные Ибн Хордадбеха. Например, сообщается, что после уплаты «десятины» «владетелю Византии» на берегу «Румийского моря» купцы следуют к «Самкарш иудеев», то есть к Керчи или, вероятнее, Тмуторокани. Следовательно, у обоих авторов речь идет, скорее всего, о торговле купцов руси в византийских городах крымского побережья. Еще одна неясность связана с «рекой славян», в которой иногда видят то Волгу, то Дон, но которую вернее было бы рассматривать как обобщенное представление арабских географов о какой-то водной магистрали, пронизывающей Восточную Европу с севера на юг[9].

На территории Халифата «русские» купцы платили джизью — особый налог, взимавшийся с торговцев тех стран, которым арабские власти оказывали покровительство; остальным надо было платить ту самую десятину с везомого товара, о какой идет речь применительно к византийской и хазарской территориям, а она была больше. Ибн Хордадбех даже поясняет, почему руси оказывалось такое покровительство: потому что «говорят они, что они — христиане» — следствие включения руси в число номинально христианизированных народов после русско-византийского договора 865/866 г. (см. ниже). Это свидетельствует о рутинном, привычном характере торгового присутствия руси на арабском Востоке в последней трети IX в.

Об интенсивности этого присутствия говорит сам факт зависимости сформировавшегося на Руси денежно-весового счета от арабского: если в последнем за одну стандартную золотую монету (динар) давали 20 серебряных (дирхемов), то в древнерусском в счетной гривне (соответствовавшей по стоимости золотому) насчитывалось 20 серебряных фракций, которые к тому же носили заимствованное из арабского языка название «ногаты» (от араб. *накд* — «отборная монета»)[10].

Торговое присутствие руси на среднем Дунае. Данные арабских источников, в которых детальная конкретика сочетается с радикальной обобщенностью ученой традиции, не позволяют решить, откуда именно русь IX в. являлась в Северное Причерноморье, на Каспий и далее во внутренние области Халифата. Часто считается, что то была русь из ильменско-ладожского региона. Скудный свет на проблему проливает западноевропейский источник самого начала X в., то есть вполне синхронный труду Ибн ал-Факиха, — так называемый Раффельштеттенский таможенный устав. Это мытные правила, регламентировавшие торговую ситуацию в Баварской восточной марке и некоторых прилегающих областях (приблизительно в современном западноавстрийском Подунавье) накануне падения Великоморавского государства под ударами венгров. Они были собраны по приказу восточнофранкского короля Людовика IV (900—911) и призваны восстановить справедливые пошлины, соблюдавшиеся здесь при прежних королях — Людовике II Немецком (840—876) и Карломане (876—880). В уставе упоминаются торговцы «от руси» (de Rugis), которые вместе с чешскими купцами являются на Дунай с севера, из района будущей Праги (где приходящие через Краков купцы из Руси прямо засвидетельствованы запиской испанского еврея Ибрагима ибн Якуба (Йа'куба) в 965/966 г.[11]), и торгуют воском, невольниками и лошадьми[12].

---

[9] *Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 120—124, 158—163.

[10] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 113—218.

[11] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 79.

[12] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 62—64; *Он же.* Русь IX века: Обзор письменных источников. С. 24—28; ДРСЗИ. 2013. С. 284—293;

Кроме самого факта присутствия какой-то руси с ее товарами в восточнобаварском Подунавье по крайней мере на рубеже IX—X вв. (причем сам Устав отсылает к середине — третьей четверти IX столетия), замечателен специфический локальный денежный счет, в котором место общефранкского денария занимает серебряная монета под уникальным для латинского мира названием «скот» (scoti), соответствующая по стоимости 1/20 золотого солида и не имеющая параллелей в европейском денежном счете. Вместе с тем скот является точным структурным и весовым аналогом древнерусской ногаты, причем и сам термин легко объясним как скандинавское название ходовой серебряной монеты *skattr*, преломившееся через восточнославянскую языковую среду, где краткое *а* переходило в *о* (как и у Ибн Хордадбеха, русь Раффельштеттенского таможенного устава пользовалась славянским языком в качестве языка межэтнического общения — lingua franca)[13]. Коль скоро торговое присутствие руси в восточнобаварском Подунавье сумело оказать воздействие на давно сформировавшуюся местную денежно-весовую систему, оно должно было быть довольно активным.

Учитывая достаточно яркие и отнюдь не малочисленные данные X—XII вв. о сухопутном торговом пути из Среднего Поднепровья через Червенские города, Краков и Прагу в баварское Подунавье (см. ч. 3, гл. 16), логично думать, что Раффельштеттенский таможенный устав зафиксировал начальный этап функционирования этого широтного маршрута. В таком случае и русь, приходившую, по Ибн Хордадбеху, на византийские и хазарские торжища в Крыму и Приазовье, есть смысл выводить именно из Среднего Поднепровья (Киева).

Русь и Волжская Булгария. Для северного, ладожско-ильменского, очага древнерусской протогосударственности до его объединения с южным, среднеднепровским, при князе Олеге преимущественным направлением внешних торговых связей служила, судя по всему, Волжская Булгария, которая обладала доступом к арабскому монетному серебру как по Волге, так и по заволжским торговым маршрутам, шедшим из Самарканда. Именно этим путем прибыл сюда в 921/922 г. арабский посол и миссионер Ибн Фадлан, оставивший описание своей поездки, в котором среди прочего подробно обрисовал быт и некоторые обряды (в том числе погребальный) приезжих торговцев-руси[14]. Судя по этой записке, они сезонно обитали в Волжской Булгарии, имея здесь свои дома и святилища, ожидая «купцов, имеющих многочисленные динары и дирхемы»[15]. Очевидно, пускаться в дальнейший путь вниз по Волге препятствовали булгарские власти. Сведения арабо-персидского географа Ибн Русте, датируемые обычно последней третью IX в., о том, что *ар-рус* продают захваченных славянских пленников «в Хазарии и Булгаре»[16], носят сводный характер, контаминируя сведения о разных группах руси[17].

Итак, торговая русь, достигавшая Прикаспия и внутренних рынков Халифата, согласно Ибн Хордадбеху, шла, видимо, из Среднего Поднепровья, попадая в Волгу

ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 31—35.

[13] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 131—156.

[14] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 65—77.

[15] Там же. С. 70.

[16] Там же. С. 48.

[17] *Коновалова И. Г.* Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X—XII вв. // ДГВЕ. 1999. М., 2001. С. 169—189.

уже в нижнем ее течении через переволоку из Дона[18].

На это же указывают и ранние данные о военных столкновениях и политических контактах руси с Византией.

Русь и Византийская империя. Освоение «пути из варяг в греки» военно-торговыми отрядами первоначальной руси отразилось в иностранных, по преимуществу византийских, источниках в виде отдельных, иногда не вполне твердых известий о разорительных набегах русских ладей на те или иные причерноморские владения империи или даже сам Константинополь и следовавших затем договорах либо иных политических контактах.

Русское посольство в Константинополе в 836/838 г. и военная активность первоначальной руси в византийском Причерноморье (первая половина IX в.). Древнейшим точно датированным известием о руси вообще и о зачинающихся международных контактах политического образования под тем же названием является широко известное сообщение франкских Бертинских анналов под 839 г. о прибытии к франкскому императору Людовику I Благочестивому (814—840) послов «народа» (gens), что «зовется *Rhos*», «король» (rex) которых прозывается «каганом» (chacanus); Людовик принял их 18 мая в своей резиденции в Ингельхайме на среднем Рейне[19]. Послы явились вместе с делегацией от византийского императора Феофила (829—842), к которому прибыли ранее «ради дружбы (amicitia)». Причину тому объяснил сам Феофил: император не хотел, чтобы послы возвращались тем же путем, которым пришли, «так как он пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов»[20]. В науке установилось относительно единое мнение, что под последними имелись в виду венгры: именно в это время они появились в причерноморских степях и столкнулись на нижнем Дунае с войсками Феофила[21]. В достоверности этого сообщения сомневаться не приходится, так как памятник представляет собой официальные имперские анналы, которые в рассматриваемый период велись непосредственно по следам событий придворным капелланом Пруденцием, безусловно, знакомым с протоколами переговоров.

Таким образом, перед нами неоспоримое современное событиям свидетельство византийского по сути происхождения о византийско-русских (что бы ни понимать под Русью столь раннего времени) политических контактах 830-х гг.[22] Оно заставляет с должной серьезностью отнестись к источниковедчески более уязвимым данным другого византийского источника — Жития св. Георгия Амастридского.

В Житии сообщается, что «варвары русь (Ῥῶς), народ, как все знают, в высшей степени дикий и грубый» разорили черноморское побережье от Босфора до Амастриды, свирепствуя и убивая в силу «сохраняюще-

---

[18] *Коновалова И. Г., Мельникова Е. А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX—X веков. С. 76—84.

[19] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 18—21.

[20] Там же. С. 20.

[21] Последний подробный разбор проблемы: *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: Новая держава на границе Византии и Хазарии (ок. 836—889 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. 6. Симферополь, 1997. С. 663—688.

[22] Высказывавшиеся в историографии вплоть до самого последнего времени предположения, что Rhos Бертинских анналов были послами хазарского кагана, следует со всей определенностью отвергнуть как излишние ввиду твердо зафиксированного применительно к правителям Руси IX в. титула «каган» (*Назаренко А. В.* Русь IX века: Обзор письменных источников. С. 14—18).

гося у них древнего таврического избиения чужестранцев»[23]. Относительно аутентичности этих сведений в науке развернулась полемика, в ходе которой высказывались суждения о возможном позднейшем происхождении «русского» чуда св. Георгия Амастридского под влиянием рассказов о походе руси на Византию 860 или даже 941 г. Дискуссию нельзя считать завершенной, но на настоящем ее этапе точка зрения публикатора памятника В. Г. Васильевского о принадлежности чуда к первоначальному тексту Жития, созданному примерно в 810—830 гг., выглядит предпочтительнее[24]. Если так, то к тому же времени — первой трети IX в. — следовало бы отнести и нападение русских отрядов на северо-западное побережье Малой Азии, итогом которого и стала попытка заключить мирный договор около 836/838 г.

Долго обсуждавшиеся в науке более ранние (конец VIII в.) сведения о военных действиях руси в Южном Крыму, которые содержатся в одном из чудес в славянском переводе Жития св. Стефана Сурожского, ныне признаны неудачной интерпретацией переводчиком своего греческого оригинала, который как таковой не сохранился[25].

Поход на Царьград в 860 г. Следующим надежно удостоверенным и датированным фактом древнейших русско-византийских контактов служит нападение флота руси на столицу Ромейской империи 18 июня 860 г., память о котором отложилась в целом ряде источников[26]. Центральное место среди них занимают сочинения константинопольского патриарха Фотия (858—867, 877—886): две гомилии (поучения) на нашествие руси (860) и окружное послание к восточным патриархам (866/867). Уничижительную в отношении нападавших риторику, свойственную гомилиям («народ незаметный <...> неименитый, но получивший имя от похода на нас» и т. п.), нельзя воспринимать буквально, делая вывод, будто о посольстве 830-х гг. в Царьграде было забыто и, стало быть, русь на четверть века исчезла с византийского политического горизонта[27]. Сам Фотий в окружном послании отмечает, что русь «посмела поднять руку на Ромейскую державу» потому, что к тому времени «поработила [живших] вокруг нее и оттого чрезмерно возгордилась»[28].

По византийским хроникальным данным, флот руси насчитывал 200 ладей, по данным, сохраненным латинской традицией, — 360[29], то есть количество нападавших составляло примерно от 8—10 до 15—18 тысяч воинов. Нападение состоялось тогда, когда император Михаил III (856—867) с войском и флотом находился в походе против арабов, что позволяет догадываться о вероятной осведомленности руси о византийских планах и, следовательно, о достаточно регулярном пребывании ее

---

[23] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. 64—71; в сб. ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 2: Византийские источники / Сост. М. В. Бибиков. М., 2010. С. 129—130 — текст русского перевода неоправданно и без оговорок усечен.

[24] *Назаренко А. В.* Русь IX века: Обзор письменных источников. С. 19—21.

[25] *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 11—103.

[26] Их комментированный свод см.: *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000. М., 2003. С. 3—172; *Назаренко А. В.* Русь IX века: Обзор письменных источников. С. 18—19, 21—22.

[27] Такое мнение высказывается иногда даже во вполне серьезной историографии; см., например: *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle // Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des études byzantines. Nr. 5. Athènes; Paris, 1971. P. 47—49.

[28] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках. С. 57.

[29] Там же. С. 113—118, 150—151, 157.

представителей в Константинополе уже в ту пору. Русские отряды успели изрядно пограбить берега Босфора и непосредственные окрестности столицы, прежде чем их корабли по божественному заступлению были уничтожены бурей (согласно всем византийским источникам) или, как уверяет послание папы Николая I (858—867) Михаилу III от 865 г., благополучно уплыли восвояси[30].

Таким образом, данные о русской атаке 860 г. скорее согласуются, чем диссонируют с известием о более раннем походе на Пафлагонское побережье из Жития св. Георгия Амастридского.

Русско-византийский договор около 865/866 г. Сумело или нет русское посольство 830-х гг. заключить с империей какой-либо договор о «дружбе», ради которого и приходило, доподлинно не известно, зато политические результаты похода 860 г. удостоверены твердо. В окружном послании патриарх Фотий, сообщая о недавнем крещении болгар (864/865), уверяет также, что и русь — недавние безжалостные разбойники — добровольно приняли крещение и епископа из Константинополя (см. ч. 2, гл. 5), таким образом «сами себя охотно поставили в ряд подданных (ὑπήκοοι) и гостеприимцев (πρόξενοι)»[31]. Эти слова невозможно понять иначе, как указание на то, что незадолго до написания послания, то есть около 865/866 г., состоялся византийско-русский договор, одним из условий которого стала официальная христианизация, трактовавшаяся, в силу византийской государственной доктрины, как вхождение в круг государств и народов, номинально вассальных по отношению к империи. Отношения продолжались и после убийства Михаила III; во всяком случае официальная историография, связанная с Македонской династией, пришедшей к власти с Василием I (867—886), настаивает, что император Василий внес вклад в дело мира с русью и ее крещения, посылая русскому «архонту» обильные дары и «заключив с ними мирный договор (σπονδὰς εἰρηνικάς)»[32]. Налицо ситуация, неоднократно повторявшаяся в дальнейшем: за военным походом следовало — с позиции силы — предложение и заключение выгодного мира.

Эта неоспоримая аналогия настойчиво подсказывает и вероятное содержание мирного договора около 865/866 г.: помимо церковной темы он должен был включать статьи, которые регулировали торговлю русских купцов на территории империи.

Договор Олега 911 г. Следующий этап русско-византийских отношений документирован двумя совершенно уникальными источниками: полностью сохранившимися договорами 911 и 944 гг., которые, как и договор 865/866 г., венчали собой военные походы. Текст договоров в славянском переводе с греческого включен в Повесть временных лет[33] и восходит к оригиналам из копийной книги — вероятно, императорской канцелярии[34], что придает аутентичность также и текстам, которые обрамляют

[30] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках. С. 86—90.

[31] Там же. С. 75.

[32] Так в «Жизнеописании императора Василия I» (середина X в.) (*Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках. С. 125—127). Не следует, однако, на этом основании относить заключение первого русско-византийского договора именно к правлению Василия I (около 874 г.) (*Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 68; и др.), игнорируя недвусмысленное свидетельство окружного послания патриарха Фотия.

[33] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 29—38, 46—54; текст с учетом разночтений по важнейшим спискам летописи см.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 30—40, 51—61.

[34] *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X веке в свете дипломатики // Византийский временник. Т. 56 (81). М., 1995. С. 68—91; Т. 57 (82). М., 1997. С. 58—89.

договоры, содержа пояснения о процедуре их заключения и ратификации.

На 907 г. пришелся крупнейший поход Руси[35] на Царьград под предводительством князя Олега, который собрал, согласно летописному рассказу, огромные силы — 2000 ладей по 40 воинов. Поход подытоживал, очевидно, некоторый период киевского княжения Олега[36], так как ему предшествовали возобновившиеся, вопреки мирному договору 865/866 г., нападения русских кораблей на византийское побережье[37]. Империя, перенесшая десять лет назад тяжелое поражение от Болгарии царя Симеона (893—927), теснимая на море и суше арабами, которые в 904 г. взяли и разграбили Фессалонику (второй по величине город Византии), была вынуждена подписать с новой Русью князя Олега мирный договор, продиктованный нападавшими. Заключение происходило в два этапа: за предварительным соглашением, достигнутым еще под стенами Константинополя в 907 г., последовали подробные переговоры, которые завершились подписанием договора 2 сентября 911 г.

Кроме выплаты колоссальной дани по 12 гривен на воина, или более 150 тонн серебра[38], византийская сторона брала на себя беспрецедентные до той поры обязательства по русскому торговому и дипломатическому присутствию в Константинополе. Купцы из Руси получали право в течение полугода пребывать в столице, проживая на подворье у монастыря Св. Маманта (на западном берегу Босфора севернее городских стен) за счет византийской казны (оговорено даже мытье в бане), причем величина содержания описывается удивительной клаузулой: «елико хотять». Еще более удивительно, что торговать на цареградском рынке руси позволялось беспошлинно («не платяше мыта ни в чем же»). Вся исключительность такой льготы языческим торговцам ясна при сравнении с положением христианских купцов из дружественной Византии при царе Борисе I (852—889) в Болгарии, которые, хотя и располагали собственным рынком в Константинополе, облагались обычными пошлинами; но и эти нормы были в 893 г. упразднены, болгарский торг перенесен в Фессалонику, а пошлины повышены, что и стало главной причиной упомянутой болгаро-византийской войны при Симеоне[39]. Русские послы, так же как и купцы, получали в течение своего пребывания в Византии содержание от столичного эпарха (градоначальника), который должен был снабжать и тех и других еще снаряжением и припасами для обратного пути.

Не менее важно и другое. Бóльшую часть договора занимают статьи, посвященные детальной регламентации правовых взаимоотношений руси и греков, причем предусматривается паритетное применение как византийских юридических норм, так и «закона русьскаго», в котором угадываются некоторые положения Русской Правды. Показательно и разнообразие описываемых прецедентов — от убийства или примене-

[35] Здесь и в других частях тома слово *русь* пишется с заглавной буквы, когда речь идет о государстве, и со строчной — когда подразумевается этническая или этносоциальная группа.

[36] Летописная дата вокняжения Олега в Киеве — 882 г. — условна и не может приниматься в расчет.

[37] Их успел отметить в своем трактате по военной тактике, написанном, вероятно, в начале X в., император Лев VI Мудрый (886—912): Leonis imperatoris Tactica. Cap. 19 // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 107. Parisiis, 1863. Col. 1011.

[38] Если, по наиболее вероятной точке зрения, приравнять гривну договоров с греками к византийской полулитре в 163,7 г (*Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 187—188).

[39] Эта общепринятая трактовка известия Продолжателя Феофана оспорена, впрочем, Г. Г. Литавриным, согласно которому речь идет не о переносе болгарского торга из Царьграда, а исключительно о ситуации в Фессалонике (*Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 138—141).

ния физического насилия до судьбы наследства умершего и выдачи беглого раба. Ясно, что эти нормы не придуманы нарочно для договора 911 г., а суммируют достаточно длительную историю русской торговли на территории Византийской империи, восходя, надо думать, отчасти уже к договору времен Михаила III и Василия I.

Единственное, кажется, но очень актуальное приобретение от договора для Византии — статья о присылке русской военной помощи, которая дозволяла таким русским отрядам при желании оставаться на византийской службе в качестве наемников. Этот пункт станет непременным для всех последующих соглашений. Он вступил в силу немедленно, судя по тому, что в неудачной морской экспедиции против критских арабов в 911—912 гг. принял участие русский корпус в 700 человек, что обошлось цареградской казне в сотню литр (32,7 кг) золота; это примерно по 10 номисм (золотых) на рядового воина, то есть немного больше, чем расход на воина императорского войска, и в несколько раз больше, чем расход на воина фемного ополчения[40]. Аналогичные сведения о русской пехоте на кораблях византийского военного флота есть и позднее, в 934—935 гг.[41]

Договор Игоря 944 г. Поход на Византию князя Игоря состоялся в 941 г.: 11 июня русский флот был уже в окрестностях Царьграда[42]. Причины похода и сопровождавшие его исторические обстоятельства не вполне ясны. Единственный источник, который сообщает причину войны, — экскурс о хазарско-русско-византийских отношениях при императоре Романе I Лакапине (919—944) в так называемом Кембриджском документе X в.[43] Согласно этому сложному тексту хазарского происхождения, написанному на древнееврейском языке, во время хазарско-византийской войны, вызванной преследованиями иудеев в империи при Романе I, последний убедил русского князя Хельгу напасть на хазарские владения в Приазовье (видимо, Тмуторокань); однако Хельгу был побежден хазарским полководцем Песахом, который заставил его объявить войну Византии; но корабли Хельгу оказались сожжены греками. Хронология и детали этого рассказа во многом совпадают с тем, что известно о походе Игоря, но несоответствие имен русских князей не дает возможности безоговорочно отнести данные Кембриджского документа к экспедиции Игоря 941 г.[44] Так или иначе, флот Игоря действительно был уничтожен «греческим огнем»; достоверное и красочное описание сражения оставил немецкий посол в Византии Лиудпранд[45], который, однако, оценивает количество русских кораблей в «тысячу или даже более», тогда как византийские источники говорят о 10 тысячах, что выглядит сильным преувеличением.

---

[40] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / E rec. I. I. Reiskii. T. 1. Bonn, 1829. Cap. II, 44. P. 651, 654. Для дополнительного сравнения укажем, что годовой доход фемного стратиота (воина), который снаряжался в поход за свой счет, с положенного ему земельного надела составлял около 20 номисм.

[41] Ibid. P. 660.

[42] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 175—176; Хроника Симеона магистра и логофета / Пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова; Вступ. ст. и коммент. П. В. Кузенкова. М., 2014. С. 231—232.

[43] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 181—184.

[44] Из наиболее серьезных попыток согласовать сведения назовем: *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X в.: Проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сборник статей к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1996. С. 68—80; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси, 750—1200 / Пер. Д. М. Буланина, Н. Л. Лужнецкой. СПб., 2000. С. 172—174.

[45] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 38—40.

О втором византийском походе Игоря, за которым и последовало заключение договора 944 г., сообщается только в Повести временных лет, и потому не исключено, что он введен в текст искусственно, будучи призван заменить собой поход Олега в предшествующем летописании (Начальном своде), где тот служит исправлению неудачи Игоря[46]; автор Повести временных лет, получив в руки датированный договор Олега, вынужден был переместить поход этого князя на более раннее время, и рассказ о поражении Игоря лишился победоносного финала. В самом договоре Игоря нет эксплицитной датировки, как в договоре Олега, а упоминание императоров — соправителей Романа I (смещенного с престола в декабре 944 г.), Константина VII (913—959) и Стефана (924—945), сына Романа I, допускает датировку и более раннюю, чем 944 г. Вместе с тем летописная датировка похода 6453 г. (1 сентября 944 — 31 августа 945 г.), которая может быть верна, только если сделана по византийскому сентябрьскому стилю, позволяет со всей осторожностью догадываться, что она взята из материалов, имевшихся в конвое греческого текста договора.

По содержанию договор во многом воспроизводит договор 911 г., что соответствует декларированному намерению сторон «обновити ветъхии миръ». Нельзя, однако, не заметить, что, помимо определенной детализации торговых и юридических норм, в новом договоре появились некоторые ограничения в отношении Руси и введены отсутствовавшие прежде ее политические обязательства. Бросается в глаза, что исчезает клаузула о беспошлинной торговле. Русские ладьи не имеют теперь права зимовать не только на своем константинопольском подворье, но и в низовьях Днепра, где обязаны не препятствовать рыболовству херсонеситов. Русь должна была отказаться от нападений на византийскую фему Херсон в Южном Крыму и, более того, опираясь на какие-то владения в Приазовье, взять на себя ее защиту от нападений. Статья «о Корсуньстѣи странѣ» в переводе не вполне вразумительна, и похоже, что в ответ на такие обязательства Руси Византия, в свою очередь, обещает оказывать ей военную помощь в этом регионе, явно против общего врага — Хазарии. Наконец, статья о русской военной помощи грекам сформулирована без упоминания о возможности перехода на византийскую службу, что, вероятно, говорит об усилении контроля княжеской власти над военной активностью русских отрядов за пределами Руси. В целом договор показывает, что и Византия, и Русь стремились к сохранению прежних договорных отношений с учетом ясно обозначившихся русских интересов в Южном Приазовье.

Давно замечено, что походам Руси на Византию 907 и 941 гг. практически одновременны военные предприятия на западном побережье Каспия в 909—910[47] и 944—945 гг.[48] Попытки поставить их в непосредственную политическую связь с византийскими походами[49] выглядят несколько натянутыми. Скорее всего, одновременность военной активности в Причерноморье и в Прикаспии объясняется тем, что и при Олеге, и при Игоре Русь действовала, стремясь к приобретениям на обоих важнейших торгово-политических маршрутах, которые обозначились еще в IX в.

Крещение как политическая задача. Рецидив Святослава. В политическом, культурном, церковном отношениях христианский мир конца I тыс. н. э. делился на

[46] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 107—108.

[47] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 114—116.

[48] Там же. С. 101—105.

[49] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 113—119 (раздел написан А. П. Новосельцевым).

две части: грекоязычную Византийскую империю с политическим и церковным средоточием в Константинополе и латиноязычный Запад, политически раздробленный, но находившийся в пределах одного Римского патриархата. Поэтому крещение и первоначальная христианизация некоторых народов и стран Европы (там, где эти процессы не были результатом по преимуществу внешней миссии), особенно тех, которые исторически пребывали в сфере политического и/или культурного влияния тех или иных центров как восточного, так и западного христианства — например, Болгарии, Великой Моравии, Руси, обнаруживают типологическое сходство. Христианизация была невозможна без официального церковно-юридического выбора между двумя центрами — Римом и Константинополем, и в условиях известной политической и церковной конкуренции между Востоком и Западом такая альтернативность давала в руки государственной власти в христианизировавшихся странах не только право выбора, но и возможность политического маневра. Внутригосударственная задача приобретала принципиальный международно-политический аспект.

Внешняя политика княгини Ольги. Политика внутреннего устроения, характерная для полутора десятилетий правления на Руси княгини Ольги (около 945 — около 962 г.), в сфере внешних сношений вылилась в интенсивные усилия по крещению молодой державы. Весьма показательно, что, решив принять личное крещение, Ольга не сделала этого в Киеве, хотя церковная община, храм и, соответственно, священники здесь были уже при Игоре, а решила включить вопрос в рамки международных переговоров. В 946 или, вероятнее, 957 г. княгиня лично направилась в Константинополь, где и была крещена (см. подробнее в ч. 2, гл. 5). Ольгу сопровождало большое русское посольство, количественно и по составу сопоставимое с русским посольством в Царьград для заключения договора в 944 г. при князе Игоре. Это дает право думать, что речь шла не только о церковных вопросах; урегулирование последних русская правительница рассматривала как повод к пересмотру всего комплекса русско-византийских отношений, политических и торговых, и к заключению качественно нового межгосударственного договора. Судя по отсутствию послов князя Святослава на втором приеме Ольги в императорском дворце 18 октября, договор планировалось скрепить династическим браком юного Святослава, на что византийская сторона не согласилась. Очевидно, радикальный пересмотр договора был сочтен преждевременным (он состоялся только при заключении династического союза при Владимире — см. ниже), так что недовольная русская княгиня по возвращении отказалась было даже от исполнения прежних соглашений, в том числе важнейшего для Византии пункта о присылке по желанию греков воинской помощи. Нет оснований не верить древнерусскому преданию, которое, в ответ на просьбу императора Константина VII прислать обещанные дары и, главное, «вои в помощь», вкладывает в уста Ольги язвительные слова: «Аще ты <...> такоже постоиши у мене в Почаинѣ, якоже азъ в Суду (русское название константинопольского залива Золотой Рог. — *А. Н.*), то тогда ти дамь»[50].

Другой реакцией Ольги оказалось посольство к германскому королю Оттону I (936—973), отправленное в 959 г., с просьбой прислать на Русь епископа и священников[51]. Несомненно, то был способ оказать давление на несговорчивый Царьград. Та-

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 62—63.

[51] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 106, 108; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 45—49.

кой шаг показывает хорошую осведомленность княгини в международной политической и церковно-юридической ситуации: в Киеве знали, что право учреждения епископий на языческих землях есть не только у Рима, но и подведомственного Оттону I гамбургско-бременского архиепископа, который успел, например, открыть недавно, в 948 г., три первых епископства в Дании. Немецкий епископ для Руси Адальберт отправился с большой задержкой только в 961 г., а годом ранее зафиксировано неудачное посольство Оттона I к новому византийскому императору Роману II (959—963). Германский король готовил поход в Рим, где должна была состояться (и состоялась в феврале 962 г.) его имперская коронация, для чего ему было крайне важно признание своего нового титула в Константинополе, который всегда был весьма чувствителен к проблеме «двух императоров». Очевидно, в 960 г. Оттон пытался купить лояльность Византии в отношении своих планов ценой отказа от русской миссии[52]. Отсутствие компромисса вылилось в итоге в немецко-византийскую войну на юге Италии при воинственном василевсе Никифоре II Фоке (963—969), которая закончилась миром и династическим союзом только после вступления на трон императора Иоанна II Цимисхия (969—976). Таким образом, внешняя политика Руси оказалась вплетена в сложный узел противоречий между Западной и Византийской империями, и этот первый опыт будет не раз использован древнерусскими политиками в дальнейшем.

Крайняя напряженность (если не полный разрыв) русско-византийских отношений после политической неудачи Ольги в Царьграде была, кажется, довольно быстро урегулирована с воцарением Романа II, судя по жесткости византийской позиции в отношении планов Оттона I и участию русского корпуса в морском походе на Крит уже в августе 960 — марте 961 г.[53] Это урегулирование стало тем прочнее, что с приходом к власти в Киеве возмужавшего Святослава (около 962—972 г.) временно потерял актуальность центральный для Ольги церковный вопрос.

Завоевательные походы Святослава. Краткое правление Святослава Игоревича характеризовалось целым рядом масштабных военно-политических предприятий. Присоединение к Руси земли вятичей на средней Оке, прежде входившей в данническую сферу хазар, повлекло за собой решительное наступление на сам Хазарский каганат, который был практически сокрушен в результате двух походов 965 и 968 гг., столица Итиль разрушена, а Восточное (Белая Вежа) и Южное Приазовье (Тмуторокань с прилегавшими землями ясов-алан и касогов-адыгов) окончательно оказались под контролем Руси[54]. Вряд ли такая коренная перекройка геополитической ситуации могла быть возможна без благожелательного нейтралитета Византии.

На дружественность отношений указывает и сам факт приглашения Руси на помощь против болгар императором Никифором II в 967 г. Святослав откликнулся на предложение, к тому же щедро оплаченное, и в двух кратких победоносных кампаниях 968 и 969 гг. одолел болгар, захватив Нижнее Подунавье и пленив болгарского царя Бориса II (969—971). Неизвестно, имелись ли у Святослава с самого начала планы закрепиться в Болгарии, но после быстрого успеха они налицо: князь намерен обосноваться в «Переяславци в Дунаи»[55], то есть

[52] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 293—308.

[53] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. С. 198.

[54] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 109—111 (раздел написан А. П. Новосельцевым).

[55] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67.

в Малом Преславе в Добрудже. Менять неудобное, но привычное болгарское соседство на непредсказуемого и воинственного русского князя Византия, естественно, не желала, и при императоре Иоанне I русско-болгарская война переросла в русско-византийскую. Борьба шла с переменным успехом, но закончилась решительным поражением русского войска под Доростолом. Заключенный в июле 971 г. мирный договор скреплял возвращение к status quo ante — довоенному положению вещей: Русь обязывалась не нападать на византийский Крым и Болгарию, оказывать военную помощь Византии, сохранив, видимо, торговые преимущества для своих купцов в Константинополе[56]. Окончательный итог подвела гибель русского князя на обратном пути от рук печенегов весной 972 г. — финал в духе византийской дипломатии.

Русско-немецкий союз при Ярополке? Импульсивная и размашистая политика Святослава не могла принести стабильного успеха. Дух и потребности времени, а также интересы существенной части верхушки Руси диктовали возврат к политической программе Ольги. Возможно, уже в ходе войны, которую Византия была вынуждена вести одновременно как против Святослава во Фракии, так и против Оттона I в Южной Италии, возобновились русско-немецкие контакты, церковным фоном которых стало поставление в октябре 968 г. именно безместного епископа Руси Адальберта на новоучрежденную в Магдебурге миссийную митрополию для «всего славянского народа <...> недавно обращенного к Богу или подлежавшего обращению»[57].

Из суммы разрозненных, но довольно многочисленных данных немецких источников вырисовываются контуры внешнеполитической позиции Руси в киевское княжение Ярополка Святославича (972—978). Именно тогда началось наступление Руси на Червенские города в Верхнем Побужье, которые принадлежали в то время Древнечешскому государству. Происходило оно в рамках союзных действий с германским императором Оттоном II (973—983), вынужденным воевать как с чешским Болеславом II (972—999), так и с польским Мешком I (около 960—992 г.). Результатом, по всей вероятности, стал даже договор о браке Ярополка с родственницей императора, дочерью швабского герцога Конрада I (983—997), не осуществившийся из-за скорой гибели князя[58].

Внешняя политика князя Владимира. *До Крещения.* Предпринятые киевским князем Владимиром Святославичем (978—1015) меры по внутриполитической стабилизации после междоусобия имели и внешнеполитические аспекты. Замирение радимичей и особенно непокорных вятичей[59], как и при Святославе, вылилось в военные действия против хазар[60] и, по всей видимости, волжских булгар; с последними около 985 г. (летописная хронология походов Владимира условна) был заключен

---

[56] Текст договора (возможно, регест), сохранившийся в летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 72—73), следует дополнить данными, которые сообщает осведомленный византийский историк: *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 81—82.

[57] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 41—43; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 311—338.

[58] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 339—390.

[59] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81—84.

[60] Сведения об этом есть только в перечне походов Владимира в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха (БЛДР. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 322).

мир[61]. Еще ранее (вероятно, в 979 г.) Владимиру пришлось закончить начатое при Ярополке освоение Червенских городов, с чем был связан и другой поход к западным рубежам Руси — на ятвягов (в междуречье Западного Буга и Немана)[62]. Очевидно, при этом Владимир в той или иной мере унаследовал от брата и контакты с Германской империей Оттона II. Есть основания реконструировать посольства Оттона к киевскому князю, отправленные из Рима в 983 г.[63] Таким образом, летописное Сказание об испытании вероисповеданий Владимиром (см. ч. 2, гл. 5), несмотря на очевидную искусственность композиции, сообщая об обмене Владимиром посольствами с волжскими булгарами, «немцами» (к которым не напрасно добавлена глосса «от Рима <...> от папежа»[64]) и византийскими греками, в целом верно, хотя и не совсем полно, отражает круг международных связей Руси накануне Крещения. Надо лишь уточнить, что слова «немецких» послов «земля твоя яко и земля наша» представляют собой, вероятно, дипломатическую формулу, указывающую на свободу взаимной торговли[65], а переговоры с императором Оттоном II, которые не могли не иметь антивизантийской направленности, бросают свет на глуховатые сведения о сближении в середине 980-х гг. Руси Владимира с Болгарией царя Самуила (976—1014)[66], который вел практически непрерывную войну с Византией. Этим, в свою очередь, объясняется свидетельство младшего современника Владимира арабо-христианского хрониста Яхъи Антиохийского, что к моменту начала в 987 г. русско-византийских переговоров, приведших к Крещению Руси, последняя пребывала в стане врагов Византии[67].

После Крещения. Русско-византийские отношения. Конкретные международно-политические обстоятельства, сопровождавшие крещение Владимира и его окружения, а также принятие христианства в качестве государственной религии на Руси в 988—990 гг., представлены ниже, в гл. 5. Несомненно, обращаясь за военной помощью к киевскому князю против мятежа Варды Фоки, византийские императоры-соправители Василий II (976—1025) и Константин VIII (976—1027) апеллировали к не раз испытанной статье русско-византийских договоров — в данном случае, очевидно, к договору со Святославом 971 г. Брак Владимира с багрянородной сестрой императоров, вхождение князя в число ближайшей императорской родни означали резкое повышение не только статуса Руси в глазах Царьграда, ее места в византийском идеальном «семействе государей», но и ее международного авторитета в целом. Владимир получил то, в чем совсем недавно, в 967 г., было решительно отказано Оттону II, только что коронованному в Риме императором и соправителем отца. Такое скандальное, пусть и вынужденное, предпочтение, ока-

---

[61] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84. О том, что речь идет именно о волжских булгарах, а не болгарах дунайских, позволяет думать прилагаемое к ним Иаковом Мних определение «сребреные».

[62] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81—82; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 393—411.

[63] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 411—424.

[64] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 72.

[65] *Гиппиус А. А.* «Земля твоя яко земля наша...»: Что же все-таки имели в виду «немцы от Рима»? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 25—27.

[66] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 424—434.

[67] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 106.

занное русскому князю, долго обсуждалось на Западе[68].

Вряд ли подлежит сомнению, что в этих принципиально обновившихся условиях должен был быть заключен и новый русско-византийский договор. Текст его как таковой не сохранился, но некоторые пункты предположительно улавливаются по самим историческим обстоятельствам. Изменились, надо думать, в сторону расширения привилегий условия торговли русских купцов в Константинополе; похоже, именно при Владимире их местопребывание из предместья при монастыре Св. Маманта перемещается непосредственно в столицу, в самый ее центр — близ форума Константина[69]. Русский военный корпус на византийской службе вырос численно, достигнув при Владимире 6000 человек, и, вероятно, стал пополняться на регулярной основе, так как имеются сведения о его действиях в разных частях империи и в разное время[70], вплоть до войн против норманнов в Южной Италии в 1020-е гг., в самом конце правления Македонской династии[71]. Вместе с тем в затяжной войне Василия II против Болгарии принимали участие русские отряды не только из наемного корпуса, но и нарочно прибывшие для этого из Руси, играя при этом порой весьма заметную роль: так, известно, что после одной из побед в Пелагонии (на севере Эпира) весной 1016 г. захваченная добыча была разделена на три части: императору, византийскому войску и «союзной руси» («τοῖς συμμαχοῦσι Ῥῶς»)[72].

Западная политика Владимира. Русско-польская граница на мазовецком участке засвидетельствована документально уже в самом начале 990-х гг.[73] Тогда же перешла под власть польского князя Мешка I и Краковская земля, что создало длительное политическое напряжение и в районе недавно присоединенных к Руси Червенских городов (к западу от верховьев Западного Буга). В 992 г. сидевший в Кракове сын Мешка, а теперь его преемник Болеслав I Храбрый (992—1025) опасался войны с Русью[74]. Это значит, что оформление западных рубежей своей державы Владимиром — в частности, его поход на белых хорватов в Верхнем Поднестровье в том же 992 г.[75] — рассматривалось в Польше как угроза дальнейшей экспансии Руси на запад. Эти опасения не оправдались: на западе, как и в целом, Владимир, в отличие от Святослава, стремился не к новым территориальным приобретениям, а к прочному освоению уже приобретенного. Результатом стал русско-польский мирный договор, о чем сохранила воспоминание и летопись[76]; он был подкреплен браком Святополка Владимировича, которому отец доверил Турово-Берестейскую волость (и тем самым охрану границы с Польшей), с дочерью Болеслава I (видимо, около 1005 г.)[77]. Объективных оснований для пересмотра этого договора с польской стороны в условиях почти непрерывной польско-немецкой войны при Болеславе I и германском короле Генрихе II (1002—1024, император с 1014 г.) быть не могло.

---

[68] Например, в известной хронике Титмара Мерзебургского, писавшейся в 1012—1018 гг.: ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 72—73.

[69] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. СПб., 2008. С. 107; Исследования по источниковедению истории России до 1917 г.: К 110-летию А. И. Клибанова. (В печати).

[70] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 88—91.

[71] Там же. С. 86—87, 93—95.

[72] Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. princeps, rec. I. Thurn. Berlin; New York, 1973. P. 355.

[73] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 28.

[74] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 106—107.

[75] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122.

[76] Там же. Стб. 126.

[77] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 67, 73.

Тем не менее равновесие нарушилось в 1012/1013 г., когда из-за мятежа против Владимира Святополк и его жена оказались в заключении, что вызвало в 1013 г. поход польского князя на Русь[78], о масштабе и результатах которого судить трудно. Так или иначе, в самом конце правления Владимира Русь и Польша вступили в полосу изнурительной для обеих сторон войны, которая заняла четверть века (см. ч. 3, гл. 16). Соблазнительную гипотезу о том, что этот разрыв сопровождался русско-немецким сближением и второй супругой Владимира после смерти в 1010/1011 г. гречанки Анны стала немка[79], скорее всего, надо оставить[80].

Русь и Печенежская степь. Польский поход на Русь в 1013 г. проходил с участием каких-то союзных Болеславу I печенежских отрядов. Такое покупаемое за деньги привлечение степняков к военным действиям было в обычае и византийской (против Руси), и болгарской (против Византии при Самуиле), и русской политики (против Болгарии и Византии при Святославе). Но и без того граница со степью являла собой постоянный дестабилизирующий фактор: по уверению летописца, при Владимире с печенегами была «рать велика безъ престани»[81]. Но и на степном фланге своей державы князь, наряду с фиксацией и укреплением рубежей — в виде поражающей размахом фортификационной системы, особенно на правобережье Днепра (так называемых «Змиевых валов»), — предпринимал попытки политического умиротворения. В 1008 г. в Киеве, а затем в Печенежской степи побывал немецкий миссийный архиепископ Бруно Кверфуртский, оставивший, среди прочего, впечатляющее описание Владимировой засечной черты. Бруно был близок к Болеславу Храброму, но видеть в нем политического агента польского князя, как нередко делается в науке[82], было бы все же серьезным упрощением. Итогом пятимесячной проповеди Бруно стали организация миссийной епископии для правобережных печенегов, попечение о которой взял на себя Владимир, и, как следствие, мир Руси с какой-то частью печенегов, ради которого киевский князь даже отправил в заложники степнякам кого-то из своих младших сыновей[83]. Очевидно, такие политические успехи не были сколько-нибудь долговечны — прежде всего, в силу отсутствия политического единства в самой Печенежской степи, распадавшейся, по данным первой половины X в., на восемь племенных округов (по четыре на право- и левобережье Днепра).

[78] ДРСЗИ. Хрестоматия. Т. 4. С. 67—68, 74—75.
[79] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 140—141.
[80] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 81, 190.
[81] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127.
[82] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 139—140.
[83] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 55—62.

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Древнерусское язычество накануне христианизации. Восточнославянское язычество, даже по состоянию на IX—X вв., представляло собой в целом явление аморфное, не располагавшее ни структурированным пантеоном, ни сколько-нибудь развитыми мифологией и культовой практикой. Застигнутое христианизацией на дописьменной стадии своего развития, оно не могло в процессе конфронтации с христианством воспользоваться славянской грамотой, созданной специально для сакральных церковных целей. Систематических сведений о верованиях и религиозных обычаях скандинавской по происхождению верхушки источники также не содержат — имеются единичные описания обрядов, как, например, обряда погребения в Записке араба Ибн Фадлана о своем путешествии в Волжскую Булгарию в 921—922 гг., и более или менее соответствующие им археологические данные (наиболее широко известно вскрытое еще в 1872—1873 гг. подкурганное захоронение второй половины X в. Черная могила в Чернигове с богатым инвентарем)[1]. Судя по тому, что еще в первой половине X в. структура древнерусского социума характеризовалась раздельным существованием пришлой элиты и славянских данников, согласно хорошо осведомленному Константину VII Багрянородному[2], никакого заметного взаимодействия в религиозной сфере между двумя этими стратами, очевидно, не происходило. Общие ассимилятивные процессы, которые шли в направлении славянизации древнерусской верхушки, привели к тому, что в собственно древнерусских источниках фиксируются уже только славянские языческие верования.

Начало княжения Владимира Святославича в Киеве (978—1015) ознаменовано преобразованиями в культово-религиозной сфере, за которыми в историографии закрепилось устойчивое название «реформы язычества». Чаще всего «реформу» усматривают в самом составе того пантеона, который устроил новый князь: «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь, и жряху имъ наричюще я богы»; аналогичные действия, в связи с которыми в источниках упоминается, однако, только имя Перуна, были предприняты и в Новгороде[3]. Владимир будто бы стремился объединить в общем сонме во главе с княжеско-дружинным громовержцем

[1] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники / Сост.: Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009. С. 65—77; *Петрухин В. Я.* Похороны руса: Погребения знати эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии // Петрухин В. Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей (историко-археологические очерки). М., 2011. С. 73—89; *Он же.* Русь в IX—X веках: От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 288—323.

[2] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. Гл. 9. С. 44—51.

[3] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 79; НПЛ. М., 1950. С. 128, 160.

Перуном языческих божеств различных племен, подвластных Руси, и тем самым использовать религиозный фактор в целях государственного сплочения, создания своего рода надплеменной идеологии[4]. Однако имена большинства божеств этого пантеона не подтверждают их разноплеменного происхождения. Перун и Мокошь имели общеславянское распространение, так же как и Велес, идол которого стоял, правда, не на горе, а на Подоле[5]: Велес был божеством нижнего, «загробного», мира, и противопоставление Перуна как княжеско-дружинного бога низовому богу славян Велесу смутно просвечивает в летописном рассказе о клятве воинов князя Олега при скреплении русско-византийского договора 907 г.[6] К общеславянскому корпусу надо причислить и Дажьбога, имя которого представляло собой, очевидно, эпитет солнечного божества Сварожича, и в этом смысле Дажьбог в списке кумиров, похоже, служил пояснением к ираноязычному «солнечному» теониму Хорс. Если учесть вероятное иранское происхождение Симаргла, то напрашивается заключение, что перед нами, скорее всего, коренной среднеднепровский (поляно-северский?) пантеон, возникший вследствие векового славяно-сарматского (аланского) симбиоза на границе со Степью[7]. Данных о каких бы то ни было специфических божествах других восточнославянских племен нет. Если согласиться с интерпретацией знаменитого четырехликого Збручского идола[8] как изображения именно бога Святовита (Свентовита западных славян), для которого также характерна четырехликость, то придется признать, что восточнославянские хорваты поклонялись Святовиту, который отсутствует в числе божеств сформированного Владимиром пантеона.

Новаторство Владимира заключалось в другом, на что в науке реже обращается внимание: князь вынес кумиров «вне двора теремного», то есть сделал замкнутый династический княжеский культ, соединив его с местными племенными культами, общедоступным для киевлян[9], а может быть, даже общеобязательным. На последнее вроде бы указывает стремление принудить также и киевских христиан к участию в «метании жребия», определявшего жертву для принесения богам[10]. Повествуя позднее о построении Владимиром на месте кумирни церкви Св. Василия, летописец подчеркивает общественный характер бывших языческих богослужений: здесь «творяху требы князь и людье»[11]. В таком случае мы, действительно, имеем дело с реформой языческого богослужения — но в намерении максимально использовать потенции язычества не для этнической, а для

---

[4] *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 329—341; *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 65—68; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд. М., 2004. С. 331—333.

[5] Об этом известно из Жития князя Владимира: («Обычного жития», по классификации А. А. Шахматова: *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI—XVI вв. / Подгот. текста Н. И. Милютенко. СПб., 2014. С. 226, 234 и др.).

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32.

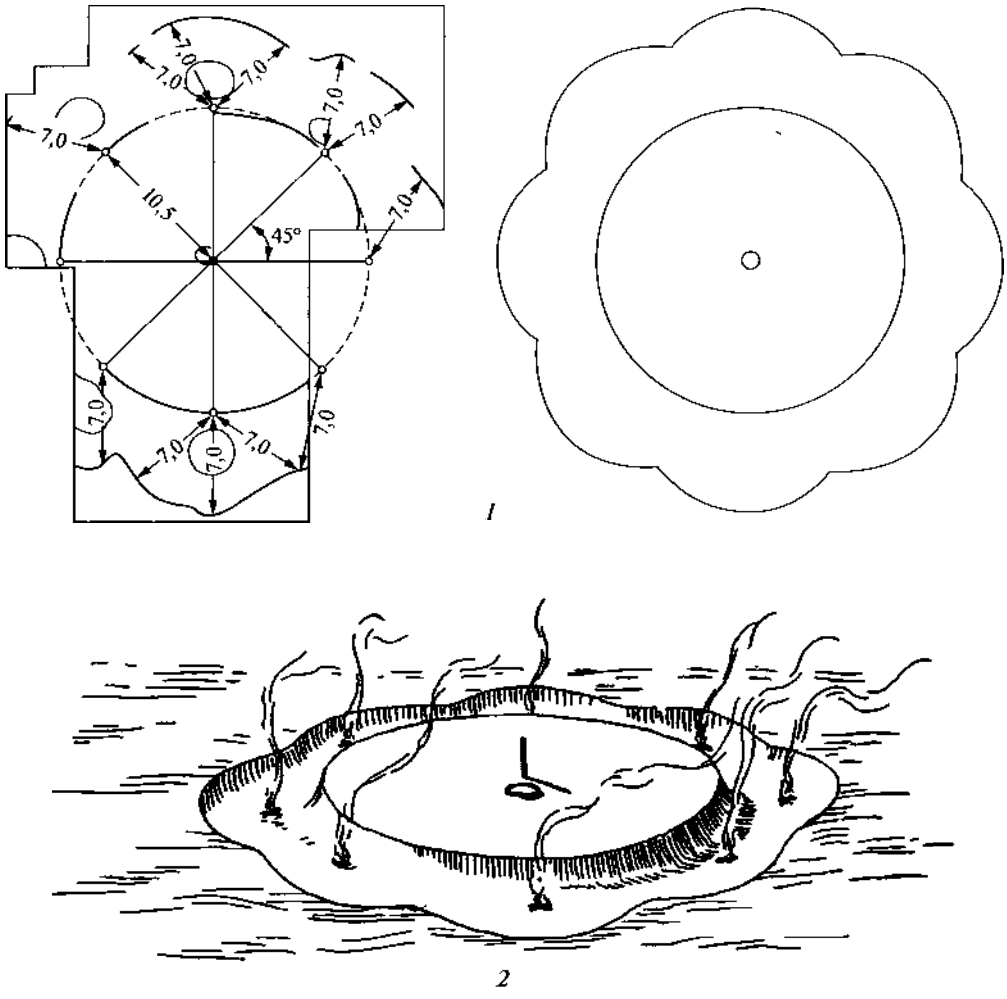
[7] *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне Крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999. С. 9—200.

[8] В историографии высказываются сомнения в подлинности памятника: *Комар А., Хамайко Н.* Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // Ruthenica. Т. 10. Київ, 2011. С. 166—217; ср.: *Писаренко Ю.* А был ли Идол? (о статье А. Комара и Н. Хомайко) // Ruthenica. Т. 11. Київ, 2012. С. 108—129.

[9] *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. С. 308—328.

[10] Так, в летописном рассказе о благодарственном жертвоприношении после успешного похода на ятвягов жребий бросают «на отрока и девицю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82).

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118.



1

2

Рис. 1. Реконструкция святилища Перуна на Волхове под Новгородом

1 — план; *2* — общий вид (по: Седов В. В., 1953. С. 92—103)

общественно-политической консолидации. В этом смысле реформированный Владимиром культ позволительно было бы считать государственным. Сам характер культа с его благодарственными или умилостивительными жертвоприношениями, в том числе и человеческими, при этом вряд ли принципиально изменился и вполне сопоставим с византийскими описаниями языческих обрядов воинов в войске Святослава, находя себе опору и в археологических материалах[12]. Внешне логичная попытка усмотреть в «реформе» стремление структурировать языческий пантеон в целях более эффективного противостояния христианству[13] носит слишком умозрительный характер.

Еще в последней четверти прошлого века большинство археологов, а вслед за ними и историков были убеждены, что остатки языческих святилищ в Киеве обнаружены как на территории до-Владими-

[12] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 65—75.

[13] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 433—454.

рова города (на «дворе теремном»[14]), так и вне его. Смелые реконструкции святилища Владимира были весьма выразительны: пятилепестковая каменная вымостка с одним выдающимся по размерам лепестком в центре рассматривалась как основание для пяти идолов с Перуном посредине, что вполне совпадало с пятичленным пантеоном Владимира, согласно летописи (если считать Хорса и Дажьбога именами одного и того же божества)[15]. Однако недавно такая ставшая уже привычной интерпретация подверглась основательной критике: было высказано мнение, что речь идет об археологических древностях более поздней поры, не носящих к тому же культового характера[16]. Прочнее выглядит сопоставление со святилищем Перуну следов капища, вскрытого раскопками в урочище Перынь на Волхове под Новгородом (рис. 1). Оно состояло из центрального идола внутри кольцевой ограды, окруженной, в свою очередь, кольцом из восьми больших кострищ[17]. Но и эта интерпретация сейчас встречает возражения у археологов[18].

Христианство на Руси до ее Крещения (IX—X вв.). Уже самые первые сведения о Руси, в достаточном количестве появляющиеся на страницах источников с первой половины IX в., связаны с исключительной международной активностью — военной, торговой, политической. Не подлежит сомнению, что в рамках этих контактов имело место и довольно близкое знакомство с христианством — как в его византийском, греческом, так и в западном, латинском, вариантах.

К 860-м гг. такое знакомство приобретает начальные организационные формы. Спустя некоторое время после того, как летом 860 г. произошло первое достоверно известное нападение флота Руси на Царьград, начались переговоры о мире, в ходе которых верхушка Руси выразила желание принять крещение. В окружном послании константинопольского патриарха Фотия (858—867, 877—886) к восточным патриархам от 867 г. отмечается, что «народ, превосходящий все прочие свирепостью и кровожадностью, именуемый *Рос* (Ῥῶς) <...> принял епископа и пастырей, а также с великим рвением, тщанием и радостью воспринял христианское богослужение»[19]; инициатива крещения исходила, согласно Фотию, от русской стороны. Более поздняя византийская традиция, оформленная при императоре Константине VII Багрянород-

---

[14] Так называемый жертвенник Святовита, вскрытый раскопками В. В. Хвойки в 1908 г.

[15] *Толочко П. П., Боровський Я. Е.* Язичницьке капище в «городі» Володимера // Археологія Києва: дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 3—4; *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 40—42; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. С. 428—431.

[16] *Конецкий В. Я., Ёлшин Д. Д.* О «монументальной архитектуре» древнего Киева в X в. // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 155—157, 161—163.

[17] *Седов В. В.* Древнерусское святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1953. Вып. 50. С. 92—103; *Он же.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 261.

[18] *Конецкий В. Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Распространение христианства в Восточной Европе: Материалы 1-й Всероссийской конференции. СПб.; Псков, 1995. С. 80—85. (Церковная археология; Вып. 1).

[19] Photii patriarchae Constantinopolitani Epistulae etamphilochia / Ed. B. Laourdas, L. G. Westerink. Leipzig, 1983. P. 49. Свидетельства источников о походе руси на Константинополь в 860 г. и его непосредственных последствиях собраны, с русским переводом и комментариями, в работе: *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000. М., 2003. С. 3—172.

ном (944—959) и во многом уже агиографически стилизованная[20], сообщает даже об отправлении на Русь архиепископа, но в правление основателя Македонской династии Василия I (867—886), деда Константина VII, и при патриархе Игнатии (847—858, 867—877). Это противоречие часто объясняют желанием приписать именно последним заслугу Крещения Руси — вследствие враждебности новой династии к предшественнику Василия Михаилу III (842—867) и его ставленнику Фотию. Но ведь источники «македонского» круга не умалчивают вовсе об участии Фотия в Крещении Руси. Кроме того, упорядочение дел в новооткрытой Русской епархии предполагало установление здесь на первых порах именно архиепископства. Статус архиепископии обеспечивал подчинение непосредственно константинопольскому патриарху; статус же епископии означал номинальное вхождение в ту или иную митрополию, на которую была бы возложена задача первоначальной христианизации. Но таковых поблизости от Руси, в Северном Причерноморье, в то время не видно; крымский Херсон (Херсонес Таврический), вопреки существующему мнению, не мог выступать в этой роли, так как был архиепископией и, следовательно, не мог иметь в своем составе подчиненных епископств[21].

Никаких сведений о деятельности византийского (архи)епископа на Руси источники не содержат, за исключением косвенного сообщения (не позднее первой половины 880-х гг.) весьма осведомленного персидского географа и начальника почт в провинции Джибал (Северный Иран) Ибн Хордадбеха, согласно которому купцы из народа «ар-рус», приходившие торговать в Багдад, «утверждали, что они христиане»[22]. Поскольку христианские купцы, как и мусульманские, платили на территории Халифата облегченную пошлину (так называемую «джизью»), то из свидетельства Ибн Хордадбеха можно заключить, что в 880-е гг. или несколько ранее Русь официально признавалась здесь христианской страной.

Нельзя не заметить, что Крещение Руси 860-х гг. хронологически вписано в ряд событий, которые побуждают видеть в нем результат целенаправленной византийской политики. В 861 г. в Хазарию как потенциальную союзницу против крепнувшей Руси было отправлено посольство во главе с Константином (в будущем — одним из просветителей славян)[23], и в то же время активизировалась деятельность по христианизации славянского окружения империи. В 864/865 г., одновременно с образованием Русской (архи)епископии, был крещен болгарский хан Борис-Михаил. В 863 г. началась историческая миссия славянских первоучителей братьев свв. Константина (в монашестве — Кирилла) и Мефодия в Великой Моравии. В списке народов Центральной и Восточной Европы, по преимуществу славянских (так называемом «Баварском географе»), составленном в южнонемец-

[20] Обращение князя Руси происходит вследствие чуда: брошенное в костер Евангелие остается невредимым (Theophanes Continuatus. Cap. V, 97 // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 342—344; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 142—143; *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках. С. 125—129).

[21] В организационном отношении Константинопольский патриархат состоял из митрополичьих округов, которые, в свою очередь, делились на епископии, и архиепископств, которые такого деления не имели и подчинялись непосредственно патриархии.

[22] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. § 73в; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 31.

[23] Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 77—85 (в Житии целью посольства несколько упрощенно представлена исключительно полемика против иудаизма).

ком (верховья Рейна) монастыре Райхенау, вероятно, в 871/873 г., во время пребывания там в ссылке св. Мефодия, Русь (*Ruzzi*) значится рядом с хазарами (*Caziri*)[24]. Логично думать, что в весьма экзотичном для немецкого скриптория этническом перечне отразились сведения, полученные от Мефодия, к тому времени уже архиепископа Моравского. Если так, то Русь находилась в кругозоре открытой в 869 г. Паннонской архиепископии св. Мефодия. Последняя задумывалась папой Адрианом II (867—872) как миссийная для всех славян[25], поэтому не исключено, что при случае речь могла идти даже и о юрисдикциональных претензиях по примеру только что имевшего место византийско-римского противоборства в Болгарии при папе Николае I (858—867). Огромной славянской архиепископии с не определившимися во многом (особенно на севере и востоке) границами довольно естественно было бы иметь в виду новообращенную область на востоке, которая состояла в достаточно активном торговом общении со Средним Подунавьем как на баварском, так и на моравском участках.

Древнерусское летописание связывает поход 860 г. с именами киевских князей Аскольда и Дира[26], и потому в науке с известной долей условности, вследствие хронологической неопределенности летописного предания об Аскольде и Дире, именно их часто считают первыми известными христианскими правителями Руси.

Насколько можно судить, серьезных последствий для реальной христианизации Руси крещение, проведенное Фотием, не имело, так как ростки новой веры уже вскоре были истреблены в ходе языческой реакции после захвата Киева пришедшими с севера дружинами князя Олега († после 911 г.). Во всяком случае в древнерусском историческом предании память о крещении Аскольда и Дира не сохранилась, если не считать таковой летописное указание, что на могиле Аскольда, видимо, уже в XI в. поставили церковь Свт. Николая[27], а также явно анахроническое утверждение Устава князя Владимира (архетип дошедших до нас редакций восходит, вероятно, к XII в.), будто св. Владимир «усприялъ крещение святое от <...> Фотѣя патриарха»[28].

Вместе с тем, несмотря на гибель Русской (архи)епископии второй половины IX в., какие-то элементы христианства или даже церковной жизни на Руси, возможно, сохранялись. Этому должно было способствовать продолжавшееся стихийное проникновение сюда христианских религиозных представлений и культуры, совершенно неизбежное в условиях ежегодных продолжительных (до полугода) пребываний многолюдных торговых караванов из Руси в Константинополе и несомненно в других византийских городах, прежде всего самом близком — крымском Корсуне-Херсоне (Херсонесе). Из договора Руси с Византией, заключенного в 944 г. при киевском князе Игоре († около 945 г.), и летописного послесловия к нему следует, что к тому времени часть древнерусских купцов и княжеской дружины были христианами и что в Киеве имелась «сборная церкы» Св. пророка Илии, «мнози бо бѣша варязи хре-

---

[24] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 14; *Он же.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 51—70.

[25] *Пентковский А. М.* Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия // Свети Ћирило и Методије и словенско писано наследђе, 863—2013. Београд, 2014. С. 49—54.

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21—22. В Повести временных лет он ошибочно отнесен к 866 г.

[27] Там же. Стб. 23.

[28] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 15, 18, 19, 21 и др.

стеяни»[29]. Очевидно, речь идет в первую очередь о варягах, побывавших наемниками на византийской службе (что предусматривалось уже русско-византийским договором от 911 г. при Олеге) и там принявших крещение, вроде той «крещеной руси» («οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς»), которая несла охрану во дворце императора Константина VII в середине X в.[30], или первого русского мученика варяга (св. Феодора), о кончине которого вместе с сыном (св. Иоанном, оба имени встречаются лишь в позднейшей житийной традиции) летопись сообщает под 983 г.: «Бѣ же варягъ тои пришелъ изъ грекъ и держаше вѣру хрестеяньску»[31]. Показательно, что почитание св. пророка Илии было характерно для Македонской династии и персонально для императора Василия I; это дает некоторое основание догадываться, что Ильинская церковь в Киеве могла быть остатком Русской епархии до-Олеговой поры. Кроме того, популярность культа бога-громовержца (славянского Перуна, скандинавского Тора) среди языческой руси делала для нее образ св. Илии, видимо, особенно близким. Уже в середине X в. на Руси в государственно-административной практике должна была использоваться греческая письменность: согласно русско-византийскому договору 944 г., русские купцы и послы обязаны были привозить с собой в Царьград вместо прежних «печатей»-знаков княжеские «грамоты»[32]. Эти факты также могут служить свидетельствами постепенного стихийного проникновения элементов христианской культуры на Русь.

Новый этап в христианизации верхушки древнерусского общества начинается в правление княгини Ольги (около 945 — около 960 г.) с ее крещением. Древнерусские[33], византийские[34] и немецкие[35] источники независимо друг от друга утверждают, что княгиня крестилась в ходе посещения ею Константинополя. Это единодушие делает маловероятной до сих пор имеющую хождение гипотезу, будто Ольга приняла крещение в Киеве и в Царьград отправилась уже христианкой[36]. На основании подробного протокольного описания двух приемов княгини императором Константином VII и его семейством действительно складывается впечатление, что Ольга — христианка (она обедает за одним столом с зостами-патрикиями — носительницами высшего женского придворного титула, в ее свите находится священник Григорий)[37], но это значит только, что она приняла крещение до сво-

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54.

[30] Constantini Porphyrogenneti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae libri duo / Rec. I. I. Reiskii. T. 1. Bonn, 1829. Cap. II, 15. P. 579.21.

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82.

[32] Там же. Стб. 48.

[33] Там же. Стб. 55—69.

[34] Хроника Иоанна Скилицы, созданная в конце XI в., но опиравшаяся на качественные хроникальные источники второй половины X в. (Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. princeps, rec. I. Thurn. Berlin; New York, 1973. P. 240.77—81).

[35] Продолжение хроники Регинона Прюмского: Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi / Ed. F. Kurze. Hannover, 1890. P. 170. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum; [T. 50]); *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. С. 106—107; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 45—46.

[36] *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor R. Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. Vol. 2. The Hague; Paris, 1967. P. 1458—1473; *Высоцкий С. А.* О дате поездки посольства княгини Ольги в Константинополь // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 154—161; и др.

[37] Constantini Porphyrogenneti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae libri duo. II, 15. P. 594—598; *Новиков Н. Е.* Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь профессора И. С. Чичурова. М., 2006. С. 318—363 (полный толковый перевод гл. II, 15).

его приема во дворце, вероятно, незадолго до него, уже во время пребывания в византийской столице. На последнее указывают и довольно поздние дневные даты обоих приемов — 9 сентября и 18 октября, тогда как прибытие морских караванов из Руси в Константинополь обычно приходилось на июль. Отсюда, учитывая официальный 40-дневный срок оглашения-катехизации, можно сделать вывод о крещении Ольги в первой декаде сентября (возможно, 8 сентября, на праздник Рождества Богородицы). Датировка путешествия киевской княгини на берега Босфора (а тем самым и ее крещения), вытекающая из хронологических указаний в протоколах приемов, дискуссионна: 946[38] или 957 г.[39] (вторая дата представляется несколько предпочтительнее из общеисторических соображений) (вклейка, рис. 25).

Для проблемы христианизации Руси важнее понять, что планы киевской правительницы не ограничивались личным крещением (с именем Елена), а предполагали и установление (восстановление?) на Руси номинальной церковной организации. Это со всей определенностью вытекает из сведений западных современников, согласно которым в 959 г. Ольга прислала к германскому королю Оттону I (936—973, император с 962 г.) посольство с просьбой назначить для Руси «епископа и священников» (один из немецких архиепископов, а именно гамбургско-бременский, с санкции Рима обладал *ius ordinandi* — правом самостоятельного открытия миссийных епархий на языческих землях). Такой шаг говорит о недовольстве княгини результатами своего визита в Царьград, о чем сохранило память и древнерусское предание, занесенное в летопись[40]. Вряд ли в Константинополе могли отказать Киеву в епископе; скорее всего, Ольга старалась увязать Крещение Руси с какими-то политическими (возможно, матримониальными) и/или торговыми условиями, которые были неприемлемы для империи. Ясно, что при Ольге Русь повела себя так же, как почти столетием раньше Моравия и Болгария, которые, лавируя между Константинополем, с одной стороны, и Римом и Восточнофранкским государством — с другой, пытались обеспечить себе политически наиболее выгодные варианты церковной организации.

Немецкий епископ для Руси Адальберт отправился в Киев только весной 961 г., но уже в следующем году был вынужден вернуться, «не сумев преуспеть ни в чем из того, ради чего он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий»[41]. Есть, однако, некоторые основания думать, что он успел освятить собор св. Софии в Киеве. В ме-

---

[38] *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 154—213; *Zuckerman C.* Le voyage d'Olga et le première ambassade espagnol à Constantinople en 946 // Traveaux et Mémoires. T. 13. Paris, 2000. P. 647—672; *Kresten O.* «Staatsempfänge» im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jahrhunderts. Beobachtungen zu Kapitel II, 15 des sogenannten «Zeremoniebuches». Wien, 2000. (Sitzungsberichte der Österreichischen Akad. der Wissenschaften. Philos.-histor. Klasse; Bd. 670) (ср. критическую рец.: *Назаренко А. В.* Рец.: *Kresten O.* «Staatsempfänge»... // Византийский временник. Т. 61 (86). М., 2002. С. 213—218).

[39] *Featherstone J.* Ol'ga's Visit to Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 14. Cambridge (Mass.), 1990. P. 293—312; *Idem.* Olga's Visit to Constantinople in De cerimoniis // Revue des Etudes Byzantines. T. 61. Paris, 2003. P. 241—251; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 219—310; *Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. М., 2009. С. 140—215.

[40] На просьбу императора прислать ему «вои въ помощь» Ольга будто бы отвечает: «Аще <...> также постоиши у мене в Почаинѣ, якоже азъ в Суду (русское название константинопольской бухты Золотой Рог. — *А. Н.*), то тогда ти дамь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63).

[41] Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. P. 170, 172; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. С. 106, 108.

сяцеслове при Псковском апостоле 1307 г. (ГИМ. Синодальное собрание. № 722) есть уникальная запись под 11 мая: «Въ тъж(е) д(е)нь с(вя)щ(е)ние св(вя)тыя Софья Кыевѣ въ лѣт(о) 6460»[42]. Предположить освящение первой деревянной Софии в 952 г., как иногда делают, невозможно, ибо освятить кафедральный собор мог только епископ, а его в Киеве тогда не было. Если принимать это свидетельство (а Псков был родиной княгини Ольги), то надо допустить утрату знака единиц в круглом числе, что в соединении с данными о епископе Адальберте дает единственно возможную дату — 11 мая 961 г. В таком случае логично, что именно в Софийском соборе («въ олтари на десной странѣ») хранился крест, принесенный, по преданию, княгиней Ольгой из Царьграда[43]. В Киеве о немецком епископе помнили, как показывает ответ князя Владимира немецким послам, призывавшим его в 980-е гг. принять их веру, согласно Повести временных лет: «Идѣте опять (назад. — *А. Н.*), яко о(ть)ци наши сего не прияли суть»[44], — но прямое упоминание о латинском архиерее на Руси летописец рубежа XI—XII вв. посчитал, очевидно, одиозным.

Конкретные причины неудачи Адальберта неизвестны: то ли к моменту прибытия епископа в Киев противоречия последнего с Константинополем успели уладиться, то ли (и это вероятнее) к власти на Руси пришел возмужавший Святослав Игоревич (около 960—972 г.), который решительно отвергал уговоры матери принять крещение. Отношение воинственного князя и его окружения к христианству летописец резюмировал так: «Аще кто хотяше креститися, не браняху (не запрещал. — *А. Н.*), но ругахуся тому»[45]. Отошедшая от дел Ольга жила христианкой, имея священника, умерла в 969 г. и была по собственному завещанию публично погребена согласно церковному обычаю[46].

Таким образом, в правящей верхушке Руси, в том числе и в княжеском семействе, в середине X в. налицо две противоборствовавшие группировки — прохристианская во главе с княгиней Ольгой и ориентированная на традиционное язычество во главе с князем Святославом. Отойдя на задний план при Святославе, партия Ольги оставалась определенной политической силой. Можно догадываться, что миссийная Русская епархия, несмотря на неуспех немецкого епископа для Руси, в глазах германских властей продолжала де-юре существовать, с чем, среди прочего, связан и такой замечательный факт: в 968 г. первым главой Магдебургской миссийной архиепископии для всех славян к востоку от Одера стал не кто-нибудь, а именно безместный епископ Руси Адальберт[47]. Ряд косвенных данных западноевропейских источников подталкивает к заключению, что во время краткого правления в Киеве Ярополка Святославича (972—978) возобновилось немецко-русское сближение, наметившееся при княгине Ольге, и на Руси снова побывали немецкие миссионеры[48]. Однако этот процесс, если он имел место, был прерван очередной языческой реакцией после за-

[42] *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 88—89.

[43] *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 422.

[44] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85.

[45] Там же. Стб. 63.

[46] Там же. Стб. 68.

[47] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 311—338. Эту точку зрения оспорил А. Поппэ, который, однако, не разбирает конкретных аргументов, выдвинутых в пользу критикуемой им гипотезы (*Poppe A.* Gabe seine ottonische Ostpolitik, die die Kiewer Rus' im Blickfeld hatte? // ДГВЕ. 2014. М., 2016. С. 379—400).

[48] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 339—390.

хвата летом 978 г. Киева братом Ярополка новгородским князем Владимиром, которому всего через десять лет было суждено стать крестителем Руси.

Крещение Руси при князе Владимире и первоначальная организация Русской церкви. Древнерусская традиция, повествующая о крещении Владимира, неоднородна. В Повести временных лет переплетены два первоначально не зависевших друг от друга предания: одно связывало крещение князя, состоявшееся в результате проповеди византийского миссионера («греческого философа»), с Киевом[49], другое — с захваченным крымским городом Корсунем-Херсоном[50]. Первое из названных преданий в «чистом» виде отразилось в кратком летописчике из «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова Мниха XI в.[51], где поход на Корсунь отнесен к «третьему лету» по Крещении[52], а также, судя по всему, в Похвале св. Владимиру митрополита Илариона (около 1050 г.), в которой, как и у Иакова Мниха, акцентируется мотив самостоятельного благодатного выбора Владимиром христианства[53]. Второе предание, получившее в науке название Корсунской легенды, вошло и в агиографические памятники о св. Владимире[54].

Византийские (прежде всего, Лев Диакон и Иоанн Скилица[55]) и арабоязычные (мелькитский историк Яхъя Антиохийский[56]) источники, будучи взяты в сочетании с древнерусскими, позволяют с известной определенностью восстановить внешнеполитические обстоятельства крещения Владимира и тем самым сделать выбор между «киевской» и «корсунской» традициями.

В 987 г. Византийская империя была охвачена очередным мятежом, который на этот раз поднял полководец Варда Фока. Ввиду смертельной опасности, нависшей над Македонской династией, император Василий II (976—1025) отправил посольство в Киев к князю Владимиру с просьбой о помощи. Владимир дал согласие, ценой которого должна была стать рука Анны, сестры византийского императора, что, естественно, предполагало крещение князя. В 988 г. в Византию отправилось шеститысячное русское войско, которое и помогло Василию II нанести мятежникам два решительных поражения в январе — апреле 989 г. Брак багрянородной принцессы (то есть родившейся от царствующего императора в дворцовом заде Порфира) с «варваром» являлся вопиющим нарушением норм византийского государственного протокола,

[49] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84—108.

[50] Там же. С. 110—116.

[51] Вероятно, до составления Начального свода первой половины 1090-х гг. (в котором уже появилась Корсунская легенда), но после начала работы в 1070-е гг. над так называемым сводом Никона (в котором древнейшее летописное повествование было разделено на годовые статьи, что и дало Иакову основание для его относительной хронологии) (*Назаренко А. В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГВЕ. 2013. М., 2016. С. 593—654).

[52] *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI—XVI вв. Прилож. 2. С. 348—349.

[53] *Молдован А. М.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. С. 94—95.

[54] *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI—XVI вв. С. 131—330.

[55] Leonis diaconi Caloensis Historiae libri decem / Rec. C. B. Hasii. Bonnae, 1828. P. 175; *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 90—91; Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. P. 336.

[56] *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883. С. 23—24. (Записки Академии наук; Т. 44. Прилож. 1). Мелькитами назывались сирийские христиане, которые, в отличие от большинства своих сородичей-монофизитов, приняли постановления Халкидонского собора 451 г. и потому находились в богослужебном общении с Византийской церковью.

а главное, политической идеологии, поэтому, получив желанное воинское подкрепление, император, очевидно, не торопился с отправкой на Русь невесты для своего союзника; именно для встречи невесты Владимир напрасно «к порогомъ ходи» за год до корсунского похода[57]. В итоге Владимир осадил Корсунь, город в Крыму, центр византийской фемы (провинции) Херсон, и в 989 г. захватил его, после чего Анна прибыла в Корсунь, где и состоялось ее бракосочетание с Владимиром.

Такова приблизительная картина, вырисовывающаяся из совокупности сведений источников[58]. Она согласуется в полной мере только с версией Иакова Мниха (крещение в Киеве в 987/988 г., сразу после заключения договора с Василием II), тогда как с рассказом Корсунской легенды — лишь отчасти. Важно и то, что другие ранние авторитетные авторы — прежде всего, митрополит Иларион — никак не связывают крещение князя с его женитьбой. Таким образом, подтверждается гипотеза А. А. Шахматова, что Корсунская легенда (имевшая, видимо, местное, херсонское, происхождение) была включена в начальное летописание лишь ближе к концу XI в., заменив собой первичное, киевское, предание. Очевидно, часть последнего составляло сказание об «испытании вер» Владимиром: в Киев будто бы последовательно приходят послы от волжских булгар (мусульман), «немцев», «жидов козарстих» (иудаизированных хазар) и греков, предлагая князю принять их веру («закон»). В ответ тот отправляет собственные посольства к названным народам — за исключением хазар, предложение которых было отклонено сразу; вернувшись, послы неодобрительно отзываются о «законе» мусульман и немцев, превознося «закон» греческий. В преобразованной литературно-легендарной форме сказание тем не менее отражает круг реальных политических связей Владимира языческого периода, а также его интерес (проявившийся уже в реформе язычества) к религиозному фактору в деле государственного строительства. Для раннесредневекового государства, переходящего от активной внешней экспансии к стабилизации границ и внутреннему устроению, вопрос о приобщении к той или иной мировой религии приобретал насущное значение. Поэтому при более или менее засвидетельствованных контактах Владимира с мусульманским миром и латинским Западом могла, естественно, обсуждаться и религиозная тема[59]. Именно так, вероятно, надо понимать уникальное сообщение арабского писателя ал-Марвази (рубеж XI—XII вв.) о посольстве «царя» Руси Буладмира к хорезмшаху с просьбой «научить их закону ислама»[60].

В крещении Владимир получил христианское имя Василий — указание на то,

---

[57] Согласно Иакову Мниху: *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI—XVI вв. Прилож. 2. С. 348.

[58] *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 2. СПб., 1909. С. 98—100; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. С. 214—215. Предпринимавшиеся впоследствии не раз попытки внести поправки — будь то в хронологии (*Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // Византийский временник. Т. 47 (72). М., 1986. С. 39—47; *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1998. С. 211—224) или в исторической логике событий (*Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986—89 // Dumbarton Oaks Papers. 1976. No. 30. P. 196—244; *Роменский А. А.* Когда пал Херсонес? К вопросу о ключевом моменте в истории русско-византийских отношений конца X в. // Нартекс: Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013. С. 310—328) — не выглядят достаточно обоснованными (*Назаренко А. В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии. С. 618—623; здесь приведена историография вопроса).

[59] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 391—434.

[60] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 59—61.

что крестным отцом (через доверенное лицо) выступал сам император Василий II, в соответствии с обычной практикой «политических» крещений Средневековья[61]. Это находит себе параллели в имянаречении болгарского царя Бориса Михаилом (в правление императора Михаила III) и княгини Ольги — Еленой (супругой императора Константина VII была Елена Лакапина).

За крещением князя и его окружения последовали демонстративное разрушение языческих святилищ и массовые крещения населения в Киеве, Новгороде и, очевидно, других крупнейших древнерусских городах, иногда, вполне вероятно, сопровождавшиеся народными волнениями, как о том применительно к Новгороду сообщает предание, включенное в так называемую Иоакимовскую летопись XVII в. Новгородцы будто бы активно воспротивились крещению, которое Владимир поручил провести своему дяде Добрыне и киевскому тысяцкому Путяте, что привело к многочисленным жертвам и пожарам: «Путята крести мечем, а Добрыня огнем»[62]. В науке порой с доверием относятся к тем или иным элементам рассказа Иоакимовской летописи[63], но в целом этот памятник, достаточно ярко выдающий свою принадлежность к кругу легендарной мифологической историографии XVII—XVIII вв., при реконструкции событий X столетия разумнее оставить в стороне.

Крещение князя, его окружения и части городского населения Руси являлось только началом сложного и долговременного процесса христианизации огромной державы. Его главным содержанием было создание церковной организации (учреждение митрополии и первых епископий на местах) и обеспечение ее кадрами священнослужителей, на плечи которых должна была лечь многосложная задача катехизации народа. Эта сторона древнейшей церковной истории Руси крайне слабо отражена в источниках.

Проблема первоначальной организации Русской церкви при Владимире имела в науке сложную судьбу. Трактуя помещенное в Повести временных лет под 1037 г. сообщение о закладке сыном Владимира киевским князем Ярославом Мудрым «церкви святыя Софья, митрополью»[64] как свидетельство об основании Киевской митрополии, многие исследователи полагали, что до этого времени митрополичья кафедра либо располагалась не в Киеве, а в другом месте — Переяславле Русском (такого мнения держались классики русской церковной историографии XIX в. митрополит Макарий (Булгаков) и Е. Е. Голубинский), либо вообще отсутствовала, а юная Русская церковь управлялась непосредственно из какого-то иного места: Западноболгарской церкви с центром в Охриде (М. Д. Присёлков), Херсонской или Тмутороканской архиепископий и т. п.[65] Хотя мысль об учреждении киевской митрополичьей кафедры только при Ярославе Владимировиче нередко повторяется и по сей день, трудами целого ряда историков

[61] *Angenendt A.* Kaiserherrschaft und Königstaufe. Kaiser, Könige und Päpste als geistliche Patrone in der abendländischen Missionsgeschichte. Berlin; New York, 1984. (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung. Schriftenreihe des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster; Bd. 15).

[62] Летопись сохранилась только в пересказе В. Н. Татищева (*Татищев В. Н.* История российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 112—113).

[63] *Янин В. Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 130—143 (первая публикация — 1984 г.).

[64] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151.

[65] См. подробный критический разбор мнений: *Müller L.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln-Braunsfeld, 1959. (Osteuropa und der deutsche Osten: Beiträge aus Forschungsarbeiten und Vorträgen der Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen. Reihe 3; Westfälische Wilhelms-Universität zu Münster. Buch 6).

1930—1960-х гг. ее несостоятельность была окончательно доказана[66]. О наличии церковной иерархии на Руси уже при Владимире свидетельствуют как древнерусские[67], так и зарубежные источники: писавший в 1018 г. саксонский хронист Титмар Мерзебургский[68] и работавший примерно тогда же Яхъя Антиохийский[69]; летописное же известие 1037 г. имеет в виду всего лишь заложение каменного митрополичьего собора на месте прежнего, вероятно, деревянного.

Вместе с тем утвердившаяся было во второй половине XX в. гипотеза Э. Хонигманна—А. Поппэ[70], согласно которой учреждение Киевской митрополии Константинопольского патриархата состоялось в первое десятилетие после крещения Владимира (не позднее 997 г.)[71], в свете последних данных подлежит пересмотру. Она основана на том факте, что в составленном в 1070-е гг. и введенном в научный оборот Э. Хонигманном списке митрополий Константинопольской церкви Русская митрополия (*Ρωσία*) значится на 60-м месте перед Аланской митрополией[72], наиболее ранние сведения о которой до недавнего времени относились именно к 997 г. Однако ввиду обнаружившихся в самое последнее время твердых эпиграфических сведений об аланских митрополитах уже в 960-е гг. этот *terminus ante quem*, нижняя хронологическая граница, рушится. Таким образом, в настоящее время, строго говоря, возможна только максимально широкая датировка учреждения Киевской митрополии — временем правления князя Владимира после его крещения, то есть 989/990—1015 гг., а по косвенным данным — ближе к концу этого срока[73]. О причинах столь длительной задержки остается только догадываться. Возможно, Владимир ориентировался на находившийся у него перед глазами пример Болгарской церкви и, будучи членом византийского императорского семейства, рассчитывал на столь же высокий, патриарший, статус церкви Русской, на что не соглашался Царьград, не желая выпускать из рук церковный рычаг влияния на Русь. Потребовалось время, чтобы Владимир понял неосуществимость своего плана.

---

[66] См. помимо труда Л. Мюллера, указанного в примеч. 65: *Honigmann E.* Studies in Slavic Church History, A: The Foundation of the Russian Metropolitan Church According to Greek Sources // Byzantion. T. 17 (1944/5). 1944. P. 128—162. (American ser; T. 3); *Poppe A.* The Original Status of the Old-Russian Church // Acta Poloniae Historica. T. 39. Warsawa, 1979. P. 5—45 (перепечатано: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. London, 1982. No. III).

[67] И в Похвале св. Владимиру митрополита Илариона, и в Повести временных лет о епископах эпохи Владимира говорится хотя и анонимно, но определенно: Владимир «с новыими нашими отьци епископы съниимаяся чясто... съвещаваашеся» (*Молдован А. М.* Слово о законе и благодати митрополита Илариона. С. 93, 96; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126—127).

[68] Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburgund ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935. Cap. VIII, 32. S. 488. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series; T. 9); *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, перевод, комментарий. С. 137, 142; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 80—81.

[69] *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. С. 23—24.

[70] См. примеч. 66.

[71] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 23—26; *Назаренко А. В.* Русская церковь в X — первой трети XV в. // Православная энциклопедия. Русская Православная церковь. М., 2000. С. 40; *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 324—325; и др.

[72] Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981. P. 343 (11^{62}), 349 (12^{60}). (Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin; T. 1); и др.

[73] *Назаренко А. В.* О времени учреждения Киевской митрополии: (Современное состояние проблемы) // Русь эпохи Владимира Великого: Государство, церковь, культура. М.; Вологда, 2017. С. 130—175.

Не менее труден и вопрос о личности первого киевского митрополита и его ближайших преемниках. Древнерусские источники молчат о них вплоть до 1039/1040 г., под которым в Повести временных лет упомянут митрополит Феопемпт[74]. По житийным памятникам середины — второй половины XI в., посвященным свв. Борису и Глебу, известно имя митрополита Иоанна I[75], обычно считающегося предшественником Феопемпта, но на самом деле вероятнее бывшего его преемником[76]. В разных редакциях Устава Владимира, складывавшихся приблизительно в течение XIII в., митрополит, «приведенный» Владимиром «от Фотея патриарха», назван то Михаилом[77], то Леон(т)ом[78], иногда же его имя вообще не указано. Поздние редакции Устава (Троицкая второй половины XVI в. и Печерская XVII в.) объединяют обе традиции, но по-разному: в Троицкой редакции (связанной с Московской митрополией) первым назван Михаил, а вторым — Леонт, в Печерской (созданной в Киево-Печерском монастыре) — наоборот. Аналогично поступил в первой половине XV в. составитель перечня «А се Русьстии митрополити» в приложениях к Комиссионному списку Новгородской I летописи, начав перечисление с Леон(т)а[79] (характерно, что в самом Комиссионном списке оно начинается с Феопемпта[80]), тогда как в Никоновской летописи (первая половина XVI в.) Леон(т) представлен преемником Михаила[81]. В такой ситуации решающее значение приобретают показания греческих источников. В ряде редакций трактата «О перемещениях епископов» (в списках не позднее XIII в.) сообщается, что в правление императора Василия II (то есть не позднее 1025 г.) митрополит Севастии (из провинции Армения Вторая) Феофилакт был переведен на Русь[82]. Был ли Феофилакт первым русским митрополитом, неизвестно. Таким образом, хотя в Русской церкви с XVI в. утвердилась традиция, по которой первым киевским митрополитом считается Михаил, ни существование Михаила и Леон(т)а в качестве предшественников митрополита Феопемпта, ни тем более последовательность, в какой они будто бы возглавляли Киевскую митрополию, нельзя считать сколько-нибудь удостоверенными.

Картина церковно-административной структуры на Руси при Владимире также лишена определенности. Учреждение в Киеве митрополии предполагает наличие и подчиненных ей епископий — по меньшей мере трех, что обеспечивало бы митрополиту возможность замещения освободившихся кафедр (епископская хиротония требует сослужения трех архиереев). Вероятнее всего, одновременно с митрополией были открыты епископии в Новгороде, Белгороде (под Киевом), Чернигове и Полоцке: именно они возглавляют список (выдержанный, как было принято, в хронологическом порядке открытия) русских епархий в византийском их перечне, созданном в последние годы правления императора Мануила I Комнина

---

[74] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153.

[75] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 15—16, 53.

[76] *Назаренко А. В.* Киевский митрополит Иоанн I // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 76—77.

[77] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 15, 16, 19 и др.

[78] Там же. С. 17, 22, 30 и др.

[79] НПЛ. С. 473.

[80] Там же. С. 163.

[81] ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 8, 64.

[82] *Darrouzès J.* Le traité des transferts: Edition critique et commentaire // Revue des etudes byzantins. T. 42. Paris, 1984. P. 181. Nr. 48.

(1143—1180)[83] и впервые опубликованном только в 1901 г. Сведения об основании епископий в X в. также во Владимире Волынском и Ростове Великом, содержащиеся в Никоновской летописи и Степенной книге (XVI в.)[84], на которые опиралась в данном вопросе историография XIX в.[85], равно как о Туровской епископии уже в самом начале XI в. (согласно сохранившейся в позднем списке Уставной грамоты Туровской епископии[86]), нельзя признать достоверными.

Больше известно о системе материального обеспечения новообразованной церковной организации. По согласующимся свидетельствам Повести временных лет и уже упоминавшегося Устава Владимира, она основывалась на десятине, отчислявшейся от совокупных княжеских доходов. Это установление сопровождало освящение в 995 г. первого каменного храма — Богородичной церкви в Киеве, которая и получила оттого наименование Десятинной: «Се даю цьркъви сеи святѣи Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть»[87]. Десятинная церковь была собором не кафедральным, а княжеским, откуда следует, что митрополия возникла позже, чем установилась церковная десятина (вклейка, рис. 26). Иными словами, в течение некоторого времени в правление Владимира церковным устроением приходилось заниматься княжеской власти, обходясь неким минимумом низших священнослужителей. Происхождение древнерусской десятины до конца не выяснено. Скорее всего, она состоит в типологической связи с аналогичным учреждением в некоторых ранних государствах Центральной Европы (Чехии, Польше)[88], где десятина, так же как и на Руси, носила поначалу централизованный характер. Это представляется естественным для начального этапа христианизации «сверху», в отличие от более развитой десятины западноевропейской (Византия десятины не знала), которая функционировала не только централизованно, но и как церковная подать с населения. В то же время считать древнерусскую десятину просто заимствованием из западнославянской или даже каролингской[89], тем более скандинавской, практики[90] было бы излишне прямолинейным. Предположение, будто десятина на Руси воспроизводила систему содержания языческих храмов[91],

[83] Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 367[760—763]; *Назаренко А. В.* Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X — XII век) // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 172—191.

[84] ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

[85] *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской церкви. Кн. 2 (комментированное и дополненное переиздание 1—3 томов 2-го изд. 1868 г.). М., 1995. С. 30—32; *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. 2-е изд. Т. 1, первая половина тома. М., 1901. С. 333—344, 664—703.

[86] *Щапов Я. Н.* Туровские уставы XIV в. о десятине // Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 46—51, 57 (первая публикация — 1965 г.); *Он же.* Государство и церковь Древней Руси XI—XIII вв. С. 42.

[87] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124.

[88] *Флоря Б. Н.* Древнейшие формы материального обеспечения церкви у восточных и западных славян и их историческая судьба // Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 9—27 (первая публикация — 1992 г.).

[89] *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви. Т. 1, первая половина тома. С. 505—508; *Костромин К. А.* Происхождение и функция древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях / Παλαιορωσια ΕΝ ΧΡΟΝΩ, ΕΝ ΠΡΟΣΩΠΩ, ΕΝ ΕΙΔΕΙ: Альманах. Вып. 1. СПб.; Казань, 2014. С. 35—62.

[90] *Суворов Н. С.* О западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893. С. 330—354.

[91] *Щапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти в Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 315—326; *Он же.* Государство и церковь Древней Руси XI—XIII вв. С. 76—87.

принять невозможно ввиду отсутствия в восточнославянском язычестве сколько-нибудь заметного храмостроительства. Наличие же десятины для языческих храмов у некоторых западных славян в XI—XII вв. не может служить аргументом, так как она сама возникла вследствие консолидации язычества в ходе борьбы с христианством и под влиянием последнего[92]. В дальнейшем церковной десятине на Руси предстояло претерпеть существенную эволюцию, как и в странах западного христианства.

Предпринимавшиеся княжеской, а потом и церковной властями меры по воцерковлению государства и общества в то время (и еще долго впоследствии) ограничивались несомненно городами как центрами реального присутствия этих властей; именно «по градом» ставились «церкви и попы». В основе своей древнерусский клир эпохи Владимира поначалу состоял, видимо, из греческих «попов царицыных и корсуньских»[93], из числа которых, судя по прозвищу, происходил, в частности, первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин († 1030)[94]. К ним несколько позднее присоединились греки из окружения митрополита и новопоставленных епископов, безусловно, также греков. Появление на Руси византийской церковной иерархии ставило, помимо проблемы урегулирования ее материального содержания, также вопрос о правовом статусе церковнослужителей, о разделении государственного, княжеского и церковного права по византийскому образцу, то есть о законодательном определении сферы специфической церковной юрисдикции. Эти вопросы действительно включены, наряду с дарованием десятины, в Церковный устав князя Владимира[95], однако источниковедчески ядро текста времени Владимира на основе совокупности сохранившихся редакций Устава реконструировать не удается. Логично все-таки думать, что какой-то первоначальный список как лиц («церковных людей» — прежде всего, собственно клириков), так и дел (брачное право, наиболее распространенные преступления против нравственности), подлежавших не княжескому, а церковному суду, среди установлений Владимира должен был присутствовать. Как и формы материального обеспечения церкви, эти перечни лиц и казусов в дальнейшем пополнялись и модифицировались.

Был еще один принципиальный вопрос, разрешение которого зависело не только от церковноначалия, но и от князя, — вопрос о языке богослужения. В начальный период после крещения оно устами греческого по преимуществу клира должно было вестись, очевидно, по-гречески[96]. Вместе с тем участие русских войск в покорении Болгарии Византией при Василии II и в 990-е гг., и в первые два неполных десятилетия XI в. могло обеспечить приток на Русь достаточного количества «трофейных» богослужебных книг на славянском языке как столичной (до 970 г.), Преславской, так и Охридской школ. Думается, именно с этим участием Руси в войне против болгарской державы царя Самуила связаны систематические западноболгарские (охридские) черты, характерные для древнерусской бо-

---

[92] *Назаренко А. В.* О язычестве славян // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). С. 298—314.

[93] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 117.

[94] НПЛ. С. 160, 163, 473.

[95] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 13—84.

[96] *Vodoff V.* Quelques questions sur la langue liturgique à Kiev au Xe et au début du XIe siècle // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the International Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity, Thessaloniki, 26—28 November 1988. Thessaloniki, 1992. P. 435—448.

гослужебной литературы[97]. Хотя при этом на Руси появилось, как естественно было бы думать, и некоторое количество низшего духовенства из Болгарии, ясно, что только местный клир мог обеспечить выполнение той программы князя Владимира, которую летописец очертил краткой формулой: «И нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Пославъ, нача поимати у нарочитое чади (у знатных людей. — *А. Н.*) дѣти и даяти нача на ученье книжное»[98].

Открытия новгородских археологов последних лет предоставили замечательное материальное свидетельство деятельности этих первых русских школ: деревянные таблички первой четверти XI в. с нанесенным на них слоем воска — церы (от лат. *cera* — «воск»), на которых можно было писать заостренным писалом, а потом, при необходимости, стирать написанное лопаточкой, находившейся на другом конце. Подобные костяные писала, равно как и деревянные основы цер, но без следов воска, и ранее находили на Руси археологи. Церы известны еще с Античности, ибо служили идеальным инструментом для обучения письму. Выясняется, что учились, как и позднее на Руси, по Псалтири: кириллический текст, сохранившийся на новгородской цере, был опознан как 75-й и 76-й псалмы[99].

Вряд ли подлежит сомнению, что ориентация на славянское богослужение была сознательным выбором крестителя Руси. Такой выбор отнюдь не был самоочевидным в условиях грецизации византийскими властями литургической жизни на захваченных восточноболгарских территориях. Но, будучи вынужден уступить Константинополю в отношении статуса Русской церкви, Владимир сумел настоять на своем в принципиальном вопросе о славянском, а не греческом богослужении на ее территории.

По отзыву западного современника[100], к концу правления Владимира столица Руси выглядела вполне христианским городом: в нем было около 40 церквей (в тексте — 400, но это, скорее всего, слуховая ошибка писца), включая единственный на то время каменный храм Богоматери Десятинной, который по пребывающим там мощам св. Климента Римского, вывезенным Владимиром среди прочих святынь из Корсуня, именовался также Климентовским, и деревянный митрополичий собор Св. Софии Премудрости Божией. Западный миссионер архиепископ Бруно Кверфуртский, посетивший Киев в 1008 г. по пути в Печенежскую степь и встречавшийся с Владимиром, рисует его, в полном согласии с древнерусскими источниками, как образцового христианского правителя[101].

---

[97] *Пентковский А. М.* «Охрид на Руси»: Древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X—XI столетиях // Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (Охрид, 3—4 октомври 2013). Скопје, 2014. С. 43—65 (сам автор этой работы напрасно ищет объяснение в гипотезе М. Д. Присёлкова о первоначальной зависимости Русской церкви от Охрида).

[98] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118—119.

[99] *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3—25.

[100] Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburgund ihre Korveier Überarbeitung. Cap. VIII, 32. P. 530; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. С. 137, 142—143.

[101] List Brunona do króla Henryka / Wyd. J. Karwasińska. Warszawa, 1973. P. 98—100. (Monumenta Poloniae Historica. Series nova; T. 4. Pars 3); ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 55—62.

Часть III

РУСЬ В XI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Население и хозяйство

В XI в. все восточнославянские этнические группы, расселившиеся на территории Восточной Европы, оказались в той или иной степени включены в состав Древнерусского государства. Речь идет о потомках тех «племен», которые согласно Повести временных лет населяли разные части лесной и лесостепной зон в X в. Однако уже в XI в. их племенное самосознание начало разрушаться, а к XII в. его следы прослеживаются только по устойчивому использованию в разных регионах различающихся наборов женских украшений (височных колец, шейных гривен, перстней, ожерелий, разного рода подвесок), которые еще сохранялись в отдельных областях до середины XIII в. При этом в Южной Руси, крупных городах и опольях Северо-Восточной Руси общедревнерусский убор сложился уже в XI в. С одной стороны, ареалы бывших племен оказались разделены между отдельными княжествами и включены в экономические и культурные контакты с потомками иных племен, с другой — материальная культура в пределах территории Руси становилась все более единообразной благодаря постоянному перемещению больших групп населения внутри страны. Этому способствовала как политика Киева, уже с конца IX в. перераспределявшего людские ресурсы с севера на юг для отражения печенежских набегов, так и политика отдельных князей, переходивших из города в город вместе со своим довольно многочисленным окружением (дружина, слуги, зависимые люди). По данным археологии, за исключением «племенных» украшений женщин, все остальные изделия городского и домашнего ремесла в это время постепенно унифицируются как по технологии изготовления, так и по внешнему виду. Особенно хорошо это заметно по керамической посуде, изготавливавшейся в каждом городе и многих селах. Именно в XII в. появляется и распространяется посуда «общерусского типа», характеризующаяся близкой морфологией, технологией изготовления и орнаментацией (при сохранении отдельных региональных отличий).

Краниологические исследования палеоантропологических материалов из городских и сельских погребальных памятников Руси позволили прийти к выводу о достаточной однородности населения, обусловленной единством антропологических особенностей восточных славян. Тем не менее влияние балтских и финно-угорских групп в значительной степени определяло региональное разнообразие древнерусского населения[1]. Городское население, по данным

[1] *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001; *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Saarbrücken, 2012.

антропологических исследований, по сравнению с сельским выглядит более консолидированным, однако здесь мог сказываться как эффект генетической общности, так и влияние урбанистической среды. Накопление данных продолжается, и уже в недалеком будущем возможна разработка принципиальных моделей происхождения населения разных земель Древней Руси.

Область древнерусского расселения в XI—XIII вв. охватывала значительную часть лесной и лесостепной зон Восточной Европы, ограничиваясь на востоке территориями, заселенными поволжско-финскими (древнемордовскими, древнемарийскими и древнеудмуртскими) племенами. При этом в ряде мест завершалась ассимиляция финноязычных племен (мери, муромы, веси и др.). На севере древнерусское население находилось в контакте с финноязычными народностями (коми, карелы, саамы и др.), постепенно осваивая северотаежную зону и продвигаясь в тундровую зону ради пушного промысла. На юге это население в основном не выходило за пределы лесостепи, лишь эпизодически и на отдельных территориях проникая в степную черноземную зону, занятую кочевыми племенами (печенеги, гузы, половцы), отношения с которыми характеризовались острой конфронтацией, сменявшейся периодами мирного сосуществования. В периоды конфронтаций (набегов степных народов на русские земли) лесостепные территории утрачивали часть населения, убыль которого восполнялась впоследствии как переселениями контингентов из более северных областей, так и расселением маргинальных групп степняков (черные клобуки, берендеи и др.). Западная граница расселения древнерусской народности была близка современным западным границам Украины и Белоруси, совпадая с этноязыковым ареалом восточного славянства.

При относительно стабильных внешних границах расселения в XI—XIII вв. происходили изменения во внутренней структуре народонаселения. На протяжении XI в. шла «внутренняя колонизация» слабозаселенных территорий в долинах некоторых рек в средней полосе Восточной Европы. В частности, долины средней Оки и реки Москвы заселялись выходцами из вятичских областей, долина Клязьмы — смешанным населением с участием переселенцев из кривичского Поволжья. Аналогичные процессы имели место и на некоторых других территориях. В то же время осуществлялись перемещения отдельных контингентов населения из северных и восточных районов в Южную Русь для организации обороны от набегов степняков и заселения опустевших из-за этих набегов волостей. В середине XII в. начался отток южнорусского населения (прежде всего с Днепровского Левобережья) на север и северо-восток — в Смоленскую и Муромо-Рязанскую земли. Все указанные передвижения населения фиксируются по археологическим материалам — характерным украшениям и посудной керамике, обладавшей яркими региональными чертами. Перемещения таких изделий (украшений, особенно женских, и посуды) не могут объясняться торговлей, поскольку общерусского рынка еще не сложилось и каждый регион полностью обеспечивал себя необходимыми предметами ежедневного спроса. В связи с этим чуждые местной традиции массовые изделия являются надежным маркером перемещения инородного населения. Вторым маркером таких перемещений выступают местные географические названия, копирующие топонимы областей, из которых происходила миграция населения. Подобные дублирующие топонимы хорошо известны в Рязанской и Владимиро-Суздальской землях.

Система древнерусского расселения была достаточно однородной: большинство людей проживало на неукрепленных поселениях, тяготевших к рекам, служившим источником водоснабжения и транспортными артериями, по которым осуществлялась связь между территориями как летом

(по воде), так и зимой (по санным путям на речном льду). Поселения, располагавшиеся в пределах топографически обусловленной или политически установленной территории, составляли территориально-податные единицы, которые контролировались княжеской властью из погостов или «малых» городов, возникавших по инициативе княжеской администрации. К XII в. административные функции полностью перешли к «малым» городам, которые составляли основу княжеской власти, поскольку именно в них были размещены уполномоченные князем администраторы и воинские контингенты, обеспечивавшие их охрану и безопасность в ходе сбора налогов, даней и т. п., а также при исполнении карательных функций. При этом в целом ряде областей «малые» города не получили широкого распространения, и административными центрами продолжали выступать неукрепленные погосты и крупные села. В XII в. рост числа городов приобретает характер качественного скачка: за это столетие численность русских городов увеличилась не менее чем в 2 раза.

Сельские поселения (села, деревни) существенно различались по размеру, однако для рассматриваемого времени более характерны относительно крупные поселения, насчитывавшие свыше 5 дворов. Площадь таких поселений, археологически определяемая по ареалу культурного слоя с артефактами (преимущественно керамикой), превышала 1 га. Существовали и очень крупные села площадью 20 га и более, но они были распространены в основном в густозаселенных южнорусских землях[2]. В XI в. в ряде регионов распространяются неукрепленные «большие поселения» площадью 20—40 га. Наиболее подробно такие поселения в Суздальском ополье исследованы Н. А. Макаровым в 2000—2010-х гг.[3], но они известны и в других частях Руси. К XII в. эти поселения прекращают существование или сокращаются в размерах.

Большинство сельских поселений XII—XIII вв. относилось к приречному типу, когда постройки выстраивались полосой вдоль берега реки, ручья, оврага или озера. Реже поселения располагались на мысах при впадении оврага в долину реки или слиянии двух ручьев, на дюнах или пойменных всхолмлениях, еще реже — на водораздельных грядах. Неукрепленные поселения, так же как города, имели усадебное деление, но без четкой трассировки и мощения уличных проездов, а их застройка определялась топографией участка местности. Сельские поселения этого времени характеризуются разнообразной материальной культурой, включавшей, кроме бытовых изделий из железа (ножей, замков, скобяных изделий), украшения из цветных металлов, стеклянные бусы, пряслица из красного овручского сланца, а иногда и другие предметы дальнего и ближнего импорта: византийские амфоры, поливную посуду из городов Южной Руси, — свидетельствующие о высоком уровне благосостояния сельского населения, обладавшего довольно дорогими вещами. Прежнее мнение о том, что стеклянные браслеты были исключительно городским видом женских украшений, теперь требует пересмотра: такие изделия обнаружены уже на многих сельских поселениях домонгольской эпохи. Установлено, что материальная культура сельских поселений отличалась от городской не столько качественно, сколько количественно — меньшим числом дорогих вещей или просто популярных в городе предметов быта и украшений. Это позволяет сделать вывод, что поселения городского типа были не изолированными от сельских жителей центрами пришлой власти, а местами «формирования новых культурных

[2] *Шекун О. В., Веремейчик О. М.* Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів, 1999.

[3] *Макаров Н. А., Федорина А. Н.* Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X—XI вв. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 3. Казань, 2014. С. 173—179.

традиций, стремительно распространявшихся вглубь территорий, становившихся достоянием широкого круга населения»[4]. Теснейшую связь между раннесредневековыми городами на Руси и их сельскими округами, зависимость городов от ресурсов сельских поселений демонстрирует богатый новгородский археологический материал. Он позволяет сделать вывод о том, что этот фактор был как минимум не менее значим для ранней урбанизации, чем дальняя торговля[5].

«Малые» города еще недостаточно изучены археологически, хотя начало их систематизации было положено еще в 1980-е гг. трудами А. В. Кузы[6]. Сегодня уже можно назвать их основные признаки: общая площадь застройки не менее 5 га, наличие древо-земляной крепости и христианского храма (деревянного или каменного), улично-усадебная планировка при сложной многочастной структуре (детинец—посад или детинец—окольный город—посад), наличие свидетельств присутствия в городе представителей княжеской власти (актовые печати) и грамотности населения. «Малые» города (пригороды) имели не столько качественные, сколько статусные отличия от крупных (стольных) городов, центров земель и княжений, в которых размещались резиденции князей, концентрировались дворы наиболее именитой аристократии, составлявшей княжеское окружение[7]. Однако количественные различия были весьма рельефными. По мере феодального дробления русских земель, увеличения числа князей и их «столов» археологически фиксируемая грань между большими и «малыми» городами стиралась. Крупные города могли переходить в разряд «малых», а те, в свою очередь, вырастать до ранга столичных. Примерами первых являются Городец на Волге, Туров и Новгород Северский, вторых — Москва, Тверь и Переяславль-Рязанский. К 1237 г. на территории Руси располагалось около 80 «малых» городов, упомянутых в летописях, однако реальное их количество было, вероятно, существенно (в 2—3 раза) больше. Назвать точное число городов в это время не позволяет также недостаточная изученность известных на сегодняшний день городищ (поселений с остатками древо-земляных укреплений), число которых превышает 1400[8].

Наиболее мощными экономическими и политическими образованиями, центрами власти на Руси являлись крупные города — столицы земель и княжеств, высокий статус которых сложился исторически еще в X—XI вв. В них были сосредоточены не только администрация, воинские контингенты, ремесленники, богатые купцы, но и узловые пункты духовной культуры того времени — монастыри, епископские кафедры. И хотя экономической основой государства оставалось сельское хозяйство, именно города становились местами, в которых эта основа превращалась в зримые объекты роста богатства страны: архитектурные сооружения, склады товаров, наполненные имуществом рынки. На протяжении XII—XIII вв. происходил бурный рост этих городов: строились новые стены, охватывавшие значительные территории, а площадь посадов (неукрепленных частей) возрастала в 2—3 раза и более.

---

[4] *Макаров Н. А.* Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 85—86.

[5] *Monk M., Johnston P.* Perspectives on Non-wood Plants in the Sampled Assemblage from the Troitsky Excavations of Medieval Novgorod // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations / Ed. by M. A. Brisbane, N. A. Makarov, E. N. Nosov. Oxford, 2012. P. 317.

[6] *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.

[7] *Коваль В. Ю.* Малые города средневековой Руси: Особенности материальной культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле—Белокурихе. Т. 2. Барнаул, 2017. С. 246—250.

[8] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 56—61.

Одним из практически обязательных признаков русских городов является наличие у них фортификационных сооружений (стен). Исключения из этого правила единичны и известны лишь в северных областях (Белоозеро, Усть-Шексна). Исследования последних десятилетий позволили отказаться от прежних представлений, рисовавших фортификацию русских городов в виде насыпных валов с примитивными частоколами по верху. Такие представления питались упрощенным пониманием тех остатков сооружений, которые дошли до наших дней и имели вид земляных гряд. Раскопки «древнерусских городских валов», проведенные на современном методическом уровне в Старой Рязани, Владимире-на-Клязьме, Киеве, на Рюриковом городище, в Великом Новгороде, Ярославле, Твери, Снепороде, Ростиславле Рязанском, показали, что во всех случаях эти «валы» являлись руинами древо-земляных стен — фундаментальных сооружений из дубовых срубов (называвшихся городнями), заполненных внутри землей, которая бралась из рва, вырывавшегося с напольной стороны от стены[9]. В валах сохраняется древесный тлен от городней, а иногда и сами бревна. При каждом ремонте такой стены, проводившемся, когда она приходила в ветхость, верхнюю часть срубов разбирали, землю из них сбрасывали и разравнивали по обе стороны от стены, а поверх частично разобранной старой стены возводили новую. Таким образом, высота сооружения росла, достигая иногда 10—12 м и более. Анализ документации о раскопках валов других городов Руси, проводившихся в прошлом без столь тщательной методической подготовки, показывает, что и они тоже являлись именно остатками стен, а не насыпями (речь идет о Смоленске, Москве, Переяславле Залесском и др.). Таким образом, оборона древнерусских городов строилась не на «валах» (насыпях), а на стенах (вертикальных преградах), то есть соответствовала европейскому уровню развития фортификации. Древо-земляная фортификация древнерусских городов была настолько надежна, что каменное крепостное строительство на Руси не получило в это время заметного развития — можно назвать лишь Золотые ворота в Киеве и во Владимире-на-Клязьме, каменную крепость в Старой Ладоге, стену раннего Изборска и незавершенные стены Боголюбова. Ни один из столичных городов Руси не имел каменных стен вплоть до XIV в.

В XII в. монументальная каменная архитектура перестает концентрироваться лишь в самых мощных городских центрах Руси (Киеве, Новгороде, Полоцке) и появляется не только во всех крупных (стольных) городах (Владимире, Рязани, Турове, Галиче и др.), но и в некоторых «малых» городах, где строятся каменные храмы (Новый Ольгов городок близ Рязани, Волковыск, Переславль Залесский и др.). Изредка каменные строения возводились и в селах, но только там, где располагались княжеские дворы (церкви в Кидекше, на Нерли и др.). Строительство велось в основном из плинфы (плоского кирпича) по традициям, воспринятым из Византии, но с добавлением некоторых новых элементов как в конструкциях храмов, так и в их декоре. Наряду с плинфяными в разных районах Руси возникают также постройки из белого камня (известняка). Появляется белокаменная резьба на соборах, интерьер же каменно-кирпичных храмов неизменно декорируется фресковой живописью.

В отличие от монументальной архитектуры, сохранившейся кое-где в городах Руси, жилые постройки, включая княжеские дворцы, сооружались из дерева по традиционной срубной технологии. Ни одна из таких построек не сохранилась до наших дней, так что об их характере можно судить исключительно по археологическим мате-

[9] *Моргунов Ю. Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII веков. М., 2009.

риалам. Наиболее полное представление о деревянных строениях древнерусских городов дает Новгород, влажный культурный слой которого сохраняет древесину в очень хорошем виде. Благодаря проводимым там многолетним раскопкам известно, что все жилые дома воздвигались в виде бревенчатых клетей, рубленых «в обло» или «с остатком». Жилые дома имели более крупные клети по сравнению с хозяйственными постройками. Размеры жилых строений определялись уровнем достатка владельца и соответственно варьировали от 4,5 × 4 до 9 × 9 м[10]. Кроме теплой клети, отапливавшейся печью (избы), жилой дом обычно включал холодные сени, служившие тамбуром для сохранения тепла при входе в дом и одновременно — кладовой. В городах известны жилища и более сложной планировки — состоявшие из трех соединенных клетей, такие постройки появлялись на богатых усадьбах.

В северных районах Руси и местностях с болотистым грунтом жилые дома не имели подземных частей, на остальной территории Руси под жилыми строениями вырывались подполья (подклеты, погреба) для хранения припасов — это были котлованы различного размера и конструктивного оформления. Небольшие по глубине (до 1 м) и размерам подпольные ямы могли не иметь укрепленных стенок, но чаще встречаются подполья, грунтовые стенки которых были обшиты деревом. Такая обшивка могла представлять собой сруб из тонких бревен или колотых досок либо столбовую конструкцию (с четырьмя столбами по углам прямоугольного котлована), которая удерживала обшивку из горизонтально уложенных плах или вертикально поставленных досок. Известны также погреба с обшивкой стенок из ряда вертикальных столбиков, вкопанных в канавку вдоль стен.

Практически все жилища, как в городах, так и в селах, были наземными. Полуземлянки в это время уже очень редки и встречаются только в южнорусских землях на сельских поселениях. Видимо, многие углубления, которые в недавнем прошлом интерпретировались как полуземлянки, в действительности были остатками подполий с деревянной обшивкой стенок, находившихся под наземными домами[11].

Не решен вопрос об этажности жилых строений, поскольку от наземных частей деревянных зданий сохраняются в лучшем случае самые нижние части стен, пол и опечки (деревянные основания) глинобитных печей. Подклет (подполье, подвал) иногда рассматривают в качестве нижнего этажа жилого дома, что можно принять только условно, поскольку этот «этаж», как правило, не имел отопления и не был предназначен для долгого пребывания людей. Не всегда можно согласиться и с выводами о наличии у домов верхних этажей исходя из обнаруживаемых в подпольях прослоек древесного тлена и обожженной глины. Вероятно, двухэтажные жилые дома действительно существовали, прежде всего в усадьбах аристократии в стольных городах, однако это явление не было распространено так широко, как казалось ранее.

Основной структурообразующей единицей как в городах, так и на селе оставался двор (усадьба), находившийся во владении отдельной семьи, которая выступала частным владельцем усадебной территории. Стабильность границ дворовладений определялась размерами поселения, плотностью застройки и наличием уличной системы. Застройка двора диктовалась мест-

[10] *Фараджева Н. Н.* Вопросы формирования и развития пятистенных срубов (по материалам археологических исследований средневекового Новгорода) // Археология Балтийского региона. М.; СПб., 2013. С. 194—206.

[11] *Енукова О. Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX—XIII вв. Курск, 2007. (Труды НИИ археологии юго-востока Руси; Вып. 1).

ными традициями, но обязательно включала жилой дом (избу) и ряд хозяйственных построек (хлев для скота, амбары для хранения зерна, фуража и других припасов, иногда — постройку для ремесленной деятельности, баню и др.).

Наряду с жилыми и хозяйственными срубными постройками усадеб, древо-земляными стенами городов, составной частью древнерусской деревянной архитектуры были инженерные сооружения: межусадебные и уличные ограждения (в виде частоколов, изгородей столбовой конструкции, плетней), уличные мостовые, водоотводы (дренажи) из деревянных труб (расколотых вдоль ствола бревен, сердцевина которых выдалбливалась), колодцы (водные и дренажные). К числу инженерных сооружений, создававшихся без применения древесины, относились шахты, штольни и котлованы для добычи руды, строительного и поделочного камня (в том числе сланца в городе Овруче), гончарной глины. Эти сооружения пока почти не изучены археологически.

Как города, так и крупные поселения сопровождались некрополями. Уже в начале XI в. повсеместно распространился курганный обряд совершения захоронений, причем языческие трупосожжения сменились трупоположениями, что отражало возрастающее влияние христианской обрядности. На протяжении XII в. шел процесс смены курганного обряда захоронения умерших на полностью христианский вариант погребения у стен церквей в грунтовых могилах. И хотя такие прицерковные кладбища появляются во всех без исключения городах, основная масса захоронений продолжает осуществляться в курганных могильниках, примыкающих к поселениям. Изучение подкурганных захоронений показало, что в XII в. произошла смена погребений, совершенных на уровне древней поверхности земли или в насыпи кургана, на захоронения в могилах (подкурганных ямах). В городских центрах появляются полностью христианские захоронения с безынвентарным трупоположением, однако наряду с ними совершаются захоронения с разнообразным инвентарем (украшениями, оружием, заупокойной пищей и т. п.). Кремация покойных быстро вытеснялась из обрядовой практики и практически повсеместно исчезла к середине XI столетия (за исключением отдельных небольших территорий). Одновременно сокращалось количество погребений с инвентарем, во второй половине XII в. инвентарь в погребениях сохранялся только в Северо-Западной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси, уменьшилось количество вещей в женских погребениях, а мужские стали преимущественно безынвентарными. В зависимости от географического и этнокультурного региона захоронения могли совершаться в деревянных гробах или колодах, берестяных гробах, в срубных обкладках, квадратных или кольцевых оградках из различных материалов. Таким образом, в рамках общерусской погребальной курганной обрядности в регионах сохранялись индивидуальные особенности ритуала. Новые исследования курганов показали, что это были сложные сооружения, создававшиеся в несколько этапов с использованием различного грунта: почвенных грунтов, срезанных вокруг кургана, и материкового грунта (песка или суглинка), взятого из кольцевого ровика вокруг кургана или ям, вырытых в этом ровике и на межкурганном пространстве. Между курганами иногда обнаруживаются площадки со следами действия огня, небольшими ямами, каменными вымостками, которые можно расценивать как святилища, места совершения погребально-поминальных обрядов[12].

[12] *Энговатова А. В., Коваль В. Ю., Зоц Е. П., Столярова Е. К., Сарачева Т. Г.* Мякининские курганы: Мякининский археологический комплекс в Подмосковье. М., 2018. (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 21).

В целом к середине XIII в. курганная обрядность сохранялась только в глубинных сельских районах, но даже там демонстрирует тенденцию к вырождению (уменьшаются размеры курганов), что свидетельствует о все более глубоком усвоении христианской обрядности.

В X—XI вв. рост численности населения привел к массовым вырубкам лесов, прежде всего вокруг крупных городов, и формированию аграрных ландшафтов в лесной полосе. В это же время осваиваются все ополья (естественные незалесенные участки) на северо-востоке Руси. К XII в. все земли в долинах крупных и средних рек оказались полностью обработаны, происходило освоение пригодных для хлебопашества земель в долинах мелких рек, велась массовая вырубка лесов. Эти изменения фиксируются палинологией по сокращению пыльцы лесных деревьев в культурных слоях поселений и увеличению доли пыльцы злаков и луговой растительности, демонстрирующей влияние антропогенного фактора в изменении ландшафтов.

Земледелие занимало доминирующую позицию в системе жизнеобеспечения древнерусского населения. Состав возделываемых культур на территории Восточной Европы сложился в первой половине I тыс. н. э. и оставался устойчивым. Известны находки разных типов пшеницы, ячменя, проса, бобов, гороха, гречихи. В период XII—XIII вв. рожь постепенно занимает место основного хлебного злака, заметно потеснив просо и ячмень, повсеместно возделывавшиеся ранее[13]. Из бобовых растений выращивались горох и чечевица[14], а так называемые технические культуры были представлены льном и коноплей (использовались для изготовления волокна и масла). Сложно оценить значение в хозяйстве огородных культур (капуста, репа, горчица, огурцы, тыква, свекла), поскольку, в отличие от зерновых и бобовых, их семена не хранились на поселениях в большом количестве.

Различия в природно-географических условиях на пространствах Восточной Европы предопределяли неоднородность в структуре урожая в Древней Руси на региональном уровне. На северо-востоке важнейшей после ржи культурой становится овес, а в южнорусских землях — мягкая пшеница и просо[15]. Данные по Ильменскому Поозерью свидетельствуют о том, что в одном месте могли выращиваться разнообразные культуры, земледельцы искусно использовали различные погодные и почвенные условия. Например, в районе села Георгий, кроме семи злаков (эммера, ячменя, полбы, проса, овса, пшеницы, ржи), культивировали еще горох, бобы, чечевицу[16]. Такое разнообразие выращиваемых культур могло смягчать эффекты неурожаев. Раскопки Мининского археологического комплекса на Кубенском озере и ряда других памятников севера лесной полосы показали, что в этом регионе другим культурам в XI—XIII вв. мог предпочитаться ячмень, что объясняется его неприхотливостью и устойчивостью к низким температурам[17].

Постепенно зарождается садоводство. Первыми плодовыми деревьями были сливы и вишни, косточки которых находят при раскопках. В Новгороде, помимо косточек

[13] *Лебедева Е. Ю.* Археоботанические свидетельства о земледелии на сельских поселениях Суздальского Ополья в VII—XIII вв. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М., 2017. С. 264—290.

[14] *Alsleben A.* The Plant Economy of Northern Medieval Russia // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. P. 326—327.

[15] *Пашкевич Г. О.* Хліб давньої України. Київ, 2012.

[16] *Alsleben A.* The Plant Economy of Northern Medieval Russia. P. 326—327.

[17] *Макаров Н. А., Захаров С. Д.* Накануне перемен: Сельские поселения на Кубенском озере в XII — начале XIII вв. // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 147.

вишни, обнаруживают семечки яблок, что, возможно, указывает на выращивание там также яблонь[18]. О разведении этих фруктовых деревьев на юге Руси свидетельствует «Слово о Григории чудотворце» в составе Киево-Печерского патерика[19].

В древнейшее время в лесной зоне господствовала подсечно-огневая система земледелия, предусматривавшая выжигание участка леса под пашню, его однократное использование, а потом — забрасывание до восстановления естественной растительности и переход на другой участок. На безлесных пространствах подсеке соответствовала залежная система, которая тоже начиналась обычно с выжигания, но не леса, а дерна. Позднее возникает перелог (в лесной зоне — лесной перелог), при котором расчищенный участок используется не один год, а оставленный участок «простаивает» в течение меньшего времени. Когда возник классический для позднего Средневековья трехпольный севооборот, основанный на использовании постоянных полей с чередующимися озимыми и яровыми посевами и периодическим оставлением одного из участков необработанным, под пар, точно неизвестно[20]. В письменных источниках он фиксируется с XV в. Во всяком случае новгородские материалы домонгольского времени не дают подтверждений культивации озимой ржи, что является ключевым критерием в данном случае[21]. Материалы X—XI вв. по Гнёздову свидетельствуют о применении там различных систем земледелия (залежной, переложной и паровой) в зависимости от потребностей сельскохозяйственных культур, причем паровая система находилась на начальном этапе развития[22].

В земледелии использовались различные сельскохозяйственные орудия: плуги и сохи — для вспахивания, лопаты и мотыги — для ручной обработки почвы, серпы — для сбора урожая, косы (короткие, типа «горбуши») — для сенокошения[23]. Главным пахотным орудием оставалась деревянная соха с железным наконечником (сошником), которая в южных (лесостепных) районах Руси развилась в рало с крупным симметричным наконечником (наральником). Тягловой силой пахотных орудий была лошадь (на юге возможно использование быков/волов).

Потребности земледельческой отрасли определяли и структуру животноводства, и численность разводимых животных. Главной целью становится обеспечение земледельца тягловой силой, а также удобрением для поддержания плодородия интенсивно обрабатываемых земель. Такое повышение спроса на тягловый скот и навоз привело в XI—XIII вв. к значительному увеличению поголовья крупного рогатого скота и лошадей. При этом крупный рогатый скот, как и прежде, оставался главным источником мясной пищи и молочной продукции. Численность остальных видов домашних копытных (коз, овец и свиней), которых содержали в селах и городах Древней Руси, была существенно ниже. Все домашние копытные, и крупные, и мелкие, были важным ресурсом в получении мясных продуктов и животного сырья для ряда ремесленных производств (кожевенного и косторезного).

---

[18] *Monk M., Johnston P.* Perspectives on Non-wood Plants in the Sampled Assemblage from the Troitsky Excavations of Medieval Novgorod. P. 311.

[19] *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. С. 136.

[20] *Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А.* Земледелие и промыслы // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 220—221.

[21] *Alsleben A.* The Plant Economy of Northern Medieval Russia. P. 346.

[22] *Кирьянова Н. А.* К вопросу о характере земледелия населения Гнёздова (по находкам зерен земледельческих культур в отмывках культурного слоя) // Гнёздово: Результаты комплексного исследования памятника. М., 2007. С. 138.

[23] *Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А.* Земледелие и промыслы. С. 221—225.

Потребности княжеского войска обеспечивало коневодство, о чем есть упоминания в самых ранних письменных источниках. Уже в предании о гибели князя Олега говорится, что, когда ему пришлось отказаться от любимого коня, он его «повелѣ кормити» старейшине конюхов, причем подразумевалось, что это могло продолжаться несколько лет[24]. Даже если считать предание поздней легендой, очевидно, что в начале XII в., когда составлялась Повесть временных лет, наличие иерархии конюхов, обязанных заботиться о княжеских конях, было явлением совершенно естественным. В 1068 г., когда войско русских князей было разгромлено половцами, прибежавшие с поля боя в Киев «людье кыевстии» потребовали у князя Изяслава Ярославича «оружье и кони»[25]. В древнейшей Краткой редакции Русской Правды (XI в.) есть установление, согласно которому за убийство «конюха старого» полагается очень высокая вира в 80 гривен, «яко уставилъ Изяславъ [Ярославич] въ своем конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци (жители города Дорогобужа. — *В. К., П. Л.*)». Там же упоминается и «княжь конь, иже тои с пятномъ» (то есть с княжеским клеймом)[26]. Княжеский конюх и тиун конюший фигурируют и в Пространной редакции Русской Правды XII в.[27] Все это прямые свидетельства наличия у князей стад боевых коней и достаточно развитого аппарата их обслуживания. Масштабы княжеского коневодства выясняются благодаря известию Ипатьевской летописи под 1146 г.: во время одной из межкняжеских войн были пограблены табуны князей Игоря и Святослава Ольговичей под Новгородом Северским, причем оказалось, что там было 3000 «кобыл стадных» и 1000 коней. Ниже говорится о разгроме Изяславом и Владимиром Давыдовичами сельца Игоря Ольговича, в котором среди прочего обнаружилось гумно с 900 стогами сена, явно предназначенными для коней князя и его дружины[28]. Для содержания такого количества лошадей необходим был, конечно, соответствующий штат работников.

Лошади широко использовались не только в княжеском хозяйстве. В Русской Правде имеется специальная статья «Аже кто всядеть на чюжь конь» — об «угоне» чужого коня. Конокрадство считалось одним из тяжелейших преступлений и каралось «высшей мерой наказания» того времени — выдачей князю на поток, то есть объявлением вне закона с лишением имущества[29]. Это вполне объяснимо, учитывая, что без лошади земледелец фактически был обречен на голодную смерть. Как показывают гнёздовские материалы, конину в дохристианское время иногда употребляли и в пищу[30], а по новгородским данным, это эпизодически происходило и в более позднее время[31].

Предметы материальной культуры, связанные с животноводством, немногочисленны. Это уже упомянутые косы-горбуши,

---

[24] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 38—39.

[25] Там же. Стб. 170; ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 189.

[26] Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 71—72, 80.

[27] Там же. С. 105, 124.

[28] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 331—332, 333. Даже если считать эти цифры не вполне точными, понятно, что речь идет об очень большом количестве.

[29] Правда Русская. Т. 1. С. 107, 125 (для сравнения — «клетный тать» (домушник) карался трехгривенным штрафом). О потоке и разграблении см.: *Лукин П. В.* «Поточи Мьстиславъ Полотьскии князѣ»: Об одной из форм наказания в Древней Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 20—35.

[30] *Кирьянова Н. А., Пушкина Т. А.* Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX—XVI веках. М., 2008. С. 173.

[31] *Maltby M.* From Alces to Zander: A Summary of the Zooarchaeological Evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. P. 364—365.

применявшиеся для заготовки кормового сена, а также ботала и такие редчайшие вещи, как приспособления для клеймения скота. На городских усадьбах рабочий и молочный скот содержался прямо на территории дворовладений в стойлах, которые фиксируются по скоплениям навоза. В древнерусских селах способы содержания скота различались по сезонам: летом практиковался свободный выпас в ближайшей округе, а зимовал весь скот в довольно холодных сараях. О неблагоприятных условиях зимнего стойлового содержания свидетельствуют сходные патологии на тазовых костях коров из разных поселений.

Присутствие в остеологических коллекциях из древнерусских селищ и городов костей домашних птиц (кур, уток, гусей) позволяет говорить о птицеводстве как одной из подсобных сельскохозяйственных отраслей. По севернорусским материалам, птица играла относительно незначительную роль в животноводстве того времени. С середины XII в. все более активно разводят кур, причем именно в городах. В сельской местности преобладает разведение уток[32]. Специфическую отрасль птицеводства представляло собой разведение охотничьих птиц. Владимир Мономах в своем «Поучении» с гордостью говорит о том, что он сам заботился «о соколѣхъ и о ястрябѣх»[33]. Однако охотничьи птицы применялись не только для княжеских развлечений. Уже в Краткой редакции Русской Правды есть статья о краже соколов и ястребов, штраф за которую составлял 3 гривны[34]. Характерно, что в той же статье идет речь о краже пса, то есть владение охотничьими птицами вряд ли было тогда чем-то совершенно исключительным. В Новгороде найдены костные останки хищных птиц (соколиных), которых, возможно, использовали для охоты[35].

Обнаруживают также останки домашних животных — помощников человека — собак и кошек.

Изучение «кухонных» костных отбросов дает возможность реконструировать особенности мясного рациона конкретных групп древнерусского населения. Наиболее яркие различия в мясном потреблении выявлены у горожан и сельчан. В рационе горожан превалировала говядина, ее дополняли в небольших объемах свинина и конина; баранина и козлятина потреблялись крайне редко. На сельских поселениях фиксируются уже значимые объемы потребления свинины, но опять же только дополняющие говядину. Отдельного упоминания заслуживает мясной рацион древнерусской аристократии. Наряду с говядиной, на столах знатных горожан были статусные охотничьи трофеи: мясо лосей, оленей, медведей, бобров, а также лебедей[36].

Охота как самостоятельная отрасль играла малозаметную роль в жизни древнерусского земледельческого населения. Более того, ее значение было, очевидно, принципиально разным для горожан и жителей сельской местности, а также различных регионов Руси. Основными объектами охоты были (по крайней мере на севере Руси) лоси, зайцы, бобры, белки, куницы. Целью охоты было получение мяса, шкур и меха. В пищу шло мясо лосей, зайцев и отчасти бобров, остальные животные добывались главным образом из-за их меха и шкурок.

---

[32] *Maltby M.* From Alces to Zander: A Summary of the Zooarchaeological Evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino. P. 369—371.

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251.

[34] Правда Русская. Т. 1. С. 72, 81.

[35] *Maltby M.* From Alces to Zander: A Summary of the Zooarchaeological Evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino. P. 371.

[36] *Антипина Е. Е.* Мясные продукты в средневековом городе — производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005. С. 181—190.

Существенно реже объектом охоты становились кабаны и олени[37]. Охотились также на диких уток и гусей[38]. Особое значение охота на пушного зверя приобрела на севере Руси, и прежде всего в Новгороде, где пушнина превратилась в важнейший экспортный товар. С этой целью там в домонгольское время охотились на куниц, белок, бобров, а также выдр, лис, медведей, рысей и др.[39] Об этом свидетельствуют находки как костей этих животных, так и тупых наконечников стрел, которые использовались для охоты на пушного зверя[40]. По мере аграрного освоения центральных территорий Руси основной район пушного промысла сдвинулся к XI в. в севернорусские области, охватывая и таежные слабозаселенные зоны. Этот промысел оставался существенной частью экономики на некоторых староосвоенных территориях и в XII в. (Кубенское озеро). Продвижение на север (за пушниной) стало важным фактором общерусского экономического развития.

Для Восточной Европы характерно обилие больших и малых водоемов, большинство которых принадлежит к бассейнам Черного, Каспийского и Балтийского морей. Позднее славянами были освоены реки, впадающие в Северный Ледовитый океан. Водоемы были населены богатой ихтиофауной[41]. Это способствовало широкому развитию рыболовства на Руси и в значительной мере обусловило то, что поселения, как правило, основывались поблизости от рек и озер. По данным раскопок в Новгороде и на Рюриковом городище, там потребляли выловленных в Ильмене и в реках его бассейна сомов, судаков, щук, лещей, плотву, язей, густер, голавлей, окуней и ершей. Промысловый лов осуществлялся, по-видимому, в основном с помощью сетей. Рыба упоминается и в новгородских берестяных грамотах — прежде всего, как продукт, который служил для выплаты дани. Это говорит о масштабах и значении рыболовства, но еще более ярким свидетельством является тот факт, что на Рюриковом городище кости рыб составляют 32 % от всех обнаруженных костных остатков[42]. По Южной Руси данных меньше, но и они показывают, что в Поднепровье рыболовство также играло существенную роль в хозяйстве. Промысловое значение там имела ловля сомов, судаков, щук, лещей, плотвы, язей, окуней[43]. Существенное место в рационе питания составляли осетровые (стерлядь, русский осетр, севрюга и белуга), которые характеризовались более крупными размерами, чем их современные потомки, причисленные сегодня к исчезающим видам.

Из прочих промыслов большое значение имело бортничество — сбор меда и воска диких пчел. Воск служил не только ценным экспортным продуктом, но был востребован и на внутреннем рынке, являясь материалом для изготовления свечей, необходимых церквям и монастырям. Весьма важным продуктом был и мед, использовавшийся для изготовления хмельных напитков. О развитии бортничества свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. К последним относятся находки железных медорезок и обломки восковых свечей. Борти (деревья с дупла-

[37] *Maltby M.* From Alces to Zander: A Summary of the Zooarchaeological Evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino. P. 364—366.

[38] Ibid. P. 369.

[39] Ibid. P. 373—374.

[40] *Makarov N. A.* The Fur Trade in the Economy of the Northern Borderlands of Medieval Russia // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. P. 382, 390.

[41] *Куза А. В.* Рыбный промысел в Древней Руси. СПб., 2016. С. 40—44.

[42] *Maltby M.* Op. cit.. P. 366—369.

[43] *Куза А. В.* Рыбный промысел в Древней Руси. С. 48—51.

ми, заселенными пчелами) упоминаются в Русской Правде, причем как объект частной собственности, охраняемой законом: за уничтожение знака собственности на борти или бортной «межи» полагалось наказание. Княжеская борть еще согласно Краткой редакции Русской Правды защищалась трехгривенным штрафом. О хозяйственном значении бортничества свидетельствует то, что бортные земли и «межи» упоминаются наряду с «ролейными» (то есть пахотными землями и их границами)[44]. Письменные источники указывают на особенное распространение бортничества в домонгольское время в Смоленской земле[45].

Собирательство (сбор лесных орехов, грибов, лесных и луговых ягод) давало существенное дополнение к повседневной диете древнерусского населения как в городах, так и на селе. Археологическими следами этой деятельности являются скорлупа орехов, обнаруживаемая в городах, и семена ягод (малины, земляники, ежевики, черники)[46].

Соледобыча и солеварение были развиты явно недостаточно. Центром соледобычи была Галицкая земля, экспортировавшая соль. В 1163 г. на Днестре случилось наводнение и погибло 300 человек, «иже бяху пошли съ солью из Удеча» (населенный пункт в районе Коломыи)[47]. Б. А. Рыбаков полагал, что соль там добывалась путем ломки каменной соли[48]. В рассказе о Прохоре Лебеднике в составе Киево-Печерского патерика (первая треть XIII в.) сообщается, что, когда в конце XI в. во время междоусобной войны, начавшейся после ослепления Василька Теребовльского, из Юго-Западной Руси перестала поступать соль, ее «не бысть во всей Русской земле»[49]. Таким образом, соль на Руси была явно дефицитным товаром.

Основывавшиеся изначально главным образом как центры княжеской власти, древнерусские города постепенно становились центрами ремесла и торговли. Их население росло. Крупнейшими городами были, по-видимому, Киев и Новгород. Наиболее масштабные археологические исследования жилой застройки домонгольского времени проведены в Новгороде, что позволяет — конечно, очень приблизительно — оценить численность его населения. В середине XII в. в Новгороде могло жить несколько более 15 тыс. человек, в середине следующего столетия — между 17 и 18 тыс. человек[50]. Что касается численности населения Киева, то наиболее распространена в современной историографии цифра 50 тыс. человек[51], но, по всей видимости, она должна быть довольно существенно уменьшена. Так, уточнения площади города в

---

[44] Правда Русская. Т. 1. С. 72, 80, 112, 113, 116, 128, 129.

[45] См.: *Мальм В. А.* Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956. С. 129—138. (Труды ГИМ; Вып. 32).

[46] *Monk M., Johnston P.* Perspectives on Non-wood Plants in the Sampled Assemblage from the Troitsky Excavations of Medieval Novgorod. P. 299—303.

[47] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524.

[48] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 571.

[49] *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. С. 152.

[50] *Лукин П. В.* Население средневекового Новгорода по данным письменных и археологических источников // Русь в IX—X вв.: Общество, государство, культура: Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 6—8 ноября 2012 г. М., 2012. С. 45—46. См. также: *Goehrke C.* Einwohnerzahl und Bevölkerungsdichte altrussischer Städte — Methodische Möglichkeiten und vorläufige Ergebnisse // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 18. Berlin, 1973. S. 30; *Mühle E.* Die städtischen Handelszentren des nordwestlichen Ruś. Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991. S. 130.

[51] См.: *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 188.

XI—XIII вв. приводят к другим цифрам — 36—40 тыс. человек[52]. Если же применить к Киеву методику расчета, опробованную на Новгороде, выясняется, что население Киева перед монгольским нашествием должно было насчитывать около 35 тыс. человек. Близкое количество — 33 тыс. человек — дает и другая методика[53]. Это очень значительные цифры. Достаточно сказать, что в важнейшем городе Ганзы Любеке на 1300 г. население составляло примерно 15 тыс. человек, а численность жителей одного из крупнейших европейских городов — Праги — в XIV в. достигла 40 тыс. человек[54].

Население других городов было существенно меньше. В Старой Рязани в домонгольское время проживало от 6 до 8 тыс. человек[55]. В таком значимом древнерусском центре, как Смоленск, могло проживать около 11 тыс. человек[56]. Тем не менее демографические ресурсы для развития городского образа жизни и типичных для Средневековья занятий горожан — ремесла и торговли — на Руси имелись.

Ремесло играло существенную роль в развитии экономики, обеспечивая сельское хозяйство необходимым инвентарем. Наиболее важной его отраслью была черная металлургия — выплавка и обработка железа и стали, из которых изготавливалось большинство орудий труда, предметов быта, все вооружение[57]. Выплавка железа осуществлялась в глинобитных наземных сыродутных горнах (домницах), которые редко сохраняются в сколько-нибудь целом виде. Лучшую сохранность имели горны, которые размещались в специально вырытых для них землянках. Однако следы железоделательного производства хорошо читаются по скоплениям железного шлака, запасам подготовленной к плавке болотной руды (основного источника железосодержащего сырья на Русской равнине) и обломкам керамических трубок-сопел, через которые в горны нагнетался воздух. Продукцией этих горнов были слитки товарного железа («крицы»), вес которых колебался от 3 до 6 кг.

В Древней Руси насчитывалось более 150 категорий железных артефактов. Характерной чертой древнерусского кузнечного ремесла было применение сложных технологий, в основе которых лежали схемы технологической сварки (трехслойный пакет, различные варианты наварки). Обработкой железа и стали, изготовлением из них различных предметов занимались кузнецы, проживавшие как в городах, так и на селе. Различия в продукции сельского и городского кузнечества прослеживаются в ее ассортименте. Городские ремесленники изготавливали сложные и высокотехнологичные изделия — замки, предметы вооружения, орудия труда, инструментарий для других ремесел, тогда как сельские мастера применяли в своей практике более простые технологии, используя в качестве основного сырья железо и сырцовую сталь. Металлографическое изучение орудий из железа показало, что многие из них проходили специальную обработку, увеличивавшую твердость железа, — цементацию,

[52] *Mezentsev V. I.* The Territorial and Demographic Development of Medieval Kiev and Other Major Cities of Rus': A Comparative Analysis Based on Recent Archaeological Research // The Russian Review. 1989. Vol. 48. P. 160.

[53] *Кучкин В. А.* Население Руси в канун Батыева нашествия // Образы аграрной России IX—XVIII вв.: Памяти Н. А. Горской. М., 2013. С. 86.

[54] *Isenmann E.* Die deutsche Stadt im Spätmittelalter. 1150—1500. Stadtgestalt, Recht, Verfassung, Stadtregiment, Kirche, Gesellschaft, Wirtschaft. Wien etc., 2012. S. 59—60.

[55] *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 43—44.

[56] *Кучкин В. А.* Население Руси в канун Батыева нашествия. С. 86, 87.

[57] *Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007; *Они же.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012.

закалку. Орудия труда кузнецов (железные наковальни, молоты, клещи, зубила, пробойники, гвоздильни, напильники) встречаются при раскопках нечасто, поскольку представляли высокую ценность.

Собственных месторождений руд цветных металлов на территории средневековой Руси не было, поэтому ремесленники ограничивались обработкой готового металла, поступавшего на Русь в виде товарных слитков, проволоки, готовых изделий и монет по торговым путям из соседних регионов. Изучение химического состава металлов позволило установить их происхождение. В частности, цинкосодержащие латуни привозились из Западной Европы, а медь, олово и их сплавы (бронзы) — кроме того, с Урала и Кавказа. Обработка цветных металлов включала, прежде всего, литье разогретого металла в разнообразные литейные формы, изготавливавшиеся из камня, глины и даже дерева. Доработка полученных изделий включала ковку, штамповку, тиснение, чеканку, волочение, а обработка украшений — прокатку, гравировку, скань, чернение, наведение золотом. При археологических исследованиях основными признаками производств по литью цветных металлов являются постройки с производственными горнами, в которых находят лом старых изделий, подготовленный к переплавке, литейные формы, керамические тигли (небольшие сосуды, в которых проводилась плавка металла) и железные инструменты (клещи, пинцеты, напильники, волочильные доски, наковаленки, ножницы, небольшие молотки, пробойники, зубила и т. п.). Наряду с отливкой массивных изделий, русские мастера в XII в. освоили методику литья «навыплеск», оставлявшую внутри изделия полость, экономившую металл. Наиболее сложной разновидностью обработки цветных металлов было ювелирное дело. Мастера-ювелиры работали не только с обычными цветными, но и с драгоценными металлами (золотом и серебром). О высоком технологическом и художественном уровне таких изделий известно в основном по кладам украшений высшей аристократии, которые найдены в разных городах Руси — Киеве, Старой Рязани, Москве, Владимире и др. (вклейка, рис. 27). Ювелиры использовали в своей работе широкий набор специальных инструментов (резцы, зубчатые штампы, пуансоны, матрицы для тиснения) и операций (пайка, гравировка, золочение, зернь, скань и др.).

Самым распространенным поделочным материалом в Восточной Европе всегда было дерево, поэтому деревообработка занимала особое место в жизни древнерусского населения. Из дерева изготавливали мебель и посуду, значительную часть инструментария и даже некоторые механизмы (например, ткацкие станки). Столь же широко использовалась береста, из которой делали короба, шкатулки, футляры, а также полотнища для написания грамот (письменных документов). Новгородские берестяные грамоты содержат важную информацию о языке, культуре, социальных отношениях в Древней Руси. К сожалению, изделия из дерева и бересты сохраняются только в исключительных случаях, как правило, в так называемом «мокром» культурном слое, насыщенном водой. Такой слой имеется в Великом Новгороде, материалы которого дали основную массу древних вещей из дерева, а также в некоторых севернорусских городах (Пскове, Ладоге, Вологде и др.). Тем не менее почти в каждом русском городе, включая южные, есть низинные районы с насыщенными водой участками культурного слоя, где сохраняются изделия из органических материалов. По новгородским материалам известны 27 пород древесины, из которых 19 были местными (сосна, ель, дуб, ясень, можжевельник, клен, береза, липа, ольха, ива, осина, вяз, рябина, лещина, ильм, яблоня, груша, черемуха, бересклет); остальные импортировались из других районов Руси (пихта, лиственница, каштан) и зарубежья (самшит, бук, кедр, тис, грецкий орех). Для

обработки дерева использовались железные инструменты — топор, пила, скобель, тесло, долото, сверло, токарный резец и др. Значительная часть деревянных изделий изготавливалась на токарном станке.

Прядение и ткачество нельзя относить впрямую к ремесленному производству, поскольку ткани изготавливались в каждом отдельном хозяйстве для нужд членов одной семьи. Ткани не предназначались для продажи на рынке, хотя какая-то часть этих изделий могла служить средством обмена или отчуждаться в виде податей. В Древней Руси ткани делались из шерсти, льна и конопли. Ткани, как органический материал, редко сохраняются в культурном слое. Исключение составляют «мокрые» слои в Новгороде и других местах, а также погребения, где фрагменты ткани иногда консервируются окислами от изделий из цветных металлов. Благодаря изучению обрывков тканей, в том числе с использованием естественно-научных методов, установлено, что они окрашивались в красный, черный, зеленый, желтый и синий цвета. Значительная часть тканей при этом оставалась неокрашенной. Из тканей изготавливались как нижнее белье (рубахи, штаны), так и верхняя одежда.

Ткачеству предшествовал подготовительный этап — прядение нитей из сырья. Лен и коноплю долго вымачивали, отбивали, трепали, чесали, а шерсть — только чесали при помощи гребней. Прядение осуществлялось при помощи деревянной прялки (стойки, на которую крепилась кудель) и деревянного веретена — палочки, на нижний конец которой насаживался каменный или керамический грузик (пряслице), служивший для усиления вращательного момента. Из полученных нитей на ткацких станках изготавливались ткани. Известны вертикальные и горизонтальные станки. Более совершенные и производительные горизонтальные ткацкие станки появились на Руси не ранее конца XII в., вероятно, из Европы и достаточно быстро распространились по всей стране. Археологически известны в основном лишь отдельные детали ткацких станков (из Новгорода).

В отличие от изготовления тканей для одежды, обработка другого органического материала, кожи, осуществлялась не в домашних условиях каждой отдельной семьей, а специализированными ремесленниками. Это связано с длительностью и сложностью процесса обработки кожи, необходимостью использования специальных веществ. Поэтому обработка кожи изначально была сосредоточена в городах. В кожевенном производстве XI—XIII вв. использовались шкуры коней, крупного и мелкого рогатого скота. Процесс их обработки включал вымачивание в чанах и выдерживание в емкостях с золой для очистки от мездры и волоса, размягчение с помощью кислых растворов, дубление, вытягивание, жирование, разминание, окрашивание. Кожаные изделия не были постоянно нужны сельским жителям, но проживавшей в городах аристократии они были жизненно важны. Ассортимент кожаных изделий представлен частями доспехов, поясами, ремнями конской упряжи, седлами, ножнами и т. п. предметами, составлявшими обязательную часть воинского снаряжения. Основная же часть кожи шла на изготовление обуви (сапог, туфель, поршней). Не случайно к этому времени уже произошло разделение кожевенного и сапожного ремесел. Инструменты сапожников производились из железа (ножи для раскроя кожи, шилья, иглы) и дерева (обувные колодки), их достаточно часто находят в культурных слоях городов.

Одним из самых важных ремесел на Руси было гончарство (рис. 1). К XII в. производство горшков семейными хозяйствами ушло в прошлое, даже в селах использовали сосуды, изготовленные специалистами-гончарами. Наиболее значительные производства размещались в городах, вернее на их окраинах (посадах), поскольку обжиг керамики был в высокой степе-

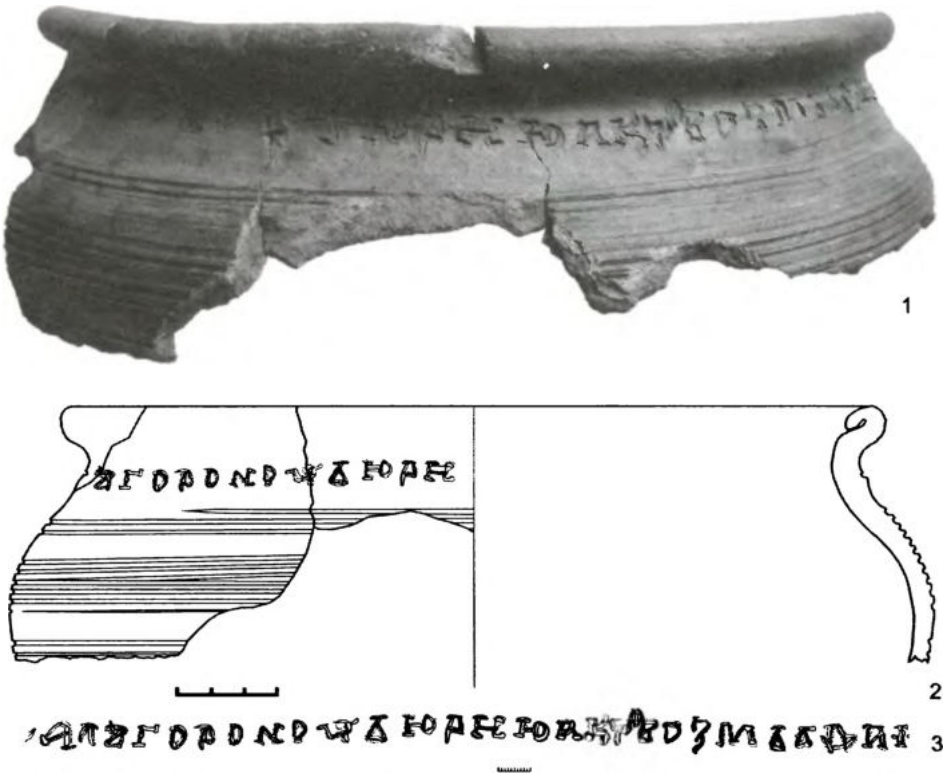


Рис. 1. Обломок горшка с кириллической надписью из Ростиславля Рязанского. Конец XII — первая треть XIII в. (по: Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев А. А., 2013. Рис. 1)

ни пожароопасен. Существовали большие различия в технологии изготовления керамики между южными и северными районами. В Южной и Юго-Восточной Руси еще с XI в. гончары перешли к работе на ручном круге утяжеленного типа со светложгущимися глинами, требовавшими более высокой температуры обжига, которая могла быть достигнута только в специальных обжигательных устройствах (двукамерных горнах). В то же время на севере Руси и в центральных районах продолжал использоваться легкий круг, в качестве сырья применялись сильноожелезненные (красные) легкоплавкие глины, не требовавшие высоких температур (более 600 °С) для достижения спекания. Горшки из таких глин можно было обжигать в обычных бытовых печах. Однако ожелезненные глины обладали невысокой пластичностью, и для улучшения их свойств в них добавляли дробленый камень (дресву), что делало поверхность сосудов грубой, шершавой. Различия между севернорусским и южнорусским гончарством, таким образом, были весьма заметными как в технологии, так и во внешнем виде (цвете) керамики. При этом по формам сосудов различия прослеживаются лишь в мелких деталях. Доминирующей формой посуды (более 90 % изделий) был горшок, кроме того, изготавливались крышки для горшков, миски, плошки, стопки, кувшины, крупные корчаги для хранения жидкостей и припасов. Внешний вид горшков варьировал в довольно узких пределах: они различались лишь размерами и деталями оформления края. К XII в. сформировались основные общедревнерусские типы кухонной посуды (горшков). В Киеве с XI в. делали глазурованную светлоглиняную посуду, секрет производства которой был получен от византийских мастеров, приезжавших на

Русь для выполнения государственных заказов на строительство и отделку церквей.

Начало стеклоделия на Руси связано с теми же греческими мастерами, переселившимися или долго проживавшими в Киеве. До сих пор нет полной ясности, существовало ли на Руси собственное стекловарение, однако отсутствие явных следов такого производства (больших объемов хальмозы, невыработанного стекла, бракованных изделий и проч.) заставляет пока с осторожностью относиться к подобным гипотезам, опиравшимся, прежде всего, на своеобразие морфологии и химического состава стеклянных изделий, получивших распространение на Руси (бусы, браслеты, перстни, столовая посуда и лампады). При этом нет сомнений, что в Киеве (а возможно, и в других городах Руси) в XII в. велась обработка стекла, привозившегося сюда в готовом виде. Наиболее популярными изделиями из стекла в рассматриваемое время являлись браслеты. Однако в сельских районах они были все же редкостью и стали распространяться там преимущественно в первой трети XIII в. Постепенно мода на стеклянные бусы проходила, и масштабы их производства сокращались.

Обработка стекла была для своего времени производством высокотехнологичным: оно требовало разогрева стекла в горне до температуры свыше 500 °С, специальных инструментов и особых навыков, наработанных многолетним опытом. Особенно сложной была работа по выдуванию сосудов. К сожалению, ни один из стеклодельных горнов, требовавших искусственного поддува воздуха, до сих пор не изучен детально.

Обработка кости и рога домашних и диких животных составляла одно из важных ремесел, которое развивалось как в домашних хозяйствах, так и в специализированных мастерских. Именно в последних производились гребни, декоративные накладки и булавки. Инструментами косторезов были железные пилы, ножи, сверла, напильники. Некоторые костяные предметы обрабатывали на токарном станке. Часто косторезное ремесло совмещалось с ювелирным.

О социальной организации древнерусских ремесленников известно очень мало. Как отдельный класс они в источниках вообще не фигурируют, и можно предположить, что ремесленники образовывали единую категорию населения вместе с мелкими торговцами, к которой в домонгольское время применялось общее понятие — «купцы». Уже в домонгольское время возникали, по-видимому, купеческие объединения, самым известным из которых стало Иванское купечество в Новгороде, наделенное рядом полномочий и привилегий[58].

Существовало и сельское ремесло. В ходе археологических раскопок селищ уже в слоях IX—X вв. обнаружены производственные комплексы, связанные даже с изготовлением ювелирных изделий[59]. Так же обстояло дело и в позднейшее время. Например, археологические находки на селищах Рязанской земли позволили сделать вывод о том, что в X—XIII вв. железоделательное ремесло было распространено там не только в городах, но и в селах[60]. Однако продукция сельского ремесла в целом существенно уступала по качеству городской[61].

Еще одним центром развития ремесла были монастыри, где уже в XI в. существо-

[58] *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII—XIII вв. // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 66—79; *Он же.* О положении «Иванского купечества» в Новгороде домонгольского времени // НИС. Вып. 12 (22). М.; СПб., 2011. С. 34—36; *Лукин П. В.* Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 189—191.

[59] *Макаров Н. А.* Археологические древности как источник знаний о ранней Руси. С. 85.

[60] *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 269.

[61] См.: *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953. С. 188—194. (МИА; № 32).

вали, например, мастерские, специализировавшиеся на таком сложном производстве, как шитье по шелку, который ввозился из стран Востока[62].

По оценкам специалистов, эволюцию ремесла домонгольской эпохи можно разделить на два этапа. Для первого (до 1120—1130-х гг.) характерна высокая техника производства при ограниченном количестве продукции; для второго — резкое расширение ассортимента продукции и широкая специализация при упрощении технологических операций. Монголо-татарское нашествие прервало естественное, поступательное развитие древнерусского ремесла[63]. С другой стороны, степень его развития не следует преувеличивать. Значительная часть сырья и ремесленной продукции импортировалась.

Военное дело средневековой Руси предусматривало как систему организации обороны, так и наступательную стратегию. Оборона опиралась на укрепленные древо-земляными стенами города (см. выше), вокруг которых расселялись княжеские дружинники, составлявшие основу войска. Воины имели и защитное, и наступательное вооружение. Защитное вооружение («броня») включало средства защиты головы (железный шлем), тела — кольчугу или панцирный доспех (пластинчатый или чешуйчатый, состоявший из железных пластин, имевших подвижное соединение), наручи и щит (деревянный, с железными деталями). Основное наступательное вооружение состояло из копья, меча, боевого топора, лука со стрелами. Дополнительно могли использоваться такие виды вооружения, как кистень, длинный боевой нож, булава. Снаряжение конного воина включало также стремена, шпоры, плеть, а его конь снабжался уздой с железными удилами, седлом и соответствующей ременной упряжью, украшенной бронзовыми накладками. В зимнее время копыта лошадей подковывались железными ледоходными шипами. Вооружение русских войск XI — первой половины XIII в. не уступало по своим характеристикам ни европейскому, ни степному, используя достижения своих соседей и противников.

В XI в. христианство было принято населением всех городов Руси и постепенно, но неуклонно проникало в сельские местности, а в XII в. в целом стало главной религиозной системой во всех частях страны. В каждом городе и даже в некоторых крупных селах строились церкви, в крупнейших городах или рядом с ними возникали монастыри, широко распространялась христианская символика. В то же время языческое наследие пропитывало всю жизнь русских христиан: они погребали своих мертвых в соответствии с требованиями православия — в могильных ямах, головой на запад, однако эти захоронения совершались вместе с украшениями, орудиями труда и заупокойной пищей, то есть по старым языческим нормам. Языческие верования сохранялись и в бытовой обрядовой практике. Несколько ниже влияние языческого наследия было в городах, в большей степени затронутых христианизацией, чем сельская округа.

Зримым воплощением христианского вероисповедания древнерусского населения стало распространение крестов-тельников, наперсных крестов-энколпионов, нагрудных иконок (включая иконки-змеевики), проникновение православной символики в декор ювелирных изделий (крестовключенные лунницы, подвески-«бармы» с крестами и т. п.). В археологических культурных слоях известны многочисленные кресты-тельники из разнообразных сплавов цветных металлов, камня, янтаря,

[62] *Kublo E. K.* The Production of Textiles in Novgorod from the 10th to the 14th Centuries // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relations. P. 241.

[63] *Колчин Б. А.* Ремесло // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 243—244.

керамики, рога. Вероятно, существовали тельники и из органических материалов (дерева и кожи), не сохраняющихся в земле. Другими свидетельствами христианизации сознания населения Руси являются каменные намогильные и памятные кресты, особенно широко распространившиеся на северо-западе (Новгородская земля). Христианская идентичность проявлялась и через распространение грамотности, овладение кириллической письменностью, поскольку обучение ей осуществлялось через запоминание священных текстов[64]. О широком распространении грамотности на Руси к началу XIII в. свидетельствуют не только граффити на стенах церквей, но и появление читаемых надписей на бытовых предметах — рукоятях ножей и стенках глиняных горшков, причем такие вещи известны как в крупных столичных городах, где априори большое число грамотных людей, так и в «малых» городах и на сельских поселениях. Надписи на горшках (рис. 1) могли выполнять сами гончары[65].

Археологически читаемые следы жизни людей Руси XI—XIII вв. представлены массовыми находками, в числе которых преобладают, конечно, не предметы вооружения или религиозного культа, а бытовые вещи повседневного использования. При этом 9/10 таких находок — это кухонная керамика (обломки горшков и другой посуды), поскольку хрупкие сосуды имели небольшой срок службы (в среднем около пяти лет). Наряду с керамикой массово встречаются на поселениях любого ранга железные изделия (ножи, шилья, иглы, гвозди, скобы, а также различные заготовки). Гораздо реже обнаруживаются крупные и технически сложные изделия из железа — топоры, пешни, замки, ключи, равно как специализированный инструментарий (токарные резцы, сверла, медорезки, пробойники, молотки) и орудия сельскохозяйственного труда (сошники, косы, серпы, оковки деревянных лопат и др.). Таким образом, изделия из железа были широко распространены в быту русских людей того времени. Не являются очень редкими находками также обломки (и даже целые экземпляры) височных колец, перстней, браслетов, что свидетельствует о распространении украшений из цветных металлов в быту древнерусского населения (рис. 2). Еще более часто встречаются в культурных слоях отдельные (утерянные) стеклянные бусины, а во второй половине XII — первой половине XIII в. — обломки стеклянных браслетов. На поселениях с «мокрым» культурным слоем массово встречаются изделия из дерева — начиная от деталей средств передвижения (лодок, саней, повозок, лыж и т. п.) и заканчивая деталями бочек, кадок, столовой посудой, черпаками, ложками, детскими игрушками и мелкими приспособлениями (поплавки, рукояти, счетные бирки и т. п.). Значительно реже встречаются в культурных слоях изделия из текстиля, кожи, лыка и других органических материалов, а также камня. Совершенно очевидно, что быт древнерусского населения в XI—XIII вв. был насыщен всевозможными вещами, изготовленными из самых разных материалов, среди которых преобладали предметы из дерева, керамики и железа, однако немало было вещей и из других материалов. Многие из них были богато украшены резьбой, гравировкой, вышивкой, инкрустацией и иными методами орнаментации и раскраски.

Большое значение в жизни Руси играла торговля. Важнейшими торговыми путями были «путь из варяг в греки» (из Скандинавии в Византию), шедший через территорию Руси; Волжский торговый путь, соеди-

[64] *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XII века. М., 2000.

[65] *Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев А. А.* Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // Российская археология. 2013. № 3. С. 134—145.

Рис. 2. Височные кольца восточных славян XI—XIII вв. (по: Седова М. В., 1997. Табл. 51)

нявший Русь с Волжской Булгарией и далее со странами Востока; трансъевропейский торговый путь, частью которого был маршрут из Среднего Поднепровья в южноне-мецкое Подунавье; позднее — Балтийский торговый путь, связывавший Русь с городами Поморья и Северной Германии[66]. В организации международной торговли при-

[66] *Даркевич В. П.* Международные связи // Древняя Русь: Город, замок, село. С. 387—399; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 71—112.

нимали, вероятно, активное участие киевские князья. Договор князя Игоря с Византией 944 г., который, в частности, посвящен условиям торговли русских купцов в Константинополе, заключили от имени Руси не только «сълы» (послы), но и «гостье» (купцы, занимавшиеся крупными торговыми операциями). При этом подавляющее большинство перечисленных в договоре представителей Руси носят скандинавские имена. А это означает, что они принадлежали к окружению князя, к дружинной элите[67]. В X в., таким образом, на внешних рынках реализовывались товары, собранные князьями и дружиной в виде даней с восточнославянских и финских «племен». Позднее торговля принимает уже более «регулярный» характер, и формируется слой профессионального купечества. Надежным свидетельством этого является Пространная редакция Русской Правды (XII в.). В статье «Аже которыи купець истопиться» идет речь об ответственности купцов, которые отправляются торговать «съ чюжими кунами» (то есть взяв у кого-то деньги)[68].

Ключевую роль в торговых связях на Балтийском море в X—XII вв. играл остров Готланд[69]. Первоначально хозяевами там были скандинавские купцы. Именно они во второй половине XI в. основали древнейшее представительство иноземного купечества в Новгороде — Готский двор[70]. В этот период новгородские купцы, судя по некоторым — впрочем, весьма отрывочным — данным, также активно участвовали в торговле на Балтике. Одно из таких свидетельств сохранилось в новгородской летописи. В 1130 г., когда новгородские купцы шли домой «и-замория, съ Готъ», затонуло семь ладей, груженных товаром. Тогда же еще одна торговая экспедиция — в Данию — вернулась без всяких проблем[71]. За этими скупыми словами несомненно стоит целая картина развитых коммерческих связей на Балтике, в которую Новгород был вовлечен еще в доганзейское время.

Исключительное значение в истории древнерусской торговли имело основание в конце XII в. Немецкого торгового двора в Новгороде (двора св. Петра). Новгород стал впоследствии местом дислокации одной из четырех ганзейских «контор» (наряду с Лондоном, Брюгге и Бергеном) и важнейшим торговым партнером Ганзы.

Первоначально главным русским экспортным товаром Руси была, вероятно, пушнина, которая очень высоко ценилась на международном рынке. Согласно данным археологических раскопок, на севере Руси существовали поселения, специализировавшиеся преимущественно на охоте на пушного зверя, добыча которого была ориентирована на экспорт: сначала в большей степени на Восток, потом — на Запад. Выяснилось также, что в X—XII вв. добытая населением севернорусских сел лесной зоны пушнина отнюдь не в полном объеме изымалась знатью: и само население получало значительные доходы от сбыта этого товара. Об этом свидетельствует наличие

---

[67] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46—53.

[68] Правда Русская. Т. 1. С. 110, 129—130.

[69] См. подробнее: *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009. С. 35—40.

[70] Готский двор впервые прямо упоминается в проекте договора Новгорода с немецкими торговыми городами 1268 г. (Hansisches Urkundenbuch. Bd. 1. Halle, 1876. Nr. 663. S. 229—233), но есть косвенные данные о существовании скандинавского торгового двора в Новгороде в более раннее время: *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. Гл. 3. [№] 7.29. С. 338—339; *Zilmer K.* 'He drowned in Holm'r Sea — His Cargo-Ship Drifted to the Sea-Bottom Only Three Came out Alive': Records and Representations of Baltic Traffic in the Viking Age and the Early Middle Ages in Early Nordic Sources. Tartu, 2005. P. 161—162. (Dissertationes Philologiae Scandinavicae Universitatis Tartuensis. 1; Nordistica Tartuensia. 12).

[71] ПСРЛ. Т. 3. С. 22.

там импортной продукции[72]. В одном из рассказов древнеисландского сочинения «Книга о заселении» (Landnámabók), в основе которого лежит текст, датирующийся, по-видимому, временем около 1130 г., упоминается купец Бьёрн. Согласно наиболее ранней редакции «Книги о заселении» Стурлы Тордарсона (Sturlubók), он «звался Меховой Бьёрн, потому что был купцом, торгующим в Новгороде (Hólmgardsfari)»[73]. Наличие специального термина для обозначения скандинавских купцов, ведущих торговлю с Новгородом, свидетельствует о существовании стабильных торговых контактов (этот термин встречается и в некоторых других сагах[74]). Прозвище же Бьёрна показывает, что товаром была пушнина.

Данные о продаже русскими купцами воска в Баварском Подунавье содержатся уже в таком раннем источнике, как Раффельштеттенский таможенный устав (начало X в.)[75]. Впоследствии воск стал одним из главных (наряду с пушниной) экспортных товаров Новгорода. Экспортировались и другие товары. Например, овручские шиферные пряслица не только распространялись по разным землям Руси, но и вывозились в Польшу, Крым, Волжскую Булгарию[76].

Импортировались все цветные и драгоценные металлы (в том числе в виде дорогих украшений), ткани (восточные и византийские шелка), престижные продукты питания: виноградное вино, оливковое масло. Последние идентифицированы по массовым находкам византийских амфор, предназначенных именно для перевозки таких продуктов. Разновидностями предметов роскоши выступали также сосуды из драгоценных металлов, бронзы и глазурованной керамики, ввозившиеся из стран Европы, Востока и Византии. Отдельной статьей внешней торговли было зерно, ввозившееся в неурожайные годы из Волжской Булгарии по Волжскому пути. Речные пути (Волжский, Днепровский, Донской) и морская дальняя торговля по Балтийскому и Черному морям были главными каналами ввоза и вывоза товаров, однако постепенно развивались и сухопутные (широтные) пути, пролегавшие через территорию Польши и Венгрии. Существование этих путей маркируется высокой концентрацией импортов и свинцовых пломб с различными изображениями, которые могли использоваться для удостоверения качества и полноты партий товаров. Такие пломбы имеют широкую географию, но большинство их находок концентрируется в крупных городах, а также в пограничных пунктах (одним из них был город Дрогичин на западных рубежах Руси). На сегодняшний день зарегистрировано уже около 30 000 подобных пломб[77], являющихся ярким свидетельством экономической и торговой жизни Руси в XII в.

Главным контрагентом внешней торговли выступала аристократия (князья и члены их дружин), вторым крупным импортером была Церковь, нуждавшаяся в книгах, богослужебных сосудах, вине для причастия и масле для лампад. Однако и самые широкие слои населения также являлись потребителями предметов дальнего импорта: стеклянных и каменных (сердолик, горный хрусталь, янтарь) бус византийского

---

[72] *Makarov N. A.* The Fur Trade in the Economy of the Northern Borderlands of Medieval Russia. P. 387, 388.

[73] Íslendingabók. Landnámabók / Gaf út Jacob Benediktsson. Síðari hluti. (Íslenzk fornrit; [Bd.] I B). Reykjavík, 1968. S. 212.

[74] Подробнее об этом см.: *Джаксон Т. Н.* Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 94, 98—99.

[75] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 33.

[76] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. С. 469—471.

[77] *Гайдуков П. Г.* О распространении и датировке древнерусских товарных пломб. (В печати).

и ближневосточного производства, тканей (отделка воротников, шапок, налобные венчики), украшений, изготовленных из привозных цветных металлов или серебра.

Таким образом, торговые отношения Руси с соседями непрерывно развивались. При этом происходили структурные изменения в направлениях внешней торговли. Если в предшествующий период главным таким направлением было восточное, то с XI в. происходила постепенная переориентация на южные (с Византией) и западные (со странами Западной Европы) связи. Эти связи документированы многочисленными находками иноземных вещей в культурных слоях и погребениях.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что о «натуральном» хозяйстве в Древней Руси можно говорить только со значительной долей условности. Так, археологические находки в Новгороде показывают, что изобилие рыбы в бассейне Ильменя не препятствовало импорту отсутствовавших там видов, например угря или трески. Наличие своей лещины не мешало закупать за границей грецкий орех и, вероятно, миндаль. Несмотря на видовое изобилие древесины, гребни в Новгороде предпочитали делать из привезенного с Кавказа самшита[78]. Требует оговорок и устойчивое представление, что для Руси с самого начала ее существования был характерен «низкий объем совокупного прибавочного продукта»[79]. Такая интерпретация не учитывает ни данных о том, что X—XIII вв. были периодом средневекового климатического оптимума[80], ни того, что центр экономической жизни Руси находился тогда на юге, с его относительно мягким климатом и плодородными почвами. Впрочем, многие аспекты древнерусской хозяйственной практики остаются еще недостаточно исследованными.

Налоговая и денежная системы

Важным фактором и показателем экономического развития средневековых государств является развитие налоговой и денежной систем. И о той и о другой древнерусские источники домонгольской эпохи дают некоторые сведения, однако они разрозненны, часто случайны и отрывочны, в связи с чем слабо исследованы, а в их интерпретации остается много дискуссионных и неясных моментов. Но значение налогов и денежного обращения в обществе и государстве было велико, и обобщение соответствующих данных представляется необходимым, хотя надо оговориться, что нижеследующие утверждения в некоторых пунктах (особенно в части о деньгах) не могут считаться бесспорными.

Ранние государственные образования (политии), в том числе и в средневековой Европе, иногда называются «трибутарными»: от латинского слова tributum — «дань». В этих образованиях главным символом и в то же время материальным выражением господства был налог (дань), то есть право на изъятие части доходов населения в пользу некоего лица или группы лиц. Древнейшие данные о Руси IX—XI вв. позволяют поставить ее в ряд такого рода политий. В начальном летописании интерес к данническим отношениям ясно выражен и нередко

[78] *Maltby M.* From Alces to Zander: A Summary of the Zooarchaeological Evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino. P. 378; *Monk M., Johnston P.* Perspectives on Non-wood Plants in the Sampled Assemblage from the Troitsky Excavations of Medieval Novgorod. P. 311—312; *Колчин Б. А.* Ремесло. С. 255.

[79] *Милов Л. В.* Предисловие // История России с древнейших времен до начала XXI века / Под ред. Л. В. Милова. М., 2005. С. 9—10.

[80] *Монин А. С., Шишков Ю. А.* История климата. Л., 1979.

упоминается о тех или иных данях в пользу руси. Цепь таких упоминаний прослеживается в летописи с первых сообщений о руси до конца X в., а эпизодически и позднее[81].

Трудно судить, насколько регулярными были сборы дани в древнейшее время, и, возможно, — по крайней мере, в каких-то случаях — дань правильнее рассматривать в контексте межэтнических/«племенных» отношений и сближать с «корыстью» (добычей) и «окупом» (контрибуцией с побежденных)[82]. Но уже в X в. дань выступает как налог в рамках пусть элементарной, но устоявшейся системы социально-политических отношений: она поступает с населения разного происхождения, признавшего власть *руси*, в пользу элиты «раннего государства» — князей и бояр.

Летописные сообщения указывают на единицы обложения данью: «от мужа», «от дыма» и «от рала» (или «от плуга»). Эти единицы приблизительно соответствовали друг другу. В сущности, речь шла об одном хозяйстве во главе с «ответственным налогоплательщиком» (домохозяином — pater familiae)[83]. Примерно равны были и ставки дани[84]. Например, в двух известиях древнейшего летописания говорится 1) о сборе варягами, «призванными» в Новгород, с местного населения «по белеи веверици» и 2) о сборе с древлян киевскими князьями по «черне куне». В обоих случаях фигурирует один «тариф» — с одного домохозяйства по одной шкурке меха, приблизительно равной по стоимости: горностая и лесной куницы соответственно[85]. Очевидно, «данническое» подчинение народов севера (Новгород) и юга (Киев) одной династии «русьских» князей осуществлялось по одним принципам.

Из арабских источников известна стоимость куньего меха в Восточной Европе в X—XI вв. — 2—2,5 дирхема за шкурку. Выходит, что ставка дани со словен и древлян в пользу варяжских/русских князей составляла около 4—7 граммов серебра. Это относительно немного. В других европейских регионах норма аналогичных даней-налогов составляла обычно шиллинг (солид), равнявшийся 12 денариям, то есть 10—18 граммам серебра (вес денария был непостоянен в Западной Европе в X—XII вв.). Такие дани требовали, например, норманны в X—XI вв., а также немцы с покоренных полабских славян в середине XII в.

Вопрос о том, как именно собиралась дань, связан с *полюдьем*. В литературе встречаются разные мнения о том, что оно собой представляло. Ключевыми в дискуссии являются известный рассказ византийского императора Константина Багрянородного в гл. 9 трактата «Об управлении империей» (около 950 г.) и летописный рассказ о древлянской дани князя Игоря (в летописи под 945 г.)[86]. Константин, приводя само славянское слово «полюдие» и переводя его

---

[81] См.: *Свердлов М. Б.* Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 144—150.

[82] На этом делает акцент, например, И. Я. Фроянов: *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб., 1996.

[83] *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 147; *Каштанов С. М.* Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 59—61.

[84] См.: *Стефанович П. С.* О дани в «трибутарном» государстве руси в X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: Возникновение государств: Материалы конференции. М., 2012. С. 260—267.

[85] Ср.: *Стефанович П. С.* Как правильно читать: «по белеи веверици» или «по беле и веверици»? // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2011. С. 12—16.

[86] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 50—51; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 109—112; ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 54—57.

как «кружение», писал, что «росы» во главе со своими «архонтами» обходят подчиненные «славинии» с ноября по апрель, «кормясь там в течение всей зимы». В летописи явно имеется в виду такой же осенне-зимний объезд «росов» во главе с их «архонтом» (киевским князем Игорем) подчиненной им «славинии» (древлян), но акцент сделан на сборе дани, который происходил во время этого объезда. Современные исследования показывают, что полюдье X в. было «полифункциональным» институтом, который соединял в себе и прокормление, и сбор дани, а вероятно, и другие действия (суд и проч.), и что в домонгольское время оно было распространено практически повсеместно в зоне расселения восточных славян[87].

Вместе с тем уже в эту эпоху полюдье претерпевает эволюцию, которая отражает усложнение и дифференциацию налоговой системы. Данные XII — начала XIII в. свидетельствуют о том, что в некоторых регионах оно сохранялось в виде поездок князя и его окружения по подчиненной ему территории. Например, во Владимиро-Суздальской земле полюдье упоминается как поездка князя по разным городам земли не только ради сбора дани и суда, но вообще ради «расправы» в широком смысле слова (так, Юрий Долгорукий, будучи в 1154 г. в полюдье, заложил город Дмитров[88]). Однако эти поездки в полюдье князей по сравнению с серединой X в. теряют строго сезонный характер и получают большее значение в плане управления и коммуникации властной элиты и местных общин.

В других, экономически более развитых, регионах Руси полюдье превратилось в один определенный налог, который мог передаваться князем другим лицам или институтам. В таком смысле о полюдье говорится в грамоте князя Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. на волость Буйцы и в уставной грамоте Ростислава Смоленской епископии 1136 г.[89] Этот налог — фиксированная плата в пользу князя (фактически откуп) вместо тех расходов, которые местное общество должно было бы нести во время княжеского объезда. Он предоставлялся в денежном виде (например, с волости Буйцы он составлял 25 гривен ежегодно), заменив выдачи продуктов (коммутация). Такое полюдье в виде налога сохранялось и в более позднее время: о нем известно по документам конца XV — середины XVI в., происходящим из русских земель Великого княжества Литовского. В Северо-Восточной Руси полюдье исчезло, что было связано, по-видимому, с введением новых налогов монголами.

Превращению полюдья в один налог соответствует другая тенденция — сбор налогов осуществляется не всей элитой (как в древнем полюдье-объезде), а ее отдельными представителями, которые выступают как княжеские агенты. Налоги, причитавшиеся князю как правителю, население передает его посадникам в городах или уполномоченным им лицам — даньщикам, вирникам, осьменикам и т. п. (см. ниже о вирах и осьмничем). Характерным примером может служить рассказ о сборе дани в Ростовской земле киевским боярином Янем Вышатичем в начале 1070-х гг.[90] Содержание княжеских агентов во время исполнения ими служебных обязанностей возлагалось на население, что следует и из этого рассказа, и из других источников (см., например, указание на нормы содержания вирника в специальном уставе в составе Русской Правды).

---

[87] *Стефанович П. С.* История полюдья в средневековой Руси (X—XVI вв.) // Российская история. 2017. № 6. С. 3—13.

[88] ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 102.

[89] ГВНП. М.; Л., 1949. № 81. С. 140—141; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 141—143.

[90] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174—178.

В XI — начале XIII в. известия о дани скудные и неясные. Отчасти это связано с многозначностью термина: данью могли называть не только собственно налог с населения, но и вообще все сборы в казну, и часто из кратких упоминаний летописи или других источников трудно понять, о чем именно идет речь. Отчасти дело, видимо, еще в том, что значение дани как прямого налога (в узком смысле слова) уменьшилось. Большая часть населения была от нее освобождена — по крайней мере, знать и духовенство, а также холопы. Вероятно, дань в княжескую казну не платили не только сами бояре, но и зависимые от них люди, в том числе те, которые трудились в их селах (вотчинах). Однозначных данных нет, но позднейшая практика и сравнительные аналогии заставляют думать, что частное землевладение, фиксируемое в источниках со второй трети XI в., было защищено в той или иной степени податным иммунитетом. По-видимому, прямых налогов не платило и население крупнейших (стольных) городов. Во всяком случае в уставной грамоте Ростислава 1136 г. говорится о поступлениях дани (или вместо нее — полюдья) со всех городов Смоленской земли, кроме самого Смоленска.

Тем не менее общие объемы налоговых сборов (дани в широком смысле слова) были довольно значительными. Это может объясняться тем, что потери от сбора прямых налогов компенсировались косвенными. В той же смоленской грамоте указываются суммы церковной десятины от княжеской дани по тем или иным поселениям, и по ним можно вычислить, что дань со всей земли составляла более 3 тыс. гривен ежегодно. Хотя гривны имеются в виду не серебряные (см. ниже), сумма была немалой — на эти деньги можно было содержать несколько десятков и даже более сотни воинов.

В документах XII в., где по тому или иному поводу речь заходит о налогах (как, например, в упомянутых княжеских жалованных грамотах), вместе с данью как прямым налогом обычно упоминаются косвенные налоги — торговые пошлины, а также судебные штрафы и пошлины[91]. Среди торговых пошлин в домонгольское время фиксируются мытное (обычная пошлина с товара), осьмничее (с сыпучих товаров), а также сборы при измерении (взвешивании) разного рода товаров (серебра, воска, меда, соли, тканей и проч.) и клеймении лошадей (пятно)[92]. К торговым пошлинам примыкают налог с содержания корчем (упоминается в Уставной грамоте Ростислава Смоленской епископии) и сбор с запечатывания «кожаных денег» (см. ниже).

Для княжеской казны большое значение имели судебные штрафы, особенно штрафы за убийство — виры, которые могли представлять собой крупные суммы (максимальная вира, установленная в Русской Правде, — 80 гривен). В древнейшее время виры являлись компенсацией за убийство, которая шла в пользу родственников или покровителей-хозяев убитого (как, например, за холопа его господину). Князь изначально мог рассчитывать на компенсацию за убитых людей, находившихся под его покровительством. Но распространение принципов публичного права и всеобщей юрисдикции вместе с представлениями о княжеском верховном правосудии (с опорой на хри-

[91] Ср.: *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К.* История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006. С. 11—16.

[92] См., например, перечисление и описание «торговых всех весов и мерил» в новгородских памятниках конца XIII в., которые отражают практику, сложившуюся еще в домонгольское время, — «Уставе великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых» и «Рукописании князя Всеволода»: Российское законодательство X—XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 251—252, 263.

стианские политические теории[93]) привело к тому, что в XII в. в княжескую казну уже шли все виры, которые фактически превратились в публично-правовые штрафы (компенсация родственникам выплачивалась отдельно).

Такие же выплаты-штрафы за иные, кроме убийства, уголовные преступления назывались продажами. Продажи могли быть гораздо больше компенсаций, которые виновник должен был заплатить потерпевшему. Например, согласно Пространной редакции Русской Правды, за несмертельный удар мечом с виновника бралась гривна компенсации и 3 гривны — продажи[94].

О вирах и продажах нередко упоминает летопись в рассказах о тех или иных народных волнениях и социальных конфликтах, передавая жалобы населения на эти сборы. Это говорит, с одной стороны, о возросшей роли судебных штрафов, а с другой — о возможности манипуляций ими и злоупотреблений со стороны княжеских чиновников, осуществлявших суд (тиунов, мечников, дворян, приставов и др.). Эти люди были заинтересованы не только в пополнении княжеской казны штрафами, но и в личном обогащении, потому что в их пользу шли судебные пошлины, то есть оплата их «услуг» как судей, следователей и исполнителей судебных решений.

Доходы, поступавшие с населения, князья делили не только со своими людьми (светской элитой), но и с духовенством (церковной элитой). В пользу митрополита и епархиальных архиереев поступала десятина с княжеской дани. Такой порядок предусматривали уже древнейшие церковные уставы князей Владимира и Ярослава. Но в пользу церкви шли также десятины от торговых и судебных пошлин[95].

В целом налоги и пошлины, собиравшиеся князьями Руси с подчиненного населения, складывались в определенную систему, которая эволюционировала в X—XIII вв. в зависимости от фундаментальных социально-экономических процессов. В X в. и, видимо, вплоть до начала — середины XI в. сбор первоначального элементарного налога — дани — крепил всю «трибутарную» систему господства. Позднее налоговая система усложняется: появляются и разные налоги, и разные механизмы их сборов, определяется система судебных сборов в пользу князя и его агентов (чиновников) и др. Это отражает эволюцию государства в развитые средневековые формы.

Особенностью денежного обращения в домонгольской Руси было почти полное отсутствие монеты собственной чеканки. На территории, подвластной русским князьям, не было источников драгоценных металлов. Монеты, которые чеканились в конце X — XI в. некоторыми князьями (Владимиром, Святополком и Ярославом) по зарубежным образцам, были малочисленны и выполняли, видимо, не столько экономическую, сколько представительную функцию (вклейка, рис. 28).

Период до середины XIV в. в литературе иногда называется «безмонетным»[96]. Это название нельзя признать удачным, потому что монета в обращении была, просто она была иностранной. Использовались арабские (куфические) дирхемы, оставшиеся от эпохи массового их завоза в Восточную Европу в VIII—X вв. (до истощения рудников Халифата), а также западноевропейские денарии (преимущественно германские пфенниги), широко ходившие на Руси в XI в. С рубежа XI—XII вв. монеты тоже привозили из-за рубежа, но их в основном перели-

[93] См.: *Стефанович П. С.* Летописное известие 6504 (996) г. о «казнях» и «вирах»: Попытка интерпретации // Исторический вестник. Т. 17 (167). М., 2016. С. 22—53.

[94] Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. С. 66.

[95] См.: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 90—123.

[96] С середины XIV в. князья Северо-Восточной Руси стали чеканить деньги.

вали в слитки. В кладах этого времени находят очень мало монет, зато сильно возрастает число слитков.

Эти слитки назывались на Руси гривнами, и, как следует из письменных источников и из данных археологии, приблизительно на рубеже XI—XII вв. они стали выполнять функции стоимости и обмена, как деньги. Слитки употреблялись издревле и не только на Руси (например, в соседней Волжской Булгарии). Но именно в XII в. они приобретают стандартизированные вид и вес. В XII в. на Руси было несколько типов слитков, из которых можно выделить два основных — «новгородские» и «киевские». Они различаются по форме (в виде палочек и в виде вытянутых шестиугольников) и, главное, по весу[97].

Шестиугольные киевские гривны весят около 160 граммов и ориентированы, видимо, на половину византийской литры (полфунта). Эти гривны имели компактную зону распространения — в районе Киева в Среднем Поднепровье. Период их хождения тоже ограничен: они выходят из употребления к началу XIII в. (вклейка, рис. 29). Новгородские гривны (в виде вытянутой палочки) весят около 200 граммов. Как считал Н. П. Бауер, они были ориентированы на скандинавскую марку весом в 196—197 граммов. Другие историки считают, что они отражали вес каролингского полуфунта, приближаясь к 204 граммам. Так или иначе их вес был связан с западным влиянием. Распространение новгородских гривен было широким и выходило за пределы собственно Новгородской земли. Во второй половине XII и в XIII в. даже те слитки, которые не имеют собственно новгородской формы палочек, ориентируются на тот же самый вес около 200 граммов (вклейка, рис. 30). Именно такой слиток в виде палочки в XIV в. стал называться рублем.

Очевидно, из-за удобства поддержания одной весовой нормы в торговле с североевропейскими партнерами и вследствие роста значения Новгорода к XIII в. на Руси распространяется одна весовая норма для слитков-денег. Это — показатель единого рынка на Руси. Слитки имели довольно высокую стоимость, то есть представляли собой платежные средства, призванные обслуживать крупные коммерческие операции. На некоторых слитках встречаются граффити и царапины, которые, возможно, свидетельствуют о том, что владельцы совершали с ними «банковские» операции вклада и заклада.

Количество серебра домонгольской эпохи значительно, и неудивительно, что уже в XIX в. некоторые историки стали объяснять всю древнерусскую денежную номенклатуру как набор единиц, отражавших тот или иной весовой объем серебра. Проблема состояла в том, что названия многих из этих единиц соответствуют мехам животных — например, бела или веверица (белка), куна (куница) и др. Опираясь на этот факт, другие историки считали, что в Древней Руси для обмена и как меру стоимости использовали звериные меха (шкурки), пользовавшиеся широким спросом на внутреннем и внешнем рынках, а монеты и весовой металл имели лишь накопительную и представительную (престижную) функции. Так возникла полемика «меховистов» и «металлистов», которая существует и поныне.

В 1920—1930-е гг. появились труды Н. П. Бауера, наиболее последовательно обосновавшего «металлическую» концепцию. Хотя его последняя обобщающая работа — докторская диссертация, подготовленная к защите в 1941 г., — была опубликована лишь спустя более 70 лет, наблюдения и выводы, сделанные в ней, укоренились в науке во многом благодаря тому, что их

[97] См.: *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем. IX в. — 1535 г. / Под ред. П. Г. Гайдукова. М., 2014. С. 240—296.

развил В. Л. Янин[98]. С выходом в свет работ В. Л. Янина и некоторых других исследователей, следовавших Н. П. Бауеру, казалось, победили «металлисты». Но в то же время во второй половине XX в. были введены в научный оборот некоторые данные, которые заставили вспомнить доводы «меховистов»[99].

На сегодняшний день ясно, что оба подхода описывают какую-то часть действительных явлений, но каждый из них недостаточен для описания всех норм, правил и механизмов, использовавшихся в средневековой Руси для выражения стоимости и платежей. Данные археологии и нумизматики не позволяют отрицать роль серебра как основной «стандартной» меры ценности для определения стоимости и расчетов в Восточной Европе с самого зарождения Древнерусского государства в IX в. и до позднего Средневековья. Вместе с тем целый ряд других данных говорит о том, что платежными средствами в средневековой Руси выступали не только серебро, но и меха, а также, что наиболее интересно, стертые меховые шкурки, которые сами по себе не имели никакой ценности. О том, использовались ли эти шкурки как деньги и если да, то как именно, историки давно спорили (называя их условно «кожаными деньгами»), но в середине XX в. был опубликован текст, который позволил отмести все сомнения на этот счет и прояснил многие детали.

Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати побывал на Руси в 1150—1153 гг. и оставил в записках о путешествии такое описание торговых расчетов: «Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее *джукн* (какое древнерусское слово имеется в виду, неясно. — *П. С.*). И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине. На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за *хаббу* (мельчайшая мера веса. — *П. С.*) и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают»[100].

Из рассказа (в достоверности которого нет никаких причин сомневаться) следует, что в середине XII в. население Руси использовало стертые меховые шкурки как своего рода банкноты. Собственной ценности они не имели, но их платежеспособность была обеспечена государственной

[98] См. переиздание его работы: *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

[99] Ср., например: *Свердлов М. Б.* К вопросу о денежном обращении у восточных славян в X—XII вв. (по мусульманским источникам) // Вестник ЛГУ. Сер. экономики, философии и права. 1965. Вып. 1. № 5. С. 132—136; *Он же.* Деньги и денежное обращение // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 78—84.

[100] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 35—36.

властью: люди приносили шкурки специальным чиновникам, и те за некоторую плату запечатывали определенное их количество княжескими печатями, делая из них общепринятый денежный знак.

К сожалению, пока не совсем ясно, как именно соотносились и пересчитывались разные «валюты», ходившие на Руси: 1) серебро в разном виде — в слитках, в монетах, ломом и т. д.; 2) меха — тоже весьма разнообразные; 3) шкурки-ассигнации, «печатавшиеся», по-видимому, в разных землях разными князьями (а значит, вероятно, и по разному «курсу»). Нет также общепризнанного понимания тех или иных конкретных денежных единиц — гривны, куны, ногаты, резаны и др., которые, по всей видимости, тоже эволюционировали и могли менять смысл в зависимости от действия разных факторов (экономических, политических и проч.).

Так, например, совершенно очевидно, что в XII в. меняет смысл основное понятие древнерусской денежной системы — гривна[101]. В XI в. гривна предстает как счетное понятие, объединявшее счет по серебряным монетам (ногатам-дирхемам и резанам-денариям) и куньим шкуркам (кунам)[102]. Но с конца XI в. в источниках появляются упоминания гривны с теми или иными пояснениями и дополнениями: сначала «гривна золота» и «гривна серебра», а потом и иные — «гривны кун», «гривны новых кун», «гривны драниц», «гривны коротких мордок», «гривны золотников» и др. Несомненно, речь идет о разных платежных средствах и разных стоимостях. И по всей видимости, такое разнообразие обозначений во многом связано как раз с указанными явлениями XII в.: распространением стандартизированных серебряных слитков и появлением условных денежных знаков (шкурок-ассигнаций). Причины обоих этих явлений коренятся в конечном счете в интенсивном развитии экономики, которая нуждается в деньгах, но ограничена дефицитом общепринятых в ту эпоху форм денег (металлических).

Таким образом, как бы ни решались те или иные отдельные вопросы истории денежной системы домонгольской Руси, ясно, что эта система в том виде, как она сложилась в XII в., была довольно сложна и своеобразна на фоне средневековой Европы. Ее специфика определялась особыми историко-экономическими условиями: с одной стороны, отсутствием собственных источников благородных и цветных металлов, а с другой — экономическим подъемом и интенсивным развитием внешнеэкономических связей в XII в.

* * *

Итак, и денежная, и налоговая системы эволюционировали на протяжении истории Руси с IX до начала XIII в. Решающим фактором в переменах и трансформациях было развитие экономики, хотя, разумеется, то или иное влияние оказывали политические, социальные и другие факторы.

Согласно современным исследованиям, в IX—X вв. экономика соответствовала такому этапу развития политических отношений, который называют «ранним государством»[103]. Главной чертой этой экономики

---

[101] См.: *Стефанович П. С.* Гривна как денежная единица: К спору «меховистов» и «металлистов» // Российский рубль. 700 лет истории: Материалы международной научной конференции. Великий Новгород, 25—27 апреля 2016 г. Великий Новгород, 2017. С. 19—24. Ср. о гривнах и денежном счете: *Гиппиус А. А.* Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории: Материалы международной научной конференции. Великий Новгород, 25—27 апреля 2016 г. С. 25—36.

[102] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 147 и след.

[103] *Мельникова Е. А.* Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны // ДГВЕ. 2015. М., 2017. С. 390—440.

был глубокий разрыв между производящим хозяйством (преимущественно сельским), которое вело большинство автохтонного населения Восточной Европы, и военно-торговой деятельностью, которой была занята элита и которая обеспечивала ей материальные ценности, особенно связанные со статусом и престижем. Взаимодействие этих «двух самостоятельных экономических систем» сводилось, в сущности, к сбору даней и пошлин в пользу элиты[104].

К XII в. ситуация принципиальным образом изменилась. Указанный разрыв был если не ликвидирован, то, во всяком случае, сильно сглажен, переродившись в дихотомию городской и сельской экономики, свойственную развитым обществам. Дань и полюдье превратились в отдельные налоги и вместе с рядом косвенных налогов и пошлин составили налоговую систему в собственном смысле слова с ясно выраженной тенденцией к монетизации сборов. В сфере денежного обращения мы видим, что интенсификация торговли и рыночных отношений привела, в условиях нехватки металла (прежде всего серебра), к появлению «кожаных ассигнаций». В целом в предмонгольское время экономика переживала подъем и рост, причем все земли Руси развивались более или менее в одном ритме и направлении и были объединены в одно пространство, на котором функционировали единые принципы и механизмы налоговой и денежной систем.

Территория и города

Определение границ Древнерусского государства, особенно в ранний период его существования, представляет значительные трудности. Полного описания таких границ не сохранилось, хотя они несомненно были. Об этом можно судить на основании отдельных фактов, свидетельствующих о существовании рубежей между владениями различных князей. Наиболее яркий из таких фактов описан в летописи под 975 г. Князь Олег Святославич, правивший в земле древлян, устроил охоту в своем лесу. Одновременно здесь оказался другой охотник — сын одного из главных киевских воевод Лют Свенельдич. Князь Олег расценил действия Люта, преступившего границу его владений, как покушение на свою собственность и убил сына известного воеводы. Последовала крупномасштабная война, которая в конце концов привела к власти Владимира Святославича, будущего крестителя Руси.

Однако такие данные о древних границах редки и носят локальный характер. Общего представления о размере территории они не дают. Исследователям приходится выбирать иные критерии для сравнения и получения надежных результатов. Одним из таких критериев является численность городов и их размещение на территории, которую необходимо исследовать.

Самый ранний период существования Древнерусского государства, в котором начинают фиксироваться города, датируется IX в. Летопись называет несколько городов, существовавших в Древней Руси в указанное время: Киев (854)[105], Городище под Новгородом (859), Белоозеро (862), Изборск (862), Ладога (862), Муром (862), Полоцк (862), Ростов (862), Любеч (882), Смоленск (882), Псков (IX в.), Суздаль (IX в.). Всего для IX в. названо 12 городов. Они находились на большом расстоянии друг от друга. От южного Киева до расположенной

[104] *Мельникова Е. А.* Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны. С. 430—431.

[105] Здесь и далее после названия города приводится дата его первого упоминания в летописи, вне зависимости от того, достоверна такая дата или нет.

на реке Волхов в 12 км от ее впадения в Ладожское озеро Ладоги (Старой Ладоги) необходимо было преодолеть по прямой около 1100 км[106]. Несколько меньшее расстояние отделяло город Полоцк, стоявший при впадении в реку Западную Двину реки Полоты, от находившегося в нижнем течении реки Оки города Мурома — более 850 км. Поэтому перечень из 12 городов кажется малым и случайным, в слабой степени отражающим истинные размеры территории Древней Руси. Однако, оценивая расположение этих городов, можно убедиться в том, что их возникновение было подчинено определенным задачам нового государства, являлось продуманным, а не стихийным или случайным. Для Древнерусского государства было важным контролировать основные водные артерии Восточно-Европейской равнины, которые позволяли в краткие сроки доставлять военную или материальную помощь в подвластные районы, нуждавшиеся в подобной поддержке. На востоке такой военно-оборонительной и отчасти хозяйственной опорой являлся единственный город — Муром, упрятанный в леса, на расстоянии примерно в 200 км от устья реки Оки. К северо-западу от Мурома были расположены два других древнерусских города: Ростов и Суздаль. Они контролировали путь от Волги к озеру Неро, богатому рыбными заводями, и далее на юг в Суздальское ополье — единственное место в Волго-Окском междуречье, имевшее черноземные почвы, что позволяло получать здесь высокие урожаи. Хозяйственные и военные связи этих городов с Волжским путем представляются очевидными, тем не менее такие города длительное время строились не на берегах Волги, а на ее притоках. Течение Волги использовалось торговыми и военными флотами разных поволжских государств, и строительство на волжских берегах древнерусских крепостей потребовало бы от Древнерусского государства больших усилий и затрат. Их старались избежать. Русские крепости на волжских берегах стали возводиться только с начала XI в.

На северо-западе от Ростова и Суздаля располагалось древнее Белоозеро, которое контролировало изобиловавшее рыбой озеро Белое и примыкавшие к нему леса, богатые пушным зверем. Удобными были и пути, связывавшие Белоозеро с другими центрами. Вытекавшая из озера Белого река Шексна прямо приводила к Волге, а через систему небольших рек несложно было добраться до реки Волхов, находившейся по прямой от озера Белого на 300 с небольшим километров.

Бассейны реки Волхов и расположенного южнее восточного побережья Чудского озера оказываются наиболее насыщенными городами в IX в. На Волхове стояли Ладога и Городище, предшествовавшее Новгороду (2 км на юг от позднейшего новгородского детинца), у Чудского озера — Изборск и Псков. На небольшом пространстве здесь обнаруживается треть всех древнерусских городов, известных в IX в. Такая концентрация, не наблюдаемая ни в каком другом районе Древнерусского государства, может свидетельствовать о том, что именно в северо-западной части современной России началось зарождение древнерусской государственности. Указанные четыре крепости прикрывали новое государственное образование от нападений с севера и запада.

Два древних города располагались на юге от Городища и Пскова. Один из них — Смоленск — занимал исключительно важную стратегическую позицию — близ верховьев Днепра, Западной Двины и Волги, что позволяло в относительно короткие отрезки времени достигать южных, северо-западных и восточных районов государства. Второй город — Полоцк — контролировал движение по Западной Двине из Прибалтики в земли восточных славян.

[106] Атлас СССР. М., 1954. С. 27—28.

Наконец, последние два города из указанных 12 относились к числу южных. Любеч стоял на левом берегу Днепра в его среднем течении. На протяжении длительного времени это был единственный левобережный днепровский речной порт, через который шли военные и транспортные потоки с Подесенья и в Подесенье, а также далее на восток. Ниже Любеча на правом берегу Днепра стоял Киев. К моменту образования государства Рюриковичей Киев уже имел своих правителей. Согласно летописи, в 882 г. сподвижник Рюрика Олег убил своих соотечественников варягов Аскольда и Дира и завладел Киевом. Город стал столицей Руси[107]. Киеву были подчинены те центры и относившиеся к ним области, о которых шла речь выше.

Спустя примерно 70 лет после захвата Олегом Киева в Византии появился трактат «Об управлении империей», написанный византийским императором Константином VII Багрянородным[108]. Он носил конфиденциальный характер и предназначался для внутреннего использования. Такие особенности трактата делают содержащиеся в нем сведения в высокой степени достоверными. Для истории Древней Руси особую ценность представляет описание столицы Руси — Киева. Киев характеризуется как город «Росии», из которого каждый год в июне выходят караваны ладей с местным товаром в Константинополь[109]. Хотя о «внешней Росии» и, соответственно, о «Росии внутренней» историки высказали массу соображений, преимущественно схоластического толка, понять то, что написал о Киеве Константин Багрянородный, вполне можно. Византийский император обращал внимание на то, что Киев был первым городом Руси, с которым сталкивался прибывавший на Русь византиец. С точки зрения последнего, Киев находился в той Руси, что была обращена вовне, к более южным странам и народам. «В тылу» же Киева, к северу от него, располагались другие города Руси. Под пером Константина VII Киев превращался в пограничный город. И это было правильным. То, что мы знаем о Киеве последующего времени, рисует его как крепость на границе. До начала XI в. пограничной рекой Киева была протекавшая к югу от него Стугна. Во второй четверти XI в. граница несколько сдвинулась от Киева южнее, пограничной рекой стала Рось. Так продолжалось до 1190-х гг., когда южная граница сдвинулась еще на 20—30 км от Киева. Эти данные свидетельствуют о том, что в 882 г. Олег захватил Киев с относившейся к городу территорией, а не значительный регион на юге Руси. Основное пространство владений Олега составляли земли к северу от Киева.

Для последующей характеристики территории Древней Руси и земель, на которые в середине XI в. распалось это государство, дается список древнерусских городов, составленный по древнерусским источникам, с X по примерно середину XIII в. Список поделен на два раздела для более четкого представления о том, насколько он содержателен и какие тенденции в развитии территории Древней Руси отражает. В первом разделе, охватывающем период с X по середину XI в., рассмотрены данные о городах, возникших в рамках Древнерусского государства. Во втором разделе приводятся свидетельства о городах, построенных с середины XI по первую половину XIII в. включительно на территориях отдельных земель, появившихся после распада Древнерусского государства. Для отслеживания динамики возникновения и развития древнерусских городов выбран хроно-

[107] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Стб. 23.

[108] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. 2-е изд.

[109] Там же. С. 45, 47.

логический период в 50 лет. Такой временной интервал оказывается достаточным для обнаружения тенденций развития территорий: их расширения за счет внешних захватов, внутренней колонизации или упадка.

Города Древнерусского государства. *Города, впервые упоминаемые в первой половине X в.*: Новгород (первая четверть X в.), Чернигов (944), Переяславль (944), Вышгород (946), Искоростень (946) (всего — 5 городов).

Города, впервые упоминаемые во второй половине X в.: Изяславль (973—1014), Вручий (Овруч) (977), Родня (980), Туров (980), Дорогичин (980), Перемышль (981), Червен (981), Владимир Волынский (987), Василев (988), Волынь (990), Белгород (991) (всего — 11 городов).

Города, впервые упоминаемые в первой половине XI в.: Ярославль (1010), Берестье (1018), Витебск (1021), Усвят (Всвят) (1021), Тмуторокань (1022; с конца XI в. в составе Византийской империи), Листвен (1024), Курск (1025), Городец (киевский) (1026), Белз (1030), Юрьев (Дерпт, Тарту) (1030), Воинь (1054), Торопец (XI в.) (всего — 12 городов).

Города, впервые упоминаемые во второй половине XI в.

Владимиро-Волынское княжество: Сутиска (Сутейск) (1069), Броды (1084), Дорогобуж (1084), Луцк (1085), Бужеск (на реке Западный Буг) (1097), Перемиль (1097), Всеволож (1098), Турийск (1098), Шеполь (1098), Дубен (1100), Острог (1100) (всего — 11 городов).

Киевское княжество: Неятин (1071), Растовец (1071), Юрьев (1072), Олешье (1084), Святославль (1085), Торческ (1085), Варин (1086), Красн (1086), Треполь (1093), Халеп (1093), Витичев (Уветичи, Святополч) (1095), Заруб (1096), Божский (на реке Южный Буг) (1097), Звиждень (1097) (всего — 14 городов).

Переяславское Южное княжество: Горошин (1084), Переволока (1092), Песочен (1092), Прилук (1092), Саков (1095), Римов (1096), Устье (1096), Городец Остерский (1098) (всего — 8 городов).

Полоцкое княжество: Брячиславль (Браслав) (1065; Хроника Быховца), Меньеск (Минск) (1067), Голотическ (1070), Одрьск (1077/1078), Логожеск (1078/1079), Лукомль (1078/1079), Дрютеск (Друцк) (1092) (всего — 7 городов).

Смоленское княжество: Копысь (Копыса) (1059), Орша (Рша) (1067) (всего — 2 города).

Теребовльское княжество: Микулин (1084), Звенигород (1086), Теребовль (до 1092) (всего — 3 города).

Туровское княжество: Пинск (1099) (всего — 1 город).

Черниговское княжество: Сновск (1069), Новгород Северский (1079), Стародуб (1079), Рязань (1096) (всего — 4 города).

Города, впервые упоминаемые в первой половине XII в.

Владимиро-Волынское княжество Черторыйск (1110), Городно (1127), Чернеческ (1143), Межибожье (1146), Зареческ (1150), Кореческ (1150), Милеск (1150), Моравица (1150), Пересопница (1150), Устилог (1150), Чемерин (1150), Шумеск (1150) (всего — 12 городов).

Галицкое княжество: Галич (1138), Голые Горы (1144), Ушица (1144), Тисмяница (1145), Санок (1150) (всего — 5 городов).

Киевское княжество: Зареческ (1106), Чучин (Тчучин) (1110), Городец (близ Радосыни) (1111), Радосынь (1111), Случеск (1116), Клеческ (1127), Рогачев (1142), Котельница (Котельниче) (1143), Дерновый (1146), Брягин (1147/1148), Канев (1149), Ярышев (1149), Володарев (1150), Гольско (1150), Звенигород (1150), Куниль (1150),

Мическ (1150), Мунарев (1150), Полоный (1150), Святославля Криница (1150), Тумащ (1150), Ушеск (1150) (всего — 22 города).

Новгородская республика: Волок Ламский (1134), Торжок (1139) (всего — 2 города).

Переяславское Южное княжество: Кснятин (1107), Лубно (1107), Ромен (1110), Желни (1116), Баруч (1125), Бронь (1125), Полкстень (1125), Малотин (1140), Носов (1147), Русотина (1147) (всего — 10 городов).

Полоцкое княжество: Борисов (1126), Неколочь (1127), Стрежев (1127) (всего — 3 города).

Смоленское княжество: Вержавск (1136), Жижец (Жижич) (1136), Заруб (1136), Кречют (Кричев) (1136), Лучин (1136), Оболвь (1136), Пацинь (1136) (всего — 7 городов).

Суздальское княжество: Владимир (1108), Ярополч (1108?), Кснятин (1135), Дубна (1140-е гг.), Шоша (1140-е гг.), Молога (1149), Углич (1149) (всего — 7 городов).

Черниговское княжество: Вырь (1113), Сосница (1134), Моровийск (1138), Вщиж (1142), Гомий (1142), Гуричев (1142), Ормина (1142), Болдыж (1146), Дедославль (1146), Козельск (1146), Колтеск (1146), Корачев (1146), Лобынск (1146), Путивль (1146), Севьско (1146), Белавежа (Белая Вежа) (1147), Бохмач (1147), Брянск (1147), Воробейна (1147), Всеволож (1147), Вьяхань (1147), Глебль (1147), Девягорск (1147), Домагощ (1147), Кром (1147), Мценск (1147), Неринск (1147), Обловь (Блеве) (1147), Попаш (1147), Спашь (1147), Уненеж (1147) (всего — 31 город).

Города, впервые упоминаемые во второй половине XII в.

Владимирское (Владимира-на-Клязьме) княжество: Москва (1156)[110], Боголюбов (1158), Тверь (нач. 1160-х гг.), Городец Радилов (1171), Мстиславль (XV в., городище XII в.) (всего — 5 городов).

Владимиро-Волынское княжество: Сапогынь (1151), Выгошев (1152), Гнойница (1152), Тихомль (1152), Каменец (на реке Случь) (1196) (всего — 5 городов).

Галицкое княжество: Болшево (1152), Ярославль (1152), Берладь (1158), Кучелмин (1158), Удеч (1163), Плиснеск (1188) (всего — 6 городов).

Киевское княжество: Бьзяница (1151), Вернев (Чернев) (1151), Иван (1151), Родунь (1151), Пересечен (1154), Мозырь (1155), Небль (1158), Семыч (1159), Ярополч (1159), Булич (1161), Кучарь (1161), Мутижир (1161), Добрый Дуб (1167), Микулин (1167), Межимостье (1168), Корсунь (1169), Болохов (1170), Михайлов (1170), Боровой (1190), Кульдерев (1190), Товарый (1190), Чурнаев (1190), Дверен (1192), Чернобыль (1193), Богуславль (1195), Каменец (1196) (всего — 26 городов).

Новгородская республика: Великие Луки (1166), Руса (Старая Русса) (1168), Городецк (Бежецк) (1196) (всего — 3 города).

Переяславское Южное княжество: Пирятин (1154), Лтава (1171), Серебряный (1174), Лукомль (1179), Дмитров (1184), Донец (1185) (всего — 6 городов).

Полоцкое княжество: Белчица (1158), Городец (1161), Еменец (1185) (всего — 3 города).

Рязанское княжество: Борисов-Глебов (1181), Копонов (1186), Пронск (1186) (всего — 3 города).

Смоленское княжество: Зарой (1155), Мстиславль (1156), Василев (1164), Красн (1164) (всего — 4 города).

Суздальское княжество: Клещин (1152), Переяславль (Залесский) (1152), Юрьев (1152), Дмитров (1154) (всего — 4 города).

Туровское княжество: Дубровица (1184) (всего — 1 город).

[110] Имеется в виду не первое упоминание Москвы (датируемое 1147 г.), а дата построения первых городских укреплений.

Черниговское княжество: Блестовит (1151), Березый (1152), Глухов (1152), Ольгов (1152), Рыльск (1152), Хоробор (1153), Воротинеск (1155), Лутава (1155), Радощ (1155), Синин Мост (1155), Оргощ (1158), Ропеск (1158), Чичерск (1158), Гостояничи (1159), Зартый (1159), Росусь (1159), Лопастна (1175), Трубчевск (Трубецк) (1185), Рогов (1194) (всего — 19 городов).

Города, впервые упоминаемые в первой половине XIII в.

Владимирское (Владимира-на-Клязьме) княжество: Петров (1207), Кострома (1213), Соль Великая (1213), Городище на Саре (1216), Стародуб (на Клязьме, Ряполовский) (1217), Унжа (1219), Новгород Нижний (1221), Галич Мерский (1238), Гороховец (1239), Юрьевец (конец XV в.) (всего — 10 городов).

Владимиро-Волынское княжество: Комов (Коморов) (1208), Верещин (1208), Орельск (1208), Столп (1208), Угровеск (1210), Ухани (1210), Каменец Каширский (1213?), Кодьня (1219), Щекарев (1221), Кременец (1226), Жидичин (1227), Холм (1230), Торчев (1233), Володава (1240), Изяславль (1240), Андреев (1243), Мельница (1244), Бусовен (1245), Дороговск (1245), Охожа (1245) (всего — 20 городов).

Галицкое княжество: Каменец (Подольский) (1213), Быковен (1213/1214), Збыраж (1213/1214), Любачев (1214), Моклеков (1214), Городок (1219), Онут (1219), Плав (1219), Толмач (1219), Василев (1230), Вишня (1230/1231), Баня Родна (1238), Барсуков Дел (1238), Синеволодьско (1240), Бакота (1241), Калиус (1241), Коломыя (1241), Печера Домамиря (1242), Щекотов (1242) (всего — 19 городов).

Киевское княжество: Речица (1212), Песочный (1239), Колодяжен (1240), Городок (в Болоховской земле) (1241), Губин (1241), Деревич (1241), Дядьков (1241), Кобуд (1241), Кудин (1241), Городеск (1255) (всего — 10 городов).

Новгородская республика: Олонец (1228), Моравиин (1234), Копорье (1240), Вологда (1272; археологические данные — XII в., раннее название — Тошма) (всего — 4 города).

Переяславское Залесское княжество: Нерехта (1213), Зубцов (1216) (всего — 2 города).

Полоцкое княжество: Несвиж (1223), Асоте, Ерсике (Герцике), Кокнесе (Кукейнос) (три последних города были захвачены в начале XIII в. полоцкими князьями в Прибалтике, но уже в 1220-х гг. были отняты у них немцами) (всего — 1 город).

Ростовское княжество: Устюг (1219) (всего — 1 город).

Рязанское княжество: Добрый Сот (1207), Ольгов (1207), Ужеск (Ожеск) (1207), Белгород (1208), Исады (1217), Переяславль (Рязанский) (1301) (всего — 6 городов).

Смоленское княжество: Дорогобуж (1211—1218), Ельня (Елна) (1211—1218), Изяславль (1211—1218), Крупль (1211—1218), Ростиславль (Рославль) (1211—1218), Ржева (Ржевка) (1216) (всего — 6 городов).

Черниговское княжество: Серенск (1208), Брын (1229), Мосальск (1231) (всего — 3 города).

Приведенный материал свидетельствует о том, что общие размеры территории Древнерусского государства в IX — первой половине XI в. увеличивались, но ненамного. В начале 980-х гг. Владимир Святославич захватил довольно значительный участок польских земель от Перемышля до будущего Владимира Волынского[111]. В 1018 г. эти земли были возвращены польским князем Болеславом I Храбрым[112]. Однако в начале

[111] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81.

[112] Там же. Стб. 142—143.

1030-х гг. Ярослав Мудрый вместе с братом черниговским князем Мстиславом, воспользовавшись внутренними раздорами в Польше, отвоевал их[113]. В составе русских княжеств Волынь, Перемышль, Червен, Владимир Волынский сохранялись вплоть до 1240 г.

Другое завоевание было сделано князем Ярославом в земле эстов (чуди). В 1030 г. в результате успешного похода здесь был основан город Юрьев (позднейший Дерпт, ныне Тарту), названный в честь св. Георгия — небесного покровителя князя. Хотя эта древнерусская крепость в чудской земле подвергалась многократным нападениям, она выдерживала их и только в 1224 г. пала под ударами немецких рыцарей[114].

Совсем недолго древнерусские князья владели городами в земле прибалтийских ливов. Указанные в числе полоцких городов начала XIII в. крепости Асоте, Ерсике, Кокнесе, попавшие в руки полоцких князей, вскоре были у них отняты.

Основой территории Древнерусского государства оставалась та часть Восточно-Европейской равнины, что начала осваиваться его населением в IX в. Такая внутренняя колонизация заняла примерно четыре с половиной столетия, пока монгольское завоевание не привело к кардинальному изменению этого процесса.

---

[113] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150.

[114] НПЛ. С. 61.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В конце X — начале XI в., в княжение Владимира Святославича, на Руси в целом завершился процесс формирования государства. Все восточнославянские территории с этого времени управлялись одной княжеской династией (ее принято ныне называть Рюриковичами, но фактически к династии относились только потомки Владимира, правнука Рюрика), государственной религией стало христианство.

В исторической литературе при обозначении политической структуры Руси XI — начала XII в. употребляются обычно термины «Древнерусское государство», «Древняя Русь» или «Киевская Русь», а ее составные части именуют «княжествами». Условность двух первых терминов очевидна — люди того времени не могли, разумеется, называть свою страну «древней». Но не было в Средневековье и эпитета «Киевская» по отношению к Руси (он стал употребляться только в XIX столетии). Наконец, до конца XIV столетия не существовало и, на первый взгляд, безупречно древнего слова «княжество»[1]. Как же называли свою страну, свое государство[2] и его составные части современники?

Страна в целом носила наименования «Русь» и синонимичное ему «Русская земля»[3]. Понятием «земля» с территориальным определением (Русская, Болгарская, Греческая и т. д.) обозначали в древнерусском языке, как правило, то, что сейчас называют независимыми государствами[4]. Составные же части «Русской земли», управлявшиеся князьями — родственниками киевского князя, верховного правителя, именовались *волостями*. Встречающиеся в литературе определения волости как некоего «государства-общины» во главе с городом[5] не подкрепляются источниками: по данным XI — начала XII в., волость — это исключительно княжеское владение. Более позднее значение термина «волость» (до-

---

[1] См.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 4. М., 1991. С. 365.

[2] «Государство» тоже гораздо более поздний термин — в значении, близком современному, это слово начинает употребляться лишь в XV в. (см.: *Зоттан А.* К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 578—579, 587—588).

[3] В некоторых работах последнего времени имеет место написание определения «русский» в форме «руський» или «руский», с одной буквой «с», с целью отделения от современного значения (великорусский) и якобы большей схожести с древним написанием. Научного основания, однако, это не имеет: в древнерусских текстах присутствуют разные формы слова — *русьскыи, рускии, руськии, русскии* (см., например, словоуказатели: Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 683; ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 683, 716, 727 (указатель к Повести временных лет): Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. 2-е изд. М., 2017. С. 760), то есть утвердившееся в Новое время написание с двумя «с» не было новацией.

[4] См.: *Горский А. А.* Земли и волости // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 11—13.

[5] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

жившее до XX в.) — мелкая территориально-административная единица, охватывающая только сельские поселения, — в домонгольскую эпоху не фиксируется[6]. Волость XI в. — это крупная территориальная единица, включающая в себя стольный город (то есть управляемый князем, сидящим на «столе» — престоле)[7]. Центрами крупнейших волостей Русской земли в XI — начале XII в. были города Новгород, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Полоцк, Ростов, Муром, Владимир Волынский, Туров, Перемышль, Теребовль. Во владения русских князей входила также Тмуторокань на восточном побережье Керченского пролива. Волости определялись не по городам, а по князьям; название города могло прилагаться только в дополнение к упоминанию ее князя. Зависимость правителей волостей от киевского князя, помимо права последнего поменять князя волости, выражалась в том, что они были обязаны отправлять в Киев бóльшую часть собранных в течение года государственных поземельных податей (даней), по имеющимся данным — две трети[8], и участвовать в военных предприятиях.

Вопрос о происхождении древнерусских городов породил немало споров в историографии. Долгое время господствовало мнение, что города вырастали главным образом из так называемых «племенных центров» — центров славянских догосударственных общностей[9]. Однако развитие археологии поколебало это убеждение. Выяснилось, что многие «племенные центры» прекратили свое существование, не превратившись в города. В то же время оказалось, что большинство крупнейших городов Руси возникли уже в «государственную» эпоху. Так, Новгород на современном месте появился только в середине X в.: ранее центром земли словен было так называемое Рюриково городище в 2 км от позднейшего города (оно, по-видимому, первоначально и носило название «Новгород»)[10]. Смоленск на нынешнем месте возник лишь в XI в., ранее центром в Верхнем Поднепровье было поселение в 14 км от него, расположенное близ современной деревни Гнёздово (также, вероятно, именно оно первоначально носило имя Смоленск)[11]. В Полоцке тоже имела место смена укрепленного поселения, только «перенесено» оно было (в конце X в.) на небольшое расстояние — 0,5 км[12]. Явление смены укрепленных центров догосударственной эпохи новыми затронуло не только крупные поселения: по археологическим данным, в конце X — первой половине XI в., то есть сразу по завершении формирования структуры единого государства, происходило массовое прекращение существования старых поселений и возникновение новых на значительной части восточнославянской территории[13].

---

[6] Оно появляется лишь в XIII в. и закрепляется в XIV (см.: *Горский А. А.* От погоста к волости // Образы аграрной России IX—XVIII вв.: Памяти Н. А. Горской. М., 2013. С. 89—93).

[7] *Горский А. А.* Земли и волости. С. 13—18.

[8] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 130.

[9] См., например: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 200—201; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 8—9, 25, 50, 71—72.

[10] См.: *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990; *Он же.* Новгородский детинец: (К вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. Вып. 5 (15). СПб., 1995. С. 5—17; *Янин В. Л.* Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 50.

[11] См.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 135—146.

[12] См.: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII веках. М., 1966. С. 134—136.

[13] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 38—42.

Это явно было связано с ликвидацией «автономии» «славиний»[14] и распространением на их территории непосредственной власти киевского княжеского дома. Таким образом, города Руси, как крупные, так и небольшие, возникали в первую очередь как центры государственной власти, опорные пункты господства Рюриковичей и их дружин[15]. Разумеется, при этом они сразу же становились и тем, чем являлись города везде и всегда в истории, — центрами ремесла и торговли. Причем происходило это отчасти потому, что в возникающих городах селились ремесленники, чьей обязанностью было обслуживание потребностей военно-дружинного слоя.

Наследование княжеской власти на Руси не подчинялось строгим нормам. В целом действовал обычай, по которому власть должна была переходить не напрямую от отца к сыну, а от старшего брата к младшему, по смерти же младшего из братьев — к его старшему племяннику (сыну старшего из братьев в предыдущем поколении). Но этот порядок (в историографии получивший название «лествичного восхождения»[16]) не всегда соблюдался.

Принадлежность княжеского звания одному роду имела следствием, что каждый из его представителей считался «князем русским»[17]. Киевский князь (вопреки именованию его в современной литературе «великим князем») особого титула не носил[18]. В этом не было необходимости: кто считался старшим в роду и сидел в Киеве, тот и признавался верховным правителем Руси. Не был официальным и другой титул, несколько раз встречающийся при упоминании русских князей XI в. (Владимира Святославича, Ярослава Владимировича, сына Ярослава Святослава и одного из его сыновей[19]), — *каган*. Вероятно, его применение было связано с тем, что русские князья владели Восточным Приазовьем (Тмутороканью), ранее входившим в состав Хазарии, чей правитель носил такой титул. Остается неясным, была ли какая-то связь применения титула *каган* к князьям XI в. с именованием им правителей Руси IX в. «дорюриковой» поры[20]: во всяком случае в X в. никакие источники (ни византийские, ни восточные, ни западноевропейские, ни русско-византийские договоры) русских правителей каганами не называют. В единичных случаях русские князья (Ярослав Владимирович, его братья свв. Борис и Глеб, Владимир Всеволодич Мономах, его сын Мстислав) именовались термином *цесарь/царь*, однако он также не являлся официальным титулом. В древнерусском языке он соответствовал греч. *βασιλεύς* и лат. *imperator* — титулам правителей высшего ранга, императоров Византии и Священной Римской империи. Но в отношении русских

---

[14] О славянских догосударственных общностях см. ч. 2, гл. 1, 2.

[15] Смена центров при переходе к государству была общей чертой Руси и западнославянских стран — Польши и Чехии (см.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 260—261).

[16] См.: *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 2003.

[17] Этот титул в русской и греческой (ΑΡΧΩΝ ΡΩΣΙΑΣ) формах зафиксирован на печатях русских князей, известных с конца X — начала XI в. (см.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. № 25—28, 30—31. С. 170—172; *Он же.* Две древнерусские вислые печати начала XI в. // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 292—303).

[18] См.: *Poppe A.* Words that serve the authority: On the title of "Grand Prince" in Kievan Rus' // Acta Poloniae historica. T. 60. Warszawa, 1989. P. 159—184.

[19] БЛДР. Т. 1. XI—XII века. СПб., 1997. С. 42, 44, 52, 60; *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. С. 49—52; Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святославля внука Ольгова / Вступ. ст., подгот. текста, пер. с др.-рус., коммент. и прилож. А. А. Горского. М., 2002. С. 98, 165—166.

[20] См. ч. 2, гл. 2.

князей его спорадическое применение в домонгольский период было не более чем именованием князя высоким стилем[21].

Высказывалось мнение, что со времен Владимира Святославича на Руси существовал заимствованный из Византии церемониал возведения правителя на престол, предусматривающий его провозглашение князем в храме[22]. Однако источники рисуют обряд интронизации в XI — начале XII в. иначе. Церемония включала в себя торжественную встречу претендента на княжение населением, занятие княжеского двора, где располагалась резиденция его предшественника, и последующий пир на этом дворе. Центральным элементом было провозглашение претендента князем на княжеском дворе теми, кто присутствовал на церемонии. На княжеском дворе располагался и конкретный предмет, отождествлявшийся с княжеским *столом*, — сиденье (трон) князя. Новый элемент обряда возведения князя на стол — посещение претендентом главного храма города, где происходило его поклонение иконам, — появляется и утверждается только в середине XII в.[23]

При князе существовал *совет* — группа приближенных, с которыми он совещался. В XI — начале XII в. в совет входил узкий круг лиц из числа наиболее доверенных князю *бояр* (представителей верхушки *дружины*)[24]. В городах, где не было княжеских столов (или в стольных, где князь по каким-то причинам не находился сам), от его лица управляли *посадники*[25]. Другой высокой административной должностью был *тысяцкий*. Если посадники существовали в городах, где не было князя, то тысяцкие, напротив, действовали, как правило, в стольных городах[26]. Посадники и тысяцкие, а также воеводы — командующие воинскими отрядами — назначались князьями из членов дружины, в основном из ее привилегированной части — боярства[27]. Тысяцкому подчинялись *сотские*, управлявшие сотнями — подразделениями городского населения. Представители дружинного слоя отправляли должности *данников* — сборщиков поземельных податей, *мечников* (или *вирников*) — судебных чиновников. Мелкие должностные лица в системе государственного управления, возглавляемой князьями, именовались *биричами*[28].

---

[21] См.: *Vodoff W.* Remarques sur la valeur du terme "tsar" appliqué aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. 1. Oxford, 1978. P. 18—19. В официальный титул термин *царь* превратится гораздо позже, в Московском государстве XV—XVI вв.

[22] *Poppe A.* Das Reich der Rus im 10. und 11. Jahrhunderts: Wandel der Ideenwelt // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 1980. Bd. 28. H. 3. S. 351—352; *Idem.* The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Washington, 1986. P. 272—274.

[23] См.: *Гвозденко К. С.* Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17—35.

[24] См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 62—65. О дружине и боярах см. ч. 3, гл. 3. Иногда в совете участвовали представители высшего духовенства — если обсуждаемый вопрос был связан с делами Церкви.

[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75, 125, 130, 143, 204, 229, 237, 251, 272, 296; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 277, 284, 286; Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 116 (ст. 114 Пространной редакции). См. также: *Горский А. А.* Город и дружина в Киевской Руси // Феодалы в городе: Запад и Русь. М., 1996. С. 6—10; *Толочко П. П.* Власть в Древней Руси. СПб., 2011. С. 131—149.

[26] В конце XI — начале XII в. тысяцкие отмечены в Киеве, Переяславле, Белгороде и Ростове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208; Т. 2. Стб. 293; Правда Русская. Т. 1. С. 110 (ст. 53 Пространной редакции)). См. также: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 64—66.

[27] Мнение о существовании на Руси XI — начала XII в. помимо «княжеских» также неких «земских» тысяцких и воевод (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 209—211) оснований не имеет (см.: *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 100—104).

[28] См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 68—69.

Рис. 1. Курганный могильник Пуйга 1, вид с юга (фото И. В. Ислановой)

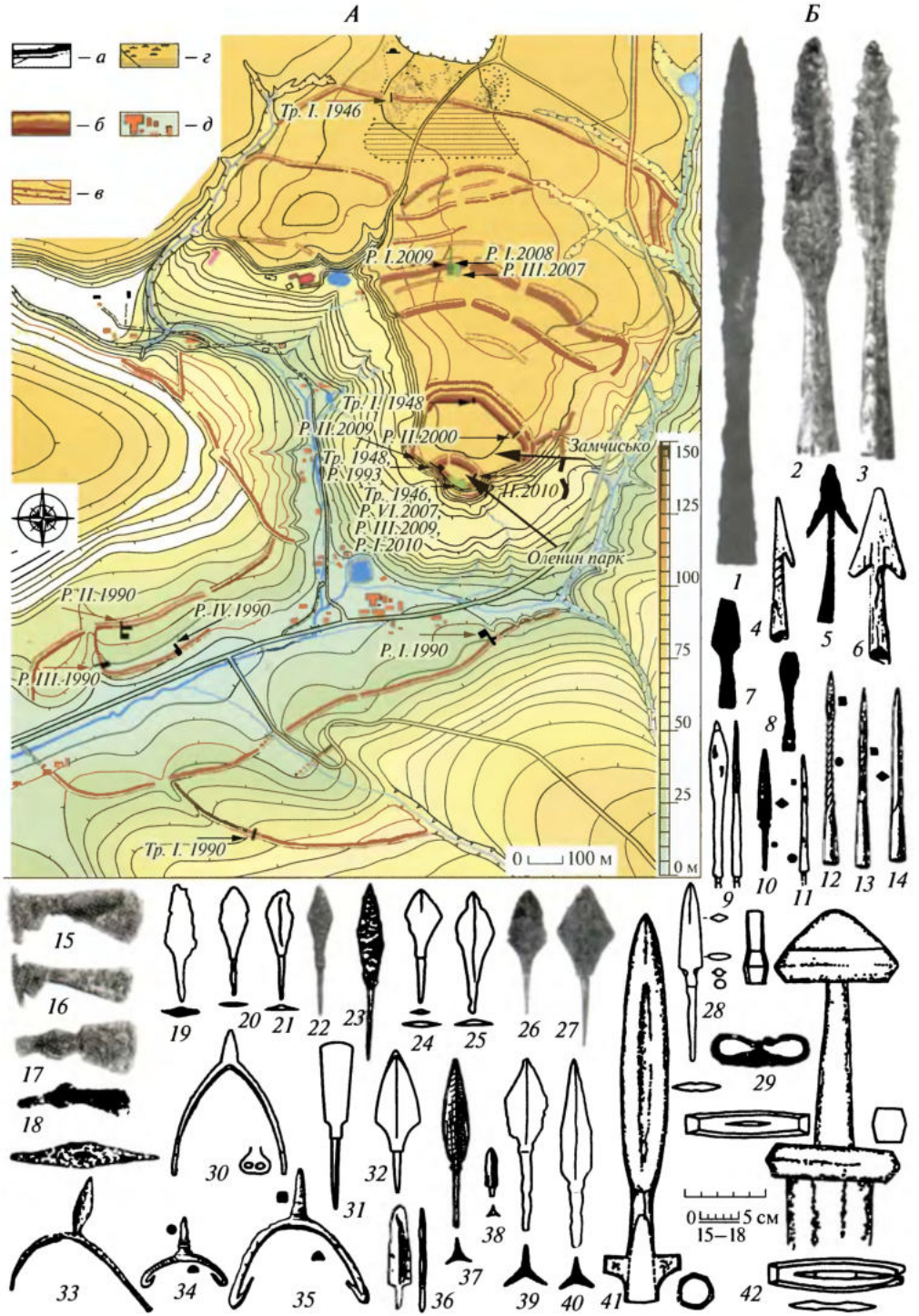


Рис. 2. *А.* Городище Плиснеск с обозначением мест документированных раскопок. Горизонтали через 5 м; условные знаки: *а, б* — рвы и валы (*а* — IX—X вв., *б* — IX—XIII вв.); *в* — палисад; *г* — курганы; *д* — современные постройки. *Б.* Оружие и воинское снаряжение VIII—X вв. на памятниках и в ареале райковецкой культуры. *1, 9, 11, 29, 36, 38* — Искоростень; *2—6, 26, 27* — Хотомель; *7, 8, 22* — Канев; *10, 37* — Редковцы; *12—14, 33* — Алчедар; *15—18* — Екимауцы; *19* — Одая; *20, 21, 24, 25, 28, 31, 32* — Алчедар или Екимауцы; *23* — Рашков-1; *30* — Добрыновцы; *34, 35* — Рипнев-1; *39* — Новые Братушаны; *40* — Кобуска—Веке; *41* — Листвин; *42* — Бычевая (по: Филипчук М., 2012)

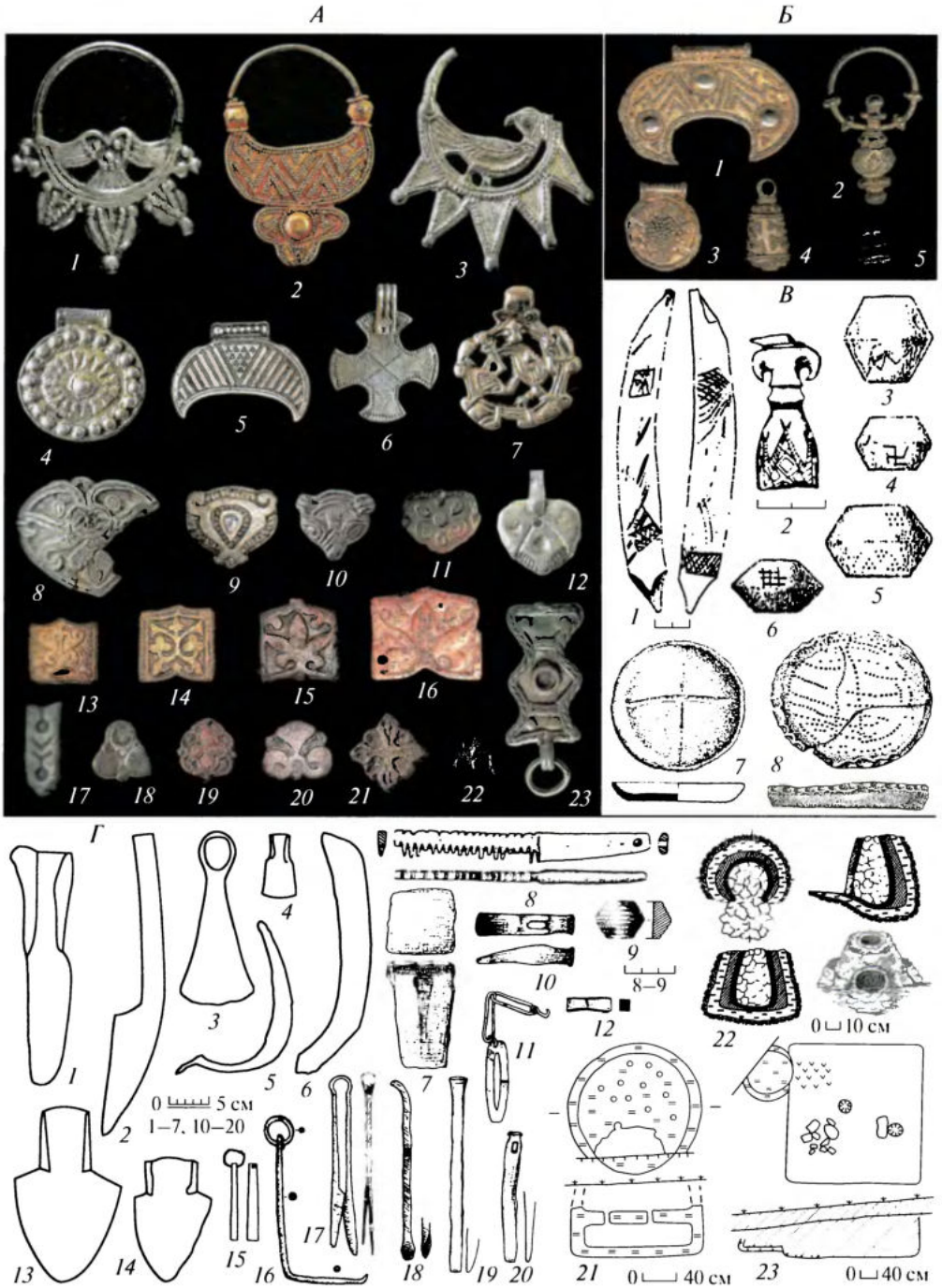


Рис. 3. *А.* Искоростень, находки 1-й пол. X в. *1—3* — украшения головы; *4—7* — подвески; *8—23* — детали ременных гарнитур. Без масштаба. *Б.* Клад из Червонного (Винницкая обл. Украины). Наиболее показательные вещи. Без масштаба. *В.* Изображения на костяных (*1—2*) и керамических (*3—8*) изделиях. *1, 2* — Монастырек; *3—6* — Луг-1; *7* — Лука-Райковецкая; *8* — Рашков-1; *3—8* — без масштаба. *Г.* Орудия, предметы быта, производственные сооружения. *1* — Рашков-1; *2* — Хотомель; *3, 15, 16* — Монастырек; *4* — Алчедар; *5* — Екимауцы; *6* — Канев; *8—12, 17—20* — Редковцы; *13, 21, 23* — Ревно (*21, 23* — гончарные горны); *14* — Григоровка; *22* — Скок, железоплавильный горн; *1—8, 10, 11, 13, 14, 16—20* — железо; *9, 12, 15* — камень (*15* — с металлическим кольцом); *21—23* — планы, разрезы, реконструкция (*21, 23* — по: Михайлина Л. П., 2007; *22* — по: Тельнов Н. П., 2003)

Рис. 4. Керамика донских славян (фото М. В. Цыбина)

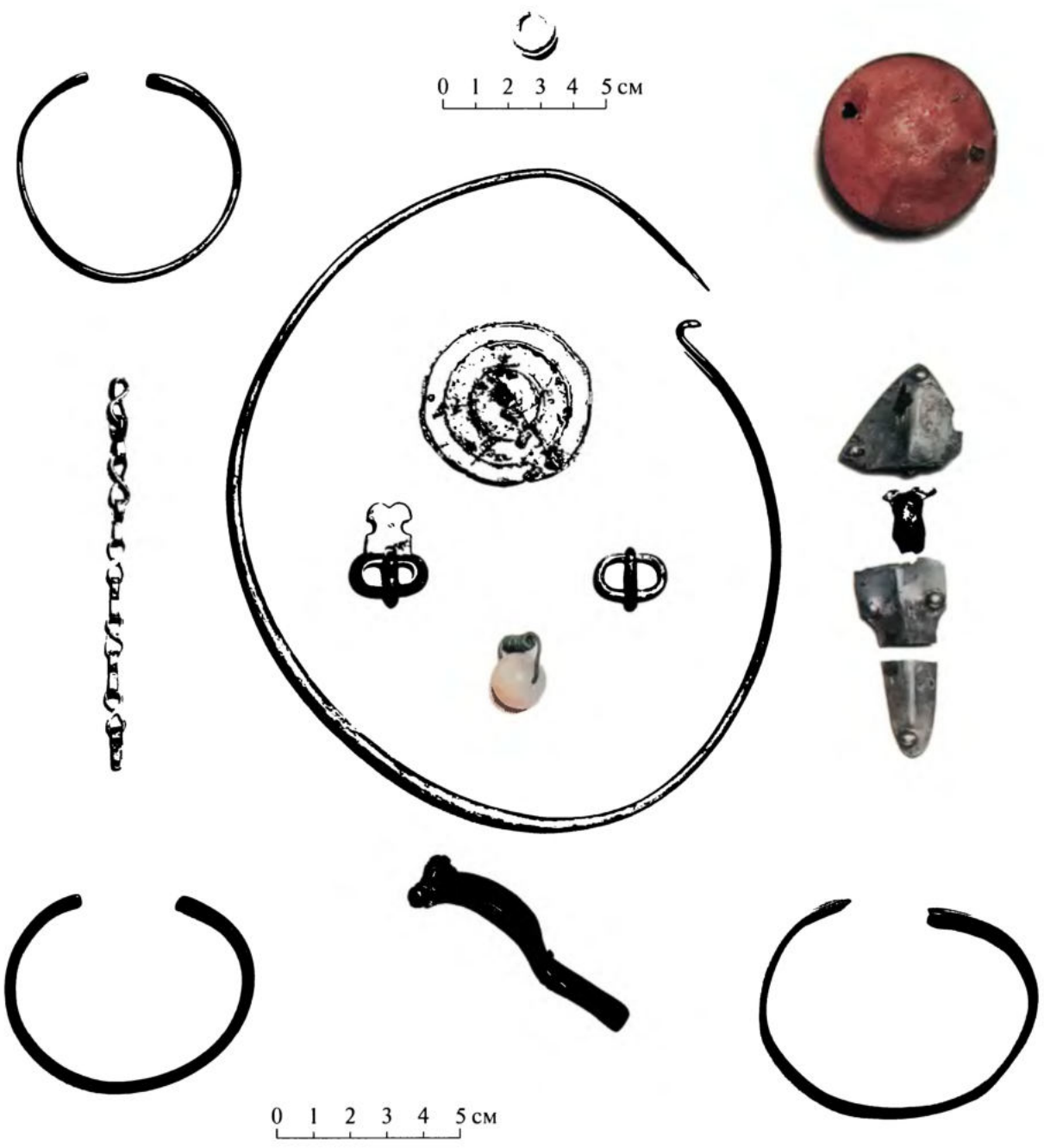


Рис. 5. Находки второй половины V–VI вв. Пашковский могильник
(по: Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А., 2016)

Рис. 6. Солид Тиверия III Апсимара (698—705)
(по: Тов А. А., 2011)

Рис. 7. Находки VIII–IX вв. из кремационных погребений степного Закубанья. Могильник
у хутора Карл Маркс (по: Комплексные археологические исследования… 2016)

Рис. 8. Северо-восточный Кавказ в VI–VIII вв.
(составитель М. С. Гаджиев)

Рис. 9. Земледельческие террасы в Горном Дагестане (фото М. С. Гаджиева)

Рис. 10. Шаханшах Хосров I Ануширван (531—579)
с приближенными. Деталь серебряного блюда
(Собр. Гос. Эрмитажа: Тревер К. В., Луконин В. Г., 1987. Ил. 19)

Рис. 11. Оборонительные сооружения Дербента. Середина VI в. Современный вид (фото М. С. Гаджиева)

Рис. 12. Серебряный дирхем чекана Баб ал-абваба (Дербента), 93 г. х. / 711—712 г. (Гончаров Е. Г., Злобин Г. В., 2021)

Рис. 13. Монументальный крест из раскопок церкви VII—VIII вв. близ Верхнечирюртовского городища (Баланджар) (фото М. С. Гаджиева)

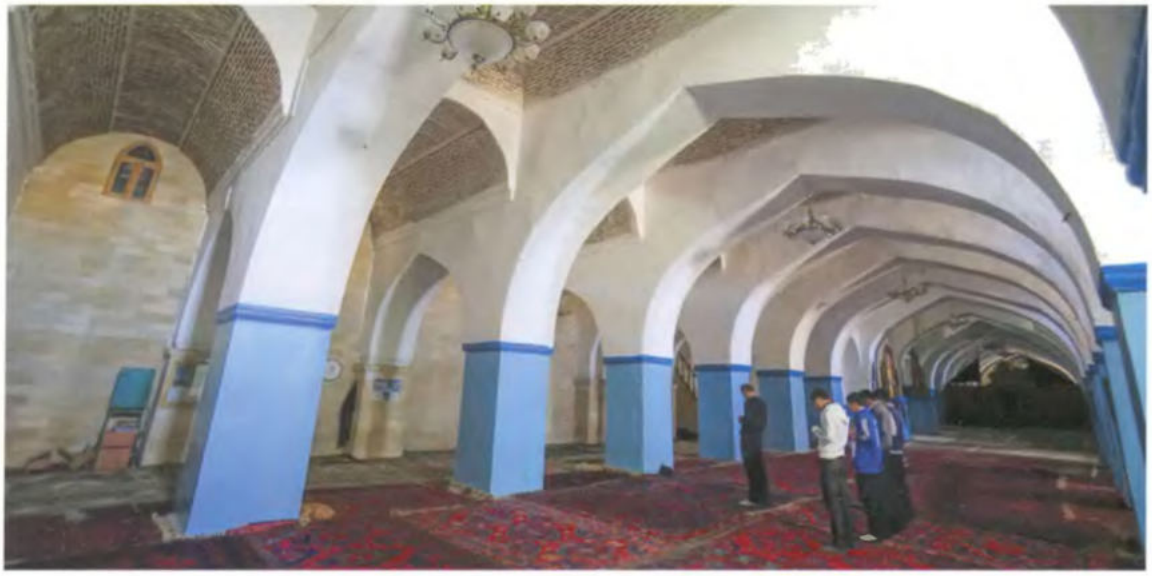


Рис. 14. Дербент. Интерьер Джума-мечети. VIII в. (фото М. С. Гаджиева)

Рис. 15. Ареал пруссов эпохи раннего Средневековья на космокарте юго-восточной Балтии (из архива В. И. Кулакова)

Рис. 16. Общий вид «Кольца из Штробьенен» (по: Каталог ГМИИ, 2007. С. 373)

Рис. 17. Карта основных путей сообщения IX—X вв.
(по: Леонтьев А. Е., Носов Е. Н., 2012)

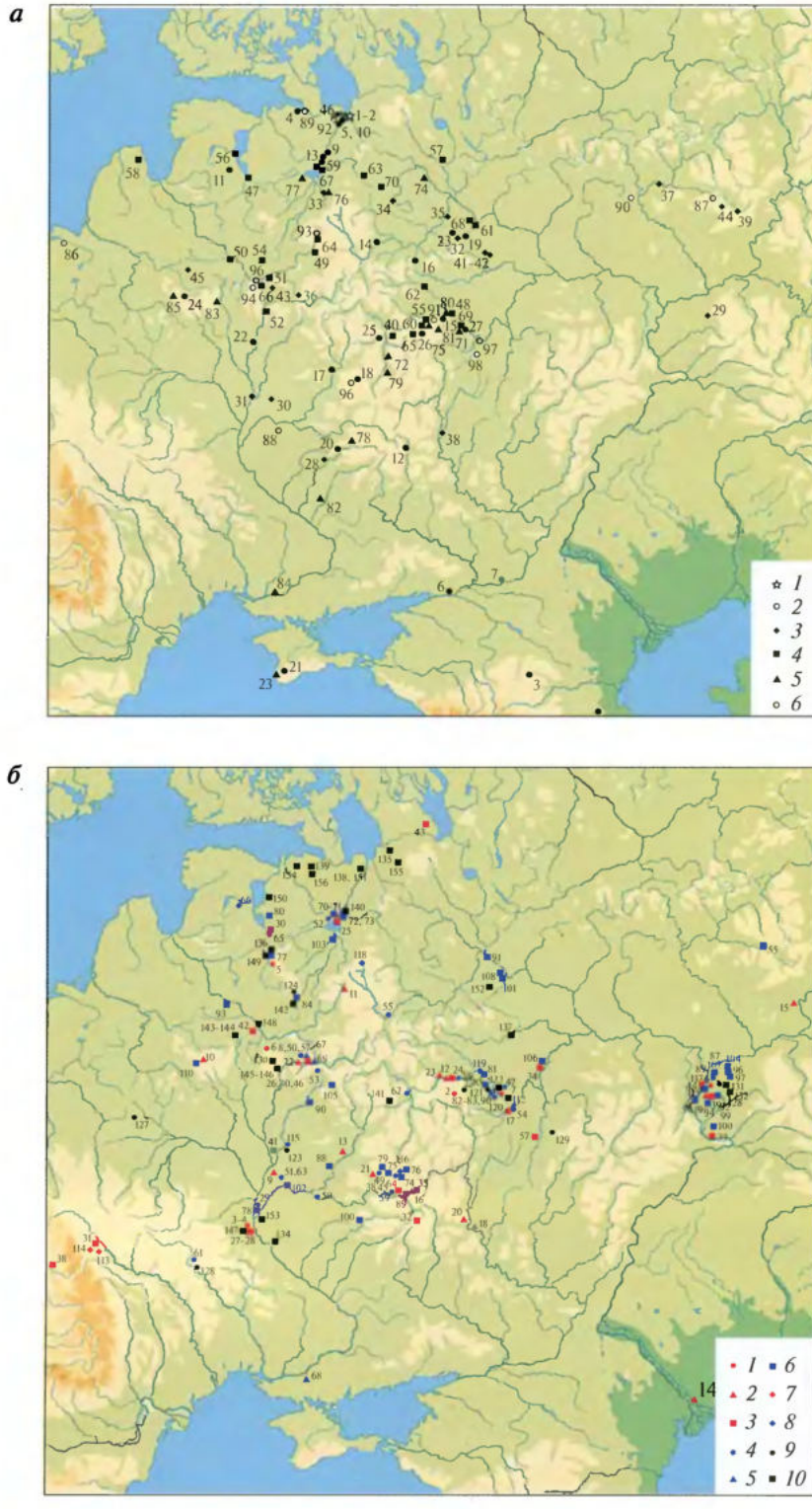


Рис. 18. Клады куфических монет на территории Восточной Европы.
а — клады конца VIII—IX вв. (сост. В. С. Кулешов),
б — клады X—XI вв. (сост. А. А. Гомзин)
(по: Леонтьев А. Е., Носов Е. Н., 2012)

Рис. 19. Археологические памятники IX—X вв. Ильменского Поозерья и истока Волхова (по: Носов Е. Н., 2012)

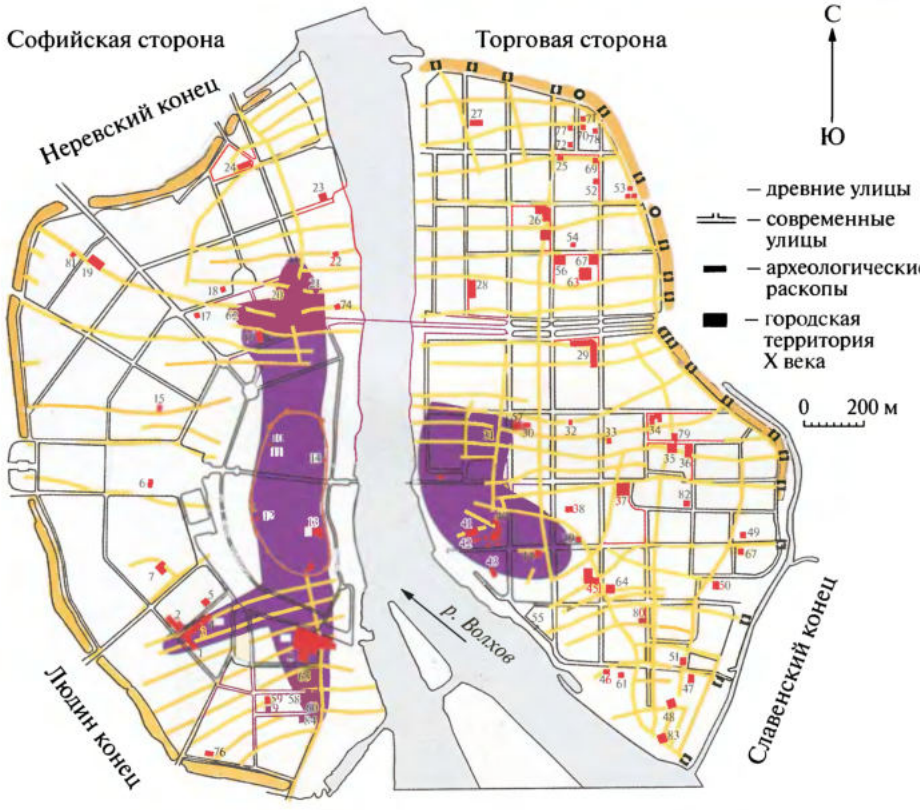


Рис. 20. Территория Новгорода в X в. по археологическим данным (составитель О. М. Олейников)

Рис. 21. Труворово городище. Современный вид (по: Лопатин Н. В., 2012)

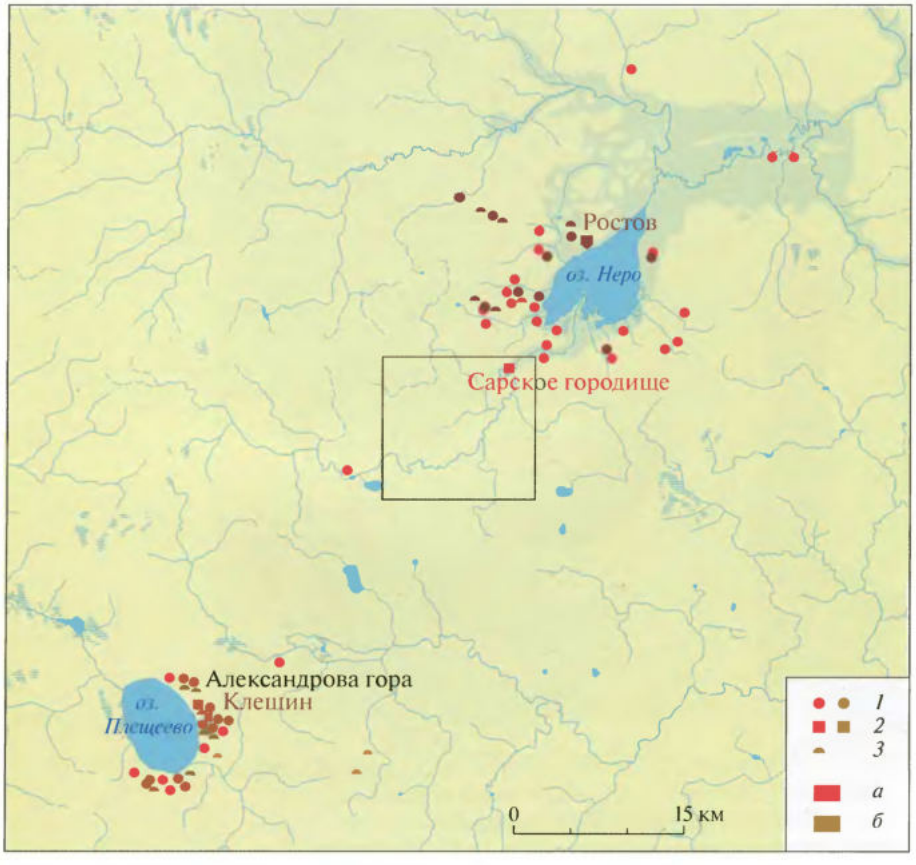


Рис. 22. Археологические памятники в бассейнах озер Неро и Плещеево. Условные обозначения: *1* — селища, *2* — городища и г. Ростов, *3* — курганы. *а* — мерянские памятники, *б* — древнерусские памятники (по: Леонтьев А. Е., 2012. С. 164)

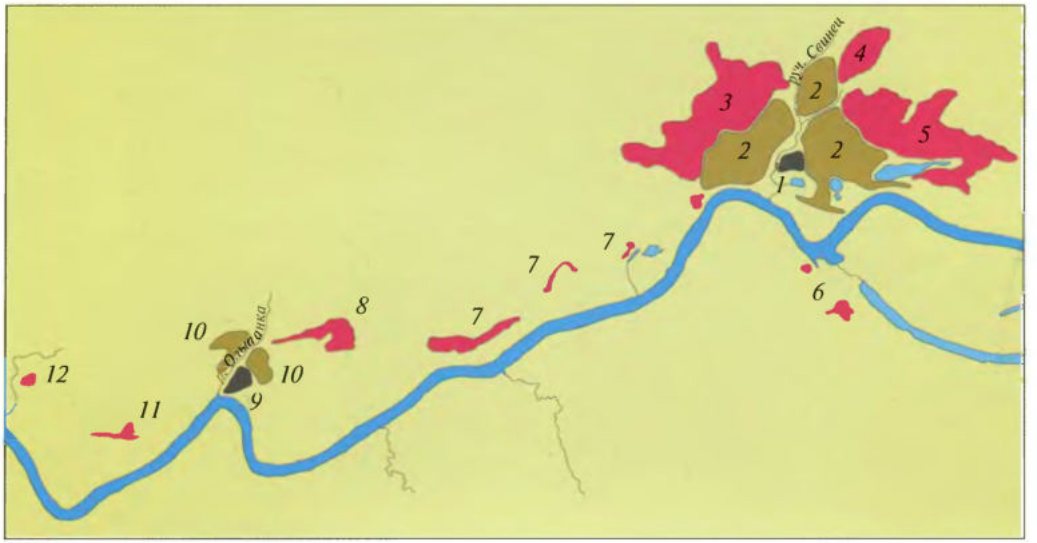


Рис. 23. Гнездовский комплекс археологических памятников.
1 — Центральное городище, *2* — Центральное селище, *3* — Центральная курганная группа, *4* — Глущенсковская курганная группа, *5* — Лесная курганная группа, *6* — Левобережная курганая группа, *7* — Днепровская курганная группа, *8* — Ольшанская курганная группа, *9* — Ольшанское городище, *10* — Ольшанское селище, *11* — Заольшанская курганная группа, *12* — Нивлянская курганная группа (по: Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В., 2012. Рис. 2)

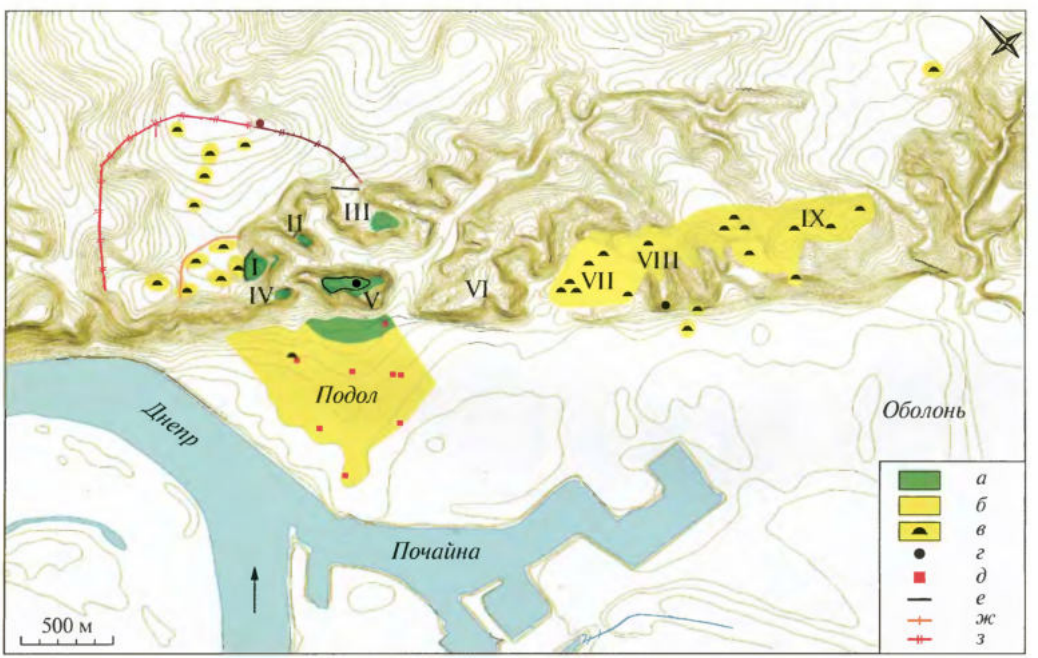


Рис. 24. Киев IX—X вв.
I — Старокиевская гора, II — Детинка, III — Кудрявец, IV — Уздыхальница, V — Замковая гора, VI — Щекавица, VII — Юрковица, VIII — Лысая гора, IX — Кирилловская гора.
а — поселения второй половины IX в., *б* — зоны заселения X в., *в* — могильники X в., *г* — монетные клады X в., *д* — исследованные участки Подола со слоями IX—X вв., *е* — укрепления IX — первой половины X в., *ж* — укрепления «града Владимира», *з* — укрепления «града Ярославля» (по: Комар А. В., 2012. Рис. 7)

Рис. 25. Беседа Ольги с византийским императором Константином VII Багрянородным (слева); крещение Ольги в Царьграде царем и патриархом (справа).
Миниатюра Радзивиловской летописи, конец XV в. Библиотека Академии наук

Рис. 26. Освящение Богородицкой (Десятинной) церкви в Киеве.
Миниатюра Радзивиловской летописи, конец XV в. Библиотека Академии наук

Рис. 27. Клад ювелира (№ 17, 2013 г.) на Старой Рязани, сокрытый в 1237 г. (по: Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В., 2015. С. 97)

Рис. 28. Златник Владимира. Конец X — начало XI в. Государственный исторический музей

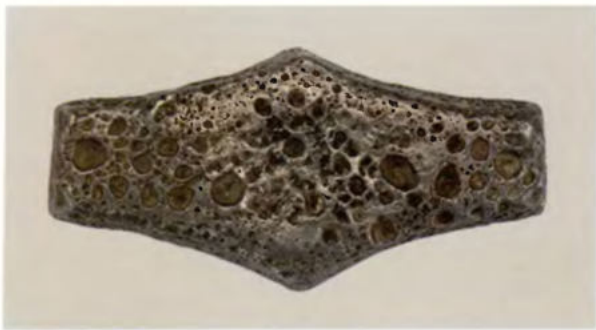


Рис. 29. Гривны киевского типа. Государственный исторический музей

Рис. 30. Гривны новгородского типа. Государственный исторический музей

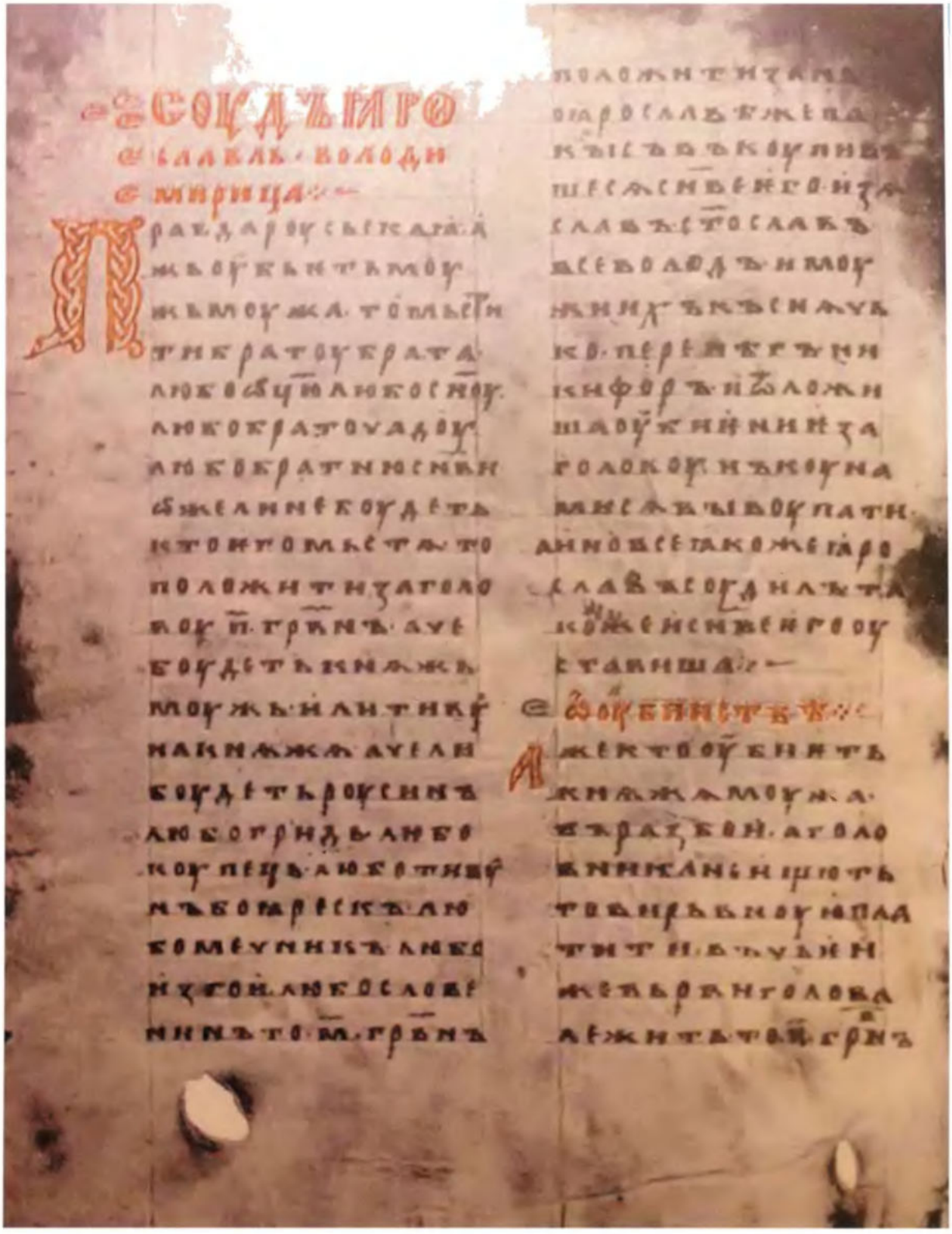


Рис. 31. Русская Правда. Пространная редакция. Список Новгородской Синодальной Кормчей. Конец XIII в. Государственный исторический музей

Рис. 32. Деревянные мостовые Новгорода
(по: Янин В. Л., 2004. С. 6)

Рис. 33. Печать новгородского архиепископа Спиридона (1229/30—1249)
(по: Янин В. Л., 1998. С. 178)

Рис. 34. Убийство князя Глеба Владимировича.
Миниатюра Радзивиловской летописи, конец XV в.
Библиотека Академии наук

Рис. 35. Богоматерь Печерская (Свенская)
с предстоящими Свв. Антонием и Феодосием
(конец XIII—XIV в.).
Государственная Третьяковская галерея

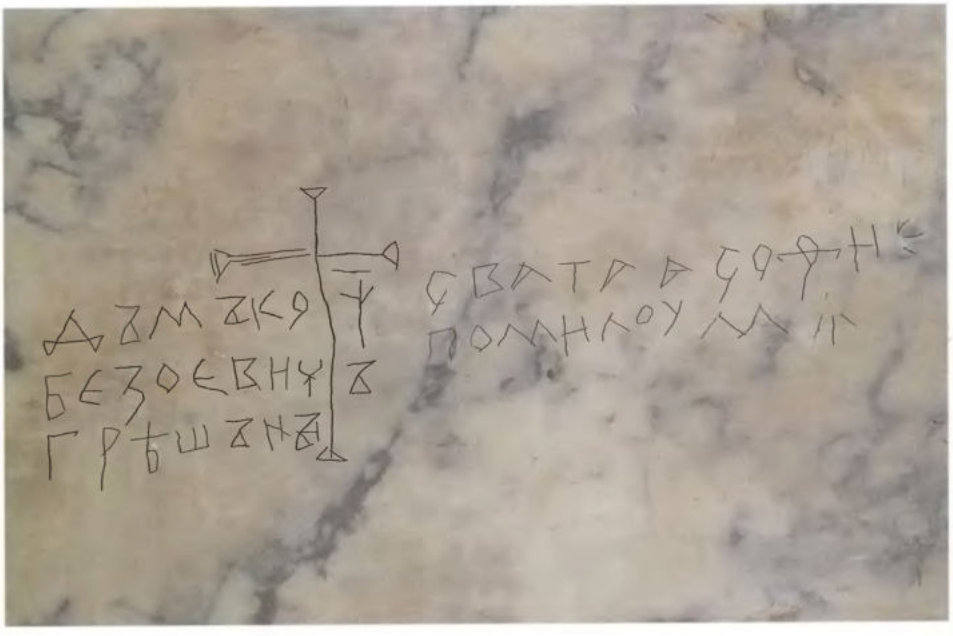


Рис. 36. Молитвенное граффито из собора Св. Софии в Константинополе: «Дъмъко ѱ(алъ) Безоевичъ грѣшьны. Сватаа Соѳие, помилоу мѧ». XI — первая половина XII в. (фото и прорись Ю. А. Артамонова)

Рис. 37. Берестяная грамота (№ 1045). Вторая четверть — середина XII в. Новгородский музей-заповедник

Рис. 38. Амулет-змеевик «Смоленская гривна». XII в. Государственный Эрмитаж

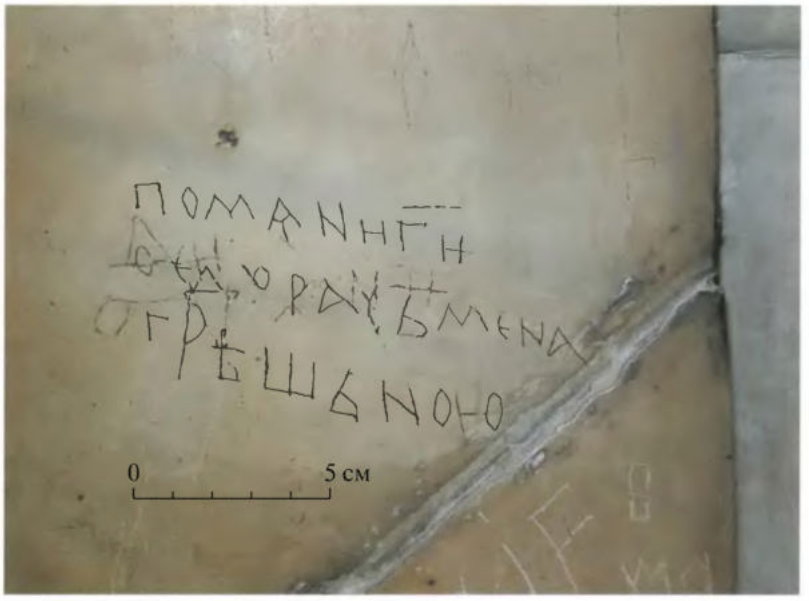


Рис. 39. Поминальное граффито из собора Св. Софии в Константинополе: «Помѧни, Г(оспод)и, Ѳедора [и] Сьмена грѣшьною». XI — первая половина XII в. (фото Ю. А. Артамонова)

Рис. 40. Цера новгородская. Начало XI в. Новгородский музей-заповедник

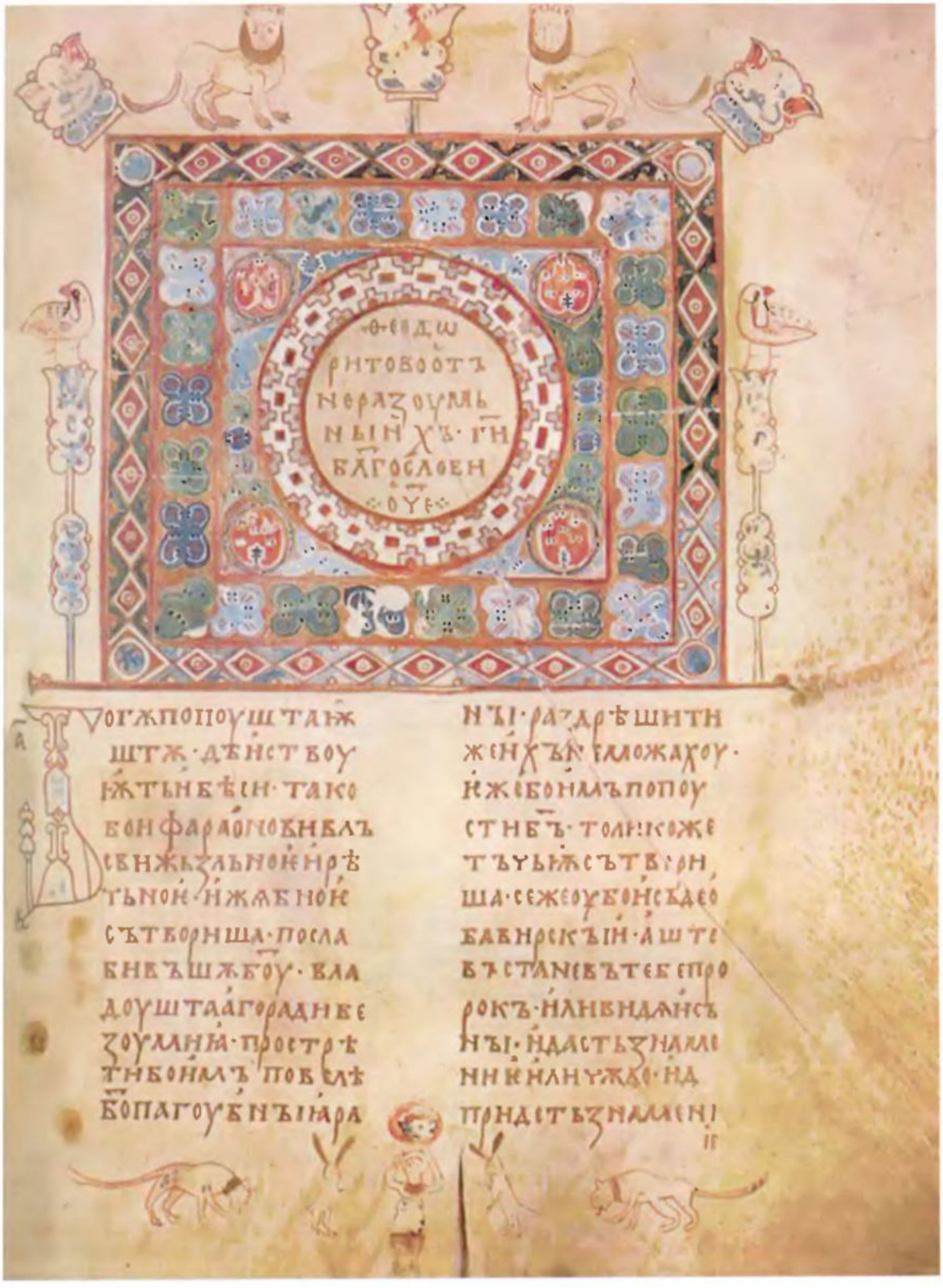


Рис. 41. Изборник Святослава 1073 г. Государственный исторический музей

Рис. 42. Киев. Десятинная церковь. 989—996 гг. План по результатам исследований 2005—2012 гг. (составитель О. М. Иоаннисян)

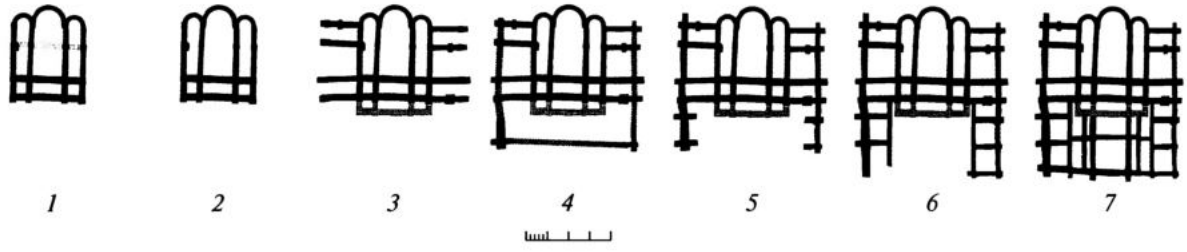


Рис. 43. Киев. Десятинная церковь. Этапы устройства фундаментов в процессе строительства 989—996 гг. По результатам исследований 2005—2012 гг.

1 — устройство фундаментов основного четырехстолпного объема, ров под восточную поперечную ленту откопан, но фундамент в него не уложен; *2* — окончательный отказ от использования восточного поперечного рва, храм приобретает черты купольной базилики; *3* — устройство фундаментов нартекса и поперечных лент фундаментов боковых галерей; *4* — откопка рвов под продольные фундаменты боковых и западной галерей. Определение общих габаритов здания; *5* — укладка фундаментов во внешние продольные рвы галерей в пределах габаритов основного объема с нартексом; *6* — устройство фундаментов внутренних продольных и поперечных лент боковых галерей к западу от нартекса; *7* — устройство фундаментов экзонартекса, атриума и внешней габаритной стены западной галереи. Окончательное формирование композиции здания (составитель О. М. Иоаннисян)

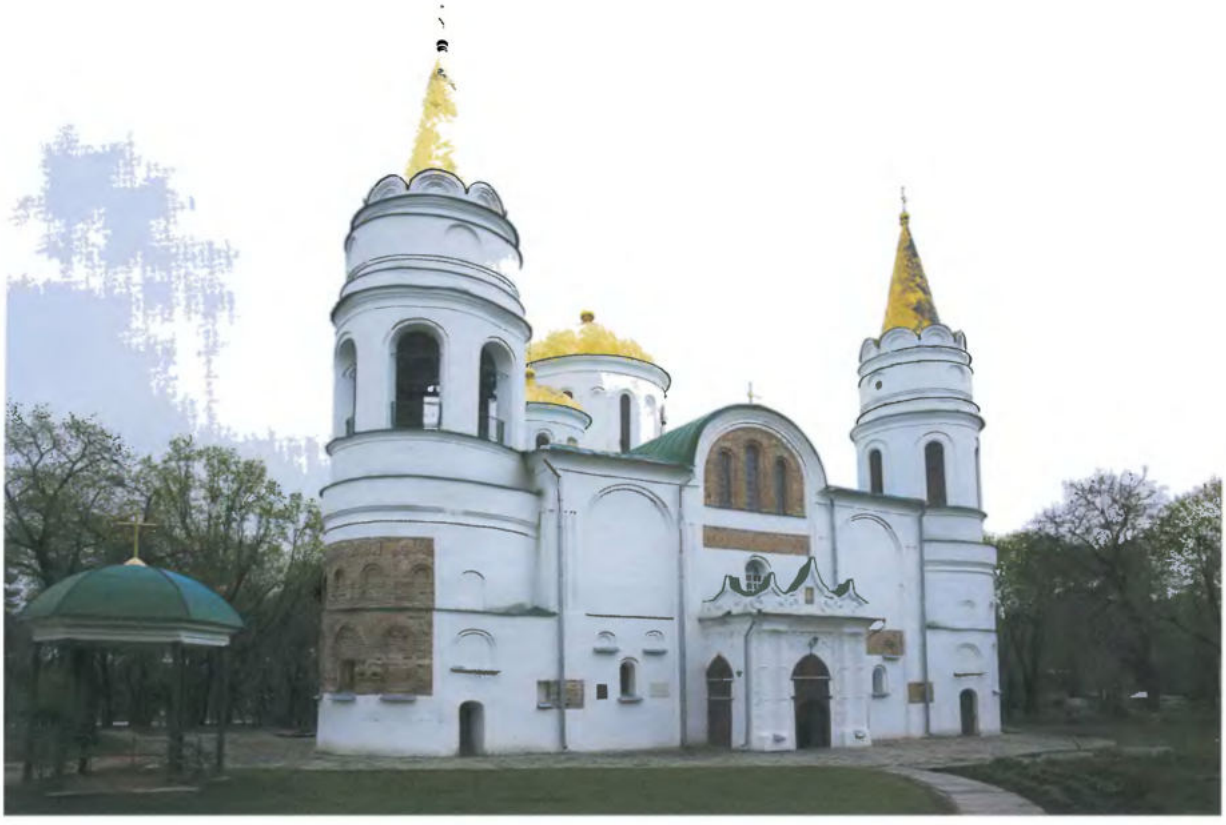


Рис. 44. Чернигов. Спасский собор. 1-я половина XI в. Современный вид (фото Д. А. Никонца)

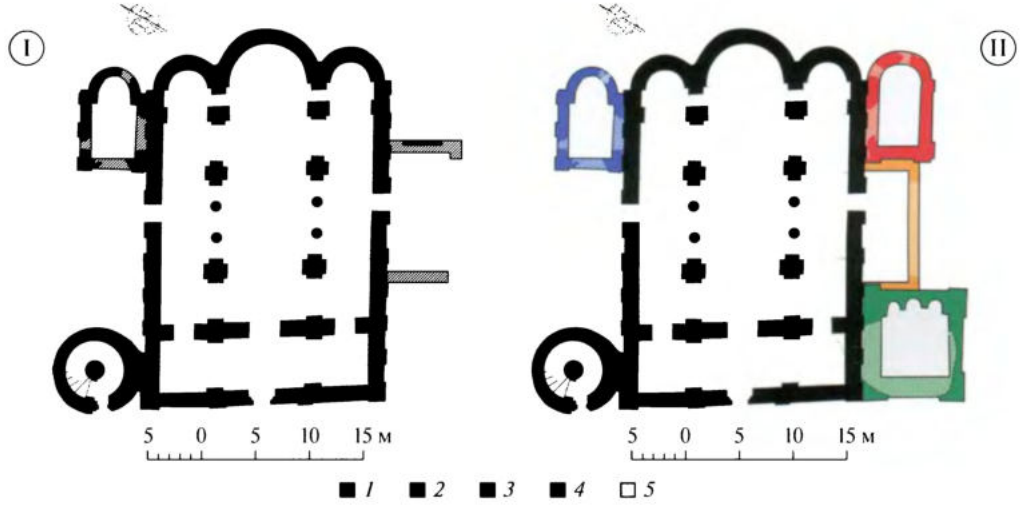


Рис. 45. Чернигов. Спасский собор.
I — схема композиционного замысла Спасского храма на первом этапе строительства храма (до 1036 г.);
II — схема плана Спасского храма с пристройками на XII в.
1 — основной объем храма — план на 1036 г.; *2* — северная капелла на 1036 г. и фундаментные рвы; южной пристройки-портика — до 1136 г. (фундаментные рвы выкопаны лишь частично, а сама пристройка не осуществлена); *3* — южная капелла, третья четверть XI в.; *4* — юго-западная капелла, конец XI — начало XII в.; *5* — южная галерея, XII в. (составитель О. М. Иоаннисян)

Рис. 46. Киев. Софийский собор. Первая половина XI в. Современный вид (фото Д. А. Никонца)

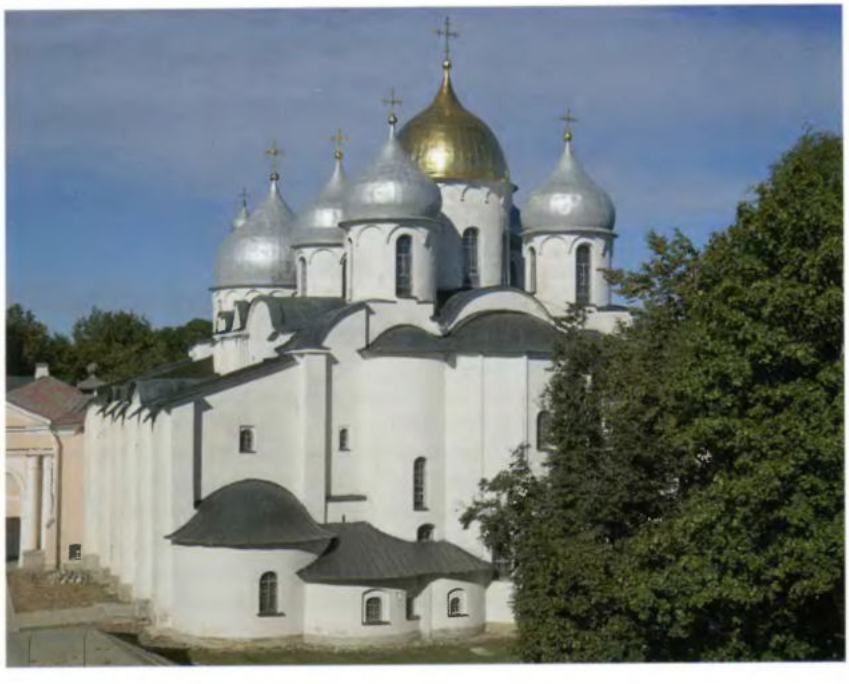


Рис. 47. Новгород.
Софийский собор. Середина XI в.
Современный вид
(фото Д. А. Никонца)

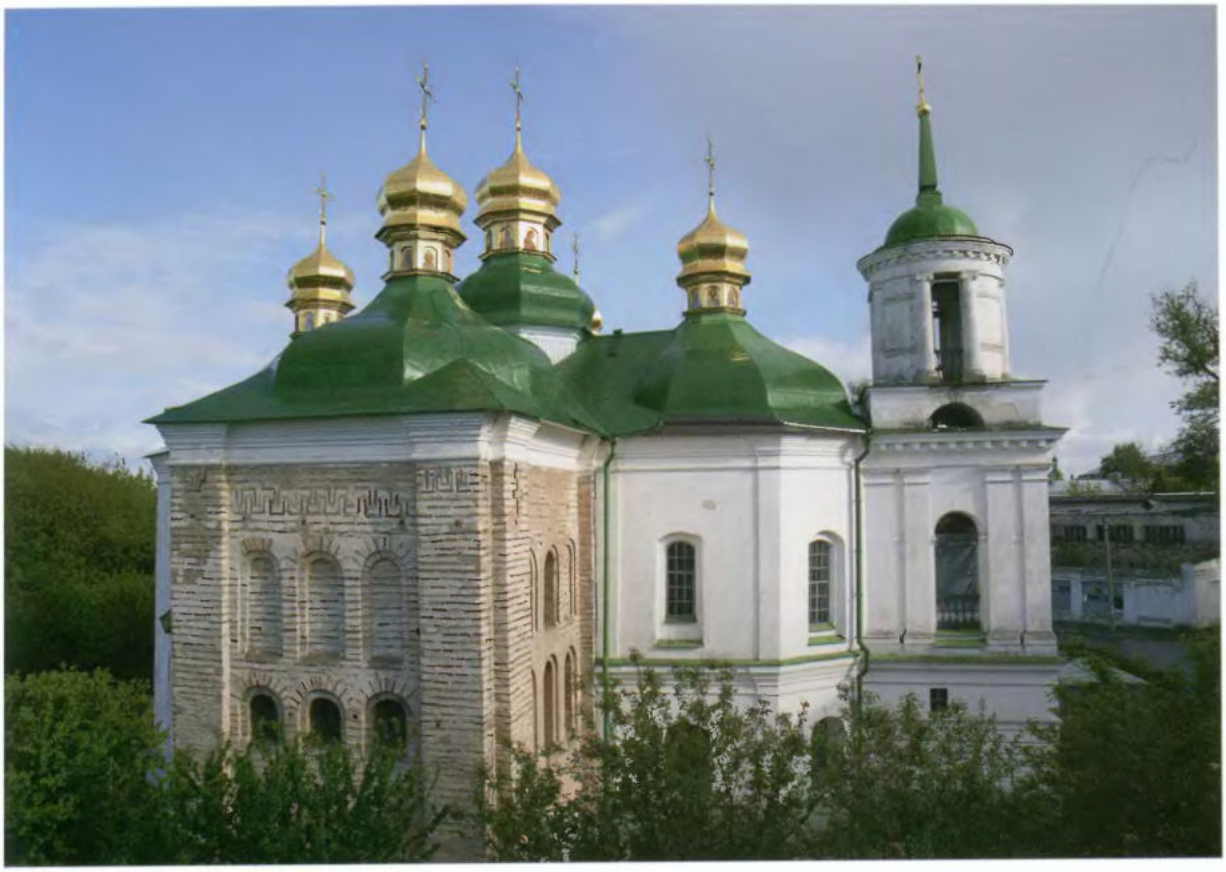


Рис. 48. Киев. Церковь Спаса на Берестове. 1-я четверть XII в. Современный вид (фото Д. А. Никонца)

Рис. 49. Чернигов.
Борисоглебский собор.
1-я треть XII в. Современный вид
(фото Д. А. Никонца)

Рис. 50. Чернигов. Борисоглебский собор. Фрагмент фасада (фото О. М. Иоаннисяна)

Рис. 51. Смоленск. Церковь Петра и Павла. Середина XII в. Современный вид (фото Д. А. Никонца)

Рис. 52. Владимир-Волынский. Успенский собор. 1150-е гг.
Современный вид (фото Д. А. Никонца)

Рис. 53. Новгород. Собор Николы на Ярославовом Дворище. Первая половина XII в.
Современный вид (фото В. Д. Куркова)

Рис. 54. Новгород. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Первая половина XII в. Современный вид (фото М. В. Чупринина)

Рис. 55. Псков. Спасский собор Мирожского монастыря. Середина XII в. Современный вид (фото Д. В. Серебряковой)

Рис. 56. Старая Ладога. Церковь Георгия. 1160-е гг. Современный вид (фото А. В. Слезкина)

Рис. 57. Новгород. Церковь Спаса на Нередице. 1198 г. Современный вид (фото Д. А. Никонца)

Рис. 58. Переславль-Залесский.
Спасо-Преображенский собор. Ок. 1152 г.
Современный вид
(фото Е. Г. Ермакова)

Рис. 59. Галич. Рельеф с изображением дракона из Успенского собора.
Середина XII в. (фото О. М. Иоаннисяна)

Рис. 60. Галич. Ротонда-квадрифолий («Полигон»).
2-я половина XII в. (фото О. М. Иоаннисяна)

Рис. 61. Церковь Покрова на Нерли близ Владимира. 1160-е гг:
Современный вид (фото И. М. Бесхлебного)

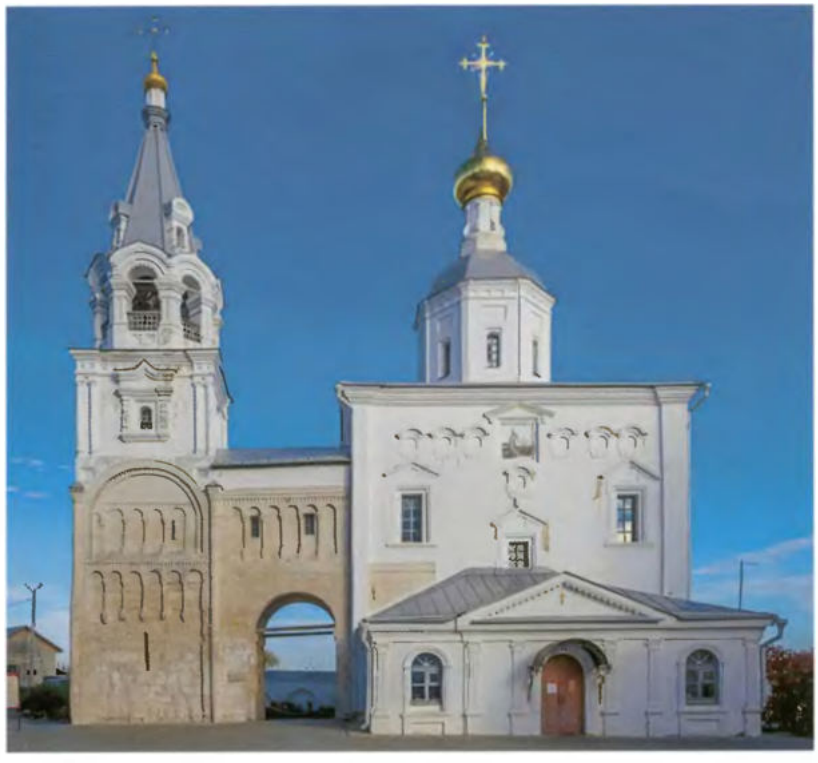


Рис. 62. Боголюбово близ Владимира. Ансамбль резиденции князя Андрея Боголюбского. 2-я половина XII в. Современный вид (фото Р. В. Турбаева)

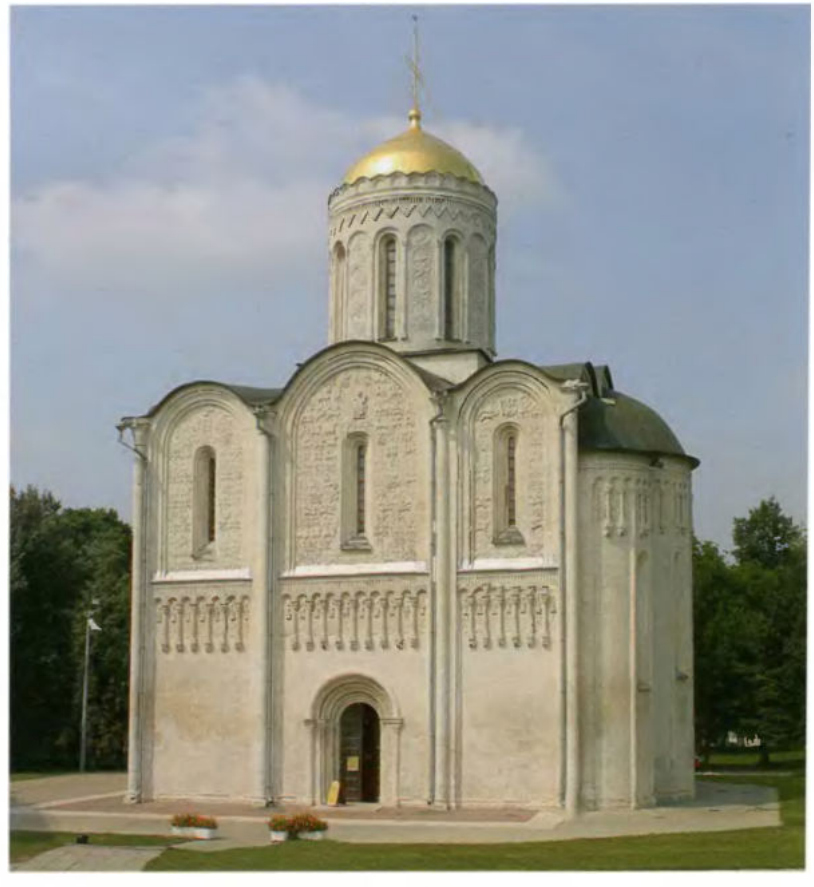
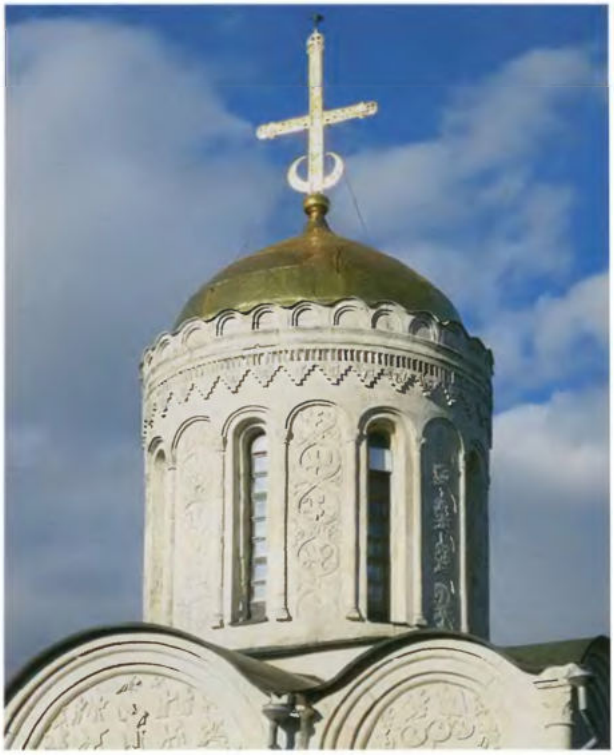


Рис. 63. Владимир. Дмитриевский собор. 1190-е гг. Современный вид (фото И. А. Андреевой)

Рис. 64. Владимир. Дмитриевский собор. 1190-е гг. Резьба барабана (фото Е. Г. Ермакова)



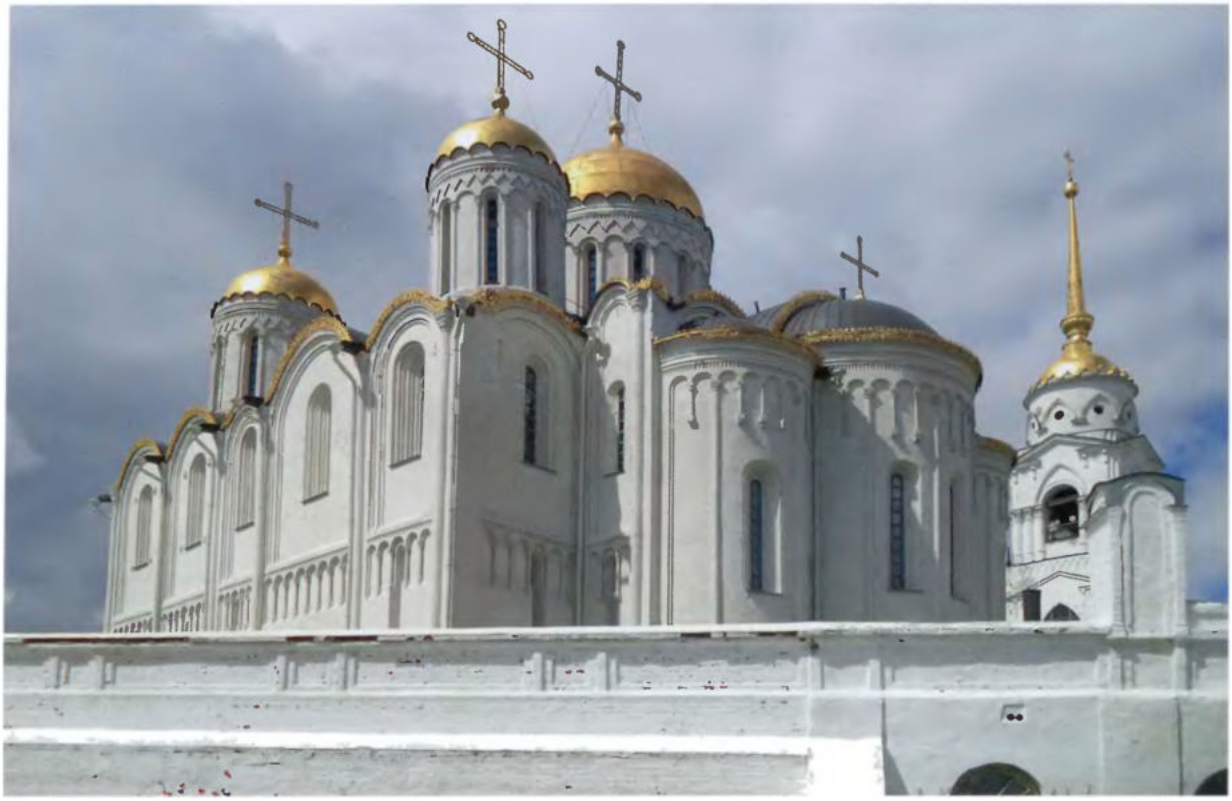


Рис. 65. Владимир. Успенский собор после его обстройки Всеволодом Большое Гнездо. 1185—1189. Современный вид (фото А. А. Горского)

Рис. 66. Полоцк.
Спасский собор
Евфросиньевского монастыря.
Середина XII в.
Современный вид
(фото Д. А. Никонца)

Рис. 67. Гродно. Борисоглебская церковь на Коложе. 2-я половина XII в.
Современный вид (фото О. М. Иоаннисяна)

Рис. 68. Гродно. Борисоглебская церковь на Коложе. Фрагмент фасада (фото О. М. Иоаннисяна)

Рис. 69. Чернигов. Пятницкая церковь. Конец XII — первая треть XIII в. Современный вид (фото А. Н. Хмелевского)

Рис. 70. Чернигов. Пятницкая церковь. Своды интерьера (фото О. М. Иоаннисяна)

Рис. 71. Смоленск. Церковь Архангела Михаила. Конец XII — начало XIII в. Современный вид (фото С. А. Дробжева)

Рис. 72. Галич (с. Шевченково Ивано-Франковской обл. Украины). Церковь Пантелеимона. Конец XII – начало XIII в. Вид после реставрации 2000-х гг. (фото А. Г. Кротова)

Рис. 73. Новгород. Церковь Рождества Богородицы в Перынском скиту. 1-я половина XIII в. Современный вид (фото И. В. Смирнова)

Рис. 74. Шиферный рельеф с изображением святых всадников Димитрия и Нестора. Из Михайловского Златоверхого монастыря. Вторая половина XI в. Государственная Третьяковская галерея

Рис. 75. Богоматерь Оранта. Мозаика центральной апсиды Софийского собора в Киеве. Вторая четверть XI в. (фото В. А. Заварицкой)

Рис. 76. Свв. целители Флор и Лавр. Фреска собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. 1125 г. Новгородский музей-заповедник

Рис. 77. Св. Георгий Победоносец. Икона Успенского собора Московского Кремля. Конец XI — начало XII в.

Рис. 78. Евангелист Лука. Миниатюра Остромирова евангелия.
1056–1057 гг. Российская Национальная библиотека

Рис. 79. Большой сион Софийского собора в Новгороде. Первая четверть XII в. Новгородский музей-заповедник

Рис. 80. Каменная резьба северного фасада церкви Покрова на Нерли. Около 1165 г. (фото И. М. Бесхлебного)

Рис. 81. Преображение. Роспись свода вимы Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове. Около 1140 г.

Рис. 82. Успение Богоматери. Икона из церкви Рождества Богородицы Десятинного монастыря в Новгороде. Начало XIII в. Государственная Третьяковская галерея

Рис. 83. Апостолы Петр и Павел. Миниатюра Апостола толкового. 1220 г.
Государственный исторический музей.

Рис. 84. Крест Евфросинии Полоцкой. 1161 г.
(в настоящий момент считается утраченным)

Рис. 85. Карта мира
Махмуда аль-Кашгари. XI в.
(по: Българските земи в европейската
картографска традиция.
Карта № IV.1. С. 236—237)

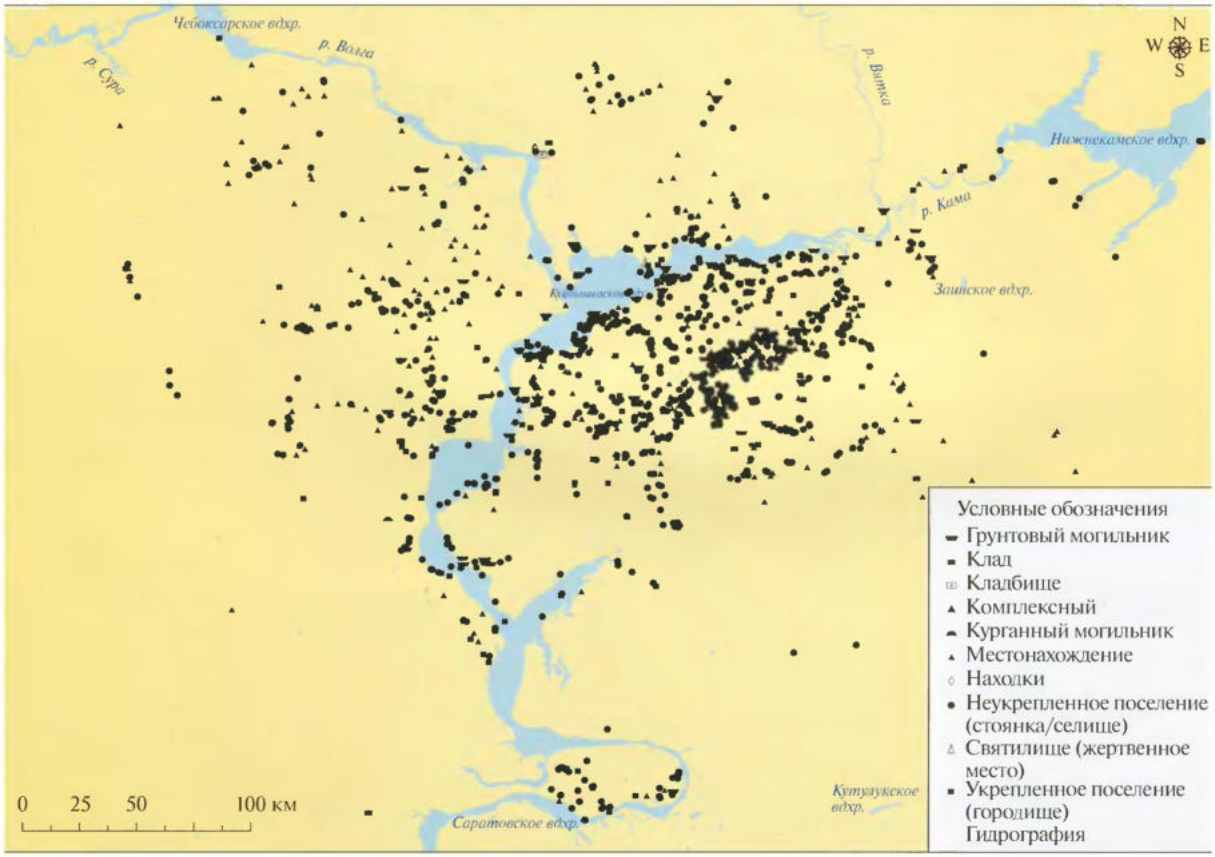


Рис. 86. Карта археологических памятников Волжской Болгарии
(составители: Г. М. Сайфутдинова, А. Г. Ситдиков)

Рис. 87. Ортофоплан
Кузнечихинского городища «Сувар»
(составители: И. И. Гайнуллин,
Б. М. Усманов. 2018 г.)

Рис. 88. Каменная башня мечети-крепости домонгольского времени
на Елабужском («Чертовом») городище (фото Ф. Ш. Хузина)

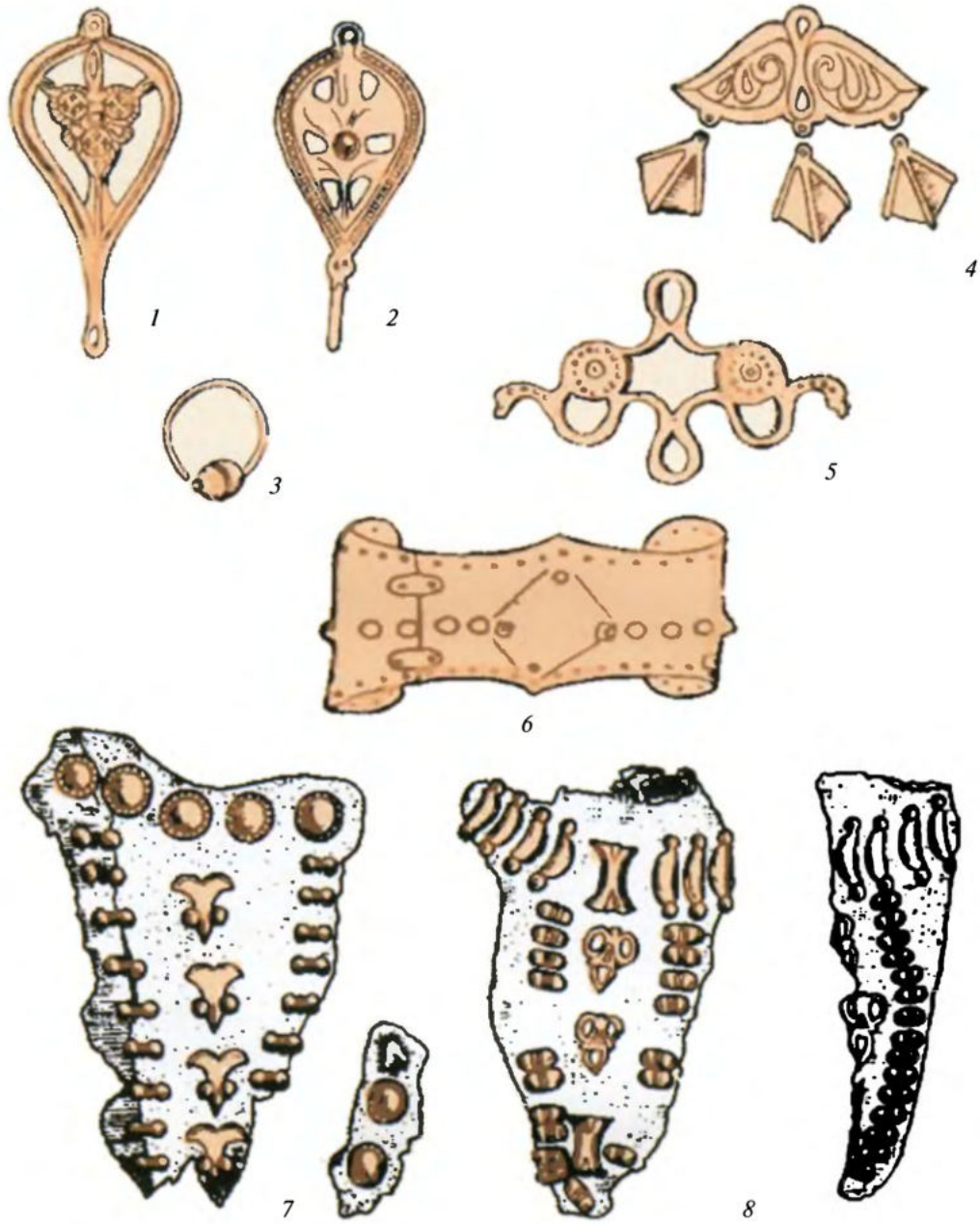


Рис. 89. Вещи из огузских погребений.
1 — бронзовая подвеска-копоушка. Саркел-Белая Вежа. Раскопки С. А. Плетневой, 1950-е гг.; *2* — бронзовая подвеска-копоушка. Увак, Оренбургская область. Раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой, 1960 г.; *3* — серебряная серьга. Саркел-Белая Вежа. Раскопки С. А. Плетневой, 1950-е гг.; *4* — птицевидная подвеска-амулет. Верхне-Погромное, Волгоградская обл., случайная находка, 1960 г.; *5* — птицевидная подвеска-амулет. Дюна Лапас, Астраханская область. Раскопки В. А. Филипченко, 1955 г.; *6* — бронзовый браслет. Саркел-Белая Вежа. Раскопки С. А. Плетневой, 1950-е гг.; *7* — бляшки-нашивки на обувь. Увак, Оренбургская обл. Раскопки Э. А. Федоровой Давыдовой, 1960 г. *8* — бляшки-нашивки на обувь. Дюна Лапас, Астраханская область. Раскопки В. А. Филипченко, 1955 г. (по: Федорова-Давыдова Э. А., 1969. С. 262—266; Плетнева С. А., 1990; История татар с древнейших времен. 2006. С. 434—437; Кригер В. А., 2012; Филипченко В. А., 1959)

1

2

3

Рис. 90. Печенежские вещи.
1 — золотые серьги. Погребение у с. Новотроевка, Самарская область. Случайная находка;
2 — бронзовая пряжка. Курганный могильник Алебасҗровая гора, Оренбургской губ. Раскопки Б. Н. Гракова, 1925 г.;
3 — бляшки уздечного набора. Хут. Гаевский, Воронежской губ. Случайная находка 1904 г.
(по: История татар с древнейших времен. 2006. Цветная вкладка после с. 352)

Рис. 91. Поединок Мстислава и Редеди.
Миниатюра Радзивилловской летописи, конец XV в.
Библиотека Академии наук

Рис. 92. Северо-восточный Кавказ в IX — нач. XIII в.
(составитель М. С. Гаджиев)

Рис. 93. Медный фельс эмира Дербента
Музаффара (ок. 1135—1160)
(по: Гончаров Е. Г., Злобин Г. В., 2021)

Рис. 94. Дербент. Гравюра сер. XVII в.
(по рисунку А. Олеария)

Рис. 95. Церковь близ с. Датуна. XI в.
(фото М. С. Галжиева)

Рис. 96. Медная монета
правителя Сарира Байара.
Начало XIII в.
(фото А. В. Акопяна)

Рис. 97. Кладбище Кырхляр в Дербенте. Вторая половина XI — сер. XII в.
(фото М. С. Гаджиева)

Рис. 98. Страница рукописи Абу Бакра Мухаммада ад-Дарбанди (ум. 1145)
«Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»)
(Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала) (фото М. С. Гаджиева)

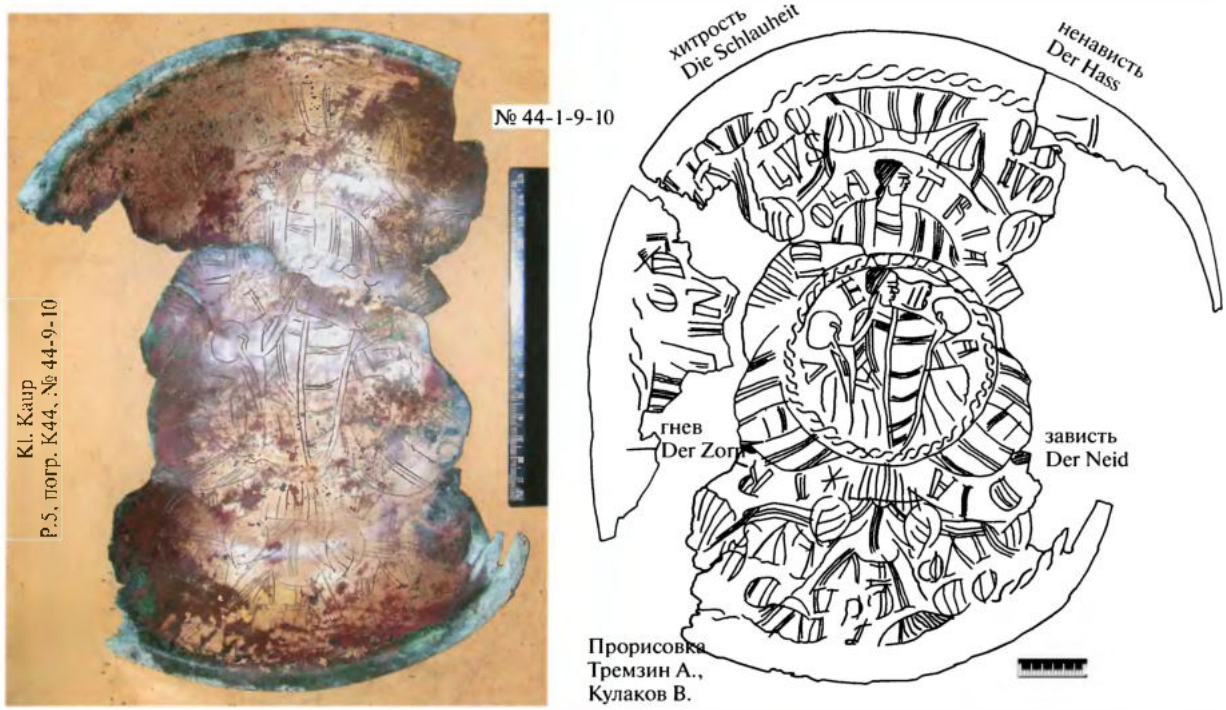


Рис. 99. Бронзовое блюдо, перекрывавшее в погребении К-44 могильника Малый Кауп группу кальцинированных костей
(по: Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград, 2012. Рис. 71)

Рис. 100. Космическая съемка урочища Кауп
(по: Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград, 2012. Рис. 21)

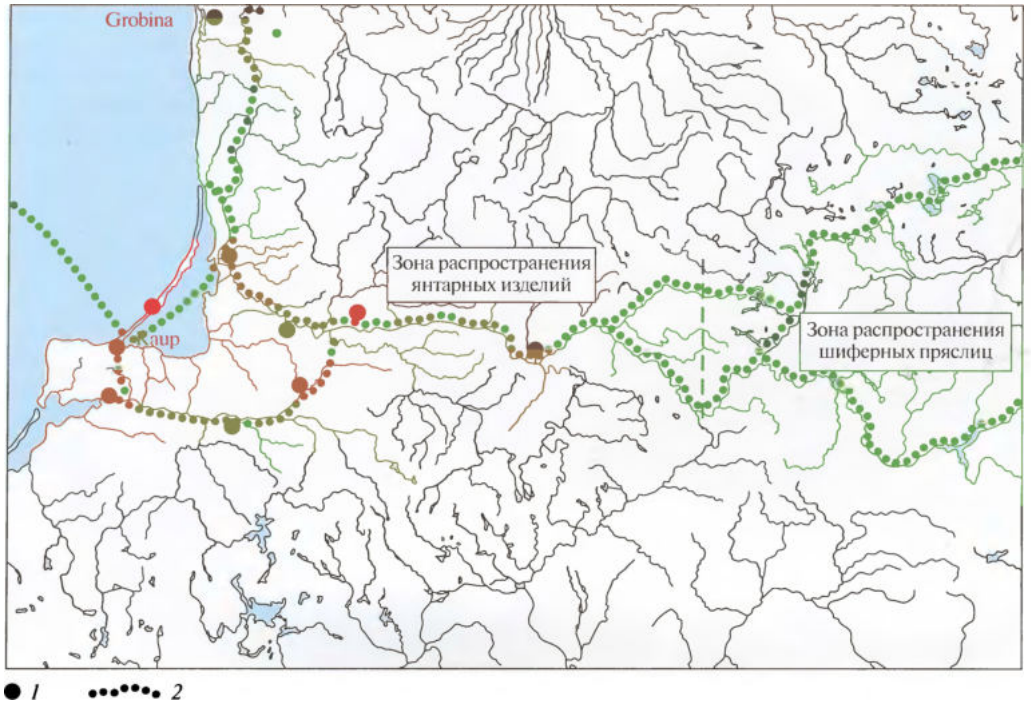


Рис. 101. Неманский торговый путь в своем западном отрезке.
1 варианты торгового пути; *2* — пункты находок свидетельств транзитной торговли
(по: Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград, 2012. Рис. 104)

Рис. 102. Изображения вурсхайта
из рукописи Х. Малстиуса (1561—1562 гг.)
(по: Кулаков В. И., 1994. Рис. 79)

Рис. 103. Хранилище мощей
Св. Войцеха-Адальберта в Гнезненском соборе
(из архива В. И. Кулакова)

Рис. 104. Корона Бильге-кагана, положенная в его мемориале на р. Орхон. Чеканное и литое золото, драгоценные камни. 735 г. Монголия (по: Баяр Д., 2004. Рис. 8)

Рис. 105. Писцы-монахи. Образец манихейской миниатюры и уйгурского письма. Фрагмент рукописи. Конец X — начало XI в. Городище Кочо. Турфанский оазис (по: Le Coq A., 1923)

Рис. 106. Пиршественный сосуд.
Литое золото, скань. Копёнский чаатас.
Конец VIII — начало IX в. Хакасия
(по: Евтюхова Л. А., 1973. Рис. 90)

Рис. 107. Железное стремя,
инкрустация серебром и бронзой.
Уйбатский чаатас. VIII в., Хакасия
(по: Евтюхова Л. А., 1948. Рис. 16)

Рис. 108. Раскопки манихейского храма. Зал с нишами и базами колоннады.
Уйбатский город. Вторая половина VIII в. Хакасия (фото И. Л. Кызласова, 1979)

Рис. 109. Бронзовая с позолотой фигурка бодхисаттвы.
Государство Бохай. ИИАЭ ДВО РАН

Рис. 110. Концевой диск черепицы
Копытинского храма.
Государство Бохай. ИИАЭ ДВО РАН

Рис. 111. Концевой диск черепицы.
Краскинское городище.
Государство Бохай.
ИИАЭ ДВО РАН

Рис. 112. Керамическая подставка.
Кокшаровское городище в Приморье.
Пост-бохайское время. ИИАЭ ДВО РАН

Рис. 113. Игральный кубик.
Абрикосовское поселение.
Государство Бохай.
ИИАЭ ДВО РАН

Рис. 114. Валы Николаевского городища
Партизанского района в Приморье (фото Н. Н. Крадина)

Рис. 115. Всадник. Бронза.
Шайгинское городище.
Империя чжурчжэней.
ИИАЭ ДВО РАН

Рис. 116. Голова дракона.
Николаевское городище.
Империя чжурчжэней.
ИИАЭ ДВО РАН

Рис. 117. Находки Шайгинского городища. Империя чжурчжэней.
1 — серебряная пайцза; *2* — бронзовая печать чжичжуна. ИИАЭ ДВО РАН

Территориально-политическое единство государства не исключало междоусобных войн князей — сначала за киевское княжение, позже и за отдельные волости. Первая усобица имела место уже в 970-е гг., когда боролись за власть сыновья Святослава — Ярополк, Олег и Владимир[29]. Еще более ожесточенный характер носила междоусобная борьба сыновей Владимира, длившаяся с 1015 по 1026 г. Владимир († 15 июля 1015 г.), по-видимому, видел своим преемником одного из младших сыновей — Бориса. Это намерение вызвало возмущение его старших сыновей — Святополка (который был усыновленным Владимиром сыном его брата Ярополка), княжившего в Турове, и новгородского князя Ярослава (старшего из родных сыновей)[30]. Святополк затеял заговор и был заключен отцом в темницу, Ярослав отказался выплачивать в Киев положенные две трети дани, взимаемые с Новгородской волости, и начал готовиться к войне с отцом[31]. После смерти Владимира власть в Киеве захватил Святополк. Он организовал убийства трех своих братьев — Бориса, Глеба и Святослава (Борис и Глеб позже будут признаны святыми). Но в 1016 г. против Святополка выступил из Новгорода Ярослав, войско которого составили, кроме собственной дружины, поддержавшие его новгородцы и наемные варяги. В битве под Любечем (на Днепре выше Киева) Ярослав одержал победу, несмотря на то что Святополку оказали помощь печенеги. Святополк бежал в Польшу к князю Болеславу Храброму, на дочери которого он был женат[32].

В 1018 г. Болеслав и Святополк выступили в поход на Русь. Ярослав потерпел поражение на реке Западный Буг, вынужден был оставить Киев и бежал в Новгород[33]. Болеслав, по-видимому, вынашивал планы самому стать верховным правителем Руси[34] (подобно тому как он ранее одно время совмещал польский и чешский престолы), что встретило противодействие Святополка. В результате Болеслав вернулся в Польшу, оставив за собой западную окраину русских земель с городами Перемышлем и Червеном (ранее отнятыми у Польши Владимиром). Но Ярослав опять получил поддержку от новгородцев, нанял на собранные ими деньги новую варяжскую дружину и снова двинулся на Киев. Святополк на сей раз бежал, не приняв боя, к печенегам, и Ярослав вторично вокняжился в Киеве. В следующем 1019 г. Святополк подошел к Киеву с печенежским войском, но Ярослав одержал над ним победу в сражении на реке Альте. Святополк бежал за западные пределы Руси и по дороге умер[35].

Однако на этом междоусобная борьба не закончилась. В 1021 г. войну с Ярославом вел его племянник, полоцкий князь Брячислав, сын старшего брата Ярослава Изяслава Владимировича († 1001). Он претендовал на Новгород, но был разбит Ярославом на реке Судомири и остался княжить в Полоцке. В 1024 г. на Русь выступил тмутороканский князь Мстислав Владимирович, чья дружина состояла в основном из хазар и касогов (адыгов). Он занял Чернигов и подступал к Киеву, однако не был принят киевлянами. Ярослав, находившийся в это

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74—78.

[30] Первые два сына Владимира — Вышеслав и Изяслав — умерли еще при жизни отца (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121, 129).

[31] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 135—136; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

[32] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132—142.

[33] Там же. Стб. 142—143; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. С. 136—137.

[34] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 108; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 130.

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143—146.

время на севере Руси, двинулся на Чернигов с войском, в состав которого входила сильная наемная дружина варягов. В битве под Лиственом (близ Чернигова) Мстислав одержал победу. Но на Киев он претендовать не стал. Братья заключили в 1026 г. договор, по которому к Мстиславу отходило все левобережье Днепра со столицей в Чернигове. Таким образом, на Руси установилось своего рода двоевластие Ярослава и Мстислава Владимировичей[36].

В 1036 г. Мстислав умер, не оставив сыновей, и Ярослав стал «самовластцем» Русской земли[37].

Преследуя цель избежать в дальнейшем повторения усобиц, Ярослав[38] в своем завещании (1054) ввел два принципиальных новшества. Во-первых, он в отличие от своих отца и деда оставил Киев и Новгород в одних руках — старшего сына Изяслава[39]. Во-вторых, на Юге Руси с Изяславом должны были делить власть его братья Святослав и Всеволод: для них создавались волости с центрами в Чернигове и Переяславле; при этом Святославу вместе с Черниговом передавался Муром, а Всеволод к Переяславлю получил Ростовскую волость. Изяслав в определенной мере должен был делить со Святославом и Всеволодом и верховную власть в стране: важнейшие политические решения (такие, как перевод из Владимира Волынского в Смоленск младшего брата Игоря, освобождение из темницы своего дяди Судислава, посаженного туда Ярославом по ложному обвинению в 1036 г.) три старших Ярославича принимали совместно[40]. Этот своего рода «триумвират» Ярославичей действовал до 1068 г., а затем начался десятилетний период усобиц.

В 1067 г. полоцкий князь, двоюродный племянник Ярославичей Всеслав Брячиславич захватил Новгород. Изяслав, Святослав и Всеволод выступили на него в поход и разбили на реке Немиге (близ Минска). Затем во время переговоров на Днепре под Оршей Всеслав был захвачен и заключен в Киеве в темницу — «поруб». В следующем 1068 г. на Русь двинулись кочевники-половцы (к 1060-м гг. занявшие степи Северного Причерноморья). В битве на реке Альте они нанесли Ярославичам тяжелое поражение. Это имело следствием восстание киевлян, в результате которого Всеслав был освобожден и провозглашен киевским князем. Изяслав Ярославич бежал в Польшу, откуда вернулся в 1069 г. с войском польского князя Болеслава Смелого. Всеслав не принял сражения и бежал, после чего Изяслав вновь взошел на киевский стол. Но четыре года спустя, в 1073 г., против него выступили родные братья — Святослав и Всеволод. Изяслав был снова изгнан из Киева и отправился на запад, где искал помощи в Польше, Германии и у римского папы. Киевским князем стал Святослав Ярославич, правивший до своей смерти в конце 1076 г. После этого недолгое время в Киеве княжил Всеволод, но летом 1077 г. он уступил престол Изяславу, получившему поддержку от поляков[41].

В 1078 г. в борьбу за столы на Руси вступили представители следующего поколения — внуки Ярослава. Борис Вячеславич (сын младшего из сыновей Ярослава, умер-

[36] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146—149.

[37] Там же. Стб. 150.

[38] Прозвище Мудрый, прочно закрепившееся за Ярославом в историографии, появилось в XIX в., средневековым источникам оно не известно (см.: *Горский А. А.* О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020. С. 9—11).

[39] Ранее, до своей смерти в 1052 г., в Новгороде княжил старший сын Ярослава Владимир (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150, 160).

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161.

[41] Там же. Стб. 167—174, 182—183, 198—199.

шего на смоленском княжении в 1057 г.) и Олег Святославич (сын Святослава Ярославича), ранее бежавшие в Тмуторокань, где княжил брат Олега Роман, с помощью половцев захватили Чернигов (которым в тот момент владел Всеволод Ярославич). Против них выступили Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром Мономахом. В битве близ Чернигова молодые князья потерпели поражение, при этом на поле боя пали Борис Вячеславич и киевский князь Изяслав Ярославич[42].

После гибели брата Всеволод, как единственный из оставшихся в живых сыновей Ярослава, занял киевский стол и сохранял его до своей кончины (1093). Ему удалось стабилизировать внутриполитическую ситуацию. При этом Всеволоду пришлось ради сохранения мира пойти на выделение волостей для некоторых князей младших поколений: Владимир Волынский был передан (после гибели княжившего там сына Изяслава Ярополка в 1086 г.) Давыду Игоревичу (сыну Игоря Ярославича), а Перемышль и Теребовль (города будущей Галицкой земли) внукам старшего сына Ярослава Владимира — Володарю и Василько[43].

После смерти Всеволода (1093) на киевский стол взошел сын Изяслава Ярославича Святополк (с 1078 по 1088 г. княживший в Новгороде, а позже — в Турове). Он был старшим среди внуков Ярослава, и сын Всеволода, Владимир Мономах, уступил ему Киев. Первые годы правления Святополка Изяславича были ознаменованы обострением отношений с половцами и вспышками междоусобной борьбы на Руси. Половцы в 1093—1096 гг. совершили несколько опустошительных набегов на Южную Русь. Князь Олег Святославич, с 1083 г. княживший в Тмуторокани, в 1094 г. с помощью половцев вынудил Владимира Мономаха уйти из Чернигова в Переяславль. В 1096 г. Святополк и Владимир изгнали Олега из Чернигова, после чего он попытался овладеть принадлежавшей Мономаху Ростовской волостью, но был разбит сыном Владимира Мстиславом, княжившим в Новгороде[44].

В 1097 г. съезд русских князей в городе Любече принял решения, долженствовавшие остановить междоусобицы. Было установлено, что потомки трех старших сыновей Ярослава Владимировича должны владеть «отчинами» — территориями, которыми владели их отцы по завещанию деда — Ярослава. Тем самым оказались намечены будущие рубежи некоторых земель эпохи «раздробленности» (хотя полностью решения Любечского съезда не были позже соблюдены). Святополк должен был получить Киев и относящуюся к нему волость (территория бывшей земли древлян и Туров с Пинском на реке Припяти), которыми владел его отец Изяслав Ярославич. За сыновьями Святослава Ярославича — Давыдом, Олегом и Ярославом — закреплялись владения их отца — Чернигов и Муром. Владимиру Всеволодичу Мономаху оставались Переяславль и Ростов, принадлежавшие его отцу. Остальные волости закреплялись за князьями, которым их отдал Всеволод: Владимир Волынский за Давыдом Игоревичем, Перемышль и Теребовль — соответственно за Володарем и Васильком Ростиславичами[45].

Однако сразу после Любечского съезда началась новая усобица. Давыд Игоревич, действуя в сговоре со Святополком Изяславичем, захватил и ослепил теребовльского князя Василька Ростиславича. Под давлением Владимира Мономаха и Давыда и Олега Святославичей Святополк пошел войной на Давыда Игоревича. Тот был изгнан из Вла-

[42] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199—204.
[43] Там же. Стб. 204—217.
[44] Там же. Стб. 217—234, 236—240.
[45] Там же. Стб. 256—257.

димира Волынского, после чего Святополк вознамерился захватить владения Василька и Володаря Ростиславичей — Теребовль и Перемышль. В результате Ростиславичи объединились с недавним врагом — Давыдом Игоревичем. В военные действия в Юго-Западной Руси оказались вовлечены венгры (на стороне Святополка) и половцы (на стороне его противников): в 1099 г. под Перемышлем венгерское войско во главе с королем Кальманом было разгромлено половцами хана Боняка. В 1100 г. конфликт завершился княжеским съездом в Уветичах. Давыд Игоревич, как зачинщик усобицы, был лишен Владимира Волынского, где стал княжить сын Святополка Ярослав. Перемышль и Теребовль остались за Ростиславичами[46].

Последующее десятилетие не было отмечено междоусобицами. Новый период стабилизации и укрепления верховной власти киевского князя наступил после вокняжения в Киеве в 1113 г. сына Всеволода Ярославича — Владимира Мономаха.

Владимир Всеволодич Мономах (род. 1053) был старшим сыном Всеволода; его матерью была родственница (по мнению большинства исследователей — дочь) византийского императора (правившего в 1042—1055 гг.) Константина IX Мономаха (отсюда прозвище князя — Мономах). В 1078—1093 гг., когда Всеволод Ярославич княжил в Киеве, Владимир занимал стол в Чернигове и остался там после смерти отца. Но в 1094 г. Чернигов пришлось отдать Олегу Святославичу (сыну Святослава Ярославича, когда-то княжившего в Чернигове), выступившему против Владимира в союзе с половцами. Мономах обосновался в Переяславле, где княжеский стол освободился после гибели его младшего брата Ростислава Всеволодича в битве с половцами в 1093 г. Положение Владимира, однако, подкреплялось тем, что его сыновьям принадлежали Новгород и Ростов.

Княжа 19 лет (1094—1113) в Переяславле, на границе со степью, Владимир Мономах много сделал для борьбы с половцами, чей натиск на Южную Русь достиг пика в 1090-е гг. Он вместе со Святополком Изяславичем организовал несколько крупных походов в степь при поддержке других русских князей (в 1096, 1103, 1107, 1111 гг.), в результате чего половцам были нанесены серьезные удары, некоторые их группировки даже откочевали подальше от русских границ. В 1113 г., после смерти Святополка Изяславича, Владимир Всеволодич был приглашен киевской знатью на княжение. Период киевского княжения Мономаха (1113—1125) был временем укрепления верховной власти на Руси (в сравнении с периодом ее ослабления при Святополке) — Владимиру удавалось держать других князей в повиновении. Большинством волостей — со столицами в Переяславле, Новгороде, Ростове, Смоленске, Турове — управляли сыновья Владимира. Черниговские князья (Святославичи), полоцкие князья и правившие в Перемышле и Теребовле Ростиславичи подчинялись воле киевского князя[47].

Верховенство киевского князя оставалось прочным и в княжение старшего сына Владимира Мономаха Мстислава (1125—1132). Его братья и сыновья, державшие большинство волостей на Руси, не выходили из воли киевского правителя. А полоцких князей за неповиновение Мстислав в 1129 г. лишил столов и отправил в ссылку в Византию[48]. Мстислав Владимирович имел полные основания начать свою жа-

[46] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257—274.

[47] См.: Великий князь Владимир Мономах. М., 2006. Князей, проявлявших неповиновение (Глеба Всеславича Минского и сына Святополка Изяславича Ярослава, княжившего до 1118 г. во Владимире Волынском), Владимир лишил владений (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282—285).

[48] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.

лованную грамоту Новгородскому Юрьеву монастырю (1130) со слов: «Се азъ Мстиславъ, Володимирь сынъ, държа Русьску землю...»[49].

* * *

В XII столетии Русь вступает в этап политического развития, который в дореволюционной историографии было принято именовать «удельным периодом», а в советской — «периодом феодальной раздробленности». Эти термины, разумеется, условны (слово «удел», производящее впечатление древнего, появляется только в XIV в.[50], то есть в XII—XIII вв. никаких «удельных князей» на Руси не знали).

Сущностью данной эпохи признается разделение единого государства на ряд фактически самостоятельных политических образований. Датировали это разделение ученые по-разному — от второй половины XI в. (время после смерти Ярослава, с 1054 г.) до середины XII столетия[51]. Но наиболее распространено представление об окончательном распаде государства после 1132 г. — года смерти киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха. И хотя серьезные перемены в политическом устройстве несомненно не происходили в одночасье, а подготавливались десятилетиями, для выделения этой вехи есть основания. В двадцатилетний период киевского княжения Мономаха и его сына (с 1113 по 1132 г.) власть Киева над Русью была (после некоторого ослабления в предшествующий период, при киевском княжении Святополка Изяславича, с 1093 по 1113 г.) довольно прочной. После же смерти Мстислава Владимировича начался период усобиц, и процесс обособления крупных волостей пошел полным ходом.

Признаком, по которому можно определять превращение волости в самостоятельное государство, является передача стола в ней по наследству без какого-либо участия киевского князя. Есть данные, что такая практика утверждается как раз во второй трети XII в. Так, в 1127 г., когда князь Всеволод Ольгович изгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича, это вызвало гневную реакцию киевского князя Мстислава Владимировича, причем из летописного рассказа ясно, что вокняжение Ярослава в Чернигове (в 1123 г.) произошло с санкции Мстислава и его отца Владимира Мономаха[52]. Позднее же занятие черниговского княжения было внутренним делом местной княжеской ветви.

Об особенностях политического развития Руси в XII в. можно судить по терминам и понятиям, существовавшим в ту эпоху.

Наиболее заметным изменением стало применение термина *земля* с территориальным определением не только к Руси в целом (*Русская земля*), но и к отдельным регионам Руси. Политические образования,

---

[49] ГВНП. М.; Л., 1949. № 81. С. 140.

[50] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 2. С. 12 (договор великого князя Московского и Владимирского Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем, датируемый 1348 г., см.: *Кучкин В. А.* Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с его братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 131—140). При этом слово «удел» употреблялось не в том значении, как это принято в историографии: самостоятельные политические образования уделами не назывались, этот термин использовался для обозначения владений представителей одной княжеской семьи, в том числе и ее главы, выделяемых по воле последнего (см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. № 5, 7, 11, 12, 13. С. 20—21, 23—24, 31—39).

[51] См.: *Кучкин В. А.* О времени существования Древнерусского государства: (Историография вопроса) // Исторический вестник. 2012. № 1 (148); *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси, 750—1200 / Пер. с англ. Д. М. Буланина, Н. Л. Лужнецкой. СПб., 2000. С. 463—502.

[52] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 290—292; Т. 1. Стб. 296—297.

которые в историографии обычно именуют «русскими княжествами XII—XIII вв.», назывались в то время «землями».

На территории Руси в XII столетии сложилось 12 земель: Киевская, Переяславская[53], Черниговская (первое упоминание словосочетания «Черниговская земля» относится к 1142 г.)[54], Волынская (первое упоминание — под 1174 г.)[55], Галицкая (первое упоминание — под 1152 г.)[56], Смоленская (первое упоминание — под 1190 г.)[57], Суздальская[58] (первое упоминание — под 1148 г., она же иногда называлась Ростовской[59]), Новгородская (первое упоминание — под 1137 г.)[60], Полоцкая (первое упоминание — под 1128 г.)[61], Рязанская (первое упоминание — под 1237 г.)[62], Муромская (первое упоминание — под 1257 г.)[63] и Пинская (первое упоминание — под 1247 г.)[64].

Нередко вместо полного названия («такая-то земля») употреблялось наименование стольного города («Новгород», «Суздаль» и т. д.), но при этом подразумевался не город, а именно земля в целом[65].

Земли формировались на основе крупных волостей предшествующего (XI — начала XII в.) периода. Вопреки распространенному мнению[66], они не повторяли границ догосударственных общностей IX—X вв. — «славиний»[67]: дело в том, что за время существования единого государства пределы волостей менялись по разным причинам — по воле киевских князей, в результате усобиц, разделов территорий

---

[53] Словосочетания «Киевская земля» и «Переяславская земля» в источниках домонгольского времени не встречаются; к политическим образованиям с центрами в Киеве и Переяславле применялось понятие «Русская земля» в узком значении (см. о нем: *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — начала XIII в. // ДГВЕ. 1992—1993. М., 1995. С. 74—100).

[54] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 611.

[55] Там же. Стб. 576—577.

[56] Там же. Стб. 448. Часто встречающегося в литературе (и на исторических картах) понятия «Галицко-Волынская земля» в XII в. не существовало: было две земли — Галицкая и Волынская — с разными княжескими династиями; их объединение произошло только в середине XIII в.

[57] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 670.

[58] Понятия «Владимиро-Суздальское княжество» или «Владимиро-Суздальская земля», закрепившегося в литературе, в исторической реальности не было. В XI в. столицей северо-восточной волости Руси был Ростов. Затем, в начале XII в., при первом самостоятельном ее князе Юрии Владимировиче Долгоруком стольным городом стал Суздаль, поэтому за владениями Юрия и его потомков закрепилось название «Суздальская земля» (реже эти владения именовались по старой столице, оставшейся центром местной епархии, «Ростовской землей»). Сын Юрия Андрей Боголюбский перенес столицу еще раз — во Владимир-на-Клязьме, но название «Владимирская земля» после этого не появилось.

[59] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366; Т. 1. Стб. 355.

[60] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 25.

[61] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299.

[62] НПЛ. С. 74.

[63] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

[64] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 799—800. В XII в. главным городом земли был Туров, но название «Туровская земля» в источниках не фиксируется. В XIII же столетии на первые роли вышел Пинск.

[65] См., например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351—352, 354, 428; Т. 2. Стб. 511, 537, 543, 545, 566, 571, 618, 633, 658, 667, 678—679, 758, 777, 779; НПЛ. С. 34—36. См. также: *Горский А. А.* Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII—XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России: К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Владимир, 2015. С. 27—32.

[66] См., например: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 474.

[67] См. историко-географические исследования: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование; Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. См. также: *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 53—61.

и т. д., вследствие чего ко времени обретения волостями статуса «земель» их границы были очень далеки от рубежей догосударственной эпохи[68].

Крупные волости превратились в земли, а понятие «волость» стало обозначать чаще всего теперь части территорий земель, находившиеся во владении того или иного князя, со стольным городом в качестве центра[69]. Таким образом, на другом, региональном, уровне была воспроизведена структура прежнего единого государства: *земля*, внутри нее — *волости*.

Переход к политической раздробленности не был регрессом, шагом назад в поступательном развитии общества. Его главной причиной являлось усиление региональных центров Руси. В крупных волостях, составных частях единого государства конца X — начала XII в., происходили рост населения, укрепление городов, формирование собственных земельных владений князей и бояр. В результате князья уже не столько стремились к переходу с одного стола на другой, более высокий (что было типично для XI в.), сколько старались закрепить за собой и своими потомками определенную волость. Вокруг них формировался местный слой бояр и младших дружинников, также крепко связанных именно с данной волостью, не желавших ее покидать и не нуждавшихся в поддержке со стороны центральной власти. В итоге в волости закреплялась определенная линия, ветвь княжеского рода Рюриковичей.

Ранее всех обособилась в династическом отношении Полоцкая волость: еще в конце X в. она была передана Владимиром своему сыну Изяславу[70] и закрепилась за его потомками (лишение полоцких князей их столов Мстиславом Владимировичем оказалось недолгим — после его смерти полоцкие князья возвратились из изгнания и вернули себе владения). Галицкая земля сложилась после объединения волостей с центрами в Перемышле и Теребовле, закрепившихся в конце XI — начале XII в. за сыновьями внука Ярослава Владимировича — Ростислава[71]. С вокняжением в Ростове в начале XII в.[72] сына Владимира Мономаха Юрия («Долгорукого») берет начало обособление Суздальской земли, где стали княжить его потомки. В 1127 г. произошло разделение владений потомков сына Ярослава, Святослава Ярославича, на две части: бóльшую с центром в Чернигове, доставшуюся потомству Олега и Давыда Святославичей, и меньшую с центром в Муроме[73]; последняя позже разделилась на две земли — Муромскую и Рязанскую — под управлением разных ветвей потомков младшего Святославича — Ярослава. Смоленская земля закрепилась за потомками Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха, вокняжившегося в Смоленске в 1120-е гг.[74] В Волынской земле с середины XII в. стали править потомки другого внука Мономаха — Изяслава Мстиславича; здесь главным столом был Владимир Волынский, вторым по значению — Луческ (Луцк)[75]. Во

[68] Так, Черниговская земля включила в себя бóльшую часть бывшей территории северян, часть территории радимичей и часть территории вятичей; на бывшей территории кривичей сложились две земли — Смоленская и Полоцкая, при этом в состав первой входила также часть радимичской и вятичской территории, а второй — часть территории дреговичей.

[69] См.: *Горский А. А.* Земли и волости. С. 26—30. Иногда понятие «волость» употреблялось в середине XII — начале XIII в. и как синоним понятия «земля».

[70] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

[71] Там же. Стб. 257; Т. 2. Стб. 308. Галич стал главным центром земли к 1140-м гг.

[72] См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 67—69, 72—73.

[73] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296, 301; Т. 2. Стб. 290.

[74] Там же. Стб. 298.

[75] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484—485.

второй половине XII в. за потомками Святополка Изяславича († 1113) закрепляется Туровское княжество, в XIII в. именуемое Пинской землей по своей новой столице.

Иной в сравнении с перечисленными землями статус был у Киевской и Новгородской земель. Киевский стол номинально продолжал считаться «старейшим», а Киев — столицей всей Руси. Распространенное мнение, что Киев утратил свое значение после разгрома его войсками Андрея Боголюбского в 1169 г., ошибочно — статус общерусской столицы сохранялся за Киевом вплоть до Батыева нашествия (и даже некоторое время после него). В результате князья сильнейших ветвей и соответственно сильнейших земель считали себя вправе претендовать на киевское княжение и вели за него ожесточенную борьбу. При этом Киевская земля стала объектом своего рода коллективного владения: представители сильнейших ветвей имели также право претендовать на «часть» (владение частью территории, городами) в ее пределах[76].

Что касается Новгородской земли, то в XII в. усилившееся местное боярство стало оказывать решающее влияние на выбор князей, и ни одной из княжеских ветвей не удалось закрепиться в Новгороде. Здесь сложилась форма государственности, при которой реальная власть принадлежала не приглашаемым князьям, а коллективу полноправных горожан во главе с местными боярами. Высшими должностными лицами Новгорода были выборный посадник и (с конца XII в.) тысяцкий, заметную роль играл и глава церковной организации — новгородский архиепископ[77].

Не стала владением определенной княжеской ветви также Переяславская земля, где в XII в. правили потомки Владимира Мономаха, представлявшие разные ветви. Накануне Батыева нашествия Переяславская земля, к тому времени утратившая свое значение, находилась под контролем князей суздальской ветви Мономаховичей[78].

Несмотря на выделение фактически самостоятельных земель, сохранялись понятия «Русь» и «Русская земля» для их совокупности. Вместе с тем оба эти термина приобрели и второе, узкое, значение: так именовали территорию в Среднем Поднепровье, охватывавшую Киевскую, Переяславскую земли и часть Черниговской[79].

Земли были относительно стабильными политическими образованиями. Когда идет речь о постоянных междоусобных войнах в эпоху «раздробленности», это не значит, что целью князей в них было захватывать что ни попадя. За единичными исключениями, князья домонгольского периода не посягали на столицы «чужих» земель, в которых правили иные княжеские ветви[80], более того, не стремились захватить и более

---

[76] См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 7, 21—22, 28—30. См. также ч. 3, гл. 14 — «Киевская земля».

[77] См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962 (2-е изд. М., 2003). Подробно см. ч. 3, гл. 15 — «Новгородская земля».

[78] См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 7, 23; *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодич в истории Руси первой трети XIII века. Нижний Новгород, 2006. С. 50—133.

[79] О ее границах см.: *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — начала XIII в. Остается предметом спора время появления этого значения у слова «Русь»: было ли оно древним, уходящим в догосударственную эпоху, или являлось новацией эпохи «раздробленности».

[80] К примеру, когда новгородский князь из смоленской ветви Мстислав Мстиславич в 1216 г. разбил владимирского князя Юрия Всеволодича и его брата Ярослава на их территории и решал судьбу владимирского стола, он не сел во Владимире сам (у него не было на это прав), а возвел на владимирское княжение своего союзника Константина Всеволодича, брата Юрия и Ярослава (см.: НПЛ. С. 53—56). Лишь в отношении слабых земель (Полоцкой, Рязанской) имели место эпизоды, когда сильные соседи пытались поставить во главе них своих родственников.

мелкие столы в пределах таких земель — центры «волостей». Войны шли, во-первых, за «общерусские», не принадлежащие определенной ветви столы (Киев, Новгород, с начала XIII в. — Галич); во-вторых, за перераспределение волостей внутри той или иной земли (то есть между князьями одной ветви; нередко с вовлечением в качестве союзников князей из других земель); в-третьих, за пограничные между землями территории (не затрагивая при этом стольных городов).

В начале XIII в. сильнейшими на Руси были четыре земли (и соответственно четыре правящие в них ветви рода Рюриковичей): Черниговская (ветвь так называемых Ольговичей — потомков Олега Святославича[81]), Смоленская (потомки Ростислава Мстиславича), Суздальская (потомки Юрия Владимировича Долгорукого) и Волынская (потомки Изяслава Мстиславича). Между их князьями шла борьба за столы, не закрепленные за какой-либо ветвью: киевский, новгородский, а также галицкий, ставший вакантным после прекращения в 1199 г. местной княжеской династии (борьбу за Галич осложняло вмешательство западных соседей — Венгрии и Польши). Особенно ожесточенный характер приняла эта борьба в Южной Руси в 1230-е гг.: здесь в это время развернулась практически перманентная война за Киев и Галич, в которой участвовали в первую очередь волынские, черниговские и смоленские князья[82]. Этот фактор сыграл свою негативную роль перед лицом последовавшего в конце 1230-х — начале 1240-х гг. монгольского нашествия: если в 1223 г., во время первого столкновения с монголами, князья Южной Руси сумели договориться и предпринять совместный поход в степь (хотя и закончившийся разгромом на реке Калке вследствие отсутствия координации действий в ходе собственно битвы), то во время вторжения Батыя не было даже попыток такого объединения сил.

* * *

В исторической литературе широко распространено мнение, что с середины — второй половины XII в. место Киева в роли главного центра Руси занимает Владимир-на-Клязьме, столица Северо-Восточной Руси (так называемого Владимиро-Суздальского княжества). В качестве наиболее заметных фигур политической сцены середины XII — начала XIII в. на страницах исторических трудов предстают, как правило, князья северо-востока — Юрий Долгорукий, его сыновья Андрей Боголюбский и Всеволод Великое Гнездо. Считалось несомненным, что Суздальская земля была в XII — начале XIII в. сильнейшей из русских земель, что и предопределило ее роль как ядра нового единого русского (Московского) государства впоследствии, в ордынскую эпоху. Именно такое представление о ходе истории Руси в столетие, предшествующее монгольскому нашествию, можно видеть в трудах Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, а также большинства авторов XX в. (отечественных и зарубежных), создававших обобщающие труды по русской истории[83].

Некоторое сомнение в справедливости этого представления появляется при обращении к такому объективному, не зависящему ни от знания позднейшего развития событий, ни от субъективных пристрастий летописцев и историков показателю, как количество известных науке укрепленных поселений середины XII — середины XIII в.

[81] Мужская линия потомков его брата Давыда к этому времени пресеклась.

[82] См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 6—7; *Он же.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 181—188.

[83] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2—3. М., 1991. С. 171, 192; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 528—532, 666; *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1. С. 275—294, 318—334; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. М., 1989. С. 37—41, 57—58.

Оказывается, что по количеству крупных (с укрепленной площадью более 1 га) укрепленных поселений Суздальская земля всего лишь на третьем месте — после Черниговской и Волынской земель, а по общему числу — и вовсе на седьмом, пропуская вперед еще и земли Смоленскую, Киевскую, Галицкую и Переяславскую[84].

Но представление о безоговорочном первенстве Суздальской земли не подтверждают и сведения письменных источников о политической истории Руси XII — начала XIII в.

Первый самостоятельный князь Суздальской земли Юрий Владимирович (в источниках XV—XVI вв. иногда фигурирующий с прозвищем Долгорукий), один из младших сыновей Владимира Мономаха, вступил в борьбу за гегемонию на Руси в 1147 г. и боролся с переменным успехом со своим племянником Изяславом Мстиславичем. Прочно утвердиться на киевском столе Юрию удалось только после смерти Изяслава (1154), в общей же сложности он занимал его всего около четырех лет, уйдя из жизни в 1157 г. киевским князем[85]. Сын Юрия Андрей Боголюбский в первые десять лет своего княжения во Владимире (куда он перенес столицу из Суздаля) не принимал активного участия в южнорусских делах. Он начинает претендовать на главенство среди русских князей в конце 1160-х гг., и не случайно именно тогда: после смерти в 1167 г. киевского князя Ростислава Мстиславича (родоначальника смоленской ветви Мономаховичей) Андрей остался старшим в поколении внуков Мономаха. В конце концов, ему удалось одолеть своего соперника и двоюродного племянника — Мстислава Изяславича (1169 г., после взятия посланными Андреем войсками Киева). Сам Андрей при этом в Киеве не сел, оставив там на княжении своего брата Глеба. Это действительно породило ситуацию, при которой в перспективе статус общерусской столицы мог перейти от Киева к Владимиру, так как именно последний избрал своей резиденцией князь, признававшийся на Руси сильнейшим. Но такое положение дел продлилось крайне недолго. Вскоре после смерти Глеба Юрьевича (1171) из повиновения Андрея вышли сыновья Ростислава, старший из которых, Роман, стал киевским князем; новый же поход на Киев, организованный Андреем (1173), окончился провалом. Затем (1174) Андрей Юрьевич погиб в результате заговора своих приближенных, и в Северо-Восточной Руси вспыхнула междоусобная война. Вышедший из нее победителем к 1177 г. младший брат Андрея Всеволод Юрьевич до середины 1190-х гг. не претендовал на доминирующую роль: его можно признать в это время только одним из трех сильнейших русских князей — наряду с киевскими князьями-соправителями Святославом Всеволодичем (из черниговских Ольговичей — потомков Олега Святославича) и Рюриком Ростиславичем (из смоленской ветви)[86]. В период после смерти Святослава (1194) Всеволода действительно можно считать самым авторитетным из русских князей; он признавался «старейшим в Володимере племени», то есть среди потомков Мономаха (поскольку оставался тогда единственным живущим из его внуков). Но решающего влияния на развернувшуюся в первом десятилетии XIII в. борьбу за Киев Всеволод не оказывал; при этом в первые годы этого столетия по крайней мере не слабее его был волынский князь

[84] См.: Древняя Русь: Город, замок, село. С. 30—31, 116, 119. Табл. 12, 19; *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 147—148.

[85] См.: *Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 35—56.

[86] О политической борьбе 1160—1180-х гг. см.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 130—157.

Роман Мстиславич (в 1199 г. овладевший Галичем)[87]. После смерти Всеволода (1212) нет никаких указаний на претензии его сыновей на верховенство во всей Руси. В качестве сильнейшего русского князя в 1210—1220-е гг. выступал Мстислав Мстиславич (из смоленской ветви): он княжил в Новгороде, потом в Галиче, при его решающем содействии на киевском столе в 1212 г. оказался Мстислав Романович, а на владимирском в 1216 г. — Константин Всеволодич (в последнем случае Мстислав с союзниками вторгся в Суздальскую землю, разбил владимирского князя Юрия Всеволодича и фактически решал судьбу главного княжения Северо-Восточной Руси)[88]. После смерти Мстислава (1228) наиболее влиятельными политическими фигурами на Руси, помимо сыновей Всеволода Великое Гнездо Юрия и Ярослава, являлись киевский князь Владимир Рюрикович (из смоленской ветви), черниговский князь Михаил Всеволодич и волынский князь Даниил Романович.

Если говорить о влиянии князей Суздальской земли на общерусские дела, то оказывается, что оно скорее убывает, чем возрастает: Юрий Долгорукий сам претендует на Киев, ходит на юг походами; Андрей Боголюбский стремится уже только к тому, чтобы в Киеве сидел его ставленник, сам в походы на юг не ходит, но организует их; Всеволод[89] влияет на южнорусские дела только путем политического давления, походов на Киев не организует; его сыновья не располагают уже и средствами политического давления. Такое убывание суздальского влияния на юге связано с отмиранием, по мере смены поколений князей и оформления различных ветвей потомков Мономаха, принципа старейшинства «в Володимере племени» (по которому суздальские князья почти все время имели преимущество) — он еще действовал при Всеволоде, но уже не работал при его сыновьях, хотя после смерти Рюрика Ростиславича в 1212 г. они остались единственными правнуками Мономаха.

Таким образом, оснований говорить о политическом превосходстве Суздальской земли над всеми другими русскими землями уже в домонгольский период нет. Это стойкое убеждение происходит из книжности Московского государства XV—XVI вв. Во-первых, большинство дошедших до нас летописей создано в Московском государстве в XV—XVI вв. Эти памятники основаны на летописании Северо-Восточной Руси предшествующего периода. Естественно, что местные летописцы второй половины XII — начала XIII в. уделяли наибольшее внимание событиям в своей земле и деяниям своих князей, не упуская возможностей представить их в выгодном свете. Этот «перекос» перешел в летописание «московской» эпохи. Во-вторых, в московской литературе XVI в. был прямо сформулирован тезис о переходе столицы Руси из Киева во Владимир. В «Степенной книге царского родословия» (1560-е гг.), памятнике, проводившем идею исконности самодержавной власти на Руси, прямо утверждалось, что при Андрее Боголюбском «самодержавство» перешло из Киева во Владимир, после чего киевские князья стали «подручниками» владимирских[90]. Именно эта сложившаяся в середине XVI в. концепция была некритически воспринята в историографии.

---

[87] См.: *Головко О. Б.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. Київ, 2001.

[88] НПЛ. С. 53—56.

[89] Традиционное прозвище этого князя в современной исторической литературе — Большое Гнездо — является переводом на современный русский язык прозвища Великое Гнездо, которое прилагалось к Всеволоду в XV—XVI вв. в силу того, что его потомками были многочисленные династии князей Северо-Восточной Руси ордынской эпохи.

[90] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 450.

Киевский князь сохранял статус «старейшего» на всей Руси. Таким образом, несмотря на фактический распад Руси на самостоятельные земли, оставалось представление о ее номинальном единстве под главенством киевского князя. Борьба сильнейших князей за право править в Киеве была в определенной мере центростремительным фактором. Киевский князь не носил особого титула, но имел право именоваться «князем всея Руси»[91]. Особый титул появился как раз у князей Северо-Восточной Руси — Суздальской земли. Всеволод Юрьевич с 1180-х гг. стал последовательно именоваться великим князем[92]. Но эпитет «великий» в его отношении подразумевал верховенство не на всей Руси, а в пределах Суздальской земли; полностью титул звучал как «великий князь Суздальский»[93].

В историографии иногда постулируется наличие тенденций к общерусскому объединению в XII—XIII вв. со стороны князей Северо-Восточной Руси или существование двух центров объединения — на Северо-Востоке и Юго-Западе («Галицко-Волынская земля»); монгольское нашествие якобы прервало эти тенденции, и в XIV в. им надо было только возобновиться. Однако такого рода представления не подкрепляются фактами. Князья Суздальской земли домонгольского периода не обнаруживают стремления присоединить к своему государственному образованию какие-либо иные земли; это противоречило бы признанному в то время закреплению земель за определенными династиями, ветвями рода Рюриковичей. Другого же «претендента на объединение» — Галицко-Волынской земли — в домонгольскую эпоху просто еще не существовало: в первой половине XIII в. шла борьба за «галицкое наследство», и только в 1240-е гг. оно было закреплено за волынскими князьями.

Территориальный передел на восточнославянской территории, приведший в конце концов к демонтажу системы «земель» и господству двух крупных политических образований — Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского, начнется позже, уже в ордынскую эпоху, а завершение получит в XV столетии[94]. Ко второй половине XIII — началу XIV в. относится и переход статуса номинальной столицы всей Руси от Киева к Владимиру[95].

---

[91] *Горский А. А.* Титулование «всея Руси» и русские князья XI—XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 43—50.

[92] См.: *Poppe A.* Words that serve the authority: on the title of "Grand Prince" in Kievan Rus'.

[93] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741, 758, 779, 808; *Горский А. А.* Великий князь Северо-Восточной Руси — владимирский или суздальский? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 33—34.

[94] См.: *Горский А. А.* От *земель* к *великим княжениям*: «Примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010.

[95] См.: *Горский А. А.* Переход статуса общерусской столицы от Киева к Владимиру и княжение Михаила Ярославича // Михаил Тверской: 700 лет в исторической памяти. Тверь, 2019. С. 18—22.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Социально-экономические отношения

Вопрос об общественном строе Руси домонгольского периода вызвал в историографии (в первую очередь XX столетия) долгие дискуссии[1]. В 1930-е гг. в отечественной науке утвердилось представление о «феодальном» характере древнерусского общества. «Феодализм» — условный научный термин, появившийся в XVIII столетии (от лат. *feodum* — «владение»; так именовалась одна из форм земельной собственности на Западе Европы в Средние века). Представители разных научных школ вкладывали в него разное содержание: от общественно-экономической формации (то есть всей совокупности общественных отношений), существовавшей в разных частях света, до политико-правовой системы, имевшей место в Западной Европе в течение одного из периодов Средневековья. Советские историки 1930-х гг. воспринимали понятие «феодализм» в широком (свойственном марксизму) значении — как общественно-экономическую формацию. Но представление о конкретных путях его возникновения исследователи взяли у одного из направлений так называемой «вотчинной теории» в изучении средневекового Запада. Согласно этому представлению, сущность «феодализации» была в смене крестьянской общины в качестве собственника земли вотчиной (сеньорией) — крупным частным земельным владением. Именно крупная частная земельная собственность признавалась экономической основой феодального строя.

Концепция формирования феодального общества на Руси в трудах ее главного разработчика в 1930-е гг. Б. Д. Грекова сводилась к трем главным положениям: 1) генезис феодализма состоял в возникновении крупной частной земельной собственности, так называемых феодальных вотчин; 2) эта собственность на Руси господствовала уже в IX—X вв.; 3) часть крестьян-общинников попадала тогда в зависимость[2].

Взгляды Б. Д. Грекова на древнерусское общество надолго закрепились в вузовских и школьных учебниках[3], но недолго продержались в науке. Они входили в слишком явное противоречие с данными источников: для IX—X вв. в них нет сведений о крупном частном землевладении знати (они появляются только с XI столетия, при этом даже для XII в. являются немногочисленными). Уже в начале 1950-х гг. появилось другое

[1] Подробное их рассмотрение см.: *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб., 1996.

[2] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.

[3] Победили они, впрочем, не сразу: в конце 1930-х гг. была попытка сформулировать точку зрения о рабовладельческой природе Киевской Руси (с опорой на «Краткий курс истории ВКП(б)», где постулировалось обязательное прохождение каждым народом пяти формационных стадий — первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической) (см.: *Горская Н. А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 120—123).

направление в трактовке содержания генезиса феодальных отношений на Руси.

Л. В. Черепнин в работах 1950—1970-х гг. сформулировал точку зрения, согласно которой на раннем этапе, в X—XI вв., на Руси преобладала не крупная частная земельная собственность, а верховная собственность на землю государства, реализовывавшаяся через взимание дани и других государственных повинностей. Основная масса рядового населения была представлена в это время лично свободным, но подвергавшимся государственной эксплуатации населением соседских общин — *смердами*-данниками[4].

Тезисы о преобладании «государственно-феодальных» отношений в раннесредневековой Руси, о дани как основной форме эксплуатации были поддержаны в 1960—1980-е гг. многими исследователями[5]. Причем представление об активной роли государства в общественных отношениях, выдвинутое Л. В. Черепниным, получило развитие в ряде работ, посвященных отдельным социальным группам. Б. А. Рыбаков обосновал гипотезу, согласно которой термином «смерды» обозначались не крестьяне-общинники (как полагало большинство исследователей), а особая категория населения, зависимая от князя: они одновременно занимались земледелием и несли военную службу[6]. Б. Н. Флоря установил факт существования на Руси так называемой «служебной организации» — особых групп княжеских людей, обслуживавших повседневные нужды князя и знати[7].

В то же время появились и гипотезы, по-иному оценивавшие факт отсутствия частного крупного землевладения на Руси в IX—X вв. и его относительно малую распространенность в два последующих столетия. Была выдвинута точка зрения о рабовладельческом характере Древнерусского государства[8] (впрочем, отвергнутая практически всеми исследователями). Большее распространение получила концепция, отрицающая наличие на Руси домонгольского периода противостоящих друг другу социальных слоев (классов). Согласно этой точке зрения (И. Я. Фроянов), IX—X вв. были еще последней стадией родоплеменного строя, а в XI—XIII вв. на Руси существовали города-государства общинного типа, где все решал народ; князья выступали лишь в качестве должностных лиц, приглашаемых общиной[9].

Для IX—X вв., эпохи складывания Древнерусского государства, сведений о социальном строе в источниках крайне мало. К реалиям IX в. (второй его половины) относится только известие арабского геогра-

---

[4] *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной земельной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4. С. 38—63; *Он же.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 131—187.

[5] См., например: *Щапов Я. Н.* О социально-экономических укладах в Древней Руси XI — первой половины XII в. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 85—119; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.

[6] *Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1. С. 47—58; № 2. С. 36—57.

[7] *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56—74.

[8] *Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970; *Она же.* Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. Минск, 1982.

[9] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; *Он же.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

фа Ибн Русте о сборе правителем «славян» (точная локализация которых к тому же неясна) дани «платьями» (возможно, мехами)[10]. Серединой X столетия датируется картина, рисуемая в сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Автор рассказывает о сборе киевскими князьями дани с зависимых «славиний» (древлян, северян, кривичей, дреговичей), причем приводится в греческой транскрипции древнерусский термин, обозначающий объезд подчиненных территорий с этой целью, — *полюдье*[11]. Сведения древнерусского Начального летописания («Начальный свод» конца XI в. и Повесть временных лет начала XII в.) говорят о наложении киевскими князьями в конце IX—X в. дани на славянские общности, при этом указывая ее фиксированные размеры и определенные единицы обложения[12]. В некоторых случаях назван «потребитель» дани. Рассказ о гибели Игоря от рук данников-древлян под 6453 (945) г. начинается со слов: «В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ: „отрочи Свѣнльжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы нази; а поиди, княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мы“»[13]. Из этого обращения дружины к Игорю ясно, что дань шла на нужды князя и членов его *дружины*. Под 1014 г. в Начальном летописании говорится о порядке распределения дани новгородским князем-наместником (имеющаяся при этом ремарка «и тако даяху въси князи (вар.: посадници) новъгородстии» указывает на давность такого обычая, в силу чего его можно распространить на X столетие, ибо первое известие о князе-наместнике в Новгороде относится к 940-м гг.[14]): «Ярославу же живущу в Новѣгородѣ и урокомъ дающю дань Кыеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху въси князи новгородстии»[15]. «Гриди» — одно из обозначений членов княжеской дружины (распространенное главным образом на севере Руси)[16]. Следовательно, данное свидетельство также говорит о распределении князем собранной дани среди своей дружины.

Дань собиралась как с подчиненных, но еще не включенных в состав государства «славиний», так и с территорий, находящихся непосредственно под властью киевской княжеской династии[17]. Помимо дани летописные известия фиксируют еще один вид государственных податей — *виры* (судебные штрафы). В так называемом «Предисловии к Начальному своду конца XI в.» говорится: «Васъ молю, стадо Христово, с любовию приклоните уши ваши разумно: како быша древни князи и мужие ихъ, и како отбараху руския землѣ, и ины страны придаху под ся; тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимых виръ, ни продаж въскладаху люди; но оже будет правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на

[10] *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 388.

[11] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 50—51.

[12] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 24, 42, 65, 81—84; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 109—110.

[13] НПЛ. С. 110; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54.

[14] Согласно Константину Багрянородному, при жизни Игоря в Новгороде сидел его сын Святослав (*Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 44—45). Позже при Святославе там княжил Владимир, а при Владимире ранее Ярослава — Вышеслав (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69, 83).

[15] НПЛ. С. 168; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

[16] См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 49—50.

[17] В пользу этого говорит приведенное выше (см. примеч. 15) летописное известие о сборе дани новгородским князем — наместником князя киевского в начале XI в. как традиции.

оружье»[18]. Здесь прямо указывается, что виры в некие давние времена шли на вооружение дружины князя. На это же указывает летописный рассказ о деятельности Владимира Святославича (под 996 г.). В нем говорится, что Владимир по совету епископов «отвергъ виры, нача казнити разбоиникы». Но вскоре «рѣша епископи и старцы: „Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди“. И рече Володимиръ: „Тако буди“. И живяше Володимеръ по устроенью отню и дедню»[19]. Судебные штрафы оказываются в распоряжении князя и идут на вооружение и экипировку дружины.

Начиная с рассказа о временах Ольги (середина X в.) летописание упоминает села и охотничьи угодья — личные владения киевских князей[20].

Знать Руси в летописных известиях представлена князьями и окружающей их *дружиной*[21]. Представители верхнего слоя дружины именовались *боярами*, нижнего — *отроками* или *гридями*[22].

Таким образом, имеющиеся сведения об общественном строе Руси IX—X вв. позволяют полагать, что общественная элита состояла из князей и военно-служилой знати. Она существовала за счет получения от населения прибавочного продукта в виде дани — поземельной подати и судебных штрафов. Что касается частного крупного землевладения, то можно говорить лишь о первых шагах в его формирования — при этом только с середины X в. и только в отношении киевских князей.

В XI — начале XIII в., в период существования единого государства Русь, система поземельных и судебных податей продолжала развиваться. Для суждений о ней имеются источники, один из которых относится к началу указанного периода, а другой — ко второй трети XII в., времени начала «раздробленности». В первом — «Уставе князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных» (начало XI столетия) — говорится о *десятине* от государственных доходов, пожалованной Церкви; в качестве центров территориального деления указаны города и *погосты*[23]. Второй — уставная грамота Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича (1136) — содержит роспись податей с территории Смоленской «волости» (как раз в это время обретавшей статус самостоятельной «земли»). Здесь называются такие виды государственных повинностей, как *дань*, *полюдье* (в данном случае особая подать, существующая в отдельных местах), *виры* и *продажи* (судебные штрафы), в дополнительной к Уставу грамоте — *погородье* (налог на городских жителей). Пунктами, по которым расписаны повинности внутри волости, являются города и погосты[24].

Сведения указанных источников, а также летописей[25] и законодательного памятника — Русской Правды[26] — позволяют

---

[18] НПЛ. С. 103—104.

[19] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127; ср.: НПЛ. С. 167.

[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60, 74, 80.

[21] Слово «дружина» могло употребляться в значении «товарищи, спутники» и «войско», но чаще всего так именуется в источниках совокупность людей, окружающих князя и служащих ему на основе личной верности (*Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 3, 80; *Он же.* О составе древнерусской дружины // Российская история. 2014. № 6. С. 26—31).

[22] См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 41—43, 49, 51—52; *Он же.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 105—107; *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012. С. 304—358, 363—376.

[23] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 15, 18, 23.

[24] Там же. С. 141—146.

[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130, 175; НПЛ. С. 168.

[26] Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 73, 81, 105, 116 (ст. 42 Краткой редакции и ст. 9, 10, 107 Пространной редакции).

заключить, что сбор государственных податей осуществлялся в пределах «волости». Волость в XI — начале XII в. — это княжеское владение со стольным городом, территориальная единица в пределах государства — «Русской земли», — управляемая князем из рода Рюриковичей под верховной властью киевского князя[27]. Организовывали сбор податей князья или их наместники — *посадники*. Сборщики податей именовались *данниками* или *вирниками*[28] — в зависимости от того, какие подати собирались — поземельные или судебные (на практике данниками и вирниками были, скорее всего, одни и те же люди[29]). Обычно сбор осуществлялся путем объезда территории, относящейся к одному *погосту* — центру территориально-административной единицы, являвшейся составной частью волости[30].

С вступлением Руси в период так называемой «политической раздробленности», при которой крупные волости превратились в фактически самостоятельные государства — «земли», внутри которых складывались системы волостей — владений тех или иных князей, «младших» в княжеской ветви, система государственных податей усложнялась. Единицей, в пределах которой они собирались, оставалась волость. Понятие «волость» по-прежнему означало княжеское владение со стольным городом, но волостей стало намного больше — по нескольку в каждой земле. Внутри волостей податными единицами оставались погосты[31].

К середине XI в. уже в развитом виде выступает собственное княжеское землевладение, что нашло отражение в так называемой Правде Ярославичей (второй части Русской Правды Краткой редакции) — правовом кодексе, созданном в третьей четверти столетия[32]. В Правде Ярославичей упоминаются управляющие княжеским хозяйством — *огнищане* и *тиуны*[33], более мелкие представители администрации — *старосты*[34], зависимые люди — *холопы*[35]. Из текста вырисовываются три вида хозяйственной деятельности в княжеском владении: земледелие (упоминание «ратайного», то есть пахотного, старосты: «А въ сельскомъ старостъ княжи и в ратаинѣмъ 12 гривнѣ»)[36], скотоводство, включая коневодство (упоминания конских стад, крупного рогатого скота и овец[37]), и бортное хозяйство («А в княжи бортѣ 3 гривны»)[38].

Имеются сведения (с середины XI в.) и о боярском и церковном землевладении. В Житии Феодосия Печерского в рассказе о детских годах будущего игумена говорится, что, когда в 1036 г., после смерти Мстислава Владимировича Черниговского, семья Феодосия (его родители принадлежали к светской знати) переселилась по воле князя

---

[27] См. ч. 2, гл. 2.

[28] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 238; Правда Русская. Т. 1. С. 73, 81 (ст. 42 Краткой редакции Русской Правды и ст. 9, 10 Пространной редакции).

[29] Так, в летописном рассказе о сборе боярином Янем Вышатичем податей с северной части Ростовской волости в начале 1070-х гг. он выступает и сборщиком дани, и вершителем суда (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175—178).

[30] См.: *Горский А. А.* От погоста к волости // Образы аграрной России IX—XVIII вв.: Памяти Н. А. Горской. М., 2013. С. 89—93.

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

[32] Правда Русская. Т. 1. С. 71—72, 80 (ст. 19—28, 32 Краткой редакции).

[33] Там же (ст. 19—22 Краткой редакции). Об огнищанах и тиунах см.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 49, 70.

[34] Правда Русская. Т. 1. С. 71—72, 80 (ст. 24 Краткой редакции).

[35] Там же. С. 72, 80 (ст. 25, 26 Краткой редакции).

[36] Там же. С. 71—72, 80 (ст. 24 Краткой редакции).

[37] Там же (ст. 23, 28 Краткой редакции).

[38] Там же. С. 72, 80 (ст. 32 Краткой редакции).

Ярослава из Василева (под Киевом) в Курск, у них там оказалось во владении «село»[39]. Известие киевской летописи XII в. о завещании князя Ярополка Изяславича († 1086) говорит о приобретении нескольких комплексов земельных владений Киево-Печерским монастырем[40]. Повесть временных лет под 1096 г. упоминает села Киево-Печерского монастыря под Суздалем: «Олег же повелѣ зажещи Суждаль город, токмо остася дворъ манастырьскыи Печерьскаго монастыря и церкы яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селы»[41]. Села представлены как пожалование со стороны переяславского титулярного митрополита Ефрема, следовательно, последний должен был получить их ранее от князя (очевидно, Всеволода Ярославича, при котором действовал Ефрем). Пространная редакция Русской Правды (начало XII в.) фиксирует существование зависимых людей и управителей хозяйства у бояр: в ней (в отличие от Краткой редакции) упоминаются наряду с княжескими боярские тиуны[42] и холопы[43]. Это свидетельствует о том, что к началу XII столетия боярское землевладение стало заметным явлением. Частные земельные владения обобщенно именовались «жизнью»[44], конкретные же земельные комплексы — «селами».

1130 годом датируется первая дошедшая до нас жалованная грамота — пожалование киевского князя Мстислава Владимировича и его сына новгородского князя Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на Буйцы: «Се азъ Мьстиславъ Володимирь сынъ, дьржа Русьску землю, въ свое княжение повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буицѣ святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и съ продажами <...>. А язъ далъ рукою своею и осенънее полюдие даровьное, полътретиядесяте гривьнъ святому же Георгиеви»[45]. Суть пожалования заключалась, таким образом, в том, что подати, ранее бывшие государственными, — дань (поземельная подать), виры и продажи (судебные подати), а также полюдье — начинает взимать в свою пользу монастырь.

В период «раздробленности» сведения о частном землевладении становятся многочисленнее. Помимо частных владений князей, упоминаются села бояр: в 1177 г. рязанский князь Глеб «села пожже боярьская» под Владимиром[46]; в 1230 г. восставшие новгородцы пограбили «села» ряда своих бояр[47]; имеется данная грамота новгородского боярина Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю (конец XII или начало XIII в.) на комплекс земельных владений, включая села[48]. Есть упоминания о селах «дружины», то есть, возможно, принадлежащих не только боярам, но и меньшим по рангу дружинникам: в 1146 г. сторонники Изяслава Мстиславича, захватившего киевский стол, «розграбиша <...> дружины Игоревы и Всеволожѣ (бывшего киевского князя и его брата. — *А. Г.*) и села и скоты»[49]. В 1150 г. Изяслав Мстиславич, обращаясь к «дружине» в целом, говорил, что «вы есте

[39] Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 73—75.
[40] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 492.
[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 238.
[42] Правда Русская. Т. 1. С. 104, 112 (ст. 1, 66 Пространной редакции).
[43] Там же. С. 105, 109 (ст. 14, 46 Пространной редакции).
[44] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 409, 492.
[45] ГВНП. М.; Л., 1949. № 81. С. 140—141.
[46] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 383.
[47] НПЛ. С. 70.
[48] ГВНП. № 104. С. 161—162.
[49] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328.

по мнѣ из Рускы земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизни лишився»[50]. Сохранился ряд жалованных грамот князей монастырям и летописных известий о пожалованиях сел духовным корпорациям: 1) пожалование новгородским князем Всеволодом Мстиславичем Юрьеву монастырю Терпужского погоста Ляховичи (между 1125 и 1137 гг.): «Се азъ князь великыи Всеволодъ далъ есмь святому Георгию Терпужьскыи погостъ Ляховичи съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и лѣсъ, и борти, и ловища на Ловати...»[51]; 2) пожалование князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеимонову монастырю села Витославицы (1134 или 1148 г.): «Се азъ князь великыи Изяславъ Мьстиславичь, по благословению епискупа Нифонта, испрошавъ есми у Новагорода святому Пантелеимону землю село Витославиць и смерды <...>. А боле в тую землю, ни в пожни, ни в тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни болярину, ни кому <...>. А смердам витославицам не потянути им ни ко князю, ни к епискупу, ни в городцкии потуги, ни к смердом ни в какие потуги, ни иною вивирицею, а потянути им ко святому Пантелеимону в монастырь к игумену и к братии»[52]; 3) пожалование Ростиславом Мстиславичем по его Уставной грамоте Смоленской епископии ряда сел и угодий с зависимыми людьми (1136): «Село Дросенское со изгои и з землею святѣи Богородици и епископу и село Ясеньское и з бортником, и з землею, и съ изгои святѣи Богородици. И се есми дал землю в Погоновочох Моишиньскую святѣи Богородици и епископу и озера Никиморская и с сеножатьми, и уездъ княжь, озеро Колодарское святѣи Богородици. И се даю на посвѣт святѣи Богородици из двора своего, осмъ капии воску, и на горѣ огород с капустником, и з женою, и з дѣтми; за рекою тетеревник с женою и з дѣтми святѣи Богородици и епископу»[53]; 4) пожалование Андреем Боголюбским Успенскому собору во Владимире «много именья, и свободы купленыя, и з данми, и села лепшая» (1158)[54]; 5) вклад дочери князя Ярополка Изяславича в Печерский монастырь пяти «сел» «с челядью» (1158)[55].

В качестве общественной элиты в XI — начале XII столетия, как и ранее, выступала княжеская дружина. Представители дружинной верхушки назывались по-прежнему боярами[56], непривилегированной ее части — отроками или гридями; с конца XI в. появляется новая категория — *детские*, по положению стоявшие ниже бояр, но выше отроков[57]. Неслужилой знати источники не знают. Мнение о существовании на Руси неких «общинных лидеров», делящих власть с князьями[58], не подтверждается: лица, «предлагаемые» в этом качестве, на поверку оказываются княжескими людь-

[50] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 409.

[51] ГВНП. № 80. С. 139—140. О возможной датировке документа 1134 г. см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 138.

[52] ГВНП. № 82. С. 141; *Корецкий В. И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 204—207. О возможных датировках документа см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. С. 136—138.

[53] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 143—144.

[54] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

[55] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492—493.

[56] Верхушка дружины могла также именоваться двухсоставными определениями — «бóльшая дружина», «первая дружина», «лучшая дружина», «старейшая дружина», но устойчивого термина такого типа не было (см.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 39—41; *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. С. 234—248).

[57] См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 39—41, 43, 48—54.

[58] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 40—41.

ми[59]. Знать Новгорода (позже приобретшая определенную независимость от князей) в XI в. еще носит служилый характер; новгородские бояре, чье происхождение можно проследить, ведут род от княжеских дружинников[60]. Пространная редакция Русской Правды вводит повышенный штраф — 80 гривен (вдвое больше, чем за рядового свободного человека) за убийство лиц двух категорий — «княжих мужей» (представителей верхушки дружины) и «княжих тиунов» (управителей княжеским хозяйством)[61]. В среде военно-служилой знати, возглавляемой князем, распределялись государственные доходы — от поземельных податей и судебных штрафов.

В XII в. знать сохраняла служилый характер. Еще во второй половине XII столетия корпорации знати в русских землях продолжали традиционно определяться понятием «дружина». Так, в летописном рассказе о борьбе за черниговский стол после смерти Святослава Ольговича в 1164 г. «дружиной» именуется как высшая знать Чернигова, присягающая новому князю вместе с епископом, так и знать рангом пониже, сидевшая «по городомъ далече»[62]. Как «вся дружина от мала до велика» определяется знать Суздальской земли, съехавшаяся в 1174 г. во Владимир после получения известия об убийстве князя Андрея Юрьевича Боголюбского для решения вопроса о престолонаследии[63]. В известии летописания Северо-Восточной Руси о сборе князем Мстиславом Ростиславичем войска для похода на Всеволода Юрьевича во время междоусобной войны в Суздальской земле в 1177 г. говорится: «Он же приѣха Ростову, совкупивъ ростовци: и боляре, [и] гридьбу, и пасынкы, и всю дружину, поѣха к Володимерю»[64]. Здесь упоминаются три категории лиц — бояре, гридьба и пасынки, определяемые как «вся дружина»[65]. Слово «пасынки» в значении социальной категории более нигде не встречается. Поскольку гриди — категория, тождественная отрокам[66], пасынки в данном известии, скорее всего, соответствуют «детским». Таким образом, дружина включает в себя, согласно известию 1177 г., не две, а три составные части. Это свидетельствует об усилении дифференциации внутри нее, но тем не менее и в 1170-е гг. совокупность служилых людей князя (и только она) определяется как «дружина», то есть воспринимается как некое целое.

Исключение составила Новгородская земля: здесь в XII столетии сложилась боярская корпорация, в значительной мере независимая от княжеской власти[67].

Со второй половины XII в. появляется термин «княжий двор». Он постепенно, в течение XIII столетия, вытесняет понятие «дружина», которое перестает употребляться в качестве обобщающего названия служилых людей. Понятие «двор» употреблялось в двух значениях: 1) вся совокупность служилых людей князя, включая бояр; 2) только та их часть, которая постоянно находилась при князе. Члены двора в узком смысле этого понятия назывались

---

[59] См.: *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 99—104.

[60] Там же. С. 111—112. Примеч. 80.

[61] Правда Русская. Т. 1. С. 104 (ст. 1 Пространной редакции).

[62] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522—523.

[63] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371.

[64] Там же. Стб. 380.

[65] Союз «и» перед словами «всю дружину» — не соединительный союз, а уточняющая частица, и смысл фразы: «собрал ростовцев: и бояр, и гридьбу, и пасынков — то есть всю дружину».

[66] См.: *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. Гл. 3.

[67] См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962 (2-е изд. М., 2003); *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 43—45; *Он же.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 111—112. Примеч. 80. Подробно см. ч. 3, гл. 15.

дворянами или *слугами*[68]. Смена дружины двором была обусловлена в первую очередь тем, что из-за развития боярского землевладения ослабла связь бояр — элитной части дружины — с конкретными князьями: бояре теперь преимущественно служили тому князю, который правил в «их» городе (близ которого располагались их села), а не переходили вместе с князем из волости в волость, как прежде. В XII столетии бояре начинают обозначаться по городам: в источниках видим бояр «киевских»[69], «новгородских»[70], в XIII в. также «черниговских»[71], «полоцких»[72], «галицких» и «владимирских»[73]. Ослабление послужебной связи бояр с князьями привело к отмиранию представления о «дружине» как целостной организации княжеских служилых людей. В XIII в. понятие «дружина» в летописных известиях встречается во много раз реже, чем в XII в.[74]

Основная масса рядового населения была представлена «людьми» — так назывались лично свободные жители сельских и городских поселений, платившие государственные подати[75]. Сельское население было объединено в соседские (территориальные) общины; в историографии традиционно считается, что община в домонгольской Руси носила название «вервь»[76]. Несколько сельских поселений составляли территориально-административную единицу, центром которой был небольшой город или *погост* — крупное сельское поселение. По этим территориальным единицам раскладывались государственные подати[77].

Наиболее дискуссионным в изучении категорий рядового населения домонгольской Руси является вопрос о том, кем были *смерды*. Многие ученые считали, что так именовалась основная масса древнерусских земледельцев[78]. В этом случае допускалось, что были смерды лично свободные, платящие лишь государственные подати, и смерды, зависимые от частных землевладельцев[79]. При принятии этой позиции придется

---

[68] *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104—123; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 207—213; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 79—81.

[69] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

[70] НПЛ. С. 21.

[71] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

[72] НПЛ. С. 84.

[73] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717—718, 723, 726—728, 747—748, 759, 761—762, 765, 774.

[74] См.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 80.

[75] См.: *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. С. 168—169.

[76] См.: Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 113.

[77] Не исключено, что «вервь» (упоминаемая только в Русской Правде и обозначающая там судебно-административный округ, а не общину) и податная единица, относящаяся к городу или погосту, — одно и то же (см.: *Горский А. А.* Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 33—35, 258—259; *Он же.* Вервь и погост (XI—XIII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год: Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы. Воронеж, 2020. С. 10—15).

[78] См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 210—247; *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. С. 176—182; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 135—149. Различия между позициями исследователей касались нюансов. Так, Б. Д. Греков делал акцент на лично свободном статусе смердов, Л. В. Черепнин и вслед за ним М. Б. Свердлов — на их даннической зависимости от государства.

[79] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 225—239; *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. С. 177—179.

признать определенный параллелизм понятий «смерды» и «люди». По мнению других исследователей, смерды были особой категорией населения. При этом относительно того, что она из себя представляла, высказывались различные суждения: холопы, посаженные на землю[80]; представители зависимых неславянских племен, с одной стороны, с другой — посаженные на землю холопы[81]; зависимые от князя земледельцы, платящие дань и одновременно несущие военную службу[82]. Разнобой мнений вызван противоречивостью сведений источников о смердах: они имеют свое хозяйство[83], платят судебные штрафы, как свободные люди[84], при этом жизнь смерда, по Русской Правде, защищена таким же малым штрафом, как и жизнь холопа, — 5 гривен[85]. Проблема смердов остается, таким образом, нерешенной. Возможно, ближе всего к истине концепция Б. А. Рыбакова о смердах как особой группе низших служилых людей князя, поскольку связь смердов с князем в ранний период очевидна: в XI — начале XII в. смерды, зависимые не от князя, источниками не фиксируются. Что касается 5-гривенного штрафа за жизнь смерда, то вероятно, что в соответствующих статьях Русской Правды речь идет не о любом смерде, а о смерде, записавшемся в холопы и ставшем несвободным по своему статусу[86].

Существовали также группы людей, объединенных по «профессиональному» признаку, компактно проживающих и обслуживающих нужды князя и знати (бортники, бобровники, сокольники и т. д.) — так называемая «служебная организация»[87]. Таким образом, государственная власть не просто «наслаивалась» на общество, взимая подати с рядового населения, но сама формировала зависимые от себя сферы социально-экономических отношений.

Со второй половины XI в. формируется категория *закупов* — людей, поступавших в зависимость за долги. Статьи о закупах в Пространной редакции Русской Правды[88] показывают, что хозяйственное положение закупов могло быть различно: закуп мог иметь своего коня, а мог работать с помощью господского, при этом как на господина, так и на себя; мог получать от господина сельскохозяйственные орудия. По-видимому, в закупы поступали обедневшие люди, утратившие необходимый элемент своего хозяйства — рабочего коня или орудия производства; ссуда деньгами или натурой, полученная от господина, позволяла восполнить этот недостающий элемент. Сложность положения закупов заключалась в том, что отрабатывали они не сам долг, а проценты с него, долг же необходимо было вернуть помимо работы на господина[89]. Правовое положение закупа было двойственным: с одной стороны, за неправомерные действия господина «яко же въ свободнѣмъ платежь, тако же и в закупе» (то есть закуп защищался теми же правовыми нормами, что и свободный человек), с другой — закуп мог выступать свидетелем на суде только при отсутствии свободных «по-

[80] *Зимин А. А.* О смердах Древней Руси XI — начала XII в. // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 222—228.

[81] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 119—126.

[82] См.: *Рыбаков Б. А.* Смерды.

[83] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 277; Т. 2. Стб. 265.

[84] Правда Русская. Т. 1. С. 109 (ст. 45 Пространной редакции).

[85] Там же. С. 72, 81, 105 (ст. 6 Краткой редакции и ст. 16 Пространной редакции).

[86] См.: *Горский А. А.* «Смерд и холоп»? Об одной загадке Русской Правды // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 95—102.

[87] См.: *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян.

[88] Правда Русская. Т. 1. С. 110—112 (ст. 56—62, 64 Пространной редакции).

[89] См.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 171.

слухов», а в случае бегства от господина он становился полным холопом.

Существовали и категории лиц, находившихся в полной собственности господ (которыми были в первую очередь князья и бояре): они именовались *челядью* и *холопами*[90]. Холопы могли как заниматься земледельческими работами или ремесленной деятельностью, так и занимать административные должности (тиунов, ключников, сельских старост) в хозяйстве своих господ. Они считались собственностью хозяев; за преступления, совершенные холопом, ответственность нес господин. В холопы, согласно Русской Правде Пространной редакции (начало XII в.), обедневшие люди могли поступать путем самопродажи, а также в случае поступления в тиуны или ключники без договора[91].

Таким образом, господствующее положение в общественных отношениях на Руси в домонгольский период занимала система государственных доходов, которая служила для обеспечения элитного слоя — дружинной корпорации, являвшей собой одновременно государственный аппарат. Эта система в XI — начале XIII в. усложнилась и дифференцировалась в сравнении с X столетием. В то же время сложилась и система частного землевладения — княжеского, боярского, церковного, пока еще в качестве относительно небольшого сектора. Обе системы были неразрывно связаны между собой, поскольку и в той и в другой были задействованы одни и те же лица — князья и их служилые люди.

Общественный строй Руси домонгольского периода если и может быть определен как «феодальный», то при условии, что под феодализмом понимается не строй, в котором безраздельно господствует крупная частная земельная собственность[92], а строй, при котором господство принадлежит военно-служилой корпорации, получающей доход от рядового населения тремя возможными путями: 1) через распределение правителем в среде своих служилых людей государственных доходов; 2) через отправление государственных должностей; 3) от собственных земельных владений, получаемых за службу. На Руси такая корпорация в X—XII вв. была представлена князьями и окружавшей их дружинной знатью. Преобладали в этот период два первых способа получения знатью доходов, третий же занимал еще подчиненное положение, так как даже после обзаведения собственным земельным владением древнерусский боярин продолжал извлекать свой главный доход из участия в системе государственного управления.

---

[90] См.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 149—174. Женщина холопского статуса называлась *роба*.

[91] Правда Русская. Т. 1. С. 71—72, 79—80 (ст. 16, 17, 24—27, 29 Краткой редакции), 105, 107—109, 111—113, 115—117 (ст. 13—17, 32, 38, 46, 63, 65, 66, 85, 89, 99, 110—121 Пространной редакции).

Что касается упоминаемых в Русской Правде «рядовичей», за убийство которых полагался минимальный штраф — 5 гривен, то под ними, скорее всего, имелись в виду не люди, работавшие на господ по договору («ряду»), а рядовые холопы, отличаемые от упоминаемых рядом холопов-старост и смердов, перешедших в статус холопов (см.: *Горский А. А.* «Смерд и холоп»? Об одной загадке Русской Правды. С. 99—101).

[92] Следует заметить, что современная историография общественного строя других стран средневековой Европы все более приближается к выводу, что безраздельного господства частной (сеньориальной) земельной собственности нигде никогда не было: во всех средневековых государствах существовали, в большей или меньшей мере, земли государственные и знать получала часть дохода от распределения государственных повинностей, которые несло рядовое население. В этом смысле развитие Руси домонгольского периода не имело принципиального отличия от других европейских стран. Различия были в темпах и масштабах развития частного крупного землевладения: в Восточной, Северной и Центральной Европе оно росло в раннее Средневековье медленнее и распространялось в меньшей степени, чем на Западе континента (см. подробно: *Горский А. А.* О «феодализме»: «Русском» и не только // Средние века. 2008. Вып. 69. № 4. С. 9—26).

Право

Наше представление о древнерусской правовой системе основано прежде всего на показаниях письменных источников, которые характеризуют ее крайне фрагментарно и непоследовательно. Это связано не столько с проблемой сохранности документов, сколько с тем, что право того времени функционировало преимущественно в устной форме. Повседневная жизнь сельских и городских общин Древней Руси в значительной степени регулировалась нормами обычного права — совокупностью неписаных правил поведения, которые возникли еще в догосударственную эпоху, в условиях родоплеменных отношений. Об этих правовых нормах, возникших из обычая, говорит летописец, когда описывает образ жизни некоторых восточнославянских «племен»: «Имяху бо обычаи свои, и закон отець своих и преданья...»[93]. К древнейшим нормам обычного права восточных славян относятся общинная собственность на землю, кровная месть, коллективная ответственность, многоженство, похищение и выкуп невесты, наследование в кругу семьи и др.

Социально-экономическое и политическое развитие Руси привело к возникновению права как совокупности норм, установленных государством для регулирования общественных отношений. Его характерными чертами были *партикуляризм*, *казуистичность*, *бессистемность* и *сословность*[94]. К основным формам древнерусского права можно отнести правовые обычаи, прецеденты, договоры, законодательные акты и каноническое право (*вопрошания*).

В период становления восточнославянской государственности определяющее значение имел правовой обычай — санкционированное публичной властью правило поведения, исторически сложившееся в обществе. Примером могут служить узаконенные киевским князем Ярославом Владимировичем (1019—1054) обычай кровной мести и коллективная ответственность за совершенное преступление — убийство («дикая вира»). Широкое распространение правовой обычай получил в брачно-семейном праве Руси (ответственность родителей за безбрачие дочери, нарушение свадебного сговора по вине жениха, оскорбление словом чужой жены и др.)[95]. По мере развития и укрепления государства значение правового обычая постепенно снижалось, уступая место иным формам права. К их числу можно отнести прецедент — судебное решение по конкретному делу, которое применялось при рассмотрении аналогичных случаев. Так, согласно ст. 23 Краткой редакции Русской Правды, виновный в насильственной смерти конюшего — лица, ведавшего княжескими табунами, — принуждался к выплате уголовного штрафа в размере двойной виры (80 гривен). Как сообщает источник, основанием для этой нормы послужил судебный приговор, вынесенный киевским князем Изяславом Ярославичем (1054—1078 гг., с перерывами) по факту убийства его конюшего жителями Дорогобужа[96].

Определенное значение в регулировании общественных отношений играли договоры. Прежде всего, это относится к публичным договорам, которые в отличие от частных содержали предписания общего и обязательного свойства. Древнейшими соглашениями публичного характера были договоры Руси с Византией, дошедшие до нас в тексте Повести временных лет под

---

[93] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13.

[94] Под *сословностью* принято понимать наличие принципа формального неравенства («право привилегий»).

[95] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI—XIV вв. М., 1972. С. 286—287.

[96] Правда Русская. Т. 1. С. 71.

911 и 944 гг.[97] Главная цель их заключения состояла в необходимости обеспечить условия для реализации продуктов, полученных в ходе сбора дани с подвластного киевским князьям населения, на византийских рынках. Поэтому в договорах содержатся положения об установлении долголетнего мира и дружбы между странами, праве русских купцов вести торговую деятельность в Византии, взаимопомощи при кораблекрушениях. Здесь же предусмотрена возможность привлечения русских воинов на службу в императорскую армию. Наряду с этими положениями договоры содержат нормы уголовного и процессуального права. В них устанавливается ответственность за убийство, нанесение телесных повреждений, разбой (насильственное присвоение чужого имущества), кражу. Соглашения регламентируют порядок доказательства факта совершения противоправного деяния, взаимной выдачи и наказания преступников, поиска и возвращения беглых холопов, выкупа пленных. В договоре 911 г. присутствует норма, свидетельствующая о сравнительно высоком уровне развития права наследования: допускается передача имущества по обычаю (закону) и завещанию. Состояние умершего в Византии «русина», в случае отсутствия завещания и живущей здесь же родни, подлежало передаче ближайшим родственникам на Руси. Ряд прямых аналогий с нормами Русской Правды (кровная месть, плата за удар мечом, умерщвление вора на месте преступления[98] и др.), а также упоминания о «законе русском» позволяют утверждать, что одним из источников договоров 911 и 944 гг. (наряду с нормами византийского законодательства) было древнерусское обычное право[99].

В XII—XIII вв. в качестве субъектов международных соглашений стали выступать отдельные земли Руси. До нас дошел текст договора Новгорода с Готландом и немецкими городами, заключенного в конце XII в.[100] В нем гарантировалась свобода передвижения послов и купцов, устанавливалась ответственность за уголовные преступления (убийство, телесные повреждения, изнасилование и оскорбление женщины), а также был прописан порядок разрешения взаимных споров и оплаты услуг лоцмана. В 1229 г. близкий по содержанию договор был заключен между Смоленском, с одной стороны, и Ригой и Готландом — с другой[101]. В дополнение к прочим установлениям он определял приоритет возмещения ущерба иностранному купцу перед штрафом в пользу местных властей, размер пошлин за взвешивание товаров, право беспошлинной торговли на чужбине; запрещал в рамках судебного процесса принуждать стороны к ордалиям («Суд Божий», испытание сторон), привлекать иностранных купцов к выполнению военной повинности. Как и в русско-визан-

---

[97] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32—37, 46—53. Договор 971 г. в дошедшем до нас виде не содержит норм, регулирующих какой-либо институт права, и представляет собой соглашение о прекращении военных действий.

[98] Ср.: *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinische Verträge des 10. Jhds. Ein erster Deutungsversuch // Byzantinoslavica. 1997. T. 58. Fasc. 2. S. 249—250.

[99] *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: (Акты X—XVI вв.). М., 1996. С. 4—57; I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente / Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. Roma; Mosca, 2011. P. 29—35, 73—80.

[100] ГВНП. № 28. Л. К. Гётц датирует его составление 1189 г., М. Н. Бережков — 1197—1199 гг., В. Л. Янин и А. Л. Хорошкевич — 1191—1192 гг. (*Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 15—63; *Бережков М. Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879. С. 54—82; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: хронологический комментарий. С. 81. № 1; *Хорошкевич А. Л.* О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 128—134).

[101] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подгот. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1963. С. 18—62.

тийских договорах X в., купцы каждой из сторон получали гарантии помощи в случае кораблекрушения[102].

С усилением роли государства в общественной жизни Руси постепенно возрастало нормотворчество княжеской власти, следствием чего стало появление законодательных актов. Особое место среди них занимает Русская Правда[103]. Сохранилось более 100 списков этого памятника, которые в зависимости от содержания принято разделять на три основные редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную.

Краткая редакция Русской Правды дошла до нас в двух основных списках Новгородской первой летописи младшего извода — Академическом и Археографическом (Комиссионном) XV в.[104] Остальные списки этой редакции датируются XVIII—XIX вв. и не имеют самостоятельного значения, поскольку восходят к Академическому списку. Краткая редакция Русской Правды — небольшой по объему документ, содержащий 43 статьи (в источнике нумерация статей отсутствует). Текст памятника формировался постепенно, в несколько этапов. Первый из них принято связывать с именем киевского князя Ярослава Владимировича (ст. 1—18), поэтому данную часть текста обычно называют Правдой Ярослава (реже — Древнейшей Правдой). Вопрос о времени ее составления до сих пор остается предметом дискуссии: одни исследователи указывают на 1016 г. (Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, М. Б. Свердлов), другие — на середину 1030-х гг. (С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров). Правда Ярослава устанавливала наказания за убийство, членовредительство, побои, оскорбление действием, кражу и порчу личного имущества. Высокие штрафы, упоминания коня, оружия, одежд и челяди в качестве объектов преступного посягательства, а также указание на меч как орудие причинения физического или морального вреда определенному лицу говорят о том, что законодательство Ярослава было призвано регулировать отношения, прежде всего в дружинной среде[105].

Второй этап формирования текста Краткой редакции Русской Правды связан с деятельностью сыновей Ярослава — Изяслава, Святослава и Всеволода, которые дополнили законодательство отца новыми установлениями (ст. 19—41). Эти дополнения получили название Правды Ярославичей (или Устава Ярославичей). Прямое указание источника на сыновей Ярослава в качестве субъектов законотворчества позволяет отнести составление этой части Краткой редакции Русской Правды к периоду между 1054 г. (смерть Ярослава) и 1073 г. (изгнание Изяслава братьями из Киева). По весьма вероятному предположению М. Н. Тихомирова, Правда Ярославичей была принята на княжеском съезде в Вышгороде в 1072 г.[106] В ней отразилось стремление законодателя защитить дворцовое хозяйство от преступных посягательств — большинство статей устанавливает наказания за кражу или порчу княжеского имущества. В качестве объектов покушения указаны межевые знаки, лес, сенокосы, борти, ладьи, домашние

[102] *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103—114; *Хорошкевич А. Л.* Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 250—251.

[103] Под *правдой* в данном случае нужно понимать санкционированный государством закон.

[104] Правда Русская. Т. 1. С. 65—81.

[105] См., например: *Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004. С. 40—41. Впрочем, на этот счет существует и иное мнение. П. С. Стефанович полагает, что Правда Ярослава была ориентирована на свободное полноправное население Руси, с которым законодатель хотел уравнять княжеских «слуг и отроков» (*Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012. С. 340—344, 504—519).

[106] *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 64—66.

скот и птица, охотничьи собаки, ястреба и соколы. Здесь же устанавливается ответственность за посягательство на жизнь княжеских людей — как представителей администрации, так и зависимого населения. По всей видимости, появление Правды Ярославичей было вызвано обострением социальной напряженности в древнерусском обществе на рубеже 1060—1070-х гг.

Заключительные статьи Краткой редакции Русской Правды содержат особые установления, а именно: ст. 42 — *Покон вирный* (закон, который определял размеры денежных средств и натуральных выплат, поступавших от населения в пользу вирника — лица, наделенного судебными и административно-полицейскими функциями) и ст. 43 — *Урок мостникам* (закон, фиксирующий размер оплаты за постройку или ремонт мостов/мостовых).

Вопрос о том, когда указанные части Краткой редакции Русской Правды были объединены в один кодекс, не решен однозначно. А. А. Зимин датировал его появление последними годами правления Ярослава, М. Д. Присёлков и С. В. Юшков относили к концу XI в., а М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин — к 1120—1130 гг.[107] По мнению А. П. Толочко, Краткая редакция Русской Правды возникла под пером летописца XV в.[108]

Значительно большее распространение на Руси имела Пространная редакция Русской Правды, которая дошла до нас более чем в 100 списках. Древнейшим из них является список в составе Новгородской Синодальной Кормчей (конец XIII в.)[109] (вклейка, рис. 31). Пространная редакция содержит 121 статью (в источнике нумерация статей отсутствует) и, по мнению некоторых исследователей, представляет собой целостный правовой акт, возникший в результате единовременной переработки ряда источников[110]. К их числу обычно относят Краткую редакцию Русской Правды и законодательство потомков Ярославичей — киевских князей Святополка Изяславича (1093—1113) и Владимира Всеволодича Мономаха (1113—1125). Согласно Л. В. Черепнину, появление ряда норм Пространной редакции Русской Правды следует связывать с деятельностью киевских князей Всеволода Ольговича (1138—1146) и Изяслава Мстиславича (1146—1154 гг., с перерывами), а также владимирского князя Всеволода Юрьевича (1176—1212)[111]. Не

[107] Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X—XII вв. / Под ред. С. В. Юшкова; Сост. А. А. Зимин. М., 1952. С. 75; *Присёлков М. Д.* Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды» // Исторические записки. Т. 16. М., 1945. С. 249; *Юшков С. В.* Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 312—317; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. С. 74—78; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 247—253.

[108] *Толочко А. П.* Краткая редакция Правды Русской: Происхождение текста. Київ, 2009. С. 75—78. Критику см.: *Лукин П. В.* Коровья татьба в Правде русской // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина. М., 2014. С. 123—131; *Цукерман К.* О Правде Русской // Rutheпica. Вип. 12. Київ, 2014. С. 108—156; *Щавелёв А. С.* Специфика социальной оценки «изгоя» в «Русской Правде» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: Современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII международной научной конференции, Москва, 9—11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 483—487.

[109] Правда Русская. Т. 1. С. 82—391.

[110] См., например: *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. С. 79; *Милов Л. В.* О происхождении Пространной Русской Правды // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1989. № 1. С. 3—29; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 515—516.

[111] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 253—276.

лишено оснований мнение о знакомстве составителей Пространной редакции Русской Правды с византийскими памятниками права, в частности Эклогой и Прохироном (В. О. Ключевский, Л. В. Милов[112]).

Вопрос о времени составления Пространной редакции Русской Правды решается в науке по-разному: одни исследователи определяют его началом XII в. (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, А. А. Зимин, М. Б. Свердлов), другие относят ко второй половине XII — началу XIII в. (В. О. Ключевский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин)[113].

Сравнительный анализ содержания Пространной и Краткой редакций Русской Правды свидетельствует об усложнении социально-экономических отношений на Руси, что выразилось в появлении новых субъектов права — боярских слуг, купечества, закупов (должников) и др. В новом кодексе получили законодательное закрепление привилегии «княжих мужей» (согласно ст. 91, дочери бояр и других членов дружины были наделены правом наследования), зависимое положение закупов и бесправие холопов. Ряд его статей посвящены регулированию договорных отношений, порядка наследования имущества и опеки.

В Пространной редакции Русской Правды упоминаются договоры купли-продажи, займа, поклажи (хранения имущества) и личного найма. Совершение дорогостоящей покупки, например холопа, коня, скотины или одежды, требовало участия свидетелей (не менее двух). То же правило действовало в случае совершения займа на сумму свыше 3 гривен (ст. 52). Объектом ссуды могли быть не только деньги, но и продукты — мед и хлеб (ст. 50). Привлечение свидетелей говорит о том, что в Древней Руси доминировала устная форма заключения договоров, которая, по всей видимости, сопровождалась символическими действиями — рукобитьем, присягой и т. п.[114] В купеческой среде договоры займа и поклажи могли заключаться в упрощенном порядке, без привлечения свидетелей. Для этой категории населения законом предусматривалась отсрочка по выполнению обязательств из-за непредсказуемых событий: в случае гибели товара по причине кораблекрушения, разбойного нападения или пожара купец мог перенести выплату долга на более поздний срок (ст. 54). За невыполнение условий договора взыскания могли обращаться не только на имущество, но и на личность должника.

Пространная редакция Русской Правды различала два порядка наследования: по завещанию и по закону. В первом случае действовал принцип, согласно которому наследодатель распределял имущество между членами семьи самостоятельно, без каких-либо ограничений. Во втором случае наследственная масса передавалась сыновьям в равных долях, при этом определенную часть («выдел») получали вдова и церковь. Младшему сыну отходил отцовский двор (ст. 100). Дочери лишались права наследования, но могли рассчитывать на содержание до замужества и получение приданого. Забота об этом ложилась на плечи братьев

---

[112] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 216—217; *Милов Л. В.* О происхождении Пространной Русской Правды.

[113] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 87; *Юшков С. В.* Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. С. 335; Памятники русского права. Вып. 1. С. 76; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. С. 514; *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1. С. 234; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. С. 219—223; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 276—278.

[114] *Стефанович П. С.* Князь и бояре: Клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 166—168. Ср.: *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 172—283.

(ст. 95). В случае малолетства детей наследственным имуществом управляла мать. Если она повторно выходила замуж, то над детьми и имуществом устанавливалась опека, которую должен был осуществлять один из близких родственников умершего (ст. 99).

Как и Краткая редакция, Пространная редакция Русской Правды содержит преимущественно нормы уголовного и процессуального права. Определение преступления в кодексе отсутствует, но исходя из содержания очевидно, что под ним понималось причинение физического, материального или морального ущерба определенному лицу. Таким образом, государство и общественная безопасность еще не воспринимались законодателем в качестве объектов преступного посягательства. В кодексе обозначены следующие виды преступлений: убийство, нанесение телесных повреждений, оскорбление действием, порча и кража чужого имущества. К особо опасным правонарушениям законодатель относит убийство с целью ограбления, поджог и конокрадство. За их совершение виновному грозило наиболее суровое наказание — «поток и разграбление/грабеж», которого не знала Краткая редакция Русской Правды. Смысл этой санкции состоял в лишении виновного правоспособности, что могло сопровождаться следующими карами: изгнанием/ссылкой, заточением, продажей в рабство, конфискацией имущества, а иногда и смертной казнью[115]. В остальных случаях в качестве наказания определялись денежные взыскания. Уголовные штрафы за убийство человека назывались *вира* и *головничество*: первый шел в пользу князя, второй — в пользу семьи убитого. За княжеского мужа платилась вира в 80 гривен, свободного мужчину — 40 гривен, свободную женщину — 20 гривен, раба — 5 гривен. За все прочие преступления виновный платил князю *продажу*, а потерпевшему — *урок*. Так, например, за выбитый зуб следовало внести 12 гривен в княжескую казну и 1 гривну отдать увечному (ст. 63). Впрочем, указания на необходимость выплаты штрафа в пользу потерпевшей стороны имеются далеко не во всех статьях Пространной редакции Русской Правды, посвященных уголовным преступлениям. Если средств на покрытие ущерба не хватало, то виновный и члены его семьи могли быть проданы в рабство. Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Русь в середине XII в., отмечает: «Если кто-нибудь нанесет ущерб <...> или нарушит законность каким-нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его. И остается он рабом, служа тому, у кого он находится, пока не умрет или не отдаст то, что заплатили за него»[116].

При определении наказания Русская Правда не различает умысел и неосторожность, но она выделяет два вида умысла — прямой и косвенный. Так, убийство, совершенное в разбое (см. выше), каралось высшей мерой наказания — потоком и разграблением, а убийство в драке — только вирой.

Русская Правда не упоминает о таких уголовных наказаниях, как смертная казнь, членовредительство и тюремное заключение. Но о том, что они применялись в Древней Руси, свидетельствуют нарративные источники. Один из наиболее ранних примеров — дело новгородского епископа

[115] *Лукин П. В.* «Поточи Мьстиславъ Полотьскии князѣ»: Об одной из форм наказания в Древней Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 25—35; *Он же.* Существовала ли в домонгольской Руси смертная казнь? Ученые мнения и представления современников // Религии мира: История и современность. М.; СПб., 2012. С. 199—200.

[116] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3: Восточные источники / Сост.: Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009. С. 144.

Луки Жидяты, поставленного на кафедру в 1036 г. Согласно сообщению статьи 6563 (1055) г. Новгородской первой летописи, по извету собственного холопа архиерей был вызван в Киев и осужден митрополитом Ефремом. Когда спустя три года, в 1058 г., Луку оправдали и он получил возможность вернуться на кафедру, клеветник был наказан урезанием носа и отсечением двух рук[117]. Суровая кара постигла участников восстания 1068 г., изгнавших из Киева князя Изяслава Ярославича. По сообщению статьи 6577 (1069) г. Повести временных лет, его возвращение на главный стол Руси сопровождалось массовыми репрессиями против мятежных горожан: часть из них была предана смерти, а часть ослеплена[118]. О человеке, «осужденном на смерть» и «повинном смерти», упоминает Киево-Печерский патерик в рассказе «О святом и блаженном Агапите, безмездном враче» (конец 1220-х — начало 1230-х гг.)[119].

Тяжелым испытаниям подвергались заключенные древнерусских тюрем. Когда киевский князь Ростислав Мстиславич (1154—1167 гг., с перерывами) узнал о том, что жители Новгорода взяли под стражу сына Святослава, а невестку отправили в монастырь, он приказал арестовать и заключить в темницу всех оказавшихся в Киеве новгородцев. Наутро Ростиславу сообщили, что 14 из них умерли от удушья. Этот случай и некоторые другие данные говорят о том, что обычная древнерусская тюрьма представляла собой земляной мешок — яму, которая сверху закрывалась деревянной конструкцией с дверью (что затрудняло проветривание). Для того чтобы спуститься вниз или подняться наверх, использовали лестницу, которую затем вынимали и держали поблизости, на поверхности земли. Стены такой темницы укреплялись срубной конструкцией, она не позволяла земле быстро оплывать. Чтобы затруднить возможность побега, на тюремных сидельцев надевали оковы[120].

Принято считать, что древнерусской судебной практике была присуща исключительно состязательная форма процесса, при которой дело возбуждалось по жалобе потерпевшей стороны, истец и ответчик самостоятельно осуществляли сбор доказательств, а роль суда сводилась лишь к их оценке. Между тем повествовательные источники упоминают о судопроизводстве, наделенном признаками розыска: возбуждение дела и сбор доказательств осуществлялись представителем власти, обвиняемый являлся объектом следственных действий, по отношению к нему могли применяться пытки. Примером этой формы процесса может служить дело о ярославских волхвах (осень 1073 — весна 1074 г.). Согласно летописцу, во время недорода в Ростовской земле появились два волхва из Ярославля, которые стали подстрекать людей к убийству состоятельных женщин и разграблению их имущества. Эти бесчинства совершались на всем пути следования злоумышленников, которые, поднимаясь вверх по течению сначала Волги, а затем Шексны, достигли Белоозера. В это время здесь по поручению князя Святослава Ярославича собирал дань киевский боярин Янь Вышатич. Сначала он добился задержания волхвов, а затем подверг их пытке с целью изобличения: волхвов били и выдергивали расщепом бороды, а затем привязали веревкой к мачте корабля и заставили вести судно вверх по течению реки. Когда, наконец, пленники повинились и стали молить о пощаде, Янь вынес смертный приговор, который привели в ис-

[117] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 182—183.

[118] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174.

[119] *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. С. 129.

[120] *Артамонов Ю. А.* К вопросу об уголовных наказаниях в Древней Руси // Полиция России: Три века на страже правопорядка и законности: Сборник статей вузовской научно-практической конференции (17 мая 2018 г.). М., 2018. С. 7—12.

полнение родственники убитых женщин[121]. Еще одной иллюстрацией существования на Руси разыскной формы процесса может служить рассказ Киево-Печерского патерика «О святых преподобных отцах Феодоре и Василии». В нем сообщается, что печерский монах Феодор стал обладателем клада сокровищ, с которым, однако, вскоре расстался. Его товарищ, инок того же монастыря Василий, убедил собрата закопать драгоценности в землю и просить у Господа забвения места их нахождения. Вскоре о сокрытии клада стало известно волынскому князю Мстиславу Святополчичу († 1099), который пожелал его заполучить. С этой целью монахов схватили, а потом подвергли допросу и мучительным пыткам. В процессе истязаний оба инока скончались[122].

Пространная редакция Русской Правды упоминает об особых досудебных действиях — *закличе* (публичное объявление о пропаже вещи) и *гонении следа* (поиск преступника по следу, учитывающий показания окольных людей). Важным институтом процессуального права Древней Руси был свод, который представлял собой нечто среднее между дознанием и судебным разбирательством. Процедура свода подразумевала определение лица, которое незаконно присвоило себе чужое имущество, и возвращение этого имущества владельцу. Подозреваемый в краже имущества — холопа, коня, скотины или одежды — должен был доказать законность его приобретения с помощью свидетелей или показаний должностных лиц (например, мытника).

Кроме свидетельских показаний для определения виновности суды рассматривали такие доказательства, как *поличное*, *присяга*, *ордалии* — «суд Божий». Ордалиям — испытаниям раскаленным железом и водой — подвергали подозреваемых в убийстве или крупной краже (на сумму не менее полгривны золота). На Руси существовала и такая форма ордалий, как судебный поединок — *поле*. О нем говорится в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.[123] Возможно, практика разрешения споров с помощью оружия укоренилась на Руси благодаря выходцам из Скандинавии. По крайней мере, арабский географ Ибн Русте (IX — первая треть X в.), рассказывая о нравах и обычаях *русов*, пишет: «Если же один возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым [они] и препираются. Если обе стороны оказываются недовольными приговором [царя], то по его приказанию дело решается на мечах: чей меч острее, тот и побеждает»[124].

Сокращенная Правда известна в двух списках XVII в. — Толстовском и Оболенском. Большинство исследователей полагает, что эта редакция появилась путем сокращения Пространной редакции Русской Правды в Московском государстве в XV—XVII вв. (С. В. Юшков, А. А. Зимин)[125].

По своей структуре, истории текста, юридической технике, социальной ориентации и содержанию Русская Правда имеет типическое сходство с варварскими правдами (лат. Leges barbarorum) — письменными сводами обычного права германских племен (V—X вв.). Это сходство определяется не заимствованиями (как полагали некоторые исследователи XVIII—XIX вв.), а общими закономерностями развития раннесредневековых государств. И на Руси, и в варварских королевствах Европы появле-

[121] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174—178.

[122] *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. С. 161—171.

[123] Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. / Под ред. С. В. Юшкова; Сост. А. А. Зимин. М., 1953. С. 61, 73.

[124] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3. С. 49.

[125] По мнению М. Н. Тихомирова, дошедшие до нас списки Сокращенной Правды восходят к неизвестному протографу XII в., который был одним из источников Пространной редакции Русской Правды (*Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. С. 183—197).

ние первых сводов законов было связано с распадом родоплеменных отношений, возрастанием роли государственной власти, принятием христианства, стремлением правителей к установлению правопорядка. Между тем Русская Правда в отличие от законодательства германских королевств не испытала прямого влияния римского права, и, как следствие, в ней значительно меньше внимания уделено институтам вещного и обязательного права. Кроме того, в светском законодательстве Древней Руси отсутствует характерная для варварских правд Европы детализация способов и условий совершения уголовных преступлений, а также перечисления вещей, которые могут стать объектами преступного посягательства.

К важным законодательным актам эпохи следует отнести княжеские церковные уставы, которые определяли общественный статус Церкви, ее властные, имущественные и судебные прерогативы. Наибольшее распространение среди них получили Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных и Устав князя Ярослава о церковных судах. Эти акты атрибутируют двум наиболее авторитетным князьям Древней Руси — Владимиру Святославичу и его сыну Ярославу. Оба памятника дошли до нас не в оригинале, а в редакциях XII—XVII вв.

Устав князя Владимира сохранился более чем в 200 списках XIV—XIX вв., которые, по мнению Я. Н. Щапова, можно разделить на 7 редакций[126]. Старшими являются Оленинская и Синодальная: первая возникла в XIII в. в Южной Руси, вторая — в XII—XIII вв. в Новгородской земле. В начале — середине XIV в. были созданы Варсонофьевская, Волынская и Печерская редакции; в XVI в. — Троицкая редакция и редакция Степенной книги. Причины появления указанных переработок определялись потребностями церковных организаций на местах.

Архетип Устава, к которому так или иначе восходят все редакции, возник около середины XII в. В его основе лежат две уставные грамоты князя Владимира: первая была выдана около 996 г. по случаю завершения строительства и освящения каменного собора Богородицы в Киеве (более известного под названием Десятинной церкви); вторая — несколько позже, но до 1011 г. (год смерти княгини Анны)[127].

Устав князя Владимира условно может быть разделен на три части. В первой части от имени Владимира («Се яз, князь великий Василий, нарицаемый Володимер...») сообщается о Крещении Руси, строительстве церкви Богородицы и пожаловании ей десятой части от всех доходов княжеской казны. Во второй, ссылаясь на церковное право Византии и совет княгини Анны и детей, законодатель определяет круг дел, подсудных церковному суду. К их числу он относит: развод, добрачную связь, прелюбодеяние, похищение невесты, драку и имущественные споры между супругами, изнасилование, заключение брака в запрещенных степенях родства и свойства́, колдовство, знахарство, отравление, еретичество, избиение детьми родителей, споры детей о наследстве. В третьей части указаны лица, подлежащие церковной юрисдикции («церковные люди»): священно- и церковнослужители, их дети, просфорницы, вдовы, паломники, странники, *задушные люди* (холопы, отпущенные на свободу по завещанию), изгои, увечные, сироты и члены церковного причта.

Устав князя Владимира стал источником региональных уставов, определявших материальное обеспечение и судебные полномочия епископских кафедр Древней Руси. Примером может служить Уставная и жалованная грамота Смоленской епархии, выданная князем Ростиславом Мстиславичем (1125—1167) первому смоленскому еписко-

[126] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 12—84.
[127] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI—XIV вв. С. 127.

пу Мануилу в 1136 г.[128] В ней приводится перечень городов и погостов с указанием денежных сумм, которые ежегодно должна была получать вновь учрежденная кафедра. Кроме того, законодатель определяет список дел, подлежащих церковной юрисдикции: разводы, двоеженство, незаконный брак, похищение девушки, отравление и драка двух женщин. Здесь же отмечается подсудность суду епископа всех тяжб, где хотя бы одна из сторон — истец или ответчик — принадлежит к числу «церковных людей». В 1137 г. князь Святослав Ольгович выдал уставную грамоту Новгородской епископской кафедре (Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине), в которой гарантировал ежегодное получение «святой Софией» 100 гривен судебной десятины («от вир и продаж») с недавно колонизованных территорий в Заволочье[129].

В Древней Руси право церковного суда принадлежало высшим иерархам — митрополиту и епископам. Для осуществления этих функций архиереи нуждались в практическом руководстве — судебнике, который определял бы противоправные деяния и меры наказаний. Роль такого судебника выполнял Устав князя Ярослава.

Текстологическое изучение более чем 90 списков этого памятника позволило Я. Н. Щапову выделить 6 редакций: две старшие — Краткую и Пространную и четыре младшие — Румянцевскую, Тарновскую, Устюжскую и «Свитка Ярославля» (Западнорусскую)[130]. Младшие редакции возникли в XV—XVI вв. в результате переработки двух старших. Краткая и Пространная редакции не зависят друг от друга, но восходят к одному источнику — архетипу Устава, который сложился во второй половине XI — первой половине XII в. В его основе лежит законодательство князя Ярослава, созданное в начале 1050-х гг. при участии киевского митрополита Илариона. Во второй половине XII — первой четверти XIII в. путем переработки текста архетипа возникла Пространная редакция Устава. В ней появились статьи о праве развода, об ограничении контактов с представителями других мировых религий (иудаизма и ислама) и некоторые другие. Краткая редакция была создана позже, в середине XIV в. Ее особенность — ограничение судебных прерогатив Церкви в пользу княжеской власти[131].

Устав условно может быть разделен на три части: вступление, судебник и заключение. Во вступлении от имени князя Ярослава («А се азъ, князь великыи Ярослав, сынъ Володимеров...») говорится о наделении архиереев правом суда. При этом законодатель ссылается на совет митрополита Илариона и авторитет византийского церковного права. Далее в казуальной форме излагаются нормы уголовного права: сначала предлагается описание преступления, потом определяется наказание. Все преступления по объекту посягательства условно могут быть разделены на четыре группы: 1) против личности (изнасилование, детоубийство, побои, оскорбление словом и действием); 2) против имущества (кража, поджог); 3) против нравственности (брак без согласия родителей, отказ от вступления в брак после сговора, блуд, двоеженство, кровосмешение, скотоложство); 4) против религии и Церкви (развод без разрешения Церкви, чародейство, волхвование, интимная связь с иноверцем, общение с отлученным от Церкви, употребление в пищу запрещенных продуктов — конины, медвежатины и др., чрезмерное употребление монахом или монахиней вина, выход из

[128] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 140—146.
[129] Там же. С. 147—148; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 81—89.
[130] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 86—139.
[131] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI—XIV вв. С. 200—257.

иночества, совершение священником без необходимости службы в чужом приходе). В качестве наказаний Устав определяет штрафы в пользу Церкви и потерпевшего, церковное отлучение, заключение в монастырь, епитимию. В некоторых случаях отмечается только факт подсудности церковному суду без указания на конкретную санкцию («митрополиту в вине и в казни»). Основным видом наказания являлись денежные штрафы; духовная ответственность в форме епитимии играла дополнительную роль. В некоторых случаях полагался совместный суд церковной и светской властей, каждая из которых получала свою долю штрафа. К числу таких дел относилось изнасилование, принудительное пострижение головы или бороды, кража, поджог и некоторые другие. В Уставе содержатся нормы церковного расторжения брака («А сими винами разлучити мужа с женою»). К ним закон относит следующие поступки жены: 1) сокрытие от мужа сведений о покушении на жизнь царя или князя; 2) прелюбодеяние с поличным или удостоверенное надежными свидетелями; 3) посягательство на жизнь супруга или недонесение о нем; 4) распутное поведение; 5) посещение без согласия мужа дневных и ночных игрищ; 6) совершение и подстрекательство к совершению кражи имущества, принадлежащего супругу или Церкви. По мнению Я. Н. Щапова, первые четыре статьи представляют собой рецепцию византийского права, а две последующие возникли на русской почве[132]. В заключении отмечается, что все дела и тяжбы, касающиеся церковных людей, должны разбираться исключительно архиерейским судом. Завершается Устав санкцией: если кто-либо нарушит данное установление, тому предстоит держать ответ перед Богом в день Страшного суда.

Особое место среди памятников древнерусского права занимают вопрошания — подборки правил канонического характера, которые излагаются в форме ответов авторитетных церковных иерархов на актуальные вопросы богослужебной практики, брачно-семейных отношений, общения христиан греческого обряда с католиками, иудеями, мусульманами и язычниками. Первое из известных произведений такого рода на Руси принадлежит киевскому митрополиту Георгию, занимавшему кафедру с 1061/1062 по 1075 г.[133] Это сочинение дошло до нас в единственной рукописи XV в., где оно носит название «Неведомых словесъ изложено Георгиемъ, митрополитом Киевскимъ, Герману игумену вопрошающу, оному поведающу». Здесь в числе прочего устанавливается епитимия за прелюбодеяние, убийство ратного на войне, разбойника или раба, продажу крещеного холопа, ересь, употребление в пищу удавленины, медвежьего и бобрового мяса. Вводится запрет на ношение мужчинами женской одежды и наоборот, посещение женщиной храма в период менструального цикла, молитвенное и пищевое общение с католиками, крещение детей в домовых церквях, приобретение у иудея приготовленной им снеди и др.

Известным авторитетом на Руси и за ее пределами пользовалось сочинение Иоанна II (ранее 1077—1089) — преемника Георгия на митрополичьем столе, известное под названием «Иоана, митрополита Русьскаго, нареченаго пророком Христовым, написавшаго правила церковная от святых книг вкратьце Якову черноризьцю» (древнейший список — в составе Новгородской

[132] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI—XIV вв. С. 248—252.

[133] *Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // Славяне и их соседи. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211—262; *Баранкова Г. С.* «Неведомых словес изложено Георгием, митрополитом Киевским, Герману игумену вопрошающу, оному поведающу»: Вопросы подлинности памятника и особенности его языка // Религии мира: История и современность. М.; СПб., 2012. С. 15—43.

Синодальной Кормчей конца XIII в.)[134]. Предписания Иоанна II менее суровы, чем установления Георгия. Так, он дозволяет иметь с «латинянами» общую трапезу, допускает приобщение к Церкви покаявшегося еретика через миропомазание, без наложения на него двухлетней епитимии, как полагал его предшественник. Иоанн II осуждает двоеверие, сожительство, близкородственные браки, прелюбодеяние, злоупотребление алкоголем, третий брак и браки с католиками. Борьбу с пороками, по его мнению, следует вести путем увещевания и покаяния, без физического принуждения[135].

Большой тематической широтой отличается сочинение иеромонаха новгородского Антониева монастыря Кирика (1110 — после 1158 г.) — «Вопрошания Кирика, иже воспроси епископа Нифонта и инех» (1140—1150-е гг.)[136]. Его собеседником был не только новгородский архиепископ Нифонт (1130—1156), но и киевский митрополит Климент (1147—1155), игумен Аркадий, будущий глава новгородской кафедры (1156—1163), игуменья Марина и монах Лука Евдокимов. В то же время в тексте есть вопросы, которые принадлежат неким Савве и Илье, что предполагает существование самостоятельных произведений, впоследствии включенных в сочинение Кирика. Вопрошание дошло до нас почти в 40 списках и трех редакциях: Основной, Особой и Сокращенной. Ближе всего к оригиналу текст Основной редакции (древнейший список — в составе Новгородской Синодальной Кормчей конца XIII в.)[137].

Подавляющее большинство вопросов и ответов у Кирика посвящено богослужебной практике, отношениям между полами, соблюдению постов и осуждению суеверий. Вопрошание запрещает ростовщичество для церковнослужителей и ограничивает его для мирян; рекомендует под угрозой наказания воздерживаться от половых отношений в постные дни, субботы и воскресенья, а также накануне и в течение дня после причастия; осуждает практику использования рабынь в качестве наложниц. Здесь же устанавливается епитимия за прелюбодеяние, ворожбу, содомский грех, скотоложство; церковное наказание угрожает родителям за смерть некрещеного ребенка, посещение волхвов с целью врачевания детей и католических священников для молитвы. Любопытно, что при определении меры наказания в некоторых случаях учитывается такой важный элемент субъективной стороны преступления, как вина. Если плод «повреждается» и погибает по причине тяжелой работы, женщина освобождается от наказания; убийство по неосторожности уменьшает епитимию наполовину. В признаках объективной стороны преступления выделяются смягчающие и отягчающие обстоятельства. К первым, например, можно отнести малолетство, а ко вторым — состояние алкогольного опьянения. На вопрос Кирика, как следует наказать родителей, которые, положив с собой ребенка, задавят его во сне, Нифонт отвечает: «Аже терезви, то легъчае, али пьяни — то убийство есть»[138].

Основой формирования древнерусской системы права было обычное право восточных славян, которое трансформировалось под влиянием процессов социальной дифференциации, вызревания институтов государства, знакомства с правовыми традициями иных этносов, развития внешней торговли и христианизации. Наделение

---

[134] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 30—35.

[135] *Назаренко А. В.* Иоанн II // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 471—475.

[136] Кирик Новгородец и древнерусская культура: Сборник: В 3 ч. Ч. 3 / Отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород, 2014. С. 277—296.

[137] *Гимон Т. В.* Кирик // Православная энциклопедия. Т. 34. М., 2014. С. 167—170.

[138] Кирик Новгородец и древнерусская культура: Сборник: В 3 ч. Ч. 3. С. 284.

Русской церкви судебными прерогативами в конце X — начале XI в. (уставная грамота князя Владимира Святославича) в дальнейшем привело к сосуществованию двух субъектов правотворчества и судопроизводства в лице светской и духовной властей. В юрисдикцию первой входило преимущественно уголовное, обязательственное и наследственное право, а в компетенцию второй — семейное, брачное и церковное. Княжеские суды руководствовались нормами Русской Правды, а церковные апеллировали к положениям Устава Ярослава. При этом повседневная жизнь основной массы городского и сельского населения Руси регулировалась нормами обычного права, гарантами соблюдения которых выступали общинные институты.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Черниговское княжество было самым крупным и развитым древнерусским княжеством на левом берегу Днепра. Перед нашествием Батыя здесь, по летописным данным, насчитывался 61 город. Больше было только в Киевском княжестве. Черниговское княжество включало земли по среднему и нижнему течению реки Десны и в бассейне ее левого притока Сейма. На востоке граница Черниговского княжества шла с севера от реки Оки к верховьям Дона, далее на юг вдоль верхнего течения Дона, затем поворачивала к истоку Сейма, шла на запад по реке Псел, выходила к верховьям Остера и достигала Днепра. Западная граница шла по Днепру[1]. На севере граница Черниговского княжества доходила до реки Угры, левого притока Оки. Территория княжества, за исключением ее северной части, была давно и достаточно хорошо освоена в хозяйственном отношении. Здесь были плодородные поля, многочисленные реки, богатые рыбой, озера и болота, где водились водоплавающие птицы, а также находились места расселения хищных пернатых, которых ловили для княжеской и боярской охоты, большие леса, где били зверей и собирали мед диких пчел.

И многочисленные города, и значительные земельные пространства были результатом многовекового развития Черниговщины. Ее столица Чернигов фигурирует уже в договоре 944 г. Руси с греками как один из главных центров[2]. Знает этот город и византийский император Константин VII Багрянородный, упоминающий его под названием *Чернигога* в своем трактате «Об управлении империей», написанном между 948 и 952 гг.[3] Чернигов был построен на правом, возвышенном берегу реки Десны при впадении в нее реки Стрижень. В. П. Коваленко указывает на существование в городе до 1239 г. шести укрепленных частей и одной неукрепленной, общей площадью около 220 га[4]. По этим показателям Чернигов превосходил все города Древней Руси, уступая только Киеву.

---

[1] В 1195 г. киевский князь призывал черниговских Ольговичей признать Днепр границей между их владениями и владениями Мономаховичей, «како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ». Ольговичи, видимо, соглашались с тем, что Днепр может быть границей, но не были согласны с тем, что они не должны княжить в Киеве (см.: ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 688—689). А. К. Зайцев считал, что Черниговское княжество заходило и на территорию правого берега Днепра и включало такие города, как Рогачев, Речица, дреговичские Случеск и Клеческ (см.: *Зайцев А. К.* Черниговская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 104—108 и карта-вклейка между с. 80 и 81). Однако ясных свидетельств о принадлежности этих городов Черниговскому княжеству нет. Города часто обозначались как черниговские потому, что принадлежали черниговским князьям, в то время правившим в Киеве.

[2] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 49.

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44—45.

[4] *Коваленко В. П.* Чернигов // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 876.

Сохранившиеся источники позволяют определить и примерные размеры первоначальной территории, в административном отношении подчинявшейся Чернигову. В ранних летописных памятниках часто упоминается земля вятичей как составная часть позднейшего Черниговского княжества. Это показывает, что черниговская территория прирастала вятичской. Выясняя, какие города Черниговщины лежали в вятичской земле, можно определить, какую площадь занимали собственно черниговские земли. Так, в 1142 г. князь Всеволод Ольгович уступил своим родственникам лежавшие «в вятичах» города Вщиж и Ормину[5]. Это свидетельствует о том, что названные города в Задесенье не входили в древнюю Черниговскую волость. Западнее этих городов почти на одной долготе стояли (с севера на юг) черниговские города Стародуб, Новгород Северский, Глухов, Путивль и Вырь. Последние три города были порубежными. В XII в. к ним подходила Половецкая степь. Но и Стародуб, и Новгород Северский надо считать пограничными крепостями, они продлевали оборонительную линию Вырь—Глухов на север и защищали с востока подходы к Чернигову. Если обратиться к перечню черниговских городов, упоминаемых до начала XII в., то он будет достаточно скромен: Муром (первое упоминание — 862 г.), Любеч (882), Чернигов (944), Тмуторокань (1022; с конца XI в. в составе Византии), Листвен (1024), Курск (1025), Сновск (1069), Новгород Северский (1079), Стародуб (1079). За исключением отдаленных Мурома и Тмуторокани и относительно далекого Курска, все остальные черниговские города перечня были расположены достаточно компактно, не заходя за линию Новгород Северский — Стародуб. Это позволяет считать, что первоначальная черниговская территория ограничивалась нижним течением Десны и нижним течением Сейма и лишь позднее охватила бассейны этих рек.

Уже в первой половине XI в. Чернигов стал желанным объектом обладания сыновей Владимира Святославича. В 1024 г. к северо-западу от Чернигова у Листвена между Ярославом Владимировичем и пришедшим из Тмуторокани его братом Мстиславом произошла кровопролитная битва, в которой Ярослав потерпел поражение и бежал в Новгород. Мстислав укрепился в Чернигове. Через два года Ярослав вынужден был подписать с братом договор, который признавал права Мстислава на Чернигов и на земли по левому берегу Днепра. Но в 1036 г. Мстислав умер, не оставив наследников. Его владения перешли к Ярославу[6]. Сам Ярослав, умирая, завещал Чернигов своему второму (из живших) сыну Святославу[7]. К Чернигову Святославу были приданы отдаленные, но важные территории: южная Тмуторокань и восточный Муром.

Став черниговским князем, Святослав начал действовать самостоятельно. Вскоре, однако, обнаружилось, что бороться против усиливших свое давление на русские земли половцев в одиночку бессмысленно. Три старших сына Ярослава Мудрого: киевский князь Изяслав, черниговский князь Святослав и переяславский князь Всеволод — решили объединиться и действовать сообща. Сначала совместные действия были успешными. Но в 1068 г. половцы нанесли братьям страшное поражение на реке Альте, в результате которого старший из Ярославичей Изяслав потерял киевский стол. На его место киевляне посадили полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Изяслав был вынужден бежать в Польшу[8].

Став киевским князем, Всеслав Полоцкий наделил владениями бежавшего Изя-

[5] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310, 312.
[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148, 149, 150.
[7] Там же. Стб. 161.
[8] Там же. Стб. 167, 170—171.

слава его братьев Святослава и Всеволода. В Новгороде ушедшего с отцом Мстислава Изяславича сменил старший сын Святослава Глеб. Во Владимире Волынском стал княжить сын Всеволода Владимир Мономах[9]. Когда в 1069 г. на Русь вернулся Изяслав Ярославич и вновь занял киевский стол, последовало возмездие. Были казнены 70 знатных киевлян, поддержавших полоцкого князя Всеслава. Сам Всеслав был изгнан из Полоцка[10]. Братья Изяслава Святослав и Всеволод опасались, что наказание рано или поздно настигнет и их. Они составили заговор и в начале 1073 г. вторично изгнали Изяслава. Киевским князем стал более старший Святослав. Черниговскую землю он сохранил за собой. За участие в заговоре брату Всеволоду он выделил из состава Киевского княжества Туров. Туда из Владимира Волынского перешел княжить Владимир Мономах[11].

27 декабря 1076 г. умер княживший в Киеве Святослав Ярославич. Он скончался «от рѣзанья желве»[12]. Болезнь и операция не позволили Святославу составить завещание. Тем не менее вопрос о преемнике Святослава на киевском столе, видимо, был решен заранее. 1 января 1077 г. на этот стол сел его брат Всеволод[13]. Никаких протестов со стороны сыновей Святослава это не вызвало. Наоборот, Святославичи сразу же признали старейшинство их младшего дяди. Как вспоминал Владимир Мономах, зимой 1077 г. «на весну», то есть примерно в феврале—марте 1077 г., он из Смоленска должен был идти «Новугороду <...> Глѣбови в помочь»[14]. Из этого припоминания следует, что в Новгороде продолжал княжить старший сын умершего Святослава Глеб и что он полностью признавал власть в Киеве Всеволода и обращался к нему за поддержкой. Почему Глеб просил о поддержке, выясняется из дальнейших воспоминаний Владимира Мономаха о событиях 1077 г.: «А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ — ожгоша Полтескъ»[15]. Эти походы в конце весны 1077 г. и в декабре 1077 — январе—феврале 1078 г. на Полоцк свидетельствуют о том, что почти сразу после смерти Святослава и вокняжения в Киеве Всеволода на новгородские земли Глеба Святославича напал полоцкий князь Всеслав Брячиславич, но был отражен соединенными силами Глеба и Мономаха, а через несколько месяцев Всеволод и его сын организовали ответные нападения на Полоцк. Остальные сыновья Святослава — Олег, Роман, Давыд, Ярослав — по всей видимости, разделяли позицию старшего брата по отношению к Киеву и в первые месяцы 1077 г. не предъявляли каких-либо претензий к киевскому князю. Это означает, что наследие отца — Черниговское княжество вместе с относившимися к нему территориями — они удерживали в своих руках.

Однако в середине лета 1077 г. ситуация изменилась. В марте или апреле 1077 г. на западных границах Руси появился старший брат Святослава и Всеволода Изяслав Яро-

---

[9] *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 19—35.

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173—174.

[11] Там же. Стб. 182—183; Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 121: после изгнания Изяслава братьями из них «единому сѣдъшю на столѣ томь, брата и отця своего, другому же възвративъшю ся вспять въ область свою», то есть Святослав сел в Киеве, а Всеволод вернулся в свой Переяславль, но не в Чернигов; *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 80 и примеч. 3.

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199.

[13] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 190.

[14] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247.

[15] Там же.

славич. Более трех лет он провел в изгнании, но, узнав о смерти Святослава, решил восстановить отобранные у него права на киевский стол. Поляки предоставили Изяславу военную помощь. Всеволод вынужден был оставить Киев и отправиться на Волынь, чтобы предотвратить возможную войну. Воспользовавшись отъездом Всеволода, Чернигов захватил сын смоленского князя Вячеслава Ярославича Борис. Однако прокняжил он в Чернигове всего восемь дней. Видимо, под напором Давыда Святославича и его двоюродного брата Владимира Мономаха Борис бежал из Чернигова в Тмуторокань.

Тем временем в Киев вернулся Всеволод. Пришел он не один, а вместе с братом Изяславом, который 15 июля 1077 г. взошел на киевский стол. Всеволод же оказался в Чернигове[16]. Хотя летописные данные скупы, они позволяют понять, что на Волыни между Изяславом и Всеволодом было достигнуто соглашение. Всеволод уступил Изяславу занимаемое им Киевское княжение, а Изяслав передал Всеволоду Черниговское княжество Святослава. Между новым черниговским князем и Святославичами, которых Изяслав старался лишить всяких владений на Руси, неизбежно должна была возникнуть вражда.

Сев в Киеве, Изяслав занялся восстановлением «попранной справедливости». Его старший сын Ярополк получил в управление киевский Вышгород, контролировавший путь из Чернигова в Киев. Из Владимира Волынского был выведен князь Олег Святославич. Владимиро-Волынское княжество вернулось в состав Киевского. В Новгороде вместо Глеба Святославича был посажен третий сын Изяслава Святополк. Именно с ним в конце 1077 — начале 1078 г. ходил на Полоцк Владимир Мономах.

Князь Олег Святославич из Владимира Волынского отправился в отчинный Чернигов, но тот уже занял его дядя Всеволод. Судя по показаниям летописей и «Поучения» Владимира Мономаха, Олег пробыл в Чернигове довольно долго, его привечали, угощали, но ничего не давали из черниговских земель. Чувствуя бесперспективность пребывания в бывшей столице своего отца, Олег 10 апреля 1078 г. бежал в Тмуторокань к брату Роману[17].

Старший из Святославичей Глеб, изгнанный из Новгорода, нашел прибежище в новгородском Заволочье. В Чернигов он не поехал, видимо, рассчитывая вернуть себе Новгород. Этого, однако, не случилось. 30 мая 1078 г. в Заволочье Глеб Святославич был убит[18]. В устранении этого князя прежде всего был заинтересован Изяслав, рассчитывавший сохранить новгородский стол за своим сыном Святополком. Смерть Глеба делала правление в Новгороде Святополка Изяславича и княжение в Чернигове Всеволода Ярославича более устойчивыми и безопасными. Однако кроме Глеба оставались его братья, и они бились за отчие черниговские земли. В конце лета 1078 г. бежавшие в Тмуторокань Олег Святославич и Борис Вячеславич привели на Русь половцев и с их помощью разгромили 25 августа на реке Сож Всеволода Ярославича. Всеволод укрылся у Изяслава в Киеве, а победители без сопротивления заняли Чернигов.

Побежденный Всеволод стал просить брата Изяслава о помощи. Последний прекрасно понимал, что бороться с племянниками Святославичами ему одному будет гораздо труднее, чем вдвоем с братом. Изяслав поддержал Всеволода и объявил сбор воев «от мала до велика». За несколько недель было сформировано большое войско. В поход выступили Изяслав с сыном Ярополком

[16] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199.
[17] Там же. Стб. 199, 247.
[18] Там же. Стб. 199; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 18 (указан день гибели Глеба).

и Всеволод с сыном Владимиром Мономахом. Четыре князя подошли к Чернигову. Черниговцы в свою крепость их не впустили. Тогда началась осада города. На помощь горожанам поспешили находившиеся вне Чернигова князья Олег и Борис. На Нежатиной ниве близ Чернигова 3 октября 1078 г. произошла ожесточенная битва. В ее начале был убит князь Борис, а вскоре — киевский князь Изяслав. Сеча продолжалась, но силы князя Олега Святославича таяли, и «въ малѣ дружинѣ» он бежал в Тмуторокань. Всеволод с сыном Владимиром и племянником Ярополком вернулись в Киев. Всеволод, вновь заняв киевский стол, «посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ»[19]. Черниговское княжество сохранило свое существование, но как зависимое от Киева.

Вернуть это княжество под контроль Святославичей попытался тмутороканский князь Роман Святославич. Вместе с половцами летом 1079 г. он подошел к переяславскому городу Воиню. Но Всеволод уже ждал его у Переяславля. С нападавшими был заключен мир, и они повернули обратно. По пути половцы убили князя Романа[20], видимо, за то, что их дальний поход не принес им ожидаемых трофеев.

Сохранив в своих руках власть над всей «Русской землей» в узком значении (Киевом, Черниговом и Переяславлем), Всеволод Ярославич оставил управление Черниговским княжеством за своим старшим сыном. Два племянника Всеволода, Давыд и Ярослав Святославичи, земель в своем отчинном княжестве не получили. Давыд, по-видимому, владел долей отца в Смоленске; Ярослав, которому было не более семи лет, скорее всего, вместе с матерью-немкой отъехал в Германию. Что касается получившего Чернигов Владимира Мономаха, то летописные свидетельства о его деятельности в конце 1070-х — начале 1090-х гг. создают впечатление, что в Чернигове и Черниговском княжестве он бывал крайне редко, выполняя важные поручения отца в разных частях Руси. Однако «Поучение» Владимира Мономаха полно описаниями боев с половцами в 1079—1086 гг., которые происходили на территории Черниговского княжества, двухлетней войны с соседними вятичами. Очевидно, что летописи сохранили материал киевского летописания XI в., в котором деятельность Мономаха оценивалась достаточно однобоко, поскольку столкновения черниговского князя с половцами и вятичами киевлян не интересовали. «Поучение» же раскрывает деятельность Владимира Мономаха как черниговского князя, и выясняется, что своему княжеству он уделял много внимания.

В разделе о Муромском княжестве (ч. 3, гл. 12) говорится о том, что после нападения волжских булгар на Муром в 1088 г. этот город был восстановлен Владимиром Мономахом. В разделе о Рязанском княжестве (ч. 3, гл. 11) высказывается предположение об основании им Рязани (Старой). Свидетельства «Поучения» Владимира Мономаха позволяют поставить вопрос об основании или обновлении им еще некоторых черниговских городов. Так, в «Поучении» при описании событий 1079 г. называются города Стародуб и Новый Город. Это древнейшие их упоминания. Стародуб в 1079 г. «весь» был «повоеван» половцами, и если пострадал город, то следует признать, что Мономах восстановил его, поскольку в 1096 г. Стародуб предстает как вполне обороноспособная крепость. Новый Город — это Новгород Северский, поставленный, как и Стародуб, на тогдашнем пограничье Черниговского княжества. Само определение — Новый — говорит о недавнем его возникновении. Если так, то следует отметить, что Мономах старался укреплять восточные границы своего княжества и делал

[19] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.
[20] Там же.

это целенаправленно. Постоянные столкновения с половцами, о которых сообщает «Поучение» Владимира Мономаха, вынуждали его к этому. Но если говорить в целом, городов около самого Чернигова к концу XI в. было немного.

Весной 1093 г. умер киевский князь Всеволод. Имея в своих руках в течение последних 15 лет жизни Киев, контролируя Чернигов, Переяславль, Новгород, обладая частью Смоленского княжества, Всеволод так и не сумел выстроить из своих обширных владений крупного единого государства. Видимо, этому мешала большая разобщенность боярства и дружин тех центров, что были под прямой и косвенной властью Всеволода. Киевский стол Всеволод предназначил не одному из своих сыновей, а Святополку Изяславичу, сыну своего старшего брата. Положение Владимира Мономаха как черниговского князя резко изменилось. Теперь он не мог рассчитывать на неизменную поддержку Киева. Чтобы располагать ею, Мономаху самому надо было стать киевским князем. Поэтому Мономах начал подумывать о том, не вступить ли ему в войну со Святополком за киевский стол, но по зрелом размышлении от таких планов отказался. Идти наперекор воле покойного отца означало для Мономаха обрести осуждение всех Рюриковичей. И Владимир Мономах не стал противодействовать двоюродному брату. 24 апреля 1093 г. Святополк Изяславич стал киевским князем[21].

Смена князя на киевском столе для Олега, Давыда и Ярослава Святославичей означала, что у них открылась возможность продолжить борьбу за возвращение себе отцовского наследства. Для Владимира же Мономаха такая смена говорила о том, что в случае выступления Святославичей на серьезную поддержку других князей он едва ли может рассчитывать. Поэтому Мономах приступил к укреплению самого Чернигова. Об этом в поэтической форме говорится в «Слове о полку Игореве»: слыша о приготовлениях в Тмуторокани к походу на Русь Олега Святославича, «сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ»[22]. «Уши» — это проушины для запоров городских ворот. В Чернигове они с утра не открывались, а, наоборот, запирались на случай неожиданного появления врагов. Сам Мономах вспоминал в своем «Поучении», как несколько позднее оборонялась его дружина от Олега и половцев в 1094 г.: «бишася <...> 8 днеи о малу [греб]лю и не вдадуче имъ въ острогъ»[23]. Такое напряженное противостояние с опорой на новые оборонительные черниговские укрепления заставило Олега начать переговоры с Мономахом. В итоге Мономах согласился уступить Олегу Черниговское княжество, а Олег — дать свободно уйти из Чернигова Мономаху, его семье и окружению. 24 июля 1094 г. стало памятной датой в истории Черниговского княжества. Оно вернулось под власть наследников первого черниговского князя Святослава Ярославича, но вернулось истерзанным и опустошенным Олегом и помогавшими ему половцами.

Обретение Святославичами Черниговского княжества меняло политическую обстановку во всей Южной Руси. Правителем крупного княжества становился князь, опиравшийся на половцев. Последние могли теперь не опасаться противодействий со стороны Черниговщины при своих нападениях на земли, подконтрольные Переяславлю и Киеву. А русские князья при походах в половецкие степи не могли рассчитывать на помощь Чернигова. Не оказывая помощи другим Рюриковичам, Олег Святославич рисковал масштабной войной с ними со всеми одновременно. Возникала трудно-

[21] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218.

[22] Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 48. (Библиотека поэта. Большая серия).

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249.

разрешимая ситуация, которую заинтересованные стороны в течение нескольких лет пытались упростить, но каждая сторона — в свою пользу.

Правда, половцы в то время начали войну с Византией, и их основные силы ушли на запад. Этим решили воспользоваться русские князья. В Переяславле были убиты приехавшие в начале 1096 г. на переговоры половецкие князья Итларь и Китан. Вслед за этим киевский князь Святополк и переяславский князь Владимир Мономах условились выступить в степь на половцев. Они предложили пойти в поход и черниговскому князю. Олег пошел, но один и на совсем других половцев. Это вызвало резкое недовольство Святополка и Владимира Мономаха. Они, по всей вероятности, рассчитывали захватить кочевья Итларя и Китана, а эти правители оказались самыми близкими союзниками нового черниговского князя. Олег сразу же после убийства Итларя приютил у себя его сына. Весной 1096 г. Святополк и Владимир пригласили черниговского князя на переговоры в Киев. Тот, опасаясь ловушки, ответил пренебрежительным отказом. Тогда киевский и переяславский князья осадили Чернигов. Осада оказалась скоротечной. Уже 3 мая 1096 г. Олег бежал из города. По-видимому, он не мог рассчитывать на поддержку местного населения, которое пострадало в 1094 г. от него и приведенных им кочевников. Черниговский князь укрылся в Стародубе, где выдержал 33-дневную осаду Святополка и Владимира Мономаха. В итоге после многих злоключений Олег Святославич к 1 марта 1097 г. вернулся в свое княжество. Шесть-семь месяцев спустя в черниговском Любече состоялся съезд князей — потомков Ярослава Мудрого. На нем было принято решение, согласно которому Черниговское княжество должно было принадлежать Давыду, Олегу и Ярославу Святославичам[24].

Порядок перечня наследников Святослава Ярославича в летописном изложении итогов Любечского съезда весьма показателен. На первом месте указан не старший князь Олег, вернувший Черниговское княжество под свою власть и власть своих братьев, а его более молодой брат Давыд, в событиях 1094 г. не участвовавший. Причина такой последовательности в летописи имен трех сыновей Святослава Ярославича объясняется более поздними историческими свидетельствами. В середине XII в. появляются понятия об исторических отчинах в Черниговском княжестве потомков князя Олега и потомков князя Давыда. Причем выясняется, что Ольговичи владели Новгородом Северским, а Давыдовичи — главным городом княжества Черниговом. Никаких войн за Чернигов между Олегом и Давыдом или их сыновьями источники не фиксируют. Очевидно, такое разделение владений в Черниговском княжестве стало результатом договоренностей. По всей вероятности, опустевший в результате событий лета 1094 — зимы 1097 г. Чернигов стал для Олега менее притягательным, чем Новгород Северский с его обширными землями на востоке Черниговского княжества, и старший Святославич отдал давний политический центр княжества младшему брату. Прямое свидетельство о пребывании Давыда в Чернигове относится к 1099 г.[25] Давыд Святославич и скончался в Чернигове в 1123 г.[26]

Относительно черниговских владений князя Олега Святославича с конца 1090-х гг. и до смерти этого князя в 1115 г. столь ясных сведений нет. Есть единственное летописное свидетельство 1113 г. о соединении войск Владимира Мономаха, его сыновей

[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257.
[25] Там же. Стб. 272.
[26] Там же. Стб. 286.

и племянников с войском Олега Святославича на пути к Вырю, к которому подошли половцы[27]. Вырь административно относился к Новгород-Северскому княжеству. Соединение на подступах к Вырю полков Мономаха и Олега косвенно может свидетельствовать о правлении Олега в Новгороде Северском. Из других источников выясняется, что в 1109 г. Олег владел киевским Вышгородом. Этот город он мог получить только от киевского князя. Такая передача предопределяла переход после смерти Святополка Изяславича киевского стола к Олегу как старшему отпрыску Святослава Ярославича. Подобный переход определялся степенью родства, а не обладанием в Черниговском княжестве его столицей. Однако стать киевским князем Олегу было не суждено. Им стал Владимир Мономах — не по династическому старшинству, а по требованию киевлян. Черниговские Святославичи на продолжительное время остались правителями только своего Черниговского княжества.

Олег Святославич умер на восемь лет раньше брата Давыда. Хотя и у Олега, и у Давыда были сыновья, власть в Чернигове в 1123 г. перешла к младшему из братьев Святославичей — Ярославу.

Пребывание Ярослава на черниговском столе оказалось кратковременным. В 1127 г. его племянник Всеволод, старший сын Олега Святославича, арестовал Ярослава, «изъѣхавъ и, а дружину его исѣче и разъграби»[28]. Схваченного дядю Всеволод отправил княжить в далекий Муром. Однако во внутренние черниговские дела вмешались киевский и переяславский князья, заступившиеся за Ярослава. Положение Всеволода стало очень шатким, но он добился мира с Мономаховичами, уступив Мстиславу Киевскому Курск и признав его своим сюзереном. По приказу Мстислава он уже в 1127 г. принял участие в большом походе русских князей на Полоцкое княжество.

Ситуация изменилась, когда в 1132 г. Мстислава на киевском столе сменил его брат Ярополк. Пытаясь реализовать план политического переустройства древнерусских земель, намеченный еще его отцом и старшим братом и сводившийся к удержанию Киева потомством Мстислава Владимировича, Ярополк занялся перемещением своих родственников из одного княжества в другое. Перемещения обнаружили явные противоречия между интересами Ярополка и его братьев, с одной стороны, и их племянников, сыновей Мстислава Великого, — с другой. Всеволод Ольгович вместе со своими родными и двоюродными братьями внимательно следил из Чернигова за тем, как меняется обстановка в соседних Киевском и Переяславском княжествах. Когда к 1134 г. выяснилось, что в результате непродуманной политики Ярополка его племянники Мстиславичи лишились земельных владений и готовы компенсировать свои потери за счет захвата земель родных дядей, черниговский князь вступил в войну с Киевом.

Ярополк опирался на «сильный полк киевский» и на дружины своих братьев. Всеволоду помогали племянники Ярополка, братья жены Всеволода Марии, но главным образом половцы. Сначала военные действия протекали вяло. Черниговцы напали на киевлян, а те перешли Днепр и в течение нескольких дней безуспешно осаждали Чернигов. Но 8 августа 1135 г. черниговцы и половцы одержали неожиданную победу над Ярополком и его братьями в битве на реке Супой. Развивая успех, в конце того же 1135 г. при поддержке половцев Всеволод переправился через Днепр и начал опустошать Киевское княжество. Положение Ярополка сделалось угрожающим, и 12 января 1136 г. он был вынужден заключить мир с

[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276.

[28] Там же. Стб. 290.

черниговскими князьями, отдав им «отчину свою, чего и хотѣли»[29]. Этой отчиной было Курское княжество. На этом Всеволод не успокоился. В 1138 г. он привел половцев к переяславскому Прилуку и взял ряд переяславских городов по реке Суле. Тогда Ярополк, набрав громадное войско, двинулся на Чернигов. Испуганный Всеволод стал просить его о мире. Ярополк несколько неожиданно согласился. У пограничного черниговского Моровийска стороны решили прекратить военные действия и разошлись по домам. Вернувшись в Киев, Ярополк вскоре умер.

Киевский стол оказался свободным, и его немедленно занял брат Ярополка туровский князь Вячеслав Владимирович. Всеволод Ольгович вступил с ним в борьбу. При поддержке брата Святослава и двоюродного брата Владимира Давыдовича черниговский князь сумел захватить Вышгород. Укрепившись там, Всеволод повел полки на Киев. Вячеслав не ожидал такого поворота событий. Средств для отражения нападения черниговцев у него не оказалось, и он по договоренности с Всеволодом безропотно вернулся в свой Туров. 5 марта 1139 г. после 66-летнего перерыва на киевский стол вторично сел черниговский князь. Переход Киева под власть Всеволода Ольговича существенно усилил позиции черниговских князей, особенно в Южной Руси. Но внутри самого Черниговского княжества такой переход породил неожиданные коллизии.

Первым актом нового киевского князя стала передача Чернигова своему двоюродному брату Владимиру Давыдовичу, который существенно помог ему в захвате Киева. Такая передача отменяла прежнюю договоренность Всеволода с родным братом Игорем, которому было обещано «изъдавна дати подъ собою Черниговъ, и не да ему, но да и Давыдовицю Володимеру, и свади братью»[30]. Внутри потомков Святослава Ярославича зародилась вражда. Она была притушена в 1142 г., когда Всеволод после острого столкновения с черниговскими родственниками вынужден был уступить им ряд городов. Собственно черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи получили киевские Берестье и Дорогичин на реке Западный Буг, а также черниговские Вщиж и Ормину; родной брат Всеволода Игорь получил Городец, видимо, в нижнем течении Десны, Гюргев на реке Роси и Рогачев при впадении Друти в Днепр; другой Ольгович Святослав — Клеческ на реке Лань, левом притоке Припяти, и Черторыйск на реке Стыр[31]. После этого черниговские родственники Всеволода стали помогать ему в военных и политических делах. Они участвовали в его войне 1144 г. с галицким князем, а в 1145 и 1146 гг. поддержали польских союзников Всеволода[32]. Примирение с братьями позволило Всеволоду летом 1145 г. составить завещание, где четко заявлялось: «Азъ по собѣ даю брату своему Игореви Киевъ»[33]. Это означало, что за черниговскими князьями сохранялись все их киевские владения. С таким положением дел не могли согласиться Мономаховичи, обладавшие Киевом в течение продолжительного времени. Их поддерживали киевляне, угнетаемые неправедными штрафами тиунов умершего 1 августа 1146 г. князя Всеволода. Отказ князя Игоря устранить таких тиунов привел к тому, что киевляне тайно пригласили к себе на стол лидера Мономаховичей переяславского князя Изяслава Мстиславича. Его войска уже стояли на левом берегу Днепра, готовые к походу. Получив известие от киевлян, Изяслав перешел Днепр. 13 августа 1146 г. под Киевом произошла битва, в которой

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290.
[30] Там же. Стб. 303.
[31] Там же. Стб. 312.
[32] Там же. Стб. 315, 318, 319.
[33] Там же. Стб. 318.

черниговские князья Игорь и Святослав Ольговичи потерпели поражение. На киевский стол взошел Изяслав Мстиславич. Князь Игорь Ольгович попал к нему в плен. Брат Игоря Святослав бежал в Чернигов.

Там началось брожение. Спасшийся Святослав Ольгович призывал всех своих родственников объединиться и вызволить из плена Игоря. Но княжившие в Чернигове братья Давыдовичи его не поддержали. В Киев они отправили послание с требованием Игоря держать «твердо»[34].

И тогда Святослав Ольгович обратился за поддержкой к суздальскому князю Юрию Владимировичу Долгорукому. Юрий не любил Изяслава Мстиславича. Суздальский князь считал, что права на киевский стол имеет он, а не Изяслав. Но у Юрия Долгорукого не было поддержки в Южной Руси. В 1146 г. такая поддержка в лице Святослава Ольговича нашлась. Юрий Долгорукий решил помочь князю Святославу и использовать его как союзника в борьбе за Киев. Эта борьба длилась пять лет и, в конце концов, закончилась победой Изяслава Мстиславича. В мае 1151 г. ему удалось в сражении на реке Руте одержать верх над Юрием Долгоруким и закрепить за собой Киев. Юрий вынужден был удалиться в свой Суздаль.

Черниговские князья активно участвовали в соперничестве Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича. Но участие это имело для них тяжелые последствия. В 1146 и 1147 гг. была опустошена восточная часть Черниговщины, принадлежавшая Ольговичам. А в 1148 г. пострадала западная часть, где властвовали Давыдовичи. Вхождение потомков первого черниговского князя Святослава Ярославича в союзы с группировками других Рюриковичей в 1140-е гг. внесло разлад в их среду. Давыдовичи отделились от Ольговичей, между ними начались войны. Первых возглавил черниговский князь Изяслав Давыдович (его старший брат Владимир погиб в битве на Руте), вторых — новгород-северский князь Святослав Ольгович. После того как Изяслав Давыдович в 1151 г. стал с помощью киевского князя Изяслава Мстиславича черниговским князем, неприязнь между Черниговом и Новгородом Северским стала постепенно исчезать, поскольку Святослав Ольгович и стоявшие за ним князья, опиравшиеся на побежденного Юрия Долгорукого, вынуждены были признать свою вассальную зависимость от черниговского князя. Обращаясь к нему в том же 1151 г., они говорили: «Прими насъ к собѣ. А се отцинѣ межи нами двѣ, одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда. <...> Ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а то нама даи, ать вѣ ся тѣмь поделивѣ»[35]. Изяслав Давыдович внял просьбам родственников. Из более поздних летописных свидетельств выясняется, что Святослав Ольгович продолжил свое правление в Новгороде Северском, а в руках Святослава Всеволодича оказались Сновск, Карачев и Воротынск. Тем не менее военные стычки между черниговскими князьями не прекратились. Они закончились только осенью 1153 г., когда близ черниговского города Хоробора Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович «утвердися, якоже за одинъ мужь быти, и цѣловавше межи собою крестъ»[36]. Появление такой договоренности объясняется тем, что Изяслав Черниговский должен был принять участие в дальнем походе своего покровителя Изяслава Киевского и опасался за судьбу своего покинутого стола.

Смерть Изяслава Киевского в ноябре 1154 г. изменила положение его черниговского тезки. Киевской поддержки он лишился, зато сам киевский стол оказался свободным, и Изяслав Давыдович решил

[34] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 329.
[35] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444.
[36] Там же. Стб. 465.

попытать счастья. Претензии на Киев черниговского князя вызвали опасения Мономаховичей, сидевших в Киеве и Переяславле. Они призвали на помощь смоленского князя Ростислава Мстиславича и все вместе двинулись упреждающим походом на Чернигов. Но Изяславу Давыдовичу помог пришедший из Суздаля сын Юрия Долгорукого Глеб, с которым пришли и половцы. Ростислав Мстиславич, убедившись в очевидном военном превосходстве оборонявшихся, запросил мира, отказался от Киева, а заодно и от Переяславля и ушел в свой Смоленск. Желанный киевский стол попал в руки черниговского князя. Это произошло в феврале 1155 г.

Стремясь упрочить свое новое положение, Изяслав Давыдович решил на иных основаниях отрегулировать отношения с черниговскими родственниками. Он выкупил из плена попавшего в руки половцев князя Святослава Всеволодича, действовавшего на стороне Мономаховичей против своей родни. А со Святославом Ольговичем Изяслав договорился о том, что уступает ему Чернигов, но в ответ требует, чтобы Святослав помогал ему удерживать Киевское княжение.

Однако на Киев претендовал и Юрий Долгорукий, обладавший значительным экономическим и военным потенциалом. Это осознавал Святослав Ольгович и отговаривал Изяслава Давыдовича от притязаний на киевский стол. Тот слушал доводы двоюродного брата, но внимания на них не обращал и продолжал пребывать в Киеве. Лишь когда к Днепру подошел Юрий Долгорукий и потребовал от Изяслава: «Мнѣ отцина Киевъ, а не тобѣ»[37], тот вынужден был покинуть Киев. Надо было возвращаться, но Чернигов был уступлен Изяславом Святославу Ольговичу. Назревала борьба за передел владений. Однако Святослав проявил благоразумие. Он добровольно вернул Чернигов Изяславу. Зато у раскаявшегося племянника Святослава Всеволодича он отобрал не только свои прежние Карачев и Воротынск, но и собственно черниговский Сновск, дав взамен менее значимые три города.

Результатом перераспределения в начале 1155 г. городов в Черниговской земле стало расширение и укрепление владений Святослава Ольговича. Изяслав Давыдович потерпел неудачу в борьбе за Киев, а его черниговские земли оказались урезанными. Поэтому уже весной 1155 г.[38] он попытался организовать военную коалицию против Юрия Долгорукого. Однако Святослав Ольгович на происки Изяслава ответил отказом. О действиях Изяслава узнал Долгорукий и на всякий случай призвал из Галича своего зятя Ярослава с войском. Бороться с такой силой стало для Изяслава Давыдовича делом совершенно бесперспективным. К тому же Юрий Долгорукий, унаследовавший от отца Владимира Мономаха приемы умелой и ловкой дипломатии, примерно на исходе лета 1155 г. в пограничном черниговском городе Лутаве на съезде с черниговскими князьями дал Изяславу Давыдовичу киевский город Мозырь, а Святославу Ольговичу — киевский город Кореческ. Территориальные потери Изяслава были в определенной мере возмещены. Однако через несколько месяцев

[37] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 478. Изяслав Давыдович и Юрий Владимирович Долгорукий были троюродными братьями. Они имели общего предка — Ярослава Мудрого, который приходился им прадедом. Дедом Изяслава был Святослав, который был старше своего брата Всеволода, деда Юрия Долгорукого. Возраст Изяслава и Юрия был примерно одинаков. Однако ни возраст, ни степень близости к общему предку не имели значения при определении юридических прав на владение спорным объектом. Решало то, кто из отцов спорящих князей владел этим объектом ранее. Отец Юрия Долгорукого Владимир Мономах княжил в Киеве и умер там. Отец Изяслава Давыд Святославич никогда не занимал киевского стола. Довод Юрия Долгорукого юридически оказывался точным, и Изяслав Давыдович вынужден был подчиниться этому правилу.

[38] О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 157.

от него бежал его племянник Святослав Владимирович. Святослав отъехал из Березыя, стоявшего недалеко от Сновска. Бежал Святослав Владимирович во Вщиж, при этом «зая у него (Изяслава. — *В. К.*) все городы Подеснескыя»[39], то есть города по реке Десне, близкие Вщижу. Одновременно Святослав Всеволодич, не известив своего дядю Святослава Ольговича, перешел под сюзеренитет смоленского князя.

Начавшиеся распри внутри черниговского княжеского дома не переросли в крупную братоубийственную войну только потому, что наиболее умудренный из черниговских правителей Святослав Ольгович, видимо, при содействии своего свата смоленского князя Ростислава Мстиславича сумел близ смоленского города Мстиславля договориться с Изяславом Давыдовичем, Святославом Всеволодичем и Святославом Владимировичем о мире. Это случилось за несколько месяцев до смерти Юрия Долгорукого, скончавшегося 15 мая 1157 г.

Уход из жизни этого князя вновь возбудил тщеславные помыслы Изяслава Давыдовича. Еще при жизни Долгорукого ему удалось заключить союзы со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем и владимиро-волынским князем Мстиславом Изяславичем. С их помощью Изяслав Давыдович уже на четвертый день после кончины Долгорукого въехал в Киев. В Чернигове он оставил своего племянника Святослава Владимировича. Попытка Святослава Ольговича и Святослава Всеволодича воспользоваться возникшими обстоятельствами и занять Чернигов была отражена Святославом Владимировичем. Когда в Чернигове появился князь Изяслав Давыдович со своим союзником Мстиславом Изяславичем, стороны сумели договориться. Изяслав уступил Чернигов Святославу Ольговичу, Святослав Всеволодич получил Новгород Северский, а Изяслав — их поддержку в сохранении за собой Киева.

Став киевским князем, Изяслав Давыдович, по всей видимости, отобрал у Святослава Ольговича киевский Кореческ. Вскоре новый киевский князь решил вмешаться в жизнь западнорусских княжеств. Он стал поддерживать Ивана Ростиславича Берладника, претендовавшего на Галич. Однако другие русские князья вступились за правившего в Галиче Ярослава Осмомысла. Они договорились о походе на Киев. Тогда Изяслав обратился за помощью к своим черниговским родственникам. Святославу Ольговичу он обещал за такую поддержку киевский Мозырь и черниговский Чичерск. В Лутаве вновь состоялась встреча всех черниговских Рюриковичей. Они договорились о союзе против князей, намеревавшихся напасть на Киев. Извещение об этом было послано в Галич и Владимир Волынский. Оно вразумило противников Изяслава Давыдовича, и поход на Киев был отменен.

Тогда Изяслав Давыдович, рассчитывая на силы черниговских князей, решил сам напасть на своих недругов. Из Киева он выступил на Галич, жители которого твердо обещали ему свою помощь в возведении на княжеский стол Ивана Берладника. Святослав Ольгович через своих посланников всячески отговаривал Изяслава от этого похода. «Брате, — писал он Изяславу, — кому ищеши волости: брату ли или сынови?»[40]. Однако Изяслав не задумался над посланием двоюродного брата. «Оже ты самъ <не> идеши, ни сына пустиши, аже ми Богъ дасть успѣю Галичю, а ты тогда не жалуи на мя, оже ся почнешь поползывати и Щернигова к Новугороду (то есть Новгороду Северскому. — *В. К.*)»[41], — грозил он Святославу. Тот возмутился. Он припомнил, как «на ся поступахъ», то есть шел наперекор собственным желаниям, делал уступки, полу-

[39] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.
[40] Там же. Стб. 499.
[41] Там же.

чая от Изяслава «Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ, Моровиескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдять псареве же и Половци; а всю волость Черниговьскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ. И то ему не досыти, но велить ми еще и Щернигова поити, а хрестъ ко мнѣ цѣловалъ, яко не подозрѣти подо мною Чернигова никим же образомъ»[42]. Сетования Святослава приоткрывают завесу над тем, как распределяли города внутри Черниговского княжества местные Рюриковичи. Оказывается, посажение князя в Чернигове не предполагало передачи ему всех черниговских городов, которыми в свое время обладал княживший в собственно черниговской части Черниговской земли Давыд Святославич. Святославу Ольговичу, в частности, Изяслав Давыдович уступил только семь таких городов. Однако «вся волость Черниговская», которую Изяслав Давыдович оставил за собой и своим родом, была предпочтительнее Чернигова с семью городами.

После высказанных обоюдных обид в отношениях между Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем начался глубокий разлад. В итоге с Изяславом на Галич пошел только его племянник Святослав Владимирович, приведший с собой половцев. Ожидая племянника, Изяслав дошел до Мунарева, города в пограничной с Галичем Болоховской земле, когда выяснилось, что на Киев с запада идет соединенная рать владимиро-волынского, дорогобужского и галицкого князей. Киевский князь отошел к Василеву, где с ним соединился Святослав Владимирович. Но было уже поздно. Противники достигли Белгорода и заняли его. Изяслав Давыдович двинулся к Белгороду и осадил город. Однако Мстислав Изяславич и его союзники держались стойко, отражая все атаки нападавших. К Изяславу из Поросья подошли дополнительные силы — берендеи, служившие киевским князьям. Казалось, Белгород вот-вот должен был пасть. Но берендеи стали помогать не Изяславу, а его врагам. В результате тайных ночных переговоров с Мстиславом Изяславичем они выпросили у него несколько крупных городов, если он станет киевским князем. За это они обещали перейти на его сторону. Мстислав ответил согласием. Изяслав Давыдович почувствовал что-то неладное в поведении берендеев. Ночью при очередной попытке кочевников якобы штурмовать Белгород он увидел, как горят его припасы. Полки Изяслава бросились на север, стараясь оторваться от противника. Через Вышгород они дошли до черниговского Гомеля. Отсюда Изяслав устремился на восток в Вятичи, взяв по дороге Обловь — «городъ <...> Святославлеѣ»[43], то есть жены Святослава Ольговича. Затем Изяслав захватил и все Вятичи. Свои действия он объяснял мщением за то, что Святослав Ольгович сам не пошел с ним в поход на Галич, «ни сына ему пусти»[44]. В ответ Святослав Ольгович арестовал живших в Чернигове бояр Изяслава и конфисковал их имущество. Действия друг против друга двоюродных братьев, совсем недавно союзников, становились все ожесточеннее. Ни о каком добровольном возвращении Чернигова Изяславу Давыдовичу, как это было в 1155 г., не могло быть и речи.

Победители Изяслава Давыдовича западнорусские князья вошли в Киев 22 декабря 1158 г. На киевский стол они пригласили смоленского князя Ростислава Мстиславича. Последний принял приглашение, но прибыл в Киев только 12 апреля 1159 г. Он сразу же начал переговоры с черниговским князем Святославом Ольговичем о союзе. 1 мая 1159 г. в Моровийске состоялось свидание обоих князей, которое завер-

[42] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 500.
[43] Там же. Стб. 502.
[44] Там же.

шилось договором об обоюдной помощи. Договор на первых порах оказался действенным. Через короткое время Изяслав Давыдович, обосновавшийся на юге Черниговского княжества в Выри, получил большую помощь от половцев и вместе с ними двинулся на Чернигов. Но в Чернигове его уже поджидали Святослав Ольгович, Святослав Всеволодич и Рюрик, сын ставшего киевским князем Ростислава Мстиславича. Попытки Изяслава форсировать Десну оказались безуспешными. Трезво оценив ситуацию, «Изяславъ же с Половци отъѣхаша в поле»[45]. Пришедшее из Киева подкрепление не обнаружило противника на расстоянии целого дневного перехода от Чернигова. Все успокоились и приготовились разойтись по домам.

Но в Чернигове у Изяслава Давыдовича оставались его доброхоты. Вскоре князь получил от них важное известие: «Не ѣзди, княже, никамо же; братъ ти Святославъ боленъ, а сыновець (князь Святослав Всеволодич. — *В. К.*) отъ него шелъ Новугороду (Северскому. — *В. К.*), а дружину свою пустилъ от себе прочь»[46]. Изяслав Давыдович последовал полученному совету. Собрав войско, он «поѣха изъѣздомъ к Чернигову». Перейдя на утренней заре Десну, Изяслав начал жечь черниговские села и забирать в плен их жителей. Об этом стало известно Святославу Ольговичу. Его полки не были распущены. Не ушла за Днепр и киевская помощь. Святослав собрал все войско около Чернигова, а берендеев и молодых дружинников пустил на половцев, грабивших правобережные десненские села. Половцы не ожидали отпора и бежали на другой берег Десны. Узнав, в чем дело, за ними поспешил и сам Изяслав. Гонимый страхом, ночью он бежал к Выри. Святослав Ольгович и его союзники преследовали бежавших. Когда они подошли к Выри, выяснилось, что Изяслав уже ушел в степи к половцам. Преследователи сожгли острог Выри, пожгли окрестности стоявшего рядом города Зартыя и вернулись восвояси.

Потерпев значительный урон, князь Изяслав Давыдович не прекратил, однако, борьбы. К нему вновь пришли многочисленные половцы, и с ними бывший черниговский князь глубоко вторгся в пределы своего прежнего владения, взял Росусь, Воробейну и прошел во Вщиж, где сидел его племянник Святослав Владимирович. Зимой 1159/1160 г. Изяслав и его союзники-половцы напали на Смоленское княжество и опустошили его. Половцы увели в плен 10 000 смольнян, а многих убили.

Понимая, что возмездие за содеянное неотвратимо, Изяслав Давыдович обратился за военной помощью к суздальскому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому, предлагая даже породниться с ним: выдать его дочь за своего племянника Святослава Владимировича. Андрей Боголюбский, рассчитывая на то, что Изяслав вернет себе киевский стол, принял предложения Изяслава. На помощь ему была послана большая рать во главе с сыном Андрея Изяславом. В это время Святослав Ольгович, его старший сын Олег, племянник Святослав Всеволодич, сын киевского князя Рюрик Ростиславич, брат Рюрика Роман из Смоленска, князь Всеслав из Полоцка и галичане осаждали Вщиж, который оборонял Святослав Владимирович. Оборонял упорно, поскольку твердо знал, что помощь к нему придет. Осаждавшие же, узнав о выступлении Изяслава Андреевича «съ силою многою Ростовьскою», поспешили заключить мир со вщижским князем. Святослав Владимирович обязался иметь Святослава Ольговича «въ отца мѣсто и въ всеи воли его ему ходити»[47]. На этих условиях Вщиж за ним был оставлен.

[45] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 506.
[46] Там же. Стб. 506—507.
[47] Там же. Стб. 509.

Если Святослав Ольгович старался лишить Изяслава Давыдовича его черниговского союзника, тем самым укрепляя свое положение как черниговского князя, то Изяслав делал то же самое по отношению к Святославу, но не для того, чтобы отнять у него Чернигов, а для того, чтобы вернуть себе Киев. В результате тайных переговоров Изяслав сумел склонить на свою сторону Святослава Всеволодича и его брата Ярослава. Изяславу удалось сделать своим сторонником даже старшего сына Святослава Ольговича курского князя Олега, убедив его в том, будто отец искал его смерти, а сам Изяслав посадит Олега в Чернигове, если тот станет его союзником. Прельщенный заверениями и обещаниями Изяслава, «въступи Олегъ у любовь къ Изяславу безъ отня свѣта»[48]. Когда Святослав Ольгович узнал об этих происках двоюродного брата, он решил, что ему лучше всего примириться с ним. Последний, собрав свои силы и присоединив к ним силы союзных черниговских родственников, а также половцев, двинулся на Киев. Но Изяслава не поддержал переяславский князь — его зять, и поход на Киев пришлось отменить.

Впрочем, через несколько месяцев Изяслав повторил свою попытку. На сей раз он двинулся на Киев с севера, через Вышгород, сумев по льду переправиться на правый берег Днепра. 8 февраля 1161 г. войска Изяслава подошли к Киеву. В предместьях города начались бои. Однако сил у Ростислава было мало, и по совету дружины он оставил столицу и укрылся в хорошо укрепленном Белгороде. Туда к нему пришли со своими дружинами союзные ему князья. В Киев же 12 февраля 1161 г. торжественно въехал Изяслав Давыдович. Он освободил всех киевлян, захваченных в плен за дни боев под городом и в самом городе, видимо, надеясь на их поддержку в борьбе с Ростиславом. После этого он направился к Белгороду. Осада Белгорода длилась три недели, но город выстоял, как и в 1158 г. За эти недели западнорусские князья сумели собрать большое войско, которое двинулось на выручку Ростиславу. Узнав о его приближении, Изяслав начал спешное отступление. Его преследовали кочевники-торки, за которыми шла основная масса объединенной рати. У реки Желяни торки настигли арьергард Изяслава, вскоре подошли и главные силы преследователей. Началось сражение, в котором Изяслав Давыдович был убит. Это произошло 6 марта 1161 г. Тело Изяслава было отправлено в Чернигов. Святослав Ольгович захоронил его в церкви Бориса и Глеба, которую построил отец Изяслава Давыд.

Так закончился важный период в истории Черниговского княжества, связанный с борьбой двух ветвей потомства первого черниговского князя Святослава Ярославича: Ольговичей и Давыдовичей. В итоге к началу 1160-х гг. Черниговское княжество представляло собой значительную территорию, основная часть которой принадлежала Святославу Ольговичу (Чернигов с семью городами, которые он получил от Изяслава в 1158 г.; земли вятичей, которые разорял в том же 1158 г. князь Изяслав Давыдович; город Курск, выделенный в 1160 г. Святославом старшему сыну Олегу; город Обловь — владение его жены; выморочные города Изяслава Давыдовича, совсем недавно державшего «всю волость Черниговьскую»). Князь Святослав Всеволодич владел Новгородом Северским с относившимися к нему городами. Его брат Ярослав княжил в городе Ропеске. Была жива и мать этих князей. За ней оставался город Глухов. Князь Святослав Владимирович сохранял за собой Вщиж. По этим показателям дальнейшее развитие Черниговского княжества должно было идти под эгидой Святослава Ольговича и его потомства. Этого, однако, не произошло.

Летом 1161 г. киевский князь Ростислав Мстиславич пошел на заключение ново-

[48] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 513.

го соглашения с черниговскими князьями. Ими были Святослав Ольгович, Святослав Всеволодич и его брат Ярослав. Эти князья представляли две ветви черниговских Ольговичей: Святослава, с одной стороны, и сыновей его старшего брата Всеволода, умершего киевским князем, — с другой. Договор 1161 г. впервые обозначил новые группировки в черниговской династии: Всеволодичей и Святослава с его потомством. В последующем взаимоотношения этих двух линий Ольговичей во многом определяли внутриполитическое развитие Черниговского княжества.

Начало 1160-х гг. было для Черниговщины спокойным. Ольговичи не ходили в походы, на Чернигов не нападали ни половцы, ни русские князья. Но 15 февраля 1164 г. умер князь Святослав Ольгович. Хотя Святослав по средневековым меркам был уже в весьма преклонных годах, болел и его кончина ожидалась, тем не менее она вызвала переполох в его семействе и руководящих верхах Черниговского княжества. Овдовевшая жена Святослава с младшими детьми (кроме уже самостоятельного Олега у нее были сыновья Игорь и Всеволод, а также три дочери), епископ Антоний, тысяцкий Юрий и «передние мужи» — бояре-советники умершего князя — решили некоторое время не сообщать народу о смерти правителя, поскольку за его наследие могла развернуться острая борьба. На Чернигов претендовали старший сын Святослава курский князь Олег, который находился в скверных отношениях с отцом, и племянник Святослава новгород-северский князь Святослав Всеволодич, который часто открыто враждовал со Святославом. Вдовая княгиня и ее окружение решили призвать Олега Святославича. Однако епископ Антоний тайно известил о кончине Святослава Ольговича новгород-северского князя.

Получив послание епископа, Святослав Всеволодич немедленно направил своего сына, скорее всего старшего Владимира, в Гомель, чтобы взять под контроль единственную доступную ему переправу через Днепр, а в другие города, принадлежавшие покойному Святославу Ольговичу, послал своих посадников. Сам же приготовился выступить на Чернигов, когда получил весть, что в Чернигов уже вошел Олег Святославич. Между двоюродными братьями начались обмены посольствами. Послы договаривались о волостях, которыми хотели бы владеть оба князя. Олег Курский пошел на уступки, тем более что во многих городах его отца уже сидели новгород-северские посадники. Олег отдал занятый им Чернигов Святославу, а тот передал ему свой Новгород Северский. Кроме того, Святослав обязался из полученных им земель наделить владениями двух младших братьев Олега Игоря и Всеволода, но этого обязательства не выполнил[49]. Олег же сохранил за собой Курск и мог быть удовлетворен сложившимся положением вещей, поскольку обладание им вместе с Новгородом Северским делало его владения в Черниговской земле почти равными владениям Святослава Всеволодича. К тому же через короткое время после раздела Олег женился на дочери киевского князя Ростислава Мстиславича Агафье (в июле 1164 г.), что сделало его положение среди черниговских Рюриковичей вполне устойчивым.

Впрочем, это не привело к прекращению борьбы Святослава и Ярослава Всеволодичей с Олегом за черниговские земли. Когда в 1166 г. во Вщиже умер Святослав Владимирович, со смертью которого пресеклась династия Давыда Святославича, Вщиж забрал себе Святослав Всеволодич, посадив там сына. А лучшую часть волости Вщижа он передал своему брату Ярославу. Олег Святославич потребовал, чтобы часть прежних владений вщижского князя отошла к нему, поскольку при разделе 1164 г. Святослав Всеволодич не дал ему всего, о

[49] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523—524.

чем они договаривались. Святослав ответил решительным отказом. В черниговскую распрю вмешался киевский князь Ростислав Мстиславич. Он несколько раз посылал послов к Святославу, веля ему наделить Олега Святославича. Но черниговский князь не слушал и киевского князя. Тогда Олег решил напасть на Стародуб, принадлежавший Святославу. Он приближался к городу, когда узнал, что в Стародуб въехал со свежими военными силами брат Святослава Ярослав. Олег в гневе вынужден был повернуть обратно, удовлетворившись множеством пленных, которых он сумел захватить при подходе к городу. В ответ Святослав Всеволодич послал брата Ярослава с половцами на Новгород Северский. Те остановились на реке Молочне, не дойдя 15 верст до города, хотя Олег Святославич не оказывал им никакого сопротивления. Причиной была тяжелая болезнь князя. Узнав о ней, тесть Олега киевский князь Ростислав велел ему помириться со Святославом Всеволодичем. Мир между двоюродными братьями был восстановлен. Святослав уступил Олегу четыре города, и военные действия прекратились.

О распре черниговских князей стало известно половецким князьям. Они поняли, что в данный момент русским князьям не до них и они могут свободно действовать в причерноморских степях. В 1166 г. половцы проникли даже в район днепровских порогов, где стали нападать на купеческие караваны, возвращавшиеся из Византии, и грабить их. Такая практика продолжилась и позднее. Но после примирения в 1166 г. черниговских князей последние начали противодействовать грабительским набегам кочевников. На исходе 1166 г. Олег Святославич в столкновении с половцами одолел их хана Боняка, что отсрочило нападения кочевников на русские земли. По-видимому, зимой 1167/1168 г. черниговские князья вновь напали на половцев. Тот же князь Олег Святославич взял «вежѣ Козины», а князь Ярослав Всеволодич «Беглюковы вежѣ взя»[50]. Если местоположение кочевья Беглюка неясно, то расположение кочевья князя Кзы (Гзы, Гзака) известно. Это среднее течение Северского Донца. Здесь Олег сумел пленить жену и детей Кзы, а также захватить много золота и серебра. На грабительские опустошения кочевниками русских городов русские князья отвечали такими же нападениями на их кочевья.

Спустя несколько месяцев черниговские князья вновь выступили в поход против половцев. На сей раз это был общерусский поход, организованный весной 1168 г. занявшим в мае 1167 г. киевский стол князем Мстиславом Изяславичем. В походе приняли участие наряду с другими русскими князьями Святослав и Ярослав Всеволодичи, Олег и Всеволод Святославичи. Еще один взрослый черниговский князь Игорь Святославич остался дома, видимо, для отражения неожиданных вражеских вторжений. Половцы не ожидали нападения и были разгромлены. Русские князья, в том числе и черниговские, захватили богатую добычу. Даже новгородский летописец записал, что киевский князь с союзниками «приведе полонъ въ Русьску землю толь сильно, яко и числа не бяше»[51].

Войны 1166—1168 гг. со степняками обогатили черниговских Ольговичей. Но обогатили, видимо, в разной степени. Всеволодичи Святослав и Ярослав, тесно связанные с киевским князем Мстиславом Изяславичем, получали больше военных трофеев, чем три потомка Святослава Ольговича Олег, Игорь и Всеволод. И когда в конце 1168 г. был организован грандиозный поход на Киев против Мстислава Изяславича, в нем из пяти черниговских князей приняли участие только два старших Свя-

[50] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 532.
[51] НПЛ. С. 33.

тославича: Олег и Игорь. Всеволодичи в поход не пошли.

Взятие Киева в 1169 г. и последующее соперничество за него между потомством Юрия Долгорукого и смоленскими Ростиславичами не оставляли возможности черниговским Ольговичам вмешаться в борьбу за главный стол Руси. Такая возможность возникла через несколько лет, когда Андрей Боголюбский, попытавшийся наказать в 1173 г. смоленских князей за их самочинства в Киевском княжестве, потерпел неудачу и на киевский стол последние пригласили луцкого князя Ярослава Изяславича. Но как только Ярослав Изяславич занял киевский стол, черниговский князь Святослав Всеволодич напомнил ему об их давнем уговоре: тот из них, кто станет киевским князем, должен наделить владениями другого. Однако Ярослав с высоты занятого им киевского стола теперь смотрел не в прошлое, а в будущее. «Чему тобѣ наша отчина? — вопрошал он потомка Олега Святославича. — Тобѣ си сторона (Днепра. — *В. К.*) не надобѣ»[52]. Грубый отказ разъярил Святослава Черниговского. Соединившись с братьями, он напал на Киев. Внезапное появление под стенами города черниговцев оказалось для Ярослава полной неожиданностью, и он, бросив все, бежал в Луцк. Святославу Всеволодичу досталась в Киеве богатая добыча — «имѣние Ярославле безъ числа», он сумел пленить жену Ярослава и их младшего сына, была схвачена вся дружина луцкого князя. Трофеи и пленники были отправлены в Чернигов. Однако победители недолго оставались в Киеве. Пограбив город, они покинули его.

Узнав, что Киев оставлен Ольговичами и никто из русских князей не претендует на него, туда вернулся луцкий князь Ярослав Изяславич. Гнев его был безмерен. Он был уверен в том, что черниговских князей навели на него сами киевляне. И первое, что потребовал от них неудачливый князь, это промышлять, «чимъ выкупити княгиню и дѣтя». В итоге Ярослав «попрода всь Кыевъ», ограбив даже белое и черное духовенство, иноземных и русских купцов[53]. Жена и сын вернулись к Ярославу, но его отношения с киевлянами испортились навсегда.

Этими благоприятными обстоятельствами не сумели воспользоваться черниговские князья. В их княжестве неожиданно вспыхнула война. Новгород-северский князь Олег Святославич напал на старшего из черниговских князей Святослава Всеволодича и начал опустошать его владения. Тогда последний, заключив соглашение с киевским князем Ярославом Изяславичем, «поиде на Олга и пожьже волость его и много зла створивьше, и възворотишася кь Чернигову»[54]. Источники не раскрывают причины ссоры Олега со Святославом, но можно понять, что распря возникла из-за дележа киевских трофеев, вывезенных Святославом в свой Чернигов. Старший из черниговских князей, видимо, не хотел делиться ими с «братьею», которая помогла ему захватить Киев. В итоге дело дошло до вооруженного конфликта, приведшего к очередному взаимному опустошению черниговских земель.

Затихшая было на короткое время вражда очень скоро возобновилась с новой силой. На сей раз Олег Святославич добился помощи своих родственников — смоленских Ростиславичей. Они вторглись вместе с князем Ярославом Изяславичем в черниговские владения Святослава Всеволодича, но сумели пожечь только Моровийск и Лутаву, западные города Черниговского княжества, после чего вернулись обратно, «цѣловавше крѣстъ». Олег же Святославич вместе с братьями Игорем и Всеволодом напал на Стародуб. Города взять им не

[52] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 578.
[53] Там же. Стб. 579.
[54] Там же.

удалось, но стародубские сельчане были ограблены, нападавшие увели у них скот. В ответ Святослав Всеволодич и его брат Ярослав осадили Олега Святославича в Новгороде Северском. Тот смело выступил из крепости, но после первой же стрелы, пущенной противниками, укрылся в городе. Дружина Олега частью была иссечена, частью попала в плен. На следующее утро Олег прислал к осаждавшим предложение о мире. Мир был заключен, и Святослав с Ярославом увели свои войска. Это было последнее военное столкновение Олега Святославича со своими двоюродными братьями. Оно датируется 1174 г. Далее они действовали сообща, и это способствовало их успехам.

В мае 1176 г. на Киевское княжество напали половцы. Смоленские Ростиславичи, имевшие там владения, объединились, но Давыд Ростиславич в поход против половцев пошел не сразу. У Ростовца объединенное русское войско потерпело крупное поражение от кочевников. Известие об этом вызвало ликование в Чернигове. Особенно радовался Святослав Всеволодич. Битва у Ростовца показала, что смоленские Ростиславичи не в состоянии защитить ни Киевскую землю, ни Киев. Во главе черниговских сил, взяв с собой брата Ярослава и Олега Новгород-Северского, Святослав Всеволодич двинулся на столицу Руси. Перейдя Днепр, он остановился у Витичева. Туда к нему приехали черные клобуки и киевляне. С их помощью Святослав вошел в Киев. Ростиславичи, как обычно, бежали в Белгород. Осада черниговцами этого города успеха не имела. Ободренные Ростиславичи готовились дать решительное сражение Ольговичам. Узнав об этом, Святослав Всеволодич оставил Киев и спешно укрылся на левом берегу Днепра. В это время к нему пришли союзные половцы. Перейдя Днепр, они расположились близ Торческа, где стали захватывать в плен людей. С такой силой справиться Ростиславичи не могли и вынуждены были без сопротивления отдать Киев черниговскому князю.

Заняв киевский стол, Святослав Всеволодич оставил за собой Чернигов. Туда он наезжал из Киева. Посещал он и черниговский Любеч[55]. В первые годы своего княжения в бывшей общерусской столице Святослав не прибегал к насильственным действиям, опасаясь вызвать недовольство местного населения, а также князей, владевших киевскими городами. Он старался укрепить свое политическое положение путем установления родственных связей с влиятельными правителями соседних государств и расширения своего влияния на пограничные, более скромные по своим потенциальным возможностям княжества. В ноябре 1178 г. Святослав Всеволодич женил своего среднего сына Всеволода Черного, приведя ему жену из Польши, дочь польского князя Казимира II Справедливого Марию. Несколько позднее старший сын Святослава Владимир был позван Всеволодом Большое Гнездо во Владимир на Клязьме, где состоялась свадьба Владимира с племянницей Всеволода, дочерью его старшего брата Михалки. Установление родственных связей с Казимиром II и Всеволодом Большое Гнездо способствовало росту авторитета Святослава Всеволодича.

В начале 1179 г. в Черниговском княжестве произошли серьезные политические изменения. 16 января скончался новгород-северский князь Олег Святославич. Его похоронили в Михайловской церкви. Речь, скорее всего, идет о церкви Архангела Михаила, построенной Святославом Всеволодичем в Чернигове на своем дворе. Через непродолжительное время после смерти Олега Святославича новгород-северским князем стал его брат Игорь, а младший брат Святослава Всеволодича Ярослав стал черниговским князем. Старшая линия Ольговичей — Всеволодичи — добилась явного

[55] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612, 613.

преобладания над младшей, Святославичами. Это превосходство сразу же проявилось во внешнеполитических действиях Святослава Всеволодича.

В 1180 г. этот князь вмешался во внутреннюю борьбу рязанских князей, восточных соседей черниговцев. Он принял сторону Романа, старшего из рязанских князей, своего зятя. Тот боролся за владения со своими младшими братьями. Святослав послал к нему на помощь своего сына Глеба. Однако за младших рязанских князей вступился владимирский князь Всеволод Большое Гнездо. Он арестовал Глеба и разгромил оборонительный заслон, выставленный Романом. Святослав Всеволодич потребовал освобождения сына. Всеволод не откликнулся на требования свойственника. Тогда Святослав начал готовиться к войне.

Киевского князя одолевали раздумья: «Мьстилъся быхъ Всеволоду, но не лзѣ. Ростиславичи, а тѣ ми во всемь пакостять в Рускои землѣ»[56]. Ростиславичи и Всеволод Большое Гнездо были Мономаховичами, и Святослав Всеволодич опасался воевать с ними со всеми сразу. Поодиночке бороться с ними было много проще. И увидев как-то с черниговской стороны Днепра, что у киевского берега ловит рыбу один из Ростиславичей, княживший в киевском Вышгороде Давыд, Святослав напал на него. Тот не ожидал нападения. Вместе с женой он бросился в ладью и скрылся от преследователей. Святослав захватил весь обоз Давыда и пленил всю его дружину. На следующий день он во все стороны разослал разведчиков, чтобы узнать, куда скрылся вышгородский князь. Но обнаружить его нигде не удалось. Поняв, что его поступок вызовет возмездие Ростиславичей, Святослав Всеволодич оставил Киев и бежал в Чернигов, где спешно собрал свою «братью», поставив альтернативу: идти походом на Смоленск или на Киев. Но старший из Святославичей Игорь не без лукавства заявил, что для них важны не походы, а здоровье Святослава Всеволодича. Отсутствие поддержки заставило Святослава отказаться от скороспелых намерений.

Между тем счастливо избежавший смертельной опасности князь Давыд Ростиславич оказался в киевском Белгороде у своего брата Рюрика. Последний, выяснив, что Святослав Всеволодич покинул Киев, немедленно занял город и провозгласил себя киевским князем. Затем он отправил вестников в Дорогобуж, Луцк и Галич за помощью. Она была оказана. Давыд Ростиславич отправился в Смоленск за поддержкой к старшему брату Роману, но по пути узнал, что Роман скончался. Давыд поспешил к Смоленску, а прибыв туда, первым делом занял смоленский стол. В итоге Святославу Черниговскому, если бы он захотел вернуться в Киев, могла противостоять коалиция пяти князей.

Святославу пришлось менять планы. Он решил бороться, прежде всего, со Всеволодом Большое Гнездо. В конце 1180 г. Святослав Всеволодич вместе с двоюродным братом Всеволодом, Ярополком Ростиславичем (племянником Всеволода Большое Гнездо), половцами и сыном Владимиром, который княжил в Новгороде, выступил в поход против владимирского князя. Поход цели не достиг. Всеволод уклонялся от решительной битвы, но к основным своим городам противника не подпускал. Весенняя распутица прервала военные действия. Святослав Всеволодич вынужден был уйти в Новгород к сыну Владимиру. Мир между князьями заключен не был, а сын Святослава Всеволодича Глеб остался в плену.

Удача ожидала Святослава Всеволодича совсем в другом месте. Черниговские князья Ярослав и Игорь предприняли поход на Друцк. Их поддержали многие полоцкие князья. Но в Друцк со своим полком въехал смоленский князь Давыд Ростиславич.

[56] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 614.

Черниговские князья не решились напасть на Давыда. Они стали поджидать Святослава Всеволодича, который пребывал в Новгороде. Когда около Друцка появился Святослав, а с ним новгородский полк, черниговцы начали готовиться к сражению со смоленским князем. Но князь Давыд ночью тайно покинул Друцк и бежал к себе в Смоленск. Черниговские князья добились своей цели без пролития крови.

Из Друцка Святослав Всеволодич двинулся к Рогачеву, а оттуда по Днепру спустился к Киеву и захватил город. В этом ему помогли половецкие ханы Кобяк и Кончак, приведенные новгород-северским князем Игорем Святославичем. Рюрик Ростиславич оставил столицу и укрылся в Белгороде. Половцы расположили свои станы по Долобску, местности близ Киева. Рядом с ними разбил свои палатки полк князя Игоря Святославича. Узнав об этом, Рюрик Ростиславич сумел организовать нападение на эти лагеря из близлежащих мест Киевского княжества. Нападение произошло ночью и было внезапным для Игоря и половецких ханов. Но на свою беду нападавшие увлеклись грабежом товаров противника. Многочисленные половцы организовались и обратили грабителей в бегство. Бежавшие смяли ряды шедшего за ними русского полка, и тот тоже повернул обратно. Но за этим полком шли основные силы Рюрика Ростиславича. Когда они вступили в сражение, побежали уже половцы. Поняв, что битва проиграна, князь Игорь Святославич и Кончак кинулись в ладью и по Днепру вплавь «бѣжа на Городѣць къ Чернигову»[57]. Победителям достались трофеи, они сумели захватить в плен двух сыновей Кончака и нескольких знатных половцев.

Однако организовавший победу князь Рюрик Ростиславич оказался умнее и дальновиднее своего по сути дела поверженного соперника. «Размысливъ с мужи своими», он предложил Святославу старейшинство в князьях и Киев, «а собѣ возя всю Рускую землю»[58]. От столь соблазнительных условий прекращения войны Святослав отказаться не смог, и мир, порушенный им в 1180 г., был восстановлен.

Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич прокняжили вместе в Киеве и «Русской земле» вплоть до 1194 г., когда умер Святослав. Открытых столкновений у соправителей не было, но подводных камней в их отношениях было немало. Очень быстро выяснилось, что договор 1181 г. лишь внешне напоминал соглашение между вассалом и сюзереном. Территория Киевской земли в последней четверти XII в. по своему экономическому и людскому потенциалу превосходила саму столицу. Поэтому старейшинство Святослава в князьях на словах звучало весомо и внушительно, но на деле никаких особенных преимуществ не давало, все решали только совместные договоренности с Рюриком Ростиславичем. Такое положение старшего черниговского князя накладывало свой отпечаток на развитие Черниговского княжества и влияло на характер складывавшихся там междукняжеских отношений.

По данным начала 1180-х гг., содержащимся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, а также в «Слове о полку Игореве», владения Ольговичей в Черниговском княжестве распределялись следующим образом. Правивший в Киеве Святослав Всеволодич удерживал за собой Карачев и территорию вятичей, простиравшуюся на значительное расстояние к северо-востоку от Карачева и граничившую с землями «верхних» княжеств: Смоленского и Владимирского-на-Клязьме, а кроме того, с Рязанью. Весьма вероятно, что за Святославом сохранялась и северо-западная часть Черниговского княжества с городами Гомель и Чичерск, поскольку из Киевщины прохо-

[57] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 623.
[58] Там же. Стб. 624.

дить в вятичи удобнее всего было через эти города. Дети Святослава, вероятно, имели владения близ Чернигова. Но сам Чернигов с другими относившимися к нему городами принадлежал младшему брату Святослава Ярославу Всеволодичу. Судя по «Слову о полку Игореве», он контролировал также некоторые территории, занятые кочевниками. Два Святославича — Игорь и Всеволод по прозвищу Буй-Тур — владели новгород-северской частью Черниговщины. В самом Новгороде Северском княжил Игорь Святославич, которому принадлежали также города по реке Сейм. Старший сын Игоря Владимир сидел в Путивле, но только в качестве наместника своего отца. Буй-Тур Всеволод владел Трубчевском и Курском. Ему, как это было в практике черниговских князей, были выделены в Новгород-Северском уделе города, не связанные между собой территориально. Сын умершего в 1179 г. Олега Святославича Святослав княжил в Рыльске. Такое дробление Черниговского княжества сказывалось не только на внутренней, но и на внешней политике местных князей.

В последнем случае речь идет прежде всего об отношениях с половцами. Оказавшиеся в 1181 г. в одной ладье новгород-северский князь Игорь Святославич и половецкий хан Кончак сумели договориться о браке своих детей, что сделало их сватами, укрепляло добрососедские отношения и означало оказание военной взаимопомощи. Однако старший из Ольговичей Святослав Всеволодич, получив киевский стол, одной из главных своих задач считал защиту русских земель от нападений кочевников. Когда в начале 1184 г. Кончак и другой половецкий хан Глеб Тириевич появились у переяславского города Дмитрова, Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич выступили на помощь княжившему в Переяславле Владимиру Глебовичу. В поход должны были пойти и черниговские князья, но половцы бежали, и за ними погнался только новгород-северский князь Игорь Святославич с близкими родственниками. Преследование было успешным. У реки Хирии Игорь настиг кочевников и взял в плен тех, кто не успел переправиться через эту реку. Летом того же года киевские правители Святослав и Рюрик, собрав большие силы, перешли Днепр и в бассейне реки Орель одержали крупную победу над половцами. В плен попали многие половецкие предводители, в том числе хан Кобяк. В то же время новгород-северский князь Игорь Святославич вместе с другими Святославичами за рекой Мерло обратил в бегство отряд половцев, шедший к Днепру.

Год спустя Святослав Всеволодич вместе с Рюриком Ростиславичем организовал большой поход на половцев, в который пошли многие русские князья. Но черниговских правителей среди них не было, хотя отправленные к ним послы из Киева настаивали на их участии. Черниговский князь Ярослав Всеволодич так объяснял свою позицию послу своего старшего брата Святослава: «Азъ есмь послалъ к нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свои мужь поѣхати»[59]. Отговорка во всех отношениях была показательной. Выясняется, что черниговский князь вел сепаратные переговоры с половцами, преследуя свои цели и совершенно не считаясь с интересами большинства русских князей, в том числе старшего брата и своих близких родственников черниговских Святославичей. Глава этих родственников Игорь Святославич Новгород-Северский выразил готовность идти в поход, но помешала погода. Смерзся таявший снег, и неподкованная новгород-северская конница не смогла пройти по степи, покрытой таким снегом («сереном»). Киевские князья призвали других союзников и на днепровском левобережье у реки Хорол 1 марта 1185 г. нанесли тяжелое поражение кочевникам.

[59] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 636.

Несколько недель спустя Святослав Всеволодич направил на половцев служивших ему берендеев — черных клобуков во главе с воеводой Романом Нездиловичем. В пасхальный день 21 апреля 1185 г. берендеи взяли половецкие вежи, захватив много пленных и коней.

Эти успехи в борьбе с половцами ободрили новгород-северского князя Игоря Святославича и его ближайших родичей. Для них делалось очевидным, что половцы не в состоянии вынести многочисленных ударов русских князей, их военная сила подорвана, а победители захватывают пленных, уводят скот кочевников, в их руки попадает ценное имущество половецких веж. Новгород-северский князь решил, что может легко приумножить свое материальное достояние. Удар он направил не на днепровских левобережных половцев, изрядно потрепанных в последние два года, а на половцев донецких, еще не испытавших военных лишений. Во главе своего войска, полков сына Владимира и племянника Святослава Ольговича 23 апреля 1185 г. Игорь Святославич выступил в поход. Черниговский князь Ярослав Всеволодич с ним не пошел, но дал Игорю служивших ему кочевников-ковуев и боярина Ольстина Олексича, совсем недавно побывавшего у половцев и знавшего расположение их веж. На реке Оскол примерно 5—7 мая 1185 г. к Игорю присоединился его брат Буй-Тур Всеволод[60]. Вместе они двинулись к реке Сальнице. Здесь высланная вперед разведка сообщила князьям, что половцы со своей стороны тоже выставили сторожевые отряды, половецкие всадники полностью вооружены и готовы к внезапному нападению противника. Несмотря на такое предупреждение и совет бывалых людей вернуться назад, поскольку «не наше есть веремя», князь Игорь бесстрашно продолжил поход. Чтобы выиграть время и застать кочевников врасплох, он ускорил движение. Всю ночь с 9 на 10 мая 1185 г. русские полки шли через леса, пока не вышли к половецкому кочевью. Ранним пятничным утром 10 мая рать новгород-северского князя обрушилась на это кочевье. Слабо защищенное, оно быстро было захвачено русскими. Кажется, трофеи нападавших превзошли все их ожидания. Было захвачено много золота, драгоценных тканей, в плен попали «красныя дѣвкы половецкыя»[61]. Когда к ночи дружинники, преследовавшие на дальнее расстояние половцев, вернулись назад, у них уже не было сил продолжить возвращение домой. Решили провести ночь на захваченном кочевье. Но уже к рассвету субботнего дня 11 мая лагерь русских был окружен превосходящими силами половцев. Кочевники стояли сплошной стеной, через которую невозможно было пробиться. Два дня, беспрерывно сражаясь, русские пытались вырваться из этого кольца, но все было напрасно. Потеряв много убитых и раненых, остатки войск Игоря Святославича 12 мая 1185 г. вынуждены были сдаться. Сам князь Игорь был ранен и попал в плен. Вместе с ним были пленены и все его титулованные родственники, возглавлявшие войско.

Это неожиданное и оглушительное поражение на реке Каяле решительного, но не в меру самонадеянного князя Игоря всколыхнуло всю Южную Русь. Создававшаяся в течение многих десятилетий система древнерусской обороны от южных кочевников оказалась сломанной, черниговские города по реке Сейм остались почти без гарнизонов, путь к Днепру был открыт, и по нему на запад ринулась половецкая конница. Хан Кончак чуть было не захватил Переяславль, опустошил Переяславское княжество, а на обратном пути взял город Римов, безжалостно расправившись с его жителями. Хан Гза обрушился на посеймские города Новгород-Северского княжества. Само исто-

[60] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 507 (карта).

[61] Слово о полку Игореве. С. 46.

рическое существование этого княжества было поставлено под сомнение. Ведь все его взрослые князья-правители оказались в плену, а вторжение половецких полчищ на территорию княжества грозило ему полным разорением.

К счастью для новгород-северцев, до полного разгрома дело не дошло. Киевский князь Святослав Всеволодич, получив известие о поражении Игоря, срочно направил «сына своего Олга и Володимера в Посемье: то бо слышавше, возмятошася городи Посемьские»[62], поскольку их ратные силы были уведены князем Игорем в поход и города остались беззащитными. Помощь Святослава Всеволодича подоспела вовремя. Хану Гзе не удалось взять ни одного посеймского города. А концентрация многочисленных русских сил на правом берегу Днепра не позволила половцам организовать нападение на Киев. Половецким ханам пришлось поворачивать назад.

Неожиданно быстро вернулся на новгород-северский стол князь Игорь Святославич. Ему удалось бежать из половецкого плена и избегнуть перехвата по пути на Русь. В течение короткого времени возвратились и все другие попавшие в плен новгород-северские князья, вероятно, за большой выкуп. Последним из них осенью 1188 г. в Новгород Северский пришел старший сын Игоря Владимир с женой Кончаковной и маленьким ребенком. После майской бойни 1185 г. сваты все-таки породнились.

Битва на реке Каяле заставила черниговских князей, а также князей других южнорусских княжеств более трезво оценивать свои силы и свои отношения с половецкими ханами, а последним показала, что общий военный потенциал их противников высок и отдельные наскоки на русские земли могут кончиться крахом не только для некоторых ханов, но и для крупных половецких объединений. С лета 1185 г. и по лето 1187 г. военные действия между половцами и русскими были прекращены. Но осенью 1187 г. Кончак начал нападать на Поросье. В ответ киевские князья, призвав черниговских Рюриковичей и правителей других княжеств, зимой 1187/1188 г. предприняли поход на половцев, но, дойдя до реки Самары, повернули обратно. Причиной стал отказ черниговского князя Ярослава Всеволодича продолжать поход. Все черниговцы без потерь, но и без трофеев вернулись домой.

Лишь в 1191 г. они решились на столкновение с кочевниками. В начале этого года Игорь Святославич «с братьею» внезапным набегом на половцев сумел захватить у них скот и лошадей. Это обогатило Святославичей, и успех решено было развить. В конце 1191 г. Игорь Святославич, его брат Всеволод, три сына киевского князя Святослава Всеволодича Всеволод, Владимир и Мстислав, которые, по всей вероятности, имели владения в Черниговском княжестве, сын Ярослава Всеволодича Ростислав и сын Олега Святославича (внук Святослава Всеволодича) Давыд выступили в новый поход на половцев. Но когда черниговские полки подходили к реке Оскол, им стало известно, что половцы уже собрали свои силы и ждут нападения. Тогда ночью Игорь повернул полки назад. Утром половцы, не увидев приближающихся русских, погнались за ними, однако догнать так и не сумели. Урок 1185 г. оказался для Игоря Святославича полезным. Несмотря на то что в 1191 г. в его распоряжении были полки не только новгород-северские, но и черниговские, что само по себе свидетельствовало о возросшем единстве черниговских князей, он не пошел на риск и спешно увел войска домой, когда узнал, что половцы мобилизовали свои силы.

Военно-политическое единение черниговских князей проявлялось и в дальнейшем. В 1194 г. Святослав Всеволодич, будучи в Черниговском княжестве, созвал своих

[62] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 645.

князей-родственников Ярослава Черниговского, Игоря Новгород-Северского, Всеволода Трубчевского для обсуждения вопроса о походе на рязанских князей, которые захватывали восточные земли Черниговщины. Но владимирский князь Всеволод Большое Гнездо воспротивился их планам, и поход пришлось отменить. Тем не менее общая решимость Ольговичей воевать за сохранение восточных земель Черниговского княжества свидетельствует об их единстве и стремлении совместными силами противостоять своим противникам.

Вскоре после описанных событий глава черниговских Ольговичей князь Святослав Всеволодич скончался. Это произошло 25 июля 1194 г. Святослав умер в Киеве и был похоронен в киевском монастыре Св. Кирилла. Киевским князем стал соправитель Святослава смоленский по происхождению князь Рюрик Ростиславич. Никто из черниговских родственников Святослава не решился бороться с ним за киевский стол. Черниговские князья оказались ограничены в своих территориальных, даже временных, приобретениях.

К началу XIII в. племя черниговских Ольговичей разрослось. Были живы сыновья Святослава Всеволодича Владимир, Олег, Всеволод Чермный, Глеб и Мстислав. Брат Святослава Ярослав по-прежнему владел Черниговом, у него подрастали сыновья Ростислав и Ярополк. Старшим из Святославичей был княживший в Новгороде Северском Игорь. Он имел пятерых сыновей: Владимира, Романа, Олега, Святослава и Ростислава. Родной брат Игоря Всеволод владел Трубчевском. У Всеволода был сын Святослав. Старший племянник Игоря и Всеволода Святослав Ольгович княжил в Рыльске. У него было два сына: Олег и Мстислав. Таким образом, во второй половине 1190-х гг. в Черниговской земле насчитывалось по меньшей мере 19 местных Рюриковичей. Эта цифра в 6 с лишним раз превышала число взрослых черниговских князей, правивших во второй половине 1151 г.

К концу XII в. изменилось и количество городов. В письменных источниках с 1151 по 1194 г. упоминается 19 новых черниговских городов. Тем не менее даже такое крупное княжество со значительным числом городских поселений все меньше и меньше могло удовлетворять потребности растущего числа черниговских Рюриковичей.

Потеря со смертью Святослава Всеволодича Киева для черниговских князей была невосполнима. Это заставляло наследников Святослава энергично подыскивать себе союзников, с чьей помощью можно было бы расширить черниговские владения. Такая возможность открылась в самое ближайшее после смерти Святослава время. В 1195 г. владимирский князь Всеволод Большое Гнездо, немало сделавший для возведения на киевский стол Рюрика Ростиславича, потребовал от него передачи ему за оказанную помощь пяти киевских городов. Возник скандал, поскольку эти пять городов князь Рюрик уже успел отдать своему зятю, владимиро-волынскому князю Роману Мстиславичу. В конце концов, Рюрик уговорил Романа вернуть эти города, компенсировав ему их потерю, а города передал Всеволоду Большое Гнездо. Тот, получив требуемые города, четыре города оставил у себя, но пятый — Торческ — передал старшему сыну Рюрика Ростиславича Ростиславу, который был его зятем и владел Торческом до 1194 г. Узнав об этом, Роман Мстиславич вскипел. Он решил, что его ловко провели: отняли у него важные киевские города, чтобы передать их Ростиславу Рюриковичу. Виновник был очевиден — отец Ростислава Рюрик. И против него князь Роман заключил тайный союз с черниговскими князьями, которые помогли бы ему изгнать из Киева Рюрика Ростиславича, а на киевский стол посадить Ярослава Всеволодича Черниговского. Такие планы отвечали сокровенным чаяниям черниговцев, и они начали подготовку к войне.

Но не бездействовали и их противники. Киевский князь Рюрик Ростиславич заручился поддержкой своего брата смоленского князя Давыда Ростиславича и своего свата владимирского князя Всеволода Большое Гнездо. Вместе эти три князя представляли большую силу. Но Рюрик не хотел масштабной войны, опасаясь усиления Всеволода Большое Гнездо. Он решил ликвидировать опасные для него замыслы дипломатическим путем. Рюрик предложил главе черниговских князей Ярославу разорвать отношения с Романом Владимиро-Волынским. За это киевский князь обещал Ярославу передать в его владение полоцкий город Витебск. Предложение было соблазнительным. Витебск стоял при впадении реки Витьбы в Западную Двину. Западная же Двина была для черниговцев самым удобным водным путем, связывавшим их с народами Восточной Прибалтики, Балтийского и Северного морей. Из английского источника, написанного до 1215 г., следует, что в то время в Англии пребывал некий купец Иза, еврей по происхождению, проживавший в Чернигове[63]. Иметь на названной выше дороге такую опорную базу, как Витебск, означало держать в своих руках торговые связи южнорусских княжеств со странами Балтийского и Северного морей. Но предложенная Рюриком передача Витебска черниговским Ольговичам могла последовать лишь после того, как все стороны, участвовавшие в конфликте, подпишут между собой мирные соглашения.

Однако черниговский князь Ярослав никаких подписаний дожидаться не стал. Он спешно отправил к Витебску полки под командованием своего племянника Олега Святославича. Витебск охранялся смоленским князем Давыдом, участником триумвирата, противостоявшего владимиро-волынскому и черниговскому князьям. С Давыдом предстояло заключать мирное соглашение согласно договоренности между киевским и черниговским князьями. Однако Олег Святославич не только не заключил с Давыдом Смоленским какого-либо договора, он разбил его войска и взял в плен смоленского князя Мстислава Романовича. Война Черниговского княжества с коалицией Киева, Смоленска и Владимира стала неизбежной.

Она началась весной 1196 г. С запада на Черниговскую землю стали наступать киевляне. С севера двинулся смоленский князь Давыд Ростиславич. Осенью 1196 г. с востока в черниговские пределы вторгся Всеволод Большое Гнездо вместе с рязанскими князьями. Они стали воевать вятичские города, которые после смерти Святослава Всеволодича, по-видимому, перешли к его брату Ярославу черниговскому. Хотя Ярослав принял превентивные меры: усилил оборону западных черниговских городов, в самом Чернигове посадил двух своих родных племянников Олега и Глеба Святославичей для руководства защитой города, засек лесные дороги, разобрал речные мосты, поставил у больших лесов свои полки, положение его было тяжелым. Поэтому он многократно посылал к Рюрику и Давыду Ростиславичам, а также к Всеволоду Большое Гнездо послов с предложением мира. Отозвался только Всеволод. Он пошел на сепаратный мир с черниговским князем. Согласно этому миру Ярослав должен был освободить из плена смоленского князя Мстислава Романовича, отказаться от притязаний на Киев и Смоленск. Несмотря на то, что союзники Всеволода Большое Гнездо Рюрик Ростиславич и его брат Давыд Смоленский были не вполне довольны условиями договора, они вынуждены были его принять. Жизнь на Черниговщине вернулась в мирное русло.

Вскоре после этих событий скончался черниговский князь Ярослав Всеволодич (1198). Его преемником на черниговском столе стал двоюродный брат Игорь Свято-

[63] *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968. С. 122.

славич. Из всех Ольговичей того времени он был самым старшим по возрасту и самым опытным правителем. Источники молчат по поводу того, что стало с Новгородом Северским, прежним центром княжения Игоря Святославича. Отсутствие упоминаний Новгорода Северского в источниках до второй половины XIII в., возможно, объясняется тем, что, став черниговским князем, Игорь Святославич оставил этот город за собой, присоединив его, таким образом, к столице всей земли. Это делало черниговского князя первым не только по старшинству, но и по размерам своих владений среди остальных Ольговичей.

На черниговском столе Игорь Святославич пробыл недолго. Он скончался в 1201 г.[64] После него черниговским князем стал Олег Святославич, на тот момент старший из сыновей ранее правившего в Киеве черниговского князя Святослава Всеволодича. Он также правил короткое время. В летописной записи 1204 г. о его смерти отмечено, что «преставися князь Олегъ Черниговъскыи Святославич»[65]. Определение Олега как «Черниговъскыи» свидетельствует о том, что именно он до 1204 г. княжил в Чернигове. Вместе с тем летопись, говоря о политических или военных событиях начала XIII в., в которых участвовали черниговские князья, называет их не по именам, а обобщенно — Ольговичи. Когда в 1202 г. киевский князь Рюрик Ростиславич обратился к черниговцам с призывом принять участие в совместном походе на Галич, который захватил владимиро-волынский князь Роман Мстиславич, на такое предложение откликнулись все Ольговичи. Они приехали в Киев, чтобы в деталях обсудить предстоящий поход, когда в город с войском неожиданно въехал князь Роман Мстиславич. Он заставил Рюрика и Ольговичей заключить с ним мирное соглашение. Ольговичи были отправлены назад к себе за Днепр, а Рюрик — в киевский Вручий (Овруч), который был его резиденцией во время совместного правления со Святославом Всеволодичем. Киевский стол Роман передал своему двоюродному брату Ингварю Ярославичу, до этого княжившему в Луцке. В ответ Рюрик и помогавшие ему черниговские князья призвали половцев, которых возглавили ханы Кончак и Даниил Кобякович, и вместе с ними в самом начале января 1203 г. силой овладели Киевом. Киевским князем вновь стал Рюрик Ростиславич. Его бывший зять Роман Мстиславич вынужден был примириться с ним. Однако уже в 1204 г. после совместного успешного похода на половцев Роман вероломно арестовал Рюрика в Треполе под Киевом и насильно постриг в монахи[66]. На сей раз черниговцы Рюрику не помогли. По-видимому, этому помешала смерть Олега Святославича.

На черниговском столе его сменил следующий по возрасту сын Святослава Всеволодича Всеволод, по прозвищу Чермный (Рыжий). Он показал себя очень энергичным правителем. Ему пришлось действовать в сложной международной обстановке. В июне 1205 г. во время похода на Польшу был убит владевший Галичем владимиро-волынский князь Роман Мстиславич. Узнав об этом, Рюрик Ростиславич расстригся, сбросил с себя монашеское одеяние и вернулся на киевский стол[67]. Галич же остался без взрослого князя. Наследники Романа, его сыновья Даниил и Василько, были еще несмышленышами: четырех и двух лет от роду.

Этим решили воспользоваться черниговские Ольговичи. В 1206 г. «Всеволодъ Чермны с своею братьею и Володимеръ Игоревичь с своею братьею» и их союзни-

[64] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 86—87.
[65] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 104.
[66] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420.
[67] Там же. Стб. 426.

ки задумали идти походом на Галич[68]. Летопись впервые четко различает две группировки князей, правивших в Чернигове: Всеволодичей и Святославичей, которые начали оформляться еще с 1161 г. Но если внутри Черниговской земли эти группировки не были едины, то во внешних делах они действовали сообща. В походе на Галич принял участие и киевский князь Рюрик Ростиславич вместе со своими сыновьями и союзниками. Поход закончился посажением на галицкий стол Владимира Игоревича, которого избрали сами галичане. Когда русские рати вернулись, Всеволод Чермный сел «в Кыевѣ, надѣяся на свою силу, и посла посадникы по всѣм городом Киевьскым», а киевский князь Рюрик Ростиславич вынужден был уйти в свой Овруч[69]. Из этих действий черниговских князей ясно следует, что они стремились к кардинальному расширению подвластной им территории и в 1206 г., впервые после 1194 г., достигли своей цели, объединив в своих руках Черниговское, Галицкое и Киевское княжества.

Однако такое объединение просуществовало всего несколько месяцев. Согнанный со своего княжения Рюрик вместе с сыновьями, племянниками (из числа смоленских князей) и половцами осенью 1206 г. выбил черниговского князя из Киева[70]. Началась длительная борьба черниговских и смоленских Рюриковичей за Киев. В 1207 г., собрав значительные силы, в том числе и правившего в Галиче Владимира Игоревича, Всеволод Чермный вторгся на территорию Киевщины. Ему удалось взять Треполь, неприступный ранее Белгород, а затем Торческ. После этого он осадил Киев. Рюрик покинул город, и в Киеве вновь воцарился Всеволод[71]. Но в конце октября или в начале ноября 1207 г. Рюрик неожиданным ударом сумел застать его врасплох и вновь вернуть себе Киев[72].

Всеволод вынужден был уйти в Чернигов и заняться подготовкой дипломатических мер воздействия на упорного киевского князя. В 1210 г. Всеволоду Чермному путем ряда существенных уступок удалось заключить договор с сильным и влиятельным Всеволодом Большое Гнездо, который до того времени держал сторону Рюрика Ростиславича. Рюрик лишился важной поддержки и уже без всякого сопротивления вынужден был в том же 1210 г. уступить киевский стол Всеволоду. Правда, последний сделал Рюрика черниговским князем[73], но кем на деле оказался бывший киевский князь в Чернигове — реальным правителем или почетным пленником, неизвестно.

Теперь борьбу за Киев с Всеволодом Чермным повели другие смоленские Рюриковичи. Их активность подогревалась тем, что в 1212 г. Всеволод Чермный «изгони <...> внукы Ростиславле из Руси» за то, что они участвовали в убийстве двух черниговских князей в Галицком княжестве[74]. Смоленские Ростиславичи объединились со своими смоленскими родственниками, с княжившим в Новгороде другим своим родичем Мстиславом Мстиславичем, составили многочисленное войско и в том же 1212 г. напали на Киев. Всеволод с родственниками, которым он раздал города под Киевом, вынужден был бежать в Чернигов. Но и там его преследовали враги. Во время осады Чернигова Всеволод умер, и, судя по тому, что осажденных возглавил его брат Глеб, реальная власть в княжестве

[68] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426.
[69] Там же. Стб. 427.
[70] Там же. Стб. 428.
[71] Там же. Стб. 429.
[72] Там же. Стб. 433.
[73] Там же. Стб. 435.
[74] НПЛ. С. 53.

перешла к нему. Смоленские Ростиславичи, опустошив окрестности Чернигова, но так и не сумев взять города, вынуждены были вернуться восвояси. В Киеве они посадили на княжение Мстислава Романовича, побывавшего в плену у черниговцев в 1195—1196 гг.[75] Тяжелое поражение черниговских Ольговичей в 1212 г. привело к тому, что они почти на 20 лет прервали борьбу за Киев. Вместо этого им пришлось заняться улаживанием своих внутренних дел.

Формально черниговским князем оставался смоленский по происхождению и киевский по месту прежнего правления Рюрик Ростиславич. Он умер в Чернигове в 1215 г.[76] Фактически же в Чернигове распоряжался родной брат Всеволода Чермного князь Глеб Святославич[77]. После Глеба Чернигов к 1220 г. оказался в руках его брата Мстислава, при Глебе бывшего, видимо, козельским князем[78]. Гибель Мстислава Святославича в 1223 г. в битве с монголами на реке Калке сделала вакантным черниговский княжеский стол. Его занял единственный сын Всеволода Чермного Михаил. То, что он наследовал отцу не сразу, а после правления двух своих дядьев, может говорить о том, что в Черниговском княжестве после 1212 г. между Ольговичами существовали трения. Сам термин Ольговичи, подразумевающий единство черниговских князей, последний раз встречается в летописи при описании событий 1210 г.[79]

Михаилу Всеволодичу уже в первые годы своего правления пришлось столкнуться с другими князьями черниговского дома. Летописи зафиксировали факт нападения в 1226 г. Михаила Черниговского на курского князя Олега Святославича, внука другого Олега Святославича, который вместе с отцом в 1147 г. приезжал в Москву к Юрию Долгорукому[80]. В столкновении 1226 г. с Олегом Курским союзниками Михаила были князь Владимирский Юрий Всеволодич и его старшие племянники Василько Ростовский и Всеволод Ярославский. Объединение таких сил против Олега Святославича указывает на то, что и курский князь был не обделен военной силой, что внутри Черниговского княжества вырос новый крупный удельный центр, с которым приходилось считаться черниговской власти. До кровопролития дело в 1226 г. не дошло. Стороны примирил митрополит Кирилл, которого послал в Черниговское княжество киевский князь Владимир Рюрикович[81]. Последний, видимо, опасался, что в случае победы над Курском Михаил Черниговский, восточный сосед Киева, наберет слишком большую силу, и не хотел допустить такого усиления. Летопись называет и другой удел Черниговского княжества — Трубчевский, в котором в 1232 г. правил Святослав[82], сын участника неудачного похода 1185 г. на половцев князя Буй-Тура Всеволода. Еще один удел Черниговского княжества — Рыльск — принадлежал двоюродному брату Михаила Всеволодича Мстиславу Глебовичу. Когда в начале 1235 г. Владимир Рюрикович Киевский и Даниил Романович Галичский вторглись в черниговские владения Михаила Всеволодича, «прииде к нима Мьстиславъ Глѣбовичь». Втроем они начали опустошать земли к востоку от Чернигова, а затем осадили саму столицу княжества. Взять ее не уда-

[75] ПСРЛ. Т. 25. С. 109.

[76] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438.

[77] Там же.

[78] ПСРЛ. 25. С. 117. При описании Калкской битвы 1223 г. в том же источнике в числе ее участников назван княживший «въ Черниговѣ Мьстиславъ Святославич Козельскыи» (Там же. С. 119).

[79] ПСРЛ Т. 1. Стб. 435.

[80] Там же. Стб. 448. Летопись называет здесь князя «Олга Курьскаго», но отчества его не сообщает.

[81] Там же.

[82] НПЛ. С. 280.

лось, пришлось вернуться на днепровское правобережье. Мстислав заключил особый мир с Владимиром и Даниилом[83]. Вплоть до 1239 г. он сохранял за собой Рыльск[84]. В Козельском уделе в 1238 г. княжил малолетний князь Василий[85].

Из перечня имен старших и младших черниговских князей до конца 1230-х гг. делается очевидным, что после смерти Игоря Святославича главный стол в Черниговском княжестве занимали исключительно представители старшей линии Ольговичей — Всеволодичи. Им же принадлежала и половина удельных княжеств в Черниговской земле 1230-х гг.: Козельское и Рыльское. Последним ранее владели представители линии Святославичей. Очевидно, что Всеволодичи закрепили за собой не только черниговский стол, но и часть владений младшей линии черниговских князей.

Давая мало информации о внутреннем строе Черниговского княжества в годы правления в ней Михаила Всеволодича, летописи гораздо чаще говорят о столкновениях Михаила с князьями других княжеств. В 1225 г. с легкой руки владимирского князя Юрия Всеволодича Михаил Черниговский занял новгородский стол[86]. Он удерживал его с перерывами до конца 1230 г.[87], когда выяснилось, что у него испортились отношения не только с новгородцами, но и с князьями Северо-Восточной Руси. Тем не менее Михаил чувствовал себя настолько уверенно, что в 1231 г. начал борьбу за Киев, который, в конце концов, сумел захватить в 1238 г. и стать киевским князем. Почти одновременно он воюет с союзником киевского князя Владимира Рюриковича Даниилом Владимиро-Волынским и в 1235 г. отнимает у него Галич. Эти успехи Михаила ясно свидетельствовали о том, что Черниговское княжество к середине 1230-х гг. превратилось в одно из самых могущественных древнерусских государственных образований. Вместе с тем агрессивная политика Михаила Всеволодича делала побежденных им князей непримиримыми врагами, которые не пришли на помощь удачливому правителю перед лицом монгольского вторжения.

---

[83] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772.

[84] Там же. Стб. 782. В Лаврентьевской летописи Мстислав назван «Рыльским» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470).

[85] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[86] НПЛ. С. 64. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 269.

[87] НПЛ. С. 70. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 270.

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Самый ранний источник, упоминающий Смоленск, — трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Рассказывая о сборе «росами» судов для плавания с торговыми целями в Константинополь, автор пишет, что они «являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милиниски (απο το καστρον την Μιλινίσκαν), из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава...»[1]. «Милиниски» несомненно является передачей названия Смоленск[2]. Повесть временных лет в своей вводной, недатированной, части характеризует Смоленск как «град» кривичей, а под 882 г. говорит о занятии Смоленска Олегом во время его похода из Новгорода на Киев[3]. Город на нынешнем месте, как выяснено археологическими исследованиями, возникает только в XI в., поэтому более ранние упоминания Смоленска имеют в виду, по наиболее вероятной точке зрения, поселение, располагавшееся на 14 км западнее современного города, ниже по Днепру, где ныне находится археологический комплекс Гнёздово (включающий в себя «крепость» — крупное городище X — начала XI в.)[4].

Центром волости Смоленск, возможно, впервые стал уже при Владимире Святославиче, в начале XI столетия. Правда, древнейшие летописи, донесшие текст Начального летописания, — Новгородская первая летопись младшего извода, Лаврентьевская, Радзивилловская и Ипатьевская летописи — о посажении Владимиром в Смоленске кого-либо из сыновей не говорят; но в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях, сохранивших фрагменты летописания XI в., читается, что Смоленск был отдан киевским князем одному из младших сыновей — Станиславу[5]. По завещанию Ярослава Владимировича (1054) Смоленск достался предпоследнему из его сыновей — Вячеславу[6]. Он княжил уже в городе, поставленном на современном месте[7]. После смерти Вячеслава (1057)

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44—45.

[2] Там же. С. 312—313. Коммент. 11.

[3] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 10, 22—23. См. также: НПЛ. М.; Л., 1950. С. 107.

[4] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 135—154. Новейшие археологические изыскания позволяют пока говорить о существовании на месте Смоленска в IX—X вв. сельского поселения, но не укрепленного «града» (*Кренке Н. А., Ершов И. Н., Аникин И. С., Войцик А. А., Муренцева Т. Ю., Раева В. А., Лавриков М. В., Столярова Т. В.* Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 141—149). О современном состоянии изучения Гнёздова см.: *Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Енисова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 243—273.

[5] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 105; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 90.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161.

[7] Об этом говорит находка в районе Смоленска его печати (см.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. С. 195).

его старшие братья — Изяслав, Святослав и Всеволод — перевели в Смоленск из Владимира Волынского самого младшего из Ярославичей — Игоря († 1060)[8]. В последующие десятилетия XI в. княжеский стол находился в Смоленске непостоянно. Во второй половине 1070-х гг. там сидел сын Всеволода Ярославича Владимир Мономах, в середине 1090-х гг. некоторое время княжил сын Святослава Ярославича Давыд, позже, возможно, внук Игоря Ярославича Мстислав Всеволодич, но не позднее 1107 г. Смоленск оказывается под властью Владимира Всеволодича Мономаха[9]. В 1113 г., став киевским князем, Владимир сажает в Смоленске сына — Вячеслава[10]. Во время киевского княжения сына Мономаха Мстислава Владимировича (1125—1132) волость с центром в Смоленске была передана его сыну Ростиславу[11]. Именно при Ростиславе Мстиславиче она стала самостоятельным политическим образованием, Смоленской землей, в которой позже княжили только его потомки.

Территория Смоленской земли XII—XIII вв. очерчивается по данным уставной грамоты Ростислава Смоленской епископии 1136 г. и дополнительной к ней записи о взимании «погородья» — подати с городского населения[12]. Земля занимала верхнее течение Днепра, течение реки Сож, а также включала в себя верховья Западной Двины, Волги и Десны[13]. Помимо Смоленска (укрепленная площадь которого достигала 65 га[14]), в Смоленскую землю входили города: по Днепру и его притокам — Вязьма, Дорогобуж, Копысь, на притоках Западной Двины — Торопец, Вержавск, Лучин[15], Жижец, на Соже и его притоках — Мстиславль, Ростиславль (совр. Рославль), Кричев, Прупой, на Десне и ее притоках — Изяславль, Ельня и Пацинь, Можайск в верховьях реки Москвы и Ржева на верхней Волге. Более мелкими центрами были погосты, многие из которых являлись укрепленными поселениями. Всего к середине XIII в. укрепленных поселений в Смоленской земле зафиксировано, по письменным источникам и данным археологии, около полутора сотен; по этому показателю она из всех русских земель уступает только Черниговской[16]. На севере Смоленская земля граничила с Новгородской, на востоке — с Суздальской, на юге — с Черниговской, на западе — с Полоцкой и Турово-Пинской. Через Смоленскую землю проходили два важных торговых пути: так называемый «путь из варяг в греки» (из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы, в том числе по Днепру) и путь из Балтийского моря по Западной Двине. «Путь из варяг в греки» особенно активно функционировал

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162.

[9] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. С. 195—197.

[10] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 276.

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 298 (1127 г., Ростислав выступает во главе смольнян в походе на полоцких князей).

[12] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 141—146.

[13] Таким образом, в Смоленскую землю вошла восточная часть бывшей территории кривичей (в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги), бóльшая часть территории радимичей по реке Сож, а также небольшая часть территории вятичей (в верховьях реки Москвы) и территория балтоязычной голяди (верховья реки Протвы).

[14] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 82.

[15] По другой версии, Лучин располагался на Днепре, на самом юге Смоленской земли (*Алексеев Л. В.* Смоленское княжество // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 767).

[16] См.: Древняя Русь: Город, замок, село. С. 30—31, 116, 119. Табл. 16, 19; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 66. Помимо городов и погостов к укрепленным поселениям в Смоленской земле относились и некоторые частновладельческие усадьбы (см.: *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960. С. 51—126. (МИА; № 92)).

в X столетии. К началу XIII в. устанавливаются прочные торговые связи Смоленска с Прибалтикой и Скандинавией по Западнодвинскому пути[17]. Свидетельством этому являются договоры смоленских князей с Ригой и Готским берегом (остров Готланд в Балтийском море). Это так называемый «договор неизвестного князя» (вероятнее всего, относящийся к первой половине XIII в.) и договор 1229 г., заключенный князем Мстиславом Давыдовичем. Договоры регулируют главным образом торговые взаимоотношения и способы разрешения правовых коллизий, возникающих в результате пребывания немецких и готландских купцов в Смоленске и смоленских купцов в Риге и на Готланде[18].

Ростислав Мстиславич, основатель династии смоленских князей, в 1159 г. стал киевским князем и сохранил киевский стол (с небольшим перерывом в начале 1160-х гг.) до конца жизни (1167). После его кончины смоленский стол занял старший из Ростиславичей — Роман. В 1170-е гг. он несколько раз вступал на киевский стол, оставляя в Смоленске своего сына Ярополка (1171—1172, 1174)[19]. Но в 1175 г. смольняне изгнали Ярополка Романовича и пригласили на княжение одного из его дядьев, младших братьев Романа — Мстислава Ростиславича[20]. В 1176 г. в Смоленск вернулся Роман, вынужденный тогда оставить киевское княжение. После его смерти в 1180 г. смоленским князем стал еще один Ростиславич — Давыд[21].

Князья смоленской ветви активно участвовали в южнорусских делах. Ростислав в период своего киевского княжения предоставил сыновьям волости в пределах Киевской земли — со столами в Овруче, Вышгороде и Белгороде. В 1169 г. Роман Ростиславич вместе с братьями Рюриком, Давыдом и Мстиславом, правившими в этих городах, участвовали в походе на Киев, организованном суздальским князем Андреем Боголюбским[22]. Позже, в 1172—1173 гг., Ростиславичи вышли из повиновения Андрею: Роман подчинился его требованию уйти в Смоленск, но Рюрик, Давыд и Мстислав заняли Киев, а затем отразили попытку Андрея с помощью войска, включавшего князей многих земель — Суздальской, Новгородской, Рязанской, Муромской, Полоцкой, Турово-Пинской и Черниговской (и даже отряд из Смоленска, который Роман Ростиславич вынужден был отправить против своих братьев), восстановить свое верховенство[23].

Если Роман Ростиславич недолго прокняжил в Киеве, то его младший брат Рюрик был более удачлив. Он вокняжился в Киеве в 1180 г. Затем имела место война Ростиславичей, Рюрика и Давыда, с черниговскими Ольговичами, окончившаяся в 1181 г. победой смоленских князей (несмотря на поддержку их противников половцами во главе с ханами Кончаком и Кобяком). Но Ростиславичи согласились на компромисс: Рюрик стал править Киевской землей совместно с князем из черниговской ветви Святославом Всеволодичем, при этом Святославу принадлежал собственно Киев, а Рюрику — остальная часть земли, с резиденцией в Овруче[24]. Из нее он выделял волости своим младшим родственникам. После смерти Святослава (1194) Рюрик

---

[17] См.: *Усачев Н. Н.* К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска в XII—XIV вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 203—218; *Mouchard F.* La Maison de Smolensk: Une dynastie princière du Moyen Âge russe, 1125—1404. Paris, 2015. P. 131—136, 146—148.

[18] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подгот. к печати Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин; Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1963. С. 9—62.

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658, 670, 700.

[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374.

[21] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 605, 609, 616.

[22] Там же. Стб. 543.

[23] Там же. Стб. 572—578.

[24] Там же. Стб. 614—624.

стал княжить в самом Киеве[25]. Ему удалось с помощью брата Давыда и князя Суздальской земли Всеволода Юрьевича отстоять киевское княжение от претензий со стороны черниговских князей в 1195—1196 гг.[26], но позднее, начиная с 1202 г., Рюрик несколько раз в борьбе сначала с Романом Мстиславичем, князем Волынским и Галицким, а затем Всеволодом Святославичем Черниговским терял Киев и затем вновь занимал его, окончательно лишившись киевского стола в 1210 г.[27]

В Смоленске после Давыда Ростиславича († 1197) власть перешла к старшему из его племянников — Мстиславу Романовичу[28]. В 1212 г. он включился в борьбу за Киев против Всеволода Святославича Черниговского и сумел занять главный стол Руси при решающей поддержке своего двоюродного брата Мстислава Мстиславича (сына Мстислава Ростиславича), на тот момент князя Новгородского[29]. При этом Мстислав Романович сохранил за собой и смоленское княжение[30]. После гибели Мстислава Романовича в битве с монголами на Калке в 1223 г. смоленским князем становится его двоюродный брат (следующий по старшинству) Мстислав Давыдович, сын Давыда Ростиславича[31].

Помимо киевского стола князья смоленской ветви активно претендовали и на другие столы, не закрепленные за определенными княжескими ветвями, — в Новгороде и Галиче (где прервалась в 1199 г. местная династия). На новгородском столе побывали Святослав Ростиславич (1161—1167), Рюрик Ростиславич (1170—1171), Мстислав Ростиславич (1175—1176, 1179—1180), Мстислав Давыдович (1184—1187), Мстислав Мстиславич (1210—1215), сыновья Мстислава Романовича Святослав (1218—1219) и Всеволод (1219—1221)[32]. Мстислав Мстиславич († 1228) сумел к началу второго десятилетия XIII в. закрепиться на княжении в Галиче и занимал галицкий стол до 1227 г.[33] В 1216 г. князья смоленской ветви составили основу коалиции, нанесшей поражение великому князю Владимирскому Юрию Всеволодичу и его брату Ярославу в битве на реке Липице близ города Юрьева в Суздальской земле; возглавлявший коалицию Мстислав Мстиславич возвел на вла-

---

[25] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 680—681.

[26] Там же. Стб. 688—702.

[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417—421, 425—430, 432—435.

[28] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 702—705.

[29] НПЛ. С. 53.

[30] Часто предполагаемое в историографии (см., например: *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 181; *Донской Д. В.* Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008. С. 180) княжение в Смоленске между Мстиславом Романовичем и Мстиславом Давыдовичем их двоюродного брата Владимира Рюриковича прямыми данными ранних источников не подтверждается. В 1215 и 1219 гг. Владимир Рюрикович находился в Южной Руси (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 110—111; НПЛ. С. 59). Единственным известием, где он имеет отношение к Смоленску, является сообщение о командовании Владимира смоленским полком в Липицкой битве 1216 г. (НПЛ. С. 55; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 263, 274). Однако он мог в данном случае действовать по поручению Мстислава Романовича, который во время конфликта Ростиславичей с Юрием Всеволодичем Суздальским и его братом Ярославом оставался в Киеве. Владимир Рюрикович имел отчинное право на Киев (где и сел после гибели Мстислава Романовича в 1223 г.), так как его отец Рюрик Ростиславич был киевским князем, но не на Смоленск, в котором Рюрику княжить не довелось.

[31] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 20.

[32] См.: *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 91. Князья смоленской ветви иногда занимали и стол во втором по значению городе Новгородской земли — Пскове, где особое княжение существовало непостоянно (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 608; НПЛ. С. 53, 72).

[33] См.: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 201—207.

димирский стол старшего брата Юрия — Константина Всеволодича[34].

Еще с середины XII в. смоленские князья стремились распространить свое влияние на соседнюю Полоцкую землю. В 1158 г. Ростислав Мстиславич активно вмешивается в политическую борьбу в ней, а в 1165 г. его сын Давыд занимает стол во втором по значимости городе Полоцкой земли — Витебске (расположенном на Западной Двине между Смоленском и Полоцком)[35]. Правда, позже (не позднее 1175 г.) в Витебске вновь стали править князья местной полоцкой ветви[36], но, как показывают события междоусобной войны Ростиславичей с Ольговичами 1196 г., верховную власть над Витебском сохранял смоленский князь[37]. В самом начале 1223 г. (17 января 6130 мартовского года) смоленские князья овладели Полоцком[38]. Неизвестно, какой князь был посажен тогда на полоцкий стол, но, вероятнее всего, это был Святослав Мстиславич, сын Мстислава Романовича[39]: в 1232 г. он захватывает Смоленск именно с помощью полочан[40]. В 1229 г. полоцкий и витебский князья (по именам не названные) выступают в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом как вассалы смоленского князя Мстислава Давыдовича[41]. Кто был князем в Витебске в это время — Ростиславич или представитель местной ветви, неизвестно, но, скорее, первое, поскольку маловероятно, чтобы смоленские князья, изгнав князей полоцкой ветви из собственно Полоцка, сохранили за их представителем витебский стол.

Если во втором — начале третьего десятилетия XIII в. смоленские Ростиславичи были несомненно самым влиятельным княжеским семейством на Руси, то после гибели Мстислава Романовича в битве с монголами на Калке в 1223 г. их влияние слабеет. Ростиславичи уже не появляются на княжении в Новгороде, после 1227 г. не княжат и в Галиче; Полоцк в 1230-е гг. вновь оказывается под властью князей местной династии (потомков сына Владимира Святого Изяслава)[42]. Лишь Киев с 1223 по 1235 г. находился под властью Владимира Рюриковича (сына Рюрика Ростиславича), но затем в ходе междоусобной борьбы киевское княжение было им утеряно[43].

Мстислав Давыдович умер в 1230 г.[44] Кто вокняжился в Смоленске сразу после этого, источники не сообщают. В 1232 г. Смоленск силой занимает Святослав Мстиславич, старший сын Мстислава Романовича, двоюродный племянник Мстислава Давыдовича, то есть «старейший» в следующем поколении Ростиславичей[45]. Как раз на начало 1230-х гг. пришлось крупное природное бедствие — голод в сочетании с мором (эпидемией). Оно прошлось по разным землям Руси, но Смоленская земля понесла, по-видимому, наибольшие потери: летописи сообщают о 32 тыс. умерших только в Смоленске[46].

---

[34] НПЛ. С. 55—57; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 263—274.

[35] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 496, 525, 527.

[36] Там же. Стб. 598, 620.

[37] Там же. Стб. 691—693 (Давыд Ростиславич обещал передать Витебск черниговскому князю Ярославу Всеволодичу; невыполнение обещания вызвало поход Ярослава на Витебск, где стол занимал зять смоленского князя).

[38] НПЛ. С. 263.

[39] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1891. С. 196—198, 289.

[40] НПЛ. С. 72.

[41] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. С. 24.

[42] НПЛ. С. 77.

[43] См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 24—25.

[44] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 286.

[45] НПЛ. С. 72.

[46] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 212; Т. 25. С. 125.

В результате Смоленская земля накануне Батыева нашествия была серьезно ослаблена, в первую очередь с демографической точки зрения. Князья смоленской династии уже не претендуют на Галич и Новгород, в середине 1230-х гг. теряют и Киев. Тем не менее они активно участвовали в междоусобной войне, шедшей в Южной Руси с 1234 г. вплоть до начала второго европейского похода Батыя осенью 1240 г.[47] Но Ростиславичи оказались в это время уже на вторых ролях. В 1239 г. сам Смоленск был захвачен одним из литовских князей. Освободил город великий князь Суздальской земли Ярослав Всеволодич. Он «смольняны урядивъ, князя Всеволода (сына Мстислава Романовича, следующего по старшинству после Святослава. — *А. Г.*) посади на столѣ»[48].

Известия первой половины XIII в. свидетельствуют о существовании в составе Смоленской земли Торопецкого княжества: в начале века в нем княжит Мстислав Мстиславич[49], позднее — князь Давыд[50] (по одной версии — брат Мстислава Мстиславича, по другой — зависимый от смоленских Ростиславичей князь другой ветви потомков старшего сына Владимира Мономаха Мстислава[51]). О существовании иных волостей внутри Смоленской земли надежных сведений домонгольского времени нет. В целом выделение князьям крупных волостей в постоянное владение было Смоленской земле не свойственно (в отличие от соседней Черниговской): младшие князья смоленского дома во второй половине XII — начале XIII в. почти постоянно имели волости в Киевской земле («части в Русской земле», как это тогда называлось)[52], но в пределах Смоленской земли, по-видимому, довольствовались владением отдельными небольшими городами; тем самым земля избегала территориального дробления[53]. Вероятно, играл роль и фактор относительной неплодородности Смоленской земли и, как следствие, недостаточной ее доходности для князей; Ростиславичи стремились получить княжения в других, более богатых землях.

Таким образом, Смоленская земля в XII — начале XIII в. была одной из сильнейших на Руси. Представители смоленской княжеской ветви, Ростислав Мстиславич и его потомки, играли видную роль в общерусских делах, часто занимали киевский стол, временами не без успеха претендовали на княжения в Новгороде и Галиче. В отличие от большинства других княжеских ветвей Ростиславичи фактически никогда не вступали в военные конфликты между собой[54], при участии в усобицах в Южной Руси они выступали совместно[55]. Но в 1230-е гг., накануне монгольского нашествия на Русь, влияние князей смоленской ветви снижается.

---

[47] См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 24—25.

[48] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[49] Там же. Стб. 435. Возможно, отец Мстислава — Мстислав Ростиславич — также какое-то время занимал стол в Торопце (НПЛ. С. 33 (под 1170 г.)).

[50] НПЛ. С. 53, 64.

[51] См.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). 2-е изд., испр. и доп. / Пер. и вступ. слово К. Ерусалимского и О. Остапчук. СПб., 2015. С. 653—658, 715. (Studiorum Slavicorum orbis; Т. 10).

[52] См. ч. 3, гл. 14.

[53] См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 120—124.

[54] Конфликт, в результате которого Смоленск захватил в 1232 г. Святослав Мстиславич, был первым военным столкновением внутри Смоленской земли.

[55] Здесь исключением была вынужденная отправка Романом Ростиславичем в 1173 г. полка во главе с сыном для участия в походе на Киевскую землю против его братьев Рюрика, Давыда и Мстислава, организованном Андреем Боголюбским.

СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Победа князя Владимира над своим братом Ярополком Святославичем в 978 г. привела к усилению власти Киева над окраинами Древнерусского государства. Коснулось это и Ростова, с конца X в. ставшего административным центром Волго-Окского междуречья. Город был построен на северном берегу озера Неро. Хотя Ростов упоминается в статьях 862 и 907 гг. древних Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, относить его возникновение к IX или к началу X в. нельзя, названные даты являются недостоверными. Археологические исследования показали, что самым ранним культурным слоем в Ростове является слой X—XI вв. Согласно Лаврентьевской, Ипатьевской летописям и Новгородской первой летописи младшего извода, в 988 г. Владимир посадил в Ростове на княжение своего третьего сына Ярослава. Когда в Новгороде умер правивший там старший сын Владимира Вышеслав, отец перевел в Новгород из Ростова Ярослава, а на его место в Ростове посадил Бориса[1]. К сожалению, названные летописи не сообщают, к какому точно времени относятся рассказанные ими события. В частности, дата 988 г., как дата начала княжения Ярослава в Ростове, не вполне согласуется с приводимым в тех же летописях косвенным свидетельством о рождении Ярослава в 978 г.[2] Нет в древних источниках и точного указания на год перевода Ярослава из Ростова в Новгород. Однако в «Истории Российской» В. Н. Татищева сообщается, что Вышеслав скончался в 1010 г.[3] Эта дата представлена в труде первого российского историка как выписка из летописи, что позволяет говорить о ее книжном происхождении, а не принимать за простую догадку автора XVIII в. Такая дата близка к дате пребывания Ярослава в Новгороде — 1014 г. Поэтому не будет большой натяжкой считать, что Ярослав оказался в Новгороде в начале 1010-х гг., а до этого времени правил в Ростове, но с какого года и как долго, неизвестно.

Пребывание Ярослава в Ростовской земле во время княжения в Киеве его отца Владимира Святославича оставило заметный след в развитии этой окраины Древнерусского государства. При Ярославе на правом берегу Волги при впадении в нее реки Которосли был основан город Ярославль. Впервые Ярославль как город фигурирует в ранних летописях в статье 6579 (1071) г.[4] В Древней Руси города часто назывались по именам князей, а по именам людей без титулов — крайне редко. Поэтому можно полагать, что город на Которосли был назван по имени князя. Но до 1071 г. в Ростовской земле был известен только один князь с именем Ярослав — это Ярослав Владими-

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 121; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 105; НПЛ. М.; Л., 1950. С. 159.

[2] НПЛ. С. 182.

[3] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. М.; Л., 1964. С. 142.

[4] НПЛ. С. 192.

рович. Он мог основать Ярославль, скорее, в годы своего длительного, а не кратковременного пребывания в Ростове, то есть примерно в последнем десятилетии X — первом десятилетии XI в. Как в свое время указывал М. Н. Тихомиров, основание города Ярославля было связано не только с необходимостью контролировать движение по Волге вдоль ее правых берегов военных и купеческих судов из разных стран и мест, но и с обороной прохода от Волги вглубь Ростовской земли, к ее древним центрам Ростову и Суздалю[5]. В этом отношении показательно, что археологи в последние годы обнаружили на территории Ярославля не одно, а два ранних укрепленных городища первой половины XI в., расположенных на правом берегу Волги и на левом берегу Которосли[6] и препятствовавших проходу между названными реками на юг. Это означает, что в начале XI в. в Ростовской земле Древнерусского государства наблюдался явный подъем, выразившийся в росте населения, строительстве там двух новых крепостей Ярославля, усилении безопасности главных центров Ростовской земли Ростова и Суздаля, укоренении здесь прибывшей из Киева власти.

Вторично Ярославу пришлось побывать в Ростовской земле в 1024 г. Тогда в Волго-Окском междуречье разразился страшный голод. Люди массами уходили в Волжскую Булгарию и старались привезти оттуда зерно. Но это помогало отчасти. Начались волнения, которыми руководили волхвы. Они стравливали людей, ища у них спрятанный хлеб. В дела Ростовской земли вынужден был вмешаться ставший правителем Древнерусского государства Ярослав. Ему удалось расправиться с волхвами и успокоить волновавшихся.

История Ростовской земли после смерти в 1054 г. Ярослава Мудрого вырисовывается с трудом. Согласно записи XV в., включенной в Новгородскую первую летопись младшего извода, «Переяславль, Ростовь, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволожье» Ярослав завещал своему любимому сыну Всеволоду[7]. Поскольку текст записи не XI в., но говорит о факте XI в., ученые обсуждают вопрос о том, отразила ли запись какое-то древнее свидетельство, или же она составлена позднейшим книжником, знавшим из разных источников, какими землями обладали Всеволод Ярославич и его потомки. Как бы там ни было, разные факты XI в. в принципе подтверждают сообщение записи о составе владений Всеволода Ярославича. Так, написавший «Поучение детям» сын Всеволода Владимир Мономах вспоминал в своем сочинении, что «первое к Ростову идохъ сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець...»[8]. Трудная поездка подростка Мономаха в Ростов состоялась в 1068 г.[9], после разгрома половцами на реке Альте близ Переяславля Южного соединенного войска всех сыновей Ярослава Мудрого, свержения киевлянами Изяслава Ярославича с киевского стола и провозглашения ими своим князем Всеслава Полоцкого. Воспоминание Владимира Мономаха свидетельствует о том, что в 1068 г. Ростов и его территория принадлежали его отцу Всеволоду, который распоряжался дальней землей, посылая туда своего сына. Цель поездки Мономаха в Ростов состояла в сборе сил и средств для помощи южным княжествам в их борьбе с половцами и захватившим Киев полоцким

[5] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 416.

[6] *Энговатова А. В.* Ярославль в XI в. // Русь IX—X вв.: Общество. Государство. Культура. М., 2012. С. 92.

[7] НПЛ. С. 160.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247.

[9] Дата первого «пути» Владимира Мономаха была предложена еще С. М. Соловьевым и обоснована В. А. Кучкиным (см.: *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988. С. 672—673. Примеч. 50; *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х гг. XI века // Советское славяноведение. 1971. № 2. С. 25—27).

князем, но в полной мере она не была достигнута.

Еще одно свидетельство о Ростовской земле во второй половине XI в. содержится в красочном рассказе летописи о пребывании на Белоозере знатного киевского боярина Яня Вышатича. Летопись датирует посещение Янем Белоозера 1071 г., но на самом деле оно имело место осенью 1073 — весной 1074 г. Янь Вышатич прибыл на Белоозеро от киевского князя Святослава Ярославича, чтобы собрать дань[10]. В это время туда пришли два волхва от города Ярославля, которые вместе со своими сторонниками, идя по Волге и Шексне, грабили людей. Узнав, что это люди Святослава Ярославича, Янь Вышатич учинил над грабителями суд и расправился с ними. Из рассказа вытекает, что Белоозеро — часть ростовских владений Всеволода Ярославича — находилось в руках Святослава, брата Всеволода, но расположенные восточнее земли по реке Шексне и далее по Волге до Ярославля ему не принадлежали. По-видимому, в 1073 г. между Святославом и Всеволодом, изгнавшими в том году из Руси старшего брата киевского князя Изяслава, произошел размен землями. Святослав получил Белоозеро, прилегавшее к его новгородским владениям (в Новгороде в то время княжил старший сын Святослава Глеб), Всеволод — земли в Южной Руси.

После смерти Святослава Ярославича в 1076 г. и возвращения летом 1078 г. на киевский стол князя Изяслава Ярославича, который почти всех сыновей Святослава изгнал из Руси, были восстановлены старые владения Изяслава и Всеволода, которые они получили по завещанию отца. Белоозеро вновь оказалось в руках Всеволода Ярославича. Во всяком случае, описывая сентябрьскую войну 1096 г. второго сына Мономаха Изяслава, захватившего черниговский Муром, с черниговским князем Олегом Святославичем, летописец сообщил, что, готовясь отразить нападение Олега, Изяслав заранее «посла <...> по воѣ Суздалю, и Ростову, и по Бѣлозерци, и собра вои многы»[11]. Изяславу Владимировичу оказали военную помощь центры, принадлежавшие его отцу Владимиру Мономаху, а ранее — отцу Мономаха Всеволоду. В число этих центров к 1096 г. вернулось Белоозеро.

Олег Святославич намеревался удержать за собой Муром, захватить Ростов, Суздаль и даже Новгород, где правили сыновья Владимира Мономаха, однако его многомесячная война с ними закончилась в конце февраля 1097 г. битвой близ Суздаля, в которой черниговский князь потерпел поражение. Ростовская земля осталась за Владимиром Мономахом. Но война 1096—1097 гг. показала, что эта земля нуждается в более твердом правлении, способном самостоятельно отражать неожиданные военные нападения. Для этого Владимир Мономах посадил на ростовский стол своего младшего сына от первого брака Вячеслава[12].

Правление Вячеслава в Ростовской земле продолжалось, по-видимому, до 1107 г. Под этим годом Типографская летопись сообщает, что «приидоша Болгаре ратью на Суждаль и обьступиша градъ и много зла сътвориша, воююща села и погосты и убивающе многыхъ отъ крестьянъ. Сущии же людие в градѣ не могуще противу ихъ стати, не сущю князю у нихъ...»[13]. Хотя Типографская летопись датируется XVI в., данное известие считается ранним. Согласно ему, в 1107 г. в Суздале не было князя. Не говорится и о князе в Ростове, который должен был бы защитить свои земли от нападения бывших кочевников. Суздальцы сами, без князя или князей, сумели отстоять свой

[10] «...приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175).

[11] Там же. Стб. 236.

[12] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 67—70.

[13] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 73.

город. В то же время ранние летописи фиксируют участие князя Вячеслава Владимировича в крупном сражении с половцами 12 августа 1107 г. под южнорусским городом Лубном на реке Суле, где половцы были разгромлены. Через несколько месяцев после этой битвы Владимир Мономах, черниговские князья Олег и Давыд Святославичи отправились к половецким ханам, двум Аепам, которые не принимали участия в сражении под Лубном, и заключили с ними мир, чтобы предотвратить их возможное участие в ответном походе-реванше тех их сородичей, что были разбиты. Укрепляя отношения, Владимир Мономах женил своего сына Юрия, будущего Долгорукого, на дочери Аепы. Произошло это в январе 1108 г. В «Поучении детям» Мономах вспоминал, как «по Рожествѣ створихом миръ с А[е]пою, и поимъ у него дчерь, идохом Смоленьску. И потомь идох Ростову»[14]. По другим источникам известно, что в 1108 г. Мономах основал Владимир на Клязьме. Очевидно, что посещение Ростова Владимиром Мономахом в 1108 г. преследовало многие цели: ликвидацию последствий вторжения булгар, укрепление центральных районов земли новой крепостью — Владимиром, передачу далекого владения под управление старшего сына от второго брака Юрия.

Посадив Юрия править в Ростовской земле, Владимир Мономах главный город этой земли Ростов оставил за собой. Резиденцией Юрия стал Суздаль. И вся земля по этому центру стала называться Суздальской. Правление Юрия в Суздальской земле четко делится на два периода. Первый период — с 1108 по 1125 г., когда умер Владимир Мономах. Второй — с 1125 по 1157 г., когда скончался сам Юрий Долгорукий. В первый период Юрий правил как наместник своего отца, обладателя высшей власти. Круг же деятельности князя-наместника был скромен: возведение главной церкви Успения Богородицы в Суздале и церкви Св. Георгия во Владимире; один поход в 1120 г. на Волжскую Булгарию из Киева, подготовленный отцом Юрия Владимиром Мономахом[15].

Однако после смерти Мономаха Юрий Долгорукий превратился в самостоятельного суверенного князя, и это сразу же сказалось на положении его земли. Теперь уже никто не мог требовать с него уплаты даней и участия в войнах, ведшихся южными князьями. Такое могло происходить только на основании заключенных соглашений, договорного права.

Время княжения в Киеве преемника Мономаха, его старшего сына Мстислава Великого (1125—1132) для Суздальского княжества стало временем мирного внутреннего развития и строгого внешнеполитического нейтралитета. Юрий Долгорукий не вмешивался в события, происходившие в Южной Руси, где киевский князь боролся с половцами, стараясь оттеснить их на восток, а также с полочанами, помогавшими этим кочевникам. Показательно, что, когда в 1127 г. Мстислав организовал большой поход на полоцких князей, ему помогали многочисленные князья-родственники, среди них — из Смоленска и Курска, географически близких к Суздалю. Однако из самого Суздальского княжества никакой помощи оказано не было. Не помогал Юрий Долгорукий старшему брату и тогда, когда тот воевал с половцами.

Но как только Мстислав скончался, Юрий Долгорукий сразу же обнаружил свое намерение обосноваться в Южной Руси. Преемник Мстислава на киевском столе, княживший в Переяславле его брат Ярополк, став киевским правителем, немедленно начал осуществлять политическую программу перераспределения владений меж-

[14] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 250.

[15] Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик / Подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 16; НПЛ. С. 467; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 115.

ду родственниками, выработанную ранее его отцом и старшим братом. Первым шагом был перевод старшего сына Мстислава Всеволода из Новгорода в близкий к Киеву Переяславль. Всеволод Мстиславич въехал туда в один из дней конца июня — начала июля 1132 г. «с заутрья», то есть рано утром, а через несколько часов «до обѣда выгна и Гюрги, приѣхавъ с полком на нь»[16]. Причина неожиданного конфликта указывается Новгородской первой летописью: «Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю повелениемь Яропълцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко „хощю у васъ умерети". И рече Гюрги и Андрѣи: „Се Яропълкъ, брат наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевь Всеволоду, братану своему"; и выгониста и ис Переяславля. И приде опять Новугороду»[17]. Дети от второго брака Владимира Мономаха Юрий Долгорукий и Андрей были возмущены тем, что старшие братья от первого брака отца совершенно устраняли их из числа возможных правителей богатого и престижного Киевского княжества. Переяславль, важнейший подступ к Киеву, стал объектом острого соперничества наследников Мономаха.

Юрий Долгорукий сумел прокняжить в этом городе летом 1132 г. всего восемь дней. Ярополк уговорил Юрия покинуть Переяславль, но разрешил остаться на Юге. В Переяславль же киевский князь перевел из Полоцка второго сына Мстислава Великого Изяслава. Но тот оказался неспособным правителем и был заменен Ярополком в 1133 г. на своего брата, туровского князя Вячеслава Владимировича. Туров же был отдан Изяславу. Но в начале 1134 г. Вячеслав вопреки воле Ярополка оставил Переяславль и ушел обратно в Туров, изгнав оттуда племянника. Изяславу пришлось отправиться к брату в Новгород. Переяславль оказался свободным. И тогда в конце зимы — начале весны 1134 г. «Георгии князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю»[18]. Юрий Долгорукий сумел закрепиться на Юге, но Суздальское княжество перешло в руки Ярополка. Эти передвижки привели к потере владений Мстиславичами, племянниками Ярополка и Юрия. И когда в 1134 г. черниговские князья во главе с Всеволодом Ольговичем начали войну с киевским князем и его братьями, Мстиславичи стали помогать черниговцам, а не своим дядьям. Чтобы разрушить этот союз, Ярополк вынужден был снова перераспределить владения, наделяя ими недовольных племянников. Последние в итоге получили Владимир Волынский с относившимися к нему городами. Юрию Долгорукому пришлось уступить Переяславль родному брату Андрею, выведенному из Владимира Волынского. А Ярополк должен был вернуть Суздальское княжество Юрию. В итоге в 1136 г. Юрий Долгорукий вынужден был вернуться в Суздаль. Однако на Юге за ним осталась сильная переяславская крепость Городец Остерский. Опираясь на нее, можно было бы вести борьбу за южнорусские владения, но среди южных князей у Юрия Долгорукого не было союзников ни среди близких Мономаховичей, ни среди более дальних родственников черниговских Святославичей. На долгие десять лет Юрию Долгорукому пришлось забыть о своих желаниях властвовать на Юге.

Новые возможности появились в 1146 г., когда в Киеве скончался Всеволод Ольгович, в 1139 г. после смерти Ярополка сумевший утвердиться на киевском столе. Будучи по происхождению черниговским князем, Всеволод завещал Киев своему родному брату Игорю Ольговичу. Но киевляне, которых обирали пришедшие со Всеволодом черни-

[16] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301.
[17] НПЛ. С. 22.
[18] Там же.

говские бояре, хотели видеть киевским князем не Святославича, а Мономаховича. Их выбор пал на внука Владимира Мономаха Изяслава Мстиславича, который в то время княжил в соседнем с Киевом Переяславле. Собрав войско, Изяслав подступил к Киеву. Навстречу ему вышли Игорь Ольгович и его брат Святослав. Произошла битва, кончившаяся разгромом черниговских князей. Игорь попал в плен, Святослав бежал к себе в Черниговское княжество. Киевским князем стал Изяслав Мстиславич.

Разгром черниговских Ольговичей резко повлиял на позицию их двоюродных братьев — Владимира и Изяслава Давыдовичей, уклонившихся от битвы под Киевом. Сначала они решили помогать Святославу Ольговичу против нового киевского князя, но быстро передумали и стали искать союза с ним против Святослава, надеясь захватить принадлежавшие ему земли. Изяслав Мстиславич охотно пошел на такой союз. Когда выяснилось, что Святослав Ольгович не может рассчитывать даже на помощь Давыдовичей, он обратился к Юрию Долгорукому: «Братама Всеволода Богъ поялъ, а Игоря Изяслав ялъ. А поиди в Рускую землю Киеву, милосердовавъ, мы налѣзим брата. А язъ ти сде, надѣяся Бозѣ и силѣ животворящаго хреста, буду ти помощникъ»[19]. Такое обращение означало, что у суздальского князя на Юге Руси появился долгожданный союзник. К тому же за спиной союзника стояли половецкие князья, братья матери Святослава Ольговича и братья его жены, дочери хана Аепы. Юрий Долгорукий без каких-либо условий принял предложение Святослава.

Суздальский князь сразу же стал помогать новому союзнику. Однако на первых порах помощь была незначительной. На Юрия по наущению из Киева осенью 1146 г. напал рязанский князь Ростислав Ярославич. Юрию пришлось сконцентрировать свои силы для отражения агрессивного соседа. Но с течением времени помощь суздальского князя новгород-северскому правителю все возрастала, а в начале апреля 1147 г. в Москве между Юрием Долгоруким, Святославом Ольговичем и рязанским князем Владимиром Святославичем было заключено соглашение, объединившее трех князей в их борьбе с киевским князем Изяславом Мстиславичем и его союзниками. В результате этого договора Юрий Долгорукий сумел закрепить за собой новгородские земли по рекам Тверце и Мсте, включая Торжок, захваченные им в марте 1147 г., распространить в том же году свой контроль на Курск и города Посемья, куда осенью сын Юрия Глеб назначил своих посадников[20]. Однако эти местные успехи суздальского князя в чужих землях встречали упорное противодействие киевского князя Изяслава Мстиславича, стремившегося вернуть захваченные Юрием Долгоруким города и территории под свой контроль. Между князьями-соперниками назревало прямое столкновение, и каждая сторона готовилась к неизбежному.

У киевского князя возможностей было больше, и к осени 1148 г. он сумел основательно подготовиться к походу на Суздаль. В его распоряжении были собственные киевские полки, а также переяславские, союзные смоленские (его брата, смоленского князя Ростислава Мстиславича), а кроме того, новгородские (в Новгороде правил другой брат Изяслава Святополк). Главным маршрутом похода была избрана Волга. Поход на Суздальское княжество начался в феврале 1149 г. со стороны Новгорода и Смоленска. Изяславу Мстиславичу и его союзникам удалось сжечь и опустошить несколько городков по верхнему течению Волги и дойти до Ярославля. В плен были взяты 7000 человек. Поход закончился с наступлением весеннего разлива рек. Цент-

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329.

[20] Там же. Стб. 339, 356.

ральные районы Суздальского княжества от этого похода не пострадали. Сохранил Юрий Долгорукий и свои военные силы. Он не вступал в сражения с нападавшими. Но через три с небольшим месяца, в июле 1149 г., заключив договор с половцами, Юрий Долгорукий выступил в поход против Изяслава Мстиславича. По пути к Юрию присоединились новгород-северский князь Святослав Ольгович и племянник последнего Святослав Всеволодич. Прибыли и половцы. С этими силами Юрий Долгорукий подступил к Переяславлю и начал его осаду. На помощь осажденным поспешили киевские и смоленские полки Изяслава и Ростислава Мстиславичей. Юрию Долгорукому пришлось снять осаду и отступить на правый берег реки Трубеж. Но Изяслав Мстиславич продолжал преследовать уходивших противников. Тогда Юрий остановил свои войска и стал готовиться к битве. Она началась утром 23 августа 1149 г. Суздальцы сражались отчаянно. Первыми их напора не выдержали жители Поросья, за ними побежал черниговский князь Изяслав Давыдович, за Изяславом последовали киевляне. Победа суздальцев была полной. 24 августа Юрий Долгорукий въехал в Переяславль. Через три дня он занял и Киев, оставленный Изяславом Мстиславичем, укрывшимся во Владимире Волынском.

Став киевским князем, Юрий Долгорукий тотчас вызвал к себе черниговского князя Владимира Давыдовича. Тот приехал, признал старейшинство нового киевского правителя и вернул его союзнику Святославу Ольговичу отнятые у него волости и города. Последовало и перераспределение владений среди сыновей Юрия. Старший Ростислав получил Переяславль, Андрей Боголюбский — Вышгород, Борис — Белгород, Глеб — Канев. Самому младшему сыну Юрия Долгорукого Василию достался Суздаль.

Первое правление в Киеве суздальского князя было кратковременным. Оно продолжалось до мая 1150 г. Оставивший киевский стол князь Изяслав Мстиславич сохранял желание вернуться на него снова. Весной 1150 г. он собрал дружину и выступил из Владимира Волынского на Луческ. Такому переходу никто не воспрепятствовал. Тогда из Луческа Изяслав направился к Пересопнице. Там княжил сын Юрия Долгорукого Глеб, переведенный отцом из Канева. Изяславу удалось пленить Глеба, но он сделал его почетным пленником, через короткое время отпустив к отцу. Последний ничего не знал о движении Изяслава, а когда узнал, было уже поздно. Не имея времени организовать оборону Киева, Юрий Долгорукий бежал на левый берег Днепра и укрылся в принадлежавшем ему сильно укрепленном переяславском Городце Остерском. Киевским князем вновь стал Изяслав Мстиславич. Но и он пробыл на киевском столе всего около четырех месяцев. На помощь Юрию Долгорукому с большим войском выступил его сват, галицкий князь Владимир Володаревич. Изяслав поздно узнал о его походе. Близких союзников у Изяслава Мстиславича не оказалось, и он решился на необычный шаг — уступил Киевское княжение своему дяде Вячеславу Владимировичу, получив взамен в свое распоряжение его дружину. Наспех собранное Изяславом войско выступило против галицкого князя к реке Ольшанке, протекавшей к югу от Киева. Однако, увидев грозный строй многочисленных галицких полков, оно не приняло боя и разбежалось. Изяслав вынужден был покинуть Киев и вернуться к себе во Владимир Волынский. В первой половине сентября 1150 г. Юрий Долгорукий вторично занял киевский стол.

Последовала перемена центров княжений в Киевском княжестве. Сына Андрея Юрий посадил в Пересопнице, придав к ней Туров и Пинск, чтобы внимательно следить за действиями Изяслава Мстиславича и его родни, обосновавшихся во Владимире Волынском и Луческе. А те развернули широкую кампанию по сбору сил для нового похода на Киев. На сей раз главный

упор делался на военную помощь деверя Изяслава, венгерского короля Гезы II. Тот, хотя и воевал с Византией, сумел выделить Изяславу помощь в 10 000 всадников. Собрав свои силы, а также полки брата Владимира, сына Мстислава, гродненского князя Бориса, Изяслав Мстиславич вместе с венгерской конницей на исходе февраля 1151 г. совершил стремительный набег из Владимира Волынского на Киев и без всякого сопротивления в конце марта 1151 г. занял город. Юрий Долгорукий и на этот раз поздно узнал о нападении противника. Он спешно покинул Киев, переправился на левый берег Днепра и обосновался в привычном Городце Остерском. Городец сразу же стал местом сосредоточения военных сил Юрия, его сыновей и союзников в борьбе с Изяславом за Киев. Но и Изяслав не терял времени даром, энергично собирая своих сторонников. Первое нападение Юрия на Киев было Изяславом отбито, а в начале лета 1151 г. на реке Руте Изяслав сумел разгромить суздальского князя и его союзников. 17 июля последовала новая победа Изяслава над своим дядей под Переяславлем. Побежденный Юрий обязался отказаться от притязаний на Киев и уйти в Суздаль. Однако после данных обещаний он продолжал пребывать в Городце Остерском, по-прежнему используя его как свою военную базу. Тогда Изяслав осадил Юрия в его крепости. Тому поневоле пришлось оставить Городец и уйти в Суздальскую землю. После ухода Юрия Изяслав и союзные ему черниговские князья разрушили и сожгли Городец Остерский[21].

Известие об уничтожении Городца Остерского привело Юрия Долгорукого в сильнейшее негодование. Он жаждал мщения. «Оже есте мои Городець пожгли (и божницю), то я ся тому отожгу противу»[22], — грозил суздальский князь. Собрав союзников, осенью 1152 г. Юрий Долгорукий выступил в поход на Киев. Однако дойти до цели ему не удалось. Путь преградили черниговские и смоленский князья. Осада Юрием их опоры — Чернигова — была безуспешной. Узнав о переправе через Днепр киевских и туровских полков, поспешивших на помощь черниговцам и смольнянам, союзники Долгорукого оставили его и разошлись по своим владениям. Юрию не оставалось ничего другого, как вернуться в Суздаль.

Видимо, во время отсутствия Юрия на его Суздальское княжество напали булгары. Как сообщает Типографская летопись, в 1152 г. «приидоша Болгаре по Волзѣ къ Ярославлю безъ вѣсти и оступиша градокъ в лодияхъ, бѣ бо малъ градокъ». Ярославцы оказались отрезанными от внешнего мира и не могли подать просьбы о помощи. Осажденные начали страдать от нехватки пищи и воды. Тогда один молодой ярославец решился ночью незаметно выйти из города и дать весть ростовцам. «Ростовци же пришедша, побѣдиша Болгары»[23]. В рассказе Типографской летописи окончательно ничего не говорится о действиях князя, и это показательно. Очевидно, нападение было подготовлено как раз для того времени, когда Юрий уйдет в поход на запад.

Последовавшее пребывание Долгорукого в собственной земле пошло на пользу последнему. Летописи, правда позднейшие, говорят о строительстве князем после своего возвращения из похода 1152 г. ряда городов. Типографская летопись сообщает, что Долгорукий в том же году «Переаславль градъ переведъ отъ Клѣщениа и заложи великъ градъ <...> и Гергевъ градъ заложи». Археологические работы в Переяславле подтвердили основание города в середи-

[21] Более подробно о борьбе за киевский стол в 1149—1151 гг. см.: *Кучкин В. А.* Юрий Долгорукий // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 43—49.

[22] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 456.

[23] ПСРЛ. Т. 24. С. 77.

не XII в.[24] Осенью 1154 г. был построен Дмитров[25]. Показательно, что основанные Юрием Долгоруким Переяславль Залесский, Юрьев Польский и Дмитров лежали к западу от древних центров Суздальской земли: Ростова, Суздаля, Ярославля, Владимира (Юрьев Польский примерно на той же долготе, что и Ростов). Очевидно, их строительство учитывало военно-политическую обстановку того времени. Основные угрозы Суздальскому княжеству исходили от его западных и юго-западных соседей.

Впрочем, когда на берегу реки Яхромы возводился Дмитров, главный противник Юрия Долгорукого — князь Изяслав Мстиславич — умер в Киеве. Киевский стол стал вакантным. Желающих занять его оказалось немало, но претенденты ссорились между собой, и ни один не хотел уступать другому. Это помогло Юрию Долгорукому. Собрав большое войско и призвав половцев, суздальский князь в начале 1155 г. двинулся к Киеву. Его бывшие враги, под главенством Изяслава Мстиславича сражавшиеся с ним под Переяславлем Русским, Киевом и Черниговом, теперь заверяли его в мире и дружбе. Не встречая открытого сопротивления, Юрий Долгорукий 20 марта 1155 г. занял Киев. Сразу же его старшие сыновья получили владения в Южной Руси: Андрей — Вышгород, Борис — Туров, Глеб — Переяславль Русский, Василию было отдано Поросье. Вскоре выяснилось, что население Южной Руси недовольно политикой нового правителя. Недавний союзник Долгорукого черниговский князь Изяслав Давыдович «нача понуживати зачати рать на Гюргя»[26]. Изяславу не позволили этого сделать его же родичи. По-видимому, с враждебными антисуздальскими настроениями столкнулся и Андрей Боголюбский. Осенью 1155 г. он вопреки воле отца покинул Вышгород и ушел в свой Владимир на Клязьме, который был выделен ему Юрием на исходе 1140-х гг. В конце 1155 — начале 1156 г. был заключен союз между Рязанью и Смоленском. Во всей истории обоих княжеств это был единственный случай их договоренности. Юго-восточный и западный соседи Суздальского княжества явно опасались, что ставший киевским князем Юрий Долгорукий начнет расширять свои владения за счет их земель, а потому на всякий случай объединились.

Действия черниговских, смоленских и рязанских правителей настораживали суздальского князя. И он предпринял превентивные меры. Летом 1156 г. Юрий укрепил Москву. Москва стала пограничным городом — крепостью, которая защищала Суздальское княжество от княжеств-соседей: Рязанского, Черниговского, Смоленского, а также от Новгорода, земли которых располагались по реке Москве или близ нее. В Киеве правление Долгорукого оказалось недолгим. После одного из пиров, устроенного боярином — сборщиком налогов, Юрий, проболев пять дней, скончался 15 мая 1157 г.

Он оставил 9 сыновьям от двух браков непростое наследие. По замыслам Юрия Суздальским княжеством должны были владеть два его младших сына — Михалко и Всеволод. Суздальцы в 1156 г. дали клятву верности этим князьям. В Новгороде княжеский стол удерживал за собой Мстислав. Остальные сыновья должны были закрепиться в Киевском и Переяславском княжествах. В итоге наследникам Долгорукого должны были достаться главные земли, которыми владел отец Юрия Владимир Мономах. Но старший из Юрьевичей Андрей Боголюбский ушел из Южной Руси во Владимир на Клязьме, тем самым порушив все задуманное отцом. В итоге вопрос о наследии Долгорукого пришлось решать самим

[24] *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 112.
[25] ПСРЛ. Т. 24. С. 77.
[26] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 456.

наследникам. Главную роль здесь сыграл Андрей Боголюбский. Заручившись поддержкой ростовцев, суздальцев, владимирцев и переяславцев, он сразу после смерти отца захватил власть в Суздальском княжестве. На Юге большинство братьев Андрея вскоре лишилось своих владений, а новгородцы изгнали Мстислава. Все они должны были вернуться в Суздальскую землю. Во второй половине 1161 г. здесь оказались, за исключением переяславского князя Глеба, все потомки Юрия Долгорукого. Назревала гроза — передел отцовского владения. Андрей Боголюбский такого допустить не мог. Все его братья, за исключением умершего в 1159 г. Бориса, а также Ярослава и Святослава, которые были, видимо, нездоровы от рождения (относительно Святослава из летописей прямо известно, что он болел с детства), племянники Мстислав и Ярополк Ростиславичи, мачеха Боголюбского были высланы в Византию. Князь Андрей стал, как писал летописец, самовластцем в своей земле.

Хотя нередко в источниках эта земля по-прежнему называлась Суздальской, главным ее городом стал Владимир — прежний удельный центр Андрея Боголюбского. Последний заботился об укреплении и украшении новой столицы. Город был расширен к западу и востоку, обнесен новыми крепостными стенами, которые были прорезаны Золотыми (на западе) и Серебряными (на востоке) воротами. Внутри княжеского детинца был сооружен каменный Успенский собор с позолоченным куполом. Примерно в 11 км к северо-востоку от Владимира князь Андрей основал свою резиденцию — Боголюбов с каменными стенами, дворцом и храмом. Пол церкви был устлан медными плитами, а позолоченные плиты украшали портал — невиданная роскошь для того времени. Блиставшую и сверкавшую, Андрей Боголюбский показывал эту церковь всем, демонстрируя, к каким достижениям может привести христианская вера. Кроме Владимира и Боголюбова в состав владений князя Андрея вошли также такие города, как Ростов, Суздаль, Белоозеро, Ярославль, Ярополч, Кснятин, Дубна, Шоша, Молога, Углич, Переяславль Залесский, Юрьев, Дмитров, Москва, — всего 16 городов.

Преступив заповеди отца относительно управления принадлежавшими тому землями, Андрей Боголюбский отказался и от его внешней политики. Владимирского князя не привлекали южные древнерусские земли, обладать которыми стремился его отец. Но то, что происходило на этих землях, не проходило мимо внимания Боголюбского. Его владения на западе граничили с тремя могущественными государственными образованиями: Черниговским и Смоленским княжествами, а также Новгородской республикой. Необходимо было умело лавировать между ними, чтобы не навлечь на себя нападений их князей, нередко связанных союзами между собой и с киевскими князьями.

В первые годы своего правления Андрей Боголюбский поддерживал тесные отношения с Изяславом Давыдовичем, черниговским князем, готовившимся свергнуть Долгорукого и после его смерти захватившим киевский стол. Князья породнились: князь Андрей выдал свою дочь за племянника Изяслава князя Святослава Владимировича. Последнему Боголюбский помог и в его войне с черниговскими князьями Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодичем в 1159 г. В том же году в новгородском Волоке Ламском состоялась встреча Андрея Боголюбского и Изяслава Давыдовича. Итогом ее стало обращение владимирского князя к новгородцам: «Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ, и лихомъ»[27]. Показательно, что важнейшей внешнеполитическойцелью Боголюбского в то время было возобновление контроля

[27] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 509.

над Новгородом, в 1157 г. изгнавшим от себя брата Андрея Мстислава. Единение Андрея с Изяславом предопределяло выбор новгородцев между «добром» и «лихом». 21 июня 1160 г. на новгородский стол был принят племянник Боголюбского Мстислав Ростиславич. Он прокняжил в Новгороде почти год. Общеполитическая обстановка к тому времени на Руси изменилась.

6 марта 1161 г. в битве у реки Желяни был убит князь Изяслав Давыдович. Андрей Боголюбский потерял необходимого ему союзника. Одни из победителей — смоленские князья — теперь могли претендовать и на киевский, и на новгородский столы. И Андрей Боголюбский вступает с ними в союзные отношения, которые становятся напряженными, а затем и прямо враждебными к концу жизни владимирского князя. Но первоначально устойчивая обстановка в западных и юго-западных княжествах Древней Руси позволила Андрею Боголюбскому обратить свое внимание на восток. Правители Волжской Булгарии распространяли свою власть на народы, непосредственно граничившие с Владимирским и Муромским княжествами, взимали с таких соседей дань[28]. Расширить свои владения на восток князь Андрей мог только в противоборстве с волжскими булгарами. В походе 1164 г. приняли участие рязанские и муромские князья. Поход закончился большим успехом для русских ратей. Было захвачено несколько булгарских городков, включая Бряхимов на реке Каме. С местного населения была взята дань. С этого времени восточная политика стала одним из важнейших направлений в военно-дипломатической деятельности Боголюбского. Она привела к тому, что во Владимирском княжестве в его восточной части были построены такие города, как Гороховец (около 1164 г.), позволивший контролировать все течение реки Клязьмы, а на левом берегу Волги — Городец (не позднее 1171 г.).

В 1167 г. умер смоленский князь Ростислав Мстиславич, княживший в Киеве. Сразу после этого из Новгорода был изгнан его сын Святослав. За правления в обоих крупнейших центрах Руси началась борьба, и Андрей Боголюбский не остался в стороне от нее. Киев захватил владимиро-волынский князь Мстислав, сын соперника Юрия Долгорукого Изяслава Мстиславича. Он сумел договориться с оставшимися в Киевском княжестве сыновьями Ростислава Смоленского, выделив им Вышгород и Овруч. В 1168 г. новый киевский князь сумел организовать большой поход южнорусских князей на половцев. Половцы не ожидали нападения и были разбиты. Летописец отметил, что удалось «всимъ Рускимъ воемъ наполнитися до изообилья и колодникы, и чагами (чага — девушка-подросток. — *В. К.*), и дѣтми ихъ, и челядью, и скоты, и конми»[29]. Победоносный поход и богатые трофеи резко повысили авторитет Мстислава Изяславича и укрепили его положение в Южной Руси. Князь начал помышлять о захвате власти во всем Киевском княжестве, но натолкнулся на упорное сопротивление живших там смоленских Ростиславичей. Андрей Боголюбский поддержал своих союзников. Оставлять на киевском столе Мстислава, сына Изяслава, непримиримого врага Юрия Долгорукого и самого Боголюбского, грозило непредвиденными осложнениями в будущем. И в конце 1168 г. большое войско, собранное князем Андреем со всех своих владений, выступило в поход на Киев. Полки повел сын Боголюбского Мстислав. По пути к нему присоединился смоленский князь Роман. На Юге против Мстислава Изяславича

[28] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 37; *Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011. С. 46.

[29] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 540.

объединились родственники владимирского князя, его братья Глеб Переяславский и Всеволод (будущий Большое Гнездо), двоюродный брат Владимир Андреевич Дорогобужский, племянник Мстислав Ростиславич, смоленские Ростиславичи Рюрик, Давыд и Мстислав, черниговские князья Олег и Игорь Святославичи. Объединенные силы окружили Киев и после нескольких дней ожесточенных боев 12 марта 1169 г. овладели им. На киевский стол по настоянию Андрея Боголюбского был возведен его брат Глеб.

Киев князь Мстислав Изяславич потерял. Но Новгород он сохранял за собой. Там правил его старший сын Роман, которого новгородцы поддерживали. Тем не менее Андрей Боголюбский решил свести Романа с новгородского стола. В конце 1169 г. владимирские войска во главе с княжичем Мстиславом Андреевичем выступили походом на Новгород. Мстиславу помогали рязанский и муромский князья, смоленские Ростиславичи и даже полоцкий князь. 25 февраля 1170 г. Мстислав повел полки на решительный штурм новгородских укреплений. Бились весь день до позднего вечера. К ночи выяснилось, что штурм захлебнулся. Осажденные выстояли. Мстислав вынужден был отступить. Роман Мстиславич, прекрасно проявивший себя при защите города, остался новгородским князем.

Но Андрей Боголюбский не отступался от своей цели. Через короткое время в Новгороде резко повысились цены на съестные товары. Очевидно, со стороны Владимира, Смоленска и Полоцка началась торговая блокада Новгорода, прекратился подвоз хлеба. Под угрозой голода новгородцы вынуждены были расстаться с князем Романом. 2 октября 1170 г. на новгородский стол по рекомендации Андрея Боголюбского сел смоленский князь Рюрик Ростиславич.

Успокоение на западе позволило Боголюбскому вновь вернуться к восточным делам. Зимой 1171/1172 г. был предпринят новый поход на Булгарию. Полки повел, как обычно, сын Андрея Мстислав. Из-за очень плохих погодных условий поход ограничился подчиненными Булгарии мордовскими землями при слиянии Оки и Волги. Были разрушены несколько сел и городок, взяты пленные.

Незадолго до похода важные события произошли в Киеве. 20 января 1171 г. там умер киевский князь Глеб, родной брат Андрея Боголюбского. Смоленские Ростиславичи, имевшие владения в Киевской земле, пригласили на освободившийся стол младшего сына Мстислава Великого — Владимира. Тот принял предложение, но прокняжил в Киеве неполных три месяца, скончавшись 10 мая 1171 г. Тогда по решению Андрея Боголюбского киевским князем стал старший из смоленских Ростиславичей Роман. Но в 1172 г. владимирскому князю стало известно, что его брат Глеб умер не своей смертью, его якобы отравили младшие братья Романа. Боголюбский потребовал, чтобы Роман оставил Киев. Тот вынужден был вернуться в Смоленск. Киевским князем был объявлен брат Андрея по отцу Михалко. Но тот не решился ехать в Киев и послал туда своего младшего брата Всеволода (Большое Гнездо). Младшим же смоленским Ростиславичам Андрей предъявил ультиматум: выдать трех бояр, которые подозревались в отравлении Глеба. Выдачи не последовало, но главный подозреваемый боярин Григорий Хотович лишился службы у смоленских князей. Последние обратились также с посланием к Андрею Боголюбскому, утверждая, что за ними никакой вины нет. Владимирский князь ответил молчанием. Тогда Ростиславичи арестовали Всеволода Юрьевича, всех его бояр и людей Андрея Боголюбского, приехавших на переговоры в Киев. На киевский стол они возвели своего брата Рюрика. Отношения между Андреем и смоленскими князьями обострились до предела. Обоюдные уговоры не помогали, и стороны прибегли к оружию.

В конце лета 1173 г. владимирская рать во главе с девятилетним сыном Андрея

Юрием двинулась в поход на Киев. Она была более многочисленной, чем в 1168 г. И союзников у нее было больше, вплоть до полоцких и туровских князей. Даже смоленский князь послал свое войско против родных братьев. В начале сентября эта армада вторглась в пределы Киевской земли. Однако Ростиславичи основательно подготовились к обороне. Нападавшим не удалось взять ни одного города. Почти двухмесячная осада Вышгорода, где пребывал Мстислав Ростиславич, главный, по мнению Боголюбского, виновник гибели Глеба, сопровождавшаяся частыми и ожесточенными боями, к успеху не привела. В начале ноября 1173 г. владимирцы вынуждены были снять осаду и отправиться в дальний путь домой, так и не выполнив наказа своего князя.

Боголюбский, видимо, стал искать виновных как в неудаче 1173 г., случившейся из-за боярских просчетов, так и в малом успехе похода на булгар 1171/1172 г. Последовали казни бояр. Те, испуганные начавшимися расправами и недовольные результатами политики своего князя в последние годы, когда с большими потерями закончился поход на Новгород, составили заговор с целью убить Андрея. В короткую ночь с 29 на 30 июня 1174 г. заговорщикам удалось совершить свое темное дело. Двадцать человек ворвались в княжескую опочивальню. Андрея кололи копьями, секли мечами и саблями. Он защищался от ударов левой рукой как щитом, и вся она от запястья до плеча была изранена. Как показало изучение костных останков Андрея Боголюбского, обнаруженных в 1934 г., сильный проникающий удар копьем или рогатиной сбоку в лобную кость оборвал жизнь князя[30].

Составляя заговор, его организаторы едва ли заранее обговаривали между собой будущее Владимирского княжества, кто и как должен править им после гибели самовластного князя. Но уже 30 июня такие вопросы выступили на первый план. Заговорщики опасались внешнего вмешательства — вторжения рязанцев и муромцев. Претендентов же на Владимирское наследство было пятеро. Впрочем, сын Андрея Боголюбского Юрий сразу отводился из-за своего малолетства. Оставалось четверо. Первыми из них были братья князя Андрея по отцу Михалко и Всеволод, дети от второго брака Юрия Долгорукого. Другие двое — племянники Андрея, сыновья его старшего брата Ростислава Мстислав и Ярополк. По возрасту племянники были старше своих дядьев. Их отец Ростислав умер 6 апреля 1151 г.[31] Очевидно, что оба его сына родились до указанной даты. Известно время рождения самого младшего брата Андрея Боголюбского Всеволода Большое Гнездо — 19 октября 1154 г.[32] Следовательно, другой брат Андрея Михалко не мог родиться позже 1153 г. Но он не мог родиться и до мая 1151 г., поскольку при переговорах, шедших в мае 1151 г. между Юрием Долгоруким и его братом Вячеславом, ставшим киевским князем, последний утверждал, что у Юрия есть семь сыновей-помощников[33]. Всего у Юрия Долгорукого было 11 сыновей, но два умерли до мая 1151 г., а два еще не появились на свет, поэтому Вячеславом и была названа цифра 7. В таком случае время рождения Михалка определяется промежутком времени между маем 1151 и декабрем 1153 гг. включительно.

Знать Владимирского княжества отдавала предпочтение Ростиславичам. Они

---

[30] *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М., 1965. С. 268. Летом 2015 г. при реставрации древнего Спасо-Преображенского собора в городе Переславле-Залесском Ярославской области на стене южной апсиды был обнаружен текст, предававший анафеме убийц Андрея Боголюбского, которые перечислялись поименно. Читаются имена около 20 человек.

[31] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 151.

[32] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 153; Т. 15. СПб., 1863. Стб. 221.

[33] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 430.

были старше и опытнее, но меньше, чем другие родственники, имели прав на наследие Андрея Боголюбского, находясь в более далекой степени родства с ним, чем его братья. Бояре рассчитывали, что при получении княжеских столов Мстислав и Ярополк оценят их поддержку и щедро вознаградят, а заговорщиков не будут преследовать. В Чернигов, где находились Ростиславичи, было отправлено посольство с приглашением на княжение. Но их дядья Михалко и Всеволод Большое Гнездо также заявили о своих наследственных правах, и их права были более весомы. В итоге владимирское посольство повезло с собой назад Ярополка и Михалка. Михалко, которого сопровождала дружина, сумел занять Владимир. Ярополк и его сторонники осадили его там, и после семинедельной осады Михалко вынужден был оставить город и вернуться в Южную Русь. Мстислав и Ярополк торжествовали победу. Во все города Владимирского княжества они назначили своих посадников. Пришедшие из южнорусских княжеств посадники стали притеснять местное население, налагая на него незаконные поборы и взимая произвольные штрафы. Были конфискованы богатства главной церкви княжества — владимирского Успенского собора. Владимирцы были возмущены. Летом 1175 г. они отправили на Юг новое посольство, на сей раз приглашая на княжение Михалка как старшего среди потомков Юрия Долгорукого, а также его брата Всеволода. Получив черниговскую помощь, Михалко и Всеволод во главе своих дружин двинулись в поход. Не дойдя 5 верст до Владимира, они встретились с дружиной Мстислава Ростиславича. Та готова была напасть на противников, но, увидев их явный перевес, без боя отступила. Город Владимир открыл ворота братьям Андрея. Однако на этом борьба за власть не кончилась. Она продолжалась еще почти два года, пока 7 марта 1177 г. в сражении у Прусковой горы к западу от Владимира Всеволод Большое Гнездо уже без брата Михалка, умершего в 1176 г., не разгромил своих противников и не захватил их в плен. Владимирцы настаивали на выдаче Ростиславичей им для расправы, но Всеволод ограничился их «ослеплением», которое оказалось порезами глазниц, и изгнанием из владимирских пределов. Мстислав скончался через год после этих событий, а Ярополк прожил еще 20 лет.

Победа над соперниками позволила Всеволоду установить мир внутри княжества, но существовала опасность внешнего вторжения. Новгородцы, в отличие от смольнян, приняли у себя пострадавших Мстислава и Ярополка Ростиславичей и дали им в управление свои земли. В ответ Всеволод в 1178 г. в Подвинье при слиянии Юга с Сухоной построил город Гледен — позднее уступивший свое место возведенному по соседству Устюгу. Город стал опорным пунктом, препятствовавшим проникновению в Подвинье новгородцев и их нападениям на суздальских смердов. Затем Всеволод нанес еще один удар по Новгороду. Он осадил новгородский Торжок и в декабре 1178 г. взял его. Такая же участь постигла и новгородский Волок Ламский. Города были ограблены и преданы огню, их жители уведены в плен. Отношения с Новгородом на несколько лет были безнадежно испорчены. Новгородцы стали приглашать к себе на княжение Рюриковичей из Смоленска и Чернигова, а в 1180/1181 г. приняли участие в походе против Всеволода черниговского князя Святослава Всеволодича. Тогда владимирский князь вновь взял и пожег Торжок. После этого новгородцы вынуждены были пойти на мир, попросив Всеволода прислать им князя. Ставленники Всеволода занимали новгородский стол за малым исключением с 1182 по 1210 г. Новгород, таким образом, почти все правление Всеволода Большое Гнездо находился под его контролем.

Под таким же контролем владимирского князя оказался и его юго-восточный сосед — Рязанское княжество. В Рязани

пять сыновей Глеба Ростиславича никак не могли поделить между собой оставшиеся от отца владения, старшие отнимали их у младших, ссорились и призывали в качестве арбитра Всеволода. Так было в 1180 и 1186 гг. Решения Всеволода, наделившего в 1180 г. братьев «по старѣишиньству», несколько лет не нарушались. Связь Всеволода Большое Гнездо с Рязанским княжеством стала настолько прочной, что, когда в 1194 г. киевский князь Святослав Всеволодич вместе с черниговскими князьями из-за возникших земельных споров задумал идти войной на Рязань, он предварительно испросил у владимирского князя разрешения на такую войну. «Всеволодъ же ихъ волѣ не створи», — лаконично, но определенно записал южный летописец[34]. Полки пришлось распустить. Пресекая желание черниговских князей начать войну с Рязанью, владимирский князь рассчитывал на то, что в случае конфронтации с Черниговом ему помогут смоленские князья. Сын смоленского князя Рюрика Ростиславича Ростислав, владевший в то время некоторыми киевскими городами, уже несколько месяцев гостил у Всеволода Большое Гнездо, своего тестя.

Однако в происходившие ранее рязанские распри 1180 г. вмешался не только Всеволод Большое Гнездо, но и черниговский князь Святослав Всеволодич. Его сын Глеб оказался в рязанских землях. Он поддерживал тех рязанских князей, против которых выступал Всеволод. Владимирский князь пригласил Глеба на обед и арестовал его. В ответ отец Глеба Святослав вместе с новгородцами, черниговскими князьями и половцами зимой 1180/1181 г. вторгся во владения Всеволода. Были сожжены владимирские города по Волге, и по реке Нерле Волжской Святослав углубился в центр Владимирского княжества. Он был остановлен Всеволодом в 40 верстах от Переяславля. Противников разделяла река Влена. Ни Святослав, ни Всеволод не решились перейти ее и вступить в сражение. Простояв до начавшихся весенних оттепелей, черниговский князь оставил неприятельскую территорию и ушел в Новгород. Дальнейших попыток освободить сына Глеба он не делал. Но через год уже сам «Всеволодъ же Суждальскии пусти Глѣба Святославича из оковъ, прия великую любовь съ Святославомъ и сватася с нимь...»[35]. «Великая любовь» вспыхнула вскоре после того, как Святослав укрепился на киевском столе.

Налаживание союзных отношений с Киевом и Новгородом позволило Всеволоду организовать в 1183 г. большой поход против Волжской Булгарии. Кроме самого Всеволода в нем приняли участие старший сын киевского князя Владимир Святославич, Мстислав Давыдович (из смоленских князей, осевших в Киевской земле), племянник Всеволода князь Изяслав Глебович, рязанские князья Роман, Игорь, Всеволод и Владимир Глебовичи, муромский князь Владимир Юрьевич. Русские рати двинулись на булгар двумя путями: традиционным — от Владимира по Клязьме, Оке и Волге и новым — от Ярославля по Волге. Спустившись в ладьях по этой реке, русские полки осадили булгарский Великий город, по-видимому Биляр, однако взять его не смогли, хотя русским помогали половцы. Их Всеволод повстречал в Булгарии и заключил с ними союз. Разбив несколько булгарских отрядов и взяв пленных, Всеволод вернулся домой. В 1185 г. Всеволод повторил нападение на булгар, но оно было гораздо менее масштабным. Удалось взять лишь несколько сел и привести пленных.

1180-е гг. стали временем роста авторитета и политического признания владимирского князя. С ним вступили в родственные отношения черниговский князь Ярослав Всеволодич и соправитель киевского кня-

[34] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 679.

[35] Там же. Стб. 624.

зя Рюрик Ростиславич. Первый женил в 1186 г. своего сына Ростислава на дочери Всеволода Всеславе, второй в 1188 г. своего сына, тоже Ростислава, — на Верхуславе.

О влиянии Всеволода Большое Гнездо на политическую ситуацию не только на Руси, но и в других странах ярко свидетельствует эпизод, отмеченный летописью. В августе 1189 г. на отчий стол в далеком от Владимира на Клязьме Галиче сумел вернуться после многих злоключений сын Ярослава Осмомысла Владимир. Его мать была сестрой Всеволода Большое Гнездо. Врагов у Владимира было много, а сил мало. «Отче, господине, — взмолился он Всеволоду, став галицким князем, — удержи Галичь подо мною». И тогда, как пишет летопись, «Всеволодъ же Суждальскии присла ко всимъ княземъ и ко королеви в Ляхы и води я (то есть их. — *В. К.*) ко кресту на своемь сестричичѣ Галича не искати николи же под нимь. Володимерь же утвердився в Галичѣ, и оттолѣ не бысть на нь никого же»[36]. Нападать на Галич и иметь дело с Всеволодом Большое Гнездо не захотел ни кто-либо из русских князей, ни польский правитель.

С начала 1190-х гг. летописи отмечают настоящий подъем строительства во Владимирском княжестве. В 1191 г. Всеволод укрепил Суздаль, а во Владимире заложил каменный собор в Рождественском монастыре. В следующем году он перестроил владимирский детинец и обновил Успенский собор во Владимире, а в Суздале ростовский епископ Иоанн на свои средства отремонтировал церковь Св. Богородицы, причем привлек для этого местных мастеров по литью олова, кровельщиков и маляров. В 1194 г. владимирский князь послал в Переяславль Русский своего тиуна Гюрю и людей, чтобы восстановить дедовский и отцовский Городец Остерский. Одновременно князь укрепил Переяславль Залесский.

Оборонное строительство Всеволода в 1194 г. было связано с изменением политической обстановки на Руси. 25 июля 1194 г. после многомесячной болезни скончался киевский князь Святослав Всеволодич. Его смерть сделала актуальными два вопроса: кто будет киевским князем и что станет с принадлежавшими Святославу в Черниговском княжестве вятичскими городами. Сам Святослав видел на киевском столе своего свата и соправителя смоленского князя Рюрика Ростиславича, но на него могли претендовать брат Святослава, княживший в Чернигове Ярослав, а также владимиро-волынский князь Роман Мстиславич. Для Всеволода Большое Гнездо наиболее приемлемым кандидатом в киевские князья был Рюрик Ростиславич, с которым Всеволод находился в сватовстве и родстве. Поэтому владимирский князь поддержал Рюрика. Лаврентьевская летопись сообщает, что «посла великыи князь Всеволодъ мужѣ своѣ в Кыевъ и посади в Кыевѣ Рюрика Ростиславича»[37]. Хотя подобострастный владимирский летописатель изобразил дело таким образом, что посажением на киевский стол Рюрик Ростиславич обязан одному Всеволоду Большое Гнездо, поддержка последним своего свата не вызывает сомнений. Но поддержка эта была далеко не бескорыстной. Уже через несколько месяцев Всеволод потребовал от Рюрика Ростиславича передать ему часть своих владений. Владимирский князь писал к Рюрику: «Вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ старѣишаго. А нынѣ сѣдѣлъ еси в Кыевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ в Рускои землѣ, но раздалъ еси инѣмь, моложьшимъ братьи своеи, даже мнѣ в неи части нѣтъ», грозил, что в таком случае он не будет защищать Киев и Русскую землю, и настаивал на том, чтобы ему уступили Торческ, Треполь, Корсунь,

[36] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667.
[37] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412.

Богуславль и Канев[38]. Эти города Рюрик еще раньше передал своему зятю владимиро-волынскому князю Роману Мстиславичу. Киевский князь уговаривал Всеволода Большое Гнездо взять другие города, но тот требовал только названные. «И бысть межи ими распря велика и рѣчи, — пишет летопись, — и хотѣша мѣжи собою востати на рать»[39]. Благоразумие все же взяло верх. Рюрик решил уступить. Он все объяснил своему зятю Роману и попросил вернуть отданные ему пять городов, заменив их другими. Владимиро-волынский князь согласился. Однако когда Всеволод Большое Гнездо получил требуемое, он четыре города оставил за собой, а Торческ передал сыну Рюрика Ростиславу, мужу своей дочери, поскольку этим городом Ростислав владел еще при жизни Святослава Всеволодича. Узнав об этом, князь Роман смертельно обиделся. Он решил, что тесть и Всеволод Большое Гнездо его обманули, чтобы передать города Ростиславу Рюриковичу. Роман тотчас связался с черниговскими князьями и заключил с ними тайный договор, чтобы сместить с киевского стола отца своей жены. Однако на стороне Рюрика Ростиславича выступили его брат смоленский князь Давыд Ростиславич и Всеволод Большое Гнездо. Наличие такой коалиции заставило Романа искать дополнительной поддержки в Польше. Такая поддержка была обещана ему сыновьями польского князя Казимира II Справедливого, но с условием, что сначала Роман поможет им в борьбе с их дядей Мешком (Мечиславом III) Старым, князем Великопольским и Краковским. Роман согласился. Опрометчивость такого согласия обнаружилась очень скоро. Мешко разгромил Романа, и тот, раненный в сражении, вынужден был вернуться во Владимир Волынский и просить прощения у киевского князя Рюрика Ростиславича за свои поступки. Примирение состоялось. После этого Рюрик попытался разрушить и союз Романа с черниговскими князьями. Для этого он обещал дать главному из этих князей Ярославу Всеволодичу полоцкий Витебск, но только после того, как будут подписаны мирные договоры между князьями одной коалиции с князьями другой. Этого Ярослав Всеволодич дожидаться не стал. Он отправил войско, которое должно было занять Витебск. Но Витебск охраняли смоленский князь и его союзники. 12 марта 1196 г. недалеко от этого города произошло сражение, в котором черниговцы одолели смольнян. В плен попал один из их предводителей князь Мстислав Романович. Прежняя договоренность Ярослава Черниговского с Рюриком Киевским была грубо нарушена, и князья двух разных коалиций приступили к военным операциям. Всеволод Большое Гнездо вместе с рязанскими князьями осенью 1196 г. начал воевать вятичские города Черниговского княжества, которые после смерти Святослава Всеволодича перешли, по-видимому, к его брату Ярославу Черниговскому. При этом Всеволод должен был согласовывать свои действия с киевским и смоленским князьями. Этого, однако, не происходило. Владимирский князь действовал в своих интересах и лишь отчасти — в общих. Добившись определенных военных успехов на черниговской территории, он пошел на заключение сепаратного мира с Ярославом Черниговским. Согласно этому миру черниговский князь отпускал из плена князя Мстислава Романовича и выселял из Черниговского княжества князя Ярополка Ростиславича, племянника и политического соперника Всеволода Большое Гнездо. Зато главное — союз черниговского князя с владимиро-волынским князем — оставалось нерушимым, что, конечно, не устраивало киевского и смоленского князей. В результате Рюрик Ростиславич обвинил Всеволода Большое Гнездо в несоблюде-

[38] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 683.

[39] Там же. Стб. 684.

нии договоренностей между ними и отнял данные ему города в Киевском княжестве. В изменившейся политической ситуации Всеволод уже не стал вспоминать о своем старейшинстве среди потомков Мономаха и грозить войной за то, что он не получил городов в Южной Руси. Это было молчаливым признанием владимирским князем и своих промахов в дипломатии, приведших к потере киевских городов, и невозможности собственными силами влиять на внешнюю политику южнорусских земель. Истинный военно-экономический потенциал Владимирского княжества уступал политическим амбициям его правителя. Это стало понятно союзникам и противникам Всеволода, и он был лишен полученных им земель без всяких последствий для князей, отобравших эти земли.

Источники не говорят об оборонном строительстве Всеволода Большое Гнездо во второй половине 90-х гг. XII — первом десятилетии XIII в. За единственным исключением молчат они и о возведении Всеволодом новых городов в своем княжестве в указанное время. Исключением является город Петров, впервые упоминаемый в 1207 г., располагавшийся к северо-западу от Суздаля. Но в первые семь лет после смерти Всеволода (1212) летописи называют такие города, как Кострома (первое упоминание — 1213 г.), Нерехта (1213), Соль Великая (1213), Городище на Саре (1216), Зубцов (1216), Стародуб (на Клязьме, Ряполовский; 1217), Унжа (1219). Считать, что все они возникли при преемниках Всеволода, нет оснований, поскольку эти преемники почти все время с 1212 по 1216 г. воевали между собой, опустошали владения друг друга и городов не строили. Если из приведенного перечня исключить Городище на Саре (это старое мерянское городище), то из оставшихся шести городов Стародуб был построен в низовьях реки Клязьмы, что укрепляло подходы к Владимиру и контролировало нижнее течение этой реки. Нерехта и Соль Великая располагались на реке Солонице, правом притоке Волги, и представляли собой места выварки соли, которая в Средние века особенно высоко ценилась. Три города — Зубцов, Кострома и Унжа — возникли на левом берегу реки Волги, они контролировали движение по этой реке в той ее части, что принадлежала Владимирскому княжеству. Очевидно, значение Волги как важной речной магистрали к XIII в. возросло, что показало и направление военного похода от Ярославля к Волжской Булгарии в 1183 г.

Построение новых городов и обновление старых, вызванные военно-политическими и экономическими причинами, стали серьезным достижением Всеволода Большое Гнездо. Могущество его княжества усилилось, а влияние на других князей укрепилось. Когда в 1202 г. между киевским, черниговскими и владимиро-волынским князьями началась борьба за выморочное Галичское княжество, каждая из враждующих сторон стремилась заручиться поддержкой владимирского князя. До поры до времени Всеволод занимал выжидательную позицию, выступая в роли беспристрастного судьи, и его решения исполнялись. Но в 1206 г. черниговский князь Всеволод Святославич Чермный вероломно захватил власть в Киеве, согнав с киевского стола Рюрика Ростиславича. Одновременно из Переяславля Южного он изгнал Ярослава, сына Всеволода Большое Гнездо. Владимирский князь решил наказать своего тезку. К лету 1207 г. он подготовил большой поход на черниговских князей. Но и Всеволод Чермный не терял времени даром. Согласившись с рязанскими князьями, своими отдаленными родственниками, на выделение особой Рязанской епархии из состава Черниговской, он тайно договорился с ними, что они убьют Всеволода Большое Гнездо, когда тот поведет их в поход на Чернигов. Заговор был раскрыт, большинство рязанских князей было арестовано, отведено во Владимир и там посажено под стражу. Само Рязанское княжество было

опустошено, столичное население уведено в плен, во главе княжества поставлены послушные Всеволоду князья. До самой смерти Всеволода Юрьевича в 1212 г. Рязань не решалась противодействовать Владимирскому княжеству.

Увеличение демографического и экономического потенциала Владимирского княжества за счет Рязанского позволило Всеволоду в конце 1207 г. выделить удел своему первенцу Константину, который уже давно имел собственную семью. В 1195 г. он женился на внучке смоленского князя Романа Ростиславича. Как сообщает Лаврентьевская летопись, отец дал Константину «Ростовъ и инѣхъ 5 городовъ да ему к Ростову»[40]. Из последующего летописного повествования выясняется, что «иные 5 городов» — это Ярославль, Белоозеро, Углич, Молога и Устюг. Подрастали и другие Всеволодичи. В 1211 г. Всеволод женил своего второго сына Юрия на Агафье, дочери того самого Всеволода Святославича Чермного, который за несколько лет до этого пытался организовать покушение на владимирского князя. Политические соображения брали верх над моральными критериями, а брак Юрия стал довеском к договору о дружбе, который сумел путем ряда уступок заключить Всеволод Святославич с Всеволодом Большое Гнездо в 1210 г.

По существовавшим на Руси нормам наследования основные владения Всеволода Большое Гнездо должен был унаследовать, при отсутствии братьев Всеволода, его старший сын. Когда, предчувствуя кончину, Всеволод в 1211 г. потребовал от Константина оставить Ростов и переехать в стольный Владимир, Константин ответил отказом. Он стремился к тому, чтобы столицей всей древней Ростовской земли стал, как и в прошлые времена, его Ростов. Между отцом и старшим сыном произошел разрыв. Всеволод созвал собор, состоявший из бояр, возглавлявших города и волости, дворян, купцов, разного чина духовных лиц, на котором была закреплена передача главного, владимирского стола земли второму сыну Всеволода Юрию. Все участники собора дали клятву верности этому князю[41].

Всеволод Большое Гнездо умер 15 апреля 1212 г. Юрий наследовал отцовские Владимир, Суздаль, Москву, Боголюбов, Городец Радилов, Петров, Кострому, Соль Великую, Городище на Саре, Стародуб на Клязьме, Унжу, Гороховец, Ярополч — всего 13 городов. За Константином остались его ростовские владения — 6 городов. Третий из сыновей Всеволода Большое Гнездо Ярослав получил в наследство от отца Переяславское княжество. Оно включало помимо Переяславля еще Кснятин, Дубну, Шошу, Дмитров, Тверь, Нерехту, Зубцов, Клещин — всего 9 городов, а также земли в Торжке и Волоке Ламском[42]. Четвертый сын Всеволода Большое Гнездо Владимир наследовал Юрьевское княжество. В его составе было два города — стоявшая на левом берегу реки Колокши столица Юрьев и Мстиславль. Такое неравное деление было достаточно типичным для средневековой Руси. Старшему сыну-наследнику передавалось значительно больше владений, чем каждому из его братьев. Подобную тенденцию на Руси можно проследить с X в. Смысл ее заключался в наделении каждого сына необходимыми для княжеского существования землями, но экономические, юридические и моральные преимущества имел старший сын, и это заставляло младших братьев подчиняться ему. Политическая целостность княжеств таким образом должна была сохраняться.

Однако сразу же после смерти Всеволода в 1212 г. его сыновья начали упорную борьбу за верховенство и передел владе-

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434.

[41] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 108.

[42] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. С. 100.

ний в своей «дедине» — Суздальском княжестве. Старший Константин требовал от братьев подчинения себе и передачи ему Владимира, но Юрий и Ярослав с оружием в руках отстаивали владельческий порядок, прописанный в завещании отца. Длительная борьба привела к заметному обеднению их земель. В 1212 г. Юрий и Ярослав осадили Ростов и опустошили его округу. В 1213 г. Константин захватил принадлежавшую Юрию Кострому и сжег ее. В ответ Юрий с братьями вновь разорил окрестности Ростова. Тогда Константин велел находившемуся в Волоке Ламском младшему брату Владимиру занять Москву, что Владимир и сделал. Чтобы вернуть Москву, Юрий вынужден был осадить свой же город. Кровопролития не последовало, Владимир капитулировал. В итоге все братья Всеволодичи в середине 1213 г. заключили мир. Согласно ему, Владимир лишился Юрьевского княжества, которое перешло к Святославу. Сам Владимир получил стол Переяславля Южного.

Мир 1213 г. оказался лишь длительным перемирием. Вражда вновь обострилась весной 1216 г. Она завершилась битвой 21 апреля 1216 г. на Липицком поле близ Юрьева Польского, где младшие братья Константина потерпели сокрушительное поражение от союзников Константина и его самого. Константин был возведен на владимирский стол, а Юрий отправлен в ссылку в волжский Городец Радилов. Несколько месяцев правления во Владимире показали Константину, что Владимирского княжества ему не удержать. В конце 1216 г. он заключил договор с Юрием, согласно которому тот из Городца Радилова переводился в Суздаль, столичный Владимир после смерти Константина возвращался Юрию, но старый Ростовский удел Константина навсегда оставался за его потомством.

В 1217 г., чувствуя приближение смерти, Константин распределил свои владения между тремя сыновьями. Старшему Васильку он передал Ростов и отдаленные Белоозеро и Устюг. Средний Всеволод получил Ярославль с Мологой и землями в бассейне реки Кубены. Младшему Владимиру достался Углич.

Однако и после смерти Константина в феврале 1218 г., когда Юрий возвратился на владимирский стол, трения между потомками Всеволода Большое Гнездо продолжились. Так, в 1229 г. Ярослав Переяславский подговорил своих племянников — ростовского, ярославского и угличского князей — выступить против Юрия Владимирского. В сентябре 1229 г. в Суздале по инициативе Юрия состоялся съезд князей, и дело кончилось общим примирением[43]. В последующие годы, вплоть до нашествия Батыя, враждебных намерений друг против друга правители Северо-Восточной Руси не проявляли. Зато они вели энергичное наступление на своих восточных соседей, а при удобном случае — на соседей юго-западных, западных и северо-западных.

После вторичного обоснования во Владимире Юрий Всеволодич начал проводить активную наступательную политику по отношению к Волжской Булгарии. Это был ответ на нападение в 1219 г. булгар на ростовский Устюг и владимирскую Унжу[44]. Летом 1220 г. Юрий послал большую судовую рать под командованием своего брата юрьевского князя Святослава на булгар. Поход закончился большим успехом. Был взят булгарский город Ошель и укрепленные поселения по реке Каме[45]. Разбитые и обескровленные булгары запросили мира, но Юрий готовил новый поход на них, и только через несколько месяцев после неоднократных просьб булгарских посольств и поднесенных ими богатых даров согла-

[43] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451—452.
[44] ПСРЛ. Т. 25. С. 116.
[45] Там же. С. 117.

сился заключить мирный договор[46]. Договор был выгоден владимирскому князю. Он позволил Юрию в 1221 г. построить в мордовских землях при слиянии Оки и Волги важный опорный пункт — Нижний Новгород. Опираясь на возведенную крепость, Юрий в 1224 г. возобновил войну с Булгарией. Война была вызвана тем, что Булгарии был нанесен сильнейший удар победителями Калкской битвы монгольскими полководцами Джебэ и Субэдэем. Ослабленное государство в Средние века всегда являлось желанным объектом нападения для его соседей. Однако в данном случае война оказалась длительной, она продолжалась шесть лет, сопровождалась неоднократными походами владимирских ратей против населявшей берега Оки и Волги мордвы, подчинявшейся Булгарии, и закончилась только в 1230 г. заключением нового соглашения[47]. Но зимой 1232/1233 г. Юрий вновь послал большое войско на мордву во главе со своим старшим сыном Всеволодом[48]. Ответные действия булгар не последовали лишь потому, что в 1232 г. у их границ появился знакомый им грозный враг — монголы, чем, кстати говоря, и воспользовался Юрий, организовав зимний поход 1232/1233 г.

В начале 1230-х гг. обострились отношения владимирского князя с Черниговом. В 1232 г. Юрий предпринял поход на черниговский город Серенск, расположенный на правом берегу реки Серены к северо-западу от Козельска. Владимирский князь не дошел до города, но посланные им брат Ярослав и племянники Константиновичи пожгли Серенск, а затем осадили расположенный к северо-западу от него Мосальск. Осада успеха не имела, и, пограбив окрестности города, Ярослав и Константиновичи вынуждены были отступить, так и не примирившись с владевшим этими городами Михаилом Черниговским[49]. А ведь за несколько лет до этого, в 1226 г., Юрий Владимирский помог своему шурину, черниговскому князю Михаилу Всеволодичу, в его борьбе с другим черниговским князем Олегом Святославичем Курским[50].

Если владимирский князь проявлял большую активность на востоке и юго-западе, то его брат Ярослав, переяславские владения которого граничили с Новгородом и Смоленским княжеством, энергично действовал на западе и северо-западе. Начало его действий приходится на 1215 г., когда новгородцы после долгих обсуждений пригласили его к себе на княжение. Но свое новгородское правление Ярослав начал с расправ, арестовав новгородского боярина и новоторжского посадника. Торжок был пограничным городом с Тверью, принадлежавшей Ярославу. Можно думать, что действия новгородцев в 1212—1214 гг. во владениях Ярослава вызвали его ответную реакцию в 1215 г. Как бы там ни было, следствием расправ переяславского князя стали выступления против него новгородцев. Жестокое упрямство Ярослава в итоге привело к Липицкой битве, в которой Ярослав постыдным бегством сохранил себе жизнь. Урок пошел впрок. Когда через восемь лет новгородцы вновь пригласили Ярослава на княжение, тот действовал уже по-иному. В год возвращения на новгородский стол Ярослав совершил успешный поход на Колывань (ныне — Таллин). Через три года, в 1226 г., он отразил нападение литовцев на новгородские и смоленские земли. Зимой 1226/1227 г. Ярослав предпринял большой поход «за море на Емь», то есть в Финляндию. Поход закончился опустошением земли еми и захватом пленных. Весной 1227 г.

[46] ПСРЛ. Т. 25. С. 118.

[47] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 54.

[48] Там же.

[49] НПЛ. С. 71; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 212 (здесь вместо Мосальска в результате описки назван Можайск).

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

Ярослав предпринял шаги для укрепления власти Новгорода в Карелии, крестив там «мало не все люди». В следующем, 1228 г., он участвовал в отражении нападения еми на берега Ладожского озера. В 1234 г. в ответ на захват немцами новгородского Тесова Ярослав совершил успешный поход в Ливонию на Юрьев (Дерпт, Тарту), где на реке Омовже (совр. Эмайыги) победил рыцарское войско и принудил немцев заключить выгодное для себя соглашение. В том же году Ярослав Всеволодич отразил нападение литовцев на новгородские земли[51]. Эта поддержка Новгорода со стороны переяславского князя обходилась без помощи владимирского князя. Юрий не вмешивался в действия младшего брата, а они принесли плоды и самому Ярославу. С военной помощью новгородцев в 1236 г. Ярослав стал киевским князем. То был год, когда монголы завоевали Волжскую Булгарию, приблизившись на опасное расстояние к границам Руси.

В целом развитие Суздальского (с 1157 г. — Владимирского) княжества со второй половины XII в. пошло по иному пути, чем это было до указанного периода. Явно ослабла связь Северо-Востока Руси с Киевом, хотя династические узы связывали правителей Киевского княжества с потомками Юрия Долгорукого и Всеволода Большое Гнездо. На авансцену выступили связи Юрьевичей и Всеволодичей со Смоленском и Новгородом. Длительный, с 1161 по 1172 г., союз Андрея Боголюбского со смоленскими князьями, а с 1172 по 1175 г. правление в Новгороде его сына Юрия, почти беспрерывные правления в Новгороде с 1182 по 1210 г. ставленников Всеволода Большое Гнездо ясно указывают на изменение внешнеполитической ориентации суздальских Рюриковичей. Делается очевидным, что через Смоленск и Новгород они стремились вписаться в развивавшуюся систему балтийских контактов, затрагивавших такие сферы производства, как рыболовство, металлургия, в частности, добыча олова (в Англии) и железа (в Швеции), а также торговля этими металлами, торговля дорогими мехами, приобретаемыми западными купцами помимо Новгорода и Смоленска в древней Ростовской земле. Эти контакты позволяют объяснить, почему во Владимире на Клязьме появляются немецкие строители и скульпторы, привнесшие романские черты в архитектуру главного города земли; откуда германский император Фридрих I Барбаросса знал сестру Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо Ольгу (мать Владимира Ярославича Галицкого), и почему он оказал ей помощь перед выступлением в Третий крестовый поход.

[51] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449; НПЛ. С. 65, 72—73.

ВОЛЫНСКАЯ (ВЛАДИМИРСКАЯ) ЗЕМЛЯ

Волынская земля — едва ли не единственная из земель Древней Руси, которая сохранила догосударственное «племенное» название. Во вводной части Повести временных лет упоминаются велыняне (волыняне) как этнополитическая общность, выступавшая, с точки зрения летописца, преемником более древних дулебов и бужан. В неясных свидетельствах «Баварского географа» и арабского путешественника середины X в. Ибрагима ибн Якуба некоторые ученые также видят упоминания волынян[1]. Одним из центров волынян был город Волынь, упомянутый Повестью временных лет под 6526 (1018) г.[2]

Киевские князья уже в X в. пытались распространить свою власть на территории, занятые этими «племенами» или с ними связанные, — Волынско-Подольскую возвышенность, области в верховьях Западного Буга и Сана, по притокам Припяти и Днестра. Под 6489 (981) г. летопись сообщает о походе Владимира Святославича на запад: «Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ русью»[3]. О том, имел ли место в действительности поход и как складывались отношения Пястов и Рюриковичей в конце X — первой половине XI в., идет давняя дискуссия[4]. Так или иначе, упоминание в одном ряду Перемышля, одного из центров будущей Галицкой земли, и Червена, вошедшего в состав Волынской земли, говорит о том, что в то время образование этих земель как отдельных политических единиц еще не началось и они рассматривались как одно целое.

Центром Волынской земли стал город Владимир, основанный, вероятно, в конце X в. стараниями Владимира Святославича и названный в его честь. Перемышль и еще два города, располагавшиеся по южной окраине Волынской земли на пути из Киева в Венгрию, — Теребовль и Звенигород — откололись в конце XI в. и позднее вошли в состав отдельной Галицкой земли (см. ч. 3, гл. 8). С середины XII в. южную границу Владимирской земли, где утвердилась отдельная ветвь рода Рюриковичей, обозначали города Белз, Бужск, Тихомль и Межибожье, три из которых, за исключением Тихомля, на какое-то время в середине XII — начале XIII в. становились резиденциями владетельных князей. Через Влади-

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 11; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 3: Восточные источники / Сост.: Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009. С. 78—79; Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 28.

[2] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143. Под 1077 г. Волынь упоминается второй раз в Повести временных лет (Там же. Стб. 199), но это упоминание имеет в виду, видимо, не город, а область, см.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 44.

[3] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81.

[4] Ср. в недавней работе: *Юсупович А.* «Перемышль, Червень и иные грады» и их территориальная принадлежность в конце X — начале XI в. // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 27—62.

мир проходил важный торговый путь из Среднего Поднепровья на запад. На этом пути между Киевом и Владимиром располагались (с востока на запад) города Пересопница, Дорогобуж и Луческ, каждый из которых с середины XII в. тоже становился в тот или иной момент «стольным». На запад от Владимира путь расходился: одна дорога через Червен и пограничный городок Сутейск вела в Малую Польшу, другая, севернее, на которой князь Даниил Романович незадолго до монгольского нашествия основал город Холм, — в Великую Польшу. На северо-востоке Владимирская земля граничила с Турово-Пинской землей. Пограничный город Черторыйск какое-то время в начале XIII в. был под властью турово-пинских князей. До конца XII в. под их властью находилась и территория к северу от Владимира с центрами в Берестье и Дрогичине, но затем она вошла в состав Волынской земли. Дрогичин, расположенный на Западном Буге на границе с Польшей, был важным центром транзитной торговли, о чем свидетельствуют знаменитые дрогичинские свинцовые пломбы, найденные в большом количестве в городе и окрестностях[5]. В целом Волынская земля была сравнительно обширной и плотно заселенной, в ней были плодородные земли, налаженные торговые пути и много городов. По подсчету В. А. Кучкина, в Волынской земле упоминается до середины XIII в. 56 городов и по данному показателю эта территория находится на третьем месте после Киевской и Черниговской земель[6].

Во времена Владимира Святого во Владимире Волынском в качестве наместников упоминаются его сыновья Борис[7] и Всеволод[8]. Видимо, во Владимир отправлял своих сыновей наместниками и Ярослав Мудрый. Во всяком случае на момент его смерти в 1054 г. там находился Святослав, второй по старшинству его сын (из сыновей, бывших тогда в живых). Согласно завещанию Ярослава, Владимир Волынский получил Игорь, четвертый сын[9].

После смерти Вячеслава, пятого сына Ярослава, в 1057 г. старшие братья Изяслав, Святослав и Всеволод перевели Игоря в Смоленск. О судьбе Владимирской волости летопись молчит. Скорее всего, в дальнейшем киевские князья распоряжались ею по своему усмотрению, передавая ее сыновьям или племянникам. Так, в начале 1070-х гг., когда в Киеве правил Святослав, во Владимире сидел его сын Олег[10]. Надо согласиться с мыслью, что киевские князья не позволяли Волыни «обособиться в отдельное княжество» из-за ее «особого

---

[5] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 115—122. (1-е изд. 1951 г.). Обзор складывания территории Волынского княжества в XII в.: *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. С. 42—74. Ср. обзор областей в составе Волынской земли на момент ее максимальных размеров в середине XIII в.: *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. 2-е вид. Львів, 1999. С. 31—44.

[6] *Кучкин В. А.* Города Древней Руси // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 947.

[7] *Бугославський С. А.* Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба: Розвідка та тексти. Київ, 1928. С. 185 (*Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007. С. 577). Замечание издателя (см. там же «примітку»), что под Владимиром у Нестора имеется в виду не город, а сам князь, явно противоречит смыслу текста. Большинство исследователей понимают упоминание Владимира здесь именно как города, а не князя (см., например: *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. С. 88).

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

[9] Там же. Стб. 161.

[10] Об этом известно из «Поучения» Владимира Мономаха: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247.

значения» для Киева — как «многолюдной земли с развитыми городами», через которую осуществлялись связи с Западом[11].

Вокняжившись в 1078 г. в Киеве, Всеволод Ярославич выделил Владимир, а также Туровскую землю своему племяннику Ярополку, сыну Изяслава Ярославича[12]. Ярополк, по-видимому, считался своего рода наместником Всеволода и его наследником на киевском столе. Однако на Владимир как на свою «отчину» выдвинул претензии и другой племянник Всеволода — Давыд Игоревич, о котором летопись впервые упоминает в 1081 г.[13] В борьбу Ярополка и Давыда вмешались потомки еще одного из Ярославичей — Владимира, старшего из братьев, но умершего раньше своего отца. Сын Владимира Ростислав враждовал с Ярославичами и кончил свои дни в 1067 г. в Тмуторокани. Три сына Ростислава — Рюрик, Володарь и Василько — появляются на страницах летописи как раз в 1080-е гг. в связи с описанием борьбы за территории на юго-западе Руси. В конце концов Ростиславичи обосновались в трех южноволынских городах — Перемышле, Звенигороде и Теребовле (см. ч. 3, гл. 8).

Борьба за Волынскую землю растянулась на многие годы[14]. Она стала одним из ярких свидетельств «коренной перемены в междукняжеских отношениях», когда принцип отчинных прав начал побеждать тенденции единства Киевской Руси[15].

Первый этап борьбы фактически закончился гибелью Ярополка Изяславича. В дате его смерти расходятся два важнейших списка Повести временных лет — Лаврентьевский и Ипатьевский, хотя в обоих подробный рассказ о его гибели изложен без существенных расхождений с одной и той же дневной датой (22 ноября). Но в первом списке рассказ находится в годовой статье 6594 (1086) г., во втором — в статье 6595 (1087) г. Хотя обычно в исторических трудах приводится дата Лаврентьевской летописи, есть основания считать верной дату Ипатьевской — 1087 г.[16]

Ярополк погиб от руки предателя, выйдя в поход против Ростиславичей. Он так и не сумел выдворить их из своих владений. Давыду Игоревичу он тоже должен был выделить часть своей земли — тот получил Дорогобуж. Давыда поддержал Всеволод, который явно стремился ослабить владимирского князя. Ярополк в 1085 г. пошел на открытый конфликт с Всеволодом[17], но конфронтация кончилась на условиях сохранения status quo — и только потому, что Ярополк получил поддержку в Польше, с правителями которой Изяславичей связывали династические союзы[18]. После смерти Ярополка Давыд получил от Всеволода всю Владимирскую землю за исключением волостей, где осели Ростиславичи. Такое положение вещей закрепил съезд князей, собравшихся в Любече в 1097 г., когда ки-

---

[11] *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. С. 90.

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.

[13] Там же. Стб. 204.

[14] Об этих событиях много писали. Последний обзор: *Плахонін А.* Перша волинська криза (1084—1087 рр.) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вып. 3. Київ, 2003. С. 49—68; *Он же.* Друга волинська криза (1097—1100 роки) // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вып. 6. Київ, 2006. С. 177—213.

[15] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий // Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 48 и след. (первая публикация — 1909 г.).

[16] Ср.: *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 143—144.

[17] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 205.

[18] См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 541—547, 566 и след.

евским князем был уже брат Ярополка Святополк Изяславич[19].

Однако далеко не все были удовлетворены этим решением. Сразу после съезда развернулся новый виток усобицы, началом и центральным событием которой стало ослепление Василька Ростиславича, княжившего в Теребовле. Вошедшая в состав Повести временных лет Повесть об ослеплении Василька Теребовльского выставляет непосредственным инициатором злодеяния владимирского князя Давыда Игоревича. В переговорах с возмущенными князьями Давыд оправдывался тем, что Ростиславичи якобы замышляли выгнать его из Владимира. Невозможно проверить это утверждение. Но фактом было, что Давыд действовал заодно со Святополком Киевским. В своих оправданиях Давыд говорил и о том, что он просто «ходил в руку» Святополка и его союзников[20]. Владимирский князь явно рассматривался как вассал киевского. Не случайно решение княжеского съезда, что Святополк должен был сам и наказать Давыда, — князья велели: «любо ими, любо прожени й»[21]. Хотя Давыд прибег к помощи Владислава Польского, заплатив тому 50 гривен золота за поддержку, Святополку он не смог оказать сопротивления и вынужден был оставить Волынь[22].

Святополк же хотел теперь «прогнать» и Ростиславичей. В 1099 г. он договорился с венграми о совместном походе против Володаря на Перемышль; от себя киевский князь послал сына Ярослава. На этот раз Давыд уже выступил союзником Володаря и призвал на помощь половцев. В битве под Перемышлем венгры, хотя и имели численное превосходство, потерпели сокрушительное поражение. После этого успеха Давыд попытался вернуть себе Владимир. При поддержке владимирцев, очевидно, державшихся своего «отчича», ему это удалось. По летописи, военные действия были весьма ожесточенными. При осаде Владимира погиб старший сын Святополка Мстислав[23].

Конец этому этапу усобицы, а вместе с тем и ей самой положили решения специального съезда важнейших князей Руси в Уветичах в 1100 г. Давыду выделили сначала несколько небольших городов, а потом Дорогобуж, где он сидел до смерти в 1112 г.[24]; потомство его не известно[25]. Волынь в целом оказалась под контролем Святополка киевского: во Владимире сидел его сын Ярослав, а от племянника Ярослава Ярополчича (претендовавшего на Владимир) ему удалось избавиться (тот дважды находился у Святополка в заточении, где, в конце концов, и умер[26]).

В борьбе за Волынь обнаружились важные явления в историческом развитии Руси. Значительную силу проявили региональные центры, которые стремились иметь своих «отчичей», чтобы уменьшить зависимость от Киева. Ростиславичам удалось добиться независимости. Давыда Игоревича явно поддерживали местные силы, но давление киевского князя оказалось сильнее. После отпадения южноволынских волостей киевским князьям удавалось сохранять террито-

---

[19] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257.

[20] Там же. Стб. 267.

[21] Там же. Стб. 265.

[22] Там же. Стб. 269.

[23] Там же. Стб. 270—272.

[24] Там же. Стб. 274; ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 273.

[25] Сыном Давыда считали ранее Всеволодка Городенского, упоминаемого летописью в 1120—1140-х гг., но А. В. Назаренко идентифицировал этого князя как сына Ярослава Ярополчича, внука погибшего в 1087 г. Ярополка Изяславича: *Назаренко А. В.* Городенское княжество и городенские князья в XII веке // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 138—139.

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274—276; Т. 2. Стб. 250—252.

риальную целостность Волыни. Владимир остался под прямым контролем Киева, и своя династия там пока не закрепилась. Волынь стала также ареной борьбы не только Рюриковичей и местных сил, но и представителей соседних государств — поляков и венгров. В дальнейшем участие иностранцев в судьбах юго-западных земель Руси усилится. Новой силой, с которой с конца XII в. приходилось считаться волынским князьям, стали литовские и ятвяжские политические образования. С ятвягами воевал Роман Мстиславич в конце XII в.[27] Позднее от набегов литовцев и ятвягов страдали северные территории Волыни (прежде всего, Берестье), и Галицко-Волынская летопись несколько раз упоминает о столкновениях с ними Романовичей и выставлении сторожевых войск против них[28]. Важным этапом во взаимоотношениях Волыни и Литвы стал договор 1219 г.[29]

После смерти Святополка Изяславича в 1113 г. на киевский престол садится Владимир Всеволодич Мономах, а сын Святополка Ярослав княжит во Владимире Волынском. Ярослав явно рассчитывал на киевское княжение, договорившись, судя по всему, с Мономахом по этому поводу. Союз владимирского и киевского князей был скреплен даже женитьбой первого на внучке второго (дочери старшего сына Мономаха Мстислава)[30]. Однако стремление Ярослава в Киев вело к тому, что местные силы не видели в нем своего защитника. Отсутствие поддержки владимирцев стало решающим фактором в конфликте Ярослава и Мономаха, разгоревшемся в 1117 г., когда Мономах перевел сына Мстислава из Новгорода в Белгород, явно предназначая его в свои преемники на киевском престоле. В 1118 г. Ярослав окончательно разорвал союз с Мономахом, разорвав и брак с дочерью Мстислава. Но владимирцы не оказали помощи своему князю: как сообщает летописец, «бояре его отступиша от него»[31]. Ярославу пришлось бежать в Польшу и Венгрию, с правителями которых у него были династические связи. Те поддержали князя, но и его попытка в 1121 г. взять Червен с помощью поляков, и поход на Волынь собранной им мощной международной коалиции в 1123 г. были безрезультатны. Поход 1123 г. закончился полным фиаско — Ярослав погиб при осаде Владимира Волынского. Мономах посылал во Владимир своих сыновей, выступавших фактически его наместниками[32].

Волынь остается под контролем Мономаха и его сыновей вплоть до вокняжения в Киеве представителя черниговской династии Всеволода Ольговича (1139). Всеволод, как и прежние киевские князья, распоряжается Волынью по своему усмотрению. Лавируя и распределяя волости между Мономаховичами и Ольговичами, он в 1142 г. переводит Изяслава, старшего (на тот момент) сына Мстислава Великого, из Владимира Волынского в Переяславль[33]. Волынь достается старшему сыну Всеволода Святославу, который и будет править там до кончины отца в 1146 г.

Изяслав Мстиславич, заняв в 1146 г. Киев, вернул себе Владимир. Вплоть до своей смерти в 1154 г. он несколько раз те-

---

[27] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 702.

[28] Там же. Стб. 721, 751 и др.

[29] Там же. Стб. 735—736. См.: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 338 и след., 374.

[30] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273.

[31] Там же. Стб. 285; ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 28. См. подробнее с привлечением разных источников: *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. С. 166—176.

[32] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286—288.

[33] Там же. Стб. 312—313.

рял Киев и другие владения, но всегда сохранял контроль над Волынью, держа там семью и рассматривая ее как главную свою «отчину». В лице потомков Изяслава эта земля, наконец, получила «прирожденных держателей». Волынь принадлежала Изяславичам вплоть до второй четверти XIV в., когда там пала власть династии Рюриковичей.

Хотя Изяслав оставил довольно многочисленное потомство, которое по необходимости должно было делить между собой наследственные владения, центростремительные тенденции в этой земле были сильны, и Волынь не распалась на отдельные политические образования. Несколько раз на протяжении времени с середины XII до начала XIV в. Волынь оказывалась под властью одного сильнейшего в роде князя, который мог с успехом претендовать и на Киев, и на Галич, и на соседние территории. Были и периоды, когда земля была разделена между несколькими князьями волынского клана, правившими в разных ее городах, но за недостатком данных трудно судить, на каких основаниях и по каким принципам князья распределяли волости[34]. В любом случае роль Владимира как главного центра земли не ставилась под сомнение.

После смерти Изяслава в 1154 г. его сыновьям Мстиславу, Ярославу и Ярополку пришлось выдержать борьбу за Владимир с дядей Владимиром Мачешичем, одним из младших сыновей Мстислава Великого. Владимир, имевший тесные связи с венгерским королевским двором (в частности, он был женат на дочери венгерского бана Белуша), опирался в этой борьбе на помощь венгров, Изяславичи — на помощь поляков (Мстислав был женат на Агнешке, дочери польского князя Болеслава Кривоустого). Хотя сначала Владимир Мстиславич по праву старшинства занял Владимир, но уже в 1156 г. его выгнал оттуда старший сын Изяслава Мстислав[35]. Ярослав Изяславич утвердился в Луцке, а Ярополк в Бужске[36]. В дальнейшей борьбе с Владимиром, Юрием Долгоруким и другими князьями Изяславичи сумели отстоять волости, опираясь на поддержку своих городов, которые готовы были ради них терпеть осады и военные действия, порой весьма ожесточенные. По всей видимости, у Владимира Мстиславича (не говоря уже о других претендентах) волынская знать видела устремления не укрепиться в их земле, а использовать ее ресурсы для добывания киевского стола.

Мстислав Изяславич, который в конце жизни успел побыть некоторое время киевским князем (в 1167—1170 гг. дважды с перерывом), умер 19 августа 1170 г. во Владимире. Он был похоронен в построенном им каменном Успенском соборе и позднее служившем усыпальницей волынских князей[37].

Успенский собор был кафедральным. Епископия в Волынской земле была открыта, видимо, еще в 1080-е гг. Позднее, в начале XIII в., политические обстоятельства и экономический рост позволили внукам Мстислава Даниилу и Васильку выделить из состава Владимирской епархии епископии в Угровске (позднее перенесенную в Холм) и Луцке[38]. По данным XV—XVII вв.,

---

[34] Предполагается, что, как и в большинстве других земель Руси, действовали разные механизмы — и родовые традиции (сеньорат), и частнонаследственные (отчинность), и сиюминутные договоренности (*Домбровский Д.* Формирование волынского государства Мстиславичей-Изяславичей и проблемы наследования в нем власти // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 88—92).

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484—485.

[36] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528.

[37] Там же. Стб. 559.

[38] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 39—40, 52—54.

известны пожалования князей домонгольской эпохи кафедральным соборам и монастырям в Волынской земле[39].

Сыновья Мстислава Изяславича разделили отцовские владения. Владимир достался Роману Мстиславичу (хотя не сразу после смерти отца), Белз и Червен упоминаются во владениях его братьев Всеволода и Святослава[40]. Судя по краткому и испорченному тексту одного летописного известия, у Мстислава был, видимо, еще один сын — младший, по имени Владимир[41]. Он умер в конце 1170 г. в Берестье, которое с этого времени уже принадлежало Волынской земле. Если верить несколько путаной информации польского хрониста Винцентия Кадлубка, позднее, в 1182 г. или несколько позже, берестейским князем умер Святослав[42].

Из сыновей Ярослава Изяславича (умер, вероятно, между концом 1174 и серединой 1176 г.[43]) летописи упоминают в Луцке Всеволода, а потом Ингваря, в Пересопнице — Мстислава по прозвищу Немого. В их владения вошли также Шумск и Дорогобуж. О потомстве Ярополка достоверных сведений нет[44].

В поколении внуков Изяслава наиболее заметное место занимает Роман Мстиславич, которому удалось не только объединить под своей властью всю Волынь, заставив повиноваться себе родственников Изяславичей, но и установить контроль над Галичем и Киевом[45]. Видимо, во многом он опирался на владимирское боярство, которое значительно усилилось к концу XII в. О могуществе этого боярства красноречиво говорит Галицко-Волынская летопись, описывая встречу сына Романа Даниила и польского князя Лешека (1213 или 1214 г.): по сравнению с другими «воями» были «вои Данилов[ы] болши и крѣплѣиши — бяху бояре велиции отца его вси у него». Превосходство «воев» Даниила в числе и боеспособности связывается с тем, что к нему пришли «великие бояре» его отца, князя Романа Мстиславича. Тут же летописец добавляет: «...видивъ бо Лестько се, и поча имѣти любовь велику ко князю Данилу и брату его Василку»[46].

Разумеется, усиление боярства было связано с демографическим и экономическим ростом всей Владимирской земли. О ресурсах, которыми мог распоряжаться Роман, можно судить, например, по увеличению количества поселений — археологические данные и указания письменных источников сходятся в том, что в конце XII — начале XIII в. урбанизация и освоение сельских пространств здесь значительно продвинулись[47].

---

[39] *Флоря Б. Н.* О церковном землевладении в Галицко-Волынской земле // Восточная Европа в исторической перспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 252—257.

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 564, 662.

[41] Там же. Стб. 562.

[42] Magistri Vincentii Chronica Polonorum. IV. 14 (см.: *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарии. М., 1990. С. 92—93, 105—106). Ср.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). 2-е изд., испр. и доп. / Пер. и вступ. слово К. Ерусалимского, О. Остапчук. СПб., 2015. С. 252—258. (Studiorum Slavicorum orbis; Т. 10).

[43] *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 234—238.

[44] В летописи, правда, упоминается князь Василько Ярополчич, подручник Мстислава Изяславича, но вряд ли это был сын Ярополка (см.: ПСРЛ. Т. 1. С. 702—710).

[45] См. относительно недавние биографии Романа: *Головко О.* Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. Київ, 2001; *Горовенко А. В.* Меч Романа Галицкого: Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011.

[46] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 729—730.

[47] *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. С. 125 и след., 147 и след.; Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 56—57, 76—78. Ср. карты в издании: *Куза А. В.* Древнерусские городища X—XIII вв. М., 1996. (Свод археологических памятников).

Использовал Роман и разветвленные династические связи как на Руси (первым браком он был женат на дочери одного из сильнейших князей той поры Рюрика Ростиславича), так и за ее пределами (прежде всего в Польше, откуда происходила его мать и где, вероятно, он сам провел долгое время, а также в Византии, с правящей династией которой была связана его вторая жена)[48].

Роман дважды вмешивался в непростые отношения галицкого князя Владимира Ярославича с тамошней знатью, и со второй попытки в 1199 г., после смерти Владимира, ему удалось закрепиться в Галицкой земле. Объединенные силы Волыни и Галича позволили Роману решать судьбу Киева. Противодействуя своему тестю Рюрику Ростиславичу, он сначала в 1201 г. посадил в Киеве двоюродного брата Ингваря Ярославича, а затем зимой 1204/1205 г., заставив Рюрика, его жену и дочь (свою бывшую жену) постричься в монахи, договорился с Всеволодом Юрьевичем Владимиро-Суздальским, что в Киеве будет княжить Ростислав Рюрикович (тот был женат на дочери Всеволода)[49]. Роман активно участвовал в венгерских и польских делах. Долгое время он действовал в союзе с польскими князьями Лешеком Белым и его братом Конрадом, но в 1205 г. вступил с ними в конфликт (причины которого неясны) и вторгся в Малую Польшу. Недалеко от города Завихоста на Висле он погиб в стычке с отрядом поляков[50].

После смерти Романа Мстиславича в южной Руси образовался своего рода политический вакуум, поскольку двое его малолетних сыновей Даниил и Василько не могли стать ему полноценной заменой. Уже в 1206 г. их вытеснили сначала из Галича, а затем и из Владимира Волынского сыновья черниговского князя Игоря Святославича[51]. Но правление во Владимире черниговских князей было недолгим. При поддержке Лешека Белого и Конрада власть рода Изяславичей во Владимире была восстановлена: с 1208 до 1214 г. там княжил белзский князь Александр Всеволодич, двоюродный брат Романовичей (с перерывом в 1209—1210 гг., когда там сидел луцкий князь Ингварь Ярославич, их дядя). По соглашениям польских князей и волынских Изяславичей волости на Волыни выделялись и Романовичам: в 1208—1213 гг. в Берестье, а затем в Белзе под опекой матери княжил Василько (Даниил в это время сначала был в Венгрии, потом в Галиче и Польше), в 1213 г. Даниил и Василько получили Каменец, а затем еще Тихомль и Перемиль[52].

Романовичи сидели в этих волостях, как выражался придворный летописец Даниила

---

[48] О браках Романа см.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 264—273.

[49] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417—421; Т. 38. Л., 1989. С. 154, 160—161. О хронологии см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 86—88.

[50] Об обстоятельствах польского похода Романа в общеевропейском контексте см.: *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII—XIII вв. СПб., 2011. С. 111—162. (Studiorum Slavicorum orbis; Т. 1).

[51] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 427—428.

[52] Хронология и обстоятельства княжения Романовичей восстанавливаются исследователями путем сопоставления изначально недатированного повествования Галицко-Волынской летописи с другими источниками. Для хронологии важнейшая работа: *Грушевський М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 1—72. См. в недавних работах, построенных как биографии Даниила Романовича: *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква, 2013; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201—1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012; *Idem.* Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016.

Романовича, «на Володимеръ зряща: се ли, ово ли Володимерь будет наю»[53]. Действительно, около 1215 г. Лешек заставил Александра Всеволодича передать Владимир братьям. При этом, видимо, заключив договор с венгерским королем Андрашем II, себе он взял Берестье и забужские города. Однако уже в 1219 г. эти земли отвоевали Даниил и Василько, которые уже были в состоянии проводить самостоятельную политику[54]. Опираясь на поддержку владимирской знати и действуя заодно, Романовичи в дальнейшем систематически овладевали одной волостью Владимиро-Волынского княжества за другой.

После смерти Мстислава Ярославича Немого и его сына Ивана в 1226—1227 гг. Романовичи захватили Луцк и Пересопницу, оставив лишь несколько мелких владений за сыновьями Ингваря Ярославича[55]. Сложнее складывались отношения с Александром Всеволодичем белзским, который претендовал не только на Владимир, но и на Галич. Романовичи несколько раз пытались отнять у него Белз и Червен, но его поддерживал Мстислав Мстиславич Удатный, зять Даниила. Только после смерти Мстислава (1228) затяжной конфликт с участием галичан и венгров привел к ликвидации и этого княжества. Упомянутый последний раз летописью в описании событий весны 1234 г.[56] Александр был, видимо, либо убит Романовичами, либо умер у них в заточении. Объединение всей Волыни позволило Романовичам сосредоточиться на «добывании» Галича и воссоздании Галицко-Волынской земли, и эта цель окончательно была достигнута уже после монгольского нашествия.

---

[53] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 730.
[54] Там же. Стб. 732.
[55] Там же. Стб. 750—753.
[56] Там же. Стб. 771—772.

ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Летопись впервые упоминает город Галич в сообщениях о начальных годах правления в Киеве черниговского князя Всеволода Ольговича в 1139—1141 гг.[1] Но город выступает уже центром волости, которая должна была сложиться ранее. Известия Киево-Печерского патерика и «Польской истории» Яна Длугоша (правда, не вполне надежные) упоминают Галич в описании событий соответственно 1099 и 1125 гг.[2] Археология свидетельствует, что, хотя поселение (возможно, даже укрепленное) на месте летописного города существовало уже с VIII в., большая крепость (площадью около 50 га) была построена здесь только в первой трети или даже половине XII в.[3]

В любом случае на момент появления Галича как столичного центра к середине XII в. территория, которая стала ему подчиняться, уже сформировалась как некое политическое целое в составе Древнерусского государства. Это политическое целое возглавляли князья особой ветви династии Рюриковичей — потомки Владимира, старшего сына Ярослава Мудрого, но их стольные города были другие: Теребовль, Звенигород и Перемышль. Таким образом, Галицкая земля имеет некоторую предысторию «до Галича», которая начинается с образования трех княжеств на южных окраинах Владимиро-Волынской земли в 1080-х гг.

Центры этих княжеств располагались на важном пути из Киева в Венгрию на Подольской возвышенности, откуда спускаются к Днестру его левые (северные) притоки. С севера и северо-востока с Галицкой землей граничили владения владимирских и киевских князей, которые в XII—XIII вв. активно влияли на ее внутреннюю жизнь. Вмешивались в галицкие дела также правители Польши, с которой протяженную границу имело Перемышльское княжество, и Венгрии, естественную границу с которой на юго-западе Галицкой земли образовали Карпатские горы.

Днестр, обеспечивая связь Черноморского региона с Центральной Европой, был главной коммуникационной артерией Галицкой земли. Видимо, не случайно именно на этом пути вырос Галич как столичный центр. Ниже Галича по течению Днестра располагался ряд городов; из них Ушица и Калиус обозначали юго-восточные рубежи Галицкой земли, за которыми простирались территории под контролем кочевников. В источниках начала XIII в. этот регион называется Понизьем. Крайним южным пунктом владений галицких князей в Предкар-

[1] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 304, 308.

[2] Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик / Подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 54; *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): Текст, перевод, комментарии / Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 152, 304.

[3] *Котляр Н. Ф.* Галич // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 173.

патье была Коломыя, где добывали соль[4]. Галицкая земля лежала преимущественно в лесостепной зоне (степь начинается ниже по течению Днестра на территории современной Молдавии). Процветание этой области обеспечивали умеренный климат, удачное сочетание сравнительно плодородных почв с лесами и водными ресурсами, доступ к оживленным торговым путям.

С 1140-х гг. до начала XIII в. Галич был единственным стольным городом в земле. В 1206—1211 гг. Галицкая земля была разделена между несколькими князьями черниговского дома, и княжеские резиденции были возобновлены в Перемышле, Звенигороде и Теребовле. Перемышль отделялся от Галича и позднее несколько раз на протяжении XIII в. Этот город был развитым экономическим центром и важным стратегическим пунктом на пересечении разных путей, и не случайно, что из галицких городов о нем источники упоминают раньше других (под 981 г.)[5]. Всего в Галицкой земле упоминаются в письменных источниках до середины XIII в. 33 города, и по этому показателю она занимала четвертое место среди прочих земель Руси[6].

Старший сын Ярослава Мудрого Владимир умер еще при жизни отца в 1052 г., и это привело, видимо, к тому, что его потомки были исключены из наследственных переделов остальных Ярославичей. О Ростиславе, сыне Владимира, летопись сообщает, что последние годы перед смертью в 1067 г. он правил в Тмуторокани[7]. Княжил ли он где-то ранее, неизвестно. Ростислав оставил трех сыновей — Рюрика, Володаря и Василька, о которых летопись начинает упоминать с 1080-х гг., рассказывая об усобице, разгоревшейся на Волыни. Здесь они стали добиваться своей доли в наследстве Рюриковичей. Непонятно, какие основания были у Ростилавичей претендовать именно на эти территории. В конце концов, явно пользуясь поддержкой местных жителей, они обосновались в трех южноволынских городах: Рюрик в Перемышле, Володарь в Звенигороде, Василько в Теребовле (после смерти Рюрика в 1092 г. в Перемышле стал княжить Володарь, видимо, оставив под своим контролем и Звенигород). Им пришлось выдержать нелегкую борьбу с киевскими князьями и другими Рюриковичами, имевшими притязания на Волынь, — потомками Изяслава и Игоря Ярославичей (ср. ч. 3, гл. 7).

В 1080-х гг. главным противником Ростиславичей был их двоюродный дядя, внук Ярослава Мудрого Ярополк Изяславич, княживший во Владимире Волынском и претендовавший на Киев. Обстоятельства их борьбы, в которой принимал участие и киевский князь Всеволод Ярославич, восстанавливаются по отрывочным упоминаниям летописи только частично[8].

Когда именно началась эта борьба, мы не знаем, но к 1084 г. она уже велась. Под этим годом летопись сообщает, что двое Ростиславичей — видимо, Рюрик и Василько — бежали от Ярополка[9]. Надо думать, тот держал их под арестом. Володарь в начале 1080-х гг. находился в Тмуторо-

[4] См. о географии Галицкой земли: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002 (1-е изд. 1951 г.). С. 117—130; *Крип'якевич І. П.* Галицько-Волинське князівство. 2-е вид. Львів, 1999. С. 22 и след.; *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 42—74.

[5] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 81.

[6] *Кучкин В. А.* Города Древней Руси // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. С. 947—948.

[7] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166.

[8] См.: *Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 143 и след.

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 205.

кани, действуя заодно с Давыдом Игоревичем, другим внуком Ярослава Мудрого, который мог претендовать на Владимир Волынский. Судя по всему, киевский князь Всеволод поддерживал Давыда Игоревича и Ростиславичей в их борьбе с Ярополком и готов был им выделить какие-то «волости» во Владимиро-Волынской земле. Уже к 1087 г. Ростиславичи заняли южноволынские города. Когда в этом году Ярополк отправился походом на Звенигород, пытаясь их выдворить, его предательски убил некий Нерадец, человек из его окружения[10]. Летописец не говорит прямо, в чьих интересах действовал Нерадец, но намекает на это, сообщая в конце рассказа о гибели Ярополка, что убийца бежал в Перемышль к Рюрику[11].

После смерти Ярополка Ростиславичи окончательно договорились с Всеволодом о своих владениях. Любечский княжеский съезд 1097 г. вспоминает об этом соглашении, закрепляя южноволынские города за потомками Ростислава. Согласно постановлению съезда, волости следует «держать» так, как «роздаялъ Всеволодъ городы: Давиду Володимерь, Ростиславичема — Перемышль Володареви, Теребовль Василкови» (Рюрик не упомянут, так как к 1097 г. его уже не было в живых)[12].

Ни Давыд Игоревич, ни Святополк Изяславич — новые владимирский и киевский князья — не были довольны этим решением, и так же, как в свое время Ярополк, они стали пытаться изгнать Ростиславичей. На этот раз методом действия был выбран не открытый военный конфликт, а лишение конкурента дееспособности. В ноябре 1097 г. Давыд и Святополк предательски схватили одного из Ростиславичей — Василька, княжившего в Теребовле, — и ослепили его. О новом витке усобицы, разгоревшейся в результате, подробно рассказывает Повесть об ослеплении Василька Теребовльского, вставленная в Повесть временных лет.

Благодаря вмешательству переяславского князя Владимира Мономаха и черниговских князей Святополк Киевский отказался от поддержки Давыда Игоревича, и тот отпустил Василька. Действуя заодно, Ростиславичи в 1098 г. предпринимают поход на Давыда с целью «мщения». Они вернули захваченные Давыдом пограничные города, а затем, осадив Владимир, добились выдачи двух из трех бояр, которые якобы «намолвили» Давыда на ослепление Василька. Казнили бояр собственноручно сыновья теребовльского князя[13].

Однако Святополк от плана изгнания Ростиславичей не отказался. «Се есть волость отца моего [и] брата», — заявлял он, имея в виду южноволынские города. Весной 1099 г., выгнав Давыда из Владимира, Святополк пошел на Ростиславичей. В сражении у урочища Рожни к востоку от Звенигорода братья победили киевского князя, который ушел во Владимир, а затем в Киев. В конце 1099 г. Володарю пришлось защищать Перемышль, куда пришли венгры, «приваблeнные» Святополком, и отряд из Киева во главе с его сыном. Решающая битва закончилась для венгров катастрофическим поражением[14].

Не сумев справиться с Ростиславичами силой, Святополк продолжал наступление на них политическими методами. На съезде в Уветичах в 1100 г., видимо, по его настоянию было решено оставить братьям один Перемышль под предлогом немощи Василька[15]. Но каким-то образом — вероятно, при поддержке Владимира Монома-

[10] О дате смерти Ярополка см. ч. 3, гл. 7.
[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206; Т. 2. Стб. 197—198.
[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257.
[13] Там же. Стб. 268.
[14] Там же. Стб. 268—271.
[15] Там же. Стб. 274.

ха[16] — Ростиславичам все-таки удалось отстоять и Теребовль. В дальнейшем Ростиславичи закрепили выгодные для них союзы династическими связями: союз с Византией, боровшейся в тот момент с Венгрией, был скреплен браком одной дочери Володаря с византийским царевичем, другую он выдал за сына Владимира Мономаха[17]. Сохраняли Ростиславичи отношения, давно установленные (еще, видимо, их отцом), с половцами. Особенно важны были эти отношения для теребовльского князя, владения которого выходили на юго-востоке в степь.

В итоге потомки старшего сына Ярослава Мудрого закрепились в отдельной области Русской земли, справившись с трудностями, в отличие от Давыда Игоревича, который лишился своей «отчины». Южноволынские города отстояли своих «отчичей» и вплоть до конца XII в. находились под властью одной княжеской ветви. Этой области удалось не только сохранить свою обособленность, но и — тоже в отличие от Владимира Волынского — избежать раздробления на мелкие княжества. Заметна разница между Волынью и Галичиной и во внешней ориентации на протяжении XII в.: волынские князья сохраняли в основном дружественные отношения с Польшей, а галицкие, как правило, имели с ней враждебные отношения. Зато больше контактов связывало Галич с Венгрией.

Василько и Володарь умерли друг за другом в 1124—1125 гг.[18] Княжа в Перемышле, Володарь много враждовал с поляками, а незадолго до смерти, в 1122 г., он попал к ним в плен. Князя пленил известный польский вельможа Петр Влостович, который, рассорившись с польским князем Болеславом III Кривоустым, перешел на службу к Володарю (между 1118 и 1121 гг.), но затем вернулся к Болеславу, захватив Володаря как своего рода трофей. За огромную сумму перемышльский князь был выкуплен в 1123 г.[19]

Из сыновей Володаря и Василька как владетельные князья известны четверо: Владимир и Ростислав Володаревичи, Иван и Игорь (или Юрий) Васильковичи. Длугош сообщает уникальные сведения не только об именах некоторых из этих князей, но и об усобице между Володаревичами в 1126—1127 гг.[20]

Владимир, княживший в Звенигороде, пережил всех братьев. Из его племянников (родных и двоюродных) в дальнейшем был известен только один — Иван Ростиславич. В 1141 г. умер Иван Василькович, сидевший в Галиче, и Владимир Володаревич «прия волость его», «сѣде во обою волостью княжа в Галичи»[21]. Свою бывшую волость Звенигород Владимир дал Ивану Ростиславичу, но тот владел ею недолго. Зимой 1145 г. после усобицы между дядей

---

[16] О такой поддержке писал сам Мономах в «Поучении», оправдывая ее верностью клятве (хотя с прагматической точки зрения позиция объяснялась, конечно, необходимостью сдерживать Святополка) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 241).

[17] Там же. Стб. 280; Т. 2. Стб. 276.

[18] О смерти Василька, а за ним Володаря сообщается в древнейших летописях под 6632 (1124/1125) г.: Там же. Стб. 293; Т. 2. Стб. 288—289. Длугош, опиравшийся на несохранившуюся русскую летопись, относит смерть Володаря к 19 марта 1126 г., но, видимо, с ошибкой в указании года — на самом деле речь должна идти о 19 марта 1125 г. (*Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): Текст, перевод, комментарии. С. 305, 418—419).

[19] См. подробнее: *Стефанович П. С.* Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): Источник, факт, легенда, вымысел. Часть первая // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56—74; *Он же.* Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): Источник, факт, легенда, вымысел. Часть вторая // Там же. № 4 (26). С. 78—89.

[20] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): Текст, перевод, комментарии. С. 305—306.

[21] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308.

и племянником Ивану пришлось бежать[22], и Владимир сконцентрировал, таким образом, всю власть в южной Волыни в своих руках, сделав Галич столицей княжества. Иван Ростиславич сначала бежал на Дунай в область Берладь (отсюда его прозвище Берладник), а затем, до смерти в 1162 г., искал приюта и помощи против дяди (а затем его сына, своего двоюродного брата) у могущественных князей Руси.

Видимо, при Владимире Галич стал и епархиальным центром. Впервые епископ в Галиче упоминается под 1157 г.[23] Есть предположения, что кафедра была переведена в Галич из Перемышля, где она была устроена ранее при Володаре Ростиславиче[24]. Однако первое достоверное упоминание епископа в Перемышле относится к 1219 г.[25], и более вероятным представляется, что кафедра в этом городе была основана только в начале XIII в., когда он выделялся несколько раз в отдельное княжество: скорее всего, либо в правление Игоревичей в 1206—1210 гг., либо при Мстиславе Мстиславиче, обосновавшемся в Галиче в 1218 г. (см. ниже).

После того как Владимир утвердился в Галиче, ему не раз пришлось столкнуться с киевскими князьями. Причинами раздора были, видимо, с одной стороны, недовольство киевских князей усилением галицкого князя, претендовавшего на самостоятельную политику, а с другой — борьба за некоторые пограничные волости. В 1144 г. Всеволод Ольгович, княживший тогда в Киеве, вторгся в Галицкую землю с целой коалицией князей. Владимиру пришлось «поклониться» Всеволоду и заплатить «за труд» внушительную компенсацию — то ли 1400 гривен серебра (по Ипатьевской летописи), то ли 1200 (по Лаврентьевской)[26]. Весной 1146 г. Всеволод, ведя с собой Ивана Берладника, осадил Звенигород, но горожанам во главе с воеводой Владимира удалось отбиться[27].

После смерти Всеволода 1 августа 1146 г. развернулась борьба за Киев между Юрием Суздальским и его племянником Изяславом Мстиславичем, обосновавшимся на Волыни. Владимир, опасаясь объединения киевских и волынских сил, стал на сторону Юрия. Союз был скреплен браком сына Владимира Ярослава с дочерью Юрия Ольгой. Не раз галицкий князь участвовал в предприятиях Юрия против Изяслава, а Изяслав организовал в 1150 и 1152 гг. два крупных похода в Галицкую землю с участием венгров, которых возглавлял сам король Геза II. У Владимира были свои связи с венгерской знатью, и оба раза, несмотря на не слишком удачные военные действия, через короля ему удавалось добиться мирных соглашений[28].

Владимир умер зимой 1152/1153 г. Его единственный сын Ярослав наследовал от отца не только княжество, но и вражду с Изяславом, который в переговорах с Гезой прямо предлагал захватить и разделить всю Владимирову «волость». В 1153 г. между галицкими и киевскими войсками у Теребовля на реке Серете состоялась крупная битва. Галицкие бояре отправили Ярослава с поля битвы под защиту городских стен, боясь потерять «отчича», а сами стали сражаться за свою династию и самостоятельность Галицкой земли. Галичане бились не на живот, а на смерть, и, хотя многие из них были убиты и взяты в плен («бысть плачь великъ по всеи земли Галичьстѣи», — за-

[22] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 316—317.

[23] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 63.

[24] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 40—41.

[25] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 60, 261. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 260.

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 311—312; Т. 2. Стб. 315—316.

[27] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320.

[28] Там же. Стб. 406, 450—452.

канчивает рассказ о битве летописец), Изяслав вынужден был отступить[29].

Опираясь на усиливающееся боярство, Ярослав в дальнейшем проводил вполне самостоятельную политику, сохраняя мирные отношения с Венгрией, Польшей и Византией. Киевские и волынские князья, ценя мощь галицких «полков», неоднократно привлекали их в коалиции, формировавшиеся в те или иные периоды княжеских усобиц. Автор «Слова о полку Игореве» имел основания воспевать могущество Ярослава «Осмомысла», «высоко» сидящего на «златокованнем столе» и подпершего «горы Угорскыи своими железными плъки»[30].

Успешный в войне и дипломатии, Ярослав был несчастлив в браке. Личная жизнь правителей неизбежно имеет общественно-политическое измерение, и разлад в семье князя привел в конце концов к политическому кризису, разразившемуся в 1171—1172 гг. Рассказ галицкого летописца, вставленный в Ипатьевскую летопись, начинается с сообщения, что из Галича в Польшу бежала княгиня Ольга с сыном Владимиром и «многими» боярами[31]. У Ярослава была возлюбленная, некая Настаська, как ее пренебрежительно называет летописец, и от нее сын Олег (младше Владимира). Эта женщина, видимо, имела влияние на князя, и, в частности, благодаря ей в его окружении выдвинулась какая-то «Чаргова чадь» — клан либо группировка, лидер или ряд представителей которой были из кочевых тюркских народов. По-видимому, после смерти в январе 1171 г. киевского князя Глеба Юрьевича, брата Ольги, Ярослав вовсе перестал считаться с женой и старшим сыном. Это стало причиной их бегства. А галицким боярам угрожало возвышение фаворитов, чуждых их корпорации, которая складывалась поколениями.

Решили конфликт те бояре, которые остались в Галиче. Они были недовольны действиями князя, которые вели к расколу элиты и обострению отношений с соседями. Ярослава взяли под арест, «Чаргову чадь» «избили», Настаська была сожжена на костре в Галиче (видимо, обвиненная в колдовстве), а ее сын отправлен «в заточение». Князя заставили «уладиться» с женой и старшим сыном. Хотя те уже в 1173 г. снова ушли от Ярослава (жена на этот раз окончательно)[32], в отношениях со знатью князь позднее соблюдал традиционные порядки, и это было залогом внутриполитической стабильности княжества.

С тех пор практически во всех летописных сообщениях из истории Галицкой земли бояре выступают главной силой, определяющей ее развитие. В историографии давно обращалось внимание на это явление и много писалось об «олигархическом» строе в Галиче. Действительно, к концу XII в. вместе с экономическим ростом в этой области значительно усиливается и местная знать. Вместе с тем не стоит преувеличивать ее могущество. Возможности ее политического маневрирования и выбора правителя были ограничены рядом объективных условий, прежде всего отношениями с другими землями Руси и соседними государствами. Бояре были заинтересованы в стабильной княжеской власти, которая служила бы арбитром в их среде и регулятором социальных отношений.

Позднее, особенно в 1210—1220-х гг., галичане иногда действуют фактически по принципу «вольности в князьях», подобному тому, какой укоренился в Новгороде. Вероятно, реализация этого принципа была возможна тогда, когда боярам удавалось достичь согласия не только между собой,

[29] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466—467.

[30] Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Вступ. ст., примеч. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 22.

[31] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 564.

[32] Там же. Стб. 571—572.

но и с горожанами, значение которых в это время тоже вырастает и которые выражают свое мнение на вече (как и в других русских землях). В источниках нет никаких намеков на то, что бояре имели какую-либо особую политическую программу; они боролись не за какой-то другой строй («олигархию»), а лишь за то, чтобы правитель не нарушал сложившиеся в их среде иерархию и порядок доступа к властным и материальным ресурсам. «Выбирать» правителя галичанам приходилось просто потому, что в конце XII в. пресеклась династия их «отчичей» — потомков Ростислава (см. ниже).

Согласно завещанию Ярослава, его преемником в Галиче должен был быть Олег (младший сын от Настаськи), а Владимиру доставался Перемышль. Завещание скрепили клятвой и бояре, но сразу после смерти Ярослава (1187) они изгнали Олега (после этого о нем ничего не известно), а Владимира посадили в Галиче. Вскоре выяснилось, что и Владимир многих из них не устраивает. В 1188 г. князя вынудили бежать, а призвали Романа Мстиславича, князя Владимиро-Волынского. Выбор был обусловлен, видимо, с одной стороны, династическими связями (дочь Романа была замужем за одним из сыновей Владимира), а с другой — экономическими и бытовыми связями Галича с Волынью. Предполагалось, что Роман оставит свои волынские владения и будет княжить только в Галиче[33].

Но Роман тоже не сумел добиться единства элиты и обеспечить защиту земли от венгров, у которых попросил помощи Владимир и которые пошли на Галич. Казалось, галицких бояр мог бы устроить договор с венгерским королем Белой III, который дал им «весь наряд», поставив правителем в Галиче своего сына Андраша (а Владимира посадив в заточение)[34]. На практике получилось, что присутствие венгров нарушило систему взаимоотношений с другими землями Руси и принесло ряд неудобств самим галичанам (в частности, начались трения на религиозной почве). Часть боярства решила призвать Ростислава, сына Ивана Ростиславича Берладника, который в тот момент жил у Давыда Ростиславича Смоленского на положении служебного князя. Но и этот вариант не сработал, поскольку Ростиславу явно не хватало поддержки у населения; он погиб при попытке утвердиться в Галиче силой (1189). В конце концов, галичане снова признали власть Владимира Ярославича, который бежал из Венгрии и нашел помощь в Польше. Заручившись протекцией Всеволода, князя Владимиро-Суздальского, он снова занял отчинный престол в 1189 г.[35]

Владимир правил в Галиче до смерти около 1199 г. Неизвестно, при каких обстоятельствах он умер и успел ли кому-то завещать престол. Из летописного рассказа о событиях 1187—1189 гг. следует, что у него были сыновья от какой-то попадьи, но позднее источники о них ничего не сообщают. После смерти Владимира в Галиче вокняжился Роман Мстиславич, ранее там уже правивший и имевший поддержку[36]. На этот раз ему не пришлось отказываться от Владимира Волынского, и он объединил эти земли, став наиболее могущественным из русских князей. Благодаря военным победам, политико-династическим связям и концентрации ресурсов он смог сплотить галицкое боярство, причем не обошлось и без репрессий: по летописи, некоторые бояре были изгнаны из Галича[37], а согласно сообщению польского хрониста Винцен-

[33] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 657, 659—660.

[34] Там же. Стб. 661.

[35] Там же. Стб. 666—667.

[36] Некоторые галицкие бояре покинули Галич с Романом, еще когда он пытался овладеть городом в 1188 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 661), и, очевидно, поддерживали его до 1198—1199 гг.

[37] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.

тия Кадлубка, некоторые были казнены в Галиче[38]. В своей хронике Кадлубек обосновывал права малопольской знати распоряжаться краковским престолом, выступая сознательным сторонником «олигархического» строя правления, и отрицательный образ русского князя Романа, представавшего «тираном», служил этим идеям[39]. Не исключено, что галицкие бояре-эмигранты, оказавшиеся в Польше, могли познакомиться с этими идеями и позднее пытаться реализовать их уже в своей земле (ср. ниже о связях с Венгрией).

После неожиданной гибели Романа (19 июня 1205 г.) его вдова довольно энергично пыталась отстоять права малолетних сыновей Даниила и Василька на Галич. Даниилу целовали крест галичане[40]. Позднейший придворный историограф Даниила, автор так называемого «Летописца Даниила Галицкого» (составившего часть Ипатьевской летописи), особенно отмечал, что ей удалось заручиться покровительством венгерского короля Андраша II (правившего еще королевичем в Галиче в 1188—1189 гг.)[41]. Ценой этого покровительства стали владельческие претензии короля, который в 1206 г. впервые использует титул «rex Galiciae et Lodomeriae»[42].

Однако на Галич обнаружилось слишком много претендентов среди князей Руси, и в этой ситуации галицкие бояре предпочли принять кого-то из них, способного договориться с прочими. Выбор пал на представителя черниговского клана Рюриковичей князя Владимира Игоревича, мать которого была дочерью галицкого князя Ярослава Осмомысла (Ярославна — героиня «Слова о полку Игореве»)[43]. В 1206 г. Владимир пришел в Галич со своими младшими братьями, одного из которых сначала даже приняло боярство Владимира Волынского — и в этом, конечно, сказались тенденции единства Волыни и Галича, обозначившиеся при Романе. Позднее, однако, Игоревичи потеряли Владимир и расселись в Галицкой земле, где были возобновлены княжеские столы в Перемышле, Звенигороде и Теребовле.

Разделение Галицкой земли на несколько княжеств не способствовало единству местной элиты[44]. Между ней и Игоревичами и между самими Игоревичами возникли какие-то трения. В 1210 г. галичане избавились от черниговских князей, пригласив венгров во главе с палатином Бенедиктом Бором, который стал править от имени короля. В 1211 г. Игоревичей снова позвали в Галич, но те, придя в город, решили расправиться со знатью, очевидно, недовольные ее непостоянством. По словам летописца, «избьени» были 500 бояр[45]. Цифра эта, вероятно, преувеличена, но резня была, действительно, из ряда вон выходящей. Во всяком случае только этим можно объяснить тот факт, что выжившие бояре, снова призвав венгров, не только свергли власть Игоревичей (сентябрь 1211 г.), но и выпро-

---

[38] *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарии. М., 1990. С. 95—97, 110—112 (Magistri Vincentii Chronica Polonorum; IV, 24).

[39] См.: *Флоря Б. Н.* Польская общественная мысль на переломе от раннего к развитому Средневековью // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII—XIII вв.). М., 2012. С. 251.

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.

[41] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717. О Галицко-Волынской летописи и Данииле Галицком см. литературу, указанную в ч. 3, гл. 7.

[42] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. T. 3. Vol. 1. Budae, 1829. P. 31—32.

[43] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 427—428.

[44] С начала XIII в. данных о представителях галицкой элиты становится все больше, и ее «личный состав» и даже родственные связи можно представить сравнительно подробно (см.: *Jusupović A.* Elity ziemi Halickiej i Wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205—1269). Studium prozopograficzne. Kraków, 2013).

[45] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 724.

сили у венгров трех из них «на повѣшение» «мьсти ради» — казнь, небывалую в истории Руси[46].

На этот раз венгерский король предпочел передать Галич юному Даниилу Романовичу (ему в тот момент было около 10 лет) как своему ставленнику (вассалу). Фактически управление землей было в руках знати, которая, впрочем, и с венграми конфликтовала. В 1212—1213 гг. венгерскому королю пришлось дважды собирать военные экспедиции в Галич. Первая из них, несмотря на репрессии против бояр, не принесла результата, и Даниил с матерью вынуждены были бежать из города. В Галиче на короткое время вокняжился пересопницкий князь Мстислав Ярославич Немой из клана волынских Изяславичей. Мстислав и ранее рассматривался галицкими боярами как один из претендентов на их землю, хотя современным историкам неясно, какие были у него права на галицкий престол[47]. Осенью 1213 г. король был вынужден прекратить поход на Галич из-за внутренних неурядиц и послал туда лишь какой-то отряд; теперь от его имени там стали править просто сами бояре. Володислав Кормиличич, один из наиболее могущественных бояр, тесно связанный с венграми, даже сам «сѣде на столѣ» княжеском, если верить летописцу Даниила, сообщающему об этом с крайним негодованием[48].

Но галичанам самим, хотя и с венгерской поддержкой, трудно было бороться с русскими князьями, не желавшими отказываться от прав на Галич и собиравшими мощные коалиции против боярских «полков». Под угрозой потери Галича король Андраш в 1214 г., выгнав Володислава, перешел от «режима протектората» к фактически прямому правлению, формально сделав правителем земли шестилетнего сына Коломана (тот получил титул «короля Галиции»). При этом он договорился с польским князем Лешеком Белым, имевшим влияние на Волыни, о союзе (Коломан был обручен с трехлетней дочерью Лешека) и разделе: Галич доставался венграм, а Перемышль — полякам. Однако в 1215 г. король отобрал Перемышль у Лешека, и целостность Галицкой земли была восстановлена. Можно предполагать, что это было сделано под нажимом галичан[49].

Под властью венгров Галицкая земля оставалась до 1218 г. Источники дают нам мало сведений об этом периоде. Но ввиду того, что в 1217—1218 гг. король Андраш был занят в Пятом крестовом походе и не мог лично контролировать ситуацию в Галиче, надо думать, что эта власть была довольно устойчива. О недовольстве галичан ничего не известно. Даже появление в Галиче католического духовенства, претендовавшего на церковные здания и имущество[50], не вызывало как будто никакой реакции ни со стороны местного населения, ни со стороны русских князей. Очевидно, венгры нашли некий modus vivendi с галицкими боярами и вообще с жителями Галицкой земли, многих из которых связывали с

[46] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727; ПСРЛ. Т. 25. С. 108. Из известия об этом событии Новгородской летописи следует, что галицкие бояре, осуществляя казнь, опирались на поддержку смоленско-киевского клана Рюриковичей (внуков Ростислава Мстиславича) (НПЛ. С. 53).

[47] Ср. обсуждение этого вопроса: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). 2-е изд., испр. и доп. / Пер. и вступ. слово К. Ерусалимского, О. Остапчук. СПб., 2015. С. 297—298. (Studiorum Slavicorum orbis; Т. 10).

[48] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 729. См. о Володиславе: *Jusupović A.* Elity ziemi Halickiej i Wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205—1269). Studium prozopograficzne. S. 276—287.

[49] О силовом давлении галичан писал король в письме папе Иннокентию III: Monumenta Poloniae Vaticana / Ed. J. Ptaśnik. T. 3. Cracoviae, 1914. № 3.

[50] ПСРЛ. Т. 25. С. 110.

Венгрией тесные контакты разного характера, но прежде всего экономические[51]. В условиях средневекового децентрализованного строя этнические и религиозные различия относительно легко преодолевались династическими и вассально-политическими соглашениями между региональными элитами, исходившими скорее из материально-практических, а не «национальных» интересов.

Угрозу власти венгерского короля составляло не столько «народное недовольство», сколько претензии русских князей, опиравшихся на связи своих подданных с жителями Галицкой земли и имевших, естественно, своих «приятелей» в тамошней элите. Еще в 1215 г. в галицкие дела пытался вмешаться князь Мстислав Мстиславич из клана смоленских Рюриковичей, занявших во втором десятилетии XIII в. едва ли не важнейшее место в системе общерусских княжеских отношений. Неизвестно, что именно связывало Мстислава с Галичем[52], но он имел здесь поддержку. Используя помощь своих родичей, он в 1218 г. смог захватить Галич, победив объединенно войско галичан и венгров, а также чехов, мораван и поляков, которые находились в городе, видимо, в качестве наемников[53].

Мстислав, имевший к тому времени политический опыт и славу военных побед, сумел в конце концов утвердиться в Галиче, хотя ему еще пришлось и сражаться с королевичем Коломаном (который на время — видимо, с конца 1219 по начало 1221 г. — выгнал его из Галича), и выстраивать отношения с галицкими боярами (иногда идя с ними на компромиссы, а иногда прибегая к силе). Мстислав заключил династические союзы с главными «игроками», разыгрывавшими тогда «галицкую карту»: одну дочь он выдал замуж за Даниила Романовича, вторую за другого венгерского королевича — Андраша (младшего сына Андраша II)[54].

Но, видимо, значение венгров было больше, чем Даниила. Их поддерживали и бояре. «Летописец Даниила Галицкого» особенно подчеркивает тесную связь с венграми одного из лидеров боярства той поры Судислава (представлявшего, видимо, тот же клан, что и вышеупомянутый Володислав)[55]. Удовлетворяя интересы венгров, Мстислав вынужден был передать им Перемышль, и там в 1224—1226 гг. правил королевич Андраш. Но раздел Галицкой земли вряд ли мог понравиться местной элите. После очередного конфликта венгров и Мстислава в 1227 г. был достигнут компромисс. При прямом участии Судислава, очевидно, выражавшего позицию боярства, Мстислав отдал Галич Андрашу, оставив себе только Понизье и удалившись в Торческ (где и умер в 1228 г.).

Галич снова перешел под власть венгров, а главным претендентом на него со стороны Руси стал Даниил. В 1230 г. Даниил взял Галич, но, просидев там больше года, закрепиться не смог. Заняв город после Даниила, королевич Андраш фактически начал войну с Волынью, которая шла с переменным успехом. Зимой 1233/1234 гг.

---

[51] См. новейшее исследование об этих связях: *Волощук М. М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI — друга половина XIV ст.): Суспільно-політична роль, майнови стосунки, міграції. Івано-Франківськ, 2014. Особенно с. 174 (о Володиславе), 391—393 (выводы).

[52] Есть гипотеза о связи Мстислава с династией Ростиславичей по женской линии (см.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 133—134). О первых упоминаниях Мстислава Мстиславича в связи с Галичем см.: *Домбровский Д.* Вступление Мстислава Мстиславича в борьбу за Галич // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 170—196.

[53] НПЛ. С. 59, 260—261. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 260.

[54] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731—738. Последовательность и хронология событий 1215—1222 гг. не вполне ясна; для их восстановления лучше придерживаться расчетов М. С. Грушевского и Н. Г. Бережкова.

[55] См. о нем: *Jusupović A.* Elity ziemi Halickiej i Wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205—1269). Studium prozopograficzne. S. 243—262.

королевич умер в голодающем Галиче, осажденном Романовичами, и с согласия галицких бояр там вокняжился Даниил[56]. Однако он оказался вовлечен в борьбу за Киев между князьями Владимиром Рюриковичем из смоленского клана и Михаилом Всеволодичем из черниговского и, когда в середине 1235 г. потерпел поражение в этой борьбе, должен был оставить Галич. Галичане приняли Михаила, который, будучи женат на дочери Романа Мстиславича (сестре Даниила), имел формальные основания для притязаний на Галич[57]. При этом Михаил, видимо, договорился с венграми. Во всяком случае, когда осенью 1235 г. Даниил приехал в Венгрию на коронацию нового венгерского короля Белы IV (старшего сына Андраша II) и даже участвовал в ней в качестве его вассала[58], поддержки своим галицким притязаниям он от короля не получил. Позднее в Галиче при Михаиле летопись отмечает «угор множество», то есть многочисленный венгерский гарнизон[59].

Таким образом, около 30 лет с момента, как венгерский король принял титул «короля Галиции и Лодомерии», до монгольского нашествия на Русь он и был фактически главным правителем Галицкой земли. Венгры испробовали разные формы управления, но наиболее эффективной формой оказалась передача Галицкой земли в номинальное правление королевича под контролем венгерского гарнизона и, видимо, с привлечением различных наемных сил. Даже если правили русские князья, они должны были договариваться с венгерским королем на тех или иных условиях, и без его поддержки удержать власть удавалось только на короткое время.

Сильные позиции венгерского короля в Галиче надо объяснять прежде всего сочувствием боярства. В этом отношении можно верить «Летописцу Даниила Галицкого», который вообще-то весьма тенденциозен в патетических прославлениях Даниила и осуждениях его врагов. Вероятно, боярство связывали с Венгрией не только торгово-экономические интересы — привлекательным был также тот принцип договорных отношений между правителем и служащей ему высшей и низшей знатью, который утвердился при дворе венгерского короля в начале XIII в. и был закреплен в знаменитой «Золотой булле» короля Андраша II 1222 г. Этот принцип подразумевал значительные ограничения власти правителя[60]. Большинству русских князей такой порядок был чужд, и в борьбе за Галич им приходилось рассчитывать больше на его историко-культурное и религиозное единство с Русью, а также использовать социальные противоречия — в первую очередь разногласия между магнатами, опиравшимися на свои клиентелы и земельные владения, и противостоящими им служилыми элементами и горожанами.

Нашествие Батыя на Русь, а затем и его поход в Венгрию и другие европейские государства кардинально изменили устоявшийся уклад жизни не только в Галицкой земле, но и во всей Восточной Европе. В новых условиях Галич оказался под властью Даниила, который, заняв город под конец 1238 г., уже не отдавал его никому и завещал своим потомкам. При Данииле была возрождена та связь Волыни и Галичины, которая наметилась при его отце на рубеже XII—XIII вв.

---

[56] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 771.

[57] НПЛ. С. 74, 284; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 775—776.

[58] Даниил во время церемонии вел коня Белы IV: Chronici hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores rerum hungaricarum. T. I. Budapestini, 1937. P. 467.

[59] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776.

[60] Ср.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 482—500.

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Полоцкая земля обособилась как отдельное княжество в конце X в. под властью сына Владимира — Изяслава (внука полоцкого князя Рогволода) и его потомков. Сын Изяслава Брячислав попытался воспользоваться смутами, происходившими на Руси после смерти Владимира, для усиления своего княжества. В 1021 г. он сумел занять и разорить Новгород, но Ярослав затем нанес поражение его войску[1]. Полоцкий князь, очевидно, представлял собой внушительную силу, так как Ярослав предпочел заключить союз с Брячиславом, уступив ему Витебск и Усвят, важные центры, лежавшие на «пути из варяг в греки»[2]. В дальнейшем союз этот сохранялся, и Брячислав участвовал в войнах Ярослава — вероятно, в походах его войска на Литву, ятвягов и Мазовию. Такие отношения поддерживались и в начале правления сына Брячислава Всеслава, который в 1060 г. участвовал вместе с сыновьями Ярослава в походе на торков[3].

К этому времени длительных союзных отношений с Киевом следует, вероятно, относить и создание особой Полоцкой епархии, и связанное с этим событием строительство главного храма княжества — собора Св. Софии[4]. Давая своему главному храму такое посвящение, полоцкие правители стремились показать, что он не уступает по своему значению таким важнейшим центрам Руси, как Киев и Новгород. Вероятно, в это время Полоцк стал и одним из центров распространения только что зародившегося борисоглебского культа: Всеслав дал своим четырем сыновьям имена Борис, Глеб, Роман и Давыд.

XI век был временем успешного развития Полоцкой земли. У Полоцкого «детинца» сложился обширный посад общей площадью «не менее 180 га»[5], отмечается и быстрое увеличение количества сельских поселений[6], большие клады западноевропейских денариев говорят о развитии торговли со странами Западной Европы[7].

К тому времени, когда Полоцкая земля была единым и сильным государственным образованием, следует отнести формирование у нее обширной зоны влияния в южной части Прибалтики. О размерах этой «зоны влияния» дает представление помещенный во вводной части Повести временных лет перечень данников Руси, в котором фигурируют литва, «зимегола» — земгалы,

---

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 146; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 133.

[2] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 173; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 148, 150—151.

[3] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163; Т. 2. Стб. 151—152.

[4] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 39. Полоцкая София обнаруживает сходство с киевскими постройками первой половины — середины XI в. (Полоцк. Минск, 2012. С. 133—134).

[5] Полоцк. С. 80.

[6] Там же. С. 95.

[7] Там же. С. 377—378.

«либь» — ливы, «корсь» — курши[8]. «Зона влияния» была весьма обширной, но, вероятно, как и в земле эстов, речь должна идти об уплате дани, которая вымогалась с помощью военной силы, и такие походы не всегда заканчивались успешно. Так, в 1106 г. «победиша Зимегола Всеславичь всю братью»[9]. Более прочными были позиции в бассейне Западной Двины, где в начале XIII в. стояли крепости Кукейнос и Герцике — опорные пункты влияния, в которых сидели члены полоцкого княжеского рода, взимавшие дань с окрестного населения[10]. Как показали результаты археологических исследований, оба эти пункта уже существовали в XI в.[11]

Вероятно, возможности экспансии в этом направлении или были исчерпаны, или не обещали хороших перспектив, так как в политике князя Всеслава с 1060-х гг. явно проявилось стремление усилить свои позиции за счет русских соседей. Первым объектом его нападений стала Новгородская земля — в 1065 г. осаде подвергся Псков[12]. В следующем, 1066 г., Всеслав захватил и разграбил Новгород: церковная утварь из собора Св. Софии в Новгороде ушла в Полоцк[13]. Эти нападения привели к войне Всеслава со старшими сыновьями Ярослава Мудрого и его заключению в киевскую тюрьму. Освободившись в результате восстания киевлян, Всеслав в 1069 г. предпринял новое нападение на Новгород[14].

В 1070-х гг. начались конфликты на смоленской границе, что привело к походам на Полоцк в конце 1070-х гг. и киевского князя Всеволода Ярославича, и его сына Владимира Мономаха. В ответ на это Всеслав «Смолнеськ ожже»[15]. Очевидно, что в 1060—1070-х гг. Всеслав пытался осуществлять политику активной экспансии по отношению к соседям. Порой при этом он достигал успехов, что говорит о наличии в его распоряжении крупных сил.

В 1001 г. Всеслав умер, и Полоцкая земля оказалась разделена на ряд княжеств. Старший из сыновей — Давыд — сел в Полоцке, Глеб — в Минске, Борис-Рогволод — в Друцке, возможно, тогда же столицей особого княжества стал и Витебск[16]. В такой ситуации князья Полоцкой земли могли бы играть заметную роль в междукняжеских отношениях, если бы они смогли выступать совместно, единой группой, но есть основания полагать, что между ними довольно скоро начались конфликты. В 1104 г. Давыд Всеславич участвовал в походе войск южнорусских князей против его брата Глеба[17]. Попытки в новых условиях продолжать такую политику, которую ранее вел Всеслав, могли иметь для инициаторов подобных действий весьма неприятные последствия. Во втором десятилетии XII в. такой политики по отношению к соседям придерживался князь Глеб Минский. В составе его владений к этому времени оказались смоленские Орша и Копысь, а в 1116 г. он напал на землю дреговичей и сжег Слуцк. Это привело его к конфликту с киевским князем Владимиром Мономахом. Последовал поход войск целого союза князей во главе с Мономахом на Минск, смоленские воло-

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 8.

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281; Т. 2. Стб. 258.

[10] См. подробнее: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966. С. 169—170.

[11] Там же. С. 169—172.

[12] Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 18.

[13] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 17.

[14] Там же.

[15] Об этом говорится в «Поучении» Владимира Мономаха: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247—248.

[16] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. С. 252—253.

[17] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280; Т. 2. Стб. 256.

сти были отвоеваны, город Друцк «взят на щит», и Глеб, осажденный в Минске, капитулировал[18]. Позднее Мономах «выведе» Глеба из Минска, и он умер в Киеве[19].

В конце второго десятилетия XII в. произошли важные перемены в отношениях между населением Полоцка и княжеской властью. Толчком для них стал конфликт между киевским князем Мстиславом, сыном Мономаха, и сидевшим в Полоцке старшим членом местного княжеского рода Давыдом Всеславичем. К Полоцку в 1128 г. направилось войско, собранное во многих землях Древней Руси. В этих условиях полочане, как сообщает киевская летопись, «выгнаша Давыда и с сынми» и «поимше» его брата Бориса-Рогволода, обратились к Мстиславу, «просяще и́ собе князем»[20]. Более поздняя историческая традиция связывала с именем Бориса-Рогволода важные перемены в отношениях между князем и полочанами: он «был ласкав на подданных своих и дал им <...> волности и вечо мети, и в звон звонити и по тому ся справовати, яко у Великом Новгороде и Пскове»[21]. Вероятно, Борис-Рогволод был первым князем, заключившим с полочанами «ряд» — договор, определявший условия, на которых он будет править княжеством. Установившийся порядок сохранялся, по-видимому, недолго. В 1129 г. Борис-Рогволод умер, а затем, когда полоцкие князья не прислали войска на войну с половцами, Мстислав их арестовал и отправил в ссылку в Византию, «и мужи своя посади по городом их»[22]. В Полоцке стали править сыновья Мстислава — Изяслав и Святополк. Но после смерти Мстислава положение изменилось. Уже в 1132 г. полочане, воспользовавшись поездкой Изяслава к новому киевскому князю Ярополку, «выгнаша» его брата Святополка, «а Василка посадиша Святославича» — сына одного из сосланных князей[23]. С этого времени, как представляется, практика заключения «ряда» между полочанами и выбранным ими князем должна была возобновиться.

Ряд известий середины XII в. определенно говорит о попытках полоцкого веча распоряжаться княжеским столом в своих интересах, удаляя неугодных князей. Так, в 1151 г. «яша полочане Рогволода Борисовича, князя своего и послаша Меньску, а Глебовича к себе уведоша»[24].

В этих условиях в Полоцкой земле стал складываться своеобразный политический строй, ряд черт которого получил отражение в установлениях более позднего времени.

Как показал еще в начале XX в. И. В. Якубовский, черты древнего «ряда»-договора обнаруживаются в тексте привилея короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I Полоцкой земле 1511 г. В этом документе исследователь выявил ряд статей с архаической для начала XVI в. терминологией, которые имеют прямые аналогии в договорах Новгорода с князьями второй половины XIII — начала XIV в.[25] И. В. Якубовский полагал, что соответствующие права Полоцк должен был приобрести позднее Новгорода, но с этим положением трудно согласиться. Приведенные сведения ясно показывают, что полоцкое вече стало распоряжаться княжеским столом раньше, чем

[18] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 282—283.

[19] Там же. Стб. 285.

[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299; Т. 2. Стб. 293.

[21] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 130; анализ этого свидетельства см.: *Флоря Б. Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 111—113.

[22] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295, 304.

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.

[24] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 445—446.

[25] *Якубовский И. В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июнь. С. 276—278 (реконструкция «ряда» — с. 296).

новгородское. Также следует иметь в виду, что правившие в Новгороде князья часто могли рассчитывать на могущественную внешнюю поддержку, а полоцкому вечу противостояли только вернувшиеся из Византии члены местного княжеского рода, стремившиеся занять главный стол земли.

Поэтому есть основания полагать, что выявленные И. В. Якубовским следы «ряда» могут восходить к достаточно раннему времени. Разумеется, следует учитывать, что в документе 1511 г. разного рода нормы, характеризовавшие раньше отношения князя и полочан, определяют отношения полочан и воеводы — представителя королевской власти в Полоцке. Нормы эти касались прежде всего судебной власти князя. Вступая на стол, он должен был «крест целовати к полочаном на том, што ж без их справы полочанина не казънити ни в чом». Устанавливалось также, что ему следует «одному не судити, судити ему с бояры и с мешчаны». Устанавливалось, что он должен «судити <...> на городе»[26]. Предусматривалось, что ни князю, ни его слугам не следует «ездить по волости Полоцкои». Если бы князь отправился на охоту, то следовало его «по станом не дарити». Особым установлением княжеским слугам запрещалось держать «тивунство городское»[27].

Как отмечено в привилее, в Полоцке издавна городские весы «деръжали бояре посполу с мешчаны» и доходы от взвешивания товаров поступали в их пользу[28]. Очевидна определенная аналогия с порядками, установившимися в Новгороде во второй половине XII в., с тем различием, что в Новгороде весы для взвешивания воска находились в руках объединения новгородских купцов.

Одно из установлений содержало обязательство правителя «не вступатися в церкви Божьи и в именья церковные без воли» полочан. По более поздним свидетельствам, существовал, как и в Новгороде, коллективный патронат городской общины и над полоцкой епископской кафедрой, и над основанным во второй половине XII в. женским Спасо-Евфросиньевым монастырем[29].

Последующие исследования, вероятно, позволят установить, когда полностью сложилась эта совокупность норм, близких к новгородским порядкам.

Вместе с тем в положении полоцкого веча по сравнению с новгородским были и невыгодные стороны. Если не считать особого статуса Пскова, на огромной территории Новгородской земли не было какого-либо центра, самостоятельного по отношению к Новгороду, — на всю эту территорию распространялась власть новгородской городской общины и стоявших во главе нее новгородских бояр. В Полоцкой земле имелся целый ряд независимых от Полоцка городских центров, таких как Друцк, Минск, Витебск, где сидели члены княжеского рода, достаточно часто находившиеся в неприязненных отношениях с полоцким князем. Власть полоцкого веча и возглавлявших его полоцких бояр распространялась лишь на часть Полоцкой земли. Это определяло и более слабую позицию бояр по отношению к населению города, и характер поведения полоцкого веча по отношению к соседям. В этом плане заслуживает особого внимания сообщение Ипатьевской летописи под 1151 г., где говорится, что, посадив на полоцкий стол князя Ростислава Глебовича, полочане одновременно «прислашася» к могущественному соседу, одному из черниговских князей Святославу Ольговичу, «яко имети отцем собе и ходити в послушаньи его, и на том целоваша крест»[30]. Об-

[26] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. 3. М., 1980. № 323. С. 87, 90. См. и известие Ипатьевской летописи о событиях 1167 г.: князь «вниде в Полтеск и целова крест с полочаны» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526).

[27] Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. 3. № 323. С. 88, 90.

[28] Там же. С. 88.

[29] Там же. № 329. С. 89, 90; РИБ. Т. 30. Юрьев, 1914. Стб. 286.

[30] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 445—446.

ращает на себя внимание, что, фактически не считаясь с избранным князем, действуя независимо от него, полоцкое вече одновременно проявляет готовность подчиниться верховной власти соседнего значительного князя. Ничего подобного в действиях новгородского веча проследить нельзя.

1150-е — начало 1160-х гг. стали временем борьбы за полоцкий стол между правителями Друцка — сыновьями Бориса-Рогволода и сидевшими в Минске сыновьями Глеба Всеславича. Во внутреннюю жизнь Полоцкой земли этого времени позволяет заглянуть подробный рассказ Ипатьевской летописи о событиях 1159 г.[31] Рассказ этот привлекал внимание исследователей своими сведениями об активном участии в событиях городского населения не только Полоцка, но и Друцка, горожане которого изгнали своего князя Глеба Ростиславича «и двор его разграбиша и дружину его». Отец Глеба, утратив поддержку полоцкого веча, был вынужден уйти в Минск. В летописи приведен рассказ о переговорах полочан со своим прежним князем Рогволодом Борисовичем. Полочане потребовали у него присяги, что он не будет мстить за прежнее изгнание, и князь целовал крест. О большой зависимости князя от веча говорит и другое свидетельство. В 1162 г. Рогволод потерпел поражение в борьбе с одним из своих противников и не решился вернуться в Полоцк, «занеже множество погибе полотчан, полотчане же посадиша в Полотьски Василковича»[32].

Рассказ Ипатьевской летописи о событиях 1159 г. рисует картину активного вмешательства во внутреннюю жизнь Полоцкой земли соседних политических центров. Рогволоду Борисовичу для борьбы за полоцкий стол дал свой «полк» Святослав Ольгович, а затем Ростислав Мстиславич Смоленский прислал ему на помощь двух сыновей с войском. Позднее смоленское влияние в Полоцкой земле еще более усилилось. В 1165 г. один из смоленских князей, Давыд Ростиславич, «седе Витебськи»[33]. Под 1167 г. в той же летописи читается, что Давыд Ростиславич князя Всеслава Васильковича «посла Полотьску»[34] — занять полоцкий стол.

В борьбе со смоленской экспансией полоцкие князья искали помощи у черниговских правителей. В 1195 г. один из главных городов земли — Витебск — стал предметом споров между главой смоленского княжеского рода Рюриком и Ярославом Черниговским[35]. В условиях войн и разорений начался хозяйственный упадок — сократилась площадь полоцких посадов со 180 до 70 га, стало уменьшаться количество сельских поселений[36].

Для исторических судеб Полоцкой земли важным стало изменение характера отношений с соседними литовскими землями в связи с развитием в них процессов, которые привели в XIII в. к образованию Литовского государства.

Еще в 1160—1180-е гг. отряды литовских воинов участвовали в борьбе между членами полоцкого княжеского рода[37], но затем начались походы литовцев на Полоцкую землю. В «Слове о полку Игореве» рассказывается о князе Изяславе Васильковиче, который хотел пойти по стопам своего «деда» Всеслава и погиб в сражении с литовцами[38]. В 1191 г. новгородский князь

[31] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 493—496.
[32] Там же. Стб. 519.
[33] Там же. Стб. 525.
[34] Там же. Стб. 527.
[35] Там же. Стб. 692—693.
[36] Полоцк. С. 80, 95.
[37] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 14—15.
[38] Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Вступ. ст., примеч. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 24.

Ярослав Владимирович посетил Великие Луки, «позван полотьскою княжьею и полочаны». Обсуждался вопрос о совместной борьбе с литовцами[39]. С начала XIII в. литовские набеги резко усилились. Литовские отряды беспрепятственно нападают на новгородские волости, проходя через Полоцкую землю[40]. В 1225 г. литовцы «много зла створиша, воюя около Новагорода и около Торопча и Смолиньска и до Полтеска»[41]. В 1225—1226 гг. Полоцк смог избавиться от литовцев лишь благодаря смоленскому князю Мстиславу Давыдовичу[42].

Ослабленная набегами литовцев, Полоцкая земля не смогла противодействовать натиску крестоносцев, основавших в 1201 г. в устье Западной Двины город Ригу и тем самым вторгшихся в полоцкую «зону влияния» в Южной Прибалтике. Полоцкий князь Владимир пытался препятствовать действиям крестоносцев, но осада поставленных ими замков оказалась безуспешной, а затем объектом агрессии стали земли на Западной Двине, где стояли крепости полоцких князей. Князь Кукейноса Вячко был вынужден оставить город, а князь Герцике Всеволод признал себя вассалом Ордена. Владимир Полоцкий не оказал помощи этим князьям, а по договору, заключенному в 1212 г., отказался от притязаний на земли, занятые крестоносцами в Южной Прибалтике[43].

В ослабленной борьбой с набегами литовцев и с крестоносцами стране усиливалось смоленское влияние. После смерти князя Владимира в 1216 г. началась, по-видимому, борьба за полоцкий стол, и в 1222 г. «смолняне взяле Полтеск»[44], в Полоцке был посажен сын князя Мстислава Романовича Святослав[45]. В договоре 1229 г. Смоленска с Ригой и Готским берегом, определявшем условия торговли для «русских» и «немецких» купцов, в заключительной части указывалось: «Та же правда буде Русину [в Ризе] и Немчичю по Смоленьскои волости [и] по Полотьскои [и] по Витьбьскои»[46]. Таким образом, послы смоленского князя гарантировали, что такие условия торговли будут соблюдаться и в Полоцкой земле — свидетельство ее определенной зависимости от смоленского центра. Стоит отметить, что в договоре выступают отдельно друг от друга витебская и полоцкая «волости» и Полоцкая земля не рассматривается как единое целое.

Под 1239 г. в Лаврентьевской летописи отмечен поход владимиро-суздальского князя Ярослава Всеволодича на запад, когда он нанес поражение литовцам и посадил на смоленский стол своего кандидата[47]. Вероятно, тогда же в Полоцке утвердился представитель местной династии Брячислав, на дочери которого женился Александр Невский[48].

---

[39] НПЛ. С. 40.

[40] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 50—51.

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 447—448.

[42] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): Текст, перевод, комментарии / Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 206, 360, 449.

[43] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. С. 283—286.

[44] НПЛ. С. 263.

[45] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 233—234.

[46] Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. / Под ред. С. В. Юшкова; Сост. А. А. Зимин. М., 1953. С. 69.

[47] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[48] НПЛ. С. 77.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Об основании на реке Трубеж, левом притоке Днепра, города Переяславля древнерусские летописи сохранили подробный рассказ. Он впервые появился в составленной в начале XII в. Повести временных лет. Согласно летописному повествованию, в 993 г. княживший в Киеве Владимир Святославич узнал, что на него от реки Сулы по левому берегу Днепра движется печенежская рать. Владимир собрал дружину, переправился через Днепр и на берегах Трубежа встретил кочевников. Ни печенеги, ни русские не отважились переходить реку. Тогда к берегу подъехал печенежский князь и предложил решить вопрос войны и мира сроком на три года путем единоборства печенежского и русского богатырей. Владимир согласился. Печенеги почти сразу же нашли громадного и свирепого воина. У русских же поиски не ладились. И тогда к Владимиру обратился старый воин, который с четырьмя сыновьями оказался в его полку. Он сказал, что оставил дома младшего сына, которого с детства никто не мог одолеть. Сына привели к Владимиру и устроили испытание. Отыскали крупного и сильного быка, прижгли его раскаленным железом и пустили на юношу. Бык яростно помчался вперед, но юноша схватил его за бок и вырвал кусок кожи с мясом. Князю стало ясно, что для поединка с печенегом найден достойный соперник. Утром юноша одолел противника. Печенежское войско бросилось бежать, а русское — сечь бежавших. В честь одержанной победы Владимир основал на месте единоборства город Переяславль.

Хотя в рассказе есть вроде бы реальные подробности, например, движение печенегов от реки Сулы, которая в годы создания Повести временных лет была пограничной рекой Переяславского княжества, испытание мужской силы разъяренным быком, незнание летописцем имени печенежского князя и противоборствовавших соперников указывает на то, что рассказ об основании Переяславля в конце X в. — это народное предание, которое объясняло название города как производное от «перенять славу» («зане перея славу отрок тъ»)[1].

На самом деле Переяславль был построен на несколько десятилетий раньше описанных в летописи событий. Он существовал еще при деде Владимира Святославича князе Игоре. В ту же Повесть временных лет наряду с преданиями были включены и вполне достоверные документальные материалы. Так, в статью 6453 (945) г. был вставлен текст русско-византийского договора 944 г., один из разделов которого предусматривал выплату византийским правительством «мѣсячного» содержания торговавшим в Константинополе гостям «[ис] Переяславля»[2]. Следовательно, Переяславль существовал уже в первой половине X в.

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 122—124.

[2] Там же. Стб. 49 и примеч. а.

Смысл строительства города на Трубеже — защита Киева с востока и юго-востока от нападений кочевников. Сначала это были хазары, затем венгры, печенеги, с XI в. — торки и половцы. Переяславль был построен близ Зарубского брода через Днепр и охранял этот брод. Рядом на Днепре лежал остров, который в XIII в. назывался Варяжским[3]. Видимо, и этот остров служил оборонительным заслоном при переходе кочевников с левого берега Днепра на правый. В административном подчинении Переяславля находился город Воинь, судя по названию — крепость с военным гарнизоном. Воинь располагался недалеко от впадения реки Сулы в Днепр и был самым южным древнерусским городом в этом регионе. Первоначальной его функцией была оборона не Посулья, как считают некоторые современные исследователи, а днепровского левобережья, поднимаясь по которому против течения Днепра, можно было достичь Киева.

В обороне Киева на Днепровском Левобережье Переяславль играл ключевую роль. Сам город был построен в крутой излучине Трубежа, течение которого защищало Переяславль с северо-восточной и юго-восточной сторон. С юго-запада защитой служила река Альта, правый приток Трубежа. Северо-западная сторона была напольной, и для успешной обороны переяславцев там был вырыт широкий ров и насыпан вал. От древнего Переяславля в настоящее время сохранилось городище, включающее крепость-детинец площадью 10 га и примыкающий к ней с севера окольный город площадью 80 га. Переяславль был одним из самых крупных городов Древней Руси и одним из самых укрепленных. До монгольского нашествия город ни разу не был взят осаждавшими его врагами, будь то кочевники или свои князья-соседи.

Когда после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. Древнерусское государство разделилось, Переяславль получил третий (из живших) сын Ярослава Всеволод. Переяславль оказался центром значительных владений. К нему были приданы лежавшие в Волго-Окском междуречье Ростов и Суздаль, а также Курск, который в 1020—1030-е гг. был черниговским.

В первые годы своего самостоятельного правления в Переяславском княжестве Всеволоду пришлось столкнуться с кочевниками. Появившиеся во второй четверти XI в. в причерноморских степях половцы со второй половины 1050-х гг. усилили свой натиск на запад и начали изгонять из степей другие кочевые народы. Эти народы вынуждены были уходить дальше в европейские пределы и занимать земли восточных славян. Последние должны были отстаивать заселенные ими территории. Уже в начале 1055 г. Всеволоду Ярославичу пришлось останавливать у Воиня бежавших от половцев торков (гузов). Произошло сражение, в котором торки потерпели поражение. Но с половцами, видимо преследовавшими торков, Всеволод заключил мир. С течением времени борьба между степными кочевниками принимала все больший размах. В 1060 г. Всеволод вместе со старшими братьями Изяславом и Святославом, а также с полоцким князем Всеславом предпринял большой упреждающий поход на торков в низовья Днепра. Русская рать была настолько многочисленна и грозна, что торки не приняли сражения и бежали. Летописец написал, что после этого бегства торки

[3] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 741. Контекст дает основание считать, что Варяжский остров лежал выше днепровских порогов. Более точное географическое определение этого острова содержится в Московско-Академической летописи — летописном своде второго десятилетия XV в. в списке 1480-х гг., где поясняется, что русские и половцы, выступившие в 1223 г. против монголов, пришли «на Зарубь к острову Варежьскому» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 505). Заруб — это место Зарубского брода. Процитированный текст сохранился также в Московском летописном своде конца XV в. и в Ермолинской летописи (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 119; Т. 23. СПб., 1910. С. 69). Обе последние летописи восходят к митрополичьему своду 1460-х гг.

стали умирать от разных причин и «тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ»[4]. Последнее, однако, было публицистической гиперболой. Вплоть до нашествия монголов в южных русских княжествах продолжала проживать часть торков, служивших Рюриковичам.

Вслед за убегавшими на запад торками в русских пределах появились их гонители половцы. Объектом их первого нападения стало Переяславское княжество, наиболее близкое к половецким кочевьям. Если в наступательных походах Всеволод мог действовать вместе со своими братьями и другими союзниками, то оборонять свое княжество ему приходилось одному, помощь просто не могла прийти вовремя. Нападения хана Искала зимой 1062 г. Всеволод отразить не сумел. Половцы одержали над ним победу и разграбили его княжество.

Особенно большой урон владениям Всеволода половцы нанесли в 1068 г. В сентябре того года близ стен Переяславля на реке Альте многочисленная половецкая конница разгромила объединенное войско Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей. Братья спаслись бегством. Изяслав и Всеволод укрылись в Киеве, Святослав — в Чернигове. Киевляне потребовали от Изяслава коней и оружия из его арсеналов для продолжения борьбы со степными врагами. Князь отказал. Тогда киевляне освободили содержавшегося в заточении полоцкого князя Всеслава Брячиславича и провозгласили его киевским князем. Изяслав и Всеволод бежали из города. Позднее Изяслав ушел в Польшу.

Появление на киевском столе полоцкого князя было беспрецедентным, оно нарушало все традиции и нормы княжеского властвования на Руси. В своих владениях оставались два младших брата Изяслава, которые имели больше прав на Киев, чем Всеслав. Но последний оказался человеком находчивым и расчетливым. Он уступил братьям Изяслава княжества, которыми владел их старший брат помимо Киева. Святослав получил Новгород, а Всеволод — Владимир Волынский. Главное же достояние Изяслава — Киев — Всеслав сохранил за собой. Это позволило ему избежать войны с младшими Ярославичами и вбить клин в их отношения со старшим братом.

Весной 1069 г. на западной границе русских земель появился Изяслав с многочисленной армией поляков во главе с Болеславом Смелым. Всеслав выступил против них, но в одну из ночей тайно бежал в свой Полоцк. Изяслав без сопротивления занял Киев и восстановил статус-кво, которое существовало до 1068 г. Владимир Волынский у Всеволода был отобран. Потеря Святославом Новгорода сблизила младших Ярославичей. Боясь расправы со стороны старшего брата, они составили заговор против него и весной 1073 г. изгнали из Киева. Изяслав вновь ушел в Польшу. Киевским князем стал Святослав. Со времен С. М. Соловьева считалось, что более молодой Всеволод получил второй по своему значению город Древней Руси — Чернигов, владение Святослава, а Переяславское княжество на какое-то время прекратило свое существование. Однако ранее С. М. Соловьева Н. М. Карамзин привел свидетельство Жития Феодосия Печерского, включенного в Киево-Печерский патерик, согласно которому Чернигов остался за Святославом, а Переяславль — за Всеволодом[5]. А М. С. Грушевский еще в 1891 г. указывал на то, что наградой Всеволоду за участие в заговоре против Изяслава стало не Черниговское княжество, а Туровское (из состава Киевского)[6].

---

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163.

[5] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2—3. М., 1991. С. 239 (примеч. 128 к т. 2).

[6] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 80 и примеч. 3.

Власть над Переяславским княжеством Всеволод сохранял всю свою жизнь. Даже когда в 1078 г. он стал киевским князем, он продолжал править и в Переяславле. Примерно в 1080-х гг. он посадил на переяславский стол своего сына от второго брака Ростислава. При Ростиславе, когда Переяславскую епархию возглавлял титулярный митрополит Ефрем, в городе развернулось широкое каменное строительство. Летопись упоминает несколько церквей, построенных в то время, «строенье баньное [камено], сего же не бысть преже в Руси», а главное — каменную стену с башенной церковью Св. Федора[7].

В Переяславском княжестве, насчитывавшем в момент своего образования всего два города, в XI в. строились и новые города: Горошин (первое упоминание — 1084 г.), Переволока (1092), Песочен (1092), Прилук (1092), Саков (1095), Римов (1096), Устье (1096), Городец Остерский (1098). Из перечисленных городов только относительно последнего из них — Городца Остерского — достоверно известно, что он был основан Владимиром Мономахом, к тому времени переяславским князем, как военная крепость при впадении реки Остер в Десну, в напряженной обстановке ожидания масштабной войны русских князей между собой, причиной которой было ослепление теребовльского князя Василька. Большинство других городов были построены, скорее всего, во времена Всеволода Ярославича, когда он одновременно был князем киевским и переяславским и имел значительные средства и возможности для строительства городов в своем наследственном княжестве. Из этих городов многие имели военное значение, например Горошин и Римов, расположенные по Суле выше Воиня; Прилук в верхнем течении реки Удай; Песочен и Саков близ Днепра. Переволока и Устье, помимо защитных функций, имели, вероятно, и торгово-экономическое значение.

В 1093 г. умер, будучи уже в преклонных годах, Всеволод Ярославич, а примерно полтора месяца спустя трагически погиб его младший сын, переяславский князь Ростислав. Спасаясь от половцев, он утонул в реке Стугне. Переяславское княжество перешло к Владимиру Мономаху. Когда летом 1094 г. внук Ярослава Мудрого Олег Святославич забрал у Мономаха свое Черниговское княжество, главным владением последнего стал Переяславль. Помимо Переяславля Владимиру Мономаху принадлежали Новгород, Смоленск, Суздаль, где княжили его сыновья, а также Курск, считавшийся частью собственно Переяславского княжества. Впрочем, Курск пробыл под властью Мономаха недолго. В 1097 г. он вынужден был уступить Курск черниговским князьям за союз с ними против Святополка Киевского.

Суверенное княжение в Переяславле Владимира Мономаха началось с убийства. В феврале 1096 г. к Владимиру на мирные переговоры в Переяславль приехали два половецких князя — Итларь и Китан. Мономаху и его окружению они были хорошо известны, поскольку с ними ранее неоднократно воевали и заключали мирные соглашения. Предстояло прийти к очередной договоренности. Но дружина Мономаха стала уговаривать князя воспользоваться случаем и расправиться с половецкими князьями, не раз проявлявшими свое вероломство по отношению к русским. Мономах сначала отказывался, а потом согласился. Итларя и Китана заманили в ловушки и убили.

Гибель двух князей усилила нападения на Переяславль половцев. Уже весной 1096 г. хан Куря напал на Переяславское княжество и пожег город Устье. Через несколько дней в переяславских пределах появился другой половецкий хан — Тугоркан. Он осадил сам Переяславль. Но с днепровского правобережья подоспела помощь. Произошло сражение, в котором Тугоркан

[7] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209.

был убит. Это поражение заставило половцев на время приостановить нападения на Переяславль, а Владимира Мономаха — начать наступление на кочевников. В 1103 г. он сумел организовать большой поход русских князей в Половецкую степь, который закончился большим успехом. Тем не менее половцы не прекратили своих вторжений в Переяславское княжество. В 1107 г. хан Боняк сумел захватить конские стада переяславцев, а в 1110 г. половцы ограбили переяславские села. Эти нападения прервались, когда в 1113 г. Владимир Мономах стал киевским князем.

Заняв киевский стол, Мономах сохранил княжескую резиденцию и в Переяславле. Туда он посылал княжить своих сыновей. В 1113 г. он передал переяславский стол своему третьему сыну Святославу. Тот, видимо, сильно болел, поскольку вскоре скончался, и уже через несколько месяцев Владимиру Мономаху пришлось заменить его на четвертого сына — Ярополка. Он оставался переяславским князем вплоть до смерти отца в 1125 г.

За первую четверть XII в., когда в Переяславле правили Владимир Мономах, а с 1113 г. под его присмотром сыновья Святослав и Ярополк, в княжестве были построены еще шесть городов: Лубно (первое упоминание — 1107 г.), Ромен (1110), Желни (1116), Баруч (1125), Бронь (1125), Полкстень (1125). Лубно, Ромен и Желни были построены на правом берегу реки Сулы, продолжая ее укрепление с низовьев до верхнего течения. Ко второй четверти XII в. окончательно выяснилось, что именно Сула стала восточной границей Переяславского княжества. Два города, Баруч и Бронь, были основаны на правом берегу реки Трубеж в ее среднем течении. Они обороняли столицу княжества Переяславль. Полкстень защитил низовья реки Удай, самого крупного притока Сулы. В целом Переяславское княжество без приписанных к нему земель занимало ко времени смерти Владимира Мономаха достаточно скромную территорию, напоминавшую по своим очертаниям разносторонний треугольник, одна из вершин которого упиралась в устье впадавшей в Днепр Сулы, а стороны ограничивались течениями Днепра и его притоков Остера и той же Сулы. Общая площадь княжества составляла в то время примерно 27 000 кв. км.

Кончина Владимира Мономаха не повлекла за собой борьбы его сыновей-наследников за передел отчего достояния. Мономах все предусмотрел и расписал задолго до своей смерти. Киевским князем стал старший сын Владимира Мстислав, его братья остались в тех городах, в которых их посадил отец. Переяславль сохранился за Ярополком. Только теперь такие города превратились в центры независимых княжеств. Тем не менее правившие в них братья Мономаховичи в первые годы после смерти отца действовали достаточно дружно, признавая своим главой старшего брата Мстислава. Уже в 1127 г. Ярополку пришлось помогать Мстиславу. Черниговский князь Всеволод Ольгович изгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича и занял его место. У Ярослава была договоренность с Мстиславом о том, что киевский князь поможет ему в случае какой-либо опасности. Опасность пришла, и Мстислав начал собирать силы. Первым его помощником стал брат Ярополк. Переяславский князь быстро захватил черниговские города по реке Сейм и более отдаленный Курск. Новый черниговский князь призвал к себе на помощь половцев. Предстояло большое столкновение, но тут в события вмешалась Церковь. Духовенство стало уговаривать князей не начинать войны, которая неминуемо привела бы к массовому кровопролитию. Мстислав долго колебался, но в конце концов отказался помочь изгнанному князю Ярославу. На его решение повлияли не только доводы духовенства, но и уступка ему Всеволодом Ольговичем Курска, некогда части Переяславского княжества.

Мстислав Владимирович скончался 15 апреля 1132 г., и его брат Ярополк,

оставив Переяславль, перешел княжить в Киев. Первой политической акцией нового киевского правителя был перевод своего старшего племянника Всеволода, сына скончавшегося Мстислава, из Новгорода в Переяславль. Совершенно неожиданно такая акция Ярополка встретила сильное противодействие. Летопись так описывает случившееся: «Томъ же лѣтѣ, Ярополкъ приведе Всеволода Мьстислалича из Новагорода и да ему Переяславль. Съ завтрия же сѣде в немъ, а д[о] обѣда выгна Юрьи стрыи его и сѣде в немъ 8 днии. И выведе брать его Ярополкъ ис Переяславля за хрестьное челование»[8]. Речь в приведенном тексте идет о противодействии суздальского князя Юрия Долгорукого, дяди Всеволода. Другая летопись добавляет, что заодно с Юрием был князь Андрей Владимирович, владевший Владимиро-Волынским княжеством. Юрий и Андрей были родными братьями, сыновьями Владимира Мономаха от второго брака. Их замыслы открывает Новгородская первая летопись: «И рече Гюрги и Андрѣи: „Се Яропълкъ, брат наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему“; и выгониста и ис Переяславля. И приде опять Новугороду»[9]. Благодаря приведенным летописным свидетельствам выясняется, что еще Владимиром Мономахом был выработан план, направленный на удержание Киева только его потомками от первого брака. От обладания Киевом решительно отсекались другие Рюриковичи, а также дети Мономаха от второго брака — Юрий и Андрей. Такой порядок преемства во владении Киевом явно не устраивал последних. Этим и объясняется неожиданное появление на Юге Юрия и захват им Переяславля в 1132 г., чтобы в дальнейшем использовать этот город в борьбе за киевский стол.

Выведя из Переяславля, по договоренности, Юрия Долгорукого, Ярополк во исполнение своего прежнего крестоцелования с Мстиславом послал в Полоцк к правившему там другому сыну Мстислава Изяславу предложение занять стол в Переяславле вместо старшего брата. Такое предложение Изяслав принял. 15 августа 1132 г. он был уже в Переяславле. Но Полоцк для него оказался потерянным. Полочане пригласили к себе на княжение Василька, внука Всеслава Брячиславича, о котором уже говорилось выше.

Потеря Полоцка заставляла Изяслава больше думать о его возвращении, чем заниматься переяславскими делами. Видя это, Ярополк решил сместить Изяслава и посадить в Переяславле своего родного брата Вячеслава, княжившего в киевском Турове. Тот без возражений перешел в более богатый и престижный Переяславль. Освободившийся Туров с относившимся к нему Пинском Ярополк передал Изяславу в придачу к сохранившемуся в его руках полоцкому Минску. Это произошло зимой 1132/1133 г.[10] А всего несколько месяцев спустя «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду и даша дани печерьскыѣ и от Смолиньска дар, и тако хресть цѣловаша»[11]. В итоге всех перемещений старшие сыновья Мстислава Владимировича остались без территориальных владений, которые им предназначались по соглашению Мстислава с Ярополком.

Получивший Переяславль туровский князь Вячеслав Владимирович уже через несколько месяцев понял, что попал совсем не туда, куда хотел. Переяславцы постоянно должны были ожидать нападений или своих черниговских соседей, или союзных Чернигову половцев. Жизнь в военном лагере оказалась не по душе Вячеславу, и зимой в нача-

[8] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294—295.
[9] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 22.
[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.
[11] Там же.

ле 1134 г. «выиде Вячеславъ ис Переяславля и иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка»[12]. Переяславль оказался свободным. И тогда в конце зимы — начале весны 1134 г. «Георгии князь Володимеричь (Долгорукий. — *В. К.*) испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю»[13].

Появление на Юге новой силы — суздальского князя — представляло явную опасность для Чернигова, а владение Северо-Востоком киевским князем — угрозу черниговским городам по Оке. Черниговский князь Всеволод Ольгович начал войну с Киевом. Война сразу приняла упорный и ожесточенный характер. Всеволоду помогали половцы и племянники Ярополка, Ярополку — его братья, в их числе Юрий Долгорукий с переяславцами. Чтобы ослабить противника, Ярополк вынужден был удовлетворить требования своих племянников. Киевский князь по согласованию с братьями произвел очередное перераспределение земель. Владимиро-волынский князь Андрей Владимирович весной 1135 г. был переведен в Переяславль, Суздаль и Ростов были возвращены Юрию Долгорукому, а Владимир Волынский был отдан Изяславу Мстиславичу с братьями. Хотя Переяславское княжество формально осталось за Мономаховичами, там утвердились дети Мономаха от второго брака. Уступив Переяславль младшему брату, Юрий Долгорукий сохранил за собой стратегически важную переяславскую крепость — Городец Остерский[14]. А Курск за Переяславлем удержать не удалось. В 1136 г. Ярополк вынужден был уступить Курск черниговским князьям. Потеряв Переяславль, Юрий Долгорукий летом 1136 г. возвратился в Суздаль.

История Переяславля и Переяславского княжества во второй половине 1110-х — первой половине 1130-х гг. показывает, что княжившие там Владимир Мономах и его сыновья стремились использовать достояние их отца и деда Всеволода Ярославича как необходимую ступень для восхождения на киевский стол. Единение Переяславского княжества с Киевским давало большие экономические, военные и политические преимущества потомкам Всеволода Ярославича перед Рюриковичами других ветвей в борьбе за обладание «матерью городов русских» — Киевом. Но недальновидная политика Мстислава Великого в отношении Чернигова, негибкие, а точнее сказать, неуклюжие попытки сменившего его на киевском столе Ярополка распределить владения между братьями и племянниками привели к тому, что Переяславль перешел в руки младших Мономаховичей. Киев же остался в руках сыновей Мономаха от первого брака. Историческая судьба Переяславского княжества стала зависеть от того, кто будет княжить в Переяславле и как будут переяславские князья взаимодействовать с киевскими.

Киевский князь Ярополк Владимирович умер 18 февраля 1139 г. После вооруженной борьбы его преемником стал черниговский князь Всеволод Ольгович. Княжение в Киеве позволило ему распоряжаться военными силами и материальными средствами Киевского княжества. Пользуясь тем и другим, Всеволод немедленно приступил к реализации своих политических планов. Они заключались в том, чтобы освободить южные и прилегавшие к ним княжества от власти Мономаховичей. Первый удар он решил нанести по Переяславскому княжеству. Правившему там Андрею Владимировичу

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302. Запись об этом помещена в Лаврентьевской летописи после известия о смерти 6 января переяславского епископа Маркела. Для 6642 ультрамартовского года — это 6 января 1134 г. Вячеслав оставил Туров после этой даты.

[13] Там же.

[14] *Богусевич В. А.* Остерский городок // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. 1962. Вып. 12. С. 37—39; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308, под 6649 г.

было предложено: «Курьску изволи ити». Но Андрей проявил большую твердость. Посоветовавшись с дружиной, он заявил: «Лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своеи отцинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьскои княженьи. Отець мои Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли»[15]. Категорический отказ переяславского князя повлек за собой столь же категорический приказ киевского князя своему брату Святославу расправиться с упрямцем. Святослав с войском двинулся на Переяславль. Но дружина Андрея разбила полк Святослава. Киевскому князю стало понятно, что силой победить Мономаховичей будет трудно и сложно, нужны иные, более гибкие и тонкие к ним подходы, и он заключил с Андреем мирное соглашение. Уже в 1140 г. оба князя у переяславского Малотина на левом берегу Днепра несколько выше Воиня встречали ханов Половецкой земли, с которыми договорились о мире.

22 января 1142 г. Андрей Владимирович скончался. Он умер в Переяславле и был похоронен в местной церкви Св. Михаила. У него оставались два наследника: по боковой линии — родной брат Юрий Долгорукий, по прямой — сын Владимир. Однако ни тот, ни другой переяславского стола не получили. Киевский князь Всеволод решил воспользоваться тем, что переяславский стол стал свободным, и сделал перестановки в Киевском княжестве. Князь Вячеслав Владимирович был отправлен из Турова в Переяславль, Туров же был отдан сыну Всеволода Святославу. Князь Изяслав Мстиславич был посажен во Владимире Волынском. Наделение городами Мономаховичей вызвало недовольство родных братьев киевского князя. Они стали воевать Переяславское княжество Вячеслава Владимировича. На помощь последнему пришли его племянники, владимиро-волынский и смоленский князья, которые начали опустошать черниговские земли. Киевский князь прекратил междоусобицу, обещав братьям дать города из своего княжества и вняв совету Вячеслава Владимировича: перевести в Переяславль Изяслава Мстиславича, своего сына Святослава посадить во Владимире Волынском, а самого Вячеслава вернуть в Туров. Так Всеволод и поступил.

1 января 1143 г. в Переяславль вошел Изяслав Мстиславич. В конце того же года новый переяславский князь предпринял необычное путешествие. Он посетил в Суздале Юрия Долгорукого, потом в Смоленске своего брата Ростислава, затем в Новгороде другого брата — Святополка, у которого даже зазимовал. Вряд ли приходится сомневаться в том, что поездка имела определенные политические цели, тем более что встреча с Юрием Долгоруким закончилась у Изяслава прямым разногласием. Неясность заключается в том, кому нужна была такая поездка. Если Изяславу, который через три года начал борьбу за обладание Киевом, то почему он искал поддержки самых близких своих родственников, умудрившись при этом поссориться с Юрием Долгоруким? Думается, что свое путешествие по дальним от Киева городам Изяслав совершил по поручению киевского князя. Напряженные отношения Всеволода со своими родными братьями заставляли его искать поддержки тех Мономаховичей, которые не принимали активного участия в южных событиях. Если так, то переяславский князь выступал доверенным лицом киевского, проводя его политику в отношении «верхних» древнерусских княжеств. Эта позиция переяславского князя ценилась и поддерживалась в Киеве. Когда в 1144 г. Изяслав по призыву Всеволода Ольговича пошел с ним в поход на галицкого князя, тот вынужден был уплатить своим противникам 1400 гривен серебра, и часть суммы досталась Изяславу. Переяславский князь поддержал план Всеволода Ольговича по политическому устройству Киевского княжества после его смерти и

[15] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 305.

целовал крест в верности брату Всеволода Игорю, который был объявлен преемником Всеволода. Все планы и расчеты решительно переменились, когда 1 августа 1146 г. в Вышгороде скончался киевский князь Всеволод Ольгович. Киевским князем был объявлен его брат Игорь. Киевляне поддержали Игоря, но потребовали от него отставки киевского тиуна Ратши и вышгородского тиуна Тудора. Те при Всеволоде творили неправые суды и облагали попавших под суд людей непомерными штрафами. Игорь обещал сменить тиунов, но своего обещания не выполнил. Тогда киевляне обратились в Переяславль к Изяславу Мстиславичу. Войско у Изяслава было собрано заранее, и он очень быстро оказался под стенами Киева. Здесь произошло большое сражение, в котором Изяслав одержал победу. 13 августа 1146 г. он въехал в Киев.

Переяславское княжество оставалось под его властью. Туда в заточение был послан попавший в плен к Изяславу брат Всеволода Игорь Ольгович. Через год он был перевезен в Киев, и там киевляне расправились с ним, забив до смерти. Такие действия сплотили врагов Изяслава Мстиславича. Поддержка княжившим в Суздале Юрием Долгоруким новгород-северского князя Святослава Ольговича, пытавшегося вызволить из рук Изяслава Мстиславича родного брата Игоря, вскоре переросла в масштабную войну за киевский стол между суздальским и киевским князьями. Переяславское княжество, примыкавшее с юго-востока к Киевскому, не могло не быть затронуто этой войной, приведшей в итоге к смене правителей в Переяславле и утверждению там иной ветви потомков Владимира Мономаха, а также к изменениям территориального и экономического характера.

Первый поход на Киев, который организовал Юрий Долгорукий в июле—августе 1149 г., оказался успешным. Суздальский князь сумел достичь своей цели — занять киевский стол. Но успех потребовал напряжения сил Юрия и его союзников: новгород-северского князя Святослава Ольговича, котельничского князя Святослава Всеволодича, а также половецких ханов, одержавших под Переяславлем победу над киевским князем Изяславом Мстиславичем, его братом и сыновьями. Утвердившись в Киеве, Юрий захватил и Переяславль, посадив княжить там своего старшего сына Ростислава. Но последний правил в Переяславле недолго. Он скоропостижно скончался в начале апреля 1150 г. Вскоре Изяслав Мстиславич отвоевал Киев у Юрия Долгорукого, а заодно восстановил свою власть и над Переяславлем. Там стал княжить его сын Мстислав.

Последний правил в Переяславском княжестве до смерти своего отца, последовавшей в ноябре 1154 г., и даже короткое время после, когда неожиданно узнал, что его дядя, смоленский князь Ростислав Мстиславич, договаривается за его спиной о передаче Переяславля черниговскому князю Изяславу Давыдовичу. Возмущенный предательским поведением близкого родственника и опасаясь за свою жизнь, Мстислав Изяславич вынужден был оставить Переяславль и перейти княжить в Луцк.

За время правления в Переяславле Андрея Владимировича, Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава в Переяславском княжестве упоминается четыре новых города: Малотин (первое упоминание — 1140 г.), Носов (1147), Русотина (1147), Пирятин (1154). Малотин был построен на левом берегу Днепра недалеко от Воиня. Новая крепость затрудняла движение половецкой конницы на север к Переяславлю. Носов и Русотина были поставлены в верхнем течении реки Трубеж, они препятствовали нападениям на Переяславль с севера. Внутри княжества был построен только один город — Пирятин, стоявший в среднем течении реки Удай, на ее правом берегу.

Появление в марте 1155 г. в Киеве Юрия Долгорукого привело к тому, что власть в Переяславле закрепилась за его сыном Глебом, правление которого оказалось доста-

точно долгим. Продолжительное княжение в Переяславле стоило Глебу немалых усилий и потребовало от него большой политической и дипломатической изворотливости. Он старался опереться то на своего тестя Изяслава Черниговского, то на поддержку его соперников в борьбе за киевский стол. После гибели Изяслава в 1161 г. Глеб стал ориентироваться на киевских князей Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича, участвуя в их походах на половцев. Особенно крупным и успешным был поход на половцев во главе с Мстиславом Изяславичем в 1168 г., который отодвинул их кочевья от южных и восточных границ Переяславского княжества. Но вскоре после него Глеб выступил против своего союзника. Переяславский князь принял участие в походе русских князей, организованном его братом Андреем Боголюбским, на Киев. Киев был взят, а его князь бежал. Возглавлявший поход сын Андрея Боголюбского Мстислав 12 марта 1169 г. посадил Глеба на киевский стол. Правление в Переяславле Глеб передал своему сыну Владимиру. Княжение Глеба в Киеве оказалось недолгим. 20 января 1171 г. он неожиданно скончался, что вызвало толки о его отравлении.

Переяславский князь Владимир, которому было всего 13 лет, остался без поддержки. Этим воспользовался его старший родственник. Летопись сообщает, что в 1172 г. Переяславль «вохвоти къ Торчькому» княживший в Торческе дядя Владимира Михалко Юрьевич[16]. Видимо, в результате последующей борьбы за Киев и за наследие убитого в 1174 г. Андрея Боголюбского Переяславль вернулся к повзрослевшему Владимиру Глебовичу. Во всяком случае в 1177 г. мы видим князя Владимира во главе переяславцев, помогавших Всеволоду Большое Гнездо утвердиться в Суздальской земле[17]. Дальнейшие сообщения о Владимире рисуют его уже определенно переяславским князем. Этот князь отличался большой смелостью, был стоек в бою, старался быть справедливым, был не алчен, заботился о своей дружине и о своих переяславцах, обогащаться стремился за счет неприятелей. В этом отношении показателен следующий эпизод. В 1183 г. княживший в Киеве Святослав Всеволодич и его соправитель Рюрик Ростиславич собрали полки, чтобы идти на половцев. От похода их отговорил черниговский князь. Но поскольку войска были уже собраны, князь Святослав послал свои полки в распоряжение новгород-северского князя Игоря Святославича, а князь Рюрик во главе своих полков поставил переяславского князя Владимира Глебовича. Последний попросил князя Игоря дать ему командование авангардом соединенного войска. Расчет заключался в том, что если авангард выиграет первое столкновение с противником и половцы побегут, то они побросают коней, волов, овец, другое имущество и даже людей, и все это достанется преследователям, переяславскому князю и его дружине. Игорь Святославич ответил решительным отказом и сам возглавил авангард. Все трофеи достались ему. «Володимеръ же разгнѣвався, — пишет летопись, — и возъвратися, и оттолѣ идя, иде на Севѣрьскиѣ городы, и взя в нихъ много добытокъ»[18]. Наличие у переяславского князя полков Рюрика Ростиславича оказалось весьма кстати. Логика действий князя Владимира была предельно простой: не дал возможности обогатиться за счет кочевников — расплачивайся собственным достоянием.

И все-таки известность Владимир Глебович снискал, борясь с половцами. В начале и летом 1184 г. он дважды успешно воевал с половецкими ханами, победным было и столкновение с ними в начале 1185 г. Правда, воевал с половцами Владимир Гле-

[16] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 571.
[17] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 384.
[18] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 628—629.

бович не в одиночку, а в союзе с другими русскими князьями, во главе которых стояли князья киевские — Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич. В таком союзе Владимир занимал место младшего князя. Но обороняться от половецких вторжений в Переяславское княжество Владимиру приходилось одному. Так было летом 1185 г., когда хан Кончак после громкой победы над новгород-северским князем Игорем осадил Переяславль. Владимир сумел отбиться, хотя и был серьезно ранен. В своем последнем походе 1187 г. на половцев Владимир тяжело заболел и, принесенный на носилках в Переяславль, 18 апреля 1187 г. скончался. Ему было 29 лет. Летописец написал, что «о нем же украина много постана», разумея под украиной юго-восточную окраину всех древнерусских земель — Переяславское княжество на левом берегу Днепра[19]. Население днепровского правобережья этого «украинского» князя знало плохо и о нем не вспоминало.

В своем княжестве Владимир Глебович оставил заметный след. Именно при нем в Переяславском княжестве впервые упоминаются такие города, как Лтава (1171), Серебряный (1174), Лукомль (1179), Дмитров (1184), Донец (1185). Если основание первых двух городов следует связывать с именем отца Владимира князя Глеба Юрьевича, то основание трех других городов нужно относить ко времени правления в Переяславле Владимира. Картографирование этих городов показывает, что во второй половине XII в. переяславские князья стремились укрепить свои границы по реке Суле и создать форпосты далеко на восток от Сулы (Лтава, будущая Полтава, и Донец), усиливая оборону от половцев на дальних подступах к Переяславлю и рассчитывая в будущем освоить территорию в бассейне верхнего Дона.

С 1187 г. сведения о переяславских князьях или князе надолго исчезают со страниц летописей. И только под 1198 г. сообщается, что в Переяславле умер князь Ярослав Мстиславич[20]. Деяния этого князя почти неизвестны, но фигурой он был любопытной. Его отцом был один из младших сыновей Юрия Долгорукого Мстислав. В конце 1155 г. Юрий женил Мстислава на дочери новгородского боярина Петра Михалковича. В 1161 г. мать Мстислава, вдова Юрия Долгорукого, вместе со своими сыновьями была выслана из Владимира на Клязьме своим пасынком Андреем Боголюбским. Приют изгнанники нашли в Византии. Мстислав от императора Мануила I Комнина получил в управление на восточном берегу Средиземного моря город Аскалон (совр. Ашкелон) в Палестине[21]. На Русь Мстислав уже не вернулся. А его сын Ярослав примеру отца не последовал. Он возвратился на родину, и родственники его приняли. Первоначально Ярослав подвизался на землях, совместно принадлежавших Новгороду и Владимирскому княжеству. Некоторое время он правил в Торжке, а затем в Волоке Ламском[22]. Видимо, после смерти переяславского князя Владимира Глебовича, не оставившего наследников, Всеволод Большое Гнездо, старший из потомков Юрия Долгорукого, решил, что переяславским князем должен стать его племянник Ярослав Мстиславич. Летописная запись о кончине Ярослава, скорее всего, подводила черту под его княжением в Переяславле в течение целого ряда лет. Но подлинным правителем Переяславля являлся Всеволод Большое Гнездо. В этом отношении показательны два факта, зафиксированные Лаврентьевской летописью. Она сообщает, что в первой половине 1194 г. Всеволод Большое Гнездо послал «тивуна своего Гюрю с

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 653.
[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415.
[21] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482, 520, 521.
[22] НПЛ. С. 35.

людми в Русь и созда град на Городци на Въстри, обнови свою отчину»[23]. Речь идет о восстановлении Городца Остерского, который назван отчиной владимирского князя. Другое сообщение Лаврентьевской летописи датировано 1197 г.: «Того же лѣта посла благовѣрныи и христолюбивы князь Всеволодъ Гюргевич Павла на епископьство в Русьскыи Переяславль»[24]. Выясняется, что не только вопросы военного строительства в Переяславле Южном, но даже проблемы церковной жизни этого княжества решались на берегах далекой от этой земли реки Клязьмы Всеволодом Большое Гнездо.

Именно Всеволод обеспокоился и о преемнике Ярослава Мстиславича на переяславском столе. Летом 1200 г. он посадил на княжение в Переяславле своего сына Ярослава. Тому было всего 10 лет. Он попал в южнорусское княжество в то время, когда владимиро-волынский князь Роман захватил Галич, а киевский князь вместе с черниговскими князьями намеревался этот Галич у него отнять. Ярослав постарался быть в стороне от крупной распри южнорусских князей, но, когда владимиро-волынский и киевский князья примирились и предприняли в 1204 г. общий поход на половцев, повзрослевший Ярослав принял в нем участие. Однако в 1206 г. черниговский князь Всеволод Чермный, став киевским князем, выдворил из Переяславля Ярослава за то, что тот в том же 1206 г. мешал черниговскому князю Владимиру Игоревичу захватить Галич. В Переяславле стал княжить сын Всеволода Чермного Михаил[25]. Через несколько месяцев Рюрик Ростиславич, союзник Всеволода Большое Гнездо, сумел изгнать из Киева Всеволода Черниговского, а из Переяславля — его сына[26]. Переяславль оказался под властью сына Рюрика Владимира, родного брата Ростислава, зятя Всеволода Большое Гнездо. Эти союзно-родственные отношения объясняют, почему Владимир Рюрикович удержался на переяславском столе по меньшей мере до 1213 г., когда в Переяславле появился другой Владимир, сын законного переяславского отчича Всеволода Большое Гнездо[27]. Впрочем, Владимир Рюрикович пребывал в Переяславле и в 1215 г.[28], но неизвестно, в каком качестве. После него Переяславлем уже безраздельно владели потомки Всеволода Большое Гнездо. Так, летом 1227 г. владимирский князь Юрий Всеволодич отправил на переяславский стол своего племянника ярославского князя Всеволода Константиновича. Пребывание Всеволода в Переяславле способствовало его браку в 1228 г. с Марией, дочерью другого южнорусского князя — Олега Святославича Курского[29]. В том же 1228 г. Всеволода на переяславском столе сменил его дядя Святослав, посланный княжить в Переяславль своим старшим братом Юрием Владимирским[30]. Но в 1230 г. мы видим Святослава уже юрьевским князем на Северо-Востоке[31]. При описании взятия Батыем Переяславля летопись не отмечает наличия в городе князя[32]. Возможно, в 1230-е гг. Переяславль находился под непосредственным управлением владимирского князя Юрия Всеволодича, державшего там своих посадников.

---

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 85.
[24] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414.
[25] Там же. Стб. 428.
[26] Там же.
[27] ПСРЛ. Т. 25. С. 110.
[28] Там же. С. 110—111.
[29] Там же. С. 122.
[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451.
[31] Там же. Стб. 455.
[32] Там же. Стб. 469; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 781—782.

К борьбе в первой трети XIII в. различных русских князей за Переяславль добавлялись нападения на Переяславское княжество половцев. В 1210 г. половцы повоевали многие переяславские села и увели большое количество пленных[33]. Другое вторжение половцев в 1215 г. попытался отразить правивший тогда в Переяславле князь Владимир Всеволодич. Узнав о движении кочевников на Переяславль, он собрал войско, вышел им навстречу, но был разбит и попал в плен[34]. Оттуда он вернулся только в 1218 г., но не в Переяславль Русский, а во Владимир на Клязьме. Старшие братья дали ему Стародубское княжество[35].

В целом образовавшееся в XI в. Переяславское княжество вплоть до 1239 г. сохраняло свое значение важного форпоста Руси против кочевнической степи. Переяславские князья к концу указанного периода несколько расширили свои владения к югу и востоку, перепланировали и перестроили города, усилив их обороноспособность, укрепили границы, но сами представляли силу только в союзе с другими княжествами. За период 1187—1239 гг. в Переяславской земле не было построено ни одного нового города. Когда в 1206 г. Всеволод Чермный изгонял 16-летнего Ярослава Всеволодича из Переяславля, тому «не бысть помочи ни от кого же», и по требованию киевского князя он без всякого противодействия покорно должен был покинуть свой южный удел и уйти на север к отцу Всеволоду Большое Гнездо.

---

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435.

[34] Там же. Стб. 438.

[35] Там же. Стб. 442.

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Город Рязань, давший наименование Рязанскому княжеству, впервые упоминается в летописи в 1096 г. В том году там хотел найти убежище черниговский князь Олег Святославич, не принятый жителями Смоленска[1]. Попытка Олегу удалась, и Рязань, как прежнее достояние Черниговского княжества, была им возвращена. Но уже через несколько месяцев закрепившийся было в Муроме князь Олег в борьбе с сыновьями Владимира Мономаха бежал из Мурома в Рязань. Вместе с Муромом Рязань в конце XI в. входила в состав Черниговского княжества. Поскольку Рязань не упоминается в числе городов, завещавшихся Ярославом Мудрым своему сыну Святославу, можно думать, что город возник между 1054 и 1095 гг. Из 41 года 16 лет (с 1078 по 1094 г.) в Чернигове прокняжил Владимир Мономах, который, как показывает история Чернигова и Мурома, укреплял свои восточные владения. Поэтому есть вероятность того, что Рязань была основана этим князем.

Старая Рязань, как много позднее стал называться этот город, была построена на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Серебрянки, в 4 км от устья р. Прони ниже по Оке. Сохранившееся городище этого древнего поселения занимает площадь в 60 га, что позволяет относить Рязань к числу самых крупных городов Древней Руси. Следует, однако, иметь в виду, что указанный размер городской площади характеризует Рязань 30-х гг. XIII в. В XI столетии размер города был более скромным. Строительство Рязани на Оке близ пронского устья свидетельствует о том, что новая крепость должна была контролировать плавание по р. Прони и в то же время служить плацдармом для наступления на мордовские племена, жившие по Оке ниже по течению этой реки. Других древнерусских городов по этому течению Оки кроме далекого Мурома в то время не существовало.

В княжеский центр Рязань превратилась не сразу. Важным этапом в ее развитии оказался 1127 г., когда она вместе с Муромом стала владением изгнанного из Чернигова князя Ярослава Святославича. Наследники этого князя вначале рассматривали Рязань как придаток Мурома, но с течением времени осознали, что хозяйственные условия жизни в Рязанщине, где были плодородные черноземные почвы, выше муромских, и предпочли Рязань Мурому.

Зимой 1145/46 г. скончался князь Святослав Ярославич, старший сын первого муромского князя. Летописец записал, что Святослав «оумре <...> оу Мюромѣ, а братъ его Ростиславъ сѣде на столѣ, а Рязаню послаша мѣншего Ростиславича Глѣба»[2]. Из этой летописной записи следует, что власть в Муромском княжестве перешла к младшему брату Святослава Ростиславу Ярославичу, до этого, видимо, правившему в Рязани, поскольку после перехода в Муром

[1] ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926—1928. Стб. 231.

[2] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 318—319.

Ростислава в Рязань пришлось посылать нового князя. Наследование власти по боковой, а не по прямой линии было характерной чертой черниговских Рюриковичей (Олега Святославича сменил в Чернигове его брат Давыд, а Давыда — его брат Ярослав). Не нарушался этот принцип и внутри семьи Ярослава Муромского. Приведенные летописные свидетельства позволяют считать, что после смерти первого муромского князя Ярослава Рязань стала княжеской резиденцией, главным городом неглавного муромского князя. Но в 1146 г. этот неглавный князь Ростислав Ярославич стал главным, и в его руках оказались оба города отцовского владения: и Муром, где правил он сам, и Рязань, куда был направлен его сын Глеб, положение которого явно зависело от воли отца. В этом отношении показательно, что, когда осенью 1146 г. киевский князь Изяслав Мстиславич обратился с посланием к Ростиславу Ярославичу о военной помощи, он написал ему «оу Рязань»[3], а не в Муром. Между тем у скончавшегося князя Святослава Ярославича оставался наследник — сын Владимир. И он, как следует из приведенного летописного свидетельства 1145/46 г., из отцовского наследия не получил ни Мурома, ни Рязани. Последующие летописные известия о событиях в Рязани раскрывают подоплеку ситуации, возникшей там в 1146 г. Одно из таких известий фиксирует прибытие примерно в конце лета 1146 г. в черниговский Новгород Северский к тамошнему князю Святославу Ольговичу князя Владимира Святославича, внука Ярослава, который «прибѣже от строя»[4], то есть от стрыя, дяди по отцу. У Владимира, сына Святослава и внука Ярослава, был единственный «строй» — Ростислав Ярославич. Бегство от близкого родственника означало одно — спасение от преследования. Очевидно, что Владимир Святославич был изгнан из Мурома и Рязани своим дядей Ростиславом. И тогда Владимир обратился за поддержкой к более дальнему родственнику — своему двоюродному дяде новгород-северскому князю. Между ними был заключен союз. Однако реально помочь Владимиру в его борьбе с дядей Ростиславом Святослав Ольгович не смог, ему самому пришлось отбиваться от киевского князя Изяслава Мстиславича, захватившего в плен старшего брата Святослава и претендента на киевский стол Игоря Ольговича, и от черниговских князей, своих двоюродных братьев Владимира и Изяслава Давыдовичей, вступивших в тесный союз с Изяславом Киевским.

Помощь Владимиру Святославичу пришла со стороны союзника Святослава Новгород-Северского суздальского князя Юрия Долгорукого. В начале 1147 г. Юрий Долгорукий направил на Рязань с войском своих сыновей Ростислава и Андрея. Весть о походе суздальцев застала князя Ростислава Ярославича врасплох. Он оставил Рязань и бежал к половцам. Судя по последующему упоминанию Владимира Святославича в качестве рязанского князя (в 1161 г. он умер как «князь Рязани»[5]) власть в княжестве вернулась к нему. Но вернулась, видимо, не в полном объеме. Есть свидетельства 50-х гг. XII в., указывающие на то, что в Рязани правил и возвратившийся из половцев князь Ростислав Ярославич. Так, в 1152 г. Юрий Долгорукий, готовя очередной поход против киевского князя Изяслава Мстиславича, посылал за помощью «къ Ярославичем в Рязань», и «Ярославичь Ростиславъ с братьею и с рязанци и с муромци поидоша съ Гюргемъ»[6]. Здесь Рязань представлена как основное владение потомков Ярослава Святославича, а рязанцы названы пе-

[3] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332.
[4] Там же. Стб. 329.
[5] Там же. Стб. 518—519. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 173.
[6] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 453.

ред муромцами как основная военная сила местных князей. Никоновская летопись, составленная в XVI в., сохранила известие о строительстве в Рязанском княжестве в 1153 г. Ростиславом Ярославичем города, названного им своим собственным именем — Ростиславль[7]. Ипатьевская летопись сообщает, что в конце 1155 г. или в начале 1156 г. смоленский князь Ростислав Мстиславич «цѣлова хрестъ съ братьею своею съ рязаньскими князи на всеи любви; они же вси зряху на Ростислава, имѣяху тии отцемь собѣ»[8]. Приведенные известия прямо указывают на княжение в Рязани Ростислава Ярославича, превратившегося из противника Юрия Долгорукого в его союзника, и на родственников князя Ростислава, правивших вместе с ним в Рязанском княжестве. Очевидно, что к середине 50-х годов XII в. Рязань отделилась от Мурома и стала самостоятельным княжеством.

Политическая независимость означала и суверенность территории. Если западная граница Муромского княжества второй четверти XII в. являлась и западной границей более позднего Рязанского княжества, не менялись и в приокском районе от устья Осетра до устья Прони северные и южные границы, то восточный рубеж, отделивший по Оке муромские земли от рязанских, появился впервые. По мнению исследователей, таким рубежом стала р. Пра[9].

Многочисленность рязанских князей, имевших в своем распоряжении скромную по географическим размерам отчину, порождала между ними трения, переходившие в острую вражду и приводившие к изгнанию родственников из княжества, стремлению заручиться поддержкой более могущественных князей из других ветвей рода Рюриковичей, правивших в Киеве, Суздале и Смоленске. Это были тенденции, которые более полно и ярко проявились позднее, в первой четверти XIII столетия, и которые пагубно сказались на развитии этого древнерусского государственного образования.

В этом отношении характерен эпизод, связанный с биографией сына Ростислава Ярославича Глеба. Начавший свою правящую деятельность в Рязани в 1145/46 г. князь Глеб вскоре был отпущен на княжение в далекий западный Друцк, где он прокняжил 11 лет. В 1157 г. недовольные правлением Глеба Ростиславича дручане изгнали князя, и он был вынужден вернуться на родину. Друцкий эпизод в жизни Глеба — ясное свидетельство о нехватке объектов княжого владения в Рязанском княжестве.

По смерти отца (после 1157 г.) и смерти своего двоюродного брата Владимира Святославича (в 1161 г.) князь Глеб Ростиславич возглавил Рязанское княжество. Женившись на внучке Юрия Долгорукого, Глеб действовал по указаниям сына и преемника Долгорукого владимирского князя Андрея Боголюбского. После гибели последнего в 1174 г. Глеб поддержал в борьбе за власть во владениях Боголюбского братьев своей жены — Мстислава и Ярополка Ростиславичей, вооруженной силой добиваясь передачи им Владимирского княжества. 7 марта 1177 г. в сражении со Всеволодом Большое Гнездо у Прусковой горы Глеб вместе со своими родственниками потерпел поражение и попал в плен. За потерявшего свободу князя вступились его жена и дальний родственник — занимавший тогда киевский стол черниговский князь Святослав Всеволодич. Святослав послал во Владимир на Клязьме специальное посольство из духовных лиц, дав им наказ: если Всеволод Большое Гнездо отпустит Глеба Рязанского, то тот «поидеть в Роусь». «Но, — продолжает летописец, — Глѣбъ рече: „Лоуче

[7] ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 197.

[8] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482.

[9] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 197, 207.

сдѣ оумроу, не идоу“», и выбрал «лучшее»: вскоре умер в заточении. Видимо, его правление в Друцке, в Руси было еще более горьким испытанием, и князь помнил об этом до конца своих дней.

Власть в Рязанском княжестве перешла в руки его сыновей. Согласия между ними можно было достичь только на короткое время. Их отец Глеб не успел составить завещания, и Глебовичи действовали по своему разумению и по своим возможностям. Старший из братьев Роман, опираясь на поддержку тестя, киевского и черниговского князя Святослава Всеволодича, в 1180 г. начал отнимать земли у младших братьев Всеволода и Владимира. Те обратились за помощью к Всеволоду Большое Гнездо. Владимирский князь вмешался в рязанские распри. Собрав войско, он двинулся в поход. В Коломне был схвачен сын киевского и черниговского князя Святослава Глеб, Роману нанесено военное поражение, осаждена Рязань. Роман и поддерживавшие его братья Игорь и Святослав вынуждены были заключить невыгодный для себя мир. Всеволод «порядъ створивъ всеи братьи, роздавъ имъ волость ихъ комуждо по старѣишиньству»[10]. Рязанские князья должны были помогать Всеволоду Большое Гнездо в его войнах. Они участвовали в отражении нападения черниговского князя Святослава Всеволодича на Владимирское княжество в 1180 г., походах Всеволода Большое Гнездо на Торжок в 1181 г. и Волжскую Булгарию в 1183 г.

Однако в 1186 г. отношения рязанских князей с владимирским князем вновь обострились. В том году Роман, Игорь и Владимир Глебовичи, сидевшие в Рязани, начали войну с родными братьями Всеволодом и Святославом, княжившими в Пронске. Последние вновь призвали на помощь Всеволода Большое Гнездо. Тому с большим трудом, прибегая то к дипломатии, то к вооруженной силе, удалось примирить братьев. При этом Рязанское княжество было ограблено.

Тем не менее в тот период летописи называют в нем новые города. Это Коломна (первое упоминание — 1177 г.), Борисов-Глебов (1180 г.), Пронск (1186 г.), Копонов (1187 г.). Первые три города были построены к западу от Рязани, и только Копонов — к востоку от нее. Время их основания надо относить к годам правлений Глеба Ростиславича и его сына Романа. Более интенсивное развитие западной части Рязанского княжества, видимо, и порождало стремление князей, правивших в собственно Рязани, установить контроль над владениями своих младших братьев, княживших в Коломне и Пронске.

После очередной ссоры со Всеволодом Большое Гнездо в 1186 г. рязанские князья по-прежнему вынуждены были помогать владимирскому князю в его военных столкновениях с соседями. В 1196 г. они приняли участие в походе Всеволода Большое Гнездо на Чернигов, закончившемся разорением вятичских городов противника. Находясь в мире с Владимирским княжеством, Рязанское княжество постепенно крепло и набирало силу. В конце XII — начале XIII в. в княжестве были построены такие города, как Добрый Сот (первое упоминание — 1207 г.), Ольгов (1207 г.), Ужеск (1207 г.), Белгород (1208 г.), Исады (1217 г.). Они возводились вокруг столицы княжества, обеспечивая ее военную безопасность и экономическую надежность. Однако в конце первого десятилетия XIII в. с новой силой вспыхнула рязанско-владимирская вражда.

В 1207 г., когда черниговский князь Всеволод Святославич Чермный вторично занял Киев и против него стали объединяться его враги, новоявленный киевский князь решил прибегнуть к помощи своих отдаленных рязанских родственников. Он склонил их на свою сторону, разрешив на восточной

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 388.

части земель подвластной ему Черниговской епархии организовать епархию Рязанскую. Первый рязанский епископ Арсений упоминается как раз в 1207 г.[11] Зная, что рязанские князья собираются идти в поход на Чернигов вместе со Всеволодом Большое Гнездо, Всеволод Чермный тайно договорился с ними об убийстве владимирского князя. Ничего не подозревавший Всеволод тем временем собирал войска. Из Новгорода был вызван старший сын Константин и новгородцы с псковичами, ладожанами и новоторжцами, из разных городов Северо-Восточной Руси — младшие сыновья Всеволода Большое Гнездо с их дружинами, из Мурома — муромский князь Давыд, из Рязани — рязанские князья. Доброхоты сумели предупредить Всеволода о готовившемся на него покушении. Когда все полки собрались на берегах Оки к югу от Москвы, Всеволод разбил шатры и пригласил князей и новгородцев на пир. Шестерым рязанским князьям был выделен отдельный шатер. Сам Всеволод сидел в другом шатре вместе с новгородцами и двумя рязанскими князьями Глебом и Олегом Владимировичами. За пиршественным столом Глеб и Олег объявили, что их сородичи сговорились убить Всеволода. Реакция владимирского князя была незамедлительной. Шесть рязанских князей были схвачены, изобличены и 22 сентября 1207 г. отправлены под конвоем во Владимир на Клязьме. О походе на Чернигов Большому Гнезду не приходилось и думать. Всеволод повернул свои полки на восток. Первый удар пришелся по рязанскому Пронску. Узнав о выступлении Всеволода, пронский князь Кир-Михаил Всеволодович бросил город и бежал в Чернигов к своему тестю, тому же Всеволоду Чермному. Оборону Пронска возглавил двоюродный брат Кир-Михаила Изяслав Владимирович. Проняне упорно отбивались от осаждавших, но трехнедельной осады не выдержали и 22 октября 1207 г. сдались. Всеволод дал им нового князя — Олега Владимировича, посадил во всех рязанских городах своих посадников и ушел к себе во Владимир. Через несколько месяцев по договоренности с рязанцами Всеволод возвел на рязанский стол своего сына Ярослава. Но рязанцы нарушили соглашение, они стали убивать людей, пришедших вместе с Ярославом. Тогда Всеволод вновь с большим войском двинулся на Рязань, вывел из города всех его обитателей, правда, разрешив взять пожитки, поджег Рязань и повел ее жителей в свои владения. На пути он сжег еще один рязанский город — Белгород. Рязанское княжество было опустошено.

Рязанских князей — своих потенциальных убийц — Всеволод Большое Гнездо продержал в заточении до собственной кончины. Лишь после смерти Всеволода его преемник на владимирском столе князь Юрий в 1212 г. «отпусти и князи Рязаньскыя в Рязань и епископа их Арсенья, и вся люди Рязаньскыя идоша кождо в своя си»[12]. Численность рязанских князей в их княжестве сразу возросла, а материальные ресурсы княжества, хотя и лежавшего в плодородной черноземной зоне, оставались скромными. Трудности существования приводили к ожесточенной междоусобной борьбе местных Рюриковичей. Летом 1217 г. рязанский князь Глеб Владимирович, тот самый, кто предупредил Всеволода Большое Гнездо о заговоре против него, и его брат Константин пригласили на переговоры остальных рязанских князей и во время застолья убили шестерых родственников с их боярами и дворянами. Братьям помогали половцы. Были убиты двоюродные братья Глеба и Константина князья Роман и Глеб Игоревичи, Святослав и Ростислав Святославичи, Кир-Михаил Всеволодович и даже родной

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 432.
[12] Там же. Стб. 437.

брат убийц князь Изяслав Владимирович[13]. Цепочка действий князя Глеба по-своему была последовательной. Как старший сын князя Владимира, предпоследнего, шестого, сына в семье рязанского князя Глеба Ростиславича, Глеб не мог рассчитывать даже на владение городом в родном княжестве. Города должны были доставаться старшим линиям рязанских Рюриковичей. Поэтому, приняв участие в заговоре 1207 г. рязанских князей против Всеволода Большое Гнездо, Глеб вместе с братом Олегом выдал заговорщиков владимирскому князю. Награда не заставила себя ждать. Олег получил Пронск. Не был обделен и Глеб. Скорее всего, именно он стал править в Рязани после того, как ее покинул Ярослав Всеволодович. Иначе трудно объяснить прибытие в 1217 г. половцев для расправы с другими Глебовичами. Их приглашение — прерогатива и действие высшей рязанской власти. Когда из владимирского плена в 1212 г. вернулись старшие родственники Глеба, встал вопрос о возврате им прежних владений. И тогда Глеб, на сей раз с другим братом, взялся за кардинальное решение проблемы. Все их родственники были приглашены на переговоры и перебиты. Решение было столь чудовищным и зверским, что даже в далеком Новгороде нашло резкое и суровое осуждение.

Через год Глебу пришлось бежать из потрясенной Рязани. Рязанским князем стал Ингвар Игоревич. В 1219 г. он сумел разбить попытавшегося с помощью половцев вернуться на рязанский стол князя Глеба Владимировича. В дальнейшем бороться с Глебом рязанскому князю Ингвару помогали владимирский князь Юрий Всеволодович и его брат Ярослав, княживший в Переяславле Залесском[14]. Это способствовало единению рязанского и владимирского князей, однако рязанцы не оказывали военной поддержки владимирцам в их войнах с Волжской Булгарией и походах на мордовские земли на протяжении 20-х гг. XIII в. Здесь, видимо, сказалось истощение военно-экономического потенциала Рязанского княжества в первые два десятилетия XIII столетия. Однако в последнем походе князей Северо-Восточной Руси на мордву зимой 1232/1233 г. рязанские князья приняли участие[15]. В канун Батыева нашествия Рязань наглядно демонстрировала свое единство с Владимиром на Клязьме. Соседей развело только поражение их объединенного войска под рязанской Коломной от монголов в начале 1238 г.

---

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440—441.
[14] Там же. Стб. 440—441.
[15] ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 116.

МУРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Муромское княжество образовалось относительно поздно. В 1127 г. старший сын черниговского князя Олега Святославича Всеволод изгнал из Чернигова своего дядю Ярослава, завладел черниговским столом, а Ярослава отправил княжить в самый восточный город Черниговского княжества — Муром. Но сам город Муром возник много раньше.

Летопись впервые говорит о Муроме под 862 г., сообщая, что племя мурома живет в Муроме, а Муромом владеет варяжский князь Рюрик[1]. Известия эти восходят к составленной около 1110 г. первой редакции Повести временных лет. Объяснение летописцем начала XII в. происхождения наименования города от названия проживавшего около него народа особых возражений не вызывает[2], но что касается времени события и факта владения Муромом пришедшим издалека в Новгород варягом Рюриком, то они представляются сомнительными. Такие сведения очень похожи на легендарные, прославляющие родоначальника древнерусских князей, рисующие его повелителем громадных территорий от Волхова до Оки. Во всяком случае археологическое изучение древнейшей части Мурома — крепости площадью 2,5 га, стоявшей на горе на левом берегу реки Оки в нескольких километрах вниз по реке от устья реки Илевны, — показало, что предметов IX в. там нет, но вещи X—XII вв. обнаруживаются[3].

Несомненно, в X в. Муром уже существовал. Летопись сообщает, что князь Владимир Святославич в конце X в., после крещения Руси, отправил править в Муром сына Глеба. В ходе борьбы за киевский стол в 1015 г. Глеб был убит по приказу брата Святополка. Победивший Святополка Ярослав, восстановивший единовластие в Древнерусском государстве, вернул и власть Киева над Муромом. Умирая, он передал Муром своему второму (из живших к тому времени) сыну Святославу. Основным наследием последнего был Чернигов. Муром стал самым дальним восточным владением Святослава и последующих черниговских князей.

Эта удаленность Мурома от центра княжества ослабляла обороноспособность города. Сильный противник всегда мог рассчитывать на успех, поскольку помощь муромцам могла подоспеть через много дней (по прямой от Чернигова до Мурома более 850 км). И в 1088 г. Муром был взят волжскими булгарами. Факт этот красноречив во многих отношениях. Он свидетельствует о том, что Муром был построен на важном

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 20.

[2] Данное известие впервые появилось, согласно А. А. Шахматову, в первой редакции Повести временных лет (см.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 21).

[3] *Куза А. В.* Древнерусские городища X—XIII вв. М., 1996. С. 146. № 736 (Свод археологических памятников); *Он же.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 59. Карта. № 26 (на с. 50 дано название пункта № 26).

международном водном пути. Справедливость сказанного подтверждается находкой в 1868 г. на Воеводской горе в Муроме клада весом в 40 кг, состоявшего из 11 тысяч восточных серебряных монет. Самые поздние из них были отчеканены в первой половине X в. Следовательно, клад был спрятан не позже середины X в., и уже в то время по Оке ходили суда приезжих купцов. В 1088 г. по Оке до Мурома добрались войска Волжской Булгарии — далекого государства, лежавшего на левом берегу Волги между реками Кама и Большой Черемшан[4]. От Булгара, главного города Волжской Булгарии, до Мурома надо было проплыть более 500 км. И несмотря на такую протяженность, этот путь в XI в. преодолевали. Естественно, его проходили в обе стороны. Муром предохранял от вторжения по Оке в ее верховья и одновременно мог служить базой для военных и торговых плаваний древнерусских людей по нижней Каме и Волге. Молчание летописи о том, как отнеслись соседние с Муромом племена муромы и мордвы к захвату булгарами Мурома в 1088 г., говорит, скорее всего, о том, что отношения с местным населением у муромцев были еще не отлажены.

Спустя несколько лет Муром вновь подвергся нападениям, но уже с другой стороны. В 1096 г. киевский князь Святополк Изяславич и переяславский князь Владимир Мономах решили предпринять поход против половцев. Участвовать в нем должен был и черниговский князь Олег Святославич. Тот отправился воевать с половцами, но отдельно от Святополка и Владимира. Из-за этого поход киевского и переяславского князей оказался не столь успешен, как предполагалось. Оба князя были крайне недовольны поведением своего двоюродного брата. Летом того же года сидевший в Курске второй сын Владимира Мономаха Изяслав совершил поход на Муром, и, как говорит летопись, «прияша и Муромци», а посадника Олега Черниговского арестовали. Поскольку муромцы вполне дружелюбно приняли нового князя, можно думать, что после булгарского нападения 1088 г. Муром отстроил, укрепил и, возможно, населил отец Изяслава Владимир Мономах, до лета 1094 г. правивший в Черниговском княжестве. Весной 1096 г. Святополк и Владимир пригласили Олега в Киев для того, чтобы уладить возникшие трения и договориться об общих нормах внутренней и внешней политики. Олег высокомерно отверг приглашение. В ответ Святополк и Мономах осадили Чернигов. Олег оставил город и бежал в Стародуб на реке Бабинец. Тогда 33-дневной осаде подвергся Стародуб. Олег вынужден был сдаться и дать клятву в том, что приедет на переговоры в Киев. Однако вместо поездки туда черниговский князь отправился в Смоленск, получил помощь от брата Давыда и, усилившись, пошел на Муром. К пребывавшему там Изяславу Владимировичу пришла подмога из Ростова, Суздаля и Белоозера. Изяслав встретил врага на поле перед городом. Произошла жестокая сеча, в которой Изяслав был убит. Муром вернулся под власть Олега Черниговского. Вскоре, однако, Олег под Суздалем потерпел поражение от братьев Изяслава и вновь бежал в Муром. Но победители шли за ним следом. Зная это, Олег, посадив в Муроме своего брата Ярослава, бежал в Рязань, так называемую Старую, стоявшую в 84 км вниз по Оке от современной Рязани, при впадения в Оку реки Серебрянки, в нескольких километрах ниже по Оке от устья реки Прони. Мономаховичи двигались за ним. Олег бежал и из Рязани. Тогда старший из Мономаховичей Мстислав обратился к нему с посланием, в котором советовал более не бегать, а договориться с Мономахом и Святополком о переговорах, и обещал за-

[4] *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. Карта-вкладка.

молвить за него слово перед отцом. На этом злоключения Олега на время закончились, а в Муроме прекратились насильственные смены властей.

Оставленный в Муроме Олегом Святославичем его брат Ярослав, видимо, прокняжил там продолжительное время. Летопись отмечает, что в 1104 г. Ярослав бился с мордвой. Поскольку мордва жила близ Мурома, можно допускать, что Ярослав бился с ней как муромский князь. Причины вражды неясны, но сражение Ярослав проиграл. Чем в Черниговском княжестве владел Ярослав после смерти своего старшего брата Олега Святославича (1115), неизвестно. Но после кончины своего другого старшего брата Давыда Святославича в 1123 г. Ярослав стал черниговским князем. Сохранилась летописная запись, согласно которой в 1124 г. «ведоша Ляховицю Мюрому за Давыдовича Всеволода»[5]. Речь идет о браке сына Давыда Святославича Всеволода и дочери польского князя Болеслава Кривоустого. Благодаря записи делается очевидным, что в указанном году в Муроме княжил не Ярослав, а его племянник, один из сыновей недавно скончавшегося черниговского князя. Было ли так до 1123 г., сказать трудно.

Переворот 1127 г. превратил Ярослава из могущественного правителя Черниговской земли во второстепенного русского князя. Правда, отданная ему территория была значительной. Но конфигурация ее оставляла желать лучшего. Она тянулась на много сотен километров вдоль реки Оки, то ограничиваясь поймами Оки, то удаляясь на десятки километров от ее течения. Помимо земель, окружавших Муром, ему достался и другой город — Рязань. В то время этому центру принадлежали земли по левому берегу реки Прони (правый берег был половецким) и по правому берегу реки Оки. Поскольку на запад от Рязани на правом берегу Оки выше устья реки Осетр уже в 1153 г. был построен рязанский город Ростиславль, можно думать, что во второй четверти XII в. рязанские земли доходили до реки Осетр. Но городов во владениях Ярослава Святославича было всего два, и в хозяйственном отношении приходилось рассчитывать на достижения сельчан, рыболовов и охотников. Дремучие многоверстные леса, подходившие к Мурому с запада и севера, давали строительный материал и топливо, а также мед. Свои доходы приносила и торговля. Торговать можно было не только с дальними странами, но и с оставшимися в Чернигове родичами и северным соседом — Суздальским княжеством.

Полновластным муромским князем Ярослав Святославич пробыл недолго. Он умер в 1129 г. Муромский стол занял его сын Святослав. У Ярослава был и другой сын — Ростислав. Это обстоятельство меняло положение нового муромского князя. Он не мог распоряжаться той территорией, которой владел отец. Необходимо было делиться с младшим братом. В княжестве был еще один город — Рязань, земли которой были богаче муромских. Отдать эти земли целиком младшему брату значило для Святослава лишиться лучшей части своей земли. Поэтому, занимая главный муромский стол, Святослав в Рязани делил власть с Ростиславом. Зимой 1145/1146 г. Святослав умер. Как говорит летопись, он «умре <...> у Мюромѣ, а братъ его Ростиславъ сѣде на столѣ, а Рязаню послаша мѣншего Ростиславича Глѣба»[6]. Такое положение позволяло новому муромскому князю осуществлять контроль и над Рязанью. На какое-то время это Ростиславу удавалось, но затем развитие Муромского и Рязанского княжеств пошло по разным путям, и вплоть до монгольского нашествия 1237 г. со стороны правителей ни Муромского, ни Рязанского княжества не было сделано попыток к объединению, как в конце 1120-х гг. при князе

[5] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 288.

[6] Там же. Стб. 318—319.

Ярославе Святославиче. Обособленность муромцев и рязанцев проявляется уже в летописном описании событий 1152 г., где полки из Мурома и Рязани упомянуты отдельно друг от друга. Еще более отчетливо раздельность двух земель проступает в летописном сообщении о договоре Смоленска с Рязанью в конце 1155 — начале 1156 г.[7] Муромцы в этом договоре никакого участия не приняли. Очевидно, что к середине 1150-х гг. внешнеполитическая ориентация обоих княжеств стала настолько разной, что их правители даже не пытались согласовать между собой единую линию в отношении других княжеств Древней Руси.

Та же тенденция проступает и в летописном рассказе о событиях 1159 г. В том году разгорелась острая борьба между бывшим черниговским князем Изяславом Давыдовичем, сумевшим до этого захватить Киев, и черниговскими князьями Святославом Ольговичем и его племянником Святославом Всеволодичем, на владения которых посягал Изяслав. Племянник Изяслава Святослав Владимирович сумел занять черниговский Вщиж. Выбить его оттуда намеревались оба черниговских Святослава и их союзники. Тогда Изяслав Давыдович попросил Андрея Боголюбского помочь племяннику. Тот охотно откликнулся на просьбу, тем более что Святослав Владимирович должен был стать ему зятем. Князь Андрей отправил ко Вщижу большое войско под командованием своего сына Изяслава. С ним двинулась и «муромьская помочь»[8]. Узнав о приближении полков Андрея Боголюбского, оба Святослава сняли осаду Вщижа. До кровопролития дело не дошло. «Помочь» муромцев оказалась излишней. Но важно другое. Муромцы откликнулись на призыв владимирского князя идти в поход, а рязанцы участия в нем не приняли. Их интересы явно расходились с интересами муромцев. Внешняя политика двух центров стала совершенно самостоятельной.

Последующие события показывают, что Муром гораздо теснее был связан с соседним Владимиром на Клязьме, чем Рязань. Так, в 1164 г. муромский князь Юрий принял активное участие в крупном походе на Волжскую Булгарию, организованном Андреем Боголюбским. В 1169 г. муромцы составили часть войска, отправленного Андреем Боголюбским на Киев. Год спустя под предводительством своего княжича муромцы участвовали в походе на Новгород, возглавленном сыном Боголюбского Мстиславом. Наконец, зимой 1171/1172 г. муромский полк под командованием сына муромского князя принял участие в совместном походе владимирцев и рязанцев на Волжскую Булгарию. Все эти походы были успешны, сопровождались захватом богатых трофеев и уводом в плен населения.

В начале 1174 г. муромский князь Юрий умер. Он был похоронен в местной церкви, которую сам и построил. К сожалению, летопись не приводит отчества этого князя, а потому остается неизвестным, в какой степени родства находился Юрий с упоминаемыми в летописях рязанскими князьями Ростиславом Ярославичем, Владимиром Святославичем, Глебом Ростиславичем. Позднейшие княжеские родословцы конца XV—XVI в. и родословные книги XVI—XVII вв. по-разному определяют происхождение Юрия. Так, составители самой ранней Румянцевской редакции родословных книг полагали, что муромские князья вели свое происхождение от третьего сына Ярослава Святославича Юрия[9]. Однако далее они написали о том, что известные муромские князья второй половины XII в. произошли от Владимира Святославича[10]. По-

[7] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482.
[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350.
[9] Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 79.
[10] Там же. С. 82.

следнее похоже на правду. Старшим сыном Юрия Муромского был Владимир. Обычай называть сына по имени деда был распространен на Руси. В частности, основатель династии как муромских, так и рязанских князей Ярослав Святославич был назван отцом в честь собственного отца — Ярослава Мудрого. Поэтому можно думать, что родоначальником собственно муромских князей был умерший в Рязани Владимир Святославич.

Наследниками скончавшегося Юрия стали два его сына: упомянутый Владимир и Давыд. Как поделили два Юрьевича между собой Муромскую землю, неизвестно. Но бóльшая ее часть должна была принадлежать старшему брату.

Последнему пришлось начинать свое правление в сложной обстановке. Несколько месяцев спустя после его посажения на муромский стол в своем дворце в Боголюбове заговорщиками был убит князь Андрей. Во Владимирском княжестве началась борьба за власть. Претендентами выступали, с одной стороны, младшие братья Андрея Михалко и Всеволод Юрьевичи, а с другой — старшие племянники Андрея Мстислав и Ярополк Ростиславичи, сыновья первого сына Юрия Долгорукого Ростислава. Муром оказался втянутым в эту борьбу. Летопись рассказывает, как в конце 1174 г. во Владимире «затворися» князь Михалко и как он был осажден своими племянниками, которые «Муромцѣ и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города»[11]. Это известие позволяет утверждать, что уже в начале своего правления муромский князь Владимир Юрьевич ввязался в борьбу княжеских группировок на стороне Мстислава и Ярополка Ростиславичей, близких родственников рязанского князя Глеба, и, весьма вероятно, под его давлением. Но по мере того, как Ростиславичи теряли своих сторонников во Владимирском княжестве, отношение к ним муромцев менялось. С 1175 г. они перестали участвовать в столкновениях Ростиславичей с Юрьевичами. А когда в 1177 г. к власти окончательно пришел Всеволод Большое Гнездо, старая связь Мурома с Владимиром была восстановлена.

В 1180 г. муромцы помогли Всеволоду отразить нападение черниговского князя Святослава Всеволодича и его союзников. В следующем году они участвовали в походе Всеволода на Торжок и его взятии. В 1183 г. Владимир Муромский сам возглавил свое войско, выступившее вместе с полками Всеволода Большое Гнездо и его союзников на Волжскую Булгарию. Когда в 1186 г. Всеволод вмешался в ссоры рязанских князей, для поддержки пронских князей он привлек обоих муромских князей. Владимир и Давыд Юрьевичи выступили в поход, и даже само известие об их приближении заставило бежать рязанских князей, осаждавших Пронск. До боевых действий дело не дошло. Десять лет спустя муромцы помогали Всеволоду Большое Гнездо разорять вятичские города Черниговской земли.

Муромский князь Владимир Юрьевич умер в 1203 г. Его наследником стал его брат Давыд. Он продолжил политику Владимира — союз с владимирскими князьями. В 1207 г. Давыд во главе муромцев должен был принять участие в походе Всеволода Большое Гнездо на Черниговскую землю. Поход не состоялся из-за раскрытия заговора рязанских князей против владимирского правителя. В ходе расследования муромский князь проявил себя активным сторонником Всеволода. По его поручению именно Давыд начал обличать заговорщиков, а когда те были арестованы, муромский князь принял участие в осаде принадлежавшего им Пронска и опустошении Рязанского княжества[12]. Уже после смерти Всеволода Большое Гнездо Давыд оказал военную помощь его преем-

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 373.

[12] Там же. Стб. 431, 432.

нику на владимирском столе Юрию, боровшемуся со своим старшим братом Константином. И в Липицкой битве 1216 г. муромцы сражались на стороне владимирского князя, хотя тот и потерпел поражение[13]. После восстановления в 1218 г. власти Юрия Всеволодича во Владимирском княжестве Давыд Муромский продолжил сотрудничество с ним. В 1220 г. Давыд послал в поход на Волжскую Булгарию, организованный Юрием Всеволодичем, сына Святослава, а племянник Давыда, князь Юрий Юрьевич, — своего сына Олега. Поход оказался успешным. Его участники обогатились «корыстью великою» и захватили массу пленных, а по прибытии во Владимир были дополнительно щедро одарены Юрием Всеволодичем[14].

Давыд Юрьевич прокняжил в Муроме еще восемь лет. В 1228 г. он умер. Его преемником стал сын Юрий. В первый же год своего княжения Юрий Давыдович Муромский выступил в поход на мордву, который возглавил владимирский князь. Как обычно, поход был удачным[15]. Зимой 1232/1233 г. муромские князья последний раз со своими владимирскими и рязанскими союзниками ходили на мордву, сумели взять несколько мордовских сел и «Мордвы побиша много»[16]. Нашествие монголов, от которого одинаково сильно пострадали и русские, и мордва, прекратило эти походы.

В целом развитие Муромского княжества во второй четверти XII — первой трети XIII в. шло по экстенсивному пути. За указанный период времени здесь не было построено ни одного города. Видимо, окраинное положение княжества на востоке древнерусских земель заставляло муромских князей главные силы и средства направлять на повышение его обороноспособности. В этом отношении показательны почти не нарушавшиеся на протяжении многих десятилетий союзные отношения Мурома с Владимиром, которые нельзя трактовать как вассальные, подчиненные. Владимирские князья не делали никаких попыток установить свою власть над Муромом, а муромские — освободиться от такой власти. Не вступали владимирские и муромские Рюриковичи и в брачные отношения между собой. Речь может идти об обоюдовыгодном военном союзе, направленном на защиту территорий обоих княжеств от нападений восточных соседей. Расширение Владимирского княжества на восток, установление при Андрее Боголюбском владимирского контроля над устьем реки Клязьмы, впадающей в Оку, а в начале 1220-х гг. и над устьем Оки давали возможность отслеживать движение булгарских военных сил по Оке и вовремя предупреждать об этом жителей Мурома. А те, в свою очередь, могли ставить в известность владимирских князей о нападениях на их владения вождей мордовских племен. Этот паритет между Муромом и Владимиром сохранялся вплоть до нашествия Батыя.

---

[13] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 188.
[14] ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 117.
[15] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451.
[16] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 54.

ТУРОВСКАЯ (ПИНСКАЯ) ЗЕМЛЯ

Небольшой по своим размерам, как показали археологические исследования, древнерусский город Туров впервые упоминается в X в. Самое раннее свидетельство о нем сохранилось в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, в их начальных частях, восходящих к Повести временных лет. В Лаврентьевской летописи под 6488 (980) г. говорится, что будущий тесть князя Владимира Святославича Рогволод «пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, от негоже и Туровци прозвашася»[1]. Объединение в одной летописной фразе Рогволода «и-заморья» и Туры (Тура других летописей) позволяет полагать, что Тур также был из заморья. Во всяком случае имя Тур (Тор) является не славянским, а скандинавским.

Хотя Лаврентьевская летопись говорит о Туре под 980 г., точное время его прибытия в Восточную Европу определить трудно. Во-первых, разбивка летописных сообщений по годам произошла в древнерусских летописных сводах относительно поздно — в конце XI в., поэтому полностью доверять дате X в. — 980 г. — не следует. Во-вторых, ничего не известно о жизни самого Тура, обстоятельства которой позволили бы определить время его появления в восточнославянских землях. Поэтому приходится довольствоваться только косвенными данными, указывающими на то, что Туров существовал еще при жизни Ярополка Святославича, а брат Ярополка Владимир добивался руки полоцкой княжны Рогнеды без помощи своего отца. Такое могло быть примерно после 970 г., когда Святослав Игоревич ушел в очередной поход на болгар, из которого уже не вернулся. По-видимому, можно считать, что Рогволод и Тур пришли из-за моря в восточнославянские земли не ранее 950—960-х гг.

Древний город Туров располагался в правобережье реки Припяти, правого притока Днепра. Он стоял на мысе, образованном течениями рек Струмени, Язды и Домухи. Главная крепость Турова имела площадь 1 га. Она была окружена земляной стеной, а с напольной стороны ее оборонял еще и ров. С юго-востока к этой крепости примыкал окольный город, площадь которого достигала 1,5 га. Окольный город также был укреплен оборонительными валами и рвом[2]. В целом же защищенная площадь поселения равнялась 2,5 га. На таком пространстве, по среднестатистическим данным, в Средние века могло проживать около 275 человек. Взрослых мужчин среди них должно было быть менее четверти, примерно 62-63 человека. По-видимому, Тура при его приходе на Припять сопровождала небольшая дружина в несколько десятков человек, которая и поселилась с ним в Турове. Безопасность их проживания на новом ме-

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 76. А. А. Шахматов относил текст о Туре и Турове к первой редакции Повести временных лет (см.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 91).

[2] Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 78.

сте обеспечивалась не столько силой оружия, сколько труднодоступностью места, расположенного по рекам, вблизи лесов и болот и хорошо укрепленного.

С приходом к власти в Киеве Владимира Святославича правление в Турове Тура, как и правление Рогволода в Полоцке, закончилось. Эти города вошли в состав Древнерусского государства, и распоряжаться в них стал киевский князь. При распределении между своими сыновьями городов с относившимися к ним территориями Владимир отдал Туров Святополку[3]. Тот после смерти отца в 1015 г. сумел захватить власть в Киеве. Однако борьба за Киев с братьями закончилась для Святополка поражением, бегством и гибелью. В Киеве утвердился победитель — Ярослав Мудрый. К нему перешел и Туров. В год смерти Ярослава (1054) в Турове находился его старший сын Изяслав[4]. Поскольку есть сведения о правлении Изяслава перед смертью отца в Новгороде[5], пребывание Изяслава в Турове следует расценивать как его перевод в более близкий к Киеву город для беспрепятственного занятия киевского стола. Туров, таким образом, стал местом временного пребывания князя, намеченного в преемники киевскому правителю.

Ценные упоминания о Турове содержатся в «Поучении» Владимира Мономаха. Рассказывая о своем совместном походе с Олегом, сыном Святослава Ярославича, на чехов в 1075 г., Мономах отметил, что в поход его отправил Святослав. Поход в чужие земли продолжался четыре месяца, после чего Мономах вернулся «оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову»[6]. Из этих скупых сведений следует, что верховной властью в Турове обладал Святослав Ярославич, в марте 1073 г. захвативший киевский стол, а потому получивший право отправить Мономаха воевать с чехами. Очевидно, что Туров продолжал быть частью Киевского княжества. Однако туровский стол занимал племянник Святослава Владимир Мономах. Это указывает на то, что внутри Киевского княжества было образовано особое Туровское княжение. Судя по всему, Туров был уступлен Святославом отцу Мономаха Всеволоду за поддержку в борьбе с их старшим братом Изяславом. Поездка Мономаха весной 1076 г. из Турова в Переяславль к отцу, скорее всего, была связана с передачей ему собранной с туровцев дани. Когда в 1078 г. киевским князем стал Всеволод, он перевел Мономаха в Чернигов, а Туров вместе с Владимиром Волынским отдал Ярополку Изяславичу, своему племяннику. Судя по последующим событиям, передача состоялась на тех же условиях, что и передача Турова в 1073 г. от Святослава его племяннику Владимиру Мономаху: последний должен был служить своему сюзерену и не имел полных прав на Туров. В 1085 г. Ярополк Изяславич начал борьбу с Всеволодом Ярославичем, в результате чего лишился своих владений. Туров вновь стал составной частью Киевского княжества. Под 1088 г. Лаврентьевская летопись сообщает, что брат Ярополка Святополк «иде <...> из Новагорода к Турову

[3] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121. Существует достаточно раннее указание, что Святополк получил от отца не Туров, а Пинск. Такое указание есть в некоторых списках Сказания о Борисе и Глебе. Однако, как показал А. А. Шахматов, это указание вместе с именами князей, братьев Бориса и Глеба, появилось в Сказании при его переработке между 1095 и 1110 гг., при княжении в Киеве Святополка Изяславича. В источнике Сказания, так называемом Начальном своде, говорилось, что Святополку был дан Туров, а не Пинск. Замена в Сказании Турова на Пинск произошла во избежание аналогий между Святополком Изяславичем и «окаянным» Святополком Владимировичем (см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 35 и примеч. 1).

[4] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 150.

[5] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. Стб. 118; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 182.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247.

жити»[7]. «Жити» Святополку Изяславичу нужно было до кончины Всеволода Ярославича, после чего он должен был занять киевский стол. Таково было соглашение Всеволода с сыном старшего брата, о чем впоследствии вспоминал Владимир Мономах. Туров снова оказался местом пребывания главного кандидата на киевский стол. И когда в 1093 г. Всеволод Ярославич скончался, Киев перешел к Святополку Изяславичу.

Длительное ожидание Святополком киевского стола, видимо, повлияло на расширение туровской территории. В 1097 г. владимиро-волынский князь Давыд Игоревич уверял княжившего в Киеве Святополка, что теребовльский князь Василько Ростиславич замышляет захватить у него Туров и Пинск[8]. В более позднее время Пинск прямо считался туровским городом[9]. Очевидно, пребывание в 1088—1093 гг. Святополка в очень скромном по сравнению с Новгородом Турове настолько не соответствовало материальным потребностям князя и его дружины, что пришлось к Турову присоединять Пинск. Последний был расположен на левом берегу реки Припяти при впадении в нее реки Пины, примерно в 112 км по прямой к западу от Турова. Это свидетельствует о том, что к концу XI в. возросло значение водного пути по реке Припяти, связывавшего древнерусские земли с польскими, а через них — с немецкими. По переходе Святополка Изяславича из Турова в Киев Туровская и Пинская земли сохранились за ним и княжеский стол в Турове перестал существовать.

После 1097 г. письменные источники долгое время ничего не сообщают о Турове. История его развития во времена княжения в Киеве Святополка Изяславича (1093—1113) и Владимира Мономаха (1113—1125) почти неизвестна. И только упоминание в 1127 г. сына Мономаха Вячеслава, посланного своим старшим братом киевским князем Мстиславом «ис Турова» воевать полоцкий город Изяславль[10], позволяет пролить некоторый свет на историю Турова в конце XI — первой четверти XII в. Очевидно, в указанное время Туров продолжал оставаться киевским городом, но в нем сидел князь, один из сыновей Мономаха, который подчинялся киевскому князю и ходил в походы по его приказам.

Не очень энергичный и не очень честолюбивый, но и не лишенный вовсе желания стать киевским князем, Вячеслав Владимирович прожил долгую жизнь[11] и сумел сыграть заметную роль в истории Туровской земли. После смерти отца он до поры до времени послушно ходил в походы, в которые посылали его старшие братья — сначала Мстислав, а позднее Ярополк. Не возражая, он по договоренности с Ярополком зимой 1132/1133 г. поменял свой Туров на Переяславль, а Ярополк посадил в Турове их племянника Изяслава Мстиславича. В принципе Переяславль был много значимее Турова. Но вскоре выяснилось, что Туров гораздо безопаснее. На Переяславль посто-

[7] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207.

[8] Там же. Стб. 258.

[9] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 429.

[10] Там же. Стб. 292.

[11] Вячеслав родился между 1081 и 1084 гг., а умер в начале 1155 г., когда ему было уже за 70 лет — возраст, весьма почтенный для Средневековья (см.: *Кучкин В. А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время: Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 61; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 472—473). Юрий Долгорукий получил известие о смерти брата Вячеслава по пути из Суздаля в Киев, находясь в Смоленске. В Киев же он вошел 20 марта 1155 г. (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 157). Путь от Смоленска до Киева занимал менее месяца. Следовательно, Вячеслав умер в начале 1155 г., а не в конце 1154 г., как пишут многие исследователи.

янно нападали черниговские князья и их союзники половцы. Зимой в начале 1134 г. «выиде Вячеславъ ис Переяславля и иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка»[12]. Из Турова он изгнал племянника Изяслава и вновь вокняжился в тихом городе на реке Струмени. Однако смерть в 1139 г. княжившего в Киеве Ярополка заставила Вячеслава снова кинуться в пучину междукняжеской борьбы за киевский стол. Нагрянув в Киев, Вячеслав объявил себя киевским князем. Но соперники у Вячеслава были серьезные: собственные родственники и черниговские князья во главе со Всеволодом Ольговичем. Последний собрал войска, захватил киевский Вышгород и начал осаду Киева. Оказать сопротивления Вячеслав не смог, оставил Киев Всеволоду и ушел «в свою волость» в Туров[13].

Став в начале 1139 г. киевским князем, Всеволод решил изгнать всех сыновей и внуков Мономаха из Переяславского и Киевского княжеств, но наткнулся на ожесточенное сопротивление. Всеволод вынужден был заключить с Мономаховичами мир, однако полностью от своих планов не отказался. В 1142 г. он заявил Вячеславу Туровскому: «Сѣдѣши во Киевьскои волости, а мнѣ достоить; а ты поиди въ Переяславль, отцину свою»[14]. Вячеслав вынужден был оставить Туров, где Всеволод посадил своего сына Святослава. Очень скоро выяснилось, что подобные перемещения князей не укрепляют положения Всеволода, а вредят ему. Уже через несколько месяцев Вячеслав предложил киевскому князю перевести сына во Владимир Волынский, княжившего там Изяслава Мстиславича — в Переяславль, а ему самому вернуть Туров. С некоторыми изменениями предложение было принято. Это укрепило отношения между Всеволодом и Вячеславом. Последний принимал участие в дальних походах Всеволода, а Всеволод явно был причастен к поставлению в 1144 г. на Туровскую епархию епископа Иоакима, что укрепляло позиции Вячеслава внутри княжества.

Смерть Всеволода в 1146 г. привела к острой борьбе его брата Игоря с переяславским князем Изяславом Мстиславичем за киевский стол, а затем того же Изяслава со своим дядей Юрием Долгоруким. Вячеслав Туровский не остался в стороне от этой борьбы. В самом ее начале он выступил против Изяслава Мстиславича. Вячеслав «не приложи чести ко Изяславу, отъя городы опять, иже бяшеть от него Всеволодъ отъялъ; не токмо же то, но и Володимирь (Волынский. — *В. К.*) зая и посади в немъ Андрѣевича (родного племянника Долгорукого. — *В. К.*)»[15]. В ответ новый киевский князь послал своего брата Ростислава Смоленского и Святослава, сына Всеволода Ольговича, войной на Вячеслава. В результате у него были отняты Туров и Пинск, епископ Иоаким и посадник Жирослав Иванкович были уведены в плен, а Туров был отдан сыну Изяслава Ярославу. Вячеслав, по-видимому, получил в управление Пересопницу и Дорогобуж.

Этот удар образумил князя, которому шел уже седьмой десяток лет. Летом 1147 г. он посылал Изяславу Мстиславичу, воевавшему с черниговцами, военную помощь. Однако когда в 1149 г. началась война за Киев между Изяславом и Юрием Долгоруким, Вячеслав перешел на сторону последнего. Когда в 1149 г. Юрий стал киевским князем, он лишил Туровского княжения Ярослава Изяславича, но не возвратил его и Вячеславу. У последнего он отнял Пересопницу и Дорогобуж, дав вместо них ки-

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.
[13] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 303.
[14] Там же. Стб. 310.
[15] Там же. Стб. 330.

евский Вышгород. Успех Юрия Долгорукого в 1149 г. оказался кратковременным, Изяслав Мстиславич вернул себе Киев, и Вячеслав снова начал искать сближения с ним. Прошло несколько месяцев, и на киевском столе вновь оказался Юрий Долгорукий. Теперь с владениями Вячеслава Владимировича он поступил куда жестче, чем в 1149 г. Осенью 1150 г. он передал Туров, Пинск и Пересопницу своему сыну Андрею Боголюбскому. Андрей владел этими городами чуть более полугода. Изяслав в очередной раз вернул себе Киев, закрепив это возвращение разгромом Юрия Долгорукого на реке Руте в мае 1151 г. Одержать победу Изяславу помог Вячеслав Владимирович, которому в марте 1151 г. Изяслав формально передал высшую власть в Киевском княжестве, оставив в своих руках власть фактическую[16]. Обладание верховной властью в Киевской земле, видимо, делало для Вячеслава излишним существование внутри последней особого туровского стола, и вплоть до его смерти Туров своего князя не имел.

Положение изменилось при новом возвращении в Киев Юрия Долгорукого. Сразу же при появлении в Киеве в марте 1155 г. Юрий посадил в Турове своего сына Бориса[17]. Однако Борису не суждено было здесь закрепиться. Вскоре после смерти отца (15 мая 1157 г.) он был вынужден покинуть Туров и вернуться в отчинную Суздальскую землю. Оставшийся без князя Туров немедленно был захвачен Юрием Ярославичем, сыном убитого в 1123 г. владимиро-волынского князя Ярослава Святополчича. Княживший в 1158 г. в Киеве черниговский князь Изяслав Давыдович сразу же организовал поход против дерзкого захватчика. В походе приняли участие сам Изяслав и шесть его союзников, включая князей Смоленска, Полоцка и Галича. Осажденный в Турове Юрий Ярославич тщетно молил Изяслава: «Брате, прими мя в любовь к собѣ»[18] — тот упорно продолжал осаду, встречая не менее упорное сопротивление другой стороны. Так продолжалось долгие 10 недель. В лагере киевского князя начал распространяться конский мор. Изяслав не выдержал и увел войска. От заключения мира с туровским князем он отказался.

Через два года сыновья Изяслава Мстиславича и Андрея Владимировича совершили новое нападение на Туровское княжество, но вновь безрезультатное. Тем временем туровцы искали себе союзников в разных местах. В 1160 г. туровский князь Юрий Ярославич ходил походом на далекий Путивль, видимо, помогая местному князю Олегу Святославичу в борьбе с врагом Туровского княжества Изяславом Давыдовичем[19].

Туровским князьям стало много легче, когда в Киеве начал править смоленский князь Ростислав Мстиславич. Новый киевский правитель решил, что туровцы должны стать его союзниками, а не открытыми или тайными врагами. В 1161 г. между сторонами был заключен договор, по которому, как следует из дальнейшего изложения событий в летописи, Ростислав признал права Ярославичей на Туровское княжество, в том числе и наследственные, а те согласились считать Ростислава своим сюзереном[20]. Туровские князья стали ходить в походы по требованию киевских князей, а походы на Туров прекратились. Это способствовало развитию Туровского княжества. В 1183 г. в летописи упоминается князь Глеб Дубровицкий, брат князя Ярослава Пинского. Глеб — второй сын Юрия Туровского. Очевидно, что свое прозвище Глеб получил по населенному пункту. Таким пунктом была

[16] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 399.
[17] Там же. Стб. 478—479, 488, 489.
[18] Там же. Стб. 492.
[19] Там же. Стб. 505; ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 67.
[20] Там же. Стб. 520.

Дубровица. Видимо, Туровское княжество приросло еще одним городом. На правление в Турове Юрия Ярославича приходится пребывание во главе Туровской епархии знаменитого Кирилла, одного из виднейших писателей домонгольской Руси. Выходец из местной состоятельной семьи, обладатель обширнейшей библиотеки, Кирилл в определенном смысле олицетворял тот общий высокий уровень, которого достигло Туровское княжество в последней трети XII в.

Юрий Ярославич Туровский последний раз упоминается в источниках в 1166 г. После него в Туровском княжестве правил его старший сын Святополк, а после его смерти в 1189 г.[21] другой сын Юрия — Глеб, который скончался в 1196 г.[22] Туровское княжество продолжало существовать и в первой половине XIII в. Под 1228 г. летопись сообщает об отдельном войске туровцев, судя по летописному тексту, под командованием своего князя[23]. Туровские князья упоминаются и в 1270-х гг.[24] Это позволяет говорить о существовании самостоятельного Туровского княжества не только к моменту вторжения монголов, но и через несколько десятков лет после установления их власти.

В 1180-х гг. из Туровского княжества выделяется Пинское. В Пинске стали править сыновья туровского князя Святополка Юрьевича[25]. Но действовали они отдельно от своих туровских родственников. Эпизод с захватом пинским князем Ростиславом Святополчичем в 1226 г. Черторыйска из состава завещанного Мстиславом Немым Даниилу Романовичу Галицкому Пересопницкого княжества ясно свидетельствует о том, что пинские князья руководствовались собственными интересами. Оценка этой акции князем Даниилом Галицким: «Не подобаеть пиняномъ держати Черторыиска»[26] — прямо говорит об этом. На то же указывает и упоминание в летописи отдельно войска пинян и войска туровцев при описании событий 1228 г.[27] Свидетельство о пинских князьях после 1241 г.[28] говорит о существовании Пинского княжества и в предшествующий этому году период. Но как бы ни были разделены сыновья Святополка Юрьевича, тот факт, что и Туров, и Пинск оставались под их властью, свидетельствует о том, что эти центры из условных держаний превратились в наследственное владение потомков киевского князя Святополка Изяславича.

---

[21] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665—666. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 205.
[22] Там же. Стб. 694. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 207.
[23] Там же. Стб. 753.
[24] Там же. Стб. 872.
[25] Там же. Стб. 720, 753.
[26] Там же. Стб. 752.
[27] Там же. Стб. 753.
[28] Там же. Стб. 872.

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Киев с конца IX столетия являлся главным городом Руси, местом княжения главы русского княжеского рода. С завершением формирования к концу X в. территориальной структуры государства Русь под непосредственным управлением киевского князя оказалась обширная территория в Среднем Поднепровье с городами Черниговом, Переяславлем, Вышгородом, Любечем[1]. В середине XI столетия Чернигов и Переяславль становятся центрами крупных волостей, выделенных Ярославом Владимировичем своим сыновьям Святославу и Всеволоду[2]. Левобережье среднего Днепра, таким образом, из-под непосредственной власти Киева вышло. Но в то же время в прямом подчинении киевских князей оказалась с эпохи княжения Ярослава бывшая земля древлян (к северо-западу от Киева), которая ранее, при Владимире Святославиче, управлялась одним из его сыновей (Святославом)[3]. В конце XI в., в 1090-е гг., «волостью» киевского князя Святополка Изяславича считались Киев, Туров (где Святополк сидел до восхождения в 1093 г. на киевский стол), Пинск и «Погорина» (течение реки Горыни, правого притока Припяти)[4]; киевским князьям принадлежало также Берестье на Западном Буге. Позже, к середине XII в., Туров и Пинск закрепятся за определенной княжеской ветвью — Юрием Ярославичем (внуком Святополка Изяславича) и его потомками. Под непосредственной властью киевских князей останется только относительно небольшая территория вверх и вниз от Киева по правому берегу Днепра (в догосударственную эпоху — земля полян) и к западу и северо-западу до рек Случи и Горыни[5] (бывшая территория древлян).

Но несмотря на то что Киевская земля была далеко не крупнейшей на Руси по территории, она являлась наиболее густонаселенной и хозяйственно освоенной. На первую половину XIII в., по данным письменных источников и археологии, в ней фиксируется 115 укрепленных поселений (больше насчитывается только в гораздо более обширных Черниговской и Смоленской землях, то есть по числу укрепленных поселений на единицу площади Киевская земля была на первом месте)[6].

Киев являлся крупнейшим городом Руси. При Владимире Святославиче в конце X — начале XI в. были построены крепост-

---

[1] См.: *Горский А. А.* Владимир Святой и формирование государственной территории Руси // Русь эпохи Владимира Великого: Государство, церковь, культура. М.; Вологда, 2017. С. 19.

[2] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 469; ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 161.

[3] См.: *Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). Киев, 1985.

[4] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 237; Т. 1. Стб. 263.

[5] В середине XII в. в среднем течении Горыни существовала особая волость с центром в Дорогобуже, но во второй половине XII столетия эта территория вошла в состав Киевской земли.

[6] См.: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 30—31, 116, 119. Табл. 16, 19; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 66.

ные стены, после чего площадь укрепленной части города достигла 10 га; при Ярославе Владимировиче во второй четверти XI в. она выросла до 70 га в результате возведения новой линии укреплений; центром «города Ярослава» стал собор Св. Софии. Вне городских стен, у берега Днепра, располагалась торгово-ремесленная часть Киева — Подол (где городская застройка фиксируется уже с конца IX в.). Близ города в XI—XII вв. возник ряд монастырей, наиболее крупным из которых был расположенный на южной окраине Киева Киево-Печерский, ставший одним из главных очагов древнерусской книжности и просвещения[7].

Помимо Киева наиболее важными городами Киевской земли были Вышгород (на Днепре выше Киева), Белгород, Василев (к юго-западу от Киева), Овруч (в бывшей земле древлян), Юрьев, Торческ (на реке Рось, к югу от Киева), Треполь (на Днепре к югу от Киева), Дорогобуж и Пересопница (на реке Горыни, на западных границах земли).

К Киевской земле в источниках XII — начала XIII в. постоянно применяются понятия «Русь» и «Русская земля» в узком значении[8]. Помимо русского населения она включала в себя поселения тюркоязычных «Черных клобуков» (торков и печенегов), служивших русским князьям. Они располагались по течению реки Рось (правого притока Днепра южнее Киева), на пограничье с Половецкой степью; главным городом черноклобуцкого объединения был Торческ[9]. Южные границы Киевской земли постоянно подвергались набегам кочевников — до середины XI в. печенегов, затем половцев. Целям обороны от этих нападений служили крепости (в основном по рекам Рось и Стугна) и валы, возведенные главным образом при Владимире и Ярославе.

Несмотря на фактическое формирование в XII в. на месте единого государства системы самостоятельных «земель», Киев сохранял значение номинально главного княжеского стола на всей Руси вплоть до Батыева нашествия (и даже некоторое время после него)[10]. По этой причине киевские князья могли именоваться «князьями всея Руси»[11]. Сохранял Киев и статус церковной столицы, престола митрополита всея Руси — главы Русской церкви. Выгодное расположение Киева — на перекрест-

---

[7] *Артамонов Ю. А.* «Древнерусская Фиваида»: К истории становления монастырской культуры Древней Руси // Российская история. 2016. № 2. С. 23—35.

[8] Иногда в понятие «Русская земля» включались и Переяславская земля, и часть Черниговской (см.: *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГВЕ. 1992—1993. М., 1995. С. 74—100; *Ведюшкина И. В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // ДГВЕ. 1992—1993. С. 101—116). Название «Киевская земля» для XII — начала XIII в. является условным: оно встречается позже, в XIV столетии, но в источниках домонгольского периода не упоминается.

[9] См.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 213—222; *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 67—88.

[10] См.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 28—29.

[11] Такое определение встречается в источниках по отношению к Всеволоду Ярославичу (киевский князь в 1078—1093 гг.), Владимиру Всеволодичу Мономаху (1113—1125), Юрию Владимировичу Долгорукому (1149—1150, 1150—1151, 1155—1157), Ростиславу Мстиславичу (1159—1167), Мстиславу Романовичу (1212—1223) (см.: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. С. 20—21, 115, 260, 311 (№ 22а); *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 71; *Филипповский Г. Ю.* «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа по списку 1597 г. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 236—237; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289; Т. 1. Стб. 436; РИБ. Т. 6. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 66; *Розанов С. П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 6). См. об этом подробно: *Горский А. А.* Титулование «всея Руси» и русские князья XI—XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 43—50.

ке водных торговых путей Восточной Европы — способствовало сохранению им значения важного центра торговли, в том числе международной. Наконец, Киевская земля отличалась плодородностью почв и развитостью земледельческого хозяйства. Высокий статус киевского княжения вкупе с фактором богатства, а следовательно, доходности Киевской земли привели к борьбе за киевский стол в XII — первой трети XIII в., шедшей между князьями сильнейших ветвей рода Рюриковичей и, соответственно, сильнейших земель.

Владимир Мономах, княживший в Киеве в 1113—1125 гг., стремился закрепить главный стол Руси за своими потомками. Его сменил старший сын Мстислав (1125—1132), еще в 1117 г. переведенный отцом из Новгорода в Белгород под Киевом, что означало фактически возведение его в ранг соправителя и преемника[12]. От Мстислава стол наследовал следующий Владимирович — Ярополк (1132—1139)[13]. Мстислав рассчитывал, что после Ярополка киевский престол перейдет к старшему из его сыновей — Всеволоду, но этот план не был реализован. Еще при жизни Ярополка против его воплощения выступили младшие сыновья Мономаха (от его второго брака) — Юрий (Долгорукий) и Андрей[14]. К тому же Всеволод Мстиславич скончался раньше Ярополка, в 1138 г. В результате после смерти Ярополка в начале 1139 г. Киев занял было следующий по старшинству Мономахович — Вячеслав Владимирович, но его тут же изгнал черниговский князь Всеволод Ольгович[15], которому удалось удерживать за собой Киев до конца жизни (1146).

С середины XII в. занятие киевского стола становится результатом междукняжеской борьбы и междукняжеских договоренностей (хотя князья в ходе борьбы за Киев и могли ссылаться на свои наследственные права). Всеволод завещал Киев своему брату Игорю Ольговичу, но этому воспротивился Изяслав, старший на тот момент из сыновей Мстислава Владимировича, княживший в Переяславле. Киевляне и «Черные клобуки» приняли его сторону, и внук Мономаха взошел в августе 1146 г. на престол[16]. Его противником тут же выступил дядя — суздальский князь Юрий Владимирович, считавший свои права на киевский стол более предпочтительными, чем у племянника. Борьба Юрия и Изяслава шла с переменным успехом до смерти последнего (1154). Юрию дважды удавалось ненадолго взойти на киевский стол — в 1149 и 1150 гг., но Изяслав оба раза вскоре изгонял его и с 1151 г. закрепился в Киеве (признав формальное верховенство своего дяди — Вячеслава Владимировича, который был старше Юрия и имел, таким образом, бóльшие в сравнении с последним права на Киев)[17]. В 1155 г. Юрий, после кончины Изяслава и кратковременных княжений в Киеве следующего по старшинству Мстиславича — смоленского князя Ростислава, и черниговского князя Изяслава Давыдовича наконец закрепился в Киеве[18]. Но после смерти Юрия Владимировича (1157) снова развернулась борьба, в которой главными претендентами на Киев выступили Изяслав Давыдович и Ростислав Мстиславич. Победителем к началу 1160-х гг. стал Ростислав[19]. Он сохранил Киев до конца

[12] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284, 289; Т. 1. Стб. 293—295.

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301; Т. 2. Стб. 294.

[14] См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 96—102.

[15] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302—304.

[16] Там же. Стб. 317—327.

[17] Там же. Стб. 383, 396—398, 402—403, 415—419.

[18] Там же. Стб. 468—479.

[19] Там же. Стб. 489—490, 504.

своих дней (1167). Ростислава сменил племянник — Мстислав Изяславич, князь Владимиро-Волынский (старший сын Изяслава Мстиславича)[20]. Но против него выступил суздальский князь, сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский, признававшийся после смерти Ростислава «старейшим» среди потомков Владимира Мономаха. В марте 1169 г. войско коалиции князей разных земель (Суздальской, Переяславской, Смоленской, Черниговской), посланное суздальским князем, взяло и разграбило Киев, и князем здесь был посажен Глеб Юрьевич, брат Андрея (до того княживший в Переяславле-Русском)[21].

Распространенное мнение, что после разорения 1169 г. Киев перестает быть главным городом Руси, а Киевская земля становится второстепенным «княжеством», не имеет под собой оснований. Андрей действительно попытался поставить киевский стол под свой контроль, оставаясь князем Суздальской земли. Однако такая ситуация сохранялась всего два года. Вскоре после смерти Глеба (1171) и кратковременного княжения в Киеве самого младшего из сыновей Мстислава Владимировича — Владимира — из повиновения Андрея выходят Ростиславичи — сыновья Ростислава Мстиславича. Старший из них, Роман, занимавший киевский стол, подчинился требованию Андрея уйти из Киева в Смоленск, но его братья Рюрик, Давыд и Мстислав, занимавшие столы в городах Киевской земли (Овруче, Вышгороде и Белгороде), восстали против диктата суздальского правителя и вступили в Киев. Следующий за Романом по старшинству из Ростиславичей, Рюрик, начал княжить в столице Руси против воли Андрея Юрьевича[22]. Андрей предъявил Ростиславичам ультиматум: Рюрику уйти в Смоленск, Давыду — в Берладь (Нижнее Подунавье), а Мстиславу, в котором видел главного виновника происходящего, не велел «в Рускои землѣ быти». Мстислав Ростиславич приказал передать Андрею: «Мы ти до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви, аже еси сь сякыми рѣчьми прислалъ, не акы кь князю, но акы кь подручнику и просту человеку, а что умыслилъ еси, а тое дѣи, а Богъ за всѣмъ». После этого Андрей послал на Ростиславичей крупное войско, в которое вошли войска Суздальской, Новгородской, Рязанской, Муромской, Полоцкой, Турово-Пинской и Черниговской земель (и даже Роман Ростиславич вынужден был отправить на своих братьев из Смоленска полк во главе с сыном). Командующим войском — сыну Андрея Юрию и воеводе Борису Жидиславичу — суздальский князь повелел Рюрика и Давыда изгнать, а Мстислава захватить и привести к нему. Рюрик затворился в Белгороде, Давыд ушел в Галицкую землю искать там поддержки, а Мстислав засел в Вышгороде со своим и Давыдовым полками. К городу подступила часть сил коалиции во главе с братом Андрея Всеволодом и Игорем Святославичем из черниговских Ольговичей (будущим героем «Слова о полку Игореве»). Мстислав сначала принял бой вне городских стен, нанеся противнику серьезный урон, а потом в течение девяти недель успешно оборонялся из города. Затем подошедший к Киеву из Луцка Ярослав Изяславич перешел на сторону Ростиславичей в обмен на обещание ему киевского стола, и войско Андрея отступило из Южной Руси[23]. Поход окончился, таким образом, провалом, а с гибелью самого Андрея Боголюбского (1174) вопрос о контроле суздальского князя над киевским столом вообще сошел с повестки дня.

[20] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 529—535.

[21] Там же. Стб. 543—545. О политической борьбе 1140—1180-х гг. особенно подробно см.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 107—157. См. также: *Толочко П. П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 126—149; *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013. С. 152—167.

[22] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 563—566, 568—571.

[23] Там же. Стб. 572—578.

Между тем за этот стол (по-прежнему главный на всей Руси) вновь началась борьба — между смоленскими Ростиславичами, черниговскими Ольговичами в лице черниговского князя Святослава Всеволодича (сына Всеволода Ольговича) и волынскими Мономаховичами в лице луцкого князя Ярослава Изяславича (второго сына Изяслава Мстиславича). Поначалу в ней взял верх Роман Ростиславич, но в 1176 г., после поражения, которое Ростиславичи потерпели от половцев, его сменил на киевском столе Святослав Всеволодич Черниговский. В 1180 г. он спровоцировал войну с Ростиславичами (Рюриком и Давыдом), желая лишить их княжений в пределах Киевской земли, и в результате потерял Киев, который занял Рюрик Ростиславич. Война Ростиславичей и Ольговичей закончилась в 1181 г. поражением черниговских князей (несмотря на поддержку их половцами во главе с ханами Кончаком и Кобяком), но Ростиславичи пошли на компромисс: Святослав стал владеть Киевом, а остальная часть Киевской земли («вся Руская земля») досталась Рюрику Ростиславичу (его резиденцией был Овруч)[24]. Союз Святослава и Рюрика продержался долго и позволил успешно противостоять половцам, в 1180-е гг. усилившим натиск на границы Киевской и Переяславской земель.

Сложившаяся в результате договоренности Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича ситуация оставалась стабильной до 1194 г., когда умер Святослав. После этого Рюрик Ростиславич стал единственным правителем Киевской земли[25]. Но он столкнулся сначала с князьями черниговской ветви (Ольговичами) во главе с братом Святослава Ярославом Всеволодичем, войной с которыми были заняты 1195—1196 гг.[26], а затем — с волынским князем Романом Мстиславичем (сыном Мстислава Изяславича), в 1199 г. присоединившим к своим владениям Галич и благодаря этому серьезно усилившимся. В 1202 г. Роман изгнал Рюрика из Киева, посадив там своего двоюродного брата Ингваря Ярославича (сына Ярослава Изяславича Луцкого). Рюрик в ответ в 1203 г. взял Киев в союзе с черниговскими Ольговичами и половцами, подвергшими город второму (после 1169 г.) крупному разорению[27]. В 1204 г. Роман захватил Рюрика и заставил постричься в монахи. Киевским князем по согласованию между Романом и великим князем Суздальской земли Всеволодом Юрьевичем (считавшимся «старейшим в Володимере племени», то есть среди потомков Владимира Мономаха) стал старший сын Рюрика Ростислав (приходившийся Всеволоду зятем). Но после гибели Романа во время похода в Польше в 1205 г. Рюрик расстригся и вернулся на киевский стол[28]. Однако уже в следующем году претензии на Киев предъявил черниговский князь Всеволод Святославич (сын Святослава Всеволодича). В 1206 и 1207 гг. он дважды изгонял Рюрика из Киева, вынуждая его уходить в Овруч, но Рюрику быстро удавалось (отчасти благодаря поддержке Всеволода Суздальского) возвратить киевский стол[29]. В 1210 г. Всеволод Святославич захватил Киев в третий раз и вроде бы закрепился там, но два года спустя против него выступила коалиция князей смоленской ветви во главе с лучшим полководцем того времени Мстиславом Мстиславичем. Причиной похода стало стремление Всеволода править во всей Киевской земле единолично, изгнав оттуда сыновей

[24] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 603—605, 614—624.
[25] Там же. Стб. 680—681.
[26] Там же. Стб. 688—702.
[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417—419.
[28] Там же. Стб. 420—421, 425—426.
[29] Там же. Стб. 426—429, 432—433.

Рюрика, которые владели рядом городов в ее пределах. Всеволод оставил Киев, и там вокняжился смоленский князь Мстислав Романович (сын Романа Ростиславича)[30]. С этого времени в Киевской земле наступил период определенной стабильности.

После гибели Мстислава Романовича в битве с монголами на Калке в 1223 г. стабильность поначалу в целом сохранялась: Киев перешел к двоюродному брату Мстислава — Владимиру Рюриковичу (сыну Рюрика Ростиславича), ставшему «старейшим» в ветви смоленских Ростиславичей[31]. Но с начала 1230-х гг. вновь начинается борьба за киевский стол, в которой главным противником Владимира Рюриковича выступил черниговский князь Михаил Всеволодич (сын Всеволода Святославича). С 1235 г. князья на киевском столе не держатся более полутора лет: это Изяслав Мстиславич[32], снова Владимир Рюрикович, Ярослав Всеволодич (брат великого князя Суздальской земли Юрия Всеволодича, с конца 1236 до весны 1238 г.), Михаил Всеволодич Черниговский (1238—1239), Ростислав Мстиславич (сын Мстислава Романовича), наконец (в 1240 г., накануне похода Батыя на Киев), Даниил Романович, князь Волынский и Галицкий (сын Романа Мстиславича)[33].

Таким образом, Киевская земля не закрепилась в XII — первой трети XIII в. за какой-либо одной княжеской ветвью. На Киев, сохранявший статус номинальной столицы всей Руси, вплоть до нашествия Батыя претендовали князья разных ветвей, представлявшие сильнейшие русские земли — Черниговскую, Переяславскую (к концу XII в. утратившую свое прежнее значение), Смоленскую, Волынскую и Суздальскую. Чаще всех Киевом владели смоленские князья — 53 года за период с 1132 по 1240 г., черниговские — 34 года, переяславские — 13, волынские — 12, суздальские — 6 лет.

Со второй половины XII столетия в Киевской земле устанавливается система своеобразного княжеского коллективного владения или совладения. Она выражалась в том, что некоторые города Киевской земли передавались киевским князем во владение своим близким родственникам или представителям другой сильной княжеской ветви. Такое княжение называлось «часть в Русской земле»[34]. Центрами такого рода волостей были крупнейшие после Киева города земли — Овруч, Вышгород, Треполь, Белгород, Торческ[35]. Киевская земля в целом, а не только Киев, таким образом, рассматривалась как общее достояние русского княжеского рода.

---

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435; НПЛ. С. 53; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 7—8, 13—14, 19, 23, 65.

[31] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 746.

[32] Происхождение этого князя, в 1235 г. ненадолго занявшего, благодаря союзу с Михаилом Черниговским и половцами, киевский стол, неясно. В нем предполагали как представителя смоленской династии (сына Мстислава Романовича или Мстислава Мстиславича), так и князя из черниговской ветви Ольговичей (см.: *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 14—17; *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). 2-е изд., испр. и доп. / Пер. и вступ. слово К. Ерусалимского, О. Остапчук. СПб., 2015. С. 733—735. (Studiorum Slavicorum orbis; Т. 10)).

[33] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777, 782; НПЛ. С. 73—74; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 14, 19—20, 23—25.

[34] См.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 73—76; *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 154—162; *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 364—365; *Котляр Н. Ф.* Отражение в «Слове о полку Игореве» государственной структуры Руси эпохи феодальной раздробленности // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 64—71; *Горский А. А.* Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. С. 7, 20—22.

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418, 426—428; Т. 2. Стб. 521, 683, 766; НПЛ. С. 53.

В годы монгольского нашествия общерусский столичный статус Киева осознавался и завоевателями, и иноземными свидетелями событий. Плано Карпини, посол римского папы к великому монгольскому хану, в отчете о своей поездке отмечал, что монголы взяли и разорили Киев, который был «столицей Руси» (metropolis Russiae), а говоря о своем проезде через Киев (1246), подчеркивал, что этот город «является столицей Руси» (que metropolis est Russiae)[36].

[36] *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. P. 271, 304; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 46—47, 67.

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

Новгород возник на северо-западе европейской части современной России, на возвышенных территориях на реке Волхов недалеко от ее истока из озера Ильмень[1]. Природно-географические условия Новгородской земли отличаются разнообразием[2]. Непосредственно примыкавшее к истоку Волхова так называемое Поозерье характеризовалось благоприятными для ведения сельского хозяйства условиями, но в целом плодородие почв было невысоким. Огромные слабозаселенные территории, леса и болота, очень малое число городов — все это делало социально-экономический облик Новгородской земли весьма отличным от социально-экономического облика ведущих центров Южной Руси и, прежде всего, Киевщины. Так, в первой трети XIII в. в огромных владениях Новгорода было 14 городов, включая незначительные укрепленные пункты: Псков (не всегда, правда, подчинявшийся Новгороду уже в домонгольское время), Городище (Рюриково городище), Ладога, Руса (Старая Русса), Новый Торг (Торжок), Луки (Великие Луки), Олонец, Городецк (Бежецк), Вологда, Волок Ламский (Волоколамск), Изборск, Копорье, Моравиин, Юрьев (Дерпт, Тарту, захвачен Тевтонским орденом в 1224 г.). В то же время в Киевской земле, которая уступала Новгородской по размеру, насчитывалось 78 городов, то есть в пять с лишним раз больше[3]. Это свидетельствует о специфическом типе новгородского хозяйства, основанного на эксплуатации центром обширной и малозаселенной периферии.

Непростыми были и природно-климатические условия Новгородской земли: нередко имели место засухи, непрекращающиеся дожди и бесснежные сырые зимы, наводнения, ранние морозы, а в результате — частые неурожаи и голодные годы[4].

С другой стороны, Новгород находился в ключевой точке системы рек ильменского бассейна, соединявших его с Западной Двиной (а через нее — с Днепром и Южной Русью), Чудским озером и верховьями Волги. Новгород имел доступ как к богатым пушниной территориям Русского Севера, так и к Балтийскому морю, с которым его связывал путь по Волхову, Ладожскому озеру и Неве. Географическое положение Новгорода и природно-климатические условия, в которых он должен был развивать свое хозяйство, способствовали очень раннему его включению в систему торговли и международных связей на севере Европы.

---

[1] *Кушнир И. И.* К топографии древнего Новгорода // Советская археология. 1975. № 3. С. 176—179.

[2] См. подробнее: *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 93—96.

[3] *Кучкин В. А.* Города Древней Руси // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 948.

[4] См.: *Пашуто В. Т.* Голодные годы в Древней Руси // ДГВЕ. 2008. М., 2011. С. 265—316.

Этнический состав населения Новгорода и Новгородской земли отличался своеобразием. На территории будущего Новгорода в древности располагалась восточнославянская общность новгородских (ильменских) словен — одного из восточнославянских этнополитических объединений. В Повести временных лет о словенах сообщается, что они «сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася *своимъ имянемъ* (курсив мой. — *П. Л.*), и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ»[5]. Действительно, наименование «словѣне» — это старославянский и древнерусский вариант современного слова «славяне»[6], то есть «словене» (новгородские) — это просто славяне, жившие на определенной территории.

Появление славян на Северо-Западе Руси представляет собой дискуссионный вопрос. В последние десятилетия получила популярность гипотеза о заселении Приильменья балтийскими славянами, высказанная еще в XIX в. По мнению ее сторонников, предки новгородских словен пришли в Приильменье из регионов, примыкающих к южному побережью Балтики (славянского Поморья), и были носителями западнославянских диалектов. Более того, вся Северо-Западная Русь — Новгородская и Псковская земли — была заселена выходцами с юга Балтики[7]. Основывается это мнение на трех группах аргументов: лингвистических, археологических и антропологических.

Принимая тезис о южнобалтийском происхождении новгородских словен как вполне доказанный, историки делают на его основе и более глобальные выводы — о заимствовании новгородцами у западных славян важнейших особенностей территориально-политической структуры и политических институтов. Между тем данные, на которых основывается «теория переселения», либо опровергаются новейшими исследованиями, либо существенно ими корректируются. Концепция о западнославянских «связях» древненовгородского диалекта вызвала серьезную критику со стороны ряда лингвистов. Специфические черты древненовгородского диалекта могут объясняться не переселениями, а другими, чисто языковыми явлениями[8]. Весьма неоднозначно обстоит дело и с антропологическими данными. Как установлено на основе анализа новых краниологических материалов, к новгородским словенам в антропологическом отношении намного ближе балты (особенно ятвяги, пруссы и селы) и некоторые группы финнов, чем балтийские славяне, которые, в свою очередь, намного ближе к германцам, чем к новгородцам. При этом по целому ряду показателей балтийские славяне отличаются от новгородцев больше, чем остальные западные славяне. Все это приводит современных исследователей к сомнениям относительно «особенной антропологической общности балтийских славян и ранних новгородцев»[9]. О возможном переселении какой-то части западнославянского населения на Русь могут свидетельствовать находки керамики западнославянских типов на Северо-Западе Руси[10]. Между тем непросто понять, имеем

---

[5] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 6.

[6] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 664—665.

[7] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 20—26.

[8] *Шустер-Шевц Х.* К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 3—10; *Крысько В. Б.* Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 28—29; *Он же.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 89.

[9] *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000. С. 51—58.

[10] *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 80, 84. (Труды ИИМК; Т. 24).

ли мы дело с импортом или с работой мастеров на месте (только во втором случае можно предполагать миграцию). Отличать применительно к Средневековью импортную продукцию от местной весьма сложно, и находки керамики могут давать информацию не столько об этнических, сколько о социально-экономических (торговых) контактах[11]. Во всяком случае, с лингвистической точки зрения заселение Новгородской земли с территории Юго-Западной и Южной Руси более вероятно[12].

Расселение славян на Северо-Западе Руси представляло собой достаточно длительный процесс. Археологически достоверные славянские памятники появляются там в конце третьей четверти I тыс. н. э. До этого времени фиксируются памятники других культурных традиций, этническая характеристика которых затруднена, но, по-видимому, там присутствовал или даже преобладал финно-угорский элемент[13].

Тесные контакты между славянским и финноязычным населением получили отражение, в частности, в летописных преданиях о совместных действиях словен и финно-угорских этнических групп — чуди и мери. Впоследствии под властью Новгорода или в даннической зависимости от него оказалось значительное финноязычное население, среди которого были карелы, водь (вожане), ижора, саамы, вепсы, на какое-то время — эсты.

Финноязычные этнические группы составляли, по-видимому, весьма значительную часть жителей Новгородской земли. Исследования историков, археологов, лингвистов показывают, что еще в XV в. карелы населяли Западное Приладожье, земли между Ладожским и Онежским озерами, восточное побережье последнего. На Кольском полуострове и по рекам бассейна Белого моря жила «лопь» — древнерусское название саамов. В Заонежье, Юго-Восточном и Юго-Западном Прионежье, по рекам Свирь, Ошта и Оять находились поселения вепсов. На юго-западном побережье Финского залива проживала водь, а на южном берегу Невы — ижора.

К сожалению, из-за недостатка источников проследить демографические процессы, протекавшие у финноязычного населения Новгородской земли в домонгольское время, не представляется возможным, но нет сомнений, что они имели место. Так, известно, что в более позднее время в результате столкновений со шведами часть карельского населения мигрировала из Приладожья в Обонежье[14].

Хозяйство и материальная культура финноязычных этнических групп Новгородской земли отличались, по-видимому, определенной спецификой, в частности, бóльшую роль, чем у славянского населения, играли охота и рыболовство. В то же время у карел и эстов производящее хозяй-

---

[11] *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X — начала XI вв. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: (Новые материалы и исследования). СПб., 2005. С. 121. (Труды ИИМК; Т. 18).

[12] *Крысько В. Б.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне. С. 89; *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005. С. 372—374.

[13] *Конецкий В. Я.* Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: Итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007. С. 256—267.

[14] *Гадзяцкий С. С.* Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 5; *Чибисов Б. И.* Этнический состав населения Корельского уезда в конце XV в. // Клио. 2019. № 7 (151). С. 71.

ство (земледелие и скотоводство) имело ранние истоки[15]. Концом 1220-х гг. датируется летописное известие, из которого следует, что в земле карел были «нивы»[16].

Имена с финской этимологией нередко встречаются в берестяных грамотах: по данным на 2007 г. их известно от 40 до 60, что составляет 4—5% всего именослова этих документов[17]. Если финские имена в берестяных грамотах принадлежат в основном, видимо, рядовым сельским жителям, то некоторые летописные данные показывают, что представители финноязычного населения могли достигать в Новгороде высокого положения. В 1337 г. воевода Валит корелянин командовал подчинявшимся Новгороду гарнизоном в Корельском городке, а в 1387 г. Иван Валит руководил строительством каменной крепости в Порхове[18]. «Валит» — антропоним финского происхождения (от *vallittu* в значении «находящийся под властью богов или добрых духов» или *valittu* — «выбранный», «избранник»)[19].

С конца XI в. фиксируются контакты новгородцев с «югрой» — населением Северного Урала, угроязычными (то есть говорящими на языках, близких венгерскому) предками современных хантов и манси. Под 1187 г. в новгородском летописании говорится о существовании в Новгороде «данников югорских» (новгородских сборщиков дани с югры), а в 1193 г. во время неудачного похода новгородцев на югру выясняется, что та называет себя новгородскими смердами и платит Новгороду дань серебром, соболями и «узорочьями» (драгоценными вещами или тканями). В то же время югра сохраняла автономию, у нее были свои князья (выполнявшие, вероятно, функции военных вождей) и «грады» — укрепленные поселения[20].

Еще задолго до «призвания варягов», с середины VIII в. значительное скандинавское присутствие отмечается в низовьях Волхова, где возникло поселение Ладога (в скандинавских сагах: *Aldeigja*, *Aldeigjuborg*). Скандинавы жили там и позднее, в XI—XII вв., что подтверждается археологическими и антропологическими данными. Исключительно богато скандинавскими находками основанное уже в IX в. в 2 км южнее Новгорода Городище (Рюриково городище). Их обилие и разнообразие свидетельствуют о том, что скандинавы селились там целыми семьями[21]. Первые новгородские князья охотно нанимали варяжские дружины, существенно усиливая этим свои войска. В рунических надписях XI — начала XII в. упоминаются умершие или погибшие в «Хольмгарде» (древнескандинавское название Новгорода[22]) скандинавы — бесспорное и достоверное свидетельство пребывания их в Новгороде

---

[15] *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 236—237.

[16] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 270.

[17] *Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Slavica Helsingensia. 2007. Vol. 32: Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North / Ed. J. Nuorluoto. P. 196—246.

[18] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 407—408; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 348.

[19] *Хелимский Е. А.* О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 256; *Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. P. 212. Ср. упоминание Валита в берестяной грамоте № 130 (*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004. С. 597).

[20] ПСРЛ. Т. 3. С. 38, 40—41, 229, 232—233, 234—235.

[21] *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье. С. 102—118.

[22] См.: *Джаксон Т. Н.* Новгород в древнескандинавской письменности // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 33—36.

в это время в качестве воинов на службе у русских князей или купцов[23]. Возможно, какая-то часть новгородской боярской элиты была скандинавского происхождения (так, есть данные о скандинавских корнях одного из самых могущественных боярских кланов — Гюрятиничей-Роговичей)[24]. Представления о «варяжском» происхождении части населения Новгорода отразились и в летописи, в известной фразе: «...и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска»[25].

Начиная с XII в. в новгородском ономастиконе фиксируются тюркские имена, носителями которых были, вероятно, люди из княжеского окружения или купцы, выходцы из Южной Руси[26].

На сегодняшний день археологами не обнаружено никаких свидетельств существования Новгорода ранее X в., а формирование древнейших известных усадебных комплексов относится к 930-м гг.[27] Согласно разделяемой многими учеными концепции В. Л. Янина, первоначально (к середине X в.) сложились три поселка, из которых впоследствии развились три древнейших новгородских конца (самоуправлявшиеся административно-территориальные единицы): Славенский, Людин и Неревский. В результате объединения этих поселков и появился Новгород. Существуют, однако, и другие теории. По одной из них Новгород мог появиться как центр княжеской власти, пришедшей с юга, из Киева[28]. Согласно другой, Новгород возник на месте проведения народных собраний «племени» словен и в этом отношении противостоял соседнему Рюрикову городищу, которое изначально было центром княжеской власти, а впоследствии, вплоть до падения новгородской независимости, там находилась резиденция князя[29]. По мнению большинства ученых, именно на территории Рюрикова городища находился древнейший Новгород, который упоминается в письменных источниках. Данные топографии современного Новгорода, впрочем, предполагают, что он мог развиться из поселений, существовавших еще в IX в.[30]

Каково бы ни было «происхождение Новгорода», возник ли он как «племенное» поселение словен или как форпост киевских князей на Северо-Западе Руси, уже во второй половине X — начале XI в. город стал значительным для того времени центром, из которого члены правящей династии Рюриковичей распространяли свою власть на соседние земли. Территория, подчиненная Новгороду, формировалась постепенно. Опорными пунктами для освоения

---

[23] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. Ч. Б. 4.8; 5.32; 7.29. С. 338—339.

[24] *Gippius A. A.* A Scandinavian Trace in the History of the Novgorod Boyardom // Vers l'Orient et vers l'Occident. Regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne / Dir. P. Bauduin, A. E. Musin. Caen, 2014. P. 383—392.

[25] ПСРЛ. Т. 3. С. 106.

[26] *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 46; *Гиппиус А. А.* «Ильдятино селище»: Комментарий к новгородской берестяной грамоте № 71 // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2—3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 231—234; *Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 2001—2014 гг.). М., 2015. С. 99—100.

[27] *Тарабардина О. А.* Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991—2005 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

[28] *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 170—173.

[29] *Флоря Б. Н.* Призвание Рюрика и основание Новгорода // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 5. С. 3—9.

[30] См.: *Кушнир И. И.* К топографии древнего Новгорода. С. 179.

подвластных ему земель были погосты — судебно-податные центры. Отдаленные территории, как правило, населенные неславянскими народами, могли сначала не включаться непосредственно в административном плане в территорию Новгородской земли, с них лишь собиралась дань (Пермь, Печора, Югра, Терский берег, часть территории современных Эстонии и Финляндии)[31]. Впоследствии Новгороду подчинялась гигантская периферия, простиравшаяся от верховьев Волги на юге до Белого моря на севере, от берегов Балтийского моря на западе до берегов Северной Двины на востоке. Только площадь территории будущих новгородских пятин (районы, на которые была разделена Новгородская земля, по-видимому, уже после присоединения к Москве), то есть наиболее освоенной части новгородских владений, составляла к концу XV в. почти 300 тыс. кв. км[32]. Именно новгородцы были пионерами освоения северных пространств будущей России. Подчиненная Новгороду периферия и была основным источником его благосостояния, именно она поставляла те товары, которые экспортировал Новгород. Периферия эта между тем, несмотря на свои размеры, была заселена слабо. На основании земельных описаний, осуществленных московскими чиновниками после присоединения Новгорода, предполагается, что общая численность населения Новгородской земли могла достигать в это время 520 тыс. человек[33]. Однако эти подсчеты очень приблизительны и условны. Существуют и другие оценки, например 400 тыс. человек применительно ко второй половине XV в.[34] В раннее время население Новгородской земли было, очевидно, гораздо меньше (вообще же, и приведенные выше цифры представляются преувеличенными). Современники были убеждены в громадных размерах новгородских владений: так, на рубеже 1480—1490-х гг. венецианский дипломат Иосафат Барбаро характеризовал их как *terra grandissima* («огромнейшая земля»)[35].

Как уже говорилось, Новгородская земля была урбанизирована очень слабо. Из всех ее городов резко выделялся сам Новгород. В результате беспрецедентных для древнерусского ареала археологических работ в Новгороде были раскопаны большие участки застройки, что позволяет — с известными оговорками, конечно, но с большей точностью, чем это обычно бывает применительно к древнерусским городам, — предполагать численность его населения для разных периодов его истории. Так, в середине XII в. население Новгорода составляло, по-видимому, около 15 тыс. человек, а в первой половине XIV в. — не более 25 тыс. человек[36]. Это весьма высокие цифры. По оценкам наиболее авторитетных исследователей, в XI — начале XII в. население таких крупнейших центров торговли

[31] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 69—115. Новгородская сфера влияния в Эстонии и Финляндии была утрачена к середине XIII в. в результате экспансии Тевтонского ордена.

[32] Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. / Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 321.

[33] Там же. С. 321—326.

[34] *Samsonowicz H.* Późne średniowiecze miast nadbałtyckich. Studia nad dziejami Hanzy nad Bałtykiem w XIV—XV w. Warszawa, 1968. S. 76. Tab.

[35] Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. § 60. С. 134.

[36] *Лукин П. В.* Население средневекового Новгорода по данным письменных и археологических источников // Русь в IX—X вв.: Общество, государство, культура: Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 6—8 ноября 2012 г. М., 2012. С. 46.

на Балтике, как Щецин и Волин, составляло от 5 до 10 тыс. человек[37]. Таким образом, уже в XII в. Новгород оказывается крупнейшим центром Восточной Балтики.

Позднее, в XV — начале XVI в., с Новгородом на Северо-Западе Руси был сопоставим Псков[38], однако в это время он уже был столицей самостоятельной республики. Характер отношений между Новгородом и Псковом на разных этапах истории является спорной темой в историографии. По-видимому, изначально, по крайней мере до 1130-х гг., Псков был фактически новгородским «пригородом», а в дальнейшем вышел из-под контроля своего могущественного соседа[39]. Тем не менее представления о старшинстве Новгорода по отношению к Пскову сохранялись и много позже. В новгородском летописании встречаются указания на принадлежность Пскова к Новгородской «волости» (то есть к владениям Новгорода)[40]. Бытовала в Новгороде и концепция о псковичах как о «младших братьях» новгородцев; новгородцы пытались использовать ее в политических целях. Как показывают свидетельства более позднего времени (ганзейские источники XV в.), эта терминология не носила чисто риторического характера, но применялась в политико-правовой практике и была прекрасно известна за рубежом[41].

Другие города и по размеру, и по значению значительно уступали Новгороду. Выгодное положение на пересечении торговых путей в нижнем течении Волхова занимала Ладога, возникшая еще в середине VIII в. Время основания и ранняя история другого важного городского центра Новгородской земли — Русы — до сих пор вызывают вопросы[42]. В XV в. Руса становится центром производства такого стратегического для Средневековья продукта, как соль, однако только к началу XVI в. относятся первые сведения об экспорте произведенной там соли[43]. В среднем течении реки Тверцы на порубежье с Суздальской землей возник Новый Торг (Торжок), контролировавший жизненно важный для Новгорода хлебный торговый путь, шедший с юга. В летописи впервые город упомянут в 1139 г., но, по археологическим данным, он существовал гораздо раньше[44].

Реконструкция древнейшей истории Новгорода — непростая задача, поскольку для этого периода мы, не считая, безусловно, важных, но специфических данных археологических исследований, располагаем только нарративными текстами — летописями, составленными через десятки и сотни лет после описываемых событий. В них историческая реальность перемешана с легендами, а нередко и заменена ими. Поэтому исключительно важной здесь оказывается источниковедческая оценка летописных известий.

Первые этапы политической эволюции Северо-Запада Руси традиционно связыва-

---

[37] *Leciejewicz L.* Kształtowanie się pierwszych miast u Słowian nadbałtyckich // Leciejewicz L. Opera selecta. Z dziejów kultury średniowiecznej Polski i Europy. Wrocław, 2006. S. 190.

[38] См.: *Goehrke C.* Gross-Novgorod und Pskov/Pleskau // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Bis 1613. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum / Hrsg. M. Hellmann, I. Halbband. Stuttgart, 1981. S. 442.

[39] См.: *Янин В. Л.* «Болотовский» договор: О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV вв. // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 254—266 (первая публикация — 1992 г.).

[40] Там же. С. 264.

[41] Hanserecesse von 1431—1476 / Bearbeitet von G. Frhr. von der Ropp. Bd. I. Leipzig, 1876. S. 512, 517.

[42] *Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е.* Археологические исследования в Старой Руссе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 1 (62). С. 165.

[43] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963. С. 216—228.

[44] ПСРЛ. Т. 3. С. 25; *Малыгин П. Д.* Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 76—84.

ются с так называемым призванием варягов во главе с тремя братьями: Рюриком, Синеусом и Трувором. Об этом рассказывается в летописном предании, сохранившемся в двух основных версиях, представленных Новгородской первой летописью младшего извода и Повестью временных лет. Согласно этому преданию, старший из братьев, Рюрик, вокняжился, по одной версии, в Новгороде, по другой — в Ладоге[45].

В последнее время приведены дополнительные аргументы в пользу первичности повествования Новгородской первой летописи, обоснованной еще А. А. Шахматовым, хотя вопрос остается спорным. Очевиден также литературный характер предания, представляющего собой вариант распространенных в Средние века легенд о происхождении народа (*origine gentis*)[46]. Несмотря на это, есть основания полагать, что отдельные детали в этом повествовании могут соответствовать исторической реальности.

Имена варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора, скорее всего, восходят к древнескандинавским прототипам, существовавшим в IX в.[47] Известие о призвании славянами Северо-Запада Руси варяжских князей могло читаться в древнейшей части Начального летописания. Возможно, однако, что первоначально в роли субъекта призвания выступали только словене (впрочем, это предположение не выходит за рамки гипотезы)[48].

Представляет также интерес сохранившееся в новгородской традиции (летописях новгородско-софийской группы и перечне посадников) предание о словенском правителе Гостомысле. В летописях говорится о том, что словене, придя с Дуная на Ильмень, основали Новгород и посадили там «старѣшину Гостомысла»[49]. В перечне новгородских посадников Гостомысл назван первым посадником[50]. Сюжет с Гостомыслом в современной историографии часто считается заимствованным из устных преданий, причем позднейших[51], и действительно, его в значительной степени следует признать легендарным и анахронистичным (миграция словен с Дуная, титулы Гостомысла). В последнее время, однако, были выдвинуты текстологические, лингвистические и исторические аргументы, позволяющие предполагать, что рассказ о Гостомысле возник в

---

[45] ПСРЛ. Т. 3. С. 106; Т. 1. Стб. 19—20. О соотношении этих версий см.: *Гиппиус А. А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. С. 213—220.

[46] *Стефанович П. С.* «Сказание о призвании варягов» или Origo gentis russorum? // ДГВЕ. 2010. М., 2012. С. 514—583, там же см. литературу вопроса.

[47] *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980. Bd. 28. S. 321—333; *Idem.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. Und 10 Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002. S. 265—273. (Rombach Wissenschaften. Reihe Historiae; Bd. 12). Ср.: *Назаренко А. В.* Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма) // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 359—360.

[48] *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003 (первая публикация — 1904 г.). С. 205—207; *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 54—55; *Стефанович П. С.* «Сказание о призвании варягов» или Origo gentis russorum?

[49] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 3; Т. 42. СПб., 2002. С. 22.

[50] ПСРЛ. Т. 3. С. 164. Ср.: Там же. С. 471.

[51] *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 76—77; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 65—66.

раннее время (не позднее XI—XII вв.) и в нем могли сохраниться некоторые исторически достоверные детали, а также отразиться представления части новгородской элиты о происхождении республиканского строя[52].

Летописная традиция, материалы археологических раскопок и данные о других славянских территориальных общностях дают возможность сделать вывод, что словене владели определенной территорией, среди них имела место социальная дифференциация (в частности, выделился слой знати, летописных «лучших мужей»), появились политические институты (вероятно, князья и народные собрания, ведущую роль на которых играла знать, а также военная организация)[53]. Постепенно «словене» исчезают из источников, а население Новгорода и Новгородской земли начинает обозначаться политонимом «новгородцы».

Под 947 г. в начальной летописи говорится об устроении княгиней Ольгой погостов по реке Мсте для сбора дани в ходе ее поездки в Новгород[54]. Новгород выступает здесь как центр княжеского властвования над прилегающими территориями. У летописцев XI — начала XII в. не было сомнений в том, что Новгородом тогда управляла киевская княгиня. Примерно тем же временем (середина X в.) датируются и первые мостовые в Новгороде, свидетельствующие о формировавшейся там городской структуре (вклейка, рис. 32). Последние исследования показывают, что, возможно, тогда же были возведены и древнейшие укрепления новгородского кремля (детинца)[55].

Еще в первой половине X в. киевские князья начинают сажать на княжение в Новгородской земле своих сыновей. Самое раннее свидетельство обнаруживается в сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», согласно которому в «Немогарде» (то есть, очевидно, в Новгороде) сидел Святослав Игоревич[56]. Однако уже под 970 г. в летописи появляется первое свидетельство об определенной политической активности новгородцев. Их представители отправились в Киев и «пояша» к себе на княжение третьего сына Святослава, Владимира, который прибыл в Новгород вместе со своим дядей по матери Добрыней[57]. Возможно, уже в это время новгородцы начинают собираться на вече: ко времени новгородского княжения Владимира Святославича скандинавская сага об Олаве Трюггвасоне относит созыв «тинга» — народного собрания[58]. Тем не менее и в это время высшая власть в Новгороде принадлежала киевскому князю, управлявшему Новгородом через назначаемых им должностных лиц — посадников, в роли которых могли выступать как князья — его родственники, так и бояре. В ходе междоусобной войны между сыновьями Свято-

---

[52] *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). С. 167; *Гиппиус А. А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: Возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 48; *Лукин П. В.* Старейшина Гостомысл и первый дож Паолуччо Анафесто: Республиканские мифы и их судьбы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 67—71.

[53] *Лукин П. В.* Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 63—77.

[54] ПСРЛ. Т. 3. С. 113; Т. 1. Стб. 60.

[55] *Олейников О. М., Долгих А. В.* Новые данные по датированию оборонительных укреплений у Пречистенской башни Новгородского детинца // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 31: Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода. СПб., 2018. С. 164—170.

[56] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 44—45, 310—312 (коммент.).

[57] ПСРЛ. Т. 3. С. 121; Т. 1. Стб. 69; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 57.

[58] Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1932. Kap. 8.

слава Игоревича Владимир, страшась своего старшего брата Ярополка, «убоявъся бѣжа за море». Ярополк тогда назначил в Новгороде своих посадников[59]. «За морем» Владимир нанял варяжскую дружину, вернулся в Новгород, выгнал оттуда посадников Ярополка и сел в Новгороде сам.

После окончательной победы над Ярополком и вокняжения в Киеве Владимир назначил посадником в Новгороде упомянутого выше Добрыню[60]. Позднее он отправлял в Новгород своих сыновей: сначала Вышеслава, потом Ярослава. Следовательно, хотя во второй половине X в. новгородцы могли в каких-то случаях проявлять политическую инициативу, Новгород оставался под властью князей, и согласия местных жителей на назначение лиц, им управляющих, как правило, не требовалось. По свидетельству начального летописания, дань, которую собирали новгородские князья и посадники, правившие до Ярослава Владимировича, с подвластной им территории, составляла 3000 гривен, две трети ее отправлялись в Киев, одна треть шла на содержание войска — «гридей»[61]. Становятся ясными основные контуры социально-политического строя Новгорода того времени: власть принадлежит живущей за счет дани с местного населения военной элите (дружине в широком смысле слова) во главе с подчиненным Киеву князем из рода Рюриковичей. Именно этой элитой были организованы в конце X в. крещение новгородцев, искоренение языческих культов и учреждение Новгородской епархии, о чем сохранились известия в новгородском летописании, вероятно, восходящие к довольно раннему времени (второй половине XI в.)[62].

Когда произошло обострение отношений новгородского князя Ярослава со своим отцом, киевским князем Владимиром Святославичем, концентрация значительных ресурсов в своих руках позволила Ярославу нанять варяжскую дружину и начать подготовку к войне с Владимиром[63]. По мнению ряда ученых, упомянутый в это время в летописи «Поромонь двор» в Новгороде представлял собой нечто вроде казармы для варягов-наемников[64]. Тогда же, в новгородское княжение Ярослава, делается попытка начать чеканку в Новгороде собственной серебряной монеты[65]. После смерти Владимира (15 июля 1015 г.) между его сыновьями началась кровавая междоусобица, в которой самое активное участие принял и Ярослав, стремившийся овладеть киевским столом. Однако ему пришлось столкнуться с неожиданным препятствием: незадолго до начала межкняжеского противостояния возмущенные слишком вольным поведением варягов новгородцы напали ночью на «Поромонь двор» и перебили находившихся там иноземцев. После этого разгневанный Ярослав, обманом собрав инициаторов и участников резни — «вои славны

[59] ПСРЛ. Т. 3. С. 125; Т. 1. Стб. 75.

[60] ПСРЛ. Т. 3. С. 128; Т. 1. Стб. 79.

[61] ПСРЛ. Т. 3. С. 168; Т. 1. Стб. 130. Данническая зависимость Новгорода от Киева сохранялась и позднее. Так, в 1133 г. киевский князь Ярополк Владимирович посылал в Новгород своего племянника Изяслава Мстиславича за «данями печерскими» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302; см.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. С. 49).

[62] ПСРЛ. Т. 3. С. 159—160; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 90—91; Т. 42. С. 55. См.: *Гиппиус А. А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания. С. 47—48.

[63] ПСРЛ. Т. 3. С. 168; Т. 1. Стб. 130.

[64] Словосочетание «Поромонь двор» может иметь отношение к древнескандинавским понятиям, например к *farmannagardr* (букв. «купеческий дом») (см.: *Stender-Petersen Ad.* Jaroslav und die Väringer // Stender-Petersen Ad. Varangica. Aarhus, 1953. S. 115—138; *Рождественская Т. В.* Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии (1015) 1016 г. // Памятники средневековой культуры: Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб., 1997. С. 206—207).

[65] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 35—36.

тысящу», приказал расправиться с ними; часть была убита, часть бежала из города. После получения известия из Киева о смерти отца и начале угрожавших ему активных действий своего противника, Святополка, Ярослав вынужден был пойти на примирение с новгородцами. Для этого князь созвал вече «на поле», на котором новгородцы согласились отправиться вместе с князем в поход. Согласно наиболее достоверному летописному свидетельству, было собрано войско, состоявшее из 4000 новгородцев и тысячи нанятых варягов[66].

Это первое прямое упоминание новгородского веча в древнерусском источнике. Вече здесь — собрание, созванное в явно экстраординарной ситуации; ничто не указывает на то, что это постоянно действующий орган власти или хотя бы регулярно созываемое собрание. В то же время очевидно, что без согласия новгородцев князь не может принять важнейшего решения — о мобилизации войска с их участием. Вече созывает князь, представлены в нем горожане. Среди участников веча могли быть люди разного социального статуса, от рядовых новгородцев до приближенных князя. Не вполне ясен вопрос о «воях славных тысяще», но возможно, что речь идет о первом упоминании новгородской децимальной (десятичной) организации — тысяче, которую впоследствии будет возглавлять одно из важнейших новгородских должностных лиц — тысяцкий.

В 1016 г. Ярославу удалось одержать победу над Святополком при Любече и овладеть Киевом, однако через два года он потерпел поражение от тестя Святополка польского князя Болеслава Храброго в битве на реке Западный Буг и бежал в Новгород. Оттуда Ярослав намеревался отправиться «за море» (очевидно, в Скандинавию), но посадник Константин Добрынич, двоюродный дядя князя, и новгородцы «расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: „Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь“». Был объявлен чрезвычайный сбор средств, в результате которого были вновь наняты варяги и собрано большое войско[67]. Новгородцы уже в это время представляют собой общность, проявляющую самостоятельность по отношению к князю, но во главе нее стоит родственник князя, член его ближайшего окружения и выходец из Южной Руси (его дедом по отцу был уроженец южнорусского Любеча).

В списках новгородских князей (в составе Комиссионного списка Новгородской первой летописи и в приложении к нему) указывается, что Ярослав перед уходом в Киев назначил Константина новгородским посадником. Возможно, тогда же в Новгороде какое-то время княжил упомянутый только в списке князей сын Ярослава Илья[68]. Киевский князь, таким образом, стремился управлять Новгородом через своих родственников и тем самым держать его под контролем.

Впоследствии князь наложил на Константина Добрынича опалу, а потом и расправился с ним[69]. Эта расправа Ярослава убедительно показывает, что, как бы ни был посадник популярен в Новгороде, подчинялся он князю. Автономных от князя институтов или должностных лиц в Новгороде в это время не обнаруживается. Складывается лишь коллектив горожан во главе со знатью, среди которой видное место занимает лицо, тесно связанное с князьями Рюриковичами. В кризисных ситуациях, в моменты резкого ослабления княжеской власти горожане демонстрируют политиче-

[66] ПСРЛ. Т. 3. С. 174—175; ср.: Т. 1. Стб. 140—141.

[67] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

[68] ПСРЛ. Т. 3. С. 161, 470. См. об этом: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 484—492.

[69] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 110. См. также: Т. 42. С. 62; Т. 6. Вып. 1. С. 172.

скую самостоятельность, яркое проявление которой — вечевые собрания. Они служат площадкой для выдвижения требований к князю и/или совместного решения с ним острых вопросов, волнующих новгородцев.

Одним из последних событий междоусобной войны после смерти Владимира Святого стало нападение на Новгород полоцкого князя Брячислава Изяславича, внука Владимира. Это нападение было отражено Ярославом, князья примирились и в дальнейшем действовали вместе[70]. Впоследствии, однако, сын Брячислава, полоцкий князь Всеслав, дважды нападал на Новгородскую землю, в 1066/1067 и 1069 гг.[71]

Во второе княжение Ярослава Владимировича в Киеве (1019—1054) Новгородом управлял его старший сын Владимир, умерший прежде отца. В его правление был построен знаменитый Софийский собор, расширены укрепления новгородского кремля (детинца) — впервые прямо упомянутые в летописи, организован успешный поход на емь (ямь), который стал первым в ряду военных кампаний Новгорода против этой финноязычной народности. В летописях новгородско-софийской группы сохранилось известие о создании в 1030 г. в Новгороде школ, куда были приняты 300 учеников[72].

Владимир Ярославич умер в 1052 г., а в 1054 г. умирает киевский князь Ярослав Мудрый. Судьба новгородского стола в эти годы не вполне ясна, но известно, что Новгородом управляли тогда внук Ярослава Мстислав Изяславич и посадник Остромир (который был заказчиком знаменитой рукописи Евангелия), причем новгородским князем считался, видимо, киевский князь Изяслав Ярославич[73].

Под 1071/1072 г., когда в Новгороде княжил другой внук Ярослава Мудрого, Глеб Святославич, в Начальном летописании рассказывается об остром конфликте, связанном с деятельностью волхва. Как показывают сравнительно-исторические материалы, речь, скорее всего, шла о языческой реакции, а волхв был языческим жрецом, завоевавшим значительную популярность среди рядовых новгородцев[74]. Волхв выдавал себя за божество и «хулил» христианскую веру. На его сторону встали «людье вси», а православного владыку Феодора поддержали князь Глеб и его дружина. Дело кончилось тем, что князь Глеб взял топор и зарубил им волхва, после чего люди разошлись[75]. Это, с одной стороны, свидетельствует о довольно сильных пережитках язычества в новгородском обществе, с другой — о том, что серьезной конкуренции христианизации язычество составить не могло. Вопреки встречающимся в литературе оценкам, никаких реальных фактов, которые говорили бы о сохранении в Новгороде сколько-нибудь значимых языческих традиций в более позднее время, нет.

Дальнейшие судьбы князя Глеба и епископа Феодора сложились тем не менее печально. Первый был изгнан из Новгорода и погиб в Заволочье в 1077 или 1078 г. В списке новгородских князей в Новгородской первой летописи сказано, что его «выгнаша

---

[70] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 111; Т. 42. С. 62.

[71] ПСРЛ. Т. 3. С. 17, 161, 470; Т. 1. Стб. 166. В ряде летописей имеется известие еще об одном нападении Всеслава на Новгородскую землю — на Псков в 1065 г., но достоверность его сомнительна (см.: *Гимон Т. В.* Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сборник трудов международной научной конференции, 19—21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 13—33).

[72] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 113; Т. 42. С. 63.

[73] *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 22—23.

[74] *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 131—164.

[75] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 180—181; Т. 3. С. 196.

из города»[76]. Второго постигла еще более печальная участь: судя по списку новгородских епископов, «Феодора свои песъ уяде и с тогоумре»[77].

После изгнания из Новгорода Глеба Святославича новгородским князем становится его двоюродный брат Святополк Изяславич[78]. В 1088 г. Святополк уходит из Новгорода в Туров, как отмечено в Ипатьевской летописи, «на княженье»[79]. Кто занимал новгородский стол после 1088 г., сказать трудно, по этому поводу в историографии существуют разные мнения[80]. С учетом указания Ипатьевской летописи кажется все же наиболее вероятным, что в 1088 г. в Новгороде появился новый князь и, вероятно, тогда началось первое новгородское княжение сына Владимира Мономаха Мстислава.

Под 1095/1096 г. в Новгородской первой летописи читается известие о переменах на новгородском столе: после похода Святополка Изяславича и Владимира Мономаха на смоленского князя Давыда Святославича они «вдаша Давыду Новъгородъ»[81]. В Повести временных лет этого известия нет, зато под тем же годом там сообщается о возвращении Давыда в Смоленск и вокняжении в Новгороде сына Мономаха Мстислава, причем оказывается, что Мстислав Владимирович был приглашен новгородцами[82].

Даже если считать, что известие Повести временных лет не отражает в точности подлинного хода событий, мы имеем дело с представлением киевского летописца о том, как могло происходить приглашение князя в Новгород. Это представление сформировалось — если принять во внимание летописную текстологию — самое позднее в 1110-е гг., а вероятнее всего, уже в 1090-е гг. Оно должно соответствовать реальному положению дел. Под 1102 г. в летописи рассказывается о том, как в соответствии с междукняжеским соглашением в Новгороде должен был вокняжиться сын тогдашнего киевского правителя Святополка Изяславича. Новгородцы, однако, не приняли этого решения, заявив: «Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твои, то пошли и»[83]. Новгородским князем остался Мстислав Владимирович. В фактах изгнания новгородцами Давыда и приглашения Мстислава прослеживаются, как справедливо отмечает В. Л. Янин, «успехи борьбы новгородцев за городские вольности»[84], но нет данных об институциональном содержании этих вольностей.

Вероятно, именно в княжение Мстислава Владимировича в Новгороде возникает независимое от князя посадничество. Такие посадники не назначались князем, а избирались самими новгородцами[85]. Среди них ведущее значение имеет элита, представители которой традиционно называются боярами, хотя в собственно новгородских источниках они обычно называются не боярами, а мужами: «передними», «вячшими» и т. д. Относительно происхождения новгородского боярства высказывались две точки зрения: согласно одной, оно берет начало от «племенной» аристократии догосударственной эпохи, согласно другой — от дружинников, местных и южнорусских, прихо-

---

[76] ПСРЛ. Т. 3. С. 161, 470.

[77] Там же. С. 473; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 625.

[78] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200.

[79] Там же. Стб. 207; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199.

[80] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 72—73; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 548—551.

[81] ПСРЛ. Т. 3. С. 19.

[82] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229.

[83] Там же. Стб. 275—276.

[84] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 82.

[85] Там же. С. 84—88.

дивших в Новгород с князьями в позднейшее время[86]. Конкретных данных в пользу того или другого мнения нет, но не исключено, что тут нет противоречия: изначально локальная элита могла пополняться извне, причем не только дружинниками славянского, но и иноэтничного происхождения. Тогда же княжеская резиденция окончательно переносится из Новгорода на Рюриково городище. В то же время Мстислав совершил целый ряд удачных походов из Новгорода на соседние неславянские народы. Однако и в данный период Киев сохраняет в целом контроль над Новгородом. В 1118 г. могущественный киевский князь Владимир Мономах вместе с Мстиславом вызвал новгородских бояр в Киев и привел их к присяге, причем некоторых из них он судил и покарал за грабежи, которые они учинили в ходе внутриновгородского конфликта. Среди арестованных был сотский Ставр, что говорит о существовании в это время в Новгороде института сотских — элемента десятичной (децимальной) организации. При этом, если она и подчинялась князю, то уже, судя по поведению Ставра, в значительной степени срослась с новгородским обществом: Ставр действовал совместно с новгородскими боярами и, очевидно, вопреки воле князя[87].

Положение меняется после смерти Владимира Мономаха в 1125 г. Сначала посадничество окончательно оказалось в руках самих новгородцев, а потом, в 1132 г., тогдашний новгородский князь Всеволод Мстиславич (внук Мономаха) был изгнан после того, как несолоно хлебавши вернулся после неудачных боевых действий на юге Руси[88]. В мае 1136 г. состоялось повторное изгнание того же князя[89]. В обоих случаях были созваны вечевые собрания, которые приняли важные политические решения: в 1132 г. — об изгнании из Новгорода князя и об избрании посадников в Пскове и Ладоге; в 1136 г. — об аресте князя, который последовал за выдвижением против него обвинений, очевидно, на том же собрании, на котором было решено его арестовать. В собраниях участвовали новгородцы, а также представители двух городских центров, подчинявшихся Новгороду: Пскова и Ладоги. Выдвижение четко сформулированных обвинений и приглашение на вече делегаций из других городов свидетельствуют о наличии достигшей уже достаточно высокого уровня самоорганизации новгородцев.

Событиям 1132—1136 гг. в историографии часто приписывалось исключительное значение, а иногда они назывались даже «революцией», в результате которой, как считалось, возникла независимая Новгородская республика. Эта теория перестала быть общепринятой после работ В. Л. Янина, в которых он доказывал, что в 1136 г. лишь окончательно восторжествовал принцип «вольности в князьях»[90]. Действительно, как мы видели, формирование таких республиканских, по существу, политических институтов, как вече и независимое от князя посадничество, началось ранее 1136 г. По мнению В. Л. Янина, еще при Всеволоде возник совместный суд князя и новгородского посадника, что серьезно ограничивало полномочия первого[91]. С другой стороны, ряд других республиканских институтов появился позже этого времени. Главное же в том, что формирование республиканского (коммунального) политического строя в Новгороде представляло собой длительный процесс, который отнюдь

[86] См.: *Янин В. Л.* Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 44—54; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989. С. 43—45.

[87] ПСРЛ. Т. 3. С. 21.

[88] Там же. С. 22—23.

[89] Там же. С. 24.

[90] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 105.

[91] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 48.

не завершился в домонгольское время. Тем не менее события этих лет сыграли весьма значимую роль в истории Новгорода: именно тогда князь утрачивает в Новгороде ряд своих прерогатив, а влияние и значение веча явно растут[92]. Новгородцы теперь сами принимают решение о приглашении князя из той или иной земли и из той или иной ветви Рюриковичей (в реальности приглашались князья из наиболее могущественных земель: Киевской, Черниговской, Суздальской и Смоленской). Естественно, многое тут зависело от конкретного соотношения сил в тот или иной исторический момент, причем не только в самом Новгороде: не случайно утверждение «вольности в князьях» произошло в момент усиления центробежных тенденций на Руси в целом. Были ситуации, когда новгородцы действовали достаточно самостоятельно, бывало и так, что им приходилось мириться с волей могущественного князя и, по-видимому, просто оформлять его волю своим одобрением. Без князя Новгород также не хотел и не мог обходиться: он нуждался в его военной поддержке. И все же принципиально важно складывание в Новгороде в это время основ республиканской политической идентичности — представлений о новгородской «вольности». Происходит и признание в определенной степени этого статуса князьями Рюриковичами.

Так, под 1196 г. новгородский летописец замечает, что князья предоставили Новгороду свободу выбирать себе князя: «Новъгород выложиша вси князи въ свободу: кдѣ имъ любо, ту собѣ князя поимают»[93]. В 1214/1215 г. князь Мстислав Удатный объявляет новгородцам: «Вы вольни въ князѣхъ»[94]. В 1218 г. посадник Твердислав говорит новгородцам: «...вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князѣхъ [вольнѣ есте]»[95]. Князь явно воспринимается не как самодержавный монарх, а как должностное лицо, пусть и обладающее особым статусом, обусловленным его принадлежностью к династии Рюриковичей; новгородцы имеют право его сменять по собственной воле, и именно в этом и состоит сущность новгородских «свободы» и «вольности».

Точно так же представляли себе эти особенности новгородского политического строя и в других землях, хотя и оценивали их иначе. В рассказе Лаврентьевской летописи о походе войск Андрея Боголюбского и его союзников на Новгород в 1170 г. читается следующая сентенция: «Не глаголем же: „Прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь наших“, но аще бы тако было, то велѣли ли имъ преднии князи крестъ преступити, или внукы, или правнукы соромляти, а крестъ честныи цѣловавше ко внуком ихъ и к правнукомъ, то преступати»[96]. Летописец из Суздальской земли, которому принадлежит это рассуждение, резко осуждает новгородцев за несоблюдение ими — реальное или мнимое — договоренностей, которые они же сами поклялись соблюдать. Однако слова этого же летописца подтверждают, что представления о древней свободе Новгорода в выборе князей были хорошо известны в XII в. не только в самом Новгороде, но и по всей Руси, и сами по себе не вызывали возражений[97].

---

[92] См. об этом: *Флоря Б. Н.* Новгородская земля в XII—XIII вв. // История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2006. С. 131—132.

[93] ПСРЛ. Т. 3. С. 236.

[94] Там же. С. 53.

[95] Там же. С. 59, 260.

[96] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362. См. также: Т. 2. Стб. 561.

[97] Эта сентенция, хотя и в несколько ином виде, оказалась в составе южнорусского летописного свода. О формировании и истории этих представлений см. также: *Флоря Б. Н.* Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 295—299; *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 522—538.

Что касается становления республиканских политических институтов, то на этот процесс чрезвычайно существенное влияние оказывала как политическая борьба в самом Новгороде, так и взаимодействие Новгорода с другими русскими землями.

Вскоре после изгнания Всеволода, в июле 1136 г., в Новгород был приглашен на княжение представитель другой ветви Рюриковичей — Святослав Ольгович, брат черниговского князя Всеволода Ольговича. В это время уже отмечается явление, которое будет сопровождать новгородскую политическую жизнь в течение длительного времени. Это противостояние и ожесточенная борьба между группировками, ориентировавшимися на тех или иных князей, и соответственно провоцирование самими князьями или их покровителями, правившими в землях, откуда они происходили, такого рода конфликтов с целью обеспечить приход к власти. Как правило, группировки носили кланово-территориальный характер: они возглавлялись представителями знати, часто связанными родственными узами, и опирались на жителей тех или иных *сторон* (река Волхов делит Новгород на две стороны: Софийскую и Торговую), *концов* (районы Новгорода) или *улиц*. Концы и улицы представляли собой самоуправляющиеся территориальные единицы, а их полноправные жители являлись политическими коллективами. Собственно, принадлежность к единому новгородскому политическому коллективу определялась принадлежностью к уличанской и кончанской общностям. В раннее время существовало три конца (Неревский и Людин на Софийской стороне, Славенский — на Торговой). Завершение формирования кончанской системы относится, по-видимому, к концу XIII в., когда складываются Плотницкий конец на Торговой стороне и Загородский на Софийской[98], однако сама кланово-территориальная основа внутриполитической борьбы и взаимодействий в Новгороде прослеживается уже в XII в. О формировании кончанской идентичности свидетельствует берестяная грамота середины этого столетия, в которой один новгородец обвиняет другого в том, что он «посоромилъ коньць вьхъ Людинъ»[99]. В рассматриваемый период политическая ситуация в Новгороде в значительной степени определялась соперничеством объединений Неревского и Людина концов, Прусской улицы на Софийской стороне Новгорода и — отчасти — Славна (Славенского конца) на Торговой стороне. Стороны были в этот период в большей степени, вероятно, территориальными понятиями[100].

Важным фактором противостояния между различными кланово-территориальными группировками знати была борьба за доступ к ресурсам. Поскольку раздачей земель в кормления (для суда и управления) представителям новгородской знати ведали князь и посадник, постольку весьма ожесточенной была борьба кланов за приглашение «своего» князя и избрание «своего» посадника. Новгород запрещал князьям раздавать новгородские земли в кормления своим «мужам»; их можно было «держати» только «мужи новгородьскыми». Пожалования князь мог давать лишь совместно с посадником. Нельзя было и отнимать у новгородцев владения «без вины»[101]. Прямые данные, свидетельствующие об этом, известны по договорам Новгорода и князей с 1260-х гг., но такая практика сложилась,

[98] *Дубровин Г. Е.* Плотницкий конец средневекового Новгорода. М., 2016. С. 231—235.

[99] *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. 12: Из раскопок 2001—2014 гг. М., 2015. С. 50.

[100] *Гиппиус А. А.* Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII—XIII вв. // Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог. Материалы круглого стола (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.). СПб., 2012. С. 121—135. ([Res Publica]; Вып. 6).

[101] См., например: ГВНП. М.; Л., 1949. № 1. С. 9.

по-видимому, еще в домонгольское время[102].

Святослав Ольгович столкнулся в Новгороде с сильной оппозицией, поддерживавшей Всеволода Мстиславича, укрепившегося в Пскове. Попытка новгородцев во главе со Святославом выбить его оттуда оказалась неудачной.

В 1138—1142 гг. в Новгороде происходили бурные события, связанные с частой сменой князей. 17 апреля из Новгорода был изгнан Святослав, и Новгород длительное время оставался без князя, пока новгородский стол не занял сын суздальского князя Юрия Долгорукого Ростислав. 1 сентября 1139 г. он бежал из Новгорода, а 25 декабря того же года там вновь вокняжился Святослав Ольгович, вынужденный, в свою очередь, бежать из Новгорода в феврале—марте 1141 г. 26 ноября 1141 г. происходит повторное вокняжение Ростислава Юрьевича, а 19 апреля 1142 г. его сменяет Святополк Мстиславич, князь из линии Мономашичей. Все это сопровождалось ожесточенными конфликтами различных группировок новгородской знати, ориентировавшихся на тех или иных князей, расправами с потерпевшими поражение в этой борьбе, сменами посадников — ставленников враждебного клана. Осенью 1148 г. по инициативе киевского князя Изяслава Мстиславича, брата Святополка, он был «выведен» из Новгорода и заменен на сына Изяслава — Ярослава Изяславича.

В это время новгородцы оказываются вовлечены в противостояние между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким на стороне первого. При этом могущественный киевский князь не может просто отдать приказ новгородцам об участии в военных действиях: он вынужден добиваться их согласия и для этого предпринимает специальную поездку в Новгород. Он приезжает туда «с великою честью», вместе с сыном Ярославом и новгородскими боярами молится на воскресной литургии в Софийском соборе, а потом князья посылают глашатаев «по улицамъ кликати, зовучи къ князю» новгородцев «от мала до велика» на торжественный пир. На следующий день по приказу князя звонят в колокола, и новгородцы, а также находившиеся в Новгороде псковичи собираются на вече на Ярославов двор и заявляют о своей готовности поддержать Изяслава[103]. Этот рассказ, сохранившийся не в новгородской летописи, а в киевском княжеском своде, созданном в правление племянника Изяслава Мстиславича князя Рюрика Ростиславича, показывает, как строились отношения между Новгородом и князьями в середине XII в. С одной стороны, князь имел достаточно солидные полномочия (в частности, мог инициировать созыв веча), с другой — поддержка новгородцев ему была отнюдь не гарантирована, их приходилось задабривать. Война с Суздальской землей с переменным успехом продолжилась и в 1149 г.

1150-е гг. отмечены соперничеством за Киев между суздальским князем Юрием и представителями старшей линии Мономашичей: сначала Изяславом, а потом Ростиславом Мстиславичами. Обе стороны стремились распространить свое влияние на Новгород и посадить там на княжение своего ставленника, которого, в свою очередь, поддерживала та или иная новгородская кланово-территориальная группировка, с чем в значительной степени связана частая смена новгородских князей в этот период. Как конкретно цементировались связи между князьями и поддерживавшими их новгородскими «партиями», можно увидеть на следующем примере. В 1154 г. из Новгорода был изгнан Ярослав Изяславич, а княжеский стол занял сын Юрия Долгорукого Мстислав. В 1156 г. он заключает брак с дочерью представителя знати Людина

[102] *Флоря Б. Н.* Новгородская земля в XII—XIII вв. С. 133.

[103] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 369—370.

конца (Прусской улицы) Петра Михалковича, экономические ресурсы которого зримо проявляются в том, что, по-видимому, именно он вложил в Софийский собор великолепный памятник древнерусского прикладного искусства — серебряный кратир (евхаристическую чашу) мастера Косты[104].

В 1156 г. произошла еще одна очень существенная перемена в политическом строе Новгорода. Если раньше новгородские владыки назначались из Киева, то после смерти епископа Нифонта новый владыка был избран самими новгородцами, очевидно, на вече: «...събрася вьсь град людии, изволиша собе епископь поставити мужа Богомь избрана Аркадия». И только через два года после этого он должен был отправиться «в Русь», то есть в данном случае в Киев, чтобы его там рукоположил киевский митрополит[105]. К 1193 г. относится первое известие о процедуре избрания архиепископа[106] с помощью *жребия*. Новгородцы, согласно летописи, приняли решение во избежание споров по поводу того, кто должен стать архиепископом, положить на престоле Софийского собора три жребия, на которых были написаны имена кандидатов. После того как была отслужена литургия, с веча был отправлен слепец, который вытянул жребий игумена Спасо-Преображенского монастыря в Русе Мартирия («и выняся божию благодатью жребии Мантуриевъ»). Мартирий был немедленно «посажен» на владычном дворе и позднее хиротонисан киевским митрополитом[107]. Впоследствии такой — хотя и имевший определенные основания в каноническом праве, но уникальный для Русской православной церкви — порядок избрания владыки становится постоянным (с незначительными видоизменениями). Впрочем, последовательно избрание архиепископов по жребию из трех кандидатов упоминается только с середины XIV в.[108] Самостоятельное избрание владыки в Новгороде превращало его из главы местной епархии в одного из выборных должностных лиц, что представляло собой еще один важный шаг на пути формирования республиканской политической организации.

Серьезнейшим испытанием для Новгорода стала война с могущественным суздальским князем Андреем Боголюбским. Ее непосредственно спровоцировала победа в 1167 г. антисуздальской партии, сопровождавшаяся изгнанием князя Святослава Ростиславича и расправой с его сторонниками во главе с посадником Захарией. В более же широком плане причиной было стремление Андрея распространить свои власть и влияние на два важнейших древнерусских центра: Киев и Новгород. Новым посадником был избран противник Андрея Якун Мирославич, а в качестве князя приглашен из Киева юный Роман Мстиславич из рода враждебных суздальским князьям стар-

---

[104] *Гиппиус А. А.* О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 77—87.

[105] ПСРЛ. Т. 3. С. 29, 30.

[106] Там же. С. 31, 32. Обычно считается, что сан архиепископа был дарован новгородским владыкам в 1165 г. Нифонт получил его ранее (не позднее 1148 г.), но это могло быть личное пожалование со стороны Константинополя (*Назаренко А. В.* Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67—76). Недавно, однако, была обоснована точка зрения, согласно которой саном архиепископа как почетным титулом могли обладать и новгородские владыки более раннего времени (*Гиппиус А. А.* К вопросу о времени учреждения новгородской архиепископии // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции 9—13 сентября 2019 г., Москва. М., 2019. С. 57—59).

[107] ПСРЛ. Т. 3. С. 231—232. О достоверности этого известия см.: *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 26.

[108] *Paul M. C.* Episcopal Election in Novgorod, Russia 1156—1478 // Church History. Studies in Christianity and Culture. 2003. June. Vol. 72. № 2. P. 259.

ших Мономашичей. В 1169 г. новгородцы нанесли поражение суздальским войскам в Заволочье (область в бассейне Северной Двины), а после этого Андрей организовал масштабный поход на Новгород, в котором приняли участие отряды не только из Суздальской земли, но и из целого ряда других русских земель (Рязанской, Полоцкой, Смоленской и др.), союзных Боголюбскому. В феврале 1170 г. войска, отправленные Андреем, подошли к Новгороду. Новгородская земля была разорена, многие жители новгородских сел были захвачены в плен. Однако продолжавшаяся несколько дней осада закончилась неудачно, а 22 февраля в решающей битве осаждающие были разбиты и вынуждены были отступить (причем во время отступления понесли значительные потери из-за недостатка продовольствия)[109]. Впрочем, когда вскоре в Новгородской земле резко подскочили цены на основные продукты (как предполагается, из-за блокады, организованной Андреем Боголюбским), новгородцам пришлось просить мира, и князь Роман вынужден был покинуть город.

События 1169—1170 гг. послужили основой предания о спасении Новгорода благодаря чуду от иконы Знамения Богородицы, в которую суздальцы попали стрелой, и тогда свыше на них была послана тьма, из-за чего они, не видя неприятеля, вынуждены были сражаться друг с другом и в результате потерпели поражение. Сама икона превратилась в своеобразный палладиум Новгорода, один из символов единства новгородцев, зримо подкреплявший их коллективную идентичность. Впоследствии стали писать иконы, посвященные уже самому чуду от иконы Знамения, изображающие это знаковое для Новгорода и идеологически насыщенное событие[110].

На рубеже XII—XIII вв. в новгородских источниках становится обычной патрональная формула «Бог и Святая София», где «Святая София» понимается как объединяющая новгородцев святыня-покровительница. Зримым ее воплощением стал Софийский собор. Встречаются даже упоминания о готовности новгородцев отдать жизнь за Святую Софию[111].

Важным этапом на пути формирования республиканских политических институтов в Новгороде и соответствующего самосознания стали 1180—1190-е гг. В течение большей части этого времени новгородским князем был Ярослав Владимирович (1181—1184, 1187—1196, 1197—1199) — выходец из старших Мономашичей, но при этом свойственник и ставленник князя Владимирского (Владимира-на-Клязьме) Всеволода Большое Гнездо, младшего брата убитого в 1174 г. Андрея Боголюбского[112]. Всеволоду удавалось в течение достаточно длительного времени контролировать Новгород. Острая внутриполитическая борьба не прекращалась, впрочем, и тогда. Дважды группировки, оппозиционные Ярославу и поддерживавшему его владимирскому князю, вынуждали его покинуть Новгород и приглашали на его место князей из Смоленской и Черниговской земель. В конце концов, сам Всеволод «вывел» Ярослава из

---

[109] ПСРЛ. Т. 3. С. 33; Т. 1. Стб. 361—362; Т. 2. Стб. 353—354.

[110] *Конявская Е. Л.* Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л. В. Милова. К 80-летию со дня рождения. М., 2009. С. 68—86.

[111] *Хорошев А. С.* Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. 5. Київ, 1998. С. 5—25; *Гиппиус А. А.* Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни: Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 181—198.

[112] Существует и мнение об относительной самостоятельности политики Ярослава (*Гиппиус А. А.* Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 11—25).

Новгорода и заменил его своим сыном, что свидетельствует о высокой степени влияния на Новгород, которой сумел добиться владимирский князь[113].

Среди важнейших перемен, произошедших тогда в политическом строе и, шире, в политической культуре Новгорода, нужно отметить следующие.

Между 1185 и 1191 гг. должность тысяцкого — прежде служилого человека новгородского князя — становится республиканской магистратурой, а сами тысяцкие отныне, как и посадники, и архиепископы, избираются на вече. Под контролем Новгорода оказывается вся децимальная (десятичная) организация с ее разнообразными функциями и подведомственным ей сотенным населением, на которую ранее оказывал влияние князь. В историографии господствует обоснованное В. Л. Яниным представление о том, что первоначально тысяцкие «почти всегда» избирались из представителей небоярского населения[114], но высказывалась и точка зрения, согласно которой и первые республиканские тысяцкие могли быть боярами[115].

Возможно, именно в 1190-е гг. (или несколько позже) возникает должность архимандрита Новгородского, являвшегося одновременно настоятелем Юрьева монастыря — главы организации черного духовенства. Как и владыка, он избирался на вече (первое упоминание о таком избрании — 1226 г.). Таким образом, оформляется «верхний этаж» новгородской администрации, представленный архиепископом, посадником, тысяцким и архимандритом[116]. Важнейшую роль среди них играл посадник. Он был высшим должностным лицом Новгорода, возглавлял городскую власть и войско, заключал договор с князем, вел дипломатические переговоры, вместе с князем вершил суд. Тысяцкий представлял в городском управлении торгово-ремесленное население, ведал судом по торговым делам, отвечал за отношения с немецким купечеством. Архиепископ, помимо руководства церковными делами, участвовал в принятии всех важнейших внутри- и внешнеполитических решений. Как лицо, относительно «равноудаленное» от территориальных кланов, он мог выступать в роли миротворца во время частых в Новгороде межклановых конфликтов (вклейка, рис. 33).

Тогда же, по-видимому, важные полномочия получает Иванское купечество (объединение купцов вокруг церкви Св. Ивана на Опоках на Торговой стороне) и его глава — Иванский староста (со второй половины XIII в. было уже двое старост). Иванские купцы осуществляли контроль над эталонными весами — «мерилами» и участвовали в торговом суде. Соответствующие доходы также оказывались в распоряжении новгородцев, а не князя. В пользу храма Св. Ивана на Опоках поступала и часть пошлин из некоторых новгородских «пригородов». И в более позднее время купеческие старосты играли существенную роль в политической и экономической жизни Новгорода. В частности, они участвовали в переговорах

---

[113] ПСРЛ. Т. 3. С. 44.

[114] *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 228. Иногда тысяцкий характеризуется даже как «избранный представитель черных людей» (*Knackstedt W.* Moskau. Studien zur Geschichte einer mittelalterlichen Stadt. Wiesbaden, 1975. S. 98. (Quellen und Studien zur Geschichte der Östlichen Europa; Bd. 8)).

[115] *Leuschner J.* Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur. Berlin, 1980. S. 91—93. (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens; Bd. 107); *Кучкин В. А.* Тысяцкие в Новгороде в домонгольский период // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь, 2017. С. 6—16.

[116] См. об этом: *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 164—176. Степень зависимости новгородских архимандритов от владык — вопрос дискуссионный (см.: *Мартышин О. В.* Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 215—217).

с зарубежными партнерами, затрагивавших интересы новгородских купцов.

В XII — начале XIII в. существовало еще одно купеческое объединение — «заморских» купцов, торговавших с западнославянским Поморьем и Скандинавией. Его патронатным храмом была церковь Св. Параскевы Пятницы на Торгу. Позднее, однако, сведения о «заморских» купцах исчезают. Возможно, как предполагает Б. Н. Флоря, это объединение слилось с Иванским купечеством, но очень вероятно, что тут сыграла свою роль и монополизация торговли на Балтике союзом немецких торговых городов — Ганзой и соответственно утрата новгородскими купцами своих позиций в экономических контактах с этими регионами[117].

Выше уже говорилось о том, что к этому времени относится первое упоминание об избрании архиепископа с помощью жребия. Установление такого порядка вряд ли можно считать случайностью. Очевидно, это был способ минимизировать возможность монополизации этой важнейшей должности наиболее сильной на момент избрания владыки группировкой. Слепой жребий до некоторой степени уравнивал шансы (разумеется, случайным был в этих условиях только сам выбор; кандидатов выдвигали несомненно те или иные влиятельные кланово-территориальные группы)[118]. В такой процедуре избрания нельзя не видеть тенденции к консолидации новгородского «политического народа», то есть тех новгородцев — свободных и полноправных членов территориальных кончанских и уличанских объединений, возглавляемых знатью, — которые имели право участвовать в политической жизни, прежде всего в вечевых собраниях.

В идеологической сфере эта тенденция проявилась в появлении в это же время выражения «весь Новгород» применительно к новгородскому «политическому народу» и в начале использования в этом же значении словосочетания «все новгородцы». Одно из самых первых упоминаний «всего Новгорода» содержится в Церковном уставе Всеволода, соответствующий фрагмент которого датируется, по-видимому, 1180-ми гг. — явное свидетельство того, что это выражение не просто относилось к риторике, но имело определенное политико-юридическое значение[119]. Такие обозначения акцентировали единство новгородцев при принятии решений, заставляли воспринимать новгородский «политический народ» как некую коллективную личность, что было весьма существенно в раздираемом противоречиями между различными группировками Новгороде, где отсутствовала жесткая «вертикаль власти» во главе с князем, как это было в большинстве других русских земель[120].

В 1207 г. в Новгороде произошло мощное восстание, которое, с одной стороны, стало очередным и очень ярким проявлением внутриновгородских противоречий, с другой — обнажает для нас некоторые особенности социально-политического строя Новгорода того времени. За два года до этого в Новгороде по инициативе Всеволода Большое Гнездо сменяется князь: вместо малолетнего Святослава стол за-

---

[117] *Флоря Б. Н.* «Иванское» купечество в средневековом Новгороде // Города и веси средневековой Руси: К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 302—307.

[118] *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 354—358.

[119] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 155; *Флоря Б. Н.* К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время: Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента РАН Л. В. Милова. М., 1999. С. 83—96.

[120] *Севастьянова О. В.* Древний Новгород: Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011. С. 87—89; *Лукин П. В.* Обозначение «весь Новгород» и формирование новгородского «воображаемого сообщества» // Восточная Европа в древности и Средневековье: XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2017. С. 137—143.

нимает старший сын владимирского правителя Константин. Тогда же сменяется и посадник: к власти приходит представитель боярского клана Людина конца Дмитр Мирошкинич[121]. Дмитр и поддерживавшая его группировка проводили очень жесткую и агрессивную политику: был убит прямо на вече один из представителей враждебного клана, осуществлялись фискальные мероприятия, направленные на собственное обогащение и раздражавшие широкие слои новгородцев: «...повѣлѣша на новгородьцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити»[122]. «Куриная» подать наносила ущерб всем лицам, у которых были за пределами города свои хозяйства, а это могли быть не только сельские жители, но и горожане. От «поимания» серебра, то есть эквивалента денег, страдали, вероятно, прежде всего, горожане, вступавшие в товарно-денежные отношения — в первую очередь ремесленники и торговцы (понятие «купец» могло распространяться на все торгово-ремесленное население[123]). Те же категории населения страдали и от произвольного назначения дикой виры (коллективного штрафа за совершенное одним из членов коллектива убийство) и повозов (подводной повинности), от которой, как мы узнаем из более поздних данных, «купцы» были освобождены (ср. установление договорной грамоты 1264 г. Новгорода с владимирским князем Ярославом Ярославичем: «А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратнои вести...»[124]).

Восстание началось с веча, после которого новгородцы разгромили дворы Дмитра и его отца, «а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щитъ»[125]. Дмитр и близкие к нему лица становятся жертвами вечевой расправы, близкой по своему содержанию к архаическому наказанию «поток и разграбление», которое в Новгороде — из-за отсутствия или слабости наделенного соответствующими полномочиями княжеского судебно-административного аппарата — длительное время сохраняет свое значение[126]. Существенно также, что, хотя, как уже говорилось, в восстании против Дмитра могли участвовать и сельские жители, отобранное у него и его сторонников добро было разделено поровну по всему городу. Это еще раз подтверждает тот факт, что в новгородский «политический народ» входили только горожане, а рядовое сельское население было отстранено от реального участия в политической жизни.

Расправу с Дмитром Мирошкиничем и его сторонниками нельзя считать целиком новгородским делом. Карт-бланш на нее был дан Всеволодом Большое Гнездо, который, согласно Новгородской первой летописи, сам отчасти ее спровоцировал, заранее как бы узаконив после совместного с новгородцами похода на Рязань: «...новгородьци пусти ис Коломна Новугороду, одаривъ бещисла, и вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь, егоже хотѣху новгородьци, и рече имъ: „кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните“»[127]. Выясняется, что даже такой могущественный князь, как Всеволод, для того, чтобы обеспечить пе-

[121] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 82—99.

[122] ПСРЛ. Т. 3. С. 50—51.

[123] *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII—XIII вв. // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 68—69; *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 189—191.

[124] ГВНП. № 1. С. 11. О датировке см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 142—146.

[125] ПСРЛ. Т. 3. С. 51.

[126] *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 406—407.

[127] ПСРЛ. Т. 3. С. 50.

ревес в Новгороде близкой к нему партии, вынужден был идти на все новые и новые уступки, ведущие в конечном счете к большей самостоятельности Новгорода и укреплению его республиканских институтов. Характерно, что — в полном соответствии с традиционной средневековой риторикой — эта эволюция прикрывалась апелляциями к «старине» (в данном случае — к уставам «старых князей», ни о содержании которых, ни об их существовании вообще ничего не известно).

1210-е гг. в Новгороде отмечены противостоянием между сыном Всеволода Большое Гнездо Ярославом Всеволодичем и Мстиславом Мстиславичем Удатным, князем из рода смоленских Ростиславичей, а также между их новгородскими сторонниками. В 1215 г. вынужденный уйти из Новгорода Ярослав занял Торжок, затем при помощи своего брата и союзника владимирского князя Юрия установил торговую блокаду Новгородской земли, спровоцировав в ней голод. Согласно новгородской летописи, люди тогда «ядяху <...> сосновую кору и листъ липовъ и мохъ», продавали собственных детей в рабство («одьрень»), братская могила («скудельница») оказалась заполненной трупами, но мертвых не успевали хоронить: трупы валялись прямо на улицах. Сельские жители в поисках спасения бежали из Новгородской земли. Попытки переговоров с Ярославом заканчивались ничем, а новгородских послов арестовывали[128]. В этой ситуации спасительными оказались решительные действия князя Мстислава, возвратившегося в Новгород, где он уже ранее княжил. Ключевым эпизодом противостояния стала Липицкая битва 1216 г., в которой сражались две коалиции: одну возглавляли Мстислав Удатный, занявший новгородский стол, и его союзник, старший сын Всеволода Большое Гнездо Константин, претендовавший на княжеский стол во Владимире-на-Клязьме; другую — братья последнего, владимирский князь Юрий Всеволодич и переяславский (Переяславля Залесского) князь Ярослав Всеволодич. Сражение закончилось победой Мстислава и Константина, и существенную роль в ней сыграли новгородцы. Примечательно, что, согласно Новгородской первой летописи, после своего прихода в Новгород Мстислав дает своеобразную клятву новгородцам: «Любо изищю мужи новгородьстии и волости (захваченные Ярославом. — *П. Л.*), пакы ли, а головою повалю за Новъгородъ»[129]. Были ли в действительности произнесены именно эти слова, не так важно — существенно, что они отражают сложившийся на тот момент *договорный* характер отношений между Новгородом и князьями или во всяком случае ожидания новгородцев относительно обязанности князей заключать и соблюдать такие договоренности. Как мы видим, центральным их элементом была обязанность военной защиты Новгорода и обладание для этого соответствующими материальными и военными ресурсами. Отражением этих отношений стало появление в новгородском владычном летописании формулы о вокняжении в Новгороде князя «на всей воле новгородской»[130].

Зимой 1219 г. в Новгороде произошли вооруженные столкновения сторонников и противников посадника Твердислава, которые представляли разные районы (концы) города[131]. В связи с этим впервые прямо упоминаются кончанские веча: на одно, в обычном месте проведения общегородского веча у Никольского храма на Дворище, собрались жители Торговой стороны («они половичи»); на другое, у храма Свв. 40 мучеников Севастийских, — жители Неревского

[128] ПСРЛ. Т. 3. С. 54.

[129] Там же.

[130] Впервые — под 1221/1222 г. в связи с вокняжением сына владимирского князя Юрия Всеволодича Всеволода (ПСРЛ. Т. 3. С. 60).

[131] Там же. С. 58—59.

конца. После примирения «съидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша», то есть новгородцы — участники конфликта и сепаратных кончанских собраний после его урегулирования вместе составили общегородское вече. Выстраивается, таким образом, иерархия политических собраний в Новгороде: от локальных — к общегородскому. Обращает на себя внимание акцентирование владычным летописцем «братства» и «единодушия» новгородцев, что, с одной стороны, явно противоречит реальной внутриполитической ситуации (которую он сам же недвусмысленно характеризовал выше), но с другой, как уже говорилось, было исключительно важно с идеологической точки зрения — для сохранения, в принципе, веры в единство новгородского «политического народа»[132].

В 1220-е гг. во внутренней политике Новгорода в основном превалирует просуздальская партия, и в течение большей части этого десятилетия новгородским князем является Ярослав Всеволодич. При этом он, в отличие от своих предшественников, не отказывается от своего отчинного княжества — Переяславского и посещает Новгород лишь в случае необходимости — в связи с военными действиями[133]. В этом можно усматривать новую тенденцию, которая получит полное развитие уже после монгольского нашествия на Русь.

Следствием усиления контроля Новгорода над отдаленной периферией можно считать распространение его культурного и идеологического влияния: в 1227 г., по приказу Ярослава Всеволодича, было крещено в православие «множьство корѣлъ, мало не всѣ люди»[134].

Тем не менее конфликты, обусловленные политическим устройством Новгорода, структурой его элитного слоя и наличием конкурирующих княжеских линий, продолжают время от времени вспыхивать. Особенно резко обостряется ситуация на рубеже 1220—1230-х гг. Непосредственной причиной этого стали затянувшиеся стихийные бедствия: неурожаи, вызванные непрерывным дождем, а потом — ударившими ранними осенними морозами.

В 1228 г. новгородцы и прежде всего низшие их слои («простая чадь»), явно больше всего пострадавшие от неурожая и его неизбежного следствия — роста цен на продукты питания, обвинили в происходящем архиепископа Арсения. Стихийное бедствие, по их мнению, было вызвано его неправедными деяниями: изгнанием предыдущего владыки Антония и взяткой князю за право занять кафедру. На вече было принято решение отстранить Арсения и снова пригласить на кафедру прежнего владыку, что было немедленно и осуществлено. Более того, новгородцы приставили к больному владыке двух опекунов, в руках которых сосредоточилось реальное управление кафедрой: «...ввѣдоша опять Антония архиепископа и посадиша с нимь 2 мужа: Якуна Моисѣевиця, Микифора щитник»[135]. Эта мера не имела длительных последствий, но она очень показательна с той точки зрения, что демонстрирует, как именно возникали политические институты в Новгороде. Они становились скорее не результатами

[132] Подробнее см.: *Лукин П. В.* Принцип единодушия в представлениях и политической практике Древней Руси // Образы прошлого: Сборник памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 372—391; *Lukin P. V.* Urban Community and Consensus. Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod // Imagined Communities on the Baltic Rim from the 11th to 15th Centuries / Ed. by W. Jezierski and L. Hermansson. Amsterdam, 2016. P. 279—306.

[133] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 111.

[134] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449.

[135] ПСРЛ. Т. 3. С. 66—67. См. подробнее: *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII—XIII вв. С. 73—74; *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 204—214.

каких-то сознательных реформ (средневековому миросозерцанию подобный подход вообще был чужд, а любые перемены интерпретировались обычно как возвращение к «старине»), а создавались временно, для решения какого-то насущного вопроса, и потом могли превращаться в постоянно функционирующие. Таким образом могли формироваться и политические институты в западноевропейских городских коммунах и республиках, в частности в итальянских[136].

Обострение внутриполитической борьбы привело сначала к победе группировку, возглавляемую Внездом Водовиком, которая приглашает в Новгород черниговского князя Михаила Всеволодича. На следующий же, 1230 г. верх одерживает другая, просуздальская группировка, которая лишает Водовика посадничества, организует избрание посадником своего человека, Степана Твердиславича, и возвращает на новгородский стол Ярослава Всеволодича. Все это сопровождалось погромами и расправами. Одно из убийств произошло прямо на вече, причем жертва была формально обвинена в попытке поджога дома посадника, за что, согласно нормам Русской Правды, как раз полагался «поток и разграбление»[137]. Это говорит о том, что вечевые расправы — архаический по сути тип наказания и политической борьбы — уже проделали значительную эволюцию в Новгороде и были теперь тесно связаны с системой писаного права.

Перемены князей на новгородском столе сопровождались их присягой новгородцам. И Ярослав, и Михаил обязуются выполнить те или иные требования новгородцев, а далее предусматривается клятва князя на вече «на всѣи воли новгородьстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ», подкрепляемая крестоцелованием или целованием иконы Богородицы[138]. Таким образом, князья должны теперь торжественно и публично признать особый, «вольный», статус Новгорода, а обоснованием его становится не ссылка на туманные установления древних князей, а конкретные документы — «Ярославли грамоты». Тексты их не сохранились, а относительно как их содержания, так и того, кем был Ярослав, издавший грамоты, в историографии нет единого мнения (наиболее распространенная точка зрения связывает их с Ярославом Мудрым)[139]. Независимо от содержания «Ярославлих грамот» и даже от самого факта их реального существования, апелляции к ним представляют собой важное свидетельство институционализации социально-политического строя Новгородской республики. К концу 1230-х гг. Новгород подошел с уже сложившимися республиканскими институтами и с более сложным, чем прежде, социально-политическим строем.

Ярославу Всеволодичу удалось удержать власть в Новгороде. В 1236 г. он при помощи новгородцев вокняжился в Киеве, а в Новгороде оставил своего 15-летнего сына Александра Ярославича (будущего Александра Невского)[140]. Тому вскоре пришлось столкнуться с очень серьезными вызовами: в 1237 г. на Русь вторглись монголы.

---

[136] См., например: *Hyde J. K.* Society and Politics in Medieval Italy. The Evolution of the Civil Life. London; Basingstoke, 1982 (1st ed. — 1973). P. 51—52; *Gasparri S.* Dagli Orseolo al comune // Storia di Venezia dalle origini alla caduta della Serenissima. Vol. 1: Origini — età ducale / A cura di L. Cracco Ruggini etc. Roma, 1992. P. 820.

[137] ПСРЛ. Т. 3. С. 69—70; Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 113, 131. См.: *Лукин П. В.* «Поточи Мьстиславъ Полотьскии князѣ»: Об одной из форм наказания в Древней Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 20—35.

[138] ПСРЛ. Т. 3. С. 67, 68, 70.

[139] *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси: Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 71—87.

[140] Подробнее см.: *Кучкин В. А.* Александр Невский — правитель и полководец // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 108—114.

Крайне нестабильными были отношения с западными соседями — Литвой (набеги литовцев на Новгородскую землю начались еще с 1180-х гг.[141]), Швецией и Орденом меченосцев (позже ливонским отделением Тевтонского ордена). В результате Новгород утратил свою сферу влияния в Эстонии и Финляндии и потерял дани, которые он получал оттуда. В 1224 г. крестоносцы взяли штурмом главный новгородский форпост в Прибалтике — Юрьев. Благодаря полководческому таланту Александра Ярославича и помощи, присланной его отцом, великим князем Владимирским Ярославом Всеволодичем, дальнейшую экспансию Ордена удалось остановить (что не могло в конечном счете не укрепить позиции сторонников владимирского князя в Новгороде). Однако и Новгород окончательно утратил возможность продвижения на Запад. Крупнейшие города Прибалтики — Рига, Ревель (Таллин), Дерпт (Юрьев, Тарту) — стали ганзейскими городами, и обосновавшиеся там немецкие купцы старались монополизировать торговлю с Новгородом.

Выше уже говорилось о выгодном географическом положении Новгорода, что способствовало его превращению в центр международной торговли на Балтике. В XII — первой трети XIII в. эта роль получает дальнейшее развитие. С начала XII в. в Новгороде существует Готский (Готландский) торговый двор, принадлежавший скандинавским купцам с острова Готланд (современная Швеция), на котором имелась даже католическая церковь Св. Олава. В свою очередь на Готланде был новгородский двор с русской церковью. Впоследствии, когда на Балтике появились немецкие купцы, они основали колонию на Готланде и стали арендовать Готский двор в Новгороде, вытеснив оттуда прежних хозяев. К 1191—1192 гг. относится первый сохранившийся торговый договор между Новгородом, с одной стороны, и немецкими и готскими купцами — с другой. В конце XII в. был основан изначально принадлежавший немцам Немецкий торговый двор, или двор Св. Петра (по названию церкви на нем). Позднее эти дворы стали основой ганзейской конторы в Новгороде — одной из крупнейших, наряду с конторами в таких важнейших центрах, как Брюгге, Берген и Лондон.

Непростым и спорным вопросом является статус Пскова в этот период[142]. Главные причины этих дискуссий — малое количество источников по домонгольской истории Пскова и расплывчатость средневековых политико-юридических представлений (в частности, отсутствие четкого понятия о суверенитете). Дополнительная сложность состоит в том, что имеющиеся сведения содержатся главным образом в новгородских источниках, из-за чего нам сложно понять, что сами псковичи думали о статусе своего политического образования.

В более позднее время Псков считался «младшим братом» Новгорода, и, вероятно, это было отражением сложившейся еще в древности ситуации. Постепенно, однако, он становился самостоятельным политическим образованием. Вплоть до 1136 г. Псков подчиняется Новгороду и управляется назначаемыми оттуда посадниками. После изгнания из Новгорода в Псков в 1137 г. бежит Всеволод Мстиславич, причем псковичи «не покоришася» новгородскому князю Святославу Ольговичу и были готовы оказать ему вооруженное сопротивление. После смерти Всеволода (ставшего впоследствии святым — покровителем Пскова)

[141] См. подробнее об отношениях Новгорода с Литвой в это время: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 46—51, 367.

[142] См.: *Янин В. Л.* «Болотовский» договор: О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV вв. С. 259—263 (обоснование полной независимости Пскова от Новгорода начиная с 1137 г.); *Буров В. А.* Псков — «младший брат» Новгорода // Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 138—144 (обоснование вассального подчинения Пскова Новгороду в XII—XV вв.).

псковичи самостоятельно пригласили на княжение его брата Святополка Мстиславича. По сути, это означало обретение Псковом в значительной мере самостоятельности по отношению к Новгороду, элементов той же «вольности в князьях», которой ранее добились новгородцы по отношению к Киеву[143]: Псков действует самостоятельно по отношению к Новгороду, в нем появляется отдельный княжеский стол. Дальнейшая судьба псковского княжеского стола неясна, но упоминания о псковских князьях встречаются и позднее. В 1179/1180 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич занял Псков, арестовал там сотских, так как псковичи «не хотяхуть сыновца его Бориса» (князя Мстислава-Бориса Романовича)[144]. Таким образом, в это время в Пскове был свой князь, хотя и подчинявшийся новгородскому. Кроме этого, псковичи демонстрируют стремление к самостоятельности, а их лидерами являются сотские — должностные лица, очевидно, представляющие уже псковский политический коллектив, а не подчиняющиеся князю. В первой четверти XIII в. в Пскове княжил Владимир Мстиславич — брат и союзник Мстислава Удатного, принимавший вместе с ним участие в Липицкой битве 1216 г.

Достаточно определенная информация как об отношениях между Псковом и Новгородом, так и о некоторых аспектах внутреннего устройства Пскова содержится в рассказе новгородского летописания о событиях 1228 г., когда новгородский князь Ярослав Всеволодич «поиде» туда с посадником и тысяцким[145]. Псковичи, однако, не пустили их в город, поскольку, как объясняет новгородский летописец, в Пскове возник слух, что Ярослав «везеть оковы, хотя ковати вяцьшее мужи». Новгородский князь за это «положи» на псковичей «жалобу велику» и убеждал новгородцев на созванном им вече, что он «не мыслилъ <...> до пльсковичь груба ничегоже». Ярославу было необходимо добиться единства между Новгородом и Псковом, так как он планировал большой поход против Ливонии и привел для этого в Новгород из Переяславля Суздальского[146] войско. Новгородцы были недовольны размещением у себя полков из Суздальской земли и подозревали, что Ярослав в действительности хочет не воевать с Ливонией, а подчинить Псков. Что касается псковичей, то они заявили князю, что отказываются выполнять его требования и, более того, уже заключили мирный договор с Ригой, договорившись с ливонцами о взаимопомощи, «Новгородъ выложивъше». В Псков был отправлен ливонский военный отряд, а из Пскова изгнаны сторонники Ярослава. Воспользовавшись этим, новгородцы также отказались идти в поход «бе-своея братья бес пльсковиць». Ярослав вынужден был отказаться от своего замысла и распустил приведенное им войско[147]. Сохраняется такое положение и позднее. Когда новгородский летописец рассказывает о Шяуляйской битве 1236 г., в которой псковский отряд сражался вместе с немцами против литовцев, он подчеркивает, что псковичи вступили в союз с Ливонией и действовали совершенно самостоятельно («от себе послаша помощь»)[148].

Имеющиеся факты позволяют думать, что в рассматриваемый период Псков был фактически независим от Новгорода, что подтверждают данные о самостоятельной внешней и военной политике, которую проводила псковская верхушка. Псков мог

---

[143] *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. С. 58.

[144] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 608.

[145] ПСРЛ. Т. 3. С. 65—66.

[146] Совр. Переславль-Залесский.

[147] См. подробнее об этих событиях: *Selart A.* Livonia, Ruś and the Baltic Crusades in the 13th century. Leiden, 2015. P. 127—129.

[148] ПСРЛ. Т. 3. С. 74.

самостоятельно заключать внешнеполитические договоры, принимать решения о ведении войны, заключать мир. В Пскове постепенно складывалась независимая от Новгорода система самоуправления, формировался республиканский строй, хотя и существенно менее быстрыми темпами, чем в Новгороде. Степень его институционализации была еще более низкой. В то же время Новгород самостоятельность Пскова либо вообще не признавал, либо признавал с очень серьезными оговорками, рассматривая его как часть своей «волости», о чем имеются данные несколько более позднего времени[149]. Сохранялись и представления о «братстве» Новгорода и Пскова. Эти представления подкреплялись тем обстоятельством, что Псков в церковном отношении входил в Новгородскую епархию и своего епископа там не было. Возможно, также определенную роль играло и то, что в Пскове не всегда был собственный князь, а в качестве верховного правителя, пусть и номинального, мог признаваться князь Новгородский. В то же время отношения в треугольнике Новгород — новгородский князь — Псков были неоднозначными, и инициативы князя могли сталкиваться с совместным их неприятием со стороны политических коллективов обоих городов.

[149] ПСРЛ. Т. 3. С. 89, 95.

РУСЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Эпоха Ярослава Мудрого (первая половина XI в.). *Внешнеполитический аспект борьбы Владимировичей за Киев.* В ходе междоусобия, которое началось на Руси после смерти князя Владимира летом 1015 г., главные соперники в борьбе за Киев — Святополк (1015—1016, 1018—1019) и Ярослав Владимировичи (1016—1018, 1019—1054) поначалу использовали внешние политические связи, сложившиеся еще при Владимире (см. ч. 2, гл. 4). Святополк унаследовал союз с польским князем Болеславом I Храбрым (992—1025), на дочери которого был женат, тогда как Ярослав — с германским императором Генрихом II (1002—1024), принципиальным противником Болеслава в те годы. На 1015—1017 гг. пришлась третья за правление Генриха польско-немецкая война, в которой, по договору с германским императором, осенью 1017 г. принял участие и киевский князь Ярослав, безуспешно осаждая какой-то город — видимо, на польско-русском пограничье[1]. При этом и Святополк, и Ярослав в качестве киевских князей, похоже, сохраняли характерную для политики Владимира близость с Византией Василия II (976—1025), хотя династическая подоплека этой близости уже исчезла. О внешней поддержке третьего из Владимировичей, Мстислава, который вступил в борьбу несколько позднее, в 1024 г., ничего не известно.

В январе 1018 г. польско-немецкие противоречия были урегулированы (Будышинский мир), а уже в августе того же года Болеслав Польский с немецкой (саксонской) и венгерской подмогой захватил Киев, где вернул на стол Святополка[2]. Вытесненный назад в Новгород, Ярослав вынужден был искать новые способы вывести польского князя из борьбы, что нашло выражение в заключенном в 1019 г. браке (втором для Ярослава) с Ингигерд (на Руси — Ириной), дочерью шведского короля Олафа I Шётконунга (около 995—1021/1022), и, как есть основания думать, в одновременной женитьбе Ильи (сына Ярослава от первого брака) с Эстрид, сестрой англо-датского короля Кнута I Могучего (1018/1019—1035)[3]. В результате Ярослав сумел не только вернуть Киев уже летом 1019 г., но и удержать его, несмотря на удар печенежских союзников Святополка. Остается не вполне ясной природа неоднократной поддержки послед-

[1] ДРСЗИ / Под ред. Е. А. Мельниковой. [3-е изд., испр. и доп.]. М., 2013. С. 321—322.

[2] Исключительно содержательные сведения в дополнение к летописному рассказу о событиях 1015—1018 гг. на Руси сообщает хроника Титмара, епископа Мерзебурга (на востоке Саксонии): *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 131—205; ДРСЗИ. 2013. С. 320—328; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 63—83 (перевод уточнен сравнительно с изданием 1993 г.).

[3] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 332—343; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 476—499; ДРСЗИ. 2013. С. 330—333, 532—539.

него печенегами в 1017—1019 гг.: была ли она результатом самостоятельных сношений Святополка со Степью (что вероятнее), или моментом в активной печенежской политике Болеслава I, который использовал степняков еще в походе против Руси Владимира в 1013 г.

Судьба русско-немецкого союза в 1030—1040-е гг. (польский, венгерский и французский аспекты). Первейшей внешнеполитической задачей для Ярослава в начальный период его киевского княжения стало возвращение под власть Руси области к западу от верховьев Западного Буга — так называемых Червенских городов и, вероятно, Перемышля, важных как в военно-стратегическом отношении, так и в отношении международной торговли; они были отторгнуты Болеславом Польским в 1018 г. Показательно, что на активные действия в этом регионе Ярослав решился только после возобновления польско-немецкой конфронтации, которую вызвало принятие королевского титула польским князем под конец своего правления (1025), что в Германии было сочтено узурпацией. Как следствие, и Германия, и Русь совместно вооруженной рукой поддержали братьев и соперников короля Мешка II (1025—1034 гг., с перерывом), сына и преемника Болеслава I. Отвоевание сначала Белза (1030), а затем и Червенских городов в целом (1031) оказалось возможным благодаря возрождению русско-немецкого союза при германском императоре Конраде II (1024—1039)[4]. Типологически ситуация вполне напоминала войну 979 г. (981 г., по летописной хронологии), когда Червенские города впервые оказались под властью Киева. Позволительно предполагать, что именно в рамках этого политического взаимодействия с Германией был заключен брак маркграфа Саксонской северной марки Бернхарда (1009—1044) с русской княжной (?) (возможно, дочерью Владимира от второго христианского брака, см. выше, ч. 2, гл. 4)[5]; этот союз открыл достаточно прочную, как покажет будущее, матримониальную традицию, связавшую в течение XI в. русских князей с влиятельнейшими представителями восточносаксонской знати, потенциал которой естественно было использовать в случаях военно-политического противостояния с Польшей.

Возрождение устойчивого русско-немецкого союза лишало Ярослава заинтересованности в поддержке со стороны Дании (брак Эстрид с Ильей Ярославичем не продлился и года вследствие скорой смерти последнего в 1019 г.). Действительно, если около 1019 г. Ярослав, как и Олаф Шведский, остерегся принять у себя бежавших малолетних сыновей английского короля Эдмунда Железнобокого (1016), бывшего соперника Кнута в Англии, переправив их далее в Венгрию Иштвана I (997—1038)[6] (что, в свою очередь, может свидетельствовать о довольно доверительных отношениях Руси и Венгрии в это время), то десятью годами позже, в 1028 г., другой противник Кнута — норвежский король Олаф I Святой (1014—1028) нашел убежище на Руси, где собирался с силами для повторной, в 1030 г., схватки с Кнутом, правда, неудачной (Олаф и Ярослав были женаты на родных сестрах). Русь приютила в 1030 г. и младшего брата Олафа Норвежского — Харальда, а также сына Олафа — Магнуса, которым в будущем предстояло стать королями в Норвегии[7].

---

[4] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 96—99; ДРСЗИ. 2013. С. 336—339.

[5] ДРСЗИ. 2013. С. 338—339. Маркграф Бернхард был одним из наиболее активных противников Мешка II на Западе.

[6] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 499—503; ДРСЗИ. 2013. С. 333—336.

[7] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. С. 373—374, 389, 399—407, 464—468.

В 1032 г., потерпев поражения и на западе, и на востоке, Мешко II был вынужден выдать королевские инсигнии императору Конраду II, а в 1034 г. скончался. Почти непрерывные войны на всех направлениях подорвали силы молодого Польского государства, которое испытало глубочайший кризис, приведший к временному его распаду. Совместная борьба Руси и Германии против Польши переросла в этих условиях в сотрудничество по восстановлению в ней государственного порядка под властью Казимира I Восстановителя (1038/1039—1058), сына Мешка II. В ряде походов русские войска в течение 1040-х гг. сломили сопротивление мазовецкого князя Моислава, отложившегося от Польши в ходе кризиса, и привели Мазовию (область по средней Висле с центром в Плоцке) под власть Казимира I, укрепив одновременно русское влияние в Ятвягии. Политический союз был скреплен брачными узами: не позднее 1042 г. Казимир женился на сестре Ярослава Добронеге-Марии, а вскоре сестра Казимира Гертруда была выдана за Ярославова сына Изяслава[8], который, будучи посажен отцом в Турове, принял ответственность за русско-польскую границу.

Польша была отнюдь не единственным объектом, способным питать русско-немецкий союз, который, с учетом прецедентов X в., уже вполне можно было бы назвать традиционным. В 1041 г. в Германии укрылся согнанный с венгерского престола племянник и преемник Иштвана I король Петер (1038—1041, 1044—1046), а в 1042 г. к германскому королю Генриху III (1039—1056 гг., император с 1046 г.) прибыло посольство Ярослава Владимировича с предложением подкрепить союз женитьбой овдовевшего Генриха на одной из Ярославен. Отказываться от сотрудничества с Русью ввиду предстоявшего вмешательства в венгерские дела у германского короля не было причин, но сватовство он отверг, предпочтя, вследствие проблем в Бургундии, русской княжне Агнесу, племянницу аквитанского герцога Вильгельма (Гийома) VII (1038—1058)[9]. Киевский князь был уязвлен, и это не осталось без последствий: завязались отношения между Ярославом и занявшим трон в Венгрии Шамуэлем (1041—1044), зятем покойного короля Иштвана. Вероятно, поэтому спасавшийся от немецкого нашествия в 1044 г. Шамуэль с семьей пытался укрыться именно на Руси. По той же причине чуть ранее, еще в правление Шамуэля, на Руси не стали принимать венгерских изгнанников, двоюродных племянников Иштвана — Эндре (Андрея) и Левенте, хотя они и прибыли от дружественного Киеву Казимира Польского (на службе у которого остался их брат Бела), так что принцам в поисках убежища и помощи пришлось проехать далее, к печенегам[10].

Антинемецкий вектор тогдашней русской политики в отношении Венгрии ясно виден и в последующих событиях. Как только в 1044 г. Шамуэля на венгерском престоле с немецкой помощью сменил Петер, которому пришлось признать себя вассалом Германии, Эндре и Левенте были немедленно извлечены из политического небытия. В 1046 г. на волне антинемецкого возмущения и, очевидно, не без русской поддержки братья вернулись в Венгрию, а старший из них, став королем Эндре I (1046—1060), подкрепил свое новое положение женитьбой на дочери киевского князя (Анастасии?)[11].

В 1051 г., последней из Ярославен, была выдана замуж Анна — за французского короля Генриха I (1031—1060). Инициатива,

[8] ДРСЗИ. 2013. С. 339—342; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 44—45.

[9] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 111, 118.

[10] Там же. С. 223—224; ДРСЗИ. 2013. С. 342—343.

[11] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 137. Существующая в историографии ранняя датировка прибытия Эндре и Левенте на Русь не позднее 1034 г. (*Юрасов М. К.* Когда принц Эндре (Андраш) появился при

кажется, исходила от французской стороны и объяснялась, как можно думать, хорошо известными матримониальными затруднениями первых Капетингов, которые находились в слишком близком (с точки зрения церковного брачного права) родстве с многими династиями Западной Европы. Вместе с тем трения между Германией и Францией из-за Бургундии, а также некоторые данные о французско-венгерском сближении при Эндре I, который противостоял Германской империи Генриха III, делают вероятной мысль о том, что и брачный союз Анны Ярославны вписывался в круг враждебных Германии политических шагов Ярослава Мудрого[12].

Отношения с Византией: война 1043 г. В отличие от достаточно определенных сведений о внешней политике Ярослава на западном фланге Руси, данные источников относительно международных контактов вдоль геополитической оси «из варяг в греки» не столь детальны.

Центральным событием здесь явилась русско-византийская война 1043 г., сопровождавшаяся попыткой большого русского флота под предводительством старшего из Ярославичей — новгородского князя Владимира прорваться к Константинополю. Размах предприятия напоминал эпические походы Руси на Византию X столетия. В военном отношении оно успеха не принесло: бóльшая часть флота погибла, несколько тысяч воинов попали в плен. Дело закончилось миром 1045/1046 г.[13], который тогда же или несколько позже (не позднее 1052 г.) был скреплен женитьбой другого Ярославича — Всеволода на родственнице (дочери?) византийского императора Константина IX Мономаха (1042—1055)[14].

Вопрос о причинах войны в науке не решен[15]. Вряд ли подлежит сомнению, что конфликт имел не случайные, привходящие причины; сообщается об убийстве в Царьграде знатного русина, но то могло послужить лишь одним из поводов. На Руси к походу стали готовиться еще в конце правления императора Михаила IV (1034—1041), а пертурбации вокруг константинопольского престола в 1042 г., в краткое царствование Михаила V, а затем сестер Зои и Феодоры, дочерей покойного Константина VIII, очевидно, только подстегнули решимость Киева к войне. Это проливает дополнительный свет и на настойчивость Ярослава в укреплении союза с германским императором как раз в 1042 г.; ведь сближение с Германской империей как средство давления на Константинополь (ввиду принципиальных до той поры византийско-германских противоречий в Южной Италии) — один из мотивов русской политики еще в X в. Похоже, в русско-византийских отношениях к 1040-м гг. назрел какой-то системный кризис, о природе которого приходится только догадывать-

---

дворе Ярослава Мудрого? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 19—22) не учитывает всей суммы источников.

[12] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 101—104 (дату французского посольства на Русь здесь надо исправить на 1049 г.); *Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского Древней Руси. М.; Брюссель, 2013. С. 200—203. (Patrologia Slavica; Вып. 2); ДРСЗИ. 2013. С. 346—352. В последней работе на тему (*Мусин А. Е.* Брачный союз Генриха Капетинга и Анны Ярославны: Причины, обстоятельства и последствия // ДГВЕ. 2014. М., 2016. С. 401—434) русско-французское сближение связывается с политической ситуацией на севере Европы, но эта гипотеза требует слишком напряженной хронологии.

[13] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 154, 160.

[14] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 17—19 (№ 23).

[15] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 91—94; в последней из работ на тему констатируется нерешенность вопроса (*Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 214—276).

ся. Учитывая финал войны, совсем нельзя исключать, что среди прочего Ярослав добивался восстановления династического альянса, который существовал при Владимире и на который в Константинополе всегда шли неохотно. Более или менее уверенно можно говорить лишь о том, что кризис имел церковно-организационный аспект, коль скоро одним из условий мирного договора стало право поставить — по смерти действовавшего митрополита — на Киевскую митрополию предстоятеля не греческого, а местного происхождения (в 1051 г. Ярослав воспользовался этим правом, возведя на митрополичью кафедру русина Илариона). В то же время распространенное в историографии мнение, будто стержнем византийской политики Ярослава было стремление к церковной независимости от Константинополя, не находит себе подтверждения в источниках. Речь, очевидно, шла лишь об участии Киева в выборе кандидатур в местные митрополиты (см. ч. 3, гл. 17).

Не видно, чтобы претерпела какие-либо изменения военная сторона русско-византийского договора. Сохранилось традиционное для таких соглашений обязательство Руси в случае необходимости предоставлять военную помощь империи; оно было реализовано немедленно, в конце 1047 г., при подавлении мятежа Льва Торника[16].

Скандинавский север и печенежский юг. Вполне вероятно, что именно по причине обозначившегося конфликта с Русью в Константинополе в 1042 г. отказывались отпускать в Киев находившегося в течение примерно десяти лет на византийской службе норвежского конунга Харальда с его отрядом. Пример Харальда показывает, каков мог быть механизм отношений внутри треугольника Византия — русский наемный корпус — Русь. Богатства, добытые во время походов в составе византийских войск, Харальд отправлял на Русь, где они сохранялись по договору с киевским князем Ярославом, ожидая возвращения своего владельца. Хитростью и силой Харальду удалось вырваться из Константинополя. В Киеве около 1043 г. он женился на дочери Ярослава Елизавете, и этот брак дополнительно подкрепил русско-норвежский союз, когда в 1047 г., после смерти также дружественного Руси короля Магнуса I Доброго (1035—1047), своего племянника, Харальд занял норвежский престол, войдя в историю под именем Харальда Сурового (1047—1066)[17]. Учитывая, что в Швеции правил родной брат все еще здравствовавшей Ингигерд-Ирины король Анунд-Якоб (около 1022 — около 1050 г.), можно констатировать, что надежность северного тыла Руси после смерти Кнута Могучего в 1035 г. значительно укрепилась.

После окончательного присоединения болгарских земель к Византийской империи в 1018 г. и образования непосредственной византийско-печенежской границы в низовьях Дуная, с одной стороны, и после решительной победы в 1019 г. Ярослава над Святополком, которого поддерживали печенеги, — с другой, следовало бы ожидать попыток выработать скоординированную политику Византии и Руси в северо-причерноморской степи. Но данных о такой координации нет, так же как не угадываются какие-либо контуры собственно русской политики в отношении печенегов в эпоху Ярослава Мудрого. Летописное сообщение 1036 г. о решительном поражении печенегов под стенами Киева — единственное в своем роде[18]. Ближе к концу правления Ярослава печенегов на степных рубежах Руси сменили торки, мира с которыми к

[16] Сводку сведений о русском военном корпусе на византийской службе при Ярославе см.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 90—91.

[17] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. С. 427—493.

[18] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150—151.

1054 г., году смерти Ярослава, не было. Печенеги откочевали ближе к Дунаю, причем часть их в 1046/1047 г. с боем переселилась на территорию империи.

* * *

В целом можно констатировать, что международная политика Руси с начала 1030-х гг. носила выраженный наступательный характер. Ее организатором выступил киевский князь Ярослав. О внешнеполитических связях его младшего брата, черниговского и тмутороканского князя Мстислава, умершего уже в 1036 г., внятных сведений нет. Можно предполагать разве что союзные отношения с Аланским царством, как на то указывает участие каких-то русских отрядов в военных предприятиях алан (три последовательных похода начала 1030-х гг.) на западном побережье Каспия, в низовьях Куры (Ширване и Арране), политическая цель которых неясна[19]. Возможно, ее следует искать в русле византийской политики в Закавказье.

Система международных союзов, выстроенная Ярославом, обеспечила стабильный мир на западных и северных рубежах Руси; в отношении Византии дело ограничилось, как можно догадываться, поддержанием статус-кво, если не считать временных уступок со стороны Константинополя в церковнополитическом вопросе. Эта система ярко отразилась во впечатляющей по своему размаху матримониальной стратегии[20] 1040-х — начала 1050-х гг., которая (что важно учитывать) засвидетельствована источниками не во всех своих звеньях и в действительности была наверняка шире, чем мы себе представляем; ведь о браках Владимира и Святослава Ярославичей ничего не известно, между тем они, вероятнее всего, также были иностранными.

Старое и новое во внешнеполитических связях Руси при Ярославичах (вторая половина XI в.). Политическое устройство Руси, возникшее после смерти Ярослава в 1054 г. и в соответствии с завещанием покойного князя, теоретически не предусматривало перестройки внешней политики, которая предполагалась общей во главе с новым киевским князем — старейшим среди Ярославичей Изяславом. В первые 14 лет, до кризиса сеньората Изяслава в 1068—1069 гг., судя по всему, так и было. Все, что источники знают о внешнеполитических действиях русских князей той поры, — это противостояние степным кочевникам, и оно было единодушным.

Борьба со Степью. За пограничной стычкой Всеволода Переяславского с торками в 1054 г. последовал в 1060 г. общерусский поход, в котором приняли участие не только все трое оставшихся к тому времени в живых Ярославичей, но и их племянник полоцкий князь Всеслав Брячиславич[21]. Успех был полным: часть торков ушла в сторону Византии и Венгрии, часть перешла на положение федератов Киева, прочно осела в Поросье и подверглась христианизации (для них была организована отдельная епископия с центром в Юрьеве на Роси). Общим (не было только Всеслава Полоцкого, плененного Ярославичами годом ранее) и грандиозным по размаху стал поход в 1068 г. против нового врага — половцев, которым предстояло в течение почти двух веков олицетворять собой степную угрозу для Руси. Надо полагать, именно тогда складывается представление о борьбе с язычниками-номадами как общегосударственной задаче; «боронити» Русскую землю от «поганых» считалось святым долгом всех русских князей. Это представление

[19] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 119—120 (раздел написан А. П. Новосельцевым).

[20] Термин «брачная политика» (Heiratspolitik) применительно к ней впервые введен западногерманским историком М. Хелльманном (*Hellmann M.* Die Heiratspolitik Jaroslavs des Weisen // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 8. Berlin, 1962. S. 7—25).

[21] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162—163.

оказалось очень устойчивым, оставаясь действенным вплоть до принципиального изменения ситуации с установлением господства монголов. Внешнеполитический по сути постулат надолго стал одним из факторов общерусского государственного единения.

Но именно в 1068 г. соединенные рати русских князей ждало катастрофическое поражение в битве на реке Альте под Переяславлем. Половцы разорили юг Руси, и в этом итоге в принципе ничего не мог изменить успешный арьергардный бой Святослава Черниговского, сумевшего разбить 12-тысячное половецкое войско на Снови. Изяслав на такое не решился, и следствием стал внутриполитический кризис. Восставшие киевляне провозгласили князем освобожденного из заключения Всеслава, а Изяслав бежал в Польшу, где к тому времени княжил племянник его жены Болеслав II (1058—1079). С польской подмогой Изяслав вернулся в Киев уже в мае следующего, 1069 г.[22], однако восстановить прежнее политическое положение не удалось. Святослав Черниговский не вернул приобретенный в отсутствие Изяслава Новгород, предоставив киевскому князю в одиночку воевать с Всеславом, и стало ясно, что былому единству Ярославичей пришел конец.

На редкость благоприятное состояние источников позволяет проследить, как удивительно скоро внутриполитическая перемена сказалась на внешней политике, и в этом отношении ситуация 1070-х гг. может служить парадигматической.

Внешнеполитический фон междоусобия Ярославичей 1070-х гг. Готовясь к столкновению со старшим братом, Святослав был обязан подумать о нейтрализации главного союзника Изяслава — Болеслава Польского. Испытанный способ достичь этой цели — сближение с Германией и прежде всего — с восточносаксонскими маркграфами, которые контролировали польско-немецкое пограничье. И действительно, около 1070/1071 г. Святослав женился вторым браком на саксонке Оде (сыном от этого брака стал Ярослав, в будущем — родоначальник муромо-рязанских князей). Союз состоялся при участии юного германского короля Генриха IV (1056—1106), который тогда находился в конфликте с Польшей; Ода приходилась ему двоюродной племянницей[23]. Но важнее было другое: среди новой родни черниговского князя оказывались два самых могущественных представителя восточносаксонской знати — маркграф Майсенской марки Экберт Младший и маркграф Саксонской северной марки Удон. Реакция Изяслава последовала незамедлительно: примерно через год он не только примирился с Всеславом, снова уступив ему Полоцк, но и сосватал за сына Ярополка саксонку Кунигунду, одну из дочерей покойного майсенского маркграфа Оттона († 1067) и падчерицу маркграфа Саксонской восточной марки Деди. Если учесть, что Экберт Младший был женат на родной сестре Кунигунды, то можно констатировать: саксонские родственные связи Изяслава буквально перекрывали связи Святослава[24].

Несмотря на показную демонстрацию единства во время торжественного перенесения мощей свв. Бориса и Глеба в Вышгороде в мае 1072 г., напряженность между старшими Ярославичами нарастала. Тому есть еще одно внешнеполитическое свидетельство. Ситуация в Венгрии того времени живо напоминала ситуацию на Руси: там соперничали король Шаламон (Соломон) (1063—1074), сын Эндре I и Ярослав-

[22] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167—174.

[23] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 338—340; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 506—522.

[24] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 230—234; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 524—529.

ны, и герцоги Геза и Ласло (Владислав), сыновья младшего брата Эндре — короля Белы I (1060—1063). Будучи родными племянниками польской жены киевского князя Изяслава (Изяслав и Бела I были женаты на сестрах, дочерях польского короля Мешка II), герцоги в том же 1072 г. искали помощи в Киеве, но не нашли ее[25]. И понятно почему. В отношении венгерского конфликта у Ярославичей тоже не было единства, так как Святославу, вступившему в союз с Генрихом IV, естественно было взять сторону Шаламона, который был женат на сестре германского короля и пользовался поддержкой последнего. В таком положении Изяслав предпочел не распылять силы и не ввязываться во внешнюю борьбу в одиночку. Осмотрительность не спасла его, однако, от вторичного изгнания: в марте 1073 г. Святослав и Всеволод вступили в Киев, Изяслав же снова вынужден был спасаться бегством в Польшу[26].

В отношении международных связей Всеволода Переяславского, младшего из тройки Ярославичей, в ту пору ясности меньше. В 1072/1074 г. Всеволод женил своего старшего сына Владимира Мономаха на изгнаннице Гиде, дочери последнего англо-саксонского короля Харольда II (1066). Посредником в браке выступил датский король Свен II Эстридсен (1047—1074/1076), двоюродный дядя Гиды[27], и только это обстоятельство способно придать довольно экзотическому союзу политический смысл. Учитывая военную помощь Свена II Генриху IV в 1073 г., в критический момент саксонского восстания, можно думать, что брак Всеволодича находился в русле скоординированной антипольской политики Святослава и Всеволода.

Первой супруги Всеволода, гречанки, не было в живых уже в конце 1060-х гг., и, видимо, не случайно именно около 1070 г. возникает план нового русско-византийского матримониального союза. Не вполне ясно, однако, к Святославу или Всеволоду были направлены два послания императора Михаила VII Дуки (1071—1078), в которых шла речь о женитьбе Константина, брата Михаила, на дочери русского князя, который собирался чуть ранее выдать ее (или ее сестру) за сына предыдущего василевса Романа IV Диогена (1068—1071)[28]. Наметившаяся близость сыграла свою роль в успехе необычного совместного ходатайства Святослава и Всеволода об открытии в Чернигове и Переяславле Русском титулярных митрополий, отдельных от Киевской. Это произошло как раз в конце правления Романа IV, около 1070 г., и стало одним из следствий падения в 1069 г. номинального сеньората Изяслава Киевского (см. ч. 3, гл. 17).

Вспыхнувшее в 1073 г. саксонское восстание против Генриха IV сделало призрачными надежды нового киевского князя Святослава Ярославича на помощь его саксонских родственников и союзников в умиротворении Болеслава II. Вот почему в польской политике Святослава в 1074 г. совершился крутой поворот от вражды к союзу. Польский князь, занятый войной с

[25] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 357—358.

[26] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182—183.

[27] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 522—524.

[28] *Васильевский В. Г.* Два письма императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909. С. 3—55 (В. Г. Васильевский считал, что послания Михаила VII адресованы Всеволоду). А. П. Каждан отказывался признать, что письма были направлены на Русь, считая их получателем южноитальянского норманнского герцога Робера Гвискара (*Kazhdan A.* Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 418—419), но его критика покоится на недоразумении — путанице между Константином, братом Михаила VII, и тезоименитым ему сыном императора, действительно женатым на дочери Робера Гвискара.

Чехией Вратислава II (1061—1092), похоже, также не готов был к еще одному радикальному вмешательству в русские дела, так что в 1073—1074 гг. все свелось к стычкам на пограничье, в районе Берестья. Помирившись со Святославом, Болеслав ближе к концу 1074 г. и вовсе показал Изяславу «путь от себе»[29].

Тут сыграли свою роль саксонские связи князя-изгнанника: его с семьей приютил маркграф Деди, который и устроил Изяславу встречу с Генрихом IV вскоре после Рождества 1074 г. Однако самое большее, что смог и захотел сделать германский король, — это соблюсти приличия и отправить к Святославу увещевательное послание; грозность выражений искупалась личностью посла, которым был назначен не кто иной, как брат жены Святослава, настоятель собора Св. Симеона в Трире Бурхард. В остальном беглец был сдан на руки маркграфу Деди[30].

Удивительна дипломатическая активность, какую сумел развить в изгнании Изяслав. Справедливо не возлагая особых надежд на посредничество Генриха IV, князь вступил в сношения еще и с римским папой Григорием VII (1073—1085). Этот неожиданный шаг выдает не только отчаянность положения Изяслава, но и руку его польской супруги Гертруды. В Рим был отправлен Ярополк — по всей видимости, единственный сын Изяслава от Гертруды. Результатом встречи Изяславича с Григорием VII в апреле 1075 г. стали два письма папы: к самому Изяславу и его супруге, а также в Польшу, к Болеславу II. Собственно, повлиять на позицию польского князя и было, вероятнее всего, сверхзадачей Ярополка. Хороши были все средства — даже признание Руси леном св. Петра, то есть формальная коммендация папе в качестве верховного сюзерена. Из папского послания видно, что, по признанию Ярополка, такого поручения от отца он не получал, хотя и уверял Григория, что тот не будет возражать[31]. Возможно, идея была подсказана уже в Риме в качестве условия папской протекции. Не исключено и другое: Изяслав знал об амбициозной программе Григория VII по организации национальных церквей под эгидой Рима и превратил ее в рычаг своей политики, сохранив при этом свободу рук. Во всяком случае распространенное в историографии представление о переходе, тем более «перекрещивании», Изяслава и Ярополка в католичество[32] анахронично по сути и не находит опоры в источниках.

Тем временем проявил себя союз младших Ярославичей с Болеславом Польским. Осенью 1075 г. русское войско во главе со Святославичем — Олегом и Всеволодичем — Владимиром в течение четырех месяцев опустошало пограничные с Польшей чешские земли[33], сорвав таким образом поход Генриха IV и чешского князя Вратислава II против восставших саксов. От неприятной дилеммы: лишиться эффективного союзника или игнорировать ходатайство Рима (с которым польский князь как раз в то время вел переговоры о присвоении ему королевского титула) — Болеслава II избавила неожиданная смерть Святослава в декабре 1076 г. Следующей весной Изяслав с польской подмогой уже готов был переступить рубежи Руси, но новый киевский князь

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

[30] Там же. Стб. 198—199; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 119—121; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 529—530.

[31] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 111—114; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 534—537.

[32] Оно идет от известной работы: *Янин В. Л.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963. С. 142—164.

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199, 247.

Всеволод упредил поход, встретив брата на Волыни, и помирился с ним ценой уступки старшему киевского стола. Надо ли говорить, что присяга Ярополка папе осталась без последствий, хотя во время пребывания в Польше Изяслав, вероятно, не случайно совершил символический акт: подарил для гробницы св. Адальберта-Войтеха в Гнезне покров с вышитой латинской надписью от своего имени[34].

Краткое третье княжение Изяслава привнесло с точки зрения внешней политики лишь одну новизну: Русь впервые столкнулась с половцами в роли привлеченного инструмента внутрирусских конфликтов. Святославичи, притесняемые теперь за неправду своего отца, пытались сопротивляться. Их опорной базой стала Тмуторокань, где княжил Роман Святославич. Его старший брат Олег, лишенный владимиро-волынского стола, решил силой добыть отчий Чернигов. Предприимчивый князь заключил союз с половцами, которые разбили Всеволода (в его руках находился тогда Чернигов) в августе 1078 г. Олег вступил в Чернигов, но торжество было недолгим. Изяслав Киевский поддержал брата, и 3 октября под стенами Чернигова войско Олега потерпело поражение (битва на Нежатиной ниве)[35]. Несмотря на это, близость с половцами Олег сохранил на всю жизнь, так же как и печальную славу князя, первым приведшего «поганых» на Русскую землю.

Изяслав пал в сражении, и Всеволод стал князем Киевским (1078—1093). Безусловное старейшинство последнего Ярославича обеспечило Руси полтора десятилетия достаточно прочного единовластия. Впрочем, его относительность ярко видна именно на примере международной политики.

Судьба русской Тмуторокани: от союза при Никифоре III до войны при Алексее I. Начало было вполне успешным. Богатый опыт сношений со степняками и традиционные для Всеволода до той поры дружеские связи с Византией, которые унаследовал и новый император Никифор III Вотаниат (1078—1081), позволили Киеву быстро уладить тмутороканский кризис. Роман Тмутороканский, явившийся было с новым половецким войском на переяславских рубежах уже в следующем, 1079 г., в итоге погиб от рук те же половцев, с которыми Всеволоду удалось заключить мир, а вероятно, просто перекупить[36]. Засевший в Тмуторокани Олег был захвачен местными хазарами и отправлен, что показательно, не в Киев, а в Византию, где Никифор подверг его заточению на Родосе[37] — результат несомненно скоординированной русско-византийской политики. В Тмуторокани водворился посадник Всеволода Ратибор. Неясно, с чем был связан мятеж «переяславских», то есть левобережных, торков в 1080 г., но он был быстро усмирен Владимиром Мономахом[38], которому отец поручил контроль над левобережьем Днепра, посадив его в Чернигове.

Суждение об отношениях с Константинополем в пору долгого правления Алексея I Комнина (1081—1118) зависит от оценки одного из первых действий нового императора — освобождения Олега. При византийской поддержке бывший узник, женившийся на гречанке[39], в 1083 г. воцарился в Тмуторокани. Поскольку Олег

---

[34] *Lewicki A.* Napis na paliuszu z XI wieku // Kwartalnik Historyczny. 1893. T. 6. Zesz. 3. S. 447—448.

[35] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200—202.

[36] Там же. Стб. 204.

[37] О чем походя обмолвился игумен Даниил: Житье и хоженье Данила, Рускыя земли игумена, 1106—1108 / Под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1885. С. 8. (Православный Палестинский сборник; Вып. 3).

[38] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.

[39] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. С. 24—26 (№ 30). Сомнения в идентификации Феофано Музалониссы, «архонтиссы Росии», как супруги князя Олега Святославича (*Чхаидзе В. Н.* Феофано Музалон — архонтисса Росии: К вопросу об идентификации // Византийский временник. Т. 66 (91). М.,

сменил здесь не Ратибора, а своего двоюродного брата Давыда Игоревича и племянника Володаря Ростиславича, которые два года назад силой захватили Тмуторокань и сместили Всеволодова посадника, решение Алексея I иногда считают согласованным с Всеволодом. И все же нелегко понять, чем склонный к компромиссам Давыд был для киевского князя более опасен, нежели воинственный и затаивший обиду Олег. Возможно, Всеволод пытался тем самым умиротворить Олега, потому что Тмуторокань после 1054 г. была отчиной Святославичей. Но исключает ли это, что, действуя по договору с киевским князем, император мог иметь и какие-то свои, особые, цели? Ведь Олег признал, очевидно, сюзеренитет Константинополя, получив греческий титул и должность «архонта» или даже «архонта и дуки Матрахи», то есть Тмуторокани[40]. Толерантность Византии показательна, если учесть, что несколько ранее именно расширение сферы влияния тмутороканского князя Ростислава Владимировича, который взимал дань «у касог (то есть в той же Зихии. — *А. Н.*) и у инех стран», побудило византийские власти инспирировать в 1067 г. отравление князя руками херсонского катепана[41]. Вероятное наличие договора между Олегом и Алексеем I плохо вписывается в представление, будто Святославич держал Тмуторокань из руки своего дяди Всеволода. Больше похоже на то, что деятельный Комнин стремился организовать северопричерноморское пограничье империи по образцу нижнедунайского, где города держались вассальными Византии разноплеменными архонтами.

Если так, то союз Всеволода Ярославича с Византией дал первую трещину.

Сближение Всеволода с Германией против польско-венгерских союзов Изяславичей. В середине 1080-х гг. у киевского князя появились заботы и на Западе — и снова из-за самостоятельных внешнеполитических действий одного из племянников, на этот раз — Изяславича. Ярополк получил от Всеволода Волынь и Туров (в состав последнего входила тогда и Берестейская волость). Это значит, что в руках Ярополка находился контроль практически над всеми западными рубежами Руси — кроме Перемышля, где сидел Рюрик, старший из Ростиславичей. В силу родственных связей с польским князем Владиславом I Херманном (1079—1102), сменившим на престоле своего старшего брата Болеслава II, Ярополк, может быть, лучше других подходил для такой роли в случае своей полной лояльности Киеву. Но именно лояльности и недоставало. В борьбе Ярополка с младшими Ростиславичами Киев стремился соблюсти статус-кво, удерживая Владимир Волынский за Ярополком, а более южные волости — Перемышль, Звенигород и Теребовль — за

2007. С. 155—170; *Kazhdan A.* Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries. P. 417—418) представляются преувеличенными.

[40] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. С. 26—30 (№ 29) (ср.: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. № 29а); новые находки «тмутороканских» печатей Олега отчасти отражены в сфрагистических обзорах В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова в вып. 19—22 альманаха «Новгород и Новгородская земля» за 2005—2008 гг.; см. также: *Чхаидзе В. Н.* «Хазария» XI века: К вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016. С. 10—14. Оценка расширенных вариантов титула, включавших также «всю Хазарию» (очевидно, южное побережье Крыма) и даже «Зихию» (то есть, по-древнерусски, землю касогов), зависит от их относительной хронологии. Если они предшествовали краткому, то следует думать о постепенном сужении «архонтии» Олега со стороны византийских властей, если же были более поздними, то трудно избавиться от впечатления, что властолюбивый князь постепенно эмансипировался от Константинополя, стараясь восстановить ареал русского Тмутороканского княжества времен Мстислава и Ростислава (*Назаренко А. В.* Олег (Михаил) Святославич // Православная энциклопедия. Т. 53. М., 2019. С. 576—579).

[41] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166.

Ростиславичами. Следствием стали разрыв в 1085 г. Ярополка с Всеволодом и попытка бежавшего в Польшу Изяславича[42] втянуть в конфликт своего двоюродного брата — Владислава I. В ответ киевский князь в очередной раз возобновил политические связи с Германией, выдав дочь Евпраксию за маркграфа Саксонской северной марки Генриха, сына маркграфа Удона, тем самым подкрепив родство с кругом Оды, вдовы Святослава Ярославича, вернувшейся поле смерти мужа на родину. В итоге от военного вмешательства в русские дела на стороне Ярополка осторожный Владислав воздержался, но политическую поддержку родственнику, по всей видимости, оказал, коль скоро в начале осени 1086 г. Ярополк смог вернуться на Волынь, заключив мир с Киевом[43].

Возникшая между Всеволодом и Владиславом-Херманном напряженность, только усиливавшаяся от угрозы немецко-чешско-русского союза против Польши, к которому естественно было бы присоединиться и Венгрии Ласло I (1077—1095), не исчезла с внезапной гибелью Ярополка в ноябре 1086 г. Она заставила польского князя искать новых друзей на Руси, и неудивительно, что его выбор пал на последнего из Изяславичей — новгородского князя Святополка. Волынь Изяславичи со смертью Ярополка утратили, но Туров и Берестье перешли к Святополку. В 1086 г. Владислав-Херманн возвращает из венгерского изгнания своего племянника Мешка (сына Болеслава II), а в 1088 г. женит его на русской княжне — вероятно, именно Святополковне[44]. Примерно тогда же (не позднее 1091 г.) состоялся и другой брачный союз: за Ярослава Святополчича была выдана дочь венгерского короля Ласло I[45].

Ясно, что эти союзы отнюдь не были частью внешней политики Всеволода; более того, они выглядели если не как прямые военные приготовления, то как обеспечение международной поддержки, которая вскоре могла потребоваться Святополку в борьбе за киевский стол. Неудивительно, что со стороны Всеволода последовало еще более тесное сближение с Германией: овдовевшая летом 1087 г. Евпраксия Всеволодовна к отцу не вернулась, а уже не позднее лета следующего года была помолвлена с самим императором Генрихом IV; в начале лета 1089 г. состоялось бракосочетание и коронация Всеволодовны под немецким тронным именем Адельхайды[46]. Громкое событие произвело впечатление; во всяком случае в том же 1089 г. Владислав-Херманн женился вторично — на сей раз на сестре Генриха IV, вдове венгерского короля Шаламона. Финалом этого политического поворота стала внезапная (возможно, насильственная) кончина Мешка, зятя Святополка. Лишившийся польской поддержки, Изяславич сразу же был потеснен и на Руси: в 1091 г. Всеволод отнял у него Новгород[47], и статус Святополка как вероятного наследника киевского стола оказался под большим вопросом.

Туровский князь искал помощи в Венгрии, куда в 1091 г. отправил посольство во главе с сыном Ярославом, зятем короля Ласло[48]. Последний был слишком занят хорват-

---

[42] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 205.

[43] Там же. Стб. 206; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 328—330, 340—342; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 539—547.

[44] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 175.

[45] Diplomata Hungariae antiquissima / Ed. G. Györffy et al. Vol. 1. Budapest, 1992. Nr. 88. P. 268.

[46] *Рюсс Х.* Евпраксия-Адельгейда: Биографический этюд // Rossica antiqua. 2010. № 2. С. 54—112.

[47] Обоснование этой датировки см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 548—551.

[48] См. примеч. 45.

скими делами, но Всеволод перестраховался, и в том же 1091 г. на Венгрию напали половцы, наведенные, согласно венгерским источникам, неким русским князем[49], в котором угадывается кто-то из ставленников Всеволода — либо волынский князь Давыд Игоревич, либо один из Ростиславичей. Поспешив из Хорватии, Ласло успел разгромить уже возвращавшееся с добычей половецкое войско и даже двинулся далее на Русь, принудив инициатора набега к миру. Случайно или нет, но через год половцы воюют уже на киевских и переяславских рубежах, то есть в непосредственных владениях Всеволода[50]. Мир со Степью, продолжавшийся почти все киевское княжение последнего Ярославича, внезапно рухнул. Тогда же, в 1092 г., половецкая рать, ведомая Васильком Ростиславичем, совершает набег на Польшу[51]. Конечно, столь резко повернуть политическую ситуацию Святополку было не под силу, это мог сделать только Ласло I. Дело шло к большой войне, но все переменила наступившая в апреле 1093 г. смерть Всеволода Ярославича.

Она же, судя по всему, поставила окончательную точку в русско-германском союзе, который, впрочем, дал трещину почти сразу: Генрих IV (как и его ставленник антипапа Климент III (1080—1100), направивший в 1085 г. послание к киевскому митрополиту Иоанну II, — см. ч. 3, гл. 17) наверняка рассчитывал на содействие Руси в германо-византийском сближении против поддержанного южноитальянскими норманнами папы Урбана II (1088—1099), но начавшиеся уже осенью 1089 г. переговоры императора Алексея I и константинопольского синода с Урбаном о восстановлении церковного единства, в которых принял участие и близкий к Всеволоду переяславский митрополит Ефрем[52], показали бесперспективность таких планов. Со смертью же Всеволода Евпраксия оказалась в опале и даже в заключении, откуда вскоре бежала, выступив со скандальными разоблачениями безнравственности супруга на папском синоде в Констанце в 1095 г. Впоследствии через Венгрию она вернулась на Русь[53].

На киевском столе сел генеалогически старейший из внуков Ярослава Мудрого — Святополк Изяславич. Возможно, уступчивость Владимира Всеволодича Мономаха, кроме всего прочего, в какой-то мере была вызвана еще и достаточно решительной поддержкой, выказанной Святополку со стороны венгерского короля. На Руси устанавливается политическая доминация Святополка Киевского и Владимира Переяславского, при том что черниговские Святославичи — Давыд и Олег (вернувшийся в 1094 г. на Русь) — оказываются оттеснены на второй план. Картина внешней политики Руси вполне отражает эту структуру.

Эпоха Владимира Мономаха (конец XI — первая треть XII в.). *Отпор Степи.* После смерти киевского князя Всеволода Ярославича главной задачей поначалу стало отражение половецкой угрозы. Действия князей были общими, но за ними не стояло последовательной скоординированной политики. За поражением общерусской рати в мае 1093 г. и сожжением половцами Торческа последовал мир 1094 г., скрепленный браком Святополка с дочерью хана Тугоркана. Но в том же году какие-то половцы — очевидно, князя Итларя — составили войско Олега, которое вынудило Владимира уступить Олегу Чернигов и уйти в Переяславль. Видимо, поэтому Владимир велел убить князей Итларя и Китана, которые

[49] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 360.

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 215.

[51] Там же.

[52] *Назаренко А. В.* «Никола вешний»: Новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святителя Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. Вып. 11. М., 2016. С. 258—284.

[53] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 208—209; см. также примеч. 46.

пришли к Переяславлю в феврале 1095 г. для заключения мира. Последовал поход Святополка и Владимира в Степь, к которому Олег не присоединился, предпочтя сохранить с половцами союз. В ответ половцы воевали в Поросье и сожгли Юрьев. В мае 1096 г. хан Боняк появился под Киевом, а ханы Куря и Тугоркан — под Переяславлем. Совместными силами Святополк и Владимир нанесли последним поражение, причем погиб и сам Тугоркан. Но в те же дни половцы Боняка пожгли пригородные киевские монастыри. Впечатление от такого разорения южного пограничья было велико. Сломив вооруженной рукой упрямство Олега, Святополк и Владимир собрали в 1097 г. в Любече общерусский княжеский съезд, на котором закрепили за Святославичами их Черниговскую отчину, обязав их в то же время участвовать в совместных действиях против кочевников. В итоге в сентябре 1101 г. у Сакова «всей братьей», то есть всем потомством Ярослава Мудрого, был заключен мир со «всеми князьями» половцев[54].

Однако уже в 1103 г. русские князья без видимого повода разорвали саковский договор, и началась череда победоносных походов в степь. Причина тому крылась, надо думать, в общей перемене политической ситуации в Северном Причерноморье.

Общая перестройка международных отношений на юге Восточной Европы и на Балканах. Инициатива, судя по всему, исходила от Византии, которая, в начале 1090-х гг. с большим трудом победив печенегов, стабилизировала наконец нижнедунайскую границу и, желая минимизировать угрозы со стороны кочевников в этом районе, приступила к планомерному укреплению своих позиций на северном берегу Понта. Незадолго до 1103 г. (вероятно, около 1101 г.) она овладела Тмутороканью[55]. Если бы действовал договор Алексея I с Олегом Святославичем, то это должно было бы случиться либо раньше, вскоре после возвращения Олега на Русь, либо, напротив, уже после смерти Олега, последовавшей только в 1115 г. Скорее всего, Византия просто воспользовалась постоянными русско-половецкими войнами, которые затрудняли для Руси сообщение с Приазовьем. Одновременно Алексею надо было разбить угрожавший ему с запада норманно-венгерский союз, сложившийся со вступлением на престол в Венгрии короля Кальмана (1095/1096—1114/1116), который в 1096/1097 г. женился на дочери великого графа сицилийского Роджера I († 1101).

Все это привело к перестройке межгосударственных отношений на Балканах и юге Восточной Европы в первые годы XII столетия.

Перемены в византийско-венгерских отношениях и Русь. Еще в 1099 г. Кальман воюет, хотя и крайне неудачно, с Ростиславичами на стороне Святополка[56], но уже в 1104 г. Святополк выдает дочь Предславу за венгерского герцога Альмоша, младшего брата и антагониста Кальмана[57]. Смысл этого шага станет ясен, если учесть, что тогда же, в 1104/1105 г., Византии удается привлечь Венгрию к союзу: византийский престолонаследник, будущий Иоанн II (1118—1143), женится на сестре Кальмана. Более того, женой другого сына Алексея I, Исаака, причем в том же 1104 г., становится дочь перемышльского и звенигородского

[54] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218—233, 256—257, 275.

[55] *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). С 277—299; *Назаренко А. В.* Переяславская митрополия на Руси на рубеже XI—XII вв.: (Династическая и внешнеполитическая подоплека церковной географии) // Книга картины земли: Сборник статей в честь И. Г. Коноваловой. М., 2014. С. 192—211.

[56] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 270—271; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 361—362.

[57] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280.

князя Володаря Ростиславича[58]. Используя войну киевского князя с Ростиславичами, византийские политики хотели направить интересы последних в степи, простиравшиеся вплоть до Нижнего Подунавья, в русло совместных действий, которые имели целью, среди прочего, удержание Тмуторокани и ликвидацию русского политического влияния на Боспоре. Династический союз с младшими князьями был откровенно антикиевским шагом. И напротив, столь же откровенно антивизантийским стало состоявшееся, похоже, именно тогда, около 1105 г., замужество дочери Владимира Мономаха Марии (Марицы) с претендентом на византийский престол Львом, выдававшим себя за сына императора Романа IV Диогена[59]. Если так, то не только в отношении половцев, но и в отношении Византии Святополк и Владимир выступили единым фронтом[60]. Показательно, что попытка Венгрии скорректировать курс главных русских князей оказалась неудачной: второй брак Кальмана с Мономаховной Евфимией (1112) быстро распался[61], хотя и успел повлечь за собой (вероятно, после смерти в 1113 г. киевского князя Святополка, тестя герцога Альмоша) арест и ослепление королем Кальманом герцога Альмоша и его сына Белы (будущего Белы II).

Половцы: войны и миры. Череда побед над половцами — в 1103, 1107, 1111 гг. — перемежается браками: после успеха 1107 г. дочери левобережных ханов берутся в жены для сына Владимира Переяславского Юрия (будущего Юрия Долгорукого) и сына Олега Новгород-Северского Святослава; сам Олег был женат на половчанке, дочери (?) хана Оселука (Селука) еще примерно с 1100 г. Окончательное решение половецкого вопроса было достигнуто уже в киевское княжение Владимира Мономаха; средства все те же — постоянное военное давление (походы 1116 и 1118 гг.) и политические браки: в 1117 г. Андрей, младший сын Владимира, получил в жены внучку Тугоркана. О радикальности происходившего говорит тот факт, что политическая и военная борьба имела демографический аспект, сопровождаясь этническими перемещениями. Так, в 1116 г. наместничавший в Переяславле Ярополк Владимирович захватил города подонских алан (ясов), вассальных половцам, и перевел пленных алан на Переяславщину. Тогда же с Дона уходят на Русь остатки печенегов и торков; через четыре года последние «бежаша из Рускые земли», но не все[62]. В 1118 г. орда хана Атрака, сына Шарукана, была вынуждена уйти из степи за Кавказский хребет[63]. В результате политическая ситуация на степном юге принципиально меняется: из источника постоянной внешней угрозы половцы превращаются в неисчерпаемый резервуар союзников и наемников во внутрирусских княжеских конфликтах.

Русско-византийская война 1116 г. Успехи в степи не привели, что показательно, к попытке вернуть Тмуторокань — ни со стороны Чернигова, ни со стороны Киева: боспорский эксклав был утрачен Русью навсегда. Напротив, Мономах предпочел на-

[58] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280.

[59] О датировке см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. С. 605.

[60] Распространенное в историографии мнение о заключенном около 1103 г. браке Святополка Изяславича (третьем по счету) с представительницей семейства Комнинов Варварой несостоятельно (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. С. 84; *Kazhdan A.* Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries. P. 419).

[61] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 273; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 363—364.

[62] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284, 286; Т. 7. СПб., 1856. С. 24.

[63] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716.

нести удар в Нижнем Подунавье — воротах из степи на византийские Балканы. Здесь зятю Владимира Льву Псевдо-Диогену удалось в 1116 г. овладеть несколькими городами, в том числе и Доростолом (Дерестром). Расчет был и на разрушение основы союза Византии с Ростиславичами. Лев вскоре погиб, но это не привело к окончанию войны, откуда видно, что защита прав мнимого сына Романа IV служила для Владимира лишь удобным поводом. В некоторые города, предавшиеся Льву, Владимир назначил киевских посадников, но ключевой Доростол удержать не удалось, несмотря на специальную военную экспедицию[64]. Борьба была упорной, судя по тому, что мир заключили только в 1122 г., через четыре года после смерти Алексея I, когда император Иоанн II женил своего сына и престолонаследника Алексея на внучке Мономаха[65]. Политические условия мира в целом неизвестны, но действия Ростиславичей были приведены в русло киевской политики, хотя византийские идеологи хранили память о вассальном, с точки зрения империи, статусе галицких князей до середины XII в.

Западная политика Святополка и Владимира. Владея и Турово-Берестейской землей, и (с 1099 г.) Волынью, Святополк в своих связях с «латинским» миром естественным образом интересовался больше Польшей и Венгрией, тогда как обладание Смоленском и Новгородом ориентировало взор Владимира Мономаха преимущественно в направлении Балтики.

В 1102 г. умер польский князь Владислав I. Брак его юного сына Болеслава III (1102—1138) со Святополковной Сбыславой[66] сделал киевского князя сторонником своего зятя в борьбе Владиславичей Болеслава и Збигнева. Хотя Збигнев и пытался прибегнуть к арбитражу Святополка в своем конфликте с братом[67], но неудача заставила его ориентироваться на Германию Генриха V (1106—1125, император с 1111 г.) и Чехию князей Борживоя II (1101—1107, 1109—1110) и Святоплука (1107—1109). Русские отряды (вероятно, волынцы Ярослава Святополчича) и венгры союзного Святополку короля Кальмана не раз сражались на стороне Болеслава III, в том числе и в 1109 г., во время решительного наступления Генриха[68]. Показательно, что на Руси Збигнева поддержали Ростиславичи, антагонизм которых со Святополком Изяславичем, как видно, простирался и на внешнеполитическую сферу[69].

В эти годы о северных связях Владимира Мономаха известна лишь вереница браков его потомства: новгородского князя Мстислава Владимировича с дочерью шведского короля Инге (около 1080—1112) Христиной (в первой половине — середине 1090-х гг.)[70] и двух Мстиславен от этого союза: Маль(м)фрид — в 1111/1115 г. с норвежским королем Сигурдом I Крестоносцем (1103—1130) и Ингибьёрг — после 1115 г. с датским ярлом Шлезвига Кнутом Лавардом (убит в 1131 г.), сыном датского короля Эрика I Доброго[71]. Учитывая относительное политическое затишье в Бал-

---

[64] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 283—284.

[65] Там же. Стб. 286; *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). 2-е изд., испр. и доп. / Пер. и вступ. слово К. Ерусалимского, О. Остапчук. СПб., 2015. С. 134—142. (Studiorum Slavicorum orbis; Т. 10).

[66] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 176—177.

[67] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

[68] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 177—179.

[69] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 53—55.

[70] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 21; *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. С. 497, 499, 502, 504, 509—510.

[71] *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 71—76, 83—100.

тийском регионе в первой четверти XII в., можно констатировать лишь внешнеполитическую стабильность на северных границах Руси. Общий анализ приводит к выводу об устойчивых отношениях Руси и Дании при датском короле Нильсе (Николае) (1103—1134), которые оказались несколько омрачены только после 1131 г. с убийством (по приказу Нильса) Кнута Лаварда и началом междоусобия в Дании, когда в 1134 г. «рубоша (подвергли заточению. — *А. Н.*) новгородць за моремь в Дони»[72]. Но эти эксцессы логичнее отнести насчет выступившего против Нильса брата Кнута — будущего датского короля Эрика II Памятливого (1134—1137), женитьбу которого на расставшейся с норвежским мужем Маль(м)фрид Мстиславне следует, видимо, вынести за скобки собственно русской внешней политики[73].

Кончина в 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича и вокняжение Владимира Всеволодича Мономаха (1113—1125) быстро повели к полному перевороту в венгерской и польской политике Киева. В 1118 г. волынский князь Ярослав Святополчич, убедившись в намерении Мономаха оставить после себя Киев своему сыну Мстиславу, поднял мятеж, после чего был вынужден бежать сначала в Венгрию Иштвана II (1114/1116—1131), сына Кальмана, а затем в Польшу к Болеславу III[74]. Видимо, этот конфликт был предрешен, так как неудачный мятеж в 1117 г. силезского палатина Скарбимира сопровождался странным договором о его браке с русской княжной — скорее всего, дочерью покойного к тому времени новгород-северского князя Олега Святославича (вместе с прибывшей невестой, доставшейся преемнику Скарбимира Петру Влостовичу, в Польшу попала драгоценная византийская реликвия — десница св. Стефана Первомученика)[75]. Вряд ли лояльный Киеву черниговский князь Давыд Святославич (1097—1123) мог иметь в Силезии какие-то собственные политические интересы. Болеслав, не имея надежных отношений с саксонским герцогом Лотарем (будущим германским королем Лотарем III), не спешил ввязываться в открытый конфликт на востоке, и дело поначалу свелось к пограничным стычкам: набегу нового волынского князя Андрея Владимировича, сына Мономаха, с половцами «на ляхы» (1120) и ответному безуспешному нападению Ярослава Святополчича «с ляхы» на Червен (1121)[76]. В этой войне Ростиславичи, естественно, оказались на стороне Мономаха и Андрея, что даже имело следствием историю с похищением воеводой Петром Влостовичем перемышльского князя Володаря Ростиславича в 1122 г., которого с большим трудом выкупил сын Владимирко[77]. Только в 1123 г. дело дошло до решительного похода польско-венгерского войска, к которому примкнули и какие-то чехи — возможно, князя Владислава I (1109—1117, 1120—1125) — и, очевидно, неволей оба Ростиславича. Широко задуманное предприятие (в походе лично участвовал венгерский ко-

---

[72] НПЛ. С. 23.

[73] *Назаренко А. В.* Кнут Лавард, Лотарь III и Мстислав Великий // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 284—303.

[74] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285.

[75] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 197—199; *Wlodarski B.* Rus' w planach politycznych Bolesława Krzywoustego (1102—1138) // Zeszyty naukowe Uniwersytetu M. Kopernika. Nauki human.-społeczne. Historia II. Toruń, 1966. S. 48—49.

[76] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286.

[77] Там же; ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 199, 303—306; *Стефанович П. С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): Источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56—74; № 4 (26). С. 78—89.

роль Иштван II) результата не имело из-за гибели Ярослава под стенами Владимира Волынского[78].

После неудачи польско-венгерского вмешательства в волынские дела с Польшей у Мономаха, кажется, отношения наладились (быть может, не без влияния продолжавшихся нападений Ростиславичей на польское междуречье Сана и верхней Вислы), чего нельзя сказать о Венгрии. Венгерская традиция, в которой сохранился подробный рассказ о походе к Владимиру 1123 г., уверяет, что король Иштван упорно не хотел заканчивать войны, несмотря даже на смерть ее зачинщика[79], — свидетельство устойчивой неприязни к Всеволоду и его сыну, унаследованной Кальмановичем от отца: при киевском дворе подрастал сын Евфимии, будущий претендент на венгерский престол. Нет оснований говорить о близости с Венгрией в это время также и южноволынских Ростиславичей[80].

Ситуация принципиально изменилась после смерти в 1125 г. Владимира Мономаха и одновременной кончины Володаря и Василька Ростиславичей. Уже примерно в 1126/1127 г. вспыхнула распря между сыновьями Володаря Ростиславом Перемышльским и Владимирком Звенигородским, в которой киевский князь Мстислав Владимирович встал на сторону Ростислава, что вынудило Владимирка искать помощи в Венгрии[81]. В затянувшейся на ряд лет войне победителем вышел Владимирко, и это сделало Перемышль ближайшим союзником Венгрии в напряженной борьбе вокруг венгерского трона при короле Беле II (1131—1141).

Репрессии, которые правительство Белы II обрушило на знать, причастную к ослеплению короля и его отца герцога Альмоша, сильно подняли шансы младшего брата покойного короля Иштвана II — Бориса, не признанного отцом сына Кальмана и Евфимии Владимировны. Борис воспитывался при киевском дворе, и Мстислав Владимирович, похоже, готовился активно поддержать претензии племянника на наследие своего отца, ибо только этим можно объяснить ту чрезвычайную активность в деле Бориса, которую проявил Болеслав III. В итоге в битве на реке Шайо на севере Венгрии в 1132 г., в которой сошлись войска польского князя и венгерского короля[82], русские отряды были как с той, так и с другой стороны: волынский князь Андрей Владимирович помогал Борису, а Владимирко Перемышльский — Беле II. Победа досталась последнему, и после ухода зимой 1134/1135 гг. Андрея в Переяславль полурусский претендент на венгерский стол утратил всякую опору на Руси. На Волыни сел Изяслав Мстиславич, и это несомненно стало переменой в венгерской политике киевского князя Ярополка Владимировича (1132—1139), который в 1138 г. даже получил от Белы II помощь против Чернигова Всеволода Ольговича[83]. Очевидно, именно в эти годы венгерский престолонаследник Геза (будущий Геза II) был оженен на

[78] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287.

[79] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 365—367.

[80] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 187—188; вклад Ростиславичей, на который, вслед за венгерским историком Д. Дьёрффи, ссылается В. Т. Пашуто, в действительности был сделан не в венгерский монастырь Савасентдеметер, а в палестинскую лавру Св. Феодосия Киновиарха, к которой была с некоторых пор приписана венгерская обитель (ДРСЗИ. 2013. С. 381—385; *Назаренко А. В.* Русские княгини в Иерусалиме XI—XII вв. // Императорское Православное Палестинское общество, к 130-летию со дня основания: Международная научная конференция. Москва, 10 ноября 2011 г. М., 2012. С. 87—98).

[81] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I—VI): Текст, перевод, комментарии / Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 305—306.

[82] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 367—369.

[83] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 301 (ультрамартовский 6647 г.).

Мстиславне[84], а Борис перебрался в Византию, где расчетливые политики приютили его и даже женили на императорской родственнице; впоследствии он еще долго скитался в поисках поддержки по европейским дворам, окончив дни на византийской службе[85]. Следует отметить, что после вынужденного под немецким давлением польско-венгерского мира 1135 г. Болеслав III поспешил в переменившейся обстановке заново подкрепить союзнические отношения с Ярополком Киевским, женив в 1136 г. сына Болеслава (будущего Болеслава IV) на дочери новгородского князя Всеволода Мстиславича Верхуславе (возможно, учитывая виды Всеволода на киевский стол)[86].

Внешняя политика эпохи политической раздробленности Руси (середина XII — первая треть XIII в.). *Киевское княжение Всеволода Ольговича (1139—1146).* В 1141 г. начался политический взлет Владимирка Володаревича как князя объединенной Галицкой земли, и союз с Венгрией оказался для него спасительным. Когда Всеволод Ольгович, после смерти в 1139 г. Ярополка Владимировича, неожиданно захватил Киев, перевел в 1142 г. Изяслава с Волыни (где посадил своего сына Святослава) и в 1144 г. ополчился на Владимирка, венгры юного Гезы II оказались единственной опорой галицкого князя в противостоянии практически общерусской коалиции, организованной Всеволодом[87].

Все, что известно о внешней политике Всеволода Ольговича, вращается вокруг польских дел. Очевидно, учитывая существовавшие уже при Болеславе III связи его сыновей от второго брака во главе с мазовецким князем Болеславом IV (1138—1167 гг., с 1146 г. князь Краковский) с Мономаховичами, с переходом власти в Кракове к старшему из Болеславичей Владиславу II (1138—1146) наметился союз нового польского князя с соперником Мономаховичей Всеволодом Ольговичем. Уже в 1140 г. Владислав помогал Всеволоду против Мономаховичей: походом на Волынь Изяслава Мстиславича он участвовал в попытке киевского князя (правда, неудачной) выбить из Переяславля Андрея Владимировича[88]; польская подмога была в войске Всеволода и в галицких походах 1144 и 1146 гг.[89] Союз подкрепили в 1141/1142 г. браком Звениславы Всеволодовны с сыном Владислава Болеславом[90]. Когда конфликт между Владиславом II и младшими Болеславичами принял форму открытой войны, Всеволод (после того как примирился с Изяславом Мстиславичем, отдав ему в 1142 г. Переяславль, отчину Мономаховичей), в свою очередь, оказывал активную военную помощь краковскому князю[91]. В 1145 г. дружины, приведенные Игорем Ольговичем и новым волынским князем Святославом Всеволодичем, во многом способствовали заключению шаткого мира между Владиславом II и младшими братьями. В результате мазовецкий Болеслав IV вынужден был уступить русским союзникам краковского князя Визненскую волость (по Нареву, к северу от Дорогичина)[92], что сильно укрепи-

[84] Распространенная в науке датировка брака началом киевского княжения Изяслава Мстиславича (1146) невозможна хронологически (*Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 172—175).

[85] *Юрасов М. К.* Внук Владимира Мономаха Борис Кальманович, князь-авантюрист. СПб., 2017.

[86] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300 (ультрамартовский 6645 г.).

[87] Там же. Стб. 315—316.

[88] Там же. Стб. 306.

[89] Там же. Стб. 315, 319.

[90] Там же. Стб. 308, 313.

[91] Там же. Стб. 313.

[92] Там же. Стб. 318; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 171—172 (с некоторыми неточностями относительно распределения княжеских столов на Руси).

ло (быть может, временно) позиции Руси на ятвяжском пограничье с прусско-литовскими землями, политическая организация которого была в свое время (1117) начата еще Владимиром Мономахом путем учреждения княжеского стола в Городне на Немане. Показательно, что близость Мстиславичей с младшими Болеславичами, династическая скрепа которой ослабла со смертью в 1138 г. Всеволода Мстиславича, продолжилась: переяславский князь Изяслав Мстиславич помолвил в 1141 г. своего малолетнего сына Мстислава с трехлетней сестрой Болеслава IV Агнешкой[93], а от участия в походе 1145 г. уклонился.

Тесный киевско-краковский союз при Всеволоде Ольговиче позволяет догадываться о каких-то отношениях Всеволода в это время с Германией Конрада III Штауфена (1138—1152), другого важнейшего союзника Владислава II; такие отношения были бы тем более понятны с учетом несколько смутных данных о связях Владимира Мономаха с баварскими Вельфами, соперниками Штауфенов[94].

Внешнеполитические аспекты борьбы за Киев между Изяславом Мстиславичем и Юрием Владимировичем Долгоруким в 1146—1157 гг. С рубежа 1130—1140-х гг., с приходом к власти в Германии династии Штауфенов в лице Конрада III, начинается германо-византийское сближение (так называемый «союз двух империй»), направленное против главного возмутителя европейского равновесия — норманнского Сицилийского королевства Роджера II (1105—1154 гг., король с 1130 г.). Новая политическая конфигурация принципиально повлияла на систему альянсов в Центральной Европе и на Балканах. Наступательная политика Венгрии на Адриатике и в Подунавье (женой Белы II была дочь сербского великого жупана Уроша I) неминуемо вела к войне с Византией, которая и разразилась при императоре Мануиле I (1143—1180).

На Руси крах внутренней политики Всеволода Ольговича, которая была построена на зыбких компромиссах с Мстиславичами и на невмешательстве ростово-суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого, обнаружился немедленно после кончины Всеволода в 1146 г.: вопреки планам Всеволода Киев сразу же перешел в руки Изяслава Мстиславича (1146—1149, 1151—1154). Вскоре оказалось, что Изяслав не склонен договариваться о Киеве с генеалогически старейшим среди Мономаховичей туровским князем Вячеславом Владимировичем, и это дало повод включиться в борьбу другому Владимировичу — Юрию Долгорукому (на киевском столе в 1149—1151 гг., с перерывом, 1155—1157 гг.). Затянувшаяся на несколько лет схватка имела ярко выраженную внешнеполитическую составляющую.

Резкая церковная политика (видимо, вынужденная) Изяслава, поставившего в 1147 г. на киевскую митрополию своего протеже Климента Смолятича, привела не только к расколу в епископате Русской церкви, но и к политическому разрыву с Константинополем (см. ч. 3, гл. 17). Как следствие, главным политическим контрагентом Византии на Руси стал Суздаль Юрия Долгорукого, и приобрело актуальность родство Изяслава с венгерским королем Гезой II, который в свое время был оженен отцом на Евфросинии, сестре Изя-

[93] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 199—200; в качестве брака эта договоренность была оформлена только в 1149/1151 г. (*Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 222—230).

[94] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 285—287; *Назаренко А. В.* Владимир Мономах и Вельфы в конце XI века // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 71—119. От поддержанной нами некогда гипотезы о первом браке Изяслава Мстиславича с представительницей рода Штауфенов (*Назаренко А. В.* Первые контакты Штауфенов с Русью: К истории русско-немецких отношений в 30-е годы XII века // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 166—168), видимо, надо отказаться: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 120—122.

слава. Традиционный до тех пор для галицкого князя Владимирка Володаревича союз с Венгрией уходит в прошлое, сменившись тесным взаимодействием с Суздалем, что вернуло Галич в орбиту византийской политики, как то имело место при Ростиславичах.

Сохранялся и устойчивый союз Изяслава с младшими Болеславичами — краковским и мазовецким Болеславом IV (1146—1173), великопольским Мешком III Старым и сандомирским Генрихом. К этому династическому кругу тесно примыкал чешский князь Владислав II (1140—1174) (его мать и мать Болеславичей были родными сестрами), хотя непосредственное родство связывало с Мстиславичами не его, а его троюродного брата оломоуцкого князя Оту III (1140—1160), который много лет провел на Руси и был женат на русской княжне, а в 1143 г. выдал свою сестру Евфимию замуж за новгородского (тогда), а впоследствии волынского князя Святополка Мстиславича, младшего брата Изяслава[95].

Практическое действие этого русско-польско-венгерско-чешского союза началось в 1147 г., когда в крестовом походе Болеслава IV против язычников-пруссов приняло участие «огромное войско» из Руси[96] — скорее всего, с Волыни, где в это время сидел Изяславич Ярослав, или из Турова Вячеслава Владимировича. После занятия Визны годом ранее проход отсюда в Пруссию для русских дружин был открыт. В дальнейшем, в 1148—1152 гг., когда Изяслав был занят непрерывной войной вокруг Киева и на Галичине, он постоянно пользовался военной помощью как от Польши, так и особенно от Венгрии; венгерские полки бились на его стороне в шести (!) походах[97]. Участие русских союзников в войне Венгрии с Византией вероятно, но прямых сведений о нем нет; во всяком случае оно не могло быть столь же масштабным. Политико-династический союз Изяслава и Гезы II на рубеже 1150—1151 гг. был подкреплен браком Владимира, младшего из Мстиславичей, с дочерью Белуша, бана Хорватии, то есть двоюродной сестрой сербской супруги Гезы[98].

Не столь безоговорочной была поддержка со стороны польских князей — особенно, когда речь шла о войне не против Юрия Суздальского, а против Владимирка Галицкого. Несмотря на то что около 1150 г. давняя помолвка Мстислава Изяславича и Агнешки, младшей сестры Болеславичей, наконец увенчалась полноценным браком, польская подмога ни в 1150, ни в 1152 г. не явилась[99]. Очевидно, решительная победа Волыни над Галичем и объединение обеих земель под одной рукой, к чему открыто стремился Изяслав, слишком явно противоречили политическим интересам краковского князя[100]. Нападения со стороны пруссов, на которые ссылались Болеславичи, едва ли могли быть столь опасны, чтобы уклониться от помощи русскому союзнику. Важнее был другой сдерживающий фактор: постоянная угроза вмешательства со стороны германского короля Конрада III, а затем и императора Фридриха I Барбароссы (1152—1190) в польские дела на стороне изгнанника Владислава II Болеславича.

Чешская военная подмога Изяславу оказалась эпизодом: в 1149 г. Владислав II изъявил готовность прийти «сам с пол-

---

[95] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 262—263.

[96] Там же. С. 280—281.

[97] Хороший обзор: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 190—200.

[98] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 406—408; *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 176—184 (гипотеза автора о скором втором браке Владимира с дочерью рязанского князя Ростислава Ярославича не может быть поддержана: *Назаренко А. В.* Др.-русск. *отьчичь*: Грани смысла династического термина // Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию В. Б. Крысько. М., 2021).

[99] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 329, 336.

[100] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 176.

кы своими»[101], но на страницах летописи чешские воины потерялись на фоне многочисленных польских и венгерских отрядов. Зато чешский князь был активен как политический посредник, протежируя то перед Конрадом III за бездомного Бориса Кальмановича (1147), то перед Фридрихом I — за Ярослава Осмомысла (см. ниже), а в 1148 г. пытаясь, хотя и безуспешно, мирить Изяслава с византийским императором Мануилом I[102].

Среди внешних союзников, а фактически — наемников Юрия Долгорукого в эти годы заметны только так называемые «дикие половцы», вероятно, подонские; как считается, то были осколки больших орд, тяготевшие к русским границам и активно вступавшие в служебные отношения с русскими князьями[103], в данном случае, видимо, — с черниговскими союзниками Юрия. В широком же политическом контексте Юрий оказывался в одном лагере с Германией и Византией, хотя о какой-то прямой координации политических и военных действий этих трех сторон прямых свидетельств нет. С византийской точки зрения, во время похода 1151 г. Мануил I намеревался отомстить Гезе II за участие в предыдущем году в нападении на Владимирка Галицкого, который характеризуется как «вассал» (ὑπόσπονδος) императора[104], что, кажется, предполагает наличие какого-то византийско-галицкого договора — вероятно, заключенного еще в 1104 г.

Время Ростислава Мстиславича и Андрея Юрьевича Боголюбского (третья четверть XII в.). Политический кризис середины XII в. сменился относительной стабилизацией в киевское княжение младшего брата Изяслава смоленского князя Ростислава Мстиславича (1159—1167 гг., с небольшим перерывом). Сын Юрия Долгорукого владимиро-суздальский князь Андрей Боголюбский (1157—1174) в это время предпочитал не вмешиваться в киевские дела и сосредоточился на внутреннем устроении и расширении своей власти в Поволжье, соперничая с Волжской Булгарией.

В новой политической ситуации Галич Ярослава Владимировича Осмомысла (1153—1187) предпочел восстановить утраченную близость с Венгрией[105] и уже в 1157 г. наладить отношения с Волынью[106]; видимо, расположение волынского князя Мстислава Изяславича обеспечило Ярославу лояльное участие не только Гезы II, но и польских князей Болеслава IV и Мешка III в деле о выдаче (впрочем, так и не состоявшейся) соперника Ярослава князя Ивана Берладника в 1158 г.[107] Отношения самого Мстислава с Венгрией были, кажется, устойчивы (Геза II предпочел не вмешиваться в борьбу между Мстиславом и его дя-

[101] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384—385.

[102] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 264; *Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского Древней Руси. С. 111—113.

[103] *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 279—282.

[104] *Бибиков М. В.* Византийские исторические сочинения: Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. Тексты, перевод, комментарий. М., 1997. С. 52, 62.

[105] Вероятно, именно этим объясняется решение византийских властей укрыть в Солуни беглеца Ивана Ростиславича Берладника, двоюродного брата и соперника Ярослава Галицкого (1161). Случившуюся вскоре смерть Ивана в результате отравления (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 519) не стоит приписывать коварству греков: она вовсе не соответствовала политическим интересам Мануила I.

[106] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491 (галицкая помощь присутствует в походе Мстислава Изяславича на Юрия Ярославича Туровского; датировка — ультрамартовская, как и в дальнейшем в ближайших статьях Ипатьевской летописи).

[107] Там же. Стб. 497.

дей Владимиром Мстиславичем за Волынь в 1156 г.[108]), тогда как с Болеславом IV не лишены временных осложнений, причины которых неясны: если в 1157 г. волынская подмога засвидетельствована на польской стороне во время вторжения Фридриха Барбароссы с целью вернуть Владислава II Изгнанника[109], то в 1162 г. какая-то польская рать опустошила окрестности Червена[110].

Основной международно-политический узел 1160-х гг. оказался завязан вокруг венгеро-византийского противостояния, которое продолжилось и в правление венгерского короля Иштвана III (1162—1172), сына Гезы II. Киевско-волынская княжеская группировка, при Гезе — главный союзник Венгрии, теперь представленная Ростиславом Мстиславичем и Мстиславом Владимировичем, оказалась настолько равнодушна к прошлому союзу, что дала повод византийскому императору Мануилу I Комнину в начале 1165 г. обращаться к ним с просьбой о военной поддержке (переговоры на эту тему большая русская, киевско-черниговско-суздальская, делегация вела с императором еще в 1163 г.[111]). Ярослава же Галицкого Мануилу приходится, напротив, упрекать в неожиданном сближении с венгерским королем (за которого князь даже собирался выдать свою дочь), одновременно укоряя Мстислава за дружбу с Ярославом. Расстройство галицко-византийской близости имело и династическую подоплеку: мятежный Андроник Комнин, будущий император Андроник I (1185—1187), двоюродный брат Мануила I, рассорившись с последним, укрылся у Ярослава Осмомысла, также своего двоюродного брата, но по матери (по браку Володаревны с Исааком Комнином от 1104 г.). Возвращения Андроника Мануил добился, но на политику Ярослава повлиять, похоже, не смог (вопреки распространенному в науке мнению): в 1165 г., как и в 1164-м, в венгерском войске замечена не только чешская (Владислава II), но и галицкая («тавроскифская») помощь[112], тогда как о помощи Византии со стороны Киева или Волыни ничего не известно. Брак Иштвана III и Ярославны расстроился несколько позже, но по инициативе венгерского короля, которому оказался важнее матримониальный союз с австрийским герцогом Генрихом Язомирготтом.

Расчет галицкого князя, кажется, был много шире, чем только восстановление дружбы с Венгрией. Как и сам Иштван III, Ярослав искал сближения с Германской империей, стремясь избавить Галич от давнишнего (более чем полувекового, если считать от 1104 г.) политического «вассалитета» от Византии, который теперь представлялся слишком обременительным для усиливавшегося галицкого присутствия, простиравшегося до низовьев Дуная. Во всяком случае во время встречи Ярослава с императором Фридрихом Барбароссой, устроенной чешским королем Владиславом II в Вене летом 1165 г., речь шла о при-

---

[108] Владимир вернулся «из угор», явно не получив помощи, иначе ему не пришлось бы искать ее в лагере Юрия Долгорукого (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 486).

[109] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 150—151.

[110] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.

[111] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352; о хронологии см.: *Назаренко А. В.* Несостоявшаяся митрополия: (Об одном из церковнополитических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Материалы международной научной конференции, Владимир, 5—6 июля 2011 г. Владимир, 2013. С. 25—30.

[112] *Бибиков М. В.* Византийские исторические сочинения. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. С. 55—56, 66—67; *Назаренко А. В.* Рюриковичи и Арпады в XI—XII веках // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории: Альманах. Ставрополь, 2014. С. 54—59. В. Т. Пашуто (*Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 179) напрасно видит в этих «тавроскифах» (обычное для византийских авторов антикизирующее название руси) волынцев Мстислава.

знании Галичем «сюзеренитета» (ditio) Западной империи[113]. После смерти Ярослава этот политический курс возымел тяжелые последствия для Галича, источником которых стала именно Венгрия.

Внешнеполитические усилия *владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского* сосредоточились по двум основным направлениям: противоборство с Волжской Булгарией и стремление добиться от Константинополя открытия во Владимире отдельной, не зависимой от Киева, митрополии.

Борьбу с усиливавшейся Волжской Булгарией Андрей унаследовал от отца, который отодвинул границы Суздаля вниз по Волге, основав после булгарского набега 1152 г. Городец на Волге (Городец Радилов). Андрей организовал при участии муромо-рязанских князей два больших похода на булгар в 1164 и 1172 гг., хотя и с разным успехом[114]. Речь шла, очевидно, об условиях крайне выгодной русско-булгарской торговли и о влиянии в землях черемисов и мордвы, расположенных между двумя государствами по обоим берегам Волги.

Планировавшаяся Андреем с начала 1160-х гг. Владимирская митрополия имела прецеденты (Черниговская и Переяславская митрополии Ярославичей во второй половине XI в.), и потому полученный в 1164 г. категорический отказ константинопольского патриарха Луки Хрисоверга показывает, что отношения с Византией были уже не столь тесны, как при Юрии Долгоруком, который являлся, в сущности, единственным политическим оплотом империи на Руси во времена киевского княжения Изяслава Мстиславича. Мануил I проявил сдержанную лояльность к Андрею, когда согласился принять у себя изгнанную Андреем родню[115], но уклонился от того, чтобы повлиять на решение патриарха (а то было вполне во власти императора). Видимо, позицию Мануила определила его острая заинтересованность в союзе с Ростиславом Киевским и Мстиславом Волынским. Андрей упорствовал до 1169 г., когда изменившаяся политическая обстановка на Руси (переход Киева под власть владимиро-суздальского князя) сделала Владимирскую митрополию неактуальной и вместе с уладившимися церковными спорами (см. ч. 3, гл. 17) было заключено какое-то соглашение между Мануилом I и Андреем Боголюбским, следствием которого стало, в частности, учреждение общего праздника Спаса 1 августа[116].

Отдельную тему представляют собой отчетливые следы немецкой романики, которые прослеживаются во владимирской архитектуре времени Андрея Боголюбского (Успенский собор во Владимире, церкви Покрова на Нерли и Рождества Богородицы в Боголюбове)[117]. Вопрос о природе этих

---

[113] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 251—252 (комментарий устарел; в источнике имя русского князя не названо, но его идентификация как Ярослава Галицкого является наиболее вероятной); *Lindner M.* Ein *regulus Ruthenorum* am Hofe Friedrich Barbarossas. Das Wiener Dreikönigstreffen des Jahres 1165 und die 'Ostpolitik' des Staufers // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2001. Bd. 50. S. 337—369.

[114] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352—353, 364.

[115] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 520—521. Что это был шаг навстречу владимиро-суздальскому князю, показывает аналогия с высылкой в Византию полоцких князей в 1129 г. киевским князем Мстиславом Владимировичем, близким союзником императора Иоанна II. Мануил I выделил изгнанникам несколько городов по Дунаю и, кажется, даже Аскалон в Палестине («волость Оскалана») (*Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII—XIII вв. СПб., 2011. С. 496—510. (Studiorum Slavicorum orbis; Т. 1)).

[116] *Назаренко А. В.* Несостоявшаяся митрополия: (Об одном из церковнополитических проектов Андрея Боголюбского). С. 12—35.

[117] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1: XII столетие. М., 1961. С. 330—334; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси: XII век. Владимир. Боголюбово. М., 1969. С. 82—85, 186—187; *Beliaev L.* Romanesque elements in Russian architecture: late 11th — early 13th century // Transfer. Innovationen

культурных контактов и их возможной политической подоплеке остается открытым. Суздальский летописец подчеркивал, что князю Андрею «приведе Бог от всех земель мастеры», и именно «от немець»[118]. В этой связи в историографии часто с доверием относятся к сведениям В. Н. Татищева, будто мастеров прислал германский император Фридрих I Барбаросса[119]. Поскольку Любек, как и вся немецкая часть Юго-Западной Балтики, принадлежала тогда саксонскому герцогу из рода Вельфов Генриху Льву, грозному антагонисту Фридриха, контакты с последним через Новгород выглядят маловероятными. Быть может, следует искать пути через Галич, благодаря суздальско-галицкой близости еще при Юрии Долгоруком?

От смерти Андрея Боголюбского (1174) до краха Византии (1204) и смерти Романа Галицкого (1205). Главные события международной политики, в которых участвовала Русь в это время, развернулись внутри четырехугольника *Венгрия—Краков—Волынь—Галич*, на фоне которого все более тускнеют связи с Византией, резко слабеющей после смерти в 1180 г. Мануила I. Пауза, наступившая в волынско-венгерских отношениях при Мстиславе Изяславиче, сопровождалась и охлаждением волынско-польской близости. Показательно, что в схватке Мстислава за Киев в 1167 и 1170 гг. ни венгров, ни поляков в его войске не замечено — явный контраст с положением дел при Изяславе. Крайняя юность Мстиславичей после смерти их отца (1170) не располагала к активной внешней политике. Зато союз Галича с Польшей проявлял себя дольше: когда неурядицы в семействе Ярослава Осмомысла вторично привели к бегству его жены, дочери Юрия Долгорукого, и сына Владимира (1173), то Ярослав «приведе ляхы въ помочь собѣ», чтобы отбить у луцкого князя Ярослава Изяславича желание поддерживать беглецов[120]. В то же время недавно столь тесный альянс Ярослава с Венгрией Иштвана III стагнирует в начале правления другого сына Евфросинии Мстиславны — Белы III (1172—1196), который занял престол с помощью императора Мануила I, так что византийско-венгерское противоборство на время улеглось.

Положение переменилось к началу 1180-х гг., когда политическая ситуация в Польше после смерти Болеслава IV (1174) приобрела устойчивые очертания с укреплением в Кракове самого младшего из Болеславичей — Казимира II (1177—1194), в то время как его старший брат Мешко III оказался связан борьбой за свой Великопольский удел с собственным сыном Одоном. Взаимоотношения Казимира с возмужавшими волынскими племянниками известны практически только в пристрастном и хронологически недостаточно определенном изложении польского хрониста Винцентия Кадлубка[121]. В 1181/1182 г.[122] Казимир вмешался в междоусобную борьбу в Западной Волыни на стороне Святослава, старшего из Мстиславичей, изгнанного братьями из Владимира, сумев посадить его, однако, только в Берестье, несмотря на военное сопротивление Романа и Всеволода Мстиславичей, опиравшихся на галицкую подмогу. Ввиду скорой смерти Святослава эпизод политических последствий не имел, а Берестье, как и Владимир, оказалось в ру-

in der Zeit der Kreuzzüge. Akten der 4. Landauer Staufertagung, 27—29. Juni 2003 / Hrsg. V. Herzner, J. Krüger. Speyer, 2006. S. 97—111. (Veröffentlichungen der Pfälzischen Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften; Bd. 101).

[118] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351, 411.

[119] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 245—246. Примеч. 485; С. 253. Примеч. 547.

[120] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 571.

[121] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 310—318; ДРСЗИ. 2013. С. 388—394.

[122] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 345.

ках следующего по старшинству Романа, у которого устанавливается с краковским князем теснейший союз.

Положение на Юго-Западе Руси резко обострилось со смертью в 1187 г. политического старожила Ярослава Галицкого. Роман Мстиславич неожиданно выступил с претензиями на Галич, согнав со стола (возможно, не без содействия Казимира) слабого Ярославича Владимира, который не сумел поладить с амбициозной местной знатью. Старый галицкий рефлекс — за помощью против напористых русских соседей обращаться именно в Венгрию — привел Владимира к Беле III. Но случилась неожиданность: в 1188 г. Бела занял Галич, который, однако, Владимиру не вернул, а посадил там своего десятилетнего сына Эндре, заключив незадачливого Ярославича под стражу в Венгрии[123]. Эта эскапада была основана не только на силе, но и на политическом расчете, так как Бела успел заключить тайный договор с тестем Владимира киевским князем Святославом Всеволодичем (1181—1194), который, похоже, должен был получить свою долю от галицких приобретений венгерского короля[124]. Некрасивая история быстро выплыла наружу и вызвала возмущение князя Рюрика Ростиславича (тестя Романа Мстиславича), с которым Святослав делил власть над Киевским княжеством, так что последнему от договора с венграми пришлось отказаться. Выясняется, что соглашение между Святославом и Рюриком о диархии в Киеве и Киевской земле предполагало согласованную внешнюю политику. На практике это условие оказалось трудноисполнимым, и начавшийся было совместный поход на Галич быстро расстроился из-за неумения союзников поделить еще не добытый трофей.

Между тем планы Белы были серьезны: Галич он даже успел включить в свой королевский титул[125]. Но сумевший бежать из плена Владимир обратился к посредничеству германского императора Фридриха I Барбароссы. Фридрих собирался в крестовый поход, и дружественная позиция венгерского короля была ему весьма важна, тем не менее он вмешался в сомнительное дело с русским беглецом, хотя и предпочел действовать через Казимира II, «веля ему доправити Галича по своей волѣ». Киевский летописец объясняет дело желанием Фридриха сделать приятное племяннику Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, великого князя Владимиро-Суздальского (1176—1212) (отзвук немецких контактов Андрея Юрьевича?), зная, впрочем, и о том, что с некоторых пор (с 1184 г.) Казимир II был данником германского императора. Складывается, однако, впечатление, что Фридрих действовал еще и как гарант галицкой законности в силу договора с Ярославом Осмомыслом 1166 г. Краковский князь, совсем недавно поддержавший галицкие притязания Романа, теперь снаряжает войско, которое и водворяет в Галиче на ближайшие десять лет снова Владимира (видимо, в 1190 г.)[126].

Вскоре стало очевидно, насколько вмешательство в галицкие дела на стороне Владимира противоречило собственным интересам Казимира II. Вследствие общего недовольства разрывом мира с Венгрией противники Казимира среди краковской знати возобладали, и власть в 1191/1192 г. перешла в руки Мешка III. Видимо, личные симпатии поставили Романа в этом конфликте, равно родственных ему Болеславичей, на сторону именно Казимира, и полки Романа Владимирского и Всеволода Белз-

[123] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 656—657, 659—662.

[124] Там же. Стб. 662.

[125] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. T. 2. Budae, 1829. P. 247 (грамота от 2 мая 1189 г.).

[126] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 663—667.

ского в 1192 г. восстановили в Кракове статус-кво, но ненадолго, ввиду скорой смерти Казимира (1194). Мешко, естественно, вознамерился вытеснить из Кракова Казимировича Лешека Белого (1194—1198/1199, 1202—1227) (Конрад, другой сын Казимира, получил Мазовию). В кровопролитной битве при реке Мозгаве к северу от Кракова в сентябре 1195 г. войско князя Романа на некоторое время помогло отстоять стол 10-летнего Лешека[127]. В 1198/1199 г. умер Владимир Галицкий, державший в конфликте Романа и киевского князя Рюрика сторону последнего. Наступила стремительная развязка: о двух сыновьях Владимира и их правах никто не помышлял. Влияния Романа в Кракове хватило на то, чтобы с польской помощью вторично, и на этот раз прочно, захватить Галич и положить начало объединенной Галицко-Волынской державе[128]. Но краковский ресурс Романа на этом оказался исчерпан, чаша весов в польской столице снова качнулась в сторону Мешка III, который оставался здесь до самой смерти в 1202 г., вытеснив племянника в Сандомир. Потеряв польского союзника, Роман нашел себе нового — по иронии истории, в лице неудавшегося галицкого короля Эндре. Эндре был тогда еще герцогом Хорватским и Далматинским, соперником своего старшего брата короля Имре (1196—1204) и затем опекуном его малолетнего сына короля Ласло III (1204—1205). Эндре и Роман даже связали друг друга клятвой, что оставшийся в живых позаботится «о племени» умершего[129].

Обеспечив себе надежный венгерский тыл, новый галицкий князь сумел восстановить и сильно пошатнувшиеся при Ярославе *отношения с Византией*. Положение на Балканах успело, по сравнению со временем Мануила I, коренным образом перемениться. Византийская гегемония здесь рухнула. Возникли новые самостоятельные политические силы: под властью Стефана Немани (1180—1196) — Сербия, при Асене I (1187—1195) — Второе Болгарское царство. В регионе активизировалась роль папства. В 1204 г. крестоносцы Четвертого крестового похода заняли Константинополь, где более чем на полвека установилась Латинская империя. Для оборонявшейся Византии в отношениях с Русью на передний план выступили связи с теми князьями, которые могли реально повлиять на военно-политическую ситуацию в Нижнем Подунавье, то есть с киевскими и галицкими. Неизвестно, осуществился ли задуманный в 1194 г. при Исааке II Ангеле (1185—1195) брачный союз между «царевичем» (вероятно, сыном Исаака Алексеем) и внучкой киевского князя Святослава Всеволодича Евфимией[130] (которая по матери приходилась также внучкой соправителю Святослава Рюрику Ростиславичу) ввиду смерти в том же году Святослава и переворота в Константинополе в апреле 1195 г. в пользу Алексея III (1195—1203), младшего брата Исаака. Но Роман, порвав около 1196 г. брак с дочерью Рюрика, который теперь стал единоличным правителем Киева, практически одновременно с занятием Галича женился вторично на гречанке; ее династическая филиация неясна[131], но политический характер нового матримониального союза едва ли подлежит сомнению. В 1200 г. новгородский паломник Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Антоний, застал в Царьграде посольство от Романа, которого (передавая, очевидно,

[127] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 318—320.

[128] Там же. С. 321—325.

[129] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.

[130] Там же. Стб. 680.

[131] См. обзор гипотез: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 267—273.

византийскую терминологию) торжественно именует «великим князем»[132] (между тем Рюрик пока еще в Киеве!). Несомненно, что посильный контроль за многоэтничной русско-валашско-половецкой вольницей в Бужско-Днестровско-Дунайском Понизовье, которая грабила Византию и не раз использовалась в антивизантийских целях болгарами, лежал в русле традиционных интересов Галича. Тем не менее современный византийский хронист Никита Хониат был уверен, что действия Романа против половцев в 1201 и 1204 гг.[133] преследовали цель именно помочь Константинополю[134], хотя ясно и то, что они имели в виду также подрыв военных ресурсов Рюрика, который смог временно вернуться в Киев в начале 1203 г. только благодаря половцам, но в 1204 г., сразу после удачного похода против степняков, был по приказу Романа схвачен и пострижен в монахи. Русь оказалась под влиянием двух великих князей — галицко-волынского Романа и владимиро-суздальского Всеволода.

Заграничный поход Романа 1205 г. Главной угрозой для вернувшегося в 1202 г. в Краков Лешека Белого стали претензии на польскую столицу со стороны великопольского князя Владислава III Тонконогого, сына Мешка III. Позиция галицко-волынского князя в этом противостоянии была принципиально важна. Изменив прежнему союзу с Казимировичами, Роман взял сторону Владислава (именно его интригам приписывал конфликт с Романом сам Лешек[135]), и летом 1205 г. предпринял поход на Сандомирщину, в ходе которого он успел захватить «2 города лядьская», прежде чем оказался убит в случайной стычке[136], которая в польской анналистике представлена как кровавая битва у Завихоста (город на левом берегу Вислы ниже Сандомира)[137]. Однако внешнеполитический контекст этой акции Романа, вероятно, был шире. По некоторым сведениям, конечным пунктом ее назначения была Саксония, где тогда шла война между двумя претендентами на германский трон — Штауфеном Филиппом Швабским, младшим сыном Фридриха I Барбароссы, и Вельфом Оттоном IV, сыном саксонского герцога Генриха Льва; там Роман намеревался будто бы «как лжехристианин разрушить церкви»[138]. Эту информацию, в конечном итоге восходящую к среде польских цистерцианцев, можно расценить как преувеличение со стороны автора-паписта, но саму принадлежность Романа к политическим сторонникам Филиппа, которого папская пропаганда, традиционно враждебная Штауфенам, рисовала врагом Церкви, вряд ли надо подвергать сомнению[139]. Следует помнить, что Роман, не имея на Галич никаких династических прав, держался там исключительно силой. В такой ситуации признание Галича за ним со стороны Филиппа, который в силу договора 1165 г. мог рассматриваться в качестве арбитра в галицких делах (как уже случилось при Фридрихе I в 1189 г.), способно было придать положению Романа вид легитимности.

Внезапная гибель сначала Романа (1205), а затем, в 1208 г., Филиппа Швабского со-

---

[132] Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod / Ed., Übers., Komment. A. Jouravel. Wiesbaden, 2019. S. 266. (Imagines medii aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung; Bd. 47).

[133] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418, 420.

[134] Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. Т. 2 / Сост. М. В. Бибиков. М., 2009. С. 510.

[135] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 719.

[136] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.

[137] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 346—347.

[138] Там же. С. 346. Примеч. 11.

[139] О вкладе Романа в тюрингенский монастырь в Эрфурте см.: ДРСЗИ. 2013. С. 385—388.

здали на галицко-польско-венгерском политическом поле совершенно новую ситуацию. Галич надолго погрузился в династический хаос, в котором самым непосредственным образом участвовали как Венгрия, так и Польша.

Новгород и начало шведского наступления в Прибалтике и Финляндии. Внешняя политика Новгорода с середины XII в., все более автономизируясь, как и международные связи других земель Руси, концентрировалась вокруг торговых интересов на Балтике. С 1160-х гг. Новгород имел право беспошлинного доступа на рынок немецкого Любека[140]. К ним добавилась борьба за приграничные даннические области в южной Финляндии, на которые начинает претендовать Швеция. Поскольку речь шла о землях язычников, их политическое освоение происходило под лозунгом христианизации, руководившейся из Уппсальского архиепископства (с 1164 г.). Уже за первыми военными предприятиями шведов в земле суми (северо-западная оконечность Финского залива) в 1157 г., сопровождавшимися построением крепости в Або, последовало нападение на Ладогу, правда, неудачное (1164)[141]. В Финляндии шведы проникли, очевидно, и дальше на восток — в землю еми, обязанную данью Новгороду, так как со стороны Новгорода последовали походы сюда в 1186 и 1191 гг.[142] Новгородские корелы в 1187 г. сожгли шведскую Сигтуну[143]. Распространенное предположение, что меры против новгородских купцов на Готланде в 1188 г. стали ответом на разорение Сигтуны, видимо, надо оставить, поскольку готландский конфликт, как выясняется, имел собственно торговые причины[144], хотя и повлек за собой политические последствия: в ответ Новгород не допустил к себе «варяжских» купцов и «пустиша я без мира»[145]. Мир был восстановлен с заключением нового торгово-политического договора около 1192 г.[146], когда к существовавшему уже столетие Готскому торговому двору в Новгороде с церковью Св. Олафа добавилось и Немецкое подворье с храмом Св. Петра[147]. И все же определенная корреляция между торговлей со шведским Готландом и новгородскими набегами на южную Финляндию, кажется, прослеживается. Поход на сумь и сожжение Або в 1198 г.[148] имели результатом новое размирье, и только в 1201 г. Новгород заключил со Швецией мир «по всѣи воли своеи»[149], который простоял до 1240 г., что, видимо, означало восстановление на этот период статус-кво: новгородцы продолжили собирать дань с еми.

На западных границах Новгородчины положение с данями в землях эстов, прите-

[140] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 271—273, 282—284.

[141] НПЛ. С. 31.

[142] Там же. С. 38—39.

[143] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 72—105. Сомнения в реальности сожжения Сигтуны в 1187 г. (*Рыбина Е. А.* Еще раз о «Сигтунском походе» 1187 г. // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 161—171) недостаточны.

[144] *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 168—174.

[145] НПЛ. С. 39.

[146] ГВНП. М.; Л., 1949. № 28; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 81.

[147] *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009. С. 46—54; *Мельникова Е. А.* К предыстории Готского двора в Новгороде // История: дар и долг: Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 184—198.

[148] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. С. 110—118.

[149] НПЛ. С. 45.

гающих с запада к Чудскому озеру (Уганди), и северных латгалов, похоже, стабилизировалось в результате походов новгородских князей Мстислава Ростиславича в 1179 г. и Ярослава Владимировича в 1192 г.[150], причем настолько, что среди северных латгалов (Очела и Толова) началась христианизация. Когда два десятилетия спустя сюда стали проникать латинские миссионеры, они столкнулись с отчасти крещенным населением[151], что в целом нетипично для новгородской политики в зависимых неславянских областях.

В Латгалии новгородские дани соседствовали с полоцкими, по правому берегу Западной Двины. Ливское низовье реки, ранее также входившее в данническую сферу Полоцка, оказалось для него утрачено на рубеже XII—XIII вв. с появлением здесь опорных пунктов Ливонского ордена, несмотря на походы полоцких князей, например в 1203 г.[152]

Северо-Восточная Русь и Волжская Булгария. Неурядицы после гибели князя Андрея Боголюбского обусловили паузу в наступательной политике Владимиро-Суздальской Руси в отношении Волжской Булгарии. Возобновление активных действий было настоятельной задачей, особенно ввиду неудачи похода 1173 г. Действительно, сразу же по урегулировании внутрирусских дел (прежде всего замирения рязанского князя Глеба Ростиславича и договора с киевским князем Святославом Всеволодичем) новый владимирский князь Всеволод Большое Гнездо (1176—1212) организовал в 1183 г. грандиозный поход к самому сердцу Волжской Булгарии — Великому городу[153]. Кроме собственно владимиро-суздальских полков к походу были привлечены не только муромо-рязанские войска, но и отряды, присланные Давыдом Ростиславичем Смоленским и Святославом Всеволодичем Киевским. Время было выбрано удачно, так как в Булгарии имело место какое-то междоусобие, к которому оказались привлечены и половцы. После победоносного сражения под стенами осажденного Великого города был заключен мир. Видимо, среди прочего договор закреплял суздальское доминирование в землях мордвы, обязанной, в частности, кормить княжеских коней, судя по тому, что после похода Всеволод «конѣ пусти на мордву». Поход Всеволодовых воевод с городецким полком на булгар в 1185 г. производит впечатление уже местной приграничной карательной экспедиции[154].

От падения Константинополя (1204) до начала монгольского нашествия (1237). С распадом Византии на ряд отдельных государств (главнейшим из которых к 1230 г. окончательно становится Никейская империя) и превращением бывшего Царьграда в столицу Латинской империи политическая ситуация на востоке христианского мира в корне изменилась. Уже накануне коллапса Византии в политическую практику православных государств входит новый фактор — использование папского Рима в качестве центра государственной легитимации, вплоть до прямой церковной унии (см. ч. 3, гл. 17). Присутствие конфессионального компонента придавало дополнительную остроту политическим конфликтам с участием Руси как на Балтике, так и в ходе *русско-венгерско-польской борьбы за галицко-волынское наследство.*

Неожиданная смерть галицкого князя Романа Мстиславича в июне 1205 г. оставила его малолетних сыновей Даниила и Василька на руках их матери-гречанки. В мае того же года стал венгерским королем

[150] НПЛ. С. 36, 40.

[151] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 114.

[152] Там же. С. 110.

[153] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389—390 (датировка ультрамартовская); Т. 2. Стб. 625—626.

[154] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 400.

Эндре II (1205—1235), и естественно, что вдова Романа первым делом постаралась подтвердить недавний договор Романа и Эндре. Видимо, еще летом 1205 г. произошла встреча в Саноке (галицком городе, ближайшем к венгерской границе и Дуклянскому перевалу через Карпаты), на которой король обласкал 4-летнего Даниила, предоставив для его поддержки в Галиче венгерскую «засаду»[155]. Судя по тому что с 1206 г. титул Эндре II прирос званием «короля Галиции и Лодомерии», то есть Галича и Владимира Волынского[156], в Саноке прежний договор был дополнен признанием со стороны Романовичей верховной власти венгерского короля над Галичем и Западной Волынью. Венгерской подмоги хватило, чтобы отбить случившийся сразу же, в 1205 г., первый натиск черниговских Ольговичей и Рюрика Ростиславича, который «смета с себе чернечьскыѣ порты» и сумел вернуться на киевский стол[157].

На следующий год эта зыбкая коалиция, пополненная смоленскими полками, снова направилась на Галич, но столкнулась здесь уже с большим венгерским войском во главе с самим Эндре. Положение осложнилось тем, что в дело не преминули вмешаться польские Казимировичи, двинув свои войска на Владимир: предвидя скорый конец Романовичей, краковский князь Лешек Белый и его брат Конрад Мазовецкий стремились принять участие в дележе наследства Романа. Впрочем, суздальский летописец был уверен, что они шли «Олговичемь в помочь»[158], а это позволяет догадываться о краковско-черниговских контактах после разрыва отношений между Казимировичами и Романом Галицким в конце правления последнего. Под стенами Владимира, где укрылись вдова Романа с сыновьями, был заключен какой-то польско-венгерский договор (вероятно, с обещанием Лешека Белого оставить в покое Романовичей в их отчинном Владимире), а относительно Галича Эндре принял неожиданное решение предложить галицкий стол сыну Всеволода Большое Гнездо Ярославу — единственному Всеволодичу, сидевшему тогда на юге Руси, в Переяславле Русском. Мотив понятен: 15 лет назад Всеволод уже помог удержать галицкий стол, шатавшийся под Владимиром Ярославичем. Вряд ли этот шаг стал чистой импровизацией со стороны венгерского короля; скорее всего, после встречи в Саноке были предприняты какие-то консультации Эндре с Всеволодом — уж слишком хорошо Суздальская летопись осведомлена о событиях вокруг Галича в 1205—1206 гг., в то время как впоследствии интерес к этому региону был совершенно утрачен. Венгерский план не удался: король пустился в обратный путь, положившись на свою договоренность с галицкой знатью и немного не дождавшись Ярослава. Это было ошибкой: нескольких дней хватило, чтобы враждебные покойному Роману и Романовичам силы в галицкой верхушке, перехватив инициативу, пригласили в Галич находившегося поблизости в войске Ольговичей путивльского (новгород-северского?) князя Владимира Игоревича, племянника (по матери) бывшего галицкого князя Владимира. Ярославу пришлось вернуться в Переяславль, но черниговский князь Всеволод Святославич Черный, овладев Киевом сразу после возвращения из галицкого похода, выгнал Ярослава оттуда к отцу со словами: «...а Галича не ищи подъ моею братьею»[159], — еще одно свидетельство серьезности венгерско-суздальского проекта.

---

[155] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717.

[156] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. T. 3. Vol. 1. Budae, 1829. P. 31, 33—34 и след.

[157] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426.

[158] Там же. Стб. 427.

[159] Там же. Стб. 427—428.

Вокняжение Владимира Игоревича в Галиче летом 1206 г. имело следствием водворение его братьев: Романа — в Звенигороде, а Святослава — во Владимире, откуда Романовичи спаслись бегством в Краков к Лешеку. Затем Даниил отправился в Венгрию, а Василько с матерью остались в Польше. Формально Лешек Белый и Эндре II заключили договор о помощи Романовичам[160], но фактически и венгерская, и польская политика в течение последующих восьми лет шла в фарватере событий, которые разворачивались на Юго-Западе Руси. События эти настолько хаотичны, а хронология их так сбивчива, что представить их сжатый аналитический очерк невозможно[161]. В итоге Эндре II не смог удержать в Галиче ни Игоревичей, ни свою непосредственную власть через наместника Бенедикта, ни Даниила, ни даже боярскую олигархию во главе с Володиславом Кормиличичем (главой боярской оппозиции Роману Мстиславичу, а затем его сыновьям). Результатом стала идея своего рода династической унии Венгрии и Галича, где Эндре на рубеже 1214—1215 гг. сажает своего малолетнего сына Кальмана (Коломана). Инициатором этого плана выступил Лешек Белый, обручивший с Кальманом свою дочь и получивший в качестве свадебного дара Перемышль (так называемый Спишский договор). Итак, первый раунд галицкой смуты завершился тем, что Даниила вопреки всем соглашениям вынесли за скобки.

Несмотря на присутствие Владимира Волынского в титуле Эндре II, фактически в роли политического регулятора в отношении Западной Волыни в те годы пытается выступать Краков, но столь же непоследовательно, как Венгрия в отношении Галича. Вначале ставка была сделана на Игоревичей: Конрад Мазовецкий даже женился на дочери Святослава Игоревича[162], потом — на белзского князя Александра Всеволодича, потом — на луцкого Ингваря Ярославича, дочь которого взял в жены Лешек Белый[163], потом — снова на дочери Александра[164]; все эти князья сменяли друг друга на владимирском столе при поддержке Лешека Краковского. Наконец, Спишский договор, лишая Романовичей Галицкой отчины, предполагал водворение их во Владимирской: «Лестько же посади Романовича в Володимери»[165], однако забрав при этом (или сохранив за собой забранные еще при посажении Александра) Берестье и все забужские города (рефлекс польских претензий двухвековой давности на Червенские города?).

Правление Кальмана, вскоре коронованного в качестве «галицкого короля» эстергомским архиепископом с санкции папы Иннокентия III, было связано с планами насильственной церковной унии (см. ч. 3, гл. 17) и потому вызвало активные протесты в Галиче. В результате сразу обнаружилась шаткость Спишского договора: Краков уклонился от военной поддержки венгерского ставленника[166], за что Эндре отобрал у Лешека Перемышль[167]. Расстройство венгерско-польского союза облегчило вмешательство в борьбу третьей силе — неудач-

[160] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718—719.

[161] Там же. Стб. 720—731. Подробное изложение на современном уровне см.: *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201—1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. S. 33—93.

[162] *Jasiński K.* Rodowód Piastów małopolskich i kujawskich / Wyd. M. Górny. Poznań; Wrocław, 2001. S. 33—38. (Biblioteka genealogiczna; T. 3).

[163] О проблеме с русскими браками (одним или двумя?) Лешека см.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). С. 344—348, 642—648.

[164] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 720—721.

[165] Там же. Стб. 730—731.

[166] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 277—279.

[167] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731; здесь в Галицко-Волынской летописи пропущены события 1216—1218 гг.

ников черниговских Игоревичей в роли галицких претендентов сменили смоленские князья. Еще в начале 1215 г. представитель их младшей ветви Мстислав Мстиславич Удатный, тогда княживший в Новгороде, пытался получить Галич из руки венгерского короля[168], но Эндре предпочел «спишский проект». Мстислав повторил попытку в 1219 г., на этот раз вооруженной рукой при поддержке двоюродных братьев — киевского князя Мстислава Романовича и переяславского — Владимира Рюриковича, опираясь на союз с Краковом. Венгры были выбиты из Галича. Примерно тогда же Даниил Романович отвоевал у Лешека Берестье и забужские города[169], что заставило краковского князя снова сменить фронт и помириться с Венгрией. Против этой коалиции, к которой примкнул белзский князь Александр Всеволодич, образовался галицко-владимирский союз Мстислава Удатного и Даниила, позволивший Мстиславу, несмотря на временное отступление, удержать Галич. В этих запутанных событиях отчетливо проявился новый внешнеполитический фактор: союз Даниила с Литвой, который владимирский князь с успехом использовал для сдерживания Лешека Краковского[170].

В 1221 г. судьба Галича была оформлена новым договором, который пришел на смену Спишскому: дважды плененный Кальман был возвращен в Венгрию, его младший брат королевич Эндре обручался с дочерью Мстислава, получал от тестя Перемышль, а после смерти Мстислава должен был получить и Галич[171]. Пошел на мир и Лешек, отказавшись от претензий на Забужье и поддержки Александра Белзского[172]. Такое решение галицкого вопроса не устраивало окрепшего Даниила, который, собрав волынскую отчину, намеревался вернуть и галицкую. Дело дошло до войны (1225) с Мстиславом, в которой Даниил устоял благодаря поддержке Лешека Краковского[173]. Видимо, склонный учитывать интересы своего зятя Даниила, Мстислав действительно колебался в завещании о Галиче, иначе трудно понять внезапное бегство королевича Эндре из Перемышля и очередной венгерский поход на Галич в 1226 г. Мстислав победил, будучи поддержан Романовичами, которые не дали Лешеку вмешаться в борьбу на венгерской стороне[174]. И все же резко усилившийся волынский князь пугал Мстислава, видимо, больше, чем венгры[175], так что в итоге он под давлением провенгерской боярской группировки оставил Галич королевичу Эндре, а сам удалился в свои южнорусские владения, в Торческ (в начале 1227 г.). Это решение, странное даже на фоне непоследовательной политики Мстислава, понять тем труднее, что венгерский король, как ясно видно по его переписке с папой Иннокентием III, отнюдь не собирался держаться договора с галицким князем, продолжая видеть именно в Кальмане законно коронованного короля Галича. Очевидно, из Торческа Мстислав надеялся создать новую коалицию для борьбы за Галич, уже без Даниила — с киевским князем Владимиром Рюриковичем и черниговским Михаилом Всеволодичем, но его внезапная смерть уже в 1228 г. изменила все. К этому

---

[168] ПСРЛ. Т. 7. С. 119.

[169] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 732.

[170] Там же. Стб. 735—736.

[171] Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. 3. Vol. 1. P. 355—357 (папская грамота от марта 1222 г. с упоминанием условий договора); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 748; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 281—282.

[172] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 738—739.

[173] Там же. Стб. 745—746.

[174] Там же. Стб. 748—750.

[175] Во всяком случае так объясняет дело Галицко-Волынская летопись (Там же. Стб. 750).

добавилась и гибель (в результате заговора) Лешека Белого (конец 1227 г.). Политическая ситуация на Юго-Западе Руси резко переменилась.

Похоже, посмертным итогом дипломатических усилий Мстислава Мстиславича стал поход зимой 1228/1229 г. войск киевско-черниговской коалиции на Даниила, который вызывающе подмял под себя Восточную Волынь; но объективно поход слишком явно играл на руку венгерской власти в Галиче и, скорее всего, был с ней согласован. Во всяком случае он обеспечил королевичу Эндре первые три года беспрепятственного правления (1227—1230). Успеха поход не принес — в том числе и благодаря помощи из Кракова, где покуда вершила делами русская вдова Лешека с малолетним сыном Болеславом V Стыдливым и где в предвидении смуты ценили союз с Даниилом. Смута действительно началась, и Даниил успел в 1229 г. с успехом поучаствовать в ней на стороне старшего из Казимировичей Конрада Мазовецкого[176], но в дальнейшем военные и политические усилия волынского князя сосредоточились на Галиче.

Собравшийся в 1231 г. в Киеве общерусский княжеский съезд, в котором принял участие даже великий князь Владимиро-Суздальский Юрий Всеволодич, не выработал единой позиции в галицком вопросе. События показали, что Михаил Всеволодич Черниговский продолжал упорно противодействовать объединительным усилиям Даниила Романовича — настолько, что отвоевание последним Галича у венгров в 1230 г. вызвало в 1232 г. совместное венгерско-черниговское выступление против Даниила, которому пришлось оставить Галич. Но в целом время работало на Даниила. Зимой 1233/1234 г. погиб королевич Эндре, а в следующем году умер и его отец, венгерский король Эндре II. Галицкая политика нового короля Белы IV (1235—1270) двоилась: снова заняв Галич и столкнувшись с противоборством Михаила Всеволодича, Даниил пытался добиться лояльности Венгрии, признав (вернее, подтвердив соглашение в Саноке тридцатилетней давности) политический сюзеренитет короля[177], что позволило Беле сохранить, вслед за отцом, Галич и Волынь в своем титуле. Однако венгерской помощью, равно как и поддержкой Конрада Мазовецкого, пользовался и Михаил, удерживая Галич в 1235—1238 гг.[178] После этого, с 1238 г., Галич окончательно переходит в руки Даниила Романовича.

Неясно, как понимать отрывочные данные этого времени о союзничестве между Даниилом и австрийским герцогом Фридрихом Воинственным[179]; возможно, их следует рассматривать в русле внешней политики Венгрии[180]. Еще сложнее для интерпретации сведения о посольствах «русского короля» («regis Ruscie») — Даниила или его соперника Михаила Черниговского — к германскому императору Фридриху II Штауфену (1212—1250) в 1235 — начале 1236 и 1237 гг., в пору конфликта австрийского герцога с императором[181]. Складывается впечатление, что ввиду колебаний Белы IV

---

[176] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 284—287.

[177] Только так можно понять участие князя в коронации Белы IV 14 октября 1235 г. в качестве королевского конюшего (ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 372).

[178] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776, 778.

[179] Там же. Стб. 777.

[180] *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201—1264). Biografia polityczna. S. 187—201 (с новейшей литературой вопроса).

[181] Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. 2 / Ed. L. Weiland. Hannover, 1896. Nr. 201. P. 272 (§ 12) (императорская энциклика против австрийского герцога Фридриха от июня 1236 г.); Historia diplomatica Friderici secundi / Ed. J.-L.-A. Huillard-Bréholles. T. 5/2. Paris, 1859. P. 677. В последней работе на тему ошибочно говорится о личной встрече Даниила и Фридриха II в Вене в 1237 г.

в галицком вопросе русские претенденты на Галич стремились через императора (возможно, как номинального гаранта легитимности любых перемен на галицком столе по договору 1166 г.) повлиять на позицию нового венгерского короля.

Политика владимиро-суздальских князей в Поволжье. Тонкая нить взаимного венгерско-суздальского интереса, обозначившаяся, как говорилось выше, в 1206 г., с вхождением Галича в политическую орбиту Венгрии, протянулась из тесного клубка традиционного суздальско-галицкого взаимодействия. Но дело было, очевидно, не только в этом. Венгерское этногенетическое предание сохранило сведения о прародине венгров по соседству с Суздальской землей (Susudal)[182], и в первой половине XIII в. они послужили мотивом настойчивого интереса венгерских миссионеров к этим краям. Наиболее успешным путешествием такого рода стало путешествие доминиканца Юлиана около 1235 г., хотя известно оно больше благодаря полученным на Руси сведениям о монголах и их завоеваниях[183]. И все же главные внешнеполитические интересы владимиро-суздальских князей были по-прежнему направлены на расширение сферы своего влияния в Поволжье. Династические распри, последовавшие после смерти в 1212 г. великого князя Всеволода Большое Гнездо, поначалу не располагали к активности в этом направлении. Но за окончательным утверждением на владимирском столе Юрия Всеволодича (1218—1238) сразу же последовал большой успешный поход на Волжскую Булгарию, который завершился подтверждением мирного договора, какой имел место при Всеволоде и Юрии Долгоруком[184]. Вместе с тем позиции Руси в спорных между ней и Булгарией землях мордвы и черемисов укрепились. Если военные действия 1220 г. имели опорной базой Городец, то в следующем году Юрий основал Нижний Новгород, расположенный заметно ниже по Волге[185]. Ряд последовавших походов самого князя Юрия и его младших братьев на мордву (в 1226, зимой 1228/1229 и в 1229 гг.) говорит о политике систематического проникновения в этот пограничный регион. Часть мордовской знати владимиро-суздальский князь сумел связать договорами, другие (князь Пургас) продолжали держаться Волжской Булгарии. Богатый и государственно неосвоенный регион с удобными речными коммуникациями, подобно Нижнему Поднестровью, привлекал разноэтничную разбойничью вольницу, в том числе и из Руси; видимо, так надо смотреть на некую «Русь Пургасову», которую «изби» сын мордовского князя Пуреша, «ротника Юргева»[186].

Земли Северо-Запада Руси (Новгород, Полоцк, Смоленск) и Балтика. С начала XIII в., с основанием Риги (1201) и учреждением здесь католического архиепископства, а также Ордена меченосцев (1202), политическая ситуация на юго-востоке Прибалтики коренным образом меняется. Вся первая треть столетия — это история постепенного отступления Полоцка в Нижнем Подвинье, сопровождавшегося поте-

(*Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII—XIII вв. С. 654—673).

[182] P. Magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum. Cap. 7 // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Vol. 1. Budapest, 1937. P. 42.

[183] *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XII—XIII вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 71—112; *Хаутала Р.* Ранние венгерские сведения о западном походе монголов (1235—1242) // Rossica antiqua. 2014. № 2. С. 71—101.

[184] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444—445; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 116—117.

[185] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445.

[186] Там же. Стб. 448—451.

рей сначала политического сюзеренитета над этими ливскими землями (по договору 1210 г. за Ригой и Орденом признавались их захваты с условием сохранения даней, шедших отсюда Полоцку), а потом — и даней (договор 1212 г.). По договорам устанавливалась, однако, взаимная свобода торгового сообщения по Западной Двине[187]. Внешнеторговая ситуация получила детальное правовое оформление по договору 1229 г. Смоленска с Ригой и Готским берегом, в котором учитывались полоцкие и витебские обстоятельства[188].

Для Новгорода такой острой конфликтности между внешнеторговыми интересами и борьбой за данническую сферу, очевидно, не было, так как наступление Риги и Ордена, а с 1219 г. и Дании в землях эстов в это время не затрагивало торговых коммуникаций Новгорода по Балтике. Во всяком случае о нарушениях договора 1192 г. ничего не слышно. Но борьбу за эстские латгальские дани Новгород вел упорно, хотя и с переменным успехом: войны 1222 и 1223 гг. закончились после потери Юрьева (Тарту)[189] подписанием в 1224 г. договора с Ригой и Орденом, по которому Новгород и Псков сохраняли по меньшей мере часть своих даней — в Северной Латгалии[190]. Вместе с тем военная активность новгородских князей из владимиро-суздальского дома, в частности переяславского князя Ярослава Всеволодича, подрывалась сдержанностью местных элит, особенно Пскова, который в силу географического положения больше всего страдал от войны; именно из-за сепаратного мира Пскова с Орденом не состоялся поход Ярослава на Ригу в 1228 г.[191] Максимум, чего сумел добиться Ярослав в результате похода в Восточную Эстонию в 1234 г., — это заключения мира «на всей правде своей», то есть, вероятно, улучшенного варианта договора десятилетней давности.

В 1227 г. новгородцы во главе с Ярославом совершили крупный поход на юго-восточные области Финляндии — землю еми, которая традиционно считалась данницей Руси[192]. Поскольку непосредственно после этого по приказу Ярослава последовала акция, совершенно необычная для русской политики в данническом сфере, — крещение карел, восточных соседей еми[193], то приходится думать, что она, как и поход на емь, стала ответом на продвижение шведского церковного и государственного влияния из юго-западной Финляндии (земли суми) далее на восток, в область политической доминации Новгорода.

Первая треть XIII в. — это период, когда в отдельную политическую силу начинает консолидироваться Литва, которая испытывала постоянное давление со стороны Ливонского ордена. Как следствие, возникла тенденция к литовско-русскому сближению. Если на Юго-Западе Руси союз с группой литовских князей, заключенный волынскими Романовичами около 1219 г., использовался в борьбе против Польши (см. выше), то на Северо-Западе ситуация была двойственной. В здешних русских землях привыкли видеть в Литве очаг постоянных грабительских набегов, поэтому политика в ее отношении колебалась между союзом с

[187] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь: Тексты, перевод, комментарий. С. 108—122.

[188] *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты (XIII в. — первая половина XIV в.). Даугавпилс, 2009. С. 514—613.

[189] НПЛ. С. 60—61.

[190] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь: Тексты, перевод, комментарий. С. 140.

[191] НПЛ. С. 65—66.

[192] Там же. С. 65; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449; *Хрусталев Д. Г.* Северные крестоносцы: Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII—XIII вв. СПб., 2012. С. 155—176.

[193] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449.

ней против Риги и Ордена и надеждами на Орден как фактор, сдерживающий литовскую экспансию[194].

Русь и Степь. Яркая картина нарастающей фрагментаризации внешней политики Руси, которая наблюдается в течение XII в., особенно с середины столетия, и продолжается и в первой трети XIII столетия, знает только одно исключение — это политика в отношении степи. Отпор степнякам традиционно считался общей обязанностью всех сильнейших князей Руси. В занимающий нас период пример такого рода случился лишь однажды — в 1223 г., после того как разгром левобережных половцев монголо-татарами, впервые появившимися в южнорусских степях, побудил русских князей соединиться с половцами для отпора новоявленному врагу. Съезд в Киеве собрал практически всех князей того времени — за исключением владимиро-суздальского Юрия Всеволодича. Под стать тому было и союзное войско, в котором присутствовали киевские, смоленские, волынские, галицкие, черниговские полки. Столь же масштабным стало и поражение, которое русско-половецкому войску было нанесено на Калке[195].

---

[194] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 294—299.

[195] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445—447; Т. 2. Стб. 740—745; НПЛ. С. 61—64.

ЦЕРКОВЬ

Церковная политика Ярослава Мудрого. Важнейший этап христианизации Древнерусского государства и общества связан с деятельностью одного из сыновей крестителя Руси Владимира Святославича — киевского князя Ярослава (1016—1018, 1019—1054), окончательно утвердившегося в столице Руси в 1026 г. после длительного и кровавого междоусобия. Мероприятия по укреплению Церкви, упрочению ее роли в государственно-политической и идеологической сферах занимали центральное место в обширной программе государственного строительства при Ярославе Владимировиче.

Отношения с Константинопольским патриархатом; проблема митрополита Илариона. Установление на Руси митрополии Константинопольского патриархата стало главным событием в организационном становлении новорожденной Русской церкви. Митрополичья кафедра в Киеве была учреждена, по-видимому, с заметной задержкой — ближе к концу правления Владимира, демонстрируя определенную затрудненность русско-византийских отношений в церковной сфере (см. ч. 2, гл. 5). История этих отношений в ближайшие последующие десятилетия вырисовывается только в самых общих и довольно смутных чертах.

Летописание не знает митрополитов вплоть до случайного упоминания под 1039 г. митрополита Феопемпта в связи с переосвящением им киевской Десятинной церкви[1]. Упоминаемый в памятниках Борисоглебского цикла митрополит Иоанн I, которого обычно считают предшественником Феопемпта в 1020-х гг., на самом деле был, скорее всего, его преемником[2]. В 1030 г. умер первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин, но наследовавший ему Ефрем скончался через пять лет, так и не получив рукоположения[3]. Это значит, что по крайней мере с 1030 г. (а возможно, и ранее) до 1036 г. (когда был рукоположен новгородский епископ Лука Жидята) митрополита на Руси не было[4]. Феопемпт прибыл на Русь в 1036 г., очевидно, после длительного периода вакантности митрополичьей кафедры. Вот почему каменный кафедральный собор Св. Софии в Киеве закладывается по приказу Ярослава только в 1037 г. Трудно не связать с этой вакантностью и тот странный факт, что первый каменный кафедрал — Преображенский собор — строится греческими мастерами не

[1] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 153.

[2] *Назаренко А. В.* Киевский митрополит Иоанн I // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 76—77.

[3] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 473; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 113; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 176; Т. 42. СПб., 2002. С. 63.

[4] *Печников М. В.* «А се новгородскыи епископы»: Спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X — 70-е годы XI в.) // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4 (39/40). С. 218—221.

в Киеве, а в соседнем Чернигове, стольном городе младшего брата Ярослава Мстислава (1026—1036). Уже в сентябре 1039 г. Феопемпт снова в Царьграде[5], и неизвестно, вернулся ли он на Русь. Возникшая столь скоро необходимость личных консультаций в патриархии говорит о серьезных сложностях в положении киевского митрополита. Во всяком случае в период войны с Византией 1043—1045/1046 гг. митрополит в Киеве отсутствовал, о чем свидетельствуют авторитарные антиканонические действия Ярослава, который в 1044 г. предпринял крещение останков своих дядей — князей Ярополка и Олега Святославичей и их погребение в Десятинной церкви[6].

Благодаря М. Д. Присёлкову в науке долго удерживалось мнение, что на Руси до 1036 г. и в самом деле еще не существовало митрополии константинопольской юрисдикции, а Русская церковь управлялась из западноболгарского архиепископства в Охриде[7]. Однако последующие исследования показали несостоятельность такой гипотезы. В то же время в свете новейших изысканий выяснилось, что Русская церковь при Ярославе действительно имела тесные связи с Охридом: оттуда на Русь поступали богослужебные книги на славянском языке[8], отмечены принципиальные схождения во фресковом декоре Софийских соборов в Киеве и Охриде (синхронное появление в алтарной росписи программного сюжета причащения апостолов Христом)[9]. После окончательного присоединения Западно-Болгарского царства к Византийской империи в 1018 г. по указу императора Василия II Охридская церковь сохранила свою независимость от Константинопольского патриархата, хотя и с титулярным понижением от патриархии до архиепископии, уподобясь в таком уникальном статусе Кипрской церкви. Иерархия Охридской церкви назначалась императором помимо константинопольского патриарха. Таким образом, ориентация Русской церкви на Охрид вполне могла вызвать неудовольствие и настороженность в патриархии. Существовал ли в этой связи у Ярослава замысел придать аналогичный Охриду статус и Русской митрополии, неизвестно.

В свете сказанного сохраняется всегда тяготевший над историографией соблазн трактовать поставление в 1051 г. Ярославом на митрополию своего духовника Илариона как попытку ослабить зависимость Русской митрополии от Константинопольской патриархии. В самом деле, летописное сообщение: «Постави Ярославъ Лариона митрополитомь Русина въ святѣи Софьи, собравь епископы»[10] — трудно понять иначе как поставление собором русских епископов, а значит, вопреки обычному для византийских порядков поставлению патриархом и патриаршим собором. По гипотезе А. Поппэ[11], Ярослав и Иларион руко-

[5] *Ficker G.* Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexios Studites. Kiel, 1911. S. 42.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155.

[7] *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 2003 (1-е изд. 1913 г.). С. 9—48.

[8] *Пентковский А. М.* Материалы для истории славянского богослужения в XI веке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Т. 16 (2016—2017): Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2018. С. 245—295.

[9] *Лидов А. М.* Схизма и византийская храмовая декорация // Восточнохристианский храм: Литургия и искусство. СПб., 1994. С. 17—35.

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155; то же по сути сообщение содержится в мемориальной записи самого Илариона о своем поставлении: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1. Пг., 1920. С. 103. (РИБ; Т. 36).

[11] *Поппэ А.* Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Киев, 2011. С. 18—45, 101—124. (Ruthenica. Supplementum; 3) (впервые гипотеза сформулирована автором в 1970 г.). В целом, историк сильно преувеличивает роль студийского монашества в христианизации Руси (см.

водствовались при этом развернувшейся в первой половине XI в. в самой Византийской церкви полемикой в пользу древней практики избрания митрополитов на местах и рукоположения их собором местных епископов против установившихся позднее централизованных назначений патриархом в Константинополе. Сторонниками восстановления старых норм выступало в том числе и влиятельное монашество столичного Студийского монастыря, из которого происходил митрополит Феопемпт. Фигура основателя Студийского монастыря, св. Феодора Студита, занимает видное место в храмовой росписи киевского Софийского собора[12].

Вместе с тем прав Л. Мюллер, когда указывает, что говорить о каком-то церковном или даже политическом конфликте между Русью и Византией в связи с поставлением Илариона, как часто делается в науке, оснований нет[13]. В то же время предположение Л. Мюллера, будто Иларион был назначен патриаршим синодом, а в Киеве состоялось только рукоположение, необязательно: едва ли патриархия в лице властного Михаила I Кирулария (1043—1058) официально поступилась бы принципиально важным правом, создавая опасный для себя прецедент. Вероятнее другое. Коль скоро дело происходило после заключения в 1045/1046 г. мира, завершавшего русско-византийскую войну 1043 г., то естественно думать, что согласие Царьграда на поставление, при ближайшей вакации митрополичьего престола, в Киеве митрополита-русина в качестве однократной уступки было одним из пунктов мирного договора. Следуя воле императора, патриарху пришлось смириться, и государственные интересы заставили закрыть глаза на церковнополитические опасения. Причины войны 1043 г. до сих пор не выяснены (см. ч. 3, гл. 16) — признак системности кризиса, в котором противоречия в церковных отношениях играли, видимо, немалую роль. Для митрополита Иоанна I во второй половине 1040-х гг. характерно подчеркнутое сотрудничество с княжеской властью: открытие новых епархий, канонизация свв. Бориса и Глеба и др. (см. ниже). Никаких причин для нового церковного конфликта с Константинополем накануне 1051 г. не видно.

Не лишены таинственности и события, последовавшие за смертью Илариона (догадку М. Д. Присёлкова о его смещении с кафедры после смерти Ярослава невозможно подтвердить источниками). Согласно месяцеслову Мстиславова евангелия (1117) Софийский собор был переосвящен 4 ноября (неизвестного года[14]) «Ефремом митрополитом»[15]. Предполагая, что речь идет о преемнике Илариона Ефреме (не позднее 1055 — до 1062 г.), а не одноименном переяславском митрополите второй половины XI в., можно было бы усмотреть в случившемся следствие неканоничности служения Илариона с точки зрения патриархии.

рецензию: *Артамонов Ю. А.* «Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: По поводу нового исследования А. Поппэ // Вестник церковной истории. № 1—2 (29—30). М., 2013. С. 361—387).

[12] *Сарабьянов В. Д.* Образ монашества в древнерусском искусстве XI — середины XII в. // Древнерусское искусство: Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства: Материалы международной научной конференции 1—2 ноября 2005 г. М., 2009. С. 161—194.

[13] *Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион: Жизнь и творчество // Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова; Авториз. пер. под общ. ред. А. Б. Григорьева, Л. И. Сазоновой. М., 2000. С. 88—97.

[14] Быть может, уже 1052 г., если полагаться на гипотетическое прочтение недавно опубликованного софийского граффито: *Гиппиус А. А.* К прочтению надписи № 3541 Софии Киевской // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. 28. М., 2016. С. 79—81.

[15] Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983. С. 234; *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 98—100. В других немногочисленных минейных текстах, содержащих память об освящении киевской Софии 4 ноября (Там же. С. 193), упоминания о Ефреме нет.

Константинопольское священноначалие, не сумев воспрепятствовать включению в русско-византийский договор пункта о поставлении следующего русского митрополита в духе студийской реформы или даже по «охридским» правилам, выказало свое отношение к нему задним числом. Впрочем, новое освящение митрополичьего кафедрала могло быть вызвано и другими причинами. Вопрос остается открытым.

При всех неясностях в церковнополитических отношениях Руси и Византии при Ярославе несомненно одно: киевскому князю не удалось поколебать статуса Русской церкви как одной из митрополий Константинопольского патриархата, в списках которых митрополия Руси (Ῥωσία) прочно заняла, по хронологии учреждения, свое официальное 60-е (или 62-е, в зависимости от редакции) место[16].

Совершенствование епархиальной структуры. В прогрессе христианизации принципиальную роль играло увеличение числа епископий, приближавшее кафедральный центр к пастве и облегчавшее катехизаторскую работу. Четырех епископий, созданных при Владимире (в Новгороде, Полоцке, Чернигове, Белгороде под Киевом), было явно недостаточно: эта структура, концентрировавшаяся вокруг центральной меридиональной оси Древнерусского государства, оставляла практически без архиерейского надзора огромные и многонаселенные пространства на северо-востоке и западе Руси с городами Ростов, Владимир Волынский, Туров, где уже при Владимире имелись княжеские столы.

В науке нет единства относительно времени открытия новых епархий. Предположения на этот счет, выдвигавшиеся в авторитетных трудах М. Д. Присёлкова, А. Поппэ, Я. Н. Щапова, Г. Подскальски, весьма разнятся[17]. Только в отношении Юрьевской, Ростовской и Владимиро-Волынской кафедр Я. Н. Щапов и (с несущественными поправками) Г. Подскальски согласились с А. Поппэ, поддержав датировку учреждения первой временем вскоре после 1036 г., а двух последних — серединой 1070-х и 1078—1085 гг. (правлением Ярополка Изяславича) соответственно. При этом все три историка не уделяют должного внимания единственному документальному источнику на эту тему — перечню русских епархий в каталоге митрополий Константинопольского патриархата, который был составлен в патриаршей канцелярии в последние годы правления императора Мануила I Комнина (1143—1180)[18]. Дело в том, что перечни такого рода придерживались, как правило, хронологического порядка открытия кафедр (им определялось протокольное первенство чести столов). На 9-м месте списка значится епископия в Юрьеве на Роси (в XII в. перенесенная в Канев), которой, помимо четырех епископий Владимировой поры, предшествуют еще четыре епископии — во Владимире Волынском, Переяславле Русском, Ростове (Суздале) и Турове. Отсюда

[16] Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et notes J. Darrouzès. Paris, 1981. P. 343.62, 349.60, 367.759, 381.60, 388.60 и др. (Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin; T. 1).

[17] *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 50, 71—72, 82; *Poppe A.* L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe—XIIe siècles // Byzantion. T. 40 (1970). Bruxelles, 1971. P. 165—217 (перепечатано: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. London, 1982. No. VIII; *Idem.* Werdegang der Diözesanstruktur der Kiever Metropolitankirche in den ersten drei Jahrhunderten der Christianisierung der Ostslaven // Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus' / Hrsg. K. Ch. Felmy, G. Kretschmar, F. von Lilienfeld, C.-J. Roepke. Göttingen, 1988. S. 265—272); *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 38—40, 42—48; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для русского перевода / Пер. А. В. Назаренко; Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 52—60. (Subsidia Byzantinorossica; T. 1).

[18] Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 367[759–770] (notitia 13, по классификации Ж. Даррузеса).

видно, что с победой Ярослава над печенегами в 1036 г. можно связывать основание города Юрьева, но не Юрьевской епископии, которая была открыта позже, очевидно, для тюркских федератов Киева после победы Ярославичей над торками в 1060 г. В таком случае предшествующие четыре епископии следует считать учрежденными в правление Ярослава. Предположительно это случилось после заключения русско-византийского мира 1045/1046 г. (следствием которого стало возвращение в Киев митрополита и освящение им завершенного к тому времени росписью кафедрального Софийского собора)[19] или несколько позднее (в ноябре 1051 г.?), когда митрополит Иларион освящал церковь Св. Георгия в Киеве (если понимать слова проложного Сказания об освящении церкви Св. Георгия «и створи въ ней настолование новоставимымъ епископомъ» не как установление правила будущим настолованиям, а как известие о совершившихся тогда, в 1051 г., настолованиях[20]).

Константинопольский перечень русских епархий позволяет реабилитировать неоднократно подвергавшиеся сомнению данные некоторых других источников. Так, сохранившийся только в поздней рукописи (начало XVIII в.) список волынских епископов указывает у владимиро-волынского епископа Стефана (поставлен ранее 1091 г.) по меньшей мере трех предшественников[21]. Согласно Житию епископа Леонтия Ростовского (ранняя редакция создана вскоре после обретения мощей в 1169 г.), у Леонтия, занимавшего епископскую кафедру в 1070-х гг., было два предшественника — Феодор и Иларион, которые покинули город, не выдержав сопротивления местных язычников[22]. Взятое вкупе с летописными известиями о выступлениях волхвов в Ростовской земле в 1024 и даже 1070-х гг.[23], это свидетельство ярко характеризует недостаточный уровень христианизации на окраинах Руси, демонстрируя насущную необходимость открытия здесь отдельных епархий.

Новые епископии, надо думать, основывались в городах, где были наместниками посаженные отцом Ярославичи. Это облегчало материальное содержание новых кафедр посредством княжеской десятины.

Становление церковного суда. Расширение епархиальной сети и устройство епископского управления на местах предполагало прежде всего формирование кафедральных клиросов (причтов), которые и выступали главными помощниками епископов в богослужебных и организационных делах.

Из такого рода внутренних дел в источниках нашло отражение практически только формирование церковного судопроизводства. Его сфера в общих чертах была намечена при Владимире (суд над так называемыми церковными людьми). «Греческий номоканун» (свод византийского собственно церковного права, а также гражданского

[19] *Назаренко А. В.* Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X — XII век) // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 181—195.

[20] *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 326—327; такое прочтение предложено в работе: *Виноградов А. Ю., Желтов М., свящ.* Порядок вступления иерархов на кафедру в домонгольской Руси и вопросы хронологии первых митрополитов киевских // Богословские труды. Вып. 49. М., 2019. С. 155—169.

[21] *Петрушевский А. С.* О соборной Богородицкой церкви и святителях в Галиче // Галицкий исторический сборник. Вып. 1. Львов, 1853. С. 145. Примеч.

[22] *Семенченко Г. В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 250—251; *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. С. 403, 409.

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147—148, 175—178.

права относительно Церкви), на который ссылался уже Церковный устав Владимира, теперь, при Ярославе, стал известен в славянском переводе так называемого Номоканона XIV титулов без толкований с некоторыми добавлениями[24] — первой на Руси Кормчей книги[25]. Этот этап поверки нового русского права византийским номоканоном, согласно Церковному уставу Ярослава, был предпринят князем вместе с митрополитом Иларионом, то есть ближе к концу правления князя. При этом древнерусское церковное право избегало прямого копирования византийского законодательства. В своем уставе, насколько он может быть восстановлен на основе дошедших до нас позднейших переработок, Ярослав, действуя «по данию отца своего», сохранил то разграничение церковного и княжеского суда, которое заложил Владимир. Пространство церковного суда на Руси, сравнительно с Византией, сильно расширялось за счет брачного права и преступлений против нравственности. Церковная юрисдикция в этих сферах становилась важным инструментом христианизации общественной жизни. Судебные нормы подверглись существенной детализации[26]. Исходя из конкретных условий на Руси в церковном суде использовались некоторые местные практики суда княжеского. Так, при отказе от обычных для Византии, но непривычных на Руси членовредительских казней в качестве наказания, помимо собственно церковной епитимии, были усвоены денежные штрафы (по-древнерусски — «продажи») в пользу архиерея, что создавало для Церкви дополнительный источник доходов.

Церковное строительство и просвещение. Стороной церковной деятельности Ярослава, которая была наиболее очевидна современникам, но куда более отрывочно известна историкам, является храмостроительство и снабжение новых храмов священниками, богослужебными книгами и утварью — непременное условие всякой стабильной христианизации. Конечно, такая работа на местах была задачей в первую очередь епархиальных властей. Однако вряд ли случайно летописец уверяет, что князь «церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ от имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди»[27], то есть продолжая начатую Владимиром практику княжеской десятины. Потребность в священниках для новых храмов предполагает наличие школ; меры Ярослава здесь прямо продолжают начатое Владимиром: в 1030 г., будучи в Новгороде, князь «събра от старостъ и от попов дѣтии 300 учити книгам»[28]. Такое предприятие, разумеется, не могло быть единичным и ограниченным только Новгородом, но привели ли шаги Владимира и Ярослава к созданию какой-либо церковно-школьной системы, остается спорным по недостатку сведений[29].

Отчетливее всего размах церковного строительства при Ярославе прослеживается в монументальном храмовом зодчестве 1030—1050-х гг. Известны грандиозный Софийский собор в Киеве и аналогичные

---

[24] *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906; Т. 2 / Подгот. к изд. и снабжен дополнениями Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым, Я. Н. Щаповым; Под общ. рук. Я. Н. Щапова. София, 1987.

[25] *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978. Речь идет, вероятно, о болгарском переводе X в.

[26] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 85—139; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI—XIV вв. М., 1972. С. 178—306.

[27] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153.

[28] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 176; Т. 41. М., 1995. С. 63.

[29] *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). С. 128—132.

кафедралы в Новгороде (в новгородское княжение сына Ярослава Владимира; собор освящен в 1050 г.) и Полоцке (последний построен, возможно, уже после смерти Ярослава, но явился, несомненно, репликой его построек), киевские церковь Благовещения на Золотых воротах, монастыри Св. Георгия и Св. Ирины, кафедральный Спасо-Преображенский собор в Чернигове (начатый, но не достроенный братом Ярослава черниговским князем Мстиславом Владимировичем).

В результате реализации градостроительной программы Ярослава, ориентированной на цареградский столичный образец, сформировался блестящий образ Киева как христианской столицы — «достойного соперника Константинопольского скипетра, славнейшего украшения Греции (то есть восточнохристианского мира. — *А. Н.*)», по словам немецкого церковного историка 1070-х гг. Адама Бременского[30].

Вся эта строительная деятельность в глазах летописца неотделима от просветительской: будучи грамотным человеком, Ярослав «бѣ <...> любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ и книгамъ прилежа и почитая е часто в нощи и въ дьне, и собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо и списаша книгы многы»[31]. В целом данные современной филологической науки подтверждают, что первые древнерусские переводы с греческого (наряду с поступлением на Русь болгарских переводов) начинают появляться именно в это время, хотя отнесение переводных текстов к числу именно древнерусских в ряде случаев небесспорно[32]. При Ярославе же церковное просвещение приносит и первые оригинальные древнерусские сочинения; все они относятся к кругу церковной письменности — от скромного Поучения новгородского епископа Луки Жидяты[33] до программной похвалы св. Клименту Римскому (мощи которого, перенесенные Владимиром из Корсуня, находились в Десятинной церкви)[34] и блестящего «Слова о Законе и Благодати» будущего митрополита Илариона[35]. Современная летописная текстология все более укрепляется в идущем от А. А. Шахматова убеждении, что в атмосфере подъема книжности при Ярославе возникают также и опыты древнерусской историографии — начальные или продолжающие начатое при Владимире[36].

Роль Церкви в становлении государственной идеологии; церковное прославление святых Бориса и Глеба. Княжеская власть несомненно осознавала государственно-интегрирующую роль Церкви и церковнославянского языка. Своим авторитетом Церковь публично подкрепляла го-

---

[30] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 128—129.

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151—152.

[32] См. краткий обзор с многочисленной библиографией: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). С. 108—127; о современном состоянии проблемы с лингвистической (решающей в вопросе атрибуции переводов) точки зрения: *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011.

[33] *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). С. 155—157.

[34] *Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013. С. 12—62. (Patrologia Slavica; Вып. 2).

[35] *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). С. 148—155; *Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион: Жизнь и творчество. С. 97—124.

[36] *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 49—62; *Назаренко А. В.* Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // ДГВЕ. 2013. М., 2016. С. 593—654.

сударственную власть. Модель церковно-государственных взаимоотношений, с которой Русь познакомилась из византийской практики, была канонизирована в нормативных текстах (вроде знаменитого предисловия к VI новелле императора Юстиниана I), включенных в упомянутый Номоканон XIV титулов[37]. Согласно этой модели, государственное и церковное начала, «священство» и «царство» — божественные дары, проистекающие из единого источника. Гармоническое взаимодействие обоих предполагает защиту Церкви (духовенства, вероучения, церковных канонов) со стороны государства, равно как молитвенное благословение и духовную санкцию государственной власти со стороны Церкви. То была не одна только теория. С взаимодополнительностью государства и Церкви русский человек уже первых десятилетий христианства сталкивался постоянно и повсеместно. Князь, имя которого уснащалось харизматическими эпитетами («боголюбивый», «благоверный», «христолюбец» и т. п.), строил храмы, совещался с епископом, защищал Церковь от врагов (например, волхвов). Церковь во всеуслышание в каждом храме за каждым богослужением возносила молитву за князя и за всю страну; ее благословение, то и дело публичное, было необходимо при любом государственном акте, который (если он сопровождался клятвой-«рото́й») скреплялся крестоцелованием: возведении князя на престол (находившийся в храме), заключении договора, выступлении в поход и возвращении из него, при всяком сколько-нибудь значительном княжеском распоряжении. Глубокое и новое впечатление, которое такая взаимность должна была производить на первые поколения христиан на Руси, трудно переоценить. В той мере, в какой Церковь сопровождала также частную жизнь от крещения до смерти всякого человека, церковно-государственный симбиоз становился для средневекового христианского общества (в отличие от современного) не просто специфическими взаимоотношениями двух социальных институтов, а нераздельной средой его, общества, существования.

Княжеская власть была заинтересована в том, чтобы усилить этот консолидирующий эффект, поддерживая зародившееся тогда почитание первых русских святых. Идущие сверху, имевшиеся у Ярослава и его окружения планы канонизации крестителя Руси князя Владимира (тон похвалы Владимиру в «Слове о Законе и Благодати» Илариона не оставляет в этом сомнений) не были реализованы. Их перекрыло поднявшееся снизу стихийное почитание (как в народе, так и в княжеской династии) князей Бориса и Глеба — младших братьев Ярослава, погибших в ходе усобицы после смерти Владимира и захороненных в Вышгороде (к северу от Киева) (вклейка, рис. 34).

В датировке канонизации свв. Бориса и Глеба и трактовке отдельных этапов этого постепенного процесса наука колеблется. Первую церковную службу новым святым составил митрополит Иоанн I, в полном соответствии с рассказом наиболее ранних житийных текстов[38]. Поэтому неудовлетворительной представляется попытка отодвинуть канонизацию ко времени перенесения мощей в 1072 г.[39] Тем, кто традиционно считает митрополита Иоанна I пред-

[37] *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. С. 739—740.

[38] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. (Памятники древнерусской литературы; Вып. 2); *Бугославский С. А.* Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007.

[39] *Поппэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // Russia Mediaevalis. 1995. Т. 8/1. S. 21—68.

шественником Феопемпта, канонизацию приходится датировать не позднее 1039 г.[40] Однако общая ситуация в Русской церкви в 1030-е гг., как она была представлена выше, совсем не располагает к такому предположению. Поскольку Иоанн I действовал все же, скорее всего, не в 1030-е, а во второй половине 1040-х гг., официальное прославление Бориса и Глеба как святых должно было случиться около 1050 г., когда мощи были положены в специально для того построенную Ярославом церковь в Вышгороде[41].

Доктринальное содержание памятников борисоглебского круга, начиная с самого раннего из них — летописного рассказа или его прототипа (непротивление младших членов княжеского рода старейшему, попечение старейшего о младших и обеспечение их династических прав), со всей очевидностью подкрепляло династическую идеологию умеренного сеньората, которая была положена Ярославом в основу своего завещания: «...пребывайте мирно, послушающе брат брата; се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему <...> сего послушаите якож послушасте мене»[42].

От смерти Ярослава Мудрого до церковного кризиса середины XII в. *Продолжение христианизации окраинных и глубинных районов; рецидивы язычества.* Несмотря на очевидные успехи христианизации при Владимире и Ярославе, продолжившейся и впоследствии, в целом она захватывала, похоже, только социальную верхушку Руси и население городов. Сельские же местности, особенно в глубине и на периферии Древнерусского государства, долгое время оставались слабо затронуты катехизаторской работой. Археологические данные — прежде всего, переход от подкурганных захоронений к погребениям в могильных ямах на сельских кладбищах — говорят о постепенности этого процесса в течение XI—XII вв. (вплоть до конца XII столетия), то есть о его существенном запаздывании в сравнении с положением дел в городах[43].

Языческие эксцессы (выступления «волхвов») в голодные годы или во времена политических потрясений известны вплоть до 1070-х гг., когда, например, на Белоозере вокруг двух волхвов из Ярославля собралось около 300 мятежников, которые убили священника, сопровождавшего княжеского сборщика дани[44]. Даже в Новгороде во время аналогичного «мятежа велика» только князь Глеб Святославич (1068—1077) и его дружина «сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва»[45]. В Ростовской земле погиб тогда мученической смертью епископ Леонтий[46]. Та же участь постигла полвека спустя, примерно в первой четверти XII в.,

---

[40] *Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis. 1995. T. 8/1. S. 5—20 (перепечатано: *Мюллер Л.* Понять Россию: Историко-культурные исследования. С. 71—87); *Ранчин А. М.* К вопросам о формировании почитания святых Бориса и Глеба, о времени их канонизации и о достоверности посвященных им текстов // Ранчин А. М. Памятники борисоглебского цикла: Текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М., 2017. С. 362—438.

[41] *Назаренко А. В.* Иоанн I, «митрополит русский», и церковное прославление святых Бориса и Глеба.

[42] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161; *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). С. 7—87.

[43] *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 238—239; *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. (Труды ИИМК; Вып. 5).

[44] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175—178.

[45] Там же. Стб. 174—181.

[46] Согласно традиции, отразившейся в Киево-Печерском патерике первой трети XIII в. (БЛДР. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 360), в Житии св. Леонтия Ростовского дело представлено иначе.

киево-печерского монаха Кукшу (Купшу), который известен как креститель вятичей[47]; таким образом, более столетия после официального крещения церковная проповедь, в сущности, не достигала удаленных лесных районов на северо-востоке огромной Черниговской епархии.

Вместе с тем сохранение в некоторых местностях язычества или его рецидивы не следует смешивать с так называемым двоеверием, которое предполагает уже осуществившееся, хотя бы внешне, воцерковление и существование остатков язычества на уровне обрядовых и бытовых суеверий. В полемической литературе против язычества в течение всего домонгольского времени (да и позже) читаем о людях, «двоеверно живущих», которые, посещая церковь, одновременно «жруть бесом, и болотам и кладезям»[48].

В целом развитие христианизации вглубь зависело от увеличения числа городов с отлаженными храмовыми комплексами, открытия новых епархий и приближения тем самым епархиальных центров к пастве, от совершенствования внутриепархиального управления, равно как от упрочения системы материальной поддержки Церкви.

Преобразования в церковно-административной структуре. а) Титулярные митрополии в Чернигове и Переяславле при Ярославичах. Определяющая роль княжеской власти в христианизации Руси, организации и материальном обеспечении Церкви делала естественной общую соотнесенность государственно- и церковно-административных (епархиальных) границ. Этот принцип издревле соблюдался и в Византийской церкви, будучи зафиксирован в канонах — в частности, в 17-м правиле IV Вселенского (Халкидонского) собора 451 г., которое допускало перемену в епархиальной структуре только при образовании нового городского центра по решению императора (правило вошло и в славянскую Кормчую)[49]. Однако внутриполитическая структура Руси была куда более изменчива, чем в Византии, что не могло не привести к определенным сложностям в церковном управлении.

Одним из главных открытий последней трети XX в. в истории Русской церкви стало твердое установление того факта, что во второй половине XI столетия в ней временно существовали, помимо Киевской, также еще две митрополии с центрами в Чернигове и Переяславле Русском[50]. Вряд ли подлежит сомнению, что такое нововведение связано с совместным правлением на Руси трех сыновей Ярослава Мудрого, которое имело место в 1060—1070-х гг. (в разное время в разных комбинациях), — Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского. Невозможно согласиться с А. Поппэ, что разделение Русской митрополии было инициативой византийской стороны, которая была будто бы направлена на укрепление союзнических действий против степняков после победы Ярославичей над торками в 1060 г.; вся последующая история Русской церкви показывает, что на перемены такого рода Кон-

[47] БЛДР. Т. 4. С. 372.

[48] *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916; Т. 2: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913.

[49] *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. С. 120.

[50] *Поппэ А.* Русские митрополии константинопольской патриархии // Византийский временник. Т. 28 (53). М., 1968. С. 97—108; Т. 29. М., 1969. С. 95—104; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 56—62; *Назаренко А. В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). С. 207—245; впервые на неполной источниковой базе эта идея была высказана уже в работе: *Присёлков М. Д.* Русско-византийские отношения в IX—XII вв. // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 104.

стантинополь всегда шел неохотно и под давлением. Скорее всего, и в данном случае речь должна идти о требованиях со стороны черниговского и переяславского князей, которые могли возникнуть после того, как изжил себя тот сеньорат киевского князя Изяслава Ярославича, который был установлен в 1054 г. по завещанию Ярослава.

Следовательно, образование новых митрополий логично датировать временем вскоре после 1069 г., когда вернувшийся на киевский стол из своего первого изгнания Изяслав Ярославич был вынужден смириться с переделом волостей в ущерб Киеву. Во всяком случае в торжественном перенесении мощей свв. Бориса и Глеба 20 мая 1072 г. в новую церковь, построенную Изяславом, черниговский епископ Неофит участвовал уже в ранге митрополита[51]. В то же время Петр Переяславский назван просто епископом. В перечнях митрополий Константинопольского патриархата Черниговская («Μαυροκάστρου ἤτοι νέας Ῥωσίας», «[митрополия] Маврокастра[52], или Новой Росии») и Переяславская митрополии («ἡ Ῥωσία Πρεσθλάβα», «Росия Переяславская») также разделены: первая значится на 72-м месте, вторая — на 77-м[53]. Это значит, что либо митрополия в Переяславле была действительно открыта позже Черниговской, после 1072 г. (Я. Н. Щапов), либо в существовании Переяславской митрополии был перерыв (А. В. Назаренко). В первом случае повышение переяславской кафедры до уровня митрополии придется датировать периодом киевского княжения Святослава Ярославича (1073—1076), который, перейдя в Киев, оставил за собой и Чернигов. Во втором — картина выглядит сложнее. После смерти в 1071/1072 г. первого переяславского митрополита грека Леонта, автора известного антилатинского трактата (см. ниже), княживший в Переяславле Всеволод Ярославич выдвигал одного за другим двух русских кандидатов на митрополию — Петра и Николая (в 1072 г. упомянутого как «переяславский игумен»), которые, очевидно, не были утверждены патриархом. Сошлись на компромиссной кандидатуре Ефрема — бывшего киево-печерского инока, но по происхождению, вероятно, грека, проживавшего в то время в одном из константинопольских монастырей; Ефрем и был поставлен на Переяславскую митрополию в какое-то время между 1073 и 1076 гг.

Открытие митрополий в стольных городах младших Ярославичей свидетельствует о принципиально важном обстоятельстве: полная независимость от Киева требовала, в глазах черниговского и переяславского князей, создания независимых церковных структур; церковная самостоятельность воспринималась как составная часть политического суверенитета.

Новые митрополии обладали одной важной особенностью: они не могли иметь подчиненных епископий (суффраганов), будучи митрополиями титулярными, то есть только по названию. Они были вызваны к жизни политической нуждой и подлежали закрытию по мере ее исчезновения и со смертью архиерея, уже успевшего получить митрополичий титул. Так, первый черниговский митрополит Неофит оказался и последним († около 1085 г.). Значительно дольше сохранялась Переяславская митрополия, так как митрополит Ефрем скончался заведомо после 1091 г., а скорее всего, даже после 1096 г., пережив весь период единовластия Всеволода Ярославича в Киеве (1078—1093), хотя после 1078 г. отдельные митрополии ни в Чернигове, ни в Переяславле Всеволоду были уже не нужны. В связи с установлением после смерти Все-

[51] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. С. 55—56.

[52] Μαυροκάστρον в переводе с греческого значит «Черный город».

[53] Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 344[74] (список M), 344[80—81], 382[78] и др.; *Назаренко А. В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века. С. 217—220.

володa своего рода двоевластия киевского князя Святополка Изяславича (1093—1113) и его двоюродного брата переяславского князя Владимира Всеволодича Мономаха проект Переяславской митрополии, кажется, вновь обрел актуальность. Не исключено, что преемник Ефрема на переяславской кафедре Симеон также был митрополитом, в отличие от следующего епископа — Лазаря (1105—1117). Причины нежелания правительства императора Алексея I Комнина пойти навстречу Владимиру Мономаху в продлении Переяславской митрополии крылись, видимо, как во внешнеполитической сфере[54] (см. ч. 3, гл. 16), так и в области церковного права: согласно канонам, 30 лет были тем сроком, по истечении которого церковное нововведение имело право претендовать на увековечение.

Титулярный характер новых митрополий мог вступить в противоречие с принципом совпадения политических и церковных границ. В случае с Черниговской митрополией такого не произошло, так как на территории Черниговского княжества Святослава Ярославича других епископий не было, а Тмуторокань не входила в состав Русской церкви, представляя собой (как и другие крымские центры: Херсон(ес)-Корсунь, Воспор-Корчев, Сугдея и др.) архиепископию Константинопольского патриархата. Но в Переяславском княжестве Всеволода Ярославича были две епископии — собственно Переяславская и Ростовская. Пока ростовская кафедра пустовала вследствие отъезда первых епископов Феодора, а затем Илариона, она управлялась после 1054 г. из Переяславля. Когда же в Ростов был в 1070-е гг. назначен епископ Леонтий (св. Леонтий Ростовский), епископию пришлось снова вернуть под власть киевского митрополита. Это привело, в свою очередь, к перекройке политических границ: при киевском князе Святославе и в третье княжение Изяслава (1077—1078) Ростов принадлежал не Переяславлю, а Киеву. Вот почему преемником Леонтия на ростовской кафедре в 1078 г. оказался Исаия, игумен киевского монастыря Св. Димитрия, фамильной обители Изяслава.

б) Учреждение Смоленской епископии. После восстановления единства Русской митрополии на рубеже XI—XII вв. ее структура на некоторое время стабилизировалась. Киевский митрополит Иоанн II (не позднее 1076—1089 гг.) в своих канонических ответах требовал подходить к открытию новых епископий с осторожностью («боязньно»). Если князь захочет создать таковую, то есть разделить («участити») какую-то уже имеющуюся, то намерение это похвально только тогда, когда речь идет об области, где «мног народ и людие и гради», и когда на то будет одобрение митрополита и церковного собора[55].

Первой епископией, открытой после длительного перерыва, последовавшего за учреждением, видимо, около 1060 г. епископии в Юрьеве на Роси (см. выше), оказалась Смоленская. Превращение Смоленска в стабильное владение Владимира Мономаха и его потомков, а также появление здесь княжеского стола при первом смоленском князе Ростиславе Мстиславиче поставили на повестку дня образование для обширного Смоленского княжества отдельной епископии путем отделения ее от Переяславля. Эти планы, вынашивавшиеся уже в киевское княжение Владимира Мономаха (1113—1125) и его сына Мстислава Великого (1125—1132), осуществились только в 1136 г. при Ярополке Владимировиче

[54] *Назаренко А. В.* Переяславская митрополия на Руси на рубеже XI—XII вв.: (Династическая и внешнеполитическая подоплека церковной географии) // Книга картины земли: Сборник статей в честь И. Г. Коноваловой. М., 2014. С. 192—211.

[55] Памятники древнерусского канонического права. Часть первая. Издание второе / [Изд. А. С. Павлов]. СПб., 1908. С. 19. § 32. (РИБ; Т. 6); *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2. С. 88. § 35.

(1132—1138) и митрополите Михаиле I (1130 — не ранее 1145 г.)[56]. Сохранился (в единственном списке XVI в.) уникальный комплекс учредительных документов, княжеских и митрополичьих, которые сопровождали создание епископии[57] и которые могут служить для науки примером аналогичных грамот, несомненно существовавших и в отношении других епископий. Комплекс включает уставную грамоту князя Ростислава с подробным описанием десятины и других доходов, даруемых епископу; подтвердительную грамоту первого смоленского епископа Мануила (из числа греков, пришедших на службу к князю Мстиславу); подтвердительную запись о дарении епископу земельного участка, уступленного еще Владимиром Мономахом под строительство каменного смоленского собора в 1101 г. Содержание уставной грамоты принципиально сходно с Церковным уставом Владимира, подтверждая тем самым последний в его основе: это десятина епископу от княжеских доходов; суд епископа над «церковными людьми» по всем делам, а также над всеми мирянами по преступлениям против брака («роспуст»-развод, двоеженство, умыкание и проч.) и нравственности («зелья и душегубства» и т. п.).

Новое в материальном обеспечении Церкви. В этой сфере во второй половине XI — первой половине XII в. наблюдаются заметные изменения.

Более или менее централизованная ранее десятина теперь собирается и, очевидно, передается Церкви прямо на местах, как хорошо видно по учредительной грамоте Смоленской епископии. Вероятно, это было сделано ради удобства церковного управления, уже имевшегося в тех 34 населенных пунктах Смоленского княжества, которые перечислены в грамоте и большинство которых служили, надо полагать, центрами соответствующих волостей (см. ниже). У смоленского устава есть особенность: отчислению десятины не подлежали княжеские доходы от судебных штрафов («вир и продаж») и «полюдья» (сборов на содержание князя и его окружения во время объезда погостов). Понять смысл этого ограничения нелегко, ведь в то же самое время, в 1136/1137 г., новгородский князь Святослав Ольгович издал устав о десятине для Новгородской епархии, главное содержание которого состояло как раз в замене десятины от «вир и продаж» фиксированной суммой, взимавшейся с княжеских погостов в Заволочье[58]. Похоже, эта мера была вызвана нерегулярностью судебных сборов и их количественной непредсказуемостью. В таком случае и от Ростислава Смоленского следовало бы ожидать той или иной фиксированной компенсации за десятину с суда. Действительно, Ростислав Мстиславич передает епископии два села и сельскохозяйственные угодья из личных вотчинных владений («княжи уезды»). Аналогично кафедральный Успенский собор во Владимире при своем заложении в 1158 г. получил от князя Андрея Боголюбского, помимо десятины, «свободы купленыя и з даньми и села лѣпшая»[59], то есть населенные пункты как из частных владений князя, так и из государственного фиска. Фискальные земли («дани») были позднее временно возвращены в казну в период краткого княжения во Владимире Ярополка Ростиславича в 1175 г.[60]

---

[56] *Назаренко А. В.* Об обстоятельствах учреждения Смоленской епископии // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 468—481 (здесь более ранняя литература вопроса).

[57] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 140—146.

[58] Там же. С. 147—148.

[59] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

[60] Там же. Стб. 375, 377.

Тем самым епископские кафедры становятся владельцами земель — как частных, так и в качестве условных держаний. Безусловно, к последним относились города, которые также значились в числе упомянутых дарений Андрея Боголюбского собору во Владимире, — например, Гороховец. Очевидно, речь должна идти не об административно-фискальном владении этими городами, а об отчислении каких-то доходов от них, сверх обычной десятины. Такая форма материальной поддержки могла иметь место и в отношении других значительных, некафедральных, соборных церквей — например, киевской Десятинной церкви, которая, перестав с какого-то момента после учреждения митрополии быть получателем десятины (как неепархиальный храм), должна была приобрести какие-то иные источники существования; на определенном этапе, на рубеже 1160—1170-х гг., таким источником, в частности, были доходы с города Полоный и соответствующей волости[61].

То же касается и других церковных институтов — например, монастырей, по которым сведений подобного рода существенно больше[62]. Новгородский Юрьев монастырь, согласно жалованной грамоте киевского князя Мстислава Владимировича, получил в 1130 г. во владение волостку Буйцы «съ данями и съ вирами и съ продажами», то есть со всеми доходами с этой земли. Через четыре года расположенный рядом Пантелеимонов монастырь приобрел земли пожалованиями князей Всеволода и Изяслава Мстиславичей; тогда же Всеволод, будучи князем Новгородским, добавил к владениям Юрьева монастыря еще и волостку Ляховичи[63]. В результате купли либо дарений (что поначалу было, вероятно, чаще) земельные владения приобретались даже теми обителями, которые не являлись ктиторскими, как названные монастыри. Так, подворье Киево-Печерского монастыря в Суздале располагало в конце XI в. селами, подаренными ему переяславским митрополитом Ефремом — вероятно, из земельного фонда ростовской кафедры, которой он управлял в период ее вакантности. Да и сам Киево-Печерский монастырь к этому времени обладал немалой земельной собственностью: известны случаи крупных пожалований ему, например, со стороны волынско-туровского князя Ярополка Изяславича (1078—1086), который передал монастырю четыре своих вотчины (в летописи они называются волостями, как и упомянутые княжеские дарения Юрьеву монастырю) на территории как своего княжества, так и Киевского[64], и его дочери, вдовы минского князя Глеба Всеславича, которая, помимо весьма значительных денежных средств, «по своем животѣ вда <...> 5 селъ и съ челядью»[65].

Количество данных такого рода заметно возрастает со второй половины XII в. Вряд ли следует видеть в монастырском землевладении на Руси явление, сходное с визан-

[61] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 358, 361; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 88—90.

[62] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 149—157.

[63] ГВНП. М.; Л., 1949. № 79—82; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 135—138.

[64] Особняком стоит гипотеза, что дарение Ярополка было дарением не земли, а пожизненной десятины с нее: *Артамонов Ю. А.* К вопросу о монастырском землевладении Древней Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 16—26; *Он же.* Кто в Древней Руси мог рассчитывать на получение десятины? // Русь эпохи Владимира Великого: Государство, церковь, культура: Материалы международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба. Москва, 14—16 октября 2015 года. М.; Вологда, 2017. С. 229—241. В таком случае данные Ярополком «волости» должны были бы представлять собой достаточно крупные административно-территориальные единицы, каковые вряд ли могли иметься во владении туровo-волынского князя в Киевской земле.

[65] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 492—493.

тийским харистикариатом, актуальным в XI—XII вв.[66]; харистикариат имел другую природу, представляя собой передачу церковных недвижимостей под управление светских лиц (сходствуя с монастырским фогтством на Западе), и не ограничивался монастырями.

Церковное строительство. Видимым свидетельством упрочения церковной организации и укрепления спайки Церкви с государственной верхушкой служит возведение каменных храмов. До середины XI в. включительно их были единицы: кроме построек Владимира и Ярослава в Киеве, Спасо-Преображенский собор — в Чернигове, Софийский — в Новгороде и, возможно, Софийский — в Полоцке. В течение последующего столетия их число возрастает многократно. Показательно, что церковное строительство по-прежнему разворачивается, как правило, не силами епархий, а за счет средств, выделяемых князьями или другими ктиторами. Георгиевский собор в Каневе закладывается в 1144 г. киевским князем Всеволодом Ольговичем, по всей видимости, в связи с переносом сюда епископской резиденции из Юрьева на Роси. С образованием после 1146 г. Галицкой епархии галицкий князь Владимирко Володаревич воздвиг здесь Успенский собор. Однако из-за подобной зависимости от доброй воли князя некоторые епархиальные центры оказывались обойденными. Упомянутый Ярополк Изяславич, столь щедрый по отношению к Печерскому монастырю, не построил каменного храма ни в одном из епископских центров своих владений — ни во Владимире Волынском, ни в Турове. В связи с переносом при Юрии Владимировиче Долгоруком (1108—1154) княжеской резиденции из Ростова в Суздаль первый так и оставался без каменного кафедрала вплоть до 1160-х гг. Из-за отсутствия в Белгороде регулярного княжеского стола остается деревянным до самого конца XII в. здешний кафедральный собор Свв. Апостолов. В то же время в период с конца XI до середины XII в. каменные соборы строятся кое-где в других крупных городах епархий: в Новгороде Северском (Михаило-Архангельский, рубеж XI—XII вв.), Городце Остерском (Михаило-Архангельский, рубеж XI—XII вв.), Смоленске (Успенский, 1101 г.), Суздале (Рождества Богородицы, до 1105 г.), Минске (начало XII в.), Перемышле (Иоанно-Предтеченский, первая четверть XII в.), Витебске (Благовещенский, 1140-е гг.), Рязани (Успенский, середина XII в.) и проч. Это объясняется, конечно, не богатством соответствующих епархий, а наличием в названных городах княжеских резиденций (как правило) или иным политическим значением города (Городец Остерский был переяславским форпостом на границе с Черниговом и контролировал движение по нижней Десне).

Той же закономерности следует широкое строительство каменных церквей, которое разворачивается в этот период в Киеве и Новгороде, где также доминируют княжеские постройки.

В Киеве это прежде всего соборы в княжеских фамильных монастырях: Св. Димитрия в Дмитриевском монастыре киевского князя Изяслава-Дмитрия Ярославича (около 1062 г.), в котором Ярополк (в крещении Петр) Изяславич в 1085 г. заложил еще и церковь Св. Петра; вероятно, Св. Симеона в Симеоновском монастыре черниговского князя Святослава Ярославича (около 1070 г.), Св. Михаила в Выдубицком монастыре (1070) и Св. Андрея в Яньчине монастыре переяславского, затем киевского князя Всеволода-Андрея Ярославича; Св. Михаила в Михайловском Златоверхом монастыре киевского князя Святополка-Михаила Изяславича (заложен

[66] *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X—XVI вв. СПб., 2016. С. 59—69.

в 1108 г.); Св. Феодора в Федоровском монастыре киевского князя Мстислава-Феодора Владимировича (1128); Св. Кирилла Александрийского в Кирилловском монастыре киевского князя Всеволода-Кирилла Ольговича (заложен в 1139 г.). Вне этого списка остаются Успенский собор Киево-Печерского монастыря, строительство которого начато в 1073 г. при решающей материальной поддержке киевского князя Святослава Ярославича, Спасская церковь на Берестове, при загородном княжеском дворе, построенная в киевское княжение Владимиром Мономахом, церковь Успения Богородицы Пирогощая — постройка киевских князей Мстислава Владимировича и Ярополка Владимировича.

В Новгороде: Благовещенский собор на княжеском дворе на Городище и княжеский же Никольский (Николо-Дворищенский) собор, заложенные в 1103 и 1113 гг. соответственно Мстиславом Владимировичем; Георгиевский собор Юрьева монастыря и храм Рождества Св. Иоанна Предтечи «на Опоках», которые начали строить в 1119 и 1127 гг. на средства Всеволода Мстиславича.

Упомянуть следует и о каменном строительстве в Чернигове при князе Давыде Святославиче (1097—1123): Борисоглебском соборе, Успенском соборе в Елецком монастыре и Ильинской церкви в Болдинском монастыре.

Некоторым исключением выглядит ситуация в Переяславле Русском, где наряду с постройками Владимира Мономаха, главнейшей из которых явилась Борисоглебская церковь на Альте (1117), известно интенсивное зодчество переяславского митрополита Ефрема в конце XI в., удостоившееся развернутой характеристики в Повести временных лет[67], что дает исследователям основания говорить даже об особой переяславской архитектурной школе конца XI — первой половины XII в.[68] Ефрему приписывается не только завершение в 1090 г. кафедрального Михаило-Архангельского собора и заложение церквей Св. Андрея и Св. Феодора, но и «градъ каменъ» и «строенье баньное, сего же не бысть преж в Руси». Вряд ли князю уместно было финансировать строительство владычных бань; следовательно, либо Ефрем, грек по происхождению, располагал какими-то собственными средствами, либо, будучи доверенным лицом киевского князя Всеволода Ярославича, он практически распоряжался переяславской казной при юном князе Ростиславе Всеволодиче.

Этот перечень можно значительно расширить за счет анонимных храмов, вскрытых археологами[69].

Монастыри; возникновение и рост Киево-Печерского монастыря. Происхождение и формы первоначального древнерусского монашества проблематичны. Письменные источники относят появление первых монашествующих и монастырей на Руси ко времени то Владимира (Иларион)[70], то Ярослава (Повесть временных лет)[71]. В историографии распространена точка зрения, что в этих первых известиях речь идет просто о проживавших при храмах клириках, коль скоро они поначалу по большей части являлись представителями прибывшего из Византии или Болгарии черного духовенства; такими псевдомонастырями были будто бы

---

[67] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208—209.

[68] *Беляев Л. А.* Переяславская архитектурная школа // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 599—600.

[69] Аннотированный каталог древнерусских каменных храмов см.: *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура X—XIII вв. Л., 1982. (Археология СССР; Вып. Е1-47).

[70] При Владимире «монастыреве по горам сташа, черноризьци явишася» (БЛДР. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 46).

[71] При Ярославе «черноризьцѣ почаша множитися и монастыреве починаху быти» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151).

даже основанные Ярославом Мудрым в середине XI в. киевские монастыри Св. Георгия и Св. Ирины или монастырь при княжеской церкви Свв. Апостолов на Берестове, в которой служил будущий митрополит иеромонах («мних и пресвитер»[72]) Иларион. В дальнейшем эту линию продолжили многочисленные ктиторские монастыри князей и боярской знати[73]. Существование такого рода обителей, созданных и содержавшихся на частные пожертвования того или иного лица (ктитора) и находившихся поэтому также в правовой зависимости от последнего и его наследников, на Руси несомненно; оно продолжает византийскую практику X—XII вв. Такие обители в городе, похоже, бывали особножительными (идиоритмическими), допуская возможность проживания монашествующих на городских усадьбах[74].

Главный смысл ктиторских монастырей был тот же, что в Византии и латинской Европе: обеспечение основателю или щедрому дарителю и его семейству постоянного посмертного поминовения. Об этом прямо говорится, в частности, в упомянутой выше дарственной Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю: «И ты игумене Исаие и вы братиѣ, донелѣ же ся миръ състоить, молите Бога за мя и за моѣ дѣти»[75]. Вот почему такие обители нередко использовались как семейные усыпальницы. Кроме того, постройка монастырей имела, безусловно, еще и общественно-репрезентативную функцию: она наглядно являла благочестие строителя, его лояльность к Церкви и к князю как покровителю Церкви. В отдельных случаях подобные семейные ктитореи могли играть и политическую роль. Так, основание в Киеве, вне стен Ярославова города, монастырей Святослава Черниговского (Симеонова) и Всеволода Переяславского (Михайловского Выдубицкого) произошло одновременно (около 1070 г.) и совпало с моментом ликвидации сеньората киевского князя Изяслава Ярославича, что указывает на вероятное политико-династическое значение этого акта — так же, как и имевшего место тогда же учреждения Черниговской и Переяславской митрополий[76].

Ктиторские монастыри не были единственной моделью монастырского строительства. На середину и вторую половину XI в. приходится возникновение и подъем Киево-Печерского монастыря, который уже к концу этого столетия становится ведущим религиозно-культурным центром Руси. Этот удивительный феномен объяснить нелегко. В самом Печерском монастыре видели причину исключительности родной обители в том, что «мнози <...> манастыри от цѣсарь и от бояръ и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь»[77]. Действительно, Печерский монастырь был основан св. Антонием Печерским около 1051 г. или, вероятнее, несколько ранее, в 1040-е гг.[78], когда Антоний, вернувшись на Русь после пребывания в течение неко-

[72] Так именует себя сам Иларион в записи о своем поставлении на митрополию (БЛДР. Т. 1. С. 60).

[73] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 131—149; *Артамонов Ю. А.* Монастырское строительство на Руси в эпоху Ярослава Владимировича // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 187—201.

[74] *Мусин А. Е.* Социальные аспекты истории древнерусской церкви по данным новгородских берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 106—117.

[75] ГВНП. № 81.

[76] *Назаренко А. В.* Изгнанный печерский игумен в Выдубицком монастыре, или Когда и почему в Киеве возникли монастыри Святослава и Всеволода Ярославичей // Культурний шар: Статті на пошану Г. Ю. Івакіна. Київ, 2017. С. 315—327. Более полный обзор княжеских монастырей см.: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 131—149.

[77] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 159.

[78] *Карпов А. Ю.* Когда возник киевский Печерский монастырь? // Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. С. 322—341.

торого времени на Афоне и не удовлетворившись ни одним из существовавших на тот момент киевских монастырей, вселился в пещеру, оставленную близ Берестова (будущим) митрополитом Иларионом. Со временем к Антонию присоединились другие иноки, искавшие в нем «благословения Святой горы».

Таким образом, первоначальный Киево-Печерский монастырь складывался из сообщества пустынножителей, группировавшегося вокруг авторитетного старца, наподобие древних пустынных обителей. В то же время, в отличие от последних и от «русской Фиваиды» XIV в., он возник в непосредственной близости от города, как и все монастыри домонгольской Руси, что объяснялось, видимо, недостаточной христианизацией глубинных районов. Вместе с тем известны и другие подобные пещерные монастыри того времени: Зверинецкий под Киевом (близ Выдубицкого монастыря), Болдинский (также основанный Антонием Печерским) и Елецкий в Чернигове, но они не снискали себе того общерусского авторитета, каким пользовался Киево-Печерский.

Совершенно особое лицо киевскому Печерскому монастырю придавало одно принципиальное обстоятельство: в 1060-е гг., в игуменство Феодосия Печерского († 1074), в нем был введен устав константинопольского Студийского монастыря в изводе патриарха Алексея Студита (1025—1043). Таким образом, во второй половине XI в. Киево-Печерский монастырь был единственным на Руси монастырем, в котором имелось *регулярное* иноческое общежитие. По этой причине выходцы из Печерской обители нередко оказывались игуменами крупных ктиторских, особенно княжеских, монастырей, откуда затем попадали на соответствующие епископские кафедры; к началу XIII в. таковых насчитывалось около 50, что еще более укрепляло общерусское значение монастыря (вклейка, рис. 35)[79].

Последнее поддерживалось также независимой принципиальной позицией печерских настоятелей в политических делах. Так, Антоний открыто порицал киевского князя Изяслава Ярославича за нарушение в 1068 г. крестоцеловальной клятвы в отношении полоцкого князя Всеслава Брячиславича, а Феодосий осмелился даже прекратить поминовение за богослужением киевского князя Святослава Ярославича, после того как тот в 1073 г. силой захватил киевский стол, ссадив с него старшего брата Изяслава. В 1090-е гг. игумен Иоанн был сослан в Туров за свои обличения киевского князя Святополка Изяславича «несытьства ради, богатьства и насилиа», но возвращен заступничеством Владимира Мономаха[80]. В результате князья стараются опереться на авторитет Печерского монастыря, который около 1170 г. по инициативе овладевшего Киевом владимиро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского становится архимандритией и, кажется, даже патриаршей ставропигией (см. ниже). Угадывающаяся за этими событиями модель отношений с княжеской властью напоминает те специфические отношения, какие имели с императорской властью в Византии афонские монастыри X—XI вв., изъятые императорскими решениями из-под юрисдикции как местных, епархиальных, так и центральных церковных инстанций.

Значение церковное и государственное подкреплялось значением социальным и культурным. Еще Феодосий Печерский († 1074) в свое игуменство устроил при монастыре приют для нищих и больных. Именно в Печерском монастыре получило свое полное развитие общерусское национальное летописание в виде (гипотетиче-

[79] *Артамонов Ю. А.* Киево-Печерский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 33. С. 8—14.

[80] Согласно Киево-Печерскому патерику (БЛДР. Т. 4. С. 432).

ского) свода 1070-х гг., затем так называемого Начального свода начала 1090-х гг. и, наконец, Повести временных лет. Здесь же были заложены традиции древнерусской агиографии: Несторовы Чтение о Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского, Житие Антония Печерского (ныне утраченное и представлявшее собой, насколько можно судить, изложение начальной истории монастыря в целом); на основе этих и других памятников в 1220—1230-е гг. был создан монументальный Киево-Печерский патерик.

Пример Киево-Печерского монастыря отчетливее всего демонстрирует тот нравственный, политический и культурный авторитет, который за первые два столетия своего существования успела снискать себе молодая Русская церковь.

Внутриепархиальное управление в городе и вне его; церкви приходские и ктиторские. В целом система внутриепархиального управления вырисовывается смутно.

В крупных городах той или иной епархии, таких как Суздаль и Владимир в Ростовской, Смоленск в Переяславской, Перемышль в Волынской (до открытия собственных епархий в этих центрах) и т. п., имелись владычные наместники — лица в священном сане, осуществлявшие богослужение в местном соборе, а также управленческие функции от имени епископа; в этом смысле такие соборы также могли считаться кафедральными. Владычные наместники как таковые упоминаются в источниках только со второй половины XIII в., но начальственная роль настоятеля главного соборного храма засвидетельствована и ранее: в 1174 г. духовенство не приступает к погребению князя Андрея Боголюбского, «зрѣвши на старѣишиѣ игумени», иными словами, ожидая распоряжения Феодула, «игумена» владимирского Успенского собора[81].

Источники практически не дают материалов о развитии епархиальной организации вглубь, которые позволяли бы судить о степени близости населения к храмам вне более или менее значительных городов. Способ сбора десятины, как он представлен в учредительной грамоте Смоленской епископии, позволяет думать, что в названных 34 волостных центрах к тому времени уже имелись органы церковного управления, существовавшие при местных храмах. Возможно, именно с такой децентрализованной практикой сбора десятины связано появление в епархиальном управлении должности десятинников, а сами волости и образовывали первоначальные территориально большие приходы, аналогичные тем, какие засвидетельствованы веком ранее в Болгарской церкви по нескольку на епархию[82] (в Смоленской епархии таких приходов было больше, потому что сами русские епархии территориально были заметно крупнее болгарских). Кроме десятинников к финансово-хозяйственной сфере епархиального управления относился владычный тиун, который был персоной весьма влиятельной, так как, видимо, практически возглавлял всю хозяйственную деятельность кафедры.

Показательно, что общая схема епископского управления калькирует, таким образом, управление княжеское, не выказывая принципиальной зависимости от византийских образцов[83].

Кафедральный или наместничий храм, часто каменный, равно как и другие каменные церкви (если речь идет о крупном городе), являя церковно-архитектурное лицо древнерусского города, не исчерпывали его

[81] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 591—593.

[82] *Литаврин Г. Г.* Христианство в Болгарии в 927—1018 гг. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 145—149.

[83] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 69—73.

церковного ландшафта. Тело последнего, судя по отрывочным данным письменных и археологических источников, а также типологическим аналогиям, в XI—XII вв. составляла сеть больших и малых деревянных храмов на приусадебных дворах знати, к которым прибавлялись уличанские и кончанские церкви. Первые были связаны с боярской патронимией, вторые — с городской сотской организацией[84]; иными словами, первые являлись частными ктиторскими храмами, вторые же составляли структуру городских приходов. Насколько плотна была эта сеть, показывает сообщение летописи о «великом пожаре» в Киеве в 1124 г., когда за два дня сгорел «мало не весь» город: «яко цьрквии единѣхъ изгорѣ близ 6 сотъ»[85].

Ктиторские домовые «церквицы» представляли собой весьма заметное явление. Киевский митрополит Георгий в третьей четверти XI в. даже счел необходимым выступить против тенденции полностью переносить церковную жизнь в такие храмы в обход соборов, справедливо считая недопустимой подобную приватизацию церковной жизни: «Аще у кого цьрквица будет в дому, достоить в неи литургисати, а не крьстити дѣтеи, ноли въ зборнои цьркви»[86]. Таким образом, ситуация на Руси оказалась включена в многовековой и противоречивый законодательный процесс вокруг правового статуса и богослужебных полномочий патрональных храмов, имевший место в Византийской церкви, где несколькими десятилетиями ранее патриарх Алексей Студит (1025—1043) снова подтвердил, что вся полнота совершения таинств присуща только приходским, но не ктиторским храмам[87].

Право патроната ктитора над устроенным им храмом и его клиром при быстром увеличении числа патрональных церквей князей и знати (дворцовых, домовых в городах и вотчинах) не могло не приводить к злоупотреблениям со стороны ктиторов и, как следствие, к юридическим конфликтам с церковными властями. Так, в грамоте константинопольского (в Никее) патриарха Германа II (1222—1240), направленной в 1228 г. русскому митрополиту Кириллу I (1224—1233), прямо запрещалась удобная для ктиторов практика ставить в священники людей несвободных, находившихся от них в личной зависимости, а также (уже в самых общих словах) осуждалось вмешательство мирской власти в имущественные дела Церкви и церковную юрисдикцию[88]. Очевидно, речь шла о достаточно укоренившемся к тому времени явлении, коль скоро полвека спустя казус обсуждался снова на соборе во Владимире, где запрет повторен: «...ни раба на священичьство привести, аще не преже господинъ его отпустить предо многыми послухы съ грамотою»[89].

При решающей роли князя в церковном строительстве также и сверх прямого ктиторства юридические трения с архиерейской властью должны были представлять собой заурядное явление, которое имело выразительные типологические паралле-

---

[84] *Стефанович П. С.* Боярство и церковь в Древней Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 41—59; *Мусин А. Е.* Социальные аспекты истории древнерусской церкви по данным новгородских берестяных грамот. С. 102—124, особенно 122—124.

[85] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293.

[86] *Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // Славяне и их соседи. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 244. § 54.

[87] *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. 2. unveränd. Aufl. München, 1977. S. 83—86.

[88] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 79—84.

[89] Там же. Стб. 90.

ли — в частности, в западнославянском Средневековье[90]. В 1136 г. новгородский епископ Нифонт отказался венчать незаконный по церковным правилам брак князя Святослава Ольговича, «ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ (монахов. — *А. Н.*) дасть», но князь пренебрег запретом и «вѣньцяся своими попы у святого Николы»[91], то есть в княжеском Никольском соборе на Ярославове дворище. Священники из княжеского окружения и клирики княжеского собора чувствуют себя защищенными от власти местного епископа.

Разделение между Западной и Восточной церквами и Русь. Участие Русской церкви в полемике против «латинян». Взаимное удаление Западной и Восточной церквей друг от друга как в обрядовой практике (прежде всего, литургия на опресно́ках на Западе), так даже и в догматической области (распространение на Западе поновленного Символа веры с включением формулы об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына — Filioque) постепенно нарастало с IX столетия и стало юридическим разделением в 1054 г. после взаимного анафематствования папы Льва IX (1049—1054) (через своего легата кардинала Гумберта) и константинопольского патриарха Михаила Кирулария (1043—1058). Будучи одной из церковных провинций Константинопольского патриархата, Русская митрополия оказалась затронута последствиями этого разделения.

Есть основания полагать, что уже при митрополите Ефреме (не позднее 1055 — около 1061 г.) в Киеве был созван собор, обсуждавший эту проблему. Целый ряд представителей Русской церкви выступили участниками обострившейся полемики против «латинян». До нас дошли антилатинские сочинения киевских митрополитов-греков Ефрема[92], Георгия (1062 — не ранее 1073 г.), Иоанна II (до 1077/1078 — 1089 г.), Никифора I (1104—1121), переяславского митрополита Леон(т)а (до 1071/1072 г.) (написано, скорее всего, еще до поставления на кафедру)[93]; произведение, приписываемое Феодосию Печерскому (атрибуция спорна: вероятнее принадлежность Феодосию Греку, настоятелю Киево-Печерского монастыря в середине XII в.)[94]; обширный полемический пассаж включен в Повесть временных лет и присутствовал уже в Начальном своде 1090-х гг.[95] Названные митрополичьи трактаты в оригинале были написаны по-гречески и по со-

[90] *Флоря Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья) // Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 43—53.

[91] НПЛ. С. 24.

[92] *Čičurov I.* Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // Fontes minores. T. 10. Frankfurt a. M., 1998. S. 319–356; *Назаренко А. В.* Ефрем, митрополит Киевский // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 53—54. Атрибуция текста другому Ефрему — переяславскому митрополиту в последней четверти XI в. (*Бармин А. В.* Противолатинская полемика в Древней Руси: Византийские параллели // Византийский временник. Т. 69 (94). М., 2010. С. 120—131) — сталкивается с трудностями (*Назаренко А. В.* Кое-что о двух русских митрополитах XI в. Ефреме Киевском и Ефреме Переяславском // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 87—90).

[93] *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992 (Иоанн II, Никифор I); Творения митрополита Никифора / Изд. подгот. С. М. Полянским. М., 2006; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). С. 280—303.

[94] *Еремин И. П.* Из истории древнерусской публицистики XI в. // ТОДРЛ. Т. 2. М.; Л., 1935. С. 34—38; Т. 5. М.; Л., 1947. С. 170—173; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). С. 295. Примеч. 774.

[95] НПЛ. С. 154; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 114.

держанию довольно стереотипны, мало чем отличаясь от аналогичных произведений для греческого читателя. Поэтому на славянский переведены они не все (переводы Ефрема и Леон(т)а неизвестны), что, кажется, говорит об определенной ограниченности значения этой темы для древнерусской церковной аудитории. Вероятно, по той же причине антилатинские сочинения русских митрополитов или выдержки из них так и не были включены в Кормчую книгу, за исключением отдельных положений, вкрапленных в другие памятники.

Так, в Канонических ответах Иоанна II присутствуют два антилатинских положения. Одно — общее, возбраняющее православным причащаться у латинян, а священнослужителям — совершать богослужение совместно со «служащими опрѣснокы»; другое адресовано князьям: «Дщерь благовернаго князя даяти замужь въ ину страну, идеже служать опрѣснокы <...> недостойно и зѣло неподобно правовѣрнымъ»[96]. Политическая практика показала, что запрет митрополита остался не услышан, да и вряд ли мог быть услышан. В силу чрезвычайно активных внешнеполитических, династических, торговых и прочих связей с латинским Западом, которые были характерны для Руси при Ярославе Мудром и продолжились при его преемниках, в древнерусском княжеском семействе в течение всего XII столетия царила заметная индифферентность по отношению к церковному расколу[97]. Ситуация стала меняться только после захвата латинянами Константинополя в 1204 г. с началом церковнополитического напора Запада на Русь (см. ниже раздел «Падение Константинополя в 1204 г. и положение Русской церкви»).

Не вполне ладилось дело и с рядовой паствой. Определенную проблему для Церкви составляли смешанные браки и другого рода бытовые контакты русских людей с латинянами, особенно в крупных торговых городах: Киеве, Новгороде, Смоленске, быть может, Полоцке, где существовали обширные западноевропейские купеческие подворья со своими храмами. Обращение к «варяжскому попу» в Новгороде времен епископа Нифонта (1131—1156) наказывалось епитимией как проявление двоеверия[98]. Следовательно, такие обращения были, что говорит, разумеется, не о сознательном предпочтении «латинства» со стороны некоторых новгородцев, а об их безразличии к этой теме. На суд Нифонта Новгородского был представлен и другой казус: «...оже будеть кыи человѣкъ крещенъ въ латиньскую вѣру и въсхощеть приступити къ намъ»[99]. Здесь интересен не столько ответ владыки, который велел принимать таковых через миропомазание, без перекрещивания (такова была общая византийская практика), сколько сам вопрос, за которым явно просматриваются прецеденты браков латинян с новгородками.

Разумеется, рекомендуя своей пастве свести к минимуму ее общение с латинянами, Русская церковь и сама не могла вполне избежать контактов с Западной церковью, в том числе иногда даже богослужебных. Так, в 1085/1086 г. к митрополиту Иоанну II обратился прогерманский антипапа Климент III (1080—1100), ища в лице предстоятеля Русской церкви посредника в переговорах с Константинополем о восстановлении церковного единства. Вероятнее всего, этот шаг был вызван имевшими место как раз в то время политическими контактами

---

[96] *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. С. 78. § 4; С. 82. § 13.

[97] *Назаренко А. В.* «Зело неподобно правоверным»: Межконфессиональные браки на Руси в XI—XII веках // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). С. 269—281.

[98] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 60. § 16.

[99] Там же. Стб. 26—27. § 10.

киевского князя Всеволода Ярославича и германского императора Генриха IV[100] (см. ч. 3, гл. 16). Ответом на обращение и стало упомянутое антилатинское сочинение Иоанна II, дипломатичное по форме, но твердое по сути, в котором митрополит обращал внимание своего корреспондента на догматические и обрядово-дисциплинарные уклонения латинян, с точки зрения восточно-православных церквей, и адресовал его непосредственно к патриарху[101]. Несколько позднее, в 1089 г., Русская церковь в лице переяславского митрополита Ефрема участвовала в переговорах византийского правительства о церковном единстве уже с противником Климента III римским папой Урбаном II (1088—1099). Их результат для Руси оказался несколько иным, чем для Византии: в начале 1090-х гг. Русской церковью был усвоен «латинский» по происхождению церковный праздник в честь (насильственного!) перенесения в 1087 г. мощей св. Николая Чудотворца из византийского города Миры Ликийские (в те времена захваченного турками-сельджуками) в южноитальянский Бари (9 мая, так называемый «Никола вешний»), Греческой церкви по понятным причинам чуждый. Более того, содержание древнерусской Памяти на перенесение мощей святителя «в Бар-град» позволяет думать, что ее автор — по всей вероятности, сам митрополит Ефрем — использовал сведения, поступившие от свидетеля освящения в 1089 г. папой Урбаном II собора в честь св. Николая в Бари[102].

Имена ряда западных святых встречаются в древнерусских литургических текстах, а некоторые из них утвердились в месяцеслове: так, почитание св. Вячеслава Чешского проникло на Русь, очевидно, благодаря связям Киево-Печерского и Сазавского (близ Праги) монастырей, где до 1090-х гг. сохранялось богослужение на славянском языке[103].

Церковная смута 40—60-х гг. XII в. Церковь в условиях политической раздробленности (середина XII — первая треть XIII в.). *Митрополит Климент Смолятич и кризис в отношениях с Константинопольской патриархией.* К середине XII в. на Руси окончательно оформилась полицентрическая политическая структура, просуществовавшая вплоть до второй половины XV в. В эпоху государственной раздробленности митрополия оказалась единственным (не считая общности княжеской династии) общегосударственным институтом, что не только поднимало ее политическое значение, но и предъявляло к ней новые требования. Понятно, что и митрополиты, и епископат не сразу осознали эту свою историческую миссию. Привыкнув действовать в русле политики киевских князей, митрополиты поначалу не уловили принципиального характера изменений в политическом строе Руси, которые совершились в 1140-е гг. и в результате которых Киев стал предметом борьбы различных княжеских группировок. Все это, наряду со стремлением князей использовать Церковь как политический инструмент, стало фоном затяжной смуты, которая потрясала Русскую церковь в течение четверти века и

[100] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 544—547.

[101] *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 169—186; *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. С. 30—35.

[102] *Хрусталев Д. Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. С. 228—255; *Назаренко А. В.* «Никола вешний»: Новое об обстоятельствах установления на Руси памяти святителя Николая Мирликийского 9 мая // Церковь в истории России. Сб. 11: К 70-летию Н. Н. Лисового. М., 2016. С. 258—284.

[103] Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., коммент. и пер. А. И. Рогова. М., 1970. С. 5—33; *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. С. 84—86.

не все обстоятельства которой в должной мере ясны.

Митрополит Михаил, тесно сотрудничавший с киевскими князьями Мономаховичами — Мстиславом (1125—1132) и Ярополком Владимировичами (1132—1139), оказался в жестком конфликте с захватившим киевский стол черниговским князем Всеволодом Ольговичем (1139—1146) и 29 марта[104] 1145 г. не только покинул Русь, но и подверг Киев интердикту: особым «рукописанием» затворил митрополичий Софийский собор[105]. Под стать исключительности этого шага была и силовая реакция на него нового киевского князя Изяслава Мстиславича (1146—1154 гг., с перерывами): безуспешно прождав год, летом 1147 г. он «постави митрополита Клима, калугера (монаха. — *А. Н.*) русина, особь (сам, самостоятельно. — *А. Н.*) с шестью епископы»[106]. Нарушение узаконенной процедуры поставления было налицо. Непонятно, почему в Царьграде могли бы отказать Киеву в назначении нового митрополита. Изяслав был не в том положении, чтобы ставить перед византийскими властями какие-либо трудноисполнимые условия; похоже, был еще жив митрополит Михаил, и причины его невозвращения на Русь в патриархии считали уважительными. Вот почему митрополит Климент (Клим) Смолятич упорно не желал даже задним числом взять благословение у патриарха. Русский епископат оказался расколот: Нифонт Новгородский, Мануил Смоленский, а также, очевидно, Косьма Полоцкий и Нестор Ростовский отказались признать Климента, войдя в прямые сношения с Константинополем. Здесь после кончины Михаила (видимо, в 1148 г.) назначили нового, законного, с точки зрения Царьграда, митрополита — Константина I (около 1148—1159 г.), а Нифонту Новгородскому усвоили права митрополичьего распорядителя на Руси с невиданным здесь до той поры титулом архиепископа. Таким образом, речь шла не просто о церковном конфликте, а о прямом расколе не только внутри Русской митрополии, но и между Константинопольским патриархатом и Русской митрополией — той ее частью, которая возглавлялась митрополитом Климентом. Принципиальный характер произошедшего подчеркивался процедурными особенностями поставления Климента, в ходе которого состоялось благословение новопоставленного почивавшими в Десятинной церкви мощами св. Климента Римского — явное притязание на создание в Киеве церковного центра с самостоятельной сакральной санкцией.

Об ожесточенности и сугубо церковной природе противостояния свидетельствует тот факт, что география поддержавших избрание митрополита Климента епархий вовсе не совпадала с ареалом политического доминирования Изяслава Мстиславича, как нередко считается в науке. Так, позиция новгородского епископа оказалась противоположной политическому выбору Новгорода, где в течение всей борьбы Изяслава за Киев со своим дядей, ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким, начавшейся в 1149 г., прочно сидел сын Изяслава Ярослав. Смоленский князь Ростислав Мстиславич, младший брат и союзник Изяслава, никак не мог повлиять на антиклиментовскую позицию смоленского епископа Мануила.

При иных условиях Климент, схимник и книжник, стал бы, вполне вероятно, достойным первосвятителем, но в условиях жестокой схватки между Изяславом и Юрием ему досталась совсем не идущая главе общерусской Церкви роль ставленника и

[104] *Корнієнко В. В.* Корпус граффіті Софії Київської. Ч. 2: Приділ свв. Апостолів Петра і Павла. Київ, 2010. С. 219.

[105] Об обстоятельствах конфликта и его возможных причинах см.: *Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. С. 82—121.

[106] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 315.

орудия в руках Изяслава. После смерти последнего Климент вместе с сыном Изяслава Мстиславом удалился в начале 1155 г. на Волынь, а в столице Руси утвердился Юрий, и через год в Киев явился митрополит Константин I, известный богослов, но, как оказалось, плохой политик, видимо, недостаточно представлявший себе положение дел на Руси. Принятые им крутые меры — анафематствование Климента и, посмертно, Изяслава Мстиславича, объявление недействительными всех хиротоний Климента, замена всех архиереев, избравших Климента, поспешное лишение сана (по не вполне ясной причине) ростовского епископа Нестора, двухлетняя задержка с рукоположением новгородского епископа Аркадия (вероятно, из нежелания санкционировать новизну — избрание Аркадия в самом Новгороде) и т. п. — не только не устранили церковных нестроений, но и усугубили их. Когда после смерти Юрия Владимировича Киев в конце 1158 г. был занят войсками Мстислава Изяславича, снова привезшего с собой Климента, Константин был вынужден укрыться в Чернигове. Мстислав настаивал на возвращении Климента на митрополию, против чего категорически возражал его дядя, новый киевский князь Ростислав Мстиславич (1159—1167 гг., с перерывом), указывая на канонически поставленного Константина, о котором, однако, и слышать не хотел Мстислав («зане клял ми отьца»); в результате «тяжкых речей» князья сошлись на необходимости «иного митрополита привести им ис Цесарягорода»[107]. Кончина Константина I (1159) избавила патриархию от необходимости ломать голову над церковно-правовыми проблемами. Летом 1160 г. в Киев прибыл митрополит Феодор, но, ничем не успев проявить себя, умер спустя неполных два года. Ситуация на Руси изменилась, и теперь уже Ростислав Мстиславич выразил желание «оправити Клима в митрополью», то есть добиться от патриархии утверждения задним числом Климента Смолятича, что было вызвано, вероятно, политической необходимостью — новым договором с Мстиславом Изяславичем. В Царьграде ни в коем случае не соглашались на это предложение, а киевский князь не хотел принимать митрополита Иоанна IV (1163—1166), поставленного без его согласия. В конце концов Ростислава заставили уступить только какие-то особые обещания императора Мануила I Комнина[108].

Полемика о постах и церковная деятельность владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского. О глубине расстройства церковных дел на Руси в середине XII в. свидетельствует и тот факт, что оно охватило не только Киев, но и другие епархиальные центры. При всей очевидной спорности кандидатуры Климента Смолятича, новые епископские хиротонии, предпринятые митрополитом Константином I после смещения сторонников Климента, на местах были встречены скептически. В Чернигове не любили епископа Антония (до 1159 — не ранее 1168 г.), обвиняя его в политических интригах, а в Ростове епископа Леон(т)а (1158—1168) вообще считали узурпатором, похитившим кафедру у своего предшественника Нестора, который никак не запятнал себя поддержкой Климента.

В этой сложной ситуации Константин I и его ставленники в ходе своей неуместно ригористической политики настойчиво стремились навязать Русской церкви, в том числе и мирянам, практику соблюдения постов «в Господьскыя праздникы в среды и в пятки», противоречившую местной традиции, согласно которой пост в такие дни отменялся. Характерно, что единства по этому отнюдь не центральному церковно-

[107] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503—504.
[108] Там же. Стб. 521—522.

дисциплинарному вопросу не было в самой Византийской церкви; несколько ранее хорошо знакомый с ее обычаями новгородский епископ Нифонт не придавал этой теме сколько-нибудь существенного значения: «...аще ядять, добро, аще ли не едять, а луче»[109]. Благодаря последним исследованиям выяснилось, что удержание поста в среды и пятницы даже в тех случаях, когда они приходились на большие церковные праздники, было одной из локальных византийских традиций, которая была усвоена уставом константинопольского Евергетидского монастыря и распространилась в XII в. благодаря авторитету обители, тогда как на Руси держались обычая, предписанного уставом столичного Студийского монастыря и принятого в Киево-Печерском монастыре[110]. На Руси покушение на привычный распорядок получило название «леонтианской ереси» — по имени ее инициатора ростовского епископа Леон(т)а — и, вследствие резкого протеста владимиро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского (1157—1174), вылилось в острый общецерковный конфликт. Вначале, около 1161 г., Андрей изгнал Леон(т)а; затем та же участь и по той же причине постигла черниговского епископа Антония, которого «изверже из епископьи» черниговский князь Святослав Всеволодич. Между тем настойчивый Леон(т) был оправдан и митрополитом, и (вероятно, в 1163 г.) самим патриархом, хотя во время диспута Леон(т)а с охридским архиепископом Адрианом в присутствии императора Мануила I обнаружилось, что при самом византийском дворе вовсе не держались евергетидской практики. Вернувшийся на Русь ростовский епископ, несмотря на митрополичью и патриаршую поддержку, так и не был принят князем Андреем. Конфликт продолжался, и, даже повествуя о взятии и разграблении Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г., суздальский летописец усматривает в том кару «за митрополичю неправду», заключавшуюся в том, что митрополит Константин II (1167 — не ранее 1169 г.) запретил в служении киево-печерского игумена Поликарпа «про Господьскые праздникы»[111].

Острое противостояние по церковно-дисциплинарному вопросу дополнилось серьезной церковнополитической коллизией: тогда же, в начале 1160-х гг., Андрей Боголюбский предпринял попытку учредить во Владимире-на-Клязьме самостоятельный митрополичий стол, с чем и обратился к патриарху Луке Хрисовергу (1157—1169). Как и в третьей четверти XI в., в эпоху соправления Ярославичей, политический суверенитет должен был отразиться в церковной независимости. Древнерусские источники об этом намерении князя умалчивают, но о нем известно из ответного патриаршего послания, в котором уведомляется, что «не можно есть то»[112]. Однако Андрей Юрьевич уступил не сразу, а осмелился было даже де-факто разделить Ростовскую епархию на две: собственно Ростовскую и столичную Владимиро-Суздальскую, посадив в последней нерукоположенного Феодора, своего кандидата во владимирского митрополита; в летописях тот уничижительно именуется «Феодорцем», а иногда даже «Феодорцем Белым Клобучком»[113], что явно намекает на его митрополичьи амбиции. Только в 1169 г., когда Андрей Боголюбский овладел Киевом и отдельная Владимирская митрополия стала ему уже не нужна, Феодор был отправлен на митрополичий суд в Киев, где подвергся казни: ему «урезали язык», отрубили правую руку

[109] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 50.

[110] *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* «Первая ересь на Руси»: Русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118—139.

[111] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354.

[112] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 65.

[113] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 163; Т. 42. С. 104.

и «вынули очи»[114]. Жестокость наказания указывает на принципиальный характер противоречий и на реальность угрозы единству Русской митрополии.

Отказ владимиро-суздальского князя от проекта собственной митрополии открыл возможность компромисса в вопросе о постах. Еще при митрополите Константине II на ростовскую кафедру вместо неуступчивого Леон(т)а вернули смещенного ранее Нестора, и был учрежден совместный с Константинополем новый церковный праздник 1 августа «всемилостивому Христу и Пречистей Его Матери» в благодарность за победы над мусульманами: императора Мануила I — над сельджуками и князя Андрея Боголюбского — над волжскими булгарами. После смерти зимой 1169/1170 гг. патриарха Луки новый глава Византийской церкви Михаил III (1170—1178) убрал и ставленника Луки Константина II. Преемник последнего, митрополит Михаил II (1171—?), сразу же по прибытии в Киев возвел печерского игумена, запрещенного Константином II, в сан архимандрита[115]. Позднейшая константинопольская (не печерская!) традиция утверждала даже, что Киево-Печерскому монастырю был дарован статус патриаршей ставропигии (что в условиях Руси было равносильно полному изъятию обители из-под власти киевского митрополита), связывая эти изменения в положении обители с ходатайством Андрея Боголюбского[116]. Вероятно, и последовавшая еще в 1169 г. передача русской монашеской общине на Афоне монастыря Св. Пантелеимона, за которым с тех пор закрепилось название Русского монастыря (Русика, Росикона), совершилась по просьбе и при материальной поддержке князя Андрея в благодарность афонитам за солидарность в споре о постах (на Афоне держались в этом отношении той же студийской практики, что и на Руси)[117].

Таким образом, должно быть оставлено долгое время господствовавшее в отечественной историографии представление, восходящее к трудам Н. Н. Воронина, об антивизантийской в целом направленности церковной политики владимиро-суздальского князя[118], которая на самом деле была вплетена в сложную ткань внутрирусской церковнополитической борьбы и общевизантийской церковной полемики[119].

Намерение Андрея Боголюбского учредить в своем стольном городе особую митрополию было частью его обширной программы по юридическому и идеологическому оформлению нового политического центра, на продолжение которой преемниками Андрея не повлияла неудача проекта Владимирской митрополии. В рамках этой программы начиная с 1160-х гг. развернулось активное церковное строительство, особенно во Владимире, где был создан каменный Успенский собор, задуманный как кафедральная церковь планировавшейся митрополии. В соборе была помещена привезенная Андреем из Вышгорода Владимирская икона Богоматери, почитание которой как «заступницы <...> на Ростовь-

[114] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356.

[115] Попытка отнести это титулярное возвышение печерских настоятелей уже к 1165 г. (*Артамонов Ю. А.* Время и обстоятельства возникновения первой русской архимандритии // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 120—129) не выглядит убедительной.

[116] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. Ч. I. Т. 1. Киев, 1859. № 1. С. 1—2.

[117] *Назаренко А. В.* Почему 1169? О времени передачи монастыря Св. Пантелеимона русским афонитам // Журнал Московской патриархии. 2016. № 8. С. 48—52.

[118] *Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. Т. 26 (51). М., 1965. С. 190—218; и др.

[119] *Назаренко А. В.* Несостоявшаяся митрополия: (Об одном из церковнополитических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Материалы международной научной конференции, Владимир, 5—6 июля 2011 г. Владимир, 2013. С. 13—36.

скую землю <...> новопросвещены люди»[120] всячески стимулировалось путем создания и церковно-литературных (Сказание чудес иконы Пресвятой Богоматери Владимирской), и литургических памятников: новой службы и проложной статьи на праздник Покрова Богоматери, Слова на новоучрежденный (в память покровительства Владимирского образа Богоматери в победоносном походе Андрея Юрьевича на волжских булгар в 1164 г.) праздник 1 августа. В том же русле лежало и активно поддержанное княжеской властью церковное почитание св. Леонтия Ростовского, начавшееся после обретения его мощей и положения их в новом каменном Успенском соборе в Ростове (первая половина 1160-х гг.).

Борьба за единство митрополии и первые архиепископии на Руси. Описанные церковные нестроения побудили как цареградских патриархов, так и киевских митрополитов обратить сугубое внимание на проблему единства Русской митрополии, ее общегосударственного значения. Именно с этого времени, по данным сфрагистики, в титулатуре киевских первоиерархов эпизодически появляется определение «всея Руси»; «митрополитом всея Руси» («μ[ητ]ροπολ[ί]της πάση[ς Ῥ]ωσίας») именуется на своей печати Константин II, «пастырем всея Руси» («ποιμενάρχη[ν] Ῥωσίας πάσης») — Никифор II (не позднее 1183 — не ранее 1198 г.)[121]. В этом же смысле «большой, целой» Руси следует, очевидно, понимать термин «великая Русь» («ἡ μεγάλη Ῥωσία») в качестве названия Русской митрополии, который засвидетельствован уже упоминавшимся перечнем русских епархий около 1180 г. (notitia 13)[122]. Вместе с тем это выражение встречается и ранее — в сочинении о пяти мировых патриархатах Нила Доксопатра (1142/1143), бывшего патриаршего нотария, работавшего при дворе норманнского короля Сицилии Роджера II (1105—1154)[123]. Следовательно, акцент на сохранении единой Русской митрополии был свойственен константинопольской патриаршей канцелярии и прежде — видимо, с рубежа XI—XII вв., когда была закрыта митрополия в Переяславле Русском[124], что лишний раз удостоверяет типологически сходный характер митрополий Ярославичей и проекта Владимирской митрополии Андрея Боголюбского.

В специфической ситуации церковного раскола из-за поставления на митрополию Климента Смолятича на Руси впервые появляется архиепископ; им стал новгородский епископ Нифонт[125] в качестве главы оппозиционного Клименту русского епископата и викария пребывавшего в Царьграде митрополита Константина I. В структуре собственно Византийской церкви этот титул означал подчинение непосредственно патриарху, минуя вхождение в ту или иную митрополичью область. Однако и при Нифонте, и при позднейших новгородских архиепископах Новгородская епископия продолжала оставаться в составе Русской митрополии; следовательно, на Руси титул архиепископа давал только

---

[120] *Кучкин В. А., Сумникова Т. А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 504.

[121] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. № 51—52.

[122] Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 367[759].

[123] Nili Doxopatrii Notitia thronorum patriarchalium // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 132. Parisiis, 1864. Col. 1105.

[124] *Назаренко А. В.* «Новороссия», «Великороссия» и «вся Русь» в XII веке: Церковные истоки этнополитической терминологии // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). С. 246—268.

[125] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964. № 25 (датированная 1 сентября 1148 г. надпись на антиминсе).

первенство чести среди местных епископов. Преемник Нифонта Аркадий этого титула не унаследовал, так что поначалу речь шла об экстраординарном пожаловании. Оно повторилось в 1165 г. применительно к ростовскому епископу Леон(т)у, как удостоверяет надпись на его печати: «Господи, помози Леонтию, архиепископу Ростовскому, рабу своему» («Λεοντίῳ ἀ[ρ]χ[ι]επισκόπῳ Ῥωστ[όβου]»)[126], — и снова в качестве поощрения за верность каноническому порядку, как он понимался митрополитом и патриархом, а также, возможно, в качестве компромиссного шага навстречу Андрею Боголюбскому, не получившему желанной митрополии. В Новгороде, где как раз в марте 1165 г. был поставлен новый епископ Илья-Иоанн (1165—1186), совсем не готовы были уступить в чести Ростову и добились своего: ближе к зиме того же года Илье-Иоанну «повелено бысть архиепископство <...> митрополитомь»[127]. Конкретные аргументы новгородцев неизвестны, но, скорее всего, митрополит Иоанн IV просто не хотел конфликта с богатой новгородской кафедрой. В отличие от Ростова, где дело архиепископа Леон(т)а оказалось в конечном итоге проиграно, Новгород сумел закрепить за своими предстоятелями, преемниками Ильи-Иоанна, титул архиепископа. Тем самым не подтверждается авторитетная гипотеза, что это титулярное новшество будто бы отражало борьбу Новгорода за утверждение политической и церковной самостоятельности от Киева[128].

Сохранив первенство перед Ростовом, Новгород не стал тем не менее второй кафедрой после митрополии, которой по-прежнему оставался ближайший к Киеву Белгород. Это означало, что и белгородская кафедра должна была приобрести в то же время, около 1165 г., статус архиепископии. В редких летописных сообщениях о белгородских епископах он не отразился, но другие источники о нем знают: так, русский архиепископ Петр «de Belgrab (так! — *А. Н.*)», то есть «из Белгорода», в 1245 г. отвечал на вопросы о монголах на одном из заседаний Первого Лионского собора[129].

Церковь в Новгороде и становление выборности епископов. Опыт нестроений середины XII в. побудил митрополитов проводить линию, адекватную сложившемуся политическому полицентризму Руси, направленную на поиски равновесия между соперничавшими княжескими группировками и, по возможности, умиротворение их с учетом явно проявлявшейся тенденции к утрате Киевом своей роли общерусского политического средоточия, на которую все отчетливее претендовал центр Северо-Восточной Руси — Владимир. Так, посредничая между князьями Рюриком Ростиславичем и Святославом Всеволодичем во время их совместного правления в Киеве и Киевской земле, митрополит Никифор II (до 1183 — после 1198 г.) в 1189 г. старался организовать отвоевание Галича у венгров; в 1210 г. митрополит Матфей (до 1201/1210—1220 г.) мирил черниговских князей во главе с захватившим киевский стол Всеволодом Святославичем Чермным и владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176—1212). В 1195 г. в ответе князю Киевскому Рюрику Ростиславичу, который был в большом затруднении, ибо мог избежать войны с

[126] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. № 62а (с незначительной ошибкой в прочтении).

[127] НПЛ. С. 32.

[128] *Янин В. Л.* Печать новгородского епископа Ивана Попьяна (1110—1130) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 9. Л., 1978. С. 55—56; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. С. 67—69.

[129] *Назаренко А. В.* Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67—76.

Всеволодом Большое Гнездо только ценой клятвопреступления, эта политическая программа так была сформулирована митрополитом Никифором II: «Княже, мы есмы приставлены в Рускои земле от Бога востягивать вас (князей. — *А. Н.*) от кровопролитья <...> а ныне аз снимаю с тебя крестное целование и взимаю на ся»[130].

Однако осуществление Церковью этой важной государственной задачи было затруднено не только из-за обилия политических конфликтов, но и вследствие того, что со второй половины XII в. избрание кандидатов на епископские кафедры все чаще происходило на местах, так что на долю митрополита оставалось только рукоположить уже избранного кандидата: епископ все больше превращался в ставленника князя, чего еще совсем не наблюдалось во время церковной смуты середины XII в. В этом отношении показателен эпизод, произошедший в 1183—1184 гг., когда на освободившуюся Ростовскую епископию митрополит Никифор II обычным порядком поспешил поставить «Николу гречина», заслужив при этом, правда, упрек в симонии; однако владимиро-суздальский великий князь Всеволод Юрьевич не принял его, упирая на то, что «не избраша сего людье земле нашее, но еже еси поставиль, ино камо тобе годно, тамо же и дежи (девай. — *А. Н.*), а мне постави Луку»[131]; Лука был настоятелем княжеского Спасо-Преображенского собора на Берестове под Киевом, тесно связанного с младшими, суздальскими и переяславскими, Мономаховичами. Митрополиту пришлось подчиниться «неволею великою», а рукоположенного, но оставшегося безместным Николая определить на Полоцкую епархию; характерно, что требование Всеволода поддержал и помог осуществить киевский князь Святослав Всеволодич. Начиная по крайней мере с конца XII в. такая практика была уже обычной, причем князья предпочитают ставить на епископии своих духовников или игуменов княжеских монастырей: так поступают в 1190 г. Всеволод Юрьевич с ростовским епископом Иоанном, а Рюрик Ростиславич — с белгородским Адрианом, в 1213 г. ростовский князь Константин Всеволодич — с местным епископом Пахомием, в 1230 г. владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодич — с ростовским епископом Кириллом II[132]. Во всех перечисленных случаях кандидат в епископы нарекается на месте, а затем отправляется за рукоположением в Киев к митрополиту.

Несколько иной характер это явление приобрело в Новгороде, где установившаяся после 1136 г. выборность князей вскоре дополнилась выборностью епископов: начиная с Аркадия (1156/1158—1163) кандидаты в епископы неизменно выбирались на вече. С одной стороны, это положило начало превращению епископа в одного из руководящих выборных магистратов республиканского Новгорода (наряду с князем и посадником), а с другой — поставило выборы епископа в зависимость от обстоятельств внутриполитической борьбы в Новгороде, что приводило порой к затяжным церковным беспорядкам. Так, в 1212—1228 гг. на престоле новгородского Софийского собора друг друга неоднократно сменяли епископы Митрофан (1201—1210, 1220—1223), Антоний (1212—1219, 1225—1228—1232, с перерывом) и Арсений (1223—1225, 1228), причем Арсений так и остался без рукоположения, а Антоний, пользовавшийся поддержкой князя Мстислава Мстиславича, сначала новгородского, а потом галицкого, успел за это время, в 1219—1225 гг., побывать и на Перемышльской кафедре. Такая практика, будучи результатом возросшей зависимости епископов от местной

[130] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659; Т. 1. Стб. 435; НПЛ. С. 89.
[131] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629—630.
[132] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408, 438, 453; Т. 2. Стб. 666.

светской власти, сама, в свою очередь, усугубляла эту зависимость и, напротив, ослабляла связь епископата с митрополией, вследствие чего и становились возможны неканонические смещения иерархов или их переходы с одной епархии на другую, ранее не наблюдавшиеся.

Складывается также устойчивое впечатление, что и открытие новых епископий с середины — второй половины XII столетия все больше определялось не столько церковными нуждами, сколько обстоятельствами княжеской политики. Так, давно назревшее выделение Галицкой епархии из состава Волынской происходит наконец (видимо, во второй половине 1140-х гг.) потому, что в конфликте вокруг митрополита Климента Смолятича Галич выступил на стороне Суздаля против Киева Изяслава Мстиславича. Давно актуальное отделение Рязанской епископии от Черниговской (после 1190 г.) выглядит как следствие победы владимиро-суздальского политического влияния в Муромо-Рязанской земле над черниговским. Владимиро-Суздальская епископия отпочковалась от Ростовской (1213/1214) потому, что при династическом разделе Владимиро-Суздальского княжества между братьями Константином и Юрием Всеволодичами главный политический центр (Владимир) оказался отделен от старого кафедрального (Ростова)[133]. Открытие Перемышльской епископии в 1219/1220 г., как уже отмечалось, стало следствием покровительства галицкого князя Мстислава Мстиславича смещенному новгородскому архиепископу Антонию, который и стал первым предстоятелем новоучрежденной кафедры. В установлении епископии в Угровске (до 1237 г.), после 1240 г. перемещенной в Холм, явно отразились те политически обусловленные предпочтения волынского князя Даниила Романовича, которые он оказывал западным областям своего княжества.

Паломничества из Руси в Святую землю, Царьград и на Афон. Паломничества русских людей к святыням Иерусалима и Царьграда, а также на Святую гору — Афон начинаются вскоре после Крещения Руси, но сведения о них для XI в. единичны; так, известно о путешествии из Киева в Святую землю (вскоре после 1062 г.) и Константинополь (не ранее 1073/1074 г.) Варлаама, игумена Печерского, а затем Дмитриевского монастыря[134].

Заметная активизация паломнического движения в Святую землю на Руси, как и на Западе, приходится на XII в. и связана с переходом Иерусалима с 1099 г. под власть крестоносцев. В этой связи показательно, что само древнерусское слово *паломьникъ* является изустным (не литературным!) заимствованием из старофранцузского языка крестоносцев, состоявшимся в XII в. (от латинского слова *palma*) — следствие обычая привозить пальмовые ветви в знак совершенного паломничества. Наиболее известно одно из первых паломничеств — игумена одного из монастырей в Черниговской земле Даниила в 1106—1108 гг. — благодаря оставленному самим Даниилом подробному описанию своего «хожения»; пользуясь поддержкой иерусалимского короля Балдуина (Бодуэна) I, русский паломник за полтора года обошел всю Святую землю от Иерусалима и Вифлеема на юге до Назарета и Тивериады — на севере[135]. Из представителей княжеского семейства в склонности к паломничествам замечена женская его часть; известны неоднократные случаи,

[133] *Назаренко А. В.* Династические коллизии в Древней Руси и начальная история Ростовской епископии (XI — начало XIII в.) // Современные проблемы изучения истории Церкви: Сборник докладов международной конференции (МГУ им. М. В. Ломоносова, 7—8 ноября 2011 г.). М., 2014. С. 214—223.

[134] Патерик Киевского Печерского монастыря / [Изд. Д. И. Абрамович]. СПб., 1911. С. 32, 155.

[135] ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 25—115.

когда пожилые княгини заканчивали жизнь в Иерусалиме, как, например, первая супруга Владимира Мономаха (вероятно, около 1099 г.) или не идентифицируемая точнее перемышльская княгиня в первой четверти XII в.[136] Вероятно, в 1164 г. (менее основательна распространенная в литературе житийная датировка — 1173 г.) совершила свое паломничество в Святую землю и упокоилась под Иерусалимом знаменитая княжна-инокиня Евфросиния Полоцкая. Замечательной чертой древнерусских текстов XII в., связанных с паломничествами (Хожения игумена Даниила, Жития Евфросинии Полоцкой, пассажей Киевской летописи, посвященных крестоносцам, и др.), является полное отсутствие в них культурно-религиозной неприязни или хотя бы настороженности в отношении «латинян»: православная игумения св. Евфросиния не чурается брать благословение у «латинского» патриарха Иерусалима.

Из ранних хождений в Царьград самым знаменитым стало паломничество новгородца Добрыни Ядрейковича, впоследствии архиепископа Антония, давшего в своей «Книге паломник» исключительно ценный обзор святынь византийской столицы накануне ее захвата крестоносцами в 1204 г.[137] Хотя есть сведения о путешествиях русских людей в Царьград и после 1204 г. (в 1217 г. не названный по имени полоцкий епископ привез оттуда мощи св. Марии Магдалины и мученика Лонгина владимиро-суздальскому князю Константину Всеволодичу[138]), но в целом и здесь наблюдается пауза до первой половины — середины XIV в., когда свое странствие в Царьград в 1348—1349 гг. описал Стефан Новгородец. Применительно к Константинополю сведения о собственно паломничествах бывает трудно выделить из общей массы данных о поездках русских людей в византийскую столицу — в том числе с торговыми или политико-дипломатическими целями. Очевидно, на практике эти цели нередко действительно совмещались.

Из других, менее популярных, городов среди русских паломников домонгольской поры можно назвать Солунь (Фессалонику) — город св. Димитрия[139] и, разумеется, Афон, путешествия на который, судя по молчанию источников, ограничивались перемещениями монашествующих из Руси в обители Святой горы и обратно.

Паломничества обычно совершались большими группами («дружинами»), которые скреплялись клятвами их членов о взаимопомощи и подчинении избранному предводителю, затягивались на годы, а нередко бывали многократными, превращаясь в специфический образ жизни. Уже к середине XII в. такая практика была достаточно распространена, вырывая многих людей из местной общественной жизни, что вызывало порой недовольство церковных властей, в частности новгородского епископа Нифонта, и ряд ограничительных мер с их стороны[140]. Но в целом санкционированные паломничества поощрялись церковью, а паломники («странники», «калики») состояли под ее покровительством,

---

[136] *Назаренко А. В.* Русские княгини в Иерусалиме XI—XII вв. // Императорское Православное Палестинское общество, к 130-летию со дня основания: Международная научная конференция. Москва, 10 ноября 2011 г. М., 2012. С. 87—98.

[137] Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1899. (Православный Палестинский сборник; Т. 17. Вып. 3); Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod / Ed., Übers., Komment. A. Jouravel. Wiesbaden, 2019. (Imagines medii aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung; Bd. 47).

[138] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441.

[139] *Каштанов Д. В.* Русь и Фессалоника в XII—XIII веках: Люди, идеи, пути // Византийский временник. Т. 65 (90). М., 2006. С. 94—106.

[140] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 27, 61—62.

будучи включены Церковным уставом князя Владимира с XII в. в число «церковных людей»[141], которые были изъяты на время совершения паломничества из юрисдикции светской власти.

Что касается социального состава древнерусских паломников домонгольского времени, то, помимо клириков и представителей знати, весьма заметную часть их составляли горожане. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные кириллические граффити, которые оставляли паломники — например, в константинопольском соборе Св. Софии (вклейка, рис. 36). Систематическое изучение софийских кириллических надписей только начинается, но уже предварительные публикации показывают, насколько существенное место занимают в их числе надписи XII — первой половины XIII в.[142] Прямых указаний на участие в дальних паломничествах низших слоев населения: городской бедноты или крестьян — нет, но, по косвенным данным, можно думать, что такое участие имело место и было немалым. Иначе трудно было бы понять упомянутое включение паломников-странников в состав «церковных людей» в Уставе князя Владимира, для которых церковью поддерживалась инфраструктура гостиниц-странноприимниц.

Элементы такой инфраструктуры, сформировавшейся вследствие активного древнерусского паломнического движения, имелись и за пределами Руси в виде постоянных русских подворий и монастырей в главных паломнических центрах. В Константинополе такое подворье (первоначально чисто купеческое) существовало еще с X в. при монастыре Св. Маманта, затем, с XI столетия, русский квартал («русский убол», от греч. *ἔμβολος* — «портик, улица между рядами портиков») переместился в центр города (к северо-западу от Форума Константина), а около 1122 г. к нему прибавилась русская церковь Свв. Бориса и Глеба «в Испигасе» (квартале на севере Константинополя по обоим берегам Золотого Рога)[143]. Не позднее середины XII в. возникает русский монастырь Пресвятой Богородицы под Иерусалимом, в котором жила Евфросиния Полоцкая; там же по крайней мере с первой четверти XIII столетия известен и другой русский монастырь — Св. Михаила. Оба существовали в составе крупных лаврских комплексов: первый — при лавре Св. Феодосия Киновиарха, второй — при лавре Св. Саввы Освященного. Правда, вряд ли оба монастыря пережили господство здесь крестоносцев. Окончательный их уход из Иерусалима в 1244 г. наряду с бедствиями монголо-татарского нашествия резко сократили, если на время не пресекли вовсе, древнерусские паломничества в Палестину, спорадические сведения о которых снова появляются только с первой трети XIV в. На Афоне русский монастырь Ксилургу (Древодела) впервые упомянут в 1142 г., хотя, возможно, как таковой существовал уже в начале XI в., а с 1169 г. к нему присоединяется и монастырь Св. Пантелеимона (Росикон).

---

[141] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. С. 16, 19—20 и др.

[142] *Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В.* Древнерусские надписи граффити константинопольской Софии: Предварительные итоги исследования // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 282—292. Интересно, что тем же периодом — от второй половины XI до начала XIII в. — датируются обе опубликованные на сегодняшний день надписи из базилики Рождества Христова в Вифлееме (*Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В.* «И с отцом, и с матерью, и со всею братьею...»: Два древнерусских граффито из базилики Рождества Христова в Вифлееме // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 86—91).

[143] *Назаренко А. В.* Русские подворья в Константинополе в домонгольское время // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 110-летию д. и. н. А. И. Клибанова / [Отв. ред. Л. П. Найденова]. М., 2022. С. 56—82.

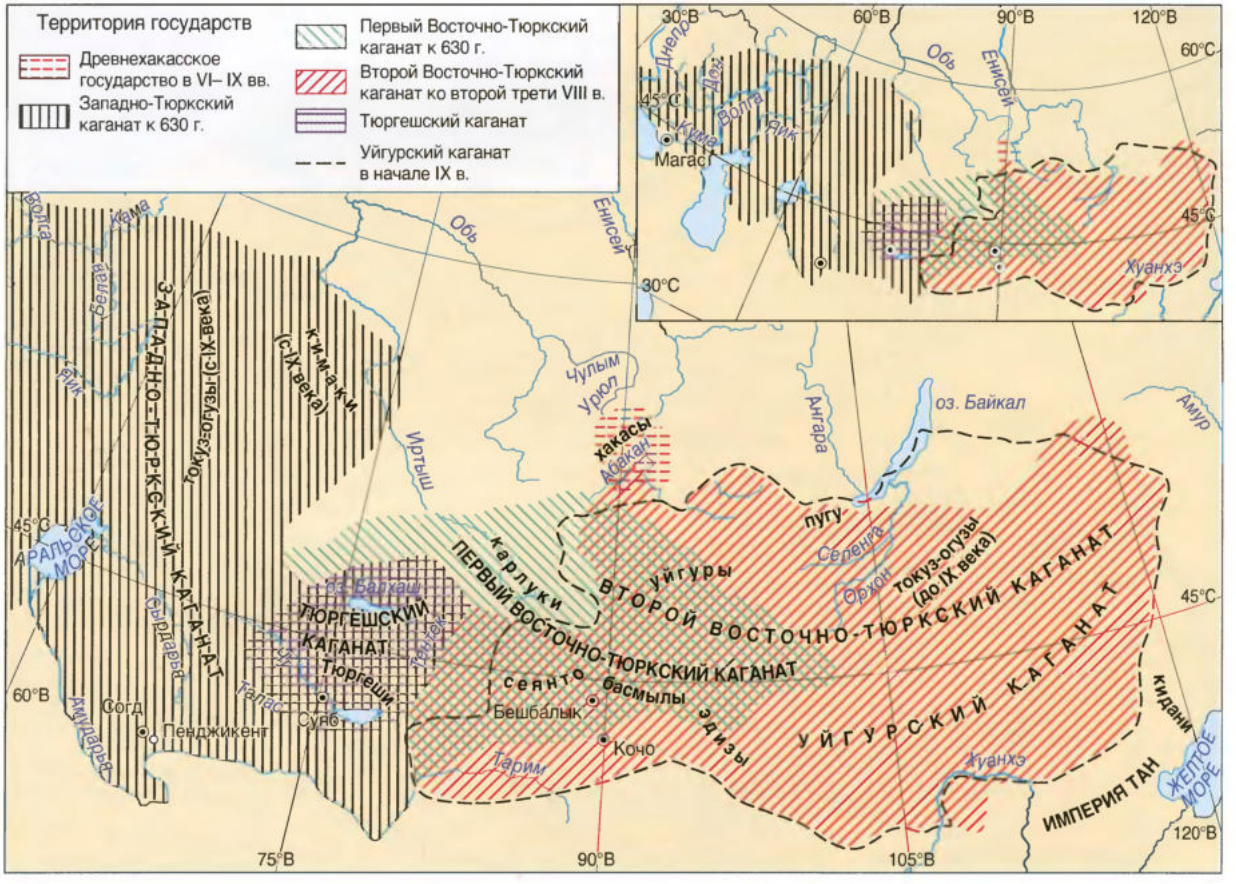
Карта 1. Восточная Европа в VI—VIII вв.

Карта 2. Восточная Европа в IX в.

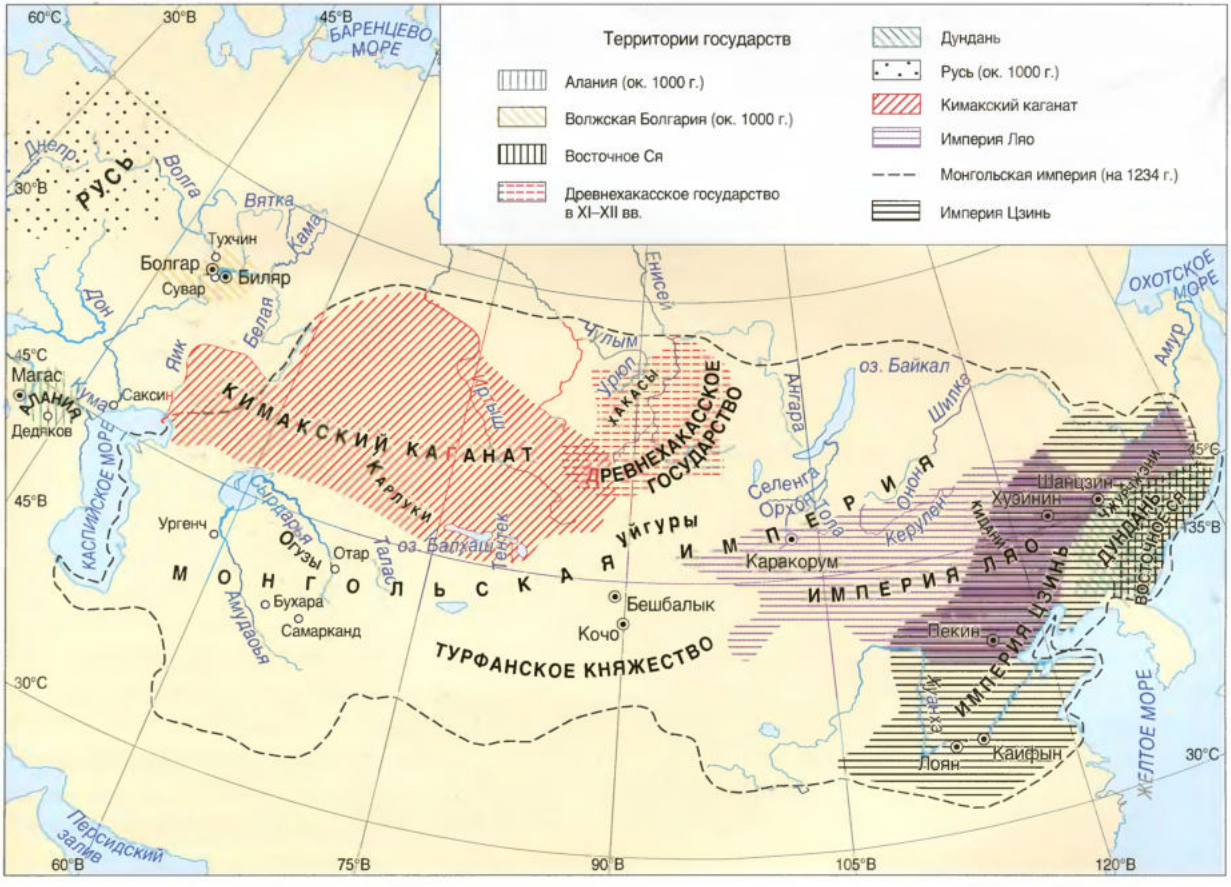
Карта 3. Восточная Европа в X в.

Карта 4. Русь в XI — первой половине XII в.

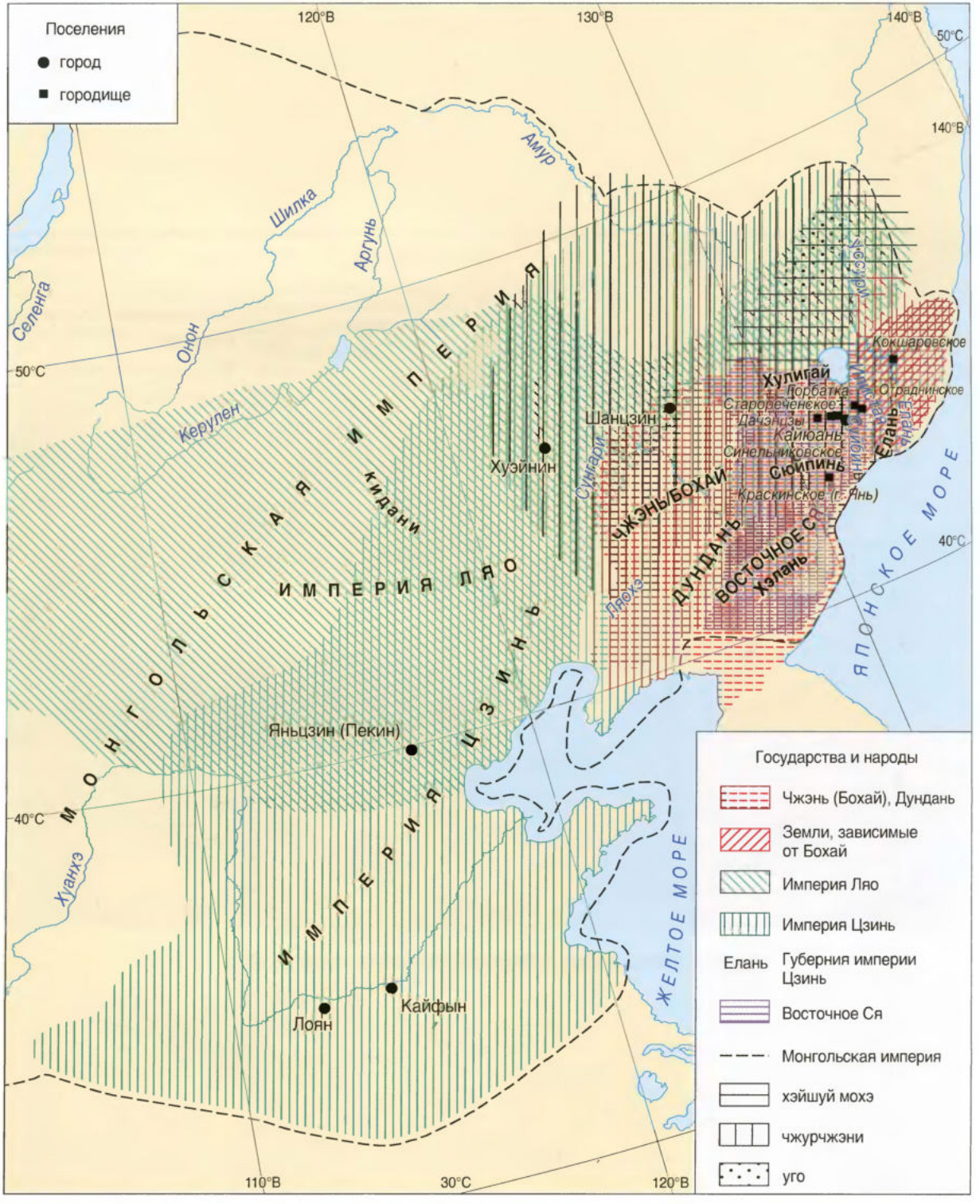
Карта 5. Русь во второй половине XII — начале XIII в.



Карта 6. Южная Сибирь в VI — IX вв.



Карта 7. Южная Сибирь и Дальний Восток в XI — начале XIII в.



Карта 8. Дальний Восток в XII — начале XIII в.

Паломничества, причем именно в Иерусалим («Господню гробу приложитися, во Ердань-реке искупатися»), обильно отразились как в былинном эпосе, так и в духовных стихах, что указывает на их важное место в духовном мире народа.

Падение Константинополя в 1204 г. и положение Русской церкви. В 1204 г. Царьград был захвачен крестоносцами Четвертого крестового похода, в результате чего более чем на полвека превратился в столицу Латинской империи, а патриарший престол в 1208 г. переместился в соседнюю Никею. Для Русской церкви это влекло за собой не только известные организационные сложности (так, после смерти в 1220 г. киевского митрополита Матфея новый митрополит Кирилл I был поставлен только через четыре года), но и, главное, радикальное ухудшение международной церковно-политической ситуации. В 1204 г. такую унию заключил болгарский царь Калоян I (1197—1207), и закончилась она только в 1235 г. с восстановлением патриаршества в Болгарии под верховенством Никеи. В 1217 г. королевскую корону из рук папы Иннокентия III принял сербский великий жупан Стефан Первовенчанный (1196—1227), хотя автокефалию Сербская церковь получила через два года из Никеи. Идея подчинения русских «схизматиков» церковной власти Рима, эпизодически возникавшая с середины XII в., времени Второго крестового похода (ср. запрос известного западного богослова, проповедника и идеолога Второго крестового похода Бернарда Клервоского к краковскому епископу Матфею о возможности «искоренить нечестивые обряды и правила русских» и ответ Матфея[144]), приобретает теперь вполне реальные политические очертания. Уже в 1207 г., после смерти в изгнании константинопольского патриарха Иоанна X Каматира (1198—1206), папа Иннокентий III (1198—1216) вместе со своим легатом направляет Русской церкви окружное послание, в котором, несколько лукавя, недоумевает, почему «часть не следует целому», то есть «Греческим царству и Церкви, почти целиком вернувшимся в подчинение апостолическому престолу»[145]. Сохранились и другие документы подобного рода: например, послание папы Гонория III (1216—1227) «ко всем русским князьям» от 1227 г. или специальная булла Григория IX (1227—1241), адресованная в 1231 г. владимиро-суздальскому великому князю Юрию Всеволодичу (1218—1238), которого папа упрекает за то, что тот «соблюдает греческие и русские обычаи и обряды, заставляя и других в своей державе соблюдать их», и призывает князя «подчиниться мягкому игу Римской Церкви»[146].

Дело, однако, не ограничивалось дипломатическим нажимом. Идея унии становилась идеологическим инструментом силовой политики. Когда в 1214 г. на галицком столе временно вокняжился Кальман, сын венгерского короля Эндре II (1205—1235), последний немедленно направил папе Иннокентию III послание с просьбой санкционировать правление Кальмана в качестве «галицкого короля», аргументируя это тем, что «вельможи и народ Галича <...> намерены, подчинившись нашей (Эндре II. — *А. Н.*) власти, пребывать в единении и послушании святой Римской церкви»[147]. Похожее в галицкой истории уже было. Во время смуты 1188—1190 гг. после смерти князя Ярослава Владимировича Осмомысла (1153—1187) в Галиче также сидел венгерский королевич (тогда это был сам буду-

[144] ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4. С. 204—207.

[145] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов. СПб., 1841. № 3.

[146] Там же. № 33.

[147] Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. T. 1. Budapest, 1859. No. 1.

щий Эндре II), но речи об унии не возникало. Новый дух времени выразился именно в попытке короля обосновать политический захват папским авторитетом. Как эта мимолетная уния (уже в 1219 г. венгры были выбиты из Галича войсками пришедшего из Новгорода Мстислава Мстиславича Удатного) выглядела на практике, свидетельствуют летописи: «Король угорский посади сына своего в Галиче, а епископа и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латинские на службу»[148]. Аналогичная ситуация наблюдается и на северо-западе Руси, где Ливонский орден, Дания и Швеция вели активное наступление на языческие народы Восточной Прибалтики, издавна находившиеся в сфере влияния Руси (Новгорода и Полоцка). Неизбежная в таких условиях политическая конфронтация с Русью облекалась в форму подчеркнутого конфессионального противостояния, направленного на то, чтобы, по словам папы Гонория III из его энциклики всем судьям Ливонии от 1222 г., пресечь «греческую схизму» и «заставить русских соблюдать латинские обряды, если известно, что они, упорствуя в греческих обрядах, отделяются от [своей] главы, то есть Римской Церкви»[149].

Активизировалась и католическая пропаганда внутри Руси в больших городах (Киеве, Новгороде, Смоленске, Полоцке), где имелись колонии западноевропейского купечества, вследствие чего киевский князь Владимир Рюрикович (1223—1235/1236) был вынужден около 1233 г. изгнать из Киева миссионеров-доминиканцев, имевших до той поры в столице Руси собственный монастырь[150]. Характерны попытки придать этой деятельности католической церкви на Руси видимость канонической организации, для чего несколько ранее 1232 г. была создана даже эфемерная «Русская епархия» с резиденцией в Опатове (на Сандомирщине, близ русско-польской границы)[151].

Первые определенные сведения о противостоянии католическому нажиму со стороны Русской церкви и светской власти появляются только во второй четверти XIII в. (упомянутая акция Владимира Рюриковича). Очевидно, в первую четверть века после катастрофы 1204 г. и княжеская власть на Руси, и Русская церковь, как и весь православный мир, находились в состоянии некоторой политической дезориентации. Не исключено, что взвешивались и какие-то возможности взаимодействия или сближения с Римом: ср. энциклику Гонория III от 1227 г. «ко всем русским королям», в которой папа изъявлял радость по поводу дошедших до него сведений о том, что они, русские князья, приглашают к себе папского легата, ибо «готовы совершенно отказаться от всех своих заблуждений, в которые впали» якобы «по недостатку проповедников»[152].

Но в 1220—1230-х гг. наблюдается общая политическая консолидация православия вокруг Никеи, сумевшей к этому времени урегулировать свои отношения (в том числе церковные) с Болгарией и Сербией. В этом контексте следует рассматривать и меры никейского патриарха Германа II (1222—1240) по укреплению церковной организации на Руси. Кирилл I (1224—1233), первый русский митрополит, поставленный в Никее, носил, судя по надписи на его печати, не совсем обычный титул «архиепископа митрополии Руси» («ἀρχιεπίσκοπος

[148] ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 119.

[149] Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / Hrsg. F. G. Bunge. Bd. 1. Reval, 1853. No. 55.

[150] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I—VI): Текст, перевод, комментарий / Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 210, 363—364.

[151] «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Под ред. В. Л. Янина; Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987. Гл. 61. С. 148.

[152] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. № 21; Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. No. 95.

τῆς μητροπόλεως Ῥωσίας»)[153], что, надо думать, призвано было подчеркнуть его верховную власть над русским епископатом, несколько пошатнувшуюся, как уже было сказано, в результате вмешательства князей в поставление епископов.

[153] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. № 53; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3. № 53-3.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ[1]

Повседневная жизнь древнерусского человека (традиционные практики, которые упорядочивали общение между людьми) редко находила отображение в дошедших до нас исторических источниках. Как отмечает Н. Л. Пушкарева, «авторы древнерусских литературных памятников вплоть до середины XVII в. старались показать людей такими, какими они должны быть, источников же, показывающих людей такими, какими они были в действительности, отражающих детали их внутреннего мира, раскрывающих побуждения к поступкам, колебания, сомнения и другие настроения, — почти не сохранилось»[2]. Сведения о том, как жили люди домонгольской Руси, приходится восстанавливать буквально по крупицам. Отчасти данные древнерусских письменных источников могут быть дополнены археологическими материалами, а также поздними свидетельствами, описывающими традиционные формы поведения людей, восходящие к более ранним временам.

Человек и общество. Семья и близкие. Средоточием жизни человека Древней Руси была семья. Терминология родственных отношений была детально проработана. Так, в Русской Правде в числе ближайших родственников, которым предоставлялось право кровной мести, помимо *отца*, *сына* и *брата*, указываются *братучадо* (племянник, сын брата; так же назывались двоюродный брат и двоюродная сестра) и сын сестры (*сестрич*). Кроме того, источники упоминают *мужа*, *жену*, *сестру*, *деда*, *бабку*, *уя* (дядю, брата матери), *стрыя* (дядю, брата отца), *стрыиню* (жену дяди), *стрыичича* (сына дяди), *свекра* (отца мужа), *сноху* (невестку, жену сына), *деверя* (брата мужа), *ятровь* (невестку, жену брата), *мачеху*, *падчерицу* и других родственников.

Судя по всему, наиболее значимыми считались связи, во-первых, между братьями и, во-вторых, между родителями и детьми. Глубина родовой памяти редко выходила за рамки двух поколений родственников. Недаром существительные «брат», «братья» чаще всех других слов употребляются летописцами: в Повести временных лет они встречаются 219 раз (то есть в среднем 4,6 упоминания на каждую 1000 слов текста; для сравнения: самое частотное в Повести временных лет существительное — «лето» — встречается 412 раз и дает 8,8 упоминаний на каждую 1000 слов, а следующее по частоте употребления — «сын» — отмечено 172 раза, соответственно 3,7 упоминания). При этом дети мало занимали древнерусских книжников. Слова, обозначающие подрастающее поколение (*отрок*, *дитя*, *чадо*), встречаются в Повести временных лет в 10 раз реже, чем существи-

[1] Первые восемь и последний разделы написаны И. Н. Данилевским, разделы «Календарь, счет времени и распорядок дня», «Метрология» — Е. Л. Конявской.

[2] *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: Невеста, жена, любовница. М., 2011. С. 2.

тельные, относящиеся ко взрослым мужчинам. Мужская родственная терминология составляет чуть меньше трети всего комплекса летописных существительных, при том, что вообще родственная лексика дает 39,4% от всех существительных, употребленных летописцем. В то же время старшее поколение (*отец—мать*; *муж—жена*) занимает в летописи подчиненное положение по сравнению с младшим (*сын—дочь*; *братья—сестры*; *дети—чада*): 353 и 481 упоминание соответственно. Проблема «отцов и детей» в древнерусском обществе принимала вид проблемы «сыновей и родителей»; отношения между сыновьями, с одной стороны, и родителями (отец, мать) — с другой, дают 355 упоминаний.

Приблизительно те же тенденции удается проследить и на материале восточнославянской антропонимики, при анализе имен собственных, которые носили люди в Древней Руси. К их числу относятся личные имена, прозвища (в том числе отеческие, отчества).

Важную информацию о человеке и его положении в обществе несли личные имена, которые присваивались при рождении. При этом различались канонические и неканонические имена.

Каноническое имя — «истинное», «настоящее» имя человека — было закреплено традициями христианской религии. К числу канонических (календарных, или агиографических) относились имена, взятые из церковного календаря, в котором указывались дни памяти канонизированных святых. В Древнерусском государстве каноническими были, как правило, только крестные (крестильные, церковные), монашеские (иноческие) и схимнические имена.

Крестное имя давалось человеку священником при крещении. Так, в Житии Феодосия Печерского сообщается, что будущий святой получил свое крестильное имя на сороковой день после рождения, во время крещения. Оно обычно выбиралось из церковного календаря и соответствовало имени святого, память которого праздновалась в день рождения или крещения человека. Встречаются и иные мотивы присвоения человеку того или иного имени. Крестильное имя в ранних источниках упоминается редко, обычно лишь в сообщениях о смерти данного лица или в текстах, написанных после его кончины. Возможно, это было связано с суеверными представлениями о необходимости скрывать «подлинное» имя, связывающее человека с небесным покровителем, ангелом-хранителем, чтобы уберечь его носителя от порчи, сглаза. В то же время практиковалось обозначение крестильных имен и отчеств заказчиков икон, произведений мелкой пластики и ювелирных изделий, а также владельцев вислых печатей путем изображения на этих предметах святых, имеющих прямое отношение к семейному патронату. Благодаря изображениям патрональных святых, путем их сопоставления с данными генеалогии восстанавливаются крестильные имена и отчества владельцев древнерусских печатей, атрибутируются многие художественные произведения Древней Руси. Косвенным основанием для восстановления крестильного имени князя могут являться сообщения о строительстве церкви или монастыря, поскольку в княжеской среде существовал обычай сооружения церковных построек во имя своих святых патронов. Так, строительство князем Всеволодом Ярославичем церкви Св. Андрея в Киеве, при которой его дочерью Янькой был основан монастырь, рассматривается как косвенное подтверждение принадлежности этому князю крестильного имени Андрей. Сообщение же Повести временных лет под 882 г. о том, что на могиле Аскольда была поставлена церковь Св. Николы, дало основания некоторым ученым предполагать, что Аскольд был христианином и носил крестильное имя Николай. По аналогичным причинам Ярославу Мудрому приписывается основание Юрьева, или Георгиевского, монастыря в 3 верстах от Новгорода. Поскольку

на Руси существовал обычай давать детям имена (как языческие, так и крестильные) в честь деда или бабки, в некоторых случаях знание родственных связей дает некоторые основания предполагать, какое крестильное имя мог носить человек. Так, В. А. Кучкин предположил, что сестру Владимира Мономаха звали не Екатериной, как записано в Лаврентьевской летописи, а Ириной (чтение, сохранившееся в Ипатьевской летописи): имя дочери Всеволода Ярославича, скорее всего, повторяло имя матери Всеволода — княгини Ирины, второй жены Ярослава Мудрого[3]. Крестильные имена в подавляющем большинстве случаев удается установить только для представителей верхушки древнерусского общества: князей, членов их семей и бояр.

Монашеское имя было вторым каноническим именем, которое мог получить человек. При пострижении в монахи оно заменяло его прежнее мирское имя. Обычно постригаемый получал имя того святого, память которого отмечалась в день пострижения, либо календарное имя, которое начиналось на ту же букву, что и мирское имя монаха. Так, Новгородская первая летопись упоминает боярина Прокшу Малышевица, принявшего при пострижении имя Порфирий, инока Варлаама (в миру — боярина Вячеслава Прокшинича), новгородца Махалко, который постригся под именем Митрофана, и др. Но случались и исключения: крестильное имя могло сохраняться при пострижении. Об этом, например, прямо свидетельствует летописец в рассказе о пострижении супруги Всеволода Большое Гнездо Марии (1206): «...пострижеся великая княгини Всеволожа во мнишескии чинъ в монастыри святые Богородици, юже бѣ самъ создал, и нарекоша еи имя Мария, в то же имя крещена бысть преже»[4].

В случае «третьего крещения» (принятия большой схимы) монах получал новое — *схимническое — имя*. Часто схимникам давали календарные имена, редко употреблявшиеся в миру в качестве крестильных (Мелхиседек, Акакий, Сакердон, Секлетея, Голендуха и т. п.).

Уже в Древней Руси целый ряд языческих, некалендарных имен светских и религиозных деятелей, канонизированных православной церковью, перешел в разряд имен календарных (например, Глеб, Борис, Владимир, Ольга и др.).

Неканоническое (мирское) имя обычно не было связано с религиозными традициями и, скорее всего, давалось родителями ребенка. Оно являлось «вторым», необязательным именем светского человека. Тем не менее в Древней Руси мирское имя, как правило, выполняло функцию основного имени, поскольку было более известным и употребительным, чем крестное имя. Сначала это было, как правило, некалендарное, дохристианское имя, не связанное с именем какого-либо святого. Позднее в том же качестве наряду с языческими начинают употребляться христианские имена, нередко в их народной, разговорной, неканонической форме (Микола и Микула вместо канонической формы Николай, Микита вместо Никита, Гюрги вместо Георгий, Нефед вместо Мефодий, Нерон вместо Мирон, Уполон вместо Аполлон, Федосия вместо Феодосия, Офимия вместо Евфимия, Овдокия вместо Евдокия и т. п.). Особенно активно процесс замены языческих имен христианскими протекал в княжеской и боярской среде.

Часто использовались уменьшительные и пренебрежительно-уничижительные формы неканонических имен. Порой встречаются омонимические (совпадающие в произношении и написании) формы различных

[3] *Кучкин В. А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география России XII — начала XX в. М., 1975. С. 43. Примеч. 20.

[4] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 424.

имен, когда неполное имя могло соответствовать двум или нескольким полным. Например, имя Елька могло быть образовано от имен Елисей, Елпидифор, Елизар или от некалендарного имени Ель; Зинька — от имени Зиновий или Зенон; сокращенное Алеша могло соответствовать и Алексею, и Александру; Митька — Дмитрию и Никите, и т. п. Встречаются и различные вариантные формы одного имени (аллонимы). Например, имена Стехно, Стенша, Степша являются неканоническими вариантными формами одного имени — Степан.

Прозвища, в отличие от имен, всегда отражали свойства или качества, территориальное или этническое происхождение, место проживания носителя. Прозвища могли даваться окружающими в разные периоды жизни человека и были известны довольно замкнутому кругу общества. Прозвище обычно являлось довольно меткой характеристикой лица, которому оно было дано. Иногда прозвища трудно отличить от языческих древнерусских имен. Это связано, в частности, с обычаем давать детям имена, образованные от этнонимов, названий животных, растений, тканей и других предметов, а также «защитные» имена. Многие из таких имен звучали оскорбительно и поэтому могут восприниматься как прозвища (например, Блуд или Волчий Хвост). Некоторые историки считают, что подобные имена возникли из прозвищ, и рассматривают их как *прозвищные имена*.

Важной уточняющей частью имени человека являлось *отеческое* или *дедическое прозвище* (*отчества* и *дедичества*), употреблявшееся обычно вместе с личным именем и образованное от имени отца или деда. Отчество и дедичество указывало на происхождение и родственные связи данного лица. В то же время на Руси отчество косвенно указывало и на социальную принадлежность данного человека, поскольку было почетным наименованием.

Так, упоминание в Повести временных лет Яня Вышатича дало основание А. А. Шахматову предполагать, что он был сыном Вышаты Остромирича[5] и соответственно внуком новгородского посадника Остромира, заказчика знаменитого Остромирова евангелия и *близока* (родственника) князя Изяслава Ярославича. В некоторых случаях косвенным подтверждением родственных связей между людьми служат связанные имена, соотнесенные между собой по какому-либо принципу (например, одинаковая начальная буква в именах братьев и сестер; имена популярных личностей, связанных между собой различными узами: Борис и Глеб; Роман и Давид; Вера, Надежда, Любовь и Софья и т. п., а также традиционные для данной семьи имена, дававшиеся в честь отца или деда, и т. д.).

В древнерусском языке, как и в большинстве языков других народов мира, существовали категории имен, традиционно даваемых только мужчинам или только женщинам. Однако иногда трудно понять, является то или иное древнерусское имя мужским или женским. Показательна в этом отношении дискуссия об имени Гостята, встреченном в новгородской берестяной грамоте № 9 (1160—1180). Часть исследователей считают, что Гостята — мужчина, другие, напротив, придерживаются мнения, что это женское имя. Аналогичные разногласия существуют и по поводу имен Омросия (автор новгородской берестяной грамоты № 59; 1320—1340 гг.), Дядята (автор граффито № 8 в новгородском Софийском соборе; вторая половина XI — первая половина XII в.).

Родственные связи в значительной мере определяли социальный статус человека, хотя с течением времени он мог меняться (если, например, человек переходил на службу к князю или боярину).

Фамилий в домонгольской Руси не было.

[5] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 317.

В Древней Руси возраст не рассматривался в качестве существенной характеристики человека. Поэтому рождение ребенка фиксировалось редко. Гораздо важнее было отметить смерть заслуженного человека: Повесть временных лет упоминает всего семь рождений, зато смерть видных исторических личностей в ней фиксируется около 100 раз. Поэтому чаще известна только дата смерти того или иного исторического лица. Для древнерусского автора интерес представляло социальное положение человека, ступенька иерархической лестницы, которую тот занимал. Авторы текстов обращали особое внимание на должность человека.

В жизни древнерусского человека имелся целый ряд возрастных рубежей, перешагивая через которые он приобретал новые социальные права. Ранние источники позволяют более или менее точно воссоздать возрастные вехи лишь в жизни князей. Первым важным этапом в жизни князя являлись связанные между собой обряды *постriга* и *посага*, носившие, судя по всему, языческий характер. Считается, что суть их заключалась в первом острижении волос и первом посажении юного князя на коня. Вероятно, эти обряды бытовали на Руси с древнейших времен. Мнения исследователей относительно того, во сколько лет совершались *постриги* и *посаги*, существенно расходятся. Скорее всего, это происходило в 3—5 лет.

Следующим важным моментом в жизни человека являлось его совершеннолетие. До этого он находился на попечении родителей, «кормящих сына своего до мужьства и до възраста его»[6]. Князь считался совершеннолетним, судя по всему, с 12—15 лет. В этом же возрасте он начинал участвовать в государственном управлении. Видимо, приблизительно с такого же возраста считались совершеннолетними и все прочие жители Древней Руси.

Еще одним возрастным рубежом являлось вступление в брак. Нормальным для этого, судя по летописным упоминаниям, считалось достижение юношами 14, а девушками — 12 лет. Но обручение могло состояться и раньше, после наступления 7 лет. Судя по более поздним источникам, в земледельческих областях Руси девушек обычно выдавали замуж в 15—16 лет. На Севере были приняты более поздние браки, в 20 лет и более.

Люди, перешедшие 45-летний возрастной рубеж, относились, по-видимому, к числу старых.

Значительная часть населения крупных городов была грамотной. Об этом свидетельствуют многочисленные берестяные грамоты, а также надписи, сделанные на различных бытовых предметах и стенах каменных построек. Помимо священников, большой части монахов и профессиональных писцов (*книжных списателей*), грамотой владели высококвалифицированные ремесленники, княжеские дружинники, женщины княжеских фамилий, а также знатные горожанки.

Положение женщины. Женщины редко упоминаются в древнерусских источниках. Например, в Повести временных лет сообщений, связанных с представительницами прекрасного пола, примерно в 5 раз меньше, чем «мужских». Женщины рассматривались преимущественно как своеобразная принадлежность мужчины (впрочем, как и дети). Именно поэтому на Руси до замужества девицу часто называли по отцу, но не в виде отчества, а в притяжательной форме (например, *Володимеряя*), а после вступления в брак — по мужу (в такой же, как и в первом случае, посессивной, владельческой форме; ср.: *мужняя жена*, то есть «принадлежащая мужу»). Одним из исключений из правила стало упоминание

[6] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 74.

жены князя Игоря Новгород-Северского в «Слове о полку Игореве» — *Ярославна*. Красноречиво говорит о положении женщины в древнерусской семье цитата из «мирских притч», приведенная Даниилом Заточником (XIII в.): «Не скотъ въ скотѣх коза, ни зверь въ звѣрех ожь, ни рыба въ рыбах ракъ, ни потка въ потках нетопырь, не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть, не жена в женах, иже от своего мужа блядеть, не робота в роботах — под жонками повозъ возити»[7].

Деспотические порядки, получившие широкое распространение в древнерусском обществе, не обошли стороной и семью. Все домочадцы, не говоря уже о слугах и холопах, находились в полном подчинении главы семейства, мужа. Прежде всего это относилось к женской половине дома. Считается, что в Древней Руси до замужества девушка из родовитой семьи, как правило, не имела права выходить за пределы родительской усадьбы. Мужа ей подыскивали родители, и до свадьбы она его обычно не видела. В то же время родители могли понести наказание, если девушка, выданная замуж насильно, «что учинит над собою». После свадьбы жена переходила в дом к мужу. Ее новым «хозяином» становился супруг, а иногда (в частности, в случае его малолетства — такое случалось часто) и свекр.

В древнерусских крестьянских семьях, судя по всему, доля женского труда всегда была велика. Часто женщине приходилось браться даже за соху. При этом широко использовался труд невесток, чье положение в семье было особенно тяжелым.

В то же время в домонгольской Руси женщина обладала целым рядом прав. Она могла стать наследницей части имущества отца (до выхода замуж). Самые высокие штрафы платились виновными в «пошибании» (изнасиловании) и оскорблении женщин «срамными словами». Рабыня, жившая со своим господином как жена, становилась свободной после смерти хозяина. Свободными становились и ее дети, прижитые от «господина». Появление подобных правовых норм в древнерусском законодательстве свидетельствовало о распространенности подобных случаев. Существование у влиятельных лиц нескольких жен фиксируется не только в дохристианской Руси (например, у Владимира Святославича), но и в более позднее время.

Вместе с тем в некоторых случаях женщина, видимо, и сама могла стать настоящим деспотом в семье. Так, в «Слове» и «Молении» Даниила Заточника женщина вовсе не выглядит столь беззащитной и неполноправной, как это может показаться. Даниил предпочитал (пусть и в шутку) занятие самым тяжелым ремеслом — варкой железа — жизни со «злой» женой. Однако настоящую свободу женщина обретала лишь после смерти мужа. Вдовы пользовались большим уважением в обществе. Кроме того, они становились полноправными хозяйками в доме. Фактически с момента смерти супруга к ним переходила роль главы семейства. Вообще же на жене лежала вся ответственность за ведение домашнего хозяйства, воспитание детей младшего возраста. В знатных семьях мальчиков-подростков, судя по всему, передавали на обучение и воспитание «дядькам» (в ранний период, действительно, часто дядьям по материнской линии — *уям,* считавшимся самыми близкими родственниками-мужчинами).

Брак и сексуальные отношения. В официально-религиозных установках древнерусского общества было принято возвеличивание девственности. Однако сохранение девушкой «чистоты» до брака, видимо, первоначально соблюдалось лишь верхушкой общества. Среди «простецов», по свидетельствам источников, на добрачные по-

[7] БЛДР. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 278.

ловые связи смотрели снисходительно. Общество терпимо относилось к посещению девицами весенне-летних «игрищ», предоставлявших возможность до- и внебрачных сексуальных контактов. Естественно, участие девушек в подобных «игрищах» приводило — и, видимо, нередко — к «растлению девства». Тем не менее даже по церковным законам это не могло служить препятствием для вступления в брак (исключение составляли только браки с представителями княжеской семьи и священниками). В деревне же добрачные сексуальные контакты как юношей, так и девушек считались едва ли не нормой. Древнерусское общество признавало за девушкой право свободного выбора сексуального партнера. На «игрищах», судя по свидетельству Повести временных лет, происходило и «умыкание», «увод» девиц — как правило, по предварительному сговору с невестой. Косвенно о праве свободного сексуального выбора девушек свидетельствуют довольно суровые наказания насильников. «Растливший девку осильем» должен был жениться на ней. В случае отказа виновник отлучался от церкви или наказывался четырехлетним постом. Насильник мог также наказываться очень высоким штрафом. Наконец, церковь предписывала продолжать считать изнасилованную девицей — правда, при условии, что она оказывала сопротивление насильнику и кричала, но не было никого, кто мог бы прийти ей на помощь. Рабыня, изнасилованная хозяином, получала полную свободу вместе со своими детьми.

По тяжести преступления к изнасилованию приравнивалось и словесное оскорбление женщины.

Основой новой, христианской, морали явился отказ от наслаждений и телесных радостей. Брак рассматривался как меньшее зло, чем распутство, но все же был отмечен печатью греховности. Священник, «быв со своею женою», должен был читать Евангелие и есть дору вне алтаря. В Древней Руси единственный смысл и оправдание половой жизни виделся в продолжении рода. Все формы сексуальности, которые преследовали иные цели, не связанные с деторождением, считались не только безнравственными, но и противоестественными. В «Вопрошании Кирика» (XII в.) они оценивались «акы содомъский грех». Установка на половое воздержание и умеренность подкреплялась религиозно-этическими доводами о греховности и низменности «плотской жизни». Однако пропасть между предписаниями церкви и повседневной житейской практикой, очевидно, была велика. Именно поэтому древнерусские источники уделяют вопросам секса особое внимание.

Согласно «Вопрошанию Кирика», супругам вменялось в обязанность избегать сексуальных контактов во время постов. Тем не менее это ограничение, видимо, достаточно часто нарушалось. Епископ Новгородский Нифонт возмущался подобными нарушениями. Тем не менее церковь вынуждена была пойти на уступки. Холостых «на Велик день [на Пасху], съхраншим чисто великое говение» разрешалось причащать несмотря на то, что те «иногда съгрешали». Предварительно следовало выяснить, с кем «съгрешали». Считалось, что блуд с «мужьскою женою» есть большее зло, чем с незамужней женщиной. В последнем случае предусматривалась возможность прощения согрешившего. Нормы поведения для мужчин были мягче, чем для женщин. Провинившемуся чаще всего грозило лишь соответствующее внушение, в то время как на женщину накладывались довольно суровые наказания.

Супругам предписывалось избегать сожительства в воскресные дни, а также по средам, пятницам и субботам, перед причащением и сразу после него, так как «в сии дни духовная жертва приносится Господу»[8].

[8] Ответы Тимофея Александрийского // Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906. С. 545.

Родителям возбранялось зачатие ребенка в воскресенье, субботу и пятницу. За нарушение данного запрета полагалась епитимья «две лета». Такие запреты опирались на апокрифическую литературу (в частности, на так называемые «Заповедь святых отцов» и «Худые номоканунцы»), поэтому многие священники не считали их обязательными. Достойным наказания могло стать даже «нечистое» сновидение.

Обязательный брак, установленный православной церковью для белого духовенства, в бытовом отношении сближал священника с его паствой. Быт женатого священнослужителя «выдвигал в сущности те же вопросы, которые затем приходилось решать попу применительно к своим „детям“»[9].

Родители и дети. Деспотические порядки, царившие в семье, не могли не сказаться и на положении в ней детей. Подчиненное положение ребенка и подростка в семье, пожалуй, лучше всего подтверждается тем, что в подавляющем большинстве термины, обозначавшие социально неравноправные слои населения, первоначально относились именно к младшим членам семьи, рода. Так, слово *мужик* образовано от существительного *муж* («взрослый, свободный, независимый человек») с прибавлением уменьшительного суффикса *-ик-* (букв. «маленький муж»). Слово *отрок* («дитя, подросток, юноша; младший дружинник», а также одновременно «слуга, раб, работник») буквально значило «неговорящий», то есть не имеющий права голоса в жизни семьи. Слово *холоп* («закабаленный, несвободный человек») связано с более поздним словом *хлопец* («мальчуган, мальчик, парень») и, возможно, происходило от корня **chol-*, из которого возникло и древнерусское прилагательное *холост*, *холостый*, то есть «неженатый, безбрачный, неспособный к половой жизни» (кстати, поэтому в Русской Правде для обозначения зависимых женщин используется другое слово — *роба*). Слово *челядь* («рабы, невольники, слуги») первоначально, судя по всему, относилось к младшим членам рода, семьи (ср. праславянское **cel'adь* — «стадо, род», родственное ирландскому *clan* — «потомство, род, клан», а также болгарскому *челяд* — «потомство, род, дети»). Наконец, слово *человек* в значении «человек, находящийся на службе у кого-то; чей-либо слуга» происходило, по мнению большинства современных этимологов, из сочетания двух основ, из которых одна была родственна только что рассмотренному праславянскому корню **cel-* («род, клан, колено»), а вторая — литовскому слову *vaikas* («дитя, детеныш, потомок, мальчик») и латышскому *vaiks* («мальчик, юноша»). К сказанному можно добавить, что на древнерусских миниатюрах и иконах бороды изображались лишь у людей старше 30 лет. Однако это правило действовало только для мужчин из привилегированных социальных групп. Представители городских и тем более сельских «низов» независимо от возраста изображались безбородыми. Борода рассматривалась как определенный социальный символ. В Русской Правде за «поторгание» (вырывание) бороды или усов полагался невероятно высокий штраф — 12 гривен (как за украденного бобра и лишь в 3 раза меньше штрафа за убийство свободного человека). Отсутствие бороды служило свидетельством неправомочности или неполноправности человека, выдергивание же бороды — оскорблением чести и достоинства.

Постоянный дефицит рабочих рук приводил к весьма неприглядным явлениям семейной жизни на Руси. Голод на трудовые руки проникал в уклад крестьянской семьи. Дети с самого раннего возраста использовались на различных работах. Но они были явно неполноценными работниками.

[9] *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 234.

Поэтому родители стремились как можно раньше женить сыновей. Женами же становились более взрослые девушки. В новой семье на них возлагалась, как правило, самая тяжелая и неприятная работа. Положение молодой жены, пришедшей в семью мужа, вряд ли чем-либо существенно отличалось от положения рабыни. Это уродовало семейные отношения, порождая, помимо прочего, такие явления, как снохачество.

Наказание жен и детей в «поучительных» целях считалось нормой. Так, мать Феодосия Печерского, как неоднократно подчеркивал автор его Жития, именно такими методами пыталась влиять на сына. Каждый его проступок, будь то попытка заниматься делом, несвойственным человеку его социального статуса, или тайное ношение цепей для «удручения плоти», или побег из дома с паломниками в Святую землю, наказывался с необычайной жестокостью. Мать избивала сына (даже ногами) до тех пор, пока не падала от усталости, заковывала его в кандалы, морила голодом и т. д. При этом побои, нанесенные матери или отцу, сурово наказывались.

Судя по всему, существовала практика продажи детей (в том числе собственных) в рабство.

Между тем древнерусские дети, как и все их сверстники, в свободное время играли и учились. Письменные источники упоминают детские игры только в самом общем виде. Более конкретную информацию предоставляют данные археологии. Подражая взрослым, дети (скорее всего, мальчики) сражались друг с другом деревянными мечами, кинжалами, копьями, использовали луки и стрелы, скакали на деревянных лошадках (палках, верхний конец которых был украшен изображением конской головы, или на конях-каталках — обрубках бревна на четырех деревянных ногах и с головой коня), играли миниатюрными железными топориками и бронзовыми кистенями. Девочки забавлялись с деревянными куклами, которых одевали и пеленали. Из дерева же для детей вырезали игрушечных животных и птиц, лодки, кубики, волчки-кубари, шары, хлопушки в виде трубки и поршня с ручкой, вертушки, которые крутились от ветра, свирели. Из глины делали игрушечную посуду, свистульки и погремушки в виде птиц, жужжалки из костей мелких животных (проделанные в них отверстия издавали звук, когда их вращали, привязав к ремешку). Из кожи изготавливали только мячи (в зависимости от размера — для игры в лапту и игры ногами).

Как проходил процесс обучения детей, неизвестно. Школ в домонгольской Руси не было. Судя по всему, «школьники» объединялись в небольшие группы, с которыми занимался наставник (скорее всего, профессиональный писец или священник, большинство из которых были грамотными). Читать учили по Псалтири. Как и взрослые, дети писали на бересте, продавливая на ней буквы, или на воске, залитом в специально подготовленные дощечки с выдолбленным углублением (так называемые *церы*; иногда на их бортиках и ребрах вырезали образцы букв). По воску писали особыми костяными или деревянными *писáлами*, один конец которых был заострен, а другой имел вид лопаточки, которой затирали неправильно написанные буквы.

На бересте же, судя по множеству находок, писали и взрослые. Большинство горожан и горожанок, видимо, были грамотными. Профессиональные писцы писали чернилами на специально выделанной коже — пергамене. Чернила изготавливались самими писцами из сажи, замешанной на камеди (древесной смоле), либо из раствора окиси железа. Особо ценные рукописи выполнялись твореным золотом и украшались разноцветными *буквицами* (инициалами) и заставками. При этом использовались краски минерального происхождения.

Коллектив и личность. Продолжением и одновременно обеспечением традиционализма древнерусской духовной культуры

стал ее коллективизм. В Древней Руси крестьянская, посадская и церковная общины (*вервь*, *мир*) обладали непререкаемым и нерушимым авторитетом. На протяжении столетий они оставались самым общим консервативным началом жизни общества. Коллектив, его память были носителями традиции и ее защитниками. В городе коллективистские тенденции находили воплощение в народном вече. Коллективизм, присущий древнерусской духовной культуре, породил целый ряд черт, которые характеризуют русское общество с древнейших времен.

В первую очередь, это отрицание ценности личности. Даже называя имена людей, источники, как правило, не сохраняют почти никаких сведений об их персональных качествах. С большим трудом, да и то далеко не всегда, удается разыскать их биографические данные. Личности всех оказываются «поглощенными» одной личностью — князем. Наши представления о многих выдающихся деятелях древнерусской истории имеют легендарный характер. Традиция «обезличения» закреплялась экономическими факторами. На всем протяжении домонгольской истории Руси господствовали коллективные формы собственности на землю: общинная, монастырская, государственная. Частная собственность не получила здесь такого распространения, как в западноевропейских странах.

Коллективная собственность и авторитет общественных собраний на Руси вызвали представление о том, что управлять жизнью общества может только какая-то внешняя сила, стоящая над всеми и не подчиняющаяся никому лично. Единственным исключением мог быть князь. Основа подобных представлений крылась в специфике самой коллективной формы управления обществом. Несмотря на то что предания о первых шагах древнерусской государственности как описания конкретных событий вряд ли заслуживают доверия, в них сохранились воспоминания о каких-то реальных фактах. В частности, не исключено, что среди первых восточнославянских правителей преобладали (так же как и в славянской Болгарии, во франкской Нормандии и многих других европейских странах) воины-иноземцы. Иногда это были захватчики (подобно Вещему Олегу в Киеве), иногда — люди, специально приглашенные для этого (подобно Рюрику в Новгороде). Приглашение князей «со стороны» представлялось вполне нормальным (если не закономерным) явлением в условиях формирования государства. Вечевые порядки позволяли решать вопросы лишь определенной степени сложности. Интересы мелких территориальных объединений, представленных на вечевой сходке главами семейств и общин, стояли выше общих интересов нарождавшегося сообщества. Поэтому по мере расширения такого сообщества все больше становилась опасность перерастания коллективного принятия решения в открытый конфликт между общинами. Так, изгнавшие в свое время варягов новгородцы вынуждены были просить их вернуться из-за внутренних конфликтов. При вечевом порядке решения общих проблем большое общество несло в себе опасность больших конфликтов, необратимой дезорганизации, катастрофы. Предотвратить конфликт мог специальный институт, стоявший над интересами составляющих. Выразителями нелокальных, а общих интересов в гораздо большей степени были способны стать люди, не входившие ни в одну из ячеек, из которых складывалось новое социальное объединение. Государство, представленное такой группой лиц или одним человеком, становилось мощным институтом, консолидировавшим общество, способным «судить по праву», организовать совместные действия отдельных родов (племен) по обороне своих земель, освоению новых территорий ияи контролю над торговыми путями (что в условиях Восточной Европы приобретало особое значение). Отчуждение властных функций от общества вело

к дальнейшему отрицанию роли личности «рядового» человека. Соответственно угасала и потребность личности в свободном волеизъявлении как осознанная и принятая обществом ценность. Опираясь на коллективистские традиции, общество активно подавляло попытки такого волеизъявления, если они все-таки появлялись. Всем членам древнерусского общества, кроме самого правителя, в свободе отказывалось. В итоге это вело к персонификации власти, отождествлению властных функций с конкретной личностью, выполняющей их. Становясь правителем, человек выделялся из общества, поднимался над ним. Подобные тенденции нашли выражение в деятельности Андрея Юрьевича Боголюбского, попытавшегося первым из древнерусских князей стать «самовластьцем». Однако деспотическая персонифицированная власть представляла серьезную опасность для ее носителя. Тот же Андрей Боголюбский поплатился жизнью за попытку ее установления. Если дружинники могли «отъехать» от неугодного князя, с которым находились в договорных вассально-сюзеренных отношениях, то «милостники» такой возможности были полностью лишены. Они не были равны с ним по положению, а были слугами, получавшими пожалование. Избавиться от деспотичного господина они могли только одним путем — физически устранив его.

Понятие свободы в русской духовной культуре имело особое наполнение. Практически оно всегда воспринималось как *не*-зависимость, свобода *от* чего-то или кого-то. Само праславянское слово **svoboda* связано с церковнославянским *свобьство* или *собьство* — «persona», в котором корень **svobь* происходил от *svojь* (ср. «свой») и обозначал положение независимого от старших, самостоятельного члена рода. Место личной свободы (в «европейском» смысле слова) в древнерусской духовной культуре заняла категория *воли*. В русском языке этим словом обозначаются и «власть, возможность распоряжаться», и «свобода, способность осуществлять свои желания». От него образованы слова *велеть*, *довлеть*, *позволить*, *власть*. Поэтому центральной фигурой древнерусской культуры, древнерусского самосознания чаще становился не победитель, а жертва. Так, первыми святыми Древней Руси стали именно жертвы: «невинно убиенные» братья Борис и Глеб, вся заслуга которых состояла в том, что они не противились собственному убийству. Дело в том, что организовано оно было их *старшим* братом, которому следовало повиноваться беспрекословно. Ярослав Мудрый, отомстивший за них убийце, такой чести не удостоился, хотя его собственный вклад в развитие древнерусской государственности и законодательства, а также в христианизацию и просвещение Руси несомненен. С категорией жертвенности тесно связаны и многие «мессианские» оценки событий отечественной истории в древнерусской литературе. Они как бы заранее оправдывают те жертвы, которые были принесены во имя коллективных интересов. Кроме того, необходимость такой жертвы снимала с повестки дня вопрос об отсутствии личной свободы, а заодно и об ответственности за неоправданные потери. Добровольное согласие на свое заклание рассматривалось как высшее проявление свободы.

На ранних этапах развития древнерусского общества природное (языческо-мифологическое) понимание сущности человека освобождало нравственные оценки от чувства человеческой справедливости, то есть от сознания вины. Моральный закон эпического сознания охранял право индивидуального произвола «сильной личности». Целью, долгом и главной добродетелью эпического героя было безусловное осуществление своего индивидуального права. Во главу угла ставилась его личная доблесть, но не совесть, что неизбежно вело к произволу.

Отношения людей в обществе регулировались народным обычаем, традицией.

К обычным нормам относились как к нерушимым, священным установлениям, которые пользовались тем бóльшим уважением и авторитетом, чем древнее они казались. «Старина» обычая придавала ему силу. Отражая перемены в жизни общества, содержание обычая корректировалось исподволь, помимо сознания людей. В их памяти обычай казался неизменным. Радикальное изменение в принятой норме не допускалось. Образ жизни традиционного общества исключал сколько-нибудь серьезные сдвиги в праве. Обычное право консервативно.

По мере усложнения общественной жизни требовалось регулировать те отношения, которые выходили за рамки обычного права, не подчинялись ему. «Сильные личности» (князь и его дружина) должны были, прежде всего, сформулировать нормы своих отношений с горожанами и крестьянами-общинниками, с которых получали дань и которых защищали. Им приходилось не только формировать новые традиции, но и гарантировать соблюдение норм, ограничивавших их собственный произвол. Создание таких правовых актов защищало и тех, кто платил за несостоявшийся набег, и тех, кто взимал такую плату. Показательным в этом отношении является конфликт между князем Игорем и древлянами. Попытка повторного взимания дани привела к убийству неудачливого князя. Непосредственным следствием произошедшей трагедии стали законодательные мероприятия его вдовы, княгини Ольги. Как пишет летописец, ей пришлось проехать по платящим дань территориям, «уставляющи уставы и уроки»[10]. Подобные изменения основывались на системе ценностей, до того момента, видимо, отсутствовавших в обществе (во всяком случае, в явном виде). Обычное право, тысячелетиями до того регулировавшее отношения между людьми, было дополнено записанным правом, которое исходило не только из устной и обрядовой традиции, но и из традиции письменной. Обычай получил подкрепление и развитие в Священном Писании, откуда (наряду с памятниками византийского законодательства) по преимуществу черпались новые правовые нормы. Первым из дошедших до нашего времени памятником такого письменного права стала Русская Правда. С самим словом, вошедшим в ее название (правда), связан чуть ли не весь современный правовой лексикон — *право*, *справедливость*, *правота*, *правление* и даже *праведный*. Установление правоты было тесно связано с представлением о божественной справедливости.

Главное заключалось не в том, чтобы установить, кто виновен, а кто — нет, а выяснить, получили ли действия человека санкцию высших сил, соответствуют ли они *благу*, недоступному непосредственному человеческому восприятию и пониманию. Поэтому решение правовых вопросов сплошь и рядом опиралось не на точно сформулированную человеком правовую норму, а на то, было ли совершено то или иное действие по Божьему «попущению» или нет. Отсюда широко распространенная практика решения судебных тяжб путем «Божьего суда»: испытанием железом, водой или судебным поединком («полем»). Победитель наглядно доказывал, на чьей стороне Бог, а потому был правым. Потерпевший же поражение признавался виновным или проигравшим. Даже роль свидетелей («видоков» или «послухов») нередко сводилась к тому, чтобы свидетельствовать не столько «о факте», сколько о «доброй славе» того лица, на чьей стороне они выступали в суде.

Этническое самосознание. Одной из важнейших характеристик человека Древней Руси было его представление о собственной причастности к определенному сообществу (этническому, политическому,

[10] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

конфессиональному). «При изучении процессов этнического развития, — пишет Б. Н. Флоря, — долгое время преобладала тенденция к установлению „объективных" признаков тех или иных этнических общностей (наличие территории компактного проживания, единства языка и т. д.). Однако по мере исследования все более становилось ясным, что все эти „объективные" признаки представляют собой лишь некоторые условия для развития процесса, протекающего прежде всего в сфере общественного сознания. Ту или иную общность людей делает этносом наличие у нее особого этнического самосознания, для которого характерно четкое осознание различий между этносом „своим" и „чужим". Поэтому, именно прослеживая историю развития этнического самосознания, можно установить основные этапы развития того или иного этноса. Все сказанное в полной мере относится и к истории славянской этнической общности»[11]. Источники дают возможность в общих чертах установить, к какой сообщности и как причислял себя древнерусский человек. Летописные данные позволяют с большой долей уверенности полагать, что для составителя и потенциального читателя летописи наиболее важной была причастность, во-первых, к потомкам Адама, во-вторых, к наследникам Иафета, в-третьих, к христианам, в-четвертых, к славянам, в-пятых, к конкретной ветви славян (в том числе к потомкам того или иного племени восточных славян) и, наконец, в-шестых, к жителям определенного города или территории, примыкавшей к нему.

Это были не точные политические, юридические либо языковые категории «своего» и «чужого», а сравнительно расплывчатые чувства и эмоционально-образные представления, проявлявшиеся не терминологически и не в единообразных высказываниях.

Одним из важнейших формальных критериев для разделения «своих» и «чужих» был язык. Всех восточных славян объединял язык книжной, христианской культуры, роднивший их с другими частями славянского мира и бывший важнейшим средством взаимного общения. Местные же говоры могли заметно различаться. Так, новгородский диалект лексически, морфологически и фонетически существенно отличался от киевского. Однако в самом общем виде отличие «своих» от «чужих» базировалось на представлении о том, что *мы* живем в «Русьской» (христианской, правоверной) земле.

Гораздо более конкретным была для человека Древней Руси причастность к определенному городскому локусу. Проблема же выявления черт, которые позволили бы вычленить представление древнерусского человека о своей принадлежности к некой единой «народности», до сих пор не решена. Поэтому приходится согласиться с тем, что «в средние века вообще весьма значительная часть населения была беззтнической»[12]. Это относится, прежде всего, к представителям «низов», не охваченных «элитарной» книжной культурой.

Вероятно, самосознание жителей Древней Руси (точнее, элитарное самосознание) не имело собственно этнического или политического характера. Скорее, его можно отнести к этноконфессиональным представлениям. Именно в таком ключе можно понять рассуждения древнерусских книжников о «Русьской земле».

Болезни и смерть. Болезнь воспринималась древнерусским человеком, прежде всего, как наказание за грехи. Освободившись от них, можно было получить исцеле-

[11] *Флоря Б. Н.* Формирование славянских народностей: Их этническое самосознание в эпоху раннего Средневековья и перспективы его дальнейшего развития // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 387.

[12] *Моця А. П.* Степень этнической интеграции восточных славян в древнерусское время // Истоки русской культуры: Археология и лингвистика. М., 1997. С. 136.

ние. Расплатой за особенно тяжкие прегрешения могла быть смерть согрешившего. В некоторых случаях распространителями массовых смертельных заболеваний (*морового поветрия*) считались бесы и «нечистые» мертвецы (*навье*).

Сведения о древнерусских лекарях скудны. Чаще всего в качестве тех, кто оказывал «врачебную» помощь, выступали священники и монахи. Основными «лекарствами» были молитва (особенно если ее произносил священник), пища и вода, которые ел и пил человек, при жизни почитавшийся как подвижник. Исцеление обычно рассматривалось как чудо. Упоминаются врачи-иноземцы (в Киево-Печерском патерике фигурирует врач-армянин).

Продолжительное заболевание, доставлявшее страдания, воспринималось как испытание, повод для покаяния, а в особо тяжелых случаях — как подготовка к «правильной» смерти. Поэтому муки, связанные с болезнью либо испытываемые по воле другого человека, следовало переносить со смирением. Мучительная кончина «кровью омывала» грехи, совершенные при жизни, и обеспечивала усопшему блаженство на том свете. Вообще, смерть считалась прекращением лишь жизни земной, «временной». Зато она открывала путь в жизнь вечную.

Важным моментом было погребение. Тела, оставшиеся без него, могли быть растащены животными и птицами. Расчленение же трупа являлось одним из самых страшных посмертных наказаний, так как лишало покойника надежды на телесное воскресение. Поэтому тела преступников иногда бросали на растерзание псам и воронам. Во время моровых поветрий, когда число скончавшихся было велико, — устраивались братские могилы (*скудельницы*), в которые складывали трупы. В «Вопрошании Кирика» подчеркивалось: «Оже кости мертвых валяються кде, то велика человеку тому мьзда, оже погребуть их»[13].

Наряду с запретом на «раздробление» тел существовал обычай поклонения мощам — часто лишь частицам тел святых. Однако это не считалось их осквернением. Перед традицией логика отступала.

Внешний мир. *Количество и число.* Количественные оценки имели для древнерусского человека ценностное значение. Представление о священных свойствах числа было широко распространено и реализовывалось в самых разных областях человеческой деятельности. Числа и числовые отношения, как показали работы целого ряда исследователей, имели, помимо прикладного значения, символико-теологический смысл. Они отражали сущность высшей непознаваемой истины и выступали в качестве сакрализованного средства осмысления окружающего мира. В основе такого восприятия количества лежала хорошо разработанная символика чисел.

В древнерусских литературных произведениях числа не только выполняли документально-фактографические функции (когда ими определяли реальное количество чего бы то ни было), но также наполнялись символическим (троповым) содержанием. Они могли передавать сакральную информацию, констатировать божественный смысл происходящих событий. Иногда числа в древнерусских текстах несут смешанные функции, ориентированные одновременно как на явления земной жизни, так и на их идеальные, божественные прототипы.

Автора часто больше интересовали не реальные размеры описываемого объекта, а его символическая связь — через числа, выражавшие его размеры или пропорции, — с каким-либо сакральным образом, скажем, Храмом Соломона (20 × 60 × 120) или Ноевым ковчегом (50 × 300 × 30) и т. п. Особенно часто такие функции выполняли «круглые» числа, упоминаемые древне-

[13] РИБ. Т. 6. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 37.

русскими авторами: они воспринимались не как документальное выражение количества, а как условные обозначения, лишь приблизительно отвечающие реальному положению дел. Эта особенность не позволяет относиться к подобным указаниям древнерусских источников как к достоверным данным.

Пространство. Образ пространства — неотъемлемая часть целостной картины мира. Объективно существующее пространство субъективно переживается и осознается людьми, причем в разные исторические эпохи и в разных странах по-разному. Средневековью, как западноевропейскому, так и отечественному, было свойственно наделять пространство религиозно-этическими чертами. Центром Земли — в прямом и переносном смысле — считался Иерусалим, а центром Иерусалима — Храм Господень. «Пуп Земли» окружали страны «праведные» и «грешные». Одни из них были «ближе» к раю, другие — к аду; одни — к миру горнему, другие — к дольнему; одни — к небу, другие — к земле. Причем эта сакральная топография могла время от времени изменяться — в зависимости от праведности или грешности населения той или иной земли. Одновременно мог перемещаться и духовный центр мира. «Новый Иерусалим» мог находить вполне конкретное воплощение теоретически в любом городе, который принимал на себя заботу о всеобщем спасении. Практически им становился город, претендовавший на роль центра «Русьской» земли (сначала Киев, позднее — Владимир-на-Клязьме).

Восприятие не только «географического» мира в целом, но и отдельных *сторон света* тоже было связано с ценностными характеристиками. Так, на Руси было достаточно распространено отношение к *югу* как к «богоизбранной» стороне света. Например, в древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия над местом загробного пребывания блаженных душ веет благовонный *южный* ветер; в Русской церкви издавна существует припев к стихирам под названием «Бог от юга». Ценностное наполнение для древнерусского человека имели не только страны света, но и понятия *верха* и *низа, правой* и *левой* стороны (с положительным и отрицательным знаком в том и другом случаях соответственно).

Поэтому упоминание «конкретных» пространственных деталей в описаниях событий могло выполнять в древнерусской литературе несколько иную функцию, чем сейчас. Это происходило в связи с принципиально иной ценностной ориентацией древнерусской духовной культуры.

В средневековом восприятии пространство не отделено от времени, образуя некий пространственно-временной континуум, который в научной литературе принято называть *хронотопом*.

Время. Время, подобно пространству, в сознании древнерусского человека было наделено нравственно-этической ценностью. Практически любая календарная дата рассматривалась им в контексте как реального, так и символического наполнения. Об этом можно судить даже по частоте тех или иных календарных упоминаний. Так, в Повести временных лет понедельник и вторник упоминаются всего по одному разу, среда — дважды, четверг — трижды, пятница — 5 раз, а суббота и воскресенье (*неделя*) — по 9 раз. Естественно, это говорит не столько о любви или, напротив, нелюбви к определенным дням, сколько о наполненности их событиями, которые интересовали летописца и его читателей. Так, например, закладка и освящение храмов, перенесение мощей обычно совершались по субботам и воскресеньям.

Частое упоминание каких-то чисел месяцев или, наоборот, стремление избежать такого упоминания было, прежде всего, связано с тем, считалось данное число счастливым или нет. Это же касалось и

дней недели. По воскресеньям не принято было забивать скот и птицу.

Показательно, что в сохранившихся в более поздней рукописной традиции апокрифических «ложных» книгах («Лунники», «Громовники», «Астрологии», трактаты «О Чихире звезде, како стоит», «О злых днях лунных», «О лунном течении», «Книги Рафли» и др.) подробно описывались «качества» календарных дат и давались рекомендации: можно ли в этот день «отворять кровь» (один из методов лечения), рвать зубы или начинать какое-либо дело, как сложится судьба ребенка, родившегося в этот день, и т. п.

Кроме того, имелись церковные календарные предписания, в основном запретительного характера. Наиболее хорошо известны пищевые и поведенческие запреты, связанные с постами: многодневными — Великим (семь недель перед Пасхой), Петровым, или Апостольским (от шести недель до семи дней — в зависимости от даты празднования Пасхи), Успенским, или Госпожим (с 1 по 15 августа)[14], Рождественским, или Филипповым (сорокадневным — с 14 ноября по 24 декабря), а также однодневными — по средам и пятницам (кроме седмиц пасхальной, троичной, святочных, о мытаре и фарисее, сырной), в праздник Воздвижения (14 сентября), день Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа) и в навечерие Богоявления Господня (5 января). Существовали и иные ограничения. Скажем, браковенчания не совершались по вторникам, четвергам и субботам, в дни двунадесятых, храмовых и великих праздников, а также в продолжение всех многодневных постов, Святок (с 25 декабря по 7 января), масленицы, недель сыропустной, Пасхальной, в дни Усекновения главы Иоанна Предтечи и Воздвижения Креста Господня. Была разработана детальнейшая система регулирования половых отношений, наполненная разнообразными запретами и ограничивавшая сексуальные связи примерно 100 днями в году.

Символико-этическое содержание имели и годовые (хронографические) даты. Чаще это относилось к многолетним периодам. Но были номера годов, которые сами по себе занимали помыслы наших предков. Прежде всего, речь идет о дате весьма напряженно ожидавшегося в Древней Руси, как и во всем христианском мире, «конца времени» — Второго пришествия, за которым следовал неумолимый Страшный суд. В Священном Писании неоднократно подчеркивается, что дата наступления конца света — во власти Бога. Ее не могут знать ни люди, ни ангелы. Тем не менее многие средневековые «промузги» пытались ее рассчитать, опираясь на пророчество Даниила, Евангелие от Матфея, Апокалипсис, а также на апокрифические сочинения, не принятые христианским каноном.

Такая традиция нашла отражение во многих литературных памятниках Древней Руси, в том числе в Повести временных лет. Первую славянскую полную — Геннадиевскую — Библию (1499) завершает рассуждение, приписываемое святому Ипполиту Римскому, почитавшемуся в Древней Руси. Согласно ему, после 6537 г. от сотворения мира (видимо, 1037 г. н. э.) ожидание конца света приобрело на Руси особое напряжение. Вряд ли случайно, что именно к этому моменту были приурочены строительство Ярославом Мудрым в Киеве храма Св. Софии и Золотых ворот, монастырей Свв. Георгия и Ирины, произнесение Иларионом «Слова о Законе и Благодати», а также создание так называемого «Древнейшего летописного свода». Столь же «благоприятными» для наступления конца света считались, согласно хорошо известному на Руси «Откровению» Мефодия Патарского, годы, на которые выпадал 9-й индикт. Кроме того, в древнерусской литературе имелось огромное количество описаний различных

[14] Здесь и далее даты церковного календаря приведены по старому стилю.

знамений, которые должны были непосредственно предвещать приближение «последнего» времени. Часть из них также имела календарную форму. Считалось, например, что конец света настанет в год, когда Пасха придется на Благовещение (25 марта). Подобные совпадения тщательно рассчитывались и фиксировались.

Когда в очередной «назначенный» срок конец времени не наступал, общество переживало существенный мировоззренческий кризис.

Календарь, счет времени и распорядок дня. После принятия христианства вместе с богослужебной практикой и богослужебной литературой образованное духовенство и светская элита Руси восприняли и христианский календарь. Русь стала жить по юлианскому календарю, который был принят на Никейском соборе 325 г. для всех христианских народов. Счет времени по Византийской мировой эре начинался от сотворения мира — 5508 г. до н. э. Благодаря усилиям многих ученых богословов, византийская система удовлетворяла и лунному, и солнечному календарям и была максимально согласована с «пасхалиями» (фиксированными хронологическими вехами, связанными с земной жизнью и крестной смертью Христа). Однако у древнерусского счета времени сразу определились и особенности. Хотя в Византии господствовал сентябрьский год, то есть новолетие приходилось на 1 сентября, Древняя Русь использовала другой вариант начала года (как ряд славянских и других народов) — 1 марта. Этот стиль мы встречаем в древнерусских летописях. Такой год мог начинаться на полгода позже сентябрьского, данный стиль называется мартовским, или на полгода раньше 1 сентября, что принято называть ультрамартовским стилем.

Усвоение византийской системы летосчисления подтверждается тем, что знакомые с хронологическими выкладками «Хроники» Георгия Амартола, «Летописца вскоре» патриарха Никифора (и других Малых хроник), которые читаются уже в самых ранних древнеславянских и древнерусских памятниках — Изборнике 1073 г., Начальном своде и Повести временных лет, русские летописцы включали в свои произведения как заимствования из них, так и собственные тексты, построенные по этому образцу: «Яко от Адама до потопа лѣт [҂в҃ с.]м҃ и в҃ [15], а от потопа до Оврама лѣт ҂а҃ и п҃в, а от Аврама до исхоженья Моисѣева [лѣть . у҃л҃]»[16].

Надо сказать, что порой летописцы обнаруживают и приверженность Александрийской эре, которая исходила из того, что от сотворения мира до Рождества Христова прошло 5500 лет. Так, в Рогожском летописце под 6730 г. читается: «Купно от Адама до Христа лѣт 5500»[17].

В некоторых летописных статьях указан индикт — своего рода хронологический ученый изыск. Это номер года по 15-летнему циклу, идущему от византийской практики обновления описей имущества для налогообложения. Но со временем индикт приобрел элемент сакральности, как и другие хронологические феномены (например, эпакт, индиктион и др.).

Вместе с тем в повседневной жизни люди имели дело не столько с аспектами астрономического года, сколько с категориями сезонов, месяцев, суток. Месяцы связаны с лунным течением, и деление года на них существовало у славян и до усвоения Византийской мировой эры (об этом свидетельствует бытование параллельно с римскими названиями славянских: август — зарев, февраль — сечен и т. д.). Сохранение этого элемента в счете времени сформи-

[15] Цифры в древней письменности обозначались буквами под титлами, для обозначения тысяч был специальный значок: ҂.

[16] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17—18.

[17] ПСРЛ. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 26.

ровало древнерусский календарь как лунно-солнечный.

Неделя состояла из семи дней, имевших славянские названия. Эти семь дней составляли седмицу[18]. Неделя — воскресенье, понедельник — после недели, вторник — второй день, среда — середина седмицы и т. д. (лишь суббота — от еврейского *шаббат*).

Относительно деления суток очевидно, что наши предки ориентировались на восход и закат солнца, на высоту его стояния. Отсюда выражения «въсходящю солнцю», «противу свету», «светающю дню». Ясно, что выделялись не только утро, день, вечер и ночь, в ходу была бóльшая конкретизация в определении времени суток. В летописях встречается: «до полунощьа», «в полуденье», «въ обедъ» «во обедне веремя», «въ полутра», «въ середъ утра». Часто определение времени связывалось с церковной службой: «заутрени суще године», «въ то время, егда заутренюю благовестять», «идуче въ заутрьнюю», «по заутрени», «пред обеднею», «передъ вечернею», «въ вечернюю» и т. п. Таким образом, понятно, что в городе люди могли ориентироваться на начала и окончания служб, которые отмечались колокольным звоном.

Источники содержат данные, по которым можно составить какое-то представление о том, как в повседневности складывался порядок дня русского человека в этот ранний период. О строении дня, которое он рекомендует соблюдать своим потомкам, пишет Владимир Мономах: «Да не застанеть вас солнце на постели. Тако бо отець мои дѣяшет блаженыи и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю и узрѣвше солнце и прославити Бога с радостью»[19].

Подтверждалось ли это требовательное назидание со ссылкой на авторитеты реальной практикой? Видимо, случалось по-разному. Есть рассказ в Лаврентьевской летописи под 6656 г., где повествуется о том, как Глеб Юрьевич попытался овладеть Переяславлем. Он приблизился к городу «вборзѣ свитающю дни». Мстислав Изяславич и его дружина в это время еще «лежали», их разбудили сторожа. Далее как временные вехи упоминаются завтрак (Глеба) и обед (Мстислава)[20]. Можно понять, что от приема пищи в положенное время князья и воины не отказывались даже во время военных действий.

Но хотя «обед» во многих контекстах звучит как временная точка отсчета и даже как синоним полудня, очевидно тем не менее, что полдень для обеда был лишь примерным ориентиром. Так, новгородский летописец говорит: «Трясеся земля въ пятък по велицѣ дни 5 недѣли въ обѣдъ», но, чтобы быть точным, добавляет: «а инии уже бяху отобѣдали»[21].

Согласно уставу монастырская обеденная трапеза начиналась в воскресные и праздничные дни, будни и посты в различное время. В значительной мере годовой служебный календарь влиял и на время дневной трапезы мирянина.

Что же касается ужина, то упоминаний этого приема пищи в источниках немного. Об ужине Василька Теребовльского говорится в Повести временных лет под 6605 г.: князь ужинал в Выдубицком Михайловском монастыре, а «вечером» вернулся в свой стан — к «товарам»[22]. Из этого следует, что такой ужин не был поздней трапезой, тем более что речь идет о ноябре, когда темнеет достаточно рано.

---

[18] Название современной недели. Однако довольно скоро *седмица* и *неделя* стали синонимами, что порой создает трудности в интерпретации текстов.

[19] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 246—247.

[20] Там же. Стб. 319.

[21] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 69, под 6738 г.

[22] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 258.

Однако в условиях военного похода ужин мог быть и весьма поздним. Святополк Окаянный «всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею»[23]. В 1151 г. Мстислав Изяславич также накануне битвы пил с уграми, а на следующий день его непротрезвевшие союзники были перебиты Владимирком Володарьевичем. Но в отличие от эпизода со Святополком их пир был не очень поздним, ибо к полуночи (то есть к середине ночи) Мстислав уже спал, а до этого, после того как венгры уснули, он успел расставить сторожей. При этом ночь была короткой — по-видимому, было начало июля. Перед битвой на Липице Юрий и Ярослав Всеволодичи пируют с боярами, обсуждая ситуацию, возможные действия и их последствия[24]. Этот пир явно не носил характера некоей попойки, а скорее напоминал военный совет, хотя и не совсем на трезвую голову, — его участники даже писали грамоты.

Можно было бы посчитать, что поздние пиры имели место лишь в военное время, когда нарушался обычный уклад жизни, однако есть примеры и другого рода. В Житии Феодосия Печерского рассказывается, как Изяслав Ярославич с дружиной были в монастыре на вечерней службе и сильный дождь вынудил их задержаться в обители. Из повествования Нестора мы узнаем, что Феодосий был озабочен тем, как накормить князя с дружиной и напоить их вином или пивом[25]. Видимо, о ночном застолье идет речь в рассказе Ипатьевской летописи о нападении на Белгород Владимира Мстиславича в 1150 г., когда Борис Юрьевич, не ожидая нападения, пил «на сѣньници съ дружиною своею и с попы Бѣлогородьскыми»[26].

Довольно скупа информация о начале рабочего дня наших предков. На рассвете («зорамъ въсходящемъ») Феодосия Печерского, возвращавшегося от князя, приветствуют «вельможи», которые ехали к князю на двор, а позже ему кланяются бояре, видимо, державшие путь туда же[27].

О послеполуденном сне Владимир Мономах говорит как о предписанном Богом, но думать, что это было общепринятым правилом, не следует. В Житии Феодосия Печерского рассказывается, что Феодосий, заботясь о братии, запретил вратарю открывать ворота кому-либо «по отъѣдении обѣда» и до времени вечерни[28]. И в это время пришел в монастырь князь Изяслав, который не знал о таком правиле Феодосия и явно сам такому порядку не следовал. Пример же следования такой традиции находим в Ипатьевской летописи под 6605 г.: Давыд Игоревич окружил Луцк и предался полуденному сну, в это время на него напали войска князя Святоши и Путяты[29].

План распорядка, излагаемый Владимиром Мономахом, показывает, что главные дела князья и знать старались осуществлять в первой половине дня. Причем в начале предписывается «думати с дружиною» (вспомним, что бояре на княжескую службу едут с самого утра). Далее идет «исправление» суда, ловы (охота) и т. д.

Относительно окончания работы информации в письменных источниках не находится, за исключением записей писцов, а это достаточно специфическая сфера деятельности. Но в Древней Руси явно было представление о некоем времени, когда было пора ложиться спать. Для него даже существовало специальное слово *вълягомо*

---

[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142.
[24] Там же. Стб. 495.
[25] БЛДР. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 412.
[26] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 415.
[27] БЛДР. Т. 1. С. 392.
[28] Там же. С. 384, 386.
[29] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 247.

(*вълягомъ*[30]). В 1146 г. Изяслав Мстиславич и Владимир Давыдович шли целый день к Карачеву и остановились, не дойдя до города, потому что начиналась ночь, «и бы влягомо»[31]. Когда в Галиче умирает Владимирко, наказанный Богом, время его смерти определено: когда «бы влягомо»[32]. До этого говорилось, что был «велми вечеръ». А Петр Брославич, выехавший из Галича, поскольку «бѣ ему уже вечеръ», остановился на ночлег в Болшеве. Петр уже спал («леже у Болшевѣ»), когда — «быс убо къ куромъ» — ему пришла весть. Таким образом, кукареканье застает его спящим.

Есть летописные известия, где в связи с теми или иными событиями указываются и часы дня или ночи. Наиболее систематично с точностью до часа фиксируются необычные природные явления: солнечное или лунное затмение, гроза в феврале и т. д., время преставлений князей и церковных иерархов, встречаются такие указания и в рассказах о ходе военных действий, о пожарах. Анализ подобного рода сообщений позволяет заключить, что в домонгольское время использовалась система так называемого «косого» (неравного) часа[33]. «Косой час» — это принцип «светового дня»: как день — светлое время суток, так и ночь — темное — делятся на 12 часов. Понятно, что в зависимости от географической широты, месяца года соотношение длительности светового дня и ночи будет различным, столь же различными по длительности будут ночные и дневные часы[34]. Именно такой час фигурирует в знаменитом хронометрическом трактате Кирика Новгородца[35].

Нет сомнения, что в Древней Руси пользовались солнечными часами. Но есть указания и на час ночи. Под 6665 г. в Новгородской первой летописи читаем: «На то же осень зѣло страшьно бысть: громъ и мълния, градъ же яко яблъковъ боле, мѣсяця ноября въ 7 день, въ час 5 нощи»[36]. В 6602 г., согласно Повести временных лет, владимирский епископ Стефан преставился 27 апреля в 6 часу ночи. Ночью и в пасмурный день время могли определять по водяным часам. О таких приборах говорится в списках церковных уставов[37].

Непривычная для современного человека временная конструкция — «косой час» — базировалась, по-видимому, на двух ментальных моментах: представлении о том, что день — это свет, а ночь — тьма, и убеждении, что день включает 12 часов. И то и другое было подкреплено авторитетом евангельского текста: «Отвѣща Иисусъ: не два ли надесете часа еста во дни; аще кто ходитъ во дни, не поткнется, яко свѣтъ мира сего видитъ: аще кто ходитъ въ нощи, поткнется, яко несть свѣта въ немъ» (Ин 11:9).

Метрология. В источниках встречаются упоминания мер длины, объема, веса и иная метрологическая терминология, позволяющая составить некоторое представление о характере и способах разного рода измерений, с которыми приходилось иметь дело русским людям в ранний период.

---

[30] Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 2. М., 1989. С. 168.

[31] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 336.

[32] Там же. Стб. 462—463.

[33] *Конявская Е. Л.* Время суток в раннем летописании // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 126—134.

[34] *Симонов Р. А.* Естественнонаучная мысль в Древней Руси. М., 2001. С. 218—228.

[35] *Симонов Р. А.* Роль Кирика Новгородца в культуре Руси: (К 900-летию) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 76.

[36] НПЛ. С. 30.

[37] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1481; *Мурьянов М. Ф.* Хронометрия Киевской Руси // Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России: Очерки В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 137.

Представление это, однако, далеко не полное, поскольку сведения отрывочны, а реальное содержание мер могло меняться с течением времени.

Меры длины. Одним из важных элементов системы мер длины был *локоть* (в Повести временных лет: «...токмо не ступишася о них горы на 12 локотъ...»[38]), расстояние от локтя человека до среднего пальца раскрытой ладони. Такая мера, известная по библейским текстам, была принята в Греции, у народов Западной Европы и скандинавов.

Применялся локоть при отмеривании ткани, в торговле, а также в строительном деле. Археологи находят соответствующие измерительные образцы или рабочие инструменты: деревянные мерные стержни (в Новгороде, Старой Ладоге и др.), несколько отличающиеся по длине. Так называемый Иванский локоть — для тканей (54,7 см) и строительный — с гранями и делениями-зарубками (два фрагмента такого стержня были найдены в Новгороде).

Локоть был равен 2 пядям. *Пядь* (*пядень*) — самая малая единица длины (также имеющая аналогию в греческой традиции) — определялась расстоянием между расставленными указательным и большим пальцами руки (18—19 см). Был в употреблении еще один вариант пяди — «пядь с кувырком»: пядь с прибавкой двух или трех суставов указательного пальца — соответственно 27 или 31 см.

Более крупной мерой длины была *сажень* (*сяжень*), упоминание которой встречается довольно рано: в Повести временных лет (инок Ларион «ископа печерку малу дву сажену»[39]) и на Тмутороканском камне («Въ лѣто ҂sф҃os индикта ѕ҃ Глѣбъ князь мѣрилъ мо[ре] | по леду от Тъмутороканя до Кърчева ҂і҃ и ҂д҃ сяже[нъ]»[40]). Сажень была равна ширине размаха рук или одному шагу[41].

Размер сажени (примерно 152 см) при переводе греческих текстов соотносился с *оргией* — греческой морской мерой. Мера использовалась для определения расстояния между объектами, в строительстве. Соотнесение ее с шагом делало ее удобной и доступной. Игумен Даниил, автор «Хожения» в Святую землю (начало XII в.), многократно использует ее относительно определения небольших и довольно больших (200 сажень) расстояний. Возникает вопрос о существовании приспособлений, позволявших мерить в саженях не только расстояние, но и глубину. Даниил утверждает, что он сам измерил глубину Иордана в самой середине реки и глубина эта — 4 сажени.

Сажень соотносилась с 4 локтями или 8 пядями.

Верста (поприще) определяла наиболее значительное расстояние и связывалась с греческим *стадием*, равняясь 1110—1140 м. Даниил использует версту при указании больших расстояний и, как правило, морских: «А Кипра до Яфа града верстъ 400, все по морю ити. От Царяграда до Рода острова 8 сот верстъ; а от Рода до Афа 8 сот верстъ. То ти всего пути по морю до Афа есть верстъ 1000 и 600»[42].

Наконец, в памятниках письменности (в том числе у того же Даниила) встречаются нечеткие описательные определения расстояний: как камень «довержет» («близь яко довержет человѣк»[43]), как стрела долетит, измерение в днях пути.

---

[38] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 236.

[39] Там же. Стб. 156.

[40] *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М., 1979. С. 11. См. также: *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964. С. 17, 72.

[41] Г. Я. Романова полагает, что во втором случае сажень обозначает уже меру «в два раза большую», равную «удвоенному шагу» (*Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975. С. 36—37).

[42] ПЛДР. [Кн. 2]: XII век. М., 1980. С. 32.

[43] Там же. С. 42.

Меры объема. Хотя наименования таких мер известны — они определяются стандартными, видимо, сосудами, но их измерительное значение может обозначаться лишь предположительно. Так, для сыпучих тел мы встречаем меру *кадь* (кадь применительно к объему зерна несколько раз упоминается, например, в берестяной грамоте № 1029[44] второй половины XII в.) и половина кади (половник). В новгородских берестяных грамотах встречается также *дежа* — в связи с указанием объема разного вида зерна (грамоты № 1023, 1024, 1027, 1030[45]). В Русской Правде обозначены и более мелкие меры: *уборок* и *лукно*.

Жидкости измерялись *ведрами* и *бочками*. Ведро предположительно вмещало 12—14 литров, ведрами, в частности, меряли меды (напитки). Для вина и масла использовался сосуд *корчага*, который сам становился мерой. Слово фиксируется уже в Житии Феодосия Печерского: «...и се нѣкъто от богатыихъ принесе кърчагу велику зѣло пълну масла дрѣвянааго»[46]. В 1146 г. со двора Святослава Ольговича грабящие уносят, поделив между собой, 80 корчаг вина[47].

Меры веса. Первоначально на Руси, как и во многих других странах в ранний период, весовые единицы совпадали с денежными. Так, определенное время и в денежной, и в весовой системе функционировали гривны (монеты, слитки), гривенки и др.

Но с развитием торговли возникла потребность в более крупных мерах веса. Я. Н. Щаповым показано, что эталоны веса, согласованные с партнерской стороной, с определенного времени находились в главном храме города. В договоре 1229 г. Смоленска с Ригой и Готландом говорится о двух равноправных эталонных гирях, которые хранились в Смоленском кафедральном соборе и латинской церкви на Немецком дворе[48]. В договоре также упоминается *пуд*, который немцы дали жителям Волока. О городских торговых мерах, переходящих в ведение епископа, говорится и в южнорусской редакции Устава князя Владимира (начало XIII в.).

Пуд как мера веса упоминается в Новгородской первой летописи под 6678 г.: «медъ по 10 кунъ пудъ»[49], в берестяных грамотах рубежа XII—XIII вв. (№ 983[50], 61[51]). Вместе с тем слово *пуд* употреблялось и в значении гири (как отмечалось выше), и в значении измерительного прибора типа безмена, применявшегося наряду со скалвами (весами, близкими к аптекарским, их фрагменты находят археологи).

Более крупной мерой был *берковец* (*бьрковьскъ*). При описании разграбления двора Святослава Ольговича упоминаются 90 «берковьсковъ меду»[52], мера встречается также в берестяной грамоте № 219 (конец XII — начало XIII в.[53]). По более поздним данным сделан вывод, что берковец равнялся 10 пудам.

---

[44] *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. 12: (Из раскопок 2001—2014 гг.). М., 2015. С. 127—128.

[45] Там же. С. 120—123, 126, 129—131.

[46] Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 114.

[47] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334.

[48] *Щапов Я. Н.* Из истории городского управления в Древней Руси: Служба мер и весов // Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 34.

[49] НПЛ. С. 33.

[50] *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. 12: (Из раскопок 2001—2014 гг.). С. 88.

[51] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 395—396.

[52] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334.

[53] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 364.

Символика храма как образа мира. Наиболее общим и универсальным выражением представлений древнерусского человека об окружающем его мире был православный храм. Он сохранил тот *образ* мира, который был «своим» для человека Древней Руси. Окружающее отражалось в нем, как в своеобразном зеркале. Храм был «инструментом» ощущения истины через образы земные, вспомогательные — от доступного «внешнему» взору к тому, что могло быть постигнуто только взором внутренним. При этом «чистый смысл» земных вещей, явлений и событий мог передаваться как через образы «подобные» («сходные»), так и через образы «неподобные» («несходные»).

«Сходные» образы, «ради слабости нашего понимания» (Иоанн Дамаскин), в привычной форме отображали первообразы («архетипы»). «Несходные» же, хоть и имели чувственно-образную «оболочку», не столько отображали, сколько обозначали истину в определенных знаках и символах, требующих для человека специальной расшифровки. Их внешняя форма и то, знаком чего они являются, не имели между собой ничего общего. Соответствие же между внешним видом и содержанием образа устанавливалось путем некоего соглашения (конвенции). Такой символизм называют конвенциональным. Непосвященным смысл подобных образов был непонятен. Так, причудливые грифоны (образ, пришедший из Древнего Востока) или добродушные, спящие с открытыми глазами львы на стенах храма Покрова на Нерли, Дмитриевского собора во Владимире или Георгиевского собора в Юрьеве-Польском являются неподобными образами Иисуса Христа. Еще менее понятен «поток метафор и символов узор», каковым является всякий без исключения орнаментальный мотив, украшающий храм: от «трав разметных» (крайне стилизованного изображения виноградной лозы), символизирующих, метафорически изображающих и идею рая, и Вселенную (пребывающую в состоянии непрерывного творения, а потому вечную), и идеи цикличности, ритма природы, смены времен года, чередования дня и ночи (то есть всех основных закономерностей живой жизни), и понятие человека-микрокосма (частного соответствия всей системе мироздания — макрокосму), и великую жертву, ставшую для человечества путем к спасению и бессмертию, до бесконечного чередования крайне обобщенных изображений цветка и плода — символа циклически обновляющейся вечности, или повтора стилизованных изображений веерообразных пальмовых листьев — пальметт, вписанных в пересекающиеся круги, — тема, известная под названием «вечное возвращение».

При этом земная красота, доведенная до самых простых, изначальных форм, в которые воплощена идея храма, становилась путем к познанию красоты абсолютной — красоты тех смыслов, которые заложены в идею храма.

Создатели понимали христианский храм как гармонизированный космос. Понятия мира и храма переливаются друг в друга как художественные божественные творения: мир — храм Божьего создания, храм — мир Божий.

«Храм-космос» создавался и воспринимался как символико-художественный и мировоззренческий «образ мира». Классическим образным его воплощением является константинопольский храм Святой Софии. Исходная идея храма с течением времени дополнялась и развивалась, осложнялась новыми смыслами. Развитие созерцательного характера восточнохристианской духовной жизни привело к формированию представления о храме как «символическом образе человека» (Максим Исповедник). Образ внешнего мира сливался в храме с образом внутреннего мира человека. Оба эти образа находились в неразрешимом — и постоянно разрешаемом — противоречии. Их единство и составляло основу образа древнерусского храма.

Храм тем самым превращался еще и в грань, отделяющую и одновременно, как всякая грань, соединяющую человека и Бога, человека и Вселенную, которая окружала и в то же время заполняла его телесную оболочку. Храм становился не только местом общения с божеством, но и инструментом (посредником) постижения человеком собственной божественной сущности, средством становления его сознания.

Для этого идея храма воплощалась в конкретные формы, которые проявляли эти смыслы, делали их доступными непосредственному восприятию органов чувств.

За редким исключением, внешне древнерусские храмы производят очень скромное, часто даже аскетическое впечатление. Украшения фасада, если они есть, никогда не перерастают в украшательство. В каждом элементе украшения и состоящем из них целостном образе содержится несколько смыслов: буквальный (он подразделялся на явный и тайный), моральный, символический и аллегорический. Внешний облик храма был предназначен для общегородского лицезрения и потому наиболее непосредственно выражал заложенную в него идею «храм — земное небо». Это достигалось, прежде всего, за счет ориентации храма по сторонам света. Правда, ось храма не всегда точно совпадает с географическими сторонами света. Это связано с тем, что при отсутствии компаса в качестве ориентира строителям служили точки восхода и заката солнца в день закладки храма или в день праздника, которому он был посвящен. Число глав храма обычно также было символичным (например, пятикупольный храм — Христос и четыре евангелиста, 13-купольный — Христос и 12 апостолов и т. п.), однако ранние источники не дают возможности утверждать этого с полной уверенностью.

Следующим важным элементом внешнего облика храма являются украшения фасада. Они делили поверхность храма на три яруса, или регистра. Каждый из них нес свою содержательную нагрузку и символизировал определенный уровень восхождения от грешной земли к небу.

Нижний ярус олицетворял собственно землю. Сначала здесь изображениями заполнялись в основном порталы (входы) и линии консолей (выступов в стене, поддерживающих карниз) колонок аркатурного фриза. Изображения эти означали злые силы, которым запрещался доступ внутрь храма и на верхние части его стен. Впоследствии нижний ярус стен иногда заполнялся образами растительного мира. Фриз, отделявший нижний ярус от среднего, являлся *космитисом* — «средоразделительной линией земного и небесного рая» или, возможно, символом райской аркады (ряд одинаковых арок, опирающихся на колонны или столбы).

Второй ярус отождествлялся с миром Божества в его единстве с людьми. Здесь разворачивались картины земной миссии Бога — Самого или через посланников. В этом ярусе располагались наиболее «повествовательные» изображения. Действующие лица здесь — Бог, люди, звери, а иногда и фантастические «твари», которые несли символические смыслы.

Верхний, третий, ярус — собственно небо. Сначала он оставался пустым. Потом его стали заполнять изображениями Бога и высших лиц церковной иерархии.

Так, двигаясь по стенам храма снизу вверх, изображения воплощали особый взгляд на мир, представлявший постепенный переход от мира растений и демонических личин через образы людей и зверей к образу Бога, перераставшему в центральный, высший и наиболее емкий символ христианства, венчавший купол храма, — крест.

Человеку, не вошедшему в храм, высшие ярусы были недоступны. Он был обречен оставаться на уровне земного мира, сам являясь лишь «передвигающимся растением». В отличие от внешнего (весьма лаконичного) оформления, ассоциирующе-

гося со скромностью, непритязательностью и строгостью внешней жизни христианина, сложная внутренняя структура и великолепное убранство интерьера храма, граничащее подчас с роскошью, символизировали богатство духовной жизни верующего человека.

В соответствии со смысловым членением горизонтальной плоскости храма в нем распределялись и циклы росписей. Западная часть отводилась для ветхозаветных («исторических») сюжетов. Частично они занимали и стены главного помещения, но лишь до предалтарных столпов, на которых изображалось Благовещение. Здесь был предел, отделявший дохристианскую историю от истории новозаветной. Время получало, таким образом, горизонтальную протяженность. Человек, входивший в храм, по мере продвижения к алтарю повторял весь путь человечества — от сотворения мира до Рождества и крестных мук Спасителя, от Его воскресения до Страшного суда, изображение которого находилось на западной стене центрального нефа. Однако присутствовало здесь и циклическое время, в которое вписывалась вся жизнь средневекового человека. В XI—XII вв. на Руси была распространена византийская традиция расположения храмовых христологических росписей. Она приглашала зрителя к круговому движению в интерьере храма, что целиком соответствовало циклически-временно́й символике центрально-купольного сооружения. Евангельский рассказ, согласно этой традиции, берет свое начало в северном конце центрального креста, образуемого центральным нефом и трансептом. Затем повествование переходит в его южное, а отсюда — в западное окончание.

Таким образом, смысловая и хронологическая последовательность изображений разворачивалась по часовой стрелке. Для того чтобы молящийся мог увидеть все евангельские эпизоды по очереди, он должен был совершить три круга в пределах центрального креста. Сначала «считывались» изображения на трех сводах («Рождество Христово», «Сретение», «Крещение», «Преображение», «Воскрешение Лазаря», «Вход в Иерусалим»). Второй круг состоял из изображений над арками хоров («Христос перед Каиафой», «Отречение Петра», «Распятие», «Снятие с креста»). Наконец, заключительные эпизоды евангельского рассказа помещались в простенках нижнего яруса («Жены-мироносицы у гроба Господня», «Сошествие во ад», «Явление Христа женам-мироносицам», «Уверение Фомы», «Отослание учеников на проповедь», «Сошествие Св. Духа»). В алтарной части помещалось изображение «Евхаристии».

Такую последовательность росписей мы встречаем в храмах Святой Софии в Киеве и Новгороде. Однако этот византийский канон расположения евангельских изображений в древнерусских церквях часто нарушался. Там циклическое, вечно повторяющееся время продолжало присутствовать в текстах литургий. Все упоминающиеся в них события Священной истории актуализированы. Они совершаются (судя по глагольным формам, которые употребляются в произносимых текстах) прямо сейчас — но в каком-то ином измерении.

Весь «путь» пришедшего во храм охватывал не только свершившуюся на данный момент историю, но и то, что произойдет в грядущем конце времени. Человек видел свой жизненный путь уже завершенным: все уже свершилось, стало неизменным, вечным. Отсутствующим настоящим моментом («сегодня») был сам человек, стоящий в храме и решающий «последние вопросы бытия» (или — ориентируясь на «последние человеческие» — текущие вопросы своей бренной жизни), решающий и перерешающий свою судьбу. Такой своеобразный мысленный диалог между человеком, проживающим и переживающим данное состояние, и им же, но уже окончившим, завершившим свой жизненный путь, между сиюминутным и вечным, временным и вневременным, преходящим и

непреходящим, рождал особое эмоционально-нравственное напряжение, в «силовом поле» которого происходило становление сознания верующего, его личности.

Другим смысловым вектором храма являлась вертикальная структура его росписей. Нижний («земной») регистр отводился устроителям «земной Церкви» — апостолам, святителям, отцам Церкви. Второй ярус — христологический. Здесь размещались протоевангельские и евангельские сцены. Третий («небесный») регистр был посвящен «Церкви небесной»: воплощенной на центральном куполе в образах ангелов и венчавшего внутреннее пространство храма изображения Христа-Вседержителя (Пантократора), часто в виде «ветхого деньми» (в старости) — неподобного образа Бога-Отца.

Вертикальная структура интерьера храма также символизировала восхождение от «земного», преходящего — через повторяющееся, цикличное — к вневременному, вечному, вселенскому уровню, закрепляя семантику: «крест—Вселенная».

Земная красота служила символом красоты духовной, а все сверхчувственное получало материальное выражение в символах и в наивно-натуралистических неподобных образах.

РАЗВИТИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Изобретение славянской азбуки греческими миссионерами святыми и равноапостольными Кириллом и Мефодием около 862 г. создало условия для возникновения и развития славянской письменности и литературы. В настоящее время считается общепринятым положение о том, что святые братья создали глаголицу — особый авторский алфавит, построенный на базе греческого минускула с добавлением некоторых элементов древнееврейского алфавита[1]. Круглая глаголица в X—XII вв. была распространена на разных территориях, включая чешские, македонские, болгарские земли, а также Древнюю Русь. С XII в. она практически перестает употребляться, уступая место другому, более позднему славянскому алфавиту — кириллице, созданной в Восточной Болгарии в начале X в. Глаголица применялась после XII в. только на хорватских территориях, именно здесь она в несколько трансформированном виде (угловатая глаголица) стала в XIV в. азбукой католических славянских богослужебных книг, а также широко использовалась во внецерковной письменности.

В Древней Руси начало письменности традиционно связывают с Крещением в 988 г. При этом под письменностью чаще подразумевается книжность. Однако на Руси были известны не только книги и грамоты, написанные на кириллице, но и глаголические, греческие и рунические надписи. По классификации С. Франклина[2], письменность в Древней Руси могла быть трех разрядов.

Источники первого разряда — это такие предметы, которые специально изготовлялись для того, чтобы на них писали. В качестве материала для письма в Древней Руси выступали пергамен, береста и церы (восковые дощечки).

Пергамен изготавливался в основном из телячьей кожи. Его специальным образом обрабатывали, чтобы он был гладким и удобным для письма. На нем писали пером и чернилами, употребляли также красную краску — киноварь. Из пергамена делали листы, их складывали в тетради (из четырех листов), и из тетрадей получалась рукопись-кодекс. Пергаменные книги были очень дорогими, поэтому в них переписывались только тексты многократного воспроизведения (литературные тексты). Рукописи — основной источник по изучению древнерусской письменности, это массив текстов различного содержания, хотя и ограниченного церковными жанрами.

Кроме того, существовали пергаменные грамоты, в оригиналах их сохранилось очень мало. Одна из наиболее известных — Мстиславова грамота 1130 г. Это древнейшая русская грамота о дарении Юрьеву монастырю земельных территорий во владение (рис. 1). На Руси писали на пергамене до конца XIV в., с появлением бумаги во

[1] *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 27—28.

[2] *Франклин С.* Письменность, общество и культура Древней Руси (около 950 — 1300 гг.). СПб., 2010.

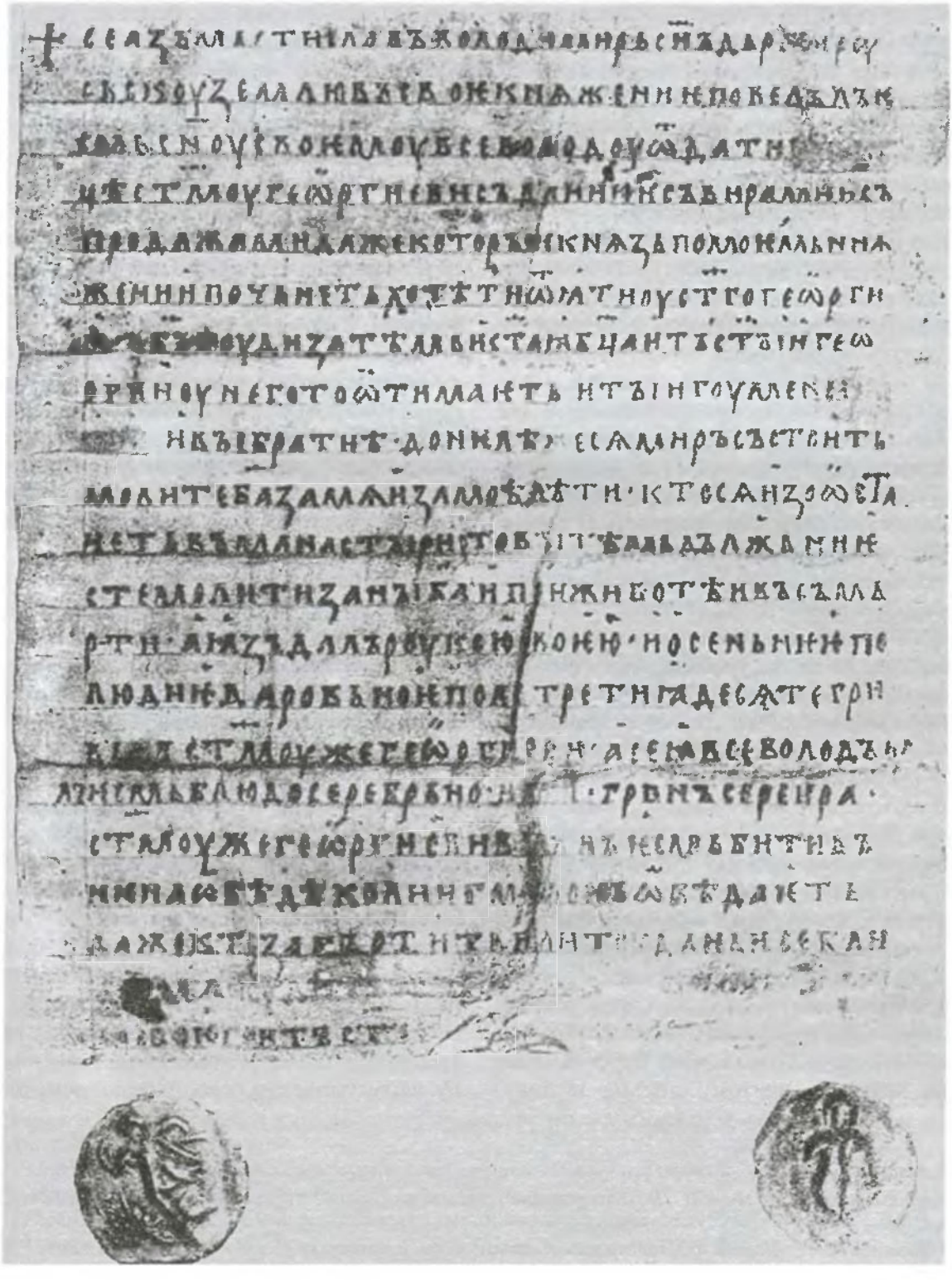


Рис. 1. Жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю. Ок. 1130 г. Новгородский музей-заповедник

второй трети XIV в. пергамен постепенно выходит из употребления. Процесс письма значительно удешевился, и грамот на бумаге стало писаться гораздо больше. Многие древние грамоты, изначально написанные на пергамене, нам известны по поздним бумажным копиям.

Бересту перед использованием для письма скоблили, чтобы она стала гладкой, но писали на ней без чернил — буквы продавливали костяной палочкой — писалом. Книг из бересты практически не делали, до нас дошла только одна берестяная книжка (№ 419)[3], все остальные грамоты — это берестяные полоски, предназначенные для коротких сообщений. Береста, в отличие от пергамена, использовалась для «одноразовых» текстов, бытовых сообщений, которые не имели литературной традиции. В основном это денежные расписки, напоминания о долгах, жалобы, договоры о приобретении, обмене, а также угрозы, санкции. Авторы грамот — городская элита, средний слой населения, ниже по уровню, чем князья и епископы (вклейка, рис. 37).

Вощеные таблички (церы) встречаются на Руси крайне редко, до наших дней сохранилась одна цера, найденная в Новгороде в 2000 г.[4], поэтому определенные выводы об использовании их на Руси делать сложно. В Европе церы активно применялись для обучения письму, для черновиков и расчетов, то есть по функции они были близки к берестяным грамотам. Новгородская цера, видимо, была предназначена для обучения: на ней прочитано несколько слоев текстов псалмов, одни написаны поверх других.

В отличие от пергамена, береста была очень хрупкой, поэтому письма и документы, написанные на бересте, долго не хранились, их вскоре выбрасывали. За счет того, что в Новгороде очень влажная почва, берестяные грамоты в ней хорошо сохранялись. Известно об этом типе книжности в основном благодаря Новгороду и Старой Руссе, в других регионах берестяных грамот сохранилось крайне мало: известны единичные псковские, тверские, смоленские, вологодские грамоты, а также грамоты из Торжка, Звенигорода (Галицкого), Москвы, Старой Рязани, Витебска.

Деревянные дощечки долго хранились и неоднократно использовались: писец мог несколько раз записывать текст и стирать его. Пергамен тоже поддавался чистке, можно было соскоблить написанный текст, но оставался заметный глазу след, поэтому это делалось не регулярно, а эпизодически. Скоблили пергамен в основном для того, чтобы счистить ошибки. В некоторых регионах, где пергамен был чрезвычайно дорог, скоблили старые рукописи и писали по соскобленному тексту. Такие рукописи называются палимпсестами. Палимпсесты были очень распространены на Синае, оттуда происходит бóльшая их часть[5].

К источникам второго разряда относятся предметы с письменными сообщениями, которые входят в саму процедуру создания предмета. Наличие письменных знаков здесь необязательно, хотя и предполагается. Это печати, на которых могут стоять имена владельцев. Печать, будучи прикрепленной к записанному документу, подтверждает правомочность человека, его составившего. Корпус древнерусских печатей, относящихся к домонгольскому периоду, насчитывает на сегодняшний день около

[3] *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962 — 1976 гг.). М., 1978. С. 25—27.

[4] *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3—25.

[5] *Загребин В. М.* О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая // Загребин В. М. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. СПб., 2006. С. 215—231.

1200 экземпляров[6]. Записи на печатях могут быть просто текстом или подписью к изображениям. Самые распространенные формулы — «Господи, помози рабу твоему имярек» или «Пречистая, помози мне».

Имена князей и правителей могут быть отчеканены на монетах, в период правления которых эта монета имела обращение. Так, на монетах князя Владимира (980—1015) была следующая надпись: «Владимир на столе, а се его сребро». Иностранные монеты значительно преобладали в Древней Руси. Среди кладов, обнаруженных археологами, были клады с большим количеством восточных монет — серебряных дирхемов. Меньше монет из Европы (серебряных) и еще меньше из Византии (медных, серебряных и золотых). Их присутствие отражает существование торговли, связанной с дальними путешествиями. Серебряные дирхемы появились на Руси прежде, чем славяне получили письменность, а тем, кто привозил эти монеты, письменность уже была известна: на некоторых дирхемах встречаются рунические граффити[7]. Так что местное население как-то воспринимало эти надписи, каким-то образом понимало их.

Амулеты-змеевики — это подвески в виде металлических дисков, на одной стороне которых изображен святой, а на другой — голова, из волос которой выползают змеи (вклейка, рис. 38). Большинство змеевиков датируется XI—XIII вв. и имеет надписи. На змеевиках может быть записано заклинание или посвящение, причем надписи известны по-гречески и по-славянски, а на одном змеевике есть надпись на обоих языках[8]. Записи по-гречески обычно имеются на более богатых змеевиках, золотых, славянские надписи — на более дешевых. Русские змеевики сделаны по образцу византийских, они нужны были для заклинания женского нутра, для отвращения женских болезней (видимо, их носили преимущественно женщины), но чаще как украшения. Хотя не исключено, что в некоторых случаях было и ритуальное использование амулета, на одном из них записано слово *дьна*, то есть болезнь нутра, женских органов[9].

В Древней Руси были распространены каменные иконы и каменные кресты с надписями: с XI по XIII в. известно 45 каменных икон из всех регионов — из Киева, Новгорода, Владимира и др.[10] Каменные иконы продолжали на Руси традицию византийскую, на них обычно писались имена святых. Каменные кресты имели мемориальное назначение. Обычно они извещали о каких-то работах (по случаю завершения строительства церкви Св. Георгия в Юрьеве-Польском был воздвигнут крест) либо сообщали о чьей-то кончине. Воймерицкий крест близ Новгорода имеет надпись, вырезанную неким Славоном о Богуславе и Лазаре[11].

Росписи храмов включали в себя надписи на разных языках. Здесь на множестве свитков пророков, святых, отцов Церкви, апостолов цитируются фрагменты из их писаний, а также приводятся их имена. Надписи с именами святых могли быть не только на славянском, но и на греческом языке. Иконы также сопровождались текстами при написании. Иконы с клеймами могли со-

---

[6] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. С. 8.

[7] *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 87—98.

[8] *Николаева Т. В., Чернецов А. В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.

[9] Там же. С. 38—39. № 32, 39.

[10] *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня, XI—XV вв. М., 1983.

[11] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964. № 23. С. 27—28; № 38, 39. С. 39.

держать краткие характеристики действий святого. К письменности второго разряда можно отнести миниатюры в рукописях. Как правило, все представители второразрядных текстов при всем их разнообразии имеют ряд общих черт: они автореференциальны, то есть соотносятся с предметом, на котором написаны, тесно связаны с христианским вероучением и характеризуются текстуальной усложненностью (содержат монограммы, смешение славянских и греческих букв, зеркальные начертания)[12].

К письменности третьего разряда принадлежат такие источники, которые являются записями на предметах, созданных для иных целей. Наибольшая часть этой письменности может быть охарактеризована как граффити, то есть позднейшее процарапывание текста на том, что надписи не подразумевало.

На стенах церквей встречаются самые разнообразные граффити, процарапанные острым предметом. Они располагаются в разных частях храма и обычно находятся на уровне глаз человека, если считать от уровня средневекового пола. Граффити по тематическому принципу можно разделить на 4 типа[13]:

1) граффити, где констатируется факт их создания и указывается на его создателя. Они обычно состоят из формулы «кто-то псалъ»: «се Власъ псалъ убогъ и грѣхы богатъ»; «Стефанъ псалъ страстнѣи недѣле въ понедельникъ»; «Иване псалъ лѣвою рукои»;

2) надписи-молитвы, обращенные к Богу, к святому: «Господи, помози рабу своему Фарьману, Глебову отроку»; «Господи, помози рабу своему Ставъру, твоему недостоиному слуге»;

3) граффити, созданные в память о событии: о смерти (такого-то числа преставился раб Божий имярек), приезде князя или княгини, прибытии митрополита, начале строительных работ. К этому же разряду относятся граффити, касающиеся сделок: например, надпись на стене храма Св. Софии Киевской содержит отчет о продаже земельного участка[14];

4) граффити окололитературного содержания: цитаты, молитвы, изречения, смеховые присказки, загадки. Например, на стене храма Св. Софии в Новгороде читается загадка о колоколе: «Гололе железнъ камян[ы] пьрьси медя[н]ая голова лип[о]ва [ч]елюсть» («Сын железа: грудь из камня, медная голова, липовая челюсть»)[15]. В некоторых случаях это смеховые присказки, например: «Якиме стоя усъпе а ръта и о камень не ростепе» («Аким задремал стоя и даже не разбил рта о камень»)[16].

Записи на стенах представляют собой средство коммуникации, характеризующееся исключительным разнообразием форм и функций (вклейка, рис. 39).

Языки и алфавиты Древней Руси. *Славянский алфавит: кириллица и глаголица.* В письменности Древней Руси преобладала кириллица: на ней писали рукописи, она применялась в берестяных и пергаменных грамотах, а также использовалась в надписях на иконах, крестах, змеевиках и т. п. (рис. 2). Кириллица в Древней Руси об-

[12] *Гиппиус А. А.* Социокультурная динамика письма в Древней Руси: (О книге: S. Franklin. Writing, Society and Culture in Early Rus. Cambridge, 2002) // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 177.

[13] *Франклин С.* Письменность, общество и культура Древней Руси (около 950 — 1300 гг.). С. 134—136.

[14] *Рождественская Т. В.* Древнерусская эпиграфика X—XIII в.: Текст и норма // Russian Linguistics. 1993. № 17. P. 157—179.

[15] Текст и перевод воспроизводятся по: *Франклин С.* Письменность, общество и культура Древней Руси (около 950 — 1300 гг.). С. 137. Интерпретация и прочтение надписи вызвали много споров, см.: *Михеев С. М.* «Голоде железне»: К чтению граффито № 199 новгородского Софийского собора // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 91—105.

[16] *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978.

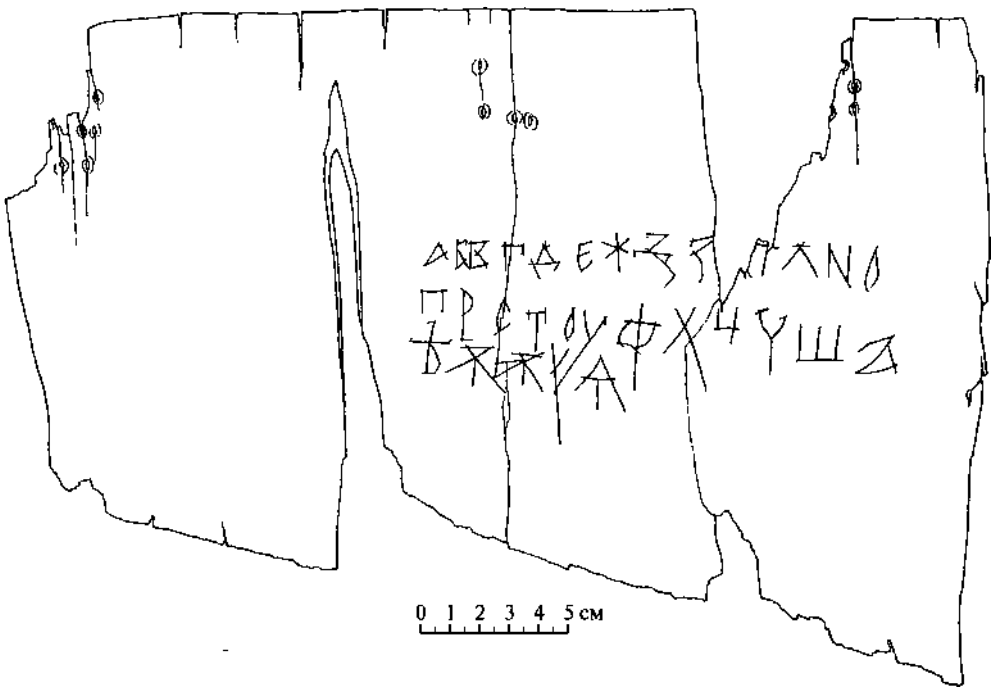


Рис. 2. Кириллическая азбука на новгородской берестяной грамоте (№ 591, прорись). Вторая четверть XI в. Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород

служивала два очень близких между собой языка: древнецерковнославянский (язык переводов Кирилла и Мефодия) и древний восточнославянский (разговорный язык тогдашних восточных славян). Первый имел южнославянскую диалектную основу, поскольку базировался на говоре солунских славян, но в дальнейшем при распространении на более широкие территории впитывал в себя древнеболгарские, чешские и русские особенности за счет переводов, которые выполнялись в этих землях. Разговорный язык, восточнославянский, отражен в источниках в виде целого ряда отступлений от фонетических и морфологических норм церковнославянского языка. Кроме того, корпус берестяных грамот дает возможность в большей степени представить один из диалектов восточнославянского — древненовгородский[17].

Глаголица имела очень специфическую и узкую сферу применения, и объяснения этому феномену пока не дано. На глаголице делались граффити на стенах храмов, глаголические надписи обнаружены в храмах Св. Софии в Киеве и в Новгороде[18], а также на стенах других храмов XI в. Среди них преобладают надписи первого и второго типов, то есть надписи-молитвы и констатирующие записи (рис. 3). Среди недавно обнаруженных надписей в церкви Благовещения на Рюриковом городище в Новгороде есть весьма пространная, содержащая молитву, она является самой большой из-

[17] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

[18] *Михеев С. М.* 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI—XII веков из Новгорода // Slovo. 2012. Sv. 62. S. 63—99.

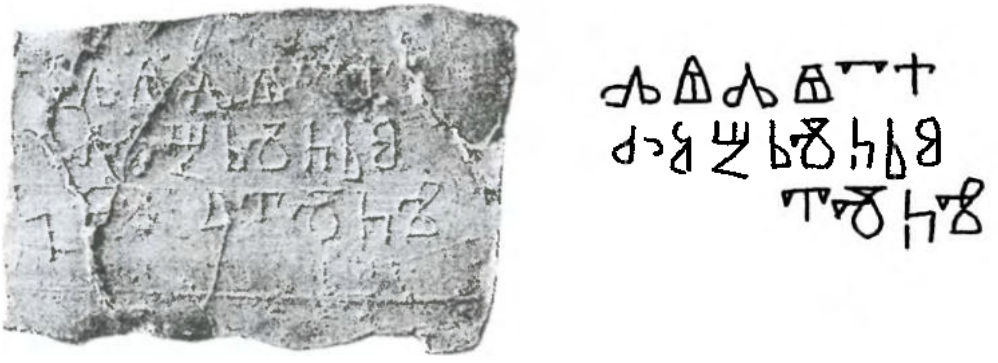


Рис. 3. Глаголическая надпись в соборе Св. Софии в Новгороде (№ XLI). XI—XII вв. (по: Щепкин В. Н., 1902. С. 11)

вестной на данный момент глаголической надписью в России[19]. С XII в. глаголические граффити выходят из употребления: надписи становятся примитивными, это в основном буквы глаголического алфавита, причем алфавит неполный. Все это говорит об упадке глаголицы в XII в. Отдельные глаголические буквы обнаружены в рукописях, но здесь они применяются в качестве инципитов и отдельных вкраплений и никогда не используются как алфавит основного текста.

Греческий алфавит и язык. Греческой письменностью «первого разряда» в Древней Руси пользовались очень ограниченно. Книжный греческий язык был мало знаком на Руси. Им могли владеть только переводчики (не толмачи, а образованные переводчики), которых было немного, а также греческое духовенство. Существовали переводы с греческого, сделанные в Киевской Руси, их число несравнимо меньше, чем переводов, осуществленных в Болгарии. Тем не менее древнерусские книжные переводы, изученные за последнее время, делались не одним, а разными коллективами, о чем свидетельствует различная техника перевода[20]. Таким образом, в Древней Руси было несколько книжных центров, которые эту деятельность осуществляли. Возможно, один из центров находился за пределами Киева, в славянских монастырях Афона.

Письменность же «второго разряда», то есть разного рода надписи, была распространена гораздо шире. Греческим алфавитом написаны имена святых и пророков на храмовых фресках; видимо, существовали и греческие иконы с надписями, привезенные греческим духовенством.

Разговорным греческим языком пользовалось окружение митрополита, потому что оно состояло, как правило, из греков-секретарей или обученных греческому языку славян (толмачей). Из Руси в Византию отправлялись в путешествие купцы, монахи, послы и паломники. Некоторые из русских могли торговать на рынке в Константинополе и общаться на разговорном греческом языке. Купцам и паломникам он мог быть знаком по надписям на монетах, фресках, иконах, предметах быта.

Латинский. Определение «латинский» было на Руси чем-то большим, нежели чисто лингвистическим термином. Это слово могло относиться к алфавиту, или к латинскому языку, или к любому языку, в котором применялись буквы той же азбуки. На деле Русь сталкивалась с латинской азбукой, а

[19] Публикацию надписи см.: *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: Предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 35—54.

[20] *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011.

также с тем языком или с теми языками, которые пользовались латиницей, в сферах более приземленных и по практическим вопросам, чаще в торговле и дипломатии, чем в прямой полемике с латинянами по делам богословия и литургики.

Руны. Руническая письменность (иначе futhark, как ее называют по первым буквам алфавита) использовалась германскими народами, начиная с поздней Античности. Простота форм и угловатость рун объясняются тем, что они предназначались не для ведения записей чернилами, а для вырезания на дереве или на кости. Как результат обращения в христианство и по мере распространения письменности на пергамене наметилась тенденция заменять futhark буквами латинского или готского алфавита, хотя в определенных случаях рунами продолжали пользоваться на протяжении всей средневековой эпохи. Существование рунических надписей на территории Руси и в окрестных землях является дополнительным указанием на развернувшуюся здесь деятельность скандинавов, путешествующих или осевших на новом месте. Многие представители правящих слоев Руси были потомками выходцев из Скандинавии и по-прежнему находились в деловых отношениях с варягами. Судя по сегодняшнему уровню наших знаний, руническую письменность можно отнести к памятникам «третьего» разряда. К ней принадлежит около дюжины граффити с несколькими знаками рун, которые обнаружены на монетах восточного происхождения, по преимуществу VIII и IX вв., из числа находок, сделанных в Северной Руси, если не считать трех или четырех монет середины X в. из различных кладов, которые ныне хранятся в музеях Киева и Чернигова; сюда же следует добавить гораздо большее количество «руноподобных» граффити, состоящих из одного знака. Из числа этих надписей четыре читаются как слово «бог», две содержат имена, одна, возможно, представляет собой магическую формулу и еще одна, видимо, удостоверяет стоимость монеты. Таковы довольно скудные плоды, собранные при анализе десятков тысяч восточных монет, из которых несколько сот — с теми или иными граффити.

Сохранилась длинная надпись (около 50 знаков), как кажется, представляющая собой стихи, причем, возможно, магического содержания, сделанная на деревянном стержне IX — начала X в. из Старой Ладоги. Среди рунических граффити встречаются надписи типа «имярек вырезал эти руны». К ним можно отнести надпись на каменной палице IX в., найденной в Латвии, а также имена собственные на подвеске из Суздаля и на берестяной грамоте из Смоленска[21].

Рунические надписи малочисленны и рассеяны по большой территории, они едва ли свидетельствуют о широком распространении рунической письменности на Руси. Здесь совершенно отсутствуют памятные камни с длинными руническими записями, известные в Скандинавии. Хотя количество рунических источников на Руси невелико, сама их специфика показывает, что навыки рунического письма применялись в практических целях до появления славянской письменности и позднее.

Еврейский язык и алфавит. Вопрос о знании еврейского языка и алфавита до сих пор остается дискуссионным. Древняя Русь сталкивалась с этим языком в двух совершенно разных сферах: бытовой и сакральной. Последняя относилась к священному языку, на котором разговаривал Спаситель, а также ветхозаветные пророки. В реальности этот язык использовали хазары и еврейские купцы-раданиты. Не решенным до сих

[21] *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. С. 202—206, 253—256, 207—209.

пор является вопрос о прямых переводах с древнееврейского языка на Руси. Существование в древнем Киеве синагог, в которых сначала священный текст читался на языке оригинала (древнееврейском), а затем для лучшего понимания на языке местного населения, создавало условия для подобной переводческой деятельности. Возможно, именно из синагогального богослужения происходят те переводы с древнееврейского, которые сохранились до наших дней в рукописях Священного Писания[22].

[22] *Алексеев А. А.* Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси // Russian Linguistics. 1987. No. 11. P. 1—20.

ЛИТЕРАТУРА

Начальный этап древнерусской литературы (X—XI вв.). Как и ряд других восточноевропейских стран, Русь получила развитую книжную культуру после принятия христианства. Однако ее появление и развитие имело весьма существенные особенности.

В процессе христианизации, став предметом притязаний одновременно со стороны Рима и Византии, Великая Моравия, Чехия, Хорватия были вынуждены столкнуться на практике с борьбой и тем или иным видом сосуществования в формировании христианской литературы двух тенденций письменности — славяноязычной и латиноязычной. Более последовательно на основе славянской письменности с 880—890-х гг. развивалась болгарская литература, но этот процесс был заторможен в начале XI в. завоеванием Болгарского царства Византией. Тем не менее раннее становление болгарской письменной словесности шло постепенно — на протяжении почти полутора столетий.

В отличие от других славянских национальных культур литература как факт и феномен духовной жизни Руси возникла за короткое время. Еще при князе Игоре, до крещения св. Ольги, на Руси существовали христианские храмы и были христианские общины[1]. В храмах должны были проходить службы и, стало быть, должны были иметься книги. Реально дошедших до нас памятников книжности той ранней поры нет, но известны ранние эпиграфические кириллические памятники на территории Руси[2] (рис. 1). С принятием же христианства, установлением митрополии, епархий, приездом митрополита и епископов, строительством церквей и началом богослужения потребность в книгах становится насущной, эти книги появляются, и духовный переворот в сознании русских людей (в первую очередь, конечно, городской элиты) в связи с открытием ими книжной грамоты оказывается не менее глобальным событием, чем обращение к христианской вере. Широко в это время используются болгарские переводы, ибо наши языки отличались незначительно. Для русского человека, культурная сфера которого исчерпывалась ранее устной поэзией и несложными сюже-

[1] В договоре с греками 944 г. передается формула клятвы со стороны русских: «Мы свѣщахомъ напсахомъ [на] харатью сию, на неиже суть имяна наша написана. Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣи церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею хранити все, еже есть написано на неи, не преступити от него ничтоже, а иже преступить се от страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи от Бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ в будущии, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ» (ПСРЛ. Т. I. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 52—53). До этого же речь в Повести временных лет идет об исключительно языческих клятвах русских, а в статьях договоров «русинъ» противопоставляется «крѣстьянину».

[2] Самой древней считается надпись *гороухша* (варианты прочтения: *гороушна, гороуна, гороунша* и др.) на кувшине из Гнёздова под Смоленском (вторая четверть X в.). Более поздним X в. датируется сохранившаяся часть надписи (*бат*) на ручке амфоры из Тмуторокани.

Рис. 1. Надпись на кувшине из Гнёздово. Начало X в. Смоленский государственный музей-заповедник

тами фольклора, открывается мир духовности, сложных идей и категорий, иная образность, иная онтология. Все это оказывается неразрывно связано с книжным словом, чтением и письмом. С одной стороны, русские интеллектуалы усваивали представление о Слове-Логосе, с другой — получение «пищи духовной» из книг приводит к сакрализации даже материальной стороны слова письменного. Так, в «Вопрошании Кирика к Нифонту Новгородскому» (первая половина XII в.) задается вопрос: грех ли ходить ногами по «грамотам», которые изрезаны и брошены на землю[3]? О таком же восприятии книжного слова свидетельствуют высказывания в наших ранних памятниках словесности о Божественной мудрости книг.

Как и другие средневековые христианские литературы, литература Slavia Christiana (или Slavia Orthodoxa — будущих православных стран) отличалась рядом характерных черт: она имела рукописный характер, в переписываемые тексты со временем вносились как мелкие, так и весьма существенные изменения, порождая (в последнем случае) *редакции* памятников. По большей части произведения оставались анонимными, поскольку целью средневекового книжника было не самовыражение и не создание оригинального по форме текста, главным было — донести до современников и сохранить для потомков важные истины, дать примеры для подражания и при этом своим мастерством ритора соответствовать высоте этих целей. Следование образцам, заимствования были обычной практикой.

Понятно, что книги, необходимые для богослужения, должны были привозиться на Русь и активно здесь переписываться. Кроме того, необходимы были тексты, знакомящие новообращенный народ с основами христианского вероучения. Однако не только такие произведения, но практически вся система византийской литературы была

[3] Речь идет о записях бытового или учебного характера на бересте или пергамене, которые изрезаны за ненадобностью, «а слова будуть знати», то есть информация использована или запомнена.

привнесена на русскую почву в виде болгарских переводов[4] и прямых переводов с греческого, побуждая древнерусских книжников создавать уже оригинальные памятники в той же жанровой парадигме[5].

Эта система книжности выстраивалась в своего рода иерархию[6], на вершине которой — **книги Священного Писания**, в первую очередь Нового Завета. На Руси бытовали славянские переводы Евангелия, но в основном это были не Евангелия-тетр (Четвероевангелие), где шли последовательно полные тексты от каждого евангелиста — такие Евангелия предназначались для индивидуального чтения[7]. Гораздо больше в ранний период были распространены Евангелия-апракос — тип служебного Евангелия, где чтения были расположены так, как они читались в церкви в определенные седмицы (недели) года. К ним принадлежит и знаменитое пергаменное Остромирово евангелие, датируемое 1056—1057 гг., хранящееся в РНБ. Рукопись написана древнерусским переписчиком, который оставил довольно пространную приписку-послесловие. Из нее можно узнать время написания книги, ее заказчика — это новгородский посадник Остромир, в крещении Иосиф, управлявший Новгородом в княжение Изяслава Ярославича. Упомянута жена посадника — Феофания. Писец называет и свое имя — диакон Григорий. Евангелие написано крупным красивым уставом, орфография рукописи свидетельствует о южнославянском оригинале, которым располагал Григорий.

Распространена была также книга Апостол — Деяния и Послания с обозначениями зачал (разделов для богослужения). И Евангелие, и Апостол, как правило, имели месяцесловный раздел. Что же касается Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова), то по крайней мере с XII в. известны списки Толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского, цитаты из Откровения читаются среди так называемых «скрытых текстов» новгородской церы, о которых будет сказано ниже. Данные факты свидетельствуют о том, что и эта книга Нового Завета была известна на Руси в раннее время.

Доступны были русским и переводы отдельных книг Ветхого Завета, наиболее распространенной среди которых была Псалтирь. Тексты псалмов с детства затверживались наизусть, по Псалтири учились грамоте, гадали. Так, гадательные приписки читаются в одной из древнейших Бычковско-Синайской псалтири, дошедшей до нас в трех отрывках. Характерно, что именно тексты псалмов (75-го, 76-го и части 67-го) сохранились в самом древнем славянском памятнике церковной письменности — новгородской церы, найденной в Новгороде в Троицком раскопе в 2000 г. Специальный анализ воска дал возможность прочитать и ряд написанных на нем ранее «скрытых текстов», характер которых весьма разнообразен. Цера, датируемая концом X — на-

[4] Есть основания считать, что в ближайшее время после Крещения Руси в распоряжении зарождающейся русской интеллектуальной элиты оказалась дворцовая Преславская библиотека. Хотя оригиналы таких рукописей не сохранились, об этом свидетельствуют записи писцов, скопированные переписчиками XI—XVI вв.

[5] Большое влияние на становление древнерусской литературы оказала и южнославянская словесность, известная на Руси не только в качестве «посредника» (источника переводов с греческого).

[6] Отголоски этой иерархии сохранились в тексте Изборника 1073 г. (Изборник 1073 г. М., 1983. Л. 204), затем в XV в. она вспоминается иноком Фомой (БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб., 1999. С. 100) и, наконец, последовательно представлена в предисловии («Летописце») к Великим Четьим Минеям митрополитом Макарием (БЛДР. Т. 12: XVI век. СПб., 2003. С. 10). Характерно, что русскими христианская литература усваивалась не только (и на первых порах не столько) на уровне произведений: на Руси переписывались целые сборники постоянного и непостоянного состава.

[7] О распространении грамотности среди городского населения свидетельствуют памятники эпиграфики и берестяные грамоты, датируемые в том числе и XI столетием.

чалом XI в., представляет собой скрепленные деревянные дощечки, залитые воском, по которому писали острым стилосом. Такие церы известны еще с Античности, они использовались для обучения и в качестве черновиков. Видимо, такое применение имела и цера, найденная в Новгороде. Важно, что есть характерные признаки, показывающие, что это памятник русского извода, то есть писался русским писцом. При этом уверенность и устойчивость почерка говорят о его опытности (вклейка, рис. 40).

В основном же о знакомстве наших предков в домонгольское время с книгами Ветхого Завета мы знаем из цитирующих и пересказывающих их тексты Толковой Палеи, Хронографов и других древнерусских сборников.

Следующую ступень в иерархии занимали **гимнография** (богослужебные песнопения) и **патристика** (учительная литература).

Гимнография, имея непосредственную служебную функцию, вместе с тем привносила в книжную литературу лирическое начало, апеллируя не только к интеллекту читателя и слушателя, но и к его эмоциональной сфере. Молитвословия объединялись в богослужебные календарные сборники — Октоихи, Триоди, Минеи служебные. Наши предки были знакомы с творчеством Иоанна Дамаскина, Василия Великого[8], Андрея Критского[9].

Патристика — произведения отцов Церкви — разъясняла основные догматы христианского вероучения, смысл христианских праздников и т. д. Первые русские священники имели возможность использовать их для своих проповедей. Эти тексты объединялись в сборники постоянного состава — Торжественник, Златоструй. Первый относился к уставным чтениям, второй был четьим, то есть предназначался для индивидуального чтения. Среди Слов, составлявших основу таких книг, преобладали творения Иоанна Златоуста. Этот автор был очень популярен в славянской традиции, его именем часто надписывали тексты, ему и не принадлежавшие[10].

Имеет славянское происхождение сборник Паренесис — поучения Ефрема Сирина, переведенные, видимо, болгарскими книжниками. Сборник появился на Руси не позднее первой половины XI в.

Особые сборники, близкие отмеченным выше, представляли собой Шестодневы. На Руси распространение получил Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, основанный на подобных греческих сборниках. Главная тема этих книг — толкование ветхозаветного рассказа о создании мира, шести днях творения. Здесь представлена геоцентрическая схема размещения светил на сферических небесах-поясах, которая положена в основу исчисления лунного и солнечного календарей[11].

Энциклопедический характер носила и упомянутая выше Толковая Палея. Однако за основу космологии в Палее легла иная, антиохийская, традиция, представлявшая

[8] Отцы Церкви, проповедники, известные как авторы поэтических литургических произведений, молитвословий, постоянно использовавшихся в церковных службах и домашней молитвенной практике.

[9] Преподобный, архиепископ Критский, автор известных молитв, стихир и канонов, в первую очередь Великого покаянного канона.

[10] Святитель Иоанн Златоуст — отец Церкви, автор многих сочинений, в числе которых толкования Священного Писания, проповеди различной тематики, богослужебные произведения. Наиболее известна Литургия Иоанна Златоуста.

[11] В определенном отношении близок к Шестодневу (и, скорее всего, восходит к нему генетически) сборник Физиолог. С одной стороны, это описание животных и растений. Но в каждой статье такой, можно сказать, естественнонаучный характер носит лишь первая ее часть. Далее следует в духе христианской символики истолкование внешнего вида и повадок животного, иногда с весьма парадоксально нравоучительным выводом. Например, змея бежит от одетого человека, а с нагим борется. Здесь одетый человек — символически «оболоченъ вѣрою».

Вселенную как некий дом — с Землей-основой, над которой возвышается, опираясь на ее края, свод неба. Подобная конструкция Вселенной дана и в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, также пришедшей на Русь в славянском переводе довольно рано.

Наконец, широко известны Изборники Святослава 1073 и 1076 гг. Содержание этих четьих сборников гораздо шире толкования основных христианских догматов. Первый из них был создан в Болгарии для царя Симеона и переписан в Киеве для Святослава Ярославича в его бытность киевским князем (1073—1076). Сборник, как указано в его текстах, предназначен для образованного читателя, для тех, кто «прѣизлиха насытьшеся сладости книжные»[12]. Имя князя написано по смытому тексту, поэтому существовала точка зрения, что изначально там было имя старшего брата Святослава — Изяслава Ярославича, по заказу которого переписывалась книга. Однако в настоящее время, с учетом размера смытого текста, эта точка зрения оставлена и считается, что было смыто имя царя Симеона (вклейка, рис. 41).

Кодекс украшен пятью миниатюрами, в том числе и изображающей семью князя Святослава. В целом Изборник 1073 г. носит энциклопедический характер, его статьи посвящены толкованию библейских текстов, разъяснению смысла христианских этических норм и обрядов, причем часто вводятся эти разъяснения стереотипным оборотом: «како с разумети». Как правило, составитель указывает, откуда делает ту или иную выписку: «От Лимонаря», «Василево», «Златоустааго».

Изборник 1076 г., в отличие от рассмотренного выше роскошного фолианта, представляет собой скромную рукопись. Высказывалось предположение, что для того же Святослава Ярославича он был походной книгой. Хотя для произведений, входящих в состав сборника, определяются греческие оригиналы, греческий сборник подобного состава неизвестен. Видимо, Изборник был составлен в Болгарии. Важно, что открывается книга «Словом некоего калугера о чтении книг», имеющим, по-видимому, славянское, а не греческое происхождение. В этом сочинении содержатся наставления читающему книгу: не спешить переходить к следующей главе, но вдумываться в смысл слов, «тришьды обращтяяся о единои главизнѣ»[13]. В образец ставятся Василий Великий, Иоанн Златоуст и первоучитель Кирилл Философ, с детства читавшие книги. На Руси этот болгарский сборник подвергся определенному редактированию: древнерусский книжник смягчал ригоризм некоторых императивов, вводил реалии русского быта и др.

Близки тематически к книгам Священного Писания и патристике **апокрифы**, восполняющие сюжеты, скупо в них раскрытые. Многие апокрифы в славянских странах и на Руси воспринимались как Священное Предание и включались в книги уставных чтений. По типу сюжетов они традиционно разделяются на ветхозаветные, новозаветные и эсхатологические. Среди первых — «Како сотворил Бог Адама», Откровение Мефодия Патарского, Соломон и Китоврас, Суды Соломона.

«Како сотворил Бог Адама» — рассказ о сотворении Адама, его жены и поселении их в раю. В библейском Бытии об этом сказано кратко: Бог создал человека, взяв «персть от земли». Но людям, постигающим христианскую онтологию, хотелось подробностей. И вот, Господь создает человека от «8 частей»: «1-е от земля тѣло, 2-е от Чермнаго (Красного. — *Е. К.*) моря кровь, 3-е от солнца очи, 4-е от вѣтра дыхание души его, 5-е от облака мысли его, добрыя же и злыя, 6-е от камения кости, 7-е

[12] Изборник 1073 г. Л. 263 об.

[13] Изборник 1076 года. М., 1965. С. 151.

от Духа Святого, иже есть положилъ въ человѣцѣ правдѣ и часть от свѣта вѣка, иже нарицается Христос. 8-я часть от самого Христа дохновения — душа»[14]. Ему противодействует дьявол, так или иначе присутствуя при создании Адама. Этот апокриф — произведение (как и Видение Исаии — см. ниже), на которое оказали влияние идеи богомильской ереси[15].

Новозаветные апокрифы, получившие раннее бытование на Руси, — это рассказы об Иакове, брате Господнем, повествующие о детских годах Христа, Никодимово Евангелие (1-я часть), рассказывающее о снятии с креста тела Спасителя, Сказания об успении Богородицы, «Сказание Афродитиана о чуде в Персидской земле» и др.

К эсхатологическим апокрифам, которые стали известны русским людям в первые века христианства на Руси, относятся Хождение Богородицы по мукам, Хождение Агапия в рай, Никодимово Евангелие (2-я часть), Видение Исаии, Славянская (или Вторая) Книга Еноха. Во второй части Никодимова Евангелия представлен рассказ двух воскресших сыновей праведного Симеона о том, как Христос сошел в ад и освободил Адама, патриархов, пророков, мучеников и праотцов. Сошествие Богородицы в ад излагает распространенный в Средние века сюжет о путешествии по адским мукам (его вариант — «Божественная комедия» Данте). Видение Исаии как бы расширяет сюжеты канонической Книги пророка Исаии, здесь подробнее рассказывается о виденном им, когда он по Божией воле поднимается на небеса, узнает их устроение и ему открывается будущее — «коньчина века сего». Близка по сюжету к Видению Исаии и Вторая Книга Еноха. Здесь ангелы возносят Еноха на небеса, он последовательно побывал на всех небесных уровнях, а затем Господь рассказывает ему историю сотворения мира. Однако примечательно, что в Книге Еноха ад оказывается не в подземелье, не на краю Вселенной, а в центральных кругах небес, что отличает данную картину мироздания от встречающихся в других произведениях онтологического и эсхатологического характера.

Далее следует **агиографическая литература**: жития святых, которые приходили на Русь в составе таких сборников, как Прологи (Синаксари), Минеи, Патерики. Прологи и Минеи были сборниками календарного характера.

Как правило, составлялось два жития (или две редакции) каждого святого: проложное и минейное. Первое, как ясно из названия, входило в Пролог, было кратким, так как предназначалось для чтения в церкви на утренней службе в день памяти святого. Минейное житие имело характер подробного рассказа о жизни и деяниях подвижника и было ориентировано на чтение во время монастырской трапезы, келейного, позже — домашнего чтения.

Своя иерархия, отразившаяся в последовательности памятей, идущих в статье под одной и той же датой, а также отчасти заявленная в XVI в. митрополитом Макарием в его «Летописце»[16], была и в рамках типологии житий. Эта иерархия выстраивалась согласно типам святости подвижников. Самым высоким подвигом прославились *мученики*, отдавшие за веру свою жизнь. Такие жития-мартирии преобладали в период гонения на христиан и были распространены в агиографических сборниках (например, Житие Евстафия Плакиды, Житие Эразма, Житие Димитрия Солунского). Далее шли подвиги *равноапостольных*, приведших свои народы в христианство. Таковы византийские святые Константин

[14] БЛДР. Т. 3: XI—XII века. СПб., 1999. С. 94.

[15] Еретическое учение, распространенное в Малой Азии и на Балканах, декларировавшее двойственность мира как арены борьбы Бога и дьявола (Сатанаила), но утверждавшее победу добра над злом.

[16] Предисловие к Великим Четьим Минеям.

Великий и его мать Елена, русские святые княгиня Ольга и князь Владимир. Известны были на Руси Жития равноапостольных Кирилла и Мефодия (по крайней мере, второе из них сохранилось в ранних списках). Близки к этому типу *исповедники,* приходившие со словом о Христе к язычникам, возвращавшие отпавших к Христовой вере.

Святительские жития повествуют о подвизании церковных иерархов, оставивших значительный след в просвещении народов, борьбе с ересями, наставлении правителей и т. д. Таково бытовавшее на Руси Житие Епифания Кипрского, написанное его учеником Иоанном. Епифаний прославился разнообразными подвигами — он предавался аскезе, был наставником инокам, наконец, в святительстве боролся с арианской и другими ересями.

Весьма распространены были *преподобнические* жития — жития аскетов и основателей монастырей. Уже создатель известных древнерусских памятников монах Киево-Печерского монастыря Нестор был знаком с Житием Антония Великого, написанным Афанасием Александрийским. Описывая жизненный путь основателя отшельничества, Афанасий излагает сложные философские рассуждения, приписываемые им преподобному. Большое влияние оказали на оригинальные русские жития Житие Алексия человека Божия и Житие Марии Египетской, цитаты из которого встречаются во многих древнерусских агиографических памятниках. Житие Саввы Освященного, написанное Кириллом Скифопольским, и Житие Нифонта Констанцского давали образец жизнеописаний основателей монастырей. Последнее изобиловало описаниями чудотворений и видений святого. В ранних сборниках встречается Житие Феодора Студита, византийского преподобного, который был защитником иконопочитания. Особый интерес к нему на Руси был вызван тем, что св. Феодор составил для своей обители общежительный устав монашеской жизни, и именно этот устав был принят в первом русском общежительном монастыре — Киево-Печерском.

Менее популярны на Руси по сравнению с Византией были жития *юродивых*. С раннего времени у нас было известно Житие Андрея Юродивого.

Композиция пространного (минейного) жития строилась согласно установленному в VI—VIII вв. византийскому канону. Обязательное вступление включает высказывания автора о себе, содержащие самоуничижительные формулы[17], высокую оценку подвижнику, о котором пойдет речь, перечисление обстоятельств и побудительных мотивов, в связи с которыми агиограф решился взяться за перо, источников и путей получения им сведений о святом. В собственно повествовательной части необходимо было сказать о благочестивых (как правило) родителях героя, определить время и место его рождения. Называлось имя будущего святого, причем часто с символическим толкованием его, далее говорилось о посвящении его Богу уже родителями либо особой предрасположенности его к аскезе еще в младенчестве. Затем рассказывалось о его обучении, которое начинается семи лет от роду, отроку учение дается легко либо с ним свершается внезапное просветление — по Божией воле. Святой избегает детских игр со сверстниками, а далее будет избегать брачных отношений. Есть целый ряд подобных топосов (общих мест) и для других частей жития, но основная (историческая) часть более самостоятельна.

Однако эта схема не могла быть использована составителями мартириев — в си-

[17] Например, автор византийского Жития Нифонта Констанцского, известного на Руси не позднее XII в. (Выголексинский сборник — РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 1832), пишет о себе во вступлении: «Азъ худыи, опасьнѣ вѣдыи, яже о б(о)жествьнѣмь Нифонтѣ, написахъ елико видѣхъ и слышахъ от него» (Выголексинский сборник. М., 1977. С. 70).

лу того, что о жизненном пути многих из мучеников — вплоть до их подвига — не было сведений. Зато протоколы о допросах христиан имели достаточно подробную информацию, что послужило причиной «протокольности» повествований о страданиях и смерти мучеников в их житиях.

Жизнеописание святого обычно сопровождалось описанием его посмертных (а порой и прижизненных) чудес. Иногда рассказы о чудесах имели самостоятельное хождение в сборниках. Таковы чудеса свт. Николы Мирликийского, сохранившиеся в Торжественнике XII в. (РНБ).

Довольно рано пришли на русскую почву в болгарских переводах *патерики* (греч. πατερικόν — «отечник»). Это сборники новелл и поучений, посвященных истории той или иной обители (или даже нескольких монастырей), ее инокам. Уже в XI в. русские знакомятся с «Лавсаиком» — переводом творения Палладия Елеонопольского, Синайским патериком, основанным на «Луге духовном» Иоанна Мосха (иные названия «Лимонис», «Лимонарь»), позже появляются новые переводы и редакции этого памятника, где новеллы располагались по добродетелям или по алфавиту.

Продолжая логику средневековой иерархии-классификации ранней книжности, на следующую ступень правомерно поставить **паломническую литературу**, которая была представлена двумя жанровыми разновидностями. Одна из них, близкая к путевым заметкам, характеризуется ярко выраженным субъективным и даже автобиографическим началом — *хождение* (или *хожение*). Другая — это *проскинитарий*, краткий «путник». Отличия этих двух жанров определяются, в первую очередь, различными целевыми установками. Автор хождения хочет рассказать о своем паломничестве и своим повествованием отчасти заменить подобное паломничество тем, кто его совершить не может. Проскинитарий же предназначается для тех, кто собирается в путешествие к Святым местам. Это путеводитель, призванный заменить живого гида. Хотя ранних славянских переводов греческих проскинитариев не сохранилось, устойчивость традиции в русских текстах дает возможность предполагать их бытование на Руси.

С христианскими взглядами на историю русские люди знакомились по переводным византийским **хроникам**. Хроники — исторические сочинения, построенные «по правителям», при этом довольно редко в них идет последовательное изложение исторических событий: текст дробится на отдельные нарративы или богословские рассуждения, иногда мало связанные между собой хронологически и тематически. Хроника Иоанна Малалы Антиохийского содержала материал, касающийся древней истории, причем материал в основном поэтический — сюжеты античного эпоса. Из нее на Руси узнали о Троянской войне и походах Александра Македонского. Хроника доходит до правления императора Юстиниана. Еще одна хроника — Георгия Синкелла — доводит повествование до императора Диоклетиана, включая и информацию об истории еврейского народа. Этой истории посвящен еще один переводной памятник — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, — древнерусский перевод которого значительно повлиял на форму так называемых древнерусских «воинских повестей». Но самое серьезное значение имела для русской историософии Хроника Георгия Амартола. Памятник излагает события истории человечества от сотворения мира до 840-х гг. Затем повествование было продолжено до 948 г., и в таком виде памятник был переведен на славянский язык. Время и место перевода до сих пор вызывают споры. На Руси имело хождение несколько редакций Хроники, ее тексты, сюжеты и идеи получили отражение и развитие в Повести временных лет, Летописце Еллинском и Римском, хронографах и др.

Наконец, пришли из византийской литературы на Русь и чисто беллетристические

произведения, которые в научной традиции, как правило, называются **повестями**.

Сюжет византийской Повести об Акире Премудром был распространен на Востоке, имеются ее сирийский, арабский и армянский варианты, есть основания считать, что одна из таких восточных версий стала источником славянского перевода. Акира оклеветал племянник, который был ему приемным сыном, Анадан. Правитель Синагрип приговаривает героя к казни, но Акиру удается спастись. После различных сюжетных поворотов он вновь становится советником правителя. Акир сам рассказывает о своих злоключениях и испытаниях, которые прошел, описывает не только события, но и свои эмоции. Вместе с тем значительное место в Повести занимают поучения Акира на темы христианской морали, обращенные к приемному сыну.

«Александрия» — история жизни Александра Македонского — имела черты византийского романа, с традицией которого могли познакомиться русские читатели. «Девгениево деяние» — перевод с греческого византийской эпической поэмы X в. о подвигах воина-богатыря Дигениса.

Таков основной репертуар переводной книжности византийско-балканского происхождения раннего периода, оказавшей существенное влияние на развитие оригинальной древнерусской литературы. Д. С. Лихачевым был сформулирован тезис о «трансплантации» культуры этого региона[18], перенесении на русскую почву «системы жанров». В. М. Живов предложил говорить о рецепции византийской культуры[19], подчеркивая при этом, что из двух византийских традиций — «аскетической» и «гуманистической» — русская культура питалась лишь первой в силу того, что именно ее носители приезжали на Русь. И та, и другая позиции не должны абсолютизироваться. Русская культурная элита воспринимала многое, но развивала не все. Не имели оригинального продолжения на Руси апокрифы (хотя их сюжеты использовались русскими книжниками), чистая беллетристика («повести»), лирика. По-видимому, данная ниша восполнялась бытованием сложившегося ранее зрелого фольклора. Русские же летописи не имели прямой аналогии в византийской словесности. Вместе с тем культурные контакты с Византией не ограничивались лишь импортированием греческих иерархов и произведений их круга. Византию посещали русские священники и монахи, а также князья, послы, купцы и т. д. В Византии получали образование будущие русские писатели. Наконец, существенно для становления оригинальной литературы было не только византийское и южнославянское влияние, но и восточно- и западноевропейское, ибо Русь в киевский период была частью Европы в полном смысле этого слова.

Очевидно, что книжная литература была призвана утверждать на Руси христианское учение, поэтому она сразу выстраивалась как противопоставление фольклорному наследию. Как следствие, устные произведения, несущие архаическое мировоззрение, остатки старых верований и этических установок, маркировались, в том числе и формально. Стихотворная форма многих эпических жанров фольклора не использовалась в книжной литературе, так же как инструментальная музыка оставалась за порогом храма и звучала у сказителей и скоморохов. Хотя многие устные сюжеты дописьменного эпоса вошли в Повесть временных лет, в качестве самостоятельных памятников они, в отличие от западноевропейской традиции, записывались крайне редко. Установкой автора христианской литературы было писать правду. Вымысел же, который свободно присутствовал в устном словесном творчестве, развлекательная

[18] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973.

[19] *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

функция побуждали книжников осуждать праздные басни сказителей и скоморохов, которые «бают», увеселяя князей и знать. Хотя больше это касалось сказок, но и по отношению к героическому эпосу автор «Слова о полку Игореве» определяет свою позицию, отвергая «замышление» Бояново.

Парадоксальным образом древнейшее из дошедших до нас оригинальных древнерусских произведений представляет собой сложнейший богословско-философский трактат — **«Слово о Законе и Благодати»** митрополита Илариона. Это сочинение положило начало развитию на русской почве торжественной проповеди.

Иларион был священником церкви Двенадцати Апостолов на Берестове — резиденции близ Киева Владимира Святославича, а затем Ярослава Мудрого. Последний, как говорится в «Повести чего ради прозвася Печерский монастырь», любил Берестово, часто там бывал. Возможно, Иларион был духовником князя. Впоследствии стараниями Ярослава Владимировича священник берестовского храма первым из русских иерархов был возведен на митрополичью кафедру. Очевидно, что Иларион был искушенным книжником и богословом, высказывались мнения о том, что он мог получить образование в Византии, а также ездил во Францию в составе посольства 1048—1051 гг. в связи с бракосочетанием Генриха I и дочери Ярослава Мудрого Анны. О знакомстве митрополита с латинской службой может свидетельствовать замеченное Л. Мюллером[20] у Илариона сходство с западной формулой-рефреном восклицания, связанного с коронационным церемониалом: «Христос побѣди! Христос одолѣ! Христос въцарися! Христос прославися!»[21].

Знаменитое «Слово о Законе и Благодати» датируется 1040-ми гг.[22], оно дошло до нас в нескольких редакциях в большом числе списков, его мотивы и цитаты из него широко распространены в литературе Древней Руси. «Слово» Илариона — риторически изысканная торжественная проповедь, которая, по словам самого святителя, обращена не к иноверным и не к невеждам, а к «прѣизлиха насыштьшемся сладости книжныа»[23].

«Слову» присуща трехчастная структура. Первая часть разъясняет суть оппозиции Закон (Ветхий Завет) — Благодать (Новый Завет). Чтобы показать отличия регламентирующего жизнь человека Закона в иудаизме от свободы, которую дает человеческой жизни и душе Благодать, Иларион прибегает к аллегории, опираясь на ветхозаветный сюжет об Аврааме, Сарре и Агари. Рожденный от рабыни Агари, Измаил олицетворяет несвободу «ветхого человека», Сарра же родит Исаака — «свободьнаа свободьнааго».

«Закон» был предтечей Благодати, «тенью истины». Иларион подчеркивает преимущества Благодати, ведущей все народы к спасению в будущем веке, в то время как Закон вел к совершенствованию только один избранный народ. Раскрывая этапы ветхозаветной и новозаветной истории, Иларион соединяет в единую цепь поступательного движения человеческого духа «ветхую» и христианскую историю.

Во второй части «Слова» говорится о приобщении к христианству Руси, роли князя Владимира, который принял крещение и крестил народ по собственному произволению, «токмо от благааго съмысла и остроумиа разумѣвъ»[24], не будучи сам свидетелем чудес, не слышав апостолов.

---

[20] См.: *Мюллер Л.* Западная литургическая формула в «Похвале» Илариона Владимиру Святому // Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова; Авториз. пер. под общ. ред. А. Б. Григорьева, Л. И. Сазоновой. М., 2000. С. 134—140.

[21] БЛДР. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 46.

[22] Более широкая датировка — не ранее 1037 и не позднее начала 1050 г.

[23] БЛДР. Т. 1. С. 28.

[24] Там же. С. 46.

В произведении Илариона отразилось то настроение духовного и исторического оптимизма, которое охватило русскую интеллектуальную элиту в процессе освоения христианских духовных ценностей и книжного наследия. Русские как новые народы приняли новую веру («лѣпо бѣ благодати и истинѣ на новы люди въсиати. Не въливають бо, по словеси Господню, вина новаго ученια благодѣтьна въ мѣхы вѣтхы»[25]). Иларион говорит о появлении на Руси епископов, священников и диаконов, совершающих службы в храмах, украшенных иконами и наполненных паствой, о монастырях «на горах»[26]. В Похвале Владимиру он обращается к нему с призывом: «Въстани, виждь чадо свое Георгиа (крестильное имя Ярослава. — *Е. К.*)»[27] и плоды благих его трудов. Здесь уже говорится о конкретной церкви, построенной Ярославом в Киеве, — Благовещения на Великих вратах. Владимира он сравнивает с апостолами, закладывая основы будущего прославления и канонизации Крестителя Руси. В заключительной Молитве о Русской земле святитель обращается к Господу с просьбой: «Ратныа прогоня, миръ утверди, страны укроти, глады угобзи, владыкѣ наши огрози странамъ, боляры умудри, грады расили, Церковь твою възрасти...»[28].

Пафос этих строк закладывал основы патриотических идей, которые будут превалировать в публицистической мысли Древней Руси.

Русские летописи представляют собой оригинальное явление, которое не восходит к византийской традиции исторических произведений. Погодный принцип изложения материала, строгое следование хронологии — это черты, сближающие их с западноевропейскими анналами. Однако первые из дошедших до нас летописных памятников — Начальный свод, отразившийся в Новгородской первой летописи младшего извода, и Повесть временных лет — имеют погодную структуру не на всем протяжении своих текстов. Русской истории, изложенной по годам, предшествует пространное вступление, в основе которого лежит библейская история, затем идут рассказы о языческом периоде в жизни нашего народа. Таким образом русские историософы вписывали свою историю в контекст мировой[29].

Повесть временных лет (доводящая повествование до второго десятилетия XII в.) дошла до нас в составе летописей XIV—XV вв. в двух редакциях: одна из них — в Лаврентьевской, Радзивилловской и Московско-Академической летописях, вторая — в Ипатьевской летописи (Ипатьевском и Хлебниковском списках).

А. А. Шахматов на основе текстологического анализа пришел к выводу, что дошедшие до нас летописи — это летописные своды, составители которых соединяли имевшиеся в их распоряжении более ранние летописные памятники с современными, редактируя тексты согласно своим установкам и представлениям. Он определил, что сохранившейся практически во всех известных летописных сводах Повести временных лет предшествовал другой, более ранний, свод, созданный в Киево-Печерском монастыре, — так называемый Начальный свод (завершавшийся серединой 1090-х гг.), о котором можно судить по начальной части Новгородской первой летописи младшего извода[30]. Обосновывал А. А. Шахматов и существование более

[25] БЛДР. Т. 1. С. 38.

[26] Последнее, возможно, относится уже ко времени самого Илариона, а не Владимира.

[27] БЛДР. Т. 1. С. 50.

[28] Там же. С. 56.

[29] Аналогичную вступительную часть имеет ранняя Чешская хроника Галла Анонима.

[30] *Шахматов А. А.* О начальном Киевском летописном своде // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1897. Кн. 3. Отд. 3. С. 1—58; *Он же.* Начальный киевский

ранних гипотетически восстанавливаемых сводов. Впоследствии эти гипотезы учеными развивались и уточнялись.

Повествование от основания Киева Кием до Крещения Руси составляло «Сказание о русских князьях» («Древнейшее сказание»), оно являлось обработкой в XI в. устных преданий и не имело первоначально деления на погодные статьи. Затем некий летописец Ярослава Мудрого вел записи о времени его княжения. Согласно гипотезе А. А. Гиппиуса[31], соединение этого материала с новгородским, а также прибавление историко-этнографического предисловия послужили основой для летописного памятника времени киевского князя Изяслава Ярославича — «Свода 1060 года».

В Новгороде летописная работа в XI в. была нерегулярной, но начиная с середины второго десятилетия XII в. сначала при князе, а затем при владычной кафедре летопись ведется из года в год — по принципу анналов.

В первой части Повести временных лет, восходящей к «Сказанию», сохранились сюжеты и элементы поэтики архаического устного творчества. Составители ее, питаясь не столько книжными, сколько устными источниками, включали в историю Руси родовые и топонимические *предания* и *легенды*. Как показано Е. А. Мельниковой[32], они составляют племенной (родовой) пласт преданий. Это часто встречающиеся в Начальном своде и Повести временных лет нарративы, объясняющие возникновение тех или иных топонимов и названий племен и народов.

Так, происхождение названий племен радимичей и вятичей объясняет легенда о выходцах из ляхов — братьях Радиме и Вятке. К этому типу преданий относится и сказание об основании Киева тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом[33]. Причем летописец, заявив о княжеском происхождении братьев, вступает в полемику с другой версией легенды, которая представляет Кия перевозчиком. Сложный сплав исторического и легендарного представляет собой рассказ о призвании новгородцами варяжских князей — «княжить и володеть».

Черты топонимической легенды и героического эпоса сочетает в себе повествование в Повести временных лет под 993 г. о победе юноши (младшего сына одного из воинов Владимира Святославича) над печенежским исполином в ходе поединка, о котором договорился князь Владимир с князем печенежским. В честь «переятой» русскими славы был назван город (Переяславль)[34].

О поединке, заменяющем по согласию сторон битву, говорится в историческом предании о борьбе Мстислава Владимировича (сына Владимира Святого) с косож-

---

летописный свод и его источники // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера. М., 1900. С. 1—9 и др.

[31] *Гиппиус А. А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и Средневековая Европа: Возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 41—49.

[32] *Мельникова Е. А.* Время устных преданий в составе «Повести временных лет» и время летописца // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 43—45.

[33] Характерно, что прибывшие на новые славянские территории правители приходят родовыми кланами (братья, родственники). Как показано А. С. Щавелёвым, этот мотив свойственен преданиям и других славянских народов (*Щавелёв А. С.* Славянские легенды о происхождении первых правителей («Повесть временных лет». Хроники Галла Анонима и Козьмы Пражского) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его текст: XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2003. С. 269—275).

[34] На самом деле Переяславль существовал задолго до этого похода Владимира, он упоминается в договоре руси с греками 944 г.

ским (адыгским) князем Редедей. Читающийся под 1022 г.[35] рассказ несет в себе черты архаической и христианской ментальности. Мстислав нарушает договоренность биться не оружием, а «борьбою» и, достав засапожный нож, убивает Редедю. При этом он по архаическому обычаю, как победитель, забирает не только владения врага, но и его жену и детей. Однако как христианин он в критический момент поединка просит помощи Богородицы, а после победы строит Богородичный храм в Тмуторокани. На устное бытование некоего произведения об этом поединке есть указание в «Слове о полку Игореве».

Рассмотренный сюжет должен быть отнесен уже к другому пласту преданий, который Е. А. Мельникова обозначает как дружинный. Это целый ряд рассказов о первых князьях, включая и повествования о Владимире Святославиче. Среди последних — рассказ о его женитьбе на полоцкой княжне Рогнеде. Согласно преданию, Рогнеда отказала сватавшемуся к ней Владимиру: не захотела «розути робичича»[36], предпочитая Ярополка, княжившего в Киеве. В основе предания лежали исторические факты: видимо, тогда еще новгородскому князю действительно было отказано, после чего Владимир со своим дядей Добрыней взял Полоцк, убил отца Рогнеды князя Рогволода и двоих ее братьев. Рогнеда, не пожелавшая стать его женой по своей воле, стала ею неволей. На основе того же предания сложилась *былина*, имевшая широкое распространение и развитие в различных версиях на протяжении многих веков. Причем отказ «короля» сватам — Добрыне и богатырю Дунаю — зачастую не мотивируется вовсе или мотивируется не только происхождением Владимира, но и небольшими его владениями: «Владимир беден, у него земля мала», а также наличием у Рогволода старшей дочери, ранее замужества которой не должна выходить замуж младшая.

Целый ряд фольклорных сюжетных мотивов и приемов повествования обнаруживается в рассказах о мести Ольги древлянам. Это *сказочный* мотив мудрой девы, загадывающей загадки. Загадки же, в свою очередь, предполагают ассоциации с *похоронным* и *свадебным обрядами* (символы ладьи, движущейся посуху, бани, пира-тризны).

Сказочный сюжет проявляется и в рассказе о Белгородском киселе. Как в русских сказках, спасение городу приносит совет мудрого старца, а враг снимает осаду, поверив в чудесные колодцы горожан.

Наряду с «языческими» фольклорными сюжетами есть в Повести временных лет и *христианские легенды*. Таков рассказ об апостоле Андрее, благословившем Киевские горы и посетившем Новгородскую землю.

Вместе с тем летописцы (зачастую монахи) включали тексты, близкие по содержанию и форме к агиографическим произведениям, патериковым новеллам. Открытая структура летописи позволяла на разных этапах вставлять в летописный текст специально написанные для нее нарративы, а также документы (договоры с греками, Русскую Правду) и др. Но главной структурной единицей, определявшей лицо летописи как таковой, оставалась погодная статья, а в ней — известие. Тематика их была разнообразной и в то же время достаточно постоянной: рождения и смерти князей, их вокняжения и военные походы, переговоры и конфликты, закладка и укрепления городов, церковные события (по-

[35] С учетом бесспорной исторической основы этого события предлагались более ранние даты похода Владимира на касогов (1016—1017) (*Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб., 1994. С. 84).

[36] Матерью Владимира была ключница княгини Ольги, однако мы знаем, что это не помешало ему получить от отца новгородский стол, претендовать на Киев и в конце концов стать киевским князем.

ставления владык и их кончины, церковное строительство), необычные природные и погодные явления, небесные знамения.

Однако главной темой остается история Русской земли в целом, что, собственно, и заявлено в заглавии этого грандиозного историософского произведения: начало Руси, ее место среди христианских земель, ее правители. Русская земля переживает набеги иноплеменников, к единению для отпора которым призывают летописатели. За грехи — в первую очередь, усобицы — она несет Божие наказание природными бедствиями. В публицистических отступлениях утверждается идея братолюбия, которой должны следовать князья. Идея эта имела своим обоснованием единство рода Рюриковичей, которому отводилось центральное место в летописном памятнике.

В XI в. появляются произведения так называемого **«Борисоглебского цикла»**, посвященные первым русским святым — князьям-мученикам братьям Борису и Глебу, сыновьям Владимира Святославича, убитым в 1015 г. в ходе династической борьбы их единокровным братом Святополком. Спланированное и подготовленное политическое убийство, которое было задумано не язычником, а христианином, видимо, стало настолько ярким событием, что спустя немало десятков лет занимало умы наших книжников, создавших сразу несколько посвященных ему произведений, а святые Борис и Глеб стали самыми почитаемыми на Руси заступниками, на которых уповали во времена войн и бедствий.

На рубеже XI—XII вв. появляются Паремийные чтения святым. Два памятника цикла представляют собой агиографические произведения: Анонимное «Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба» и «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпцю Бориса и Глеба» Нестора. Третий — Летописная повесть — дошел до нас в двух редакциях: Новгородской первой летописи (Начального свода) и Повести временных лет. Но и Летописная повесть несет в себе черты агиографического памятника — по осмыслению событий и поэтике текста. Памятники находятся в сложных генетических и текстологических взаимоотношениях друг с другом, ученые высказывали различные гипотезы, касающиеся не дошедших до нас более ранних и промежуточных текстов, которые были использованы авторами произведений Борисоглебского цикла. Летописная повесть и Анонимное «Сказание» близки по основным сюжетным вехам, высказывались мнения о заимствовании в Анонимное «Сказание» фрагментов из повести[37]. Но в некоторых деталях имеются отличия, кроме того, «Сказание» содержит более подробный рассказ. В частности, в «Сказании» есть вступительная часть, где сообщается о сыновьях Владимира Святославича, которых он имел от разных жен (материал основан на Повести временных лет). Читателю становится понятной причина ненависти к Борису Святополка, желавшего занять киевский стол и видевшего в Борисе своего соперника. Примером же различий в деталях может служить то, что в Летописной повести Борис был в Киеве, когда пришла весть о движении на Русь печенегов, в «Сказании» же говорится, что Владимир *призывает* к себе Бориса, чтобы отправить в поход. Еще больше несовпадений с другими памятниками цикла имеет «Чтение» Нестора. Так, в «Сказании» говорится, что Борис княжил в Ростове, в «Чтении» — во Владимире Волынском[38]. Глеб, согласно «Сказанию», получает от Святополка ложное известие о болезни отца и на-

[37] См.: Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подгот. текстов Н. И. Милютенко. СПб., 2006. С. 146—160.

[38] В трактовке этого места в «Чтении» также нет единства: согласно С. А. Бугославскому (мнение которого поддерживается многими), в тексте «Владимир» — не город, а имя (см.: *Бугославский С. А.*

правляется из Мурома в Киев. В «Чтении» он по малолетству жил при отце и теперь бежит из Киева в «полунощьныя» (северные) страны к брату (очевидно, Ярославу) и т. д.

В научной литературе неоднократно отмечалось несоответствие юности Бориса и отроческого возраста Глеба в произведениях цикла с данными о последовательности женитьб Владимира. Возможно, юность Бориса и малолетство Глеба необходимы были книжникам для усиления впечатления от совершенного злодеяния. Все три памятника описывают события предельно эмоционально, герои произносят пространные молитвы и монологи, передаются их чувства и переживания.

В Летописной повести и «Сказании» говорится, что Борис предпочел гибель вооруженной борьбе со старшим братом. Нестор же в «Чтении» стремится представить подвиг Бориса и Глеба как сугубо христианский и для этого изображает предшествующую жизнь Бориса как духовную подготовку к добровольной жертве (по образцу Христа). Это побуждает его приблизиться к композиционной схеме жития-биоса (а не мартирия). Не совпадая, таким образом, с традицией византийских мартириев, сочинение Нестора сближается с чешским Житием Вячеслава (Вацлава), в центре которого также династический конфликт, приведший к гибели чешского князя. Начальная часть чешского Жития также сходна с житием-биографией, а центральная, как и «Чтение», содержит исторические подробности[39].

Для подкрепления христианско-этической концепции рассказу о святых братьях в «Чтении» предпослано обширное вступление с экскурсом в библейскую историю и рассуждениями о месте Руси в христианском мире. В какой-то момент, видимо, поняв, что излишне подробен, Нестор, рассказав о сотворении Адама и Евы, говорит: «Нъ да не продолжю рѣчи, нъ воскорѣ извѣщаю»[40], — и далее переходит к евангельской истории и истории Руси христианской. Именно к Русской земле и ее крещению Нестор относит притчу о работниках одиннадцатого часа, которая утверждает их равенство с теми, кто пришел ранее. Говоря о заслугах князя Владимира, агиограф не просто сравнивает его с Евстафием Плакидой, но последовательно и подробно проводит эту аналогию. Подобно Илариону, Нестор говорит о духовном подвиге Владимира в самом высоком панегирическом стиле, украшенном яркими антитезами: «Слышите чюдо, исполнь благодати: како вчера заповѣдая всѣм требу принести идоломъ, а днесь повелѣваеть хрьститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа; вчера не вѣдаше, кто есть Исусъ Христосъ, днесь проповѣдатель Его явися, вчера Елинъ Владимиръ нарицаяся, днесь крьстянъ Василии наричается»[41]. Наконец, как и Иларион, Нестор именует Владимира «вторым Константином». Важно заметить, что подобное вступление не было традиционным и не входило в сложившуюся схему построения жития. Древнерусский книжник руководствовался исключительно собственным замыслом — художественным и концептуальным.

Нестору принадлежит еще одно агиографическое произведение — **Житие Феодосия Печерского** (на свое авторство в «Чтении» и Житии Феодосия Нестор указывает сам). Древнейший его список читается в «Успенском сборнике» конца XII — начала XIII в. Впоследствии оно было включено в Киево-Печерский патерик. Датировка

Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007. С. 287).

[39] Характерно, что произведения о Вячеславе (Вацлаве) в чешской традиции тоже составляют цикл.

[40] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 2. (Памятники древнерусской литературы; Вып. 2).

[41] Там же. С. 4.

Жития является предметом длительной научной дискуссии: она колеблется от конца 70-х гг. XI до начала XII в.

Образцом для написания этого первого оригинального древнерусского преподобнического жития служили сочинения Кирилла Скифопольского (в первую очередь, Житие Саввы Освященного, на это есть указания в самом Житии Феодосия), а также Жития Феодосия Иерусалимского, Антония Великого. Все основные элементы композиционной схемы жития-биоса присутствуют в Житии Феодосия. Это касается названия, именования святого преподобным, указания на празднование даты его кончины, молитвенного обращения к Богу, упоминания своего недостоинства и т. д. По традиции Нестор говорит о благочестии родителей святого, о том, что священник, крестивший Феодосия, сердечными очами прозрел его будущее и поэтому дал ему это имя (греч. — Богом данный). Но образ матери Феодосия оказывается не служебно-фоновым, а представляет сильную личность со своим мировоззрением и идеалами, не совпадающими с идеалами будущего подвижника. Нестор не делает попыток упростить противоречивость поступков матери (она то надевает на сына оковы, то с мольбами увещевает его), объясняя эти противоречия сложностью ее чувств: «Любляше бо и зѣло паче инѣхъ и того ради не тьрпяше без него»[42].

Святой с детских лет проявляет, согласно агиографическому канону, традиционную способность к учебе и склонность к аскезе, однако его призвание открывается ему не сразу. Изначально мечтой его было паломничество к святым местам. Рассказывая об этом, Нестор, видимо, следует действительным фактам, но трактовку того, что мечта эта не была реализована, дает уже с высоты своих знаний о жизненном пути подвижника и значении его деяний: «Благыи же Богъ не попусти ему отъити отъ страны сея...»[43].

Дальнейшее повествование, связанное с деятельностью Феодосия по устроению Киево-Печерского монастыря, содержит неоценимо богатый материал по раннему периоду русской истории и касается самых различных сторон повседневной жизни монастыря и древнего Киева. Причем для Жития Феодосия характерно свободное построение, где принцип хронологический перемежается с тематической ассоциацией, замечаниями «к слову» и т. д. Перед читателем разворачивается серия сюжетов, касающихся строительства нового главного храма монастыря — Успенской церкви, установления распорядка и норм монастырской жизни. Важны сюжеты о взаимоотношениях Феодосия с князьями (Изяславом и Святославом Ярославичами), в том числе с точки зрения историчности изображения последних. Феодосий долгое время обличает Святослава за изгнание Изяслава и захват киевского стола, не признает его княжение законным, однако сам князь изображается Нестором искренне почитающим и любящим преподобного. Именно ему дано знамение — огненный столп, — когда умирает Феодосий. Не рисуется исключительно в положительном свете и образ Изяслава: он гневается на Никона за пострижение боярина, грозится Никона заточить, а пещеру монашескую «раскопать». Лишь по мудрому совету жены он отказывается от своих угроз. Этим авторский подход Нестора отличается от подхода византийских агиографов: в византийских житиях представители власти — либо абсолютные злодеи, либо воплощение исключительных добродетелей.

Необычен характер чудес в Житии. Вместо типичных для агиографических сочинений исцелений и чудесных видений здесь описываются чудеса по пополнению монастырских запасов и знамения, прославляющие монастырь. И это понятно, поскольку Феодосий — строитель, создатель русского

[42] БЛДР. Т. 1. С. 358.

[43] Там же.

монастыря как такового, и все в этой его деятельности должно быть освящено чудесными явлениями. Вместе с тем вокруг церкви Печерской, по-видимому, именно в этот период начинали складываться легенды, подчеркивающие ее исключительность и возвышающие ее над всеми другими.

«Хождение» игумена Даниила — первое русское оригинальное хождение. В нем игумен Даниил[44] описывает свое паломничество в Иерусалим, которое он совершил в начале XII в. Памятник датируется 1104—1108 гг.

«Хождение» делится на разного объема главки с названиями «О Овчии купѣли», «О градѣ Ерусалимѣ», «О монастырѣ святаго Евфимья» и т. д. Они содержат много важного историко-географического и этнографического материала в описаниях Святых мест и реликвий. Но «Хождение» интересно и с точки зрения проявления в нем личного взгляда Даниила, его эмоций, впечатлений и осмысления виденного. Искренний возглас восхищения вырывается у него при виде Мамврийского дуба, под которым Авраам принимал Господа: «Дивно же и чюдно есть толь много лѣт стоящу древу тому, на толь высоцѣ горѣ, не вредися, ни испорхнѣти, но стоит утверженъ от Бога, яко то перво насаженъ»[45]. Характерен пространный рассказ о том, как до «Содомского места» он и его спутники не дошли, «боязни ради поганыхъ» и опасений, что там, как их предупредили, не увидеть «добра, но токмо муку, и смрад исходит оттуду»[46], порождающий болезни. Подробен рассказ о присоединении Даниила к отряду короля Балдуина I Иерусалимского.

Особенно же выделяется сюжет о «Свѣтѣ Святѣмъ». Необычайно поэтичный, целостный и законченный рассказ построен вокруг личности самого Даниила. Повествуя о последних минутах ожидания Благодатного огня, Даниил передает внутреннее состояние верующих, когда «всяк бо человѣкъ зазрит в себѣ тогда, и поминаеть грѣхи своя, и глаголеть в собѣ всякъ человѣкъ: „Еда моих дѣля грѣхов не снидет Свѣт Святыи?“»[47]. Со многими подробностями описывает он, как накануне благодаря покровительственной помощи Балдуина поставил лампаду от всей Русской земли у Гроба Господня, и она горела особо ярким светом, каким горели только лампады греческой церкви и от монастырей. Через несколько дней Даниил вновь входит в Гроб Господень, чтобы забрать лампаду, и за плату ключнику имеет возможность не только измерить Гроб Господень, но и получить в благословление часть его камня.

Добрые отношения сложились у Даниила с игуменом и братией монастыря Св. Саввы. Именно с ними он идет на службу Великой субботы. Русский игумен записал имена русских князей для поминания на монастырских службах в ектенье «с женами и с дѣтьми их. Се же имена их: Михаил Святополкъ, Василие Владимеръ, Давидь Святославич, Михаилъ Олегъ, Панъкратие Святославич, Глѣбъ Менский»[48]. Он особо говорит, что «не забых именъ князь русскых, и княгинь, и дѣтей ихъ, епископъ, игуменъ, и боляръ, и дѣтей моих духовных <...> но во всѣх святыхъ мѣстѣх поминалъ есмь»[49]. Причем «поклонялся» он сначала о русских князьях и лишь потом молился о

[44] По всей вероятности, он был игуменом монастыря в Черниговской земле.

[45] БЛДР. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 72.

[46] Там же. С. 76.

[47] Там же. С. 110.

[48] Михаил Святополк — киевский князь Святополк Изяславич, Василий Владимир — Владимир Мономах, Давид Святославич и Михаил Олег — Давыд и Олег Святославичи (о двухлетнем пребывании последнего на Родосе Даниил упоминает особо), Панкратий Святославич — Ярослав Святославич (из черниговских князей, позже — князь Муромский), Глеб Менский — Глеб Всеславич Минский.

[49] БЛДР. Т. 4. С. 116.

своих грехах. Таким образом, владыка подчеркивал не только исполнение своего долга, но и выражал патриотические чувства.

Очевидно, что Даниил ставил перед собой задачу дать *достоверный* рассказ о святынях Иерусалима. Это он неоднократно отмечает. Так, в том же рассказе о схождении Благодатного огня он пишет: «Мнози бо странници неправо глаголють о схождении Свѣта Святаго»; одни говорят, что Святой Дух голубем сходит, другие якобы видели молнии, которые зажигают свечи и лампады, «и то есть лжа и неправда», он не видел ни голубя, ни молнии, «но тако, невидимо сходит с небеси благодатию Божиею и вжигает кандила в Гробѣ Господни. Да и о том скажю, яко видѣх по истинѣ»[50]. Подтвердить истинность его слов могут бывшие там в то время «ногородци и кияне: Изяславъ Иванович, Городиславъ Михаилович Кашкича и инии мнози»[51]. Следы какой-то полемики видны в главе «О мытни Матфеове», где Даниил обвиняет некиих «других», которые либо не поняли сути святыни, либо вообще не дошли до этих мест и говорят о них неправду. Чтобы подтвердить правдивость своих сведений, он подчеркивает, что имел возможность консультироваться со старцем, прожившим в Галилее 30 лет. Старец, в свою очередь, сверялся со «святыми книгами».

Необычно для древнерусских текстов выглядят в «Хождении» описания церквей. Они столь подробны, что заставляют усматривать какие-то прикладные цели: возможно, Даниил считал полезным привезти их на Русь для использования при церковном строительстве. Как правило, он начинает с общего плана и вида храма: «кругло создана», «образом кругла», «крестом». Отмечается и высота: «велика вверхъ», «верхъ ея клетьски въсперенъ» и др. Указывается количество столпов, их тип и материал, даются размеры в саженях. Называется число алтарей, дверей и их расположение. Большое внимание уделяет Даниил материалам облицовок и отделок: белый мрамор, красный мрамор, железо, олово, позолоченная медь и т. д.

«Хождение» игумена Даниила было чрезвычайно популярно в Древней Руси, оно сохранилось в большом количестве списков разного времени и стало образцом для более поздних произведений этого жанра.

«Поучение» Владимира Мономаха — такое название сочинений князя изначально было принято в науке, так как под заглавием «Поучение» тексты, написанные князем, читаются в Лаврентьевской летописи (единственный список) под 1096 г. Но, возможно, так сочинения Владимира Всеволодича были озаглавлены составителем летописи или редактором, ибо в тексте он называет свое произведение «грамотицей». Позже исследователи условно обозначили три его части как «Поучение», «Автобиография» и «Письмо».

«Поучение» представляет собой наставления, своего рода духовное завещание детям и, шире, всем потомкам-князьям («инъ кто прочтет»). «Автобиография» — это перечень военных походов и «ловов» (охот) князя, начиная с 13-летнего возраста. Наиболее вероятной датой написания этих текстов является 1117 г. Последнюю часть составляет «Письмо» Владимира Мономаха к двоюродному брату Олегу Святославичу, касающееся событий 1096 г.

Считается, что на «Поучение» оказали влияние ряд статей Изборника 1076 г. (в частности, Слово Василия Великого «Како подобает человеку быти», «Поучение некоего отца к сыну», «Поучение Ксенофонта»), «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского; на некоторые из них Моно-

[50] БЛДР. Т. 4. С. 108.
[51] Там же. С. 114.

мах ссылается и сам, однако текстуальных совпадений с ними практически нет[52].

Составляя духовное завещание потомкам, Владимир Всеволодич формирует образ идеального правителя, причем ограниченность адресата и в этом смысле камерность произведения позволяли его автору быть гораздо свободнее в высказывании своих представлений о правильном поведении князя. Начинает князь свое поучение с многочисленных выписок из Псалтири и парафраз святоотеческой литературы. Но затем от общехристианских моральных постулатов он переходит к конкретным советам — по управлению княжеством. Своего рода кредо князя, которое красной нитью проходит через весь текст его сочинений: правитель должен не лениться и во все вникать сам. Как бы подтверждая искренность этой сентенции, в разных вариантах повторенной в тексте, в заключении он благодарит Бога за то, что Господь создал его не ленивым «на вся дѣла человѣчская потребна»[53]. Это касается как поведения князя в военном походе, так и в мирной повседневности: потомкам даются рекомендации, как должен строиться день правителя. Несколько раз Владимир Мономах касается темы «обеда» в княжеском доме: «...в дому своемь не лѣнитеса, но все видите, не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам и дому вашему, ни обѣду вашему». Любого гостя нужно почтить, кто бы он ни был — «или прость, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемь»[54]. Объясняет он молодым князьям прагматическое значение такого гостеприимства: «...ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землям, любо добрым, любо злымъ»[55].

Владимир Мономах восторгается многообразием мира, который устроен Богом так, что каждый «образ» человеческий неповторим, а далее, говоря о птицах, заключает, что Господь дал в мире место и сильным, и «худым». Таким образом утверждается ценность индивидуальности, причем ценность эта не определяется лишь «силой». Зато «сила» — в широком смысле — накладывает ответственность, и отсюда следует его дальнейшая заповедь молодым князьям, в чьих руках будет сила и власть: заботиться об убогих, сиротах и вдовицах. Позже он подтвердит, что сам следовал этим принципам: «...худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силным обидѣти»[56]. Ответственность власти утверждается им и в наставлении детям относительно поведения княжеских отроков. Он убеждает молодых правителей не позволять отрокам «пакостить» в своих землях — «ни в селех, ни в житех», то есть не причинять вред хозяйствам и полям сельских жителей.

«Автобиография» по форме сходна с текстом летописным. Хотя текст Владимира Мономаха не содержит дат, в нем есть все другие свойственные погодным записям обороты: «А на ту зиму...», «И на ту весну...», «Том же лѣте...», «Тое же зимы...». При всей лапидарности такого текста в нем встречаются и пространные повествования. Так, важный для Владимира Мономаха эпизод возврата Олегу Святославичу Чернигова дан с подробностями, эмоциональными оценками и идеологическими акцентами. В целом перечисление деяний и событий выстроено хронологически последовательно, однако в нем отражены не все события жизни Владимира Всеволодича, известные нам по другим источникам.

---

[52] См.: *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000. С. 54—57.

[53] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 252.

[54] Там же. Стб. 246.

[55] Там же.

[56] Там же. Стб. 251.

Казалось бы, «Письмо» Владимира Мономаха Олегу Святославичу — сочинение совсем иного характера, однако если сравнить его с «Поучением», то оказывается, что в их построении много общего. И в том и в другом вначале идут общие рассуждения, цитаты из Священного Писания, затем рассказ о предыстории написания текста. В обоих случаях это получение важного известия. В «Поучении» к Мономаху обращаются его двоюродный брат Святополк Изяславич (киевский князь) и его племянник Святослав Давыдович, предлагая ему пойти с ними вместе против Ростиславичей (Володаря Ростиславича Перемышльского и Василька Ростиславича Теребовльского). В «Письме» князь Владимир говорит, что его сын Мстислав прислал к нему грамоту (по-видимому, о желании установить мир со Олегом).

Произведения Владимира Мономаха необычайно ценны для нас, так как, будучи не предназначены изначально для обнародования, они помогают в большей степени, чем многие другие произведения древнерусской словесности, услышать голос конкретного человека — просвещенного и самостоятельно мыслящего.

Древнерусская литература в XII — начале XIII в.: региональные особенности. *Летописание.* В XII в. с обособлением земель — в связи с формированием их самостоятельной государственности — региональный характер приобретает и литература Древней Руси.

Этого нельзя не заметить, сравнивая особенности летописания раннего периода в различных регионах. Процесс становления летописания в XI в. сменился в XII в. периодом его расцвета. От этого столетия в достаточной полноте до нас дошло летописание киевское, новгородское и владимирское, представленное в различных редакциях и обработках в древнейших летописных памятниках. Первое отражено в Ипатьевской летописи, второе — в Новгородской первой летописи, третье — в Лаврентьевской летописи (а также в Радзивилловской и Московско-Академической) и Летописце Переяславля Суздальского. Вместе с тем материал, представленный в сохранившихся летописных памятниках, дает возможность говорить о том, что летописная работа — постоянно либо периодически — велась и в других центрах: Чернигове, Переяславле Русском и др.

Южнорусское летописание в конце XII в. было оформлено в так называемый Киевский свод (1198). Наряду с Ипатьевской летописью, где он отразился с дополнениями (в первую очередь из черниговских летописных рассказов, а в последней трети XII в. и галицких), его материал в редакции переяславских книжников сохранился и в Лаврентьевской летописи, которая лишь с 1150-х гг. начинает отражать сначала ростовскую, а потом владимирскую летописную традицию.

Черниговские известия, как правило, представляют пространные рассказы, которые вошли в Киевский свод, возможно, уже на этапе его оформления. В качестве яркой иллюстрации вставного характера этих повествований А. Н. Насонов приводил пример чередования в Ипатьевской летописи под 6654 г. в рассказе о событиях после смерти Всеволода Мстиславича, когда развернулась сложная и трагическая в конечном счете коллизия (Изяслав — кияне — Ольговичи), фрагментов повествования с позиций то одного, то другого враждующего лагеря[57]. Лаврентьевская летопись, отразившая Переяславскую редакцию южнорусского свода, как и в других случаях, черниговских вставок не содержит. В целом переяславский книжник вносил небольшие по объему добавления, касающиеся Пе-

[57] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 102—106.

реяславской земли и переяславских князей[58].

Киевский свод, отразившийся в Ипатьевской летописи, включил и тексты летописцев смоленских князей — Ростислава Мстиславича и его сыновей — Ростиславичей. Кроме нескольких с очевидностью записанных в Смоленске летописных известий Ипатьевской летописи, смоленское происхождение имели некрологи братьям Ростиславичам, а также в более поздний период смоленская составляющая вычленяется в Повести о Липицкой битве 1216 г. в редакции летописей, восходящих к Новгородско-Софийскому своду. Князья из «племени Ростиславля» представлены здесь в самом положительном свете.

Возможно, велась летописная работа и в Полоцке.

Летопись не писалась по собственному желанию ее создателя, она составлялась при княжеском или владычном дворе, и летописец обладал, по-видимому, неким официальным статусом, что позволяло ему рассчитывать на получение информации от очевидцев событий, в том числе от самого князя или владыки, иметь доступ к документам. Возможно, и сам он мог присутствовать на различных акциях — например, в тексте Ипатьевской летописи под 1159 г., где подробно описывается вокняжение Ростислава Мстиславича, летописец выступает как очевидец и участник событий, причем записавший свой текст в ближайшее время: два дня празднуют князья, и о втором дне летописец говорит: «...и тако бысть весела, паче вчерашнего дни»[59]. Иной пример — яркое сравнение, используемое летописцем при описании битвы за Киев Изяслава Давыдовича с Ростиславом под 1161 г.: «...и тако страшно бѣ зрѣти, яко второму пришествию быти»[60]. По-видимому, летописец сопровождал черниговских Давыдовичей, которые были союзниками Изяслава, и эти эмоции были искренними впечатлениями очевидца. О том же говорит детальная подробность в описании похода: в рассказе указываются дата битвы, день недели, время суток, расположение войск и т. д.

Случается, что летописец пользуется слухами, в истинности которых не уверен: «Том же лѣте преставися князь Иванъ Ростиславичь, рекомыи Берладникъ, в Селуни, и ини тако молвяхуть, яко съ отравы бѣ ему смерть»[61]. Очевидно, что летописатель ссылается на молву.

Официальный характер летописи, ведшейся при княжеском или владычном дворе, не мог не сказываться на идеологических пристрастиях средневекового историографа, который в положительных тонах живописал действия «своего» князя. Так, о Ярополке Владимировиче, потерпевшем поражение от Ольговичей на реке Супой и вынужденном отдать им Курск и Посемье, княжеский летописатель говорит, что тот «приемъ расмотрение въ сердци», не захотел кровопролитья «и тако утѣши благоумныи князь Ярополкь брань ту лютую»[62] (1136).

Киевская летопись характеризуется пространными годовыми статьями, многие известия которых подробны, представляют собой развернутые нарративы с диалогами и монологами, с увлекательным сюжетом,

[58] М. Д. Присёлков определил этот феномен как «Переяславский летописец Владимира Глебовича, кончавшийся некрологом этому князю под 1187 г.» (*Присёлков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 88), А. Н. Насонов говорил о летописном своде Владимира Глебовича (*Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. С. 138). Так или иначе некрологом этому князю в Киевской летописи цепь переяславских известий заканчивается.

[59] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 504.

[60] Там же. Стб. 515.

[61] Там же. Стб. 519.

[62] Там же. Стб. 299—300.

повороты которого зачастую сопровождаются яркими авторскими комментариями. Живость диалогов давала возможность исследователям предполагать, что летописцы опирались на современные рассказы очевидцев, речи посланников или даже тексты посланий. Например, под 1139 г. передаются слова киевского на тот момент князя Вячеслава Владимировича, с которыми он отправил митрополита к Всеволоду Ольговичу: «...река ему тако: иди опять Вышегороду, а язъ днесь иду въ свою волость, а то тобѣ Киевъ»[63].

Особенной детальностью и законченностью нарратива отличаются повествования об убийстве Игоря Ольговича в 1147 г. (где соединены киевский и черниговский рассказы), о сражении на реке Руте (1151), о конфликте Андрея Боголюбского со смоленскими Ростиславичами, об убийстве Андрея Боголюбского и ряд других рассказов.

Подробность рассказа свойственна Киевской летописи не только в отношении событий, связанных с войнами, политическими акциями и дипломатией. В начале 1167 г. Ростислав Мстиславич заключает с новгородцами «порядъ» о княжении у них его сына Святослава «оли ся с ним смертью розлучити»[64]. После этой официальной информации в той же статье следует рассказ о болезни и смерти Ростислава, содержащий фактические подробности: сестра его Рогнеда, видя брата в тяжелой болезни, просит его «лечь» в родном Смоленске, а он требует, чтобы его везли в Киев, где он хочет упокоиться рядом с прахом отца. Умершего в дороге князя хоронят в Киеве согласно его воле.

Подобные тексты, касающиеся частной жизни князей, как правило, повествуют о болезни и преставлении последних. Кончина князя является событием политическим, и в этом смысле Киевская летопись остается в рамках изложения в первую очередь политической истории Руси. Однако далеко не всегда в такого рода описаниях летописец придерживается лишь исторически значимых деталей и речей князей. На страницы летописи попадают и частные факты личного характера. Киевский князь Святослав Всеволодич умирает в июле 1194 г., его последние дни описаны очень подробно. Поскольку в этих описаниях фигурирует его княгиня (Мария Васильковна), можно предполагать, что именно с ее слов и писался этот текст. Она сидела у ложа князя, которого оставляли силы. «Возбнувъ» (очнувшись), плохо слушающимся уже языком тот спросил, когда настанет праздник святых Маккавеев (1 августа), и, узнав, что через неделю, произнес: «...о не дождочю ти я того»[65]. Летописец поясняет, что на Маккавеев умер много лет назад его отец. Княгиня думает, что князю приснился какой-то сон (быть может, покойный отец?). Затем Святослав просит о пострижении в чернецы и вскоре умирает.

Реже (и такие известия гораздо более краткие) встречаются сообщения о закладке городов, их укреплении, церковном строительстве, событиях церковной жизни, знамениях.

Ту же традицию развивает *Владимирское летописание*, сформировавшееся при Андрее Юрьевиче Боголюбском. Хотя владимирская летопись писалась под патронажем князей, сами летописцы принадлежали к клиру центрального Успенского собора столицы. Этим объясняются часто встречающиеся комментарии и оценки с ярко выраженной дидактической тенденцией и провиденционалистским видением движения истории. Например, в рассказе

[63] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. Стб. 303. Таким образом, Вячеслав, не решаясь противостоять черниговскому князю и уступая ему столицу, просил лишь дать ему возможность выехать в свой Туров.

[64] Там же. Стб. 529.

[65] Там же. Стб. 680.

о победе Всеволода Большое Гнездо над Мстиславом Ростиславичем в 1177 г. подчеркивается, что Всеволоду помог Бог, дружина его ведет пленников, угнанный скот и коней, «славяще Бога и святую Богородицю и крестную силу, егоже переступили бяху Ростовци и боляре, да доколѣ Богови терпѣти над нами, за грѣхъı наведе на них и наказалъ по достоянью рукою благовѣрнаго князя Всеволода сына Юргева»[66].

Особо нужно отметить *Рассказ об убийстве Андрея Боголюбского* и повествования о разворачивающихся после этого конфликтах и военных столкновениях. Ипатьевская и Лаврентьевская летописи (а также Летописец Переяславля Суздальского) сохранили разные тексты. Вопрос о первичности того или иного повествования не имеет однозначного ответа. Но наиболее последовательное текстологическое исследование В. А. Кучкина показывает, что Киевский свод 1198 г. использовал материал Владимирского свода 1193 г. Рассказ в Лаврентьевской летописи подвергся сокращению и редактуре, в Ипатьевской — соединены два повествования (Владимирского свода и оригинальное), о чем свидетельствуют, в частности, дублировки[67]. Наряду с возможностью восстановить ход событий, Повесть дает различную информацию об устроении территории Боголюбовской резиденции Андрея Юрьевича (например, мы узнаем, что при княжеском дворце был сад), о помещениях во дворце, местоположении церкви, слугах и их обязанностях, богатствах, хранившихся в резиденции (убийцы взяли «злато и сребро, порты и паволокы, и имѣнье, ему же не бѣ числа»[68]). Повесть Ипатьевской летописи сообщает о замыслах Андрея Юрьевича в церковном и гражданском градостроительстве. Оплакивая князя, «владимирцы» вспоминают, что Андрей Юрьевич строил Золотые ворота и Владимирский Успенский собор, ориентируясь на образец Киева: «...да будеть память всему отечьству моему»[69].

Особенно интересен рассказ и авторские оценки летописца относительно поведения разных групп «владимирцев» и «горожан-боголюбцев» после гибели князя Андрея. Заговорщики, опасаясь возмездия от владимирской дружины, посылают в город, напоминая, что и среди «владимирцев» были их сторонники. «Владимирцы» же отвечают: «...да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ»[70]. С одной стороны, это отповедь, фактически означающая отмежевание от сторонников заговора. С другой — из рассказа ясно, что владимирская дружина бездействует в то время, когда тело князя еще не предано земле. Жители Боголюбова повели себя так, как ведет себя толпа, влекомая безнаказанностью на бесчинства, подогреваемая крепкими напитками, запасы которых оказались в их руках. После подробного описания боголюбских беспорядков о грабежах во Владимире сказано глухо: «тако же и Володимѣри». А затем «владимирцы» уже предстают как инициаторы перевоза тела убитого князя из Боголюбова. Здесь «владимирцы» — это представители знати, которые дают указания игумену Феодулу и деместнику Луке, чтобы те сделали приготовления для устроения траурного поезда, а священнику Микуле — чтобы собрал священников для встречи процессии у Серебряных ворот. Об Андрее Боголюбском они говорят: «ать поѣдомь возмемь князя господина своего Андрѣя», словно внезапно выйдя из деморализованного состояния и обретя способность действовать сообразно ситуации. За-

[66] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 382.

[67] *Кучкин В. А.* Летописные повествования об убиении кн. Андрея Боголюбского // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 61—65.

[68] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369.

[69] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 580, 593.

[70] Там же. Стб. 590.

тем они едут в Боголюбов, везут во Владимир останки князя «со честью, съ плачемь великымъ». Горожане же («людье») встречают князя во Владимире также плачем и воплем. И это горестное оплакивание описано летописцем со столь эмоционально достоверными подробностями, что не возникает мысли о чисто литературной природе текста: «...и поча выступати стягъ от Боголюбого, и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть». Вид выдвигающегося к городу княжеского стяга, с которым князь входил в город после славных побед, возвышающегося теперь над траурной процессией, не мог не вызвать у народа сильнейшего эмоционального отклика. Летописец показывает, как «владимирцы», которые как будто с равнодушием встретили весть об убийстве князя, грабили в городе, — теперь прошли через катарсис покаяния и «плакася по нѣмь», и «съ честью и с писньми благохвалными положиша его у чюдноѣ хвалы достоино у святоѣ Богородицѣ Златоверхои, юже бѣ самъ создалъ»[71].

В отличие от «монархических» Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, где большинство развернутых сюжетов касаются военных кампаний и межкняжеских отношений, «республиканский» Новгород в первую очередь волновали отношения «князь—город». И именно со стороны «города» смотрел на перипетии этих сложных отношений владычный летописатель. Реже здесь встречаются нарративы, касающиеся смены посадников и военных походов новгородцев.

Новгородская первая летопись (в первую очередь ее Синодальный список — старший извод) — это древнейший летописный памятник Новгорода и образец последовательно погодно ведущейся летописи. За начало XII в. в ней представлен материал летописания новгородского князя Всеволода Мстиславича, затем сфера деятельности князя в Новгороде была ограничена, и летописная работа переходит к владычной кафедре[72]. Как показано А. А. Гиппиусом, владычный характер новгородское летописание сохраняет в течение всего периода независимости Новгородской земли.

Хотя в летописных статьях новгородской летописи преобладают краткие известия, носящие фактографический характер, в процессе развития летописной работы в статьях все чаще встречаются и развернутые нарративы. Таково, например, повествование в статье 6640 г. о новгородских волнениях. Новгородский летописец, ища благовидное объяснение последующим событиям, указывает на неправомерность действий Всеволода Мстиславича: он обещал быть новгородским князем до своей смерти, но уехал из Новгорода. Когда его изгоняют из Переяславля и он возвращается в Новгород, люди восстают. Серия сложных разнонаправленных действий, прямая речь, реакция людей, решение выгнать князя, а затем возвращение его, смена посадников представляют полноценное развитие сюжета, с героями, конфликтом и его разрешением. Все эти черты высвечиваются более ярко при сравнении данного текста с соответствующим известием в Лаврентьевской летописи. Текст под тем же годом повествует о событиях после смерти Мстислава Великого. По событиям соответствие рассказу Новгородской первой летописи есть лишь в начале повествования Лаврентьевской летописи. Как и в Новгородской первой летописи, здесь говорится о попытке передачи Ярополком Владимировичем, занявшим киевский стол, переяславского стола старшему сыну Мстислава. Причем летописец подчеркивает, что он

[71] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 593.

[72] О новгородских летописцах см.: *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы: (История и структура текста в лингвистическом освещении.) I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004—2005. М., 2006. С. 114—251.

исполняет договоренность со своим покойным братом. Новгородский летописец не упоминает, что Всеволод отправился исполнять волю отца и дяди, теперь киевского князя. Для них он — нарушитель крестоцелования, ибо должен был быть новгородским князем до конца своих дней. Зато новгородец приводит заявление Юрия и Андрея Владимировичей, сыновей Владимира Мономаха от второго брака, считающих, что акция Ярополка предопределяет переход киевского стола после смерти Ярополка Всеволоду («И рече Гюрги и Андрѣи: „се Яропълкъ, брат наю, по смерти своеи хощеть дати Кыевъ Всеволоду, братану своему“»[73]). Причем едва ли летописец пытался реально передать речи братьев (хотя бы уже потому, что прямая речь относится сразу к ним двоим). Это своего рода беллетристический прием — «условно коллективная речь», используемая для объяснения мотивов действий героев.

В рассказе Лаврентьевской летописи также есть прямая речь и тоже «условно коллективная». Она относится к полочанам, которые протестуют против ухода от них Изяслава Мстиславича, которого Ярополк пытается посадить на переяславский стол после неудачи со Всеволодом. Изяслав оставляет в Полоцке своего брата Святополка, но полочане оскорблены такой попыткой без их участия решить вопрос о персоне их будущего князя (как ранее новгородцы): «Полочане же рекше лишается насъ и выгнаша Святополка»[74]. Возможно, не без иронии сообщает повествователь о том, что княжение Всеволода в Переяславле продолжалось всего несколько часов, а Юрия Долгорукого — 8 дней.

В Ипатьевской летописи соответствующий рассказ заканчивается на сообщении о приходе в Переяславль Изяслава Мстиславича. Но еще более существенным отличием является то, как объясняются действия Ярополка. В Лаврентьевской летописи он садится на киевский стол после смерти брата, «людье бо Кыяне послаша по нь». В Ипатьевской об этом говорится более пространно, приводится полная дата вокняжения Ярополка и дается иное объяснение перехода к нему главного стола: Мстислав перед смертью «оставивъ княжение брату своему Ярополку, ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть»[75]. Могут быть даны различные толкования идеологическим и политическим обоснованиям этих отличий, но факт того, что это были не случайные слова, а результат информированности летописца и его способностей к анализу, бесспорен.

В общих чертах можно заключить, что новгородскому летописцу при передаче этого эпизода присуща эмоциональная непосредственность, а южнорусскому (равно как и позже переяславскому редактору) — стремление к полноте, точности и аналитический подход. Конечно, в известной степени это связано и с тем, что новгородец писал по следам событий, а составитель протографа Лаврентьевской и Ипатьевской летописей — с определенной временной дистанцией.

С тематической точки зрения, кроме уже отмеченного, большой интерес новгородские летописцы проявляли к церковному строительству, неизменно отмечались смены епископов и архиепископов. В отличие от других летописей новгородская часто фиксирует небесные знамения, за XII — первую треть XIII в. такого рода известий насчитывается 11. Еще большее внимание уделено погодным явлениям — 20 известий.

Литература Южной Руси. Сохранившая Киевский летописный свод, Ипатьевская летопись далее продолжена так на-

[73] НПЛ. М.; Л., 1950. С. 22.
[74] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301.
[75] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.

зываемой *Галицко-Волынской летописью,* первая часть которой — Галицкая летопись — начинается с событий после смерти Романа Мстиславича (1205).

Хотя традиционно этот памятник называют летописью или летописцем, исследователи отмечали, что он отличается от собственно летописей отсутствием хронологической погодной сетки и по типу повествований ближе к последовательному нарративу, причем построенному во многом по биографическому принципу. Открываясь пышным панегириком Роману Мстиславичу, в дальнейшем повествование представляет собой, по сути дела, хронику — времени правления его сына, Даниила Романовича. Если в летописных рассказах описывается ход той или иной битвы в целом, то для Летописца Даниила Галицкого характерно сосредоточение на описании геройского поведения в бою самого Даниила и его сына Льва. Основная идея произведения, как подчеркивает Н. Ф. Котляр, — утверждение «сильной <...> княжеской власти»[76].

С большой долей вероятности перу южнорусского автора принадлежит и широко известный памятник словесности *«Слово о полку Игореве».*

Судьба этого произведения уникальна. Сборник со «Словом» был приобретен А. И. Мусиным-Пушкиным в конце 1780-х — начале 1790-х гг. В 1812 г. рукопись сгорела во время московского пожара, но ранее, в 1800 г., текст «Слова» был опубликован. История его открытия и опубликования полна недомолвок и неясностей. А. И. Мусин-Пушкин какое-то время молчал о своей находке, но информация о рукописи просочилась в периодическую печать[77]. Возможно, о «Слове» журналист и драматург П. А. Плавильщиков упомянул в издаваемом им вместе с И. А. Крыловым журнале «Зритель» в 1792 г. В 1797 г. в гамбургском журнале «Spectateur du Nord» была опубликована заметка Н. М. Карамзина с сообщением о песне «Игоревых воинов», где он сравнивал «Слово» с «Оссиановыми поэмами». В том же году знание текста памятника обнаружил М. М. Херасков в 16-й песне поэмы «Владимир» и примечании к ней.

В середине 1790-х гг. по заказу Екатерины II памятник был скопирован с рукописи (подобные копии делались для императрицы, интересовавшейся русской историей и древностями, и раньше). После смерти императрицы копия затерялась и лишь в 1864 г. была опубликована П. П. Пекарским.

Гибель рукописи, неясность ее происхождения, обилие темных мест породили сомнения в ее подлинности (или даже в самом факте ее существования). Споры по этому вопросу шли и в XIX, и в XX, и в начале XXI в., но аргументы в пользу древности произведения на сегодняшний день убедительнее построений «скептиков»[78].

Хрестоматийность памятника позволяет не останавливаться на его сюжете. Стоит лишь отметить, что произведение посвящено отнюдь не победному походу, напротив, в центре повествования — неудачный поход Игоря Святославича с союзниками на степняков, который закончился серьезным поражением русских войск и пленением их предводителей. Почему именно

[76] *Котляр Н. Ф.* Летописание как явление средневековой книжной культуры // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 53.

[77] В. П. Козловым показано, что еще ранее о «Слове» (его риторических достоинствах) высказался И. П. Елагин (в промежутке от 1788 до мая 1790 г.), однако его «Опыт повествования о России» стал доступен читателям только после его смерти, в начале XIX в. (см.: *Козлов В. П.* К истории «Слова о полку Игореве» в конце XVIII века // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 167—168).

[78] См.: *Горский А. А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992; *Он же.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Горский А. А. Тогда вступи князь в златое стремя...: Личности и тексты Русского Средневековья. М., 2018. С. 109—216; *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

такой сюжет побудил неизвестного автора создать столь яркое произведение словесности? Характерно, что о поражении Игоря существуют пространные повести в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Если не сам сюжет, ход событий, то, быть может, какие-то иные мотивы заставили древнерусских книжников столь подробно рассказать о русско-половецком конфликте 1185 г.? Как отмечено А. А. Горским, целый ряд обстоятельств делают этот поход для современников отнюдь не рядовым явлением: его сепаратность, знамение в солнце, не остановившее князя, полная гибель русского войска и пленение четырех князей[79].

Разумеется, все три памятника давали свои интерпретации и оценки случившегося. Летописцами поражение трактовалось как Божие наказание: согласно Лаврентьевской летописи, участники похода наказаны за гордыню, «величанье» и сепаратный поход, согласно Ипатьевской, Игорь Святославич получил воздаяние за свои грехи, а также за пренебрежение знамением. В «Слове о полку Игореве» христианская рефлексия относительно воздаяния за грехи не звучит, однако призывы к русским князьям, сетование Святослава Всеволодича показывают, что основная идея автора — осуждение сепаратных действий в отношении общих врагов, а также княжеских «крамол» — усобиц, посягания на чужие отчины. Так, общественно-политическая мысль древнерусского автора возвращается к идеям Любечского съезда и, шире, к идее ответственности князей за действия, нарушающие порядки (владения, наследования, старшинства), к установлению которых Рюриковичи стремились, но на практике зачастую им не следовали.

Парадоксальным образом памятник, который сегодня входит в школьную программу, в древнерусской книжной традиции распространения не получил. Его текст был использован только в «Задонщине» — поэтическом произведении о Куликовской битве 1380 г. и в записи на Псковском апостоле 1307 г. Возможно, это связано с тем, что «Слово» не вписывалось в типологию литературных форм, образующих стройную иерархическую систему древнерусской книжности, о которой говорилось выше.

«Слово о полку Игореве» — феномен, безусловно, книжный, но в основе — лиро-эпическое произведение устного происхождения. Многие черты сближают его с известными произведениями западноевропейского эпоса.

Такая близость на уровне системы образов, мотивов, символики обнаруживается в первую очередь по отношению к «Песне о Роланде». В центре образы молодого доблестного героя и седовласого сюзерена (князь Игорь — граф Роланд, Карл Великий — Святослав Всеволодич). «Честь» и «слава», которых ищут русские в походе на половцев и которые не дают возможности внять предостережениям знамения, являются приоритетными ценностями и для Роланда, который не желает трубить в рог, чтобы призвать помощь, поскольку считает это позором для себя и своего рода. В целом борьба с врагами в обоих памятниках трактуется как борьба христиан с нехристианами (хотя на самом деле противниками Роланда и Карла были христиане — баски).

Есть и сходства в деталях. Карл, как и Святослав, видит вещий сон. Природные явления предупреждают героев о будущем поражении: «кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чрьныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии», в «Песни о Роланде» во время битвы гремит гром, сверкают молнии и т. д. Восклицания «О, Русская земля!..» перекликаются с восклицаниями: «О,

[79] См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность Русского Средневековья. Очерки. М., 2001. С. 27.

Франция, отчизна дорогая!», «О, родина, о, Франция-краса!»[80]. Плач Ярославны имеет аналогии в распространенных в западноевропейском эпосе «песнях разлуки».

Но есть и существенные отличия: «Слово» гораздо более исторично и менее беллетристично по сравнению с «Песнью о Роланде» (или, например, с испанской «Песнью о моем Сиде»). Собственно, и сам хронологический разрыв между событиями и их литературной фиксацией различен: большинство исследователей относит создание «Слова» к ближайшим годам после похода.

К южнорусской, киевской литературе принадлежат и *сочинения митрополита Климента Смолятича.* Известно, что он подвизался в Зарубском монастыре, находящемся в Киевской земле, а в 1147 г. был поставлен на первосвятительский престол без благословения константинопольского патриарха, собором русских епископов.

Хотя Климент Смолятич был избран русскими иерархами, его легитимность не признавалась не только Византией, но и многими русскими землями, не входившими в сферу влияния Изяслава Мстиславича. В 1149 г., когда Изяслав был изгнан с киевского стола Юрием Долгоруким, с ним вместе вынужден был покинуть Киев и митрополит Климент. Но уже в 1150 г. вместе с тем же Изяславом Мстиславичем, вернувшим себе киевское княжение, возвращается в Киев и Климент. Вскоре после смерти Изяслава он теряет митрополичью кафедру[81].

Клименту приписывались различные произведения, но с определенностью в настоящее время ему атрибутируется «Послание пресвитеру Фоме». Время создания Послания определяется периодом между 1147 и 1154 гг., годом смерти князя Изяслава Мстиславича, упоминаемого в Послании как здравствующего. Послание митрополита Климента дошло до нас с наслоением толкований некоего монаха Афанасия, внесенных в текст в виде вкраплений. Попытки выделить толкования Афанасия из текста Климента пока гипотетичны.

Послание Климента является полемическим ответом на обвинения, выдвинутые неким пресвитером Фомой, укорявшим митрополита в том, что он прославляет себя, «философ ся творя», а также в том, что тот якобы писал, опираясь на античных мыслителей: «от Омира, и от Аристо[те]ля, и от Платона»[82]. Скорее всего, именно такого рода нетерпимость многих русских пастырей по отношению к «внешней философии» и была причиной того, что другие тексты, принадлежавшие Клименту, не сохранились.

Климент создает в ответ на эти обвинения экзегетический трактат о символическом толковании Священного Писания[83]. Особо останавливается он на темах предопределенности, греха и спасения. Отвечает он и на упреки в «тщеславии»: «Нѣсть ли лѣпо пытати потонку Божественых Писании? <...> Ища сего потонку, тщеславити ли ся велиши, любимиче?»[84].

Существует обоснованное мнение, что Климент мог получить образование в Константинополе. Об этом свидетельствует и сам уровень экзегезы в Послании, и, в частности,

---

[80] См.: *Робинсон А. Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья. М., 1980. С. 320.

[81] Есть основания предполагать, что Климент ненадолго возвращался на митрополию в 1159 г.

[82] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 124.

[83] См.: *Дергачева И. В.* «Книжник и философ, каких в русской земле не бывало»: Рецепция традиций и особенности авторского стиля Климента Смолятича // Актуальные вопросы текстологии: Традиции и инновации (Кусковские чтения — 2015). М., 2015. С. 95—96.

[84] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. С. 125, 133.

упоминание византийской схедографии (высшего курса грамматики, обогащенного герменевтическим анализом): он говорит о мужах в своем окружении, которые способны сказать «алфу <...> на сто, или двѣстѣ, или триста, или 4-ста, а виту — також»[85]. Высокую оценку учености Климента дает летописец: «...и бысть книжникъ и философъ такъ, якоже в Рускои земли не бяшеть»[86]. В Послании Климентом использованы идеи и образы Шестоднева Иоанна, экзарха Болгарского, творений Григория Богослова и других авторов классической патристики. Г. Подскальски отмечал зависимость второй части Послания от византийских «вопросно-ответных» патристических сочинений[87].

Прозвище Климента — Смолятич — как считается ныне, не может служить доказательством его смоленского происхождения. Однако есть другие «смоленские» показания. «Смоленским» назван пресвитер Фома, адресат Послания[88]; в самом тексте упоминаются письма Климента к некоему смоленскому князю: «къ князю твоему, к моему же напрѣсну господину»[89] (речь может, таким образом, идти о Ростиславе Мстиславиче). Кроме того, Клименту известен некий Григорий — учитель Фомы, как надо понимать, пребывающий в той же Смоленской земле.

Бесспорно, смоленским литературным памятником является *Житие Авраамия Смоленского,* но относится оно уже к XIII в. Житие создано учеником Авраамия Ефремом. Памятник традиционно датировался 40-ми гг. и даже серединой XIII столетия. Основанием служило упоминание в нем об «измаилтеских языках», которых автор молит Бога «рассыпать» и «расточить». Однако еще В. О. Ключевский заметил, что подобным образом называли русские летописи степные народы нехристианской веры[90]. Смоленск не подвергался разгрому со стороны монголов; в середине XIII в. для смольнян гораздо более серьезной была угроза со стороны литовцев. При этом из многих высказываний Ефрема ясно, что оно написано в скором времени после преставления святого. Говоря о пострижении Авраамия, Ефрем подчеркивает, что место пострижения его известно многим (то есть живущим на тот момент). Также «мнози вѣдять» тщание, с которым относился преподобный к святой литургии. Годы жизни самого преподобного Авраамия точно неизвестны, но анализ дат и персоналий в произведении дает возможность кончину преподобного относить с наибольшей вероятностью к 1220-м гг.

В научной литературе отмечалось, что Житие изобилует цитатами, упоминаниями различных произведений и авторов. Манеру Ефрема отличает проведение подробных аналогий, пространные примеры из жизни великих святых — Иоанна Златоуста, Антония Великого, Саввы Освященного, Феодосия Печерского и др. Особенно ярко обнаруживает себя зависимость Жития Авраамия Смоленского от агиографической традиции Нестора[91]. Но Житие представляется выда-

---

[85] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. С. 133.

[86] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340.

[87] *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для русского перевода / Пер. А. В. Назаренко; Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. С. 166. (Subsidia Byzantinorossica; Т. 1).

[88] Правда, «смоленским» пресвитер Фома называется не во всех списках Послания.

[89] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. С. 132.

[90] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 56—57.

[91] *Конявская Е. Л.* К вопросу об особенностях «Жития Авраамия Смоленского» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 111—112; *Она же.* Житие Авраамия Смоленского: С мыслью о

ющимся памятником и с точки зрения его наполненности реальными сюжетами и деталями. Так, в соответствии с топикой византийского жития-биос, Ефрем пишет, что родители Авраамия были благочестивыми и уважаемыми людьми: «Бѣ бо сеи блаженыи Авраамеи отъ вѣрну родителю рождься, бѣста и та въ законѣ Господни добрѣ живуща благочестно. Бѣ же отець его всѣми чтімъ и любимъ, отъ князя честь приемля, бѣ бо во истину отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшенъ, и многымъ въ бѣдахъ помагая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и ко церквамъ прилежа. Тако же и мати его всѣмъ благочестиемъ украшена»[92]. Этот текст несет в себе и вполне конкретную информацию — о том, что родители преподобного были знатного рода (отец «отъ князя честь приемля», всем известен и любим, многим помогал — стало быть, имел такую возможность, располагая средствами и влиянием). Не умолчал Ефрем и о том факте, что Авраамий был далеко не первым ребенком в семье, но первым мальчиком: до него родилось 12 дочерей. Таким образом, и авторитет его отца, и возможное родство с боярами и «вельможами» из окружения князя, вероятно, повлияли на позицию князя и вельмож на суде, которому был подвергнут преподобный Авраамий недругами. Князь и вельможи заявляют, что обвинители Авраамия «все лжуть», просят у преподобного прощения и благословения и покидают епископский двор. В результате решением суда преподобного лишь отправляют в Успенский монастырь на Селище, где он в свое время принял постриг. В качестве интересной детали можно отметить указанную Ефремом причину, по которой Авраамий не ходил на мирские пиры: это зазирания, «яже бывають отъ мѣста избирающихъ», и беды, бывающие «отъ многаго ради пьяньства»[93].

Наконец, в Житии содержится бесценный материал о том, как составлялись сборники поучений и фрагментов разного рода канонических и учительных текстов (такие, например, как Трифоновский, Паисиевский сборники): Авраамий, читая книги, выписывал из них, «яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтающи и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, тако же и вся отъ всѣх избирая и списая ово своею рукою», либо поручал такую работу другим писцам[94].

Что было причиной опалы Авраамия? На этот вопрос Житие не дает ответа. Но можно понять, что суть конфликта была в ревности к пастве, зависти и неприятии «невѣжами, взимающими санъ священьства» человека ученого, интеллектуального, незаурядной личности, способной заражать дорогими ему идеями множество людей.

Киево-Печерский патерик — первый оригинальный памятник жанра патерика, созданный древнерусскими книжниками. Согласно традиции подобных сборников, Киево-Печерский патерик включает в себя повествования о подвигах либо поучительных историях, случавшихся с черноризцами обители. Начало памятнику было положено в Послании владимиро-суздальского епископа Симона, постриженника Киево-Печерского монастыря, к своему духовному сыну, иноку этого монастыря Поликарпу, который затем продолжит труд Симона. Хотя Киево-Печерский патерик создан в 1220-х — начале 1230-х гг., в своих рассказах его авторы касаются сюжетов, относящихся к гораздо более раннему времени. Многие из них повествуют о событиях XI в., память о которых сохранили монастырские предания. Первые рассказы о монастыре, его подвижниках (Дамиане, Иеремии, Матфее, Исакии) мы находим в Повести временных лет и в Житии Фео-

Страшном Суде // Авраамиева седмица: Материалы Международной научной конференции. Т. 1. Смоленск, 2017. С. 11—23.

[92] *Розанов С. П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 2.

[93] Там же. С. 8.

[94] Там же. С. 5.

досия Печерского. Но именно благодаря Патерику мы знаем подробности первоначальной истории знаменитой лавры, первого независимого монастыря, основанного постриженником Афона — Антонием Печерским. Источником сведений, зачастую уникальных, являются рассказы и о более поздних исторических периодах.

В процессе своего бытования и развития Патерик был представлен в целом ряде различных редакций. Древнейшей из дошедших до нас является Арсениевская, названная так по имени свт. Арсения Тверского, «замышлением» которого она была создана в самом начале XV в. (древнейший список — 1406 г.). В юности Арсений подвизался в Киевской обители, где и бытовал первоначальный вид памятника. Подобной рукописью мог располагать бывший инок Киево-Печерского монастыря, затем ставший архидиаконом митрополита Киприана.

Ядро памятника — Послания Симона и Поликарпа, а также, по-видимому, Сказания о черноризцах печерских из Повести временных лет — были дополнены уже Арсением Житием Феодосия Печерского, Службой преподобному и Похвалой.

Оба автора Патерика — Симон и Поликарп — были людьми «книжными», с глубоким знанием греческой патристической литературы, греческой и русской агиографии (в частности, неоднократно упоминаются Жития Антония и Феодосия), русских летописей и др.

Симон приступал к своему труду, в первую очередь имея побудительным мотивом воздействие на своего духовного сына. Эпистолярная часть представляет собой поучение, подкрепляющееся в новеллистической части яркими примерами добродетелей и греховных поступков, которые помнит обитель. Таким образом, сочинение епископа Симона соответствует сложившейся традиции патериков, которым свойственны две жанровые модели: поучение и патериковая новелла. Повторяется и такая черта греческих патериков, как своего рода «парность» составителей. «Пару» могут воплощать заказчик и сочинитель, при этом заказчик будет представлен как непосредственный адресат, то есть патерик может писаться по чьей-то просьбе: например, «Лавсаик» обращен к знатному и добродетельному «мужу Лавсу». Серии новелл в нем предпослано предисловие в виде послания к Лавсу с поучением. «Луг духовный» создавался Иоанном Мосхом под впечатлением его путешествия вместе с учеником Софонием по знаменитым монастырям. Софоний и завершает повествование уже после смерти Иоанна. Римский патерик (впрочем, известный на Руси, видимо, в гораздо более позднее время) написан в виде бесед-диалогов папы Григория Двоеслова с архидиаконом Петром.

Как ясно из текста, епископ Симон пишет молодому иноку в ответ на его послание, которого мы не имеем. Перефразируя «Паренесис» Ефрема Сирина, он устыжает Поликарпа в духовном несоответствии иноческому чину. Участие в интригах, поиски власти, «высокоумие», роптание на игумена, манкирование общей службой — все это сурово обличает Симон. Общая служба — это требование общежительного устава, который был принят в свое время Феодосием, но в дальнейшем от него были отступления, о чем свидетельствуют многие сюжеты Патерика. Симон же призывает Поликарпа быть участником общей службы, общей молитвы, обличая его попытки сослаться на телесные недомогания. Приоритет соборности для Симона неоспорим. Он утверждает, что ни чтение Псалтири, ни пение псалмов в своей келии не стоят одного лишь «Господи, помилуй» соборного. С той же идеей соборности, общности, которую представляет собой братия монастыря, связано его наставление относительно общей трапезы. Общая трапеза — требование того же Студийского устава, и учительное наставление епископа направлено на придание монастырской трапезе сакрального значения. По его словам, «обед» сотворяет-

ся от «божественного огня», и он сам, Симон, находясь вдали от обители, отдал бы все яства за «единую крупицу» обеда, приготовленного в стенах монастыря для его братии. Поликарп порицается Симоном за попытки уйти из Печерской обители и начать самостоятельную карьеру — игумена или епископа. Симон считает, что его адресат не готов к наставничеству и его поведение не только неприемлемо с точки зрения нормы монашеского послушания, но и противоречит отношению к монастырю самого Симона. Последний пишет, что был бы счастлив вернуться в монастырь и быть в нем погребенным. В подтверждение особой благодати, которая обретена обителью, он и начинает свои повествования.

В одном из рассказов Афанасий, не раскрывая тайны бывшего ему видения, призывает братию молиться «да скончаетеся сдѣ и со святыми отци погребени быти в пещерѣ» и после 12-летнего затворничества перед кончиной вновь повторяет: «Блаженъ есть сподобивыися сдѣ положенъ быти»[95]. Более развернуто та же мысль представлена в самом первом рассказе Симона — об Онисифоре-прозорливце. Здесь явившийся Онисифору Антоний сначала говорит о недопустимости захоронения в монастырской пещере грешника, а затем прощает его: «...иже к вам рѣх, яко положенныи сде всяк помилован будет, аще и грѣшен будет»[96].

Учительная часть не исчерпывается только вступительной эпистолой Симона. Дидактические обращения к Поликарпу встречаются в заключении каждой новеллы, многие из которых являются наглядным уроком, подчеркивающим высоту добродетели и низость порока.

Поучением о нестяжании материальных благ завершается рассказ о черноризце Еразме, который истратил все свои средства на драгоценные оклады для икон монастырской церкви. Симон учит молодого инока не сожалеть о пропаже средств и ценностей (кража или насильственное отъятие), ибо Господь дал, Господь и взял. Та же мысль подкрепляется в следующей главе — об Арефе, который не мог смириться с кражей денег, но затем, укоренный ангелами, возблагодарил Бога, и в награду утраченное ему было зачтено как милостыня. Владыка напоминает сходный сюжет из Синайского патерика — о старце, который просил Бога, чтобы разбойники пришли в его дом, а затем сам отдал им богатство.

Следующее наставление Симона касается необходимости со смирением переносить укоризну и не впадать в гнев. Кроме прямого дидактического наставления в эпистолярной части своего сочинения он обратится к этой теме в главе о Тите и Евагрии. Это новелла о ссоре прежних друзей. Тит перед смертью просил прощения и был прощен Господом, но не Евагрием, который заявил, что не простит его ни в этой жизни, ни в будущей. За лютость свою Евагрий был наказан внезапной смертью от копья карающего ангела и мгновенным окоченением трупа. В заключении Симон вновь обращается к авторитету Ефрема Сирина, приводя его слова «Аще кому случится во враждѣ умрети, неизмолим суд обрящут»[97].

В Повести о Николе Святоше рассказывается история подвизания в монастыре черниговского князя Святослава (Николая) Давыдовича, принявшего постриг, несмотря на отговоры братьев. Князь, имевший многое, все оставил, отрекся от богатства, власти и мирских страстей, удостоившись за смирение и труды целительной молитвы. По словам Симона, всех этих духовных подвигов Поликарп не совершал, амбиций же своих не преодолел. В послесловии к

[95] Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик / Подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 27.

[96] Там же. С. 23.

[97] Там же. С. 35.

рассказу о князе-иноке Николае Святоше он упрекает монаха в том, что тот «вчера пришел еси в чернечьство», а уже дает обеты (обеты нужно давать «по силе»). И далее в рассказе о Еразме владыка возвращается к этой же мысли, увещевая духовного сына: лучше не обещать вовсе, чем обещать и не исполнить.

Таким образом, сам отбор историй о черноризцах, которые Симон включил в «Послание» к Поликарпу, по-видимому, определялся необходимостью проиллюстрировать его собственные тезисы, прозвучавшие в эпистолярной части: о благодати, нисходящей на постриженных и похороненных в лавре (главы об Онисифоре, Афанасии), а также о пороках и добродетелях, о которых шла речь (рассказы о Николе Святоше, Еразме, Тите и Евагрии, Арефе). Наконец, дополняются сказания двумя рассказами о мучениках Евстратии и Никоне — героях, наиболее выдающихся и славящих обитель. Первый из них был замучен иудеями, безуспешно пытавшимися склонить его к перемене веры. Второй, претерпев страшные мучения в плену у половцев, был чудесным образом спасен и перенесен в Печерскую обитель.

В процессе работы текст Симона из нравоучительного послания становится трудом, который уже мыслится как написанное «для всех». Это ясно из вступительной фразы «Слова о создании церкви Печерской» древнейшей из дошедших до нас Арсениевской редакции Патерика: «Прииду же на другая сказания, увѣдят вси, яко самого Господа промыслом и волею, Того Пречистыя Матере молитвою и хотѣнием создася и свершися боголѣпная и великая церькы Святыя Богородица Печерьская...»[98]

Легенды вокруг Успенского собора монастыря, призванные подтвердить исключительность, особую богоизбранность обители, стали складываться еще в XI в., что отразилось уже в несторовском Житии Феодосия. Но именно в Патерике, в «Слове о создании церкви Печерской» Симона, рассказано о чудесах и знамениях, которые сопутствовали его строительству, росписи и освящению. Закладка и строительство главного монастырского каменного храма подкреплены здесь авторитетом могущественных соседей Руси — варягов (Шимон-Симон с венцом и поясом, мерой которого будет возводиться храм) и греков (зодчие и живописцы, которые будут храм строить и расписывать).

В «Слове о создании церкви» рассказывается, как четверо богатых царьградских церковных мастеров приходят к Антонию и Феодосию, вопрошая: «Гдѣ хощета начати церковь?», и выражают удивление, что им уже уплачены деньги за руководство строительством, а место еще не определено. Преподобные, в свою очередь, удивлены приходом мастеров и пытаются выяснить, как они узнали о будущем храме. Оказалось, что мастера позваны были некими скопцами к Царице. Во Влахерны греческие архитекторы идут вместе со своими друзьями и родственниками. Последние призваны стать свидетелями при найме их на будущие работы (согласно праву и традиции) и одновременно в будущем подтвердить истинность их рассказа о чуде. Хотя не исключено, что имелись в виду и проверенные мастерами работники, с которыми они планировали сотрудничать в предполагаемом новом строительном проекте. Царица говорит о своем желании «церковь възградити себѣ в Руси, в Киевѣ»[99] и велит им взять денег на три года работы. Обратиться в «чужой стране» они должны к Антонию и Феодосию, которые также присутствуют во дворце. Мастера предлагают Царице не давать деньги вперед, а приказать, чтобы преподобные на месте обеспечивали им «на пищу вся потребна». Но, оказывается, ни

[98] РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.п. I.31. Л. 125б-в.

[99] Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик. С. 12.

Антонию, ни Феодосию не суждено было дожить до завершения строительства храма.

Зодчим даны мощи святых Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора, которые должны были быть положены в основание храма. Есть сведения, что эти мощи действительно хранились в Константинополе. При этом по крайней мере двое из этих святых связаны с историей христианизации Руси: св. Полиевкт — константинопольский патриарх, крестивший Ольгу, св. Артемий — мученик, принесший в Рим мощи апостола Андрея, которого русские считают «своим» апостолом. Впоследствии образы святых были запечатлены в росписи храма, о чем говорится в Патерике. На вопрос мастеров об имени церкви Богородица отвечает: «Имя себѣ хощу нарещи», — и поясняет непонятливым зодчим: «Богородичина будет церкы»[100]. У нее же мастера получают икону, которая должна стать наместной в монастырском храме (среди ученых нет единства в отношении того, какая именно икона была принесена: Успение, «Тронная Богоматерь» и др.).

Сама церковь чудесным образом была показана грекам высоко в небе, а за их будущие труды им обещана награда, которую «ухо не слыша и на сердце человѣку не взиде»[101]. Выслушав рассказ зодчих, Антоний раскрывает им значение бывшего им чудесного видения от самой Богородицы.

Далее следует рассказ о приходе из Греции живописцев. Цель этого рассказа Симона та же — показать, что создание церкви сопровождалось чудесами, а строили и расписывали ее самые искусные мастера из «богохранимого Констянтина-града». Повествование начинается с того, что являются художники и обращаются к игумену Никону с требованием представить им тех, с кем они договаривались о найме на работу в присутствии многих свидетелей. Они говорят, что «рядцы» из киевской обители показали им «церковь малу», а эта церковь очень большая. Греки хотят вернуть золото, полученное вперед, и возвратиться в Константинополь. В подтверждение того, что «рядцев», которых они требуют, — Антония и Феодосия — уже нет в живых, им (и пришедшим с ними послухам — купцам) показывают иконы Антония и Феодосия. Узнав, что они чудесным образом рядились с небесными заступниками, «писцы» перестали спорить и собираться обратно.

Живописцы раскаялись и рассказали о чуде, которое случилось, когда они подплывали к Киеву. Уже издалека увидев Печерскую церковь, они захотели сразу вернуться назад, ибо она показалась им гораздо больше, чем они рассчитывали. Но к ним обращается Богородица с наместной иконы Успенского храма, грозя, что в случае, если они, не послушав Ее, вздумают бежать, Она поставит их в церкви вместе с их ладьей. Богоматерь предрекает, что они останутся в обители до смерти своей, и обещает им милость «в будущем вецѣ строителю сего дѣля Антониа и Феодосиа»[102]. Наутро они все же повторили попытку пуститься в обратный путь, но их относило вверх по Днепру, а затем ладья сама пристала у монастыря.

Теперь же, после предъявления образов Антония и Феодосия, раскаявшись в своем прежнем нерадении о Печерской церкви, «писцы» дарят в храм мозаику, которую привезли на продажу, ею украшается алтарь. И зодчие, и художники останутся в монастыре до конца своих дней. Говорится, что в память о чуде монахи хранят свитки и книги греческих мастеров и живописцев. Не исключено, что это были лицевые рукописи, образцы и иные «памятки» живописцев, которыми в дальнейшем могли пользоваться и русские мастера.

---

[100] Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик. С. 13.

[101] Там же. С. 12.

[102] Там же. С. 15.

Вторая часть Патерика принадлежит перу Поликарпа, который, вдохновившись Сказаниями Симона, решает продолжить его труд. Поликарп стремится сохранить форму симоновских текстов, включая эпистолярную часть. Однако он не мог ответить посланием Симону по причине кончины последнего и предпослал сказаниям о черноризцах предисловие в виде Послания игумену Акиндину. Характерно, что во вступлении к повествованию о Марке Пещернике Поликарп прямо говорит, что в своем писании подражает составителям древних патериков. Разумеется, любое начинание, а тем более столь серьезное, в монастыре невозможно без благословения игумена. Но Поликарп приводит еще одно оправдание обращению к Акиндину: он вспоминает, что игумен «некогда» просил его рассказать о прежних черноризцах (видимо, будучи наслышан о познаниях Поликарпа), но Поликарп смог рассказать лишь «мало нечто», забыв многое от трепета перед настоятелем. В отличие от симоновских сказаний у Поликарпа бóльшая часть дидактических фрагментов перенесена из послесловий в предисловия, сразу формулируется та мораль, которую читатель должен извлечь из последующего сюжета.

Поликарпа более всего волнует проблема соборности и индивидуального спасения, и он обращается к коллизиям, которые возникали в монастыре, когда тот или иной черноризец уходил в затвор. Такое желание вызывает протест у игумена и монастырской братии, ибо воспринимается как удаление из монастырского братства. Игумен Никон отговаривает от затворничества Никиту, вспоминая прельщение Исакия. «Святи отци отинудь не повелѣша»[103] затвориться Лаврентию, который осуществил свое желание лишь в другом монастыре. Сами же рассказы о затворниках показывают, что затвор не приносит монахам ничего, кроме искушения. Так, например, Никита удаляется, дабы получить дар чудотворения и «славим быти от человѣкъ»[104]. Исключением становится Иоанн, который затворяется с целью укрощения плоти, ему Поликарп в предисловии к рассказу слагает похвалу.

Рассказы Симона и Поликарпа представляют один или несколько эпизодов из жизни насельников обители, и только глава об иконописце Алимпии (в Арсениевской редакции отсутствует) из Написания Поликарпа отличается от обычных патериковых новелл тем, что излагает почти весь жизненный путь инока. Это связано с тем, что Алимпий оказывается в монастыре еще мальчиком: родители отдают его учиться иконному писанию у расписывающих Успенский собор греческих изографов. Вместе с греками он стал свидетелем чуда: когда мастера выкладывали мозаикой алтарь, образ Богородицы проявился сам по себе, а из уст Ее вылетел голубь. Он влетел в уста Спасовы (Пантократора), вылетел вновь, облетел образы святых, которые, как можно понять, уже были написаны греческими мастерами. Живописцы сначала под воздействием света, который был «паче солнца», пали ниц. Но желание видеть чудо было столь сильно, что они вскоре приподняли свои головы, а затем и попытались, приставив лестницу, поймать голубя, причем стоявшие внизу кричали тем, что на лестнице: «Имѣите, имѣите!» («Держите, держите!»). Смысл символического видения — Святого Духа, — недоступный греческим живописцам, открывается отроку, что означает его богоизбранность. Это будет подтверждено всей его дальнейшей жизнью в монастыре. Постриженный игуменом Никоном после окончания росписи храма и затем за «многую его добродѣтель и чисто его житие» поставленный иереем, он вскоре прославился как искусным писанием икон, так и своим бескорыстием. Ему

[103] Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик. С. 38.
[104] Там же. С. 36.

было дано исцелить прокаженного и совершить иные чудеса. Вместо находящегося при смерти Алимпия заказанную ему икону пишет ангел.

Такие бескорыстные неустанные труженики, как Алимпий, лекарь Агапит, Прохор, наделяющий в голодные годы людей хлебом и солью, Марк-печерник, представлены Поликарпом как самые высшие образцы добродетели.

Литература Владимиро-Суздальской Руси начала развиваться со второй половины XII в. Кроме нелетописных памятников целый ряд нарративов читается в летописях, отражающих летописание, формировавшееся под патронажем Андрея Боголюбского.

Одним из наиболее значимых явлений собственно владимирской литературы представляется цикл произведений, получивший название *«Сказания о чудесах иконы Пречистыя Богородицы Владимирской»*. В полном виде, который встречается в дошедших до нас рукописях, цикл сформировался, по всей вероятности, в конце XIV в., но его ядро — 10 чудес от иконы — сложилось еще при жизни Андрея Боголюбского в 1163—1164 гг.[105] Эти сказания создавались в кругу клириков Владимирского Успенского собора. Многочисленные фактические детали, имена, бытовые подробности, которые не могли длительное время сохраняться в памяти и устной передаче, свидетельствуют о том, что по крайней мере бóльшая часть чудес была сразу же записана.

Памятник построен как последовательность глав-чудес, которые имеют нумерацию. Первая глава содержит небольшое вступление, в центре которого образ солнца, созданного Богом так, что оно не стоит на месте, а обходит всю Вселенную[106]. Так и икона Божией Матери обходит разные страны, неся чудеса, дары и исцеления. Очевидно, что этот пассаж является вводным и по отношению ко всем 10 сказаниям-чудесам, и по отношению к первой главе, где рассказывается о переезде иконы из Вышгорода во Владимирскую землю, куда ее забирает Андрей Юрьевич из женского монастыря, где она трижды явила знамения, поворачиваясь и меняя свое место в храме.

Многим из них свидетелем является сам князь Андрей, в других сюжетах действуют поп Лазарь, поп Микула, поп Нестор, игуменья Славятина монастыря Мария. Логично думать, что они и были первыми рассказчиками чудес. Но ряд рассказов носит несколько иной характер. Так, в 5-м чуде некий чародей сотворил злое волшебство с яйцом, а отрок его съел, и его поразила глазная болезнь. Передаются суждения «неких»: одни считали, что глаз пропадет, другие, что умрет сам отрок. Вода от омовения иконы приводит его к выздоровлению. Если исцеление водой от образа восходит к византийской традиции, то все предшествующее повествование не является каким-либо заимствованием, а представляет собой зарождающуюся легенду, которую пока пересказывают, используя слухи. Близко к нему 6-е чудо — о некоей женщине из Мурома, излечившейся от сердечной болезни также благодаря воде от иконы.

В окончательном виде сказания были оформлены как единый памятник и одной рукой, что подтверждается повторением во многих рассказах (первом, втором, восьмом, девятом и десятом чудесах) одной и той же конструкции, слов и сходных выражений, с которыми обращаются к Богородице или говорят о надежде на Нее. Так, князь Андрей обращается к Пречистой: «...повиненъ есмь смерти его, Госпоже, аще не Ты избави-

[105] См.: *Кучкин В. А., Сумникова Т. А.* Древнейшая редакция Сказания о Владимирской иконе Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 476—509; *Гребенюк В. П.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. С. 25—26.

[106] Важно отметить, что этот мотив с частичными текстуальными совпадениями читается во вступительной части к летописной Повести об убиении Андрея Боголюбского.

ши»[107]; «Госпоже Прѣчистаа Владычице, аще сих Ты не избавиши, азъ бо, грѣшныи, повиненъ быхъ смерти сихъ»[108]. Аналогичные слова произносит поп Микула: «Госпоже Прѣчистая Владычице, аще Ты не избавиши ея от смерти...»[109] и т. п.

Позже к десяти сказаниям было прибавлено «новое чудо»: по молитве, обращенной к взятой с собой в поход Владимирской иконе, войска Андрея Боголюбского одержали победу над волжскими булгарами в 1164 г. Эта статья Цикла близка соответствующему рассказу в летописи и, очевидно, вторична по отношению к последнему.

Характерно, что этому походу посвящен еще один текст, вошедший позднее в Цикл, — Проложная статья на 1 августа — о победе 1164 г. и установлении празднования Спасу и Божией Матери, которая встречается и вне Цикла — в Прологах. Главное отличие проложной статьи — «византийская составляющая» сюжета. Поскольку здесь идет речь не только о победе Андрея Боголюбского, но и об установлении праздника, сообщается о взаимоотношениях князя с императором Мануилом, с которым первый пребывал «в любви и братолюбии». Говорится, что они в один и тот же день — 1 августа — выступили в поход на нехристиан, а в конце добавляется, что не только князь Андрей, но и Мануил видел («тамо» или, как вариант, «во своемъ полцѣ») огненный луч. Ряд подробностей, читающихся в летописи, в проложной статье отсутствует (состав участников похода, бегство булгарского князя). Зато именно в ней есть уточнение, что Бряхимов, взятый войсками Андрея, стоит на Каме, что князь «прочии городы осади дань платити». Есть и небольшие расхождения в деталях.

Автор проложной статьи передает уже сложившуюся легенду о чудесной помощи икон, взятых в поход Андреем Юрьевичем. Так, утверждается, что князь имел обычай брать с собой на брань икону Богоматери и крест — их несли два пресвитера. Причастившись, князь обращается к Богоматери с молитвой, где упоминает те же икону и крест. Позже, когда войска вернулись после взятия городов и обложения данью булгар, все наблюдали чудесное видение лучей от иконы Спаса. Как оказалось, она тоже сопровождала войска князя Андрея. И эти лучи покрыли весь русский полк.

Дискуссионным является вопрос о походе Мануила «на сарацин», в который он, согласно Прологу, отправился в «тот же день», что и Андрей. Реальную основу можно выявить, если отказаться от поисков среди великих походов и побед и не понимать буквально слова о том, что князь Андрей и император Мануил вышли на брань «в един день» (они использованы для создания большего впечатления). Византийские источники приводят данные о походах этого императора на турок в начале 1160-х гг.[110]

В греческой литургической традиции праздника Всемилостивого Спаса 1 августа не зафиксировано, но известно, что при жизни Мануил I выстроил в монастыре Пантократора себе надгробный храм, который расположился между храмами Пантократора и Богородицы Елеусы.

В рукописной традиции проложный текст встречается с тремя различными продолжениями. Исследование показало, что более ранним, скорее всего, был текст продолжения с Поучением[111], наиболее вероят-

[107] *Кучкин В. А., Сумникова Т. А.* Древнейшая редакция Сказания о Владимирской иконе Богоматери. С. 504.

[108] Там же. С. 508.

[109] Там же. С. 504—505.

[110] См.: Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 1. СПб., 1860. С. 159.

[111] Еще одно продолжение — «Слово о милости Божией», — небезосновательно приписываемое Андрею Боголюбскому, прибавлено поздними редакторами. Оно является самостоятельным произведением,

но принадлежавшим епископу Нестору[112]. Нестор способствует установлению праздника 1 августа, что зафиксировано в начале проложной статьи, где подчеркивается полное согласие князя, императора, патриарха, киевского митрополита и ростовского владыки.

Поучение раскрывает суть праздника Пантократора, один аспект которого связан с догматом Боговоплощения: титул Вседержителя объединяет божественную и человеческую сущности Христа. Вторая тема — это тема грядущего Суда и Воскресения, она является центральной в богослужениях с участием икон в монастыре Пантократора. Разумеется, князь Андрей мог не знать всех тонкостей посвящения и типика константинопольской обители, но они могли быть известны Нестору.

Большинство ученых считает, что Андрей Боголюбский установил и празднование Покрову, хотя есть точки зрения относительно киевского и новгородского происхождения этого праздника. В пользу Владимиро-Суздальской земли в этом смысле говорят строительство храма Покрова на Нерли и перекличка текстов в молитвенной части проложной статьи на 1 августа с ранним «Словом на праздник Покрова Пресвятой Богородицы».

К 1160-м гг. относят написание «*Сказания об обретении мощей святителя Леонтия Ростовского*», созданного в Ростове, элита которого стремилась сохранить за этим древним центром церковное главенство. Характерно, что Андрей Боголюбский, согласно этому памятнику, подчеркивает не принадлежность святыни Ростову, а то, что она обретена в его «державѣ». Само жизнеописание и подвиг Леонтия представлены в тексте памятника (как и в последующих редакциях Жития) не так, как в Киево-Печерском патерике под пером епископа Симона. В «Сказании» Леонтий — уроженец Константинополя, там учившийся и за добродетель поставленный владыкой в Ростовскую землю, где до этого подвизались епископы Феодор и Иларион, но не выдержали «многодосаждения» жителей. Терпя гонения и продолжая учить, Леонтий одержал моральную победу над пришедшими однажды его «изгнати из града и убити»[113], после этого люди уверовали. Симон же представлял Леонтия выходцем из Киево-Печерского монастыря, а смерть его — насильственной, от рук агрессивных язычников. Что касается происхождения Леонтия, то здесь проблема может быть решена, например, как это предложено А. В. Назаренко (Леонтий — «печерский» грек, то есть грек, подвизавшийся сначала в Киево-Печерском монастыре)[114]. Что же касается кончины епископа, то это противоречие пока не имеет удовлетворительного объяснения.

Послание князю, подписанное неким *Даниилом Заточником*, дошло до нас в двух вариантах текста — столь различных, что принято говорить о двух разных произведениях, а также во многих поздних переделках, а точнее — вариациях на тему этого послания («Слово» Даниила Заточника, «Моление» Даниила Заточника).

«Слово» Даниила Заточника, судя по самоназванию, адресовано князю Ярославу Владимировичу. Несмотря на то что Ярослав Владимирович княжил не только в Новгороде (в конце жизни был вышго-

---

встречается отдельно и представляет собой молитву от имени князя Андрея Юрьевича. Третье продолжение добавлено противниками князя, отстаивавшими посты в среду и в пятницу в Богородичные праздники.

[112] См.: *Конявская Е. Л.* К истории сложения проложной статьи на 1 августа // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 5—14.

[113] *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 404.

[114] См.: *Назаренко А. В.* Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X—XII век) // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 195—206.

родским князем), как отмечалось в исследованиях, топонимы и гидронимы в тексте относятся к Северо-Восточной и Северо-Западной Руси: Боголюбово, Белоозеро, Лаче озеро, Новгород. Впрочем, все фактические детали выглядят в этом памятнике двусмысленными, поскольку «Слово» наполнено юмором и иронией. Отчасти поэтому со «Словом» Даниила Заточника в нашей науке связано много нерешенных проблем — начиная с датировки и соотношения с «Молением», вторым текстом, надписанным Даниилом Заточником, но апеллирующим уже к другому князю — Ярославу Всеволодичу, сыну Всеволода Большое Гнездо. Дискуссионна и проблема автора «Слова», которой посвящено огромное количество работ. Учеными высказывались различные предположения о социальном статусе Даниила Заточника, его биографии и, наконец, реальности его существования. Разнообразие мнений порождено в значительной степени неопределенностью формальной традиции, в рамках которой следует рассматривать этот памятник (челобитная, скоморошья байка, послание, сборник афоризмов, памфлет?).

Неоднократно выдвигались гипотезы относительно того, что Даниил Заточник, скорее всего, персонаж выдуманный. Тем не менее затруднительно предположить побудительную причину такого несвойственного эпохе беллетристического хода. Византийские параллели, которые приводятся в подтверждение гипотезы, на самом деле представляют собой псевдопослания — пародии, написанные от имени конкретных или обобщенных лиц. По своему типу, форме и содержанию они не имеют ничего общего с рассматриваемым памятником. Они сюжетны, часто написаны в стихотворной форме, не имеют дидактической направленности. В «Слове» же, как и в ряде других произведений этого и последующих периодов, отразилось формирование представлений об идеальном князе, характеристиками которого оказываются милостивость, нищелюбие и щедрость; обладание «престижным» княжеством («Лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение»[115]); защита обижаемых от вельмож и тиунов; обилие воинства, слуг и преданных ему людей; верный подбор «думцев»; искусство управлять войском; твердое управление городом («дуб крѣпокъ множеством кореніа, тако и градъ нашь твоею дръжавою»[116]), справедливость и способность ценить службу. Кроме того, в конце «Слова» автор, подводя итог, еще раз перечисляет достоинства идеального князя: «Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, Господи, вся человѣкы под нози его»[117]. Политическая тенденция произведения — апологетика сильной княжеской власти, которая необходима и городу, и войску (чтобы оно не уподобилось зверю без головы). В более раннем «Слове» бояре не противопоставляются князю, опасение вызывает лишь произвол тиунов и рядовичей. В «Молении», которое предположительно датируется началом XIII в., службы князю и боярину противопоставляются, себя же автор, видимо, причисляет к «дворянам», то есть принадлежащим к княжескому «двору»[118].

За столетия изучения сочинения Даниила Заточника его называли и дружинником, и боярским холопом, и княжеским «милостником», и «думцем» князя, и скоморохом, и даже князем. Едва ли можно решить этот вопрос со всей определенностью, но в качестве наиболее вероятного статуса Даниила имеет смысл остановиться на княже-

[115] ПЛДР. [Кн. 2]: XII век. М., 1980. С. 390.

[116] Там же. С. 392.

[117] Там же. С. 398.

[118] См.: *Флоря Б. Н.* Летописец Даниила Галицкого и «Моление» Даниила Заточника как памятники древнерусской общественной мысли XIII в. // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 102—104.

ском «милостнике», гипотезу о котором выдвинул Д. С. Лихачев, справедливо заметив, что в памятнике «и самое слово „милость", и обращение к этой „милости" так часты»[119]. Правда, далее Д. С. Лихачев называет его княжеским скоморохом, а о таком виде княжеских слуг мы ничего не знаем.

Очевидно, что Даниил — человек широко образованный, умный и талантливый. Его эрудиция — не абстрактное начетничество, он знаком не только с церковной литературой, читает летописи, знает, что такое гусли сказителей. Понятно, что он не является воином, иначе о своих воинских заслугах он бы не умолчал. Его дело — служить князю пером и словом, о чем неоднократно упоминается в «Слове». Все, что говорит Даниил о своих достоинствах и способностях, касается слова, речи, мудрости. Он зависим от князя, но явно привык жить на широкую ногу, поэтому страдает от того, что не имеет сейчас возможности поддерживать привычный уровень жизни, принимать должным образом друзей, которые, в свою очередь, отвернулись от него как от человека, уже не соответствующего своему кругу. Ему знакомы особенности владения землями (лучше не иметь сел близ княжеских сел), и, надо думать, из собственного опыта. Он упоминает некие поручения князя, в которых тот может положиться на умного (то есть такого, как Даниил), но которые нельзя доверить глупому: «Мужа бо мудра посылаи — и мало ему кажи, а безумнаго посылаи — и самъ не лѣнися по немъ ити»[120].

Собственно, и немилость князя связана с каким-то словесным произведением, вызвавшим неприятие со стороны князя и его окружения: «Се же бе написах, бежа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожи своея»[121]. Таким образом, оказывается, что хотя он и «Заточник», но никем не заточен, а бежал (или изгнан) и теперь не решается предстать перед гневающимся на него князем.

«Слово», за исключением фрагмента о злых женах, который большинство исследователей считают вставкой, строится на чередовании текстов о бедствиях, которые терпит Даниил, и похвал-уроков князю. Пример последнему: «Но видих, господине, твое добросердие к собе и притекох къ обычнеи твоеи любви». Здесь, объясняя, почему решился обратиться к князю, Даниил деликатно указывает ему, как тому следует поступать. Это тонкое напоминание о прежнем благоволении господина он подкрепляет ссылкой на Священное Писание: «Просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго»[122].

Даниил Заточник в своем «Слове» щедр на идеи и рассуждения. Одна из его идей — противопоставление «нища мудра» «богату несмыслену». Это противопоставление, однако, не мешает ему добиваться изменения своего положения, так как богатство дает возможности для реализации его таланта. Сейчас он в опале, его никто не слушает, все от него отвернулись. Для человека, основой самореализации которого является слово, — это самое худшее. Даниил просит пустить «тучю на землю художества» его, ибо слово богатого авторитетно. Та же мысль звучит в призыве: «Не зри внѣшняя моя, но возри внутреняя моя. Азъ бо, господине, одѣяниемъ скуденъ есмь, но разумомъ обиленъ»[123]. Не скупясь на самовосхваление, он говорит о себе, используя традиционную житийную формулу о юном возрасте и «старом смысле». Поэтизируя словесный

[119] *Лихачев Д. С.* Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 186.

[120] ПЛДР. [Кн. 2]: XII век. С. 394.

[121] Там же. С. 388.

[122] Там же.

[123] Там же. С. 394.

труд, сравнивает полет своей мысли с полетом орла, говорит о себе как об искушенном книжнике: «Бысть языкъ мои — трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость»[124].

В своем послании он стремится продемонстрировать все свое мастерство, в том числе способность к философским обобщениям, яркому юмору, а также знание правил эпистолярного жанра. Изучение с этих позиций соблюдения Даниилом античных и византийских эпистолярных «правил» показало, что он, очевидно, был с ними знаком и умело ими пользовался[125].

Трактовка письма как одной стороны диалога также известна автору «Слова». Неоднократно Даниил моделирует такой условный диалог: «...или ми речеши: от безумиа еси молвилъ...»; «Или ми речеши: сългалъ еси аки татъ...»[126]; «Или ми речеши: женися у богата тьстя...»[127].

Еще одна рекомендация, часто встречающаяся в античных и средневековых греческих предписаниях о составлении эпистол, предполагает использование афоризмов и поговорок. Очевидно, что это требование Даниил выполнил даже с некоторым излишеством: структура афоризма, построенного на аналогии-параллелизме, стала основой композиции фразы в «Слове».

Лукавство Даниила, проявляющееся в плавных переходах от смеха к серьезному, дает возможность предположить, что он, может быть, не чужд иронии и в отношении формы своего сочинения. Это касается и афоризмов, и цитат, которыми памятник явно перегружен. Вводя такое обилие цитат, Даниил мог пародировать и античные эпистолы, и современные ему риторические произведения, где цитирование порой переходило за границу допустимых классических ссылок на авторитет.

Как сказано выше, большинство исследователей сходятся в том, что адресатом «Слова» был Ярослав Владимирович. Сомнения у историков вызывала лишь ссылка на отца Ярослава, который назван «великим царем Владимиром»[128]. Отец Ярослава — Владимир Мстиславич (Мачешич) — не был славной фигурой, а на киевском столе сидел три месяца. Однако для Даниила «царь» явно не являлся ни каким-то значимым определением, ни тем более титулом. Далее он говорит: «Не имѣи собѣ двора близъ царева двора», имея в виду правителя вообще. Нетрудно убедиться, что Даниил бесстрашен в своей игре цитатами из псалмов и библейскими образами, например: «И расыпася животъ мои, аки Ханоанскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона»[129]. Налицо используемая фигура мысли «от мирового целого», что применительно к его положению создает эффект явной несоразмерности и комизма. Различима ирония и в чрезмерной комплиментарности обращений к князю («Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ и образ твои красенъ; медъ источають устнѣ твои, и послание твое аки раи с плодом»[130]). А стало быть, в именовании царем Владимира Мстиславича также можно видеть насмешку, столь неявную, что ее невозможно поставить ему в вину.

В целом юмор и ирония составляют основную интонационную доминанту «Слова», примеры тому многочисленны. Пере-

---

[124] ПЛДР. [Кн. 2]: XII век. С. 388.

[125] *Конявская Е. Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). С. 111—115.

[126] ПЛДР. [Кн. 2]: XII век. С. 394.

[127] Там же. С. 396.

[128] См., например: *Рыбаков Б. А.* Даниил Заточник и Владимирское летописание конца XII в. // Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 143—145.

[129] ПЛДР. [Кн. 2]: XII век. С. 388.

[130] Там же. С. 392.

смешник, у которого шутка и сказанное всерьез переплетены самым сложным образом, готовый пародировать сразу все — устойчивые книжные формулы, псалмы, традиционные эпистолярные нормы, придворные речи дружинников и «думцев», Даниил Заточник представляет для нас довольно редкое явление — мирского книжника, причем книжника искушенного, образованного и опытного. Многие же странности и неясности, с которыми сталкиваются исследователи, анализируя «Слово», связаны с тем, что мы располагаем переработкой первоначального текста (пример этому — «Моление»). В дальнейшем переработки продолжились, первооснова обрастала новыми афоризмами и цитатами, в которых растворялось то самое послание, которое когда-то Даниил Заточник адресовал князю. Так, одна из переделок — «Слово о мирских притчах и бытейских вещех» — представляет собой уже последовательное исключение всех упоминаний исторических и личных обстоятельств.

Новгородская литература, помимо летописных памятников, представлена произведениями духовной литературы. Новгород, как и Северо-Восточная Русь, стремился создать пантеон святых подвижников-заступников перед Господом за свою землю.

В ближайшее время после смерти владыки составляется краткое проложное *Житие Аркадия Новгородского*, которое более интересно как исторический источник, нежели как факт литературы. Житие написано простым повествовательным языком, при этом содержит фактические детали: говорится, что в новгородском монастыре «святого Георгия» (то есть Юрьеве монастыре) он стал сначала диаконом, потом пресвитером и наконец игуменом, но из-за зависти, разжигаемой дьяволом, был изгнан из обители. Аркадий ушел искать заступничества у князя Изяслава Мстиславича, тот поручил ему монастырь Святого Пантелеимона[131]. Затем митрополит Константин ставит его в епископы во время новгородского княжения Святослава Ростиславича.

В XII в. было положено начало сложению *Легенды о чуде от Знаменской иконы* в связи с неудачным походом на Новгород сына Андрея Боголюбского Мстислава со смоленскими Ростиславичами и другими союзниками в 1170 г. Самый ранний текст Новгородской первой летописи об иконе не говорит вовсе. Но уже в ближайшее время легенда о защитившей город иконе Богородицы начинает приобретать официальный статус, и, как показано И. С. Агафоновым, ее письменная фиксация не могла отстоять далеко от событий 1170 г., поскольку установление празднования иконе должно было сопровождаться написанием хотя бы небольшого проложного текста[132]. В дальнейшем текст легенды развивался в памятниках разных жанров в течение нескольких последующих столетий.

Из учительной литературы сохранилось *Поучение на Соборное воскресение* (1166) архиепископа Ильи (Иоанна), правда, в рукописях не подписанное или приписываемое Иоанну Златоусту. Владыка перечисляет многие пороки паствы, которые надлежит священникам искоренять, а также порицает проступки самих священников («Вижю бо и слышю, оже до обѣда пиете»[133] и др.). Поучение написано лаконичным и понятным языком, что свойственно новгородской литературе в целом. Позднее Поучение было включено в «Измарагд».

Наконец, до нас дошел выдающийся памятник паломнической литературы «*Книга*

[131] В учредительной грамоте Изяслава Мстиславича говорится, что последний устроил святому Пантелеимону монастырь и посадил «в нем игумена Аркадия» (см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 136).

[132] *Агафонов И. С.* Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

[133] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. СПб., 1897. С. 241.

Паломник» Антония Новгородского — хождение будущего новгородского архиепископа, а тогда еще боярина Добрыни Ядрейковича, в Царьград (Константинополь). В подавляющем большинстве рукописей, содержащих списки «Книги Паломник», сочинение Антония соседствует с «Хождением» игумена Даниила.

Из текста «Книги Паломник» ясно, что Антоний был в Константинополе в 1200 г. не менее 4 месяцев: как очевидец он говорит о чуде от образа Иоанна Предтечи, случившемся в сыропустную неделю, а затем рассказывает о чуде 21 мая 1200 г., когда «3 кандила со крестомъ» поднялись «выше великаго креста» и затем вернулись на место.

В научной литературе отмечалось, что произведение неровно по форме, эмоционально-многословные фрагменты чередуются с краткими конспективными, возможно, представляющими собой необработанные черновые наброски. Наиболее завершенной в литературном и концептуальном отношении является первая половина «Книги Паломник», которую, видимо, Антоний оформил уже после возвращения. Вторая часть сочинения Антония представляет собой перечень мощей и реликвий с преобладанием однотипных фраз:

«А у Златых врат святыи Диомидъ и мощи его лежатъ.

А оттолѣ мощи святаго Мамонта <...>

А оттолѣ же святыя Карпъ и Папила въ женьскомъ монастыри во единомъ гробѣ лежатъ...»[134].

Видимо, работа по оформлению кратких записей в литературное произведение по каким-то причинам не была завершена.

Наряду с описаниями святынь в «Книге Паломник» обнаруживается явный интерес автора к особенностям константинопольской богослужебной практики. Рассказ о патриаршей службе с выносом Святых Даров изобилует эмоциональными восклицаниями («И въ каково иже ли чти и во смирении патриархъ службу совершаетъ?..») и завершается характерным обращением к «братии»: «Се же, братие, поминающе, поревнуемъ таковои же службѣ быти со страхомъ, да получимъ добрую жизнь въ сии вѣкъ и въ будущии»[135]. Это подтверждает, что Антоний писал свое сочинение уже на Руси, пользуясь, безусловно, записями, сделанными во время путешествия, и обращается он к братии Хутынского монастыря, где в скором времени принял игуменство.

Выделяется как минимум 17 фрагментов, касающихся богослужебной практики, — от пространных описаний (например, последования службы в Святой Софии от утрени до вечерни, включая воскресные дни) до кратких замечаний. Интересует автора процесс приготовления мира, обновления и изготовления паникадил и др. В ряде случаев Антоний упоминает особенности обихода того или иного монастыря. Именно со службой связаны яркие чувства автора. Так, описывая церковь Св. Михаила, Антоний рассказывает, как кадят фимиам, и добавляет, не скрывая своего восторга: «И наполнится благоухания вся церковь; пѣние же воспоютъ калуфони, аки аггели, и тогда будетъ стояти во церкви той аки на небеси или аки въ раи; Духъ же Святыи наполняетъ душу и сердце радости и веселия правовѣрнымъ человѣкомъ»[136]. С чудом, произошедшим на службе в присутствии самого Антония, связан самый эмоциональный фрагмент «Книги Паломник». Он начинается монологом от лица «всех людей», которые были на службе и наблюдали, как «3 кандила со крестомъ» поднялись «выше великаго креста» и возвратились на свое

[134] *Лопарев Х. М.* Книга паломник: Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. СПб., 1899. С. 25—26. (Православный Палестинский сборник; Вып. 51 (Т. 17. Вып. 3)).

[135] Там же. С. 13.

[136] Там же. С. 20—21.

место. Люди «со страхом и радостию великою рекоша: „Уже нас християнъ посѣтилъ Богъ милостию своею <...> хощетъ ны дати Богъ жития, якоже при Конъстянтинѣ было“»[137]. И далее рисуется грядущая идиллия (при условии принятия всеми христианства): мир между христианами, добродетельная жизнь людей, обилие, приносимое природой.

Антония интересуют самые различные стороны религиозной жизни: монастырское устроение (владение землей, уставы), агиология (отмечает, что святая Анастасия, которая «въ теле лежитъ», была в свое время замужем, «но милостынею и добрымъ житиемъ спасеся»[138]) и др. Есть даже описание того, как хранятся овощи для патриаршего стола, и устройства патриаршей бани.

В отличие от игумена Даниила Антоний более интересуется живописью, чем архитектурой. В тексте памятника встречается свыше 20 упоминаний произведений церковной живописи, и поэтому памятник важен с точки зрения отражения эстетического сознания русского человека конца XII — начала XIII в., в частности характера восприятия византийской живописи.

Исследователи, начиная с Х. М. Лопарева, неоднократно ставили под сомнение оригинальность текста Антония, предполагая, что он использовал доступные ему проскинитарии. Однако разыскания недавнего времени показали, что каких-то явных совпадений с известными проскинитариями или иными описаниями византийских святынь в сочинении Антония не обнаруживается[139]. Поскольку Антоний жил в Царьграде довольно длительное время и, стало быть, имел контакты с разными, довольно осведомленными людьми, то значительная часть информации была почерпнута им именно от таких лиц. Об этом косвенно свидетельствует обилие грецизмов в тексте памятника.

Упоминая чудотворные образы, Антоний лишь называет сам образ или говорит о нем кратко. Причем зачастую даже суть легенды остается нераскрытой, поскольку Антоний не сомневается в том, что русскому читателю эти сюжеты знакомы. Лишь малоизвестные сюжеты он передает подробнее. Таков, например, рассказ о персте Христа — чудо от мозаичного образа Спаса, поразившего нескромно похвалившего себя мастера.

Антоний общался с иконописцами, наблюдал за их работой и, судя по его замечаниям, хорошо разбирался в иконографии. Он говорит, что Павел-иконописец писал «Крещение» в период пребывания в Царьграде самого Антония. Антоний подчеркивает, что подобной иконы нет больше нигде. Как можно понять из его описания, икона действительно необычна. В центре Иоанн крестит Христа, а в клеймах — деяния Иоанна: «...как Иоанн училъ народы и как младые дѣти металися в Иордан, и людие...»[140]. Упоминается более ранняя икона Павла — образ Христа с дорогим окладом, украшенным «драгимъ камениемъ и со жемчюгомъ»[141]. Антоний рассказывает, как над образом Спаса трудится сам патриарх, сообщает, что некие писцы обновляют большую икону Бориса и Глеба.

По-видимому, «Книга Паломник» создавалась для узкого круга близких Антонию

[137] *Лопарев Х. М.* Книга паломник: Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. С. 14.

[138] Там же. С. 34.

[139] См.: *Конявская Е. Л.* Византийская живопись и живописцы в «Паломнике» Антония Новгородского // Литература Древней Руси: Коллективная монография. М., 2011. С. 23—30.

[140] *Лопарев Х. М.* Книга паломник: Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. С. 17.

[141] Там же. Интересно, что примерно в это же время появляется фреска «Крещение» в росписи церкви Спаса на Нередице, иконография которой совпадает с описанием клейма иконы Павла. Сюжет этот крайне редок, встречается чаще в миниатюрах — латинских и греческих.

людей, связанных с высшим церковным управлением Новгорода. Им были интересны вопросы богослужения, монастырских порядков, храмовой живописи.

Во второй редакции сочинения Антония в приписках имеются высказывания о последствиях нашествия крестоносцев, происхождение этих приписок следует еще уточнять. Как показано Н. А. Мещерским, приписывать перу Антония Повесть о взятии Царьграда фрягами (крестоносцами) в 1204 г., сохранившуюся в Новгородской первой летописи, Еллинском летописце, более поздних летописях и сборниках, оснований нет (хотя такие мнения в науке существовали). Особенности лексики и грамматики Повести не несут новгородских черт, а скорее свойственны «южной Руси того времени»[142].

Литература Запада Руси. В западных землях Руси раннее летописание сохранилось лишь фрагментарно, но до нас дошли литературные памятники другого рода, демонстрируя высокий уровень образованности писателей (и их читателей) в этом регионе.

Кирилл, епископ Туровский — выдающийся писатель и проповедник, оставивший большое творческое наследие. Из его краткого Жития[143] мы знаем, что он происходил из богатой семьи, жившей в Турове, с детских лет стремился к чтению духовных книг, постригся в туровском Свято-Никольском монастыре, где впоследствии стал игуменом. Однажды он принял решение о более усердном подвизании и «въ столпъ вшедъ, затворися». В это время были написаны многие его творения, и он стал «славенъ въ всеи странѣ тои»[144]. Князь и люди умолили его принять владычную кафедру. В Житии говорится, что святитель Кирилл неоднократно писал к Андрею Боголюбскому, но эти послания до наших дней не сохранились. Под 1169 г. в качестве туровского епископа он упоминается в Ипатьевской летописи[145] — как обличитель ереси лжеепископа Феодорца из Владимира на Клязьме.

Своими проповедями, посланиями и текстами молитв Кирилл Туровский прославился еще при жизни, а позднее ему стали приписывать и не принадлежавшие ему сочинения. Исследователи его творчества на сегодняшний день выделяют из числа ему приписываемых свыше 30 произведений, которые можно атрибутировать знаменитому проповеднику и гимнографу надежно.

К ним относится цикл из 21 молитвы, предназначавшихся для повседневного чтения после служб в монастырской практике (на все дни недели).

Более сложными для восприятия представляются три его сочинения, принадлежащие к аскетической публицистике, — «Притчи». Наиболее изученной является «Притча о слепце и хромце». Это сложное иносказательное повествование-рассуждение о душе, теле, искушении и грехе. Ссылаясь на евангельскую притчу «о злых виноградарях», Кирилл тем не менее использует иной рассказ, который, скорее, можно назвать притчей «о злых сторожах» — некий бродячий сюжет, встречающийся в литературных традициях многих народов. Слепец и Хромец, обокравшие виноградник Человека Домовитого, который они были призваны сторожить, означают душу и тело человека, сам же Человек Домовитый — Создателя. Раскрытие символики приводится в тексте поэтапно — после того

---

[142] *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году // ТОДРЛ. Т. 10. Л., 1954. С. 135.

[143] Он был канонизирован довольно рано, Житие встречается уже в прологах XIII в.

[144] *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. С. 351.

[145] Под 1182 г. речь идет уже о другом владыке этого города.

или иного поворота сюжета притчи. Душа и тело представлены как феномены взаимозависимые, сам человек — как субъект самовластный, который избирает свой путь греха или добродетели и затем отвечает перед Спасителем. При этом святитель обличает, видимо, часто встречающееся среди монахов самооправдание: «Преступившю же человѣку повелѣние Божие и того ради смертью осужену бывшю, первое душа к Богу приводится и спирается глаголющи: „Не аз, но тѣло есть створило“». Он напоминает, что после Страшного суда «души наши в телеса внидуть и приимуть въздание кождо по своим дѣломъ — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку»[146].

Но есть и другое толкование аллегории, также приводимое Кириллом: епископия и монастырь — едемский рай, хотя ворота его не затворены, в него трудно войти. Сторожа — «суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремь стрещи святых таин от враг Христов, сирѣчь от еретик и зловѣрных искусник, нечестивых грѣхолюбець, иновѣрных скверникъ»[147].

Многозначность, которую обнаруживает в своих толкованиях проповедник, включает и позиционирование Кирилла Туровского относительно жарких споров и коллизий в церковной жизни Руси середины — второй половины XII в. (поставление Климента Смолятича, процессы в Ростовской епархии, споры о постах в среду и пятницу). Этот аспект с поисками буквальных аналогий (Феодорец — Слепец, Андрей Боголюбский — Хромец) часто выступает при анализе этого памятника на первый план. Между тем этот сложный богословский трактат имеет иное — философское и нравственное — значение и является выдающимся образцом риторической экзегезы.

Образцами же церковного красноречия — проповеди — являются 8 Слов Кирилла Туровского на дни пасхального богослужебного цикла. В них широко используются ново- и ветхозаветные, а также апокрифические тексты, святоотеческое наследие. Однако, как отмечает В. М. Кириллин, неправомерно считать Кирилла Туровского «только лишь искусным подражателем и компилятором». Этот ритор, по словам исследователя, «сумел вырваться из тесных рамок литературной компиляторской традиции и додостичь художественного совершенства...»[148].

В Туровской земле был создан еще один небольшой памятник, вошедший в ранние Прологи, — *«Слово о Мартине Туровском»*. Это рассказ о чуде исцеления повара Мартина, служившего туровским епископам и уже бывшего на покое «старости ради», явившимися ему свв. Борисом и Глебом. Он лежал в болезни и страдал от жажды, никем не посещаемый из-за поднявшейся около монастыря воды. Святые дали старцу напиться и, не взяв хлеба, которым он угощал, сказали перед тем, как исчезнуть: «Ты не боли, но упочини»[149]. Старец выздоровел и рассказал бывшее духовному отцу.

Из этого небольшого текста мы узнаем имена туровских епископов, сменявших друг друга в течение сознательной жизни Мартина: Симеон, Игнатий, Иоаким, Георгий (последний отправил старца на покой). Явившихся ему святых он принял за детских (дружинников) князя. Он спросил их о князе, и они ответили, что служат князю Ярославу. Мартин счел, что речь идет о пинском князе Ярославе Юрьевиче. В XVI в.

---

[146] *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 347.

[147] Там же. С. 343.

[148] *Кириллин В. М.* Литературное наследие святителя Кирилла, епископа Туровского // Кириллин В. М. Очерки о литературе Древней Руси. М., 2012. С. 236.

[149] *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. С. 420.

в одном списке памятника «Ярослав» заменен на «Владимира», так как осведомленный поздний книжник знал, что Борис и Глеб не были вассалами своего брата Ярослава (Мудрого). Рассказ написан неукрашенным ясным языком, изобилует историческими и бытовыми подробностями.

Судя по обилию исторических подробностей, возможно, к концу XII в. было создано Житие Евфросинии Полоцкой. Однако до нас оно дошло в нескольких поздних редакциях (списки не ранее конца XV — начала XVI в.).

Таким образом, древнерусская литература в XII — начале XIII в. развивалась по преимуществу в рамках отдельных регионов, что, однако, не мешало непрекращавшемуся книгообмену и диалогу этих литератур.

ИСКУССТВО

Зодчество

Начальный этап: конец X — первая треть XII в. Древнерусское зодчество как самостоятельная архитектурная школа — сравнительное молодое явление в кругу других европейских архитектурных школ эпохи Средневековья. Оно начинает свое развитие только после принятия Русью христианства как государственной религии в конце X в. К этому времени архитектура Византии существовала уже почти тысячу лет. Архитектура Западной Европы, так же как и византийская, возникшая из раннехристианской архитектуры эпохи заката и гибели Римской империи, формировалась не столь непрерывно, как византийское зодчество, но к периоду возникновения каменного зодчества на Руси тоже уже имела немалый опыт развития.

Страны Центральной Европы, где монументальное строительство начало появляться всего за столетие до того, как это произошло на Руси, к этому времени прошли через опыт архитектурного развития Великой Моравии и «предроманской» архитектуры. На Руси же подобного опыта не было, поэтому, начиная развитие монументального зодчества, она должна была избрать точку опоры, от которой могла оттолкнуться в этой области.

Правда, к этому моменту восточные славяне имели уже богатейший опыт строительства из дерева и возведения дерево-земляных оборонительных сооружений. Однако массовое строительство жилищ трудно относить к разряду архитектурных явлений. Такой вид строительства как таковой не является архитектурой как видом художественного творчества. Его типы и хронологические и региональные особенности можно рассматривать с точки зрения археологии, этнографии, но не истории архитектуры. К тому же, будучи органическим материалом, дерево подвержено естественному гниению и гибели, и поэтому остатки деревянных зданий и сооружений до нашего времени, как правило, не доходят или доходят в виде косвенных признаков и следов — столбовых и котлованных углублений в материке, что вообще не дает возможности рассматривать их архитектурные особенности. Исключение представляет собой культурный слой тех поселений, где, благодаря повышенной влажности грунта, остатки древних деревянных сооружений консервируются, что дает возможность проследить их иногда на высоту до нескольких венцов. Такой культурный слой существует в Новгороде, Старой Ладоге, прибрежной части Киева (Подоле), древнерусском Звенигороде на Белке (в Галицкой земле), отчасти Ростове и Смоленске. Однако большинство выявленных и исследованных там деревянных жилых и хозяйственных зданий лишь подтверждают вывод о довольно типовом и массовом характере этих сооружений и не могут рассматриваться с точки зрения архитектуры.

Не мог пригодиться первым русским зодчим и многовековой опыт строительст-

ва земляных и дерево-земляных крепостей. Учитывая, что дерево и земля на территориях, на которых формировалось Древнерусское государство, были самыми распространенными и легкодоступными материалами, опыт работы с ними имел практически любой взрослый человек. От создателя крепости требовались знания в области ведения боя, тактики обороны и большое количество рабочей силы, обладающей элементарными навыками в землекопном и плотничном мастерстве. Количество же таких людей в Древней Руси всегда было в избытке. Поэтому такой опыт не мог послужить основой для возникновения на Руси архитектуры как самостоятельного вида художественного творчества.

Не возникало необходимости в возведении монументальных построек и при создании языческих храмов. Как показали археологические исследования, храмы восточных славян-язычников представляли собой не здания, а открытые площадки — капища, — на которых устанавливались изваяния-идолы языческих божеств и горели священные огни[1]. Иногда местами поклонения служили естественные объекты — священные рощи и даже отдельные деревья[2].

Именно поэтому архитектура как особый вид художественного творчества появляется только тогда, когда Русь становится христианской державой и возникает необходимость возведения христианских храмов с их сложной системой опор и перекрытий. Такого опыта ни у кого из многочисленных плотников и землекопов Древней Руси до принятия христианства в качестве государственной религии не было.

Приняв крещение по восточному обряду из рук Византии, Русь взяла за начальную точку развития византийскую архитектурно-строительную традицию, которая в отличие от западной на протяжении всего периода Средневековья не знала спадов и к рубежу I и II тысячелетий накопила огромнейший опыт создания архитектурных форм и строительных конструкций.

В этот момент византийская архитектура переживала фазу развития, стилистически существенно отличную от своего начального периода и основанную на крестово-купольной системе, требующей применения сложной и технически виртуозной системы опор и сводов. В то же время византийская архитектура никогда не отказывалась в случае необходимости использовать и опыт предыдущего периода, поэтому возможности ее были намного шире тех, которыми располагала архитектура Запада, после периода упадка неоднократно восстанавливавшая свой уровень, обращаясь к богатейшему арсеналу средств византийского зодчества.

Древнерусское же зодчество, изначально возникшее из архитектуры византийской, не имея за плечами того опыта, который к этому моменту имела архитектура Запада и даже относительно молодая архитектура Центральной Европы, с первого же момента своего развития получила в свое распоряжение могучий арсенал средств византийского зодчества и начала свою историю с такого высокого уровня, достижение которого архитектурой Западной Европы потребовало нескольких столетий развития.

Древнерусское зодчество домонгольской эпохи (конец X — середина XIII в.) представляет собой одну из наиболее ярких страниц в истории средневековой европейской архитектуры. Генетически связанное с архитектурой Византии, оно уже с первых шагов своего развития демонстрирует выраженную тенденцию самостоятельного развития типологических форм. Вместе с тем, оставаясь в русле восточнохристианской традиции, архитектура Древней Руси не была изолирована и от архитектурных

[1] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 261—266, 286—289.

[2] *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 52—62.

процессов, протекавших в романской архитектуре Центральной и Западной Европы.

Говоря о развитии зодчества Древней Руси на начальном этапе его развития, следует учитывать несколько важных обстоятельств.

Прежде всего, нужно оговориться, что возведение каменных зданий, особенно христианских храмов, в отличие от строительства деревянных и дерево-земляных сооружений, возможно только усилиями не свободно формирующихся групп мастеров, а слаженной группы профессионалов, имеющих опыт в создании сложных каменных (или кирпичных) конструкций. Такие группы мастеров, даже в Византии и на Западе Европы с их уже устоявшимися строительными традициями и развитой инфраструктурой строительного производства, как правило, были устойчивыми ремесленными коллективами, существование которых носило если не постоянный, то долгосрочный характер. В отечественной литературе такие группы мастеров обычно называются *артелями*, хотя этот термин достаточно условен и сам по себе появляется только в позднесредневековых источниках. Однако, несмотря на его условность, чтобы не создавать терминологической путаницы, мы будем использовать именно его. Тем более что принцип артельной организации ремесленного производства, известный нам по позднему периоду, судя по тому, как мы сейчас представляем себе организацию строительного производства в Древней Руси X—XIII вв., прекрасно соответствует ей.

Другое обстоятельство, которое необходимо учитывать, рассматривая древнерусское зодчество домонгольской эпохи, заключается в том, что, даже несмотря на резкое увеличение фонда известных науке памятников этого периода (в настоящее время их учтено около 250[3]), их общее число по сравнению с аналогичными периодами в истории архитектуры Византии и Западной Европы сравнительно невелико. И дело здесь не только в том, что еще далеко не все утраченные памятники этого периода обнаружены, а о существовании некоторых мы даже еще и не догадываемся, а в том, что за этот период на Руси было построено монументальных зданий значительно меньше, чем в других христианских странах Западной, Центральной и Южной Европы. Но причина этого заключается не в слабости архитектурной традиции Руси того времени, а в особой организации строительного производства и заказа на строительство в домонгольской Руси. Здесь не существовало свободных артелей, которые могли бы работать по частному заказу или заказу отдельных корпораций (со второй половины XII в. исключение в этом плане представляет лишь Новгород). Практически все монументальное строительство в домонгольской Руси было сосредоточено в руках княжеской власти, то есть фактически строительство было государственным[4]. Даже Церковь имела свои строительные организации лишь в редких случаях, несмотря на то что основным объектом строительства были храмы. Монополизация строительной деятельности в руках княжеской власти привела к тому, что количество строительных артелей на Руси было сравнительно невелико, и поэтому за 200 с лишним лет, прошедших от Крещения Руси до монгольского нашествия, здесь было возведено гораздо меньше построек, чем в других христианских странах. В то же время государственный заказ, а следовательно, и значительно большие средства, вкладываемые в строительство отдельных зданий, каждое из которых становилось, по сути дела, уникальным, позволили этим артелям достигнуть исключительного архитек-

[3] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 6—116.

[4] *Раппопорт П. А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики // Советская археология. 1985. № 4. С. 85—86.

турного и строительно-технического качества.

До принятия христианства в 988 г. практики монументального строительства на Руси не существовало. Главным строительным материалом служило дерево. Это и неудивительно, ведь в дохристианские времена основными объектами строительства были жилища и крепости. Но для строительства жилищ всегда употребляется наиболее доступный и экономичный материал, каким на Руси и было дерево. К тому же дерево обеспечивает сухость в жилище и значительно лучше других строительных материалов сохраняет тепло, что было немаловажно в характерных для Руси климатических условиях. Что же касается крепостей, то до появления огнестрельного оружия дерево-земляная крепость фактически не давала никаких преимуществ перед каменной фортификацией, но могла быть возведена гораздо быстрее и с гораздо меньшими затратами сил[5].

Поэтому основой типологического репертуара каменного строительства домонгольской Руси, несмотря на практически монопольную принадлежность строительных артелей княжеской власти, составляли все же церковные постройки. Строительство каменных жилых или гражданских построек (теремов) было исключительной редкостью. Точно так же редкостью было и строительство каменных крепостей.

Особо следует остановиться на положении зодчего в Древней Руси. Подробнейшим образом эта проблема была исследована П. А. Раппопортом[6]. Древнерусские строители занимали очень высокое положение в обществе. Ярким свидетельством этого служит хотя бы рассказ летописца о киевском зодчем рубежа XII—XIII вв. Петре Милонеге. Он пишет, что киевский князь Рюрик Ростиславич «ходожника и во своих си приятелех имене Милонег, Петр же по крещению, акы Моисеи древле оного Веселеила <...> мастера не проста»[7]. В этом тексте летописец не только восхищается мастером, сравнивая его с библейским зодчим Веселеилом, но и прямо называет его «приятелем» князя. Интересно в этом плане и сообщение другой летописи, в которой, рассказывая о строительстве в 1230 г. князем Святославом Всеволодичем Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, летописец сообщает, что князь «сам бе мастер»[8].

В то же время анализ деятельности древнерусских строительных артелей показывает, что, несмотря на высокое положение в обществе, древнерусские зодчие находились в прямой и весьма сильной зависимости от своих заказчиков-князей[9]. Зависимость строителей от князя в Древней Руси — это зависимость вассала от сюзерена, но более жесткая, так как она обусловливалась тем, что практически все заказы на строительство были сосредоточены в руках княжеской власти и строители не могли находить себе заказчиков на стороне. Самовольный переход к другому князю без разрешения сюзерена был бы равносилен измене. Исключение в этом (но только со второй половины XII в.) представляет Новгород, где установившаяся там после 1136 г. феодально-республиканская форма правления и минимальное значение княжеской власти обусловили появление частного заказа на строительство. Уже в конце XII — начале XIII в. широкое распространение частного заказа в новгородской строительной практике привело к тому, что монументальное

[5] *Раппопорт П. А.* Древнерусские крепости. М., 1965. С. 32—34.

[6] *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.). СПб., 1994. С. 131—135.

[7] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 711.

[8] ПСРЛ. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 355.

[9] *Раппопорт П. А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики. С. 85—86; *Он же.* Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.). С. 132—133.

строительство начало впервые в истории древнерусской архитектуры приобретать массовый характер.

Пример новгородской архитектуры второй половины XII — начала XIII в. является исключением в практике домонгольской архитектуры. Закономерным явлением было как раз другое. В домонгольскую эпоху любая постройка каменного храма становилась не столько событием церковной жизни, сколько политическим актом государственной власти, демонстрируя силу, мощь и экономические возможности князей-заказчиков. Переориентация политических интересов князя на другой центр, заключение военно-политического союза, как правило, влекли за собой и переход строительной артели (вместе с князем или по его приказу) из одного центра в другой или присылку союзнику части своих мастеров. Интересно, что такие передвижения мастеров очень часто бывают связаны с другим политическим актом, который в эпоху Средневековья, как правило, сопровождал заключение союза, — династическим браком. Если сопоставить картину династических брачных связей русских князей и картину строительной деятельности артелей, то они, как правило, будут совпадать.

Еще одной особенностью, объединяющей всю архитектуру домонгольского периода, является строительный материал — плинфа, скреплявшаяся цемяночным раствором. Эта традиция вместе с первыми мастерами-строителями пришла из Византии и существовала вплоть до монгольского нашествия. Исключение составляют два региона — Галицкая и Владимиро-Суздальская земли, где строительство велось не из плинфы, а в романской технике — из тесаных блоков известняка на известковом растворе.

Первый период, 989—1036 гг. Первым каменным храмом и первой монументальной постройкой в истории древнерусской архитектуры стала церковь Богородицы (Десятинная) в Киеве, строительство которой началось на следующий год после Крещения Руси, то есть в 989 г. Исследование остатков этого памятника, погибшего в 1240 г. во время нашествия Батыя, было начато в 1908—1911 гг. Д. В. Милеевым,[10] а в 1930-х гг. завершено М. К. Каргером[11].

Еще несколько лет назад картина сложения и начального этапа развития древнерусского зодчества, во многом основанная на результатах исследований М. К. Каргера, представлялась в виде прямой линии, начавшейся с прихода «мастеров от грек» в Киев в 989 г., получившей дальнейшее развитие в таких памятниках, как церковь Богородицы в Тмуторокани (1022) и Спасский собор в Чернигове (около 1036 г.), достигшей наивысшей точки типологического и стилистического развития в середине XI в. в таких памятниках, как Софийские соборы в Киеве, Новгороде и Полоцке, и, наконец, окончательно сформировавшейся как национальный вариант византийской архитектуры уже во второй половине XI столетия в Успенском соборе Печерского монастыря в Киеве (1073).

---

[10] *Милеев Д. В.* О результатах раскопок в Киеве в 1908 г.: Протокол доклада в заседании Русского отделения РАО 28.II.1909 // Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 32. СПб., 1909. С. 7—8. (Хроника и библиография; Вып. 16); *Он же.* О раскопках в усадьбе Десятинной церкви в Киеве летом 1908 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. 9. СПб., 1913. С. 290—294; Отчет Императорской Археологической комиссии за 1908 год. СПб., 1912. С. 132—158.

[11] *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961. С. 25—59.

Такая схема отчетливее всего сформулирована в работах П. А. Раппопорта[12] и особенно А. И. Комеча[13].

Другое не менее устоявшееся представление состояло в том, что русское зодчество обязано своим происхождением столичной — константинопольской — школе византийской архитектуры.

Новые исследования Десятинной церкви, проводившиеся в 2005—2012 гг. совместной экспедицией Института археологии Национальной академии наук Украины и Государственного Эрмитажа[14], а также исследования Спасского собора в Чернигове, проведенные в 2012—2014 гг. совместными усилиями Черниговского государственного педагогического университета, Черниговского историко-архитектурного музея-заповедника и Государственного Эрмитажа[15], позволили существенно скорректировать устоявшиеся представления о проблеме происхождения русского зодчества и его развитии на самом начальном этапе (вклейка, рис. 42).

Главным аргументом в пользу константинопольского происхождения мастеров — создателей Десятинной церкви — был характер найденных в ходе ее раскопок блоков стеновой кладки, сложенных из плинфы на цемяночном растворе в технике кладки со скрытым рядом, которая настолько характерна именно для константинопольской архитектурной школы средневизантийской эпохи, что даже рассматривается как ее своеобразная «визитная карточка»[16].

Учитывая, что константинопольское происхождение мастеров, создавших Десятинную церковь, было признано безоговорочно, соответствующим образом трактовался и архитектурный тип этого здания. Несмотря на то что весь объем этой сложной и многосоставной постройки до сих пор никому не удается реконструировать[17], все исследователи древнерусского зодчества

---

[12] *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 15—43; *Он же.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 28—45.

[13] *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 133—260; *Он же.* Архитектура конца X — середины XI века // История русского искусства: В 22 т. Т. 1: Искусство Киевской Руси IX — первой четверти XII века. М., 2007. С. 112—177.

[14] *Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М.* Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005—2008 рр. // Дьнъслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочко. Київ, 2008. С. 191—213; *Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М.* О новых раскопках Десятинной церкви (2005—2007 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., 2008. С. 12—19; *Они же.* Десятинная церковь в Киеве: «Старый взгляд» в новом освещении (предварительные результаты исследований 2005—2007 гг.) // Archeologia abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009. С. 179—202; *Иоаннисян О. М., Ивакин Г. Ю.* О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 51. СПб., 2010. С. 492—518; *Івакін Г., Іоаннісян О.* Мурована архітектура // Історія українського мистецтва у п'яти томах. Т. 2: Мистецтво середніх віків. Київ, 2010. С. 457—524; *Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д.* Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008—2009 годах // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53. СПб., 2010. С. 377—390.

[15] *Черненко О. Є., Іоаннісян О. М., Новик Т. Г.* Чернігівський Спасо-Преображенський собор у світлі останніх археологічних досліджень // Слов'яни і Русь: Археологія та історія: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної Академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 321—329; *Вони ж.* Нові дослідження Спасо-Преображенського собору в Чернігові // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2012 году. Гомель, 2013. С. 200—204.

[16] *Оустерхаут Р.* Византийские строители. Киев; М., 2005. С. 187—192.

[17] См., например, сводные таблицы реконструкций планов Десятинной церкви, составленные Ю. С. Асеевым (*Асеев Ю. С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 30), а также реконструкции Н. Г. Логвина (*Логвин Н. Г.* Первоначальный облик Десятинной церкви в Киеве // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 225—230), А. Реутова (*Реутов А.* До проблеми реконструкції Десятинної церкви //

единодушно сходились в том, что основное ядро церкви представляло собой классический для архитектуры средневизантийской эпохи крестово-купольный храм. Впервые эта позиция была развернуто аргументирована М. К. Каргером[18], а затем безоговорочно принята практически всеми исследователями древнерусского зодчества, и в том числе автором этих строк[19]. Эта же точка зрения была закреплена и во всех общих трудах по истории русской архитектуры[20].

В ходе архитектурно-археологических работ 2005—2012 гг. очень важные выводы были сделаны на основе наблюдений за характером фундаментного рва, идущего по линии восточных столбов основного объема церкви. Они подтвердили выявленный еще Д. В. Милеевым, но проигнорированный всеми последующими исследователями факт: этот ров был выкопан строителями церкви, но фундамент в него заложен не был, что свидетельствует об изменении замысла и плана зодчих уже в ходе строительства и говорит о том, что стены, отделяющей алтарь и угловые восточные компартименты (пастофории) от пространства нефов, у Десятинной церкви не было[21] (вклейка, рис. 43).

В свою очередь, это означает, что у наоса церкви не было и сводов, которые могли бы опираться на эти стены и идти в направлении, перпендикулярном подкупольному пространству. При отсутствии стены, отделяющей наос от алтаря и пастофориев, своды боковых нефов могли идти только в направлении, параллельном направлению свода центрального нефа, — иными словами, Десятинная церковь в том виде, в каком она была построена в 989—996 гг., представляла собой не крестово-купольный храм, а базилику, скорее всего купольную, с пересекающим центральное подкупольное пространство трансептом, который, вероятно, следует воспринимать как поперечный неф. По классификации купольных базилик, предложенной К. Конантом, Десятинную церковь следует рассматривать как купольную базилику с трансептом или «крестообразную купольную базилику» (термин К. Конанта)[22]. Наиболее показательный пример купольной базилики такого типа дает нам балканская Греция на

Церква Богородиці Десятинної в Києві. Київ, 1996. С. 32—34), И. С. Красовского (*Красовский И. С.* Реконструкция плана фундаментов Десятинной церкви в Киеве // Советская археология. 1984. № 3. С. 185; *Он же.* Реконструкция архитектурного облика Десятинной церкви // Археологія. 2002. № 4. С. 98—107), П. Л. Зыкова (*Зыков П. Л.* Материалы к реконструкции Десятинной церкви в Киеве на основании археологических исследований // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65. СПб., 2012. С. 136—161).

[18] *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 2. С. 36—49.

[19] См., например: *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 177; *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. С. 30; *Вагнер Г. К.* Искусство мыслить в камне: Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры. М., 1990. С. 32; *Іоаннесян О.* Зодчество Давньої Русі від Десятинної церкви до монгольської навали (традиції, зв'язки, розвиток) // Церква Богородиці Десятина в Києві. Київ, 1996. С. 37—38.

[20] *Воронин Н. Н.* Зодчество Киевской Руси // История русского искусства. Т. 1. М., 1953. С. 118; *Брунов Н. И.* Архитектура Киевской Руси // История русской архитектуры. М., 1956. С. 21, 27—29; *Асеев Ю. С., Максимов П. Н.* Каменное зодчество конца X — первой половины XI в. // Всеобщая история архитектуры. Т. 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века. Л.; М., 1966. С. 534; *Сопоцинский О. И., Василенко В. М.* Искусство Древней Руси // История искусства народов СССР. Т. 2. М., 1973. С. 328; *Тяжелов В., Сопоцинский О.* Искусство Средних веков: Византия, Армения и Грузия, Болгария и Сербия, Древняя Русь, Украина и Белоруссия. М.; Dresden, 1975. С. 193; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Архитектура // История русского искусства. Т. 1. М., 1991. С. 9—10; *Колпакова Г.* Искусство Древней Руси: Домонгольский период. СПб., 2007. С. 32; *Комеч А. И.* Архитектура конца X — середины XI века. С. 127.

[21] *Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М.* Десятинная церковь в Киеве: «Старый взгляд» в новом освещении (предварительные результаты исследований 2005—2007 гг.). С. 188—191.

[22] *Conant K. J.* A Brief Commentary on Early Mediaeval Church Architecture. Baltimore, 1942. Pl. XVII.

примере церкви Богородицы в Скрипу в Беотии[23].

Если предположить, что боковые ветви трансепта, придававшего композиции здания сходство с крестово-купольным объемом, но на самом деле таковым не являющегося, были перекрыты куполами, то тогда можно говорить о некотором сходстве Десятинной церкви с единственным столичным прототипом — церковью Апостолов[24]. Именно такой вариант реконструкции плана, основанный на материалах последних исследований памятника, предлагает П. Л. Зыков[25].

Следует учитывать и то обстоятельство, что строителям Десятинной церкви, перед которыми была поставлена задача создания репрезентативного храма, скорее всего, был указан и определенный образец церкви, значимой для христианского мира, на который следовало ориентироваться и который должен был быть им известен. Таким образцом, видимо, и была церковь Апостолов в Константинополе, образ которой неоднократно воспроизводился в архитектуре христианских стран эпохи Средневековья[26] от Эфеса[27] до Венеции (собор Сан Марко[28]) и Западной Франции (собор Сен-Фрон в Перигё[29]), однако реальное воплощение этого образца в Десятинной церкви оказалось более упрощенным и отстоящим от оригинала намного дальше, чем мы видим это в соборах Сан Марко и Сен-Фрон, и находящимся гораздо ближе к другим, откровенно базиликальным памятникам с четко выделенными пастофориями, таким как церковь Георгия в Манганах в Константинополе[30] и церковь Св. Пантелеимона в монастыре Патлейна близ Преслава, христианской столицы Первого Болгарского царства[31]. Следует отметить, что последняя является и наиболее хронологически близкой к Десятинной церкви постройкой. В более упрощенном виде типологический вариант церкви Апостолов проявился в так называемом типе «купольной базилики с трансептом» (термин К. Конанта)[32] (см., например, уже упоминавшуюся церковь Богородицы в Скрипу).

Что же заставило создателей Десятинной церкви отказаться от первоначального замысла постройки крестово-купольного храма и перейти к строительству храма базиликального?

К концу X в., когда на Руси строится первый христианский храм, который должен был стать не просто княжеской (домовой) церковью Владимира Святославича, а первой общезначимой христианской святыней на Руси, византийская, особенно столичная

---

[23] *Krautheimer R.* Early christian and byzantine architecture. 3rd ed. Harmondsworth, 1979. P. 330—332.

[24] Ibid. P. 254—258.

[25] *Зыков П. Л.* Материалы к реконструкции Десятинной церкви в Киеве на основании археологических исследований. С. 136—161.

[26] О воспроизведении церкви Апостолов в архитектуре Средневековья см.: *Высоцкий А. М.* Об одной группе памятников в архитектуре Руси конца XI — начала XIII в.: (Еще раз о первой церкви Апостолов в Константинополе и ее наследии в средневековом мире) // Древнерусское искусство: Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 179—205.

[27] *Krautheimer R.* Early christian and byzantine architecture. P. 256—257.

[28] *Demus O.* The church of San Marco in Venice. Washington D. C., 1960; *Mango C.* Byzantine architecture. New York, 1976. P. 296—299.

[29] *Vergnolle É.* L'art roman en France. Paris, 2003. P. 221—223.

[30] *Demangel R., Mamboury E.* Le Quartier des Manganes et la première règion de Constantinople // Recherches Françaises en Turquie. Fasc. 2. Paris, 1939. P. 19—37.

[31] *Миятев К.* Архитектурата в средновековна България. София, 1965. С. 115; *Чанева-Дечевска Н.* Църкви и манастири от Велики Преслав. София, 1983. С. 24—25; *Дончева С.* Кръстокуполните църкви в Първото Българско царство. Велико Търново, 2008. С. 231—233.

[32] *Conant K. J.* A Brief Commentary on Early Mediaeval Church Architecture. Pl. XVII.

константинопольская, архитектура уже полностью переходит к строительству храмов крестово-купольного типа, к тому же очень небольшого размера. Навык строительства храмов большого объема в столице Византии уже утрачивается, однако он продолжает существовать на периферии империи — в Северной Греции, Македонии, Болгарии, Малой Азии, Крыму, — где такие храмы строятся не в крестово-купольной системе, а как базилики или купольные базилики[33]. Не исключено, что строители Десятинной церкви учли особые требования к созданию этого храма и по ходу строительства изменили первоначальный замысел. Такие ситуации в практике византийского строительства были нередки.

Стоявшая перед строителями Десятинной церкви сложная задача создания грандиозного здания, практически невыполнимая в то время в формах крестово-купольного храма, привела к изменению первоначального замысла и была решена путем постройки базилики с развитой инфраструктурой дополнительных объемов: нартекса, экзонартекса, атриума, галерей[34], соединенных в итоге в единое сооружение.

С болгарскими памятниками X—XI вв. Десятинную церковь роднит также схожая система устройства фундаментов и особенно субструкций под ними (ср. с фундаментами мартирия под Большой базиликой в Плиске)[35].

О возможном «болгарском следе» в истории строительства Десятинной церкви свидетельствуют и две плинфы X в., найденные в 2007 г. в засыпке рва Старокиевского городища у северо-западного угла храма. На их постелистой стороне еще перед обжигом были нанесены славянские надписи, состоящие из двух букв «Щ» и «И». По всей видимости, они представляют собой буквенное изображение числа, возможно, номера партии кирпича. Вряд ли среди первых русских строителей церкви были уже настолько образованные гончары-плинфоделы, которые могли оставить на плинфе подобную надпись. Скорее всего, такая надпись могла быть сделана каким-то участвовавшим в строительстве мастером из Болгарии[36]. Учитывая, что засыпка рва производилась в тот момент, когда северо-западная часть галереи еще не начинала строиться, а основной объем и другие участки галереи уже были полностью или частично возведены[37], эти плинфы могли попасть в засыпку рва или из уже возведенных до этого и разобранных в связи с изменением замысла участков кладки самой церкви, или же из заготовленных, но еще не использованных строительных материалов. В любом случае это произошло до окончания строительства церкви, то есть до 996 г. Предположить, что плинфы с кириллическими надписями попали в ров из какой-то другой постройки, невозможно — в это время в Киеве других построек из плинфы просто не существовало.

Впрочем, все сказанное не означает, что создателями Десятинной церкви были только болгарские мастера. Многое указывает на то, что среди них были и византийцы-греки. Свидетельством этого являются и греческие клейма на плинфе, и техника

---

[33] *Корач В.* Два типа кафедральных соборов XI в. в областях, культурно связанных с Византией // Средневековая Русь. М., 1976. С. 160—164.

[34] *Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М.* Десятинная церковь в Киеве: «Старый взгляд» в новом освещении (предварительные результаты исследований 2005—2007 гг.). С. 194.

[35] *Георгиев П.* Мартириумът в Плиска и началото на християнството в България. София, 1993. С. 43.

[36] *Иоаннисян О. М., Ивакин Г. Ю.* О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы. С. 513; *Иоаннисян О. М.* О роли архитектуры Первого Болгарского царства в становлении древнерусского зодчества (конец X в.) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 57. СПб., 2011. С. 31—76.

[37] *Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д.* Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008—2009 годах. С. 387—388.

кладки со скрытым рядом, которую мы видим в блоках наземной кладки, найденных в ходе раскопок (как предшествующих, так и нынешних), и возможное знакомство создателей Десятинной церкви с такими памятниками столичной архитектуры, как церковь Апостолов и церковь Георгия в Манганах.

Помимо Десятинной церкви усилиями той же группы мастеров-строителей рядом с ней было возведено несколько каменных зданий светского назначения — киевских дворцов. Эти здания сформировали новый облик Киева. После этого строительство в Киеве на несколько десятилетий останавливается. По всей видимости, помимо прочих причин это произошло в результате того, что работавшая для князя Владимира артель мастеров распалась либо ушла из Киева назад в Византию.

Инициатива возобновления строительной деятельности, прерванной после возведения Десятинной церкви и окружавшего ее ансамбля светских построек, принадлежит черниговскому князю Мстиславу Владимировичу. Первым построенным им храмом стала не дошедшая до нас небольшая церковь Богородицы, возведенная им в самом юго-восточном городе Руси — Тмуторокани в 1020-е гг. Остатки этого храма были раскопаны в 1950-х гг. Б. А. Рыбаковым, но опубликованы лишь спустя много лет Т. И. Макаровой[38] (рис. 1).

Этот храм, вне всякого сомнения, также возводился византийскими приезжими мастерами, поскольку своих тогда на Руси не было. Мастера, строившие ранее Десятинную церковь и дворцы на киевском детинце, вряд ли продолжали находиться в Киеве — скорее всего, после создания городского ансамбля они вернулись в Византию. Кроме того, учитывая политическую обстановку того времени, состояние противоборства Мстислава с Киевом, он не смог бы получить оттуда мастеров, даже если бы они продолжали там оставаться. Трудно предположить, что Мстислав подобно своему отцу мог обратиться в Константинополь с просьбой о присылке ему мастеров-строителей, однако в этом у него и не было необходимости. Незадолго до того, как войти в состав Киевской Руси и стать владением князя Мстислава, Тмуторокань входила в состав Хазарского каганата, имевшего близкие контакты с причерноморскими провинциями Византии. Расположенная в непосредственной близости от кавказских сателлитов Византии — Алании и Абхазии, Тмуторокань до вхождения в состав Руси была теснейшим образом с ними связана[39].

К тому моменту, как Тмуторокань стала одним из городов Киевской Руси, христианство уже было прочно укоренено в ней. Если даже в самой Тмуторокани ко времени начала строительной деятельности Мстислава и не было мастеров-строителей, то получить их из соседних Алании или Абхазии, по всей видимости, князю было несложно. Таким образом, на Руси вновь могли появиться византийские мастера, но на сей раз не константинопольские и не балканские (греческие или болгарские), а мастера, скорее всего, связанные с архитектурными традициями еще одной провинциальной школы византийского зодчества — малоазийской, которая как раз на рубеже X—XI вв. переживала довольно бурный период расцвета и оказывала сильное воздействие на развитие архитектуры Абхазии и Великой Алании[40].

---

[38] *Макарова Т. И.* Церковь св. Богородицы в Тмутаракани // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 11. Симферополь, 2005. С. 377—405.

[39] *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2010. № 1 (5). С. 20—37.

[40] *Перфильева Л. А.* К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру северо-западного Кавказа // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 180—201; *Чачхалиа Д. К.* Абхазская школа византийской архитектуры. Сухум, 2011.

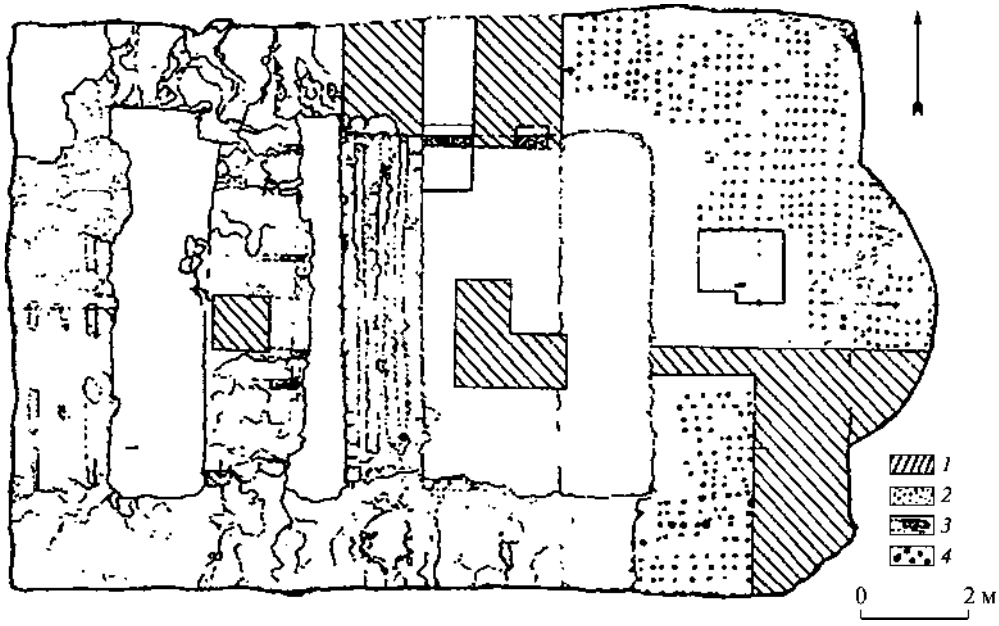


Рис. 1. Тмутаракань. Церковь Богородицы. 1-я половина XI в. План фундаментов (по: Макарова Т. И., 2002. С. 156—159)

1 — контрольные стратиграфические участки; *2* — строительный мусор; *3* — остатки деревянных лаг; *4* — отверстия от колышков

Следующая постройка Мстислава, которую он спустя несколько лет стал возводить в своем главном стольном городе Чернигове, вновь заставляет задуматься о малоазийских корнях его строительной артели. В 1030-х гг. Мстислав закладывает в Чернигове Спасский собор[41]. Этот храм хорошо сохранился и является древнейшим из существующих ныне памятников русской архитектуры (вклейка, рис. 44). Однако его строительная история не столь проста, как это кажется на первый взгляд, а его архитектурные формы весьма противоречивы.

Причина этого кроется в самой истории строительства собора. Мстислав не успел завершить собор и возвел его стены лишь на небольшую высоту. После смерти князя строительство было прервано и возобновилось спустя несколько лет. При этом первоначальный замысел зодчего, по всей видимости, был изменен. Если в плане собора заложена структура купольной базилики, то в итоге был возведен все же не базиликальный, а крестово-купольный храм типа вписанного креста (вклейка, рис. 45). Некоторые черты базиликальности ему придают широко расставленные между подкупольными пилонами крещатой формы круглые колонны опор второго яруса, образующие в интерьере тройные аркады. Кстати, именно это обстоятельство заставляло исследователей видеть сходство между плановыми

[41] См. о нем: *Макаренко М.* Досліди над Чернигивським Спасом: Коротке звідомлення // Записки історично-філологічного відділу Всеукраінської Академії наук. Кн. 4. Харьків, 1924. С. 240—244; *Моргилевський І.* Спасо-Преображенський собор у Чернигові // Чернигів і північне лівобережжя. Київ, 1928. С. 169—183; *Комеч А. И.* Спасо-Преображенский собор в Чернигове // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 9—26; *Он же.* Об особенностях пространственной структуры Спасо-Преображенского собора в Чернигове // От Царьграда до Белого моря. М., 2007. С. 161—182; *Холостенко Н. В.* Исследования Спасского собора в Чернигове // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 3. М., 1990. С. 6—18.

структурами основного ядра Десятинной церкви и Спасского собора, считая, правда, что обе постройки изначально задумывались и возводились как крестово-купольные храмы, ориентированные на промежуточный типологический вариант, воплощенный в памятниках византийских провинций в Малой Азии (Дере-Агзы) и Кавказа (храм в Мокви)[42].

Наличие мощных фундаментных платформ под апсидами самого собора и небольшой капеллы, пристроенной к его северо-восточному углу, совершенно аналогичных фундаментной платформе под апсидой тмутороканской церкви, дает возможность предполагать, что мастера, строившие ее, оказались и в составе черниговской артели Мстислава. О малоазийских или кавказских корнях мастеров Спасского собора позволяет говорить и привычка к преимущественному использованию постелистых блоков камня в нижних частях северной капеллы и самого собора, заставляющая вспомнить кладку таких памятников, как Чанлыкилисе в Анатолии, церкви в Лыхнах в Абхазии и особенно храмов Архызского городища в Карачаево-Черкесии[43]. В этих памятниках плинфа используется лишь в самых ответственных частях — арках, сводах или на интерьерной плоскости стен.

Толстый растворный шов между плинфяными рядами кладки Спасского собора, до сих пор воспринимавшийся исследователями как скрытый ряд, как показали новые исследования, на самом деле таковым не является, а представляет собой равный по толщине кирпичу слой цемянки, напоминающий кладку Чанлыкилисе и пристроек XI в. к церкви Успения в Никее[44]. В верхних частях Спасского собора характер кладки существенно меняется и заставляет вспомнить уже константинопольские памятники и Софийский собор в Киеве. О тяготении к этим же традициям говорят и сама пластика, и декоративное решение плоскости стен в верхних частях собора. Несоответствие ритма ниш нижнего и верхних ярусов Спасского собора, как справедливо отмечал А. И. Комеч, само по себе не может служить доказательством изменения замысла строительства, поскольку аналогичный прием использован и в одном из малоазийских прототипов как северо-кавказских памятников, так и Спасского собора — церкви Чанлыкилисе в Анатолии[45]. Но изменение характера кладки и самой пластики стен на высоте выше всадника, стоящего на коне, то есть выше той отметки, до которой, согласно летописному сообщению, успели достроить собор к моменту смерти Мстислава (1036)[46], свидетельствует все же о том, что храм могли достраивать уже другие мастера, прошедшие школу на строительстве Софийского собора в Киеве.

Таким образом, если Десятинная церковь, задуманная как крестово-купольный храм, в итоге была построена как купольная базилика, ориентированная на балканские (северно-греческие, македонские или болгарские) образцы, то Спасский собор в Чернигове, изначально задуманный мастерами Мстислава как купольная базилика, в итоге был возведен уже другими мастерами как крестово-купольный храм. При этом если мастера Владимира Святославича, возводя Десятинную церковь как купольную базилику, ориентировались на балканские образцы, то мастера Мстислава, начи-

[42] *Комеч А. И.* Пятинефные церкви в византийской и древнерусской архитектуре // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 8—9.

[43] *Хрушкова Л. Г.* Лыхны: Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998. С. 57—61; *Ousterhout R.* A Byzantine Settlement in Cappadocia // Dumbarton Oaks Studies. Vol. 42. Washington D. C., 2005. P. 15—76; *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. М., 2011.

[44] *Оустерхаут Р.* Византийские строители. С. 185—187.

[45] *Ousterhout R.* A Byzantine Settlement in Cappadocia. P. 15—76.

[46] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 150.

ная строить Спасский собор в Чернигове, ориентировались на архитектуру Малой Азии или Северного Кавказа.

Однако даже если после возобновления строительства Спасского собора изменений в решении его объемно-пространственной структуры и не произошло, то храмы Алании и Абхазии, из круга создателей которых, по-видимому, вышли мастера, начинавшие строить собор при Мстиславе, являясь храмами типа вписанного креста, содержат то же противоречие между структурой плана и объемно-пространственным решением — базиликально ориентированные, они по пространственным характеристикам все же принадлежат к типологии вписанного креста (церковь Ахаш-ныха в селе Алахадзы, храм на реке Бзыбь, храм Симона Кананита в Новом Афоне, церковь в Лыхны в Абхазии и аланские храмы — Северный Зеленчукский на городище Архыз и Шоанинский, а также церковь в Лоо в Сочи).

Таким образом, исследования последних лет не только дали возможность по-иному взглянуть на устоявшиеся точки зрения на проблему происхождения древнерусского зодчества и историю первых шагов его развития, но и вернуться к некоторым уже высказывавшимся в начале XX столетия мнениям на эту тему. Прежде всего, это заставляет нас рассматривать Десятинную церковь не как отправную точку в истории развития древнерусского зодчества на протяжении последующих столетий, а как ее своего рода предысторию и вновь вернуться к оценке этого памятника, данной еще в самом начале XX в. Д. В. Айналовым, писавшим: «Десятинный храм до настоящего времени является, скорее, красивой легендой нашей художественной древности, чем историческим звеном в цепи других звеньев киевского искусства»[47].

Представляется уместным вернуться и к точке зрения на Спасский собор в Чернигове, высказанной еще Г. К. Лукомским, отмечавшим, что «по своему плану и замыслу Черниговский Спас никоим образом не связан с константинопольским зодчеством, но имеет ближайшие аналогии в Абхазии и на Кубани»[48].

Второй период, 1037—1060—1070-е гг. Не исключено, что прекращение строительства в Чернигове в 1036 г. связано не только и даже не столько со смертью его основателя — Мстислава Владимировича, сколько с тем, что его младший брат, Ярослав Владимирович, сосредоточивший теперь в своих руках верховную власть над всей Русью, воспользовался кончиной своего брата для того, чтобы забрать из Чернигова мастеров, работавших над возведением Спасо-Преображенского собора. Как раз в это время он начинает разворачивать в Киеве грандиозную строительную программу по созданию нового ансамбля столичного града, который, по его замыслу, хотя бы зрительно (а на самом деле и политически) должен был стать соперником Константинополя. Создание репрезентативного ансамбля, куда входили явно противопоставляемые Константинополю одноименные наиболее почитаемым царьградским святыням и городским ориентирам доминанты — Софийский собор, церковь Георгия, церковь Ирины, Золотые ворота, — это воплощение идеологической задачи, которая со всей отчетливостью возникла только во времена княжения Ярослава Мудрого[49].

Если и Десятинная церковь, и Спасский собор в Чернигове на начальном этапе — это памятники, восходящие своими корнями к провинциальной византийской архитектуре, то Софийский собор — яв-

[47] *Айналов Д. В.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Пг., 1917. С. 21.

[48] *Лукомский Г. К.* О происхождении форм древнерусского зодчества Чернигова. СПб., 1912. С. 12—16.

[49] *Булкин В. А.* К начальной истории древнерусского зодчества // Охраняется государством: Сборник материалов I Российской конференции. Ч. 1. СПб., 1992. С. 44—50.

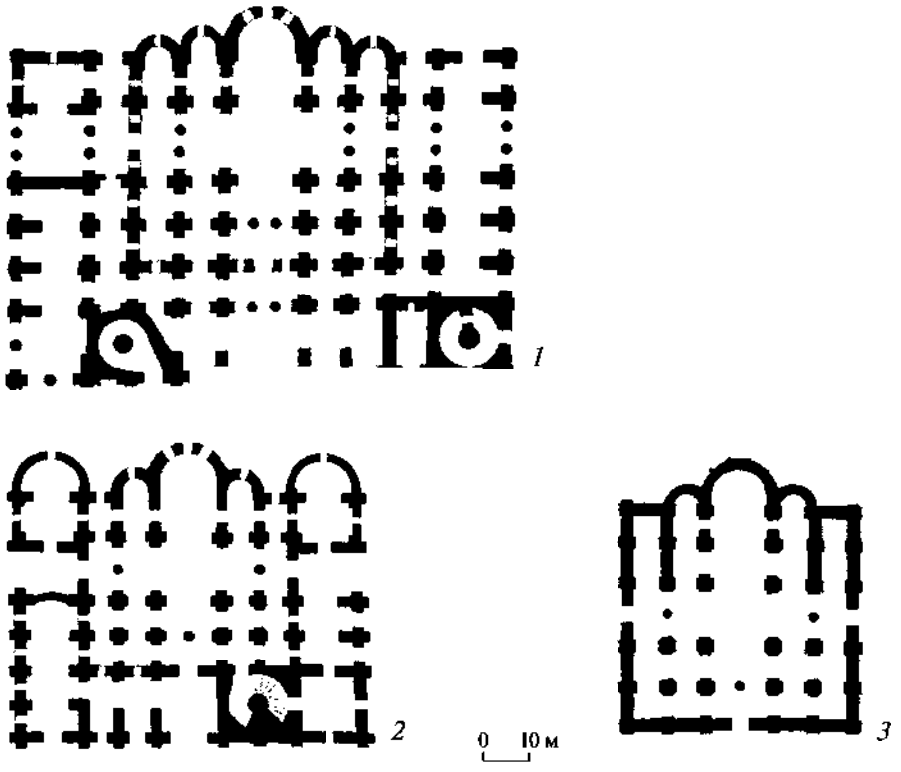


Рис. 2. Планы соборов

1 — Киев. Софийский собор (ок. 1037 г.); *2* — Новгород. Софийский собор (1045—1050 гг.); *3* — Полоцк. Софийский собор (середина — вторая половина XI в.)

ный продукт высокопрофессиональной и рафинированной столичной императорской культуры[50].

В архитектуре Софийского собора в Киеве налицо явное следование требованию заказа на создание сложной объемно-пространственной структуры (вклейка, рис. 46). Однако воплотить ее мог только столичный, константинопольский мастер, используя свойственную столичной школе виртуозную технику строительства и применив опыт создания храма типа вписанного креста к необычной для него задаче создания грандиозного по своим размерам здания с функциями главного собора государства. Причем в Киеве он сделал это в качестве подведения своеобразного итога поиску архитектурной формы, создав композицию, невиданную в самой Византии. Поэтому неудивительно, что все попытки найти аналогии плановой и особенно объемно-пространственной структуре Софийских соборов в Киеве, Новгороде и Полоцке до сих пор не могут увенчаться успехом (рис. 2). Киевский Софийский собор представляет собой явление совершенно уникальное во всей архитектуре Византийского мира[51]. Не вызывает сомнения, что создатели этого здания, которое должно было стать главным собором всей древнерусской дер-

[50] См.: *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 22—30; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 181—232.

[51] *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 26; *Он же.* Древнерусская архитектура. С. 34; *Виноградов А. Ю.* Заметки о византийском прототипе древнерусских Софийских соборов // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65. СПб., 2012. С. 225—231.

жавы, ориентировались на образ Софийского собора в Константинополе. Однако, возводя Софию Киевскую, строители пользовались арсеналом средств архитектуры не юстиниановской эпохи, когда был возведен главный собор Константинополя, а современной им столичной, основывавшейся на крестово-купольной, а не базиликально-купольной системе. В итоге была создана совершенно уникальная для византийской архитектуры объемно-пространственная композиция. Архитектура Софийского собора демонстрирует нам сложившийся результат синтеза предшествующих поисков новых выразительных форм крестово-купольной архитектуры, которая затем стала образцом для копирования в архитектуре новгородского и полоцкого Софийских соборов. За плечами создателей Софийского собора в Киеве стояли опыт долгого использования крестово-купольной системы и блестящее умение экспериментировать с архитектурной формой, свойственное мастерам столичной, константинопольской, архитектуры.

Следующий памятник, принадлежащий к той же группе больших многонефных храмов, что и София Киевская, — это Софийский собор в Новгороде (вклейка, рис. 47), имеющий четкую летописную датировку 1045—1050 гг. Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что он был построен теми же мастерами, что и Киевская София, но как ее упрощенный вариант[52].

Новгородский собор явно копирует пространственную концепцию, заложенную в киевском, но копирует не буквально. София Новгородская не только значительно меньше своего предшественника, но и значительно проще и компактнее по своей объемно-пространственной композиции. Прежде всего, это проявляется в уменьшении поясов внешних галерей, окружающих основное ядро собора. В Киеве их два, в Новгороде — всего один. Меньшие размеры собора определили и число пролетов подкупольных аркад. Если в Киеве аркады, отделяющие боковые нефы, двухпролетные, то в Новгороде — однопролетные. В результате этого внутреннее пространство новгородского собора довольно легко воспринимается одним взглядом, тогда как пространство Софии Киевской рассчитано на восприятие с разных точек зрения по мере перемещения по интерьеру[53]. В то же время уменьшение пространства Софии Новгородской компенсируется за счет его увеличения в высоту и значительного подъема уровня его хор по сравнению с киевским собором, что придает его композиции в целом и отдельным элементам интерьера невиданную до этого в византийской архитектуре (а тем более — в древнерусской) остроту высотных пропорций. На примере Софийского собора в Новгороде мы сталкиваемся с дальнейшим развитием идей многонефного храма, что позволяет говорить о начале процесса собственного развития архитектурной традиции, для которой византийская (константинопольская) традиция послужила лишь первоначальным толчком. Несмотря на кровное генетическое родство киевского и новгородского Софийских соборов с константинопольской архитектурой, они уже значительно отступили от характерных для нее форм и композиционных решений.

Хотя почерк создателей Киевской Софии без труда определяется в новгородском соборе и не дает возможности говорить о том, что его строили другие мастера, в технике кладки Софии Новгородской появляются отличия, не находящие себе соответ-

[52] См.: *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 30—32; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 236—237; *Штендер Г. М.* Зодчество Великого Новгорода XI—XIII вв. // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008. С. 561—567.

[53] *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 183—196, 207—219, 221—224, 237—247, 250—252.

ствий в киевском соборе. Прежде всего, это относится к явному преобладанию камня над плинфой в кладке его стен. Иногда эту особенность Софийского собора в Новгороде объясняли воздействием на него романской архитектуры и даже участием в его создании западных мастеров[54]. Однако более пристальное изучение собора показывает, что никаких черт, связывающих его с западноевропейской романской архитектурой, нет[55]. Более резонной представляется другая точка зрения, объясняющая преобладание камня над плинфой в кладке собора. Наиболее развернуто она выражена П. А. Раппопортом, объяснившим необычную особенность кладки этой постройки, исходя из чисто прагматических задач его создателей. «По-видимому, — пишет исследователь, — в Новгороде на первых порах было нелегко наладить массовое производство плинфы, поэтому опытные мастера при строительстве широко применяли местную постелистую известняковую плиту, затирая поверхности стен известковым раствором. Кирпич же они употребляли очень экономно, в основном для кладки сводов и арок. В результате характер поверхности стен новгородской Софии существенно отличается от фактуры стен киевской Софии»[56]. Г. М. Штендер называет еще одну причину использования кирпича помимо основной кладки из камня — его применяли в кладке наиболее значимых с сакральной точки зрения частей храма — апсид, барабанов и куполов, что давало возможность максимального использования декоративных возможностей плинфяной кладки[57]. Волховская плита, месторождения которой можно было найти в большом количестве в ближайших окрестностях Новгорода, имеет одну особенность — при обработке ей невозможно придать правильные регулярные очертания, но в то же время она настолько легко выламывается из карьеров, что ее можно добывать там очень крупными блоками, что в ходе возведения здания дает возможность довольно быстрой кладки. Необычность для константинопольской архитектуры и киевского зодчества использования крупных необработанных блоков камня, сам принцип применения камня носит чисто византийский характер — и, хотя стены тщательно затирались цемяночным раствором, чтобы скрыть неровности кладки, мастера четко подрезали раствор по границе блоков, оконтуривая их. Такое отношение к камню мы можем увидеть в памятниках византийской архитектуры тех провинций, где строительство велось в основном из камня и прежде всего в Малой Азии, а также генетически связанных с малоазийской традицией архитектурных школах Абхазии и Алании. Однако, как было отмечено, такой почерк использования камня характерен и для нижних частей Спасо-Преображенского собора в Чернигове — участков стен, возведенных еще до 1036 г., до перерыва в строительстве, возможно, малоазийскими или алано-абхазскими мастерами. Поэтому использование большого количества этого камня в кладке приводило к их неровности и массивности.

В кладке Софийского собора в Новгороде отчетливо прослеживается привычка

---

[54] *Капустина А.* К вопросу об архитектуре св. Софии Новгородской // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 12. Пг., 1918. С. 107—115; *Максимов П. Н.* Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI — начала XVI века // Архитектурное наследство. Вып. 12. М., 1960. С. 23—26; *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад // Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978. С. 231.

[55] *Иоаннисян О. М.* К вопросу об элементах романской архитектуры Софийского собора в Новгороде // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. СПб., 2002. С. 88—113.

[56] *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. С. 38.

[57] *Штендер Г. М.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 202—212.

к работе с камнем. Скорее всего, в составе строителей Софийского собора в Новгороде наряду с киевскими мастерами, явно имеющими константинопольские корни, оказались и мастера, привычные к работе с камнем. Именно они могли обратить внимание на особенности волховского плитняка и активно использовать его при строительстве собора. Таким образом, истоки необычной для Киева и Константинополя кладки Софийского собора в Новгороде следует искать отнюдь не на романском западе, а в архитектуре Малой Азии, Кавказа и в Чернигове. Скорее всего, именно черниговские мастера, уведенные после 1036 г. Ярославом Мудрым в Киев, вместе с киевскими «мастерами от грек» в 1045 г. и оказались в Новгороде, однако пришли они туда не непосредственно из Чернигова, а уже из Киева. Находясь в Киеве, они растворились в большой артели Ярослава, ведшего во второй четверти XI в. беспрецедентное по своим масштабам строительство грандиозных пятинефных храмов (Софийский собор, церковь Ирины, церковь на митрополичьей усадьбе, церковь Георгия), а также крепостных сооружений, в состав которых входили и Золотые ворота с надвратной церковью.

Завершает этот этап сложения древнерусского зодчества третий Софийский собор Древней Руси — Полоцкая София. Точная дата ее постройки не известна. Разброс датировок памятника колебался в пределах от середины XI в. до 1060-х гг.[58] Практически все исследователи, обращая внимание на почти полную идентичность планов Полоцкой Софии и основного ядра новгородского собора, исходили из того, что создатели собора в Полоцке копировали уже созданную к этому времени Новгородскую Софию. Черты схожести полоцкого собора с Киевской Софией также отмечаются практически всеми исследователями. Все это давало основание говорить о том, что все три Софийских собора на Руси представляют собой единую группу памятников XI в., связанных между собой не только стилистически, но и генетически. Так, А. И. Комеч считал возможным говорить об «особом художественном историко-культурном явлении — Софийских соборах середины XI в.»[59], а В. А. Булкин оперирует понятием «Софийная программа в архитектуре Руси XI в.»[60] Практически все исследователи, писавшие о Полоцкой Софии, не сомневались в том, что в основе группы мастеров, создавших и киевский, и новгородский, и полоцкий соборы, лежала одна и та же киевская артель. Правда, С. В. Тарасов и Л. В. Алексеев допускали, что к этой группе мастеров подключились какие-то вновь призванные в Полоцк мастера из Византии или Болгарии[61]. Несмотря на то что в Полоцкой Софии явно присутствуют как следы, роднящие ее с киевским собором (техника кладки opus mixtum со скрытым рядом, форма ниш и окон на фасадах), так и черты, явно связанные со знакомством его строителей с новгородским собором (пла-

[58] *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 30; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 258; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М., 2006. С. 90; *Тарасов С. В.* Новый взгляд на историю полоцкого Софийского собора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 46. СПб., 2009. С. 33—34; *Булкин В. А.* Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода // Булкин В. А. О древнерусской архитектуре. СПб., 2012. С. 15; *Он же.* К обоснованию датировки Софийского собора в Полоцке // Булкин В. А. О древнерусской архитектуре. С. 55—56.

[59] *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 257.

[60] *Булкин В. А.* Заметки о Софийной теме в архитектуре конца X — середины XI в. // Труды Государственного Эрмитажа.Т. 65. СПб., 2012. С. 218—224.

[61] *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. С. 76; *Тарасов С. В.* Новый взгляд на историю полоцкого Софийского собора. С. 35—39.

новое решение наоса и почти полное совпадение габаритных размеров планов), строительно-технические особенности полоцкого собора имеют одну черту, не находящую себе аналогий ни в одном из памятников Древней Руси первой половины — середины XI в., — это форма и сам характер формовки использованной в его строительстве плинфы, а также наличие знаков на ее торцовых сторонах[62]. Подобные черты стойко укореняются в древнерусском строительстве лишь во второй половине XI в., в строительстве Чернигова времени Владимира Мономаха[63], однако впервые проявляются в строительно-технических особенностях южной капеллы Спасо-Преображенского собора в Чернигове, пристроенной к нему, по всей видимости, в 1070-х гг.[64] Е. Н. Торшин обратил внимание еще на одно обстоятельство: как в архитектуре, так и в строительно-технических особенностях Полоцкой Софии присутствуют черты, не находящие себе аналогий в киевском зодчестве первой половины и середины XI в., но характерные для памятников Киева, Вышгорода и Переяславля, возведенных уже во второй половине XI в. в 1070—1080-х гг. (Михайловский собор Выдубицкого монастыря в Киеве, Успенский собор Киево-Печерского монастыря, церковь Бориса и Глеба в Вышгороде, Михайловский собор в Переяславле)[65]. Таким образом, время возникновения Полоцкой Софии может быть отодвинуто с середины XI в. на вторую половину этого столетия — в 1070—1080-е гг. Если связывать появление Софийского собора в Полоцке со строительной инициативой князя Всеслава, как это делают практически все его исследователи, то совершенно не обязательно относить создание собора к первой половине его княжения, то есть к середине XI в. или 1060-м гг. Е. Н. Торшин убедительно показал, что наиболее благоприятное время для строительства Всеслава в Полоцке приходится как раз на вторую половину 1070-х гг., то есть уже на то время, когда и в Киеве, и в Чернигове возникают те особенности, которые проявляются и в Софийском соборе в Полоцке, но не характерны для памятников более раннего времени (сдвиг подкупольного квадрата в центр наоса, особый характер формовки плинфы). Черты же, роднящие полоцкий собор с киевским и особенно новгородским Софийскими соборами, в таком случае, естественно, будут объясняться стремлением Всеслава сознательно скопировать особенности этих двух соборов, игравших особую роль в политической и церковной идеологии Руси XI в. Поэтому следует согласиться с Е. Н. Торшиным, пришедшим к выводу о том, что «заказчик кафедрального собора в Полоцке мог ориентироваться на пример кафедральных Софийских соборов в Киеве и Новгороде»[66], а его строители «могли, согласно указанию заказчика, скопировать собор с киевского или новгородского прототипа»[67].

Таким образом, Софийский собор в Полоцке завершает собой тот круг исканий в разработке форм национальной древнерусской архитектуры на этапе ее сложения, который был начат в Десятинной церкви, продолжен в Тмуторокани и Спасо-Пре-

---

[62] *Торшин Е. Н.* О строительных материалах Софийского собора в Полоцке и проблеме датировки памятника // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65. СПб., 2012. С. 337—352.

[63] *Иоаннисян О. М.* О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // Ruthenica. Т. 6. Київ, 2007. С. 134—188.

[64] *Черненко О. Є., Іоаннисян О. М., Новик Т. Г.* Нові дослідження Спасо-Преображенського собору в Чернигові. С. 203.

[65] *Торшин Е. Н.* О строительных материалах Софийского собора в Полоцке и проблеме датировки памятника. С. 341—347.

[66] Там же. С. 345.

[67] Там же.

ображенском соборе в Чернигове и начал кристаллизоваться в Софийских соборах в Киеве и Новгороде.

Третий период, вторая половина XI в. Следующий период в развитии древнерусского зодчества, с одной стороны, непосредственно продолжает те тенденции, которые были заложены на «Софийском» этапе его сложения. Об этом свидетельствуют и строительно-технические особенности созданных в это время храмов (соборы Дмитриевского, Михайловского Выдубицкого и Кловского[68] монастырей в Киеве, Успенский собор Печерского монастыря (рис. 3) там же[69], безымянная церковь на усадьбе Художественного института в Киеве[70] и Борисоглебский собор в Вышгороде[71]), и художественное оформление фасадов, и большие размеры возводимых построек, и теснейшая связь с традициями византийской архитектуры (причем с ориентацией на ее столичную школу).

С другой стороны, киевское зодчество второй половины XI в., несмотря на его явную связь с византийской архитектурой, нельзя рассматривать как один из провинциальных ее вариантов, хотя и выросший на столичных традициях, а иногда и при непосредственном участии константинопольских мастеров[72].

Киевские храмы второй половины XI в. композиционно становятся более компактными. В отличие от сложных объемно-пространственных построений эпохи Ярослава Мудрого все они представляют собой трехнефные пространства, почти всегда охватываемые одним взглядом. А. И. Комеч отмечал, что выразительность интерьера в этих постройках по сравнению с Киевской Софией существенно изменилась, «формы избавились от излишней тяжести, стали прозрачнее, легче»[73]. В связи с тем, что хоры теперь устраиваются только над нартексами и западными углами наоса, отпадает необходимость в многоглавии, являвшемся обязательной особенностью ранних русских памятников и чертой, несвойственной византийской архитектуре этой эпохи. Храмы теперь, как правило, строятся одноглавыми, что делает их зрительный облик более компактным и гораздо более близким к византийскому пониманию объема.

В то же время целый ряд особенностей (мощные формы столбчатых опор, утяжеленные арки, значительная высота и большие размеры куполов) «закрепляется здесь как свойство сложившейся в Киевской Руси новой художественной формы»[74]. Таким образом, киевские памятники XI в., теснейшим кровным родством связанные с византийской архитектурой, а нередко и созданные византийскими мастерами, оказываются тем не менее уже памятниками новой архитектурной традиции — архитектуры Древней Руси. А. И. Комеч отмечал, что значение памятников Киевской Руси для самой византийской архитектуры огромно, «можно даже сказать, что история византийской архитектуры без них существенно

---

[68] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 17, 21—22, 26.

[69] *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 107—170; *Він же.* Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976. С. 131—165.

[70] *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 2. С. 391—402.

[71] Там же. С. 310—336.

[72] *Раппопорт П. А.* О деятельности византийских зодчих на Руси в XI в. // Раппопорт П. А. Архитектура средневековой Руси: Избранные статьи. СПб., 2013. С. 89—90.

[73] *Комеч А. И.* Архитектура второй половины XI — начала XII века // История русского искусства: В 22 т. Т. 1. С. 388.

[74] Там же.

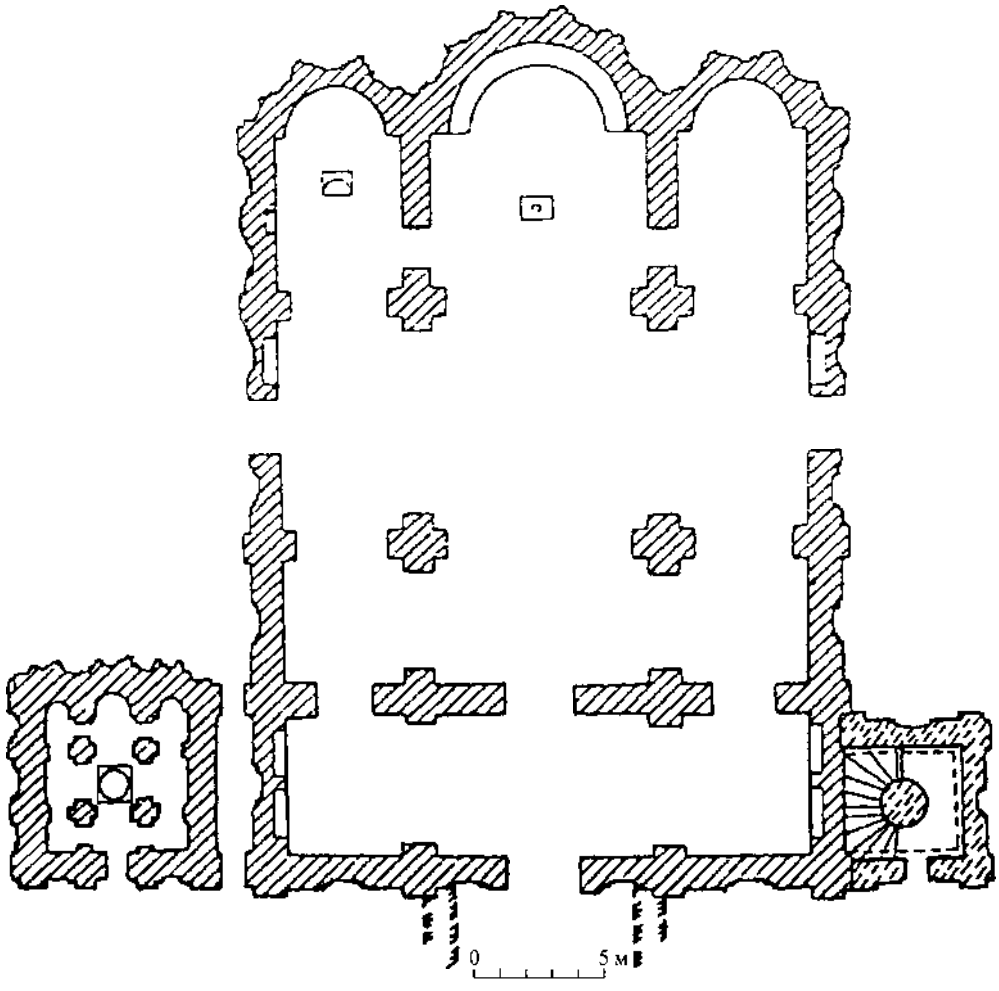


Рис. 3. Киев. Успенский собор Печерского монастыря. 2-я пол. XI в. План (по: Холостенко Н. В., 1975)

неполна»[75], но вместе с тем «собственная природа этих памятников более сложна, при этом — бесспорно оригинальна»[76].

Причина этой оригинальности заключается в иных, чем в Византии этого времени, условиях заказа, иных идейных задачах, которые приходилось решать византийским мастерам и их русским ученикам в Киевской Руси. Храмы, построенные на Руси в XI в., должны были отражать мощь и силу молодого христианского государства. В самой Византии такая задача стояла перед мастерами намного раньше — еще в VI в., в эпоху Юстиниана, но тогда в византийской архитектуре господствовала совершенно иная пространственно-конструктивная система — базилик и купольных базилик. В то время, когда византийские мастера активно начинают работать на Руси, в самой империи, а особенно в Константинополе, с архитектурой которого начиная с середины XI в. в киевском зодчестве устанавливаются

[75] *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 316.

[76] Там же.

преимущественные связи, уже господствовала крестово-купольная система. Поэтому, как писал П. А. Раппопорт, византийским мастерам пришлось приспосабливать эту систему для выполнения задач, которые в самой Византии перед ними уже не стояли, и «особенности заказа, связанные с иной, чем в Византии, социальной обстановкой, уже повлекли существенные изменения в типологии храмов»[77].

Кроме того, как отмечал тот же исследователь, немаловажную роль сыграло при этом и то обстоятельство, что византийским мастерам, работавшим в XI в. на Руси, пришлось столкнуться и с другими строительными материалами — отсутствием мрамора и хорошо поддающихся теске известняков, что повлекло за собой использование местных пород камня, которые почти невозможно было подвергнуть регулярной обработке. «Приехавшим мастерам, — писал далее П. А. Раппопорт, — приходилось, кроме того, учитывать и условия, в которых производилось строительство, учитывать недостаточное количество опытных каменщиков. Так, сооружение цилиндрических сводов на подпружных арках в Константинополе было характерно не для церквей, а только для инженерных сооружений, например цистерн. Но подпружные арки облегчали возведение сводов, и все русские храмы XI в. построены с подпружными арками. А это, в свою очередь, означало, что следовало делать столбы с лопатками, на которые опирались подпружные арки»[78].

Все это привело к тому, что, казалось бы, вернувшиеся к своим константинопольским прототипам киевские храмы XI в. столь существенно отличаются от них. С этим же связано и еще одно, также отмеченное А. И. Комечем, обстоятельство. В киевских памятниках второй половины XI в. угловые членения зданий, в византийской архитектуре обычно пониженные по отношению к основному объему пространственного креста, начинают становиться равновеликими его ветвям. Среди киевских храмов нет ни одного, который можно было бы отнести к типу собственно крестово-купольного здания — все они относятся к типу вписанного пространственного креста[79], то есть угловые ячейки у них либо подняты до высоты сводов ветвей основного пространственного креста, либо понижены, но незначительно. Последнее особенно ярко проявилось в таком памятнике, как Успенский собор Киево-Печерского монастыря. Правда, при огромных размерах и большой высоте этого грандиозного собора такое понижение зрительно не было настолько очевидным для наблюдателя со стороны, чтобы играть сколько-нибудь значительную роль в визуальном восприятии здания (рис. 4).

В византийских постройках этого времени позакомарные покрытия сопровождались, как правило, участками, завершенными плоскими карнизами. Однако уже в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря все завершающие покрытия становятся криволинейными, отвечающими очертаниям сводов. Таким образом, Успенский собор Киево-Печерского монастыря, возведенный константинопольскими мастерами, становится едва ли не первым русским храмом, в котором все членения завершаются позакомарными покрытиями. Мы употребили здесь оговорку «едва ли», поскольку совершенно неизвестно, каким образом завершался возведенный раньше Успенского Дмитриевский собор в Киеве, однако его хронологическая близость «софийскому» кругу памятников заставляет предполагать, что и в нем, несмотря на значительное упрощение его композиции, при-

[77] *Раппопорт П. А.* О деятельности византийских зодчих на Руси в XI в. С. 91.

[78] Там же. С. 92.

[79] *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 262—263.

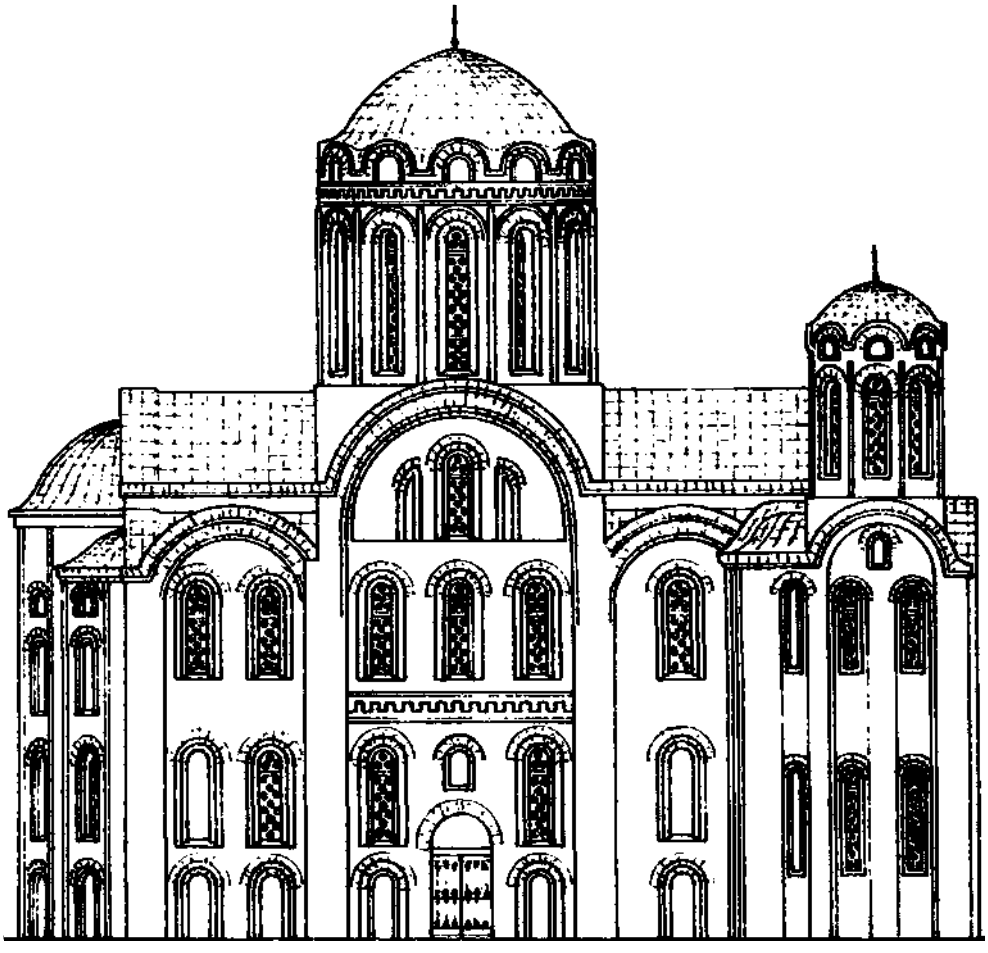


Рис. 4. Киев. Успенский собор Печерского монастыря. 2-я пол. XI в. Реконструкция (по: Раппопорт П. А., 1982)

сутствовало сочетание позакомарных, скатных и плоских покрытий подобно тому, как это было в типологически близком Дмитриевскому собору Спасо-Преображенском соборе в Чернигове (в том виде, в каком он был завершен после перерыва 1036 г.).

Важно отметить, что сам по себе переход к полностью позакомарным завершениям в XI — начале XII в. не был чем-то необычным и для самой Византии. А. И. Комеч отмечает, что повышение сводов западных угловых членений до уровня высоты сводов ветвей пространственного креста и завершение их закомарами присутствуют уже в таких памятниках, как Эски Имарет Джами в Константинополе и Панагия Халкеон в Салониках[80], а полное перекрытие по закомарам всей линии фасадных членений — в западном фасаде ансамбля церквей константинопольского монастыря Христа Пантократора[81]. В то же время, как отмечал А. И. Комеч: «В Константинополе в храмах монастыря Пантократора композиция объемов выглядит в большой мере стихийной (она и исторически складывалась постепенно). Даже ровный бег закомар западного

[80] *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 269.

[81] Там же. С. 284.

фасада не имеет закономерности, кажется ритмически случайным»[82]. В киевском же соборе те же константинопольские мастера создают уравновешенную композицию, в которой роль закомар становится определяющей в создании ритмической гармонии фасадов и объема здания в целом. Появление такой композиции, нехарактерной для Константинополя, тем не менее было подготовлено всем предыдущим ходом развития самой византийской архитектуры, но определяющую роль в ее сложении сыграла уже традиция, складывавшаяся на протяжении второй половины XI в. не в Константинополе, а на Руси — в Киеве.

Учитывая сакральный авторитет Успенского собора, ставшего уже вскоре после его создания общерусской святыней, тот облик, в котором он был создан, по-видимому, уже во второй половине XI в. начал повторяться в других значимых храмах Киевской земли (собор Зарубского монастыря и Борисоглебский собор в Вышгороде). Скорее всего, не избежали этого и возведенные на самом рубеже XI и XII столетий уже за пределами Киевской земли соборы в Смоленске и Суздале. Их появление на территориях, где утверждалась власть киевских князя и митрополита, было явлением программным, и поэтому сознательное повторение типологической схемы Успенского собора начало приобретать значение канона.

Четвертый период, первая треть XII в. Своей кристаллизации этот канонический тип закомарного храма достиг в начале XII в. в таком памятнике, как Михайловский собор Златоверхого монастыря в Киеве[83], и получил дальнейшее развитие в новгородских княжеских храмах первой четверти XII столетия[84]. По всей видимости, прямую, а не дискретную линию развития собственно русского зодчества и следует начинать не с Десятинной церкви, а с Успенского собора Киево-Печерского монастыря и последовавших за ним построек — соборов Михайловского Златоверхого и Федоровского[85] монастырей в Киеве, соборов, возведенных Владимиром Мономахом в Смоленске и Суздале, и новгородских княжеских соборов первой четверти XII столетия (церкви Благовещения на Городище, Николодворищенского собора и Георгиевского собора Юрьева монастыря). Тип и стилистика этих памятников, доведя до кристаллизации ставший уже каноническим образ Успенского собора Киево-Печерского монастыря, на протяжении всего XII в. будут определять основную линию развития древнерусского зодчества. Конечно же, она не будет неизменной. Стилистическое развитие будет продолжаться. Так, уже с начала XII в. стилистика подвергнется существенному воздействию романской архитектуры, что особенно ярко проявилось в зодчестве Чернигова (Успенский собор Елецкого монастыря, Борисоглебский собор)[86], однако основная линия ее развития в течение всего XII столетия окажется постоянной и охватит собой практически все центры древнерусского зодчества, география которого в этом веке значительно расширится.

Но уже на рубеже XI—XII вв. в Киеве внутри этой традиции появится совершенно новаторский памятник — церковь Спа-

[82] *Комеч А. И.* Архитектура второй половины XI — начала XII века. С. 375.

[83] *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 275—283; *Ivakin H.* Excavations at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev // Kiev — Cherson — Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007. P. 195—200.

[84] *Комеч А. И.* Архитектура Новгорода XII столетия // Actes du XVe Congrés international d'études Byzantines. Athénes, 1976. T. 2: Art et archeologie. Athénes, 1981. P. 289—304.

[85] *Килиевич С. Р., Харламов В. А.* Исследование храма Вотча Федоровского монастыря XII в. в Киеве // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 180—187.

[86] *Иоаннисян О. М.* О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века. С. 134—188.

са на Берестове[87], которому будет суждено открыть новую линию развития зодчества Древней Руси, уже отрывающуюся от груза каноничности «византийско-киевских» стилистики и типологии и ведущую к созданию динамичной композиции вертикально ориентированных «башнеобразных» храмов (вклейка, рис. 48). Памятник этот до сих пор вызывает споры среди исследователей, как по поводу его датировки[88], так и в связи с интерпретацией его форм, но независимо от этих разногласий все исследователи сходятся в том, что в церкви Спаса на Берестове уже оказались заложены те тенденции стилистического развития, которые столетие спустя будут определять многоликий облик архитектуры Древней Руси[89] (рис. 5). Однако эта линия вскоре после ее зарождения уходит на периферию общего развития стилистики и типологии древнерусского зодчества, с тем чтобы, окончательно кристаллизовавшись в середине XII в. в зодчестве Полоцка[90], уже в конце XII столетия выйти на широкую дорогу и охватить все школы древнерусского зодчества, в каждой из которых она проявлялась в самостоятельных формах[91].

Впрочем, и во второй половине XI в. в Киеве появляется памятник, выделяющийся из описанного выше процесса сложения на константинопольской основе собственно русского архитектурного языка и заставляющий вновь обратить свой взор на Балканы. Речь идет о соборе Кловского монастыря в Киеве[92]. По своему архитектурному типу — храма с куполом на восьми опорах — он восходит к архитектуре не Константинополя, а Балканской Греции (кафоликон монастыря Осиос Лукас в Фокиде, церковь монастыря Дафни близ Афин и церковь Сотейра Ликодиму (Агиас Триас) в Афинах[93]). Впрочем, традиция строительства таких храмов в Киеве дальнейшего развития не получила, и собор Кловского монастыря так и остался единственным храмом этого типа на Руси.

---

[87] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 22—23.

[88] Ср.: *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 2. С. 374—378; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 22—23.

[89] *Асєєв Ю. С., Харламов В. О.* Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологія Києва: Дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 84—90; *Штендер Г. М.* Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове // ПКНО. 1980. Л., 1981. С. 534—544; *Логвин Н. Г.* Церковь Спаса на Берестове в Киеве: Вопросы реконструкции // Строительство и архитектура. 1983. № 7. С. 26—28; *Комеч А. И.* Церковь Спаса на Берестове в Киеве // Русь Киевская — Русь Московская. М., 2003. С. 89—100.

[90] *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII века // Советская археология. 1980. № 3. С. 142—161.

[91] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII—XIII веков // Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 12—29.

[92] Храм был исследован в 1974—1975 гг. И. И. Мовчаном и В. А. Харламовым (*Мовчан І. І., Харламов В. О.* Стародавній Клов // Археологія Києва. Київ, 1979. С. 70—83). Основываясь на результатах этих раскопок, Ю. С. Асеев, И. И. Мовчан и В. А. Харламов предложили реконструировать памятник в виде восьмистолпного храма с позакомарным покрытием (см.: *Мовчан И. И.* Культовые постройки // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 219—220. Рис. 94, 95), однако Г. Н. Логвин убедительно показал несостоятельность этой реконструкции и доказал, что собор представлял собой постройку, относящуюся к типу храма с куполом на восьми опорах (*Логвин Г. Н.* Архитектура храма на Клове // Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. Киев, 1980. С. 72—76). Помимо реконструкции Г. Н. Логвина существуют еще реконструкции, выполненные А. Ю. Казаряном и А. М. Высоцким, которые, хотя и отличаются от предложенного Г. Н. Логвиным варианта, но также трактуют памятник как храм с куполом на восьми опорах (см.: *Высоцкий А. М.* Церковь Богоматери Влахернской в Константинополе, ее отражение на Руси и византийско-русские архитектурные связи в домонгольскую эпоху // Византийский временник. Т. 64 (89). М., 2005. С. 219. Табл. I, г; Табл. II, в).

[93] *Γκιολές Ν.* Βυζαντινή ναοδομια (600—1204). Αθήνα, 1992. Σ. 122—123, 166—169; *Μπούρας Χ.* Βυζαντινή και Μεταβυζαντινή αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. Αθήνα, 2001. Σ. 95, 102—110, 128—129; *Полевой В. М.* Искусство Греции: Средние века. М., 1973. С. 153—154.

Рис. 5. Киев. Церковь Спаса на Берестове. Реконструкция (по: Штендер Г. М., 1981)

* * *

Таким образом, картина периодизации начального этапа древнерусского зодчества представляется теперь в следующей последовательности.

Первый период — с 989 по 1036 г. — охватывает время, включающее в себя строительство Десятинной церкви в Киеве и входивших с ней в единый ансамбль дворцовых построек, церкви Богородицы в Тмуторока-

ни и Спасо-Преображенского собора в Чернигове (до перерыва в его строительстве в 1036 г.). Этот период знаменует собой начало каменного строительства на Руси, но вряд ли закладывает основы его последующего стилистического развития. Поэтому его и следует рассматривать как своеобразную предысторию древнерусского зодчества в качестве самостоятельного стилистического явления. Возведенные в это время в Киеве, Тмуторокани и начатый строиться Спасо-Преображенский собор в Чернигове еще не образуют сколько-нибудь единой, последовательно развивающейся стилистической группы и связаны с разными строительными и художественно-стилистическими истоками в византийской архитектуре, причем не столько столичной, сколько провинциальной, — с балканской (греческой и болгарской) и малоазийско-кавказской традициями. Если связь с первой проявляется в киевском строительстве Владимира Святославича, то следование традициям второй характерно для строительства Мстислава Владимировича в Тмуторокани и Чернигове. Черты константинопольской архитектурной традиции, конечно же, присутствуют и в этих постройках, однако они еще не играют здесь доминирующей роли.

Второй период связан с воплощением грандиозной градостроительной программы Ярослава Мудрого в Киеве (Софийский собор, церкви Георгия и Ирины, храм на митрополичьей усадьбе, укрепления «города Ярослава» с Золотыми воротами) и продолжающей ее строительной деятельностью в Чернигове (достройка Спасо-Преображенского собора), Новгороде (Софийский собор) и Полоцке (Софийский собор) и охватывает время с 1037 г. (создание Софии Киевской) до 1060—1070-х гг. (создание Софии Полоцкой). Черты воздействия константинопольской традиции здесь уже явно доминируют над провинциально-византийскими, и не приходится сомневаться, что основополагающую роль в этот период играли вновь пришедшие на Русь византийские мастера, однако вышедшие уже не из провинциальной, а из столичной архитектурно-строительной среды. Более того, размах строительной деятельности на Руси (и, прежде всего, в Киеве) достигает такой интенсивности, что это должно было повлечь за собой и появление уже своих строительных кадров, прошедших школу у византийских зодчих и строителей, связанных со столичной школой. Характерной особенностью этого периода является то обстоятельство, что, по сути дела, руками византийских мастеров и уже их русских учеников, средствами чисто византийского архитектурно-художественного языка и строительно-конструктивного арсенала создаются здания, не находящие прямых аналогий в собственно византийской архитектуре этой эпохи. Памятники названного периода в равной мере принадлежат как истории византийской, так и истории уже древнерусской архитектуры. Причина этого — в особых социальных условиях княжеского заказа и идеологической задаче символического выражения мощи и величия молодого государства — Руси, с которыми пришлось столкнуться работавшим здесь византийским мастерам и их русским ученикам.

Этот период характеризуется монопольным доминированием Киева как практически единственного строительного центра на Руси. В тех же случаях, когда строительство все же выходит за его пределы (достройка собора в Чернигове, строительство Софийских соборов в Новгороде и Полоцке), роль стилистической традиции, возникшей в Киеве на основе опыта византийской архитектуры, остается определяющей. Однако в Новгородской Софии мы вновь сталкиваемся с некоторыми строительно-техническими особенностями, связанными с малоазийской (или северокавказской) традицией, которые проявились еще в первом периоде на ранней фазе создания Черниговского собора, а в Полоцкой Софии мы видим некоторые архитектурно-стили-

стические особенности, которые могли возникнуть лишь в результате знакомства ее создателей с памятниками, относящимися уже к третьему периоду начального этапа.

Таким образом, в этот период берет начало уже непрерывная самостоятельная строительная активность на Руси. В архитектурном плане это привело к созданию средствами византийского архитектурного языка и, по сути дела, руками византийских же мастеров совершенно нехарактерной для самой византийской архитектуры сложной архитектурно-пространственной и композиционной модели здания. Однако и этот период еще не положил начала развитию самостоятельной национальной архитектурной традиции, оставшись ярким, важным и значительным, но все же эпизодом в сложении архитектуры Древней Руси. К 1060-м гг. идеологическая программная задача утверждения авторитета Руси архитектурными средствами была выполнена, и дальнейшее развитие русской архитектурной традиции пошло по пути упрощения архитектурных форм, возвращая молодое древнерусское зодчество в русло более традиционных для византийской архитектуры решений.

Развитие этих процессов образует уже третий период становления древнерусской архитектуры, занимающий вторую половину XI в. Так же как и предыдущий, он протекает исключительно в Киеве и Киевской земле (соборы Дмитриевского и Выдубицкого монастырей в Киеве, собор Зарубского монастыря в Киевской земле, Борисоглебский собор в Вышгороде, Трехсвятительская (Васильевская) церковь в Киеве и церковь на нынешней территории Киевского художественного института). Роль византийской архитектурно-художественной и строительно-технической традиций и в этот период продолжает оставаться определяющей, хотя наряду с византийскими мастерами уже работают и свои мастера, выросшие на воплощении строительной программы XI в. Причем роль последних и удельный вес их участия в киевском строительстве явно возрастают. Теснейшая связь с византийской (вне всякого сомнения, столичной) традицией продолжает существовать, но это приводит не к возникновению еще одного варианта провинциально-византийской архитектуры, а, наоборот, к созданию на основе византийских традиций уже собственного архитектурного языка. Завершается этот период возведением в 1070—1080-х гг. Успенского собора Киево-Печерского монастыря, в котором руками византийских мастеров и на основе константинопольской художественной традиции, художественного языка и строительно-технических особенностей византийской архитектуры воплощается характерный уже для всего последующего развития древнерусского зодчества тип закомарного храма, существенно отличающийся по своей типологии от крестово-купольных храмов самой Византии. Авторитет этой святыни приводит к тому, что после того как на рубеже XI—XII вв. архитектурно-строительная деятельность начинает выходить за пределы Киева и широко распространяться по всей Руси, именно этот собор становится каноническим образцом для дальнейшего развития древнерусского зодчества, во многом определившим ход его развития на протяжении всего XII столетия.

Однако окончательная кристаллизация типа русского закомарного храма происходит уже в заключительном, четвертом, периоде начального этапа развития древнерусского зодчества, приходящемся на первую треть XII в., в таких памятниках, как соборы Михайловского Златоверхого и Федоровского (Вотча) монастырей в Киеве, и в княжеском строительстве первой четверти XII в. в Новгороде (церковь Благовещения на Городище, Никольский собор на Ярославовом дворище и Георгиевский собор Юрьева монастыря, а также Рождественский собор Антониева монастыря, примыкающий к этой группе памятников). Эти постройки со всей отчетливостью по-

казывают, что период сложения в истории древнерусского зодчества закончился и начинается уже непрерывная линия его собственного развития.

Формирование самостоятельных школ в древнерусской архитектуре XII в. Центральное место в истории древнерусского зодчества домонгольского периода занимает XII в. Именно на протяжении этого столетия монументальное строительство, сосредоточенное до этого в основном в Киеве, широко выходит за его пределы и распространяется по всей территории Древней Руси. Уже в конце XI в. появляются первые независимые строительные центры в Переяславле и Чернигове, а затем на протяжении всего XII в. идет активный процесс формирования и развития самостоятельных архитектурных школ во многих землях и центрах Древней Руси. Процесс этот, обусловленный феодальным дроблением Киевской державы и возникновением на протяжении этого столетия фактически самостоятельных территориально-политических образований — земель, — сопровождался формированием новых мощных очагов культуры в этих центрах. В XII в. строительная география Древней Руси охватывает уже значительную территорию, включающую в себя почти все стольные города. Помимо Киева, Переяславля и Чернигова возникают самостоятельные строительные центры и школы в Новгороде, Полоцке, Смоленске, Гродно, на Волыни, в Галицкой и Владимиро-Суздальской землях, в орбиту новгородского строительства вовлекаются Псков и Ладога, черниговского и смоленского — Рязань.

Процесс формирования школ в древнерусской архитектуре XII в. стал возможен благодаря появлению собственных строительных кадров, однако начало строительства в каждом из новых строительных центров имело свои истоки в строительной деятельности какого-либо из сложившихся уже до этого центров или же получало импульс из-за рубежа — из Византии или с Запада.

Переяславское зодчество. Первой самостоятельной школой древнерусской архитектуры можно считать зодчество Переяславля, начавшееся в конце XI в. по инициативе митрополита Ефрема и продолжавшееся в первой трети XII в., когда переяславским князем был Владимир Мономах[94]. Сложение Переяславской школы также произошло при участии строителей из Византии[95]. Типологически переяславские постройки представляют собой иной вариант, нежели киевские памятники. За исключением большого собора Михайловского монастыря (который, впрочем, тоже совершенно не похож на киевские памятники), все они представляют собой небольшие одноапсидные и, как правило, бесстолпные храмики (храм-усыпальница или Спасская церковь, церковь на Советской улице, церковь Андрея[96], церковь Архангела Михаила в Городце Остерском[97]) (рис. 6). Наряду с ними там строились и маленькие крестово-купольные храмы, принадлежавшие к типу объемно-выраженного

[94] *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. // Советская археология. 1954. Т. 20. С. 10—11; *Малевская М. В., Раппопорт П. А.* Церковь Михаила в Переяславе // Зограф. Т. 10. Белград, 1979. С. 30—39.

[95] *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 44—47.

[96] *Каргер М. К.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. С. 7—8; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 33—34.

[97] *Макаренко Н. Е.* Древнейший памятник искусства Переяславского княжества // Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916. С. 373—404; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 38.

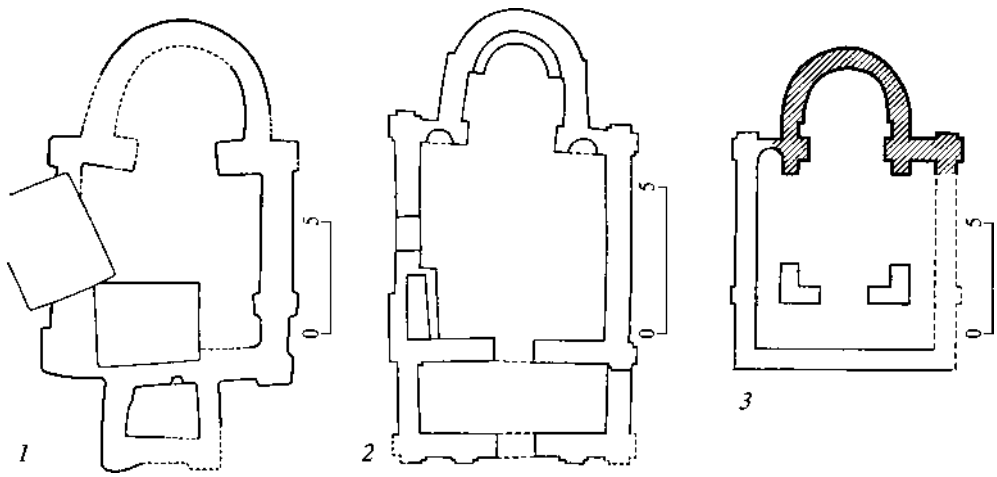


Рис. 6. Планы церквей

1 — Переяславль (совр. Переяслав-Хмельницкий). Церковь на бывшей Советской ул. (конец XI — 1-я половина XII в.); *2* — Переяславль (совр. Переяслав-Хмельницкий). Храм-усыпальница или Спасская церковь (конец XI — 1-я половина XII в.); *3* — Остёр (совр. с. Старогородка). Церковь Архангела Михаила (Остёрская Божница) (1-я половина XII в.)

пространственного креста, получившие широчайшее распространение в византийской архитектуре (церковь на площади Воссоединения). Буквально точные аналогии большому Михайловскому собору в Переяславле ни в киевской, ни в константинопольской архитектуре найти не удается, однако в византийской провинции, особенно в Греции и Малой Азии (Ликии), есть одноапсидные храмы большого размера (церковь Христиану в Трифилии, церковь Св. Софии в Монемвасии, церковь в Мирах[98]). Аналогии малым бесстолпным переяславским храмам появляются на Руси (Чернигов, Владимир Волынский) лишь после того, как церкви уже были возведены в Переяславле, и, по всей видимости, именно малые храмы Переяславля послужили прототипами для прочих древнерусских построек этого типа. В сам же Переяславль этот тип, вне всякого сомнения, попадает из архитектуры византийского мира. Такие храмы в X—XI вв. были широко распространены на Балканах и особенно в Болгарии (Виница, Патлейна, малый храм под церковью № 1, церкви № 3 и 7 в Бел Бряг под Преславом и церковь № 3 в урочище Селище там же, храм-усыпальница и церкви № 4 и 6 в Плиске[99]). Византийская же архитектура послужила и источником храмов типа объемно-пространственного («полувписанного») креста (церковь на площади Воссоединения). Искать ее непосредственный прототип в архитектуре византийского мира было бы бессмысленно, так как храмы такого типа в IX—XI вв. строятся там практически повсеместно на территории и самой Византии, и связанных с ней областей восточнохристианского мира.

Явно знакомством с архитектурой Византии объясняется и появление в Переяславле при митрополите Ефреме роскошно украшенной византийскими по своей стилистике резными деталями гражданской

[98] *Millet G.* L'ecole greque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916. P. 109, 113; *Krautheimer R.* Early christian and byzantine architecture. P. 302—303.

[99] *Мавродинов Н.* Старобългарското изкуство. София, 1959. С. 167—168, 174, 185, 199, 202; *Мавродинова В.* Културата и изкуство през време на Първата българска държава // История на българското изобразително изкуство. Т. 1. София, 1976. С. 76, 80, 82.

постройки, которая служила не чем иным, как баней — своего рода термами, то есть сооружением, восходящим к традициям императорской византийской архитектуры[100]. Сооружение это своей необычностью настолько поразило современников, что летописец специально отметил в своем повествовании: «Сего же не бысть преже в Руси»[101].

Напоминанием о репрезентативной архитектуре крупных городов Византии — Константинополя и Салоник — было и создание Ефремом каменных крепостных стен Переяславля[102].

Таким образом, в архитектуре Переяславля в конце XI — первой трети XII в. настолько широко представлен почти весь спектр архитектурных типов византийского зодчества, что это дало возможность Вл. В. Седову образно назвать Переяславскую школу «выставкой архитектурных типов» или своеобразным «салоном византийской архитектуры»[103].

О том, что в Переяславле при митрополите Ефреме работали не киевские зодчие и строители, говорит и иной характер плинфы, ни по формату, ни по фактуре не схожий с киевским. Истоки такой традиции плинфотворения мы также можем найти в Византии[104].

Нет никакого сомнения в том, что импульс сильнейшего воздействия византийского зодчества на архитектуру Переяславля обязан своим происхождением деятельности переяславского епископа и титулярного митрополита Ефрема[105]. Более 10 лет (с 1062 по 1078 г.) этот энергичный церковный деятель прожил в Византии, в Студийском монастыре в Константинополе, а вернувшись на Русь, не только стал переяславским епископом, получившим вскоре сан титулярного митрополита, но и с конца 1080-х гг. исполнял функцию фактического правителя Переяславля, поскольку его реальный властитель — Владимир Мономах — находился в это время вне своей «отчины» в Чернигове.

Ефрем, и после возвращения на Русь сохранивший теснейшие связи с Византией, благодаря своему особому положению среди прочих русских иерархов мог обращаться в Византию с просьбой о присылке мастеров. Учитывая, что в 1070—1080-х гг., когда Ефрем разворачивает свою строительную деятельность в Переяславле, практически все наличные в это время на Руси строительные кадры были заняты на строительстве в Киеве, у Ефрема не было иного выхода, как приглашать мастеров из Византии. По-видимому, он это делал неоднократно и каждый раз получал мастеров из разных источников. Если говорить о зодчих, то он получал их из каких-то провинций, мастеров-плинфоделателей, судя по характеру переяславльской плинфы, он получал оттуда же, что же касается характера самой стенной кладки, а соответственно, и мастеров-каменщиков, которые работали в системе кладки со скрытым рядом, то эти мастера могли происходить либо из

---

[100] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 35. Остатки здания были раскопаны в 1960-х гг. Р. А. Юрой, М. И. Сикорским и Ю. С. Асеевым, но ошибочно интерпретированы как остатки княжеского или митрополичьего дворца (*Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком // Советская археология. 1967. № 1. С. 199—214).

[101] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209.

[102] *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяслав Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // ПКНО. 1977. М., 1977. С. 428—432.

[103] *Седов Вл. В.* Собор Спасо-Мирожского монастыря: Иконография и происхождение типа // Архив архитектуры. Вып. 1. М., 1992. С. 18.

[104] *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.). С. 31—32; *Ёлшин Д. Д.* Традиция «расчесов» в производстве плинфы // Архитектурно-археологический семинар «Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы». СПб., 2003. С. 92—99.

[105] См. о нем: *Хрусталев Д. Г.* Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002.

Константинополя, либо уже из Киева, где такая система кладки была твердо усвоена. В любом случае после того как в 1094 г. на престоле в своей «отчине» утверждается Владимир Мономах, строительство там разворачивается с еще большей интенсивностью, а получение мастеров как из Константинополя, так и из Киева вообще перестает быть проблемой. Поэтому уже с конца XI в., несмотря на непрекращающиеся, судя по всему, связи с Византией, роль собственно киевских каменщиков в переяславском строительстве должна только усиливаться.

В дальнейшем, уже в первой трети XII в., в архитектуре Переяславля мы сталкиваемся и с чертами явного использования архитектурных заимствований из зодчества других древнерусских земель. Так, например, бесстолпный храм, остатки которого были обнаружены под Успенской церковью, свидетельствует о явных связях с черниговским зодчеством, а остатки Воскресенской (Иоанновской) церкви, построенной уже в 1130-х гг., показывают явную связь архитектуры Переяславля с зодчеством Новгорода и Пскова[106].

Черниговская школа. Еще одна группа византийских мастеров, независимая от Киева, появляется в самом конце XI в. в Чернигове, где по заказу Владимира Мономаха, занимавшего в это время черниговский престол, был возведен храм-усыпальница, остатки которого в 1980-х гг. были открыты в ходе раскопок[107]. Этот храм представлял собой совершенно необычную для Древней Руси двухъярусную постройку, имеющую свои аналогии лишь в константинопольской архитектуре X—XII вв. (церковь Мирелейон). Правда, судя по строительному почерку, это были не те константинопольские мастера, которые работали до этого в Киеве, а какая-то другая, однако тоже константинопольская артель.

Храм-усыпальница остался уникальным явлением в древнерусском зодчестве. Не получила продолжения в черниговском зодчестве и строительная традиция, заложенная артелью, возведшей его. С ее деятельностью в Чернигове связан еще только один памятник — терем, остатки которого были обнаружены под Борисоглебским собором[108].

Однако уже в другом тереме, возведенном на рубеже XI—XII вв. (так называемом «тереме Красного двора»)[109], в Чернигове появляется новая артель. Почерк этой артели существеннейшим образом отличается от всего того, что делалось в древнерусском зодчестве на протяжении XI в. На смену кладке со скрытым рядом здесь впервые приходит равнослойная кладка из плинфы,[110] а уже начиная с Успенского со-

[106] *Иоаннисян О. М.* Об отражении традиции новгородско-псковского зодчества в архитектуре Киева и Переяславля первой половины XII в. // Архитектурно-археологический семинар: Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909—1969). СПб., 2001. С. 43—45.

[107] *Коваленко В. П., Раппопорт П. А.* Памятники древнерусской архитектуры в Чернигово-Северской земле // Зограф. Т. 18. Београд, 1987. С. 5—11; *Они же.* Неизвестный памятник зодчества на Руси // Византийский временник. Т. 51 (76). М., 1990. С. 201—204.

[108] *Богусевич В. А., Холостенко Н. В.* Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. 1952. Вып. 1. С. 32; *Холостенко Н. В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследство. Вып. 15. М., 1963. С. 3—17; *Они же.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // Советская археология. 1967. № 2. С. 197, 201—202, 209.

[109] *Богусевич В. А., Холостенко Н. В.* Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. С. 32—43; *Холостенко Н. В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. С. 7—17.

[110] *Иоаннисян О. М.* К вопросу о происхождении черниговской плинфы конца XI — XII веков и равнослойной техники кладки на Руси // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб., 2003. С. 20—25.

бора Елецкого монастыря[111] в черниговском зодчестве вместе с равнослойной кладкой в системе декорации и в некоторых конструкциях отчетливо проявляются отдельные элементы, связанные с воздействием романской архитектуры (крестовые своды, аркатурные пояски, полуколонны на фасадных пилястрах). В типологическом же плане Успенский собор Елецкого монастыря продолжает традицию, заложенную в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря, закрепляя его каноничность.

В дальнейшем, на протяжении первой трети XII в., эта типологическая схема закрепляется в черниговском зодчестве в Борисоглебском соборе[112] (вклейка, рис. 49), а стилистические черты, обязанные своим происхождением романской архитектуре, еще более усиливаются в результате появления откровенно романских скульптурных элементов[113] (вклейка, рис. 50).

Таким образом, на рубеже XI—XII вв. в Чернигове складывается новое направление в древнерусском зодчестве, органично сочетающее в себе византийскую основу, выработанную уже в самой Руси (в Киеве и Вышгороде) типологическую схему здания и стилистику, свойственную романской архитектуре. Истоки этой новой традиции долгое время оставались невыясненными, однако теперь можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что на сложение этого направления помимо византийской и киевской архитектуры значительное воздействие оказала романская архитектура Северной Италии[114].

Вместе с тем Чернигов, став основоположником новой архитектурной стилистики в древнерусском зодчестве, не утратил связи и с другими центрами Древней Руси — так, в Ильинской церкви, возведенной, скорее всего, в конце XI в. (в 1090-х гг.), по-видимому, сказались связи с зодчеством Переяславля[115], а Благовещенская церковь, построенная уже во второй половине XII в.[116], в своей стилистике вновь возвращается к традициям киевского зодчества XI — первой трети XII в. Новая стилистика, сложившаяся в самом конце XI — первой трети XII в. в черниговском зодчестве, в конце 1130-х гг. приносится черниговскими мастерами и в Киев (церковь Богородицы Пирогощи[117] и недавно открытая археологическими раскопками

---

[111] *Моргилевський І.* Успеньска церква Єлецького манастиря в Чернигові // Чернигів і північне лівобережжя. С. 197—204; *Холостенко Н. В.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры: Исследования и реставрация. Вып. 3. М., 1961. С. 51—67.

[112] *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове. С. 188—210.

[113] *Холостенко Н.* Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси (рельефы Борисоглебского собора в Чернигове) // Искусство. 1951. № 3. С. 84—91; *Воробьева Е. В.* Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь. М., 1976. С. 175—183; *Орлов Р. С.* Белокаменная резьба древнерусского Чернигова // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Киев, 1990. С. 28—34; *Зорина А. М.* Стилистические особенности белокаменных рельефов из Борисоглебского собора в Чернигове // Древняя Русь: Новые исследования. СПб., 1995. С. 142—153. (Славяно-русские древности; Вып. 2.).

[114] *Иоаннисян О. М.* К вопросу о происхождении черниговской плинфы конца XI — XII веков и равнослойной техники кладки на Руси. С. 20—34; *Он же.* Ломбардские зодчие на Руси: «Русская романика» XII века // Пинакотека. 2003. № 1—2 (16—17). С. 12—15.

[115] *Иоаннисян О. М.* О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века. С. 174—176, 182.

[116] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 60—93. (МИА; № 11).

[117] *Ивакин Г. Ю.* О церкви Успения Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 168—180; *Он же.* Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 51—53.

церковь на Юрковской улице[118]), а после утверждения в 1140-х гг. в Киеве черниговской княжеской династии Ольговичей и перевода ими черниговской артели в Киев начинает широко распространяться почти по всем древнерусским землям (Волынь, Смоленск, Рязань) и становится определяющей для всего древнерусского зодчества XII в.[119]

Киевское зодчество. В Киеве в самом начале XII в. еще появляются постройки, продолжающие традицию, заложенную в строительстве второй половины XI в. (соборы Михайловского Златоверхого и Федоровского монастырей, крещальня собора Михайловского Златоверхого монастыря). Есть все основания предполагать, что в их строительстве были заняты мастера, работавшие и в Новгороде[120].

Если в построенных еще в 1130-х гг. церкви Богородицы Пирогощи и церкви на Юрковской улице возникшая в черниговском зодчестве стилистика еще только прокладывала себе дорогу в киевском зодчестве, то в таких постройках 1140-х гг., как Кирилловская церковь в Киеве (рис. 7) и церковь Георгия в Каневе, тип одноглавого шестистолпного закомарного храма окончательно утверждается и становится образцом для развития архитектуры в других древнерусских землях. В киево-черниговском зодчестве середины — второй половины XII в. этот архитектурный тип подвергается еще большему упрощению и лаконизации. Существенной особенностью композиции киевских памятников данного периода является замена отдельных объемов лестничных башен лестницами, расположенными в толще стены, что делало общий силуэт здания более компактным и лапидарным.

Смоленское, волынское, рязанское зодчество. При непосредственном участии киевских мастеров и в тех же формах в середине XII в. развивается и зодчество Смоленска (церкви Петра и Павла и Иоанна Богослова, церковь в Перекопном переулке, церковь Василия и собор Борисоглебского монастыря и церковь Василия на Смядыни, церковь на улице Соболева[121]) (вклейка, рис. 51), и архитектура Волыни (Успенский и Федоровский соборы во Владимире Волынском)[122] (вклейка, рис. 52). Следует отметить, что в рамках хорошо усвоенной киево-черниговской традиции смоленские мастера в середине XII в. вели поиски и собственных архитектурных композиций. Свидетельством этого является бесстолпный храм, построенный в 1140-х гг. в Смоленском детинце[123].

На Волыни киево-черниговский тип и формы памятников сочетаются со строительной традицией, идущей из переяславского зодчества. По всей видимости, зодчий и мастера-каменщики из Киева ра-

---

[118] *Сагайдак М.* Храм, знайдений на Київському Подолі // Україна: Наука і культура. Вып. 32. Київ, 2004. С. 190—210.

[119] *Раппопорт П. А.* Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 59—63.

[120] *Дегтярьов М. Г., Реутов А. В.* Михайлівський Золотоверхий монастир. Київ, 1999. С. 45; *Иоаннисян О. М.* Об отражении традиции новгородско-псковского зодчества в архитектуре Киева и Переяславля первой половины XII в. С. 41—47.

[121] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979. С. 37—90, 151—162, 384—388; *Сапожников Н. В.* Новые данные о церкви Иоанна Богослова XII в. в г. Смоленске // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 217—230; *Он же.* Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Археологический сборник: Памяти М. В. Фехнер. М., 1999. С. 120—126. (Труды ГИМ; Вып. 111).

[122] *Раппопорт П. А.* Мстиславов храм во Владимире-Волынском // Зограф. Т. 7. Београд, 1977. С. 17—22; *Он же.* «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского // Советская археология. 1977. № 4. С. 253—266.

[123] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. С. 91—102.

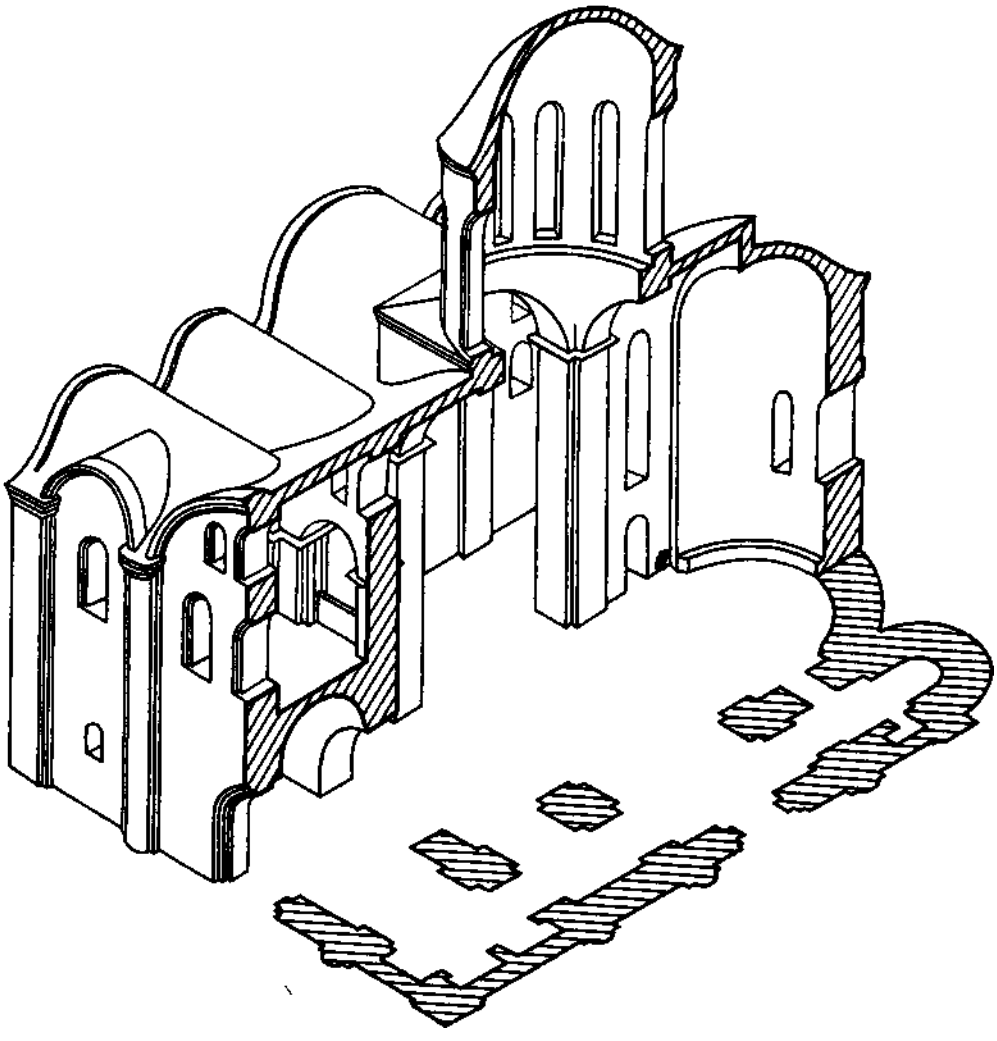


Рис. 7. Киев. Кирилловская церковь. 1140-е гг. Реконструкция (по: Новое в археологии Киева. 1981. С. 199)

ботали здесь с переяславскими мастерами. Не исключено, что именно переяславские мастера начинали строительство во Владимире Волынском. Об этом свидетельствуют обнаруженные там в ходе раскопок фундаменты двух недостроенных храмов. Фундаменты одного из них были найдены под фундаментами собора Федоровского монастыря, возведенного в 1150-х гг.[124], а другого — на нынешней Садовой улице[125]. По-видимому, вскоре после того, как было начато строительство этих двух небольших храмиков (учитывая их маленькие размеры, они вполне могли быть заложены одновременно), князь мог нанять артель мастеров из Киева и поручить дальнейшее строительство им. Строительство малого храма Федоровского монастыря было прекращено, и здесь же вместо него был возведен большой Федоровский собор («Старая кафедра») в

[124] *Раппопорт П. А.* «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского. С. 262—265.

[125] *Пескова А. А., Раппопорт П. А.* Неизвестный памятник волынского зодчества XII в. // ПКНО. 1986. Л., 1987. С. 541—546.

формах киево-черниговской архитектуры, а храм на Садовой улице так и остался непостроенным. Таким образом, во Владимире Волынском сразу оказались две группы мастеров: одна из Переяславля, а другая — из Киева. Если переяславская традиция сказалась здесь лишь в использовании характерных строительных материалов — плинфы «с расчесами» — и попытке использования определенной типологической схемы малых храмов (впрочем, так и оставшейся нереализованной), то киево-черниговская отразилась в самих архитектурных формах возведенных зданий — Федоровского и Успенского соборов. Правда, нельзя исключать и того, что сочетание этих двух традиций произошло еще в самом Переяславле, до перехода этой артели на Волынь. П. А. Раппопорт предполагал, что схема взаимодействия этих архитектурно-строительных центров была следующей: в начале 1140-х гг. вместе с утверждением в Киеве черниговской династии Ольговичей там оказывается и черниговская артель, которая уже в конце 1140-х гг. перемещается в Переяславль, оттуда в 1150-х гг., после перехода переяславского князя Мстислава Изяславича на волынский престол, она переводится во Владимир Волынский, а после 1167 г., когда Мстислав становится киевским князем, мастера вновь возвращаются в Киев[126]. Однако какая-то часть мастеров все же остается на Волыни, где ею уже в 1170-х гг. возводятся храмы в Дорогобуже и Луцке[127].

Таким образом, мы видим, что в XII в. архитектурно-строительные истории Чернигова, Киева, Переяславля, Смоленска и Волыни оказываются теснейшим образом связаны между собой. Развитие архитектуры в этих центрах постоянно переплетается и образует стилистическое направление в древнерусском зодчестве, которое называют то «приднепровской» (Ю. С. Асеев)[128], то «киево-черниговской» (П. А. Раппопорт) школой[129]. Название это, конечно, условно — на самом деле, стилистикой и строительно-техническими особенностями этого направления были охвачены и земли, выходящие за границы данного региона (Волынь и Рязань), а общая композиционная структура храмового здания вообще становится определяющей для всего древнерусского зодчества на протяжении большей части XII столетия. Следы этого направления обнаруживаются и в Турово-Пинской земле, где был возведен единственный пока известный нам храм в Турове[130].

Как мы уже видели, в основе стилистики этого направления лежат особенности черниговского зодчества первой трети XII в. Все остальные из перечисленных выше центров с 1130-х по 1170-е гг. почти в точности (за исключением Переяславля, во многом ориентирующегося на собственную старую традицию) копируют технику кладки, типологическую схему плановой и объемно-пространственной композиции и систему пластической и декоративной разработки фасадов, сложившуюся в зодчестве Чернигова 1090—1130-х гг. Однако система декоративно-пластического решения фасадов воспринимается этими центрами в более упрощенном по сравнению с Черниговом варианте — скульптурная резьба в декорации здания ни в одном из этих центров не применяется. Исключение

---

[126] *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 61.

[127] *Малевская М. В., Пескова А. А.* Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Волынском // Проблемы изучения древнерусского зодчества. С. 57—60; *Малевская М. В.* Церковь Иоанна Богослова в Луцке — вновь открытый памятник архитектуры XII века // Древнерусское искусство: Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 9—35.

[128] *Асеев Ю. С.* Архитектура Южной и Западной Руси в XII—XIII в. // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.; М., 1966. С. 590.

[129] *Раппопорт П. А.* Из истории киево-черниговского зодчества XII в. С. 59—63.

[130] *Каргер М. К.* Новый памятник зодчества XII века в Турове // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 130—138.

составляет находившаяся в прямой церковной, а в течение долгого времени и политической зависимости от Чернигова Рязань. В 1949 г. А. Л. Монгайтом на городище Старая Рязань были открыты и исследованы остатки Успенского собора[131], который настолько повторял архитектурно-стилистические и строительно-технические особенности черниговских памятников и особенно Успенского собора Елецкого монастыря, что заставил задуматься о том, что он был возведен черниговскими мастерами. Сложнее обстоит дело с другим рязанским собором — Борисоглебским[132]. В связи с существующей путаницей в определении посвящений рязанских храмов Л. А. Беляев предложил и другое, условное, наименование этого памятника — «храм XII»[133]. По структуре плана основного объема (шестистолпный храм со встроенной в юго-западный угол крещальней) он еще больше повторяет план черниговских соборов и особенно Успенского собора Елецкого монастыря. Не исключено, что следованием этому же прототипу Борисоглебский собор в Рязани обязан и появлением окружавших его притворов, основания которых выявлены при раскопках. С черниговской же традицией связывают этот собор и строительно-технические особенности (равнослойная кладка с толстым растворным швом), и особенности пластической разработки фасадов с использованием полуколонн у пилястр и аркатурных поясков, и имитация квадровой кладки, достигавшаяся покрытием наружной стенной поверхности штукатуркой с последующей разграфкой ее на прямоугольники, имитирующие тесаные квадры. Еще более сближает Борисоглебский собор с черниговскими храмами использование в его убранстве белокаменной резьбы[134]. В этом смысле рязанский собор становится единственным за пределами собственно Чернигова памятником этого «романизирующего» направления в древнерусском зодчестве, где равнослойная плинфяная техника сочетается с использованием скульптурной резьбы.

Новгородское зодчество. К началу XII в. относится сложение еще одной важнейшей архитектурно-строительной традиции — новгородской. Ее возникновение непосредственно связано с киевской архитектурой конца XI — начала XII в. Самостоятельное строительство в Новгороде начинается в 1103 г. (церковь Благовещения на Городище[135]) и ведется по княжескому заказу силами киевских мастеров. Затем мастера, по-видимому, вновь возвращаются в Киев и возводят там собор Михайловского Златоверхого монастыря, однако уже с 1113 г. строительство в Новгороде ведется практически непрерывно. В 1110—1130-х гг. там возводятся собор Николы на Ярославовом дворище (1113)[136], церковь Федора Страти-

[131] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М., 1955. С. 87—90. (МИА; № 49).

[132] Там же. С. 76—85, 89—97; *Михайловский Е. В.* О датировке Успенского собора в Старой Рязани // Архитектурное наследство. Вып. 19. М., 1972. С. 43—52.

[133] *Беляев Л. А.* Борисоглебский храм: Новые исследования (1999—2004 гг.) // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 109.

[134] *Вагнер Г. К.* Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. Вып. 15. М., 1963. С. 19—24.

[135] *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества: (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 79—85.

[136] *Гладенко Г. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород: К 1100-летию города. М., 1964. С. 186—189; *Каргер М. К.* Новгород. Л.; М., 1970. С. 127—130; *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 299—305; *Булкин В. А.* Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. С. 271—273; *Царевская Т. Ю.* Никольский собор на Ярославовом дворище в Новгороде. М., 2002.

лата на Софийской стороне (на Щирковой улице) (1115)[137], Рождественский собор Антониева монастыря (1117)[138], Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119)[139], церковь Ивана на Опоках (1127) и церковь Успения на Торгу (1135)[140] (рис. 8).

В архитектуре таких зданий, как церковь Благовещения на Городище, соборы Николы на Ярославовом дворище (вклейка, рис. 53), Юрьева и Антониева монастырей, церковь Федора Стратилата на Щирковой улице, в типологическом и стилистическом отношении связь с киевским зодчеством второй половины XI — начала XII в. еще очень ощутима. В то же время, несмотря на прямое использование киевского типа закомарного храма с нартексами и лестничными башнями, новгородские постройки этой группы отличаются многоглавием и, как и в XI в. София Новгородская, преимущественным использованием в кладке крупных блоков волховского плитняка, придававшего стенам новгородских храмов своеобразную пластику. Асимметричные композиции новгородских храмов начала XII в., увенчанные несколькими главами, были обусловлены наличием ярко выраженных объемов лестничных башен (вклейка, рис. 54). В самом Киеве, наоборот, преобладала тенденция интеграции башен в основной объем храма. Пятиглавие же собора Николы на Ярославовом дворище в Новгороде было вызвано чисто идеологической причиной — стремлением князя противопоставить свой придворный храм стоящему на другом берегу Волхова многоглавому объему Софийского собора, находившегося под юрисдикцией не князя, а города.

В постройках 1120—1130-х гг. (церкви Иоанна на Опоках и Успения на Торгу) при сохранении той же типологической схемы, стилистических и строительно-технических особенностей в новгородском зодчестве происходит все же упрощение композиционной структуры зданий — лестница на хоры помещается уже не в отдельном объеме башни, а в толще западной стены. За счет этого общая композиция здания становится более компактной. Этот процесс, как мы уже видели, в киевском зодчестве начался еще раньше — уже во второй половине XI в., в Чернигове на рубеже XI и XII столетий стал архитектурной нормой, а в Новгороде проявился лишь в конце первой трети XII в. Не исключено, что это связано с тем, что именно в это время вновь активизируются связи между строительными артелями Новгорода и Киева. Следы

[137] *Штендер Г. М.* О ранних Федоровских храмах древнего Новгорода // ПКНО. 1977. М., 1977. С. 435—444; *Булкин В. А., Турова Е. А.* Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде: Архитектурно-археологические исследования 1988—1991 гг. // Памятники старины: Концепции, открытия, версии. Т. 1. СПб.; Псков, 1997. С. 118—121; *Булкин В. А.* Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам. С. 285—287.

[138] *Гладенко Г. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований. С. 189—191; *Каргер М. К.* Новгород. С. 177—178; *Штендер Г. М., Ковалева В. М.* О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА. 1980. Вып. 171. С. 54—60; *Булкин В. А.* Новгородское зодчество начала XII в. по новым археологическим материалам. С. 273—287.

[139] *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935 гг.) // Советская археология. 1946. Т. 8. С. 175—222; *Он же.* Новгород. С. 180—192; *Гладенко Г. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований. С. 189—191; *Комеч А. И.* Роль византийской традиции в новгородском строительстве начала XII в.: (Георгиевский собор Юрьева монастыря) // Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 263—280; *Он же.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. С. 306—308.

[140] *Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // Советская археология. 1982. № 3. С. 36—42; *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. 1 (11). Л., 1982. С. 191—193.

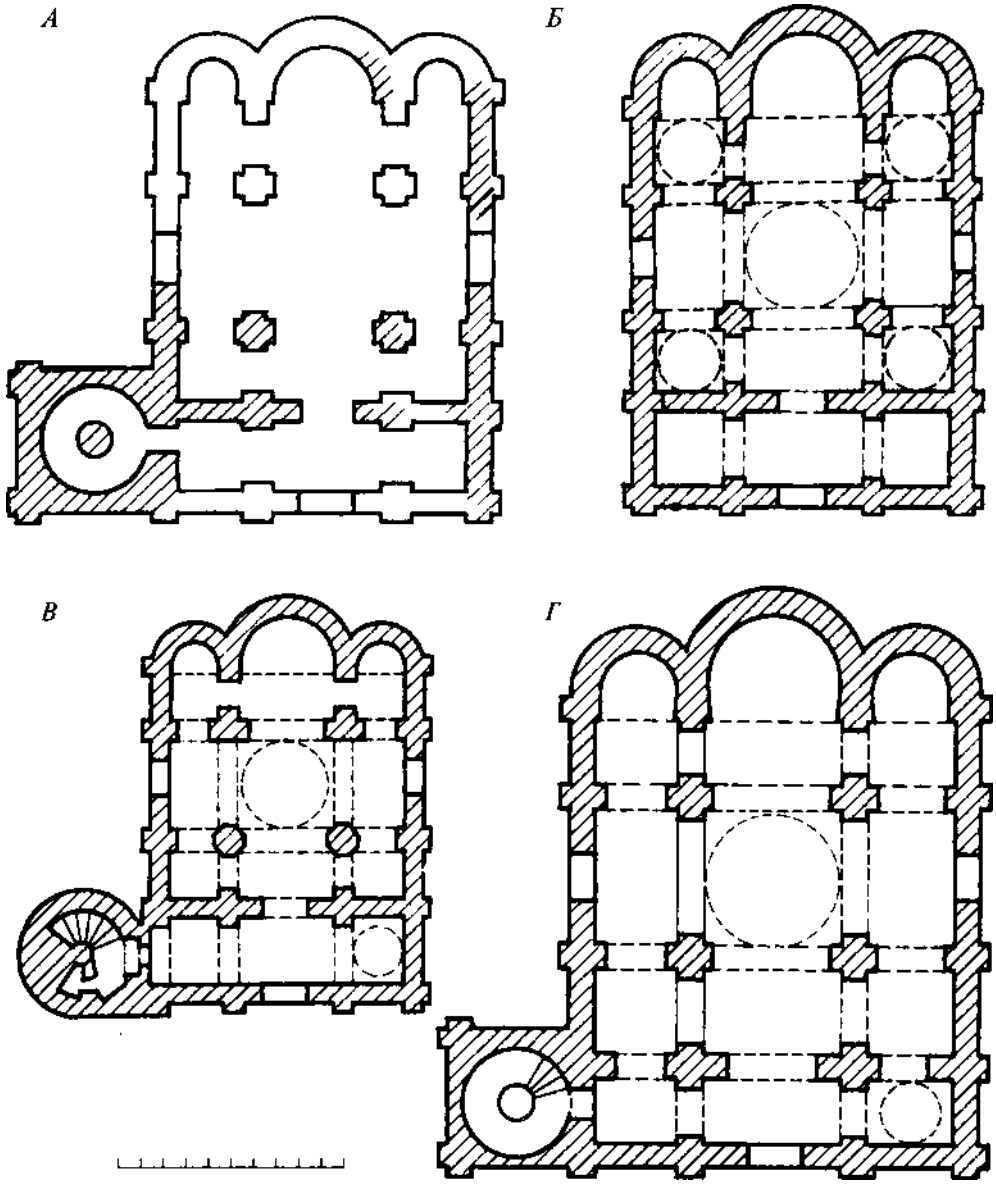


Рис. 8. Планы храмов Новгорода

А — Церковь Благовещенья на Городище. 1103 г.; *Б* — Собор Николы на Ярославовом Дворище. 1113 г.; *В* — Рождественский собор Антониева монастыря. 1117 г.; *Г* — Георгиевский собор Юрьева монастыря. 1119 г.

деятельности новгородских строителей мы можем увидеть в таких памятниках Киева и Переяславля, как собор Федоровского Вотча монастыря (1129) и церковь Богородицы Пирогощи (1131) в Киеве и Воскресенская (Иоанновская) церковь в Переяславле[141]. Как раз в эти годы в киевское и переяславское зодчество начинают проникать и стилистические особенности черниговской архитектуры, характернейшей

[141] *Иоаннисян О. М.* Об отражении традиции новгородско-псковского зодчества в архитектуре Киева и Переяславля первой половины XII в. С. 43—45.

чертой которой было создание компактных объемно-пространственных композиций и перемещение лестниц из отдельных объемов в толщу западной стены. Таким образом, в конце первой трети XII в. мы видим теснейшую интеграцию между разными, ставшими уже самостоятельными, строительными центрами Руси: Киевом, Черниговом, Переяславлем и Новгородом. При этом черты стилистических и строительно-технических отличий от киевской архитектуры XI в. наиболее ярко проявляются в Чернигове и Переяславле. В то время как новгородское зодчество, несмотря на то что строительство там уже с самого начала XII в. идет практически независимо от Киева, в гораздо большей степени продолжает оставаться в русле развития старой киевской традиции предшествующего столетия. Это проявляется в использовании техники кладки opus mixtum со скрытым рядом, которая за пределами Киева уже начинает вытесняться равнослойной. В стилистическом плане это выражается в применении типичной для киевского зодчества второй половины XI — начала XII в. схемы планового и объемно-пространственного построения здания. Вместе с тем черты самостоятельности в развитии строительно-технических и стилистических особенностей проявляются и здесь. В строительно-техническом отношении это сказывается в применении своеобразной, характерной только для Новгорода, техники кладки, в которой использование местного камня — волховского плитняка — преобладает над использованием плинфы, а в стилистическом — в изменении пластики фасадов и заметном упрощении их декоративного решения, а также существенном изменении пропорционального строя зданий за счет акцентирования вертикальных пропорций. Поэтому, в отличие от переяславской и особенно черниговской архитектурно-строительных традиций, которые уже с самого рубежа XI—XII вв. можно рассматривать как самостоятельные архитектурные школы, новгородское зодчество первой трети XII в. при всей своей самостоятельности можно рассматривать еще не как отдельную школу древнерусского зодчества, а как обособившуюся ветвь киевской архитектурной традиции XI — начала XII в., которая до начала XII столетия, по сути дела, была единой архитектурной традицией всей Киевской Руси. Вместе с тем отмеченные выше черты самобытности, которые в рамках этой традиции уже начинают проявляться в новгородском зодчестве данного времени, свидетельствуют о том, что в недрах киевской традиции здесь начинает формироваться новая архитектурная школа, окончательное сложение которой происходит уже позднее.

В 1130-х гг., после того как Новгород превращается в феодальную республику, а власть князя становится чисто номинальной, строительная деятельность там почти на три десятилетия прекращается. В то же время она начинается в других городах Новгородской земли.

Сначала новгородские мастера оказываются в Пскове, где строят Троицкий собор[142] (впоследствии неоднократно перестроенный), собор Иоанновского монастыря[143] и церковь Дмитрия Солунского[144]. Эти храмы продолжают традицию, заложенную киевскими мастерами в новгородском княжеском строительстве начала XII в., но уже в середине столетия в Пскове по заказу новгородского архиепископа Нифонта возво-

[142] *Булкин В. А.* Троицкий собор XII века во Пскове // Проблемы изучения древнерусского зодчества. С. 98—99.

[143] *Иоаннисян О. М.* Церковь Иоанна Предтечи во Пскове и ее место в архитектуре Руси XII в. // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи: К 1100-летию Пскова. М., 2008. С. 14—18.

[144] *Белецкий В. Д.* Клейма на кирпичах XII века из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 33. Л., 1971. С. 55—58.

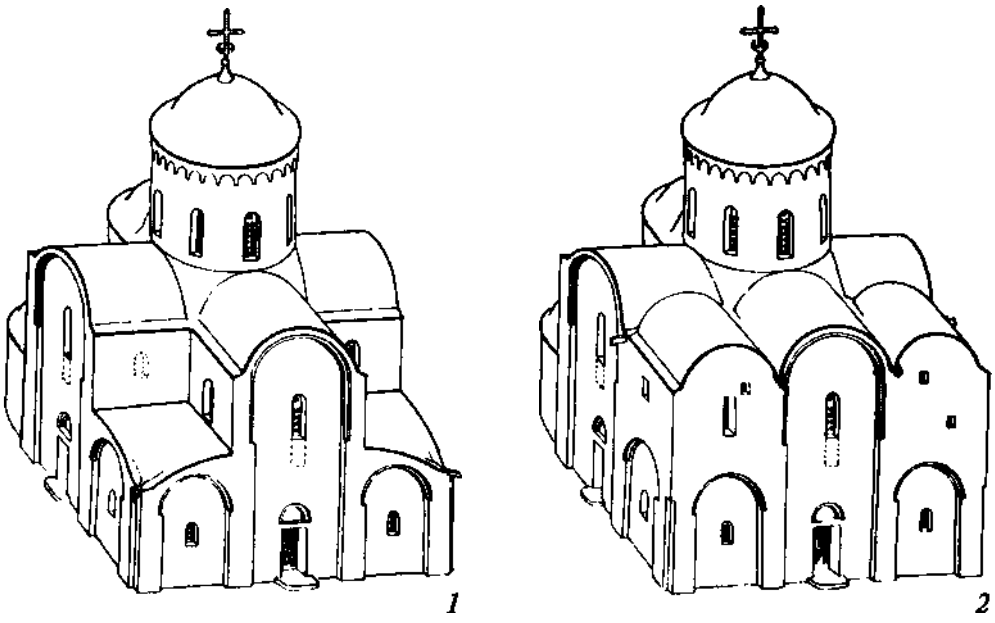


Рис. 9. Псков. Спасский собор Мирожского монастыря

1 — реконструкция первоначального замысла; *2* — воплощенный вариант (по: Мильчик М. И., Штендер Г. М., 1988)

дится храм, существенным образом отличающийся от этой традиции, — Спасский собор Мирожского монастыря[145] (вклейка, рис. 55). Этот памятник представляет собой уникальный для древнерусского зодчества, но типичный для Византии образец крестово-купольного храма в чистом виде, при котором угловые членения здания понижены и, таким образом, основной объем храма превращается в четко выраженный в объеме пространственный крест. Правда, западные угловые членения Спасского собора еще в процессе строительства были надстроены до высоты основного объема, что сблизило храм с более привычной для древнерусского зодчества композицией, превратив его в небольшой кубический одноглавый закомарный храм[146] (рис. 9).

По-видимому, следует согласиться с Вл. В. Седовым, считающим, что византийский тип крестово-купольного храма с откровенно выраженной объемной композицией пространственного креста проникает в зодчество Пскова не прямо из Византии, а опосредованно — через архитектуру Переяславля[147].

Попытка повторить композицию Спасского собора была предпринята в следующей по времени постройке этих мастеров, однако уже не в Пскове, а в Ладоге, куда в середине XII в. была переведена эта артель, — в церкви Климента[148]. Церковь Климента в Ладоге повторяла лишь схему собора Мирожского монастыря, в то время как ее угловые членения были с самого начала построены равновысокими основному объ-

[145] *Мильчик М. И., Штендер Г. М.* Западные камеры собора Мирожского монастыря во Пскове: (К вопросу о первоначальной композиции храма) // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 77—94.

[146] Там же.

[147] *Седов Вл. В.* Собор Спасо-Мирожского монастыря: Иконография и происхождение типа. С. 14—15.

[148] *Большаков Л. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // Новое в археологии Северо-Запада РСФСР. Л., 1985. С. 111—116.

ему, что превращало ее в кубический объем. Еще одна попытка создать церковь подобного типа в Ладоге связана с началом строительства церкви Георгия. Как показали исследования, проведенные Н. К. Стеценко и С. В. Лалазаровым, она была задумана и начала строиться как крестово-купольный храм с выраженной объемной композицией пространственного креста[149]. Строительство это, правда, не было доведено до конца, а спустя несколько лет уже готовые фундаменты так и не построенной церкви были использованы для возведения храма, который был сооружен уже с использованием другой объемно-пространственной композиции, но сохранил первоначальное посвящение.

Все последующие постройки Старой Ладоги — церкви Успения[150], Георгия (воплощенный вариант)[151] (вклейка, рис. 56), Спаса и безымянный храм на реке Ладожке (возможно, Воскресенский)[152] — уже представляли собой небольшие четырехстолпные кубические храмы, увенчанные одной главой. К этой же группе следует относить и Никольский собор в Ладоге[153]. От классической византийской крестовокупольности Спасского собора Мирожского монастыря и церкви Климента в них осталось лишь воспоминание в виде Г-образных восточных столбов, пространственно обособляющих угловые восточные части здания (боковые апсиды) в интерьере.

После того как в конце 1160-х гг. артель из Ладоги вновь возвращается в Новгород и там возобновляется строительная деятельность, именно этот тип небольшого компактного одноглавого храма становится классическим для новгородского зодчества. Так, в середине XII в. вне пределов самого Новгорода, в Пскове и Ладоге, сформировалась собственно новгородская школа зодчества[154].

Новгородское зодчество 1160—1190-х гг. отличалось необычайной активностью. Храмы возводятся один за другим в чрезвычайно короткие сроки. Это и неудивительно — именно в Новгороде, который представлял собой феодальную республику, заказ на строительство с этого времени находился уже не в руках князя, а обеспечивался ктиторской активностью горожан, что привело здесь к необычному для древнерусского зодчества домонгольской эпохи частному заказу на строительство. Небольшие кубические храмы, которые можно было возвести в сжатые сроки, тип которых сложился в Ладоге и утвердился в Новгороде, как нельзя лучше соответствовали этим условиям строительства, гораздо более демократичным, чем в остальных древнерусских центрах. К сожалению,

---

[149] *Лалазаров С. В.* Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладоге // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. С. 297—313.

[150] *Гусева О. Г., Воинова И. Л.* К вопросу о датировке Успенской церкви в Старой Ладоге // Храм и культура. Вып. 8. СПб., 1995. С. 75—80.

[151] *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896. С. 236—238; *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М., 1960; *Мильчик М. И.* Церковь Георгия в Старой Ладоге // Советская археология. 1979. № 2. С. 101—116; *Лалазаров С. В.* Два этапа строительства церкви Георгия в Старой Ладоге. С. 297—313.

[152] *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. С. 38, 44—48, 125—128, 127—128, 320. Табл. LIX—LX.

[153] *Гусева О. Г., Иоаннисян О. М.* К вопросу о датировке Никольского собора в Старой Ладоге // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. Т. 1. М., 2010. С. 243—261.

[154] *Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы. С. 35—46.

большинство новгородских построек этого периода (церкви Успения в Аркажах[155], Спаса в Хутыни[156], Воскресения на озере Мячине[157], Ильи на Славне[158], Кирилла на Нелезени[159], Спасо-Преображенский собор в Старой Руссе[160]) не дошли до нашего времени и известны лишь благодаря археологическим раскопкам, однако сохранившиеся постройки — церкви Благовещения на озере Мячине (сохранилась частично)[161], Петра и Павла на Синичьей горе[162] и возведенная уже в самом конце XII в. церковь Спаса на Нередице[163] (вклейка, рис. 57) — дают отчетливое представление о классическом новгородском типе храма.

Галицкое и владимиро-суздальское зодчество. В древнерусском зодчестве XII в. весьма существенную роль сыграли связи с архитектурой Западной и Центральной Европы. Выше мы уже отмечали наличие романских элементов в архитектуре Чернигова, но там они не играли ведущей роли, хотя в известной степени и сказались на ряде стилистических черт не только черниговского, но и большей части всего древнерусского зодчества. Гораздо более тесными связи с романской архитектурой были в тех школах, которые обязаны ей самим своим происхождением, — галицкой и владимиро-суздальской.

Когда в самом начале XII в. на крайнем юго-западе Руси, в предгорьях Карпат, перемышльский князь Володарь Ростиславич начинал каменное строительство, он находился в состоянии войны практически со всеми остальными землями Древней Руси и поэтому был вынужден прибегнуть к услугам мастеров из прикарпатских областей соседней Польши[164]. Эти мастера принесли с собой на Русь романскую технику строительства из тесаных квадров белого камня. В то же время показательно, что первый же построенный им на Руси храм — церковь Иоанна в Перемышле[165] — представлял собой не романскую базилику или иной тип храма «латинского» образца, а каноничный для православной традиции вариант храма

[155] *Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е.* Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 69—72.

[156] *Булкин В. А., Штендер Г. М.* Спасо-Преображенский собор — древнейшая каменная постройка Хутынского монастыря под Новгородом // ПКНО. 1992. М., 1993. С. 510—515.

[157] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 71.

[158] *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества. С. 194; *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Ровесница церкви Спаса на Нередице: (Церковь Ильи на Славне: История строительства и предварительные исследования) // НИС. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 83—94.

[159] *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий. Л., 1939. С. 73—74; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. С. 75; *Булкин В. А.* Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве: Конец XII — начало XIII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1987. С. 222.

[160] *Строков А. А.* Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. // НИС. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 30; *Ядрышников В. А.* Церковь Спаса в Старой Руссе — современница Нередицкого храма // НИС. Вып. 8 (18). С. 173—179.

[161] *Гладенко Г. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований. С. 191—192.

[162] *Штендер Г. М.* Новгородское зодчество: Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 352.

[163] *Щербатова-Шевякова Т. С.* Нередица. М., 2004; Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси: К 800-летию памятника. М., 2005.

[164] *Иоаннисян О. М.* Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши // Acta Archaeologica Carpatica. T. 27. Krakow, 1988. S. 185—218; *Он же.* К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в. // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. С. 206—214.

[165] *Żaki A.* Przemyska cerkiew księcia Wołodara w świetle źródeł pisanych i archeologicznych // Sprawozdania z posiedzeń Komisji Naukowych odziału PAN w Krakowie: Styczeń-czerwiec 1968. Kraków, 1968. S. 47—50; *Idem.* Archeologia Małopolski wczesnośredniowiecznej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 153—156.

вписанного креста киевского типа. Такими же были и построенный этими мастерами храм в Звенигороде Галицком[166], и придворная Спасская церковь князя Владимира Володаревича, возведенная в Галиче после того, как в 1140-х гг. туда была перенесена столица княжества[167]. Памятники галицкого зодчества первой половины XII в. отличались суровой лапидарностью. Белокаменная скульптурная декорация, наличие которой можно было бы предположить, учитывая романское происхождение их мастеров, в них отсутствовала, сводясь лишь к минимальному набору из городчатого пояска и простых клинчатых консолей[168].

В середине XII в. начинается строительная деятельность князя Юрия Долгорукого на Северо-Востоке Руси, во Владимиро-Суздальской земле. Приступая к ней, Юрий оказался в том же положении, что и несколькими десятилетиями раньше князь Володарь Перемышльский. Находясь в состоянии войны за киевский престол со всеми древнерусскими землями кроме Галицкой, Юрий мог получить мастеров только оттуда. Все построенные им храмы (не дошедшая до нас церковь Георгия во Владимире и сохранившиеся церковь Бориса и Глеба в Кидекше под Суздалем[169] и Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском[170] (вклейка, рис. 58)) выдают руку тех же мастеров, которые работали для галицких князей в Перемышле, Звенигороде и Галиче[171]. По сути дела, эти памятники смело можно рассматривать как в контексте истории галицкого, так и в контексте истории владимиро-суздальского зодчества[172]. Более того, именно хорошо сохранившиеся

---

[166] *Ратич О. О.* К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI—XIV вв. // Культура средневековой Руси. С. 189—190.

[167] *Иоаннисян О. М.* Церковь Спаса в Галиче — памятник первой половины XII века // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986. С. 102—109.

[168] *Иоаннисян О. М.* Белокаменная декоративная пластика в галицком зодчестве XII — первой половины XIII века // У истоков русской культуры XII—XVII века. СПб., 1995. С. 11—14.

[169] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1: XII столетие. М., 1961. С. 53—110; *Глазов В. П.* Археологические исследования памятников зодчества XII—XIII вв. в Кидекше и Суздале // Археологические открытия. 1994. М., 1995. С. 81—82; *Иоаннисян О. М.* Церковь Бориса и Глеба в Кидекше как памятник раннегалицкой и раннесуздальской архитектурных традиций // Архитектор. Город. Время. Вып. 4. СПб., 2004. С. 66—71.

[170] *Чиняков А.* Архитектурный памятник времени Юрия Долгорукого // Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1952. С. 43—66; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. С. 77—90.

[171] Обычно к этой же группе относят и не дошедший до нас Георгиевский собор, построенный в 1152 г. Юрием Долгоруким в Юрьеве-Польском (*Столетов А. В.* Материалы к реконструкции Георгиевского собора 1152 г. города Юрьева-Польского // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 263—267; *Иоаннисян О. М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 36, 40). Это мнение основано на выводах А. В. Столетова, считавшего, что его фундаменты сохранились под основаниями существующего ныне собора XIII—XV вв. (*Столетов А. В.* Материалы к реконструкции Георгиевского собора 1152 г. города Юрьева-Польского. С. 263—267). Однако новые исследования, проведенные в 2000—2001 гг., не подтвердили эти выводы (*Глазов В. П., Иоаннисян О. М., Жервэ А. В.* Исследования во Владимире и Юрьеве-Польском // Государственный Эрмитаж: Отчетная Археологическая сессия за 2000 год: Тезисы докладов. СПб., 2001. С. 57—58; *Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М.* Архитектурно-археологические исследования собора в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Государственный Эрмитаж: Отчетная Археологическая сессия за 2001 год: Тезисы докладов. СПб., 2002. С. 62—63). Таким образом, упоминаемый летописью собор 1152 г. в Юрьеве-Польском до сих пор остается необнаруженным. Поэтому у нас пока нет оснований утверждать, что он был таким же, как и храмы в Кидекше и Переславле-Залесском, хотя предположение об их возможном сходстве представляется вполне вероятным.

[172] *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. С. 41—45; *Он же.* Церковь Бориса и Глеба в Кидекше как памятник раннегалицкой и раннесуздальской архитектурных традиций. С. 66—71.

Рис. 10. Галич. Успенский собор. Реконструкция (по: Лукомський Ю., 2002)

храмы в Кидекше и Переславле-Залесском, представляющие собой строгие лапидарные объемы, гладь стен которых не нарушается декоративной резьбой, что делает их похожими на каменные монолиты, дают прекрасную возможность со всей отчетливостью представить, как выглядели известные нам только на уровне фундаментов храмы Галицкой земли первой половины XII в.

В самом Галиче после ухода артели мастеров на Северо-Восток Руси к Юрию Долгорукому архитектурно-стилистическая традиция изменяется. На смену ушедшим мастерам приходит новая артель, на сей раз из Венгрии[173]. И вновь пришедшие из католического мира мастера приносят с собой лишь романскую технику квадрового строительства и систему декорации, но теперь уже с активным использованием профильной резьбы, а также орнаментальной и изобразительной скульптуры[174] (вклейка, рис. 59). Типы же храмов, возведенных этими мастерами, в основном остаются каноническими (Успенский собор[175] (рис. 10),

[173] *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества. С. 45—50.

[174] *Иоаннисян О. М.* Белокаменная декоративная пластика в галицком зодчестве XII — первой половины XIII века. С. 14—25. См. также: *Жишкович В.* Пластика Русі-України. X — перша половина XIV століть. Львів, 1999. С. 126—153.

[175] *Лукомський Ю.* Успенський собор давнього Галича: (За результатами нових досліджень 1992—2000 років) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 244. Львів, 2002. С. 578—607.

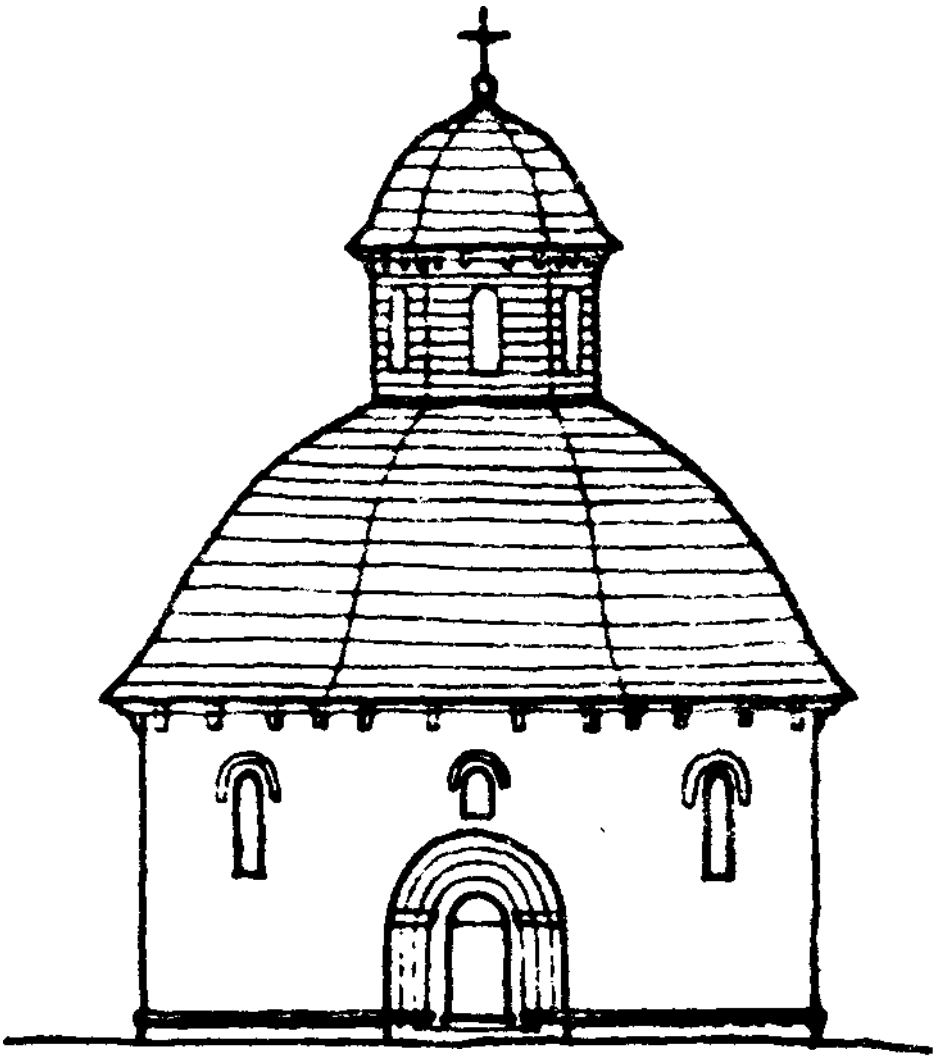


Рис. 11. Галич. Ротонда-квадрифолий («Полигон»). Реконструкция (по: История русского искусства. 2015. Ил. 117)

Кирилловская церковь[176] и храм в урочище Цвинтариски[177] в Галиче).

Исключение представляет собой появление в галицком зодчестве группы центрических храмов — ротонд и квадрифолиев (вклейка, рис. 60; рис. 11), тип которых не был принят в православном зодчестве в качестве канонического[178]. Несмотря на это, все известные нам галицкие ротонды были построены для нужд не католической, а православной церкви, хотя и романскими по своему происхождению (венгерскими)

[176] *Лукомський Ю.* Білокам'яний храм на передмісті давнього Галича // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 235. Львів, 1998. С. 594—607.

[177] *Иоаннисян О. М.* К вопросу о датировке древнерусского каменного храма в урочище Цвинтариски в окрестностях древнего Галича // Проблемы изучения древнерусского зодчества. С. 82—86.

[178] *Иоаннисян О. М.* Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 100—147.

мастерами[179]. Причиной того, что в Галиче сложилась своего рода традиция строительства неканонических для восточно-христианского зодчества этого времени ротондальных храмов, по-видимому, является то, что в XII в. еще не существовало резкого антагонизма между Западной и Восточной церквами, разделение которых произошло лишь в середине XI в., и поэтому контроль со стороны церкви и князя-заказчика за строгим соблюдением канонического образца распространялся лишь на наиболее важные, с официальной точки зрения, постройки — городской собор и главные храмы наиболее значительных монастырей, в менее же значимых постройках, а галицкие ротонды, скорее всего, представляли собой храмы небольших княжеских пригородных монастырей, выбор типа храма мог быть предоставлен самому зодчему.

Следует отметить, что помимо галицких ротонд в XII в. на Руси было построено еще две — одна в Смоленске и одна в Киеве. Однако оба этих храма были связаны с заказом иноземцев, хотя и были возведены местными мастерами. Смоленская ротонда была построена по заказу скандинавских купцов[180], а киевская, вопреки мнению ее исследователей — Я. Е. Боровского и П. П. Толочко[181], по всей видимости, была церковью колонии католических миссионеров в Киеве[182]. Ближайшую аналогию этому необычному для древнерусского зодчества памятнику мы находим в романской архитектуре Польши — это замковая церковь-ротонда во Вроцлаве, так же как и киевская ротонда, датируемая второй половиной XII в.[183] Как в случае со смоленской ротондой, так и в случае с киевской выбор типа храма, вне всякого сомнения, принадлежал заказчикам, и вполне возможно, что для руководства местными строителями при их возведении приглашались иноземные зодчие.

Во Владимиро-Суздальской земле после смерти Юрия Долгорукого также происходит смена архитектурно-художественной традиции. В отличие от своего отца, на протяжении всей своей жизни стремившегося к обладанию Киевом, Андрей Боголюбский основное внимание уделил укреплению своего собственного удела — Владимиро-Суздальской земли. Более того, по его замыслу, Владимир должен был стать тем городом, к которому переходило значение главного для всей Руси политического центра взамен начавшего терять свой общерусский политический статус Киева. Став владимирским князем, Андрей Боголюбский начинает воплощать в жизнь обширную градостроительную программу, аналогичную той, которую столетием раньше выполнял в Киеве Ярослав Мудрый. В результате ее воплощения Владимир должен был занять среди городов Древней Руси то место, которое ранее принадлежало Киеву. Старая, пришедшая к его отцу из Галича, артель, по-видимому, не могла справиться

---

[179] *Иоаннисян О. М.* Центрические постройки в галицком зодчестве XII в. // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 39—46; *Он же.* Новые исследования одного из памятников галицкого зодчества XII века // Советская археология. 1983. № 1. С. 231—244.

[180] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. С. 140—150; *Раппопорт П. А.* «Латинская церковь» в древнем Смоленске // Новое в археологии. М., 1972. С. 283—289; *Иоаннисян О. М.* Архитектура Древней Руси и средневековой Скандинавии: Их взаимосвязи // Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 34. СПб., 2007. С. 99—117.

[181] *Боровський Я. Є., Толочко П. П.* Київська ротонда // Археологія Киева: Дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 90—103.

[182] *Пуцко В. Г.* Искусство Киевской Руси на рубеже XII—XIII вв. // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 144—145; *Висоцький С. О.* Київська ротонда і питання її атрибуції // Археологія. 1994. № 1. С. 72—78.

[183] *Malachowicz E.* Wrocławski zamek książecy i kolegiata św. Krzyza na Ostrowie. Wroclaw, 1993. S. 61—69.

со столь грандиозной задачей, и поэтому Андрей вынужден был вновь искать мастеров на стороне. Показательно, что это опять оказались выходцы с романского Запада. Для воплощения своей обширной строительной программы Андрей Боголюбский воспользовался мастерами, которых он получил у императора Фридриха Барбароссы[184]. Длившаяся на протяжении почти двух столетий дискуссия о том, были ли это мастера из прирейнских районов Германии или из Ломбардии[185], в результате новейших исследований разрешается в пользу северо-итальянских мастеров[186]. Правда, какое-то время вместе с ними для Андрея Боголюбского работали и мастера старой артели. Их почерк мы можем увидеть в таких памятниках, как Золотые ворота во Владимире[187] и отчасти Успенский собор в Ростове[188].

Новый зодчий Андрея Боголюбского работал более смело и решительно, чем его предшественник. С этого времени в убранстве фасадов владимиро-суздальских храмов активно начинает использоваться скульптурная декорация. Здания, построенные им (Успенский собор во Владимире, церковь Покрова на Нерли (вклейка, рис. 61; рис. 12), замок-резиденция и придворный храм в Боголюбове (вклейка, рис. 62; рис. 13))[189], характеризуются стройностью пропорций и изысканной пластичностью. Показательно, что и при Андрее Боголюбском романские мастера не используют типы храмов, характерные для католического Запада. Принеся с собой романскую строительную технику и систему декорации, они продолжают развивать тот тип храма, который сложился в архитектуре Киева и Чернигова.

Преемник Андрея Боголюбского — князь Всеволод Большое Гнездо — в своей строительной деятельности продолжает заложенную Андреем архитектурную и градостроительную традицию. При Всеволоде во Владимире осуществляется строительство детинца, в состав которого входили белокаменные ворота с надвратной церковью Иоакима и Анны[190], дворца и придворного

---

[184] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. С. 112—342.

[185] См.: *Комеч А. И.* Архитектура Владимира 1150—1180-х гг.: Художественная природа и генезис «русской романики» // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. С. 231—254.

[186] *Иоаннисян О. М.* Ломбардские зодчие на Руси: «Русская романика» XII века. С. 15—18; *Он же.* Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 31—70. Раскопки северного портала Рождественского собора в Боголюбове, проведенные в 2015 г. Вл. В. Седовым, подтвердили высказанную еще в 2005 г. точку зрения О. М. Иоаннисяна, не привнеся ничего нового в решение проблемы происхождения мастеров Андрея Боголюбского, за исключением «уточнения» о том, что это были мастера не из Ломбардии, а из Эмилии (*Седов Вл. В.* Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 64—66). В XII в. региона с названием «Эмилия» в Италии не существовало, а входящая в нынешнюю Эмилию-Романью Модена, с которой связано происхождение пришедших во Владимирскую землю мастеров, будучи самостоятельным герцогством, всегда рассматривалась как город «ломбардский». Понятие «Ломбардия» в это, да и в последующие времена охватывало всю территорию Северной Италии, включая в себя земли от нынешнего Пьемонта до Эмилии-Романьи, независимо от того, входили ли они политически в Ломбардскую лигу.

[187] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. С. 128—148; *Тимофеева Т. П.* Золотые ворота во Владимире. М., 2002.

[188] *Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н.* Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // Сообщения Ростовского музея. Вып. 6. Ростов, 1994. С. 214.

[189] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. С. 149—186, 201—301.

[190] Там же. С. 446—457.

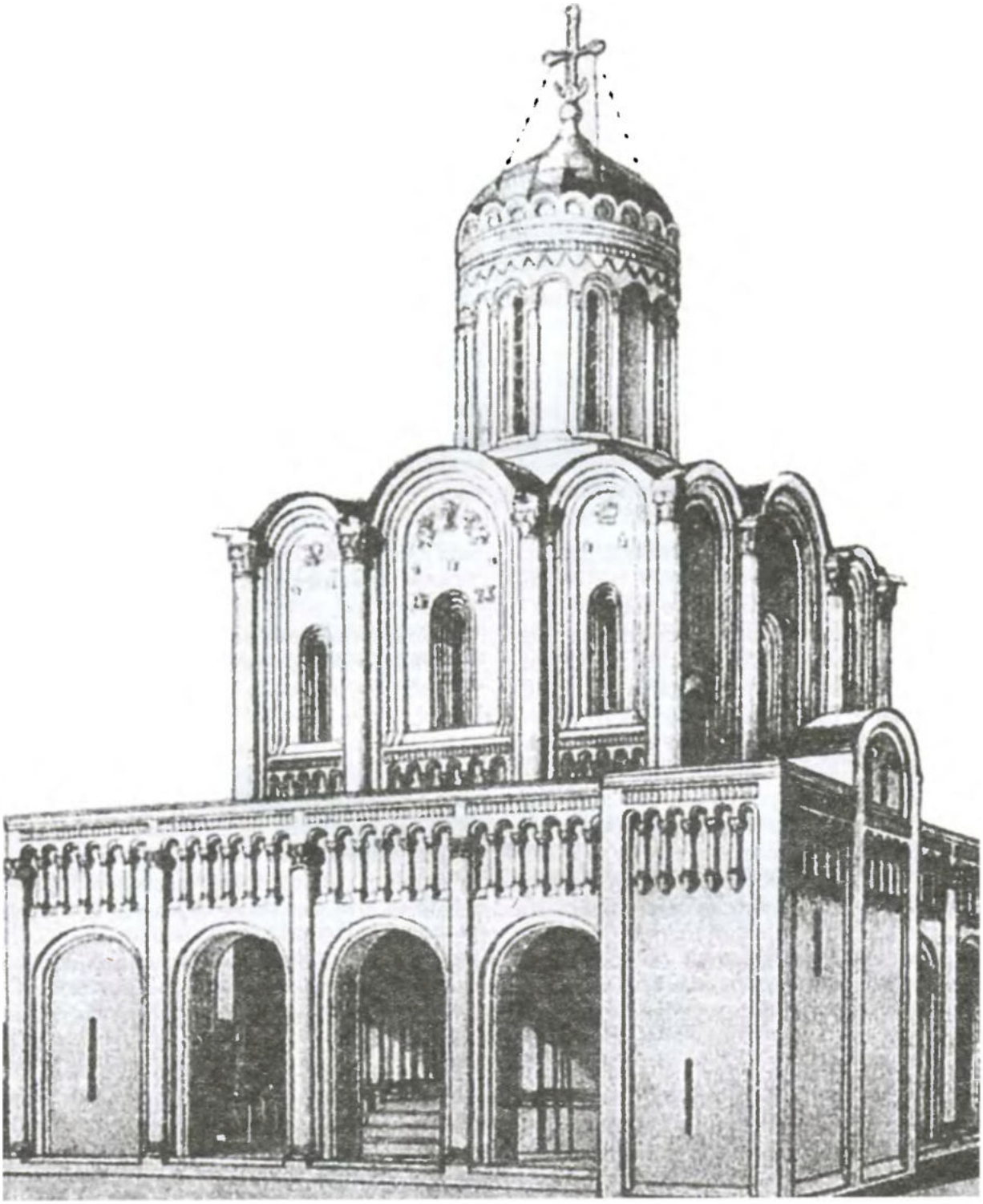


Рис. 12. Церковь Покрова на Нерли. Реконструкция (по: Воронин Н. Н., 1961. Ил. 150)

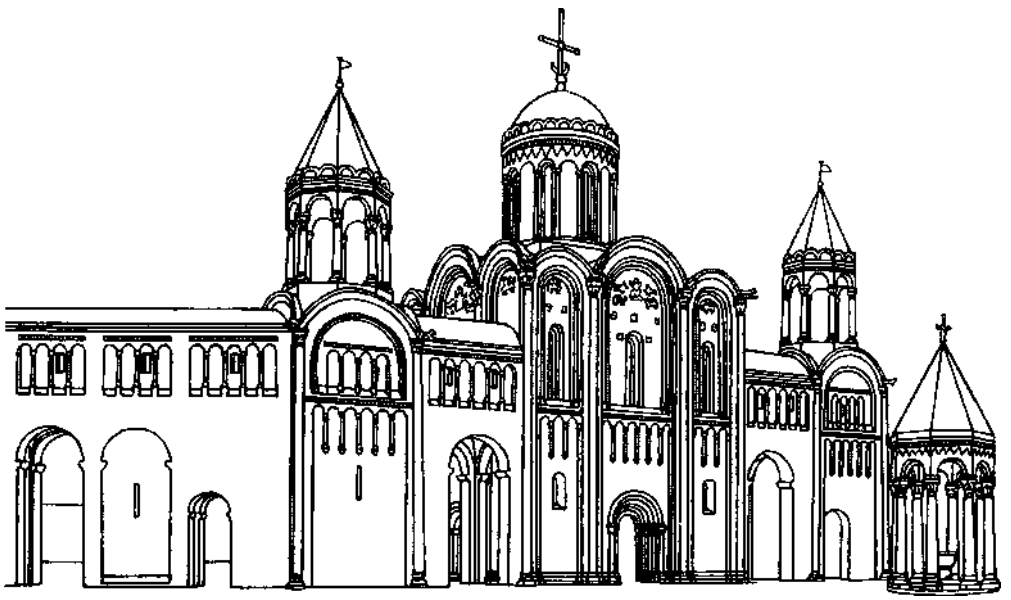


Рис. 13. Боголюбово. Ансамбль резиденции князя Андрея Боголюбского. Реконструкция (по: Воронин Н. Н., 1961. Ил. 122)

Дмитриевского собора[191] (вклейка, рис. 63, 64), а также предпринимается строительство собора Рождественского монастыря[192] и обстройка возведенного еще князем Андреем Успенского собора галереями, превратившими его в грандиозное пятинефное здание[193] (вклейка, рис. 65), к которому должна была перейти роль общерусской святыни, принадлежавшая ранее Киевской Софии. После обстройки галереями (а фактически пристройки двух дополнительных нефов) Успенский собор получил и дополнительные световые барабаны с главами. Возникшее таким образом его пятиглавое завершение впоследствии послужило образцом Аристотелю Фиораванти при строительстве им в XV в. Успенского собора Московского Кремля и стало обязательным каноном в соборном строительстве всего последующего времени развития архитектуры восточнославянских народов.

Учитывая, что между строительством Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо прошел немалый хронологический промежуток продолжительностью в 20 или даже в 30 лет, естественно, возникает вопрос: силами каких мастеров обеспечивалась строительная деятельность Все-

[191] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. С. 396—437; Дмитриевский собор во Владимире: К 800-летию создания. М., 1997; *Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Глазов В. П.* Новые исследования Дмитриевского собора во Владимире // Государственный Эрмитаж: Археологические экспедиции за 2003 год. СПб., 2004. С. 79—97; *Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М.* Исследования Дмитриевского собора во Владимире // Государственный Эрмитаж: Археологические экспедиции за 2004 год. СПб., 2005. С. 27—42.

[192] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. С. 378—395; *Иоаннисян О. М., Торшин Е. Н., Зыков П. Л., Глазов В. П.* Архитектурно-археологические исследования во Владимире и Смоленске в 1997 г. // Государственный Эрмитаж: Отчетная Археологическая сессия за 1997 год: Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 38—40; *Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Жервэ А. В., Глазов В. П., Карайчева Н. М.* Архитектурно-археологические исследования Рождественского собора во Владимире // Государственный Эрмитаж: Отчетная Археологическая сессия за 1999 год: Тезисы докладов. СПб., 2000. С. 53—57; *Глазов В. П., Иоаннисян О. М., Жервэ А. В.* Исследования во Владимире и Юрьеве-Польском. С. 55—57.

[193] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. С. 354—377.

володa? По всей видимости, его строительная артель была многосоставной. Скорее всего, в нее входили и мастера, вновь пришедшие во Владимир из той же Северной Италии (возможно, среди них были и те, кто за два-три десятилетия до этого принимал участие в строительстве Андрея Боголюбского), и какие-то новые мастера — особенно резчики, пришедшие также из Западной Европы. Стилистический анализ резьбы Дмитриевского собора и поиски ее аналогий в романских памятниках дают основание считать, что это были мастера из Западной Франции (Аквитании, Пуату, Ангумуа или Сентонжа)[194]. Вместе с тем необычная и для древнерусской, и для романской архитектуры, но типичная для византийских памятников Афона и Сербии композиция Рождественского собора с боковыми экседрами-певницами заставляет предполагать, что зодчий, руководивший строительством Рождественского собора, был хорошо знаком с архитектурой Афона конца XII — начала XIII в. Кем он был: древнерусским мастером, сербом, греком, итальянцем или происходил из западно-французских регионов, находившихся в это время уже под властью английской династии Плантагенетов, — на нынешнем уровне наших знаний сказать сложно.

Таким образом, мы видим, что до конца XII столетия тип закомарного храма, возникший в киевском зодчестве на основе усвоения и осмысления византийской традиции, продолжает оставаться канонич́ным и доминирующим, несмотря на индивидуальные и региональные особенности памятников, а также на усвоение древнерусским зодчеством ряда стилистических и конструктивных особенностей романской архитектуры. Интересно отметить и то обстоятельство, что случаи непосредственного участия византийских зодчих и мастеров-строителей в древнерусском архитектурно-строительном процессе в XII в. существенно сокращаются, а фактически сходят на нет, в то время как воздействие романской архитектуры заметно усиливается, что не приводит, однако, ни к полному разрыву с усвоенной еще в X—XI вв. византийской традицией, ни к растворению древнерусского зодчества в мире романской архитектуры.

Наиболее решительные шаги в сторону создания национальных форм древнерусской архитектуры были сделаны еще на рубеже XI—XII вв. в зодчестве Киева — в церкви Спаса на Берестове. В этом памятнике мы впервые сталкиваемся с композицией, в которой спокойный уравновешенный ритм завершения закомарного храма сменяется динамичным объемом с выраженным стремлением к вертикализму[195]. Но эта тенденция не получила дальнейшего развития в киевском зодчестве и уже во второй четверти XII в. оказалась вытесненной более архаизирующей, развивающей типологический вариант закомарного храма, хотя и в его «романизированной редакции». Однако полностью развитие тенденции, направленной на выработку национальных древнерусских форм, не прекратилось, а лишь отошло на периферию древнерусского архитектурного процесса с тем, чтобы на рубеже XII—XIII вв. стать основным магистральным путем развития всей древнерусской архитектуры.

Полоцкая школа. Таким «периферийным плацдармом» развития новых тенденций стала территория Западной Руси — Полоцкого княжества.

После возведения в Полоцке в середине XI столетия Софийского собора, памятника, построенного киевским зодчим и киевскими же мастерами, строительство в По-

[194] *Иоаннисян О. М.* К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории. М., 2007. С. 277—315.

[195] *Штендер Г. М.* Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове. С. 534—544.

лоцкой земле надолго прекращается, а мастера вновь возвращаются в Киев.

Попытка возобновить строительную деятельность в Полоцкой земле связана уже с Минском, где, по-видимому, во второй половине XI в. начинается строительство каменного храма[196]. По каким-то причинам оно не было завершено и свелось лишь к устройству фундамента и нижних рядов кладки. Судя по этим остаткам, строительная техника, в которой его начали возводить, представляла собой кладку из небольших, хорошо обработанных блоков камня. В XI—XII вв. такая техника, абсолютно не находящая себе аналогии ни на Руси, ни в Византии, была очень характерна для романской архитектуры Великопольши (Тум под Ленчицей, Рыбница, кафедральный собор в Познани)[197]. Это заставляет предполагать, что недостроенный храм в Минске начала возводить какая-то группа великопольских строителей. При этом весьма показательно, что в Минске, как и несколько десятилетий спустя в Перемышле, польские мастера начали строительство ставшего уже к этому времени основным для древнерусской архитектурной традиции храма типа вписанного креста. Однако храм в Минске построен так и не был, и великопольская строительная традиция так и не получила дальнейшего развития на Руси.

Когда же строительная деятельность в Полоцкой земле все же возобновилась (на сей раз это произошло уже в Витебске, по всей видимости, около 1130 г.), мы видим следы уже совершенно иной артели, иного зодчего и иной архитектурной традиции. И архитектурный тип единственного дошедшего до нас памятника древнерусской архитектуры в Витебске — церкви Благовещения[198], — и техника, в которой она возведена, достаточно определенно указывают на Балканы (Северную Грецию или Болгарию) как на источник архитектурно-строительной традиции, которой витебская церковь обязана своим происхождением. По-видимому, в это время в Витебске оказались какие-то провинциальные византийские мастера, которые и возвели церковь Благовещения.

Даже учитывая, что церковь Благовещения, возможно, была не единственным храмом такого типа в Витебске, балканская архитектурная и строительная традиции, которым она обязана своим происхождением, по всей видимости, продержались в Витебске недолго. Находки других не дошедших до нас древних храмов Витебска в дальнейшем, возможно, скорректируют это предположение, однако уже в конце 1130-х гг. в той же балканской строительной технике, что и церковь Благовещения в Витебске, был выстроен храм еще в одном городе Западной Руси — Борисоглебская церковь в Новогрудке[199]. П. А. Раппопорт, не сомневавшийся в том, что ее сооружала та же артель строителей, что до этого возвела и Благовещенскую церковь в Витебске, отмечал в то же время, что в Новогрудке она работала уже в ослабленном составе, на что указывает более небрежный характер ее кладки, и с другим зодчим, свидетельством чего является ее план, находящий себе аналогии в другой — киевской — архитектурной традиции[200].

Как мы уже видели, в конце первой трети XII в., после того как в Киеве была возве-

---

[196] *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 189—202.

[197] *Dąbrowska M.* Kamień // Historia kultury materialnej Polski w zarysie. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. S. 159.

[198] *Каргер М. К.* Церковь Благовещенья в Витебске // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 71—76; *Раппопорт П. А.* Церковь Благовещенья в Витебске // ПКНО. 1985. М., 1987. С. 522—528; *Седов Вл. В.* Материалы по архитектуре церкви Благовещения в Витебске // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 330—344.

[199] *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 79—85.

[200] *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 88.

дена новаторская по своим архитектурным формам, но традиционная по строительно-техническим параметрам церковь Спаса на Берестове, развитие старой, основанной на византийских корнях, традиции прекращается и сменяется новой строительно-технической и архитектурно-стилистической традицией, принесенной в Киев из Чернигова. Именно эта традиция на протяжении всего XII в. доминирует не только в Чернигове и Киеве, но и практически во всем древнерусском зодчестве. Однако развитие традиции, прекратившей свое существование в Киеве, не прерывается окончательно, а вместе с мастерами перемещается в другой древнерусский город — Полоцк. Происходит это, по всей видимости, в 1130-х гг.

В полоцком зодчестве, в таких памятниках, как Большой собор Бельчицкого монастыря и Церковь на рву, и происходит дальнейшее развитие тех поисков новых форм, которые были начаты еще в церкви Спаса на Берестове в Киеве[201]. Последующая же трансформация этих стилистических тенденций связана уже с такими полоцкими памятниками, как Церковь на детинце[202] и особенно Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря[203] и Спасский собор Евфросиньева монастыря[204] (вклейка, рис. 66). Именно в этих двух постройках был сделан дальнейший решительный шаг в сторону отрыва от византийских форм и разработки композиции башнеобразного храма. При этом показательно, что если в Большом соборе Бельчицкого монастыря зодчий и мастера еще довольно точно следуют киевской традиции, почти буквально повторяя как прототип церковь Спаса на Берестове, то уже в Церкви на рву, у которой, по-видимому, была только одна сильно выступающая апсида, они берут в качестве образца не киевский, а витебский храм — церковь Благовещения. В Церкви на детинце эти два типологических образца уже совмещаются, но затем в Борисоглебской церкви Бельчицкого монастыря и особенно в Спасском соборе Евфросиньева монастыря в качестве типологического источника планового решения уже целиком используется балканский по своему происхождению вариант витебской церкви. Но объемно-пространственное решение этих зданий уже ничего общего не имеет с тем, что мы можем увидеть в Витебске. И Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря, и Спасский собор Евфросиньева монастыря получают динамичное башнеобразное завершение, совершенно несвойственное ни архитектуре византийского круга, ни «романизирующему» направлению, которое в это время доминирует практически во всем древнерусском зодчестве (рис. 14).

При этом во второй половине XII в. в Бельчицком монастыре в Полоцке появляется и храм, в котором тенденция к поиску новых национальных форм в древнерусском зодчестве сочетается с использованием откровенно византийского типа храма с боковыми экседрами-апсидиолами, свой-

---

[201] *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII века. С. 142—161.

[202] *Каргер М. К.* К истории полоцкого зодчества XII в. // Новое в археологии: Сборник статей, посвященных 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972. С. 202—209.

[203] *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 14—17; *Раппопорт П. А.* Полоцкое зодчество XII века. С. 157.

[204] *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества: (Из истории зодчества периода феодальной раздробленности XI—XV вв.) // Ежегодник Института истории искусства. 1952. М., 1952. С. 260—269; *Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // ПКНО. 1979. М., 1980. С. 459—468; *Ракіцкі Ў.* Спасаўская царква пры старонынім асьвятленьні // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай землі. Полацк, 1998. С. 249—258; *Сарабьянов В. Д.* Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М., 2007.

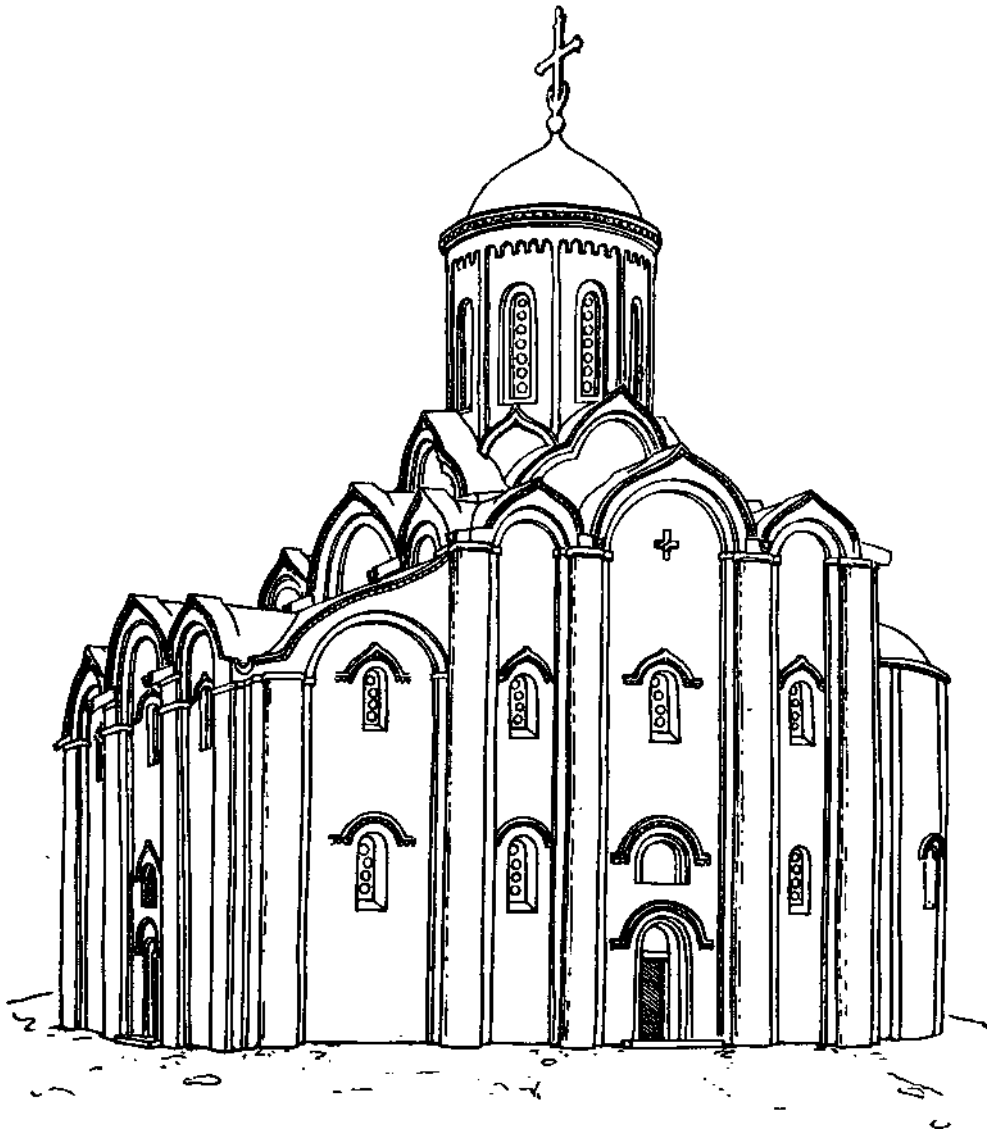


Рис. 14. Полоцк. Спасский собор Евфросиньевского монастыря. Середина XII в. Реконструкция (по: Раппопорт П. А., 1986. С. 85)

ственными архитектуре Афона[205]. К сожалению, этот храм до нас не дошел, археологически не исследован и известен только по весьма схематичному плану, выполненному в конце XVIII в., поэтому судить о том, как выглядела его объемно-пространственная композиция, практически невозможно.

В третьей четверти XII в. тенденция к созданию динамичных объемно-пространственных композиций робко начинает про-

[205] *Воронин Н. Н.* К истории полоцкого зодчества XII века // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 102—104; *Седов Вл. В.* Афон и русская архитектура начала XIII в. (причины влияния) // Архитектура в истории русской культуры. М., 1996. С. 39—45.

никать и в архитектуру киево-черниговской традиции на Волыни (храмы в Дорогобуже и Луцке)[206] и в Смоленске (церковь Василия на Смядыни)[207].

Гродненская школа. Очень своеобразная школа складывается в третьей четверти XII в. в самой западной земле Древней Руси, на берегах Немана, в Гродно[208] (вклейка, рис. 67). Возведенные здесь храмы (Нижняя церковь и Борисоглебская церковь на Коложе) демонстрируют знание их создателями архитектуры Северной Греции, о чем свидетельствуют и типологические особенности их плановой структуры — использование круглых столбов, имитирующих византийские колонны, применение глубоких пастофорных ниш в интерьере, заменяющих боковые апсиды, выраженные в объеме здания, кладки, имитирующей кладку opus mixtum, и, наконец, использование в фасадной декорации орнаментальных композиций, составленных из поливных керамических плиток и декоративных керамических блюд, вмонтированных в кладку стены (вклейка, рис. 68). Однако возводившие их зодчий и мастера не были византийцами. Еще Н. Н. Воронин довольно точно указал на то место, откуда они пришли в Гродно, — это была Волынь[209]. По всей видимости, зодчий, руководивший строительством гродненских храмов, был русским, проведшим долгое время в одном из греческих монастырей, и был хорошо знаком с архитектурой Греции, особенности которой он и имитировал в своих гродненских постройках.

Вместе с тем в зодчестве древнего Гродно мы можем отметить и следы знакомства с архитектурой соседней Польши — так, форма апсид Пречистенской церкви, остатки которой были раскопаны в Гродно И. М. Чернявским[210], свидетельствует о том, что гродненский зодчий был знаком и с архитектурой церквей ордена норбертанцев в Польше[211].

В конце XII в. почерк гродненских мастеров прослеживается уже в Киевской земле — в церкви Василия в Овруче, возведенной по заказу князя Рюрика Ростиславича[212]. Учитывая это, П. А. Раппопорт и О. А. Трусов высказали предположение, что в Гродно начинал свой творческий путь зодчий князя Рюрика Ростиславича Петр Милонег[213], для творчества которого характерны поиски новых архитектурных форм и разработка композиций башнеобразных храмов с динамичными вытянутыми вверх завершающими частями (церкви Василия в Овруче и Апостолов в Белгороде[214]). Если это так, то гродненские мастера, несмотря на явно читающиеся в их постройках черты провинциально-византийской традиции, не только не копировали буквально греческие прототипы, но, используя элементы, заимствованные из арсенала византийской архи-

---

[206] *Малевская М. В., Пескова А. А.* Древнерусская Успенская церковь в Дорогобуже Волынском. С. 57—60; *Малевская М. В.* Церковь Иоанна Богослова в Луцке — вновь открытый памятник архитектуры XII века. С. 9—35.

[207] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. С. 151—162.

[208] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. М., 1954. С. 78—148; *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. С. 128—132.

[209] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. С. 144.

[210] *Чернявский И. М.* Новый памятник гродненской архитектурной школы XII в. // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. С. 73—76.

[211] См.: *Иоаннисян О. М.* К истории польско-русских архитектурных связей в конце XI — начале XIII в. С. 215, 222.

[212] *Раппопорт П. А.* Церковь Василия в Овруче // Советская археология. 1972. № 1. С. 82—97.

[213] *Рапапорт П., Трусаў А.* Петр Міланег — гарадзенскі дойлід XII стагоддзя // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1987. № 4. С. 21—22.

[214] *Асєєв Ю. С.* Собор Апостолів у Білгороді // Образотворче мистецтво. 1970. № 1. С. 32—33.

тектуры, создавали храмы, архитектурный облик которых определялся объемно-пространственными решениями, совершенно не известными византийской архитектуре.

* * *

Таким образом, разработка национальных архитектурных форм, несвойственных ни византийской архитектуре, ни романской архитектуре Западной Европы, начинается еще на ранних этапах развития древнерусского зодчества — сперва в архитектуре Киева первой четверти XII в. (церковь Спаса на Берестове), затем вместе с киевскими мастерами перемещается в Полоцк, где в таких постройках, как Борисоглебская церковь на Бельчицах и собор Евфросиньева монастыря, делается решительный шаг к дальнейшему отрыву от византийской традиции, затем дает пока еще робкие импульсы в архитектуру Волыни и Смоленска, потом получает дальнейшее развитие в Гродно, где, однако, вновь проявляются элементы византийской архитектуры, использованные, впрочем, в контексте невизантийских архитектурных форм, и, наконец, уже в конце XII столетия вновь возвращается в киевское зодчество.

Конец XII — первая треть XIII в. Окончательная кристаллизация на Руси национального типа храма, отличающегося сложными композициями завершения зданий, происходит на рубеже XII—XIII вв. в зодчестве Чернигово-Северской земли (церковь Параскевы Пятницы в Чернигове[215] (вклейка, рис. 69, 70), собор в Новгороде Северском, храм в Путивле[216]) и Смоленска (церковь Архангела Михаила[217] (вклейка, рис. 71), собор Троицкого монастыря на Кловке, церковь на Малой Рачевке, церковь у устья реки Чуриловки, церковь на Воскресенской горе, собор Спасского монастыря у деревни Чернушки, Пятницкая церковь[218]). При этом в Чернигово-Северской земле появляются храмы, в которых явно заимствован афонский образец храма с боковыми экседрами (собор в Новгороде Северском и церковь в Путивле), а в Смоленске появляется группа храмов, форма плоских апсид которых, по-видимому, свидетельствует о знакомстве их зодчего с архитектурой Гродно (церковь на Большой Краснофлотской улице, церковь на Окопном кладбище, собор на Протоке[219]). Однако и храмы в Новгороде Северском и Путивле, тип которых заимствован из архитектуры Афона, и смоленские храмы с плоскими апсидами по своей богатой пластической разработке фасадов, яркой декоративности внешнего облика и объемно-пространственной композиции, в которой доминируют динамичные устремленные вверх формы и проявляется тяга к башнеобразности силуэта здания, принадлежат уже к новому стилистическому направлению в зодчестве Древней Руси, которое в конце XII — первой трети XIII в. охватывает все школы древнерусского зодчества.

Если доминирующей тенденцией развития архитектурного типа в древнерусском

---

[215] *Холостенко Н. В.* Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове // Советская археология. 1956. Т. 25. С. 271—292; *Торшин Е. Н.* Церковь Параскевы-Пятницы в Чернигове и древнерусское зодчество рубежа XII—XIII вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб., 1999. С. 55—59.

[216] *Холостенко Н. В.* Исследование памятника XII века в г. Новгород-Северске // Сборник сообщений института «Киевпроект». № 1—2. Киев, 1958. С. 34—43; *Большаков Л. Н., Коваленко В. П., Раппопорт П. А.* Новые данные о памятниках древнего зодчества Чернигова и Новгорода-Северского // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 52—53; *Богусевич В. А.* Розкопки в Путивльскому кремлі // Археологія. 1963. Т. 15. С. 165—174.

[217] *Подъяпольский С. С.* Церковь Архангела Михаила // Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. С. 163—195; *Каменева Т. Е., Подъяпольский С. С.* Реставрация церкви Михаила Архангела в Смоленске // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 4. М., 2001. С. 44—55.

[218] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. С. 196—329.

[219] Там же. С. 280—329.

зодчестве XII в. было развитие закомарного храма, то XIII век показывает безраздельное господство уже новой архитектурной традиции, связанной с развитием башнеобразного типа с острой динамичной композицией и ярко выраженным стремлением к вертикализму объемов и центричности плановой структуры. Начиная с конца XII столетия древнерусская архитектура окончательно отрывается от византийской традиции и активно развивает совершенно неизвестный в Византии тип башнеобразного храма. В процесс разработки и развития национального типа храма с повышенными конструкциями верхних частей с рубежа XII—XIII вв. оказываются включенными все школы древнерусской архитектуры без исключения, но в каждой из них эта задача решалась различными путями[220].

В киево-черниговском зодчестве рубежа XII—XIII вв. эта задача была решена с помощью повышенных подпружных арок, то есть такой конструкции завершения здания, при которой арки, соединяющие подкупольные столбы и поддерживающие барабан купола, расположены не ниже примыкающих к ним сводов ветвей креста, как обычно, а выше. Таким образом, барабан купола высоко поднимается над сводами храма. Снаружи повышенные подпружные арки образуют второй ярус закомар, уже чисто декоративных, которые служат единственной цели — зрительно завершить стремительно взлетающую ввысь композицию башнеобразного объема здания. В смоленском зодчестве подобный же эффект достигался применением системы не повышенных, а, наоборот, пониженных подпружных арок. И в той и в другой школе сложная композиция постепенно повышающихся к центру здания объемов притворов (в смоленской), боковых апсидиол (в киево-черниговской), апсиды и основного ядра, увенчанного куполом на высоком пьедестале, придавала силуэту здания ступенчатость, еще более подчеркивающую общий вертикализм композиции.

Не совсем ясен характер завершения белокаменных построек Северо-Восточной Руси, возведенных в первой трети XIII в. (Успенский собор в Ростове[221], церкви Спаса и Михаила Архангела в Нижнем Новгороде[222], Рождественский собор в Суздале[223] и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском[224] (рис. 15)), однако сам факт существования таких завершений у этих зданий не вызывает сомнения. Плинфяные же постройки Северо-Востока (Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире[225], Спасский собор и церковь Входа в Иерусалим в Ярославле[226] (рис. 16)), самим своим происхождением обязанные киево-черниговскому зодчеству, имели характер композиции, аналогичный таким памятникам, как церковь Василия в Овруче или Пятницкая церковь в Чернигове.

В очень интересной форме проявился этот процесс в галицком зодчестве рубежа XII—XIII вв. Здесь общая для всего древ-

---

[220] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII—XIII веков. С. 12—29.

[221] *Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н.* Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом. С. 208—212.

[222] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 2: XIII—XV столетия. М., 1962. С. 43—54.

[223] Там же. С. 19—42.

[224] Там же. С. 68—107; *Вагнер Г. К.* Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966. С. 9—17; *Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М.* Архитектурно-археологические исследования собора в Суздале и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. С. 62—63.

[225] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. С. 438—445; *Столетов И. А.* Результаты исследования памятника архитектуры XIII—XVI вв. Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976. С. 88—94.

[226] *Иоаннисян О. М.* Комплекс древнейших построек Спасского монастыря в Ярославле // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 199—228.

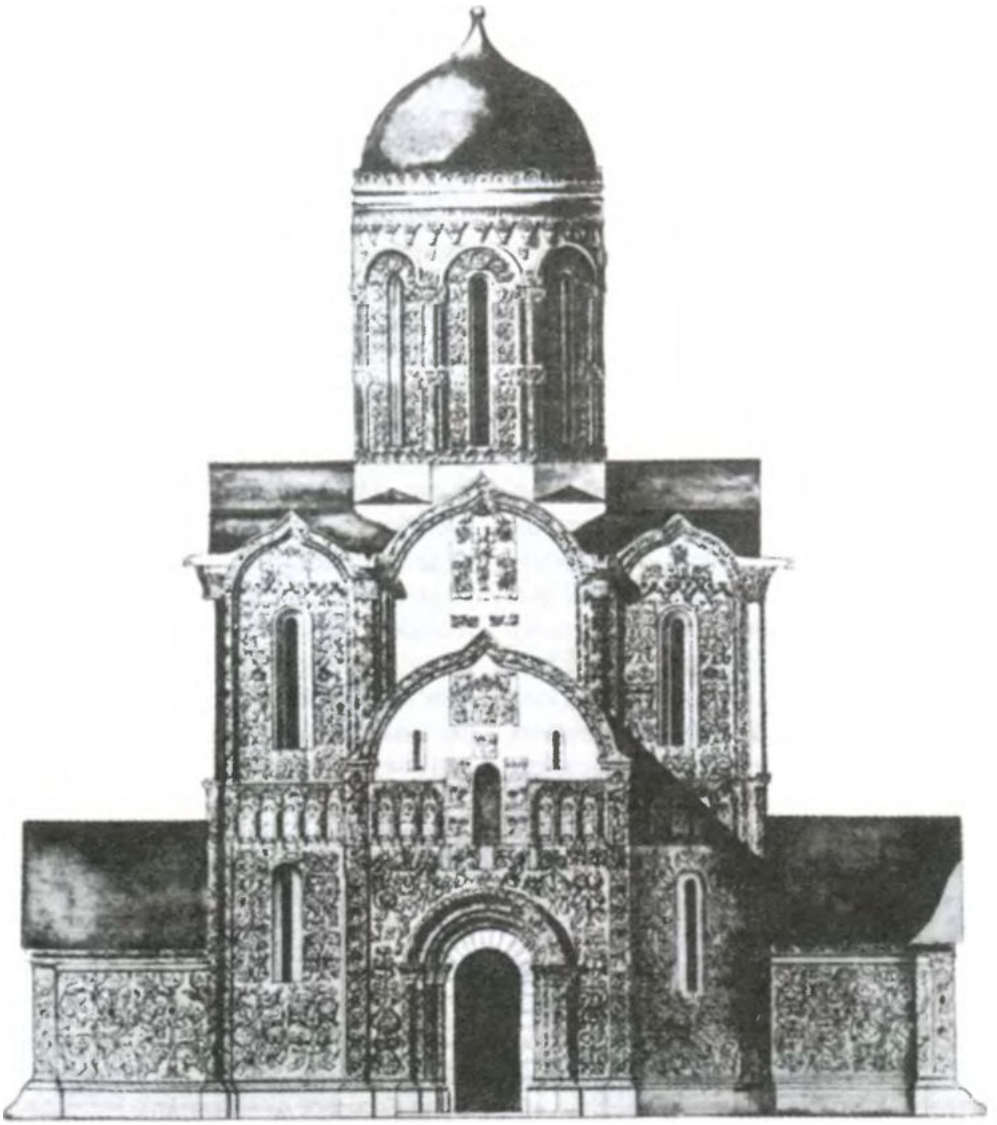


Рис. 15. Юрьев-Польской. Георгиевский собор. 1234 г. Реконструкция (по: Раппопорт П. А., 1982. Рис. 14)

нерусского зодчества этого периода задача создания храма с повышенной композицией была решена на основе применения сложных подкупольных опор[227] — конструкции, заимствованной из арсенала позднероманской и раннеготической архитектуры (церковь Пантелеимона в Галиче (вклейка, рис. 72), каменный храм в Василеве на Днестре (рис. 17) и церковь Иоанна Златоуста в Холме[228]).

Наиболее консервативным центром в области разработки новых архитектурных

[227] *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества. С. 50—58.

[228] *Могытыч И. Р.* Результаты исследования церкви Пантелеймона близ Галича // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 65—70; *Логвин Г. Н., Тимощук Б. А.* Белокаменный храм XII века в Василеве // Памятники культуры: Исследования и реставрация. Вып. 3. М., 1961. С. 37—50; *Иоаннисян О. М.* Белокаменная декоративная пластика в галицком зодчестве XII — первой половины XIII века. С. 21.

Рис. 16. Ярославль. Спасский собор и церковь Входа в Иерусалим. 1216—1224 гг. Реконструкция

форм оказался Новгород. Так, построенные в самом конце XII в. церковь Спаса на Нередице[229], церковь Ильи на Славне[230] и возведенная уже в начале XIII столетия церковь Пантелеимона[231] еще полностью лежат в русле старой архитектурной традиции. Еще более архаично, судя по всему, должен был выглядеть построенный одновременно с Нередицей Спасо-Преображенский собор в Старой Руссе[232]. Однако появление на новгородской почве памятника, возведенного смоленскими мастерами и несущего все признаки новых динамичных форм, разрабатываемых в это время в смоленском зодчестве, — церкви Параскевы Пятницы на Торгу[233] (рис. 18) — не могло не сказаться на дальнейшем развитии новгородской архитектуры. Примером этого является

[229] Библиографию работ см.: *Пивоварова Н. В.* Список трудов, посвященных церкви Спаса Преображения и Нередицкому монастырю // НИС. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 378—387.

[230] *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества. С. 194; *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Ровесница церкви Спаса на Нередице: (Церковь Ильи на Славне: История строительства и предварительные исследования). С. 83—94.

[231] *Раппопорт П. А.* Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 79—82.

[232] *Ядрышников В. А.* Архитектура Старой Руссы XII — начала XX века. М.; СПб., 2010. С. 173—179.

[233] *Гладенко Г. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований. С. 201—214; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. С. 348—353.

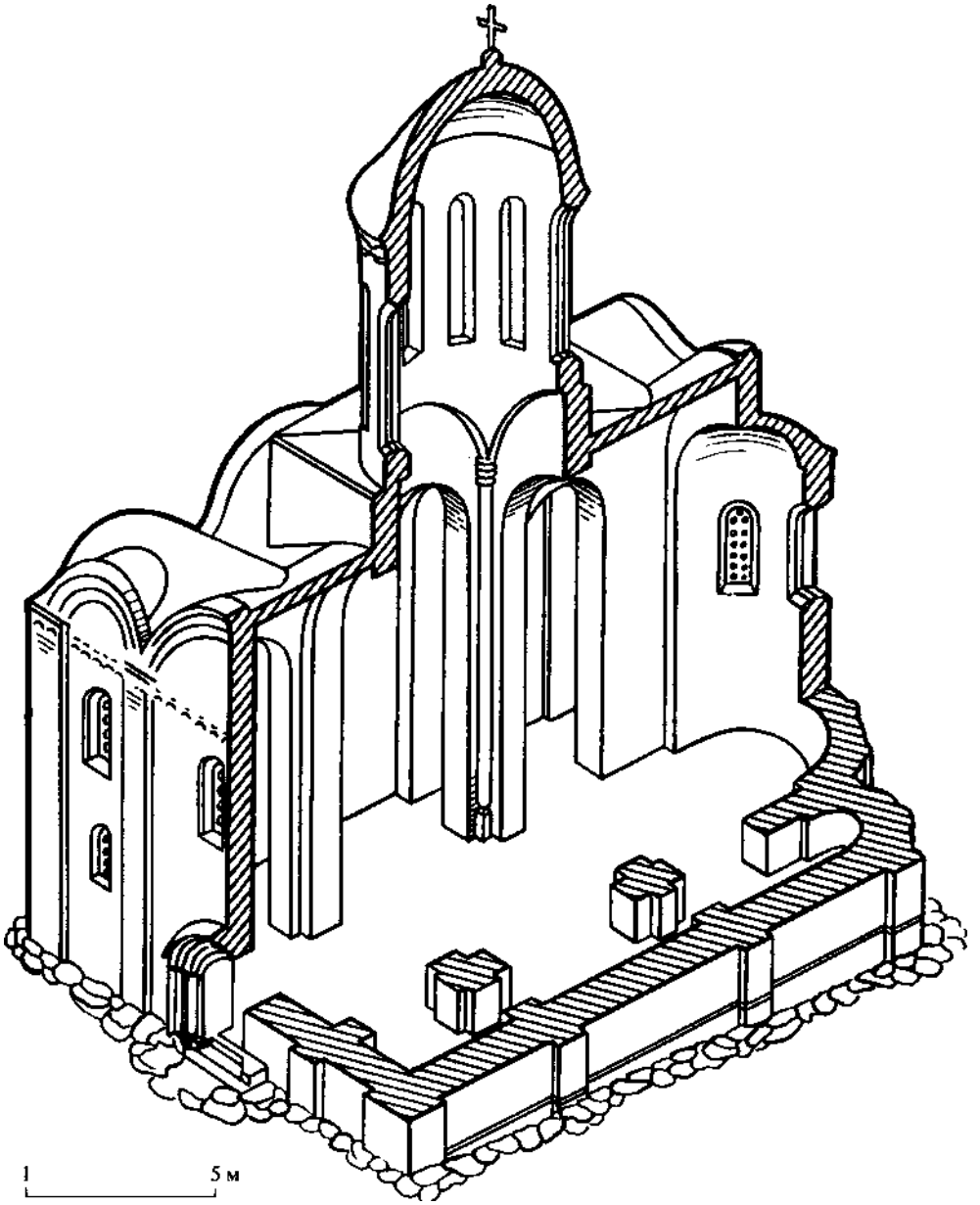


Рис. 17. Василев на Днестре (Черновицкая обл., Украина). Каменный храм. 1-я половина XIII в. Реконструкция (по: Логвин Г. Н., Тимощук Б. А., 1961)

возведенная в первой четверти XIII в. церковь Рождества Богородицы в Перынском скиту[234] (вклейка, рис. 73), где, несмотря на традиционные для новгородского зодчества лаконизм и простоту довольно статического кубического объема, появляется трехлопастное завершение фасадов, явно навеянное башнеобразным завершением Пятницкой церкви. Церковь Параскевы Пятницы была не единственным храмом,

[234] *Каинельсон Р.* Древняя церковь в Перынском скиту близ Новгорода // Архитектурное наследство. Вып. 2. М., 1952. С. 69—85.

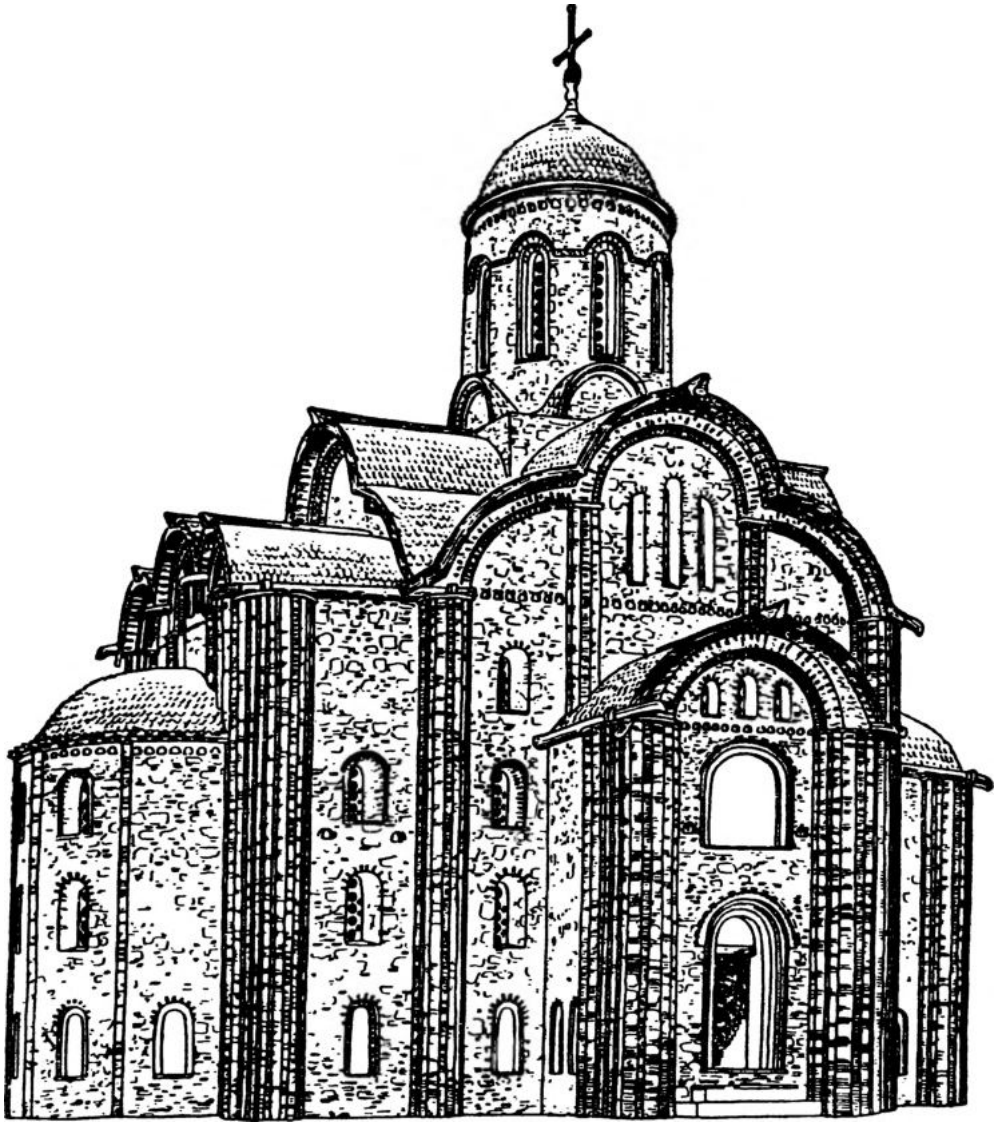


Рис. 18. Новгород. Церковь Параскевы Пятницы на Торгу. 1207 г. Реконструкция (по: Раппопорт П. А., 1986. С. 127)

возведенным в Новгороде под руководством смоленского зодчего. Недавние исследования показали, что какой-то смолянин возвел в Новгороде и церковь Михаила Архангела на Прусской улице[235]. Однако весьма показательно, что консервативные новгородские заказчики выбрали для этого храма более упрощенный вариант смоленского башнеобразного храма, в композиции которого отсутствовала игра центрически повышающимися разнообъемными композициями, как это было в Пятницкой церкви. Правда, есть основания предполагать, что еще один храм, близкий по композиции Пятницкой церкви, в Новгороде все же был возведен — судя по описанию в письмен-

[235] *Булкин В. А.* Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. С. 377—392.

ных источниках, трехпритворную композицию могла иметь построенная в 1224 г. церковь Павла Исповедника в Славенском конце, однако полная неисследованность этого не дошедшего до нас памятника не дает возможности превратить эти предположения в уверенность.

Другая характерная особенность архитектурного процесса на Руси в первой половине XIII в. — это дальнейшее расширение географии и интенсивности строительства: каменные храмы появляются уже не только в крупнейших столицах земель, но и в мелких уделах — на архитектурной карте Руси наряду с Киевом, Новгородом, Ладогой, Полоцком, Смоленском, Черниговом, Галичем, Гродно, Владимиром, Владимиром Волынским появляются Новгород Северский, Путивль, Трубчевск, Карачев, Рославль, Василев на Днестре, Львов, Холм, Торжок, Ярославль и, возможно, другие центры, памятники в которых еще предстоит выявить. Недавнее открытие остатков домонгольского храма в Карачеве подтверждает эти надежды[236]. Мощная строительная организация, в составе которой действуют по крайней мере две строительные артели, существует в Смоленске, необычайной интенсивности достигает строительство в Новгороде, где действуют, по всей видимости, несколько артелей, позволяющих вести одновременное строительство, причем в очень сжатые сроки (всего за один сезон), очень большого количества храмов.

Однако при такой насыщенной строительной деятельности в различных древнерусских землях в первой половине XIII в. и при всем своеобразии архитектурных школ для зодчества этого времени характерна еще одна тенденция, существенно отличная от тенденции архитектурного развития XII в. Если в XII столетии в древнерусском зодчестве шел интенсивный процесс возникновения самостоятельных архитектурно-художественных школ, то в XIII в. при сохранении и даже дальнейшем углублении этого процесса начинается процесс их активной интеграции[237]. Так, сложение новых форм в смоленском зодчестве произошло не без участия полоцких мастеров, а в киево-черниговском — гродненских. Смоленские мастера также оказали существенное влияние на появление новых архитектурных форм в Новгороде и внесли свой вклад в развитие киево-черниговского зодчества, а оно, в свою очередь, уже обогащенное традициями и гродненского, и полоцкого, и смоленского зодчества, послужило толчком к появлению и развитию новых форм в архитектуре Владимиро-Суздальского и Ростово-Ярославского княжеств, в творчестве работавшей здесь артели киевских мастеров, строивших из плинфы, и, наконец, плинфяная традиция, сложившаяся во Владимире, Ростове и Ярославле, послужила основой для освоения новых форм в белокаменном зодчестве Северо-Востока (Нижний Новгород, Суздаль, Юрьев-Польский).

В 1238—1241 гг. блестящий расцвет древнерусского зодчества был прерван на долгие десятилетия жестоким разгромом монгольского нашествия. В условиях полного прекращения строительной деятельности даже те немногие кадры мастеров-строителей, которые еще сохранились в огне татарских погромов, должны были утратить свои организации — артели, и поэтому, когда строительная деятельность на Руси начала возобновляться, все пришлось начинать практически сначала. О том, что это было именно так, свидетельствует и

[236] *Миненко В. В., Яганов А. В.* Охранно-спасательные исследования остатков храма XII—XIII вв. на территории «Карачевской крепости XII—XVII вв.» в городе Карачев Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году. Гомель, 2013. С. 120—126.

[237] *Раппопорт П. А., Иоаннисян О. М.* О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Студеница и византијска уметност око 1200. Године / Научни скупови Српске академије наука и уметности. Кн. 41. Оделење историјских наука. Кн. 11. Београд, 1988. С. 287—294.

полная смена строительной техники — в кирпичном строительстве Руси после монгольского завоевания на смену плинфе повсеместно приходит брусковый кирпич, а в белокаменном существенно меняется формат квадров и характер забутовки. Однако если мы обратимся к архитектурным формам, то увидим, что они продолжают именно ту тенденцию развития, которая стала определяющей и генеральной именно в XIII в., — тенденцию развития национального типа храма с ярко выраженным стремлением к созданию динамичной башнеобразной композиции.

Живопись, скульптура, декоративное искусство

XI — начало XII в. *Скульптура.* Развитие древнерусского пластического искусства со времени принятия Русью христианства тесно связано с церковными постройками, в основном осуществленными князьями. Десятинная церковь Богородицы в Киеве, возведенная князем Владимиром после 989 г. и освященная в 996 г., не сохранилась, и от ее скульптурного декора уцелели лишь немногие детали и отдельные фрагменты мраморной резьбы, не дающие оснований для общих выводов[238]. В частности, открытым остается вопрос о вторичном использовании раннесредневековых рельефов из крымских сооружений. Вместе с тем становится очевидным следование византийской художественной традиции, оформившейся в архитектурной пластике Константинополя и других крупных культурных центров на рубеже X—XI вв.[239] Резьба по камню была трудным видом художественного ремесла, которым владели преимущественно греческие мастера. Но и среди них виртуозно владевшие резцом заметно выделяются даже в пределах одной мастерской. Это может служить ответом на возникающий вопрос об ограниченном объеме русской каменной резьбы XI — начала XII в.

Привезенные мраморные детали скульптурного убранства интерьера даже наиболее богатых древнерусских храмов, таких как Софийский собор в Киеве, не могли быть многочисленными. На это косвенно указывают археологические находки[240]. Основным материалом, использованным для художественной резьбы, все же служил красный шифер (пирофилитовый сланец), месторождения которого расположены близ Овруча, сравнительно недалеко от Киева. Резьба по шиферу осуществляется на Руси начиная со второй четверти XI в., о чем свидетельствуют орнаментальные композиции, украшающие плиты парапетов хор Спасо-Преображенского собора в Чернигове и Софийского собора в Киеве.

Черниговская группа представлена шестью рельефами, но первоначально их было больше. Живописный характер низкой рельефной резьбы свидетельствует о тонком восприятии декоративных мотивов, наиболее характерных для заставок рукописных книг. Орнаментальная композиция этих плит близка византийской. Ее схема представляет вписанный в прямоугольное пространство ромб, контурная лента которого образует своими перевивами небольшие петли-медальоны с крестиками, звездами и «вертушками», а в середину ромба вписан крупный круглый медальон с такими же мотивами символического характера,

[238] Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення. Київ, 1996.

[239] См.: *Grabar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IVe—Xe siècle). Paris, 1963; *Idem.* Sculptures byzantines de Moyen Age. II. (XIe—XIVe siècle). Paris, 1976.

[240] *Нельговский Ю. А.* Мраморы Софии Киевской // София Киевская: Материалы исследований. Киев, 1973. С. 56—61; *Архипова Е. А.* Резной камень в архитектуре древнего Киева (конец X — первая половина XIII в.). Киев, 2005.

причем иногда — с двумя меньшими дополнительными, плотно заполняющими плоскость. Этот в целом ограниченный набор мотивов вследствие умелого их комбинирования оставляет впечатление удивительного разнообразия, и в конечном итоге все зависит от пропорций в построении схемы, от необходимости включения в нее дополнительных элементов. Близость вариантов не исключает оригинальных черт каждого из них. Принципиальные византийские аналоги композициям можно обнаружить в рельефах лавры Св. Афанасия на Афоне, в Никосии на Кипре и в Дафни[241].

Более разнообразный орнаментальный репертуар отличает шиферную резьбу Софийского собора в Киеве. В основу ее классификации может быть положено распределение по типам композиции: с централизованным и нецентрализованным орнаментом. К первой группе относятся рельефы с ромбом как главным мотивом, ко второй — не имеющие ромба и отдающие предпочтение кругу, а также с преобладающим волнистым округлым плетением либо с четырехугольными рамками. Особое место занимает плита, которая имеет мотив шестилепесткового цветка, сливающегося один с другим, как в народной деревянной резьбе, в частности восточнохристианского происхождения. Ромб как один из основных элементов византийского орнаментального рельефа встречается довольно рано, когда еще преобладает геометризация форм, и только в IX—X вв. появляются введенные в ромб плетения, благодаря чему общий строй приближается к киевскому варианту, аналогичному тому, что характерен для рельефов церкви монастыря в Дафни[242]. Имели место и примитивные ремесленные подражания высоким образцам.

Примечательным явлением надо признать обращение в Киеве в XI в. к сюжетным каменным рельефам[243]. Наиболее известны хранящиеся в Киево-Печерской лавре шиферные плиты с изображениями Геракла со львом и Триумфа Диониса. Установлено, что образцами послужили накладки слоновой кости византийских ларцов, подобные сохранившимся во Флоренции, Ареццо, Венеции и Лондоне[244]. Резчики упомянутых рельефных плит могли воспроизвести лишь с явными упрощениями композицию своих изысканных оригиналов, но оказались не в состоянии повторить их классицирующие художественные формы. В результате появились провинциальные реплики, важность которых в том, что они отражают стремление киевских заказчиков к усвоению не только сакрального, но и светского искусства Византии с языческой тематикой, успевшей получить новое истолкование.

В профессионально-качественном отношении значительно выше два шиферных рельефа с парными изображениями святых всадников, найденные в ограде Михайловского монастыря в Киеве и составляющие единую группу с обнаруженным в 1997 г. подобным скульптурным изображением св. Евстафия Плакиды с той же террито-

[241] *Коваленко В., Пуцко В.* Кам'яне різьблення в Чернігівському Спасі // Чернігівські старожитності. Збірник наукових праць. Вип. 1 (4). Чернігів, 2012. С. 79—84.

[242] *Пуцко В.* Шиферные рельефы парапетов хор Софии Киевской // Музеј на Македонија археолошки, етнолошки и историски: Зборник. Нов. сер. Бр. 1. Скопје, 1993. С. 61—75; *Он же.* Орнаментальна композиція в давньокіївському кам'яному різьбленні // Родовід. Наукові записки до історії культури України. Ч. 18—19. Київ, 2002. С. 47—57.

[243] *Пуцко В. Г.* Шиферные рельефы в лапидарии Софии Киевской // Советская археология. 1984. № 1. С. 210—219.

[244] *Даркевич В. П.* О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре // Славяне и Русь: Сборник статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова. М., 1968. С. 410—419; *Радојчић С.* Кијевски рељефи Диониса, Херакла и светих ратника // Старинар. Нов. сер. Књ. 20. Београд, 1970. С. 331—337; *Weitzmann K.* Ivory Sculpture of the Macedonian Renaissance // Kolloquium über spätantike und frühmittelalterliche Sculptur. Bd. 2. Mainz, 1970. S. 7—8. Taf. 12.

рии[245]. Вероятнее всего, они были предназначены для помещения над входными дверьми монастырского соборного храма, существовавшего на южной стороне Михайловской горы Дмитриевского монастыря (вклейка, рис. 74). Изображения едущих навстречу друг другу святых всадников наиболее характерны для архитектурной пластики христианского Востока, в частности для грузинских храмов X—XI вв. Пластическая характеристика киевских рельефов, скорее, может быть сближена с произведениями солунского круга. В резьбе при этом отчетливо проявились индивидуальные манеры мастеров и в определенной мере сказались воздействия более ранних образцов, отличавшихся архаикой. В то же время оказываются налицо признаки оригинального художественного направления с его локальными традициями. При этом вряд ли можно говорить о становлении местной мастерской, продукция которой прослеживалась бы в ряде иных случаев. Обнаруженные при исследовании руин Успенского собора Печерского монастыря, построенного около 1077 г., фрагменты рельефов с изображением всадника и с орнаментальным мотивом довольно близки предыдущим. И если учесть, что здесь трудились греческие зодчие, то происхождение архитектурной пластики логично связать с работой той же константинопольской строительной артели.

Возведенный около 1115—1123 гг. Борисоглебский собор в Чернигове — уже с полуколонками фасадов, украшенными резными белокаменными капителями. Однако стиль резьбы обнаруживает заметное сходство с романским[246]. Здесь также различимы несколько индивидуальных манер, с упрощенным и испещренным графической линией и, напротив, с хорошо моделированным рельефом. Это наиболее ранний известный пример включения романской пластики в оформление русского храма. Обозначенное направление позже не исчезает, но находит различное выражение в зодчестве разных регионов Руси: в Рязани, Галиче и Владимире-на-Клязьме.

Монументальная живопись. Ансамбль византийской монументальной живописи, украшающей интерьер храма, в котором она достигла наибольших высот, имеет свой классический период, хронологически укладывающийся между концом IX и концом XI в. Он представляет последовательно составленную структуру и иконографическую схему, с ограниченным набором сюжетов. Основной является христологическая тема. Византийский храм — образ космоса, символически воспроизводящий небо, рай и земной мир, формируя упорядоченную иерархическую систему, простирающуюся от купольной сферы до земной зоны.

Эта константинопольская система церковной росписи сложилась во второй половине IX в. Ее иконографическую программу ярко охарактеризовал патриарх Фотий в X гомилии, произнесенной между 858 и 865 гг., в которой храм предстает как «другое небо», где царит Христос, изображение которого украшает медальон купола. Далее Фотий упоминает представленную в апсиде Богоматерь Оранту и многочисленные изображения патриархов, пророков, апостолов и мучеников. О появлении развернутого евангельского цикла говорят другие авторы, в том числе император Лев VI (886—912). Простенки барабана купола имеют изображения пророков или апостолов. Такие образы становятся обязательными для византийских церковных стенописей, и с конца X в. соответственно определяют тематику русской монументаль-

[245] *Пуцко В.* Киевские рельефы святых всадников // Старинар. Нов. сер. Кн. 27. Београд, 1977. С. 111—124; *Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г.* Киевский каменный рельеф с изображением Евстафия Плакиды // Российская археология. 2000. № 4. С. 160—167.

[246] *Холостенко Н.* Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси (рельефы Борисоглебского собора в Чернигове) // Искусство. 1951. № 3. С. 84—91.

ной живописи, выполненной, как правило, с привлечением греческих мастеров. Древнейший цикл украшал Десятинную церковь Богородицы в Киеве, но он погиб при разрушении храма в 1240 г. Обнаружены лишь небольшие фрагменты фресок, стиль которых, при архаической манере письма, все же можно считать классицирующим[247]. Стенные мозаики сочетались с фресками, что не характерно для Византии. Между тем это прослеживается в декоре нескольких киевских храмов XI — начала XII в., представляя местную особенность декора.

Более широкое представление о киевской монументальной живописи дают выполненные во второй четверти XI в. мозаики и фрески Софийского собора, сооруженного князем Ярославом Мудрым. Мозаики украшают лишь верхние части подкупольного пространства и главный алтарь, в росписи которого особенно выделяется крупная фигура Богоматери Оранты, впечатляющая своей монументальностью (вклейка, рис. 75). Она, как олицетворяющая Церковь земную, композиционно связана с полуфигурным изображением Христа Пантократора в куполе, окруженным четырьмя архангелами в богато украшенных камнями и жемчугом императорских парадных одеяниях, составляющими небесную стражу. Уцелела́ лишь одна фигура, как и единственное наполовину сохранившееся изображение апостола Павла из числа некогда расположенных между окнами барабана. На парусах были изображены сидящие евангелисты, что отвечало осмыслению их фигур на несущих купол столбах как столпов евангельского учения. На триумфальной арке в трех медальонах деисусная композиция с погрудными изображениями Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи, напоминавшая о Страшном суде и заступничестве перед Христом за человеческий род. Столбы триумфальной арки украшают фигуры архангела Гавриила и Девы Марии, образующие сцену Благовещения. Над подпружными арками, восточной и западной, размещены медальоны с образами Христа (в редко встречающемся типе священника) и Богоматери. Поддерживающие купол арки имеют медальоны с бюстами сорока севастийских мучеников. В алтарной апсиде, ниже фигуры Богоматери Оранты, расположена многофигурная композиция Евхаристии, тесно связанная с основным литургическим действием, дополненная фигурами первосвященников Аарона и Мельхиседека, рассматриваемых как ветхозаветные прообразы священнического сана Христа. Нижний ряд составляют фигуры восьми святителей и двух архидиаконов, как устроителей земной Церкви. Обрамление конхи, боковые части апсиды, ее горизонтальные пояса, оконные проемы и грани восточной подпружной арки декорированы орнаментами с цветочно-лиственными и геометрическими мотивами, заимствованными из греческих иллюминованных рукописей, преимущественно константинопольского происхождения. Техника исполнения софийских мозаик, с грунтом в три слоя, мало чем отличается от константинопольских, также набранных из мелких кубиков прямоугольной формы. В колорите преобладают синие, пурпуровые и светло-серые тона. Принято считать, что в исполнении мозаик принимало участие не менее восьми мозаичистов[248].

Иконографическая программа мозаических росписей Софийского собора в Киеве имеет много общего со стенописями современных им греческих храмов, но вместе с тем обнаруживает и заметные отличия. Последние наиболее наглядно проявляются при сопоставлении киевских мозаик с фресками середины XI в., представляющими тематические циклы в алтарном простран-

[247] *Сычев Н.* Древнейший фрагмент русско-византийской живописи // Seminarium Kondakovianum. T. 2. Prague, 1928. S. 91—104.

[248] Подробнее см.: *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960.

стве охридского кафедрального храма — Св. Софии, где нашли отражение богословские споры того времени, участником которых был заказчик данных фресок, глава Охридской архиепископии Лев. Явно по его инициативе в святительский ряд были включены фигуры константинопольских, александрийских, антиохийских и иерусалимских патриархов, малоазийских епископов, римских пап, кипрских архиепископов и, конечно, Климента Охридского[249]. В киевских мозаиках Софийского собора надо особо отметить включение изображений, относящихся к доиконоборческому периоду, знание которых русскими христианами предполагалось как обязательное, наряду с новыми достижениями богословской мысли и сакрального искусства Византии[250].

Огромное пятинефное пространство, с галереями и обширными хорами, а также угловыми башнями, в Софийском соборе преимущественно украшено фресками, расположение которых рассчитано на круговое движение зрителя, что обусловлено планом центрально-купольной постройки и характером литургического действия вокруг находившегося в центре подкупольного пространства амвона[251]. Иконографическая программа фресковых росписей содержит евангельский цикл. Жертвенник украшен сценами из жизни апостола Петра. В апсиде диаконника помещен протоевангельский цикл, в связи с нахождением здесь придела, посвященного Иоакиму и Анне. Сюжеты росписей двух крайних приделов связаны с их посвящением св. Георгию и архангелу Михаилу, покровителю князей и воинов. Георгиевский цикл имеет ярко выраженный патрональный характер: святой воин был небесным покровителем князя Ярослава Мудрого, строителя собора. Интересны многочисленные единоличные изображения отдельных святых, находящие типологические и стилистические параллели в миниатюрах византийских рукописей, которые и могли служить непосредственными образцами. Исключительный интерес представляет частично сохранившийся групповой портрет семейства Ярослава, расположенный на западной стене центрального нефа и на прилегающих к ней южной и северной стенах. Его средняя часть реконструирована в различных вариантах на основании копии с зарисовки 1651 г. и, в сущности, остается дискуссионной. Светский характер росписи юго-западной башни, с константинопольскими дворцовыми сценами, а также охотничьими, и северо-западной — с подобными сюжетами из византийской придворной жизни и киевского быта, вызывает неоднозначную трактовку. При этом неоспоримой остается уникальность фресок, показывающая, что в духовной культуре того времени между сакральным и светским течениями, как входившими в единый контекст, не существовало больших различий. В этом особенно убеждает византийская императорская иконография[252].

Начальный период истории русской монументальной живописи даже при существовании немногих сохранившихся ее образцов воспринимается как обязанный различным источникам, столичным и провинциальным. Если роль Константинополя не подлежит сомнению, то не столь безусловно признается участие солунских мастеров в выполнении киевских фресок, хотя в пользу этого существуют определенные аргументы, такие как включение в иконо-

[249] *Радојчић С.* Прилози за историју најстаријег охридског сликарства // Зборник радова Византолошког института. Књ. VIII, 1. Београд, 1964. С. 355—382.

[250] *Пуцко В.* Доиконоборачки модели у византијском живопису XI века — Охрид и Кијев // Богословље. Год. XXV. Београд, 1981. С. 79—87.

[251] Подробнее об этих и следующих циклах стенописей см.: *Лазарев В. Н.* Древнерусские мозаики и фрески. XI—XV вв. М., 1973.

[252] *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000.

графическую программу софийских стенописей изображений святых, почитание которых в Македонии носило локальный характер. Трудно вписать в круг столичных произведений и относящееся к 1040-м гг. изображение св. Феклы в Спасо-Преображенском соборе в Чернигове. Стенописи второй половины XI в. на Руси почти отсутствуют. Ничего не сохранилось из мозаик и фресок, украсивших в 1080-х гг. Успенский собор Печерского монастыря. Возможно, они обнаруживали черты сходства с датируемыми тем же временем фрагментами Страшного суда Михайловского собора Выдубицкого монастыря. Судя по обнаруженным фрагментам, высоким профессиональным уровнем отличались выполненные в конце XI в. фрески церкви на Кудрявце в Кияновском переулке в Киеве. Рубежом XI—XII вв. можно датировать фрески уцелевшей алтарной части небольшой Михайловской церкви в Остре, представляющие собой своего рода реплику софийских в Киеве, с неизбежными упрощениями[253].

Другие известные киевские стенописи относятся уже к началу XII в. Наиболее значительными среди них надо считать датируемые 1113 г. мозаики собора Михайловского Златоверхого монастыря, украшавшие его алтарное пространство. Это композиция Евхаристии, с ее торжественным и размеренным характером и разнообразными позами и жестами апостолов, с удлиненными пропорциями фигур, и фронтальные изображения в рост апостолов, архидиакона Стефана, Димитрия Солунского[254]. В их стилистической характеристике много общего с мозаиками кафоликона монастыря Дафни, которые являются рафинированным образцом константинопольского искусства. Следует отметить, что в верхней части Евхаристии помещена славянская литургическая надпись, единственная известная среди мозаик византийского круга. По стилю мало чем отличаются и сохранившиеся фрески, прежде украшавшие тот же киевский монастырский храм, с изысканным рисунком и легким налетом манерности, свойственной придворной живописи. Частично уцелевшие фрески церкви Спаса на Берестове, вероятнее всего, связаны со временем киевского княжения Владимира Мономаха (1113—1125). Традиционная византийская иконография в них сочетается с некоторой упрощенностью стиля, и в то же время разнообразные приемы моделировки фигур не позволяют настаивать на авторстве местных мастеров. По крайней мере здесь нет явных проявлений деформации при обычной в таких случаях адаптации классической основы.

В начале XII в. появляются росписи церквей и в Новгороде, главным образом в сооруженных князьями храмах. Это прежде всего завершенный строительством в 1050 г. Софийский собор, расписанный, по сообщению летописи, в 1109 г. Этим временем принято датировать изображения пророков и архангелов центральной главы, а также фигуры святителей в световых арках под сводом вимы[255]. Пророки, крепкие и коренастые, в застылых фронтальных позах, с массивными ступнями ног и широкими кистями рук, держат свитки со славянскими надписями. Иконография и стиль живописи в традициях XI в. сходны с софийскими фресками в Киеве. Лишь по уцелевшим фрагментам можно судить о живописи, украшавшей церковь Благовещения на Городище и Николо-Дворищенский собор и

[253] *Макаренко М.* Старгородська «божниця» та її малювання // Чернігів і Північне Лівобережжя. Київ, 1928. С. 205—222.

[254] *Лазарев В. Н.* Михайловские мозаики. М., 1966.

[255] *Лифшиц Л. И.* Собор Св. Софии. Конец XI — начало XII в.: 1109 г. // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI — первая четверть XII века. СПб., 2004. С. 183—406.

хронологически вписывающейся во второе десятилетие XII в.[256] О ее высоком профессиональном уровне дают представление мастерски написанные лики, с послойной моделировкой формы. Значительно лучше сохранились выполненные в 1125 г. фрески собора Рождества Богоматери Антониева монастыря, стиль которых связывается с экспрессивными тенденциями комниновского искусства, более отчетливо проявившимися во второй половине XII в.[257] У исследователей возникал вопрос и о работавших здесь романских мастерах. Древние фрески находятся преимущественно в алтарной части собора. Изображены пророки-первосвященники и различные преподобные; в жертвеннике обнаружены сцены Богородичного цикла, в диаконнике — житийный цикл Иоанна Предтечи. На западных гранях алтарных столбов находятся Благовещение и фигуры святых бессребреников (вклейка, рис. 76). На стенах наоса частично уцелели композиции Рождества Христова и Успения.

Существовали стенописи и в иных русских храмах, относящихся к этому периоду. На это указывают, в частности, их остатки в Софийском соборе Полоцка (третья четверть XI в.) и в Борисоглебском соборе в Чернигове (1120-е гг.). Многочисленные фрагменты штукатурки с фреской происходят из археологических раскопок и соответственно могут служить статистическим показателем распространения монументальной живописи в пределах русских земель уже в эпоху ее становления. Особо надо подчеркнуть, что выполнение росписи поручали лишь опытным мастерам.

Иконопись. Древнейшие образцы иконописного искусства Руси, хронологически соотносимые со временем князя Владимира Святославича, не сохранились, но о них дают некоторое представление известные византийские иконы, главным образом находящиеся в монастыре Св. Екатерины на Синае. Поэтому трудно характеризовать этапы последовательного усвоения богатого художественного наследия, стимулировавшего собственное творчество. Существующую лакуну отчасти заполняют фрески Софийского собора в Киеве, документально воспроизводящие византийские иконописные оригиналы, даже с их обрамлением. Они отличаются от изображений, восходящих к книжной миниатюре, опиравшейся, впрочем, на тот же источник. Во всяком случае этого в целом достаточно для уяснения общей типологии, иконографии и стилистической характеристики ранних киевских икон.

Существует также иной источник представлений о несохранившихся произведениях сакрального искусства. Это их воспроизведения в поздних иконных списках, в книжной миниатюре и в образцах мелкой пластики, хотя и не всегда аутентичные. Так, храмовая икона церкви Богородицы Десятинной нашла отражение в одной из миниатюр Радзивилловской летописи конца XV в., обязанных образцам XIII в.[258] Дискуссионность таких выводов не исключает

---

[256] *Царевская Т. Ю.* Церковь Благовещения на Городище. Между 1109 и 1117 гг. (?) // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. С. 407—428; *Она же.* Николо-Дворищенский собор. Около 1118 г. (?) // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. С. 429—530.

[257] *Сарабьянов В. Д.* Собор Рождества Богоматери Антониева монастыря 1125 г. // Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. С. 531—773.

[258] *Пуцко В. Г.* «Богородица Десятинная» и ранняя иконография Покрова // Festschrift für Fairy von Lilienfeld. Erlangen, 1982. S. 355—373; *Он же.* Киевский крест-энколпион с Княжей горы // Slavia Antiqua. T. 31. Poznań, 1988. S. 209—225.

их использования в качестве гипотез. Известные по литературным источникам иконы Богоматери Печерской и Успения, находившиеся в Киево-Печерском монастыре во второй половине XI в., предопределили иконографию их непосредственных либо, напротив, отдаленных списков[259]. Особую категорию источников представляют образцы бронзового литья и керамические иконки, повторяющие свои чтимые живописные оригиналы[260].

Среди немногих сохранившихся русских икон XI — начала XII в. едва ли не самой древней надо считать икону с изображением апостолов Петра и Павла, выделяющуюся своими грандиозными размерами, происходящую из Софийского собора в Новгороде и датируемую серединой — второй половиной XI в. Фигуры изысканных пропорций, с выразительными жестами, одежды собраны в мелкие живописные складки и выделяются своим светлым и звучным колоритом; однако лики, кисти рук и ступни ног заново написаны при поновлении в XVI в. Значительно лучше сохранилась условно связываемая своим происхождением с Киевом икона св. Георгия из Успенского собора Московского Кремля, датируемая концом XI — началом XII в.[261] (вклейка, рис. 77). По иконографии и манере письма она сравнима с самыми элитарными образцами классицирующего константинопольского искусства, носителем традиций к торого несомненно был ее мастер. Святой представлен как знатный воин, в доспехах, с копьем в правой руке и с мечом в левой. Легкий, едва уловимый поворот придает живость, казалось бы, входящую в противоречие с застывшей парадной позой. Разделение жеста и взгляда обнаруживается уже в мозаиках Дафни, отражающих новые поиски художественной выразительности. Завершенность формы свидетельствует прежде всего о том, что это моленный образ, скорее всего храмовый.

В истории русской иконописи изначально определяющую роль играли образцы византийского столичного искусства, и не случайно их проникновение на Русь нередко фиксируют письменные источники и живые предания. Благодаря этому становится известно о принесенной в 1046 г. из Константинополя иконе Богоматери Одигитрии, которой византийский император Константин IX Мономах (1042—1054) благословил дочь, выданную замуж за сына Ярослава Мудрого, переяславского князя Всеволода Ярославича[262]. Константинопольская икона Богоматери Дексиократусы конца XI в., вероятно, была привезена князю Владимиру Мономаху, затем принадлежала его сыну Мстиславу, унаследовавшему киевский княжеский стол, и ее изображение было воспроизведено на выполненном для этого князя золотом амулете-змеевике («Белгородской гривне»). До 1223 г. икона оставалась в киевском Вотчем монастыре Св. Феодора, когда была послана князю Даниилу Галицкому и получила ши-

[259] *Карабинов И. А.* «Наместная икона» древнего Киево-Печерского монастыря // Известия Государственной академии материальной культуры. Т. 5. Л., 1927. С. 102—112; *Пуцко В.* Печерский ктиторский портрет // Зограф. Бр. 13. Београд, 1982. С. 42—48; *Он же.* Печерська ікона Успіння Богородиці: Легенда і дійсність // Родовід. № 9. Київ, 1994. С. 65—72; *Смирнова Э. С.* «Киево-Печерское Успение»: Икона-реликварий XI века в свете письменных и изобразительных источников // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 415—446.

[260] *Пуцко В. Г.* Произведения искусства — реликвии древнего Киева // Russia Mediaevalis. 1987. Т. 6/1. S. 135—156.

[261] *Смирнова Э. С.* Апостолы Петр и Павел // Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. М., 2008. С. 74—82; *Осташенко Е. Я.* Икона «Св. Георгий» из Успенского собора и ее место в русской живописи домонгольского периода // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1985. С. 141—160.

[262] *Пуцко В.* Византийская икона Богоматери Одигитрии в Смоленске: Опыт реконструкции // Zeitschrift für Balkanologie. Bd. 29. 1993. S. 99—110.

рокую известность как икона Холмской Богоматери. В настоящее время хранится в Музее волынской иконы в Луцке[263]. Но самой знаменитой стала привезенная на Русь из византийской столицы в первой трети XII в. находившаяся в княжеском Вышгороде, а в 1155 г. перенесенная во Владимир икона Богоматери Елеусы, которая стала прославленной святыней Владимирского княжества, вызвав появление в течение нескольких столетий многочисленных списков[264].

Вопрос о национальной принадлежности мастеров русских икон, порой с неустойчивой датировкой, относимых к XI — началу XII в., большей частью остается открытым. Наиболее элитарные из них отличаются византинизирующим характером, и здесь лучшим тому примером может служить «Благовещение» начала XII в. из Юрьева монастыря в Новгороде[265]. Как предполагается, она служила храмовой иконой церкви Благовещения на Городище. При общей анонимности иконописного творчества все же наиболее выдающиеся мастера пользовались широкой известностью. Таким был Алимпий Печерский, принимавший вместе с константинопольскими мозаичистами участие в украшении росписями Успенского собора Киево-Печерского монастыря, писавший иконы, прославившиеся как чудотворные. Скончался Алимпий в начале XII в.[266] Дошли имена и других художников, благодаря оставленным ими надписям[267].

Книжное искусство. О том, каким был облик первых русских книг, позволяет судить художественное оформление греческих и особенно ранних славянских рукописей, находящееся в пределах греко-восточного стиля с его своеобразной орнаментикой, позже исчезнувшей, уступив место классической византийской[268]. В это же время традиционное стилистическое направление продолжало занимать доминирующее положение в декоративном убранстве книг, которые выходили из стен скрипториев балканских славян[269].

Наиболее ранней датированной древнерусской книгой является роскошно оформленное Остромирово евангелие, выполненное в 1056—1057 гг. Однако известен ряд рукописей, почерки и иллюминация которых выдают их принадлежность к первой половине либо к середине XI в. Даже в случае сомнений в правомерности этой датировки архаизирующие признаки типологии декора дают ключ к истокам книжной традиции, опиравшейся на уже существовавшие славянские образцы. Последние сформировались под воздействием продукции южноитальянских греческих скрипториев, унаследовавших греко-восточные черты, свойственные характеру оформления византийских провинциальных рукописей.

Краткий апракос, составляющий кириллическую часть Реймсского евангелия, да-

---

[263] *Александрович В.* Холмська ікона Богородиці. Львів, 2001; *Пуцко В.* Холмська ікона Богородиці — святиня давнього Києва // Ікона Холмської Богородиці: Дослідження та матеріали. Луцьк, 2010. С. 19—22.

[264] Богоматерь Владимирская: К 600-летию Сретения иконы Богоматери Владимирской в Москве 26 августа (8 сентября) 1395 года: Сборник материалов: Каталог выставки. М., 1995.

[265] *Смирнова Э. С.* Новгородская икона «Благовещение» начала XII в. // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 517—538.

[266] *Пуцко В.* Киевский художник XI века Алимпий Печерский: (По сказанию Поликарпа и данным археологических исследований) // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. 25. Wien, 1979. S. 63—88; Словарь русских иконописцев XI—XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2003. С. 44.

[267] *Пуцко В. Г.* Мастера-иконописцы Древней Руси XI—XIV веков // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь О. А. Белобровой. М., 2006. С. 349—353.

[268] *Пуцко В. Г.* Славянская иллюминованная книга X—XI веков // Byzantinoslavica. 1985. T. 46. S. 140—152; *Он же.* Художественное оформление древнейших славянских рукописей // Slovo. 1987. Sv. 37. S. 55—90; *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995.

[269] *Джурова А.* 1000 години българска ръкописна книга: Орнамент и миниатюра. София, 1981.

тируемую 1030—1040-ми гг. (Реймс, Муниципальная библиотека), традиционно отождествляется с рукописью, принадлежавшей дочери Ярослава Мудрого Анне, в 1051 г. выданной замуж за французского короля Генриха I. Его художественное оформление ограничено орнаментальными ленточными заставками и крупными расцвеченными инициалами растительного характера[270]. В том же стиле оформлена рукопись Пандектов Антиоха Черноризца (Москва, ГИМ. Собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. № 30)[271]. Чудовская псалтирь второй четверти XI в. (Москва, ГИМ. Чудовское собрание. № 7) переписана стильными почерками, а ее инициалы выдают стремление к усвоению византийского эмальерного стиля[272]. По характеру иллюминации к Реймсскому евангелию близко стоит Туровское евангелие (Вильнюс, Центральная библиотека АН Литвы. F.19-1), датируемое второй половиной XI в., но оставляющее впечатление более раннего[273]. Эта небольшая группа образцов примечательна тем, что в пределах нескольких десятилетий отражает динамику развития книжного искусства, мастера которого явно не ограничивались копированием ранних оригиналов.

Остромирово евангелие, выполненное в 1056—1057 гг. (Санкт-Петербург, РНБ. F.п.I.5), примечательно не только как выдающееся произведение книжного искусства, но и как свидетельство смены вектора в развитии русской духовной культуры, теперь ориентированной непосредственно на Константинополь. Роскошный евангельский кодекс украшен листовыми миниатюрами с изображениями евангелистов, заставками и многочисленными инициалами[274]. Его декор неоднократно подробно описывался в литературе. Из четырех миниатюр сохранились лишь три, а четвертая утрачена, причем, по-видимому, сравнительно недавно. Изучение иконографии представленных в рукописи евангелистов в широком художественном контексте позволяет заключить, что в распоряжении иллюминатора были оригиналы различного происхождения, скорее всего не составлявшие единую серию[275] (вклейка, рис. 78). Византийский эмальерный стиль, имитирующий ювелирные изделия с перегородчатой эмалью в оформлении византийских столичных рукописей с середины X в., встречается с определенными орнаментальными мотивами, в том числе «лепесткового» типа[276]. Типологический репертуар инициалов Остромирова евангелия не идентичен византийским и явно указывает на переработку балканских в своей основе греко-восточных моделей[277]. Все это свидетельствует об отсутствии в Киеве в середине XI в. роскошно декорированных греческих кодексов, которые могли бы служить оригиналами даже в княжеской книгописной мастерской. Похоже, что ее стена-

[270] *Пуцко В.* Иллюминация Реймсского евангелия (кирилловская часть) // Byzantinoslavica. 1995. T. 56. S. 579—592.

[271] *Пуцко В.* Пандекты Антиоха Черноризца: Художественное оформление кириллической рукописи XI века // Cyrillomethodianum. T. 11. Thessaloniki, 1987. С. 45—87.

[272] *Пуцко В.* Чудовская псалтирь: Художественное оформление // Filologia e letteratura nei paesi slavi. Studi in onore di S. Graciotti. Roma, 1990. P. 71—90.

[273] *Пуцко В.* Ілюмінацыя Тураўскага евангеля XI стагоддзя // Беларускі гістарычны агляд. Т. 5. Сш. 1 (8). Мінск, 1998. С. 88—102.

[274] Остромирово евангелие 1056—1057: Факсимильное воспроизведение. Л.; М., 1988.

[275] *Пуцко В.* Этюды об Остромировом евангелии: 1. Византийские и западные элементы иконографии миниатюр // Преслав: Сборник. Кн. 3. Варна, 1983. С. 27—71.

[276] Подробнее см.: *Пуцко В.* Византийский эмальерный стиль в оформлении греческих и иноязычных иллюминованных рукописей // Зборник радова Византолошког института. Књ. 32. Београд, 1993. С. 7—9.

[277] *Пуцко В.* Этюды об Остромировом евангелии: (Инициалы) // Études balkaniques. Sofia, 1981. № 4. С. 70—91.

ми, в сущности, ограничилось выполнение рукописей с оформлением, подражавшим элитарным греческим образцам, связанным по происхождению с Константинополем[278].

В эмальерном стиле оформлены Изборник Святослава 1073 г. (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 31-д), Мстиславово евангелие 1103—1117 гг. (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 1203) и Учительное евангелие Константина Преславского (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 262), ныне датируемое началом XII в.[279] Поэтому надо решительно отвергнуть версию относительно болгарских образцов IX—X вв. в основе декора Остромирова евангелия и иных упомянутых рукописей, пользующихся широкой известностью[280]. Речь может идти лишь об использовании ранних славянских переводов текстов, содержащихся в этих книгах.

Если учесть то обстоятельство, что в течение XI — начала XII в. интенсивно формируется русское книжное искусство, обусловленное как практическими, так и эстетическими потребностями, не стоит удивляться его стилистическим различиям. Переписанный во второй половине XI в. сборник слов Григория Богослова (Санкт-Петербург, РНБ. Q.п.I.16), с плетеночными и геометрическими заставками, с элементами тератологии и образованными плетениями инициалами, явно повторяет убранство более ранней рукописи, возможно, балканского происхождения. В то же время Изборник 1076 г. (Санкт-Петербург, РНБ. Эрмитажное собрание. № 20), Архангельское евангелие 1092 г. (Москва, РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 1666), Синайский патерик конца XI в. (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 551) при всей скромности своего декора все же наглядно отражают новые художественные веяния, обязанные современным византийским воздействиям. В этом плане, пожалуй, еще более показательны Поучения Кирилла Иерусалимского конца XI в. (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 478) с их рисованными киноварью арочной заставкой, малыми плетеночными и старовизантийского геометричного типа инициалами[281]. Подобно греческим художникам русские иногда выполняли чернилами на полях рукописи рисунки сакрального и бытового характера. Об этом дает представление кодекс Типографского устава, датируемый концом XI — началом XII в. (Москва, Государственная Третьяковская галерея. К-5349)[282].

Юрьевское евангелие 1119—1128 гг., которое «угринець псаль» (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 1003), известно прежде всего своим фронтисписом с тщательно выполненным киноварью схематическим изображением храма с птицами и животными по сторонам. Эта композиция напоминает вертикальный разрез сооружения. Орнаментика заставок представляет стилизованные ветки, плетенку, геометрические мотивы. Инициалы — тератологического стиля, с изображениями птиц, зверей, человека, оседланного осла, жен-мироносиц. Обнаруживая большей частью использование образцов византийского стиля,

---

[278] *Пуцко В. Г.* Эмальерный стиль в художественном оформлении киевских рукописей XI в. // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 29—45.

[279] *Уханова Е. В.* Древнейшие изображения св. князя Бориса: К истории библиотеки Владимира Мономаха // Борисо-Глебский сборник. Вып. 1. Париж, 2009. С. 117—156.

[280] *Иванова-Мавродинова В.* За украсата на ръкописите от Преславската книжовна школа // Преслав. Сборник. Кн. 1. София, 1968. С. 80—124.

[281] *Пуцко В.* Огласительные слова Кирилла Иерусалимского (Москва, ГИМ. Син. 478) — памятник книжного искусства XI в. // Старобългарска литература. Кн. 18. София, 1985. С. 120—138.

[282] *Гладышева Е. В.* Типографский Устав: Соотношение изображений на полях и текста // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М., 2007. С. 89—118.

композиции инициалов также свидетельствуют о знакомстве с каролингской и романской иллюминацией[283].

Внимание исследователей в основном привлекали миниатюры рукописей, при игнорировании иных элементов книжного декора, представлявшихся второстепенными и несущественными[284]. Живопись миниатюр Остромирова евангелия, Изборника Святослава 1073 г., Мстиславова евангелия, бесспорно, интересна в плане творческой интерпретации усвоенных иконографических схем, сложившихся на византийской почве. Однако их классическая основа, надо признать, усваивалась постепенно и с трудом. Иное, притом даже несколько обособленное, место занимают миниатюры, добавленные к латинскому кодексу Трирской псалтири, последней четверти X в., когда он принадлежал жене киевского великого князя Изяслава Ярославича Гертруде[285]. Время и место их выполнения остаются дискуссионными.

В целом книжное искусство Руси XI — начала XII в. даже при сравнительно небольшом количестве его образцов отчетливо обнаруживает несколько этапов в своем развитии, причем представленных выдающимися памятниками.

Декоративно-прикладное искусство. Художественные ремесла рассматриваемого времени в значительной мере существовали и развивались, отражая процесс смены языческого мировоззрения христианским. Это отчасти выражено в последовательном вытеснении встречающихся в курганах амулетов-оберегов в виде топориков, коньков, уточек нательными крестами и иконками-привесками с изображениями Христа, Богоматери и евангельских сюжетов[286]. Обобщенность художественных форм, граничащая с примитивизмом, является в них средством пластической выразительности, столь уместной при миниатюрности изделий повседневного обихода. В меньшей мере смена эпох коснулась орнаментики, постепенно утрачивавшей свой сакральный символический смысл и превращавшейся в декоративный мотив. Этому порой сопутствовала его фольклоризация. Деревенское ремесло в своей массе еще долго оставалось традиционным, тогда как городское, особенно ориентированное на выполнение заказов феодального двора, должно было учитывать новые запросы элиты, идеалом которой служил византийский художественный импорт, прежде всего украшенные эмалью ювелирные изделия.

Наиболее распространенной была художественная обработка дерева, ранние образцы которой оставались неизвестными до археологических находок в Новгороде, когда были обнаружены резные деревянные колонны XI в. с узорной пальметтой и резным плетеным орнаментом, бытовые изделия, изображения драконов, медведей, птиц, коня и зайца, домовых, группу которых принято связывать с языческими ритуалами[287]. Столь же примечательным образцом деревянной резьбы является обнаруженный при археологических раскопках

---

[283] *Пуцко В.* Художественный декор Юрьевского евангелия // Ars Hungarica. 1979. № 1. S. 7—22. Tabl. 1—12.

[284] См.: *Попова О. С.* Русская книжная миниатюра XI—XV вв. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 14—23.

[285] *Sauerland H., Haseloff A.* Der Psalter Egberts von Trier in Cividale. Trier, 1901; *Северьянов С. И.* Codex Gertrudianus // Сборник Отделения русского языка и словесности РАН. Т. 99. № 4. Пг., 1922. С. 1—40.

[286] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987; *Кутасов С. Н., Селезнев А. Б.* Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М., 2010; *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики: Миниатюрные иконки-привески XI—XVI веков. М., 2011.

[287] *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Резное дерево. М., 1971. (САИ; Вып. Е1-55); *Пуцко В. Г.* Резное дерево в средневековой Руси (XI—XVI вв.) // Родная старина. Калуга, 2012. С. 20—30.

в Киеве саркофаг первой половины XI в. Развито было и косторезное ремесло, о чем позволяют судить находки гребней, пуговиц; костяные шпильки, пряжки и проколки украшались рельефными изображениями птиц и зверей: их образцы XI в. происходят из Киева и окрестностей Канева.

После принятия христианства в Киев, Чернигов, Новгород и другие города, которые становятся местом пребывания епископов, активно проникает византийский художественный импорт, представленный преимущественно предметами церковного обихода. Сохранились немногие образцы, и в их числе найденный в Киеве бронзовый дискос с гравированным изображением Христа и греческой литургической надписью. Изделием высокого художественного достоинства является украшенный инкрустацией чернью медный крест-реликварий Марка Пещерника конца XI в.[288] Ввозили и бронзовые кресты-энколпионы, по образцу которых и с участием греческих ремесленников в Киеве с XI в. начинается их местное производство[289]. К оригинальным произведениям киевского меднолитого искусства XI в. принадлежит двусторонняя иконка с изображениями Христа на престоле и архангела Михаила с пророком Аввакумом, возможно, воспроизводящая выносную икону Михайловского Выдубицкого монастыря[290]. Большеголовые коренастые фигуры нельзя назвать изысканными, но и не стоит отрицать их выразительность.

Труднее всего характеризовать киевское ювелирное искусство, особенно раннего периода, когда изделия имели ярко выраженный византинизирующий характер. Именно таким произведением является знаменитая «Черниговская гривна» — золотой амулет-змеевик с фигурой архангела Михаила на лицевой стороне, изготовленный, вероятнее всего, для князя Владимира Мономаха около 1084—1094 гг. Типологически подобна, но стилистически отличается «Белгородская гривна» — золотой амулет-змеевик с изображением Богоматери, известной сегодня под названием Холмской, который был отлит около 1100 г. для сына Владимира Мономаха — князя Мстислава Великого. В той же ювелирной мастерской по образцу Малого сиона константинопольской работы XI в. в первой четверти XII в. выполнен Большой сион, традиционно определяемый как новгородское произведение, тогда как медальон с образом Василия Великого — небесного покровителя Владимира Мономаха — недвусмысленно указывает на то, кто был заказчиком данного изделия[291]. Большой сион из Софийского собора в Новгороде имеет вид шестиколонной ротонды, с дискосом в основании и с полусферическим куполом, увенчанным крестом, с дверками, украшенными чеканными фигурами апостолов (вклейка, рис. 79). С Новгородом конца XI — начала XII в. устойчиво связывается серебряный кратир, выполненный мастером Костой и вложенный Петром и Марьей в Софийский собор[292]. Начертавший свое имя на изделии ювелир в совершенстве владел всеми сложными техниками своего ремесла и хорошо знал образцы константинопольского круга. Но это не дает основания говорить о подражательности, поскольку здесь иная трактовка форм и ярко проявляется индивидуальная манера выполнения.

---

[288] *Пуцко В. Г.* Крест Марка Пещерника // Советская археология. 1987. № 1. С. 217—229.

[289] *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003.

[290] *Пуцко В. Г.* Русская путевая икона XI в. // ПКНО. 1981. Л., 1983. С. 199—206.

[291] Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV века. М., 1996. С. 116—123, 451—455; *Пуцко В. Г.* Золотарство давнього Києва // Археологія. 2008. № 3. С. 47—50.

[292] Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV века. С. 109—114.

Вопрос о времени появления на Руси ювелирных украшений с перегородчатой эмалью решается в пользу не ранее чем второй половины XI в.[293] Золотая диадема из киевского клада 1889 г., с деисусной композицией, датируемая обычно концом XI — началом XII в., может свидетельствовать о том, что производство таких изделий в указанное время еще находилось в стадии становления.

Может вызвать некоторое удивление то обстоятельство, что ювелирные изделия, оказавшиеся в составе кладов, зарытых в XI — начале XII в. и ныне известных в литературе, характеризуются преобладанием упрощенных и архаизирующих по своему типу образцов[294]. Однако относить их к категории массовых было бы ошибочным по причине высокого профессионального уровня. Они скорее старомодные и, возможно, содержат вещи, бытовавшие ранее в течение длительного времени. Особо надо отметить большое количество шейных гривен и браслетов.

Среди гончарных изделий выделяются оригинальные по своему типу светильники и кацеи из закрытых комплексов рубежа XI—XII вв. Обнаружены стекловарные мастерские этого же времени в Киеве, где стеклянные украшения уже изготовляли в первой четверти XI в. Однако местное происхождение стеклянной посуды XI — начала XII в. остается проблематичным: известны преимущественно предметы византийского и ближневосточного импорта.

Сохранившийся и изученный материал позволяет говорить о сравнительно ограниченном распространении скульптуры как архитектурной пластики, преимущественно связанной с оформлением церковного интерьера. Это прежде всего шиферные рельефы с орнаментальными композициями, выполненные во второй четверти XI в., которые служили ограждением хор в Софийском соборе в Киеве и в Спасо-Преображенском соборе в Чернигове. Со второй половины XI в. сюжетный рельеф уже украшает фасад храма. В одних случаях это рельефы с изображениями святых всадников, следующие восточнохристианской традиции, в других — мифологические композиции, моделями для которых послужили костяные накладки византийских ларцов. В начале XII в. на фасадах Борисоглебского собора в Чернигове впервые в русской практике появляются резные белокаменные капители.

* * *

В истории монументальной живописи XI в. на Руси центральное место занимают мозаики и фрески Софийского собора в Киеве, выполненные византийскими мастерами, отразившими высокие достижения искусства этой эпохи. При обширной тщательно разработанной иконографической программе ее составители сочли необходимым ознакомить новопросвещенных киевских христиан и с изображениями, которые появились в доиконоборческий период. Принято считать, что в выполнении стенописи принимали участие как константинопольские, так и солунские мастера. От иных монументальных циклов в Киеве и Чернигове остались лишь фрагменты. Новый этап отражает мозаики и фрески Михайловского Златоверхого монастыря и храмов Новгорода.

Иконопись данного периода представлена на Руси единичными произведениями конца XI — начала XII в. Наиболее значительными являются иконы св. Георгия из Успенского собора, Богоматери Холмской и Богоматери Владимирской, выполненные в русле элитарной константинопольской, классической в своей основе традиции.

Книжное искусство может быть прослежено по оформлению рукописей, иден-

[293] *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.

[294] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 90—105. Табл. 10—28 (клады 29—64).

тичному тому, что определяет облик греко-восточной и балкано-славянской книги, и испытавшему воздействие продукции византийских столичных скрипториев. Это свидетельствует о культурной переориентировке, происшедшей уже после смерти Ярослава Мудрого. Начальный этап был связан преимущественно с южнославянскими истоками, с периодом распространения глаголического письма.

Декоративно-прикладное искусство, представленное различными художественными ремеслами, адекватно отражает характер бытовых вещей и предметов церковного обихода, облик которых был предопределен их византийскими образцами. Однако последнее не исключало творческую инициативу мастеров, находившую поддержку у их заказчиков.

XII — начало XIII в. *Скульптура.* Каменные рельефные изваяния в XII — первой трети XIII в. в основном представлены архитектурной пластикой, преимущественно украшающей фасады церковных сооружений. Тенденции, наметившиеся в пластическом декоре Борисоглебского собора в Чернигове начала XII в., получают свое дальнейшее развитие в Рязани и Галиче, а затем и во Владимиро-Суздальской Руси, где каменная резьба достигает высокого расцвета, далеко выходя за рамки «русской романики», какой она представлялась ее первым исследователям, усиленно искавшим истоки сформировавшейся традиции.

Архитектурная пластика Старой Рязани отражена резными каменными блоками, по-видимому, служившими принадлежностью портала Борисоглебского собора второй половины XII в.[295] Упрощенные романские орнаментальные мотивы и широко известная мужская скульптурная голова не оставляют сомнений в переосмыслении западных образцов. Сохранившиеся элементы пластического декора Успенского собора в старом Галиче, датируемого 1152—1157 гг., напротив, свидетельствуют о связи с Венгрией, еще более отчетливо прослеживающейся в каменной резьбе построенной в конце XII в. галицкой церкви Св. Пантелеимона (особенно ее порталов)[296].

Декоративная резьба из белого камня, выполненная в XII—XIII вв., связана в основном с Владимиро-Суздальским княжеством. Здесь она получила высокое развитие и, следует отметить, сохранилась в ряде храмов, начиная с Успенского собора во Владимире. Судя по сохранившимся фрагментам, скульптурный декор уже имели храм Рождества Богородицы, построенный в 1156 или 1157 г., и башня палат Андрея Боголюбского в Боголюбове. Львиные маски, женские головы с тонкими чертами лица, архитектурный орнамент с мотивом аканфовых листьев отчасти созвучны французской романике. Особый интерес представляет реконструированный так называемый Богородичный столп с его крупной четырехликой капителью[297]. Скульптура Успенского собора во Владимире (1158—1161) представлена фигурами композиции с изображением трех отроков в пещи огненной, львиными масками и женскими ликами, которые не являются лишь повторением боголюбовских, но отмечены поисками новой пластической выразительности. Сдвоенные

[295] *Пуцко В. Г.* Об архитектурной пластике Старой Рязани XII в. // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 166—184.

[296] *Воробьева Е. В., Тиц А. А.* Анализ и реставрация Успенского собора XII в. в Галиче // Советская археология. 1983. № 1. С. 213—230; *Иоаннисян О. М.* Белокаменная декоративная пластика в галицком зодчестве XII — первой половины XIII века // У истоков русской культуры XII—XVII века. СПб., 1995. С. 11—25; *Marosi E.* Die Anfänge der Gotik in Ungarn. Esztergom in der Kunst des 12.—13. Jahrhunderts. Budapest, 1984.

[297] *Вагнер Г. К.* Четырехликая капитель из Боголюбова // Славяне и Русь: Сборник статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова. М., 1968. С. 385—393.

львы образуют консоли арок или импосты столбов и настенных пилястров в интерьере. На фасаде также были представлены сцены Вознесения Александра Македонского, Три отрока в пещи огненной и Сорок севастийских мучеников, впоследствии почти полностью утраченные. Эта скульптура только некоторыми чертами перекликается с романской.

Скульптура церкви Покрова на Нерли, возведенной в 1166 г., сохранилась в сравнительно целом виде: заменены лишь немногие консоли архитектурного фриза. Фасады оформлены тождественно, с помещением фигуры сидящего Давида во всех трех закомарах, в окружении птиц и львов. Ниже расположены три женских головы с двумя косами, а под ними — пара лежащих львов (вклейка, рис. 80). В боковых закомарах находятся крупные фигуры орлиноголовых грифонов, когтящих каких-то животных. Расположенные под ними по две женские головы вместе с рельефами центральных прясел образуют своеобразный пояс, охватывающий здание с трех сторон. Эта основная часть фасадной скульптуры дополняется фигурными консолями аркатурного фриза. В них преобладают женские головки, с которыми соседствуют птицы, химеровидные фигурки, львы, рыла химер, головы львов, человекообразные усатые головы химер, фигурки грифонов, волка или барса. Тема музицирующего Давида, столь популярная в византийском искусстве, здесь находит иную, соотнесенную с характером пластического декора храма, трактовку. В интерьере двадцать пар резных львов, по четыре пары на западных столбах, по три на восточных и по одной в пятах шести арок, перекинутых со столбов на три стены постройки. Здание с трех сторон окружали галереи в виде сквозной аркады на столбах, на верхних частях лестничной башни находились рельефные изображения барсов и грифонов, обращенных друг к другу в геральдической композиции. Резьба является в основном плоскостно-пластической с элементами условной декоративности.

О ранней скульптуре времени Всеволода Большое Гнездо дают представление рельефы галерей Успенского собора и резьба собора Рождественского монастыря во Владимире. В 1185 г. после большого пожара князь приступил к обстройке Успенского собора галереями, на стены которых частично была перенесена старая скульптура. В это же время появился аркатурный пояс, состоящий из 114 колонок, принадлежностью которых являлись фигурные консоли, производящие впечатление своей экспрессией. В некоторых из них остается очевидным романский элемент. Более стереотипны капители фасадных полуколонн с мотивом аканфовых листьев. Мотив пальметт, заключенных в ряды оплетающихся овальных рамок, преобладает в резьбе порталов. Резьба собора Рождественского монастыря представлена главным образом растительными мотивами с сочными пальметтами.

Венцом владимирской скульптуры XII в. принято считать фасадную пластику Дмитриевского собора, сооруженного Всеволодом Большое Гнездо как дворцовый в 1191 или 1194—1197 гг. Первоначально постройку с трех сторон окружали крытые галереи, доходившие до верхней части аркатурно-колончатого пояса, а к западным пряслам северного и южного фасадов примыкали башни с лестницами на княжеские хоры. Скульптурная пластика отличается сюжетным разнообразием. Встречаются фигуры святых (среди них Борис и Глеб), скачущих всадников, поясные изображения святых, музицирующего Давида, группа, традиционно трактуемая как Князь Всеволод с сыновьями, борцы, женские маски, Вознесение Александра Македонского, Подвиги Геракла, единоборства со зверем, полуантропоморфные образы, звериные и полиморфные изображения; фигурные консоли также обнаруживают многообразие мотивов. Грифон, олень, овен, орел, голуби, фазаны, различные птицы вместе с богатой

растительностью, заполняющей остальное пространство стен, и сложнейшей резьбой порталов составляют неповторимую особенность иконографической программы скульптурного декора собора, истолкование которой не может быть сведено к единому литературному источнику. Ее основа, конечно, соотнесена с существовавшей христианской художественной традицией. Модели для определенных изображений могут быть указаны в византийских рельефах из слоновой кости и в западноевропейском пластическом искусстве, а орнаментальные мотивы почерпнуты главным образом из дорогих восточных тканей. Все это подвергается адаптации, творческой переработке. В интерьере представлено 10 пар львов. Стиль резьбы, при всех различиях индивидуальных манер, трудно назвать разнохарактерным, как и отказать ему в определенности и высоком художественном уровне, отличающем владимирскую каменную резьбу в целом[298]. Это становится особенно заметным при сопоставлении с далекими провинциальными откликами на романские образцы, характеризующими изделия начала XIII в.[299]

Собор Рождества Богоматери в Суздале заложен в 1222 г., а закончен в 1225 г. Его резьба сохранилась частично. Это западный и южный порталы с растительной орнаментикой, украшающей и аркатурно-колончатый фриз с рельефами, изображающими барсов и птиц, а также растительные ветки. Особый интерес представляют остатки скульптуры второго яруса с женскими головами, несколько разностильными, но в целом красивого построения, с пластичной резьбой. Львы углов собора более плоского рельефа, с врезным контуром, иногда образующим крупные и глубокие спирали. Явно сказывается воздействие книжного декора[300].

Апофеозом владимиро-суздальской скульптуры принято считать пластический декор Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, выполненный около 1234 г. Здесь наряду с мягко моделированным рельефом встречается и круглая скульптура, образцами которой являются угловые гирлянды головок. Высоким рельефом также отличаются «маски» в декоре барабана главы. Значительно обогащенным оказывается иконографический репертуар, в состав которого входят как отдельные сакральные образы, так и многофигурные композиции, причем развитого византийского извода, получившего распространение на рубеже XII—XIII вв. Насколько органично соединены сюжетные изображения и орнаментальный «ковровый» мотив с причудливыми растительными перевивами, дает представление оформление притворов, почти не пострадавших при обрушении собора в XV в. Реконструкция скульптурных групп позволила воссоздать, в частности, большой деисусный чин в архитектурно-колончатом фризе, а также пророческий чин. Установлена и закономерность размещения на плоскости фасадов серийных рельефов, рельефов звериного стиля, растительного орнамента с его разнообразными мотивами, указывающими на существование широких международных культурных связей, поставлен вопрос о белокаменной алтарной преграде[301]. Отдельные скульптурные изваяния в указанный период использовали в аналогичной функции и в Византии[302]. Если говорить о стиле юрьев-польской

[298] *Бобринский А. А.* Резной камень в России. Вып. 1. М., 1916; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век: Владимир. Боголюбово. М., 1969; *Гладкая М. С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: Опыт комплексного исследования. М., 2009.

[299] *Пуцко В. Г.* Ростовские каменные львы // Советская археология. 1979. № 2. С. 276—282.

[300] *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля: Рождественский собор. XIII век. М., 1975.

[301] *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: Г. Юрьев-Польской. М., 1964.

[302] *Пуцко В. Г.* Чепинские рельефы апостолов и скульптурная декорация интерьера византийского храма // Byzantinobulgarica. Т. 6. Sofia, 1980. С. 339—353.

резьбы, то близкую ей аналогию представляют каменные иконки первой трети XIII в., ареал распространения которых на Руси оказался слишком широким для того, чтобы их выполнение связывать с определенным ремесленным центром.

Монументальная живопись. С середины XII в. в русских городах построено немало великолепных каменных храмов, и некоторые из них украшены стенописями, дающими представление о характере искусства работавших там мастеров. Строительная активность особенно отличает владимиро-суздальских князей. Построенный Юрием Долгоруким в 1152 г. Спасо-Преображенский собор в Переяславле Залесском был расписан около 1157 г., но от его монументальной живописи уцелел лишь единственный фрагмент Страшного суда[303]. Немного сохранилось и фресок 1161 г. на первоначальном северном фасаде Успенского собора во Владимире, указывающих на их принадлежность опытному мастеру. Капитально перестроенный в 1185—1189 гг. после пожара Всеволодом Большое Гнездо, собор был заново расписан, но и от этой стенописи остались лишь отдельные фигуры с греческими сопроводительными надписями. Значительно лучше сохранились части выполненной в 1190-х гг. греческими и русскими мастерами композиции Страшного суда, свободного живописного стиля, в Дмитриевском соборе во Владимире[304]. Незначительные фрагменты росписи церкви Бориса и Глеба в Кидекше (середина XII в.) и церкви Покрова на Нерли (около 1165 г.) очень затрудняют их оценку. В итоге монументальная живопись региона может быть охарактеризована, по существу, лишь на основании стенописей двух владимирских соборов.

Одним из интереснейших памятников стенописи этого периода являются выполненные около 1140 г. по заказу новгородского архиепископа Нифонта фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове. Своеобразие программы росписей определяет идея просвещения посредством истолкования христианской догматики, обусловившего подробное иллюстрирование евангельского повествования, отражая тему соединения во Христе божественной и человеческой природы и искупительной жертвы. Этому содействовала возникшая проблема осмысления евхаристической жертвы. Программное содержание росписей определяет помещенное в куполе Вознесение, с масштабно выделенным Христом во славе, возносимым ангелами. Композиция росписей выдержана строго симметрично. На подпружных арках изображены ветхозаветные первосвященники, на парусах — евангелисты, а на лобовых частях подпружных арок — два образа Спаса Нерукотворного, «на убрусе» и «на чрепии», а также Иоаким и Анна — родители Богоматери. Росписи алтарной апсиды содержат Деисус (в конхе), Евхаристию и изображения святителей. В своде вимы помещено Преображение, что, возможно, обусловлено как посвящением храма, так и прообразовательным характером сюжета (вклейка, рис. 81). Тема искупительной жертвы Христа определяет сюжетное содержание росписей рукавов подкупольного креста, с подробным евангельским повествованием. Фрески сводов и люнетов отведены для композиций праздничного и страстного циклов. Нижний регистр фресок посвящен чудесам Христа. На восточных стенах северного и южного рукавов подкупольного креста Успение Богоматери

[303] *Вздорнов Г. И.* Фрески Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // Советская археология. 1968. № 4. С. 217—223.

[304] *Лазарев В. Н.* О методе сотрудничества византийских и русских мастеров // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970. С. 140—149; *Сычев Н. П.* К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире // Памятники культуры: Исследование и реставрация. Вып. 1. М., 1959. С. 143—176.

и Рождество Христово. По сторонам от алтаря фигуры в рост Христа и Богоматери в молении, обычные в оформлении византийской алтарной преграды. Особо выделяется тема апостольского служения, дополнением к которой служат сцены из Жития Климента папы римского, скончавшегося в херсонесской ссылке. В 1153 г. Нифонт заложил посвященный ему храм в Ладоге. Диаконик посвящен архангелу Михаилу, а жертвенник — Иоанну Предтече. Стиль фресок соответствует сформировавшемуся в византийском искусстве в конце первой трети XII в.[305] К 1144 г. относятся выполненные по заказу того же архиепископа Нифонта фрески паперти Софийского собора в Новгороде, в том числе и деисусная композиция архиерейской гробницы[306].

Немногие фрески, датируемые серединой XII в., обнаружены в Успенском соборе в Старой Ладоге. Из нескольких фигур святых наиболее сохранным является изображение Кирика, выполненное в манере с применением крайних форм линейной стилизации, впрочем, близкой к отличающей мирожские фрески[307]. И буквально несколько фрагментов осталось от выполненных в 1150-х гг. росписей собора Св. Климента в Старой Ладоге, отразивших общие для византийского мира тенденции развития стиля[308].

В Полоцке, где от Георгиевского собора Спасо-Евфросиниева монастыря (храма-усыпальницы) дошли немногие фрагменты росписи, датируемой 1120—1130-ми гг., в Спасской церкви счастливо уцелели почти все фрески, покрывающие стены и своды сооружения. Они позволяют оценить иконографический замысел и художественное своеобразие. Строительство храма связано с именем основательницы монастыря — преподобной Евфросинии, княжны Предславы, дочери полоцкого князя Георгия. Время выполнения фресок — около 1161 г. — логично считать с учетом даты вложенного в храм драгоценного воздвизального креста-реликвария, приуроченного к его освящению. Иконографический состав росписей учитывает те программные изменения, которые уже зафиксированы в мирожской стенописи. Фрески подкупольного пространства, составляющие основу всей декорации, крупномасштабные. В куполе находится изображение Христа, окруженного небесной сферой, с четырьмя ангелами. Ниже — Богоматерь Оранта с двумя ангелами и группой апостолов. В таком варианте представлено Вознесение. В простенках барабана сильно вытянутые фигуры пророков в живых позах. На парусах размещены сидящие евангелисты. В росписях алтаря огромная фигура Богоматери Оранты с поклоняющимися ей двумя ангелами и с обращенными в молении Иоакимом и Анной, а над ними, на софите алтарной арки, — образ Спаса Нерукотворного. Ниже, в алтарной апсиде, — Евхаристия, а под ней в два ряда святители; причем на горнем месте изображен тронный Христос-священник. На откосах окон также были представлены фигуры святителей. В объеме алтарной арки и вимы — четыре композиции деяний святителей. В северном и южном люнетах, в пространстве подкупольного креста, находятся крупнофигурные Распятие и Сошествие во ад; под ними соответственно — Вход в Иерусалим и Воскрешение Лазаря, отмечающие начало Страстного пути. В нижнем регистре — Облачное Успение и Рождество Христово сложного иконографического извода. К редким явлениям надо отнести и включе-

[305] *Сарабьянов В. Д.* Живопись середины 1120-х — начала 1160-х годов // История русского искусства. Т. 2. Ч. 1: Искусство 20—60-х годов XII века. М., 2012. С. 225—261.

[306] *Штендер Г. М.* «Деисус» Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980. С. 77—92.

[307] *Сарабьянов В. Д.* Живопись середины 1120-х — начала 1160-х годов. С. 272—279.

[308] Там же. С. 280—283.

ние в программу росписей двух композиций «Учительства святых отцов». На алтарных столбах по традиции размещены Благовещение и Сретение. Многочисленны изображения святых монахов и монахинь, что в значительной мере предопределено назначением данного храма. Особо следует подчеркнуть присутствие сюжетных новшеств и прямую связь фресок с константинопольскими традициями, обусловленную особыми отношениями полоцких князей с византийским императорским двором, не исключающими присылку греческих мастеров[309].

Следуя хронологическому принципу, после полоцких надо рассмотреть фрески церкви св. Георгия в Старой Ладоге, прежде датируемые около 1167 г., а теперь относимые к 1180—1190 гг.[310] Стенопись сохранилась фрагментарно. Купол и барабан, как и в предыдущих случаях, украшают Вознесение и фигуры восьми пророков. В апсиде алтаря частично уцелевшие Евхаристия и Служба святых отцов, а также два медальона с полуфигурами святителей; в жертвеннике — композиции протоевангельского цикла, в диаконнике — полуфигура архангела Михаила и Чудо Георгия о змие, а также медальоны с образами святителей. От праздничного цикла, украшавшего своды и стены, остался единственный фрагмент. Из числа единоличных изображений уцелели лишь отдельные. Западную стену и прилегающие к ней своды занимала большая композиция Страшного суда. От нее сохранилось два крупных фрагмента, с изображениями сидящих апостолов с книгами в руках, фигуры Богоматери, Иоанна Предтечи и стоящих за престолом ангелов с зерцалами и мерилами в руках. Сверху часть широкой трехлопастной арки с сочным растительным узором с переплетающимися побегами. Под нижней разгранкой группа грешников во главе с фарисеем; на южной стене группа праведных жен. Особо надо отметить фрески со сложными орнаментальными мотивами, идентичными встречающимся в оформлении рукописей. Изображения отличаются высоким мастерством исполнения, разнообразными техническими приемами. Это один из ярких примеров динамичного направления, где лапидарное линейное письмо ликов и одежд с использованием энергичной пробелки способствует отражению духовного напряжения образов. Мастеров отличает безупречное чувство формы, соединенное с владением приемами линейной стилизации. Эти особенности находят параллели в византийской живописи комниновского периода, позднего XII в., где они проявляются иногда более открыто, как, например, в церкви Св. Георгия в Курбиново (1191 г.).

Примерно тогда же была украшена росписями новгородская церковь Благовещения близ Аркажей, освященная в 1189 г. Фрески здесь тоже сохранились частично. В центральной апсиде представлен Христос во славе с приближающимися к нему с обеих сторон двумя рядами святителей, держащих в руках развернутые свитки, как в композиции Службы святых отцов, получившей широкое распространение именно в этот период. Но изображение Христа в ореоле небесной сферы, с символами евангелистов, более типично для конхи алтарной апсиды романского храма. Ниже медальоны с погрудными образами святителей. На лопатках столбов представлены драконы. В жертвеннике размещен обширный протоевангельский житийный цикл Богоматери, в диаконнике — житийный цикл Иоанна Предтечи и история Обретений его главы. Их иконографический репертуар имеет параллели в иных стенописях и в то же время обнаруживает черты оригинальности, свойственные позднекомниновской

[309] *Сарабьянов В. Д.* Живопись середины 1120-х — начала 1160-х годов. С. 287—330.

[310] *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М., 1960; *Сарабьянов В. Д.* Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладоге и стилистические течения в новгородской живописи последней трети XII века. Ч. II // Византийский временник. Т. 59 (84). М., 2000. С. 166—188.

ской живописи. Примечательным является помещение на западной стене жертвенника композиции Семи спящих отроков эфесских, связанной с темой поминовения усопших. На склонах арок можно видеть полуфигуры Флора и Лавра, Фоки и Иакова Иерусалимского. О декоре наоса можно получить лишь самое общее представление. Изображения в целом масштабно соотнесены с пространством. Фигуры правильных пропорций, с несколько утяжеленными формами, крупными чертами ликов. Рельефы ликов в наиболее выпуклых местах отмечены пробелами светов. Хорошо различимы индивидуальные манеры различных мастеров. Соответственно использованы разные приемы моделировки. Высветления большей частью носят схематичный характер, но в некоторых случаях их система отличается отточенностью, усиливающей экспрессию[311].

Разные манеры письма характерны также для фресок новгородской церкви Спаса на Нередице, выполненных в 1199 г. Давно было обращено внимание на тот факт, что иконография стенописи сближает ее не с константинопольскими, а с византийскими провинциальными памятниками; указывались и романские аналогии. Живопись выполнена в широкой, энергичной манере, обнаруживающей два варианта, явно принадлежащие руке различных мастеров. Один из них пользуется сложной техникой, другой — более простой. Соответственно первый из них следует византийским классическим образцам, тогда как второй пластическое понимание формы выражает иными средствами, с глубокой теневой проработкой и плавной светотеневой градацией. Иконографическая программа в общем находится в соответствии со средневизантийской системой церковной росписи, но при этом включает композиции и изображения, которые дополнительно внесены ее составителем. Одним из них является ктиторский портрет в западном нефе, с изображением новгородского князя Ярослава Владимировича, подносящего модель храма Христу. Конху алтарной апсиды украсил образ Богоматери типа «Воплощение» с восемью меньшими по размерам фигурами предстоящих святых. В конхе жертвенника был поясной образ Богоматери «Воплощение» со стоящими по сторонам Алексием человеком Божиим и Евстафием Плакидой. В куполе помещено Вознесение, ниже в простенках барабана представлены пророки. В алтарной апсиде изображены Евхаристия, два ряда святителей, а в нижней зоне в нише над Горним местом — Христос-священник; в аркосольных нишах — погрудный образ Петра Александрийского и Кормление пророка Илии вороном. В шелыге алтарного свода находился медальон с образом Иисуса Христа Ветхого Деньми. Следует также отметить изображения Спаса Нерукотворного на лбах восточной и западной подпружных арок и сорока севастийских мучеников на подпружных арках. В жертвеннике находился Протоевангельский цикл, который дополняли фигуры святых подвижников. В диаконнике был цикл Иоанна Предтечи; там же помещены изображения святых жен. Евангельский цикл росписи, который берет начало на лицевых сторонах восточных столбов, имеет продолжение на стенах, а на сводах размещены композиции страстного цикла. Западный неф храма по традиции занимает композиция Страшного суда. Неоднократно обращавшие на себя внимание черты своеобразия обусловлены как архитектурным решением нередицкого храма, так и богословской идеей, определявшей не только состав сюжетов, но и их истолкование с привлечением различных источников[312].

---

[311] *Царевская Т. Ю.* Фрески церкви Благовещения на Мячине («в Аркажах»). Новгород, 1999.

[312] *Пивоварова Н. В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002; Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси: К 800-летию памятника. М., 2005.

В Киеве от стенописей этого периода сохранились лишь фрески Кирилловской церкви, возведенной после 1146 г., обычно датируемые третьей четвертью либо последней третью XII в. В основном объеме они уцелели фрагментарно, но тем не менее общая иконографическая схема прослеживается без особых затруднений. В куполе представлено Вознесение с восемью возносящими Христа ангелами, в простенках барабана — фигуры апостолов, в парусах — евангелисты, на подпружных арках в чередующихся медальонах и прямоугольных обрамлениях — погрудные образы сорока севастийских мучеников на красных фонах. В алтарной апсиде — Евхаристия, ниже которой святители с развернутыми свитками, а двое средних — во фронтальной позе; под ними — святители в медальонах. В конхе, по-видимому, было изображение Богоматери. На алтарных столбах помещены Благовещение и Сретение, под которым крупные фигуры апостолов Петра и Павла. На торцовых стенах средокрестья частично сохранившиеся Рождество Христово и Успение Богоматери. В жертвеннике расположены в три яруса очень удлиненные фигуры святителей во фронтальной позе, с Евангелием в руках, и среди них Иосиф Солунский и Иоанн Македонский. Диаконник, в котором находился придел, посвященный Кириллу Александрийскому, украшен житийным циклом Афанасия и Кирилла Александрийских, с плотной компоновкой представленных сцен, возможно, воспроизводящих книжные иллюстрации. На это указывает манера письма, более свойственная миниатюре. Здесь также изображены святители и диаконы. Фигуры различных святых и отдельные полусмытые композиции есть и в других частях храма. В южной части хор остатки житийного цикла Иоанна Предтечи. В нартексе частично уцелевшая композиция Страшного суда. Как будто все оказывается традиционным, и вместе с тем немало оригинального, как в иконографии, так и в стиле, с упрощенным рисунком фигур, с тяжелыми складками одежд, с крупными головами, моделировка которых достигается темными охрами и расходящимися по форме светами[313].

В число памятников монументальной живописи конца XII в. входил фресковый декор сооруженных князем Рюриком Ростиславичем церкви Свв. Апостолов в Белгородке (освящена в 1197 г.) и церкви Василия в Овруче (освящена около 1192 г.), известный по найденным фрагментам штукатурки с фигурами на золотом фоне, что должно было имитировать мозаику. Зато благодаря большим археологическим исследованиям выявлены и изучены относящиеся ко второй половине XII — началу XIII в. фрески в Смоленске. Речь идет о храме на Протоке, о церкви Петра и Павла, о Воскресенской церкви[314]. Иконография и стиль смоленских стенописей в целом соответствуют уже упомянутым, но здесь, кроме того, представлены замечательные воспроизведения узоров дорогих восточных тканей, особо ценившихся в средневековой Руси.

Представление о последней фазе развития русской монументальной живописи домонгольского периода дают фрески диаконника Рождественского собора в Суздале, датируемые 1233 г.[315] Это изображения двух преподобных старцев, отличающиеся мягкой моделировкой, изысканностью и холодностью тонов, заключенные в арочные обрамления. Бóльшая часть стен покрыта орнаментальной росписью, с мотивом непрерывно вьющегося стебля с отходящими

[313] *Марголіна І., Ульяновський В.* Київська обитель святого Кирила. Київ, 2005.

[314] *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись XII—XIII веков. М., 1977.

[315] *Власов И. И.* Живопись 1233 г. в диаконнике Рождественского собора Суздаля и ее реконструкция // Советская археология. 1976. № 1. С. 220—226; *Вагнер Г. К.* Остатки древней декоративной росписи суздальского собора и ее соотношение с резьбой // Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. С. 91—96.

от него круглящимися побегами, которые заканчиваются крупными пальметтами. Эта система завиткового характера известна по византийским образцам, восходящим к древним истокам. Византийского происхождения и шестилепестковые розетки, скомпонованные таким образом, что как бы вырастают друг из друга — это можно считать результатом нового осмысления мотива. Сюжетные изображения буквально тонут в орнаментальном окружении, выполненном в светлых радостных тонах. Обрамления фигур колонками и арками выглядят заимствованными из фасадной резьбы, хотя в действительности подобное заметно и в балканских стенописях этого времени. Таким образом, даже во фрагментарно сохранившихся росписях видна живая связь с обширным кругом византийских памятников, в том числе находящихся на славянских землях.

Иконопись. Икон домонгольского времени на Руси обнаружено сравнительно немного, и среди них преобладают относящиеся ко второй половине XII и первым десятилетиям XIII в.[316] Некоторые произведения отчетливо выделяются своим византинизирующим характером, не исключающим их принадлежности кисти греческих мастеров. Но, надо учесть, это в той или иной мере свойственно русскому искусству ранней эпохи в целом, определенно ориентированному на воспроизведение византийских образцов[317]. Однако речь не может идти лишь о копировании доступных греческих оригиналов. Русские мастера, повторяя иконографию, обнаруживают иное понимание классицирующих художественных форм. Происходит их постепенное переосмысление, процесс которого явно прослеживается в XII в.[318]

В середине XII в., как и в более раннее время, известны случаи появления византийских икон. Так, между 1156 и 1158 гг. из Константинополя от императора Мануила и патриарха Луки Хрисоверга преподобной Евфросинии Полоцкой была привезена икона Богоматери Одигитрии. Около 1158 г. появляется у князя Андрея Боголюбского византийская икона с изображением Богоматери в рост в молении, сохранившаяся до наших дней, хотя и с руинированным состоянием живописи[319]. Эти случаи явно не были единичными, как и примеры работы греческих художников на Руси.

Серединой XII в. может быть датирована двусторонняя выносная икона Богоматери Знамение, прославившаяся как чудотворная в 1170 г. благодаря спасению Новгорода от осаждавших его войск князя Андрея Боголюбского. Первоначальная живопись лицевой стороны сохранилась лишь фрагментарно. Богоматерь изображена с молитвенно поднятыми руками, с вписанным в медальон образом Эммануила на ее груди: на оборотной стороне иконы Иоаким и Анна в молении перед Спасом[320]. Иконографический образ Богоматери этого типа создан в Константинополе и находился во Влахернах. Схематизм формы и стилизация линий позволили связать выполнение

[316] Живопись домонгольской Руси: Каталог выставки / Сост. О. Корина. М., 1974; *Пуцко В.* Икона в домонгольской Руси // Icone und frühes Tafelbild. Halle, 1988. S. 87—116; *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI — первой половины XIII века в России. М., 2005.

[317] *Пуцко В. Г.* Византия и становление искусства Киевской Руси // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 79—99; *Він же.* Візантійські шляхи давньоруського мистецтва // Археологія. 1991. № 2. С. 26—40.

[318] *Лазарев В. Н.* Византия и древнерусское искусство // Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978. С. 218—221.

[319] *Лифшиц Л. И.* Живопись Владимиро-Суздальской Руси времени княжения Андрея Боголюбского // «Хвалам достойный»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Материалы международной научной конференции, Владимир, 5—6 июля 2011 г. Владимир, 2013. С. 54—67.

[320] *Смирнова Э. С.* Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: Некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство: Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 288—310.

произведения с творчеством местных новгородских мастеров, радикально адаптировавших византийский оригинал.

Сохранившиеся произведения не позволяют равномерно осветить на основе их изучения развитие русского иконописания в течение второй половины XII в., поскольку по всем формальным признакам они относятся к концу XII — началу XIII в. Все эти иконы преемственно связаны с образцами византийского позднекомниновского стиля, и некоторые из них, возможно, выполнены на Руси греческими мастерами, работавшими здесь после захвата Константинополя в 1204 г. крестоносцами. Локализация таких икон, позже оказавшихся в Москве, затруднена, но некоторые из них устойчиво связываются своим происхождением с Новгородом.

В этот ряд прежде всего должна быть включена датируемая концом XII в. двусторонняя выносная икона с изображениями Спаса Нерукотворного и Поклонения Кресту, бывшая храмовой в новгородской церкви Святого Образа на Софийской стороне[321]. Особо надо отметить совершенный по красоте лик Спаса, тонкую живопись, пряди волос, выделенные золотыми линиями, колорит сдержанный и лаконичный, построенный на сочетании оливковых и желтых цветов. В иной, широкой и смелой, манере выполнена композиция на оборотной стороне иконы, близкая стенописям церкви Спаса на Нередице. Несомненное сходство с упомянутым произведением обнаруживает икона архангела Гавриила («Ангел Златые власы»), классическая основа которой оказывается не менее очевидной[322]. Иначе выполнена, возможно, уже в начале XIII в., икона Богоматери Умиление из Успенского собора Московского Кремля, судя по ее сходству с образцами живописи греческих мастеров, работавших по заказам крестоносцев[323]. Судя по иконе Успения Богоматери из Десятинного монастыря в Новгороде, датируемой началом XIII в., порой сказывается и своеобразный элитарный ретроспективизм, лишенный какой-либо архаизации[324] (вклейка, рис. 82). Но в то же самое время появляются такие произведения, как икона Николы со святыми на полях из Новодевичьего монастыря в Москве, с удлиненными пропорциями фигур, с непомерно увеличенными лбом и кистью благословляющей руки — следствием деформирования византийских классицирующих форм[325]. Сознательное их употребление превращается в одно из выразительных средств, особенно популярных в народном течении.

О стилистических изменениях, произошедших в русской иконописи на рубеже XII—XIII вв., свидетельствуют прежде находившиеся в Успенском соборе Московского Кремля иконы с изображениями Спаса Эммануила с архангелами[326] и

---

[321] *Вздорнов Г. И.* Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 255—269; Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. Л. М. Евсеева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. М., 2005. С. 218—220. № 1.

[322] *Шалина И. А.* Икона «Ангел Златые власы» и русская художественная культура около 1200 г. // Дмитриевский собор во Владимире: К 800-летию создания. М., 1997. С. 188—219.

[323] *Зонова О. В.* «Богоматерь Умиление» XII века из Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. С. 270—282. Ср.: *Weitzmann K.* Icon Painting in the Crusader Kingdom // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 20. Washington, 1966. P. 49—83.

[324] *Попова О. С.* Две русские иконы раннего XIII в. // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 231—243.

[325] Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 1. М., 1995. С. 54—57. № 9.

[326] *Лифшиц Л. И.* «Ангельский чин с Эммануилом» и некоторые черты художественной культуры Владимиро-Суздальской Руси // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. С. 211—230; *Этингоф О. Е.* «Чин с Емманиилом и двумя архангелами» из Государственной Третья-

Деисуса (Спас, Богоматерь, Иоанн Предтеча)[327], принадлежавшие к алтарной преграде либо помещенные некогда над церковными входными дверьми. Хотя не исключено, что обе иконы могли быть выполнены в греко-русской мастерской, существование которой в начале XIII в. представляется вполне вероятным. Столь же изысканна по своему характеру небольшая по размерам икона Спаса Вседержителя из Успенского собора в Ярославле[328]. Более своеобразное место занимает икона «Спас Златые власы», с воспроизведением ювелирного убранства ее образца[329]. Последний обнаруживает свою принадлежность к западной художественной традиции. Не менее оригинальна по своему стилю, с ярко выраженной линейной стилизацией, также икона Спаса Вседержителя, из села Гавшинка Ярославской области, манера письма которой заметно напоминает византийские фрески рубежа XII—XIII вв.[330]

Показательно, что именно в этот период все отчетливее обнаруживаются отличия русских икон от византийских, прежде всего по причине «деформации» классических форм, оказавшихся трудными для усвоения местными мастерами. Указанная причина, однако, не стала препятствием для создания строгих и вместе с тем торжественных изображений, свойственных большим по размерам произведениям. Одним из них является происходящая из Дмитрова икона св. Димитрия Солунского, сидящего на троне с полуобнаженным мечом, датируемая около 1200 г.[331] Это был небесный покровитель владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, и если именно он являлся заказчиком произведения, то последнее могло быть выполненным только до 1212 г., когда Всеволод умер. Другое выдающееся произведение этого времени — икона Богоматери Оранты Великой Панагии, происходящая из Спасского монастыря в Ярославле и в течение длительного времени ошибочно приписываемая кисти Алимпия Печерского, тогда как в действительности она была написана в 1220-х гг.[332] Одна из причин этого — в воспроизведении более раннего оригинала, выполненного в технике мозаики, что иконописец стремился передать доступными ему средствами. Медальоны с полуфигурами архангелов, написанными в более свободной манере, явно не входили в композицию образца, отличающуюся геометрической четкостью и, скорее всего, связанную с конхой алтарной апсиды одного из киевских храмов.

Сопоставляя русские иконы конца XII — начала XIII в. с византийскими, можно заметить их некоторую образную несхожесть, усиление в произведениях местных русских мастеров обобщенности форм, строгости композиции, контрастных цветовых отношений. Это были неизбежные последствия самостоятельного развития, хотя и в широких пределах культурной общности с Византией.

ковской галереи: К иконографии Деисуса // Дмитриевский собор во Владимире: К 800-летию создания. С. 175—187.

[327] *Попова О. С.* Две русские иконы раннего XIII в. С. 232—238.

[328] *Пуцко В. Г.* Ярославская икона Спаса // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 216—223.

[329] *Яковлева А. И.* Икона «Спас Златые власы» из Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. С. 199—210.

[330] *Смирнова Э. С.* «Спас Вседержитель» XIII в. в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева: Вопросы атрибуции // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. С. 244—261.

[331] *Попов Г. В.* Из истории древнейшего памятника города Дмитрова // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. С. 198—216.

[332] *Пуцко В.* Богоматерь Великая Панагия // Зборник радова Византолошког института. Кн. 18. Београд, 1978. С. 247—256.

Книжное искусство. Художественное оформление русской рукописной книги к середине XII в., судя по ее сохранившимся образцам, успело пройти путь определенной унификации, выразившейся в кардинальном переосмыслении византийского наследия. Установились локальные традиции каллиграфического искусства. Лицевые рукописи, по-видимому, представляли сравнительно редкое явление, и при рассмотрении материала приходится обращать внимание в основном на принцип оформления листа и на характер функционально значимых орнаментальных элементов. Это различного типа заставки и инициалы. Типологически они во второй половине XII и в первой трети XIII в. в основном представляют явную переработку греческих образцов, порой интерпретируемых почти до неузнаваемости, с нарушением изначальной структуры и с упрощением орнаментальных мотивов. Но иногда встречаются также весьма близкие копии ранних оригиналов, недвусмысленно указывающие на происхождение непосредственного источника.

Вопрос эволюции орнаментального украшения рукописей интересовал различных исследователей, сделавших каждый свои наблюдения, но в целом считавших, что динамика процесса приходится в основном на более позднее время[333]. Иллюминованные книги середины XII — первых десятилетий XIII в. киевского происхождения неизвестны. Но сохранилось несколько рукописей этого периода, локализуемых Галицко-Волынской землей либо Южной Русью[334]. Наиболее примечательным среди них является Добрилово евангелие, переписанное в 1164 г. дьяком церкви Свв. Апостолов Константином («а мирьскы Добрило»), украшенное миниатюрами с изображениями сидящих евангелистов, заставками и инициалами (Москва, РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 103). Архитектурные обрамления фронтисписов-миниатюр представляют вид деревянного храма в разрезе. Фигуры евангелистов выполнены в широкой, обобщенной манере, без тщательной моделировки объемов. Из четырех заставок лишь одна старовизантийского типа, с растительными мотивами, а остальные — плетеночные. Инициалы преимущественно плетеночные и отчасти тератологические, выполненные киноварью. Выголексинский сборник конца XII в. (Москва, РГБ. ф. 178 (Музейное собрание). № 1832) украшают две заставки, одна из которых сложной композиции в виде полуциркульной арки, заполненной плотным плетением и дополненной вверху стилизованными цветками, вписанными в круг, и изображениями двух декоративных павлинов. Другая заставка широкая ленточная, заполненная еще более плотным плетением и завершающаяся растительными стеблями с фигурками грифонов. Переписанное на рубеже XII—XIII вв. в южной Волыни Бучацкое евангелие (Львов, Национальный музей имени Андрея Шептицкого. Рк. 702) имеет более 200 инициалов геометрично-плетеночного типа, дополненных стилизованно-растительными мотивами[335].

Особое место занимают рукописи, художественная характеристика оформления которых обнаруживает существенные отличия. Одна из них — так называемый Служебник Варлаама Хутынского (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 604), приписанный ему позже, а в действительности выполненный между 1220 и 1225 гг. в Пе-

[333] См.: Сочинения Ф. И. Буслаева. Т. 3: Сочинения по археологии и истории искусства. Л., 1930; *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; *Запаско Я. П.* Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960; *Ильина Т. В.* Декоративное оформление древнерусских книг: Новгород и Псков. XII—XV вв. Л., 1978.

[334] *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга. С. 186—221. № 18—31.

[335] *Свенцицкая В. И.* Художественное оформление Бучацкого евангелия // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 3. С. 113—120.

ремышле в епископском скриптории, когда епархией управлял новгородский архиепископ Антоний. Он затем вернулся в Новгород и окончил свою жизнь в Хутынском монастыре, оставив там книгу и поручи с золотным шитьем[336]. Служебник украшают заставки с растительными узорами и большое количество инициалов со стилизованными растительными и геометрическими, а также плетеночными мотивами. Фронтисписные миниатюры с изображениями держащих в руках развернутые свитки Василия Великого и Иоанна Златоуста, скорее всего, принадлежат кисти византийского художника[337]. Греческие мастера выполняли миниатюры в это же время и для рукописей, вышедших из ростовского скриптория[338]. Следует отметить и датируемые началом XIII в. выдающиеся повышенной декоративностью вшивные миниатюры Федоровского евангелия, извлеченные из утраченной смоленской рукописи, — свидетельство угасшей традиции[339].

Образцовым, судя по сохранившейся его продукции, представляется ростовский епископский скрипторий начала XIII в.[340] Выполненные в нем рукописи отличаются как стильными почерками, так и высоким уровнем художественного оформления, элементы которого иногда воспроизводят более ранние модели. Это относится главным образом к инициалам, к их типологии, сформировавшейся на рубеже XI—XII вв. Украшающие фронтисписы книг миниатюры, напротив, принадлежат к тому течению византийского искусства, с изящными пропорциями человеческой фигуры и ее гармоническим соответствием архитектурному стаффажу, которое в значительной мере определило облик греческой книги этого же времени, получив свое выражение и в изобразительном искусстве в целом[341]. Особенно примечательна миниатюра Апостола толкового 1220 г. (Москва, ГИМ. Синодальное собрание. № 7) с изображением апостолов Петра и Павла в рост, обращенных в молении ко Христу, представленному погрудно в голубой сфере наверху, в трехцентровой килевидной арке, опирающейся на мраморные колонки и служащей обрамлением (вклейка, рис. 83). Автор миниатюры умеет придать композиции чисто живописную выразительность. Головы апостолов он пишет тонко и многослойно, тщательно прорабатывает тени, в трактовке одежд с их беспокойными складками контрастно сопоставляет освещенные и затемненные части, при этом отражает порывистое движение. Университетское евангелие около 1220 г. (Москва, Научная библиотека МГУ. 2 Ag. 80) украшает миниатюра с изображением пишущего Иоанна Богослова, более яркого колорита, но по стилю чрезвычайно близкая уже упомянутой композиции. Возможно, что связано своим происхождением с Ростовом и датируемое 1220-ми гг.

---

[336] *Пуцко В. Г.* Хутынские произведения-реликвии первой четверти XIII в. // НИС. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 45—65.

[337] *Попова О. С.* Миниатюры Хутынского служебника раннего XIII в. // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 274—289.

[338] *Пуцко В. Г.* Византийские художники — иллюминаторы славяно-русских рукописей начала XIII века // Сообщения Ростовского музея. Вып. 10. Ростов, 2000. С. 77—85.

[339] *Воронин Н. Н.* Смоленские миниатюры XIII века // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура: Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 235—243. Высказано также мнение о выполнении этих миниатюр, возможно, в Ростове в 1320-е гг.: *Смирнова Э. С.* Иконы Северо-Восточной Руси: Середина XIII — середина XIV века. М., 2004. С. 353—354.

[340] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980. С. 19—29 (описание рукописей № 3—7); *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 222—233.

[341] *Пуцко В. Г.* Миниатюра Университетского евангелия и новые черты живописного стиля 1200-х гг. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 12. Ростов, 2002. С. 215—230.

Архангельское евангелие (Москва, ГИМ. Собрание Архангельского собора. № 1), с заставками и инициалами, отличающимися интересными декоративными мотивами, такими как птицы с переплетенными хвостами. Примечательны и «полосатые» инициалы с их яркими красками[342].

Несколько необычным оказывается почти полное отсутствие сюжетных миниатюр в новгородских рукописях рассматриваемого времени, и, скорее, служит исключением Пантелеимоново евангелие, которое предложено датировать 1134—1155 гг. (Санкт-Петербург, РНБ. Софийское собрание. № 1)[343]. Правда, и здесь миниатюра с изображением Пантелеимона и Екатерины не включена в систему художественного оформления книги, будучи помещена на предварительно разлинованном для основного текста листе, рядом с расположенной записью с упоминанием Максима Тошинича. Миниатюра оставляет впечатление реплики иконы. Эволюция орнаментики новгородских рукописей прослеживается на довольно обширном материале, позволяющем говорить о процессе вытеснения со второй половины XII в. геометрического орнамента тератологическим[344]. С начала XIII в. новгородские художники вводят в плетенку человеческое лицо[345]. Кстати, этот мотив уже известен в середине XI в., но в сочетании с растительными мотивами. В целом декоративное убранство новгородской рукописной книги середины XII — первой трети XIII в. хорошо известно, но остается не всегда понятным в тех частностях, которые на первый взгляд кажутся мелкими и несущественными.

В любом случае рубеж XII—XIII вв. в истории русского книжного искусства оказывается началом качественно нового этапа, как и в иных областях художественного творчества, связанного с различными центрами[346].

Декоративно-прикладное искусство. Художественные ремесла середины XII — первых десятилетий XIII в. на Руси достигают высокого расцвета, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся произведения, как давно введенные в научный оборот, так и представляющие новые археологические находки. Неизменно возникает необходимость в дополнениях и поправках к правильным в целом общим выводам[347].

Наиболее репрезентативная часть декоративно-прикладного искусства — ювелирное дело. Его образцами являются новгородские воздвизальные кресты и оклады икон византийской традиции[348]. Золотые предметы украшения (колты, рясны, диадемы, нашивные бляшки, бармы), а также кресты, цаты, образки, дробницы нередко покрывали перегородчатые эмали. Их выполняли в мастерских Киева, Владимира, Рязани, Новгорода[349]. Подлинными шедеврами эмальерного дела второй половины

[342] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. Описание рукописи № 8. См. также: *Левочкин И. В.* Искусство книги Древней Руси: Инициалы XI—XVI веков. М., 1983.

[343] *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах. С. 148—163.

[344] *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. С. 88—92. Ил. 70—80; *Киселев Н. А.* Орнамент малоизвестной новгородской рукописи XII века // Древний Новгород: История, искусство, археология: Новые исследования. М., 1983. С. 165—187.

[345] *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 49—50. Табл. 36 б.

[346] *Пуцко В. Г.* Русская иллюминованная книга на рубеже XII—XIII вв. // Книга в России: Из истории духовного просвещения. СПб., 1993. С. 15—24.

[347] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

[348] Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV века. № 7—10. С. 130—141; № 56, 57. С. 234—248.

[349] *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси.

XII в. можно считать диадему с Александром Македонским, обнаруженную близ Сахновки, и датированный 1161 г. воздвизальный крест Евфросинии Полоцкой, изготовленный мастером Лазарем Богшей (вклейка, рис. 84). Аналогичные по типу и функциональному назначению изделия из серебра чаще украшали чернью[350]. Драгоценные предметы убора, бытовавшие в княжеско-боярской среде, в расчете на менее состоятельных горожан ремесленники имитировали в вещах из цветных металлов, что наглядно подтверждают археологические находки в Новгороде и Серенске[351]. В этот же период, особенно с начала XIII в., в киевских ремесленных мастерских разрабатываются новые модели различных бронзовых крестов-энколпионов, получающих широкое распространение на Руси и за ее пределами и стимулирующих появление местных реплик, обычно менее искусных[352]. Некоторые из этих моделей, подвергаясь последовательной адаптации, доживают до XV—XVI вв., а одна из них была особо почитаема как чудотворный образ Богоматери Купятицкой, по месту находки экземпляра конца XII в.

Говоря о ювелирных изделиях, невозможно обойти вниманием группу искусно выполненных чеканных серебряных чаш, определяемых как предметы византийского художественного импорта[353]. Одна из них, из Вильгорта, имеет копию несколько упрощенного характера, найденную в Чернигове, где позже обнаружены и другие изделия работы греческих мастеров. Не исключено, что в их числе были и изготовленные уже на месте по княжескому заказу.

Различные предметы бытового характера выполняли в технике резьбы по дереву и кости. На рубеже XII—XIII вв. получает также распространение художественная резьба по камню, выразившаяся в изготовлении небольших по размерам иконок, разнохарактерных по манере[354]. До этого времени они были привозными или выполнялись изредка приезжавшими на Русь византийскими резчиками. Похоже, что вскоре после 1204 г., когда Константинополь был захвачен крестоносцами, в Киеве появляются несколько весьма квалифицированных столичных ремесленников, в том числе создающих произведения, принадлежащие к придворному кругу[355]. Это иконки из стеатита с изображениями Уверения Фомы, Иоанна Богослова, Космы и Дамиана, отличающиеся живописным классицирующим рельефом, очень изысканные по характеру. Наряду с ними возникает более обширная группа иконок из сланца с изображениями в графично-орнаментальной манере, яркой и выразительной, указывающей на четко выраженную традицию, с «цветистыми» славянскими сопроводительными надписями. Ареал их распространения довольно широкий, а формальные признаки указывают на первую треть XIII в. Среди работавших в это время в Киеве мастеров некоторые выделяются индивидуальными манерами, одинаково проявляющимися при обращении к различным материалам

[350] *Макарова Т. И.* Черневое дело Древней Руси. М., 1986.

[351] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981; *Зайцева И. Е., Сараева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI — XIII в. М., 2011; Серенск — город в земле вятичей. Калуга, 2014.

[352] *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв.

[353] *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII века. М., 1975.

[354] *Пуцко В. Г.* Русские ранние каменные иконки: (К вопросу о начале художественной резьбы малых форм) // Уваровские чтения — IV. Муром. 14, 16 апреля 1999 г. Муром, 2003. С. 89—95; *Він же.* Київська пластика початку XIII століття // Студії мистецтвознавчі. Ч. 3 (11). Київ, 2003. С. 42—58.

[355] *Пуцко В.* Константинополь и киевская пластика на рубеже XII—XIII вв. // Byzantinoslavica. 1966. T. 57. S. 376—390.

и техникам[356]. Есть образцы резьбы и более посредственного уровня, в том числе происходящие из Галича.

В это же время в Киеве начинается производство рельефных керамических иконок с воспроизведением чтимых изображений, как одна из отраслей коропластики, в основном связанной с изготовлением игрушки[357].

Широко были известны на Руси изделия из стекла, засвидетельствованные археологическими находками в Киеве, Смоленске, Полоцке, Любече, Рязани, Новгороде, Серенске и других городах. Это стеклянная посуда, оконное стекло, бусы, перстни, стеклянные браслеты разных цветов, которыми любили украшать себя женщины и дети. Разнообразны по виду стекла бусы, различающиеся также по цвету и форме[358]. Мода на браслеты резко возрастает в XII в., а в последней четверти этого столетия появляются крученые с желто-зеленой или оранжевой спиралью внутри, известные только в пределах русских земель.

Многочисленны изделия из цветного и черного металла, как сохранившиеся, так и известные по летописным упоминаниям, в частности, относящимся к соборам, построенным при Андрее Боголюбском. Высокими образцами золотой наводки остаются традиционно датируемые началом XIII в. двери Рождественского собора в Суздале, со сложной, развитой иконографией и причудливыми растительными узорами, в композицию которых включены сказочные звери[359].

Видное место занимало также шитье. Его материал не способствует сохранности произведений, и поэтому о них приходится судить по фрагментам археологического происхождения и по единичным чудом уцелевшим памятникам, относящимся к последней четверти XII и началу XIII в.[360] Среди них замечательная пелена с изображением Распятия, исторически связанная с Новгородом.

* * *

Середина XII — первые десятилетия XIII в. хронологически составляют важнейший этап становления национальной русской духовной культуры, неотъемлемой частью которой является искусство. На основе творческого усвоения богатого и сложнейшего византийского наследия, благодаря активному участию греческих мастеров, оказалось создано новое течение, с учетом запросов местного общества, прежде всего его социальной элиты, выступающей в роли заказчика и ценителя. Это необходимо иметь в виду, оценивая конкретные явления.

Романизированная в своих истоках архитектурная пластика, до того получившая применение в Рязани и Галиче, во Владимиро-Суздальском княжестве со времени Андрея Боголюбского подвергается новому художественному осмыслению, расширяется ее сюжетный репертуар, тщательно вырабатывается принцип скульптурного оформления фасадов и интерьера. При Всеволоде Большое Гнездо уже оказывается возможным сооружение Дмитриевского собора во Владимире, пластическое убранство которого представляет не столько украшение, сколько выражение заключенной в образность идеи. Храм предстает в своем вели-

---

[356] *Пуцко В. Г.* Киевское художественнее ремесло начала XIII в.: Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. 1998. T. 59. S. 305—319.

[357] *Пуцко В. Г.* Коропластика средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 155—169.

[358] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.

[359] *Мишуков Ф. Я.* К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в Древней Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 11. М., 1945. С. 111—114; *Овчинников А. Н.* Суздальские златые врата. М., 1978.

[360] *Катасонова Е. Ю.* Золотное шитье домонгольской Руси. X—XIII вв. // Убрус. Вып. 4. СПб., 2005. С. 24—45.

колепии как небесное видение, с райским садом и святыми. Эта тенденция получает свое логическое завершение в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, где наиболее наглядным оказывается воздействие иконописи и книжной орнаментики.

Монументальная живопись рассматриваемого периода может быть охарактеризована по сохранившимся памятникам, следовательно, частично. Тем не менее представлены ее основные художественные направления, включая византийское столичное. Образцом этого служат фрески Дмитриевского собора во Владимире, изумительные по своей одухотворенности. Иконографический замысел и художественное своеобразие стенописей Спасо-Преображенского Мирожского монастыря, выполненных около 1140 г., определяет идея просвещения посредством истолкования христианской догматики, что нашло отражение в иллюстрировании евангельского повествования и в осмыслении евхаристической жертвы. Состав росписей Спасской церкви Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке, датируемых около 1161 г., учитывает программные изменения, получившие отражение в псковских росписях, и, кроме того, включает многочисленные изображения святых монахов и монахинь. Стенопись церкви Св. Георгия в Старой Ладоге 1180—1190-х гг. отличается духовным напряжением образов в соединении с приемами линейной стилизации. Фрески новгородской церкви Благовещения в Аркажах около 1189 г. отличаются оригинальностью иконографии и экспрессией. Фрески церкви Спаса на Нередице 1199 г. в основном соответствуют иконографической программе средневизантийской системы церковной росписи, но при этом в нее включены дополнительные сюжеты. Черты оригинальности выделяют стенопись Кирилловской церкви в Киеве последней трети XII в., с ее житийным циклом Афанасия и Кирилла Александрийских. Датируемые 1233 г. фрески Рождественского собора в Суздале идентичны балканским стенописям того времени.

Иконы рассматриваемого периода в основном византинизирующего характера, некоторые из них выполнены греческими мастерами. В то же время прослеживается процесс адаптации классического образца, особенно к началу XIII в., когда создан ряд замечательных по уровню художественного мастерства произведений. Одно из них — икона Успения Богоматери из Десятинного монастыря в Новгороде.

Заметная эволюция стиля наблюдается в художественном оформлении русской рукописной книги второй половины XII и первой трети XIII в., когда миниатюры встречаются нечасто, но при этом обнаруживается типологическое разнообразие орнаментального декора. Инициалы в основном плетеночные, реже — тератологические, последовательно вытесняющие геометрический орнамент. В украшении рукописей первой четверти XIII в. перемышльского и ростовского происхождения явно принимали участие в качестве миниатюристов византийские художники.

Состояние художественных ремесел может быть определено как достигшее высокого расцвета. Это прежде всего относится к ювелирному искусству, представленному многочисленными предметами украшения из золота и серебра, с перегородчатой эмалью и чернью, драгоценными предметами церковной утвари. Новым явлением стало изготовление резных каменных иконок, начало которому положено константинопольскими мастерами в Киеве, а позже основным центром их производства становится Новгород. Было налажено также выполнение керамических иконок и игрушек. Развивалось медное художественное литье, о чем свидетельствуют многочисленные кресты-энколпионы. В быт русского населения широко проникают стеклянные изделия, разнообразные по цвету и форме. Становится известной в начале XIII в. золотая наводка по меди. Значительное место зани-

мало шитье шелками и золотной нитью, в основном прослеживаемое по археологическим материалам и единичным уцелевшим предметам из церковного обихода.

Даже при самом суммарном обзоре искусства Руси последних десятилетий перед монголо-татарским вторжением становится очевидным, что к этому времени в основном закончился период становления национальных традиций и началась эпоха динамичного самостоятельного творчества.

Церковное и светское пение и музыка

Ситуация в музыкальной культуре Древней Руси после принятия христианства во многом была сходной с историей древнерусской словесной культуры. Имея многовековую фольклорную традицию, пение и музыка Руси христианской должны были усвоить иные принципы. Разделение на духовное пение и народное, ассоциирующееся с языческим прошлым, порождало оппозицию, в которой храмовое пение звучало исключительно а капелла, а на музыкальных инструментах играли исполнители эпоса, народных песен, скоморохи.

Археологи находят музыкальные инструменты или их фрагменты: свирели, гусли, гудки, лютни. Изображения музыкантов и танцоров есть в Софийском соборе в Киеве. Хотя расписывался храм греческими мастерами, сюжеты эти отражали реалии как византийского, так и киевского придворного быта. Есть подобные сюжеты и в миниатюрах Радзивилловской летописи.

В Житии Феодосия Печерского Нестор рассказывает об обычае на княжеских пирах, который был неприемлем для преподобного Феодосия, — выступлении музыкантов, играющих на различных музыкальных инструментах: «...многыя играюща прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ»[361].

Но в памятниках словесности есть свидетельства и о церковном пении. Из Повести временных лет можно узнать, что Феодосий Печерский, получив Студийский устав, «устави въ манастыри своемь, како пѣти пѣнья манастырьская»[362]. Его преемником в игуменстве станет доместик Стефан.

Перенимая византийскую систему церковного пения, русское богослужебное пение имело и серьезные отличия. Уже на ранней стадии оно не носило исключительно подражательного характера, а, быстро пройдя период адаптации, представило свой национальный вариант традиции. Так, просодия складывалась на основе славянских речевых моделей, ритма, интонации, что определяло важнейшие стилистические особенности церковного пения, сложившиеся на Руси.

Принципиально отличалась система записи музыки. Византийская музыкальная письменность основывалась на записи не самих звуков, а интервалов между ними. Русское крюковое письмо отражало звуки, а вернее, тонемы (минимальные интонационно-ритмические единицы)[363].

---

[361] БЛДР. Т. 1. XI—XII века. СПб., 1997. С. 422.

[362] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 160.

[363] См.: Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков / Сост. А. И. Рогов. М., 1973; *Пожидаева Г. А.* Духовная музыка славянского Средневековья: Русь, Болгария, Сербия IX – XVII века. М., 2017; *Она же.* Певческие традиции Древней Руси: Очерки теории и стиля. М., 2007.

Часть IV

СТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ, ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, КРЫМ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ПРИБАЛТИКА В IX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

До настоящего времени сохранились лишь два собственно хазарских документа. Это написанные на древнееврейском языке и датируемые серединой X в. письмо последнего (или предпоследнего) хазарского царя Иосифа сановнику испанских Омейядов Хасдаю ибн Шапруту и так называемый Кембриджский документ — письмо некоего хазарского еврея, адресатом которого, как полагают, был тот же Хасдай ибн Шапрут. Однако благодаря тому, что в IX—X вв. Хазария имела торгово-экономические и политические связи со многими странами и народами Восточной Европы и Ближнего Востока, сохранилось значительное количество данных об этом государстве в сочинениях арабо-персидских и византийских авторов, а также в древнерусской летописи. Еще одним источником являются материалы археологических раскопок, проводимых на территориях, входивших в сферу влияния Хазарского каганата.

Территория и административно-политическое устройство Хазарии. Наиболее подробные сведения о территории и административно-политическом устройстве Хазарии имеются в письме царя Иосифа (960-е гг.) своему адресату, испанскому сановнику Хасдаю ибн Шапруту, который проявлял большой интерес к хазарам и их государству.

По словам Иосифа, ядро хазарской территории находилось в районе Нижнего Поволжья, а близлежащие народы — буртасы (мордва), булгары, сувары, мордва, черемисы (марийцы) и славяне, в частности вятичи и северяне, — находились в зависимости от хазар и платили им дань. На востоке границы каганата, согласно Иосифу, простирались до Хорезма и Горгана на южном побережье Каспийского моря. Своими данниками Иосиф называет и многие народности Северного Кавказа от Дагестана до черноморского побережья, а также города Приазовья и южного берега Крыма. К своим данникам он причисляет и печенегов. По утверждению Иосифа, Хазария простиралась на 20 фарсахов[1] пути на восток и на север и на 30 фарсахов — на юг и на запад[2].

Несмотря на то что переписка Иосифа с Хасдаем ибн Шапрутом датируется 960-ми гг., данные Иосифа о границах Хазарии относятся к более раннему периоду — концу IX — началу X в. Реальное положение дел в середине X в. не соответствовало той идеальной картине, которую рисовал Иосиф в письме своему адресату. Южная граница Хазарии в районе Восточного Прикаспия проходила возле Дербента, который хазарам не принадлежал. Горные области Дагестана либо сохраняли самостоятельность, либо входили в сферу влияния Халифата, хотя и не были частью последнего. Самое крупное северокавказское политическое объединение — Аланское царство — было независимо от хазар и после принятия христианства царем Алании

[1] Фарсах — персидская мера длины, около 6 км.

[2] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 81—87, 98—103.

в IX в. тяготело к Византии. Обитавшие на Западном Кавказе адыги (араб. *кашаки*, др.-рус. *касоги*) и булгары были самостоятельны.

Писавший примерно в одно время с Иосифом Константин Багрянородный, обрисовывая в своем трактате «Об управлении империей» соотношение сил в Восточной Европе, говорил о власти хазар лишь над прилегающими к Алании девятью областями («климатами»)[3], под которыми, по всей вероятности, имелись в виду административно-территориальные единицы Хазарии, включавшие в себя соседние с хазарами народы, которые жили к западу от Волги.

Управление покоренными народами в Хазарии осуществлялось по-разному, в зависимости от статуса той или иной зависимой территории. Часть областей подчинялась непосредственно кагану и управлялась его приближенными, наместниками-тудунами. Со временем некоторые из них обретали самостоятельность. Так, в X в. Самандаром управлял собственный царь, являвшийся при этом родственником хазарского царя. Другие территории оставались в подчинении местных князей и вождей, которые платили дань хазарам. Например, побывавший в Булгаре в начале 920-х гг. арабский путешественник Ибн Фадлан сообщал, что правитель Волжской Булгарии платил хазарам дань в размере собольей шкурки с каждого «дома», а его сын был в заложниках у царя хазар. Всего же, по словам Ибн Фадлана, под властью хазарского владыки находились 25 народов, которые посылали заложников ко двору кагана.

Административно-политическое устройство каганата было тесно связано с социальным строем Хазарии. Социальная организация самих хазар и в IX—X вв. оставалась довольно архаичной, родовая структура хазарского общества продолжала играть в ней большую роль. Это отмечает царь Иосиф: «Каждый из (наших) родов имеет еще (наследственное) владение (полученное от) своих предков, место, где они располагаются; они отправляются (туда) и располагаются в его пределах»[4]. Родовая структура способствовала проявлению центробежных тенденций в хазарском государстве, в котором отдельные племена и кланы порой пытались выйти из-под власти кагана. Так, в первой половине IX в. каганат был охвачен междоусобицей, в результате которой три рода каваров покинули его и присоединились к мадьярам[5].

Иосиф в своем письме рисует биполярную структуру хазарского общества, в котором «сарим» (главы, начальники) противопоставлены «авадим» (букв. «рабы», то есть все подвластное царю население)[6]. Одним из индикаторов подобной социальной поляризации был совершившийся в IX—X вв. переход от ополчения, включавшего как хазар, так и представителей покоренных народов, к наемному войску. Его численность арабские авторы X в. оценивают в 12 тыс. человек, из которых около 7 тыс. составлял корпус мусульманских воинов. Вторая часть войска комплектовалась из русов и славян[7].

Важной особенностью политической организации хазар было свойственное тюркским народам двоевластие, выражавшееся в том, что верховный правитель (каган) фактически делил свою власть со своим заместителем (шад, бек), который командовал войском и приходился кагану

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 53.

[4] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 102 (см. также с. 85—86).

[5] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 163.

[6] *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 85, 102.

[7] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 121.

ближайшим родственником. Однако эта конфигурация власти претерпела кардинальную трансформацию на протяжении второй половины VIII—IX в.

Начало этого процесса относится к 737—740 гг. и связано с той чрезвычайной обстановкой, которая сложилась в каганате в результате арабского наступления, приведшего к разрушению столицы хазар и разгрому их армии. Перенос столицы Хазарии из Восточного Предкавказья после поражения от арабов сопровождался появлением иудеев при дворе кагана. Проникновение иудаизма в хазарскую правящую элиту способствовало, с одной стороны, ограничению реальной власти кагана, превратившегося со временем в сакральную фигуру, а с другой — возвышению шада (бека), возглавившего ту часть хазарской знати, которая приняла иудаизм. В конце IX—X в., по данным арабских авторов, двоевластие у хазар было уже номинальным: каган обладал лишь верховным титулом и превратился в символическую фигуру, в то время как вся полнота власти была сосредоточена в руках шада (каган-бек), который не только командовал войском, но и взимал налоги и пошлины, был высшей судебной инстанцией.

Экономическая жизнь и города Хазарии. Население Хазарии довольно четко делилось на кочевое и оседлое. Этнические хазары на протяжении IX—X вв. в большинстве своем сохраняли традиционный кочевой образ жизни. Зиму они проводили в городах, а летом уходили в степь. Кочевниками были и печенеги, занимавшие причерноморские степи. Там, где для этого имелись подходящие природные условия, кочевое население в IX—X вв. постепенно переходило к оседлой или полуоседлой жизни. Средневековые авторы, говоря о Хазарии, описывают ее как плодородную страну, где многочисленные реки орошают поля, виноградники и сады. Основной сельскохозяйственной культурой для хазар был рис, составлявший наряду с рыбой основу их рациона. Большое место принадлежало виноградарству — например, по сообщениям арабских авторов X в., в Самандаре было около 4 тыс. виноградных лоз. Переход по крайней мере части хазар к оседлому образу жизни способствовал формированию единой для всего каганата салтово-маяцкой культуры, объединявшей хазар и подвластных им болгар, алан, венгров и другие народы[8].

Ядро хазарской территории — Приморский Дагестан и низовья Волги — были бедны природными ресурсами. По свидетельствам арабских авторов, в стране хазар производился и вывозился оттуда только рыбий клей. Все остальные статьи экспорта, пользовавшиеся спросом в исламском мире, — меха пушных зверей, мед, воск — были транзитными товарами. Основным источником материальных средств для хазар были земли зависимых от них народов, живших к западу от Волги и в Подонье. Эксплуатация этих земель не только давала хазарам все необходимое, но и позволяла им контролировать торговые пути, которые по Волге и Дону вели из Восточной Европы в Византию, на Ближний Восток и в Среднюю Азию. Транзитная торговля стимулировала появление и рост хазарских городов, самые значительные из которых возникли в ключевых точках на трансконтинентальных торговых путях — на Дону близ Переволоки, в устье Волги и в районе Керченского пролива.

По данным нумизматики, нижний Дон к рубежу VIII—IX вв. приобрел важное значение в системе торговых путей южной части Восточной Европы: арабское серебро, поток которого начинает течь в это время на Оку, верхнюю Волгу и в Прибалтику, шел именно с Дона.

[8] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967; *Она же.* Очерки Хазарской археологии / Науч. ред. и послесл. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 2000.

В VIII—IX вв. на Дону и Северском Донце начинают сооружаться хазарские укрепления — Маяцкое городище (у впадения реки Тихая Сосна в реку Дон), Верхне-Ольшанский комплекс (в 40 км выше по течению реки Тихая Сосна от Маяцкого городища), Семикаракорское городище (на острове близ города Семикаракорск), Верхнее Салтово (на реке Северский Донец), Маяки (ниже по течению реки Северский Донец от Верхнего Салтова), Саркел[9].

Ключевую роль в системе хазарских укреплений на Дону играл Саркел — город-крепость в излучине Дона, остатки которой в настоящее время лежат на дне Цимлянского моря. Саркел был построен на месте укрепления, существовавшего на правом берегу Дона еще в VIII в., имел форму прямоугольника с размерами 193,5 × 133,5 м, был окружен кирпичными стенами толщиной около 4 м с башнями и двумя воротами. Согласно Константину Багрянородному, Саркел охраняли 300 хазарских воинов. Внутри крепостных сооружений Саркела найдены остатки двух караван-сараев, а также сделан ряд находок, подтверждающих его причастность к Великому шелковому пути — шахматные фигурки VII в. из Согда, дирхемы второй половины VII — начала IX в., бумага самаркандского происхождения VIII — начала IX в. Наряду с хазарами, из которых состоял гарнизон крепости, в городе жили болгары, славяне, гузы. Изучение развалин Саркела, результаты которого С. А. Плетнева подвела в своей монографии «Саркел и „шелковый" путь», привело ее к выводу о том, что основной функцией крепости была не столько защита от внешних врагов, сколько охрана торговых караванов[10]. Другие исследователи отмечают полифункциональность Саркела как ставки кагана, вероятного таможенного пункта на перекрестке путей и т. п.[11]

Изменение географии международных торговых путей Евразии в IX в. привело к усилению роли Нижнего Поволжья как узлового региона в системе трансконтинентальных путей, связывавших Восточную Европу с Ближним Востоком и Средней Азией. В этом районе самым крупным городом был Итиль, столица Хазарии. Археологически Итиль пока не найден, однако его описание оставили многие исламские авторы X—XIII вв. Авторы же IX в., упоминавшие о хазарском городе в устье Волги, называли его иначе — Хамлиджем. Как именовали свою столицу сами хазары, неизвестно. Властным центром города был речной остров, на котором находились резиденции хазарского царя и кагана. По обеим сторонам реки лежали две другие части города, где жили знатные хазары, торговцы и ремесленники.

Помимо самих хазар, в Итиле находилось большое число инородцев. Так, среди жителей Итиля источники называют русов и славян, служивших в качестве наемников. Появление русских дружин у хазарских владык объяснялось тем, что Хазария остро нуждалась в военной силе для противостояния все усиливавшимся мусульманским государствам Прикаспийского региона. Многочисленные правители Дагестана, являвшиеся потенциальными союзниками хазар против арабов, в общем, не представляли собой значительной политической силы вследствие своей разобщенности. Отсутствие сильного союзника усугублялось еще и тем обстоятельством, что костяк вооруженных сил хазарского царя составляла мусульманская гвардия[12], что лишало его

[9] *Флёров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата: Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.

[10] *Плетнева С. А.* Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996.

[11] См.: *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005. С. 556 и след.

[12] *Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. 2. Paris, 1863. P. 10.

свободы маневра в конфликтах с исламскими правителями. О том же, что Хазарии время от времени приходилось вести военные действия против мусульманских владык Восточного Прикаспия, сохранились некоторые сведения. В 183 г. х. (799/800 г.) хазары предприняли локальный набег на Арран[13]. В начале 850-х гг. они сражались против арабского полководца Буги ал-Кабира (Старшего) и его союзника, правителя Дербента Мухаммада ибн Халида[14]. Хазары могли вести войну только на суше, так как собственного морского флота не имели — в источниках содержатся упоминания лишь об имевшихся в их распоряжении лодках (*заварик*). В этой ситуации появление у границ Хазарии русов, заинтересованных в регулярном проходе на Каспий и обладавших боеспособным флотом, могло побудить хазар извлечь для себя выгоду из создавшегося положения и выдвинуть определенные условия, на которых они обеспечивали бы русам беспрепятственный доступ в бассейн Каспийского моря. Основным условием, по всей вероятности, и было оказание военной помощи против враждебных Хазарии исламских правителей Западного и Южного Прикаспия.

Русские купцы начали осваивать бассейн Каспийского моря еще в IX в., а к середине X в., по словам арабского энциклопедиста ал-Мас'уди, в Итиле уже имелась колония русов и славян, которые компактно проживали в восточной, купеческой, части города и пользовались судебным иммунитетом[15]. Экономическое присутствие русских на нижней Волге в X в. было столь значительным, что Ибн Хаукаль называл нижнюю Волгу «Русской рекой»[16].

Но больше всех других в Итиле было выходцев из стран ислама — купцов и ремесленников, всего более 12 тыс. человек, по данным ал-Истахри[17]. В это число не входили члены мусульманской гвардии хазарского царя, которая комплектовалась за счет выходцев из окрестностей Хорезма и в арабских источниках носила название *ал-ларисийа* или *ал-арсийа*[18]. В. Ф. Минорский предложил толковать это наименование как указание на то, что гвардейцы происходили из алан, издавна обитавших в Средней Азии[19]. Мусульманская гвардия насчитывала в середине X в., по данным ал-Мас'уди, около 7 тыс. всадников в кольчугах и панцирях, вооруженных луками[20], и была достаточно автономным от центральной власти образованием. Гвардейцы как члены мусульманской общины подчинялись ее главе, который избирался каганом из состава гвардии и осуществлял, помимо функций имама, также практическое руководство делами общины, обладавшей правом судебного иммунитета. Последнее обстоятельство заключало в себе возможность самостоятельных выступлений гвардии на политической арене. Тому пример — события 912/913 г., когда мусульмане Итиля вынудили хазарского царя позволить им жестоко расправиться с возвращавшимися из каспийского похода русами[21].

Еще одним стратегическим пунктом Хазарии был город Самкерц (Самкуш), рас-

[13] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 191—192.

[14] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 46.

[15] *Maçoudi.* Les Prairies d'or. T. 2. P. 11.

[16] Opus geographicum auctore Ibn Haukal... / Ed. J. H. Kramers. T. 2. Lugduni Batavorum; Lipsiae, 1938. P. 388.

[17] Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. T. I. Lugduni Batavorum, 1870. P. 221.

[18] *Maçoudi.* Op. cit. T. 2. P. 10—12.

[19] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 194.

[20] *Maçoudi.* Op. cit. T. 2. P. 11.

[21] *Коновалова И. Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 116—118.

положенный на Таманском полуострове и отождествляемый большинством исследователей с древнерусской Тмутороканью. Основным назначением этого города был контроль над товарными и людскими потоками, шедшими через Керченский пролив. По археологическим данным, Самкерц в IX—X вв. был густонаселенным торговым центром.

Торговые пошлины, собиравшиеся в Самкерце и других торговых городах, составляли значительную часть государственных доходов Хазарии. Еще одним источником дохода была натуральная и денежная дань, которую платили покоренные хазарами народы. По сообщению древнерусского летописца, вятичи платили хазарам дань по щелагу (серебряному дирхему) с сохи[22]. В натуральном виде дань собиралась главным образом с народов, у которых был развит пушной промысел. Роль денежной единицы Хазарии играл арабский дирхем, чеканенный в разных областях Халифата — в Средней Азии, Иране, Северной Африке. Есть некоторые археологические данные, свидетельствующие о чеканке собственной монеты в каганате, но они пока еще недостаточно изучены.

Внешние связи Хазарии. Прекращение к началу IX в. арабо-хазарских войн на Кавказе сделало кавказское направление внешней политики каганата менее значимым, чем в предыдущий период. Влияние хазар в районе Северного Кавказа постепенно падало, а их вмешательство в политическую борьбу местных кавказских владык стало спорадическим.

На первый же план для Хазарии стало выходить противостояние со степными народами (мадьярами и печенегами), а также с усилившимися русами, которые активно осваивали торговые пути, связывавшие Восточную Европу со странами Ближнего Востока. Роль русских купцов в освоении этих путей стала настолько заметна, что начиная по крайней мере с 840-х гг. маршрут от Восточной Европы до Багдада стал известен арабам как Путь купцов-русов. Свидетельство Ибн Хордадбеха, впервые давшего характеристику этого пути[23], говорит о том, что поездки русов по нижнему Дону и нижней Волге на Каспий и далее на Ближний Восток приобрели в это время уже более или менее регулярный характер. Последнее обстоятельство позволяло как-то упорядочить торговлю, осуществлявшуюся по этому пути, чем, естественно, должна была воспользоваться Хазария, по территории которой пролегал данный торговый маршрут.

Включив в состав каганата земли буртасов и волжских булгар, а также сделав своими данниками племена полян, вятичей, северян и радимичей, хазарские каганы получили контроль как над богатыми пушниной областями Восточной Европы, так и над торговлей по Волжско-Каспийскому пути. Надеясь укрепить свои позиции и на нижнем Дону, хазары около 834—837 гг. обратились к императору Феофилу с просьбой о помощи в строительстве крепости Саркел в районе Переволоки[24]. Высказанные в историографии различные предположения насчет возможных врагов Хазарии, для обороны от которых сооружался Саркел (русы или пришедшие в 830-е гг. в южнорусские степи мадьяры), пока не позволяют безоговорочно отдать предпочтение какой-либо версии[25]. Достоверно известно лишь то, что Византия не преминула вос-

[22] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 65; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 53.

[23] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124.

[24] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 170—173.

[25] Историографию см.: Там же. С. 334—335, 401; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 131—132, 206—207.

пользоваться сложившейся ситуацией и вслед за постройкой Саркела предприняла меры для укрепления имперской администрации в Крыму, заменив в Херсоне местных выборных протевонов на назначаемого Константинополем стратига[26]. Даже если в постройке крепости были заинтересованы обе стороны, то создание византийской фемы Климатов с центром в Херсоне объективно имело антихазарскую направленность и, возможно, являлось вынужденной для хазарских властей платой византийцам за помощь в возведении Саркела.

Интенсификация торговли между Восточной Европой и Халифатом, в которой Хазарии уже в силу ее географического положения принадлежала значительная роль, вызывала интерес и к ней самой, и к другим восточноевропейским народам со стороны халифов Аббасидов, стремившихся обеспечить благоприятные условия для торговли с этим регионом. При халифе ал-Васике (842—847) была организована специальная экспедиция на поиски стены Йаджуджа и Маджуджа (библейские Гог и Магог), члены которой посетили в том числе и Хазарию[27]. Путь экспедиции, начавшейся в Самарре, пролегал через столицу провинции Армения город Тифлис, через области аварцев (араб. *ас-Сарир*), алан, владения Филан-шаха в горном Дагестане и Хазарию, откуда путешественники вступили в уже совершенно незнакомые им области. Лишь на последнем этапе, покинув Хазарию, экспедиция выполняла, так сказать, собственно исследовательские функции. Отрезок же пути от Самарры и до местопребывания владыки Хазарии, названного у Саллама «Тарханом», представлял собой, в сущности, поездку дипломатического характера.

В начале 860-х гг. Хазария стала ареной миссионерской деятельности, которая была развернута Византией в период первого патриаршества Фотия (857—867). О миссионерской деятельности византийцев в Хазарии говорится в Житии св. Кирилла (Константина Философа), который был направлен ко двору хазарского кагана. Посольство, в состав которого входил Константин, не являлось исключительно религиозной миссией, но было нацелено прежде всего на достижение политических результатов в обстановке, сложившейся после нападения русов на Константинополь в 860 г. Поэтому сведения Жития о хазарском посольстве к императору с просьбой о присылке христианского проповедника, о религиозном диспуте при дворе хазарского кагана, завершившемся идейным триумфом христианства, о письме кагана к императору с признанием истинности христианской веры[28] следует рассматривать, скорее, как жанровые атрибуты житийной литературы, чем как реальные события начала 860-х гг. Вместе с тем из Жития можно извлечь данные, свидетельствующие о существовании какого-то военного конфликта между Хазарией и Византией, который мог иметь место незадолго до миссии Константина. Согласно Житию, Константин перед отъездом просил кагана отпустить на волю греческих пленников, что каган и сделал, освободив человек «до двадцати». Как отголосок этого конфликта можно было бы рассматривать сообщение Жития о том, что во время пребывания Константина в Крыму случилось нападение хазар на византийские владения[29]. Однако слишком неопределенный характер этого известия (некий «хазарский полководец» осаждает безымянный «христианский город», но уходит восвояси, вняв поучениям Константина и «обещавшись ему креститься») заставляет подозревать, что оно является не более чем данью жанровой специфике произведения.

[26] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 172—173, 402—403. Примеч. 32.

[27] *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 129—130.

[28] Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 77—85.

[29] Житие Константина. С. 78.

В конце IX в. одним из важных направлений политики каганата стал бассейн Каспийского моря, куда через территорию Хазарии проникали отряды русов. Первая военная экспедиция русов на Каспий состоялась, по свидетельству персидского историка начала XIII в. Ибн Исфендийара, в годы правления ал-Хасана ибн Зайда (864—884) и была направлена против принадлежавшего ему города Абаскуна на южном побережье Каспийского моря[30]. Арабские и персидские авторы X—XV вв. сообщают и о других грабительских набегах русов на богатые каспийские города, имевших место в 909—914 гг.[31]

Подробное описание одного из таких походов русов оставил арабский энциклопедист середины X в. ал-Мас'уди. По его словам, около 500 русских кораблей, каждый из которых вмещал по сотне человек, получили разрешение от хазарского правителя на проход из Черного в Каспийское море. Условием прохода было обещание русов передать правителю Хазарии половину добычи, захваченной ими на Каспии. В бассейне Каспия русы оставались «много месяцев», укрываясь на морских островах поблизости от Баку. Хотя на обратном пути русы, как и было условлено, послали хазарскому царю половину добычи, они подверглись нападению со стороны проживавших в Хазарии мусульман, которых возмутили грабительские действия русов в исламских областях Прикаспия. К хазарским мусульманам присоединились и проживавшие в Итиле христиане, скорее всего купцы. Правитель Хазарии предупредил русов о готовившемся против них ударе, предотвратить который он якобы не мог. Русы, уцелевшие после битвы с хазарскими мусульманами в низовьях Волги, бежали вверх по реке, но были перебиты буртасами и волжскими булгарами[32].

Русы и славяне также нанимались на службу к хазарским правителям и составляли часть хазарского войска. Численность славяно-русской гвардии, по приблизительным подсчетам, могла составлять около 5 тыс. воинов[33]. О характере обязанностей, возлагавшихся хазарскими властями на воинов из русов и славян, было высказано предположение в связи с сообщением арабского историка первой половины XI в. Хилаля ас-Саби. Согласно этому автору, в первой половине X в. в Дербенте обрушился мол, построенный как продолжение знаменитых стен города с целью защиты его от нападений хазар[34]. Хазары же, не располагавшие собственным морским флотом, сами никогда не совершали морских набегов. Поэтому с моря на Дербент нападали не сами хазары, а либо находившиеся у них на службе русы, либо одни русы, но действовавшие с согласия хазар. Дербент, превратившийся после арабского завоевания в форпост арабского влияния на Северном Кавказе, в первой половине X в. являлся торговым соперником Итиля на Каспийском море, в связи с чем нападения на Дербент — кем бы они ни совершались — объективно отвечали интересам хазар.

Религиозная жизнь Хазарии. Характерной чертой религиозной жизни населения Хазарского каганата была многоконфессиональность. На территории Хазарии были распространены и иудаизм, и мусульманство, и христианство, и языческие культы. По словам ал-Истахри, жители Хазарии исповедовали ислам, христианство и иуда-

[30] *Алиев С. М.* О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 2. М., 1969. С. 317—319.

[31] Подробнее см.: *Коновалова И. Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения. С. 111—120.

[32] *Maçoudi.* Les Prairies d'or. T. 2. P. 18—24.

[33] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 121.

[34] The historical remains of Hilal al-Sabi: First part of his Kitab al-Wuzara and fragments of his History 389—393 A. H. / Ed. H. F. Amedroz. Leyden, 1904. P. 217.

изм, причем самой маленькой религиозной общиной была иудейская[35].

Иудаизма придерживалась прежде всего хазарская элита — каган, царь (шад), окружение царя и его род, вожди и знать. Своим родоначальником хазары-иудеи считали ветхозаветного Тогарму, внука Иафета (Быт. 10:3; 1 Пар. 1:6; Иез. 27:14, 38:6). Когда булгарский правитель Алмуш обратился к халифу ал-Муктадиру (908—932) с просьбой о постройке крепости для обороны против «поработивших его иудеев», он имел в виду именно правящую верхушку Хазарии. Проникновение иудаизма в среду хазар началось еще в VIII в., а государственной религией он стал не ранее начала X в. Именно этим временем, правлением халифа Харуна ар-Рашида (786—809) ал-Мас'уди, датирует превращение иудаизма в государственную религию Хазарии и связывает это событие с еврейской эмиграцией в Хазарию из Византии при императоре Романе I Лакапине (919—944)[36].

Иногда в источниках встречаются фразы, в которых об иудаизме говорится как об отличительной черте каганата в целом. Например, ал-Мукаддаси (X в.) пишет про Хазарию: «Грязь непролазная, много овец, меда и иудеев»[37], а в персоязычном сочинении начала XIII в. «Чудеса мира» (*'Аджа'иб ад-дунйа*) о Хазарии говорится как об области, «населенной иудеями» и имеющей «четыре тысячи садов»[38]. Однако в целом, являясь формально государственной религией, иудаизм оставался чуждым основной массе населения каганата. О распространенности же иудаизма среди простых хазар сведений практически нет. Напротив, исламские географы X в. писали о том, что в большинстве своем хазары являлись язычниками и практиковали религиозные обряды, похожие на обряды тюрок, в частности тюрок-огузов[39].

Сведения о распространенности ислама в Хазарии в X в. касаются в основном волжских булгар, а также хазарской столицы Итиля, где доля мусульманского населения была весьма значительной. По утверждению арабских авторов, мусульмане составляли большинство жителей города, а ал-Истахри даже называет их примерную численность — более 10 тыс. человек[40]. В Итиле имелась соборная мечеть с минаретом, который будто бы возвышался над царским замком, а также другие мечети с медресе при них. В городе постоянно находилось множество мусульманских купцов и ремесленников, приезжавших туда из разных областей Халифата[41].

О большом весе мусульманской общины Итиля говорит тот факт, что при судебном разборе наиболее серьезных дел городские судьи, по два для мусульман, христиан и иудеев и один — для язычников, собирались именно у мусульманских кади и их решения по шариату были окончательными. Однако и переоценивать влияние мусульман в хазарской столице нельзя. К мусуль-

---

[35] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. 1. P. 220, 224.

[36] *Петрухин В. Я.* Выбор веры в евразийской истории: Хазария и Русь // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 159—183.

[37] *Ал-Мукаддаси.* «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим» («Лучшее разделение для познания климатов»), ад-Дайлам и ар-Рихаб / Пер. с араб. (под ред. В. М. Бейлиса), введ., коммент., указ., карты, табл. Н. И. Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994. С. 282.

[38] *'Аджа'иб ад-дунйа* (Чудеса мира) / Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л. П. Смирновой. М., 1993. С. 199.

[39] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. [Т. 1]: Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. С. 146—147.

[40] Bibliotheca geographorum arabicorum. T. 1. P. 220.

[41] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 195.

манам в Хазарии относились, скорее, как к религиозному меньшинству и рассматривали их как своего рода заложников Халифата в собственной стране (что было типичной средневековой практикой). Поэтому против мусульман порой применялись репрессивные меры. Например, в 310 г. х. (922/923 г.) в Итиле был снесен минарет и казнены муэдзины в ответ на разрушение одной из синагог в пределах Халифата[42].

Что касается христиан в Хазарии, то выше уже говорилось о христианах Итиля, имевших своих судей (в таком же количестве, что иудеи и мусульмане). Источники отмечают наличие христиан и в других городах Хазарии, например в Самандаре. Христианство было распространено и среди подданных народов Хазарии, прежде всего в Крыму.

Падение Хазарии. Исчезновение Хазарии с политической карты Восточной Европы было результатом взаимодействия нескольких сил — самой Хазарии, Руси, Хорезма, кочевников-тюрок, Ширвана. Сведения источников о конце Хазарского каганата в отдельных деталях расходятся между собой, но тем не менее дают возможность восстановить общую картину событий.

В 965 г. военные действия на территории Хазарии охватывали, с одной стороны, низовья Дона и Приазовье, куда, согласно Повести временных лет, отправился Святослав[43], а с другой — Нижнее Поволжье, куда вторглись некие «тюрки»[44]. Ибн Мискавайх и следовавший за ним в изложении событий Ибн ал-Асир, сообщающие о нападении тюрок, пишут также об обращении хазар за помощью к правителю Хорезма, который прогнал тюрок, после того как хазары вместе со своим царем будто бы согласились принять ислам. Под тюрками, скорее всего, имелись в виду огузы, и раньше беспокоившие своими набегами Хазарию. В X в. кочевья огузов занимали обширную территорию Приаралья и Восточного Прикаспия, гранича на востоке с Северным Хорезмом, а на западе — с хазарами и буртасами на Волге. О вражде хазар и огузов есть сведения у Ибн Фадлана, который упоминает содержавшихся у хазар пленников-огузов, а также пишет о связях огузов с соперниками Хазарии — волжскими булгарами[45]. По данным ал-Мас'уди, огузы в первой половине X в. нередко вторгались в пределы Хазарии, доходя до Таманского полуострова[46]. Писавший незадолго до похода Святослава Константин Багрянородный, оценивая расстановку политических сил на юге Восточной Европы, отмечал, что огузы (греч. *узы*) способны воевать с хазарами[47].

По данным Ибн Хаукаля, через несколько лет, в 358 г. х. (с 25 ноября 968 по 13 ноября 969 г.), земли булгар, буртасов и хазар захватили русы, опустошившие города Булгар, Хазаран, Самандар и Итиль.

Датированные 965 г. сообщения Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира о помощи хазарам со стороны Хорезма, по всей вероятности, отражают события, на самом деле охватывавшие куда более длительный промежуток времени. В 965 г. хазары обратились, скорее всего, не непосредственно в Хорезм, а к расквартированной в Итиле

---

[42] Книга Ахмада ибн Фадлана / Пер. с араб., примеч. Вяч. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016. С. 43.

[43] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65; Т. 2. Стб. 53.

[44] Обзор историографии см.: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 222—224.

[45] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 127—128.

[46] *Maçoudi.* Les Prairies d'or. T. 2. P. 19.

[47] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 50—51.

хорезмийской гвардии, которая вполне могла своими силами справиться с набегом кочевников-тюрок[48].

Из сообщений Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира следует, что требование о принятии хазарами ислама как непременном условии помощи против тюрок было предъявлено хазарам хорезмийцами уже в 965 г. Учитывая большой удельный вес мусульманской общины среди населения города, а также то, что наиболее значительной военной силой в Итиле были именно воины-мусульмане, можно полагать, что начало превращению Итиля в чисто мусульманский город было положено именно в 965 г. Естественно, принятие ислама хазарами не было единовременным актом и вызвало определенное замешательство при дворе, став, возможно, предметом торга между правящей верхушкой Хазарии и Хорезма. Ибн Мискавайх пишет, что ислам приняли все хазары, за исключением царя, а Ибн ал-Асир добавляет, что и царь принял ислам после того, как хорезмийцы прогнали тюрок.

В этих условиях дальнейшее пребывание в Итиле проживавших там русов могло стать весьма проблематичным. Если торговцы и ремесленники могли свернуть свои дела и покинуть Итиль, то отряду славяно-русских наемников, служивших хазарскому царю, по-видимому, предстояло сменить хозяина в связи с тем, что правитель Хазарии уже перестал быть реальной политической силой. На практике это означало, что и членам славяно-русской гвардии, скорее всего, предложили бы принять ислам. О том, что подобные попытки обратить в ислам наемников-русов, служивших тем или иным мусульманским правителям, имели место, мы знаем на примере поддерживавших в 987—989 гг. дербентского эмира Маймуна воинов-русов, которые были поставлены перед выбором — ислам или смерть[49]. Поэтому в сложившейся ситуации альтернативой продолжению службы, но уже на новых условиях для русов и славян (или какой-то их части) мог быть либо добровольный уход из Нижнего Поволжья, либо попытка поставить город под свой контроль. Многочисленная славяно-русская гвардия, по всей видимости, не должна была сильно пострадать в ходе боевых действий, которые велись в 965 г. Маловероятно, чтобы славяно-русские воины были брошены на защиту Саркела, где им предстояло сражаться со своими единоплеменниками; набег же тюрок отражали хорезмийцы. Следовательно, у местных русов было достаточно сил для того, чтобы если не обратить ситуацию в свою пользу, то хотя бы, раз уж приходилось покидать Нижнее Поволжье, пограбить Итиль и другие хазарские города. Поэтому под русами, разгромившими хазарские города в 969 г., следует понимать славяно-русских наемников из Итиля.

Судя по сообщению Ибн Хаукаля, русы обрушились на совершенно беззащитные земли хазар, буртасов, а также булгар, под которыми по контексту могут подразумеваться только волжские булгары. Русы не встретили никакого сопротивления ни со стороны местных жителей, ни со стороны соседних государств, о позиции которых в связи с нападением русов вообще ничего не говорится. Создается впечатление, что в 969 г. русы были единственной реальной политической силой, способной влиять на ситуацию в Нижнем Поволжье.

О том, как развивались события в Хазарии после нападения русов 969 г., сколько-нибудь внятной информации источники не содержат. Если судить по данным Ибн Хаукаля, то получается, что русы — во всяком случае какая-то их часть — оставались в

[48] *Калинина Т. М.* Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976. С. 94.

[49] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 68.

Нижнем Поволжье и после похода 969 г. По всей вероятности, костяк оставшихся составили бывшие наемники хазарского царя, хорошо знакомые с местной обстановкой.

Жители Итиля и Самандара, спасаясь от русов, покинули свои города, но большинство беженцев позднее вернулись в Итиль и Хазаран при содействии ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Йазиди (981—991), который, по утверждению Ибн Хаукаля, выступал гарантом их безопасности[50]. Очевидно, что как минимум до начала 980-х гг. беспрепятственное возвращение хазарских беженцев в Нижнее Поволжье было невозможным, поскольку этот район находился под контролем русов. Характерно, что в изображении древнерусских и иных источников как раз период 980-х гг. отмечен активизацией русско-восточных контактов. Так, в Повести временных лет под 985 г. рассказывается о походе Владимира Святославича в союзе с торками «на болгар»[51], в которых усматривают волжских или приазовских булгар[52]. Иаков Мних сообщает (без даты) о походе того же Владимира против хазар[53]. По данным арабских источников, в 987—989 гг. отряд русов принимал участие в политической борьбе, развернувшейся в Дербенте между эмиром Маймуном, на стороне которого выступали русы, и городскими старейшинами[54]. Понятно, что обращение Маймуна за помощью к русам могло иметь какой-то практический смысл лишь при условии возможности их скорейшего появления в Дербенте. Русы прибыли в Дербент на 18-ти судах, и это указывает на их приход со стороны Волги, устье которой они сами, по-видимому, и контролировали.

Таким образом, борьба за «хазарское наследство», в которую, помимо Руси, включились Хорезм и тесно связанная с ним Волжская Булгария, Ширван и кочевники-огузы, прекратила существование Хазарии как государства.

---

[50] Opus geographicum auctore Ibn Haukal... T. 2. P. 393, 397.

[51] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84; Т. 2. Стб. 71.

[52] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 227.

[53] *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения. 1963. № 37. С. 66—75.

[54] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 68.

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Болгары и другие родственные им тюркские племена до их переселения в Среднее Поволжье жили в восточноевропейских степях. Они пришли сюда с востока вместе с гуннами и начали активно участвовать в политических событиях Юго-Восточной Европы с V—VI вв. В конце VI в. болгары попали в зависимость от Западно-Тюркского каганата, после распада которого, в 630-х гг., на восточных берегах Черного и Азовского морей, на Таманском полуострове и в Прикубанье образовалась Великая Болгария под предводительством Кубрата.

Первую волну переселений болгар на среднюю Волгу связывают с распадом Великой Болгарии. На территории Самарско-Ульяновского Поволжья открыты и изучены курганные могильники новинковского типа, оставленные в конце VII — первой половине VIII в. тюркскими племенами, в составе которых были и болгары[1]. Болгарские племена появились в Среднем Поволжье одновременно с их переселением под предводительством Аспаруха на Дунай.

Вторая миграционная волна болгар из районов Подонья в Среднее Поволжье началась в середине VIII в. Бóльшая часть болгар после распада Великой Болгарии оказалась в составе Хазарского каганата, археологически представленного салтово-маяцкой культурой. Сами хазары оставались кочевниками до самой гибели государства, но другие этнические группы, в том числе и болгары, аланы, савиры, входившие в каганат, были полуоседлыми и оседлыми. В VIII—IX вв. у них были постоянные поселения и крепости, обитали они в полуземлянках и стационарных юртообразных жилищах[2]. После крупного поражения Хазарского каганата от арабов в 737 г. значительная часть болгар ушла в Среднее Поволжье. Их памятники, датируемые серединой VIII — первой половиной IX в., представлены Больше-Тарханским, Кайбельским, Уреньским и некоторыми другими могильниками, расположенными в Республике Татарстан, Ульяновской и Самарской областях[3]. В рассматриваемое время на средней Волге и нижней Каме кочевали племена, отличные по этносу от тюркоязычных булгар. Им принадлежит, в частности, Больше-Тиганский могильник, оставленный ранними венграми на пути движения в Паннонию[4]. Это население тесно контактировало с булгарами и входило вместе с ними в одно этнокультурное объединение, в недрах которого происходило

[1] *Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.* Праболгары на Средней Волге: (У истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

[2] *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии / Науч. ред., послесл. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 2000.

[3] *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М., 1964.

[4] *Халикова Е. А., Халиков А. Х.* Ранние венгры на Каме и Урале: Больше-Тиганский могильник. Казань, 2018.

формирование волжскобулгарской народности.

Третья волна переселений болгар с территории Хазарского каганата произошла во второй половине IX в. Одновременно происходит значительная миграция финно-угорского населения с верхней Камы. Эталонными памятниками булгар этого времени являются Танкеевский, Тетюшский, Кокрятьский, Старомайнский и другие могильники. Первый из них принадлежит к числу крупнейших раннесредневековых некрополей Восточной Европы (около 5 тыс. погребений, из которых изучено 1200)[5]. Волна переселений болгар на среднюю Волгу завершается в конце IX — начале X в. Причиной тому явилось мощное наступление на Хазарский каганат печенегов, пришедших с востока.

Образование государства. Волжская Булгария возникла на рубеже IX— X вв. В отличие от местных поволжских финнов, булгары имели к тому времени опыт государственности. Социально-экономические предпосылки ее возникновения вызревали в недрах полукочевой «конфедерации», в которой булгары были лидирующей группой, стремящейся объединить под своей властью все другие племена. Усиление военно-племенной знати, выделившейся из массы свободных общинников и окружавшей себя военной дружиной из числа наиболее отважных и преданных соплеменников, свидетельствовало о процессе социального расслоения общества.

Сложению Булгарского государства во многом способствовал Великий Волжский, или точнее Балтийско-Волжский, торговый путь, активно функционировавший с середины VIII в. Евразийская по своему размаху торговля, сконцентрированная в крупных ярмарочных пунктах, вовлекала в сферу своей деятельности широкую сельскохозяйственную округу.

В первой четверти X в. наблюдаются уже все признаки государственности у волжских булгар: правитель в лице Алмуша и подвластное ему население, монотеистическая религия, начало чеканки монет и установления дипломатических отношений с соседними государствами, города как центры ремесла и торговли, столица государства — Болгар.

Территория и население Волжской Булгарии. Народы Волго-Уральского региона. Арабские и персидские географы помещали страну булгар в седьмом климате и считали ее самой северной страной, населенной мусульманами (вклейка, рис. 85). Ибн Русте в своей «Книге драгоценностей» (903—913) сообщает о ней более подробно: «Булгарская земля смежна с землею буртасов. Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское [Каспийское] и прозывается Итиль. <...> Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут»[6].

Более конкретное представление о территории Волжской Булгарии дают археологические материалы. В настоящее время известно более 2 тыс. булгарских памятников X—XIV вв.: около 190 городищ, более 900 селищ, 80 грунтовых могильников, около 500 отдельных местонахождений (вклейка, рис. 86). Подавляющее большинство их — около 170 городищ, более 700 селищ, несколько десятков могильников — относится к домонгольскому времени[7].

Территория домонгольской Волжской Булгарии, если рассмотреть ее с точки зрения современных административно-политических единиц, выходила далеко за

[5] *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Булгарии. М., 1992. С. 87 и след.

[6] *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869. С. 22.

[7] *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

пределы современного Татарстана. По неполным данным, в Ульяновской области известно более 100, в Самарской — около 80 булгарских памятников. Самые южные памятники расположены на широте Самарской Луки. Юго-восточные районы Чувашии, связанные с бассейном Свияги, также были заселены булгарами. Здесь открыто около 40 памятников, определяемых специалистами как булгарские.

В целом территория Булгарского государства, реконструируемая на основании письменных и археологических источников, включала в себя земли от реки Казанки на севере до Самарской Луки на юге, от реки Суры на западе до рек Белой и Урала на востоке и юго-востоке. В первой половине X в. в эту конфедерацию племен входили булгары, берсула (барсилы), эсегелы (эскиль, ишкил), сувары (сувазы, савиры), билеры, баранджары. Уже во второй половине X столетия многие из вышеназванных этнонимов исчезают, но продолжают еще фигурировать булгары и сувары, которые, как отмечал позднее Махмуд Кашгари, были очень близки между собой по языку.

Собственно булгары занимали бассейн Малого Черемшана, где была основана их столица, известная по русским летописям как Великий город серебряных булгар. Названия «Биляр» и «Болгар» в источниках очень часто упоминаются как синонимы. Сувары локализуются по основанному в начале X в. одноименному племенному центру на реке Утка в современном Спасском районе Республики Татарстан. Группу баранджаров в количестве 5 тыс. душ, «уже принявших ислам», Ибн Фадлан видел также в центральных землях страны. Определить первоначальную территорию расселения берсула (барсил) не представляется возможным.

Все эти племена, несмотря на определенные, иногда довольно существенные различия в материальной культуре, антропологическом типе, языке и т. д., в целом были достаточно близкими по образу жизни, стояли примерно на одной ступени социально-экономического и военно-политического развития.

Окончательное сложение булгарской народности происходило в XII — начале XIII в. На всей территории Волжской Булгарии складывается своеобразная, но единая культура, основанная на общности языка, духовной и материальной культуры. Следует подчеркнуть консолидирующую роль официальной мусульманской религии, призванной объединять все входящие в состав населения Булгарии племена вокруг единого правителя. Восточные писатели и русские летописцы однозначно называют население страны одним именем — булгары (болгары), а саму страну — Булгарией, Булгарской землей[8].

Образование Булгарии в эпоху Средневековья привело к существенным изменениям в расселении, хозяйственной, социальной и культурной жизни тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Народы, обитающие в регионе, испытывали сильное военно-политическое, языковое, культурное и религиозное воздействие Булгарского государства, включившего в свой состав территории Посурья, Примокшанья и Верхнего Прикамья. Освоение новых областей не нарушало мирного сосуществования. Отдельные группы населения из народов, проживающих на присоединенных землях, привлекались на службу в войска. Подобные отношения складывались в Вятско-Ветлужском и Сурско-Свияжском междуречьях и верховьях реки Белой. Часть финно-угорского населения дисперсно проживала и в центральных районах Булгарии на сельских поселениях, и в городах. Происходил процесс их мусульманизации, тюркизации,

[8] История татар с древнейших времен. Т. 2: Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006. С. 650—656; *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007.

в ходе которых они становились частью податного населения[9].

На северных границах Булгарии, в бассейне реки Чепца и верховьях реки Казанки, а также в среднем течении реки Вятки, во второй половине IX—XIII в. сформировалась чепецкая археологическая культура. С ее генезисом связаны истоки древних удмуртов. В Чепецко-Вятском регионе эта культура представлена примерно сотней археологических памятников. В их числе городища Иднакар, Гурьякар, Учкакар и др., а также многочисленные селища и могильники. На поселениях выявлены жилые и хозяйственные постройки, а также производственные объекты металлургии, металлообработки и гончарного ремесла. Известно большое число находок булгарских импортов или близких к ним по форме предметов, вероятно, изготовленных местными мастерами. Отсюда поступали меха, составлявшие важную статью экспорта Булгарии в страны Востока. Очевидно, это население имело тесные торгово-экономические и военно-политические связи с Булгарией, от которых во многом зависел социальный и экономический уровень развития региона[10]. Значимость этих контактов особенно ярко видна из того, что после монгольского завоевания сложившаяся поселенческая структура, хозяйственный уклад и материальная культура местного населения прекратили свое существование.

Верхнее Прикамье и верховья реки Вятки в IX—XIII вв. были заселены немногочисленными группами финно-угорских племен, представленных археологическими памятниками родановской культуры. В их числе значительные по своим размерам городища — Рождественское, Анюшкар, а также несколько могильников (Аверинский, Бродовский и др.). С Рождественским городищем исследователи связывают город «Афкула», известный у восточных авторов. Очевидно, это городище относилось к числу торгово-ремесленных поселений булгар и служило своего рода факторией, на что указывают находки булгарского происхождения (керамика, металлопластика и железные изделия), а также расположенный рядом могильник с погребениями, совершенными по мусульманскому обряду. После гибели Булгарии под ударами монголов эти поселения пришли в упадок, а население резко изменило образ жизни и хозяйствования[11].

В Восточном Закамье и Икско-Бельском междуречье в X—XI вв. проживало кочевое население, которое оставило многочисленные курганные могильники. Поселенческие памятники представлены кратковременными стоянками на местах переправ или сезонных стойбищ. Укрепленные поселения с домами и хозяйственными постройками представляли собой места зимнего пребывания или административные центры. Исторические и палеогенетические исследования указывают, что данное население было связано с древневенгерскими племенами, оставшимися здесь после ухода основной массы мадьяр на запад[12]. По восточным источникам, здесь располагалась историческая область «Маджар/Баджард». На это же указывают и сведения западных путешественников (Юлиана, Рубрука, Плано Карпини), которые упоминают о стране «Паскатир», где, по их описаниям, живут венгры. Археологическим подтверждением

---

[9] *Казаков Е. П.* Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: Проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

[10] *Иванова М. Г.* Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994; *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

[11] *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественское. Пермь, 2008.

[12] *Казаков Е. П.* Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: Проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

этого являются присутствие на булгарских памятниках керамики прикамского типа и проявление в восточных мусульманских могильниках своеобразных черт погребального обряда[13].

На территориях западнее Вятки и до Ветлуги в IX—XIII вв. формировалось древнемарийское население. К числу ярких поселенческих памятников относятся такие городища, как Васильсурское, Сомовское, Юльяльское и др., а также многочисленные могильники с богатыми вещевыми погребальными комплексами (Русинихинский, Младший Ахмыловский, Веселовский и др.). Хозяйственная жизнь населения была многоукладной, сочетавшей охоту, рыболовство и зачатки земледелия. Были распространены меднолитейное производство, гончарство и другие ремесла[14]. Вещевой материал памятников этого круга свидетельствует о тесных контактах с булгарами.

На западе Волжской Булгарии, на левобережье верхней Суры в IX—X вв. появилось население, которое совместно с автохтонными финно-угорскими племенами сформировало новую общность, ставшую частью Булгарского государства[15]. Исследователи предполагают, что данная группа может быть связана с известными по восточным письменным источникам племенами буртас[16]. Здесь получает распространение булгарская материальная культура.

Булгарские города. На территории Волжско-Камской Булгарии археологами выявлено более 170 городищ домонгольского времени. К числу крупнейших городищ, имеющих укрепленную площадь более 100 га, относятся Билярское (620 га), Балынгузское, Горкинское II, Староалейкинское, Кашан I, Муромский городок.

Болгар на Волге располагался в 30 км от устья Камы на краю коренной волжской террасы высотой около 30 м. До наших дней сохранились остатки укреплений городища в виде земляных валов и рвов, ограничивающих площадь более 380 га, а также архитектурные памятники, однако все эти сооружения воздвигнуты в период Золотой Орды — главным образом в XIV столетии. Валы домонгольского периода до нас не дошли. Археологические следы таких укреплений выявлены раскопками: о них свидетельствуют несколько линий рвов глубиной 2,5—3 м, рядом с которыми в прошлом размещались и валы, срытые по мере расширения укрепленной площади. Наиболее ранний ров отделял мыс при впадении Иерусалимского оврага в долину реки Меленки и охватывал площадь около 9 га[17]. В XII в. была возведена новая линия фортификационных сооружений, охватившая территорию в 24—25 га[18].

Жилые и хозяйственные сооружения раннего Болгара сохранились во фрагментарном состоянии. За весь период археологических исследований городища (начиная с раскопок А. П. Смирнова 1938 г.) выявлено всего 13 жилищ: четыре полуземлянки, четыре наземных деревянных дома, пять — предположительно юртообразные[19]. Сооружения производственного характера выявлены за пределами ранних городских укреплений: здесь обнаружены многочисленные железные шлаки, металлургические

---

[13] *Гарустович Г. Н.* Население лесостепной зоны Южного Урала в X — начале XIII вв. // Археология Южного Урала. Стерлитамак, 1992. С. 208—214; История татар с древнейших времен. Т. 2. С. 408—417.

[14] *Никитина Т. Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.

[15] *Белорыбкин Г. Н.* Западное Поволжье в Средние века. Пенза, 2003.

[16] *Белорыбкин Г. Н.* Золотаревское поселение. СПб.; Пенза, 2001.

[17] *Хлебникова Т. А.* История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 48—49.

[18] Там же. С. 55.

[19] *Полубояринова М. Д.* Жилища Болгара // Город Болгар: Жилища и жилая застройка. М., 2016. С. 185.

горны и запасы железной руды, свидетельствующие об обработке черного металла.

Культурный слой X—XI вв. слабо насыщен находками. Это в основном фрагменты лепной и гончарной керамики, бытовые предметы из железа, бронзы и кости. При раскопках найдено клише для чеканки монет города Болгар начала X в. и монеты этого же времени, свинцовые грузики, имеющие аналогии в среднеазиатских древностях X—XII вв.

Археологические материалы по Болгарскому городищу X—XI вв. представляют его как укрепленное поселение, участвующее в международной торговле в силу своего удобного географического расположения на берегу Волги. Как отмечал А. П. Смирнов, в X — первой половине XIII в. «Болгар в экономическом отношении уступал таким городам, как Биляр или Сувар, где культурные напластования домонгольского периода весьма мощны и богато насыщены различными культурными остатками»[20].

В XII — начале XIII в. ремесленный посад Болгарского городища расширился. Здесь более многочисленны, по сравнению с ранним городом X—XI вв., хозяйственные сооружения: зернохранилища, погреба, ямы. Остатки ремесленного производства на посаде более выразительны: сыродутные горны для плавки черного металла, признаки медеплавильного ремесла, кожевенных мастерских и т. д.

Биляр — Великий город, расположен почти в центре Западного Закамья в бассейне реки Малый Черемшан. Расстояние от Биляра до реки Камы составляет 50 км, до города Болгара на Волге — около 100 км.

Территория городища окружена концентрически вписанными земляными валами и рвами, которые делят его на внутренний и внешний город. Внутренний город площадью более 130 га обнесен двумя линиями валов и рвов длиной около 5 км. Внешний город площадью около 490 га окружен тремя линиями укреплений протяженностью более 10 км. Таким образом, общая площадь городища вместе с укреплениями составляет 620 га. Примерно в центре внутреннего города выделяется «цитадель» (административный центр), а за пределами городских стен, почти вплотную примыкая к ним, располагаются пригородные поселения. С учетом неукрепленных пригородов общая площадь Билярского комплекса приближается к 800 га. Есть все основания относить его к числу крупнейших городов средневекового мира. По своим размерам Биляр превосходит все остальные города домонгольской Булгарии (рис. 1).

В истории развития Биляра выделяются два крупных этапа[21]. Ранний этап начинается с момента основания Биляра и охватывает первое столетие его существования. Еще в период своего возникновения город занимал внушительную по своим размерам площадь — более 600 га. Все дальнейшее его развитие вплоть до гибели происходило в основном в пределах этой территории. Одним из важнейших событий раннего Биляра следует считать строительство ряда крупных зданий во внутреннем городе. Центральное место среди них занимает Соборная мечеть из дерева, построенная, вероятно, в год официального принятия ислама в Волжской Булгарии (922). Спустя некоторое время рядом с ней возводится каменная мечеть с отдельно стоявшим минаретом. Одновременно с мечетью недалеко от нее строится кирпичное здание (общественная баня?). Есть основания считать, что с момента возникновения города в его центральной части началось формирование аристократического района, администра-

[20] *Смирнов А. П.* Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1954. Вып. 55. С. 22—23.

[21] *Хузин Ф. Ш.* Великий город на Черемшане. Казань, 1995. С. 127 и след.

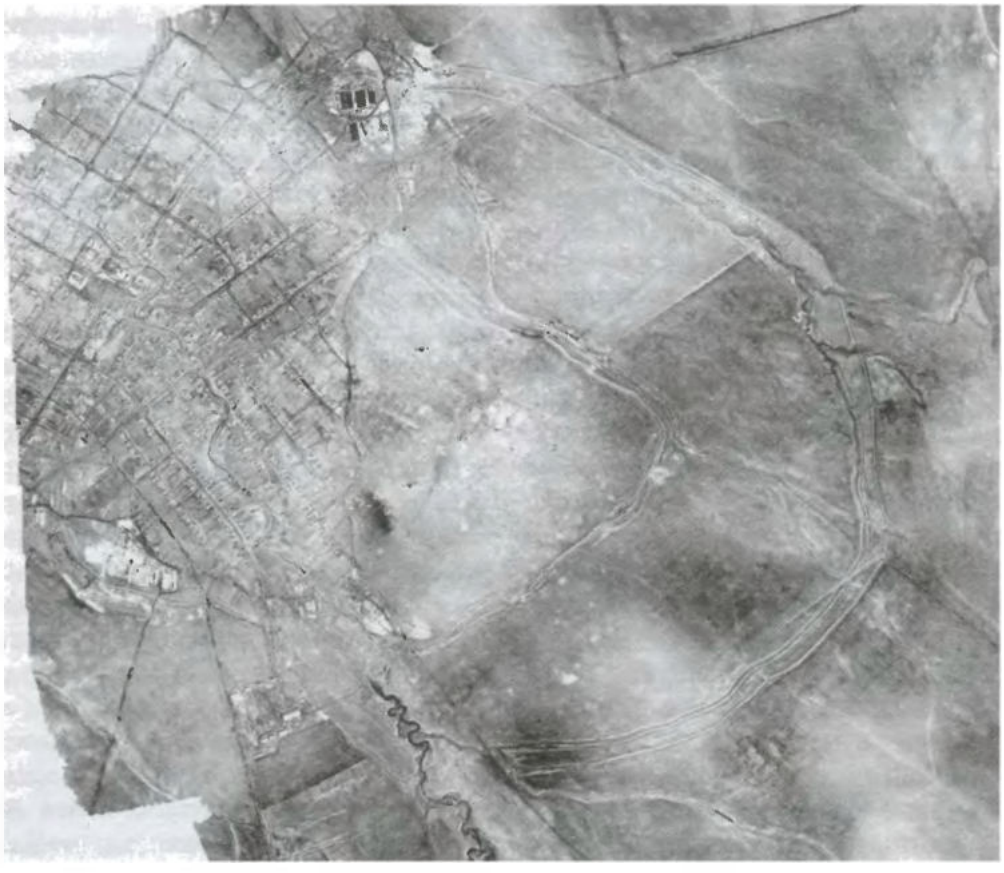


Рис. 1. Игонин Н.И. Аэрофотоплан Билярского городища на материалах съёмки 1973 г. НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф 1. Оп. 1. Ед. хр. 1

тивно-политического и культового центра. В этом же районе находилась, скорее всего, и резиденция булгарского правителя.

Следы ремесленного производства обнаружены как во внутреннем, так и во внешнем городе. Так, за пределами административного центра исследовались усадьбы кузнецов-металлургов. Во внешнем городе на правом берегу реки Билярки располагался обширный район гончарных мастерских. В разных районах города выявлены также следы ювелирного и косторезного дела, цветной металлургии и некоторых других производств. Для раннего Биляра следует признать характерной относительно редкую заселенность его территории, особенно это касается внешнего города, что было обусловлено также необходимостью содержания больших стад домашних животных, прежде всего крупного рогатого скота и лошадей.

Осенью 1236 г. Волжская Булгария подверглась нападению и страшному разорению со стороны вторгшихся в пределы Восточной Европы монгольских войск. Главный удар был направлен на Великий город — столицу страны. Верхний слой городища представляет собой золисто-углистую массу, перемешанную с обломками человеческих костей. Во множестве встречены наконечники стрел, употреблявшиеся монголами в XIII в. Известны коллективные могилы с большим числом захоронений погибших воинов, совершенных спешно, без соблюдения традиционных ритуалов.

Сувар располагался в 70 км к юго-западу от Биляра на реке Утка, впадающей в Волгу. Его значение в истории Булгарского государства определяется не только крупными размерами городища (около 90 га), но и тем экономическим, политическим и культурным потенциалом, которым он обладал, будучи первоначально центром самостоятельного княжества, а затем обширной округи со значительным числом сельских и городских поселений. Нумизматические материалы проливают свет на малоизученные страницы политической жизни Сувара X столетия. Достоверно определены монеты двух суварских эмиров — Талиба ибн Ахмеда и Мумина ибн Ахмеда, чеканенные в 948—976 гг. Основываясь на этих данных, можно полагать, что Сувар с момента своего возникновения являлся центром обособленного княжества, потерявшего самостоятельность лишь в конце X в. Сувар окружали валы и рвы протяженностью около 4,5 км. За пределами валов располагаются обширные пригородные поселения. Крупные раскопки на Суваре производились в 1933—1937 гг. А. П. Смирновым. В центре городища исследовались остатки кирпичного здания, которое сохранилось на уровне фундамента и цокольной части с полом и системой подпольного отопления. Здание было двухэтажным и имело в плане форму вытянутого прямоугольника (вклейка, рис. 87).

Среди находок из раскопок нет вещей, которые безоговорочно можно было бы отнести к золотоордынскому времени. Это свидетельствует о существовании Сувара только в X — первой трети XIII в.[22]

Город Джукетау находился на Каме, в 2 км к западу от современного города Чистополя. Укрепленная территория его, располагавшаяся на высоком мысу левобережья Камы, небольшая — всего около 6 га, но посады-пригороды, примыкающие к городищу с восточной, южной и западной сторон, достигают почти 100 га. Здесь изучены остатки жилищ рядовых горожан, следы ремесленных мастерских, погребения на двух городских некрополях. Материальная культура жителей несколько отличается от традиционно болгарской обилием предметов (в том числе глиняной посуды) из регионов Верхнего Прикамья[23]. В письменных источниках Джукетау упомянут в числе городов, взятых войсками монголо-татар в 1236 г.

Ошель — булгарский город, известный по русским летописям, располагался на правом берегу Волги. В настоящее время его археологические остатки локализуют на месте городища, расположенного к северу от села Богдашкино Тетюшского района Республики Татарстан. Занимает площадь около 77 га. Город Ошель единственный раз упоминается в русских летописях под 1220 г. в связи с походом войск Владимиро-Суздальского княжества, когда он был взят штурмом и сожжен.

Раскопы, заложенные во внутреннем городе, дали интересный материал, позволяющий датировать его возникновение временем не позднее XI в. Среди этих материалов исключительный интерес представляют остатки языческих погребений, очень близких по обряду захоронения к Тетюшскому и Больше-Тарханскому могильникам. Основной слой внутреннего города датируется XII — началом XIII в.

Муромский городок — уникальный памятник археологии домонгольских булгар на Самарской Луке[24]. Территория города площадью около 400 га представляет собой равнину с волнистым рельефом, рассеченную многочисленными оврагами, которые

[22] *Хузин Ф. Ш., Шарифуллин Р. Ф.* Город Сувар: Некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С. 85—100.

[23] *Набиуллин Н. Г.* Джукетау — город булгар на Каме. Казань, 2011.

[24] *Матвеева Г. И., Кочкина А. Ф.* Муромский городок. Самара, 1998.

использовались в системе обороны города и разделяли его на несколько частей: внутренний город, внешний город, пригороды. Мусульманские некрополи открыты в южной и западной частях города.

Первые раскопки на территории городища проводились в 1928—1929 гг. экспедицией Самарского университета под руководством профессора В. В. Гольмстен. Раскопками были выявлены два здания, сложенные из известняковых камней и обожженного квадратного кирпича. В 1970-х гг. были изучены остатки еще двух кирпичных зданий, бревенчатые и глинобитные жилища рядовых горожан, производственные сооружения, в том числе несколько медеплавильных печей, гончарные горны, кузницы. Новые исследования характеризуют памятник как один из крупнейших городов домонгольской Волжской Булгарии на ее южных границах, погибший во время монгольского нашествия 1236 г.

Юловское городище — остатки пока одного из немногих булгарских городов в Верхнем Посурье, исследованного археологами. Оно расположено в центре города Городище Пензенской области. Общая площадь памятника составляет 22 га. Его можно отнести к числу малых городов Булгарии. На городище открыты остатки жилых, хозяйственных и производственных сооружений, в том числе гончарный горн и косторезная мастерская. Значительное количество предметов связано с железоделательным, медеплавильным, деревообрабатывающим и ювелирным ремеслами. Продукция ювелиров представлена и в кладе серебряных вещей (витые браслеты, шейная гривна, височная подвеска и проч.).

Казань относится к числу небольших приграничных городов Волжской Булгарии, возникших в начале XI в.[25] На сегодня это одно из наиболее хорошо исследованных поселений. Размеры его составляли около 5 га. Город был первоначально обнесен деревянной стеной, которая к концу XII в. была перестроена. Были возведены каменные проездные ворота, Сторожевая башня, а с напольной стороны и по краю холма воздвигнуты каменные стены.

Поселение представляло собой важный военный форпост на северо-западных рубежах государства для обеспечения безопасности торговли. Активные торговые связи представлены разнообразными импортными предметами, привезенными в Казань из стран Востока и Западной Европы, древнерусских княжеств.

К числу исторически известных городов Волжской Булгарии относятся также Кашан, Алабуга и другие, возникшие на рубеже X—XI вв., а также десятки других, названия которых не сохранились в источниках.

Экономическая жизнь. Экономика Волжской Булгарии домонгольского периода носила комплексный характер и включала в себя сельское хозяйство с развитым для того времени земледелием и скотоводством, ремесла, внутреннюю и внешнюю торговлю, а также различные промыслы, рыболовство и охоту.

Земледелие и скотоводство. О большой роли земледелия в Булгарском государстве свидетельствуют письменные источники. Арабский географ начала X в. Ибн Русте писал: «Болгары — народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и другие»[26]. Ибн Фадлан отмечает, что «пища их — просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень [у них] в большом количестве»[27]. При

[25] *Ситдиков А. Г.* Казанский Кремль: Историко-археологическое исследование. Казань, 2006.

[26] *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. С. 21.

[27] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 136.

раскопках найдены почвообрабатывающие орудия (сошники, наральники, лемеха и др.), орудия уборки и переработки урожая (серпы, жернова), а также богатый палеоботанический материал, то есть остатки зерен культурных растений и сопутствующих сорняков. В зерновых материалах выявлено около 20 видов культурных растений. Среди зерновых преобладают пшеница мягкая, просо, ячмень и полба-двузернянка. В сравнительно небольшом количестве обнаружены пшеница твердая, чечевица, горох, вика посевная. Рожь у булгар занимала весьма скромное место, овес специально не высевался и являлся лишь примесью к другим культурам. Из технических культур популярностью пользовался лен; конопля встречается значительно реже[28].

Скотоводство было другой важной отраслью сельского хозяйства. Оно стабильно обеспечивало население страны мясо-молочными продуктами. Кроме того, лошади использовались в транспортных целях, волы — как тягловая сила на пашне. Шерсть шла на изготовление войлока и различных тканей. Кожевенное и косторезное ремесла в значительной степени базировались на сырье, поставляемом животноводством.

Булгары разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец и коз. Феодальная верхушка имела возможность разведения хороших коней, используемых не столько в хозяйстве, сколько в военном деле[29]. Следует отметить отсутствие свиней в составе булгарского стада, что связано несомненно с запретами ислама и древними кочевническими традициями населения.

Булгары разводили также домашних птиц — кур, кости которых известны среди остеологических материалов многих поселений, а яичная скорлупа была обнаружена в хозяйственных ямах и погребах Биляра и Сувара.

Источники не свидетельствуют о существенной роли охоты в хозяйственной жизни булгар. Они занимались также рыболовством и бортничеством (сбором меда диких пчел).

Городское ремесло. В экономике Волжской Булгарии X — начала XIII в. городское ремесло играло чрезвычайно важную роль.

Ведущими отраслями ремесла в Волжской Булгарии были черная металлургия и металлообработка (кузнечное дело)[30]. Остатки сыродутных горнов для выплавки железа сохранились на Болгарском и Хулашском городищах, в Биляре и на Муромском городке. Следы металлургического производства (скопление железных шлаков и криц, глиняные сопла, куски прокаленной глиняной обмазки) были обнаружены на ряде булгарских селищ. Основным сырьем служили болотные, озерные и луговые руды с большим количеством фосфора, отличающиеся легкоплавкостью и значительным содержанием железа (до 40 %). Никелевая руда, применявшаяся при плавке железа в качестве легирующих добавок, привозилась, скорее всего, со Среднего и Южного Урала.

Булгарский кузнец — высокопрофессиональный мастер, владевший всеми тонкостями технологии металла, доступными в то время, — имел богатый набор инструментов. Среди них тяжелые молоты-кувалды, молотки-ручники, наковальни различных форм и размеров, зубила и пробойники, напильники, клещи большие и малые, которые нередко обнаруживаются во время раскопок. В кузнечном деле существовала определенная специализация. В одних мас-

[28] *Туганаев В. В.* Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // Исследования Великого города. М., 1976. С. 244.

[29] *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.

[30] *Семыкин Ю. А.* Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII — начале XIII вв. Казань, 2015. (Археология евразийских степей; Вып. 21).

терских производили сельскохозяйственные орудия, в других бытовые вещи (ножи, ножницы, кресала, гвозди, пробои и т. д.), в третьих — оружие (мечи и сабли, наконечники стрел, боевые топоры, кистени и булавы).

Булгарские медники выпускали в основном разнообразную посуду — кружки, чаши, блюда, котлы, светильники, маленькие сосудики (чернильницы?), а также чашечки весов, гирьки-разновесы и т. д. На Старокуйбышевском IV поселении жили ремесленники, специализировавшиеся на изготовлении медной посуды; в Биляре работали мастерские по изготовлению бронзовых замков в виде фигурок рогатых барсов. Обработка цветных металлов теснейшим образом связана с ювелирным ремеслом, которое у волжских булгар достигло высокого уровня[31]. Излюбленными украшениями женщин были плетеные и пластинчатые браслеты, серьги-лунницы с ложнозерненым оформлением лицевой стороны, перстни и височные подвески. Шумящие привески и другие украшения финно-угорского облика были рассчитаны на экспорт. Богат также ассортимент поясных украшений, принадлежностей одежды и предметов женского туалета. Высокопрофессиональные мастера знали сложнейшие приемы обработки драгоценных металлов, в том числе техники скани (филиграни) и зерни. Сканые украшения делались из золота и серебра. Образцом совершенства ювелирного ремесла считаются булгарские изделия XI—XII вв. — золотые височные подвески в виде кольца с тремя желудеобразными бусинами-пронизками, ажурной фигуркой уточки в центре и тремя привесками-бусами на тонких цепочках.

Высокого уровня достигла обработка драгоценных и полудрагоценных камней. Известны не только готовые украшения в виде бус, подвесок, кулонов, перстней из сердолика, горного хрусталя, лазурита, халцедона, янтаря и т. п., но и их заготовки-полуфабрикаты, отходы производства.

Гончарное ремесло относится к числу основных производств Волжской Булгарии[32]. Успехи булгарского гончарства наглядно демонстрируют не только десятки высокопроизводительных горнов для обжига посуды, открытых археологами на городских и сельских поселениях, но и факт чрезвычайно широкого распространения этой посуды на обширных территориях Восточной Европы. Разнообразие, практическая целесообразность форм, изящество орнамента, качественный высокотемпературный обжиг характеризуют продукцию булгарских гончаров: кувшины, кринки, горшки, корчаги, хумы, чаши, плошки, миски, котлы, сковородки, светильники, «детские горшки», игрушки. Широкий ассортимент, сочетающийся со стандартизированностью форм, свидетельствует о работе мастеров на рынок.

На базе гончарного дела или под его влиянием зародились две совершенно новые отрасли ремесла — производство строительного кирпича и стеклянных изделий. Горны для обжига кирпича открыты в Биляре и на Муромском городке. Начало производства изделий из привозного готового стекла в булгарских городах относится к XII в.[33] В Биляре выявлены остатки уникального производственного комплекса — мастерской алхимика и стеклодува. В билярских мастерских производили также стеклянную посуду — банки, кубки, рюмки, флакончики, отличающиеся простотой форм и приемов орнаментации. Следует подчеркнуть исключительно городской, элитарный характер стеклоделия.

[31] *Руденко К. А.* Булгарское золото. Казань, 2011. (Древности Биляра; Вып. 1); *Он же.* Булгарское серебро. Казань, 2015. (Древности Биляра; Вып. 2).

[32] *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

[33] *Валиулина С. И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань, 2005.

В булгарских городах развивались также косторезное ремесло и кожевенное дело. Во многих странах Востока и Запада чрезвычайно высоко ценился особый сорт тонко обработанной кожи (юфть), называемый «булгари». Под 985 г. Повесть временных лет сообщает о булгарских воинах, которые «суть вси в сапозѣх»[34].

Сохранившиеся остатки деревянных домов, хозяйственных построек и крепостных сооружений документируют высокий уровень строительного дела в булгарских городах. Об этом же свидетельствует разнообразный инструментарий строителей: топоры, тесла, пилы, долота, сверла, скобели, стамески, ложкари и т. д.

Торговля. Булгарские города были крупными центрами внутренней и внешней торговли. Чрезвычайно выгодное географическое расположение Булгарии при слиянии Волги и Камы — магистральных водных путей Восточной Европы — стимулировало внешнюю торговлю. Булгарское государство еще в X в. превратилось в крупнейший центр транзитной торговли.

Торговый инструментарий (весы и их детали, железные и бронзовые гирьки), монеты и их обрезки, слитки серебра и т. п. являются показателями присутствия торговцев. Самые многочисленные находки, связанные с торговой деятельностью, обнаружены на Билярском городище, Измерском I и Семеновском I поселениях.

В сочинениях ал-Марвази (XI в.), ал-Гарнати (XII в.) и других восточных авторов приводится список товаров, ввозимых булгарскими купцами в страны Ару, Вису и Йура. Он включает в себя оружие (мечи или сабли), одежду, ткань, украшения, продукты питания, глиняную и металлическую посуду. На средневековых памятниках Предуралья обнаружено большое количество ювелирных изделий и украшений (височные кольца, серьги, накосники, шейные гривны, привески, подвески, в том числе и со сценами охоты, пластинчатые и плетеные браслеты, перстни, бусы, детали поясного набора и т. д.), предметов туалета (костяные и медные гребни, зеркала, копоушки), вооружения (железные наконечники стрел и костяные накладки на сложносоставной лук, копья, мечи и сабли, боевые топоры, рукояти нагаек и проч.), повседневного быта (медная и серебряная посуда, замки и ключи, глиняные пряслица), духовной культуры (амулеты), изготовленных в булгарских городах. Инструментарий булгарских ювелиров (глиняные тигли, каменные литейные формы, пинцеты) и торговцев (складные весы, железные и бронзовые гирьки-разновесы), а также земледельческие орудия труда (наральники и плужные ножи) свидетельствуют о постоянном проживании булгар среди местного финно-угорского населения.

В районах Нижнего и Среднего Приобья, в бассейне Иртыша и Тобола в комплексах второй половины XII — первой половины XIII в. известно большое количество предметов булгарского экспорта, включающих в основном ювелирные изделия, изготовленные с применением техники скани и зерни, а также бронзовые замки в виде лошадки.

Волжская Булгария играла активную роль в международной торговле, особо тесные связи она имела со странами Востока, Хазарией, Крымом и Кавказом. Волжская Булгария и Киевская Русь, а позже древнерусские княжества всегда поддерживали между собой тесные торговые контакты. Ибн Русте в начале X в. писал, что из Руси сюда привозят меха собольи, горностаевы, беличьи и другие, а ал-Балхи добавляет к ним бобровые меха, мед и воск[35].

---

[34] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 84.

[35] *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. С. 23, 169.

Широкий ассортимент товаров, вывозимых из Булгарии в Хорезм и другие страны, перечисляет арабский географ второй половины X в. ал-Мукаддаси: «Меха: собольи, беличьи, горностаевы, куньи и лесных куниц, лисьи, бобровые; зайцы, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбьи зубы, бобровая струя, янтарь, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот»[36]. Об импорте монет мусульманской чеканки сообщает Ибн Русте[37]. Ибн Фадлан говорит о царской юрте, устланной армянскими коврами, и троне, покрытом византийской парчой. О поступлении в Булгарию дорогих тканей и ковров из Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Византии сообщают и другие средневековые писатели[38]. Широким спросом пользовались предметы вооружения. По словам ал-Гарнати, купцы привозят высококачественные мечи из стран ислама, где их «делают в Зенджане, и в Абхаре, и Тебризе, и Исфахане в виде клинков»[39].

Развитое земледелие позволяло булгарам вести с Русью широкую торговлю хлебом. В русских летописях такая торговля впервые упоминается под 1024 г.[40] Разнообразные предметы булгарского экспорта обнаружены во всех древнерусских городах Северо-Восточной Руси, а также в Киеве и Новгороде. Отдельные находки, в том числе и монеты булгарской чеканки, известны в Псковской и Новгородской землях, Белоруссии, на Украине и в Молдавии, а также в Венгрии, странах Прибалтики, Скандинавии. Как писал В. Л. Янин, «на протяжении всего периода восточной торговли с конца VIII в. до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар»[41].

Многочисленен и разнообразен древнерусский импорт из раскопок булгарских поселений. Особенно насыщен привозными изделиями культурный слой Билярского городища. Находки древнерусского происхождения представлены здесь глиняной посудой, украшениями, предметами культа и повседневного быта. Интересна также находка в центре городища, между двух жилищ русских ремесленников XII в., свинцовой вислой печати, принадлежавшей князю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо[42]. Наряду с большим количеством необработанного янтаря (около 8 кг), в этих жилищах обнаружено много русских вещей: фрагменты глиняной посуды, шиферные пряслица, обломок стеклянного браслета, осколки воронковидных кубков из стекла, писанки новгородского производства, а также редко встречающиеся в Биляре кости свиньи[43]. Находки из заполнения жилищ (восточная поливная керамика, золотая накладка, серебряные перстень и коробочки-медальоны, стеклянные сосуды, гирьки-разновесы и проч.) свидетельствуют о зажиточности их хозяев, занимавшихся не только изготовлением янтарных украшений, но и торговлей. О проживании в городе русских людей можно судить и по находкам круговых сосудов XII — начала XIII в.,

[36] *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. С. 181.

[37] Там же. С. 34.

[38] Там же. С. 169, 222.

[39] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 33.

[40] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147.

[41] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 105.

[42] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. С. 142; *Энговатова А. В., Гайдуков П. Г.* Вислые актовые печати из раскопок в Ярославле // Российская археология. 2016. № 1. С. 65.

[43] *Хузин Ф. Ш.* Булгарский город в X — начале XIII вв. Казань, 2001. С. 247.

имеющих прямые аналогии в памятниках Владимиро-Суздальской Руси.

Город Болгар известен как крупный центр международной торговли. Присутствие в городе торговцев, возможно, и ремесленников, доказывается находками глиняной глазурованной посуды, стеклянных бус и браслетов. Важными центрами торговли были Измерское и Семеновское поселения в низовьях Камы (вклейка, рис. 88)[44]. На этих торгово-ремесленных поселениях X—XI вв. обнаружены сотни арабских дирхемов (в том числе и клады), несколько западноевропейских денариев XI в. Среди привозных изделий преобладают среднеазиатские и древнерусские. Обнаружены бронзовые фибулы балто-скандинавского происхождения, а также янтарные бусы и подвески.

Восточный импорт из Биляра представлен большим количеством материалов, отражающих торговые связи Булгарии и ее столицы со Средней Азией, Ближним Востоком, Византией и Закавказьем. Это находки восточных монет, фаянсовой посуды с люстровой росписью, поливной керамики, сфероконусов, стеклянных сосудов, украшений и изделий из цветного металла, а также костей верблюдов, свидетельствующих о существовании сухопутных магистралей, соединявших восточные страны с городами Волжской Булгарии.

Общественный строй. Сведения об общественном строе булгар первой половины X в. можно почерпнуть из трудов арабо-персидских географов. Говорить о ярко выраженных феодальных отношениях в Булгарском государстве в этот период не приходится. Булгарский правитель собирал с населения страны подать как для уплаты дани хазарскому кагану «от каждого дома в его государстве — шкуру соболя»[45], так и в собственную казну — эту прямую подать, как писал Ибн Русте, платят лошадьми и другим.

Специфика процесса феодализации булгарского общества заключается в том, что он не копирует ни западноевропейскую (франкскую), ни арабо-персидскую (мусульманскую), ни древнерусскую, ни кочевую модели. Опираясь на наблюдения Ибн Фадлана, можно утверждать, что вся система наказаний за те или иные преступления была основана на обычном праве. В источниках отсутствуют какие-либо упоминания о штрафах или поборах в пользу государства («царя»).

Исламизация общества, безусловно, повлияла на процесс формирования раннефеодального общества, который завершился не раньше середины X в. В любом исламском государстве существуют общие, мусульманские, правовые нормы и система владения. Эти нормы внедрялись и в булгарское общество. Письменные источники оставили скупые сведения о существовавших в эту эпоху у булгар налогах и поборах. *Джизья* («налог за веру») были обязаны платить немусульмане. *Харадж* как разновидность подати или дани мог взиматься только натурой в размере 1/3 урожая (в редких случаях с малодоходных земель платили 1/10 урожая). Как и в любом мусульманском обществе, жители страны должны были платить в казну *ушр* (*гошер*) — подушный налог или сбор в размере 1/10 от дохода. Земельный налог *ушр* рассматривался одновременно и как *закят* (налог с мусульман в пользу нуждающихся) с продуктов земледелия, который обязан отчислять каждый правоверный.

До начала монгольских завоеваний Волжская Булгария обладала всеми признаками государства с достаточно развитыми феодальными отношениями. Булгарский правитель изначально выступает как военный предводитель народа (союза племен),

[44] *Казаков Е. П.* Булгарское село X—XIII веков низовий Камы. Казань, 1991.

[45] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. С. 136.

организуя военные походы и регулируя взаимоотношения в дружине. Военная организация занимала важное место в структурировании иерархии социальной системы[46].

В источниках первой половины X в. есть сведения о наличии у булгарских царей дружинников («асхабы» по Ибн Фадлану). Как и в любых государствах раннего типа, в дружину правителя набирались лично свободные мужчины. Наиболее знатные, влиятельные дружинники царя, которых называли «куввадами» (сотоварищами), одновременно начинают выступать в качестве представителей центральной власти на местах. Дружинники-*алыпы* и командовавшие военными ополчениями *чура-батыры* (от др.-тюрк. *чериг багатур* — «войсковой начальник») станут в дальнейшем основой для формирования военного сословия государства.

Согласно тюркским традициям, глава государства или народа являлся также духовным лицом. Исламизация общества существенно не повлияла на эту роль булгарского правителя. По сообщениям Ибн Фадлана, царь (эльтабар) Алмуш выступал как высшая религиозная и судебная инстанция в государстве. Термин «йылтывар» или «блтывар» от др.-тюрк. *эльтебер*, упоминаемый в некоторых источниках, использовался для обозначения булгарских правителей до конца X в. В тот период с его сильными пережитками военной демократии булгарский царь не мог быть единоличным правителем. При нем находились четыре «малика» (правителя) подчиненных ему племен. Эти главы племен вместе с ближайшими родственниками эльтабара составляли своего рода *совет при правителе*.

Другим институтом государственного управления, но уже учредительного характера, был съезд свободных общинников (собрание вооруженных мужчин) — *курултай (джиен)*. Джиен созывался правителем для всенародного утверждения решений по наиболее важным проблемам, стоящим перед обществом, а также для осмотра боевого состояния народа-войска (*чиру*).

Во второй половине X—XI в. произошли существенные изменения в социально-политической структуре общества. Завершение процесса объединения страны и усиление единоличной власти правителя привели к исчезновению с политической арены совета князей (предводителей племен). Его функции полностью переходят к управленческому аппарату во главе с *визирем*.

В сочинении ал-Гарнати «Муриб ан бад аджаиб ал-магриб» — высший иерарх Волжской Булгарии — назван универсальным для мусульманского Востока термином «малик»[47]. В «Тарих-и Бейхак» XII в. есть сведения о государе Булгара — *эмире* Абу Исхаке Ибрахиме Ибн Мухаммаде Ибн Б.л.т.варе, который в 415 г. х. (1024/1025 г.) послал подарки государю Хорасана и деньги на строительство мечети в Себзеваре и Хосровджерде[48]. Официально «эмирами» именовались правители всех мусульманских государств, признающие верховенство (иногда лишь духовное) халифа. Поэтому в данном случае арабский титул «эмир» применительно к булгарскому правителю может служить лишь эпитетом, показывающим степень его владетельности. По сути, в 922 г. или несколько позднее произошла смена или подмена «эльтебера», указывающего на зависимость от хазарского кагана, «эмиром», закрепляющим номинальный вассалитет от багдадского халифа.

Ниже представителей правящей династии стояла тюркская родоплеменная знать — *беки* или *бии*. В домонгольский

[46] *Измайлов И. Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII вв. Казань, 1997.

[47] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). С. 30.

[48] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967. С. 46.

период Волжской Булгарии это прежде всего главы тюркских родов, иногда и племен, входивших в состав населения государства, а также сыновья и родственники правителя. Близким к беку является титул «инал», который также встречается в булгарских памятниках доордынского периода. Не исключено, что этот титул носили главы этнических групп огузского происхождения или выходцы из Средней Азии.

Наиболее многочисленной категорией булгарских феодалов в позднедомонгольский период был, безусловно, «ходжа» (господин, хозяин). Не исключено, что «ходжа» являлся универсальным термином, означающим наследственного держателя некрупных земельных владений.

Во второй половине домонгольского периода завершается оформление военно-служилого сословия *йувари* или *йори* («человек войны»). Наличие отдельных женских социальных наименований, таких как *хатун* (жена правителя, хана, эмира), *бикэ* (жена князя-бека), *алти* или *илчи* (госпожа, хозяйка, владелица), несомненно, говорит о значительных правах и независимом положении жен булгарской верхушки.

Почитаемыми лицами среди мусульманского духовенства, руководившими всей мусульманской уммой (религиозной общиной) страны, были *шейхи*. Многие из них получали в молодости хорошее образование у видных мусульманских теологов в учебных центрах Востока. Из их среды избирался *муфтий* — знаток шариата, принимающий решения по спорным вопросам в форме особого заключения (*фетвы*).

За шейхами шли *имамы* (настоятели соборных мечетей), *муллы* (служители культа, знатоки религии), *муэдзины* («извещающие») и т. д. Утверждается культ почитания людей, совершивших паломничество в священную Мекку — *хадж*. Отдельно от них стояли *факихы* (правоведы) и *кадии* (судьи), вершившие правосудие по нормам шариата. И наконец, с исламом самым тесным образом была связана система образования. В значительной степени она лежала на плечах мулл, хотя существовали и специальные учителя: *мударрисы* (преподаватели фикха — мусульманского права в медресе), *мугаллимы* (учителя в медресе), *хальфы* (учителя в мектебах) и др.

Внешнеполитические связи государства. Образование и прогрессирующее развитие на северо-востоке Европы крупного государства сопровождались установлением тесных и все более расширяющихся контактов с соседними финно-угорскими и тюркоязычными народами Поволжья, Приуралья и далекого Севера. В орбиту культурно-экономических и политических взаимоотношений входят Киевская Русь, Хазарский каганат, кочевники восточноевропейских степей, народы Сибири, Северного Кавказа, Западной Европы, государства арабского Востока.

Булгаро-венгерские контакты начинаются задолго до образования государства. Древняя родина венгров-мадьяр Magna Hungaria («Великая Венгрия») с VI—VII вв. локализуется в Волго-Уральском регионе, то есть поблизости от места обитания ранних булгар. Уникальный Больше-Тиганский могильник второй половины VIII—IX в., расположенный всего в 20 км от будущей столицы булгар Биляра, был оставлен как раз одной из групп древних венгров[49]. В 1235 г. в поисках своих сородичей, оставшихся на древней родине, из Венгрии в Булгарию прибыл доминиканский монах Юлиан[50]. Булгары тоже хорошо знали о Венгерском королевстве на Дунае. Оригинальный источник начала XIII в. рассказы-

[49] *Халикова Е. А., Халиков А. Х.* Ранние венгры на Каме и Урале: Больше-Тиганский могильник.

[50] *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 77—81.

вает о выселенцах из Биляра или Булгарии, оказавшихся в конце X в. в Венгрии[51].

Русь и древнерусские княжества. Мирное сотрудничество с Русью нередко нарушалось военными столкновениями. В древнерусских летописях зафиксировано немало сообщений о военных стычках между булгарами и русскими.

Широко известен поход Владимира на волжских булгар, предпринятый в 985 г.: «Иде Володимеръ на Болгары съ Добрыною съ воемъ своимъ в лодьях, а Торъки берегомъ приведе на коних и побѣди Бол[г]ары <...>. И створи миръ Володимеръ съ Болгары и ротѣ заходиша межю собѣ»[52]. Известно также летописное сообщение о вывозе в русские земли хлеба во время голода 1024 г. на Суздальщине: «...бѣ мятежь великъ и голодъ по всеи тои странѣ, идоша по Волзѣ вси людье в Болгары и привезоша [жито] и тако ожиша...»[53]. XII век открывает новые страницы в истории русско-булгарских взаимоотношений, связанных с распадом Древнерусского государства на отдельные княжества и возвышением Северо-Восточной Руси. В 1107 г. булгары пришли «ратью на Суждаль и обьступиша градъ и много зла сътвориша, воююща села и погосты и убивающе многыхъ отъ крестьянъ»[54]. Под 1120 г. в летописях содержится краткая запись о походе Юрия Долгорукого, который «ходи на болгары и взя полон мног и полк их победи»[55]. Следующее летописное сообщение под 1152 г. опять связано с походом булгар: «Того же лѣта приидоша Болгаре по Волзѣ къ Ярославлю безъ вѣсти и оступиша градокъ в лодияхъ <...>. Ростовци же пришедша побѣдиша Болгары»[56]. Несколько военных походов на Волжскую Булгарию совершает Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого (в 1164 и 1172 гг.).

В начале лета 1183 г. состоялся самый крупный военный поход владимиро-суздальских князей на Волжскую Булгарию. Объектом его стала столица государства — Великий город на Малом Черемшане. Во главе войск стоял великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо, который «приде в землю Болгарьскую и, высѣдъ на берегъ, поиде к Великому городу, и ста у Тухчина городка, и, перестоявъ ту 2 дни, поиде на третии день к Великому городу»[57]. Увидев и испытав ожесточенное сопротивление булгар, Всеволод решил начать длительную осаду — «облежание», — которая продолжалась десять дней и завершилась заключением мира[58].

В первой трети XIII в., до монгольских завоеваний, продолжалось противостояние Волжской Булгарии и Владимиро-Суздальского княжества на важнейших торговых путях Поволжья, которое происходило на фоне активизации русской колонизации, направленной на приобретение новых территорий на востоке. В 1218 г. «взяша болгары Устюг»[59], а в 1220 г. состоялся ответный и последний перед монгольским нашествием масштабный поход русских на булгар, вернее, на их город Ошель[60]. В 1229 г. между Владимиро-Суздальской Русью и Волжской Булгарией был заключен новый мирный договор, так необходимый перед реальной

---

[51] *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. С. 109.

[52] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84.

[53] Там же. Стб. 147.

[54] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 73.

[55] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 277.

[56] ПСРЛ. Т. 24. С. 77.

[57] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 389.

[58] Там же. Стб. 390.

[59] Там же. Стб. 502.

[60] Там же. Стб. 444—445; ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 116—117.

опасностью монгольских походов, которые уже успели испытать на себе оба партнера.

Связи Волжской Булгарии со странами Востока больше прослеживаются по археологическим материалам. Как известно, еще Алмуш заложил основы внешнеполитических контактов со странами арабского Востока, отправив в 920 г. своего посла Абдаллаха Башту в Багдад к халифу Муктадиру. Сохранилось оригинальное известие персидского историка XII в. Абу-л Хасана Бейхаки о посылке булгарским государем эмиром Абу Исхаком Ибрахимом ибн Мухаммадом денег и подарков в Хорасан на сооружение соборных мечетей.

Ислам в Булгарии. Духовная культура населения. В конце IX — первой четверти X в., в период создания государственности, наблюдается коренной перелом во всех сферах экономической, общественно-политической и культурной жизни булгарского общества. Формирующееся государство нуждалось в идеологии, соответствующей новым общественно-экономическим порядкам. Такой идеологией стал ислам, пришедший на смену язычеству.

Во время пребывания Багдадского посольства в Булгарии в 922 г. состоялось официальное принятие ислама, который, судя по сообщениям Ибн Русте, написавшего свой труд в 903—913 гг., имел уже широкое распространение среди булгар еще в конце IX столетия («большая часть их исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами»[61]). Новейшие археологические открытия на территории Хазарского каганата, где жили булгары до их переселения на среднюю Волгу, выявили древние могильники с погребениями, имеющими ярко выраженные черты мусульманской погребальной обрядности[62].

Коренные перемены в сфере социально-экономических отношений и социально-политических структур неизбежным образом привели к кардинальным изменениям в области идеологии. Сложилась качественно новая, исламизированная культура. Система просвещения и наука, фольклор и художественная литература, метрология и календарь, нравы и обычаи населения, даже архитектура (мечети) свидетельствуют о глубоком проникновении ислама во все сферы жизни булгарского народа.

Вместе с исламом в Булгарию пришла восточная культура. Это прежде всего арабский алфавит, произведения религиозной и художественной литературы, система образования (религиозного и светского). Грамотность среди булгарского населения была уже достаточно широко распространена в VIII—IX вв. Письменность была основана на рунической графике, близкой к орхоно-енисейской. Древнетюркская руническая письменность (вернее, ее более поздний булгарский вариант) сохранилась вплоть до XII в., когда, наконец, была полностью вытеснена арабской системой письма.

Средневековые источники донесли до нас сведения о булгарских ученых, работавших в различных областях науки: астрономии, медицине, истории и богословии, юриспруденции. Крупным специалистом по фармакологии был булгарский ученый Таджаддин ибн Йунус ал-Булгари, создавший трактат «Большой тирйак» («Противоядие»). Список этого сочинения, переписанный в 1220—1221 гг. Хасаном, младшим

[61] *Хвольсон Д. А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. С. 6, 22.

[62] *Кравченко Э. Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4: Хазарское время. Донецк, 2005. С. 153—186.

братом ученого, хранится ныне в Тегеране, в библиотеке Сената Ирана[63]. На Востоке хорошо знали имя врачевателя из Волжской Булгарии Ходжи Булгари, жившего в Газни (Афганистан) под покровительством поэта Хакима Синаи. Даже в наши дни это имя не забыто: его могила находится в белокаменном мавзолее, воздвигнутом в 1971 г.[64]

Имя одного из представителей зарождающейся булгарской исторической школы — Йакуба ибн Нугмана (XI—XII вв.) — дошло до нас благодаря сочинению андалузского путешественника, купца и миссионера Абу Хамида ал-Гарнати, который сам читал «Историю Булгара» и использовал отдельные отрывки из нее в своем произведении[65].

Самыми популярными и широко распространенными в Волжской Булгарии были, конечно, научные трактаты по богословию. На Востоке хорошо знали сочинения Хаджи Ахмада ал-Булгари, Бурханаддина ал-Булгари и булгарского кадия XI в. Абу ал-Ала Хамида ибн Идриса ал-Булгари. Эти ученые, выходцы из Поволжья, писали научные труды, в которых стремились философски осмыслить мир, затрагивали актуальные в те времена морально-нравственные проблемы общества.

По сведениям, содержавшимся в трудах известного татарского религиозного деятеля и знатока восточных источников Ш. Марджани (1818—1889), были известны имя Сулеймана ибн-Дауда ас-Саксини ас-Сувари (XII в.) и названия его сочинений. Недавно в фондах библиотеки Сулеймания в Стамбуле удалось обнаружить восемь рукописей с сочинениями Сулеймана ас-Саксини ас-Сувари, посвященными философии суфизма. Наиболее интересным и совершенным из них является «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Красота садов и утешение страдающих сердец»)[66].

В Волжской Булгарии домонгольского времени, особенно в XII — начале XIII в., расцвела художественная литература. Основоположником булгаро-татарской письменной литературы по праву считается Кул Гали — образованнейший человек своего времени, в совершенстве знавший арабский и персидский языки. Его поэма «Кыйсса-и Йусуф», разрабатывающая библейско-коранический сюжет об Иосифе Прекрасном и жене царедворца египетского фараона Пентефрия, является жемчужиной поволжско-булгарской литературы домонгольского периода.

* * *

Осенью 1236 г. Волжская Булгария подверглась разорительному нападению монгольских войск, завоевавших булгарские земли. К столь трагичному финалу привели события, случившиеся десятилетием ранее. Еще в 1223 г., по сообщению арабского историка Ибн ал-Асира, монголы проникли в степи Восточной Европы и разбили наголову объединенные войска русских и половцев на реке Калка, но потерпели поражение от булгар на южных границах Булгарского государства[67].

В 1229 г. монголы принимают решение вновь идти войной на булгар. Булгарские сторожевые отряды встретили врага на реке Яик (Урал), но были разгромлены[68].

---

[63] *Таджаддин ал-Булгари.* Большой тирйак (Большое противоядие) / Изд. текста, пер. с араб., предисл. и коммент. А. Б. Халидова. Казань, 1997.

[64] *Халиков А. Х.* Средневековые врачи у волжских булгар и их дунайско-болгарские параллели // Дунайский симпозиум по истории медицины. София, 1989. С. 140.

[65] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). С. 30—31.

[66] *Шарафутдинов Д. А.* Рукопись из древнего Саксина // Вестник Российского исламского университета. 2005. № 1. С. 152—160.

[67] Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена. М., 2003. С. 26—27.

[68] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453.

В 1232 г. монголы вновь делают попытку завоевать Волжскую Булгарию: доходят до Великого города (Биляра), но, поняв, что с малым войском им не удастся победить, уходят обратно[69].

Существование Булгарского государства завершилось в 1236 г.: «Придоша от восточныѣ страны в Болгарьскую землю безбожнии татари и взяша славныи Великыи город Болгарьскыи. И избиша оружьем от старца и до унаго и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город ихъ пожгоша огнем и всю землю ихъ плѣниша»[70]. Вскоре булгарские и все соседние с ними земли стали частью Улуса Джучи — Золотой Орды.

[69] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 459.

[70] Там же. Стб. 460.

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Венгры в степях Восточной Европы

Венгры, скорее всего, появились на землях «внешней Хазарии» в середине VIII в., в эпоху временного ослабления каганата после похода арабского полководца Мервана ибн Мухаммеда 737 г., когда побежденный каган вынужден был временно согласиться на принятие ислама. Появление войска Мервана в Поволжье имело своими последствиями активное включение в торговлю с Арабским халифатом жителей Урала, о чем свидетельствуют монетные клады. Покинувшие «Великую Венгрию» племена, сильнейшим из которых было *медьер*, обосновались к северу от ареала распространения салтово-маяцкой культуры, на верхнем и среднем Дону. Исторические предания средневековой венгерской народности сохранили память о Суздальской земле, через которую прошли древние венгры в ходе своих скитаний по «Скифии» (Восточной Европе), а также название их донской родины — Дентумогер (Дентюмодьер), которое, по мнению некоторых исследователей, может происходить от аланского слова со значением «междуречье». Здесь семь венгерских племен впервые столкнулись с восточными славянами, активно осваивавшими бассейн среднего Дона. По мнению А. Н. Москаленко, земляные укрепления городища Титчиха были построены для защиты от нападений венгров[1].

Во время следующего ослабления Хазарии, вызванного, скорее всего, принятием на рубеже VIII—IX вв. иудаизма в качестве государственной религии каганата, венгерские племена, пройдя через земли салтово-маяцкой культуры, вышли в Приазовье, откуда распространились по всему Северному Причерноморью. Исследователями высказывались гипотезы о возможном участии венгров в болгаро-византийской войне 811 г. и отправке болгарским ханом Омортагом около 818—820 гг. войска под командованием Чакагара в низовья Днепра для отражения натиска венгров, беспокоивших северо-восточные пределы Болгарии. Есть основания полагать, что между 810 и 815 гг. именно венгры разорили так называемую Правобережную крепость, находившуюся на нижнем Дону и защищавшую западные пределы Хазарии[2]. У венгерских племен уже в IX в. сформировались основы этнического самосознания — автостереотип и этнические стереотипы в отношении к соседним народам. Как свидетельствуют мусульманские географы IX—X вв., древние венгры считали себя равными хазарам и византийцам, а к народности *сакалиба*

[1] *Москаленко А. Н.* Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 189—196.

[2] См. об этом: *Юрасов М. К.* Восточные славяне в эпоху гегемонии венгров в южнорусских степях // Проблемы истории Новороссии. М., 2015. С. 9—17.

(под которыми следует понимать восточных славян и другие этнические группы, проживавшие во «Внешней Хазарии»[3]) они относились как к своим данникам[4]. Сакалиба часто становились объектом нападения венгерских племен, занимавшихся поставкой рабов на невольничьи рынки крымских владений Византии, о чем сохранил сведения Ибн Русте (первая четверть X в.)[5].

Не позднее 830 г. венгерские племена добились фактической независимости от хазарского кагана. Иранец ал-Гардизи, составивший свой исторический труд около 1050 г., утверждает, что мадьяры контролировали в степях Восточной Европы огромную территорию площадью примерно 360 тыс. кв. км[6]. Археологи отмечают резкое сокращение притока арабского монетного серебра в Восточную Европу после 830 г., в чем также можно усмотреть последствия установления венгерского контроля над землями к западу и северо-западу от территории собственно Хазарии («каганского домена»). Автор Продолжения хроники Георгия Амартола, составленного в 963—969 гг., свидетельствует об участии венгров в болгаро-византийской войне 836—838 гг. в качестве союзников Болгарии. Венгерские отряды появились на нижнем Дунае, где потерпели поражение от решивших вернуться на родину пленных жителей Македонии, поднявших восстание против болгарской власти[7]. Возможно, венгры принимали участие в битве византийцев с арабами в 838 г. при Дазимоне[8]. По мнению подавляющего большинства исследователей, именно венгры осложнили возвращение на родину посольства, отправленного «хаканом росов» к византийскому императору Феофилу (829—842), о котором упоминают под 839 г. Бертинские анналы.

В первой половине 850-х гг. в степях к северу от Хазарии появилась первая волна печенегов, потерпевших поражение от коалиции гузов, карлуков и кыпчаков, о чем сообщает ряд мусульманских авторов раннего Средневековья[9]. По свидетельству Константина Багрянородного, в течение IX в. в степи Восточной Европы вторгались две разные волны печенегов — «кангары» и «пачинакиты»[10]. «Кангары» в начале 850-х гг. положили конец венгерской гегемонии в степной полосе Восточной Европы. Раздробленные на отдельные племена венгры уступили печенегам степные пространства к востоку от низовьев Днепра, а часть венгров (*саварты-асфалы* у Константина Багрянородного) эмигрировала из Северного Причерноморья в Персию[11]. Современные венгерские историки датируют эти собы-

---

[3] *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

[4] Подробнее об этом см.: *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 111; *Юрасов М. К.* Элементы имперского мышления у венгров IX в. // Славяне и их соседи: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Тезисы XIV конференции. М., 1995. С. 15—18.

[5] См.: *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. С. 106.

[6] «Сто на сто фарсахов». См.: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 58.

[7] *Moravcsik Gy.* Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai. Budapest, 1984. 58—59. I. См. также: *Грот К. Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881. С. 199—203.

[8] См.: *Юрасов М. К.* К вопросу о времени появления первой волны печенегов в степях Восточной Европы // Историческая русистика в XXI веке: Материалы международной научной конференции Будапештского Центра русистики от 18—19 мая 2015 г. Budapest, 2017. С. 70—71.

[9] См. об этом: *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав и история расселения. М., 1974. С. 134—135.

[10] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 158—159.

[11] Там же.

тия временем около 855 г.[12], хотя они могли произойти и несколькими годами ранее.

Потерпев поражение от печенегов, мадьяры вынуждены были «прибиться» к хазарам, поселившись на подконтрольных кагану землях в Крыму и Тавриде (в легендарной стране Леведии) и участвуя в течение трех лет во всех войнах хазар. Скорее всего, венгры пребывали в византийских владениях в Крыму в 859—861 гг. Что касается географического положения Леведии, в которой, по свидетельству Константина Багрянородного, протекали реки Хидмас и Хингилус, то наиболее убедительной представляется гипотеза об отождествлении последней с рекой Ингул, правым притоком нижнего Днепра[13]. Вскоре мадьяры ушли из Леведии в страну Ателькузу (греческая транскрипция венгерского слова Etelköz — «междуречье»). По свидетельству Константина Багрянородного, Ателькузу находилась в междуречье Днестра и Прута[14]. Современные венгерские историки датируют 860—870-ми гг. присоединение к семи венгерским племенам трех племен *каваров* — части хазарского этноса, — восставших против верховной власти и потерпевших поражение в войне с каганом[15].

Возникновение в 882 г. (согласно летописной хронологии) вдоль «пути из варяг в греки» государства восточных славян во главе с князем Олегом (882—912), стремившимся распространить свою власть на все примыкавшие к степной полосе этнические группы восточных славян, осложнило положение древних венгров. Неудачи Олега в попытках подчинить своей власти проживавших на Южном Буге и Днестре уличей и тиверцев, возможно, связаны с оказанием венграми военной помощи этим «славиниям». Тогда же в степях Восточной Европы появляются «пачинакиты». Хазарии удалось отбить их натиск, и, по свидетельству хроники Регинона Прюмского (около 840—915 гг.), в 889 г. печенеги напали на венгров, заставив их покинуть Северное Причерноморье[16]. Датировка немецкого хрониста вызывает сомнения у исследователей[17].

Резкое сокращение ареала кочевания и тесное соседство с уличами и тиверцами способствовали не только внутренней консолидации «Семи мадьяр» (*Hetumoger*, как называется Венгерский племенной союз в средневековых исторических сочинениях королевства Венгрии), но и более активному переходу венгров к полукочевому образу жизни. Во время пребывания венгерских племен в междуречье Днестра и Прута у них сложилась единая политическая общность с проживавшими там же тиверцами[18], что способствовало прекращению нападений мадьяр на другие восточнославянские этносы. Тогда же у венгров и примкнувших к ним каваров появился первый верховный вождь Арпад, избрание которого датируется исследователями около 890 г. В последующие годы венгры совершают походы в Великую Моравию и на Балканы, нанятые сначала восточнофранкским королем Арнульфом (877—899) против Великой Моравии, затем Византией против Болгарии и,

---

[12] *Kristó Gy., Makk F.* A kilencedik és a tizedik század története // Magyar századok. Budapest, 2001. 57. l.

[13] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 340—341.

[14] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 160—161, 162—163.

[15] *Tóth S. L.* A kavarok (kabarok) katonai ée politikai szerepe // Hadtörténelmi Közlemények. 2013. 2. sz. 331. l.

[16] Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatio Treverensi / Ed. F. Kurze. Hannover, 1890. P. 131—132. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum; [T. 50]).

[17] См. об этом: ДРСЗИ: Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 45.

[18] *Рябцева С. С., Рабинович Р. А.* О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX—X вв. // Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014. С. 263—279.

наконец, великоморавским князем Святоплуком I (870—894) против Арнульфа.

Распыление военных сил объединения венгров и каваров привело к трагическим последствиям. В 893 г. Исмаил ибн Ахмед, среднеазиатский правитель из династии Саманидов, побеждает кочевавших к северу от его государства узов (огузов или торков), которые вынуждены были двинуться на запад и, перейдя Волгу, вступить в область кочевания печенегов. Вследствие этого печенеги вторглись в страну Ателькузу — как раз в то время, когда военные силы ее обитателей были заняты сразу на двух направлениях — моравском и балканском (895). В результате этого нападения венгры и примкнувшие к ним племена вынуждены были покинуть междуречье Днестра и Прута и начать освоение земель внутри Карпатской котловины.

Повесть временных лет содержит в историко-этнографическом введении свидетельство о том, что венгры («черные угры») прошли мимо Киева при князе Олеге, а под 898 г. — краткий рассказ об этом же событии (в котором угры сравниваются с половцами) и о последующем завоевании венграми «Славянской земли» (Среднего Подунавья)[19]. В историческом сочинении «Деяния венгров», написанном неизвестным нотарием венгерского короля Белы III (1172—1196) в начале XIII в., приведен легендарный рассказ о покорении Киева воинами венгерского вождя Алмоша (отца Арпада). Анонимный автор заявляет о признании Рутенией (Русью) зависимости от Алмоша, после чего повествует о проходе его войска через Галицию, Лодомер (Владимир Волынский) и карпатские перевалы в Паннонию (совр. Венгрию)[20]. Скорее всего, жители южной Руси заплатили не Алмошу, а Арпаду выкуп и обещали платить венграм дань, но ни разу не сделали этого, поскольку невозможно было при тогдашних средствах передвижения контролировать территорию, находящуюся за 800 км, по другую сторону Карпат. Летописная дата при сопоставлении с известиями западноевропейских источников выглядит ошибочной, однако, как показал в ряде исследований венгерский историк Ш. Л. Тот, 896 г. не является единственно возможной датой переселения племен Арпада из Северного Причерноморья на земли Карпатской котловины. Опираясь на данные Константина Багрянородного, Ш. Л. Тот дает более широкую датировку этого процесса — между 893 и 902 гг.[21]

Печенеги и торки (огузы)

Если исходить из известных ныне письменных источников и общепринятой среди исследователей идентификации этнонима «кангар»—«кенгерес»—«печенег», то самые ранние сведения о локализации и отчасти образе жизни древних печенегов принадлежат перу китайских хронистов и датируются рубежом II—I вв. до н. э. Это написанные до 99 г. до н. э. «Исторические записки» («Шы-Цзи») Сыма Цяня, в которых идет речь о кочевом владении Кангюй, расположенном к северо-западу от Давани (Фергана) и к юго-востоку от кочевого же владения Яньцай или Аланья, лежащего «при большом озере, которое не имеет высоких берегов» (то есть Каспийском море)[22].

[19] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 12, 25; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 9, 17—18.

[20] P. Magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. Ae. Jakubovich // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Vol. 1. Budapest, 1937. P. 42—50.

[21] *Tóth S. L.* A honfoglalástól az államalapításig. A magyarság története a X. században. Szeged, 2010. 58—60. l.

[22] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 150 и след., 260 и след.

Судя по предлагаемой исследователями идентификации географических ориентиров, границы «владения Кангюй» включали в себя территории бассейна Сырдарьи, от Ташкента в сторону Хорезма.

Из «Истории Северных Дворов» (сочинение Ли Янь-шеу), охватывающей период с 386 по 618 г., мы узнаем, что какое-то время Кангюй находился в зависимости от правителей «владетельного Дома Йеда» (эфталитов), а в 641 г. был завоеван войсками Дуло-хана, правителя Западно-Тюркского каганата[23].

По сообщениям китайских хроник первой половины I тыс. н. э., излагающих по существу одни и те же сведения, кангюйцы — кочевники («...следуя за скотом, перекочевывают с места на место»[24]), придерживающиеся обычаев и образа жизни, сходных с хуннами, аланами и эфталитами.

Из китайских же хроник известно, что в середине VII в. вождь токузогузов эльтебер Тумиду создал свое государство в бассейне рек Тола и Орхон. Оно успешно противостояло натиску Танской империи и пало только в начале 680-х гг. под ударами Второго Восточно-Тюркского каганата[25].

Следующую группу сведений, касающихся в основном огузов, составляют древнетюркские рунические памятники первой половины VIII в. (надписи в честь Кюль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука). В этих текстах огузы и печенеги (кенгересы) представлены как два отдельных народа — ближайшие соседи и политические противники «голубых тюрков», с которыми тюркские каганы воевали в течение ряда лет. Так, из надписи в честь Кюль-Тегина († 732) мы узнаем, что его отец Эльтериш-каган несколько раз ходил походами на «народ токуз-огузов под начальством Баз-кагана», живший к северу от тюрок, и в итоге покорил его[26]. Затем сам Кюль-Тегин совершает поход на запад, за реку Йенчу (Сырдарья), где силами подвластных ему тюргешей воюет с кенгересами (печенегами). Судя по изложению дальнейших событий, поход этот для тюрок не был удачным и им пришлось отступить. Тем более что в тылу у тюрок восстали покоренные ими ранее огузы. Последние годы жизни Кюль-Тегина были посвящены в общем-то безуспешным попыткам вновь подчинить себе огузов[27].

Более точные сведения о территории расселения огузов в VII—VIII вв. содержатся в надписях в честь Тоньюкука, хана Могиляна († 735), и уйгурского хана Моюн-чура († 757). Хан Могилян сражался с огузами у реки Тоглы (в современной Монголии правый приток Орхона — река Тола)[28]; разгромив объединенное огузо-табгачское войско, он преследовал отступающего противника, двигаясь вниз по реке Селенге[29]. Хан Моюн-чур, очевидно, властвовал над «народом девяти огузов», жившим у реки Орхон, и в 747 г. во главе них сражался против тюрков (и части отколовшихся огузов и татар) на берегах той же Селенги[30].

Таким образом, из сведений древнетюркских письменных памятников следует, что в VII—VIII вв. огузы и печенеги (кенгересы) — два отдельных самостоятельных народа — жили на востоке Великого пояса евразийских степей, на значительном удалении друг от друга, будучи разделенными территорией тюркских каганатов.

---

[23] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 287.

[24] Там же.

[25] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 112.

[26] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 38.

[27] Там же. С. 42.

[28] Там же. С. 66.

[29] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 12.

[30] Там же. С. 22.

Однако подобная же ситуация была известна и арабским географам середины IX в. Так, в «Книге картины земли» Мухаммада ал-Хваризми (написанной на основании географических данных Птолемея между 836 и 847 гг.) о кенгересах-печенегах речь вообще не идет, а что касается огузов, то они выступают в данном труде под собирательным именем «земля ат-тугузгуз» с координатами значительно восточнее Хорезма, Бухары и Самарканда[31].

Арабские авторы второй половины IX в. (Ибн Хордадбех, аль-Йакуби) называют огузов и печенегов среди других кочевых тюркских племен Средней Азии (кимаков, карлуков, токузгузов, киргизов и кыпчаков), правда, без обозначения конкретных границ их расселения[32]. Но два других автора: ал-Балазури († 892) и ат-Табари († 923) — в своих трудах повествуют о том, что в 820—821 гг. токуз-огузы совершили набег на Усрушану (район современных Ташкента, Ферганы и Самарканда), а правитель Хорасана Абдаллах ибн-Тахир, вероятно, в ответ на это в 824 г. отправил свое войско в поход на «страну Гуззия»[33]. Как бы то ни было, но сам факт появления огузов за 3000 км к западу от Орхона и Селенги, в верховьях Сырдарьи, свидетельствует о том, что к началу IX в. локализация этих племен на территории евразийских степей существенным образом изменилась и с этого времени они становятся ближайшими соседями печенегов.

Это соседство в итоге вылилось в серию войн между печенегами и огузами, карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых известно из сочинения ал-Масуди (середина X в.). И хотя подробности этих войн в письменных источниках не освещены, результатом их стало вытеснение печенегов из бассейна Сырдарьи и Приуралья сначала в степи Волго-Уральского региона, а затем и далее на запад.

В первой четверти X в. средневековые авторы одновременно фиксируют печенегов к востоку и западу от Волги и отчасти даже объясняют причину такого разделения печенежского племенного союза. Особенно интересной в этом отношении представляется книга византийского императора Константина Багрянородного († 959) «Об управлении империей», представляющая собой наиболее емкий источник по истории европейских печенегов первой половины X в. Из него, в частности, мы узнаем о значительной роли печенегов в восточноевропейской политике X в., что выражалось, например, в необходимости поддерживать союзнические отношения с печенегами с тем, чтобы через это пресекать попытки русов, болгар и «турок» нападать на Византию (под «турками» в данном случае подразумеваются древние мадьяры-венгры).

Константин Багрянородный приводит довольно точные координаты расселения печенегов в степях Восточной Европы: от низовьев Дуная и северных пределов «турков» (мадьяр), живших в то время в бассейнах рек Тимиссий, Тутис, Морисий, Крис и Тица (соответственно, Темеш, Бегу, Марош, Кёрёш и Тисса в восточной Венгрии), до хазарской крепости Саркела по берегам рек Варух (Днепр), Куву (Буг), Трулл (Днестр), Брут (Прут) и Серет (Сирет — левый приток Дуная)[34]. Причем на этой территории печенеги жили восемью «округами», четыре из которых располагались на правобережье Днепра (Гиазихопон, Гила, Харовои

[31] *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 12, 48, 97.

[32] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.; Л., 1939. С. 149 и след.; *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

[33] *Golden P.* The migrations of the oguz // Archivum Ottomanicum. 1972. Vol. 4. P. 55.

[34] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 162—167.

и Явдиертим), а остальные на левобережье (Кварципур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацоспон).

Византийский император указывает первоначальную территорию обитания печенегов — на Волге и Урале (реки Атил и Гейх) и называет причины их ухода на запад: «Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет»[35].

Интересно приводимое в рассматриваемой книге подтверждение аутентичности этнонима «печенег-кангар», как бы перекликающееся со сведениями восточных письменных источников: «Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок. Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито...»[36] («тогда» — по тексту Константина Багрянородного, в конце IX в.). Причем чуть выше автор подчеркивает, что «пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиртим, Куарцинур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар»[37]. Следует полагать, что к таким «храбрейшим и благороднейшим» племенам принадлежали племена, живущие в центральной части Европейской Печенегии, то есть по берегам Днепра (округ Иавдиртим соседствует с областями, подвластными русам).

Сообщает Константин Багрянородный и о той группе печенегов, которая осталась жить на востоке, за Итилем, по соседству с огузами и под их властью: «Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, поселились вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников»[38].

Мысль о войнах между печенегами и огузами как о причине переселения первых к западу от Волги проводит в своем сочинении и ал-Масуди: «Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних мудрецов, что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда — они же суть три рода из Турка — есть то же, что море Нейтас (Черное)»; «Они завоевали многочисленные из пяти „бунуд“ (обозначение византийских провинций). После 932 г. они раскинули свои шатры здесь и перекрыли путь из аль-Кустантиния в Румийю <...>. В книге „Фунун ал-ма'ариф ва маджра фи ад-духур ас-савалиф“ («Сорта

[35] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. С. 162—163.
[36] Там же. С. 163.
[37] Там же. С. 162.
[38] Там же. С. 156—159.

знания и что случилось в прошлом») мы отмечали причину появления этих четырех тюркских племен с востока, это войны и постоянные стычки между ними и огузами, карлуками и кимаками вокруг моря Джурджан»[39].

Сведения о двух группах печенегов («тюркских» и «хазарских») содержатся в географическом трактате анонимного персидского автора «Худуд ал-Алам» («Границы мира»), написанном в 982—983 гг. на основе более ранних сочинений ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хордадбеха, ал-Джейхани и Ибн Хаукаля. Причем если исходить из координат расселения печенегов, приведенных в указанном сочинении, то получается, что «хазарские печенеги» — это племена Заволжской Печенегии, а «тюркские печенеги» — описанные Константином Багрянородным печенежские племена восточноевропейских степей.

Факт пребывания печенегов в степях Заволжья и Южного Приуралья, зафиксированный в сочинениях средневековых авторов X в., давно уже не вызывает сомнения у исследователей. Кроме сведений средневековых авторов (Ибн Фадлан, ал-Масуди, Константин Багрянородный) он подтверждается наличием здесь довольно многочисленных курганов огузского и печенежского типов[40].

Причиной миграции огузов и печенегов с востока евразийских степей в Восточную Европу, по всей видимости, явились бесконечные войны, которые велись в середине VIII в. между огузами и карлуками за господство в Семиречье. В этих войнах в качестве противника огузов выступали и печенеги-кенгересы. Отступая перед карлуками, огузы вначале вытесняют печенегов в Приаралье, а затем и далее — в Заволжье и Приуралье.

Однако едва ли низовья Сырдарьи, удаленные и отрезанные песками от границ богатых азиатских государств, выглядели в глазах печенегов и огузов «землей обетованной», за которую следовало бы драться до последней капли крови. Скорее всего, печенеги так и продолжали свое движение на запад, до поволжских границ Хазарского каганата, куда вслед за ними вскоре прорываются и огузы.

С целью очистить заволжские степи от печенегов огузы вступают в соглашение с хазарами (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар, очевидно, не было принципиальной разницы в том, кто будет тревожить их восточные рубежи — печенеги или огузы), поставив печенегов «между молотом и наковальней». Для последних из этой ситуации оставался единственный выход — идти далее в поисках более спокойного места. Такими, скорее всего, были этнополитические предпосылки образования вдоль южной кромки волго-уральской лесостепи Заволжской Печенегии, территории, которая одновременно была и промежуточным пунктом на пути движения печенегов на запад, и их глубоким тылом. Именно здесь, то есть у северных границ Заволжской Печенегии, в начале X в. кочевали древние башкиры (по Ибн Фадлану — на реке Кюнджюля — совр. Кондурча) — третья группа тюркоязычных племен, зафиксированная средневековыми письменными источниками в Урало-Поволжье, которую Р. Г. Кузеев помещает в авангарде печенежской миграции в волго-уральские степи[41].

Итак, оттеснив (может быть, и с помощью хазар) печенегов на северную окраину волго-уральской степи, огузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь обильную экологическим

[39] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870. С. 427.

[40] *Гарустович Г. Н., Иванов В. А.* Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.

[41] *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 59.

потенциалом, то чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экономического взаимодействия кочевого и оседлого миров. Прежде всего, из нижневолжских степей открывались прямые пути к основным городским цивилизациям Восточной Европы и Средней Азии. Вполне вероятно, что незначительное распространение огузских погребений к западу от Волги объясняется и тем, что оседло-земледельческая Хазария с ее неразвитой, находящейся на «эмбриональном» уровне протогородской структурой[42] не являлась для огузов столь уж привлекательным объектом экспансии (вклейка, рис. 89). Конечно, они совершали на нее какие-то спонтанные набеги (ал-Масуди), но, вероятно, гораздо более привлекательным для них было южное направление и торговли, и грабительских набегов («Худуд ал-Алам»: «Они представляют множество людей, живущих в палатках, и это — люди вооруженные, храбрые и решительные в сражении. Они постоянно приходят воевать в области ислама (выделено мной. — *В. А.*). На какую бы местность они ни напали, они топчут ее и грабят, и затем быстро возвращаются назад»[43]). Тем более что от южных пределов огузских кочевий, у подножия Северного чинка, шел через Устюрт древний караванный путь, снабженный колодцами, следуя которым, можно было беспрепятственно достигнуть северных границ Хорезма и города Кят — основного центра огузо-хорезмийской торговли.

Наконец, в середине — второй половине X в. недалеко от северных границ «Дешт-и-Огуз» появляется еще один крупный торгово-ремесленный центр — городище на Самарской Луке, в археологической литературе известное как Муромский городок — самый южный город домонгольской Волжской Булгарии.

Основная же масса печенегов, очевидно, на рубеже 880—890-х гг. уходит из Заволжья на запад. По имеющимся сейчас данным можно предположить, что произошло это незадолго до 895 г. — года нападения печенегов на древнемадьярскую территорию Леведию (Лебедию).

Вытеснив мадьяр («тюрков») из степного угла между Северским Донцом, Днепром и Азовским морем, печенеги становятся полными хозяевами степей между Доном и устьем Дуная. Здесь известны многочисленные памятники, позволяющие довольно точно очертить границы Европейской Печенегии X в.: с востока это Северский Донец, по правому берегу которого кроме поселений тянется цепь городищ салтово-маяцкой культуры, образующих западную линию обороны Хазарского каганата (Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольша, Богородичное, Сидоровское, Маяки, Каменск-Шахтинское). На севере — курганы по Орели и Ворскле, севернее которых, по Суле, шла первая оборонительная линия Киевской Руси. Далее на западе выделяется группа печенежских курганов в низовьях Буга, Днестра и Когильника, рек, по верховьям которых также шла система укреплений раннего периода Киевской Руси. На востоке границы кочевий европейских печенегов хотя и доходили до Волги (отдельные печенежские погребения выявлены на Медведице и по правобережью нижней Волги), но вряд ли смыкались с Заволжской Печенегией: левобережье нижней Волги было плотно занято огузами, многочисленные курганы которых густо представлены на этой территории.

Судя по наличию печенежских погребений на Маныче и в районе устья Кубани, печенеги в X в. проникают и на территорию Хазарского каганата. По-видимому, это

---

[42] *Флёров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата: Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011. С. 218.

[43] *Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937. § 19.

произошло после похода князя Святослава на Волжскую Болгарию и Хазарию, в котором его союзниками выступали огузы-торки.

Появление печенегов к западу от Волги и Дона изменило содержание этнокультурной карты восточноевропейских степей: степные аланы уходят на север, в лесостепь и лес[44]. Степь становится печенежской. Перекочевав к южным границам Киевской Руси, печенеги очень быстро становятся существенной силой восточноевропейской политики. Прежде всего, на протяжении столетия, с 920 по 1034 г., русские летописи 13 раз фиксируют участие печенегов в политических событиях Киевской Руси, причем только единожды (944) — как союзников киевского князя (Ипатьевская летопись). Все остальные летописные рассказы — это, по сути, своеобразный реестр печенежских набегов на Киев (968, 988, 993, 1015, 1034), Василев и Белгород (996, 997) и свидетельства участия печенегов в междоусобицах киевских князей, ставшего наиболее активным в начале XI в. (980, 1016, 1019).

Если политическая история европейских печенегов освещена достаточно подробно благодаря сведениям русских летописей, то история Заволжской Печенегии в этом плане абсолютно неизвестна. Это дало основания считать, что оставшиеся в заволжских степях печенеги «подчинились узам (огузам), вошли в их союз и более уже самостоятельного значения не имели и в источниках не упоминались»[45]. Однако это не совсем так, чему свидетельство — описание земли печенегов в сочинении «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») персидского историка XI в. ал-Гардизи. Хотя сам автор жил и писал в то время, когда огузов и печенегов уже теснили пришедшие с востока кыпчаки-половцы, но глава о печенегах («баджинаках») была написана им на основании данных более ранних авторов — Ибн Хордадбеха, ал-Джейхани, Ибн Русте. Следовательно, в ней отражена ситуация, когда Заволжская Печенегия еще существовала[46]. Ал-Гардизи сообщает: «Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гургандж к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше. Приходят в безводную землю и степь, по которой идут 9 дней; каждый день или каждые два дня приходят к колодцу, опускаются туда на веревке и достают воду для лошадей. На десятый день достигают источников, где есть вода и всякого рода дичь из птиц и антилоп; травы немного. По этой местности идут 16 дней; на 17-й день приходят к шатрам печенегов. Владения печенегов простираются на 30 дней пути. С каждой стороны к ним примыкает какой-нибудь народ; с востока кипчаки, с юго-запада хазары, с запада славяне <...>. Эти печенеги владеют стадами; у них много лошадей и баранов, также много золотых и серебряных сосудов, много оружия. Они носят серебряные поясы»[47].

Последнее сообщение обращает на себя внимание тем, что противоречит сведениям других средневековых авторов о бедности печенегов и их зависимости от огузов (Ибн Фадлан, Константин Багрянородный). Кроме того, это известие перекликается с аналогичным сообщением Абу Дулафа о воинственности и независимости печенегов («баджнаков»), в котором говорится о том, что печенеги (а, судя по приводимым координатам расселения печенегов, речь у Абу Дулафа идет именно о заволжских печенегах) — народ воинственный и незави-

[44] По материалам Маяцкого и сопутствующих ему поселений: *Винников А. З., Плетнева С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

[45] *Плетнева С. А.* Печенеги // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 88.

[46] *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. 4. М., 1957. С. 262.

[47] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. СПб., 1897. С. 119—120.

симый («часто ведут войны между собой и дани никому не платят»[48]). Аналогичные сведения о территории и образе жизни печенегов и огузов содержатся в книге ал-Марвази (врача при дворе сельджукских султанов) «Табаи ал-хайаван» («Природа животных»), написанной в первой четверти XII в. опять-таки на основании более ранних данных ал-Джейхани: «Печенеги народ странствующий, который переселяется в те места, где выпадает дождь и где есть пастбища. Земли печенегов как в длину, так и в ширину на 30 дней пути. Со всех сторон они окружены многочисленными народами. Севернее их находится страна кипчаков, на юго-западе страна хазар, на востоке страна огузов, а на западе страна славян. Эти народы нападают на печенегов, а печенеги нападают на них. Печенеги богатые, у них есть верховые животные, овцы, пожитки, золото, серебро, оружие, знамена и значки»[49] (вклейка, рис. 90).

Период с 980 по 1036 г. — время активизации печенежских набегов в северном и восточном направлениях, причину которой С. П. Толстов усматривал в стремлении исламского Хорезма ослабить политическое влияние христианизирующейся Руси на востоке Европы[50], а В. В. Каргалов — в экстенсивном скотоводческом хозяйстве, неспособном удовлетворить жажду печенежской знати к обогащению[51].

Однако более вероятной причиной изменения военно-политических интересов и устремлений печенегов могли быть следующие, отчасти связанные между собой обстоятельства. Во-первых, к концу X в. степи между Доном и Дунаем уже были плотно освоены печенегами, перешедшими ко второй стадии кочевания (по С. А. Плетневой), сопровождавшейся разделом территории степи и усилением на этой почве внутренних противоречий между племенами. Во-вторых, не могло не сказаться и ослабление Хазарии, так и не оправившейся до конца после Святославова погрома в 965 г., наконец, свою провоцирующую роль могла сыграть и междоусобица 980 г. на Руси, в которой печенеги участвовали на стороне князя Ярополка.

Ввиду усилившейся угрозы со стороны печенегов князь Владимир Святославич спешно укрепляет южные границы государства системой валов и городков «по Десне и по Востри, и по Трубешеви, и по Суле, и по Стугне»[52], под защиту которых, очевидно, и уходит в конце X в. славянское население с берегов Дона.

Набеги печенегов, естественно, не могли миновать и западных границ Хазарии, которая продолжала существовать и после похода Святослава. Несмотря на то что Святослав в это время продолжал наращивать военно-политическую активность на Дунае, держать сильный гарнизон в захваченной во время похода 965 г. хазарской крепости Саркеле (хотя и являвшейся связующим звеном между Русью и Тмутороканскими землями) ему было явно не с руки. Поэтому появление в Саркеле огузов, выступавших, как считают современные исследователи, союзниками Святослава в его хазарском походе[53], представляется вполне логичным.

С. А. Плетнева, анализируя кочевнический курганный могильник у Саркела — Белой Вежи, приходит к выводу о его смешан-

---

[48] *Пантусов Н. Н.* Сведения арабских географов о Средней Азии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 25. Вып. 5. Казань, 1909. С. 125—126.

[49] *Храковский В. С.* Шараф ал-Заман Тахир Марвазан // Труды Сектора востоковедения АН Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1959. С. 209.

[50] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 259—262.

[51] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 28.

[52] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 121.

[53] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 428—431.

ном, огузо-печенежском происхождении[54]. С этим трудно не согласиться, поскольку все погребения с конскими захоронениями данного могильника четко распадаются на две этнокультурные группы: огузскую (захоронение коня над человеком) и печенежскую (остатки шкуры коня на дне могилы слева от человека). А если учесть, что Саркельский могильник — единственное место концентрации огузских погребений X—XI вв. на нижнем Дону, то предположение М. И. Артамонова о присутствии здесь кочевнического гарнизона выглядит вполне реальным.

Массовое переселение огузов (торков) в степи Восточной Европы исследователи (на основании сведений русских летописей) датируют серединой XI в. С. П. Толстов расценивал его как проявление социально-политического кризиса огузской державы, выразившегося в практически одновременном движении огузов-торков из волго-уральских степей в Восточную Европу, а огузов-сельджукидов — из Приаралья, через Хорезм — в Переднюю Азию, что, по мнению исследователя, являлось целенаправленной военно-политической акцией единого союза племен. Подобная трактовка данного процесса представляется излишне усложненной, поскольку реальность единой огузской державы (или единого союза племен) в территориальных границах от Балхаша до Волги сейчас выглядит отнюдь не бесспорной, и, вероятно, в настоящее время следует говорить о двух самостоятельных группировках (союзах?) племен: собственно огузской в волго-уральских и прикаспийских степях и огузо-туркмено-сельджукской (этнокультурный состав и ареал которой еще нуждаются в детальном изучении) в Средней Азии, к востоку от Аральского моря. У каждого из этих союзов к началу XI в. уже вполне оформились политические и экономические ориентиры: у огузов — на запад, в Хазарию, у туркменов-сельджуков — на юг, в Хорезм. Поэтому, когда на исторической арене азиатских степей появилась третья геополитическая сила — вышедшие из Прииртышья и с Алтая кочевники кимако-кыпчакского союза племен (куны, каи, сары)[55] — направления возможного отхода для огузов были уже четко определены.

Давление кимако-кыпчаков (сары-кыпчаков) с севера и северо-востока — вот, на наш взгляд, основная причина массовой миграции огузских племен по расходящимся направлениям. И начаться это давление должно было не позже середины 1020-х гг., когда, по сведениям мусульманских историков, первые 4 тыс. туркмен переправляются через Амударью и расселяются в Северном Хорасане, а следом за ними, около 1030 г., и сами кыпчаки появляются у границ Хорезма. Косвенным подтверждением этого обстоятельства является тот факт, что разбитые войсками газневидского султана Махмуда туркмены не вернулись назад, за Амударью, а частью уходят в Балханские горы (юго-восточный Прикаспий), частью («две тысячи шатров») — в Азербайджан, где вступают в вассальные отношения с правителем этой области. Этот западный поход туркменов пока не имел сколько-нибудь заметных социальных или политических последствий для населения Передней Азии, поскольку туркмены сразу же занялись грабежом азербайджанских городов, за что в 1037 г. и были изгнаны из страны.

Более логичными и целенаправленными выглядят действия туркменов-сельджукидов, ушедших в Балханские горы и оставшихся на Амударье. Вначале они утверждаются в Хорезме, поддержав вспыхнувшее

[54] *Плетнева С. А.* Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). М., 1990. С. 92—97.

[55] *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. Ашхабад, 1969. С. 129; *Кляшторный С. Г.* Кимаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 346.

там в 1034 г. антигазневидское восстание, а к 1040 г., собрав в один кулак силы балханских и джейхунских племен, концентрируются в Северном Хорасане, на территориях от Дихистана до Серахса.

Об этот туркмено-сельджукский массив и разбилось войско последнего газневидского султана Масуда, чье поражение открыло сельджукам путь на запад, в сторону Византии. Этот победоносный поход, начисто перекроивший этническую карту Передней Азии, продолжался до 1071 г., когда в результате разгрома сельджуками войск византийского императора Романа Диогена под Манцикертом (Малазгирдом) вся Малая Азия оказалась в их руках.

Если средневековые авторы фактически ничего не сообщают об обстоятельствах вытеснения туркменов-сельджуков из Приаралья и Мавераннахра, то динамику движения огузов-торков на запад Великого пояса евразийских степей можно восстановить, опираясь на сообщения византийских и русских хронистов.

1040-е гг. — время нового всплеска огузо-печенежских войн, на этот раз, очевидно, спровоцированных натиском кыпчаков-половцев с востока: армянский историк Матфей Эдесский под 1050—1051 гг. сообщает о разгроме огузов и печенегов «рыжеволосым народом — хардеш», под которыми предполагаются кочевники кыпчако-половецкого союза племен. Практически в это время огузы подходят к берегам Днепра. Этим обстоятельством, очевидно, была обусловлена первая попытка печенегов массой вторгнуться в пределы Византии, предпринятая ими зимой 1046/1047 г. Она оказалась неудачной, и, разбитые армией Исаака I Комнина, печенеги уходят далее на запад, в Венгрию.

В середине XI в. западная периферия евразийских степей представляла собой бурлящий котел, в котором полностью исчезли печенеги. В 1055 г. огузы-торки и кыпчаки-половцы одновременно появляются у границ Киевской Руси. Но если первые какими-то своими действиями (по мнению С. А. Плетневой, грабежом русских поселков) вызвали неприязнь киевского князя Всеволода и он зимой того же года громит их и изгоняет в Степь, то вторые, озабоченные пока очищением Степи от печенегов и гузов, предпочитают поддерживать мир со своим северным соседом («Того же лета приходи Блушь с половци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и възвратишася въ свояси»[56]).

Отброшенные от границ Киевской Руси огузы-торки усиливают свой натиск на печенегов, вынуждая их уходить за пределы восточноевропейской степи. Но поскольку путь за Дунай был чреват войной с Византией и болгарами, печенеги начинают массово переселяться в пределы Венгерского королевства[57].

Вслед за печенегами на берегах Дуная появляются огузы-торки, которые в 1064—1065 гг. совершают попытку прорыва в Византию и на Балканы. В отличие от планомерной и целенаправленной экспансии огузов-сельджуков, «балканский поход» огузов-торков был не более чем разбойничьим набегом с целью грабежа и, возможно, попыткой уйти из-под нажима половцев. Поэтому рассеявшиеся по Фракии и Македонии огузские отряды (возможно, погребение в Хистрии, Румыния, оставлено участниками этого похода) частью погибли от внезапных холодов и болезней, частью были вырезаны извечными врагами огузов — печенегами и населением захваченных областей.

На берегах Дуная вновь восстанавливается военная и политическая гегемония печенегов, причем настолько, что в 1086 г. они смогли начать и вести пятилетнюю войну с Византией. Для огузов же последствия «балканского похода» оказались, вероятно,

[56] ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 151.

[57] *Pálóczi-Horváth A.* Pechenegs, Cumans, Iasians: Steppe peoples in medieval Hungary. Budapest, 1989. P. 31.

катастрофическими, отрицательно сказавшись, в первую очередь, на их численности. Наглядно это можно проследить по количественному соотношению печенежских и огузских памятников на Правобережной Украине.

Остатки огузско-торческих племен искали спасения от половецких сабель под державной рукой киевского князя, с 1060 г. вынужденного отражать половецкие набеги, становящиеся регулярными. Заинтересованные в создании вдоль своих южных рубежей антиполовецкого «буфера», русские князья поселяли кочевников на почти пустующих в то время землях Днепровского Правобережья. Так было положено начало Черноклобуцкому союзу племен, куда после 1091 г. вливаются массой печенеги, разгромленные византийцами у Левуниона (чем и завершилась пятилетняя печенежско-византийская война, начатая в 1086 г.). А затем наступает период, когда, очевидно, торки и печенеги психологически «притирались» друг к другу (что после многолетней вражды было просто необходимо) с тем, чтобы в 1116 г. под предводительством молодых русских князей Ярополка и Всеволода совместно выступить против донских половцев. Поход этот, как известно, закончился разгромом печенежско-торческих сил и очередным их спасением под державной рукой Владимира Мономаха. Правда, как считала С. А. Плетнева, под властью сильного киевского князя печенеги и торки чувствовали себя неуютно, а потому в 1121 г. восстали и были изгнаны из пределов Руси. Это был последний год упоминания этих двух народов по отдельности на страницах русских летописей. Во второй половине XII в. упоминаний о печенегах у русских летописцев мы уже не находим, а торки, поселившиеся на Руси к югу от Киева, выступают как вспомогательная сила в походах русских князей в половецкую степь.

Кыпчаки/половцы

Между вообще самым ранним упоминанием кыпчаков в письменных источниках и первым указанием на их присутствие в степях Восточной Европы в письменных же источниках лежит хронологический промежуток в 300 лет. В первом случае это указание на кыпчаков как на самостоятельное этнокультурное объединение (*тюрки-кыпчаки*), отличавшееся от соседних древнетюркских (*тюркютских*) племен и являвшееся политическим противником последних, в надписи на стеле в память Моюн-чура — уйгурского кагана в 747—759 гг. Причем не просто противником, но народом, который в течение 50 лет властвовал над тюркютами[58].

Территория Уйгурского каганата в середине VIII в. — это в основном территория современной Монголии. Ближайшим западным соседом уйгуров в это время являлся Кимакский каганат, территориальные границы которого пока еще определяются недостаточно четко. Однако современные исследователи сходятся во мнении, что основной («коренной») территорией кимаков было Прииртышье[59].

Западнее кимаков кочевали кыпчаки («кифчаки»), на что есть прямое указание в анонимном и компилятивном персидском сочинении конца X в. (982) «Худуд ал-Алам»[60]. На этом основании исследователи предполагают, что в IX—X вв. кыпчаки (*ку-*

[58] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 39.

[59] *Кумеков Б. Е.* Страна кимаков по карте ал-Идриси // Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971. С. 194—198; *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 135.

[60] *Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937. § 18.

маны/команы) кочевали между Северным Приаральем и Южным Уралом[61]. Данное предположение отчасти подтверждается и археологическим материалом: в курганных могильниках степного Зауралья конца IX — начала XI в. присутствуют элементы материальной культуры Кимакского каганата — серебряные и бронзовые украшения поясов, предметы вооружения и конской сбруи (Уелги, Синеглазово, Каранаево, Муракаево).

Распад Кимакского каганата, ослабленного внутренними противоречиями, в начале XI в. был ускорен натиском центральноазиатских племен — *кунов* (*команов*) и *кай* — с востока. Следствием этого стало изменение этнополитической ситуации в областях, прилегающих к каганату с запада — в степном Приуралье и Заволжье. Опираясь на сведения средневековых авторов — ал-Марвази, ал-Бируни, Ибн ал-Асира и др., исследователи освещают этот процесс в следующей последовательности: обитавшие в северном Китае племена *кунов* в 1030-е гг. подверглись нападению со стороны *киданей* и, уступая их натиску, двинулись на запад. По дороге они столкнулись с племенами *кай* и, будучи вынужденными отступать дальше, обрушились на племя *шары* (*сары*), или *половцев*. Двигаясь далее на запад, группировка кунов и шары вышли к землям *кыпчаков*, лежавшим на пути их миграции, и смешались с ними. Результатом этого взаимодействия стало утверждение политического господства кыпчаков в этом кочевническом объединении, хотя реальной военной силой там оставались *куны* (команы) и *шары*. Группировка кунов-шары-кыпчаков ударила по *гузам*, кочевавшим в Приаралье и Заволжье, и вынудила их уйти за Волгу. Так *шары* (*сары*) — кыпчаки становятся хозяевами приуральских и заволжских степей[62].

Однако сведения письменных источников (в частности, Ибн ал-Асира) позволили С. М. Ахинжанову выдвинуть несколько иную гипотезу о времени освоения кыпчаками степей Южного Урала. В частности, исследователь считает, что еще в XI в. кыпчаки, которым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища — джяйляу — в низовьях реки Камы, откуда они уходили зимовать в окрестности Баласагуна[63]. Однако столь масштабная картина превращения степей Заволжья, Южного Предуралья и Казахстана в «Дешт-и-Кыпчак» (первым это понятие — «Кыпчакская степь» — применил Насири Хосров, XI в.) сталкивается с чисто источниковедческой проблемой, а именно слабой заселенностью указанных территорий в X—XI вв., что наглядно отражено в количестве и плотности распространения соответствующих археологических памятников. То есть, с одной стороны, кыпчаки/половцы в указанное время действительно являлись одним из основных кочевых этносов в центральной части евразийских степей. И не случайно после распада Золотой Орды именно Западный Казахстан становится центром формирования государства «кочевых узбеков», а позже — составной частью Среднего Жуза, где концентрировалась основная часть семей (13,5 тыс.) казахов племени кыпчак. Здесь же, в предгорьях Южного Урала, по бассейну реки Сакмары в конце XIV—XV в. селились такие роды башкирских кыпчаков,

[61] *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. С. 141.

[62] *Кляшторный С. Г.* Кимаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 346; *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 124—126; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 136—138; *Храпачевский Р. П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников). М., 2013. С. 17—41.

[63] *Ахинжанов С. М.* Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 51.

как *кара-, ак-, санкем-, суун-* и *бушман-кыпчак*, начавшие свое переселение сюда еще в XIII в.[64]

Кыпчакская этническая принадлежность памятников второй половины XI — начала XIII вв. степного Заволжья и Предуралья сейчас также ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Еще в 1960-е гг. Г. А. Федоров-Давыдов, опираясь на сведения средневековых авторов, в частности Рашида ад-Дина, связывал курганы XII—XIII вв. в Нижнем Поволжье (*саксин*) с половцами-команами[65]. По мере того как степень археологической изученности региона возрастала, расширялась и источниковая база по археологии средневековых кочевников[66]. Поэтому сейчас мы имеем возможность более определенно охарактеризовать этнополитическое состояние кыпчаков/половцев, обитавших в это время к востоку от Волги.

География кыпчакских памятников к востоку от Волги неравномерна. Большинство из них обнаружены в степном Заволжье, на территории современных Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей, главным образом на берегах Волги и ее правых притоков — Самары, Еруслана, Ахтубы. Остальные погребения разбросаны по территории Оренбургской (Белый Ключ, Буранчи), Челябинской (Солнце, Третий Плес, Каинсай, Змеиный Дол) областей (РФ) и Западно-Казахстанской области (Республика Казахстан) (Базар-Тобе I, Джангала, Курпе-Бай, Озеро Раим, Лебедевка VII).

Практически везде интересующие нас погребения являются одиночными, и если разложить их по территории степной части Заволжско-Приуральского региона, площадь которой составляет приблизительно 560 000 кв. км, то получится по одному погребению на 14 000 кв. км. Из этого следует, что кыпчакские племена осваивали Заволжье и Приуралье, находясь на первой (таборной) стадии кочевания, для которой характерны «разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко достающиеся специалистам в полном виде»[67]. Или вообще прошли эту территорию без длительных остановок, преследуя отступавших гузов и печенегов.

Косвенным подтверждением данного предположения может служить тот факт, что в составе вещевого комплекса кимако-кыпчакских погребений Заволжья и Предуралья нет образцов булгарских ремесленных (ювелирных) изделий[68]. Их отсутствие у кочевников Заволжья и Предуралья выглядит странным по следующим причинам: во-первых, в домонгольский период (XII — начало XIII в.) Волжская Булгария уже заявила о себе как о развитом торгово-ремесленном государстве со своими ювелирными мастерскими, работающими не только на внутренний, но и на внешний рынок, во-вторых, став мусульманской страной, Волжская Булгария «превратилась в центр монопольной торговли Северо-Востока Европы, сосредоточив в своих руках северную торговлю Запада с Востоком». Один из пу-

---

[64] *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата, 1974. С. 70—75; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав и история расселения. М., 1974. С. 171—172, 184—185.

[65] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 150.

[66] *Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Пилипчук Я. В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа, 2014. С. 24—117.

[67] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 17.

[68] *Иванов В. А., Крыласова Н. Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху Средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. С. 141—143.

тей этой торговли (Булгар—Джурджания) как раз и проходил через степи Заволжья и Южного Предуралья[69]. В это же время, как известно, начинается массовый приток булгарских изделий в лесное Прикамье[70].

На этом фоне объяснение отсутствию археологически фиксируемых торговых контактов кыпчаков с булгарами может быть только одно: занятые войной с гузами и печенегами, они стремительным броском преодолели степи Заволжья и Приуралья и в основной своей массе ушли в Восточную Европу.

Оставшиеся в Заволжье и Приуралье кимаки (йемеки), команы-сары и кыпчаки представляли собой восточную периферию «Дешт-и-Кыпчак» и, судя по имеющимся материалам, в степях Урало-Поволжья были немногочисленными. Вполне резонно также предположить, что заволжские кочевники не принимали заметного участия в политической жизни хозяев «Половецкого Поля». Во всяком случае известный нам на территории региона археологический материал, своим однообразием и невыразительностью резко контрастирующий с синхронными памятниками «Половецкого Поля», указывает только на то, что они здесь были.

Политическая организация кыпчаков/половцев/куманов до их завоевания монголами также выглядит неоднозначной.

В свое время С. М. Ахинжанов, опираясь на сведения «Юань-ши» (XIV в.) и Джузджани (XIII в.), считал, что в конце XI — начале XII в. в степях современного Казахстана складывается конфедерация кыпчакских племен, возглавляемая собственными ханами. Территорию Кыпчакского ханства исследователь помещал к северу от Аральского моря. Несколько позже аналогичную точку зрения выдвинул американский историк Т. Оллсен. По его мнению, одним из наиболее сильных племен кыпчакской конфедерации (ханства) было племя *ольбери* (ильбари), в XI—XII вв. кочевавшее в степях Волго-Уральского междуречья[71].

В начале 1980-х гг. археологическая карта (и соответственно этническая география) степей Урало-Поволжья эпохи Средневековья представляла собой terra incognita для исследователей. Поэтому ни С. М. Ахинжанов, ни Т. Оллсен просто не имели возможности сопоставить сведения единственного источника, из которого они черпали информацию о расселении кыпчаков в Урало-Поволжье в XI—XII вв., — «Юань-ши» («Жизнеописание Тутука»), созданного в XIV в., — с археологическими материалами, появившимися в регионе в 1980—1990-е гг. Эти материалы, на фоне материалов предшествующего огузо-печенежского и последующего золотоордынского периодов выделяющиеся своей малочисленностью, указывают на то, что в X—XII вв. степи Волго-Уральского междуречья представляли собой восточную периферию Дешт-и-Кыпчак/Половецкой степи, слабозаселенную и малолюдную[72].

---

[69] *Халиков А. Х.* Торговые пути Булгарии в IX—XIII веках и их археологическое изучение // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 13—14.

[70] *Белавин А. М.* Камский торговый путь. Пермь, 2000.

[71] *Ахинжанов С. М.* Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII — начале XIII в. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 60—61, 70; *Allsen T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region. 1217—1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. Vol. 3. P. 5—23; *Оллсен Т. Т.* Прелюдия к западным походам: Монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217—1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6: Золотоордынское время. Донецк, 2008. С. 352, 360.

[72] *Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Пилипчук Я. В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. С. 196—215.

Такого же мнения придерживался и В. П. Костюков — переводчик статьи Т. Оллсена на русский язык[73]. Он также отмечал слабую заселенность Дешт-и-Кыпчака в пределах урало-казахстанских степей в XI—XII вв., объясняя это тем, что после изгнания огузов из волго-уральских степей одна часть «кыпчаков (западные кыпчаки или половцы) последовала за огузами в причерноморские степи, другая часть заняла покинутые беглецами земли. При этом зона кочевий кыпчаков, овладевших землями огузов, по каким-то причинам оказалась значительно меньше территорий, бывших в хозяйственном обороте у прежних хозяев»[74].

На то были еще и естественные, природно-климатические причины. Дело в том, что, по данным палеопочвоведов, в X в. завершался очередной аридный период в истории евразийских степей, когда степи Заволжья, Южного Предуралья и Зауралья[75] еще только приближались к состоянию увлажненности, завершившейся эпохой «климатического оптимума» XII—XIV вв.[76]

Поэтому, вопреки мнению некоторых, главным образом зарубежных, историков, приписывающих кыпчакам образование собственного государства в степях Заволжья и современного Казахстана[77], говорить о подобном факте из истории этих племен не приходится. Во-первых, этому никак не способствовали отмеченные выше экстремальные климатические условия степей в рассматриваемое время, во-вторых, фактически единственный средневековый нарратив, составленный синхронно описываемым событиям, — «Худуд ал-Алам» — совершенно определенно сообщает о политической зависимости кыпчаков от кимаков: «Южный предел хифчахов граничит с баджанаками (печенегами) (*Khifjakh ra hadd-i junubash ba-Bajanak daradh*), а все прочие (***пределы*) граничат с Ненаселенными Землями Севера, где нет существа живого. Хифчаки — это род (*qaum*), который, отделившись от кимаков (Kimak), поселился в этих местах, но хифчахи более злонравны (*badh-khutar*), чем кимаки. **Властитель (*malik*) их (назначается) от кимаков** (выделено мной. — *В. И.*)»[78].

Следовательно, более соответствующей исторической реальности представляется точка зрения тех исследователей, которые считают, что «правомернее вести речь не о государственных образованиях кочевников-кыпчаков, а о раннегосударственных образованиях или этнополитических объединениях <...> источники не сообщают почти ничего об определенных владениях. Автор „Худуд ал-Алам“ говорил о трех или даже четырех отдельных областях в землях кимаков. Несмотря на скудость информации для XII в., мы попытались выделить три кыпчакских владения, **находившиеся в разной степени зависимости от Хорезмийского государства** (выделено мной. — *В. И.*) <...> Одной достоверной локальной группировкой кыпчаков являлось их объединение на территории полуострова Мангышлак[79], где они совместно с обитавшими

---

[73] *Оллсен Т. Т.* Прелюдия к западным походам: Монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217—1237 годах. С. 351—362.

[74] *Костюков В. П.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н. э. // Археология Южного Урала: Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 444.

[75] Северный Прикаспий в это время вообще был полупустыней.

[76] *Якимов А. С., Демкин В. А., Алексеев А. О.* Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII—XIV вв. н. э.). М., 2007. С. 203.

[77] Ссылающихся при этом на сведения китайской хроники «Юань-ши» («Жизнеописание Тутука»), созданной в XIV в.

[78] *Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. § 18.

[79] Где, правда, кочевнические памятники интересующего нас периода пока не выявлены.

южнее их племенами *язырской* этнической общности образовали на короткое время политический союз, во главе которого стоял „царь". Очень незначительные известия о них в источниках не позволяют в настоящее время сказать что-нибудь достоверное об их истории. Известно только, что в середине XII в. они попали под власть хорезмшаха»[80]. Далее С. М. Ахинжанов пишет о двух «достаточно мощных» кыпчакских группировках на территории современного Казахстана: одна, возглавляемая племенем ильбари, — в степях Западного Казахстана к северу от Аральского моря[81], вторая — с центром в городе Сыгнак[82] (с середины XII в.), — управляемых кимаками племени уран. Закончилось все тем, что хорезмшахи покорили оба этих кыпчакских объединения[83].

И на это были свои резоны: ни восточные, ни западные (о которых речь пойдет ниже) кыпчаки/*половцы* не создали своего государства по той причине, что при отсутствии серьезных внешних угроз в то время оно им было просто не нужно[84].

После распада Кимакского каганата средневековые авторы отмечают два направления миграций кочевников: *кыпчаков* на запад и *йемеков* (кимаков) на юг и юго-запад[85]. Там йемеки/кимаки становятся соседями Хорезма и ведут с хорезмшахами успешные войны за приаральские пастбища, вынуждая шахов идти на компромиссы и даже на династические браки с кочевниками[86]. А приаральские пастбища кочевникам были очень нужны, поскольку именно в это время Южное Приаралье находилось в стадии гумидизации. С этой же целью *кыпчаки/шары-сары* с боями прорываются в восточноевропейские степи.

Кыпчакская/половецкая экспансия в Восточную Европу была стихийным движением кочевников (хотя и вызванным конкретными этнополитическими коллизиями в Кимакском каганате) в поисках «места под солнцем». Осуществлялось оно в условиях завершающейся стадии аридизации евразийских степей, когда климат и природные условия степей Восточной Европы, хотя и приближались к современным, но были еще более засушливыми, то есть более экстремальными для кочевников. Поэтому можно предположить, что в середине XI в. кыпчаки/половцы, дойдя до Волги и форсировав ее (скорее всего, зимой по льду), разорили город Саксин (Сарыгшин) (городище Самосделка в дельте Волги) и ушли дальше на запад в южнорусские степи. Город Саксин в это время уже начал восстанавливаться после погрома Хазарии князем Святославом[87], но следы половецкого разорения в виде слоев пожара там выявлены[88].

Все исследователи, изучающие средневековые памятники кочевников Восточной Европы, традиционно вспоминают армянского историка Матфея Эдесского, который под 1050 г. писал о противоборстве «рыжеволосого народа хардеш» (шары-сары) с племенами кунов и каи (змей) за пастбища в степях Северного Кавказа. А через пять лет русский летописец под 1055 г. сообщает

---

[80] *Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. С. 281.

[81] Археологических следов пребывания их здесь пока известно ничтожно мало.

[82] В его окрестностях археологические памятники средневековых кочевников пока не выявлены.

[83] *Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. С. 281—286.

[84] *Golden P. B.* Cumanica IV. The Tribes of the Cuman-Qipcaqs // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995—1997. Vol. 9. P. 106.

[85] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. С. 43—47.

[86] *Ахинжанов С. М.* Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII — начале XIII в.

[87] *Васильев Д. В.* Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 242—243.

[88] Личное сообщение Д. В. Васильева — основного исследователя Самосдельского городища.

о первом, пока еще мирном, приходе *половцев* хана Блуша к границам Киевской Руси.

Вслед за русскими этноним «половцы» применительно к новым кочевым племенам восточноевропейских степей стали использовать поляки и чехи («плавцы»), немцы («флавен»), венгры («палоч»). Венгры, впрочем, довольно часто называли половцев кунами-куманами. С. А. Плетнева предполагала, что объясняться это может географией расселения двух близкородственных этносов — *кунов-куманов* и *шары/сары-кыпчаков (половцев)*. Первые кочевали западнее Днепра и были лучше известны византийцам, венграм и другим европейским народам, а вторые кочевали восточнее и, соответственно, лучше были известны русским именно как «половцы»[89].

Территорию кыпчакских/половецких кочевий С. А. Плетнева устанавливает по ареалу распространения каменных статуй («половецких баб»). Среди них исследователь выделила самые ранние — стеловидные плоские изваяния с лицами и некоторыми деталями фигур (руки, женская грудь, сосуд в руках), выполненными в технике низкого рельефа, — аналогичные кимако-кыпчакским изваяниям Семиречья. Подавляющее большинство их сосредоточено в степном треугольнике, образованном правобережьем Северского Донца, низовьями Дона и Азовским морем[90], где сейчас известно 181 половецкое погребение (77,6 % от всех известных в евразийских степях погребений этого типа).

Совпадение ареала погребений с восточной ориентировкой, обнаруженных на берегах Северского Донца, Дона, Самары, Орели и Маныча, с ареалом ранних половецких изваяний совершенно определенно указывает на эту территорию как на район наиболее раннего заселения половцами степи Северного Причерноморья. Отсюда они начинают активно осваивать соседние регионы. В конце XI — начале XII в. половецкие кочевья доходят до среднего Днепра и Предкавказья, в первой половине XII в. — до Нижнего Поднепровья и крымских степей.

При определении границ «Половецкого Поля» исследователи не случайно уделяют основное внимание географии каменных изваяний, поскольку они, «являвшиеся частью святилищ в память умерших предков, естественно, ставились в местах, где возникали более или менее постоянные половецкие стойбища (зимники и летники) и прокладывались по степи постоянные дороги»[91].

То есть концентрация кыпчакских/половецких погребений и каменных изваяний на достаточно компактной территории восточноевропейских степей вполне определенно указывает на то, что, оказавшись в более благоприятной экологической среде, кыпчаки/половцы возвращаются к традиционному и более комфортному для кочевника стилю жизни — сезонное кочевание по маршруту *летник (йайляу)—зимник (кышлак)*. А кыпчакские/половецкие кышлаки, если исходить из районов наибольшей концентрации их захоронений, располагались в междуречье нижнего Дона и Днепра, а также в низовьях Кубани.

География кыпчакских/половецких археологических памятников позволяет вновь обратиться к этимологии этникона «половцы». Кочуя в степях бассейна нижнего Дона и Днепра, кыпчаки/половцы выпадают из поля зрения восточных авторов, и поэтому основным источником сведений о них на период до середины XIII в. являются для нас русские летописи и византийские нарративы. Традиционно, начиная со времен

[89] *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 40.

[90] *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—VIII века): Учеб. пособие. Воронеж, 2003. С. 153.

[91] *Плетнева С. А.* Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 249, 255.

академика А. А. Куника (1814—1899), мы привыкли считать, что этникон «половец» есть не что иное, как русский перевод этнонима «сары/шары» (тюрк. «желтый»; русск. «половый»). Но существует еще одна «расшифровка» этого этникона, предложенная в свое время советским историком-медиевистом и филологом Е. Ч. Скржинской. Она исходит именно из географии половецких кочевий относительно границ Киевской Руси. Разделительной чертой между ними являлся Днепр, по правобережью которого («сей пол — берег») была Русь, по левобережью («оный пол») — кыпчаки/сары/шары. Отсюда Е. Ч. Скржинская заключает, что «рассмотренные выше летописные свидетельства убеждают в том, что для русских людей половцы были обитателями той («оной»), чужой стороны Днепра (об он пол=половцы) и в этом качестве отличались от „своих поганых", черных клобуков, обитавших на этой («сей»), своей стороне реки. В этом противопоставлении и родился специфически русский этникон „они половици" или просто „половици", трансформировавшийся в процессе развития древнерусского языка в „половцы"»[92].

В степях Восточной Европы кыпчаки/половцы сохраняли ту социальную организацию, которая сложилась у них еще в эпоху Тюркских каганатов. В отечественной историографии она традиционно номинируется как «орда», что, очевидно, не совсем точно. Дело в том, что в русском летописании термин «орда» появляется только после монгольского завоевания и чаще всего со значением «ханская ставка»[93]. Поэтому в последние годы в исследованиях, посвященных истории средневековых кочевников Евразии, применительно к половцам все чаще употребляются термины «конфедерация» и «вождество»[94]. Однако и эти термины весьма условны, поскольку, согласно теории государства и права, «вождество» (англ. *Chiefdom*) предполагает наличие некоей иерархии, на вершине которой стоит личность (главный, верховный вождь), которой подчиняются все остальные вожди, а «конфедерация» — это вообще союз суверенных субъектов, объединившихся для решения конкретных политических задач. Названия и количество «вождеств» определяются в основном по отрывочным сведениям из средневековых нарративов, в которых дается только название той или иной группы кочевников (в транскрипции автора-нарративиста), за весьма редким исключением не называются имена вождей, не указываются численность этих «вождеств», их социальная иерархия и значимость. Даже местоположение «вождеств» в большинстве случаев определяется исходя из интерпретации предшествующих исследователей.

Многочисленность и дробность «вождеств» соответственно создает иллюзию многочисленности кыпчакских/половецких племен, которые чуть ли не заполонили собой степи Евразии, что также не соответствует действительности[95].

Наконец, «классическое вождество» — это предтеча государства. А государства у кыпчаков/половцев никогда не было. Оно им было просто не нужно[96]. Социальная статичность, характерная для оседло-земледельческих обществ, кочевнической ментальности чужда. Богатство кочевника — скот, доблесть кочевника — количество добычи, захваченной в бою. Для обеспечения

---

[92] *Скржинская Е. Ч.* Половцы: Опыт исторического истолкования этникона: (Из архива ученого) // Византийский временник. Т. 46 (71). М., 1986. С. 276.

[93] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 118—119.

[94] *Пилипчук Я. В.* Дешт-и-Кыпчак на стыке цивилизаций. Уфа, 2015. С. 34, 38.

[95] *Пилипчук Я. В.* Сколько было кыпчаков? (К вопросу о достоверности сведений источников о количестве населения западноевразийских степей) // Stratum plus. 2014. № 5. С. 257—269.

[96] *Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: Пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 107—110.

материального благосостояния кочевнику нужны пастбища и вода (их получение определялось обычным правом). А что касается военной добычи, то здесь в первую очередь нужен был авторитетный и удачливый во всех отношениях предводитель (*нойон, инак, бахадур, бек, эмир*[97]), способный так организовать набег, чтобы из него можно было вернуться и живым, и обогатившимся. Ни о какой принудительной мобилизации у кочевников мы не знаем.

То есть в плане понимания социальной структуры кыпчакского/половецкого сообщества, видимо, более правы исследователи — сторонники классической стратификации: семья (*aile*) → семейная община/род (*курень*) → племя (*майпа*)[98].

Символом главы куреня был медный или железный котел: погребения, содержащие подобные котлы, часто встречаются среди кыпчакских/половецких захоронений. Семейные общины-курени составляли племена, которые по классической схеме могли объединяться (и объединялись) во временные союзы племен («конфедерации»).

Но поскольку в отечественной историографии термин «орда» укрепился прочно, в дальнейшем и мы будем его использовать применительно к рассматриваемой эпохе, имея в виду его искусственность.

Свое господство в южнорусских степях кыпчаки/половцы утверждали довольно активно. Уже через шесть лет после *хана* Блуша другой половецкий *хан* Сокал приводит свою орду «первое на Русьскую землю воевать». Что это была за орда и откуда она пришла, из источника неясно (с учетом того, что пошли они на Переяславль, это могли быть и половцы-*куманы* Днепро-Днестровского междуречья, и *лукоморские* половцы левобережья нижнего Днепра). Как бы то ни было, переяславского князя Всеволода Ярославича они «победиша <...> и воевавше отидоша»[99].

Начиная с этого времени и до 1235 г. (год крупного сражения между половцами и войском князя Даниила Галицкого у Торческа) политическая история южнорусских степей определялась русско-половецким противостоянием. Регулярные половецкие набеги на русские «украины» чередовались с годами затишья и даже установления союзнических отношений. Последнее особенно характерно для начала периода феодальной раздробленности на Руси.

Набеги половцев на Русь, участившиеся в XII в., преследовали одну, вполне конкретную цель — установление постоянных даннических отношений[100]. И эти устремления базировались на вполне определенной военно-политической ситуации, которая сложилась в «Половецком Поле» в то время. К концу XI в. его территория была поделена между крупными половецкими ордами, каждая из которых имела своего хана. Имена половецких ханов дошли до нас благодаря сведениям русских летописцев. В Среднем Поднепровье кочевали орды приднепровских половцев («Бурчевичей»), возглавляемых ханами Боняком и Тугорканом; их южными соседями были лукоморские половцы хана Урусобы, занимавшие степи Нижнего Поднепровья и Крыма; восточнее, по правобережью Северского Донца, кочевала орда хана Шарукана, сына Осеня[101]. Этот хан имел свои городки-ставки — Ша-

---

[97] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 46.

[98] *Осипенко М. С.* Розселення та соціально-політична організація половецьких племен у Причорноморських степах другої половини XI ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. 37. С. 22—26.

[99] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 163.

[100] *Егоров В. Л.* Русь и ее южные соседи в X—XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6. С. 192.

[101] По-видимому, одного из наиболее известных и авторитетных половецких вождей, чья смерть была особо отмечена русским летописцем.

рукань и Сугров — в верховьях Северского Донца, совсем рядом с границами Руси[102].

Следует отметить, что городки эти — Шарукань, Сугров, Балин — известны только по летописным данным и археологически никем и никогда не изучались. Поэтому, вероятнее всего, они представляли собой слегка укрепленные ханские ставки-кышлаки по типу огороженных стенами (заборами) кочевых ставок кагана Моюн-чура[103]. Взять и разорить их для хорошо вооруженных киевских дружин труда не составляло, что, в конце концов, и было сделано князем Владимиром Всеволодичем (Мономахом) в 1111 г.

Еще один вопрос — сами ли половцы обитали в этих «городках»? Как считали Г. А. Федоров-Давыдов и его предшественники, заселяли эти «городки» не половцы, а так называемые «бродники», русские отряды, примкнувшие к кочевникам, и мирное оседлое население, зависимое от половцев.

Приднепровские, лукоморские и донецкие половцы особенно досаждали киевским князьям, поскольку первые «оседлали» важный для Руси торговый «путь из варяг в греки», а вторые, по сути, отсекли от Киева Тмутороканское княжество в низовьях Кубани.

Владимир Всеволодич, еще будучи князем Переяславским, по-видимому, одним из первых русских князей понял суть и тактику ведения степной войны, разобрался в нюансах военно-политической организации половецкого общества и решил нанести превентивный удар по половцам. Момент для этого был выбран удачный. В 1091 г. племена под предводительством ханов Боняка и Тугоркана, создав первую «конфедерацию», ушли помогать византийскому императору Алексею Комнину отразить натиск печенегов. А затем в 1094—1095 гг. они же ввязались в авантюру самозванца Псевдо-Диогена, пытавшегося захватить византийский трон, теперь уже на стороне последнего. Естественно, все это они делали не «за идею», а за добычу.

В это же время (1095) два других половецких вождя — Китан и Итларь — попытались совместно заключить договор о мире с князем Владимиром Мономахом, но были по приказу князя убиты, а их кочевья — *вежи* — разорены.

Это чрезвычайное происшествие позволило Боняку и Тугоркану, которые вернулись из похода на Византию (закончившегося, правда, неудачно, поскольку на обратном пути половцы разорили Трансильванию, но у города Темешвара были перехвачены венгерским королем Ладиславом и разбиты[104]), начать войну с русскими князьями. Нужно было поднять моральный дух собственных воинов, потерявших значительную часть добычи, а кроме того, собрать вокруг себя оставшихся без предводителей соплеменников Итларя и Китана. То есть «конфедерация» не только сохранялась, но и расширялась. Племя (орда) Боняка кочевало на западной оконечности «Половецкого Поля», между Днепром и Днестром (половцы-куманы — по С. А. Плетневой), кочевья («вежи») Тугоркана находились в низовьях Днепра по обе его стороны, а вежи Итларя и Китана (половцы-ельтуковичи), очевидно, — по берегам Дона, Хопра и Медведицы[105].

Началась затяжная русско-половецкая война. Она представляла собой череду взаимных набегов-походов половцев на Русь (1095, 1105, 1106, 1107, 1110, 1113) и русских на половцев (1096, 1103, 1111, 1116). Среди них наиболее успешными для половцев были набег 1096 г. (Боняк разорил Ки-

[102] *Плетнева С. А.* Донские половцы. С. 257; *Она же.* Половцы. С. 60.

[103] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 40.

[104] *Pálóczi Horváth A.* Pechenegs, Cumans, Iasians: Steppe peoples in medieval Hungary. Budapest, 1989. P. 44.

[105] *Плетнева С. А.* Половцы. С. 52.

евское Поросье, а Тугоркан — окрестности Переяславля[106]), а для русских — организованный Владимиром Мономахом поход в степь 1103 г., в ходе которого донская группировка половцев была фактически уничтожена. Характерно, что, когда дружины русских князей двинулись в степь, мнения вождей половецкой «конфедерации» разделились. Один из них — Урусоба — выступал за договор с Мономахом, другой — Алтунопа (еще один приверженец хана Боняка) — был категорически против. В итоге погибли оба и еще 20 «князей половецких». В сложившейся ситуации хан Боняк поспешил объединиться с вождем донецких половцев — ханом Шаруканом — для дальнейших совместных действий против Руси[107].

В течение последующих семи лет обе стороны обменивались ударами, до тех пор, пока в 1111 г. (по инициативе Владимира Мономаха) не состоялся большой поход объединенных русских дружин вглубь степи, закончившийся разгромом половецких городков на Северском Донце и рассеянием большинства половецких орд по степи.

Следствием Мономахова погрома 1111 г. стали разрушение кровнородственных (куренных) связей и распад половецких орд на более мелкие, уже не кровнородственные орды. Так, после похода Владимира Мономаха в степь среди донских половцев появляются орды Токсобичей и Отперлюевичей по левобережью Северского Донца, Нижнедонских — в окрестностях бывшего хазарского города Саркела — Белой Вежи, Ельтуковичей — в междуречье Дона, Хопра и Медведицы[108].

Последние интересны нам тем, что, по-видимому, именно их северные границы обозначены каменными изваяниями и могильниками, известными по рекам Битюгу и Хопру[109]. Территориально эти памятники смыкаются с аналогичными и синхронными памятниками, расположенными по правобережью Волги в пределах современной Саратовской области, и с памятниками на территории современной Самарской области южнее Самарской Луки[110], то есть совсем рядом с южными границами Волжской Булгарии. Половцы-Ельтуковичи были ближайшими степными соседями Волжской Булгарии, отчетливо проявившими себя своими набегами на Рязанское княжество во второй половине XII в.

Вполне естественно, что в условиях практически перманентной войны половцы не имели торговых связей с Русью. Это наглядно отражено в соответствующем археологическом материале[111]. Но тот же археологический материал указывает нам на отсутствие активного торгового обмена половцев-«ельтуковичей» и с волжскими булгарами[112].

Иначе в рассматриваемое время складывались половецко-византийские отношения. На основании, хотя и отрывочных, археологических данных С. А. Плетнева заключает, что из Византии половцы получали дары или добычу, прежде всего в виде дорогих

---

[106] Правда, отступая от Переяславля, он был настигнут пришедшими на помощь городу русскими дружинами и убит.

[107] *Плетнева С. А.* Донские половцы. С. 259.

[108] *Плетнева С. А.* Половцы. С. 63—70.

[109] *Цыбин М. В.* Половцы и Рязанская земля // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 130—139.

[110] *Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX—XV века). Уфа, 1998. С. 217—228.

[111] *Плетнева С. А.* Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // Советская археология. 1991. № 3. С. 90.

[112] *Иванов В. А.* Культурные связи средневековых кочевников Евразии (по материалам декоративно-прикладного искусства) // Древнетюркский мир: История и традиции. Казань, 2002. С. 106—124.

тканей, остатки которых встречаются в некоторых половецких погребениях. Более того, со временем византийское влияние, вследствие постоянных контактов половцев с византийскими купцами и дипломатами в причерноморских городах, начинает сказываться и на изменениях в общественных отношениях половцев[113].

Однако Боняк — последовательный враг Руси да к тому же разъяренный потерей своих прежних «конфедератов» — и не думал успокаиваться. Вскоре он находит себе нового союзника — предводителя донских половцев (*токсоба*)[114] Шарукана. Предполагается, что он был сыном одного из известных и авторитетных половецких вождей Осеня. В 1107 г. Боняк и Шарукан организуют совместный набег на Переяславское княжество — неудачный. Но этот набег подтолкнул князя Владимира Мономаха к самым решительным действиям, и весной 1111 г. начинается знаменитый поход русских дружин на Дон, в результате которого донские половцы-*токсоба* были окончательно рассеяны, а их городки Сарукан, Сугров и Балин разорены полностью. Остатки Токсобичей в виде мелких родов-кошей («половцы дикие») продолжали кочевать вдоль границ Руси, но большой опасности они, по-видимому, уже не представляли.

Боняковская «конфедерация» была образованием довольно рыхлым, а главное — не имеющим для половцев всеобщего характера. Так, после Мономахового погрома один из сыновей Шарукана Отрок (Атрак) уводит свое племя-орду в степи Северного Кавказа. Там он вступает в союзнические отношения с грузинским царем Давидом IV Строителем, привлекавшим его к борьбе с мусульманами — турками-сельджуками. Красивая легенда повествует о том, как Отрок переселился в Грузию, породнился с царем Давидом и полностью погрузился в прелести жизни придворного вельможи.

Присутствие половцев в степях Предкавказья документируется и археологическим материалом — подкурганными захоронениями, «каменными бабами», святилищами[115].

Другая группа половцев-куманов под предводительством Аепы в 1117 г. отправляется походом на болгар и погибает там[116].

Вообще, после 1111 г. военная активность половцев у границ Руси заметно снижается. Отогнанные в глубь степи, они переключаются на полное уничтожение еще остававшихся там печенегов и огузов (торков) и в 1117 г. окончательно изгоняют их из низовьев Дона[117].

Итак, XI — первая четверть XII в. были временем, когда в степях Восточной Европы начинают складываться первые половецкие военно-политические объединения-«конфедерации», которые «были рыхлыми, часто распадались, вновь образовывались в новом составе и на другой территории. Эти

---

[113] *Плетнева С. А.* Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники. С. 103.

[114] *Пилипчук Я. В.* Дешт-и-Кыпчак на стыке цивилизаций. С. 23.

[115] *Зеленский Ю. В., Цокур И. В.* Погребение половчанки из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 209—212; *Анфимов И. Н., Зеленский Ю. В.* Половецкие погребения из Восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; М., 2002. С. 68—71; *Нехаев А. А., Голубев Л. Э., Чхаидзе В. Н.* Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из хут. Верхний и ст. Раздольная в Краснодарском крае // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2009. С. 145—156; *Дружинина И. П., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И.* Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М., 2011.

[116] *Плетнева С. А.* Половцы. С. 64.

[117] Спасаясь от половецких сабель, они уходят на Русь и, получив от князя Владимира Мономаха земли в Поросье, дают начало союзу «Черных клобуков» (торки, «свои поганые»), вассальному киевскому князю.

обстоятельства не дают нам возможности точно определить местонахождение владений каждого великого хана и тем более каждой орды. Относительная стабилизация, вернее, определенность сложилась в степях позднее — во второй половине XII в.»[118].

Ситуация начинает меняться после смерти князя Владимира Мономаха в 1125 г.

Сейчас трудно понять, факторы какого социально-политического порядка побудили Сырчана («Шарукановича») выманить своего брата Отрока (Атрака) из Грузии. Вполне вероятно, что в немалой степени этому способствовала набиравшая в это время обороты на Руси феодальная раздробленность, в которой половцы принимали активное участие в качестве наемников-союзников враждующих между собой русских князей.

Можно предположить, что, адекватно оценивая политическую ситуацию на Руси, наиболее проницательные вожди половецких племен видели в ней условие для восстановления своей гегемонии вдоль русских границ и превращения Руси в источник стабильной экономической эксплуатации (дань, наемничество). Одним из таких наиболее ярких вождей-ханов становится Кончак, после смерти своего отца Отрока и дяди Сырчана возглавивший обе их орды (1172). В 1174 г. Кончак предпринимает первый самостоятельный набег на Переяславское княжество. Механизм был отработанный — «конфедерация» с предводителем *лукоморских* (кочевали между нижним Днепром и Азовским морем) половцев Кобяком. И хотя набег этот в итоге не удался (новгород-северский князь Игорь Святославич[119] отбил захваченные половцами *ясырь* и добычу), харизма Кончака как удачливого вождя не исчезла. К концу 1170-х гг. ему удалось объединить под своей рукой все половецкие роды-*коши* на Дону. С ними он совершает мелкие набеги на русское пограничье, а в 1185 г. учиняет разгром Игорю Святославичу, на свой страх и риск решившему повторить подвиг Владимира Мономаха в 1111 г. В описании Игорева похода летописец перечисляет половецкие роды Токсобичей, Колобичей, Етебичей, Терьтробичей, Бурчевичей, Улашевичей[120], которые участвовали в «Игоревом побоище».

Таким образом, к концу XII в. в «Половецком Поле» вновь складываются крупные объединения-«конфедерации». Среди них особенно выделялись Лукоморская орда хана Тоглыя, кочевавшая по излучинам Азовского и Черного морей и низовьям Днепра, Приднепровская орда (Бурчевичи) ханов Оселука и Изая, кочевавшая по днепровским берегам южнее реки Самары, и донское объединение хана Кончака, крупнейшее в степях.

Последние десятилетия военно-политической гегемонии кыпчаков/половцев в степях Восточной Европы связаны с именем вождя донских половцев — хана Кончака, который за свою не короткую по тем временам жизнь (родился он где-то в начале 1150-х гг., а умер в начале 1200-х)[121] выстраивал буквально «виртуозные» отношения с Русью. Он и громил русских князей (воспетый в «Слове о полку Игореве» разгром Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, в 1185 г.), и роднился с ними (от брака княжича Владимира Игоревича с Кончаковной родилось как минимум двое сыновей — внуки Игоря и Кончака), и вместе со своими «конфедератами» Кобяком и Гзаком неоднократно совершал набеги на русские земли, и активно участвовал

[118] *Плетнева С. А.* Половцы. С. 70.

[119] Будущий герой «Слова о полку Игореве».

[120] *Плетнева С. А.* Донские половцы. С. 275.

[121] Там же. С. 264; *Селезнев Ю. В.* Половецкий князь Кончак // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 160.

в княжеских междоусобицах (в 1203 г. помог князю Рюрику Ростиславичу захватить Киев)[122].

С. А. Плетнева в контексте своей концепции о трех стадиях кочевания определяла «конфедерацию» половецких племен хана Кончака как предтечу будущего Половецкого государства[123]. Эта оценка может рассматриваться как гипотеза, ни подтвердить, ни опровергнуть которую мы не имеем возможности: 1223 год (сражение на Калке) внес свои суровые коррективы в дальнейший ход кыпчакской/половецкой истории.

---

[122] *Селезнев Ю. В.* Половецкий князь Кончак.

[123] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. С. 60.

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Северо-Западный Кавказ и Северо-Восточное Причерноморье

Территория, население. Наибольшую информацию о народах и племенах Северо-Западного Кавказа содержит трактат Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Созданный между 948 и 952 гг. источник указывает: «За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор — страна Алания»[1].

Константин Багрянородный зафиксировал заметное изменение территории обитания зихов. Северную границу Зихии источник проводит по Укруху (старое русло Кубани), отмечая присутствие зихов не только на побережье, но и внутри материка — в Закубанье[2]. Смещение южной границы к северу было вызвано образованием в 780-е гг. Абхазского царства, занявшего часть области Зихия до Никопсии, видимо, включительно, так что Никопсийская архиепископия была упразднена, а титул «Зихийский» перенесен на иерарха Таматархи[3].

Грузинские авторы XI в. вместо зихов и Зихии упоминают джиков, что «осели у пределов Абхазии»[4], и Джикети — область проживания джиков, ставшую частью Абхазии, в которую абхазские цари ссылали пленников[5]. В грузинском языке *джиками* называют южных абазин[6].

Сведения о «стране» Папагия Северо-Западного Кавказа содержит только один источник — трактат Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»: он помещает Папагию между Зихией и Касахией. При описании известных византийцам на территории Зихии нефтяных источников перечисляются и расположенные рядом поселения: «место Паги, находящееся в районе Папагии», место «Папаги, близ

---

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. С. 171, 175.

[2] Там же. С. 272—273.

[3] *Виноградов А. Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 165, 174.

[4] *Джуаншер Джуаншериани.* Жизнь Вахтанга Горгасала // Картлис цховреба. Тбилиси, 2013. С. 82; *Леонти Мровели.* Жизнь картлийских царей // Картлис цховреба. С. 31; *Сумбат Давитис-дзе.* История и повествование о Багратионах / Пер., введ. и примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 228.

[5] Летопись Картли // Картлис цховреба. С. 145.

[6] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 19.

которого находится деревня Сапакси», «отстоят эти места от моря на один день пути без смены коня»[7].

Информация о Папагии в источнике соответствует различным хронологическим и этнополитическим срезам истории Северо-Западного Кавказа. В гл. 42, сведения которой не выходили за рамки IX в. и предназначались первоначально для исторического трактата «О народах», Папагия показана как самостоятельная область или «страна». Она поставлена в один ряд с Зихией, Касахией, Аланией и Авасгией. В период расцвета Хазарского каганата Папагия занимала наиболее привлекательный район Закубанья — равнину с нефтяными источниками вдоль главной водной артерии региона, что указывает на ее ключевые позиции на левобережье и явную связь с хазарами. В гл. 53, содержащей актуальную для середины X в. информацию, Папагия предстает уже как часть Зихии[8]. На это время приходятся набеги на Хазарию печенегов, а затем и крах каганата.

Жителей Касахии Константина Багрянородного под именем *кашаки* (*кешаки*) описал в книге «Мурудж аз-захаб» ал-Масуди[9], посетивший во второй половине 930-х гг. берега Каспийского моря и Кавказ. При этом, в отличие от византийского источника, в труде ал-Масуди ни Зихия, ни Папагия не упомянуты, а под именем *кашаки* (*кешаки*) объединены все племена, проживавшие к западу от алан — как в Закубанье, так и в Северо-Восточном Причерноморье. Прослеживается преемственность исторических названий *кашаки — жители Касахии и страны Каса — касоги*. При этом хазарские источники, различающие зихов (народ Зибус Кембриджского документа[10]) и кашаков (жителей страны Каса из письма хазарского царя Иосифа[11]), показывают последних как зависимые от каганата племена предгорий Закубанья[12]. В сообщениях русских летописей под 6473 (965) и 6530 (1022) гг. касоги предстают как самостоятельные племена[13]. В событиях 1022 г. они выступают под началом «князя касожского Редеди» и, по-видимому, объединяют под одним именем все население Закубанья — и равнин, и предгорий. Таким образом, содержание этнонима изменилось: от названия племен предгорий — *жителей страны Каса и Касахии* до полиэтнонима — *касоги*.

Различение арабскими авторами кашаков и хазар подтверждает и сообщение Ибн Асакира (1105—1176) в его сочинении «Тарих мадинат Димашк» («Летопись города Дамаска»), где упомянуты «мечеть, известная как касожская мечеть у моста [около] скотного рынка. Мечеть в восточной [стороне от этого же] моста, известная как хазарская»[14]. «Козар» и «касогов» разделяют

---

[7] *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 171, 175, 272—273.

[8] *Дружинина И. А.* Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17. № 1. С. 77—78.

[9] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 206.

[10] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 123. Примеч. 23.

[11] Там же. С. 101.

[12] С этим входит в известное противоречие распространенная в научной литературе гипотеза о кашаках как о тюркском или угорском населении Закубанья, представлявшем в регионе Хазарский каганат (см.: *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 204—205).

[13] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 66, 146—147; Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 53, 134.

[14] *Кулешов В. С.* Касожская и хазарская мечети в Дамаске XII века. URL: https://www.academia.edu/33785207/Kashak_Circassian_and_Khazarian_Mosques_in_the_12th_century_Damascus (дата обращения: 31.07.2017).

и древнерусские летописцы[15]. Этноним «кашаг» дожил до наших дней: так сваны и осетины называют восточных адыгов — кабардинцев[16].

Политическая история. К IX в. Хазарский каганат значительно усилил свои позиции на Северо-Западном Кавказе. Ко второй половине столетия Фанагория прочно удерживала статус ключевого укрепленного центра хазар в Нижнем Прикубанье. Однако ослабленная войнами с арабами, Хазария уже не была способна противостоять новым вызовам Степи: во второй трети IX в. на юге Восточной Европы появились венгерские племена, а затем, во второй половине века, печенеги. К этому времени относится выявленный при раскопках Фанагории слой пожарища — возможно, город был сожжен кочевниками. После разгрома жизнь в Фанагории ненадолго возрождается, но уже в начале X в. жители навсегда покидают город. Экономическим и политическим центром Таманских островов становится Таматарха[17].

С этими событиями, видимо, можно связывать и запустение районов Северо-Восточного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа. На рубеже IX—X вв., по сведениям Никиты Давида Пафлагона, соседняя с зихами страна верхних сугдаев «теперь необитаема»[18]. Исчезли с побережья и носители обряда кремаций — с начала X в. количество соотносимых с ними археологических памятников Причерноморья практически сходит на нет, они известны лишь в восточной части ареала[19].

Ослаблением подвластных каганату племен, проживавших в низовьях Кубани, по всей видимости, воспользовались зихи, которые начали свое продвижение в Закубанье, с чем можно соотнести упомянутую в Кембриджском документе X в. войну хазар с народом Зибус[20], а также сообщение Константина Багрянородного о подчинении зихами Папагии.

К середине X в. относятся сообщения о войнах кашаков и алан (ал-Масуди)[21] и о набегах алан на зихов[22], с которыми также связывают исчезновение племен обряда кремаций с побережья и их появление на территории Алании[23].

Кардинальные перемены в жизни населения Северо-Западного Кавказа обусловлены крахом Хазарского каганата. Его гибель обычно соотносят с усилением Древнерусского государства. Одной из причин исчезновения Хазарии называется восточный поход 965 г. князя Святослава (945—972). В источниках нет прямого указания на то, что Святослав захватил Таматарху, которая с 988 г. известна из Повести временных лет под названием Тмуторокань. Более вероятно, что утверждение русской власти над Таманскими островами стало результатом похода 988—989 гг. князя Владимира Святославича (978—1015) на Херсонес (Корсунь). Наличие мощной прослойки пожарища,

[15] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147—148. См. также: *Чхаидзе В. Н.* «Хазария» XI века: К вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов). М., 2016.

[16] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 20.

[17] *Чхаидзе В. Н.* Фанагория в VI—X веках. М., 2012. С. 270—273, 281.

[18] Деяния апостола Андрея / Предисл., пер. и коммент. А. Ю. Виноградова. М., 2003. С. 195; *Виноградов А. Ю.* Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1: Жития. СПб., 2005. С. 287.

[19] *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 205.

[20] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. С. 123; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. С. 155.

[21] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 106.

[22] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 176—177.

[23] *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 205.

выявленной практически на всех раскопанных участках города, свидетельствует о его захвате и сожжении, быть может, одним из военных отрядов князя Владимира[24].

Политические события, связанные с крахом каганата, нашли отражение в материалах археологических памятников Северо-Западного Кавказа. Судьбу Хазарии разделили племена носителей обряда кремации, контролировавшие Закубанье около 200 лет. Кремационные могильники исчезают почти на полстолетия, затем они вновь появляются, но в непривычных для них ландшафтных условиях: впервые могильники с трупосожжениями оказываются в зоне предгорий Западного и Восточного Закубанья, часть их смещается далеко на восток от реки Псекупс, отдельные памятники выявлены в Прикубанье, а также на побережье — от Новороссийска до Туапсе[25]. Заметно изменяется и сам обряд: наблюдается полный переход к урновым кремациям, появляется значительное количество комплексов с конскими захоронениями и новыми типами конского снаряжения, а также оружия и керамики, распространяется практика подкурганных захоронений.

С конца X в. на равнинную территорию Закубанья переселяется часть племен предгорий — бывших данников каганата, видимо, жителей страны Каса и Касахии, кашаков. С ними связывают выявленные в районе южного берега Краснодарского водохранилища грунтовые ингумации, с западной ориентировкой, угольной подсыпкой, отсутствием костей животных (могильник Казазово II) — признаками, характерными для погребального обряда позднесредневековых адыгов[26].

Вероятно, после гибели Хазарии имя носителей обряда кремаций «растворилось» в историческом этнониме *касоги*, ставшем на время обобщающим названием для жителей Закубанья (до появления нового полиэтнонима — *черкесы*)[27].

С этого времени и на протяжении XI в. история касогов оказывается связанной с деятельностью новых хозяев города Таматарха, известного с конца X в. как Тмуторокань и ставшего значимым транзитным и торговым пунктом Руси. С 988 г. Повесть временных лет упоминает в Тмуторокани сына Владимира Святославича — Мстислава[28]. Город и его ближайшая округа вошли в состав земель, вассальных Киеву. Пестрое и многоязыкое население Таматархи-Тмуторокани, включавшее хазар, болгар, греков, евреев, зихов, аланов, арабов, армян, небольшое количество представителей кочевых этносов — венгров, печенегов и гузов, пополнил и русский компонент — наместник с управленческим аппаратом (если таковым являлся князь — с дружиной), а также торговый люд[29].

«Окняженная» территория Тмуторокани была ограничена пределами одного из островов, на котором располагался город[30]. В историографии распространено ошибочное представление о том, что «Тмутороканское княжество» включало в себя территорию вплоть до предгорий Кавказа. Оно основано на вольной трактовке лето-

[24] *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань (80-е гг. X в. — 90-е гг. XI в.): Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир, 2006. С. 140—142.

[25] *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 205.

[26] См.: *Дружинина И. А.* Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников. С. 80.

[27] Там же. С. 84. Примеч. 4.

[28] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

[29] *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI веков // Сугдейский сборник: Материалы V Судацкой международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре»: Национальный заповедник «София Киевская». Киев; Судак, 2012. С. 251—270.

[30] *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань (80-е гг. X в. — 90-е гг. XI в.): Очерки историографии. С. 144—146.

писного сообщения об успешном походе князя Мстислава Владимировича в 1022 г. на касогов.

Под 1022 г. Повесть временных лет сообщает: «В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Въ си же времена Мьстиславу, сущю Тмутороканю, поиде на Касогы. Слышавъ же се, князь Касожьскыи Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: „Что ради губивѣ дружину межи собою? Но сы идевѣ ся сама боротъ. Да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то я възму твое все". И рече Мьстиславъ: „Тако буди". И рече Редедя Мьстиславу: „Не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою". И яста ся бороти крѣпко, и, надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: „О пречистая Богородице, помози мне! Аще бо удолѣю сему, сзижю церковь во имя твое". И, се рекъ, удари имь о землю. И вынзе ножь, [и] зарѣза Редедю. [И] шедъ в землю его, взя все имѣнье его, [и] жену его, и дѣти его, и дань възложи на Касогы. И, пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне в Тьмуторокани»[31]. Сведения о поединке «храброго» Мстислава Владимировича, «иже зареза Редедю пред пълкы касожьскыми», содержит и «Слово о полку Игореве»[32] (вклейка, рис. 91).

Ни письменные, ни археологические свидетельства не позволяют говорить об установлении прочной зависимости какой-либо части населения Северо-Западного Кавказа от Тмуторокани: помимо 1022 г., летопись упоминает о выплате касогами дани еще только один раз — в 1066 г.[33], что указывает на кратковременное подчинение правителями Тмуторокани отдельных касожских кланов[34]. Сам сюжет о поединке Мстислава и Редеди не имеет прецедентов в летописной истории Древней Руси X—XI вв. Многие годы идут споры вокруг достоверности имени Редедя, которое уводит в традиционный рефрен «уэ-редэ, уэ-рэдадэ» фольклорных песен различных народов Кавказа[35]. В данной связи весьма вероятно, что подосновой попавшей в летопись истории о единоборстве Мстислава и Редеди являются сведения о воинских поединках из древнеримских источников, а описание самого поединка 1022 г. представляется сотканной летописцем канвой для легендарного сюжета о явленном Богоматерью чуде, которое подвигло князя на постройку церкви. Это, однако, вовсе не исключает вероятности реального столкновения дружины Мстислава с касогами, как и успешного для тмутороканского князя его завершения, тем более что уже в 1023 г. Мстислав Владимирович повел на Киев против своего брата Ярослава войско, в котором летописец упоминает и касогов[36].

Можно утверждать, что в XI в. в Северо-Восточном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе сохранялось сильное византийское влияние, обусловленное прежде всего активными торгово-экономическими связями с империей. Перенесенная в X в. из Никопсии в Таматарху епископская кафедра Зихии по-прежнему оставалась основным центром распространения христианства в Северо-Западном Предкавказье. На это указывают находки византийских печатей как местных представителей кли-

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146—147.

[32] Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Вступ. ст., примеч. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 38.

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166; Т. 2. Стб. 155.

[34] *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI веков. С. 23.

[35] *Дзамихов К. Ф.* Адыги: Вехи истории. Нальчик, 1994. С. 9.

[36] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147—148.

а возможно, и в степные районы Закубанья. С влиянием их традиций на обычаи оседлых разноэтничных племен Северо-Западного Кавказа можно связывать постепенное распространение курганного погребального обряда, практики захоронения в колодах и дощатых гробах. Процессы постепенной инфильтрации кочевников половецкого племенного союза в местную среду прервались внезапными и масштабными этнокультурными потрясениями, вызванными нашествием монголов.

Политическое и социальное устройство. Письменные источники содержат скупую информацию об уровне политического развития местного населения. Ал-Масуди (середина X в.) сообщает о том, что причиной слабости кашаков перед аланами «является их нежелание назначить царя, чтобы он правил ими; иначе ни аланы, ни какой-либо другой народ не могли бы устоять перед ними»[44]. Поскольку ал-Масуди описывал все население к западу от алан, информацию источника об отсутствии единой надплеменной власти можно соотнести и с зихами. Важной характеристикой социально-политического развития зихов и кашаков-касогов является отсутствие у них городов и собственной письменности. Весьма популярная в кавказоведческой исторической литературе гипотеза о формировании в 760—780-е гг. адыгского государства во главе с Иналом — родоначальником адыго-кабардинских княжеских родов, источником для которой послужили «родословная князей Черкасских, составленная по кабардинским преданиям в Москве в XVII в., и кабардинская версия нартского эпоса»[45], представляется ненаучной. Упоминания в византийских и хазарских источниках отдельных «стран» — Зихии на черноморском побережье и Касахии, или страны Каса, в Закубанье отражают, с одной стороны, тенденцию к консолидации родов и племен в рамках каждой из этих исторических областей, а с другой — их обособленное развитие, что было обусловлено не только определенной исторической конъюнктурой (раннесредневековая история зихов проходила под знаком религиозного, политического и культурного влияния Византии и Абхазского царства, тогда как население Закубанья в большей степени было зависимо от Хазарии и испытывало заметное влияние Алании), но и особенностями этногенеза племен побережья и внутренних районов Западного Кавказа.

Немногочисленны письменные свидетельства и о характере социальных отношений. Содержащиеся в трактате «Об управлении империей» сведения о деревне Сапакси, основанной стариком по имени Хамух, указывают на значительную роль в жизни зихов сельской общины[46]. Единственным свидетельством о сложении в местной среде племенной знати является летописное сообщение 1022 г. о «касожском князе Редеде». Отнесение к «адыгской племенной знати»[47] упоминаемого армянскими историками Степаносом Таронеци (X—XI вв.) и Варданом Великим (XIII в.) князя Бера, «сарматского князя (X в.) на службе у абхазских Багратидов», который «пришел с многими десятками тысяч воинов к реке Куре»[48] и потерпел поражение от армян под

[44] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 206.

[45] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб., 1994. С. 22—25.

[46] См.: *Лавров Л. И.* Адыги в раннем Средневековье // Лавров Л. И. Избранные труды. Нальчик, 2009. С. 97.

[47] *Лавров Л. И.* Адыги в раннем Средневековье. С. 96; *Голубев Л. Э.* Адыги в XIII—XV веках. Краснодар, 2017. С. 134.

[48] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 390—391.

городом Карс, спекулятивно[49]. Более чем сомнительны выводы «о раннем феодализме у адыгов примерно в IV—XV вв.»[50].

При том, что археологические источники фиксируют определенное социальное неравенство, разница в богатстве и разнообразии погребального инвентаря может указывать не только на социальное и имущественное расслоение, но и на степень христианизации населения. Тем не менее материал из раскопок могильников IX—XIII вв. позволяет сделать вывод о формировании в местной среде воинского сословия, обладавшего внутренней дифференциацией. Среди исследованных памятников этого времени отчетливо выделяются некрополи (Колосовка 1, Ленинахабль и Кужорский в Адыгее, Андреевская щель под Анапой, на горе Сапун и Цемдолинский под Новороссийском, Потомственный у Геленджика и др.), содержащие воинские погребения, значительную часть которых сопровождают захоронения боевых коней и набор сугубо всаднического оружия — палаши и сабли, а также доспехи (кольчуги и шлемы), считающиеся индикаторами высокого социального статуса погребенных. В рамках этой группы, помимо погребений рядовых всадников, известны отдельные комплексы (Колосовка 1, Андреевская щель), откуда происходят высокохудожественные образцы клинкового оружия, доспехов и конской упряжи, которые могут быть соотнесены с элитой воинского сословия[51] (рис. 1).

Религиозные представления. По сообщению ал-Масуди, кашаки «исповедуют религию маджус»[52]. Часть исследователей усматривают в этом свидетельство об «огнепоклонничестве» кашаков[53]. Однако словом «ал-маджус» средневековые восточные авторы называют и просто язычников. На рубеже IX—X вв. зихи, «сердцем жестоки, нравом варвары и поныне в большинстве, чтобы не сказать все», как сообщает Никита Давид Пафлагон, были язычниками[54]. Евстафий Солунский (вторая половина XII в.) характеризует зихов как «племя очень дикое»[55].

Информацию о верованиях населения Северо-Восточного Причерноморья и Закубанья предоставляют материалы погребальных памятников. К XIII в. в регионе сложились четыре основные погребальные традиции, связанные с различными этническими группами. К первой традиции, связанной с зихами, относятся одиночные грунтовые погребения в каменных ящиках с преобладающей северной ориентировкой, распространенные на побережье от Новомихайловского до Геленджика. Со второй традицией связан обряд кремационных погребений, основными носителями которого в XIII в. являлись ассимилированные потомки тюркских или угорских племен, появившихся в регионе еще в хазарское время. К третьей традиции, привнесенной кочевниками половецкого племенного союза и другими кочевыми коллективами, от-

[49] См.: *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011. С. 37—38.

[50] *Кумыков Т. Х.* К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 190.

[51] *Армарчук Е. А.* Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI—XIII вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 8: Крупновские чтения, 1971—2006. М.; Ставрополь, 2008. С. 788—789.

[52] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 206.

[53] Там же. С. 206. Примеч. 81; см.: *Пьянков А. В.* Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа. С. 204—205.

[54] Деяния апостола Андрея. С. 195.

[55] *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890. С. 202—203.

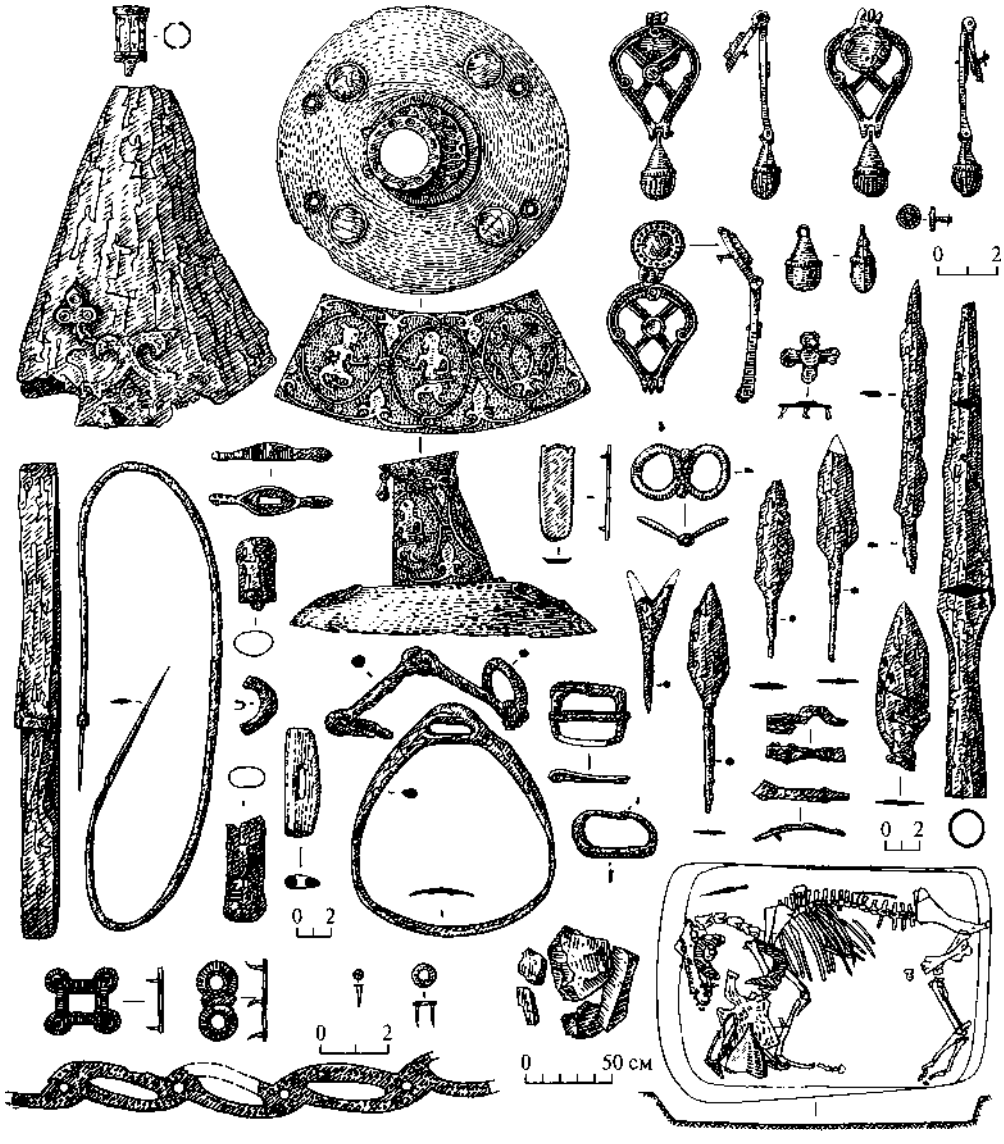


Рис. 1. Вещевой комплекс конца XI — первой половины XII в. из кенотафа с конем. Могильник «Андреевская щель» (по: Армарчук Е. А., 2003)

носятся основные и впускные подкурганные ингумации с восточной или западной ориентировкой погребенного, в деревянных гробах и колодах. Отдельные захоронения сопровождались погребением лошади. Бóльшая часть кочевнических погребений выявлена в районе Новороссийска. Четвертую традицию представляют грунтовые ингумации с западной ориентировкой, локализующиеся на южном берегу Краснодарского водохранилища. Эти памятники, по одной из версий, оставлены оседлыми местными племенами, известными в письменных источниках как касоги[56]. Все эти

[56] *Дружинина И. А.* Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII—XVIII вв. как источник по истории адыгских народов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 8—9.

традиции в большей или меньшей степени испытывали влияние христианства, о чем свидетельствует нахождение в погребениях предметов христианского культа, а также постепенная унификация обрядов.

Главным центром распространения христианства на Северо-Западном Кавказе являлась Таматарха-Тмуторокань, куда во второй четверти — второй половине IX в. была перенесена Никопсийская кафедра. Последним ее упоминанием является свидетельство иконопочитателя Епифания Монаха, посетившего Зихию и Никопсию в 815—820 гг. Согласно Нотициям Константинопольского патриархата, уже с X в. Матарха является центром Зихской епархии. В третьей четверти XIII в., как следует из «Просопографического лексикона Палеологов», архиепископия была возведена в ранг митрополии. При этом архиереи продолжали сохранять титул «Зихийский»[57]. С деятельностью епархии Зихии в Матархе также связан ряд моливдовулов[58] (рис. 2). Последние упоминания кафедры Зихии относятся к первой трети XV в.[59]

Согласно летописным известиям, в 1022 г. в Тмуторокани князем Мстиславом Владимировичем была построена церковь Богородицы. Известно, что в 1061 г. из Киева в Тмуторокань прибыл Никон Печерский и основал там обитель, которая со временем была подчинена Киево-Печерскому монастырю. Сосуществование греческой и русской общин на протяжении XI в. не привело к инкорпорации местной епархии Русской церковью Константинопольского патриархата[60]. Касогом, выходцем из русской христианской общины Тмуторокани, оставлена уникальная надпись конца XI — начала XII в., обнаруженная на стене Софии Киевской. Граффито гласит: «Дедилец-касог, тмутаракан[ец писал], идя от святых. Ибо я, господи, чаю прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!»[61] (рис. 3). Надпись выполнена от первого лица на древнерусском языке касогом-христианином, носящим славянское мирское имя Дедилец, оказавшимся на Руси после перехода города под суверенитет Византии[62].

Есть сведения о церкви Св. Георгия, около XII в. построенной армянским зодчим на реке Белой в Закубанье и еще действовавшей в XIV—XV вв. Высказывалась гипотеза о ее связи с расселением в «черкесских горах» не позднее XII в. армян, известных с XIX в. как «черкесогаи»[63], однако эта гипотеза не находит подтверждения в источниках. Отношение этой церкви к Зихской епархии пока также остается под вопросом.

Одновременно с Матархой важным центром распространения христианства среди племен Северо-Западного Кавказа и особенно Северо-Восточного Причерноморья являлось Абхазское, а с XI—XII вв. — Грузинское царство, о чем свидетельствует неизменность основного фонда христианских терминов у адыгов и шапсугов, восходя-

---

[57] Prosopographisches Lexiconder Palaiologenzeit. Fasc. 1—12. Wien, 1976—1995. Nr. 2403.

[58] *Чхаидзе В. Н.* Византийские печати из Тамани. С. 15, 21.

[59] *Чхаидзе В. Н.* Зихская епархия: Письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя» и «полис». Севастополь, 2013. С. 49, 52; *Каштанов Д. В.* Материалы для церковной истории Северного Кавказа // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 195—198.

[60] *Чхаидзе В. Н.* Зихская епархия: Письменные и археологические свидетельства. С. 55.

[61] *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. 11: (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 256—257.

[62] *Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.* Граффити из Софии Киевской — свидетельство христианизации касогов в конце XI — начале XII в. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 155—157.

[63] *Аракелян Г. С.* Черкесогаи: (Историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 33.

Рис. 2. Печати Антония, архиепископа Зихии (40-е — 50-е гг. XI в.) (по: Чхаидзе В. Н., 2015)

щего к грузинской христианской терминологии[64].

С начала X в. население предгорий Закубанья испытывало значительное влияние епархии Алании, центр которой в X—XII вв. располагался на Нижне-Архызском городище в верховьях Кубани (Карачаево-Черкесия). В западной части Аланской епархии известны церкви на Ильичевском и двух Урупских городищах на Прикубанской наклонной равнине[65].

Быт и культура. Материалы открытых поселений Северо-Восточного Причерноморья (Андреевская щель 1 и 2, Борисовка, Гайдук 2, Глебовское, Гостагаевское, Су-Псех 2 и др.) и Западного Закубанья (Молдавановское 2, Холмский 25) свидетельствуют о неоднородном этнокультурном составе местных племен. Исследованы жилища различных типов: турлучные дома, переносные конструкции типа юрт, на Гостагаевском поселении зафиксированы ка-

[64] *Цулая Г. В.* Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии: (Домонгольский период). Краткие очерки. М., 1995. С. 91.

[65] *Чхаидзе В. Н.* Зихская епархия: Письменные и археологические свидетельства. С. 57.

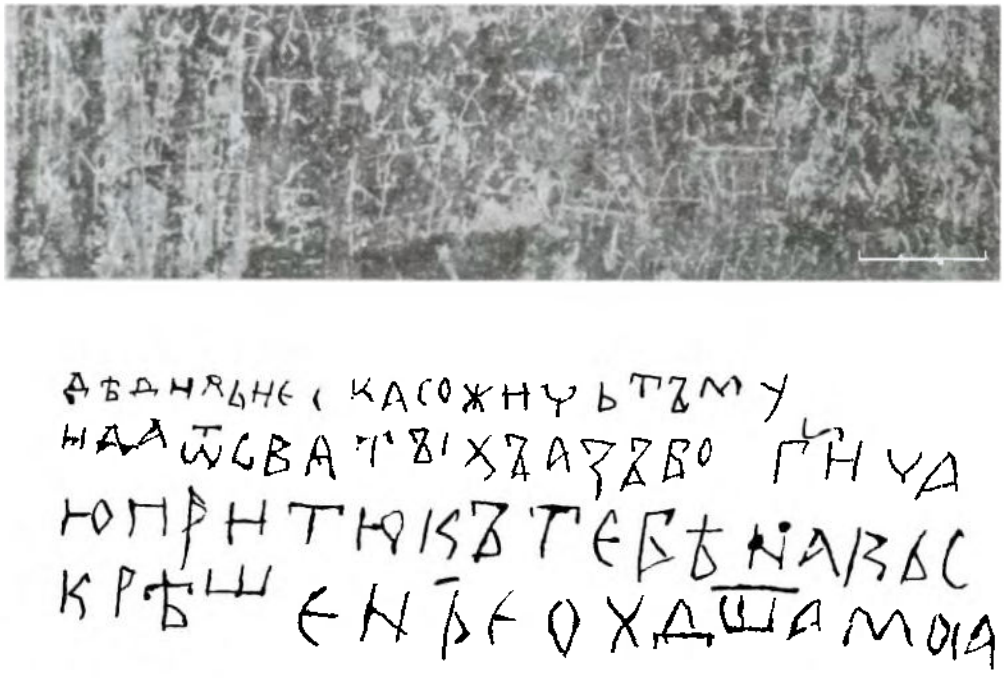


Рис. 3. Надпись № 149 Софии Киевской (по: Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А., 2005)

менные кладки строений. На площади поселений выявлены многочисленные столбовые ямки и хозяйственные ямы, в том числе от погребов и от очагов, обмазанных глиной и обложенных камнями (Глебовское, Борисовка, Солнцедар, Андреевская щель 2). Печи располагались в домах и во дворах. На поселении Глебовское была обнаружена земляная двухъярусная печь с топкой и обжигательной камерой с продухами в перегородке. Керамика представлена привозной (амфорами и пифосами, поливной керамикой с желтой, коричневой и ярко-зеленой глазурью) и местной посудой (одноручные кувшины со сливом, кружки, кувшинчики, корчаги с внешним рифлением). Вещевые находки немногочисленны: ножи, шилья, кованые гвозди, глиняные и костяные пряслица, костяные проколки, оселки, части жерновов и зернотерок, крышки для пифосов и корчаг, наконечники стрел и копья, бронзовые пуговки и бубенчики.

Хозяйство местного населения было натуральным. Основными занятиями являлись земледелие и скотоводство. Возделывали зерновые культуры, в основном просо, пшеницу, бобовые — чечевицу, среди садовых слабо представлены виноград, яблоки. Ал-Масуди сообщает о том, что кашаки выращивали лен. При раскопках археологи находят значительное количество рал, мотыг, серпов, лемехов, что говорит о наличии пахотного земледелия. Разводили крупный и мелкий рогатый скот и свиней, в меньшей степени лошадей, домашнюю птицу. В женских погребениях довольно часто встречаются ножницы для стрижки овец. Обжигательные печи указывают на наличие гончарства, а находки обработанных костей говорят о косторезном ремесле. По характерному прокалу грунта в ряде ям и кускам металлургического железного шлака на поселениях Глебовское и Борисовка выявлены кузнечные печи. Об охотничьем промысле свидетельствуют обнаруженные в ямах кости диких животных (оленя, косули, кабана, лисы, зайца, хищных птиц). На черноморском побережье рыбу ловили при

помощи сетей, к которым крепились грузила из обожженной глины или из плоской гальки, в горных реках при помощи перемета — протянутой через русло реки веревки с массивными коваными крюками — и удочек, оснащенных крючками и блеснами[66].

Торговля. Расположение Северо-Западного Кавказа на стыке Европы и Азии, между Черным, Азовским и Каспийским морями предопределило его роль как одного из ключевых регионов в развитии трансконтинентальной торговли. Главным региональным портом, перевалочным пунктом и торжищем являлась Матарха-Тмуторокань, где сходились торговые пути — морские и сухопутные.

По свидетельству ал-Масуди, морская торговля велась и на других участках побережья Северо-Восточного Причерноморья: «...по морю от них (кашаков) недалеко от земель Трапезонда, откуда товары идут к ним на кораблях и с их стороны также отправляются (корабли)»[67]. Торговля носила меновой характер[68]. Ввозили тарную керамику (амфоры и пифосы), поливную керамическую посуду из Константинополя и гончарных мастерских Крыма, «румскую парчу, пурпур и иные виды шелковых материй, затканных золотом» (ал-Масуди), предметы христианского культа, стеклянную посуду (стаканы, графины, кубки) из Сирии, Египта и Закавказья, украшения, в том числе бусы из стекла и полудрагоценных камней, а также пряности из Ирана, Индии. Из Булгарии и Руси купцы доставляли хлеб, меха, мед, воск, кожи. На экспорт отправляли хлеб, мед, скот. Ал-Масуди сообщает, что в землях кашаков «производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется „тала“ (золото) и который более тонок и носок, чем сорт „дабики“ <...> один обрез его стоит 10 динаров, и он вывозится в соседние страны ислама. Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими (кашаками)»[69]. Северо-Восточное Причерноморье было одним из крупнейших центров работорговли.

* * *

Таким образом, ко времени монгольского завоевания на равнинах и предгорьях Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья проживали зихи, касоги, аланы, греки, армяне, потомки протоболгар, носители обряда кремаций, начинавшие вести оседлый образ жизни кочевники половецкого племенного союза и другие народы. Наиболее открытой и активной контактной зоной была равнинная территория в нижнем и среднем течении Кубани.

При этом археологические и письменные источники позволяют проследить формирование в рамках зихо-касожской этнокультурной среды на протяжении всего раннего Средневековья отдельных народностей — адыгов и абазин. Степень этой дифференциации на рубеже тысячелетий получает диаметрально противоположные оценки исследователей[70]. Можно с уверенностью утверждать, что процессы этногенеза народов Северо-Западного Кавказа продолжились и в условиях монгольского владычества в рамках поликультурной общности, известной в восточных средневековых источниках как *черкесы*.

---

[66] *Голубев Л. Э.* Адыги в XIII—XV веках. С. 33, 126—131; *Он же.* Погребение «рыбака» из средневекового курганного могильника «Гостагаевский I» в Анапе // Археологические записки. Вып. 9. Ростов-на-Дону, 2017. С. 353—357; *Армарчук Е. А.* Средневековое поселение Борисовка под Новороссийском // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 16. Армавир; Краснодар, 2018. С. 105—114.

[67] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 206.

[68] *Голубев Л. Э.* Адыги в XIII—XV веках. С. 33.

[69] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 206.

[70] Ср.: *Лавров Л. И.* Адыги в раннем средневековье. С. 103; *Панеш Э. Х.* К ранней истории адыгов // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995. С. 44.

В отличие от своих восточных и южных соседей племена Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья так и не объединились под единой властью, не создали государства и письменности. Но именно это обстоятельство послужило главной причиной того, что монгольское завоевание здесь не имело столь катастрофичных последствий, как в других регионах Северного Кавказа.

Алания

Города и экономика. По уровню экономического развития и благосостояния Алания IX—XII вв. входила в число передовых стран Кавказа и Восточной Европы. Армянский автор IX в. пишет: «Это страна, полная всяческих богатств, в ней много золота, великолепных одежд, чистокровных коней, металлического оружия <...> кольчуг и драгоценных камней»[71]. Иностранцев удивляла густонаселенность Алании и возделанность ее полей. По словам арабского географа X в. ал-Масуди, Алания «состоит из беспрерывного ряда поселений, расположенных настолько близко друг к другу, что если кричат петухи, то они откликаются друг другу от одной стороны царства до другой»[72].

Территория Алании делилась на две хозяйственные зоны: равнинную и горную. На равнине главным занятием было пашенное земледелие. Большое число зерновых ям, обмазанных глиной или обложенных камнем, указывает на хлебное богатство. Сеяли просо, ячмень, пшеницу, овес, из прядильных культур — лен и коноплю. Археологи находят части тяжелого колесного плуга с железным лемехом, в него впрягали несколько пар волов. Известны также аланские серпы, жернова, зернотерки и ступки с пестами[73]. Монах-доминиканец Юлиан в 1236 г. наблюдал, как сельские жители пашут, косят, отправляются в лес по дрова; францисканец Гильом де Рубрук, проехавший по Алании в 1254 г., видел виноградные лозы и пил вино[74]. В равнинном стаде преобладал крупный рогатый скот. Традиционными занятиями были коневодство и овцеводство, при раскопках найдены также кости свиньи, осла, собаки, кошки и курицы. В горах главной отраслью хозяйства с древнейших времен оставалось отгонное скотоводство. Под пашни горцы создавали террасы на пологих солнечных склонах. Были популярны охотничий и рыболовный промыслы. Охотились на оленя, кабана, медведя, косулю, сайгака, лису, зайца. В реках водились осетр, севрюга, лосось, сом, сазан[75].

Археологически Алания IX—XIII вв. представлена сетью больших и малых городищ, сопровождаемых грунтовыми и катакомбными могильниками. Роль городских центров в жизни Алании была весьма значительной. Вокруг городов формировались местные хозяйственные связи. Значительная часть городских жителей занималась земледелием и скотоводством, и прилегающие сельские районы поставляли свою продукцию на городской рынок (рис. 4). Располагаясь на стыке горной и равнинной зон, города объединяли страну в единую систему экономических отношений, обмена и сотрудничества.

Благодаря внутренней и международной торговле выросли большие города. На

[71] *Алеманъ А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 383.

[72] Там же. С. 348.

[73] *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 223—224.

[74] Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 79; *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 220.

[75] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 49—84.

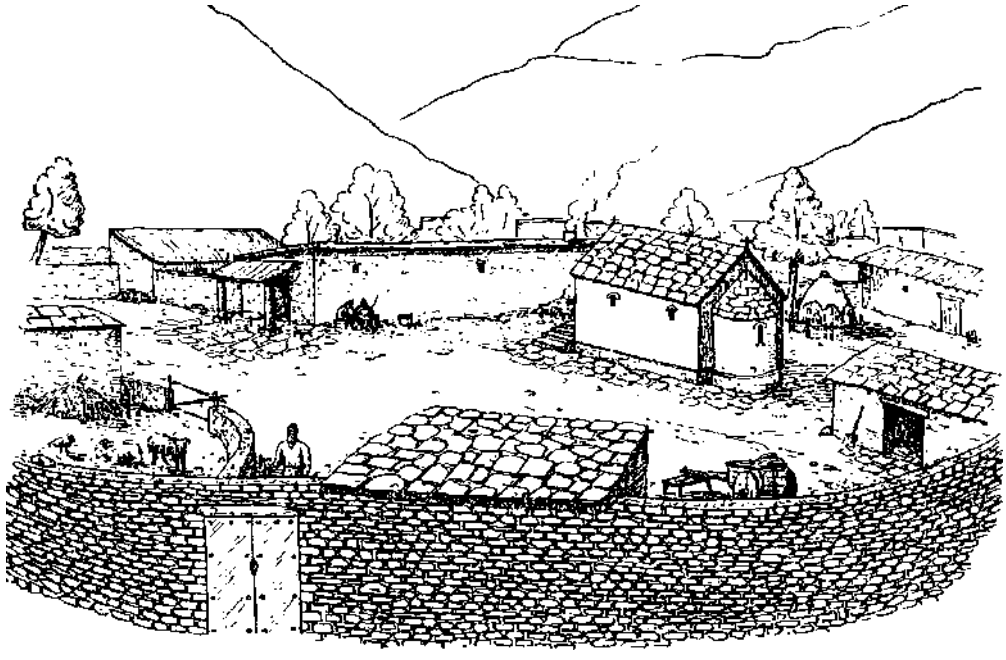


Рис. 4. Усадьба горожанина (реконструкция В. А. Кузнецова). Нижний Архыз. X—XI вв.

территории средневековой Алании выявлено три крупнейших городища — Нижний Архыз (в нынешнем Карачае), Рим-гора (под Кисловодском), Верхний Джулат (в Северной Осетии). В письменных источниках упомянуты три названия, их идентификация вызывает стойкий интерес исследователей[76]. «Славный город» Дедяков, поразивший богатством русских летописцев, связывается с Верхним Джулатом. Столичное название Магас (в переводе с аланского — «Великий»), известное по арабским и китайским источникам, привязывается либо к Нижнему Архызу, либо к Верхнему Джулату-Дедякову в качестве второго названия. В аланском городе Фуст, согласно житиям, останавливался Андрей Первозванный.

Археология не оставляет сомнений, что аланские города были центрами специализированного ремесленного производства со сложившимися художественными традициями и прочными торговыми связями. Самостоятельными отраслями ремесла были гончарное дело, ткачество, обработка камня, дерева, кожи. Кузнецы владели технологиями изготовления различных железных и стальных изделий: орудий труда, оружия, предметов конского снаряжения, хозяйственной утвари. По свидетельству Рубрука, сопровождавшие его татары были одеты в аланские латы и хвалили аланских кузнецов[77]. Высокое качество и технологические особенности ремесленных изделий подтверждают сделанный наукой вывод о том, что аланские мастера IX—XIII вв. ра-

[76] См., например: *Пчелина Е. Г.* О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии. (Труды Северо-Кавказской экспедиции. 1958—1960 гг. Т. 2) / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1963. С. 152—160. (МИА; № 114); *Новосельцев А. П.* К истории аланских городов // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 2. Орджоникидзе, 1969. С. 134; *Фидаров Р. Ф.* Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. 2011. № 7. С. 11—18.

[77] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 220.

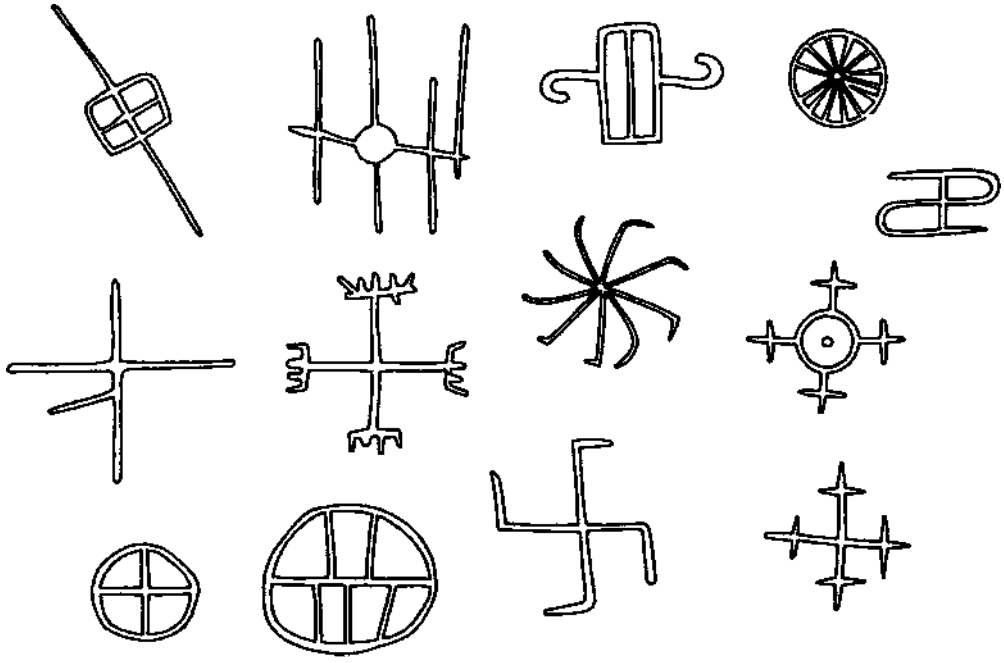


Рис. 5. Клейма гончарных мастерских. Верхний Джулат. XI—XII вв.

ботали на рынок (рис. 5). Продукция аланского ремесла становилась товаром внутри страны и участвовала в торговом обмене с другими странами, аланские купцы были хорошо известны в средневековом мире[78].

Планировка выявляет административную функцию и социальную структуру аланских городов. Как правило, город делится на три части: цитадель (замок царя или правителя области), детинец (крепость — место жительства знати) и неукрепленный посад, где жили рядовые горожане[79]. Появление поселений подобного типа возможно лишь в обществе с глубоким имущественным и сословным разделением, с развитыми формами политической власти.

Сословная иерархия и царская власть. Дискуссия об уровне социального и политического развития аланского общества продолжается, для окончательных оценок пока недостает источников. Предложены различные схемы периодизации аланской истории, при этом большинство исследователей считают IX—XI вв. временем становления феодального общества и государства[80].

Скупость информации не позволяет восстановить детальную картину общественных отношений. Так, например, источники не содержат сведений о формах зависимости. Письменные источники, массовый археологический материал и данные фольклора позволяют утверждать, что большинство населения составляли свободные сельские жители и горожане, имевшие собственное хозяйство. К незнатному большинству принадлежали также ремесленники и купцы. В особую группу населения входили ка-

[78] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 84—147.

[79] *Кузнецов В. А.* Нижний Архыз в X—XII веках: К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1993. С. 12—26.

[80] Историографию см.: *Коробов Д. С.* Социальная организация алан Северного Кавказа IV—IX вв. СПб., 2003. С. 21—33.

бальные люди и рабы, находившиеся в полной власти господина.

Лучше отразилась в письменных источниках структура господствующих слоев общества. Аланская аристократия совмещала несколько социальных ролей — профессиональных воинов, администраторов и, по-видимому, землевладельцев. В состав доходов знати, помимо ренты, входила пошлина с купеческих караванов. Знатные воины служили в дружинах князей, которые по-алански назывались алдарами. Сильнейшие князья-алдары, правители областей, владели городскими цитаделями, торгово-ремесленными поселениями и замками. В IX—XI вв. алдары, подчиняясь царю, вероятно, представляли государственную власть в своих землях.

Кроме термина «алдар» (из *арм-дар* — букв. «рукодержец») известны еще два аланских социальных термина. Один из них — «ахсин» — соотносится с титулом князя-алдара и обозначает статус «княгини», «госпожи», «государыни». Другой термин — «афсин» — близок к русскому слову «правитель» в значении хозяина-распорядителя или управляющего. Лингвисты обычно исходят в обсуждении этой терминологии из поздних этнографических описаний, хотя и указывают на культурно-исторический контекст ее бытования в средневековом обществе. При этом «алдар» семантически привязан к военной, а «афсин» — к хозяйственной сфере, что подтверждается и материалом других языков, в которые эти термины были заимствованы из аланского[81].

Аланская царская династия вела свое происхождение от эпических героев-нартов Ахсартагката[82]. Г. Бейли возводил имена правящей нартами четы — Урузмага и Шатаны — к древнеиранским титулам со значением «правитель»[83]. Как показал Ж. Дюмезиль, общество нартов построено по традиционной для всех индоиранцев трифункциональной схеме (религия—война—производство), в которой Ахсартагката выступают носителями воинской функции. В аланском (осетинском) нартовском эпосе сохранена идеальная общественная модель геродотовских скифов — модификация древнейшего индоиранского общественного устройства, зафиксированного, например, в Авесте[84]. Те же принципы организации общества дожили в постсредневековой Алании-Осетии до середины XIX в. — есть основания полагать, что они занимали заметное место в структуре общественных связей и идеологии средневековой Алании.

В то же время, как многие другие средневековые династии Европы, цари Алании претендовали на родство с римскими императорами. Родовые прозвания их потомства, известного в позднесредневековой Алании-Осетии, по данным лингвистики, указывают на Цезаря и Августа и означают буквально «Цезаревичи» и «Августовичи»[85].

«Царской» считается каменная гробница с рельефными изображениями, обнаруженная в верховьях реки Кяфар в Прикубанье. Признаки «царского» погребения имеет катакомба № 14 Змейского могильника у городища Верхний Джулат[86]. Упо-

---

[81] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 110; Т. 4. Л., 1979. С. 236.

[82] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 426; *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. С. 229.

[83] *Bailey H. W.* Ossetic (Nartæ) // Nartamonga. 2003. Vol. 2. № 1—2. P. 10.

[84] *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 252.

[85] *Абаев В. И.* Избранные труды. Т. 1. Орджоникидзе, 1990. С. 408—423.

[86] Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953—1957 гг. Орджоникидзе, 1961. С. 82—87. (Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии; Т. 1).

Рис. 6. Конский начельник из Змейского могильника. XI—XII вв. Государственный Исторический музей

коившийся в ней правитель был облачен в роскошное пурпурное одеяние со сплошным узорочьем из золоченой кожи, ножны его сабли покрыты драгоценным орнаментом. На кожаной попоне серебром вышито изображение древа жизни с двумя птицами: центральный мотив эпического предания о происхождении мифологических предков царя — героев-нартов Ахсартагката. Позолоченный начельник «царского» коня изображает богиню, держащую в протянутых руках чашу (рис. 6). Это указание на ритуальный союз, дающий право на верховную власть, — священный брак царя с богиней, характерный для скифского мира[87].

Известны имена некоторых аланских царей: в первой трети XI в. Аланией правил Урдуре, в середине XI в. — Дорго-

[87] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 87—109.

лель, в конце XI в. — Росмик, в середине XII в. — Худдан. Существование в Алании XI в. сильной царской власти ярко отразилось в грузинской хронике, где царь Дорголель именуется «великим» и описывается как верховный сюзерен, окруженный подчиненной ему высшей знатью. Термин «мтавар», используемый грузинскими хронистами в отношении высшей аланской знати, обозначает областного правителя — владетельного князя-алдара[88].

По словам ал-Масуди, аланский царь «могуществен, мужествен, очень силен, ведет твердую политику среди царей», его постоянное войско насчитывало 30 тыс. всадников; кроме столицы царь имел еще несколько мест пребывания — царских «крепостей и угодий»[89]. Последнее обстоятельство интерпретируется как указание на актуальность в Алании института, именовавшегося на Руси полюдьем и призванного компенсировать неразвитость централизованного административного аппарата. Типологические аналогии и масштаб строительной активности позволяют предполагать существование податей и общественных работ[90].

Политическая история. Средневековая Алания занимала видное место в политической жизни Кавказа и Юго-Восточной Европы. Ал-Масуди, знавший на Кавказе 72 народа, называет алан одним из самых могущественных. По словам А. П. Новосельцева, даже выступая в союзе с хазарами или Византией, «аланы всегда выглядят как самостоятельный субъект политики»[91]. Ослабление, а затем падение Хазарского каганата в X в. позволило аланским царям расширить свои владения на севере до Ставропольской возвышенности и реки Кумы. В степях за северной границей Алании кочевали тюрки. Болгар и хазар в X в. сменили печенеги и гузы, а тех в XI в. вытеснили половцы. На востоке соседом Алании было дагестанское царство Сарир, на западе — страна адыгов в Западном Предкавказье, на юге Алания граничила с Абхазским царством (включавшим Западную Грузию) и грузинскими землями, которые в конце X в. объединились и получили независимость после распада Арабского халифата[92].

Сотрудничеством с кавказскими соседями Алания достигла устойчивого равновесия сил, позволявшего вести самостоятельную политику. Источники X в. свидетельствуют о том, что аланские цари стремились приобрести выход к морю. По сведениям императора Константина Багрянородного, зихи (западные адыги) скрывались от аланских набегов на островах в Черном море; как сообщает ал-Масуди, абхазы «не достаточно сильны, чтобы бороться с аланами»[93]. Альянс Алании с царством Сарир и адыгской конфедерацией позволил союзникам контролировать на Северном Кавказе все пространство от Каспийского до Черного моря.

За влияние на алан шла борьба между Византией и слабеющей Хазарией. «Царство алан сильнее и крепче всех народов, которые вокруг нас», — пишет хазарский автор Кембриджского документа X в., объясняя союз каганата с Аланией. В 913—914 гг. аланы еще помогали хазарам в войне против союзников Византии. Кем-

---

[88] *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика: Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007. С. 41, 42, 56.

[89] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 347.

[90] *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 221.

[91] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 106.

[92] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 173, 252—253.

[93] Указ. соч. С. 242, 251.

бриджский документ объясняет это тем, что «некоторые из них соблюдали иудейский закон». Выбор между хазарским иудаизмом и византийским православием был духовно-идеологической формой внешнеполитического самоопределения. Совсем не случайно окончательная перемена в симпатиях Алании произошла в ближайшие годы — одновременно с государственной христианизацией первой четверти X в. Союз с Византией был продиктован геополитическими условиями эпохи. В 932 г. аланский царь уже воюет против Хазарии по наущению византийского императора. Аланы потерпели поражение и под давлением Хазарии на время выдворили из страны христианских священников, присланных из Византии. Однако отступление было недолгим. Через несколько лет император Константин Багрянородный рассказывает, что хазары, «опасаясь нападения аланов», не решаются совершать набеги на владения Византии в Крыму[94]. С середины X в. Алания активно присоединяется к действиям Византии и ее союзников. Аланы совершают совместные походы с русскими, грузинами, армянами и византийцами.

В X в. заметно вырос международный статус Аланского царства и его правителей. Согласно «Церемониям византийского двора» Константина Багрянородного, аланский царь именовался «духовным сыном» императора и удостаивался грамот с золотыми печатями, в престижном списке государств Алания располагалась вслед за Арменией и Иверией выше Абхазии, Хазарии и Руси. Царей Алании стали величать особым титулом «эксусиократор» (букв. «обладатель власти»), не применявшимся в отношениях с другими народами и государствами[95]. По словам Ю. А. Кулаковского, «властители всех кавказских народов, как то: авазги, иверийцы, албанцы и еще семь других, которые названы у Константина, получают „приказ“ от императора, и только властитель Алании трактуется как самостоятельный государь»[96].

Царский дом Алании имел родственные связи с византийским двором, хазарскими, абхазскими, грузинскими, сарирскими царями. Союз с Грузией в XI в. был закреплен браком Борены, сестры Дорголеля, с грузинским царем Багратом IV, их дочь Марфа в первом браке была женой византийского императора Михаила VII Дуки, во втором браке — женой императора Никифора III Вотаниата[97]. В XII в. от брака грузинского царя Георгия III и Бурдухан, дочери аланского царя Худдана, родилась легендарная царица Тамара. Ее муж, царь Грузии Сослан-Давид, был по рождению аланским царевичем[98]. Происхождение аланских княжон, на которых в XII в. женились русские князья Ярополк Владимирович и Всеволод Большое Гнездо, кажется, не связано с кавказской Аланией. Впрочем, этнокультурная общность кавказских и донских «ясов», как именовали на Руси алан, хорошо осознавалась русскими[99].

Кардинальная перемена в судьбе Алании произошла в XII в., когда страна вступила в период раздробленности. Распад раннефеодальной централизации указывает на то, что хозяйство Алании достигло относительно высокого уровня, каждая из областей могла обойтись собственными хо-

---

[94] *Алеманъ А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 240, 434.

[95] *Бибиков М. В.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 288—293.

[96] *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 135.

[97] *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011. С. 55—56.

[98] *Тогошвили Г. Д.* Сослан-Давид. Орджоникидзе, 1990. С. 10—79.

[99] *Малахов С. Н.* Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М., 2015. С. 174—186; *Бубенок О. Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII в.). Киев, 1997. С. 116—124.

зяйственными ресурсами, алдары перестали нуждаться в поддержке царя и не желали делиться с ним доходами, а экономические связи были недостаточны для того, чтобы удержать страну от распада. Кризис центральной власти отразился в отношениях с ближайшими соседями. Прибывший для переговоров грузинский царь Давид IV Строитель встречался, по словам хроники, с «царями» во множественном числе и «всеми мтаварами»[100].

Ослабление власти привело к резкому изменению демографической ситуации. Тюркские (болгарские) группы археологически представлены в Алании с рубежа VII—VIII вв.[101] Прежде Алания справлялась с напором северных степняков разными способами, в том числе выбирая из их числа федератов для поселения и службы на своей территории. Теперь же кочевники-половцы, уже не сдерживаемые государством, расселялись по аланской равнине — их напор был особенно заметен в западной части страны[102].

На рубеже XII—XIII вв. центральная власть пришла в полный упадок. Алдары погрязли в междоусобицах. Венгерский монах Юлиан, побывавший в Алании в 1236 г., писал: «Сколько [там] селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села»[103]. Ему вторит аланский епископ Феодор (вторая четверть XIII в.), живописующий расстройство церковной жизни в своем послании патриарху Герману II[104].

На фоне ослабления государства и раздробления страны происходил переход части алдаров на службу чужим государям. Пример подали владетели закавказского Ксанского ущелья, которые перешли под покровительство грузинских царей и получили от них наследственную должность областного наместника-эристава[105]. Практика перехода к новому сюзерену для сохранения власти, титулов и владений широко распространилась в ходе монгольского завоевания.

Первое столкновение с монголами произошло в 1222 г. Тридцатитысячная армия, посланная Чингисханом, прошла через Иран, страны Закавказья, Дагестан и вторглась на территорию Алании. Призвав в союзники половцев, аланы сразились с врагом, но, преданные подкупленными союзниками, были разбиты. В 1223 г. монголы разбили на реке Калке русско-половецкое войско, а в 1224 г. ушли на родину, потерпев неудачу в Волжской Булгарии.

В 1235 г. на курултае Монгольской империи было принято решение идти походом на Русь и Аланию. В 1236 г. монголы обрушились на Волжскую Болгарию, в 1237 г. ворвались на Русь и в страну адыгов на Северо-Западном Кавказе. В 1238 г. они приступили к покорению Алании. В 1239 г. после трехмесячной осады пала столица Алании город Магас. Аланские князья не сумели объединить свои силы. Некоторые алдары сдавали свои владения без боя, за это им сохраняли власть и принимали на монгольскую службу[106].

Война с аланами растянулась на долгие годы. Итальянский путешественник Плано Карпини сообщал в 1246 г. о продолжающейся осаде монголами горных алан, которые «оказали им мужественное сопротив-

---

[100] *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика: Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. С. 42.

[101] *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы: Века и народы. М., 1984. С. 172—174; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. С. 218.

[102] *Минаева Т. М.* К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 215—227.

[103] Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. С. 78—79.

[104] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 315.

[105] *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика: Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. С. 59—67.

[106] *Алемань А.* Указ. соч. С. 521—538.

ление и убили много татар и притом вельмож». Гильом де Рубрук видел в 1253 г., что «аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине»[107]. Покоренные равнинные княжества вошли в состав Золотой Орды. Опорой освободительной борьбы оставалась неприступная горная Алания — ущелья и долины Центрального Кавказа, оказавшиеся между Золотой Ордой и государством Хулагидов, монгольских правителей Ирана и Закавказья. Две монгольские державы столкнулись в борьбе за кавказские территории, и аланская элита вплоть до первой четверти XIV в. пыталась использовать эту борьбу для восстановления государственного суверенитета.

Религиозная и культурная жизнь. Первое знакомство алан с христианством церковная история связывает с именами апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита. Начало широкого распространения христианства в Алании византийские и арабские источники относят к VII в.[108] В IX в. аланские цари сделали свой христианский выбор, означавший идеологическое закрепление политического союза и культурных связей с Византией[109]. Христианизация отразила политико-идеологическую зрелость аланского общества на этапе государственной централизации. В первом десятилетии X в. была создана Аланская епархия, началась государственная христианизация населения, глава епархии со второй половины X в. имел сан митрополита, предполагается, что ее центр находился в Нижнем Архызе. В период раздробленности и борьбы с монголами кафедра аланских митрополитов размещалась за пределами страны, последнее известное упоминание Аланской епархии относится к 1590 г.[110]

Принятие православия включило Аланию в пространство восточнохристианской (византийской) цивилизации, надолго предопределив пути культурного развития страны. Строительная надпись 965 г. сохранила христианские имена аланского эксусиократора Давида и его супруги Марии[111]. Второй третью XII в. датируется печать эксусиократора Гавриила — по всей видимости, это христианское имя царя Дорголеля; предполагается также, что царь-эксусиократор Росмик звался Андреем[112]. Уважение к христианской религии и ее символам даже в период анархии и междоусобиц было столь велико, что удивило венгерского монаха Юлиана: оказалось, что достаточно нести над собой заметный издали крест, чтобы идти в полной безопасности[113].

В средневековой Алании существовало также мусульманское меньшинство — самое раннее на Центральном Кавказе. Знакомству алан с исламом способствовали несомненно арабо-хазарские войны VIII в. и распространение этой религии в Закавказье и приморском Дагестане. С X в. в сочинениях арабских географов появляются сведения о мусульманских общинах в Алании[114].

---

[107] *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 219.

[108] *Кузнецов В. А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 27—32.

[109] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 106.

[110] *Малахов С. Н.* Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. С. 23—67.

[111] *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. С. 55, 243.

[112] *Малахов С. Н.* Указ. соч. С. 74—79.

[113] Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. С. 79.

[114] *Алемань А.* Указ. соч. С. 326, 353.

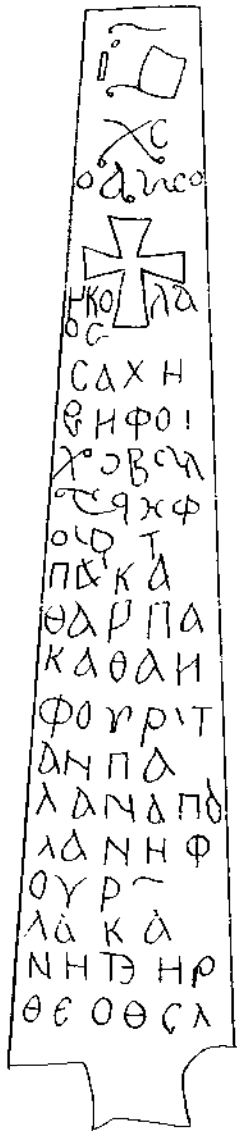


Рис. 7. Зеленчукская надпись (прорисовка). XI в.

Во второй половине XIII в. ислам суннитского толка стал религией части городского населения Алании[115].

Исследования последних лет позволяют связать особенности аланского православия и, шире, аланского религиозного сознания с главными чертами дохристианской религии, восходящей к религиозно-мифологической традиции скифского мира и предшествующих эпох иранского, арийского, индоевропейского единства[116].

Надежные сведения об аланской письменности появляются в X—XIII вв.: Житие Константина-Философа, создателя славянского алфавита, называет алан среди народов, «имеющих письменность и славящих Бога на своем родном языке»; в XIII в. Гильом де Рубрук нашел у алан «греческие письмена»[117]. Сохранившиеся памятники средневекового письма и языка (Зеленчукская надпись XI в., аланские маргиналии XIV в. к греческому профетологиону, аланские фразы в «Теогонии» Иоанна Цеца и ясский глоссарий XV в.) не оставляют сомнения в существовании единообразной и устоявшейся письменной традиции на основе греческой графики[118] (рис. 7).

Монументальные памятники церковной архитектуры — храмы X—XIV вв., их стены и своды были покрыты фресковой росписью[119]. Аланские храмы X в. — в числе древнейших на территории современной России.

Остатки горных крепостей (рис. 8) и замков аланской аристократии, как и открытые археологами руины аланских городов, свидетельствуют о сформировавшихся

---

[115] *Фидаров Р. Ф.* Мусульманские погребения алан XIII—XIV вв. с могильников Верхнего Джулата // Историко-филологический архив. 2004. № 1. С. 16—45.

[116] *Салбиев Т. К.* В поисках создателя: Мифология и традиционная культура осетин. М., 2013; *Мамиев М. Э.* Аланское православие: История и традиция. М., 2014.

[117] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 270; *Бернштейн С. Б.* Константин-Философ и Мефодий. М., 1984. С. 65; *Алеманъ А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. С. 216.

[118] Памятники аланского языка и письма. М., 2016.

[119] *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977; *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа.

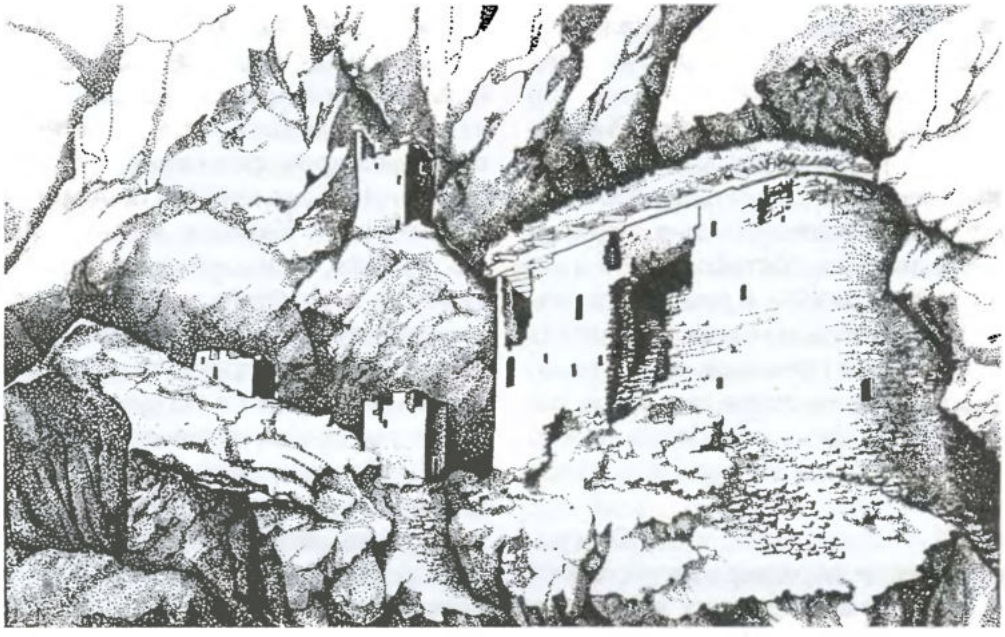


Рис. 8. Горная крепость в Дзивгисе. XI—XII вв. Худ. Г. Д. Коняхина

стилях светской архитектуры и городской застройки[120]. В специальной литературе отмечается передовая для своего времени технологическая основа и высокий художественный уровень аланского ремесла[121].

Вершина народной культуры Алании — Нартовский эпос, запечатлевший мифологию, общественные отношения и мировоззрение народа на разных этапах его истории — от родового строя до XIII—XIV вв.[122] Гибель общества нартов — фольклорный образ политической катастрофы, постигшей Аланию; после нартовской эпохи, по представлениям позднесредневековых алан-осетин, начинается совершенно иной период истории народа — время замкнутой жизни в горах.

Северо-Восточный Кавказ

Государственные образования и международные связи. В IX — начале XIII в. Северо-Восточный Кавказ, как и ранее, представлял регион с многочисленными государственными образованиями (вклейка, рис. 92), но в этот период политическая карта существенно изменилась. В результате арабских завоеваний часть Дагестана вошла в состав Арабского халифата, в одних государственных образованиях правителями были поставлены представители арабской военно-политической элиты, другие стали вассальными, выплачивая ежегодную дань и налоги. По данным ал-Балазури (IX в.), после завоевательных походов Марвана в горы Дагестана правитель Са-

[120] *Батчаев В. М.* Феодальные замки Алании // Аланы и Кавказ. Владикавказ; Цхинвал, 1992. С. 136—151.

[121] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 100—101, 132, 147; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 227.

[122] *Абаев В. И.* Нартовский эпос. Дзауджикау, 1945; *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990.

рира должен был ежегодно доставлять в Дербент наместнику халифа 100 тыс. мер зерна, жители Тумана — 20 тыс. мер зерна, Зирихгерана — 10 тыс. мер зерна, Хамзина — 30 тыс. мер зерна, владетель Синдана — 5 тыс. мер зерна, жители Лакза — 20 тыс. мер, Табасарана — 10 тыс. мер зерна. Суммарно эта дань составляла 195 тыс. мер зерна (около 120 т)[123]. Кроме этого, названные владения должны были поставлять большое количество юношей и девушек. Как долго сохранялась такая ситуация, неизвестно, но, очевидно, с ослаблением власти Халифата местные династы выходили из подчинения арабов.

Период IX — начала XIII в. на Северо-Восточном Кавказе характеризуется также централизацией власти в одних владениях (Дербент, Сарир, Хайдак, Гумик), потерей самостоятельности рядом мелких государственных образований (Маскат, Шандан, Филан, Карах), распадом государств (Лакз, Табасаран). Важнейшими событиями, повлиявшими на политическую карту Кавказа, стали падение Хазарии (см. ч. 4, гл. 1) и распад Арабского халифата. В IX — начале XIII в. важнейшими государствами Северо-Восточного Кавказа выступают Дербентский эмират, Хайдак и Сарир, о которых приводятся наиболее пространные известия арабскими авторами.

В 869 г. в результате ослабления власти Арабского халифата образовался Дербентский эмират: представитель знатного арабского рода Сулами Хашим ибн Сурака при поддержке городской знати и глав-*раисов* торгово-ремесленных объединений был объявлен эмиром Дербента (араб. *Баб ал-абваб*) и стал основателем династии Хашимидов. Эмират занимал выгодное геополитическое положение на Прикаспийском и Волжско-Каспийском путях, имел обширные международные торгово-экономические и культурные связи, что обеспечивало поступление значительных финансов, процветание государства и его особую роль на политической арене Кавказа. Эмират включал в себя ближнюю приморскую и предгорную зоны примерно от реки Дарваг до реки Самур. Дербент являлся одним из крупнейших городов Кавказа, важнейшим портом на Каспии, торгово-ремесленным, культурным, исламским центром, чеканившим собственную монету (вклейка, рис. 93). Кроме эмиров, опорой которых были *гулямы*, влиятельной политической силой в государстве являлись городская аристократия (араб. *айан мин сахл ас-сагр* — «знать пограничной области»), торгово-ремесленная знать (араб. *айан ас-суфуф* — «знать [торговых] рядов», *раисы* — «начальники») и исламское духовенство (*шейхи*, *кадии*, *гази*, *мутавии*, *курра*), которые, опираясь на «народ ал-Баба», нередко изгоняли неугодных эмиров и приглашали на правление правителей из соседних государств — Хайдака, Ширвана, Лакза, Табасарана.

Структурно Дербент состоял из цитадели (араб. *кала*), собственно города (араб. *мадина*) и пригорода (араб. *рабад*) (вклейка, рис. 94). В обширной округе Дербента располагались многочисленные селения, поместья (араб. *дийа*), земледельческие угодья и наделы (араб. *мульк*). Местом пребывания эмиров являлась цитадель Дербента (араб. *кала ал-Баб*; совр. Нарын-кала). В городе располагались правительственное здание (араб. *дар аз-заим*), дворец военачальников (араб. *каср ал-каидин*), Джума-мечеть и квартальные мечети, базары, фонтаны и водохранилища, караван-сараи и склады, ремесленные и жилые кварталы. Как и раньше, Дербент был многонациональным городом.

В 869—1075 гг. здесь правила династия Хашимидов. X—XI вв. характеризуются периодическим военным противостоянием Дербентского эмирата и Ширвана — госу-

[123] *Гамидов А. К.* О размере хараджа, взимавшегося арабами с государственных образований Дагестана (730-е гг.) // Вестник Дагестанского научного центра. 2010. № 38. С. 53—59.

дарства в Северном Азербайджане, также образовавшегося в 860-х гг. в результате ослабления Арабского халифата и претендовавшего на Дербент.

В X в. устанавливаются и упрочиваются связи эмирата с Древнерусским государством. Под 987 г. впервые упоминаются русы в дербентской хронике «Тарих ал-Баб» («История Баб ал-абваба»)[124] — в этот год они на 18 судах приплыли в Дербент на помощь эмиру Маймуну в его противостоянии с городской знатью. Позже дружина русов составила его личную гвардию, и эмир ими так дорожил, что на предложение религиозной элиты города обратить их в ислам или умертвить предпочел оставить трон и покинуть Дербент вместе с ними. Под 6540 (1032) г. Дербент — «Железные врата» упоминается в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях: в этот год воевода Улеб с дружиной «изыде из Новагорода за Железныя врата, и опять мало их прииде»[125]. Это известие находит параллель в хронике «Тарих ал-Баб», сообщающей о совместном походе русов, алан и сариров на Ширван в 423 г. х. (1032 г.), когда «спаслись немногие»[126].

В правление эмира Абд ал-Малика ибн Лашкари Дербентский эмират попадает под власть сельджукского султана: в 1067 г. Сау-Тегин, полководец султана Алп Арслана, взял город. Наместником сельджуков в Дербенте был поставлен представитель местного знатного и влиятельного рода Аглаб ибн Али. В 1068 г. его сменил Абд ал-Малик ибн Лашкари, на смену которому пришел сын ширваншаха Афридун ибн Фарибурз (1068—1071), а затем вновь Абд ал-Малик (1071—1075). В 1075 г. власть в эмирате снова перешла к Аглабидам. Переход власти в эмирате сопровождался острой политической и вооруженной борьбой между Аглабидами, Хашимидами и ширваншахами. В ходе политического противоборства некоторые дербентские шейхи открыто выступали на стороне Аглабидов, наиболее ревностным их сторонником был Юсуф ибн ал-Хусайн ал-Баби ал-Лакзи († около 1089 г.) — придворный историограф Аглабидов. К середине XII в. Дербентский эмират вышел из-под власти сельджуков. В это время в Дербенте поочередно правили эмиры Музаффар (около 1135—1160 гг.), его сын Бекбарс (около 1160—1170 гг.) и его внук Абд ал-Малик (около 1180—1220 гг.). Известно, что эмир Музаффар был женат на дочери грузинского царя Деметре, который в 1154 г. прибыл в Дербент и гостил у своего зятя. В 1239 г. монголам удалось взять Дербент, эмират пал и вошел в состав Золотой Орды. Период существования Дербентского эмирата отмечен экономическим подъемом, расцветом ремесел и торговли, всей городской жизни, развитием и распространением арабской письменности и языка, книжной культуры и научной мысли[127].

Важную роль в политической жизни Восточного Кавказа продолжал играть Хайдак, располагавшийся к северо-западу от Дербентского эмирата. В начале IX в. здесь правил некий Газанфар, который был убит при завоевании Хайдака арабами, назначившими нового правителя Амир Чупана. Но, согласно хронике «Тарих Дагестан», Газанфар правил в начале XII в., и правителем (*амиром*) был поставлен Калантар, который проводил активную исламизацию Хайдака и соседних областей, что, видимо,

---

[124] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963.

[125] *Штро В. А.* Дербент и Железные ворота в древнерусской литературе // ТОДРЛ. Т. 13. Л., 1989. С. 262—267.

[126] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 70.

[127] Там же; *Кудрявцев А. А.* Феодальный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI — середине XIII в. М., 1993; *Аликберов А. К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.). М., 2003.

отражает реалии времени сельджукских завоеваний. Его резиденцией стала крепость Кала-Корейш («крепость курейшитов»), располагавшаяся на неприступной вершине горы. В X в. упоминается царь (араб. *малик*) Хайдака Адзар Нарса, придерживавшийся трех религий (ислама, христианства и иудаизма). По данным ал-Масуди (X в.), Дербентский эмират терпел «много ущерба от царства Хайдак; его царь — мусульманин»[128]. Для X в. фиксируется титул правителя страны — *салифан*. Вероятно, в этот период часть Хайдака на какое-то время вошла в состав Хазарского каганата, судя по замечанию ал-Масуди, что Хайдак «входит в состав хазарских земель»[129], и это обусловило их совместные военные акции против Дербента (поход 916 г.). В XI в. правители Хайдака ведут самостоятельную внешнюю политику, активно участвуют в политической борьбе в Дербентском эмирате, устанавливают с эмирами династические связи: в 1040 г. «хайдакцы взяли цитадель» Дербента и пленили эмира Абд ал-Малика ибн Мансура; в 1055 г. у эмира Лашкари ибн Абд ал-Малика «родился в Хайдаке» сын Абд ал-Малик «от хайдакской жены эмира», названный в честь деда; в 1063 г. хайдакцы пришли на помощь эмиру Мансуру в его борьбе с дербентскими раисами; в 1065 г. малолетний Абд ал-Малик с согласия раисов был объявлен эмиром, спустя год он был изгнан и нашел приют у правителя Хайдака Пируза ибн Сакнана; в 1070 г. он снова был призван на княжение в Дербент, но в 1075 г. вновь изгнан и «отправился в Хайдак искать подкрепления, чтобы вернуться к власти»[130].

Возможно, в XII в. правитель Хайдака стал носить титул *уцмий* (от араб. *исми* — «именитый, славный, знаменитый»), и это государственное образование вошло в литературу под названием Кайтагского уцмийства.

Рядом с Хайдаком располагалось небольшое горное владение Уркарах (Карах), где в середине X в. в одноименном городе находилась резиденция правителя-*барзбана* (перс. *марзбан* — «хранитель границы»). В 995 г. жители Уркараха обратились в ислам «благодаря» эмиру Дербента Маймуну ибн Ахмаду. В 1032 г. аланы, русы и сариры совершили безуспешный поход на Уркарах, где располагался гарнизон мусульман во главе с неким Хусравом и раисом Хайсамом. В 1065 г. уркарахские раисы приняли участие в походе влиятельного дербентского раиса Муфарриджа на область Маскат в нижнем течении реки Самур[131]. В дальнейшем известий о владении Уркарах (Карах) в письменных источниках не встречается; вероятно, оно было включено в состав Хайдака.

Сильным и независимым государством на Северо-Восточном Кавказе продолжал выступать Сарир, граничивший на севере и северо-западе с Аланией, на западе — с Кахетией (Восточная Грузия), на востоке — с Хазарией (граница проходила в двух фарсахах (около 12 км) от Самандара). По данным ал-Масуди (896—956), в стране насчитывалось 12 тыс. селений и «это область с большими богатствами, горная и степная», правитель Сарира «жил в горах, а хазары — на равнине», «пределы Сарира» прилегают к Хазарскому (Каспийскому) морю, что, ви-

---

[128] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 192.

[129] Там же.

[130] *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969. С. 36—38; *Айтберов Т. М.* Центральная часть Восточного Дагестана в VII—XIII вв.: (К хронологии и географии борьбы с мусульманами) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986. С. 25—32.

[131] *Айтберов Т. М.* Центральная часть Восточного Дагестана в VII—XIII вв.: (К хронологии и географии борьбы с мусульманами). С. 33—34.

димо, отражает эпизод расширения границ страны: царь Сарира «совершал нападения на хазар и одерживал победы над ними»[132]. Согласно Ибн Русте (первая половина X в.), путь из «страны хазар» (очевидно, из Итиля) до царской крепости Сарира «на высокой горе» занимал 12 дней, а от крепости до «города Хайдак» — 12 перегонов. Он же сообщает, что правителя Сарира звали Авар и в его владении расположена крепость Гумик, в которой находится царское казнохранилище[133]. У Халифы ибн Хайата (777—854) Гумик также выступает «царской резиденцией (*байт ал-малик*), где жил и царь (*малик*) Сарира»[134]. Эти факты дают основание полагать, что к середине IX в. владение Гумик вошло в состав Сарира. Позже столицей Сарира выступает город Хумрадж (Хунзах), в котором проживали также царские военачальники. Фиксируемый для X в. титул правителей Сарира *филан-шах*, как считают, свидетельствует о включении владения Филан в состав Сарира.

Династические связи правителей Сарира отражают его место в политической системе Кавказа: так, в начале IX в. дочь царя Сарира была замужем за правителем Тбилиси Исхаком ибн Исмаилом, в первой половине X в. цари Сарира и Алании были женаты на сестрах друг друга, эмир Дербента Мансур был женат на Сарийе, дочери владетеля Сарира (1025), женой ширваншаха также была дочь царя Сарира (1063), его тестем был и видный дербентский раис Муфарридж (1065)[135].

В середине IX в. военный поход в Сарир с целью распространения ислама, очевидно, безуспешный, совершил арабский наместник Ширвана Хайсам ибн Халид. В X в. в Сарире были еще сильны позиции язычества: по сообщению Ибн Русте, христианами были царь и его окружение, остальное население — «неверными». Значительное усиление позиций христианства в Сарире приходится на XI — начало XIII в., на время существования сильного централизованного Грузинского царства — здесь активную миссионерскую деятельность вела Грузинская церковь; предполагается существование в это время епархии, засвидетельствованной в Сарире в начале XIV в. По всей стране возводились церкви, распространялось грузинское письмо[136]. Над столицей Хунзахом на горе Акаро возвышалась открытая археологами церковь XI—XII вв., вероятно, носившая имя двенадцати апостолов. Здесь и в других местах найдены каменные кресты с надписями на грузинском языке и аварском языке грузинским письмом, христианские некрополи. Замечательным памятником архитектуры является зального типа церковь XI в., расположенная близ села Датуна (Шамильский район Республики Дагестан) в живописном ущелье на берегу речушки Гатан-тлар (в переводе с авар. — «Церковная речка») (вклейка, рис. 95). В Музее Грузии в Тбилиси хранится происходящая из Хунзаха каменная плита с надписью XIII—XIV вв. на грузинском языке: «Во имя Бога построена эта церковь в честь святых Козмы и Дамиана». Возможно, в это время, когда было сильно влияние Грузии, правитель Сарира стал носить титул *нуцал* (от груз. *нацвали* — «наместник»), что дало повод именовать в литературе это государствен-

---

[132] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 203—204.

[133] Там же. С. 219—220.

[134] *Гизбулаев М. А. Та'рих* Халифы ибн Хаййата как источник по истории Дагестана VII—VIII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2016. № 4. С. 28.

[135] *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). С. 38—41; *Айтберов Т. М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990; *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 237—241.

[136] *Атаев М. М.* Авария в X—XV вв. Махачкала, 1995; *Тахнаева П. И.* Христианская культура средневековой Аварии (VII—XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории. Махачкала, 2004.

ное образование Хунзахским (Аварским) нуцальством.

В XIII в. анонимный автор, характеризуя Сарир, писал, что это «большая, очень возделанная, труднодоступная область; их падишах древнего рода и щедрый»[137]. В начале — середине XIII в. здесь правил нуцал Байар, сын нуцала Сураки, который предпринял чеканку монет с надписями на грузинском и арабском языках (вклейка, рис. 96). Впоследствии вооруженные газии, распространявшие ислам, захватили Хунзах, и Байар был вынужден бежать в Грузию[138].

В первой половине X в. Гумик, очевидно, еще находился в составе Сарира (см. выше). Но, по данным ал-Масуди († 956), Гумик предстает уже независимым самостоятельным владением (араб. *мулк*), «его жители — христиане, не подчиняются никакому царю, но имеют начальников (араб. *руаса*) и живут в мире с царством алан»[139], что, вероятно, отражает демократический характер власти. А к началу XII в. в Гумике (Кумук) фиксируется не один владетель, а правители-*амиры*.

К концу XI — началу XII в. относится новая попытка распространения ислама в Гумике: его правители обращаются в Баб ал-абваб (Дербент) с просьбой прислать проповедника для искоренения христианства. В 1064 г. гумикцы-немусульмане совершили нападение на Дербентский эмират, «убили немало мусульман и разграбили их имущество»[140], наложили на селения дань. В конце XI в. ширваншах Фарибурз (1063—1096), под сильным влиянием которого оказался, в частности, Лакз, назначает в Гумик правителем своего сына эмира Адуда и при посредничестве владетеля Лакза посылает сюда проповедника и имама для распространения ислама. Этому, видимо, предшествовало покорение Гумика. К началу XII в. относится, согласно хронике «Тарих Дагестан», миссионерская деятельность эмира Чуфана (по другим данным — султана Калантара), правившего в Хайдаке, который «заключил договор с амирами Гумика» (Гази-Кумук), но затем, нарушив договор, силой оружия насаждал в Гумике ислам и назначил здесь правителем своего ставленника и родственника Шамхала[141]. Эти известия, очевидно, отражают реальные события, связанные с завоеваниями сельджуков на Восточном Кавказе под флагом распространения ислама. К этому времени можно относить установление монархического правления в Гумике и возникновение титула *шамхал*, которым позже будут обозначаться правители Гази-Кумухского шамхальства[142].

В 1220 г., а затем в 1239 г. многие области Северо-Восточного Кавказа подверглись опустошительным вторжениям монголов, что привело к существенным изменениям в политической и социально-экономической системе региона.

Экономическое состояние. IX — начало XIII в. характеризуются дальнейшим развитием экономики Северо-Восточного Кавказа, что в огромной мере было обусловлено прекращением в первой половине VIII в. арабо-хазарских войн и относительной стабилизацией политической ситуации в регионе.

---

[137] *Миклухо-Маклай Н. Д.* Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Ученые записки Института востоковедения. 1954. Т. 9. С. 205—206.

[138] *Акопян А. В.* Байар, нуцал Аварии, и его монеты // Христианский Восток. Т. 8 (XIV). СПб., 2017. С. 411—426.

[139] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 203.

[140] Там же. С. 74.

[141] *Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 102.

[142] *Курбанов А. Д.* Государственные образования лаков в средневековье. Махачкала, 2006.

Сельское хозяйство оставалось основным занятием как сельского, так и городского населения, активно занимавшегося земледелием и животноводством. Выращивали пшеницу, полбу, ячмень, бобовые. Увеличивалась площадь обрабатываемой земли, близ поселений сооружались новые земледельческие террасы, которые использовали под зерновые (пшеница, ячмень) и плодовые культуры (абрикос, яблоня, груша). Для помола зерна начали применять водяные мельницы, что отразило развитие земледельческого хозяйства.

Арабо-персидские авторы IX—XIII вв. приводят важные сведения о занятиях населения земледелием и животноводством[143]. Они сообщают, что горцы «живут долго, и много у них всяческих благ, таких как мед, мясо и фрукты в их долинах», «там есть пастбища, скот, масса стад <...> плодов свежих и сушеных», жители большого и густонаселенного города Цахур «сеют достаточное количество ячменя, питаются им и молоком своих маленьких овец и кислым молоком, они носят одежду из шерсти этих овец», жители Лакза, Дербента, Табасарана, Сарира имеют обрабатываемые земельные участки и поместья (араб. *дийа*), в Дербенте «много посевов и пахотных земель». Кроме зерновых выращивали и технические культуры — лен, коноплю, хлопок, шедшие на изготовление тканей. Приморская низменность от Самандара до Дербента и до Сарира была занята виноградниками и садами, жители Самандара имели «богатые земли и хорошие пастбища», а Сарир — «область большая, очень возделанная». В обширной сельской округе Дербента культивировали растительные красители (шафран и марену) и шелкопряда.

Как и раньше, традиционно занимались разведением мелкого и крупного рогатого скота, лошадей, ослов. Развивалось отгонное скотоводство с выпасом баранов, овец и коз на альпийских лугах летом и в Прикаспии — зимой. Одной из главных таких скотопрогонных трасс была дорога вдоль реки Сулак (Койсу), название которой переводится с тюркского как «река овец» и которую в XIII в. именовали по-арабски *Нахр ал-ганам* («река овец»). Сарир выступал поставщиком баранов в другие страны через Дербент, что свидетельствует о развитии и товарной направленности барановодства.

Развитие сельского хозяйства, получение большого количества продуктов питания и прибавочного продукта способствовали росту численности населения и поселений. Средневековые арабские авторы обратили на это внимание и писали, что в Дагестане, Табасаране «много населенных мест», что Сарир — область «с большим количеством населения», насчитывающая 12 тыс. селений[144].

Большое развитие в городах и селах получили различные ремесла и промыслы, дававшие необходимые товары для жизни. Крупнейшим центром ремесленного производства на Кавказе был Дербент. Здесь развивались гончарное ремесло, имевшее специализацию по выпускаемой продукции, в том числе высокохудожественной глазурованной керамике, обработка цветных металлов и железа, кости, камня и кожи, ткачество и ковроделие, стеклоделие, изготовление бумаги, мыла, шелка, шерстяной пряжи, льняных и хлопчатобумажных тканей, одежд, паласов. По данным хроники «Тарих ал-Баб» (начало XII в.), ремесленники имели свои объединения, во главе которых стояли начальники — *раисы*, игравшие важную роль в политической жизни эмирата и всего Восточного Кавказа; засвидетельствован и «раис раисов» (араб. *раис ар-руаса*). Некоторые ремесленники жили в обособленных частях города, был

[143] См.: *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. С. 256—257.

[144] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 204.

известен квартал медников, труд которых был глубоко специализирован: среди них выделялись литейщики (араб. *саффар*), чеканщики (араб. *наххас*), лудильщики (араб. *лахим*).

Крупным специализированным центром ремесла являлся Зирихгеран (Кубачи). По данным автора X в., здесь изготавливали кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие изделия. Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.) сообщает об изготовлении в Зирихгеране «кольчуг, панцирей, шлемов, мечей, копий, луков, стрел, кинжалов и всевозможных медных изделий <...> Жены их, сыновья их, дочери их, слуги и служанки их — все они заняты в производстве этих изделий и нет у них обрабатываемых земель и садов»[145]. В XII в. в Кубачи освоили сложное производство литых бронзовых орнаментированных котлов хорасанского типа, в том числе с надписями на арабском языке и именами их изготовителей, передававших свое мастерство по наследству.

Особого расцвета в IX — начале XIII в. получило строительное дело: строители, которых называли по-арабски *устад* («мастер») и *банна* («строитель»), возводили дома, мечети, минареты, церкви, крепости, башни, мосты. Арабские надписи этого времени сообщают о строительстве таких сооружений во многих населенных пунктах Дагестана, имена строителей и архитекторов, людей, по приказу или заказу которых возводились здания[146]. Замечательными памятниками архитектурного декора, эпиграфики и декоративно-прикладного искусства являются резной штуковый михраб и резные двери Джума-мечети Кала-Корейша XI—XII вв., штуковые панели колонн мечетей в Дербенте и Кара-Кюре того же времени и другие памятники.

Продукция земледелия, скотоводства и ремесла находила широкий спрос, развивались внутренняя и внешняя торговля. Развитие сельского хозяйства и ремесла приводило к появлению многочисленных рынков сбыта. Этим явлениям в экономике региона в значительной мере способствовала активизация в IX — начале XIII в. международной торговли по Прикаспийскому и Волжско-Каспийскому путям.

Крупнейшим международным центром сухопутной и морской торговли был Дербент, являвшийся важным транзитным пунктом на Великом шелковом пути и активным посредником в торговле Востока и Запада, Севера и Юга. Торговая пошлина существенно пополняла казну города. Богатое купечество Дербента — «знать торговых рядов» (араб. *айан ас-суфуф*) — занимало верхние ступени социальной лестницы города, активно влияло на политическую жизнь в эмирате. На рынках города продавали различные заморские товары, в том числе меха бобра, соболя, белки, пряности, благовония, бумагу, мед, воск, шерсть, парчу, шелка, ртуть, красители, рабов и многое другое. В дербентской рукописи начала XII в. упоминаются продавцы книг (бумаги), хлопка, дров, рыбы, зелени. Изготавливаемые в Дербенте хлопчатобумажные и льняные ткани и одежды находили широкий спрос, производившаяся здесь марена экспортировалась в Иран и вплоть до Индии. Сюда поставляли на продажу свои товары местные купцы и ремесленники. Через Дербент в другие страны шла продукция барановодства из Сарира. При раскопках в Дербенте обнаружены керамические и фаянсовые чаши из Ирана, фарфоровая посуда из Китая и Кореи, стеклянные изделия с Переднего Востока. Среди монет,

[145] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 50.

[146] *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X—XVIII вв. как исторический источник. М., 1984.

найденных в Дербенте, представлены монеты правителей разных областей Передней и Средней Азии, Египта. Через Дербент в Восточную и Северную Европу шел поток арабских серебряных дирхемов[147].

В крупнейшую на Каспии дербентскую гавань прибывали торговые суда из Аррана, Джурджана, Табаристана, Джилана, Хазарии, Волжской Булгарии, Руси. Ал-Балазури и Ибн Хаукаль сообщают о специальном коменданте порта — «владельце замка» (*сахиб ал-куфл*), который давал разрешение на вход и выход из гавани. Ал-Идриси называет его «владелец моря» (*сахиб ал-бахр*)[148].

Важным центром международной торговли был город Самандар. «Самандар — город на берегу моря. Это приятный город с рынками и купцами», — писал персидский аноним IX в.[149] Однако в 968 г. во время похода князя Святослава на Хазарию город был уничтожен.

Распространение ислама, исламская культура. К IX в. на Северо-Восточном Кавказе ислам приняли в Ширване, Лакзе, Табасаране, в исторической округе Дербента (араб. *Баб ал-абваб*). Ведущая роль в распространении ислама в регионе принадлежала Дербенту, который со времени арабских завоеваний стал «территорией войны [против неверных]» (араб. *дар ал-харб*). В городе влиятельную социальную прослойку составляли «борцы за веру» (*гази*), «добровольцы» (*муттавии*), «пришлые» (*гураба*), «чтецы Корана» (*курра*), совершавшие походы в различные области Северо-Восточного Кавказа против «неверных». Так, в 851 г. наместник халифа Мутаваккила (847—861) в Ширване Мухаммад ибн Халид «с помощью газиев ал-Баба (Дербента. — *М. Г.*)» осуществил поход против «неверных, живущих по соседству с ал-Бабом»; в 860-х гг. поход в Сарир совершил арабский наместник Ширвана Хайсам ибн Халид; в 912 г. неудачный поход против жителей владения Шандан осуществило «большое число добровольцев и чтецов Корана» во главе с ширваншахом Хайсамом ибн Мухаммадом и эмиром Дербента Мухаммадом ибн Хашимом, которые оказались в плену у шанданцев вместе с многочисленным войском; в 995 г. под влиянием эмира Дербента Маймуна ибн Ахмада ислам приняли жители Уркараха (Карах)[150]. Попытки насильственной исламизации вызывали и ответные походы на Дербент и его округу. Значительное число газиев и мучеников-*шахидов* в IX—X вв. было отмечено автором «Тарих ал-Баб»[151].

Во второй половине XI в. начался новый этап исламизации региона, в значительной степени обусловленный завоеваниями сельджуков, сопровождавшимися распространением ислама. Многочисленные некрополи со специфическими надмогильными саркофагообразными памятниками второй половины XI — середины XII в. в Дербенте, Лакзе, Табасаране, Хайдаке, Кала-Корейше и Уркарахе свидетельствуют о размещении здесь сельджукских гарнизонов, воины которых получали земельные наделы (араб. *икта*) и которые активно

---

[147] *Гаджиев М. С.* Дербент как торгово-культурный центр VIII — начала XIII в. // Великий Волжский путь: Материалы III этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», 3—14 августа 2003 г. Казань, 2004. С. 73—83.

[148] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* Подводные археологические исследования в акватории Дербента // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 12. М.; Магнитогорск, 2002. С. 396—414.

[149] *Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937. P. 162.

[150] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв. С. 46—48, 69.

[151] Там же. С. 70.

распространяли ислам[152]. Многие из этих и других погребальных памятников, и прежде всего известное почитаемое кладбище Кырхляр в Дербенте (вклейка, рис. 97), связываются с мучениками-*шахидами*, павшими в битвах с «неверными». Эпиграфические памятники Дагестана XI — начала XIII в. дают картину распространения ислама на территории региона[153].

В это время ислам упрочился в Лакзе, Табасаране, Хайдаке, Гумике, причем в значительной мере в рамках суфизма, центром которого предстают Дербент и его округа, где функционировали суфийские братства и общины (*таифа*, *завийа*, *ханака*), собрания (*маджлис*) и школы. Этот период отмечен распространением ислама местными проповедниками и появлением медресе в регионе. К концу XI в. относится основание медресе сельджукским визирем Низамом ал-Мулком (1020—1092) в столице Лакза Захуре (совр. Цахур), где преподавали различные исламские науки, переписывали трактаты богословов-шафиитов Мухаммада аш-Шафии, Исмаила ал-Музанни и переводили их на лакзанский (лезгинский) язык[154]. Несколько медресе было в Дербенте «для тех, кто поблизости и занимается религиозными науками»[155]. Мусульманские учебные заведения были также в Гимейди, Арджиле, Курахе, где вели занятия в том числе выпускники знаменитого медресе Низамийа в Багдаде.

Многие выходцы из Дербента, Лакза и других областей выезжали на учебу в крупнейшие города мусульманского Востока и в дальнейшем получали известность в исламских интеллектуальных кругах. Так, например, Йакут ар-Руми (1180—1229) сообщает о «знатоке мусульманского права, превосходном (ученом)» Мусе ибн Юсуфе ал-Лакзи, о видном ученом Хакиме ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дарбанди († 1142), который был учеником прославленного философа Мухаммада ал-Газали (1058—1111) в медресе Низамийа и жил в Бухаре[156]. В 1130 г. Дербент посетил знаменитый путешественник и миссионер Абу Хамид ал-Гарнати (1080—1170), который проводил здесь занятия по мусульманскому праву (*фикх*) по популярной книге «Китаб ал-Мукни» («Удовлетворяющая книга») известного богослова-шафиита Абу-л-Хасана Ахмада ал-Махамили (978—1024), а эмир Абу-л-Касим объяснял слушателям ее содержание на дагестанских и других языках.

В Дербент, Зирихгеран, Кала-Корейш и другие центры Дагестана приезжали из восточных стран ремесленники (гончары, ювелиры, медники и др.), архитекторы, строители, мастера резьбы по камню, дереву и штуку (ганчу), которые передавали свой опыт и знания местным умельцам. Многочисленные надписи свидетельствуют о распространении арабского языка и арабской письменности. Сюда с этого времени в большом количестве поступали памятники письменной культуры — рукописные Кораны, тафсиры, хадисы, учебники и словари арабского языка, книги по праву, истории, географии, медицине, астрономии, философии. На этой основе начала развиваться

---

[152] *Гаджиев М. С.* Поселение Пирмешки и его некрополь // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 10—22.

[153] *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X—XVIII вв. как исторический источник. С. 8—226.

[154] *Шихсаидов А. Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 110.

[155] Там же.

[156] *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. С. 409.

местная рукописная книжная культура на арабском языке[157].

В Дербенте, ставшем крупнейшим духовным центром и средоточием арабоязычной книжной культуры на Кавказе, создавались известные исторические сочинения и религиозные трактаты. В XI в. богослов, знаток хадисов, шафиит Юсуф ал-Баби ал-Лакзи († около 1089 г.), получивший образование в Багдаде, написал популярное историческое сочинение «Дарбанд-нама», повествующее о событиях на Северо-Восточном Кавказе в VI—X вв. и являющееся протографом знаменитой хроники «Дербенд-наме», составленной в XVII в. Мухаммедом Аваби Акташи[158]. В конце XI в. известный шейх и хадисовед Маммус ал-Лакзи ад-Дарбанди (около 1040—1110 гг.), обучавшийся у известных ученых в Бухаре, Самарканде, Багдаде, написал историческую хронику «Тарих ал-Баб» («История Баб ал-абваба»), рассказывающую о событиях IX—XI вв. в Дербенте и на Восточном Кавказе[159]. На рубеже XI—XII в. другой видный религиозный деятель, ученик Юсуфа ал-Баби ал-Лакзи, теолог-ашарит и мистик Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди († 1145) завершил свой трактат «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»), представляющий собой суфийскую энциклопедию и являющийся важнейшим источником по истории ислама на Кавказе и в мусульманских странах (вклейка, рис. 98). Эта книга стала выдающимся явлением мусульманской историографии XI — начала XII в., значительным памятником мусульманской религиозно-философской мысли. Ее автор получил образование в Дербенте, в поисках знаний много ездил по мусульманскому Востоку, обучаясь у знаменитых ученых, окончил медресе Низамийа, жил в Табаристане, Мекке, Медине, Исфахане, Хамадане и, вернувшись около 1090 г. в родной город, основал здесь религиозное учебное заведение, оставив немало известных учеников и последователей[160].

Распространение ислама вело к знакомству народов Северо-Восточного Кавказа с исламской цивилизацией и приобщению к высокой и развитой культуре средневековых мусульманских стран, способствовало социально-экономическому и культурному развитию региона.

---

[157] *Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х.* Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001.

[158] *Аликберов А. К.* Ал-Лакзи Йусуф // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998. С. 63—64.

[159] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI вв.; *Аликберов А. К.* Ал-Лакзи Маммус // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. С. 64.

[160] *Аликберов А. К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.).

КРЫМ

Средневековый климатический оптимум VIII—XIII вв., характеризовавшийся более высокой, чем в наши дни, среднегодовой температурой воздуха и, как правило, бóльшим количеством осадков, благоприятно сказался на условиях жизни в Восточной Европе в целом и в Крыму в частности. Пик глобального потепления пришелся на X—XI вв. Степи Северного Причерноморья, в это время хорошо увлажняемые, вновь становятся благоприятными для ведения кочевого скотоводства. Между кочевыми и оседлыми народами началась ожесточенная конкуренция за обладание этими территориями.

В 830-е гг. в причерноморскую степь, в том числе и в Крым, мигрировали финно-угорские племена венгров, которые лишь номинально, и то не всегда, признавали над собой власть хазарского кагана. В конце IX в. венгров вытеснили в Среднее Подунавье пришедшие из степей Заволжья тюркские племена печенегов. В середине XI в. их оттеснили к дельте Дуная пришедшие с востока половцы (кыпчаки, куманы), контролировавшие в дальнейшем всю степь от Дуная до Иртыша вплоть до монгольского нашествия в XIII в.

Византийская империя, крымским владениям которой эти перемены несли непосредственную угрозу, была вынуждена уделять взаимоотношениям с северными народами все большее внимание и формировать сложную систему внешнеполитических сдержек и противовесов, чтобы обезопасить свои северные границы и от кочевников, и от набиравшей силу Руси.

Письменных источников по истории Таврики IX—XI вв. сохранилось довольно много. В первую очередь это труды византийских историков: созданное в середине X в. «Жизнеописание византийских царей» анонимного автора, получившего в науке условное прозвище Продолжатель Феофана, «Обозрение историй» Иоанна Скилицы, «Хронография» Михаила Пселла, «Сокращенная история» Иоанна Зонары. Огромный объем информации о внешнеполитическом положении Таврики и особенностях управления ею во второй половине IX — первой половине X в. содержится в сочинениях Константина VII Багрянородного «О фемах» и «Об управлении империей». Краткие упоминания о событиях в Таврике, в основном в ее административном центре Херсоне, имеются и у других авторов — Льва Диакона и Анны Комнины. Уникальный массив информации о событиях 860—861 гг. в Крыму содержится в различных вариантах Жития св. Константина Философа (Кирилла), побывавшего на полуострове в это время. Важные сведения имеются и в других византийских источниках — официальных списках византийских титулов и должностей (тактиконах), реестрах иерархов Церкви (Notitiae Episcopatuum), воинских трактатах («Тактике» императора Льва VI Мудрого (886—912), анонимных сочинениях «Об устройстве лагеря» и «Как выдерживать осаду»), произведениях эпи-

столярного жанра (письмах богослова Феодора Студита, патриарха Николая Мистика), а также в труде византийского монаха Епифания, посетившего Крым в 820-е гг. для сбора преданий о проповеди в этих местах апостола Андрея Первозванного.

Большое количество сведений о Крыме X—XI вв. сообщают древнерусские летописи (в первую очередь Повесть временных лет) и житийные произведения — славянский вариант Жития св. Стефана Сурожского и различные варианты Жития князя Владимира Святого. Ценнейшими источниками о месте Крыма в системе международных отношений X в. являются так называемый Кембриджский документ и «еврейско-хазарская переписка» середины X в. между визирем омейядского халифа Испании Хасдаем ибн Шапрутом и каганом хазар Иосифом.

Основной массив археологической информации получен при раскопках Херсонесского городища, а также Мангупа, Партенита, Алустона (Алушты), Боспора (Керчи), Сугдеи (Судака) и ряда других памятников. На большинстве исследованных объектов этого времени (за исключением Боспора и Сугдеи) обнаружен слой разрушения, датируемый в пределах середины X — первой половины XI в. (вероятнее всего, началом XI в.)[1]. Вопрос о причинах и последствиях столь массовых разрушений остается остро дискуссионным. Высказываются версии о том, что это — последствия русско-византийской войны 987—988 гг. (так называемого Корсунского похода князя Владимира)[2], или хазаро-византийской войны 920—930-х гг. (так называемого «Похода Песаха»)[3], или разрушительного землетрясения силой до 9 баллов начала XI в. В настоящее время большинство исследователей склоняется к последней версии[4].

На IX—XI вв. приходится бóльшая часть обнаруженных в Крыму печатей византийских чиновников различных рангов[5], а также мелких бронзовых монет, отливавшихся в Херсоне на протяжении всего этого времени и именуемых в науке «херсоно-византийскими»[6]. Находки золотых, серебряных и бронзовых монет, изготовленных в Константинополе, в слоях изучаемого времени гораздо более редки.

Крым в политике Византии и Хазарии в IX—X вв. После подавления восстания Иоанна Готского византийцы относительно быстро вернули свои позиции в Крыму (около 795 г.), однако на протяжении большей части IX в. обстановка на полуострове была нестабильной. Периоды замирения с хазарами, пришедшиеся в основном на время правления императоров-иконобор-

---

[1] *Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). Симферополь, 2016. С. 107—218.

[2] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. М.; Л., 1950. С. 14. Примеч. 2. (МИА; № 17); *Он же.* Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959. С. 65. (МИА; № 63); *Сазанов А.* Херсон и крещение Владимира. Херсон в X—XI вв. Saarbrücken, 2013. С. 306—410; *Завадская И. А.* Проблемы интерпретации слоев разрушения на археологических памятниках: О роли археосейсмологических исследований // Боспорские исследования. Вып. 33. Керчь, 2016. С. 348—364.

[3] *Шапошников А. К.* Феодоро в письменных источниках // Фадеева Т. М., Шапошников А. К. Княжество Феодоро и его князья: Крымско-готский сборник. Симферополь, 2005. С. 222—223.

[4] *Романчук А. И.* «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // Византийский временник. Т. 50 (75). М., 1989. С. 182—188; *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005. С. 751; *Романчук А. И.* Корсуньский поход князя Владимира: Историографические аспекты // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 195—208; *Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). С. 219—262.

[5] *Олексієнко М.* Візантійська адміністрація Херсона: Каталог печаток. Paris, 2012.

[6] *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 30—52.

цев Льва V Армянина (813—820) и Феофила (829—842), периодически сменялись обострением отношений, что сказывалось в том числе и на безопасности Таврики.

Предполагается, в частности, что в правление безвольного и непопулярного Михаила II Косноязычного (820—829) хазары на непродолжительное время захватили плато Мангуп. Даже само название находящегося там укрепления, ранее IX в. в источниках не встречавшееся, вероятно, имеет хазарское происхождение: Манкут (*Ман-к-т* — хазарск. «Моя крепость»)[7]. Император Феофил (829—842) приступил к планомерному укреплению границ империи и восстановлению отношений с ее немногочисленными союзниками. Чтобы упрочить пошатнувшийся союз с хазарами, он в 833 г. откликнулся на настоятельную просьбу их правителей об оказании организационной и технической помощи в строительстве пограничной крепости Саркел на левом берегу Дона, в районе так называемой Волго-Донской переволоки (на месте современного Цимлянского водохранилища).

Прорвавшиеся в Северное Причерноморье венгры перекрыли хазарам доступ на полуостров, из-за чего каганат был вынужден отказаться от претензий на Крым, что, в свою очередь, позволило Византии в 840-е гг. усилить здесь свои позиции. Феофил изменил систему управления Таврикой, создав вместо самоуправляющихся общин во главе с архонтами военно-административный округ (фему) во главе с военным губернатором (стратигом). Первым на эту должность был назначен строитель Саркела — военный инженер Петрона, «как приобретший знание местности и понимания дел отнюдь не лишенный»[8]. При назначении его повысили в чине со спафарокандидата (чин второго ранга, дословно «кандидат в меченосцы») до протоспафария (чин первого ранга, дословно «первый меченосец»), который давался только заслуженным полководцам и губернаторам провинций. Протоспафарий автоматически становился сенатором империи и носил особый знак своего чина — золотой воротник, украшенный самоцветами.

Византийская фема делилась (и территориально, и организационно) на три «полка» — турмы, турма — на «батальоны» (друнги), а те, в свою очередь, — на гарнизоны крепостей и других укреплений. Все стратиги и командиры турм (турмархи) назначались императорским указом. Причем в Крым было принято назначать исключительно выходцев из столицы, «не доверяя их протевонам и архонтам»[9].

Создание фемной структуры управления не означало ликвидацию прежних муниципальных должностей: протевоны (греч. «первенствующие»), в качестве градоначальников Херсона, сохранялись как минимум до конца X в.; патеры полиса (греч. «отцы города») — по меньшей мере до середины X в. Об этом свидетельствуют многочисленные печати этих должностных лиц, найденные в Крыму[10]. Правда, теперь они оказались под начальством стратига и должны были во всем ему повиноваться[11].

---

[7] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005. С. 540.

[8] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 173.

[9] Там же.

[10] *Алексеенко Н. А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь, 1996. С. 164.

[11] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 173; *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 56.

Наиболее вероятной датой создания фемы на полуострове является 841 г.[12] Вначале она получила название Климáты, а ее административный центр находился в одной из горных крепостей, вероятнее всего, в Эски-Кермене (предполагаемом Доросе). Это было связано с тем, что именно в Горной Готии, после ликвидации хазарского присутствия, было необходимо провести мероприятия по формированию стратиотского войска, оформлению воинских земельных держаний, ремонту обветшалых крепостей и организации гарнизонной службы. Для этого на полуостров был, видимо, введен воинский контингент из других фем: Армениаков и Сицилии. Об этом свидетельствуют найденные на Херсонесском городище печати стратигов этих провинций и выпущенные на Сицилии византийские монеты[13].

По завершении интеграции, которая заняла около 10 лет, фема Климаты была переименована в фему Херсон, а ее административный центр переместился в одноименный город[14]. В горах в составе фемы была образована турма Готия[15], а округа Херсона (территория современного Севастополя) получила название Херсакея[16], вероятно, также в статусе турмы. Ее обитателей называли херсаками, в отличие от жителей Херсона, которые именовались херсонитами. Третья турма, вероятно, включала территорию Юго-Восточного Крыма с центром в Сугдее (Судаке). Однако, пока не найдены печати ее должностных лиц, эта гипотеза не может считаться доказанной[17].

Вопрос о том, контролировала ли Византия во второй половине IX — первой половине X в. Керченский полуостров, пребывал ли он под властью хазар, управлялся совместно или переходил из рук в руки, остается в науке дискуссионным[18]. Однако между 971 и 975 гг. он, безусловно, перешел под полный контроль империи, и здесь была учреждена фема Боспор[19]. В первой половине XI в. из состава фемы Херсон была выделена фема Сугдея[20]. Причины этого пока не вполне ясны, но дезинтеграция не была долговечной: согласно строительной надписи из Херсонеса, датируемой 1059 г., в это время должность стратига Херсона и Сугдеи занимал один человек — Лев Алиат[21].

Вскоре после появления этой надписи вместо фемы в Крыму был учрежден катепанат — так в XI в. именовались важные пограничные провинции, наместники которых (катепаны) имели более широкие

[12] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 566.

[13] Там же. С. 552.

[14] *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 312—323.

[15] *Алексеенко Н. А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // Херсонесский сборник. Вып. 9. Севастополь, 1998. С. 230—235.

[16] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1220.

[17] *Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). С. 290—291.

[18] *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 222 и след.; *Сорочан С. Б.* Византия IV—IX вв.: Этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков, 2001. С. 76—77.

[19] *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris, 1972. P. 266—267; *Бибиков М. В.* Русь в византийской дипломатии: Договоры Руси с греками // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 5—15.

[20] *Храпунов Н. И.* Администрация византийского Херсона (конец IV — XI века): Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2009. С. 130—132.

[21] *Латышев В. В.* Древности Южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892—1894 годах. СПб., 1895. С. 83—86.

полномочия, чем стратиги. В Крыму обнаружены печати катепана Херсона и Хазарии по имени Никифор Алан[22]. Название его должности свидетельствует, вероятно, о том, что Никифор управлял не только всей византийской Таврикой, включая Керченский полуостров, но и какой-то частью Таманского полуострова, в непосредственной близости от владений тмутороканского князя[23]. Повесть временных лет под 6754 (1066/1067) г. сообщает о том, что византийцы из-за того, что тмутороканский князь Ростислав Владимирович (1064—1067) брал дань с касогов (предков адыгов), подослали к нему херсонского катепана, который отравил его медленным ядом, спрятанным под ногтем, обмакнув палец в чашу, из которой они оба пили вино. Жители Херсона, которым катепан поведал о своем коварном деянии, по сообщению летописца, «побили его камнями»[24].

Процесс свертывания муниципального самоуправления, связанный с созданием фемы, протекал в Крыму довольно болезненно, особенно в Херсоне. По сообщению Продолжателя Феофана, херсониты в 891 г. (в правление императора Льва VI) убили своего стратига Симеона. В середине X в. Константин Багрянородный советовал сыну, что, «если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замыслят совершить противное царским повелениям», следует конфисковать все херсонские корабли в Константинополе и портах южной части Черного моря, поместить их экипажи и пассажиров в работные дома; прекратить подвоз хлеба и вина в Херсон на судах, принадлежащих жителям Южного Причерноморья, отменить денежные субсидии городу, которые выплачивались на выполнение им общеимперских функций и как плата за аренду городских земель фемной администрацией. Стратиг должен был покинуть Херсон и обосноваться в другой крепости[25].

Однако случаи, когда эти жесткие меры пришлось применить на практике, в источниках не зафиксированы. Вероятно, влиятельные торгово-промысловые круги Херсона и имперские власти все же достигали компромисса. Одной из его форм стало периодическое назначение местных уроженцев на пост стратига Херсона, фактически выполнявшего функции императорского наместника во всей Таврике. Благодаря сохранившимся свинцовым печатям (моливдовулам) мы знаем имена некоторых стратигов из числа местных уроженцев: Иоанна Протевона (около 920 г.), Льва Цулу (вторая половина X в.), Михаила Херсонита (последняя треть X в.), еще одного Иоанна Протевона (конец X в.), Георгия Цулу (начало XI в.)[26].

Как минимум двое из упомянутых должностных лиц исполняли должности

---

[22] *Алексеенко Н. А.* Катепанат в Таврике: Легендарные свидетельства или исторические реалии // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя» и «полис»: Тезисы докладов и сообщений IV Международного византийского семинара (Севастополь, 31 мая — 5 июня 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 6—7.

[23] *Могаричев Ю.* О «Крымской Хазарии» в XI—XII веках // Княжа доба: Історія і культура. Вып. 7. Львів, 2013. С. 49—58.

[24] ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. Стб. 166.

[25] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 275.

[26] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 599. Примеч. 78; *Алексеенко Н. А.* Род Цулы: варвары на византийской службе? (Атрибуция и датировки по данным сфрагистики) // [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя» и «полис»]: Тезисы докладов и сообщений II Международного византийского семинара. Севастополь, 2010. С. 3—4; *Он же.* Херсонская родовая знать X—XI вв. в памятниках сфрагистики // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 7. Симферополь, 2000. С. 284. Табл. 1, 2; *Он же.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX—XI вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 6. Симферополь, 1997. С. 738. № 40—46; *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 164—165.

стратигов и в других фемах: Иоанн Протевон (старший) в 921—922 гг. был стратигом Пелопоннеса, Михаил Херсонит в 968 г. управлял островом Корфу в Ионическом море, а представитель рода Цула в 941—942 гг. был императорским представителем в феме Фессалоника[27]. Это значит, что местная верхушка была интегрирована в административную систему империи и стремилась делать карьеру не только на малой родине, но и в общегосударственном масштабе. О значении поста стратига Херсона говорит и тот факт, что постепенно повышался чиновничий ранг, который присваивался занимающим эту должность. Если стратиги IX в. были в основном спафарокандидатами и спафариями, то в X—XI вв. они, как правило, имели чин протоспафария, а некоторые удостаивались ранга патрикия — одного из наивысших в империи[28]. Этот титул носили, например, вышеупомянутые Михаил Херсонит и Лев Алиат. Порой его присваивали даже протевонам (градоначальникам). Например, во второй половине X в. патрикием был протевон Херсона по имени Калокир[29]. Его сын, названный в честь отца и также поощренный саном патрикия, выполнял по поручению императора Никифора II Фоки (963—969) важную дипломатическую миссию к киевскому князю Святославу (944—972).

Этнорелигиозная ситуация в Крыму. В горной части полуострова, в пределах византийских владений, в IX—XI вв. происходили этнополитическая и религиозная консолидация проживавшего там готского, аланского и греческого населения и формирование на этой основе новой народности — крымских горцев[30]. В описываемый период готы и аланы сохраняли этническое своеобразие, пользовались родным языком, наряду с греческой использовалась готская письменность, но империя не препятствовала этому: по национальному признаку в Византии никого не ущемляли, а вот носители иных верований (в том числе христиане-еретики) периодически подвергались гонениям. Этноним «ромей» (византиец) понимался имперскими властями как христианин, лояльный подданный императора, владеющий греческим языком. Этим критериям в IX—XI вв. постепенно стало отвечать все население византийских владений в Крыму, особенно после начала формирования здесь фемного строя, в рамках которого имперский патриотизм всячески поддерживался и культивировался[31].

Население византийской Таврики, как и в предшествующие века, следовало в русле официальной религиозной доктрины, поддерживаемой центральной властью. Когда император Лев V Армянин в 815 г. возобновил отвергнутое VII Вселенским собором 787 г. иконоборчество, это было сделано и в Крыму. Центральная власть была настолько уверена в лояльности своих подданных в Таврике, что в Херсон снова стали ссылать епископов-иконопочитателей. Лидер иконопочитателей, сосланный на Пелопон-

---

[27] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 221, 223; *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 103.

[28] *Алексеенко Н. А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX—XI вв. С. 701—743.

[29] *Алексеенко Н. А.* Патрикий Калокир: Этапы карьеры херсонского аристократа // [ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «Империя» и «полис»]: Тезисы докладов и сообщений III Международного византийского семинара. Севастополь, 2011. С. 5—6.

[30] Крымские горцы стали прародителями современных субэтносов полуострова — крымских греков, которых турки и крымские татары именовали «румами» (то есть ромеями, византийцами), горных татар (татов) и отчасти южнобережных татар.

[31] Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X века. СПб., 2002. С. 384—385; Две военные речи Константина VII Багрянородного: Перевод и комментарий / Пер. В. В. Хапаева, Д. Г. Тенниковой // Причерноморье: История, политика, культура. Т. 16. Севастополь, 2015. С. 145—166.

нес настоятель Константинопольского Студийского монастыря Феодор Студит, вел с ними переписку, отправлял посылки и в одном из писем подчеркивал, что в Крыму против Христа совершаются «страшные дерзости»[32], имея в виду запрет икон, поклонения мощам святых и осуждение монашеской жизни.

Иконопочитателей, оказавшихся в Крыму в годы иконоборчества, возмущала нестойкость местных христиан в вере. Монах Епифаний, побывавший на Боспоре, а также в Херсоне и его окрестностях около 820 г., с возмущением писал о жителях округи Херсона (тогда еще не ставшего столицей фемы): «Херсаки же народ коварный, и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра»[33].

Среди сельского населения горной Таврики сохранялись пережитки язычества, причем не только в иконоборческую эпоху[34], но и позднее. Проезжавший по этим местам в 861 г. посланец императора Михаила III (842—867) Константин Философ (в монашестве Кирилл, святой, равноапостольный, просветитель славян (827—869)) с негодованием обнаружил, что жители окрестностей крепости Фуллы, подобно язычникам, поклоняются дереву — сросшемуся с черешней дубу: они называли его человеческим именем Александр и считали, что поклонение ему приносит дождь. С помощью горячей проповеди Константину удалось переубедить местных жителей: «„Познайте, братья, Бога, в котором были вы крещены“. И так, сладкими словами уговорив, приказал им срубить дерево и сжечь его. <...> В ту же ночь пошел дождь»[35].

В степной части полуострова этнические изменения были связаны с миграциями кочевников. В 830-е гг. на восточной границе Хазарии появились откочевавшие с Северного Урала финно-угорские племена венгров. Хазары были вынуждены пропустить их через свою территорию, и венгры расселились в Северном Причерноморье, включая степной Крым. Венгры, которые лишь номинально числились данниками и союзниками хазар, стали постоянной угрозой и для каганата, и для крымских владений Византии. Живший в середине IX в. в Риме сотрудник папской библиотеки Анастасий так описывал, со слов Константина Философа, сложившуюся на полуострове ситуацию: «Варварские толпы весьма часто наезжают туда <...> толпы язычников со всех сторон стали увеличиваться <...> и вся та часть Херсонской страны пришла в упадок. Так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным населением оставался внутри того города, да и те, казалось, были, скорее, жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить»[36].

К началу 860-х гг. на территории Северного Причерноморья сложилась новая этнополитическая обстановка. В июне 860 г. «народ рос» (русь) впервые совершил набег на Константинополь и его окрестности, что очень напугало византийцев[37]. В этих условиях правительство императора Михаила III (842—867) попыталось восстановить союз с хазарами, чтобы создать контругрозу для формирующейся Руси. Для этого

[32] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1388.

[33] *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 215.

[34] Иконоборчество было окончательно запрещено в 843 г.

[35] Пространное Житие св. Константина/Кирилла // Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1426—1427.

[36] Письмо Анастасия Библиотекаря епископу Гаудериху // Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1433—1434.

[37] *Патриарх Фотий.* Гомилия вторая «На нашествие росов» // ДГВЕ. 2000. М., 2003. С. 57—58.

было необходимо склонить кагана хазар и его окружение к принятию христианства. В Хазарию направили Константина Философа как лучшего полемиста империи. Формально — для ведения религиозного диспута с исламскими имамами и иудейским раввином, а фактически для обращения кагана в христианство и возвращения Хазарии в орбиту византийской политики. Осенью 860 г. он прибыл в Херсон, где из-за зимних штормов был вынужден задержаться до весны. Императорский посланец стал свидетелем тяжелого положения, в котором оказался город из-за венгерской угрозы. Блуждая по окрестностям Херсона в поисках заброшенной при иконоборцах и забытой могилы четвертого римского папы св. Климента (или того, что за нее раньше принимали), Константин попал в засаду: «...когда в первом часу он молился, напали на него венгры, воя как волки, желая убить его». Согласно Пространному Житию Константина (Кирилла), он укротил кочевников Словом Божиим, и они «отпустили его со всеми сопровождающими»[38].

«Обретение» мощей св. Климента Константин обставил со всей возможной театральностью: отплыл за ними в ночь на 30 января 861 г. на парадном императорском корабле (хеландии), искал «нерукотворную» гробницу с фонарями, а найдя ее, поставил раку с мощами себе на голову, внес на корабль и с песнопениями отправился в обратный путь. Утром по дороге его встретили с ликованием горожане во главе со стратигом Никифором. К ночи драгоценную реликвию внесли в город, а утром следующего дня мощи были торжественно возложены в храме Апостолов Петра и Павла[39]. Глава св. Климента с тех пор хранилась в Херсоне, а в 988 г. была перевезена в Киев князем Владимиром. Другую часть мощей Константин и его брат Мефодий торжественно доставили в Рим в 868 г., где они хранятся по сей день.

Благодаря акции с «обретением» мощей св. Климента Константин сумел поднять дух горожан. Но бóльшую часть времени он готовился к диспуту, от которого зависело не только восстановление хазаро-византийского союза, но и будущее всей Восточной Европы: учил хазарский и еврейский языки, работал с иудейскими богословскими трактатами. С канонами ислама он был знаком раньше, когда в качестве посланца империи дискутировал с имамами в Багдаде.

Согласно Пространному Житию, он также «нашел здесь Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные и <...> вскоре начал читать и излагать их»[40]. В настоящее время ученые в основном сходятся во мнении, что этот пассаж является ошибкой переписчика: в оригинале, вероятно, было написано не «русскими», а «сурскими», то есть сирийскими, арамейскими письменами[41]. Однако на Руси на основе текста Жития Константина впоследствии сформировалась стойкая уверенность в том, что славянская азбука была изобретена в Херсоне (Корсуни)[42].

Весной 861 г. Константин Философ прибыл в ставку кагана «к Каспийским воро-

---

[38] Пространное Житие св. Константина/Кирилла. С. 1420.

[39] Житие с перенесением мощей св. Климента // Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1448—1454.

[40] Пространное Житие св. Константина/Кирилла. С. 1415—1420.

[41] См.: *Vaillant A.* Les «lettres russes» de la Vie de Constantin // Revue des Etudes Slaves. 1935. T. 15. Fasc. 1—2. P. 75—77.

[42] В Палее Толковой, например, сказано: «а грамота русская явилась Богом дана в Корсуне русину, от него же научился Константин, оттуда сложил, написал русским гласом» (*Истрин В. М.* Исследования в области древнерусской литературы. I—V. СПб., 1906. С. 130).

там Кавказских гор», где состоялся запланированный диспут с раввином и имамами. Однако своей цели эта миссия не достигла: каган Захария отказался принимать христианство и лишь дозволил креститься желающим хазарам. По сообщению Пространного Жития Константина, крестившихся было лишь 200 человек, сам каган обещал креститься позже, но так этого и не сделал[43]. В результате восстановить хазаро-византийский союз не удалось. Поэтому империи для обеспечения своей безопасности на северо-причерноморском направлении вместо опоры на одного союзника, практиковавшейся в VII—IX вв., в X в. пришлось выстраивать сложную систему внешнеполитических сдержек и противовесов.

Крым в системе международных отношений X в. Когда в 890-е гг. венгров вытеснили из Северного Причерноморья печенеги, Византия смогла наладить с ними взаимовыгодные торговые и политические отношения, хотя заменой разрушенному союзу с хазарами они не стали.

В X в. главной военно-политической силой Северного Причерноморья стало Древнерусское государство, и империя была вынуждена выстраивать отношения с новым могущественным соседом. Первая попытка крестить Русь, предпринятая византийцами в 860—870-е гг., провалилась: захвативший Киев в 882 г. князь Олег вернул Русь к язычеству. В 907 г. он совершил поход на Константинополь, по итогам которого в 911 г. был заключен первый договор Руси с Византией. Крым в тот период еще находился вне сферы военного и экономического интереса киевских князей. В империи небезосновательно рассчитывали, что, втянув русскую знать во взаимовыгодный товарообмен, Византия надолго обезопасит себя от агрессии с ее стороны. Действительно, до 941 г. между империей и Древнерусским государством царил мир[44].

Тем временем Византия попыталась наладить связи с печенегами, чтобы защитить от внешней угрозы и свои балканские, и крымские владения. В 917 г. византийский полководец Иоанн Вога (возможно, печенег по происхождению)[45] предложил регентше при малолетнем Константине VII вдовствующей императрице Зое заключить союз с печенежскими племенами, чтобы обуздать дунайских болгар, совершавших постоянные набеги на балканские провинции Византии. Однако первый опыт оказался неудачным: из-за неумелых действий командовавшего византийским флотом Романа Лакапина (будущего императора) печенеги не смогли переправиться через реку Ахелой в Болгарии, на берегах которой разворачивалась битва, а отступающее византийское войско было прижато болгарами к берегу моря и почти полностью перебито[46].

В ходе проведенного в столице расследования была установлена невиновность Воги в случившемся, и он был назначен стратигом Херсона, проведя на этом посту около двух-трех лет. Таким образом, наметившийся, но пока не реализованный союз с печенегами было поручено укрепить византийскому наместнику в Таврике. В дальнейшем эта практика будет продолжена, так как у империи не было иного способа обеспечить безопасность ее крымских владений: все силы Византия в X в. тратила на борьбу с арабами, стремясь отвоевать у них утраченные территории, и с Дунайской Болгарией, периодически нападавшей на балканские провинции империи[47]. В связи с этим держать на полуострове

[43] Пространное Житие св. Константина/Кирилла. С. 1422—1423.

[44] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32—44.

[45] *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Sprachresteder Türkvölkerinden byzantinischen quellen. Teil 2. Leiden, 1983. S. 92.

[46] *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей. С. 161—163.

[47] История Византии: В 3 т. Т. 2. М., 1967. С. 199—200.

крупные воинские контингенты Византия не могла: численность ее вооруженных сил здесь (правда, без учета мобилизационного резерва) вряд ли превышала 3 тыс. человек[48].

Поэтому имперская дипломатия стремилась натравливать северных соседей друг на друга. Около 919 г. новому стратигу Херсона (предполагается, что это был молодой местный уроженец Иоанн Протевон)[49] патриарх Николай Мистик поручил обеспечить организацию миссионерской миссии херсонского архиепископа к хазарам для подбора кандидатуры епископа Хазарии, которого надлежало направить в Константинополь для рукоположения в сан[50]. Это значит, что попытки возродить хазаро-византийский союз на выгодных для империи условиях продолжались. Однако они, как и в 861 г., оказались безуспешными, в связи с чем пришедший в 920 г. к власти в результате дворцового переворота Роман I Лакапин (920—944) начал вести подчеркнуто антихазарскую и антииудейскую политику, организовав преследования иудеев в империи. Это вызвало ответные гонения на христиан в каганате. Тогда около 940 г. Роман I нанял русскую дружину под командованием полководца Олега (в хазарском источнике *Х—л—г—у*)[51], в котором одни историки видят киевского князя Олега, к тому времени давно умершего, другие — некоего полководца Олега на службе у князя Игоря Рюриковича, третьи — самого князя Игоря, трактуя его скандинавское имя как Helgu Inger — Олег Младший[52].

Русское войско захватило хазарскую крепость Таматарху на кубанском берегу Керченского пролива близ косы Тузла (греч. Гермонасса, впоследствии Тмуторокань, совр. Тамань), воспользовавшись отсутствием там хазарского войска. Это вызвало ответный поход хазар: вначале на византийскую Таврику, а затем — на русскую дружину. Во главе хазарского войска встал полководец кагана Иосифа (около 920 — около 960 гг.) по имени Песах. По сообщению Кембриджского документа, хазары разорили три города в Таврике, множество селений и осадили Херсон. Взять город им не удалось, в том числе и потому, что херсониты применили излюбленную византийцами тактику подземной войны: они по подземному ходу зашли в тыл осаждающим и «вылезли из земли наподобие червей». Однако в полевом сражении херсониты потерпели поражение и были вынуждены согласиться на выплату дани хазарам. Затем Песах атаковал русское войско, разбил его, забрал трофеи, захваченные ими в Таматархе, и вынудил их отправиться в набег на Константинополь, который закончился неудачей[53].

Поход Руси на Константинополь, упомянутый в хазарском источнике, состоялся, по сведениям Повести временных лет, в 941 г.

---

[48] *Банников А. В., Морозов М. А.* Византийская армия (IV—XII вв.). СПб., 2013. С. 344.

[49] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 599.

[50] *Григорович В.* Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям. 1864. Ч. 13. С. 1005—1009.

[51] Кембриджский Аноним — «документ Шехтера» // Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1546.

[52] *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X в.: Проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сборник статей к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1996. С. 68—80; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 227—236 (примеч. 119—133); *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. С. 1544—1549 (примеч. 1562—1595).

[53] Кембриджский Аноним — «документ Шехтера». С. 1544—1549.

Для империи он не стал неожиданностью: Романа I о нападении войск Игоря Рюриковича предупредил стратиг Херсона[54], а также болгары[55]. Поэтому византийцам удалось наголову разбить войско киевского князя, хотя ущерб окрестностям Константинополя и их жителям эта война принесла огромный.

Несмотря на поражение русского войска, положение византийской Таврики в создавшейся ситуации лишь ухудшилось: отношения империи с хазарами были испорчены безнадежно, а князь Игорь жаждал реванша. В 944 г. он вновь отправился в поход на Константинополь. Роман I и в этот раз был предупрежден херсонитами и болгарами, но в новую схватку вступать не стал, предпочтя откупиться и от Игоря (увеличив размер дани, выплачивавшейся Руси со времен Олега), и от печенегов, послав им в дар золото и шелка[56].

Результатом этой так и не начавшейся войны стало подписание осенью 944 г. вначале в Константинополе Романом и его сыновьями, а затем в Киеве князем Игорем большого всеобъемлющего русско-византийского договора, которым регулировались политические, военные, торговые и правовые отношения двух стран и их подданных. В частности, там оговаривались вопросы безопасности крымских владений Византии, которые в дошедшем до нас древнерусском тексте договора названы Корсунской страной[57]. Впоследствии Русь лишь единожды вторглась на Крымский полуостров, нарушив данное соглашение. Это произошло в 987—988 гг., во время Корсунского похода князя Владимира.

Из описанных выше событий византийская дипломатия извлекла необходимые уроки, создав к середине X в. сложную систему взаимных угроз между северными соседями, довольно надежно обезопасивших крымские владения империи: византийцы натравливали печенегов на Русь, кавказских алан — на хазар, а от нападения печенегов откупались деньгами и предметами роскоши[58]. Значительная доля ответственности за осуществление северного вектора внешней политики империи возлагалась на стратига Херсона[59].

Руси в византийской военно-политической стратегии также отводилось важное место: она должна была угрожать Дунайской Болгарии, ставшей к тому времени злейшим врагом империи. Император Никифор II Фока (963—969), который вел непрерывные войны за освобождение от арабов Северной Сирии, решил обезопасить европейскую часть страны от болгарской угрозы, втянув в войну против них киевского князя Святослава. В 965 г. тот одержал крупную победу над Хазарским каганатом, кавказскими аланами (ясами) и адыгами (касогами), присоединил к Руси некогда построенную византийцами для хазар крепость Саркел (русск. Белая Вежа) и вышел к берегам Азовского моря[60]. Втягивание Руси в войну с Болгарией не только позволяло Никифору мобилизовать все силы империи на борьбу с арабами, но и предотвращало возможное нападение Святослава на визан-

---

[54] *Вилинский С. Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2: Тексты Жития. Одесса, 1911. С. 201.

[55] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 44.

[56] Там же. Стб. 45—46.

[57] Там же. Стб. 46—53. Корсунем на Руси называли византийский Херсон.

[58] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 37, 39, 53.

[59] *Хапаев В. В.* Роль стратигов Херсона в осуществлении внешней политики Византийской империи в первой половине X века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Т. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 14—25.

[60] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65.

тийские владения в Крыму с приазовского плацдарма[61].

Выполнить эту важнейшую для империи дипломатическую миссию в 967 г. было поручено херсониту Калокиру, сыну протевона города[62], «мужу пылкого нрава и во всех отношениях горячему»[63]. Как некогда Иоанна Вогу, его почтили саном патрикия и снабдили огромной денежной суммой — 15 кентинариями золота (108 тыс. золотых монет, весивших 490 кг), которую он должен был распределить между русскими[64]. Калокир своекорыстно исполнил данное ему поручение: он не только спровоцировал поход Руси на Болгарию, но и получил от Святослава обещание помочь ему захватить византийский престол. Святослав соединился с Калокиром «узами побратимства» и в 968 г. выступил против болгар, одержав над ними быструю победу. Когда Никифор узнал о предательстве Калокира и соответственно превращении русских из союзников во врагов императора, он решил договориться в болгарами и отправил к ним посольство, предлагая заключить мир[65].

Тем временем печенеги (вероятно, не без наущения тех же византийцев) напали на Киев, вынудив Святослава в 969 г. покинуть Болгарию. Однако вскоре он вернулся и воевал теперь уже против Византии и ее нового императора — полководца Иоанна Цимисхия (969—976), который 11 декабря 969 г. убил Никифора и занял его место на троне. В апреле 971 г. Цимисхий с войском выступил против Святослава. Эта война закончилась победой византийцев и подписанием мирного договора, в котором Святослав, в частности, дал гарантии ненападения на крымские владения империи: «...яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вои, ни языка ни иного приведу на страну вашю, и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на власть Корсуньскую»[66].

Весной 972 г., при возвращении на Русь, Святослав был убит печенежским вождем Курей[67], верховную власть унаследовал его старший сын Ярополк (972—980), а между Византией и Русью на 15 лет воцарился мир. Он был нарушен младшим братом Ярополка Владимиром (980—1015), который взошел на престол в результате вооруженного захвата власти. На протяжении первых семи лет правления Владимир исповедовал язычество и жестоко преследовал христиан, что не могло не привести к охлаждению русско-византийских отношений, которые в правление Ярополка, поддерживавшего христиан, были вполне мирными.

До 986 г. открытого конфликта с Византией Владимир избегал, так как в империи царил мир, ее армия была сильна и готова дать отпор вторжению с севера так же, как в 941 и 971 гг. Но в 986 г. император Василий II потерпел сокрушительное поражение от болгар. Это стало толчком к грандиозному мятежу в империи, охватившему всю ее азиатскую часть. Одновременно болгары начали вторжение в балканские провинции империи. К осени мятежники вышли к азиатскому берегу Босфора и Дарданелл, и судьба правящей Македонской династии повисла на волоске[68].

Князь Владимир, решивший к тому времени отказаться от язычества и сделать Русь

---

[61] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 108—111.

[62] *Иоанн Скилица.* Обозрение историй // Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 121.

[63] *Лев Диакон.* История. С. 36.

[64] Там же. С. 36—37.

[65] Там же. С. 42, 45—46.

[66] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 73.

[67] Там же. Стб. 74.

[68] *Лев Диакон.* История. С. 90—91, 222. Примеч. 71; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883. С. 22—23.

христианским государством, воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы оказать давление на империю и принять крещение на своих условиях. Для этого он осенью 987 г.[69] прибыл морем в Таврику и осадил Херсон. Владимир рассчитывал, что византийских войск здесь будет немного и империя в условиях мятежа и болгарского вторжения не сможет прислать подкреплений. В этом он оказался прав, но просчитался, рассчитывая на быструю капитуляцию Херсона, — борьба за город продолжалась, по разным источникам, от 6 до 9 месяцев. С наступлением зимы князь оказался в ловушке: снять осаду и вернуться на Русь было невозможно из-за зимних штормов на море и замерзшего Днепра. Князь был вынужден начать поиски продовольствия в горной части фемы Херсон, что вряд ли проходило мирно: у византийцев была разработана специальная тактика борьбы с фуражирами противника[70]. Свидетельством этих столкновений могут служить два наконечника древнерусских стрел X в., обнаруженные близ горных крепостей Чуфут-Кале и Бакла[71], и вписанная в славянский вариант Жития крымского святого Стефана Сурожского легенда о новгородском князе Бравлине (Владимире?), «полонившем от Корсуня до Корча», то есть от Херсона до Боспора[72].

Ситуация переменилась весной 988 г., когда херсониты осознали, что подмога из-за моря к ним не придет. Кроме того, в городе нашлись предатели, которые облегчили Владимиру задачу. В соответствии с текстом древнерусского Жития Владимира особого состава, состоявший в гарнизоне города варяг Жадберн (Сигбьорн) послал в стан осаждающих стрелу с запиской, в которой назвал себя «приятелем» Владимира и сообщил о наличии «земляного пути» (подземного хода?), по которому в город доставлялись продовольствие и питье, тайно подвозимые на кораблях, и посоветовал перекопать его[73]. Согласно Повести временных лет, предателем был другой человек — местный уроженец по имени Анастас, который также послал Владимиру записку на стреле с рекомендацией перекопать ведущий в город водопровод и указанием, где он находится[74]. В результате город сдался на милость победителя и открыл перед Владимиром ворота.

Из захваченного Херсона Владимир с позиции силы начал переговоры с Василием II о женитьбе на его младшей сестре Анне, которую до этого сватали за сына императора «Римской» (Германской) империи Оттона I, сына болгарского царя, а также отпрыска французского короля Гуго Капета, но все эти предложения византийцы сочли недостойными[75]. Выдавать же византийских принцесс за некрещеных «северных варваров» Константин VII Багрянородный прямо запретил своему сыну Роману II (отцу Василия II и Анны)[76]. Император был

---

[69] О дате см.: *Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). С. 310.

[70] Там же. С. 521.

[71] *Белый А. В.* Находка стрелы древнерусского типа в Крыму // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. 1994. № 6. С. 72—73.

[72] *Вестберг Ф.* О житии св. Стефана Сурожского // Византийский временник. Т. 14. СПб., 1907. С. 227—236.

[73] Житие Владимира особого состава // Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1906. С. 46—48, 58.

[74] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109.

[75] Liudprandi Episcopi Cremonensis. Opera omnia / Rec. E. Dümmler. Hannoverae, 1877. P. 140, 143; *Асох'ик.* Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. Н. Эмин. М., 1864. С. 175; Письма Герберта Орильякского // Рихер Реймский. История. М., 1997. С. 210—211.

[76] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 59.

вынужден согласиться на брак Владимира и Анны, поставив два условия: Владимир примет православное крещение, а русская дружина в количестве 6 тыс. человек окажет помощь императору в подавлении смуты[77].

Крещение Владимира, его брак с сестрой правящих императоров, военная помощь, оказанная русским князем Македонской династии в критический для нее момент, легли в основу прочного русско-византийского союза. С тех пор в императорской гвардии постоянно служила варяго-русская дружина[78], а к экономическим и политическим связям прибавились церковные и культурные. На Крым русские больше никогда не нападали, а с XIII в. здесь начала формироваться русская община[79], которая численно увеличилась после татаро-монгольского нашествия. Она располагалась в Сугдее и Херсоне[80].

Владимир вывез из Херсона мощи св. Климента, его учеников Корнила и Фива, иконы, книги, медные античные статуи. В 989 г. ушедший с Владимиром в Киев Анастас заложил Десятинную церковь — первый каменный соборный храм Руси. По завершении строительства в 996 г. «корсунские» христианские реликвии были положены в храме, а античные статуи украсили площадь перед ним[81]. Перемещение религиозных святынь из Херсона на Русь продолжилось и впоследствии[82]. Эти предметы именовались «корсунскими» и особо почитались. В сочетании с легендами о зарождении в Херсоне славянской азбуки, о проповеди там небесного покровителя Руси св. апостола Андрея Первозванного в народном сознании укрепилось представление об этом византийском городе в Крыму как колыбели русской духовности и культуры.

На формирование тесных духовных и культурных связей между Херсоном и Русью в XI и последующих веках повлияло несколько факторов. Во-первых, бережное отношение Владимира к захваченному им городу: он его не разрушал и почти не грабил[83]. Уходя, он вернул город византийцам как «выкуп» за невесту. Впоследствии он даже построил в Херсоне церковь в память о своем крещении. Ее возвели на площади, посреди которой во время осады херсониты разбрасывали вынесенную из подкопа землю[84]. В настоящее время этот храм довольно уверенно локализуется археологa-

[77] Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae operę. T. 2 / Ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1839. P. 443—444; *Асох'ик.* Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия. С. 200; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. С. 22—25.

[78] *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 176—377.

[79] *Якобсон А. Л.* К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.) // Византийский временник. Т. 14 (39). М., 1958. С. 116.

[80] Заметки XII—XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре / Публ. архим. Антонин // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 620; *Νυσταζοπούλου Μ. Γ.* Ἡ ἐν τῇ Ταύρικῃ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαία ἀπὸ τοῦ ΙΓ' μέχρι τοῦ ΙΕ' αἰώνος. Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ μεσαιωνικοῦ Ἑλληνισμοῦ τῆς νοτίου Ῥωσίας. Αθῆναι, 1965. Σ. 134; *Романчук А. И.* Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 32—45.

[81] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116, 121—122.

[82] *Лихачев Д. С.* Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 282—405.

[83] *Романчук А. И.* «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира; *Беляев С. А.* Поход князя Владимира на Корсунь: (Его последствия для Херсонеса) // Византийский временник. Т. 51 (76). М., 1991. С. 153—164; *Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). С. 79—88; *Роменский А. А.* Империя ромеев и «тавроскифы»: Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. Харьков, 2017. С. 160—164.

[84] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116.

ми как поздний храм Базилики на холме в Западном районе города[85]. Во-вторых, большое количество священников и монахов, которые переселялись из Херсона на Русь: не только клир Десятинной церкви, но и первый новгородский епископ Иоаким (989—1030) были херсонитами[86]. Именно эти люди создавали под патронатом жены Владимира княгини Анны первые школы, прививая ученикам не только любовь к Богу, но и к своей покинутой малой родине.

Экономика и городская жизнь Крыма. Военно-политическая нестабильность, воцарившаяся в Крыму и Северном Причерноморье в IX—XI вв., оказала серьезное влияние на экономику византийской Таврики. В условиях, когда степь контролировали воинственные и непредсказуемые кочевники (венгры, печенеги, половцы), когда нельзя было исключать вторжений со стороны Руси и войны с хазарами, крымские горцы были вынуждены изменить свои хозяйственные занятия. Земледелие в основном было заменено скотоводством (в первую очередь выращиванием овец). Стада, в отличие от посевов, было легче спасти от врага, в том числе в специальных крепостях-убежищах, во множестве построенных в Горном Крыму еще на рубеже VI—VII вв. Продукция животноводства (мясо, молоко, сыр, шерсть, кожи) была высоколиквидным товаром, востребованным как в самом Крыму, так и в остальной Византии. В частности, из овечьей кожи выделывался лучший пергамен, которого для империи с ее грамотным населением и огромной бюрократией требовалось очень много. Поэтому экономического упадка в крымской деревне IX—X вв. не наблюдается. Однако крымские города и в первую очередь Херсон вновь, как и в VI—VII вв., попали в зависимость от поставок продовольствия из Малой Азии. Константин Багрянородный писал, что если херсониты не доставляют зерно из малоазийских фем империи, «то не могут существовать»[87].

Херсониты вели транзитную торговлю между империей и кочевниками, которая особенно расцвела с приходом печенегов. Из Константинополя в степь через Херсон доставлялись пряности, украшения, шелковые ткани, крашеные кожи и другой галантерейный товар. Для продажи в Малую Азию и Константинополь херсониты закупали у печенегов шкуры животных, а также чрезвычайно востребованный и дефицитный в империи воск, который кочевники, в свою очередь, выменивали у русичей на скот. Константин Багрянородный подчеркивал, что без продажи этих товаров на рынках империи херсониты также «не могут существовать»[88].

Важной отраслью городской экономики по-прежнему были промыслы: рыбный и соляной. Рыбу ловили не только в Черном море, но и в устье Днепра, где находились поселения херсонитов. В договоре 944 г. Русь обязалась не нападать на них[89]. Соль добывали в озерах Западного Крыма: и для засолки рыбы, и на продажу[90]. В городе работало как минимум 10 больших рыбозасолочных цистерн, в которых дважды в год засаливались сотни тонн рыбы[91].

---

[85] *Беляев С. А.* «Базилика на холме» в Херсонесе и «Церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. 1994. № 1. С. 7—47; *Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). С. 164—168.

[86] ПСРЛ. Т. 3. Вып. 2. 2-е изд. СПб., 1879. С. 130.

[87] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 275.

[88] Там же. С. 37—39, 41, 275.

[89] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 50—51.

[90] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 175, 403. Примеч. 46.

[91] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1129.

Для обеспечения розничного товарооборота в правление Михаила III (842—867) в Херсоне возобновился массовый выпуск мелкой бронзовой разменной монеты (фоллисов), который осуществлялся с тех пор непрерывно[92].

В городе в IX—X вв. велось строительство храмов новой конструкции — крестообразных и крестовокупольных[93], активно ремонтировались и модернизировались оборонительные сооружения[94].

Таким образом, изменение структуры экономики византийской Таврики, произошедшее в X в., не привело к ее спаду, но еще теснее привязало Крым к империи. Полуостров превратился в ее важнейший политический, внешнеторговый и культурный форпост в отношениях с северными соседями — кочевниками и Русью.

В начале XI в. города, крепости и сельские поселения Юго-Западного Крыма подверглись катастрофическому разрушению, сопровождавшемуся человеческими жертвами. Наиболее вероятной причиной этого является мощное землетрясение с эпицентром к западу от Херсона, который пострадал сильнее всего: были разрушены почти все жилые дома, большинство храмов, часть оборонительных стен. Многие из выживших горожан получили травмы; некоторых людей, погибших под завалами, не удалось найти и похоронить по-христиански. Выжившие были вынуждены приспосабливать под жилье водосборные цистерны, древние склепы, строить землянки. Юго-Восточный и Восточный Крым в катастрофе не пострадал[95].

Вероятно, именно это послужило причиной выделения окрестностей Сугдеи (Судака) в отдельную фему. А на территории Юго-Западного Крыма всю первую половину XI в. велись восстановительные работы. Вначале ремонтировались оборонительные стены, затем — наименее пострадавшие храмы, потом возводились новые жилые дома антисейсмической фахверковой конструкции. В середине столетия приступили к строительству новых церквей — крестовокупольных и базиликальных. На территории разрушенных кварталов Херсона (в северной части города, восстановление которой затянулось до XII в.) и во многих сельских местностях в это время заработали гончарные мастерские для массового выпуска черепицы, которой покрывались новые здания[96].

Херсон потерял значительную часть населения: кто-то погиб под завалами, а многие изменили место жительства: в этот период горные крепости превращаются в плотно застроенные города[97]. Часть херсонитов, вероятно, эмигрировала на Русь. Спустя полвека бóльшая часть Херсона отстроилась, и город вернул себе статус главного византийского центра в регионе, что отразилось в объединении должностей стратигов Херсона и Сугдеи, а затем — в создании катепаната. Вместе с тем вернуть себе доминирующее положение в торговом транзите Херсон не смог — его экономика постепенно переориентировалась на производство ремесленных изделий и их сбыт на рынках юго-западной части Крыма[98].

---

[92] *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев, 1977. С. 110—130; *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. С. 37—65.

[93] *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 228—234.

[94] *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 2. С. 1029—1030.

[95] *Хапаев В. В.* Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). С. 257—262.

[96] Там же. С. 345—348.

[97] *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X—XV вв. Киев, 1991. С. 126—152.

[98] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. С. 25 и след.

Крым в конце XI — XII в. С началом русско-византийской войны 1043—1046 гг. обстановка вокруг Крыма вновь осложнилась: возникла опасность вторжения русских войск на полуостров. Как свидетельствует история об отравлении херсонским катепаном тмутороканского князя Ростислава в 1066/1067 г., херсонские власти по-прежнему отвечали за реализацию внешней политики империи на северном направлении, в том числе за выполнение весьма «деликатных» поручений. В 1091 г. сюда был сослан самозванец Псевдо-Диоген, претендовавший на византийский трон. Он выдавал себя за сына императора Романа IV Диогена (1067—1071), убитого в результате дворцового переворота в Константинополе. Сославший его император Алексей I Комнин (1081—1118) приказал местным властям держать узника под стражей, но в пределах города он пользовался свободой и по ночам, поднимаясь на оборонительную стену, вел переговоры с половецкими купцами, приходившими к Херсону торговать (в город иностранцев, видимо, не пускали). Через год Псевдо-Диогену удалось бежать к половцам, спустившись ночью со стены по веревке. С помощью кочевников он пытался захватить престол, но в 1095 г. был снова схвачен, ослеплен, а впоследствии, вероятно, казнен[99].

Таким образом, несмотря на природную катастрофу и изменение внешнеполитической обстановки, Таврика и в XI в. оставалась важной составной частью Византийской империи и продолжала развиваться. Если Херсон так и не оправился от разрушения в полной мере, то Сугдея продолжала расти, крепости на Мангупе, Эски-Кермене, Чуфут-Кале, Сюрени и т. д. превратились в настоящие города с каменными домами, улицами и храмами. С половцами, пришедшими на смену печенегам, удалось наладить взаимовыгодную торговлю, а связи с Русью крепли, невзирая на периодические обострения межгосударственных отношений.

В XII в. византийская Таврика была спокойным и процветающим регионом — в течение всего этого столетия в Крыму не зафиксировано ни одного военного или гражданского конфликта. Половцы, вытеснившие из крымской степи печенегов, установили с византийскими владениями на полуострове взаимовыгодные торговые отношения. Транзитные операции велись не только через Херсон, но главным образом теперь — через Сугдею. После возвращения территорий Тмутороканского княжества под свой суверенитет Византия усилила свое присутствие в Керченском проливе и контроль над торговым судоходством через него: в конце XII в. здесь работал имперский податной сборщик[100].

В середине XII в. византийская Таврика платила половцам дань за свою безопасность[101], что, по свидетельству арабского географа ал-Идриси, позволяло им считать некоторые крымские города, в частности Ялту, «своими»[102].

Во второй половине XII в. степную часть полуострова контролировало половецкое племенное объединение, условно именуемое «крымским». Следы его пребывания здесь в основном обнаруживаются в виде подзахоронений в древних курганах, на вершинах которых кочевники устанавливали антропоморфные каменные изваяния — «каменных баб». Возле «зимовников» (мест зимних стоянок) половцев обнаружены также грунтовые могильники, среди погребального инвентаря которых присутствуют

[99] *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 266—272.

[100] *Каждан А. П.* Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 93—101.

[101] *Майко В. В., Герцен А. Г.* Таврика в X — первой половине XIII в. // История Крыма. Т. 1. М., 2018. С. 290—291.

[102] *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 49, 167.

вещи с христианской символикой[103]. Это означает, что Византия не только торговала с кочевниками через крымские порты, но и стремилась вовлечь их в свою идеологическую орбиту, как раньше пыталась сделать это с хазарами, а еще раньше — с гуннами.

Купцы, знающие греческий, латынь и древнерусский, доезжали в то время из крымской Готии до Новгорода[104], а император Мануил I Комнин (1143—1180) в 1166 г. включил в свою титулатуру слово «готский»[105], подчеркивавшее ту важную роль, которую продолжала играть в империи византийская Таврика. Иерархи крымских епархий — Херсонской и Готской — в XII в. регулярно участвовали в собраниях Священного Синода Константинопольской церкви. При этом они, как и в прошлые века, послушно становились на сторону официальных властей против инакомыслящих и еретиков[106].

Но в 1169 г. Мануил I Комнин передал торговлю в Северном Причерноморье, за исключением Керченского пролива и Приазовья, в руки генуэзских купцов. В 1192 г. император Исаак II Ангел (1185—1195, 1203—1204) подтвердил эту привилегию[107]. Договоры с итальянскими купцами стали предвестниками новой эпохи в истории Юго-Западного Крыма.

Крым в начале XIII в.[108] В начале XIII в. внешнее и внутреннее положение Крыма кардинально изменилось. Важнейшим внешним фактором перемен стали захват и разорение Константинополя крестоносцами в 1204 г., повлекшие за собой распад Византийской империи. Контроль над Южным и Юго-Западным Крымом перешел к образовавшейся на северо-востоке Малой Азии Трапезундской империи, но ее власть на Крымском полуострове была номинальной и сводилась лишь к получению ежегодной дани от крымских городов.

С образованием крестоносной Латинской империи (1204—1261) с центром в Константинополе усилилось проникновение итальянских купцов в Причерноморье и, в частности, в Крым. Благодаря активности венецианцев, контролировавших черноморские проливы вплоть до 1261 г., города Крыма, в особенности его юго-восточной части (Сугдея, Кафа), стали постепенно вовлекаться в торговлю Западной Европы с Востоком, расцвет которой пришелся уже на XIV—XV вв.

Кочевые народы Северного Причерноморья, всегда игравшие заметную роль в жизни Крыма, в первой половине XIII в. увеличили свое влияние на полуострове. При этом их присутствие не ограничивалось обычным участием в посреднической торговле. Они взимали дань с торговых городов (Судак, например, платил дань половцам), а также принимали участие в военных действиях на территории Крыма. Так, в хронике Ибн Биби, составленной в 1282—1285 гг. на персидском языке, сохранился неизвестный по иным источникам рассказ о захвате сельджуками в 1220-е гг. Судака и ответных действиях, предпринятых половцами и русскими.

Возмущенный жалобами своих купцов, подвергавшихся нападениям и грабежам на таможенных заставах в Северном Причерноморье, султан Ала ад-Дин Кай-Кубад I (1219—1237) отправил своего полководца Хусама ад-дина Чупана (Чобана) на Судак. Перед лицом такой угрозы жители Судака запросили помощи у половецкого хана, а

[103] *Майко В. В., Герцен А. Г.* Таврика в X — первой половине XIII в. С. 291—292.

[104] Сказание о житии Антония Римлянина // Православный собеседник. 1858. № 2. С. 165.

[105] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 159.

[106] Там же. С. 159—160.

[107] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. С. 47—100.

[108] Автор параграфа — И. Г. Коновалова.

тот, в свою очередь, обратился за подмогой к русскому князю. Объединенное половецко-русское войско, насчитывавшее, по словам Ибн Биби, 10 тыс. всадников, потерпело поражение в бою с сельджуками, но, в конце концов, русскому князю удалось уладить дело миром, откупившись богатыми дарами[109].

Набег сельджуков на Судак датируется, по косвенным данным, 1221—1222 или 1225 г. Судак, как и некоторые другие пункты крымского побережья, еще с XII в. принадлежал половцам и играл видную роль в транзитной торговле между странами Восточной Европы, Малой Азии и Ближнего Востока. Захват сельджуками в 1214 г. Синопа — стратегически важного порта на юге Причерноморья — позволил им контролировать торговые пути, соединявшие Восточную Европу с Ближним Востоком. Поэтому посылка войск в Крым, не имевшая, в общем, большого политического значения, была связана со стремлением сельджуков обеспечить нормальное функционирование международной торговой трассы, приносившей им ощутимые выгоды. Рассказ Ибн Биби хорошо раскрывает экономическую подоплеку событий в Судаке в начале XIII в. и позволяет рассматривать русских и половцев как главных политических гарантов безопасной торговли в Восточной Европе в этот период.

В 1223 г. в Крым ненадолго вторглись монгольские отряды Джебэ, а в начале 1240-х гг. вернувшиеся из похода на европейские страны монголы стали уже оседать в Крыму. В середине XIII в. Крым становится провинцией Золотой Орды.

---

[109] *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в.: (Черты из торговой жизни половецких степей) // Византийский временник. Т. 25. Л., 1927. С. 53—76.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ПРИБАЛТИКА

Эпоха викингов (800 — около 1050 г.). Этот исторический период для древностей Янтарного края характеризуется резким всплеском в развитии дружинных традиций. Правда, на материале поселений этот феномен не отразился. Как и ранее, в эпоху викингов на прусских поселениях продолжается возведение столбовых построек. Оборонительные сооружения на городищах представляют собой валы (как правило, не более одного с напольной стороны от жилой площадки городища) с основой в виде двойного ряда столбовых стен, пространство между которыми заполнялось камнями в смеси с землей. Жилые сооружения со стенами столбовой конструкции обнаружены при раскопках городищ Грачевка (Craam) и Логвино-II (Medenau), на селище Малиновка (Wargenau), на поселениях Кауп (Kaup) и Коралленберге (Korallenberge).

В погребальных древностях пруссов IX—XI вв. превалируют двухъярусные погребения с безурновой кремацией в верхнем ярусе и с остатками шкуры коня у дна могилы. Остатки сожжения приносились с погребального костра во «временной урне», роль которой в X—XII вв. выполняли бронзовые блюда (вклейка, рис. 99), и высыпались в верхний ярус могилы. Ведущим материальным признаком культуры пруссов эпохи викингов является подковообразная фибула. В X в. навершия дуги фибулы — граненые, сечение дуги — шестиугольное, дуга орнаментирована «плетенкой» (курганы Каупа), в XI в. распространяются фибулы «куршского типа» с четырехугольными, зачастую — сросшимися навершиями дуги, с поперечными валиками на дуге. Хронологическими индикаторами погребального инвентаря прусской культуры эпохи викингов являются стремена. В X в. они имеют треугольную форму с выносным креплением для ремня или округлую форму. В XI в. стремена приобретают сегментовидную форму с узкой ступенькой, как правило, изогнутой в сечении. Такие стремена рассчитаны под сапог с мягкой подошвой[1]. Шпоры со слабо приподнятыми остриями в XI в. клались в могилы поодиночке.

Еще в начале VIII в. у современного города Эльблонга возникает торгово-ремесленный центр Трусо. Это первое в Балтии протогородское поселение было заселено пруссами, славянами и скандинавами-готландцами. Здесь встречались потоки товаров из степной зоны Восточной Европы и из Византии, поступавшие по реке Висле и далее через море шедшие в Скандинавию. Немалую роль играла деятельность местных мастеров по обработке янтаря, кости и рога — традиционного прусского сырья. Указанное сырье и полуфабрикаты продукции из него составляют значительную долю находок в Трусо. Эта продукция поступала отсюда как в протогородские центры Западной Европы Дорестад (совр. Голландия) и Рибе (совр. Дания), так и к восточным сосе-

[1] *Кулаков В. И.* Пруссы эпохи викингов: Жизнь и быт общины Каупа. М., 2016. С. 304—306.

дям пруссов. Следствием торговой конкуренции стал победоносный набег викингов около 860 г., в результате которого Трусо исчез в пламени грандиозного пожара. Оказавшийся вскоре в этих местах англо-саксонский путешественник Вульфстан уже не застал Трусо. Правда, позднее поселение возродилось и функционировало как минимум до конца XI в.

В легендарных заповедях, оставленных пруссам их первым князем Видевутом, сказано: «Все соседи, которые почитают наших богов и приносят им жертвы, должны быть нами любимы и почитаемы»[2]. Поэтому и были привечаемы викинги на прусских берегах. Как сообщает датский историк Саксон Грамматик, один из них, известный своей свирепостью датский конунг Рагнар Лодброк (русск. «Кожаные Штаны»), около 800 г. «отправился в тяжелое путешествие в страну куршей и сембов. Последние приняли его господство с большим почтением, словно он прибыл со славнейшей победой»[3].

На рубеже VIII—IX вв. на северо-восточной границе прусской земли возникает новый торгово-ремесленный пункт, быстро затмивший Трусо. Имя нового центра викингов и торговцев — Кауп (предположительно в переводе с др.-исл. — «торг, ярмарка»).

Кауп располагался у юго-западной оконечности Куршской косы, невдалеке от пролива Брокист, соединявшего залив с морем. Со времени создания Руси усиливается поток товаров, стремившийся на Самбию с Востока. Эти товары доставлялись в землю пруссов по реке Неману и Куршскому заливу, являвшимися частью великого «пути из варяг в греки». После остановки на Каупе купцы продолжали свой путь через пролив Брокист, прорезавший до XII в. Куршскую косу к северо-востоку от современного города Зеленоградска, затем шли по открытому морю на остров Готланд и далее в шведскую прибрежную область Рослаген вплоть до озера Меларен. В курганах и грунтовых могилах, изучаемых с 1865 г. в лесном урочище Кауп, останки воинов сопровождались предметами вооружения и мужского костюма (включая подковообразные фибулы с граненными навершиями), жен воинов — деталями женского убора, в частности парами черепаховидных фибул, цепями, серебряными бусинами и монетовидными подвесками. Для женских комплексов начала IX в. характерны готландские по своему происхождению наборы украшений, включавшие нагрудную пряжку-цепедержатель. Конские удила, как правило, находятся в женских комплексах. На вершине камовой возвышенности, занятой лесным урочищем Кауп (вклейка, рис. 100), вскрыты грунтовые погребения западнобалтских купцов и мастеров IX—XII вв., которые изготавливали товары, направлявшиеся по Неманскому пути. Скандинавские воины, погребенные в курганах Каупа, являлись их охраной, воинские курганы северян окружали грунтовые погребения пруссов и куршей с трех сторон (кроме восточной).

В середине X в. Хакон, сын датского конунга Харальда Синезубого, попытался установить контроль над Каупом и всей Самбией. Не исключено, что на короткий срок это датчанам удалось. Саксон Грамматик так описывает датский набег на Самбию: «Хакон, сын короля Харальда, прозванного Синезубым, напал на Сембов. Когда он увидел, что его люди вследствие опасной битвы оробели, он велел поджечь вытащенные на берег корабли, чтобы тем самым отнять у колеблющихся надежду на бегство. Битва вышла победоносной для датского меча. Даны завладели Самландом, женились на женах погибших пруссов и по-

[2] *Кулаков В. И.* Пруссы (V—XIII вв.). М., 1994. С. 150.

[3] *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1975. Nr. 9. S. 4.

вели свою жизнь совместно с (бывшими. — *В. К.*) врагами»[4]. Присутствие групп скандинавов (не исключено — действительно датчан) на Самбии, причем прежде всего в ее северной части, прекрасно иллюстрируется данными местной археологии (черты скандинавской обрядности и прусские дериваты северного вооружения середины — второй половины X в.[5]).

Кауп в это время был окружен настоящим кольцом святилищ, через которые пруссы-общинники не могли проникнуть на территорию купеческой и воинской вояльницы (аналог позднейшей Запорожской Сечи), экстерриториальной для прусских религиозных установлений и законов (см. выше о «заповедях Видевута»). Скорее всего, именно эту сакральную преграду и пересек 23 апреля 997 г. первый миссионер Пруссии — Войцех-Адальберт, епископ Пражский, стремившийся проповедовать слово Христа на Каупе. Там его ждала интернациональная, в том числе и славянская, аудитория, которая могла бы понять речь миссионера. Кара настигла его, мученик был повержен жрецом Сикко и принесен в жертву прусским богам буквально в полукилометре к западу от Торжища. На переломе 1107/1108 г. польский король Болеслав III Кривоустый в отместку за гибель миссионера уничтожил центральное прусское святилище Ромове (ныне — Липовка (Grünwalde), Багратионовский район).

Вскоре, в 1016 г., датский конунг Кнут Великий, стремившийся к установлению монополии своих купцов на всей Балтике, сжег Кауп. Датский властитель расставил на балтийском берегу свои форпосты. Эти наблюдательные пункты охранялись группами королевских воинов, строго следившими за выплатой купцами дани Кнуту. Заодно на эти пункты заворачивали шедшие каботажными рейсами суда, везшие в далекую Данию прусские и куршские товары. Мореплаватели получали в этих гаванях необходимый отдых и пополняли запасы воды и продовольствия.

На территории современной Калининградской области археологические исследования позволили выявить несколько пунктов, сохранивших следы воинской и торговой активности скандинавов и западных балтов. Эти пункты расположены в западной части Неманского торгового пути, ведшего из Скандинавии через Самбию в Киевскую Русь (вклейка, рис. 101). Без сомнения, Северная Самбия явилась для викингов последним бастионом в христианской Европе.

Параллельно захвату Вильгельмом Завоевателем Англии, общепризнанно маркирующему конец эпохи викингов, в Пруссии продолжают возводиться погребения с характерными для языческих воителей моря сожжениями в ладье, с ритуально погнутым после обжига на погребальном костре оружием, украшенным серебряной плакировкой. Мастера, спасшиеся из пылавшего Каупа, разошлись по близлежащим селениям пруссов и продолжали на протяжении не менее двух поколений изготовление псевдодамаскированных (инкрустированных) наконечников копий, втулка которых украшалась плакированным пламевидным орнаментом варианта, характерного только для Самбии. В XI—XII вв. на Каупе растет присутствие куршей, о чем свидетельствуют материалы грунтового могильника Малый Кауп.

В европейской историографии долгое время не был решен вопрос о племенном ареале пруссов. Впервые 11 «прусских земель» упоминаются в «Хронике земли прусской» Петра из Дусбурга, обозначая театр военных действий Тевтонского ордена в юго-восточной Балтии. Симон Грунау

[4] *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. S. 1.

[5] *Кулаков В. И.* Прусские дериваты скандинавской militaria // Acta militaria mediaevalia. Vol. 12. Kraków; Sanok; Wrocław, 2016. P. 26—30.

в 1526 г. сообщает в «Прусской хронике» о разделе земли пруссов на 12 частей по числу сынов легендарного вождя Видевута. При этом Литфо якобы получил заведомо не связанную с пруссами Литву. Непосредственная связь имен наследников Видевута с фактически эпонимными названиями «земель», упомянутыми Петром из Дусбурга и частично имеющими книжное происхождение, указывает на этимологический характер данной традиции[6].

Само расположение земли пруссов на скрещении морских и речных дорог, обладание бесценным сокровищем Балтики — янтарными месторождениями — сделали ее любимым пристанищем скандинавских купцов и воинов. Очень многие черты в культуре скандинавов и пруссов VI—XI вв. поражают своим сходством. Сходные пути развития социальных структур Самбии и Скандинавии позволяют говорить о формировании в X в. на Янтарном берегу дружин викингов с готландцами, пруссами и даже западными славянами в своем составе. Эти интернациональные дружины обеспечивали безопасность деятельности купцов по Неманскому торговому пути, важнейшей частью которого был отрезок маршрута по проливу Брокист и Куршскому заливу к устью реки Немана. На рубеже X—XI вв., как показывают археологические находки, западные балты (прежде всего, курши и скальвы) получают контроль над западным участком Неманского торгового пути.

В XII в. влияние и мощь самбийской интернациональной дружины резко сокращаются. Во многом это связано с закатом эпохи викингов. Постепенно из прусских могильников исчезают конские захоронения и заметно уменьшается (вплоть до полного исчезновения) доля присутствия оружия в верхних ярусах могил. До 1100 г. на Самбии исчезли самые поздние в Европе захоронения в ладьях — последний отзвук погребального обряда викингов. Обильные предметы быта и вооружения сменяются в могилах Янтарного края керамическими сосудами и скромными деталями личного обихода. Исчезает характерный для юго-восточной Балтии с эпохи ранней бронзы обряд кремации. В трупосожжениях «позднеязыческой эпохи» имеется уже только один ярус, в котором среди остатков погребального костра рассеяны обломки кальцинированных костей. В XII в. постепенно распространяется обряд трупоположения с северной ориентировкой, условно связанный с влиянием обрядовых традиций христианства, миссия которого была начата в исторической Пруссии в 997 г. св. Войцехом-Адальбертом. Пруссов в последний путь сопровождают бронзовые подковообразные фибулы с шайбовидными (нем. mohnköpfige) навершиями, позднее, вплоть до XIV в., — с головками драконов и козлов — священных спутников бога Перкуно. У представителей прусской и ятвяжской знати в раннеорденское время такие фибулы, выполненные из серебра, достигают значительных размеров. Бронзовые детали пояса представлены пряжками с П-образной рамкой и тонкими пластинчатыми накладками с псевдожемчужным декором. Женские комплексы, кроме фибул, характеризуются стеклянными бусинами. Трупоположения XII—XIII в. сопровождаются наконечником копья и остатками поясного набора.

Если в начале XII в. дружинные двухъярусные погребения с оружием в прусском ареале не прослеживаются, то такие погребальные комплексы появляются в ареале аукштайтов (12 грунтовых могильников в округе совр. Каунаса). Прусский материал этого времени встречается в городских слоях северо-западной Руси и на юге Польши. Все это свидетельствует в пользу гипотезы об уходе прусской дружины со своей роди-

[6] *Кулаков В. И.* Земля пруссов и «прусские земли» // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987. С. 95.

ны в результате некоего исторического события и/или социального конфликта[7], произошедшего в Янтарном крае.

После ухода дружины в прусском обществе вновь возникают элементы «священного царства» (по Дж. Фрэзеру), под властью жрецов формируется «конфедерация» прусских земель[8], объединенных не только этнокультурной общностью, но и едиными культовыми нормами. К началу XIII в. прусский ареал расширился до левобережья Немана на востоке и до среднего течения Лавы на юге. Здесь пруссы вошли в прямой военный контакт со славянами Мазовии. Встал вопрос о форме ответных действий, которые смогли бы обезопасить регион от прусских набегов. Со стороны католической Польши военные походы в прусские земли принимали облик христианизации язычников. Ее стимулировали небольшие по объему крестовые походы польских феодалов в западнобалтские земли в 1222—1223 гг. Это лишь усилило противостояние на северной границе Мазовии, не прекращавшееся с 1216 г. Ситуация для польских феодалов становилась практически безвыходной. Пруссы были неуловимы в бескрайних лесах на границах Мазовии. Помощь христианам северо-восточной окраины неожиданно пришла с юга, с территории Венгрии. Князь Конрад Мазовецкий пригласил Тевтонский орден принять участие в отражении прусской угрозы, предоставив для этого сроком на 20 лет территорию своих владений.

С концом эпохи викингов хозяйство земли пруссов перестраивается: ведущая роль переходит от янтарного промысла, транзитной торговли и военных походов к земледелию. Эта перемена планомерно ведет прусское общество к неукоснительной стабилизации общественных отношений и прав собственности. Правда, роль коллективного сюзерена выполняет не собирающая дань по праву силы княжеская дружина, а получающая пожертвования прусским богам группа жрецов-вайделотов. Уже с XII в. данные прусской археологии позволяют говорить о формировании территориально-административной структуры пруссов. Ее первичной составляющей единицей была индивидуальная семья. Несколько семей, связанных единством происхождения и управляемых старейшиной (вурсхайт) (вклейка, рис. 102), селились на хуторе и владели наследственными угодьями (прусск. *лаукс* — «поле»). Несколько подобных хуторов складывались в волость (прусск. *по́лка*), в состав которой входило округлое в плане городище (так называемое типа Б), где периодически собиралось народное собрание и могли осуществляться коллективные жертвоприношения. В промежутки между этими собраниями власть в «полке» осуществлял выборный орган — Herrschaft / «госпо́да», в котором верховенствовали жрецы. Их местопребыванием являлись на территории «полки» — хорошо укрепленные городища с двумя площадками, на одной из которых жили народные избранники, на другой в случае опасности могли найти убежище окрестные жители со своим скотом. Как правило, за внешним валом таких городищ размещалось открытое поселение зависимых от «господы» крестьян. Возможно, это было прототипом известной по средневековым письменным источникам позднейшей прусской деревни — «кайм». Одновременно жизнь продолжалась и на традиционных прусских мысовых городищах, располагавшихся на берегах рек и ручьев и укрепленных одиночными валом и рвом[9]. В каждой из прусских волостей сооружается городище ти-

[7] *Кулаков В. И.* Пруссы (V—XIII вв.). С. 154.

[8] *Пашуто В. Т.* Помезания: «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М., 1955. С. 72—74.

[9] *Кулаков В. И.* Пруссы (V—XIII вв.). С. 85, 86.

па В, снабженное планиграфически спирально устроенным валом. Как свидетельствуют письменные источники, эти городища были местом сбора прусских общинников-ополченцев на случай военной угрозы. Также в каждой волости находилось городище с двумя площадками (тип А), бывшее, возможно, местом пребывания властного органа («господы»).

Несколько волостей объединялись в «землю», также формально управлявшуюся народным собранием. На самом деле реальная власть в прусском обществе предорденской поры находилась в руках жрецов, центром деятельности которых было единое для всех западных балтов святилище — Ромове (прусск. «чистое, святое место»). Первоначально, возможно, в эпоху Великого переселения народов, оно возникло на севере позднейшей прусской земли Вармия, на берегу реки Ярфт, рядом с нынешним поселком Липовка (Grünwalde) (Мамоновский городской округ). Здесь, видимо, был первоначальный центр дружинной власти, местом отправления которой (в «Прусской хронике» Симона Грунау — Ricoyto) являлись городища Бальга или Варникам (у поселка Первомайское). Поиски новых пахотных земель и данников заставили пруссов вступить в военное противостояние с княжествами северо-восточной Польши. Из заселенной ими с незапамятных времен прибрежной зоны Янтарного края пруссы начинают проникать в ранее запретные священные чащи Великой лесной пустоши по течению рек Лавы и Прохладной (Frisching).

Результатом польского набега зимы 1107/1108 г. на прусскую территорию стало перенесение Ромове восточнее, на левобережье реки Преголи в ее верхнем течении. Там по сей день высится самое грандиозное городище юго-восточной Балтии, на котором в последние века и десятилетия прусской независимости совершались тайные обряды и располагался центр культовой власти над всеми прусскими землями. Безграничная власть Криве-Кривайтиса удивляла даже крестоносцев. Петр из Дусбурга сравнивает ее с авторитетом римского папы: «...как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его (Криве) воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники (пруссы), но и литвины и прочие народы земли Ливонской <...> даже гонец с его посохом <...> проходя по пределам <...> язычников, был в великом почете у королей, нобилей и простого люда»[10]. Королями хронист называет прусских родовых вождей, чья власть была почти номинальна, а нобилями — деятелей жреческой администрации и потомков былых воинов-дружинников, чье достояние позволяло делать обильные подношения жрецам для жертвоприношений, приобретать обширные земельные наделы и завоевывать авторитет среди населения волостей и земель.

Как показали археологические работы на могильниках Родники (Arnau) и Прудовка (Alt-Wehlau), на городищах Грачевка и Марьино, наконец, исследования культурных напластований города Лёбенихт (восточная часть городского ядра Кёнигсберга), материальная культура западных балтов (в первую очередь пруссов) после установления в юго-восточной Балтии господства Тевтонского ордена не только не деградировала, но и получила новый импульс для своего развития, правда, лишь в пределах XIV в. Этот импульс отражен в обильном присутствии в погребениях знатных пруссов предметов вооружения (зачастую украшенных серебряной плакировкой в стиле Гландо) и деталей костюма (фибулы, нередко — серебряные, поясные наборы, имитирующие рыцарские регалии, остатки сумок). Такая реанимация традиционной обрядности в среде формально христианизированных пруссов свидетельствует о

[10] *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. [Перевод] / Изд. подгот. В. И. Матузова. М., 1997. С. 51.

толерантной политике Тевтонского ордена, который пытался любыми средствами умиротворить местное население, активно сопротивлявшееся орденской агрессии. Судя по богатству погребального инвентаря, местная знать (duces et capitanei) была допущена к получению части властных функций (и, соответственно, имущественных бонусов), которыми располагал Тевтонский орден, победно завершивший завоевание прусского ареала и земель соседствующих с ними племен к 1283 г. Начался процесс христианизации западных балтов.

Соседствующие с пруссами территории в эпоху раннего Средневековья. Земли Любавия и Хельминская, лежащие к юго-западу от Мазурских озер, стали в XII в. для пруссов местом постоянных пограничных сражений с войсками соседнего польского княжества — Мазовии (рис. 1). Во всех раннесредневековых источниках землей пруссов именуется Самбия или, более обобщенно, Брутения/Прутения. Одиннадцать земель именуются «прусскими» лишь в хронике Петра из Дусбурга, что еще раз подчеркивает весьма позднее возникновение прусской территориальной единицы «земля» (*terra* орденских источников). Следует отметить, что территория нынешней Калининградской области охватывает, кроме Самбии, северные части земель Натангии, Вармии и Бартии, полностью — Надравию и южную часть Скаловии (племенной ареал скальвов). Таким образом, древним населением юго-восточной Балтии были не только пруссы, но и представители иных западнобалтских племен. Важно понять, что за несколько десятилетий, прошедших между началом формирования этих «прусских земель» и развертыванием борьбы западных балтов против крестоносной агрессии, пруссы так и не смогли заселить территорию к югу и востоку от своей прародины — Самбии и Натангии. Прусские могильники XII — начала XIII в. на этой территории практически неизвестны, а городища не имеют следов жизни: культурный слой на них отсутствует. Тот факт, что очень часто мы встречаем на них недостроенные укрепления, позволяет сделать вывод, что эти городища начали возводиться западными балтами только вследствие необходимости обороны от орденских войск. Слова орденского хрониста: «Едва ли был хоть один из этих народов, у которого не было бы для сражения двух тысяч конницы и многих тысяч воинов»[11] — далеки от действительности. Примитивное земледелие западных балтов не в состоянии было превратить так быстро Великую лесную пустошь в процветающие пахотные угодья, способные прокормить сотни тысяч людей. Французский историк Эрнест Лависс отмечал, что «земля их должна была и потом давать урожаи и даже неслыханные, но суждено было настать дню, когда не осталось никого из пруссов, чтобы их собирать»[12].

История пруссов показала, что культовые идеи, раздутые до невероятных размеров идеологические аспекты не могли стать причиной для сложения общности государственного типа. Для этого был нужен иной метод — насилие, на которое была способна лишь прусская дружина, ушедшая за пределы родины в начале XII в.

К этому времени стала складываться единая материальная культура западных балтов, находившихся, очевидно, под политическим влиянием прусской «конфедерации» с Криве-Кривайтисом во главе. В это время в юго-восточной Балтии широко распространяются подковообразные фибулы с тордированным корпусом и с головками козлов в виде наверший, пластинчатые круглые фибулы, медвежьи кости с трапециевидными бронзовыми подвесками, ри-

[11] *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. [Перевод]. С. 50.
[12] *Лависс Э.* Очерки по истории Пруссии. М., 1897. С. 71.

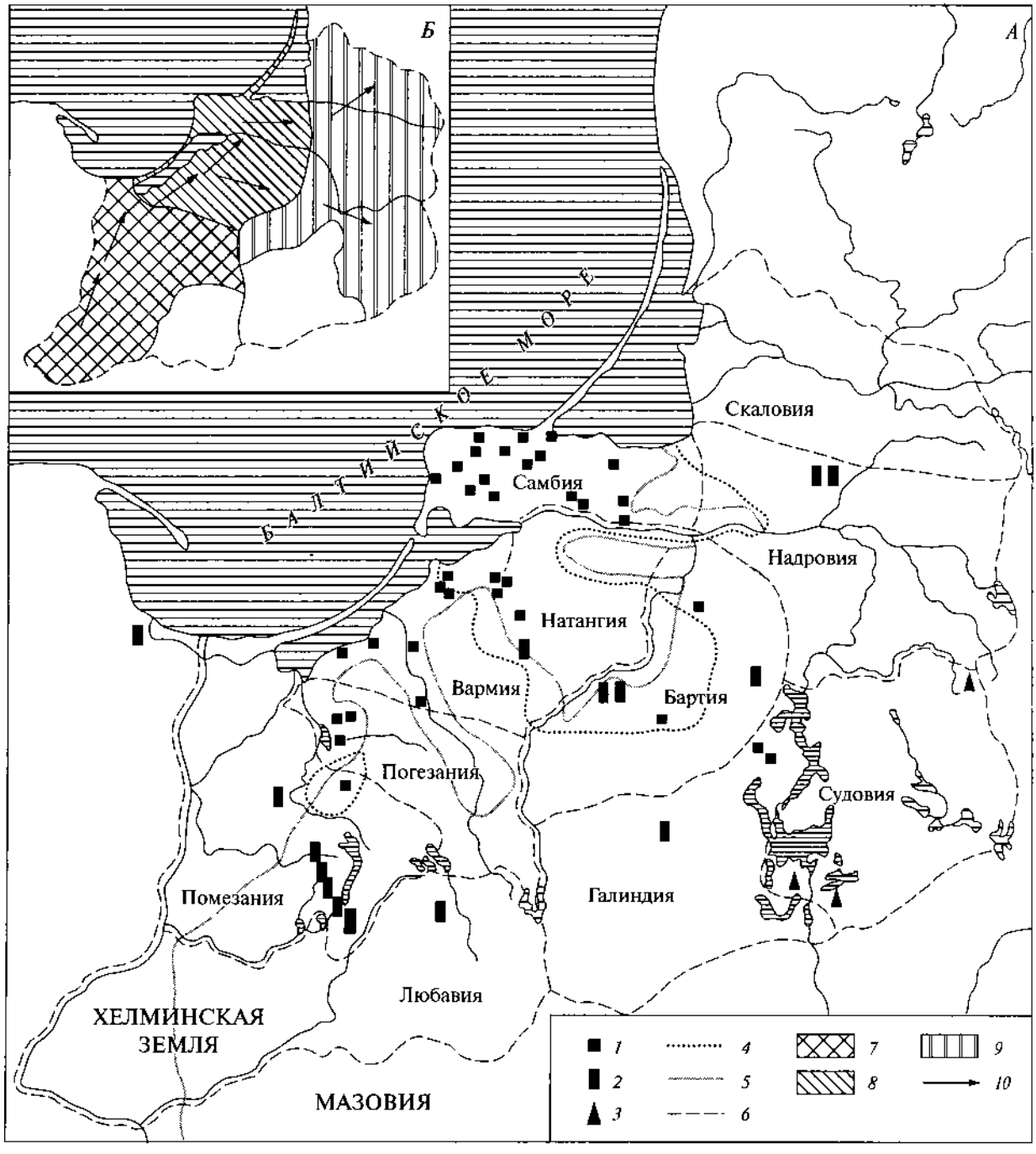


Рис. 1. Земля пруссов и «прусские земли» в XIII в.

А — юго-восточная Балтия на пороге Высокого средневековья: *1* — городища пруссов X—XIII вв.; *2* — каменные изваяния пруссов; *3* — каменное изваяние ятвягов; *4* — граница распространения прусских топонимов; *5* — западная граница лесного массива «Великая пустошь»; *6* — границы «прусских земель», известных по письменным источникам. *Б* — этапы захвата «прусских земель» Тевтонским орденом: *7* — к 1237 г., *8* — к 1265 г., *9* — к 1283 г., *10* — направления основных походов орденских войн (по: Кулаков В. И., 1994. Рис. 10)

туальные жезлы с обмоткой бронзовой проволокой. Весь этот материал, составляющий явно языческий по своему смыслу комплекс погребального инвентаря, не только не исчезает после 1283 г., времени окончательной победы Ордена над пруссами, но интенсивно развивается типологически. Не исключено, что в городах Пруссии христианские ремесленники изготавливали для селян-язычников инвентарь явно не христианского идеологического содержания. Также действовали и православные мастера Новгорода Великого, снабжая окрестных финно-угров предметами их традиционного инвентаря. Лишь в XVI в., после крушения Орденского государства и с бурным развитием социальных отношений, в протестантском герцогстве Пруссия нарастает культурная ассимиляция пруссов. Результатом этого стала поступательная нивелировка их материальной культуры в рамках общегерманской культурной традиции.

Культура пруссов постепенно исчезала под наплывом переселенцев из Западной и Центральной Европы, подвергаясь к тому же активному влиянию более прогрессивной культуры указанных регионов. Правда, согласно письменным источникам (хроника Лукаса Давида), даже в 1520 г. на Самбии сохранялись представители прусского жречества (вайделоты и вурсхайты), которые в разовом порядке производили жертвенные акции в рамках традиций прусских отеческих культов. Так, с V по XIII в. развивалась прусская археологическая культура, подвергавшаяся внешним этнокультурным влияниям и подверженная в раннеорденскую эпоху упадку в связи с насильственной христианизацией пруссов[13]. Сохранение прусского языка было политически ничем не обусловлено, ибо общение в городах, кирхах и административных органах Орденского государства велось по-немецки или же по-латыни.

Как известно, первая христианская миссия, проводившаяся св. Войцехом-Адальбертом в 997 г., оказалась неудачной, в результате чего миссионер приобрел статус святого (вклейка, рис. 103), лично пострадавшего за веру. В 1215 г. настоятель монастыря в Оливе (к западу от города Гданьска, куда неоднократно доходили в своих набегах прусские отряды) направил в землю пруссов для проведения там христианской миссии Христиана, монаха из Ордена цистерцианцев, впоследствии ставшего первым епископом Пруссии. Его проповедь зазвучала в землях Помезания и Погезания. В своих действиях Христиан опирался на вооруженную помощь польских рыцарей, что, разумеется, не могло не вызвать противодействия пруссов. В 1217 г. они начинают с оружием в руках бороться против незваного «просветителя», в результате проведшего семь лет (1231—1238 гг.) в прусском плену. Папской курии, под чьим покровительством действовал Христиан, только это и было нужно: провокация с миссией Христиана удалась, повод для христианской агрессии в земли западных балтов появился. По всей Европе прихожане узнали о том, как «злодеи»-пруссы уничтожили в христианской Мазовии якобы 250 церквей и 10 000 деревень с 20 000 жителей[14]. По этим явно пропагандистским данным получалось, что северо-восточная окраина Польши в раннем Средневековье была процветающей и густонаселенной страной. Для защиты от пруссов в 1228 г. польскими рыцарями был создан Добжинский орден (его члены, как и ливонские крестоносцы, носили красный крест на белом плаще), довольно быстро разгромленный пруссами. Это стало сигналом к широкомасштабной

[13] *Кулаков В. И.* Введение в раннесредневековую археологию пруссов // Проблемы межрегиональных связей. Вып. 10. М.; Калининград; Клайпеда, 2015. С. 17, 18.

[14] *Tumler M.* Der Deutsche Orden. Kevelaer, 1992. S. 14.

крестоносной агрессии в земли западных балтов.

Последовавший в 1283 г. в результате орденской агрессии крах прусской «конфедерации» показал нежизнеспособность этой структуры, основанной на сакральной власти жреца и духовного владыки всех западных балтов с ритуальным именем Криве-Кривайтис. Тем не менее прусское сопротивление ослабило продвижение Ордена на восток, дав в результате возможность соседям пруссов и скальвов — литовцам — создать государственную организацию и сопротивляться орденской агрессии более успешно, нежели это смогли сделать пруссы.

Часть V

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В VI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Введение. Начало Великого переселения народов — перекочевка гуннов на запад в III—IV вв. сыграла заметную роль в истории населения лесостепной зоны Сибири. Многолюдные потоки кочевников двигались вдоль северной границы степей, частью подчиняя местные племена, частью вытесняя их с обжитых мест. Вслед за гуннами, в V—VII вв., — и практически по тем же путям — началась активная миграция тюркских племен, создавших в VI в. Тюркский каганат. Значительное количество тюркского населения в то время проникает в лесостепь Южной и Западной Сибири, где в IX в. создает Кимакский каганат. Приблизительно в X в. предки якутов, племена скотоводов-курыкан (признаваемых большинством историков тюркоязычными), переселяются из Байкальского региона на верхнюю Лену. Там они смешались с древними юкагирами и положили начало этногенезу якутов. Прежним обитателям тех мест — оленеводам и охотникам, части тех же юкагиров и древним эвенам — пришлось под давлением пришельцев отойти вглубь тайги, вниз по Лене.

Бóльшая же часть сибирских племен, расселявшихся к северу от степей, не испытала заметных последствий гуннских и тюркских миграций. Суровые природные условия, необходимость приспособления к окружающей природе породили такую организацию общества и экономики, которая, с одной стороны, наилучшим образом отвечала вызовам среды обитания, с другой — во многих регионах Сибири законсервировала на несколько столетий устоявшиеся системы хозяйствования и социальной жизни.

Вместе с тем нельзя сказать, что никаких изменений не происходило. Прежде всего, на протяжении I тыс. н. э. в Сибири постепенно осваивают применение (и кое-где самостоятельную обработку) железа. Изготовленные из него орудия существенно увеличивали шансы на охотничью и рыболовецкую добычу, а также на победу в межплеменных конфликтах. Особенно заметными были изменения у племен Югры (Северо-Западной Сибири) — обских угров, предков хантов и манси. В IX—XIII вв. там образовалось несколько предгосударственных структур (вождеств) во главе с военными предводителями. Археологами исследованы довольно многочисленные городища того времени — укрепленные поселения, как правило, на речных мысах. Формировавшаяся элита племен обогащалась как в войнах с враждебными племенами, так и за счет торговли. Поскольку в VIII—IX вв. значение Великого шелкового пути снизилось (из-за внутренних неурядиц в Китае), место драгоценного шелка в международном обмене заняла пушнина. Главным поставщиком собольих, горностаевых, лисьих и прочих мехов стала Югра. Булгарские купцы вывозили их из Сибири по Камскому торговому пути.

В XI в. в югорские владения направлялись отряды новгородцев, стремившихся получить доступ к природным ресурсам

региона. В XII в. Югра уже была податной территорией Новгородской республики и выплачивала дань мехами, рыбой и моржовыми клыками («рыбьим зубом») — сырьем для костяных изделий (украшений, пуговиц и др.).

Самодийские племена Южной Сибири в VI—VII вв. столкнулись с напором тюрок с юга и частично смешались с ними. Но большая масса самодийского населения предпочла переселяться на север. Некоторые группы самодийцев достигли Северного Ледовитого океана. На обширном пространстве Восточной Сибири с течением времени расселились их этнические сообщества: в Среднем Приобье — селькупы, на реке Таз — энцы, в приполярной тундре — нганасаны и ненцы. По мере странствования по огромному и суровому краю и обживания на новых местах эти мигранты постепенно утрачивали прежние навыки земледелия и скотоводства, сосредоточившись, в конце концов, только на разведении домашних оленей и охоте. Подыскивание все новых пастбищ для оленьих стад послужило еще одним стимулом для миграций и занятия новых территорий.

Часть самодийцев закрепилась в глухих местностях Саяно-Алтайского нагорья. К потомкам того древнего населения относится современный небольшой народ тофаларов в Республике Тыва.

Как у самодийцев, так и у племен арктического побережья в I — середине II тыс. н. э. продолжал господствовать родовой строй. Предки чукчей, коряков и эскимосов жили в основном добычей морского зверя, охотясь с помощью луков и стрел с каменными наконечниками, дротиков, острог и гарпунов. Те племена, что обитали во внутренних районах Чукотки и Камчатки, занимались охотой на диких оленей и рыболовством. Вынужденное существование в условиях долгой полярной ночи и обилие свободного времени породили у этих народов уникальное искусство резьбы по моржовым клыкам и бивням мамонта.

Что касается регионов Южной Сибири и Дальнего Востока, то здесь в VI — начале XIII в. сменяли друг друга политические образования, тесно связанные с центральноазиатскими и дальневосточными центрами цивилизации. Об их истории пойдет речь в последующих главах[1].

[1] Обобщение археологических данных о народах северных регионов Сибири и Дальнего Востока см. в томах 1 и 3 настоящего издания.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Огромные пространства Евразии к востоку от Урала осваивались людьми по-разному, в соответствии с географическими поясами — тундры, тайги, степей и полупустынь. Во главе прогрессивного развития этой части Азии оказались горные районы Южной и Восточной Сибири и Дальнего Востока, в силу вертикальной зональности обладающие всеми названными природными условиями, а также богатейшими полезными ископаемыми. Особенно выделялось в этом отношении Саяно-Алтайское нагорье — один из древнейших и наиболее развитых рудно-металлургических центров Евразии. Почвы и недра Монголии скудны, что побуждало к кочевому скотоводству и захвату иных земель.

В эпоху Средневековья в развитии местных обществ резко возросло воздействие политико-экономических факторов. Сильные, культурно развитые и, следовательно, исторически значимые государства сложились у народов всех языковых семей горно-степной зоны: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских. Степные державы уже в раннем железном веке распространяли на северную и горную тайгу свое политическое и экономическое влияние, существовала дань пушниной. Позднее в сферу централизованной государственности были втянуты новые племена и народы. В раннем Средневековье степные государства закрепили и расширили свое владычество в лесостепной и горно-таежной зонах.

Велика в этом роль мировой державы той эпохи — Первого Тюркского каганата (551—603), его последующих и локальных производных: Западного (603—658) и Тюргешского (699—766), Первого (603—630) и Второго (682—745) Восточно-Тюркских каганатов, центральноазиатского Уйгурского каганата (745—840) и Турфанского княжества (866—1209), южносибирского Древнехакасского государства (VI в. — 1293 г.) с его правившим до XX в. династийным родом кыргыз, Кимакского каганата (вторая половина IX — первая половина XI в.).

Для ранней истории тюркских народов, начиная с конца III в. до н. э., источниками служат только китайские династийные хроники — от «Шицзи» Сыма Цяня (I в. до н. э.) до «Чжоушу», «Суйшу» и «Бэйши» (завершенных к середине VII в.). Позднее особое значение имеют «Истории династии Тан» в ранней («Цзю Таншу») и поздней («Синь Таншу» или просто «Таншу») редакциях, X и XI вв., и другие сочинения того времени[1]. Все они содержат более ранние сведения, так как особенность китайской историографии — написание истории династии после ее падения по собранным документам. В VI в. добавляются редкие записи византийских посольств к тюркам, с конца VIII, особенно с IX в. — обширная арабо-персидская географическая литература.

С VIII в. появляются собственные тюркоязычные источники — памятники ру-

[1] Здесь и далее переводы китайских летописей см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

нической письменности. Крупные тексты орхонских мемориальных стел VIII—IX вв. через судьбу государственных деятелей раскрывают политическую историю и общественное мировоззрение. Краткие эпитафии енисейского письма (VIII—XI вв.) в форме плача об утраченном рисуют ценности частной княжеской жизни. Разных сфер касаются вторичные начертания на предметах. Уцелевшие в Восточном Туркестане рукописи, как и наскальные надписи Саяно-Алтая, относятся к религиозной литературе и молитвенной практике сибирско-тюркского манихейства. Турфанские княжества оставили множество разнохарактерных документов уйгурского скорописного алфавита.

Существенную информацию предоставляют активно изучаемые археологические памятники (вне Средней Азии это в основном курганы).

Древние тюрки. Значимые для истории Евразийского материка передвижения больших масс населения произошли в Центральной Азии ранее, чем в Европе, — уже во II в. до н. э. Нас особо интересуют миграции, устремленные не на запад, а на север. Именно они *впервые* вывели на арену истории доподлинные тюркоязычные народы. Не позднее II в. до н. э. археология находит их в котловинах, лежащих к северу и югу от Саянских гор, — в Хакасии и Туве, а также, вероятно, на Горном Алтае. До тех пор жители этих мест говорили на южносамодийских, кетских и угорских языках.

В определении имен тюркских народов той эпохи исторические данные помогают мало. Известно только одно имя: гяньгунь (цзяньгунь), в новом чтении гэгунь/гэкунь — китайская передача имени древних кыргызов. Как называли тюркоязычных жителей Тувы и других южносибирских земель, неизвестно.

Очевидно, что появление тюркских народов в истории *не связано* ни с именем, ни с самим народом *тюрк*, оказавшимся на юге, у Китайской стены, на семь веков позднее — в V столетии. Значит, неверно возводить к этому единственному народу этническую и культурную историю всех древних, средневековых и современных народов, говорящих на языках тюркской группы. Само название языковой группы — лишь условный термин научной систематики. Внутри лингвистики понятие «тюрки» имеет обобщающий смысл. В истории и археологии «тюрки» — это лишь один средневековый народ, носивший данное имя. Другие тюркоязычные народы к тюркам себя не относили и так себя не называли. Они насмерть бились с тюрками и создавали свои каганаты.

На примере Хакасии и Тувы наука видит не только древнее переселение тюркских народов, но и распространение их языков. Размножались не новоселы, росло число людей, владевших их речью. Наиболее активно ассимиляция шла позднее, особенно с IX и XII вв., и более всего в степных районах. Такая тюркизация проявилась по всей Евразии, поэтому тюркоязычные народы ныне столь многочисленны, а в происхождении каждого из них велика роль населения, первоначально по-тюркски не говорившего. Отсюда и идущее уже с древности и Средневековья многообразие антропологического типа тюркских народов (отнюдь не только монголоидов).

Эти процессы рано прослежены к северу от Саян. Кыргызы-гяньгуни, предположительно пришедшие на средний Енисей из Северо-Западной Монголии, уже при гуннах заняли там господствующие позиции. Китайские летописи, соотнося средневековые данные с древними, говорят, что кыргызы смешались с местными динлинами в новый народ, который стал называть себя *хакас*[2].

[2] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 350, 351. Примеч. 2. Анализ источников см.: *Кызласов Л. Р.* Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001. С. 126—135.

Археологи видят это смешение двух народов, первоначально различавшихся по культуре. Оно шло в несколько этапов, начиная со II—I вв. до н. э., и завершилось сложением на Енисее новой и единой таштыкской археологической культуры, следовательно, и связанного с ней нового народа (древних хакасов). Кыргызы, влившись в этот народ, составили правящий слой, управлявший на Енисее более двух тысячелетий — до XX в. Слово «хакас» не является китайской транскрипцией имени *кыргыз*, это местный, еще дотюркский этноним, со временем закономерно утративший в местной речи согласный звук в середине и сохранившийся поныне от Байкала до Кузнецкого Алатау в форме с долгим гласным: *хаас/хааш/хаач* (рус. качинцы) — во множественном числе хаастар, хаазут.

Новые культурные черты, принесенные в Сибирь тюркоязычными кыргызами, указывают на их первоначальную связь с индоевропейским миром. Наиболее показательны три: сжигание умерших (характерное для древних хеттов, греков, германцев, славян, индусов, прочих индоевропейцев), поклонение корове (как у индоариев, иранцев, греков, римлян, славян) и возведение первопредка к браку бога с коровой.

В истории народа ашина (как его именовали китайцы) мы встречаем те же закономерности. По легендам, вошедшим в летописи, этот народ из некоей страны Со («от гуннов на севере») или из района Пинляна (к юго-западу от Ордоса, Ганьсу) примерно в V в. переселяется через Турфан на Южный Алтай («Суйшу»). Там он смешивается с местными племенами (как было у кыргызов с динлинами) и образует новый народ — тюрков, сохранив прежний этноним лишь за правящим родом. С середины VI в. Ашина — династийное имя тюркских каганов. Как и имя хакасов, имя тюрков было ново и непонятно для китайцев (возводили его к монгольскому слову *дулга* — «шлем»). Очевидно, оба этнонима перешли к новым народам от прежних жителей Присаянья и Алтая. Если имя хакасов может иметь южносамодийское происхождение, то первоначальная языковая природа этнонима *тюрк* поныне не выяснена.

На каком языке говорили до прихода на Алтай ашина, неизвестно. Летописи Китая изначально называют их «смешанными варварами» («Чжоушу»). Имена первых каганов (551—587 гг.: Бумын, Истеми, Мухан, Таспар, Нивар) нетюркского происхождения, этимология их неясна[3]. Современные историки возводят ашина к гуннам лишь по общим соображениям. Былая связь ашина с индоевропейским миром, как и кыргызов-гяньгуней, устанавливается надежно. Этноним *ашина* гипотетически возводят к восточноиранским языкам («небесный, синий»). Среди пяти преданий о происхождении ашина, записанных в VI—VIII вв., есть легенда о трех братьях, приведенных на Алтай коровой. Указания на сжигание мертвых долго смущали археологов, так как наука о древностях знает только один обряд тюрков — погребение человека с конем. Загадка разрешается, ибо в источниках речь идет о сожжении умерших каганов — вероятно, правящий род в VI—VII вв. сохранял исконный обычай ашина, а остальное население хоронило по-своему. Самосознание династийного рода у ранних тюркских народов недооценивается историками: кыргызы еще в IX в. возводили свою власть к началу I в. до н. э., а ашина в V в. заявляли о 10 поколениях правителей, то есть вели счет с III, а то и с середины II в. н. э.

Добавив к трупосожжению кыргызов и ашина такой же обряд новых обитателей Тувы II—IV вв., вероятно, реконструируем один из культурных признаков древних тюркоязычных народов, пришедших в Южную Сибирь с юга. Вопреки китайским

[3] *Golden P.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Weisbaden, 1992. P. 121, 122.

описаниям, этимология исконной лексики древнетюркских рунических надписей рисует мир прототюрков не кочевым, а оседлым: армия там была пехотой с копьями, хозяйство ирригационным, жилища глинобитными и круглыми (от них пошли плетенки-мазанки, давшие войлочные и бревенчатые юрты)[4].

Источники позволяют видеть несколько ступеней развития государственности у тюркоязычных народов от раннего Средневековья, определенным итогом которого явились так называемые каганаты. Термин *каганат* — кабинетный, образованный от слова *каган* по известной латинизированной схеме. Орхонские рунические надписи показывают, что тюркоязычные народы различали две степени социального развития и имели соответствующие собственные наименования: *эльтеберлиг бодун* и *каганлыг бодун* — «народ, имеющий эльтебера» и «народ, имеющий кагана». Первая форма правления была проще, примитивнее каганской, считавшейся высшей и богоданной организацией общества. Эльтеберское управление сохранялось как у народов, не вошедших в существовавшие каганаты, так и внутри каганатов как местная, племенная власть. Роль каганов и представления об их предназначении так или иначе известны и по посторонним источникам, и по рунические надписям VIII—IX вв. Положение эльтеберов позволяют понять китайские исторические сочинения. Эльтеберы, бывшие вне каганатов, вели самостоятельную политику, включая международные связи. Рядом с эльтеберами, но ниже их по рангу существовали еще иркины. Но понятия *иркинлиг бодун* нет ни в одном источнике, вероятно, их следует считать внутренними должностями эльтеберства.

Несмотря на значимость фигуры кагана, в глазах тюркских народов он не был самодержцем. Власть в стране принадлежала кагану и его супруге (*катун*) — на земле, подобно небу, правила семейная пара. По смерти государя его преемник, дабы стать законным правителем, должен был жениться на овдовевшей катун. То же делали, убив чужого правителя и захватив его владения. Рядовые воины-*эры* после смерти старшего в доме женились на мачехах, невестках и тетках. Земная правящая пара уподоблялась паре божественной — небесным супругам Тенгри и Умай (рис. 1). Отсюда каганские титулования «богоподобный», «неборожденный» и т. п., как и «катун, подобная Умай». Отсюда же официальное главенство в тюркских обществах освященного парного брака. Надо сказать, что каждый из тюркских народов раннего Средневековья обладал самосознанием, считал себя богоизбранным, поскольку имел собственных небесных покровителей, и право на власть династийный род получал в виде небесной благодати *кут*.

Термины *каган* и *катун* достались тюркским народам в наследство от предшествующих правителей Центральной Азии. Противоречия китайских источников не позволяют точно определить время и место возникновения этих титулов — указывается вторая половина III, IV и начало V в. Употребление их приписывают разным этническим подразделениям племен сяньби, относимых к «восточным варварам» (дунху), которые сменили в степях гуннов. Хотя дунху обычно считают монголоязычными, языковая принадлежность новых верховных титулов неясна. Вероятно, народ тюрков воспринял их в пределах государства жужаней (жуан-жуаней), данником которых он был до середины VI в. У жужаней (язык которых не установлен) бытовали также и титулы *эльтебер*, *тутук*, *иркин*.

С той поры, когда тюркоязычные народы попадают на страницы истории, они уже

[4] *Кызласов И. Л.* Следы пратюркской культуры в памятниках рунической письменности: (Этимология военной и домостроительной лексики) // Вопросы тюркской филологии. Вып. 11: Материалы Дмитриевских чтений. М., 2016. С. 137—156.

находятся на государственной стадии развития, или входя в державы других народов, или создавая собственные. В соответствии с древними, еще дотюркскими установлениями страна у тюркских народов делилась на три части: центр и два крыла (восточное и западное); одновременно существовало понятие о внутренних и внешних областях правления. Обеим системам соответствовало административное и войсковое членение, а также развитая система чинов и званий — как порожденных тюркской речью (буюрук, таянгу, огя, ичряки и др.), так и, подобно другим народам Евразии, воспринятых в условиях чужого правления или соседства: из восточноиранских титулов выводят термины *шад* и *ябгу*, из китайских — *бег*, *тутук*, *чигши* и др.[5]; языковая принадлежность довольно большой группы слов остается неизвестной. Вся эта титулатура, установившаяся к V в., сменила административно-политическую терминологию предшествующего (гуннского) времени и, став в государствах степной зоны Востока и Запада практически интернациональной, просуществовала, изменяясь в своей нижней части, вплоть до XIII в., а отраженное ею иерархическое строение общества — и значительно дольше.

Исконная религия тюрков не знала единобожия. Рунические памятники, взятые в целом, выявляют не пантеон из трех богов (Тенгри, Умай, Йер-Су), как считают многие историки, а две божественные *пары*. Первая из них космогоническая, верх и низ мироздания — Небо (Тенгри) и Обитаемое Пространство (Йер-Су «Земля и Вода»). Вторая — антропоморфные Бог и Богиня: мужское божество Тенгри и женское естество Умай. То есть наблюдается наслоение двух разновременных мировоззренческих стадий: архаичной, не имеющей конкретных образов, и более поздней, наделенной чертами небесного брака. Обманчивая мысль о единстве пантеона возникает благодаря вхождению имени Тенгри в обе самостоятельно сформировавшиеся, различные по природе божественные пары, хотя, по сути, Тенгри здесь не объединяющее их понятие, а два одинаково звучащих слова, фактически являющихся омонимами с издавна разошедшейся семантикой. Проведенные наблюдения приводят и к выводу об изначальном отсутствии в тюркоязычном мире того мировоззрения, которое в литературе зовут тенгрианством, или тенгризмом. Вера в единого бога Тенгри — современное кабинетное построение, не соответствующее парности древнетюркских богов. Фигура Тенгри действительно со временем вырастает в главенствующего единого бога, но происходит это только после прихода в

Рис. 1. Правящая пара: каган и катун. Тюрко-согдийская монета Западно-Тюркского каганата. Бронза. Увеличено (по: Пугаченкова Г. А., Рempель Л. И., 1960. Рис. 166)

[5] *Ecsedy H.* Old Turkic titles of Chinese origin // Acta Orientalia. T. XVIII, fasc. 1—2. Budapest, 1965. P. 83—91; *Церваидзе И. Н.* Фрагмент общетюркской лексики: Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 57, 58, 70; *Он же.* Фрагмент древнетюркской лексики: Титулатура // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 81—91; *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. С. 68.

тюркоязычный мир уже сформировавшихся мировых монотеистических религий. Изображений своих богов тюркские народы не создавали. Судя по иконографии, они возникли под влиянием ираноязычных народов.

Экономику древних тюрков нельзя сводить только к кочевому или отгонному скотоводству. Исторические и археологические источники рисуют для раннего Средневековья значительно более сложную картину. Каждое описываемое ниже общество и государство на деле обладало комплексным хозяйством, в котором мы находим и земледелие (нередко ирригационное), и рудознатство с металлургией, и внутреннюю и внешнюю торговлю с денежным обращением. Тюрки торговали своим железом, изумляли мир выносливостью своих лошадей (занимались селекцией). Сохранились остатки каналов, орошавших высокогорные пашни Алтая. Владея трассами Великого шелкового пути, тюрки знали толк в торговле.

Первый Тюркский каганат (551—603). Сложившийся на Алтае народ тюрков входит в историю не скотоводом, а металлургом, железом платившим дань Жужаньскому каганату. «Ты мой плавильщик: как же осмелился сделать такое предложение?» — заявил вскоре после 536 г. государь, отказывая тюрку Бумыну в династийном браке[6]. За оскорблением последовало отмщение: держава жужаней была разбита, и в 558 г. авары (которых отождествляют с жужанями) оказались на Дунае, а тюркский каган в 568 г. уже предлагал купить железо послу Византии.

Бумын объявил себя каганом в 551 г. и через год умер. Но китайские хроники числят его создателем Тюркского каганата. Орхонские рунические надписи ставят его первоправителем, взошедшим на престол сразу после создания мира. Мифическим предкам тюрков — мальчику и волчице, их благородному потомству — здесь уже места нет: тюркское государство в VIII в. учитывало только каганский уровень власти. Но в VI в. легенда еще помнилась: ашина приносили жертву в пещере предков, знамена венчала волчья голова, телохранителей звали «волками», волку уподобляли кагана, а владетели других народов (как кыргызы у древних хакасов) «не относили себя к народу волков» («Юян цзацзу»).

В 552—555 гг. тюрки окончательно уничтожили власть жужаней, покорили на востоке киданей, а на севере — племена Тувинской котловины. На востоке «став соперником Срединному царству», тюрки устремились на запад и уже в 555 г. достигли «Западного моря» (Арала или Каспия)[7], а в 558 г. вышли на Волгу. Оправданием похода служило преследование убегавших жужаней (*авар* у византийских авторов)[8], на деле борьба велась за мировую торговлю — обладание базами и трассами Великого шелкового пути. В союзе с Сасанидским Ираном тюрки между 563 и 567 гг. разгро-

[6] Основой изложения служит анализ письменных и археологических источников. См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 220—300; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 182—194, 327—330; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 19—73; *Он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 7—30; *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей: Древность и Средневековье. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 83—110; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 18—55; *Он же.* История Южной Сибири в Средние века. М., 1984. С. 30—46.

[7] Неясное понятие китайской географии (*Liu Mau-Tsai.* Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe) // Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. 10. Wiesbaden, 1958. Buch I—II. S. 8, 40, 495. Anm. 41), по-разному понимаемое и в нашей историографии.

[8] Описания западных событий см.: *Менандр Протектор.* История // Византийские историки / Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. СПб., 1860. С. 328, 370—375, 416—423, 462.

мили державу эфталитов, завладев городами Восточного Туркестана и Средней Азии, включая Согд и его колонии. В 567 г. граница с Персией прошла по Амударье. Ежегодно получаемая каганатом дань с Китая достигала 100 тыс. кусков шелка, бóльшая его часть вывозилась за границы каганата, достигая Византии при посредстве согдийцев и персов, также знавших шелководство. Помимо этого, Константинополь следовало отвратить от помощи ушедшим на Дунай аварам. Политика и торговля в 563 г. приводит в Константинополь первое тюркское посольство. Позднее согдиец Маниах проводит караваны с шелком к персидскому шаханшаху, но тот, оплатив товар, сжигает его на глазах посланцев, затем травит ядом следующих послов кагана — сбыт шелка в самом Иране, путь через него, как и союз с ним, становятся невозможны. И в 567 г. новое посольство кагана приходит в Византию. Ответный визит наносит посол императора Зимарх Киликиец, в 568 г. прибывший в ставку кагана в горах Эктаг-Алтая. Описав ее роскошь, он отметил и железоделательное искусство тюрок. Следом из Византии прибыли еще семь посольств, и лишь последнее потерпело неудачу в связи с изменением политической обстановки. Между 567 и 571 гг., прокладывая путь в обход Ирана и продолжая погоню за аварами, тюрки обогнули с севера Каспийское море и захватили Северный Кавказ. Встретив коварство Византии, проводившей переговоры с аварами, тюрки в 576 г. вошли в Крым и ненадолго овладели городами бывшего Боспорского царства. Граница с Ираном оставалась прежней.

Так, за 25 лет победоносных войн каганат стал мировой державой, достигнув Черного и Желтого морей. Северный рубеж прошел по хребтам Западного Саяна, южный — по Великой китайской стене и отрогам Памира. Византия, Иран и Китай в равной мере считались с великим соседом, дочери шаханшахов и императоров выдавались замуж за каганов. Восток уже с VI в. включил Тюркское государство в круг всемирной культуры — ввел в число четырех образующих мир стран: владением царя слонов или мудрости на юге была Индия, царя людей или промышленности (искусств) на востоке — Китай, царя драгоценностей или монархов на западе — Византия или Персия, царя коней или диких зверей на севере — Тюркский каганат. В Согде раскопан парадный зал, каждая из трех стен которого несла изображения китайских, персидских и римских императоров, брахманов и тюркских владык[9].

Каганат не был конфедерацией, ибо объединял не союзников, а подданных. Их национальность и язык не имели значения. По старой, от гуннов идущей традиции страна делилась на два крыла (с *ябгу* и *шадом* во главе) и на административные единицы, выставлявшие от 10 до 10 000 воинов. Хотя титулатура сохранялась жужаньская, устройство не совпадало ни с гуннским, ни с жужаньским: там наследование было прямым, здесь кагана сменял не сын, а младший брат, а его — старший племянник (так называемая *лествица*). Полагают, что некогда владыка избирался внутри рода ашина, однако лествица — родовое право — исключала личный подход. Наследника трона называли *тегин*. Каган носил тронное имя и титулы, указывавшие на божественность и мудрость. Общество было строго иерархическим, с разветвленной властью, верхи которой наследственно занимала знать. Сановников было 5, прочих чинов — 23 человека. В покоренные земли назначали наместников-*тутуков*. Знать была и цветом профессионального панцирного воинства, жившего по рыцарскому этикету, считавшего гибель в бою честью, а от болезни — позором. *Бег* был властителем, под народом (*бодун*) понимались лишь свободные мужчины (*эры*), в лихолетье составлявшие

[9] *Бартольд В. В.* Мусульманский мир // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966. С. 216.

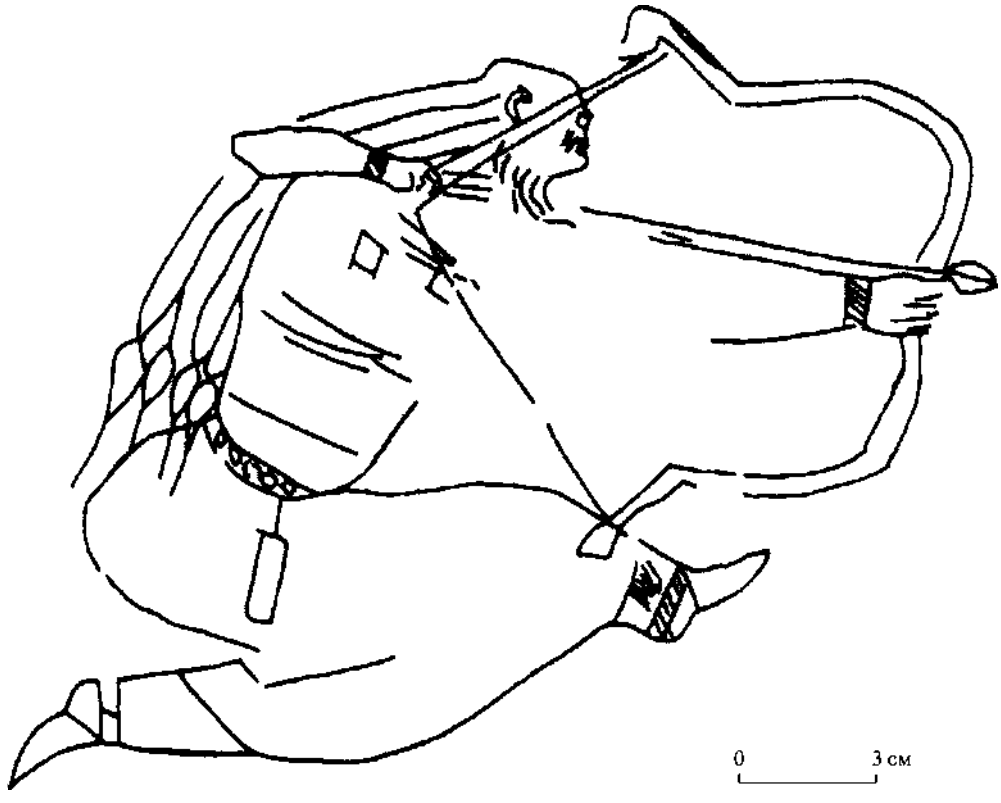


Рис. 2. Наскальный рисунок с р. Чаган. Середина VI — первая треть VIII в. Горный Алтай (по: Черемисин Д. В., 2004. Рис. 19)

войско (оно тоже именовалось *бодун*). Армейские учения заменяла облавная охота. У каждого бега был свой *эль* (владение — земля и население-бодун). Элем кагана был весь каганат. Землепользование было семейным. В частной собственности были скот, имущество и рабы. За один набег в Китай число угнанных пленных могло достичь десятков тысяч.

Жилища тюрков были наземными, ставились входом на восток и отапливались открытым очагом.

Мужчины заплетали множество кос (рис. 2). В этом был символ личной независимости. Потому каганы изображались с непокрытой головой. Сюда же восходит многокосость девушек, бытующая поныне, у замужних женщин — лишь две косы. Аристократизм проявлялся во внешности: прическах, богатстве костюма, убранстве коня, жилища. Зеркала были даже у воинов. Становясь эром, юноша менял детское имя на взрослое, получал ранговый пояс с бляшками (кому бронзу, кому серебро и золото), личную пиршественную чашу (доступ на воинские советы) и собственную эмблему-*тамгу*, графически продолжавшую фамильную мужскую линию.

Археологи очерчивают земли каганата по портретным изваяниям воинов, ставившимся к востоку от жертвенных квадратных каменных оградок. Перед ликом умершего выставлен ряд вертикально вкопанных необработанных камней-*балбалов* по числу убитых им врагов. Левая рука скульптуры — на рукояти прямого меча, правая держит кубок: герой пирует на собственных поминках, устроенных боевыми товарищами (рис. 3). Иные тюркские народы тоже ставили каменные изваяния сво-

им героям, но те скульптуры иного облика. Только у народа тюрков умершие, включая женщин и детей, хоронились с верховой лошадью. Не потому, что тюрки были кочевниками (прочие степняки так не делали) — вероятно, тюрки думали, что на том свете их ожидал дальний путь и надо было спешить: нередко в могиле лежит второй конь, для замены уставшей лошади.

Идеология превозносила верховную власть, тюрки считали себя богоизбранным народом. Установления разделялись на божественные и земные. Данные свыше (*тёрю*, их соблюдение лежало на кагане) берегли страну и сохраняли народ, позволяли по-своему «устраивать» весь мир, а людские законы (китайцы называют их уголовными) далеко ушли от родового права: защищая государство, жизнь и собственность человека, честь женщины, они за преступления карали выплатами, а смертью — только в шести случаях[10].

В Первом Тюркском каганате применения рунического письма не отмечается. Канцелярию вели согдийцы, язык делопроизводства и письменность были согдийскими. По-согдийски написаны ранние памятники каганам как на реке Или (Малый Хонахай), так и на Орхоне (Бугуты). В сердце страны, в Центральной и Северной Монголии, ныне известны две официальные надписи на санскрите письмом брахми (Бугуты и Кюс-Толгай) — каганы Мухан (553—572) и Таспар (572—581) старались ввести буддизм: создавались храмы, переводились на тюркский сутры, что говорит не только о духовном воздействии Китая и оазисов Туркестана, но и о внутреннем развитии страны, способной воспринять сложную религиозную философию.

К 603 г. междоусобицы разламывают державу на Западно-Тюркский (в Средней

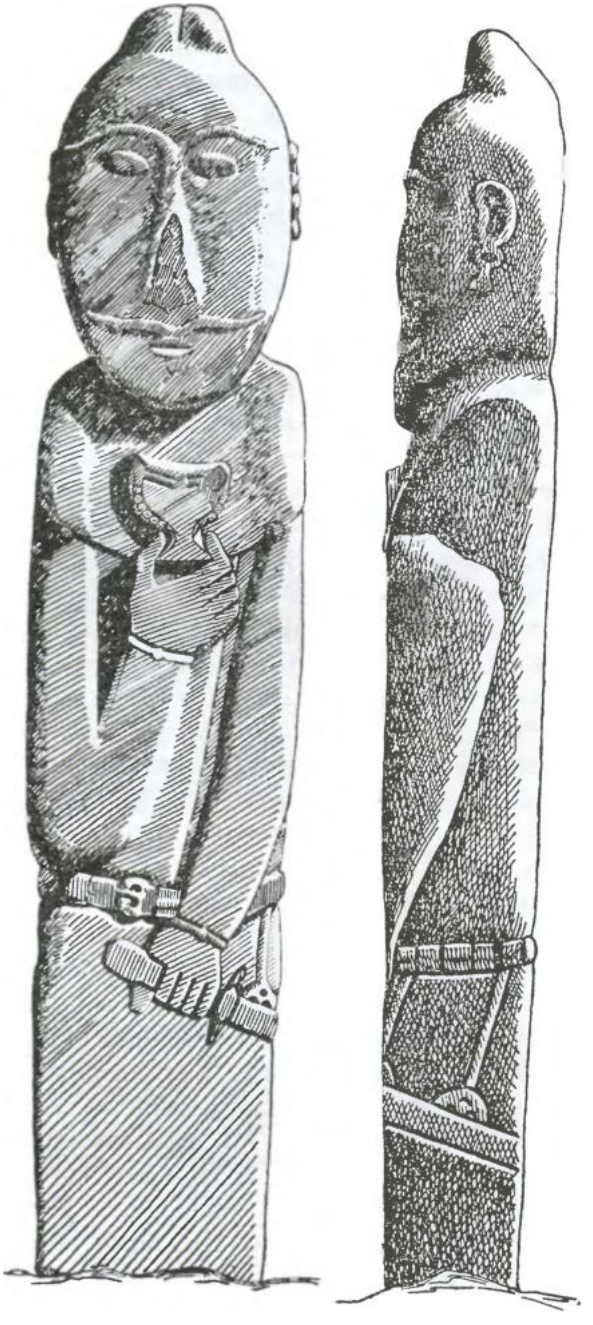


Рис. 3. Каменное изваяние воина с р. Хам-Дыт. Середина VI — первая треть VIII в. Тува (по: Кызласов Л. Р., 1960. Рис. 2, а)

[10] «По их уголовным законам: бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьею-либо, похищение спутанной лошади — наказываются смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платит лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости

Азии) и Восточно-Тюркский каганаты (в Центральной Азии). Первый был покорен Тюргешским каганатом в 699 г., второй пережил два этапа: Первый Восточно-Тюркский каганат в 630 г. был подчинен Китаем, Второй Восточно-Тюркский каганат возродился в 682 г. и был уничтожен уйгурами в 745 г., Уйгурский каганат в 840 г. был разбит кыргыз-каганом Древнехакасского государства.

Западно-Тюркский (603—658) и Тюргешский (699—766) каганаты. Западная, среднеазиатская, часть Первого Тюркского каганата была фактически самостоятельной и изначально управлялась Истеми — братом Бумына. Его, имевшего титул ябгу (ябгу-каган), не затронула смена трех каганов на Орхоне. Он сам вел международные дела: отдал дочь за шаханшаха Хосрова I, воевал с эфталитами, делил их наследство с Ираном, устраивая в обход его Великий шелковый путь, покорил Северный Кавказ и Поволжье. Принял семь посланцев Константинополя, направлял посольства в Иран и Византию. Дважды их вел согдиец Маниах, имя которого указывает на его манихейскую веру, а поручение — на близость к кагану. Согдийские язык и письмо оставались официальными. Языковое и культурное многообразие в землях Великого шелкового пути было просто неповторимым. В одном Турфанском оазисе найдены документы, написанные на 17 разных языках.

Истеми умер в 575 г. При его преемниках западные тюрки продолжали вести свою политику, не ломая традиций общественной жизни покоренных земель, лишь разместили в городах своих правителей да взяли на службу местную знать, наделив тюркскими титулами. Каганат включал Джунгарию, Восточный Туркестан, междуречье Сырдарьи и Амударьи, а при кагане Тарду (576—603) — и Северный Афганистан. Центром государства стало Семиречье, столицей — Суяб, крупный торгово-ремесленный город на Великом шелковом пути (городище Ак-Бешим на реке Чу) (рис. 4). К востоку и западу от него раскинулись два крыла, разделенные на 10 туменов: страна часто именовалась *он ок бодун* «народ десяти подразделений» (у китайских авторов — «десять племен»). Величие и богатство западнотюркских каганов описывали посещавшие их греки и китайцы.

Степняки-наместники управляли городами и земледельческой экономикой. Подати наполняли казну. «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны», — писали китайцы («Цзю Таншу») о правлении кагана Тун-ябгу (618—630). Остаются неизученными государственные механизмы, способствовавшие развитию городов, но они несомненно были. В стране ходили и серебряные иранские драхмы, и бронзовые китайские монеты. На драхмах делали надпечатки тамг и согдийских надписей: «божественный каган», «божественный», «каган», «текин», «благодать», имен правителей. Серебро с надписями чеканили и местные владения, как Чач (Ташкентский оазис): «Тарду», «каган», «деньга Тун джабгу-кагана». Согдийские надписи несли и бронзовые монеты Тюргешского каганата VIII в. По форме подобные китайским, они выпускались от имени кагана и наместников. Бронзовые монеты с иероглифами «Благосостояние Кочо» отливались в Турфане. Тюрки внесли в монетное дело свою идеологию — лили монеты с парным портретом кагана и катун (рис. 1). Считают, что новшество приняла Византия, начав чеканить лики императора и императрицы.

Постепенно тюрками усваивались многие цивилизационные достижения покоренных. Науке еще предстоит отыскать духовные скрепы, содействующие устойчивому сосуществованию не только городского

покражи» («Таншу») (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 230).

Рис. 4. Город Суяб (городище Ак-Бешим). Арочный проход в восточной части храма. Конец VII — начало VIII в. Кыргызстан (по: Кызласов Л. Р., 1959. Рис. 16, *5*)

и сельского, но и разного по культуре и мировосприятию земледельческого и скотоводческого разноплеменного населения. Быть может, в такой роли выступала идея единства светской и духовной власти в земном воплощении Тенгри и Умай правящей парой кагана и катун. Только в Западно-Тюркском каганате создавали женские изваяния — катун, подобных Умай. Образ четы богов, до того несвойственный Согду, был воспринят от тюрков. Свидетельства этого открыты при раскопках городов Суяба и Пенджикента. Надписи на монетах отразили в то же время и рост осознанного единовластия.

Разделение на крылья вновь привело к распре и в 658 г. к распаду страны надвое, к длительной четырехсторонней борьбе западных тюрок, племен теле, Китая и Тибета за обладание востоком Средней Азии и Восточным Туркестаном. В стремлении вернуть могущество род Ашина то шел на междоусобицы, то выступал на стороне могучих пришельцев — и тех и других[11]. В Семиречье сложился Тюргешский каганат, овладевший всеми землями. Ему пришлось противостоять Танскому Китаю, заимевшему на реках Тарим и Чу четыре опорных гарнизона (один был в Суябе), Второму Восточно-Тюркскому каганату и арабскому

[11] *Малявкин А. Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 103—126; *Он же.* Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. М., 1984. С. 138—155.

нашествию на Среднюю Азию. В 670-е гг. арабы переходили Амударью с грабительскими экспедициями, довольствуясь данью, захватом трофеев и пленных. Затем полвека шло жестокое завоевание (705—751), встречавшее упорное, но разрозненное сопротивление согдийцев, других местных народов, поддержанных уже вошедшими в их число тюрками и тюргешами. Княжества и города не имели политического единства, а арабы умело усиливали разлад интригами, подкупом, обманом. С арабами соперничала шедшая с востока Танская экспансия, опиравшаяся на свои гарнизоны в Средней Азии. Тюргешский каганат оказался между двух огней. Однако дипломатией, браками и мечом Сулук-каган (711—737) улаживал все дела. Его гибель развязала руки арабам и китайцам. В 751 г. они встретились лицом к лицу на реке Талас, и в результате пятидневной битвы ни те ни другие уже не смогли продолжить свое продвижение в Средней Азии. В 766 г. Семиречьем овладели карлуки — будущие создатели Караханидской державы. В 960 г. они первыми среди тюрков приняли ислам.

Первый (603—630) и Второй (682—745) Восточно-Тюркские каганаты. Краткое укрепление тюркского государства, в VII в. сжавшегося до степей Монголии, было во многом вызвано ослаблением Китая. Власть над Джунгарией и Восточным Туркестаном отошла к племенам теле, затем к западным тюркам. Победа восстания теле (сеянто-уйгурская коалиция) в 628 г. отняла у тюрок земли к северу от пустыни Гоби. В 630 г. каган Хели предпочел капитулировать перед вновь окрепшим Китаем, но, вопреки утвердившемуся мнению, это не было полным поражением страны — тюрки Западной Монголии, объединенные каганом Чеби, сохраняли независимость до 650 г. Все же Китай почти на полвека поглотил государственность восточных тюрков. Их знать получила из рук императоров административную власть над степными пространствами к северу от Великой стены и пустыни Гоби, разделенными по китайским образцам на провинции и округа. Археологи обнаружили на широте Улан-Батора устроенные по примеру мавзолеев дальневосточной знати пышные купольные гробницы тюрков-ашина (иногда с иероглифическим описанием заслуг на каменных скрижалях) — Шорон-дов и Майхан-ул.

История и общество ставшего независимым Второго Восточно-Тюркского каганата известны не только по китайским, но и, впервые в истории, по собственно тюркским писаниям. Высеченные на камнях мемориальные тексты создавались образованными людьми на литературном языке, без диалектных различий и просторечья. Применялся орхонский рунический алфавит, отличавшийся от енисейского — письма Древнехакасского государства.

Впервые письменность становится в степях символом независимости. Отказ от иероглифики и согдийского письма был намеренным: их применяли враги — Китай и тюргеши. На памятных стелах деяния знати продолжают подвиги предков — от сотворения мира и первоправителей Бумына и Истеми. В этом две главных идеи возрожденной страны: наследование Первому Тюркскому каганату и возврат древних установлений. Первое объясняет устройство и политику государства, второе — нашу возможность по орхонским текстам познать тюркскую архаику. Из глубин истории было извлечено и само руническое письмо, лишь к VIII в. получившее государственный статус и улучшенное. Руны сохранили имя вероятного творца державной идеи — Тоньюкука, советника трех первых каганов нового каганата.

В 687—716 гг., усмиряя «четыре угла мира», Эльтериш-каган (682—692) и Капаган-каган (692—716) восстановили границы Первого Тюркского каганата в Центральной Азии: подчинили Монголию, Маньчжурию, Туву, разбили карлуков и

Рис. 5. Мемориал Кюль-тегина на р. Орхон. 732 г. Реконструкция (по: Новгородова Э. А., 1981. Рис. 3)

тюргешей, достигли Сырдарьи, Бильге-каган (716—734) захватил бассейн Тарима. Но возникла угроза с севера — Китай и тюргеши втянули в антитюркский союз Древнехакасское государство.

Видимо, Барс-бег, его правитель из рода кыргыз, был незаурядным человеком. Ранее тюрки пытались сами получить его поддержку: выдали за него дочь основателя государства Эльтериш-кагана и вскоре после 693 г. признали каганом его самого, тем во всем уравняв с собой. «Кыргызский сильный каган», как его называют орхонские надписи, идя на это, также искал мира (ни до, ни веком после древние хакасы не вели внешних войн), но он знал и опасался тюрок. А те не собирались захватывать его земли (ведь они не входили в Первый Тюркский каганат). Подчинив Туву, три полководца в 710 г. напали на Хакасию, пройдя зимой через Саянские горы лишь затем, чтобы убить Барс-кагана. Он пал в бою, и они ушли, оставив страну жить своей жизнью. Эпопея описана в трех тюркских эпитафиях из пяти уцелевших (Кюль-тегина и Бильге-кагана — братьев жены Барс-кагана и его убийц — и Тоньюкука), а балбал Барс-кагана — символ главного убитого врага — был установлен в мемориале самого Капаган-кагана.

Возрождая историю тюрков, Второй Восточно-Тюркский каганат позаботился о вечности: в нем были созданы величественные мемориалы выдающимся деятелям страны (рис. 5). Ваятели пошли дальше портретной скульптуры, запечатлев деяния и думы героев. Величественные стелы испещрены тысячами рунических знаков. Пусть форма этих стел уподоблена монументам Китая (драконы на вершине, постамент-черепаха, вертикали строк), но сами письмена звучат по-тюркски и выражают

тюркские взгляды[12]. Месяцами, как высечено на самих камнях, составлялись эти эпические, поистине художественные тексты — появилась своя интеллектуальная элита, считавшая образованность жизненным предназначением. Деяния Бильге-кагана и Кюль-тегина описал их родственник Йолыг-тегин, среди нескольких тысяч резных знаков на каждой стеле отметивший свою литературную работу и свое имя.

Но каганат не смог достичь былой славы тюрков. Китай ни разу не отдал за каганов своих принцесс. Держава, чтившая доблесть, ослабла в бесконечных битвах. Подвластные народы бунтовали один за другим, наседали враги извне. Бильге-каган вновь «поднял к жизни гибнущий народ», установив мир с тюргешами и Китаем (вклейка, рис. 104). Он стремился к смиренному буддизму (буддийский титул носил и один из его преемников). Но смута росла: Бильге отравили, за 11 лет сменилось семь владык. Карлуки, басмылы и уйгуры дождались мести и в 742—744 гг. совместно уничтожили каганат. Уцелевшие тюрки бежали в Китай и к карлукам, появились даже в Хакасии. Народ сохранял имя и самобытную культуру до X—XI вв.

Хотя к собственно тюркам, как мы видели, нельзя возвести культурные и этнические начала всех тюркоязычных народов (для истории многих из них государства уйгуров, древних хакасов, кимаков и кыпчаков имеют куда как большее значение), в VI в. создав мировую державу, тюрки сыграли огромную историческую роль. Это их государственность вывела на евразийский простор другие тюркоязычные народы, создав условия для их социального вызревания и широкого расселения.

Уйгурский каганат (745—840). Согласно китайским записям, уйгуры вышли из состава племен, впервые упомянутых в конце IV в. К V в. эту группу китайцы называли *гаогюй* (*гаоцзюй*, *гаочэ*), к концу VI в. — *теле* (*телэ*), будучи многочисленной (называют 100 тыс. семей), она обитала от Джунгарии до Селенги. Оба наименования не являются самоназваниями. Первое служит народной этимологией, придавая смысл «телега с высокими колесами» иероглифам, которыми стремились передать звучание иноязычного этнонима[13]. Потому не следует думать, что возникшее таким путем наименование отражает характерную особенность быта. Однако, несмотря на сложность построения, к тому же смыслу последнее время относят и второе наименование — как передачу в китайском реконструируемого монгольского тегрег «колесо > тележник», допуская в нем прозвище тюркоязычного народа[14].

Другое заблуждение, поныне распространенное в литературе, связано с искусственно созданной в IX—X вв. непрерывной цепочкой этнонимов, прямо возводящих уйгуров к центральноазиатским гуннам (сюнну). Здесь проявилось традиционное для Китая обобщенное политико-географическое восприятие варваров, в результате которого историография издревле пребывала в уверенности, что каждый народ всегда жил на своем месте, менялись

[12] Создание памятников с описанием заслуг тюркских предводителей в период их подчинения Китаю проводилось по распоряжению императора (например, хану Сымо в 641 г.), но в тюркском обществе эпитафии появились ранее этого и содержали согдийские надписи. Выходит, камнеписный обряд сложился под двойным посторонним влиянием, дополнив исконную тюркскую традицию поминальных песнопений о героях, звучавших близ их еще бесписьменных стел и портретных изваяний.

[13] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах: Из предисловия к изданию Кудатку-билика. СПб., 1893. (Приложение к LXXII тому Записок Императорской Академии наук. № 2). С. 15, 16; *Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии: Материалы и исследования. Новосибирск, 1981. С. 84.

[14] Критику см.: *Clauson G., sir.* The name Uygur // Journal of the Royal Asiatic Society. 1963. Pt. 3—4. P. 148; *Клосон Дж.* О названии «уйгур» // Исследования по уйгурскому языку. Т. 1. Алма-Ата, 1965. С. 218.

лишь имена племен, этнически преемственных друг другу.

Имя самих уйгуров надежно зафиксировано в памятниках младшего орхонского рунического письма VIII—IX вв. и последующих тюркоязычных текстах Восточного Туркестана вплоть до второй половины XVI в. Не позднее первой половины IX в. оно уже стало общим самоназванием народа и именем страны («уйгурская земля» в Суджинской надписи, «Великое Уйгурское государство» на печати), то есть в значительной мере превратилось в политоним. Несмотря на предпринимавшиеся с раннего Средневековья попытки этимологизации, оно не может быть понято на почве тюркских языков[15], то ли восходя к глубокой, уже забытой языковой древности, то ли сохраняясь от субстратного дотюркского населения. Заслуживает внимания мысль о том, что имя уйгуров, подобно ранним именам хакасов и тюрок, возникло как наименование новой общности после слияния ряда племен. Отсюда и самоназвания объединения: *он уйгур* и *токуз уйгур* — «десять уйгуров» и «девять уйгуров», то есть десяти(членные) уйгуры и девяти(членные) уйгуры[16]. В таких названиях необязательно видеть точные числовые определения, они были распространены у самых разных народов и могли отражать сакрализацию определенных чисел (особенно деление на 9 родов, племен, подразделений и проч.).

Союзные уйгурам племена теле не только осознавали, но и применяли свою силу, стремясь, например, в конце V — начале VI в. овладеть бассейном Тарима. Создатель Первого Тюркского каганата Бумын одолел жужаней, лишь подчинив племена теле (сеянто, уйгуров, байирку, пугу, эдизов, тонра и др. — всего 15) и усилив ими армию. И позднее, согласно источникам, их силами «тюрки геройствовали в пустынях севера», а те «со скрежетом зубовным» ждали дня мести («Таншу»). При остроте внутренних противоречий в 628 г. разрозненные выступления выросли в общее восстание, которое решило судьбу Восточно-Тюркского каганата. Став суверенными, сеянто и уйгуры прислали послов в столицу империи Тан Чанъань. Сжатый с севера и юга каганат в 630 г. предпочел капитулировать перед Китаем[17]. Постепенный возврат тюрок в степи в 640-х гг. вызвал борьбу с сеянто, выступавшими совместно с иными племенами теле. По давнему правилу «руками варваров — подавлять варваров» теперь Китай встал на сторону тюрок. После 642 г. не без интриг Китая коалиция теле распалась. Уйгуры с начала VII в. стремились к лидерству. В 646 г. сеянто были сокрушительно разбиты китайцами и уйгурами, предводитель последних Тумиду «назвал себя каганом, учредил должности все, как у тюрок» и объединил теле. Ученые иногда называют период 647—682 гг. Первым Уйгурским каганатом[18]. В 660—663 гг. он выдержал войну с устремившейся в степь Танской империей. Но когда тюрки в 679—682 гг. возродили свой каганат, они вновь подчинили теле. Борьба не прекратилась: восстания поддерживал Китай, не желавший

[15] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах: Из предисловия к изданию Кудатку-билика. С. 1—14; а также близко следующий ему Дж. Клосон: *Clauson G., sir.* The name Uygur. P. 140—149; *Клосон Дж.* О названии «уйгур». С. 209—220.

[16] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.; Л., 1966. С. 23—26. В «Таншу» числительные в этнонимах связаны с числом рек (10 или 9), между которыми жили те или другие уйгуры (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 304).

[17] Здесь и далее основы политической истории см.: *Малявкин А. Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии.

[18] Там же. С. 117—122; *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989. С. 18, 332.

усиления соседей. Капаган-каган покорял племена теле, одно за другим, и погиб в борьбе с ними в 716 г. Бильге-кагану пришлось душить их восстание уже в 718 г. В итоге совместно с карлуками и басмылами уйгуры уничтожили Тюркский каганат и в 745 г. создали мощную державу, почти сто лет господствовавшую в Центральной Азии и после разгрома более трех столетий существовавшую в виде Турфанского княжества.

Начиная с земель к северу от Гоби, господство Уйгурского каганата быстро простерлось от Монгольского Алтая и Восточного Туркестана до Маньчжурии и от Байкала до Китая. В 750—751 гг. уйгуры подчинили тюркоязычных чиков Тувы, в 758 г. победили древних хакасов. Их власть за Саянами была недолгой — северная граница и на этот раз прошла в Туве[19].

Наибольшего величия страна достигла, подавив своей конницей в Китае восстание Ань Лушаня (755—763), чем спасла династию Тан, но фактически покорила ослабевший Китай, плативший Уйгурии дань до самой гибели каганата. Император Суцзун выдал дочь за Элетмиш Бильге-кагана (747—759), признав равенство обоих правителей. Подобные династийные браки заключались и в дальнейшем. Выданная за кагана Алп Кутлуга в 787 г. китайская принцесса затем стала супругой четырех быстро сменявшихся каганов (вспомним роль *катун* для признания власти законной). Если учесть все виды уйгурской государственности от каганата до отдельных княжеств, то окажется, что она просуществовала более 450 лет: 745—1209 гг. — срок, превышающий подобный опыт любых других тюркских народов Центральной Азии раннего Средневековья. За редким исключением, всегда и всюду правящим у уйгуров был род яглакар. Показательно, что получившая в 795 г. власть династия эдизов приняла родовое имя яглакар. Высшим титулом страны был *бильге-каган* («мудрый каган»).

Загадка — отношение уйгуров к тюркской государственности. Уничтожив каганат, страна, как и в VII в., восприняла его политическую культуру и чиновничий штат, расположила столицу в той же долине Орхона, применяла орхонское руническое письмо и продолжала установку официальных памятных стел. В их текстах нет легенды о предках, речь идет о каганской власти, дарованной Небом и Землею. Однако бытующее у историков мнение, что формы государственности в Уйгурском каганате во всем «были аналогичны общетюркским»[20], основано на излишне обобщенном взгляде. Власть в державе была не лествичной, а наследственной, и такое своеобразие традиционно для уйгуров — летописями оно отмечается для трех поколений правителей задолго до VIII в.: примерно с 663, для 680—681 и 716 гг.[21] Статус катун заметно выше тюркского: имя правительницы высекалось на камне рядом с каганским (Терхинская стела, строка 1). В управлении ниже правящей пары стояли 4 вельможи рода яглакар (левый и правый шады, великий тутук, полководец в чине балань), затем 3 внутренних и 6 внешних министров-буюроков, наконец, 11 тутуков (управлявших 9 племенами теле, басмылами и карлуками)[22].

Веками входя в чужие каганаты, уйгуры сохранили самобытность. Их страна стала высококультурным, хорошо органи-

---

[19] Уйгурские древности изучены археологами только в Туве: *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. С. 44—52; *Он же.* История Тувы в средние века. С. 56—87; *Он же.* Древняя Тува: От палеолита до IX в. М., 1979. С. 145—199; *Он же.* Культура древних уйгур (VIII—X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 52—54, 100, 101, 140—143.

[20] *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 122, 123.

[21] *Малявкин А. Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. С. 120, 123. Примеч. 117.

[22] *Камалов А. К.* Древние уйгуры VIII—IX вв. Алматы, 2001. С. 126—136.

зованным государством, с развитым историческим самосознанием. Так, рунический текст стелы Могойн Шине-усу выстроен строго хронологически, по сути являясь летописью правления Элетмиш-кагана (747—759). Показательным новшеством стало постоянное обозначение авторства камнеписных текстов — у основания стел вырезаются личные отметки их создателей[23]. Судя по тамгам, это члены одной аристократической семьи, а составление памятных надписей было наследственным делом — в землях Центральной Монголии тамги этого типа прослежены в четырех-пяти поколениях[24].

Страна имела активные связи с Китаем и Средней Азией, осознанно обогащая свою культуру их достижениями. При уйгурском господстве количество согдийских колоний в Центральной Азии резко выросло. Неверно называть Уйгурский каганат кочевой державой, поскольку именно уйгуры насаждали городскую культуру в Монголии и Южной Сибири. В отличие от тюрок, они планово вели градостроительство, даже там, где его до них не было. Вскоре после 750 г. новым для степей образом укрепили они и свою северную границу: привлекая согдийцев, возвели вдоль южных склонов Саянских гор 17 крепостей, большинство из которых были заселены, а также связывавшую их сплошную глинобитную стену протяженностью в 230 км (рис. 6). Одновременно этим были защищены самые плодородные земли Тувы. Эти памятники широкой дугой направлены к южным склонам хребтов Западного Саяна. Слова уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (Моюн-чура), в 759/760 г. высеченные орхонскими рунами на каменной стеле, подтверждают определение археологов: «...там я заставил построить крепостные стены», а призывы кагана, запечатленные на другой стеле, указывают, что границами страны служили горные цепи: «По... <такому-то хребту> южную границу, по Алтунской черни (совр. Алтай) западную границу, по Кёгмену (совр. Западный Саян) северную границу защищай»[25].

Глава уйгуров жил в Ордубалыке («Стольный город») на Орхоне, о строительстве крепостей в 750—751 гг. от имени Элетмиш-кагана говорит надпись Могойн Шине-усу, по приказу Боян-чора (Моюнчура) в 756—757 гг. был построен Байбалык («Священный город») на Селенге, Бёгю-каган (759—779) возводит дворцы для жилья, существовал уйгурский Хатунбалык, то есть «Город катун (Царицын город)»[26]. Разумеется, в стране высока была роль скотоводства, в том числе кочевого, на этом держались великолепная уйгурская конница и торговля лошадьми. Но в каганате осознанно развивали и другие отрасли экономики, особенно земледелие, горное дело и ремесло, контролировали торговые пути, уже в IX в. создали на них сеть почтовых станций.

Пестрый племенной состав и принцип конфедерации, скреплявший каганат, не раз приводили к внутренним смутам. Однако достигнутое в условиях централи-

---

[23] *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 95. Табл. 1; *Он же.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 21—23. Табл. 2.

[24] *Кызласов И. Л.* Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 115. Рис. 6, 7.

[25] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 32, 36, 40; *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись (предварительная публикация). С. 90, 92.

[26] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 34, 38, 43; *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. С. 37; *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983. С. 22.

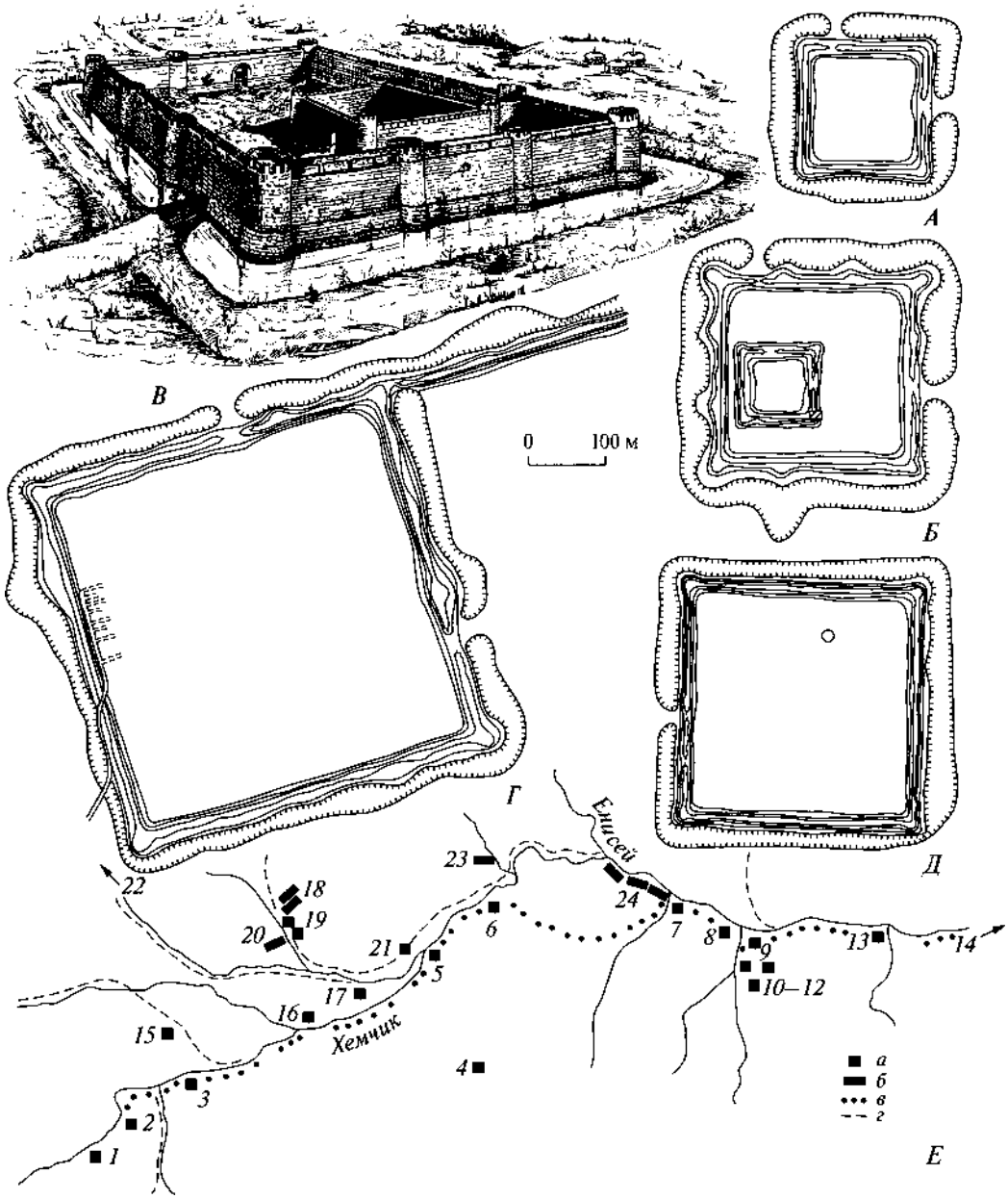


Рис. 6. Уйгурские укрепления в Туве. Середина VIII — первая треть IX в.

А — план IV Шагонарского городища; *Б* — план III Шагонарского городища; *В* — реконструкция III Шагонарского городища; *Г* — план I Шагонарского городища; *Д* — план II Шагонарского городища; *Е* — расположение пограничных крепостей и укреплений древних уйгуров (*1—13, 15—17, 19, 21*) и древних хакасов (*14, 18, 20, 22—24*): *1* — Бай-Тал (верховья р. Хемчик); *2* — Тээли; *3* — Эльдег-Кежиг (р. Барлык); *4* — I Бажын-Алак (р. Чадан); *5* — Баян-Тал; *6* — Ийме; *7* — II Бажын-Алак (пос. Чаа-Холь); *8* — V Шагонарское; *9* — I Шагонарское; *10* — II Шагонарское; *11* — III Шагонарское; *12* — IV Шагонарское; *13* — Барыкское; *14* — Усть-Элегестское, каменный бастион; *15* — Эдегейское (пос. Хонделен); *16* — Алдан-Маадыр; *17* — Бора-Тайга (или Ак-Оруу); *18* — I Манчурек, с двумя каменными стенами; *19* — II Манчурек, глинобитный бастион; *20* — III Манчурек, каменная стена; *21* — Устье Ак-Суга; *22* — Верховье Ак-Суга, каменная стена; *23* — Ишкин (Алды-Ишкин?), каменные стены; *24* — Мугур-Саргол, каменная стена. *а* — глинобитные крепости; *б* — каменные стены; *в* — длинные глинобитные стены; *г* — начала троп через Саяны (по: Кызласов Л. Р., 1981. С. 52—54, 101. Рис. 31)

зации власти государственное и этническое единство явственно демонстрирует археологическая материальная культура. Уйгуров VIII—IX вв. от соседних стран и народов отличают не только своеобразные нормы городского и крепостного строительства, как и погребальных обычаев, но и бытовые изделия, нередко указывающие на центральноазиатские корни этой культуры: глиняная посуда, ее типы и орнаментика, конструкция луков, формы наконечников стрел и др. Портретные мужские статуи уйгуров не похожи на тюркские — они передают иные прически, держат сосуд в двух руках, не имеют оружия. Вероятно, в этом отразилась смена идеологии: воинственной на чиновную, в чем могло сыграть роль манихейское миролюбие. Именно этот скульптурный канон, воспринятый кимаками и кыпчаками Казахстана, достиг Урала и Европы в облике половецких изваяний.

В 763 г. вернувшийся из китайского похода Бёгю-каган официально ввел в каганате одну из мировых религий того времени — манихейство, отличавшуюся особой ученостью и книжностью, развитой церковной организацией, монашеством, активным миссионерством, сооружением храмов. Службы всюду велись на родных языках вновь обращенных, применялись и письмена приобщаемых к вере стран, в том числе руны. Грамотность усиленно насаждалась: при храмах существовали библиотеки и классы для занятий (вклейка, рис. 105). Возникнув в Вавилонии в III в., а к VIII в. связанная со Средней Азией, затем — Восточным Туркестаном, эта религия широко раздвинула культурные горизонты населения. Вероисповедание требовало миссионерства, и уйгуры не только активно проповедовали манихейство за пределами каганата, но и защищали единоверцев в других странах — будь то Средняя Азия или Китай. От них манихейство в VIII в. проникло на Енисей в Древнехакасское государство. Археологическими раскопками доказано, что в Хакасии первые манихейские храмы возведены при прямом участии уйгуров с привлечением согдийцев Восточного Туркестана. Под уйгурским влиянием в 807 г. были, например, построены манихейские храмы близ китайской столицы Чанъань (в городах Хэнань и Тайюань). Манихейство укрепило связь каганата с Восточным Туркестаном, где были его давние центры. История уйгуров знает времена притеснения манихейства (779—795), начавшиеся с убийства Бёгю-кагана, но в 795 г. вероучение утвердилось вновь.

Несмотря на использование в каганате орхонских рун, с манихейскими миссионерами в степи Монголии вернулось согдийское письмо, но им писали уже по-тюркски (языком орхонских текстов). Так сложилось новое связное и скорописное письмо, обычно называемое уйгурским. Время его возникновения точно не установлено (к 745—751 гг. относят доклады уйгурских послов, позднее переведенные на тибетский[27], каким было их письмо — неизвестно), но к IX в. оно уже стало официальным — с ним впервые в регионе началась отливка бронзовых монет с титулом и именем на аверсе и фразой *иль тутмыш йарлыгынга* «повелением самодержца» на реверсе. Уйгурское письмо просуществовало до XVIII в. и, оказав большое влияние на другие народы, было вытеснено арабским письмом ислама.

Но, в отличие от тюрок, активно развивавшаяся страна отрезала от мира северян. История каганата с первых лет наполнена непрерывной борьбой против него Древнехакасского государства, возглавлявшегося родом кыргыз. Последняя война, начатая древними хакасами в 820-х гг., продолжалась 20 лет, вызвала полосу уйгурских междоусобиц и в 840 г. погубила Уйгурское государство. Выйдя за Саяны, конные корпуса преследовали разбегавшихся уйгуров до Амура, Китайской стены, оазисов Тари-

[27] *Камалов А. К.* Древние уйгуры VIII—IX вв. С. 56, 86.

ма. Покинув родину, двигаясь отдельными потоками, группы беженцев в разных местах создавали самостоятельные кратковременные образования, в основном по линии Ганьсу—Турфан—Куча. Лишь в Восточном Туркестане они объединились в единое Турфанское княжество с центром в Бешбалыке, а с 913 г. в Кочо, просуществовавшее три с половиной столетия (866—1209).

Не случайно именно там осело большинство беглецов, а позднее развилась новая уйгурская государственность: предки уйгуров стремились подчинить бассейн Тарима еще на рубеже V—VI вв., Уйгурский каганат укрепился в районе Бешбалыка с первых лет существования. В многоплеменной стране с развитой экономикой и территориальным делением уживались оседлость и кочевание: к северу от Восточного Тянь-Шаня господствовал степной уклад, к югу находились древние крупные города с земледельческой и ремесленной округой, международной торговлей, процветавшей духовной культурой — со множеством буддийских храмов и монастырей, манихейских святынь и несторианских церквей. Сухость климата и песчаные почвы сохранили многоцветные настенные росписи и разноязыкие рукописи (в том числе и орхонского рунического письма), преимущественно религиозно-философские, но также личные, канцелярские и юридические документы. Найденные древнеуйгурские тексты написаны на семи разных алфавитах. Такое многообразие привело к переводческой деятельности, к появлению рукописных, а позднее печатных книг. Осознается и ценится авторство. Огромный город Кочо был фактически монастырско-храмовым. Показателен титул верховного владыки — *идикут*, соединивший архаичные общетюркские понятия *ыдык* (*ыдук*) «священный» и *кут* «благодать, богоданная жизненная сила».

Упадок страны происходит в XII в.: после 1137 г. она спаслась, без боя признав власть *кара-киданей*, в начале XIII в. уйгуры так же добровольно сдались Чингисхану. Но новое господство, повлекшее участие в походах, привело страну к гибели.

Культура каганата и Турфанского княжества заметно повлияла на монгольские народы. Уйгурское письмо стало официальным в империи Чингисхана, достигнув с ней Поволжья.

Древнехакасское государство (VI в. — 1293 г.). Страна, которая именуется Древнехакасским государством (а по имени династийного рода в средневековых источниках часто называется Кыргызским), оказалась одним из самых крупных, развитых и долговременных государств Сибири. На среднем Енисее, где оно сложилось, стабильность населения и его традиций отмечают хорошо изученные древности, беспрерывно и преемственно развивавшиеся с I в. до н. э. до XVIII в.[28] Столь же долго, до XIX в., здесь сохранялся и единый погребальный обряд: умерших сжигали, захоранивая прах под каменными курганами. При активных внешних связях и угрозах страна на протяжении всего Средневековья была самостоятельна. Она не входила в Тюркские каганаты. В 632 г. возглавляемое эльтебером государство выходит на мировую арену, заведя регулярные посольские связи с Китаем по инициативе прознавшего о стране Танского двора, к концу VII в., при Барс-беге, признается каганатом, сохраняя этот статус, по-видимому, до XII в. Нередко применяемое в литературе понятие «Кыргызский каганат» не охватывает всю известную средневековую историю местного государственного развития.

Противодействуя тюркам и уйгурам, в 758 г. на 85 лет отрезавшим страну от Китая, Древнехакасская держава в 20-летней

[28] См. разделы Л. Р. и И. Л. Кызласовых в книге: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

войне разгромила Уйгурский каганат и к середине IX в. овладела огромным пространством Сибири и Центральной Азии — от Иртыша до Байкала и от Ангары до Гоби, в походах выставляя 70-тысячные корпуса и доходя до верховьев Амура на востоке и Кашгара на западе. В X—XII вв. она поэтапно оставила южные степи (и их заняли монгольские народы), но сибирские рубежи от Оби до Байкала, несмотря на нашествие Чингисхана и его преемников, в Южной Сибири занявшее целое столетие (1207—1293), удерживаются до XVIII в. После распада огромной страны в XIII в. имя кыргызов — последней тюркоязычной знати Центральной Азии — осталось на Саяно-Алтае среди хакасов, алтайцев, тувинцев и было воспринято другими тюркскими народами — предками кыргызов Тянь-Шаня, киргиз-кайсаками, то есть казахами, якутами, отложилось в формировании узбеков, башкир (имеющих и подразделение *гакас*) и т. д.[29]

Политическая система древних хакасов, с момента ухода гуннов в середине I в. до н. э. знавшая только власть кыргызского рода, была самобытна. Высший титул сохранял древние корни: внутри страны каган носил самодийский, как можно думать, титул *ажо*, доживший до XVIII в. (отмечен в русских документах 1700—1714 гг.)[30], а система управления сходным с Китаем образом («гораздо более, чем тюркский и уйгурский»[31]) делилась на 3 главноначальствующих, 6 разрядов-министерств, насчитывая 38 постоянных должностей и изменчивое число полководцев и тарханов[32]. Эту особенность, вероятно, следует объяснять династийным правом рода кыргыз, возводимым на Енисее к пленному китайскому полководцу Ли Лину, бывшему при гуннах в 98—75 гг. до н. э. правителем Южной Сибири, и через него — к Танскому императорскому роду Ли. В 706—711, 841—846 гг., а поначалу, видимо, и в 632—654 гг. китайский двор неоднократно признавал это родство устами своих императоров и посольств. Очевидно, династийная легенда вызвала устроение монаршего двора — Древнехакасское государство искало свое место среди царств Востока. Не случайно в надгробных надписях Енисея и супругу каждого князя называют *кунчуй* (от кит. «принцесса»).

Ряд схождений дополняет, пожалуй, показательный государственный акт, обнаруженный при анализе эпиграфических данных: в начале IX в. после захвата Тувы у отступавших уйгуров она была разделена на шесть округов-багов. Эти земли так и звали в енисейских рунических надписях «шестиудельной (страною) Кешдим», а их население — «народом шести подразделений» (*алты баг будун*)[33]. В период укрепления отношений Древнехакасского государства и Китая, обсуждавших родство своих правящих домов, Танский двор на протяжении столетия, с 631 по 720 г., именно на шесть округов систематически делил взятые под контроль земли соседей. Это означало

---

[29] Здесь и далее исторические источники см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 350—357; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 55—60. Анализ письменных известий см.: *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века.

[30] *Кызласов Л. Р.* Когда исчезла енисейская руническая письменность южносибирских тюрков // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1992. № 6. С. 33—34; *Он же.* О присоединении Хакасии к России: (Страницы истории и современность; Вып. 2). Абакан; М., 1996. С. 43—46.

[31] *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. С. 125.

[32] Там же. С. 123—125.

[33] *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3. С. 93—120. Рис. 16, 17; *Он же.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38—49.

включение их во внутреннее устройство империи. Хотя «приверженность танских администраторов к цифре „шесть“ мы пока объяснить не можем»[34], это не препятствует видеть в ней возможный образец для южносибирских правителей, простерших свою власть за первоначальные границы. Однако самобытность видна и здесь, поскольку термин *баг* заимствован не из китайского, а из восточноиранских языков[35]. Поскольку после 758 г. «хягасские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство»[36], это, вероятно, вызвало обостренное чувство утраты былого международного положения, что сказалось на том упорстве и жестокости, с которыми правители-кыргызы добивались погибели уйгурской державы.

Династийные браки связывали владык страны с правящими домами тюрок, тюргешей, карлуков. Система вассалитета отмечена в рунических эпитафиях, речь в них идет о «моем хане (который выше) и моих подданных (которые ниже меня)», известен призыв: «мой сын, служи хану» и т. п. Золотая и серебряная посуда гравирована надписями: «Подати, будьте выплачены», «(Это) чистейшее из (видов) золота», «Предназначенную князю подать мы даровали», — бытовал налог изделиями из драгоценных металлов, он назывался *кюмюс* (букв. «серебро») (вклейка, рис. 106). Свободные мужчины-*эры* составляли народ *бодун*, этим словом именовалась и армия. О жителях Восточных Саян, скорее кето- и самоедоязычных, в частности, сообщают: «Хягасы ловят их и употребляют в работу» («Таншу»). Каков был порядок управления иным многоплеменным населением большой страны, сведений нет. Известно, что «ясачные вносят подать соболями и белкой» («Синь Таншу»). Несомненна также жестокость кыргызских правителей. То и другое отмечают русские документы еще и в XVII в.

С VIII в. войны с соседями велись весьма активно. «Худуд ал-Алам», персидский источник X в., утверждает: «...несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют»[37] (рис. 7). Однако на фоне вечной борьбы племен теле друг с другом и против тюрок, происходившей внутри Тюркских и Уйгурского каганатов, показательно отсутствие подобных данных о внутренней жизни державы, возглавлявшейся кыргызами. Напротив, для некоторых дальних земель известны свидетельства утопической идеализации этой страны и условий жизни в ней[38]. Так или иначе, но Древнехакасское государство веками создавало политическое единство многоязыкого и разнокультурного населения Южной Сибири.

Большинство населения жило оседло. Сила страны заключалась в комплексном хозяйстве. Земледелие издревле было пахотным и орошаемым (отмечены девять видов злаковых культур, пять разных видов каналов длиной до 40 км, дамбы, в XII в. — водяные мельницы, товарный хлеб выво-

---

[34] *Малявкин А. Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. С. 105, 106. Примеч. 14.

[35] Ср. шесть округов согдийцев в Южном Ордосе, называемых в рунических надписях Орхона altï čub soγdaq, где čub есть калька с китайского *чжоу* «округ» (Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969. С. 39); *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 78—80, 93, 94.

[36] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 355.

[37] Цит. по: *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. С. 69.

[38] *Кызласов Л. Р.* Низами о древнехакасском государстве // Советская археология. 1968. № 4. С. 69—76; *Он же.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 97—108.

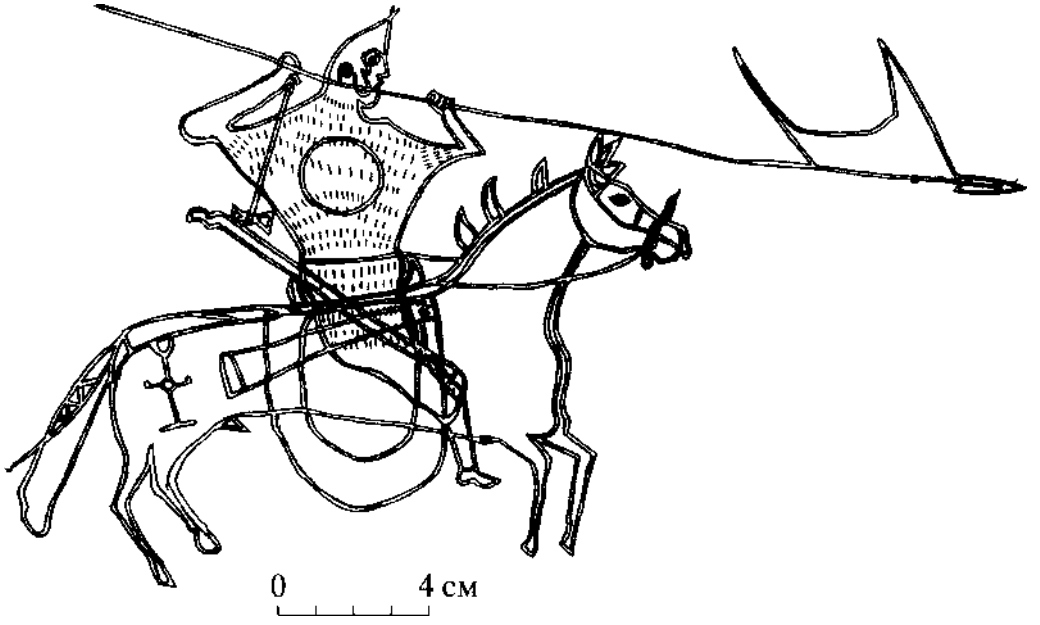


Рис. 7. Наскальный рисунок IX—X вв. Писанная гора. Хакасия (по: Кызласов Л. Р., 1969. Рис. 41)

зился еще в XIV в.). Знавшее селекцию животноводство было пастушеским, основанным как на выпасах, так и на стойловом содержании с сенокошением (в стаде преобладали коровы — до нескольких тысяч голов, конские табуны состояли из скаковых, рабочих и мясных пород, разводили верблюдов, свиней и кур, в горах — яков и северных оленей). Развитое горнорудное дело поставляло медь, железо, олово, серебро и золото. Искусство металлургии и совершенство обработки металла славят хроники и отмечают археологи (вклейка, рис. 107). Процветало ювелирное дело, снабженное специальным инструментом. Помимо внутренней торговли (меновой и с денежным обращением: находки монет обильны, о казне без числа говорит надмогильная надпись), в описаниях и предметных древностях отразилась широкая и активная дальняя торговля (с Китаем, Тибетом, Средней Азией, Афганистаном). Она опиралась на государственную поддержку в виде караванных конвоев и заключения договоров, определявших объем и регулярность поставки товаров.

В XI—XII вв. известность страны достигла Закавказья и Средиземноморья — о ней пишут Низами Гянджеви (совр. Азербайджан) и ал-Идриси (остров Сицилия), а ее идущие через Сибирь и Южный Урал караваны, оберегаемые конвоями, доходят до Волжской Булгарии (археологические находки в 44 пунктах) и Руси (изделия встречены в 10 городах: Новгороде, Смоленске, Гродно, под Киевом, на Оке, Доне, Збруче)[39]. В Приуралье и Поволжье поставки искусных древнехакасских изделий, проис-

[39] *Руденко К. А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. Казань, 2001; *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. С. 6—10; *Он же.* Новое в жизни Восточной Европы в XI—XII веках: (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба. М., 2018. С. 228—250.

ходившие на протяжении нескольких веков, вызвали моду и местные подражания, что было, вероятно, связано с существованием там торгово-ремесленных факторий и принятием на службу приходивших с дружинами князей-кыргызов. Складывается Великий Сибирский путь, связавший Восточную и Центральную Европу с Южной Сибирью. Его значение в дальнейшей исторической судьбе России оказалось исключительно велико — по нему шло впоследствии присоединение Сибири[40].

Источники говорят о четырех городах, бывших на Енисее, о быте правителей, нравах и законах (смерть за четыре проступка: три против государства и за воровство[41]), праздниках, музыке. Люди жили в рубленых юртах. В эпоху борьбы с тюрками и уйгурами возводятся крепости на горах — нежилые убежища со стенами, выложенными из плитняка без раствора. Разбитые войска разбегались по крепостям, сохраняя воинов и удерживая земли. Эти крепости использовались до XVIII в.

До VIII в. граница страны шла по хребтам — стены закрывали выход Енисея из теснин (то есть дорогу по льду) и тропы в Саянах (рис. 6). В степи, окружая урочища, стены и рвы тянутся от 4 до 25 км. С IX по XVIII в. внешние границы прошли по крупным рекам — Иртышу, Оби, Ангаре, Селенге, позднее по Урюпу.

Енисейское руническое письмо (отличавшееся от орхонского, но родственное ему) демонстрировало независимость, было официальным и всюду внедрялось в Срединной Азии с ростом государства. Одних руководителей секретариатов в стране было 15. Поминальные тексты высекались на стелах, писались от лица умершего, были лишены психологии рода-племени, сугубо индивидуальны, выдавали за высшую ценность имя и доблесть мужчины-эра, его семью, личную вотчину-*эль*, хана-сюзерена, боевых товарищей. И лишь после всего этого — богатство (не только коней и скот, но и пашни, деньги и проч.). Письмом владели знать и простонародье, монахи и воины: известно более 300 надписей, вырезанных на стелах, скалах, предметах. В курганах найдены чернильницы и перочинные ножи писцов, на скалах — строки, выведенные красной и черной тушью при помощи тростниковых перьев и кисточек.

С VIII в. государственной религией страны стало манихейство[42]. С ним, имевшим Писание и книжную культуру, знавшим астрономию и почитавшим планеты, в городах возникли монументальные храмы, сложенные из сырцового кирпича (на реке Абакан и ее притоках они изучены археологами) (вклейка, рис. 108). Наскальные надписи полны молитв и духовных исканий. Есть отметки проповедников и миссионеров.

Культура древних хакасов широко воздействовала на другие народы. Это особенно заметно в художественной обработке металла, в VIII—X вв. повлиявшей на изделия курыкан, чжурчжэней, киданей, народов степного Алтая, в XI—XII вв. — на волжских булгар, древних удмуртов, марийцев, мордву, а в XIII—XIV вв. — на кыпчаков и даже на официальный стиль Монгольской империи. Еще одной сферой воздействия стала область духовности — манихейская религия была воспринята киданя-

[40] *Кызласов И. Л.* Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 2. Казань, 2007. С. 63—70.

[41] «Законы их очень строги. Произведший замешательство пред сражением, невыполнивший посольской должности, подавший неблагоразумный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее» («Таншу») (*Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. С. 353).

[42] *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1998. № 3. С. 8—35.

ми и другими монгольскими народами, в IX—X вв. — кимаками Прииртышья; вместе с енисейским руническим письмом и с именем бога *Кудай* достигло Иссык-Куля и Сырдарьи, берегов Каспия. Почему всюду гонимое манихейство было официально принято лишь тюркскими народами — неразгаданная загадка истории.

Накопленная экономическая мощь привела к столетнему сопротивлению монголам (длившемуся с 1207 до 1293 г.), на поколение задержав продвижение Чингисидов на запад. Восстание 1218 г. охватило многие земли Южной Сибири и было подавлено Джучи-ханом, армия которого, действуя на Енисее, прошла Саяны по льду. Монгольские междоусобицы в 1273 г. привели к потере Тувы и Хакасии, где на 20 лет вернулось самовластие рода кыргыз. Лишь в 1293 г. карательная армия юаньского полководца Тутухи сумела покорить мятежников. Эту дату считают годом гибели Древнехакасского государства.

Кимакский каганат (вторая половина IX — первая половина XI в.). Знания китайской историко-географической литературы о северо-западных пределах Азии в раннем Средневековье не распространяются далее Иртыша. Слово *кимаки* (*кимак*, *кимек*) — название раннесредневекового тюркоязычного народа и политического объединения — встречается лишь у арабских и персидских географов IX—XI вв. (упоминается также в XII—XIII вв., а в переложениях ранних текстов — до XVII в.). Этимология имени неясна. В XI в. употребляется тюркская форма имени — *йемек/имек*, которую иногда сближают с яньмо китайских известий о Западно-Тюркском каганате середины VII в. Кимаки неизвестны орхонским надписям VIII — середины IX в., то есть тогда этот народ, вероятно, еще не имел своей государственности[43].

Состав кимаков сложен, источники называют от 7 до 12 племен. По преданию, первый правитель — беглец, собравший у себя 7 человек, затем 700, породивших весь народ (тот же легендарный сюжет встречаем и в повествованиях о начале Второго Восточно-Тюркского каганата и Древнехакасского государства). Вероятная родина кимаков — Верхнее и Среднее Прииртышье, откуда после 766 г., сменяя карлуков, они продвинулись на запад до Джунгарского Алатау. Севернее озера Балхаш кочевья кимаков доходили до приуральских земель огузов и бассейна Камы. Язык кимаков, по данным Махмуда Кашгари (XI в.), в современной лингвистической систематике относят к кыпчакской группе. С конца VIII в. из состава кимаков выделялись кыпчаки, вышедшие на передний план с гибелью Кимакского каганата в XI в. Часть кимаков обитала на правом берегу Иртыша вне Кимакского каганата, в политических пределах Древнехакасского государства. Эти данные подтверждаются характерными археологическими памятниками.

В степях Казахстана кимаки кочевали, разводя овец, лошадей и верблюдов, в Прииртышье и Семиречье вели комплексное хозяйство, занимаясь горным делом (добычей железа, золота, серебра, драгоценных камней), пастушеством (с преобладанием коров и коз), пахотным земледелием (выращивая пшеницу, ячмень, рис, бобовые, виноград) и бортничеством. Разнообразились и способы охоты: с ловчими птицами и гончими собаками; устройством облав; зимний пушной промысел на лыжах (добывались соболи, горностаи, лисицы, но также и тигры, барсы). Распространенным было и рыболовство (включая лов осетровых).

---

[43] Анализ основных письменных источников см.: *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. Ср. ряд новых позиций: *Кумеков Б. Е.* Государство кимеков и его наследники в евразийских степях // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2004. № 1. С. 30—32. Основное археологическое изучение Прииртышья проводилось с 1960-х гг. учеными Казахстана, Москвы и Ленинграда.

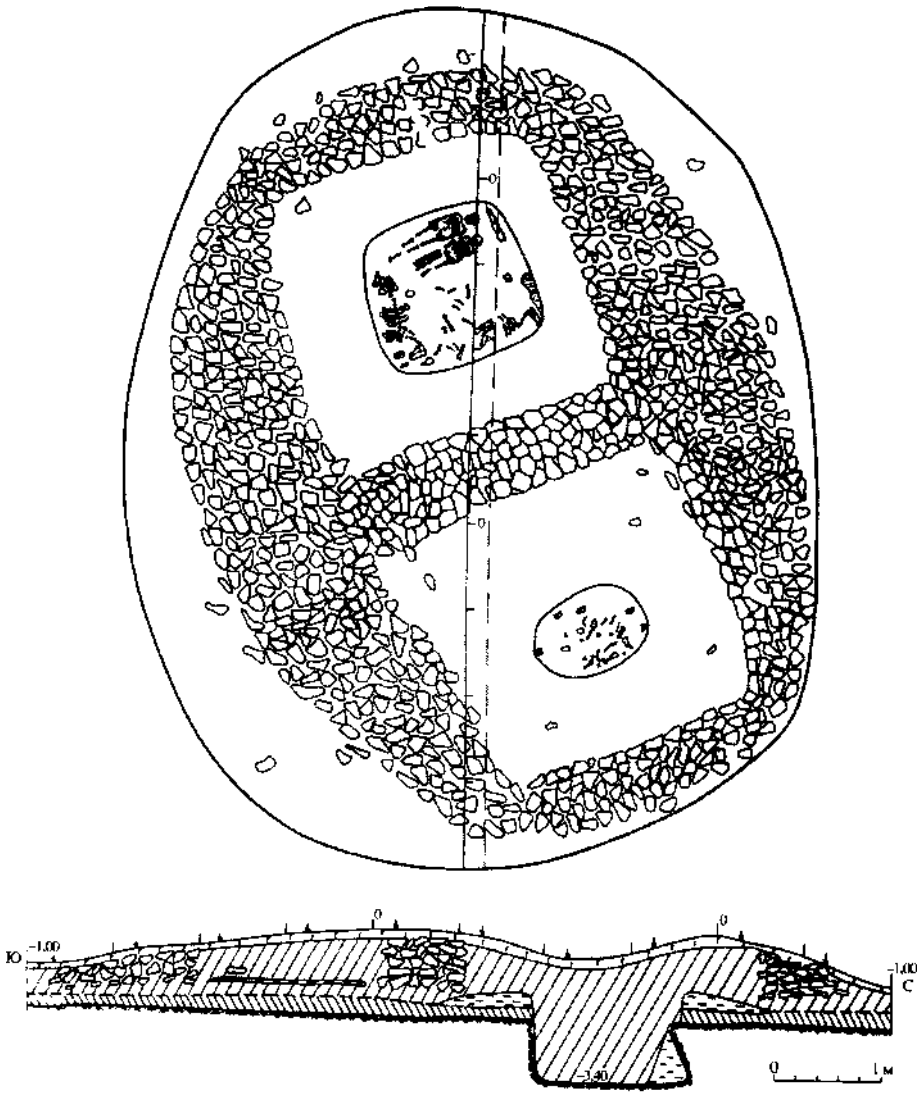


Рис. 8. План и профиль сомкнутых курганов кимаков IX—X вв. Прииртышье (по: Могильников В. А., 2002. Рис. 40)

Такой сложный образ жизни привел к разнообразию поселений и жилищ кимаков: источники называют стоянки, деревни, города; войлочные юрты, крытые шкурами шатры, землянки. Сооружались и деревянные колодцы. О ремесле известно мало, но его высокий уровень несомненен: кимаки славились, например, ртутной плавкой золота и искусной обработкой железа. Эти данные подтверждены археологией: многочисленны находки не только искусно выкованных предметов, но и художественных бронзовых украшений мужского и женского костюма и сбруи коней. Среди них нередки и позолоченные изделия. В землях кимаков источники называют и железные рудники.

Древности кимаков изучены недостаточно. Выделены плоские квадратные и прямоугольные каменные курганы (рис. 8), примыкающие друг к другу семейной цепочкой с юга на север. Умершие лежат голо-

вой на восток. Вероятно, кимакам отчасти принадлежат круглые поминальные ограды с несколькими антропоморфными изваяниями-стелами, установленными с востока. Антропологические данные указывают на малую долю монголоидности прииртышских племен.

Кимакский каганат, занимая обширную территорию, был многоплеменным государством, сложившимся во второй половине IX в. после гибели Уйгурского каганата и существовавшим до первой половины XI в. в Северо-Восточном и Центральном Казахстане от левого берега среднего Иртыша до Джунгарского Алатау, бассейна Сырдарьи и Южного Урала. Пределы определяются политической картой, рисуемой арабскими и персидскими источниками, соединившими данные от середины VIII до XI в. На юго-западе (от Иссык-Куля до Балхаша) и юге соседями страны были карлуки (сменившие за Джунгарским Алатау уйгуров-тогузгузов), на востоке, по Иртышу — Древнехакасское государство, на западе (от Приаралья до Урала) — огузы. Западная граница была проницаема: в годы мира кимаки зимой кочевали у огузов, те летом — у кимаков. Каганы вели активную внешнюю политику и часто воевали. Союз кимаков, огузов и карлуков, согласно ал-Масуди, к концу IX в. вытеснил из Приаралья печенегов, башкир и др. Башкиры стали северо-западными соседями кимаков. Опасаясь Кимакского каганата, древние хакасы держали в Прииртышье гарнизоны, но велась и регулярная торговля: с Иртыша проезжая дорога вела на Енисей и к курыканам в Прибайкалье. Страна кимаков была хорошо известна мусульманским купцам — с их слов описаны дороги к ней от нижней Сырдарьи, реки Талас и Ферганы. Имелось среди кимаков и купечество, вывозившее пушнину. В стране пользовались медной монетой.

Источники называют три части Кимакского каганата: на северо-западе Андар аз-кыфчак, чьи обычаи похожи на огузов, область Йагсун-йасу (локализация которой неясна) и на востоке — Кыркырхан (от Иртыша до Тарбагатая, именуемого горами Гиргир), чьи обычаи похожи на обычаи средневековых хакасов-кыргызов. Вероятно, описание отражает деление страны на центр и два крыла. Государственный строй известен мало. Одежда кимаков была в основном короткополой, часто войлочной, у знати — из привозного шелка. Согласно источникам, каган принадлежал к династийному роду, имел сильную власть, носил шитую золотом одежду и золотую корону. Ему подчинялись 11 управителей с наследственными подвластными областями, выставлявшие конные и пешие войска. Желтый и алый шелк носила только знать. Были судьи, советники, писари. Собирались налоги.

Арабский путешественник Абу Дулаф в 942 г. ехал по землям Кимакского каганата 35 дней. В государстве владели письменностью, используя тростниковые перья. Страна имела караванные дороги, речные суда и лодки. Источники знают многолюдные селения (например, Чубин/Жубин) и 16 больших, хорошо укрепленных городов, окруженных наполненными водой рвами: Карантия, Гаган, Дахра (все на озере Алаколь), Дамурия, Сараус (оба на реке Тентек), Банждар, Ханауш, Фаварег — многолюдных, с наместниками и воинскими гарнизонами, охраняемыми складами, базарами и храмами. Крепости и замки были в приграничных горах (например, Дахлан) и близ рудников. Восемь городов стояли на Иртыше, имея между собой связь по суше и воде. Таковы, например, Астур, Сисан, Маншанах и обе столицы — старая и новая (со стеной и железными воротами, именуемая по арабской традиции этнонимом — Имакия). Гаган известен шелковой мастерской. Города пока локализуются гипотетически по описаниям, возможно, идущим от книги конца X — начала XI в., написанной, скорее всего, по-арабски Джанахом ибн Хаканом ал-Кимаки — сыном кагана кимаков. Труд достиг

Сицилии и стал одним из источников для описаний и карт мира, составленных ал-Идриси в 1154 г.

Кимаки издревле поклонялись огню и солнцу, волхвовали к дождю, обожествляли реку Иртыш, но рано переняли от древних хакасов государственную религию — манихейство, с ее книжностью и церковным устройством, енисейской рунической письменностью. Известны обряды: молитва дважды в день и пост раз в году, очистительное сожжение мертвых и отказ от их оплакивания в угоду божьей воле, молитвенные надписи на скалах.

Кимакский каганат погиб от нашествия загадочных народов каев и кунов, от которых дошли лишь имена и указание на их тюркоязычность. Известно также, что те, в свою очередь, были вытеснены киданями из Северного Китая. Именно это движение вызвало цепную реакцию в степях Средней Азии и Казахстана, в итоге приведшую на западе к приходу в Восточную Европу кыпчаков-половцев.

НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Мохэ и государство Бохай. К северу от Корейского полуострова на территории Маньчжурии и современного российского Дальнего Востока в I тыс. н. э. обитали мохэ (уцзи). Классическая версия их этнической истории уводит к легендарному народу сушэням. Во времена китайских династий Тоба Вэй (386—535) и Суй (581—619) существовало семь крупных объединений мохэ: сумо, боду, аньчегу, фуне, хаоши, хэйшуй и байшань. Из них наиболее крупными и сыгравшими важную роль в истории были сумо мохэ, жившие на крайнем юго-западе мохэских земель, и хэйшуй мохэ на северо-востоке, в долинах нижнего течения Сунгари, Уссури и Амура. *Сумо мохэ* впоследствии создали государство Бохай (698—926), а *хэйшуй мохэ* (чернореченские или амурские мохэ) стали основой Золотой империи чжурчжэней (Цзинь, 1115—1234)[1].

Хозяйство мохэсцев было комплексным. Они занимались земледелием, используя для вспахивания земли лошадей, разводили свиней. Таежная охота и рыболовство также были важными отраслями их хозяйства. Предметом охоты местного населения на протяжении всех рассматриваемых исторических периодов были лось, маньчжурский олень, косуля, гималайский и бурый медведь, дикий кабан, лиса, соболь, белка, заяц, енот, барсук. Одной из наиболее важных отраслей экономики народов Приморья, Приамурья и Маньчжурии на протяжении многих столетий было рыболовство. Основной добычей были высокопродуктивные лососевые и, в первую очередь, кета. Лосося ловили во время весеннего и осеннего хода, когда выловленная за короткое время рыба обеспечивала население большим количеством высококалорийной пищи. Кроме лососевых ловили другие виды рыб: ленка, хариуса, тайменя, осетра, калугу, карася, сазана, сома, сига, щуку[2].

У мохэ была развитая социальная стратификация. Источники сообщают, что знать имела по нескольку сот свиней, известны категории неполноправного населения. В китайских летописях сообщается, что «каждый город и селение имеют своего старейшину, независимого от других»[3]. Семь крупных объединений (кит. *булэй*) мохэ отличались количеством выставляемых воинов. Каждое из них возглавлялось вождем, они занимали достаточно большую территорию. Помимо них известны подразделения меньшего масштаба (кит. *бу* — традиционно этот термин переводится как «племя»). Власть вождя передавалась по наследству. Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* — сложным вождествам. Самым крупным и могущественным из них было объединение хэйшуй мохэ. В обеих версиях истории дина-

[1] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 69—70, 91—92.

[2] *Деревянко Е. И.* Племена Приамурья I тыс. н. э. Новосибирск, 1981.

[3] *Бичурин Н. Я.* Указ. соч. Т. 2. С. 69.

стии Тан (618—907) сообщается, что они со временем разделились на 16 «поколений». Совершенно очевидно, что хэйшуй мохэ представляли собой уже сложное вождество или конфедерацию вождеств[4].

При династии Суй к китайскому императору впервые прибыло мохэское посольство. Послы решили исполнить в честь императора национальный танец. Он представлял собой изображение поединка между группой воинов. Император, обратившись к своим вельможам, сказал: «Между небом и землею есть же такие существа, которые только и думают о войне. Впрочем, владения их очень удалены от Срединного государства»[5]. Эта фраза отражает конфуцианское мировоззрение, диктовавшее миролюбивое и терпеливое отношение к грубым воинственным «варварам». Однако своей воинственностью мохэсцы выделялись из всех соседствовавших с Китаем дальневосточных народов. Не случайно древнекитайский летописец подчеркивает, что именно мохэсцы «между восточными иноземцами считаются сильнейшими»[6].

Мохэсцы имели связи со всеми своими соседями. В начале VII в. сумо мохэ подверглись сильному давлению со стороны династии Тан. Это стимулировало процессы внутренней консолидации и привело к созданию у сумо мохэ в середине VII в. крупного объединения с централизованной властью, названного в тюркских эпитафиях «боклийским каганатом». В 698 г. вождь сумо мохэ Да Цзожун провозгласил создание государства (*Да* — название королевской фамилии). Первоначально государство называлось Чжэнь, а с 713 г. — Бохай. С 719 г. там было введено собственное летоисчисление.

В VIII—IX вв. территория Бохая включала восточную Маньчжурию, часть Северной Кореи и юго-западные территории Приморья. Бохайские правители стремились расширить пределы страны за счет включения главным образом восточных и северных территорий. Расцвет Бохая пришелся на правление вана (короля) Да Циньмао (737—793), который за свой вклад в развитие образования и культуры в государстве получил посмертное имя «Просвещенный». Именно в годы его правления сложилась система пяти столиц, была сформирована система государственных институтов. В годы царствования Да Жэньсю (818—830) были частично покорены хэйшуй мохэ и территория страны достигла максимального размера[7].

В государстве Бохай имелось пять столиц. Страна делилась на 15 областей (*фу*) и 62 округа (*чжоу*). Идея пяти столиц были заимствована, по всей видимости, из империи Тан. В целом бохайское королевство являлось классическим «ранним государством», для которых характерно отсутствие частной собственности на средства производства и сложившегося бюрократического аппарата.

Бохайское войско состояло из 10 гвардейских подразделений. Каждое из них возглавлялось Великим полководцем и Полководцем. С течением времени сформировался государственный аппарат, который был устроен по подобию китайской (танской) бюрократической модели. Он включал три управления (*шэн*), шесть министерств

---

[4] *Крадин Н. Н.* Вождества в первобытной археологии Приморья // Приоткрывая завесу тысячелетий. Владивосток, 2010. С. 210—233.

[5] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. С. 72.

[6] Там же. С. 70.

[7] Подробнее см.: Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994; *Reckel J.* Bohai. Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit. Wiesbaden, 1995; *Ивлиев А. Л.* Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток, 2005. С. 449—475.

(*люсы*), а также другие ведомства. Министерства подразделялись на левые и правые. Чиновники делились на восемь рангов. Они носили одежду разного цвета со знаками отличия. Для ведения делопроизводства бохайцы заимствовали китайскую письменность. В стране были созданы школы для обучения детей знати грамоте.

Социальная структура Бохая первоначально выглядела следующим образом: ван (король) и его родственники, шесть знатных кланов, вожди и старейшины, простые общинники. В период наивысшего расцвета социальная структура Бохая состояла из двух основных классов: 1) бюрократическо-управленческой элиты, разбитой на восемь рангов, в которую входили королевская семья, крупная аристократия и служилая знать; 2) непосредственных производителей — крестьян, объединенных в общины (*буцюй*), и различные неполноправные категории (*нубэй*)[8].

Сведений письменных источников о Бохае не очень много. Основным источником являются археологические материалы. В настоящее время можно более или менее уверенно утверждать, что в состав Бохая входила южная и частично западная часть Приморского края Российской Федерации. Здесь располагались две административные единицы государства Бохай. Южная часть Приморья входила в состав округа Яньчжоу области Лунъюаньфу. Центром ее было Краскинское городище. Долина реки Раздольной (Суйфун) относилась к области Шуайбинь. Территория к северу от озера Ханка, долина реки Партизанской (Сучан) и восточная часть Приморья не входили в состав государства Бохай. На вышеуказанной территории имеется ряд памятников, которые синхронны бохайскому времени, но их материальная культура отлична.

На территории Приморья известно большое количество археологических памятников государства Бохай. Их можно разделить на городища, поселения, культовые объекты и могильники. Городища традиционно принято делить на долинные и горные. Долинные городища выполняли функции административных центров, пунктов сосредоточения ремесла и торговли. Горные городища подчинены рельефу и занимают либо вершины уплощенных сопок, либо пологие склоны. Они, по всей видимости, могли служить местом размещения небольших воинских отрядов, а также убежищем для жителей близлежащих деревень в периоды опасности[9].

Археологами также изучались сельские поселения. Они сопутствовали городищам и обычно располагались вблизи рек, в местах, благоприятных для занятия земледелием. При раскопках, как правило, выделяется несколько культурных горизонтов, находят жилища с канами[10], хозяйственные ямы, следы сельскохозяйственной (земледелие, животноводство, рыболовство) и ремесленной (гончарство, черная и цветная металлургия) деятельности.

Поскольку государственной религией в Бохае был буддизм, на территории Приморья известны пять храмов (Абрикосовский, Борисовский, Копытинский, Корсаковский, Краскинский), четыре из них в долине реки Раздольной (Суйфун). В качестве примера можно привести Борисовский храм, расположенный недалеко от одноименного села на правом берегу реки Раздольной. Храм был возведен на платформе размером примерно 13 × 14 м и ориентирован по сторонам света. Стены храма были сделаны из дерева и обмазаны глиной. Внутри располагались колонны. Имелись два выхода на севере и на западе, пандус. Четы-

[8] Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России.

[9] Там же.

[10] *Кан* — лежанка с проходящим под ней дымоходом для обогрева жилища. Система отопления, распространенная в культурах Дальнего Востока.

рехскатная крыша была покрыта плоской и карнизной черепицей, украшена дополнительными элементами (так называемый «хвост совы»). Здесь найдены бронзовые статуэтки, изображения Будды (вклейка, рис. 109—111).

Погребальная обрядность бохайцев известна в основном по результатам раскопок в Китае. Бохайцы хоронили усопших в однокамерных склепах с земляной насыпью, каменных ямах с земляной насыпью, в ямах с каменными стенками, обычных земляных ямах. В качестве надмогильных сооружений также встречаются каменные кладки. Кроме одиночных захоронений известны парные и групповые. Имеется некоторое количество трупосожжений. Элитные погребения совершались в кирпичных склепах с дромосом. Они могли сопровождаться наземными мавзолеями, пагодами (например, погребение принцессы Чжэнь Сяо — дочери Да Циньмао).

Столь же разнообразна погребальная обрядность на территории Приморья. В Чернятинском могильнике, расположенном на правом берегу реки Раздольной, раскопано 116 могил, из которых часть относится к более раннему мохэскому времени. На памятнике встречаются каменные склепы, могилы с каменной выкладкой, могилы с каменной или деревянной обкладкой, грунтовые могилы и др.

Наиболее изученным бохайским археологическим памятником является Краскинское городище. Оно расположено на самом юге Приморского края на правом берегу устья реки Цукановки (Яньчихэ) примерно в 400 м от берега залива Посьета и в 2 км к юго-западу от поселка Краскино. Форма городища напоминает подкову, ориентированную выпуклой стороной в направлении севера. Длина вала около 1380 м. Площадь городища около 12,6 га. Снаружи прослеживаются следы рва. С внешней стороны и изнутри земляной вал был выложен каменными блоками. Высота вала чуть более метра с внутренней и более 2 м с внешней стороны. Ширина вала вверху около метра и примерно 10—12 м у основания.

На Краскинском городище имеется трое ворот (кроме северной стороны). Ворота дополнительно укреплены Г-образными захабами. От южных ворот в направлении к северу проложена улица шириной до 30 м. Улица делила город на две части. На территории городища на возвышенных участках видны остатки административных, храмовых и других построек — каменные базы, скопления камней. Магнитометрические исследования показывают наличие следов кварталов, улочек между ними, отдельных усадеб. Подобная планировка характерна для других крупных городов государства Бохай.

Это был большой город и портовый центр. На протяжении многих лет на Краскинском городище ведутся интенсивные археологические изыскания, которые выявили различные строительные конструкции: каменные стены, ограждавшие буддийский храмовый комплекс, печи для обжига черепицы, прямоугольную платформу храма 11,8 × 10,4 м, состоящую из 30 каменных баз (6 × 5 шт.), каменный фундамент башни, выложенный из камня колодец, сложенную из черепицы подземную камеру и т. д. На городище также раскопаны жилища с канами. Культурный слой на памятнике превышает 2 м. Исследователи выделяют пять строительных горизонтов, связанных с различными этапами жизнедеятельности города. Он существовал в течение нескольких столетий — с VIII до первой половины X в.[11]

Городище являлось городом Янь, где размещалась администрация одноименного

[11] *Болдин В. И., Гельман Е. И., Ивлиев А. Л., Никитин Ю. Г.* «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 74—89; *Ивлиев А. Л., Болдин В. И.* Исследования Краскинского городища и археологическое изучение Бохая в Приморье // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 5—18.

округа. Это был крупный центр сосредоточения ремесла — гончарства, металлургии, производства черепицы, строительного дела и др. На городище найдено много предметов престижного потребления и свидетельств развитой внешней и внутренней торговли (фарфор, глазурованная керамика, украшения). От города всего 70 км до Восточной столицы Бохая. Исследователи также полагают, что городище являлось портом, откуда начиналась дорога в Японию. Бохайские корабли неоднократно посещали Страну восходящего солнца. За время существования Бохая туда было отправлено 35 посольств. В их составе, помимо официальных лиц и торговцев, были поэты и музыканты. Они участвовали совместно с японскими литераторами в представлениях при императорском дворе. Из Японии за это время прибыло 13 дипломатических миссий. Недавно на Краскинском городище найдены надписи на керамике, которые, возможно, являлись японскими именами — Хиромото и Митатака.

Особое место среди памятников бохайского времени на территории Приморья занимает Кокшаровское городище, расположенное в Центральном Приморье в 2 км от места впадения реки Кокшаровки в Уссури. По форме городище представляет собой нечто среднее между овалом и прямоугольником со сторонами 405—650 × × 250—340 м. Высота валов 4—6 м. На городище двое ворот с Г-образными захабами и еще несколько проходов. В северной части памятника раскопано строение на платформе сложной конструкции с семью помещениями, разделенными между собой каменными коридорами. В каждом помещении с юга расположены входы, внутри — П-образные двухканальные каны с двумя очагами. Культурная атрибуция памятника вызвала споры среди исследователей, но радиоуглеродные датировки раскопанного объекта указывают на бохайское (и, может быть, постбохайское) время. Особенный интерес вызывают неутилитарные находки (конусовидные глиняные подставки, керамическая стилизованная двухголовая фигура (вклейка, рис. 112)). Неподалеку от города находится курганный могильник, где были захоронены представители местной знати.

Большинство населения Бохая составляли крестьяне-земледельцы. В ходе раскопок находят железные лемехи, отвалы, лопаты, серпы, сделанные из камня жернова и ступы. Палеоботанические исследования показывают, что в Приморье бохайское население выращивало просо, пшеницу, ячмень, фасоль, сою, горох, гречиху. Помимо этого, бохайцы сеяли технические культуры, были знакомы с садоводством.

По данным археологических раскопок, бохайцы разводили домашних животных — свиней, крупный рогатый скот, лошадей. Охота на таежного зверя имела вспомогательное значение. Бохайцы также употребляли в пищу собак. Помимо этого, они занимались и собирательством. Важное значение имело рыболовство. На раскопках поселений часто находят рыболовные крючки, грузила. Судя по костным остаткам, бохайцы ловили как пресноводную, так и морскую рыбу. Существенный прибавок к рациону питания дважды в год давал промысел проходной рыбы (лососевых). Бохайцы также были знакомы с морским собирательством.

Бохайские ремесленники отличались высоким профессионализмом. Металлурги владели ковкой, закалкой, рубкой, обточкой, возможно, кузнечной сваркой. Они также отливали из чугуна котлы, лемехи и отвалы, втулки ступиц, изготавливали бронзовые украшения, мелкую утварь, предметы культа и др. На городище Николаевском-2 в Михайловском районе Приморья зафиксированы остатки горнов, плавильная печь. Бохайцы знали и домашние промыслы — ткачество, обработку дерева, кожи, кости. В процессе раскопок найдено большое количество предметов бытового назначения.

Бохайцы были знакомы с письменностью. На территории Китая изучались

стелы с текстами на китайском языке из погребальных комплексов членов королевской семьи. В Приморье известны эпиграфические находки (надписи на керамике и черепице, изделиях из бронзы). Бохайское искусство достигло высокого уровня. Бохайские мастера изготавливали женские и мужские украшения из металла, камня, стекла, кости и других материалов. При декорировании использовались геометрический, растительный и зооморфный узоры. При раскопках найдены предметы искусства, связанные с буддизмом (изображения будд и буддийских божеств), различные антропоморфные фигурки, изделия неутилитарного назначения (вклейка, рис. 109, 113).

В письменных источниках сообщается, что в Бохае существовала внутренняя хозяйственная специализация между различными областями. Область Шуайбинь (долина реки Раздольной) славилась своими лошадьми, а окрестности озера Мэйто (Ханка) карасями. Связи Приморья с центральными районами Бохая и Китаем подтверждаются также находками китайских зеркал и украшений, фарфоровой и глазурованной посуды. По археологическим данным прослеживается обмен продуктами питания между континентальными и прибрежными районами Приморья.

В начале X в. на территории Внутренней Монголии и Маньчжурии возникает империя кочевников-киданей. Она получила название Ляо («Железная»). Кидани быстро стали ведущей геополитической силой в регионе. В 925—926 гг. они завоевали Бохай всего за несколько месяцев. Бохайский ван был пленен. На бохайских землях было создано марионеточное государство Дундань (Восточная Кидань). Во главе государства был поставлен старший сын киданьского правителя Абаоцзи — Туюй (у монголоязычных кочевников был распространен обычай, по которому старшие сыновья получали свою долю и отделялись от родителей, а домашнее хозяйство наследовал младший из сыновей)[12].

Бохайцы были обложены данью, но практически сразу же восстали. Восстание было подавлено, однако через некоторое время начались новые волнения. Чтобы ликвидировать очаг недовольства, кидани использовали традиционную для доиндустриальных государств стратегию — в течение 930—940-х гг. они насильственно переселили почти полмиллиона бохайцев, в том числе из Шуайбиня, на свои земли в долины рек Шара-Мурэн и Ляохэ. Часть бохайцев была позднее депортирована в Центральную Монголию для строительства города Чжэнчжоу (совр. городище Чинтолгой Балгас).

Учитывая, что только ограниченная часть Приморья входила в состав Бохая (крайний юг, Суйфунская долина и Приханкайская низменность), думается, киданьская депортация не затронула других территорий края. Можно допустить, что часть территории Приморья впоследствии могла входить в состав одного из полузависимых от киданей вассальных владений (Динъань, Северо-Западный Бохай), выплачивавшего определенную дань киданьскому императору.

На территории Восточной Монголии и Забайкалья кидани возвели длинный земляной вал протяженностью 750 км. Он проходит по территории трех современных государств — Монголии, России и Китая. В настоящее время это грандиозное сооружение называется «вал Чингисхана», хотя оно было построено еще в XI в. Вал представляет собой практически непрерывную земляную насыпь, отчетливо читаемую на местности. Это была земляная стена, с северной стороны которой располагался ров. В настоящее время вал сильно заплыл. Его высота в наше время составляет 0,8—1,5 м, ширина — 8—15 м. Периодически на насыпи вала фиксируются небольшие возвыше-

[12] *Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л.* История киданьской империи Ляо (907—1125). М., 2014.

ния. Возможно, здесь стояли наблюдательные башни. В валу также имелись ворота. Вдоль вала с южной стороны находились более 50 небольших крепостей («городков»). Вероятно, здесь располагались пограничные гарнизоны[13].

Эта огромная фортификационная система была построена с целью контроля границы между империей и северными монголоязычными кочевниками (шивэй, цзубу, татар). К сожалению, в источниках нет данных о точном времени строительства вала. Скорее всего, это было сделано в тот период истории киданьского государства Ляо, когда оно растеряло свое военное преимущество и стало превращаться в типичное китайское государство.

Чжурчжэньская империя Цзинь. Чжурчжэнями, начиная с X в., стали называть происходившие от хэйшуй мохэ племена, расселившиеся по территории Северной Маньчжурии и на опустевших после киданьского завоевания бохайских землях. По языку чжурчжэни относились к тунгусо-маньчжурской ветви так называемой алтайской языковой семьи, к которой принадлежат многие современные народы Дальнего Востока России — нанайцы, негидальцы, ороки, орочи, удэгейцы, ульчи. Исторически чжурчжэни также связаны с маньчжурами, которые на основе чжурчжэньских племен в XVII в. создали династию Цин (1616—1911)[14].

До середины XI в. чжурчжэньские племена жили вперемежку с оставшимся бохайским населением и в прошлом зависимыми от Бохая мохэскими племенами. Существует предание о трех братьях-первопредках чжурчжэней. Они были родом из Кореи. Один из братьев Агунай там и остался, а двое других Ханьпу (Ши-цзу) и Баохоли впоследствии переселились в Маньчжурию. Ханьпу поселился с «племенем» Ваньянь на берегу реки Пуганьшуй, а Баохоли — в Елани (в Приморье)[15].

Согласно сведениям из истории чжурчжэньской династии («Цзинь ши»), образ жизни ранних чжурчжэней зависел от сезонных ресурсов. Они жили в землянках и полуземлянках в зимнее время, а лето проводили, по всей видимости, в каких-то легких шалашах. Со временем они стали строить наземные деревянные жилища. «Связывают жерди наподобие изгороди и устраивают помещение высотой в несколько футов. Не употребляют черепицы, кроют досками, берестой или травой старательно. Все стены и перегородки, как правило, делают из дерева. Двери всегда обращены на восток. Вокруг помещения [внутри] устраивается земляная постель. Под ней разводят огонь. На этой постели спят, едят, занимаются повседневными делами. Называется она [по-чжурчжэньски] кан», — говорится в китайском источнике «Саньчао бэймэн хуэйбянь»»[16].

На начальном этапе своей истории чжурчжэни обладали комплексным многоплановым хозяйством. При этом северные и северо-восточные чжурчжэни вели полукочевой образ жизни и занимались скотоводством, охотой и рыболовством, а обитавшие в южной части Маньчжурии и Приморья жили оседло и занимались земледелием. С возникновением государственности оседлость и земледелие получали все большее распространение. Археологические иссле-

---

[13] *Крадин Н. Н., Харинский А. В., Прокопец С. Д., Ивлиев А. Л., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л.* Великая киданьская стена: Северо-восточный вал Чингис-хана. М., 2019.

[14] Подробнее об истории чжурчжэней см.: *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975; *Он же.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1983; История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М., 1989; *Franke H., Hok-lam Chan.* Studies on the Jurchens and the Chin Dynasty. Brookfield, 1997.

[15] История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск, 1998.

[16] *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). С. 25—26.

дования показывают, что чжурчжэни выращивали чумизу, просо, пшеницу, ячмень и бобовые культуры. Землю пахали на быках, используя железный плуг с лемехом. Для вспомогательных работ применяли мотыги и лопаты. Для уборки урожая чжурчжэни использовали серпы и жатвенные ножи. Собранное зерно хранилось в специально оборудованных ямах или в свайных амбарах. Для дробления и помола злаков в крупу или муку применялись ступы и ручные мельницы. Имелись и большие мельницы, которые приводились в движение животными. Помимо этого, чжурчжэни занимались бортничеством, добывали женьшень, кедровые орехи, промышляли добычей речного и морского жемчуга.

Пища чжурчжэней казалась китайцам очень грубой и неприхотливой. В одном из китайских источников сообщается: «Питье и пища грубые. Из бобов делают отвар. Также любят полупроваренную рисовую кашу. Смачивают ее свежей собачьей кровью, приправляют чесноком и так едят. <...> Умеют гнать водку из риса»[17]. С завоеванием китайских территорий ассортимент потребляемых продуктов у чжурчжэней стал разнообразнее. Однако при этом они не утратили собственных традиций. Как и ранее, они потребляли много мяса (говядина и свинина, в меньшей степени баранина) и молочных продуктов, разводили домашнюю птицу. Чжурчжэни чуть меньше стали потреблять продукты охоты и собирательства, при этом в их рационе увеличился набор блюд из зерновых — различные лепешки и хлеба, разные виды лапши, каши, а также супы. Важное место занимали бобовые (фасоль, соя и др.). Активно развивалось чаепитие.

Чжурчжэни занимались также животноводством. Они разводили главным образом крупный рогатый скот и лошадей. Однако основными скотоводческими районами в Цзинь считались районы, в которых проживали кидани. Охота у чжурчжэньской элиты была одним из самых любимых развлечений. Они занимались как облавной, так и соколиной охотой. Весной занимались рыбной ловлей и охотились на диких гусей, осенью — на оленей и кабанов, зимой — на тигров. Кроме этого, охотились на фазана, били пушного зверя — соболя и горностая.

Особое значение имела облавная охота, которая фактически носила функцию тренировки войска в мирное время. С течением времени роль облавной охоты упала и стала ограничиваться заповедниками. В отличие от монгольских охотничьих лагерей чжурчжэньские были просты и непритязательны, а в самих охотах участвовал узкий круг лиц: император, высшие чиновники и, по некоторым источникам, богачи. Это объясняется различием в культурных традициях. К моменту переселения чжурчжэней в Северный Китай они уже перешли к оседлости.

Источники свидетельствуют, что чжурчжэни собирали кедровые орехи, которых было много в дальневосточной тайге. Рыба также являлась важным источником пищи (в Амуре и его притоках дважды в год идет на нерест кета, которая дает огромное количество белковых ресурсов). Для ловли рыбы использовались сети различной длины и конфигурации, разного типа мордуши, удилища, а также плотины и загородки. Кроме того, рыбу добывали с помощью остроги и лука со стрелами.

Чжурчжэни носили короткое платье с левосторонним запахом и косу, в отличие от китайцев времени династии Сун (960—1279), которые одевали длинные халаты с правосторонним запахом и укладывали волосы в узел. У чжурчжэней была шапка-треух, которая называлась *дачи*, или *дайцзинь*.

Чжурчжэни были шаманистами. Однако после создания империи элита приняла буддизм. Широкое распространение среди

[17] *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). С. 29.

знати получило конфуцианство, отчасти даосизм.

Чжурчжэньская эпоха — это время политогенеза, который сопровождался разнообразными конфликтами как внутри самих чжурчжэней, так и с соседними народами и государствами. Опасные условия существования обусловили знакомство ранних чжурчжэней с фортификацией. В одном из китайских источников сообщается: «Чжурчжэни обитали в земляных городищах. Из глины с водой лепили валы. Поливали их водой, на морозе они покрывались льдом. На протяжении 300 ли от крепости выжигали местность»[18].

Кидани делили ранних чжурчжэней на покорных (*шу*) и непокорных (*шэн*). К числу покорных относились чжурчжэни, проживавшие на территории киданей. Известно, что во времена расцвета империи Ляо (907—1125) несколько тысяч «наиболее знатных и сильных» чжурчжэньских семейств были переселены на территорию современной китайской провинции Ляонин. Эти чжурчжэни были подданными Ляо и назывались «мирными» или «цивилизованными» чжурчжэнями. Чжурчжэни, обитавшие на обширных землях на восток и северо-восток от реки Сунгари, назывались «дикими» или «непокорными». Их обязанности в отношении империи Ляо ограничивались присылкой посольств с данью. Кидани периодически вторгались в их земли с карательными экспедициями. Племена Маньчжурии, Приморья и Приамурья присылали киданям в качестве подарков, которые расценивались в Ляо как дань, лошадей и скот, пушнину, ткани, драгоценные металлы, лекарственные растения.

Особенный протест вызывали поборы со стороны киданьских послов, приезжавших за знаменитыми серыми соколами *хайдуцинами*, которые обитали в далеких «восточных приморских землях». В китайских источниках сообщается: «Чтобы получить соколов, нюйчжэням (чжурчжэням. — *Н. К.*) приходилось ездить в страну Пяти владений (по-китайски «Уго») и воевать с ними. Трудности добычи соколов были для нюйчжэней невыносимы». Требования соколов сильно участились в правление последнего киданьского императора Тяньцзо, известного своим разгульным образом жизни и пристрастием к охотам. Он описывается в источниках как довольно легкомысленный человек, любитель охоты и иных развлечений: «Когда государством стал править Тянь-цзо, он жаловал награды пристрастно, наказания налагал суровые, неумеренно предавался сладострастию и охоте»[19].

Известны притеснения чжурчжэней со стороны правителя киданьской области Хуанлунфу и жителей пограничного киданьского округа Нинцзянчжоу, где проходила торговля киданей с чжурчжэньскими племенами. Местные жители сильно занижали цены на чжурчжэньские товары и притесняли приехавших торговать чжурчжэней. На местном сленге это называлось «обмолотом нюйчжэней» (то есть чжурчжэней). Именно в этих обидах и притеснениях со стороны киданей средневековые авторы видели причину выступления чжурчжэней против Ляо[20].

В период правления вождя Шилу (начало XI в.) значительно усилилась роль клана Ваньянь. Он занимался активным расширением своих земель и, как сообщает первый цзюань (глава) «Цзинь ши», совершил поход, дойдя до гор Цинлин и Байшань, а также до земель Суйбинь и Елань. Последнее указание особенно примечательно. Оно показывает, что земли Приморья также были

[18] *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). С. 24.

[19] *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер., введ. и коммент. В. С. Таскина. М., 1979. С. 176.

[20] Там же.

вовлечены в процессы чжурчжэньского политогенеза: Суйбинь — это долина реки Суйфун (совр. название — Раздольная), Елань — долина реки Сучан (совр. название — Партизанская).

Сын Шилу Угунай постепенно подчинил население от Байшаня до Уго и Елани. Он усмирил Уго («Пять владений»), когда они отказались подчиниться Ляо. В результате ляоский император устроил в его честь пир и жаловал Угуная титулом цзедуши (киданьское тайши). Угунаю удалось создать образ лояльного вождя для Ляо и в то же время завоевать высокий авторитет среди чжурчжэньских племен и вождеств.

«Цзинь ши» описывает Угуная как щедрого вождя. Он «отказывался от богатства, деля между людьми пищу и одежду и не было у него скупости»[21]. Вожди были вовлечены в торговлю на длинные расстояния. Они экспортировали жемчуг, золото, лошадей, а в ответ получали подарки от правителей соседних государств, которые перераспределяли среди вождей своих племен.

Дарообменные отношения встречались на всех уровнях чжурчжэньского общества. Они были универсальным средством установления экономических связей. В источниках есть неоднократные упоминания на этот счет: «Когда режут курицу, то зовут своего старейшину и съедают ее»; в другом месте говорится: «Когда устраивают пир, то в гости приходят все родные и друзья, и близкие друг с другом семьи без особого приглашения. Гости сидят и едят, а хозяин дома стоит и угощает их. Когда гости насытятся, они все просят хозяина, чтобы насытился сам»[22]. Во время военных походов военачальники устраивали пиры для своих воинов. Пир в архаических обществах также играл важную роль как средство поддержания групповой идентичности.

В начале XII в. чжурчжэни активно проводили политику объединения племен и вождеств в единый союз или скорее конфедерацию. Окончательное освобождение чжурчжэней от киданьской зависимости и создание империи Цзинь связано с именем Агуды. В «Цзинь ши» приведен красочный рассказ о юных годах будущего создателя «Золотой» чжурчжэньской империи. Он с детства был сильнее своих сверстников, был прирожденным лидером, в совершенстве овладел стрельбой из лука. Однажды он поразил своей точностью киданьского посла, трижды попав в стаю птиц. В той или иной степени схожие сюжеты о чудесном рождении и сверхъестественных способностях будущего основателя династии имеются в биографиях многих правителей империй Центральной Азии и сопредельных территорий.

В 1112 г., став уже вождем конфедерации чжурчжэней, Агуда создал прецедент для будущего военного конфликта. На официальном приеме у киданьского императора Тяньцзо он демонстративно отказался исполнять ритуальный танец перед киданьским императором во время праздника Первой рыбы на весеннем празднике (*набо*). По всей видимости, чжурчжэни в этот период уже ощущали свою силу, и Агуда тем самым продемонстрировал свою независимость. Однако Тяньцзо не почувствовал надвигающейся опасности. Даже после размолвки младшие братья Агуды, как и в прежние годы, сопровождали киданьского императора на охоте: «Они искусно подражали реву оленей и подзывали их, чтобы Тянь-цзо стрелял по ним. Случалось, что они кололи тигров и нападали на медведей. Тянь-цзо любил их, потому жаловал должности и титулы»[23].

Вскоре после этого события чжурчжэни начали усиленно готовиться к войне с Ляо.

---

[21] *Малявкин А. Г.* Цзинь-ши. Гл. 1 // Сборник научных работ пржевальцев. Харбин, 1942. С. 44.

[22] *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI веке // Сибирский археологический сборник: Материалы по истории Сибири: Древняя Сибирь. Вып. 2. Новосибирск, 1966. С. 274.

[23] *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). С. 174.

Агуда подчинил себе еще ряд вождеств и племен, расширив территорию чжурчжэньской конфедерации. Непосредственным поводом к войне послужил конфликт за право контроля над приграничными владениями. Осенью 1114 г. чжурчжэни нападают на округ Нинцзянчжоу и захватывают его. Одновременно ими были разбиты направленные на помощь Нинцзянчжоу войско из бохайцев во главе с Гао Сяньшоу и войско Сяо Табуе.

В начале конфликта между чжурчжэнями и Ляо чжурчжэньское войско состояло из кавалерии, разбитой на мобильные отряды численностью в 50 всадников. Отряды включали панцирную кавалерию, вооруженную копьями, и легковооруженных лучников. Ляосцы отмечали высокий боевой дух и меткость стрельбы чжурчжэней.

В 1115 г. Агуда провозгласил создание «Золотой» (кит. *Цзинь*) империи чжурчжэней и принял титул императора. В «Цзинь ши» («Истории династии Цзинь») воспроизводится его яркая речь перед войском накануне выступления на киданей: «Вы должны единодушно употребить все силы. Приобретшего заслуги, если он будет раб, сделаю свободным; простолюдина сделаю чиновником; бывшего прежде чиновником возвышу чином; я буду смотреть при сем на важность заслуги. Если ж кто нарушит клятву, тот умрет под сим жезлом, и ничего не останется в его доме»[24].

Традиционная версия связывала название чжурчжэньской династии с декларацией Агуды, согласно которой он отождествил прочность своего государства с золотом: «Дом Дайляосский свое государство назвал бинь-те (стальное). Хотя сталь и крепка, но наконец изменяется, и бывает ломка. Одно только золото (цзинь) неизменно и неломко. Цвет металла цзинь (металла вообще) белый; и наш народ вань-яньский белый цвет считает первым»[25].

Другая, менее популярная, но также распространенная, версия связывает название династии с рекой Ань-чуху (Алчу). Этимология этого названия связана со словом *алчун* («золото»), которое звучит схоже в языках алтайской семьи. Чжурчжэни поступили по аналогии с киданями, название династии которых отождествляется с рекой Ляохэ. Считается, что эта идея была предложена основателю чжурчжэньской империи его советником Ян Пу.

Наконец, есть еще одно мнение, согласно которому название было предложено Сунской династией в соответствии с китайской теорией пяти элементов мироздания (*у-син*). Китайцы тонко намекали, что Сун (огонь) должен оказаться сильнее Цзинь (металла). Чжурчжэни в тот момент не разбирались в тонкостях китайской философии и приняли данное предложение.

Когда Агуда провозгласил себя императором в 1115 г., чтобы легитимизировать свое правление, он послал по наущению своего советника бохайца Ян Пу письмо киданьскому императору. В этом послании императору предлагалось узаконить статус Агуды в качестве императора и выдать инсигнии (одежду, нефритовую печать), установить дипломатические отношения, выплачивать дань чжурчжэням и уступить две пограничные провинции. Миссия в конечном счете провалилась из-за резкого ответа. Однако вызывает интерес стремление легитимизировать свое положение посредством механизмов, используемых в китайской политической традиции.

Уже за первый год военной кампании чжурчжэни захватили большие территории. По причине военных неудач многие из подвластных Ляо народов перешли на сторону чжурчжэней (бохайцы, си и др.). Часть из них влилась в состав чжурчжэньского войска.

Поскольку соотношение сил уже изменилось, Агуда пересмотрел свои требова-

[24] История Золотой империи. С. 97.

[25] Там же. С. 98.

ния. С 1118 по 1120 г. между двумя государствами велись переговоры о мире. Целью чжурчжэней в этих переговорах, в первую очередь, было получение инвеституры от Ляо, вряд ли они всерьез рассчитывали на заключение мира. Это видно как из требований, так и из того факта, что в 1118 г. Золотая империя заключила договор с Сун о совместном нападении на Ляо. Первоначально чжурчжэни соглашались на мир с Ляо при условии, если киданьский император: 1) будет относиться к Агуде как к своему старшему брату; 2) будет платить чжурчжэням ежегодную дань; 3) передаст чжурчжэням губернии Верхней и Средней столиц и область Синчжунфу; 4) направит чжурчжэням в качестве заложников принца, принцессу, императорского зятя и сыновей крупных сановников; 5) освободит ранее задержанных чжурчжэньских послов со знаками их власти; 6) передаст Золотой империи документы, касающиеся дипломатических отношений Ляо с Сун, Си Ся и Корё.

Кидани согласились с половиной условий. К чжурчжэням была отправлена дипломатическая переписка Ляо с соседними государствами. В свою очередь, чжурчжэньский правитель согласился отменить требование заложников, отказаться от территорий губерний Верхней столицы и области Синчжунфу, сократить объем ежегодной дани. Кидани дважды направляли к чжурчжэням проект документа инвеституры, оба раза он был признан неприемлемым. Наконец, предложение киданей изменить уже имевшийся титул Агуды в связи с тем, что в него вошли знаки из титула Абаоцзи, вконец разгневало Агуду, и он прекратил переговоры.

В пятом месяце 1120 г. была взята Верхняя столица Ляо, разграблены мавзолеи киданьских императоров. В начале 1121 г. чжурчжэни уже подчинили добрую половину территории Ляо. В следующем году пали Средняя и Западная столицы. В условиях хаоса отдельные группировки пытались восстановить частичный контроль. Почти одновременно были провозглашены ряд новых «императоров», однако они не продержались и нескольких месяцев. Сам Тяньцзо при поддержке тангутского государства Си Ся некоторое время скрывался от чжурчжэней на западных рубежах Ляо. Во втором месяце 1125 г. он был схвачен чжурчжэньским военачальником Ваньянь в провинции Шаньси. На этом история династии Ляо завершилась. Еще через несколько лет остатки киданьских воинов ушли под предводительством Елюя Даши в Среднюю Азию, где создали кочевую империю кара-киданей.

Агуда не дожил пары лет до окончательной победы. Он умер в 1123 г., а власть перешла к его младшему брату Уцимаю. В соответствии с китайской традицией он стал именоваться Тай-цзун. Именно на его плечи легла ответственность за выстраивание внешней политики молодого государства.

Еще в период царствования Агуды был заключен союз против киданей с империей Сун. Однако сразу после разгрома киданей встал вопрос о дележе ляоского наследства. Чжурчжэни отдали сунцам только шесть округов около Яньцзина (Пекина) и обязали их присылать денежные выплаты.

В 1123 г. был заключен равноправный договор с династией Сун, согласно которому сунцы должны были выплачивать 200 тыс. серебряных монет и 30 тыс. кусков шелка. В ходе войны 1125 г. за несколько месяцев чжурчжэни захватили бóльшую часть провинций Хэбэй и Шэньси.

В начале 1126 г. чжурчжэни перешли Хуанхэ и осадили город Кайфын. После взятия Кайфына чжурчжэни захватили богатую добычу, увели с собой 20 мастеров золотой росписи, 50 винокуров, 3 тысячи строителей и оружейников, тысячу камнерезов, золотых дел мастеров, металлургов, столяров, сапожников, шляпников, 30 каменщиков и специалистов по производству черепицы, 80 ювелиров, 10 седельщиков и представителей других профессий. Оба

плененных сунских императора (в 1125 г. Хуй-цзун отрекся в пользу своего сына Цзинь-цзуна) были привезены в Шанцзин, откуда их отправили в ссылку на север в Угочэн.

Поскольку чжурчжэни не закрепились на покоренных территориях, через год им пришлось вернуться, чтобы подавить восстание населения. Война была кровопролитной, продолжалась почти три года и завершилась полным поражением китайцев. В 1130 г. чжурчжэни создали буферное государство Ци во главе с Лю Юем. Оно просуществовало до 1137 г., а затем было ликвидировано.

В 1135 г. на цзиньский престол взошел Хэла (Си-цзун). Он был воспитан китайскими наставниками, овладел китайским письмом и даже писал стихи. Си-цзун провел административные реформы. В 1142 г. был заключен мирный договор с Южной Сун, по которому река Хуайхэ стала официальной границей между двумя государствами, сунцы обязывались ежегодно выплачивать цзиньцам 250 тыс. связок монет и 250 лянов серебра. Помимо этого, сунцы обязывались не чинить препятствий беженцам, возвращающимся на территорию Цзинь, не принимать перебежчиков, отказаться от всех территориальных претензий. Стороны обязывались не размещать в приграничных землях военные гарнизоны, кроме пограничных и тыловых частей. Были также открыты приграничные рынки между Цзинь и Сун. С этого времени началось массовое переселение чжурчжэней в Северный Китай на завоеванные территории.

В конце жизни Си-цзун страдал подозрительностью и боялся заговорщиков. Весной 1148 г. от молнии загорелись императорские палаты в районе опочивальни. Позднее был большой ураган, в результате которого пострадало много зданий и погибло несколько сот человек. Си-цзун воспринял это как дурное предзнаменование и повелел Чжан-цзюню подготовить траурный манифест. Текст был написан. Кто бы мог подумать, что это приведет к свержению императора? Сначала любимец императора Сяо-ли оклеветал автора документа, что он написал текст в уничижительных для императора тонах, и Чжан-цзюня жестоко забили палками. Затем последовала череда репрессий против сановников и родственников императора. В конечном счете возник заговор, одним из инициаторов которого было доверенное лицо императора — его двоюродный брат Вань-янь-лян (Дигунай). Заговорщики, вооруженные мечами, хитростью пробрались в императорские покои и зарубили Си-цзуна. «Кровь лилась струями на лицо и одежду». Убиенному правителю был всего 31 год.

Бунтовщики возвели на престол Дигуная под именем Хай-лин-вана. Он провел рокировки на высших государственных должностях, одарил своих сподвижников, совершил обряд в честь своего покойного отца, издал успокоительный манифест для подданных, разослал гонцов по соседним государствам с объяснением захвата власти.

Хай-лин-ван оказался еще более жестоким тираном. На протяжении своего царствования он развернул масштабные репрессии, в результате которых было убито множество представителей рода Ваньянь и других элитных кланов. Из-за страха перед заговорами он перенес резиденцию в Яньцзин (Пекин). Туда же для придания статуса новой столице и легитимизации своей власти были перенесены останки всех усопших императоров. Не доверяя чжурчжэньской знати, Хай-лин-ван окружил себя лично преданной служилой бюрократией. Была проведена масштабная реорганизация системы управления, составлен кодекс законов, введена табель о рангах чиновников. С 1154 г. стали печатать бумажные ассигнации, а с 1157 г. отливать медные деньги.

Террор, увеличение налогов, огромные траты на строительство столиц и дворцов только увеличивали недовольство подданных. В 1158 г. была объявлена мобилизация на войну с Сун. Это еще больше усугубило

ситуацию. В 1159—1160 гг. по стране прокатились восстания, которые были жестоко подавлены.

В 1161 г. Хай-лин-ван все-таки начал войну с Сун. Армия находилась в деморализованном состоянии, многие подразделения дезертировали. При Цайши чжурчжэни потерпели поражение. В войсках начался разброд, и группа военачальников провозгласила императором Улу — двоюродного брата Дигуная. Он получил имя Шицзун. Хай-лин-ван принял решение отступить назад, но было уже поздно. Он был убит, и власть перешла к новоизбранному императору.

Шицзуну потребовалось много усилий, чтобы восстановить стабильность в стране, усмирить недовольных и дать отпор сунцам. В конечном счете был заключен мир, который сохранялся несколько десятилетий. Были проведены реформы в надельной и налоговой системе, издан новый кодекс законов в 1182 г. Несколько раз проводились переписи. Шицзун активно способствовал укреплению чжурчжэньской идентичности — языка, письменности, одежды, обычаев и традиций. В 1189 г. Шицзун умер, и на престол взошел Чжан-цзун (Мадагэ). Он продолжал политику Шицзуна, и государство чжурчжэней развивалось.

Важным источником дохода Цзиньской династии была война. В результате многолетних войн весь Северный Китай был покорен, а его население было обложено тяжелыми податями. Например, после завоевания Кайфына в 1126 г. чжурчжэни получили 54 млн кусков шелка, 15 млн кусков парчи, 3 млн слитков золота, 8 млн слитков серебра, что было эквивалентно 5 млрд связок монет.

Династия Сун ежегодно выплачивала чжурчжэням с 1120 г. 200 тыс. лянов серебра, 30 тыс. кусков шелка, а с 1122 г. дополнительно 200 тыс. даней хлеба и 1 млн связок монет. После заключения мира в 1141 г. Сун обязалась ежегодно выплачивать 250 млн лянов серебра и 250 тыс. кусков шелка. В 1164 г. выплаты были уменьшены, а с 1208 г. увеличены на 50 тыс. лянов серебра и 50 тыс. кусков шелка. При этом М. В. Воробьев высказал обоснованное мнение, согласно которому доля поступлений из Сунской династии в цзиньский бюджет была невелика — всего 1,4 %[26].

Однако, учитывая значимость получаемых товаров для престижной экономики традиционного общества, мы вправе предположить, что значительная часть расходов уходила на подарки. Подарки раздавались щедро, в соответствии со статусом человека по случаю самых разных событий — праздников, брачных церемоний, рождения детей, траурных мероприятий, военных баталий и др. К примеру, в 1142 г. один из родственников императора, являвшийся военачальником, получил за свои военные успехи 1000 рабов, 1000 лошадей, 1 млн овец, 40 слитков серебра и 2000 кусков тканей.

Общая сумма государственных доходов в конце XIII в. в Цзинь составляла 78 млн связок монет при 6,939 млн дворов и численности населения в 45,4 млн человек. Для сравнения в Южной Сун числилось 12,9 млн дворов и 27,6 млн человек, а общий годовой доход составлял 120 млн связок монет. В среднем годовой доход на одного человека в Сун был выше, чем в Цзинь, почти в два с половиной раза.

Существование жалованья зерном и шелком — давняя традиция китайских династий. При этом важно отметить, что главной проблемой для денежного обращения в Цзинь была нехватка меди. По этой причине часто использовались ляоские и сунские монеты. Собственные чжурчжэньские монеты стали чеканить только с 1157 г., но денег все равно не хватало. Так, в 1178 г. в обороте находилось более 60 млн связок

[26] *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). С. 270.

монет. Учитывая, что численность населения страны была около 40 млн человек, это было совсем немного.

Нехватку денег пытались одно время решить за счет отливки монет из чугуна, но в 1193 г. эта практика была прекращена. Для крупных сделок также использовались серебряные слитки. Размеры слитка (*иньтин*) примерно 14 × 8 × 5,5 см. На основании делалась надпись о месте и времени изготовления, имени контролера, номинале, который обычно равнялся 50 лянам или 100 большим связкам монет. Впоследствии идея универсальной валюты в серебряных слитках, по всей видимости, была заимствована монголами у чжурчжэней.

С 1157 г. были введены бумажные деньги по подобию сунских денег. Срок обращения купюр был установлен в семь лет, но потом это правило было отменено. Данная система была вполне стабильной до начала войны с монголами. В годы войны было напечатано много денег, что привело к резкой инфляции. Раз в несколько лет выпускались новые банкноты с громким наименованием, но их номинальная стоимость становилась все ниже и ниже. Отчасти это было обусловлено тем, что старые банкноты не изымались из обращения, а ходили наряду с новыми; так, только между 1217 и 1221 гг. стоимость бумажных купюр упала в 40 тыс. раз. Но главная причина заключалась в общем сокращении доходов империи и стремлении таким способом обеспечить доходность государственного бюджета.

Чжурчжэни покупали у своих соседей широкий ассортимент товаров. Из Сун они приобретали шелк, чай, керамику, фарфор, изделия из лака, предметы буддийского культа. Кроме этого, из Корё (Кореи) они получали вино, ряд продуктов, ткани и одежду, серебряную посуду, принадлежности письма. В обмен на это они поставляли разнообразные меха, лошадей, золото, жемчуг, женьшень и другие лекарственные растения, орехи, рыбий клей, морскую капусту, ткани и т. д.

Чай был одной из важнейших статей чжурчжэньского импорта из Сун. В свою очередь, чжурчжэни активно поставляли в Сун соль. Она стоила очень дорого, и после создания империи Цзинь была установлена монополия на солеварение. Династия Сун ввела запрет на импорт в Цзинь медных монет и риса. Тем не менее известно, что приграничная торговля рисом существовала. Чжурчжэни установили запрет на торговлю медными монетами, зерном, железным оружием и доспехами. В основном приграничная торговля между Цзинь и Си Ся ограничивалась тканями, шелком и лошадьми.

В государстве чжурчжэней имелась система пяти столиц, которая ранее существовала у бохайцев и киданей. Четыре столицы были расположены на территории завоеванных киданьских и китайских земель. Только Верхняя столица Цзинь — Шанцзин — находилась на берегу реки Ашихэ в местах исконного проживания чжурчжэней (на юго-востоке современного города Ачэна провинции Хэйлунцзян в Китайской Народной Республике). Город имел прямоугольную форму и состоял из двух частей — северной и южной. По описанию китайского путешественника Сюй Канцзуна, побывавшего здесь в 1125 г., во внешнем городе и в императорском городе вместо капитальных зданий были еще раскинуты огромные шатры. «Насколько хватает глаз, простирается широкое и пустынное поле. На нем несколько десятков домов, рассеянных как звезды [по небу] или как пешки [на шахматной доске], разбросаны как бы в поспешности, без всякого порядка. Не потому ли, что нет у них городских стен, нет улиц и переулков? Дома все обращены задним фасадом на север, а передним фасадом на юг. Это потому, что так удобнее пасти [скот]»[27].

Здесь было построено семь деревянных дворцовых и административных зданий на

[27] *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). С. 73.

земляных платформах, крытых черепицей. Помимо этого, существовали здания, крытые травой, а также более тысячи домов жителей и строителей города. Жилища были сооружены с чжурчжэньской отопительной системой: «Постели устроены на глиняных лежанках (канах), застланных коврами, шелками, шкурами соболей, уложены перинами...». Посланники имели возможность лицезреть процесс строительства: «Ежедневно несколько тысяч человек посылают на строительство. Они уже построили около тысячи домов, которые хотя еще и не закончены, но, судя по планировке, весьма величественны»[28].

В первые годы существования империи Цзинь чжурчжэни использовали для управления систему традиционных вождей *боцзиле*, а также институты *мэнъань* и *моукэ*, существовавшие на территории проживания чжурчжэней, включая тех чжурчжэней, которые жили в Ляо. Титул *боцзиле* существовал еще в додинастический период и соответствовал таким понятиям, как «вождь», «лидер». В 1113 г. Агуда провел реформу системы боцзиле. Он разделил вождей на 10 рангов. Конкретные обязанности носителей этих рангов не известны. Помимо гражданских титулов имелась десятичная система воинских подразделений — *мэнъань* (тысяча) и *моукэ* (сотня). С течением времени произошло их соединение. Термин *моукэ*, возможно, восходит к маньчжурскому *мукун* — «клан, семейство, деревня». Чжурчжэньский термин *мэнъань*, по всей видимости, обозначал «тысячу» (ср. монг. *мянган,* маньчж. *минган*). Моукэ должны были составлять 300 домохозяйств, но в действительности, как правило, было меньше. Обычно 7—10 моукэ составляли один мэнъань. Несколько мэнъаней могли быть сгруппированы в «тьму».

Другой особенностью системы управления чжурчжэней была практика коллективного принятия решений. Все серьезные решения обсуждались и принимались носителями высших рангов совместно. В китайских источниках сообщается: «Если требуется решить какое-либо важное государственное дело, то выезжают в поле, садятся в круг, чертят на золе (от костра?) планы и совещаются. Первыми совет подают самые младшие. Если после окончания совета кто разболтает то, о чем на нем говорилось, того тайно убивают. Поэтому никто не знает, о чем говорят на таких советах, и тем самым сохраняют тайну»[29].

Многие важные принципы управления и практики были заимствованы от предшествующих или современных династий Китая. Значительную роль в этом играли китайские советники. В целом, на первых порах формирование государственных институтов отличалось непоследовательностью и эклектическим характером. По большому счету, до самого конца династии политическая система Цзинь представляла смесь традиционных институтов и китайских бюрократических организаций.

В 1123 г. чжурчжэни возродили экзаменационную систему для чиновников. Чжурчжэни на севере проходили испытания по упрощенной программе. На юге для китайцев правила были строже. В том же году был создан Тайный совет (*шуми юань*) для координации военного управления чжурчжэнями и китайцами. В 1126 г. правительственный аппарат фактически был поделен на две части — военные институты во главе с Тайным советом и гражданские органы власти под началом Государственного совета. В 1129 г. были созданы шесть министерств, подчиненных Госсовету. Постепенно деление на военные и гражданские институты потеряло свою значимость.

По мере включения в состав государства земель с иноэтничным населением стала формироваться двойная система раздель-

[28] *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). С. 73.

[29] *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI веке. С. 277.

ного управления чжурчжэнями и завоеванными китайцами. Земли чжурчжэней делились на генерал-губернаторства, которые состояли из военно-административных единиц — мэнъань и моукэ. Территории, заселенные китайцами, делились на губернии, области, округа и уезды. Для поддержания военной координации сохранялся Тайный совет.

С течением времени необходимость в двойной системе управления отпала. В период с 1132 по 1138 г. была проведена реформа институтов управления. В новой системе раздельное управление чжурчжэнями и завоеванными китайцами было ликвидировано. Ко второй половине XII в. новая система администрации сформировалась окончательно. Она выглядела следующим образом. Высшей инстанцией являлся император. При императоре существовал широкий круг различных ведомств, в который входили палаты трех князей и трех наставников, «коллегия мудрейших» и «коллегия увещеваний», цензорат, государственная канцелярия, государственный секретариат, верховный суд, карательное ведомство, Тайный совет. Высшим исполнительным органом власти являлся Государственный совет. Наиболее важными чиновниками были левый и правый министры. Государственному совету подчинялись шесть министерств (*бу*) — чинов, финансов, церемоний, юстиции, общественных работ и военных дел.

Министерство чинов фактически отвечало за подбор кадров чиновников, начиная от проведения экзаменов и заканчивая вопросами ротации, обеспечения жалованьем и награждения. Министерство финансов вело учет податного населения, собирало налоги и следило за их сохранностью. Министерство церемоний организовывало обряды, праздники, жертвоприношения. Министерство юстиции следило за судопроизводством и соблюдением законов. Министерство общественных работ занималось строительством дорог, мостов, плотин, фортификационных сооружений, ремонтом дворцов и т. д. Министерство военных дел осуществляло контроль над арсеналами, государственными табунами, почтовыми станциями, обеспечивало набор рекрутов.

Существовало специальное ведомство военной стражи, которое занималось охраной городов. Помимо этого, Государственному совету подчинялись коллегия государственной истории, которой был поручен сбор материалов для составления истории цзиньской династии, академия Ханьлинь, занимавшаяся распространением чжурчжэньской письменности и переводами китайских книг, а также государственный архив, обсерватория, служба календарей, библиотека, университет. Ряд ведомств был создан для обеспечения императорского двора: коллегия императорских приемов, сокровищница и др.

Существовали реальные ограничения для занятия высших должностей для нечжурчжэней. Так, высшую ученую степень *цзиньши* за все время получили только пять бохайцев и один кидань. В 1193 г. в Цзинь насчитывалось 11 499 должностных лиц, из которых 4705 были чжурчжэнями и 6794 — китайцами. При этом доля чиновников нетитульных этнических групп значительно менялась при разных императорах. В различных министерствах численность представителей разных этнических групп сильно варьировала. Так, представители чжурчжэньских кланов присутствовали во всех министерствах, но более всего их было в военном. Напротив, в министерстве финансов было три четверти китайцев.

Важное место в формировании чжурчжэньской идентичности занимала письменность. Уже через четыре года после провозглашения империи было создано «большое письмо», основанное на киданьском «большом письме», о чем свидетельствуют как сильное графическое сходство между ними, так и письменные источники. В 1138 г. было создано «малое письмо». По

некоторым данным, оно использовалось на территории Маньчжурии вплоть до XVI в. Помимо этого, широкое распространение получило китайское письмо. Оно применялось в административной практике, в быту (напомним, что большинство подданных были этническими китайцами), а также в дипломатической переписке с китайскими династиями и другими государствами.

Для пропаганды и развития чжурчжэньского языка по всей империи было открыто большое количество школ. На чжурчжэньский язык было переведено немало текстов. Это была китайская классика как в оригинале, так и частично в переводах, различные философские и религиозные сочинения (относящиеся к конфуцианству, буддизму, даосизму), научные труды по астрономии и астрологии, медицине, истории, географии и праву, трактаты по правилам церемониала, гаданиям, эпиграфике, художественные романы и другие сочинения. Существовало много центров книгопечатания. Клише для книг резали в 9 из 19 губерний империи. Чжурчжэньские мастера Цзинь подражали различным почеркам китайских каллиграфов. При этом они вносили свои изменения, активно расширяли издания за счет включения иллюстративного материала. К сожалению, подавляющее большинство из них сгорело после нашествия монголов, а затем в периоды восстаний и кризисов последующих династий.

После окончания завоеваний к чжурчжэням применялось традиционное чжурчжэньское право, к китайцам — китайские законы. С течением времени сформировалась достаточно эклектичная юридическая система, которая представляла собой смесь чжурчжэньской, киданьской, китайской (включая танское и сунское право) правовых норм. В царствование Шицзуна (1161—1189) был установлен свод законов, включавший 1190 статей, объединенных в 12 разделов. И только в конце династии, в 1202 г., был принят кодекс, который состоял из 563 статей и 713 указов и постановлений.

В период расцвета чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию (современные китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь), южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи, часть других провинций Северного Китая. Если в 1127 г. численность населения Цзинь составляла 18 млн человек, то по мере присоединения новых территорий она возрастала. К началу XIII в. численность подданных государства была более 50 млн. Этнический состав империи Цзинь, согласно переписи 1183 г., выглядел следующим образом: чжурчжэни и тунгусы (10 %), бохайцы (2 %), кидани (1 %), китайцы (85 %).

Население располагалось неравномерно. Наиболее густо заселенными были южные части страны около старых столиц китайских династий. Так, в районе Кайфына (Южная столица) числилось 1,7 млн домохозяйств. Это почти четверть населения страны. Около Пекина (Центральная столица) находилось 226 тыс. домохозяйств. Территории Маньчжурии, Приморья и Приамурья были заселены гораздо меньше. Для примера, в Лояне (Восточная столица) находилась 41 тыс. домохозяйств, а в районе Хуэйнина (старая Верхняя столица, совр. Байчэн) — всего 31 тыс. хозяйств.

Общественная структура многонационального государства была сложной. Во главе находился император и его многочисленные родственники из клана *ваньянь*. Они были крупнейшими собственниками и занимали большинство главных постов государственного аппарата. Император и принцы имели свои моукэ. На основе императорских моукэ была сформирована гвардия, которая называлась *хоча моуко*. В нее было отобрано несколько тысяч крепких, высоких мужчин. Наиболее преданные из них были рекрутированы в телохранители.

Ниже по статусу располагалась чжурчжэньская аристократия. Ее представители обладали значительным богатством, служили главной опорой государства. Еще ниже находились племенные вожди и, наконец,

простые чжурчжэни, которые были опорой армии, занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом.

Чжурчжэни имели многочисленную, хорошо обученную и вооруженную армию. В 1126 г. в походе на Кайфын участвовало около 60 тыс. человек. В годы царствования Си-цзуна и Хай-лин-вана численность войска увеличилась в несколько раз. По данным источников, в 1161 г. воинские подразделения Цзинь могли выставить 1—1,2 млн человек. Сюда входили 25 тыс. человек в составе регулярных войск из числа чжурчжэней, расположенных в основном в столицах, порядка 40 тыс. человек резервной армии в Шаньдуне, до 400 тыс. мобилизованных в разных губерниях и около 700 тыс. человек из числа киданей и бохайцев.

Для контроля над завоеванными территориями чжурчжэнями была создана система военных поселений, которая базировалась на мэнъань и моукэ. Она была введена в 1114 г. Агудой, но реально сложилась даже раньше. Согласно переписи 1183 г., система военных поселений включала 615 624 домохозяйства, к которым было приписано 6 158 636 человек. Из них 4 812 669 человек были отнесены к простолюдинам, остальные — к рабам и другим неполноправным категориям населения. В совокупности они составляли 202 мэнъаня и 1878 моукэ[30].

Основной задачей военных поселений было занятие сельским хозяйством в мирное время и участие в военных походах в годы войны. Однако на практике чжурчжэни не только участвовали в военных походах, но и были привлечены к военным тренировкам, а также выполняли другие обязанности. Часть из них в мирное время вела праздный образ жизни. Вследствие этих и других причин конкурентоспособность мэнъань и моукэ уступала китайским хозяйствам. Многие домохозяйства чжурчжэней разорялись, попадали в кабалу к ростовщикам. Государство разными способами пыталось бороться с этой проблемой. Император Шицзун издал указ о раздаче зерна мэнъань и моукэ, запрете пьянства и организации регулярных военных тренировок.

В той или иной степени императоры и правительство заботились о сохранении собственной идентичности чжурчжэней. Однако к концу XII в. только на отдаленных северо-восточных территориях (современные Маньчжурия и Дальний Восток России) сохранялись чжурчжэньские обычаи и язык. На всей остальной территории империи произошло естественное растворение завоевателей среди завоеванных. Одна из причин ассимиляции чжурчжэней состояла в том, что гарнизоны и военные поселения, в которых они проживали, были рассеяны по всей стране. Только в отдаленных районах местные обычаи и культура сохранились в относительно целостном виде.

Из нечжурчжэней в империи высокое общественное положение имели китайские чиновники и крупные землевладельцы, хотя их влияние было ограничено верховной властью. Положение свободных китайских ремесленников, торговцев и крестьян было намного хуже, чем у чжурчжэней. На их плечи легли основные тяготы государственных налогов и повинностей. Но еще хуже было положение казенных и частных рабов, вынужденных трудиться на своих хозяев. Соотношение рабов и свободных в стране было один к четырем. Государство, с одной стороны, поддерживало институт рабства и защищало интересы рабовладельцев. С другой стороны, оно осуждало рабство с этической и даже экономической точки зрения, старалось сдерживать и ограничивать данное явление в масштабах страны, в основном применительно к чжурчжэням.

На крайнем северо-востоке Цзиньской империи находились губернии Хэлань (по-

[30] *Franke H.* The Chin dynasty // The Cambridge History of China. Vol. 6: Alien regimes and border states, 907—1368. Cambridge, 1994. P. 215—320.

граничная с Кореей и крайним югом Приморья), Хулигай (на северо-востоке Маньчжурии) и Сюйпинь (в южной и центральной частях Приморья и на востоке Маньчжурии). Центром последней было разрушенное в настоящий момент Южно-Уссурийское городище. Кроме этого, на территории Приморья была расположена губерния Елань (долина реки Партизанской (Сучан) и прилегающая прибрежная область) с центром в Николаевском городище Партизанского района Приморья (вклейка, рис. 114, 116). Центром еще одного административного подразделения в верховьях Уссури являлось, по всей видимости, Чугуевское городище. Возможно, локальным центром прибрежных районов юго-восточного Приморья было Новонежинское городище[31].

Подробных сведений о народах Северного Приморья и Приамурья того времени в письменных источниках практически нет. Российские археологи обстоятельно изучили и реконструировали материальную и духовную культуру местного населения. Однако вопрос об их этнической принадлежности и степень родства с чжурчжэнями остаются дискуссионными[32]. Известно, что еще в киданьское время на территории Нижнего Приамурья проживали уго, к которым отправлялись знаменитые экспедиции за соколами. В записях «Цзинь ши» под 1187 г. сказано, что чжурчжэньский император Шицзун говорил своим сановникам: «Недавно я узнал, что колено удигай не хочет быть покорным. Если отправить туда посла спросить о причине их неповиновения, то, быть может, жители сего колена по упорству не станут оправдываться в обвинении, пойдут на наши границы, и их нельзя будет остановить»[33]. Есть мнение, что это была особая группа чжурчжэней-удигэ. Однако не меньше оснований предполагать, что речь могла идти о традиционных охотниках-собирателях и рыболовах (возможно, предках удэгейцев), которых создатели летописи по территориальному признаку автоматически включили в круг культурно близких к чжурчжэням народов.

Лучше известна культура чжурчжэньского населения на территории Приморья. Здесь в черте современного города Уссурийска на левом берегу реки Раздольной (Суйфун) еще в XIX в. были найдены остатки двух городищ, погребальные комплексы, воздвигнутые в честь представителей чжурчжэньской элиты. Сохранилось навершие стелы черепахи с фрагментами надписи. В. Е. Ларичеву удалось установить, что здесь был погребен чжурчжэньский князь Эсыкуй (Дигунай, Ваньянь Чжун)[34]. Его биография раскрывает некоторые неизвестные страницы истории Приморья. Ваньянь Чжун был одним из сподвижников первого чжурчжэньского императора Агуды, участвовал в первых походах против Ляо, а после смерти своего брата, предводителя еланьских чжурчжэней, взял в свои руки бразды правления Юго-Восточным Приморьем. В 1124 г. Ваньянь Чжун перенес ставку из Елани в Сюйпинь. Это было обусловлено тем, что земли Елани были не очень плодородны и «солонцеваты». Скорее всего, после переселения на новом месте был построен город на территории современного Уссурийска, который и стал административным центром чжурчжэньской губернии Сюйпинь. Здесь Ваньянь Чжун и прожил до своей смерти в 1137 г. Позднее, в 1171 г., чжурчжэньский император повелел номинально объединить Еланьский и

[31] Российский Дальний Восток в древности и средневековье.

[32] *Медведев В. Е.* Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск, 1986; *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990; *Васильев Ю. М.* Погребальный обряд покровской культуры (IX—XII вв. н. э.). Владивосток, 2006.

[33] История Золотой империи. С. 174.

[34] *Ларичев В. Е.* Тайна каменной черепахи. Новосибирск, 1966.

Сюйпиньский мэнъани, оставив общее название Елань.

В начале XIII в. над чжурчжэньским государством нависла внешняя угроза. В 1206 г. в монгольских степях была создана держава Чингисхана. Через четыре года монголы начали войну против Цзинь. К этому времени чжурчжэньская империя прошла пик своего подъема и стала клониться к упадку. В 1208 г. Чжан-цзун умер, и ему наследовал Юн-цзи (Вэй-шао-ван) — сын Шицзуна от наложницы. Юн-цзи — это его китайское имя, чжурчжэньское имя не сохранилось в источниках. Он не сыграл сколько-нибудь заметной роли в истории и был убит в результате заговора в 1213 г. Вместо него императором стал Удабу под именем Сюань-цзун.

Война имела затяжной характер и продолжалась почти четверть века (до 1233—1234 гг.). Она завершилась уже после смерти Чингисхана в период правления его сына Угэдэя. Умер и император Сюань-цзун, и власть перешла к его сыну Ниньясу, который получил имя Ай-цзун. В 1234 г. монгольские войска окружили и взяли последний оплот чжурчжэньского императора город Цайчжоу в современной китайской провинции Хэнань. Так прекратила свое существование Золотая империя чжурчжэней.

В 1215 г. командующий цзиньскими войсками в Ляодуне Пусянь Ваньну провозгласил создание государства Великое Чжэнь. После нескольких военных поражений от лояльных империи чжурчжэней и восставших киданей он решил переселить свою армию и народ в отдаленные восточные губернии чжурчжэньской империи. Здесь было провозглашено государство Восточное Ся (кит. *Дун Ся*). Новое государство занимало территорию трех губерний Золотой империи: Хэлань, Сюйпинь и Хулигай (восточная Маньчжурия, крайний север Корейского полуострова, бóльшая часть Приморского края). В этот период на территорию нового государства было переселено значительное количество населения, построены многочисленные города с мощными укреплениями[35].

К этому времени поблизости от губернского центра Сюйпиня на другом берегу реки Раздольной (Суйфун), в 3 км к югу от современного Уссурийска была построена неприступная крепость — город Кайюань, Восточная столица государства Восточное Ся. Городище расположено на высокой Краснояровской сопке, окружено мощными оборонительными сооружениями, имеет систему дополнительных внутренних укреплений. Здесь исследованы остатки многочисленных дворцовых и храмовых зданий, обширные кварталы жилищ простых людей, во время раскопок найден богатый бытовой и хозяйственный инвентарь, украшения, предметы вооружения и проч.

Горные приморские городища времени чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся по своим конструктивным особенностям значительно отличаются от равнинных городищ. Как правило, для места возведения городища избирался большой распадок, в котором имелся водный источник. По гребню возводился вал, так что распадок оказывался защищенным от нападения. Самым известным горным городищем такого типа является Шайгинская крепость в Партизанском районе Приморского края. В результате многолетних раскопок дальневосточных археологов удалось установить, что это был крупный ремесленный центр. На территории городища раскопано много мастерских, в которых опытные мастера занимались плавкой и кузнечно-слесарной обработкой черных и цветных металлов (вклейка, рис. 115). Крепость была разбита на кварталы. Существует мнение, что

[35] *Ивлиев А. Л.* Изучение истории государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток, 1993. С. 8—17.

в одной ее части жили металлурги, в других местах — ремесленники-оружейники, ювелиры, кожевники. Внутренним валом был отгорожен «запретный город» для наместника и его администрации. На высокий статус Шайгинского городища в политической иерархии Восточного Ся указывают находки на нем серебряной пайцзы — верительного знака должностного лица, печати *чжичжуна* — крупного чжурчжэньского чиновника[36] (вклейка, рис. 117).

Примером небольшого военного поселения является Ананьевское городище, которое расположено примерно в 10 км от реки Раздольной (Суйфун) в Надеждинском районе Приморья. Площадь городища свыше 10,5 га. Здесь раскопано более 100 жилищ с канами, различных хозяйственных и других объектов. Размеры памятника, отсутствие административных и дворцовых зданий, а также важное стратегическое положение позволяют предположить, что здесь могло быть размещено чжурчжэньское военное поселение — *моукэ*.

Стратегическим планам Пусяня Ваньну не суждено было реализоваться. Государство просуществовало всего 18 лет. В 1233 г. монгольские войска вторглись на территорию Приморья и дошли до Сюйпиня и Кайюаня. «Все восточные земли были усмирены», — сообщает «История династии Юань»[37]. Сам Пусянь Ваньну попал в плен, а через два года на завоеванных землях было образовано темничество Кайюань.

Возникновение Монгольской империи. История Монгольской империи самым тесным образом связана с историей многих народов России. Известно, что далекими предками монголов были отуз-татары (кит. *шивэй*). Они обитали на территории Восточной Монголии и Забайкалья[38]. Среди названий шивэйских племен упоминаются такие этнонимы, как *татань* (*дадань*), *мэнъу* (*мэнгу*). После крушения Уйгурского каганата в середине IX в. постепенно монгольские номады заселили бóльшую часть монгольских степей. На рубеже I—II тыс. н. э. в китайских летописях они выступают под обобщенным этнонимом *цзубу*. Существует легенда о прародине, согласно которой когда-то давно предки монголов бежали в недоступную местность Эргунэ-кун («Крутой хребет», возможно, производно от Аргунь). Постепенно они там размножились, стали мастерами кузнечного дела. Собрав много дров и принеся жертвы, они расплавили гору и смогли выйти в степи[39].

На рубеже XII—XIII вв. в монгольских степях и в Забайкалье обитали различные народы. В восточной части территории современной Монголии в долинах Онона и Керулена кочевали племена, которые условно можно назвать монголами. В их числе были дарлекины, нируны, тайджиуты, хонкираты и другие группы. К востоку от них в Забайкалье и Внутренней Монголии обитали татары. В Центральной Монголии в предгорьях Хангая и в долинах Орхона и Толы проживали кереиты. Их вождество во главе с ханом Тоорилом (Ван-ханом) было одним из наиболее могущественных объединений кочевников в указанный период. В Северной Монголии и в Забайкалье по берегам Селенги жили меркиты. Западную часть Монголии занимали найманы. Мно-

[36] *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII в. Новосибирск, 1974; История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века; *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока; *Ивлиев А. Л.* О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С. 109—113.

[37] *Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977. С. 76.

[38] *Ковычев Е. В.* К истории ранних монголов в Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 9. Иркутск, 2012. С. 129—146.

[39] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 154.

гие исследователи относят последних не к монголоязычным, а к тюркоязычным кочевникам.

Средневековые кочевники монгольских степей занимались кочевым скотоводством, разводили лошадей, верблюдов, овец, коз, крупный рогатый скот. Наиболее ценным животным, мерилом богатства номада считался конь. Кочевники также занимались охотой, у них отмечены зачатки земледелия. Особенно важное значение имела облавная охота, которая являлась хорошим способом выработки военных навыков. Номады разделялись на две группы и охватывали в кольцо многокилометровую территорию. Постепенно сжимая кольцо, кочевники загоняли в круг множество диких животных.

В монгольском обществе существовало половозрастное разделение труда и гендерное доминирование. В обязанности мужчин входило наблюдение за домашними животными, изготовление стрел, луков, прочей утвари. Остальное время они занимались охотой, стрельбой из лука, ходили в военные походы. На женские плечи падала вся остальная ноша — работа по дому, доение скота и обработка продуктов скотоводства, воспитание детей. Когда мужчины отсутствовали, женщины выполняли и их работу. Однако роль женщины в монгольском обществе не сводилась к положению домашней рабыни. Женщины могли иметь большое влияние в публичной жизни. Особенно высока была роль вдовы после смерти мужа. Достаточно напомнить, какое влияние на сыновей имела Оэлун — жена Есугай-баатура и мать Чингисхана, а также впоследствии другие ханши.

Кочевники монгольских степей были шаманистами, верили в культ Неба (*Тэнгри*). Кроме «Вечного синего Неба» они почитали богиню Земли (*Этуген*), духов огня, гадали по бараньим лопаткам. Только кереиты и найманы были знакомы с христианством[40].

Обычно кочевали *айлом* — группой из 5—10 семей. При необходимости номады могли формировать более крупные объединения (*курень*). Айлы группировались в единицы более высокого таксономического уровня — линиджи (*урук*), экзогамный род (*обок*) — племя, вождество (*иргэн*, *улус*). Во главе племен и вождеств стояли *ханы*, которые имели дружины *нукеров*. Социальное господство в монгольском обществе конструировалось в соответствии с терминологией родового общества как противопоставление между старшим и младшим родственниками («отец—сын», «старший брат—младший брат»), генеалогического, в том числе и фиктивного, неравенства («белая» и «черная» кость), маркированием более низких по статусу родственников терминами рабства (*богол*)[41].

Племена кочевников постоянно нападали друг на друга с целью угона скота, захвата в плен женщин и детей. Анонимный монгольский летописец красочно охарактеризовал темные времена монгольского Средневековья: «Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла»[42]. Именно в таких условиях родился будущий основатель Монгольской империи Чингисхан. Он появился на свет на берегу реки Онон в урочище Делюн-Болдок. По одной из версий, это место находится на территории современного Забайкалья. Его отцом был Есугай-баатур, который являлся вождем одной из конфедераций кият-борджигинов. Матерью была Оэлун из олхонутов. При рождении ребенка нарекли именем Темучжин в честь одного из поверженных его отцом врагов.

[40] *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. 2-е изд. СПб., 2013.
[41] *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
[42] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 184. § 254.

В девятилетнем возрасте отец повез Темучжина свататься к хонкиратам, где ему в качестве невесты была выбрана Борте — дочь местного вождя Дай-Сечена. На обратном пути Есугай встретил татар, которые напоили его отравленным питьем. После его смерти Темучжин был вынужден вернуться домой к матери. К этому времени большинство сподвижников Есугая решили бросить его семью и откочевать, поделив его стада. Это был типичный вариант распада вождества у кочевников-скотоводов. Измена соплеменников нанесла юному Темучжину глубокую психологическую травму. Впоследствии он всегда с подозрением относился к родственникам, даже к самым близким, и стремился опираться на верных друзей и преданных воинов-нукеров[43].

На долю матери Темучжина и семьи выпала нелегкая судьба — выжить без скота в суровых условиях монгольского климата. Оэлун пришлось заниматься собирательством, а ее детям — ловить рыбу. Именно в этот период развился конфликт между Темучжином и Бектером — его сводным братом от другой жены Есугая. Возможно, оба подростка чувствовали, что кто-то из них должен был со временем возглавить семью. Конфликт закончился драмой. Бектер был застрелен из лука. Это преступление не было оставлено без внимания со стороны соплеменников. Темучжин был захвачен тайджиутами и в качестве наказания закован в колодки. Проявив чудеса смекалки и храбрости, юноша смог убежать из плена и вернуться в семью.

Через некоторое время Темучжин совершил еще один храбрый поступок — погнался за конокрадами и отбил табун своих лошадей. В этом ему помог юноша из соседнего кочевья — Боорчу. Фактически он стал первым нукером Темучжина и в будущем одним из его ближайших сподвижников. Поощренный этой победой, Темучжин отправился к Дай-Сечену за невестой. В качестве приданного Борте получила роскошную соболиную доху. Эта доха была отвезена Темучжином в ставку кереитов и поднесена как дар вождю конфедерации кереитов Тоорилу (Ван-хану). Взамен сметливый юноша попросил покровительства. Это был типичный для того времени вариант формирования патримониальных отношений. Растроганный Ван-хан вспомнил о былой дружбе с Есугаем и пообещал молодому человеку поддержку.

Поддержка потребовалась очень скоро. Меркиты умыкнули у юного Темучжина молодую жену. Вот тут-то и понадобилась дружба с сильным покровителем. Темучжин обратился за помощью к Ван-хану и другому влиятельному монгольскому вождю Чжамухе. Чжамуха был его ровесником и побратимом (монг. *анда*) с детства. Меркиты не ожидали набега и были разгромлены. Через некоторое время сподвижники Темучжина решили короновать его на ханство. Именно тогда он получил новое имя-титул Чингисхан. Вокруг него стали собираться верные нукеры. Первый эмбриональный «аппарат» состоял всего из 26 дружинников, а его возглавляла тройка ближайших сподвижников Чингисхана — Боорчу, Чжельме и Субутай-баатур.

К сожалению, история ранних монголов от середины 1180-х до 1204 г. не имеет точной хронологии. Разные источники по-разному описывают ход событий. Можно реконструировать только наиболее важные события, однако их даты и даже последовательность до сих пор являются предметом дискуссий. Известно, что вскоре после размолвки во время набега за скотом был убил младший брат Чжамухи. Это стало причиной вооруженного конфликта между побратимами. Чингисхан был разбит, но он сумел даже из поражения извлечь пользу. Чжамуха в качестве устрашения приказал

[43] *Барфилд Т.* Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). М., 2009. С. 298—299.

сварить живьем в котлах 70 вождей из клана чоносов. Это оттолкнуло от него многие племена и вождества, которые откочевали от него к анде. К этому времени Чингисхан прослыл справедливым и весьма щедрым вождем, который раздавал своим сподвижникам бóльшую часть добычи. Кроме того, его опора на верных нукеров, а не на родственников давала возможность выходцам из других племен достичь высокого социального положения.

Дальнейшая история степи — это калейдоскоп набегов и войн между различными вождествами и племенами номадов. Несколько раз Чингисхан был на грани полного разгрома. Однако он смог выстоять. Пали его враги. Сначала погиб Ван-хан. Потом была разгромлена коалиция найманов и Чжамухи. Чжамуха бежал, но вскоре был предан своими нукерами. Чингисхан жестоко расправился с изменниками и предал анду почетной казни — ему сломали позвоночник без пролития крови.

В 1206 г. на берегу Онона Чингисхан был провозглашен правителем Монгольской державы (*Ёке Монгол Улус*). Он попытался разрушить традиционную племенную систему и создать принципиально новую структуру, основанную на фундаменте личной преданности. В результате была введена десятичная система (деление воинских подразделений на десятки, сотни и тысячи). Всего первоначально было создано 95 «тысяч». Они являлись как военными, так и административными подразделениями имперской конфедерации. Старую родовую структуру сохранили племена давних сподвижников Чингисхана, а также те вождества, которые добровольно вошли в состав имперской конфедерации. Остальные были перетасованы и включены в новые «тысячи». Правым крылом командовал Боорчу, под руководством которого находилось 38 000 воинов. Левым крылом командовал Мухали. Вместе с центром оно составляло 62 000 человек[44].

Чингисханом также была создана дружина (*кешик*) в 10 000 воинов. Дружинникам были поручены охрана ханских покоев, имущества и ставки, руководство дворовой челядью, обеспечение ханского стола продовольствием, участие в ханских облавных охотах и т. д. Дружина являлась своеобразной кузницей кадров для будущей имперской администрации.

Родственники Чингисхана оказались обделенными. Матери на пару с младшим родным братом он выделил 10 000 юрт, брату Хасару (Джочи-Касару) — 4000, сыновьям Джучи — 9000, Чагатаю — 8000, Угэдэю и Толую — по 5000[45]. К родственникам были приставлены специальные наместники, которые должны были докладывать о каждом их шаге Чингисхану. Причина этого коренится в уже упомянутых событиях далекого детства, когда он столкнулся с изменой родственников, бросивших его семью после смерти отца. Помня об этом, Чингисхан неизменно старался опираться не на родственников, а на своих верных нукеров.

Уделы братьев располагались в самой отдаленной части империи, «внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэи Кулэ-наура и Килара». Здесь место расселения четко локализуется с рекой Аргунью в Забайкалье, озером Далай-нор во Внутренней Монголии и Хайларом[46]. При этом сообщается, что самый младший брат Чингисхана воспылал любовью к градостроительству: «Отчи-нойон отличался [своей] большой любовью к строительству и везде, куда не приходил, он строил дворцы [сарай] и загородные дворцы [кушк] и [разбивал] сады»[47].

[44] *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 266—278.

[45] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Т. 1. С. 176. § 242—243.

[46] Территория автономного округа Внутренняя Монголия в КНР, где расположен приграничный с Россией город Маньчжурия.

[47] *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 52, 55.

Действительно, на территории Забайкалья имеются уникальные археологические памятники городской культуры этого времени. Среди них знаменитый Кондуйский дворец с колоннами, который был украшен головами драконов и черепахоподобных чудовищ. Его крыша была покрыта ярко блестящей на солнце зеленой, красной и желтой поливной черепицей. Около дворца располагались другие постройки — усадьбы монгольской элиты, жилища ремесленников и обслуги, печи для производства черепицы и кирпичей. В начале XIX в. строительные материалы городка — кирпичи, гранитные основания драконов и базы — были использованы русскими казаками и крестьянами для строительства в 1806 г. церкви Рождества Богородицы в селе Кондуй.

Другой известный археологический объект — Хирхиринское городище. Это был настоящий город, состоящий из нескольких десятков усадеб и около сотни отдельных жилищ. Домостроения объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков. Отдельно возвышался ханский дворец, окруженный земляной стеной. Сколько населения проживало здесь в юртах, можно только догадываться. Считается, что город был ставкой Есунке — сына Хасара (брата Чингисхана). Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. Это древнейшая надпись на старомонгольском языке (примерно 1225—1226 гг.). До сих пор исследователи не достигли единства по поводу перевода данного текста, однако во всех вариантах присутствуют имена Чингисхана и Есунке[48].

Судебные дела в Монгольской империи были поручены Шиги-Хутуху. Чингисхан также провозгласил новые правила поведения, которые обычно называют Ясой. Однако среди современных исследователей нет единства относительно того, что представляла собой Яса. Ее подлинник не известен. Имеются только различные пересказы и упоминания восточных авторов Джувейни, Рашид ад-Дина, Макризи, Ибн Баттуты. По всей видимости, Яса не была писаным сводом законов подобно раннесредневековым «варварским» Правдам (Вестготской, Салической, Русской и др.). Она представляла собой компиляцию различных установлений, правил и табу, введенных Чингисханом с некоторыми дополнениями в правление Угэдэя[49]. Данный текст был недоступен для общего пользования. Согласно Джувейни, «Эти свитки называются Великой Книгой Ясы и лежат в казне старших принцев. Когда хан садится на трон, или будет собирать великое войско, или соберутся принцы и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и в соответствии с ними осуществляют все решения; и к построению войска или разрушению стран и городов как там предписано»[50]. С течением времени значение Ясы упало по причине разделения Монгольской империи на несколько самостоятельных частей, в которых определяющее значение имели местные юридические традиции.

Постепенно термин *монголы* распространился на все племена и вождества, вошедшие в степную державу. Налицо классический случай конструктивизма — создания этнических общностей, когда один из этнонимов становится названием одного народа и постепенно разрозненные племена начинают осознавать себя единой этнической общностью. Этот исторический факт был подмечен еще в XIV в. составите-

[48] Древнемонгольские города. М., 1965; Градостроительство Сибири. СПб., 2011. С. 11—54; *Крадин Н. Н., Харинский А. В., Бакшеева С. Е., Ковычев Е. В., Прокопец С. Д.* Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum plus. 2016. № 6. С. 17—43.

[49] *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. С. 398—400.

[50] *Джувейни.* Чингисхан: История Завоевателя Мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. М., 2004. С. 19.

лями знаменитого «Сборника летописей» Рашид ад-Дина: «[Разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем], — а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен»[51].

В 1210 г. чжурчжэньские посланники потребовали от Чингисхана уплаты дани. Теоретически кочевники монгольских степей все еще оставались вассалами империи Цзинь. Однако реальное соотношение сил между Севером и Югом сильно изменилось, и этот эпизод был использован как повод к войне. На следующий год монголы вторглись в границы Цзинь сразу двумя армиями. С этого времени началась эпоха великих монгольских завоеваний. У чжурчжэней было 1,2 млн воинов. Чингисхан имел 139 «тысяч». Соотношение сил было примерно 1:10. Однако чжурчжэньская армия была рассредоточена по отдельным гарнизонам, а монголы могли использовать эффект концентрации сил на главном направлении удара. Они перешли за стену и взяли Западную столицу. Первые же победы привели к увеличению численности монгольского войска за счет перебежчиков.

Обычная тактика монголов сводилась к следующему. Монгольское войско выстраивалось в несколько линий. Первые линии составляли тяжеловооруженные всадники. Сзади находились конные лучники. В начале битвы легкая кавалерия с флангов или через интервалы между передовыми подразделениями выезжала вперед и начинала засыпать противника стрелами. Стена сплошного потока из сыплющихся с неба стрел была хорошим психологическим оружием (особенно если часть стрел была снабжена специальными свистунками) и могла принести вред плохо вооруженной пехоте. Однако эффективность такой стрельбы была достаточно невысока для вооруженного защитной броней противника[52].

Коронной тактической уловкой монголов было знаменитое ложное отступление, когда они высылали вперед несколько подразделений, которые должны были имитировать столкновение с врагом, а потом сделать вид, что они отступают. После того как враг бросался в преследование в надежде поживиться легкой добычей, монголы растягивали его коммуникации. Затем в дело вступали лучники, которые засыпали противника тучей стрел. Монголы предпочитали тактику дистанционного боя до получения решающего преимущества над противником. Возможно, это было обусловлено тем, что основную часть войска составляли легковооруженные лучники. Завершала сражение тяжелая кавалерия, которая сначала выдвигалась на легких рысях, а потом сминала уставшего и потерявшего строй противника.

Каждый монгольский воин должен был иметь с собой полный комплект снаряжения, включая защитное и наступательное вооружение, веревки, транспортных животных и проч. Если при осмотре войска обнаруживалась недостача, виновный сурово наказывался, вплоть до смертной казни. Чингисхан ввел жесткую дисциплину и круговую поруку. Если с поля боя убегал один человек, наказывали весь десяток. Эта

[51] *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 102—103.

[52] *Smith J. M.* Ayn Jalut: Mamluck Success or Mongol Failure? // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1984. Vol. 44. No. 2. P. 307—345.

система была жестокой, но оказалась очень эффективной[53].

Монголы придерживались тактики тотальной войны, масштабного запугивания противника с целью подавления его боевого духа и деморализации. Если города сдавались им без единого выстрела, они не брали никого в плен, кроме искусных ремесленников. Для осадных работ использовалось местное население (*хашар* — букв. «толпа»), которое заставляли строить и приводить в действие гигантские осадные механизмы, собирать камни, заготавливать деревья[54].

В начале военных действий против чжурчжэней монголы испытывали недостаток опыта и специальных средств при осаде городов. В ходе первой кампании против тангутов они так неудачно пытались затопить водой столицу тангутского государства, что в результате вода прорвала построенную плотину и затопила монгольский лагерь. Однако монголы были хорошими учениками в военном деле. Они стали использовать на военной службе чжурчжэньских, китайских, а также мусульманских инженеров и ремесленников, что быстро привело к ощутимым результатам. Очень скоро они освоили самые передовые военные технологии — строительство осадных башен, в том числе с катапультами, а также различных метательных орудий, стреляющих стрелами, камнями и пороховыми зарядами, стали проводить крупномасштабную артподготовку перед штурмом, осуществлять возведение плотин для затопления вражеского города и рытье подкопов под вражеские стены и т. д.[55]

Относительно превосходства монгольского войска над армиями других средневековых государств существуют разные мнения. Широко распространена точка зрения, что кочевники являются «природными воинами». Кочевники отличались выносливостью и неприхотливостью, зоркостью, прекрасно ориентировались на местности, с детства овладевали искусством управления лошадью и стрельбой из лука. Монгольский лук был самым мощным луком эпохи Средневековья. Долгие тренировки в период облавных охот обусловили высокую маневренность и координированность монгольских воинских подразделений, способность быстро перестраиваться и легко перемещаться по территории военных действий. В этом они наголову превосходили своих противников[56].

В то же время необходимо учитывать два важных обстоятельства. Что касается умения владения оружием ближнего боя, то обычные кочевники, как правило, уступали в этом профессиональным воинам оседло-земледельческих государств (военное сословие, дружинники, специально обученные воинские подразделения — мамлюки, янычары и др.). Кроме того, фактор умения ориентироваться на местности и передвигаться с большим количеством заводных лошадей был преимуществом для кочевников только в степных зонах или в непосредственной близости от них (как на Руси и в Паннонии). Иное дело, если боевые действия велись в непривычных условиях. Здесь номады теряли фактор «своего поля» и им приходилось играть по правилам своего противника.

В 1207 г. Чингисхан повелел Джучи завоевать «лесные народы» от Байкала до Енисея. Ойраты Прибайкалья сами признали власть Чингисхана. С их помощью были покорены народы Южной Сибири. Они были переданы в управление Джучи,

---

[53] «Книга» Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева; Ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 50—51.

[54] *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 207.

[55] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 53—54.

[56] *May T.* Mongolian Art of War. Barnsley, 2007.

а после его смерти отошли под контроль Толую, младшему из сыновей Чингисхана. В 1217 г. восстали туматы, а через год их поддержали енисейские кыргызы. Восстание было жестоко подавлено[57].

Первые кампании против земледельческих цивилизаций принесли огромную добычу. Чжурчжэньский император заплатил большую контрибуцию в 10 тыс. лянов серебра и 10 тыс. слитков золота. После этого Чингисхан обратил свой взор на запад, на владения хорезмшаха. В сентябре 1219 г. 150 тыс. монгольских всадников подошли к городу Отрару. Крепость была взята через пять месяцев. С течением времени пали и другие города Средней Азии — Бухара (1219), Самарканд (1220), Ургенч (1221). В 1226—1227 гг. было повержено тангутское государство Си Ся.

В 1227 г. во время осады столицы тангутского государства Чингисхан умер. Похороны были произведены втайне. Согласно преданию, после траурной церемонии все участвовавшие в ней были убиты, а над могилой прогнали табун лошадей, чтобы никто и никогда не нашел место захоронения Завоевателя Вселенной. Несмотря на легендарный и противоречивый характер приведенных сведений, факт остается фактом — погребение ни одного из великих ханов и их ближайших родственников не найдено археологами до наших дней. Хаганом Монгольской империи был провозглашен третий сын Чингисхана Угэдэй (1229—1241).

Выбор преемника был сделан Чингисханом еще при жизни. Он обсуждал со своими ближайшими соратниками и родственниками возможную кандидатуру будущего правителя. Фигура его первенца Джучи была не совсем легитимна в силу сомнительного происхождения (он родился вскоре после освобождения жены Темучжина Борте из меркитского плена). Второй сын Чагатай оказался слишком импульсивен и вызывал опасения. Четвертый сын Толуй являлся *отчигином* и должен был по монгольской традиции наследовать дом родителей. Наиболее приемлемой для всех стала кандидатура третьего сына Угэдэя. Он был спокойным и уравновешенным, отличался щедрым нравом и любил развлечения.

Однако самым главным достоинством Угэдэя оказалась его способность не мешать ходу развития естественных процессов. Он пил вино, охотился и развлекался со своими многочисленными женами, а в это время монгольские воины брали города, присоединяли новые страны. При нем империя раскинулась от Волги до Амура. В 1233 г. монгольские тумены дошли до Приморья и завоевали чжурчжэньское государство Восточное Ся, а в следующем, 1234 г., окончательно пала династия Цзинь.

---

[57] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Т. 1. С. 174—175. § 239—240; *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 122—123.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период VI—XIII вв. для Восточной Европы и Северной Азии стал эпохой становления цивилизации и государственности.

В южной части Сибири на протяжении I тыс. н. э. формировались и сменяли друг друга кочевые империи, включавшие Центральную Азию, на Дальнем Востоке — государства, центральные части которых находились в Северном Китае. Дольше всех из государств в этом регионе просуществовало Кыргызское (Древнехакасское) на верхнем Енисее, ненадолго (в IX в.) ставшее центром империи, включавшей в себя территорию позднейшей Монголии, а затем сохранившееся до нашествия Чингисхана.

Очевидно, большинство достоверно известных кочевых империй — от Хуннской до Монгольской — сменяли друг друга в условиях, когда этнический состав и культурный облик их населения оставались принципиально неизменными. Наблюдатели из соседних стран — китайские и мусульманские современники — давали этому населению названия по имени доминирующего в данный момент народа: хунны, хазары, кыпчаки, монголы и т. п. Представляется все же, что за последние две тысячи лет радикальные этнокультурные трансформации происходили в степном мире Евразии лишь считаное количество раз. Это уход с исторической арены древнего ираноязычного населения и начало тюркизации Степи в эпоху Великого переселения народов; монгольские завоевания; поглощение большей части Степи Российским государством.

Скифо-сарматская эпоха не освещена достаточным количеством письменных источников, поэтому реконструкция истории евразийских кочевников до середины I тыс. н. э. очень сложна и приблизительна. Последующие века оставили историкам гораздо больше свидетельств. Pax Hunnica простирался от Китая до Австрии. После смерти предводителя гуннов Аттилы в 453 г. гуннский союз в Центральной и Восточной Европе, как известно, распался. Однако по старым миграционным путям продолжались передвижения на запад — прежде всего древнетюркских племен (иногда их называют протоболгарскими). При этом массы старого ирано-, тохаро- и угроязычного населения сохранялись в Степи, постепенно меняя этнокультурное обличье. В таком случае Вечный эль (который в современной науке принято называть Тюркским каганатом) просто придал новую политическую форму прежнему этнокультурному содержанию: сменилась династия, но не население.

Нетюркское (а исторически — дотюркское) население заметно в степях и в гораздо более поздние времена. Можно указать на большой этнический массив ираноязычных алан/асов в Золотой Орде.

Очевидно, в политическом развитии евразийских степей действовала некая повторяющаяся парадигма — маятниковое движение от разрозненных кочевых общин к обширным полиэтничным империям и обратно. Периодически возникала тенден-

ция к объединению кочевого мира. Она парадоксально сочеталась с незыблемостью института атомизированых мелких кочевых коллективов, ведущих автономное скотоводческое хозяйство. Эта тенденция заметна и в периоды между существованием кочевых империй. Например, для периода IX—XII вв. нельзя говорить о политическом единстве Степи. Однако объективные условия к будущему объединению тюркских и монгольских народов имелись. Стимулом здесь являлись этнокультурная близость этих народов, распространение билингвизма, угасающее, но пока «тлеющее» наследие Тюркского каганата. Показателен пример народа найманов, который соединил в своей культуре монгольский этноним и древнетюркскую аристократическую титулатуру.

Интенсивные исторические процессы происходили в V—XIII вв. у тунгусо-маньчжурских и монгольских народов Дальнего Востока. Государства в этом регионе (тунгусское царство Бохай, империи — киданьская Ляо и чжурчжэньская Цзинь) образовались, с одной стороны, в результате собственного социального развития и на основе собственных экономических ресурсов и, с другой — под мощным цивилизационным влиянием соседнего Китая.

Степные районы Восточной Европы представляли собой естественный коридор, по которому с востока на запад двигались кочевые народы, что во многом определило историческую специфику данного региона в рассматриваемый период. В последней четверти VI в. значительные территории на юге Восточной Европы — приуральские степи, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Крым — стали частью Первого Тюркского каганата. Благодаря тюркам, установившим союзнические отношения с Византией, появилось восточноевропейское ответвление Великого шелкового пути, шедшего из Средней Азии через Нижнее Поволжье и Северный Кавказ к побережью Черного моря и далее в Византию. Таким образом, степные районы Восточной Европы к концу VI в. были включены в систему трансконтинентальных торговых путей, связывавших Китай, Индию, Среднюю Азию, Ближний Восток и Византию со странами Европы.

Начало функционирования восточноевропейской ветви Великого шелкового пути совпало по времени с формированием в Восточном Предкавказье на основе различных тюркских, угорских и иранских племен нового политического образования, известного в науке как Хазарский каганат. Это государство, возникшее на обломках наследника Первого Тюркского каганата — Западно-Тюркского каганата, тесно связанного с Ираном и Византией, просуществовало более трех веков и сыграло заметную роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа VII—X вв. Центр Хазарского государства, первоначально находившийся в Приморском Дагестане, под натиском арабов во второй половине VIII в. переместился в более северные районы — в Приазовье, на нижний Дон и Северский Донец, а также на нижнюю Волгу вплоть до Волжской Булгарии. Такое географическое положение позволило Хазарии, с одной стороны, занять ключевую позицию в торговле с исламскими странами, а с другой — распространить свое влияние на часть населения лесостепной и лесной зон Восточной Европы, а также на степные районы Крыма.

В IX—X вв. в связи с продвижением с востока в степи Северного Причерноморья кочевников — сначала венгров, а затем печенегов — влияние Хазарии падает, и во второй половине X в. она распадается. После гибели Хазарии на первые роли в Восточной Европе выходят новые государственные образования — Русь и Волжская Булгария, в то время как степные районы находятся под контролем печенегов, а самым крупным северокавказским политическим образованием остается Аланское царство, тяготевшее к Византии после принятия аланским царем христианства в IX в.

В середине XI в. новая волна пришедших с востока кочевников — половцев (кыпчаков, куманов) — оттеснила печенегов к дельте Дуная. В дальнейшем половцы держали под своим контролем всю евразийскую степь от Дуная до Иртыша вплоть до монгольского нашествия в XIII в.

В Крыму, природные условия которого делили полуостров на две зоны — степную и приморскую, на протяжении почти всего рассматриваемого периода сохранялось политическое и культурное влияние Византии, этнической опорой которой была значительная прослойка греческого населения в приморских городах, прежде всего в Херсоне и Боспоре Киммерийском. Важнейшим внешним фактором перемен во внешнем и внутреннем положении Крыма стал захват и разорение Константинополя крестоносцами в 1204 г., повлекшие за собой распад Византийской империи. Образование крестоносной Латинской империи (1204—1261) с центром в Константинополе привело к проникновению итальянских купцов в Крым, Приазовье и Восточное Причерноморье, портовые города которых стали постепенно вовлекаться в торговлю Западной Европы с Востоком.

Восточные славяне, в отличие от западных и южных славян, у которых в раннее Средневековье сложилось по нескольку государственных образований, оказались объединены в одном государстве, под властью одной княжеской династии. По размеру территории Русь стала крупнейшим государством в Европе. Принятие христианства в качестве государственной религии обусловило вхождение ее в европейскую цивилизацию.

Границы Руси в основном определились к концу X столетия. Они соответствовали территории расселения восточных славян. Страна в целом именовалась *Русью* или *Русской землей*. Население ее было представлено в основном восточными славянами, общим названием для которых стало то же слово *русь* (единственное число *русин*). Финноязычные и балтоязычные народы лесной зоны Восточной Европы либо ассимилировались и христианизировались (меря, мурома и др.), либо становились данниками русских князей, не входя в собственно территорию Руси (литва, корела, пермь, мордва и др.). К присоединению земель этих данников правители Руси не стремились, равно как и к распространению среди них христианства (в отличие от западных крестоносцев в Восточной Прибалтике в XIII в.). Граница со степными кочевниками также оставалась в основном стабильной, соответствуя границе лесостепной и степной зон. Выходцы из Степи могли селиться на Руси в качестве служилых людей русских князей. Полиэтничность государства Русь, таким образом, имела ограниченный характер. Включения в состав русского государства значительных массивов неславянского и неправославного населения, сохранявшего после присоединения свой язык, веру и социальное устройство, в домонгольский период не происходило (этот процесс начнется много позже, уже в Российском государстве XVI в.).

Политическая власть на Руси принадлежала княжеской династии, которую в историографии по имени родоначальника принято называть Рюриковичами. Фактически она была представлена в XI — начале XIII в. потомками Владимира Святославича (Владимира Святого). Каждый представитель династии именовался «князем русским». Верховным правителем был тот, кто считался «старейшим» в роду и княжил в Киеве — столице Руси. Другие представители династии наделялись киевским князем *волостями* — крупными территориальными единицами со стольными городами.

В XII в. на месте единого государства Русь на основе крупнейших волостей формируется несколько фактически самостоятельных политических образований — *земель*: Киевская, Черниговская, Смоленская, Суздальская, Новгородская, Переяславская, Волынская, Галицкая, Полоцкая, Му-

ромская, Рязанская, Туровская (Пинская). В большинстве земель закрепились те или иные ветви разросшегося княжеского рода. При этом определенное общерусское единство сохранялось: религиозное, культурное, а в какой-то мере и политическое. Киевский князь продолжал считаться номинально «старейшим» — «князем всея Руси»; сильнейшие князья претендовали на владение киевским столом. Только позже, в середине — второй половине XIII в., номинальное общерусское главенство перейдет к великим князьям владимирским (поначалу — благодаря владению Киевом). Формально статус главного князя всей Руси продолжал существовать в течение всего периода «раздробленности» (XII—XV вв.), олицетворяя политическую преемственность.

Традиционно постулируемого в историографии главенства Суздальской земли, Владимира-на-Клязьме, в домонгольский период не было. Наиболее влиятельными являлись четыре земли — Черниговская, Смоленская, Суздальская и Волынская. Между их князьями шла борьба за главный, киевский стол, за княжение в Новгороде Великом, в первой половине XIII в. — также за княжение в Галиче. Не было в XII — начале XIII в. и общерусских объединительных тенденций. *Земли* являлись стабильными государственными образованиями. Присоединение князьями чужих владений получит распространение позже, в ордынскую эпоху.

Политическое развитие земель имело свои отличия. В Новгородской земле с XII в. формируются республиканские формы правления, главная роль здесь принадлежала местному боярству; князья в Новгород приглашались из разных земель и разных княжеских ветвей. В других крупных землях княжеская власть функционировала без таких ограничений, с опорой на своих служилых людей — *дружину*, затем *княжий двор*. Распространенные в историографии суждения о большей в сравнении с другими землями роли князя в Северо-Восточной Руси (Суздальской земле) и боярства — в Юго-Западной (Галицкой и Волынской землях) представляются недостаточно обоснованными.

Социально-экономическое развитие общества шло в целом по свойственному большинству стран Европы в раннее Средневековье пути — от государственных форм господства знати над рядовым населением к постепенному развитию крупного частного землевладения (княжеского, боярского, церковного)[1].

Русь имела разнообразные внешние связи — политические, торговые, культурные — с соседями по Восточной Европе (Волжской Булгарией, кочевыми народами), со странами Юго-Восточной Европы (Византией, южнославянскими государствами), Скандинавией, государствами Центральной и Западной Европы. Ключевым событием для формирования древнерусского цивилизационного типа стало принятие в конце X в. христианства в его восточном (византийском) варианте. На основе синтеза христианской культуры с восточнославянской дохристианской сложилась древнерусская культура, через византийское посредство получившая возможность приобщиться к наследию античной и ближневосточной культурных традиций. Основополагающим фактором стало использование славянской письменности на основе кириллического алфавита: в результате появилась древнерусская книжность, лучшие произведения которой входят в число выдающихся памятников литературы европейского Средневековья.

[1] Длительное сохранение на Руси ведущей роли централизованных (государственных) форм изъятия прибавочного продукта (и соответственно не слишком значительное распространение крупной частной земельной собственности) было связано с его относительной ограниченностью, вызванной географическими условиями Восточно-Европейской равнины (см.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2003).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер, Е. А. Рыдзевская; Под ред. С. Н. Валка.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук.
ДГВЕ — Древнейшие государства Восточной Европы.
ДРСЗИ — Древняя Русь в свете зарубежных источников.
ЗНТШ — Записки Наукового товариства імені Шевченка
ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН.
КНР — Китайская Народная Республика.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
НИИ — Научно-исследовательский институт.
НИС — Новгородский исторический сборник.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова.
ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАН — Российская академия наук.
РГБ — Российская государственная библиотека.
РИБ — Русская историческая библиотека.
РНБ — Российская национальная библиотека.
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
САИ — Свод археологических источников.
СНГ — Содружество Независимых Государств.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика.

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

Источники

Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.

Абрамович Д. И. Киево-Печерский патерик. Киев, 1991.

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1841.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978.

Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906. Т. 2 / Подгот. к изд. и снабжен дополнениями Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым, Я. Н. Щаповым; Под общ. рук. Я. Н. Щапова. София, 1987.

Бибиков М. В. Византийские исторические сочинения. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997.

Бибиков М. В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Бибиков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. [Т.] 2. М., 2009.

Библиотека литературы Древней Руси: [В 20 т.]. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997; Т. 3: XI—XII века. 1999; Т. 4: XII век. 1997; Т. 7: Вторая половина XV века. 1999; Т. 12: XVI век. 2003.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 2 т. М.; Л., 1950.

Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007.

Виноградов А. Ю. Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1: Жития. СПб., 2005.

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966.

Высоцкий С. А. Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985.

Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской: (По материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Древнерусские патерики: Киево-Печерский Патерик. Волоколамский Патерик / Подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Е. А. Мельниковой. Т. 1—5. М., 2009—2010.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер., введ. и коммент. В. С. Таскина. М., 1979.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. [Т. 1]: Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.

Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена. М., 2003.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

[1] В список источников и литературы включены наиболее важные и часто упоминаемые в тексте книги издания, а также источники, использованные для отбора иллюстраций.

Изборник 1073 года. М., 1983.

Изборник 1076 года. М., 1965.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. ст., пер. [с лат.], коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997.

История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск, 1998.

Калечыц І. Л. Эпіграфіка Беларусі X—XIV стст. Мінск, 2011.

Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.

Кирик Новгородец и древнерусская культура: Сборник: В 3 ч. Ч. 3 / Отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород, 2014.

Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 году / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1899.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Т. 1. М.; Л., 1941.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989; 2-е изд. М., 1991.

Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое Крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. 2000: Проблемы источниковедения / Отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2003.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890.

Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988.

Логвин Г. Н., Тимощук Б. А. Белокаменный храм XII века в Василеве // Памятники культуры: Исследования и реставрация. Вып. 3. М., 1961.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978.

Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.

Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.

Молдован А. М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Остромирово евангелие 1056—1057. Л.; М., 1988 (факсимильное воспроизведение).

Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

Памятники древнерусского канонического права. Издание второе. Часть первая / [Изд. А. С. Павлов]. СПб., 1908. (РИБ; Т. 6).

Памятники литературы Древней Руси. [Кн. 1]: Начало русской литературы. XI — начало XII в. М., 1978; [Кн. 2]: XII век. М., 1980; [Кн. 3]: XIII век. М., 1981.

Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова; Сост. А. А. Зимин. Вып. 1—2. М., 1952—1953.

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. [Перевод] / Изд. подгот. В. И. Матузова. М., 1997.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. 2-е изд. Вып. 1—3. Л., 1926—1928 (фототип. изд.: М., 1962; М., 1997); Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908 (фототип. изд.: М., 1962; М., 2001); Т. 3. М., 2000; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915; Т. 6. Вып. 1. М., 2000; Т. 7. СПб., 1856; Т. 9. СПб., 1862; Т. 15. СПб., 1863 (2-е изд. Пг., 1922); Т. 18. СПб., 1913; Т. 23. СПб., 1910; Т. 24. Пг., 1921; Т. 25. М.; Л., 1949; Т. 35. М., 1980; Т. 38. Л., 1989; Т. 41. М., 1995; Т. 42. СПб., 2002.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. 3. М., 1980.

Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI—XIII вв. Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992.

Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875.

Правда Русская. Т. 1—3. М.; Л., 1940—1963.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. статья и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1—2. М.; Л., 1952.

Розанов С. П. Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.

Российское законодательство X—XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984.

Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1: I—VI вв. М., 1991; Т. 2: VII—IX вв. М., 1995.

Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981.

Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; Вступ. ст., примеч. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950.

Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин; Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1963.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М., 2000.

Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.

Шахматов А. А. Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI—XVI вв. СПб., 2014.

Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.

Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. 11: Из раскопок 1997—2000 гг. М., 2004.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. 12: Из раскопок 2001—2014 гг. М., 2015.

Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937.

I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente / Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. Roma; Mosca, 2011.

Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. 2. Paris, 1863.

Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981. (Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin; T. 1).

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958; Т. 4. Л., 1979.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2007.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII веках. М., 1966.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.

Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Армарчук Е. А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X—XIII веков: Поселения // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. М., 2003.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Археология севернорусской деревни X—XIII веков. Т. 1. М., 2007.

Атаев М. М. Авария в X—XV вв. Махачкала, 1995.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Баран В. Д. Пражская культура Поднестровья. Киев, 1988.

Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. М., 1966.

Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем. IX в. — 1535 г. / Под ред. П. Г. Гайдукова. М., 2014.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 73—84.

Белавин А. М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.

Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и Средние века. Уфа, 2009.

Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Българските земи в европейската картографска традиция (III—XIX вв.). Атлас [Карты] = The Bulgarian Lands in the European Cartographic Tradition (3rd—19th Centuries). Atlas / Ред.: А. Фол, А. Стаматов. София: Държавна агенция «Архиви»: ТАНГРА ТанНакРа, 2008 (София: «Димитър Благоев»).

Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.

Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 2011.

Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

Вагнер Г. К. Искусство мыслить в камне: Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры. М., 1990.

Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М., 1969.

Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. СПб., 1908; Т. 2. СПб., 1909.

Великий князь Владимир Мономах. М., 2006.

Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980.

Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж, 1995.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.

Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII—XIII вв.). М., 2012.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1983.

Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975.

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1: XII столетие. М., 1961; Т. 2: XIII—XV столетия. М., 1962.

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979.

Всеобщая история архитектуры. Т. 3. Л.; М., 1966.

Гавритухин И. О. Дюрсо // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/ethnology/text/1973103. Дата обращения: 31.05.2020.

Гавритухин И. О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой культуры Старого Света. СПб., 2009. С. 7—25. (Труды Государственного Эрмитажа; Вып. XLIX).

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. (Раннеславянский мир; Вып. 3).

Гадло А. В. Адыги во второй половине I тысячелетия н. э.: (Очерк этносоциальной и этнополитической истории) // Историческая этнография. Вып. 1. СПб., 2004.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.

Гаджиев М. С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М., 2002.

Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.

Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.

Гарустович Г. Н., Иванов В. А., Пилипчук Я. В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа, 2014.

Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX—XV века). Уфа, 1998.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Головко О. Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII — початку XIII століття. Київ, 2001.

Голубев Л. Э. Адыги в XIII—XV веках. Краснодар, 2017.

Голубинский Е. Е. История Русской церкви. 2-е изд. Т. I, первая половина тома. М., 1901.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1891.

Гончаров Е. Г., Злобин Г. В. Монетное дело Дербента. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/20174039/_Coinage_of_Derbent. Дата обращения: 16.01.2021.

Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О. Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. — I тис. н. е.). Київ, 2010.

Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М.; Вологда, 2015.

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская…»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.

Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: Пути политического развития. М., 1996.

Горский А. А. Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. М., 2019.

Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992.

Горский А. А. Тогда вступи князь в златое стремя…: Личности и тексты Русского Средневековья. М., 2018.

Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.

Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000 (Труды Тульской археологической экспедиции; Вып. 2).

Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.

Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв). М., 1998.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Деревянко Е. И. Племена Приамурья I тыс. н. э. Новосибирск, 1981.

Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. М., 2003.

Джаксон Т. Н. Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

Дзамихов К. Ф. Адыги: Вехи истории. Нальчик, 1994.

Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010.

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). 2-е изд., испр. и доп. / Пер. и вступ. слово К. Ерусалимского, О. Остапчук. СПб., 2015. (Studiorum Slavicorum orbis; T. 10).

Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997.

Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под ред. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина. М., 2014.

Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005.

Европа от Латена до Средневековья: Варварский мир и рождение славянских культур. М., 2018. (Раннеславянский мир; Вып. 19).

Евтюхова Л. А. Искусство племен и народов Южной Сибири // История искусства народов СССР. Т. 2. Искусство IV—XIII веков / Под ред. Н. А. Езерской, О. И. Сопоцинского. М., 1973. С. 83—94.

Евтюхова Л. А. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1948. Вып. XXIII. С. 40—44.

Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010. (Труды ИИМК; Т. 33).

Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

Идентификация находок I—VII вв. из музея «Пруссия», хранящихся в фондах Калининградского историко-художественного музея // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2014.

Измайлов И. Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII вв. Казань, 1997.

Исланова И. В. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006.

Исланова И. В. Памятники типа Подол: (Культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н. э.). М., 2014.

История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2006.

История русского искусства. Т. 1. М., 1953.

История русского искусства: В 20 т. Т. 1: Искусство Киевской Руси IX — первой четверти XII века. М., 2007; Т. 2. Ч. 2: Искусство второй половины XII века. М., 2015.

История русской архитектуры. М., 1956.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1 / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1966.

История татар с древнейших времен. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002; Т. 2: Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007.

Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: Проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии. М., 1992.

Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.

Камалов А. К. Древние уйгуры VIII—IX вв. Алматы, 2001.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989; Т. 2—3. М., 1991.

Каргер М. К. Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961.

Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. М., 2009.

Касюк А. Ф. Беларускае Палессе ў канцы VII—VIII ст. і ў пачатку X ст. н.э. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск, 2016. Кн. 2.

Каталог ГМИИ // Эпоха Меровингов: Европа без границ. Археология и история V—VIII вв. Wolfratshausen: Edition Minerva, 2007.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004.

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: Века и народы. М., 1984.

Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2005.

Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев А. А. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // Российская археология. 2013. № 3.

Колпакова Г. Искусство Древней Руси: Домонгольский период. СПб., 2007.

Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.

Комплексные археологические исследования при строительстве, реставрации, реконструкции, землеустройстве, земляных, мелиоративных и хозяйственных работах. М.: ИА РАН, 2016.

Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX—X веков. М., 2018.

Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М., 2000.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.

Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV—IX вв. СПб., 2003.

Котляр Н. Ф. Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013.

Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985.

Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2004.

Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л. История киданьской империи Ляо (907—1125). М., 2014.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

Крадин Н. Н., Харинский А. В., Прокопец С. Д., Ивлиев А. Л., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л. Великая киданьская стена: Северо-восточный вал Чингис-хана. М., 2019.

Кренке Н. А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья. М., 2019.

Кригер В. А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X—XIV вв.). Уральск, 2012.

Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. 2-е вид. Львів, 1999.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. М., 2003.

Кудрявцев А. А. Феодальный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI — середине XIII в. М., 1993.

Куза А. В. Древнерусские городища X—XIII вв. М., 1996. (Свод археологических памятников).

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси. СПб., 2016.

Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав и история расселения. М., 1974.

Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.

Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

Кулаков В. И. Пруссы (V—XIII вв.). М., 1994.

Кулаков В. И. Сокровища Янтарного края: Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I—IV вв. Калининград, 2016.

Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.

Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Курбанов А. Д. Государственные образования лаков в средневековье. Махачкала, 2006.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1958. С. 155—242.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

Кызласов Л. Р. Культура древних уйгур (VIII—IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.) // Вестник Московского университета. Сер. IX: Исторические науки. 1960. Вып. 1. С. 51—76.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978.

Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. XI—XV вв. М., 1973.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Леонтьев А. Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.

Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI — первая четверть XII века. СПб., 2004.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973.

Лопатин Н. В. Изборск // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира. М., 2007.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.

Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001.

Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

Лукомський Ю. Успенський собор давнього Галича: (За результатами нових досліджень 1992—2000 років) // ЗНТШ. Т. CCXLIV. Львів, 2002. С. 578—607.

Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997.

Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII—XIII вв. СПб., 2011.

Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. 2 (комментированное и дополненное переиздание 1—3 томов 2-го изд. 1868 г.). М., 1995.

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. М., 1997.

Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.

Макарова Т. И. Церковь святой Богородицы в Тмутаракани // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы III Боспорских чтений. Симферополь, 2002.

Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. М., 1986.

Малахов С. Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М., 2015.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983.

Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А. Пашковский могильник № 1: В 2 т. М.; СПб., 2016.

Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV—VII вв.: Именьковская культура. Самара, 2003.

Медведев А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск, 2011.

Медведев В. Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск, 1986.

Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XII века. М., 2000.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2003.

Мильчик М. И., Штендер Г. М. Западные камеры собора Мирожского монастыря во Пскове: (К вопросу о первоначальной композиции храма) // Древнерусское искусство: Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 77—94.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963.

Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э. — VIII в. н. э.). Минск, 1978.

Михайлина Л. П. Слов'яни VIII—IX ст. між Дніпром і Карпатами. Київ, 2007.

Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: Типология и хронология. Saarbrücken, 2014.

Могаричев Ю. М. Византийский Крым (Крым в VI—XII вв.). Симферополь, 2008.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII — середина X вв.): Вопросы истории и археологии. М., 2017.

Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.

Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 49).

Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII веков. М., 2009.

Моргунов Ю. Ю. Историческая география Переяславской земли: (Святослав Игоревич — Ярополк Владимирович). М.; Вологда, 2019.

Москаленко А. Н. Славяне на Дону: (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков / Сост. А. И. Рогов. М., 1973.

Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X—XVI вв. СПб., 2016.

Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова; Авториз. пер. под общ. ред. А. Б. Григорьева, Л. И. Сазоновой. М., 2000.

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.

Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня: XI—XV вв. М., 1983.

Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.

Никольская Т. Н. Земля вятичей: К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981.

Новгородова Э. А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 203—218.

Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.

Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990.

Обломский А. М. Колочинская культура // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. (Раннеславянский мир; Вып. 3).

Орлов С. Н. Сопки волховского типа около Старой Ладоги // Советская археология. 1955. № 22. С. 190—211

Очерки истории СССР: Период феодализма. III—IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958.

Очерки истории СССР: Период феодализма. IX—XV вв. Ч. 1: IX—XIII вв. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1953.

Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. 2-е изд., испр. М., 2019.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пашуто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство. М., 2011.

Петрашенко В. О. Слов'янська кераміка VIII—IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ, 1992.

Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.

Петрухин В. Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей (историко-археологические очерки). М., 2011.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.

Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев, 1990.

Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Отв. ред. Я. Н. Щапов. СПб., 2003.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

Плетнева С. А. Очерки Хазарской археологии / Науч. ред. и послесл. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 2000.

Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону: По материалам кочевнического могильника у Саркела—Белой Вежи. М., 1990.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Плетнева С. А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для русского перевода / Пер. А. В. Назаренко; Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. (Subsidia Byzantinorossica; Т. 1).

Пожидаева Г. А. Духовная музыка славянского Средневековья: Русь, Болгария, Сербия IX—XVII века. М.; СПб., 2017.

Пожидаева Г. А. Певческие традиции Древней Руси: Очерки теории и стиля. М., 2007.

Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Киев, 2011.

Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

Присёлков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 2003 (1-е изд. 1913).

Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII—IX ст. Київ, 1980.

Приходнюк О. М. Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.

Приходнюк О. М. Пеньковская культура: Культурно-археологический аспект исследования. Воронеж, 1998.

Приходнюк О. М. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана // Ташкент, 1960.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: Невеста, жена, любовница. М., 2011.

Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екимауцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе // Od Bachórza do Światowida ze Zbrucza. Twotzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznaczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego. Kraków; Rzeszów, 2016.

Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V—VII вв.). М., 2016. (Раннеславянский мир; Вып. 17).

Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993.

Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура X—XIII вв. Л., 1982. (Археология СССР; Вып. Е1-47).

Раппопорт П. А. Древнерусские крепости. М., 1965.

Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 85.

Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982.

Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.). СПб., 1994.

Рафалович И. А. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.

Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья. М., 1980.

Родинкова В. Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // Российская археология. 2010. № 4.

Родинкова В. Е. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. (Раннеславянский мир; Вып. 3).

Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

Роменский А. А. Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. Харьков, 2017.

Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв.: Культура пражского типа. М., 1976.

Русанова И. П. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973 (САИ; Вып. Е1-25).

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993; [2-е изд., испр.]. М., 2007.

Русь в IX—X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Русь в IX—XII веках: Общество, государство, культура. М.; Вологда, 2014.

Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.; Л., 1949. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 11).

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009.

Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). Киев, 1985.

Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.

Сазанов А. Херсон и крещение Владимира: Херсон в X—XI вв. Saarbrücken, 2013.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб., 1996.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Седов В. В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. (САИ; Вып. Е1-8/2).

Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Седов В. В. Древнерусское святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1953. Вып. 50.

Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970. (САИ; Вып. Е1-8).

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Седова М. В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997.

Сениченкова Т. Б. Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII — начало IX в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 56-го заседания. М.; Псков, 2011. С. 211—228.

Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана: (Типология, характеристика, персонификация). Махачкала, 2008.

Симонов Р. А. Естественнонаучная мысль в Древней Руси. М., 2001.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. 2-е изд. СПб., 2013.

Славяне на Дунае: Обретение родины // Stratum plus. 2015. № 5.

Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1—2. Минск, 2016.

Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 108).

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Сланов А. А. Военное дело алан I—XV вв. Владикавказ, 2007.

Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л., 1987.

Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой культуры Старого Света. СПб., 2009.

Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII с.). Київ, 1975.

Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 2003.

Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988; Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3—4. М., 1988.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005; Ч. 2. Харьков, 2005.

Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967. (САИ; Вып. Д1-32).

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012.

Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В. Городище Старая Рязань // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты. М., 2015.

Сухобоков О. В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII—XIII ст. Київ, 1992.

Сухобоков О. В. Славяне Днепровского левобережья: (Роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

Тельнов Н. П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII— X вв. // Stratum plus. 2003 (2001—2002). № 5.

Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М., 1990.

Тимощук Б. А. Восточные славяне: От общины к городам. М., 1995.

Тимощук Б. А. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941.

Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. М.; Л., 1966.

Тов А. А. Золотое наследие адыгов. Майкоп, 2011 (на адыг. яз.).

Толочко П. П. Власть в Древней Руси. СПб., 2011.

Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003.

Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.

Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.

Томашевский А. П., Гавритухин И. О. Славянское поселение Тетеревка I. Киев, 1992.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании: IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.; Л., 1959.

Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро: Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III—VIII веков. М., 1987.

Третьяков П. Н. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.

Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.

Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

У истоков Северной Руси: [Альбом] / Е. А. Рябинин. СПб., 2003.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федорова-Давыдова Э. А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Филипченко В. А. Погребение X века в Астраханской области у с. Лапаса // Советская археология. 1959. № 2.

Филипчук М. Слов'янські поселення VIII—IX ст. в Українському Прикарпатті. Львів, 2012.

Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987.

Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата: Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.

Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

Фодор И. Венгры: Древняя история и обретение родины. Пермь, 2014.

Франклин С. Письменность, общество и культура Древней Руси (около 950—1300 гг.). СПб., 2010.

Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси, 750—1200 / Пер. Д. М. Буланина, Н. Л. Лужнецкой. СПб., 2000.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Хапаев В. В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X — первая половина XI века). Симферополь, 2016.

Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 107—170.

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963.

Хрусталев Д. Г. Северные крестоносцы: Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII—XIII вв. СПб., 2012.

Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X — начале XIII вв. Казань, 2001.

Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 39—50.

Чхаидзе В. Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015.

Чхаидзе В. Н. Таматарха: Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI—X веках. М., 2012.

Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А. Граффити из Софии Киевской — свидетельство христианизации касогов в конце XI — начале XII вв. // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.

Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.

Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001.

Шмидт Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э.: Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.

Шмидт Е. А. Длинные курганы у д. Слобода Глушица // Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 177—192.

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997.

Штендер Г. М. Трехлопастные покрытия церкви Спаса на Берестове // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 534—544.

Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Щепкин В. Н. Новгородские надписи Graffiti. М., 1902.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770; Т. 2. СПб., 1771.

Юшко А. А. Московская земля IX—XIV веков. М., 1991.

Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 2002.

Якимов А. С., Демкин В. А., Алексеев А. О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII—XIV вв. н. э.). М., 2007.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 63).

Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.

Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. М.; Л., 1950. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 17).

Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962 (2-е изд. М., 2003).

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970—1996 гг. М., 1998. С. 178.

Archeologia o początkach Słowian. Kraków, 2005.

Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwällen in Samland // Prussia. Bd. 34. 1940. S. 5—82.

Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201—1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.

Dąbrowski D. Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016.

Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch. Berlin, 1970.

Dulinicz M. Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Warszawa, 2001.

Fusek G. Slovensko vo včasnoslovanskom období. Nitra, 1994.

Golden P. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Weisbaden, 1992.

Jusupović A. Elity ziemi Halickiej i Wołyńskiej w czasach Romanowiczów (ok. 1205—1269). Studium prozopograficzne. Kraków, 2013.

Kuna M., Profantová N. a kollektiv. Počátky raného středověku v Čechách. Praha, 2005.

Le Coq A., fon. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Zweiter Teil: Die Manichaeischen Miniaturen. 2. Teil. Berlin, 1923.

Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Wrocław, 1988.

Poppe A. The Rise of Christian Russia. London, 1982.

Selart A. Livonia, Ruś and the Baltic Crusades in the 13th century. Leiden, 2015.

Stanciu I. Locuirea tritoriului nord-vestic al României între antichitatea târzie şi perioada de început a epocii medievale timpurii (mijlocul sec. V — sec. VII timpuriu). Cluj-Napoca, 2012 (2011).

Teodor D. Gh. Spaţiul carpato-dunăreano-pontic în mileniul marilor migraţii. Buzău, 2003.

Teodor D. Gh. Teritoriul est-carpatic în veacureile V—XI e.n. Iaşi, 1978.

Vida T. Die awarenzeitliche Keramik. I. (6.—7. Jh.). Berlin; Budapest, 1999.

Vida T., Völlig T. Das slawische Brandgräberfeld von Olimpia. Rahden (Westf.), 2000.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Абаев В. И. 166, 167, 228, 848, 854, 855, 963
Абаоцзи, киданьский правитель 932, 938
Абас, католикос Албании 180
Аббадиды, династия севильских правителей 146
Аббасиды, династия халифов 141, 779
Абд ал-Малик, дербентский эмир 857
Абд ал-Малик ибн Лашкари, дербентский эмир 857, 858
Абд ал-Малик ибн Мансур, дербентский эмир 858
Абдаллах Башта, булгарский посол в Арабский халифат 802
Абдаррахман ибн Рабиа, арабский полководец 181, 182
Абдаллах ибн-Тахир, правитель Хорасана 810
Або Тбилисский, святой 144, 145
Абрамова М. П. 168
Абрамович Д. И. 289, 303, 307, 366, 367, 567, 570, 590, 645, 961
Абу ал-Ала Хамид ибн Идрис ал-Булгари, булгарский кадий 803
Абу Бакр, халиф 181
Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди, мусульманский теолог-ашарит 865
Абу Дулаф, арабский путешественник 814, 925
Абу Исхак Ибрахим Ибн Мухаммад Ибн Б.л.т.вар, булгарский эмир 799, 802
Абу Хамид ал-Гарнати, арабский путешественник, миссионер 324, 365, 803, 862, 864
Абу-л-Касим, дербенский эмир 864
Абу-л-Хасан Ахмад ал-Махамили, богослов-шафиит 864
Абу-л Хасан Бейхаки, персидский историк 802
Аванесов Р. И. 8, 361, 405, 963
Авар, правитель Сарира 859
Август, римский император 848
Авраам, пророк (*библ.*) 640, 647
Авраамий Смоленский, святой 659, 660
Агаджанов С. Г. 816
Агапит, лекарь, монах Киево-Печерского монастыря 666
Агарь (*библ.*) 640, 670
Агафонов И. С. 672
Агафья Всеволодовна, жена князя Юрия Всеволодича 427
Агафья Ростиславна, жена князя путивльского, курского, новгород-северского Олега Святославича 388
Агеева Р. А. 81
Аглаб ибн Али, наместник сельджуков в Дербенте 857
Аглабиды, знатный род в Дербенте 857
Агнеса, жена германского короля Генриха III 525
Агнешка, дочь польского князя Болеслава Кривоустого, жена князя переяславского, луцкого, владимиро-волынского, киевского Мстислава Изяславича 436, 542, 543
Агуда, император империи Цзинь 936—938, 942, 945, 946
Агунай, первопредок чжурчжэней 933
Адальберт, см. Войцех-Адальберт
Адам (*библ.*) 608, 612, 635, 636, 645
Адам Бременский, немецкий церковный историк 566
Адзар Нарса, царь Хайдака 858
Адриан, архиепископ Охридский 585
Адриан, епископ Белгородский 589
Адриан II, римский папа 281
Адрианова-Перетц В. П. 445, 455, 836, 963

[1] Курсивом выделены фамилии исследователей.

Адуд, эмир, сын ширваншаха Фарибурза 860
Аепа (Гиргенев), половецкий князь 412
Аепа (Осенев), половецкий князь 412, 829
Айбабин А. И. 189, 195, 869, 963
Айналов Д. В. 690
Айтберов Т. М. 858—860
Ай-цзун (Ниньяс), император империи Цзинь 947
Акакий, святой 664
Акентьев К. К. 563, 659, 969
Акиндин, игумен Киево-Печерского монастыря 655
Акир, персонаж Повести об Акире Премудром 639
Акопян А. В. 860
Ала ад-Дин Кай-Кубад I, сельджукский султан 883
ал-Бакри, арабский историк, географ 146
ал-Балазури, арабский историк 140, 145, 810, 855, 863
ал-Балхи, мусульманский ученый-энциклопедист 796, 812
ал-Бируни, персидский ученый-энциклопедист 819
ал-Васик, халиф 779
ал-Гардизи, персидский географ, историк 223, 806, 814
ал-Джаррах ибн Абд Аллах ал-Хаками, арабский полководец 140, 182
ал-Джейхани, персидский визирь, географ 812, 814, 815
Александр Всеволодич, князь белзский, владимиро-волынский 438, 439, 554, 555
Александр Македонский 638, 639, 754
Александр Ярославич Невский, князь новгородский, киевский, владимирский 456, 519, 520
Александрович В. 438, 747
Алексеев А. А. 630
Алексеев А. О. 822, 973
Алексеев Л. В. 212, 218, 253, 254, 334, 403, 404, 452, 456, 694, 963
Алексей, сын византийского императора Иоанна II Комнина 538
Алексей, сын византийского императора Исаака II Ангела 549
Алексей I Комнин, византийский император 532, 533, 535, 536, 538, 571, 827, 882
Алексей III, византийский император 549
Алексеенко Н. А. (Олексієнко М.) 837, 867—871
Алексей Студит, константинопольский патриарх 577, 579
Алексий человек Божий, святой 759
Алемань А. (Alemany A.) 167, 169, 172, 173, 838, 845, 846, 848, 850, 852—854, 961
ал-Идриси, арабский путешественник, ученый 863, 882, 921
Алиев С. М. 780
Аликберов А. К. 857, 865
Алимпий Печерский, святой, киевский мозаичист, иконописец, ювелир 665, 666, 747, 763
ал-Истахри, арабский путешественник, ученый 145, 147, 178, 179, 777, 780, 781, 812
ал-Йакуби, арабский путешественник, ученый 145
ал-Куфи, арабский историк 140, 145
ал-Мансур, халиф 141, 145
ал-Марвази, врач при дворе сельджукских султанов, арабский писатель 286, 796, 815, 819
ал-Масуди (Maçoudi), арабский ученый-энциклопедист 159, 776, 777, 780, 782, 810—813, 833, 834, 838, 839, 843—845, 850, 858, 860, 925, 963
Алмош, венгерский вождь, отец Арпада 808
ал-Мукаддаси, арабский географ 781, 797
ал-Муктадир, халиф 781
ал-Му'тамид, эмир из династии Аббадидов 146
Алмуш, булгарский правитель 781, 786, 799, 802
Алп Арслан, сельджукский султан 857
Алп Илутвер, правитель царства гуннов в Дагестане 144, 178, 181, 184
Алп Кутлуг, уйгурский каган 914
Алтунопа, половецкий военачальник 828
ал-Хасан ибн Зайд, основатель династии Алидов в Табаристане 780
Альмош, венгерский герцог 536, 537, 540
Амир Чупан, правитель Хайдака 857
Аммиан Марцеллин, древнеримский историк 167, 175
Анадан, персонаж Повести об Акире Премудром 639
Анания Ширакаци, армянский ученый-энциклопедист 138, 168, 175
Анастас, житель Херсона, персонаж Повести временных лет 878, 879
Анастасий, сотрудник папской библиотеки в Риме 872

Анастасий I Дикор, византийский император 203
Анастасия, святая 674
Анастасия, жена венгерского короля Эндре I 525
Анахуань, жуан-жуанский каган 148
Андраш, венгерский королевич, младший сын Андраша II 449
Андраш II, венгерский король 439, 446—450
Андрей Владимирович, князь владимиро-волынский, переяславский 413, 462—465, 486, 490, 537, 539—541, 655
Андрей Иванович, удельный князь серпуховский 341
Андрей Кесарийский, святой 633
Андрей Критский, святой 634
Андрей Первозванный, апостол 156, 188, 643, 664, 846, 853, 867, 879
Андрей Юрьевич Боголюбский, князь вышгородский, дорогобужский, владимирский 342, 344—347, 355, 356, 386, 390, 405, 408, 415, 417—422, 430, 466, 467, 471, 472, 479—481, 486, 491, 509, 512, 513, 544, 546—548, 552, 572, 573, 577, 578, 584—588, 606, 652, 653, 666—668, 672, 675, 676, 723, 724, 726, 727, 753, 761, 768, 801
Андроник I Комнин, византийский император 545
Андрощук Ф. 93
Аникин И. С. 403
Аничков Е. В. 277, 963
Анна (*библ.*) 743, 756, 757
Анна, княгиня, сестра византийского императора Василия II, жена князя киевского Владимира Святославича 275, 285, 286, 368, 878—880
Анна Комнина, византийская принцесса 866, 882
Анна Ярославна, жена французского короля Генриха I 525, 526, 640, 748
Аннинский С. А. 557, 800
Анохин В. А. 196, 881
Антипина Е. Е. 305
Антонес, вождь «мазонов» 206
Антоний, архиепископ Зихии 842
Антоний, архиепископ Новгородский, см. Добрыня Ядрейкович
Антоний, епископ Черниговский 388, 584, 585
Антоний Великий, святой 659
Антоний Печерский, игумен Киево-Печерского монастыря, святой 576—578, 661—664
Антонин, архимандрит 769
Анунд-Якоб, шведский король 527
Анфертьев А. Н. 17
Анфимов И. Н. 829
Анфимов Н. В. 160, 164
Ань Лушань, китайский военачальник 914
Аравелеаны, аланский род 169
Аракелян Г. С. 841
Арбис ибн Басбас, царь лакзов 177
Арефа, монах Киево-Печерского монастыря 662, 663
Арефа, святой 664
Аристотель, древнегреческий философ 658
Аристотель Фиораванти, итальянский инженер, архитектор 726
Аркадий, игумен Юрьева монастыря, епископ Новгородский, святой 371, 512, 584, 588, 589, 672
Армарчук Е. А. 837, 839, 840, 844, 963
Арнульф, восточнофранкский король 807, 808
Арпад, первый верховный вождь венгров 807, 808
Арпады, династия венгерских правителей 153
Арсений, архиепископ Новгородский 518, 589
Арсений, епископ Рязанский 474
Арсений Тверской, епископ Тверской, святой 661
Артамонов М. И. 44, 178, 179, 807, 815, 963
Артамонов Ю. А. 366, 489, 562, 567, 573, 576, 577, 586, 592, 645, 961
Артемий, святой 664
Архипова Е. А. 739
Арциховский А. В. 624, 961
Аршакиды, династия правителей Кавказской Албании 176
Асваген, албанский царь 183
Асеев Ю. С. (Асєєв Ю. С.) 683, 684, 701, 707, 712, 731
Асень I, болгарский царь 549
Асєєв Ю. С., см. *Асеев Ю. С.*
Аскольд, киевский князь (?), дружинник Рюрика (?) 214, 220—223, 281, 328, 597
Аспарух, болгарский хан 138, 150, 785
Атаев М. М. 859, 964
Атрак, см. Отрок
ат-Табари, арабский историк, богослов 145, 810
Аттила, вождь гуннов 14, 15, 31, 147, 185, 201, 956
Аулих В. В. (Ауліх В. В.) 31, 88
Ауліх В. В., см. Аулих В. В.
Афанасий, монах, автор толкований в составе «Послания пресвитеру Фоме» Климента Смолятича 658

Афанасий, монах Киево-Печерского монастыря 662, 663
Афанасий Александрийский, святой 637, 760, 769
Афанасьев Г. Е. 113
Афридун ибн Фарибурз, сын ширваншаха, наместник сельджуков в Дербенте 857
Ахинжанов С. М. 819, 821, 823, 964
Ахмедов Б. А. 820
Ахсартагката, род нартов 848, 849
Ашина, род тюркских правителей 136, 137, 139, 901, 909

Багаутдинов Р. С. 150, 785, 964
Баграт IV, грузинский царь 851
Багратиды, род абхазских князей 838
Бадер А. Н. 143
Баз-каган, предводитель токуз-огузов 809
Байар, нуцал Сарира 860
Байер Х.-Ф. 883
Байок Дж. Л. 133
Бакшеева С. Е. 952
Балдуин I Иерусалимский, король Иерусалима 590, 647
Банников А. В. 875
Баохоли, первопредок чжурчжэней 933
Баран В. Д. 19, 21, 27, 45, 964
Баран Я. В. 93
Баранкова Г. С. 370
Баранов И. А. 195, 197
Бармин А. В. 580
Бароний, кардинал, глава Ватиканской библиотеки 190
Барс-бег, см. Барс-каган
Барсбек (Барджиль), сын хазарского кагана, военачальник 182
Барс-каган (Барс-бег), хакасский правитель 911, 918
Бартольд В. В. 140, 806, 814, 905, 964
Барфилд Т. 950
Батбай (Батбаян, Баян), аварский каган 137, 138, 143, 149
Батбаян, см. Батбай
Батчаев В. М. 855
Батый, монгольский хан 345, 373, 408, 428, 450, 468, 481, 493, 682
Бауер Н. П. 323, 324, 964
Бахрам Чубин, сасанидский полководец 139
Башенькин А. Н. 132
Баян, см. Батбай
Баяр Д. 964
Беглюк, половецкий князь 389
Бегунов Ю. К. 565, 961
Беди Барсил, предводитель барсилов 137
Бейлекчи В. В. 252
Бейли Г. (Bailey H. W.) 848
Бейлис В. М. 781
Бекбарс, дербентский эмир 857
Бектер, брат Чингисхана 950
Бела I, венгерский король 525, 530
Бела II, венгерский король 537, 540, 542
Бела III, венгерский король 446, 547, 548, 808
Бела IV, венгерский король 450, 556
Белавин А. М. 132, 152, 788, 821, 964
Белевец В. Г. 19
Белецкий В. Д. 716
Белецкий Д. В. 689, 839, 851, 853, 854
Белецкий С. В. 247
Белорыбкин Г. Н. 789, 964
Белуш, венгерский бан 436, 543
Белый А. В. 878
Беляев Л. А. (Beliaev L.) 546, 575, 713
Беляев С. А. 879, 880
Бенедикт Бор, венгерский палатин, наместник в Галиче 447, 554
Бенешевич В. Н. 565, 567, 569, 571, 581, 602, 961
Бер, сарматский князь на службе у абхазских Багратидов 838
Бережков М. Н. 361
Бережков Н. Г. 383, 399, 402, 421, 438, 444, 449, 468, 471, 484, 487, 964
Березовец Д. Т. (Березовець Д. Т.) 36, 97, 101, 104
Березовець Д. Т., см. *Березовец Д. Т.*
Бернард Клервоский, западный богослов 593
Бернхард, маркграф Саксонской северной марки 524
Бернштейн С. Б. 854
Бёгю-каган, уйгурский каган 915, 917
Бибиков М. В. 222, 265, 544, 545, 550, 851, 869, 961
Бильге-каган, уйгурский каган 911, 912, 914
Бичурин Н. Я. 9, 808, 809, 899, 900, 904, 908, 913, 919, 920, 922, 927, 928, 961
Бліфельд Д. І. 86
Блуш, половецкий князь 817, 824, 826
Бобринский А. А. 755
Богаткина О. Г. 72

Богачев А. В. 150, 785, 964
Богданова Н. М. 286
Богородица (Богоматерь, Дева Мария) 192, 586, 643, 653, 664—667, 741, 742, 750, 751, 756—761, 763, 836
Богусевич В. А. (Богусевич В.) 463, 708, 719, 732
Богуслав, упоминается в надписи на Воймерицком кресте 625
Богуславский О. И. 244
Болгов Н. Н. 185, 964
Болдин В. И. 930
Болеслав I Храбрый, польский князь 274, 275, 331, 337, 505, 523, 524
Болеслав II, чешский князь 272
Болеслав II Смелый, польский князь 338, 459, 529—531, 533, 534
Болеслав III Кривоустый, польский князь 436, 443, 478, 538—541, 887
Болеслав IV, польский князь 541—545, 547
Болеслав V Стыдливый, польский князь 556
Болеславичи, сыновья Болеслава III 541—543, 547, 548
Большаков Л. Н. 717, 732, 797
Большаков О. Г. 140, 324, 419, 862, 963
Боняк, половецкий князь 136, 340, 389, 461, 536, 826—829
Боорчу, первый нукер Чингисхана 950, 951
Борена, аланская царевна, сестра царя Алании Дорголеля, жена грузинского царя Баграта IV 851
Борживой II, чешский князь 538
Борис, князь, сын Кальмана и Евфимии Владимировны 540, 541, 544
Борис Владимирович, князь ростовский, святой 236, 289, 335, 337, 409, 432, 483, 529, 562, 566—568, 570, 606, 644, 645, 676, 677, 754
Борис Всеволодич, князь гродненский 416
Борис Всеславич, князь полоцкий 451—453, 455
Борис Вячеславич, князь черниговский 338, 339, 376, 377
Борис Жидиславич, боярин-воевода Андрея Боголюбского 491
Борис Юрьевич, князь белгородский, туровский 415, 417, 418, 486, 614
Борис I, болгарский царь 267, 280, 287
Борис II, болгарский царь 271
Борисевич Г. В. 308, 965
Борковский И. 19
Боровский Я. Е. (Боровський Я. Є.) 255, 279, 679, 723
Боровський Я. Є., см. *Боровский Я. Е.*
Бородин О. Р. 190, 195
Борте, дочь вождя хонкиратов Дай-Сечена, жена Чингисхана 950, 955
Боталов С. Г. 148, 149, 154
Бочаров Г. Н. 766
Боян-чор, см. Моюн-Чур
Бравлин, новгородский князь, персонаж Жития Стефана Сурожского 878
Бранденбург Н. Е. 718
Брим В. А. 228
Бруно Кверфуртский (Brunon), немецкий миссионный архиепископ 275, 292
Брунов Н. И. 684
Брутен, князь, брат Видевута 198, 204, 205
Брячислав Василькович, князь витебский, полоцкий 456
Брячислав Изяславич, князь полоцкий 337, 451, 506
Бубенок О. Б. 851
Буга ал-Кабир (Старший), арабский полководец 777
Бугославский С. А. (Бугославський С. А.) 432, 567, 644, 961
Бугославський С. А., см. *Бугославский С. А.*
Буданова В. П. 13—15, 199, 213, 964
Будда 930
Бужилова А. П. 249, 295
Бузанд, армянский историк 175
Буланин Д. М. 222, 268, 341
Булкин В. А. 690, 694, 713, 714, 716, 719, 737
Бумын, тюркский каган 148, 901, 904, 908, 910, 913
Бурдухан, дочь аланского царя Худдана 851
Буров В. А. 520, 964
Бурханаддин ал-Булгари, булгарский богослов 803
Бурхард, брат жены Святослава Ярославича, настоятель собора Св. Симеона в Трире 531
Бурчевичи, название половецкой орды, данное русскими летописцами 826, 830
Буслаев Ф. И. 764
Бьёрн (Бьёрн Меховой), исландский купец 317

Вагнер Г. К. 546, 684, 713, 733, 753, 755, 760, 964
Вайан А. (Vaillant A.) 622, 873

Валгиц, хазарский чиновник, управлявший судоходством в Керченском проливе 191
Валит корелянин, новгородский воевода 498
Валиулина С. И. 795
Валк С. Н. 960
Ван-хан (Тоорил), хан кереитов 948, 950, 951
Ваньянь, клан чжурчжэней 933, 935, 939, 944
Ваньянь Чжун (Дигунай, Эсыкуй), чжурчжэньский князь 938, 946
Вань-янь-лян, см. Хай-лин-ван
Вараз-Григор, князь Кавказской Албании 176, 180
Вараз-Трдат, князь Кавказской Албании 181
Варвара, из династии Комнинов 527
Варда Фока, византийский военачальник 273, 285
Вардан Великий, армянский историк 838
Вардан Филиппик, византийский император 191
Варлаам, игумен Киево-Печерского монастыря, Дмитриевского монастыря 590
Варлаам, монах, см. Вячеслав Прокшинич
Варлаам, новгородский боярин 354
Василенко В. М. 684
Василий, князь козельский 402
Василий, монах Киево-Печерского монастыря 367
Василий I, византийский император 223, 266, 268, 280, 282
Василий II, византийский император 273, 274, 285—287, 289, 291, 523, 561, 877, 878
Василий Великий, святой, отец Церкви 634, 635, 648, 751, 765
Василий Юрьевич, князь суздальский, пороссий 415, 417
Васильев В. Л. 497, 503
Васильев Д. В. 823
Васильев М. А. 277
Васильев Ю. М. 946
Васильевский В. Г. 265, 286, 530, 879, 964
Василько Константинович, князь ростовский 401, 428
Василько Романович, князь белзский, берестейский, перемильский, пересопницкий, луцкий, владимиро-волынский 399, 436—439, 447, 552, 554
Василько Ростиславич, князь теребовльский 307, 339, 340, 433, 434, 441—443, 460, 484, 535, 540, 613, 650
Василько Святославич, князь полоцкий 453, 462
Василько Ярополчич, князь михайловский 437
Вацлав, см. Вячеслав, чешский князь
Вачаган III Благочестивый, царь Кавказской Албании 180
Ведюшкина И. В. 489
Велиханова Н. 141, 261, 280, 778, 810, 961
Вельфы, европейская династия 542, 547, 550
Венгерский Аноним, венгерский хронист 154
Веневитинов М. А. 532
Веремейчик О. М. 297
Веретюшкина М. В. 109
Вернер Й. 33
Верхуслава Всеволодовна, жена князя Ростислава Рюриковича 424
Верхуслава Всеволодовна, жена польского князя Болеслава IV 541
Веселеил (*библ.*) 681
Вестберг Ф. 878
Вздорнов Г. И. 756, 762, 765, 766, 964
Видевут, прусский вождь 198, 204—206, 886—888
Вилинский С. Г. 229, 876
Вилкул Т. Л. 220
Вильгельм (Гийом) VII, герцог Аквитании и граф Пуату 525
Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии, король Англии 887
Винников А. З. 115, 117, 118, 121, 259, 814, 964
Виноградов А. Ю. 141, 155, 156, 160—164, 186, 188, 268, 564, 585, 689, 691, 832, 834, 839, 851, 853, 854, 961
Виноградов В. Б. 175
Винокур И. С. (Винокур I. С.) 27, 33
Винцентий Кадлубек (magister Vincentius), польский хронист, епископ Краковский 437, 447, 547
Вирхор, хазарский каган 192
Висоцький С. О., см. *Высоцкий С. А.*
Виткунас М. 58
Витчак К. Т. 166
Владимир (?), князь полоцкий 456
Владимир Андреевич, князь дорогобужский, владимиро-волынский, пересопницкий, берестейский 420, 464
Владимир Всеволодич, князь переяславский, стародубский 469
Владимир Всеволодич Мономах, князь ростовский, смоленский, черниговский, переяславский, киевский 114, 214, 218, 305, 335, 339—341, 343, 344, 346, 347, 363, 375—380, 383, 404, 408, 410—414, 417, 426—428, 432, 435,

442, 442/443, 443, 452, 453, 460—463, 465, 468, 470, 477, 483—485, 489—492, 507, 508, 530—532, 535—540, 542, 571, 572, 575, 577, 591, 598, 613, 614, 647—650, 655, 695, 700, 705, 707, 708, 744, 746, 751, 818, 827—830
Владимир Глебович, князь переяславский 394, 466, 466/467, 467, 651
Владимир Глебович, князь пронский 423, 473, 475
Владимир Давыдович, князь черниговский 304, 381, 382, 414, 415, 470, 615
Владимир Игоревич, князь путивльский, новгород-северский, галицкий 394—397, 399, 400, 447, 468, 553, 554, 830
Владимир Константинович, князь угличский 428
Владимир Мстиславич, князь берестейский 437
Владимир Мстиславич, князь псковский 521
Владимир Мстиславич Мачешич, князь дорогобужский, владимиро-волынский, киевский 416, 420, 436, 491, 543, 545, 614, 671
Владимир Рюрикович, князь переяславский, киевский 347, 401, 402, 406, 407, 450, 468, 493, 555, 594
Владимир Святославич, князь новгородский, киевский, святой 114, 217, 218, 227, 235—237, 256, 257, 259, 270, 272—279, 281, 284—292, 322, 326, 331, 333, 335—337, 343, 351, 352, 368, 372, 374, 403, 407, 409, 431, 432, 451, 457, 476, 482, 483, 488, 489, 503, 504, 506, 523, 524, 527, 560, 563—568, 572, 574, 575, 592, 601, 617, 625, 637, 640—645, 677, 685, 687, 689, 703, 739, 745, 784, 801, 815, 834, 835, 867, 873, 876—880, 958
Владимир Святославич, князь муромский, рязанский 414, 471, 479, 480
Владимир Святославич, князь новгородский, вщижский 388, 391, 392, 396, 397, 423
Владимир Юрьевич, князь муромский 423, 480
Владимир Ярославич, князь галицкий 424, 430, 438, 445, 446, 547—549, 553
Владимир Ярославич, князь новгородский 338, 339, 433, 440, 441, 506, 526, 528, 566
Владимирко (Владимир) Володаревич, князь звенигородский, перемышльский, галицкий 415, 443, 444, 539—541, 543, 544, 574, 614, 615, 720
Владимировичи, сыновья князя киевского Владимира Святославича 523
Владислав I, чешский князь 539
Владислав I Херманн, польский князь 434, 533, 534, 538
Владислав II, польский князь 541—543, 545
Владислав II, чешский князь 543, 545
Владислав III Тонконогий, великопольский князь 550
Владиславичи, сыновья Владислава I Херманна 538
Власов И. И. 760
Внезд Водовик, новгородский посадник 519
Вознесенская Г. А. 255
Воинова И. Л. 718
Войнаровский В. 93
Войтович Л. 438
Войцех-Адальберт (Адальберт), епископ Пражский, католический святой 271, 272, 283, 284, 532, 887, 888, 893
Войцик А. А. 128, 403
Волкова Н. Г. 155, 832, 834, 964
Володаревичи, сыновья князя Володаря Ростиславича 443
Володаревна, жена византийского императора Исаака I Комнина 545
Володарець-Урбанович Я. В. 41, 103
Володарь Ростиславич, князь звенигородский, перемышльский 339, 340, 433, 434, 441—444, 533, 537, 539, 540, 650, 719, 720
Володислав Кормиличич, галицкий боярин 448, 449, 554
Волощук М. М. 449
Воробьев М. В. 933, 940, 941, 964
Воробьева Е. В. 709, 753
Воронин Н. Н. 546, 586, 684, 710, 720, 723—726, 729—733, 735, 760, 765, 964
Воронина Р. Ф. 115
Воронцов А. М. 84
Вратислав II, чешский князь 531
Всеволод, князь Герцике 456
Всеволод, князь городенский
Всеволод Владимирович, князь владимиро-волынский 236, 432
Всеволод Глебович, князь пронский, коломенский 423, 473
Всеволод Давыдовыч, князь муромский 478, 818
Всеволод Константинович, князь ярославский 401, 428, 468

Всеволод Мстиславич, князь белзский 437, 548, 549
Всеволод Мстиславич, князь новгородский 354, 355, 413, 490, 508, 510, 511, 515, 520, 541, 542, 573, 575, 623, 650, 654, 655
Всеволод Мстиславич, князь псковский, новгородский, смоленский 406, 408, 547
Всеволод Ольгович, князь новгород-северский, черниговский, киевский 341, 363, 374, 380, 381, 388, 413, 414, 435, 440, 444, 461, 463—465, 476, 485, 490, 492, 510, 540—542, 574, 575, 583, 652
Всеволод Святославич Буй-Тур, князь трубчевский, курский 388—390, 392, 394—397, 401
Всеволод Святославич Чермный, князь стародубский, черниговский, киевский 391, 396, 397, 399—401, 406, 426, 427, 468, 469, 473, 474, 492, 493, 553, 588
Всеволод Юрьевич, князь новгородский 429
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, князь владимирский 345—348, 356, 363, 391, 392, 397, 398, 400, 406, 417, 420—428, 430, 438, 446, 466—469, 472—475, 480, 491, 492, 513, 515—517, 548, 550, 552, 553, 557, 588, 589, 598, 653, 669, 724, 726, 754, 756, 763, 768, 797, 801, 851
Всеволод Ярославич, князь луцкий 437
Всеволод Ярославич, князь переяславский, черниговский, киевский 338—340, 354, 362, 374—378, 383, 404, 410, 411, 432, 433, 441, 442, 452, 458—460, 463, 483, 484, 488, 489, 526, 528, 530, 532—535, 540, 569—571, 574—576, 582, 597, 598, 746, 817, 826
Всеволодичи, сыновья и потомки князя Всеволода Ольговича 388—391, 400, 402
Всеволодичи, сыновья и потомки князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 427, 428, 430
Всеволодко, князь городенский 434
Всеслав Брячиславич, князь полоцкий, киевский 338, 374, 375, 386, 410, 451, 452, 455, 458, 459, 462, 506, 528, 529, 577, 695
Всеслав Василькович, князь витебский, полоцкий 455
Всеслава Всеволодовна, жена князя сновского, вышгородского Ростислава Ярославича 424
Всеславичи, сыновья князя Всеслава Брячиславича 452
Вульфила, готский просветитель, миссионер 186
Вульфстан, англо-саксонский путешественник 197, 886
Высоцкий А. М. 685, 701
Высоцкий Е. А. 255
Высоцкий С. А. (Висоцький С. О.) 282, 335, 723, 961
Вышата Остромирич, сын новгородского посадника Остромира 599
Вышеслав Владимирович, князь новгородский 236, 337, 351, 409, 504
Вяргей В. С. 19, 25, 27
Вятко, предводитель вятичей 218, 642
Вячеслав (Вацлав), чешский князь, святой 582, 645
Вячеслав Владимирович, князь смоленский, туровский, переяславский, киевский 381, 404, 411—413, 415, 421, 462—464, 484—486, 490, 542, 543, 652
Вячеслав Прокшинич (монах Варлаам), новгородский боярин 598
Вячеслав Ярославич, князь смоленский 376, 403, 432
Вячко, князь Кукейноса 456

Гавриил, аланский эксусиократор (возможно, христианское имя царя Дорголеля) 853
Гавритухин И. О. (Gavritukhin I.) 19, 21, 22, 24, 27, 31, 33, 36, 41, 49, 50, 53—55, 82, 88, 90, 93, 103, 156, 157, 160, 166, 964, 966, 970, 971
Гаглойти Ю. С. 172, 850, 852
Гаджиев М. Г. 177, 185, 859, 861, 864, 964
Гаджиев М. С. 175, 176, 179—181, 184, 863, 864, 964
Гаджиева Д. Х. 865, 972
Гадзяцкий С. С. 497
Гадло А. В. 156, 168, 175, 181, 643, 838, 850, 964
Газанфар, правитель Хайдака 857
Гаибов В. А. 143
Гайдукевич В. Ф. 188
Гайдуков П. Г. 246, 247, 317, 323, 489, 533, 588, 595, 625, 797, 963, 964, 973
Гайнуллин И. И. 977
Галл Аноним, автор древнейшей польской хроники 641, 649
Гальковский Н. М. 569
Гамидов А. К. 856
Гао Сяньшоу, бохайский полководец 937
Гаркави А. Я. 812, 961

Гарустович Г. Н. 789, 812, 820, 821, 828, 964
Гвозденко К. С. 336
Геза, венгерский герцог, сын короля Белы I 530
Геза II, венгерский король 416, 444, 540—545
Гейман В. Г. 960
Гельман Е. И. 930
Генесий, византийский историк 161
Генинг В. Ф. 151, 785
Генрих, маркграф Саксонской северной марки 534
Генрих, сандомирский князь 543
Генрих I, французский король 525, 640, 748
Генрих II, германский король, император Священной Римской империи 274, 523
Генрих III, германский король, император Священной Римской империи 525, 526
Генрих IV, германский король 529—531, 534, 535, 582
Генрих V, германский король, император Священной Римской империи 538
Генрих Лев, саксонский герцог 547, 550
Генрих Язомирготт, австрийский герцог 545
Георгиев П. 686
Георгий, епископ Туровский 676
Георгий, митрополит всея Руси 370, 371, 579, 580
Георгий III, грузинский царь 851
Георгий Амартол (Георгий Мних) (Georgius Monachus), византийский историк 229, 280, 512, 638, 806
Георгий Амастридский, святой 265
Георгий Всеславич, князь 757
Георгий Кедрин (Georgius Cedrenus), византийский монах, историк 879
Георгий Победоносец, святой 332
Георгий Синкелл, византийский хронист 638
Георгий Сириец, логофет геникон (министр финансов) в Византии 191
Георгий Цула, стратиг Херсона 870
Герман II, патриарх Константинопольский 579, 594, 852
Германарих, «король» остроготов 18
Гертруда, жена князя Изяслава Ярославича 525, 531, 750
Герцен А. Г. 192, 882, 883
Геюшев Р. Б. 184
Гётц Л. К. (Goetz L. K.) 361
Гза, см. Кза
Гзак, см. Кза
Гида, дочь англо-саксонского короля Харольда II, жена Владимира Мономаха 530
Гизбулаев М. А. 859
Гильом де Рубрук, монах-францисканец 788, 845, 846, 853, 854
Гимон Т. В. 371, 506
Гиндин Л. А. 17
Гиппиус А. А. (Gippius A. A.) 220, 273, 325, 499, 502—504, 510, 512, 513, 562, 566, 592, 617, 626, 628, 642, 654, 841, 963
Гладенко Г. В. 713, 714, 719, 735
Гладкая М. С. 755
Гладышева Е. В. 749
Глазов В. П. 720, 726, 733
Глеб Владимирович, князь муромский, святой 236, 289, 335, 337, 476, 483, 529, 562, 566—568, 570, 606, 644, 645, 676, 677, 754
Глеб Владимирович, князь рязанский 474, 475
Глеб Всеславич, князь минский 340, 451—453, 455, 573, 647
Глеб Игоревич, князь 474
Глеб Ростиславич, князь друцкий 455
Глеб Ростиславич, князь рязанский 354, 423, 470—473, 475, 478—480, 552
Глеб Святославич, князь коломенский, каневский, переяславский, стародубский, новгород-северский, черниговский 392, 397, 398, 400, 401, 423, 473
Глеб Святославич, князь тмутороканский, новгородский 375, 376, 411, 506, 507, 568, 616
Глеб Тириевич, половецкий князь 394
Глеб Юрьевич, князь дубровицкий, туровский 486, 487
Глеб Юрьевич, князь переяславский, киевский 346, 383, 414, 415, 417, 418, 420, 421, 445, 465—467, 491, 613
Глебовичи, сыновья князя рязанского Глеба Ростиславича 473, 475
Гмыря Л. Б. 178, 183
Гог (*библ.*) 779
Годловский К. (Godłowski K.) 21, 45
Голб Н. 146, 834, 961
Голден П. (Golden P., Golden P. B.) 810, 823, 825, 901, 973
Голдина Р. Д. 788, 965
Головко О. Б. (Головко О.) 347, 437, 965
Голубев Л. Э. 829, 838, 844, 965

Голубинский Е. Е. 287, 290, 965
Голубовский П. В. 407, 965
Гольмстен В. В. 793
Гомер, древнегреческий поэт 658
Гомзин А. А. 261
Гонорий III, римский папа 593
Гончаров В. К. 86, 88
Гончаров Е. Г. 965
Гоняный М. И. 115
Гопак В. Д. 48
Горбаненко С. А. 37, 48, 97, 112, 965
Горда, см. Грод
Горемыкина В. И. 350
Горовенко А. В. 437
Городислав Михайлович Кашкич, новгородец или киевлянин (?) 648
Горская Н. А. 349
Горский А. А. 14, 15, 128, 213—215, 219, 222, 226, 228, 229, 233, 234, 333—336, 338, 342—346, 348, 350—353, 355—359, 364, 404, 407, 408, 488, 489, 493, 508, 656, 657, 964, 965
Горюнов Е. А. 36, 45, 58, 104, 965
Горюнова В. М. 48, 496, 497
Гостомысл, словенский правитель, первый новгородский посадник (?) 502
Грабар А. (Grabar A.) 739, 743
Гребенюк В. П. 666
Греков Б. Д. 6, 349, 357, 362, 364, 965, 969
Григорий, диакон, писец Остромирова евангелия 633
Григорий, священник в свите княгини Ольги 282
Григорий, учитель пресвитера Фомы, адресата «Послания пресвитеру Фоме» Климента Смолятича 659
Григорий II, римский папа 195
Григорий VII, римский папа 531
Григорий IX, римский папа 593
Григорий Богослов, святой, отец Церкви 659, 749
Григорий Двоеслов, римский папа, святой 661
Григорий Хотович, киевский боярин 420
Григорис, первый христианский проповедник и церковный глава в Албании 183
Григорович В. 875
Григорьев А. Б. 562, 640, 968
Григорьев А. В. 107, 109, 112, 258, 259, 965
Грод (Горда), болгарский вождь, вождь гуннов/кутригуров 143, 147, 186, 187
Грот К. Я. 806
Грушевский М. С. (Грушевський М. С.) 375, 438, 449, 459, 965
Грушевський М. С., см. *Грушевский М. С.*
Гуго Капет, франкский герцог, король 878
Гумба Г. Д. 175
Гумберт, кардинал 580
Гупало К. Н. 255
Гусева О. Г. 718
Гутнов Ф. Х. 169
Гюря, тиун князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 424, 467
Гюрятиничи-Роговичи, новгородский боярский клан 499

Да Жэньсю, ван (король) Бохая 928
Да Цзожун, вождь сумо мохэ 928
Да Циньмао, ван (король) Бохая 928, 930
Давид (*библ.*) 754
Давид, аланский эксусиократор 853
Давид IV Строитель, грузинский царь 829, 852
Давидан О. И. 133, 244
Давудов О. М. 177, 185, 859, 861, 864, 964
Давыд, князь торопецкий 408
Давыд Всеславич, князь полоцкий 451—453
Давыд Игоревич, князь владимиро-волынский, тмутороканский 339, 340, 433, 434, 442, 443, 484, 533, 535, 614
Давыд Ольгович, внук князя киевского Святослава Всеволодича 396
Давыд Ростиславич, князь смоленский 391—393, 398, 405—408, 420, 425, 446, 455, 491, 492, 552
Давыд Святославич, князь муромский, смоленский, новгородский, черниговский 339, 343, 345, 375—380, 382, 383, 385, 387, 388, 404, 412, 471, 477, 478, 507, 535, 539, 575, 647
Давыд Юрьевич, князь муромский 474, 480, 481
Давыдовичи, сыновья и потомки князя Давыда Святославича 379, 382, 387, 414, 651
Дай-Сечен, вождь хонкиратов 950
Далгат Б. К. 183
Дамиан, монах Киево-Печерского монастыря 660
Дамиан, святой 767, 859
Даниил, игумен, автор «Хожения» в Святую землю 532, 590, 591, 616, 647, 648, 673, 674
Даниил, пророк (*библ.*) 611
Даниил Заточник, древнерусский писатель 601, 668—672

Даниил Кобякович, половецкий князь 399
Даниил Романович, князь галицкий, владимиро-волынский, киевский 347, 399, 401, 402, 432, 436—439, 447—450, 487, 493, 552—556, 590, 656, 746, 826
Данилевский И. Н. 596, 965
Даниленко В. Н. 17, 45
Данлоп Д. М. 140
Даркевич В. П. 241, 242, 308, 315, 740, 767, 965
Даррузес Ж. (Darrouzès J. A. A., Darrouzès J.) 161, 163, 288, 289, 563, 963
Дворниченко А. Ю. 350, 972
Дегтярьов М. Г. 710
Деди, маркграф Саксонской восточной марки 529, 531
Дедилец, касог 841
Деметра, дочь грузинского царя, жена бухарского эмира Музаффара 857
Демкин В. А. 822, 973
Демьянов В. Г. 333, 354, 375, 617, 963
Дергачева И. В. 658
Деревянко Е. И. 927, 965
Дестунис Спиридон 904
Джаксон Т. Н. 262, 317, 498, 523, 524, 527, 538, 961, 965
Джанах ибн Хакан ал-Кимаки, сын кимакского кагана 925
Джаррах ал-Хаками, см. ал-Джаррах ибн Абд Аллах ал-Хаками
Джафаров Ю. Р. 179
Джебэ, монгольский полководец 429, 884
Джеваншир, правитель Кавказской Албании 180, 181
Джуаншер Джуаншериани, грузинский эристави, историк 832
Джувейни, персидский государственный деятель, историк 952
Джузджани, персидский историк 821
Джурова А. 747
Джучи, монгольский хан 923, 951, 954, 955
Дзамихов К. Ф. 836, 965
Дзаттиаты Р. Г. 171, 172
Дзиццойты Ю. А. 169
Дзюба О. Ф. 58, 59, 64, 82, 83, 124, 129, 130, 965
Дигенис, воин-богатырь, персонаж «Девгениева деяния» 639
Дигунай, см. Хай-лин-ван
Димитрий Солунский, святой 591, 744
Димитров Д. 148, 168
Диоклетиан, римский император 188, 638
Диомид, святой 673
Дир, киевский князь (?), дружинник Рюрика (?) 214, 220—223, 281, 328
Дмитр Мирошкинич, новгородский посадник 516
Дмитриев А. В. 162, 163, 165, 974, 965
Добронега-Мария Владимировна, жена Казимира I Восстановителя 525
Добрыня, воевода князя киевского Владимира Святославича 287, 503, 504, 643, 801
Добрыня Ядрейкович (Антоний, архиепископ Новгородский), новгородский паломник 518, 549, 589—591, 673—675, 765
Долгих А. В. 503
Домбровский Д. (Dąbrowski D.) 408, 436—438, 448, 449, 493, 538, 541—543, 549, 554, 556, 965, 973
Дометиан, епископ Зихии 162
Домко Безоевич, автор граффито в соборе Св. Софии в Константинополе 975
Донской Д. В. 406
Дончева С. 685
Дорголель, царь Алании 849—851, 853
Дружинина И. А. 159, 833, 835, 837, 840, 841, 843, 972
Дружинина И. П. 829
Дубинский С. А. 57
Дубровин Г. Е. 510
Дуло-хан, правитель Западно-Тюркского каганата 809
Дунай, богатырь 643
Дыбо А. В. 903
Дьёрффи Д. 540
Дьяконов И. В. 229
Дьяконов М. А. 319, 965
Дьяченко А. Г. 107, 110
Дюмезиль Ж. 848, 855
Дядята, автор граффито в новгородском Софийском соборе 599

Е Лунли (Е Лун-ли), китайский историк 9, 935, 936, 961
Ева (*библ.*) 645
Евагрий, монах Киево-Печерского монастыря 662, 663
Евдокия, дочь византийского императора Ираклия 144

Евпраксия Всеволодовна, жена маркграфа Саксонской северной марки Генриха; жена германского императора Генриха IV (с именем Адельхайда) 534, 535
Евсеева Л. М. 762
Евстафий Плакида, святой 645, 740, 759
Евстафий Солунский, архиепископ Фессалоникийский, византийский историк 839
Евстратий, монах Киево-Печерского монастыря 663
Евтюхова Л. А. 965
Евфимия, внучка киевских князей Святослава Всеволодича и Рюрика Ростиславича 549
Евфимия, сестра оломоуцкого князя Оты III, жена князя Святополка Мстиславича 543
Евфимия Владимировна, жена венгерского короля Кальмана 537, 540
Евфросиния, княжна Предслава, дочь полоцкого князя Георгия, святая 591, 592, 757, 761, 767
Евфросиния Мстиславна (Мстиславна), жена венгерского короля Гезы II 541, 542, 547
Егоров В. Л. 826
Езерская Н. А. 965
Екатерина, святая 766
Екатерина II, российская императрица 656
Екатерина (?) Всеволодовна, см. Ирина (Екатерина?) Всеволодовна
Елагин И. П., русский государственный деятель, историк, поэт, философ 656
Елена, мать Константина Великого, святая 637
Елена Лакапина, жена византийского императора Константина VII 287
Елизавета Ярославна, жена норвежского короля Харальда Сурового 527
Елинкова Д. 28, 31, 33
Елюй Даши, киданьский полководец 938
Ениосова Н. В. 128, 233, 254, 403, 970
Енуков В. В. 107, 110, 114, 115, 125, 128, 258, 965
Енукова О. Н. 109, 110, 300
Епифаний Кипрский, святой 637
Епифаний Монах, византийский писатель-агиограф 156, 163, 164, 188, 841, 867, 872
Еразм, монах Киево-Печерского монастыря 662, 663
Еремеев А. А. 311, 314, 966
Еремеев И. И. 58, 59, 64, 67, 82, 83, 122, 124, 128—132, 241, 253, 965
Еремин И. П. 580, 676
Еремян С. Т. 169
Ермолова И. Е. 14—16, 213, 964
Ермон, епископ Иерусалимский 188
Ерусалимский К. Ю. 408, 437, 448, 493, 538, 965
Ершов И. Н. 128, 253, 403
Есугай-баатур, отец Чингисхана, вождь одной из конфедераций кият-борджигинов 949, 950
Есунке, племянник Чингисхана 952
Етебичи, название половецкой орды, данное русскими летописцами 830
Ефрем, епископ Новгородский 560
Ефрем, митрополит всея Руси 366, 562, 580, 581
Ефрем, переяславский титулярный митрополит 354, 460, 535, 570, 571, 573, 575, 580, 582, 705—707
Ефрем, ученик Авраамия Смоленского 659, 660
Ефрем Сирин, святой 634, 661, 662

Ёлшин Д. Д. 279, 683, 686, 707

Жадберн (Сигбьорн), варяг 878
Жданович О. П. 148
Желтов М., священник (Желтов М. С.) 564, 585
Жервэ А. В. 720, 726
Живов В. М. 639, 966
Жирослав Иванкович, туровский посадник 485
Жишкович В. 721
Жуковская Л. П. 562
Журавлев О. П. 112

Забела Г. 58
Забойник Й. 90
Завадская И. А. 867
Завьялов В. И. 48, 112, 239, 308
Загорульский Э. М. 237, 728
Загребин В. М. 624
Зайцев А. К. 373
Зайцев И. В. 592
Зайцева И. Е. 767
Зализняк А. А. 219, 292, 498, 499, 510, 551, 617, 624, 627, 656, 841, 963, 966
Запаско Я. П. 747, 764
Захарий Митиленский, христианский богослов, историк 176
Захария, новгородский посадник 512
Захария, хазарский каган 874
Захаров В. Н. 321
Захаров С. Д. 249, 295, 302

Заходер Б. Н. 781, 799, 961
Збигнев, сын польского князя Владислава I Германна 538
Звенислава Всеволодовна, жена Болеслава, сына польского князя Владислава II 541
Зеленский Ю. В. 829
Зиевил, предводитель хазар 144
Зимарх Киликиец, посол византийского императора в Первый Тюркский каганат 148, 905
Зимин А. А. 358, 362—364, 367, 456, 784
Зинько В. Н. 141
Злобин Г. В. 965
Золтан А. 333
Зонова О. В. 762
Зорина А. М. 709
Зоц Е. П. 301
Зоценко В. М. (Зоценко В.) 93, 234
Зоя, византийская императрица 526, 874
Зубарь В. М. 187
Зубов С. Э. 150, 785, 964
Зыков П. Л. 684, 685, 720, 724, 726, 733

Иаков, брат Господень, один из 70 апостолов 636
Иаков, святой 664
Иаков Иерусалимский, святой 759
Иаков Мних, древнерусский писатель 236, 272, 273, 285, 286, 784
Иафет (*библ.*) 608, 781
Ибн ал-Асир, мусульманский историк 145, 782, 783, 803, 819
Ибн ал-Факих, арабский географ 261, 262
Ибн Асакир, арабский историк 833
Ибн Баттута, берберский путешественник 952
Ибн Биби, персидский историк 883, 884
Ибн Исфендийар, персидский историк 780
Ибн Мискавайх, арабский историк, поэт, философ 782, 783
Ибн Русте, арабо-персидский географ 223, 263, 351, 367, 786, 793, 796—798, 802, 806, 814, 859
Ибн Фадлан, арабский путешественник, миссионер 263, 276, 774, 782, 787, 793, 797—799, 812, 814
Ибн Хаукаль, арабский путешественник 178, 777, 782—784, 812, 863
Ибн Хордадбех, арабо-персидский географ 141, 214, 223, 261—263, 280, 778, 779, 810, 812, 814, 961
Ибрагим ибн Якуб (Йа'куб), арабоязычный еврейский путешественник 262, 431
Ибузир Гляван, хазарский каган 191
Ивакин Г. Ю. (Івакін Г. Ю., Ivakin H.) 255, 683, 684, 686, 700, 709, 741
Івакін Г. Ю., см. *Ивакин Г. Ю.*
Івакін Н. Ю., см. *Ивакин Г. Ю.*
Иван Валит 498
Иван Василькович, князь галицкий 443
Иван Иванович Красный, князь звенигородский, великий князь московский и владимирский 341
Иван Мстиславич, князь луцкий 439
Иван Ростиславич Берладник, князь звенигородский, галицкий 384, 443, 444, 446, 544, 651
Иванов А. 558
Иванов В. А. 152, 812, 820, 821, 828, 964
Иванов С. А. 17, 229, 272, 285, 877, 962
Иванова М. Г. 788
Иванова-Мавродинова В. 749
Ивлиев А. Л. 928, 930, 932, 933, 947, 948, 967
Игнатий, епископ Туровский 676
Игнатий, патриарх Константинопольский 280
Игонин Н. И. 791
Игоревичи, сыновья князя Игоря Святославича 444, 447, 554, 555
Игорь (Юрий) Василькович, сын князя Василька Ростиславича 443
Игорь Глебович, князь рязанский 423, 473
Игорь Ольгович, князь киевский 304, 381, 382, 413, 414, 465, 471, 485, 490, 541, 652
Игорь Рюрикович, князь киевский 214, 216, 217, 221, 224, 227, 229—233, 249, 255, 268—270, 281, 316, 319, 320, 351, 457, 607, 631, 875, 876
Игорь Святославич, князь новгород-северский, черниговский 388—399, 402, 420, 438, 466, 467, 491, 601, 656, 657, 830
Игорь Ярославич, князь владимиро-волынский, смоленский 338, 339, 404, 432, 441
Иегуда Галеви, еврейский ученый 146
Иеремия, монах Киево-Печерского монастыря 660
Иерусалимская А. А. 168, 174
Иза, купец из Чернигова в Англии, еврей по происхождению 398
Изай, половецкий князь 830
Измаил (*библ.*) 640
Измайлов И. Л. 787, 799, 966

Изяслав Андреевич, сын Андрея Юрьевича Боголюбского 386, 479
Изяслав Василькович, князь городенский 455
Изяслав Владимирович, князь курский, муромский 411, 477
Изяслав Владимирович, князь полоцкий 236, 337, 343, 407, 451
Изяслав Владимирович, князь пронский 474, 475
Изяслав Глебович, князь переяславский 423
Изяслав Давыдович, князь стародубский, черниговский, киевский 304, 381—387, 414, 417—419, 465, 466, 471, 479, 486, 490, 651
Изяслав Иванович, новгородец или киевлянин (?) 648
Изяслав Мстиславич, князь курский, полоцкий, туровский, владимиро-волынский, переяславский, киевский 343, 345, 346, 354, 355, 363, 381, 382, 413—417, 419, 435—437, 444, 445, 451, 453, 462—465, 471, 484—486, 490—492, 504, 511, 540—544, 546, 547, 573, 583, 584, 590, 615, 650, 655, 658, 672
Изяслав Мстиславич (Владимирович?), князь киевский (1235 г.) 493
Изяслав Ярославич, князь туровский, новгородский, киевский 304, 338, 339, 360, 362, 366, 374—377, 404, 410, 411, 432, 433, 441, 458, 459, 483, 506, 525, 528—532, 569, 570, 571, 574, 576, 577, 599, 614, 633, 635, 642, 646, 750
Изяславичи, потомки князя курского, полоцкого, туровского, владимиро-волынского, переяславского, киевского Изяслава Мстиславича 436, 437, 438, 448
Изяславичи, сыновья князя Изяслава Ярославича 433, 533, 534
Иисус Христос 144, 196, 561, 586, 612, 615, 618, 619, 636, 637, 640, 645, 668, 674, 741, 742, 750, 751, 756—760, 765, 872, 887
Иларион, епископ Ростовский 564, 571, 668
Иларион, митрополит всея Руси 285, 286, 288, 369, 527, 560—562, 564—567, 575—577, 611, 616, 640, 641, 645
Илия, пророк (*библ.*) 282
Ильина Т. В. 764
Ильинская В. А. 169
Ильюков Л. С. 176
Илья, автор вопросов в «Вопрошании» Кирика 371
Илья, византийский наместник в Херсоне 191
Илья, митрополит Мервский 143
Илья (Иоанн), архиепископ Новгородский 588, 672
Илья Ярославич, сын князя Ярослава Владимировича Мудрого 505, 523, 524
Илья-Иоанн, епископ Новгородский, см. Илья (Иоанн), архиепископ Новгородский
Имре, венгерский король 549
Инал, родоначальник адыго-кабардинских княжеских родов 838
Ингвар Игоревич, князь рязанский 475
Ингварь Ярославич, князь луцкий, киевский, владимиро-волынский 399, 437—439, 492, 554
Инге, шведский король 538
Ингибьёрг, дочь князя Мстислава Владимировича Великого, жена датского ярла Шлезвига Кнута Лаварда 538
Ингигерд, см. Ирина, княгиня
Иннокентий III, римский папа 448, 554, 555, 593
Иоаким (*библ.*) 743, 756, 757
Иоаким, епископ Туровский 485, 676
Иоаким Корсунянин, епископ Новгородский 291, 560, 880
Иоанн, варяг, святой 282
Иоанн, епископ Гуннский 143
Иоанн, епископ Ростовский 424, 589
Иоанн, игумен Киево-Печерского монастыря 577
Иоанн, монах Киево-Печерского монастыря 665
Иоанн, ученик Епифания Кипрского 637
Иоанн, экзарх Болгарский 634, 648, 659
Иоанн, эпарх (градоначальник) Константинополя 191
Иоанн I, византийский император 272
Иоанн I, митрополит всея Руси 289, 560, 562, 567, 568
Иоанн II, митрополит всея Руси 370, 371, 535, 571, 580—582
Иоанн II Цимисхий, византийский император 271, 536, 538, 546, 877
Иоанн IV, митрополит всея Руси 584, 588
Иоанн X Каматир, патриарх Константинопольский 593
Иоанн Богослов, апостол 765, 767
Иоанн Вога, византийский полководец, стратиг Херсона 874, 877
Иоанн Готский, епископ Готии, святой 192, 193, 196, 867
Иоанн Дамаскин, святой, отец Церкви 618, 634

Иоанн Златоуст, богослов, святой 634, 635, 659, 672, 765
Иоанн Зонара, византийский историк 866
Иоанн Камениата (Ioannes Cameniata), византийский писатель 229, 280
Иоанн Македонский, святой 760
Иоанн Малала Антиохийский, историк 638
Иоанн Мосх, византийский монах, духовный писатель 638, 661
Иоанн Предтеча, пророк 674, 742, 745, 757—760, 763
Иоанн Протевон, стратиг Херсона 870
Иоанн Протевон, стратиг Херсона и Пелопоннеса 870, 871, 875
Иоанн Скилица (Ioannes Scylitza), византийский историк 274, 282, 285, 866, 877
Иоанн Цец, византийский писатель 854
Иоаннисян О. М. (Іоаннісян О. М.) 683, 684, 686, 693, 695, 700, 708—710, 715, 716, 718—724, 726, 727, 731, 733, 734, 738, 753
Іоаннісян О. М. (Іоаннесян О.), см. *Иоаннисян О. М.*
Иордан, готский историк 13, 17, 44, 203, 204, 962
Иосафат Барбаро, венецианский дипломат 500
Иосиф, хазарский царь 146, 159, 161, 217, 773, 774, 833, 867, 875
Иосиф Прекрасный (*библ.*) 803
Иосиф Солунский, святой 760
Иосиф Флавий, иудейский историк, священник 610, 638
Ипполит Римский, святой 611
Ираклий I, византийский император 137, 138, 144, 150, 196
Ирина, жена византийского императора Льва IV Хазара, византийская императрица-регентша 192
Ирина (Ингигерд), княгиня, дочь шведского короля Олафа I, жена князя Ярослава Владимировича Мудрого 523, 527, 598
Ирина (Екатерина?) Всеволодовна, княжна 598
Исаак (*библ.*) 640
Исаак, сын византийского императора Алексея I 536
Исаак I Комнин, византийский император 545, 817
Исаак II Ангел, византийский император 549, 883
Исаия, епископ Ростовский 571
Исаия, игумен новгородского Юрьева монастыря 576
Исакий, монах Киево-Печерского монастыря 660, 665
Искал, половецкий князь 459
Исланова И. В. 59, 76, 77, 81—84, 86, 122, 123, 212, 243, 966
Исмаил ал-Музанни, богослов-шафиит 864
Исмаил ибн Ахмед, правитель из династии Саманидов 808
Исраэл, епископ Кавказской Албании 143, 144, 181, 184
Истеми, тюркский каган 148—150, 901, 908, 910
Истрин В. М. 229, 873
Исхак ибн Исмаил, правитель Тбилиси 859
Исхак ибн Муслим, арабский полководец 182
Исхаков Д. М. 787, 966
Итларь, половецкий князь 379, 460, 535, 827
Иштван I, венгерский король 524, 525
Иштван II, венгерский король 539, 540
Иштван III, венгерский король 545, 547

Йазид ас-Сулами, арабский наместник Восточного Закавказья 145
Йакуб ибн Нугман, булгарский историк 803
Йакут ар-Руми, арабский историк, географ 864
Йолыг-тегин, тюркский каган 912

Кавад I, шаханшах 180
Кадм, епископ Боспора 188
Кадыр Касар, предводитель хазар 137
Каждан А. П. (Kazhdan A.) 530, 533, 537, 882
Казаков Е. П. 73, 786, 788, 798, 966
Казакова Н. А. 960
Казанский М. М. (Казанский М.) 28, 31, 35, 49, 50, 67, 81, 83, 85, 86, 132, 158, 165, 217, 968
Казарян А. Ю. 701
Казимир I Восстановитель, польский князь 525
Казимир II Справедливый, польский князь 391, 425, 547—549
Казимировичи, сыновья польского князя Казимира II Справедливого 550, 553, 556
Калантар, султан, правитель Хайдака 857, 860
Калечыц І. Л. 962
Калинина Т. М. 139, 214, 261, 262, 276, 365, 431, 781, 783, 810, 962, 966
Калокир, патрикий, протевон Херсона 871, 877
Калоян I, болгарский царь 593

Кальман (Коломан), сын венгерского короля Эндре II 448, 449, 554, 555, 593
Кальман I, венгерский король 340, 536—540
Камалов А. К. 914, 917, 966
Каменева Т. Е. 732
Каменецкий И. С. 158
Каминский В. Н. 159, 171
Капаган-каган, тюркский каган 910, 911, 914
Капетинги, династия французских королей 526
Капитон, епископ Херсонесский 187
Капустина А. 693
Карабинов И. А. 746
Карайчева Н. М. 726
Карамзин Н. М. 6, 345, 459, 656, 966
Караулов Н. А. 179
Каргалов В. В. 815
Каргер М. К. 682, 684, 696, 701, 705, 712—714, 728, 729, 966
Кардост, епископ в Прикаспийском Дагестане 143, 184
Карл Великий, франкский император 224, 227, 657
Карломан, франкский король 262
Карп, святой 673
Карпов А. Ю. 283, 576, 966
Карский Е. Ф. 764
Касюк Е. Ф. (Касюк А. Ф.) 64, 87, 89, 966
Катасонова Е. Ю. 768
Кацнельсон Р. 736
Каштанов Д. В. 591, 841
Каштанов С. М. 319, 361
Кза (Гза, Гзак), половецкий князь 389, 395, 396, 830
Кий, князь полян, легендарный основатель Киева 214, 216, 223, 642
Килиевич С. Р. 255, 700
Киприан, митрополит всея Руси 661
Кир-Михаил Всеволодич, князь пронский 474
Кирик, иеромонах новгородского Антониева монастыря, автор «Вопрошания» 371, 615
Кирик, святой 757
Кирилл (Константин Философ), святой 280, 622, 627, 635, 779, 872, 873
Кирилл I, митрополит всея Руси 401, 579, 593, 594
Кирилл II, епископ Ростовский 589
Кирилл Александрийский, святой 760, 769
Кирилл Скифопольский, византийский монах, агиограф 637, 646
Кирилл Туровский, епископ Туровский, древнерусский писатель 487, 675, 676
Кириллин В. М. 676
Кирпичников А. Н. 244, 246, 707
Кирьянова Н. А. 303, 304
Киселев Н. А. 766
Китан, половецкий князь 379, 460, 535, 827
Климент, святой 187
Климент, римский папа, святой 187, 188, 292, 583, 873, 879
Климент III, антипапа 535, 581, 582
Климент Охридский, болгарский просветитель, святой 743
Климент Смолятич, митрополит всея Руси 371, 542, 582—584, 587, 590, 658, 659, 676
Клосон Дж. (Clauson G.) 912, 913
Ключевский В. О. 6, 334, 345, 364, 659, 966
Кляшторный С. Г. 137, 147, 148, 809, 816, 818, 819, 904, 915, 920, 966
Кнут I Могучий (Великий), англо-датский король 523, 524, 527, 887
Кнут Лавард, датский ярл Шлезвига 538, 539
Князевская О. А. 333, 354, 375, 617, 963
Кобяк, половецкий князь 393, 394, 405, 492, 830
Ковалева В. М. 714
Ковалевская В. Б. 168, 170, 171, 174, 852, 966
Ковалевский А. П. 782, 793, 798, 962
Коваленко В. П. (Коваленко В.) 114, 256, 373, 708, 732, 740
Коваль В. Ю. 115, 298, 301, 311, 314, 966
Ковычев Е. В. 933, 948, 952, 967
Козин С. А. 9, 949, 951, 955, 962
Козлов В. П. 656
Козьма Индикоплов, византийский купец, автор «Христианской топографии» 635
Коковцов П. К. 137, 159, 161, 773, 774, 833, 834, 962
Колобичи, название половецкой орды, данное русскими летописцами 830
Коломан, см. Кальман
Колпакова Г. 684, 966
Колчин Б. А. 238, 312, 313, 318, 750
Комар А. В. (Комар А.) 55, 88, 90, 98, 101, 105, 106, 195, 216, 232, 255, 256, 277, 966
Комеч А. И. 683, 684, 688, 689, 692, 694, 696—701, 713, 724, 966
Комнины, византийская императорская династия 537

Конант К. (Conant K. J.) 684, 685
Конецкий В. Я. 59, 75, 77, 79, 81, 129, 279, 497
Коновалова И. Г. 214, 223, 224, 260—264, 276, 365, 431, 777, 780, 882, 883, 966
Конрад, князь польский, мазовецкий 438, 549, 553, 554, 556, 889
Конрад I, швабский герцог 272
Конрад II, император Священной Римской империи 524, 525
Конрад III Штауфен, германский король 542—544
Константин, брат византийского императора Михаила VII Дуки
Константин, дьяк церкви Свв. Апостолов, писец Добрилова евангелия (в миру Добрило) 764
Константин I, византийский император (Константин Великий, святой) 183, 636/637
Константин I, митрополит всея Руси 583, 584, 587, 672
Константин II, митрополит всея Руси 585—587
Константин V Копроним, византийский император 140, 192
Константин VI, византийский император 192, 196
Константин VII Багрянородный, византийский император (Constantinus Porphyrogenitus imperator) 159, 211, 215— 217, 230—234, 236, 241, 268—270, 276, 279/280, 280, 282, 287, 319, 328, 351, 373, 403, 503, 774, 776, 778, 779, 782, 806—808, 810—812, 814, 832—834, 850, 851, 866, 868, 870, 871, 874, 876, 878, 880, 962
Константин VIII, византийский император 273, 526
Константин IX Мономах, византийский император 340, 526, 746
Константин Владимирович, князь пронский 474
Константин Всеволодич, князь новгородский, ростовский, владимирский 344, 347, 407, 427, 428, 474, 481, 516, 517, 589—591
Константин Добрынич, новгородский посадник, двоюродный дядя князя Ярослава Владимировича Мудрого 505
Константин Дука, брат византийского императора Михаила VII Дуки 530
Константин Философ, см. Кирилл, святой
Константиновичи, сыновья князя Константина Всеволодича 429
Кончак, половецкий князь 393—396, 399, 405, 467, 492, 830, 831
Кончаковна, жена князя Владимира Игоревича 396, 830
Конявская Е. Л. 513, 596, 615, 649, 659, 668, 671, 674, 966
Коняхина Д. Г. 855
Копанев А. И. 960
Копыленко М. М. 229, 272, 285, 877, 962
Корач В. 686
Корецкий В. И. 355
Корзухина Г. Ф. 101, 255, 751, 752, 767, 966
Корина О. 761
Корнил, ученик Климента, римского папы, святого 188, 879
Корнієнко В. В. 583
Коробов Д. С. 170, 847, 966
Коробов М. И. 186
Королев А. С. 234
Королева Э. В. 247, 248
Косма, святой 767, 859
Коста, мастер-ювелир, создатель серебряного кратира 512, 751
Костромин К. А. 290
Костюков В. П. 822
Косьма, епископ Полоцкий 583
Котков С. И. 333, 354, 375, 617, 963
Котляр Н. Ф. 431, 432, 437, 440, 441, 491, 494, 656, 966
Кочетков И. А. 747
Кочин Г. Е. 960
Кочкина А. Ф. 792
Кошеленко Г. А. 143
Кравченко Э. Е. 802
Крадин Н. Н. 5, 213, 229, 928, 932, 933, 949, 952, 967
Красноречьев Л. Е. 713, 714, 719, 735
Красовский И. С. 684
Крачковский И. Ю. 814
Кренке Н. А. 128, 253, 403, 967
Криве-Кривайтис, жрец 890, 891, 894
Кригер В. А. 967
Крип'якевич І. П. 432, 433, 441, 967
Крупнов Е. И. 846
Крыласова Н. Б. 132, 152, 788, 820, 964
Крылов И. А., русский публицист, баснописец, поэт 656
Крысько В. Б. 496, 497
Кубрат, болгарский хан, вождь уногундуров 137, 150, 158, 189, 785

Кудрявцев А. А. 179, 857, 863, 967
Кудряшов А. В. 249
Куза А. В. 114, 238, 250, 254, 298, 303, 306, 417, 437, 476, 499, 967
Кузеев Р. Г. 806, 812, 820, 967
Кузенков П. В. 222, 229, 265, 266, 268, 279, 280, 962
Кузнецов А. 558
Кузнецов А. А. 344
Кузнецов В. А. 167—169, 171, 172, 175, 845—847, 853—855, 967
Кузьмин С. Л. 126, 129, 133, 244, 246
Кузьмина Н. Н. 719, 735
Кукша (Купша), монах Киево-Печерского монастыря 569
Кул Гали, булгарский поэт 803
Кулаков В. И. (Kulakov V., Kulakov W.) 197, 198, 200, 203—206, 885—889, 892, 893, 967
Кулаковский Ю. А. 167, 851, 967
Кулешов В. С. 261, 782, 833
Кулькова М. А. 253
Кумеков Б. Е. 818, 819, 823, 923, 967
Кумыков Т. Х. 839
Кунигунда, дочь майсенского маркграфа Оттона, жена князя владимиро-волынского, туровского Ярополка Изяславича 529
Куник А. А., академик (1814—1899) 825
Курбанов А. Д. 860, 967
Куря, печенежский хан 460, 536, 877
Кутасов С. Н. 750
Кучера М. П. 256
Кучкин В. А. 308, 333, 341—344, 346, 362, 364, 375, 410, 411, 416, 419, 427, 432, 441, 484, 489, 495, 506, 514, 519, 587, 598, 653, 666, 965, 967
Кушнир И. И. 495, 499
Кызласов И. Л. 902, 915, 918, 921, 922, 977
Кызласов Л. Р. 900, 904, 907, 909, 914, 916, 918—922, 967
Кычанов Е. И. 914, 919, 936, 942, 967
Кюль-Тегин, тюркский полководец 809, 911, 912
Кюнер Н. В. 9, 899, 904, 919, 962

Лависс Э. 891
Лавр, святой 759
Лаврентий, монах Киево-Печерского монастыря 665
Лавриков М. В. 128, 403
Лавров Л. И. 155, 158, 161, 162, 838, 844, 967
Лавс, адресат «Лавсаика» 661
Ладислав, венгерский король 827
Лазарев В. Н. 693, 718, 742—744, 756, 758, 761, 766, 967
Лазарь, епископ Переяславский 571
Лазарь, поп, персонаж «Сказания о чудесах иконы Пречистыя Богородицы Владимирской» 666
Лазарь, упоминается в надписи на Воймерицком кресте 625
Лазарь Богша, мастер-ювелир, создатель воздвизального креста Евфросинии Полоцкой 767
Лалазаров С. В. 718
Лапшин В. А. 133, 251
Ларичев В. Е. 946
Ласло I, венгерский король 530, 534, 535
Ласло III, венгерский король 549
Латышев В. В. 155, 156, 187, 188, 839, 869, 962
Лашкари ибн Абд ал-Малик, дербентский эмир 858
Лебедев Г. С. 14, 45, 241, 260, 967
Лебедева Е. Ю. 302
Лев, архиепископ Охридский 743
Лев III, византийский император 140, 192, 195, 196
Лев IV Хазар, византийский император 140, 192
Лев V Армянин, византийский император 868, 871
Лев VI Мудрый, византийский император (Leon imperator) 267, 741, 866, 870
Лев IX, римский папа 580
Лев Алиат, стратиг Херсона и Сугдеи 869, 871
Лев Данилович, князь перемышльский, галицкий, холмский 656
Лев Диакон (Leon diacon), византийский писатель, историк 229, 272, 285, 866, 877, 962
Лев Псевдо-Диоген, претендент на византийский престол, самозванец 537, 538
Лев Торник, византийский вельможа 527
Лев Цула, стратиг Херсона 870
Левенте, венгерский принц 525
Левко О. Н. 58, 64
Левонд, армянский историк 145
Левочкин И. В. 766
Леньков В. Д. 948
Леон II, правитель Абхазии 141, 161, 162
Леон(т), епископ Ростовский 584—586, 588

Леон(т), митрополит всея Руси 289, 580, 581
Леон(т), переяславский митрополит 570
Леонти Мровели, грузинский историк 832
Леонтий, византийский полководец 191
Леонтий, епископ Ростовский, святой 564, 568, 571, 587, 668
Леонтий, святой 664
Леонтьев А. Е. 67, 114, 236, 243, 250—252, 254, 261, 724, 733, 967
Лешек Белый, польский князь 437—439, 448, 549, 550, 553—556
Ли, Танский императорский род 919
Ли Лин, китайский полководец 919
Ли Янь-шеу, китайский писатель 809
Лидов А. М. 561, 762
Липшиц Е. Э. 161
Литаврин Г. Г. 211, 215, 229, 230, 267, 272, 276, 283, 285, 319, 328, 351, 373, 403, 503, 526, 536, 578, 774, 806, 810, 832, 868, 877, 962, 967
Литфо, князь, сын Видевута 888
Лиудпранд, немецкий посол в Византии 268
Лиутпранд Кремонский (Liudprandus Episcopus Cremonensis), итальянский дипломат, историк 229, 878
Лифанов Н. А. 70
Лифшиц Л. И. 744, 745, 761, 762, 967
Лихачев Д. С. 445, 455, 639, 670, 836, 879, 963, 967
Логвин Г. Н. 701, 734, 736, 962
Логвин Н. Г. 683, 701
Лонгин, святой 590
Лопарев Х. М. 591, 673, 674, 962
Лопатин В. В. 8, 361, 405, 963
Лопатин Н. В. 58, 59, 63, 68, 122, 129, 212, 248, 966, 967
Лордкипанидзе М. Д. 832
Лосева О. В. 284, 562, 564, 582, 668, 675, 676, 967, 968
Лотарь III, германский король 539
Лужнецкая Н. Л. 222, 268, 341
Лука, деместник во Владимире 653
Лука, епископ Ростовский 589
Лука Евдокимов, монах 371
Лука Жидята, епископ Новгородский 366, 560, 566
Лука Хрисоверг, патриарх Константинопольский 546, 585, 586, 761
Лукас Давид, прусский хронист 893
Лукин П. В. (Lukin P. V.) 304, 307, 312, 333, 363—365, 500, 503, 506, 509, 515, 516, 518, 519, 965, 968
Лукомский Г. К. 690
Лукомський Ю. 721, 722, 968
Луконин В. Г. 971
Лурье Я. С. 220, 502, 968
Лю Юй, правитель государства Ци 939
Любарский Я. Н. 268, 280, 868, 882, 963
Любичев М. В. 37
Людовик I Благочестивый, франкский император 221, 264
Людовик II Немецкий, франкский император 223, 262
Людовик IV, восточнофранкский король 262
Лют Свенельдич, сын одного из киевских воевод 326
Ляпон М. В. 333, 354, 375, 617, 963
Ляшкевич Э. А. 64

Маврикий, византийский император 188
Мавродинов Н. 706
Мавродинова В. 706
Магидович И. П. 954
Магнус I Добрый, норвежский король 524, 527
Магог (*библ.*) 144, 779
Магомедов М. Г. 184
Магура С. С. 86
Майко В. В. 882, 883
Маймун ибн Ахмад, дербентский эмир 783, 784, 857, 858, 863
Майоров А. В. 438, 450, 546, 557, 968
Макар, епископ в Прикаспийском Дагестане 143, 184
Макаренко Н. Е. (Макаренко М.) 106, 688, 705, 744
Макарий, митрополит Московский 633, 636
Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский 287, 290, 968
Макаров Н. А. (Makarov N. A.) 238, 249, 251, 252, 259, 295, 297, 298, 302, 306, 312, 317, 968
Макарова Т. И. 687, 688, 752, 766, 767, 968
Македонская династия, византийская императорская династия 266, 274, 280, 282, 285, 877, 879
Макризи, египетский историк, географ 952
Максим Исповедник, богослов, святой 618

Максим Тошинич, упоминается в записи в Пантелеймоновом евангелии 766
Максимов Е. В. 88
Максимов П. Н. 684, 693
Максимович К. А. 228
Макушников О. А. 106
Мал, князь древлян 214, 216
Малахов С. Н. 851, 853, 968
Малашев В. Ю. 176
Малевская М. В. 705, 712, 731
Малингуди Я. (Malingoudi J.) 266, 361
Малов С. Е. 9, 809, 818, 827, 904, 915, 962
Малуша, ключница княгини Ольги, мать князя киевского Владимира Святославича 235
Малыгин П. Д. 135, 501
Мальм В. А. 307
Маль(м)фрид, дочь князя Мстислава Владимировича Великого, жена норвежского короля Сигурда I Крестоносца, жена датского короля Эрика II Памятливого 538, 539
Малявкин А. Г. 909, 912—915, 920, 933, 936, 962, 968
Мамант, святой 673
Мамиев М. Э. 854
Маммус ал-Лакзи ад-Дарбанди, шейх, хадисовед 865
Маниах, согдийский купец 905, 908
Ману (*индуистский персонаж*) 161
Мануил, епископ Смоленский 369, 572, 583
Мануил I Комнин, византийский император 289, 467, 542, 544—547, 549, 563, 584—586, 667, 761, 883
Марван ибн Мухаммад, см. Марван II
Марван II (Марван ибн Мухаммад), арабский полководец, халиф 140, 145, 146, 178, 182, 185, 855
Марголіна І. 760
Марджани Ш., татарский религиозный деятель, знаток восточных источников 803
Марина, игуменья 371
Мария, дочь польского князя Казимира II Справедливого, жена Всеволода Святославича Чермного 391
Мария, жена аланского эксусиократора Давида 853
Мария, жена князя Всеволода Ольговича 380
Мария, жена князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 598
Мария, игуменья Славятина монастыря, персонаж «Сказания о чудесах иконы Пречистыя Богородицы Владимирской» 666
Мария Васильковна, жена князя новгородского, туровского, владимиро-волынского, новгород-северского, черниговского, киевского Святослава Всеволодича 652
Мария (Марица) Владимировна, жена Льва Псевдо-Диогена 537
Мария Магдалина, святая 591
Мария Ольговна, жена князя Всеволода Константиновича 468
Марк Пещерник, монах Киево-Печерского монастыря 665, 666, 751
Маркварт Й. 140
Маркел, епископ Переяславский 463, 485
Мартин, повар, персонаж «Слова о Мартине Туровском» 767
Мартин I, римский папа 189, 190, 195
Мартирий, архиепископ Новгородский 512
Мартышин О. В. 514
Марфа, дочь Баграта IV и Борены, жена византийского императора Михаила VII Дуки, жена императора Никифора III Вотаниата 851
Маслама ибн Абд ал-Малик, арабский полководец 140, 182, 185
Мастыкова А. В. 86, 158, 165, 968
Масуд, газневидский султан 817
Матвеева Г. И. 69, 73, 150, 152, 792, 968
Матузова В. И. 552, 558, 890, 962
Матфей, епископ Краковский 593
Матфей, киевский митрополит 588, 593
Матфей, монах Киево-Печерского монастыря 660
Матфей Эдесский, армянский историк 817, 823
Махалко (монах Митрофан), новгородец 598
Махмуд, газневидский султан 816
Махмуд аль-Кашгари, см. Махмуд Кашгари
Махмуд Кашгари (Махмуд аль-Кашгари), тюркский филолог 787, 923
Мачинский Д. А. 45, 246
Медведев А. М. 58, 63, 64, 968
Медведев В. Е. 946, 968
Медынцева А. А. 311, 314, 616, 626, 962, 966, 968
Мелихов Г. В. 948
Мельникова Е. А. 8, 9, 228, 239, 242, 244, 260, 261, 264, 316, 325, 357, 362, 373, 404, 432, 440, 495, 499, 523, 551, 575, 625, 642, 643, 961, 962, 965, 966

Менандр Протектор, византийский дипломат, историк 904
Мефодий, брат Кирилла (Константина Философа), святой 280, 281, 622, 627, 637, 873
Мефодий Патарский, святой 611, 635
Мешко, сын Болеслава II Смелого 534
Мешко I, польский князь 272, 274
Мешко II, польский князь 524, 525, 530
Мешко (Мечислав) III Старый, польский князь 425, 543, 544, 547—550
Мещерский Н. А. 675
Микифор, новгородец 518
Миклухо-Маклай Н. Д. 860
Микула, священник во Владимире-на-Клязьме 653, 666, 667
Милеев Д. В. 682, 684
Миллер В. Ф. 168
Милов Л. В. 318, 363, 364, 959, 968
Мильков В. В. 371, 962
Мильчик М. И. 717, 718, 968
Милютенко Н. И. 277, 288, 644
Минаев И. П. 954
Минаева Т. М. 852
Минасян Р. С. 64
Миненко В. В. 738
Минорский В. Ф. (Minorsky V.) 159, 173, 179, 777, 781, 783, 784, 813, 818, 833, 834, 838, 839, 844, 857—861, 863, 865, 963, 968
Митрофан, архиепископ Новгородский 589
Митрофанов А. Г. 45, 58, 59, 61—63, 968
Михаил, архангел 743, 751, 757, 758
Михаил, митрополит всея Руси 289
Михаил I, митрополит всея Руси 572, 583
Михаил I Кируларий, патриарх Константинопольский 562, 580
Михаил II, митрополит всея Руси 586
Михаил II Косноязычный, византийский император 868
Михаил III, византийский император 265, 266, 268, 280, 287, 872, 881
Михаил IV, византийский император 526
Михаил V, византийский император 526
Михаил VII Дука, византийский император 530, 851
Михаил Всеволодич, князь переяславский, новгородский, черниговский, галицкий, киевский 347, 401, 402, 429, 450, 468, 493, 519, 555, 556
Михаил Пселл, византийский историк 866
Михаил Херсонит, стратиг Херсона и острова Корфу 870, 871
Михайлина Л. П. (Михайлина Л.) 87, 89, 92, 94—96, 968
Михайлова Е. Р. 75, 77, 79, 122, 133, 968
Михайловский Е. В. 713
Михалко Юрьевич, князь владимирский 391, 417, 420—422, 466, 480
Михеев С. М. 220, 499, 626—628
Михран, владетель албанской области Гардман 176
Михраниды, династия правителей Кавказской Албании 176
Мишин Д. Е. 223
Мишин Д. К. 806
Мишуков Ф. Я. 768
Миятев К. 685
Мовсес Каланкатваци (Мовсэс Каланкатуаци), армянский историк 138, 139, 143, 144, 962
Мовсес Хоренаци, армянский историк 137, 160, 169
Мовсэс Каланкатуаци, см. Мовсес Каланкатваци
Мовчан И. И. (Мовчан І. І.) 255, 701
Мовчановский Ф. М. 86
Могаричев Ю. М. (Могаричев Ю.) 138, 141, 187, 188, 190, 192, 193, 265, 870, 872, 875, 968
Могильников В. А. 148, 924
Могилян, тюркский каган 809
Могытыч И. Р. 734
Моисей, пророк (*библ.*) 681
Моислав, мазовецкий князь 525
Молдован А. М. 285, 288, 962
Монгайт А. Л. 312, 324, 419, 713, 797, 862, 963, 968
Монин А. С. 318
Мономаховичи (Мономашичи), сыновья и потомки князя Владимира Всеволодича Мономаха 344, 346, 373, 380, 381, 383, 392, 413, 414, 435, 461, 463, 464, 477, 485, 490, 492, 511, 513, 541, 542, 583, 589
Мономашичи, см. Мономаховичи
Моргилевський І. 688, 709
Моргунов Ю. Ю. 113, 256—258, 299, 968
Морозов М. А. 875
Москаленко А. Н. 115, 117, 805, 968
Моця А. П. 114, 237, 608

Моюн-чур (Боян-чор, Элетмиш Бильге-каган), уйгурский каган 809, 818, 827, 914, 915
Мстислав Андреевич, сын князя Андрея Юрьевича Боголюбского 419, 420, 466, 479, 672
Мстислав Владимирович, князь тмутороканский, черниговский 236, 332, 337, 338, 353, 374, 523, 528, 533, 561, 566, 642, 643, 687—690, 703, 835, 836, 841
Мстислав Владимирович Великий, князь новгородский, белгородский, киевский 320, 335, 339—341, 343, 354, 380, 404, 408, 412, 413, 416, 420, 435, 436, 453, 461—463, 477, 484, 490, 491, 507, 508, 538—540, 545, 546, 571—573, 575, 576, 583, 623, 650, 654, 655, 746, 751
Мстислав Всеволодич, внук князя Игоря Ярославича 404
Мстислав Глебович, князь черниговский 401, 402
Мстислав Давыдович, князь смоленский 405—407, 423, 456
Мстислав Изяславич, князь новгородский, полоцкий 375, 506
Мстислав Изяславич, князь переяславский, владимиро-волынский, киевский 346, 384, 385, 389, 419, 420, 436, 437, 465, 466, 491, 492, 542—544, 546, 547, 584, 613, 614, 712
Мстислав Мстиславич Удатный, князь трепольский, торопецкий, новгородский, галицкий, торческий 344, 347, 400, 406, 408, 439, 444, 449, 492, 493, 509, 517, 521, 555, 556, 589, 590, 594
Мстислав Романович, князь псковский, белгородский, смоленский, киевский 347, 398, 401, 406—408, 425, 456, 489, 493, 521, 555
Мстислав Ростиславич, князь новгородский, ростовский 356, 418—422, 472, 480, 653
Мстислав Ростиславич Храбрый, князь белгородский, смоленский, новгородский 405, 406, 408, 420, 421, 491, 521, 552
Мстислав Святополчич, князь владимиро-волынский 367, 434
Мстислав Святославич, князь козельский, черниговский 396, 397, 401
Мстислав Святославич, князь, сын Святослава Всеволодича 397
Мстислав Юрьевич, князь пересопницкий, новгородский 417—419, 467, 511
Мстислав Ярославич Немой, князь пересопницкий, галицкий, луцкий 437, 439, 448, 487
Мстиславичи, сыновья князя Мстислава Владимировича Великого 380, 413, 490, 542, 543
Мстиславичи, сыновья князя переяславского, луцкого, владимиро-волынского, киевского Мстислава Изяславича 547
Мстиславна, см. Евфросиния Мстиславна
Мстиславны, дочери князя Мстислава Владимировича Великого 538
Муган-каган, тюркский каган 148
Музаффар, дербентский эмир 857
Муканов М. С. 820
Мумин ибн Ахмед, суварский эмир 792
Мурашева В. В. 225, 233, 254, 403, 970
Муренцева Т. Ю. 403
Мурьянов М. Ф. 615
Муса ибн Юсуф ал-Лакзи, придворный историограф правителей Дербента 864
Мусин-Пушкин А. И., русский государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей 656
Мусин А. Е. (Musin A. E.) 131, 242, 499, 526, 568, 574, 576, 579, 968
Мутаваккил, халиф 863
Муфарридж, дербентский раис 858, 859
Мухали, монгольский полководец, соратник Чингисхана 951
Мухаммад, пророк 181
Мухаммад ал-Газали, исламский духовный лидер, ученый 864
Мухаммад ал-Хваризми, арабский ученый 810
Мухаммад аш-Шафии, богослов-шафиит 864
Мухаммад ибн Ахмад ал-Йазиди, ширваншах 784
Мухаммад ибн Халид, правитель Дербента, наместник халифа Мутаваккила в Ширване 777, 863
Мухаммад ибн Хашим, дербентский эмир 863
Мухаммед Аваби Акташи, кумыкский историк 865
Мухан, тюркский каган 901, 907
Мыц В. Л. 881
Мюллер Л. (Müller L.) 287, 288, 562, 566, 568, 640, 968
Мюллер Р. Б. 960

Набиуллин Н. Г. 792
Наделяев В. М. 920

Назаренко А. В. 198, 211, 221—223, 234, 241, 244, 261—265, 267, 270—273, 281—286, 288—292, 315, 317, 325, 337, 371, 431, 433, 434, 440, 456, 490, 502, 505, 507, 512, 523, 524, 526, 529—531, 533—537, 539, 540, 542—546, 560, 563, 564, 566, 568—572, 576, 580—583, 586—588, 590—592, 594, 659, 668, 807, 962, 968, 969
Назаров В. Д. 357
Назарова Е. Л. 552, 558, 962
Найденова Л. П. 592
Нарожный Е. И. 729, 837
Насилов Д. М. 920
Насири Хосров, исламский богослов, поэт 819
Насонов А. Н. 334, 342, 412, 432, 441, 451, 472, 500, 504, 650, 651, 960, 968
Настаська, любовница Ярослава Владимировича Осмомысла 445, 446
Науменко В. Е. 188
Нельговский Ю. А. 739
Неофит, епископ, затем титулярный митрополит Черниговский 570
Нерадец, убийца владимиро-волынского, туровского Ярополка Изяславича 442
Нерсес, правитель Картли 138, 139, 144
Нессельман Г. Г. Ф. (Nesselman G. H. F.) 197
Нестор, епископ Ростовский 583, 584, 586, 668
Нестор, монах Киево-Печерского монастыря, летописец 432, 614, 637, 644—646, 659, 770
Нестор, поп, персонаж «Сказания о чудесах иконы Пречистыя Богородицы Владимирской» 666
Нефедов В. С. 124, 127, 128, 253
Нехаев А. А. 829
Нивар, тюркский каган 901
Нивар Ышбар-ябгу-каган, тюркский каган 138
Низам ал-Мулк, сельджукский визирь 864
Низами Гянджеви, персидский поэт 921
Никита, монах Киево-Печерского монастыря 665
Никита Давид Пафлагон, византийский писатель 834, 839
Никита Хониат, византийский историк 550, 667
Никитин А. Б. 143
Никитин Ю. Г. 930
Никитина А. В. 49
Никитина Т. Б. 789, 968
Никифор, патриарх Константинопольский, византийский историк 137, 144, 160, 161, 612
Никифор, стратиг Херсона 873
Никифор I, митрополит всея Руси 580
Никифор II, митрополит всея Руси 587—589
Никифор II Фока, византийский император 271, 871, 876, 877
Никифор III Вотаниат, византийский император 532, 851
Никифор Алан, катепан Херсона и Хазарии
Николаева Т. В. 625, 969
Николай, епископ Полоцкий 589
Николай, «переяславский игумен» 570
Николай I, римский папа 266, 281
Николай Мистик, патриарх Константинопольский 867, 875
Николай (Никола) Святоша, см. Святослав Давыдович, князь луцкий
Николай (Никола) Чудотворец, святой 582
Никольская Т. Н. 106, 212, 969
Никольский С. Л. 362
Никон, монах Киево-Печерского монастыря 663
Никон Печерский, игумен Киево-Печерского монастыря 646, 664, 665, 841
Нил Доксопатр, патриарший нотарий, византийский богослов 587
Нильс (Николай), датский король 539
Ниньяс, см. Ай-цзун
Нифонт, архиепископ Новгородский 355, 371, 512, 580, 581, 583, 585, 587, 588, 591, 602, 716, 756, 757
Нифонт Константский, святой 637
Новгородова Э. А. 911, 969
Новик Т. Г. 683, 695
Новиков Н. Е. 282
Новосельцев А. П. 138, 140, 142, 145, 162, 172, 173, 178, 182, 183, 211, 223, 224, 230, 269, 271, 276, 319, 328, 350, 351, 373, 403, 503, 528, 774, 777, 778, 780, 782, 784, 806, 810, 832, 846, 850, 853, 868, 962, 969
Носкова Л. М. 158, 159, 165, 166
Носов Е. Н. (Nosov E. N.) 75, 81, 114, 129, 131, 212, 219, 231, 243, 244, 246, 247, 252, 254, 261, 298, 334, 495, 497, 498, 967, 969
Нунан Т. С. (Noonan T. S.) 112, 143, 241

Обадия, хазарский бек 184
Обломский А. М. 31, 33, 36, 41, 42, 45, 48—50, 53, 54, 57, 59, 88, 103, 964, 966, 969, 970
Овчинников А. Н. 768

Ода, саксонка, жена князя Ярослава Святославича 529, 534
Одон, сын польского князя Мешка III Старого 547
Олав Трюггвасон, норвежский король 503
Олаф I Святой, норвежский король 524
Олаф I Шётконунг, шведский король 523, 524
Олег Вещий, князь киевский 113, 214—219, 221, 224, 227, 229, 230, 233, 234, 249, 263, 266, 267, 269, 277, 281, 282, 304, 328, 403, 605, 807, 808, 874—876
Олег Владимирович, князь пронский 474, 475
Олег Игоревич, князь курский 397
Олег Святославич, князь владимиро-волынский, тмутороканский, черниговский, новгород-северский 339, 340, 343, 345, 346, 354, 375—380, 411, 412, 432, 460, 470, 471, 476—478, 483, 531—533, 535—537, 539, 647—650, 837
Олег Святославич, князь древлянский 235, 326, 337, 561
Олег Святославич, князь курский 397, 401, 429, 468
Олег Святославич, князь путивльский, курский, новгород-северский 386—391, 394, 420, 486
Олег Святославич, князь стародубский, черниговский 396—399
Олег Юрьевич, князь муромский 481
Олег Ярославич, князь галицкий, внебрачный сын князя Ярослава Владимировича Осмомысла 445, 446
Олейников О. М. 247, 253, 503
Оллсен Т. Т. (Allsen T.) 821, 822
Ольга, княгиня киевская, святая 214, 216, 224, 227, 231, 235, 254, 255, 270—272, 282—284, 287, 352, 503, 607, 631, 637, 643, 664
Ольга Юрьевна, жена князя Ярослава Владимировича Осмомысла 430, 445, 444
Ольговичи, потомки князя владимиро-волынского, тмутороканского, черниговского, новгород-северского Олега Святославича 345, 346, 373, 379, 381, 382, 387—391, 393, 394, 397—399, 401, 402, 405, 407, 414, 435, 491—493, 553, 650, 651, 710, 712
Ольстин Олексич, черниговский боярин 394, 395
Ольшевская Л. А. 412, 440, 662, 961
Омейяды, династия халифов 773
Омортаг, болгарский хан 805
Омросия, автор новгородской берестяной грамоты 599
Онисифор-прозорливец, монах Киево-Печерского монастыря 662, 663
Оразаев Г. М.-Р. 860
Оранский И. М. 166
Органа, болгарский хан 150
Орлов Р. С. 112, 709
Орлов С. Н. 134, 719, 969
Оселук, половецкий князь 537, 830
Осень, половецкий князь 826, 829
Осипенко М. С. 826
Остапчук О. 408, 437, 448, 493, 538, 965
Осташенко Е. Я. 746
Острогорский Г. 282
Остромир, новгородский посадник 506, 599, 633
Ота III, оломоуцкий князь 543
Отперлюевичи, название половецкой орды, данное русскими летописцами 828
Отрок (Атрак), половецкий князь 537, 829, 830
Оттон, маркграф Мейсена 529
Оттон I, германский король, император Священной Римской империи 270—272, 283, 878
Оттон II, германский король, император Священной Римской империи 272, 273
Оттон IV, германский король, император Священной Римской империи 550
Отчи-нойон, младший брат Чингисхана 951
Оустерхаут Р. (Ousterhout R.) 683, 689
Оэлун, мать Чингисхана 949, 950

Павел, апостол 187, 189, 742, 746, 760, 765
Павел, византийский иконописец, персонаж «Книги Паломник» 674
Павел, епископ Переяславский 468
Павлов А. С. 571, 580, 582, 962
Палладий Еленопольский, писатель, святой 638
Панеш Э. Х. 844
Пантелеимон, святой 355, 672, 766
Пантусов Н. Н. 815
Папац, хазарский наместник в Фанагории 191
Папила, святой 673
Патканов К. 158
Пахомий, епископ Ростовский 589
Пашкевич Г. О. 97, 302, 965
Пашуто В. Т. 266, 269, 271, 274, 275, 350, 406, 435, 455, 456, 493, 495, 520, 525—528, 538, 540, 541, 543, 545, 554—556, 559, 889, 969

Пекарский П. П. 656
Пентефрий (*библ.*) 803
Пентковский А. М. 281, 292, 561
Передслава Святополковна, жена венгерского герцога Альмоша 536
Перфильева Л. А. 687
Песах, полководец хазарского царя Иосифа 268, 867, 875
Пескова А. А. 711, 712, 714, 718, 731, 751, 767
Петер, венгерский король 525
Петр, апостол 187, 189, 531, 743, 746, 760, 765
Петр, архидиакон, собеседник Григория Двоеслова 661
Петр, архиепископ Белгородский 588
Петр, епископ Переяславский 570
Петр из Дусбурга, орденский священник, историк 887—891, 962
Петр Бориславич, галицкий боярин 615
Петр Влостович, польский вельможа 443, 539
Петр Милонег, киевский зодчий 681, 731
Петр Михалкович, новгородский боярин, заказчик серебряного кратира 467, 512, 751
Петрашенко В. А. (Петрашенко В. О.) 88, 91, 969
Петренко А. Г. 72
Петренко В. П. 129, 130, 132—134, 794, 969
Петрона, византийский военный инженер, строитель Саркела 868
Петров А. В. 519
Петров Ю. А. 321
Петрухин В. Я. 9, 113, 142, 146, 167, 175, 214, 228, 259, 261, 276, 277, 357, 362, 365, 373, 404, 431, 432, 440, 495, 568, 575, 775, 781, 785, 834, 850, 852, 961, 965, 969
Петрушевский А. С. 564
Печников М. В. 560
Пивоваров С. 98
Пивоварова Н. В. 735, 759
Пигулевская Н. В. 137, 176, 962
Пилипчук Я. В. 820, 821, 825, 829, 964
Пиоро И. С. 185, 969
Пируз ибн Сакнан, правитель Хайдака 858
Писаренко Ю. 277
Пичхадзе А. А. 566, 628, 969
Плавильщиков П. А., журналист, драматург 656
Плавинский Н. А. 126, 133
Плано Карпини (Giovanni di Pian di Carpine), посол римского папы к великому монгольскому хану 494, 788, 852
Плантагенеты, английская королевская династия 727
Платонова Н. И. 81
Плахонін А. 433
Плетерский А. 23
Плетнева С. А. 115, 142, 144, 149, 544, 775, 776, 785, 814—818, 820, 824, 827—831, 969
Плохов А. В. 86, 243, 244, 246, 247, 497
Поболь Л. Д. 45
Погребова М. Н. 169
Подосинов А. В. 155, 158, 262
Подскальски Г. 563, 565, 566, 580, 659, 969
Подъяпольский С. С. 732
Пожидаева Г. А. 770, 969
Полевой В. М. 701
Полиевкт, патриарх Константинопольский, святой 664
Поликарп, игумен Киево-Печерского монастыря 585
Поликарп, монах Киево-Печерского монастыря, один из авторов Киево-Печерского патерика 660—663, 665, 666
Полубояринова М. Д. 789
Полянский С. М. 580
Пономарев Л. Ю. 188
Понырко Н. В. 371, 489, 580, 582, 658, 659, 962
Попов А. 580, 962
Попов Г. В. 763
Попов С. Г. 76, 77
Попова Л. М. 594
Попова О. С. 750, 762, 763, 765
Поппэ А. (Poppe A.) 284, 286, 288, 335, 336, 348, 561, 563, 567, 569, 969, 973
Потемкина Т. М. 151
Потин В. М. 398, 969
Пресняков А. Е. 408, 433, 969
Приймак В. В. 104
Присёлков М. Д. 287, 292, 363, 561—563, 569, 651, 969
Приск, римский дипломат 201
Приходнюк О. М. 19, 27, 36—38, 41, 55, 90, 104, 969
Прицак О. (Pritsak O.) 146, 224, 834, 961
Продолжатель Феофана (Theophanes continuatus), византийский историк 229, 267, 268, 271, 280, 866, 868, 870, 874, 963
Прокопенко Ю. А. 142
Прокопец С. Д. 933, 952, 967

Прокопий Кесарийский (Procopius Caesariensis), византийский писатель 13, 17, 44, 155, 156, 158, 160, 172, 187
Прокша Малышевич (монах Порфирий), новгородский боярин 598
Прохор Лебедник, монах Киево-Печерского монастыря 307, 666
Пруденций, франкский придворный капеллан 264
Пряхин А. Д. 115
Псевдо-Захария Ритор, сирийский писатель 137
Псевдо-Кесарий, византийский писатель 13
Псевдо-Симеон (Symeon Magister), византийский писатель 229, 268, 280
Птолемей, позднеэллинистический астроном, математик, географ 168, 810
Пугаченкова Г. А. 903, 970
Пуголовок Ю. О. 41, 103, 107, 114
Пургас, мордовский князь 557
Пуреш, мордовский князь 557
Пусянь Ваньну, командующий цзиньскими войсками 947, 948
Путята Вышатич, киевский воевода, тысяцкий 287, 614
Пуцко В. Г. (Пуцко В.) 723, 740, 741, 743, 745—751, 753, 755, 761, 763, 765—768
Пушкарева Н. Л. 596, 970
Пушкина Т. А. 233, 254, 304, 403, 970
Пчелина Е. Г. 846
Пчелов Е. В. 226, 970
Пьянков А. В. 156, 158—160, 162, 166, 833—835, 839
Пясты, польская княжеская и королевская династия 431

Рабинович Р. А. 89, 96, 212, 807, 970
Равеннский Аноним, автор «Космографии» 155, 156, 158
Рагнар Лодброк, датский конунг 886
Радагайс, варварский вождь 199
Радим, предводитель радимичей 217, 642
Радлов В. В. 912, 913
Радојчић С. 740, 743
Радюш О. А. 49
Раева В. А. 128, 403
Раевский Д. С. 167, 169, 175, 277, 849, 850, 852, 969
Раздорский А. И. 114
Ракіцкі Ў. 729
Ракушин А. И. 828, 964
Ранчин А. М. 568
Рапапорт П., см. Раппопорт П. А.
Рапов О. М. 286, 406
Раппопорт П. А. (Рапапорт П.) 94, 575, 680, 681, 683, 684, 691—694, 696, 698, 699, 701, 705, 707, 708, 710—712, 714, 717—719, 723, 728—735, 737, 738, 964, 970
Растархан (Раштархан, Астархан ал-Хорезми), хазарский полководец 145
Ратибор, посадник князя переяславского, черниговского, киевского Всеволода Ярославича в Тмуторокани 532, 533
Ратич О. О. 720
Ратша, киевский тиун 465
Рафалович И. А. 36, 970
Рашев Р. 148
Рашид ад-Дин, персидский государственный деятель, ученый-энциклопедист 820, 948, 951—955, 963
Регино(н) Прюмский (Regino abbas Prumiensis), монах-бенедиктинец, историк 282, 283, 807
Редедя, касожский князь 643, 833, 836, 838
Ремпель Л. И. 903, 970
Реутов А. В. (Реутов А.) 683, 710
Рёрик, датский конунг (князь) 226, 227
Рихер Реймский, монах-бенедиктинец, историк 878
Робер Гвискар, южноитальянский норманнский герцог 530
Робинсон А. Н. 658, 970
Рогволод, князь полоцкий 234—237, 451, 482, 483, 643
Рогволод Борисович, князь полоцкий, друцкий 453, 455
Рогнеда, дочь князя Мстислава Владимировича Великого 652
Рогнеда, полоцкая княжна, жена князя киевского Владимира Святославича 235, 482, 643
Рогов А. И. 582, 770, 968
Роджер I, великий граф сицилийский 536
Роджер II, сицилийский граф, король 542, 587
Родинкова В. Е. 41, 42, 44, 50, 53—55, 970
Рождественская Т. В. 504, 626
Розанов С. П. 489, 660, 963
Розанова Л. С. 48, 112, 239, 308
Розен В. Р. 285, 286, 288, 877, 879

Розов Г. М. 933, 962
Роланд, граф, герой «Песни о Роланде» 657
Роман I Лакапин, византийский император 268, 269, 781, 874—876
Роман II, византийский император 271, 878
Роман IV Диоген, византийский император 530, 537, 538, 817, 882
Роман Всеславич, князь полоцкий 451
Роман Глебович, князь рязанский 392, 423, 473
Роман Игоревич, князь звенигородский, галицкий 397, 554
Роман Игоревич, князь рязанский 474
Роман Мстиславич, князь новгородский, владимиро-волынский, галицкий, 347, 397—399, 406, 420, 424, 425, 435, 437, 438, 446, 447, 450, 468, 492, 512, 513, 547—550, 552—554, 656
Роман Нездилович, киевский воевода 395
Роман Ростиславич, князь смоленский, новгородский, киевский 346, 386, 392, 405, 408, 419, 420, 427, 491—493
Роман Святославич, князь тмутороканский 339, 375—377, 532
Романов Б. А. 603, 970
Романова Г. Я. 615, 616
Романовичи, сыновья князя Романа Мстиславича 435, 438, 439, 450, 553—555, 558
Романчук А. И. 194, 196, 867, 879, 881, 970
Романюк В. В. 41
Ромашов С. А. 139
Роменский А. А. 286, 879, 970
Росмик, царь Алании 850, 853
Роспонд С. 216, 228
Ростислав Владимирович, князь тмутороканский 343, 433, 441, 442, 446, 533, 837, 870, 882
Ростислав Володаревич, князь звенигородский, перемышльский 443, 540
Ростислав Всеволодич, князь переяславский 340, 460, 575
Ростислав Глебович, князь минский, полоцкий 454
Ростислав Иванович, сын Ивана Ростиславича Берладника 446
Ростислав Игоревич, сын князя Игоря Святославича 397
Ростислав Мстиславич, князь киевский 493
Ростислав Мстиславич, князь смоленский, новгородский, киевский 320, 321, 343, 345, 346, 352, 355, 366, 368, 383—389, 404, 405, 407, 408, 414, 415, 419, 448, 455, 464—466, 472, 485, 486, 489—491, 511, 544—546, 571, 572, 583, 584, 651, 652, 659
Ростислав Рюрикович, князь торческий, киевский, вышгородский 397, 423—425, 438, 468, 492
Ростислав Святополчич, князь пинский 487
Ростислав Святославич, сын князя Святослава Глебовича 474
Ростислав Юрьевич, князь новгородский, переяславский 415, 421, 465, 471, 480, 511
Ростислав Ярославич, князь пронский, рязанский и муромский 414, 470—472, 478, 479, 543
Ростислав Ярославич, князь сновский, вышгородский 396, 397, 424
Ростиславичи, сыновья и потомки князя смоленского, новгородского, киевского Ростислава Мстиславича 390—392, 400, 401, 405—408, 419—421, 491—493, 517, 651, 652, 672
Ростиславичи, сыновья и потомки князя тмутороканского Ростислава Владимировича 340, 400, 433, 434, 441—443, 449, 533—540, 543, 650
Ростиславичи, сыновья князя Ростилава Юрьевича 421, 422, 480
Рохлин Д. Г. 421
Руденко К. А. 795, 921
Русанова И. П. 19, 21, 27—29, 31, 36, 45, 58, 93, 95, 98, 278, 970
Рыбаков Б. А. 6, 95, 230, 278, 279, 307, 317, 342, 346, 350, 358, 395, 491, 493, 587, 616, 625, 671, 687, 709, 750, 766, 963, 966, 969, 970
Рыбина Е. А. 316, 551, 970
Рыдзевская Е. А. 960
Рыжов С. Г. 187
Рычка В. М. 488, 970
Рюрик, князь новгородский 215, 218, 220, 221, 223—230, 233, 234, 246, 249, 333, 476, 502, 605
Рюрик Ростиславич, князь новгородский, овручский, киевский, черниговский 346, 347, 386, 392—394, 397—401, 405—408, 420, 423—426, 438, 455, 466—468, 491—493, 511, 533, 548—550, 553, 588, 589, 681, 731, 760, 831
Рюрик Ростиславич, князь перемышльский 433, 441, 442

Рюриковичи, русский княжеский род 8, 214, 219, 235, 328, 333, 335, 343, 345, 348, 353, 378, 382, 384, 385, 388, 396, 397, 400, 422, 430, 431, 435, 436, 440, 441, 447—449, 459, 462, 463, 471, 472, 474, 475, 481, 490, 499, 504, 505, 509, 510, 644, 657, 958
Рюсс Х. 534
Рябинин Е. А. 244, 498, 970, 971
Рябцева С. С. 89, 93, 96, 100, 807, 970

Савва, автор вопросов в «Вопрошании» Кирика 371
Савва Освященный, святой 659
Савинов Д. Г. 137, 148, 809, 818, 819, 966
Сагайдак М. А. (Сагайдак М.) 255, 710
Сазанов А. В. (Сазанов А.) 138, 141, 192, 194, 265, 867, 872, 875, 968, 970
Сазонова Л. И. 562, 640, 968
Саксон Грамматик, датский историк 886
Салбиев Т. К. 854
Саллам, арабский языковед 779
Салман ибн Рабиа, арабский полководец 181, 182
Салмина Е. В. 247, 248
Салугина Н. П. 72, 74
Самойлов К. Г. 77, 501
Самоквасов Д. Я. 107
Самуил, болгарский царь 273, 275, 291
Санкина С. Л. 295, 496
Сапожников Н. В. 710
Сапрыкина И. А. 158, 165, 968
Сарабьянов В. Д. 562, 729, 744, 745, 757, 758, 967
Сарачева Т. Г. 301, 767
Сарийа, дочь владетеля Сарира, жена Абд ал-Малика ибн Мансура 859
Саросий, аланский царь 172, 173
Сарра (*библ.*) 640, 670
Сартак, монгольский хан 853
Сау-Тегин, полководец сельджукского султана Алп Арслана 857
Сахаров А. Н. 877
Сбыслава Святополковна, жена польского князя Болеслава III 538
Сватоплук I, великоморавский князь 808
Свен II Эстридсен, датский король 530
Свенельд, воевода 255
Свенцицкая В. И. 764
Свердлов И. 133
Свердлов М. Б. 233, 319, 324, 349, 350, 357, 358, 362—364, 970
Святоплук, чешский князь 538
Святополк Владимирович, князь туровский, киевский 236, 237, 274, 275, 322, 337, 476, 483, 505, 523, 524, 527, 614, 644
Святополк Изяславич, князь полоцкий, новгородский, туровский, киевский 339—341, 344, 363, 375, 376, 378—380, 434, 435, 442, 443, 460, 477, 483, 484, 487, 488, 507, 534—539, 571, 574, 577, 647, 650
Святополк Мстиславич, князь полоцкий, новгородский, владимиро-волынский 414, 453, 464, 511, 521, 543, 655
Святополк Юрьевич, князь туровский 487
Святополковна (?), жена Мешка, сына польского князя Болеслава II 534
Святослав Владимирович, князь вщижский 384—388, 418, 479
Святослав Владимирович, князь древлянский 236, 337, 488
Святослав Владимирович, князь смоленский, переяславский 461
Святослав Всеволодич, князь новгородский, переяславский, юрьевский, владимирский 428, 468, 515, 681
Святослав Всеволодич, князь новгородский, туровский, владимиро-волынский, новгород-северский, черниговский, киевский 346, 382—384, 386—399, 405, 415, 418, 422—425, 435, 464—467, 472, 473, 479, 480, 485, 492, 541, 548, 549, 552, 585, 588, 589, 652, 657
Святослав Всеволодич, князь трубчевский 397, 401
Святослав Глебович, князь пронский 473
Святослав Давыдович (Николай Святоша), князь луцкий 650, 662, 663
Святослав Давыдович, сын князя Давыда Юрьевича 481
Святослав Игоревич, князь владимиро-волынский, перемышльский 397, 554
Святослав Игоревич, князь киевский 218, 227, 231, 235, 236, 255, 269—275, 278, 284, 337, 351, 482, 503, 782, 814, 815, 823, 834, 863, 871, 876, 877
Святослав Мстиславич, князь берестейский 437, 547

Святослав Мстиславич, князь новгородский, полоцкий, смоленский 406, 407, 408, 456
Святослав Ольгович, князь новгородский, новгород-северский, черниговский 304, 356, 369, 381—389, 395, 414, 415, 418, 454, 455, 465, 471, 479, 510, 511, 520, 537, 572, 580, 617
Святослав Ольгович, князь рыльский 394, 397
Святослав Ростиславич, князь новгородский 366, 406, 419, 512, 652, 672
Святослав Святославич, сын князя Святослава Глебовича 474
Святослав Юрьевич, сын Юрия Владимировича Долгорукого 418
Святослав Ярославич, князь рязанский, муромский 478
Святослав Ярославич, князь черниговский, киевский 335, 338—340, 343, 362, 366, 374—376, 378—383, 387, 404, 411, 432, 458, 459, 470, 471, 476, 483, 488, 528—532, 569—571, 574—577, 635, 646
Святославичи, сыновья князя киевского Святослава Игоревича 235
Святославичи, сыновья князя черниговского, киевского Святослава Ярославича 340, 343, 375, 376, 377, 378, 380, 413, 414, 532, 533, 535, 536
Святославичи, сыновья и потомки князя новгородского, новгород-северского, черниговского Святослава Ольговича 392, 400, 402
Святославичи, сыновья князя новгородского, туровского, владимиро-волынского, новгород-северского, черниговского, киевского Святослава Всеволодича 394, 395, 397
Севастьянова О. В. 515
Северьянов С. И. 750
Седикова Л. В. 194
Седов В. В. 9, 14—16, 21, 45, 58, 67, 73, 75, 106, 121, 122, 124, 129, 212, 215, 217, 237, 238, 243, 248, 250, 253, 254, 259, 278, 279, 404, 679, 970, 971
Седов Вл. В. 707, 717, 724, 728, 730
Седова М. В. 252, 315, 767, 971
Селезнев А. Б. 750
Селезнев Ю. В. 830, 831
Селин А. А. 244
Семен Иванович, великий князь московский и владимирский 341
Семенов И. Г. 138
Семенченко Г. В. 564
Семыкин Ю. А. 794
Сениченкова Т. Б. 130, 971
Сериков Н. И. 781
Сефербеков Р. И. 183, 971
Си-цзун (Хэла), император империи Цзинь 939, 945
Сигизмунд I, король польский и великий князь литовский 453
Сигурд I Крестоносец, норвежский король 538
Сидоренко О. В. 41
Сизов В. И. 123
Сикко, прусский жрец 887
Сикорский М. И. 707
Симеон, епископ (митрополит?) Переяславский 571
Симеон, епископ Туровский 676
Симеон, праведный (*библ.*) 636
Симеон, стратиг Херсона 870
Симеон I, болгарский царь 267, 635
Симон, епископ Владимирский, один из авторов Киево-Печерского патерика 660—665, 668
Симон Грунау, доминиканский монах-летописец 198, 204, 206, 887, 890
Симон Кананит, апостол 163, 853
Симонов Р. А. 615, 971
Синагрип, персонаж Повести об Акире Премудром 639
Синеус, князь, брат Рюрика 218, 220, 229, 248, 502
Синицына Г. В. 83, 84
Синица Е. В. 41, 54
Ситдиков А. Г. 793
Скарбимир, силезский палатин 539
Сквайрс Е. Р. 364
Скворцов К. Н. 205
Скржинская Е. Ч. 186, 204, 500, 825, 962
Скрынникова Т. Д. 949, 952, 967, 971
Славон, писец надписи на Воймерицком кресте 625
Сланов А. А. 171, 971
Смбатян Ш. В. 139, 962
Сміленко А. Т. 36, 40, 971
Смирнов А. П. 789, 790, 792
Смирнова Л. П. 139, 781
Смирнова Э. С. 746, 747, 761, 763, 765
Сокал, половецкий князь 826
Соколова И. В. 197, 867, 870, 871, 881

Соловьев С. М. 6, 335, 345, 410, 459, 971
Сопоцинский О. И. (Сопоцинский О.) 684, 965
Сорочан С. Б. 138, 141, 161, 187, 190, 193, 195, 196, 776, 867—870, 872, 873, 875, 880, 881, 968, 971
Сослан-Давид, царь Грузии 851
Софоний, ученик Иоанна Моска 661
Спицын А. А. 122, 124, 131
Срезневский И. И. 615
Ставр, новгородский сотский 508
Стаматов А. 964
Станислав Владимирович, князь смоленский 236, 403
Станюкович А. К. 750
Старостин П. Н. 70—72, 74, 971
Стахемфак, вождь зихов 160
Сташенков Д. А. 74
Степан Твердиславич, новгородский посадник 519
Степаненко В. П. 837
Степанова Е. В. 265
Степанос Таронеци (Асох'ик), армянский историк 838, 878, 879
Стефан, архидиакон 744
Стефан, игумен Киево-Печерского монастыря, епископ Владимиро-Волынский 564, 615, 770
Стефан Византиец, философ, филолог 160
Стефан Лакапин, византийский император 269
Стефан Неманя, сербский великий жупан 549
Стефан Новгородец, автор Хождения в Константинополь 591
Стефан Первовенчанный, сербский великий жупан 593
Стефан Первомученик, святой 539
Стефан Сурожский, святой 878
Стефанович П. С. 234, 319, 320, 322, 325, 333, 352, 355, 356, 362, 364, 433, 435, 441, 443, 502, 539, 579, 965, 971
Стеценко Н. К. 718
Столетов А. В. 720
Столетов И. А. 733
Столярова Е. К. 301
Столярова Л. В. 765, 766, 962, 963
Столярова Т. В. 403
Страбон, античный историк, географ 169
Стрельник М. А. 106
Стрешинский И. 146
Стрикалов И. Ю. 971
Строков А. А. (Строков А.) 719
Стурла Тордарсон, исландский политический деятель, писатель, историк 317
Субутай (Субэдэй)-баатур, монгольский полководец 429, 950
Суворов Н. С. 290
Судислав, галицкий боярин 449
Судислав Владимирович, князь псковский 338
Суй, китайская императорская династия 927, 928
Сулами, знатный арабский род 856
Сулейман ибн-Дауд ас-Саксини ас-Сувари, булгарский богослов, писатель 803
Султанов Т. И. 819, 904, 966
Сулук-каган, тюргешский каган 910
Сумбат Давитис-дзе, грузинский историк 832
Сумникова Т. А. 8, 361, 405, 587, 666, 963
Сун (Сунская династия), китайская императорская династия 934, 937, 938, 940, 941
Супруненко О. Б. 41
Сурака, нуцал Сарира 860
Сурака ибн Амр, арабский полководец 181
Сухобоков О. В. 103, 104, 106, 107, 971
Суцзун, китайский император 914
Сым Цянь, китайский историк 808, 899
Сымо, тюркский хан 912
Сымонович Э. А. 45, 48, 57, 58
Сыроватко Н. А. 253
Сырчан, половецкий князь 830
Сычев Н. П. (Сычев Н.) 742, 756
Сюань-цзун (Удабу), император империи Цзинь 947
Сюзюмов М. Я. 229, 272, 285, 877, 962
Сюй Канцзун, китайский путешественник 941
Сяо Табуе, китайский полководец 937
Сяо-ли, приближенный императора Си-цзуна 939

Тагирова Н. А. 865, 972
Таджаддин ибн Йунус ал-Булгари, булгарский ученый 802, 803
Тай-цзун (Уцимай), император империи Цзинь 938
Талиб ибн Ахмед, суварский эмир 792
Тамара, грузинская царица, жена князя Юрия Андреевича, жена грузинского царя Сослана Давида 851
Тан, китайская императорская династия 914, 928

Тарабанов В. А. 162
Тарабардина О. А. 246, 247, 499
Тарасов С. В. 694
Тарду, тюркский каган 908
Таскин В. С. 9, 935, 961
Таспар, тюркский каган 901, 907
Татищев В. Н. 287, 409, 547
Тахнаева П. И. 859
Тацит, римский историк 14, 215
Твердислав, новгородский посадник 509, 517
Тельнов Н. П. 87, 89, 93, 95, 97, 100, 971
Темучжин, см. Чингисхан
Тенишев Э. Р. 920
Тенникова Д. Г. 871
Теодорих Великий, готский король 203
Тервал, болгарский хан 191
Тереножкин А. И. 169
Терехова Н. Н. 48, 112, 239, 308
Терпиловский Р. В. 36, 45
Терьтробичи, название половецкой орды, данное русскими летописцами 830
Тиберий II, византийский император 188
Тиверий III, византийский император 191
Тизенгаузен В. Г. 803, 961
Тимофеева Т. П. 724
Тимощук Б. А. 19, 28, 31, 35, 87, 93—95, 98, 101, 254, 278, 734, 736, 962, 970, 971
Тит, монах Киево-Печерского монастыря 662, 663
Титмар, епископ Мерзебургский (Thietmar von Merseburg), историк 274, 288, 292, 523
Тихомиров М. Н. 274, 362—364, 367, 410, 971
Тихомиров Н. А. 104
Тихонов Д. И. 913, 971
Тиц А. А. 753
Тоба Вэй, китайская императорская династия 927
Тов А. А. 971
Тоган А. З. В. 140
Тогарма (*библ.*) 781
Тоглый, половецкий князь 830
Тогошвили Г. Д. 851
Токсобичи, название половецкой орды, данное русскими летописцами 828—830
Толмачева М. М. 48, 112
Толочко А. П. 220, 237, 363
Толочко П. П. 237, 255, 279, 307, 336, 489, 491, 723, 971
Толстов С. П. 815
Толуй, монгольский хан, сын Чингисхана 951, 955
Томашевский А. П. 24, 27, 82, 93, 971
Томсинский С. В. 252
Тоньюкук, советник трех первых каганов Второго Восточно-Тюркского каганата 809, 910, 911
Тоорил, см. Ван-хан
Торопов С. Е. 501
Торопова Е. В. 501
Торшин Е. Н. 695, 724, 726, 732, 733
Тот Ш. Л. (Tóth S. L.) 807, 808
Тохтасьев С. Р. 155
Травников С. Н. 412, 440, 662, 961
Траян, римский император 188
Тревер К. В. 176, 971
Трепавлов В. В. 897
Третьяков П. Н. 14, 17, 45, 57, 58, 61, 86, 971, 972
Трубачев О. Н. 228
Трувор, князь, брат Рюрика 218, 220, 229, 502
Трусаў А., см. *Трусов О. А.*
Трусов О. А. (Трусаў А.) 731
Туганаев В. В. 794
Тугоркан, половецкий князь 460, 535—537, 826—828
Тудор, вышгородский тиун 465
Тумиду, вождь токуз-огузов, эльтебер 809, 913
Тун-ябгу, тюркский каган 908
Тур, варяг, легендарный основатель города Турова 237, 482, 483
Тургенев А. И. 593, 594, 961
Турилов А. А. 370, 579
Турова Е. А. 714
Тутуха, юаньский полководец 923
Туюй, правитель государства Дундань (Восточная Кидань) 932
Тяжелов В. 684
Тяньцзо, киданьский император 935, 936, 938

Угунай, вождь чжурчжэней 936
Угэдэй, монгольский хан, сын Чингисхана 947, 951, 952, 955
Удабу, см. Сюань-цзун
Удон, маркграф Саксонской северной марки 529, 534
Узянов А. А. 259

Улашевичи, название половецкой орды, данное русскими летописцами 830
Улеб, воевода 857
Улу, см. Шицзун
Ульяновський В. 760
Умар, халиф 181
Урбан II, римский папа 535, 582
Урдуре, аланский царь 849
Урош I, сербский великий жупан 542
Урузмаг, герой нартского эпоса 848
Урусоба, половецкий князь 826, 828
Усачев Н. Н. 405
Усман, халиф 181
Успенский П. С. 166
Уханова Е. В. 188, 749
Уцимай, см. Тай-цзун
Ушаков С. В. 185, 187, 194

Фадеева Т. М. 867
Фараджева Н. Н. 246, 247, 300
Фарибурз, ширваншах 860
Фасмер М. 216, 496
Фахрутдинов Р. Г. 477, 786, 971
Федонин Р. А. 49
Федорина А. Н. 297
Федоров Г. Б. 95, 96
Федоров-Давыдов Г. А. 820, 825—827, 972
Федорова-Давыдова Э. А. 972
Фекла, святая 744
Феннел Дж. 345
Феодор, варяг, святой 282
Феодор, епископ Алании 852
Феодор, епископ Новгородский 506, 507
Феодор, епископ Ростовский 564, 571, 668
Феодор, митрополит всея Руси 584
Феодор, монах Киево-Печерского монастыря 367
Феодор, святой 664
Феодор II (Феодорец), епископ Ростовский 585, 675, 676
Феодор Студит, богослов, святой 562, 637, 867, 872
Феодора, византийская императрица 526
Феодора, сестра хазарского кагана Ибузира Глявана, жена византийского императора Юстиниана II 191
Феодорец, см. Феодор II
Феодосий I, римский император 187
Феодосий II, византийский император 203
Феодосий Грек, игумен Киево-Печерского монастыря 580
Феодосий Печерский, игумен Киево-Печерского монастыря, святой 353, 577, 580, 604, 614, 646, 659, 661, 663, 664, 770
Феодул, «игумен» владимирского Успенского собора 578, 653
Феона, византийский полководец 187
Феопемпт, митрополит всея Руси 289, 560—562, 568
Феофан Исповедник, византийский монах, историк, святой 137, 146, 160, 161, 164
Феофания, жена новгородского посадника Остромира 633
Феофано Музалонисса, жена князя владимиро-волынского, тмутороканского, черниговского, новгород-северского Олега Святославича 532
Феофил, византийский император 221, 264, 778, 806, 868
Феофилакт, митрополит Севастии 289
Фердинанд С. Н. 364
Фетисов А. А. 225, 242
Фив, ученик Климента, римского папы, святого 188, 879
Фидаров Р. Ф. 846, 854
Филипп Швабский, король Германии 550
Филиппова Л. А. 719, 735
Филипповский Г. Ю. 489
Филипченко В. А. 972
Филипчук М. А. (Филипчук М.) 31, 89, 96, 972
Флёров В. С. 776, 781, 813, 972
Флор, святой 759
Флоря Б. Н. 189, 280, 290, 312, 350, 358, 437, 447, 453, 499, 509, 511, 515, 516, 518, 580, 608, 669, 779, 963, 972
Фодор И. (Fodor I.) 153, 972
Фока, византийский император 188
Фока, святой 759
Фол А. 964
Фома, инок, автор Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче 633
Фома, пресвитер, адресат «Послания пресвитеру Фоме» Климента Смолятича 658, 659
Фома Славянин, византийский турмарх (военачальник), организатор гражданской войны в Византийской империи 821—823 гг. 161
Фомин М. В. 188

Фотий, патриарх Константинопольский (Photius patriarcha Constantinopolitanus) 222, 265, 266, 279—281, 289, 741, 779, 872
Франклин С. 222, 223, 268, 341, 622, 626, 972
Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи 430, 543—545, 547, 548, 550, 724
Фридрих II Штауфен, германский король, император Священной Римской империи 556
Фридрих Воинственный, австрийский герцог 556
Фроянов И. Я. 319, 333, 336, 350, 355, 358, 972
Фрэзер Дж. 889
Фурасьев А. Г. 58, 59, 63, 68, 76, 967

Хавлюк П. И. (Хавлюк П. І.) 36, 94
Хаджа Ахмад ал-Булгари, булгарский богослов 803
Хай-лин-ван (Вань-янь-лян, Дигунай), император империи Цзинь 939, 940, 945
Хайсам, раис в Уркарахе 858
Хайсам ибн Мухаммад, ширваншах 863
Хайсам ибн Халид, арабский наместник Ширвана 859, 863
Хаким ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дарбанди, исламский ученый 864
Хаким Синаи, персидский поэт 803
Хакон, сын датского конунга Харальда Синезубого 886
Халидов А. Б. 803
Халиков А. Х. 153, 785, 800, 803, 821
Халикова Е. А. 153, 785, 800
Халифа ибн Хайат, арабский историк 859
Хамайко Н. 98, 277
Хамух, основатель деревни Сапакси 838
Хан-Магомедов С. О. 185
Ханьпу (Ши-цзу), первопредок чжурчжэней 933
Хапаев В. В. 867, 869, 871, 876, 878—881, 972
Харальд Синезубый, датский конунг 886
Харальд Суровый, норвежский король 524, 527
Хардаев О. М. 104
Харинский А. В. 933, 952, 967
Харламов В. А. (Харламов В. О.) 255, 700, 701
Харольд II, англо-саксонский король 530
Харун ар-Рашид, халиф 781
Хасан, брат Таджаддина ибн Йунуса ал-Булгари 802
Хасар (Джочи-Касар), брат Чингисхана 951, 952
Хасдай ибн Шапрут, кордовский вельможа, визирь омейядского халифа 146, 159, 161, 217, 773, 867
Хаутала Р. 557
Хашим ибн Сурака, дербентский эмир 856
Хашимиды, династия дербентских эмиров 856, 857
Хвойка В. В. 86, 279
Хвольсон Д. А. 786, 793, 796, 801, 802, 963
Хвощинская Н. В. 243, 244, 246, 247
Хели, тюркский каган 910
Хелимский Е. А. 498
Хелльманн М. (Hellmann M.) 501, 528
Хельгу, русский князь Кембриджского документа 268
Херасков М. М., русский поэт, писатель, драматург 656
Херрманн И. 222
Хилаль ас-Саби, арабский историк 780
Хлебникова Т. А. 789, 795
Ходжа Булгари, булгарский лекарь 803
Ходота, князь вятичей 114, 214
*Холостенко Н. В. (*Холостенко Н., *Холостенко М. В.)* 688, 696, 697, 708, 709, 732, 741, 972
Хонигманн Э. (Honigmann E.) 288
Хорив, брат Кия, легендарный основатель Киева 216, 642
Хорошев А. С. 513
Хорошкевич А. Л. 361, 362, 501, 972
Хосров I Ануширван, шаханшах 177, 179, 180, 908, 974
Хосров II, шаханшах 180
Храковский В. С. 815
Храпачевский Р. П. 819
Храпунов Н. И. 189, 869
Хрисимов Н. 89
Христиан, монах-цисцерцианец, епископ Пруссии 893
Христина, дочь шведского короля Инге, жена князя Мстислава Владимировича Великого 538
Христофор, византийский военачальник 191
Хрусталев Д. Г. 558, 582, 707, 972
Хрушкова Л. Г. 689
Худдан, аланский царь 850, 851
Хузин Ф. Ш. 790, 792, 797, 972

Хуй-цзун, император империи Сун 939
Хулагиды, монгольская династия 853
Хусам ад-дин Чупан (Чобан), сельджукский полководец 883
Хусрав, глава гарнизона мусульман в Уркарахе 858
Хэла, см. Си-цзун

Царевская Т. Ю. 713, 744, 745, 759, 967
Цепков Ю. А. 837
Цзинь (Цзиньская династия), чжурчжэньская императорская династия 940, 943, 955
Цзинь-цзун, император империи Сун 939
Цзиньская династия, см. Цзинь
Цин, китайская императорская династия 933
Цокур И. В. 829
Цукерман К. (Zuckerman C.) 217, 222, 223, 264, 268, 283, 363, 869, 875
Цулая Г. В. 842
Цыбин М. В. 117, 828
Цымбурский В. Л. 17

Чагатай, монгольский хан, сын Чингисхана 951, 955
Чакагар, болгарский полководец 805
Чанева-Дечевска Н. 685
Чаплыгина С. Ф. 142
Чачхалиа Д. К. 687
Чеби, тюркский каган 910
Черемисин Д. В. 906, 972
Черепнин Л. В. 237, 342, 350, 357, 362—364, 493, 969
Черкасские, русский княжеский род 838
Черненко О. Є. 683, 695
Чернецов А. В. 303, 625, 969, 971
Черных Н. Б. 244
Чернявский И. М. 731
Чернягин Н. Н. 122
Чжамуха, монгольский вождь 950, 951
Чжан-цзун (Мадагэ), император империи Цзинь 940, 947
Чжан-цзюнь, советник (?) императора империи Цзинь 939
Чжельме, монгольский полководец, соратник Чингисхана 950
Чжэнь Сяо, бохайская принцесса, дочь Да Цинь-мао 930
Чибисов Б. И. 497
Чинбех, вождь, «король из Роксолании» 206
Чингисиды, монгольская династия 923
Чингисхан (Темучжин), основатель Монгольской империи 5, 8, 852, 918, 919, 947, 949—956
Чиняков А. 720
Чичак (в крещении Ирина), дочь хазарского кагана, жена византийского императора Константина V Копронима 140, 192
Чичуров И. С. (Čičurov I.) 137, 140, 144, 146, 161, 189, 190, 565, 580, 961, 963
Чокаев К. З. 175
Чугреева Н. Н. 762
Чуфан, эмир Хайдака 860
Чхаидзе В. Н. 156, 159—163, 532, 533, 687, 829, 834—837, 841—843, 972

Шавкунов Э. В. 946, 948, 972
Шадыра В. І. 58
Шаламон (Соломон), венгерский король 529, 530, 534
Шалина И. А. 762
Шамуэль, венгерский король 525
Шамхал, правитель Гумика 860
Шапиро А. Л. 500
Шапошников А. К. 192, 265, 867, 872, 875
Шарафутдинов Д. А. 803
Шарифуллин Р. Ф. 792
Шарукан, половецкий князь 537, 826, 828, 829
Шаскольский И. П. 224, 551
Шастина Н. П. 494, 954, 963
Шатана, героиня нартского эпоса 848
Шахматов А. А. 220, 227, 266, 277, 285, 286, 476, 482, 483, 502, 566, 599, 600, 641, 878, 963, 972
Шахвараз, сасанидский наместник Дербента 181
Шацилло М. К. 321
Шевцов А. О. 242
Шекун О. В. 297
Шепард Дж. 222, 223, 268, 341, 972
Шервашидзе И. Н. 903
Шиги-Хутух, руководитель судебными делами при Чингисхане 952
Шилу, вождь чжурчжэней 935, 936
Шимон-Симон, варяг 663
Шинаков Е. А. 113
Шихсаидов А. Р. 177, 182, 185, 858—862, 864, 865, 964, 972

Шицзун (Улу), император империи Цзинь 940, 944—947
Шишков Ю. А. 318
Шмидт Е. А. 58, 59, 62—64, 67, 124, 126—128, 130, 972
Шнеевайс Й. 23
Штауфены, династия германских королей и императоров Священной Римской империи 542, 550
Штендер Г. М. 692, 693, 701, 702, 713, 714, 717—719, 727, 729, 735, 757, 968, 972
Штро В. А. 857
Штыхов Г. В. (Штыхаў Г. В.) 128, 237
Шуляк Л. М. 713, 714, 719, 735
Шустер-Шевц Х. 496
Шушан, картлийская царевна 145
Шушарин В. П. 806, 972

Щавелева Н. И. 274, 437, 440, 443, 447, 456, 540, 594, 963
Щавелёв А. С. 225, 242, 363, 642
Щапов Я. Н. 9, 281, 288, 290, 320, 322, 350, 352, 360, 368—370, 404, 436, 444, 451, 515, 563, 565, 569, 570, 573, 576, 578, 588, 617, 961, 963, 969, 972
Щапова Ю. Л. 768, 972
Щеглова О. А. 33, 41, 104, 215
Щек, брат Кия, легендарный основатель Киева 216, 642
Щепкин В. Н. 628, 972
Щербак А. М. 920
Щербатов М. М. 6, 972
Щербатова-Шевякова Т. С. 719
Щукин М. Б. 14, 45

Эдмунд Железнобокий, английский король 524
Экберт Младший, маркграф Майсенской марки 529
Элетмиш Бильге-каган, см. Моюн-чур
Эльтериш-каган, тюркский каган 809, 910, 911
Эмин Н. 878
Энговатова А. В. 301, 410, 797
Эндре, венгерский королевич, сын Эндре II, князь галицкий 555, 556
Эндре I, венгерский король 525, 526, 529, 530
Эндре II, венгерский король 548, 549, 553—556, 593, 594
Эрдели И. 154
Эрдэнэболд Л. 933, 967
Эрик I Добрый, датский король 538
Эрик II Памятливый, датский король 539
Эстрид, сестра англо-датского короля Кнута I Могучего, жена князя Ильи Ярославича 523, 524
Эсыкуй, см. Ваньянь Чжун
Этингоф О. Е. 761, 762

Юлиан, венгерский монах-доминиканец, путешественник 153, 557, 788, 800, 845, 852, 853
Юлий Цезарь, римский император 198, 848
Юн-цзи (Вэй-шао-ван), император империи Цзинь 947
Юра Р. А. 707
Юрасов М. К. 525, 541, 805, 806
Юренко С. П. 103
Юрий (?), князь муромский 479, 480
Юрий, черниговский тысяцкий 388
Юрий Андреевич, князь новгородский 421, 430, 491
Юрий Владимирович Долгорукий, князь ростово-суздальский, киевский 320, 342, 343, 345—347, 382—384, 390, 401, 412—419, 421, 422, 430, 436, 444, 462—465, 467, 471, 472, 480, 484—486, 489—491, 511, 537, 542—547, 557, 574, 583, 584, 655, 658, 720, 721, 723, 756, 801
Юрий Всеволодич, князь владимирский, городецкий, суздальский 344, 347, 401, 402, 406, 407, 427—430, 468, 474, 475, 481, 493, 517, 556, 557, 559, 589, 590, 593, 614
Юрий Давыдович, князь муромский 481
Юрий Юрьевич, князь муромский 481
Юрий Ярославич, князь муромский 479
Юрий Ярославич, князь пинский, туровский 486—488, 544
Юрьева И. С. 333
Юрьевичи, сыновья князя Юрия Владимировича Долгорукого 417, 430
Юрьевичи, сыновья князя муромского Юрия (?) 480
Юсова Н. Н. 237
Юстин I, византийский император 147, 186
Юстин II, византийский император 148, 188, 189
Юстиниан I, византийский император 22, 147, 149, 150, 156, 160, 180, 186—188, 567, 638, 697
Юстиниан II Ринотмет, византийский император 161, 190, 191, 197

Юсупович А. (Jusupović A.) 431, 447—449, 973
Юсуф ибн ал-Хусайн ал-Баби ал-Лакзи, придворный историограф Аглабидов, богослов, знаток хадисов, шафиит 857, 865
Юшко А. А. 253, 972
Юшков С. В. 362—364, 367, 456, 972

Яганов А. В. 738
Ядрышников В. А. 719, 735
Якимов А. С. 822, 973
Якобсон А. Л. 190, 193, 867, 879, 881, 883, 973
Яковлева А. И. 763
Яковлева Е. А. 247, 248
Якубовский А. Ю. 884
Якубовский И. В. 453, 454
Якун Мирославич, новгородский посадник 512
Якун Моисеевич, новгородский боярин 518
Яминов А. Ф. 828, 964
Ян Длугош, польский историк 440, 443
Ян Пу, бохаец, советник императора империи Цзинь Агуды 937
Янин В. Л. 9, 219, 241, 247, 287, 292, 321, 324, 334, 335, 344, 350, 355, 356, 361, 369, 406, 489, 496, 498, 499, 501, 502, 504, 507, 508, 510, 514, 516, 518, 520, 521, 526, 531—533, 537, 551, 573, 587, 588, 594, 595, 617, 624, 625, 672, 797, 841, 961, 963, 973
Янь Вышатич, киевский боярин 320, 353, 366, 411, 599
Янька, дочь князя переяславского, черниговского, киевского Всеволода Ярославича 597
Ярополк Владимирович, князь переяславский, киевский 380, 381, 412, 413, 453, 461—463, 484, 485, 490, 504, 537, 540, 541, 571, 575, 583, 651, 654, 655, 818, 851
Ярополк Изяславич, князь владимиро-волынский, туровский 339, 354, 376, 377, 433, 434, 441, 442, 483, 529, 531—534, 563, 573, 574
Ярополк Изяславич, князь шумский, бужский 355, 436, 437
Ярополк Романович, князь трипольский, смоленский 405
Ярополк Ростиславич, князь владимирский 392, 418, 421, 422, 425, 472, 480, 572
Ярополк Святославич, князь киевский 235, 272, 273, 284, 285, 337, 409, 482, 504, 561, 643, 815, 877
Ярополк Ярославич, князь новгородский 397
Ярослав (?), князь, при котором созданы «Ярославли грамоты» 519
Ярослав Владимирович, князь новгородский, новоторжский, вышгородский 456, 513, 552, 668, 671, 759
Ярослав Владимирович Мудрый, князь новгородский, киевский 231, 236, 287, 322, 332, 335, 337—339, 341, 343, 351, 354, 360, 362, 363, 368, 369, 372—374, 379, 383, 403, 409, 409/410, 410, 432, 440—443, 451, 452, 458, 460, 470, 476, 480, 483, 488, 489, 504—506, 519, 523—528, 535, 536, 560—570, 574—576, 581, 597, 598, 606, 611, 640—642, 645, 677, 690, 694, 703, 723, 742, 743, 746, 748, 753, 836
Ярослав Владимирович Осмомысл, князь галицкий 383, 384, 424, 444—447, 544—549, 593
Ярослав Всеволодич, князь переяславский, переяславль-залесский, новгородский, киевский, владимирский 344, 347, 406, 408, 426—430, 456, 468, 469, 474, 475, 493, 517—521, 553, 558, 614, 669
Ярослав Всеволодич, князь черниговский 387—389, 391, 392, 394—398, 407, 423—425, 455, 492
Ярослав Изяславич, князь туровский, новгородский, луцкий, киевский 390, 436, 437, 485, 491, 492, 511, 543, 547, 583
Ярослав Мстиславич, князь переяславский 467, 468
Ярослав Святополчич, князь владимиро-волынский 340, 434, 435, 486, 534, 538—540
Ярослав Святославич, князь муромский, черниговский 339, 341, 343, 375, 377—380, 461, 470, 471, 476—480, 529, 647
Ярослав Юрьевич, князь пинский 486, 676
Ярослав Юрьевич, сын Юрия Владимировича Долгорукого 418
Ярослав Ярополчич, князь берестейский 434
Ярослав Ярославич, князь тверской, владимирский 516
Ярославичи, сыновья князя Ярослава Владимировича Мудрого 338, 353, 362, 363, 374, 404, 433, 441, 459, 526, 528—532, 535, 546, 564, 569, 570, 585, 587
Ярославичи, сыновья князя Ярослава Святополчича 486
Ярославичи, сыновья князя Ярослава Святославича 471

Ярославна, дочь князя Ярослава Владимировича Осмомысла, жена князя Игоря Святославича 447, 545, 601, 658
Ярославна, жена венгерского короля Эндре I 529, 530
Ярославна, Ярославны, дочери князя Ярослава Владимировича Мудрого 525
Яхъя Антиохийский, арабо-христианский историк 273, 285, 288

Ahrweiler H. 265
Aleksidze Z. 184
Alemany A., см. *Алемань А.*
Allsen T., см. *Оллсен Т. Т.*
Alsleben A. 302, 303
Amedroz H. F. 780
Angenendt A. 287
Arrian (Флавий Арриан, древнегреческий историк, географ) 160

Bailey H. W., см. *Бейли Г.*
Barbier de Meynard C. 776, 963
Bauduin P. 499
Beck H.-G. 579
Bekker I. 229, 280, 879
Beliaev L., см. *Беляев Л. А.*
Bitner-Wróblewska A. 199
Brachmann H.-J. 21
Brather S. 23
Braune W. 204
Brisbane M. A. 298
Brunon, см. Бруно Кверфуртский
Bunge F. G. 594

Carneiro R. L. 213
Clauson G., sir, см. *Клосон Дж.*
Conant K. J., см. *Конант К.*
Constantinus Porphyrogenitus imperator, см. Константин VII Багрянородный
Cracco Ruggini L. 519
Crome H. 200, 973
Čičurov I., см. *Чичуров И. С.*

Darrouzès J. A. A. (Darrouzès J.), см. *Даррузес Ж.*
DaMezentsev V. I. 308
Migne J.-P. 267, 587
Millet G. 706
Minorsky V., см. *Минорский В. Ф.*
Mitrea I. 31
Monk M. 298, 303, 307, 318
Moravcsik Gy. (Moravcsik G.) 806, 874
Moszczyński W. A. 23
Mouchard F. 405
Musin A. E., см. *Мусин А. Е.*
Mühle E. 307
Mühlen B. 886
Müller L., см. *Мюллер Л.*

Noonan T. S., см. *Нунан Т. С.*
Nosov E. N., см. *Носов Е. Н.*
Nuorluoto J. 498

Oikonomidès N. 869
Ousterhout R., см. *Оустерхаут Р.*

Parczewski M. 21, 973
Paul M. C. 512
Pavet de Courteille M. 776, 963
Pálóczi-Horváth A. 817, 827
Photius patriarcha Constantinopolitanus, см. Фотий, патриарх Константинопольский
Pleterski A. 21
Poppe A., см. *Поппэ А.*
Pritsak O., см. *Прицак О.*
Procopius Caesariensis, см. Прокопий Кесарийский
Profantová N. 33, 973
Ptaśnik J. 448

Reckel J. 928
Regino abbas Prumiensis, см. Регино(н) Прюмский
Reiske I. I. 268, 282
Roepke C.-J. 563
Ropp G. Frhr., von der 501

Saarikivi J. 498
Samsonowicz H. 500
Sauerland H. 750
Schramm G. 502
Schulze W. 184
Selart A. 521, 973
Semenov A. I. 196
Service E. R. 212
Shwartz E. 162
Smith J. M. 953
Stanciu I. 26, 28, 31, 973

Stender-Petersen Ad. 504
Symeon Magister, см. Псевдо-Симеон
Synelli K. 232
Szmoneiewski B. S. 33

Teodor D. Gh. 973
Theiner A. 593
Theophanes continuatus, см. Продолжатель Феофана
Thietmar von Merseburg, см. Титмар, епископ Мерзебургский
Thurn I. 274, 282
Tóth S. L., см. *Тот Ш. Л.*
Tumler M. 893

Vaillant A., см. *Вайан А.*
Vasiliev A. A. 195
Vergnolle É. 685
Vida T. 23, 973
Vodoff V. (Vodoff W.) 291, 336
Völlig T. 23, 973

Weiland L. 556
Weitzmann K. 740, 762
Westerink L. G. 279
Wietrzichchowski F. 21
Wirth G. 155, 156, 158, 160
Witczak K. T. 223
Wlodarski B. 539
Wróblewski W. 199

Zábojnik J. 21
Zilmer K. 316
Zuckerman C., см. *Цукерман К.*
Żaki A. 719

Γκιολεσ N. 701

Μπούρας Χ. 701

Νυσταζοπούλου Μ. Γ. 879

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Абакан, река 922
Абасгия 155, 161, 163
Абаскун, город 780
Або, город 551
Абхазия 140, 141, 155, 160, 162, 164, 172, 687, 689, 690, 693, 832, 851
Абхазское царство 161, 163, 832, 838, 841, 850
Абхар, город 797
Аварский каганат 20, 22, 33, 35, 90, 149, 224
Авасгия 833
Авдеево, могильник 46, 102
Аверинский могильник 788
Австрия 956
Адриатика 542
Адурбадаган, провинция 176
Адыгея 839
Азербайджан 797, 816, 921
Азиатская Сарматия 169
Азия 165, 844, 899, 923
Азовское море 785, 830, 876
Акаро, гора 859
Акатово, городище 45, 46, 48, 60, 125
Акатово, селище 60
Акатово, см. Акатовский грунтовый могильник
Акатовский грунтовый могильник (Акатово) 46, 58, 60
Ак-Бешим, городище 908, 909
Аквитания 727
Акиньшино, городище 108
Ак-Оруу, городище 916
Алабуга, город 793
Алаколь, озеро 925
Аландон (в пер. «Аланская река»), см. Терек
Алания 6, 140, 166—175, 177, 687, 690, 693, 773, 774, 832—834, 838, 842, 845, 846, 848—855, 858, 859
Аланская гора, см. Центральный Кавказ
Аланские Ворота, см. Дарьяльское ущелье
Аланское царство 170, 528, 773, 851, 957
Аланья, см. Яньцай
Алахадзы, село 690
ал-Баб, см. Дербент
Ал-Байда, город 182
Албания, см. Кавказская Албания
Алдан-Маадыр, городище 916
Алды-Ишкин, городище 916
Алеканово, поселение 108
Александровка, селище 47
Александровка-1, селище 46, 102
Алексеевка, поселение 56
Алексеевка-1, селище 46
Алонта, см. Терек
Алтай 148, 816, 901, 904, 915, 922
Алустон (Алушта), город 186, 187, 867
Алчедар, 37, 87, 89, 94, 95, 99
Альпы, горы 5, 21, 22
Альта, река 337, 338, 374, 410, 458, 459, 529, 575
Амастрида, город 193, 222, 264
Амударья, река 816, 905, 908, 910
Амур, река 917, 919, 927, 934, 955
Ананьевское городище 948
Анапа, город 156, 837, 839
Анатолия 689
Ангара, река 919, 922
Англия 6, 398, 430, 524, 887
Ангумуа 727

[1] В скобках даются: 1) сокращенные названия (Крымский полуостров (Крым)); 2) варианты (Алустон (Алушта), город). Если вариант встречается в тексте отдельно (за исключением цитат в источниках с особой огласовкой), то он дается в перечне с отсылкой (Константинополь (Царьград), город — Царьград, см. Константинополь).

Андар аз-кыфчак, область 925
Андреев, город 331
Андреевская щель, могильник 839, 840
Андреевская щель 1, поселение 842
Андреевская щель 2, поселение 842, 843
Антоновка, городище 109
Анюшкар, городище 788
Ань-чуху (Алчу), река 937
Апсар, город 161
Апсилия 160
Арабский халифат (Халифат) 113, 140—143, 147, 173, 177, 179—182, 184, 190, 260—263, 280, 322, 773, 778, 779, 781, 782, 805, 850, 855—857
Аравия 181
Арагва, река 169, 171
Аральское море (Арал) 148, 810, 816, 821, 823, 904
Арбузово, городище 108
Аргунь, река 948, 951
Ардебиль, город 182
Арджил, селение 864
Ардоз (в пер. «долина»), область 168
Ардон, река 174
Ареццо, город 740
Арменияки, фема 869
Армения 179, 183, 779, 797, 851
Армения Вторая, провинция 289
Арран, см. Кавказская Албания
Артюховка, могильник 46
Артюховка, селище 46
Артюшково, могильник 46
Ару 796
Архангельское, городище 116
Архызское городище (Архыз) 689, 690
Аскалон, город 467, 546
Асоте, город 331, 332
Астраханская область 820
Астур, город 925
Ателькузу (*венг.* Etelköz — «междуречье») 807, 808
Атил, см. Волга
Атоки, могильник 78
Афганистан 803, 921
Афины, город 701
Афкула, город 788
Афон (Святая гора) 577, 586, 590—592, 628, 661, 727, 730, 732, 740
Ахелой, река 874
Ахеунт (Васия), река 155
Ахтуба, река 820
Ачабет 169
Ачэна, город 941
Ашихэ, река 941

Баб ал-абваб, см. Дербент
Бабадаг-Топрайкёй, поселение 38
Бабвак, селение 182
Бабинец, река 477
Бабичи, поселение 56
Бабка, поселение 87
Баварская восточная марка 262
Баварское Подунавье 263, 317
Багдад, город 144, 261, 280, 778, 802, 864, 865, 873
Багратионовский район 204
Бажын-Алак I, городище 916
Бажын-Алак II, городище 916
Базар-Тобе I, курганный могильник 820
Байбалык, город 915
Байкал, озеро 8, 901, 914, 919, 954
Байкальский регион 897
Бай-Тал, городище 916
Байшань, горы 935, 936
Бакла, город 189, 878
Баксан, река 168
Баку, город 780
Балаклея, поселение 56
Баланджар, город 138, 179—182, 184
Баласагун, город 819
Балин, город 827, 829
Балканская Греция 684, 701
Балканский полуостров (Балканы) 16, 19, 21, 23, 33, 35, 36, 38, 44, 93, 138, 203, 213—215, 217, 235, 241, 536, 538, 542, 549, 636, 701, 706, 728, 807, 817
Балкария 171
Балтийск, город 197
Балтийский регион 538, 539
Балтийское море (Балтика) 13, 16, 22, 23, 35, 205, 227, 241, 242, 244, 253, 260, 306, 316, 317, 398, 404, 405, 495, 496, 500, 558
Балтика (Балтия), регион 8, 131, 197, 199, 203, 204, 244, 246, 316, 496, 501, 515, 520, 538, 551, 552, 557, 885, 887, 888
Балтия, см. Балтика, регион
Балханские горы 816
Балхаш, озеро 816, 923, 925

Бальга, городище 890
Бальга, остров 204
Бакота, город 331
Бакота-1, селище 27
Балымерский Шолом, городище 74
Балынгузское городище 789
Банат 25
Банждар, город 925
Банцеровщина, городище 57, 58, 60, 62, 64—66, 68, 69, 122, 127, 129
Баня Родна, город 331
Барбарикум 199
Барда, см. Партав
Бари, город 582
Барлык, река 916
Барсуков Дел, город 331
Бартия 891
Баруч, город 330, 461
Барыкское городище 916
Басовка, городище 109
Бахчисарай, город 189
Башкатово, селище 46
Башкирия 151
Башкортостан 69, 151—153
Баян-Тал, городище 916
Бегу (Тутис), река 810
Бежецкий Верх 243
Бездрик, могильник 46
Бел Бряг, урочище 706
Белавежа (Белая Вежа), город 330
Белая, река 154, 166, 787, 841
Белая Вежа, см. Саркел
Белая Церковь, селище 37, 42
Белгород, город в Киевской земле 289, 329, 336, 385, 387, 391—393, 400, 405, 415, 435, 489—491, 493, 563, 588, 614, 731, 814
Белгород, город в Рязанской земле 331, 473, 474
Белгородка, село 102, 760
Белз, город 329, 431, 437—439, 524
Белка, река 678
Белогорские могильники 116, 118
Белогорский I, могильник 116
Белогорский II, могильник 116
Белогорский III, могильник 116
Белогорское I, городище 116
Белогорское II, городище 116
Белое, озеро (Белоозеро) 248, 327, 366
Белое море 497, 500
Белозерье 244, 249
Белокони, поселение 56, 102
Белолунино-1, селище 46
Белоозеро, город 218, 227, 229, 248—251, 299, 326, 327, 410, 411, 418, 427, 428, 477, 669
Белоозеро, местность 220, 229, 411, 568
Белоозеро, см. Белое озеро
Белоруссия 7, 19, 23, 25, 27, 28, 57, 133, 134, 208, 797
Белорусское Подвинье 62—64, 68, 122, 128
Белорусское Поднепровье 59, 83
Белорусское Полесье 14, 23, 25
Белчица, город 330
Белый Ключ, курганный могильник 820
Бельско-Уфимское междуречье 154
Беляевка, селище 37, 39
Бениць, поселение 108
Бенцин, поселение 34
Беотия 685
Берген, город 316, 520
Бердичевский район 86
Березец, поселение 32
Березина, река 45, 67, 241, 254
Березняки 3, поселение 102
Березовка, поселение 56, 102
Березый, город 331, 384
Берестейская волость, см. Турово-Берестейская земля
Берестье, город 329, 381, 432, 435, 437—439, 488, 531, 534, 547, 554, 555
Берладь, город 330
Берладь 444, 491
Берлин, город 26
Бернашовка, селище 20, 26, 32—34
Берое, поселение 38
Берсилия (Верилия) 137
Беседовка, поселение 102
Бешбалык, город 918
Бжид, некрополь 160
Бзыбь, река 155, 690
Билистан, крепость 177
Биляр (Великий город), город 423, 552, 787, 790—792, 794, 795, 797, 798, 800, 801, 804
Билярка, река 791
Билярское городище 789, 791, 796, 797
Битица, городище 102—106, 109
Битицкое городище, см. Битица
Битюг, река 828

Бишкинь, поселение 102
Биюк-Карасу, река 196
Благовещенская гора 109
Блажки, деревня 41, 43
Блестовит, город 331
Ближний Восток 5, 142, 174, 773, 775, 776, 778, 798, 884, 957
Близнаки, городище 45—48, 51, 52, 60
Бобрава 5, поселение 102
Богатое, селище 37
Богдашкино, село 792
Богит, городище 87, 95
Боголюбов, город 299, 330, 418, 427, 480, 546, 653, 654, 724, 753
Боголюбово, поселок 669, 724, 726
Богородичное, городище 813
Богородичное, селище 37, 39
Богуславль, город 330, 425
Бодаква, городище 109
Бодош-1, поселение 29
Божский, город 329
Болгар/Булгар, город 241, 242, 786, 787, 789, 790, 798
Болгария (Болгарское государство) 93, 235, 267, 270—275, 281, 283, 291, 292, 575, 593, 594, 605, 628, 635, 686, 694, 706, 728, 805—807, 874, 876, 877
Болгарское городище 790, 794
Болгарское государство, см. Болгария
Болгарское Подунавье 89
Болгарское царство 150, 631
Болдыж, город 330
Бологое, озеро 81
Болохов, город 330
Болоховская земля 331, 385
Болшево, город 330, 615
Большая Лаба, река 168
Больше-Тарханский могильник 151, 785, 792
Больше-Тиганский могильник 153, 785, 800
Большие Будки, городище 46
Большие Будки (Хутор), селище 37, 43, 46
Большое Бакальское городище 151
Большое Боршевское городище 116
Большое Горнальское городище 110, 111, 114
Большое Долженково, городище 108
Большой Балкан, урочище 109
Большой Черемшан, река 477
Бора-Тайга, городище 916
Борисов, город 330
Борисов-Глебов, город 330, 473
Борисовка, поселение 842, 843
Борки, поселение 108, 125
Борнхольм, остров 205
Боровой, город 330
Боршевский могильник 116, 118—120
Боспор (Киммерийский) (Пантикапей, Воспор, Корчев), город 13, 138, 147, 162, 163, 185—189, 194, 867, 878, 958
Боспор (Киммерийский), пролив 143, 148, 156, 161
Боспор, регион 154, 161, 186, 188, 190, 537, 872
Боспор, см. Боспорское царство
Боспор, фема 147, 869
Боспорское царство (Боспор) 6, 156, 159, 161, 905
Босфор, пролив 222, 264, 266, 267, 283, 877
Ботошана, поселение 29, 30, 34
Бохай (Чжэнь) 6—8, 927—933, 957
Бохмач, город 330
Браилки, поселение 56
Бржецлав, поселение 30
Британия 5
Брно, поселение 29
Броварки, городище 109
Бровково, поселение 102
Бродовский могильник 788
Броды, город 329
Брокист, пролив 206, 886, 888
Бронница, городище 135
Бронь, город 330, 461
Брын, город 331
Брюгге, город 316, 520
Брягин, город 329
Брянск, город 101, 330
Брянское Подесенье 113
Бряхимов, город 419, 667
Брячиславль (Браслав), город 329
Буг (Куву), река 217, 810, 813
Бугульминско-Белебеевская возвышенность 154
Будище, селище 37
Будищи, городище 36
Бужеск, см. Бужск
Бужск (Бужеск), город 329, 431, 436
Бужско-Днестровско-Дунайское Понизовье 550
Буице, погост / Буйцы, волость 320, 354, 573
Булгария, см. Великая Булгария

Булгария, см. Волжская Булгария
Булгарская земля, см. Волжская Булгария
Булгарское государство, см. Волжская Булгария
Булич, город 330
Бунякино, городище 108
Бураково, городище с селищем 60, 62
Буранчи, курганный могильник 820
Бургундия 525, 526
Бургундское королевство 5
Бусовен, город 331
Бухара, город 810, 864, 865, 955
Бухличский хутор, поселение 32
Бухлоон, крепость 173
Бучак, городище 36, 37, 102
Быковен, город 331
Бычевая, поселение 974
Бьзяница, город 330
Бэлэнь, поселение 32

Вабандар, город 178
Вавилония 917
Валахия 21
Варачан, город 138, 144, 178, 181, 182, 184
Варваровка, некрополь 837
Варин, город 329
Вармия 207, 890, 891
Варникам, см. Первомайское, городище
Варяжский остров (на Днепре) 458
Василев, город в Галицкой земле 331, 734, 736, 738
Василев, город в Киевской земле 329, 354, 385, 489, 814
Василев, город в Смоленской земле 330
Васильевка, городище 37
Васильки, городище 102, 109
Васильсурское городище 789
Васлуй, поселение 32
Васьки, поселение 56
Вежки, городище 43, 45, 46, 48, 60
Вежки, селище 46
Вейделант, см. Самбия
Велегож, городище 108
Велеславин, поселение 29
Великая, река 75, 77, 218, 247
Великая Алания 687
Великая (Большая) Андрусовка, селище 37, 42, 87, 97, 99, 102
Великая Булгария/Болгария (Булгария) 138, 150, 158, 160, 785
«Великая Венгрия», см. Magna Hungaria
Великая лесная пустошь 890—892
Великая Моравия (Великоморавское государство) 100, 226, 262, 270, 280, 631, 678, 807
Великая Польша (Великопольша, Великопольский удел) 432, 547, 728
Великая Рыбица, городище 109
Великая Слобода, поселение 34
Великие Луки, см. Луки
Великий город, см. Биляр
Великий Новгород, см. Новгород
Великий пояс евразийских степей 809, 817
Великое княжество Литовское (Литовское государство) 320, 348, 455
Великое княжество Московское 348
Великое Уйгурское государство 913
Великое Чжэнь 947
Великоморавское государство, см. Великая Моравия
Великопольский удел, см. Великая Польша
Великопольша, см. Великая Польша
Великороссия 7
Великохорватское государство 101
Венгерское королевство 800, 817
Венгрия 149, 317, 345, 431, 435, 438, 440, 443, 445—447, 449, 450, 524, 525, 528, 529, 534—548, 551, 554—557, 721, 753, 797, 800, 801, 807, 808, 810, 817, 889
Венеция, город 685, 740
Вербычна, поселение 32
Верештенгерьяш, поселение 34
Верещин, город 331
Вержавск, город 127, 330, 404
Верилия, см. Берсилия
Вернев (Чернев), город 330
Верхне-Ольшанский комплекс 776
Верхневолжские озера 79
Верхнедвинские земли (Верхнедвинский регион) 75, 85
Верхнеднепровские земли (Верхнеднепровский регион) 75, 85
Верхнее Побужье 272
Верхнее Повисленье 15
Верхнее Поволжье 77, 85, 234, 250, 260
Верхнее Подвинье 84
Верхнее Поднепровье 35, 57, 68, 122, 129, 134, 253, 334
Верхнее Поднестровье 14, 15, 18, 217, 274

Верхнее Подунавье 16
Верхнее Понеманье 207
Верхнее Поочье 45
Верхнее Посурье 793
Верхнее Прииртышье 923
Верхнее Прикамье 787, 788, 792
Верхнее Салтово, городище 776, 813
Верхнеокский регион 120
Верхнепогромное, село 977
Верхнечирюртовское городище (Верхний Чир-Юрт) 144, 181, 184
Верхний Джулат, городище 846, 847
Верхний Чир-Юрт, см. Верхнечирюртовское городище
Верхняя столица, см. Шанцзин
Верхняя столица, старая, см. Хуэйнин
Верхняя Чернетчина, поселение 102
Верховье Ак-Суга, городище 916
Веселовское, могильник 789
Веселое, поселение 102
Вестготское королевство 5
Ветлуга, река 789
Вечный эль, см. Тюркский каганат
Византийская империя (Византия, Восточная Римская империя, Ромейская империя, Ромейская держава, Рум) 8, 14—16, 22, 27, 35, 138, 140—144, 147, 148, 154, 156, 159—161, 163—165, 171—173, 180, 181, 184, 186, 187, 189—193, 195, 197, 206, 214, 215, 221—224, 229, 230, 232, 244, 260—262, 264, 265, 267—273, 275, 281, 285, 290, 291, 299, 314, 316—318, 328, 329, 335, 336, 340, 360, 361, 368, 374, 379, 389, 416, 418, 438, 443, 445, 453, 454, 467, 523, 526—528, 532, 533, 536—538, 541—547, 549, 550, 552, 561—563, 565, 569, 575—577, 582, 612, 625, 628, 631, 637, 639, 640, 658, 678—680, 682, 686, 687, 691, 694, 697—699, 704—707, 717, 728, 733, 740, 742, 743, 755, 763, 774, 775, 778, 779, 781, 797, 798, 806, 807, 810, 817, 827, 828, 837, 838, 841, 850, 851, 853, 866—869, 871, 872, 874—877, 880, 882, 883, 885, 904, 905, 908, 957—959
Византийское Подунавье 149
Византия, см. Византийская империя
Визна, город 543
Визненская волость 541
Вильгорт, село 767
Вильховчик, селище 37, 41, 43
Виница, город 706
Винницкая область 974
Висла (Вистула), река 14, 16, 35, 197, 199, 201, 203, 205, 438, 525, 540, 550, 885
Вислинский залив 197
Висло-Днестровская система 100
Вису 796
Витебск, город 9, 60, 127, 129, 135, 253, 329, 398, 407, 425, 451, 452, 454, 455, 574, 624, 728, 729
Витебская волость 456
Витичев (Уветичи, Святополч), город 231—233, 234, 329, 340, 391, 434, 442
Витланд, см. Самбия
Витославицы, село 355
Витьба, река 398
Вифлеем, город 590, 592
Вишневая Горка 109
Вишня, город 331
Владимир (Владимир-Волынский) (Лодомер), город 217, 236, 290, 329, 331, 332, 334, 338—340, 343, 375—377, 384, 404, 413, 415, 416, 425, 431—439, 441—443, 446, 447, 459, 463, 464, 483, 485, 533, 540, 547, 553, 554, 563, 574, 644, 706, 710—712, 738, 808
Владимир (Владимир-на-Клязьме), город 299, 309, 330, 342, 344—348, 354—356, 391, 398, 412, 417, 418, 420, 422—424, 426—428, 430, 467, 469, 472, 474, 475, 479—481, 517, 546, 572, 573, 578, 579, 585, 586, 588, 590, 610, 618, 625, 653, 654, 675, 720, 723, 724, 727, 733, 738, 741, 747, 753, 754, 756, 766, 768, 769, 959
Владимиро-Волынская земля, см. Волынская (Владимирская) земля
Владимиро-Волынское княжество, см. Волынская (Владимирская) земля
Владимиро-Суздальская земля, см. Суздальская земля
Владимиро-Суздальская Русь, см. Суздальская земля
Владимиро-Суздальское княжество, см. Суздальская земля
Владимирская волость, см. Владимиро-Волынское княжество
Владимирская земля, см. Суздальская земля
Владимирская область 240
Владимирское (Владимира-на-Клязьме) княжество, см. Суздальская земля
Влена, река 423

«Внешняя Хазария» 805, 806
Внутренняя горная гряда 189
Внутренняя Монголия 932, 948, 951
Внутренняя Монголия, округ Китайской Народной Республики 951
Вовки, поселение 102
Водяное, городище 109
Воеводская гора 477
Вознесенка, поселение 56
Воинь, город 329, 377, 458, 460, 464, 465
Волга (Атил, Итиль, Этил), река 6, 16, 69, 70, 75, 81, 84, 85, 129, 134, 137, 138, 140—143, 147, 149, 150, 153—155, 182, 211, 218, 219, 224, 227, 233, 238, 241—243, 248, 249, 253, 260, 262, 263, 298, 327, 366, 404, 409—411, 414, 416, 419, 420, 423, 426, 429, 477, 495, 500, 546, 557, 774—778, 780, 782, 784—786, 789, 790, 792, 796, 801, 802, 808, 810, 811, 813, 814, 816, 819, 820, 823, 828, 904, 955, 957
Волго, озеро 83
Волго-Донская переволока (Переволока) 264, 775, 778, 868
Волго-Донское междуречье 150
Волго-Камье 69, 151, 153, 154
Волго-Клязьминское междуречье 227, 250
Волго-Окское междуречье 218, 236, 243, 248, 250, 253, 327, 409, 410, 458
Волго-Уральский регион 785, 786, 800, 810
Волго-Уральское междуречье 821
Волговерховье 84
Волгоградская область 820
Волжская Булгария/Болгария (Булгария, Волжско-Камская Булгария, Булгарская земля, Булгарское государство) 6, 8, 112, 114, 137, 153, 155, 241—243, 252, 260, 263, 276, 315, 317, 323, 410, 412, 419, 420, 423, 426, 428—430, 473, 475, 477, 479, 480, 481, 544, 546, 552, 557, 774, 784, 785—804, 813, 814, 820, 828, 844, 852, 853, 921, 957, 959
Волжско-Камская Булгария, см. Волжская Булгария
Волин, город 501
Волковыск, город 254, 299
Вологда (Тошма), город 9, 309, 331, 495
Володава, город 331
Володарев, город 329
Волок Ламский (Волоколамск), город 330, 418, 422, 427, 428, 467, 495, 617
Волокитино, городище 109
Волошское, селище 37, 39, 42
Волхов, река 81, 212, 219, 239, 241, 243, 244, 246—248, 278, 279, 327, 476, 495, 498, 501, 510, 714
Волынская (Владимирская) земля (Владимиро-Волынская земля, Владимиро-Волынское княжество, Волынское княжество, Волынь, Владимирская волость) 7, 22, 97, 100, 217, 230, 329—331, 342, 343, 345, 346, 376, 431—444, 446—450, 462, 493, 532—534, 538, 540, 541, 543—545, 547, 556, 584, 705, 710, 712, 731, 732, 958, 959
Волынско-Подольская возвышенность 431
Волынское княжество, см. Волынская (Владимирская) земля
Волынцево, поселение 57, 102, 103, 104, 105, 108
Волынцево, село 101, 103, 104, 108
Волынь, город 329, 332
Волынь, см. Волынская (Владимирская) земля
Воргол (Воргольское городище) 102, 109, 116
Воробейна, город 330, 386
Воробейня, поселение 109
Воробьевка-2, селище/поселение 46, 109
Ворожба, городище 109
Воронеж, город 259
Воронеж, река 45, 118, 121, 259
Воронец, могильник 108
Воронино, могильник 46, 109
Вороново, городище и могильник 108
Воротинеск, см. Воротынск
Воротынск (Воротинеск), город 331, 382, 383
Воротынцево, городище и могильник 108
Ворскла, река 45, 55, 114, 813
Воскресенская гора в Смоленске 732
Воспор, см. Боспор
Восток, государства в регионе 118, 167, 179, 183, 201, 205, 244, 261, 262, 270, 313, 315—317, 639, 741, 788, 793, 796, 797, 799, 800, 802, 803, 820, 862, 864, 865, 883, 886, 903, 905, 919, 958
Восточная Азия 5
Восточная Алания 171
Восточная Бавария 241
Восточная Балтика (Восточная Балтия) 200, 501
Восточная Болгария 622
Восточная Волынь 29, 82, 556
Восточная Германия 19, 25
Восточная Европа 5—8, 10, 11, 13, 16, 18, 21, 33, 36, 49, 54, 65, 69, 75, 79, 82, 84, 86, 93, 114,

132, 136, 139, 140, 142, 143, 147—150, 173, 179, 181, 211—215, 219—229, 234, 239, 241—243, 260—262, 280, 295, 296, 302, 306, 309, 319, 322, 324, 326, 359, 404, 450, 482, 490, 536, 605, 771, 773—776, 778, 779, 782, 786, 791, 795, 796, 803, 805—807, 810, 812, 813, 816, 818, 821, 823, 825, 829, 830, 834, 845, 863, 866, 873, 884, 885, 922, 926, 956—959
Восточная Маньчжурия 928, 947
Восточная Монголия 932, 948
Восточная Римская империя, см. Византия
Восточная Померания 22
Восточная Прибалтика 16, 398, 594, 958
Восточная Пруссия 197
Восточная Сибирь 898, 899
Восточная столица, см. Кайюань
Восточная столица, см. Лоян
Восточная Фракия, провинция 148
Восточная Чечня 168
Восточная Эстония 558
Восточно-Европейская равнина (Русская равнина) 7, 13, 16, 17, 122, 135, 219, 238, 327, 332, 959
Восточно-Тюркский каганат 908
Восточнобаварское Подунавье 263
Восточное Закавказье 141, 145, 182
Восточное Закамье 788
Восточное Закубанье 835
Восточное Предкавказье 136, 142, 143, 146, 775, 957
Восточное Приазовье 158, 236, 237, 271, 335
Восточное Прикарпатье 22, 29, 88, 93, 213, 217, 235
Восточное Причерноморье 160, 162, 958
Восточное Ся (*кит.* Дун Ся) 947, 948, 955
Восточнофранкское королевство (государство) 222, 283
Восточные Мазуры 208
Восточные Саяны, горная система 920
Восточный Кавказ 176, 177, 181—184, 857, 860, 861, 865
Восточный Крым 138, 141, 190, 881
Восточный Прикаспий 773, 777, 782
Восточный Татарстан 151
Восточный Туркестан 900, 905, 908—910, 913, 914, 917, 918
Восточный Тянь-Шань 918
Вроцлав, город 723
Вручий, см. Овруч
Всеволож, город в Волынской земле 329
Всеволож, город в Черниговской земле 330, 385
Второе Болгарское царство 549
Второй Восточно-Тюркский каганат 809, 899, 908—911, 914, 923
Вуколов Бугор, городище 108
Вщиж, город 109, 330, 374, 381, 384, 386—388, 479
Выгоничи, поселение 102, 109
Выгоры-1, селище 46
Выгошев, город 330
Выжегша, городище 240
Вырь, город 330, 374, 380, 386
Вышгород, город 231—234, 329, 362, 376, 380, 381, 385, 387, 392, 403, 405, 415, 417, 419, 421, 465, 485, 486, 488, 489, 491, 493, 529, 567, 568, 586, 666, 695, 696, 700, 704, 709, 747
Вышедки, городище 60
Вьяхань, город 330
Вязовенька, городище 60, 66
Вязьма, город 404
Вятка, река 788, 789
Вятско-Ветлужское междуречье 787

Гавшинка, село 763
Гаган, город 925
Гаевщина, городище 109
Гази-Кумук, см. Гумик
Гази-Кумухское шамхальство 860
Газни, город 803
Гайворон, селище 37, 38
Гайдук 2, поселение 842
Галилея 648
Галиция 448, 450, 553, 808
Галицкая земля (Галицкое княжество, Галичина) 217, 307, 329—331, 339, 342, 343, 346, 400, 426, 431, 438, 440, 441, 443—445, 447—450, 491, 541, 543, 678, 682, 705, 720, 721, 958, 959
Галицко-Волынская держава, см. Галицко-Волынская земля
Галицко-Волынская земля (держава) 342, 348, 439, 549, 764
Галицкое княжество, см. Галицкая земля
Галич, город 299, 329, 343, 345, 347, 383—385, 392, 399, 400, 402, 406—408, 424, 436—441, 443—450, 468, 486, 492, 543—551, 553—557,

588, 590, 593, 594, 615, 720—723, 734, 738, 741, 753, 768, 959
Галич Мерский, город 331
Галичина, см. Галицкая земля
Галлия 170
Ганза 308, 316, 515
Ганьсу, провинция Китая 901, 918
Гапоново, селище 43, 44, 46, 48
Гардман, историческая область 176
Гатан-тлар (в пер. «Церковная речка»), река 859
Гатлукай, аул 158
Гданьск, город 893
Гейх (Геих), см. Урал, река
Геленджик, город 155, 156, 159, 161, 164, 839
Георгий, село 302
Гепейдос, остров 203
Германия 6, 21, 338, 377, 524—526, 529, 533, 534, 538, 542, 544, 724
Германская империя 273, 526, 545, 878
Гермонасса, см. Тмуторокань, город
Герцике (Ерсике), город 331, 452, 456
Гильгиль-чай, река 180
Гимейди, село 864
Главный Кавказский хребет (Кавказский хребет) 156, 169, 170, 537
Глебовское, поселение 842, 843
Глебль, город 330
Гледен, город 422
Глинск, городище 102, 109
Глинское, городище 109
Глухов, город 102, 331, 374, 387
Глуховский район 105
Глушково 1, поселение 102
Гнезно, город 532
Гнёздово, археологический комплекс (Гнёздовский археологический комплекс) 128, 212, 231, 233, 241, 254, 256, 303, 403, 631, 632
Гнёздово, город 129, 135, 234, 254
Гнёздово, деревня 334
Гнойница, город 330
Гоби, пустыня 910, 914, 919
Голеш, поселение 38
Голландия 885
Головинка, поселок 155
Гологорки, селище 96
Голотическ, город 329
Голубице, поселение 34
Голые Горы, город 329
Гольско, город 329
Голяжье, поселение 102
Гомель (Гомий), город 46, 109, 254, 330, 385, 388, 393
Гомий, см. Гомель
Гора Ивана Рыльского 108
Горбовское селище (Горбово) 109
Горган, город 773
Горзувит (Гурзуф), крепость 186
Горка, городище 109
Горки 2, городище 108, 109
Горкинское II, городище 789
Горналь, городище 109
Горнальское селище 109, 110, 111
Горный Алтай 900, 906
Горный Дагестан 177, 974
Горовые, курганный могильник 60
Городеск, город 331
Городец, город в Полоцкой земле 330
Городец (близ Радосыни), город 329
Городец (киевский), город 329, 381
Городец-на-Волге, см. Городец Радилов
Городец Остерский (Остёр), город 329, 413, 415, 416, 424, 460, 463, 468, 574, 705, 706
Городец Радилов (Городец-на-Волге), город 298, 330, 419, 427, 428, 546, 557
Городецк (Бежецк), город 330, 495
Городище, город в Пензенской области 793
Городище, см. Рюриково городище
Городище, городище 62, 108
Городище, городище в бассейне Мологи (Тверская область) 135
Городище, городище на реке Сясь 135
Городище, городище с селищем 60, 66
Городище (Ратский или Бесединский комплекс), городище с селищем 108
Городище на Саре, город 331, 426, 427
Городище на Ясельде 87, 99
Городна 2, поселение 108
Городок, город в Болоховской земле 331
Городок, город в Галицкой земле 331
Городок, городище 60
Городок, могильник 78
Городок, селище 27, 30
Городок, селище (на озере Луговое) 60
Городок, урочище 109
Городок 8, могильник 78
Городок на Ловати, городище 129

Городок на Маяте, городище 59, 60, 62, 81, 83, 130, 135
Городок на Маяте, селище 60, 81
Гороховец, город 331, 419, 427, 573
Горошин, город 329, 460
Горынь, река 488, 489
Гостагаевское, поселение 842
Гостоняничи, город 331
Готия (Крымская Готия) 141, 192, 193, 195, 869, 882, 883
Готланд (Готский берег), остров 131, 205, 316, 361, 367, 405, 407, 456, 520, 551, 558, 617, 886
Готский берег, см. Готланд
Гочево, городище 109
Гочево-3, селище 46, 102
Гра-Ултры, могильник 152
Грачевка (Сгаам), городище 885, 890
Греция 566, 616, 664, 706, 731
Григоровка, поселение 102
Гринино 1, могильник 80
Гродненская область 208
Гродно, город 705, 731, 732, 738, 921
Грузинское царство 841, 859
Грузия 140, 184, 829, 830, 851, 859, 860
Губин, город 331
Гуззия 810
Гумик, крепость 859
Гумик (Кумук, Гази-Кумук, Туман) 177, 180, 182, 185, 856, 859, 860, 864
Гуннская держава 31, 147, 201
Гургандж, город 814
Гурзуф, город 186
Гуричев, город 330
Гурьевск, город 205
Гурьякар, городище 788
Гусев, город 208
Гусев-1, селище 208
Гута Михайловская, селище 37
Гюргев, город 381

Давань 808
Давидень, селище 30—32, 34
Дагестан 140, 144, 146, 177, 181, 182, 773, 776, 779, 852, 855, 861, 862, 864
Дазимон, город 806
Далай-нор, озеро 951
Далмация 15
Дальний Восток 5—9, 895, 898, 899, 927, 933, 944, 945, 956, 957
Дамурия, город 925
Дания 227, 271, 316, 524, 539, 558, 594, 885, 887
Данчены, селище 37
Дарбанд (в пер. «Узел ворот»), город 179
Дарваг, река 856
Дарваг, село 182
Дарданеллы, пролив 877
Дарьял, см. Дарьяльское ущелье
Дарьяльский проход, см. Дарьяльское ущелье
Дарьяльское ущелье (*араб.* Баб ал-Алан — «Ворота алан», *перс.* Дари-алан, Аланские Ворота, Каспийские ворота, Дарьял, Дарьяльский проход) 141, 144, 169, 170, 172, 173, 176, 873/874
Датуна, село 859
Дахадаевский район 177
Дахлан, город 925
Дахра, город 925
Двалетия 172
Дверен, город 330
Двинско-Ловатское междуречье 79
Девягорск, город 330
Дедиловичи, городище с селищем 60, 61—63, 65, 67
Дедославль, город 330
Дедяков, город 846
Делюн-Болдок, урочище 949
Демидовка, городище 45—48, 51, 52, 58, 60, 61, 65, 66
Демьянки, могильник 46
Демьянов, поселение 34
Дентумогер (Дентюмодьер) 805
Дербент (*араб.* Баб ал-абваб, ал-Баб, Железные врата, Чор), город 138, 140, 141, 177—182, 184, 185, 773, 777, 780, 784, 856—865
Дербентский проход (Каспийские ворота) 176, 177, 179, 180
Дербентский эмират 856—858, 860
Деревич, город 331
Деркачевка, поселение 102
Дерновый, город 329
Десна, река 14, 113, 114, 211, 215, 217, 232, 255—257, 259, 373, 374, 381, 384, 386, 404, 460, 574, 815
Дессау, поселение 20
Детинка, холм 975

Дешт-и-Кыпчак («Кыпчакская степь») 819, 821, 822
Дешт-и-Огуз («Огузская степь») 813
Джангала, курганный могильник 820
Джибал, провинция 261, 280
Джикети 832
Джилан 863
Джукетау, город 792
Джунгария 908, 910, 912
Джунгарский Алатау, горная цепь 923, 925
Джурджан 261, 797, 863
Джурджан, море 261, 810, 812
Джурджания, см. Ургенч
Дзедзице, селище 20
Дзивгис, село 855
Дзурдзукети 177
Диброва, село 46
Дидо 177
Диногеция, поселение 38
Динъань 932
Дихистан 817
Дичь, село 108
Дмитров, город в Переяславской земле 330, 394, 427, 467
Дмитров, город в Суздальской земле 320, 330, 417, 418, 763
Днепр (Варух), река 14—16, 18, 35, 36, 45, 53, 55, 58, 64, 68, 77, 88, 135, 148, 155, 167, 211, 212, 215—218, 220, 225, 227, 228, 230—233, 238, 241, 242, 253, 255, 256, 269, 275, 327, 328, 337, 338, 373, 374, 380, 381, 383, 386—388, 390—396, 399, 403, 404, 415, 416, 457, 458, 460, 461, 464, 465, 467, 482, 488, 489, 495, 532, 664, 805—807, 810, 811, 813, 817, 824—827, 830, 878, 880
Днепро-Днестровское междуречье 826
Днепровская система 100
Днепровские пороги 55, 89, 389, 458
Днепровское Левобережье 18, 35, 39/41, 41, 45, 53, 55, 101, 106, 107, 121, 256, 257, 296, 394, 458
Днепровское Надпорожье 53
Днепровское Правобережье 57, 103, 121, 254, 402, 460, 467, 818
Днестр (Трулл), река 13, 16, 18, 88, 89, 167, 185, 232, 254, 307, 431, 440, 441, 734, 736, 738, 807, 808, 810, 813, 827
Доброе, могильник 108
Добруджа 272
Добрый Дуб, город 330
Добрый Сот, город 331, 473
Добрыновцы, поселение 87
Довжик, поселение 102
Додешть, поселение 32
Доланки, поселение 32
Долгий Колодезь 1, 2, 4, 5, городище 109
Долобск 493
Домагощ, город 330
Домантово, селище 37
Домуха, река 482
Дон, река 6, 16, 53, 112, 115, 117, 118, 120, 121, 140, 142, 145, 148, 155, 167, 196, 224, 238, 241, 242, 253, 257, 259, 262, 264, 373, 467, 537, 775, 776, 778, 782, 805, 813, 814, 816, 824, 827—830, 868, 921, 957
Донец, город 330, 467
Донецкое, городище 37, 109, 110
Дорестад, город 226, 885
Дори, область расселения готов 187
Дорогичин, см. Дрогичин
Дорогобуж, город в Волынской земле 304, 329, 360, 392, 432—434, 437, 485, 488, 489, 712, 731
Дорогобуж, город в Смоленской земле 331, 404
Дороговск, город 331
Дорос, город 141, 186, 189, 191, 192, 869
Доростол (Дерестр), город 272, 538
Дорохи, селище и могильник 60
Дорошевский, хутор 107
Драва, река 22
Древлянская земля 214, 235
Древнерусское государство, см. Русь
Древнехакасское (Кыргызское) государство (Древнехакасская держава) 8, 154, 899, 908, 910, 911, 917—920, 923, 925, 956
Древнечешское государство 272
Древний Восток 618
Древняя Русь, см. Русь
Дрезден, город 30
Дрогичин (Дорогичин), город 317, 329, 381, 432, 541
Дроково, селище 60
Дросенское, село 355
Друть, река 381
Друцк (Дрютеск), город 60, 67, 254, 329, 392, 393, 452—455, 472, 473
Дубен, город 329

Дубики, городище 116
Дубна, город 330, 418, 427
Дубовец, городище 109
Дубовики, городище 135
Дубровица, город 330, 487
Дубровичи, поселение 108
Дуброво, селище 60
Дуклянский перевал 553
Дулчанка-4, поселение 29
Дунай, река 13—16, 21, 147, 149, 150, 153, 167, 201, 205, 211, 217, 224, 262, 264, 444, 502, 527, 528, 545, 546, 785, 800, 806, 810, 813, 815, 817, 866, 904, 905, 958
Дунайская Болгария 191, 874, 876
Дунайские (Фракийские) провинции 148
Дундань (Восточная Кидань) 932
Дусбург, город 887, 888, 890, 891
Дюрсо, могильник 156, 157, 163
Дядьков, город 331

Евразийский материк 900
Евразия 5, 154, 168, 175, 185, 776, 825, 899, 900, 903, 956
Европа 5, 6, 14, 56, 142, 165, 225, 241, 254, 270, 310, 317, 318, 325, 359, 367, 368, 495, 526, 576, 624, 625, 639, 800, 815, 820, 844, 848, 887, 888, 893, 900, 917, 957—959
Европейская Печенегия 811, 813
Европейская Россия, см. Европейская часть России
Европейская часть России (Европейская Россия) 7, 75
Европейский континент, см. Европа
Египет 195
Екимауцы, археологический комплекс 87, 89, 94, 96
Елань 933, 935, 936, 946, 947
Еловцина, селище 46
Ельня (Елна), город 331, 404
Еменец, город 330
Енисей, река 900, 901, 917—919, 922, 923, 925, 954, 956
Ерилово, селище 60
Ермолино 1, могильник 108
Ермошино, селище 60, 63, 66
Еруслан, река 820

Жабино, городище с селищем 60, 65
Жабино, могильник 78
Жалаги, город 177
Жданово, поселение 108
Железные врата, см. Дербент
Желни, город 330, 461
Желтое море 905
Желянь, река 387, 419
Жеребятино, могильник 78
Животинное, городище 116
Животинный, могильник 116
Жидеевка, городище 108
Жидичин, город 331
Жижец (Жижич), город 330, 404
Житомирская область 86
Житомирщина 25
Жовнино, селище 37, 42
Жовтенево, поселение 102
Жуан-жуанский каганат (Жужаньский каганат) 147, 148, 904
Жужаньский каганат, см. Жуан-жуанский каганат
Жуковице, поселение 20
Жуковице-1, поселение 26
Жуково, поселение 108
Журавка, поселение 102
Журавное, городище 109

Заале, река 22, 213
Забайкалье 932, 948, 949, 951
Заборье, селище 60
Забужье 555
Завадовка, селище 37
Завихост, город 438, 550
Заволжская Печенегия 812—814
Заволжско-Приуральский регион 820
Заволжье 141, 812, 813, 819—822, 866
Заволочье 249, 369, 376, 506, 513, 572
Заговалино, городище 60
Задесенье 374
Задонецкое, селище 37
Закавказье 137, 140—142, 145, 172, 173, 528, 798, 844, 852, 853, 921
Закубанье 156, 158, 159, 161, 162, 164—166, 832—835, 838, 839, 841, 842, 844
Залиновье, поселение 102
Замковая гора 255
Замощанская дюна, селище 46
Занки, селище 37, 102

Заозерье, селище 60, 125, 126
Заонежье 497
Западная, курганный могильник 108
Западная Алания 168, 171
Западная Волынь 25, 547, 553, 554
Западная Грузия 850
Западная Двина, река 16, 18, 75, 77, 84, 211, 218, 238, 241, 242, 253, 327, 398, 404, 407, 452, 456, 495, 552, 558
Западная Евразия 138
Западная Европа 5, 167, 198, 309, 318, 319, 349, 359, 451, 526, 616, 678—680, 719, 727, 732, 793, 800, 883, 885, 893, 958, 959
Западная империя 271, 546
Западная Монголия 910
Западная Римская империя 14, 15
Западная Русь 675, 727, 728
Западная Сибирь 152—154, 897
Западная Словакия 22, 29
Западная столица, город 938, 953
Западная Украина 101
Западная Франция 685, 727
Западно-Болгарское царство 561
Западно-Казахстанская область 820
Западно-Тюркский каганат 137, 138, 150, 152, 785, 809, 899, 903, 907/908—909, 923, 957
Западное Закамье 790
Западное Закубанье 162, 835, 842
Западное море 148, 904
Западное Подвинье 45
Западное Предкавказье 850
Западное Приладожье 497
Западный Буг, река 14, 18, 23, 88, 89, 211—213, 216, 217, 254, 273, 274, 329, 337, 381, 431, 432, 488, 505, 524
Западный Кавказ 147, 774, 838
Западный Казахстан 819, 823
Западный Крым 880
Западный океан 22
Западный Прикаспий 777
Западный Саян (Кёгмен), горная система 905, 915
Запорожец, городище 37
Запорожская Сечь 887
Запселье, поселение 102
Зареческ, город в Волынской земле 329
Зареческ, город в Киевской земле 329
Заречное 1, 2, городище 109
Зарой, город 330
Зароново, городище с селищем 60
Зартый, город 331
Заруб, город в Киевской земле 329
Заруб, город в Смоленской земле 330
Зарубский брод (через Днепр) 458
Засулье, селище 37
Затинок, урочище 96
Зауралье 151—154, 819, 822
Захур (Цахур), город 861, 864
Заярье, селище 46, 47
Збруч, река 921
Збыраж, город 331
Звенигород, город в Киевской земле 330
Звенигород (Галицкий), город в Теребовльском княжестве 9, 329, 431, 433, 440—444, 447, 533, 554, 624, 678, 720
Звиждень, город 329
Зеленоградск, город 886
Зеленоградский район 206
Зеленый Гай, городище 109
Земляное городище 245
Зенджан, город 797
Зилгинское городище 167
Зимнее, село 24
Зимно, городище 20, 24, 28—34
Зимно-4, поселение 26
Зирихгеран 177, 178, 182, 184, 856, 862, 864
Зихия 160—165, 533, 832, 833, 836—838, 841, 842
Змеёвка, городище 45, 46, 60
Змеиный Дол, курганный могильник 820
Змейский могильник 848, 849
Зметнев, городище 109
Золотая империя, см. Цзинь
Золотая Орда (Улус Джучи) 789, 804, 819, 853, 857, 884, 956
Золотой Рог (Суд), бухта 270, 283, 592
Золотомино, селище 46
Зубовка, селище 37
Зубцов, город 331, 426, 427
Зуков (*нем.* Sukow), см. Суков

Иберия, см. Картли
Иван, город 330
Иванино 2, поселение 102
Ивановка, поселение 102
Иверия 851

Игрень, селище 37
Иднакар, городище 788
Иерусалим, город 590—593, 610, 647, 648
Иерусалимский овраг 789
Изборск, город 129, 218, 220, 229, 244, 247, 248, 250, 299, 326, 327, 495
Измерское поселение 798
Измерское I поселение 796
Изяслав, см. Изяславль, город в Полоцкой земле
Изяславль, город в Волынской земле 331
Изяславль (Изяслав), город в Полоцкой земле 254, 329, 484
Изяславль, город в Смоленской земле 331, 404
Ийме, городище 916
Икско-Бельское междуречье 788
Илевна, река 252, 476
Или, река 907
Иллирия, провинция Византии 148
Илурат, город 190
Ильичевское городище 842
Ильменское Поозерье 246, 250, 302
Ильмень, озеро 135, 211, 212, 219, 241, 243, 244, 306, 318, 495, 502
Ильмень-Волховский регион 134, 135
Имакия, город 925
Именьковское I городище 71, 73, 74
Ингельхайм, город 264
Ингул, река 807
Индия 142, 178, 195, 844, 862, 905, 957
Инкерман, город 186
Ионическое море 871
Иордан, река 593, 616, 674
Ипотешть, поселение 20—22
Иран 171—174, 176—181, 778, 803, 844, 852, 853, 862, 905, 908, 957
Иртыш, река 152, 796, 866, 919, 922, 923, 925, 926, 958
Ирхан (в пер. «страна иров») 168
Исады, город 331, 473
Исеть, река 151
Искоростень, город 86, 87, 100, 212, 216, 255, 329
Испания 15, 146, 867
Иссык-Куль, озеро 923, 925
Исфахан, город 797, 865
Италия 6, 15, 22, 33, 199, 201, 203, 225, 271, 724
Итиль, см. Волга
Итиль, город 141, 145, 241, 271, 776, 777, 780—784, 859
Ишим, река 152
Ишкин, городище 916

Йагсун-йасу, область 925
Йенча, см. Сырдарья
Йура 796

Кавказ, гора, см. Эльбрус
Кавказ, регион 136, 138, 140, 150, 154, 160, 166, 167, 169, 170, 175, 177—179, 181, 182, 185, 309, 318, 689, 694, 778, 796, 833, 835, 836, 845, 850, 856, 859, 861, 865
Кавказская Албания (*перс.* Аран, Албания, Арран) 140, 143, 175, 176, 179—181, 183, 184, 528, 777, 863
Кавказские горы 832, 874
Кавказский хребет, см. Главный Кавказский хребет
Казазово, аул 166
Казазово II, могильник 835
Казанка, река 787, 788
Казань, город 793
Казахстан 7, 819, 821—823, 917, 923, 926
Казачья бухта 188
Казачья Локня, селище 46
Казбек, гора 168
Казиново, городище с селищем 60, 62
Каинсай, курганный могильник 820
Кайбельский могильник 785
Кайтагский район 177
Кайтагское уцмийство 858
Кайфын (Южная столица), город 938, 940, 944, 945
Кайюань, темничество 948
Кайюань (Восточная столица), город 947, 948
Кала-Корейш, город 858, 862—864
Каламита (Инкерман), крепость 186
Калининградская область 8, 197, 206, 887, 891
Калининградский полуостров, см. Самбия
Калиновка, селище 46
Калиус, город 331, 440
Калка, река 345, 401, 406, 407, 493, 559, 803, 831, 852
Калмыцкая степь 140
Кальник, селище 37
Кама, река 18, 69, 70, 153, 419, 428, 477, 667, 785, 786, 789, 790, 792, 796, 798, 819, 923
Каменево-2, селище 46

Каменец, город в Киевской земле 330
Каменец (на реке Случь), город в Волынской земле 330, 438
Каменец Каширский, город 331
Каменец (Подольский), город 331
Каменка, река 252
Каменное, городище 109
Каменск-Шахтинское, городище 813
Камень-6, поселение 30
Камчатка, полуостров 898
Кангюй 808, 809
Канев, город 87, 88, 102, 329, 415, 425, 563, 574, 710, 751
Каневщина 94
Канцерка, поселение 37—40, 56
Капыстичи, городище 108
Кара-Кюр, город 862
Каранаево, курганный могильник 819
Карантия, город 925
Карах, см. Уркарах
Караханидская держава 910
Карачаево-Черкесия 689, 842
Карачай 171, 846
Карачев, город 382, 383, 393, 615, 738
Кара-Якупово, село 152
Караяшник, поселение 43
Карелия 134, 430
Карпато-Днестровский регион 25
Карпатская котловина 808
Карпатский бассейн 22
Карпаты (Карпатские горы, Угорские горы) 31, 88, 89, 241, 440, 445, 553, 719, 808
Карс, город 839
Картамышево, городище с селищем 109
Картамышево-1, могильник 46
Картамышево-2, могильник 46, 52
Картамышево-3, могильник 46
Картли (Иберия) 138, 144, 183
Каса 159, 161, 162, 833, 835
Касахия 832, 833, 835, 838
Каспийские ворота, см. Дарьяльское ущелье
Каспийские ворота, см. Дербенский проход
Каспийское море (Каспий, Хазарское море) 141, 167, 173, 227, 261, 262, 306, 773, 777, 778, 780, 786, 808, 833, 844, 850, 858, 905
Каталаунские поля 201
Каунас, город 888
Кауп, урочище 886
Кауп (Kaup), город 885—887
Кафа, город 883
Кафтино, озеро 78
Кахетия (Восточная Грузия) 858
Кача, река 196
Качи-Кальон, крепость 196
Кашан, город 793
Кашан I, городище 789
Кашгар, река 919
Каяла, река 395, 396
Кветунь, городище с селищем и могильник 109
Кветунь, могильник 46
Кепы, город 156
Керулен, река 948
Керченский полуостров 156, 192, 869, 870
Керченский пролив 159, 160, 186, 191, 334, 775, 778, 875, 882, 883
Керчь, город 145, 262, 867
Кешдим 919
Кёнигсберг, город 890
Кёрёш (Крис), река 810
Кидекша, село 299, 720, 721, 756
Киев, город 86—88, 90, 100—102, 113, 211, 212, 214—219, 221—223, 225, 228—236, 241, 242, 255, 256, 259, 261, 263, 267, 270, 271, 275, 276, 278, 281—287, 289, 290, 292, 295, 299, 304, 307—309, 311, 312, 319, 323, 326, 328, 334—342, 344—348, 351, 354, 362, 366, 368, 373, 375—387, 389—394, 396—403, 405—410, 412—417, 419—421, 423, 424, 426, 430—438, 440—442, 444, 450, 451, 453, 457—459, 462—466, 468, 472, 473, 476, 477, 479, 483—486, 488—494, 499, 503—506, 508, 511, 512, 519, 521, 523—530, 532—534, 536, 537, 539, 541—543, 545—550, 553, 556, 559—567, 570, 571, 574, 576, 577, 579—586, 588—590, 594, 597, 605, 610, 611, 620, 625, 627—630, 635, 640—646, 651—653, 655, 658, 663, 664, 678, 682, 686, 687, 689—692, 694—705, 707—716, 723, 724, 727—729, 732, 738—740, 742, 744—746, 748, 751, 752, 760, 766—770, 797, 808, 814, 818, 827, 831, 835, 836, 841, 873, 874, 876, 877, 879, 921, 958, 959
Киевская волость, см. Киевская земля
Киевская держава, см. Русь
Киевская земля (Киевское княжество, Киевская волость, Киевщина) 8, 216, 329—331, 342, 344, 346, 373, 375, 376, 380, 383, 390, 391, 393,

400, 405, 408, 413, 415, 417, 419, 420, 421, 423, 426, 430, 432, 459, 463—465, 483, 485, 486, 488—493, 495, 509, 548, 573, 588, 658, 700, 704, 731, 958
Киевская Русь, см. Русь
Киевские горы 643
Киевское княжество, см. Киевская земля
Киевское Поднепровье 22, 241, 259
Киевское Поросье 827/828
Киевщина, местность вокруг Киева 25
Киевщина, см. Киевская земля
Кизлевый, остров 37
Килар 951
Кимакский каганат 8, 818, 819, 823, 897, 899, 923, 925, 926
Кимбрия 198, 205
Кипр, остров 616, 740
Кирилловская гора 255
Киселево 2, поселение 102
Кисели, городище 45—47, 51, 60
Кисловодск, город 846
Кислые, селище 60
Китаево, поселение 102
Китай 142, 173, 195, 862, 897, 901, 905—915, 917—919, 921, 928, 930—932, 942, 956, 957
Китайская империя 14
Китайская Народная Республика (КНР) 941, 951
Китей, город 190
Клементовичи, поселение 30
Клеческ, город 329, 373, 381
Клещин, город 330, 427
Клещино озеро, см. Плещеево озеро
Клишино, городище с селищем 60
Климаты, фема 187, 779, 869
Кловка, речка 732
Клязьма, река 251, 253, 296, 331, 391, 412, 417, 419, 423, 424, 426, 427, 430, 467—469, 472, 474, 475, 479, 481, 675
Кляйнхайде, могильник 205
Кнышевка, городище 109
Княжий, могильник 46
Княжий-5, селище 46
Кобелево 3, могильник 108
Кобуд, город 331
Ковали, селище 60
Когильник, река 813
Кодын, поселение 20, 32, 87, 93
Кодын-1, поселение 29
Кодьня, город 331
Козача Гора, урочище 109
Козельск, город 108, 330, 429
Козельское княжество (Козельский удел) 402
Козиевка, поселение 41, 43, 44
Козлодуй, поселение 38
Кокнесе, см. Кукейнос
Кокрятьский могильник 786
Коктебель, поселок 189
Кокшаровка, река 931
Кокшаровское городище 931
Колодарское, озеро 355
Колодезный Бугор, селище 46, 47
Колодяжен, город 331
Колокша, река 251, 427
Коломак, урочище 109
Коломна, город 473, 475, 516
Коломыя, город 307, 331, 441
Колос, могильник 46
Колосково, поселение 41, 43, 44
Колосовка 1, некрополь 839
Колосы, могильник 46
Колочин, городище 17, 57, 58
Колочин-1, городище и поселение 45—47, 109
Колочин-2, селище 46
Колтеск, город 330
Колывань, город 429
Комаровка, городище с селищем и могильник 108
Коминтерновское поселение 74
Комов (Коморов), город 331
Кондуй, село 952
Кондурча, река 812
Константинополь (Царьград), город 14, 143, 144, 159, 161, 162, 186, 190, 191, 195, 196, 221, 222, 228—231, 264—268, 270—274, 279, 281—284, 288, 292, 316, 328, 403, 457, 512, 526—528, 532, 533, 542, 546, 549, 550, 552, 561, 562, 569, 570, 581, 583, 584, 586, 587, 590—593, 616, 628, 658, 664, 668, 673—675, 685, 687, 690, 692, 694, 697—701, 707, 708, 739, 743, 746, 748, 749, 761, 762, 767, 779, 837, 844, 867, 870, 872, 874—876, 880, 882, 883, 905, 908, 958
Констанц, город 535
Копонов, город 330, 473
Копорье, город 331, 495
Коптева Гора, урочище 108

Копысь (Копыса), город 329, 404, 452
Коралленберге (Korallenberge), поселение 885
Корачев, город 330
Кордова, город 146
Корейский полуостров 927, 947
Корельский городок 498
Кореческ, город 329, 383, 384
Корея (Корё) 862, 928, 933, 938, 941, 946
Корё, см. Корея
Корнеевка, селище 37
Коробкино, городище 108
Коробовы (Короповы) Хутора, городище 109
Корсунская страна, см. Херсонская страна
Корсунь, город в Киевской земле 330, 424
Корсунь, см. Херсон, город
Корфу, остров 871
Корчак, село 15, 20, 24, 58, 88
Корчак-1, поселение 26, 29, 30
Корчак-7, поселение 24
Корчев, см. Боспор
Кострица, городище 60
Кострома, город 331, 426—428
Котельница (Котельниче), город 329
Которосль, река 409, 410
Кочерги, поселение 102
Кочо, город 908, 918
Кочубеевка, селище 37, 42
Краков, город 20, 32, 34, 262, 263, 274, 541, 547, 549, 550, 554—556
Краковская земля 274
Краскино, поселок 930
Краскинское городище 929—931
Красн, город в Киевской земле 329
Красн, город в Смоленской земле 330
Краснодарский край 160
Краснодарское водохранилище 835, 840
Красное море 625
Красное Утро, городище 109
Красное-4, селище 46
Краснояровская сопка 947
Красный Колядин, городище 109
Красный Курган, городище 108
Красный Поселок, городище 108
Кременец, город 331
Крестовый перевал 170
Крешатик, селище 37, 42
Кривец-4, поселение 43
Кривское 3, поселение 108
Крит, остров 271
Кричев (Кречют), город 60, 330, 404
Кром, город 330
Кромы, поселение 108
Крупль, город 331
Крутик, поселение 249
Кручеа-луй-Ференц, поселение 34
Крым, см. Крымский полуостров
Крымская Готия, см. Готия
Крымские горы 185, 186
Крымский полуостров (Крым) 6—8, 35, 53, 136, 141, 142, 146, 148, 160, 167, 185—191, 193—196, 241, 263, 272, 286, 317, 533, 686, 771, 773, 779, 782, 796, 807, 826, 837, 844, 851, 866—872, 874, 876, 877, 879—884, 905, 957, 958
Ксанское ущелье 852
Ксизовское, городище 116
Кснятин, город в Переяславской земле 330
Кснятин, город в Суздальской земле 330, 418, 427
Кубано-Черноморский регион 158
Кубань, река 158—160, 162, 168, 170, 690, 813, 824, 827, 832, 834, 842, 844
Кубачи, город 177, 184, 862
Кубена, река 428
Кубенское озеро 249, 302, 306
Кудановка, поселение 102
Кудеярова Гора, городище 108
Кудин, город 331
Кудиново, могильник 108
Кужорский, некрополь 839
Куземин, городище 109
Кузнецкий Алатау, горный хребет 901
Кузнецовский могильник 116, 118
Кузнецовское городище 116
Кукейнос (Кокнесе), город 331, 332, 452, 456
Кулинский район 177
Кульдерев, город 330
Кума, река 137, 850
Кумух, село 177
Куниль, город 330
Куня, селище 37
Кура, река 169, 528, 838
Курадово, поселение 99
Курах, село 864
Курбиново, село 758
Курган, город 74
Курган, городище 108

Курганская область 152
Куриловка, городище 109
Куриловка, селище 43, 44, 48
Куриловка-2, селище 46
Курлын, селище 60, 63
Курово 6, поселение 109
Курочкин-3, селище 46
Курпе-Бай, курганный могильник 820
Курск, город 101, 104, 115, 259, 329, 354, 374, 380, 387, 388, 394, 401, 412, 414, 458, 460, 461, 463, 464, 477, 651
Курское княжество 381
Куршская коса 886
Куршский залив 886, 888
Кустак-и Капкох («Кавказская сторона») 176
Куча, оазис 918
Кучарь, город 330
Кучелмин, город 330
Кушнаренково, село 151
Кшелы, поселение 32
Кыз-Кермен, городище 196
Кындешть, село 20, 21
Кыпчакское ханство 821
Кыргызский каганат 8, 918
Кыргызское государство, см. Древнехакасское (Кыргызское) государство
Кыргызстан 909
Кырк-Ер, см. Чуфут-Кале
Кыркырхан, область 925
Кырхляр, кладбище 864
Кят, город 813
Кяфар, река 848

Лаба, река 159
Лава, река 889, 890
Лаврики, поселение 56, 102
Ладога (Старая Ладога), город 126, 129—131, 133, 220, 229, 234, 239, 241—248, 251, 252, 256, 299, 309, 326, 327, 495, 498, 501, 502, 508, 551, 616, 629, 678, 705, 717, 718, 738, 757, 758, 769
Ладожка, река 718
Ладожское озеро 219, 220, 241, 327, 430, 495, 497
Лазаревское, поселок 155
Лазика 160, 161, 173
Лазури, поселение 20, 29, 30
Лайзан 177, 182
Лакз 176, 177, 180—182, 184, 185, 856, 860, 861, 863, 864
Лакский район 177
Лангобардское королевство 5
Лань, река 381
Латвия 629
Латгалия 552
Латинская империя (1204—1261) 549, 552, 593, 883, 958
Латышевка, поселение 102
Лахтеево, городище 60
Лаче озеро 669
Лебедевка VII, могильник 820
Лебедка, городище и могильник 108
Лебяжье, могильник 111
Лебяжье-1, могильник 46, 52
Лебяжье 3, могильник 101, 102, 104, 105
Левант 194
Леведия (Лебедия) 807, 813
Левенка, городище 109
Левенка-3, селище 46
Левунион, гора 818
Лена, река 897
Ленинахабль, аул 166
Ленинахабль, некрополь 839
Ленинград, город 923
Ленинское, поселение 102
Ленчица, город 728
Лески, городище 109
Лехура, река 169
Лещиновка, городище 108
Лёвкин Бугор, селище 46
Ливония (Ливонская земля) 430, 521, 594, 890
Ливонская земля, см. Ливония
Ликия 706
Липинское городище (Липино) 108, 109, 110
Липица, река 406, 614
Липицкое поле 428
Липовка (Grünwalde), поселок 887, 890
Листвен, город 329, 338, 374
Литва 435, 451, 520, 555, 558, 748, 888
Литвиновичи-3, селище 46, 102
Литовское государство, см. Великое княжество Литовское
Лихачевка, поселение 56
Лобынск, город 330
Ловать, река 75, 79, 129, 241, 243, 260, 355
Логвино-II (Medenau), городище 885
Логожеск, город 329
Ломбардия 202, 724

Лондон, город 316, 520, 740
Лопазна 1, 2, городище 109
Лопастна, город 331
Лоян (Восточная столица), город 931, 944
Лтава, см. Полтава
Лубно, город 330, 412, 461
Лубны, городище 109
Луг, поселение 87
Луг-I, селище 37, 42, 91, 102
Луг-II, селище 37, 102
Луга, река 75, 77, 243
Луговое, городище 108
Лужесно, городище с селищем 60
Лука, урочище 86
Лука-Каветчинская, поселение 20, 30, 32
Лука-Райковецкая, поселение 974
Луки (Великие Луки), город 129, 330, 456, 495
Лукомль, город в Переяславской земле 330, 467
Лукомль, город в Полоцкой земле 60, 129, 254, 329
Лукомье, городище 109
Лунъюаньфу, область 929
Лутава, город 331, 383, 384, 390
Лухтовка, городище 108
Луцк (Луческ), город 329, 343, 390, 392, 399, 415, 432, 436, 437, 439, 465, 491, 614, 712, 731, 747
Луческ, см. Луцк
Лучин, город 330, 404
Лысая гора 975
Лысая Гора, городище 108
Лысогорский могильник 116, 118
Лысуха, деревня 37
Львовская область 31
Любавия 891
Любачев, город 331
Любек, город 308, 547, 551
Любеч, город 231, 233, 234, 326, 328, 337, 339, 374, 379, 391, 403, 433, 488, 505, 536, 768
Любша, река 244
Любшанское городище 244, 245
Люшинка, городище 108
Ляо («Железная»), империя 932, 933, 935—938, 942, 946, 957
Ляодун, город 947
Ляонин, провинция 935
Ляохэ, река 932, 937
Лятохи, могильник 60
Ляховичи, погост/волостка 355, 573
Мавераннахр 817
Магас, город 846, 852
Магдебург, город 272
Маджар/Баджард 788
Мазовия 451, 525, 549, 889, 891, 893
Мазурские озера (Мазуры) 206, 891
Мазурский озерный край, см. Мазурское Поозерье
Мазурское Поозерье (Мазурский озерный край) 200, 205, 206, 208
Мазуры, см. Мазурские озера
Майорка, селище 37
Майсенская марка 529
Макаров Остров, поселение 87, 102
Македония 686, 744, 806, 817
Макишин, село 46
Маклашеевское II, городище 71, 74
Максимовка, поселение 56
Макуховка, поселение 56
Макча, селище 46, 102
Малая Азия 86, 265, 636, 686, 689, 690, 693, 694, 706, 817, 880, 883, 884
Малая Польша 241, 432, 438
Малая Рачевка, река 732
Малая Скифия, провинция 148
Малиновка (Wargenau), селище 885
Малое Боршевское, городище 116, 117
Малое Перещепино, село56
Малотин, город 330, 464, 465
Малые Будки, поселение 102, 105
Малый Балкан, урочище 109
Малый Кауп, могильник 887
Малый Преслав (Переяславец), город 272
Малый Ржавец, село 41, 43, 44
Малый Черемшан, река 787, 790, 801
Мамисонский перевал 170, 174
Мамоновский городской округ 890
Мангуп, гора/плато 186, 189, 191, 192, 196, 868, 882
Мангуп (Манкут: *хазарск.* Ман-к-т — «Моя крепость»), до XI в. крепость, с XI в. город 186, 867
Мангышлак, полуостров 143, 822
Мансурово, селище 46
Манцикерт (Малазгирд), город 817
Манчурек I, городище 916
Манчурек II, городище 916
Манчурек III, городище 916

Маншанах, город 925
Маныч, река 813, 824
Маньчжурия, город 951
Маньчжурия, регион 7, 910, 914, 927, 932, 933, 935, 944—946
Марош (Морисий), река 810
Мартыновка, поселение 41, 43, 44, 56
Мартыновка, село 53
Марцан-3, поселение 26
Марьино, городище 890
Маскат 181, 856, 858
Маслово, городище 108
Матарха, см. Тмутороканское княжество
Матарха, см. Тмуторокань, город
Махачкала, город 178
Мацковцы, городище 109
Мачухи, городище 37, 38, 56
Маяки, городище 776, 813
Маяцкое городище 142, 776, 814
Мглин 1, городище 109
Медведица, река 813, 827, 828
Медвежье, городище 109
Медина, город 865
Межибожье, город 329, 431
Межимостье, город 330
Мекка, город 800, 865
Мекленбург 22, 35
Меларен, озеро 886
Меленка, река 789
Мельники 1, поселение 102
Мельница, город 331
Мена, поселение 43, 44
Мена 5, поселение 102
Менка, река 254
Меотийское Болото 156
Мерло, река 394
Мешково, городище с селищем и могильник 46, 108
Мещанское, урочище 109
Микольцы, городище с селищем 60, 66
Микулин, город в Киевской земле 330
Микулин, город в Теребовльском княжестве 329
Микулино, селище 60
Милеск, город 329
Мининский археологический комплекс 302
Минск (Менеск), город 57, 254, 329, 338, 452—455, 462, 574, 728
Миры (Ликийские), город 582, 706
Мисимиания 160
Митино (Warten), могильник 205
Михайлов, город 330
Михайловская гора 741
Михайловский кордон, городище 116
Михайловский район 931
Михейково, поселение 125
Мическ, город 330
Младший Ахмыловский, могильник 789
Млёвский Бор, могильник 80
Могилёв, город 45, 46, 60
Могрица, городище 109
Модена, герцогство 724
Можайск, город 404, 429
Мозгава, река 549
Мозигкау, поселение 20
Мозырь, город 330, 383, 384
Моисеево, городище 108
Моклеков, город 331
Молдавановское 2, поселение 842
Молдавия 36, 41, 441, 797
Молога, город 330, 418, 427, 428
Молога, река 75, 85, 122, 135, 243
Молого-Мстинское междуречье 79
Молого-Шекснинское междуречье 132
Молочарня, селище 37
Молочна, река 389
Монастырек, городище 87, 91, 99, 100, 102
Монголия 7, 809, 818, 899, 910, 915, 917, 932, 948, 956
Монгольская держава (Ёке Монгол Улус), см. Монгольская империя
Монгольская империя (Монгольская держава) 5, 852, 922, 948, 949, 951, 952, 955, 956
Монгольский Алтай 914
Монемвасия, деревня 706
Моравиин, город 331, 495
Моравица, город 329
Моравия 28, 226, 241, 283
Моровийск, город 330, 381, 385, 390
Мосальск, город 108, 331, 429
Москва, город 9, 298, 299, 309, 330, 401, 414, 417, 418, 427, 428, 474, 500, 624, 748, 749, 762, 764—766, 923
Москва, река 253, 296, 404, 417
Москворечье 115, 253
Московское, урочище 109
Московское государство 336, 345, 347, 367

Мохнач, городище 56, 109, 813
Мохнач-II, селище 37
Мохов, поселение и могильник 20, 46
Мощенка, селище 46
Мста, река 75, 77, 81, 82, 122, 129, 135, 241, 243, 260, 414, 503
Мстиславль, город в Смоленской земле 9, 330, 384, 404
Мстиславль, город в Суздальской земле 330, 427
Мугур-Саргол, городище 916
Мунарев, город 330, 385
Муракаево, курганный могильник 819
Муром, город 236, 252, 326, 327, 334, 338, 339, 343, 374, 377, 380, 411, 470—472, 474, 476—481, 645, 666
Муромо-Рязанская земля 296, 590
Муромская земля (Муромское княжество) 342, 343, 377, 405, 419, 470, 472, 476, 478, 480, 481, 491, 958/959
Муромский городок 789, 792, 794, 795, 813
Муромское княжество, см. Муромская земля
Мутенице, поселение 30, 32
Мутижир, город 330
Мухино, городище 108
Мценск, город 330
Мячино, озеро 719

Надеждинский район 948
Надпорожье 41, 53
Надравия 891
Назарет, город 590
Намешть-на-Гане, поселение 29
Нарев, река 541
Нарышкинский Лес, селище 46
Натангия 198, 207, 891
Небль, город 330
Нева, река 219, 241, 495, 497
Недао, река 203, 204
Незвиско, поселение 87
Некасецк, городище с селищем 60
Неколочь, город 330
Нелезень, остров 719
Неман, река 16, 199, 207, 241, 254, 273, 542, 731, 886, 888, 889
Неманский район 207
Немига, река 338
Нерехта, город 331, 426, 427
Неринск, город 330
Нерль Волжская, река 423
Нерль Клязминская, река 251, 299, 546, 618, 668, 724, 725, 754, 756
Неро, озеро 242, 250, 251, 327, 409
Несвиж, город 331
Нечаевка, поселение 102
Нечепсухо, река 160, 161, 164
Неятин, город 329
Нижне-Архызское городище (Нижний Архыз) 842, 846, 853
Нижнее Поволжье 7, 142, 143, 773, 776, 782, 783, 784, 820, 957
Нижнее Поволховье 132, 133
Нижнее Подвинье 134, 557
Нижнее Подесенье 113
Нижнее Поднепровье 824, 826
Нижнее Поднестровье 217, 557
Нижнее Подунавье 15, 18, 28, 36, 93, 271, 491, 537, 538, 549
Нижнее Приамурье 946
Нижнее Прикамье 241, 242
Нижнее Прикубанье 834
Нижнее Приобье 796
Нижний Архыз, см. Нижне-Архызское городище
Нижний Бишкинь, селище 37
Нижний Бишкинь 1, поселение 102
Нижний Новгород, город 331, 429, 557, 733, 738
Нижняя Силезия 25
Нижняя Сыроватка, село 41, 43
Нижняя Тощица, могильник 46
Никейская империя 552
Никея, город 579, 593, 594, 689
Никодимово, городище 43, 45, 46, 48, 51, 52, 60
Николаевское городище 946
Николаевское-2, городище 931
Никольская Горка 108
Никольское, селище 46
Никопсис, река 832
Никопсия, город 160—164, 832, 836, 841
Никосия, город 740
Нимикорские озера 355
Нинцзянчжоу, округ 935, 937
Нисимковичи-1, селище 46
Нисимковичи-2, селище 46, 109
Нисимковичи-3, селище 46
Нисимковичи-5, селище 46
Нитра, поселение 20
Ницаха, городище 109

Нова Черна, поселение 38
Нова-Гута, поселение 20, 34
Нова-Гута-1, поселение 32
Новая Одесса, город 41, 43, 44
Новгород (Великий Новгород), город 9, 212, 219—223, 225, 229, 231, 233—236, 241, 243, 246—249, 251, 276, 278, 279, 287, 289, 299, 300, 302, 305—310, 312, 316—319, 323, 326, 327, 329, 334, 337—340, 342, 344, 345, 347, 351, 356, 361, 366, 374—376, 378, 392, 393, 400, 403, 406—409, 411, 413, 414, 417, 419—423, 429, 430, 435, 445, 451—454, 459, 460, 462, 464, 467, 474—476, 479, 483, 484, 490, 495—523, 529, 534, 538, 547, 551, 555, 557, 558, 563, 565, 566, 568, 574, 575, 581, 583, 584, 588, 589, 594, 597, 605, 616, 620, 624—628, 633, 634, 642, 654, 668, 669, 672, 675, 678, 680—682, 691—696, 703—705, 708, 710, 713—716, 718, 735, 737, 738, 744, 746, 747, 750—752, 757, 761, 762, 765—769, 797, 883, 893, 921, 959
Новгород-Северский (Новый Город), город 109, 114, 259, 298, 304, 329, 374, 377, 379, 380, 382, 384, 386—389, 391, 394, 396, 397, 399, 471, 574, 732, 738
Новгород-Северский удел, см. Новгород-Северское княжество
Новгород-Северское княжество (Новгород-Северский удел) 380, 394, 395
Новгородская волость, см. Новгородская земля
Новгородская земля (Новгородская волость, Новгородская республика, Новгородчина) 8, 131, 134, 135, 218, 219, 243, 314, 323, 330, 331, 337, 342, 344, 356, 368, 404—406, 418, 452, 454, 491, 495—497, 500, 501, 503, 506, 508, 513, 517, 519, 520, 551, 643, 654, 716, 797, 898, 958, 959
Новгородская республика, см. Новгородская земля
Новгородское (Рюриково) городище, см. Рюриково городище
Новгородчина, см. Новгородская земля
Новинки, село 150
Новиодун, поселение 38
Нововочепшийское городище 158
Новогрудок, город 254, 728
Новое Съяново, поселение 108
Новомихайловский, поселок 160, 839
Новонежинское городище 946
Новороссийск, город 156, 159, 161, 165, 835, 839, 840
Новоселица, могильник 37
Новотроицкое, городище 109, 110, 111
Новые Громыки, селище 46
Новые Санжары, поселение 56
Новый Афон, город 690
Новый Быхов, грунтовый могильник 46
Новый Город, см. Новгород-Северский
Новый Дроков, городище 109
Новый Ольгов, городок 299
Норвегия 524
Нормандия 225, 605
Носов, город 330, 465
Носовичи, селище 46, 109
Нямц, поселение 30

Обловь (Блеве), город 330, 385, 387
Обмачев, поселение 102
Оболвь, город 330
Оболонь, поселение 20
Обонежье 497
Обухов, поселение 87
Обухов-2, поселение 99, 102
Обь, река 919, 922
Обь-Иртышское междуречье 151
Овидиу, поселение 38
Овруч (Вручий), город 32, 235, 301, 329, 399, 400, 405, 419, 489, 491—493, 731, 733, 739, 760
Одая, поселение 87
Одер, река 16, 284
Одрьск, город 329
Озеро Раим, курганный могильник 820
Ока, река 13, 16, 33, 53, 113, 114, 211, 212, 218, 219, 236, 242, 243, 252, 253, 257, 259, 260, 271, 296, 327, 373, 420, 423, 429, 463, 470, 472, 474, 476—478, 481, 775, 921
Океан 201, 203, 204
Оковский лес 242
Окское Левобережье 106, 259
Окское Правобережье 252
Олешье, город 329
Олива, город 893
Олимпия 23
Олонец, город 331, 495
Олтения 25
Ольвия, город 13
Ольгов, город в Рязанской земле 331, 473

Ольгов, город в Черниговской земле 331
Ольшанка, река 415
Онега, река 249
Онон, река 948, 949, 951
Онут, город 331
Опатово, город 594
Опошня, городище 109
Оргощ, город 331, 385
Орденское государство 893
Ордос, город 901
Ордубалык (в пер. «Стольный город»), город 915
Орель, река 394, 813, 824
Орельск, город 331
Оренбургская область/губерния 820
Оренбуржье 155
Ореховск, курганный могильник 60, 64
Ормина, город 330, 374, 381
Орхон, река 809, 810, 907, 908, 911, 914, 915, 920, 948
Орша (Рша), город 329, 338, 452
Осетия (Овсетия) 169, 170, 172
Осетр, река 472, 478
Осечен, городище 80
Осиповка, село 37, 42
Оскол, река 36, 53, 55, 142, 395, 396
Остер, река 373, 460, 461, 467, 468, 815
Остёр, см. Городец Остерский
Остров, поселение 20, 32
Острог, город 329
Острогожск, город 43
Остготское государство, см. Остроготское (Остготское) королевство
Остроготское (Остготское) королевство (Остготское государство) 5, 15
Отраднинский, селище 46
Отрар, город 955
Охожа, город 331
Охрид, город 287, 292, 561
Очела 552
Ошель, город 428, 792, 801
Ошта, река 497
Оять, река 497

Паги, место 832
Пагры (Эптала), гавань 155, 156
Паженьское, городище 116
Палестина 181, 467, 546, 592
Палужье, поселение 109
Памир, горная система 905
Паннония 22, 149, 213, 785, 808, 954
Панская Гора, урочище 109
Панское, урочище 109
Пантикапей, см. Боспор (Киммерийский)
Папаги, место 832
Папагия 159, 832—834
Партав (Пероз-Кавад, Барда), город 176, 180, 184
Партенит, поселение 186, 192, 193, 867
Партизанская (Сучан), река 929, 936, 946
Партизанский район 946, 947
Пархомовка, поселение 20, 32
Паскатир 788
Пастырское городище 36—38, 54—56, 100
Пафлагонское побережье 266
Пацинь, город 330, 404
Пашково, городище 108
Пекин, см. Яньцзин
Пелагония, долина 274
Пелопоннес, полуостров 23, 871/872
Пелопоннес, фема 871
Пенджикент, город 909
Пензенская область 69, 793
Пеньковка, археологический памятник 17, 58
Пеньковка, село 36, 37
Первое Болгарское царство 89, 685
Первомайское, поселок 890
Первомайское (Warnikam, Варникам), городище 204, 890
Первомайское (Warnikam), грунтовый могильник 204, 205
Первый Восточно-Тюркский каганат 899, 908, 910, 913
Первый Тюркский каганат (Тюркский каганат, Тюркское государство) 16, 137, 148, 149, 152, 154, 171, 173, 180, 189, 897, 899, 904, 905, 907, 908, 911, 913, 956, 957
Переверзево 2, городище с селищем и курганный могильник 108, 111
Переволока, см. Волго-Донская переволока
Переволока, город 329, 460
Передний Восток 862
Передняя Азия 140, 169, 172, 173, 179, 816, 817, 863
Передольский погост 135
Перекоп, перешеек 195
Перемиль, город 329, 438

Перемышль, город 236, 329, 331, 332, 334, 337, 339, 340, 343, 431, 433, 434, 440—444, 446—449, 524, 533, 540, 554, 555, 574, 578, 719, 720, 728
Перемышльское княжество 440
Пересечен, город 212, 232, 330
Переславль-Залесский, см. Переяславль (Залесский, Суздальский)
Пересопница, город 329, 415, 432, 437, 439, 485, 486, 489
Пересопницкое княжество 487
Переяслав-Хмельницкий, город 706
Переяславль (Залесский, Суздальский), город 299, 330, 416—418, 421, 424, 427, 475, 517, 521, 650, 720, 721, 756
Переяславль (Рязанский), город 298, 331
Переяславль (Южный, Русский, Переяслав-Хмельницкий), город 232, 233, 256, 287, 334, 336, 338—340, 342, 375, 377—379, 383, 394, 395, 410, 412—417, 424, 426, 428, 435, 457—469, 483—485, 488, 490, 491, 529, 530, 535—537, 540, 541, 553, 563, 569—571, 575, 587, 613, 642, 650, 654, 655, 695, 705—709, 712, 715—717, 826, 828
Переяславская земля (Переяславское (Переяславля-Южного) княжество, Переяславщина) 217, 329, 330, 342, 344, 346, 380, 395, 413, 417, 457—461, 463—467, 469, 485, 489, 491—493, 518, 537, 571, 829, 830, 958
Переяславское (Переяславля-Залесского) княжество 331, 427
Переяславское (Переяславля-Южного) княжество, см. Переяславская земля
Переяславщина, см. Переяславская земля
Перигё, город 685
Пермь 500
Пероз-Кавад, см. Партав
Персия (Персидская земля) 139, 146, 147, 636, 806, 905
Перынь, урочище 243, 279
Пески, селище 46, 102
Песковатое I, курганный могильник 108
Песочен, город 329, 460
Песочный, город 331
Песочный Ров, урочище 109
Петриков, поселение 20, 99
Петриков-2, поселение 30
Петров, город 331, 426, 427
Печенежская степь 275, 292
Печера Домамиря, город 331
Печора 500
Пина, река 484
Пинлян, город 901
Пинск, город 329, 339, 342, 415, 462, 483, 484, 487, 488
Пинская земля (Пинское княжество) 484, 487
Пинская земля, см. Туровская (Пинская) земля
Пинское княжество, см. Пинская земля
Пионерский, город 197
Пиренейский полуостров 241
Пирятин, город 330, 465
Писанная гора 921
Писарок, поселение 29
Писса, река 199
Пишколт, поселение 30
Плав, город 331
Плакун, урочище 126, 133, 244
Плешивец, поселение 102
Плещеево озеро (Клещино озеро) 250, 416
Плёхово, городище 109
Плиска, город 686, 706
Плиснеск, город 31, 34, 87, 94, 330
Плоцк, город 525
Плюсса, река 75, 77, 243
Пляж, селище 37, 42
Победище, урочище 133, 134
Повалишино, могильник 60
Повисленье 14, 15
Поволжье 18, 79, 134, 142, 242, 244, 250, 253, 296, 410, 544, 557, 800, 801, 803, 805, 908, 918, 921
Поволховье 131, 132, 135, 222, 223, 225, 241—243
Поворсклье 103
Поганьско, поселение 30
Погезания 893
Погоновичи, село 355
Погорина, волость 488
Подвинье 57, 82, 253, 422
Подесенье 43, 45, 328
Подкова, селище 37
Поднепровье 17—19, 41, 43, 45, 48, 49, 55—57, 88, 90, 100, 243, 306
Поднестровье 53, 84, 93, 211
Подол, могильник 78
Подол, поселение/селище 76, 80, 81, 83—86, 129
Подол 3, поселение 83

Подольская возвышенность 440
Подонье 117, 118, 162, 775, 785
Подунавье 16, 21—23, 25, 33, 44, 53, 55, 57, 97, 150, 200, 224, 241, 262, 315, 542
Покров 5, поселение 108
Пола, река 75, 79, 241
Полесье 90, 100
Полкстень, город 330, 461
Половецкая земля 464
Половецкая степь 374, 461, 489, 818, 821
Половецкое государство 831
«Половецкое Поле» 821, 824, 826, 827, 830
Полоный, город 330, 573
Полота, река 214, 218, 253, 327
Полоцк, город 60, 127—129, 135, 212, 218, 229, 234—237, 253, 289, 299, 326, 327, 334, 337, 375, 376, 386, 407, 413, 420, 451—456, 459, 462, 482, 483, 486, 529, 552, 557, 558, 563, 566, 574, 581, 594, 643, 651, 655, 682, 691, 694, 695, 701, 703, 705, 727, 729, 730, 732, 738, 745, 757, 768, 769
Полоцкая волость, см. Полоцкая земля
Полоцкая земля (Полоцкая волость, Полоцкое княжество) 216, 218, 238, 329—331, 342—344, 380, 404, 405, 407, 451—456, 491, 513, 727, 728, 958
Полоцкое княжество, см. Полоцкая земля
Полтава (Лтава), город 41, 43, 109, 114, 330, 467
Полтавцы, селище 37
Полтавщина 103
Полужье 135
Полузорье I, селище 37
Полузорье II, поселение 56
Польское государство 525
Польское Поморье 22
Польша 14, 19, 22, 25, 35, 226, 236, 274, 275, 290, 317, 332, 335, 337, 338, 345, 374, 391, 399, 425, 432, 433, 435, 438, 440, 443, 445—447, 459, 492, 524, 525, 529—532, 534, 535, 538—540, 543, 547, 551, 554, 558, 719, 723, 731, 888, 889, 893
Помезания 893
Поморье 315, 496, 515
Понизье 440, 449
Понт Эвксинский, см. Черное море
Понтийское море, см. Черное море
Поозерье, см. Ильменское Поозерье
Поочье 106, 113, 252
Попаш, город 330
Поповка, городище 102, 109
Попово-Лежачи 4, поселение 102
Поросье 53, 94, 385, 396, 415, 417, 528, 536, 829
Порхов, город 498
Посеймье 45
Посемье 107, 114, 396, 414, 651
Посожье 45, 106
Поставмуки, поселение 56
Посудичи, селище 46, 52, 102
Посудичи 6, городище 109
Посулье 113, 458
Посурье 787
Посьета, залив 930
Потоманка, урочище 109
Потомственный, некрополь 839
Потясминье 53, 94
Почайна, река 270, 283
Пра, река 472
Правобережная крепость 805
Правобережная Украина 19, 818
Правые Солонцы, поселение 43
Прага, город 15, 29, 262, 263, 308, 582
Преголя, река 197, 890
Предкавказская равнина 168
Предкавказье 147, 159, 168, 169, 179, 824, 829
Предкарпатье 440/441
Предуралье 152, 154, 796, 820
Преслав, город 685, 706
Пржитлуки, могильник 28, 29, 30
Приазовье 6, 138, 141—143, 145—147, 149, 162, 196, 263, 268, 269, 536, 773, 782, 805, 883, 957, 958
Приамурье 927, 935, 944, 946
Приаралье 148, 782, 812, 816, 817, 819, 925
Прибайкалье 8, 925, 954
Прибалтика 49, 55, 242, 248, 253, 327, 331, 405, 451, 520, 551, 557, 775, 797
Пригородная Слободка, городище 108
Приднестровье 212
Приильменье 496
Прииртышье 816, 818, 923—925
Прикамье 83, 85, 132, 149, 152, 154, 242, 244, 252, 821
Прикарпатье 100
Прикаспий 142, 178, 261, 263, 269, 780, 861
Прикаспийский Дагестан 180, 182, 184
Прикаспийский регион 776

Прикубанская наклонная равнина 842, 848
Прикубанье 138, 158, 166, 785, 835, 837
Приладожье 225, 238, 497
Прилук, город 329, 381, 460
Примокшанье 787
Приморский Дагестан 138, 176, 179, 775, 853, 957
Приморский край 929, 930, 947
Приморье 927—933, 935, 944, 946, 948, 955, 977
Приоскольское 2, поселение 102
Припятское Полесье 18, 19, 22, 88, 216
Припять, река 14, 88, 100, 211, 216, 233, 241, 254, 255, 339, 381, 431, 482, 484, 488
Присаянье 901
Притоболье 151
Приуралье 151—155, 787, 800, 805, 810, 812, 819—821, 921
Приханкайская низменность 932
Причерноморье 112, 141, 147, 158, 188, 195, 222, 241, 264, 269, 771, 834, 883, 884
Причудье 122
Прогресс, селище 37
Пронск, город 330, 473—475, 480
Проня, река 470, 472, 477, 478
Проскурни II, поселение 109
Прость, селище 60
Протва, река 404
Протока, ручей 732, 760
Прохладная (Frischihg), река 204, 890
Прудовка (Alt-Wehlau), могильник 890
Прупой, город 404
Пруская гора 422, 472
Пруссия (Боруссия, Брутения/Прутения) 198, 543, 887, 888, 891, 893
Прут (Брут), река 15, 36, 89, 92, 807, 808, 810
Пруто-Днестровский регион 98
Пруто-Днестровское междуречье 89, 94
Прютцке, поселение 29, 34
Псекупс, река 159, 835
Псел, река 103, 114, 373
Псков, город 9, 129, 135, 218, 220, 244, 247, 248, 284, 309, 326, 327, 406, 452—454, 495, 501, 506, 508, 511, 520—522, 558, 705, 708, 716—718, 756
Пскова, река 247
Псковская земля 59, 496, 797
Псковское озеро 243
Псковско-Чудское озеро 75, 77
Псковщина 218
Пуату 727
Пуганьшуй, река 933
Пузырево Северное, городище 109
Путивль, город 108, 259, 330, 374, 394, 486, 732, 738
Путивльский район 103, 104
Пушкари, городище 109
Пщев-13, поселение 26
Пьемонт 724
Пятницкое-1, селище 37

Равенна, город 203
Радичев, городище 109
Радогощь, городище 109
Радосынь, город 329
Радощ, город 331
Радутино, городище 109
Раевское городище 837
Раздольная (Суйфун), река 929, 930, 932, 936, 946—948
Райки, село 86, 87
Раковая Сечь, поселение 102
Раннеболгарское государство 151
Рассуха-2, селище 46
Растовец, город 329
Ратманово 1, 2, городище 108
Ратское городище 110
Рашков, поселение 20, 87
Рашков-1, поселение 93
Рашков-3, поселение 32, 34
Ревель (Таллин), город 520
Ревно, городище и селище 87, 94—97
Ревно-2, поселение 99
Ревячка, селище и могильник 60, 62, 63
Регенсбург, город 20, 23, 100
Редковцы, поселение 87, 99
Рейн, река 15, 226, 264, 281
Республика Дагестан 177, 859
Республика Казахстан 820
Республика Молдова 87, 89
Республика Мордовия 69
Республика Татарстан (Татарстан) 69, 785, 787, 791, 792
Республика Тыва 898
Речa, селище 37
Речица, город 331, 373
Решетники, городище 109, 111
Ржавинцы, городище 87, 95
Ржева (Ржевка), город 331, 404

Ржевское (Linkuhnen), могильник 207
Рибе, город 885
Рига, город 361, 367, 405, 407, 456, 520, 521, 557—559, 617
Рим, город 14, 188, 190, 203, 246, 270, 271, 273, 283, 531, 552, 593, 594, 631, 664, 872, 873
Рим-гора, городище 846
Римов, город 329, 395, 460
Римская держава, см. Римская империя
Римская империя (Римская держава) 5, 6, 13, 14, 18, 183, 199, 203, 335, 678
Рипа, урочище 99
Рипнев, поселение 32, 87
Рипнев-1, поселение 90, 99, 974
Рипнев-2, поселение 29
Ровчак, селище 46
Рогачев, город 329, 373, 381, 393
Рогов, город 331
Рогово, городище 109
Родники (Arnau), могильник 890
Родня, город 329
Родос, остров 532, 616, 647
Родунь, город 330
Рождественский могильник 74
Рождественское городище 788
Рожни, урочище 442
Розтоки, селище 20, 24, 34
Роище, селище 46, 102
Рокот, селище 60, 127
Роксолания 206
Ромейская держава, см. Византийская империя
Ромейская империя, см. Византийская империя
Ромен, город 330, 461
Ромны, город 106, 109
Ромэнь, поселение 32
Ропеск, город 331, 387
Рослаген 886
Российская Федерация 5, 6, 929
Российское государство 956, 958
Россия 6, 7, 9, 21, 327, 495, 500, 628, 922, 932, 933, 944, 945, 948, 951
Ростиславль (Рославль), город 331, 404
Ростиславль Рязанский, город 299, 311, 472, 478
Ростов (Великий), город 227, 229, 234, 236, 242, 250, 290, 326, 327, 334, 336, 339, 340, 342, 343, 356, 409—413, 417, 418, 427, 428, 458, 463, 477, 563, 571, 574, 584, 587, 588, 590, 644, 668, 678, 724, 733, 765
Ростовец, город 391
Ростово-Ярославское княжество 738
Ростовская волость, см. Суздальская земля
Ростовская земля, см. Суздальская земля
Ростовское княжество, см. Суздальская земля
Ростовский удел 428
Росусь, город 331, 386
Рось, река 35, 215, 228, 255, 328, 381, 489, 528, 563, 571, 574
Рубас, река 177
Рубин, поселение 32
Руднево, поселение 102
Рулы, урочище 99
Рум, см. Византийская империя
Румийское море, см. Черное море
Румыния 19, 817
Руса (Старая Русса), город 9, 330, 495, 501, 512, 624, 719, 735
Русинихинский могильник 789
Русотина, город 330, 465
Русская земля, см. Русь
Русская равнина, см. Восточно-Европейская равнина
Русский Север 495
Русь (Русская земля, Древняя Русь, Древнерусское государство, Киевская Русь, Киевская держава, Рутения, Росия) 5—7, 9, 10, 58, 88, 93, 100, 101, 112—114, 122, 127—129, 135, 209, 211, 215, 216, 219—228, 230—239, 241—243, 248—250, 255, 259—262, 264, 267, 269—275, 277, 279—293, 295—300, 302, 303, 305—310, 312—318, 320, 322—329, 331—355, 357, 359—370, 372, 373, 375—378, 389—391, 393, 396, 400, 403, 406—411, 419, 424, 427, 430, 431, 433—436, 438, 440, 441, 443—451, 453, 458—460, 467, 469, 470, 473, 476, 479, 480, 483, 487—494, 496, 508, 509, 518, 519, 523—543, 546, 547, 549—553, 557—569, 573, 575—577, 579—588, 590—592, 594, 596—608, 610—612, 614, 615, 617, 618, 620, 622, 624—626, 628—642, 644, 645, 647, 648, 650, 652, 657, 661, 663, 664, 673, 675, 676, 678—682, 685, 687, 690, 694—698, 700, 701, 703—709, 716, 719, 723, 728, 731, 732, 738, 739, 741, 744—747, 750, 752, 756, 760—762, 766—768, 770, 782, 784, 796, 797, 800, 801, 808, 813—815, 817, 818, 824—830, 834—837, 841, 844, 850—852, 857, 863, 866, 872—882, 886, 887, 921, 954, 957—959

Рута, река 382, 416, 486, 652
Рутения, см. Русь
Рыжково, могильник 108
Рыльск, город 108, 331, 394, 397, 401, 402
Рыльское княжество 402
Рюриково городище (Городище) 135, 212, 219, 222, 231, 241, 246—249, 256, 299, 306, 326, 327, 334, 495, 498, 499, 508, 575, 627, 700, 704, 713—715, 744, 747
Рябовка-3, могильник 55, 56, 102
Рябовка-3, селище 37
Рябчи, городище 109
Рязанская земля (Рязанское княжество) 218, 296, 312, 330, 331, 342—344, 377, 405, 417, 422, 423, 426, 427, 470, 472—475, 478, 480, 491, 513, 828, 959
Рязанское княжество, см. Рязанская земля
Рязанщина, см. Рязанская земля
Рязань, город (совр.) 477
Рязань (Старая Рязань), город 9, 299, 308, 309, 329, 377, 393, 417, 422, 423, 427, 470—475, 477—480, 516, 574, 624, 705, 710, 712, 713, 741, 753, 766, 768

Сава, река 22
Сакалиба, см. «Славянская река»
Сакмара, река 819
Саков, город 329, 460, 536
Саксин (Сарыгшин), город 823
Саксония 523, 550
Саксонская восточная марка 529
Саксонская северная марка 524, 529, 534
Салоники (Солунь, Фессалоника), город 267, 544, 591, 699, 707
Салтовское городище 142
Сальница, река 395
Самандар, город 138, 140, 141, 178—180, 182, 184, 774, 775, 782, 784, 858, 861, 863
Самара, река 396, 820, 824, 830
Самарканд, город 263, 810, 865, 955
Самарра, город 779
Самарская Лука 150, 787, 792, 813, 828
Самарская область 69, 150, 155, 785, 787, 820, 828
Самарско-Ульяновское Поволжье 785
Самбия (Витланд, Вейделант, Самланд, Калининградский полуостров), полуостров 197—201, 203, 204, 206, 207, 886—888, 891, 893
Самгородок, поселение 99
Самкарш, город 262
Самкерц (Самкуш), город 777, 778
Самланд, см. Самбия
Самосделка (Самосдельское городище), городище 823
Самосдельское городище, см. Самосделка
Сампсониев Остров, урочище 109
Самур, река 856, 858
Самчинцы, селище 34, 37
Сан, река 431, 540
Сандомир, город 549, 550
Сандомирщина 550, 594
Санок, город 329, 553, 556
Сапакси, деревня 833, 838
Сапогынь, город 330
Сапун, гора 839
Сара, река 250, 331, 426, 427
Саратовская область 155, 820, 828
Сараус, город 925
Сарир 177, 180, 182, 184, 850, 855, 856, 858—863
Саркел (Белая Вежа), город 776, 778, 779, 783, 810, 815, 828, 868, 876
Саркельский могильник 816
Сарматия 137, 168
Сарское городище 250, 251
Сарукан, город 829
Сары, городище 109
Сасанидский Иран 139, 154, 176, 177, 179, 180, 184, 904
Сахновка, село 57, 87, 91, 102, 103, 767
Саяно-Алтай, см. Саяно-Алтайское нагорье
Саяно-Алтайское нагорье (Саяно-Алтай) 898—900, 919
Саянские горы, см. Саяны
Саяны (Саянские горы) 900, 911, 914—917, 922, 923
Сванетия 173
Свапа, река 114, 258
Свевское королевство 5
Свердловка 1, 2, городище 109
Сверковы Луки, волость 355
Светлогорск, город 197
Светлый, город 197
Свила-1, городище 60, 67
Свиридовка, городище 109
Свирь, река 497
Свияга, река 787
Святая гора, см. Афон

Святая земля 590, 591, 604, 616
Святославль, город 329
Святославля Криница, город 330
Священная Римская империя 335
Себзевар, город 799
Севастия, город 289
Севастополь, город 185, 869
Северная Азия 10, 956
Северная Африка 15, 181, 194, 778
Северная Белоруссия 82, 83
Северная Буковина 87, 90, 93, 98
Северная Галлия 15
Северная Германия 315
Северная Греция 686, 728, 731
Северная Двина, река 249, 500, 513
Северная Евразия 154
Северная Европа 5, 174, 227, 241, 244, 359, 863
Северная Италия 202, 709, 724, 727
Северная Корея 928, 944
Северная Латгалия 558
Северная Маньчжурия 933
Северная Монголия 907, 948
Северная Моравия 22
Северная Осетия 171, 174, 846
Северная Русь 134, 239, 243, 246, 248, 249, 251, 311, 600, 629
Северная Самбия 887
Северная Сирия 876
Северное море 398
Северное Поволховье 130, 134
Северное Приазовье 13
Северное Приаралье 819
Северное Прикарпатье 15
Северное Приморье 946
Северное Причерноморье 7, 13, 14, 138, 142, 163, 222, 228, 241, 261, 262, 280, 338, 536, 805—808, 824, 866, 868, 872, 874, 880, 883, 957
Северный Азербайджан 857
Северный Афганистан 908
Северный Иран 280
Северный Кавказ 6—8, 57, 136, 137, 142, 144, 147, 148, 167, 173, 179, 182, 190, 191, 690, 771, 773, 778, 780, 800, 823, 829, 832, 845, 850, 905, 908, 957
Северный Китай 819, 926, 934, 939, 940, 944, 956
Северный Крым 192
Северный Ледовитый океан 306, 898
Северный Прикаспий 822
Северный Урал 498, 872
Северный Хорасан 816, 817
Северный Хорезм 782
Северо-Восток Руси, см. Северо-Восточная Русь
Северо-Восточная Алания-Осетия 169
Северо-Восточная Германия 29
Северо-Восточная Польша 890
Северо-Восточная Русь (Северо-Восток Руси) 243, 251, 295, 301, 302, 320, 322, 345—348, 356, 402, 428, 430, 463, 468, 474, 475, 552, 588, 669, 672, 720, 721, 733, 738, 797, 801, 959
Северо-Восточное Причерноморье 155, 159, 160, 163, 164, 832—834, 836, 837, 839, 841, 842, 844, 845
Северо-Восточный Азербайджан 177
Северо-Восточный Кавказ 171, 175—184/185, 855, 856, 858, 860, 863, 865
Северо-Восточный Казахстан 925
Северо-Запад Руси, см. Северо-Западная Русь
Северо-Западная Монголия 900
Северо-Западная Польша 21
Северо-Западная Румыния 29
Северо-Западная Русь (Северо-Запад Руси) 64, 68, 301, 314, 496, 497, 499, 501, 502, 557, 558, 594, 669, 888
Северо-Западная Сибирь 897
Северо-Западная Украина 88
Северо-Западное Предкавказье 159/160, 163, 836
Северо-Западный Бохай 932
Северо-Западный Кавказ 155, 156, 158—160, 162, 164, 832—836, 838, 841, 844, 845, 852
Северо-Западный Крым 192
Северо-Западный Прикаспий 178
Северская земля 114
Северский Донец, река 18, 35, 45, 55, 114, 142, 260, 389, 776, 813, 824, 826—828, 957
Севск, городище 109
Севьско, город 330
Седнев, городище с селищем 109
Сейм, река 53, 101, 107, 113, 114, 211, 217, 257, 373, 374, 394, 395, 461
Селенга, река 809, 810, 912, 915, 922, 948
Селиште, городище 36, 37
Селище, поселение 660
Селище, урочище 706
Сельцо, городище 60, 135
Семенки, селище 30, 34, 37
Семеновское поселение 798

Семеновское I, поселение 796
Семикаракорск, город 776
Семикаракорское городище 776
Семилукское городище 116
Семиречье 137, 138, 812, 824, 908—910, 923
Семыч, город 330
Сентонж 727
Сенча, городище 109
Серахс 817
Сербия 549, 594, 727
Сербский Банат, поселение 21, 32
Серебрянка, река 470, 477
Серебряный, город 330, 467
Серена, река 429
Серенск, город 331, 429, 767, 768
Серет, см. Сирет
Серир 177
Си Ся 938, 941, 955
Сибирь 5, 7—9, 800, 895, 897, 898, 901, 918, 919, 921, 922, 956
Сигтуна, город 551
Сидоровское, городище 813
Силадице, поселение 29
Силезия 22, 539
Синай, полуостров 184, 624, 745
Синайка, гора 108
Синдан 856
Синдская гавань 156
Синеволодьско, город 331
Синеглазово, курганный могильник 819
Синин Мост, город 331
Синичья гора 719
Синоп, город 884
Синчжунфу, область 938
Синьково-Дмитрово, селище 46
Сирет (Серет), река 444, 810
Сирия 181, 194, 844
Сисан, город 925
Сицилийское королевство (Сицилия) 542, 587
Сицилия, остров 15, 869, 921, 926
Сицилия, см. Сицилийское королевство
Сицилия, фема 869
Скаловия 891
Скандинавия 53, 132, 203, 205, 223, 225, 233, 239, 246, 248, 314, 367, 405, 505, 515, 629, 797, 885, 887, 888, 959
Скельки, селище 37
Скибинцы, селище 37
Скифия (Восточная Европа) 805
Скифия (Кудар) 169
Скифский Боспор 161
Скок, поселение 20, 87, 93
Славский район 207
Славянск-на-Кубани, город 196
Славянская земля (Среднее Подунавье) 808
«Славянская река» (Сакалиба) 140, 182
Слобода-Глушица, деревня 127
Слобода-Глушица, селище 60, 125, 130
Слободка, городище 109
Слободка, селище 46
Словакия 19
Словения 19
Слоним, город 254
Слуцк (Случеск), город 329, 373, 452
Случевск, селище 46
Случеск, см. Слуцк
Случовск, городище 109
Случь, река 330, 488
Смоленск, город 9, 127—129, 212, 218, 225, 231, 233, 234, 236, 241, 253, 299, 308, 321, 326, 327, 334, 338, 340, 343, 361, 367, 375, 377, 383, 386, 392, 393, 398, 403—408, 412, 414, 417, 420, 422, 430, 432, 456, 460, 464, 470, 472, 477, 479, 484, 486, 491, 507, 538, 557, 558, 571, 574, 578, 581, 594, 617, 629, 631, 651, 652, 659, 678, 700, 705, 710, 712, 723, 731, 732, 738, 760, 768, 921
Смоленская волость, см. Смоленская земля
Смоленская земля (Смоленская волость, Смоленское княжество) 7, 63, 218, 296, 307, 321, 329—331, 342, 343, 345, 346, 352, 378, 386, 393, 403, 404, 407, 408, 417, 418, 429, 488, 491, 493, 509, 513, 571, 572, 659, 958, 959
Смоленское княжество, см. Смоленская земля
Смоленское Подвинье 62, 68
Смоленское Поднепровье 59, 62, 68, 122, 127
Смоленщина 57, 63, 124
Смольянь, селище 46
Смородино, село 41, 43
Смядынь, река 710, 731
Смялчь 11, поселение 109
Смяч, могильник 46, 52
Снепород, город 299
Снитин, городище 109
Сновск, город 329, 374, 382—384
Сновь, река 529
Сныткино 3, поселение 102

Снядин-2, селище 27, 32, 34
Со 901
Соборная гора 253
Согд, город 776, 905, 909
Сож, река 57, 211, 212, 217, 257, 376, 404
Соколово, поселение 102
Солдатское, поселение 102
Солнце, курганный могильник 820
Солнцедар, поселение 843
Солоница, река 426
Солунь, см. Салоники
Соль Великая, город 331, 426, 427
Сомовское городище 789
Сопино, некрополь 160
Сопки, урочище 134
Сосенка, селище 60
Сосница, город 109, 330
Соснова, селище 37
Сосновка, поселение 102, 109
Сочи, город 690
Спасский район 787
Спашь, город 330
Средиземноморье 173, 921
Срединная Азия 922
Срединное государство (царство) 904, 920, 928
Среднее Поволжье 6, 7, 150, 151, 241, 771, 785, 787
Среднее Подесенье 45, 53
Среднее Поднепровье 16, 18, 41, 42, 45, 53—55, 72, 88, 89, 91, 93, 98, 103, 112, 215, 225, 228, 229, 241, 255, 263, 315, 323, 344, 432, 488, 826
Среднее Поднестровье 27
Среднее Подунавье 14, 16, 22, 35, 149, 200, 203, 205, 281, 808, 866
Среднее Прииртышье 923
Среднее Приобье 796, 898
Средний Урал 794
Средняя Азия 112, 137, 142, 143, 145, 148, 173, 195, 241, 775—778, 798, 800, 810, 813, 816, 863, 900, 905, 907/908, 909, 910, 915, 917, 921, 926, 938, 955, 957
Средняя Белоруссия 57
Средняя Европа 67
Средняя столица, город 938
Средняя Швеция (Свеаланд) 131, 133, 226
СССР 88, 197
Ставропольская возвышенность 168, 850
Стамбул, город 803
Стара-Бржецлав, поселение 30
Старая Ивановка, городище 109
Старая Ладога, село, см. Ладога
Старая Русса, см. Руса
Старая Рязань, см. Рязань (Старая Рязань)
Старая Рязань, городище 713
Староалейкинское городище 789
Старогородка, село 706
Стародуб, город в Черниговской земле 329, 374, 377, 379, 389, 390, 477
Стародуб (на Клязьме, Ряполовский), город 331, 426, 427
Стародубское княжество 469
Старое Куприно, селище 60
Старое Село, городище с селищем и могильник 60, 62
Старокиевская гора 255
Старокиевское городище 686
Старокуйбышевское IV, поселение 795
Старомайнский могильник 786
Старомайнское городище 73
Старые Ивайтенки-1, селище 46, 48
Старый Город, городище 108
Старый Орхей, селище 37
Степь 277, 524, 528, 535, 536, 559, 817
Стецовка, городище 37, 39, 56, 87, 102
Стильское, селище 96
Стовпяги, поселение 102
Столп, город 331
Страна восходящего солнца, см. Япония
Стрежев, город 330
Стрелица, селище 46
Стрижень, река 373
Строчицкое, городище 60
Струмень, река 482, 485
Стугна, река 328, 460, 489, 815
Стыр, река 381
Су-Псех 2, поселение 842
Субовщина, могильник 60
Сувар, город 790, 792, 794
Сугдея (Судак), город 163, 186, 194, 571, 867, 869, 879, 881—884
Сугдея, фема 869
Сугров, город 827, 829
Сугрово, городище 108
Суда, река 249,
Судак, см. Сугдея, город
Суджа, город 43, 44, 48

Суджа-4, селище 46
Суджа-Замостье, селище 43
Судомирь, река 337
Суерь, река 152
Суздаль, город 252, 326, 327, 342, 346, 354, 382, 383, 410—418, 424, 426—428, 458, 460, 463—465, 472, 477, 484, 542, 543, 546, 563, 573, 574, 578, 590, 629, 700, 720, 733, 738, 755, 760, 768, 769, 801
Суздальская земля (Суздальское княжество, Суздальщина, Владимиро-Суздальская земля, Владимиро-Суздальское княжество, Владимирское (Владимира-на-Клязьме) княжество, Владимирская земля, Владимиро-Суздальская Русь, Ростовская земля, Ростовская волость, Ростовское княжество) 219, 243, 251, 252, 296, 320, 330, 331, 338, 339, 342, 343, 345—348, 353, 356, 366, 393, 404—406, 408—419, 421—424, 426—428, 430, 466, 467, 472, 473, 478, 480, 481, 486, 491—493, 501, 509, 511, 513, 521, 552, 557, 564, 586/587, 590, 666, 668, 682, 705, 720, 723, 738, 747, 753, 768, 792, 798, 801, 805, 958, 959
Суздальское княжество, см. Суздальская земля
Суздальское ополье 251, 252, 297, 327
Суздальщина, см. Суздальская земля
Суйбинь 935, 936
Суйфун, см. Раздольная
Суйфунская долина 932
Суков (Зуков), городище 20
Сула, река 114, 211, 255, 257, 381, 412, 457, 458, 460, 461, 467, 813, 815
Сулак (Койсу), река 144, 181, 861
Сумская область 101, 103—105
Сумы, город 103
Сун 938—941
Сунгари, река 927, 935
Сунженский хребет 168
Супой, река 380, 651
Супруты, городище 108, 111, 112, 259
Сура, река 787, 789
Сураж, город 127
Сурская Забора, городище 37
Сурско-Свияжское междуречье 787
Сурской остров 37
Сутейск (Сутиска), город 329, 432
Суук-Су, могильник 186
Сухая Гомольша, городище и селище 37, 102, 813
Суходол, городище 109
Сухона, река 249, 422
Сучава, поселение 29, 30, 32, 34
Сучан, см. Партизанская
Сушки, селище 37
Сущаны, поселение 102
Суяб, город 908, 909
Съежа, река 82
Съезжее, озеро 78
Сыгнак, город 823
Сырдарья (Йенча), река 148, 809, 810, 812, 908, 911, 923, 925
Сэрата-Монтеору, могильник 20, 27
Сюйпинь, губерния 946—948
Сюрень, до XI в. крепость, с XI в. город 882
Сясь, река 135

Табаристан 797, 863, 865
Табасаран 176, 177, 180—182, 185, 856, 861, 863, 864
Табасаранский район 177
Таврида 807
Таврика 186, 188, 189, 192—194, 197, 866, 868, 870—872, 874—876, 878, 880—883
Таз, река 898
Тайманово, селище и грунтовый могильник 46, 60
Тайюань, город 917
Талас, река 910, 925
Таллин, город 429
Таманские острова 834
Таманский полуостров (Тамань) 159—161, 163, 236, 778, 782, 785, 837, 870, 875
Тамань, см. Таманский полуостров
Таматарха, см. Тмутороканское княжество
Таматарха, см. Тмуторокань, город
Тан (Танская империя, Танский Китай) 809, 909, 913, 928
Танаис, река 44, 156
Танкеевский могильник 786
Танская империя, см. Тан
Танский Китай, см. Тан
Тануси, селение 177
Тараща, могильник 37, 39
Тарбагатай (Гиргир), горы 925
Таргу, город 178
Тарим, река 909, 911, 913, 917/918, 918
Татарстан, см. Республика Татарстан
Ташкент, город 809, 810

Ташкентский оазис 908
Тбилиси (Тифлис), город 138, 779, 859
Тверца, река 414, 501
Тверь, город 9, 298, 299, 330, 427, 429
Творишичи, городище 109
Тебриз, город 797
Тегеран, город 803
Темеш (Тимиссий), река 810
Темешвар, город 827
Тентек, река 925
Тепе-Кермен, город 189
Тепсень, плато 189
Теребовль, город 329, 334, 339, 340, 343, 431, 433, 434, 440—444, 447, 533
Теребовльская волость, см. Теребовльское княжество
Теребовльское княжество (Теребовльская волость) 217, 329
Терек (Алонта, Аландон), река 168
Теремцы, поселение 32
Терновый, поселение 102
Терский берег 500
Тесов, город 430
Тетерев, река 216, 255
Тетеревка, поселение 20, 27, 87
Тетеревка-1, поселение 24, 82, 93
Тетюшский могильник 786, 792
Тетюшский район 792
Теучежхабль, городище 158
Тивериада, город 590
Тимерево, деревня 251
Тимофеевка, городище 108
Тимохино, городище 108
Тимченки, селище 37, 102
Тиритака, поселение 188, 190
Тиса, река 22, 25, 205
Тисасентмартон, поселение 32
Тисмяница, город 329
Титово, городище с селищем 108
Титчиха (Титчихинское городище) 116, 117, 805
Тифлис, см. Тбилиси
Тихая Сосна, река 142, 776
Тихомль, город 330, 431, 438
Тмутороканские земли, см. Тмутороканское княжество
Тмутороканское княжество (Тмуторокань, Тмутороканские земли; Таматарха, Матарха) 236, 268, 533, 815, 827, 832, 835, 837, 882
Тмуторокань, см. Тмутороканское княжество
Тмуторокань (греч. Гермонасса, Таматарха, Матарха), город 156, 161, 163, 236, 262, 271, 329, 334, 335, 339, 374, 376—378, 433, 441, 532, 533, 536, 537, 571, 616, 631, 643, 682, 687, 688, 695, 703, 778, 832, 834—836, 841, 844, 875
Тобол, река 148, 152, 796
Товарый, город 330
Тогла, см. Тола
Токари, поселение 102
Тола (Тогла), река 809, 948
Толмач, город 331
Толова 552
Торжок (Новый Торг), город 330, 414, 422, 429, 473, 480, 495, 501, 517, 738
Торопец, город 329, 404
Торопецкое княжество 408
Торхово 3, поселение 108
Торчев, город 331
Торческ, город 329, 391, 397, 400, 424, 425, 449, 466, 489, 493, 535, 555, 826
Трансильвания 827
Трапезундская империя (Трапезунд) 837, 883
Треполь, город 329, 400, 424, 489, 493
Третий Плес, курганный могильник 820
Трир, город 531
Трифилия 706
Тростянец, селище 37
Труворово городище 248
Трубеж, река 415, 457, 458, 461, 465, 815
Трубчевск (Трубецк), город 43, 44, 48, 331, 394, 397, 738
Трубчевский удел 401
Трусо, город 885, 886
Туапсе, город 164, 835
Туапсинский район 160
Тува 149, 900, 901, 907, 910, 911, 914—916, 919, 923
Тувинская котловина 904
Тузла, коса 875
Туман, см. Гумик
Тумащ, город 330
Туркестан 907
Турийск, город 329
Туров, город 216, 236, 237, 254, 298, 299, 329, 334, 337, 339, 340, 342, 375, 377, 381, 413, 415, 417, 462—464, 482—488, 507, 525, 533, 534, 543, 563, 574, 577, 652, 675, 712

Турово-Берестейская волость, см. Турово-Берестейская земля
Турово-Берестейская земля (Берестейская волость) 274, 533, 538
Турово-Пинская земля, см. Туровская (Пинская) земля
Туровская земля 484
Туровская (Пинская) земля (Туровское княжество (княжение), Турово-Пинская земля) 216, 329, 330, 342, 344, 404, 405, 432, 433, 459, 482—484, 486, 487, 491, 676, 712, 959
Туровское княжество, см. Туровская (Пинская) земля
Турфан, см. Турфанский оазис
Турфанский оазис (Турфан) 901, 908, 918
Турфанское княжество 899, 914, 918
Тухчин городок 801
Тушемля, городище 57—59, 60—66, 68, 69, 122, 127, 129
Тээли, городище 916
Тюргешский каганат 899, 908—910
Тюркские каганаты 6—8, 809, 825, 918, 920
Тюркский каганат (Вечный эль), см. Первый Тюркский каганат
Тюркское государство, см. Первый Тюркский каганат
Тянь-Шань, горная система 919
Тясмин, река 35, 88

Уветичи, см. Витичев
Уганди 552
Углич, город 252, 330, 418, 427, 428
Углы, поселение 41, 43
Уго («Пять владений») 936
Угодичи, село 250
Угорские горы, см. Карпаты
Угочэн, город 939
Угра, река 373
Угровск (Угровеск), город 331, 436, 590
Удай, река 460, 461, 465
Удеч, город 307, 330
Удмуртская Республика 69
Удомельское Поозерье 81
Удомля, озеро 81
Уелги, курганный могильник 819
Уж, река 216, 255
Ужеск (Ожеск), город 331, 473
Уздыхальница, гора 975
Узмень, селище и могильник 60, 62, 65, 66, 68
Уйгурия, см. Уйгурский каганат
Уйгурский каганат (Уйгурия, Уйгурское государство, Уйгурская земля, Великое Уйгурское государство) 8, 818, 899, 908, 912—915, 917—920, 925, 948
Украина 7, 14, 19, 21, 23, 86, 101, 103, 296, 683, 736, 797
Украинское Закарпатье 88
Украинское Прикарпатье 96
Укрух, река 832
Улан-Батор, город 910
Ульяновская область 69, 150, 785, 787
Ульяновское Поволжье 53
Уненеж, город 330
Унжа, город 331, 426—428
Упа, река 112, 259
Уппсала, город 131, 132
Урал, регион 7, 8, 153, 154, 309, 805, 899, 917, 925
Урал (Гейх, Яик), река 142, 148, 787, 803, 811
Урало-Поволжье 154, 812, 821
Урало-Тобольское междуречье 154
Уральские горы 151
Уральский хребет 7
Ургенч (*араб.* Джурджанийа, Джурджания), город 142, 821, 955
Уреньский могильник 785
Уркарах (Карах) 856, 858, 863
Урупские городища 842
Урюп, река 922
Усвят (Всвят), город 129, 135, 329, 451
Усох, селище 46
Усрушана 810
Уссури, река 927, 931, 946
Уссурийск, город 946, 947
Устилог, город 329
Усть-Терсюкское городище и могильник 152
Усть-Шексна, город 299
Усть-Элегестское городище 916
Устье, город 329, 460
Устье Ак-Суга, городище 916
Устюг, город 331, 422, 427, 428, 801
Устюрт, плато 142, 143, 813
Уташ, поселение 156, 163
Утка, река 787, 792
Утришское поселение 837
Ухани, город 331

Учкакар, городище 788
Ушеск, город 330
Ушица, город 329, 440
Ушна, река 252

Фаварег, город 925
Фанагория, город 146, 156, 160, 161, 191, 834
Фасис, город 161
Федяшево, городище 108
Фергана, город 810, 925
Фергана, долина 808
Фессалоника, см. Салоники
Фессалоника, фема 871
Феськи-3, селище 37
Фефёлов Бор, поселение 108
Филан 177, 180—182, 856, 859
Финляндия 134, 429, 500, 520, 551, 558
Финский залив 16, 241, 242, 497, 551
Флоренция, город 740
Фокида, область 701
Фотовиж, село 105
Фракия 272, 817
Франкская империя 227
Франкское королевство (государство) 5, 214, 215, 261
Франция 6, 225, 526, 640, 658
Фризия (Фрисландия) 226
Фролы, селище и могильник 60, 62, 66
Фуллы, город 189, 192, 872
Фуст, город 846

Хазаран, город 782, 784
Хазария, см. Хазарский каганат
Хазарский каганат (Хазария, Хазарское государство) 6, 8, 88, 103—105, 109, 112, 113, 115, 121, 136—147, 159, 161, 162, 164, 171, 173, 177, 178, 180—182, 184, 190, 196, 217, 217/218, 224, 236, 241, 242, 253, 259, 261, 263, 269, 271, 280, 335, 533, 687, 773—786, 796, 800, 802, 805—807, 812—816, 823, 833—835, 838, 850, 851, 856, 858, 863, 867, 870, 872, 873, 875, 876, 957
Хазарское государство, см. Хазарский каганат
Хазарское море, см. Каспийское море
Хайдак 177, 180, 182, 184, 185, 856—858, 860, 863, 864
Хайдак, город 859
Хайдунаш, поселение 34
Хайлар 951
Хайллибо (Chrono-Haillibo) 204
Хакасия 149, 900, 911, 912, 917, 921, 923
Халеп, город 329
Халифат, см. Арабский халифат
Халмир, поселение 38
Хамадан, город 865
Хам-Дыт, река 907
Хамзин (Хамрин) 177, 182, 856
Хамлидж, город 141, 776
Ханауш, город 925
Хангай, горный хребет 948
Ханка (Мэйто), озеро 929, 932
Ханска, селище 34, 37, 99
Харасея, поселение 102
Харьевка, селище 46, 102, 104, 105
Харьков, город 37
Хатунбалык (в пер. «Город катун (Царицын город)»), город 915
Хафель, река 21, 22
Хацки, поселение 43
Хачки, городище 23, 30
Хельминская земля 891
Хемчик, река 916
Херсакея, турма 869
Херсон (Херсонес, Корсунь), город 13, 163, 185, 187—191, 193—197, 280, 281, 285, 286, 292, 566, 571, 779, 834, 866—873, 875, 878—882, 958
Херсон, фема 269, 286, 869—871, 874—876, 878, 881
Херсонес, см. Херсон, город
Херсонесская страна, см. Херсонская страна
Херсонесское городище 186, 187, 867, 869
Херсонская страна (Херсонесская страна, Корсунская страна) 188, 269, 772, 876
Хивский район 177
Хидмас, река 807
Хижки, городище 109
Хильчицы, городище 23
Хингилус, река 807
Хирия, река 394
Хирхиринское городище 952
Хистрия 817
Хитцы, городище 109
Хитцы, селище 37, 41—43, 102
Хлопков 2, селище 37
Хмельник, поселение 102

Ховзовка, городище 108
Ходосовичи, селище 46, 109
Ходосовка, село 46, 87, 99, 102
Холм, город 331, 432, 436, 590, 734, 738
Холмский 25, поселение 166, 842
Хонделен, поселок 916
Хопёр, река 18, 827, 828
Хорасан 799, 802, 810
Хорватия 19, 535, 543, 631
Хорезм (Хорезмийское государство) 142, 143, 148, 773, 777, 782—784, 797, 809, 810, 813, 815, 816, 822, 823
Хорезмийская гора 814
Хорезмийское государство, см. Хорезм
Хорезмийское озеро 814
Хоробор, город 331, 382
Хорол, река 394
Хорошевское городище 109
Хорск, поселение 32
Хосровджерд, город 799
Хотмыжск, городище с селищем 109
Хотомель, городище 24, 28—30, 87, 99
Хотылево, поселение 102
Хотынское, урочище 109
Хохлов Вир, селище 46
Хуайхэ, река 939
Хуанлунфу, область 935
Хуанхэ, река 938
Хулашское городище 794
Хулигай, губерния 946, 947
Хунзах (Хумрадж), город 177, 859, 860
Хунзахское (Аварское) нуцальство 860
Хуннская империя 956
Хухра, поселение 102
Хуча, селище 37
Хуэйнин (старая Верхняя столица, Байчэн), город 938, 944
Хэбэй, провинция 938
Хэйлунцзян, провинция 941, 944
Хэлань, губерния 945, 947
Хэнань, город 917
Хэнань, провинция 947

Цайчжоу, город 947
Цайши 940
Царичин-град, поселение 38
Царьград, см. Константинополь
Цахур, см. Захур
Цвинтариски, урочище 722
Целиков Бугор, поселение 102
Цемдолинский, некрополь 839
Центральная Азия 5, 14, 16, 147, 224, 900, 902, 908, 910, 914, 915, 919, 936, 956
Центральная Белоруссия 82, 83
Центральная Волынь 25
Центральная Европа 5, 13, 213, 227, 261, 280, 290, 359, 440, 542, 678—680, 719, 893, 922, 956, 959
Центральная Монголия 907, 915, 932, 948
Центральная Осетия 169
Центральная столица, см. Яньцзин
Центральная Швеция 131, 132
Центральное Приморье 931
Центральный Кавказ 167—169, 171—173, 175, 853
Центральный Казахстан 148, 819, 925
Центральный Крым 192
Цепляево Первое, село 41, 43
Цзилинь, провинция 944
Цзинь (Золотая империя, Цзиньская империя) 7, 927, 933, 934, 936—945, 947, 953, 957
Цзиньская империя, см. Цзинь
Ци 939
Цимлянское водохранилище (море) 776, 868
Цинлин, горы 935
Цукановка (Яньчихэ), река 930
Цурковка, поселение 125
Цхинвал, город 169

Чаа-Холь, поселок 916
Чаган, река 906
Чадан, река 916
Чанъань, город 913, 917
Чаплин I, II, городище с селищем 109
Чаусы, поселение 109
Чач 908
Челябинская область 151, 152, 154, 820
Чемерин, город 329
Чепецко-Вятский регион 788
Чепца, река 788
Червен, город 236, 329, 332, 337, 431, 432, 435, 437, 439, 539, 545
Червенские города 235, 236, 263, 272—274, 524, 554
Червонное, село 974
Чередники, поселение 56, 102
Черкалин, городище 108
Черкасово, городище 43, 45, 46, 47, 60

Черкасская Конопелька, село 43, 48
Черкасская область 53
Чермное море (*библ.*) 635, 671
Черная, река 185
Черная могила, курган 256, 276
Чернетчина, городище 109
Чернеческ, город 329
Чернеччина, селище 37, 39
Чернигов, город 113, 135, 225, 231—234, 241, 256, 259, 276, 289, 329, 334, 337—341, 343, 356, 373—388, 390—394, 397—401, 403, 416, 417, 422—424, 426, 429, 459, 461—463, 470, 471, 473, 474, 476—478, 483, 488, 530, 532, 535, 537, 540, 561, 563, 566, 569, 570, 574, 575, 577, 584, 629, 649, 650, 682, 683, 688—690, 693—696, 699, 700, 703, 705—709, 712—714, 716, 719, 724, 729, 732, 733, 738, 739, 741, 744, 745, 751—753, 767
Черниго-Северская земля, см. Черниговская земля
Черниговская волость, см. Черниговская земля
Черниговская земля (Черниговское княжество, Черниговская волость, Чернигово-Северская земля, Черниговщина) 7, 217, 218, 329—331, 342—346, 373—383, 385—388, 390, 391, 393, 394, 396—398, 400—402, 404, 405, 408, 414, 417, 418, 424, 425, 432, 459, 460, 470, 476—478, 480, 488, 491, 493, 509, 513, 536, 571, 590, 647, 732, 958, 959
Черниговское княжество, см. Черниговская земля
Черниговское Подесенье 114
Черниговщина, см. Черниговская земля
Чернобыль, город 330
Черновицкая область 736
Черновка, поселение 32, 87
Черновка-1, поселение 34, 93
Черное море (Понт Эвксинский, Понтийское море, море Нейтас, Румийское море) 13, 18, 137, 141, 142, 150, 155, 158, 161, 164, 222, 227, 261, 306, 317, 404, 780, 785, 811, 830, 850, 870, 880, 905, 957
Черноморский регион 440
Чернушки, деревня 732
Чернышова гора, городище 116
Чернятинский могильник 930
Чертово городище 108
Черторыйск, город 329, 381, 432, 487
Чехия 19, 33, 213, 217, 226, 290, 335, 531, 538, 631
Чжэнчжоу, город 932
Чинтолгой Балгас, городище 932
Чирах-чай, река 177
Чистополь, город 792
Чифировка 1, поселение 108
Чичерск, город 109, 331, 384, 393
Чишминский район 152
Чор, см. Дербент
Чорновка-2, поселение 99
Чорох, река 161
Чу, река 908, 909
Чубин (Жубин), селение 925
Чувашия, см. Чувашская Республика
Чувашская Республика 69, 787
Чугуевское городище 946
Чудское озеро 242—244, 327, 495, 552
Чукотка, полуостров 898
Чурел, село 20, 21
Чуриловка, река 732
Чурнаев, город 330
Чуфут-Кале (Кырк-Ер), до XI в. крепость, с XI в. город 186, 189, 878, 882
Чучин (Тчучин), город 329

Шабалинов, городище 109
Шабиран, город 181
Шагонарское I, городище 916
Шагонарское II, городище 916
Шагонарское III, городище 916
Шагонарское IV, городище 916
Шагонарское V, городище 916
Шайгинская крепость (городище) 947, 948
Шайо, река 540
Шамильский район 859
Шандан 177, 182, 856, 863
Шанцзин (Верхняя столица), город 939, 941
Шаньдунь, провинция 945
Шаньси, провинция 938
Шара-Мурэн, река 932
Шарукань, город 827
Шах-Сенгер, городище 181
Швеция 131—133, 430, 520, 527, 551, 594
Шевченково, село 43, 48
Шексна, река 248, 249, 327, 366, 411
Шелиги, городище 20, 23, 32, 34
Шелонь, река 243
Шепилово, городище 108
Шеполь, город 329

Шептебань, селище 37
Шестовица, село 91, 102, 135, 241
Шестовицкий археологический комплекс 256
Шилово, городище 116
Шипот, поселение 32, 34
Ширван 180—182, 185, 528, 782, 784, 856, 857, 859, 863
Шихино, могильник 80
Шишино-5, селище 46
Шлезвиг 538
Шмырёво-2, селище 46
Шоссейное, поселение 102
Шоша, город 330, 418, 427
Шпилёвка, городище 109
Штец, поселение 30
Шуайбинь, область 929, 932
Шугайлово, деревня 126
Шугайлово, селище 60, 66, 125
Шуклинка, городище с селищем и могильник 108, 110, 111
Шумеск, см. Шумск
Шумск (Шумеск), город 87, 329, 437
Шумское, городище 109
Шэньси, провинция 938

Щатково, селище 46, 47
Щекарев, город 331
Щекотов, город 331
Щербетьское островное I, селище 74
Щецин, город 501

Эвдусия 156
Эвлисия 156
Эдегейское городище 916
Эйямыги, поселение 206
Эктаг-Алтай, горный хребет 905
Эльба (Лаба), река 5, 15, 16, 22, 23, 35, 213
Эльблонг, город 885
Эльблонгская возвышенность 203
Эльбрус (гора Кавказ), гора 168, 172
Эльдег-Кежиг, городище 916
Эмайыги (Омовжа), река 430
Эмба, река 142
Эмилия, историческая область 724
Эмилия-Романья, область 724
Эпир 274
Эргунэ-кун («Крутой хребет», возможно, производно от Аргунь), местность 948
Эргунэи Кулэ-наур 951
Эрфурт, город 550
Эски-Кермен (Дорос?), до XI в. крепость, с XI в. город 186, 189, 196, 869, 882
Эстланд («Восточная страна») 198
Эстония 134, 500, 520
Этил, см. Волга
Эфес, город 685

Юг, река 422
Юго-Восточная Балтия 197, 198, 202, 203, 206, 207, 887, 888, 890—892
Юго-Восточная Европа 148, 167, 172, 213, 785, 850, 959
Юго-Восточная Польша 88
Юго-Восточная Прибалтика 7, 14, 53, 136, 197, 771, 885
Юго-Восточная Русь 301, 311
Юго-Восточное Приильменье 59, 81
Юго-Восточное Приладожье 227, 243, 244, 249
Юго-Восточное Приморье 946
Юго-Восточное Прионежье 497
Юго-Восточный Крым 869, 881
Юго-Восточный Прикаспий 816
Юго-Запад Руси, см. Юго-Западная Русь
Юго-Западная Балтика 547
Юго-Западная Литва (Сувалкия) 208
Юго-Западная Русь (Юго-Запад Руси) 307, 340, 348, 497, 548, 554, 556, 558, 959
Юго-Западная Финляндия 132, 558
Юго-Западное Прионежье 497
Юго-Западный Крым 187, 881, 883
Югра (Северо-Западная Сибирь) 500, 897, 898
Южная Балтика 219, 223
Южная Белоруссия 19
Южная Волынь 444, 764
Южная Галлия 15
Южная Европа 5, 53, 680
Южная Италия 272, 274, 526
Южная Осетия 171
Южная Прибалтика 13, 456
Южная Русь 243, 255, 295—297, 306, 311, 338—340, 345, 368, 378, 381, 382, 395, 406, 408, 411—414, 417—419, 422, 426, 438, 462, 463, 491, 495, 497, 499, 505, 508, 529, 655, 675, 764, 808
Южная Сибирь 6—8, 67, 897—899, 901, 915, 919, 920, 922, 923, 954

Южная Скандинавия 205
Южная столица, см. Кайфын
Южная Сун 939, 940
Южная Удмуртия 151
Южная Финляндия 551
Южная Франция 241
Южное Побужье 25, 53, 98
Южное Предуралье 819, 821, 822
Южное Приазовье 269, 271
Южное Приаралье 823
Южное Приильменье 130
Южное Приладожье 131
Южное Приуралье 812
Южное Причерноморье 870
Южно-Уссурийское городище 946
Южный Алтай 901
Южный Буг, река 93, 150, 217, 232, 254, 329, 807
Южный Дагестан 177, 183
Южный Кавказ 179, 181
Южный Крым 265, 269, 883
Южный Ордос, совр. название большой излучины реки Хуанхэ (южная часть) 920
Южный Прикаспий 261, 777
Южный Урал 153, 794, 819, 921, 925
Юловское городище 793
Юльяльское городище 789
Юрковица, холм 255
Юрьев (Дерпт, Тарту), город 329, 332, 430, 495, 520, 558
Юрьев, город в Киевской земле 329, 489, 528, 536, 563, 564, 571, 574
Юрьев (Польский), город в Суздальской земле 330, 406, 416—418, 427, 428, 618, 625, 681, 720, 733, 734, 738, 755, 769
Юрьев-Польский район 240
Юрьевец, город 331
Юрьевская Горка, грунтовый могильник 81
Юрьевская Горка, селище 80—82
Юрьевское княжество 427, 428
Ютландия (Ютланд, Ютландский полуостров) 16, 198, 205

Язда, река 482
Яик, см. Урал, река
Ялта, город 882
Янтарный, поселок 197
Янтарный край (Янтарный берег) 198, 199, 205, 206, 885, 888—890
Янь, город и округ 930
Яньцай (Аланья) 808
Яньцзин (Центральная столица, Пекин), город 938, 939, 944
Яньчжоу, округ 929
Япония (Страна восходящего солнца) 931
Ярополч, город в Киевской земле 330
Ярополч, город в Суздальской земле 330, 418, 427
Ярославль, город в Галичской земле 330
Ярославль, город на Волге 251, 299, 329, 366, 409—411, 414, 416—418, 423, 426—428, 568, 733, 735, 738, 763, 801
Ярославская область 421, 763
Ярославское Поволжье 251
Ярфт, река 890
Ярышев, город 329
Ясельда, река 88
Ясенское, село 355
Ясы, поселение 34
Ятвягия 525
Яффа, город 616
Яхрома, река 417

Banava, водный поток 204

Castel Trosino, могильник 202

Daumen/Tumiany, могильник 203
Dollkeim/Коврово, могильник 202

Hünenberg/Гора Великанов, могильник 201

Kleinheyde, могильник 202

Magna Hungaria («Великая Венгрия») 153, 800, 805
Mingfen/Miętkie, могильник 203
Młoteczno, святилище и могильник 204

Nocera Umbra, могильник 202

Pax Hunnica 956

Stradik, водный поток 204

Ulmerigia 204

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (*А. А. Горский*) 5

Часть I

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПЕРВЫЕ СТОЛЕТИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Глава 1

Заключительный этап Великого переселения народов и Восточная Европа (*А. А. Горский*) 13

Этнополитическая карта Восточной Европы в первые века н. э. — 13. Великое переселение народов. Расселение славян — 14.

Глава 2

Славяне и их соседи на Восточно-Европейской равнине по данным археологии 17

Истоки славянских археологических культур (*А. М. Обломский*) 17
Пражская культура (*И. О. Гавритухин*) 19
Пеньковская и колочинская культуры (*А. М. Обломский, В. Е. Родинкова*) 36

Пеньковская культура — 36. Колочинская культура — 45. Клады «древностей антов» — 53.

Тушемлинская (тушемлинско-банцеровская) культура (*Н. В. Лопатин*) 57
Именьковская культура (*Д. А. Сташенков*) 69
Раннесредневековые древности Северо-Запада Восточной Европы (*И. В. Исланова*) 75

Культура псковских длинных курганов — 75. Древности иной культурной принадлежности — 79. Предсопочные памятники — 81. Группа поселений типа Подол — 83.

Культура Луки-Райковецкой (райковецкая) (*И. О. Гавритухин*) 86
Волынцевская культура (*В. В. Енуков*) 101
Роменская культура (*В. В. Енуков*) 106
Славяне лесостепного Дона (*А. З. Винников, М. В. Цыбин*) 115
Культуры Северо-Запада и Верхнего Поднепровья в последней четверти I тыс. н. э. (*Н. В. Лопатин, И. И. Еремеев*) 122

Поздний этап культуры псковских длинных курганов — 122. Смоленско-полоцкие длинные курганы — 123. Общие вопросы культурогенеза VIII—IX вв. на Северо-Западе — 128. Культура сопок — 129.

Глава 3

Степи Восточной Европы, Северный Кавказ, Крым и Юго-Восточная Прибалтика в VI—VIII вв. 136

Хазарский каганат (*И. Г. Коновалова*) 136

Этногенез хазар — 136. Становление Хазарского каганата — 137. Внешнеполитические связи Хазарии — 140. Экономика и торговля — 142. Религиозная жизнь Хазарии — 143.

Кочевые народы Восточной Европы (*В. А. Иванов*) 147
Северо-Западный Кавказ и Северо-Восточное Причерноморье (*И. А. Дружинина*) 155

Территория и население — 155. Политическая история — 159. Христианство — 162. Быт и культура. Социальная структура — 164.

Алания (*Р. С. Бзаров*) 166
Формирование территории, население, областное деление — 166. Политическая и военная организация — 170. Международное положение — 171. Хозяйство и торговля — 173.

Северо-Восточный Кавказ (*М. С. Гаджиев*) 175
Этническая карта — 175. Государственные образования — 176. Занятия населения, торговля и городская жизнь — 178. Сасанидский Иран, Кавказская Албания и Северо-Восточный Кавказ — 179. Арабские завоевания на Северо-Восточном Кавказе и арабо-хазарские войны — 181. Религиозная жизнь — 183.

Крым (*В. В. Хапаев*) 185
Население Крыма — 185. Крым в политике Византийской империи VI—VII вв. — 186. Крым в политике Византии и Хазарии конца VII—VIII в. — 190. Экономическая жизнь Крыма в VII—VIII вв. — 193.

Юго-Восточная Прибалтика (*В. И. Кулаков*) 197
Территория и этникон — 197. Этнос эстиев и пруссов — 198. Археология пруссов V—VIII вв. — 199. Пруссы в эпоху Великого переселения народов — 200. Соседи пруссов — 206.

Часть II

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В КОНЦЕ I ТЫС. Н. Э. ОБРАЗОВАНИЕ РУСИ

Глава 1

Славяне Восточной Европы и их общественный строй (*А. А. Горский*) 211
Славяне в Восточной Европе — 211. Общественное устройство раннесредневековых славян — 212. Поляне — 215. Древляне — 216. Дреговичи — 216. Волыняне — 216. Хорваты — 217. Уличи и тиверцы — 217. Северяне — 217. Радимичи — 217. Вятичи — 218. Кривичи — 218. Словене — 218.

Глава 2

Возникновение и формирование Руси (*А. А. Горский*) 220
«Варяжский вопрос» — 224.

Глава 3

Археологическая панорама Руси IX—X вв. (*А. Е. Леонтьев*) 238

Глава 4

Русь в международных отношениях: середина IX—X в. (*А. В. Назаренко*) 260
Восточная Европа в системе дальних коммуникаций накануне зарождения государственности на Руси — 260. Международная торговля первоначальной руси (IX в.) — 261. Русь и Византийская империя — 264. Крещение как политическая задача. Рецидив Святослава — 269. Внешняя политика князя Владимира — 272.

Глава 5

От язычества к христианству (*А. В. Назаренко*) 276
Древнерусское язычество накануне христианизации — 276. Христианство на Руси до ее Крещения (IX—X вв.) — 279. Крещение Руси при князе Владимире и первоначальная организация Русской церкви — 285.

Часть III

РУСЬ В XI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

Глава 1

Территория и население, экономическое развитие 295
Население и хозяйство (*В. Ю. Коваль, П. В. Лукин*) 295
Налоговая и денежная системы (*П. С. Стефанович*) 318
Территория и города (*В. А. Кучкин*) 326
Города Древнерусского государства — 329. Города, возникшие в древнерусских землях во второй половине XI — первой половине XIII в. — 329.

Глава 2

Политическое устройство и его эволюция (*А. А. Горский*) 333

Глава 3

Общественный строй 349
Социально-экономические отношения (*А. А. Горский*) 349
Право (*Ю. А. Артамонов*) 360

Глава 4

Черниговская земля (*В. А. Кучкин*) 373

Глава 5

Смоленская земля (*А. А. Горский*) 403

Глава 6

Суздальская земля (*В. А. Кучкин*) 409

Глава 7

Волынская (Владимирская) земля (*П. С. Стефанович*) 431

Глава 8

Галицкая земля (*П. С. Стефанович*) 440

Глава 9

Полоцкая земля (*Б. Н. Флоря*) 451

Глава 10

Переяславская земля (*В. А. Кучкин*) 457

Глава 11

Рязанская земля (*В. А. Кучкин*) 470

Глава 12

Муромская земля (*В. А. Кучкин*) 476

Глава 13

Туровская (Пинская) земля (*В. А. Кучкин*) 482

Глава 14

Киевская земля (*А. А. Горский*) 488

Глава 15

Новгородская земля (*П. В. Лукин*) 495

Глава 16

Русь в международных отношениях (*А. В. Назаренко*) 523
Эпоха Ярослава Мудрого (первая половина XI в.) — 523. Старое и новое во внешнеполитических связях Руси при Ярославичах (вторая половина XI в.) — 528. Эпоха Владимира Мономаха (конец XI — первая треть XII в.) — 535. Внешняя политика эпохи политической раздробленности Руси (середина XII — первая треть XIII в.) — 541.

Глава 17

Церковь (*А. В. Назаренко*) 560
Церковная политика Ярослава Мудрого — 560. От смерти Ярослава Мудрого до церковного кризиса середины XII в. — 568. Церковная смута 40—60-х гг. XII в. Церковь в условиях политической раздробленности (середина XII — первая треть XIII в.) — 582. Паломничества из Руси в Святую землю, Царьград и на Афон — 590. Падение Константинополя в 1204 г. и положение Русской церкви — 593.

Глава 18

Повседневная жизнь (*И. Н. Данилевский, Е. Л. Конявская*) 596
Человек и общество. Семья и близкие — 596. Положение женщины — 600. Брак и сексуальные отношения — 601. Родители и дети — 603. Коллектив и личность — 604. Этническое самосознание — 607. Болезни и смерть — 608. Внешний мир — 609. Календарь, счет времени и распорядок дня — 612. Метрология — 615. Символика храма как образа мира — 618.

Глава 19

Развитие письменности (*Т. И. Афанасьева*) 622
Языки и алфавиты Древней Руси — 626

Глава 20

Литература (*Е. Л. Конявская*) 631
Начальный этап древнерусской литературы (X—XI вв.) — 631. Древнерусская литература в XII — начале XIII в.: региональные особенности — 650.

Глава 21

Искусство 678
Зодчество (*О. М. Иоаннисян*) 678
Начальный этап: конец X — первая треть XII в. — 678. Формирование самостоятельных школ в древнерусской архитектуре XII в. — 705. Конец XII — первая треть XIII в. — 732.
Живопись, скульптура, декоративное искусство (*В. Г. Пуцко*) 739
XI — начало XII в. — 739. XII — начало XIII в. — 753.
Церковное и светское пение и музыка (*Е. Л. Конявская*) 770

Часть IV

СТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ, ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, КРЫМ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ПРИБАЛТИКА В IX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Глава 1

Хазарский каганат (*И. Г. Коновалова*) 773
Территория и административно-политическое устройство Хазарии —773. Экономическая жизнь и города Хазарии — 775. Внешние связи Хазарии — 778. Религиозная жизнь Хазарии — 780. Падение Хазарии — 782.

Глава 2

Волжская Булгария и народы Волго-Уральского региона (*Ф. Ш. Хузин, А. Г. Ситдиков, В. Ю. Коваль*) 785
Образование государства — 786. Территория и население Волжской Булгарии. Народы Волго-Уральского региона — 786. Булгарские города — 789. Экономическая жизнь — 793. Общественный строй — 798. Внешнеполитические связи государства — 800. Ислам в Булгарии. Духовная культура населения — 802.

Глава 3

Кочевые народы Северного Причерноморья и Приуралья 805
3.1. Венгры в степях Восточной Европы (*М. К. Юрасов*) 805
3.2. Печенеги и торки (огузы) (*В. А. Иванов*) 808
3.3. Кыпчаки/половцы (*В. А. Иванов*) 818

Глава 4

Народы Северного Кавказа 832
Северо-Западный Кавказ и Северо-Восточное Причерноморье (*И. А. Дружинина*) 832
Территория, население — 832. Политическая история — 834. Политическое и социальное устройство — 838. Религиозные представления — 839. Быт и культура — 842. Торговля — 844.

Алания (*Р. С. Бзаров*) 845
Города и экономика — 845. Сословная иерархия и царская власть — 847. Политическая история — 850. Религиозная и культурная жизнь — 853.

Северо-Восточный Кавказ (*М. С. Гаджиев*) 855
Государственные образования и международные связи — 855. Экономическое состояние — 860. Распространение ислама, исламская культура — 863.

Глава 5

Крым (*В. В. Хапаев*) 866
Крым в политике Византии и Хазарии в IX—X вв. — 867. Этнорелигиозная ситуация в Крыму — 871. Крым в системе международных отношений X в. — 874. Экономика и городская жизнь Крыма — 880. Крым в конце XI—XII в. — 882. Крым в начале XIII в. — 883.

Глава 6

Юго-Восточная Прибалтика (*В. И. Кулаков*) 885
Эпоха викингов (800 — около 1050 г.) — 885. Соседствующие с пруссами территории в эпоху раннего Средневековья — 891.

Часть V

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В VI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Введение — 897 (*В. В. Трепавлов*).

Глава 1

Государственные образования тюркских народов (*И. Л. Кызласов*) 899
Древние тюрки — 900. Первый Тюркский каганат (551—603) — 904. Западно-Тюркский (603—658) и Тюргешский (699—766) каганаты — 908. Первый (603—630) и Второй (682—745) Восточно-Тюркские каганаты — 910. Уйгурский каганат (745—840) — 912. Древнехакасское государство (VI в. — 1293 г.) — 918. Кимакский каганат (вторая половина IX — первая половина XI в.) — 923.

Глава 2

Народы и государства российского Дальнего Востока (*Н. Н. Крадин*) 927
Мохэ и государство Бохай — 927. Чжурчжэньская империя Цзинь — 933. Возникновение Монгольской империи — 948.

Заключение (*А. А. Горский, И. Г. Коновалова, В. В. Трепавлов*) 956

Список сокращений 960
Библиография 961
Указатель имен 974
Указатель географических названий 1012

Научное издание

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТОМ 2

ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В VI — СЕРЕДИНЕ XIII века СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУСИ

Утверждено к печати
Ученым советом Института российской истории РАН

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Оформление *П. Палей*
Корректор *А. Ю. Обод, С. О. Розанова, А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Подписано к печати 01.02.24. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 110,9. Уч.-изд. л. 94,5. Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 166.

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отдел редакционной подготовки гуманитарной
и естественнонаучной литературы
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28
+7(495)276-77-35, e-mail: info@naukapublishers.ru,
https://naukapublishers.ru, https://naukabooks.ru

ФГБУ Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040486-1

300 лет
Российская Академия Наук

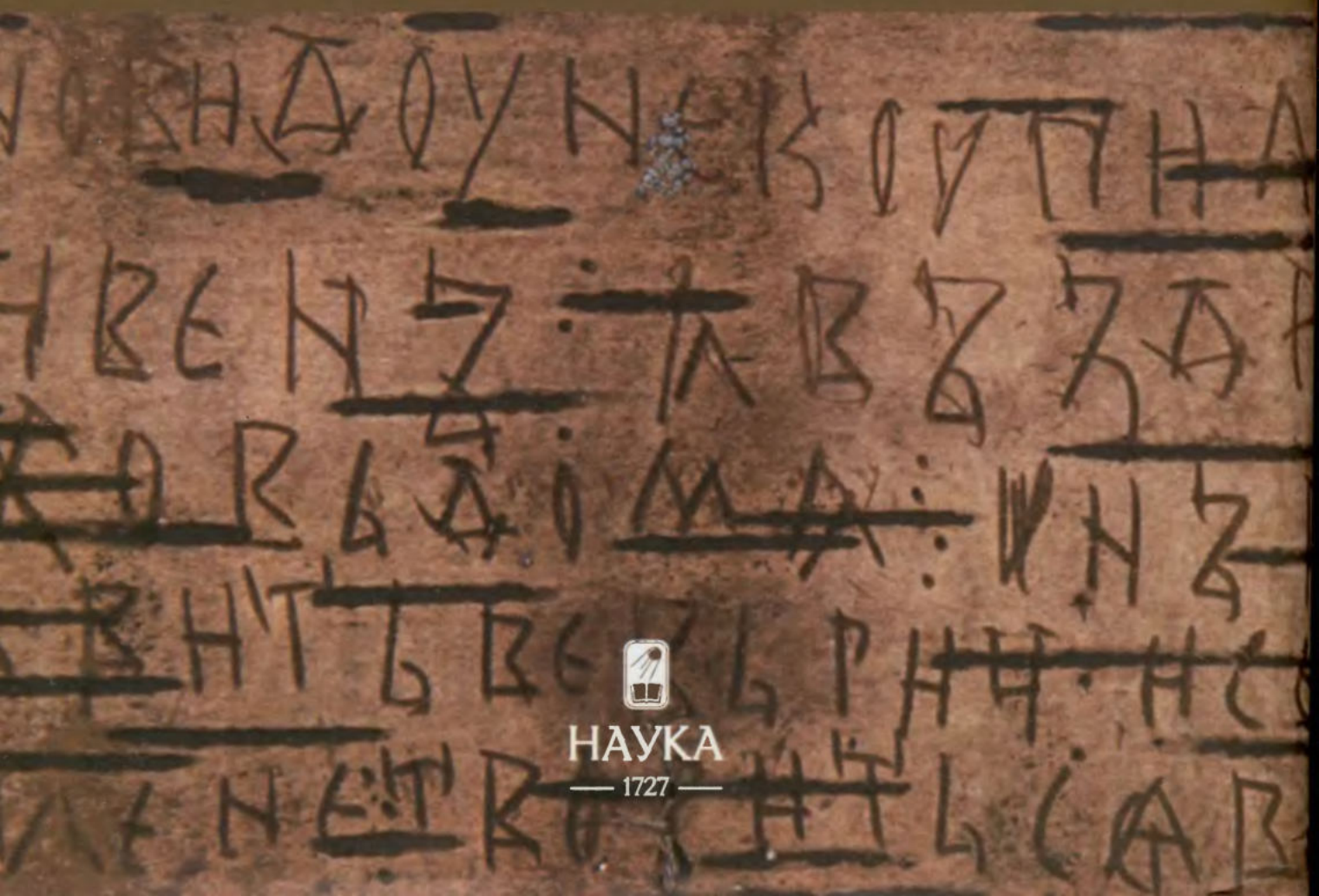
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИРИ

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ РАН

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ТРАНСНЕФТЬ



НАУКА
— 1727 —